2
Д 252

262320

К. О. Де-Скроховскій

(Непогрѣшимый).

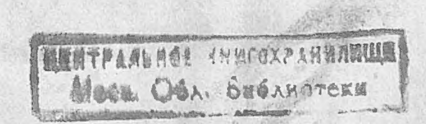
ОТЪ МРАКА КЪ СВѢТУ

или

ПАПСТВО И СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ.

Часть I и II.

Цѣна 5 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1900.

Его Сіятельству

Графу Илларіону Ивановичу
Воронцову-Дашкову

Въ знакъ сердечной благодарности и глубокаго уваженія

посвящаетъ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ*).

Часть первая.

*) До приступа къ чтенію настоящей книги, совѣтуемъ исправить указанныя въ концѣ книги опечатки.

ГЛАВА IV.

Развитіе африканской Церкви. Разладъ между религіей и нравственностью. Пе гіанство. Ученіе объ отпущеніи грѣховъ. Чистилище. Такса за отпущеніе грѣхо (стр. 71—76).

ГЛАВА V.

Нѣсколько замѣчаній о восточной Церкви. (стр. 77—78).

ГЛАВА VI.

Основаніе Рима. Ромулъ. Римскіе жрецы, или курія Ромы. Адовы врата Ро „*Curio Maximus*". Нума Помпилій. Жрецы Весты и Эгеріи. Кардиналы. Книги Ну Завѣщаніе куріи Ромы: „Constitutiones dominationis arcanae". Туллъ. Анкъ. Тарквин Древній. Сервій Туллій. Тарквиній Гордый. Брутъ. Александръ Македонскій. Гречес войны. Помпей. Раззореніе Палестины. Тріумвиратъ и дуумвиратъ. Крассъ и Юлій зарь. Клеопатра. Октавіанъ. Кай. Тиверій. Слухи о рожденіи Христа. Клавдій. Локус Агриппина. Неронъ; сожженіе имъ Рима по приказанію куріи. Сенека. Веспасіанъ. Ти Разрушеніе Іерусалима. Домиціанъ. Нерва. Траянъ. Адріанъ. Возстаніе іудеевъ въ 133 по Р. X. Обращеніе святыни Соломона въ храмъ Юпитера. Антонинъ Пій. Маркъ Аврел Коммодъ. Пертинаксъ. Продажа куріей императорскаго званія съ публичнаго тор пріобрѣтеніе такимъ путемъ короны Юліемъ Дидіемъ и умерщвленіе его. Септи Северъ. Каракала. Макринъ. Калга-Баалъ (Геліогобалъ). Александръ Северъ. Максими Гордіанъ. Филиппъ. Галлъ. Валеріанъ. Избраніе въ папы языческаго авгура Стефа Валеріанъ. Галленъ. Клавдій. Авреліанъ. Періодъ междуцарствія. Пробъ. Умерщвлен по приказанію Проба всѣхъ членовъ куріи: назначеніе новой куріи, состоящей изъ христіанъ и стольких же язычниковъ; избраніе въ предсѣдатели куріи, т. е. въ па Каэтана. Умерщвленіе языческими куріалами христіанскихъ членовъ куріи. Четы императора одновременно. Язычникъ Марцелинъ на папскомъ тронѣ; защита его саменскомъ соборѣ. Мнѣніе о его ереси блаж. Августина. Константинъ Великій; побѣ го надъ Максенціемъ. Покровительство Константина христіанамъ; умерщвленіе по е приказанію членовъ языческой куріи. (стр. 78—114).

ГЛАВА VII.

Назначеніе Константиномъ новой куріи, обязанной покровительствовать христ намъ. Язычникъ Мильхіадъ на папскомъ престолѣ. Перемѣщеніе куріи изъ Капито Латеранъ. Принятіе Мильхіадомъ титула „святого, непогрѣшимаго отца". Преем его — язычникъ Сильвестръ-Руфинъ. Интриги его противъ Константина. Собл тогдашними христіанами языческихъ обрядовъ. Составленіе, по приказанію Ру родословной папъ. Легенда объ епископствѣ св. Петра въ Римѣ. Руфинъ предла Константину титулъ бога. Гдѣ погребены первые римскіе епископы? Никейскій собо Перенесеніе столицы въ Византію. Ослабленіе зависимости куріи отъ императора. П повѣдь Евангелія огнемъ и мечемъ. Папы Маркъ и Юлій. Стремленіе римской к къ главенству надъ восточными патріархами. Папа Либерій. Проклятіе его св. ріемъ. Осужденіе и изгнаніе Либерія. Папа Феликсъ. Проклятіе имъ император стантина за отказъ послѣдняго признать папу главой всѣхъ церквей. Провозгла папой Дамазіемъ догмата *filioque*. Папа Сирицій—намѣстникъ императора въ Римѣ, становленіе Сириціемъ статуй языческихъ боговъ и языческихъ обрядовъ. Борьба нимъ св. Амвросія. Раздѣленіе римской имперіи; окончательное установленія самов

тія куріи въ Римѣ. Запрещеніе папой Анастасіемъ духовенству вступать въ бракъ. Папы Иннокентій и Зосимъ. Папа Бонифацій даетъ куріи титулъ „главы міра", а самъ провозглашаетъ себя „главой церкви". Изгнаніе и удушеніе его Целестиномъ. Папы Сикстъ, Левъ, Гиларій, Симплицій, Феликсъ, Галенъ, Анастасій. Мнѣніе Лорана о состояніи тогдашняго Рима. Несогласіе римской церкви съ Евангеліемъ. Папы Симмахъ, Ормизда и Іоаннъ, при которомъ Римомъ овладѣваютъ остготы. Папы Феликсъ, Бонифацій, Іоаннъ, Агапитъ, Сильверій, уморенный голодомъ своимъ преемникомъ Вигиліемъ. Заключеніе Вигилія въ константинопольскую тюрьму императоромъ Юстиніаномъ и сочувствіе его къ язычеству. Оправданіе папы Пелагія передъ народомъ въ церкви св. Петра въ Римѣ. Папы Іоаннъ и Бенедиктъ, при которомъ Римъ былъ занятъ лонгобардами. Папа Пелагій II. Григорій Великій. Мнѣніе о немъ Лавиконтри. Участіе Григорія въ убійствѣ Фокой императора Маврикія. Убійца Фока даетъ папѣ Бонифацію III титулъ „верховнаго епископа надъ епископами" въ замѣнъ за обязательство Бонифація отдать Фокѣ Италію. Неисполненіе папой этого обязательства—и предоставленіе Фокой названнаго титула и константинопольскому патріарху. Магометъ. Распространеніе ислама при папахъ: Бонифаціи III и IV, Адеодатѣ, Бонифаціи V, Гоноріи, проклятомъ за ересь вселенскимъ соборомъ, и ихъ преемникахъ до Іоанна VI. Причины кратковременности правленія папъ. Преслѣдованіе куріей истиннаго просвѣщенія. Отсутствіе римлянъ въ числѣ выдающихся учителей церкви. Подделка папскихъ хроникъ со временъ Іоанна VI. Папа Захарій; Лже-Исидоровы декреталіи. Отравленіе папы Стефана II. Стефанъ III и „собственноручное письмо" св. Петра къ королю Пипину. Папы Павелъ и Константинъ. Преступленія, совершенныя послѣднимъ; изгнаніе его; Стефанъ IV и Левъ III. (стр. 114—133).

ГЛАВА VIII.

Иконоборство. Левъ Исавръ. Константинъ. Возмущеніе монашествующаго духовенства. Ирина. Левъ Армянинъ. Θеодора. Иконоборство, какъ предлогъ для отказа папы Григорія платить дань императору. Защита Григоріемъ почитанія изваяній. Различія въ пониманіи иконопочитанія восточною и западною Церквами. Обращеніе папы Григорія III за помощью къ Карлу Мартеллу. Провозглашеніе Пипина Короткаго франкскимъ королемъ. (стр. 133—138).

ГЛАВА IX.

Владычество римской куріи надъ западною христіанскою Церковью. Разграбленіе Рима готтами. Принесеніе папой Иннокентіемъ I жертвы Юпитеру. Императоръ Валентиніанъ I признаетъ первенство римскаго епископа. Переводъ Іеронимомъ библіи на латинскій языкъ. Причина, почему римская курія воспрещаетъ міряпамъ чтеніе священнаго писанія. Какъ объясняютъ іезуиты наименованіе папы «святымъ отцемъ»? Лже-Исидоровы декреталіи. Декретъ Граціана. Постепенное титулованіе папъ: намѣстниками св. Петра, затѣмъ намѣстниками Христа и наконецъ, намѣстниками Бога. Упадокъ нравственности среди латинскаго духовенства. Столкновеніе между папой Николаемъ I и патріархомъ Фотіемъ; отпаденіе римской Церкви отъ каθолической религіи. Причины несогласія Церквей—восточной и западной. Мнѣніе Лавиконтри о папѣ Николаѣ I. Письма къ Николаю I архіепископовъ кельнскаго—Готье и тревирскаго—Тиго. Разрѣшеніе отъ бремени папы Іоанна VIII во время процессіи въ Римѣ. Подтвержденіе этого факта папскими лѣтописцами и позднѣйшими историками. Памятники, воздвигнутые этому папѣ-женщинѣ. Жизнеописаніе Мартина Поляка. Предсказаніе св. Іоанна. (стр. 138—148).

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

динала Беллармина: „О значеніи собора“. Протесты, раздававшіеся въ римской же Церкви, противъ папъ и папства, начиная съ X вѣка; сочиненія Авентина, Гонорія. Атунскаго, св. Бернарда, Іоанна Шартрскаго, Рупрехта изъ Линкольна, Лаврентія Англика. Роберта Галла, Матѳея Парижскаго и др. (стр. 206—226.)

ГЛАВА XIV.

Папы Левъ III, Стефанъ V, Пасхалій I; Іоаннъ VIII и заговоръ духовенства противъ него. Утвержденіе историковъ, что подъ именемъ Іоанна VIII управляла женщина-Папскія хроники этого вѣка (Liber Pontificalis) Формозъ, Бонифацій II; Стефанъ VII, извлеченіе имъ останковъ папы Формоза и поруганіе ихъ. Пять папъ въ періодъ отъ 896 по 900 годъ. Левъ V, Христофоръ, Сергій III и его связь съ Ѳеодорой, возводящей на папскій престолъ Іоанна X. Сверженіе его Марозіей. Іоанны XI и XII; сверженіе послѣдняго съ престола; Левъ VIII и возстановленіе Іоанна XII. Судьба папъ Іоанна XIII, Бенедикта VII, Бонифація VII и Іоанна XIV. Проэктъ императора Оттона лишить италіанцевъ права избирать папъ. Григорій V антипапа Іоаннъ XVI. Двѣнадцатилѣтній папа Бенедиктъ IX; продажа имъ папскаго престола съ аукціона. Миконій о причинахъ, побудившихъ его принять ученіе Лютера. Индульгенціи. Чудеса и реликвіи. Языческіе обряды и обычаи, покровительствуемые духовенствомъ Распущенность римскаго духовенства. Налогъ на представителей духовенства за право содержанія наложницъ и за незаконныхъ дѣтей. Папа Александръ VI Борджа, Люкреція и Цезарь Борджа; ихъ жизнь и преступленія. Буллы Александра VI, подтверждающія его кровосмѣсительную связь съ дочерью. Лютеръ. Характериста современнаго ему латинскаго духовенства; языческія понятія римскаго клира; отношеніе его къ св. Писанію. Іеронимъ Савонаролла; его жизнь и дѣятельность. Статистика папъ и ихъ дѣятелньость по Петрочелли-де-ла-Гаттина. (стр. 226—240).

ГЛАВА XV.

Откуда явился на польскій престолъ Мечиславъ. Папа Левъ III и Карлъ Великій Цезаро-папизмъ. Движеніе нѣмцевъ на востокъ—Drang nach Osten. (стр. 240—244).

ГЛАВА XVI.

Введеніе христіанства въ Польшѣ по греко-славянскому обряду. Умолчаніе объ этомъ польскихъ лѣтописцевъ и историковъ. Легенда о постриженіи и крещеніи Земовита, сына Пяста. Св. Кириллъ и Меѳодій; значеніе ихъ апостольской дѣятельности въ Польшѣ. Французскій рыцарь Микласъ въ роли князя Мечислава; женитьба его на Домбровкѣ. Совращеніе ляховъ въ римско-нѣмецкій обрядъ. Разрывъ братскихъ узъ Польши съ Русью и Литвой. Болеславъ храбрый и императоръ Оттонъ III. Св. Войцехъ. Паломничество польскихъ магнатовъ въ Римъ. Пріемы, употреблявшіеся для совращенія ляховъ въ латинство. Первое столкновеніе Руси съ Польшей изъ-за латинскаго ксендза. Нападеніе поляковъ на сосѣдніе народы. Анархія, вызванная въ Польшѣ духовенствомъ. Извлеченіе изъ „Исторіи Польши“ Реппеля. (стр. 245—268).

ГЛАВА XVII.

Польское посольство къ папѣ Бенедикту IX, и ходатайство объ освобожденіи изъ монашескаго званія королевича Казиміра; согласіе на это папы, при условіи платежа Риму вѣчной дани. Правленіе Казиміра Обновителя. Борьба свѣтской власти съ Цер-

ковью. Убійство краковскаго епископа Станислава (Магнуса) Болеславомъ Смѣлымъ. Подробности этого убійства, или казни, Станислава за измѣну королю, на основаніи Мартина Галла и другихъ, менѣе клерикальныхъ историковъ Политическое главенство Рима надъ Польшей. Введеніе въ Польшѣ безбрачія духовенства Иннокентіемъ III въ концѣ XII вѣка. Постановленіе Бенедикта VIII въ 1022 году о женахъ, наложницахъ и дѣтяхъ духовенства. Упадокъ княжеской власти; усиленіе духовенства и пановъ. Внутреннія усобицы. Призваніе княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ рыцарей нѣмецкаго духовнаго ордена. Привиллегіи, дарованныя духовенству Владиславомъ Одоничемъ; результатъ этого. Борьба Болеслава Цѣломудреннаго съ Церковью; дѣятельность краковскаго епископа Павла. Лешко Черный; призваніе епископомъ Павломъ на помощь Литвы; заключеніе епископа въ тюрьму; папскій интердиктъ и освобожденіе епископа. Послѣдующая дѣятельность духовенства, ослабленіе страны благодаря усобицамъ. Призваніе на польскій престолъ чешскаго короля Вацлава. (стр. 268—282).

ГЛАВА XVIII.

Вторженіе въ Польшу западныхъ нѣмецкихъ началъ. Римская церковь въ роли посредницы между поляками и западною Европой. Усиленіе церковной іерархической организаціи. Наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Польшу; дарованіе имъ привилегій. Самоволіе шляхты. Основаніе Казиміромъ Великимъ университета въ Краковѣ; несогласіе папы на преподаваніе въ немъ богословія. Людовикъ, король венгерскій, и его преемники. Плачевное положеніе Польши. Средства спасенія. Ядвига и Ягелло. Вильгельмъ, князь рагузскій. Шайноха о тогдашнемъ духовенствѣ. Епископъ Завиша. Представленіе поляковъ о Литвѣ. Состояніе польскаго просвѣщенія въ XIV вѣкѣ; тогдашнее воззрѣніе на грамотность. Постоянные праздники. Численность и разнообразіе духовныхъ орденовъ. Торговля въ рукахъ духовенства. (стр. 283—293).

ГЛАВА XIX.

Состояніе папства въ XIV вѣкѣ. Авиньонъ—столица папъ. Іоаннъ XXII и поднятый имъ вопросъ о „небесномъ видѣніи“. Бенедиктъ XII. Климентъ VI; развращенность авиньонскаго двора. Возвращеніе въ Римъ папы Урбана V. Григорій XI. Урбанъ VI и Климентъ VII—двое папъ одновременно. Борьба между Франціей и Италіей изъ-за власти надъ папствомъ. Начало великаго раскола. Введеніе инквизиціи. Пизанскій соборъ. Бенедиктъ XIII, Григорій XII и Александръ V—трое папъ въ одно время. Констанцскій соборъ. Отреченіе Іоанна XXIII. Мартинъ V. Евгеній IV. Сверженіе его базельскимъ соборомъ и объявленіе имъ зависимости папы отъ собора. Феликсъ V. Турки въ роли спасителей папства. Завоеваніе Константинополя турками. Булла Иннокентія VIII. Дѣятельность инквизиціи. Вѣра въ діавола и пребываніе его въ женскихъ католическихъ монастыряхъ. Процессы Гофриди, Урбана Грандье, Мафирино Ле-Пикаръ и Ѳомы Бюльс, Екатерины Липсъ. Главнѣйшія сочиненія по исторіи инквизиціи. Варвара Убрикъ. Открытіе, сдѣланное при перестройкѣ монастыря визитокъ въ Вильнѣ. Чудеса по ученію римской церкви. Процессъ колдуній въ Польшѣ въ 1721 году. Споръ православнаго съ озимитомъ (латинянином). (стр. 293—312).

ГЛАВА XX.

Постепенный захватъ государственнаго управленія въ Польшѣ римскимъ духовенствомъ. Первыя религіозныя преслѣдованія. Совращеніе въ римскій католицизмъ Литвы въ 1413 году. Насильственное введеніе въ Литвѣ „добровольной уніи“. Трагическая судьба Владислава Варненчика. Такъ называемый „подозрительный“ сеймъ. Заговоръ противъ литовцевъ. Парчевскій и петроковскій сеймы. Споръ изъ-за краковскаго епископства между Яковомъ Сенинскимъ и Яномъ Грущинскимъ. Рѣчь Литавора Хрептовича передъ

Александромъ VI. Заявленіе, внесенное на люблинскомъ сеймѣ 1460 года Яномъ Остророгомъ. Постановленіе о разрывѣ съ Римомъ. Отвѣтъ Длугоша. Казимиръ Ягеллончикъ. Вступленіе Яна Альбрехта—на польскій престолъ и Александра VI Борджа—на папскій. Война Яна Альбрехта съ Владиславомъ, королемъ венгерскимъ. Проектъ раздѣла Польши и спасеніе ея царемъ Иваномъ III Васильевичемъ. Война Яна Альбрехта съ турками: ея послѣдствія. Отравленіе короля монахами. (стр. 312—320).

ГЛАВА XXI.

Царствованіе Александра Ягеллончика. Война Россіи съ Польшей. Царствованіе Сигизмунда I; ослабленіе преслѣдованія иновѣрцевъ. Реформація въ Польшѣ. Крестоносцы въ Польшѣ. Іезуиты въ Польшѣ; захватъ ими школьнаго образованія. Преслѣдованіе іезуитами истиннаго просвѣщенія; индексъ (указатель) запрещенныхъ сочиненій. Отрывокъ изъ книги ксендза Болеславіуса „Ужасное эхо послѣдней трубы". Терпимое отношеніе къ кальвинизму въ царствованіе Сигизмунда II. Заявленіе пословъ на петроковскомъ сеймѣ 1556 года относительно исправленія заблужденій католической церкви въ Польшѣ. Инквизиція въ Польшѣ. Письмо папскаго нунція Липпомана къ князю Ди-Палліано въ 1556 году. Дѣло Доротеи Лаженцкой и трехъ евреевъ. Письмо кн. Ди-Палліано къ нунцію Липпоману. Письмо Липпомана къ Петру Контарини. Выписки изъ документовъ Виленской капитулы о развратѣ латинскаго духовенства. Миссія возложенная папой на нунція Рангони. Единственное средство спасенія Польши отъ гибели. (стр. 320—335).

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Вліяніе іезуитовъ на постепенное паденіе Польши. Избраніе по смерти Баторія въ польскіе короли великаго князя московскаго Өеодора. Требованія поляковъ. Избраніе Сигизмунда III и его подчиненіе іезуитамъ. Смерть папы Сикста V. Намѣреніе Сигизмунда III продать корону Литвы и Польши Эрнесту Габсбургскому. Раскрытіе Замойскимъ тайнаго договора съ Гасбургами. Брестскій соборъ по вопросу о соединеніи Церквей. Сопротивленіе казаковъ. Судьба Косинскаго. Павелъ Наливайко; битва при р. Тясьмѣ; заключеніе мира. Варшавскій сеймъ 1597 года. Сожженіе Наливайко. Насильственное введеніе уніи въ Малороссіи. Петръ Сагайдачный. Посольство 1610 года съ приглашеніемъ на московскій престолъ королевича Владислава. Проектъ раздѣла Польши возбужденный молдавскимъ господаремъ Михаиломъ. Защита страны Замойскимъ. Вдовство Сигизмунда III (1598); бракъ его съ Констаціей Габсбургскою (1605). Недовольство помѣстной шляхты; братоубійственная война; измѣна „Лисовчиковъ". Планы іезуитовъ относительно ослабленія могущества Россіи. Димитрій Самозванецъ—орудіе ихъ замысловъ. Смерть Самозванца. Новыя козни. Война Сигизмунда III съ Москвой. Заключеніе въ тюрьму русскихъ пословъ. Мининъ и Пожарскій. Воцареніе Михаила Өеодоровича Романова. „Волчапе" и ихъ изувѣрства; ненависть къ нимъ народа. Война съ Турціей въ 1620 году. Смерть Жолкевскаго; плѣненіе Конецпольскаго. Помощь Сагайдачнаго. Заключеніе мира. Смерть Сагайдачнаго. Насилія Польши надъ казачествомъ. Іосафатъ Кунцевичъ. Отвѣтъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги на письмо Кунцевича относительно насильственнаго введенія уніи. Преслѣдованіе православнаго населенія. Возмущеніе на-

рода. Убіеніе Кунцевича. Канонизація его папой Урбаномъ VIII; дальнѣйшія преслѣдованія „схизматиковъ“. (стр. 1—16.)

ГЛАВА II.

Нѣсколько словъ по поводу книги гр. Леливы „Русско-Польскія отношенія“. Письмо Станислава Августа, какъ образецъ польскаго слога XVIII вѣка. Мнѣніе нунція Руджери о состояніи просвѣщенія въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ. Мнѣніе о томъ же польскаго историка Бобжинскаго. Распространеніе просвѣщенія въ Польшѣ со времени перваго раздѣла. Отрывокъ изъ книги д-ра Финкеля: „О конституціи 3 мая“. Взглядъ Лелевеля на причины паденія Польши. Причины нерасположенія гр. Леливы и подобныхъ ему господъ къ русскому правительству. Агитаціонная пропаганда среди польскихъ крестьянъ и мнѣніе о ней ксендза Стояловскаго. Грядущая судьба Австріи и сходство ея съ судьбой Польши. Преслѣдованіе ксендза Стояловскаго за его расположеніе къ Россіи; статья его „Демократическое и политическое тявканье“. Проклятіе Стояловскаго папой. Характеристика состоянія Польши въ XVI вѣкѣ по письму нунція Липпомана. „Познанскій Дневникъ“ о современномъ нравственномъ состояніи польскаго народа. (стр. 16—28)

ГЛАВА III.

Дальнѣйшія событія борьбы казаковъ съ Польшей; Тарасъ Трясило. Тарасова ночь. Царствованіе Владислава IV. Война 1638 года съ казаками. Гетманъ Павлюкъ. Коронный гетманъ Конецпольскій. Заключеніе мира, измѣна Конецпольскаго и казнь Павлюка. Возмущеніе казаковъ; гетманъ Степанъ Остряница. Пораженіе поляковъ надъ р. Старчей. Договоръ въ Полонномъ. Звѣрство Ланскоронскаго въ Каневѣ. Позорные трофеи. Гетманъ Иванъ Барабашъ и писарь Богданъ Хмѣльницкій. Провозглашеніе Хмѣльницкаго гетманомъ. Его побѣды. Измѣнническая выдача казакамъ поляками 1500 евреевъ въ Тульчинѣ. Взятіе казаками Тульчина; казнь кн. Четвертинскаго. Посольство воеводы Киселя къ Хмѣльницкому. — Смерть Владислава IV. Печальное положеніе страны. Школьное образованіе въ рукахъ піаровъ. Заграничное образованіе молодежи. Книжная цензура въ рукахъ іезуитовъ. Характеръ польскаго просвѣщенія XVIII вѣка по Коллонтаю; его мнѣніе о высшемъ и монашествующемъ духовенствѣ. Латинскій языкъ, какъ главный предметъ преподаванія. Іезуитки и девотки; Анна Фирлей и Екатерина Шембекъ. Уничтоженіе ордена іезуитовъ Климентомъ XIV; письмо его къ Карлу III Испанскому. Расположеніе къ іезуитамъ Фридриха Великаго и Екатерины II. Развращенность женскихъ монастырей; извлеченіе изъ *Acta actorum* относительно безобразій въ краковскомъ монастырѣ св. Андрея. Письмо епископа Мышковскаго въ краковскую капитулу о безпорядкахъ въ сандецкомъ монастырѣ. Литература въ Польшѣ и другихъ славянскихъ странахъ „Pieśń Bogarodzica“ (XV вѣка), какъ древнѣйшій памятникъ польской письменности. „Слово о полку Игоревѣ“; сопоставленіе этого памятника русской письменности XII вѣка съ польскою „литературой“ XV и XVI вѣковъ. Исторія польскаго правописанія, какъ одно изъ доказательствъ поздняго развитія польской національной письменности. „Флоріанскій кодексъ“, отрывки изъ него. Нѣсколько образцовъ польской письменности XV и XVI вѣковъ. Заглавія нѣсколькихъ брошюръ, изданныхъ на польскомъ языкѣ въ 1650—1740 годахъ, какъ характеристика степени развитія польскаго языка въ это время. Отрывокъ изъ поэмы Jarosław въ Краледворской рукописи; сопоставленіе чешскаго оригинала молитвы съ позднѣйшими польскими произведеніями того же рода. Безосновательность и недобросовѣстность заявленій польскихъ писателей о вліяніи поляковъ на развитіе русскаго просвѣщенія и гражданственности; доказательства обратнаго явленія. Грамота князя Льва

Даниловича. Дипломъ, выданный Владиславомъ Ягелло въ 1408 г. Образцы русскихъ граматъ и писемъ польскихъ королей. Королевская грамата (на русскомъ языкѣ) Виленскому бискупу по дѣлу о безчинствахъ, произведенныхъ ксендзами въ церкви Пречистой Богоматери въ Вильнѣ (1545 г.) „Оповѣданье папа Яна Якимовича, подписка земскаго Полоцкаго, о утеченье малжонки его зъ ксендзомъ Мартиномъ Сарною, мнихомъ (монахомъ) бернардиномъ". Образецъ польской грамотности начала XVII вѣка. (стр. 28—92).

ГЛАВА IV.

Вступленіе на престолъ Яна Казимира; война съ казаками; бѣгство польской шляхты. Посольство короля къ Хмѣльницкому съ просьбой о мирѣ; условія Хмѣльницкаго. Взятіе Збаража. и заключеніе мира. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Война Польши съ Россіей; потеря Литвы. Проектъ Ракочія относительно раздѣла Польши. Смерть Хмѣльницкаго. Измѣна Выховскаго. Восьмилѣтняя война Россіи съ Польшей; раздѣлъ Малороссіи. Отреченіе Яна Казимира. Предсказаніе Петра Скарги относительно гибели Польши; отрывокъ изъ его сеймовой проповѣди. Григорій отрепьевъ—самозванецъ. Документы о его походѣ на Московскій престолъ. Его письмо къ папѣ. Избраніе на польскій престолъ Царевича Θедора. Отказъ отъ этой чести дяя сына Царя Алексѣя Михайловича. Избраніе Яна Собѣсскаго. (стр. 92—104).

ГЛАВА V.

Правленіе Яна Собѣсскаго; война съ Турціей; отпаденіе Малороссіи. Августъ II. Станиславъ Лещинскій. Возвращеніе на тронъ Августа II. Нѣмой сеймъ 1771 г. Преслѣдованіе иновѣрцевъ. Состояніе Польши; мнѣніе о польскомъ народѣ иностранца Шульца. Неурядица по смерти Августа II. Августъ III. „Пацификаціонный" сеймъ. Начало окончательнаго паденія Польши. Смерть Августа III; Чарторыйскіе во главѣ правленія. Депутація шляхты къ русскому послу кн. Рѣпнину. Отказъ Фридриха Чарторыйскаго отъ союза съ Россіей. Избраніе Станислава Понятовскаго; отмѣна *liberum veto*. Обращеніе историка Нарушевича къ Станиславу Августу при его вступленіи на престолъ. Отрывокъ изъ письма короля къ императрицѣ Екатеринѣ. Стремленіе къ духовному и экономическому подъему Польши. Заступничество императрицы за иновѣрцевъ въ Польшѣ. Отрывокъ изъ инструкціи Панина князю Рѣпнину. Агитація Чарторыйскихъ. Радомская конфедерація. Радзивиллъ—„Пане Коханку". Сеймъ 1768 года. Барская конфедерація. Бунтъ Гонты и Желѣзняка. Религіозная нетерпимость тогда и въ настоящее время. Начало раздѣла Польши; Мнѣніе „Курьера Варшавскаго" о правахъ народовъ. Введеніе въ предѣлы Польши австрійскихъ и прусскихъ войскъ; захватъ короля конфедератами. Первый раздѣлъ Польши. Икона Ченстоховской Божіей Матери; уничтоженіе ордена іезуитовъ. Состояніе Польши въ это время; проектъ объ уничтоженіи Греко-Россійскаго исповѣданія въ Западной Россіи; Архипастырское воззваніе къ пастырямъ Холмско-Варшавской православной паствы; воспитаніе польскихъ дѣтей; Конституція 3 мая 1791 года. Тарговицкая конфедерація. Гродненскій сеймъ 1793 г. Второй раздѣлъ Польши. Мнѣніе историка ксендза Калинки о конституціи 3 мая. Что писалъ Статицъ о польскомъ крестьянинѣ. Отрывокъ изъ описанія путешествія Бистера въ Польшѣ. Извлеченіе изъ сочиненія, написаннаго въ XVIII вѣкѣ іезуитомъ Л. М. о числѣ гвоздей, коими былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель. Сочиненіе Козьмяна „Сказаніе о 1863 годѣ". „Варшавская заутреня"—рѣзня поляками 4000 безоружныхъ русскихъ солдатъ. Костюшко. Взятіе Суворовымъ Праги. Отреченіе Станислава Августа. Третій раздѣлъ Польши. Мнѣніе Костюшко о положеніи Польши. Эмиграція. Французскіе легіоны. Заговоръ духовенства. Тильзитскій трактактъ. Образованіе герцогства Варшавскаго. Царство Польское въ правленіе Александра I; Конституціонный Уставъ; ростъ благосостоянія страны. Меморіалъ

гр. Поццо-ди-Борго. Письмо Ланского. Неблагодарность поляковъ. Мнѣніе Карамзина Причины возстанія 1831 года. Проповѣдь монаховъ; агитаціонная пропаганда ксендзовъ въ школѣ подхорунжихъ и среди войскъ. Петръ Высоцкій. Покушеніе на жизнь В. К. Константина Павловича. Воззваніе къ полякамъ начальника временнаго правительства Ксаверія Домбровскаго. Диктатура Хлопицкаго; соперничество съ нимъ Чарторыйскихъ. Подавленіе мятежа. Великодушіе императора Николая I; сохраненіе польскаго языка въ преподаваніи и въ казенныхъ учрежденіяхъ. Іосифъ Заливскій. Краковскій „тайный комитетъ“. „Парижскій комитетъ“ подъ предсѣдательствомъ Лелевеля. Судьба эмигрантовъ. Обращеніе императора Николая Павловича къ польской депутаціи во время посѣщенія имъ Варшавы въ 1835 году. Симонъ Конарскій. „Демократическое общество“ съ Мѣрославскимъ во главѣ. Ксендзъ Сцегенный. Нападеніе на Сѣдлецъ въ 1846 году. Галицкая рѣзня. Бомбардированіе Львова. (стр. 104—174).

ГЛАВА Vbis.

Состояніе Польши послѣ мятежа 1830—31 годовъ и причины его на основаніи воспоминаній члена революціоннаго жонда 1863 года, Оскара Авейде. Преслѣдованіе лицъ, заподозрѣнныхъ въ „руссофильствѣ“. Связь между заговорами. (стр. 174-178).

ГЛАВА VI.

Возмущеніе европейскихъ народовъ противъ куріально-австрійской правительственной рѣзни 1846 года. Мѣрославскій, Сѣраковскій. Помощь, оказанная Россіей Австріи въ войнѣ съ венграми въ 1849 году. „Иностранные легіоны“ въ Турціи. Рѣчь императора Александра II къ панамъ и шляхтѣ въ 1856 году. Тревожные слухи. Религіозныя демонстраціи въ 1861 году. Пелшевскій—„Кужина“. Мнѣніе Авейде объ участіи духовенства въ уличныхъ и костельныхъ демонстраціяхъ. Управленіе Маркиза Велепольскаго. Генералъ Лангевичъ и его комиссары; „диктатура“ Лангевича, бѣгство его въ Австрію. Тріумфъ пангерманизма. (стр. 178—188.)

ГЛАВА VII.

Дѣятельность русскаго правительства въ Польшѣ послѣ возстанія 1830—31 годовъ. Можетъ ли Россія довѣрять полякамъ? Благія намѣренія императора Николая I. Ознаменованіе правленія императора Александра II дарованіемъ амнистіи 9 тысячамъ политическихъ преступниковъ; рядъ либеральныхъ преобразованій. Полная административная автономія Царства Польскаго подъ управленіемъ маркиза Велепольскаго; провинціальные и уѣздные совѣты. Неосновательность заявленія, будто возстаніе 1863 года было вызвано рекрутскимъ наборомъ. Статья въ газетѣ: „Голосъ изъ Парижа и Генуи“ по вопросу о варшавскихъ демонстраціяхъ 1862 года. Двѣ партіи: аристократическая и революціонная. Пропаганда Мицкевича, его наставленіе матерямъ полячкамъ. Крестьянская реформа, какъ главная причина недовольства шляхты. Разсказъ Козьмяна о возстаніи 1863 года; невольное признаніе участія Рима въ мятежѣ. Установленіе епископомъ Юшинскимъ т. н. „майскихъ“ уличныхъ процессій. Братства „живыхъ четокъ“., ихъ молитва къ проколотому терніемъ языку Іисуса Христа. Отрывокъ изъ „эскизовъ возстанія“ Струся, доказывающій участіе духовенства въ возстаніи. Показанія Авейде. „Земледѣльческое общество“ и его характеръ. „Планъ польской революціи“ Мѣрославскаго. „Часъ“ и его ложныя, по словамъ Козмяна же, сообщенія. Нѣсколько отрывковъ изъ напечатанной въ Краковѣ брошюры: „Назадъ“. Паденіе аристократической партіи. Рапортъ начальника плоцкаго отдѣла Бѣлаго (Ходзынскаго) революціонному жонду. Революціоный трибуналъ; 980 жертвъ его покушенія противъ

представителей власти. Подлинный документъ относительно израсходованія 500 рублей на покупку кураре и другихъ ядовъ. Іезуитскій принципъ: цѣль оправдываетъ средства. Анархическо-соціалистскій характеръ возстанія 1863 года. Польскій катехизисъ. (стр. 188—208).

ГЛАВА VIII.

Опредѣленіе названія: „Польша" Статистика населенія 9 западныхъ губерній. Упраздненіе великаго княжества Позн̂анскаго. Польскій элементъ въ Галиціи. Ограниченіе термина „Польша" границами современнаго Привислинскаго края. Кастовый духъ въ Польшѣ. (стр. 208—212).

ГЛАВА IX.

Духовенство въ роли единственно-признаваемаго поляками разсадника просвѣщенія. Польское общество въ серединѣ XVI вѣка. Слова Андрея Моджевскаго въ 1554 году. Отрывокъ изъ письма Акександра Олижаровскаго (1632 г.). Общественное неустройство въ Польшѣ. Ужасное положеніе крестьянъ. Жалобы крестьянъ на свое безвыходное положеніе; нѣсколько отрывковъ изъ этихъ жалобъ, написанныхъ въ серединѣ 18 вѣка. Отношеніе къ крестьянскому вопросу короля Станислава Лещинскаго. Мнѣніе французскаго путешественника Бернульи. Представленіе сейму 1780 года проекта новаго гражданскаго уложенія; непринятіе его сеймомъ безъ разсмотрѣнія. Стремленія Костюшко улучшить положеніе крестьянъ. Отмѣна крѣпостничества конституціей герцогства Варшавскаго. Декретъ Саксонскаго короля и его пагубныя для народа послѣдствія. Панщизна. Привилегіи помѣщиковъ. Гминные войты; концентрація власти въ рукахъ помѣщиковъ-войтовъ; пагубные результаты этого института. Эксплоатація крестьянъ помѣщиками; образцы контрактовъ между крестьянами и помѣщиками. Роль женщины и монашества въ судьбахъ Польши. (стр. 212—222).

ГЛАВА X.

Заботы русскаго правительства о благѣ польскаго населенія. Улучшеніе положенія крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и майоратахъ въ 1816 году. Незначительное обложеніе населенія Царства Польскаго. Развитіе промышленности. Неблагодарность поляковъ. Указъ императора Николая I, обезпечивающій за крестьянами право пользованія земельными участками и уничтожающій принудительныя работы. Борьба шляхты противъ послѣдствій этого указа: отсрочка въ его обнародованіи, соблюденіе его въ тайнѣ и ложное толкованіе. Комическая поспѣшность и рвеніе въ составленіи престаціонныхъ табелей. Законъ 16 декабря 1858 года объ очиншеваніи. Воззваніе отъ имени польскаго народа къ польскимъ помѣщикамъ". Агитація членовъ „Земледѣльческаго Общества". Декреты центральнаго комитета отъ 22 января и 22 декабря 1863 г. Статья кс. Стояловскаго: „Желаетъ ли шляхта Польши?". Письмо галицкаго крестьянина въ редакцію „Польскаго Вѣнца" о преслѣдованіи изданій кс. Стояловскаго. Мнѣніе Прудона о польскомъ вопросѣ. О духовныхъ завѣщаніяхъ у католическихъ націй. Old Gentleman о полякахъ (стр. 222—256).

ГЛАВА XI.

Слабыя стороны папской энциклики. Мнѣніе Т. И. Филиппова о вратахъ ада. Древнее предсказаніе о паденіи Рима. Необходимость созданія національной польской Церкви. Характеристика монашескао сословія. Отрывокъ изъ сочиненія: „Замѣчанія на жизнь Яна Замойскаго". Мнѣніе о польскомъ духовенствѣ, высказанное Сташицемъ въ его

ГЛАВА XV.

Предисловіе.

Политическая исторія Европы вообще и славянства въ частности должна отмѣтить въ послѣдніе годы на своихъ страницахъ одно многозначущее явленіе, значеніе котораго, къ сожалѣнію не было оцѣнено именно тѣми, кого оно ближе всего касается. Римское папство пришибленное и обезсиленное возстановленіемъ объединенной Италіи, лишенное послѣднихъ лохмотьевъ своей нѣкогда богатой царственной мантіи, — стало выходить изъ того оцѣпенія, въ которое его повергло пробудившееся національное сознаніе итальянскаго народа. Воинствующій католицизмъ—эта альфа и омега всей исторіи папства—снова повелъ атаку во имя того же принципа, который красною нитью проходитъ черезъ все прошлое папскаго католицизма; принципъ этотъ —безграничная, всеобъемлющая власть папства, міровая теократія—съ папой во главѣ. Лишенный окончательно всякой свѣтской власти, подчиненный въ государственномъ отношеніи римскому королевскому престолу,—Ватиканъ, въ лицѣ одного изъ умнѣйшихъ своихъ представителей—Льва XIII, рѣшилъ измѣнить свои стратегическіе пріемы, и выставилъ въ качествѣ оружія воинствующаго католицизма новыя, до сихъ поръ непримѣнявшіеся, средства. Вмѣсто грома, проклятій и отлученій—съ высоты папскаго престола раздалось слова любви, привѣта; вмѣсто ужасовъ инквизиціи—римскій понтифексъ роповѣдуетъ всепрощеніе и терпимость. Что значитъ эта метаморфоза? Въ неискренности ея никто изъ непапистовъ не усумнится; но является вопросъ—противъ кого повелъ атаку пробудившійся римскій воинствующій католицизмъ?

Первыя слова знаменитой энциклики Льва XIII о соединеніи Церквей отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Католицизмъ, самъ въ себѣ разлагающійся, самъ по себѣ распадающійся—грозитъ окончательнымъ крушеніемъ папству. Спасти ватиканскій престолъ могутъ лишь новыя силы, не надломленныя тлетворною заразой, пропитавшей весь католическій міръ. Эти силы могъ бы дать православный востокъ. И противъ него-то и повелъ атаку многовѣковой вѣрный слуга папской гордыни воинствующій католицизмъ. Для насъ русскихъ, новое направленіе папскаго Drang nach Osten имѣетъ значеніе весьма знаменательное; теперь намъ приходится считаться не съ врагомъ, подъ воинственные марши движущимъ свои „крестоносныя“ полчища на православно-славянскій міръ, а съ мнимымъ другомъ и благожелателемъ, предлагающимъ установленіе прочнаго мира, согласія и единенія. Но какою цѣной купили бы мы этотъ миръ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ же, который мы слышали и въ эпоху святой инквизиціи: подчиненіе папѣ, признаніе его верховнымъ главой, вершителемъ судебъ всего міра.

Въ послѣднее столѣтіе папство понесло чувствительныя потери на славянскомъ Востокѣ. Поработивъ въ десятомъ вѣкѣ польское славянское племя, оторвавъ его отъ православнаго славянства, лишивъ его, такимъ образомъ, драгоцѣннѣйшаго достоянія—національнаго самосознанія—папство сдѣлало изъ поляковъ послушныхъ, безотвѣтныхъ, раболѣпныхъ служителей гордыни престола св. Петра. Такимъ образомъ, поляки начали

роковую для нихъ борьбу съ Россіей, борьбу окончившуюся паденіемъ Польши. Растлѣвающее вліяніе папства не сразу надломило могучій нѣкогда организмъ славяно-польскаго племени, и долгое время оно успѣшно вело упорную борьбу противъ Россіи за папскіе интересы; полная не разборчивость въ средствахъ содѣйствовала успѣхамъ воинствующаго римско-польскаго католицизма. Одною изъ такихъ побѣдъ, одержанныхъ папой и поляками надъ славянствомъ и православіемъ, была унія; путемъ всевозможныхъ насилій, преслѣдованій, обмана, угрозъ, подкупа—поляки заставили беззащитное православное населеніе, подпавшихъ подъ власть Польши русскихъ земель признать главенство римскаго первосвященника—сдѣлать важнѣйшій шагъ къ утратѣ своего народнаго самосознанія, обезличенію ad majorem Romae gloriam. Но, силою отторженное отъ славянства и восточнаго христіанства православное населеніе Польши поспѣшило возвратиться на лоно своей народной, славянской Церкви, лишь только жестокое римско-польское иго, гнетущее его въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пало передъ скипетромъ православнаго славяно-русскаго Царя.

Но нѣсколько вѣковъ римско-польскаго плѣненія православнаго населенія бывшей Польши не прошли безслѣдно для нѣкоторой части этого населенія. Лишенное какого бы то ни было общенія съ Россіей, оно мало-по-малу ополячивалось и окатоличивалось, римско-польская іезуитская пропаганда дѣлала свое дѣло. Такимъ образомъ, въ настоящее время, когда унія въ Россіи стала достояніемъ грустной исторіи прошлаго, на самомъ дѣлѣ существуетъ много потомковъ ополяченныхъ уніатовъ, пребывающихъ еще въ сѣтяхъ, ловко разставляемыхъ папскою пропагандой; къ числу офиціально-признаваемыхъ таковыми, относятся, такъ называемые, „упорствующіе", въ Сѣдлецкой губерніи. Галицкая Русь представляетъ картину еще болѣе грустную. Іезуитская политика сумѣла найти въ тамошней уніи могучее орудіе для достиженія своихъ хищническихъ замысловъ, и несчастный, угнетенный галицко-русскій народъ, убаюкиваемый сладкими рѣчами проповѣдниковъ папскаго космополитизма все болѣе и болѣе обезличивается, все сильнѣе и сильнѣе падаетъ и близится къ окончательному обезличенію—національному небытію и матеріальному банкротству.

Немного нужно, чтобы добить послѣднія жизненныя силы въ этомъ народѣ. Еще нѣсколько ударовъ и папское дѣло выиграно. Энциклики Льва XIII о соединеніи Церквей—это попытка нанести такой ударъ, послѣдній, роковой..

Сколько обѣщаній расточаетъ намѣченнымъ жертвамъ папская энциклика, сколько увлекательныхъ заманчивыхъ картинъ будущаго рисуетъ она намъ и все это въ награду за добровольное подчиненіе тому „пастырю", который еще разъ недавно лютымъ волкомъ хозяйничалъ въ славянскомъ стадѣ.

Мы задались цѣлью, напомнить уніатамъ про это недавнее прошлое, чтобы представить имъ въ дѣйствительномъ свѣтѣ ту гарантію, которую представляютъ собою папскія обѣщанія и клятвы... Намъ хотѣлось изложить на польскомъ языкѣ — болѣе доступномъ ополяченнымъ уніатамъ — истинную картину будущаго, ихъ ожидающаго въ случаѣ окончательнаго подчиненія Риму; предполагаемой нами брошюры разрослась въ сорокъ листовъ польскаго изданія нашей книги; русское изданіе, нынѣ предлагаемое читающей публикѣ, увеличено нѣсколькими листами матеріаловъ, отъ помѣщенія коихъ въ польскомъ изданіи мы должны были отказаться. Болѣе подробное разъясненіе нѣкоторыхъ нашихъ цѣлей и положеній читатели найдутъ въ печатаемомъ ниже предисловіи къ польскому изданію нашего труда.

Предисловіе къ польскому изданію.

„Невѣдѣніе не грѣхъ,—а потому оставайтесь вѣчно невѣждами“.

Это положеніе, высказанное папою Григоріемъ I, возникло на почвѣ средневѣковаго мрака, слѣдовательно, не должно бы было, кажется, имѣть практическаго приложенія въ наши дни. Велика же, однако, сила традицій римской церкви, если даже въ новыя и новѣйшія времена, вопреки неоспоримымъ успѣхамъ цивилизаціи, не только отдѣльныя личности, но цѣлыя общества или крупныя доли ихъ, продолжаютъ исповѣдывать все тоже средневѣковое начало невѣдѣнія извѣстныхъ вещей, въ особенности такихъ, которыя относятся къ области вѣрованій и убѣжденій. Борьба съ этой крайне глубоко укоренившеюся традиціею римской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство истины, что средневѣковое невѣжество по части извѣстныхъ проявленій религіозной жизни оказываетъ крайне вредное вліяніе на всѣ прочія функціи этой жизни; а прежде всего и главнѣе всего вредно отзывается на нравственномъ и политическомъ состояніи человка и общества — вотъ что было руководящею мыслью моею при составленіи настоящей книги.

Прежде всего я посвящаю свой трудъ тѣмъ изъ бывшихъ уніатовъ, которые хотя и возвратились послѣ польскаго мятежа шестидесятыхъ годовъ въ лоно православной церкви, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ остаются податливымъ орудіемъ въ рукахъ неукротимыхъ насадителей римскаго фанатизма. На этихъ-то людей и обращено въ настоящее время главное вниманіе неутомимыхъ борцовъ воинствующаго Рима, который уже начинаетъ льстить себя надеждой,—какъ по крайней мѣрѣ ходятъ слухи, не лишенные извѣстной основательности—что въ скоромъ времени ему снова удастся подчинить себѣ вѣру и совѣсть бывшихъ уніатовъ, хотя бы и не всѣхъ. Свою книгу я первоначально издаю на польскомъ языкѣ съ тою пѣлью, чтобы она тѣмъ легче могла воздѣйствовать на убѣжденія людей, въ коихъ папскій Римъ видитъ грядущія жертвы своего ненасытнаго властолюбія. Въ польско-католической школѣ многіе бывшіе уніаты разучились русскому языку, когда-то своему природному; я и думаю, что польская книга окажется доступнѣе для нихъ, они легче прочтутъ ее и усвоятъ ея содержаніе. Ограничиться однимъ польскимъ текстомъ я считаю однако же недостаточнымъ. Воинствующій Римъ со своею неугомонною враждебностью къ православію долженъ наконецъ, сдѣлаться предметомъ болѣе точнаго изученія и со стороны русскаго общества. Притомъ же и среди уніатовъ есть извѣстная часть, отрѣшившаяся уже отъ польскаго языка, но все-таки не изъятая отъ покушеній римской церкви на уловленіе ихъ душъ. Вотъ почему въ непродолжительномъ времени преподнесу имъ свой трудъ, переработанный и дополненный, на русскомъ яеыкѣ.

Еще со времени Константина Палеагога замѣчается стремленіе римскихъ папъ къ возсодиненію подъ своею властью христіанскихъ церквей, якобы во имя словъ Св. Евангелія, что „будетъ едино стадо и единъ Пастырь“. Современное состояніе римско-католической церкви сильнѣе нежели когда-либо заставляетъ папу удваивать свои усилія въ сторону упомянутаго возсоединенія. Идея возсоединенія, такъ настойчиво пропагандируемая современнымъ Римомъ, имѣла многихъ сторонниковъ и среди предшественниковъ папы Льва XIII. Изслѣдовавши, какими способами Римъ старался ранѣе осуществить свои исконные замыслы, мы тѣмъ лучше поймемъ, къ чему онъ стремится въ настоящую минуту и чего намъ слѣдуетъ опасаться съ его стороны.

Я старался достигнуть цѣли своего труда путемъ подбора фактовъ, заимствованныхъ изъ исторіи римской церкви, папства и польскаго народа. Изображая въ дѣйстви-

тельныхъ краскахъ отношеніе Польши къ Риму и плоды, принесенные полякамъ этими отношеніями, сопоставляя съ этимъ изображеніемъ отношеніе Рима къ православной церкви, я старался извлечь изъ этихъ историческихъ данныхъ практическіе выводы относительно того, какимъ путемъ польскій народъ, принадлежащій къ славянскому племени, можетъ вступить въ дружескія, сердечныя отношенія съ русскимъ народомъ и правительстомъ.

Къ спокойному и безпристрастному читателю изъ противнаго лагеря у меня есть одна просьба. Если въ настоящей книгѣ онъ встрѣтитъ мѣсто, несогласное съ его убѣжденіями, то пусть не закрываетъ книгу на половинѣ, не дочитавши до конца, даже въ томъ случаѣ, когда считаетъ возможнымъ признавать себя непогрѣшимымъ судьею въ затронутыхъ здѣсь вопросахъ и приводимыхъ мною доказательствахъ.

Пословица говоритъ, что „правда глаза колетъ". Не подлежитъ сомнѣнію, что найдутся читатели, которые отвергнутъ мою правду изъ опасенія, какъ бы она не выколола имъ глаза. Я, однако, могу успокоить и такихъ читателей. Тѣ, у кого нравственная сторона, поросла такою толстой корой, что сквозь нее не доцупаешься способности къ пониманію, не имѣютъ повода опасаться какихъ бы то ни было шиповъ: ихъ огрубѣлой коры не пробьетъ никакая правда. Тѣмъ же, у кого способность къ пониманію не совсѣмъ еще парализована, такъ что мои выводы окажутся для нихъ доступными,—тѣмъ, надѣюсь, моя книга принесетъ безспорную пользу, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что люди мало размышляющіе, ничего не читающіе и не понимающіе законовъ причинной связи, вездѣ и всегда были и будутъ склонными къ суевѣрію. Болѣзненная впечатлительность рисуетъ въ ихъ воображеніи цѣлыя полчища злыхъ и добрыхъ духовъ, внушаетъ имъ разныя нелѣпости, бросаетъ изъ одной крайности въ другую, внушаетъ не вѣрить неопровержимо доказанному, но въ то же время безусловно вѣровать самымъ неправдоподобнымъ вещамъ, въ особенности, если эти вещи были когда-то написаны римскимъ ксендзомъ. Люди же болѣе глубокаго ума, привыкши изслѣдовать причины явленій и ихъ послѣдствія, иначе говоря, люди мысли и дѣла, вѣрили и вѣрятъ лишь въ то, что не идетъ въ разрѣзъ съ здравымъ разсудкомъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно вѣры или тому, до чего дошли путемъ собственныхъ изслѣдованій.

Безсмысленнымъ розсказнямъ о колдовствѣ и суевѣріяхъ можетъ давать вѣру лишь тотъ, кто не изслѣдуетъ связи между причиною и послѣдствіемъ. Будучи вѣрующимъ или невѣрующимъ, онъ всегда боится, а потому трусливо молчитъ или соглашается со всѣмъ, что услышитъ, точно истуканъ, безъ мысли и безъ воли. Достаточно будетъ сказать такому человѣку, что Сократъ или Платонъ были намѣстниками Спасителя міра, божествами во плоти, полубогами, помощниками Создателя, — и онъ начнетъ поклоняться Сократу или Платону. А если шепнуть ему, что Сократъ былъ безбожникъ, еретикъ, богохульникъ, да еще и чародѣй,—и онъ готовъ возненавидѣть Сократа, оплевать его, побить камнями, замучить, распять, сжечь на кострѣ... Такой человѣкъ не сумѣетъ отличить пророка отъ обманщика: онъ боится дать волю своей мысли,—а кто боится, тотъ глупѣетъ, мельчаетъ и всему поддается...

Однако, благодаря Создателю, Который одарилъ людей совѣстью, каждый человѣкъ, даже наименѣе просвѣщенный, далекій отъ всякихъ умственныхъ трудовъ, обладаетъ врожденною частицею вѣчной истины. Убѣжденный въ существованіи этой истины, онъ тѣмъ самымъ убѣждается въ существованіи той безсмертной частицы Духа Святаго, Творца, Отца нашего Небеснаго, которая владѣетъ и правитъ имъ. Это убѣжденіе внѣдряется настолько глубоко, что человѣку невозможно повѣрить, будто Создателя нѣтъ и не было.

Если не всѣ факты, приведенные въ настоящей книгѣ, окажутся общеизвѣстными.

если не всѣ они встрѣчаются въ популярныхъ руководствахъ по исторіи и въ общедоступныхъ книжкахъ, то это еще не доказываетъ, чтобы факты эти являлись вымышленными. Польская литература, до сихъ поръ обрѣтающаяся въ самой тѣсной зависимости отъ іезуитовъ, фабриковала исторію своего народа, обработывала церковныя дѣла согласно съ указаніями римской куріи, по образцу лже-исидоровыхъ декреталій. Все же то, что было написано не іезуитами, но честными, истинно учеными поляками, преимущественно литвинами,—все попало въ списокъ воспрещенныхъ Ватиканомъ сочиненій, изъято изъ обращенія, воспрещено темному люду или осуждено въ костельныхъ проповѣдяхъ и въ конфессіоналахъ. Оттого и та часть русскихъ людей, которая была насиліемъ и пытками вовлечена въ унію, до сихъ поръ не имѣетъ настоящаго понятія ни о народности, ни о церкви, къ которой принадлежала до временъ послѣдняго польскаго мятежа. Сверхъ того, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, католическое духовенство до нашихъ дней не переставало и не перестаетъ мутить бывшихъ уніатовъ.

Эти именно соображенія и побудили меня постараться открыть имъ глаза, представить имъ въ истинномъ свѣтѣ римскую церковь, которая была имъ насильственно навязана, выяснить ея происхожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ *указать разницу между этою римскою церковью и ихъ исконнымъ правовѣрнымъ, то-есть, православнымъ вѣроисповѣданіемъ.*

Такая задача была нелегка уже въ виду систематической фальсификаціи исторіи римской церкви въ теченіи слишкомъ тысячи лѣтъ.

Матеріалы для своего труда я почерпалъ главнымъ образомъ, изъ сочиненій, помѣщенныхъ въ спискѣ воспрещенныхъ римскою куріей; заглавія этихъ сочиненій я буду приводить по мѣрѣ извлекаемыхъ изъ нихъ выдержекъ, не страшась лучей правды, внушающихъ такой страхъ приверженцамъ Ватикана... На основаніи всѣхъ данныхъ, какія мнѣ удалось собрать и сопоставить, не трудно будетъ разрѣшить вопросъ: возможно ли возсоединеніе церквей на основаніяхъ, предлагаемыхъ папою, и на какихъ основаніяхъ вообще возможно достигнуть такого возсоединенія? А потому, кто желаетъ познать правду въ этомъ отношеніи, кто не убоится читать и мыслить вмѣстѣ со мною, тотъ пусть посвятитъ моей книгѣ минуту безпристрастнаго вниманія, пусть дочитаетъ ее до конца, не взирая на угрожающія, быть можетъ, анафемы римской куріи. Въ наши дни эти анафемы уже неимѣютъ практическаго значенія.

„Непогрѣшимый“ папа Урбанъ II училъ не считать нераскаянныхъ и особенно отлученныхъ грѣшниковъ даже и людьми, а дикими птицами, и тотъ не бралъ на свою душу никакого грѣха, кто въ порывѣ священнаго своего гнѣва убивалъ ихъ. Для преслѣдованія такихъ дикихъ птицъ у папства имѣются въ распоряженіи свои хищныя птицы, изображенія которыхъ здѣсь помѣщаемъ съ предупрежденіемъ, что ихъ уничтожать тоже не грѣшно и Западная Европа и Америка давно избиваютъ ихъ.

Авторъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ іюльскихъ газетахъ 1896 года сообщалось, что: „Папа Левъ XIII чрезвычайно энергично и настоятельно пропагандируетъ идею соединенія всѣхъ христіанскихъ церквей". Въ истекшемъ году обращался онъ съ энцикликой къ англичанамъ, а въ текущемъ, равно какъ и въ 1894, приглашаетъ церкви Востока перейти въ лоно католической церкви. Хлопоты его, однако, остаются пока безуспѣшными.

„Вестминстерскій архіепископъ отвѣтилъ папѣ, что соединеніе англиканизма съ латинизмомъ представляется утопіей. Въ томъ же духѣ отвѣтили папѣ и другія англійскія духовныя лица. Лишь Гладстонъ въ обширномъ изложеніи высказался, что: хотя онъ не вѣритъ въ скорое соединеніе церквей, тѣмъ не менѣе находитъ, что необходимо серьезно потрудиться для дѣла соединенія всѣхъ христіанъ.

„Четыре столѣтія прошло со дня отдѣленія англиканской церкви отъ Рима: произошло много эпизодовъ, которые вмѣсто облегченія затрудняли все болѣе и болѣе вопросъ о соединеніи вновь этихъ церквей. Гладстонъ совѣтуетъ напирать преимущественно на пункты, ведущіе къ соединенію, избѣгая всего того, что вызываетъ разногласіе. Въ заключеніе, онъ выражаетъ признательность Папѣ Льву XIII за принятый имъ на себя трудъ въ этомъ направленіи.

„Мысль объ изысканіи способовъ соединенія христіанскихъ церквей не новая. Стремились къ этому бывшій чешскій король и римско-нѣмецкій императоръ Карлъ IV совмѣстно съ сербскимъ королемъ Стефаномъ Душаномъ. Флорентійская унія съ 1439 г. также много трудилась надъ этимъ вопросомъ.

„Много трудились также въ этомъ направленіи и такіе представители православной каѳолической церкви, какъ митрополитъ Макарій Никомидійскій, Игнатій Торновскій, Іосифъ Филипповскій и Константинопольскій патріархъ Геннадій, передъ которымъ преклонялся завоеватель Стамбула Мехмедъ Великій. Всѣ эти лица стремились къ соединенію церквей хотя-бы только греческихъ съ славянскими.

„Въ XVII вѣкѣ много потрудился Григорій-Каликстъ; въ Лейпцигѣ же и Франкфуртѣ устраивались религіозныя собранія, задача которыхъ состояла въ изысканіи способовъ къ устраненію преградъ и вражды, раздѣляющихъ христіанскія церкви. Мечталъ объ этомъ также и Лейбницъ въ 1678 г.

„Но, увы! за симпатической идеей соединенія церквей, опять усиленно пропагандируемой Львомъ XIII, кроется стремленіе къ *воскресенію неограниченной папской власти*, которой даже, по смыслу послѣдней энциклики „*satis ignotum*" обязаны подчиняться всѣ христіанскія церкви.

„Въ виду сего нетрудно согласиться съ Гладстономъ, что минута соединенія церквей наступитъ еще весьма не скоро.

„Послѣдняя энциклика, составляющая большую меморію съ сотнями текстовъ изъ

Св. Писанія и трудовъ Отцовъ церкви, представляетъ изъ себя лишь политическую програму папизма, стремящагося къ тому, чтобы и впредь числиться видимою главою церкви Христовой, командующей надъ всѣми христіанскими церквами. Эта программа не признаетъ соборнаго начала, какъ основы древнихъ церквей, безъ чего соединеніе христіанскихъ церквей является, какъ правильно заявилъ вестминстерскій архіепископъ лишь утопіей".

Не входя въ разсмотрѣніе послѣдней энциклики, съ 1896 г. составляющей лишь собраніе множества ссылокъ на различные поддѣльные декретаріи и на сочиненія Отцовъ римской церкви, написанныя по заказу римской куріи, съ цѣлью распространенія и укрѣпленія мнѣнія о бытности Св. Петра въ Римѣ въ качествѣ перваго епископа или папы, вслѣдствіи чего Риму присуще наименованіе „Апостольской Столицы", намѣстничества Христа, непогрѣшимаго оракула, и о томъ, что римская церковь должна имѣть преимущество передъ всѣми другими христіанскими церквами, обратимъ вниманіе лишь на то, что послѣдняя энциклика отъ 30 іюня 1896 года, озаглавленная: „*Нашимъ почтеннымъ братьямъ* патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ, епископамъ и другимъ іерархамъ, *находящимся въ согласіи и единеніи съ Апостольской Столицей*", начинающаяся со словъ: „Почтенные Братья!"—не можетъ быть признана нами за воззваніе ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ Востока, не состоящимъ понынѣ въ „согласіи и единеніи" съ Римомъ, а имѣетъ въ виду лишь укрѣпленіе въ понятіяхъ подвластныхъ папѣ церквей вѣры въ первенство и непогрѣшимость римскаго епископа и его главенство надъ всѣми церквами.

Поэтому мы разсмотримъ лишь энциклику отъ 20 іюня 1894 года, написанную безпорно къ епископамъ восточныхъ православныхъ церквей, и приведемъ отвѣты на эту энциклику восточныхъ епископовъ и другихъ богослововъ, изъ чего читатель самъ уже выведетъ заключеніе, насколько осуществимо соединеніе церквей на предполагаемыхъ папой основаніяхъ.

Перепечатываемая нами здѣсь папская энциклика, содержащая въ себѣ призывъ къ соединенію церквей, есть документъ, безпорно заслуживающій самаго серьезнаго вниманія. При томъ жадномъ стремленіи къ единенію, которое захватило всѣ христіанскія церкви, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, этотъ документъ важенъ, какъ голосъ первосвященника, являющагося исключительнымъ виновникомъ печальнаго раздѣленія церквей, который, если самъ и не сознаетъ своей вины, то зато другимъ предоставляетъ полную возможность высказать тѣ данныя и соображенія, которыя могутъ повести къ разъясненію всѣхъ спорныхъ пунктовъ, раздѣляющихъ христіанскій міръ на враждебные лагери. Вотъ почему мы и считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь полный текстъ энциклики, сопровождая его критическими отвѣтами со стороны выдающихся представителей восточныхъ православныхъ церквей.

I. АПОСТОЛЬСКОЕ ПОСЛАНІЕ

Святѣйшаго господина нашего Льва Божіимъ промышленіемъ папы XIII.
Государямъ и всѣмъ народамъ
Левъ п. XIII
Привѣтствіе и миръ въ Господѣ.

Славныя заявленія общественнаго поздравленія [1]), которыя втеченіи всего поршлаго года, въ память юбилея нашего епископства, мы получали отовсюду и которыя въ послѣднее время завершились знаменательнымъ выраженіемъ почтенія со стороны испанцевъ, прежде всего доставили намъ тотъ плодъ радости, что въ этомъ совпаденіи и согласіи волей проявилось единство церкви и ея славное единеніе съ верховнымъ первосвященникомъ. Казалось, что въ эти дни весь католическій міръ, какъ-бы забывъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ, устремился и очами, и духомъ всецѣло къ Ватикану. Посольства государей, посѣщенія паломниковъ, полныя любви посланія, священнѣйшія церемоніи явно свидѣтельствовали о томъ, что въ отношеніи апостольской каѳедры у всѣхъ католиковъ едино сердце и единъ духъ.

Все это было тѣмъ болѣе радостно и пріятно для насъ, что всецѣло совпадаетъ съ нашими желаніями и ожиданіями. Ибо, сознавая направленіе временъ и обязанности своего служенія, мы, втеченіи всего нашего епископства, постоянно имѣли это въ виду, равно какъ и то, чтобы, при всякой возможности, ученіемъ и дѣломъ, тѣснѣе привязывать къ себѣ всѣ народы и всѣ племена, а также особенно выставлять на видъ, что власть римскаго первосвященства спасительна во всѣхъ отношеніяхъ. Великую, поэтому, воздавали мы и воздаемъ благодарность, прежде всего, Божественному милосердію, благодатію и щедротами котораго мы невредимо достигли настоящихъ лѣтъ; затѣмъ, государямъ, епископамъ, духовенству и всѣмъ частнымъ лицамъ, всѣмъ, которые многоразличными заявленіями своей преданности и уваженія, проявленныхъ по отношенію къ нашему дѣлу, какъ и къ нашей личности, доставили намъ въ частности великое утѣшеніе.

Но для полнаго и всецѣлаго утѣшенія не доставало еще многаго. Среди этихъ самыхъ заявленій народной радости и почтительности нашъ духъ смущался мыслью, что существуетъ еще огромное множество людей, которые остались чуждыми этого единодушнаго движенія католиковъ, частью потому, что они совсѣмъ не знаютъ евангельской мудрости, а частью потому, что, хотя и посвященные въ христіанскую вѣру, состоятъ въ разрывѣ съ католическою вѣрою. Этимъ обстоятельствомъ мы тяжело были смущены и смущаемся: нельзя безъ глубокаго чувства скорби думать объ этой части человѣческаго рода, которая давно уклонилась отъ насъ, вступивъ на ложный путь.— Между тѣмъ, такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога всемогущаго, который

---

[1]) Въ подлинникѣ энциклика начинается словами: «Praeclara gratulationis publicae testimonia»... etc.

хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познаніе истины прійти, и такъ какъ, кромѣ того, нашъ преклонный возрастъ и немощи приближаютъ насъ къ обычному исходу людей, то мы стараемся подражать примѣру Искупителя и Господа нашего Іисуса Христа, который, уже близкій къ возвращенію на небеса, обращался къ Богу Отцу съ молитвой, чтобы ученики и послѣдователи Его были едино и умомъ, и духомъ: Молю... да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ [1]). Такъ какъ эта божественная молитва касается не только тѣхъ, которые тогда вѣровали въ Іисуса Христа, но и тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него въ будущемъ, то это дастъ намъ достаточныя основанія искренно высказать наши желанія и, насколько возможно, употребить всѣ средства къ тому, чтобы всѣхъ людей, безъ различія рода и мѣста, призвать и привлечь къ единству божественной вѣры.

Побуждаемый человѣколюбіемъ, которое скорѣе направляется туда, гдѣ чувствуется наибольшая нужда въ немъ, нашъ духъ, прежде всего, обращается къ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ народовъ, которые или еще совсѣмъ не приняли св. Евангелія, или, принявъ его, погасили его своей безпечностью или лѣностью, вслѣдствіи чего они и не знаютъ Бога и живутъ въ крайнемъ заблужденіи. Такъ какъ всякое спасеніе исходитъ отъ Іисуса Христа, „ибо нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ [2]), то наибольшее изъ нашихъ желаній состоитъ въ томъ, чтобы святѣйшимъ именемъ Іисуса скорѣе просвѣтились и наполнились всѣ пространства земли. Въ этомъ отношеніи церковь никогда не пренебрегала даннымъ ей отъ Бога порученіемъ. Ибо что она дѣлала втеченіи 19 вѣковъ, что съ усердіемъ и все возрастающею ревностью дѣлаетъ теперь, какъ не то, чтобы приводить народы къ истинѣ и къ христіанскимъ учрежденіямъ? И теперь проповѣдники Евангелія, по нашему полномочію, переплываютъ моря, направляясь въ самыя отдаленныя мѣста; и теперь мы просимъ у Бога, чтобы Онъ милостиво умножалъ священнослужителей, достойныхъ апостольскаго дара, которые не только своими удобствами и своимъ здоровьемъ, но и самою жизнью, если этого потребуютъ обстоятельства, не усомнятся пожертвовать ради расширенія царства Христова.

Поспѣши же, Спаситель и Родоначальникъ человѣческаго рода, Іисусе Христе: не отлагай исполненія того, о чемъ Ты сказалъ нѣкогда, что, вознесшись отъ земли, всѣхъ привлечешь къ Себѣ! Итакъ, сойди же и явись этому безчисленному множеству, которое еще доселѣ не знаетъ величайшихъ благъ, дарованныхъ смертнымъ Твоею кровію: разбуди сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, чтобы озаренные лучами Твоей мудрости и добродѣтели всѣ въ Тебѣ и чрезъ Тебя *сочетались въ единствѣ*.

Размышляя объ этой тайнѣ единства, намъ приходитъ на умъ и цѣлый міръ народовъ, которыхъ уже давно божественное милосердіе привело отъ заблужденія къ евангельской мудрости. Ничего не можетъ быть пріятнѣе для мысли, ничего не можетъ быть славнѣе въ похвалу божественнаго промышленія, какъ воспоминаніе о тѣхъ древнихъ временахъ, когда принятая народами божественная вѣра содержалась какъ общее и нераздѣльное достояніе: ибо всѣ народы, безъ различія мѣстъ, умственнаго развитія и нравовъ, хотя и различаясь часто въ другихъ отношеніяхъ, жили дружелюбно между собою въ томъ, что относится къ религіи. И христіанская вѣра соединяла ихъ всѣхъ. Къ воспоминанію объ этомъ съ великимъ прискорбіемъ обращается умъ вслѣдствіи того, что, съ теченіемъ вѣковъ, вслѣдствіи происшедшихъ подозрѣній и вражды, многіе цвѣтущіе народы въ злополучныя времена отдѣлились отъ лона римской церкви. Но, какъ бы то ни было, уповая на благость и милосердіе всемогущаго Бога, который одинъ знаетъ, когда созрѣваютъ времена, и во власти котораго заключается сочетать воли

[1]) Іоан. XVII, 20—21.
[2]) Дѣян. IV, 12.

людей съ тѣмъ, что Онъ хочетъ, мы обращаемся духомъ къ этимъ самымъ народамъ и съ отеческою любовью увѣщеваемъ и умоляемъ ихъ, чтобы они, оставивъ раздоры, возвратились къ единенію.

И прежде всего съ особенною любовью обращаемся мы къ Востоку, откуда сначала пришло спасеніе всему міру. Именно ожиданіе исполненія нашего желанія внушаетъ намъ радостную надежду, что недалеко то время, когда знаменитыя живою вѣрою и древнею славою церкви восточныя возвратятся туда же, откуда удалились. Это тѣмъ болѣе, что онѣ отдѣляются не въ силу великаго разногласія: напротивъ, за исключеніемъ немногаго, мы настолько согласны съ ними во всемъ прочемъ, что при самой защитѣ католической вѣры мы нерѣдко заимствуемъ свидѣтельства и доводы изъ ученія, изъ нравовъ и обрядовъ, которыхъ держатся восточные. Главнымъ предметомъ ихъ разногласія съ нами является ученіе о первенствѣ римскаго первосвященника. Но пусть они обратятъ свои взоры къ первоначалу и увидятъ, что думали ихъ предки, что предалъ ближайшій къ первоначалу вѣкъ. И они ясно увидятъ оттуда, что божественное свидѣтельство Христа: „Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду церковь Мою“, вполнѣ относится къ римскимъ первосвященникамъ.

И въ рядѣ первосвященниковъ тѣ времена видѣли не мало лицъ, избранныхъ съ Востока, и прежде всего между ними были Анаклитъ, Еваристъ, Аникита, Елевоерій Агаѳонъ, Зосимъ, и изъ нихъ большинство даже пролитіемъ крови освятили мудро и свято совершавшееся ими управленіе вселенской христіанской республики. Ясно будетъ также, въ какое время, по какой причинѣ и по чьей винѣ произошло злополучное разногласіе. Раньше того времени, въ которое человѣкъ раздѣлилъ то, что сочеталъ Богъ, у всѣхъ народовъ христіанскаго міра было священнымъ имя апостольской каѳедры, и римскому первосвященнику, какъ законному преемнику блаж. Петра, а слѣдовательно и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, одинаково какъ Востокъ, такъ и Западъ повиновались единомысленно безъ всякаго сомнѣнія.

По этой же причинѣ, если посмотрѣть въ самый корень разногласія, самъ Фотій старался отправить въ Римъ ходатаевъ по своимъ дѣламъ, верховный же первосвященникъ Николай I посылалъ изъ города (Рима), не встрѣчая никакого противорѣчія, своихъ легатовъ въ Константинополь, чтобы они тщательно изслѣдовали дѣло патріарха Игнатія и сдѣлали полное и правдивое донесеніе апостольской каѳедрѣ; такъ что, вся исторія этого дѣла ясно подтверждаетъ первенство римской каѳедры, хотя по причинѣ этого именно дѣла и произошелъ тогда разладъ. Потомъ и на великихъ соборахъ Ліонскомъ 2-мъ и затѣмъ Флорентійскомъ, какъ всякому извѣстно, верховную власть римскихъ первосвященниковъ и латиняне, и греки безъ труда и единогласно признали, какъ догматъ.

Мы намѣренно припомнили эти обстоятельства, потому что въ нихъ заключается какъ бы приглашеніе къ возстановленію мира: тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы замѣчаемъ на Востокѣ гораздо болѣе снисходительное къ католикамъ отношеніе и даже извѣстную наклонность къ благоволенію. Это обнаружилось недавно, когда именно нашимъ приверженцамъ, ради благочестія отправлявшимся на Востокъ, были тамъ оказываемы добрыя услуги, со всѣми признаками человѣколюбія и дружбы.—Посему *наши уста открываются* къ вамъ, кто бы вы ни были, греческаго или другого восточнаго обряда, находящіеся въ разногласіи съ католическою церковью. Особенно мы желали бы, чтобы они обратили вниманіе на слѣдующую обращенную къ вашимъ отцамъ полную любви и важности рѣчь Виссаріона: „какой отвѣтъ дадимъ мы предъ Богомъ на вопросъ, почему мы были въ раздѣленіи съ братьями, для соединенія и приведенія которыхъ въ единое общество сходилъ съ неба самъ Христосъ, воплотился и былъ распятъ? Что будетъ для насъ оправданіемъ у нашего потомства? Не потерпимъ сего,

благороднѣйшіе отцы: не будемъ держаться этой мысли, не будемъ злосовѣтовать себѣ и всѣмъ нашимъ".

Эти наши предложенія разсмотрите какъ сами по себѣ, такъ и передъ Богомъ. Руководясь отнюдь не человѣческими интересами, а божественною любовью и желаніемъ общаго спасенія, мы убѣждаемъ васъ къ возсоединенію и союзу съ римской церковью; союзъ же разумѣемъ полный и совершенный: ибо таковымъ отнюдь не можетъ быть такое возсоединеніе, которое означаетъ ничто иное, какъ нѣкое извѣстное согласіе въ догматахъ вѣры и общеніе въ братской любви. Истинное единеніе между христіанами, какое установилъ и какого желалъ Основатель Церкви Іисусъ Христосъ, состоитъ въ единствѣ вѣры и управленія. Нѣтъ основанія для васъ опасаться, чтобы, вслѣдствіи этого соединенія, или мы, или наши преемники умалили что-нибудь изъ вашихъ правъ, патріаршихъ привилегій и обрядовыхъ установленій каждой церкви. Вѣдь, всегда было и постоянно будетъ въ намѣреніи и дисциплинѣ апостольской каѳедры правиломъ признавать полное значеніе за отличительными нравами и обычаями каждаго народа.

Въ случаѣ возстановленія общенія съ нами, сколько бы ваши церкви, по божественному милосердію, выиграли въ достоинствѣ, сколько бы въ благоприличіи! Да услышитъ же благосклонно Господь вашу собственную молитву: „утоли раздоры церковные" [1]), а также: „расточенныя собери, прельщенныя обрати и совокупи святѣй Твоей соборней и апостольстѣй церкви" [2]); да возстановитъ Онъ васъ въ единую и святую вѣру, которую исконная древность передала и намъ, и вамъ, которую ненарушимо хранили ваши отцы и предки, которую блескомъ добродѣтелей, и величіемъ ума, и превосходствомъ ученія озаряли Аѳанасій, Василій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ, оба Кирилла, а также и многіе другіе, слава которыхъ, по истинѣ, принадлежитъ той и другой церкви, какъ нѣкое общее достойное наслѣдіе.

Да будетъ позволено затѣмъ обратиться съ воззваніемъ и къ вамъ, славянскіе народы, о славѣ имени которыхъ свидѣтельствуютъ памятники совершенныхъ дѣлъ. Вы знаете, какую услугу оказали славянамъ святые въ вѣрѣ отцы Кириллъ и Меѳодій, память которыхъ мы сами постарались, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтить должною честью. Ихъ добродѣтели и труды были для многихъ народовъ вашего племени источникомъ цивилизаціи [3]) и спасенія. Вслѣдствіи этого, между славянами и римскими первосвященниками долго существовала превосходнѣйшая взаимность—съ одной стороны благодѣяній, а съ другой—вѣрноподданнической преданности. Такъ какъ печальная бѣдственность временъ отчуждила отъ римскаго исповѣданія большую часть вашихъ предковъ, то обсудите, какъ бы вамъ возвратиться къ единству. Церковь не перестаетъ призывать васъ въ свои объятія, предлагая вамъ многоразличный источникъ спасенія, благоденствія и величія.

Съ неменьшею любовью обращаемся мы къ народамъ, которые уже въ недавнее время, въ силу необычнаго стеченія обстоятельствъ и дѣлъ, отпали отъ римской церкви. Подвергая забвенію различныя обстоятельства временъ, пусть они вознесутся мыслью выше всего человѣческаго и, стремясь духомъ только къ истинѣ и спасенію, возвратятся къ установленной Христомъ церкви. Если бы они пожелали сопоставить съ нею свои общины и обсудить, какова въ нихъ религія, то легко сознали бы, что во многихъ отношеніяхъ, забывъ прежнее ученіе, они вдались въ различныя новыя заблужденія. Равно они не могутъ не признать, что изъ того наслѣдія древности, которое виновники

---

1) Παῦσον τὰ σχίσματα τῶν ἐκκλησιῶν (in liturg. S. Basilii).

2) Τοὺς εσκορπισμένους ἐπισυνάγαγε, τοὺς πεπλανμένους ἐπανάγαγε καὶ σύναψον τῇ ἁγίᾳ σοῦ καθολικῇ καί ἀποστολικῇ 'Εκκλησίᾳ (тамъ же).

3) Humanitas.

новшествъ унесли съ собою при отпаденіи, у нихъ почти не осталось никакой формулы вѣры, имѣющей какой-нибудь авторитетъ.

Дѣло дошло до того, что многіе не стѣсняются колебать самую основу, на которой единственно покоится вся религія и вся надежда смертныхъ, именно божественность Іисуса Христа Спасителя. Равнымъ образомъ, у книгъ Новаго и Ветхаго Завѣта, которыя по ученію церкви написаны по божественному вдохновенію, они теперь отрицаютъ всякій авторитетъ, что и неизбѣжно должно было послѣдовать, разъ каждому предоставлено право толковать ихъ по своему разуму и произволу. Отсюда совѣсть каждаго лица сдѣлалась единственнымъ руководителемъ и нормой жизни, причемъ отвергнуты всѣ другія правила дѣятельности; отсюда противорѣчащія между собою мнѣнія и разнообразныя секты, которыя часто переходятъ въ область натурализма или раціонализма. Посему, отчаявшись въ согласіи мнѣній, они проповѣдуютъ и рекомендуютъ только общеніе въ братской любви. Это и вѣрно, насколько всѣ мы должны быть соединены взаимною любовью; ибо этому особенно училъ Іисусъ Христосъ и хотѣлъ, чтобы взаимная любовь была признакомъ Его послѣдователей.

Но какимъ образомъ совершенная любовь можетъ сочетать умы, если вѣра не сдѣлаетъ согласными душъ? Вслѣдствіи сего, многіе изъ тѣхъ, о комъ мы говоримъ размышляя и заботясь объ истинѣ, находили правый путь жизни въ церкви и ясно понимали, что они не могутъ соединиться съ главою, т. е. Іисусомъ Христомъ, не принадлежа къ Его тѣлу, т. е. церкви; равно какъ не могутъ обладать искренней вѣрою во Христа, отрицая законное главенство надъ нею, переданное Петру и его преемникамъ. Они поняли также, что въ римской именно церкви проявился образъ и родъ истинной церкви, что́ можно видѣть по даннымъ отъ Бога яснымъ указаніямъ; отсюда, между ними много такихъ, которые, обладая проницательнымъ сужденіемъ и острѣйшимъ умомъ къ изслѣдованію древности, превосходными сочиненіями подтверждали преемство римской церкви отъ апостоловъ, непреложность ея догматовъ и постоянство ея дисциплины.

Итакъ, имѣя въ виду примѣръ сихъ мужей, не столько наша рѣчь, сколько нашъ духъ, призываетъ васъ, братія наши, которые уже три вѣка разъединены съ нами въ христіанской вѣрѣ, равно какъ и васъ, которые и потомъ, по какой бы то ни было причинѣ, отдѣлились отъ насъ,—„постараемся пріити въ единство вѣры и познаніе Сына Божія“ [1]). Къ этому-то единству, которое никогда не отсутствовало въ католической церкви, да и не можетъ быть никакого основанія для его отсутствія, позвольте намъ пригласить васъ и любовно протянуть вамъ правую руку. Общая наша мать церковь уже давно призываетъ васъ къ себѣ; всѣ католики съ братскою любовью ожидаютъ васъ, чтобы вы, въ совершенной любви соединенные съ нами исповѣданіемъ единаго Евангелія, единой вѣры, единой надежды, свято съ нами чтили Бога.

Въ завершеніе нашего желанія касательно единенія, намъ остается обратиться съ рѣчью къ тѣмъ, о спасеніи которыхъ, гдѣ бы они ни находились по всему земному шару, давно мы печемся въ своихъ мысляхъ и заботахъ: разумѣемъ католиковъ, которыхъ исповѣданіе римской вѣры дѣлаетъ какъ-бы подданными [2]) апостольской каѳедры и такимъ образомъ содержитъ ихъ въ единеніи съ Іисусомъ Христомъ. Хотя и нѣтъ надобности призывать ихъ къ истинному и святому единству, въ которомъ они, по божественной благости, уже состоятъ, но ихъ нужно увѣщевать въ томъ, чтобы они, подвергаясь какимъ-либо опасностямъ, по своей безпечности или невѣдѣнію не погубили ввѣреннаго имъ высшаго дара Божія. Вслѣдствіи этого, мы не разъ издавали католическимъ народамъ, какъ всѣмъ вмѣстѣ, такъ и въ отдѣльности, различныя посла-

---

[1]) Ефес. IV, 13.

[2]) Uti obedientes.

нія, въ которыхъ они могутъ находить руководство для мысли и дѣйствія; и особенно пусть они ставятъ себѣ верховнымъ закономъ то, чтобы, не тяготясь управленіемъ и властью церкви, не съ недовѣріемъ, но со всею душою и съ доброю волею повиноваться ей во всѣхъ дѣлахъ.

Въ этомъ отношеніи пусть они поймутъ, какъ было пагубно для христіанскаго единенія то, что ложныя идеи могли омрачить и даже во многихъ умахъ искоренить истинное понятіе о церкви. Церковь, по волѣ и установленію ея Основателя, Бога, есть общество въ своемъ родѣ совершенное: общество, назначеніе и должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы внушать роду человѣческому начала и установленія евангельскія, охранять чистоту нравовъ и совершеніе христіанскихъ добродѣтелей, и чрезъ это приводить всѣхъ людей къ предопредѣленному имъ небесному блаженству.

Такъ какъ она есть общество, какъ мы сказали, совершенное, то она имѣетъ силу и источникъ жизни не заимствуемый извнѣ, но вложенный божественнымъ совѣтомъ въ самую ея природу. По этой причинѣ, она имѣетъ свойственную ей власть законовъ, въ исполненіи которыхъ она не должна подчиняться никому, подобно тому какъ и въ другихъ отношеніяхъ ей надлежитъ быть свободной.

Эта свобода, однако, не такого рода, чтобы могла давать мѣсто соперничеству и зависти; ибо церковь не злоупотребляетъ могуществомъ, не руководится какою-либо алчностью, но стремится къ тому и единственно желаетъ того, чтобы обезпечивать людямъ исполненіе добродѣтелей и такимъ образомъ направлять ихъ къ вѣчному спасенію. Отсюда она имѣетъ обыкновеніе допускать послабленіе и материнскую снисходительность; кромѣ того, нерѣдко она вынуждается, въ виду треволненій въ государствахъ, воздерживаться отъ своего права, о чемъ обильно свидѣтельствуютъ ея договоры, часто заключавшіеся съ государствами.

Нѣтъ ничего ей болѣе чуждаго, какъ посягать на права государства; но и государство, въ свою очередь, должно уважать права церкви, должно остерегаться хотя одну часть ихъ присвоять къ себѣ.—Между тѣмъ, если мы разсмотримъ состояніе вещей, то каково теперешнее направленіе временъ? Многіе привыкли относиться къ церкви съ подозрѣніемъ, съ презрѣніемъ, съ ненавистью и завистью; и что еще болѣе печально, они прибѣгаютъ ко всякимъ способамъ и усиліямъ, чтобы сдѣлать ее рабой гражданскаго правительства. Отсюда отнятіе отъ нея имуществъ и стѣсненіе ея свободы; отсюда созданіе всякихъ затрудненій для кандидатовъ священства, исключительно суровые законы для духовенства, закрытіе и запрещеніе (монашескихъ) обществъ, составляющихъ источникъ христіанскаго назиданія; однимъ словомъ, возобновленіе и даже усиленіе всѣхъ началъ и дѣйствій *регалистовъ* [1]). Это значитъ посягать на святѣйшія права церкви и въ то же время подготовлять обществамъ плачевныя катастрофы, потому что это значитъ открыто противиться намѣреніямъ Божіимъ. Вѣдь Богъ, Начальникъ и Творецъ міра, въ Своемъ промышленіи далъ собранію людей и гражданскую, и духовную власть, постановивъ, чтобы они всегда оставались отдѣльными, и запретивъ всякій раздоръ и всякое столкновеніе между ними. Мало того, не только воля самого Бога, но и общее благо человѣческаго общества требуетъ, чтобы гражданская власть въ дѣлахъ управленія согласовалась съ церковною. Отсюда, если у государства есть свои собственныя права и обязанности, то то же самое и у церкви; но имъ необходимо быть соединенными узами согласія другъ съ другомъ.

Итакъ, пусть же церковь и государство устранятъ отъ себя существующія теперь взаимныя несогласія, печальныя по самому своему существу и пагубныя для всякихъ благъ: пусть граждане стремятся къ тому, чтобы, не смѣшивая и не разъединяя правъ того и другого, воздавать Кесарево Кесарю и Божіе Богу.

---

[1]) Regalistarum.

Но великая опасность для единства угрожаетъ также и отъ того общества людей, которое называется масонскимъ, и мрачная сила котораго уже давно угнетаетъ особенно народы католическіе. Пользуясь смутностью временъ, гордое своими силами и успѣхами, оно старается еще крѣпче упрочить свое господство и шире распространить свою дѣятельность. Уже изъ мрака и темныхъ засадъ оно выступило на свѣтъ въ жизнь и расположилось даже въ самомъ нашемъ городѣ, главѣ католическаго имени, какъ бы издѣваясь надъ религіей Божіей. Но что особенно печально, такъ это то, что куда бы оно ни ступило, оно повсюду проникаетъ во всѣ классы и во всѣ учрежденія государства, чтобы захватить и тамъ верховную власть.

Бѣдственно это особенно потому, что и зловредность его мнѣній, и нечестіе его совѣтовъ вполнѣ извѣстны. Подъ видомъ защиты человѣческихъ правъ и гражданскаго общества, оно враждебно относится къ христіанскому имени, отвергаетъ преданное Богомъ ученіе, поноситъ учрежденія благочестія, божественныя таинства и другія священныя установленія, называя ихъ суевѣрными; въ отношеніи брака, семейства, воспитанія юношей и всякой частной и общественной дисциплины старается отнять у нихъ христіанскую форму и изъ души народовъ изгнать всякое уваженіе къ человѣческой и божественной власти. Оно учитъ, что нужно покланяться самому человѣку и цѣнить его только принципы, все направляя къ истинѣ, честности и справедливости.

Въ такомъ случаѣ, какъ очевидно, человѣкъ возвращается къ правамъ и привычкамъ жизни почти язычниковъ, если только не къ худшимъ отъ усилившихся соблазновъ.—Поэтому, хотя мы и неоднократно уже говорили объ этомъ, апостольская бдительность побуждаетъ насъ еще и еще настаивать и убѣждать въ томъ, что, въ виду настоящей опасности, нѣтъ такихъ предосторожностей, принимать которыя было бы излишне. Милосердый Богъ да предотвратитъ эти злыя козни: пусть же почувствуетъ и уразумѣетъ христіанскій народъ, что нужно же когда-нибудь свергнуть недостойное иго этой секты, и пусть особенно позаботятся о томъ тѣ, кто болѣе угнетены ею, именно итальянцы и французы. Какимъ оружіемъ и какимъ способомъ лучше всего могли бы они достигнуть этого, мы уже показывали: побѣда не можетъ быть сомнительною для вѣрныхъ, во главѣ съ тѣмъ Вождемъ, божественный голосъ отораго гласитъ: „Я побѣдилъ міръ“ [1]).

Когда будетъ устранена эта двойная опасность, и государства придутъ къ единству вѣры, сколько получится дѣйствительныхъ средствъ для борьбы со зломъ и какое будетъ богатство благъ! Укажемъ главныя изъ нихъ.

Прежде всего, укажемъ то, что относится къ достоинству и правамъ церкви. Церковь заняла бы должный ей рангъ чести и, свободная и уважаемая, она шествовала бы своимъ путемъ, распространяя вокругъ себя евангельскую истину и благодать; и это принесло бы особенное благоденствіе государствамъ. Вѣдь, она, будучи управительницей и назначенною отъ Бога водительницею рода человѣческаго, наилучше умѣетъ дѣйствовать, сообразно съ разными переворотами временъ, къ общему благу, давать истинное разрѣшеніе самымъ сложнымъ вопросамъ, способствовать царству права и справедливости, какъ самымъ твердымъ основамъ общества.

Тогда между народами произошло бы славное взаимообщеніе, желательное особенно въ настоящее время, чтобы предотвращать ужасы войнъ.—Мы имѣемъ предъ очами положеніе Европы. Уже много лѣтъ она живетъ скорѣе кажущимся миромъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. При взаимныхъ подозрѣніяхъ, почти всѣ народы соперничаютъ между собою въ приготовленіи военнаго оружія. Юношество, этотъ незрѣлый возрастъ, находится внѣ надзора и вліянія родителей, среди опасностей военной жизни. Сильная мо-

[1]) Іоан. XVI, 33.

лодежь похищается у полевыхъ работъ, у благородныхъ занятій, у торговли, у искусствъ и на много лѣтъ предана военному ремеслу.

Отсюда огромные расходы и истощеніе государственной казны, отсюда уронъ для богатства частныхъ лицъ, и уже теперь положеніе дошло до того, что дольше нельзя выносить этого какъ бы вооруженнаго мира. Таково-ли по своей природѣ должно быть гражданское общество людей? А избавиться отъ этого и получить миръ, достойный своего имени, мы не можемъ иначе, какъ по милосердію Іисуса Христа. Вѣдь, подавить честолюбіе, алчность, духъ соперничества, этотъ тройкій очагъ, гдѣ обыкновенно загорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели и особенно справедливость; поэтому, чтобы узы братства были закрѣплены и утверждены, весь міръ пусть убѣдится въ томъ, что „праведность возвышаетъ народы“ [1]).

Равнымъ образомъ и внутри этотъ источникъ общественнаго спасенія былъ бы болѣе вѣренъ и дѣйствителенъ, чѣмъ тотъ, какой даютъ законы и оружіе. Всякій видитъ, какъ ежедневно возрастаютъ опасности, угрожающія жизни гражданъ и спокойствію государствъ, когда общества мятежниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ постоянная жестокость, дѣлаютъ заговоры для ниспроверженія и разрушенія государствъ. Съ великою горячностью теперь обсуждается двоякій вопросъ, такъ называемый соціальный и политическій. Тотъ и другой чрезвычайно важны. Но, чтобы рѣшить ихъ мудро и согласно съ справедливостью, какъ бы ни были похвальны науки, опыты и принимаемыя мѣры, ничто не можетъ сравниться съ христіанской вѣрой, пробуждающей въ душѣ народа чувство долга и дающей ему мужество приводить его въ исполненіе.

Соціальный вопросъ обсуждался нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ на основаніи началъ, заимствованныхъ изъ Евангелія, а также и изъ естественнаго разума.—Что касается вопроса политическаго, то для примиренія свободы и власти, которыя слишкомъ смѣшиваются въ понятіи и неумѣренно раздѣляются на дѣлѣ, можетъ дать особенно полезныя въ немъ указанія христіанская философія. Ибо, установивъ одобренное по общему согласію положеніе, что, какова бы ни была форма государственнаго правленія, власть установлена отъ Бога, самый разумъ признаетъ, что однимъ болѣе принадлежитъ законное право повелѣвать, а другимъ—обязанность повиноваться, и это не противно достоинству, потому что здѣсь повиновеніе оказывается скорѣе Богу, чѣмъ человѣку; а Богъ особенно строгій судъ произноситъ надъ начальствующими, если они не управляютъ согласно съ правомъ и справедливостью.

Да и свобода отдѣльныхъ лицъ не была бы ни для кого предметомъ подозрѣнія и зависти, потому что, никому не вредя, она вращалась бы въ томъ, что справедливо, что согласно съ общественнымъ спокойствіемъ.—Наконецъ, если принять во вниманіе, что можетъ сдѣлать церковь въ качествѣ матери и примирительницы между народами и государями, созданной для того, чтобы своею властью и своими совѣтами помогать и тѣмъ, и другимъ, то будетъ понятно, какъ важно, чтобы всѣ народы, въ отношеніи христіанской вѣры, одинаково мыслили и одинаково исповѣдывали. Размышляя объ этомъ и всею душею стремясь къ этому, мы въ отдаленіи созерцаемъ, каковъ былъ бы на землѣ порядокъ вещей, и не знаемъ, что можетъ быть пріятнѣе созерцанія имѣющихъ послѣдовать отсюда благъ. Едва-ли умъ можетъ вообразить себѣ, какое направленіе получила бы жизнь народовъ въ смыслѣ блага и благосостоянія, когда бы прочно утвердились миръ и спокойствіе, — литература была бы благопріятствуема въ своемъ развитіи, между земледѣльцами, рабочими и промышленниками основались бы на указанныхъ нами христіанскихъ началахъ новыя общества, въ силу которыхъ устранено было бы хищническое ростовщичество, и расширилось бы поприще для полезныхъ трудовъ.

---

[1]) Притч. XVI, 34.

Сила этихъ благодѣяній не ограничилась бы предѣлами цивилизованныхъ и образованныхъ народовъ, а разливалась бы далеко и широко, какъ самый обильный потокъ. Вѣдь, нужно принять во вниманіе, какъ мы уже сказали въ началѣ, что еще безконечно много такихъ народовъ, которые цѣлые вѣка ожидаютъ, отъ кого бы получить имъ свѣтъ истины и цивилизаціи. Конечно, въ томъ, что касается вѣчнаго спасенія людей, совѣты божественной мудрости сокрыты отъ разума человѣческаго; тѣмъ не менѣе если и доселѣ зловредное суевѣріе разлито по различнымъ пространствамъ земли, то это нужно приписать отчасти злополучнымъ раздорамъ касательно религіи.

Насколько можетъ судить по событіямъ разумъ человѣческій, кажется очевиднымъ, что на Европу именно Богъ возложилъ обязанность мало-по-малу распространять по землѣ блага христіанской цивилизаціи. Начала и успѣхи этого благого дѣла, наслѣдія прежнихъ вѣковъ, продолжали счастливо умножаться, какъ въ XVI вѣкѣ неожиданно разразилось разногласіе. Христіанское имя раздиралось въ спорахъ и преніяхъ; Европа истощала свои силы въ борьбѣ и ужасныхъ войнахъ, и вслѣдствіи этого тревожнаго времени апостольскимъ трудамъ нанесенъ былъ роковой ущербъ. Если уже между нами происходятъ разногласія, то удивительно-ли, что наибольшая часть людей еще предается безчеловѣчнымъ обычаямъ и обрядамъ, осуждаемымъ разумомъ?

Будемъ же всѣ съ одинаковымъ рвеніемъ стараться о томъ, чтобы возстановилось древнее согласіе ради общаго блага. Для возстановленія этого согласія, равно какъ и для распространенія Евангелія, переживаемое нами время кажется особенно благопріятнымъ вслѣдствіи того, что въ умахъ съ особенною силою живетъ сознаніе человѣческаго братства, и никогда ни въ какомъ вѣкѣ человѣкъ не стремился съ такимъ стараніемъ къ тому, чтобы узнать подобныхъ себѣ и придти имъ на помощь; поѣзда и корабли съ невѣроятною быстротою пробѣгаютъ огромныя пространства земли и моря представляя неоцѣнимыя удобства не только для торговли и изслѣдованій ученыхъ, но также и для распространенія слова Божія отъ востока до запада солнца.

Мы знаемъ, что потребуются долгіе и тяжелые труды, прежде чѣмъ возникнетъ тотъ порядокъ вещей, установленія котораго мы желаемъ: быть можетъ, не будетъ недостатка и въ тѣхъ, которые думаютъ, что мы слишкомъ предаемся надеждѣ и стремимся къ тому, чего скорѣе можно желать, чѣмъ ожидать. Но мы всю свою надежду и все свое упованіе возлагаемъ на Спасителя человѣческаго рода, Іисуса Христа, памятуя, что въ древности совершено было безуміемъ Креста и его проповѣди предъ лицемъ смущенной и пораженной *мудрости міра сего.* Мы особенно просимъ государей и главъ государствъ, чтобы они, во имя своего гражданскаго благоразумія и добраго попеченія о народахъ, искренно оцѣнили наши совѣты и посодѣйствовали имъ своимъ благоволеніемъ и своею властью. Если бы даже совершилась только часть желаемыхъ плодовъ, то это было бы уже немалое благодѣяніе—въ виду столь быстраго упадка во всемъ, когда недовольство настоящимъ соединяется съ опасеніемъ за будущее.

Конецъ прошлаго вѣка оставилъ Европу утомленною своими бѣдствіями, еще трепещущею отъ волновавшихъ ее потрясеній. Настоящій вѣкъ, приближающійся къ своему концу, не оставитъ-ли, наоборотъ, въ наслѣдство человѣческому роду залогъ согласія съ надеждой на лучшія блага, которыя содержатся въ единствѣ христіанской вѣры?

Да содѣйствуетъ же нашимъ желаніямъ и ожиданіямъ богатый милостію Богъ, во власти котораго находятся времена и лѣта, и благостнѣйше да поспѣшитъ исполнить оное божественное обѣтованіе Іисуса Христа, чтобы было „едино стадо и единъ Пастырь“ [1]).

Дано въ Римѣ, изъ Ватикана, въ 20-й день іюня MDCCCXCIV года, первосвященства нашего въ 17-й годъ.

Левъ папа XIII.

---

[1]) Іоан. X, 16.

ОКРУЖНОЕ ПАТРІАРШЕЕ И СѴНОДАЛЬНОЕ ПОСЛАНІЕ

къ священнѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ во Христѣ братіямъ митрополитамъ и епископамъ, священному и благоговѣйному ихъ клиру и всей благочестивой православной паствѣ святѣйшаго апостольскаго и патріаршаго Константинопольскаго престола.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.

Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже, и во вѣки. Въ ученія странна и различна не прилагайтеся.

(*Евр. 13, 7—9*).

1. Глубокою скорбью и великою печалью объемлется сердце каждаго благочестиваго православнаго человѣка, искренно ревнующаго о славѣ Божіей, когда онъ видитъ, какъ ненавистникъ добра, человѣкоубійца искони, завидуя нашему спасенію, не перестаетъ сѣять на нивѣ Господней разные плевелы, чтобы заглушить пшеницу. Отъ него и прежде произрастали въ Церкви Божіей еретическіе плевелы, которые многоразлично вредили и продолжаютъ вредить спасенію во Христѣ человѣческаго рода, и которые, какъ худые ростки и гнилые члены, справедливо отсѣкаются отъ здороваго тѣла православной каѳолической Церкви Христовой. Въ послѣдующія же времена врагъ отторгъ отъ православной Христовой Церкви и цѣлые народы Запада, внушивъ епископамъ Рима духъ чрезмѣрнаго тщеславія, породившаго разныя незаконныя и противныя Евангелію новшества. Но этого мало: римскіе папы всячески усиливаются при удобномъ случаѣ вовлечь въ свои заблужденія и каѳолическую, непоколебимо на Востокѣ пребывающую въ отцепреданной православной вѣрѣ, Христову Церковь, неразумно преслѣдуя измышленное ими единеніе.

2. Такъ, нынѣшній папа римскій его блаженство Левъ XIII, по случаю своего епископскаго юбилея, издалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года окружное посланіе къ государямъ и народамъ всего міра, въ которомъ, между прочимъ, призываетъ и нашу православную соборную и апостольскую Христову Церковь къ единенію съ папскимъ престоломъ, понимая это единеніе такъ, что оно можетъ осуществиться только чрезъ признаніе папы высшимъ архіереемъ, высочайшимъ духовнымъ и свѣтскимъ головою всей Церкви, единымъ намѣстникомъ Христа на землѣ и раздаятелемъ всякой благодати.

3. Конечно, каждый христіанинъ долженъ желать единенія церквей; особливо же весь православный міръ, одушевляемый духомъ истиннаго благочестія, согласно божественной цѣли учрежденія Богочеловѣкомъ Христомъ Спасителемъ святой Церкви, пламенно желаетъ единенія церквей въ одномъ правилѣ вѣры, на основаніи апостольскаго и отеческаго ученія, *сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Еф. 2, 20). Посему и молимся мы постоянно на общихъ ко Господу моленіяхъ: *разсѣянныя собери, заблудшія на путь правый обрати*, на тотъ путь, который одинъ ведетъ къ Животу всяческихъ, Единородному Сыну и Слову Божію Господу нашему Іисусу Христу (Іоан. 14, 6). Согласно священному сему желанію, наша православная Христова Церковь всегда охотно готова отозваться на всякое предложеніе о соединеніи, если бы только римскій епископъ разъ навсегда отвергъ всѣ допущенныя въ его церкви многочисленныя и разнообразныя, противныя Евангелію, новшества, вызвавшія печальное раздѣленіе церквей Востока и Запада, возвратился бы къ основоположеніямъ святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, которые, какъ собиравшіеся подъ водительствомъ Святаго Духа изъ представителей всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей для опредѣленія православнаго ученія

вѣры против еретиковъ, имѣютъ всеобщее и вѣчное значеніе въ Христовой Церкви. На это постоянно и въ сочиненіяхъ, и въ окружныхъ посланіяхъ указывалось папской церкви и со всею обстоятельностью выяснилось, что до тѣхъ поръ, пока она остается при своихъ новшествахъ,—православная же Церковь слѣдуетъ божественнымъ и апостольскимъ преданіямъ и установленіямъ девяти первыхъ вѣковъ христіанства, втеченіи которыхъ и церкви Запада еще исповѣдывали одну общую вѣру и пребывали въ единеніи съ церквами Востока,—всякая рѣчь о соединеніи будетъ пустой и тщетной. Посему и молчали мы доселѣ и не обращали вниманія на папскую энциклику, считая безполезнымъ говорить къ тѣмъ, которые не хотятъ насъ слушать. Однако, съ нѣкотораго времени папская церковь, совершенно оставивъ путь убѣжденія и разсужденій, начала, къ общему изумленію и недоумѣнію, привлекать въ свои сѣти болѣе простыхъ православныхъ христіанъ чрезъ посредство „лукавыхъ дѣлателей“, видъ апостоловъ Христовыхъ на себя принимающихъ (2 Кор. 11, 13), посылаетъ на Востокъ своихъ духовныхъ лицъ, носящихъ одежду православныхъ іереевъ, и замышляетъ многія другія коварныя мѣры для достиженія своихъ прозелитскихъ цѣлей. Вслѣдствіи сего мы сочли священнымъ своимъ долгомъ издать это патріаршее и синодальное окружное посланіе, чтобы оградить отъ опасности православную вѣру и благочестіе, зная, что „охраненіе истинныхъ каноновъ составляетъ долгъ всякаго ревностнаго христіанина, въ особенности же тѣхъ, кто поставленъ Провидѣніемъ управлять другими“ [1]).

4. Священное и искреннѣйшее желаніе святой соборной и православной апостольской Церкви Христовой—чтобы, какъ выше было сказано, отдѣлившіяся отъ нея церкви опять соединились съ ней въ одномъ правилѣ вѣры; безъ таковаго единенія въ вѣрѣ не можетъ быть и вожделѣннаго единенія церквей. Если же это такъ, то мы по истинѣ недоумѣваемъ, какъ блаженнѣйшій папа Левъ XIII, признающій и самъ означенную истину, допускаетъ явное себѣ самому противорѣчіе, съ одной стороны, заявляя, что истинное единеніе заключается въ единствѣ вѣры, съ другой,—что каждая церковь и послѣ соединенія можетъ сохранять свои догматическія и каноническія опредѣленія, хотя бы эти послѣднія и отличались отъ опредѣленій папской церкви, какъ это видно изъ позднѣйшей энциклики самого папы, отъ 30 ноября 1894 г. Но какое это будетъ единеніе, когда въ одной и той же церкви одинъ станетъ вѣровать, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, другой,—что Духъ Святый исходитъ отъ Отца *и Сына*, одинъ будетъ крестить въ три погруженія, другой — обливать, одинъ — употреблять квасный хлѣбъ въ таинствѣ божественной Евхаристіи, другой—опрѣсноки, одинъ будетъ преподавать народу и чашу, другой—только святый хлѣбъ и т. п. Что побуждаетъ папу допускать такое разногласіе, уваженіе ли къ евангельскимъ истинамъ святой Церкви Христовой, косвенная ли съ его стороны уступка и признаніе этихъ истинъ или что другое, сказать не можемъ.

5. Какъ бы, однако, ни было, для осуществленія благочестиваго желанія единенія церквей, первѣе всего, необходимо опредѣлить одно общее начало и основаніе. Такимъ непоколебимымъ общимъ началомъ и основаніемъ можетъ быть ничто иное, какъ ученіе Евангелія и седми святыхъ Вселенскихъ Соборовъ. Обращаясь, затѣмъ, къ этому ученію, общему восточнымъ и западнымъ церквамъ до ихъ раздѣленія, мы должны чистосердечно изслѣдовать, чтобы узнать истину, во что вѣровала тогда и на Востокѣ, и на Западѣ единная святая соборная и апостольская православная Христова Церковь, и это содержать во всей чистотѣ и неизмѣнности. Все же, что въ позднѣйшія времена прибавлено или убавлено, священный и непремѣнный долгъ каждаго—если только онъ искренно ищетъ славы Божіей больше, чѣмъ славы собственной—исправлять таковое въ духѣ благочестія, потому что тяжкое осужденіе пріиметъ предъ судищемъ нелице-

[1]) Посл. Фот. 3, § 10.

пріятнаго Судіи Христа тотъ, кто по тщеславію упорно пребываетъ въ извращеніи истины. Говоря это, мы отнюдь не имѣемъ въ виду разностей, касающихся устава священныхъ чинопослѣдованій и пѣснопѣній или священныхъ одеждъ и т. п., каковыя разности, имѣвшія мѣсто и въ древности, нисколько не вредятъ существу и единству вѣры; но мы имѣемъ въ виду тѣ существенныя разности, которыя касаются богопреданныхъ догматовъ вѣры и богоустановленнаго каноническаго строя церковнаго управленія. „Если отступленія не касаются вѣры, говоритъ святитель Фотій, или какого-нибудь общаго соборнаго опредѣленія, напримѣръ, когда одни держатся такихъ порядковъ и обычаевъ, другіе—иныхъ, то, правильно разсуждая, должно признать, что и тѣ, которые хранятъ извѣстный обычай, не дѣлаютъ ничего несправедливаго, и тѣ, которые не имѣютъ его, не погрѣшаютъ“ [1]).

6. Ради священной цѣли единенія, восточная православная каѳолическая Христова Церковь готова всецѣло принять, если бы что оказалось ею поврежденнымъ или оставленнымъ изъ того, что до девятаго вѣка согласно исповѣдывалось церквами Востока и Запада; и если, на основаніи ученія божественныхъ отцовъ и богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ, западные докажутъ намъ, что до девятаго вѣка Римская церковь—тогда еще православная—читала сѵмволъ вѣры съ прибавкой, или употребляла опрѣсноки, или держалась ученія о чистилищѣ, употребляла обливаніе вмѣсто погруженія, учила о непорочномъ зачатіи Приснодѣвы, о свѣтской власти, непогрѣшимости и главенствѣ римскаго епископа,—мы ничего тогда сказать не имѣемъ. Если же, наоборотъ, съ ясностью окажется, какъ и сами любящіе истину изъ латинянъ признаютъ, что восточная и православная каѳолическая Христова Церковь содержитъ тѣ самые древлепреданные догматы, которые нѣкогда исповѣдывались одинаково и на Востокѣ, и на Западѣ, и что Римская Церковь повредила эти догматы разными нововведеніями, тогда и для младенцевъ станетъ яснымъ, что самый естественный путь къ единенію есть возвращеніе Римской церкви къ древнимъ догматамъ и древнему устройству церковнаго управленія. Ибо вѣра отнюдь не измѣняется временемъ или обстоятельствами, но остается всегда и вездѣ одною и тою же: *едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единѣмъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Ефес. 4, 4—6).

7. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ вѣровала и опредѣлила согласно съ евангельскими изреченіями, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Но на Западѣ съ IX уже вѣка сталъ мало-по-малу подвергаться порчѣ священный сѵмволъ вѣры, составленный и утвержденный Вселенскими Соборами, и самочинно стало распространяться ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Безъ сомнѣнія, папа Левъ XIII хорошо знаетъ, что православный его предшественникъ и соименный ему защитникъ истинной вѣры, Левъ III на соборѣ 809 года отвергъ и осудилъ эту незаконную и противную Евангелію прибавку „и отъ Сына“ (filioque), причемъ велѣлъ начертать на двухъ серебряныхъ доскахъ—по гречески и по латыни—подлинный, безъ всякихъ прибавленій, священный сѵмволъ вѣры перваго и второго Вселенскихъ Соборовъ, съ такою надписью: haec Leo posui amore et cautela fidei orthodoxae [2]).

---

[1]) Посл. Фот. 3, § 6.

[2]) См. Анастасія пресв. и библіот. въ Римѣ: Vita Leonis III—въ жизнеописаніяхъ папъ. Святитель Фотій, вспоминая объ этой достопамятной дѣятельности православнаго римскаго папы Льва III противъ неправомыслящихъ, говоритъ въ посланіи къ митрополиту Аквилейскому: „оставляю бывшихъ раньше, но вотъ Левъ, епископъ римскій, тотъ, который былъ въ древности, и другой позднѣйшій показали себя единомысленными съ каѳолической апостольской Церковью, бывшими до нихъ святыми епископами и апостольскими установленіями. Первый оказалъ большое содѣйствіе святому четвертому Вселенскому Собору, чрезъ посланныхъ имъ представителей и чрезъ свое посланіе, въ которомъ были обличены Несторій и Евтихій; въ немъ же и о Духѣ Святомъ возвѣстилъ, согласно съ бывшими раньше соборными опредѣленіями, что Онъ исходитъ

Безъ сомнѣнія, знаетъ онъ также, что только въ X или въ началѣ XI в. эта незаконная и противная Евангелію прибавка къ священному символу вѣры была принята, наконецъ, и въ Римѣ; и слѣдовательно, Римская церковь, упорствующая въ своихъ новоизмышленіяхъ и не хотящая обратиться къ ученію Вселенскихъ Соборовъ, подлежитъ всецѣло суду предъ единой святой соборной и апостольской Христовой Церковію, которая твердо держится отеческаго ученія и вѣрно хранитъ во всемъ преданный ей залогъ вѣры, повинуясь апостольской заповѣди: *доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ живущимъ въ насъ* (2 Тим. 1, 14), *уклоняяся скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, о немже нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша* (1 Тим. 6, 20).

8. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ совершала крещеніе чрезъ три погруженія въ водѣ; папа Пелагій называетъ троекратное погруженіе установленіемъ Господнимъ, и еще въ XIII вѣкѣ совершалось на Западѣ крещеніе чрезъ три погруженія: объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ древнихъ храмахъ Италіи священныя крещальни. Но въ позднѣйшія времена введено было въ папской церкви кропленіе и обливаніе, и это нововведеніе она содержитъ доселѣ, еще болѣе расширяя вырытую ею пропасть раздѣленія. Мы же, православные, пребывая вѣрными апостольскому преданію и церковной практикѣ седми Вселенскихъ Соборовъ, „вступили въ подвигъ за общее достояніе, за отеческое сокровище здравой вѣры“ [1]).

9. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, по примѣру Спасителя нашего, болѣе тысячи лѣтъ на Востокѣ и Западѣ совершала божественную Евхаристію на квасномъ хлѣбѣ, какъ признаютъ это и уважающіе истину западные богословы. Но папская церковь съ XI вѣка ввела у себя новшество— употребленіе въ таинствѣ божественной Евхаристіи *опрѣсноковъ*.

10. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ приняла, что честные Дары освящаются послѣ молитвы призыванія Святаго Духа чрезъ благословеніе іерейское, какъ свидѣтельствуютъ и древне-римскія и галльскія чинопослѣдованія. Но впослѣдствіи папская церковь ввела новшество и здѣсь, самочинно усвоивъ мнѣніе объ освященіи честныхъ Даровъ при возглашеніи словъ Господа: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое* и *пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя* (Матѳ. 26, 26—28).

11. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, слѣдуя заповѣди Господа: *пійте отъ нея вси*, преподавала причастіе всѣмъ изъ святой чаши. Но папская церковь съ IX вѣка и впослѣдствіи ввела новшество и здѣсь, лишивъ міринъ святой чаши, вопреки установленію Господа, всеобщей практикѣ древней Церкви и яснымъ запрещеніямъ многихъ древнихъ православныхъ епископовъ Рима.

12. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, слѣдуя богодухновенному ученію Священнаго Писанія и идущему издревле апостоль-

---

отъ Отца, а не отъ Сына. Точно также равенъ сему по вѣрѣ, какъ и по имени, и другой—позднѣйшій Левъ. Онъ, пламенный ревнитель благочестія, для того, чтобы наше чистое ученіе благочестія не потерпѣло какого вреда и порчи отъ варварскаго языка, повелѣлъ на Западѣ словословить Святую Троицу и учить о Ней на первоначальномъ языкѣ—греческомъ. И онъ не ограничился только словомъ и приказаніемъ, но, сдѣлавъ двѣ доски, какъ бы два столпа, начерталъ на нихъ (символъ вѣры) и поставилъ на виду у всѣхъ, прибивъ къ церковнымъ дверямъ, чтобы каждому можно было легко и безошибочно научиться благочестію и не было бы никакой возможности тайной порчѣ и нововведеніямъ извращать христіанскую истину и вводить Сына, кромѣ Отца, какъ вторую причину исходящаго отъ Отца Духа, равночестнаго съ рожденнымъ отъ Отца Сыномъ. И не только сіи два святые мужа, просіявшіе на Западѣ, сохраняли вѣру древле-преданную: Церковь имѣетъ немалый сонмъ и другихъ провозвѣстниковъ истины на Западѣ“ (Фот. посл. 5, § 3).

[1]) Василія Великаго, посл. 243 (къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ).

скому преданію, призываетъ милость Божію и молится объ отпущеніи согрѣшеній и упокоеніи усопшихъ о Господѣ [1]). Папская же церковь, въ лицѣ папы, какъ нѣкоего единственнаго своего законодателя, съ XII в. и далѣе, измыслила множество новыхъ ученій: объ огнѣ чистилища, преизбыточествующихъ заслугахъ Святыхъ, раздаяніи ихъ грѣшникамъ и проч., допустивъ также ученіе о совершенномъ воздаяніи праведнымъ до общаго воскресенія и суда.

13. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ учитъ объ одномъ только чистомъ и непорочномъ, отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы, сверхъестественномъ зачатіи Единороднаго Сына и Слова Божія. Папская же церковь, лишь сорокъ лѣтъ тому назадъ, ввела новый догматъ о непорочномъ зачатіи Богородицы и Приснодѣвы Маріи, догматъ неизвѣстный древней Церкви, вызывавшій не разъ сильное опроверженіе даже со стороны выдающихся латинскихъ богослововъ.

14. Оставляя безъ вниманія эти образовавшіяся на Западѣ важныя и существенныя относительно вѣры разности между двумя церквами, его блаженство выставляетъ въ своей энцикликѣ важнѣйшею и будто бы единственною причиной раздѣленія вопросъ о главенствѣ римскаго епископа, причемъ отсылаетъ насъ къ источникамъ, чтобы мы изслѣдовали, какъ думали наши предки, и что завѣщали намъ первыя времена христіанства. Но, обращаясь къ отцамъ Церкви и Вселенскимъ Соборамъ первыхъ девяти вѣковъ, мы вполнѣ удостовѣряемся, что на епископа римскаго никогда не смотрѣли въ Церкви, какъ на высшую власть и непогрѣшимаго главу, ибо каждый епископъ есть глава и предстоятель своей частной церкви, подчиняющійся только *соборнымъ* опредѣленіямъ и рѣшеніямъ Церкви *вселенской*, какъ единственно непогрѣшимымъ, и, какъ показываетъ исторія церковная, епископъ римскій не составлялъ изъ этого правила исключенія. Единый же вѣчный Начальникъ и безсмертный Глава Церкви есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ибо *Той есть Глава тѣлу Церкве* (Кол. 1, 18). Онъ сказалъ божественнымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ при вознесеніи Своемъ на небеса: *се, Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). А апостолъ Петръ, котораго паписты произвольно выставляютъ основателемъ римской церкви и первымъ ея епископомъ, опираясь на „Псевдоклиментинахъ“, апокрифическомъ произведеніи втораго вѣка, въ Священномъ Писаніи изображается участвующимъ въ разсужденіяхъ на апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ, какъ равный съ равными; въ другой разъ онъ рѣзко обличается апостоломъ Павломъ, какъ это видно изъ посланія къ Галатамъ (2, 11—15). И то самое евангельское мѣсто, на которое ссылается римскій папа: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою* (Матѳ. 16, 18), какъ извѣстно, можетъ быть, и самимъ папистамъ, въ первые вѣка Церкви и преданіе, и всѣ безъ исключенія божественные и святые отцы изъясняли совершенно иначе и въ православномъ духѣ, толкуя оное въ переносномъ смыслѣ, что положенный въ основу непоколебимый камень, на коемъ Господь основалъ Свою Церковь, которой и врата адовы не одолѣютъ, есть *правое* Петрово *исповѣданіе* Господа: „Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго“ (Матѳ. 16, 16). На этомъ исповѣданіи и вѣрѣ зиждется спасительная Евангельская проповѣдь всѣхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Вотъ почему восхищенный на небеса апостолъ Павелъ, какъ бы изъясняя это изреченіе Господа, богодухновенно говоритъ: *по благодати Божіей, даннѣй мнѣ, яко премудръ архитектонъ основаніе положилъ, инъ же назидаетъ... основанія бо иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Корин. 3, 10—11). Въ другомъ мѣстѣ основаніемъ назданныхъ въ Христѣ вѣрующихъ, которые суть члены Тѣла Христова или Церкви (Колос. 1, 24), онъ называетъ всѣхъ вообще апостоловъ и пророковъ: *тѣмже убо ктому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ*

[1]) Матѳ. 26, 31. Евр. 11, 39. 2 Тим. 4, 8; 2 Маккав. 12, 48.

и пророкъ, сущу краеугольному Самому Іисусу Христу (Ефес. 2, 19—20). Но если таково богодухновенное апостольское ученіе объ основаніи и Главѣ Церкви Божіей, то вполнѣ естественно, что и святые отцы, твердо державшіеся преданій апостольскихъ, не могли учить о высшемъ главенствѣ апостола Петра и епископовъ римскихъ и давать какое-либо иное, совершенно неизвѣстное въ Церкви, противное истинѣ и православію, толкованіе вышеприведенному евангельскому мѣсту, равно не могли сами собою измыслить страннаго догмата о высшихъ преимуществахъ римскаго епископа, какъ преемника будто бы апостола Петра, тѣмъ болѣе, что апостолъ Петръ вовсе не былъ основателемъ Римской церкви: исторія ничего не знаетъ объ апостольской дѣятельности его въ Римѣ. Скорѣе церковь Римская основана была апостоломъ языковъ Павломъ, чрезъ его учениковъ; по крайней мѣрѣ апостольское служеніе его въ Римѣ опредѣлено извѣстно [1]).

15. Божественные отцы, уважая епископа Рима, какъ епископа главнаго въ имперіи города, признавали за нимъ преимущества чести передъ всѣми прочими епископами, но при этомъ смотрѣли на него просто какъ на перваго между ними епископа, т. е. перваго между равными. Эти преимущества впослѣдствіи усвоены были и епископу Константинополя, когда этотъ городъ сдѣлался столицей римскаго государства, какъ свидѣтельствуетъ 28 правило четвертаго Вселенскаго Халкидонскаго собора: „тожде самое постановляемъ и опредѣляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкве тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества, поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима". Изъ этого правила ясно, что епископъ Рима равенъ съ епископомъ Константинопольской церкви и съ епископами прочихъ церквей, но ни въ одномъ правилѣ и ни у кого изъ отцовъ нѣтъ даже ни малѣйшаго намека, что римскій папа есть единый глава всей Церкви, непогрѣшимый судія епископовъ другихъ независимыхъ и автокефальныхъ церквей, преемникъ апостола Петра и намѣстникъ Христа на землѣ.

16. Каждая въ отдѣльности автокефальная церковь на Востокѣ и Западѣ была совершенно независима и самостоятельна во времена седми Вселенскихъ Соборовъ [2]).— Какъ епископы автокефальныхъ церквей Востока, такъ и епископы Африки, Испаніи, Галліи, Германіи, Британіи управляли своими церквами чрезъ собственные помѣстные соборы; никакого права вмѣшательства римскій епископъ, который и самъ обязанъ былъ подчиняться соборнымъ рѣшеніямъ, не имѣлъ. А когда возникали важные вопросы, требовавшіе рѣшенія всей Церкви, созывался соборъ *вселенскій*, который одинъ всегда былъ и остается высшею въ Церкви властію. Таково древнее церковное устройство. По отношенію другъ къ другу епископы были независимы и, каждый въ своей области, совершенно самостоятельны, подчиняясь только соборнымъ постановленіямъ; на соборахъ они присутствовали какъ равные между собою. Никто изъ нихъ никогда не

---

[1]) Дѣян. 28, 15; Рим. 1, 9; 15, 15; 16 гл.; Филип. 1, 13.

[2]) Здѣсь вполнѣ приложимы слѣдующія два апостольскія правила: «епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи, и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе, и прославится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ» (Пр. 34; срав. пер. Всел. Соб. прав. 6 и 7, втор. Вс. Соб. пр. 2 и 3, третьяго—прав. 8, четверт. пр. 6, 36 и 39 и Антіох. пр. 9).

«Епископъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своея епархіи творити рукоположенія въ градѣхъ и въ селѣхъ, ему не подчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющихъ въ подчиненіи грады оные или села: да будетъ изверженъ и онъ, и поставленный отъ него» (пр. 35).

издавалъ единоличныхъ постановленій для всей Церкви. Если же иногда нѣкоторые честолюбивые епископы римскіе заявляли гордыя притязанія на неизвѣстное въ Церкви главенство, таковые встрѣчали надлежащее обличеніе и осужденіе. Итакъ, рѣшительнымъ и явнымъ заблужденіемъ оказывается то, на что ссылается Левъ XIII, говоря въ своей энцикликѣ, будто до времени великаго Фотія имя римскаго престола было свято для всѣхъ народовъ христіанскаго міра, и Востокъ, подобно Западу, единодушно и безпрекословно подчинялся римскому епископу, какъ законному—будто бы—преемнику апостола Петра и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ.

17. Втеченіи девяти вѣковъ Вселенскихъ Соборовъ восточная православная Церковь никогда не признавала надменныхъ притязаній римскихъ епископовъ на главенство, слѣдовательно, и не подчинялась ему, какъ это ясно показываетъ церковная исторія. Независимость Востока отъ Запада съ полною ясностью открывается изъ слѣдующихъ немногихъ, но знаменательныхъ словъ Василія Великаго, которыя написалъ онъ въ посланіи къ святому Евсевію, епископу Самосатскому. „Люди надменнаго нрава, когда имъ уступаютъ, дѣлаются еще большими презрителями. Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, какая будетъ намъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла, какъ оно есть, и не хотятъ его узнать: но предубѣжденные ложными подозрѣніями то же теперь дѣлаютъ, что прежде дѣлали касательно Маркелла“ (239). Вышеупомянутый Фотій, святый іерархъ Константинопольскій и свѣтило, защищая во второй половинѣ IX вѣка независимость Константинопольской церкви и провидя предстоящее извращеніе церковнаго строя на Западѣ и отпаденіе Запада отъ православнаго Востока, пытался сначала мирнымъ путемъ предотвратить опасность. Но епископъ римскій Николай своимъ, вопреки священнымъ канонамъ, вмѣшательствомъ въ дѣла Востока и рѣшительной попыткой подчинить себѣ Константинопольскую церковь, впервые довелъ дѣло до печальнаго разрыва между церквами. Первыя сѣмена такихъ безмѣрно-властолюбивыхъ притязаній папства были посѣяны въ „Псевдоклиментинахъ“, ко времени же упомянутаго Николая совершенно были воздѣланы въ такъ называемыхъ „Лжеисидоровыхъ декреталіяхъ“, которыя содержатъ въ себѣ собраніе частію подложныхъ, частію вымышленныхъ царскихъ указаній и посланій древнихъ римскихъ епископовъ и въ которыхъ, вопреки исторической истинѣ и установившемуся церковному строю, проводилась мысль, будто христіанская древность признавала за римскими епископами верховную власть надъ всей Церковью.

18. Съ душевною скорбію излагаемъ все это, поелику папская церковь, хотя и признаетъ уже порчу и подложность тѣхъ декреталій, на которыхъ основываются неограниченныя ея притязанія, однако, не только не возвращается къ канонамъ и опредѣленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, но и въ исходѣ вотъ уже XIX столѣтія, продолжая расширять существующую пропасть раздѣленія, открыто, къ удивленію всего христіанскаго міра, провозгласила непогрѣшимость римскаго епископа. Православная восточная и каѳолическая Христова Церковь, кромѣ неизреченно воплотившагося Сына и Слова Божія, никого другого не знаетъ, кто бы пребылъ на землѣ непогрѣшимымъ. Самъ апостолъ Петръ, преемникомъ котораго мнитъ себя папа, трижды отрекся отъ Господа; онъ же былъ обличаемъ апостоломъ Павломъ, какъ не право поступавшій въ отношеніи къ истинѣ Евангельской (Гал. 2, 11). Затѣмъ, папа Либерій въ IV вѣкѣ подписалъ аріанскій сvмволъ, также Зосима въ V вѣкѣ одобрилъ еретическое исповѣданіе вѣры, отвергавшее первородный грѣхъ; Вигилій въ VI вѣкѣ былъ осужденъ за неправославіе на пятомъ Вселенскомъ Соборѣ; Гонорій, впавшій въ монофелитство, осужденъ былъ въ VII вѣкѣ на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ, какъ еретикъ, и послѣдующіе папы приняли и подтвердили его осужденіе.

19. Имѣя все это и подобное предъ глазами, народы Запада, постепенно начав-

шіе развиваться, благодаря распространенію наукъ, стали открыто свидѣтельствовать противъ папскихъ нововведеній и требовать—какъ это было въ XV вѣкѣ, на соборахъ Констанцкомъ и Базельскомъ,—возвращенія къ церковному устройству первыхъ вѣковъ, въ каковомъ устройствѣ благодатію Божіею пребываютъ и всегда будутъ пребывать православныя церкви на Востокѣ и Сѣверѣ, которыя уже однѣ составляютъ теперь единую святую соборную и апостольскую Христову Церковь, столпъ и утвержденіе истины. То же самое сдѣлали въ XVII вѣкѣ ученые галликанскіе богословы и въ XVIII вѣкѣ епископы въ Германіи. Въ нынѣшнемъ же вѣкѣ науки и критики все христіанское сознаніе, въ лицѣ знаменитыхъ духовныхъ лицъ и богослововъ Германіи, возмутилось противъ папства въ 1870 г., по поводу Ватиканскаго собора, провозгласившаго новый догматъ о папской непогрѣшимости. Слѣдствіемъ этого движенія является образованіе особыхъ религіозныхъ обществъ „старокатоликовъ", отвергшихъ папство и совершенно порвавшихъ съ нимъ связи.

20. Напрасно, поэтому, отсылаетъ насъ римскій епископъ къ историческимъ свидѣтельствамъ, чтобы изслѣдовать, какъ вѣровали наши предки и что завѣщали намъ первыя времена христіанства. Въ памятникахъ исторіи мы, православные, находимъ указанія на всѣ тѣ древнія и богопреданныя установленія, которыхъ мы и доселѣ заботливо держимся, но отнюдь не на тѣ новшества, какія породили позднѣйшія времена суемудрія на Западѣ и какія усвоила себѣ и содержитъ донынѣ папская церковь. Итакъ, православная восточная Церковь справедливо хвалится о Христѣ, что она есть Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ и девяти первыхъ вѣковъ христіанства, слѣдовательно, единая святая соборная и апостольская Церковь, столпъ и утвержденіе истины. Римская же церковь есть церковь новшествъ, подложныхъ отеческихъ твореній и извращеннаго толкованія Священнаго Писанія и опредѣленій святыхъ соборовъ. Посему она достойно и праведно объявлена и объявляется отдѣленной на все то время, пока пребудетъ въ своемъ заблужденіи. „Лучше война похвальная, говоритъ святый Григорій Назіанзинъ, нежели миръ, отдѣляющій отъ Бога".

21. Таковы важныя и произвольныя нововведенія папской церкви относительно вѣры и устройства церковнаго управленія, о которыхъ, очевидно, съ намѣреніемъ умалчиваетъ папская энциклика. Но эти нововведенія, касающіяся существенныхъ положеній вѣроученія и управленія церковнаго и явно стоящія въ противорѣчіи со всѣмъ церковнымъ строемъ девяти первыхъ вѣковъ, дѣлаютъ невозможнымъ желанное единеніе между церквами. Невыразимою скорбью наполняется сердце каждаго благочестиваго православнаго человѣка, когда онъ видитъ, что папская церковь продолжаетъ по прежнему надменно отстаивать свои новшества и нисколько не хочетъ содѣйствовать священной цѣли единенія отверженіемъ этихъ производящихъ раздѣленіе новшествъ и возвращеніемъ къ древнему устройству единой святой соборной и апостольской Христовой Церкви, часть которой и она нѣкогда составляла.

22. Но что сказать о томъ, что пишетъ римскій первосвященникъ, обращаясь къ досточтимымъ славянскимъ народамъ? Никто, конечно, никогда не отрицалъ, что большинство славянскихъ народовъ удостоилось благодати спасенія благодаря апостольскимъ трудамъ и добродѣтели святыхъ Кирилла и Меѳодія. Но исторія свидѣтельствуетъ, что эти апостолы славянства—греки, вышедшіе изъ Ѳессалоники во время великаго Фотія и близкіе друзья этого божественнаго отца,—были посланы для обращенія въ христіанство славянскихъ племенъ не изъ Рима, а изъ Константинополя, гдѣ они и образованіе получили, уединившись въ монастырѣ святого Полихронія. Поэтому совершенно неосновательными являются громкія заявленія въ энцикликѣ римскаго папы, будто между іерархами римской церкви и славянскими народами существовала прежде какая-то близкая связь и взаимоотношеніе. Впрочемъ, если бы его блаженство и не зналъ этого, исторія все-таки ясно свидѣтельствуетъ, что святые апостолы сла-

вянъ гораздо больше зла претерпѣли въ своей дѣятельности отъ всякихъ ограниченій и противодѣйствія со стороны римскихъ епископовъ, больше жестокости испытали отъ преслѣдованій со стороны франкскихъ католическихъ епископовъ, чѣмъ отъ самихъ язычниковъ славянскихъ странъ. Его блаженству хорошо извѣстно, что когда святый Меѳодій отошелъ къ Господу, двѣсти наиболѣе достойныхъ его учениковъ, послѣ продолжительной и тяжкой борьбы съ противодѣйствіемъ римскихъ папъ, изгнаны были изъ Моравіи и съ помощью военной силы выведены за ея предѣлы, откуда потомъ разсѣялись по Болгаріи и по другимъ мѣстамъ. Съ изгнаніемъ же образованнаго славянскаго клира былъ вытѣсненъ изъ употребленія уставъ Восточной церкви, а затѣмъ и славянскій языкъ, такъ что съ теченіемъ времени изгладился въ тѣхъ странахъ всякій слѣдъ православія, и все это—при открытомъ содѣйствіи римскихъ епископовъ, средствами и способами, совсѣмъ неприличными священному епископскому сану. Но благодатію Божіей невредимо сохраненныя отъ всѣхъ этихъ озлобленій православныя славянскія церкви, возлюбленныя дщери православнаго Востока, и особенно великая и славная церковь богоспасаемой Россіи соблюли и до конца вѣковъ будутъ блюсти православную вѣру, являя собою свѣтлый примѣръ свободы во Христѣ. Напрасно, поэтому, папская энциклика обѣщаетъ славянскимъ церквамъ благоденствіе и великую славу. По милости Божіей онѣ обладаютъ сими благами, твердо пребывая въ отеческомъ православіи и хвалясь имъ о Христѣ.

23. При такомъ положеніи дѣла, въ виду неоспоримыхъ свидѣтельствъ церковной исторіи, долгомъ считаемъ обратиться съ своимъ словомъ къ народамъ Запада, которые, въ невѣдѣніи истины и вѣрнаго свидѣтельства исторіи о церковныхъ событіяхъ прошлаго, легко поддаются обману и слѣдуютъ незаконнымъ, противо-евангельскимъ нововведеніямъ папства, отторгнутые и пребывающіе внѣ единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой, которая есть *Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), въ которой нѣкогда блистали благочестіемъ и правою вѣрой славные ихъ предки, втеченіи цѣлыхъ девяти вѣковъ оставаясь вѣрными и достойными членами ея, послушно слѣдовавшими и подчинявшимися постановленіямъ богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ.

24. Христолюбивые народы славныхъ странъ Запада! Мы радуемся, видя вашу ревность о Христѣ, проистекающую изъ правильнаго убѣжденія, что безъ вѣры во Христа „невозможно угодити Богу" (Евр. 11, 6). Но всякому благоразумному человѣку извѣстно, что спасительная во Христа вѣра, прежде всего, должна быть вполнѣ правою и согласною съ Священнымъ Писаніемъ и Апостольскимъ Преданіемъ, на которыхъ зиждется ученіе божественныхъ отцовъ и седми святыхъ богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ. Извѣстно, далѣе, что и святая Церковь, хранящая въ своихъ нѣдрахъ, какъ бы нѣкое божественное завѣщаніе, эту спасительную, единую, правую и чистую вѣру въ томъ видѣ, какъ она съ самаго начала преподана и богоносными отцами втеченіи девяти первыхъ вѣковъ богодухновенно раскрыта и изложена, сама также есть едина и всегда одна и та же, неподверженная никакимъ измѣненіямъ въ зависимости отъ текущаго времени. Ибо евангельскія истины отнюдь не допускаютъ измѣненія или постепеннаго совершенствованія, какъ это бываетъ съ различными философскими ученіями: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь той же, и во вѣки* (Евр. 13, 8). Поэтому жившій въ половинѣ V вѣка святый Викентій, вскормленный млекомъ отеческаго благочестія въ Галліи, въ монастырѣ Лиринскомъ, мудро и въ духѣ православія опредѣляетъ истинную каѳоличность вѣры и Церкви, въ слѣдующихъ словахъ: „въ каѳолической Церкви въ особенности слѣдуетъ намъ заботливо содержать то, во что вѣрили повсюду, во что вѣрили всегда, во что вѣрили всѣ. Ибо это именно и есть въ истинномъ и въ собственномъ смыслѣ каѳолическое (на каковой смыслъ указываетъ и самое значеніе слова), которое обнимаетъ все почти всецѣло. Но это будетъ въ томъ случаѣ, если мы послѣ-

дуемъ всеобщности, древности и общему согласію“ [1]). Но, какъ было сказано, Западная церковь, съ девятаго вѣка и послѣ, ввела у себя чрезъ папство разныя еретическія ученія и новшества и такимъ образомъ отдѣлилась и удалилась отъ истинной и православной Христовой Церкви. Посему необходимо вамъ обратиться и прійти опять къ древнему и неповрежденному церковному ученію, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія во Христѣ. Вы хорошо это поймете, если внимательно размыслите о томъ, что заповѣдуетъ восхищенный на небеса апостолъ Павелъ въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ, говоря: *тѣмъ же, братіе, стойте и держите преданія, имже научитеся или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Ѳес. 2, 15); еще и въ посланіи къ галатамъ пишетъ тотъ же божественный Апостолъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся отъ звавшаго вы благодатію Христовою во ино благовѣствованіе, еже нѣсть ино, точію нѣцыи суть смущающіи вы и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово* (Гал. 1, 6—7). Но удаляйтесь отъ этихъ превратителей истины Евангельской: *таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 18). Возвратитесь, наконецъ, въ нѣдра единой святой соборной и апостольской Церкви Божіей, которая состоитъ изъ множества отдѣльныхъ, по всему православному міру богонасажденныхъ, какъ виноградъ благопроизрастающихъ, неразрывно между собою единствомъ общей спасительной вѣры о Христа. союзомъ мира и духомъ соединенныхъ святыхъ Божіихъ церквей, чтобы и вамъ достигнуть вожделѣннаго во Христѣ спасенія. И прославится тогда въ насъ преславное и препѣтое имя пострадавшаго за спасеніе міра Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа

25. Мы же, благодатію и милостію всеблагаго Бога сподобившіеся пребыть членами тѣла Христова, т. е. единой святой соборной и апостольской Церкви Его, будемъ твердо держаться апостолами и святыми отцами преданнаго благочестія. Будемъ всѣ бодрствовать и беречься тѣхъ лжеапостоловъ, которые приходятъ къ намъ въ одеждахъ овчихъ, чтобы прельщать простыхъ и неопытныхъ нашихъ братій разными коварными обѣщаніями! Они все для себя считаютъ позволеннымъ и говорятъ о единеніи церквей, только бы склонить насъ къ признанію того, что папа римскій есть непогрѣшимый, глава и неограниченный повелитель всей Церкви, единый на землѣ намѣстникъ Христа и источникъ всякой благодати. Особенно же мы, благодатію и милостію Божіею поставленные епископами, пастырями и учителями святыхъ Божіихъ церквей, будемъ *внимать себѣ и всему стаду, въ немъ же* насъ *Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею* (Дѣян. 20, 28), ибо мы дадимъ отвѣтъ. Посему будемъ увѣщевать другъ друга и назидать одинъ другого (1 Ѳесс. 5, 11). *Богъ же всякія благодати, призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ... той да совершитъ* насъ, *да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оснуетъ* (1 Петр. 5, 10) и дастъ просвѣщеніе свѣтомъ благодати Его и познанія истины всѣмъ, которые—далеко внѣ единой святой соборной и православной паствы словесныхъ Его овецъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Константинопольская патріархія, мѣсяцъ августъ, годъ спасенія 1895-й.

Посланіе подписали: *Константинопольскій патріархъ Анѳимъ, митрополиты: Кизическій Никодимъ, Никомидійскій Филоѳей, Никейскій Іеронимъ, Прузійскій Наѳанаилъ, Смирнскій Василій, Филадельфійскій Стефанъ, Лемносскій Аѳанасій, Диррахійскій Виссаріонъ, Велеградскій Дороѳей, Елассонскій Никодимъ, Карпаѳскій и Кассійскій Софроній и Елевѳерупольскій Діонисій.*

---

[1]) In ipsa item catholica Ecclesia magnopere curandum est, ut teneamus, quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est. Hoc est enim vere proprieque Catholicum (quod ipsa vis nominus ratioque declarat), quod omnia fere universaliter comprehendit. Sed hoc fiet si sequimur universalitatem, antiquitatem consensionem (Vicentii Lirinensis Commonitorium pro catholicae fidei antiquitate e universalitate cap. III, сравн. cap. VIII и XIV).

„Благовѣстъ" (январь 1896 г.) по поводу энциклики говоритъ:

Ветхій Римъ съ неослабѣвающей энергіей продолжаетъ свой враждебный натискъ на святую истину, хранимую въ православной Восточной Церкви. Нынѣшній глава и вождь римскихъ силъ, папа Левъ XIII, задумалъ еще одинъ походъ съ цѣлью достигнуть, наконецъ, осуществленія все неудававшихся доселѣ стремленій папства — поработить православный Востокъ. Походъ задуманъ по особому плану, который заслуживаетъ большого вниманія. Въ немъ столько же вѣковой традиціи Рима, сколько и личнаго творчества Льва XIII.

Въ основѣ плана лежитъ старинная папская мысль объ „уніи" Востока съ Римомъ, но это унія совершенно особаго рода, предлагаемая совсѣмъ на *новыхъ условіяхъ*, имѣющая быть осуществленной совсѣмъ *новыми средствами.*

Въ былыя времена извѣстно, какъ осуществлялись уніонныя стремленія папства по отношенію къ православному Востоку. Огнемъ и мечемъ! Двинутыя на Востокъ „для освобожденія Гроба Господня" полчища крестоносцевъ безъ милосердія грабили, жгли и опустошали злополучную Византію, не щадили даже ея святынь и ругались надъ ними всенародно, одушевляемые гордымъ сознаніемъ высокой своей миссіи „вразумить" всѣмъ этимъ нечестивыхъ „схизматиковъ"—Самимъ Богомъ, видимо, уже отвергаемыхъ— чтобы они, не прекословя, спѣшили пристать къ „ихъ" вѣрѣ и благочестію. Основаніе Латинской имперіи, казалось, положило начало опять „единой" христіанской церкви. Папы, сначала какъ будто нѣсколько смущенные въ своей совѣсти (Иннокентій III даже упрекалъ крестоносцевъ за разгромъ Константинополя), потомъ весьма обрадовались совершившемуся и хотѣли было уже торжествовать побѣду, разославъ во всѣ завоеванные города своихъ епископовъ и легатовъ — викаріевъ апостольскаго престола. Однако, быстрое паденіе имперіи крестоносцевъ показало папамъ, что дѣло поведено было слишкомъ прямо и, такъ сказать, до крайности своекорыстно. Надо, чтобы и сами греки желали уніи, ожидая отъ нея какихъ-нибудь выгодъ для себя. Извѣстенъ длинный рядъ попытокъ *прельстить* православныхъ, сначала обѣщаніями защиты отъ турокъ, потомъ, когда Византія пала, всяческими дѣлами „благотворенія" Востоку, начиная хотя бы съ устройства папою Григоріемъ XIII знаменитой въ свое время коллегіи св. Аѳанасія для грековъ, искавшихъ образованія за границей, и кончая множествомъ папскихъ школъ, получившихъ развитіе особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи, дѣйствующихъ уже на мѣстѣ, въ самихъ восточныхъ странахъ, школъ, налегающихъ не столько на образованіе и науки, сколько на *воспитаніе* такъ или иначе попадающихъ въ нихъ *дѣтей* православнаго населенія.

Папа Левъ XIII идетъ еще дальше. Онъ—истинный мудрецъ новаго времени. До сихъ поръ папство—это, по своей сущности, чисто *мірское* учрежденіе, ищущее только того, чтобы властовать и обладать душами людей—все еще въ своемъ завоевательномъ движеніи на Востокъ продолжало прикрываться, частію, конечно, по старой памяти, частію просто ради приличія, извѣстными опредѣленіями католической догматики и установленіями католической священной обрядности, во имя которыхъ оно и выступало съ пропагандой на Востокѣ уніи. Такимъ образомъ, волей-неволей его движеніе продолжало сохранять характеръ религіозной борьбы, борьбы за извѣстные догматы, извѣстные обряды и пр., т. е. за такія вещи, о которыхъ мудрость вѣка сего—скептическаго и индифферентнаго—давно рѣшила, что имъ пора уже отойти въ область „пережитыхъ" человѣчествомъ періодовъ. Это ли надлежащая постановка дѣла? Столько неурядицы теперь въ общественныхъ дѣлахъ, столько зла въ международныхъ отношеніяхъ [1]), столько вообще насущныхъ вопросовъ практической жизни, — къ чему еще вопросы о

[1]) Объ этихъ предметахъ Левъ XIII очень любитъ разсуждать.

правыхъ и неправыхъ религіозныхъ мнѣніяхъ, о старыхъ и новыхъ обрядахъ. Догматы, обряды—все это только стѣсняетъ и связываетъ человѣка, а въ жизни народовъ отъ нихъ возникаютъ только споры и несогласія. Въ наше время выдвинуты „высшіе" интересы. Теперь всѣ хотятъ братства, ищутъ свободы. Вотъ какія начала должны быть положены въ основу великаго дѣла папства. Такъ рѣшилъ папа Левъ XIII. Въ этомъ смыслѣ и дѣйствуетъ онъ.

Оставивъ въ сторонѣ и усердно замалчивая всякіе вопросы религіознаго свойства, онъ проповѣдуетъ *соединеніе* церквей на условіяхъ *простого признанія* ими главенства надъ собой римскаго первосвященника. Постигъ, наконецъ, великій мудрецъ нашего „просвѣщеннаго" вѣка, возсѣвшій на папскомъ престолѣ, что вовсе напрасный трудъ хлопотать о такой „безразличной" вещи, какъ торжество католической вѣры со всѣми отличительными чертами ея догмата и обряда... Довольно самаго главнаго—*порабощенія совѣсти* народовъ, а во всемъ прочемъ пусть будетъ предоставлено имъ оставаться, если угодно, съ тѣмъ, что составляетъ наслѣдіе ихъ собственной исторіи.

Въ 1894 г. папа Левъ XIII праздновалъ свой епископскій юбилей. Воспользовавшись торжественностью момента, онъ издалъ краснорѣчивую энциклику „къ государямъ и народамъ всего міра", въ которой обратился, между прочимъ, съ цѣлою проповѣдью и къ народамъ православнаго Востока, призывая ихъ къ „соединенію". Увлеченный необузданнымъ порывомъ собственной фантазіи, папа даже пророчествуетъ о скоромъ, будто бы, наступленіи этого соединенія. Истинный сынъ вѣка, онъ не видитъ въ своемъ религіозномъ индифферентизмѣ той бездны, какая вырыта латинствомъ между двумя церквами. „Наше пламенное желаніе единенія, пишетъ онъ въ своей энцикликѣ[1]), внушаетъ намъ сладкую надежду, что не далеко уже то время, когда и восточныя церкви, столь знаменитыя своею отцепреданною вѣрою и древнею славою, возвратятся туда, откуда онѣ удалились. Тѣмъ болѣе, что вовсе не существуетъ ясно и рѣшительно проведенной границы между этими церквами и нами. Напротивъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, согласіе относительно всего прочаго столь полное, что часто для защиты католической вѣры заимствуемъ подлинныя доказательства изъ ученія, обычаевъ и обрядовъ". Одинъ только пунктъ кажется папѣ заслуживающимъ вниманія и разсужденія. „Главный пунктъ разногласія — это первенство римскаго епископа. — Но пусть обратятся восточные къ общимъ намъ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, чтобы изслѣдовать, какъ думали ихъ предки, и что говорятъ преданія, восходящія къ первымъ временамъ христіанства. Они найдутъ въ нихъ ясныя доказательства для убѣжденія въ томъ, что на римскомъ первосвященникѣ сбылись сіи слова Іисуса Христа: „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою"..! Нѣтъ нужды говорить о томъ, когда, какъ и по чьей винѣ совершилось раздѣленіе: это всѣмъ извѣстно. Однако, прежде чѣмъ человѣкъ разлучилъ то, что самъ Богъ сочеталъ, имя апостольскаго (римскаго) престола было свято для всѣхъ народовъ христіанскаго міра, и Востокъ подобно Западу единодушно и безпрекословно подчинялся римскому понтифексу, котораго всѣ согласно признавали законнымъ преемникомъ Ап. Петра и, слѣдовательно, намѣстникомъ Христа на землѣ". Итакъ, народамъ Востока остается только покаяться и опять соединиться съ папой, который милостиво простираетъ свои объятія ко всѣмъ „схизматикамъ": „приидите: наши сердца открыты для всѣхъ васъ, кто бы вы ни были, греки ли, или народы другого какого либо восточнаго догмата". Вопросъ теперь, въ чемъ должно состоять это „соединеніе"? Папа отвѣчаетъ: „соединеніе разумѣемъ полное и совершенное, ибо это не будетъ дѣйствительное соединеніе, *если оно ограничивается только единствомъ догматовъ* и общеніемъ братской любви. Истинное соединеніе есть то, котораго желалъ и которое основалъ Іисусъ Христосъ: оно заключается въ един-

---

[1]) Annales Catoliques, 1894 г. №№ 1178 и 1179.

ствѣ догматическомъ и *единствѣ управленія*". Впрочемъ, это не то „единство управленія", какое завѣщали грубые средніе вѣка: „не бойтесь! Возвращеніе ваше, народы Востока, не принесетъ никакого ущерба вашимъ правамъ, никакого умаленія привилегіямъ патріарховъ, обрядамъ и обычаямъ церковнымъ... Напротивъ, когда осуществится соединеніе, удивительная слава и величіе возсіяетъ благодатію Божіей въ вашихъ церквахъ". Затѣмъ, въ такомъ же родѣ обращеніе къ славянскимъ народамъ, при чемъ торжественно напоминается имъ о великихъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ славянству св. братьями — просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, и дѣлается призывъ, во имя этихъ благодѣяній, вспомнить долгъ признательности по отношенію къ... римскому первосвященнику, порадовать его соединеніемъ, за которое тутъ же обѣщается цѣлый потокъ „новыхъ благодѣяній" (спасенія, величія, славы, счастья).

Казалось бы, что холодное невниманіе, съ которымъ были встрѣчены эти мнимобратскія рѣчи римскаго папы, заставятъ его воздержаться (хотя бы по чувству собственнаго достоинства) отъ дальнѣйшихъ дѣйствій принятой имъ на себя миссіи. Но папа Левъ XIII ни предъ чѣмъ не хочетъ остановиться. Вскорѣ же послѣ юбилейной энциклики онъ издалъ (въ „канунъ декабрьскихъ календъ" того же 1894 г.) новую энциклику, въ которой подробно развиваетъ свои идеи въ приложеніи къ разнымъ частнымъ случаямъ католической миссіи на Востокѣ. Здѣсь уже во всей силѣ обнаруживается его просвѣщенная гуманность и великодушіе. Зачѣмъ эта латынь на Востокѣ, чуждая уху грека, непонятная его уму? Къ чему эти католическія мессы тамъ, гдѣ всѣ вокругъ привыкли къ литургіи Златоустовой? Или къ чему этотъ особый костюмъ патеровъ, когда они призваны дѣйствовать тамъ, гдѣ всѣ духовные носятъ рясы, ходятъ въ камилавкахъ? и т. д. Отнынѣ должны получить на Востокѣ полное право гражданства всѣ особенности мѣстныхъ обрядовъ богослуженія, мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ церковной жизни. Всѣ восточные христіане, уже принадлежащіе къ католической Церкви или имѣющіе присоединиться къ ней впослѣдствіи, ни въ какомъ случаѣ не должны быть принуждаемы къ латинскому обряду. Пусть все у нихъ будетъ такъ, какъ вообще у восточныхъ, и чѣмъ больше сходства и подобія, тѣмъ лучше. Папа угрожаетъ даже лишеніемъ сана тѣмъ изъ дѣйствующей своей арміи на Востокѣ, кто, не понимая благихъ намѣреній святѣйшаго отца, сталъ бы обнаруживать пристрастіе къ латинству и „совѣтомъ и пособіемъ" склонять къ нему восточныхъ.

Широко и смѣло задуманный планъ всесторонняго сближенія съ православнымъ Востокомъ въ интересахъ будущей уніи уже и осуществляется понемногу ревнителями и приспѣшниками папскихъ идей. Сталъ появляться въ большихъ городахъ Востока совершенно новый типъ латинскихъ миссіонеровъ, рѣшительно ничѣмъ не отличающихся по внѣшнему виду отъ православныхъ клириковъ (въ рясахъ и камилавкахъ), хорошо владѣющихъ греческимъ языкомъ, всячески пытающихся войти въ довѣріе мѣстнаго православнаго населенія. Въ извѣстный день они совершаютъ въ католическихъ храмахъ на подлинномъ греческомъ языкѣ „Златоустовы" литургіи (впрочемъ, на опрѣснокахъ и съ filioque въ символѣ вѣры: для народа это, вѣдь, незамѣтно), привлекая не мало любопытныхъ изъ среды обывателей, не знающихъ что подумать объ этихъ новоявленныхъ дѣятеляхъ папской уніи.

Желая приготовить какъ можно больше такого рода дѣятелей, папа рѣшилъ, что латинскимъ клирикамъ, имѣющимъ потомъ дѣйствовать въ восточныхъ странахъ, всего лучше и образованіе свое получать на Востокѣ же, гдѣ они легко и заблаговременно могутъ ознакомиться съ языкомъ грековъ, обычаями и порядками ихъ церковной жизни и пр. Въ этихъ видахъ предположено учредить въ Константинополѣ высшую школу для образованія греко-латинскаго клира. Въ католическомъ мірѣ очень сочувственно отнеслись къ этой мысли папы, и пожертвованія на школу собраны огромныя. Насколько

извѣстно изъ сообщеній греческой печати, турецкое правительство уже разрѣшило папѣ строить нужныя для школы зданія.

Естественно, что эти коварные замыслы вождя воинствующаго католицизма побудили іерарховъ православнаго Востока встать для защиты и огражденія отъ опасности сокровища православной вѣры и достоинства вселенской Христовой Церкви. Вызовъ, брошенный православному міру папскими энцикликами, оставленный до поры до времени безъ вниманія, теперь, въ виду все больше и больше обнаруживающейся дерзости латинства, потребовалъ надлежащаго отвѣта. Такой отвѣтъ и обнародованъ недавно за подписью виднѣйшаго представителя православія на Востокѣ—патріарха великой Константинопольской церкви и членовъ состоящаго при немъ святѣйшаго синода. Въ этомъ отвѣтѣ подробно исчислены и точно формулированы всѣ отступленія Рима отъ догматовъ истинной вѣры и каноновъ Вселенскихъ Соборовъ, причемъ, церковь Римская рѣшительно объявлена отдѣленной отъ Вселенской Христовой Церкви „на все то время, пока пребудетъ она въ своемъ заблужденіи“ [1]). Такимъ образомъ, не остается теперь мѣста для ложныхъ рѣчей римскаго папы, смущающаго всѣхъ увѣреніями, что нѣтъ „рѣшительно и ясно проведенной границы“ между латинствомъ и православіемъ.

Почти одновременно съ „Окружнымъ Посланіемъ“ великой Константинопольской церкви появился отвѣтъ папѣ Льву XIII по вопросу о соединеніи церквей и въ другой православной странѣ. Отвѣтъ этотъ, изданный въ Аѳинахъ, принадлежитъ Аѳинскому митрополиту Герману, первенствующему іерарху Элладской церкви, предсѣдателю свящ. Аѳинскаго синода. Онъ является прекраснымъ дополненіемъ къ „Посланію“. Въ то время какъ въ послѣднемъ преобладаетъ спокойный догматическій тонъ, и папская идея о соединеніи церквей подвергается разбору съ точки зрѣнія здраваго православно-христіанскаго вѣрующаго сознанія и мысли, аѳинскій отвѣтъ представляетъ собой живую и одушевленную рѣчь *обличенія* ложно и неискренно взятаго на себя папой Львомъ XIII великаго дѣла соединенія христіанскихъ церквей, показывается несостоятельность всѣхъ *путей и способовъ*, съ помощью которыхъ папа думаетъ осуществить свои идеи на практикѣ. Вотъ почему въ то время, какъ „Окружное посланіе“ останавливаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на юбилейной энцикликѣ папы, гдѣ намѣчены общія и основныя черты задуманнаго имъ соединенія,—аѳинскій отвѣтъ подвергаетъ обстоятельному разбору *вторую* папскую энциклику, содержащую въ себѣ, какъ было сказано, рядъ практическихъ указаній и распоряженій Льва XIII, сдѣланныхъ примѣнительно къ созданной имъ идеѣ уніи. Отвѣтъ особенно заслуживаетъ вниманія въ виду того, что въ немъ православный архипастырь высказываетъ свое мнѣніе по вопросу о томъ, какимъ *дѣйствительнымъ и цѣлесообразнымъ* путемъ можно было бы пріити къ возстановленію мира и единенія между церквами.

Извѣстный протестантскій проповѣдникъ Ириней Пертинаксъ, отвѣтилъ также на эту энциклику, и его отвѣтъ мы присоединяемъ къ отвѣтамъ представителей православнаго Востока. Разборъ же энциклики русскими богословами помѣщаемъ въ концѣ книги.

---

[1]) См. „Русск. Бесѣда“, декабрь 1895 г.

Отвѣтъ Аѳинскаго Синода на изданную Папою Львомъ XIII энциклику о соединеніи съ Римомъ Восточныхъ церквей. Аѳины. 1895 г.

I.

Папы уже съ первыхъ вѣковъ христіанства стали обнаруживать необыкновенное властолюбіе, стремясь подчинить себѣ весь христіанскій и даже (во времена наивысшаго могущества) нехристіанскій міръ. При папѣ Николаѣ I (858—867) безмѣрное властолюбіе папства обнаружилось во всей силѣ и крайней дерзости: этотъ папа, воспользовавшись для увеличенія своего могущества на Западѣ, съ одной стороны, тѣми привилегіями, какія предоставлены были папскому престолу Пипиномъ Короткимъ, съ другой—происходившими въ то время въ нѣкоторыхъ владѣтельныхъ домахъ разными семейными раздорами, въ которые онъ, подъ видомъ примиренія враждующихъ сторонъ, очень искусно вмѣшивался, задумалъ во что бы то ни стало подчинить себѣ и Восточную Православную Церковь, съ какою цѣлью пытался обратить въ свою пользу извѣстныя обстоятельства вступленія на патріаршій константинопольскій престолъ святителя Фотія. Николаю съ большей или меньшей энергіей и настойчивостью подражали въ дѣлѣ увеличенія своей власти и всѣ послѣдующіе папы непрерывно, донынѣ сѣдящаго на папскомъ престолѣ Льва XIII.

Втеченіи всего этого времени, т. е. съ IX в. и до нашихъ дней, употреблялись папами самыя разнообразныя мѣры и способы дѣйствія для достиженія ихъ завѣтныхъ стремленій, особенно же часто прилагалось къ дѣлу извѣстное—высоконравственное, по воззрѣнію папистовъ,—правило: „цѣль оправдываетъ средства“. Находя для себя оправданіе и руководство въ этомъ правилѣ, папы причинили Церкви и вообще всему человѣчеству столько зла и бѣдствій, что цѣлыхъ томовъ исторіи было бы недостаточно для описанія этого. Мы не имѣемъ въ виду писать исторіи папства. Ограничимся только *двумя пунктами* въ указанномъ десятивѣковомъ промежуткѣ времени, и изъ множества различныхъ средствъ, коими эти „рабы рабовъ Божіихъ“ старались увеличить свою власть и могущество, напомнимъ только о *нѣкоторыхъ*, чтобы отъ *частнаго* можно было сдѣлать заключеніе о *цѣломъ*, и чтобы, зная хоть немногое, простѣйшіе изъ братій нашихъ удалялись отъ всякаго паписта, коварно предлагающаго соединеніе церквей.

Во-первыхъ, мы вспомнимъ—кратко и насколько позволяютъ намъ историческія наши познанія—о тѣхъ дѣяніяхъ папъ по отношенію къ собственнымъ же ихъ подданнымъ, собственнымъ сынамъ ихъ на Западѣ, въ которыхъ папство явило себя міру во всей, такъ сказать, царственной своей мощи (λεοντῇ) и показала всю широту и нѣжность своего человѣколюбія; а во-вторыхъ, коснемся того, какъ дѣйствуютъ папы въ настоящее время на Востокѣ, гдѣ пускается въ ходъ не столько сила, сколько хитрость и лукавство (ἀλωπεκῇ), гдѣ на каждомъ шагу прилагается къ дѣлу іезуитскій обманъ и лицемѣріе. Изъ краткихъ свѣдѣній касательно того и другого предмета каждый православный легко пойметъ, чего стоятъ всѣ папскія энциклики о соединеніи церквей.

Во всемірной исторіи человѣчества описывается множество различныхъ злодѣяній, совершенныхъ отдѣльными личностями или цѣлымъ народомъ противъ народа чуждаго племени, по ненависти и другимъ побужденіямъ, особенно тотчасъ послѣ борьбы, когда побѣдившіе, стремясь въ конецъ ослабить побѣжденныхъ соперниковъ, стараются подвергать ихъ всякимъ униженіямъ и стѣсненіямъ. Но злодѣянія, имѣвшія мѣсто въ средніе вѣка въ папской церкви, совершенныя папами и ихъ послушными орудіями

противъ своихъ же единовѣрцевъ и часто единоплеменниковъ, превосходятъ всякое описаніе. Они наложили вѣчное и неизгладимое пятно на человѣчество и въ особенности на папскую церковь и ея первоіерарховъ. Та неслыханная тираннія, какой подвергались народы Запада съ учрежденіемъ „священной инквизиціи", составляетъ во всемірной исторіи страницу самыхъ мрачныхъ и варварскихъ временъ, самыхъ ужасныхъ злодѣяній, какія только въ состояніи изобрѣсти человѣческій умъ, ниспавшій въ глубину дикости и кровожадности, поправшій законы естества и совѣсти—и все это противъ единовѣрныхъ, единоплеменныхъ, невинныхъ человѣческихъ созданій! Слова „священная инквизиція" и теперь еще у тѣхъ, кто знаетъ ихъ значеніе, возбуждаютъ тяжелое и непріятное чувство, напоминая о человѣческомъ безсердечіи, о варварствѣ, невѣжествѣ и грубыхъ суевѣріяхъ папства.

Особая честь и злополучная слава изобрѣтенія ненавистныхъ судовъ инквизиціи принадлежитъ папѣ Иннокентію III (1198—1216). Стремясь возвратить въ лоно папства тѣхъ, которые „по причинѣ испорченности клира и явныхъ соблазновъ для вѣрующихъ въ поведеніи самихъ папъ" [1]) отпали отъ римской Церкви и пошли блуждать своими собственными путями, упомянутый папа изобрѣлъ въ числѣ другихъ средствъ къ вразумленію еретиковъ (такъ называемыхъ „Альбигойцевъ"), между прочимъ, и священную инквизицію, поручивъ ее основанному около того времени ордену братьевъ-проповѣдниковъ, впослѣдствіи извѣстныхъ подъ именемъ „доминиканцевъ", которые какъ нельзя лучше оправдали выборъ римскаго понтифекса и вполнѣ удовлетворили его жестокую душу и сердце. Хотя на первыхъ порахъ главною цѣлью инквизиціи было уничтоженіе ересей и пр., но почти съ самаго же начала она значительно расширила кругъ своей дѣятельности и, пользуясь покровительствомъ всесильныхъ папъ и безнаказанностью злоупотребленій, совершила неслыханныя злодѣянія.

Одно простое чтеніе объ этихъ злодѣяніяхъ возбуждаетъ ужасъ и вмѣстѣ—крайнее удивленіе, какъ папа Левъ XIII, отличаясь вообще такою разсудительностью, вмѣсто того, чтобы подумать о средствахъ испросить у Бога прощеніе тяжкихъ грѣховъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, изобрѣвшихъ и поддерживавшихъ беззаконные суды инквизиціи, тратитъ время на составленіе энцикликъ и прибѣгаетъ къ разнымъ другимъ мѣрамъ, чтобы въ нѣдра своей беззаконной церкви привлечь наши православныя церкви,—церкви святыя, непоколебимо пребывшія на твердомъ основаніи истинной Христовой вѣры и даже доднесь сохранившія чистое и неповрежденное ученіе Господа и святыхъ Его апостоловъ, каковое ученіе, къ величайшему прискорбію такъ измѣнено и искажено папами—непогрѣшимыми преемниками ап. Петра, какъ они себя называютъ. Одно простое чтеніе объ ужасахъ инквизиціи достаточно можетъ убѣдить каждаго, какая великая бездна вырыта инквизиціей между истиннымъ христіанствомъ и папскою Церковью, необходимѣйшій долгъ которой, если только она дѣйствительно намѣрена искать единенія съ другими церквами, а не ихъ порабощенія, состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, отвергнуть и осудить всѣ допущенныя ею догматическія заблужденія, а во-вторыхъ, отвергнуть и осудить всѣхъ папъ, начиная съ Иннокентія III и кончая самымъ послѣднимъ, во дни котораго еще дѣйствовала инквизиція. Пока папская Церковь не осудила этихъ папъ, ихъ безчеловѣчныхъ и варварскихъ дѣяній, до тѣхъ поръ она не имѣетъ права говорить о соединеніи церквей. И все равно, какіе бы іезуитскіе способы лжи и обмана ни придумывала она для достиженія своихъ цѣлей, это поведетъ только къ тому, что раздѣленіе усилится.

Со времени учрежденія безбожныхъ судовъ священной инквизиціи (достигшихъ наивысшаго пункта безчеловѣчія и жестокости при извѣстномъ Торквемадѣ) получили полный просторъ для „полезной" дѣятельности всѣ негодные люди, взявшіе на себя

---

[1]) Энциклопед. словарь d'Arteau, слово *Inquisition.*

почетное, почти какъ у древнихъ, дѣло шпіонства (συκοφαντῶν). Достаточно было кому-нибудь изъ нихъ явиться къ инквизитору и донести, что такой-то гражданинъ сказалъ какое-нибудь слово противъ религіи или ея служителей, что онъ, присутствуя при исполненіи инквизиціоннаго приговора, какимъ-нибудь, просто даже невольнымъ, движеніемъ лица, положеніемъ тѣла и пр. обнаружилъ свое неодобреніе, чтобы такой человѣкъ тотчасъ былъ признанъ виновнымъ въ нечестіи, достойнымъ не только вѣчныхъ адскихъ мученій, но и земныхъ мукъ инквизиціи. И вотъ такой нечестивецъ, въ дѣйствительности весьма часто дѣлавшійся жертвой злобы просто по причинѣ своего богатства или своихъ дарованій и другихъ качествъ, почему-либо неугодныхъ преподобнымъ отцамъ Доминиканскаго ордена, безъ всякаго разслѣдованія дѣла, схватывался и осуждался на лишеніе своихъ имущественныхъ правъ и подвергался всевозможнымъ проклятіямъ, не только самъ, но и всѣ его потомки, до третьяго рода. Затѣмъ онъ осуждался на ужасную казнь чрезъ сожженіе. Защитники, свидѣтели и всѣ вообще законные способы оправданія невинно осужденнаго были неизвѣстны, потому что никто не осмѣливался выступить для этого, зная напередъ, что одно даже слово въ пользу несчастнаго можетъ повести на костеръ и самого защитника. По окончаніи формальностей мнимаго суда и подписи приговора дѣлались нужныя приготовленія, чтобы смертную казнь осужденнаго совершить какъ можно торжественнѣе, къ назиданію благочестиваго народа. Эти торжественныя казни инквизиціи назывались „дѣломъ вѣры“ (ауто-да-фе) и, съ благословенія непогрѣшимаго папы, совершались въ одинъ изъ воскресныхъ дней слѣдующимъ образомъ.

Въ назначенное воскресенье колоколъ соборнаго храма съ ранняго утра торжественно призывалъ всѣхъ присутствовать при поучительномъ зрѣлищѣ сожженія нечестивца. На это ужасное и отвратительное зрѣлище спѣшили съ благоговѣніемъ и усердіемъ, прежде всего, самые знатные и видные изъ гражданъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ неодобрительномъ отношеніи къ инквизиціи, за что и сами легко могли бы попасть на костеръ. Когда приближался часъ казни, изъ тюрьмы выступала стройная религіозная процессія. Впереди шли монахи ордена св. Доминика, неся широко распущенное знамя священной инквизиціи; далѣе слѣдовали лица, обвиненныя въ преступленіяхъ противъ вѣры, но пока ради своего душевнаго спасенія подвергаемыя разнымъ правиламъ „покаянія“ (пыткамъ и угрозамъ),—затѣмъ святой крестъ, а вслѣдъ за этимъ священнымъ знаменіемъ божественнаго милосердія и человѣколюбія шли несчастные приговоренные къ смерти, окруженные стражами инквизиціи, убитые скорбью и отчаяніемъ, изможденные, босые, одѣтые въ особые плащи (sambenito) и имѣвшие на головѣ конусообразную шапку (coroza). Плащъ и шапка были расписаны изображеніями демоновъ, адскаго огня и пр. Дальше несли *портреты* лицъ осужденныхъ, но успѣвшихъ спастись бѣгствомъ, также *останки* тѣхъ изъ осужденныхъ, которые умерли въ тюрьмахъ инквизиціи раньше казни. Черные гробы, въ которыхъ несли эти останки, тоже были расписаны изображеніями разныхъ символовъ адскихъ мученій. Наконецъ шли духовныя и монашествующія лица разныхъ папскихъ орденовъ. Такимъ образомъ составленная печальная процессія проходила по главнымъ улицамъ города, направляясь къ соборному храму. Здѣсь, послѣ пламенной проповѣди кого-нибудь изъ самыхъ фанатичныхъ доминиканцевъ, въ которой прославлялись благіе плоды священной инквизиціи и этихъ безобразныхъ церемоній,—провозглашались страшныя анаѳемы всѣмъ противникамъ непогрѣшимаго папы и его вѣрныхъ слугъ, и прочитывался во всеуслышаніе беззаконный приговоръ инквизиціоннаго суда. Осужденные выслушивали его, стоя и держа въ рукахъ погашенныя свѣчи. По прочтеніи приговора, имъ связывали руки и въ прежнемъ стройномъ порядкѣ, съ пѣніемъ псалмовъ и священныхъ гимновъ, выходили на широкую площадь, наполненную толпами „благочестиваго“ народа, гдѣ уже были готовы костры, ожидающіе себѣ невинныхъ жертвъ фанатической злобы одержи-

мыхъ религіозною маніей монаховъ папской церкви. Тамъ несчастнымъ, лишеннымъ всякой защиты, всякаго утѣшенія, оставленнымъ всѣми, не исключая самыхъ близкихъ и дорогихъ родныхъ (потому что даже одинъ вздохъ, одна слеза кого-нибудь изъ присутствующихъ при этихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ грозила каждому такой же страшной казнью) предлагался, какъ бы въ насмѣшку, слѣдующій вопросъ: желаютъ-ли они умереть въ католической вѣрѣ или нѣтъ? Отвѣтившіе утвердительно на этотъ вопросъ любвеобильныхъ доминиканцевъ получали особую привилегію—умереть *черезъ повѣшеніе*, а потомъ уже быть брошену въ огонь. Кто же высказывалъ какое-либо неодобрительное сужденіе относительно папской церкви и ея непогрѣшимаго вождя, того сожигали живымъ къ великому духовному утѣшенію и радости какъ самого папы, такъ и его усердныхъ слугъ. Такъ заканчивались эти ужасныя церемоніи, вездѣ и во все время существованія инквизиціи носившія одинъ и тотъ же безчеловѣчный характеръ. Папы, какъ будто завидуя славѣ кровавыхъ тріумфовъ великихъ гонителей и мучителей христіанства—Нерона, Декія, Максиміана, Діоклитіана и другихъ римскихъ деспотовъ, повергшихъ имперію въ самое бѣдственное положеніе, обагрившихъ землю цѣлыми потоками невинно пролитой крови, старались подражать этимъ мучителямъ въ жестокостяхъ, а во многомъ пошли еще дальше, оказавшись безчеловѣчнѣе. Но тѣ, по крайней мѣрѣ, мучили христіанъ, желая защитить честь своихъ отечественныхъ боговъ и идоловъ, а папы—чѣмъ могутъ оправдать жестокія и кровожадныя свои дѣянія, совершенныя ими во имя Господа Іисуса, заповѣдавшаго любовь, смиреніе и кротость? И они еще хвалятся, что все, что совершено ими, совершенно непогрѣшимо! Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ оправдать папа Левъ XIII всѣ наложенныя его предшественниками страшныя проклятія на людей невинныхъ, всѣ преслѣдованія, лишенія имущества, ужасныя мученія и, наконецъ, сожженіе на кострахъ юныхъ и старыхъ, мужей и женъ, ученыхъ и простыхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, за то лишь, что не склонили они своихъ колѣнъ предъ Вааломъ [1]).

Воздерживаемся отъ дальнѣйшаго описанія ужасовъ инквизиціи. Не можемъ только не высказать своего удивленія, какъ папская церковь, имѣвшая у себя такихъ іерарховъ и остающаяся неизмѣнно вѣрной своему прошлому, безъ стыда и укоровъ совѣсти приходитъ теперь и предлагаетъ соединеніе съ нею святымъ Божіимъ церквамъ, пребывающимъ въ истинномъ благочестіи и подлинномъ ученіи Господа и Его святыхъ апостоловъ... Не въ правѣ-ли тѣ, къ которымъ она въ лицѣ своего папы обращается теперь съ такими предложеніями, въ свою очередь, предложить ей слѣдующій вопросъ: непогрѣшимы-ли были всѣ прежде сидѣвшіе на папскомъ престолѣ, или непогрѣшимость началась только съ папы Пія IX? Такъ какъ папская церковь принимаетъ какъ догматъ вѣры непогрѣшимость всѣхъ вообще папъ, то, безъ сомнѣнія, Левъ XIII отвѣтитъ, что и прежніе папы были непогрѣшимы, слѣдовательно, непогрѣшимы были и тѣ, которые учредили и поддерживали священную инквизицію, которые были виновниками столькихъ злодѣяній. Но тогда возникаетъ большое опасеніе, чтобы кто-нибудь изъ такого рода „непогрѣшимыхъ“ папъ опять и нынѣ не вздумалъ возвратиться къ злополучнымъ временамъ инквизиціи, опять не вздумалъ утверждать вѣру пытками и казнями уже въ объединенной Церкви. Посему мы твердо убѣждены, что лучше намъ оставаться въ святой вѣрѣ нашихъ отцовъ, столь мирной, столь тихой, столь утѣшительной, чѣмъ соединиться съ Церковью, показавшей въ своей исторіи столько жесто-

---

[1]) Со временъ учрежденія инквизиціи въ 1198 г. до начала нынѣшняго столѣтія въ одной только Испаніи было осуждено 341.027 гражданъ, изъ коихъ 31.912 сожжены живыми, 17.659 сожжено портретовъ тѣхъ, которые успѣли убѣжать отъ казни, и 291.456 осуждено на разныя другія тяжкія мученія и казни. Много страшныхъ орудій инквизиціонныхъ пытокъ и казней хранится въ различныхъ германскихъ музеяхъ, къ позору своихъ изобрѣтателей, къ великой славѣ (!) Римской церкви.

кости и имѣющей у себя въ лицѣ „непогрѣшимаго“ папы постоянную привилегію возвратиться къ прежнимъ безчеловѣчнымъ дѣяніямъ, а то, пожалуй, и еще худшимъ, если только возможно на свѣтѣ что-нибудь худшее.

II.

Но непогрѣшимые папы римскіе не всегда употребляютъ одно и то же оружіе для достиженія своихъ плановъ и осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій къ власти надъ міромъ. Гдѣ чужая сила возбуждаетъ естественное чувство самосохраненія, тамъ пускаютъ они въ ходъ коварство и обманъ. Этимъ послѣднимъ оружіемъ папы пользуются, главнымъ образомъ, на Востокѣ, въ то время какъ на Западѣ и теперь нерѣдко прибѣгаютъ къ открытымъ преслѣдованіямъ, анаѳемамъ и пр.

Извѣстно, сколько различныхъ новшествъ, вопреки чистому и неповрежденному ученію Господа нашего Іисуса Христа, ввели у себя въ римской Церкви непогрѣшимые папы и какъ ревниво они оберегаютъ эти новшества (находя въ нихъ прочный оплотъ для своего обладанія народами). Напримѣръ, папы узаконили, чтобы во всемъ мірѣ богослуженіе совершаемо было на *латинскомъ* языкѣ, даже въ томъ случаѣ, если вѣрующіе—итальянцы, испанцы, французы и др.—вовсе не понимаютъ этого мертваго языка. Часто нѣкоторыми изъ только что упомянутыхъ народовъ высказывалось смиренное желаніе, чтобы имъ позволено было перевести богослужебныя книги на ихъ собственный языкъ. Но римскій папа, считая это справедливое и законное желаніе непростительнымъ нечестіемъ, съ неудовольствіемъ отвращалъ свой святой ликъ отъ этихъ „своевольныхъ“ сыновъ папства, которые, справедливо усматривая въ папскомъ негодованіи грозное предзнаменованіе чего-нибудь опять въ родѣ инквизиціи, спѣшили поскорѣе спастись отъ опасности усиленной покорностью и гробовымъ молчаніемъ. Такимъ образомъ, папская Церковь продолжаетъ хранить какъ догматъ вѣры латинскій языкъ во всѣхъ храмахъ своихъ при богослуженіи, считая неважнымъ, понимаютъ-ли вѣрующіе то, что поется и читается здѣсь или нѣтъ. Папа готовъ анаѳематствовать всякаго, кто сталъ бы противорѣчить этому узаконенію Рима.

Но будучи такъ строгъ и непреклоненъ на Западѣ, папа не знаетъ границъ для своей снисходительности на Востокѣ и вообще готовъ здѣсь на всякія уступки. Восточныхъ христіанъ, которыхъ онъ ловитъ въ сѣти „единенія“, папа уже не заставляетъ, какъ христіанъ Запада, хулить тріипостасное Божество, прибавляя въ символѣ вѣры: „и отъ Сына“ (filioque), также не требуетъ, чтобы они крестили чрезъ обливаніе, пріобщались Святыхъ Таинъ посредствомъ опрѣсноковъ, признавали чистилище, индульгенціи и прочія нововводства папской Церкви; не требуетъ, наконецъ, и молиться непремѣнно на латинскомъ языкѣ. Все это необходимо только на Западѣ. Только тамъ христіане имѣютъ нужду во всѣхъ этихъ новшествахъ для спасенія своей души. На Востокѣ необходимо только одно—признаніе главенства папы и его непогрѣшимости. Все прочее излишне для спасенія души, потому что и ложное ученіе, и извращенный способъ совершенія таинствъ и даже неправый догматъ объ исхожденіи св. Духа filioque—все это не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ принятіе папской непогрѣшимости. Пусть кто-либо добродѣтеленъ и благочестивъ, но если онъ не признаетъ папу непогрѣшимымъ, онъ заслуживаетъ вѣчнаго мученія. Напротивъ, пусть онъ вѣруетъ, какъ хочетъ, поступаетъ, какъ ему самому кажется законнымъ и справедливымъ, только бы признавалъ непогрѣшимость папы,—и онъ, по ученію папской Церкви, непремѣнно наслѣдуетъ вѣчное блаженство. И если бы, напримѣръ, папа захотѣлъ опять возвратить времена священной инквизиціи, опять обагрить землю кровью невинныхъ жертвъ фанатической злобы доминиканскихъ монаховъ, опять наполнить воздухъ дымомъ и смрадомъ костровъ, сожигающихъ живыхъ людей, то и въ такомъ случаѣ всѣ должны вѣ-

ровать въ его непогрѣшимость, чтобы удостоиться вѣчнаго спасенія, потому что каждый папа, какъ бы онъ ни мыслилъ, что бы ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ, всегда остается непогрѣшимымъ. Слѣдовательно, признающій его таковымъ, хотя бы даже разбойникъ, спасется; напротивъ, всякій благочестивый человѣкъ, но не признающій папской непогрѣшимости, подлежитъ вѣчному осужденію, отъ котораго не могутъ избавить его никакія молитвы и заслуги святыхъ. Конечно, каждый благоразумный человѣкъ легко пойметъ странность и неосновательность этихъ притязаній и невольно отвернется отъ папистовъ, принимающихъ въ своей слѣпотѣ такія противныя Евангелію, нравственности и общему здравому смыслу ученія. Но возсѣдающіе на римскомъ престолѣ, оставивъ все это безъ вниманія, заботятся только объ одномъ — расширить и увеличить свою власть надъ народами...

Не странно-ли это! Нынѣшній папа Левъ XIII, какъ бы совершенно забывая о тѣхъ, которые вѣрно чтутъ его и покорно лобызаютъ его ногу, воспламенился отеческой любовью къ чужимъ паствамъ, не принадлежащимъ къ его двору, не знающимъ отступленій папской Церкви. Особенное вниманіе сталъ обнаруживать онъ къ „схизматикамъ“—грекамъ и другимъ народамъ православнаго Востока [1]). Впрочемъ, всякій, кто, какъ слѣдуетъ, размыслитъ объ этой отеческой попечительности папы, пойметъ, чѣмъ вызвана она, чѣмъ вызвана его уступчивость: папа начинаетъ издалека, чтобы потомъ, подготовивъ благопріятное для себя настроеніе умовъ, обрушиться уже всею тяжестью своего гнета. Порабощеніе восточныхъ церквей—вотъ о чемъ мечтаетъ папа. И не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это такъ, т. е. что папѣ нужно только порабощеніе наше.

Хорошо всѣмъ извѣстно, что сущность и основу всякой религіи составляютъ ея *догматы*. Но папа Левъ XIII не столь простой и обыкновенный человѣкъ, чтобы заботиться о такихъ малыхъ вещахъ. Въ своей замѣчательной дальновидности онъ притворяется, что совершенно равнодушенъ ко всѣмъ церковнымъ разногласіямъ, и отъ тѣхъ, которые пребываютъ внѣ его паствы, онъ ищетъ пока одного—признанія своего главенства. Чтобы вѣрнѣе обезпечить успѣхъ задуманнаго имъ плана дѣйствій, папа поступаетъ слѣдующимъ образомъ.

Хотя непогрѣшимый не имѣетъ никакой нужды въ совѣтахъ другихъ людей, тѣмъ не менѣе папа рѣшилъ созвать въ Римѣ „вселенскій соборъ“, чтобы обсудить и разсмотрѣть вопросъ объ улучшеніи положенія своей церкви вообще и особенно о томъ, какъ достигнуть „соединенія“ съ Римомъ церквей Востока. И вотъ собралось въ Ватиканъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта огромное число папскихъ епископовъ—самыхъ разнообразныхъ догматическихъ воззрѣній и понятій, сходившихся, однако, въ признаніи папскаго главенства и непогрѣшимости—этого существеннѣйшаго, по ученію папистовъ, и необходимѣйшаго для спасенія догмата. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, что племена и языки, падши, поклонились нѣкогда златому идолу Навуходоносора. Ничего также нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что этотъ сонмъ архіереевъ собрался со всѣхъ концовъ земли воздать отъ всего сердца божеское поклоненіе римскому понтифексу, чтобы поскорѣе ощутить въ себѣ священное благоуханіе его достопоклоняемой ноги (ибо это нога единаго на землѣ намѣстника того, Кто умылъ ноги двѣнадцати галилейскимъ рыбарямъ!)

Одно только невольно рождается при этомъ недоумѣніе. Мы сказали, что всѣ эти собравшіеся въ Римъ епископы, отличаясь одинъ отъ другого по своимъ догматиче-

---

[1]) На русскихъ, хотя они вполнѣ единовѣрны съ греками, папа не простираетъ такой заботливости и отеческой любви. Откуда же это предпочтеніе, оказываемое грекамъ и другимъ православнымъ на Востокѣ? Почему такое равнодушіе и небреженіе къ нашимъ братьямъ-русскимъ? Вѣроятно, благоразумный папа находитъ, что съ болѣе сильными и могущественными не совсѣмъ выгодно имѣть дѣло („φυτεύειν σκόρδα, ὦτ λέγε ἡ κοινὴ παροιμία“).

скимъ воззрѣніямъ, совершенно сходились въ признаніи папскаго главенства и непогрѣшимости. Но если напередъ дано, что папа непогрѣшимъ, а всѣ собравшіеся епископы, конечно, могли заблуждаться и погрѣшать въ своихъ мнѣніяхъ (потому что, по общему христіанскому сознанію, всѣ люди грѣшны, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и священное писаніе: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша*, Римл. 5, 12), тогда къ чему же все это стеченіе въ Римъ грѣховныхъ и заблуждающихся епископовъ? Какъ смѣли они хотя бы даже поднять свои глаза на непогрѣшимаго папу! Да и самъ онъ какую нужду могъ имѣть въ этихъ грѣшныхъ людяхъ, чтобы созывать ихъ съ концовъ вселенной? Если бы, напр., собравшіеся на соборѣ епископы высказали *свое* мнѣніе относительно какого-нибудь предмета, касающагося вѣры, и папа принялъ ихъ мнѣніе, то развѣ это согласно было бы съ его непогрѣшимостью? Не потерпѣла бы послѣдняя ущерба отъ того, что папа принимаетъ мнѣнія людей грѣшныхъ и заблуждающихся? Если внимательно и безпристрастно разсудить объ этомъ, то станетъ до очевидности ясной совершенная неумѣстность и излишность того собора въ Римѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и не только его, но и всѣхъ вообще подобныхъ соборовъ въ папской церкви, собирающихся подъ предсѣдательствомъ человѣка, выдающаго себя за существо непогрѣшимое.

Какъ бы, однако, ни было, составившійся въ Римѣ соборъ общимъ рѣшеніемъ безгрѣшнаго папы и погрѣшающихъ въ своихъ мнѣніяхъ епископовъ, а также другихъ духовныхъ лицъ, постановилъ: быть во что бы то ни стало соединенію церквей. Для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія наилучшимъ средствомъ признаны не инквизиція, какъ въ старину на Западѣ, а—коварство и обманъ: извѣстно, вѣдь, что „цѣль оправдываетъ средства". Не подумали собравшіеся въ Римѣ епископы разсмотрѣть, какъ подобало бы людямъ разумнымъ, *догматическое ученіе* папской церкви и очистить его отъ тѣхъ богопротивныхъ новшествъ, какія въ ней примѣшались къ Евангельской истинѣ благодаря невѣжеству и человѣческой злобѣ. Не подумали разсмотрѣть догматы другихъ существующихъ церквей и—когда открылось бы всѣмъ, что Церковь православная содержитъ догматы въ томъ видѣ, какъ они преподаны Божественнымъ Основателемъ христіанства и Его святыми апостолами—принять ихъ безъ ложнаго стыда, отбросивъ собственныя заблужденія. Не подумали разсмотрѣть истинныя причины, произведшія отдѣленіе Запада отъ Восточной Церкви, также причины, вызвавшія раздѣленіе въ самой папской Церкви, отпаденіе отъ нея протестантовъ, наконецъ, и нынѣшнихъ старокатоликовъ, чтобы, найдя эти причины, отыскать и подходящія средства къ возстановленію мира и единенія. Не подумали они, какими бы средствами, вмѣсто все болѣе и болѣе усиливающагося раздора и вражды между клиромъ и народомъ въ Италіи и другихъ католическихъ странахъ, установить отношенія мира и согласія. Но занялись изобрѣтеніемъ удобнѣйшихъ способовъ обмана и лжи, чтобы ловить въ сѣти папскаго всевластія уже не братьевъ своихъ въ Италіи, не старокатоликовъ, вчера еще пребывавшихъ въ лонѣ папства, не протестантовъ, а далекихъ отъ нихъ христіанъ Востока, членовъ армянской, коптской, и особенно Восточной Православной Церкви, которая даже доднесь пребыла неизмѣнно вѣрной Евангельскому ученію и преданіямъ святыхъ апостоловъ. Конечно, если бы попечительность папы о восточныхъ христіанахъ была искренняя, если бы онъ дѣйствительно искалъ возстановить миръ и братское единеніе между христіанами различныхъ церквей, онъ заслужилъ бы только величайшей признательности, какъ человѣкъ, который заботится о спасеніи всего міра. Но спасеніе для всего міра и для каждаго человѣка заключается *въ жизни вѣчной*, а вѣчная жизнь пріобрѣтается чрезъ познаніе *Единаго истиннаго Бога* и Его же посланъ Онъ въ міръ *Господа нашего Іисуса Христа*, но отнюдь не чрезъ признаніе папскаго главенства и непогрѣшимости. Посему Левъ XIII, имѣющій намѣреніе спасти и объединить міръ путемъ повсемѣстной пропаганды своего главенства, впадаетъ въ явное

заблужденіе и строитъ зданіе на пескѣ. И тѣ церкви или отдѣльныя лица, которыя вступили бы въ единеніе съ папой на условіяхъ рабской ему покорности, не только не достигнутъ спасенія, но еще должны будутъ отвѣтить въ день страшнаго суда предъ Господомъ, какъ *измѣнники* и *предатели*, не сохранившіе ввѣреннаго имъ божественнаго залога вѣры, поддавшіеся внушеніямъ человѣческимъ и совѣтамъ превратителей Евангельской истины.

Мы сказали, что собравшійся въ Ватиканѣ соборъ самымъ подходящимъ средствомъ для достиженія предположеннаго имъ соединенія церквей призналъ ложь и обманъ. И это потому, что папскіе епископы совершенно пренебрегли вопросомъ, отъ какихъ причинъ произошло самое раздѣленіе. Такимъ образомъ, для уврачеванія язвы раздѣленія они изобрѣли средства еще болѣе зловредныя, чѣмъ инквизиція: тамъ всякими мученіями и казнями губили только тѣла противниковъ папства, здѣсь же, на упомянутомъ соборѣ, рѣшено начать губительство и тайную отраву *самыхъ душъ* православныхъ восточныхъ христіанъ. Для этой именно цѣли задумано тамъ покрыть Востокъ *цѣлой сѣтью папскихъ школъ, мужскихъ и женскихъ, а въ самомъ Константинополѣ учредить даже папскій университетъ*.

Собственно говоря, эта мѣра, т. е. устройство на Востокѣ различныхъ школъ, управляемыхъ іезуитами или другими латинскими монахами,—не новая. Теперь только хотятъ воспользоваться ею самымъ настойчивымъ и рѣшительнымъ образомъ, въ виду предположеннаго возможно скорѣйшаго порабощенія православнаго Востока. Какъ показываетъ опытъ прошлыхъ десятилѣтій, указанная мѣра по отношенію собственно къ православному греческому народу осталась, въ общемъ, почти безуспѣшной. Къ сожалѣнію, среди другихъ народовъ она имѣетъ здѣсь не малый успѣхъ. Такимъ образомъ, къ существовавшимъ раньше церквамъ—православной, армянской, коптской прибавились теперь на Востокѣ общества армяно-католиковъ, сиро-католиковъ, уніатовъ, греко-католиковъ и др., различающихся между собою и по обряду, и по ученію, но согласно исповѣдающихъ главенство и непогрѣшимость папы, что является достаточнымъ для того, чтобы и папа, въ свою очередь, призналъ этихъ благоговѣйныхъ чтителей своего лица спасенными отъ адскихъ мукъ и достойными вѣчной жизни.

Нетрудно объяснить себѣ этотъ успѣхъ папистовъ. Учрежденіе папскихъ школъ естественно можетъ казаться, на первыхъ порахъ, даже благодѣяніемъ народу, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ просвѣщеніе очень мало распространено. Въ такихъ мѣстахъ и наблюдается торжество папскаго прозелитизма.

Основывая гдѣ-нибудь школу, написты весьма искусно скрываютъ сначала свои подлинныя намѣренія, объявляютъ, что они имѣютъ въ виду одно лишь просвѣщеніе и заботятся только о народномъ образованіи, вовсе не желая даже знать, къ какому кто изъ учащихся принадлежитъ исповѣданію,—были бы они только христіане [1]). Обманувъ общее мнѣніе и особенно мнѣніе простыхъ родителей,—которые, соблазняясь дешевизной обученія, охотно отдаютъ на чужое попеченіе своихъ дѣтей, не понимая того, что вмѣстѣ съ тѣмъ отдаютъ на жертву и самыя души своихъ сыновей и дочерей,— безкорыстные наставники латинскихъ школъ продолжаютъ свою работу дальше, уже съ большой свободой въ дѣйствіи. Въ то время какъ сначала они выставляли себя совершенно равнодушными къ дѣлу религіознаго образованія своихъ учениковъ, принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ, теперь начинаютъ мало-по-малу опутывать своими сѣтями невинныя и воспріимчивыя дѣтскія души и изъ православныхъ или армянъ,

---

[1]) Извѣстно, что написты лишаютъ своихъ попеченій живущихъ на Востокѣ іудеевъ и магометанъ, считая ихъ, вѣроятно, недостойными вступить въ лоно папской церкви или находя, что прозелитизмъ среди нихъ слишкомъ труденъ и потому совсѣмъ невыгоденъ для интересовъ папства.

коптовъ и др., превращаютъ ихъ въ фанатиковъ-папистовъ. Когда несчастные родители замѣтятъ, наконецъ, постигшее ихъ страшное бѣдствіе, бываетъ уже поздно, потому что ядъ латинства, столь сильный и заразительный самъ по себѣ, преподанный при томъ рукою всегда очень искусною, успѣваетъ уже разлиться по всѣмъ духовнымъ силамъ отрока. И если остается еще возможность избавить его отъ этого яда, то развѣ съ помощью самаго усиленнаго труда и стараній, хотя и въ этомъ случаѣ нѣкоторый слѣдъ гибельнаго дѣйствія папскаго яда остается въ немъ на всю жизнь.

Впрочемъ, какъ было сказано, среди грековъ не имѣютъ успѣха эти вполнѣ достойные славы знаменитыхъ іезуитовъ подвиги. Православный грекъ скорѣе можетъ сдѣлаться совсѣмъ безбожникомъ или просто равнодушнымъ къ вѣрѣ, но *измѣнить* вѣрѣ своихъ отцовъ и перейти въ латинство—это является для него положительно невозможнымъ и, если случается, то какъ самое рѣдкое исключеніе. Думающіе иначе ничего не въ состояніи будутъ привести намъ въ доказательство, кромѣ развѣ какихъ-нибудь несчастныхъ личностей, которые сдѣлались вѣроотступниками послѣ того, какъ потерпѣли крушеніе всѣхъ своихъ жизненныхъ плановъ и начинаній и, не имѣя возможности жить трудами рукъ своихъ, лишенные всякихъ средствъ къ существованію, обратились къ услугамъ кого-нибудь изъ разсѣянныхъ по всему Востоку миссіонеровъ папы, чтобы переходомъ въ латинство обезпечить себѣ насущный кусокъ хлѣба. Такихъ отступниковъ, продающихъ вѣру свою за чечевичную похлебку, мы считаемъ худшими и недостойнѣйшими, чѣмъ даже самоубійцы, которые предпочитаютъ лучше умереть, чѣмъ подвергнуться сраму и безчестію.

Но тогда какъ у насъ, по милости Божіей, отступничество бываетъ весьма рѣдко, у нѣкоторыхъ другихъ народовъ на Востокѣ нельзя замѣтить того же. Православные сирійцы, пребывающіе въ раздорѣ съ нами болгары, армяне, копты, мелхиты, одолѣваемые коварствомъ іезуитовъ, по своей простотѣ и сравнительной необразованности, или по какой другой намъ неизвѣстной причинѣ, легче оставляютъ вѣру отцовъ своихъ и, разъ попавъ въ чуждыя сѣти, удаляются мало-по-малу отъ древнихъ догматовъ, забываютъ ввѣренныя имъ преданія и соединяются съ Римомъ, т. е. начинаютъ почитать вмѣсто Бога—папу, которому лобызаютъ ноги, отвергаютъ святое „крещеніе“ [1]), которое одно только вводитъ въ царство небесное, извращаютъ также образъ совершенія прочихъ таинствъ, согласно съ Римской церковью, и вносятъ въ священный символъ вѣры беззаконную прибавку. Такимъ образомъ въ Сиріи и Арменіи, гдѣ, уже начиная съ V и VI вв., было много поколебавшихся въ православной вѣрѣ и отдѣлившихся отъ вселенской Христовой Церкви, іезуиты цѣлыми тысячами ловятъ въ свои сѣти членовъ существующихъ тамъ церквей (не исключая иногда и тамошнихъ православныхъ), склоняющихся къ отверженію отеческаго благочестія и въ награду отъ папы получающихъ „почетныя“ наименованія армяно-католиковъ, сиро-католиковъ и т. д.

И все-таки эти „успѣхи“, вообще цѣнимые на Западѣ очень высоко, не удовлетворяютъ нынѣшняго папу Льва XIII. Какъ послѣ извѣстнаго насильственно—составленнаго собора во Флоренціи, когда мужественный защитникъ православія митрополитъ Ефесскій Маркъ Евгеникъ отказался подписать соборный актъ мнимаго соединенія церквей, папа Евгеній IV, не придавая значенія прочимъ подписямъ, воскликнулъ въ отчаяніи: „мы ничего не сдѣлали“, такъ и Левъ XIII, вынужденный признать, что православная Восточная Церковь не поддается никакимъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, готовъ воскликнуть, несмотря на успѣхъ среди другихъ церковныхъ обществъ на Востокѣ: „мы ничего не дѣлаемъ“. Ибо онъ знаетъ, что строитъ зданіе на пескѣ, что при первомъ, съ помощью Божіей, рѣшительномъ движеніи православныхъ къ борьбѣ съ латинствомъ,

---

[1]) «Βάπτισμα», т. е. совершеніе таинства крещенія *через погруженіе* (βαπτίζω-погружаю). *Прим. перев.*

падутъ всѣ достигнутые коварствомъ успѣхи папства на Востокѣ и исчезнутъ съ лица земли, какъ прахъ возметаемый вѣтромъ и разсѣеваемый въ пространствѣ. Посему папа Левъ XIII дѣятельно ищетъ *новыхъ средствъ*, чтобы поставить дѣло пропаганды на Востокѣ, какъ можно болѣе прочно.

III.

Какъ было сказано, папская Церковь никакого другого языка, кромѣ латинскаго, не позволяетъ употреблять при богослуженіи, полагая, вѣроятно, что только этотъ языкъ понятенъ Богу. Кромѣ того, никому изъ папистовъ не позволяется входить въ храмъ не папскій: входящіе туда считаются оскверненными[1]). Оба эти запрещенія признавались всѣми прежними папами, и еще такъ недавно самимъ Львомъ XIII, какъ непреложный догматъ вѣры, который строгіе паписты хранили и продолжаютъ хранить со всею точностью. Но вотъ въ самое недавнее время папа Левъ XIII дѣлаетъ новое распоряженіе, совершенно противоположное смыслу только что указанныхъ запрещеній. Одною изъ своихъ энцикликъ, изданною уже и на греческомъ языкѣ, въ типографіи „Эстіи“[2]), онъ узаконяетъ вдругъ слѣдующее: во всѣхъ латинскихъ храмахъ на Востокѣ должны имѣть свободное употребленіе при богослуженіи какъ греческій, такъ и другіе языки (мѣстныхъ народовъ), а всѣ принадлежащіе къ папской церкви могутъ не только входить въ храмы восточныхъ христіанъ, но и *пріобщаться Святыхъ Таинъ по существующему у восточныхъ обряду.* Какое страшное для правовѣрныхъ католиковъ нечестіе! О, глубина милости и снисхожденія непогрѣшимаго папы!

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію сущности и истиннаго значенія этого папскаго снисхожденія, позволимъ себѣ со всѣмъ достодолжнымъ почтеніемъ предложить Льву XIII слѣдующій вопросъ. Кто же непогрѣшимо узаконилъ въ данномъ случаѣ, прежніе-ли папы, запретившіе употребленіе при богослуженіи всякаго другого языка, кромѣ латинскаго, запретившіе также входить папистамъ въ непапскіе храмы, или нынѣшній папа, не только уничтожившій то и другое запрещеніе, но и позволившій папистамъ пріобщаться Св. Таинъ, освященныхъ восточнымъ іереемъ? Если непогрѣшимо узаконили прежніе папы, тогда, очевидно, слѣдуетъ, что Левъ XIII сдѣлалъ ошибочное и ложное распоряженіе, что, поэтому, онъ не имѣетъ въ себѣ дара непогрѣшимости. Если же папа скажетъ, что въ данномъ случаѣ непогрѣшимое узаконеніе принадлежитъ ему, тогда, стало быть, прежніе папы лишены были дара непогрѣшимости. Такъ или иначе отвѣтилъ бы Левъ XIII, только ясно, что нельзя ему избѣжать здѣсь затрудненія. Или, можетъ быть, папа скажетъ, что это недавнее его узаконеніе придумано и внушено ему собравшимися на соборъ грѣшными и заблуждающимися епископами, самъ же онъ, обладая непогрѣшимостью въ такой же мѣрѣ и степени, какъ и его предшественники, никогда бы не издалъ отъ себя столь ошибочнаго узаконенія. Но тогда папская непогрѣшимость оказывается слишкомъ ограниченной,—до того, что папа не въ состояніи даже различить, какъ слѣдуетъ, между чужими грѣшными мнѣніями и своими безгрѣшными, а это, само собой понятно, такой недостатокъ, который можетъ повести за собой весьма вредныя для папства послѣдствія, легко можетъ поколебать когда-нибудь всѣ основы папской власти и авторитета.

---

[1]) Епископъ имѣющихъ жительство въ Аѳинахъ папистовъ (покойный Маранкъ), приглашенный въ каѳедральный соборъ на священное торжество бракосочетанія наслѣдника греческаго престола Константина, не явился. Когда, затѣмъ, онъ спрошенъ былъ однимъ изъ лицъ высшаго клира Православной Церкви, почему поступилъ такъ, то отвѣтъ былъ слѣдующій: «нельзя намъ, католикамъ, входить въ храмы православныхъ».

[2]) Еженедѣльный Аѳинскій журналъ. *Прим. перев.*

Обращаемся къ самой энцикликѣ, въ которой папа Левъ XIII обнаружилъ столько милости и снисхожденія къ восточнымъ христіанамъ.

Эту уже вторую свою энциклику о соединеніи церквей папа начинаетъ восхваленіемъ величія и достоинства восточныхъ церквей, какъ церквей древнѣйшихъ, имѣющихъ у себя столько славныхъ воспоминаній и пользующихся уваженіемъ и почетомъ во всемъ мірѣ. Затѣмъ, умолчавъ о той борьбѣ, какую во времена Вселенскихъ Соборовъ вела православная Восточная Церковь противъ отдѣлявшихся отъ истинной вѣры еретическихъ обществъ, причемъ Западъ еще не переставалъ *слѣдовать и помогать* ей въ этой борьбѣ, папа тотчасъ выступаетъ съ рѣчью объ апостолѣ Петрѣ, „князѣ апостольскаго сонма", который принесъ христіанство царствующему Риму для блага всего міра и т. д. Такимъ образомъ въ самомъ же началѣ обнаруживается истинная цѣль папы—подчиненіе своей власти всѣхъ церквей, рабское преклоненіе предъ нимъ іерарховъ всего христіанскаго міра. Какая рѣшительная противоположность между Тѣмъ, Кто *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. 2, 7), Кто самъ умылъ ноги ученикамъ, — и этими именующими себя преемниками ап. Петра, возвышающими свой престолъ выше престола Всевышняго и требующими отъ подобныхъ имъ людей рабскаго преклоненія и лобызанія ногъ!

Послѣ указаннаго вступленія непогрѣшимый папа продолжаетъ свою рѣчь, двигаясь уже, такъ сказать, по наклонной плоскости. Тутъ римская Церковь оказывается главою и повелительницей всѣхъ прочихъ церквей; восточнымъ православнымъ церквамъ остается, конечно, положеніе подвластныхъ ея рабынь, которыхъ она, впрочемъ, за ихъ вѣрность и доброе послушаніе всегда милостиво и великодушно награждала отличіями чести и любовью... Итакъ, папа—этотъ знатокъ церковной исторіи—вѣроятно, по преклонности своихъ лѣтъ (хотя для непогрѣшимаго не должна бы имѣть значенія старость), забылъ о всѣхъ озлобленіяхъ, причиненныхъ Римомъ святымъ Божіимъ церквамъ, забылъ о томъ, сколько зла и соблазна произвели папы въ Христовой Церкви, напр. во времена пятаго и шестого Вселенскихъ Соборовъ, изъ которыхъ послѣдній вынужденъ былъ даже анаѳематствовать „непогрѣшимаго" папу Гонорія, забылъ объ оскорбленіяхъ православной святыни и всякихъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, совершенныхъ латинянами по отношенію къ православнымъ во времена крестовыхъ походовъ, когда не пощадили даже св. Софіи и осквернили и надругались надъ нею хуже, чѣмъ впослѣдствіи невѣрные турки, забылъ вообще о той постоянной враждѣ, какую Римъ обнаруживалъ по отношенію къ православнымъ восточнымъ церквамъ, во времена для нихъ тяжелыя и бѣдственныя—открытымъ насиліемъ, а во дни относительнаго спокойствія и счастія—разными тайными кознями. Только слабостью начинающей измѣнять Льву XIII памяти и можно объяснить себѣ, какъ онъ былъ въ состояніи столь спокойно и самоувѣренно, безъ малѣйшаго, очевидно, укора совѣсти, утверждать во всеуслышаніе, что Римская церковь всегда обнаруживала по отношенію къ православному Востоку чувство любви и расположенія, та церковь, которая и западныхъ христіанъ никогда не щадила и подвергала столькимъ преслѣдованіямъ и униженіямъ.

Тѣмъ не менѣе папа еще съ большею напыщенностію продолжаетъ опять о томъ же, предлагая восточнымъ христіанамъ вспомнить, какъ Римская церковь во времена происходившихъ на Востокѣ различныхъ несчастій не переставала спасать ихъ и возстановлять къ прежнему благополучію, тѣхъ, которые были дружественно расположены къ ней, всегда поддерживала, а которые враждебно, тѣхъ привлекала къ себѣ долготерпѣніемъ и любовью. Нужно удивляться наивности и простодушію папы, чтобы не сказать болѣе! Не откроетъ-ли намъ непогрѣшимый и любящій истину Левъ XIII, во время какихъ это происходившихъ на Востокѣ несчастій намъ оказана была поддержка и помощь изъ Рима? Отъ какихъ бѣдствій спасла насъ рука папы? Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ совершенно обратное и могли бы долго повѣствовать о великихъ бѣд-

ствіяхъ, причиненныхъ Римскою церковію православной вѣрѣ, восточнымъ народамъ, вообще всему христіанству. Могли бы много сказать и о томъ, какъ во времена постигавшихъ православный Востокъ тяжкихъ испытаній Божіихъ церковь Римская безъ милосердія и жалости, вопреки долгу христіанской любви, только *увеличивала* для нихъ скорби и озлобленія. Но не дѣлаемъ этого, потому что вовсе не имѣемъ въ виду подробно разбирать папскую энциклику. Тѣмъ болѣе, что мы надѣемся и ожидаемъ отъ папы болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ указаній касательно упоминаемыхъ имъ благодѣяній, будто бы оказанныхъ Римомъ православному Востоку. Тогда, если не найдется другой, болѣе насъ достойный, кто пожелаетъ отвѣтить папѣ, во исполненіе священнаго долга, налагаемаго на всѣхъ насъ любовью къ нашей святой Церкви и нашему отечеству, пожалуй, мы снова коснемся этого вопроса.

Затѣмъ переходимъ прямо къ тому, въ чемъ заключается самая суть папской энциклики, къ тому *обману*, къ тѣмъ *видимымъ уступкамъ*, посредствомъ которыхъ папа мечтаетъ вовлечь въ свои сѣти если не всѣ восточныя церкви, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ.

До сихъ поръ во всѣхъ папскихъ школахъ, учреждаемыхъ по Востоку въ интересахъ болѣе успѣшнаго прозелитизма среди православныхъ, строго сохранялись и весьма усердно изучались обычаи, порядки и всѣ особыя религіозныя вѣрованія Римской церкви. Теперь престарѣлый вождь латинства очень основательно сообразилъ, что предлагаемый нашимъ братьямъ ядъ инославія легче и скорѣе будетъ восприниматься, если къ этому яду примѣшать побольше меду. „Узаконяемъ—пишетъ онъ въ своей энцикликѣ—для всѣхъ нашихъ духовныхъ школъ, существующихъ среди восточныхъ народовъ и недавно учрежденныхъ нами, чтобы онѣ съ великимъ уваженіемъ поддерживали и охраняли восточные богослужебные чины и обряды. Это будетъ подтверждено нами и для тѣхъ школъ, которыя имѣютъ быть учреждены со временемъ". И далѣе въ пунктѣ 2, стр. 7: „тамъ, гдѣ не окажется священника *своего* обряда, которому бы „восточный патріархъ" могъ поручить духовное попеченіе о вѣрующихъ, пусть онъ позаботится найти и пригласить священника *чужого* обряда, который долженъ совершить божественную литургію такъ, какъ всегда у тѣхъ, къ кому онъ приглашенъ, т. е. на опрѣснокахъ или на квасномъ хлѣбѣ—все равно; слѣдуетъ, впрочемъ, всегда оказывать предпочтеніе священнику, совершающему литургію по восточному чину. И вѣрующіе пусть будутъ свободны пріобщаться Св. Таинъ, освященныхъ по тому или другому чину". Наконецъ, ниже: „монашескимъ орденамъ, посвящающимъ себя воспитанію юношества на Востокѣ, если у нихъ въ какой-нибудь школѣ много учениковъ восточнаго обряда, повелѣваемъ имѣть при школѣ особаго священника того же обряда, чтобы этотъ священникъ всегда безпрепятственно совершалъ для нихъ литургію, преподавалъ причастіе, изъяснялъ имъ на собственномъ ихъ языкѣ катихизисъ и мѣстные церковные обычаи".

На этихъ собственно пунктахъ намѣрены мы остановиться внимательно, будучи вполнѣ увѣрены, что профессора нашего (Аѳинск.) университета, равно наставники Халкинской, Ризаріевской, Святогробской духовныхъ школъ подвергнутъ съ своей стороны болѣе подробному разбору содержаніе папской энциклики и разоблачатъ обманы и тайныя намѣренія папы со всею обстоятельностью.

Въ приведенныхъ только что мѣстахъ энциклики папа разрѣшаетъ восточнымъ христіанамъ, присоединяющимся къ его церкви, совершать у себя божественную литургію и причащаться по какому угодно чину, латинскому или православному—все равно, дѣлая такимъ образомъ видъ, будто между тѣмъ и другимъ нѣтъ важнаго различія. Посему, чтобы обличить ложь папской энциклики, отмѣтимъ *существенныя* разности между православными и латинянами относительно образа совершенія таинства божественной Евхаристіи.

1. Православная Христова Церковь, оставаясь вѣрною Евангельскому повѣствованію о тайной вечери (на которой было установлено таинство), также установленію святыхъ Апостоловъ и древнѣйшимъ преданіямъ, совершаетъ таинство божественной Евхаристіи *на квасномъ хлѣбѣ.* Римская Церковь, хотя прежде втеченіи цѣлыхъ десяти вѣковъ также употребляла въ этомъ таинствѣ хлѣбъ квасный, со времени Льва IX стала употреблять *опрѣсноки,* несмотря на то, что была тогда же обличена въ своемъ нововводствѣ патріарх. Константинопол. Михаиломъ Керулларіемъ. Папа Левъ IX и окружавшіе его латинскіе богословы, желая во что бы то ни стало оправдать свое заблужденіе, пытались даже заподозрить свидѣтельства Слова Божія, по которымъ тайная вечеря была за два дня до Пасхи: *вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе* (Мѳ. 26, 2). *Прежде праздника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде ему часъ... И вечери бывшей* (Іоан. 13 и 2). *Той есть, ему же азъ омочивъ хлѣбъ* (τὸ ψωμίον) *подамъ. И омочь хлѣбъ* (τὸ ψωμίον), *даде Іудѣ Симонову Искаріотскому... пріимъ же онъ хлѣбъ* (τὸ ψωμίον), *абіе изыде* (Іоан. 13, 26. 30). Повтореніе слова ψωμίον показываетъ, что былъ преподанъ здѣсь хлѣбъ именно *квасный,* употребленіе же опрѣсноковъ, согласно съ Моисеевымъ законодательствомъ, должно было начаться только два дня спустя, съ наступленіемъ субботы Пасхи. Затѣмъ, евреямъ не позволялось въ вечеръ Пасхи выходить изъ домовъ своихъ („вы же не выходите за двери дома вашего до утра“). Между тѣмъ Іуда, самъ Господь, Апостолы и схватившіе Христа воины вышли въ день тайной вечери изъ домовъ, вовсе не встрѣчая никакого для себя препятствія со стороны Моисеева законодательства, и это потому, что до Пасхи оставалось еще два дня. Это признается всѣми отцами Церкви, т. е. что въ среду былъ совѣтъ синедріона, предательство Іуды, потомъ въ четвергъ—тайная вечеря, въ пятницу имѣла мѣсто крестная смерть Спасителя, а на слѣдующій только день наступила еврейская Пасха. 69 апост. правило, Игнатій Богоносецъ (въ 5 посланіи), Климентъ Александр. (Стромат. 7), Оригенъ (въ толков. на кн. Левитъ), Аѳанасій Вел. (въ посл. къ Маркеллину), Епифаній Кипр. (въ своемъ словѣ о вѣрѣ), на Западѣ—Климентъ Римск., Іеронимъ и др.—всѣ согласно утверждаютъ сказанное выше о времени совершенія тайной вечери. Что же касается папскаго изобрѣтенія, оно не имѣетъ для себя никакихъ основаній, какъ это и обнаружилось въ спорахъ при патр. Михаилѣ Керулларіи. Несмотря на это Римская церковь и доселѣ продолжаетъ держаться своего измышленія.

2. Православная Христова Церковь, слѣдуя святому Евангелію, установленіямъ Апостоловъ и древнѣйшимъ преданіямъ всѣхъ святыхъ Божіихъ Церквей, преподаетъ вѣрующимъ божественное причащеніе подъ обоими видами, т. е. отъ пречистаго тѣла Господня и отъ честной крови Его, какъ заповѣдалъ самъ Господь: *и пріемъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея „вси“* (Мѳ. 26, 27). *И пріимъ чашу, хвалу воздавъ, даде имъ, и пиша отъ нея „вси“* (Мрк. 14, 23; Лк. 22, 20). *Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ моей крови: сіе творите, елижды аще піете, въ мое воспоминаніе* (1 Кор. 11, 25). *Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 53—54). Но Римская церковь ни во что вмѣняетъ сію заповѣдь Господню и, кажется, предпочитаетъ ей нечестіе древнихъ еретиковъ маркіонитовъ, евіонитовъ, а также манихеевъ, отвращавшихся отъ святой чаши. По крайней мѣрѣ, начиная съ XIII в. она лишила вѣрующихъ причастія святѣйшей крови Спасителя, забывъ, что сказано Имъ: *аще не піете крови Сына человѣческаго, живота не имате въ себѣ.* Какъ прежде, по случаю введенія опрѣсноковъ, свидѣтельствовалъ противъ нихъ Михаилъ Керулларій, такъ и теперь возстали противъ уничтоженія чаши многія христіанскія церкви уже на Западѣ. Но церковь Римская все пренебрегла, чѣмъ въ значительной степени подготовила почву для

будущаго отдѣленія протестантскихъ общинъ, которыя всѣ удерживаютъ причащеніе подъ обоими видами. Сначала это лишеніе чаши, оправдываемое разными благовидными соображеніями, простиралось собственно на младенцевъ и дѣтей, но соборъ Тридентскій, окончательно узаконившій это новшество, лишилъ святой чаши всѣхъ безъ исключенія *мірянъ*, оставивъ причащеніе подъ обоими видами только для епископовъ и другихъ лицъ духовнаго сана. Конечно, для Римской церкви все равно, что этимъ своимъ узаконеніемъ она стала въ противорѣчіе по отношенію къ славному епископу древне-православнаго Рима Клименту, мужу апостольскому, который въ своемъ чинѣ литургіи, установляя порядокъ причащенія, говоритъ: „да причащается сначала епископъ, пресвитеры, діаконы, потомъ иподіаконы, чтецы, пѣвцы, аскеты, а изъ женщинъ—діакониссы, дѣвы, вдовицы, потомъ *дѣти*, затѣмъ *и весь народъ*, по-очереди". Все равно для Римской церкви, что своимъ нововведеніемъ она отвергла святого своего іерарха—современника Іоанна Златоуста—папу Иннокентія I, который ясно говоритъ о причащеніи младенцевъ: „если не вкушаютъ тѣла Сына человѣческаго, не піютъ крови Его, живота вѣчнаго не имѣютъ въ себѣ" (посл. къ соб. Милевитскому).

3. Православная Христова Церковь вѣруетъ, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ божественной Евхаристіи пресуществляются въ тѣло и кровь Господа *чрезъ призываніе Св. Духа и благословеніе іерейское*. Римская церковь ввела новшество и здѣсь—установила, будто пресуществленіе честныхъ Даровъ совершается силою произносимыхъ священникомъ словъ Господа: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое... пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя". Хотя противъ этого нововведенія свидѣтельствуетъ вся древность, Римская церковь, считая непогрѣшимымъ все, что узаконяется ея папами, упорно пребываетъ въ своемъ ученіи, отвергая даже собственнаго своего извѣстнаго богослова Ѳому Аквината, который справедливо признаетъ, что „въ каждомъ таинствѣ матерія освящается чрезъ благословеніе". Отвергаетъ она также Іустина философа и мученика, который въ первой своей апологіи говоритъ: „приносится предстоятелю братій хлѣбъ и сосудъ вина, смѣшаннаго съ водой, и онъ, принявъ это, усердно и продолжительно возноситъ хвалу и славу Отцу всяческихъ чрезъ Сына и Св. Духа, да совершитъ онъ достойно сіе евхаристическое приношеніе. Когда онъ окончитъ молитву и благодареніе, весь народъ говоритъ: аминь". Отвергаетъ она и апостольскаго мужа, одного изъ древнѣйшихъ мучениковъ Церкви, Иринея епископа Ліонскаго, свидѣтельствующаго, что пресуществленіе въ таинствѣ Евхаристіи бываетъ послѣ того, какъ іерей сотворитъ *продолжительную молитву призыванія* (Св. Духа). Василій Вел., Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сир., Амвросій Мед., блаж. Августинъ—всѣ свидѣтельствуютъ также противъ латинскаго новшества. Послѣдній изъ упомянутыхъ отцовъ ясно говоритъ: „подъ видами хлѣба и вина, какъ показывается очамъ, почитаемъ невидимое тѣло и кровь Господа. Мы вѣруемъ и признаемъ, что, будучи до *освященія* естественнымъ и обыкновеннымъ хлѣбомъ и виномъ, послѣ *освященія* оба вида суть уже тѣло и кровь Господа, *силою совершеннаго іереемъ благословенія*". Все это ни во что вмѣняетъ Римская церковь, продолжая идти путемъ своихъ отступленій и уклоненій отъ истины.

Не считаемъ нужнымъ еще приводить доказательства, что Православная Церковь по отношенію къ таинству божественной Евхаристіи соблюдаетъ ученіе св. Апостоловъ и великихъ отцовъ первыхъ вѣковъ христіанства, ученіе, общее нѣкогда Востоку и Западу, тогда какъ Римская церковь все измѣнила, все извратила по произволу своихъ непогрѣшимыхъ папъ. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу тѣхъ *новѣйшихъ* узаконеній относительно таинства божеств. Евхаристіи, какія находимъ въ энцикликѣ Льва XIII, чтобы видѣть, сколько несообразностей представляютъ эти узаконенія *сами по себѣ*, и сколько въ нихъ іезуитскаго обмана и лжи, если принять во вниманіе *цѣль*, ради которой они придуманы.

Допустимъ, что гдѣ-нибудь на Востокѣ тотъ или другой православный іерархъ, не имѣя у себя достаточнаго числа собственныхъ священниковъ, призоветъ кого-нибудь изъ разсѣянныхъ вездѣ и всюду среди насъ католическихъ патеровъ, чтобы онъ совершилъ литургію и причастилъ православный народъ или же православныхъ учениковъ одной изъ находящихся въ данной епархіи латинскихъ школъ. По папской энцикликѣ, призываемый католическій патеръ долженъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія совершить литургію по православному чину, т. е. кромѣ всего прочаго, долженъ употребить для таинства квасный хлѣбъ, освятить евхаристическіе дары чрезъ призываніе Св. Духа и, наконецъ, преподать народу причастіе подъ обоими видами, т. е. отъ святого хлѣба и отъ святой чаши. Просимъ же блаженнѣйшаго папу сказать намъ (и онъ скажетъ, конечно, ибо очень озабоченъ нашимъ спасеніемъ) какъ онъ думаетъ, не почувствуетъ-ли католическій патеръ, признающій опрѣсноки, вѣрующій, что освященіе Даровъ совершается силою произносимыхъ имъ извѣстныхъ установительныхъ словъ Господа, вѣрующій, что для спасенія народу достаточно причаститься одного лишь тѣла Господня, не почувствуетъ-ли онъ крайняго смущенія въ своей совѣсти, когда станетъ совершать литургію по чину православному? Не явится-ли у него страшной мысли—если, конечно, онъ человѣкъ вѣрующій и боится Бога—что, совершая такъ литургію, согласно съ папской энцикликой, онъ дерзко посмѣвается Богу и добрымъ людямъ? Вчера священнодѣйствовалъ на опрѣснокахъ, нынѣ—на простомъ хлѣбѣ, употребляемомъ обыкновенно въ пищу! Вчера освящалъ евхаристическіе дары произнесеніемъ установительныхъ словъ Господа, нынѣ—совершенно чуждымъ и неизвѣстнымъ ему призываніемъ Св. Духа и благословеніемъ хлѣба и вина! Вчера причащалъ народъ одними опрѣсноками, нынѣ—обоими видами! Такой патеръ будетъ имѣть слишкомъ ужъ грубую и омраченную совѣсть, если не почувствуетъ въ своемъ „священнодѣйствіи“ оскорбленія невидимаго Бога и наглаго издѣвательства надъ людьми вѣрующими, если не почувствуетъ въ моментъ совершенія страшнаго и ужаснаго изъ таинствъ, что папское нововводство не только дико и странно, но и ведетъ къ величайшему соблазну и нечестію. Такой патеръ, прійдя въ себя и размышляя о томъ, что не должно человѣку принимать всякія безъ разбору чужія мнѣнія, долженъ будетъ взять на себя смѣлость прежде совершенія „православной“ литургіи обратиться къ папѣ и спросить его: какой же изъ двухъ чиновъ истинный и правый—православный или-же папскій? Если—православный, то папская Церковь должна осудить и отвергнуть свой; если же папа признаетъ истиннымъ чинъ латинскій, а православный—ложнымъ и неправильнымъ, то католическій патеръ смѣло можетъ отвѣтить тогда папѣ, что онъ *не долженъ* совершать литургію по этому ложному чину, что онъ не желаетъ такъ нагло издѣваться надъ святыней предъ Богомъ и людьми.

Помимо всего этого, и православный народъ, несмотря на всѣ увѣренія, допустимъ даже, своего іерарха, затѣмъ, патера, согласившагося служить „православную“ литургію, наконецъ, также энциклики самого непогрѣшимаго папы, можетъ-ли положиться на ихъ слова и повѣрить, что этотъ патеръ—человѣкъ, очевидно, съ такою ко всему удобопреклонной совѣстью—*дѣйствительно совершилъ святое таинство по православному чину*, дѣйствительно, сотворилъ молитву, призывающую благодать Всесвятого Духа на предложенные дары, тѣмъ болѣе, что все это въ православномъ храмѣ совершается при закрытыхъ царскихъ вратахъ. И, если допустить, что кто-нибудь изъ православнаго народа имѣлъ бы необходимость принять изъ рукъ этого католическаго патера св. причастіе, мы вполнѣ увѣрены, что онъ сдѣлалъ бы это въ большомъ смущеніи совѣсти и сомнѣніи, что *дѣйствительно* пріобщается пречистаго тѣла и честной крови Господа. Такимъ образомъ отъ папскаго изобрѣтенія въ интересахъ предположеннаго „единенія“ церковнаго и католическое духовенство на Востокѣ—кто въ немъ боится Бога,—и вѣрующіе изъ народа, вмѣсто пользы, должны испытать только вредъ

для своей души, а отсюда естественно произойдетъ взаимное недовольство и раздраженіе, что еще больше усилитъ междуцерковную распрю.

Если взять обратный примѣръ, когда въ какой-нибудь странѣ имѣются только папскіе храмы, и кто-нибудь изъ православныхъ священниковъ—временно случившійся тамъ или нарочно вызванный—будетъ приглашенъ совершить на латинскомъ престолѣ безкровную жертву, чтобы причастить находящихся тамъ православныхъ, то священникъ этотъ почувствовалъ бы себя въ величайшемъ затрудненіи, если бы сталъ совершать православную литургію въ папскомъ храмѣ, въ которомъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей нашего богослуженія. Мы думаемъ, что этотъ священникъ, если онъ человѣкъ богобоязненный, или совсѣмъ откажется идти служить въ католическій храмъ, до неузнаваемости измѣнившійся отъ временъ единой Христовой Церкви, или, если и пойдетъ, непремѣнно почувствуетъ смущеніе въ своей совѣсти, когда увидитъ храмъ, наполненный множествомъ изваянныхъ человѣческихъ фигуръ—словно идоловъ классической древности—когда увидитъ въ немъ изображенія людей, почитаемыхъ у латинянъ святыми, которые, однако, если и прославились чѣмъ, то во всякомъ случаѣ не добродѣтелью и благочестіемъ.

Таковы странныя и ни къ чему доброму не ведущія узаконенія Льва XIII относительно таинства божественной Евхаристіи, сдѣланныя имъ въ видахъ болѣе успѣшнаго порабощенія Востока, къ соблазну, потерѣ совѣсти и конечной погибели тѣхъ, кто вздумалъ бы воспользоваться ими на дѣлѣ.

Послѣ всего сказаннаго объ этихъ узаконеніяхъ, да будетъ позволено намъ со всею искренностью, по чувству христіанской любви, замѣтить папѣ Льву XIII: если онъ дѣйствительно желаетъ блага Церкви и если онъ уже призналъ, хотя до нѣкоторой степени, истинность и правильность православнаго чина божественной литургіи (такъ что и латинское духовенство безпрепятственно можетъ пользоваться имъ), то отчего бы не пойти ему и дальше? Вмѣсто той двусмысленной и колеблющейся энциклики, какою онъ производитъ въ Церкви одинъ только соблазнъ для своихъ и нашихъ братій, отчего бы не издать ему новой энциклики и въ ней повелѣть подвластнымъ Риму народамъ оставить латинскія измышленія и возвратиться къ священной древности, сохраняемой нынѣ въ Православной Церкви, нѣкогда—отъ Христа до восьмого и девятаго вѣка—сохранявшейся также и въ церкви Римской, т. е. отбросить опрѣсноки, преподавать причастіе народу подъ обоими видами, согласно съ такою ясною заповѣдію Господа: *пійте отъ нея вси*, наконецъ, вѣровать впредь, какъ вѣровали всѣ древніе отцы Востока и Запада, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ пречистое тѣло и честную кровь Господа чрезъ призываніе Св. Духа и благословеніе іерейское. Такою энцикликою Левъ XIII дѣйствительно золотыми письменами начерталъ бы свое имя на страницахъ церковной исторіи, совершивъ очень важный шагъ къ вожделѣнному единенію церквей. Греческая церковь, русская, румынская, черногорская и вообще всѣ православныя церкви съ величайшею бы радостью прочли эту папскую энциклику и единымъ сердцемъ и едиными устами прославили бы Начальника и Совершителя вѣры нашей Господа Іисуса Христа. Тогда всѣ единодушно признали бы, что приблизился, наконецъ, давно желанный часъ разсѣяннымъ по всей вселенной церквамъ опять соединиться въ единомъ Духѣ, въ союзѣ мира, чтобы быть всѣмъ подъ владычествомъ Единаго и того же Господа. Тогда всѣ вознесли бы усерднѣйшую къ Богу молитву, чтобы и еще вдохновилъ Онъ Льва XIII на все доброе, чтобы, подобно тому какъ отвергъ онъ заблужденія относительно таинства божественной Евхаристіи, отвергъ также и всѣ другія раздѣляющія обѣ Церкви заблужденія Запада.

Такой энциклики ожидала и ожидаетъ отъ папы Льва XIII православная Церковь

и вообще только отъ *искреннихъ* стремленій къ добру и отъ дѣйствій, *чуждыхъ коварства и обмановъ*, чаетъ она единенія церковнаго, о которомъ и молится всегда ко Господу. Если бы кто пожелалъ ближе и подробнѣе узнать, каковъ, по нашему мнѣнію, *дѣйствительный и цѣлесообразный* путь, могущій всего вѣрнѣе привести христіанскія Церкви къ соединенію, то мы отвѣтимъ слѣдующее.

IV.

Церковная исторія свидѣтельствуетъ, что изъ общаго состава христіанскаго міра, послѣ отпаденія аріанъ, несторіанъ, монофизитовъ, монооелитовъ и другихъ еретическихъ обществъ, отдѣлилась, наконецъ, отъ единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой цѣлая бывшая ея половина, составившая теперь *Западную* церковь, справедливо называемую также *папской*. Нужно замѣтить, что ранѣе отдѣлившіяся церковныя общества, напр., монофизиты (армяне, копты) и др., несмотря на всѣ неблагопріятныя условія ихъ историческаго существованія, даже донынѣ остаются какъ были, т. е. за исключеніемъ ересей (въ которыя впали больше по недоразумѣнію), содержатъ все прочее неизмѣнно, какъ до отдѣленія отъ Православной Церкви. Между тѣмъ, Западная или папская церковь, съ тѣхъ поръ какъ отдѣлилась, не перестаетъ вводить у себя всякія новшества и дальнѣйшія отступленія отъ истины, вызывая тѣмъ новыя и новыя въ своемъ собственномъ составѣ распаденія и отдѣленія. Отсюда возникли разныя протестантскія общества, а въ самое послѣднее время общество старокатоликовъ. Теперь, когда кто ставитъ вопросъ о соединеніи церквей, онъ ставитъ вопросъ о дѣлѣ въ высшей степени трудномъ, хотя нельзя сказать, чтобы—при содѣйствіи божественной благодати, всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей—совершенно невозможномъ, ибо всѣ церкви одушевлены пламеннымъ желаніемъ единенія. Вотъ что нужно для осуществленія этого желанія:

1. Прежде всего необходимо, чтобы Западная Церковь всѣми силами постаралась примириться и установить единеніе съ *старокатоликами*, отдѣлившимися отъ нея въ самое недавнее время. Для этого, понятно, нужно ей уничтожить причины, вызвавшія старокатолическое движеніе, изъ коихъ причинъ самая главная, какъ думаемъ, есть провозглашеніе догмата непогрѣшимости. И если папа внимательно размыслитъ о человѣческой немощи, которой и самъ онъ, какъ человѣкъ, причастенъ, если обратится къ исторіи—этой неложной свидѣтельницѣ человѣческихъ дѣяній—и перечтетъ, сколько было дурныхъ и недостойныхъ папъ, причинившихъ Христовой Церкви, а затѣмъ и всему человѣчеству много зла и бѣдствій, то пойметъ отсюда великій соблазнъ [1]) новаго догмата не только для старокатоликовъ, но и для всѣхъ христіанскихъ церквей, усвоивающихъ непогрѣшимость только тому, что изречено Богомъ (чрезъ Его пророковъ и апостоловъ) или постановлено на собранныхъ во имя Божіе соборахъ. Пусть же отвергнетъ папа свои пустыя и неосновательныя притязанія и будетъ какъ одинъ изъ многихъ епископовъ, довольствуясь тѣмъ *преимуществомъ чести*, какое предоставлено было римскимъ епископамъ въ древности. Тогда старокатолики, не имѣя достаточнаго основанія оставаться въ раздорѣ съ папой, возвратятся въ нѣдра Римской церкви, и такимъ образомъ положено будетъ на Западѣ первое начало къ церковному миру и единенію.

2. Когда съ помощью Божіей будетъ достигнуто единеніе съ старокатоликами, Римская церковь должна обратиться ко временамъ Лютера и изслѣдовать чистосердечно, чѣмъ вызвано было отдѣленіе *протестантовъ*. Безъ сомнѣнія, она увидитъ, что вина была на ея сторонѣ, что Лютеръ имѣлъ для себя справедливое основаніе, когда

---

[1]) „Горе же человѣку, имже соблазнъ приходитъ" (Мѳ. 18, 1).

открыто возсталъ противъ папы Льва X съ своими знаменитыми 95-ю тезисами; не даромъ, когда Лютеръ на судѣ предъ папскимъ кардиналомъ сказалъ: „докажите мнѣ, что я неправъ, и я тотчасъ откажусь отъ всего, что утверждаю“, судья могъ отвѣтить только молчаніемъ. Она увидитъ тоже, что правъ былъ Лютеръ и въ томъ случаѣ, когда въ своемъ письмѣ къ папѣ (до окончательнаго разрыва и осужденія) горько сѣтовалъ на крайнее ослѣпленіе папы въ дѣлахъ вѣры, на его неслыханныя злоупотребленія своею властію и пр. А убѣдившись въ этомъ, пусть обратится къ лютеранамъ и другимъ протестантскимъ обществамъ и призоветъ ихъ къ единенію, исповѣдавъ въ чистосердечномъ раскаяніи, что она именно—церковь Римская—виновница ихъ отдѣленія, вызвавшая его соблазнительной продажей индульгенцій и множествомъ другихъ недостойныхъ дѣяній, что теперь, осудивъ и отвергнувъ всѣ бывшія злоупотребленія и заблужденія, она искренно простираетъ имъ руку къ возстановленію мира и единенія. Протестанты, отличаясь образованностью и искренностью, конечно, съ радостью и, славя Бога, отзовутся на этотъ призывъ, и такимъ образомъ весь Западъ станетъ единымъ цѣлымъ, какъ въ періодъ среднихъ вѣковъ.

3. Затѣмъ остается—соединеніе Запада съ церквами Востока и, прежде всего, съ Церковью Православной. Въ этомъ дѣлѣ по преимуществу должны сказаться чистосердечіе и благоразуміе папы. Отличаясь глубокими историческими познаніями и далеко незаурядными умственными дарованіями, пусть Левъ XIII обратится ко временамъ папы Николая I и внимательно изслѣдуетъ причины, которыя вызвали раздѣленіе; пусть изслѣдуетъ не то, что написано объ этомъ впослѣдствіи людьми, оцѣнивавшими все по своимъ собственнымъ пристрастіямъ, но прочтетъ, напримѣръ, *извѣстительное* посланіе Фотія къ папѣ Николаю, по случаю вступленія на патріаршій Константинопольскій престолъ, затѣмъ *отвѣтъ* на него Николая и *новое посланіе* Фотія по поводу этого отвѣта, чтобы видѣть отсюда, каковы были характеры этихъ мужей, кто виновникъ раздѣленія, кто изобрѣлъ предлогъ къ раздору и кто отстоялъ свою правоту и совершенно опровергъ властолюбивыя притязанія противника доказательствами изъ Св. Писанія, доводами логическими и историческими. Да, гордый папа Николай I, его необыкновенное властолюбіе и начавшія уже тогда проникать въ ученіе и жизнь Римской церкви новшества, особенно ясно и открыто выставленная тогда идея папскаго всевластія,—вотъ въ комъ и въ чемъ вина происшедшаго раздѣленія. Если папа Левъ XIII сознаетъ это, и если онъ по истинѣ одушевленъ ревностнымъ желаніемъ содѣйствовать осуществленію словъ Господа: „и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“, пусть отвергнетъ властолюбивыя притязанія папства, пусть, не боясь ложнаго стыда, но смѣло и открыто объявитъ себя первовиновникомъ раздѣленія, пусть, наконецъ, отвергнетъ всѣ допущенныя на Западѣ нечестивыя догматическія новшества и возвратится къ древнему ученію и церковному строю временъ Лина, Климента, первыхъ Львовъ, Амвросія и др. Тогда пусть объявляетъ онъ единеніе Запада съ Православной Восточной Церковью, которая, будучи основана на „недвижимомъ камени“ заповѣдей Господа нашего Іисуса Христа и Его единаго всегда признававшая и исповѣдывавшая своимъ Главою, пребыла и пребываетъ неизмѣнно вѣрною евангельской и апостольской истинѣ. Онъ встрѣтитъ одно только сочувствіе и успѣшно совершитъ свое дѣло, потому что къ миру и единенію стремятся всѣмъ сердцемъ и со всею искренностью и греки, и русскіе, и всѣ вообще православные народы. Когда такимъ образомъ произойдетъ соединеніе христіанскихъ церквей, одно еще остается на обязанности Льва XIII или его преемника.

Такъ какъ Православная Восточная Церковь, послѣ искренняго и дѣйствительнаго церковнаго мира и объединенія, признаетъ за епископомъ старѣйшаго Рима, согласно съ священными канонами, первенство чести среди другихъ епископовъ, то онъ долженъ, съ соизволенія восточныхъ и западныхъ государей, позаботиться о созваніи

вселенскаго собора, гдѣ это будетъ найдено удобнымъ. Предсѣдательство на этомъ соборѣ будетъ представлено, конечно, ему, но при первой же общей встрѣчѣ съ прибывшими на соборъ отъ разныхъ христіанскихъ церквей епископами, вмѣсто всякаго другого привѣтствія и пр., онъ *долженъ умыть имъ ноги*; и это не для того, чтобы напомнить такимъ поступкомъ въ своемъ лицѣ образъ Христа, а въ лицѣ другихъ епископовъ—образъ апостоловъ, какъ привыкли думать папы, но чтобы самымъ дѣломъ доказать всѣмъ свою искренность и чистосердечіе, чтобы своимъ смиреніемъ искупить беззаконіе прежнихъ папъ, заставлявшихъ подобныхъ имъ людей унижаться до рабскаго лобызанія папскихъ ногъ. Затѣмъ долженъ быть прочитанъ свящ. символъ вѣры, какъ онъ составленъ на I и II Вселенскихъ Соборахъ, равно опредѣленія всѣхъ остальныхъ Вселенскихъ Соборовъ. Прочитавъ и подтвердивъ, наконецъ, дѣянія собора 879 г., составленнаго при святѣйшемъ Фотіи, на которомъ были осуждены неограниченныя притязанія папства, собравшіеся на соборъ епископы приступятъ въ духовномъ единеніи къ устройству и упорядоченію церковныхъ дѣлъ и займутся изысканіемъ подобающихъ мѣръ и средствъ къ просвѣщенію христіанствомъ народовъ языческихъ, сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной.

Такое единеніе—при содѣйствіи Всемогущаго Бога—кажется намъ возможнымъ. Во всякомъ случаѣ только такое и по такому пути совершенное единеніе могло бы поселить въ средѣ разлученныхъ и раздѣленныхъ христіанскихъ народовъ истинный миръ и могущественнымъ образомъ укрѣпило бы братское общеніе, а равно способствовало-бы скорѣйшему обращенію въ христіанство язычниковъ. Пусть же Левъ XIII позаботится достигнуть церковнаго мира и единенія указаннымъ путемъ. Всякая попытка достигнуть этой цѣли иначе, такъ, чтобы соблюдены были при этомъ собственныя выгоды папства, не только не будетъ имѣть успѣха, но необходимо вызоветъ со стороны православныхъ еще большее недовѣріе къ Западу и тѣмъ только усилитъ распрю.

Вы же, епископы православныхъ Божіихъ Церквей, благодатію Всесвятаго Духа удостоенные высочайшаго изъ званій, бодрствуйте, стойте на стражѣ Божіей и неусыпно внимайте тому, что совершается вокругъ васъ! Вотъ достойныя постояннаго вашего размышленія слова знаменитаго православнаго богослова, архіепископа Нила Кавасилы: „каждый, кому приходится имѣть дѣло съ латинянами, долженъ постоянно имѣть въ своемъ умѣ одно общее и руководящее для всякихъ частныхъ случаевъ правило, которое бы въ самомъ себѣ заключало свой разумный смыслъ и оправданіе. Это правило состоитъ въ томъ, чтобы *знать причину*, вслѣдствіи которой началась церковная распря,—началась и съ теченіемъ времени усилилась до того, что, повидимому, не остается уже надежды на примиреніе, если не простретъ руку помощи Самъ Богъ". Ветхій Римъ и сидящіе на престолѣ его папы, любящіе славу человѣческую больше чѣмъ славу Божію, искони вѣковъ стремятся поработить себѣ всѣ христіанскія Церкви и очень искусно умѣютъ находить „удобные" для осуществленія своихъ стремленій пути, вмѣсто „порабощенія" говорятъ о „единеніи" и тамъ, гдѣ ничего не могутъ сдѣлать открытымъ насиліемъ, стараются дѣйствовать обманомъ. Итакъ, бодрствуйте, стоя на стражѣ въ дому Божіемъ! Вспомнимъ, какихъ великихъ отцовъ и іерарховъ мы—преемники и какой тяжкій отвѣтъ дадимъ предъ Богомъ, если не выступимъ мужественно противъ коварныхъ враговъ вѣры, если не соединимся всѣ для противодѣйствія злымъ кознямъ Запада, замышляющаго осквернить вѣру отцовъ нашихъ, за которую они столько потоковъ крови пролили. Вооружимся всею силою противъ новоизмышленныхъ догматовъ папской Церкви, учащей воздавать божеское почитаніе и поклоненіе своему папѣ, смертному и подобострастному намъ человѣку! Вѣруйте, что единодушіе, согласіе и непоколебимое упованіе на Господа Бога, отъ Него же „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ" свыше низпосылается просящимъ, помогутъ намъ выйти изъ борьбы побѣдителями. Да помогутъ намъ также молитвы и небесныя благо-

словенія прежде насъ бывшихъ и къ Богу отшедшихъ приснопамятныхъ отцовъ и предшественниковъ нашихъ въ Христовой Церкви, утверждавшихъ православную вѣру, спасшихъ ее отъ всѣхъ враговъ и опасностей и намъ передавшихъ эту вѣру чистою, *не имущею скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ*, но—*святою и непорочною* (Ефес. 5, 27).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИРИНЕЯ ПЕРТИНАКСА ВЪ ОТВѢТЪ НА ЭНЦИКЛИКУ ПАПЫ ЛЬВА XIII ОТЪ 20 ІЮНЯ 1894 ГОДА.

Motto:

Я не ѣмъ этой похлебки,
Нѣтъ!—Я не ѣмъ этой похлебки...
Штрувельпетеръ.

Высокоуважаемый господинъ! Прежде всего я долженъ просить у васъ извиненія, если мой отвѣтъ уже, самъ по себѣ, будетъ вамъ непріятенъ. Я предчувствую, что многое изъ того, что мнѣ придется говорить съ вами въ этомъ письмѣ, не доставитъ вамъ особеннаго удовольствія, въ чемъ я и сознаюсь заранѣе; и въ вашемъ письмѣ я нашелъ очень много такого, съ чѣмъ я никакъ не могъ согласиться, и что—по моему мнѣнію—было несправедливо.

Я хорошо знаю, что вамъ предпочтительнѣе именоваться „святымъ", даже „святымъ отцомъ" или—въ превосходной степени—„святѣйшимъ"; но я не въ состояніи заставить себя или даже мое перо называть „святымъ" бѣднаго, слабаго, грѣшнаго человѣка!—„Мы всѣ грѣшники", говоритъ „*Священное*" Писаніе, и если оно „свято и непогрѣшимо" и говоритъ правду, то—значитъ—васъ *нельзя называть святымъ*... „Всѣ"—значитъ, нѣтъ никакого исключенія!—даже и для васъ, высокоуважаемый господинъ... Мнѣ кажется, ужъ если говорить правду, на вашемъ мѣстѣ я бы съ перваго же раза рѣшительно запретилъ, чтобы меня мои же согрѣшники называли святымъ, ибо названіе „святого", исходящее изъ устъ вашихъ вѣрующихъ (вы должны же съ этимъ согласиться!) въ концѣ концовъ звучитъ насмѣшливымъ титуломъ „господинъ баронъ", придаваемымъ городскимъ извозчикомъ любому чисто-одѣтому прохожему... Или вы, дѣйствительно, въ полномъ убѣжденіи, что вы „святы?"—Въ такомъ случаѣ „святость" папы заключается въ его достоинствѣ, и это правило приложимо одинаково, какъ къ вамъ, такъ и къ вашимъ предшественникамъ.—Но, увы, теперь уже никто не считаетъ ихъ „святыми", и мы покончимъ навсегда съ этимъ празднымъ вопросомъ... Я очень выносливый человѣкъ; но невозможно заставить меня отказаться отъ моихъ убѣжденій. Кромѣ того, я человѣкъ въ высшей степени пунктуальный и аккуратный: долгъ платежемъ красенъ,—тому, кто мнѣ пишетъ, и я всегда отвѣчаю... Если я и боюсь, что не всѣ владыки и народы земли позаботятся объ отвѣтѣ на ваше обширное посланіе, иные, быть можетъ, за неимѣніемъ времени, какъ, напримѣръ, Японія и Китай или очень занятый Миланъ,—но я не желаю искать извиненія въ лѣни другихъ или бросить ваше письмо, какъ сигарную коробку, прямо въ корзину для ненужныхъ бумагъ: мнѣ гораздо пріятнѣе будетъ написать вамъ что-либо въ отвѣтъ!

За привѣтствія, которыми начато ваше письмо, прошу принять мою искреннѣйшую благодарность и мой дружескій отвѣтъ. Но изъ посланнаго вами „апостольскаго благословенія" я никакого полезнаго для себя употребленія рѣшительно не могу сдѣлать! *Личное* благословеніе ваше, какъ стараго, высокопочитаемаго человѣка, я цѣню глубоко... Но какую же цѣну будетъ имѣть ваше „*апостольское*" благословеніе, которое я долженъ всецѣло раздѣлить съ прочими владыками и народами земного шара?—Позвольте

васъ спросить: сколько же изъ этого благословенія придется лично на мою долю?..—Съ помощію спектральнаго анализа, можно открыть даже одну трехмилліонную часть миллиграмма солей натра, но возможно-ли будетъ открыть съ его помощію ту часть вашего апостольскаго благословенія, которая, при честномъ раздѣлѣ между всѣми владыками и народами земного шара, придется на мою долю,—въ этомъ я сильно сомнѣваюсь!—Такое спектрально-аналитическо-апостольское благословеніе ни къ чему, и я думаю, что оно не принесетъ мнѣ ни малѣйшей пользы... Оно будетъ вполнѣ проблематичнымъ!—Но, во всякомъ случаѣ, лучше же имѣть хоть что-нибудь, чѣмъ вовсе ничего, и потому я опять-таки остаюсь вамъ весьма благодаренъ за хорошія ваши намѣренія...

Откровенно говоря, меня очень удивило и обрадовало, что вы, столь высокоуважаемый мною господинъ, на этотъ разъ, всю вселенную, безъ исключенія, *благословили своимъ апостольскимъ благословеніемъ*.—Вѣдь, болѣе половины всего человѣчества, со всѣми владыками и народами, была уже не разъ, торжественно и апостольски, *проклята* съ высоты папскаго престола: Anathema sit!—Такимъ образомъ, значитъ, новое благословеніе уничтожаетъ послѣдствія старыхъ проклятій; иначе это была бы чистѣйшая комедія, еслибы ваше благословеніе не имѣло столько же силы и значенія, сколько ваше проклятіе...—Славная это, право, штука: имѣть возможность съ высоты своего престола благословлять и проклинать сколько вашей душѣ угодно,—и то, что вы предпочли за лучшее благословлять, нежели проклинать, указываетъ на любезныя и гуманныя черты вашего характера! Слѣдуетъ надѣяться, что теперь ваше благословеніе возымѣетъ такую мощь, что не будетъ больше надобности снова прибѣгать къ проклятіямъ. Проклятіе, вообще, есть очень дурная привычка, и я всегда думаю, что „Намѣстнику Всемогущаго Бога на землѣ", какъ вы сами себя именуете въ вашемъ почтенномъ письмѣ отъ 20-го іюня, эта привычка совсѣмъ не приличествуетъ... Господь Богъ не только *Всемогущъ*, но Онъ *преисполненъ и Милосердія*, а къ этимъ Его качествамъ какъ-то не подходятъ проклятія со стороны Его Намѣстника!—Мы, нѣмцы, зовемъ Бога „Любвеобильнымъ" Богомъ и какъ-то отказываемся вѣрить, чтобы *Его* „Намѣстникъ" былъ обязанъ за ничтожныя упущенія въ дѣлахъ вѣры слабыхъ людей *проклинать и погружать* ихъ въ огонь геенны, что противно даже и природѣ человѣческой... Это одно съ другимъ не согласуется: Любвеобильный Богъ никакъ ужъ не можетъ требовать отъ васъ этого!

Что же касается до вашего намѣстничества, то да будетъ мнѣ дозволено предложить вамъ нѣсколько глупыхъ вопросовъ... „Что слѣдуетъ понимать подъ словомъ „Намѣстникъ?"—Насколько мнѣ кажется, это тотъ, кто пользуется всѣми правами и властью другого во время его отсутствія, временнаго или постояннаго. Теперь:—не угрожаетъ-ли что-нибудь Всемогущему Богу?—Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!.. Итакъ, Онъ не нуждается въ вашей помощи; если бы Онъ ее требовалъ, то въ ту же минуту Онъ пересталъ бы быть Всемогущимъ!—Слѣдовательно, вы служите по Его порученіямъ?—Но гдѣ же, когда и при какихъ обстоятельствахъ Всемогущій Богъ поставилъ васъ, высокоуважаемый господинъ, Своимъ Намѣстникомъ на землѣ?..—Я всегда думалъ, что вы только поставлены своими бывшими собратьями—кардиналами,—но не иначе, какъ замѣстителемъ человѣка, подло измѣнившаго своему доброму Хозяину и черезъ это, навѣрное, уже потерявшаго право быть Его Намѣстникомъ, несмотря на позднее горькое раскаяніе и сокрушеніе въ грѣхахъ... Какъ при всемъ этомъ вы еще можете называть себя Намѣстникомъ Всемогущаго Бога,—я понять не берусь!.. Ужъ пусть вы лучше будете „святой", потому что многое есть на свѣтѣ святое, все по разному вкусу! Мнѣ также страннымъ кажется и то, что вы называете себя Намѣстникомъ Всемогущаго Бога *на землѣ*, несмотря на то, что въ своемъ письмѣ такъ горько жалуетесь, плачете и страдаете, что ваша сила, могущество и власть *на землѣ* колеб-

лется все болѣе и болѣе, расшатываемая другими, враждебными вамъ, земными элементами... Какъ вы можете допустить себя до паденія?!—Кто замѣщаетъ сильнаго, имѣетъ также силу... Во сколько же разъ болѣе силы должно быть у того, кто дерзаетъ называть себя Намѣстникомъ Всемогущаго?.. И почему же Тотъ, Чье мѣсто вы замѣщаете, допускаетъ, чтобы ваша власть, ваше могущество умалялись?—Въ этомъ есть что-то непонятное!—Если бы вы назвали себя Намѣстникомъ *Христа* на землѣ, я, быть можетъ, еще могъ бы съ этимъ согласиться, но и этому я бы все-таки не придалъ серьезнаго значенія; но быть Намѣстникомъ *Всемогущаго* Бога, сотворшаго небо и землю, къ Которому даже Христосъ на землѣ обращался не иначе, какъ съ молитвою,—это, ужъ извините меня, по меньшей мѣрѣ, смѣло!..—И, во всякомъ случаѣ, Намѣстникъ во всемъ, что касается его образа жизни и рода дѣятельности, долженъ строго сообразоваться съ желаніями и требованіями того, кого онъ собою замѣщаетъ. Если онъ этого не дѣлаетъ, то онъ, значитъ, дурной, недостойный Намѣстникъ... Нѣтъ ни одного владыки, который бы, будучи самъ въ высшей степени простымъ и скромнымъ человѣкомъ, испытывалъ бы удовольствіе, созерцая роскошь и пышность, окружающія его Намѣстника... И неужели Христосъ, Который имѣлъ только одинъ хитонъ (много два, если считать и тотъ, который сохраняется въ Сокровищницѣ), Который не имѣлъ мѣста, гдѣ преклонить Свою голову, неужели Онъ долженъ былъ избрать Своимъ Намѣстникомъ человѣка, окруженнаго всею земною роскошью, носящаго на себѣ столько драгоцѣнностей, на своихъ рукахъ столько великолѣпныхъ колецъ, что на ихъ стоимость можно-бы было купить достаточное количество хлѣба для десятковъ тысячъ голодающихъ; котораго доходы отъ вкладовъ, хранимыхъ въ англійскихъ банкахъ, достигаютъ ежегодно суммы ста милліоновъ марокъ (изъ динарія Св. Петра, какъ это мы видимъ, каждый изъ кардиналовъ ежегодно отчисляетъ нынѣ въ свою пользу до 30.000 франковъ, а во сколько исчисляется вся сумма пожертвованій,—это составляетъ глубокую, неразгаданную тайну)!—И это такой-то человѣкъ долженъ быть Намѣстникомъ Христа?—Нѣтъ! Я не могу въ это вѣрить!..

Но чтобы Христосъ долженъ былъ имѣть Намѣстника на землѣ, о которомъ Онъ Самъ ничего не зналъ, о которомъ Онъ ничего не говорилъ со Своими учениками въ прощальной бесѣдѣ Своей, хотя и неоднократно разговаривалъ съ ними о предметахъ не настолько уже важныхъ (также и о томъ, что должно произойдти послѣ Его смерти),—въ это я уже совершенно не вѣрю, это положительно невозможно!—Какъ же можетъ кто-либо называться намѣстникомъ другого, не имѣя на то его полномочій, даже безъ его вѣдома, и притомъ живя въ совершенной противоположности принципамъ того, кого онъ долженъ собою замѣщать?—Нигдѣ нѣтъ даже и рѣчи о томъ, чтобы ученики Господа добровольно подчинили себя Намѣстнику Всемогущаго... Да и откуда,—изъ яйца, что-ли, вылупилось это намѣстничество?!—Необходимо допустить здѣсь ошибку, ибо Намѣстника Всемогущаго Бога на землѣ нѣтъ и быть не можетъ!—Посудите сами, найдется-ли на всемъ земномъ шарѣ хоть одинъ здравомыслящій человѣкъ, который бы повѣрилъ такой дикой мысли, носящей отпечатокъ горячечнаго бреда?!—Такъ къ чему же вся эта исторія?,. Нужно имѣть чрезвычайно малое и притомъ невѣжественное понятіе о Богѣ, чтобы повѣрить, что онъ могъ бы избрать простого человѣка Своимъ Намѣстникомъ... Вотъ дикость-то!

А затѣмъ мнѣ не совсѣмъ нравится и дурная ваша манера, мой высокочтимый другъ, именовать себя святымъ и Намѣстникомъ Бога и стараться, чтобы и другіе увѣровали въ это. Но, кромѣ того, есть и еще кое-что, съ чѣмъ я никакъ не могу согласиться. Я бы желалъ высказать все, что у меня лежитъ на душѣ, чтобы потомъ уже, съ полнымъ убѣжденіемъ и безъ всякихъ оговорокъ, согласиться съ существенною цѣлью вашего письма, съ цѣлью, но не съ предлагаемыми вами средствами для ея осуществленія.—

Мнѣ не нравится именно то, что вы въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи говорите о „ненарушимости догматовъ". Я самъ и милліоны живущихъ со мною дожили до того, что, при вашемъ предшественникѣ, въ Римѣ былъ сфабрикованъ всѣми правдами и неправдами, съ большими усиліями и натяжками, новый догматъ, догматъ, котораго никакой богословъ въ прежнее время ни за что бы не рѣшился признать, и отъ котораго ученѣйшіе и вліятельнѣйшіе епископы открещивались буквально и руками, и ногами, какъ чортъ отъ святой купели,—если позволите употребить столь смѣлое богословское сравненіе. Въ это-то самое время и случилось то, что священникъ, на вопросъ своего ближайшаго епархіальнаго начальства,—признаетъ-ли онъ новѣйшій догматъ,—отвѣтилъ слѣдующее: „Не только этотъ, ваше высокопреосвященство, но и всѣ послѣдующіе!"—А вы еще говорите о „ненарушимости догматовъ!"—И здѣсь также слѣдуетъ видѣть какую-то жестокую ошибку... Дальше вы называете церковь „совершенною общиною".—Этого я не признаю... Совершенная!—Состоящая изъ *людей* община и вдругъ совершенная!—Церковь, которая нѣкогда, возложивъ на инквизицію замѣстительство Всемогущаго Бога, предоставила ей пытать и сжигать тысячи несчастныхъ жертвъ, по вашему, все-таки является совершенною?!—Да, пытки и казни были, дѣйствительно, доведены до совершенства... Церковь, которая еще и теперь тонетъ въ заблужденіяхъ, мерзости, невѣжествѣ и грѣхахъ, по вашему мнѣнію, совершенна?—Этого не можетъ быть!—Хотя вы и совершенно-непогрѣшимы,—я все-таки склоненъ думать, что, составляя это письмо, вы, очевидно, находились подъ весьма сильнымъ и, скажу больше, даже неотразимымъ вліяніемъ какой-нибудь чисто-человѣческой мысли. Ту же самую церковь вы называете „Матерью и посредствующимъ звеномъ владыкъ и народовъ".—Но, однако же, есть очень много и владыкъ, и народовъ, стоять съ которыми въ такомъ слишкомъ близкомъ родствѣ не должно представлять особенной пріятности для „совершенной" общины! Эти владыки и народы составляютъ прямую *противоположность* столь восхваляемой вами вашей „*совершенной*" общинѣ...—Теперь перейдемъ къ тому, что вы говорите и утверждаете, будто церковь „должна исключительно стремиться къ цѣли водворенія и упроченія добродѣтели между людьми на землѣ". Она даже награждаетъ за высшія проявленія добродѣтели высокопоставленныхъ лицъ, которыя кажутся ей въ особенности преисполненными добродѣтели, драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ „Розы добродѣтели". Но мы видимъ, однако, цѣлый рядъ владыкъ и народовъ, которые не настолько горды, чтобы именоваться сынами католической церкви, которые ничего знать не хотятъ о своей сомнительной, вымышленной матери, которые въ этомъ отношеніи пошли такъ же далеко, какъ въ свое время поступалъ нашъ великій императоръ Вильгельмъ I, который, избѣгая всякой тѣни подозрѣнія въ пристрастіи къ католикамъ, совершенно игнорировалъ существованіе вашей церкви. Всѣ они, значитъ, не принадлежатъ къ „совершенной общинѣ" и вовсе не думаютъ соединяться съ нею *подъ какимъ бы то ни было* предлогомъ. Они, очевидно, не понимаютъ своей собственной пользы, но находятъ, что добродѣтель въ ихъ „религіозныхъ обществахъ", какъ вы ихъ весьма осторожно называете, ничуть не хуже, а даже и лучше поддерживается, чѣмъ, напр., въ прежней папской церковной области. Для доказательства вовсе не требуется спектральнаго анализа; для этого нуженъ другой, еще болѣе коварный современный способъ, а, именно, статистика. Выводы этой науки относительно числа преступленій въ областяхъ и городахъ, управляемыхъ „Церковью", вовсе не настолько соблазнительны, чтобы возбудить въ людяхъ желаніе присоединиться къ этой „совершенной общинѣ" и римскую церковь назвать своею „Матерью". Но если цѣль „Церкви" только одна—распространять добродѣтель, и если эта добродѣтель въ странахъ, не управляемыхъ „Церковью", культивируется также хорошо и даже, можетъ быть, еще лучше, то это только доказываетъ, что „совершенная община" далеко не въ совершенствѣ проводитъ въ жизнь свою идею... „Церковь привыкла," говорите вы, и въ

этомъ-то и лежитъ главнѣйшее ваше заблужденіе,—„въ своихъ поступкахъ оказывать материнскую снисходительность къ заблудшимъ, а, въ случаяхъ крайней необходимости и соображаясь съ данными обстоятельствами, даже поступаться своими правами". Но неужели возможно допустить, чтобы церковь согласилась смотрѣть сквозь пальцы или съ закрытыми глазами на различныя возмутительныя продѣлки и сдѣлки касательно торговли добродѣтелью до продажи пресловутой „Розы добродѣтели" включительно?— Это мнѣ кажется невѣроятнымъ. А между тѣмъ никто оспаривать не будетъ тѣхъ всѣмъ извѣстныхъ многочисленныхъ и весьма выдающихся примѣровъ, когда „снисходительность", а еще болѣе „материнская заботливость" церкви доходили до того, что заставляли ее даже позабывать свои обязанности, какъ охранителя благочестія!—

Тогда какъ только одна „церковь",—разумѣется, римско-католическая церковь, потому что только ей и придаютъ наименованіе *одной* „церкви", всѣ же остальныя суть только „религіозныя общества", устроенныя по примѣру того, какъ устраиваются общества страхованія жизни или отъ огня, общества различнаго спорта или даже, наконецъ, воровскія общества,—тогда какъ, говоримъ мы, только одна „церковь", снисходительная, даже черезчуръ снисходительная и матерински—заботливая, образуетъ истинно „совершенную" общину,—что-же хорошаго могутъ дать міру остальныя религіозныя общества?—спрашиваете вы съ тревожною тоскою въ своемъ почтенномъ письмѣ. Эти общества, какъ вы говорите, „чрезвычайно легко открыты для проникновенія въ нихъ всякой заразы новыхъ вѣроученій и слишкомъ доступны для произрастанія въ нихъ средѣ самыхъ зловреднѣйшихъ лжеученій".—

Высокоуважаемый господинъ! Да неужели-же вы сами-то вѣрите всему тому, что вы здѣсь написали? Неужели вы думаете, что эти общества такъ, *съ легкимъ сердцемъ*, и примутъ сейчасъ-же всѣ ваши ложныя убѣжденія?—Если уже любой отдѣльный человѣкъ не легко бываетъ доступенъ вліянію единогласно всѣми признанной фальши, то развѣ можно упрекать цѣлое общество, которое исчисляетъ милліоны своихъ членовъ, въ томъ, что оно будто бы можетъ принять ваше лжеученіе?—Это было-бы, дѣйствительно, какое-то замѣчательное общество; дѣйствительно, совершенное общество, ибо— какъ говоритъ одинъ нѣмецкій поэтъ—„мудрецами дѣлаются тѣ, кто приходитъ къ истинѣ черезъ цѣлый рядъ ошибокъ".—Какія-же основанія вы имѣете для того, чтобы говорить авторитетнымъ тономъ, будто эти общества обладаютъ столь малымъ запасомъ здраваго смысла и большимъ количествомъ малодушія?—Или это было сказано такъ себѣ, въ видѣ красиваго словечка? Или, быть можетъ, вы уже записались въ пророки и теперь начали свои прорицанія?—Да, дѣйствительно, много-бы малодушія выказали эти общества, если-бы они ни съ того, ни съ сего вдругъ вздумали отказаться отъ всѣхъ духовныхъ благъ, добытыхъ усиліями послѣднихъ трехъ столѣтій, и безъ бою отдали все, за что ихъ отцы жертвовали и кровью, и всѣмъ своимъ достояніемъ, за ихъ святую, великую духовную свободу!—О, нѣтъ, мы, Нѣмцы, этого никогда не сдѣлаемъ... Кажется, я не ошибаюсь, если предполагаю, что этимъ обществамъ также мало приходитъ на мысль отказаться отъ своихъ заблужденій и новшествъ, которыя такъ удобно среди нихъ „произрастаютъ", какъ и „церкви" отказаться отъ своихъ заблужденій. Изъ этого все равно ничего не выйдетъ... „Дураками остаются тѣ, кто упорствуетъ въ своихъ ошибкахъ", говоритъ тотъ-же самый нѣмецкій поэтъ. Впрочемъ, словомъ „увлеченіе" совсѣмъ непринято обозначать какія-либо твердо-обдуманныя дѣйствія, предпринятыя въ состояніи тяжелой нравственной борьбы. „Увлекаться" можно лишь по опрометчивости, въ припадкахъ злобы или усердія, въ дѣяніяхъ, проистекающихъ изъ-за раздраженія, а то и просто, наконецъ, по врожденной жаждѣ къ подвигамъ и приключеніямъ, но отнюдь ужъ не въ дѣлахъ вѣры, которую нужно отстаивать и душою, и тѣломъ!—

Послѣ того, какъ я указалъ въ вашемъ письмѣ на неприличныя и лживыя мѣста относительно того „религіознаго общества", къ которому принадлежу и я,—вы, навѣр-

ное, не разсердитесь за суровость моихъ выраженій,—мнѣ остается вычеркнуть изъ вашего письма еще одно маленькое замѣчаніе, именно, въ разсужденіи о нашихъ военныхъ порядкахъ.—Вы пишете: „въ цвѣтѣ и силѣ лѣтъ все мужское поколѣніе *приговаривается* къ ношенію оружія...“ Это опять—таки, мой высокопочтенный господинъ, ужасно злостное заблужденіе!..

У насъ, въ Германіи, никто не „приговаривается“ къ ношенію оружія. У насъ считается честью имѣть право носить оружіе: людей, лишенныхъ чести, лишаютъ и права носить оружіе.—Наша молодежь гордится тѣмъ, что она можетъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое отечество и, если это будетъ нужно, умирать за него. Въ этомъ отношеніи, къ полной чести своей, она много отличается отъ папскихъ зуавовъ... Приговаривать можно только къ заключенію въ тюрьмѣ или къ отдачѣ въ арестантскія роты, но не къ ношенію оружія.—Подумайте только, какое вліяніе на вашихъ одновѣрцевъ, носящихъ военной мундиръ произведетъ чтеніе вашего письма, изъ котораго они ясно увидятъ, что во мнѣніи непогрѣшимаго Замѣстителя Всемогущаго Бога они сравнены съ арестантами и „приговорены“ къ ношенію оружія!—Это уже никакъ не можетъ воодушевить ихъ на борьбу съ врагами отечества, и я полагаю, что вы этого никоимъ образомъ не могли имѣть въ виду.

Въ вашемъ письмѣ есть еще очень многое, противъ чего мнѣ слѣдовало бы возражать. Но я высказалъ уже самое главное, что мнѣ въ немъ не нравилось, и что я находилъ ошибочнымъ или завѣдомо-ложнымъ, а потому все прочее я рѣшаю обойти молчаніемъ, такъ какъ и въ моемъ письмѣ, мой высокоуважаемый господинъ, очень многое вамъ не понравится. Человѣку во всякомъ дѣлѣ доставляетъ бо́льшее удовольствіе преодолѣніе разныхъ трудностей, чѣмъ легкое устраненіе ихъ, а хвалить несравненно труднѣе, чѣмъ бранить. Тѣмъ болѣе, разумѣется, пріятно встрѣтить что-либо соотвѣтствующее собственнымъ убѣжденіямъ и идеямъ тамъ, гдѣ на это почти невозможно было и надѣяться. И я такъ радъ, что могу, наконецъ, съ легкимъ сердцемъ, согласиться съ основною мыслію вашего письма!—

Воистину—великимъ и высокоблагороднымъ дѣломъ было съ вашей стороны, уже стоя одною ногою на краю гроба, еще разъ поднять свой голосъ и увѣщевать христіанство всего земного шара напрячь всѣ свои силы для достиженія вновь утеряннаго драгоцѣннаго блага единства, котораго оно никогда не должно было лишаться,—*единства вѣры*, какъ источника всякаго благополучія и счастья, всякаго мира, спокойствія и довольства. Въ яркихъ краскахъ рисуете вы передъ нашими глазами великолѣпную, захватывающую картину человѣчества, наслаждающагося радостями вѣчнаго мира. Нѣтъ насилій, раздоровъ, кровопролитія или войнъ... Всѣ мирные труды—торговля, искусство, наука—процвѣтаютъ, общими усиліями созидается счастье человѣчества, люди безпредѣльно счастливы въ жизни и благословенны послѣ смерти.—Кто не захочетъ потрудиться для достиженія такой великолѣпной цѣли?!—Этотъ золотой вѣкъ мира, идеалъ древнихъ, которому человѣческое воображеніе всегда отводило мѣсто или въ началѣ, или въ концѣ всемірной исторіи,—въ отдаленномъ прошломъ или въ таинственномъ будущемъ,—ибо вообразить себѣ его въ наше время и при нашихъ условіяхъ почти невозможно,—вы намъ представили осязательно, въ яркомъ осуществленіи и не далѣе, какъ въ римской церкви... Идеалъ совпалъ съ дѣйствительностію!

Представленіемъ этого блестящаго идеала вы затронули одну струнку человѣческаго сердца, стройно зазвучавшую въ каждомъ благородномъ человѣкѣ безъ различія положенія, народности или вѣроисповѣданія, и потому всякій трудящійся на поприщѣ этого мирнаго дѣла, послужившій собою для общаго нашего блага, величайшаго блага, заслуживаетъ полной благодарности со стороны даже насъ, насъ, живущихъ въ столь печальныя времена розни, невзгодъ и раздоровъ. Среди такихъ друзей человѣчества и ваше имя, можно надѣяться, будетъ блистать свѣтомъ незаходящей звѣзды. Вашъ гимнъ

любви потрясъ души многихъ милліоновъ человѣческихъ существъ. Вы разбудили глубоко спавшую въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ надежду на высшее и лучшее будущее, на возможность разъ навсегда покончить съ кровавыми распрями и раздорами, раздирающими наше жалкое современное человѣчество. Вашъ призывъ къ лучшимъ силамъ человѣческой души,—къ вѣрѣ, надеждѣ и любви,—вѣроятно, не останется безъ благословенія среди вашихъ вѣрующихъ...

Но и намъ, всѣмъ прочимъ христіанамъ, какъ бы мы тамъ ни назывались, открываются въ вашемъ письмѣ широкіе горизонты для ближайшаго будущаго. Также и для насъ возстаетъ великій вопросъ о единствѣ вѣры, какъ о самомъ мощномъ средствѣ, способномъ сплотить всѣ народы, синонимѣ любви и надежды. И у насъ во глубинѣ души, живетъ непоколебимое убѣжденіе, что несогласно съ волею Христа, чтобы тѣ, которые свое названіе производятъ отъ Его имени, тѣ, которые, не мудрствуя лукаво, должны бы были всецѣло слѣдовать Его ученію, всѣ называющіе Бога Своимъ Небеснымъ Отцомъ,—преслѣдовали другъ друга ненавистью, воевали бы, сражались... Въ этомъ убѣжденіи, нѣтъ сомнѣнія, согласны рѣшительно всѣ, какъ послѣдователи различныхъ „религіозныхъ обществъ“, такъ и тѣ, кто непосредственно подчиненъ „церкви“...

Какое же имѣется средство, которое въ состояніи осуществить искреннѣйшія пожеланія насъ всѣхъ въ настоящее время?—Въ отвѣтѣ, который вы даете на этотъ вопросъ, открыта огромная, непроходимая, зіяющая бездна, раздѣляющая насъ съ вами на вѣки... Если никакого другого средства не будетъ дано ни откуда для столь желаемаго всѣми возсоединенія, кромѣ вашего, то міръ осужденъ оставаться въ вѣчномъ разъединеніи, въ вѣчныхъ раздорахъ.

Вашъ отвѣтъ гласитъ: „*Возвратъ, возвратъ, безъ всякихъ разсужденій возвратъ въ лоно католической церкви!*“ И какъ легко, по вашему убѣжденію, совершится этотъ возвратъ! Каждое вѣроисповѣданіе должно отказаться ото всего того, что отдѣляетъ его отъ Рима (какъ это „легко!“), оно должно сознаться, что до сей поры пребывало въ заблужденіи; оно должно принять все то, чего ему еще недостаетъ, и мы всѣ будемъ снова счастливо возсоединены... Средство, такое легкое и такое простое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настолько же дѣйствительное, какъ касторовое масло противъ землетрясенія. Какъ ни высока цѣль—единство вѣры,—мы должны, однако жъ, призадуматься, какъ бы намъ, съ принятіемъ предлагаемаго вами средства, не пришлось потерять еще несравненно большаго блага, а, именно, нашей совѣсти!.. Почему, какъ вы думаете, отдѣлились отъ Рима всѣ эти „религіозныя общества“? Почему они такъ охотно пожертвовали единствомъ вѣры и отказались отъ всѣхъ благодѣяній „единственно-спасительной церкви“? Только потому, что ихъ совѣсть не могла вступить ни въ какую хотя бы даже и очень выгодную сдѣлку! Они не могли поступить иначе... Слава Богу, не всѣ же люди такъ сговорчивы, чтобы приносить въ жертву свои убѣжденія; не всѣ также принадлежатъ и къ числу тѣхъ, про которыхъ такъ хорошо выразился Дантъ:

genti dolorose
Che hanno perduto il ben dello intelletto!

Не всѣ люди думаютъ такъ, какъ, напр., вы, о тѣхъ, кто „привыкъ считать совѣсть единственнымъ регуляторомъ, единственнымъ показателемъ своихъ поступковъ и дѣйствій!“

Неужели вы думаете, что ходъ вѣроисповѣдной исторіи человѣчества приведетъ къ такому повороту, который заставитъ, наконецъ, всѣхъ христіанъ вновь соединиться съ Римомъ?—Нѣтъ,—если это только и есть то единственное средство, которое вы можете рекомендовать для спасенія міра, то оно не осуществится никогда, никогда и никакой миръ невозможенъ тогда въ христіанствѣ! Этого бы не достигла даже и сама инквизиція, если бы опять подумали о ея возобновленіи, это „великолѣпнѣйшее учрежденіе, мудро организованное, со спасительною дѣятельностію“, какъ его характеризуетъ даже въ

наше время одинъ изъ выдающихся богослововъ римско-католической церкви, докторъ Шерсъ, профессоръ королевско-прусскаго университета въ Боннѣ. При такихъ условіяхъ мы въ глазахъ язычниковъ вѣчно будемъ представлять картину братства народовъ, раздираемаго междоусобными бранями изъ-за религіозныхъ убѣжденій и споровъ. Пока нашъ народъ не погрузится опять въ крайнее варварство (впрочемъ, этого едва-ли можно будетъ ожидать!) до тѣхъ поръ желаемое вами единство церкви достигнуто быть не можетъ!

Но развѣ невозможно возсоединеніе на какихъ-нибудь другихъ условіяхъ? Да, есть одно и при этомъ очень положительное средство, но мы опасаемся, что предложеніе его встрѣтитъ самаго свирѣпаго противника и не иначе, какъ въ лицѣ римскаго папизма. Ибо послѣдствіемъ принятія такого предложенія явится неминуемое и полное упраздненіе всемірнаго господства Намѣстника Всемогущаго Бога на землѣ *и возникновеніе дѣйствительнаго царства Божія на землѣ.*

Возвратъ къ подлинному ученію Христа въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ оно преподано намъ въ Евангеліи, къ той сокращенной, сжатой формѣ, *въ которой открывалъ основы новой жизни Самъ Христосъ*, безо всякихъ позднѣйшихъ добавленій или разъясненій, основанныхъ не на откровеніи Святого Духа, а на богословскихъ или научныхъ изысканіяхъ, затемняющихъ только смыслъ истиннаго ученія; *и возвратъ къ той самой жизни, основамъ которой училъ насъ слѣдовать Самъ Христосъ*, жизни, преисполненной самопожертвованій и братской любви,—вотъ то единственное средство, которое можетъ, наконецъ, водворить желанный миръ въ христіанствѣ.

Какъ христіанъ, насъ въ состояніи удовлетворить общая намъ всѣмъ вѣра въ Небеснаго Отца, въ Его Сына, открывшаго намъ Отца и за насъ умершаго, учившаго насъ, какъ мы должны жить на землѣ, и здѣсь, и тамъ благословеннаго; и въ Духа Истины, который среди насъ на вѣки, по обѣтованію Іисуса, данному въ Его прощальной рѣчи къ ученикамъ... Неужели намъ всего этого недовольно?—Или намъ этого мало?—Что за малодушіе!.. Неужели вы думаете, что непосредственные ученики Христа знали что-нибудь болѣе этого, знали, напримѣръ, то, что впослѣдствіи было придумано церковью или религіозными обществами, то, чему Христосъ ихъ никогда не училъ?.. Что приближаетъ истиннаго католика къ истинному христіанству?—Послѣдованіе-ли въ жизни ученію Христа или строгое выполненіе всѣхъ предписаній его церкви?.. Что приближаетъ также строгаго евангелика къ истинному христіанству?—Слѣдованіе-ли ученію Христа или строгое выполненіе всѣхъ артикуловъ его вѣроисповѣданія?

Спросимъ же себя, по какимъ причинамъ возникъ разладъ въ христіанствѣ, если главнѣйшею не является зло, лежащее въ основѣ каждой человѣческой души. Раздвоеніе въ римской церкви возникло изъ-за того, что, вмѣсто того, чтобы прямо слѣдовать чистому и ясному ученію Христа, какъ оно намъ дано, начали толковать, разъяснять и даже исправлять его, стоя иногда въ совершенной противоположности съ завѣтами и идеалами Божественнаго Учителя. Оно произошло также изъ-за высокоумствованій несовершеннаго человѣка, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ложившихся тяжелымъ гнетомъ на все окружающее и выродившихся, наконецъ, въ уродливое явленіе папства... Споры между другими христіанскими исповѣданіями произошли оттого, что въ отдѣльныхъ индивидуумахъ и даже цѣлыхъ кружкахъ явилось недовольство ясностью и простотою ученія Христа, и возникла потребность научнаго обоснованія его, стремленіе разъяснять такія вещи, которыя для нашего слабаго человѣческаго ума останутся навсегда неразъяснимыми, и требованіе признавать эти шаткія умозаключенія за религіозную истину! Безспорно было и легче, и выгоднѣе вмѣсто того, чтобы слѣдовать ученію Христа, хотя бы даже и при очень измѣнившихся въ дурную сторону условіяхъ жизни, вмѣсто того, чтобы голоднаго накормить хлѣбомъ, а нагого одѣть, вмѣсто того, чтобы бороться съ человѣческимъ самомнѣніемъ,—придумывать различныя науч-

ныя системы, настолько эфемерныя, насколько эфемерны и непогрѣшимость папы, и непогрѣшимость вѣроисповѣданій! Потомъ стало господствовать ужъ совсѣмъ нехристіанское убѣжденіе, что религіозныя мнѣнія не имѣютъ никакого права на какой бы то ни было прогрессъ, реѳорму или улучшеніе. Но, вѣдь, Христосъ говорилъ о живомъ тѣлѣ Своей общины, а отнюдь ужъ не о муміи... И, тѣмъ не менѣе, мы, отъ страха прослыть вѣроотступниками, должны были стоять на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стояли за три, а то и еще болѣе столѣтій передъ этимъ. Не лучше-ли тогда вернуться на ту точку, на которой стояли ученики Христовы,—къ источнику жизни?.. Что же можетъ мѣшать намъ, для полнаго нашего удовлетворенія, признавать всецѣло ученіе Христа за дѣйствительное и реальное, вѣровать въ него и жить по немъ? Тогда, быть можетъ, и Господь Богъ скорѣе проститъ насъ, всѣ наши мелкіе грѣхи и упущенія, если мы будемъ жить согласно Его волѣ и смиренно подчиняться только одному Его имени, да, гораздо легче, чѣмъ Его „Намѣстникъ“! Насъ уже оправдаетъ только одно сознаніе, что мы *дѣлаемъ то, во что вѣруемъ...*

Не лучше-ли будетъ, если мы придемъ къ тому, чтобы на времена, въ которыя мы еще жили, когда бѣдняки умирали отъ голода и нищеты, смотрѣть съ тѣмъ же омерзеніемъ и содроганіемъ, какъ мы смотримъ теперь на времена сожженія колдуній; чтобы они казались намъ настолько же невѣроятными и непонятными, какъ и времена ужасныхъ гоненій на христіанъ при римскихъ императорахъ и при римскихъ папахъ, какъ и времена инквизиціи? Какъ не назвать вопіющимъ преступленіемъ, когда богатый мотъ въ церкви передъ лицомъ Всевидящаго Бога молится словами: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“,—вмѣстѣ со своими братьями во Христѣ, съ людьми, которые вкупѣ съ дѣтьми должны страдать отъ горькаго голода, ни на минуту даже не задумавшись надъ тѣмъ вопросомъ, сколько бы онъ могъ отъ излишка своихъ средствъ способствовать къ услышанію молитвы этихъ голодныхъ бѣдняковъ? Развѣ все это должно остаться по старому?—пора уже, кажется, и давно пора, чтобы тѣ, кто именуетъ себя христіанами, образовали дѣйствительную общину, въ которой бы бѣднѣйшимъ, за ихъ работу, какъ братьямъ по Богу, были обезпечены болѣе лучшія условія мало-мальски сноснаго человѣческаго существованія, а не обидныя подачки, бросаемыя, какъ нищимъ, со стороны благотворительныхъ обществъ. Кто будетъ работать на этомъ поприщѣ, разумѣется, безъ всякихъ попытокъ отвлеченія въ сторону демагогіи, но руководствуемый исключительно христіанскими чувствами и чувствами благородной гуманности,—тотъ, конечно, больше поработаетъ для устроенія Царства Небеснаго на землѣ, чѣмъ тотъ, кто сочинитъ еще одинъ догматъ вѣры!..

Я не настолько наивенъ, чтобы думать, будто высказанныя мною здѣсь мысли могли найти хотя тѣнь сочувствія среди членовъ „совершенной общины“ папства, потому что, если бы церковь имѣла больше желанія поработать надъ этимъ вопросомъ, то исполненіе дѣлъ любви она не передавала бы почти исключительно добровольной дѣятельности частныхъ благотворительныхъ обществъ и, дѣйствуя черезъ посредство своихъ агентовъ, все бы привела къ хорошему концу. При посредствѣ своей вѣры, своей любви и своей надежды,—если только онѣ настоящей, чистой воды, она бы могла *перевернуть весь міръ*, но, взамѣнъ того, что же мы видимъ вокругъ себя? Видимъ, что дѣятельность церкви гораздо менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность чисто-свѣтскихъ, совсѣмъ ужъ несовершенныхъ обществъ, а почему?—А потому, что и церковь, и религіозныя общества имѣютъ совершенно иную задачу: они призваны охранять свое ученіе, его чистоту и „неизмѣняемость догматовъ“!

Но уже близко, близко то время, когда придется подумать о томъ, что составляетъ истинную нужду. Или ужъ всегда все главное будетъ позабываться ради удовлетворенія мелочныхъ потребностей?.. Кто со вниманіемъ и честно прочтетъ исторію Іисуса и Его дѣяній и сопоставитъ съ тѣмъ, что сдѣлала изъ этого церковь подъ

ближайшимъ руководствомъ папства и консисторіи,—тотъ непремѣнно долженъ задать себѣ вопросъ: неужели это продолжится и дальше?—Неужели во всѣхъ христіанскихъ общинахъ, не исключая, разумѣется, и римско-католической, не найдется ни одного самоотверженнаго и энергичнаго человѣка, который бы серьезно подумалъ надъ разрѣшеніемъ величайшей задачи нашего времени?! Въ шестнадцатомъ столѣтіи католическая церковь имѣла еще настолько силы, чтобы выдѣлить изъ себя послѣдователей реѳормы и тѣмъ освободить ихъ совѣсть отъ тяжелаго гнета; церкви девятнадцатаго столѣтія, видно, еще не собрались съ силами, чтобы разорвать путы, которыми держитъ ихъ въ плѣну еще и по сіе время старый духъ!.. Быть можетъ, теперь уже нельзя найти людей, которые могли бы смѣло бороться за свои убѣжденія?..

Чтобы даровать міру миръ, вовсе не достаточно, чтобы мы всѣ, запродавъ драгоцѣннѣйшія наши убѣжденія, нашу совѣсть,—вмѣстѣ съ тѣмъ признали и непогрѣшимость церковныхъ догматовъ, и непогрѣшимость самого папы; чтобы мы приняли всѣ тѣ безчисленныя обрядности, которыя вовсе не были извѣстны Христу,—а нужно только, чтобы мы изъ римскихъ и греческихъ католиковъ, изъ лютеранъ и реформатовъ стали опять христіанами, позабывъ всѣ распри и не обращая вниманія на наши частныя раздѣленія; не христіанами съ молитвою на устахъ: „да пріидетъ Царствіе Твое!“—но, въ концѣ концовъ, удовлетворяющимися прежнею жизнію по старымъ формуламъ, связуя бремена тяжкія и неудобоносимыя и возлагая ихъ на плечи человѣческія, а христіанами, преисполненными любви къ Богу и къ ближнимъ, готовыми ко всяческому самопожертвованію для окончательнаго возстановленія Царства Божія на землѣ, Царства любви и истинной вѣры...

Я очень хорошо знаю, милостивый государь, что за эти слова я бы подвергся пыткамъ, четвертованію и сожженію, если бы мы жили еще во дни, къ сожалѣнію уже исчезнувшаго, прекраснаго по римскимъ взглядамъ папскаго учрежденія—инквизиціи. Мои слова не заслужатъ вашего благоволенія... Но я думаю, что и я имѣю право со своей стороны послать вамъ, такъ любезно приглашающему насъ, еретиковъ, съ „любовію протянутой десницей“, возвратиться опять въ *царство папы*, приглашеніе пожаловать въ *царство Бога*... Въ томъ, что я сказалъ, нѣтъ ничего новаго,—это я очень хорошо знаю, но я лелѣю святѣйшее убѣжденіе, что какъ ваше напоминаніе о вѣчномъ мирѣ вызвало восторгъ всѣхъ послѣдователей Христа, также точно и здѣсь высказанныя мысли *о самой сути нашего христіанскаго исповѣданія и его задачахъ* запечатлѣны въ глубинѣ души каждаго истинно-вѣрующаго человѣка, къ какой бы христіанской сектѣ онъ ни принадлежалъ: будь то католикъ, будь то протестантъ! Дай только, Боже чтобы это время пришло поскорѣе, какъ можно скорѣе, ибо нужда растетъ. Тогда, наконецъ, исполнится то, о чемъ говорилъ Христосъ:

„И будутъ *едино* стадо и *единъ* пастырь!“

Дано въ Майнцѣ у Святаго Бонифатія, осенью 1894 года.

Ириней Пертинаксъ.

ГЛАВА I.

Такъ какъ въ нашей литературѣ ощущается большой недостатокъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи „Великаго Раскола" православной каѳолической церкви, то мы считаемъ весьма цѣлесообразнымъ ознакомить русское общество съ этимъ вопросомъ настолько, насколько позволяютъ намъ узкія рамки нашего труда.

Собраніе вѣрныхъ, исповѣдующихъ Божество Христа на какомъ-либо мѣстѣ, предназначенномъ для общей молитвы, выслушиванія пастырскихъ поученій и совершенія религіозныхъ обрядовъ, называется христіанскою православною или каѳолическою церковью. Христіанская церковь возникла на Востокѣ: она основана Христомъ, поучавшимъ народъ сперва въ мѣстечкѣ Капернаумѣ надъ Галилейскимъ моремъ, гдѣ Онъ и пріобрѣлъ Себѣ учениковъ изъ среды рыболововъ: Петра, Андрея, Іакова, Іоанна и другихъ, съ которыми странствовалъ потомъ по всей Галилеѣ, поучая въ мѣстныхъ синагогахъ и на площадяхъ.

Цѣлыя толпы народа окружали Христа, жадно слушая Его ученіе, и эти-то толпы и образовали первую Христіанскую церковь.

Воскресши изъ мертвыхъ, Іисусъ Христосъ, втеченіи сорока дней, нѣсколько разъ навѣщалъ Своихъ Апостоловъ и утверждалъ ихъ въ истинахъ Своего ученія; въ сороковой день Онъ взошелъ съ ними и со многими другими на гору Елеонскую и сказалъ имъ: „Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святого Духа..." а затѣмъ, поднявъ руки, благословилъ ихъ и вознесся на небо. Апостолы отдали Ему глубокій поклонъ, возвратились въ Іерусалимъ, и впродолженіи десяти дней оставались въ горницѣ, предаваясь молитвѣ и ожидая обѣщаннаго имъ сошествія Святого Духа. Количество собравшихся тамъ учениковъ Христа и благочестивыхъ женщинъ съ Пресвятою Дѣвою Маріей во главѣ достигало цифры 120 человѣкъ [1]).

Святой Петръ предложилъ собравшимся избрать Апостола на мѣсто самоубійцы Іуды Искаріотскаго. Два мужа, Іосифъ Варсава и Матѳей, были представлены собранію. Жребій, брошенный послѣ совершенія молитвы, палъ на Матѳея, который съ тѣхъ поръ и сталъ именоваться двѣнадцатымъ Апостоломъ.

Въ десятый день, въ девять часовъ утра, всѣ услышали рѣзкій шумъ, какъ бы происходящій отъ сильнаго вѣтра, и увидѣли нисходящіе на нихъ огненные языки. Исполненные Духа Святого, они вышли изъ горницы, стали обращаться на разныхъ языкахъ къ многочисленной толпѣ, состоявшей изъ евреевъ, собравшихся въ Іерусалимъ по случаю праздника Пятидесятницы, и изъ пришельцевъ изъ Каппа-Докіи, Мидіи, Египта и Рима. Всѣ были изумлены, слыша галилеянъ (такъ звали Апостоловъ), разговаривавшихъ на ихъ природныхъ языкахъ, какъ бы на своемъ. Только нѣкоторые изъ слушателей посмѣивались, утверждая, что причина всему кроется въ излишнемъ количествѣ выпитаго вина. Святой Петръ сталъ посреди нихъ съ 11-ю Апостолами и повѣдалъ имъ о воскресшемъ Іисусѣ Христѣ. Многіе изъ нихъ, тронутые словами Апостола, спрашивали его, что имъ дѣлать,—онъ же совѣтовалъ имъ покаяться, принять Святое крещеніе и, такимъ образомъ, сподобиться жизни вѣчной. Въ этотъ день первой общественной проповѣди Христіанства были обращены три тысячи евреевъ, которые посвятили себя молитвѣ и слушали Апостольскія поученія, подтверждаемыя многими чудесами и знаменіями вѣры.

Апостолы Петръ и Іоаннъ, посѣщавшіе обыкновенно въ девять часовъ храмъ Іерусалимскій, увидѣли однажды сорокалѣтняго калѣку, котораго ежедневно приносили

---

[1]) См. „Исторія римско-католической церкви"—Кс. С. С. Д.

родные передъ врата храма, называемыя „Изящными“. Онъ попросилъ у Апостоловъ милостыни, и тогда Петръ сказалъ ему: „Взгляни на насъ, золота и серебра нѣтъ у меня, во имя же Іисуса Христа встань и ходи“. Калѣка поднялся и вошелъ въ храмъ, славя Господа и Бога. Народъ, удивленный этимъ чудомъ, столпился въ притворѣ Соломона, гдѣ святой Петръ рѣзко осуждалъ евреевъ, которые не вѣровали въ исполнившееся пророчество о Мессіи. Послѣдствіемъ этой проповѣди было обращеніе свыше 5000 человѣкъ.

Эти-то новообращенные евреи и образовали *первую христіанскую церковь въ Іерусалимѣ*, основанную Петромъ и другими Апостолами. Ихъ церкви именовались первоначально собраніями или общинами. Члены этой церкви, по словамъ „Исторіи римско-католической церкви“, имѣли одно сердце и одну душу. Всѣ они жили сообща въ любви и единеніи, не имѣя собственности, продавая свои имущества и принося къ Апостоламъ вырученныя отъ продажи деньги. Между ними не было нищихъ, такъ какъ эти последніе содержались Апостолами на ввѣренныя ихъ управленію средства. Всѣ они посѣщали храмъ и общую горницу для совершенія молитвы и пріобщенія Святыхъ Тайнъ. Совершивъ богослуженіе, всѣ, безъ различія сословій, ежедневно садились за общую трапезу и, какъ братья во Христѣ, подкрѣпляли свои силы ѣдою. Трапеза эта называлась „агапи“, т. е. „вечеря любви“. Такой образъ жизни въ Іерусалимѣ продолжался до тѣхъ самыхъ поръ, пока христіане не были вынуждены бѣжать отсюда въ мѣстечко, называемое „Пелла“, передъ разрушеніемъ Іерусалима.

Обращенные отказывались отъ всякихъ излишествъ и роскоши и дѣлались новыми людьми кроткаго и смиреннаго сердца, которые готовы были принести въ жертву все, даже самую жизнь, ради Христа и Его безсмертнаго ученія.

Такъ какъ кругъ вѣрующихъ во Христа расширялся съ каждымъ днемъ, то греки начали упрекать евреевъ въ томъ, что ихъ вдовы и сироты не пользуются одинаковымъ съ евреями покровительствомъ. Апостолы были заняты распространеніемъ вѣры и пріобщеніемъ вѣрныхъ къ „избранному стаду“ и, не имѣя возможности сами снабжать неимущихъ пищею на церковныя средства, предлагали обращеннымъ избрать изъ своей среды семь человѣкъ благочестивыхъ мужей, которые прислуживали бы въ церкви и раздавали вспомоществованія между нуждающимися. Въ виду этого и были избраны: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никаноръ, Тимонъ, Парменъ и Николай, Антіохійскій пришлецъ. Совершивъ богослуженіе, Апостолы возложили на нихъ руки и назвали ихъ діаконами. Такимъ образомъ возникли степени церковной іерархіи, состоявшія изъ епископовъ, которыми были Апостолы, изъ священниковъ, нареченныхъ изъ среды 72 учениковъ, и изъ прислуживающихъ имъ діаконовъ.

Изъ Іерусалима Апостолы и ихъ ученики разошлись въ разныя стороны: въ Цесарею и Тарсъ направились Павелъ и Варнава [1]).

Въ 46 году Павелъ и Варнава отправились изъ Антіохіи въ Малую Азію, гдѣ распространяли ученіе Христа, основали первыя церкви или общины въ Антіохіи Пизидійской, Иконіи, Листрѣ и Дербѣ и проповѣдывали Евангеліе и во многихъ другихъ мѣстностяхъ.

Между 50 и 54 годомъ Павелъ въ обществѣ Силы и Луки, къ которымъ вслѣдъ затѣмъ присоединился и Тимоѳей, совершилъ второе путешествіе въ Малую Азію, а оттуда, вслѣдствіи откровенія, переправился въ Европу, гдѣ и возникли христіанскія общины въ Филиппахъ, Ѳессалоникѣ, Вереѣ и Коринѳѣ. Около 52 года Павелъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ въ 54 году, въ частномъ совѣщаніи, Павелъ и Варнава были признаны Апостолами язычниковъ [2]).

[1]) Дѣян. Апост. XI, 25.
[2]) Галат. II, 1—10.

На томъ же основаніи и въ томъ же 54 году Павелъ предпринялъ *третье миссіонерское путешествіе* въ обществѣ Луки, Тита и Тимоѳея. Главнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности былъ городъ Ефесъ. Они имѣли чрезвычайный успѣхъ такъ, что существованіе язычества въ Малой Азіи пошатнулось. Изгнанный разсвирѣпѣвшею толпою, Павелъ направился черезъ Македонію въ Иллирію. Въ 58 году онъ посѣтилъ общины въ Греціи, а затѣмъ возвратился въ Іерусалимъ для того, чтобы исполнить обѣтъ. Но римскій трибунъ въ Іерусалимѣ, желавшій защитить Апостола отъ нападеній разсвирѣпѣвшей черни, арестовалъ его и выслалъ въ Цезарею. Вслѣдствіи апелляціи Павла, какъ римскаго гражданина, къ императору, его отправили въ Римъ, гдѣ онъ, находясь въ заточеніи, проповѣдывалъ Евангеліе и основывалъ христіанскія общины по частнымъ домамъ или же подъ землею. Около 65 года, въ царствованіе Нерона, Павелъ скончался мученическою смертію.

Въ то время, когда Павелъ прибылъ въ Римъ, христіанскія церкви процвѣтали уже въ цѣлой Греціи, въ Малой Азіи и сѣверной Африкѣ. Въ скоромъ времени и въ Римѣ обратилось на лоно Христа множество рабовъ и бѣднаго, угнетеннаго народа. Но вслѣдствіи сильнаго гоненія со стороны правительства церкви или мѣста собраній христіанъ основывались подъ землею, въ катакомбахъ.

Петръ и другіе Апостолы долгое время оставались въ Іерусалимѣ, обращая въ христіанство преимущественно евреевъ. Единовременно всѣ они путешествовали по городамъ, въ которыхъ находились христіанскія общины, съ цѣлью укрѣпить вѣрныхъ, колебавшихся въ исповѣданіи по поводу неоднократныхъ гоненій.

Сообщаясь постоянно другъ съ другомъ, Апостолы дѣйствовали за-одно, и, какъ проповѣдники св. Евангелія, образовывали одно цѣлое. Въ соединеніи съ другими прозелитами, увѣровавшими во Христа, они образовали одну церковь Христову. Никто изъ нихъ не стремился къ главенству, такъ какъ Христосъ сказалъ Петру, въ отвѣтъ на его запросъ, что получатъ Апостолы за то, что они оставили все и пошли за Нимъ: „Истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“ [1]).

Слѣдовательно, церковь, называемая по гречески ἐκκλήσια, собраніе, есть сборище народовъ, соединенныхъ между собою черезъ Христа и во Христѣ. Каждому христіанину, за исключеніемъ женщинъ, разрѣшалось въ собраніи наставлять и увѣщевать народъ. Но чтобы такая свобода не превратилась въ злоупотребленіе и анархію и не стѣсняла бы старшинъ въ дѣлахъ, касающихся проповѣди и духовнаго призрѣнія, рядомъ съ нею должны были возникнуть и церковныя должности. Это церковное представительство, состоящее изъ лицъ, выдающихся въ нравственномъ отношеніи и глубже ознакомленныхъ съ ученіемъ Христа и Его Апостоловъ, образуетъ духовное сословіе. Этотъ классъ общества является выразителемъ христіанской общины, толкователемъ ея духовныхъ нуждъ, ея наперсникомъ и совѣтчикомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся совѣсти, нравственнаго паденія и отчаянія.

Каждая христіанская община избирала себѣ священника, собраніе священниковъ извѣстнаго количества общинъ избирало изъ своей среды епископа, собраніе же епископовъ даннаго племени, государства или народности избирало изъ своей среды архіерея или патріарха. Всѣ они, совмѣстно съ вѣрными, образовали и образуютъ тѣло церкви Христовой, главою которой является Христосъ на небѣ, патріархи же, епископы, священники и остальные вѣрные являются его членами.

Таковою была церковь при земной жизни Христа, когда Онъ лично и открыто наставлялъ и направлялъ Своихъ учениковъ, которые проповѣдывали и совершали

---

[1]) Матѳ. XIX, 28.

только то, что Имъ было указано. Послѣ вознесенія Христа, Апостолы продолжали провозвѣщать Слово Божіе, независимо другъ отъ друга, и только согласно съ властью, ниспосланною на каждаго изъ нихъ Духомъ Святымъ. Ту же власть оставили они и своимъ замѣстителямъ на землѣ, въ лицѣ епископовъ и патріарховъ, избранныхъ вѣрными, вмѣнивъ имъ въ обязанность во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ руководствоваться *исключительно только Священнымъ Писаніемъ,* имъ установленнымъ, и бороться за вѣру Христову съ „вратами адовыми" Рима, которыя осудили Христа на смерть и по нынѣшній день продолжаютъ гоненія на Его послѣдователей. Но „врата адовы" Рима не выйдутъ побѣдителемъ. Такое обѣщаніе далъ Христосъ св. Петру, который основалъ первыя каѳолическія церкви въ Іерусалимѣ, совмѣстно съ Іаковомъ, братомъ Господнимъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что церковь Христова есть одна, что ей предназначено быть вселенскою или каѳолическою, и что она не можетъ быть ограничена ни мѣстностью, ни временемъ, ни народностью.

Но въ составъ церкви входятъ разныя группы, съ ихъ національными особенностями, умственными воззрѣніями и разнымъ уровнемъ образованія. Эти качества и воззрѣнія даютъ извѣстный оттѣнокъ такъ называемымъ „національнымъ" церквамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что черты характеровъ, началъ и національныхъ нравовъ отражались и на членахъ общей церкви даже въ первые вѣка существованія христіанской церкви.

Итакъ, въ первые вѣка, христіане изъ евреевъ рѣзко отличались отъ христіанъ изъ язычниковъ.

Также рѣзко національныя качества отличаютъ восточнаго греческаго христіанина отъ западнаго римскаго.

Уже древнѣйшая исторія изображаетъ намъ грека человѣкомъ очень любящимъ свободу, мыслителемъ, углубляющимся въ обсужденіе отвлеченныхъ вопросовъ. Грекъ стремится къ наукѣ и образованію: съ незапамятныхъ временъ онъ занимался усовершенствованіемъ изящныхъ искусствъ и примѣненіемъ ихъ къ обыденной жизни. Рядомъ съ этими достоинствами у грека встрѣчаются и слѣдующіе недостатки: изнѣженность, страсть къ лести, легкомысліе. Онъ не уважаетъ высшій физическій трудъ и не создаетъ у себя прочнаго правительства.

Римлянина же изображаетъ исторія человѣкомъ въ высшей степени практическимъ. Римлянинъ презираетъ философію и теоретическое образованіе. Онъ больше уважаетъ науки, приносящія реальную пользу, стратегію и законовѣдѣніе. Римлянинъ старается извлекать для себя пользу изо всего. Польза изображена на знамени римлянина. Сильная власть создаетъ прочное государство. Походы и военныя добычи обогащаютъ римлянина. Онъ всасываетъ властолюбіе съ молокомъ матери. Онъ жестокъ, какъ повелитель, не переноситъ сопротивленія. Безсердечіе во взаимныхъ отношеніяхъ,—вотъ отличительная черта римскаго характера.

Когда громъ грохоталъ среди утесовъ, тогда грекъ видѣлъ Зевса, мечущаго молніи съ Олимпа; а когда ему улыбалась синева небесъ, тогда онъ всматривался въ чудные глаза прекрасной дочери Зевса Аѳинеи. Но тѣ существа, которыя онъ самъ себѣ создалъ, поражали его до того сильно, что онъ не видѣлъ въ нихъ ничего другого, какъ только людей возвышенныхъ, озаренныхъ блескомъ силъ природы, а потому и изображалъ, и преображалъ ихъ свободно, по правиламъ искусства. Напротивъ римлянинъ, самъ создающій немного, слыша о чемъ-либо новомъ, для него непонятномъ, прежде всего думалъ только о томъ, какую пользу можно бы было извлечь изъ всего этого?

Когда грекъ, во время жертвоприношенія, возводилъ взоры къ небу, римлянинъ закрывалъ свою голову; такъ какъ молитва у того была *видѣніемъ*, а у этого—*мыслью*.

Самыя древнѣйшія преданія, общія всѣмъ народамъ, какъ, напр., извѣстное преданіе о новомъ родоначальникѣ нынѣшняго рода человѣческаго, уцѣлѣвшемъ во время всемірнаго потопа, встрѣчающееся у индусовъ, грековъ и даже у семитовъ, не оставили по себѣ никакого слѣда у римлянъ. Ихъ боги не могли *сочетаться бракомъ и плодить дѣтей, какъ еллинскіе боги*; они не странствовали невидимо между смертными и не нуждались въ нектарѣ.

Съ другой стороны духовность римскихъ боговъ, которая *только неглубокимъ умамъ кажется ничтожною*, дѣйствовала на умы очень сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ боги Еллады, созданные на подобіе людей; и если бы исторія даже не упоминала объ этомъ обстоятельствѣ, то оно достаточно подтверждается названіемъ вѣры „religio", т. е. союзъ, какъ по выраженію, такъ и по понятію совершенно не эллинскаго происхожденія. Какъ изъ одного и того же наслѣдственнаго достоянія Индія извлекла обильную форму своихъ священныхъ эпосовъ, а Иранъ развилъ отвлеченность Зендавесты, также точно и въ греческой миѳологіи преобладаетъ личность, въ римской понятіе; тамъ свобода, тутъ необходимость.

Вотъ главныя національныя особенности того времени, когда разошлась вѣсть объ искупленіи міра мученической кончиной Господа нашего Іисуса Христа. Христіанская церковь пріобрѣтала многихъ членовъ изъ евреевъ, грековъ и римлянъ. Любовь соединяла всѣхъ въ одно цѣлое. Но національныя черты характера проступили наружу уже въ самомъ зародышѣ христіанской церкви.

Сдѣлавшись христіаниномъ, грекъ не отказался отъ философскихъ размышленій. Божественная истина является у него въ видѣ верховной премудрости, которая вводится въ школы, какъ предметъ высшаго образованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, при изученіи этой неземной истины, не обошлось безъ споровъ, ошибокъ и уклоненій отъ истинной вѣры, называемой каѳолическою, отъ греческаго слова καθολικός, обозначающаго *единомыслие* [1]).

По поводу различныхъ мнѣній о личности Христа возникали еретическія ученія. Проистекающія оттуда, подчасъ очень продолжительныя разногласія сильно возбуждали религіозные умы и давали имъ толчекъ къ разслѣдованіямъ и установленію догматовъ вѣры на вселенскихъ соборахъ (конциліяхъ).

Совсѣмъ другое мы видимъ у римлянъ. Римъ никогда не видѣлъ въ человѣкѣ личность, но только вещь. Онъ шелъ по своей дорогѣ, стремясь къ политическому величію и не обращая вниманія на человѣческія страданія. Если подъ владычествомъ Рима увеличивалось благосостояніе побѣжденныхъ, то это было лишь дѣломъ случая, а никакъ ужъ не предначертаннаго римлянами плана. Они не были самосознательными, разсудительными цивилизаторами. Завоеванія и грабежи, всегда разнообразная цѣль ихъ дѣйствій, не позволяли имъ никогда, даже во времена высшаго умственнаго развитія, постичь *равенство всѣхъ людей въ виду закона.* Безпощадные въ преслѣдованіи своей жестокой политики, они въ очень немногихъ случаяхъ останавливали поднятую десницу, руководствуясь лишь высшими государственными соображеніями. Упоенные могуществомъ, они могли снизойти къ милости, но никогда не подымались къ милосердію.

Когда Сирія платила подати въ размѣрѣ одной трети своихъ годичныхъ продуктовъ, то нечего удивляться, что еврейскій землевладѣлецъ мечталъ объ искупителѣ и жадно слушалъ преданія своего народа о близкомъ пришествіи земного Мессіи, „царя іудейскаго". Нечего удивляться, что съ возвѣщеніемъ равенства всѣхъ людей передъ Богомъ, Который приказываетъ солнцу озарять добро и зло, а дождю орошать правед-

[1]) Римское духовенство переводитъ слово „каѳолическій" съ помощью выраженія „вселенскій", совершенно неправильно называя римско-католическую вѣру вселенскою.

ное и неправедное, люди мечтали о *равенствѣ въ виду закона*. Поэтому христіанская вѣра прежде всего проникла въ сердца угнетенныхъ, нищихъ, рабовъ.

Разумъ не принималъ участія въ разслѣдованіи истины.

Западные же или римскіе *позднѣйшіе* христіане интересовались преимущественно вопросомъ о церковной дисциплинѣ. Точно также и здѣсь разногласія по этому вопросу вызываютъ политическія ереси; господствующій Римъ создаетъ у себя центръ религіозной жизни всего Запада, причемъ римскій патріархъ мечтаетъ о правѣ *главенства* во всемірныхъ церковныхъ дѣлахъ и о проистекающей изъ этого его личной пользѣ.

ГЛАВА II.

Хотя мы задались цѣлью разсмотрѣть преимущественно отношенія римской церкви къ греческой, тѣмъ не менѣе считаемъ цѣлесообразнымъ *на этомъ мѣстѣ уклониться немножко отъ предначертаннаго нами плана* и взглянуть на *распространеніе христіанства вообще*, обращая вниманіе читателей на то, что *Курія Ромы* существовала въ Римѣ *до Рождества Христова*, подъ именемъ „Оракула", который больше всего препятствовалъ распространенію христіанства на Западѣ, что будетъ подробно изложено впослѣдствіи.

Начало христіанства и его быстрое развитіе мы встрѣчаемъ на Востокѣ, преимущественно въ восточной Сиріи, гдѣ христіанство, въ лицѣ Авгара-баръ-Ману (152—187 г.) владѣло престоломъ. На монетахъ, вычеканенныхъ въ царствованіе этого государя, имѣлось знаменіе креста. Западные же христіане, очень немногочисленные въ сравненіи съ язычниками, набирались преимущественно изъ среды самой низкой черни; только при Адріанѣ (117 — 133) присоединились къ нимъ: философы Аристидъ и Квадратъ, затѣмъ философъ Іустинъ, риторъ и римскій адвокатъ Миттвидъ, Феликсъ Миніій, ученый Алфинагоръ и многіе другіе. Съ тѣхъ поръ начались и богословскіе литературные споры.

Но и эта литература возникла, главнымъ образомъ, на Востокѣ.

Въ первые три вѣка церковь находилась въ постоянной борьбѣ съ воззрѣніями язычниковъ и не была въ состояніи упрочить свои общіе церковные догматы. Главная ея задача состояла въ томъ, чтобы защищаться передъ враждебнымъ для христіанства вліяніемъ іудейства и язычества. Поэтому богословская литература того времени занималась преимущественно этимъ дѣломъ. Вслѣдъ за Апостольскими отцами (непосредственными учениками Апостоловъ) выступаетъ на защиту церкви цѣлый рядъ выдающихся апологетовъ. Подъ конецъ II столѣтія выдвигаются наружу разныя богословскія системы въ школахъ: Александрійской, Малоазіатской и Сѣверо-Африканской. Рядомъ съ защитою церкви отъ язычниковъ и евреевъ и съ полемикою противъ еретиковъ начинаетъ развиваться экзегетическое и догматическое богословіе. Предметомъ изслѣдованій является ученіе о св. Троицѣ и о хиліазмѣ (ученіе о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа по откровенію св. Іоанна гл. 20).

Между апологетами II столѣтія самое выдающееся мѣсто занимаетъ *Іустинъ Мученикъ*. Разыскивая истину въ философіи Платона, онъ нашелъ ее въ христіанствѣ и сдѣлался его ревностнымъ защитникомъ. Онъ умеръ мученической смертью въ 166 году въ Римѣ.

Александрійская школа, проникнутая философскимъ духомъ, сдѣлалась главнымъ средоточіемъ христіанскаго просвѣщенія, и школою катихитовъ. Самыми выдающимися учителями этой школы были: *Климентъ Александрійскій* († около 220 г.) и его ученикъ *Оригенъ*, ученѣйшій человѣкъ своего времени († въ 254 г. во время гоненія при Деціи).

Малоазіатская школа приняла направленіе библейско-практическое и сдѣлалась главною крѣпостію противъ гностицизма и монтанизма. Самымъ выдающимся представителемъ этой школы является *Ириней*, ученикъ Поликарпа, который умеръ мученической смертью въ Лугдунѣ (около 202 г.) при Септимѣ Северѣ.

Сѣвероафриканская школа боролась съ гностицизмомъ и главное основаніе христіанской жизни полагала въ аскетизмѣ. Представителями этой школы являются: *Тертулліанъ*, бывшій прежде адвокатомъ и риторомъ, а затѣмъ, по обращеніи, сдѣлавшійся пресвитеромъ въ Карѳагенѣ († въ 220 г.), мужъ пламенной вѣры и глубоко ученый, отецъ церковной латыни, врагъ гностицизма и аскетъ, и *Купріанъ*, риторъ, а затѣмъ епископъ Карѳагенскій, умершій мученическою смертію при Валеріанѣ.

IV и V столѣтія являются эпохою блестящаго развитія церковной литературы. Греческое знаніе и культура предложили церкви свои услуги. Христіанство того времени отличалось юношескою энергіею и жизненностію и прославилось цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ учителей церкви, глубокая образованность, сила духа, христіанская искренность, усердіе и постоянство которыхъ являются возвышеннымъ примѣромъ для всѣхъ грядущихъ поколѣній. Хотя Малоазіатская школа клонится къ упадку, но ея мѣсто занимаетъ цвѣтущая *Антіохійская школа. Александрійская школа* возрождается, а *Западная* школа сѣверной Африки простирается на Италію и Галлію. Ново-Александрійская школа избавляется отъ пристрастныхъ воззрѣній Оригена, сохраняя аллегорическое своеволіе своего перваго наставника. Она тѣсно соединяется съ Западомъ для борьбы съ ересью, и всѣ ея представители до Кирилла Александрійскаго († въ 444 г.) выступаютъ на защиту православія. Антіохійская школа изслѣдуетъ буквальный смыслъ св. Писанія и создастъ библейское богословіе. Начиная съ VI столѣтія, богословская литература, вслѣдствіи вліянія Рима, *клонится къ упадку*. Политическое разложеніе римскаго государства, стремленіе римскихъ епископовъ къ поддѣлкѣ богословской литературы и гоненіе просвѣщенія пріостанавливаютъ свободное развитіе наукъ.

Выдающимися мужами этихъ школъ были:

I. *Представители Александрійской школы*: 1) *Аѳанасій*, епископъ Александрійскій, защитникъ Божества Христа, именуемый отцомъ православія (pater orthodoxiae) († въ 337 г.). 2) *Василій Великій*, благороднаго происхожденія, епископъ роднаго города Цезареи Каппадокійской († въ 379 г.). Онъ воспитывался въ Аѳинахъ, гдѣ завязалъ близкія сношенія, основанныя на любви къ церкви и наукѣ, съ своимъ землякомъ Григоріемъ Назіанзинскимъ и съ братомъ своимъ Григоріемъ изъ Ниссы. Онъ роздалъ нищимъ свое имущество и сдѣлался пресвитеромъ, а затѣмъ епископомъ. Во время гоненій со стороны аріанина Валента, Василій является самою сильною опорою восточной церкви. Онъ построилъ въ Цезареѣ большую больницу и, самъ живя въ нищетѣ, обращалъ на ея содержаніе всѣ свои доходы. 3) *Григорій Назіанзинскій*, называемый Богословомъ, сдѣлался епископомъ Назіанзинскимъ, а затѣмъ Константинопольскимъ патріархомъ. Въ виду гоненій, онъ вернулся обратно на прежнее мѣсто, гдѣ и умеръ въ 390 году. 4) *Григорій изъ Ниссы*, братъ Василія Великаго, умъ спекулятивный, послѣдователь Оригена. 5) *Кириллъ Александрійскій*, воспитанникъ Александрійской школы, ученый изслѣдователь исторіи. 6) *Евсевій изъ Цезареи*, отецъ церковной исторіи († въ 338 г.).

II. Изъ среды послѣдователей *Антіохійской школы* выдѣляются: *Іоаннъ Хризостомъ* (т. е. Златоустый), патріархъ Константинопольскій († въ 407 г.); *Ѳеодоритъ*, епископъ изъ Кироса надъ Евфратомъ, догматикъ, экзегетъ, историкъ, ученый и мѣткій полемистъ († въ 457 г.) и *Ефремъ Сиріецъ*, діаконъ въ Эдессѣ, ораторъ и сочинитель сирійскихъ церковныхъ гимновъ, аскетъ († въ 378 г.).

III. *Изъ западныхъ отцовъ церкви* (писавшихъ на латинскомъ языкѣ) знаменитѣйшіе: 1) *Амвросій*, человѣкъ благороднаго происхожденія, бывшій сперва намѣстникомъ Медіолана, а затѣмъ, послѣ смерти мѣстнаго епископа, хотя еще не крещенный, из-

бранный народомъ въ его преемники. Принявъ епископство, онъ роздалъ свое имущество нищимъ и сдѣлался ихъ отцомъ. Какъ пламенный ораторъ, онъ приводилъ въ восторгъ слушателей и былъ неумолимымъ врагомъ и преслѣдователемъ аріанской ереси. Несмотря на всю его кротость, онъ обладалъ неистощимымъ запасомъ энергіи, которая не знала страха.

Онъ устранилъ отъ церкви могучаго повелителя Θеодосія Вел. за совершенныя имъ въ Θессалоникѣ жестокія казни до тѣхъ поръ, пока тотъ не покаялся всенародно († въ 397 г.). 2) *Іеронимъ Далматинецъ*, самый ученый отецъ церкви своего столѣтія. Онъ перевелъ на латинскій языкъ св. Писаніе. Его переводъ, называемый „вульгата" (vulgata), пользуется до сихъ поръ на Западѣ церковнымъ авторитетомъ. Іеронимъ является приверженцемъ монастырской жизни. Онъ умеръ въ Виθлеемѣ въ 420 г. 3) *Аврелій Августинъ*, родившійся въ 354 году въ Тегасте, въ Нумидіи, былъ крещенъ Амвросіемъ въ 387 г. и занималъ епископскую каθедру въ Гиппо, въ Нумидіи, гдѣ и умеръ въ 430 году. Августинъ былъ самымъ выдающимся отцомъ церкви. Въ немъ соединялись всѣ силы духа: чистота воззрѣній, проницательность, глубина спекуляціи, вѣра, сила воли, любовь къ истинѣ и проч. Онъ занимался всѣми вѣтвями богословскаго знанія, съ самымъ большимъ успѣхомъ наукою о св. Троицѣ, о грѣхѣ и о благодати. „Только одна вѣра располагаетъ человѣка къ пріобрѣтенію познаній (fides praecedit intellectum)"—вотъ на чемъ главнымъ образомъ основывались его воззрѣнія. Самыя выдающіяся изъ его сочиненій это: Confessiones и De Civitate Dei.

IV. Изъ позднѣйшихъ отцовъ церкви, до римскаго раскола, были извѣстны на Востокѣ: анонимный авторъ мистическихъ богословскихъ сочиненій VI столѣтія, писавшій подъ псевдонимомъ *Діонисія Ареопагита*; *Іоаннъ Дамаскинъ,* монахъ и пресвитеръ въ Іерусалимѣ († въ 750 г.), и Константинопольскій патріархъ *Фотій*, о которомъ подробно будемъ говорить ниже.

V. *Римъ.* Въ главномъ очагѣ гоненій на христіанъ, въ Римѣ, не имѣлось ни какой бы то ни было школы, ни христіанской литературы не только въ первые три вѣка, но и въ послѣдующіе, до самой кончины Григорія Великаго, неумолимаго врага всякой образованности. Есть извѣстіе, что при Антонинѣ (138—161) имѣлась уже въ Римѣ литература, которая свидѣтельствовала объ успѣхахъ христіанства. Но это была литература языческаго Рима, образованные люди котораго съумѣли соединить ученіе Апостоловъ съ преданіями язычниковъ, основанными на ученіи о „логосѣ", обозначавшемъ по гречески „слово" (Іоаннъ I).

„Логосъ" христіанъ сдѣлался плотью и имѣлся только въ одномъ лицѣ Христа; у римскихъ же язычниковъ „логосъ" дѣлился на части между *мудрецами, поэтами и законодателями.* Сюда слѣдуетъ отнести отраженія христіанской истины въ языческихъ сочиненіяхъ и поэмахъ; отсюда проистекаютъ также многочисленныя нравственныя начала, встрѣчаемыя въ законодательствѣ языческаго Рима. Все это образуетъ какъ будто частицу христіанства въ язычествѣ.

На этомъ то основаніи языческая Курія Ромы и нашла впослѣдствіи возможнымъ соединить свои обряды съ христіанскими обрядами и догматами, *убѣдившись, что для нея будетъ выгоднѣе,* если христіанство сдѣлается преобладающею религіею. Но это наступило не такъ скоро, и пока что Курія нашла даже цѣлесообразнымъ пригласить въ Римъ нѣкоторыхъ новыхъ языческихъ боговъ.

При вступленіи на римскій престолъ Геліогабала (218—222), жреца солнца въ Ассиріи, перевезли изъ Ефеса въ Римъ его солнечнаго бога въ видѣ конусообразнаго чернаго камня, называемаго тоже „Геліогабалъ". Этому богу построили великолѣпный храмъ и приносили обильныя жертвы.

Вслѣдъ затѣмъ привезли изъ Карθагена статую и сокровища богини неба, на которой торжественно женили бога Геліогабала.

Древнія святости Рима: огонь Весты, Палладій, перенесены были въ храмъ этого новаго бога.

Такимъ образомъ римляне создали себѣ новое божество въ нѣсколькихъ видахъ, которому и стали поклоняться. Теперь всѣ ихъ боги слились въ одного, общаго „deus pantheus", который, оставаясь недвижимымъ и недоступнымъ, управлялъ міромъ съ помощію несмѣтнаго количества, соединенныхъ съ нимъ и ему подчиненныхъ, боговъ низшаго разряда, представлявшихъ прошенія, благодаренія и обѣты вѣрующихъ. Эта форма религіи пережила соединеніе Рима съ христіанствомъ.

Съ принятіемъ этихъ новыхъ боговъ, на которыхъ народъ смотрѣлъ со страхомъ, увеличились суевѣрія и колдовство. Идолопоклонство и колдовство образуютъ одно нераздѣльное цѣлое. Идолопоклонство было пропитано колдовствомъ.

Вездѣ мы находимъ вѣру въ сверхъестественную перемѣну погоды, урожаевъ, въ любовные чары и напитки, въ оборотни, въ заклинаніе и вызываніе умершихъ и т. п. Въ средніе вѣка Римъ сжигалъ на кострахъ за такія колдовства. Каждый изъ такихъ полувѣровъ жилъ въ постоянномъ страхѣ, боялся всякаго звука, дурного глаза, волшебствъ, упырей, высасывающихъ кровь... Придумывались всевозможныя средства противъ колдовства, между которыми огромное значеніе имѣли поставляемые духовенствомъ „амулеты" и разные наплечники и нарамники (скаплеры), которыми полувѣры обвѣшивали себя съ головы до ногъ.

Характеристическою чертою того времени являются всевозможные разсказы о вѣдьмахъ и вампирахъ. Флегонъ издалъ нѣсколько сочиненій о разныхъ видѣніяхъ въ родѣ „Лурда" новѣйшихъ временъ. Въ возможность вызывать умершихъ вѣрили тогда съ непоколебимою силою.

Гоненіе на христіанъ въ Римѣ прекратилось только въ 311 году, когда императоръ Галерій, находясь на смертномъ одрѣ, съ согласія Куріи Ромы, подписалъ эдиктъ, запрещающій дальнѣйшее гоненіе христіанъ.

Послѣ его смерти больше всего содѣйствовалъ упроченію христіанства въ Римѣ Константинъ Великій, который понялъ, что въ единеніи христіанъ всѣхъ земель покоится большая сила. Константинъ, избавившійся отъ предательскаго плѣна у Галерія, рѣшилъ заключить союзъ съ христіанскою партіею.

Съ помощію христіанства, онъ надѣялся пріобрѣсти во всѣхъ уголкахъ имперіи людей, готовыхъ идти за него въ огонь и въ воду, надѣялся пріобрѣсти союзниковъ, не только одушевленныхъ преданіями отцовъ, но—и это самое важное—непоколебимыхъ союзниковъ во всѣхъ легіонахъ. Онъ рѣшился. Военныя событія, о которыхъ будетъ сказано ниже, увѣнчали полнымъ успѣхомъ его планы.

Но онъ никогда не примѣнялся къ требованіямъ церковнаго церемоніала и принялъ крещеніе только на смертномъ одрѣ.

Когда Курія Ромы пустила въ ходъ клевету, будто Константинъ убилъ своего сына Криспа и велѣлъ удавить въ банѣ мать своей первой жены Фаусту, которая приходилась бабушкою троимъ его сыновьямъ, народное негодованіе выразилось тѣмъ, что на дворцовыхъ воротахъ былъ прибитъ пасквиль, въ которомъ царствованіе Константина приравнивалось къ царствованію Нерона. Въ первый моментъ императоръ возъимѣлъ намѣреніе жестоко выместить свой гнѣвъ на народѣ, но вслѣдъ затѣмъ, посовѣтовавшись съ братьями, рѣшилъ низвергнуть Римъ къ разряду второстепеннаго города и перенесъ столицу въ Константинополь (въ 325 г.).

Тогда наступило полное сліяніе мірской власти съ церковною. Но дѣятельность Константина не была дѣятельностію человѣка, обращеннаго въ христіанство; онъ не былъ прозелитомъ, но только покровителемъ, который никогда не руководствовался всецѣло религіозными началами, а лишь оказывалъ неоцѣнимую поддержку своимъ новымъ союзникамъ или же обнаруживалъ безпристрастіе государственнаго человѣка

по отношенію къ обѣимъ формамъ религіи. Въ качествѣ архи-жреца (pontifex maximus), онъ строилъ языческіе храмы и приказывалъ обращаться за совѣтомъ къ оракулу. Во время торжественной закладки новаго города онъ покланялся статуѣ Фортуны. Ревниво охраняемыя жертвоприношенія и строящіеся языческіе храмы, казалось, указывали на то, что онъ имѣлъ только намѣреніе уравнять въ правахъ обѣ религіи. По примѣру прежнихъ императоровъ, онъ называлъ себя „Богомъ“ и приказалъ вычеканить памятную медаль, на которой виднѣлся его титулъ „Богъ“ рядомъ съ монограммою Іисуса Христа. На другой медали онъ изображенъ сидящимъ въ облакахъ на колесницѣ солнца, откуда его поднимаетъ небесная рука. Но вѣрнѣе всего характеризуетъ религіозное настроеніе основателя Константинополя большая порфировая колонна вышиною въ 120 футъ. На ея верхушкѣ находилась статуя, въ которой соединялись въ одно лицо солнце, Спаситель и императоръ.

Послѣ покоренія Царьграда римлянами, взаимныя отношенія побѣдителей и побѣжденныхъ тотчасъ же обостряются и приводятъ къ обоюдной ненависти. Грекъ съ трудомъ примирялся съ римскимъ игомъ, утѣшая себя развѣ только тѣмъ, что въ культурномъ отношеніи онъ былъ неизмѣримо выше своего побѣдителя и одолѣвалъ его на литературномъ поприщѣ.

Завѣтная цѣль римской куріи подчинить своей власти восточную церковь вызывала точно такое же раздраженіе и въ области церковныхъ вопросовъ. Давленіе римскаго епископа, именующаго себя папою, встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ и всеобщее противодѣйствіе. Восточные патріархи упрекаютъ римскаго епископа въ спѣси и въ ложномъ честолюбіи, качествахъ, несогласныхъ съ духомъ христіанина.

Съ другой стороны римскій патріархъ не обращаетъ вниманія на протесты и продолжаетъ основывать свои притязанія на подложной исторической и канонической почвѣ.

Эта безцеремонность раздражаетъ восточныхъ епископовъ и, благодаря такому обстоятельству, разница въ обрядахъ римской церкви постоянно увеличивается. Несмотря на очевидность такой разницы, христіанская любовь все-таки одерживаетъ побѣду надъ соперничествомъ и только благодаря ей одной церковь, впродолженія девяти столѣтій, оставалась единою, православно-каѳолическою... О расколѣ никто и не думалъ; напротивъ, его боялись! До IX столѣтія не возбуждалось вопроса о канонической разности или же о несогласіяхъ въ обрядѣ; такъ все это улаживалось и рѣшалось на соборахъ. Но въ IX столѣтіи ослабѣли узы христіанской любви, соперничество одержало верхъ, и наступилъ разрывъ. Исторія раскола каѳолической церкви раздѣляется на два періода: первый въ IX столѣтіи, а второй окончательный—въ половинѣ XI столѣтія.

Прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію исторіи церковнаго раскола, обратимъ наши взоры въ прошлое, чтобы выяснить себѣ, на чемъ основывались притязанія римскаго патріарха, стремящагося къ главенству въ каѳолической церкви.

ГЛАВА III.

Въ самомъ началѣ христіанской эры историческія событія и условія быта содѣйствовали возвышенію римскаго епископа въ глазахъ христіанъ.

Послѣ разрушенія Іерусалима, римскіе католики, больше всѣхъ гонимые Куріей Ромы, образовали самую выдающуюся общину во всемъ христіанскомъ мірѣ по слѣдующимъ причинамъ: Павелъ, уроженецъ Тарса, величайшій изъ апостоловъ христіанства, прибылъ въ Римъ, эту столицу имперіи и міра, „проповѣдуя Царство Божіе даже въ кандалахъ“. Рядомъ съ престоломъ императоровъ возникла христіанская *община*. Въ ея составъ вошло: нѣсколько человѣкъ обращенныхъ евреевъ, нѣсколько человѣкъ

грековъ и римскихъ рабовъ. Глубокія познанія и мученическая кончина этого апостола язычниковъ, скитальческая жизнь въ подземеліяхъ его преемниковъ и святость ихъ жизни, соединенныя со стойкостью въ преслѣдованіяхъ и мученіяхъ, все это окружило римскую общину извѣстнымъ ореоломъ славы. Впродолженіи почти трехъ столѣтій славилась она далеко вокругъ своею непоколебимою вѣрою. Затѣмъ первоначальное положеніе вещей измѣнилось, и Римъ мало-по-малу вторично завладѣлъ міромъ, хотя и незаконнымъ путемъ.

Первые римскіе пастыри или епископы занимались обращеніемъ въ христіанскую вѣру язычниковъ, которые жили въ ближайшихъ городахъ и селеніяхъ. Епископы и пастыри общинъ, находившихся въ окрестностяхъ Рима, неоднократно были принуждены въ затруднительныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ болѣе опытнымъ наставникамъ, которые предполагались въ Римѣ, какъ столичномъ городѣ, въ виду чего они были проникнуты чувствомъ благодарности по отношенію къ церкви столичнаго города и находились въ тѣсной связи съ нею. Отсюда и произошло то, что обыкновенно происходитъ въ подобныхъ случаяхъ; узы дружбы превратились въ узы подчиненія. Римскіе епископы присвоили себѣ верховную власть надъ ближайшими общинами, считая съ тѣхъ поръ свой прежній нравственный перевѣсъ фактическимъ правомъ, вытекающимъ изъ ихъ положенія. И духовная власть не была въ состояніи отказаться или избавиться отъ врожденнаго человѣку закона природы. Ею овладѣлъ родъ опьяненія, подъ вліяніемъ котораго всѣ высокопоставленные стремятся къ тому, чтобы стать еще выше.

Верховная власть римскаго епископа ограничивалась первоначально только наблюденіемъ за дѣятельностью церквей, которыя находились въ области, подчиненной власти римскаго старосты, то-есть начальника города Рима [1]).

Но тотъ авторитетъ, которымъ пользовалась столица римскаго императора, сдѣлался побудительною причиной, заставившей честолюбивыхъ начальниковъ римской церкви стремиться къ достиженію все большей власти. Значеніе и авторитетъ, которыми во второмъ столѣтіи пользовались отдѣльные епископы, увеличивались по мѣрѣ увеличенія авторитета городовъ, въ которыхъ они имѣли свои каѳедры. Римъ былъ величайшимъ, богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ городомъ міра; онъ былъ столицею государства, матерью народовъ; ему, какъ сказалъ Юліанъ, подчинялись всѣ народы земли. По словамъ Клавдіана, Римъ былъ источникомъ законодательства.

Если Римъ является царемъ всѣхъ городовъ земли, то отчего же бы и римскому епископу не сдѣлаться царемъ всѣхъ епископовъ, а римской церкви матерью всѣхъ остальныхъ христіанскихъ церквей? Отчего же всѣ народы не могутъ сдѣлаться дѣтьми этой матери, считающими ея прославленіе своею главною обязанностію?—Честолюбивое сердце человѣка непрочь отъ подобнаго рода соображеній. Честолюбивый Римъ и воспользовался ими.

Такимъ образомъ языческій Римъ, приближаясь къ паденію, оставилъ смиренному рабу Бога міра богатое наслѣдство, состоящее изъ всѣхъ его великолѣпныхъ титуловъ, которые тотъ, съ помощію меча, и отнималъ у различныхъ народовъ земли, украшая ими свой престолъ, воздвигнутый на развалинахъ языческаго Рима.

Съ другой стороны, епископы остальныхъ областей, опьяненные величіемъ Рима, передъ которымъ преклонялись всѣ народы, пошли по стопамъ приближенныхъ Рима и поддерживали всѣ его посягательства. Они радовались, видя римскаго епископа, окруженнаго блескомъ величія, которое было достояніемъ этой царицы міра, римской церкви. Это возвышеніе сначала не имѣло ничего общаго съ правами верховной власти;

---

[1]) Suburbicaria loca. Rufinus: Hist. eccl. 10; «et ut apud Alexandriam et in urbe Roma vetusta consuetudo servetur, ut vel ille Aegypti, vel hic suburbicariarum ecclesiarum sollicitudinem gerat».

напротивъ, епископы долгое время считали римскаго пастыря равнымъ себѣ, но незаконно—захваченная власть равняется наводненію, которое принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Первоначальные братскіе совѣты римскихъ епископовъ въ скоромъ времени превратились въ рѣшительныя предписанія. Они стали смотрѣть на свое первенствующее положеніе между равными себѣ, какъ на права престольныя.

Епископы Запада поддерживали стремленія римскаго епископа изъ чувства соперничества съ восточными іерархами и, кромѣ того, еще потому, что предпочитали подчиняться духовной власти папы, чѣмъ власти какого бы то ни было мірского правительства.

Съ другой стороны, всѣ богословскія партіи восточной церкви наперерывъ старались пріобрѣсти себѣ расположеніе Рима, такъ какъ каждая изъ нихъ надѣялась побороть своихъ противниковъ съ помощію первенствующей церкви Запада.

Римъ запомнилъ себѣ хорошо всѣ эти ходатайства и заискиванія, съ веселою улыбкою принимая народы, которые добровольно бросались въ его объятія. Онъ не упустилъ ни одного случая, чтобы широко не использовать его для упроченія и расширенія своей власти. Славословіе и лесть, изысканная вѣжливость, запросы другихъ церквей—все это превратилось въ матеріалъ, изъ котораго онъ потомъ постепенно создавалъ свои титулы и доказательства своей верховной власти. Таковъ человѣкъ, возсѣдающій на папскомъ престолѣ! Его опьяняетъ ѳиміамъ, вскружаетъ ему голову, онъ смотритъ на то, что у него имѣется, какъ на предлогъ для дальнѣйшихъ посягательствъ!

Ученіе о церкви и ея внѣшнемъ единствѣ, значеніе котораго, начиная съ третьяго столѣтія, все болѣе и болѣе увеличивалось, содѣйствовало посягательствамъ Рима. Церковь является прежде всего обществомъ святыхъ (1. Кор. 1, 2), соборомъ первенцевъ, написанныхъ на небесахъ (къ Евр. 12, 23). Церковь Христова не есть исключительно внутренній, невидимый организмъ; напротивъ, ея дѣятельность должна принимать внѣшнія формы, въ виду чего Господь и учредилъ Таинство Евхаристіи. Церковь, какъ внѣшняя община, имѣетъ извѣстныя свойственныя ей примѣты, которыми она отличается отъ внутренней церкви. Какъ внутренняя община, какъ Тѣло Христово, церковь есть и должна быть только одна. Но видимая церковь, хотя въ сущности и образуетъ одно цѣлое, на самомъ же дѣлѣ развѣтвляется и принимаетъ, согласно книгамъ Новаго Завѣта, характеръ разнообразія. Въ Священномъ Писаніи говорится объ единой Церкви Господней (1. Кор. 15, 9; Тим. 3, 15), но, тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ она является видимымъ организмомъ, тамъ говорится въ Священномъ Писаніи объ „общинахъ Галатскихъ, Македонскихъ, Іудейскихъ, общинахъ Святыхъ“ (1. Кор. 14, 33). Конечно, всѣ эти разнообразныя общины или церкви могутъ стремиться къ извѣстному наружному единенію другъ съ другомъ, но, если бы даже и не существовало этого стремленія, тѣмъ не менѣе онѣ не лишились бы характера, свойственнаго Церкви Христовой. Самое главное звено, связывающее отдѣльныя части церкви, заключалось сначала въ живой вѣрѣ, съ помощію которой сердца вѣрныхъ придерживались Христа, какъ общей Главы церкви. Но независимо отъ этого, еще разныя другія обстоятельства выдвинули и поддерживали мысль о сплоченіи церкви въ одно видимое цѣлое. Явились люди, хорошо ознакомленные съ формами внѣшняго порядка и привыкшіе къ политическому единству своей земной родины, которые попытались примѣнить эти начала и къ внутреннему „вѣчному“ царству Господа Іисуса Христа. Гоненія не смогли потрясти и разрушить христіанскаго общества; напротивъ того, они научили его считать себя однимъ великимъ организмомъ. Избѣгая еретическихъ мнѣній, распространяемыхъ теософическими школами и сектами того времени, вѣрные строго соблюдали начала единой, вселенской, завѣщанной Апостолами и оберегаемой церковью вѣры. Все это было очень хорошо до тѣхъ поръ, пока внутренняя и невидимая церковь отличалась

отъ церкви внѣшней и видимой. Но въ скоромъ времени начало замѣчаться большое отъединеніе и, наконецъ, наступилъ разрывъ между формою и жизнію. Мѣсто *внутренняго, душевнаго единства*, которое является ядромъ Божественной религіи, заняло единство во внѣшней организаціи церкви, долженствовавшее для виду замѣнить первое. Никто не принималъ предупредительныхъ мѣръ тогда, когда испарялось драгоцѣнное благоуханіе вѣры,—теперь же преклонялись передъ пустыми сосудами, въ которыхъ не было уже ѳиміама. Члены церкви не соединялись уже другъ съ другомъ помощію сердечной вѣры, а оглядывались на другія звенья единенія. Живая церковь мало-помалу отодвинулась въ святыню немногихъ набожныхъ сердецъ, и ея мѣсто должна была занять наружная церковь, провозглашенная, вмѣстѣ со всѣми ея формами, учрежденіемъ Господнимъ. Слово Господне отодвинули на второй планъ и постановили, что спасеніе пріобрѣтается съ помощію тѣхъ разнородныхъ формъ, которыми замѣнялось слово Господне; если же кто-либо стремился къ спасенію не этимъ путемъ, указаннымъ церковью, тотъ считался вообще недостойнымъ спасенія.

Учили, что никто недостигнетъ спасенія съ помощью своей собственной вѣры, что снисхожденіе Духа Святаго на вѣрующихъ поручено Господомъ Іисусомъ апостоламъ, апостолами же епископамъ, и что только въ нихъ обрѣтается Духъ Святый. Раньше считался членомъ церкви всякій, кто исполнился Духа Христова, теперь же учили наоборотъ, что только тотъ исполнится этого Духа, кто станетъ членомъ видимой церкви. Одновременно съ этимъ ученіемъ возникала постепенно разница между духовными лицами и мірскими, между клиромъ и мірянами. Спасеніе души не зависѣло уже исключительно только отъ вѣры въ Христа, но также, и преимущественно, отъ связи вѣрующихъ съ церковью. Служителя и начальствующія лица церкви, захватившіе для себя значительную часть того упованія, которое мы должны питать исключительно лишь ко Христу, сдѣлались настоящими посредниками между Христомъ и членами общины. Начало всеобщаго іерейства все болѣе и болѣе предавалось забвенію, служителя церкви Христовой ставились уже на одну доску съ священниками Ветхаго Завѣта, и всякій изъ нихъ, оставившій епископа, уподоблялся Корею, Даѳану и Авирону. Еще одинъ *шагъ*, и въ особомъ духовномъ сословіи *должна была возникнуть верховная власть первосвященника, которую захватили въ свои руки римскіе папы*. Такимъ образомъ распространилось мнѣніе, что соединеніе церкви въ одно видимое цѣлое необходимо, а вслѣдъ затѣмъ недолго приходилось ждать и возникновенія новаго ученія о томъ, что это наружное единство нуждается въ особомъ представителѣ. Несмотря на то, что въ Евангеліи не упоминается вовсе о главенствѣ Петра, что съ помощію этого главенства просто уничтожались братскія отношенія учениковъ другъ къ другу, и нарушался духъ евангельскихъ учрежденій, согласно которому всѣ дѣти Отца Небеснаго должны служить другъ другу, что одинъ только Начальникъ и Глава церкви—Іисусъ Христосъ, несмотря на то, что Христосъ всегда строго порицалъ всякую мысль о главенствѣ, зарождавшуюся въ сердцахъ Его учениковъ,—несмотря на все это, появилось тонко обдуманное и поддерживаемое извращаемыми мѣстами Св. Писанія ученіе о главенствѣ Петра, на долю котораго, а также его мнимыхъ преемниковъ въ Римѣ, достался громкій титулъ видимаго представителя видимаго единства церкви, т. е. ея видимаго начальника. Возвышенію римскаго папства въ этомъ направленіи способствовалъ больше всѣхъ Сильвестръ Руфинусъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Уже въ первые вѣка церкви главныхъ городовъ пользовались особымъ почетомъ. Никейскій соборъ, въ 6-й главѣ своихъ постановленій, упоминаетъ о трехъ городахъ, Александріи, Римѣ и Антіохіи, церкви которыхъ (какъ полагали отцы собора) съ незапамятныхъ временъ имѣли большое вліяніе на смежныя области. Судя по имени, которымъ первоначально назывались епископы этихъ городовъ, надо полагать, что это отличіе проистекаетъ отъ мірского источника, такъ какъ епископы названныхъ городовъ назывались *экзар-*

ками, по примѣру мірскихъ управителей. Вслѣдъ затѣмъ они получили болѣе духовное названіе „*патріарховъ*", которое первый разъ встрѣчается въ постановленіяхъ Константинопольскаго Собора, хотя и не въ томъ значеніи, которое оно пріобрѣло впослѣдствіи. Только незадолго до Халкидонскаго собора званіе это осталось присвоеннымъ епископамъ виднѣйшихъ большихъ городовъ. На второмъ вселенскомъ соборѣ, состоявшемся въ Константинополѣ, въ 381 году, учрежденъ патріархатъ Константинополя, какъ второй столицы римскаго государства, которая называлась Новымъ Римомъ. Четвертый Халкидонскій соборъ 451 года постановилъ, что Константинопольская церковь, которая до сихъ поръ не пользовалась большимъ авторитетомъ, что касается преимуществъ и значенія, *должна считаться равною римской церкви*. Слѣдовательно, въ христіанскомъ мірѣ имѣлись четыре патріарха, а именно: епископы Рима, Константинополя, Антіохіи и Александріи. Но когда волны усиливающагося магометанства распространились на города Антіохію и Александрію и разрушили мѣстныя епископскія каѳедры, когда Константинопольскій патріархатъ потерялъ свое прежнее значеніе и, вслѣдствіи политическихъ осложненій и переворотовъ, былъ отторгнутъ отъ Запада, тогда Римъ очутился одинъ, безъ всякаго соперничества. Благодаря удачному стеченію обстоятельствъ, все падало къ его стопамъ.

На помощь ему явились новые могущественные сподвижники. Невѣжество и предразсудки ворвались въ церковь и отдали ее въ руки римскаго самоуправца.

Это произошло, однако, не безъ борьбы. Очень часто раздавались голоса, отстаивавшіе свободу церкви. Самые громкіе протесты слышались въ проконсульской Африкѣ и на Востокѣ [1]).

Римъ, однако, опять нашелъ себѣ новыхъ союзниковъ, посодѣйствовавшихъ ему въ подавленіи церковныхъ протестовъ. Государи, которые, въ виду всеобщаго броженія, дрожали за свои престолы, предлагали Риму свои услуги, разсчитывая на его содѣйствіе. Они признали его духовную власть, требуя взамѣнъ утвержденія и упроченія своей мірской власти. Они за безцѣнокъ отдали себя въ распоряженіе Рима, надѣясь съ его помощью успѣшнѣе одолѣть врага. Могущество іерархіи росло, императорское же падало; въ соединеніи же другъ съ другомъ оба они стремились къ своей одной задушевной цѣли.

Римъ ничего не могъ потерять въ этомъ случаѣ. Распоряженіемъ императора Ѳеодосія II и Валентиніана III, римскій епископъ назначался управителемъ [2]) вселенской церкви. Такой же указъ былъ опубликованъ и императоромъ Іустиніаномъ. Въ этихъ декретахъ не встрѣчалось того, что обыкновенно усматривали въ нихъ папы. Но въ тѣ времена—времена застоя и косности—не трудно было отстаивать толкованіе, которое было на руку, и чѣмъ болѣе власть императоровъ въ итальянской землѣ клонилась къ упадку, тѣмъ скорѣе высвобождались изъ-подъ нея папы.

Могущественная поддержка папству шла тогда изъ лѣсовъ Сѣвера. Варварскія племена наводняли земли Запада и заселяли ихъ. Обремененныя добычею, опьяненныя кровью и пожарами, они должны были склонить свой побѣдоносный мечъ передъ мощью духа, съ которою встрѣтились на своемъ пути. Чуждые христіанскому міру, не имѣющіе понятія о духовномъ характерѣ церкви, эти полудикіе язычники и полувѣры

---

[1]) Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, говоритъ о Стефанѣ Римскомъ: magis ac magis eius errorem denotabis, qui heredicorum causam christianos et contra ecclesiam Dei asserere conatur, qui unitatem et veritatem de divina lege venientem non tonnens... Consuetudo sine veritate vetustas erroris est. (Epist. 74). Фирмиліанъ, епископъ Цезареи Каппадокійской въ половинѣ третьяго столѣтія говоритъ такъ: eos autem, qui Romae sunt... frustra venitatem apostolorum praetendere... Caeter... nos veritati et consuetudinem iungimus, et consuetudini Romanorum consuetudinem sed veritatis opponimus, ab initis hoc tenentes, quod a Christo et ab Apostolo traditum est.

[2]) Rector totius ecclesiae.

Сѣвера не могли не покориться великому жрецу, сидящему на римскомъ престолѣ? Съ ними покорился и весь Западъ: племена вандаловъ, готовъ, бургундовъ и алановъ, лонгобардовъ, саксовъ и ляховъ преклонили свои колѣна передъ римскимъ первосвященникомъ. Шагая по выносливымъ мускулистымъ спинамъ этихъ рослыхъ язычниковъ Сѣвера, словно по ступенькамъ лѣстницы, пастырь словеснаго стада, обитавшій на берегахъ Тибра, взобрался на вершину величайшаго изъ престоловъ христіанскаго міра.

При этихъ набѣгахъ варваровъ интересенъ тотъ фактъ, что дикари эти и язычники щадили христіанскіе храмы и церковное имущество въ противоположность латинскому христіанству, воины котораго, завладѣвъ во время крестовыхъ походовъ Константинополемъ, начали съ разграбленія христіанскаго же храма Св. Софіи и другихъ, перерѣзавъ укрывшихся въ нихъ женщинъ и дѣтей. Когда же Аларихъ въ 410 году завоевалъ съ вестготоами Римъ, то первое приказаніе, отданное имъ воинамъ, которымъ было предоставлено грабить Римъ втеченіи трехъ сутокъ, состояло въ томъ, что христіанскіе храмы и укрывшіеся въ нихъ жители неприкосновенны, и это не только было въ точности исполнено, но историкъ описываетъ еще слѣдующій фактъ: „Во время общаго грабежа, одинъ готъ проникъ въ домъ нѣкоей смиренной дѣвы, которую засталъ одинокою, беззащитною и безстрашною, сторожащую цѣлую кучу сокровищъ изъ роскошныхъ сосудовъ. При намѣреніи его накинуться на эту добычу, его отшатнули назадъ спокойныя слова праведницы, что онъ воленъ творить, что ему угодно, но сокровища эти составляютъ собственность апостола Петра и принадлежатъ церкви. Варваръ отступилъ назадъ и, по донесеніи этого случая королю Алариху, получилъ приказаніе препроводить, какъ дары апостола, такъ равно и ихъ смиренную хранительницу неприкосновенными въ храмъ св. Петра. Когда двинулась эта странная толпа грабителей, несущихъ чаши, дискосы, лампады, кресты, сверкавшіе смарагдами и гіацинтами, то мгновенно обратилась въ процессію. Отовсюду стекшіеся христіане, женщины съ одичалымъ взоромъ, за руку съ дѣтьми, беззащитные старцы и трепещущіе мужи, язычники, объятые паническимъ ужасомъ, со всѣми ими мирно перемѣшанные варвары-завоеватели, съ оружія и одеждъ которыхъ текла кровь, а на мрачныхъ лицахъ звѣрская страсть боролась съ внезапно просіявшимъ проблескомъ вѣры, примкнули тѣсно одни къ другимъ и, по мѣрѣ движенія по смятеннымъ улицамъ Рима къ св. Петру, прервали дикій гвалтъ грабежа медленными, торжественными и восторженными звуками гимна и представили городу картину контрастовъ, достойнѣе бы вознаградившую труды Рафаэля, чѣмъ его фрески пожара въ Борго“.

Одновременно съ этими событіями на Западѣ, въ началѣ седьмого столѣтія распространялась на Востокѣ грозная власть Магомета, которая поглотила и другую часть христіанскаго міра.

Обстоятельство это еще болѣе увеличило значеніе папы. Императоры, вынужденные защищать свои восточныя владѣнія отъ наступленія сарацизовъ, предоставили епископамъ Рима заботу принимать мѣры защиты противъ лонгобардовъ. Теперь папы обладали своими собственными крѣпостями и время отъ времени возстанавляли стѣны Рима. Итальянцы стали относиться къ нимъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ государямъ Константинополя, и такіе случаи, какъ возстаніе солдатъ противъ попытки увезти Сергія, подобное же возстаніе въ папствованіе Іоанна VI [1]) и отказъ римлянъ признать власть Филиппика были знаменательными признаками того вліянія, которое римскіе епископы пріобрѣли себѣ въ своемъ городѣ.

Съ тѣхъ поръ зло распространялось все болѣе и болѣе. Въ восьмомъ столѣтіи римскіе епископы отказались признавать греческихъ императоровъ своими законными

---

[1]) Въ 701 году. Anastas, 151.

государями и силились вытѣснить ихъ изъ итальянскихъ земель; одновременно они льстили министрамъ, такъ называемымъ „мажордомамъ“ королевства франковъ, которому улыбалась блестящая будущность на Западѣ, выпрашивая у нихъ для себя остатки владѣній разрушенной восточной имперіи.

Такимъ образомъ Римъ упрочилъ свою незаконно пріобрѣтенную власть между Востокомъ, который онъ оттолкнулъ, и Западомъ, который манилъ къ себѣ. Онъ строилъ свое могущество въ самое неблагопріятное, повидимому, время: съ одной стороны арабы, покорившіе Испанію, намѣревались проникнуть въ Италію черезъ Пиринеи и Альпы и провозгласить господство ученія Магомета въ семихолмномъ Римѣ; съ другой стороны, Римъ ежеминутно ожидалъ нашествія грознаго Астольфа, который во главѣ своихъ лонгобардовъ, точно ревущій левъ, бросался на адскія врата вѣчнаго города, грозя истребить мечомъ всѣхъ его обитателей. Находясь въ такомъ отчаянномъ положеніи и предвидя свой близкій конецъ, Римъ бросился въ объятія франковъ, ища у нихъ защиты и спасенія. Узурпаторъ Пипинъ удостаивается, наконецъ, папскаго утвержденія и благословенія своихъ предпріятій, а взамѣнъ этого обязывается защищать „республику Господню“.

Пипинъ исторгаетъ у лонгобардовъ то, что тѣ отняли у императора, но онъ не отдаетъ императору ключей отъ взятыхъ имъ городовъ, а, напротивъ того, кладетъ ихъ на алтарѣ св. Петра и клянется торжественно, „что онъ обнажилъ мечъ не ради человѣка, но лишь только для того, чтобы удостоиться отпущенія грѣховъ и передать св. Петру свою добычу“. Такимъ образомъ Пипинъ дѣлается основателемъ мірской власти папы.

На арену выступаетъ Карлъ Великій. Войдя въ первый разъ въ базилику св. Петра въ Римѣ, онъ дѣлаетъ это съ глубочайшимъ смиреніемъ, цѣлуя ступени алтаря... Вторично онъ является уже въ качествѣ владѣтеля всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ западнаго государства, а также и въ качествѣ владѣтеля Рима.

Левъ III, какъ это будетъ изложено впослѣдствіи, счелъ цѣлесообразнымъ снабдить также и подходящимъ титуломъ человѣка, захватившаго власть, и поэтому въ самый день Рождества Христова 800 г. онъ увѣнчалъ голову сына Пипина короною римскихъ императоровъ. Съ тѣхъ поръ папа принадлежитъ уже къ государству франковъ, сношенія же его съ Востокомъ прекращаются. Среди германскихъ племенъ, съ которыми онъ теперь заключаетъ союзъ, ему улыбается блестящая будущность, превышающая даже самыя смѣлыя мечты!

Немощный и никуда негодный преемникъ Карла Великаго унаслѣдовалъ только остатки могущества своего отца. Въ девятомъ столѣтіи авторитетъ императорской власти пошатнулся повсемѣстно вслѣдствіи междоусобицъ; Римъ сообразилъ, что наступилъ самый удобный моментъ, и поднялъ голову. Когда же церковь и должна была думать объ освобожденіи отъ несноснаго ига, если не теперь, не во время паденія авторитета императорской власти, когда корона Карла Великаго была раздроблена между мелкими владѣтелями, и громадныя пространства его владѣній такъ безбожно расхищались? Тогда-то именно и появились извѣстныя *поддѣльныя декреталіи Исидора* [1]). Въ этомъ сборникѣ мнимыхъ папскихъ рѣшеній достойно вниманія уже то, что самые древніе епископы, жившіе во времена Тацита и Квинтиліана, *говорятъ на испорченномъ латинскомъ языкѣ девятаго столѣтія*! Обычаи и учрежденія, свойственныя только франкамъ, приписывались безъ всякаго стѣсненія римлянамъ, жившимъ во времена имперіи... *Папы первыхъ трехъ столѣтій ссылаются на латинскій переводъ библіи св. Іеронима, который жилъ лѣтъ на сто, двѣсти, триста послѣ ихъ смерти!..*

---

[1]) Между 6-мъ парижскимъ соборомъ 829 г., рѣшенія котораго заимствованы авторомъ декреталій, и квіерсійскимъ соборомъ 857 г., на которомъ Карлъ Лысый уже ссылался на нихъ.

Римскій епископъ Викторъ въ 192 г. писалъ Ѳеофилу, *который только въ 385 году былъ епископомъ Александріи...* Очевидно, что человѣкъ, который такимъ образомъ подделалъ вышеупомянутые декреты, намѣревался доказать, что всѣ епископы получали свой санъ отъ папъ, и что папа получилъ таковой отъ Самого Іисуса Христа. Поэтому онъ не довольствовался исчисленіемъ всѣхъ послѣдующихъ пріобрѣтеній папства, но относилъ таковыя къ первоначальнымъ временамъ христіанской церкви. *Съ своей стороны папы не боялись ни стыда, ни позора и воспользовались этою низкою поддѣлкою:* Уже Николай I въ 865 г. употребилъ такое оружіе противъ королей и епископовъ. Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій эта наглая ложь была истиннымъ арсеналомъ Рима!

Дальнѣйшему распространенію вліянія декреталій Исидора препятствовали до нѣкоторой степени безнравственные поступки, совершаемые самими папами. Какъ разъ въ ту пору, когда папство пріобрѣло уже царское значеніе и силу, оно падало нравственно. Въ Римѣ водворился развратъ. Тогда именно, какъ указываютъ хроники, престоломъ Петра завладѣла извѣстная женщина, по имени Іоанна, прибывшая въ Римъ вмѣстѣ со своимъ любовникомъ и обманывавшая народъ до тѣхъ поръ, пока все не обнаружилось, благодаря родамъ, случившимся съ нею какъ разъ во время одного торжественнаго крестнаго хода, о чемъ мы и скажемъ ниже.

ГЛАВА IV.

Однако, какъ говоритъ Дрепэръ, мы не въ правѣ утверждать, что западная Европа обязана своими формами христіанства исключительно лишь римскимъ началамъ. Напротивъ, она обязана ими скорѣе Африкѣ.

Упомянемъ лишь вкратцѣ объ этомъ явленіи, какимъ образомъ африканскія понятія пустили въ Римѣ сильные корни, и какимъ образомъ болѣе или менѣе въ пору, когда греческое христіанство, лишившись своей экспансивной силы, отказалось отъ наступательнаго образа дѣйствій, африканское христіанство заняло его мѣсто, распространяясь на западѣ и на сѣверѣ и создавая прочную организацію по образцу организаціи римской имперіи, съ духовными преторами, проконсуломъ и цезаремъ, развивая собственное законодательство, учреждая особыя должности, замѣняя греческій языкъ, до тѣхъ поръ бывшій въ употребленіи, латинскимъ, который въ скоромъ времени дѣлается освященнымъ и приноситъ ему огромную пользу.

Греческія церкви являлись тогда еще чѣмъ-то въ родѣ союзныхъ республикъ; латинская же церковь инстинктивно стремилась къ монархіи. Не стараясь импонировать своимъ положеніемъ, первые епископы Рима вели тихую и уединенную жизнь.

Первоначально главою церкви считались іерусалимскіе епископы, изъ которыхъ первымъ былъ братъ Господа нашего Іаковъ; это мнѣніе господствовало тогда и въ Римѣ. Но уже изъ споровъ по поводу празднованія Пасхи въ 190 г. явствуетъ, какъ рано всплыло наружу стремленіе римскихъ папъ къ главенству. Епископъ римскій Викторъ предлагалъ азіатскимъ епископамъ *руководствоваться указаніями его церкви*, относящимися ко времени празднованія Пасхи. Поликратъ, епископъ Ефеса, заявилъ протестъ отъ имени восточныхъ церквей, и это обстоятельство было началомъ борьбы, которая продолжалась вплоть до Никейскаго собора.

Притязанія римскаго владычества встрѣчали отпоръ не только въ одной Азіи. Въ исторіи церкви сплошь да рядомъ встрѣчаются доказательства, что тому подобныя чувства существовали во многихъ другихъ провинціяхъ. Но въ большинствѣ случаевъ миръ и согласіе существовали не только между Римомъ и Карѳагеномъ, но и между церквами Галліи и Испаніи, которыя смотрѣли на римскую церковь, какъ на выдающуюся и славную, хотя и равную имъ общину. Поэтому св. Кипріанъ заявилъ на Карѳагенскомъ соборѣ: „Никто изъ насъ не долженъ называть себя епископомъ надъ

епископами или же пользоваться тиранническою властью по отношенію къ товарищамъ, такъ какъ всякому епископу дана свобода и власть дѣйствовать по собственному благоусмотрѣнію, и онъ не можетъ подлежать суду другого епископа точно также, какъ не можетъ и самъ судить другихъ. Всѣ мы обязаны дожидаться суда Іисуса Христа, Которому Одному дана власть ставить насъ во главѣ церкви и осуждать наши дѣйствія".

Римъ, какъ это сказано выше, постоянно уклонялся отъ этого равенства, не только благодаря своему исключительному положенію или же выдающимся дѣятелямъ, но также и благодаря политическому положенію, а отчасти скорому накопленію неизмѣримыхъ богатствъ.

Все это уже въ третьемъ столѣтіи возвысило римскаго епископа на ту степень величія, съ которой онъ могъ представляться хранителемъ церкви, причемъ епископы восточныхъ церквей оказывали ему, какъ епископу столицы имперіи, *почетное предпочтеніе.*

Начиная съ четвертаго столѣтія, престижъ римскаго епископа на Западѣ поднимается еще больше, благодаря Константину Великому, перемѣстившему столицу изъ Рима въ Византію. Въ то время римскій епископъ (или Курія Ромы), какъ единственный представитель широкой власти на Западѣ и какъ духовный отецъ вновь обращенныхъ варваровъ, проникающихъ въ нѣдра разлагающейся западно-римской имперіи, считался властелиномъ церкви и западнаго римскаго государства, въ столицѣ котораго не проживали императоры. Въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ Курія Ромы поняла выдающееся положеніе римскихъ епископовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, подъ предводительствомъ Куріи Ромы, не обладая достаточнымъ количествомъ христіанскаго смиренія и систематическаго богословскаго образованія, стали мечтать о самодержавномъ и исключительномъ господствѣ надъ всею христіанскою церковью и надъ ея представителями—епископами и даже патріархами.

Римское государство стремилось къ тому, чтобы съ помощью христіанской вѣры и религіи покорить себѣ всѣ народы; оно старалось навязать имъ *насильственно* не только вѣру, но и свои *религіозные обряды, свой языкъ и обычай*; римскіе же епископы принимали дѣятельное участіе въ этихъ начинаніяхъ съ помощью низшаго *духовенства. Церковный греческій языкъ* былъ замѣненъ латинскимъ, и тотъ, въ свою очередь, сдѣлался источникомъ національной борьбы между различными племенами, среди которыхъ водворялся папою и подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ.

Римское духовенство примкнуло сердцемъ и душою къ борьбѣ римской куріи противъ другихъ народовъ, въ особенности въ то время, когда римскіе папы пользовались мірскою властью. Княгиня Клотильда, маіордомъ Пипинъ и императоръ Карлъ Великій, упрочившіе господство папъ надъ римскими владѣніями, причинили громадный вредъ христіанству и христіанскому духовенству; жажда власти, любостяжаніе и стремленіе къ роскоши привели къ упадку нравственности и разврату среди духовенства. Ученики Христа и преемники апостоловъ упустили изъ виду главныя основанія и начала святой вѣры. Смиреніе, нищенство, кроткіе нравы и любовь къ ближнему исчезли повсемѣстно, развратъ замѣнилъ давнее самоотверженіе; папы, кардиналы, епископы и священники, совмѣстно съ „куріей Ромы", изобрѣли новый способъ апостольства. Они не были уже проникнуты вѣрой и любовью, не старались свѣтить міру своею примѣрною жизнью, но дѣйствовали съ помощію физической силы; вмѣсто креста и Евангелія мира они подняли мечъ и, спрятавшись за щитъ мірской власти христіанскихъ императоровъ, распространяли вѣру Христову огнемъ и мечомъ.

Согласно съ языческими вѣрованіями, священники всегда и всюду считались существами немногимъ лишь ниже боговъ: народы Египта, Галліи, Германіи, Британіи и восточной Индіи всецѣло зависѣли отъ духовенства, которое до тѣхъ поръ управляло

ихъ совѣстью, пока народы не прозрѣвали. Христосъ уничтожилъ вѣру въ кумиры, лишилъ гордую іерархію власти, отнялъ у человѣка все, что затемняло понятія и представленія его о Богѣ, какъ о высшемъ благѣ, и возстановилъ непосредственныя отношенія между человѣческою душою и предвѣчнымъ Источникомъ Истины, называя *Себя единственнымъ Господиномъ* и единственнымъ *посредникомъ*. „Одинъ у васъ учитель Христосъ; всѣ же вы братья“ [1]).

Жители Іерусалима, Азіи, Греціи и Рима, въ царствованіе первыхъ императоровъ, услышали то радостное евангеліе, провозглашающее: „Ибо благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ Божій даръ“. Заслышавъ этотъ голосъ мира, это истинное „благовѣствованіе“, это могучее слово любви, не одна душа, обремененная грѣхами, сдѣлалась вѣрующею, прибѣгая къ этому источнику мира и любви. Многочисленныя христіанскія общины возникли какъ разъ въ испорченной средѣ этого поколѣнія.

Но, къ сожалѣнію, въ скоромъ времени распространилось большое заблужденіе насчетъ значенія и характера спасительной вѣры. Согласно ученію апостола Павла, вѣра есть источникъ, съ помощію котораго вся природа вѣрующаго человѣка, его образъ мыслей, его сердце, его воля постигаютъ искупленіе, дарованное намъ воплощеніемъ и смертію Сына Божія. Съ помощію вѣры человѣкъ постигаетъ Христа, и съ тѣхъ поръ Христосъ является для насъ и въ насъ—всѣмъ. Онъ прививаетъ человѣческой природѣ новую божественную жизнь; человѣкъ же, возродившись такимъ образомъ и избавившись отъ власти самолюбія и грѣха, изобилуетъ новыми силами и совершаетъ новыя дѣйствія. Богословіе точнѣе опредѣляетъ и развиваетъ это ученіе, говоря, что человѣкъ пріобрѣтаетъ вѣрою то, что Іисусъ Христосъ уже разъ навсегда пріобрѣлъ для всѣхъ людей. Если же вѣра не есть пріобрѣтеніе спасенія, то въ такомъ случаѣ она вообще ничто; въ такомъ случаѣ извращается весь христіанскій порядокъ искупленія, изсякаетъ источникъ новой жизни, разрушаются самыя основы христіанства.

Такъ оно и вышло. Практическая сторона вѣры на Западѣ мало-по-малу упускалась изъ виду; въ скоромъ времени вѣра сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она считается и по нынѣшній день многими: объектомъ знанія, *простымъ подчиненіемъ извѣстному высшему авторитету*.

Изъ этого перваго заблужденія должно было непремѣнно возникнуть и второе. Коль скоро вѣра лишилась своего практическаго значенія, то не слѣдовало уже утверждать, что спасеніе заключается только въ ней одной. Такъ какъ добрыя дѣла не считались уже продуктомъ вѣры, то ихъ слѣдовало поставить рядомъ съ вѣрою. Такимъ образомъ, въ церкви возникло ученіе объ оправданіи человѣка вѣрою и добрыми дѣлами. Вмѣсто христіанской истины, по которой оправданіе и дѣйствія, благодать и законъ, вѣра и долгъ образуютъ одно нераздѣльное цѣлое, появилось печальное разъединеніе религіи и нравственности; возникло то, сожалѣнія достойное заблужденіе, которое разрушило единство и, отдѣляя тѣло отъ души, довело до того, что послѣдствіемъ такого разъединенія явилась смерть. Впродолженіи цѣлыхъ столѣтій надъ нашими ушами звучитъ голосъ апостола: „начавъ духомъ, теперь оканчиваете плотію“ [2]).

Вторымъ великимъ заблужденіемъ, оскорбляющимъ ученіе о Божіей благодати, является заблужденіе пелагіанизма. Пелагій утверждалъ, что человѣческая природа не извращена, что первороднаго грѣха не существуетъ вовсе, что человѣкъ, самъ по себѣ, способенъ къ добру, долженъ только желать добра и совершить его. Еслибы для совершенія добра требовалось только этихъ нѣсколькихъ наружныхъ дѣйствій, то правда находилась бы несомнѣнно на сторонѣ Пелагія. Но, слѣдя за внутренними побужде-

---

[1]) Матѳ. XXIII, 8.

[2]) Галат. III, 3.

ніями, отъ которыхъ проистекаютъ наружныя дѣйствія, разслѣдовавъ внутреннюю жизнь человѣка, какъ одно цѣлое, кто не встрѣтится въ его нѣдрахъ съ себялюбіемъ, забвеніемъ Бога, нечистотою и сокровенною слабостію? Ученіе Пелагія, тотчасъ же по своемъ обнаруженіи, было осуждено церковью благодаря стараніямъ Августина, но спустя нѣкоторое время оно появилось опять подъ личиною формулъ, заимствованныхъ изъ сочиненій Августина, и заняло господствующее положеніе въ церкви, подъ названіемъ семипелагіанизма. Заблужденіе это распространялось среди христіанъ съ быстротою молніи. Опасность состояла въ томъ, что семипелагіанизмъ усматривалъ природу добра исключительно только *въ наружныхъ* проявленіяхъ и, такимъ образомъ, преувеличивалъ значеніе наружныхъ дѣйствій, религіозныхъ практикъ и дѣлъ покаянія. Чѣмъ усерднѣе человѣкъ предавался этимъ практикамъ, тѣмъ, по мнѣнію семипелагіанизма, благочестивѣе онъ дѣлался, такъ какъ, съ ихъ помощію, можно было войти въ царство небесное, и, что поразительнѣе всего, такъ это возникновеніе страннаго убѣжденія, будто есть люди, святость которыхъ достигла *большей степени, чѣмъ это нужно было для ихъ собственнаго спасенія.*

Извращая прежнее ученіе, пелагіанизмъ способствовалъ упроченію могущества іерархіи; умаляя значеніе Божьей благодати, онъ одновременно возвышалъ церковь. А между тѣмъ Божья благодать имѣетъ существенное значеніе; церковь же есть ничто иное, какъ человѣческая форма.

Чѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ томъ, что не существуетъ человѣка безгрѣшнаго, тѣмъ стремительнѣе прибѣгаемъ ко Христу, какъ къ единственному источнику спасенія. Слѣдовательно, на какомъ основаніи мы можемъ ставить на одну степень съ Нимъ церковь, которая есть ничто иное, какъ община, состоящая изъ членовъ, которые всѣ одинаково близки къ паденію?—Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ, коль скоро мы станемъ превозносить прирожденную святость человѣка и его личныя заслуги передъ Божествомъ. Въ такомъ случаѣ, священники и монахи уже въ силу своего положенія являются посредниками въ ниспосланіи Божьей благодати. Вотъ каковы были послѣдствія началъ, проповѣдываемыхъ Пелагіемъ.

Спасеніе перешло отъ Бога къ духовенству, которое заняло престолъ Божій и съ удобствомъ помѣстилось на немъ. Души, ищущія спасенія, должны были обращать свои взоры уже не къ небесамъ, но къ церкви или, собственно говоря, не къ церкви, а къ ея мнимой видимой главѣ. Человѣкъ, ослѣпленный блескомъ, видѣлъ на мѣстѣ Бога только одного папу. Этимъ и объясняются величіе и авторитетъ римскихъ папъ, но также и цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ злоупотребленій. Зло распространялось еще дальше. Утверждая, что человѣкъ самъ по себѣ въ состояніи сдѣлаться вполнѣ святымъ, пелагіанизмъ утверждалъ тѣмъ самымъ, что заслуги святыхъ и мучениковъ являются сокровищемъ и собственностью церкви. Въ римскую церковь проникали разныя языческія преданія, мало-по-малу замѣнявшія собою служеніе истинному живому Богу.

Но больше всего способствовали извращенію христіанской вѣры обряды покаянія, проистекающіе отъ началъ пелагіанизма. Первоначально, подъ выраженіемъ „покаяніе", подразумѣвались извѣстные внѣшніе признаки сокрушеннаго сердца, которымъ, по настоянію церкви, подвергались люди, отлученные отъ церковнаго общенія, вслѣдствіи совершеннаго ими соблазнительнаго поступка, и желавшіе быть принятыми обратно въ лоно церкви.

Но, мало-по-малу, возникали всевозможные роды покаянія, установленные для разнаго рода грѣховъ, даже самыхъ сокровенныхъ, и считавшіеся якобы наказаніемъ, которому долженъ подвергаться человѣкъ, желающій удостоиться прощенія путемъ разрѣшенія, которое можетъ дать только духовное лицо.

Такимъ образомъ, христіанское покаяніе, безъ котораго не существуетъ ни оправ-

данія, ни жертвы, было замѣнено покаяніемъ, налагаемымъ церковью. Вмѣсто того, чтобы, съ помощію живой вѣры, стремиться къ Христу и у него просить прощенія, люди думали, что таковое достигается ими лишь отъ церкви и пріобрѣтается съ помощію актовъ покаянія.

Внѣшніе признаки покаянія, сокрушеніе и слезы, проливаемыя надъ грѣхами, посты и бичеваніе пользовались чрезмѣрнымъ значеніемъ, причемъ, однако, упускалось изъ виду возрожденіе сердца, которое только и можетъ одно обратить грѣшника на надлежащій путь.

Такъ какъ гораздо легче сознаться въ грѣхѣ и совершить какой бы то ни было актъ покаянія, чѣмъ побороть власть грѣха и отказаться отъ зла, то люди и не думали уже о борьбѣ съ тѣлесными похотями, а, напротивъ, смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, будучи вполнѣ увѣрены, что послѣдующее затѣмъ бичеваніе смоетъ всѣ слѣды ихъ проступковъ.

Акты покаянія, занявшіе мѣсто прежняго спасенія, ниспосланнаго Богомъ, распространялись въ церкви съ поразительною силою, начиная со временъ Тертулліана до тринадцатаго столѣтія. Благочестивая жизнь состояла въ томъ, чтобы поститься, ходить босикомъ, не одѣвать чистаго бѣлья или же, отказавшись отъ міра, поселиться въ монастырѣ.

Къ этому присоединилось еще въ одиннадцатомъ столѣтіи бичеваніе, принявшее впослѣдствіи размѣры настоящаго сумасшествія, особенно въ Италіи, этомъ краѣ безпрерывныхъ смутъ. Дворяне и чернь, молодежь и старцы, даже пятилѣтнія дѣти, всѣ собирались группами человѣкъ по сто, по тысячѣ и даже по десяти тысячъ, расхаживали по деревнямъ, городамъ и мѣстечкамъ, не имѣя на себѣ никакой одежды, кромѣ узкаго фартуха, и въ трескучіе морозы посѣщали храмы. Эти толпы народа предавались тамъ немилосердному бичеванію, вопли и стоны раздавались по улицамъ до такой степени, что люди, слышавшіе ихъ, обливались слезами.

Но зло далеко еще не дошло до высшихъ предѣловъ, а народъ, изнемогающій подъ гнетомъ духовенства, выжидалъ уже избавленія. Духовенство же, видя, что власть его пропадетъ окончательно въ случаѣ, если зло не будетъ устранено заблаговременно, рѣшило замѣнить тѣлесное наказаніе денежными штрафами и изобрѣло новый способъ *индульгенцію*. Священники говорили: „Вы, грѣшники, не въ состояніи исполнить наложенную на васъ эпитимію. Мы, духовные слуги Господа Бога и ваши пастыри, возьмемъ это тяжкое бремя на себя“. За семинедѣльный постъ,—говоритъ Регино, аббатъ Примскаго монастыря,—заплатитъ зажиточный человѣкъ двадцать грошей, менѣе зажиточный—десять и совсѣмъ бѣдный—три гроша; точно также и за другое. Нашлись храбрые люди, возставшіе противъ такого безобразія, но они не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

Въ скоромъ времени и папа сообразилъ, какая польза можетъ быть отъ такихъ индульгенцій. Александръ Галезій, удостоившійся титула непреоборимаго магистра богословія (doctor irrefragabilis), изобрѣлъ въ XIII столѣтіи ученіе, которымъ воспользовались папы съ цѣлью увеличенія своихъ доходовъ. „Господь Христосъ“,—такъ гласитъ этотъ догматъ—„сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ требовалось для примиренія людей съ богомъ. Для этого достаточно было одной капли Его безцѣнной крови, а между тѣмъ Онъ пролилъ ихъ много, желая оставить церкви неизсякаемое сокровище. Это сокровище еще увеличивается, благодаря заслугамъ святыхъ, которые опять-таки сдѣлали больше добра, чѣмъ нужно было для ихъ собственнаго спасенія. Излишекъ ихъ заслугъ увеличиваетъ сокровище добрыхъ дѣлъ. Охрана и завѣдываніе этимъ сокровищемъ препоручены папѣ, какъ намѣстнику Христа на землѣ. Онъ и никто иной—распредѣляетъ этотъ излишекъ добрыхъ дѣлъ, совершонныхъ Христомъ и Его святыми, по мѣрѣ надобности и сообразуясь съ тѣми грѣхами, которымъ подвергается человѣкъ,

ищущій прощенія, со дня своего крещенія“. Кому же было не желательно воспользоваться столь драгоцѣннымъ правомъ папы?

Этотъ крайне своеобразный методъ наживы совершенствовался все болѣе и болѣе и принималъ, по истинѣ, грандіозные размѣры.

Александрійскіе философы разсуждали объ огнѣ, который якобы очищаетъ людей. Нѣкоторые изъ древнихъ учителей христіанской церкви присвоили себѣ эти мысли философовъ; Римъ уже провозгласилъ ихъ, какъ ученіе церкви. Папа примѣнилъ ученіе объ огнѣ чистилища къ вѣроученію своей церкви и объявилъ, что человѣкъ долженъ страдать въ чистилищѣ за то, въ чемъ онъ не раскаялся на землѣ, но что, съ помощію индульгенцій, душа можетъ быть избавлена отъ пребыванія въ этомъ предварительномъ мѣстѣ мученія, куда она, вѣроятно, попадетъ за грѣхи. Ѳома Аквинскій опредѣлилъ нѣсколько шире это ученіе, отведя для него мѣсто въ своемъ сочиненіи „Summa theologiae“. Ни одно средство, могущее исполнить страха человѣческіе умы, не упускалось изъ виду; муки чистилища изображались самыми яркими красками. Въ католическихъ странахъ, по костеламъ и при дорогахъ, встрѣчаются и по нынѣшній день изображенія несчастныхъ душъ, среди пламени чистилища вопіющихъ о спасеніи и прощеніи.

Впослѣдствіи (кажется, при папѣ Іоаннѣ XXII), эта торговля человѣческими душами была приведена въ порядокъ и установлена извѣстная мерзкая такса индульгенцій, сохранившаяся въ 40 слишкомъ изданіяхъ. Даже самый равнодушнѣйшій человѣкъ можетъ возмутиться исчисленіемъ всевозможныхъ преступленій, оцѣняемыхъ по этой таксѣ. Напр., за изнасилованіе близкой родственницы, оставшееся, впрочемъ, въ тайнѣ, взималось 5 дукатовъ; за таковое же, но только обнаруженное,—6 дукатовъ... Убійство родителей, умерщвленіе ребенка, прелюбодѣяніе, ложная присяга, воровство и разныя другія беззаконія, о которыхъ даже подумать страшно,—все это имѣло свою таксу, о чемъ скажемъ въ свое время. „О, позоръ Рима!“—пишетъ знаменитый римскій богословъ Клавдій Есперскій.

Бонифацій VIII, самый честолюбивый и смѣлый послѣ Григорія VII, изъ римскихъ папъ, перещеголялъ своихъ предшественниковъ даже и въ этомъ отношеніи. Въ буллѣ, изданной въ 1300 г., онъ распорядился объявить повсемѣстно, что каждые 100 лѣтъ удостоятся въ Римѣ полнаго прощенія грѣховъ всѣ тѣ, кто въ этомъ году совершитъ паломничество въ Римъ. Толпы народа изъ Италіи, Испаніи, Сициліи, Сардиніи, Корсики, Франціи, Германіи, Угріи и Польши отправились въ Римъ. Старики 60 и 70 лѣтъ даже и тѣ были увлечены общимъ потокомъ. Втеченіи одного мѣсяца въ Римѣ перебывало болѣе 20 тысячъ благочестивыхъ паломниковъ, и всѣ они приносили съ собою обильныя жертвы. Кладовыя папы и римлянъ наполнились сокровищами.

Но всего этого было слишкомъ мало, чтобы утолить ненасытную жажду Рима, и тогда былъ объявленъ сначала каждый 50-й годъ, затѣмъ 33-й и, наконецъ, 25-й годъ юбилейнымъ годомъ. Впослѣдствіи юбилеи и индульгенціи распространились повсемѣстно, куда только проникло римское христіанство, какъ для удобства покупателей, такъ и для увеличенія доходовъ продающихъ. Въ паломничествѣ перестала ощущаться потребность; всякій имѣлъ на мѣстѣ то, что пріобрѣталось другими въ Италіи. Дальше не могъ уже идти соблазнъ, который, какъ это увидимъ впослѣдствіи, и подготовилъ реѳормацію Лютера.

ГЛАВА V.

Господь Іисусъ Христосъ училъ, что Его вѣра и религія происходитъ отъ Самого Бога и, стало быть, не можетъ быть уничтожена никакою человѣческою силою, такъ какъ ея основатель во всякое время станетъ на ея защиту до скончанія вѣка.

Это предсказаніе сбылось и тогда, когда наступило время нравственнаго паденія Рима. Господь ниспослалъ свою благодать на восточное духовенство, которое съ истинно-апостольскимъ самоотверженіемъ воспротивилось притязаніямъ римской куріи и интригамъ латинскаго духовенства и, не обращая вниманія на всевозможнѣйшія гоненія, крѣпко отстаивало истинную (православную) вѣру и апостольскія преданія.

Оно сильно возставало противъ распространенія вѣры съ помощью оружія, боролось съ нововведеніями, не согласными съ духомъ апостольской вѣры, отвергало нелѣпые догматы, изобрѣтаемые безъ всякой надобности, нисколько не укрѣплявшіе въ вѣрѣ во Христа, а, наоборотъ, обезсиливавшіе чистую вѣру. Оно строго осуждало мірскую власть папъ, любостяжаніе, роскошь и развратъ западнаго духовенства. Когда оказалось, что всѣ отзывы восточнаго духовенства остаются *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*, тогда, какъ это увидимъ ниже, наступило разъединеніе, раздѣлъ церкви Христовой на Восточную и Западную.

Мы уже сказали выше, что римскій епископъ Викторъ, жившій во второмъ столѣтіи, первый, обнаружилъ стремленіе къ церковному единодержавію, пользуясь въ данномъ случаѣ разногласіями, касающимися дня празднованія Пасхи. Высокомѣрный и вспыльчивый, онъ увлекся до такой степени, что предалъ анаѳемѣ всѣ церкви и народы, которые не примѣнялись къ обрядамъ римской церкви, несмотря на то, что тѣ, хотя въ данномъ случаѣ и не шли по стопамъ Рима, дѣйствовали, однако, согласно съ указаніями Евангелиста Іоанна и другихъ апостоловъ. Этотъ поступокъ Виктора, до тѣхъ поръ чуждый по своему характеру христіанской церкви, сразу же былъ осужденъ Иринеемъ, епископомъ Ліонскимъ, и многими другими истинно-религіозными людьми. Св.Ириней совѣтовалъ Виктору стремиться къ единенію и всеобщему согласію, но никакъ не угрожать анаѳемой. Поликратъ, епископъ Ефесскій, отвѣтилъ Виктору: „твои угрозы не пугаютъ меня“.

Папскій историкъ Лавиконтери (стр. 60) говоритъ слѣдующее: „Имѣющіяся у насъ данныя, которыя касаются римскихъ епископовъ конца второго столѣтія, гораздо опредѣленнѣе и вѣрнѣе прежнихъ преданій. Извѣстно, что въ 193 году Викторъ былъ возведенъ въ архіерейскій санъ. Все предыдущее покрыто мракомъ, испещрено нелѣпыми легендами, презираемыми всякимъ человѣкомъ, умъ котораго не помраченъ фанатизмомъ и невѣжественнымъ суевѣріемъ. Все, что творилось дальше, не можетъ не возбудить отвращенія. Уже тогда возникаютъ разногласія, касающіяся празднованія Пасхи, но первоначально они лишены остраго характера. Однако, Викторъ далекъ уже отъ той умѣренности, которою обладали его предшественники: считая себя представителемъ верховной власти, онъ, по собственному побужденію, отлучаетъ отъ церковнаго общенія всѣ азіатскія общины или церкви на томъ только основаніи, что онѣ расходятся съ его воззрѣніями, предаетъ ихъ анаѳемѣ и публикуетъ компрометирующія письма, исполненныя всевозможнѣйшихъ упрековъ и оскорбленій“.

Всѣ епископы были удивлены и возмущены этимъ поступкомъ клерикальнаго деспота. Отъ имени ихъ всѣхъ отвѣчаетъ папѣ Св.Ириней, епископъ Галловъ, оспаривая у него право и власть управлять другими церквами, кромѣ римской. Это, по мнѣнію Иринея, своего рода расколъ, который не приноситъ чести зарождающейся церкви. Итакъ, названный Викторъ, тотъ высокомѣрный и коварный архіерей, который стремился къ верховной власти надъ епископами старше его, является предвѣстникомъ

свирѣпой наглости своихъ преемниковъ. Это бы еще ничего, еслибы все дѣло основывалось на скандалахъ, невѣжествѣ и глупомъ высокомѣріи. Но, увы!—въ скоромъ времени мы увидимъ несчастныхъ христіанъ, терзающихъ другъ друга, орошающихъ Европу втеченіи пятнадцати столѣтій кровью и слезами, распространяющихъ, по зову монаха, печаль, пожары, гибель и всевозможнѣйшія бѣдствія, проистекающія отъ безпощаднаго фанатизма.

Нерѣдко случается, что гордость и высокомѣріе не только не отступаютъ въ виду встрѣчаемыхъ препятствій, но, наоборотъ, раздраженныя, обнаруживаютъ тѣмъ большую еще силу сопротивленія. Подобное явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи римскихъ папъ.

Итакъ, хотя Викторъ и былъ осужденъ Иринеемъ и другими епископами, тѣмъ не менѣе Стефанъ, возведенный въ епископскій санъ изъ среды языческихъ жрецовъ Рима III столѣтія, снова началъ величать себя епископомъ надъ епископами, съ презрѣніемъ отвергая постановленія двухъ помѣстныхъ африканскихъ соборовъ о крещеніи еретиковъ и даже угрожая анаѳемою всѣмъ тѣмъ, кто не соглашался съ его мнѣніемъ. Въ виду такихъ продѣлокъ Стефана, навязаннаго христіанской церкви куріей Ромы, св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, высказалъ на Карѳагенскомъ соборѣ (256 г.) слѣдующее: „Никто изъ насъ не задается мыслью о томъ, что онъ епископъ надъ епископами, и никто изъ насъ, пуская въ ходъ страшныя угрозы деспота, не требуетъ подчиненія отъ своихъ товарищей, такъ какъ всякій епископъ, имѣя власть, данную свыше, имѣетъ и свои убѣжденія, и свою волю, стало быть, не можетъ подлежать суду другого епископа точно также, какъ и онъ самъ не имѣетъ права судить другого“.

Въ 71-мъ посланіи его сказано: „Св. Петръ, который прежде всѣхъ былъ избранъ Христомъ, не имѣлъ ничего общаго съ высокомѣріемъ даже и тогда, когда ему пришлось впослѣдствіи спорить съ Павломъ объ обрядѣ обрѣзанія, не претендовалъ на первенствующее положеніе и не требовалъ ни отъ современныхъ, ни отъ будущихъ поколѣній исключительнаго повиновенія“. Одновременно, св. Кипріанъ отъ имени всѣхъ церквей не одобрялъ мѣръ, принимаемыхъ Стефаномъ по отношенію къ еретикамъ, и послалъ ему съ нарочнымъ братское письмо. Но римскій епископъ не только не принялъ посланниковъ св. Кипріана, а даже запретилъ подвѣдомственному себѣ духовенству принимать ихъ въ свои дома. И ихъ никуда и не впустили. Независимо отъ сего, Стефанъ, узнавъ о томъ, что восточные епископы присоединились къ постановленіямъ африканскихъ соборовъ, и, заручившись поддержкою со стороны „куріи Ромы“, угрожалъ анаѳемою не только африканскимъ, но и восточнымъ епископамъ.

Что же изображала изъ себя эта „курія Ромы“, имѣвшая такое еретическое вліяніе на христіанскихъ епископовъ Рима, имя которой сохранилось даже и по нынѣшній день? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны вернуться обратно ко временамъ основанія Рима.

ГЛАВА VI.

Никому, *кромѣ Создателя*, въ настоящее время неизвѣстно, кому обязаны Греція [1]) и Италія политеизмомъ и идолопоклонствомъ, но зато достовѣрно извѣстно, что въ Римъ они были занесены *„римской куріей“*, существующею съ *753 года до Рожде-*

---

[1]) Греція, хотя и имѣла многихъ боговъ, но все-таки вѣрила, что главный Богъ, создатель міра, только одинъ, и поклонялась ему со словами: «Отецъ боговъ, верховное божество, къ которому мы обращаемся, называя его разными именами, власть котораго всемогуща, могущественнѣйшій и неизмѣнный Зевесъ, источникъ всякаго созданія, верховный законъ міра, тебѣ поклоняемся. Къ тебѣ должны обращаться всѣ смертные, такъ какъ ты нашъ всеобщій отецъ». (Лоранъ: Droit de gens. Etude sur l'histoire d'humanité).

ства Христова. Какъ разъ въ названномъ году она впервые появилась въ итальянскомъ портовомъ городѣ Остія, какъ „curia romana“, т. е. „*сильная шайка*“. Хотя ни одинъ историкъ не въ состояніи опредѣлить въ точности, откуда она прибыла, но все-таки развѣ только одни лицемѣры могутъ отрицать ея безпрерывную дѣятельность, продолжающуюся *сплошь до нашего времени съ тѣхъ поръ*, когда она, подъ предводительствомъ своего „Силача“ или „Ромулуса“, приступила къ постройкѣ въ итальянской провинціи Латіумъ города Ромы. Только одни лицемѣры навязывали и навязываютъ жителямъ Латіума основаніе *ложно-непогрѣшимаго оракула.* Разсчитывая на безпредѣльную наивность народныхъ массъ, они, точно непорочные младенцы, утверждаютъ, что курія Ромы ничто иное, какъ ни въ чемъ неповинное учрежденіе, лишенное всякой власти и вліянія. Между тѣмъ, напротивъ, въ качествѣ оракула Ромы, курія пользовалась фактической властью; сенатъ же (senatus) является представителемъ только одной пустой формы. Нѣкоторые историки подозрѣваютъ курію въ стремленіи къ тому, чтобы прежнюю религію Латіума, т. е. вѣру въ Единаго Святаго Отца или *Создателя,* замѣнить разнородными *слѣпыми вѣрами.* Другими словами, они обвиняютъ ее въ сектантствѣ, т. е. въ пропагандѣ, которая прямо противоположна религіи *чувства* или *совѣсти.* Итакъ, они утверждаютъ, что курія прежде всего завела у себя напускную вѣру въ персидскій *дуализмъ,* т. е. въ двухъ боговъ Ормузда и Аримана. По словамъ другихъ историковъ, та же самая курія объявила уже сто лѣтъ спустя послѣ основанія Рима, что ея предводитель, ея *Силачъ* или ея Ромулусъ, является настоящимъ создателемъ міра, и что проклятъ будетъ тотъ, кто не повѣритъ, что она, состоящая изъ *боговъ,* является непогрѣшимымъ оракуломъ. Еще другіе утверждаютъ, что курія Ромы первоначально проповѣдывала *напускную вѣру* въ индійское „тримутри“ или въ трехъ боговъ, вмѣстѣ съ индійскими тайнами „arcana“, т. е. напускную вѣру въ Браму, Вишну и Шиву, приказывая отдавать имъ честь посредствомъ „agnis“ т. е. огня, а также посредствомъ индійскаго „puhar“ и индійскаго „vac“ или греческаго „логосъ“, т. е. съ помощію таинственныхъ словъ, которыя не были понятны никому, даже ей самой.

Многіе лѣтописцы среднихъ вѣковъ, а также новѣйшіе писатели утверждаютъ единогласно, что названная курія Ромы, дѣйствовавшая въ качествѣ *ложно-непогрѣшимаго оракула,* завела у себя, первоначально въ своей провинціи Латіумъ, кровавыя жертвоприношенія, замѣнивъ таковыя впослѣдствіи безкровными, т. е. *денежными.*

Изъ греческихъ историковъ, *одни* считаютъ курію римскаго оракула въ первое время ея появленія въ портѣ Остія шайкою корсиканскихъ пиратовъ, которая, съ помощью огня и меча, проповѣдывала только одну вѣру въ силу и деньги, двѣ основы своего будущаго могущества; или же шайкою, состоявшею изъ трехсотъ человѣкъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ Силача или Ромулуса; *другіе* принимаютъ первоначальную курію оракула за шайку секты вавилонскихъ и персидскихъ маговъ, изгнанныхъ изъ Персіи послѣдователями *дуализма,* т. е. системы Заратустры двухъ боговъ; *третьи* считаютъ ее шайкою секты браминовъ, изгнанныхъ изъ Индіи послѣдователями „тримутри“, т. е. системы трехъ боговъ; есть, наконецъ, и такіе, которые утверждаютъ, что лишь только итальянская „curia romana“ успѣла занять портъ Остія, сейчасъ же провозгласила себя громко сектою *непогрѣшимыхъ кудесниковъ, т. е. египетскихъ маговъ,* на первобытномъ латинскомъ языкѣ: „infallibiles augures aegyptiani“, которые якобы имѣютъ власть творить чудеса, „miracula“, и давать непогрѣшимые пророческіе отвѣты: „infallibilia oracula“, касающіеся мнимо-непогрѣшимыхъ догматовъ, *якобы чудеснымъ образомъ* ей объявленныхъ, „revelationes“, и чудеснымъ образомъ въ нее воплощенныхъ богами и богинями небесъ, земли, водъ и подземнаго міра,—и что она тутъ же принялась за пропаганду политеизма, продавая крестьянамъ Латіума небольшія металлическія *статуэтки* и *разные амулеты,* изображающіе мнимыхъ боговъ и богинь Вавилона,

Египта, а также и Греціи, якобы обязанныхъ подчиняться могуществу ея оракула, ея волшебнымъ, магическимъ, таинственнымъ и тому подобнымъ силамъ.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что названная курія *таинственнаго оракула* завела въ Латіумѣ многобожіе *сразу и насильственно*; другіе высказываютъ мнѣніе, что она распространяла политеизмъ медленно, постепенно, но съ помощію *принудительныхъ мѣръ*, сначала по деревнямъ и сельскимъ общинамъ Латіума, называемымъ по-латыни „*pages et paganes*“, а затѣмъ во взятыхъ ею укрѣпленныхъ городахъ (*arx*). Она проповѣдывала чудесное воплощеніе боговъ и богинь въ своихъ мнимо-непогрѣшимыхъ авгуровъ (augures auspicii) или въ волхвовъ ея оракула, т. е. въ *себя самое*, итальянскую курію. Стало быть, она проповѣдывала идолопоклонство, состоящее въ поклоненіи *ей самой*, ея воображаемому оракулу, ея откровеніямъ „revelationes“, нарушая такимъ образомъ существующій *всегда и повсемѣстно монотеизмъ*, т. е. поклоненіе Единому Создателю. И, дѣйствительно, благодаря своимъ „concilia oraculi curiae auspicii et augurum“, т. е. соборамъ своихъ мнимо-непогрѣшимыхъ *жрецовъ*, она создавала свои мнимыя чудеса и *откровенія* египетскихъ божествъ, а впослѣдствіи также и греческихъ, и всевозможные догматическіе и оракульные обряды слѣпой вѣры въ воплощеніе боговъ и богинь въ „*куріалессовъ*“, въ ихъ женъ, играющихъ роль мнимо-чудотворныхъ фей. Проповѣдуя постоянно все новыя и новыя воплощенія миѳологическихъ существъ, она, тѣмъ самымъ, ставила *себя* на мѣсто Создателя. Неудивительно, что она величала себя публично святой куріей волхвовъ, sancta curia romana oraculorum auspicii et augurum, состоящею изъ боговъ и богинь, хотя, въ сущности, ни одинъ изъ ея представителей *не имѣлъ желанія вѣровать въ такія глупости*. Всѣ они напускали на себя видъ вѣрующихъ лишь только для того, чтобы тѣмъ легче поощрять наивныхъ къ жертвоприношеніямъ подъ предлогомъ разныхъ догматическихъ „угодничествъ“, и то для каждаго догмата *отдѣльно*. Все это было причиною многихъ народныхъ возстаній, но хитрая курія Ромы, за всякимъ разомъ *мѣнявшая форму правленія*, всегда съумѣла извлечь для себя новую пользу.

Изложивъ въ сжатомъ видѣ многія историческія данныя, а также комментаріи новѣйшихъ историковъ, мы считаемъ цѣлесообразнымъ сослаться еще на нѣкоторыя старинныя рукописи [1]), въ которыхъ, по нашему мнѣнію, *вполнѣ вѣрно* изложена *исторія куріальнаго оракула Ромы*, и ознакомить читателя съ результатами изслѣдованій тѣхъ ученыхъ историковъ, которые, конечно, не пользуются расположеніемъ іезуитовъ. Они утверждаютъ, что:

Этимологія слова „roma“ обозначаетъ силу, „curia“ значитъ дворъ, копье, товарищество или шайка, стало быть, „curia romana“ означаетъ: „сильная шайка“. Эта-то сильная шайка, названная оракуломъ Ромы, прославилась въ 753 году до Рождества Христова въ маленькой провинціи „Latium“ или „Latinium“, на лѣвомъ берегу Тибра, въ Сабинскихъ горахъ, между Апеннинами и моремъ, какъ сильная шайка морскихъ и сухопутныхъ разбойниковъ, предводительствуемыхъ пиратомъ, пріобрѣвшимъ, благодаря своей силѣ, имя Силача или „Ромулуса“. Греческіе историографы и комментаторы, на основаніи письменныхъ преданій, утверждаютъ, что тотъ же самый Ромулусъ, находясь во главѣ сильной шайки или куріи, состоявшей изъ трехсотъ человѣкъ разбойниковъ, и желая господствовать единовластно, до такой степени увлекся жаждой власти и богатства, что убилъ роднаго брата Рема, по примѣру Каина, убившаго своего брата Авеля. Вслѣдъ затѣмъ Силачъ-Ромулусъ напалъ со своей куріей на жрецовъ Латіума, поклонявшихся Единому Создателю подъ Его видимымъ символомъ солнца и подъ Его осязательнымъ символомъ огня, поубивалъ ихъ всѣхъ и завелъ въ Латіумѣ новые обряды, а, именно,

---

[1]) См. «Отзывъ отъ имени единомыслящихъ чеховъ и леховъ къ такимъ же руссамъ» изданный въ 1880 г. въ Ниццѣ.

велѣлъ жителямъ *поклоняться себѣ и своимъ ближайшимъ подчиненнымъ, остальнымъ предводителямъ куріи.* Онъ согналъ жителей, уже въ качествѣ своихъ рабовъ, приказалъ имъ рубить лѣса на семи холмахъ и построилъ между ними четырехугольный городъ въ триста домовъ, который назвалъ „Roma quadrata septicollis“, окруживъ названные семь холмовъ каменною стѣною, съ семью окованными желѣзомъ воротами, которыя названы имъ *адскими вратами.*

Соорудивъ на Капитолійскомъ холмѣ, на мѣстѣ прежняго пастырскаго „asylum“, укрѣпленное „asylum arx“, онъ, совмѣстно съ товарищами, сдѣлалъ вылазку къ латинянамъ и сабинянамъ, у которыхъ каждый изъ нихъ похитилъ себѣ жену и по нѣсколько человѣкъ рабынь и рабовъ, предназначенныхъ для заселенія новаго города куріи. Затѣмъ онъ безъ труда подчинилъ себѣ всѣ арксы албанцевъ, а въ концѣ концовъ—и городъ Курес въ Самніумѣ, столицу сабинянъ. Поселивъ значительную часть жителей въ своей Ромѣ [1]), онъ объявилъ себя царемъ трехъ небольшихъ государствъ и, чтобы не допустить никогда до всеобщаго бунта, раздѣлилъ своихъ товарищей на три части (tribus), каждую же трибу на десять курій со жрецомъ во главѣ, а также организовалъ въ своихъ владѣніяхъ теократическую администрацію. Его старые товарищи были назначены сенаторами его сената, двѣсти человѣкъ младшихъ сподвижниковъ образовали его войско, т. е. ликторовъ, остальные же заняли мѣста жрецовъ „curiales“ въ трехъ храмахъ или же были назначены предводителями его личной охраны и исполнителями его воли. Одновременно онъ приказалъ своему сенату величать себя „magnus cardonalis inferi et curio maximus“ надъ обрядами оракула, жрецовъ, авгуровъ, кардиналовъ и прочими кудесниками, главнымъ же образомъ надъ обрядами, предписанными имъ въ честь своей жены Весты, считавшейся богинею и архижрицею огня, который, какъ извѣстно, являлся вездѣ и всегда и до сихъ поръ является еще символомъ солнца. Извѣстно, что солнце, съ своей стороны, является символомъ Создателя, который назывался у латинянъ и сабинянъ „Янусомъ“, у грековъ „Зевесомъ“, у индійцевъ „Вендомъ“, причемъ всегда и вездѣ считался Богомъ боговъ или Прабогомъ. Вслѣдъ затѣмъ названныя трибы, отъ индійскаго „тримутри“, наименовали себя „sacra curionia publica“ и провозгласили своего начальника „sanctus deus Quirinus“, т. е. богомъ на Квириналѣ Ромы, приказывая народу приносить ему въ жертву десятину своихъ доходовъ. Каждая изъ названныхъ трибъ, состоявшая изъ ста человѣкъ куріаловъ, т. е. изъ старцевъ, „senes“, образовала часть всего совѣта или собранія старцевъ, получившаго отсюда названіе сената, „senatus curiae“, въ которомъ въ то время еще соединялась мірская власть съ оракуломъ. Впослѣдствіи эта власть всецѣло перешла къ жрецамъ, называвшимся „curiae veteres“ и „curiae pontifices et augures“. Сюда принадлежали жрецы: Flamen Dialis, Flamen Martialis, Flamen Quirinalis, Flamen Maior, fratres arvales и Flamen Curialis.

Упоминая о куріи послѣ смерти Ромула, мы будемъ имѣть въ виду только однихъ жрецовъ.

Старцы, получившіе названіе „patres“, а оттуда патриціевъ, являлись одновременно чѣмъ-то вродѣ куріальнаго, оракульнаго попечительства надъ сенатомъ, надъ народомъ и надъ обрядами поклоненія огню, постоянными хранителями котораго днемъ и ночью были поочереди жены жрецовъ „curiales“, прислуживавшія женѣ архижреца Вестѣ и оттуда прозванныя весталками. Итакъ, когда „curio maximus“ не захотѣлъ освободить женъ своихъ куріаловъ и сенаторовъ отъ услуженія женѣ своей Вестѣ,

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться названія «Римъ» въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ упоминаться факты политическаго развитія и вліянія римскаго государства вообще; названіемъ же «Рома» мы имѣемъ въ виду оттѣнить спеціально языческо-жреческій характеръ правительства древняго Рима, въ отличіе отъ позднѣйшаго и современнаго папскаго Рима съ его «куріей». *Авт.*

несмотря на то, что у нихъ имѣлись не только дѣти, но у нѣкоторыхъ водились даже и внуки, вся курія взбунтовалась и, убивъ своего основателя на 62 году его жизни и на 40-мъ его царствованія, объявила народу посредствомъ своего сената въ 714 г. до Р. Х. о своемъ первомъ чудѣ, а именно, что „curio maximus взятъ на небо богами".

Съ тѣхъ поръ курія рѣшила лишить предводителя вооруженной силы полной власти и, желая снискать себѣ расположеніе сабинянъ, въ качествѣ сенатскаго оракула провозгласила своимъ царемъ,—конечно, только для виду,—кроткаго и смирнаго, но чрезвычайно богатаго сабинянина, жителя Кумъ Нуму Помпилія, подъ условіемъ, что онъ будетъ подчиняться всѣмъ безъ изъятія постановленіямъ куріи. Кроткій и смирный сабинскій гражданинъ Нума вовсе не имѣлъ желанія господствовать надъ сенатомъ, остававшимся въ распоряженіи оракула и зависимымъ отъ его фантазіи; но его заставили согласиться, угрожая ему местью за ослушаніе. На жену его Эгерію курія возложила обязанность архижрицы, въ помощь которой назначила нѣсколькихъ весталокъ изъ среды дочерей авгуровъ и гаруспексовъ оракула; на нихъ-то и возложена была тяжелая обязанность днемъ и ночью поочереди смотрѣть за тѣмъ, чтобы огонь не потухъ. Весталки состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ вдовы Ромула, старой Весты. Одновременно съ этимъ Нума получилъ приказаніе освободить женъ сенаторовъ куріи и ея жрецовъ отъ всякихъ занятій и такимъ образомъ дать имъ возможность всецѣло посвятить себя уходу за своими дѣтьми и внуками. Затѣмъ ему было приказано провозгласить членовъ куріи или куріаловъ „кардиналами", которые, якобы, имѣютъ право отворять и затворять „cardo", т. е. ворота ада и рая [1]). Та же курія заставила Нуму публично признать куріаловъ „отцами" (patres) и именовать ихъ „patres sancti", родственниковъ же ихъ—„патриціями", а весь остальной народъ—„плебеями". Такимъ образомъ, цѣлая тысяча сыновей и три тысячи внуковъ куріаловъ являлись мнимыми отцами горожанъ и рабовъ. Военное сословіе ликторовъ, вооруженныхъ топорами, кинжалами и розгами, состояло исключительно изъ сыновей авгуровъ и куріаловъ. Точно также и всѣ должности замѣщались исключительно лишь патриціями. Должностныя лица были подчинены сенату, который, однако, находился въ полной зависимости отъ оракула куріи. Покладистый Нума, безпрекословно исполнявшій всѣ предписанія куріи, напрасно убѣждалъ ея членовъ, что народъ поклоняется только одному Единому Создателю, въ Его символахъ солнца и огня, что онъ никогда не повѣритъ серьезно баснямъ о вознесеніи на небо Ромула, о богахъ, богиняхъ и чудесахъ куріи, и доказывалъ, что все это не болѣе, какъ лицемѣріе и притворная вѣра. Но курія отвѣтила ему, что притворная вѣра со временемъ переходитъ въ обычай, и что она всегда готова довольствоваться обычаемъ притворной вѣры. Кроткій Нума, съ женою своею Эгеріей, архижрицею весталокъ, именуемою уже „богинею Весты", велъ тихую жизнь на горѣ Авентинѣ и составлялъ втайнѣ уставъ религіознаго поклоненія Единому Богу въ одномъ лицѣ. Онъ долженъ былъ скрывать отъ куріи свой монотеизмъ и напускать на себя политеизмъ, такъ какъ курія, желавшая оставаться непогрѣшимымъ оракуломъ, стоящимъ выше постановленій сената, не пожелала проповѣдывать ясную, чистую религію поклоненія Единому Создателю въ одномъ лицѣ, но предпочитала распространять запутанную, мистическую компликацію многихъ боговъ, богинь, чтобы такимъ образомъ окружить себя таинственностью и имѣть предлогъ пользоваться жертвоприношеніями на таинственныя цѣли такъ называемыхъ угодничествъ аусписціума, посвя-

---

[1]) Cardea, Carda—богиня, охраняющая ворота. Cardea Dea praeses cardinibus forum (Tertull Cor. mil. 13: ubi alii leg. Carda cod. sensu). Id. Idol. 15. ubi alii Deum masculum non feminam faciunt; et adr. Gnost. 10, Augustin. Cir. Dei 4. 8.—Lexicon Forcellini—Londini 1839. «Богъ Янусъ которому были посвящены всѣ ворота и двери, влюбился въ богиню Carda и назначилъ ее председательницей надъ кардиналами». Calepinus. Septem Linguarum Lexicon. Patavia 1758.

щенныхъ тремъ, семи и бо́льшему количеству боговъ, богинь и полубоговъ, а также вышеупомянутымъ семи „адскимъ вратамъ Ромы“.

Вполнѣ естественно, что въ скоромъ времени доходъ отъ поклоненій тремъ и даже семи богамъ со столькимъ же количествомъ богинь показался куріи „collegium auspicii“ слишкомъ ничтожнымъ. Поэтому она сочла цѣлесообразнымъ увеличить число покровителей и покровительницъ, чтобы такимъ образомъ пользоваться жертвоприношеніями, предназначаемыми бо́льшему количеству боговъ и каждому богу отдѣльно. Для болѣе успѣшной композиціи и компиляціи, авгуры или волхвы куріи выписали себѣ изъ Великой Греціи, т. е. южной Италіи, миѳологическія поэмы или фантастическую мнографію, а именно Иліаду и Одиссею Гомера и Ѳеогонію Гезіода „О мнимомъ происхожденіи боговъ“. Всѣ просвѣщенные греки глумились надъ этою ѳеогоніей, считая ее фикціей и признавая только одного Создателя. Имѣя подъ рукою такой богатый источникъ поэтическаго вздора и фантасмагорій, оракулъ объявилъ народу, конечно, вопреки желанію Нумы, множество мнимыхъ и сверхъестественныхъ чудесъ, совершенныхъ будто бы авгурами, т. е. магами Ромы. Жрецы, нисколько не стѣсняясь, прямо объявили, что курія сплошь состоитъ изъ потомковъ Януса и Веды, имя которой по книгамъ индовъ „Майя“—богиня весенняго урожая; что у Януса и Веды были сынъ Марсъ и дочь Опсъ, мнимые боги войны; что эти боги сочетались бракомъ и, устранивъ отъ самовластія своего отца Януса и мать Майю, царствуютъ рядомъ съ ними на многихъ другихъ престолахъ вкупѣ съ многочисленными дѣтьми, которыя принимаютъ разные виды и могутъ быть замѣнены якобы вознесшимися на небо куріалами, весталками и гаруспексами. Сюда относятся: Сатурнъ, Хроносъ, Посейдонъ, Геста, Деметра, Гера и т. п. лица, которыя имѣютъ многихъ женъ, мужей и потомковъ, Нептуновъ, Плутоновъ и т. п., живущихъ будто бы въ морѣ, въ аду, въ оракулѣ и въ природѣ. Каждый римлянинъ, подъ угрозою проклятія и гнѣва боговъ, т. е. жрецовъ куріи Ромы, долженъ былъ приносить въ храмы куріи подаянія подъ видомъ жертвоприношенія, для каждаго изъ названныхъ боговъ отдѣльно.

Curia romana oraculi—сильное товарищество оракула, съ помощію своего сената и своихъ ликторовъ, т. е. своихъ сыновей и внуковъ, вооруженныхъ топорами, кинжалами и розгами, заставлявшее народъ вѣровать въ разнаго рода оракульный вздоръ, считавшійся мнимымъ откровеніемъ, подтверждаемымъ тысячами мнимыхъ чудесъ, приказывавшее приносить себѣ жертвы и не успѣвавшее пользоваться ими, раздѣлило всѣхъ патриціевъ въ государствѣ на два разряда „публикановъ“, т. е. собирателей жертвъ и подаяній, и подчинило ихъ всѣхъ надзору своего сената, предоставивъ себѣ, какъ оракулу жрецовъ (oraculum auspicii augurum), право контролировать его. Упрочивъ такимъ образомъ, съ помощію собранныхъ сокровищъ, систему теократической іерархіи и тимократіи, курія приказала своему сенату провозгласить себя таинственнымъ, святымъ и *непогрѣшимымъ* оракуломъ, даже въ случаѣ, когда дѣло касалось жизни сенаторовъ, и предоставила себѣ право рѣшать о волѣ боговъ, касающейся всего народа и сената, какъ непогрѣшимому (infallibile) учрежденію. Богатая курія оракула, въ виду обнищанія сенаторовъ, жизнь и имущество которыхъ всецѣло находились въ ея рукахъ, пользовалась неограниченною властію, которую никто у нея не оспаривалъ. Всякій сенаторъ, не подчинявшійся ея оракулу, т. е. ауспиціуму авгуровъ, погибалъ отъ кинжала, уже не какъ бунтовщикъ, но какъ безбожникъ.

Курія оракула открыто провозгласила сама себя уже „господиномъ міра и всѣхъ сенатовъ міра“, сенатъ же, съ своей стороны, утверждалъ все это и, какъ учрежденіе, существующее только для вида, пожаловалъ оракулу титулъ „collegium pontificum“, а Нумѣ—„pontifex maximus“.

Оракулъ Ромы, возносившійся все выше и выше на крыльяхъ своей фантазіи, объявилъ съ видомъ мнимой серьезности, съ помощію своихъ жрецовъ „augures vel

haruspices oraculi“, не только въ предѣлахъ своего государства, но даже по всѣмъ извѣстнымъ въ то время землямъ о томъ, что непогрѣшимый оракулъ получаетъ свѣдѣнія путемъ тысячи чудесъ, объявляемыхъ ему изъ адскихъ вратъ Ромы, и что всѣ эти откровенія и вдохновенія, подтверждаемыя присягою сената, проистекаютъ прямо и непосредственно отъ боговъ Капитолія, Палатина, Квиринала и Авентина и сообщаются посредствомъ жрицъ огня Весты и Эгеріи, которыя были провозглашены дочерьми Януса и Маіи. Несмотря на то, что народы, хотя и привыкаютъ ко всему, но тѣмъ не менѣе ощущаютъ всегда существованіе только одного Создателя и поклоняются Ему, не обращая вниманія на ложныя чудеса оракула индовъ, персовъ, грековъ, египтянъ и Ромы,—все-таки человѣчество заинтересовалось столь необыкновенною наглостью куріи Ромы и стало предаваться суевѣрію. Даже египетскій оракулъ боялся за свое существованіе въ виду тысячъ мнимыхъ чудесъ, совершаемыхъ якобы среди „адскихъ вратъ“. Греческіе и свевскіе, т. е. славянскіе народы, не находя возможнымъ понять то, что творилось въ Ромѣ, и какъ совершались мнимыя чудеса и откровенія, непостижимыя для философовъ и чуждыя человѣческому чувству, такъ какъ чувствовать можно только одно существованіе Создателя, считали курію Ромы простымъ надувателемъ или же колдуньей. Съ другой стороны „diples’ы“, т. е. двойственники, интриганы, провозглашали ее истиннымъ чудотворцемъ. Притомъ населеніе Рима, видя, что чѣмъ болѣе имѣется рабовъ, тѣмъ легче приходится всѣмъ работать, и что объявляемыя куріею все новыя и новыя тайны и чудеса привлекаютъ въ Римъ толпы любопытныхъ и такимъ образомъ увеличиваютъ богатства города, показывало видъ, что вѣритъ всему этому, чтобы заставить суевѣрныхъ иностранцевъ склоняться на сторону Ромы и подчиняться вооруженной силѣ Ромы, гдѣ только таковая появится. Взятые въ плѣнъ ликторами, преимущественно слабонервныя женщины и мужчины, одержимые болѣзненнымъ воображеніемъ и богатою фантазіей, при входѣ въ „адскія врата“ падали въ обморокъ отъ страха и ужаса, такъ какъ воображали, что вступаютъ въ подземелья ада.

Народъ, жившій въ самомъ Римѣ и вблизи отъ фабричнаго производства его чудесъ, сначала съ отвращеніемъ относился къ словамъ немилосердныхъ ликторовъ куріи, но въ концѣ концовъ сталъ привыкать къ оракулу, и благодаря этому обстоятельству откровенія (auspicii) куріи съ теченіемъ времени, дѣйствительно, превратились въ отвратительный обычай. Наконецъ, поклоненіе многимъ богамъ, сопряженное съ разнообразными великолѣпнѣйшими торжествами и обрядами, развлекало народъ, столь лакомый до театральныхъ зрѣлищъ, и давало ему возможность собираться большою толпою. Такія вещи всегда нравятся черни и располагаютъ ее въ пользу самаго нелѣпаго и наибезобразнѣйшаго зрѣлища.

Народъ, хотя и свыкался со всѣмъ, преимущественно же съ обычаями и привычками, но, несмотря на окружающее его все растущее въ числѣ множество идоловъ, не забывалъ и о Единомъ Создателѣ, именуемомъ Янусомъ, въ Греціи же Зевесомъ, т. е. о Богѣ боговъ, Прабогѣ, о единомъ Отцѣ въ одномъ Лицѣ, называемомъ по-гречески „католикосъ“, т. е. всеобщій, поклоненіе Которому присуще совѣсти всякаго человѣка. Несмотря на распоряженія куріи о томъ, чтобы во всякой квартирѣ имѣлись статуэтки боговъ, народъ пряталъ ихъ, обращаясь только къ небесамъ, молясь только одному Создателю, и являлся въ храмъ для напускной, лицемѣрной молитвы многочисленнымъ богамъ, находившимся тамъ и провозглашаемымъ куріей святыми, съ цѣлью собранія болѣе обильныхъ жертвоприношеній, являющихся исключительнымъ предметомъ вѣры, надежды и любви всякаго оракула.

Всѣ народы всегда и вездѣ довольствовались Единымъ Создателемъ; не довольствовалась Имъ только одна курія Ромы. Объявивъ полное равенство между Янусомъ, Зевесомъ и другими богами и утвердивъ такимъ образомъ мнѣніе, что Создатель управляетъ міромъ посредствомъ мнимыхъ сыновей и дочерей, курія все-таки снизошла къ

просьбѣ Нумы и оставила за Янусомъ, по крайней мѣрѣ, званіе бога мира, предоставляя ему, однако, только одинъ храмъ, такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ богамъ. Она согласилась также и на предполагаемую Нумою мудрую замѣну тогдашняго исчисленія времени, а именно на 12 тридцатидневныхъ мѣсяцевъ по 24 часа въ сутки, вмѣсто прежнихъ 10 тридцатидневныхъ мѣсяцевъ по 36 часовъ въ сутки, въ виду чего Нума и отнялъ у бога войны Марса первый мѣсяцъ въ году и предоставилъ его Янусу, „богу мира и земли". Второй мѣсяцъ курія предоставила Фавну или Февруарію, особому мнимому патрону, богу растительности и животнаго царства. Только третій мѣсяцъ достался Марсу, богу войны.

Свѣтлый и праведный, но безсильный Нума, прожившій 43 года съ женою Эгеріей въ полной тишинѣ и мирѣ возлѣ храма мира Януса, который по этому поводу все время оставался закрытымъ, сочинялъ религіозныя книги и писалъ исторію куріи Ромы. На 83 году жизни, чувствуя приближеніе смерти, онъ просилъ свою жену Эгерію не допустить до того, чтобы его тѣло было сожжено, но положить въ гробъ, въ который Эгерія должна была спрятать, конечно, безъ вѣдома куріи, всѣ написанныя имъ книги. И дѣйствительно, въ 675 году до Рождества Христова, когда скончался Нума, Эгерія спрятала въ его гробъ пергаментную хронику оракула Ромы и зарыла его въ „святой рощѣ". Но одна изъ весталокъ, дочь куріала и авгура, открыла своему отцу тайну зарытыхъ книгъ. Курія велѣла тотчасъ же разрыть могилу, поднять крышку и вынуть пергаменты, но такъ какъ никто не былъ въ состояніи перенести тяжелый запахъ отъ разлагающагося тѣла Нумы и всѣ падали въ обморокъ передъ его гробомъ, то оракульная курія и рѣшила, что книги непремѣнно должны испортиться въ такомъ мѣстѣ, и велѣла зарыть гробъ обратно. Одновременно она заставила Эгерію выпить въ наказаніе чашку курарэ и, зарывъ ее рядомъ съ мужемъ, объявила народу о совершившемся новомъ чудѣ. Мнимое чудо состояло въ томъ, что, послѣ смерти архижреца (pontifex maximus), скорбящая по немъ Эгерія вся расплылась въ слезахъ, и что авгуры превратили эти слезы въ источникъ святой воды, находящійся въ святой рощѣ, который чудомъ исцѣляетъ больныхъ, приносящихъ авгурамъ жертвы для богини Эгеріи. Оракулъ ошибся, однако, въ своихъ предположеніяхъ: каменный гробъ съ тлѣнными останками Нумы былъ найденъ 492 года спустя, т. е. въ 183 году до Р. Х., по случаю рубки старыхъ деревьевъ въ рощѣ, и представленъ сенату.

Авгуры римскаго оракула нашли въ немъ книги не испорченными, заглянувъ въ которыя прочли исторію грязнаго источника своего ауспиціума, а также описаніе обрядовъ, сопряженныхъ съ поклоненіемъ Единому Создателю въ одномъ лицѣ. Авгуры куріи приказали своему сенату, своей тиранской тео-и тимократической республикѣ того времени, въ одинъ изъ торжественныхъ дней собрать на площади толпу народа, развести костеръ и торжественно сжечь найденныя книги, которыя были объявлены будто бы „несогласующимися съ вѣрою народа". Покладистый и безсильный сенатъ долженъ былъ подчиниться этому распоряженію куріи, но среди его членовъ нашелся историкъ, который успѣлъ списать исторію Нумы о началѣ куріи Ромы и завѣщалъ ее своему потомству. Римское духовенство, однако же, позаботилось о томъ, чтобы списки эти были уничтожены впослѣдствіи.

Оракульная курія, являющаяся послѣ смерти Нумы іерархическимъ товариществомъ богатыхъ римскихъ патриціевъ, пока еще господствовала на очень незначительномъ пространствѣ провинціи Рима, такъ какъ южная Италія того времени была заселена греками и называлась „Великою Греціею", сѣверная же находилась во власти галловъ и была извѣстна подъ именемъ Цизальпинской Галліи. Курія назначила изъ своей среды постоянныхъ наблюдателей, слѣдившихъ за дѣйствіями сената и считавшихся его членами, и взялась за составленіе свода законовъ для своихъ преемниковъ. Итакъ, она завѣщала своимъ преемникамъ слѣдующіе принципы: прежде всего курія

рекомендовала скопить по возможности большія сокровища, необходимыя для упроченія власти, а затѣмъ мало-по-малу, съ помощію золота и оружія, покорить и южную и сѣверную Италію, при содѣйствіи ихъ туземныхъ патриціевъ и начальниковъ родовъ, и стремиться къ тому, чтобы ихъ потомки со временемъ имѣли возможность пользоваться производительнымъ трудомъ всей Италіи, всей Греціи, всѣхъ народовъ, подчиненныхъ греческой гегемоніи, и, наконецъ, всего міра того времени.

Немногочисленное сравнительно товарищество ничтожныхъ кинжальщиковъ стало теперь уже подумывать объ исполинскихъ планахъ, направленныхъ исключительно къ тому, чтобы дать возможность ихъ будущимъ поколѣніямъ эксплуатировать всѣ народы того времени. Это завѣщаніе заключалось въ уставѣ тайнаго господства, именуемомъ „constitutiones dominationis arcanae“, въ которомъ встрѣчаются, между прочимъ, и слѣдующія положенія: „такъ какъ индивидуальный человѣкъ является только временнымъ, пожизненнымъ, непостояннымъ и непрочнымъ существомъ, и такъ какъ онъ является слабою единицею, подвергающеюся болѣзнямъ и смерти, то потому и всѣ его дѣйствія имѣютъ лишь временный характеръ. Его власть кончается со смертію. Тайные же планы товарищества завѣщаются потомству и имѣютъ въ виду безконечно далекое будущее. Безконечно только такое товарищество, каждый членъ котораго, больной или умершій, замѣняется тотчасъ же другимъ. Такимъ образомъ, власть куріи является безсмертною, но только въ томъ случаѣ, если господство ея будетъ тайно. Революціи измѣняютъ формы всякаго видимаго, гласнаго образа правленія, поэтому прочное господство куріи должно быть *негласно*, насколько возможно *невидимо, тайно и таинственно*. Другими словами, курія должна уподобиться „dominationi arcanae“, чтобы не быть застигнутою врасплохъ и не находиться въ зависимости отъ какихъ бы то ни было политическихъ событій будущаго времени. Съ этой цѣлью она должна управлять сенатомъ, *показывая видъ, что она, какъ оракулъ, находится у него въ подчиненіи*. Societas dominationis arcana curiae Romae, управляя тайно, тѣмъ самымъ не будетъ отвѣчать за дѣйствія сената. Вся отвѣтственность падаетъ на него. Оракулъ Ромы долженъ показывать видъ, что онъ вовсе не дѣйствуетъ самостоятельно, не управляетъ, не господствуетъ, такъ какъ онъ будетъ господствовать съ помощію подставной формы сената. У куріи будетъ невидимая власть надъ видимымъ сенатомъ. Поэтому она будетъ освобождена отъ всякой отвѣтственности. Она будетъ управлять сенатомъ и съ помощію его, но, тѣмъ не менѣе, отвѣчать за все будутъ *только сенатъ и царь, избираемый сенатомъ* съ разрѣшенія оракула dominationis arcanae. Такимъ образомъ, въ будущемъ можетъ случиться, что революція перемѣнитъ составъ сената и даже упразднитъ это учрежденіе, *но куріальное товарищество будетъ все-таки продолжать свое мирное существованіе, благодаря тому, что оно, по наружному виду, вполнѣ безсильно и нейтрально въ политикѣ*.

„Такого рода куріальный оракулъ въ состояніи завладѣть какимъ-угодно сенатомъ, даже въ случаяхъ, если составъ его подобранъ помимо воли куріи. Онъ завладѣетъ имъ съ помощію мистицизма и таинственности, а также и благодаря тому обстоятельству, что, обладая сокровищами, имѣетъ полную возможность купить себѣ большинство изъ его членовъ. Люди слабые преклоняются только передъ тѣмъ, что неизвѣстно и таинственно; поэтому курія, на которую не падаетъ никакая отвѣтственность, создавая вѣру въ непогрѣшимыя чудеса оракула, *будетъ управлять съ помощію отвѣтственныхъ за все царей и сената*. Такимъ образомъ, оракулъ, опираясь на весь Римъ и на всю Италію, будетъ имѣть полную возможность эксплуатировать весь міръ въ пользу патриціата, патриціевъ Рима. Къ достиженію этой цѣли слѣдуетъ стремиться, не разбирая средствъ, или, другими словами, *эта цѣль въ состояніи оправдать какія-угодно средства*. Курія имѣетъ право ступать по головамъ людей, чтобы покорить ихъ; располагая средствами этихъ людей, она должна пріобрѣтать себѣ ихъ деньги, ихъ имущество, такъ какъ власть неразлучно соединена съ богатствомъ. Но съ этой цѣлью

слѣдуетъ постоянно и съ каждымъ годомъ усерднѣе подвергать народъ мистификаціи, пуская въ ходъ нѣсколькихъ новыхъ боговъ, какъ это дѣлаютъ жрецы индовъ съ помощью тримутри книгъ Веды. Политическія событія и перемѣны въ настоящемъ и будущемъ всецѣло должны быть приписываемы только одному сенату и царямъ, безъ малѣйшаго намека на роль „Dominationis arcanae oraculi curiae Romae".

Образуя такимъ образомъ товарищество вполнѣ обезпеченное, основывающееся на завѣщаніи столь прочнаго устава, куріальный оракулъ, желая расширить свое господство, рѣшилъ чеканить греческую монету и, снабдивъ деньгами самыхъ способныхъ своихъ агентовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „advocatus dei et diaboli", командировать ихъ къ грекамъ южной Италіи, съ цѣлью подысканія и пріобрѣтенія въ свою пользу тамошнихъ продажныхъ олигарховъ и двуличныхъ полководцевъ „diples" или измѣнниковъ, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка. Одновременно рѣшено было подыскать себѣ въ каждомъ греческомъ городѣ нѣсколько обѣднѣвшихъ родовъ „familiae" и, снабдивъ ихъ богатствами, упрочить ихъ значеніе въ краѣ. Обязанность такихъ двуличныхъ родовъ состояла въ томъ, чтобы предотвратить вооруженное нашествіе на Римъ. Если бы это было невозможно, то въ такомъ случаѣ лица эти должны были заблаговременно сообщить куріи о преднамѣренномъ походѣ, чтобы она имѣла возможность принять необходимыя мѣры и не была бы застигнута врасплохъ. Точно такъ же рѣшила курія дѣйствовать, т. е. обезпечивать себя, и въ сѣверной Италіи, подыскивая себѣ сообщниковъ среди олигарховъ Галліи.

Такого рода политикѣ тайнаго пріобрѣтенія въ свою пользу иностранныхъ родовъ придерживались съ незапамятныхъ временъ оракулы Персіи и Египта, выступавшіе противъ Палестины, Сиріи, Вавилона, Мидіи, Финикіи и Эллады. Но курія Ромы задалась цѣлью перещеголять въ политикѣ египетскій оракулъ и, отличаясь терпѣніемъ и выдержкой, въ концѣ концовъ, лѣтъ черезъ сто, окончательно покорить себѣ грековъ и галловъ. Для осуществленія этого плана, касающагося далекаго будущаго, курія Ромы приказала своему сенату и новому царю, сыну авгура Туллу Гостилію, учредить монетный дворъ, на которомъ чеканить для грековъ статеры и для галловъ ассы, а также римскія сестерціи и драхмы. Монетный дворъ получилъ названіе „curia hostilia" Вмѣстѣ съ этимъ Туллу приказано было переселить въ Римъ всѣхъ богатыхъ албанцевъ, изъ серебра и золота которыхъ чеканить деньги въ пользу оракула. Гостилій въ точности исполнилъ приказаніе, но когда онъ, въ концѣ концовъ, не захотѣлъ повиноваться слѣпо, курія приказала сенату умертвить его и объявить народу, что царь убитъ молніей въ наказаніе за то, что онъ не слѣдовалъ указаніямъ оракула боговъ, причемъ авгуры куріи, съ помощью ликторовъ, провозгласили царемъ Анка Марція. Случилось это въ 640 году до Р. Х. Анкъ отправился съ патриціями за Тибръ и, пользуясь измѣною „диплесовъ", покорилъ всю Этрурію, которую присоединилъ къ Риму. Съ помощію добытыхъ сокровищъ, онъ укрѣпилъ Римъ и Яникулъ по другую сторону Тибра, а также расширилъ и укрѣпилъ въ Лаціумѣ портъ Остію, въ которомъ сто лѣтъ тому назадъ появилась шайка бродягъ „curia romana".

Несмотря на то, что Анкъ подчинялся безпрекословно волѣ авгуровъ, т. е. жрецовъ куріи, его все-таки отравили курарэ, въ 617 г. до Р. Х., по настоянію верховнаго авгура, который пожелалъ провозгласить царемъ своего брата Тарквинія Стараго. Тарквиній, назначенный оракуломъ и провозглашенный его сенатомъ регентомъ государства и опекуномъ дѣтей Анка, пріобрѣлъ себѣ многихъ друзей въ сенатѣ, но изъ членовъ оракула многіе завидовали его возвышенію. Итакъ, послѣ смерти брата, который поддерживалъ его, сенатъ, по порученію оракула, предложилъ ему отправиться въ Грецію съ цѣлью изученія постройки форума и исполинскаго зданія народнаго цирка. Лишь только Тарквиній выѣхалъ за ворота Рима, ликторы куріи тутъ же напали на него. Съ помощью своей личной охраны ликторовъ, царь храбро отразилъ

нападеніе и отправился въ Грецію. Тутъ онъ завелъ дружбу съ философомъ Ѳалесомъ, возвратился въ Римъ и, пользуясь расположеніемъ сената, осмѣлился излагать начала астрономіи и глумиться надъ астрологіей гаруспексовъ или жрецовъ куріи. Онъ еще больше возмутилъ противъ себя оракулъ, когда сталъ излагать въ сенатѣ суть законодательства Солона и когда помимо воли верховнаго авгура, преемника его умершаго брата, причислилъ къ патриціямъ ограбленныхъ альбанцевъ, задался цѣлью преобразовать законодательство, по указаніямъ Ѳалеса и Солона, а также вдвое увеличилъ составъ своей личной охраны ликторовъ, съ помощію которыхъ онъ разсчитывалъ разогнать всю курію. Кончилось дѣло тѣмъ, что его убили ликторы куріи, и его мѣсто занялъ въ 578 г. до Р. Х. Сервій Туллій, сынъ рабыни Акризіи и авгура оракула Актія Невія. Оракулъ или курія посредствомъ сената приказала Сервію, женатому на дочери прежняго царя, раздѣлить обширное уже римское государство на 30 новыхъ трибъ [1]) и на военныя центуріи, состоящія подъ предводительствомъ многочисленныхъ уже въ то время патриціевъ. Цѣль этой мѣры состояла въ томъ, чтобы всѣ разнородныя племена, государства и роды слились въ одно цѣлое и подчинялись одной центральной власти, извѣстной подъ именемъ народной или, скорѣе, паразитной куріи. Стремясь къ захватамъ, она приказала царю, для снисканія популярности, снабдить трибуновъ трибъ правомъ участвовать въ совѣщаніяхъ, касающихся войны, и въ собраніяхъ подъ надзоромъ патриціевъ, а также награждать богатыхъ плебеевъ разными титулами, сообразуясь съ ихъ жертвоприношеніями въ пользу оракула. На эти деньги ему велѣно было укрѣпить храмъ богини Діаны и, предоставивъ остатки суммъ въ пользу двуличныхъ патріотовъ, т. е. продажныхъ иностранцевъ, идти войною противъ грековъ всей южной Италіи. Сынъ греческой рабыни, плѣненной въ Великой Греціи, а потому любящій грековъ, Сервій, велѣвшій перевести „sententiae politicae et morales“ греческихъ философовъ *Питта, Хилоса и Біаса*, вовсе не захотѣлъ покорять грековъ и, думая, что съ помощію друзей, засѣдающихъ въ сенатѣ, можно будетъ возстать противъ куріи, отрицалъ у авгуровъ право вмѣшиваться въ гражданскія дѣла сената, касающіяся войны и мира, то есть въ дѣла мірской власти. Мало того, насколько можно догадываться на основаніи разнородныхъ преданій, онъ запретилъ оракулу избирать себѣ самостоятельно изъ своей среды понтифекса максимуса и публично приказалъ сенату, какъ мірской власти, назначать самому верховнаго жреца. Запуганный сенатъ въ молчаніи утвердилъ этотъ проектъ, но лишь только Сервій поднялся съ мѣста и направился къ выходу, авгуръ куріи, его зять, мужъ его дочери Тулліи и негодный сынъ Тарквинія „Стараго“, прозванный „Гордымъ“, убилъ его на мѣстѣ и выбросилъ тѣло на улицу. Вслѣдъ затѣмъ вся курія, въ тріумфальномъ шествіи, проѣхала по его трупу, вслѣдствіе чего всѣ честные и просвѣщенные люди того времени назвали курію „la scelerata“. Впослѣдствіи курія обвиняла Туллію, жену новаго царя, въ авторствѣ этого прозвища.

Все это случилось въ 534 г. до Р. Х. Тарквиній „Гордый“, завладѣвшій престоломъ по волѣ авгуровъ куріи, но безъ согласія сената, окружилъ себя различными проходимцами и охраною иностранныхъ ликторовъ. Онъ поочереди лишалъ имущества и жизни нерасположенныхъ въ его пользу и враждебныхъ куріи сенаторовъ до тѣхъ поръ, пока въ сенатѣ не остались лишь его сообщники и друзья куріи. Инквизиціонные или тайные члены куріи имѣли такое же самое, какъ и онъ, право участвовать въ засѣданіяхъ „officii“ *или инквизиціоннаго сената, замаскированные.* Въ скоромъ времени, по случаю торжественнаго освященія храма Юпитера на горѣ Капитоліи, авгуры куріи въ сотый разъ повторяли народу свои оракульно-декламаторскія увѣренія въ томъ,

[1]) Д-ръ В. Вегнеръ, въ сочиненіи «Римъ» утверждаетъ на стр. 280, что «при Сервіи Тулліи имѣлось 300 трибъ», и что «число жрецовъ доходило до 80 человѣкъ».

что „*оракулъ любитъ его*“, и что, „только благодаря этой любви, Рома желаетъ быть главою всего міра, чтобы весь міръ трудился въ пользу Ромы“. Но тутъ-то курія замѣтила, что эти слова не возбуждаютъ ни у кого даже притворнаго энтузіазма. Она со страхомъ убѣдилась, что философія грековъ и евреевъ проникла въ умы жителей Рима, и что всѣ жители, не только плебеи, но даже и патриціи, съ отвращеніемъ и омерзѣніемъ относятся не только къ ея самоувѣренному начальнику, но и къ ней самой. Все общество презирало въ душѣ толпу боговъ, гаданія авгуровъ, сивиллы, жертвоприношенія и угодничества. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, что дѣлать, курія нашла, что такое настроеніе умовъ равняется бунту, и придумала смертную казнь на крестѣ, которой подвергались всѣ, не заявлявшіе вѣры въ нее и ея боговъ. Но убѣдившись, что весь народъ не вѣруетъ въ оракулъ, она созвала, безъ вѣдома царя, великій соборъ, т. е. „concilium“ всего „collegii auspicii augurum“, подъ предводительствомъ своего магистра, и рѣшила, что, въ виду обнаружившагося всеобщаго равнодушія и апатіи народныхъ массъ, планъ покоренія Греціи неисполнимъ, и что въ такихъ условіяхъ ей нечего думать о томъ, чтобы занять мѣсто Греціи и сдѣлаться повелительницей отъ Инда до Атлантики. Поэтому она рѣшила образовать тимократическую республику съ ея верховной властью, съ подчиненными ей сенатомъ и консулами, которые хотя и назначались сенатомъ, но изъ среды патриціевъ и согласно съ указаніями тайной инквизиціи.

Рѣшившись на такой шагъ и желая пріобрѣсти себѣ популярность, курія, подъ предлогомъ мнимаго предсказанія какой-то Сивиллы, отправила царя въ походъ противъ рутуловъ. Отдавъ въ его распоряженіе ничтожный отрядъ солдатъ и затворяя за нимъ „адскія ворота“ города, по поводу якобы возмущенія народа вслѣдствіе изнасилованія Тарквиніями Лукреціи,—курія разрѣшила сенату (въ 509 г. до Р. Х.) провозгласить республику подъ условіемъ, что „(якобы) непогрѣшимый оракулъ и впредь будетъ пользоваться жертвоприношеніями“. Республика имѣла олигархическій и тимократическій характеръ, т. е., другими словами, она была республикою богачей безъ всякой разницы происхожденія, отъ патриціевъ-ли или отъ плебеевъ. Плебеи очень обрадовались, но такъ какъ одни только сыновья кардиналовъ или младшихъ патриціевъ обладали въ то время богатствами, прежніе же патриціи по большей части совершенно обнищали, и многіе изъ нихъ были гораздо бѣднѣе послѣдняго плебея, то одни только сыновья куріаловъ и пробрались въ сенатъ, т. е. захватили въ свои руки исполнительную власть. Назначивъ консуломъ пользовавшагося расположеніемъ народныхъ массъ Брута, брата Лукреціи и внука Тарквинія Стараго, а также расположивъ въ свою пользу, благодаря денежнымъ средствамъ, предводителей народа, курія тѣмъ самымъ снискала себѣ такую же популярность, которою пользовался Брутъ, и возвратила къ себѣ прежнее довѣріе со стороны народа. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ она по прежнему пріобрѣтала себѣ громадную массу жертвъ, которыя преподносились авгурамъ подъ предлогомъ разнородныхъ угодничествъ по адресу великаго множества боговъ.

Но король этрусковъ, Порсена, намѣревался оказать помощь „Гордому“. Поэтому авгурія, опасаясь возвращенія царя, посредствомъ сената назначила Брута предводителемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ обѣднѣвшихъ патриціевъ, вооруженныхъ топорами и кинжалами, увѣряя одновременно друзей изгнаннаго царя въ своей вѣчной преданности ему. Затѣмъ члены оракула предательскимъ образомъ собрали всѣхъ приверженцевъ монархіи, среди которыхъ находилось также и двое сыновей Брута, заперли ихъ въ циркѣ и приказали Бруту предать всѣхъ смертной казни. Брутъ, во главѣ своей арміи, исполнилъ это приказаніе и, огорченный сыноубійствомъ, отправился въ походъ противъ своего „гордаго“ родственника. Авгуры куріи, вполнѣ основательно опасавшіеся, чтобы Брутъ не вздумалъ отомстить имъ за смерть своихъ сыновей и не соединился бы съ „Гордымъ“, постарались о томъ, чтобы онъ былъ убитъ въ первой

же схваткѣ, и, полные лицемѣрія, а также горя желаніемъ снискать себѣ расположеніе грековъ, соорудили въ честь его храмъ для греческихъ героевъ Кастора и Поллукса.

Польщенные этимъ вниманіемъ, греки южной Италіи стали примиряться съ мыслью, подсказываемою имъ диплесами, о подчиненіи себя правительству мнимо-республиканской куріи, столь восхваляемой двуличными патріотами.

На ложный путь вступили тѣ историки, которые выставляли одинъ только сенатъ отвѣтственнымъ за всѣ дѣйствія куріи и считали курію учрежденіемъ, лишеннымъ какой бы то ни было фактической верховной власти, не принимавшимъ участія въ политикѣ и прозябавшимъ въ бездѣйствіи. Это происходило оттого, что историкамъ, на самомъ дѣлѣ, было запрещено касаться зависимости сената отъ куріи и распространяться о дѣятельности оракула. Но, во всякомъ случаѣ, нелѣпо было бы утверждать, что это было учрежденіе, которое не вмѣшивалось въ дѣла управленія государствомъ и прозябало въ бездѣйствіи. Іерархія жрецовъ ложно-непогрѣшимаго оракула, со времени основанія Рима, никогда не прозябала въ бездѣйствіи, такъ какъ зорко и постоянно слѣдила за тѣмъ, чтобы сенатъ проявлялъ вѣру въ оракулъ, и тайно управляла имъ. Съ его помощію, она управляла народомъ, безъ всякаго стѣсненія смѣщала сенаторовъ и окончательно отмѣняла постановленія сената.

Начиная съ вышеупомянутаго, 509 года до Р. Х., курія подчинила себѣ еще больше свой республиканскій сенатъ, въ составъ котораго вошли богачи, избираемые изъ среды ея друзей, угрожая ему установленіемъ законовъ Ликурга или Дракона. Такимъ образомъ, она являлась абсолютнымъ оракуломъ по отношенію къ этому мнимо-республиканскому сенату. Играя сенаторами, словно мячиками, она пользовалась громадными доходами отъ патриціата и отъ плебисцита, богатые члены котораго питали вполнѣ естественное отвращеніе къ ликургизму и, благодаря оракулу, пользовались правомъ превращать своихъ должниковъ въ настоящихъ рабовъ, конечно, взамѣнъ жертвоприношеній на пользу куріи. Увеличивая и укрѣпляя послѣдовательно свое господство надъ своимъ республиканскимъ сенатомъ, курія убѣдилась 59 лѣтъ спустя послѣ объявленія ея оракуломъ такого рода тимократической республики или консульства богачей, что, отправляя всѣхъ патриціевъ въ походъ съ цѣлью покоренія Великой Греціи или южной Италіи, она рискнула бы тѣмъ, что плебеи, буржуазія, не принимавшіе участія въ дѣлахъ управленія и поэтому вовсе не заинтересованные въ ея преуспѣяніи, очень легко могутъ возстать противъ ея власти. Чтобы снискать себѣ популярность, она приказала своему сенату, посредствомъ мнимаго прореченія боговъ, назначить консуломъ одного изъ членовъ плебисцита, предоставляя, однако, проконсуламъ патриціата власть управлять провинціями. Возбуждая такимъ образомъ въ своемъ сенатѣ постоянное состязаніе между консулами и проконсулами по случаю походовъ противъ этрусковъ, умбровъ, самнитовъ и другихъ племенъ, курія Ромы успѣла, до 360 года до Р. Х., сдѣлаться уже повелительницею почти всей средней Италіи.

Но начиная съ этого года, то есть съ года покоренія Греціи Филиппомъ Македонскимъ, оракулъ Ромы былъ вынужденъ повоздержаться относительно проявленій своей жадности и ограничить свои интриги, направленныя, главнымъ образомъ, противъ южной Италіи, извѣстной подъ именемъ Великой Греціи. Это было тѣмъ болѣе необходимо въ царствованіе сына Филиппа, Александра Великаго. Въ виду его огромнаго могущества, оракулъ Ромы даже трепеталъ за свое существованіе, тѣмъ болѣе, что его сенаторы, не столь глупые, чтобы вѣровать въ оракулъ, въ боговъ и богинь, съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе усердно проявляли свою вѣру въ курію.

Поэтому-то курія и ограничилась только тѣмъ, что, начиная съ 360 г. до Р. Х., предотвращала окончательное исчезновеніе вѣры въ нее, начавшееся благодаря идеямъ греческихъ философовъ: *Біаса*, *Хилоса*, *Клеобула*, *Питта*, *Періандра*, *Ѳалеса*, *Анаксимандра*, *Антисѳена*, *Пиѳагора* и ученію *элеатовъ*, *преимущественно же эмпириковъ*: *Гип-*

пократа, Θеофраста, Гераклія, Парменида, Эмпедокла, Анаксагора, Протагора, Горгія, Солона, Сократа, Платона, Ксенофонта и *Аристотеля*, которые всѣ, несмотря на противорѣчія, встрѣчающіяся въ философскихъ идеяхъ, *все-таки содѣйствовали упадку вѣры въ оракулъ.* Притомъ послѣдніе изъ нихъ соглашались вполнѣ въ области политики, утверждая, что будущность греческаго могущества требуетъ подчиненія Ромы вмѣстѣ съ ея смѣшнымъ оракуломъ греческой гегемоніи.

Поэтому курія вздохнула свободнѣе въ 323 г. до Р. X., т. е. послѣ смерти Александра Македонскаго, и тутъ же жадно принялась за распространеніе несогласій и зависти среди грековъ южной Италіи, дѣйствуя, конечно, съ помощію своихъ диплесовъ. Несмотря на то, что греческое государство Александра Македонскаго, послѣ его смерти, раздѣлилось на три части—на Сирію съ Палестиною, Египетъ и Македонію, греки все-таки имѣли полную возможность образовать и впредь могущественнѣйшую организацію объединеннаго племени, подчиняясь только гегемоніи македонянъ. При такомъ положеніи дѣлъ куріи Ромы никакъ не удалось бы покорить себѣ Грецію. (Мы говоримъ о куріи, а не о сенатѣ, такъ какъ послѣдній игралъ роль ширмы во всѣхъ дѣяніяхъ оракула проходимцевъ). Но, какъ во время оно персы, съ помощію своихъ диплесовъ, подстрекали аѳинянъ, спартанцевъ и ѳивянъ противъ братской гегемоніи, такъ точно и теперь курія Ромы, послѣ смерти Александра Македонскаго, ухитрилась, съ помощію денегъ, снискать себѣ нѣсколько десятковъ греческихъ „семействъ“, которыя подстрекали грековъ противъ гегемоніи македонянъ. Находясь въ зависимости отъ своихъ македонскихъ собратьевъ, Грeція, до 282 г. до Р. X., образовала союзъ объединенныхъ греческихъ племенъ, которыя въ этомъ единеніи, въ этомъ союзѣ, въ этой уніи находили полную возможность покорить себѣ враждебный философіи и религіи оракулъ Ромы. Македонія и Греція еще въ 282 г. до Р. X. соединяли въ одно цѣлое племена этолянъ, ахеянъ, эолянъ, локровъ, акарнанъ, мессенянъ, ѳивянъ, эвбейцевъ, мегарянъ, эпиротовъ и друг. Курія Ромы прежде всего задалась цѣлью подстрекать всѣ греческія племена ко взаимной враждѣ другъ съ другомъ, съ помощію предательства и измѣны, подкупа городовъ и полководцевъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ покорить себѣ поочереди и подчинить своимъ проконсуламъ всѣхъ грековъ, послѣ того какъ они истощатъ свои силы въ братоубійственной войнѣ изъ-за гегемоніи.

Съ этой цѣлью она прежде всего разсорила въ 281 году до Р. X. грековъ южной Италіи до такой степени, что жители Тарента сами обратились къ ея сенату съ просьбою оказать имъ помощь въ братоубійственной борьбѣ. Оракулъ безъ малѣйшаго замедленія отправилъ къ нимъ своего Постумія съ войсками патриціата.

Съ тѣхъ поръ не проходило ни одного года, чтобы какой-нибудь консулъ не проливалъ кровь грековъ и не грабилъ ихъ имущества въ пользу куріи. Дѣйствуя съ помощію своей испытанной системы подкупа предательскихъ родовъ, курія уже въ 266 году до Р. X. побѣдила 250-тысячную армію италійскихъ грековъ и, переименовавъ всю южную Италію, извѣстную подъ именемъ Великой Греціи, въ провинцію Ромы, завладѣла 300 милліонами ливровъ и сдѣлалась тѣмъ болѣе авторитетнымъ оракуломъ для своего сената. Затѣмъ въ 241 году до Р. X., благодаря кровопролитнымъ Пуническимъ войнамъ, она, пользуясь безпрерывными измѣнами предателей-полководцевъ, лишила жизни 250 тысячъ человѣкъ новофиникіянъ и нумидійцевъ, т. е. карѳагенянъ сѣверной Африки, и пріобрѣла тысячу милліоновъ ливровъ. Въ 222 г. до Р. X. консулы куріи умертвили болѣе 250 тысячъ цизальпинскихъ галловъ и поднесли своему мнимо-патріотическому оракулу новыхъ 300 милліоновъ ливровъ. Для храненія этихъ сокровищъ, курія велѣла рыть катакомбы подъ адскими вратами и прятать туда бочки, наполненныя золотомъ, которому было дано наименованіе „pecunia sacra“.

Съ тѣхъ поръ римскій оракулъ имѣлъ полное право именовать себя „силою“ или „Ромою“, такъ какъ онъ былъ уже силенъ, могучъ и богатъ. И дѣйствительно,

въ 200 году до Р. X. онъ добрался до самаго сердца грековъ, т. е. до Эллады, находившейся пока въ братскомъ подчиненіи у македонянъ. Тогда курія стала отправлять къ нимъ одного за другимъ своихъ „advocatus'овъ dei et diaboli“ съ деньгами, предназначенными для греческихъ олигарховъ и жрецовъ, обѣщая всѣмъ все, что угодно: деньги, власть, титулы, преимущественно же земныя и вѣчныя блага, такъ какъ подобнаго рода обѣщанія, все равно, что абсолюціи или прощеніе грѣховъ и безнаказанность всѣхъ злодѣяній, совершаемыхъ въ ея пользу, не были сопряжены ни съ какими расходами точно такъ же, какъ и всѣ пустыя декламаціи о слѣпой, безусловной вѣрѣ въ курію, которыя повторяются даже и по нынѣшній день. Ловкіе агенты, нунціи и легаты римскаго оракула, окруженные роскошью въ награду за праздную жизнь, пустословіе и пустыя обѣщанія, начали уже гласно и убѣдительно проповѣдывать Элладѣ полное презрѣніе къ исторической эклектикѣ и къ религіи вообще, а также презрѣніе къ эмпирической философіи. Лишь только кого-нибудь постигало несчастье, агенты куріи объясняли это наказаніемъ, ниспосылаемымъ богами и богинями римскаго оракула за недостатокъ вѣры въ курію. Мало того, курія Ромы ухитрилась снискать себѣ въ самой Элладѣ расположеніе продажныхъ греческихъ философовъ и поэтовъ, которые въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, называемыхъ „literalia“ или „retoria“, учили, что положительно-догматическій оракулъ Ромы стоитъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ оракуловъ, такъ какъ онъ не допускаетъ разсужденій, но велитъ слѣпо вѣровать во всѣ догматы. Это превосходство доказывалось также и тѣмъ, что римскій оракулъ понятенъ меньше всѣхъ другихъ, больше всѣхъ поражаетъ таинственностью и поэзіей, а потому онъ и имѣетъ божественное, священное начало.

Невѣжественная толпа, не вникающая въ тонкости политики, стала думать, что въ оракулѣ авгуровъ Ромы въ самомъ дѣлѣ кроется что-то очень премудрое, и считала философовъ атеистами, невѣрующими въ существованіе Создателя, несмотря на то, что философы отрицали только одну вѣру въ боговъ и богинь, но отнюдь не отрицали существованія Создателя, что доказывается рѣчами и сочиненіями Сократа, Платона, Аристотеля и многихъ ихъ учениковъ и единомышленниковъ. Подготовивъ такимъ образомъ въ своемъ духѣ умы Эллады, римскій оракулъ республиканскаго сената отправилъ въ Грецію одного изъ самыхъ ловкихъ „advocatus'овъ“, консула своего сената Тита Квинкція Фламинія, который говорилъ не хуже Демосоена и подстрекалъ грековъ ко взаимной враждѣ. Онъ объявилъ во всеуслышаніе, что „во имя любви, которую Римъ питаетъ къ Греціи, всѣ греческіе города, возстающіе противъ гегемоніи македонянъ, могутъ разсчитывать на то, что республиканскій Римъ возвратитъ имъ свободу и независимость, и никогда не откажетъ имъ въ своей помощи, такъ какъ Римъ дѣйствуетъ не ради своей собственной пользы, но руководствуется одной только любовью и заступается за вѣру“. Предназначенныя для олигарховъ бочки съ золотомъ сдѣлали свое дѣло. Образовался союзъ сепаратистовъ, подъ именемъ „Союза этолянъ“, направленный противъ гегемоніи македонянъ, который принялъ сторону войскъ оракула Ромы, увлекаясь постоянно лицемѣрными обѣщаніями, что этолянамъ будетъ предоставлена вполнѣ безвозмездно гегемонія надъ македонянами. Диплесы или двойственники, двуличные патріоты распускали слухъ, что македоняне являются врагами грековъ и что одинъ только Римъ питаетъ къ нимъ настоящую дружбу, чуждую всякаго корыстолюбія. Умопомраченные греки послѣдовали за войсками куріи противъ своихъ братьевъ-македонянъ и, разоривъ ихъ города и села, расположенные между Өессаліей и Эпиромъ, одержали полную побѣду надъ македонскими войсками подъ Скотуссой и Киноскефалами. Въ 197 г. до Р. X. они избавились отъ гегемоніи своихъ братьевъ, но одновременно очутились вполнѣ безсильными въ виду Ромы, зависимыми отъ милости Фламинія, т. е. подъ гегемоніей оракула Ромы. Взамѣнъ братской гегемоніи они подчинились позорной гегемоніи враговъ. Обманщики, измѣнники, „диплесы“,

захватили съ собою бочки съ золотомъ, оставили Грецію и бѣжали въ Римъ. Обманутые полководцы, видя, что консулъ Рима имѣетъ полную возможность дѣлать съ ними, что ему вздумается, ужасно огорченные братоубійствомъ, совершеннымъ надъ македонянами, бѣжали отъ полководца Рима и, собравшись въ Коринѳѣ, образовали союзъ, направленный противъ Рима, извѣстный подъ именемъ „Ахейскаго". Въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ они пригласили къ этому союзу остатки своихъ побѣжденныхъ братьевъ-македонянъ и устроили имъ, во имя братства, всепрощенія и единенія народныя игры въ честь Посейдона, покровителя моря, „чтобы несогласіе исчезло въ глубинѣ моря, и чтобы братская любовь, согласіе и солидарность соединили ихъ въ одно цѣлое и направили ихъ силы противъ общаго врага, римскаго оракула". Но, увы, они опоздали съ союзомъ!

Несчастные греки опоздали съ своимъ союзомъ съ македонянами. Консулъ сената республиканскаго оракула Ромы направился вслѣдъ за побѣжденною арміей македонянъ и дошелъ до самаго Коринѳа. Но когда ахайскіе союзники заступились за своихъ побѣжденныхъ братьевъ, изъявляя готовность умереть уже не съ позоромъ, но въ братскомъ согласіи, въ геройской борьбѣ съ общимъ врагомъ, хитрый куріалистъ Фламиній, видя ихъ отчаяніе и согласіе, небезопасное даже для его въ десять разъ большей арміи, а также имѣя въ виду тайное приказаніе куріи побѣдить одновременно и покорить грековъ въ Азіи, т. е. въ Сиріи, и завладѣть Палестиной,—побоялся оставить въ тылу своей арміи враговъ и объявилъ посредствомъ своихъ герольдовъ, что „греки обнаружили черную неблагодарность относительно оракула Ромы, освободившаго ихъ отъ гегемоніи македонянъ. Такъ какъ Римъ далъ грекамъ полную свободу, руководствуясь только однимъ чувствомъ братской любви и не имѣя въ виду никакихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, то потому онъ и уходитъ съ своей арміей, питая въ сердцѣ сокрушеніе, вызванное неблагодарностію, постигшею оракулъ и сенатъ Ромы". Услышавъ эту хитросплетенную декларацію, наивные греки хотя и не выдали оружія, но тѣмъ не менѣе огласили воздухъ столь безумными восклицаніями въ честь мнимой безкорыстной дружбы членовъ оракула и сената Ромы, что авгуры и гаруспексы ауспиціума, командированные туда въ качествѣ членовъ куріальнаго оракула Ромы, которые какъ разъ обсуждали въ лагерѣ Фламинія важный вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли бороться дальше съ Ахейскимъ союзомъ, или же не рисковать славою римскаго оружія въ борьбѣ съ отчаявшимися греками, были увѣрены, что это приступъ, и что слѣдуетъ бѣжать. Но Фламиній успокоилъ жрецовъ, увѣряя ихъ, что „оракулъ напустилъ умопомраченіе на потомковъ побѣдителей персовъ, потомковъ Мильтіадовъ, Леонидовъ, Ѳемистокловъ, Аристидовъ, Эврипидовъ, Павзаніевъ и Кимоновъ". Вслѣдъ затѣмъ римскія войска двинулись покорять Сирію и Палестину, т. е. Малую Азію, Вавилонъ, Мидію, Парѳію и Бактрію. Въ скоромъ времени этоляне и ахейцы, узнавъ о намѣреніяхъ Фламинія, направили свои силы въ подмогу Антіоху противъ полководца оракула Ромы, но, съ распаденіемъ организаціи македонской гегемоніи, всѣ усилія оказались запоздавшими, тщетными. Войска оракула Ромы, разгромивъ армію Антіоха и покоривъ Малую Азію, заграбили всѣ сокровища страны, для перевозки которыхъ потребовалось около трехъ тысячъ подводъ, и направились противъ союзныхъ грековъ. Сто тысячъ человѣкъ греческихъ ахейцевъ и этолянъ, аѳинскихъ и спартанскихъ союзниковъ, слишкомъ поздно соединившихся съ македонянами, погибли геройской смертію, и всѣ греки очутились рабами куріи, т. е. оракула Ромы.

Съ тѣхъ поръ Греція изнемогала подъ тяжелымъ бременемъ военной контрибуціи. Побѣдитель обращался съ греками, какъ съ враждебнымъ племенемъ, измѣнившимъ куріи, которая именовала себя „Сивиллою боговъ и богинь", и отказавшимся отъ вѣры въ покровителей и покровительницъ „отцовъ" (patres) Ромы. Напрасно греки отправляли въ Римъ депутаціи съ жалобами на проконсуловъ и авгуровъ, немилосердно грабившихъ

и разорявшихъ страну: сенатъ оракула продолжалъ хранить молчаніе. Въ 155 году до Р. Х. отправилась депутація, состоявшая изъ скептика Кардеада, стоика Діогена и перипатетика Критолая. Каждый изъ нихъ, съ помощію своего метода, долженъ былъ убѣждать сенаторовъ оракула Ромы и просить объ облегченіи тяжелаго бремени контрибуціи. Сенаторы и авгуры въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ выслушивали ихъ рѣчи, наслаждаясь декламаціями философовъ и стараясь такимъ образомъ изучить всѣ тонкости греческаго краснорѣчія, а также постичь ихъ мысли и намѣренія.

Сенатъ обѣщалъ все, о чемъ его просили, высказывая свои симпатіи къ грекамъ. Наконецъ, одинъ изъ *курульныхъ* сенаторовъ, по имени Катонъ, отъ имени сената объявилъ депутатамъ безъ обиняковъ, что „они напрасно трудились, такъ какъ вся греческая философія не въ состояніи поколебать политику Рима, которая зиждется на вѣрѣ въ могущество римскаго оружія, т. е. на вѣрѣ въ оракулъ боговъ и богинь, покровителей и покровительницъ Рима. Слѣдовательно, пускай греки платятъ безпрекословно все, что заблагоразсудитъ потребовать оракулъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Римъ поставитъ ихъ на одну доску съ евреями, не вѣрующими въ ея оракулъ“.

Неудача греческой депутаціи, возвратившейся на родину съ пустыми руками, вызвала отчаянное возстаніе Греціи. Но это послѣднее возстаніе окончилось для нея весьма печально, такъ какъ въ Греціи не имѣлось уже ни одной свободной провинціи, въ которой не хозяйничалъ бы гарнизонъ оракула Ромы. Курія послала своимъ проконсуламъ сильныя подкрѣпленія и приказала предать смерти всѣхъ бунтовщиковъ, „измѣнившихъ сенату куріи Ромы“. Уже въ 146 г. до Р. Х. вся Греція съ Македоніей была переименована въ римскую провинцію подъ названіемъ Ахаія, конечно, въ память неудачнаго ахейскаго союза. Оракулъ сената Ромы приказалъ своимъ проконсуламъ ограбить всю Грецію, лишить ее всѣхъ сокровищъ и произведеній искусства. Рѣшено было перевезти все это въ Римъ и сдѣлать эту столицу мнимымъ очагомъ цивилизаціи, занявшимъ мѣсто Эллады, которая была ограблена, разорена и опозорена куріей. Вслѣдъ затѣмъ сенатъ получилъ приказаніе устроить въ честь самаго усерднаго консула, патриція по происхожденію, торжественнѣйшее тріумфальное шествіе „triumphus“, для поруганія греческой философіи. А происходило это вотъ какъ. Почти весь римскій народъ выступилъ въ бѣлыхъ тогахъ; исполнители приказаній авгуровъ и герольдовъ, ликторы, числомъ около 24 тысячъ человѣкъ, вооруженные топорами и кинжалами, держали въ рукахъ розги и гнали впереди себя человѣкъ тысячу греческихъ философовъ, закованныхъ въ кандалы. За ними слѣдовали тысячи раненыхъ греческихъ рабовъ, позади которыхъ шествовали закованные въ кандалы самые выдающіеся граждане Эллады, питавшіе вражду къ оракулу Ромы. Далѣе опять шли ликторы, несшіе 450 штукъ золотыхъ коронъ, отнятыхъ у греческихъ городовъ; за этими ликторами дѣти короля македонскаго, которыхъ тащили за руки сатрапы, за ними ихъ отецъ, закованный въ цѣпи и облеченный въ траурную одежду. Его подталкивали ликторы, несшіе 750 сосудовъ, наполненныхъ македонскимъ и греческимъ золотомъ. Далѣе слѣдовало 250 подводъ съ сокровищами греческаго искусства, заграбленными въ Македоніи и Аѳинахъ. За подводами шествовали ликторы, несшіе золотые и серебряные сосуды, собранные со всей Греціи. Затѣмъ, въ роскошной колесницѣ ѣхалъ жестокій и гордый тріумфаторъ, облаченный въ пурпурную тогу, всю въ золотѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ булаву изъ слоновой кости, въ другой оливковую вѣтку. На немъ красовался лавровый вѣнокъ. Но гордый побѣдитель былъ окруженъ авгурами куріи, постоянно напоминавшими ему: „помни, что ты не богъ, но слуга оракула“. За гордымъ тріумфаторомъ слѣдовали окруженные трофеями побѣды „legati a latere“ куріи Ромы, самыя довѣренныя и приближенныя лица архижреца; за ними „legati missi internuntii“ куріи Ромы, еще дальше „legati nati ex officio“ куріи и, наконецъ, оффиціальная свита

и преторіанцы. Шествіе замыкала блестящая, побѣдоносная армія патриціевъ, увѣнчанная лаврами и вооруженная копьями, топорами и кинжалами. Вся толпа кричала: „ovatio dio triumphe!“ Все это шествіе направилось отъ Марсовой площади къ Капитолію, чтобы возложить всѣ сокровища на жертвенникъ Юпитера, въ сущности же поднести ихъ республиканской авгуріи. Одновременно курія приказала своему сенату разрушить до основанія Аѳины, Коринѳъ и другіе города. Какъ извѣстно, та же самая участь постигла впослѣдствіи Карѳагенъ, благодаря напоминаніямъ жестокаго авгура Катона, твердившаго постоянно „delendam esse!“ Гегемонія грековъ въ южной Европѣ угасла, и конецъ ея былъ запечатлѣнъ смертной казнью на крестѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ самыхъ выдающихся греческихъ граждапъ, не пожелавшихъ притвориться вѣрующими въ оракулъ шайки грабителей.

Такой печальный конецъ имѣли братоубійственныя междоусобицы грековъ, не захотѣвшихъ подчиниться братской гегемоніи македонянъ. Эллада очутилась рабыней куріи Ромы, которая въ томъ же 146 году до Р. Х. ухитрилась принять подъ свое покровительство несовершеннолѣтнихъ Птоломеевъ, правителей Египта. Это покровительство не выпускалось изъ рукъ куріи, но передавалось по завѣщанію ея грядущимъ поколѣніямъ, которыя вдобавокъ подчинили себѣ новофиникійскій Карѳагенъ, расположенный па африканскомъ берегу Средиземнаго моря. Съ этой цѣлью курія, повелѣвавшая уже половиною извѣстныхъ въ то время народовъ міра, отправила въ Египетъ трехъ проконсуловъ, которымъ поручила наблюдать за Птоломеями, направляя одновременно свои арміи, съ консулами во главѣ, противъ Иберіи и Лузитаніи, т. е. Испаніи и Португаліи. Дѣйствуя тамъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Греціи, т. е. пуская въ ходъ подкупъ и измѣну, а также застигая врасплохъ жителей, неподготовленныхъ къ борьбѣ, и пользуясь услугами предателей, благодаря которымъ арміи, предназначенныя для защиты края, располагались не въ стратегическомъ порядкѣ, курія уже въ 133 г. до Р. Х. завладѣла цѣлымъ Пиринейскимъ полуостровомъ, города котораго, числомъ около 500, были сожжены самими жителями.

Чувствуя себя могущественнѣе Греціи при Александрѣ Македонскомъ, курія заблагоразсудила позволить своимъ сыновьямъ пользоваться добытыми сокровищами, тѣмъ болѣе, что уже не хватало мѣста для помѣщенія всѣхъ бочекъ съ золотомъ, награбленнымъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, и подъ именемъ „pecunia sacra“ образовавшимъ могучій неприкосновенный капиталъ, хранившійся въ катакомбахъ, нарочно вырытыхъ для этой цѣли подъ „cardo inferis“ Ромы. Стало быть, курія разрѣшила своимъ полководцамъ, консуламъ и проконсуламъ, т. е. сыновьямъ современныхъ авгуровъ оракула, а именно Сципіону, Метеллу, Фабію, Клавдію и другимъ, взять себѣ неизмѣримыя сокровища, отнятыя у убитыхъ иберійскихъ богачей, одна часть которыхъ, числомъ около трехсотъ тысячъ человѣкъ, погибла отъ римскаго оружія, а другая, состоявшая изъ незначительныхъ остатковъ, спряталась въ ущелья горъ Астуріи и Пиринеевъ.

Названные сыновья авгуровъ, богачи, консулы и проконсулы, т. е. полководцы и правители разныхъ покоренныхъ провинцій, назначаемые ежегодно срокомъ на одинъ годъ и пользовавшіеся правомъ выжимать всѣ доходы страны для своей личной пользы,— скопили громадныя сокровища, окружили себя невѣроятною роскошью, творили въ куріальной республикѣ неслыханныя злодѣянія, убивая безоружныхъ и раздавливая цѣлыя толпы народа во время своихъ безумныхъ прогулокъ въ колесницахъ изъ настоящаго золота, и въ концѣ концовъ дождались того, что эти и тому подобныя безобразія и вопіющія насилія заставили двухъ братьевъ Гракховъ организовать заговоръ противъ оракульной куріи. Этотъ заговоръ въ скоромъ времени превратился въ открытое возстаніе. Число возставшихъ подъ предводительствомъ Гракховъ дошло до трехъ тысячъ человѣкъ. Но курія не коснѣла въ бездѣйствіи, когда дѣло шло о защитѣ ея соб-

ственныхъ правъ, и поручила одному изъ своихъ членовъ, консулу Суллѣ, подавить возмущеніе во что бы то ни стало.

Двадцать тысячъ человѣкъ ликторовъ напали на Гракхистовъ, собравшихся, по совѣту тайныхъ агентовъ куріи, въ „святой рощѣ", и убили ихъ всѣхъ до единаго. Такимъ образомъ, курія обезпечила за своими сыновьями полную свободу дѣйствій въ *курульной* республикѣ. Но опасаясь новыхъ возмущеній, курія подумывала уже о провозглашеніи преданнаго Суллы царемъ или императоромъ Рима. Съ этой цѣлью, желая дать ему возможность отличиться въ виду остальныхъ сыновей сената, она приказала въ 104 г. до Р. Х. назначить его командующимъ войсками, выступившими въ походъ противъ Митридата, короля Понта, который въ продолженіе цѣлыхъ 24 лѣтъ защищался въ горахъ Кавказа и еще не потерпѣлъ никакихъ потерь. Курія открыто не предлагала своему полководцу царскаго престола, но предоставила въ его личную пользу всѣ сокровища Митридата. Кровожадный Сулла подкупилъ приближенныхъ и слугъ понтійскаго короля, которые согласились убить своего господина, и такимъ образомъ дали римлянину возможность завладѣть сокровищами въ десять тысячъ милліоновъ ассовъ, т. е. ливровъ. Вслѣдъ затѣмъ курія, имѣя въ виду провозглашеніе Суллы царемъ Рима, приказала ему побѣдить и убить консула Марія, по происхожденію плебея, который могъ помѣшать ей въ достиженіи завѣтной цѣли, а также снискать себѣ расположеніе народныхъ массъ, устраивая для черни зрѣлища въ циркѣ и борьбу дикихъ звѣрей съ гладіаторами, т. е. рабами, плѣненными въ Греціи и другихъ покоренныхъ провинціяхъ. Но не всѣ члены оракула были расположены въ пользу Суллы; жажда завладѣть его сокровищами разрушила весь планъ съ помощью внезапной кончины будущаго монарха. Въ виду этого курія разрѣшила своимъ сыновьямъ состязаться другъ съ другомъ въ погонѣ за популярностью и, пуская въ ходъ свои неисчислимыя сокровища, стала удивлять народныя массы, преклонявшіяся передъ могуществомъ ея богатыхъ сыновей, всецѣло ей преданныхъ. Курія блестѣла роскошью, о которой до сихъ поръ никто въ Европѣ не имѣлъ понятія. Въ этомъ отношеніи отличались сыновья куріи Крассъ, Цезарь, Лукуллъ и многіе другіе, располагавшіе нѣсколькими сотнями милліоновъ ливровъ, въ сравненіи съ которыми Верресъ, Катилина и другіе, имѣвшіе не болѣе ста милліоновъ, считались уже бѣдными или обнищавшими. Когда-то невзрачный и угрюмый городъ, въ настоящее время Римъ поражалъ восточной роскошью и великолѣпіемъ своихъ зданій и монументовъ. Эта роскошь и великолѣпіе доходили до безумія и превосходили самую смѣлую фантазію поэтовъ. Было время, что въ 65 г. до Р. Х. богатый сынъ авгура куріи, консулъ Цицеронъ возставалъ въ сенатѣ противъ безумныхъ затѣй Верресовъ и Катилинъ. Но всѣ эти хитрыя уловки своеобразной нравственности, преподаваемой въ риторіяхъ Рима, пускались въ ходъ только для отвода глазъ, такъ какъ для куріи было очень желательно, чтобы ея сыновья считались полубогами.

Въ риторіяхъ куріальнаго оракула проповѣдывалась только одна вѣра въ миѳологическихъ покровителей и покровительницъ Рима, что же касается до философіи, то въ этой области знанія исключена была эклектика и преподавались только системы, изобрѣтаемыя агентами куріи съ цѣлью поруганія всей философіи, въ которой подвергался критикѣ оракулъ Ромы. Единственный непобѣдимый соперникъ оракульной куріи и притворной вѣры въ нее, монотеизмъ, или религія, свойственная всѣмъ народамъ, проявился съ особенною силою въ произведеніяхъ евреевъ. Этотъ публичный монотеизмъ Палестины, проповѣдуемый въ противоположность политеизму куріи Ромы, открыто упрекалъ названный оракулъ въ заблужденіи и обманѣ и являлся гласнымъ и безпрестаннымъ протестомъ и бунтомъ противъ притворной вѣры въ непогрѣшимый оракулъ. Поэтому явная религія поклоненія Единому Создателю являлась въ глазахъ членовъ куріи не только протестомъ, протестантствомъ и бунтомъ, но и непро-

стительной наглостью по отношенію къ непогрѣшимому оракулу. Курія многократно приказывала сенату заставить евреевъ выказывать вѣру въ ея мнимыхъ боговъ. Но еврейскіе жрецы ни за какія сокровища не соглашались отказаться отъ достоянія отцовъ и смѣло объявили политеизмъ безсмыслицею. Оракулъ, проповѣдывавшій только одну слѣпую вѣру, рѣшилъ во что бы то ни стало уничтожить своего открытаго соперника, т. е. монотеизмъ, разоряя Палестину и казня всѣхъ евреевъ, такъ какъ въ виду гласныхъ пріемовъ монотеизма оракулъ являлся уже не настоящимъ оракуломъ и возбуждалъ одинъ смѣхъ, но ужъ никакъ не уваженіе. Чтобы обезпечить за собою абсолютную власть въ дѣлахъ вѣры, и желая быть единственнымъ источникомъ догматической вѣры, оракулъ, т. е. курія Ромы, приказалъ свему сенату въ 63 г. до Р. Х. снарядить сильную армію съ консуломъ Помпеемъ во главѣ и выслать ее противъ мнимыхъ бунтовщиковъ-евреевъ, называемыхъ съ свойственнымъ ей лицемѣріемъ „невѣрными", „погаными" или „варварами". Консулъ Помпей, по происхожденію плебей, въ точности исполнилъ приказаніе и увѣрилъ оракулъ, что остальные евреи готовы подчиниться вѣрѣ въ покровителей и покровительницъ оракула Ромы. Въ награду за этотъ подвигъ ему были подарены всѣ сокровища Палестины, а также устроено торжественное, тріумфальное шествіе, въ которомъ обращалъ на себя вниманіе закованный въ кандалы царь еврейскій Аристовулъ.

Въ скоромъ времени оракулъ Ромы убѣдился, что увѣренія Помпея основывались на ложныхъ соображеніяхъ, но онъ не считалъ возможнымъ предать смертной казни шесть милліоновъ евреевъ и лишиться чрезъ это большихъ отъ нихъ податей. Впрочемъ, Палестина могла еще пригодиться въ будущемъ, такъ какъ не исключалась возможность вторичнаго грабежа. Несчастные евреи, испытавшіе уже всевозможные ужасы рабства, очутившись рабами куріи Ромы, которая заявила себя самымъ жестокимъ гонителемъ, рѣшили сблизиться съ греками, проповѣдывать сообща монотеизмъ и такимъ образомъ подорвать корни могущества оракула, главнымъ образомъ съ помощью распространенія среди римскихъ легіоновъ идей Сократа и Ксенофонта. Члены оракула, узнавъ отъ своихъ военныхъ капеллановъ о проявленіяхъ пропаганды монотеизма среди солдатъ, утверждавшихъ, что множество боговъ и богинь, покровителей и покровительницъ въ состояніи возбудить только одинъ смѣхъ, и что умный человѣкъ долженъ довольствоваться однимъ Богомъ, не родившимся, но предвѣчнымъ,—побоялись за свое дальнѣйшее существованіе. Посовѣтовавшись, что̀ дѣлать и какъ бороться съ этою „деморализаціей" и „варварствомъ", курія рѣшила, что, такъ какъ люди болѣе интересуются политикою, чѣмъ какою бы то ни было вѣрою, то потому и слѣдуетъ дать политикѣ другое направленіе и такимъ образомъ отвлечь взоры войска отъ вѣры или невѣрія въ боговъ и богинь. Съ этою цѣлью курія рѣшила стремиться къ перемѣнѣ формы правленія, т. е. къ водворенію на мѣсто почти пятисотлѣтней республики единоличной диктатуры, или неограниченной монархической власти, которая, конечно, должна подчиняться ея оракулу. Стремясь къ достиженію этой цѣли, она избѣгала рѣзкихъ перемѣнъ, дѣйствовала осторожно и осмотрительно и учредила сначала тріумвиратъ и дуумвиратъ. Такія постепенныя перемѣны формы правленія, сами по себѣ, должны были отвлекать вниманіе солдатъ отъ количества покровителей и покровительницъ, т. е. боговъ и богинь, составлявшихъ предметъ слѣпой вѣры.

Итакъ, желая прежде всего учредить тріумвиратъ, слѣдовало ловко, постепенно, по одному, устранять консуловъ плебейскаго происхожденія, которые были преданы республикѣ и въ качествѣ предводителей военныхъ отрядовъ легко могли сдѣлаться опасными соперниками куріи, вызывая смуты и междоусобицы. До тѣхъ поръ оракулъ куріи избиралъ себѣ архижрецовъ (pontifices maximi) изъ среды авгуровъ своего ауспиціума подчасъ пожизненно, но чаще всего на трехлѣтній срокъ (triennium). Архижрецы,

пользовавшіеся титуломъ магистровъ коллегіума (magister collegii pontificum auspicii et augurum), диктовали сенату всѣ важныя постановленія и отмѣняли таковыя, въ случаѣ, если это было угодно ихъ сивиллинскому оракулу. Существовалъ обычай, что въ продолженіе трехлѣтія магистра авгуровъ его старшій сынъ или пріемышъ получалъ должность проконсула срокомъ на одинъ годъ въ одной изъ самыхъ доходныхъ провинцій. Въ слѣдующемъ году онъ назначался консуломъ сената. Желая достичь намѣченной цѣли, курія Ромы избрала себѣ вмѣсто одного сразу двухъ магистровъ или архижрецовъ оракула, а именно стараго Красса и стараго Цезаря, отца Юлія. Согласно съ существовавшимъ обычаемъ два сына новыхъ архижрецовъ исправляли должность консуловъ одновременно съ покорителемъ Іерусалима, Помпеемъ. Оба магистра оракула, рѣшившіе избавиться отъ Помпея, по происхожденію плебея, и завладѣть его милліонами, учредили тріумвиратъ, состоявшій изъ ихъ сыновей и Помпея. Первые два тріумвира должны были устранить третьяго, который командовалъ самою значительною частью римской военной силы. Юлій Цезарь былъ богаче и Красса, и Помпея, взятыхъ вмѣстѣ, такъ какъ исправлялъ должность проконсула Испаніи и въ продолженіе одного года успѣлъ награбить столько сокровищъ, что, возвратившись въ Римъ, не только отдалъ своимъ друзьямъ Крассу и Помпею долгъ, простиравшійся до трехсотъ милліоновъ ливровъ, растраченныхъ имъ прежде на безумную роскошь, но обладалъ еще суммою вдвое бóльшею, чѣмъ этотъ долгъ. Неудивительно послѣ того, что Юлій Цезарь имѣлъ больше друзей среди членовъ оракула куріи, нежели два другіе тріумвира.

Оба магистра куріи рѣшили управлять оракуломъ пожизненно и, желая замѣнить тріумвиратъ, состоявшій изъ трехъ курульныхъ мужей, подчиненныхъ ея сенату, дуумвиратомъ, приказали тріумвирамъ казнить всѣхъ прежнихъ своихъ друзей, будто бы преданныхъ философіи и не вѣровавшихъ въ боговъ Ромы.

Когда это было исполнено, они въ 58 г. до Р. Х. задержали Помпея въ Римѣ и отправили Красса во главѣ войскъ въ Палестину съ приказаніемъ вторично разорить страну евреевъ, пренебрегавшихъ мнимою вѣрою въ оракулъ, и снова ограбить Іерусалимскій храмъ. Вслѣдъ затѣмъ ему велѣно было выступить въ походъ противъ пареянъ и награбить еще больше сокровищъ. Одновременно же и Юлій Цезарь получилъ приказаніе стать во главѣ самаго значительнаго военнаго отряда, отправиться съ нимъ въ Трансальпинскую Галлію и предать смертной казни какъ можно бóльшее количество гельветскихъ друидовъ, придерживавшихся вѣры въ Единаго Создателя, преклонявшихся передъ Его символами солнца и огня и не желавшихъ поклоняться богамъ, полубогамъ и богинямъ, т. е. покровителямъ и покровительницамъ куріи.

Сынъ архижреца оракула, Юлій, покорилъ Гельвецію, казнилъ друидовъ и тутъ же получилъ новое приказаніе оракула казнить всѣхъ друидовъ Сенской провинціи, т. е. будущаго Franche Comté. Въ слѣдующемъ 57 г. до Р. Х. ему велѣно было покорить Бельгію. Исполняя въ точности жестокія приказанія оракула, онъ не только казнилъ друидовъ западной Европы, но отправлялъ ихъ въ Римъ, въ качествѣ гладіаторовъ цирка или въ качествѣ рабовъ, предназначенныхъ для кардиналовъ куріи. Сокровища ограбленныхъ храмовъ и частныхъ лицъ онъ обращалъ въ свою личную пользу. Такъ какъ, тѣмъ временемъ, въ 53 году сынъ куріи Крассъ, обладавшій милліардами, былъ убитъ пареянами, то Помпей и Цезарь образовали уже курульный дуумвиратъ. Такимъ образомъ остались только два соперника, стремившіеся къ престолу. Но курія, поддерживавшая только своихъ сыновей, т. е. патриціевъ, желая избавиться отъ Помпея и завладѣть его сокровищами, скопленными въ Іерусалимѣ, вызвала Цезаря въ Римъ и приказала ему устранить соперника и провозгласить себя самодержцемъ. Одновременно велѣно было Цезарю, для предотвращенія возстанія галловъ, распорядиться, чтобы солдаты отрубили правую руку всѣмъ молодымъ галламъ, заподозрѣннымъ въ стремленіи къ возмущенію. Сдѣлавъ это, Юлій Цезарь направился съ войсками къ Риму. Прибывъ

къ рѣчкѣ Рубиконъ, отдѣлявшей Галлію отъ Италіи, онъ остановился и прежде всего отправилъ въ Римъ развѣдчиковъ, которымъ приказалъ убѣдиться доподлинно, живъ-ли еще его отецъ, состоитъ-ли онъ магистромъ оракула Ромы и не подвергается-ли онъ какой-либо опасности со стороны предательской куріи? Отецъ успокоилъ героя, который двинулся къ столицѣ съ цѣлью устранить Помпея, своего прежняго друга и зятя, въ настоящее же время опаснаго соперника и смѣлаго соискателя престола. Помпей догадался объ угрожавшей ему опасности и, не разсчитывая найти себѣ спасеніе и поддержку въ куріи, захватилъ огромныя сокровища и вмѣстѣ съ ликторами, преторіанцами и всѣмъ семействомъ бѣжалъ въ Македонію. Юлій, которому былъ устроенъ тріумфальный въѣздъ, помчался вслѣдъ за бѣжавшимъ Помпеемъ и его сокровищами, опасаясь, чтобы тотъ не провозгласилъ себя царемъ грековъ или македонянъ или даже евреевъ.

Въ 49 г. до Р. Х. онъ догналъ своего соперника въ Ѳессаліи и разгромилъ его войска подъ Фарсалами. Помпею удалось, однако, бѣжать съ женою, дѣтьми и сокровищами въ Египетъ. Но тутъ ожидала его печальная участь. Птоломей и Клеопатра приказали отрубить ему голову, которую поднесли Юлію Цезарю. Развратная Клеопатра уговорила Цезаря утопить въ Нилѣ ея мужа Птоломея и сдѣлать ее правительницею Египта.

Устроивъ это, Юлій Цезарь двинулся къ Понту, побѣдилъ подъ Синопою возставшаго противъ Рима Фарнака и отправился въ 46 г. въ древній Кароагенъ, извѣстный тогда уже только подъ общимъ именемъ „Африка“. Тамъ онъ казнилъ семью и друзей Помпея, стоявшихъ во главѣ республиканской партіи олигарховъ, завладѣлъ ихъ сокровищами и такимъ образомъ исполнилъ все то, что считалось оракуломъ непремѣннымъ условіемъ для достиженія самодержавной власти въ Римѣ.

Казнивъ тысячъ пятьдесятъ защитниковъ республиканской олигархіи, онъ велѣлъ распять на крестѣ всѣхъ предводителей партіи. Родственники Помпея: Сципіонъ, Катонъ и другіе убили себя сами, во избѣжаніе позора. Несмотря на то, что отецъ его уже скончался, Юлій не побоялся уже никого и побѣдоносный возвратился съ войсками въ Римъ.

Оракулъ куріи, желая подчинить Цезаря вполнѣ своей власти, приказалъ ему, посредствомъ авгуровъ, собрать всѣ сокровища, принадлежавшія лично ему, Помпею и Крассу, и отдать таковыя въ распоряженіе оракула, который будетъ снабжать его средствами по своему благоусмотрѣнію. Но гордый Юлій заявилъ, что онъ не намѣренъ зависѣть отъ милости оракула, что ему нужны сокровища для снисканія себѣ друзей въ Римѣ. Онъ тутъ же раздалъ триста милліоновъ своимъ солдатамъ и друзьямъ и устроилъ народу великолѣпное зрѣлище борьбы тысячи гладіаторовъ. Благодаря такому образу дѣйствій, онъ добился того, что сама армія, безъ вѣдома и согласія оракула, провозгласила его диктаторомъ, императоромъ, отцомъ отечества и полубогомъ. Послѣ побѣды, одержанной имъ въ слѣдующемъ 45 году до Р. Х. въ горахъ надъ остатками иберовъ, даже сенатъ возмутился противъ оракула и безъ разрѣшенія его наградилъ героя титуломъ архижреца, т. е. полнаго бога.

Авгурія почувствовала кровную обиду, но показывала видъ, что для нея все это безразлично, и что она готова подчиняться всѣмъ случайнымъ обстоятельствамъ. Но тѣмъ не менѣе она поклялась втайнѣ отомстить и Цезарю, и сенату. Въ данномъ случаѣ авгуры и ихъ магистръ не посмѣли открыто возстать противъ постановленія арміи и сената, такъ какъ побоялись подать первый примѣръ ослушанія, который могъ разъ навсегда подорвать авторитетъ оракула. Поэтому они рѣшили ждать и выказывать мнимую преданность. Тѣмъ не менѣе Цезарь получилъ анонимное предостереженіе, что „вѣщая Савилла предсказала, что если онъ не отдастъ Сивиллѣ остальныхъ сокровищъ, то 15-го марта будущаго года онъ будетъ убитъ сенаторами“. Окру-

женный сенаторами, друзьями и военными, Юлій Цезарь спокойно подшучивалъ и глумился надъ оракуломъ. Однако, предсказаніе сбылось въ точности. Въ указанный Сивиллою день онъ былъ убитъ въ сенатѣ двумя своими приближенными и, какъ всегда казалось, преданнѣйшими друзьями Кассіемъ и Брутомъ, которые заручились обѣщаніемъ оракула, что со смертью Цезаря оракулъ куріи поможетъ имъ возстановить олигархическую республику.

Избавившись отъ взбунтовавшагося врага, курія авгуровъ пожелала отмстить сенаторамъ и провозгласить другого самодержца, который всецѣло подчинился бы ея власти. Она объявила народу черезъ своихъ агентовъ, что оракулъ приказалъ преслѣдовать убійцъ Цезаря, т. е. сенатъ, среди котораго было совершено убійство. Сенаторы разбѣжались, спасаясь, кто куда могъ. Курія образовала новый сенатъ и подчинила ему старыхъ полководцевъ и войска, предназначавшіяся для борьбы съ республиканцами, во главѣ которыхъ стояли Кассій и Брутъ.

Сильное товарищество непогрѣшимыхъ жрецовъ оракула возстановило свою власть благодаря солидарности и выдержкѣ, которыми оно всегда отличалось. Но каждый изъ авгуровъ куріи прочилъ своего сына или родственника въ самодержцы.

Разногласія и ссоры по случаю предстоявшаго захвата самодержавной власти приняли такіе размѣры, что сами авгуры убивали другъ друга кинжалами. Только послѣ многочисленныхъ убійствъ удалось назначить консуломъ восемнадцатилѣтняго Октавіана, сына авгура Кая.

Кай немедленно послалъ за своимъ сыномъ, который, по примѣру многихъ богатыхъ римлянъ того времени, обучался въ школѣ латинскихъ риторовъ, нарочно учрежденной въ отдаленной Палестинѣ, въ городѣ Аполлоніи, вблизи извѣстнаго военнаго порта Цезареи. Школа имѣла цѣлью латинизовать евреевъ и совращать ихъ въ политеизмъ, а также бороться съ монотеистическими еврейскими школами, существовавшими въ то время въ Бенѣ, въ Діосполѣ, въ Вавилонѣ, въ Гардитумурѣ, въ Яврѣ, въ Сурѣ, въ Нисивисѣ и другихъ городахъ. Она должна была служить имъ примѣромъ въ преподаваніи латыни и латинской миѳологіи, т. е. вѣры въ оракулъ Ромы, зиждущейся на риторической діалектикѣ и системахъ, противоположныхъ монотеизму. Монотеизмъ евреевъ, которыхъ курія щадила до поры до времени, не желая лишать себя доходовъ, мозолилъ оракулу глаза. Поэтому въ школахъ куріи доказывалось, съ помощію риторическихъ софизмовъ, что поклоненіе Единому Создателю является „ересью, направленною противъ боговъ и богинь, покровителей и покровительницъ народа, существующихъ особо для каждой силы природы и для каждой области знанія, а также ересью, направленною противъ отцовъ отечества, т. е. куріи Ромы, представительницы установившейся вѣры, превратившейся въ обычай“. Дальше говорилось, что „въ этомъ обычаѣ, установленномъ отцами церкви и въ теченіе столькихъ столѣтій свято оберегаемомъ цѣлымъ рядомъ поколѣній, кроется счастье и спасеніе, что все это отрицается только людьми, лишенными чести и вѣры въ курію, проклятыми оракуломъ, невѣрными и невѣрующими въ ту истину, что все долговѣчное является священнымъ, освященнымъ книгами пророковъ, какъ непремѣнное условіе блаженства, кроющагося въ слѣпой вѣрѣ въ оракулъ Ромы“. Притомъ оракулъ утверждалъ, что большее количество боговъ всегда сильнѣе одного Бога, что одинъ Богъ, лишенный помощниковъ, которыхъ назначаетъ курія, не въ состояніи управлять цѣлымъ міромъ и справиться съ силами природы; что именно боги-то и богини, покровители и покровительницы, и образуютъ сенатъ, состоящій изъ воплощенныхъ боговъ, и іерархію, а также, что только одна слѣпая вѣра во все это, въ могущество Ромы и ведетъ ко блаженству и ко спасенію.

Несмотря на столь шумныя декламаціи, несогласныя съ основными началами логики, еврейскій синедріонъ въ Іерусалимѣ, ненавидѣвшій всякую миѳологію, т. е. без-

толковыя басни о мнимыхъ богахъ, не переставалъ проповѣдывать истину о существованіи Единаго Создателя. Эта систематическая борьба съ политеизмомъ оракула, который желалъ и самъ во что бы то ни стало выпутаться изъ хаоса миѳологическихъ преданій, заставила курію прибѣгнуть къ помощи ученія о „фатумѣ“, т. е. о предопредѣленіи, стоявшемъ неизмѣримо выше ея миѳологіи. Но лживые авгуры побоялись отождествить понятіе о „фатумѣ“ съ понятіемъ о предопредѣленіи *Единаго Создателя*, такъ какъ въ такомъ случаѣ получилось бы, что они сами вѣрятъ, что въ куріи до сихъ поръ еще преобладаетъ ложная вѣра въ ложныхъ боговъ.

Верховный авгуръ или магистръ оракула, Кай, не имѣя возможности сразу провозгласить своего сына Октавіана самодержцемъ, т. е. открыто возстать противъ командующаго войсками Антонія, по происхожденію плебея, который подѣлился сокровищами Юлія съ другимъ полководцемъ Лепидомъ, учредилъ, при содѣйствіи на все согласнаго сената, новый тріумвиратъ, состоявшій изъ Антонія, Лепида и Октавіана. Всѣ трое получили приказаніе отъ новаго состава сената общими силами истребить республиканцевъ, предводительствуемыхъ Брутомъ и Кассіемъ. Вслѣдъ затѣмъ оракулъ приказалъ имъ перебить прежнихъ сенаторовъ и двѣ тысячи разныхъ богачей, заподозрѣнныхъ въ распространеніи монотеизма, конфисковавъ въ пользу куріи ихъ несмѣтныя богатства. Курія оставила Октавіана при себѣ въ Римѣ, приказала Антонію жениться на его сестрѣ и отправила его въ Египетъ съ порученіемъ отнять у Клеопатры бразды правленія. Лепидъ былъ назначенъ правителемъ прежняго Карѳагена въ сѣверной Африкѣ. Но въ скоромъ времени Лепиду было приказано передать власть Октавіану и отправиться въ Кирею, для исправленія должности мѣстнаго архижреца. Такимъ образомъ возникъ новый дуумвиратъ. Но такъ какъ Антоній влюбился въ Клеопатру, отослалъ жену обратно къ Октавіану и объявилъ себя вполнѣ независимымъ отъ Рима, подстрекая грековъ и евреевъ къ возстанію противъ поработителей и къ признанію его царемъ-освободителемъ отъ ненавистнаго ига Рима, то поэтому онъ и остался вполнѣ изолированнымъ.

Курія отправила въ Египетъ Октавіана во главѣ великой арміи. Октавіанъ лишилъ жизни какъ Антонія, такъ и Клеопатру, и покорилъ весь Египетъ въ 31 году до Р. Х. Во всемъ государствѣ Рима считалось въ это время около полутораста милліоновъ жителей, подчиненныхъ четыремъ милліонамъ патриціевъ, имѣвшихъ въ трехъ частяхъ свѣта свою особую сильную военную, гражданскую и церковную организацію, съ сенатомъ, всецѣло подчиненнымъ оракулу куріи, во главѣ. Приблизительно въ это же время, т. е. въ 29 году до Р. Х. и въ 480 году по основаніи олигархической республики Ромы, оракулъ куріи объявилъ черезъ посредство своего сената, что Октавіану дается титулъ „augurus augustus, pontifex maximus et imperator perpetuus“. Но предварительно курія заручилась съ его стороны торжественною клятвою, что онъ будетъ подчиняться ей во всемъ.

Оракулъ авгуровъ окружилъ своего избранника всевозможнѣйшею роскошью и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы для вида соблюдались всѣ наружныя формы нравственности и кротости. Старый Кай, отецъ Октавіана, отдалъ въ его распоряженіе ключъ отъ знаменитыхъ римскихъ катакомбъ, чтобы дать ему возможность, съ помощію накопленныхъ сокровищъ, построить новый мраморный городъ на мѣсто прежняго, кирпичнаго, разукрасить его статуями, похищенными изъ Греціи, а также выстроить театръ для 10.000 зрителей и циркъ, въ которомъ помѣщалось бы 250.000 человѣкъ. Другъ Октавіана и куріи, эпикуреецъ Меценатъ, получилъ, въ качествѣ агента оракула, приказаніе собрать въ Римъ художниковъ всего міра, для постройки роскошныхъ дворцовъ на Эсквилинскомъ холмѣ, а также стихотворцевъ Горація, Овидія, Проперція и другихъ, которымъ приказано было составлять оды въ честь Рима. Титъ Ливій, Корнелій Непотъ и другіе получили приказаніе писать исторію, въ которой проглядывало

бы чудесное начало Рима. Виргилій изъ Мантуи въ своей „Энеидѣ“ подражалъ Иліадѣ Гомера и въ „Эклогахъ“—идилліямъ Теокрита. Но въ этихъ идилліяхъ все-таки проглядываетъ тихая грусть, тоска по прошломъ, и высказывается надежда, что наступитъ „золотой вѣкъ“ (!) Грубый Римъ сдѣлался теперь покровителемъ искусствъ, лицемѣрно названныхъ имъ „свободными“, т. е. будто бы освобожденными изъ-подъ ярма условной формы грековъ и евреевъ. Но въ скоромъ времени, окруженная ореоломъ величія и славы, курія оракула Ромы, истощивъ всѣ сокровища, хранившіяся въ катакомбахъ, стала угнетать народы непосильнымъ бременемъ налоговъ и жертвоприношеній,—все въ пользу боговъ и богинь. Во избѣжаніе серьезныхъ заговоровъ она устраивала мнимые заговоры, подавляла таковые и такимъ образомъ ставила на видъ безцѣльность и безуспѣшность мятежа противъ куріи, оберегаемой богами и богинями оракула. Одного изъ своихъ тайныхъ агентовъ, по имени Цинну, она назначила своимъ легатомъ при легіонахъ, расположенныхъ по берегамъ Евфрата. Изъ конфискованнаго имущества она образовала новый фондъ, „fiscus“, въ отличіе отъ прежняго „aerarium“, т. е. національнаго имущества, состоявшаго изъ окладныхъ сборовъ государства, достигавшихъ громадной цифры тысячи милліоновъ ассовъ въ годъ. Октавіанъ, изображавшій собою слѣпое орудіе куріи, вполнѣ несправедливо обвиняется нѣкоторыми историками въ злодѣяніяхъ, совершенныхъ куріею подъ его фирмою, а именно, въ убійствѣ Цицерона, котораго онъ величалъ своимъ покровителемъ и отцомъ, а также въ убійствѣ цѣлыхъ тысячъ богачей, имущество которыхъ похитила курія, пользуясь только фирмою Октавіана Августа.

Послѣ его смерти въ 14 г. по Р. Х. оракулъ авгуровъ объявилъ о своемъ новомъ чудѣ, которое, по его же приказанію, было удостовѣрено присягою нѣсколькихъ сенаторовъ, а также Ливіей, какъ извѣстно, отравившей Октавіана по порученію куріи. Впослѣдствіи Ливія отравила и все семейство Октавіана, но тѣмъ не менѣе курія объявила, что Октавіанъ во время сжиганія его тѣла на кострѣ былъ превращенъ оракуломъ въ голубя, который полетѣлъ къ небу, чтобы увеличить составъ боговъ.

Во время мирнаго, кроткаго и продолжительнаго царствованія Октавіана Августа подъ покровительствомъ оракула куріи, іерусалимскій синедріонъ евреевъ разослалъ по Греціи и по всему міру поэтическія выдержки изъ откровенія еврейскихъ авторовъ, въ которыхъ не только проповѣдывалось существованіе Единаго Прабога, или единоличнаго Создателя, но также высказывались надежды, что явятся „мессуа“, мессіи, которые освободятъ народы отъ римскаго ига. Подъ вліяніемъ этихъ откровеній, распространяемыхъ въ переводахъ на разные языки, образованные люди посѣщали такъ называемые образцовые храмы (экклесія, эклектикосъ), въ которыхъ народъ молился только одному Святому Отцу на небесѣхъ. Только одни лицемѣры, притворявшіеся вѣрующими въ курію и посѣщавшіе ея храмы съ цѣлью щегольнуть своими нарядами, принимали нѣкоторое время участіе въ церемоніалахъ понтифексовъ и кардиналовъ политеистическаго оракула. Наконецъ, дошло до того, что храмы куріи совершенно опустѣли, такъ какъ, за исключеніемъ однихъ лицемѣрныхъ ханжъ, подкупленныхъ авгурами, и ихъ семействъ, всѣ остальные жители мечтали о томъ, какъ бы избавиться отъ политеизма, т. е. отъ навязанной имъ силою вѣры. Поэтому оракулъ, желая послѣ смерти Октавіана предотвратить свое паденіе, провозгласилъ императоромъ Рима своего воспитанника, преданнаго ему всецѣло Тиверія, сына нечестивой Ливіи, жены покойнаго Октавіана. Реакціи ненасытимой куріи суждено было принять ужасающіе размѣры. Итакъ, воспитанникъ ея Тиверій въ первый же день своего царствованія получилъ приказаніе объявить народу, что ему явилась во снѣ Сивилла, считавшаяся великою святою оракула куріи, и приказала ему возстановить прежнее значеніе и всѣ прежніе доходы оракула. Поэтому онъ долженъ былъ съ отрядомъ своихъ преторіанцевъ, состоявшимъ изъ сыновей авгуровъ и занявшимъ мѣсто прежней личной охраны—ликто-

ровъ, не обращаясь къ оракулу, распространить огнемъ и мечемъ во всѣхъ частяхъ міра вѣру въ оракулъ, или же въ противномъ случаѣ принять ядъ. Испуганный Тиверій заявилъ, что онъ предпочитаетъ жить. Въ виду такого заявленія ему было приказано неотлагательно исполнить прежнее приказаніе и казнить всѣхъ придворныхъ чиновниковъ прежняго императора, возставшихъ противъ *силлабусовъ, энцикликъ и ритуаловъ* капитолійскаго оракула. На другой день курія приказала ему ворваться съ преторіанцами въ сенатъ и убить половину сенаторовъ, заподозрѣнныхъ въ либеральныхъ и прогрессивныхъ стремленіяхъ, имущество которыхъ отдать авгурамъ и кардиналамъ оракула. Въ томъ же 14 году отъ Р. Х. курія приказала Тиверію уничтожать и сжигать всѣ библіотеки, хроники и вообще произведенія человѣческаго ума, ловить и распинать на крестѣ богатыхъ евреевъ и другихъ городскихъ жителей, а также безпощадно угнетать всѣхъ монотеистовъ, ораторовъ, учителей, литераторовъ и правдолюбивыхъ жрецовъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлаго полстолѣтія не проходило дня, въ который не дѣйствовала бы тайная инквизиція и не распинались бы на крестахъ цѣлыя тысячи народа. Лицемѣрные авгуры подбадривали населеніе, изнемогавшее подъ игомъ рабства и террора, поддерживая въ немъ надежду, что храбрый полководецъ Тиверія Германикъ въ скоромъ времени объявитъ себя императоромъ и избавитъ народъ отъ тирана, который угнетаетъ будто бы также и авгуровъ куріи. Съ этой цѣлью курія отъ времени до времени присуждала къ распятію или другой казни одного изъ нелюбимыхъ ею авгуровъ, желая высказать предъ народомъ свое мнимое безсиліе и доказать, что она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на дѣйствія Тиверія и возлагаетъ всю свою надежду только на однихъ боговъ своего оракула. Въ то же время она утверждала, что всѣ бѣдствія являются вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ за то, что народъ не вѣруетъ въ боговъ, и взывала къ покаянію и къ жертвамъ въ пользу обиженныхъ боговъ. Гоненіе и распинаніе на крестѣ людей, не притворявшихся вѣрующими въ курію, мнимыхъ „заблудшихъ въ вѣрѣ“ чистыхъ монотеистовъ, а также распространеніе вѣры въ „адскія врата Ромы“, т. е. въ адскія ворота капитолійскихъ боговъ, продолжалось во все царствованіе Тиверія, т. е. цѣлыхъ 23 года, въ теченіе которыхъ онъ игралъ роль слѣпого орудія куріи. Переживались тяжелые дни самаго жестокаго режима, гораздо хуже ассирійскаго, мидійскаго и вавилонскаго рабства, такъ какъ всякій днемъ и ночью дрожалъ отъ одной мысли навлечь на себя подозрѣніе тайныхъ инквизиторовъ Тиверія, собственно куріи, а также отъ одной мысли о появленіи палачей куріи авгуровъ.

Вотъ до чего доходила реакція обиженной и спасающей себя куріи! Поэтому многіе, уже подъ вліяніемъ одного страха навлечь на себя подозрѣніе въ монотеизмѣ, постоянно разсуждали о миѳологіи даже съ родными дѣтьми. Нѣкоторые просто обезумѣвали отъ страха и доказывали, что „уже въ одномъ столь безпощадномъ гнетѣ навязанной вѣры въ политеизмъ, должно быть, кроется какой-то фатумъ Создателя“. Всѣ безъ исключенія жители Рима чрезвычайно охотно согласились бы бросить столицу и бѣжать далеко оттуда, питаться манною и овощами Аравіи, выжидая, по примѣру евреевъ, появленія Иліи, Моисея, Мессіи, Осіи, Гедеона или Амоса, которые доказывали, что „Іеговѣ вовсе не нужны жертвы, но только одна справедливость“. Болѣе храбрые повторяли другъ другу слова Осіи, что „Іеговѣ нужны только одни искреннія дѣйствія“, повторяли слова Исаіи, сына Амоса, что „многобожіе, заимствованное у враговъ, прибывшихъ изъ Ассиріи, было причиною паденія нравовъ и многихъ другихъ бѣдствій“, повторяли слова Іова, проповѣдывавшаго поклоненіе одному Создателю, а также слова „Деутерономіона“, что „Іегова не появляется ни подъ какимъ видомъ, ни символомъ, за исключеніемъ одного чистаго огня“, и что „жрецы должны довольствоваться одною жертвою, т. е. поклоненіемъ одному лицу Создателя“. Читались нарасхватъ письма Даніила и Мелахіи, проповѣдывавшихъ въ вавилонскомъ плѣну о появленіи апокалип-

тическаго спасителя Иліи, который подниметъ бунтъ противъ многихъ боговъ въ пользу Единаго Іеговы. Однимъ словомъ, народъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія спасителя и мечталъ о томъ моментѣ, когда политеистическіе храмы будутъ замѣнены монотеистическими. Тѣ же самыя пророчества въ связи съ всеобщими мечтаніями о появленіи спасителя, который избавитъ народы отъ тяжелаго гнета экзарховъ, публикановъ и мытарей куріи Ромы, вызывали у палестинскихъ евреевъ необыкновенный религіозный экстазъ, гораздо сильнѣе того, которому подвергалось населеніе Греціи и самаго Рима. Многіе горячіе еврейскіе патріоты увлекались поэтическими откровеніями, иллюзіями, метамисихозами, т. е. новыми откровеніями и видѣніями: чудесными эпифаніями духовъ, снисходящихъ съ небесъ подъ разными поэтическими видами, неземныхъ существъ, видѣнныхъ Иліею, блестящихъ звѣздами и снабженныхъ крыльями ангеловъ, взывающихъ народы къ бунту противъ враговъ еврейскаго племени, или же, наоборотъ, подъ видомъ дьяволовъ, адскихъ агентовъ, искушающихъ человѣка преклоняться передъ авторитетомъ членовъ авгуріи Ромы, которые являются новыми ваалами, золотыми тельцами еврейскаго апокалипсиса. По всей Европѣ носились слухи, что злой духъ, дьяволъ подъ видомъ авгура куріи Ромы, искушалъ Мельхиседека, архижреца іерусалимскаго, названнаго „мессуа", а затѣмъ Іоанна Крестителя, сына жреца и пророка Захаріи и его жены Елисаветы, уговаривая ихъ проповѣдывать политеизмъ. Въ награду курія обѣщалась сдѣлать ихъ проконсулами, но ни Мельхиседекъ, ни Іоаннъ Креститель не поддавались искушенію. Въ 15-мъ году царствованія Тиверія, т. е. въ 29 году отъ Р. Х., люди сообщали другъ другу подъ секретомъ, что вышеупомянутый Іоаннъ Креститель дѣйствуетъ надъ Іорданомъ, креститъ своихъ учениковъ, такъ называемыхъ эбіонистовъ, и готовитъ ихъ къ предстоящей борьбѣ съ оракуломъ Ромы. Вскорѣ разнеслись слухи о томъ, что солдаты намѣстника куріи Ирода отрубили Іоанну голову. Вслѣдъ затѣмъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ, на которыя не простиралась власть куріи, и куда бѣжали всѣ гонимые куріей учителя Греціи и Палестины, находившіе у славянъ гостепріимный пріютъ, стали говорить открыто о томъ, что тайкомъ передавали другъ другу жители остальной Европы, а именно, что у казненнаго Іоанна имѣлся ученикъ, его родственникъ и другъ, по имени Іешуа, Осія или Іисусъ, сынъ жреца, плотника и строителя еврейскихъ храмовъ въ Палестинѣ, обучавшійся въ іерусалимскомъ синедріонѣ у жреца Гамаліила, который, по примѣру Іоанна Крестителя, проповѣдывалъ чистую религію монотеизма, безъ всякихъ символовъ, за исключеніемъ *солнца и огня*, т. е. безо всякихъ статуй и иконъ. Говорили, что со смертью Іоанна Крестителя ему пришлось быть главою школы „гностиковъ" или тѣхъ ученыхъ, которые, принимая крещеніе, посвящали себя борьбѣ съ оракуломъ Ромы, и что къ нему присоединились всѣ эбіониты или унитаріане, выступавшіе противъ саддукеевъ, или глашатаевъ ложной философіи, а также противъ фарисеевъ, т. е. друзей куріи Ромы, искажавшихъ монотеизмъ разнаго рода прибавленіями или суевѣріемъ, противъ іеродіанъ, глашатаевъ формъ и фанатизма, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкто Аполлоній изъ Тіаны въ Малой Азіи, шарлатанъ, объявившій себя пророкомъ, спасителемъ, чудотворцемъ, ниспосланнымъ съ небесъ, но одновременно распространявшій ученіе египетскихъ маговъ оракула и туманныя астрологическія положенія индійскихъ браминовъ, т. е. вѣру въ „тримутри" и т. п.

Участники частныхъ сходокъ сообщали другъ другу подъ секретомъ, что Іешуа, явившійся новымъ главою враговъ оракула куріи, для отличія отъ другого оракула, называемаго „авгуріей Ромы", точно такъ же, какъ и Іоаннъ Креститель, былъ искушаемъ дьяволомъ, принявшимъ видъ авгура куріи, который безъ всякаго успѣха обѣщалъ ему должность проконсула куріи въ Палестинѣ, въ случаѣ, если онъ приметъ сторону оракула, т. е. вмѣсто поклоненія одному Святому Отцу, преклонится передъ изображеніями оракула куріи Ромы. Одновременно носились слухи, что по при-

казанію куріи Іешуа былъ схваченъ и распятъ на крестѣ, но что агенты куріи Ромы, ежедневно казнившіе множество гностиковъ и *христіановъ*, не оставляли въ дѣлахъ ни малѣйшаго историческаго слѣда о существованіи этихъ мучениковъ. Поэтому Плутархъ, Тацитъ, Плиній, Светоній и другіе историки того времени вовсе не называли по именамъ мучениковъ, но довольствовались только одними слухами и преданіями. Впрочемъ, если даже допустить фактъ существованія какихъ-либо по дѣламъ подобнаго рода документовъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что курія уничтожила бы ихъ точно такъ же, какъ она уничтожила книги Нумы, или же превратила бы ихъ въ апокрифы, свидѣтельствующіе въ ея пользу, въ крайнемъ случаѣ объявила бы документы апокрифами, направленными противъ ея непогрѣшимаго оракула.

Авторитетъ оракула, т. е. *непогрѣшимость*, которою щеголяли авгуры ауспиціума Сивиллы, никакъ не могъ примириться ни съ монотеизмомъ евреевъ, называвшихъ Создателя отцомъ только однихъ евреевъ, ни съ чистымъ христіанскимъ монотеизмомъ, по которому Создатель является всеобщимъ отцомъ всѣхъ жителей міра, всѣ же люди являются дѣтьми Создателя.

Точно также вполнѣ естественно, что оракулъ Ромы *не переносилъ разсужденій, направленныхъ противъ его адскихъ вратъ и противъ его кардиналовъ, и тѣмъ болѣе не могъ допустить, чтобы сохранялись автографы*, касающіеся этого предмета и не признаваемые *апокрифами*. Если бы даже Іоаннъ Креститель и самъ Христосъ выдолбили на камнѣ слова, враждебныя оракулу Ромы, то и въ такомъ случаѣ курія приказала бы превратить въ песокъ камень, даже мраморный. Въ виду этого, какая участь могла постичь письменный документъ? Вполнѣ естественно, что, проповѣдуя *непогрѣшимость* авгуровъ своего оракула въ дѣлахъ вѣры, курія тѣмъ самымъ не могла допускать ни одного ученія, отрицающаго ея мнимую непогрѣшимость, которая, собственно говоря, равнялась вѣрѣ въ могущество сокровищъ, „chrisis“, золота, „pecunia sacra“, однимъ словомъ—вѣрѣ въ деньги, будто подтверждаемой откровеніями боговъ или мнимыми языческими чудесами. Тиверій, въ теченіе 23 лѣтъ изображавшій собою только одну фирму, подъ которой скрывалась курія, чтобы тѣмъ безопаснѣе притѣснять и казнить беззащитныхъ жителей, сдѣлался дикимъ, безумнымъ и угрюмымъ и, поселившись на островѣ Капри въ Неаполитанскомъ заливѣ, не захотѣлъ возвращаться въ Римъ. Поэтому въ 34 г. отъ Р. Х. авгуры куріи приговорили его къ смерти, приказали удавить и замѣнили его Каллигулою, который показался оракулу куріи тоже отличною фирмою въ дѣлахъ, касающихся убійствъ и конфискаціи имущества. Но когда обезумѣвшій отъ роскоши Каллигула провозгласилъ свою лошадь архижрецомъ, тогда онъ былъ убитъ куріею и замѣненъ въ 41 году отъ Р. Х. Клавдіемъ. Курія приказала новому императору распять на крестѣ нѣсколькихъ заподозрѣнныхъ ею сенаторовъ и нѣсколько сотенъ другихъ богатыхъ олигарховъ и гражданъ и отдать ихъ имущество оракулу, который въ награду за это снабжалъ его Мессалинами, подыскиваемыми во всемъ государствѣ. Въ 43 году отъ Р. Х. курія опять узнала черезъ своихъ жрецовъ, что въ сирійскомъ городѣ Антіохіи все болѣе распространяется еврейская секта „kristianoi“, члены которой принимаютъ крещеніе для борьбы съ оракуломъ Ромы. Но сначала курія не обращала вниманія на эти затѣи и подсмѣивалась надъ заговорщиками, предаваясь всецѣло истребленію богатыхъ семействъ и пользуясь ихъ имуществомъ, наполняла бочками съ золотомъ опустѣвшія катакомбы подъ адскими воротами Ромы, т. е. копила „pecunia sacra“. Въ этомъ помогалъ ей, главнымъ образомъ, молодой авгуръ, переодѣтый женщиною, и извѣстный подъ именемъ Локусты, который ловко, съ помощью курарэ, устранялъ всякую богатую семью, имущество которой доставалось потомъ куріи.

Но и этотъ императоръ игралъ роль только одной отвѣтственной фирмы, въ которой нуждалась курія. Чего не сдѣлалъ Локуста, то исполнялось его мерзкимъ дру-

гомъ, агентшею куріи Агриппиною. Послѣдняя увѣдомила авгурію, что пропаганда монотеизма „kristianoi" проникла уже глубоко во всѣ слои римскаго народа, и обратилась къ оракулу съ просьбою разрѣшить ей, въ награду за оказанныя ею услуги, отравить Клавдія и провозгласить посредствомъ сената императоромъ ея сына Нерона, воспитанника философа Сенеки изъ Кордовы. Получивъ въ отвѣтъ, что оракулъ заставитъ будущаго монарха принимать самыя жестокія мѣры, которыя не практиковались ни при одномъ изъ прежнихъ императоровъ, и что въ виду этого очень легко можетъ статься, что ея сынъ будетъ вынужденъ казнить свою мать, Агриппина заявила куріи, что желаніе видѣть своего сына императоромъ она ставитъ гораздо выше своей жизни. Такимъ образомъ, въ 54 году отъ Р. Х. она съ помощью Локусты отравила Клавдія. Сенатъ получилъ приказаніе оракула неотлагательно объявить Нерона императоромъ. По примѣру прежнихъ царей и императоровъ Рима, за исключеніемъ, конечно, воспитанника куріи Тиверія, Неронъ въ первые годы своего царствованія, т. е. до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ развращенъ куріей, обнаруживалъ во всемъ кротость характера и доброе сердце. Но какую пользу могъ принести куріи человѣкъ нравственный, не жадный и не жестокій? Потому въ 64 году отъ Р. Х. авгурія велѣла Нерону явиться къ курульному начальству, состоявшему изъ 70 человѣкъ маскированныхъ авгуровъ, и спросила его, какія мѣры онъ думаетъ принять противъ крещенныхъ, т. е. христіанъ, которые, во-первыхъ, несмотря на пытки и казни, не желаютъ даже для отвода глазъ показывать видъ, что преклоняются передъ идолами куріи, и проповѣдываютъ вѣру въ Единаго всеобщаго Отца „каталикосъ" въ трехъ лицахъ, пребывающаго на небѣ, но отнюдь не въ Римѣ, во-вторыхъ, заявляютъ, что кардиналы Ромы, или адскія врата, никакъ не въ состояніи поколебать ихъ вѣру въ Единаго Создателя, и, наконецъ, отказываются платить куріи десятину и приносить ей жертвы въ честь боговъ. Неронъ, находившійся пока подъ вліяніемъ философа Сенеки, совѣтовалъ куріи „оставить христіанъ въ покоѣ и такимъ образомъ поставить на видъ, что курія вовсе не такое варварское учрежденіе, какъ увѣряютъ монотеисты Палестины и Греціи". Услышавъ, что даже воспитанники Сенеки, имѣющаго сношенія съ философами Греціи, считаютъ курію варварскимъ учрежденіемъ, авгуры вознегодовали на Нерона, выхватили свои 70 кинжаловъ, точно намѣреваясь порѣзать императора на 70 частей. Но видя, что онъ соглашается повиноваться имъ во всемъ, они объявили ему отъ имени оракула слѣдующее: „если тебѣ жизнь не надоѣла, если желаешь жить, если не хочешь умереть скоропостижно и внезапно какъ бы отъ удара молніи, и исчезнуть подъ нашими мантіями, въ такомъ случаѣ постарайся въ точности исполнить приказанія боговъ. А именно, такъ какъ два самыя бѣдныя предмѣстья Рима должны быть перестроены, то распорядись, не ссылаясь вовсе на оракулъ, чтобы таковыя были сожжены, и объяви народу, что поджигателями являются евреи, извѣстные подъ именемъ христіанъ, „kristianoi". Въ случаѣ, если народъ не повѣритъ и не истребитъ крещенныхъ, тогда ты самъ, не упоминая никому о приказаніи оракула, распинай христіанъ на крестѣ, вбивай ихъ на колъ, устраивай ауто-да-фе, сжигай ихъ на кострѣ, короче сказать—пытай и истребляй безъ пощады, такъ какъ цѣль оракула оправдываетъ всѣ средства. Если съ завтрашняго дня не подчинишься волѣ боговъ, въ такомъ случаѣ послѣзавтра простишься съ жизнью".

Послѣ такого лаконическаго, но рѣшительнаго заявленія отъ имени оракула авгурія удалилась. Неронъ обратился за совѣтомъ къ Сенекѣ, который сказалъ ему: „Постановленіе оракула ясно. Поэтому, если ты не намѣренъ исполнить приказаніе авгуровъ, въ такомъ случаѣ оно будетъ исполнено другимъ императоромъ. Тебѣ же ничего не остается какъ подражать примѣру Сократа, выпить чашку кураре и умереть, оставляя по себѣ славу человѣка, принесшаго себя въ жертву добродѣтели". Неронъ воскликнулъ: „Какая мнѣ польза отъ славы, если не буду жить?" Не соглашаясь

умереть такъ скоро, онъ повиновался куріи, не только въ точности исполнилъ всѣ ея приказанія, но отличился большимъ усердіемъ, и даже какъ будто остался вполнѣ доволенъ философіей куріи Ромы, что *„цѣль оправдываетъ средства“*. Въ концѣ концовъ онъ разошелся до такой степени, что сжегъ Римъ, распялъ и сжегъ цѣлыя тысячи евреевъ и грековъ и сталъ казнить всѣхъ богачей и сенаторовъ, которые приняли участіе въ христіанахъ, и объявилъ ихъ предателями оракула.

Авгурія приказала своему сенату конфисковать ихъ имущество въ пользу куріи. Затѣмъ она приказала Нерону заставить Сенеку принять ядъ и конфисковала подаренные ему Нерономъ милліоны. Желая успокоить Нерона, авгуры увѣряли его, что этотъ міръ не что иное какъ театръ, что и онъ и они, т. е. Неронъ и авгуры являются актерами, которые обязаны не только пассивно, но и активно исполнять свои роли. Въ концѣ концовъ Неронъ до такой степени пристрастился къ комедіантству, что игралъ на цитрѣ и пѣлъ пѣсни, любуясь одновременно видомъ пожара и пытокъ. Затѣмъ онъ отправился въ Грецію, гдѣ въ качествѣ актера принималъ дѣятельное участіе въ спектакляхъ, и приказалъ грекамъ преподнести ему за это двѣ тысячи вѣнковъ и коронъ изъ настоящаго золота, которыя подарилъ потомъ членамъ оракула Ромы въ видѣ жертвы. Ненасытимая курія не только копила сокровища для своихъ надобностей, но заботилась также и о будущности своихъ дѣтей и семействъ. Поэтому, конфискуя имущества, она стремилась къ тому, чтобы всѣ сокровища сего міра находились въ ея распоряженіи или же въ распоряженіи ея родственниковъ. Неудивительно, что она чрезвычайно огорчилась опустѣніемъ своихъ храмовъ и уменьшеніемъ жертвоприношеній. Объясняя себѣ такое неуваженіе къ ея богамъ вліяніемъ монотеизма, распространяемаго преимущественно евреями, она рѣшила въ третій разъ разрушить Іерусалимъ, это главное гнѣздо ненавистнаго монотеизма. Неронъ получилъ приказаніе принять непосредственное участіе въ разореніи названнаго города, заграбить всѣ деньги и сокровища Палестины и преподнести таковыя куріи. Но такъ какъ Неронъ опасался неудовольствія солдатъ и не захотѣлъ участвовать въ походѣ, то въ 68 г. отъ Р. Х. онъ получилъ приказаніе авгуровъ пронзить себя кинжаломъ. Извѣстно, что всякое приказаніе куріи равнялось окончательному приговору. Послѣ его смерти сенатъ пожелалъ избавиться отъ отравителя Локусты, убилъ его и, взбунтовавшись противъ куріи, назначилъ себѣ императоромъ одного изъ сенаторовъ по имени Гальбу. Но авгурія приказала своимъ преторіанцамъ отъ имени оракула убить Гальбу и точно такъ же поступила съ новымъ императоромъ сената, Вителліемъ. Въ слѣдующемъ 69 г. отъ Р. Х. курія провозгласила отъ имени оракула императоромъ преданнаго ей полководца Веспасіана, добывшаго Іерусалимъ, приказала ему при посредствѣ сената сдать командованіе надъ арміей сыну Титу, самому же прибыть въ Римъ. Но какъ велико было разочарованіе куріи, когда Веспасіанъ, прибывъ въ Римъ, объявилъ авгурамъ, что если кто-либо осмѣлится причинить ему какое бы то ни было зло, въ такомъ случаѣ сынъ его Титъ, согласно съ состоявшимся между ними уговоромъ, пріостановитъ осаду Іерусалима и, прибывъ въ Римъ, прикажетъ распять на крестѣ всѣхъ авгуровъ.

Веспасіанъ скончался мирно въ 79 г. отъ Р. Х. За нимъ слѣдовалъ сынъ его Титъ, который по приказанію куріи послѣ четырехлѣтней осады Іерусалима разорилъ этотъ городъ, сжегъ храмъ Соломона, похитилъ громадныя сокровища, казнилъ полмилліона жителей, столько же продалъ въ рабство и разогналъ остальныхъ евреевъ во всѣ концы Европы.

Политеистическій оракулъ Ромы, видя, что, несмотря на всѣ эти мѣры, въ храмахъ ея продолжаетъ царить все бо́льшая пустота, приказалъ въ царствованіе Тита два раза поджечь Римъ и объявить народу, что и пожары и слѣдовавшіе за ними голодъ и тифъ являются дѣломъ христіанъ. Отравляя съ помощью авгуровъ общественные колодцы въ Римѣ и распространяя, такимъ образомъ, разныя эпидемическія болѣзни,

курія сваливала все это на христіанъ, и упоминая о землетрясеніи и изверженіяхъ Везувія, разрушившихъ города Геркуланумъ, Помпею и Стабію, объясняла это гнѣвомъ обиженныхъ боговъ, наказывающихъ людей, которые не вѣруютъ и отказываются приносить жертвы оракулу. Благодѣтель жителей Рима, императоръ Титъ, возмутившись этими продѣлками, отказалъ куріи въ повиновеніи и сталъ проповѣдывать монотеизмъ христіанъ. Но уже въ третьемъ году своего царствованія, т. е. въ 81 г. отъ Р. Х., онъ былъ отравленъ братомъ Домиціаномъ. Въ награду за это оракулъ пожаловалъ Домиціану титулъ „dominus et deus", предоставилъ сенату только одно право имѣть попеченіе о блюдахъ, приготовляемыхъ этому „богу", и приказалъ императору слѣдить, ловить и распинать на крестѣ всякаго, кто рискнетъ упомянуть одно имя Создателя, истреблять филантроповъ, философовъ и историковъ, сжигать ихъ произведенія и цѣлыя библіотеки. И опять у греческихъ и еврейскихъ ученыхъ оставалось только одно— отправиться по Черному или Адріатическому морю въ славянскія земли и искать прибѣжища у гостепріимныхъ князей, жрецовъ, жупановъ и зажиточныхъ землепашцевъ, преимущественно въ качествѣ учителей математики.

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ злодѣяній оракула, совершаемыхъ подъ фирмою Домиціана, а именно распинанія на крестѣ и разныхъ пытокъ, которымъ подвергались всѣ болѣе образованные люди, населеніе Рима въ теченіе 15 лѣтъ такого режима куріи подъ фирмою Домиціана одичало совершенно и вело варварскій, рабскій, угрюмый образъ жизни. Дошло до того, что люди стали опасаться дневного свѣта, при которомъ совершались постоянные обыски, грабежи, убійства, пытки, распинанія, сжиганія на кострахъ, на столбахъ и т. п. казни, изобрѣтаемыя куріей. Когда-то многолюдный городъ опустѣлъ почти совершенно, улицы и площади заросли травою, оставшаяся часть населенія, которая не успѣла бѣжать, совсѣмъ опустила руки, крыши проваливались, стѣны домовъ обрушивались, многіе жители лишали себя жизни, или, избѣгая преторіанцевъ, прятались и жили въ подземельяхъ, ожидая или своей смерти, или спасителя, или же смерти Домиціана.

Оракулъ авгуріи Ромы въ концѣ концовъ обратилъ вниманіе на опустѣніе города, паденіе торговли и обѣднѣніе Рима и убѣдился, что зашелъ слишкомъ далеко. Поэтому онъ разрѣшилъ сенату избавиться отъ Домиціана и объявить императоромъ одного изъ сенаторовъ, въ крайнемъ случаѣ даже плебея. Это случилось въ 96 году отъ Р. Х. Сенатъ съ величайшимъ удовольствіемъ устранилъ Домиціана и избралъ изъ своей среды почтеннаго старца, по имени Нерву, который примѣрно царствовалъ два года. Нерва умеръ естественною смертью отъ старости. Послѣ него былъ назначенъ императоромъ такой же честный сенаторъ, бывшій проконсулъ Испаніи, Траянъ. Населеніе вздохнуло свободнѣе подъ кроткимъ режимомъ Траяна, который, по примѣру Нервы, протежировалъ современнымъ ему литераторамъ Тациту, Плинію, Ювеналу и другимъ, а также учителямъ, архитекторамъ и ремесленникамъ. Но авгурія, т. е. курія, видя, что въ ея храмахъ все-таки царствуетъ прежняя пустота, приказала Траяну продолжать гоненіе христіанъ и снова разрушить отстроенный евреями Іерусалимъ, считавшійся „колыбелью бунта противъ оракула Ромы". Траянъ долженъ былъ исполнить приказаніе.

Послѣ смерти Траяна, который умеръ на обратномъ пути изъ Малой Азіи, въ 117 г. отъ Р. Х. курія назначила императоромъ Адріана, полководца антіохійскаго, которому было разрѣшено преобразовать законодательство Рима, а именно отнять у патриціевъ право убивать безъ суда своихъ рабовъ. Но это былъ только одинъ наружный пробескъ цивилизаціи, продолжавшійся недолго. Въ четвертомъ году царствованія Адріана, т. е. въ 120 году отъ Р. Х. оракулъ Ромы узналъ о появленіи на берегахъ Синяго, Славянскаго, Ядерскаго моря, названнаго въ честь Адріана „Адріатическимъ", морскихъ разбойниковъ язиговъ, а также о нашествіи со стороны Кавказа азіатскихъ сарматовъ на земли наддунайскихъ славянъ, произвольно именуемыхъ римлянами отъ названій

разныхъ городовъ, рѣкъ, горъ: горцами, герилами, германами и т. п. фантастическими именами. Наддунайскіе славяне не разрѣшали кораблямъ оракула Ромы причаливать къ своимъ берегамъ, не желая имѣть никакихъ сношеній съ Ромою. Поэтому курія приказала Адріану воспользоваться удобнымъ случаемъ и покорить славянъ, соединивъ свои силы съ отрядами азіатскихъ язиговъ и сарматовъ для совмѣстныхъ дѣйствій надъ Дунаемъ и надъ Тиссою. Но славяне побѣдили азіатовъ и римлянъ и вытѣснили ихъ войска изъ своихъ наддунайскихъ земель. Желая во что бы ни стало возстановить военную славу Рима, Адріанъ въ припадкѣ гнѣва истребилъ военныя силы язиговъ и сарматовъ. Вслѣдъ затѣмъ по приказанію оракула онъ отправился въ Іерусалимъ для сооруженія языческихъ статуй въ честь мнимыхъ святыхъ покровителей и покровительницъ куріи Ромы.

Несчастные евреи, съ незапамятныхъ временъ подвергавшіеся нашествіямъ всякаго рода, не были въ состояніи смотрѣть равнодушно на оскверненіе ихъ храмовъ Создателя, обращаемыхъ въ музеи идолопоклонства, и еще разъ взбунтовались противъ куріи въ 133 г. отъ Р. Х. подъ предводительствомъ своихъ „мессій“ Баръ-Кохбы и Акибы. Но курія приказала Адріану казнить еще полмилліона самыхъ выдающихся евреевъ, подвергла ихъ мессій самымъ жестокимъ пыткамъ инквизиціи и велѣла евреямъ переселиться изъ Іерусалима въ другіе города Палестины. Въ концѣ концовъ она заставила ихъ оставить и всѣ остальные города еврейской родины и разогнала несчастное племя во всѣ концы міра. Еврейскіе изгнанники находили себѣ прибѣжище преимущественно въ славянскихъ земляхъ. Капитолійскій оракулъ переименовалъ Іерусалимъ въ „Nova Aelia Capitolina“, обратилъ святыню Соломона въ языческій храмъ въ честь бога Юпитера, помѣстилъ на горѣ Кальваріи статую богини Венеры и соорудилъ въ Виѳлеемѣ статуи Адонисамъ. Послѣ смерти Адріана, умершаго отъ водянки, курія Ромы, завладѣвшая всѣми сокровищами, которыя были похищены въ Палестинѣ, опять разрѣшила сенату въ 138 г. отъ Р. Х. объявить императоромъ „кроткаго“ Антонина и такимъ образомъ загладить память о прежнихъ неистовствахъ Рима. Послѣ смерти Антонина въ 161 г. отъ Р. Х. она разрѣшила сенату объявить императоромъ благочестиваго философа Марка Аврелія, которому было поставлено въ обязанность покореніе непобѣжденныхъ пока славянъ, поклонявшихся, несмотря на находившіеся въ ихъ храмахъ идолы, одному Богу.

Маркъ сражался съ славянами на берегахъ Адріатики въ Черногоріи, затѣмъ на равнинахъ нынѣшней Вѣны, извѣстной въ то время подъ именемъ „Vindobona“. Но всѣ походы кончились очень неудачно, а именно смертью Марка въ 180 г. отъ Р. Х. и бѣгствомъ римскихъ легіоновъ обратно въ Римъ. Курія доходила до изступленія, и опасаясь, чтобы въ виду разгрома ея арміи не возникло возстаніе въ Римѣ, приказала сыну Аврелія Коммоду возвратиться къ системѣ террора и инквизиціи.

Коммодъ заставлялъ силою посѣщать храмы куріи всѣхъ тѣхъ, кто не желалъ поклоняться ея идоламъ, и дѣлалъ это будто съ цѣлью задобрить обиженныхъ боговъ. Инквизиціи продолжались цѣлыхъ 13 лѣтъ, но когда въ концѣ концовъ доведенный до отчаянія народъ въ 192 г. отъ Р. Х. сталъ убивать авгуровъ и гаруспексовъ, т. е. жрецовъ оракула, испуганная курія потеряла голову и велѣла своимъ преторіанцамъ убить Коммода. Когда это было исполнено въ 192 г. отъ Р. Х., она разрѣшила сенату провозгласить императоромъ честнаго Пертинакса. Но убѣдившись, что тотъ не въ состояніи обогатить ея пустую сокровищницу, она приказала начальнику своихъ преторіанцевъ убить Пертинакса, который царствовалъ 3 мѣсяца, и продать съ торговъ титулъ императора. На торги явились многіе кандидаты, и когда нѣкоторые сенаторы осмѣлились сдѣлать замѣчаніе, что „это позоръ для сената“, авгуры отвѣтили имъ, что „гораздо больше будетъ позора, если допустятъ до паденія оракула, до народнаго возстанія и охлократіи“. Въ виду такой угрозы, сенатъ, конечно, заблагоразсудилъ замол-

чать и утвердилъ въ званіи императора признаннаго преторіанцами куріи сенатора Юлія Дидія, который обязался преподнести оракулу тысячу бочекъ золота, не считая подарковъ, предназначенныхъ для преторіанцевъ. Но исполнивъ въ точности данное обѣщаніе, онъ былъ убитъ, на третій мѣсяцъ царствованія, тѣми же преторіанцами куріи, которая въ 193 г. отъ Р. Х. провозгласила императоромъ Септимія Севера.

Послѣ смерти Севера, скончавшагося въ 211 году отъ Р. Х. на полѣ брани въ Шотландіи, авгурія назначила императоромъ сына его Каракаллу, которому приказала убить брата его Гета, заподозрѣннаго въ тайномъ исповѣдываніи христіанской вѣры, и во искупленіе этого грѣха принести обильную жертву богу Серапису. Курія очень часто прибѣгала къ такимъ жертвамъ, стараясь такимъ образомъ предотвратить свое окончательное банкротство, которое угрожало ей вслѣдствіе безумной расточительности ея семидесяти семействъ. Не проходило дня, чтобы не было совершено преступленіе, которое искуплялось жертвоприношеніями. Желая, наконецъ, собрать сокровища, расточаемыя родственниками семидесяти куріаловъ, авгурія разрѣшила всякому, кто располагалъ средствами, покупать себѣ титулъ гражданина Рима, который освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія розгами, предоставлялъ право завѣщать имущество и исправлять гражданскія и военныя должности, и черезъ нѣсколько поколѣній предоставлялъ даже право соискательства на куріальныя должности. Въ 217 году отъ Р. Х. курія велѣла убить Каракаллу и объявила императоромъ префекта своихъ преторіанцевъ адвоката Макрина. Но уже въ слѣдующемъ году она избавилась отъ новаго императора и назначила на его мѣсто 14-лѣтняго сына чрезвычайно богатаго архижреца Галга-Ваала, прозваннаго ею Геліогабаломъ, которому разрѣшила даже назначать сенаторами весталокъ. Но когда Геліогабалъ сталъ разсыпать золото по улицамъ Рима и въ концѣ концовъ потребовалъ возврата сокровищъ, подаренныхъ оракулу, курія велѣла своимъ преторіанцамъ убить его и бросить въ Тибръ и разрѣшила сенату въ 222 г. отъ Р. Х. объявить императоромъ филантропа Александра Севера, которому поручила изгладить въ памяти народовъ воспоминаніе о злодѣяніяхъ прежнихъ императоровъ Рима, которые, какъ извѣстно, играли роль только одной фирмы римскаго оракула.

Александръ Северъ, философъ и филантропъ, велѣлъ помѣстить на воротахъ Рима поговорку: „не дѣлай другому, что тебѣ непріятно“, и въ продолженіе 13 лѣтъ управлялъ государствомъ согласно съ этимъ греческимъ тезисомъ. Но авгурія приказала убить его, такъ какъ узнала, что онъ питалъ расположеніе къ монотеизму и, какъ говорятъ, велѣлъ даже украсить свой дворецъ статуями и портретами Авраама, Моисея, Сократа, Платона, Ксенофонта, Исократа, Іоанна Крестителя и Іисуса Христа. Это случилось въ 235 г. отъ Р. Х., какъ разъ тогда, когда онъ одержалъ побѣду надъ германцами и расположился лагеремъ въ Майнцѣ. Курія назначила императоромъ Максимина, которому приказала ловить, сжигать и распинать христіанъ. Максиминъ въ точности исполнялъ приказанія оракула, но когда въ 238 г. отъ Р. Х. его побѣдили славяне, которые всегда оказывали готовность пріютить у себя христіанъ, курія велѣла его убить. Назначивъ въ томъ же 238 году отъ Р. Х. императоромъ авгура Гордіана, она отправила его въ походъ противъ славянъ, съ цѣлью покорить ихъ земли, которыя, по своему невѣжеству, называла тоже „Германіей“. Авгуръ Гордіанъ двинулъ свои полчища изъ Майнца въ славянскія земли, но всѣ они были истреблены славянами. Попавъ въ немилость оракула, Гордіанъ въ 244 г. отъ Р. Х. былъ убитъ своимъ преемникомъ Филиппомъ, который былъ назначенъ куріей, при посредствѣ ея сената, императоромъ.

Въ 246 г. авгурія приказала Филиппу съ величайшимъ великолѣпіемъ устроить въ Римѣ тріумфальный праздникъ въ тысячелѣтнюю годовщину основанія города „Силачемъ“ куріи Ромуломъ. Празднество это происходило въ амфитеатрѣ Веспасіана, вмѣ-

щающемъ 87.000 жителей. Но такъ какъ Филиппъ впослѣдствіи не обнаруживалъ достаточно усердія въ гоненіи христіанъ, то въ 249 году отъ Р. Х. курія велѣла своему авгуру, сенатору Децію, убить императора. Децій вполнѣ заслуживалъ милости оракула, и когда онъ въ 251 году отъ Р. Х. былъ убитъ въ борьбѣ съ южными славянами, сербами и болгарами, курія перестала уже трогать славянъ и, во избѣжаніе постоянныхъ перемѣнъ на престолѣ, рѣшила установить дуумвиратъ, состоявшій изъ архижреца Гостилія и полководца Галла, которымъ приказала общими силами истребить христіанъ.

Но Гостилій доложилъ куріи, что „нѣтъ уже такой силы, которая въ состояніи истребить несмѣтное количество тѣхъ, которые поклоняются Единому Создателю". Курія сочла такое заявленіе непростительной наглостью и велѣла Галлу убить Гостилія и управлять государствомъ совмѣстно съ сыномъ Волузіаномъ. Въ 253 г. отъ Р. Х. оба они совершенно неожиданно были побѣждены и убиты полководцемъ Эмиліемъ. Несмотря на то, что Эмилій былъ утвержденъ сенатомъ, курія велѣла его убить и провозгласить императоромъ полководца Валеріана. Чтобы разслѣдовать всѣ условія и тайны христіанскаго быта, она назначила одновременно одного изъ своихъ авгуровъ епископомъ римскимъ или папою, которому было приказано притвориться вѣрующимъ въ Христа. Четыре года спустя этотъ епископъ, по имени Стефанъ, былъ убитъ Валеріаномъ, конечно, по приказанію той же куріи. Въ 260 году отъ Р. Х., послѣ шестилѣтней войны съ персами, Валеріанъ попалъ въ плѣнъ къ царю персидскому Сапору, который употреблялъ его вмѣсто подножія.

Кровно обиженная курія назначила отъ имени оракула императоромъ сына Валеріана, Галлена, которому приказала освободить отца и отомстить униженіе куріи. Но подлый, трусливый и никуда негодный Галленъ въ продолженіе восьми лѣтъ пускалъ въ ходъ и деньги и просьбы, откладывая такимъ образомъ войну съ персами до тѣхъ поръ, пока его отецъ не скончался въ плѣну, не дождавшись помощи сына. Оракулъ потерялъ совершенно свою прежнюю военную энергію и поддерживалъ свой авторитетъ однимъ только интригантствомъ, помрачая умы черни съ помощью выписанныхъ изъ Индіи жрецовъ оракула „чу", персидскихъ „маговъ", египетскихъ „химіасъ" и греческихъ маговъ, извѣстныхъ подъ именемъ „керимойри", которые обманывали народъ мнимыми чудесами и колдовствомъ „comitia calata sacrificium, fantomi et spectrum deorum". Но нѣкоторые римляне въ своихъ храбрыхъ рѣчахъ высказали желаніе смыть пятно позора Рима смертью Галлена. Поэтому въ 268 г. отъ Р. Х. курія велѣла убить императора и объявить его преемникомъ полководца Клавдія, который въ продолженіе своего двухлѣтняго царствованія казнилъ тридцать человѣкъ соперниковъ, прозванныхъ куріею самозванцами или „тиранами", и скончался естественною смертью. Въ 270 году отъ Р. Х. курія назначила императоромъ своего полководца Авреліана. Когда въ 275 г. отъ Р. Х. Авреліанъ былъ убитъ придворными заговорщиками, наступило восьмимѣсячное междуцарствіе, во время котораго курія управляла государствомъ, скрываясь подъ фирмой сената, такъ какъ никто не захотѣлъ быть императоромъ. Въ концѣ концовъ оракулъ насильственно назначилъ императоромъ сенатора Тацита, потомка извѣстнаго историка. Но когда тотъ, несмотря на всѣ угрозы, передъ которыми трепеталъ Неронъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ отказывался истреблять христіанъ, авгурія велѣла изрубить его на 70 частей и назначила на его мѣсто въ 276 г. полководца Проба, который, однако, жестоко измѣнилъ ей. Въ 282 г. онъ пригласилъ всѣхъ 70 членовъ куріи на совѣщаніе, *внезапно приказалъ своимъ солдатамъ убить всѣхъ куріаловъ и назначилъ новую курію, состоящую изъ 35 человѣкъ христіанскихъ монотеистовъ и стольскихъ же политеистовъ.* Новая курія получила приказаніе *составить общія церковныя правила*, которыя удовлетворяли бы всѣхъ. Императоръ предоставилъ христіанамъ и политеистамъ полную свободу поклоняться

Создателю, или же многимъ богамъ или покровителямъ, смотря по собственному благоусмотрѣнію. Въ 283 г. отъ Р. Х. новая курія избрала своимъ предсѣдателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ папою родственника императора Діоклетіана, Кая (Каетана), идолопоклонника, который, однако, будучи уже папою, до такой степени проникся христіанскимъ духомъ, что запретилъ на будущее время назначать на епископскія каѳедры идолопоклонниковъ, которые не удостоились по крайней мѣрѣ 7 низшихъ степеней рукоположенія.

Евсевій, Дамасъ, Бароній по обыкновенію не соглашаются въ своихъ мнѣніяхъ на счетъ этой личности. Изъ сочиненій св. Севастіана явствуетъ, что „христіанская община въ Римѣ была не что иное, какъ *союзъ сектантовъ*, которые дѣйствовали негласно, и у которыхъ не имѣлось ни храмовъ, ни общественныхъ жертвенниковъ“. Нѣкоторые историки утверждаютъ, напротивъ, что „у христіанъ было нѣсколько жертвенниковъ, такъ какъ преданіе говоритъ, что Каетанъ служилъ такъ называемую мессу въ домѣ нѣкоего Хрома, принадлежавшаго къ фамиліи патриціевъ“. Это подтверждается Минуціемъ Феликсомъ, жившимъ въ III столѣтіи, который говоритъ: „*Не думайте, что мы скрываемся потому, что не имѣемъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, и т. д.*“...

Тотъ же самый Каетанъ былъ причиною измѣненія нравовъ даже во дворцѣ Діоклетіана, въ которомъ онъ содержалъ своихъ эмиссаріевъ. Онъ скрывался даже у одного изъ христіанъ, который состоялъ на императорской службѣ. Во дворцѣ Діоклетіана жили многіе христіане. Этимъ обстоятельствомъ опровергается вполнѣ клевета, что онъ былъ „однимъ изъ отъявленныхъ гонителей христіанъ“.

„Діоклетіанъ строго обращался къ нарушителями общественнаго порядка, которые проповѣдывали начала нетерпимости и ослушанія власти, поступая съ ними точно такъ же, какъ слѣдовало бы поступать во Франціи съ безпокойнымъ и фанатическимъ духовенствомъ. Но исторія отрицаетъ фактъ, что онъ притѣснялъ христіанъ по поводу ихъ вѣроисповѣданія. Тотъ же самый Каетанъ, отъявленный конвульсіонистъ (названіе сектанта-фанатика того времени), предупрежденный о томъ, что его разыскиваютъ какъ главнаго зачинщика бунтовъ, затѣваемыхъ въ Римѣ, бѣжалъ изъ дворца и прятался по пещерамъ, погребамъ и чердакамъ, поучая неофитовъ до тѣхъ поръ, пока его не схватили и не предали смертной казни“.

Полная вѣротерпимость, которою пользовались еврейскіе и христіанскіе монотеисты наравнѣ съ политеистами въ царствованіе Проба, продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, въ 288 году отъ Рождества Христова языческая половина куріи опять прибѣгла къ убійствамъ, жертвою которыхъ пали всѣ члены куріи христіанскаго вѣроисповѣданія, за исключеніемъ измѣнившаго куріи Кая, который успѣлъ бѣжать. Собравъ преторіанцевъ, которые остались ей вѣрны, курія лишила жизни Проба, организовалась снова на прежнихъ началахъ тайнаго завѣщанія и возвела на императорскій престолъ префекта своихъ преторіанцевъ Кларуса. Когда въ слѣдующемъ году Кларусъ былъ убитъ Аппіемъ, курія начала отчаиваться въ себѣ самой и, боясь нападать на такого человѣка, какъ Пробъ, назначила почти одновременно четырехъ императоровъ. Одному изъ нихъ, бывшему префектомъ преторіанцевъ, Діоклетіану, она приказала зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы народъ былъ принуждаемъ посѣщать храмы авгуріи въ Малой Азіи, а также въ Никомидіи на берегахъ Мраморнаго моря. Точно также установила курія особую стражу для цѣлаго государства, обязанность которой состояла въ томъ, чтобы понуждать населеніе обращаться въ молитвахъ къ языческимъ богамъ и заставлять народъ приносить жертвы авгуріи, также притѣснять и распинать на крестѣ христіанъ, поклонявшихся одному Всеобщему Отцу, безъ прибавленія боговъ, богинь и т. п. суевѣрій. Второму изъ четырехъ императоровъ, полководцу Галерію, римлянину, курія приказала заставлять греческіе народы вѣровать въ боговъ авгуріи. Третьимъ императоромъ былъ полководецъ Макси-

минъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы заставлять жителей Миланской области молиться богамъ куріи Ромы. Наконецъ, четвертымъ былъ полководецъ Констанцій Хлоръ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы наблюдать за вѣрою въ боговъ въ Галліи, Испаніи и Британіи. Всѣ они строго наблюдали за тѣмъ, чтобы повсемѣстно народъ молился богамъ куріи, и казнили упорствующихъ христіанъ. Въ этомъ отношеніи помогалъ имъ Марцелинъ, въ 293 г. отъ Рождества Христова назначенный папою, который открыто поклонялся римскимъ идоламъ и совмѣстно съ мнимыми же христіанскими священниками, Мельхіадомъ, Марцелломъ и Сильвестромъ, бывшими преторіанцами [1]), приносилъ жертвы и курилъ фиміамъ на жертвенникахъ прежнихъ римскихъ боговъ. Эта четверка нечестивыхъ христіанъ была схвачена на мѣстѣ преступленія и предана суду Саменскаго собора, кахъ уличенная Петиліаномъ въ поклоненіи и жертвоприношеніи идоламъ, въ святотатствѣ и другихъ злодѣяніяхъ. Собранные епископы совѣтовали подсудимымъ оплакивать свой грѣхъ отступничества отъ вѣры по примѣру св. Петра и единогласно объявили папѣ: „Tuo te ore non vero nostro iudicio iudica, nam primae sedis antistes a nemine iudicatur“ (своими устами, но не нашимъ судомъ осуждай себя, такъ какъ архіепископъ первой столицы не долженъ подлежать ничьему суду) [2]).

Папа, однако, хотя и не отрицалъ приношенія жертвъ идоламъ, оправдывалъ себя и своихъ сотоварищей тѣмъ, что эти жертвы и воскуриваніе фиміама были приносимы ими подъ угрозами пытокъ.

Св. Августинъ, который долгое время самъ принадлежалъ къ еретической сектѣ манихеевъ, защищалъ впослѣдствіи еретическаго папу и его сообщниковъ слѣдующими словами: „Если кто-либо на основаніи исповѣди папы Николая, или же основываясь на постановленіяхъ собора въ Сювессѣ, желаетъ признать ихъ виновными, этому я не намѣренъ препятствовать, но заявляю, что какіе бы ни были люди Марцелинъ, Марцеллъ, Сильвестръ, Мельхіадъ, Менсурій, Кекиліанъ (Цециліанъ) и другіе, *они все-таки не въ состояніи причинить какой бы то ни было вредъ христіанской Церкви*“.

Принимая во вниманіе, что смѣшеніе христіанскаго духовенства съ языческимъ послѣдовало въ римской куріи въ концѣ III столѣтія (въ царствованіе Проба), нельзя удивляться снисходительному отношенію отцовъ римской Церкви къ проявленіямъ язычества въ ихъ средѣ и язычество въ Римѣ, какъ дальше увидимъ, проявлялось въ христіанскихъ храмахъ съ большей еще силой въ IV и V столѣтіяхъ, въ виду чего папа Марцелинъ и его сотоварищи по совершенію языческихъ жертвоприношеній—Марцеллъ, Мельхіадъ и Сильвестръ не только были оправданы, но назначены поочередно впослѣдствіи на папскій престолъ. Св. Августинъ незадолго передъ смертью изложилъ подробно ересь манихеизма и отказался отъ ея заблужденій [3]).

Въ 305 году Діоклетіанъ убѣдился, что боги куріи чествуются только для виду, и что всѣ молятся Единому Создателю. Поэтому, не находя возможнымъ преслѣдовать ихъ больше, онъ отказался отъ престола и поселился въ одной изъ деревушекъ Далмаціи. Хлоръ скончался въ Іоркѣ въ Британіи, оставивъ сына Константина. Итакъ, въ 306 г. отъ Р. Х. царствовали надъ авгуріей Максиминъ, Галерій и Константинъ, въ 209-мъ же году отъ Р. Х. царствовали, кромѣ Максимина и Константина, полководцы Максентій, сынъ Максимина, и Лициній. Предсѣдателемъ куріи и папою былъ въ то время нѣкто Марцеллъ, притворявшійся христіаниномъ, котораго смѣстилъ Максентій и заставилъ чистить свои конюшни. Въ 310 году, послѣ смерти Марцелла, авгурія приказала Константину умертвить своего тестя Максимина, заподозрѣннаго въ монотеизмѣ, унитаріанствѣ, т. е. въ исповѣдываніи христіанской вѣры. Такъ какъ въ приказаніяхъ

[1]) L. Lavicomterie: Les crimes des papes, стр. 76.
[2]) Dzieje R. K. Kościoła, стр. 54—61.
[3]) Ibid., стр. 61.

куріи того времени сказывалась еще угроза смертной казни, то Константинъ, во избѣжаніе печальной участи, долженъ былъ повиноваться. Вслѣдствіе этого сынъ убитаго Максимина, Максентій объявилъ войну Константину, своему зятю.

Началась междоусобная война. Убѣдившись въ томъ, что политеизмъ, какъ принудительная вѣра, поддерживается только одними членами куріи, и что почти все населеніе государства и вся армія исповѣдуютъ уже вѣру Христову, Константинъ посовѣтовался съ друзьями и рѣшился на покушеніе противъ оракула, т. е. куріи Ромы. Итакъ, желая расположить въ свою пользу большинство арміи, онъ приказалъ въ 312 г. отъ Р. Х. изобразить на „labarum", т. е. на военномъ знамени, знаменіе креста, который считался тогда висѣлицей и знаменемъ христіанъ, а также начальныя греческія буквы Іоанна Крестителя и Христа, какъ враговъ политеистическаго оракула Ромы, и еврейскихъ прибавокъ къ каѳолической, т. е. вселенской вѣрѣ, признававшей только одного Создателя всего міра [1]).

Въ виду столь популярнаго и рѣшительнаго поступка Константина, направленнаго противъ авторитета оракула куріи, почти всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрядовъ, предводительствуемыхъ друзьями куріи, оставили Максентія, надъ которымъ поэтому уже легко было одержать побѣду. Храбрый Константинъ прибылъ въ Римъ съ побѣдоносною арміей и, не сомнѣваясь, что со стороны обиженнаго оракула ожидаетъ его только ядъ или кинжалъ, опередилъ своего противника, а именно безъ всякаго стѣсненія казнилъ большую часть куріаловъ оракула, не пожелавшихъ согласиться на предоставленіе христіанамъ свободы вѣроисповѣданія.

Съ тѣхъ поръ начинается царство „вратъ адовыхъ" въ христіанской Церкви Западной Европы, которая сдѣлалась жертвою ненасытной куріи Ромы. Этотъ переворотъ совершился при условіяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

ГЛАВА VII.

Храбрый, энергичный и рѣшительный сынъ Хлора, побѣдитель язычества и вратъ адовыхъ, Константинъ сформировалъ новую курію и предсѣдателемъ ея назначилъ судившагося за приверженность къ язычеству христіанина экспреторіанина Мельхіада, только что избраннаго имъ папой.

Новая курія должна была завѣдывать какъ христіанствомъ, такъ и язычествомъ, и хотя состояла преимущественно изъ язычниковъ, обязана была покровительствовать христіанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ воспретилъ въ предѣлахъ государства употреблять кресты какъ орудіе казни.

Въ слѣдующемъ, т. е. 313 году мужественный Константинъ издалъ эдиктъ, даровавшій христіанамъ право распространенія ученія Христа, но, увы, довѣрилъ это столь серьезное дѣло надзору куріи, а самъ занялся исключительно управленіемъ государствомъ и организаціей арміи, не предполагая, что курія примется за распространеніе ученія Христа съ дополненіями и сокращеніями, съ непогрѣшимымъ св. отцомъ во главѣ, вызывая раздоры, рознь и деморализацію, доходящую иногда до убійства между родными братьями. Константинъ всецѣло предался организаціи войска, а тѣмъ временемъ курія, занявшись изученіемъ обрядовъ христіанской вѣры, перенесла старые архивы изъ Капитолія въ Латеранъ, и, найдя въ этихъ архивахъ вышеназванныя декреталіи старой языческой инквизиціи, безъ вѣдома Константина подвергла ихъ новому обсужденію („scrutinium et accessum") своихъ членовъ, которые большинствомъ нѣсколькихъ десят-

---

[1]) Преданіе гласитъ, что въ одинъ прекрасный день, послѣ обѣда, Константинъ увидѣлъ на небѣ крестъ съ надписью: «симъ побѣдишь». Но одни утверждаютъ, что это случилось въ Римѣ, другіе—что въ Галліи.

ковъ голосовъ противъ десяти (т. е. за исключеніемъ десяти зачисленныхъ въ курію настоящихъ христіанъ) усмотрѣли, что доходовъ съ добровольныхъ языческихъ приношеній не хватило бы на роскошное содержаніе семидесяти семействъ кардиналовъ; что прибыли отъ преслѣдованія неимущихъ христіанъ не могутъ быть значительными; что гораздо полезнѣе будетъ для куріи перенести гоненія на состоятельныхъ язычниковъ; въ виду же того, что христіанскихъ добровольныхъ приношеній, возлагаемыхъ на алтарь Единаго Бога, тоже не можетъ быть достаточно на содержаніе семействъ кардиналовъ, то слѣдуетъ и предсѣдателя куріи именовать „святымъ отцомъ", непогрѣшимымъ (infallibille) и равнымъ Богу, и во имя его установить обязательныя приношенія. Константинъ, узнавъ о такомъ руководительствѣ африканца Мельхіада христіанской куріей, приговорилъ его къ „исчезновенію" въ томъ же 331 году, на его же мѣсто назначилъ предсѣдателемъ куріи и папою своего родственника Руфина. Увы, Константинъ въ немъ страшно ошибся, такъ какъ этотъ его родственникъ Руфинъ, тоже экспреторіанинъ, управлявшій куріей подъ именемъ папы Сильвестра, былъ именно наиболѣе дѣятельнымъ противникомъ христіанства. Несмотря на то, что онъ приходился родственникомъ Константину, тѣмъ не менѣе онъ оказался очень недоброжелательнымъ въ его семьѣ, какъ потомокъ куріаловъ прежняго оракула.

Принявъ раньше христіанство и санъ священника, но оставаясь въ дѣйствительности язычникомъ,—за что и былъ судимъ совмѣстно съ папой Марцелломъ и Мельхіадомъ,— Руфинъ сразу сообразилъ, что дальнѣйшая борьба „адскихъ вратъ" Рима съ христіанствомъ немыслима и неблагоразумна, что политическое единство римскаго государства въ предѣлахъ всѣхъ его границъ должно неминуемо вызвать и единство культурное. На практикѣ существованіе политеизма являлось несовмѣстнымъ съ римскимъ монархизмомъ, когда и самъ императоръ склоняется къ монотеизму. Не говоря уже о голосѣ разсудка, было очевидно, что вслѣдъ за признаніемъ столькими народами одного царя должно было вскорѣ наступить и признаніе Единаго Бога. У народа, который соединенъ взаимными политическими узами, должна существовать склонность къ единообразію. Кромѣ того, соперничество множества жреческихъ корпорацій вызвало ослабленіе политеизма; въ монотеизмѣ же преобладаетъ централизація, организованная іерархія и объединеніе власти. Какъ скоро судьба дала ему въ руки эту власть, то было бы безразсуднымъ отказываться отъ нея или дѣлиться ею по прежнему съ жрецами другихъ языческихъ божествъ; вѣдь для него и кардиналовъ не составляетъ никакой разницы управлять вѣрой христіанской или языческой; наоборотъ, ставши во главѣ новаго религіознаго движенія, можно извлечь гораздо бо̀льшія выгоды, тѣмъ болѣе, когда самъ императоръ присоединился къ нему. Стоя во главѣ новой Церкви, не трудно будетъ ввести въ нее понемногу прежніе обряды, насколько этому не будетъ противодѣйствовать Константинъ. Взвѣсивши, какія выгоды могутъ отсюда проистечь для членовъ куріи Ромы, эта послѣдняя рѣшила объявить себя христіанской сектой. Руфинъ, будучи по внѣшности христіаниномъ и оставаясь папой подъ именемъ Сильвестра, продолжалъ быть предсѣдателемъ языческой „куріи Ромы" [1]), что перешло по наслѣдству къ послѣдующимъ папамъ. Но какъ ни старались онъ и его кардиналы скрыть свою приверженность къ язычеству, это вскорѣ обнаружилось: въ христіанскіе обряды въ Римѣ въ IV вѣкѣ вкралось много остатковъ язычества. По свидѣтельству свв. Амвросія и Августина, тогдашніе христіане сохраняли всѣ обряды и формы языческихъ суевѣрій, которыя начали оставлять уже сами язычники. Такъ, напр., христіане клялись языческими богами, праздновали день Юпитера (четвергъ), принимали участіе въ языческихъ играхъ, въ христіанскіе праздники пѣли языческіе гимны и, согласно языческому обычаю,

¹) Еще въ позднѣйшія времена были выбраны изъ язычниковъ прямо въ христіанскіе епископы Амвросій въ Медіоланѣ въ 375 г. и Некторій въ Константинополѣ въ 397 г.

плясали передъ храмами, въ церквахъ держали себя непристойно, такъ что часто въ храмахъ шумъ переходилъ въ крикъ и дѣло доходило до драки, или вдругъ слышался взрывъ всеобщаго смѣха, прерывавшій богослуженіе, и т. п. [1]).

Такъ какъ до временъ Константина римскіе христіане и ихъ епископы скрывались и совершали богослуженіе тайно, то не были извѣстны, за небольшими исключеніями, имена ихъ священниковъ и епископовъ, потому что классъ, среди котораго распространялось христіанство, не былъ грамотенъ и не велъ никакихъ хроникъ своихъ пастырей. Извѣстно было только, что апостола Павла считали первымъ римскимъ епископомъ.

Сильвестръ-Руфинъ, ставши во главѣ христіанства и приступивъ къ отправленію обязанностей христіанскаго епископа, задумалъ составить генеалогическое дерево своихъ якобы предшественниковъ, ознакомившись же со Св. Писаніемъ, пришелъ къ заключенію, что полезнѣе поставить на мѣсто перваго римскаго епископа не Павла, а св. Петра, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Изъ опасенія, что императоръ Константинъ можетъ воспротивиться этому подлогу, хитрый льстецъ Руфинъ, объявивъ себя христіаниномъ и украсивъ свою голову митрой епископа, которой до того времени папы не носили, предлагалъ Константину называться по старому „богомъ" или хотя бы „полубогомъ", желая такимъ образомъ сдѣлать его соучастникомъ извращеній куріи, но императоръ отказался даже принять крещеніе отъ куріаловъ и былъ крещенъ на смертномъ одрѣ греческими епископами.

Видя презрѣніе Константина къ куріи, святой отецъ Руфинъ рѣшилъ втихомолку, исподволь, при посредствѣ преданныхъ ему членовъ куріи, такъ осиротить Константина, чтобы онъ оказался подъ вліяніемъ куріи. Такъ, прежде всего былъ загадочно убитъ близкій родственникъ императора Лициній, горячій унитаріанинъ христіанскій, затѣмъ умерло скоропостижно, или послѣ недолгихъ мученій, нѣсколько наилучшихъ друзей императора. Удрученный этими утратами, Константинъ, хотя и узналъ, что курія провозгласила „христіанской Церковью" и „вѣрою" себя, и что только вѣра въ нее должна считаться истинной, тѣмъ не менѣе считалъ для себя неудобнымъ отмѣнять эти постановленія, въ виду того, что они были изданы его уполномоченными и родственникомъ. Поэтому Константинъ и рѣшилъ предоставить вопросы вѣры и невѣрія времени и желанію или нежеланію большинства, разсчитывая, что поддѣлка новой вѣры не можетъ войти въ привычку или въ обычай безъ принужденія,—онъ же насилій не дозволитъ. Не подумалъ онъ о томъ, окажется-ли это въ его силахъ и хватитъ-ли у него на это времени, и упустилъ изъ виду, что его потомки могутъ признать законнымъ и истиннымъ то, что, благодаря времени, укрѣпилось и вошло въ обычай.

Поглощенный организаціей войска и управленіемъ обширнымъ государствомъ, онъ позволилъ Руфину издавать произвольныя декреталіи о дѣяніяхъ, посланіяхъ и ученіи Христа и апостоловъ; онъ относился равнодушно къ тому, что Руфинъ предписывалъ вѣру или невѣріе слѣпое, не принявъ во вниманіе, что правительствамъ со временемъ можетъ оказаться затруднительнымъ или невозможнымъ не подчиняться постановленіямъ учрежденія, стремящагося къ независимости отъ правительственной власти, провозгласившаго себя корпораціей непреложной, т. е. непогрѣшимой, стоящей выше свѣтскаго правительства, руководящею правительствами, якобы намѣстницей Бога и святыхъ, и имѣющей въ своемъ распоряженіи „врата адовы".

Если бы Константинъ объявилъ курію учрежденіемъ правительственнымъ, временнымъ, которое по желанію правительства можетъ быть измѣняемо, зависимымъ отъ правительства, то курія не стала бы столь вредной для его преемниковъ и для всѣхъ корпораціей, неизмѣнной или неподвижной, т. е. неразвивающейся вмѣстѣ съ образомъ

[1]) См. Вл. Нетте. Исторія церкви, т. III, стр. 435 въ русскомъ переводѣ.

правленія и заботящеюся только объ упроченіи своихъ доходовъ посредствомъ противодѣйствія всякому правительству, не потворствующему ей слѣпо. Равнодушно передалъ онъ большую часть власти въ руки неискренняго родственника Руфина, который старался его осиротить. Такимъ образомъ, благодаря равнодушію Константина къ вопросамъ слѣпой вѣры или невѣрія, новая курія могла свободно проводить свои планы.

Называя себя апостольской, курія день ото дня все болѣе и болѣе отступала отъ истиннаго христіанства и представлялась загадочною, объявляя народу все новыя и новыя чудеса, приносившія выгоды только ей самой. Темный народъ христіанъ-рабовъ даже не подозрѣвалъ, что его новые епископы, бывшіе жрецы, остаются въ душѣ язычниками, и радовался, что они присоединились къ его вѣрѣ, т. е. воображалъ, что они тоже христіане.

Еще болѣе осиротѣвшій царь не могъ даже подумать, что подъ видомъ вѣры въ Христа проповѣдывалось богохульство и святотатство; курія провозглашала рѣшительно все, что только ей нравилось, и сверхъ того она стремилась подчинить своей мнимой непреложности или непогрѣшимости—все, т. е. народъ и даже правительство Константина; онъ же совершенно равнодушно предался упорядоченію администраціи и арміи, не замѣчая, что не только народъ, но и свою армію предоставлялъ вліянію куріи, дѣлаясь вслѣдствіе этого вмѣстѣ со своимъ потомствомъ зависимымъ отъ нея. Новая курія постановила называть католиками только тѣхъ, которые вѣрятъ во все, сочиненное ею; тѣхъ же, которые протестовали противъ ея „dokein“, догматовъ или мнѣній, стала снова проклинать, называя ихъ людьми „безъ чести и безъ вѣры“, и сверхъ того, какъ во времена Ромула,—„paganos“ или деревенщиной, а ихъ ученія—„идолопоклонствомъ, расколомъ, ересью и схизмой“, т. е. отпаденіемъ отъ куріи, хотя бы они и принадлежали къ иной, чѣмъ курія, народности. Но этого недостаточно: приводя въ исполненіе свой вышеизложенный планъ, остроумный Сильвестръ приказалъ знающимъ греческій языкъ куріаламъ основательно ознакомиться съ сущностью священнаго христіанскаго Писанія, т. е. Библіи, и указать ему, какія выгоды можетъ курія оттуда извлечь для себя. По изслѣдованіи Библіи, курія сочла нужнымъ, какъ выше указано, не только составить хронологію тридцати одного мнимыхъ, якобы святыхъ предшественниковъ своего „papasa“ (папы) Мельхіада и намѣстниковъ Христа, но и сочинить исторію о св. Петрѣ, который будто бы въ теченіе 25 лѣтъ былъ первымъ христіанскимъ епископомъ въ Римѣ. Этими епископами будто бы были: Петръ, Линъ, Клетъ, Климентъ, Еваристъ, Александръ, Систъ, Телесфоръ, Гигинъ, Пій, Аникита, Сотеръ, Елевтеръ, Викторъ, Зефиринъ, Калликстъ, Урбанъ, Понціанъ, Антеръ, Фабіанъ, Корнелій, Люцій, Стефанъ, Систъ, Діонисій, Феликсъ, Эвтихіанъ, Гай, Марцелинъ, Марцеллъ и Евсевій. Несмотря на то, что противъ постановленій Сильвестра-Руфина и его куріи, изданныхъ безъ вѣдома Константина, выступили съ письменными возраженіями христіанскіе священники Донатъ и Присциліанъ, называя все это измышленіемъ куріи Ромы, и отвергали всѣ таинства ея, какъ языческой; несмотря также на то, что, препятствуя дальнѣйшему, столь легкому сочиненію новыхъ догматовъ, объявили ея папу Мельхіада „traditorem“ или поддѣлывателемъ христіанскихъ преданій,—пренебрегающая всѣмъ, кромѣ денегъ, курія Ромы прозвала всѣхъ тогдашнихъ христіанъ „донатистами и присциліанами“ и только себя объявила „каѳолической или всеобщей христіанской“, утверждая, что только она истинна и что всѣ остальные „заблуждаются и погружены въ бездну суевѣрія“ или суть глупцы, что они должны молчать, если не хотятъ быть уничтожены; епископъ же Донатъ былъ Мельхіадомъ проклятъ. Гдѣ похоронены первые папы, объ этомъ теперешняя римская курія тоже не знаетъ, да и біографіи ихъ составлены весьма кратко. Правда, проводники изъ монаховъ указываютъ туристамъ, посѣщающимъ катакомбы Калликста въ Римѣ, гробницы якобы нѣсколькихъ папъ, не называя

ихъ именъ, такъ какъ на гробницахъ нѣтъ надписей, за исключеніемъ Сикста II, умершаго въ позднѣйшее время (въ 258 г.), на могилѣ котораго находится надпись, свидѣтельствующая, что здѣсь похороненъ папа. Надпись эта сдѣлана только въ концѣ IV вѣка, по приказанію папы Дамаса. Зато гробницы позднѣйшихъ папъ, воздвигнутыя по образцу языческихъ, отличаются свойственнымъ имъ великолѣпіемъ и всѣ онѣ на лицо. Lavicomterie, написавшій исторію папства, говоритъ на стр. 40: „Оказываются вначалѣ два или три папы безъ указанія времени ихъ управленія, такъ что достовѣрно неизвѣстно, дѣйствительно-ли они существовали. Имена ихъ приведены единственно ради сохраненія хронологіи“. Позднѣйшіе историки папскаго лагеря, стараясь доказать, что названный Петръ былъ римскимъ епископомъ и вручилъ главенство надъ Церковью римскимъ епископамъ, основываются преимущественно на сочиненіяхъ Евсевія. Мы не отрицаемъ того, что Евсевій первый упомянулъ въ своемъ сочиненіи о епископствѣ св. Петра въ Римѣ, ссылаясь на предыдущихъ писателей, но мы отрицаемъ этотъ источникъ. Оставляя въ сторонѣ приводимое ниже Дрэперомъ сознаніе Евсевія, что онъ „въ своей исторіи будетъ опускать все, что можетъ служить къ униженію Церкви, а все то, что можетъ содѣйствовать ея славѣ, будетъ восхвалять“, мы должны обратить вниманіе на то, что Евсевій изъ Кесареи писалъ въ началѣ IV столѣтія во время управленія всемогущаго папы Сильвестра-Руфина, исказившаго преданія о римской Церкви и папскую хронологію. Книги его заканчиваются 323 годомъ, Руфинъ же [1]) продолжилъ ихъ по 395-ый годъ. Въ тѣ времена книгопечатаніе не было извѣстно и для всемогущей куріи Ромы не было ничего легче, какъ исказить не только рукопись Евсевія сейчасъ же послѣ его смерти, поскольку она была написана несогласно съ указаніями куріи, но и рукописи прежнихъ писателей, какъ-то: Коммода, Оригена, Тертулліана, св. Кипріана, Гегезиппа, Иринея и др. А Григорій I поступилъ еще энергичнѣе: убѣдившись въ VI вѣкѣ, что въ библіотекахъ находится много сочиненій, не передѣланныхъ согласно съ преданіями, проповѣдуемыми куріей, онъ приказалъ сжечь библіотеки, послѣ чего при позднѣйшихъ папахъ было уже легко составить въ VIII в. Исидоровы декреталіи. Посланіе св. Петра къ королю Пипину, поддѣланное въ томъ же вѣкѣ, какъ нельзя болѣе убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что курія Ромы не пренебрегала ничѣмъ для пріобрѣтенія земныхъ благъ, принявши за правило: „цѣль оправдываетъ средства“.

Несмотря на изданіе хронологіи папъ, истинные христіане остались при своемъ мнѣніи, что это подложный документъ, какъ и другіе доводы куріи, но общество изъ семидесяти кардиналовъ подъ предсѣдательствомъ Сильвестра-Руфина, было, естественно, сильнѣе несплоченныхъ, разрозненныхъ христіанъ, не имѣвшихъ представителя, такъ какъ императоръ Константинъ довѣрилъ рѣшеніе вопросовъ вѣры Руфину, тѣмъ болѣе, когда Руфинъ искусно лишилъ его еще одного сына Криспа и матери его—первой жены Фаусты, а также множества родственниковъ, противившихся стремленіямъ куріи. Такимъ образомъ Руфинъ интриговалъ въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, пока, наконецъ, почти совсѣмъ не осиротилъ императора. Въ продолженіе этихъ одиннадцати лѣтъ вѣроотступническая курія была занята приготовленіями къ порабощенію развивавшагося на Западѣ христіанства. Въ 325 году Руфинъ, собравши нѣсколько десятковъ своихъ родственниковъ-кардиналовъ, назначилъ ихъ епископами подвластныхъ Риму провинцій. Чтобы дать имъ возможность скорѣе ознакомиться съ воззрѣніями и дѣйствіями христіанскихъ епископовъ, онъ, воспользовавшись аріанскими спорами, уговорилъ Константина созвать соборъ въ Никеѣ. Благодаря щедрости Константина 318 епископовъ и множество священниковъ и діаконовъ прибыли въ Никею (Іонику) на вселенскій соборъ въ 325 году [2]). Изъ опасенія повредить себѣ, обнаруживъ незнаніе Священнаго

[1]) Историкъ Церкви, род. въ 340 г., ум. въ 410 г.

[2]) „Dzieje R. K. Kościoła“, стр. 75.

Писанія и христіанскихъ обрядовъ, тѣмъ болѣе, что былъ уже разъ судимъ вмѣстѣ съ папой Марцеллиномъ за идолопоклонство, Сильвестръ-Руфинъ воздержался отъ присутствованія на соборѣ, а послалъ только отъ своего имени двухъ делегатовъ, Винцента и Вита, выбранныхъ изъ языческихъ кардиналовъ куріи Ромы, и поручилъ имъ ознакомиться подробно съ обрядами и духомъ христіанской вѣры, не вступая, однако, на соборѣ въ дебаты, чтобы не повредить себѣ незнаніемъ Св. Писанія, и соглашаться на все, что постановятъ восточные епископы. Въ виду этого на соборѣ преимущественно говорилъ Арій, котораго поддерживали египтяне Секундъ и Ѳеонъ, и возражавшіе Арію Марцеллъ, епископъ анкирскій, и Аѳанасій, архидіаконъ александрійскій, легаты же куріи римской, хотя называли себя христіанами, участія въ преніяхъ не принимали, подписавши все, что соборомъ было постановлено, но впослѣдствіи было римской куріей нарушено.

Не будучи, однако, въ состояніи склонить Константина на свою сторону, куріалы начали распространять въ народѣ слухи, что убійства въ семьѣ Константина совершены по его приказанію. Вызванныя этимъ въ Римѣ волненія заставили Константина перенести свою столицу въ Византію, гдѣ, совершенно осиротѣлый, онъ началъ именовать себя богомъ согласно съ желаніями куріи.

Послѣ отъѣзда императора изъ Рима курія почувствовала себя независимой. Съ этихъ поръ не только всякій приходскій священникъ, или священникъ прежней христіанской общины, какъ учитель и проповѣдникъ, вѣнчающій и погребающій, но даже и деканъ или епископъ, если не признавали догматовъ куріи, были лишаемы, по приказу Руфина, своей должности, безъ права апелляціи къ правительству, теряли средства къ существованію и замѣщались послушными Руфину членами куріи, ибо этотъ измѣнникъ христіанству уже стоялъ въ Римѣ выше Константина, какъ избранникъ совѣта (concilium) куріи, считавшаго себя вселенскимъ, т. е. каѳолическимъ или всеобщимъ, будто бы вообще исповѣдующимъ христіанское „credo“, а курію считавшаго будто бы учрежденною самимъ Богомъ.

Удрученный горемъ Константинъ обращалъ мало вниманія на Римъ и не мѣшалъ Руфину предавать анаѳемѣ невѣрующихъ въ курію, которая глумилась и надъ христіанами, и надъ язычниками, такъ какъ будучи обществомъ организованнымъ и обладающимъ сильнымъ покровительствомъ, могла осилить всѣхъ, благодаря нѣсколькимъ десяткамъ голосовъ, сверхъ голосовъ семействъ и креатуръ, писавшихъ и фабриковавшихъ документы, любимцевъ, награждаемыхъ ею іерархическими должностями. Предсѣдатель куріи Руфинъ проклиналъ всѣхъ христіанъ, протестовавшихъ противъ дѣятельности куріи. Новая курія, объявивъ себя христіанской, понемногу измѣняла религію Христа, желая, чтобы вѣровали только въ нее, т. е. въ истины, объявленныя ею. Не имѣя Священнаго Писанія, т. е. Библіи, на латинскомъ языкѣ и сама ея не понимая, курія Ромы запретила людямъ непосвященнымъ и не принадлежащимъ къ духовному сословію читать Священное Писаніе, т. е. евангелистовъ, „во избѣжаніе ложнаго толкованія его“. Такъ какъ дѣйствія куріи Ромы, направленныя къ распространенію вѣры, или, вѣрнѣе сказать—къ увеличенію ея доходовъ, заключались въ проклятіяхъ, пыткахъ, огнѣ и мечѣ,—что совсѣмъ несогласно съ ученіемъ Христа,—то курія нашла вредной проповѣдь ученія Христова посредствомъ Евангелія и это право было предоставлено исключительно „святому отцу“, въ котораго съ тѣхъ поръ христіанамъ было приказано вѣрить, какъ въ Бога. Болѣе всего озабочивало курію то, что не только весь народъ, но даже самъ императоръ Константинъ и его сестра Констанція не признавали предсѣдателя куріи „святымъ отцомъ“ и не хотѣли принуждать къ тому грековъ. Выдумывая съ этою цѣлію постоянно новыя комбинаціи вѣры, Сильвестръ-Руфинъ, наконецъ, сошелъ съ ума. Послѣ его смерти, въ 335 году послѣ Р. Х. (онъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства), курія избрала себѣ отцомъ или папою члена своего, экспреторіанина Марка, котораго, однако, черезъ 8 мѣсяцевъ замѣнила своимъ членомъ Юліемъ.

По смерти Константина въ 337 году Юлій уже хотѣлъ завладѣть управленіемъ обширнымъ римскимъ государствомъ, но, не будучи въ состояніи устранить отъ власти сыновей Константина, рѣшилъ пока удержать въ своей безраздѣльной власти хотя бы городъ Римъ.

Мѣняя только своихъ членовъ, курія сама не уничтожалась и переживала правительства и монарховъ, оставаясь неизмѣнной по своему духу и могуществу; назойливо навязывая свое посредничество въ политикѣ всѣмъ правительствамъ и монархамъ, курія раздѣлила тогдашнее обширное римское государство, обнимавшее собою всю западную Азію и Европу, между сыновьями умершаго императора. При этомъ куріи удалось добиться объявленія Рима „столицей апостоловъ“, хотя вѣрнѣе было бы назвать его „столицей апостатовъ“, отщепенцевъ, такъ какъ рыболовы-апостолы никакой столицы не имѣли.

Все это не мѣшало куріи нагло называть себя главой патріарховъ константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Когда же христіанскіе патріархи съ презрѣніемъ отвергали ее, курія твердила, что „она замѣнила Церковь“, что „чудеса ея не признаны только проклятыми ею епископами: Донатомъ, Бонозусомъ, Савеліаниномъ, Аріемъ и послѣдователями Арія—Тотымомъ и Евсевіемъ“, т. е. „небольшимъ лишь числомъ лицъ, старающихся опровергнуть правильность постановленій соборовъ куріи“, какъ будто бы она желала, чтобы всѣ сразу письменно изобличали ее во лжи. Юлій не скупился на анаѳемы протестовавшимъ; притворялся, что сочувствуетъ бѣднымъ, и въ то же время образовалъ сто тысячъ бѣдныхъ общинъ, т. е. приходовъ, подлежавшихъ вѣдѣнію епископовъ куріи; каждая община обязана была собирать и вручать епископамъ ежегодно по ста дукатовъ для куріи подъ видомъ „десятины, аренды, лена, ежегодной подати будто бы причитающихся куріи Ромы“.

По смерти Юлія въ 352 году новый предсѣдатель куріи Либерій, строго держась декреталій предшествовавшихъ папъ, но и желая пріобрѣсти себѣ расположеніе донатистовъ, неоплатониковъ и аріанъ, а также императора Юлія, — въ надеждѣ, что его сдѣлаютъ главою всей христіанской Церкви и начальникомъ всѣхъ патріарховъ, — объявилъ себя якобы семіаріаниномъ [1]). Кое-какъ Либерій избавился отъ соперниковъ— Юліана и Іовиніана, однако же въ 359 году принужденъ былъ уступить папскую каѳедру Феликсу, котораго императоръ Констанцій возвелъ въ санъ папы.

Либерій писалъ восточнымъ епископамъ: „я отлучаю Аѳанасія отъ нашего общества и даже не принимаю отъ него писемъ; объявляю, что я заодно съ вами; отмѣняю постановленія, не принятыя на соборѣ въ Сирміумѣ [2]), т. е. отрекаюсь отъ никейскаго собора“ [3]). Въ отвѣтъ на это св. Иларій восклицаетъ: „Это аріанская измѣна; анаѳема тебѣ, Либерій, и всѣмъ твоимъ единомышленникамъ дважды и трижды, мошенникъ Либерій“. Констанцій приказалъ схватить Либерія въ Римѣ и отправить его въ Медіоланъ; онъ упрекалъ Либерія въ томъ, что послѣдній былъ виновникомъ церковныхъ волненій и раздоровъ, равно какъ и ненависти между Констанціемъ и его братьями, такъ какъ умертвилъ старшаго и возбуждалъ Констанція. Созванный по этому поводу судъ призналъ Либерія виновнымъ, назвалъ его святотатцемъ, интриганомъ недостойнымъ править судьбами христіанства, и приговорилъ его къ ссылкѣ во Ѳракію.

[1]) На созванномъ въ 355 г., по ходатайству Либерія, медіоланскомъ соборѣ, въ которомъ участвовали, въ числѣ 300. западные епископы, преимущественно аріане, когда трое восточныхъ епископовъ Евсевій, Люциферъ и Діонисій запротестовали противъ аріанскаго постановленія собора, имъ возразилъ императоръ Константинъ: „чего я хочу, то и должно быть церковнымъ канономъ“, и приказалъ изгнать протестующихъ. Много епископовъ было сослано, а каѳедры ихъ— замѣщены язычниками. (Аѳанасій, Исторія Аріанъ, IV, 8).

[2]) Нынѣ Митровица, на Савѣ.

[3]) Epist. Liberii ad Orientales apud Hilarium.

Латинскіе, а въ особенности польскіе лѣтописцы, которымъ доказана подложность хроникъ римской Церкви, утверждаютъ, что Либерій, сосланный во Ѳракію, вынужденъ былъ отлучить Аѳанасія, но по возвращеніи въ Римъ въ 358 году снялъ это отлученіе [1]).

Аріанинъ Феликсъ, возведенный послѣ ссылки Либерія на папскій престолъ, сталъ вскорѣ (въ 360 году), вслѣдствіе подстрекательства со стороны куріи, добиваться признанія его Констанціемъ главой вселенской Церкви. Когда же Констанцій на это не согласился, т. е. не захотѣлъ отдать восточныя Церкви въ жертву алчности куріи, то Феликсъ проклялъ императора. Это было первое проклятіе, которому былъ преданъ монархъ, якобы христіанской куріей Ромы. Дамасъ, избранный папою въ 367 году, искусно избавился отъ мѣшавшаго ему Валентина и въ 380 году, исходя изъ принципа непогрѣшимости куріи, объявилъ „Filioque“ неоспоримымъ догматомъ.

Въ 384 году курія избрала Сириція, который получилъ отъ Ѳеодосія намѣстничество въ Римѣ, благодаря притворному, льстивому титулованію Ѳеодосія „царемъ царей и побѣдителемъ унитаріанъ“. Въ 392 году онъ позволилъ въ залахъ римскаго сената воздвигнуть языческій алтарь богини Побѣды, уничтоженный въ 382 г. Граціаномъ. Языческіе обряды были полностью возстановляемы, конфискованныя имѣнія были возвращены языческимъ жрецамъ; папа противъ этого нисколько не протестовалъ, но боролся съ этимъ и противился св. Амвросій, недавно перешедшій въ христіанство [2]).

Желая на будущее время сохранить подъ своимъ вліяніемъ постоянно городъ Римъ, или имѣя въ виду ввести свое намѣстничество въ обычай, вслѣдствіе давности, курія, по смерти Ѳеодосія въ 395 г., снова раздѣлила все римское государство между его двумя ни къ чему не способными сыновьями, Аркадіемъ и Гоноріемъ, на государства восточное и западное, т. е. Византійское и Медіоланское, лишь бы городъ Римъ остался подъ исключительной властью римской куріи; эту власть курія ловко сохраняла, какъ начало своей свѣтской власти, несмотря на нашествіе на городъ Римъ, спустя нѣсколько лѣтъ, разныхъ германскихъ вождей съ сѣвера.

Послѣ Сириція, умершаго въ 398 году, курія избрала своимъ отцомъ Анастасія, который сталъ запрещать священникамъ вступленіе въ бракъ, т. е. предписывалъ безбрачіе, „celibat“, съ цѣлью конфискаціи епископами въ пользу куріи остающагося послѣ смерти священниковъ наслѣдства, а вмѣсто этого предложилъ имъ жить со вдовами, называемыми „агапетами“. Съ этихъ поръ различнаго рода „agapety“ замѣнили почтенныхъ и нравственныхъ женъ священниковъ; нравственность стали смѣнять различные скандалы и публичная деморализація, называвшаяся „содомскимъ грѣхомъ“, весьма естественная при безбрачіи мужчинъ. Это паденіе нравовъ имѣло мѣсто въ Римѣ среди западнокуріальнаго духовенства, такъ какъ греческіе или восточные священники съумѣли противостоять этому приказу, противному природѣ, этому уменьшенію числа браковъ и населенія и увеличенію числа старыхъ дѣвъ и количества доходовъ Рима.

Послѣ Анастасія въ 402 году отцомъ куріи Ромы („curio maximus“) былъ Иннокентій. Въ 417 году курія избрала себѣ новаго предсѣдателя, Зосима Грека. Проникшись истинной христіанской вѣрой, онъ хотѣлъ реформировать курію Ромы, т. е. протестовалъ противъ всѣхъ вышеназванныхъ декреталій своихъ предшественниковъ, обвинялъ подчиненную ему курію въ подражаніи оракулу языческой куріи, также явно порицалъ бѣшеные доходы и распущенность нравовъ куріи; вслѣдствіе этого онъ былъ отравленъ въ 418 г. и замѣщенъ Бонифаціемъ, который обѣщалъ быть покорнымъ куріи. Ставъ во главѣ куріи, Бонифацій далъ ей, какъ нѣкогда ея основатель Ромулъ, титулъ „главы міра“, а себѣ присвоилъ титулъ „главы Церкви“; но такъ какъ онъ хотѣлъ всѣ доходы забирать въ пользу только своей семьи въ ущербъ семьямъ другихъ кардиналовъ обще-

[1]) Dzieje R. K. Kościoła, стр. 70.

[2]) Ambr., Ep. LVII.

ства, то былъ задушенъ и въ 423 году замѣщенъ Целестиномъ, который принудилъ своего соперника, „антипапу", Евлалія спасаться бѣгствомъ изъ Рима. Онъ подтвердилъ декреталіи своихъ предшественниковъ относительно Filioque и безбрачія духовенства, сверхъ того усилилъ гоненія противъ тѣхъ, кто называлъ курію сектой.

Начиная съ 423 года послѣ Р. Х., въ особенности послѣ смерти Целестина, курія избирала себѣ въ предсѣдатели подобныхъ Целестину ортодоксовъ, вѣровавшихъ по внѣшности въ непогрѣшимость своихъ предшественниковъ. Всѣ они такъ же, какъ Целестинъ и его предшественники (кромѣ Зосимы), были ревностными преслѣдователями иновѣрцевъ, нагло называли себя „папами", т. е. „отцами", главенствующими надъ греческими патріархами, сверхъ того, какъ нѣкогда послѣ Ромула—„главами міра" или „главами Церкви", или же по-персидски „царями царей". Всѣ они распространялись на христіанскія темы, производя въ то же время убійства и политическія измѣны, о каковыхъ мирные христіане не имѣли ни малѣйшаго понятія. Самыми упорными изъ нихъ были: Сикстъ до 440 года, Левъ до 461 г. (курія называетъ его „великимъ" за то, что онъ заключилъ миръ, полезный только ей самой, съ царемъ вандаловъ Гензерихомъ и королемъ гунновъ Аттилой) [1]), Гиларій до 467 г. (при этомъ папѣ справлялся римскими христіанами, въ присутствіи императора Анастасія, языческій праздникъ Луперкалій [2]).

Послѣ смерти въ 467 году папы Гиларія, предсѣдательствовалъ въ римской куріи Симплицій Додръ, при которомъ римское государство распалось на множество удѣльныхъ провинцій или королевствъ и княжествъ. Произошло это въ 475 году. По смерти Симплиція, 2 марта 483 года, Одоакръ, бывшій полководецъ Аттилы, въ это время римскій король, проживавшій въ Равеннѣ, отправилъ въ Римъ своего перваго сановника Василія, носившаго титулы: Sublimis и Eminentissimus, съ предложеніемъ сенату, т. е.

---

[1]) Левъ I болѣе всего домогался у императора Валентиніана признанія первенства римской церкви. (Donc. Sardic. 344 г. предсѣд. Зосима Ep. II, 7).

[2]) Святилищемъ Луперкарія или волкоотгонителя Пана была темная пещера у подножія Палатинской горы. Согласно преданію, аркадецъ Эвандръ посвятилъ ее богу полей, тамъ же миѳическая волчица вскормила нѣкогда Ромула и Рема. Римляне же увѣковѣчили здѣсь память основателя города бронзовою группою волчицы, кормящей дѣтей.

Традиціонная точка опоры глубоко древняго праздника Луперкалій коренилась въ этомъ святилищѣ: его праздновали ежегодно 15 февраля, вслѣдъ зачѣмъ 18-го слѣдовало Februatio или очищеніе города отъ вліянія злыхъ демоновъ.

Священники и знатнѣйшіе римскіе юноши разоблачались въ этотъ день безъ стыда, предъ глазами народа, и прикрытые лишь передникомъ изъ шкуръ жертвенныхъ животныхъ, голые выбѣгали изъ Луперкарія и бѣгали по городскимъ улицамъ, размахивая кожаными ремнями, которыми наносили женщинамъ легкіе удары по правой рукѣ, долженствовавшіе изливать на нихъ благодать плодородія.

Празднества эти привели въ ужасъ преемника Феликса папу Геласія, который написалъ цѣлый трактатъ противъ Лукеркалій и препроводилъ его президенту сената Андромаху. Но такъ какъ большинство сенаторовъ и членовъ римской церковной куріи были въ душѣ язычниками, то папа Геласій ничего не добился. Лишь послѣ смерти его Церковь, подлаживаясь къ требованіямъ языческой куріи, измѣнила древній *очистительный* праздникъ Луперкалій въ церковный праздникъ *очищенія* Пресвятой Дѣвы, при чемъ процессія съ зажженными восковыми свѣчами Candetora) напоминала языческіе обычаи. Праздникъ этотъ былъ установленъ 2 февраля, какъ празднуется и нынѣ, незадолго до наступленія слѣдующаго за нимъ римскаго карнавала. (Грегоровіусъ, переводъ Савина, т. I, кн. III, стр. 116—117).

Вышеизложенное даетъ точное представленіе о томъ, какой видъ имѣло христіанство въ концѣ V вѣка въ Римѣ.

Историкъ Грегоровіусъ такъ опредѣляетъ христіанскую религію Рима въ концѣ этого столѣтія: „Культъ чистой идеальной духовной религіи сдѣлался по провинціямъ и городамъ снова служеніемъ мѣстнымъ алтарямъ и національнымъ патронамъ, изъ-за которыхъ едва доносилось непостижимое имя Всеобщаго и Единаго Бога".

Культа этого придерживается нынѣ польскій народъ, не видя за папой и его помощниками истиннаго Бога.

куріи, избрать на папскій престолъ Феликса III. Такъ какъ Одоакръ принадлежалъ къ аріанамъ, какъ равно и Феликсъ, то курія безпрепятственно согласилась съ выборомъ короля.

Этотъ папа былъ послѣднимъ покровителемъ языческаго праздника Луперкалій.

По смерти Феликса въ 492 г. мѣсто его занялъ Геласій, а за нимъ въ 496 г. Анастасій II, пріятель короля франковъ Хлодвига, принявшаго впослѣдствіи крещеніе. По смерти папы Анастасія въ 498 году курія избрала на папскій престолъ еретика сарда Симмаха. Императоръ Зенонъ, добивавшійся въ Римѣ подписи изданнаго имъ въ 482 г., для успокоенія разыгравшагося спора о воплощеніи, указа, согласнаго съ опредѣленіемъ восточныхъ епископовъ, предложилъ на папство римлянина Лаврентія, обѣщавшаго подписать этотъ указъ.

Увидѣвъ себя въ меньшинствѣ, курія обратилась за содѣйствіемъ къ аріанину Теодориху, который, призвавъ въ Равенну вождей обѣихъ партій, изрекъ приговоръ въ пользу Симмаха. Первымъ шагомъ Симмаха было созваніе на 1 марта 499 г. перваго римскаго собора, предметомъ занятій котораго было изданіе узаконеній о выборѣ папы, что и предоставлено всецѣло куріи, не перестававшей оставаться языческой, чрезъ посредство управляемаго ею сената. Но этотъ порядокъ не удалось сразу безпрепятственно ввести въ жизнь.

По смерти Симмаха въ 514 г. занялъ папскій престолъ Ормизда, а затѣмъ въ 523 г. Іоаннъ, при которомъ Римомъ овладѣли остготы. Король ихъ Теодорихъ посадилъ Іоанна въ тюрьму.

Каково было состояніе христіанскаго Рима въ сравненіи съ первыми вѣками христіанства, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ писателя Laurent, высказанныхъ имъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité“ (стр. 525): „La décadence morale de l'antiquité tenait à l'absence d'une croyance. Jesus Christ apporta des germes de régénération; mais la dissolution de la société continua malgré le christianisme. Il fallait donc que l'empire romain disparût. Putréfié jusque dans ses dernières fibres il n'était plus digne de recevoire la greffe divine [1]). D'infectes vapeurs s'exhalaient du fond de cette pourriture. Alors viurent des peuples sains qui, pour préserver le monde de la contagion enterrérent le cadavre. L'antiquité finit, le monde moderne s'ouvre“. (Причиною нравственнаго упадка въ древнія времена былъ недостатокъ вѣры. Іисусъ Христосъ посѣялъ зерно возрожденія, но общественныя несогласія продолжались постоянно, несмотря на христіанство. Итакъ, нужно было, чтобы римская имперія погибла. Зараженная до послѣдней степени, она была уже не въ состояніи воспринять сѣмена Божіи. Ѣдкія испаренія подымались изъ этой гнили. Въ то же время появились здоровые народы, которые похоронили трупъ, чтобы избавить міръ отъ распространенія заразы. Прошлое безвозвратно погибло, наступили новыя времена).

Въ этомъ мѣстѣ мы находимъ нелишнимъ указать, какъ произошло столь крупное несогласіе римской Церкви съ Евангеліемъ. Въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. X. римско-католическая Церковь была свободна отъ ученій, несогласныхъ съ Евангеліемъ. Въ то время римская община была первою по числу и чистотѣ вѣры послѣдователей, и такъ какъ Римъ былъ столицей свѣта, то и римская община имѣла сильное и благотворное вліяніе на всѣ другія христіанскія общины. Въ то время всякій, кто уклонялся отъ общенія съ римской Церковью, былъ дѣйствительно еретикомъ, а Церковь римская была дѣйствительно каѳолической и непогрѣшимою. Но она была такою не потому, чтобы ее никогда не могли осилить „адскія врата“, а потому, что имѣла своимъ основаніемъ Евангеліе, не будучи еще въ то время подъ вліяніемъ куріи Ромы. Однако же, уже во второмъ вѣкѣ, при Викторѣ, начали мало-по-малу проникать въ римскую Церковь вѣянія нехри-

[1]) De Maistre: Du Pape, liv. 3.

стіанскія. То великое увѣщаніе апостола, обращенное въ пророческомъ тонѣ къ Риму, „не будь гордъ, но бойся, иначе и ты будешь вырѣзанъ“ (XI, 18—22) не вошло, какъ бы слѣдовало, въ плоть и кровь епископовъ Рима, и съ теченіемъ времени римское духовенство, соединившись съ всемогущей куріей Ромы, стало вѣрить, что если его ничто никогда не можетъ побѣдить, то оно должно быть въ своемъ ученіи и поступкахъ непогрѣшимымъ, а его глава—если самъ не есть Христосъ, то долженъ быть Его замѣстителемъ. Если же папа Его замѣститель, то всякій, кто отвергаетъ замѣстителя, отвергаетъ Христа. Отсюда ученіе, что всякій, кто не принадлежитъ къ римско-католической Церкви, не можетъ спастись. Отсюда—бездна золъ, которыя мы впослѣдствіи укажемъ. Каждая ошибка влечетъ за собою непоправимыя послѣдствія. Заблужденія папства явились плодомъ не глубокой умственной работы, а были слѣдствіемъ громадной гордости, по наущенію змія: „Будете равны Богу“; поэтому и послѣдствія этихъ заблужденій столь велики.

Когда епископы Рима зашли такъ далеко по пути заблужденія, что ихъ непоколебимая власть сдѣлалась догматомъ вѣры, одно Св. Евангеліе уже не могло быть для нихъ единымъ источникомъ правды; они должны были обратиться къ преданію, поставить его наравнѣ со Словомъ Божіимъ, чтобы преданіе пополнило то, чего не хватало въ Божіемъ Словѣ. Народу было запрещено читать Библію, и предложена ложь. Ничто уже не препятствовало сочиненію все новыхъ ученій и догматовъ, потворствующихъ инстинктамъ испорченной человѣческой природы. Увы! Первобытное христіанство вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, забавлялось, подъ вліяніемъ куріи Ромы, безполезными словопреніями, что̀ позволяло куріи извлекать матеріальныя выгоды и заниматься, подъ разнообразными предлогами, эксплуатаціей невѣжественнаго народа. Курія занималась постоянно также сочиненіемъ новыхъ якобы догматовъ, каковы діофизитизмъ и діотелетизмъ, т. е. разсужденіемъ о такихъ вопросахъ, какъ, напр., имѣлъ-ли Христосъ одну природу и волю или же двѣ природы и воли.

По смерти Іоанна въ 526 г., король Дитрихъ назначилъ начальникомъ куріи Ромы Феликса, прозваннаго „Galimatias“ (до 530 г.), послѣ котораго куріей управляли: Бонифацій (до 532 г.), Іоаннъ, прозванный „Меркуріемъ“ (до 535 г.), Агапетъ (до 536 г.) и Сильверій, который въ 537 году былъ своимъ преемникомъ Вигиліемъ уморенъ голодомъ за то, что не хотѣлъ разрѣшить взбунтовавшимся противъ него куріаламъ содержать болѣе одной для каждаго куріала „agapety“. Вигилій, подобно всѣмъ своимъ ближайшимъ предшественникамъ, за исключеніемъ Сильверія, управлялъ куріей при посредствѣ порнократіи. Но императоръ Юстиніанъ, узнавши, что папа—язычникъ, вызвалъ его въ Константинополь и держалъ тамъ въ продолженіе 7 лѣтъ. Ему было приказано подписать символъ вѣры. Когда папа отказался сдѣлать это, то былъ заключенъ въ тюрьму, но ему удалось бѣжать оттуда и спрятаться въ церкви подъ престоломъ. Его пробовали вытащить за ноги, но онъ держался столь крѣпко, что сломалъ ножки престола. Тѣмъ не менѣе народъ вытащилъ его оттуда и съ утра до вечера водилъ по улицамъ Константинополя съ веревкой на шеѣ. Въ концѣ концовъ онъ согласился подписать символъ вѣры, просилъ у императора прощенія и доказывалъ, что дьяволъ соблазнилъ его къ сопротивленію. Ему было позволено возвратиться въ Римъ, но по дорогѣ туда онъ умеръ въ Сиракузахъ въ 555 г. Въ томъ же году его замѣнилъ кардиналъ Пелагій, котораго императоръ Юстиніанъ назначилъ предсѣдателемъ куріи. Здѣсь кстати упомянемъ, что императоръ Юстиніанъ былъ славянскаго происхожденія и, собственно говоря, назывался Истномъ или Истокіемъ.

Римскіе христіане, зная, что Пелагій былъ язычникомъ и виновникомъ гоненій, которымъ подвергся его предшественникъ, пренебрегали имъ весьма долго. Только два епископа были къ нему расположены. По совѣту полководца Нашеса, папа оправдывался передъ народомъ въ церкви Св. Петра, присягалъ на крестѣ и Евангеліи, утвер-

ждая, что возводимыя на него обвиненія—клевета. Послѣ Пелагія управлялъ Іоаннъ въ 560 г., послѣ Іоанна въ 573 году Бенедиктъ, при которомъ Римъ былъ занятъ лонгобардами. Занятіе папской каѳедры Бенедиктомъ, по свидѣтельству историковъ [1]), наступило лишь болѣе года спустя послѣ смерти папы Іоанна, на томъ основаніи, что лонгобарды, обложившіе Римъ, задерживали сношенія съ Византіей, откуда новоизбранный папа долженъ былъ получить императорское утвержденіе. Бенедикта смѣнилъ въ 578 году Пелагій, названный вторымъ, во время правленія котораго агапетизмъ и порнократія достигли въ куріи наибольшаго развитія. На мѣсто Пелагія курія въ 590 году избрала своимъ предсѣдателемъ очень энергичнаго сына одной изъ наиболѣе вліятельныхъ порнократокъ Григорія, прозваннаго Великимъ, котораго историки называютъ „надменнымъ Гордіаниномъ“.

Желая подражать христіанамъ, Гордіанинъ прикинулся смиреннымъ до того, что подписывался „рабомъ Божьихъ рабовъ“ (servus servorum Dei) и въ письмѣ своемъ къ константинопольскому патріарху Сиріаку, о которомъ рѣчь впереди, указывалъ на христіанское смиреніе, какъ на главную основу ученія Христа, клеймя названіемъ антихриста того епископа, который захотѣлъ бы возвыситься надъ прочими. Однако же, несмотря на это, Григорій присвоилъ себѣ, какъ якобы намѣстнику Св. Петра, исключительное право управленія дѣлами всей Церкви и доказывалъ, что константинопольская Церковь подчинена апостольской столицѣ [2]).

Гордіанинъ называлъ всѣхъ подчиненныхъ и кардиналовъ уже не братьями, но сыновьями. Въ 592 году онъ предписалъ насильно собирать удвоенную десятину подъ предлогомъ необходимости для куріи Ромы пышности и для замѣны скромныхъ до этого времени церковныхъ обрядовъ торжественными.

Этимъ путемъ Григорій Гордіанинъ началъ пріобрѣтать, будто бы для Церкви, огромныя суммы, шедшія на самомъ дѣлѣ, подъ предлогомъ „благотворительности“, въ пользу семействъ кардиналовъ и на содержаніе агапетъ. Краснорѣчивые ораторы „о пожертвованіяхъ для куріи“ или же о „благотворительности въ пользу куріи“, или о „посвященіи себя для вѣры“ (въ курію) до того отуманивали недальновидныхъ, что нѣкоторые обрекали сами себя на добровольное разореніе въ пользу куріи и ея семействъ, какъ праведныхъ, такъ и неправедныхъ, главнымъ же образомъ въ пользу Гордіанина. Этотъ послѣдній установилъ въ 597 году для недальновидныхъ или умственно убогихъ разнообразнѣйшія степени отпущенія грѣховъ въ зависимости отъ принесенныхъ въ пользу куріи жертвъ, якобы *„на Церковь“ или „для Церкви“*. Сторонники куріи смѣло обѣщали людямъ, въ зависимости отъ ихъ вкладовъ, спасеніе отъ ада и чистилища, а въ концѣ концовъ ловкій Гордіанинъ издалъ декреталій, въ которомъ говоритъ, что дастъ полное прощеніе за самое великое злодѣяніе, т. е. ключъ прямо къ небу, всѣмъ, кто отдастъ все свое имѣніе „на Церковь“, а сами пойдутъ въ монастырь „Христарадничающихъ ради вѣры“, каковою является Церковь, а Церковью—курія, и т. д. до безконечности.

Никто не въ силахъ отказаться отъ того образа дѣйствія, посредствомъ котораго онъ пріобрѣлъ власть, никто не въ состояніи освободиться отъ вліянія духа времени, представителемъ котораго онъ состоитъ. Хотя во многихъ отношеніяхъ Гордіанинъ и опередилъ свой вѣкъ, однако онъ былъ нечестивъ и глубоко суевѣренъ. Привыкнувъ

---

1) Грегоровіусъ, перев. Савина, т. II, стр. 226.

2) Gregorii M. t. lib. IX, epist. 12, pag. 941, гдѣ папа пишетъ въ письмѣ къ Яну Грабовскому: „num de Constantinopolitana ecclesia, quod dicunt, quis eam dubitet sedi apostolicae esse subjectum? Quod et piissimus Dominus Imperator et frater noster eiusdem civitatis episcopus assidue profitentur“. (Развѣ можетъ кто сомнѣваться, какъ то утверждаютъ, что константинопольская Церковь подвластна столицѣ апостольской? Это вполнѣ признаютъ и благочестивѣйшій нашъ государь императоръ, и братъ нашъ, епископъ того же города).

къ многобожію и идоламъ въ языческихъ капищахъ, онъ не могъ примириться съ христіанской вѣрой въ Единаго Бога, которую онъ былъ призванъ проповѣдывать. Поэтому онъ возненавидѣлъ людское знаніе, ставящее преграды его языческимъ стремленіямъ. Часто высказываемая мысль, что наступаетъ конецъ міра, находилась въ постоянномъ противорѣчіи со стремленіемъ къ упроченію папской власти. Подъ вліяніемъ ея было освящено то папское христіанство, которое должно было сдѣлаться на много вѣковъ религіей Европы и которымъ приняты легенды, какъ, напр., о мѣстонахожденіи неба на разстояніи нѣсколькихъ миль надъ поверхностью воздуха, а ада— внутри земли съ воротами въ кратерѣ Липарійскаго вулкана. Раздѣляя ненависть духовенства къ человѣческому знанію и придерживаясь правила, что невѣжество есть мать набожности, онъ изгналъ изъ Рима всѣ математическія науки и сжегъ основанную императоромъ Августомъ Палатинскую библіотеку. Библіотека представляла весьма значительную цѣнность, если принять во вниманіе находившіяся въ ней рукописи, которыя какъ нельзя болѣе убѣдительно свидѣтельствовали о томъ, чѣмъ собственно была курія вмѣстѣ съ ея кардиналами. Папа запретилъ изученіе классиковъ, обезображивалъ статуи, разрушалъ святыни, словомъ ненавидѣлъ малѣйшіе слѣды классическаго генія, преслѣдовалъ съ фанатической мстительностью произведенія Ливія, которыя особенно его возмущали. Справедливо говорили, что онъ былъ „самымъ завзятымъ врагомъ науки, какой когда-либо существовалъ“, что „никакой свѣтлый лучъ не проникалъ въ его темную душу“. Онъ гордился тѣмъ, что его собственныя произведенія написаны вопреки всякимъ правиламъ грамматики, и ставилъ въ вину одному священнику преподаваніе ея. Онъ стремился къ тому, чтобы замѣнить языческія сочиненія другими, которыя, какъ онъ думалъ, будутъ менѣе опасны для христіанства. Уничтоженіе произведеній знаменитыхъ языческихъ писателей производилось съ такимъ усердіемъ, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ папъ послалъ королю франковъ Пипину сочиненія, какія только былъ въ состояніи отыскать, то это были антифонаріи, грамматики и произведенія Діонисія Ареопагита [1]). Григорій Гордіанинъ былъ настоящимъ олицетвореніемъ тьмы.

Въ какой мѣрѣ былъ онъ развитъ и образованъ, можно судить изъ его историческихъ описаній: по поводу разлива р. Тибра въ 589 г. Григорій, бывшій тогда епископомъ Турскимъ, послалъ въ Римъ діакона съ мощами, привезенными имъ изъ Константинополя, о чемъ помѣстилъ описаніе въ своей „Исторіи франковъ“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Разливъ Тибра былъ такъ силенъ, что античныя постройки развалились, а также погибли хлѣбные склады, церкви и съ ними нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы (?). При наводненіи выплыла въ море масса змѣй *съ дракономъ*, который былъ величиною съ большую балку, но животныя эти затонули въ соленыхъ волнахъ бурнаго моря и были выкинуты на берегъ. Хотя впослѣдствіи выяснилось, что чудовища, видѣнныя суевѣрнымъ монахомъ Григоріемъ, были древесными стволами, плывшими по рѣкѣ, тѣмъ не менѣе Григорій, сдѣлавшись папой, въ доказательство непогрѣшимости своихъ изреченій, отыскалъ разлагавшагося дракона или акулу, два ребра котораго сохранялись долгое время, повѣшенныя на двухъ цѣпяхъ въ базиликахъ S. Maria in Ara Coeli и въ S. Maria del Popolo.

По поводу же чумы, разразившейся съ ужасающей силой въ Римѣ въ 590 году, находится въ сочиненіяхъ папы Григорія слѣдующее описаніе: „больной чумою умирающій солдатъ былъ мгновенно восхищенъ изъ тѣла и перенесенъ въ подземное царство мертвыхъ. Онъ узрѣлъ надъ чернымъ и зачумленнымъ потокомъ мостъ, позади же его поля, на которыхъ красовалось множество цвѣтовъ и расхаживали люди въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Тамъ стояли прекрасныя и свѣтлыя жилища и строились дома изъ золотыхъ

---

[1]) Дрэперъ. „Исторія умственнаго развитія Европы“, стр. 305.

кирпичей, но для кого—онъ не зналъ. Праведники могли переходить чрезъ мостъ, грѣшники же низвергались въ зловонную бездну. Въ одномъ изъ такихъ отвратительныхъ мѣстъ солдатъ замѣтилъ духовнаго въ лицѣ Петра, удрученнаго тяжелыми веригами и лежавшаго навзничь на землѣ, а также видѣлъ одного иностраннаго пресвитера, благополучно перешедшаго мостъ, тогда какъ римлянинъ Стефанъ на половинѣ дороги слетѣлъ внизъ, удерживаемый сверху прекрасными бѣлыми фигурами, снизу же увлекаемый отвратительными демонами; и вѣроятно солдатъ увидѣлъ бы еще многихъ римскихъ священниковъ въ пламени ада, если бы душѣ его не велѣно было неожиданно вернуться снова въ тѣло".

Кого подразумѣвалъ папа Григорій подъ именемъ Петра и Стефана, не выяснено.

Далѣе, папа Григорій разсказываетъ, что, желая изгладить въ Римѣ послѣднее воспоминаніе объ аріанизмѣ, онъ посредствомъ святой воды и священныхъ церемоній превратилъ оставленный готами аріанскій храмъ въ католическій. Помѣстивъ въ немъ часть мощей св. Агаты и св. Севастіана, папа совершенно серьезно утверждаетъ, что по совершеніи посвященія чортъ въ невидимомъ, но осязательномъ образѣ свиньи пробрался между ногъ присутствовавшихъ и выбѣжалъ въ дверь. Три ночи подъ-рядъ слышалась на чердакѣ ужасная возня, пока, наконецъ, спустилось на алтарь благоуханное облако. Мы передаемъ это, говоритъ Грегоровіусъ, не столько въ видѣ анекдота, сколько изъ историческаго интереса. Излишне почти прибавлять, что вѣрованіе въ адъ выработалось уже давнымъ давно, причемъ самому Григорію приписывается воспріятіе чистилища. Одно лишь повѣрье еще можетъ быть достойно упоминанія: хотя благочестивый страхъ и ввергалъ отверженныя души въ долину геенны, тѣмъ не менѣе и другія мѣста почитались за мѣстонахожденія ада и чистилища. Это мы видимъ въ разсказѣ Григорія о душѣ короля Теодориха, погрузившейся въ кратеръ Липарскаго вулкана; одинаково произвольно перемѣщалось и мѣстонахожденіе чистилища. Германъ, епископъ Капуанскій, былъ боленъ подагрою; врачи послали его на теплыя купанья въ Ангуле, нынѣшній S. Angelo въ Аббруццахъ. Едва достопочтенный прелатъ прибылъ туда, какъ былъ пораженъ немалымъ ужасомъ, ибо узрѣлъ посреди жара или въ парахъ этихъ ваннъ *потѣющую душу* діакона Пасхазія, и призракъ даже самъ объяснилъ ему, что несетъ это наказаніе за еретическое соучастіе въ выборѣ лжепапы Лаврентія.

До конца VI вѣка въ Римѣ сохранялся языческій обрядъ — обнесеніе дождевого камня („lapis manalis") по Via Appia во время засухи; папа Григорій замѣнилъ камень найденнымъ имъ плащемъ евангелиста Іоанна; какъ повѣствуетъ Іоаннъ Діаконъ, плащъ вывѣшивался во время засухи предъ дверьми Латерана, гдѣ „туника эта, не переставая сіять чудесами", обогащала казну Св. Петра.

Lavicomterie, написавшій исторію папства, говоритъ, что Григорій I, униженно льстившій императору Маврикію во время его могущества, безъ зазрѣнія совѣсти дѣлается сторонникомъ тирана Фоки, убійцы всей императорской семьи, замучившаго на глазахъ Маврикія всѣхъ его дѣтей, не давъ пощады даже грудному ребенку, умертвившаго затѣмъ его самого, императрицу Констанцію и трехъ ея дочерей. Историки не знаютъ, что преобладало въ Фокѣ: закоренѣлая-ли жестокость или неслыханное распутство.

Но Григорій льститъ этому счастливому злодѣю, пишетъ къ нему, сейчасъ же послѣ его вступленія на обагренный кровью несчастнаго Маврикія и его семьи тронъ, письмо, начиная его слѣдующими словами: „Слава Великому Богу, измѣняющему время и перемѣняющему государства, Который въ Своей справедливости посылаетъ время отъ времени на землю князей или для наказанія народовъ, или для ихъ благополучія. Поэтому мы теперь и радуемся, что, наконецъ, Онъ смилостивился надъ имперіей.

Такъ пусть же возрадуется Небо, задрожитъ земля и да благословитъ тебя весь народъ" [1]).

„Этотъ панегиристъ злодѣйскихъ дѣяній—пишетъ далѣе Lavicomterie — въ другомъ письмѣ говоритъ съ хладнокровіемъ, способнымъ возмутить всякаго, слѣдующее: „Фока и жена его Леотина были коронованы во дворцѣ, называемомъ Скандіанъ, императоръ же Маврикій тотчасъ же былъ умерщвленъ со всѣми дѣтьми мужескаго пола, т. е. Ѳеодосіемъ, уже коронованнымъ, Тиверіемъ, Павломъ и Юстиніаномъ, причемъ погибли братъ Маврикія Петръ и нѣсколько лицъ изъ свиты, а именно: патріархъ Константинъ, Плацидій и Григорій, нотаріусъ князя". Къ довершенію подлости, какъ добавляетъ Бароній, Фока не замедлилъ исповѣдаться передъ Григоріемъ и получить отпущеніе грѣховъ" [2]).

Григорій I возненавидѣлъ Маврикія за то, что въ спорѣ папы съ митрополитомъ Сиріакомъ о титулѣ вселенскаго епископа, Маврикій сталъ на сторону Сиріака и совѣтовалъ Григорію не вызывать волненій и раскола въ Церкви вслѣдствіе столь неважной, по его мнѣнію, причины [3]).

Видя, что не удается привлечь императора Маврикія на сторону папы, Григорій позаботился при посредствѣ своихъ легатовъ въ Константинополѣ объ умерщвленіи императора сотникомъ Фокою, который, объявивъ себя императоромъ въ 602 году, изъ признательности къ Григорію, пожаловалъ, послѣ его смерти, случившейся вскорѣ, слѣдующему папѣ Бонифацію III титулъ главнаго епископа надъ епископами или главы христіанской Церкви, взамѣнъ чего Бонифацій обязался отдать Фокѣ всю Италію [4]). Когда же впослѣдствіи оказалось, что папа обманулъ императора, то этотъ послѣдній пожаловалъ точно такой же титулъ и константинопольскому патріарху.

Увеличеніе числа куріальныхъ „бенедиктинцевъ" и „бенедиктинокъ", проповѣдующихъ прощеніе среди христіанъ западной Азіи, вызвало, такъ же, какъ и проклятія куріи, посылаемыя на нихъ и на грековъ Гордіаниномъ, такое негодованіе, что простой купецъ Магометъ, путешествовавшій въ 600 году по той же западной Азіи, осмѣлился публично проповѣдывать на площадяхъ городовъ, что „Гордіанинъ настоящій антихристъ". Во всѣхъ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, главнымъ образомъ въ Палестинѣ и Аравіи, онъ началъ собирать сторонниковъ для борьбы противъ бенедиктинцевъ куріи Ромы.

Онъ проповѣдывалъ, что вѣра въ курію и ея Гордіанина есть недостойная мистификація, а отпущеніе грѣховъ куріей объявлялъ наглымъ злоупотребленіемъ легковѣріемъ бѣдныхъ людей, на анаѳемы же куріи, которымъ она предавала грековъ и арабовъ, отвѣчалъ проклятіями же, направленными противъ куріи Ромы и Григорія Гордіанина.

По смерти Григорія, случившейся въ 604 г., Магометъ не переставалъ проклинать его преемниковъ, а именно: Сабиніана въ 606 г., Бонифаціевъ III и IV въ 615, Деусдадита въ 619, Бонифація V, и въ 625 году язычника Гонорія [5]), забавлявшагося только позорнымъ проклинаніемъ нарочно возбуждаемыхъ куріей монофизитическихъ и монотелетическихъ вопросовъ, съ цѣлью волновать умы, чтобы предотвратить рефор-

[1]) Gregorii M. Opera. T. II, lib. XIII, epist. 31, pag. 1238.

[2]) Lavicomterie, стр. 162.

[3]) Gregorii M. Opera, T. II, lib. VII, epist. 33, pag. 881.

[4]) „Phocas, rogante papa Bonifatio, sedem Romanae et apostolicae ecclesiae caput esse omnium ecclesiarum, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium ecclesiarum scribebat". (Фока постановилъ, вслѣдствіе просьбы папы Бонифація, что столица римской и апостольской Церкви есть глава всѣхъ Церквей, такъ какъ (до того времени) константинопольская Церковь считала себя первою между всѣми Церквами). (Paulus Diakonus: De gestis Longobardorum, lib. IV, cap. 37).

[5]) Папа Гонорій былъ въ 680 году проклятъ вселенскимъ соборомъ какъ еретикъ. Акты 19-й серіи вселенскаго собора заключаютъ анаѳему Гонорію. См. Jungman. Diss. hist. T. II, стр. 446

мацію Магомета, вредную для сношеній Европы съ Азіей. Курія имѣла достаточно времени, чтобы отказаться отъ упрямства; тѣмъ не менѣе она, напротивъ, настаивала на своихъ декреталіяхъ, не протянула по-христіански руки примиренія и уніи даже грекамъ, вслѣдствіе чего во время управленія Гонорія надъ куріей сто милліоновъ жителей западной Азіи отпали отъ христіанства или отъ согласія и уніи съ Европой и стали исповѣдывать съ 630 г. ученіе Магомета.

Если бы Магометъ, который имѣлъ только одну жену, не проповѣдывалъ полигаміи, то, изъ ненависти къ куріи Ромы, приняли бы исламъ не только персидскій царь Хозрой, но даже и современные императоръ византійскій Гераклій и славянскій государь, называемый велико-моравскимъ—Самонъ, отецъ Чеха, Леха и Русса, такъ какъ Магометъ проповѣдывалъ по крайней мѣрѣ почитаніе Единаго Святаго Отца, находящагося на небѣ, а не въ Римѣ.

По смерти Гонорія въ 638 году управлялъ Северинъ, убитый черезъ два года своимъ братомъ Іоанномъ, который занялъ его мѣсто, но въ 642 году онъ былъ замѣненъ Ѳеодоромъ. Послѣ него управляли слѣдующіе папы: съ 649 года Мартинъ, съ 655 года—Евгеній, съ 657 г.—Виталіанъ, съ 672 г.—Деодатъ, съ 676 г.—Домнъ, съ 678 г.—Агаѳонъ, съ 682 г.—Левъ, съ 684 г.—Бенедиктъ, съ 685 г.—Іоаннъ, съ 686 г.—Кононъ, съ 687 г.—Сергій, съ 701 г.—ихъ родственникъ Іоаннъ VI. Этотъ перечень папъ, смѣнившихся въ столь короткій промежутокъ времени, безъ сомнѣнія, покажется неомороченному іезуитами читателю изумительнымъ. Но это объясняется тѣмъ, что курія Ромы всегда имѣла въ рукахъ не крестъ и Евангеліе, но кинжалъ и ядъ, при посредствѣ которыхъ проповѣдывало истины Божіи, съ цѣлью пріобрѣтенія богатствъ для распутной жизни. Дьяволъ ввелъ такія излишества въ скромныхъ прежде христіанскихъ общинахъ, что роскошь епископскихъ дворовъ возбуждала удивленіе даже тѣхъ, кто былъ знакомъ съ императорскимъ дворомъ. Особенно восхваляли пышность сопровождавшаго епископовъ кортежа и великолѣпныя пиршества въ епископскихъ дворцахъ. Странныя понятія о высокой добродѣтели безбрачія долго удерживались между наиболѣе набожными, которые неохотно давали разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Посреди духовенства, которое, подъ вліяніемъ этого возрастающго стремленія, считало болѣе удобнымъ для себя воздерживаться отъ вступленія въ бракъ, вошло въ обычай, какъ узнаемъ изъ наказовъ и жалобъ, жить „съ женщинами, вводимыми побочными путями“. Онѣ считались сестрами или племянницами священниковъ, которые неоднократно давали доказательства хорошаго вкуса, выбирая замѣчательно красивыхъ родственницъ. Законы Гонорія, какъ утверждаютъ наивные, положили конецъ этимъ безчинствамъ.

Дѣти, происшедшія отъ такихъ связей, не представляли никакого особеннаго соблазна.

Впрочемъ, и теперь въ странахъ, подвѣдомственныхъ латинской Церкви, не рѣдкость, что бѣдная семья усыновляетъ ребенка, происходящаго отъ ксендза и его „сестры“ или „племянницы“.

До какой степени римское духовенство въ то время было еще невѣжественно, видно изъ того, что, высылая въ 680 г. на шестой вселенскій соборъ въ Константинополь пословъ: Іоанна, епископа портскаго, Іоанна, епископа Регіума, Абундація, епископа петернскаго, и легатовъ: пресвитеровъ Ѳеодора и Георгія и діакона Іоанна, избранныхъ изъ 125 итальянскихъ епископовъ, папа Агаѳонъ писалъ императору Константину Погонату, извиняясь, что отправилъ пословъ не краснорѣчивыхъ и *недостаточно свѣдущихъ въ Священномъ Писаніи*, оправдывая ихъ невѣжество тѣмъ, что они были людьми, которые въ плохія времена, живя посреди варваровъ, работою рукъ своихъ должны были зарабатывать насущный хлѣбъ [1]).

[1]) Грегоровіусъ, „Исторія Рима“, переводъ Савина, т. II, стр. 300.

На этомъ соборѣ представители Агаѳона называли его вселенскимъ епископомъ, несмотря на то, что Григорій порицалъ присвоеніе этого титула другими патріархами и отвергалъ въ отношеніи къ себѣ; тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ папы упорно удерживаютъ этотъ титулъ за собою [1]).

Упадокъ просвѣщенія въ Римѣ подтверждается еще тѣмъ, что среди отцовъ римской Церкви не было ни одного выдающагося писателя, извѣстнѣйшіе же происходили изъ другихъ патріархатовъ. Литература основывалась на еврейскихъ сочиненіяхъ тѣхъ временъ и Новомъ Завѣтѣ, поэтическіе же образы были большею частью заимствованы у пророковъ. Въ историческихъ сочиненіяхъ замѣчается почти непонятный для насъ недостатокъ добросовѣстности и правды; такъ, Евсевій, какъ сказано выше, простодушно сознается, что „въ своей исторіи будетъ опускать все, что можетъ служить къ униженію Церкви (римской), а все то, что можетъ содѣйствовать ея славѣ, будетъ восхвалять" [2]). На этомъ основаніи клерикальные писатели ссылаются чаще всего на Евсевія, особенно въ вопросѣ относительно епископства св. Петра въ Римѣ. Польскіе историки, іезуиты, придерживались метода Евсевія, но не сознавались въ этомъ такъ откровенно, какъ Евсевій. По слѣдамъ іезуитовъ пошли, за весьма небольшими исключеніями, позднѣйшіе и современные польскіе историки и писатели.

Если бы кто-либо осмѣлился оскорбить любовь общества къ этимъ глупымъ сказкамъ, считающимся у поляковъ авторитетными сочиненіями, то навлекъ бы на себя общій гнѣвъ и былъ бы заклейменъ именемъ еретика, во время же господства инквизиціи былъ бы сожженъ на кострѣ, какъ это мы ниже постараемся доказать.

Со временъ Іоанна VI папскія хроники до того искажены куріей, которая старалась скрыть исторію занимавшихъ папскій престолъ женщинъ, что наиболѣе ученые и добросовѣстные историки папства не въ состояніи достовѣрно выяснить хронологію дальнѣйшихъ папъ до второй половины IX вѣка. На эту запутанность жалуется также авторъ „Исторіи Рима" Грегоровіусъ, говоря: „хронологія событій запутана и фактовъ недостаетъ" [3]). Вмѣстѣ съ этимъ мы дополнимъ то, что выше сказали о папессѣ Іоаннѣ на основаніи хроникъ Мартина Поляка и Мартина Шкота, данными, почерпнутыми изъ иныхъ источниковъ [4]), свидѣтельствующихъ слѣдующее: Іоаннъ VI пріобрѣлъ славу не только симоніей, какъ его предшественники, но сверхъ того еще и тѣмъ, что правилъ публично куріей вмѣстѣ съ своей агапетой, названной „Іоанной первой", которая выдавалась за кардинала. По смерти Іоанна VI куріей управляла названная папесса Іоанна подъ именемъ Іоанна VII и была замѣнена въ 708 году Сисинніемъ, а двадцать дней спустя Константиномъ. Послѣдній управлялъ куріей до 715 года. О дѣятельности этого папы историкъ Lavicomterie говоритъ слѣдующее: „По смерти архіепископа Даміана, Феликсъ, епископъ Равенны, является къ папѣ Константину, прося о предоставленіи ему вакантнаго мѣста. Однако, онъ позабылъ объ одномъ, т. е. о ватиканскомъ торгашествѣ, вслѣдствіе чего его просьба не имѣла послѣдствій. Феликсъ возвращается въ Равенну и жалуется духовенству и народу. Константинъ, разгнѣванный тѣмъ, что на него осмѣливаются жаловаться, обращается, по совѣту куріи Ромы, къ императору съ просьбою послать вооруженную силу, чтобы наказать Феликса. Старый, дряхлый и фанатичный Юстиніанъ посылаетъ патриція Ѳеодора съ флотомъ въ Равенну. Съ помощью Ѳеодора Константинъ опустошаетъ огнемъ и мечемъ всю провинцію, Феликсу же приказываетъ выколоть глаза" [5]).

---

[1]) Онъ встрѣчается въ исповѣданіи вѣры, данномъ епископомъ согласно liber diurnus около

[2]) Дрэперъ, стр. 307.

682—5 г. С. III, tit. 6 (Patrol CV). Giesel II, 11, 487.

[3]) Грегоровіусъ, „Исторія Рима", переводъ Савина, т. II, кн. IV, стр. 2.

[4]) Отвѣтъ чеховъ и ляховъ такимъ же руссамъ, въ Никеѣ. 1880 г., стр. 163.

[5]) Lavicomterie, стр. 199.

По смерти Константина курія избрала своимъ предсѣдателемъ Григорія, названнаго вторымъ или Спріусомъ, который велъ борьбу съ иконоборцами.

Въ 731 году вступилъ на престолъ Григорій III, который постоянно проклиналъ грековъ, какъ „иконоборцевъ", кромѣ того вводилъ латинство среди германцевъ, помогая имъ при этомъ въ ихъ войнахъ съ славянами-велотами въ Ольгоборѣ, прозванномъ „Oldenburg", и въ Гольштиніи, прозванной „Holstein".

Въ 741 году курія избрала своимъ отцомъ кардинала Захарію, и этотъ pontifex maximus пріобрѣлъ извѣстность фабрикаціей въ теченіе одиннадцати лѣтъ вмѣстѣ со своими семьюдесятью кардиналами разныхъ декретовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Лжеисидоровыхъ декреталій, заключающихъ въ себѣ мнимые каноны Іоанна Крестителя и извѣстныя слова Іисуса Христа, сказанныя Петру, равно какъ и посланія апостоловъ къ монархамъ и декреты 31 папы. Въ этихъ декреталіяхъ весьма высоко ставятся привилегіи духовенства вообще и епископовъ въ особенности, и власть папы расширяется гораздо дальше того, что признавалось за нею дотолѣ. Онъ выставляется какъ верховный глава, законодатель и судья Церкви, единый епископъ всего христіанскаго міра; по всѣмъ дѣламъ можно обращаться къ нему съ апелляціей, и онъ одинъ только вправѣ рѣшать всѣ важныя или трудныя дѣла; безъ его позволенія не могутъ быть созываемы даже провинціальные соборы, и ихъ постановленія не могутъ имѣть помимо него никакого значенія. Весьма значительная часть декреталій имѣетъ своимъ предметомъ обвиненія, взводимыя противъ епископовъ; и дѣйствительно, почти каждый изъ папъ, приводимыхъ здѣсь, хотя что-нибудь да говоритъ по этому предмету. Епископы объявляются свободными отъ всякаго мірского суда; худые епископы должны быть терпимы, какъ наказаніе Промысла, которое послужитъ къ вѣчному благу для подчиняющихся ему; судъ надъ ними долженъ быть предоставленъ Богу. На случай, если бы явилась необходимость возбудить обвиненіе противъ какого-либо епископа, принимаются тщательныя мѣры къ тому, чтобы трудностью условій, требуемыхъ для возбужденія преслѣдованія, сдѣлать таковое почти невозможнымъ... Никакой мірянинъ не можетъ обвинять епископа, или даже церковнослужителя, такъ какъ ученикъ не выше своего учителя, и овца не должна обвинять своего пастуха. Церковнослужитель, который обвинилъ бы своего епископа въ зазорныхъ дѣлахъ, былъ бы подобенъ сыну, вооружающемуся противъ своего отца, и потому его обвиненія не могутъ быть выслушиваемы. Для того, чтобы доказать виновность епископа, требуется 72 свидѣтеля, и качества свидѣтелей опредѣляются съ такою строгостью, что, конечно, имѣлось въ виду скорѣе устранить всякое показаніе, чѣмъ обезпечить его достовѣрность.

Но была и такая степень въ іерархіи, къ которой декреталіи относились весьма строго, и именно къ митрополитамъ. Въ франкской системѣ судъ надъ епископомъ принадлежалъ мѣстному митрополиту, на рѣшеніе котораго была возможна апелляція къ государю. Но въ декреталіяхъ митрополитъ дѣлается безсильнымъ безъ согласія своихъ соподчиненныхъ епископовъ (суффрагановъ). Онъ не могъ даже собирать ихъ безъ позволенія папы, и всякое рѣшительное сужденіе по такимъ дѣламъ принадлежало только одному папѣ. Тутъ же проводится рѣзкое различіе между обыкновенными митрополитами и высшею степенью приматовъ, которые выставляются въ качествѣ уполномоченныхъ викаріевъ отъ папы.

Собственно неизвѣстно, съ какою именно цѣлью и въ какихъ интересахъ первоначально сдѣланъ этотъ подлогъ,—въ интересахъ-ли папы, которому приписывалось верховенство, столь высокое по своему мнимому происхожденію и столь безграничное по своей степени, или въ интересахъ епископовъ, которыхъ декреталіи освобождали не только отъ всякаго свѣтскаго контроля, но также и отъ контроля митрополитовъ и провинціальныхъ соборовъ, предоставляя рѣшеніе ихъ дѣлъ болѣе отдаленному трибуналу папы, какъ единственному судьѣ, компетентному рѣшать ихъ дѣла. Или же, безъ

всякой опредѣленной цѣли касательно взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ іерархіи, подлогомъ этимъ просто имѣлось въ виду утвердить привилегіи духовенства и доставить ему независимое отъ свѣтской власти положеніе. При этомъ митрополиты въ особенности подвергались въ нихъ нападкамъ за то, что они были главными орудіями, чрезъ которыя каролингскіе государи могли имѣть контроль надъ епископами, смѣщать непріятныхъ имъ лицъ и вліять на рѣшенія соборовъ. Въ концѣ концовъ подлогъ больше всего пользы приносилъ папамъ, которые безъ стыда и угрызенія совѣсти пользовались такимъ безчестнымъ обманомъ.

Такимъ образомъ курія старалась сдѣлать свѣтскія правительства послушными себѣ, какъ непреложной истинѣ. Всѣ эти декреталіи были подтверждены въ 752 году кандидатомъ въ папы Стефаномъ. Но когда Стефанъ въ теченіе 4-хъ дней послѣ избранія въ папы отказывалъ куріи въ опубликованіи декреталій, она его отравила, а на его мѣсто избрала другого Стефана, названнаго третьимъ, ревностнаго преслѣдователя и инквизитора боносіанъ и аріанъ, а главное—„унитаріанъ“ и „иконоборцевъ“. Стефанъ пригласилъ Пипина, короля франковъ, на помощь противъ лонгобардовъ, которыхъ курія считала очень опасными противниками ея власти. Дѣло въ томъ, что лонгобарды не хотѣли вѣрить въ подлинность ея декреталій и въ ея якобы чудеса, а особенно въ догматъ „Filioque“, считая его, такъ же, какъ и греки, сущею безсмыслицею, выдуманною куріей въ цѣляхъ теократическо-финансовыхъ, и называли курію отступнической сектой.

Чтобы склонить Пипина къ соучастію въ своихъ преступныхъ намѣреніяхъ, Стефанъ послалъ ему собственноручное письмо св. Петра, якобы воскресшаго вслѣдствіе молитвъ Стефана для написанія этого письма, которое дословно приводится въ выдержкѣ изъ сочиненія Lanfrey, помѣщенной ниже. По смерти Стефана курія избрала своимъ предсѣдателемъ его брата Павла, ревностнаго защитника догмата „Filioque“. Въ этомъ отношеніи былъ его послѣдователемъ преемникъ его Константинъ II, вступленіе котораго на папскій престолъ въ 767 г. не обошлось безъ кровопролитія. Скандалы, торгашество, насилія и пытки, — вотъ средства, при помощи которыхъ Константинъ вступилъ на папскій престолъ. Онъ былъ еще міряниномъ, когда уже было подготовлено все, чтобы возвести его въ это достоинство. Нѣкто Тотонъ, герцогъ Непскій, вмѣстѣ со своими братьями собралъ значительное войско солдатъ, крестьянъ и тосканскихъ мѣщанъ и во главѣ ихъ вошелъ въ Римъ въ тотъ моментъ, когда Павелъ I испустилъ духъ. Григорій, епископъ пренестскій былъ вынужденъ рукоположить его брата Константина во всѣ духовныя степени. Итакъ, Константинъ сдѣлался папою, не имѣя еще ни одного чина въ духовной іерархіи. Только на другой день онъ былъ посвященъ въ діаконы; несмотря на это, народъ принужденъ былъ ему присягнуть. Окруженный вооруженною силою, Константинъ вошелъ въ базилику св. Петра, гдѣ три епископа возвели его въ санъ главы столицы апостольской.

Узурпаторъ папскаго престола обратился къ узурпатору французскаго престола съ просьбой о поддержкѣ. Новый папа написалъ письмо Пипину, который оказалъ столько услугъ Стефану, Павлу и Захаріи. Но тиранъ уже сильно состарился и не имѣлъ той энергіи, которой требовалъ престолъ, но которая опозорила его столькими измѣнами. Константинъ поэтому увидѣлъ себя осиротѣвшимъ. Около года онъ забавлялся своей добытой интригами властью, но послѣ битвы, происшедшей между его сторонниками и лонгобардами подъ стѣнами Рима, былъ схваченъ и заключенъ въ монастырь, причемъ ему выкололи глаза и вырвали языкъ.

Послѣ изгнанія Константина курія избрала предсѣдателемъ Стефана IV. Первымъ шагомъ этого папы былъ протестъ противъ постановленій константинопольскаго собора, который отвергъ догматъ „Filioque“ и о почитаніи иконъ и реликвій куріальныхъ вслѣдствіе того, что ни Іоаннъ Креститель, ни Христосъ не упоминаютъ вовсе о „Filioque“

и о почитаніи иконъ и реликвій куріальныхъ. Съ 772 года продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ Адріанъ, по смерти котораго въ 795 году курія избрала своимъ предсѣдателемъ, или отцомъ, Льва, названнаго третьимъ. Этотъ послѣдній сдѣлалъ себя и курію вѣрными слугами германскаго императора, т. е. создалъ политическую агентуру германизму противъ славянства, о чемъ скажемъ ниже.

Въ этомъ мѣстѣ мы прервемъ изложеніе дѣяній римской куріи, составленное на основаніи старой рукописи, и разсмотримъ вопросъ объ иконопочитаніи, бывшемъ причиной сильной религіозной борьбы.

ГЛАВА VIII.

Къ потерѣ Азіи и Африки, оторванныхъ отъ христіанской Церкви Магометомъ, вслѣдствіе безнравственности и злоупотребленій римской куріи, присоединилось потрясеніе, имѣвшее мѣсто во всей Европѣ и сильно способствовавшее раздѣленію христіанства на двѣ Церкви—греческую и латинскую, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ большое вліяніе на три важныхъ политическихъ событія: освобожденіе папъ изъ-подъ власти константинопольскихъ императоровъ, пріобрѣтеніе власти новой династіей во Франціи и возобновленіе Римской имперіи на Западѣ.

Эти три великихъ событія были вызваны споромъ о почитаніи иконъ, возбужденнымъ дѣйствіями магометанскихъ калифовъ и императоровъ-иконоборцевъ.

Ничто не достойно бòльшаго сожалѣнія, чѣмъ то состояніе, въ которомъ находилась южная Европа, когда она впервые почувствовала умственное вліяніе арабовъ. Мы видѣли, что съ отдачею христіанской Церкви на Западѣ въ эксплуатацію куріи Ромы совершенно исчезла вѣра, знаменующая первые вѣка христіанства. Религіозная жизнь превратилась во внѣшнее соблюденіе обрядовъ, понятія о нравственности извратились совершенно. Когда св. Елена, мать Константина Великаго, побуждаемая истинною вѣрою въ Христа, отправилась въ Палестину и тамъ воздвигла крестъ съ изображеніемъ Спасителя, аристократическіе классы, изъ подражанія ей, начали воздвигать статуи, изображающія Христа, Мать Его, апостоловъ и разныхъ св. мучениковъ, что показываетъ, что старыя языческія идеи не умерли и что переродившіеся люди охотно принимали религіозныя понятія прошлаго. Въ первые вѣка христіанства считалось безбожнымъ примѣненіе ваянія къ священнымъ предметамъ. Второй никейскій соборъ постановилъ, что употребленіе иконъ можно дозволить и что имъ слѣдуетъ оказывать почитаніе (какое имъ въ настоящее время воздается въ православной Церкви), но на боготвореніе таковыхъ не было дано разрѣшенія. Еще въ IV вѣкѣ по поводу возмущенія въ Испаніи, на соборѣ въ Illiberis [1]) было осуждено боготвореніе иконъ. Но курія Ромы, не будучи въ состояніи понять отвлеченныя таинства, находила удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, прибѣгая къ помощи статуй. Съ особенной тупостью вѣрила она и принуждала темный народъ вѣрить, что святой лично присутствуетъ въ статуѣ, хотя такихъ изваяній къ концу VI вѣка накопились тысячи и каждое изъ нихъ имѣло одинаковое и исключительное право на это духовное присутствіе. Образованные полагали, что все это полезно простому народу, представляя ему якобы наглядными образомъ событія изъ жизни святыхъ, и вслѣдствіе этого закрывали глаза на злоупотребленія духовенства. Но чернь, женщины, монахи вѣрили, что именно эти статуи были одарены неземной силой. Были выдѣлываемы и такія, у которыхъ раны сочились кровью, глаза двигались или же члены сами шевелились. Это было наслѣдіемъ язычества, гдѣ также изваянія Минервы могли потрясать копьемъ, а статуи Венеры плакали.

Въ дѣйствительности населеніе итальянскихъ странъ, съ того времени, какъ вѣдѣніе христіанства на Западѣ было передано куріи Ромы, обратилось въ христіанство

[1]) Весьма древній кельто-иберійскій городъ, былъ расположенъ недалеко отъ нынѣшней Гренады.

только для виду и стало христіанскимъ только поверхностно. Прежніе традиціи и обряды никогда не были забываемы. Склонность къ язычеству казалась необходимымъ свойствомъ климата. Не безъ основанія говорили защитники куріи, что „почитанія идоловъ домогался народъ и что Церковь должна была быть снисходительной къ этимъ идеямъ, которыхъ она не могла искоренить". Послѣ 700-лѣтнихъ апостольскихъ трудовъ было замѣчено, что простой народъ въ Италіи, очевидно, пребывалъ въ прежнемъ состояніи язычества и что въ сущности ничего не сдѣлано; новые пришельцы пошли обычной дорогой своихъ предшественниковъ. Отличительной чертой ихъ характера является внушенная куріей Ромы алчность къ деньгамъ. Римское духовенство объясняетъ, что возстановленіе почитанія статуй было слѣдствіемъ уничтоженія сѣверными варварами цивилизаціи. Но это неправда! Кровь германскихъ народовъ была мало заражена язычествомъ. Въ собственныхъ краяхъ они ему очень мало покровительствовали и весьма быстро стремились къ полному его уничтоженію; такимъ образомъ, вина въ распространеніи язычества среди римскихъ христіанъ не ихъ, но куріи Ромы.

Вліяніе варваровъ на Италію имѣло, наоборотъ, отличныя послѣдствія. Покрытая ржавчиной римская раса преждевременно вымерла вслѣдствіе своей развратной жизни. Ея цивилизація сама по себѣ вымерла бы вмѣстѣ съ нею, если бы даже не было варваровъ; если же эти наѣздники и навлекли на страну пагубныя послѣдствія, то въ концѣ концовъ вознаградили ее за это. Какъ свѣжіе уголья, насыпанные въ большомъ количествѣ на небольшой огонь, вызываютъ еще большее уменьшеніе пламени и даже могутъ погасить его совсѣмъ, между тѣмъ какъ, будучи употреблены надлежащимъ образомъ, зажигаютъ матеріалъ огромнымъ пламенемъ,—такъ варвары Европы, брошенные на потухающій очагъ римскаго просвѣщенія, можетъ быть, на первыхъ порахъ и понизили общую теплоту, но постепенно она проникла черезъ ихъ массу, слѣдствіемъ чего явилось яркое пламя обновленной цивилизаціи. Гніющая же и разлагающаяся курія Ромы, стоявшая посреди этого пламени, выдѣляла единственно дымъ и смрадъ, окружающій всѣ народы, до которыхъ и понынѣ достигаетъ ея заразительное дыханіе, но которые не въ состояніи отвернуться отъ нея.

Начало иконоборства породило вошедшее у христіанъ въ обычай осмѣиваніе языческихъ боговъ. Христіане доказывали, что эти боги или идолы не въ состояніи ничего сдѣлать для своихъ послѣдователей, когда пробьетъ для нихъ часъ несчастія, а изваянія и изображенія боговъ будутъ безнаказанно преданы поруганію. Когда же христіанскія Азія и Африка пали предъ магометанами, завоеватели отплатили христіанамъ той же самой монетою. Помимо постоянныхъ напоминаній пророка, что курія римская торгуетъ именемъ Бога, сарацинскіе калифы приказали уничтожить всѣ изваянія и иконы въ Сиріи. Среди смѣха арабскихъ солдатъ и слезъ пораженныхъ богомолокъ приказанія эти выполнялись безъ жалости, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ громадный выкупъ искусилъ мусульманъ. Такъ, напр., платокъ Вероники, который былъ святынею Едессы, побѣдители послѣ взятія города унесли и затѣмъ продали въ Константинополь за 12.000 фунтовъ серебра. Разсказывали, что изображенный на этомъ платкѣ ликъ Спасителя отпечатывался на всякомъ предметѣ при прикосновеніи къ нему. Такимъ образомъ появились нерукотворныя иконы. Существуетъ общее мнѣніе, что иконоборству положили начало калифъ Езидъ, который добился истребленія сирійскихъ иконъ, и двое евреевъ, которые подстрекнули къ тому Льва Исаврянина. Какъ бы тамъ ни было, но Левъ въ 762 г. издалъ эдиктъ, запретившій почитаніе иконъ. За этимъ эдиктомъ послѣдовалъ другой, предписавшій уничтоженіе ихъ и бѣленіе стѣнъ въ церквахъ, украшенныхъ ими.

Послѣ изданія этихъ эдиктовъ духовенство выступило съ протестомъ; императора обвиняли въ томъ, что онъ мусульманинъ и еврей. Когда императоръ приказалъ уничтожить изображеніе Спасителя изъ части города, называемой Халкопратіей, то вспыхнулъ

бунтъ. Одинъ изъ чиновниковъ взобрался на лѣстницу и ударилъ статую топоромъ въ лицо. Толпа женщинъ собралась спасать статую: онѣ опрокинули лѣстницу и убили чиновника. Бунтъ прекратился только тогда, когда было вызвано войско и произошла значительная рѣзня. Духовенство протестовало во всѣхъ частяхъ имперіи. Повсюду было объявлено, что Левъ—невѣрный мусульманинъ, врагъ Божіей Матери. Но онъ съ непоколебимымъ постоянствомъ былъ вѣренъ своему постановленію всю свою жизнь. Сынъ и наслѣдникъ Льва, Константинъ, держался той же самой иконоборческой политики. Но такая развязка вопроса была принята съ великимъ негодованіемъ. Монахи подняли бунтъ; одинъ изъ нихъ въ церкви св. Маммія оскорбилъ въ лицо самого императора, назвавъ его „вторымъ Юліаномъ богоотступникомъ"; онъ же не могъ освободиться отъ этихъ нападокъ ни бичеваніемъ людей, ни смертными казнями. Разсвирѣпѣвшій Константинъ, видя ясно, что монахи противодѣйствуютъ правительству, рѣшилъ уничтожить эту стихію—стереть съ лица земли само монашество. Онъ вытаскивалъ святыхъ мужей изъ келій и монастырей, принуждалъ посвященныхъ дѣвицъ выходить замужъ, отдавалъ монастырскія зданія въ свѣтское пользованіе, сжигалъ иконы и всякаго рода реликвіи, низложилъ патріарха, высѣкъ его, обрилъ ему брови, выставилъ его въ циркѣ на публичное посмѣяніе въ одной рубахѣ безъ рукавовъ и, наконецъ, казнилъ его. Эти жестокости вызвали переполохъ въ куріи Ромы и она рѣшила искать защиты среди языческихъ императоровъ Запада, съ жрецами которыхъ она поддерживала тайныя сношенія.

Послѣ Константина вступилъ на престолъ его сынъ Хазаръ, который въ теченіе короткаго пятилѣтняго царствованія продолжалъ иконоборческую политику. Послѣ его смерти жена его Ирина захватила въ свои руки власть именемъ своего сына. Будучи сторонницей иконъ, она, по совѣту папы Адріана, приказала патріарху отказаться отъ своего сана, назначила на его мѣсто лично ей извѣстнаго Тарасія и созвала соборъ въ Никеѣ въ 787 г. На него прибыли 377 епископовъ, которые, имѣя во главѣ папскихъ пословъ: Петра, архіепископа римскаго, и Петра, настоятеля монастыря св. Саввы, побѣдили иконоборцевъ.

Итакъ, Ирина, какъ вторая Елена, возобновила почитаніе иконъ, но не статуй. Будучи властолюбивой, она заключила братьевъ своего мужа въ монастырь, а когда они были заподозрѣны въ заговорѣ, то лишила ихъ жизни. Та же участь постигла ея собственнаго сына Константина, которому она приказала выколоть глаза въ той самой порфирной комнатѣ, въ которой произвела его на свѣтъ, такъ какъ онъ будто бы хотѣлъ свергнуть мать съ престола [1]).

Въ теченіе слѣдующихъ царствованій до Льва Орміанина положеніе оставалось безъ перемѣны, этотъ же послѣдній возобновилъ политику Льва Исавряннна. Онъ воспретилъ эдиктомъ почитаніе иконъ и изгналъ константинопольскаго патріарха, который останавливалъ его, доказывая, что апостолы дѣлали изображенія Спасителя и Пресвятой Дѣвы и что въ Римѣ находилась икона Преображенія, написанная по приказанію св. Петра. Левъ былъ умерщвленъ въ церкви во время заутрени 25 декабря 820 года [2]).

Впослѣдствіи Ѳеодора, вдова императора Ѳеофила, заботясь о спасеніи души своего мужа, испросила ему прощеніе грѣховъ цѣною возобновленія иконопочитанія.

Таково было окончаніе иконоборства на Востокѣ. Послѣ 120-лѣтней борьбы иконамъ было присвоено почитаніе, но единственно изображеніямъ, сдѣланнымъ на плоской поверхности, не барельефамъ или статуямъ. Когда первый эдиктъ Льва былъ опубликованъ экзархомъ, папа Григорій II, подъ предлогомъ, что римская курія теряетъ вслѣдствіе этого большіе доходы, прекратилъ платежъ императору дани съ Италіи. Въ

---

[1]) Dzieje R. K. Kościoła, стр. 171.

[2]) Ibid., стр. 187.

письмахъ къ императору онъ доказывалъ, защищая новыя статуи, что существуетъ большая разница между католическими статуями и языческими идолами, которые были изображеніемъ вымысловъ, изваянія же Церкви пріобрѣли вѣру вслѣдствіе безчисленныхъ чудесъ и представляютъ дѣйствительныя формы Спасителя, Матери Его и святыхъ. Что же касается статуи св. Петра, которая, по приказанію императора, должна была быть разбита на куски, то о ней онъ свидѣтельствуетъ, что „западные народы смотрятъ на это изображеніе апостола, какъ на видимаго на землѣ Бога, и предсказываютъ грозную месть въ случаѣ, если это изображеніе будетъ поругано“.

Сообразно съ постановленіемъ собора, восточная Церковь воздаетъ до сего дня почитаніе иконамъ, какъ изображеніямъ, напоминающимъ тѣхъ святыхъ, которые при жизни и послѣ смерти составляютъ вмѣстѣ съ живыми правовѣрными христіанами Церковь Христову. Не переставая жить духомъ первоначальной Церкви, восточная Церковь считаетъ своихъ святыхъ единымъ общимъ святымъ соборомъ, собраніемъ святыхъ Господнихъ со всѣхъ вѣковъ, изъ всѣхъ народовъ,—собраніемъ всеобщимъ во всемъ значеніи этого слова. На этомъ основаніи на иконахъ первое мѣсто занимаютъ: Пресвятая Дѣва, св. Іоаннъ Креститель со святыми пророками, послѣ нихъ апостолы Петръ и Павелъ и св. Іоаннъ Евангелистъ съ другими апостолами; за ними архіепископы вселенскіе: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Анастасій и Кириллъ Александрійскіе, Николай Мурликійскій, послѣ нихъ идутъ мѣстные святые и мученики каждой страны, начиная со старшихъ и кончая младшими. Въ такомъ же порядкѣ упоминаются святые въ молитвахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по понятіямъ православныхъ христіанъ Церковь есть святое нераздѣльное единство жизни и духа. Соприкасаясь духомъ и вѣрою, обѣ Церкви—земная и небесная—живутъ во взаимной связи. Земная Церковь, воздавая заслуженное почитаніе святымъ, возбуждаетъ въ нихъ христіанскую любовь къ заступничеству передъ Богомъ за грѣшниковъ этого свѣта, милосердіе же Бога, возбужденное любовью святыхъ Господнихъ къ Христу, проливается на земныхъ грѣшниковъ въ ниспосылаемыхъ на нихъ милостяхъ, ведущихъ къ спасенію.

Посмотримъ теперь, каковъ взглядъ на это римско-католиковъ.

Съ того момента, когда вниманіе вѣрующихъ было обращено съ невидимаго главы Церкви—Христа—на видимаго главу—папу, который началъ называть себя оракуломъ истины, единство вѣры у латинянъ исчезло навсегда. Вѣра въ невидимаго главу Церкви, какъ основу всѣхъ добродѣтелей, исчезла у нихъ и замѣнилась новой „добродѣтелью“—послушаніемъ видимому главѣ. „Всѣ члены Церкви“, говоритъ катехизисъ латинянъ, „обязаны быть послушными своимъ епископамъ, епископы же со своими подчиненными повинуются намѣстнику Христа—папѣ, который, какъ крѣпкій обручъ, соединяетъ всѣхъ. Всѣ члены Церкви какъ въ ученіи, такъ и въ Богослуженіи должны сообразоваться съ волею папы и въ вопросахъ вѣры подчиняться его непогрѣшимости, чѣмъ только и можно сохранить внутреннее и наружное единство“.

Послушаніе и покорность—вотъ основанія духовнаго единства латинской Церкви. Изъ этого видно, что въ папствѣ не только не можетъ быть вѣры, какъ внушенія свободнаго разума, но и само послушаніе не можетъ быть разумнымъ и явиться слѣдствіемъ убѣжденія; оно можетъ быть только слѣпымъ и безсмысленнымъ, такъ какъ принимать условную истину за безусловную,—человѣка за замѣстителя Бога,—ни одинъ здравый разсудокъ не можетъ. Только слѣпое послушаніе можетъ не видѣть такого обмана папъ и признавать его истиной. Отсюда вытекаютъ и выясняются два важныхъ факта, убѣждающіе во внутреннемъ противорѣчіи основаній папства: а) разногласіе папистовъ въ пониманіи основъ латинскихъ догматовъ, и б) опредѣленіе христіанской истины большинствомъ голосовъ. Подтвержденіе этого дастъ намъ св. Бернардъ, настоятель клареваллійскаго монастыря, который имѣлъ смѣлость въ 1153 году порицать

папу Евгенія III, домогавшагося первенства и господства надъ правителями всѣхъ странъ. Св. Бернардъ писалъ папѣ: „На грѣхи, но не на земныя имѣнія простирается твоя власть. И неужели ты можешь хотя бы на мигъ предположить, что, называя себя вселенскимъ, ты дѣйствительно таковъ? Тотъ—глава, кому нечего убавить или прибавить. Не думай, что тебѣ дано право отлучать отъ Церкви членовъ, мѣнять порядки, передѣлывать границы, установленныя твоими предшественниками. Св. Петръ не могъ дать тебѣ то, чего самъ не имѣлъ; что имѣлъ, то далъ—попеченіе о Церквахъ; но развѣ далъ онъ тебѣ господство? Слушай, что онъ говоритъ: „Итакъ, будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ“... „Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите“ (Перв. посланіе Петра, II, 13, 14, 17). „Пастырей вашихъ умоляю я, сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ, и соучастникъ въ славѣ, которая должна открыться: пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно (и богоугодно), не для гнусной корысти, но изъ усердія. И не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду“ (V, 1, 2, 3). Если же, затѣмъ, ты, управляя съ алчностью, хочешь воспользоваться апостольствомъ, или также въ роли апостольскаго намѣстника хочешь властвовать, то въ дѣйствительности не будешь ни тѣмъ, ни другимъ“ [1]). Этотъ отзывъ св. Бернарда латиняне скрываютъ.

Нарушивъ единство съ Христовой Церковью, римская Церковь перестала жить духомъ Христа, вслѣдствіе чего латиняне не чтутъ святыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, нѣкоторые же изъ тѣхъ, которыхъ они считаютъ святыми, праведны только въ духѣ папства. Если это были папы, то ихъ прославляютъ развѣ только за то, что они соединяли въ себѣ непреклонное высокомѣріе и жажду власти, но не смиреніе Христа. Къ нимъ принадлежатъ Николай I и Григорій VII. Если же это были свѣтскія лица или низшее духовенство, то они были признаны святыми потому, что до фанатизма отдавались интересамъ римской куріи, не имѣющимъ ничего общаго съ христіанствомъ; къ нимъ причисляются: Игнатій Лойола, Петръ Арбуэсъ, Іосафатъ Кунцевичъ и т. п. Развѣ можно такихъ святыхъ ставить на одну доску съ древними архіепископами и мучениками или съ вышеперечисленными нами святыми восточной Церкви? На этомъ основаніи почитаніе, воздаваемое святымъ латинянами, похоже на старинные обряды язычниковъ, у которыхъ весьма часто одна серія боговъ смѣнялась другой. Это именно мы видимъ въ римской Церкви, по отдѣленіи ея отъ вселенской христіанской Церкви,—римскіе святые устранили изъ понятій латинянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Церкви и книгъ для богослуженія, святыхъ, почитаемыхъ вселенскою Церковью. Гдѣ можно встрѣтить у латинянъ святыхъ: Аѳанасія и Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Спиридона Тримитунскаго, или тоже—Антонія Великаго, Павла Ѳивейскаго и имъ подобныхъ? Они были вычеркнуты изъ понятій латинянъ, а на ихъ мѣсто были поставлены бритыя и стриженныя фигуры Доминика, основателя монастыря доминиканцевъ, Франциска Ассизскаго, Франциска Ксаверія, Игнатія Лойолы, Станислава Костки, Іосафата Кунцевича, вымышленнаго Іоанна Непомука и имъ подобныхъ. Однимъ словомъ, римская Церковь составила себѣ совершенно особое понятіе о Небесной Церкви. Что же касается земной Церкви, то латиняне не столько молятся своимъ святымъ, сколько стараются эксплуатировать ихъ въ свою пользу: индульгенціи и перенесеніе части своихъ заслугъ на грѣшниковъ, которые хорошо за это платятъ—доказываютъ это. Сооруженіе гдѣ только можно статуй, которыя темный народъ украшаетъ тряпочками, цвѣтами и бусами, доказываетъ возвращеніе къ язычеству.

Для упроченія своего положенія курія Ромы во время иконоборства обратила

---

[1]) Opera S. Bernardi Clarae Vallens. vol. I. Parisiis. Lib. II de considerat. IV, pag. 418, 427, 439.

вниманіе на мажордома французскихъ королей Карла Мартелла, водившаго счастливо свои войска противъ испанскихъ арабовъ, надъ которыми онъ одержалъ славную побѣду подъ Туромъ. Въ Св. Писаніи имѣются примѣры возведенія подданныхъ въ самый высокій санъ, такъ, напр., израильскіе пророки издавна помазывали на царство. Франки были обращены въ христіанство римскими миссіонерами и приготовлены къ покорности куріи Ромы или папѣ.

Если бы мечъ Франціи можно было незамѣтно вынуть изъ рукъ короля, которые были слишкомъ слабы для того, чтобы его удержать; если бы можно было вручить его богатырю, который съумѣлъ бы искусно имъ дѣйствовать; если бы это удалось папѣ, дѣйствующему въ качествѣ намѣстника Бога,—какія бы выгоды проистекли отсюда для папства! Можетъ быть, было бы мало и тысячи лѣтъ, чтобы отдѣлить монархію франковъ отъ итальянской теократіи.

Желая удержать въ рукахъ куріи Ромы свѣтскую власть, папа колебался не долго. Въ 753 году онъ послалъ Карлу Мартеллу ключи отъ гроба Св. Петра и просилъ помощи противъ римскаго императора. Жребій былъ брошенъ. Папскій Римъ отпалъ отъ своего монарха и соединился неразрывными узами съ варварскими государствами. Франціи была дарована новая династія, папамъ—свѣтская власть, а западной Европѣ—фиктивная римская имперія.

Итакъ, католическіе монахи побѣдили императоровъ, противодѣйствовавшихъ причисленію изваяній къ христіанскимъ святынямъ.

Постановленіе второго никейскаго собора примирило папу съ восточными патріархами [1]), но вызвало бурю во Франціи, епископы которой вмѣстѣ съ Карломъ Великимъ возстали противъ этого постановленія, тѣмъ болѣе, что, хотя никейскій соборъ призналъ возможнымъ почитаніе плоскихъ образовъ и иконъ, Римъ удержалъ почитаніе статуй. По этому поводу Карлъ Великій вмѣстѣ съ французскимъ духовенствомъ составили протестъ, изложенный въ четырехъ книгахъ, названныхъ „каролингскими книгами“, въ которыхъ признали второй никейскій соборъ недѣйствительнымъ, потому что онъ былъ руководимъ женщиною, что противорѣчитъ ученію апостола Павла, запретившаго женщинамъ проповѣдывать въ церквахъ. Вслѣдствіе этого Карлъ Великій созвалъ въ 794 г. новый соборъ во Франкфуртѣ, на который съѣхались епископы французскіе, нѣмецкіе и изъ Ломбардіи, и прибыло также двое папскихъ легатовъ. Этотъ соборъ отвергъ не только почитаніе идоловъ, т. е. статуй, выставляемыхъ въ римскихъ церквахъ, но и иконъ и осудилъ постановленіе второго никейскаго собора [2]).

ГЛАВА IX.

Изъ этого мы видимъ, что съ начала IV вѣка христіанская Церковь на Западѣ подпала подъ вліяніе и руководство *языческой* куріи Ромы, которая, будучи тайнымъ обществомъ языческихъ жрецовъ, управлявшимъ въ теченіе почти тысячи лѣтъ политикой обширнаго римскаго государства и его судьбами, была очень сильна и могущественна. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что христіанская вѣра на Западѣ не только подверглась искаженіямъ вслѣдствіе добавленій (свойственныхъ языческимъ капищамъ), но сверхъ того и распространялась она позже средствами, достойными только язычниковъ и варваровъ, т. е. при помощи меча, огня и пытокъ, или

[1]) Вступленіе на папскій престолъ утверждалось византійскими государями, которыхъ замѣняли экзархи. Однако, при восшествіи Захаріи и послѣ курія Ромы не обращалась въ Константинополь за утвержденіемъ, вслѣдствіе иконоборства. Карлъ Великій позже присвоилъ себѣ право утвержденія.

[2]) „Contempserunt“ Hard. IV, 904.

средствами, къ которымъ курія прибѣгала раньше для удержанія языческой вѣры; это удалось еще съ большею легкостью съ того момента, когда свѣтская власть римской имперіи была ослаблена и западные государи стали жить не въ Римѣ, а въ Равеннѣ или Медіоланѣ (Миланѣ), для римскихъ же обывателей римскій епископъ являлся царствующимъ. Вотъ именно въ эти-то неспокойныя времена римскій епископъ собралъ большія богатства, заставлявшія даже императорскій дворъ заискивать у него. Папу обогатило также разрушеніе Рима готами. Когда Аларихъ появился у стѣнъ Рима, городъ этотъ насчитывалъ 1.780 сенаторскихъ дворцовъ; годовой доходъ нѣкоторыхъ собственниковъ достигалъ 150.000 фунтовъ стерлинговъ. Городъ имѣлъ 18 миль въ окружности и болѣе милліона жителей. Отчаявшіеся жители просили папу принести жертву забытому богу Юпитеру. Папа согласился съ условіемъ, чтобы въ жертву Юпитеру жители доставили какія кто можетъ драгоцѣнности [1]). Пожертвованія посыпались массами; папѣ было снесено несчетное количество драгоцѣнностей. Ни никакія жертвоприношенія и воскуриваніе папой фиміама идоламъ не помогли: въ 410 году Римъ былъ разрушенъ и разграбленъ, а курія Ромы обогащена, такъ какъ вандалы щадили церковныя богатства.

Въ царствованіе Валентиніана I (364—375) курія Ромы испросила у императора, по поводу спора епископа Гиларія съ папою, изданія эдикта, объявляющаго, что „хотя постановленіе такого великаго первосвященника, какимъ является римскій епископъ, не нуждается въ императорскомъ подтвержденіи, но всѣ епископы должны понять, что съ этихъ поръ постановленія апостольской столицы должны быть закономъ; если кто-либо откажетъ въ повиновеніи распоряженію римскаго первосвященника, то будетъ принужденъ къ тому начальникомъ провинціи“. Изъ этого ясно видно, на чемъ основалъ Римъ главенство своего епископа,—на вооруженной силѣ.

До этого времени римская Церковь не имѣла своей Библіи и Евангелія, а пользовалась Библіей и Евангеліемъ, переписанными съ еврейскихъ и греческихъ. Богослуженіе у римлянъ совершалось по-гречески.

Въ это время Іеронимъ окончилъ переводъ Библіи на латинскій языкъ. На этомъ переводѣ сильно отразилось вліяніе языческихъ классиковъ, которыми нѣкогда въ молодости восхищался суровый пустынникъ и изъ-подъ вліянія которыхъ онъ напрасно стремился освободиться при помощи сильнаго неустаннаго бичеванія [2]). Вслѣдствіе этихъ слѣдовъ язычества римское духовенство запрещаетъ своей паствѣ читать Библію и Евангеліе для того, чтобы не были замѣчены искаженія. Вѣдь если бы эта паства читала Евангеліе, она бы нашла тамъ, что титулованіе папы „Святымъ Отцомъ“—ересь, противная ученію Христа. У св. Матѳея въ главѣ XXIII приведены слова Христа къ апостоламъ:

8. „А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ; всѣ же вы братья“.

9. „И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ; ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ“.

Почему папа называется Святымъ Отцомъ (непогрѣшимымъ), іезуиты объясняютъ такимъ образомъ, что когда апостолъ Петръ черезъ 300 лѣтъ послѣ своей смерти воскресъ и пришелъ къ папѣ, чтобы написать письмо къ королю франковъ Пипину (которое приводится ниже въ выдержкѣ изъ сочиненія Lanfrey), то не только самъ называлъ папу Святымъ Отцомъ, но и приказалъ ему именемъ Христа называться такъ съ добавленіемъ „непогрѣшимаго“. Іезуиты доказываютъ, что объ этомъ даже существуетъ въ Римѣ актъ, редактированный и подписанный святымъ Петромъ, одновре-

[1]) Дрэперъ.
[2]) Ibid.

менно съ письмомъ къ Пипину [1]). Такое возвышеніе римскаго епископа было подкрѣплено составленными позднѣе фальшивыми Исидоровыми декреталіями. Документъ этотъ, сфабрикованный въ Галліи въ 845 г., заключалъ много поддѣльныхъ декретовъ древнѣйшихъ папъ, сверхъ того другія поддѣланныя сочиненія различныхъ сановниковъ, а также дѣянія соборовъ. Среди этихъ фальшивыхъ документовъ большимъ довѣріемъ пользовалась басня объ исцѣленіи императора Константина: „Константинъ—сказано въ этомъ документѣ—былъ окрещенъ папою Сильвестромъ (Руфиномъ) и при крещеніи чудесно исцѣлился отъ проказы, которою страдалъ. Признавая, вслѣдствіе этого, главенство духовной власти надъ свѣтской, онъ пожертвовалъ Римъ папѣ, даровалъ ему право носить золотую корону и иные знаки главенства и подарилъ апостольской столицѣ Латеранскій замокъ вмѣстѣ съ всѣми итальянскими провинціями или западными землями" [2]). А между тѣмъ извѣстно, что Константинъ принялъ крещеніе лишь на смертномъ одрѣ, въ Константинополѣ, отъ аріанскаго епископа Евсевія. Тѣмъ не менѣе, этотъ фальшивый документъ былъ причиной необычайнаго усиленія папской власти и вызвалъ переворотъ въ тогдашнемъ церковномъ управленіи, удаляя изъ него республиканскія общества и вводя начала неограниченной монархіи. Такимъ образомъ епископы были подчинены куріи, глава же ея, папа, являлся судьей всѣхъ ихъ, стоящимъ выше вселенскихъ соборовъ. Это подготовило позднѣйшій переворотъ, совершенный Гильдебрандомъ, который стремился перестроить всѣ европейскія государства въ одно теократическое королевство съ папою во главѣ. На всемъ Западѣ вѣрили, что папы съ первыхъ вѣковъ христіанства были законодателями всей Церкви. Папскіе декреты ставились наравнѣ со Священнымъ Писаніемъ. Этой вѣрѣ съ одной стороны, и глубокому невѣжеству въ Св. Писаніи съ другой воспротивилась восточно-каѳолическая Церковь, на которую теперешній Римъ снова разставляетъ свои сѣти. Самымъ могущественнымъ оружіемъ новой папской системы является декретъ Граціана, появившійся около половины XII вѣка. Это было собраніе поддѣлокъ, на основаніи которыхъ весь міръ становится ленникомъ папы и итальянскаго духовенства. Онѣ проводили принципъ, что пытки и казни отщепенцевъ, сверхъ того конфискація ихъ имуществъ—дѣло богоугодное, что убійство проклятаго не есть убійство, что папа въ своемъ неограниченномъ превосходствѣ надъ всякимъ правомъ стоитъ наравнѣ съ Сыномъ Божіимъ. Что было бы съ поляками, если бы восточные епископы присваивали себѣ такія же самыя права? До конца XII вѣка папы назывались намѣстниками Петра, со временъ же Иннокентія III—намѣстниками Христа. Папа Левъ XIII называетъ себя уже намѣстникомъ Бога. Мы будемъ недалеки отъ истины, утверждая, что многіе поляки, которые теперь утратили вѣру въ истиннаго, невидимаго Бога, находя источникъ вѣры въ папѣ, обрѣли бы себѣ въ немъ Бога, если бы папа объявилъ себя таковымъ по примѣру Нерона.

Эти принципы, не отвѣчающіе основамъ вѣры Христовой, вполнѣ соотвѣтствовали современному состоянію нравственнаго упадка всей римской Церкви. Соразмѣрно съ ростомъ богатства и тщеславія епископовъ, эти послѣдніе начали все болѣе стремиться къ пріобрѣтенію свѣтской власти. Это направленіе быстро распространилось и въ средѣ низшаго духовенства. Безнравственная жизнь римскаго духовенства естественно не могла нравиться истиннымъ христіанамъ. На римскаго епископа, живущаго не въ духѣ христіанской вѣры и поучающаго несогласно съ вселенскою Церковью, посыпались отовсюду упреки и обвиненія со стороны восточныхъ епископовъ и императоровъ.

---

[1]) Флери называетъ это „уловкой, не имѣющей себѣ примѣра, ни раньше, ни послѣ во всей церковной исторіи", и замѣчаетъ: „Церковь тамъ означаетъ не собраніе вѣрующихъ, но собраніе земныхъ благъ, посвященныхъ Богу; стадо Іисуса Христа составляютъ тѣла, а не души; земныя обѣщанія Ветхаго Завѣта перемѣшиваются съ духовными обѣтованіями Евангелія и святѣйшіе мотивы религіи употреблены для государственнаго дѣла" (XLIII, 17).

[2]) Petrol. VIII, 567 и слѣд. Слово или (seu) передѣлано впослѣдствіи въ „и" (et). Долингеръ.

особенно тогда, когда римскій епископъ старался навязать восточной Церкви свои обряды и дополненія, введенные куріей въ западную Церковь. Эти обвиненія очень раздражали папъ и ихъ единомышленниковъ; не хватало только повода къ явному открытію папскихъ стремленій и ложныхъ догматовъ, введенныхъ въ римскую Церковь: для этого нужна была личность, обладающая желѣзною волею и упорнымъ желаніемъ достичь всеобщаго духовнаго господства. Такая личность появилась въ IX вѣкѣ въ лицѣ папы Николая I [1]). Обладая сильною волею и умомъ, онъ желалъ вселить въ умы не только западныхъ, но и восточныхъ христіанъ убѣжденіе, что папа есть глава Церкви. На Западѣ это убѣжденіе успѣло уже укорениться, на Востокѣ же константинопольскій патріархъ оказался въ состояніи отразить домогательства римскаго епископа. Этотъ отпоръ далъ знаменитый теологъ, одаренный сильнымъ характеромъ, константинопольскій патріархъ Фотій. Возникшій отсюда споръ вызвалъ окончательное отдѣленіе римской Церкви отъ каѳолической Церкви. Имѣя для приведенія въ исполненіе своихъ приказаній войска нѣмецкаго императора, папы называли свое отступничество каѳолическою или вселенскою Церковью, настоящую же христіанскую Церковь назвали отщепенствомъ и схизмой!!

Что собственно вызвало это раздѣленіе?

Во время папства Николая I византійскій императорскій тронъ занималъ Михаилъ III, патріархомъ въ Константинополѣ былъ Игнатій, а правителемъ въ имперіи былъ дядя (по матери) Михаила, Варда, личность самой низкой нравственности, что давало патріарху Игнатію поводы къ частому порицанію его распутной жизни, пока, наконецъ (въ 857 г.), однажды Игнатій, при огромномъ стеченіи народа, не допустилъ Варду къ св. причастію.

Разгнѣванный Варда устранилъ Игнатія отъ епископства, а на его мѣсто былъ избранъ народомъ членъ императорской семьи, доблестный и очень ученый Фотій.

Папа Николай, узнавъ объ избраніи новаго патріарха безъ его согласія, былъ этимъ крайне разсерженъ и послалъ въ Константинополь двухъ своихъ легатовъ, епископовъ Родральда и Захарія, приказавъ имъ протестовать противъ назначенія Фотія безъ вѣдома и согласія римскаго епископа, чего до этого времени никогда будто бы не бывало.

Римскіе послы прибыли въ Константинополь. Въ святынѣ апостоловъ собрался въ 860 году соборъ, въ которомъ приняли участіе оба легата изъ Рима, признавшіе Фотія, несмотря на нежеланіе папы, законнымъ патріархомъ, сверженіе же Игнатія утвердили отъ имени папы, какъ правильное.

Игнатій послалъ въ Римъ апелляцію, съ соотвѣтствующими подарками, что привлекло папу Николая на его сторону, и онъ непріязненно выступилъ противъ Фотія съ цѣлью свергнуть его. Восточно-каѳолическая Церковь не согласилась на это, вслѣдствіе чего папа, созвавъ въ Римѣ въ 861 году соборъ изъ западныхъ епископовъ, проклялъ Фотія и обоихъ своихъ легатовъ и пригрозилъ проклятіемъ императору.

Въ то же время папа началъ домогаться главенства надъ болгарскою Церковью, послалъ въ Болгарію изъ Рима епископовъ, которые начали оскорблять и изгонять восточное духовенство, объявляя, что православно-каѳолическая вѣра не истинна, и принуждая прихожанъ къ вторичному мѵропомазанію на томъ основаніи, что помазаніе, совершенное женатыми духовными, недѣйствительно.

По этому поводу Фотій въ 867 г. созвалъ изъ восточныхъ епископовъ соборъ, который онъ познакомилъ съ злоупотребленіями римскаго епископа и его духовен-

---

[1]) Николай I началъ оффиціально называться папою.

ства [1]). Въ виду этого соборъ, состоявшій изъ тысячи епископовъ [2]), проклялъ папу Николая. Съ этого времени считается фактическое раздѣленіе каѳолической Церкви.

Вслѣдъ за этимъ столкновеніемъ съ Фотіемъ, пришлось папѣ Николаю потерпѣть позорное пораженіе отъ подчиненныхъ ему архіепископовъ: кельнскаго—Гунтера и трирскаго—Теутгарда. Архіепископы эти, присланные въ Римъ для врученія папѣ актовъ по брачному дѣлу Лотара Лотарингскаго, были папой лишены сана и отлучены отъ Церкви. Въ отвѣтъ на папскую анаѳему эти архіепископы, окруживъ себя вооруженной свитой, послали папѣ отвѣтъ, содержащій семь главъ, въ предисловіи къ которымъ было сказано: „хотя Dominus Николай, именуемый папою, въ качествѣ апостола, причисляющій себя къ апостоламъ и возводящій себя въ императоры всего міра, заблагоразсудилъ проклясть насъ, но за то, съ помощью Христа, натолкнулся въ насъ на сопротивленіе и въ послѣдствіяхъ дѣянія, имъ учиненнаго, немало раскаивался". Высказавшись затѣмъ энергически насчетъ противоканоническихъ его дѣйствій, архіепископы въ концѣ концовъ провозгласили ему анаѳему. Гунтеръ кельнскій, рѣшительный и выдающійся характеромъ, поручилъ брату своему Гильдуину вручить это писаніе лично папѣ, въ случаѣ же отказа его въ принятіи возложить на конфессіоналѣ Св. Петра. Какъ можно было предвидѣть, Николай не принялъ посланія, и Гильдуинъ, клирикъ, съ оружіемъ въ рукахъ и окруженный вооруженными вошелъ затѣмъ ко Св. Петру, чтобы исполнить предписаніе брата. Стража, или кубикуларіи конфессіонала (они составляли собственную школу подъ именемъ Mansionarii scholae confessionis S. Petri) окружили раку апостола, но Гильдуинъ и его люди ударили на нихъ, положили одного стражника въ церкви мертвымъ, поспѣшно кинули письмо на конфессіоналъ и, прочистивъ себѣ путь мечами, вышли изъ церкви.

Историкъ папства Lavicomterie [3]) такъ описываетъ папу Николая I:

„Этотъ Николай, который сыпалъ проклятіями, вооружалъ легковѣрныхъ людей противъ ихъ королей, оказался, однако, значительно менѣе суровымъ относительно Бодуэна, герцога Фландрскаго, который похитилъ Юдиту, дочь Карла Лысаго. Папа принялъ ихъ обоихъ въ Римѣ, заботился о нихъ и обезпечилъ имъ безопасность во всемъ папскомъ государствѣ. Власть папъ возросла до такой степени, что во Франціи не было такого епископскаго распоряженія, которое бы не могло быть отмѣнено въ Римѣ".

„Повсюду много нахальныхъ и преступныхъ писемъ этого папы къ епископамъ и архіепископамъ Германіи, Галліи и всей Европы. Онъ смѣло ставитъ вздорныя декреталіи выше книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, почитаетъ себя Богомъ въ полномъ значеніи этого слова. „Папа—говоритъ онъ—не можетъ быть ограничиваемъ или ослабляемъ свѣтскою властью, но какъ Богъ, признанный Константиномъ, не можетъ быть никѣмъ и ничѣмъ связываемъ".

„Историкъ того времени выясняетъ намъ ересь, въ которой былъ заподозрѣнъ архіепископъ Равенны. „Императоръ,—говоритъ онъ—не желая притѣснять тѣхъ, которыхъ ограбили сарацины, потребовалъ помощи отъ Равенны и Венеціи, чтобы тѣмъ легче черезъ море помочь Пуцліи. Въ то время во главѣ Церкви стоялъ архіепископъ Іоаннъ, преданный императору, который благоволилъ къ нему болѣе, нежели къ Николаю. Это обстоятельство вызвало въ Николаѣ такой гнѣвъ и зависть къ Іоанну, что онъ, прибѣгнувъ къ хитрости, заманилъ послѣдняго въ Римъ, осудилъ и посадилъ на

[1]) Фотій обвинилъ на этомъ соборѣ римскую Церковь въ отступничествѣ отъ каѳолической Церкви на томъ основаніи, что Римъ ввелъ постъ въ субботу, позволилъ ѣсть сыръ, молоко и яйца на первой недѣлѣ Великаго поста, запретилъ священникамъ вступать въ бракъ, а главное—добавилъ въ символѣ вѣры понятіе о происхожденіи Св. Духа отъ Сына (Filioque).

[2]) Въ этомъ числѣ находились три западныхъ епископа, которые прибыли къ Фотію съ жалобой на злоупотребленія папы Николая I.

[3]) Стр. 236—240.

его мѣсто кого-то другого". Конецъ письма (хроники) свидѣтельствуетъ о глубокой развращенности этого папы".

„Что касается процесса Лотара, то мы имѣемъ письма Гонтье, архіепископа кельнскаго, и Тьеготта [1]), архіепископа трирскаго, къ Николаю, въ которыхъ первые въ слѣдующихъ выраженіяхъ укоряютъ его за тиранническіе поступки: „Наши отцы и братья епископы посылаютъ насъ къ тебѣ, но мы прибыли въ Римъ даже по собственному побужденію... Въ теченіе 20 дней ты намъ приказалъ ждать, а черезъ мѣсяцъ ты призвалъ насъ; мы прибѣжали, не подозрѣвая ничего худого, а ты притѣснялъ насъ какъ какихъ-нибудь разбойниковъ; какъ только мы вошли въ твой домъ, за нами были заперты двери и насъ окружили солдаты. Ты насъ лишилъ какой бы то ни было человѣческой помощи и всякихъ священныхъ и мірскихъ вещей... Имѣя при своей особѣ единственно только монаха Анастасія, обезславленнаго плута, ты объявилъ намъ дерзкое несправедливое рѣшеніе. Ты нагло оскорблялъ злыми словами твоихъ братьевъ и сотоварищей службы Божіей. Императоръ даровалъ Церкви діадему, скипетръ и безсмертную повязку. Ты эти дары у Церкви похитилъ. Носишь маску высшаго священника, но поступаешь какъ тиранъ" и проч. и проч. Конецъ письма представляетъ изъ себя ядовитую сатиру на злодѣйскіе поступки этого папы, лицемѣра и святотатца. И такой человѣкъ проклялъ константинопольскаго патріарха!"

Позднѣйшія обстоятельства доказываютъ, что проклятіе истинной христіанской Церкви не осталось безъ вліянія на судьбы папъ, тогда какъ анаѳемы этихъ послѣднихъ всегда падали на ихъ собственныя головы и на поколѣнія исповѣдующихъ ихъ непогрѣшимость и святость.

Послѣдствія этого проклятія Римъ ощутилъ сейчасъ же послѣ отдѣленія отъ каѳолической Церкви чрезвычайно скандальнымъ образомъ. А именно во время праздника „Божье Тѣло", сопровождавшагося торжественными процессіями, папа Іоаннъ III, согласно съ обычаемъ, былъ посаженъ въ блестящихъ одеждахъ на бѣлаго мула и, предшествуемый святымъ крестомъ, окруженный кардиналами, клиромъ и безчисленнымъ множествомъ народа, выѣхалъ изъ церкви св. Іоанна Латеранскаго. По прибытіи на улицу, пролегающую между церковью Климента и театромъ, гдѣ амфитеатръ Домиціана носитъ названіе Колизея, папа почувствовалъ родовыя боли, свалился съ мула на мостовую и родилъ ребенка. Спустя мгновеніе онъ скончался, а ребенокъ тоже оказался мертвымъ [2]). Это чудо! завопили ханжи, распростираясь ницъ въ видѣ креста и выставляя на глаза публики грязныя юбки и рваные чулки, что повторяется и нынѣ въ польскихъ костелахъ. Этотъ фактъ объясняетъ намъ папскій историкъ XIII вѣка Мартинъ Полякъ, архіепископъ гнѣзненскій, лѣтописецъ, юристъ и теологъ—извѣстный обширной ученостью, которому папа Климентъ IV поручилъ составить хроники папъ и римскихъ императоровъ; объясняетъ онъ его слѣдующимъ образомъ: „эта папесса, согласно преданію, была родомъ англичанка, родившаяся въ Майнцѣ влюбившись въ одного монаха, она переодѣлась въ мужское платье и путешествовала съ нимъ по Англіи, Франціи и Италіи, изучала науки въ Аѳинахъ, оттуда по смерти своего любовника отправилась въ Римъ. Тутъ она основала школу и вскорѣ пріобрѣла такую извѣстность, что съ согласія кардиналовъ и народа была избрана папою. Послѣ трехъ съ половиною лѣтъ управленія римской куріей, вслѣдствіе неожиданныхъ родовъ во время торжественной процессіи, она умерла со стыда. Вслѣдствіе этого, въ доказательство того, съ какою ненавистью относились къ столь позорному факту, который безчестилъ Церковь, отцы постановили, чтобы на будущее время папы не переходили черезъ улицу, на которой случился этотъ скандалъ. Согласно этому постановленію, во время праздника „Божье Тѣло" папы, направляясь съ крестнымъ

[1]) Вышеназванные Гунтеръ и Теутгардъ.

[2]) См. Халкокондилы (въ XV в.) 160 и Pertz, XXII, 428 (XIII вѣка).

ходомъ изъ базилики Св. Петра въ церковь св. Іоанна Латеранскаго и обратно, избѣгаютъ проходить по этому отвратительному мѣсту, находящемуся на ихъ прямомъ пути, сворачиваютъ въ нѣсколько переулковъ и, оставивъ за собою это ненавистное мѣсто, вновь идутъ надлежащею дорогою".

Этотъ самый фактъ приведенъ въ исторіи Мартина Шкота (папскаго историка XII в.) и во многихъ другихъ хроникахъ, согласно описывающихъ фактъ родовъ; но вслѣдствіе усилій римскаго духовенства замять этотъ скандалъ, папскія хроники того времени до того искажены, что позднѣйшіе историки никоимъ образомъ не могли выяснить, подъ какимъ именемъ и въ какомъ году папесса эта занимала папскій престолъ. Одни утверждаютъ, что она носила имя Іоанна VIII-го, другіе,—что Іоанна VII, Бенедикта III или Льва V. Достовѣрно только то, что случай этотъ имѣлъ мѣсто во второй половинѣ IX вѣка.

Оправдывая себя, римское духовенство утверждаетъ, что никто не могъ заподозрить въ папѣ женщину. Для избѣжанія подобныхъ случаевъ позднѣйшіе папы предписали поставить въ часовнѣ Спасителя, находящейся въ Латеранскомъ дворцѣ, порфировое кресло съ отверстіемъ (sedes stercoraria) [1]), на которое сажали папу сейчасъ же по избраніи. Высшій діаконъ или, при отсутствіи таковаго, двѣ достойныя довѣрія особы изъ клира осязательно убѣждались, дѣйствительно-ли избранный папа былъ мужчиной и не имѣлъ-ли онъ въ этомъ отношеніи какого-либо существеннаго недостатка. Убѣдившись, они громко въ присутствіи клира и собравшагося народа свидѣтельствовали это словами „Mas nobis dominus est" (Господиномъ нашимъ имѣемъ мужчину), народъ же словами „Deo gratias" (слава Богу) выражалъ свою радость. Только послѣ этого приступали къ посвященію новаго папы.

Историкъ папства Lavicomterie [2]) такъ описываетъ вышеприведенный фактъ:

„854 годъ. Происшествіе, весьма долго считавшееся баснею, имѣло въ дѣйствительности мѣсто; множество свидѣтельствъ подтверждаетъ его подлинность. Въ 854 году, по смерти Льва, появилась на папскомъ престолѣ женщина, совершающая богослуженіе, назначающая епископовъ, дающая свои ноги цѣловать князьямъ и народамъ".

Вотъ что говоритъ папскій историкъ Platine: „Іоанна Англикусъ, родомъ изъ Майнца, достигла сана первосвященника. Скрывши свой полъ, она убѣжала вмѣстѣ со своимъ любовникомъ въ Аѳины, гдѣ такъ изощрилась въ искусствахъ и наукахъ, что въ Римѣ, куда она затѣмъ прибыла, нашлось немного людей, которые могли бы равняться съ ней по образованію. Она вскорѣ пріобрѣла такую славу и уваженіе среди римлянъ, что по смерти Льва была единогласно избрана въ папы. Но вскорѣ она стала беременной вслѣдствіе связи съ кардиналомъ-капелланомъ. До послѣдняго момента удалось ей скрывать свою беременность. Но когда однажды она направлялась въ Латеранъ, то почувствовала родильныя боли между театромъ, называемымъ Колизеемъ, статуей Нерона и площадью св. Климента и, родивъ мертваго ребенка, умерла на мѣстѣ, исполнявъ обязанности папы въ теченіе 2 лѣтъ, одного мѣсяца и 4 дней". Она была похоронена безъ всякихъ почестей. Platine посвятилъ свою исторію о ней Сиксту IV. Ranulphe говоритъ въ своемъ полихрониконѣ, что этотъ фактъ старались скрывать вслѣдствіе его позорности. Исторію эту подробно изложилъ Мартинъ Полякъ, пенитенціарій папы Николая, что, однако, не помѣшало ему сдѣлаться впослѣдствіи архіепископомъ. По комментаріямъ Дамасія и Pandulphe'а происшествіе съ этою женщиною имѣло мѣсто въ періодѣ между Львомъ IV и Бенедиктомъ III. Великій историкъ Маріанъ Гешъ, монахъ изъ Фульды (Fulden), говоритъ: „Папа Левъ умеръ въ первыхъ числахъ сентября, а послѣ него вступила женщина Іоанна Joanna mulier) на 2 года 5 мѣсяцевъ и 4 дня". Маріанъ былъ воспитанъ въ заливѣ Фульды, гдѣ Іоанна находилась нѣко-

---

[1]) Brovinus. De Septem Eccl. princip. Romae: Platine. Vitae pontificum Romae.

[2]) L. Lavicomterie: Les crimes des Papes, стр. 250.

торое время. Сигибертъ, аббатъ гемблускій (Gembloux), который жилъ около 1100 г., говоритъ, что по общему убѣжденію Іоанна была женщиною, что было извѣстно одному изъ ея людей, который ее оплодотворилъ, и она родила, будучи папою. Петрарка, Боккачіо говорятъ объ этомъ какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію. Архіепископъ Антоній утверждаетъ, что на томъ мѣстѣ поставленъ памятникъ, чтобы этотъ случай не былъ преданъ забвенію. Отто, епископъ тюрингенскій, включаетъ Іоанну въ хроники папъ. Хроники аугсбургскія, Rafael de Voltere, Subellic, Philippes de Bergamo, Mateus Palmerius, Trjteminus, Johann Stella, въ жизнеописаніи 230 папъ, Naucher, Albert, Krants, Coalius, Rodiginus, Johannes Lucidus—всѣ они подтверждаютъ этотъ скандальный фактъ.

Греческій авторъ Leonique также зналъ эту исторію. Это ясно видно изъ описанія избранія папы, которое происходило въ его время.

„Какъ скоро—говоритъ онъ—голоса были сосчитаны и папа избранъ, его задерживали на мѣстѣ выборовъ и сажали на кресло съ отверстіемъ. Назначенный для этого касался его половыхъ органовъ, чтобы удостовѣриться, что новый папа—мужчина, такъ какъ доказано, что нѣкогда была избрана папою женщина“ и проч. и проч.; „касающійся половыхъ органовъ восклицаетъ: „Mas nobis dominus est“.

Независимо отъ этихъ позднѣйшихъ хроникъ, къ наиболѣе достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ объ этомъ фактѣ причисляютъ Liber Pontificalis, хронику, оконченную Анастасіемъ Библіотекаремъ, очевидцемъ этихъ родовъ, умершимъ въ 886 году. Историкъ Сигибертъ изъ Гемблу, умершій въ 1113 г., и Мартинъ Шкотъ, умершій въ 1086 г., тоже подтверждаютъ этотъ фактъ.

Кромѣ письменныхъ доказательствъ, существовали доказательства въ видѣ памятниковъ въ Римѣ, Болоньѣ и Сіенѣ. Dietrich de Niem, одинъ изъ папскихъ секретарей, жившій въ началѣ XV в., подтверждаетъ, что самъ видѣлъ памятникъ папессы Іоанны. Бёрнетъ, англійскій епископъ, теологъ и историкъ, утверждаетъ, что видѣлъ изваяніе папессы Іоанны на одной изъ городскихъ площадей Болоньи.

Въ Сіенѣ изваяніе Іоанны стояло до временъ папы Климента VIII, умершаго въ 1605 г., который приказалъ сгладить у статуи груди и сдѣлать на ней надпись: „папа Захарія“. Но такъ какъ эта поддѣлка вызвала ядовитую критику и на статую наклеивали оскорбительные для папъ пасквили, то папа Александръ VII въ 1655 г. приказалъ убрать съ площади эту статую. Эти факты подтверждаютъ Maguelli, Lamoy и Pagi [1]).

Въ „Исторіи Рима“ Грегоровіуса удостовѣряется, что въ „1400 году бюстъ Іоанны въ ряду изображеній папъ украшалъ стѣны въ прекрасномъ соборѣ въ Сіенѣ. Изображеніе это простояло въ этомъ соборѣ среди папъ 200 лѣтъ, съ надписью: „Іоаннъ VIII, женщина изъ Англіи“, пока кардиналъ Бароній не настоялъ у папы Климента VIII на удаленіи его, послѣ чего женская фигура обращена была въ фигуру папы Захаріи“.

Отрицая единогласно, по приказанію папъ, все, что можетъ бросить тѣнь на Ватиканъ, клерикальные писатели самымъ безстыднымъ образомъ утверждаютъ, что всѣ письменные документы, раскрывающіе папскія преступленія, поддѣланы врагами Церкви, такъ какъ Церковь и папа для нихъ одно и то же. Но такъ какъ невозможно отрицать существованіе памятниковъ, изображающихъ папессу Іоанну, то эти дѣйствительные поддѣлыватели исторической правды стараются убѣдить своихъ читателей, что хотя памятники на самомъ дѣлѣ и существовали, но они были поставлены не на основаніи факта, а на основаніи сочиненной о Іоаннѣ легенды. Въ польскую паству это убѣжденіе старается вселить Апологетическій Словарь, передѣланный изъ такого же французскаго словаря, изданнаго J. Jaugej'омъ.

---

[1]) Annales Baronii cum critice Pagi. T. XIV, стр. 429.

Другіе же латинскіе духовные не отрицаютъ факта управленія Ватинаномъ папессою Іоанною, но утверждаютъ, что полъ ея никому въ Римѣ не былъ извѣстенъ (несмотря на то, она сдѣлалась беременною).

Я думаю, что этихъ нѣсколькихъ цитатъ достаточно для доказательства достовѣрности факта, который, опозоривъ нѣсколько апостольскую столицу, тѣмъ не менѣе не сдѣлался причиною потери ею значенія. Лотаръ на старости одѣваетъ монашеское платье; Людовикъ II отправляется въ Римъ, чтобы принять корону и имперію изъ рукъ папы. Одинъ изъ королей Англіи раздаетъ десятую часть своего королевства клиру и монахамъ.

Я считалъ своей обязанностью вспомнить объ этомъ *папѣ-женщинѣ*, существованіе котораго не разъ отрицали подкупленные компиляторы и недобросовѣстные историки.

Что же касается Мартина Поляка (Стрѣльскаго), то біографія его слѣдующая: Родился онъ въ началѣ XIII в. въ Опавѣ (Троппау) отъ дворянской семьи герба Бодула. Избравъ духовное поприще, онъ вступилъ въ число доминиканцевъ и долгое время пробылъ въ чешской Прагѣ. Призванный затѣмъ въ Римъ провелъ тамъ большую часть своей жизни. Для своего времени онъ обладалъ обширными познаніями, отлично зналъ древнихъ классиковъ и свободно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Имѣя близкія связи съ апостольской столицей, пользовался расположеніемъ нѣсколькихъ папъ. Онъ былъ пенитенціаріемъ Іоанна XXI и Николая III. Этотъ послѣдній, по изгнаніи Филиппа, герба Гоздова, архіепископа гнѣзненскаго, возвелъ Мартина Поляка въ это наивысшее въ Польшѣ достоинство. По дорогѣ въ свою епископію Стрѣльскій умеръ въ Бононіи въ 1279 г. Онъ былъ въ то время единственнымъ и наилучшимъ историкомъ, труды котораго весьма долго славились во всей Европѣ. По порученію Климента IV онъ написалъ исторію римскихъ папъ и императоровъ, которую довелъ до своего времени. Она появилась въ печати впервые вмѣстѣ съ исторіей Шкота подъ названіемъ „Chronicon expeditissimum“ (Basileja 1559 г.), затѣмъ въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Другой историческій трудъ Мартина Поляка, заключающійся въ рукописи подъ названіемъ „De quattuor majoribus regnis“, есть очеркъ исторіи четырехъ главныхъ древнихъ государствъ: вавилонскаго, карѳагенскаго, македонскаго и римскаго. Кромѣ того, извѣстны его выдержки изъ апостольскихъ правилъ подъ названіемъ „Margarita decreti“ (Страсбургъ 1486 г.) [1]).

Мы привели здѣсь біографію Мартина Поляка въ доказательство того, что такой уважаемый и ученый человѣкъ, и при этомъ фанатическій полякъ, сверхъ того духовный, описывая исторію папессы Іоанны, не могъ сдѣлать это по незнанію или злонамѣренно. Итакъ, напрасно позднѣйшіе клерикалы стараются отрицать дѣйствительность этого факта. Вотъ еще образчикъ того, до какой степени нагло извращаетъ латинское духовенство факты, набрасывающіе на него тѣнь: баварскій епископъ Эммеранъ изнасиловалъ дочь герцога баварскаго Теодона, и когда это обнаружилось, то бѣжалъ въ Римъ, но былъ настигнутъ сыномъ герцога и умерщвленъ. Жизнеописатель Эммерана [2]) утверждаетъ, что епископъ не былъ виновенъ въ этомъ изнасилованіи, но вслѣдствіе *христіанскаго смиренія* принялъ грѣхъ на себя по просьбѣ принцессы и ея любовника.

Св. Іоаннъ Евангелистъ, предсказывающій въ своемъ „Откровеніи“ разрушеніе Рима, который онъ называетъ Вавилономъ, или звѣремъ, лежащимъ на семи холмахъ, матерью блудницамъ и мерзостямъ земнымъ, большимъ городомъ, царствующимъ надъ земными царями (XVII, 5, 8, 9, 18), говоритъ о папскомъ Римѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ангелъ сказалъ мнѣ: подойди, я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею, сидящею

---

[1]) Kuliczkowski: Dzieje literatury polskiej, стр. 39.

[2]) Vita Emmerammi (Patrol. CXLI).

на водахъ многихъ. Съ нею блудодѣйствовали цари земные и виномъ ея блудодѣянія упивались живущіе на землѣ. И повелъ меня въ духѣ въ пустыню; и я увидѣлъ жену, сидящую на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ седмью головами и десятью рогами. И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ и драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣйства ея. И на челѣ ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ. Я видѣлъ, что жена упоена была кровью святыхъ и кровію свидѣтелей Іисусовыхъ, и видя ее, дивился удивленіемъ великимъ. И сказалъ мнѣ ангелъ: что ты дивишься? Я скажу тебѣ тайну жены сей и звѣря, носящаго ее, имѣющаго седмь головъ и десять роговъ. Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ и нѣтъ его, и выйдетъ изъ бездны, и пойдетъ въ погибель; и удивятся тѣ изъ живущихъ на землѣ, имена которыхъ не вписаны въ книгу жизни отъ начала міра, видя, что звѣрь былъ, и нѣтъ его, и явится. Здѣсь умъ, имѣющій мудрость. Седмь головъ суть седмь горъ, на которыхъ сидитъ жена. Жена же, которую ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями" („Откровеніе" 1—9, 18).

Изъ этого „Откровенія" св. Іоанна безспорно видно, что великій Вавилонъ означаетъ Римъ, что подтверждаетъ первое посланіе св. Петра. Звѣрь, который былъ и нѣтъ его и явится, означаетъ антихриста, который былъ прежде ангеломъ, потомъ ничѣмъ, пока Римъ не отдѣлился отъ восточной Церкви, по отдѣленіи же возсѣлъ на его тронѣ какъ ангелъ зла. Семь горъ, на которыхъ сидитъ эта женщина, обозначаютъ семь холмовъ, на которыхъ выстроенъ Римъ. Великій городъ, царствующій надъ земными царями, безспорно означаетъ Римъ.

Что же касается до раскола, вызваннаго въ каѳолической Церкви отдѣленіемъ Рима, то св. Іоаннъ такъ о немъ пророчествуетъ: „И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія. И другое знаменіе явилось на небѣ. Вотъ большой красный драконъ съ седмью головами и десятью рогами, и на головахъ его седмь діадимъ. Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и Престолу Его. И произошла на небѣ война. Михаилъ и ангелы его воевали противъ дракона, и драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ. Но не устояли, и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій драконъ, древній змѣй, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ. И услышалъ я громкій голосъ, говорящій на небѣ:... Горе живущимъ на землѣ и на морѣ! Потому что къ вамъ сошелъ діаволъ въ сильной ярости, зная, что немного ему остается времени. И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими изъ сѣмени ея, сохраняющими заповѣди Божіи и имѣющими свидѣтельство Іисуса Христа" („Откров." XII 1—5, 7, 8, 9, 12, 17). „...И увидѣлъ (я) выходящаго изъ моря звѣря съ седмью головами и десятью рогами: на рогахъ его было десять діадимъ, а на головахъ его имена богохульныя... И поклонились дракону, который далъ власть звѣрю, и поклонились звѣрю, говоря: кто подобенъ звѣрю сему? (непогрѣшимый) и кто можетъ сразиться съ нимъ? И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно, и дана ему власть дѣйствовать сорокъ два мѣсяца. И отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущихъ на небѣ. И дано было ему вести войну со святыми, и побѣдить ихъ; и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ и племенемъ. И поклонятся ему всѣ живущіе на

землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданія міра. И увидѣлъ я другого звѣря, выходящаго изъ земли; онъ имѣлъ два рога, подобные агнчимъ, и говорилъ какъ драконъ. Онъ дѣйствуетъ предъ нимъ со всею властію перваго звѣря и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней поклоняться первому звѣрю... И творитъ великія знаменія... И чудесами, которыя дано было ему творить передъ звѣремъ, онъ обольщаетъ живущихъ на землѣ, говоря живущимъ на землѣ, чтобы они сдѣлали образъ (того) звѣря... И дано ему было вложить духъ въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря (при помощи инквизиціи). И онъ сдѣлаетъ то, что всѣмъ, малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ, положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ" (т. е. крещеніе и мvропомазаніе) (XIII, 1, 3—8, 11—16).

То есть, св. Іоаннъ описываетъ, что сатана, когда ему не удалось погубить новорожденнаго Христа и онъ былъ низвергнутъ на землю, то обосновался на 7 холмахъ Рима и рѣшилъ преслѣдовать всѣхъ послѣдователей Христа, такъ же, какъ дѣлалъ это во время язычества по указаніямъ вратъ адовыхъ.

ГЛАВА X.

Обрисовавъ вкратцѣ нравственное состояніе духовенства западной или римской Церкви, давъ также бѣглую характеристику болѣе выдающихся дѣятелей и указавъ причины раскола въ каѳолической Церкви, который въ XI вѣкѣ принялъ окончательную форму, приведемъ вкратцѣ мнѣнія иностранныхъ писателей-латинянъ о дѣятельности папъ.

Заимствуемъ нѣсколько главъ изъ сочиненія Lanfrey, подъ заглавіемъ „Политическая исторія папъ".

I.

Происхожденіе папства и первоначальная форма свѣтской власти.

Христіанство, при своемъ появленіи, было духовной республикой. Оно не имѣло ни верховнаго правителя, ни политической опоры, ни свѣтской власти, и именно одинъ этотъ принципъ, можетъ быть, самымъ могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ столь быстрымъ его успѣхамъ, которыхъ долгое время не могли объяснить иначе, какъ помощію чудесъ. Оно представляло въ обществѣ, подчиненномъ матеріальной силѣ, примѣръ чисто нравственнаго авторитета; оно провозгласило себя независимымъ отъ всякой политической системы, въ то время, какъ націи задыхались въ тѣсномъ циклѣ римской организаціи, и дѣло его было выиграно въ первое время, прежде всего, благодаря одному этому контрасту. Объясняя такимъ образомъ успѣхи христіанства, можно обойтись и безъ гипотезы чудесъ. Христіанство утверждаетъ великіе законы исторіи, а не противорѣчитъ имъ, и въ тысячу разъ болѣе уважаетъ человѣческую природу, чѣмъ то легковѣріе, которое приписываетъ Провидѣнію различные государственные перевороты, изъ желанія прославить его могущество, не подозрѣвая, что этимъ самымъ оно унижаетъ его мудрость. Не слѣдуетъ бояться затрагивать легенды, если онѣ унижаютъ человѣчество.

Въ то время, когда съ появленіемъ христіанства явился догматъ духовной свободы, Римъ не только лишалъ народы ихъ національности и всего того, что составляло ихъ преданія, онъ коснулся даже и боговъ ихъ, которые, подобно плѣнникамъ, отводимы были въ его храмы. Взамѣнъ боговъ, Римъ заставилъ боготворить своихъ цезарей. Извѣстно, что, по особенно знаменательной аналогіи, римляне находили въо

своей религіи принципъ завоеваній, заключавшійся въ ихъ политикѣ, и завоевывали разомъ и боговъ, и государства. Въ лицѣ своихъ государей Римъ заставилъ боготворить самого себя, какъ завоеванныхъ народовъ, такъ и побѣжденныхъ боговъ. Грубый культъ императоровъ слѣдовалъ самъ собою за эпохой упадка, когда старый политеизмъ промѣнялъ свой символизмъ на грубое ученіе Эвгемера. По такъ какъ, по мнѣнію мудрецовъ, боги—не болѣе какъ цари, боготворимые послѣ ихъ смерти, то, слѣдовательно, римскій императоръ могъ быть боготворимъ и при своей жизни. Такимъ образомъ недостаточно было, чтобы народы были рабами, нужно было еще, чтобы они обожали свое рабство.

Чтобы заинтересовать покоренныхъ своей опекой и обольстить ихъ даже до забвенія ихъ воспоминаній, напрасно распространяли постепенно право гражданства такъ же далеко, какъ и самое завоеваніе. Покоренные все-таки могли узнать свою родину въ поглотившей ихъ централизаціи, такъ же, какъ и своихъ боговъ въ истуканахъ Пантеона. Единственнымъ результатомъ этихъ мѣръ было ослабленіе единственной энергической личности, остававшейся въ имперіи, — именно личности самого Рима. Такимъ образомъ отсутствіе болѣе живой связи замѣняла одна чисто механическая организація, которая, благодаря своему безпредѣльному расширенію, должна была болѣе и болѣе стремиться къ централизаціи. Причиною этого былъ тотъ законъ расширенія, по которому это чудовищное могущество довело свои злоупотребленія даже до самаго неба, послѣдняго убѣжища побѣжденныхъ.

Этимъ объясняется необыкновенная популярность ученія, которое возвращало притѣсненнымъ отечество и Бога, стоявшаго выше звѣрскихъ угнетеній, и которое устами Павла провозглашало равенство между побѣжденнымъ и побѣдителемъ, между рабомъ и господиномъ, между мужчиной и женщиной, между іудеемъ и язычникомъ. Конечно, чистота и другихъ христіанскихъ правилъ не могла, безъ сомнѣнія, не выдаваться въ виду глубокаго паденія древняго общества, но ни одно изъ этихъ правилъ не имѣло столь рѣшительнаго вліянія, какъ неожиданное признаніе правъ угнетенной личности. Христіанство прежде всего было возгласомъ свободы, формулой независимости, великимъ усиліемъ человѣческаго духа къ освобожденію отъ владычества силы. Оно соединяло всѣ угнетенныя національности.

Если къ этой главной чертѣ христіанства присовокупить общечеловѣческій характеръ, которымъ оно столь рѣзко отличается отъ іудейства, — хотя христіанство многое заимствовало отъ іудейства и долгое время принималось за іудейскую секту,— и отъ другихъ религій древняго міра, религій въ высшей степени исключительныхъ, національныхъ, служившихъ выраженіемъ свойствъ и потребностей только извѣстнаго народа; если сравнить съ ними простоту его догматовъ и обрядовъ, его свободу вѣроученія, заставлявшую думать сначала, что христіанство есть не болѣе какъ философія, а не культъ, въ чемъ долгое время укоряли его враги,—если имѣть все это въ виду, то можно видѣть, въ какой рѣшительной противоположности съ римской законностью находилось христіанство въ своей первичной, естественной формѣ. Такова оппозиція, посредствомъ которой оно овладѣваетъ міромъ.

Оппозиція тѣмъ болѣе бываетъ могущественна, чѣмъ менѣе она стремительна и враждебна. Безропотнымъ подчиненіемъ земной силѣ христіанство только сильнѣе давало замѣтить бездну, которая ихъ раздѣляла. Онѣ жили въ двухъ сферахъ, столь чуждыхъ одна другой, что невозможно было найти точку ихъ взаимнаго соприкосновенія. Но если христіанство такъ охотно уступало имъ тѣло, это значило, что оно надѣялось удержать всецѣло душу. Главная сила его состояла въ отсутствіи всякаго сходства съ земнымъ владычествомъ, и благодаря своей духовной сущности оно избѣжало власти могущественныхъ своихъ недруговъ.

Итакъ, по самому существу своему христіанская Церковь первыхъ двухъ вѣковъ

исключаетъ всякую мысль о папской власти. Въ эти вѣка вдохновенія, свободы и безкорыстія она не имѣетъ еще ни управленія, ни храмовъ, ни обрядовъ, такъ что въ ней съ трудомъ можно различить первичные элементы ея іерархіи. Минуцій Феликсъ говоритъ въ своей апологіи: „Храмъ истиннаго Бога есть вселенная; образъ его—человѣкъ, и жертва, которая ему пріятна, состоитъ въ добрыхъ дѣлахъ“. Здѣсь какъ будто слышатся слова одного изъ тѣхъ деистовъ, которые семнадцать вѣковъ позже протестовали въ свою очередь противъ установленій, до того уклонившихся отъ сущности религіи, что всѣ творенія, писанныя для ихъ защиты, могли быть обращены противъ нихъ какъ порицаніе.

Равнымъ образомъ здѣсь нѣтъ никакого зародыша и духовной власти, олицетворившейся въ одномъ человѣкѣ, т. е. зародыша самаго папства. Въ твореніяхъ первыхъ апологетовъ не встрѣчается о немъ никакой идеи. Правда, они упоминаютъ имя папы, но оно усваивается безразлично всѣмъ епископамъ. По смерти апостоловъ духовная власть принадлежала епископамъ, избираемымъ обществомъ вѣрующихъ, священникамъ, діаконамъ, истолкователямъ Св. Писанія, которые могли знать первыхъ пастырей и сохранить ихъ преданія. Связь между отдѣльными Церквами поддерживалась посредствомъ наставленій, составляемыхъ вообще въ формѣ посланій. Посланія эти болѣе всего трактовали о нравственныхъ вопросахъ.

Позже, когда епископская власть начинаетъ выдѣляться изъ чисто демократическихъ формъ первыхъ временъ, отношенія ея осложняются и регулируются. Дѣла, интересующія Церковь, разрѣшаются собраніями епископовъ. Эти малочисленные соборы весьма часто происходили подъ предсѣдательствомъ того лица, которое созывало ихъ. Епископы Рима не только не приписывали себѣ никакого первенства на этихъ соборахъ, но не видно даже, чтобы они претендовали на это, и лучшимъ доказательствомъ того, что они не владѣли въ этотъ первый періодъ правами, какія присвоили себѣ позже, можетъ служить то, что всѣ эти права принадлежали соборамъ, которые распоряжались, управляли и останавливали даже малѣйшее соперничество. Посредничество папъ такъ мало было замѣчаемо въ зарождавшемся христіанствѣ, что не знали даже, были-ли Клетъ и Анаклетъ—два лица, или одно, и оба они, или который-либо одинъ изъ нихъ, правилъ прежде или послѣ Климента. Что же касается до этого послѣдняго, то далекій отъ того, чтобы издавать отъ своего лица посланія, которыя могли бы доставить ему вліяніе, онъ никогда не говорилъ иначе, какъ выражая голосъ и чувство своей епархіи.

Какая разница между этими столь кроткими и столь великими началами христіанской республики, въ которой самый вліятельный былъ самымъ святымъ, въ которой единство вытекало не изъ принужденія, а изъ сердечнаго согласія, съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое представляетъ она нѣсколькими вѣками позже! Кто узналъ бы ее въ этой абсолютной монархіи, гдѣ клиръ образуетъ привилегированную касту, отдѣленную отъ паствы, гдѣ избраніе, уклонившееся отъ цѣли, есть не болѣе, какъ самопроизвольный выборъ, совершаемый только высшими въ пользу единой, ни передъ кѣмъ не отвѣчающей власти; гдѣ епископъ Рима является преемникомъ соборной власти, самовластнымъ монархомъ народовъ, претендующимъ разомъ и на управленіе совѣстью, и на распоряженіе государствами, и хочетъ царствовать надъ душою и тѣломъ, какъ та римская имперія, противъ которой христіанство протестовало? Нѣтъ сомнѣнія, что это суть тѣ крайніе предѣлы, тотъ кругъ, въ которомъ обыкновенно обращаются политическія учрежденія, но, повидимому, религіозныя общества, которыя претендуютъ быть абсолютными идеалами, должны сначала показать, что они избѣгли этой измѣняемости. Къ чему послужитъ имъ благо обладанія правиломъ и истиной, если они являются подчиненными той же случайности, какъ и предпріятія, внушаемыя честолюбіемъ?

Отсюда ясно, насколько папство, представляемое своекорыстными теоріями или

мало просвѣщенной критикой, какъ учрежденіе, родившееся вмѣстѣ съ христіанствомъ и образовавшееся изъ его сущности, было, напротивъ, учрежденіемъ, созидавшимся медленно и послѣдовательно. Мы видимъ, какой ходъ развитія представляетъ оно въ христіанской идеѣ. Оно развивается въ нѣдрахъ христіанства почти такъ же, какъ образуется и возрастаетъ въ нѣдрахъ демократіи абсолютная власть. Сначала является духовная власть, затѣмъ дисциплина, управленіе дѣлами, правительство, впослѣдствіи обнаруживаются свѣтскія притязанія, а наконецъ,—и мечта о вселенской монархіи.

Соборы первые содѣйствовали этому стремленію и покровительствовали ему, по своему несочувствію къ раздѣленіямъ, которыя начинали возмущать тогда Церковь; но въ эти вѣка энтузіазма и чистосердечія вѣрные оттолкнули, какъ нечестіе, то грубое средство, которое было избрано нѣсколько позже—устранить затрудненія, вмѣсто того, чтобы разрѣшить ихъ. Въ то время казалось дѣломъ идолослуженія приписывать непогрѣшимость соборамъ, а еще съ болѣе сильнымъ убѣжденіемъ вѣрующіе отступили отъ мысли—дать такое оружіе въ руки одного человѣка. Въ апологіяхъ Юстина, Минуція Феликса, св. Иринея и Климента Александрійскаго, въ твореніяхъ, въ которыхъ всѣ вопросы, интересовавшіе тогда Церковь, изложены съ величайшими подробностями, также вовсе не упоминается о первосвященнической власти.

Названіе—римская Церковь, которое встрѣчается иногда здѣсь, принимается лишь въ смыслѣ римской епархіи; только въ послѣднихъ книгахъ Тертулліана являются въ первый разъ претензіи римскаго епископа, да и то скорѣе на почетный титулъ, чѣмъ на дѣйствительное первенство, и приводятся онѣ здѣсь не болѣе какъ для того, чтобы обратить ихъ въ смѣшное. Точно также напрасно стали бы искать чего-либо, для оправданія ихъ, въ многочисленныхъ писаніяхъ Оригена. При св. Кипріанѣ замѣчается уже, что папскія прерогативы получили нѣкоторое мірское значеніе, благодаря раздорамъ, вслѣдствіе которыхъ установился законъ дисциплины и единства. Кипріанъ адресуется къ римскому епископу, какъ къ главѣ „первенствующей Церкви, источнику іерархическаго единства“, но все еще онъ называетъ его своимъ „товарищемъ“ и насмѣхается въ свою очередь надъ претензіями епископа изъ епископовъ, папы Стефана, который желалъ произнести рѣшительный приговоръ по дѣлу Кипріана и его соперника на карѳагенскую каѳедру. „Я раздраженъ,—писалъ Кипріанъ по этому поводу къ св. Фирмилліану,—безумнымъ притязаніемъ римскаго епископа, который утверждаетъ, что онъ наслѣдовалъ свое епископство отъ апостола Петра“.

Несмотря на противодѣйствіе со стороны честнѣйшихъ независимыхъ характеровъ, которыми прославилась христіанская Церковь, движеніе, тяготѣвшее къ сосредоточенію верховной власти въ рукахъ одного человѣка, нашло себѣ поддержку въ столькихъ обстоятельствахъ, что рано или поздно должно было одержать верхъ; также и централизація, вызывавшаяся расширеніемъ границъ, безпрестанно появлявшимися ересями, преслѣдованіемъ, закоренѣлою привычкою придавать закону наглядное и живое олицетвореніе и слабостью, которая породила диктатуры, необходимо должна была послужить въ пользу римскимъ епископамъ; кромѣ того, помогало имъ и самое положеніе римской епархіи, которое было вполнѣ исключительнымъ.

Взгляды міра всецѣло еще обращены были къ Риму, и естественно Римъ, становясь христіанскимъ, располагалъ искать въ немъ образецъ нравственнаго величія, какъ впослѣдствіи столь долгое время искали здѣсь образца корыстолюбія. Идея создать духовную имперію въ подражаніе имперіи цезарей должна была возродиться сама собою въ умахъ, еще не совсѣмъ освободившихся отъ своего долголѣтняго рабства; она нравилась также и политикамъ, какъ удобное средство обратить въ пользу уже готовую организацію и живо поразить воображеніе величіемъ, заимствованнымъ отъ прежняго Рима. Итакъ, Церковь пріобрѣла свою столицу и своего цезаря, какъ имперія, и раздѣленіе церковныхъ провинцій совершилось по образцу провинцій имперіи.

Императоры съ своей стороны не могли миновать упадка своего могущества въ виду столь чудеснаго возрастанія религіи, которую они старались уничтожить, и еще болѣе вслѣдствіе уже осуществившейся попытки причислить Церковь къ составу своего правительства. Дѣйствительно, имперія и Церковь находились въ отношеніи обоюднаго вліянія и, подражая другъ другу, дошли, наконецъ, до того, что имѣли одинаковый механизмъ. Такъ какъ онѣ не уничтожили другъ друга и послѣ безконечной борьбы между собою имѣли много точекъ соприкосновенія и общіе интересы, то естественно, что въ данный моментъ между верховными представителями обоихъ учрежденій могла возникнуть мысль о соединеніи для взаимной поддержки. Не имѣя возможности побѣдить духовнаго цезаря, императоръ долженъ былъ, рано или поздно, протянуть ему руку. Это и случилось при Константинѣ.

Итакъ, договоръ былъ подписанъ, хотя каждый договаривавшійся имѣлъ заднюю мысль эксплуатировать другого въ свою пользу. Но имперія и Церковь, несмотря на искусственное сходство ихъ формъ, представляли двѣ силы, слишкомъ противоположныя одна другой по духу, началу и направленію, для того, чтобы между ними образовалось прочное и постоянное единеніе. Въ христіанствѣ и въ его іерархіи было слишкомъ много элементовъ самобытности и нравственной крѣпости, чтобы долгое время жить въ добромъ согласіи съ грубой силой, этимъ порожденіемъ падающаго политеизма.

Такимъ образомъ возникъ духовный Римъ, и христіанская демократія, превратившись въ монархію, является обреченною на вѣчную покорность. Конечно, было бы большой ошибкой сравнивать во всѣхъ отношеніяхъ папскую власть надъ Церковью съ цезарской властью въ имперіи, но во всякомъ случаѣ начертанъ былъ путь и имперія принята за образецъ. Затѣмъ явилась первая форма свѣтской власти, Церковь сдѣлалась собственницей и захватила магистратуру. Даръ Константина есть басня, которую отстаивать въ настоящее время можетъ развѣ только смѣлый софистъ, но ошибка ея лишь въ томъ, что она представляетъ совершившимся въ одинъ день цѣлое развитіе факта, хотя вполнѣ послѣдовательнаго, но тогда находившагося еще въ зародышѣ.

Послѣдствія этой таинственной связи Церкви съ римской имперіей не заставили себя ожидать. Они развернулись съ удивительною ясностью и краснорѣчиво обнаружили свое значеніе. Всѣ симптомы дряхлости, проявлявшіеся въ имперіи, тотчасъ воспроизведены были Церковью, даже относительно раздвоенія, что привело къ раздѣлу императорскихъ владѣній. Востокъ началъ съ этого времени отдѣляться отъ Запада, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Начали возникать со стороны Церкви притѣсненія, подъ знаменемъ объединенія, какъ это дѣлалось въ имперіи. Церковь отказываетъ своимъ врагамъ въ терпимости, которой она такъ долго домогалась для себя самой, она запираетъ ихъ храмы, обогащается ихъ имуществомъ и возобновляетъ противъ иновѣрцевъ ту неукротимую войну, которую велъ Римъ противъ національностей. Богословскіе диспуты, даже самые невинные, обагряютъ кровью города. Церковь, подобно имперіи, заводитъ своихъ преторіанцевъ, которые барышничаютъ тіарой, возстановляютъ папу противъ папы, епископа противъ епископа, соборъ противъ собора. Но это еще не все. Надо было заплатить императорамъ за ихъ покровительство, прежде нежели кто-либо другой захватитъ ихъ авторитетъ. Тяжкій и унизительный платежъ! Вотъ человѣкъ, обремененный преступленіями, покрытый кровью своего брата, своего сына и своей жены, — это Константинъ! И ему воскуряютъ фиміамъ, какъ „внѣшнему епископу", въ христіанскихъ базиликахъ, его обожаютъ какъ цезаря въ прежнихъ храмахъ политеизма. Еще не принявши крещенія, онъ низлагаетъ уже епископовъ, рѣшаетъ ихъ споры, собираетъ соборы и предсѣдательствуетъ на нихъ, разрѣшаетъ догматическіе вопросы, сообразно съ внушеніями своего необузданнаго характера и своихъ капризовъ, и, къ довершенію всего, причисляется къ лику блаженныхъ. Его преемники слѣдуютъ по его стопамъ и сохраняютъ

всѣ его привилегіи и пользуются ими. Въ концѣ концовъ императорское покровительство въ нѣсколько мѣсяцевъ произвело то, чего въ теченіе столькихъ лѣтъ не могли произвести самыя ужасныя преслѣдованія: оно произвело папу-отступника и отступническій соборъ.

Въ это время уже опошлились нравы и характеры; грубое или пустое, утонченное и хитросплетенное толкованіе замѣнило свободныя пренія первыхъ апологетовъ. Формулы, суевѣрныя привычки, регламентація замѣнили вѣру; нравственность вытѣснена догмою; мѣста единенія вѣрныхъ, которыя сначала были чѣмъ-то въ родѣ школъ, гдѣ наставлялись чтеніемъ Слова Божія и откуда, по свидѣтельству Лактанція и Оригена, строго изгонялись статуи, образа и курильницы, преобразились теперь въ великолѣпныя базилики съ разными церемоніями, заимствованными изъ языческаго культа — смѣсью величественнаго и таинственнаго, соединяемаго обыкновенно съ цѣлью поражать воображеніе.

Таковы были первые плоды переворота, происшедшаго въ Церкви. Важность совершившагося преобразованія можетъ быть разсматриваема по тѣмъ результатамъ, которые такъ блистательно подтверждаетъ опытъ. Церковь столько же пріобрѣла отъ единства и могущества политическаго, сколько потеряла нравственнаго авторитета. Только живучесть, которую носило христіанство само въ себѣ, и та живость, которую внесли въ его нѣдра варвары, спасли его отъ преждевременнаго упадка, на который оно было обречено, но съ этимъ вмѣстѣ христіанство сохранило и новый элементъ, который завѣщало ему издыхающее язычество. Форма правленія, внушенная самымъ варварскимъ абсолютизмомъ, который когда-либо существовалъ, примѣшалась къ учрежденіямъ, которыя имѣли своимъ принципомъ и цѣлью свободу, и на фронтонѣ христіанскаго зданія, какъ иронія, осталось языческое имя: Pontifex maximus.

II.

Политическая роль папъ въ эпоху вторженія варваровъ.

Какъ бы ни были печальны послѣдствія связи между Церковью и имперіей относительно великихъ интересовъ цивилизаціи и дальнѣйшаго развитія христіанства, тѣмъ не менѣе лишь ограниченный умъ не замѣтилъ бы той относительной выгоды, которая произошла отсюда для народовъ, подчиненныхъ римскому владычеству. Церковь привнесла въ государство здоровый принципъ раздѣленія двухъ властей — свѣтской и духовной, до того времени сосредоточенныхъ въ однѣхъ рукахъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить также, что хотя цѣль Церкви и не состояла въ томъ, чтобы избавиться отъ оковъ императорской власти и уничтожить различіе между духовной и свѣтской властью въ пользу первой, но все-таки благодѣяніе для человѣчества уже было сдѣлано. Союзъ Церкви и имперіи былъ нравственной потерей для первой и прогрессомъ для послѣдней.

Несмотря, однако, на все, что было сдѣлано для Церкви, она могла казаться только безполезною для имперіи. Церковь была настолько выше ея по просвѣщенности и нравственному чувству, чтобы понять, что на нее смотрѣли, какъ на простое орудіе правительства, и не могла не страдать отъ принужденнаго соучастія, которое возлагалъ на нее союзъ. Имѣя часть въ почестяхъ, Церковь должна была участвовать и въ безчестіи. Далекая отъ того, чтобы выиграть отъ этой солидарности силу и устойчивость, которыхъ она ожидала, Церковь при всѣхъ потрясеніяхъ, ежедневно увеличивавшихся, получала болѣе сильные удары, чѣмъ римское зданіе. Послѣ всѣхъ эдиктовъ, которыми императоры утвердили и увеличили привилегіи Церкви, со времени Константина, послѣ знаменитаго акта, который при Θеодосіи утвердилъ христіанство государственной

религіей, обязательнымъ культомъ для гражданъ, послѣ новыхъ завоеваній, которыя увеличили ея господство, простерши ея духовную власть за предѣлы имперіи и подчиняя ей еще непокоренныя націи,—послѣ всего этого для нея еще тягостнѣе было видѣть, что благоденствіе ея подвержено столькимъ случайностямъ. Церковь не могла предоставить независимость своихъ первосвященниковъ милости эфемерныхъ цезарей, тѣмъ менѣе расположенныхъ уважать церковный авторитетъ, чѣмъ болѣе видѣли они себя вообще подверженными ударамъ и нападкамъ. Церковь испытала, какъ были тягостны для нея услуги цезарей, и считала ихъ для себя униженіемъ. Цезари заставляли ее платить за свои благодѣянія, которыя состояли не только въ томъ, что они простирали свой безпрерывный и невыносимый контроль надъ вопросами, чуждыми ихъ власти, но и предъявляли такія претензіи на сущность догмата и вѣры, которыхъ не простирали даже сами папы. Допустивъ, по корыстолюбивой угодливости, вмѣшательство императоровъ въ свои внутреннія дѣла, Церковь дала имъ право смотрѣть на это какъ на нѣчто законное и не могла жаловаться на свою судьбу. Замѣтно также было, что подъ вліяніемъ раздѣленія двухъ властей производилась, подъ самою гибельною формою, бо̀льшая часть безпорядковъ, приводившихъ ихъ въ замѣшательство.

Не смѣя разорвать эти связи для того, чтобы возвратиться къ прежней своей независимости, которая была уже не въ силахъ поддерживать ея величавую строгость, Церковь могла ожидать своего освобожденія только отъ какого-нибудь переворота, который поставилъ бы ея могущество выше императорскаго, или отъ окончательнаго разрушенія имперіи; предпріятіе — неисполнимое въ одномъ случаѣ и опасное въ другомъ; что же касается до установленія независимаго территоріальнаго господства, то объ этомъ нельзя было и думать, пока существовалъ цезарь; оно было слишкомъ несовмѣстимо съ абсолютнымъ единствомъ, которое образовало основу императорскихъ традицій. Было бы самымъ неправдоподобнымъ анахронизмомъ приписывать папамъ этой эпохи такое честолюбіе. Первая мысль объ этомъ родилась у нихъ только посреди всемірнаго разстройства, которое вскорѣ послѣдовало. Но то, что видимо обнаружилось у нихъ въ послѣдніе дни римскаго упадка, это—возрастающее нетерпѣніе, съ которымъ они сносили опеку императоровъ. Въ папахъ уже предчувствовали хранителей и представителей какого-то учрежденія, которое будетъ существовать рядомъ съ коронованнымъ фантомомъ, которому повиновались только по привычкѣ.

Еще болѣе поражены были политическимъ и предусмотрительнымъ настроеніемъ, которое одушевляло клиръ. Во всѣхъ провинціяхъ, во всѣхъ городахъ, онъ наполнилъ важныя мѣста, овладѣлъ общественными должностями, которыя оставлены были гражданами, считавшими ихъ не болѣе какъ способомъ къ грабежу, и занималъ часто даже самыя префектуры. Вездѣ, гдѣ только являлся *защитникъ народа*, который возобновлялъ память могущества трибуновъ, это былъ непремѣнно *епископъ*. Издавая законъ, усвоивавшій епископамъ право надзора надъ всѣми должностными лицами имперіи, Юстиніанъ подтвердилъ только прерогативы, которыми они уже давно пользовались. Чтобы еще глубже вкоренить свое вліяніе, они внесли его въ нѣдра семействъ и въ сердца гражданъ. Они домогались и достигли надзора надъ опеками и попечительствами, заботились объ интересахъ вдовъ и правахъ несовершеннолѣтнихъ, наконецъ, они сдѣлались настолько необходимыми, что другіе начальники казались безполезными или жестокими, и искусно заставили ввѣрить себѣ всѣ благотворительныя должности, оставляя на долю имперіи лишь притѣснительныя или непопулярныя.

Въ то время, когда Церковь, пользуясь покровительствомъ имперіи, старалась избавиться отъ принятыхъ ею компрометирующихъ обязательствъ, появились варвары. Она привѣтствовала ихъ какъ освободителей. Хотя они по большей части принадлежали къ аріанской сектѣ, но Церковь видѣла въ нихъ только солдатъ, вооруженныхъ для ея торжества. Имперія была вполнѣ истощенной, дряхлой, достигшей до крайняго

предѣла своего развитія, неспособной къ преобразованію: отъ нея уже нечего было ожидать; напротивъ, варвары привнесли въ нее элементъ юный, живучій, полный развитія, плодотворный и имѣющій будущность. Въ Римѣ выраженіе радости сдерживалось лишь опасеніемъ оттолкнуть сердца побѣжденныхъ, издѣваясь надъ своимъ пораженіемъ; зато въ другихъ мѣстахъ раздался крикъ радости, и вся христіанская вселенная рукоплескала, когда Аларихъ овладѣлъ Римомъ. Здѣсь разомъ обнаружились и худо сдержанная ненависть христіанъ противъ ветхаго храма политеизма, и остатокъ прежней боли угнетенныхъ народностей, которая такъ помогла первымъ успѣхамъ христіанства между покоренными народами. Какъ вѣстники правосудія для однихъ и отмщенія для другихъ, варвары были приняты за дорогихъ гостей. „Такимъ образомъ,—говоритъ св. Іеронимъ,—Церковь сдѣлалась въ свою очередь учрежденіемъ, которое охватило всю вселенную“.

Съ паденіемъ западной имперіи, въ Италіи ничего не осталось похожаго на организованную и дѣйствующую власть, кромѣ власти папства, этого центра и олицетворенія Церкви. Одно лишь папство уважалось варварами, только оно одно имѣло характеръ устойчивости посреди непрочныхъ учрежденій завоеванія, которыя разрушались одни другими, подобно тому, какъ волна разбивается волною. Ничто не устояло, кромѣ одного папства. Такое, какимъ оно было тогда, неопредѣлившееся, безоружное, безъ опредѣленныхъ правъ, одно—стоящее посреди развалинъ, оно имѣло все величіе нравственнаго авторитета. Всегда дѣятельное, всегда готовое на помощь, окруженное какимъ-то обаяніемъ, которое поражало даже завоевателей, оно представлялось для народовъ какъ посредникъ, постоянно становящійся между побѣдителемъ и побѣжденными. Аттила почтительно отступилъ передъ папой, Аларихъ и Гензерихъ вели съ папами переговоры. Обширная популярность, смѣшанная съ страхомъ и почтеніемъ, была для папства вознагражденіемъ, и если Одоакръ, вождь геруловъ, образовавшій въ Италіи свое государство, допустилъ существованіе римской республики въ центрѣ своихъ владѣній, то это ничуть не по уваженію къ порабощенному имъ классическому фантому, а къ священному городу, гдѣ пребывалъ представитель христіанской вѣры.

Это полусуевѣрное отвращеніе еретика-варвара къ оскорбленію убѣжища главы западной Церкви представило уму папъ первую идею независимаго свѣтскаго господства и въ то же время дало имъ случай положить этому первыя начала. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣли-ли они права приписать себѣ того, что ихъ не осмѣлилось коснуться завоеваніе? Могли-ли они смотрѣть на себя какъ на членовъ маленькой муниципіи римской или греческой имперіи, которую они помогали изгонять изъ Италіи, и которая никогда уже не могла снова овладѣть ею?

Въ это время мысль присвоить себѣ такое господство начала уже проявляться въ дѣятельности папъ. Они пріобрѣли средства избавиться отъ опеки политическаго авторитета и никогда уже ихъ не оставляли. Напротивъ, съ этихъ поръ цѣлью ихъ дѣятельности было то, чтобы всѣми силами препятствовать учрежденію какого бы то ни было могущественнаго государства въ Италіи, такъ какъ оно могло стѣснять ихъ независимость. Это первое внушеніе, давшее направленіе ихъ политикѣ, которой они не переставали слѣдовать до настоящаго времени, имѣло неисчислимое вліяніе на судьбы Италіи.

Царство готовъ слѣдовало за царствомъ геруловъ; папы благопріятствовали ему покамѣстъ оно благопріятствовало имъ, но лишь только оно сдѣлалось сильнымъ, папы стали разстроивать его, возбуждая противъ него національное чувство и распространяя идею федеративной республики, защитниками которой они явились. Когда же все это оказалось недостаточнымъ, папы призвали на помощь тѣхъ же восточныхъ императоровъ, изгнанію которыхъ сами содѣйствовали, обратились къ нимъ съ поспѣшностью, не заботясь о войнѣ, которую должны были начать противъ нихъ на другой же день

побѣды, и предпочитая этихъ слабыхъ и отдаленныхъ властителей господству, вдвойнѣ угрожающему и своей силой, и своей близостью. Впослѣдствіи явились лонгобарды, папы сразили и этихъ подобными же мѣрами, и лишь только замѣтили себя не совсѣмъ сильными, какъ начали искать себѣ защиту за Альпами. Изъ свободнаго города, который служилъ колыбелью возрождавшейся власти папъ, они безпрерывно волновали другіе народы, потому что только въ войнахъ находили гарантію своей безопасности. Все должно было уничижаться и ослабляться вокругъ нихъ, лишь бы возрастало ихъ могущество!

Такимъ образомъ они, какъ только встрѣчали затрудненіе въ достиженіи своей цѣли, поселяли раздоръ между сосѣдними государствами, стараясь подорвать одно другимъ, и дѣлали это съ такимъ терпѣніемъ и сноровкой, которымъ слѣдовало бы удивляться, если бы дѣйствія эти не причинили столькихъ золъ и если бы папы предпринимали ихъ для лучшихъ цѣлей. Здѣсь обнаруживается уже дряхлость, которая должна была сдѣлаться въ продолженіе столькихъ вѣковъ злополучіемъ Италіи. Это непрерывное господство, котораго папы ни за какую цѣну не хотѣли уступить ей, не есть выраженіе подчиненія, привнесеннаго въ нее, но является принадлежностью національности. При посредствѣ этого рода господства образуются во всей Европѣ новыя націи.

Одоакръ, Теодорихъ Великій, даже Лунтпрандъ,—всѣ они уже впередъ были за итальянскую цивилизацію. Они ищутъ служить ей тѣмъ, чтобы возстановить ее и дать ей въ руки мечъ. Папство же не желало видѣть возрастанія никакого значительнаго могущества и всегда старалось его погубить. Такъ, когда чрезъ смѣшеніе расъ во Франціи, Испаніи, Англіи образовались новые, наиболѣе сильные народы и начали объединяться, защищая такимъ образомъ свою независимость, папы всячески мѣшали имъ утвердиться въ Италіи. Лишь только замѣчали они появленіе единства, центра, пункта сближенія, національнаго могущества, элемента устойчивости, которые обѣщали Италіи защиту, обособленіе, свободное самообладаніе, какъ тотчасъ же призывали иностранную силу, чтобы все это разрушить.

Политическое могущество папъ, въ то время только еще предполагаемое, носило уже, благодаря стремленіямъ, которыя его приготовили, всѣ плоды, созрѣвшіе въ позднѣйшее время. Оно осудило Италію не имѣть національности и вслѣдствіе этого не знать независимости. Утверждали, что папы принесли въ Италію взамѣнъ свѣтскаго величія духовное, которое простиралось на цѣлый міръ; но это, съ одной стороны,—мечтательное вознагражденіе, потому что духовный авторитетъ папства утратился съ того момента, когда оно пріобрѣло политическую власть, а съ другой—безполезная жертва, потому что Церковь могла же обходиться и безъ всякой политической власти столько вѣковъ, самыхъ трудныхъ и самыхъ славныхъ для ея существованія.

III.

Даръ Пипина и договоръ Карла Великаго.

Въ началѣ большей части властей замѣчается узурпація, а между тѣмъ, когда приходится имъ испытывать нападеніе, онѣ ссылаются на законность своего происхожденія. Онѣ съ высокомѣріемъ выставляютъ свои поддѣльные титулы, но никогда не приходитъ имъ на мысль простой отвѣтъ: судите о насъ по нашимъ дѣйствіямъ. То, на что онѣ ссылаются для своего оправданія, не представляетъ прочной опоры, потому что онѣ сами нѣкоторымъ образомъ уничтожаютъ ее, когда восходятъ къ источнику своего происхожденія; не болѣе найдется здѣсь также и добрыхъ дѣлъ, которыя тѣмъ извинительнѣе забывать, чѣмъ больше кажутся они не оставляющими по себѣ воспо-

мнианій; здѣсь есть только одна правильность, легальность владѣнія, основаннаго лишь на наружности права. Имъ кажется, что совершенно возможно избавиться отъ всякихъ требованій справедливости, если онѣ могутъ указать на свою колыбель.

Подобныя предубѣжденія понятны у властей, основанныхъ на фикціи наслѣдственности. Чистота права заключается здѣсь всецѣло въ правильности передачи: позднѣйшее поколѣніе королевскаго рода обладаетъ не другими какими либо титулами, а тѣми же самыми, которые оно получило отъ своего родоначальника. Но у властей, долгое время утверждавшихся на народномъ сочувствіи и по самой природѣ своей исключавшихъ всякую мысль о наслѣдственномъ преемствѣ, подобнаго рода опора была бы только ложнымъ разсчетомъ, который можетъ быть объяснимъ только затруднительностью ихъ безвыходнаго положенія. Если онѣ не опираются болѣе на всеобщее сочувствіе, это означаетъ, что имѣютъ внутреннее сознаніе, что не владѣютъ имъ; если не указываютъ въ свою защиту на смягчающія обстоятельства оказанныхъ услугъ, это значитъ, что понимаютъ все бѣдствіе, причиненное этими услугами.

Исторія часто не имѣетъ возможности возвести этого спора, не рискуя справедливостью, къ вопросу о законности. Ей необходимо въ этомъ случаѣ сдѣлать оцѣнку забытыхъ ею документовъ и возвратить истинный смыслъ извращенному. Долгое существованіе папства было бы загадкой и позоромъ для человѣческаго рода, если бы оно не ссылалось на доказательства болѣе серьезныя, болѣе почтенныя и болѣе достойныя довѣрія, чѣмъ ложные, подозрительные подарки, которые еще и теперь выставляются близорукими его апологетами. Прежде всего слѣдуетъ изучить папство по всѣмъ его актамъ, по его значенію относительно цивилизаціи, по его вліянію на Европу и въ особенности на Италію, а не по какимъ-либо измышленіямъ плохихъ продолжателей ложныхъ декреталій. Но при этомъ невозможно удержаться отъ внимательной критики законности происхожденія папской свѣтской власти, такъ какъ ей придается большое значеніе. Въ этомъ вопросѣ, сверхъ того, рядомъ съ принципомъ политической власти, скрывается источникъ гораздо болѣе важный, чѣмъ какой находимъ въ претензіяхъ папъ на имперію.

Мы видѣли, что идея о верховной, независимой свѣтской власти поддерживаема была римскими первосвященниками, какъ средство самое удобное, хотя и не слишкомъ законное, чтобы подкрѣпить ихъ моральный авторитетъ, и какъ фактъ, признанный народнымъ воображеніемъ еще прежде осуществленія его, когда народы, преклоняясь предъ этой еще идеальной силой, обрекали себя на покорность ей. Два рода препятствій, однако, были противопоставлены прямому осуществленію этихъ отношеній папства. Это была съ одной стороны возобновлявшаяся власть греческой имперіи надъ Римомъ и надъ провинціями экзархата,—правда, власть ничтожная какъ фактъ, но неприкосновенная, какъ право,—и съ другой стороны—постоянныя усилія варварскихъ королей сдѣлать Италію націей сильной и централизованной подъ одной властью. Папы приняли тактику поражать грековъ варварами, и варваровъ греками, находя для этого опору въ самой Италіи. Она снабжала ихъ силой, такъ сказать, личной, которой они пользовались съ рѣдкой ловкостью.

Связью этой было прежнее національное и республиканское чувство, сохранившееся весьма живо у римлянъ, и болѣе возбуждаемое, чѣмъ ослабляемое ихъ униженіемъ; къ этому примѣшивалось неопредѣленное, но постоянное сожалѣніе объ императорскихъ традиціяхъ и о потерянномъ величіи. Римляне были уже распущеннымъ и непонятнымъ народомъ, представлявшимъ странное смѣшеніе древняго честолюбія и новаго безсилія. Это былъ народъ въ одно и то же время вѣрный и непокорный, положительный и химерическій; въ продолженіе среднихъ вѣковъ онъ служилъ папамъ и воевалъ съ ними, обожалъ ихъ и проклиналъ, превозносилъ похвалами и порицалъ ихъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ то съ обожаніемъ, то съ ужасомъ, видѣлъ въ нихъ продолженіе

римской славы и союзъ съ варварами, не будучи въ силахъ, однако, ни любить ихъ и ни вполнѣ отдѣлаться отъ нихъ.

Истребивъ геруловъ, уничтоживъ царство готовъ и созданіе Теодориха Великаго, ограничивъ греческаго императора до одного имени власти, папы всѣ свои усилія обратили затѣмъ противъ лонгобардовъ. Подъ вліяніемъ ихъ владычества двѣсти лѣтъ совершалась продолжительная и настойчивая работа укрѣпленія итальянской національности, потому что, въ дѣйствительности, собственно для нея одной и трудились лонгобарды, стараясь утвердить свои учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, они и достигли бы этого, если бы не было скрытой оппозиціи со стороны римскихъ первосвященниковъ.

Даже подъ злословіемъ, которому подвергалась память этого народа отъ церковныхъ писателей, легко увидѣть качества, которыя, казалось, предназначали его къ означенной роли. Настолько же энергичны и предпріимчивы, какъ и другія варварскія племена, лонгобарды были болѣе гибки, болѣе гуманны и болѣе доступны цивилизаціи. Въ самое непродолжительное время нравы ихъ смягчались и они быстро ассимилировались съ туземнымъ населеніемъ. Оставивъ аріанство, они приняли католичество для того, чтобы благопріятствовать итальянцамъ солидарностью религіозныхъ мнѣній. Сверхъ того, лонгобарды съ рѣдкимъ умомъ воспользовались политическими условіями Италіи. Они утвердились при подошвѣ Альповъ, какъ на передовой дорогѣ, чтобы охранять полуостровъ отъ нападеній. Они поддерживали эту естественную защиту линіей укрѣпленій, которыя господствовали надъ всѣми дефилеями горъ. Оплотъ этотъ скоро сдѣлался излишнимъ для этого новаго народа, развившагося подъ его защитой.

Но это намѣреніе возсоздать итальянскую національность погубило лонгобардовъ. Чѣмъ ближе было оно къ осуществленію, тѣмъ дороже они должны были поплатиться за него. Безпримѣрная ненависть, которую питали папы къ этому народу и которая направлена была къ истребленію его, можетъ быть объяснена тѣми затрудненіями, которыя они противопоставляли выполненію любимыхъ плановъ папъ, до того самаго момента, когда намѣренія ихъ должны были принять полную опредѣленность. Съ большимъ искусствомъ передали папы эту жажду мести всему туземному народонаселенію, возбуждая и религіозныя страсти, и патріотическія чувства. Никогда ни одно племя не подвергалось такому проклятію и поруганію вѣковъ; никогда божій гнѣвъ не былъ призываемъ ни на одинъ народъ съ такимъ дикимъ озлобленіемъ! Анаѳемы папъ напоминаютъ проклятія іудейскаго фанатизма. Отыскивая въ исторіи лонгобардовъ причины этихъ проклятій, мы удивляемся, замѣчая, что папы расточали ихъ съ величайшей яростью именно въ тотъ моментъ, когда лонгобарды обратились въ католичество и когда, по своимъ нравамъ, своей цивилизаціи и духу своихъ учрежденій, они казались выше не только всѣхъ другихъ варваровъ, но и испорченныхъ грековъ и жадныхъ и дикихъ франковъ, которыхъ издалека вызвали противъ нихъ.

Въ чемъ же состояло преступленіе лонгобардовъ? Оно состояло въ желаніи основать государство во владѣніяхъ, посвященныхъ богу зависти,—въ предпріятіи основать національность у народа, лишеннаго всемірнаго владычества, воздвигнуть тронъ въ отечествѣ трибуновъ... Но въ Италіи государство могло утвердиться только при условіи всецѣлаго соединенія ея въ одно политическое цѣлое, при чемъ, конечно, владычество первосвященниковъ уже дѣлалось невозможнымъ. Поэтому лонгобарды и были принесены въ жертву. Ихъ неудавшаяся попытка представляетъ неизмѣримую важность въ томъ отношеніи, что она сопровождалась глубокимъ пораженіемъ самаго существеннаго принципа въ жизни каждой націи,—принципа, къ которому Италія должна была возвратиться послѣ, дорого заплативъ за пораженіе его и убѣдившись изъ кровавыхъ уроковъ, что ни одному народу не проходитъ это безнаказанно. Значеніе этого событія вполнѣ оцѣнивается тѣмъ, что оно было исходомъ всѣхъ послѣдующихъ революцій въ этой странѣ.

Выборъ, который сдѣлали папы, довѣривъ франкамъ заботу своего мщенія, объясняется естественно состояніемъ Европы въ VIII вѣкѣ. Византійская имперія, казалось, одна была въ состояніи выполнить для папъ эту роль, но сила имперіи была лишь кажущаяся и времена Велизарія были уже далеко. При томъ же Левъ Исаврянинъ, занимавшій тогда тронъ на Востокѣ, былъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ почитанія иконъ и римской Церкви: отъ него нельзя было ничего ожидать. Онъ не внушалъ ни почтенія, ни страха, и папы обходились съ нимъ слѣдующимъ образомъ: „ты хочешь меня испугать,—пишетъ ему Григорій III,—и говоришь: я разобью въ куски образъ блаженнаго Петра, заставлю арестовать Григорія и поступлю съ нимъ, какъ Константъ поступилъ съ Мартыномъ. Но знай, если ты осмѣливаешься угрожать римскому первосвященнику, то тысячи людей возстанутъ, чтобы избавить его отъ твоихъ покушеній. Знай также, что на блаженнаго Петра смотрятъ всѣ западные народы какъ на земного Бога, и если ты захочешь оскорбить его изображеніе, весь Западъ и даже Востокъ поднимутся противъ тебя, чтобы отомстить за это оскорбленіе".

Послѣ восточнаго императора франки были самыми могущественными союзниками, у которыхъ папы могли просить опоры. Между германскими націями это была первая принявшая католичество; она казалась самою предпріимчивою и, несмотря на тогдашнюю свою жестокость,—призванною къ блестящему назначенію; націи этой суждено было спасти христіанство, отразивъ, по ту сторону Пиринеевъ, вторженіе мусульманъ, которые готовы были наводнить весь міръ, и эта побѣда придала ей величайшую славу и значеніе. Съ этой минуты папы обратили свои взоры на франковъ. Къ этому побудило ихъ, независимо отъ общихъ причинъ, одно благопріятствующее ихъ видамъ обстоятельство. Они встрѣтили во Франціи честолюбіе, которое ожидало лишь благопріятныхъ событій, чтобы высказаться.

Въ царствованіе послѣднихъ Меровинговъ государствомъ управляла фамилія Геристаля, стремясь достигнуть высшихъ почестей съ такой же жадностью, съ какой она пользовалась всѣми правами высшей власти. Но чѣмъ слабѣе была преграда, отдѣлявшая ихъ отъ королевскаго достоинства, тѣмъ казалась она неприкосновеннѣе. Меровинги, потерявъ всѣ аттрибуты власти, видѣли въ нихъ только свое право, и эта законность поддерживалась стариннымъ предразсудкомъ. Слабость ихъ была для нихъ самымъ вѣрнымъ оплотомъ.

Изъ всѣхъ идей, или, если можно сказать, изъ всѣхъ предразсудковъ, внесенныхъ въ міръ варварскими народами, самымъ сильнымъ, послѣ чувства личной независимости, былъ, безъ всякаго сомнѣнія, предразсудокъ абсолютнаго наслѣдственнаго права. Всѣ предразсудки варваровъ исходили изъ одного общаго источника. Варварскимъ народамъ приписывали совершенно несправедливо понятіе о личномъ правѣ, понятіе философское, развившееся гораздо позже—въ XVI и XVII вѣкахъ; они имѣли не болѣе какъ инстинктивное сознаніе этого права, и то неполное и крайне грубое. Права личности въ ихъ законахъ и постановленіяхъ условливаются формою привилегій крайне несправедливыхъ и произвольныхъ; похитителямъ чужой свободы присвоивается такое право, какъ будто они владѣютъ естественной своей собственностью. Таковъ источникъ грубой теоріи о наслѣдствѣ, которая такъ долго тяготѣла надъ новымъ міромъ и въ силу которой націи дѣлались родовымъ неотчуждаемымъ владѣніемъ какой-либо одной фамиліи.

Только одно чувство было довольно сильно, чтобы искоренить предразсудокъ, столь глубоко вкоренившійся въ умѣ франковъ,—чувство религіи, истолкованной папами; только одинъ народъ былъ довольно силенъ, чтобы истребить лонгобардовъ—это франки.

Изъ этого сочетанія двухъ удобствъ должна была произойти и двойная польза. Первосвященники, выдавая себя, кромѣ этого, за независимыхъ монарховъ, нападали на тотъ же предразсудокъ, преодолѣть который стремились честолюбивые Геристали,

именно на законность правъ греческихъ императоровъ, почти столь же слабыхъ, какъ и Меровинги, но которымъ покровительствовалъ предразсудокъ еще достаточно сильный въ Италіи. Сопротивляясь имъ, папы ежедневно провозглашали свое право въ публичныхъ актахъ. Но право императоровъ имѣло характеръ столь древній, что папы не разъ удерживали ударъ, который намѣревались нанести ему. Все прошедшее Церкви могло протестовать противъ похищенія, которое они замышляли. Преданіе первыхъ вѣковъ не совсѣмъ еще исчезло, хотя и было ослаблено, и они чувствовали отголосокъ его въ своемъ сознаніи. Чтобы сдѣлать это прошедшее безвозвратнымъ, чтобы отнять всякій предлогъ снова требовать его въ будущемъ, необходимо было разорвать существовавшую связь, посредствомъ новой побѣды и права, которое народы обыкновенно съ нею связываютъ, необходимо было вызвать тотъ хаосъ, который доставляетъ побѣду тому, кто выдвинется впередъ; и по общему мнѣнію только сила могла осуществить цѣль и дать ей санкцію.

Отношенія папъ къ фамиліи Герсталя съ очевидностью показываютъ, что они скоро оцѣнили благопріятное для нихъ положеніе дѣлъ и употребили всю свою ловкость, чтобы эксплуатировать его въ пользу своего собственнаго возвышенія. Они обратились сначала къ Карлу Мартеллу, какъ настоящему королю франковъ. Григорій III послалъ къ нему пословъ съ богатыми подарками и лестными обѣщаніями; титулы и почести, которыя ему были оказаны, должны были ослѣпить воображеніе варвара. Послы папы съ большой пышностью возвели его въ достоинство патриція и римскаго консула, дали ему родъ протектората, что должно было подстрекнуть его честолюбіе и въ то же время служить дополненіемъ къ тому идеалу императора, о которомъ мечтали итальянцы, стремившіеся создать всемірный тронъ. Смерть помѣшала, однако, Карлу сдѣлать что-нибудь для своихъ благодѣтелей.

Только во время царствованія Пипина окончательно заключается союзъ папства съ фамиліей Каролинговъ. Приведши въ затрудненіе, посредствомъ хитрости, короля, опиравшагося на однѣ старыя привычки и мнѣнія, которымъ онъ хотя повиновался, но не раздѣлялъ ихъ, рѣшившись окончательно отдѣлаться отъ этой докучливой тѣни, Пипинъ предпринялъ, наконецъ, рѣшительный шагъ съ помощью папы Захаріи. Епископъ Бурхардъ и капелланъ Фулрадъ явились въ Римъ посовѣтоваться съ верховнымъ первосвященникомъ о нерѣшимости, въ которой находился ихъ повелитель. Желаетъ-ли папа видѣть во Франціи короля безъ авторитета, или пожаловать титулъ королевскаго достоинства ему, Пипину, обладающему дѣйствительной властью? Таковы были слова, въ которыхъ эти два казуиста подвергли вопросъ на обсужденіе Захаріи. Папа, по зрѣломъ обсужденіи, объявилъ себя за послѣднее. Затѣмъ Пипинъ могъ завладѣть короной съ совершеннымъ спокойствіемъ совѣсти. Однако, это рѣшеніе показалось ему недостаточнымъ для того, чтобы оправдать свое похищеніе въ глазахъ народа. Чтобы устранить послѣднее затрудненіе, ему необходимо было торжественное приказаніе папы о принятіи титула короля франковъ; и если вѣрить Эдингарду, послѣдній изъ Меровинговъ по повелѣнію же папы заключенъ былъ въ монастырь, гдѣ и умеръ.

Такимъ образомъ дана была первая корона, которую рука папы возложила на чело честолюбца. Короли должны были не разъ раскаиваться въ томъ, что дали римскимъ первосвященникамъ столь опасное право. Этотъ фактъ въ предшествовавшей исторіи Церкви имѣлъ только одинъ примѣръ, представляющій, впрочемъ, сходство довольно далекое, это — сверженіе короля Вамба, на толедскомъ соборѣ, бывшемъ въ концѣ седьмого вѣка. Тогда это вмѣшательство Церкви въ дѣла государства было подготовлено президентомъ собора, въ сущности національнаго. Извѣстно, сверхъ того, что въ эту эпоху соборы заключали въ себѣ не исключительно духовные элементы, хотя духовныхъ лицъ на нихъ бывало большинство. Излишне говорить, что возложеніе на Пипина короны было уплатой впередъ за услуги, которыхъ отъ него ожидали, и

исходной причиной того знаменитаго дара, посредствомъ котораго новый король франковъ долженъ былъ установить независимую свѣтскую власть, уступая съ такой щедростью своимъ благодѣтелямъ провинціи, которыми самъ не владѣлъ и которыя едва зналъ по имени. То, что мы находимъ и видимъ здѣсь вообще, — это начало папскихъ притязаній на право верховной власти надъ авторитетомъ королей, или, лучше сказать, надъ всѣми человѣческими властями, потому что коронованіе Карла Великаго, обнаружившее ихъ еще яснѣе, есть не что иное, какъ дополненіе къ провозглашенію королемъ Пиппина.

Странное зрѣлище, на которомъ нельзя не остановиться! Всѣ средніе вѣка тяготѣютъ въ дѣйствительности около этихъ двухъ похищеній, которыя должны были разомъ опредѣлить устройство Церкви и имперіи. Онѣ возвышаются, протягивая другъ другу руку помощи, онѣ служатъ одна для другой взаимной гарантіей и нисколько не затрудняются, получая другъ отъ друга титулы, въ которыхъ нуждались, хотя и не вѣрили въ нихъ. То, что ни папа, ни Пиппинъ не осмѣливались взять сами собою, они получаютъ, безъ угрызенія совѣсти, какъ даръ, т. е. прибѣгаютъ къ способу еще болѣе незаконному. Пиппинъ, не осмѣливавшійся дотронуться до короны, упавшей къ его ногамъ, не колеблясь даритъ королевства, еще неизвѣстныя ему даже по географическому положенію. Папа, отдавая Францію Пиппину, не осмѣливался, однако, присвоить себѣ ту высшую власть, которая находилась въ его рукахъ, но съ той минуты, какъ Пиппинъ пожаловалъ ему ее, онъ смотритъ на нее какъ на законную собственность. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого сомнѣнія въ своихъ правахъ. Первосвященники и Каролинги смѣло предстаютъ на судъ исторіи, одни—ссылаясь на даръ папы Захаріи, а другіе—опираясь на короля Пиппина. Нужно имѣть странное понятіе о своихъ обязанностяхъ, чтобы составить такую теорію законности. Мы замѣчаемъ въ этихъ обоюдныхъ пожалованіяхъ двѣ узурпаціи, изъ которыхъ одна — короля, самая предосудительная по отношенію къ варварамъ, можетъ быть прощена только за услуги, какія она оказала цивилизаціи, между тѣмъ какъ другая, узурпація папъ, получившая громкую популярность, произвела зло, которому міръ не видѣлъ еще конца.

Спустя три мѣсяца послѣ совѣщанія, о которомъ мы упомянули выше, Пиппинъ заплатилъ папѣ Стефану II выкупъ, обѣщанный Захаріи, приступивъ къ истребленію лонгобардовъ. Прежде нежели онъ выступилъ въ походъ и завоевалъ хоть клочекъ земли въ Италіи, онъ совершилъ уже свой полуфантастическій даръ, который такъ занималъ воображеніе и остроуміе историковъ. Такъ какъ дарственный актъ извѣстенъ только по подозрительному сказанію библіотекаря Анастасія,—компилятора, который писалъ спустя болѣе ста лѣтъ послѣ того, какъ актъ долженъ былъ быть изданъ, то гипотезамъ открывается полный просторъ и о свойствѣ папской власти, и объ обширности провинцій, которыя подарены были по этому акту. Это вопросы, которые имѣютъ интересъ съ точки зрѣнія любопытства, но не имѣютъ никакой важности съ точки зрѣнія права. Если же обратить вниманіе на крайнюю заботливость, съ какою сопровождалось сбереженіе и, въ случаѣ нужды, фабрикація бумагъ и документовъ, могущихъ служить видамъ римскаго двора, то слѣдуетъ заключить, что оригинальный текстъ содержалъ въ себѣ статьи, которыми дворъ не былъ совершенно доволенъ. Когда Пиппинъ покорилъ Астульфа, короля лонгобардовъ, „возвративъ“ папѣ провинціи, исчисленныя въ дарственномъ актѣ, то провинціи эти не принадлежали, по принципамъ историческаго права, ни Астульфу, ни папѣ, а еще менѣе Пиппину, но принадлежали греческому императору. Впрочемъ, мысль подарить огромную территорію, на которую не было еще пріобрѣтено права даже завоеваніемъ, представляетъ столь странную вещь, что церковные историки, а недавно Мэстръ, и послѣдніе защитники папства выводили изъ слова „возвращеніе“ то, что папы въ этомъ дарѣ пріобрѣли лишь прежнюю независимость и возвратились къ прежнему своему положенію. Но, къ несчастію

этой гипотезы, безчисленные факты показываютъ, что даже послѣ этого дара папы не осмѣливались признать, что они свободны отъ всякаго обязательства въ вѣрности константинопольскимъ императорамъ. Въ своихъ письмахъ папы постоянно выставляютъ годъ царствованія императоровъ, какъ бы признавая, что въ это время они были законными ихъ государями. Это выраженіе уваженія проглядываетъ даже въ письмѣ Адріана, спустя десять лѣтъ послѣ дара Карла Великаго.

Эти письма первосвященниковъ, — основателей независимой свѣтской власти, — служатъ прискорбнымъ свидѣтельствомъ униженія, въ какомъ находилась Церковь въ половинѣ VIII вѣка, и проливаютъ печальный свѣтъ на средства, какія папство не боялось пускать въ ходъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Въ нихъ обнаруживается вся грубость варварскихъ эпохъ, безъ всякихъ формъ наивности, подъ которыми она иногда скрывалась. Говоря языкомъ то дерзкимъ, то хитрымъ, то льстивымъ, и когда обращаются къ своимъ врагамъ, то языкомъ грубой жестокости, папы являются исключительно занятыми интригами и интересами, чуждыми ихъ духовному служенію. Глаза ихъ постоянно устремлены на добычу, которой они ищутъ; поэтому имъ не остается ни одной свободной минуты, чтобы оказать свое нравственное вліяніе на Церковь. Вмѣсто того, чтобы бороться противъ суевѣрія и невѣжества времени, они эксплуатируютъ ихъ съ самымъ постыднымъ искусствомъ, сложными обманами, поддерживаемыми съ самой невѣроятной смѣлостью. Восьмой вѣкъ былъ замѣчательнымъ періодомъ въ исторіи міра по небывалымъ успѣхамъ лжи. Огромный переворотъ произведенъ былъ въ нѣсколько лѣтъ посредствомъ нѣсколькихъ фальшивыхъ бумагъ, которыя сдѣлались въ Европѣ источникомъ общественнаго права. Когда, послѣ многихъ вѣковъ, обманъ былъ открытъ, онѣ долго еще производили свое дѣйствіе. Никогда ни прежде, ни послѣ мы не видимъ ничего подобнаго; это золотой вѣкъ мошенничества. Нѣтъ словъ описать эти благочестивые обманы и результаты, къ которымъ они привели.

Къ этой же эпохѣ слѣдуетъ отнести множество прибавокъ, и притомъ столь неискусныхъ, что онѣ обезобразили памятники христіанскаго преданія; онѣ дѣлались съ той цѣлью, чтобы превратить эти памятники въ доказательства верховной папской власти. Въ это же время Исидоръ Меркаторъ фабрикуетъ свои ложныя декреталіи, которыя получили вскорѣ силу закона и были приписаны папамъ, или никогда не существовавшимъ, или извѣстнымъ лишь по имени. Въ это же время были сочинены самыя неправдоподобныя религіозныя легенды и придуманъ смѣшной даръ Константина, на который до XVI вѣка папы ссылались, какъ на неприкосновенный авторитетъ. Наконецъ, къ этому же времени должно отнести грамоту, приписываемую Людовику Простому, хотя она относится къ позднѣйшему времени.

Всѣ эти фальшивыя продѣлки, легко узнаваемыя привычнымъ глазомъ, имѣютъ сродство формы и основанія, относятся къ одному и тому же времени и носятъ на себѣ общій характеръ: онѣ имѣютъ единственную цѣль — возвышеніе папъ надъ королями и надъ епископской властью, которая была еще страшна папамъ. Авторы ихъ не заботятся ни о правдоподобіи, ни о добросовѣстности. Для того, чтобы связать происхожденіе папства съ христіанствомъ, они вставляютъ такія прибавки въ тексты, которыя каждой чертой своей служатъ обличеніемъ ихъ.

Ложныя декреталіи суть одно изъ величайшихъ преступленій, которыя когда-либо совершались противъ истины, и заслуживаютъ подробнаго описанія. Въ пятомъ вѣкѣ Діонисій Младшій составилъ сборникъ рѣшеній, исходившихъ отъ папъ и извѣстныхъ подъ именемъ декреталій. Самыя древнія, какія онъ могъ собрать послѣ долгихъ и терпѣливыхъ поисковъ, восходили къ папѣ Сирицію, къ 390 году. Изъ этого слѣдуетъ, что о прежнихъ папахъ здѣсь не могло быть упомянуто, потому что юрисдикція епископовъ Рима не простиралась дальше границъ ихъ епархіи. На этотъ фактъ ссылались тѣ, которые позже отказались признать ихъ авторитетъ. Папы съ своей стороны не

могли оставить столь важнаго пробѣла, который и былъ восполненъ къ концу VIII вѣка самой дерзкой мистификаціей, не имѣющей себѣ подобной. Одинъ священникъ, извѣстный лишь по имени, вѣроятно столь же ложному, какъ и твореніе, подъ которымъ оно написано, Исидоръ Меркаторъ, однимъ почеркомъ пера пересочинилъ первобытную исторію Церкви. Онъ вложилъ въ уста папъ перваго вѣка слова, правила и желанія восьмого вѣка, описалъ заднимъ числомъ, на 700 лѣтъ, ихъ воображаемыя права, которыя христіанство тогда отказывалось допустить, и придалъ такимъ образомъ авторитетъ древности и преданія нововведеніямъ, планъ которыхъ былъ едва извѣстенъ.

Это сочиненіе, исполненное сверхъ того безъ искусства, съ неопытностью варварскаго невѣжества, полное противорѣчій, анахронизмовъ и невозможностей, никогда не выдержало бы критики, если бы духъ критики тогда существовалъ. Это—скопленіе текстовъ, заимствованныхъ изъ множества твореній отцовъ Церкви, постановленій соборовъ, императорскихъ декретовъ и изъ сборниковъ каноническихъ законовъ. Въ нихъ извращенъ истинный смыслъ вставками безъ означенія чиселъ, сдѣланными въ формѣ писемъ различныхъ папъ, начиная съ св. Петра. Идея первенства папъ надъ королями и надъ соборами проглядываетъ почти на каждой страницѣ [1]). Басня должна была держаться до тѣхъ поръ, пока держалось самое первенство папъ, и начала упадать только тогда, когда Эразмъ и Фра Паоло Сарпи открыли обманъ и Бароній и Беллярминъ не признали ее.

Ложный даръ Константина—документъ хотя и вымышленный, по тѣмъ не менѣе весьма драгоцѣнный, потому что онъ выражаетъ, въ описаніи заднимъ числомъ на нѣсколько вѣковъ, съ совершенной ясностью дѣйствующіе мотивы и тайное честолюбіе папъ, бывшіе причиною самаго этого вымысла. Это полная программа ихъ стремленій въ VIII вѣкѣ. Онъ написанъ въ духѣ обращенія къ восточнымъ императорамъ, съ цѣлью отклонить ихъ отъ обратнаго требованія провинцій, которыя они покоряли. Здѣсь же мы находимъ, особенно относительно Италіи, одно изъ замѣчательныхъ признаній папъ, которыя когда-либо вырывались въ папской политикѣ. Константинъ, исчисливъ почести, привилегіи и другія преимущества, которыя онъ предоставляетъ папамъ, даетъ имъ охотно городъ Римъ и Италію въ собственность, и прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Что касается насъ, мы нашли приличнымъ перенести нашу имперію въ восточныя провинціи и на территорію Византіи, потому что тамъ, гдѣ Царь Небесный поставилъ верховную духовную власть и главу христіанской религіи, было бы весьма неумѣстно, чтобы царь земной сохранялъ свое земное могущество“.

Вся политика папъ, теорія и практика ихъ, содержалась въ этомъ краткомъ изреченіи, которое яснымъ образомъ подтверждаетъ все то, что было сказано о несовмѣстимости ихъ съ возстановленіемъ итальянской національности. Это та самая идея, которая сдѣлала безплодными всѣ попытки, клонившіяся къ этой цѣли. Она же погубила лонгобардовъ и доставила быстрый успѣхъ франкамъ, она воскресила имперію въ коронованіи Карла Великаго. Первое условіе, возложенное на новую имперію, состояло въ осуществленіи обѣщанія, формулированнаго въ дарственной Константина, которое оставляло свободное поле въ Италіи „верховной папской власти“.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возвращенія изъ экспедиціи противъ лонгобардовъ, Пипинъ получилъ слѣдующее письмо, адресованное отъ лица апостола Петра:

„Петръ, названный апостоломъ самимъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Бога живаго,

---

[1]) Сомнѣваются, былъ-ли написанъ весь сборникъ Исидора въ одну эпоху, или онъ получилъ нѣкоторыя прибавки позже: съ одной стороны о немъ упоминается въ 785 г. въ сборникѣ Ингельрама, епископомъ Метца; съ другой стороны нападенія, спеціально направленныя противъ могущества епископовъ, заставляютъ скорѣе относить его къ эпохѣ епископальной феодальности.

который, царствуя прежде всѣхъ вѣковъ со Своимъ Отцемъ въ единствѣ Св. Духа, воплотился въ это последнее время и сдѣлался человѣкомъ для нашего спасенія и для спасенія со мною и чрезъ меня, всей Церкви Божіей католической и апостольской, т. е. Церкви римской, матери всѣхъ Церквей Божіихъ, основанной на твердомъ камени кровію нашего Искупителя и Стефана, начальника этой самой Церкви, для того, чтобы вырвать эту Церковь изъ рукъ ея преслѣдователей, такъ же, какъ и народъ римскій, который мнѣ ввѣренъ.

„Къ вамъ, короли Пипинъ, Карлъ и Карлъ Великій, святымъ епископамъ и аббатамъ, священникамъ и монахамъ, герцогамъ и графамъ, воинамъ и гражданамъ Франціи, я, Петръ, апостолъ, призванный Христомъ, чтобы просвѣтить всю вселенную, и проч.

„Взываю и увѣщеваю вашу любовь къ защитѣ этого города Рима и народа, который мнѣ ввѣренъ,—противъ ихъ враговъ, о чемъ я васъ прошу и заклинаю, ибо нечестивый народъ лонгобарды причинили имъ великую печаль. Не обманывайтесь, мои вѣрные друзья, но вѣрьте, что это я самъ здѣсь—живой и въ плоти предъ вами, и это я лично васъ заклинаю и вамъ представляю эти могущественныя увѣщанія, и проч.

„Спѣшите, помогайте вашей матери Церкви прежде, нежели она будетъ унижена и осквернена нечестивыми. Ты, о народъ французскій, въ моихъ глазахъ есть первый народъ въ поднебесной... Если вы не медля послушаетесь меня, вы получите великую награду, вы побѣдите своихъ враговъ, вы будете вкушать блага земли и будете наслаждаться въ вѣчной жизни, если же замедлите исполнить мои приказанія, то будете лишены Царствія Божія, и проч.“.

Церковные историки испытывали, въ виду этого документа, затрудненіе, которое легко понять. Было бы несвойственно приписать всѣ выраженныя въ немъ нелѣпости здравому уму. Съ другой стороны, бумага отъ начала до конца написана крайне серьезно. Отказывались признать дѣйствительность этого письма, представляли его какъ замысловатую и дерзкую выдумку на Стефана II, стремившагося вызвать Пипина въ Италію, гдѣ лонгобарды снова пріобрѣли свое прежнее преобладаніе. Сближеніе же этого письма съ другими памятниками того же свойства, которыми изобиловало это время, достаточно объясняетъ его происхожденіе: стоитъ только сравнить его съ письмомъ, гдѣ самъ папа Стефанъ разсказываетъ съ мельчайшими подробностями содержаніе своего разговора съ апостоломъ Петромъ и св. Павломъ, въ церкви св. Діонисія, по случаю болѣзни, распространившейся въ монастырѣ этого имени.

Такова законность папства, какъ политической власти; оно не разбирало средствъ, лишь бы создать себѣ успѣхъ. Объ учрежденіяхъ должно судить такъ же, какъ объ индивидуумахъ, и человѣческая совѣсть рѣдко обманывается, судя о нихъ по средствамъ какія они употребляли для своего успѣха. Папы, сознавая, что успѣхъ ихъ зависитъ отъ обмана, тѣмъ самымъ признали, что они не надѣялись достигнуть его правымъ путемъ.

Въ ту минуту, когда папство казалось наилучшимъ образомъ утвердившимся, будущность папскихъ плановъ едва не была разрушена женитьбою Карла Великаго на Германгардѣ, дочери короля лонгобардовъ. Папа Стефанъ III поспѣшилъ написать Карлу, чтобы отвратить его отъ этого намѣренія, говоря ему, что онъ оскверняетъ себя, главу столь великаго и славнаго народа, союзомъ съ нечистой кровью лонгобардовъ, съ этимъ прокаженнымъ племенемъ, съ этими клятвопреступниками, съ этими проклятыми, вѣчными врагами Церкви Божіей. Но повелитель франковъ былъ не таковъ, чтобы на него могли подѣйствовать подобныя увѣщанія, слѣдовательно, оставалась одна надежда — разводъ; позже разводъ былъ рѣдко доступенъ для королей, когда стремились подчинить ихъ, въ это же время папы искали лишь привлекать ихъ на свою сторону и потому разводъ былъ допускаемъ. Карлъ Великій, имѣвшій девять женъ и бывшій любовникомъ своихъ собственныхъ дочерей, всегда былъ готовъ воспользоваться разводомъ. На слѣдующій годъ Германгарда была отвергнута, и затѣмъ,

немного спустя, Карлъ Великій, по просьбѣ Адріана, опустошивъ Ломбардію, осадилъ въ Павіи лонгобардскаго короля и подтвердилъ въ Римѣ даръ, сдѣланный Пипиномъ, прибавивъ къ нему, какъ утверждаетъ хроника Анастасія, Корсику, Сардинію, Лигурію, Сицилію, Венецію и Беневентъ,—земли, которыми онъ, такъ же, какъ и Пипинъ, не имѣлъ права располагать.

Текстъ этой конфирмаціи не лучше извѣстенъ, какъ и оригинальный текстъ дара, болѣе же всего остается темнымъ самый интересный пунктъ этого договора, т. е. подробное опредѣленіе обоюдныхъ правъ папы и короля. Не вѣря словамъ монаха Сигиберта гемблускаго относительно права избирать папъ, которое римскій соборъ предоставилъ будто бы Карлу Великому, можно, однако, съ увѣренностію утверждать, что Карлъ Великій сохранилъ за собою, по крайней мѣрѣ, право вмѣшиваться на дѣлѣ въ назначеніе ихъ. Что же касается другихъ преимуществъ верховной власти, то нѣтъ сомнѣнія, онъ сохранилъ нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ. Онъ принимаетъ титулъ короля Италіи и римскаго патриція, онъ вступаетъ въ управленіе, заставляетъ чеканить монету съ своимъ изображеніемъ, миритъ разномысліе, которое возникло между папой и равеннскимъ архіепископомъ, отвергаетъ рѣшенія церковнаго суда, когда они кажутся ему несправедливыми. Столь надменный характеръ и столь энергическая личность не были созданы для того, чтобы легко преклониться предъ духовнымъ авторитетомъ. Жалобы и сѣтованія Адріана достаточно показываютъ, что съ дарственной Пипина обращались какъ съ легендой и что Карлъ Великій мало придавалъ значенія даже своимъ собственнымъ обязательствамъ.

Въ это время явилась мысль заставить его возобновить эти обязательства торжественнымъ актомъ, который воспрепятствовалъ бы ему впредь возвращаться назадъ и отнять то, что онъ разъ далъ. Чтобы охранить отъ него Италію, необходимо было связать его новымъ договоромъ. Такимъ образомъ въ то самое время, когда могущество Карла, среди великихъ европейскихъ націй, казалось, не могло имѣть никакого соперничества въ мірѣ, папы предприняли смѣлый планъ подчинить его, оказавъ ему обрядомъ коронованія величайшую славу, о какой онъ только могъ мечтать. Таковъ настоящій смыслъ возстановленія Западной имперіи.

Это возстановленіе не имѣло ничего общаго съ типомъ старой имперіи. Возстановленная имперія видѣла не величіе императоровъ, а возвышеніе папъ. Только варварское невѣжество могло допустить поддѣлку продолженія царствованія цезарей! Новая имперія не имѣла ни однородности, ни централизаціи, и не была абсолютной. Это такъ вѣрно, что если вѣрить Егингарду, самъ Карлъ Великій сознавалъ, хотя неясно, что его новый титулъ не будетъ служить въ пользу его могущества, и выказывалъ нерасположеніе принять корону. Дѣйствительно, коронованіе это заключало въ себѣ скрытую уступку Италіи. Онъ вымѣнялъ свое право завоеванія и единство своего королевства, созданнаго его мечемъ, на форму императорскаго федерализма, слишкомъ благопріятнаго для свободы народовъ, чтобы быть благопріятнымъ для силы государей. Какъ король, онъ былъ для папъ весьма могущественнымъ покровителемъ, а какъ императоръ, онъ нашелъ въ нихъ соперниковъ.

Обстановку коронованія заимствовали, сколько возможно, изъ древнихъ преданій. Единогласное избраніе народомъ, который въ день Рождества Христова 800 года возвелъ Карла Великаго въ достоинство императора, безспорно, было формой и идеей древности, но то, что законнымъ представителемъ этого народа былъ и оставался папа—не принадлежало древности. Корона возложена была на чело императора папою въ качествѣ главы римской республики, какъ единственнаго источника императорской власти. Императоръ долженъ былъ приносить свою присягу въ вѣрности передъ папой и обрядъ присяги долженъ былъ возобновляться при каждой перемѣнѣ царствованія. Его наслѣдники обязаны были являться для коронованія въ Римъ, но не могли основать здѣсь своей

резиденціи. Этой періодической явкой они какъ бы воздавали уваженіе своему верховному властителю. Эти условія, столь чуждыя древнему учрежденію объ императорской власти, ставили ее въ зависимость отъ римскихъ первосвященниковъ. Такимъ образомъ, своими видимыми уступками папы пріобрѣли неизмѣримое преимущество. Если императоръ съ своей стороны добился права утверждать избраніе епископовъ, если самый Римъ былъ не болѣе какъ феодальное владѣніе, а папа—великій вассалъ имперіи, то въ этомъ не заключалось ничего важнаго собственно для могущества папъ. Вопросъ касается маленькой территоріи и свѣтской власти надъ нею. Въ дѣйствительности же папы находились на пути къ всемірной монархіи.

Этотъ знаменитый договоръ между Церковью и Карломъ Великимъ не имѣетъ почти ничего общаго съ древними императорскими и папскими преданіями. По формѣ онъ напоминаетъ скорѣе договоры варварскаго происхожденія, въ которыхъ самое обязательство между повелителемъ и вассаломъ всегда было двояко и взаимно, во время же римскихъ императоровъ подобные договоры никогда не имѣли взаимности обязательства. Право утвержденія избираемыхъ папъ, которое Церковь признала за римскими императорами и которое греческіе императоры наслѣдовали на нѣкоторое время послѣ нихъ, не сопровождалось никакой взаимностью обязательствъ, кромѣ неопредѣленнаго и безъ всякихъ гарантій обѣщанія покровительства. Во времена цезарей оно приняло иной характеръ, сдѣлавшись еще болѣе чуждо этой взаимности, потому что подчиняло имперію Церкви. Оно открываетъ честолюбію папъ безграничное поле. При первомъ взглядѣ, противоположность, существовавшая между этими двумя властями, изъ которыхъ одна кажется столь сильной, а другая столь безоружной, кажется удивительной, и возбуждается вопросъ, не лучше-ли было бы для папства оставаться въ своемъ прежнемъ положеніи, т. е. между лонгобардами и константинопольскими императорами, какъ бы ни было оно ненадежно; но это сомнѣніе исчезаетъ передъ анализомъ новыхъ условій ихъ власти. Права, которыя обѣ стороны дали другъ другу, и неизбѣжный антагонизмъ, созданный договоромъ, могли послужить только въ пользу папъ. Случайность наслѣдственности, которой подчинялся только королевскій родъ, допускала на престолъ дѣтей и безумцевъ. Но могли-ли они бороться съ учрежденіемъ, основаннымъ на разсчетѣ, разсудительности, постоянно возобновлявшимся чрезъ избраніе и олицетворяемымъ людьми самыми мудрыми, проницательными и опытными, какіе только оказывались въ составѣ Церкви? И могла-ли императорская организація удержаться въ настоящихъ границахъ среди столькихъ причинъ къ ея разрушенію? А христіанское духовенство, съ своей стороны, не стремилось-ли съ каждымъ днемъ устроиться, укрѣпиться, и если одинъ конецъ рычага началъ понижаться, то другой не долженъ-ли отъ этого возвыситься?

Такимъ образомъ подготовлялась та поразительная драма, которая наполнила средніе вѣка самыми разнообразными комбинаціями. Изъ этихъ двухъ главныхъ элементовъ, которые замѣтны въ Италіи еще и теперь, образовались принципы демократическій и муниципальный, болѣе всего помогавшій возвышенію папъ, и аристократическій, который, подъ формою королевства и при поддержкѣ военной силы, стремился основать итальянскую національность; первый служилъ папству, второй—имперіи, но при всемъ томъ не отдаваясь имъ вполнѣ, потому что время отъ времени онѣ проявляли свою самостоятельность. Имперія и папство однѣ остаются на полѣ битвы; онѣ обольщаютъ воображеніе итальянцевъ обаяніемъ двойного идеала, во всякомъ случаѣ химерическаго, отвлекаютъ его отъ судьбы болѣе скромной, но болѣе прочной, которая даетъ націямъ независимость, и увлекаютъ его блестящимъ, но безплоднымъ космополитизмомъ. Популярность, которую пріобрѣло въ этой странѣ коронованіе Карла Великаго, поддерживалась сверхъ того чувствомъ еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ обаяніе воспоминаній. Эта корона, эмблема всемірнаго владычества, была дана побѣжденной Италіей. Изъ побѣжденной она дѣлается теперь побѣдительницей.

IV.

Первая борьба папства съ имперіей.—Епископскій феодализмъ.

Слѣдствія договора Карла Великаго не замедлили обнаружиться при началѣ же царствованія его преемника, съ той естественностью и логичностью, которыя соотвѣтствовали простотѣ этихъ варварскихъ временъ, когда въ борьбѣ никакое другое посредничество, кромѣ силы, не могло имѣть мѣста и когда всякое другое средство къ соглашенію считалось предательствомъ. При жизни Карла Великаго папы отлагали всякую мысль предпринять что-либо противъ его власти. Ихъ устрашало это обаяніе, которое было свойственно его характеру и генію; они находились подъ вліяніемъ того ужаса, который внушали его подвиги, уподоблявшіеся скорѣе военнымъ экзекуціямъ. Папы продолжали откладывать свои планы до болѣе благопріятнаго времени. Договоры Карла Великаго свидѣтельствуютъ о вмѣшательствѣ его во внутреннія дѣла Церкви. Они касаются религіозныхъ вопросовъ такъ же часто, какъ и вопросовъ гражданскихъ. Мы замѣчаемъ, что новый императоръ судитъ папъ, назначаетъ время созванія соборовъ, измѣняетъ въ существенныхъ статьяхъ предписанія о церковной дисциплинѣ; надъ епископами онъ обнаруживаетъ почти такую же власть, какъ надъ своими придворными. Онъ доходитъ до желанія управлять этикетомъ царства небеснаго, какъ своего собственнаго дворца. Онъ запрещаетъ законникамъ Церкви вводить въ католическую литургію новыхъ ангеловъ, находя достаточнымъ для небеснаго служенія трехъ ангеловъ—Михаила, Гавріила и Рафаэля. Карлъ Великій обращался съ Богомъ какъ съ своимъ союзникомъ и защищалъ его отъ новаторовъ.

Но лишь только сынъ его Людовикъ Простой вступилъ на престолъ, зрѣлище перемѣнилось. Это былъ императоръ, какого только могли желать честолюбивые папы. Стефанъ IV только что былъ избранъ. Онъ провозгласилъ себя верховнымъ первосвященникомъ, уже не дожидаясь условленной конфирмаціи. Людовикъ жаловался на это невниманіе къ его правамъ, но ему начали льстить, пугать его, успокаивать подарками и достигли того, что онъ вызвалъ Стефана въ Реймсъ и самъ испрашивалъ у него коронованія, оправдывая этимъ данное ему исторіей прозваніе. Императоръ выходитъ на встрѣчу первосвященнику съ свитой, за нѣсколько миль до города, посреди огромнаго стеченія народа. Какъ только онъ увидѣлъ папу, тотчасъ сошелъ съ лошади, преклонилъ колѣна и оставался въ этомъ унизительномъ положеніи до тѣхъ поръ, покуда не поднялъ его самъ папа. Папа отправился назадъ осыпанный богатствами, благословеніями и новыми привилегіями.

Таковъ былъ результатъ первой попытки папъ освободиться отъ обязательствъ передъ новой имперіей, и этотъ фактъ, конечно, могъ ихъ вполнѣ ободрить. Такъ, мы видимъ, спустя годъ, что папа Паскаль также удачно и смѣло подражаетъ своему предшественнику. Едва только онъ былъ избранъ, какъ уже усиленно настаивалъ, не ожидая императорскаго согласія, чтобы на него надѣта была папская тіара, хотя, впрочемъ, послалъ по этому случаю извинительное письмо къ императору. Единственная мѣра, какую Людовикъ употребилъ противъ папы, состояла въ томъ, что онъ заставилъ его короновать своего сына Лотара, когда этотъ послѣдній призванъ былъ къ участію въ управленіи.

Людовикъ не выказалъ даже никакого сѣтованія, когда два его офицера, посланные къ римскому двору, какъ представители интересовъ императора, были убиты въ латеранскомъ дворцѣ. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что потребовалъ отъ Паскаля публичной клятвы, что онъ былъ чуждъ преступленія, хотя этотъ послѣдній видимо покровительствовалъ убійцамъ, оставивъ ихъ ненаказанными. Далѣе, слабость его дошла даже до безумства, при одномъ обстоятельствѣ, которое много помогло униженію поли-

тической власти предъ церковнымъ авторитетомъ. Вмѣстѣ съ Лотаромъ, Людовикъ призвалъ участвовать въ управленіи и двухъ другихъ своихъ сыновей, Пипина и Людовика. Мѣра эта вызвала недовольство его племянника Бернарда, бывшаго уже королемъ Италіи; Бернардъ составилъ заговоръ противъ своего дяди, но оставилъ это предпріятіе въ самомъ же началѣ, по нерѣшительности, или по страху, или вслѣдствіе угрызеній совѣсти, и сдался, прося помилованія.

Жестокій, какъ вообще всѣ слабые, императоръ оставилъ ему жизнь, но велѣлъ выколоть глаза: наказаніе, котораго Бернардъ не пережилъ. Раскаяніе Людовика было столь же чрезмѣрно и несообразно, сколько сильна была его жестокость. Онъ пожелалъ подражать покаянію Ѳеодосія, принесъ публичную исповѣдь, повергался къ ногамъ епископовъ, которые уже начали привыкать смотрѣть на эти колѣнопреклоненія какъ на положеніе, свойственное вѣнценосцамъ въ отношеніи къ священству, и съ этихъ поръ возымѣли мысль сдѣлать изъ себя верховныхъ судей надъ государями.

По смерти Паскаля, Евгеній II слѣдовалъ его примѣру, вмѣшиваясь въ свою очередь въ дѣла императора. Лотаръ протестовалъ во имя правъ, которыя ему давало его участіе въ управленіи, отправился въ Римъ, вновь возвысилъ свой непризнаваемый авторитетъ, усиливаясь привести папу къ покорности. Мы владѣемъ еще текстомъ присяги, которую онъ наложилъ на римлянъ по этому случаю. „Я обѣщаю,—сказано было въ ней,—во всемъ быть вѣрнымъ императорамъ Людовику и Лотару, кромѣ вѣры, въ которой я повиненъ папѣ, и обязуюсь настаивать, чтобы папа былъ избираемъ сообразно съ канонами и былъ бы посвящаемъ не прежде, какъ принесетъ въ присутствіи императора ту же присягу, какую папа Евгеній принесъ письменно“.

Этотъ документъ есть одно изъ тысячи доказательствъ существованія того права конфирмаціи, которое договоръ Карла Великаго присвоилъ имперіи и дѣйствительность котораго папы такъ часто отрицали; что касается точнаго содержанія послѣднихъ словъ присяги, то они ведутъ къ той догадкѣ, что они были ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ верховной власти императоровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что только употребленной Лотаромъ въ этомъ случаѣ энергіи слѣдуетъ приписать уступчивость Григорія IV, который, по словамъ Египгарда, посвященъ былъ лишь по повѣркѣ выбора уполномоченнымъ императора. Характеръ царствованія этого папы не дозволяетъ предполагать, чтобы онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ своему собственному внушенію. Мы не видимъ его личнаго участія въ первомъ заговорѣ сыновей Людовика Простого противъ отца; но трудно допустить, чтобы папа былъ совершенно чуждъ этого дѣла, потому что епископы были душою заговора и епископы же, созванные на соборъ и выбранные судьями самимъ слабоумнымъ монархомъ, положили конецъ этому дѣлу даннымъ ему разрѣшеніемъ грѣховъ, которое послужило лишь къ тому, чтобы заставить его пасть еще ниже.

Спустя нѣсколько времени заговоръ возобновился; папа Григорій IV спѣшитъ во Францію, поддерживаетъ своимъ присутствіемъ мужество возмутившихся сыновей и является союзникомъ въ ихъ лагерь. Часть епископовъ отказываются слѣдовать за нимъ, чтобы остаться вѣрными старому императору; Григорій приводитъ ихъ къ повиновенію, громко провозглашаетъ право святого престола низлагать государей и разрѣшать подданныхъ отъ присяги на вѣрность. Такимъ образомъ обращено было противъ внука Пипина оружіе, которымъ этотъ послѣдній такъ хорошо пользовался. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что претензія Григорія встрѣтила сопротивленіе только со стороны меньшинства епископовъ, хотя твердыхъ и рѣшительныхъ. Людовикъ Простой такъ же мало умѣлъ воспользоваться ихъ помощью, какъ и своими собственными средствами. Имъ овладѣли безъ сопротивленія. Окруженный войсками своихъ сыновей, онъ соглашается принять въ своемъ лагерѣ первосвященника, который является въ качествѣ примирителя, привѣтствуетъ и благословляетъ солдатъ. Въ ту же самую ночь посред-

ничество это произвело свое дѣйствіе: войска оставляютъ императора и переходятъ на сторону его враговъ. Равнина, гдѣ это происходило, сохранила названіе „*Поля обмана*“. Затѣмъ Григорій возвращается въ Римъ и оставляетъ окончаніе своего дѣла епископамъ, которые торжественно низлагаютъ императора.

Но это удовлетвореніе показалось имъ недостаточнымъ. Тотчасъ же послѣ того, какъ Лотаръ былъ коронованъ и имперія раздѣлена во второй разъ, епископы, желавшіе приложить къ этой реформѣ печать своей власти и укрѣпить свое вліяніе въ народной памяти одною изъ тѣхъ сценъ, которыя говорятъ гораздо живѣе воображенію народа, чѣмъ всякая другая форма,—налагаютъ на Людовика Простого вторичное публичное покаяніе, которому онъ покоряется, хотя и послѣ долгихъ колебаній. Покрытый власяницею, преклонивши колѣна предъ епископами, въ присутствіи собравшагося народа, онъ признаетъ себя виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли и списокъ которыхъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Одно изъ этихъ преступленій состояло въ томъ, что онъ отдалъ приказаніе своимъ войскамъ выступить въ походъ во время великаго поста; другое—что собралъ всѣхъ своихъ подданныхъ въ одно мѣсто, чтобы погубить ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Это былъ намекъ на несчастный походъ, положившій конецъ его царствованію. Затѣмъ дали ему разрѣшеніе и заключили въ монастырь. Состраданіе, которое внушали его несчастія, обнаружилось лишь два года спустя.

Властолюбіе духовенства достигло, казалось, въ нѣсколько лѣтъ той цѣли, которой оно должно было достигнуть развѣ только послѣ двухвѣковой борьбы. Но подобный успѣхъ былъ слишкомъ легокъ и слишкомъ быстръ, чтобы быть надежнымъ и окончательнымъ. Онъ обнаружилъ все нетерпѣніе и все излишество неожиданной побѣды. Духовенство было еще весьма далеко отъ дисциплины, единства дѣйствія и мысли, необходимыхъ при возникавшемъ порядкѣ вещей. Папы начинаютъ замѣчать это, какъ скоро прошло первое упоеніе неожиданнаго торжества. Мы сказали, что самыми серьезными противниками, которыхъ встрѣтилъ Григорій въ борьбѣ своей съ Людовикомъ, были французскіе епископы; они зашли такъ далеко, что грозили ему отлученіемъ; фактъ этотъ доказываетъ, какъ ничтожна была ихъ вѣра въ его верховную власть. Во времена его преемниковъ, которые продолжаютъ ту же борьбу противъ слабыхъ Каролинговъ, попеременно, то съ успѣхомъ, то съ неудачами, мы замѣчаемъ еще чаще, что права гражданской власти были защищаемы епископами. Они даже тогда защищаютъ привилегіи императоровъ и королей, когда эти послѣдніе кажутся совершенно готовыми сдѣлать уступку. Такъ, когда Карлъ Лысый былъ низложенъ соборомъ по наущенію Венилона, архіепископа сенскаго, то онъ былъ далекъ отъ того, чтобы не признать правъ этого суда; онъ принимаетъ его рѣшеніе, не жалуется на приговоръ, а только на неправильность самаго процесса. „Венилонъ меня помазалъ на царство,—говоритъ онъ,—но онъ могъ бы низложить меня не иначе, какъ только при участіи собора епископовъ, помазавшихъ меня вмѣстѣ съ нимъ. Я готовъ повиноваться рѣшенію епископовъ, но необходимо, чтобы они поступили здѣсь правильно“. И онъ взываетъ къ другимъ епископамъ, которые осуждаютъ Венилона и оправдываютъ короля.

Спустя нѣсколько времени, разводъ Лотара съ его женою Тетбергою навлекаетъ на него угрозу отлученія со стороны папы Николая, одного изъ самыхъ настойчивыхъ противниковъ императорскаго могущества. Но нашлись епископы, Гонтье, Тетгодъ, Адвентій, которые возстаютъ для его защиты. И когда Николай привелъ въ исполненіе свою угрозу, они не побоялись послать ему анаѳему. Гонтье ведетъ споръ одинъ, безъ участія Лотара. Онъ заставляетъ своего брата Голдуина, такъ же, какъ и онъ, принадлежащаго къ Церкви, открыто нести на гробницу св. Петра, среди взбунтовавшихся римлянъ, слѣдующій протестъ: „Выслушай насъ, владыко, папа Николай, мы присланы нашими собратьями, мы пришли спросить твоего совѣта насчетъ нашего рѣшенія,

представивъ при томъ письменно причины и основанія, которымъ мы въ немъ слѣдовали, и смиренно испрашивая мнѣнія твоего, мы готовы были слѣдовать тому, что ты укажешь, какъ лучшее. Но въ теченіе трехъ недѣль мы напрасно ждали твоего отвѣта. Наконецъ, ты допустилъ насъ къ себѣ; не взирая на наше безстрашіе, ты напустилъ на насъ смѣшанную толпу мірскихъ и духовныхъ... Да, ты хочешь осудить насъ по своей тиранической ярости, но мы не принимаемъ твоего проклятаго приговора. Мы его презираемъ, какъ ругательство...“ и проч.

Подобный тонъ предвѣщалъ въ епископской власти врага болѣе опаснаго для папства, чѣмъ авторитетъ королей. Другой епископъ Гинкмаръ, ученѣйшій мужъ того времени, тоже поддерживалъ дѣло королей въ двухъ важныхъ обстоятельствахъ. Принципы, выраженные Гинкмаромъ, сдѣлались преданіемъ галликанской Церкви и получили въ краснорѣчіи Боссюэта необыкновенную силу. Они особенно выражены въ двухъ письмахъ, адресованныхъ папѣ Адріану II. Первое было вызвано сопротивленіемъ этого папы противъ раздѣла владѣній Лотара между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Германскимъ. Гинкмаръ говоритъ въ немъ отъ лица всѣхъ французскихъ епископовъ, надъ которыми находчивый папа, чтобы привлечь его на свою сторону, предложилъ ему первенство, которымъ онъ уже обладалъ въ дѣйствительности, и потому отъ предложенія папы отказался. Онъ проситъ папу обратить вниманіе на то, „что нельзя быть вмѣстѣ первосвященникомъ и королемъ, что его предшественники управляли только Церковью, а не государствомъ, которое принадлежитъ королямъ... что нельзя защищать французское королевство противъ норманновъ молитвою и что война ведется оружіемъ, а не отлученіями“.

Второе письмо написано по случаю распри, которая раздѣлила французское духовенство на два лагеря и усложнилась еще междоусобной войной. Одинъ изъ сыновей Карла Лысаго возсталъ противъ отца и епископъ лаонскій, принявъ его сторону, отлучилъ короля. Осужденный на отреченіе, онъ взывалъ къ папѣ Адріану, который вздумалъ оспаривать право Карла Лысаго наказать виновнаго. „Вы должны знать,—писалъ ему Гинкмаръ отъ имени короля,—что короли Франціи, рожденные отъ царской крови, до сихъ поръ не были чьими-либо намѣстниками, а всегда считались повелителями. Короли и императоры, назначаемые Богомъ для управленія міромъ, предоставляли епископамъ управленіе духовными дѣлами, но съ тѣмъ, чтобы они слѣдовали королевскимъ указаніямъ, управителями же епископовъ короли никогда не были; если вы переберете протоколы вашихъ предшественниковъ, то не найдете, чтобы они когда-либо писали къ королямъ такимъ тономъ, какъ пишете вы“.

Этотъ отвѣтъ, по своей твердости, представляетъ полный контрастъ съ отношеніями того времени; папа, до того столь повелительный и строптивый, смирился съ удивительной легкостью. Онъ отвѣчаетъ письмомъ полнымъ лести и обѣщаній, заключеніе котораго мы приведемъ, потому что оно даетъ въ немногихъ словахъ точное понятіе о папской дипломатіи въ девятомъ вѣкѣ. „Постарайтесь,—говоритъ онъ,—сохранить это письмо въ тайнѣ, не довѣряйте его никому, кромѣ самыхъ вѣрныхъ слугъ вашихъ; мы вамъ обѣщаемъ, если вы переживете императора, никого не признавать преемникомъ его, кромѣ васъ, хотя бы предложили намъ груды золота. Знайте, наконецъ, что съ настоящаго времени духовенство, народъ и дворянство Рима желаютъ имѣть васъ главою, королемъ, патриціемъ, императоромъ и защитникомъ Церкви“.

Было бы большой ошибкой приписывать эту ревность епископовъ къ защитѣ права государей безкорыстному убѣжденію. Вся исторія этого времени протестуетъ противъ такого предположенія. Мы видимъ на каждой страницѣ епископовъ, присваивающихъ себѣ власть, которую они оспаривали у папъ, низлагавшихъ или отлучавшихъ тѣхъ самыхъ королей, которыхъ дѣло они такъ горячо защищали, когда нужно было защищать ихъ противъ посягательствъ первосвященниковъ. Они дѣлали это потому, что

видѣли въ папахъ своихъ соперниковъ. Хотя они поддерживаютъ интересы государей, но смотрятъ на нихъ какъ бы на маіоратъ, который принадлежитъ имъ и который они оберегаютъ исключительно для своей эксплуатаціи. „Не вы избрали меня для управленія Церковью,—писалъ нѣсколько лѣтъ спустя одинъ прелатъ Людовику III,—а я съ своими товарищами выбралъ васъ, чтобы управлять королевствомъ, подъ условіемъ, что вы будете исполнять его законы“. Но кто говоритъ эти слова, въ которыхъ угроза такъ мало прикрыта? Тотъ же самый Гинкмаръ, который только что показался столь горячимъ приверженцемъ Карла Лысаго.

Истина состоитъ въ томъ, что въ теченіе девятаго и десятаго столѣтій возрастающее разстройство въ имперіи Карла Великаго, часто полезное для королей, герцоговъ, графовъ и маркизовъ, относительно Церкви наносило вредъ папству и служило въ пользу епископовъ. Національности, искусственно соединенныя двойной централизаціей—императорской и папской, распадаются вслѣдствіе политическаго и религіознаго разложенія. Онѣ раздѣляются на множество маленькихъ государствъ, церковныхъ или военныхъ. Феодализмъ епископовъ возвышается вмѣстѣ съ феодализмомъ князей; они протягиваютъ другъ другу руку помощи во всѣхъ случаяхъ, когда обоюдные интересы ихъ солидарны. Часто они дѣйствовали заодно, потому что епископъ и князь были соединены однимъ и тѣмъ же началомъ и священническія одежды нерѣдко бывали скрываемы подъ кольчугой.

Сосредоточивъ свои усилія единственно на стремленіи къ свѣтскому владычеству, а потомъ и на мечтѣ о всемірной монархіи, папы потеряли изъ виду дисциплину Церкви и пренебрегли внутреннимъ ея управленіемъ. Епископская аристократія, кромѣ того, пользуясь переворотомъ, совершившимся въ Европѣ, которому подверглась также и Церковь, несмотря на свое стремленіе къ неизмѣняемости, пользуется этою перемѣною, чтобы укрѣпить свою древнюю независимость, но полагаетъ при этомъ силу свою во власти и богатствахъ, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло нравственный авторитетъ, который придалъ Церкви столько славы въ теченіе первыхъ вѣковъ. Духовная аристократія пріобрѣтаетъ такую силу, особенно во Франціи, что могла лишать тамъ королевскаго достоинства, соборы же въ то время были настоящими государственными собраніями. Въ Германіи бароны трепетали передъ епископами, въ Италіи архіепископы миланскій и равеннскій были скорѣе соперники, чѣмъ подчиненные папъ, и они часто въ политическихъ событіяхъ играютъ роль гораздо значительнѣе, нежели папы. Повсюду мы видимъ попытки къ устройству національныхъ Церквей; каждый епископъ старается обособиться, желаетъ сдѣлать изъ своей епархіи маленькое государство, производитъ для своихъ собственныхъ видовъ такой же переворотъ, какой совершило папство для себя, стремится къ пріобрѣтенію новыхъ владѣній, княжествъ и къ утвержденію надъ ними своей свѣтской власти.

Это движеніе противъ централизаціи должно было задержать на два вѣка великую эру преобладанія теократіи, но оно не могло быть ни глубокимъ, ни продолжительнымъ, среди общества организованнаго, твердаго, дисциплинированнаго, обладавшаго высокой степенью сознанія своей дѣятельности, какимъ именно была Церковь; и напротивъ, въ учрежденіи бездѣйственномъ, сложномъ, безличномъ и основанномъ на наслѣдственности, какимъ была имперія, движеніе децентрализаціи имѣло огромное вліяніе. Вслѣдствіе этого епископскій феодализмъ скорѣе могъ быть побѣжденъ, чѣмъ феодализмъ владѣльческій.

Въ виду этого необходимо имѣть весьма хорошія свѣдѣнія о томъ, чтобы утверждать, когда именно въ IX вѣкѣ совершилось полное раздѣленіе политическое и духовное. Подобныя указанія удобны, потому что значительно облегчаютъ исторію, но рѣдко случалось, чтобы они давали точное понятіе о предметѣ. Нельзя отвергать того, что Церковь была болѣе независима во время второй имперіи, чѣмъ во время первой, но

самый принципъ раздѣленія властей не лучше былъ уважаемъ; онъ только былъ нарушаемъ въ ея пользу, тогда какъ прежде былъ ей во вредъ. Если онъ когда и существовалъ въ дѣйствительности, то только въ эпоху, когда Церковь была отдѣлена отъ государства преслѣдованіями, т. е. въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ. Начиная съ своего союза съ Константиномъ и во все время существованія римской имперіи, она находилась подъ очень тягостной зависимостью, которая въ царствованіе Карла Великаго переродилась во взаимность услугъ, а при его преемникахъ—въ узурпацію. Теперь Церковь захватываетъ свѣтскую власть и компрометируетъ принципъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать его, какъ ее за это совершенно напрасно превозносили. Покуда она слаба, она проситъ, умоляетъ о свободѣ; но какъ скоро начинаетъ чувствовать себя сильной, она требуетъ власти.

Этотъ первый ударъ, нанесенный папствомъ королямъ, нашелъ безчисленныхъ апологетовъ даже между историками, самыми далекими отъ католическихъ привычекъ. Обыкновенно прощаютъ это ради умственнаго и нравственнаго превосходства, которымъ отличалось духовенство надъ своими соперниками. Должно признать, что оно дѣйствительно было такимъ, хотя не всегда являлось со средствами, которыми обладало; но главная вина его въ томъ, что оно вмѣсто того, чтобы стать на сторону цивилизаціи, пользовалось своимъ превосходствомъ только для того, чтобы увеличивать свое вліяніе, и искало побѣды надъ варварствомъ, чтобы самому сдѣлаться варварскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, авторитетъ, управляющій духовными интересами человѣка, могъ бы, при своей высокой разумности, имѣть право овладѣть и его политическими интересами; если же онъ пользуется одними лишь для того, чтобы эксплуатировать другіе, онъ не имѣетъ никакого извиненія. Но можно-ли оспаривать, что забота духовенства о мірскихъ интересахъ заставляла его измѣнять своимъ обязанностямъ, или—отрицать, въ виду ложныхъ декреталій и фальшивыхъ бумагъ, что оно поддерживало невѣжество, вмѣсто того, чтобы уничтожать его? За какую достойную попытку можетъ заслуживать оно тѣ похвалы, которыя ему расточали позже за спасеніе литературы? Какая громадная разница между этой ничтожной, слабой инціативой и усиліями, можетъ быть, наивными, но трогательными, Карла Великаго поднять народное образованіе! Если остатки просвѣщенія и сохранялись въ средѣ духовенства, то это зависѣло менѣе отъ его ревности къ просвѣщенію, нежели отъ преимущества его положенія, которое дѣлало его обладателемъ этого остатка свѣта.

Еще труднѣе допустить необходимость, въ которую будто бы была поставлена Церковь, окружая себя великолѣпіемъ, чтобы обольщать воображеніе полудикихъ народовъ. Успѣхи ея первой евангельской пропаганды доказываютъ, напротивъ, что варвары были несравненно чувствительнѣе, нежели римское народонаселеніе, къ столь новому для нихъ величію духовной силы. Съ удивительнымъ послушаніемъ покоряются они Церкви. Слабость ея въ первое время имѣла гораздо большее вліяніе на нихъ, нежели весь блескъ ея во дни величія. Аттила и Хлодвигъ отступаютъ предъ безоружнымъ первосвященникомъ и падаютъ передъ нимъ на колѣна. Это не случайные факты, а выраженіе общаго отношенія варварскаго міра къ Церкви, покуда она сохраняла свой безкорыстный характеръ. Но какъ скоро дѣлается она политической силой, тотчасъ же обнаруживаются посягательства на личности папъ и епископовъ. Она не охраняется уже болѣе уваженіемъ, а только страхомъ.

Такимъ образомъ, новое направленіе, которое дало папство Церкви, можетъ быть осуждаемо во имя интересовъ христіанства и еще болѣе съ точки зрѣнія интересовъ цивилизаціи. Повидимому, одно продолженіе богословскихъ споровъ, это постоянное обращеніе къ памятникамъ первобытной вѣры, должно было предупредить такое забвеніе самыхъ существенныхъ преданій христіанства, но споры были оставлены и даже самыя ереси, этотъ вѣчный протестъ свободы человѣческаго духа противъ непогрѣ-

шимыхъ доктринъ, казалось, также обрекли себя на молчаніе. Одинъ Востокъ утверждаетъ свою независимость голосомъ Фотія, не вызывавшимъ отголоска въ Европѣ. Религіозная инипіатива появившихся на сцену новыхъ народовъ являетъ себя лишь въ формахъ дѣтской наивности, въ которыхъ мы видимъ, не безъ удивленія, идею возрождающихся національностей. Каждая нація хочетъ имѣть въ римскомъ небѣ своихъ святыхъ, населяя его нерѣдко и своими древними богами въ католической обстановкѣ, пересозданными народнымъ воображеніемъ. Это была великая эра христіанской миѳологіи. Почитаніе мощей, обожаніе иконъ, божьи суды,—таковы были нововведенія, вошедшія въ культъ сначала исключительно духовный. Въ это же время начинаютъ возникать монашескіе ордена, эта милиція св. престола противъ феодализма епископовъ, страшное орудіе единства и ассимиляціи, элементъ совершенно католическій и космополитическій, у котораго отечество, семейство, личность замѣнилась орденскимъ уставомъ.

Что спасло въ это время Церковь отъ совершеннаго упадка, это—нѣкоторые принципы первоначальнаго христіанства, сохранившіеся неприкосновенными среди послѣдовавшихъ уклоненій разнаго рода. Я не имѣю намѣренія говорить здѣсь о великомъ кодексѣ нравственности, законной истолковательницей которой считалась тогда Церковь, очищавшая своимъ живымъ огнемъ отъ множества скверны; но я буду говорить о нѣкоторыхъ формахъ внутренняго ея управленія. Хотя духовенство, иногда столь тѣсно соединенное съ народомъ, стремилось болѣе и болѣе къ образованію изъ себя отдѣльнаго класса, управляясь и формируясь само собою, не подчиняясь никакому контролю, хотя оно долгое время стремилось управлять религіозными дѣлами, зависѣвшими исключительно отъ него, какъ своими собственными интересами, тѣмъ не менѣе оно было такимъ обществомъ того времени, въ которомъ сохранились нѣкоторыя правила справедливости. И оно удерживало чрезъ это неизмѣримое нравственное превосходство надъ варварскими учрежденіями, въ которыхъ преобладалъ характеръ произвола. Только въ церковной іерархіи допускался и выполнялся на дѣлѣ принципъ равнаго доступа для всѣхъ ко всѣмъ должностямъ. И этотъ великій примѣръ справедливости, который она не переставала подавать и среди всѣхъ переворотовъ, весьма много способствовалъ ея популярности и прочности ея положенія.

Черезъ это уваженіе къ духу равенства и благодаря системѣ избирательства, которая обезпечивала за Церковью дѣйствительное вліяніе, она привлекала въ себѣ всѣ силы, остававшіяся непризванными у народовъ, предоставляя всѣ средства дѣятельности и вліянія умнѣйшему, тогда какъ другія политическія системы давали ходъ лишь самому сильному. Изъ этихъ двухъ формъ избранія, существовавшихъ во всѣ времена, изъ которыхъ одна состоитъ въ выборѣ высшаго низшимъ, а другая отдаетъ выборъ низшаго высшему, Церковь прилагала ту и другую, смотря по обстоятельствамъ, предоставляя, напримѣръ, назначеніе священниковъ епископу и назначеніе епископа низшему духовенству; но верхъ брала та форма, которая была самой либеральной, самой демократической. Народъ, правда, въ это время уже весьма рѣдко участвовалъ въ выборѣ епископовъ, но онъ живо интересовался этимъ и его косвенное вліяніе нерѣдко было дѣйствительнымъ. Въ Римѣ же, гдѣ, по постановленію Іоанна IX, въ 898 году народу оставлено было только право присутствовать при выборѣ папъ и заявлять желаніе, а не волю, народъ съ жаромъ выражалъ свое сочувствіе или антипатію къ соискателямъ. Онъ не привыкъ еще смотрѣть на предоставленное ему право грабить дворецъ умершаго папы и домъ избраннаго, какъ на достаточное вознагражденіе за отнятое у него право избранія. Онъ тѣснился около того мѣста, гдѣ духовенство, собранное въ сенатѣ, а иногда у императорскихъ сановниковъ, разсуждало объ избраніи, и заставлялъ принимать своихъ кандидатовъ насильно, если отказывались принять ихъ добровольно.

Таковы были послѣднія связи духовенста съ народомъ, кромѣ той связи, которая соединяла ихъ посредствомъ брака священниковъ, еще допускавшагося вообще, но какъ состояніе далекое отъ совершенства безбрачія. Несмотря на то, что связи эти были слабы, духовенство все-таки имъ обязано своимъ спасеніемъ и своими побѣдами въ средніе вѣка. Несмотря на всѣ злоупотребленія, допущенныя Церковью въ ея нѣдрахъ, несмотря на неограниченную власть, которая увеличивалась въ ней съ каждымъ днемъ, она все-таки была въ тогдашнемъ мірѣ единственнымъ демократическимъ учрежденіемъ.

V.

Одновременное помраченіе папства и имперіи.

Такимъ образомъ, не сопротивленіе со стороны государей, но болѣе опасная и неожиданная оппозиція, которую встрѣтило папство со стороны епископской власти, заставляетъ его терять выгоды побѣды надъ имперіей. Покуда не угасъ родъ Каролинговъ, папамъ недоставало только содѣйствія епископовъ, чтобы осуществить свои планы преобладанія, потому что со стороны императоровъ покорность была такова, что всѣ предпріятія противъ нихъ представлялись вполнѣ возможными. Іоаннъ VIII даетъ Карлу Лысому лично отъ себя императорскую корону, по праву принадлежавшую его брату. Карлъ принимаетъ ее какъ подарокъ и платитъ за услугу отреченіемъ отъ всѣхъ существенныхъ правъ имперіи надъ папствомъ. Вскорѣ послѣ этого первосвященникъ, ободренный такимъ началомъ, присылаетъ къ нему посла, чтобы управлять вмѣсто него Франціей. Карлъ принимаетъ его со всѣми изъявленіями совершенной покорности. Но здѣсь возстаютъ всѣ французскіе епископы, чтобы протестовать противъ чужеземца. Конечно, не опасность, угрожавшая авторитету императора, внушила епископамъ такую ревность и такія заботы. Это была забота о своей собственной власти. Послѣ смерти Карла Лысаго, Іоаннъ отказывается въ продолженіе трехъ лѣтъ назначить преемника, чтобы показать, что имперія зависитъ только отъ него и возвышается только имъ; и, наконецъ, ни графы, ни маркизы, а итальянскіе епископы, предводимые архіепископомъ миланскимъ, заставляютъ папу короновать Карла Толстаго.

Періодъ времени между низложеніемъ Карла Толстаго и избраніемъ Оттона I (887 — 962), когда имперія переходитъ въ руки германцевъ, есть одинъ изъ самыхъ странныхъ и самыхъ темныхъ періодовъ въ исторіи. Мы напрасно искали бы тѣсной и систематической связи между событіями, смѣнявшимися одно другимъ безъ всякой послѣдовательности. И историки, которые имѣли претензію открыть эту связь, доходили до выводовъ болѣе нелѣпыхъ, чѣмъ всѣ факты этого чудовищнаго хаоса. Это было самое безпорядочное столкновеніе совершенно противоположныхъ между собою элементовъ, которые до сихъ поръ проявлялись въ комбинаціяхъ итальянской драмы; и такъ какъ элементы эти здѣсь даже не имѣютъ постояннаго олицетворенія и представители ихъ каждую минуту перемѣняли свои роли и костюмъ, то нить дѣйствія прерывалась безпрестанно и почти невозможно найти между ними другой связи, кромѣ той, которую можно находить при отвлеченной классификаціи принциповъ. Каждый дѣйствуетъ собственно для себя, съ слѣпой энергіей, нисколько не заботясь о томъ, чтобы согласоваться съ дѣйствительностью, и какъ будто жизнь государствъ не есть нѣчто гармоническое.

Всѣ учрежденія, всѣ индивидуальности, всѣ политическія группы, возникшія въ Италіи подъ вліяніемъ стольких слѣдовавшихъ одно за другимъ вторженій, подъ вліяніемъ разныхъ несогласимыхъ между собою интересовъ и страстей, — яростно сталкиваются въ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ, который вообще помогалъ феодаль-

пому движенію, охватившему всю Европу, такъ что борьба не имѣла другой цѣли, кромѣ самой борьбы. Имперія на минуту исчезаетъ въ крушеніи фамиліи Каролинговъ въ Италіи и·дѣлается добычею темныхъ авантюристовъ; папство, которое со времени договора Карла Великаго, казалось, не могло ни обойтись безъ имперіи, ни жить съ нею въ мирѣ, также теряетъ свой блескъ. Оно утрачиваетъ свой вселенскій характеръ и допускаетъ опутать себя мелкими интригами, которыя кипятъ вокругъ него. Римъ возбуждаетъ королей противъ папъ и папъ противъ королей, для того, чтобы сохранить тѣнь свободы, пользуясь этими распрями. Области защищаются только противъ нападенія венгровъ или сарацинъ и сдаются тому, кто пожелаетъ взять ихъ, какъ бы хвастаясь этимъ. Графы изъ всѣхъ силъ стараются благопріятствовать соперникамъ, претендующимъ на тронъ, потому что чѣмъ болѣе является ихъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ власть и добыча достается графамъ. Наконецъ, итальянцы юга противополагаютъ свою монархію итальянскому королевству сѣвера и центръ склоняется то на одну сторону, то на другую, безъ всякой другой видимой цѣли, кромѣ той, чтобы установить равновѣсіе обоюднаго ничтожества.

Среди этого хаотическаго и безплоднаго волненія лишь два стремленія были постоянны и связывали эту эпоху съ прежнимъ временемъ; безъ нихъ можно бы было подумать, что дѣло идетъ о другой эпохѣ и о другой странѣ. Первое состоитъ въ стремленіи аристократіи верхней Италіи,—наслѣдовавшей преданія лонгобардовъ, періодически тѣснимой нападеніями и потому стремившейся сплотиться въ крѣпкую организацію, — установить въ Италіи королевство, основать свою національность подъ формою, которая могла бы укрѣпить ея независимость и автономію; второе не менѣе постоянное стремленіе папства — безпрерывно разрушать эти попытки, каждый разъ, при самомъ ихъ осуществленіи. Эта неумолимая настойчивость, которую трудно достаточно охарактеризовать и которая составляетъ истинное преступленіе свѣтской власти папъ, была также единственнымъ пунктомъ, въ которомъ папская политика никогда себѣ не измѣняла, принимая характеръ болѣе и болѣе презрѣнный, по мѣрѣ того, какъ жертва казалась оживавшей подъ ея ударами. Мы находимъ ее постоянно одинаковой въ теченіе десяти вѣковъ и дѣйствующей тѣми же самыми средствами противъ послѣдняго піемонтскаго короля, какъ и противъ короля лонгобардовъ. Она рѣдко имѣла столько случаевъ выказаться, какъ въ краткій періодъ времени отъ 887 до 962 г. Беренгеръ I, герцогъ фріульскій, первый открываетъ рядъ этихъ попытокъ, нисколько, впрочемъ, не помышляя о великомъ принципѣ, которому онъ служилъ. Хотя онъ, подобно многимъ своимъ предшественникамъ и подражателямъ, имѣлъ въ виду лишь свое личное возвышеніе, но здѣсь важно было то, что интересъ его согласовался съ этимъ принципомъ. Но едва онъ короновался королемъ Италіи, на сеймѣ въ Павіи, какъ папа Стефанъ V противополагаетъ ему Гвидо, герцога сполетскаго, котораго онъ возвышаетъ въ титулъ императора, отдавая ему, для опоры, римлянъ. Но самъ Гвидо былъ лишь орудіемъ, которое обыкновенно бросаютъ, какъ скоро миновала въ немъ надобность.

Этотъ императоръ, вполнѣ итальянецъ, ничѣмъ не отвѣчалъ традиціонному типу, представителемъ котораго онъ былъ. Прежде всего онъ долженъ былъ жить и царствовать вдали отъ Италіи, принадлежать ей, не владѣя ею, чтобы такимъ образомъ оставить Церкви больше свободы дѣйствій. Національное единство, столь грозное для папства, имѣло всѣ шансы на то, чтобы ужиться съ Гвидо, какъ съ королемъ. Папа Формозъ вызываетъ поэтому противъ него Арнульфа, нѣмецкаго короля, котораго онъ дѣлаетъ въ свою очередь императоромъ. Но какъ только умеръ папа, Ламбертъ, сынъ Гвидо, склоняетъ на свою сторону новаго папу, заставляетъ его вырыть трупъ Формоза, предаетъ его на судъ собора, начинаетъ процессъ, добивается осужденія и бросаетъ пепелъ его трупа въ Тибръ. Папа этотъ, виновникъ подобной фантазіи, самъ былъ убитъ нѣсколько времени спустя.

Политика римскихъ первосвященниковъ, ставившая всевозможныя препятствія образованію итальянскаго королевства, была извѣстна всему міру, и именно этотъ Ламбертъ возымѣлъ мысль отнять у нихъ всякій предлогъ мѣшать объединенію, предложивъ Іоанну IX возобновить договоръ Карла Великаго, но на основаніяхъ совершенно итальянскихъ, гарантируя ему независимое господство надъ землями, означенными въ дарственной, со всѣми преимуществами, которыми пользовалось папство во время франко-итальянскаго владычества. Но онъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе обѣщалъ, чѣмъ былъ въ состояніи выполнить; итальянская имперія не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ только замаскированнымъ королевствомъ, и она потребовала бы для своего существованія самаго тѣснаго единства. Предложенія Ламберта не избавили его отъ общей участи: онъ былъ убитъ и Беренгеръ вновь является на сценѣ. Противъ него призываютъ Людовика, короля прованскаго, котораго, какъ только короновали, тотчасъ же изгнали, выколовъ ему глаза. Беренгеръ является снова, чтобы вскорѣ быть замѣненнымъ Рудольфомъ, герцогомъ бургонскимъ, который въ свою очередь почти тотчасъ же уступаетъ мѣсто Гуго, герцогу прованскому.

Таковы были перипетіи этой борьбы, герои которой кажутся орудіями какой-то высшей и злой силы, имѣвшей лишь одно стремленіе—приводить въ столкновеніе между собою противоположные элементы, чтобы помѣшать образоваться вокругъ нея чему-либо прочному, устойчивому. Надо удивляться, до чего упало папство въ это время. Оно сосредоточило на этой борьбѣ весь свой инстинктъ самосохраненія, остававшійся отъ прежней его энергіи. Все еще грозное на этомъ поприщѣ, папство казалось мертвымъ внѣ его. Папы или почувствовали головокруженіе отъ столь быстраго возвышенія, или они уже устали и пришли въ уныніе въ виду трудностей, почти непреодолимыхъ, которыя противопоставилъ имъ епископскій феодализмъ, въ то самое время, когда успѣхи ихъ плановъ казались упроченными наилучшимъ образомъ; но во всякомъ случаѣ они до того обезславили себя, что превзошли этимъ испорченность древнихъ цезарей. Подобно тому, какъ вообще, когда начинается разложеніе народнаго организма или учрежденія, при римскомъ дворѣ возникаетъ владычество женщинъ. Папство упало до царства женщинъ! Куртизанки знатнаго рода—двѣ Теодоры, Марозія, располагаютъ тіарой въ теченіе почти 60 лѣтъ. Онѣ держатъ въ своихъ рукахъ ключи Св. Ангела, аристократію — вслѣдствіе своего происхожденія, народъ — вслѣдствіе мягкости своего управленія, и папъ—своимъ распутствомъ. Онѣ заставляютъ своихъ любовниковъ вступать прямо съ ложа на папскій тронъ, или заключаютъ ихъ въ тюрьмы. Папы эти осуществляли обычаи сарацинъ, которымъ они платили дань, умирая почти всегда отравленными или удушенными, какъ прилично героямъ сераля. Одинъ изъ нихъ, Іоаннъ XII, внукъ Марозіи, человѣкъ, запятнанный кровосмѣшеніемъ и прелюбодѣяніями, посвящалъ священниковъ въ конюшнѣ и призывалъ Венеру и Бахуса, какъ совершенный язычникъ, за что жестоко порицалъ его въ одномъ письмѣ Оттонъ I. Онъ умеръ, убитый молоткомъ однимъ мужемъ. Но это суть пороки лицъ, а не вина учрежденій, которыя одни входятъ въ планъ этой книги.

Что особенно замѣчательно въ управленіи этихъ знаменитыхъ женщинъ, это — популярность, какою онѣ пользовались у римлянъ, обыкновенно столь непостоянныхъ въ отношеніи ко всякой власти, начиная съ папъ, которыхъ они попеременно то любятъ, то ненавидятъ съ одинаковой силой. Женщины эти обладали искусствомъ царствовать, не управляя, обращали въ свою пользу демократическую щекотливость, оставляя полный просторъ муниципальнымъ причудамъ, и удовлетворяли вообще химерическому идеалу этихъ столь упорныхъ республиканцевъ, которые желали, чтобы Римъ былъ въ одно и то же время центромъ Церкви и имперіи, не повинуясь ни папѣ, ни императору, и чтобы старая республика жила съ своими народными формами подъ этой двойной агломераціей.

Такимъ образомъ объясняется относительно весьма долгое и особенно оригинальное въ Европѣ X вѣка вліяніе Альберака, сына Марозіи. Онъ продолжаетъ преданіе своей матери, охраняя независимость города противъ папъ и противъ королей. Онъ царствуетъ какъ муниципальный и феодальный диктаторъ, въ то время, какъ папа спитъ въ Латеранѣ, а Гуго не смѣетъ ничего противъ него предпринять.

Понятно, что во время такого упадка, который напоминаетъ безсиліе Меровинговъ въ правленіе мажордомовъ, великіе теократическіе виды Николая и Стефана XI были оставлены и забыты. Однако, они были близки къ тому, чтобы проявиться подъ вліяніемъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ имъ. Антагонизмъ Церкви и имперіи начался снова вмѣстѣ съ ихъ общимъ возрожденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ, которая изъ двухъ послужитъ орудіемъ другой. Гуго, Беранжеръ II, понуждаемые логикой своихъ ролей, употребляютъ всѣ усилія для объединенія итальянскихъ провинцій; но они отступаютъ передъ тѣмъ же враждебнымъ противодѣйствіемъ, которое парализовало усилія ихъ предшественниковъ.

Послѣ кровавыхъ и продолжительныхъ битвъ, въ то время, когда Беранжеръ II, казалось, достигалъ единства, которое такъ трудно было осуществить, Іоаннъ XII на одну минуту оторвался отъ своихъ оргій, чтобы дать сигналъ, и Оттонъ I изъ глубины Германіи устремляется на Италію. Дорога для германскаго нападенія была открыта этимъ надолго.

VI.

Борьба папства съ епископскимъ феодализмомъ.

Первою заботою Іоанна XII при коронованіи Оттона императоромъ было заставить его возобновить договоръ Карла Великаго,—обстоятельство, котораго папы не забывали и къ которому возвращались такъ часто, какъ только было возможно, потому что неопредѣленность статей этого договора, оригиналъ котораго существовалъ, можетъ быть, только въ формѣ словесныхъ условій, позволяла папамъ истолковывать ихъ въ свою пользу и расширять ихъ значеніе. По примѣру Пипина, Карла Великаго и Людовика Простого, Оттонъ нисколько не затруднился отдать провинціи и города, которые не принадлежали ему. Онъ отдалъ также въ собственность папамъ Сицилію, находившуюся въ рукахъ сарацинъ. Между тѣмъ послѣднія статьи договора Оттона ясно показывали, что императоръ не думалъ отказываться отъ своего права верховной власти надъ всѣми землями св. престола и что онъ оставлялъ за собою высшую юрисдикцію надъ ними. Тамъ было ясно сказано, что папа не будетъ посвящаемъ безъ согласія коммиссаровъ императора, которые будутъ пребывать въ Римѣ и которые ежегодно будутъ представлять ему отчетъ о дѣйствіяхъ суда, производимаго въ провинціяхъ, зависящихъ отъ папской власти.

Нескончаемая и неизбѣжная борьба, скрывавшаяся въ этомъ договорѣ, который подписывался съ задней мыслью обходить условія, развилась съ слѣдующаго же года. Іоаннъ XII захотѣлъ лучше возвратить Беранжера, владычество котораго ему казалось пріятнымъ въ сравненіи съ нѣмецкой грубостью, но было уже поздно.

Оттонъ разбиваетъ ихъ, низлагаетъ Іоанна, заставляетъ осудить его на соборѣ, который и назначаетъ вмѣсто него Льва VIII. Римляне съ ненавистью принимаютъ этого папу, избраннаго безъ нихъ, изгоняютъ его, снова призываютъ Іоанна XII и по смерти его назначаютъ ему преемникомъ Бенедикта V. Оттонъ идетъ на Римъ, силою возводитъ на тронъ своего кандидата и послѣ него назначаетъ Іоанна XIII. Римляне пользуются его отсутствіемъ, чтобы изгнать этого новаго папу. Они надѣятся добиться въ царствованіе императора муниципальной и аристократической распущенности, которая была терпима Беранжерами. Но Іоаннъ XIII вскорѣ разсѣялъ эту прекрасную

мечту съ солдатами Оттона. Онъ заставляетъ выкопать и разрѣзать на куски трупъ Роффредо, послѣдняго римскаго префекта, незадолго передъ тѣмъ умершаго, приказываетъ вздернуть на висѣлицу двѣнадцать трибуновъ римлянъ. Урокъ, столько разъ повторяемый и всегда безполезный! Одна изъ главныхъ заботъ римлянъ въ средніе вѣка состояла въ томъ, чтобы сохранить въ одно и то же время всѣ формы власти, которыя когда бы то ни было имѣли мѣсто въ исторіи, не думая, что эти формы были послѣдовательными и исключали одна другую. Имъ хотѣлось въ одно и то же время имѣть форумъ, сенатъ, трибуновъ, консуловъ, префектовъ, патриціевъ, королей, императоровъ и папъ. Они желали, чтобы ихъ городъ могъ показать всѣ эти учрежденія собранными вмѣстѣ, подобно тому, какъ онъ показываетъ свои различные памятники, напоминавшіе ихъ; и мы дѣйствительно находимъ тамъ эти учрежденія, но какъ въ музеѣ или въ некрополѣ. Они хотѣли наложить на незначительные зависѣвшіе отъ Рима городки тотъ громадный административный механизмъ, который предки ихъ набросили, какъ сѣть, на міръ. Подобно своему послѣднему трибуну Ріенци, римляне считали себя археологами; они принимаютъ трупы за живыя вещи и не могутъ себѣ представить, что другіе народы смотрятъ на это не болѣе какъ на предметы любопытства.

Несмотря на оживленность возобновившихся непріязненныхъ столкновеній между Церковью и имперіей, папство было еще слишкомъ слабо и слишкомъ порабощено, чтобы выдерживать эту борьбу, и епископы часто являются вмѣсто него. Хотя они вносятъ взгляды совершенно противоположные папству, которые кромѣ того были и не менѣе корыстны, но по крайней мѣрѣ они имѣли то достоинство, что не всѣмъ жертвовали въ пользу всепоглощающей централизаціи. Время это было апогеемъ епископской власти. Въ началѣ XI вѣка вся жизнь Церкви ищетъ убѣжища въ епископствѣ и оно является высокимъ по правамъ и по просвѣщенію, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ оно было въ продолженіе трехъ предшествовавшихъ вѣковъ. Можно смѣло утверждать, что духъ независимости, которымъ оно было проникнуто, не былъ чуждъ этому прогрессу. Какъ скоро увеличивается отвѣтственность, это почти всегда служитъ для развитія нравственности и укрѣпляетъ характеръ. Епископы этого времени имѣли въ высокой степени сознаніе своего личнаго достоинства; они питали высокое понятіе о своемъ служеніи и хотѣли, чтобы ихъ уважали. Они вѣрили, что Церковь заключалась въ нихъ, и не хотѣли признать олицетвореніе ея въ креатурахъ римскихъ куртизанокъ. Они рѣшали на своихъ синодахъ всѣ вопросы, которые интересовали епископство, и не довѣрялись болѣе произволу папъ. „Не слѣдуетъ,—говоритъ Гербертъ, знаменитѣйшій изъ нихъ, на одномъ изъ этихъ соборовъ,—не слѣдуетъ давать нашимъ врагамъ повода говорить, что духовенство до того подчинено одному человѣку, что если этотъ человѣкъ дозволяетъ подкупать себя деньгами, лицепріятіемъ, низкопоклонствомъ или невѣжествомъ, то никто не можетъ быть епископомъ, если не обратится къ нему съ подобными средствами“.

Никому не приходило на мысль возражать на эти слова; папство до того упало, что представляло разительный контрастъ съ нравственнымъ авторитетомъ епископства, представителями котораго въ то время были такіе люди, какъ Гербертъ, св. Дунстанъ, св. Ромуальдъ, св. Бонифацій, св. Адальбертъ. Имя Рима было презираемо повсемѣстно. „О, Римъ,—восклицаетъ св. Арнулъ, епископъ орлеанскій, на реймскомъ соборѣ,—какъ ты жалокъ и какой густой мракъ распространяешь ты нынѣ, вмѣсто того кроткаго свѣта, который разливалъ прежде на наши небеса!.. Тогда возвышались Левъ, Григорій, Геласій... Тогда Церковь могла называться вселенскою. Почему же необходимо нынѣ, чтобы столько знаменитыхъ епископовъ по наукѣ и добродѣтели покорялись чудовищамъ, которыя безчестятъ Церковь? Если человѣкъ, возсѣдающій на столь высокомъ тронѣ, не имѣетъ любви къ ближнему—онъ антихристъ; если онъ не имѣетъ ни любви къ ближнему, ни мудрости, то онъ идолъ. Въ такомъ случаѣ все равно, что обращаться

къ куску мрамора; къ кому же мы должны обращаться за совѣтомъ, когда будемъ нуждаться въ совѣтѣ о божественныхъ предметахъ? Обратимъ взоръ на Бельгію и Германію, гдѣ блистаетъ столько епископовъ, свѣтильниковъ религіи, и да будутъ они нашими судьями, потому что Римъ покупается на вѣсъ золота и служитъ тому, кто больше дастъ. И если намъ будутъ представлять въ примѣръ Геласія, утверждая, что римская Церковь есть естественный судія всѣхъ Церквей, мы возразимъ — выбирайте добродѣтельныхъ папъ!" Этими словами, энергія которыхъ можетъ сравниться лишь съ энергіей Лютера, измѣряется та опасность, которая угрожала тогда римскому единству. Вражда между папами и епископами осложнялась еще старой ненавистью національностей къ имперіи цезарей. Луитпрандъ передаетъ въ любопытномъ разсказѣ о своемъ посольствѣ въ Константинополь, что императоръ Никифоръ, желая надъ нимъ посмѣяться, сказалъ ему однажды: „вы не римляне, вы только лонгобарды".—„Мы, лонгобарды, саксы и франки,—отвѣчалъ Луитпрандъ,—считаемъ величайшимъ оскорбленіемъ назвать кого-либо римляниномъ. Это имя означаетъ все, что можно представить себѣ низкаго, подлаго, жаднаго, нечестиваго и лихоимнаго".

Этотъ отзывъ даетъ хотя сжатое, но достаточно ясное понятіе о дѣйствіяхъ и поступкахъ папъ того времени. Въ этомъ отношеніи можно также сослаться на церковныхъ историковъ, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Не всегда удобно вполнѣ переводить рѣзкіе отзывы Баронія, когда онъ выражаетъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ этихъ папъ.

Единственное событіе изъ этихъ царствованій заслуживаетъ быть упомянутымъ: это попытка Кресцентія возстановить въ Римѣ муниципальное управленіе, бывшее при Альберихѣ. Онъ былъ, подобно Альбериху, изъ дома графовъ Тускулума и сынъ Марозіи. По краснорѣчію и мужеству онъ былъ еще выше его. Пользуясь отсутствіемъ Оттона II и послѣ его смерти малолѣтствомъ Оттона III, онъ заставилъ народъ провозгласить себя консуломъ и оставилъ папѣ Іоанну XV лишь духовную власть, управляя Римомъ какъ трибунъ въ одно время демократическій и феодальный. (Странное смѣшеніе двухъ враждебныхъ по своей природѣ элементовъ! При Ріенци и Арнольдѣ Брешіанскомъ, которые были продолжателями Кресцентія, этого уже не было). Но смерть Іоанна XV представила вскорѣ Оттону III случай вмѣшаться въ римскія дѣла. Онъ замѣнилъ его Григоріемъ V, нѣмецкимъ папой, союзникомъ императора; но это было уже нравственной невозможностью, живымъ противорѣчіемъ, и римляне не могли его выносить. Затѣмъ Кресцентій назначаетъ вмѣсто него грека, по имени Филагата, епископа піаченскаго. Назначеніе это соединялось въ идеѣ Кресцентія съ химерическимъ трактатомъ, подобнымъ тѣмъ, какихъ такъ много рождалось въ средніе вѣка. Чтобы освободиться отъ ига германцевъ, онъ возымѣлъ намѣреніе возвратить греческимъ императорамъ ихъ верховную власть надъ Римомъ и экзархатомъ; планъ совершенно неосуществимый при той дряхлости, въ какую впалъ Константинополь, но который улыбался римлянамъ, потому что онъ льстилъ ихъ любимой химерѣ—имѣть верховнаго властителя слабаго и отдаленнаго.

Оттонъ былъ уже у воротъ Рима, прежде нежели хоть одинъ солдатъ высадился на берега Италіи. Филагатъ былъ преданъ, какъ это бывало въ древности и нерѣдко повторялось послѣ, народомъ, для котораго онъ до того былъ идоломъ; его провели по улицамъ страшно изуродованнаго. Что же касается Кресцентія, то онъ заперся въ замкѣ Св. Ангела, бывшемъ тогда неприступной крѣпостью. Германцамъ не удалось взять его силою и Оттонъ послалъ къ нему парламентера, обѣщая оставить ему жизнь и свободу. Но лишь только тотъ сдался, онъ велѣлъ отрубить ему голову, а жену его сдѣлалъ своей наложницей. Вскорѣ послѣ того Оттонъ былъ отравленъ ею.

Нѣсколько лѣтъ позже Іоаннъ, сынъ „великаго Кресцентія, врагъ папъ и королей", какъ говоритъ римская эпитафія, является послѣднимъ дѣятелемъ этого движенія, духъ

котораго жилъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, дѣлаясь болѣе и болѣе демократическимъ, но развитіе котораго, какъ и развитіе многихъ элементовъ итальянской исторіи, оставалось анархическимъ. Благодаря наслѣдственнымъ иллюзіямъ, которыя поддерживались всеобщими предразсудками и которыя были стремленіемъ самимъ по себѣ хорошимъ и похвальнымъ, потому что внушены были патріотизмомъ, Римъ прямо дошелъ до мелкаго и смѣшного тщеславія, которое задало себѣ единственную цѣль — возвысить маленькій римскій муниципалитетъ передъ всѣми земными властями.

Попытка эта, имѣющая совершенно другой характеръ, хотя она исходила, такъ же, какъ и попытка Кресцентія, изъ реакціи національнаго чувства противъ чужеземнаго владычества, разразилась въ началѣ царствованія Генриха II, преемника Оттона III; эта продолжительная война, поддерживаемая противъ имперіи Ардуаномъ, маркизомъ Ивріи, имѣла цѣлью возстановить королевство. Подкрѣпляемый Павіей, старой столицей королевства лонгобардовъ, и опираясь на феодальныя тенденціи верхней Италіи, онъ боролся около десяти лѣтъ съ неравными силами, испытывая попеременно успѣхъ и неудачи. Онъ погибъ, какъ и всѣ его предшественники, и предъ тѣми же самыми препятствіями. Наименованіе святого, которое получилъ отъ благодарнаго папства Генрихъ, побѣдитель Ардуана, достаточно объясняетъ, на чьей сторонѣ были папы.

Въ царствованіе Конрада, который былъ избранъ королемъ, а потомъ получилъ императорскую корону, послѣ Генриха Святого, епископскій феодализмъ снова поддерживалъ, помимо папъ, дѣло Церкви противъ имперіи. Напрасно искали бы личную причину или только предлогъ въ неожиданномъ нападеніи Гериберта, архіепископа миланскаго, потому что императоръ осыпалъ его милостями. Оно не имѣло другой причины, кромѣ вѣчнаго антагонизма двухъ принциповъ,—антагонизма, который естественнымъ образомъ долженъ былъ привести къ войнѣ. Конрадъ, отражая нападеніе, напустилъ на феодаловъ-епископовъ мелкое дворянство и буржуазію. Онъ нанесъ имъ ударъ въ сердце постановленіями, которыя перевернули въ самомъ основаніи великую феодальную собственность, которая была почти вся въ рукахъ епископовъ. Онъ возвратилъ наслѣдственные лены и такимъ образомъ увеличилъ выгоды мелкихъ вассаловъ, которые до того времени были лишь временными или пожизненными владѣльцами. Среди этихъ войнъ Герибертъ выдумываетъ эмблему, смыслъ которой, подобно тому, какъ нерѣдко случалось въ эту эпоху, сдѣлался кивотомъ завѣта для лонгобардскихъ республикъ. Это—Кароччіо (Caroccio), живое олицетвореніе муниципіи. На колесницѣ алтарь возвышается рядомъ съ муниципальнымъ знаменемъ и священникъ протягиваетъ руку муниципальному начальнику. Эта эмблема муниципальности не разъ должна была явиться со славою на поляхъ итальянскихъ битвъ, но мы не видимъ, однако, чтобы она когда-либо возвратила славу отечества.

Церковь въ дни своей опасности нерѣдко была поддерживаема демократическими силами; Конрадъ думалъ этими новыми мѣрами обратить ихъ въ пользу имперіи; но въ дѣйствительности онъ потрясъ только епископское могущество и ударами, которые ему нанесъ, воспользовалось болѣе всего папство.

Во время этой борьбы впервые обнаруживается передъ лицомъ народа жадный и корыстолюбивый характеръ епископской аристократіи, которая была испорчена, какъ вообще учрежденіе папства, уклонившееся отъ своего духовнаго характера и устремившееся къ политической роли. Сдѣлавшись ненавистной, вслѣдствіе неразумнаго сопротивленія новымъ законамъ имперіи, служившимъ очевидно для общей пользы, она поставила себя въ опасность и въ нѣдрахъ самой Церкви, чрезъ нападенія, которыя были опасны совершенно въ другомъ отношеніи, и съ тѣхъ поръ начала клониться къ упадку. Оппозиція епископовъ противъ папъ обратилась теперь противъ нихъ самихъ, во имя монастырской и клерикальной демократіи. Теперь къ нимъ самимъ примѣняютъ законъ, на который они ссылались, призывая ихъ, въ свою очередь, къ преданіямъ пер-

воначальной Церкви; подобно тому, какъ во всякой борьбѣ равенства съ олигархіей, большинство искало себѣ союзника въ верховной власти. Такимъ образомъ начинается новая революція покровительствомъ папства. Появляются доносы о честолюбіи прелатовъ, ихъ богатствѣ, непомѣрной гордости, развращеніи ихъ нравовъ, объ ихъ злоупотребленіяхъ въ раздачѣ церковныхъ приходовъ, объ ихъ жадности, доходящей иногда до того, что они захватывали доходы со многихъ епископскихъ престоловъ.

Упреки эти были вполнѣ заслужены. Каждое епископство представляло собою въ уменьшенномъ видѣ тѣ же преобразовательные кризисы, которые совершились въ политикѣ папства. Подобно тому, какъ взамѣнъ подарковъ, сдѣланныхъ папамъ, императоры присвоили себѣ право утверждать или уничтожать избраніе ихъ,—и герцоги, образовавшіе въ пользу епископовъ маленькія свѣтскія владѣнія, которыя составляли главный предметъ церковныхъ доходовъ, точно также сохранили за собою и за своими наслѣдниками право назначать епископовъ.

Такимъ образомъ задача свѣтской власти духовенства, неудобства, которыя она за собою влекла, уставы, которые утвердили ее, обобщились во всемъ христіанствѣ и породили одинаковыя злоупотребленія какъ въ Римѣ, такъ и во всякой деревнѣ. Уловки, пускаемыя въ ходъ при избраніи папъ, находили себѣ подражаніе, когда дѣло шло объ опредѣленіи епископа и предоставленіи бенефицій. Высшія духовныя должности также получались цѣною денегъ или лицепріятія. Это называлось симоніей. Въ этомъ случаѣ прелаты подражали папамъ. Многіе изъ нихъ добились избранія, покупая голоса народа цѣною золота, а согласіе императоровъ—цѣною постыдныхъ условій. Едва-ли можно исключить и самого Герберта, который былъ папою подъ именемъ Сильвестра II, потому что онъ былъ наставникомъ Оттона. Бенедиктъ IX, не будучи доволенъ тѣмъ, что купилъ себѣ папскій санъ, продаетъ его за деньги архіепископу Іоанну, возведенному на папскій престолъ подъ именемъ Григорія II. Въ то время въ Римѣ трое папъ оспаривали другъ у друга св. престолъ.

Но подобно тому, какъ папство предшествовало епископству на пути испорченности, — оно опередило его и на пути возрожденія. Во время папъ, избранныхъ подъ германскимъ вліяніемъ: Климента II, Льва X, Виктора II, Герберта, великаго человѣка своего времени, и Стефана IX, св. престолъ снова возвышается и приготовляется къ будущей борьбѣ противъ имперіи, усиливаясь возстановить суровую и строгую дисциплину въ Церкви и возстановить свой прежній авторитетъ, на который оно смотритъ, какъ на похищенный у него епископами. Съ одними своими силами папство никогда не могло бы предпринять этого; но сильная и неожиданная помощь подоспѣла къ нему со стороны монашества и низшаго духовенства, на которыхъ тяготѣла олигархія прелатовъ.

Левъ IX созываетъ во Франціи соборъ, помимо короля, съ помощію низшаго монашества и священства, и низлагаетъ или отлучаетъ всѣхъ епископовъ, которые отказались признать его первенство. Повсюду созываются соборы противъ продажныхъ прелатовъ. Симонія, явившаяся предметомъ борьбы, дѣлается, по неопредѣленности своего значенія, удивительнымъ оружіемъ въ рукахъ возникающей революціи. По словамъ Петра Аміенскаго, признаваема была симонія языка, симонія руки и симонія услугъ. Кто могъ надѣяться быть свободнымъ отъ всѣхъ этихъ подозрѣній? Миссіи легатовъ, намѣстники папъ, являющіеся представителями ихъ диктатуры, дѣлаются учрежденіями постоянными, повсюду распространенными, и нападаютъ на епископовъ прежде, чѣмъ на королей. Монахи, закоренѣлые враги епископскаго феодализма, возвышаются до первыхъ церковныхъ степеней и занимаютъ должности самыя вліятельныя. Монахъ Петръ Аміенскій пишетъ противъ епископовъ свои язвительныя филиппики, въ которыхъ прилагаетъ, на каждой страницѣ, къ этимъ князьямъ Церкви названія льстецовъ, шутовъ, рабовъ и пр. Онъ издѣвается надъ ними, осмѣиваетъ ихъ въ сла-

гаемыхъ о нихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ одна, написанная карикатурной латынью, характеризуетъ тѣ упреки, съ которыми онъ къ нимъ обращается [1]). Онъ приглашаетъ ихъ къ покаянію съ помощію поста и умерщвленія плоти, предлагаетъ имъ бичеваніе до тысячи ударовъ, говоря, „что то, что полезно, не можетъ быть излишне". Стефанъ IX, признавая услуги, оказанныя этимъ монахомъ папству, долженъ былъ употребить угрозу отлученія, чтобы заставить его принять епископство Остіи и титулъ перваго кардинала. Въ его глазахъ было униженіемъ промѣнять монашеское платье на епископское.

Въ каждомъ епископствѣ является монахъ, представитель новой реформы. Во Флоренціи монахъ Петръ проходитъ невредимымъ чрезъ пылающій костеръ, въ присутствіи народа, чтобы этимъ чудеснымъ знаменіемъ изобличить въ симоніи епископа. Другой монахъ, Ланпракъ, защитникъ римской суприматіи противъ Беранжера, идетъ въ Англію, чтобы усмирить англо-норманскій епископатъ, и управляетъ имъ почти съ папскимъ авторитетомъ. Наконецъ, еще одинъ монахъ, Гильдебрандъ, будущій Григорій VII, проповѣдуетъ крестовый походъ и пріобрѣтаетъ такую популярность, что дѣлается съ самаго начала важнѣйшей личностью Церкви, такъ что Стефанъ IX, во время отсутствія Гильдебранда, чувствуя приближенія смерти, приказываетъ кардиналамъ оставить св. престолъ празднымъ до возвращенія Гильдебранда, чтобы избраніе совершилось подъ его вліяніемъ. Это приказаніе было исполнено въ точности, несмотря на неудобства, какія оно представляло, и несмотря на оппозицію римской аристократіи, имѣвшей своего кандидата, который долженъ былъ уступить Николаю II, указанному Гильдебрандомъ. Александръ II также былъ избранъ въ папы подъ этимъ вліяніемъ, которому и подчинялся во все время своего папства, послѣ чего, наконецъ, въ лицѣ Гильдебранда, надѣла папскую тіару сама революція.

VII.

Григорій VII.

Учрежденія, какъ и вообще всѣ человѣческія дѣла, имѣютъ свой идеалъ, къ которому они стремятся; но такъ какъ развитіе ихъ совершается почти всегда не безъ препятствій и исполнено случайностей, то они часто бываютъ вынуждены скрывать свои идеалы и пріостанавливать осуществленіе ихъ. Поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается имъ вполнѣ проявить себя; но тогда они обнаруживаютъ всѣ свои тайны, по которымъ познается вся сущность ихъ, ихъ нравственный смыслъ и вліяніе. Вся ихъ жизнь и энергія проявляются въ этотъ краткій моментъ, и они обыкновенно хотятъ, чтобы по нему судили о нихъ, подобно тому какъ судятъ о людяхъ, оцѣнивая идею, во имя которой они дѣйствуютъ.

Папство имѣло два такіе момента: одинъ при Григоріи VII, другой—при Иннокентіи III. Въ остальной своей исторіи оно является такимъ, какимъ могло быть, здѣсь же оно высказало то, чѣмъ оно хотѣло быть.

---

[1]) Cedant equi phalerati,	Прочь съ нарядными всадниками!
Cedant coeci rabulae,	Прочь съ невѣжественными крикунами!
Cedant canes venatores,	Прочь съ гончими собаками,
Ac minorum fabulae	Оскорбители младшихъ,
Et accipitrices rapaces	Хищные звѣри
Nec non aves garrulae.	И болтливыя птицы!
. . . . Cedat	. . . . Долой!
Sacerdotum simul atque	Также свѣтская власть
Scelus adulterii	И прелюбодѣяніе
Et laicorum dominatus	Священниковъ церкви
Cedat ab ecclesiis, etc.	Долой!

Гильдебрандъ, папа столь извѣстный подъ именемъ Григорія VII, представляетъ собою высшее и полнѣйшее олицетвореніе того теократическаго идеала, о которомъ мечтали римскіе первосвященники. Если этотъ папа и не осуществилъ всѣхъ практическихъ условій этого идеала, тѣмъ не менѣе онъ первый формулировалъ и поддерживалъ притязанія во всей ихъ строгости, до послѣдняго дня своей жизни. Какъ ни превратно было его правленіе, но оно составляетъ для папства эру, которой до Григорія VII оно желало и о которой послѣ него сожалѣло. Папство его устами рѣшилось произнести открыто, что̀ оно понимало подъ неопредѣленнымъ словомъ „свѣтская власть“. Оно отвергло мелкое честолюбіе, которое ему приписывали и которое служило прикрытіемъ его слабости; оно смѣло провозгласило себя законодателемъ человѣчества и его исключительнымъ и законнымъ властелиномъ. Положеніе полное опасности и величія, которому папство обязано самой лучшей страницей своей исторіи. Мы должны здѣсь отказаться отъ всякаго предубѣжденія. Если что слѣдуетъ осуждать, то лишь тиранническую систему, апостоломъ которой сдѣлался Гильдебрандъ, и средства, часто столь недостойныя, которыя онъ пускалъ въ ходъ для осуществленія своихъ видовъ; но никакъ нельзя отказать ему въ преданности, мужествѣ и геніи, которые онъ обнаруживалъ, дѣйствуя съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла. Указывать на эти высокія качества вездѣ, гдѣ только они являются, составляетъ обязанность. Эта дань уваженія относится не столько къ личности человѣка, сколько вообще къ человѣческой природѣ.

Я не говорю, что Гильдебрандъ дѣйствовалъ искренно во всѣхъ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, но относительно главной идеи, которая въ его глазахъ служила вмѣстѣ и цѣлью, и оправданіемъ, невозможно усомниться, изучая близко его жизнь. Онъ всецѣло преданъ былъ одной идеѣ, что̀ составляетъ великую черту даже и тогда, если эта идея ложная. Человѣкъ приближается къ истинѣ, лишь сравнивая ее съ ложью. Преданность идеѣ сама по себѣ составляетъ лучшую заслугу, независимо отъ преслѣдуемой цѣли. Въ характерѣ Гильдебранда мы видимъ цѣльность и безкорыстіе высшаго честолюбія. Съ самой юности онъ ставилъ выше всего принципъ, который былъ для него второй религіей и которому онъ подчинялъ даже свое собственное возвышеніе. Онъ не искалъ успѣха иначе, какъ чрезъ него и для него. Я говорилъ уже о томъ необыкновенномъ вліяніи, которое онъ пріобрѣлъ на первосвященниковъ, бывшихъ его непосредственными предшественниками, и избраніе которыхъ зависѣло отъ его рѣшенія. Представляется вопросомъ, какимъ образомъ этотъ протекторъ столькихъ папъ не помышляетъ сдѣлаться самъ папою; но болѣе тщательное изслѣдованіе обнаруживаетъ причины его медлительности. Прежде чѣмъ приступить къ великой борьбѣ, о которой онъ помышлялъ, онъ хотѣлъ, чтобы пути были уже подготовлены къ этому. Онъ предпринимаетъ черезъ другихъ мѣры, которыя, исходя отъ него, возбудили бы, можетъ быть, непреодолимое недовѣріе, и онъ самъ сажаетъ на святой престолъ своихъ подготовителей и исполнителей своихъ предначертаній. Онъ требовалъ, чтобы они сначала приняли сами и потомъ распространяли всѣ существенные принципы его реформы. По его внушенію они рѣшительными ударами поражаютъ феодальныя тенденціи епископовъ, стараются освободить церковныя бенефиціи изъ-подъ зависимости государей и постановить безбрачіе основнымъ закономъ Церкви. Но самымъ главнымъ стараніемъ его было освободить святой престолъ отъ императорскаго вліянія, въ то время весьма сильнаго. Въ этомъ щекотливомъ предпріятіи онъ дѣйствуетъ съ безпримѣрной гибкостью и дипломатіей. При каждомъ новомъ избраніи папы онъ становится посредникомъ между римскимъ народомъ и императоромъ, чтобы противопоставить этому послѣднему волю Рима, но дѣлая видъ, что онъ выполняетъ волю императора и желаетъ избавить его отъ затрудненій выбора. Онъ замѣняетъ то или другое право имперіи какимъ-либо ничтожнымъ выраженіемъ почтенія, и каждый разъ, когда ему удается осилить въ

чемъ-либо имперію, онъ обращаетъ это въ законный актъ, чтобы сдѣлать изъ него потомъ точку отправленія для окончательнаго освобожденія.

Такимъ образомъ въ 1059 году онъ продиктовалъ Николаю II, своей креатурѣ, декретъ, объявленный на латеранскомъ соборѣ, который установилъ избраніе папъ собраніемъ кардиналовъ, не оставивъ народу другого права, какъ только соглашаться съ этимъ, и который упоминаетъ о правѣ императора утверждать папу въ смыслѣ лишь простой, почетной прерогативы (salvo honore et reverentia dilecti filii). Съ слѣдующаго избранія онъ провозгласилъ этотъ декретъ, какъ законъ, не допускающій возраженія, и императоръ, не могшій или не смѣвшій противиться, долженъ былъ этому подчиниться.

Въ то же время онъ съ удивительною предусмотрительностью заводитъ связи съ цѣлью поддержать себя въ случаѣ опасности. На югѣ онъ пріобрѣлъ дружбу Роберта Гискара и норманновъ, давъ завоеваніямъ ихъ свою апостольскую санкцію, которая измѣняла силу въ право, узурпацію въ законность. На сѣверѣ онъ склоняетъ на свою сторону Матильду, графиню тосканскую, выбравъ ей руководителя искуснаго и преданнаго его идеямъ; могуществомъ своего генія онъ покорилъ эту сильную и страстную душу. Онъ тщательно, медленно, терпѣливо приготовляетъ всѣ тѣ элементы, на которые впослѣдствіи оперся, и когда, наконецъ, старость и дряхлость Александра II возвѣстили ему, что настала его очередь, онъ начинаетъ борьбу, объявляя неслыханное до того времени приказаніе молодому королю Германіи, Генриху IV, явиться въ Римъ, чтобы тамъ отдать отчетъ въ своемъ поведеніи и оправдаться предъ трибуналомъ верховнаго первосвященника противъ обвиненія въ симоніи. Удивительный приступъ для приготовленія умовъ къ задуманнымъ предпріятіямъ!

Гильдебрандъ былъ избранъ конклавомъ и римскимъ народомъ, къ которому обращались уже только въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась величественная манифестація. Онъ обошелся безъ выбора императора, недавно еще необходимаго для утвержденія избранія; но онъ еще не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы быть посвященнымъ безъ его согласія, и получилъ это согласіе съ помощію притворной покорности, несмотря на оппозицію германскихъ епископовъ, ненавидѣвшихъ въ немъ врага епископскаго аристократизма.

Съ перваго же года его папства цѣль его сдѣлалась ясной: слова и дѣйствія его вполнѣ выразили ее. Григорій VII стремился къ всемірной монархіи и шелъ къ этой цѣли съ непреклонной смѣлостью жреца, убѣжденнаго, что дѣйствуетъ въ пользу добраго дѣла и что цѣль оправдываетъ средства.

Та непоколебимость, та увѣренность, которыя онъ выказываетъ во лжи, являются въ столь возвышенной личности поразительными, хотя подобныя явленія вообще нерѣдки въ средніе вѣка. Спрашивается, какъ должны были уродоваться эти жреческія души, чтобы не только пріобрѣтать эту невозмутимость въ своемъ притворствѣ, но и сохранять неизмѣнную твердость среди столькихъ ужасовъ и быть недоступными угрызеніямъ совѣсти.

Между Гильдебрандомъ и его преемниками была, однако, та разница, что хитрости, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, не имѣютъ въ себѣ ничего кроваваго и суть не что иное, какъ только набожныя мистификаціи.

„Вы, конечно, знаете,—писалъ онъ испанскимъ графамъ,—что съ весьма древнихъ временъ испанское королевство есть собственность св. Петра, что оно принадлежало единственно св. престолу, хотя и находилось въ рукахъ язычниковъ: то, что разъ сдѣлалось собственностью Церкви, никогда не перестаетъ быть ея принадлежностью".

Такимъ образомъ онъ предъявляетъ на Испанію права, о которыхъ никто никогда не слышалъ, и пользуется этой смѣлой гипотезой, поражавшей всѣхъ своей новизной, а также легковѣріемъ, хаотическимъ состояніемъ, въ которое погружена была

Испанія, чтобы пріобрѣсти возможность требовать отъ графовъ верховныхъ правъ на земли, которыя они завоюютъ съ правомъ полученія ежегодной дани.

Во Франціи, гдѣ недавняя борьба Гинкмара и епископовъ противъ притязаній святого престола оставила въ умахъ довольно опредѣленные взгляды на взаимныя права Церкви и государства, трудно было пустить въ ходъ подобную басню; поэтому Григорій не довольствуется духовными угрозами, но старается дать замѣтить королю, что онѣ могутъ поколебать его власть такъ же вѣрно, какъ и политическіе перевороты. „Если король будетъ продолжать держаться преступной симоніи, то французы, увидя его преданнымъ проклятію, откажутся повиноваться ему“.

Съ королемъ же Венгріи Григорій обращается къ своей любимой темѣ: „Ваше королевство, какъ вы могли уже узнать отъ вашихъ предшественниковъ, есть собственность римской Церкви съ той минуты, какъ король Стефанъ передалъ всѣ права и власть своей Церкви св. Петру; между тѣмъ, вы считаете, что получили это королевство въ видѣ лена отъ короля Генриха (германскаго). Если это такъ, вы должны знать, какимъ образомъ вы можете заслужить наше расположеніе и благоволеніе св. Петра. Вы не можете получить ни того, ни другого, ни даже остаться королемъ, не навлекши на себя гнѣва первосвященника, если не откажетесь отъ своего заблужденія и не объявите, что получили вашъ ленъ не отъ короля, а отъ св. апостола“.

Свенону, королю Даніи, онъ предлагаетъ новое королевство: „Возлѣ насъ,—говоритъ онъ ему,—находится богатая провинція, занятая подлыми еретиками. Мы желали бы, чтобы одинъ изъ вашихъ сыновей воцарился здѣсь, чтобы защищать религію, если только, какъ увѣрялъ насъ епископъ вашей страны, вы согласитесь послать его съ нѣкоторою частію отборнаго войска, для выполненія этого желанія апостольскаго двора“.

Онъ отдаетъ также россійское государство, которымъ владѣлъ тогда Димитрій (Донской), говоря, что его, Григорія, просили объ этомъ и увѣрили, что государь не противится этой просьбѣ, потому что искатель есть его сынъ. „Вашъ сынъ, посѣтившій могилы апостоловъ,—пишетъ папа къ Димитрію,—обратился къ намъ и объявилъ, что желаетъ получить ваше царство отъ насъ, какъ даръ св. Петра, и принесъ намъ присягу въ вѣрности; онъ поклялся намъ, что вы позволили ему эту просьбу. Такъ какъ она показалась намъ справедливой, то мы отдали ему ваше царство, какъ наслѣдіе св. Петра“.

Не столь вѣжливыя выраженія употребляетъ папа въ слѣдующемъ письмѣ къ Орцоку, герцогу каліарскому, въ Сардиніи, государю менѣе опасному: „Ты долженъ знать,—пишетъ онъ,—что весьма многіе просятъ у насъ твоей страны и обѣщаютъ намъ большія выгоды, если мы позволимъ имъ отнять ее. Это—не только норманны, тосканцы, лонгобарды, но даже за-альпійскіе народы, которые обращаются къ намъ съ самыми неотступными просьбами; но мы не хотимъ удовлетворить ихъ прежде, чѣмъ не узнаемъ чрезъ нашего посла твоего рѣшенія. Если ты рѣшишься объявить себя преданнымъ св. престолу, мы не дозволимъ обидѣть тебя, мы защитимъ тебя духовнымъ и свѣтскимъ оружіемъ противъ всякаго нападенія“...

ГЛАВА XI.

Константинопольскій патріархъ Михаилъ Церуларій замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ его епархіи, служащихъ обѣдню на латинскомъ языкѣ, причастіе дается въ видѣ облатки, т. е. прѣснаго хлѣба. Такое отступленіе принудило патріарха къ закрытію всѣхъ латинскихъ церквей въ Константинополѣ, послѣ чего онъ вмѣстѣ съ болгарскимъ митрополитомъ Львомъ Амридскимъ составилъ письмо и послалъ его въ 1053 году въ Италію апулійскому епископу Іоанну съ перечисленіемъ всѣхъ западныхъ отступленій

отъ каѳолической Церкви. Письмо это попало въ руки кардинала Гумберта, который его перевелъ и представилъ папѣ.

Левъ IX, прочитавъ письмо, послалъ византійскому монарху отзывъ, въ которомъ порицалъ патріарха за то, что онъ осмѣлился въ своемъ письмѣ осуждать апостольскую Церковь, которую никто изъ живыхъ не имѣетъ права судить. Императоръ отвѣтилъ въ миролюбивомъ тонѣ и даже просилъ его прислать легата для выясненія этого недоразумѣнія.

Вслѣдствіе этого прибыли въ Константинополь трое папскихъ легатовъ, и въ числѣ ихъ кардиналъ Гумбертъ, человѣкъ рѣзкій и вспыльчивый. Кардиналъ сталъ нападать на восточную Церковь и обвинять константинопольскаго патріарха въ распространеніи своего вліянія на антіохійскую Церковь и въ неумѣренномъ образѣ жизни. При этомъ онъ старался оправдать всѣ нововведенія въ римской Церкви, какъ-то: установленіе поста въ субботу, причастіе въ облаткахъ, безбрачіе ксендзовъ, отмѣну въ постные дни напѣва „Аллилуія", употребленіе въ пищу крови и мяса удавленныхъ животныхъ и т. п.

Дѣло приняло острый характеръ. Патріархъ Михаилъ разсчитывалъ на поддержку со стороны народа и духовенства, легаты же—на императора Константина Мономаха, который даже принудилъ Никиту Пектората, настоятеля Студійскаго монастыря, къ сожженію своего сочиненія о заблужденіяхъ латинской Церкви. Вслѣдствіе этого патріархъ отказался принять легатовъ, мотивируя это тѣмъ, что они держали себя непристойно. Легаты, потерявъ надежду на то, что восточная и болгарская Церкви признаютъ надъ собою папскую власть, вошли 16 мая 1054 года въ соборъ Св. Софіи, въ тотъ моментъ, когда православное духовенство приготовлялось служить обѣдню, и положили на алтарь папскую буллу, заключающую въ себѣ анаѳему константинопольскому патріарху и всей восточно-каѳолической Церкви; послѣ этого они вышли изъ собора со словами: „отрясаемъ прахъ отъ ногъ нашихъ на Константинополь и весь Востокъ".

Этотъ поступокъ возмутилъ весь народъ до такой степени, что легаты принуждены были спасаться бѣгствомъ изъ Константинополя.

Послѣ отъѣзда легатовъ восточная Церковь также (1054 г.) предала анаѳемѣ римскую Церковь и послѣдователей ея.

Такимъ образомъ произошло окончательное раздѣленіе каѳолической Церкви.

Дальнѣйшія обстоятельства показали, что папская анаѳема не принесла никакого вреда восточной Церкви, тогда какъ анаѳема восточной Церкви довела римскую до упадка.

Съ момента, когда римская Церковь отпала, какъ засохшая вѣтвь отъ ствола, отъ восточной, истинно христіанской Церкви, въ латинскихъ христіанскихъ общинахъ стали появляться расколы, которые грозными тучами затемняли горизонтъ римской Церкви и теперь побуждаютъ главу ея искать защиты подъ развѣсистыми вѣтвями восточной Церкви, которая, оставаясь вѣрною всѣмъ апостольскимъ преданіямъ, нравственно соединяетъ вѣрующихъ—теперешнія поколѣнія съ избранниками минувшихъ вѣковъ, распространяетъ благодѣтельныя послѣдствія своихъ молитвъ и на будущія поколѣнія которыя, въ свою очередь, будутъ возносить моленія за своихъ предшественниковъ,—наконецъ, призываетъ къ себѣ всѣ народы и съ непоколебимой надеждой ожидаетъ пришествія Спасителя.

Спокойнымъ окомъ взираетъ восточная Церковь на то, какъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ бури историческихъ волненій, потоки людскихъ страстей и мыслей волнуются и разбиваются о ту скалу, на которой она стоитъ; видитъ она это и не безпокоится, такъ какъ вѣритъ, что не только адовы врата куріи Ромы, но и цѣлый адъ не поколеблетъ этой скалы, потому что эта скала—Христосъ!

Гдѣ слѣдуетъ искать источника римской ереси?

Римская Церковь, отдѣлившись отъ православной вселенской Церкви и вступивъ на ложный путь, пошла все дальше и дальше въ сторону, отдаляясь отъ евангельской истины и освященныхъ древнею Церковью преданій.

Къ несчастію римской Церкви, вскорѣ послѣ окончательнаго отпаденія Рима отъ каѳолической Церкви римскимъ епископомъ сдѣлался Григорій VII (Гильдебрандъ) при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Послѣ вступленія на папскій престолъ въ 1033 г. двѣнадцатилѣтняго Бенедикта IX, распущенность въ римской куріи дошла до небывалыхъ размѣровъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ продажи съ аукціона папскаго престола и пріобрѣтенія его Григоріемъ VI [2]), который скоро проигралъ его въ кости Клименту II, куріей управляли одновременно трое папъ. Императоръ Генрихъ III положилъ конецъ этимъ безпорядкамъ на соборѣ въ *Сутрѣ* (1046 г.), изгнавъ всѣхъ папъ. Поднявъ этимъ престижъ императорской власти до высшей степени, Генрихъ III утвердилъ въ званіи папы Климента II въ 1046 г., а по его смерти назначилъ папою въ 1048 г. Дамаса II, прозваннаго „баварцемъ". Послѣ него вступилъ на папскій престолъ Левъ IX, а когда его взяли въ плѣнъ норманны, предсѣдателемъ куріи сталъ Викторъ II; въ 1057 год былъ Стефанъ, а въ 1058 г. Бенедиктъ X. Этотъ послѣдній былъ до такой степени распутенъ, что черезъ девять мѣсяцевъ былъ не только свергнутъ съ папскаго престола по требованію свѣтской власти, но даже лишенъ на сутрійскомъ соборѣ священническаго сана.

Въ 1063 году въ Германіи, во время Рождественскихъ праздниковъ, имѣющій митру аббатъ фульдскій и епископъ гильдесгеймскій со шпагами въ рукахъ домогались первенства въ церемоніи, причемъ сабельные удары сыпались столь обильно, что алтарь былъ залитъ кровью, а императоръ едва не былъ убитъ [3]).

Вмѣшательство свѣтской власти въ жизнь римскаго духовенства очень не правилось римской куріи; въ то же время способные, уважаемые и теологически просвѣщенные люди изъ монастырей клюнискаго и камальдольскаго стали проповѣдывать, что единственнымъ средствомъ къ освобожденію папства отъ политическаго безсилія является подъемъ нравственности папства. Они жаждали освободить Церковь онъ инвеституры мірянъ, отъ симоніи, отъ женатаго духовенства, а хищническимъ замысламъ нѣмецкихъ императоровъ противопоставить объединеніе всѣхъ народностей въ одну семью подъ духовнымъ главенствомъ папы. Главнымъ очагомъ этихъ стремленій былъ монастырь Клюни въ Бургундіи, а самымъ виднымъ представителемъ этого направленія былъ монахъ Гильдебрандъ, сынъ кузнеца на р. Сонѣ. Въ 1048 году Гильдебрандъ сталъ діакономъ въ Римѣ и душой римской куріи. Предоставленіе права выбора папъ коллегіи кардиналовъ было дѣломъ именно его рукъ. Когда папство было уже сильно упрочено, Гильдебрандъ, подъ именемъ Григорія VII (1073—1085 гг.), взошелъ на папскій престолъ, увѣдомивъ о своемъ избраніи Генриха IV, который его также утвердилъ.

Пользуясь слабохарактерностью Генриха IV и забывая, что свѣтская власть установлена Богомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ: „всякая душа (а вмѣстѣ съ тѣмъ и папа) да будетъ покорна высшимъ властямъ... ибо власть не напрасно носитъ мечъ" (Римл., XIII, 1, 4), Григорій VII снова объявилъ, что папа непогрѣшимъ

[1]) Cujus quidem post adeptum sacerdotium vita quam turpis, quam foeda, quamque exsecranda exstiterit, horresco referre. Дезидерій, настоятель монастыря Cassino, позднѣе—папа Викторъ III. De miraculis a. s. Ben. lib. 3.

[2]) Teofilactus.., quam post multa adulteria et homicidia manibus suis perpetrata... (Бонизо, епископъ въ Сутрѣ—Liber ad amicum).

[3]) Лебедевъ, „О главенствѣ папы", стр. 308.

и имѣетъ право распоряжаться свѣтскими и духовными дѣлами не только въ подчиненныхъ ему границахъ, но и во всѣхъ христіанскихъ Церквахъ [1]).

И въ дѣйствительности мы видимъ, что, благодаря измышленной непогрѣшимости папы, съ XI вѣка вводятся въ римскую Церковь различныя нововведенія какъ въ ученіи, такъ и въ обрядахъ—нововведенія, несогласныя или съ духомъ истиннаго ученія Христа, или съ принятыми древнею Церковью правилами и основами.

Независимо отъ этихъ нововведеній, которыя подробно изложены въ отвѣтахъ восточныхъ патріарховъ на папскую энциклику, главнѣйшимъ пунктомъ церковныхъ несогласій является стремленіе римскихъ епископовъ къ присвоенію себѣ права на главенство надъ всѣми Церквами, ихъ патріархами, епископами, государями.

Задачею жизни Григорія было предоставленіе папѣ универсальной теократіи, какъ намѣстнику Христа на землѣ и видимому главѣ Церкви. Въ единствѣ папской теократіи всѣ народы и государства должны были быть соединены какъ члены одного тѣла.

Монархи получаютъ Божью санкцію отъ духовной власти. Королевская власть находится къ папской въ такомъ отношеніи, какъ луна къ солнцу. Церковь имѣетъ власть карать злоупотребленія свѣтской власти и освобождать подданныхъ отъ принесенной ими присяги на вѣрность.

Что этотъ принципъ несогласенъ съ Евангеліемъ, это очевидно; онъ, однако, былъ вызванъ деспотичными злоупотребленіями свѣтской власти, особенно нѣмецкаго народа, и распущенностью другихъ народовъ, особенно польскаго.

Какъ извѣстно, съ первыхъ временъ христіанства Церковь не конкуррировала съ свѣтскою властью. Однако, мало-по-малу ученіе Христа, гласящее: „Царство Мое не отъ міра сего“, стало забываться, и начали проводить церковно-государственные законы.

Когда же римская Церковь отдѣлилась отъ каѳолической (вселенской) Церкви, то она для защиты своего прозелитизма стала стремиться къ свѣтской власти, что, какъ извѣстно, вызвало открытую борьбу съ свѣтской государственной властью и было причиной полнаго забвенія ученія Христа о воздаваніи кесарева—кесареви, а Божія—Богови. Стремленіе Рима къ свѣтской власти, въ соединеніи съ распущенностью духовенства, вызвало сильный протестъ со стороны Лютера, а когда протестантство коснулось догматовъ и Св. Таинствъ, то совсѣмъ уничтожило власть Церкви, подчинивъ ее правительству. Другой, еще болѣе сильный, протестъ противъ распущенности римскаго духовенства и его властолюбія выразился во французской революціи, которая провозгласила: „долой прерогативы римской Церкви!“, теперь же устами Picard'а [2]) обрисовала эту Церковь слѣдующимъ образомъ: „Папская власть пала. На римскомъ дворѣ остался только кружокъ старыхъ лицемѣровъ, проникнутыхъ абсолютизмомъ, безнаказанно издѣвающихся надъ людскимъ довѣріемъ и легковѣріемъ“. Что такое папа? спрашиваетъ Picard и отвѣчаетъ: „это есть самостоятельный владѣтель, будто бы святой, который слишкомъ часто злоупотребляетъ легковѣріемъ христіанскихъ государей и людскою темнотою, чтобы овладѣть ими, эксплуатировать ихъ и, наконецъ, пожертвовать ими по своему капризу или надобности“.

„Англійская королева Елизавета, одаренная сильнымъ проницательнымъ умомъ, не могла переносить надменность папъ; вскорѣ она была проклята, а папа Пій V объявилъ

[1]) Григорій VII объявилъ слѣдующее: „Папа непогрѣшимъ. Его волѣ, распоряженіямъ и суду подчиняются всѣ государства этого міра. Онъ имѣетъ право проклинать государей. Онъ можетъ освободить подданныхъ отъ присяги и покорности царствующимъ. Подданные обязаны возставать противъ проклятыхъ папою правителей и воевать съ ними. Безъ его разрѣшенія ни одинъ соборъ не можетъ назваться вселенскимъ. Никто не имѣетъ права признать его приговоръ недѣйствительнымъ, онъ же имѣетъ право отмѣнять всякій приговоръ. Судить его никто не имѣетъ права. Проклинать его, т. е. апостольскій престолъ, никто не можетъ“. (Смотри Dictatus Hildebrandt Баронія).

[2]) Picard. Esprit de Siecle, стр. 28.

Англію внѣ законовъ, обѣщая корону первому лучшему узурпатору, который съумѣетъ овладѣть этимъ государствомъ. Та же самая королева Елизавета сказала однажды скрывавшимся въ ея странѣ французамъ-протестантамъ, которые при ея посредствѣ домогались возвращенія конфискованныхъ у нихъ имуществъ: „Бѣдные вы! Развѣ не лучше было бы пойти къ обѣднѣ, чѣмъ подвергать вашихъ женъ стольким мученіямъ? Если вы не вѣрите, то отчего же не пойти посмотрѣть этотъ театръ маріонетокъ? Видите,—добавила королева,—что я вся въ бѣломъ, а если бы я теперь переодѣлась, чтобы играть комедію, развѣ было бы преступленіемъ съ вашей стороны присматриваться къ этому?“.

„Этотъ же папа, Пій V, прежде чѣмъ сдѣлался папою, былъ великимъ инквизиторомъ; онъ сохранилъ на апостольскомъ престолѣ тотъ же ужасный и дикій характеръ, которымъ отличались всѣ члены страшнаго трибунала инквизиціи.

„Историки, не соглашавшіеся съ его честолюбивыми стремленіями и взглядами, боялись его какъ огня, зная отлично, что мученическая смерть на кострѣ была обычнымъ доказательствомъ справедливости этого фальшиваго человѣка. Судьба знаменитаго Палеаріо служитъ явнымъ доказательствомъ этого. Несчастный философъ былъ сожженъ на кострѣ за то, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій написалъ, что *„инквизиція—это наостренный кинжалъ, направленный въ сердце просвѣщенныхъ писателей“*. „Что такое апостольская столица?—спрашиваетъ этотъ самый авторъ и отвѣчаетъ:—„это есть опозоренный престолъ, безустанно вырываемый другъ у друга, всегда же занятый рядомъ временныхъ тирановъ, прозванныхъ святыми отцами“.

„Развѣ кому-либо неизвѣстно, что папскій престолъ всегда въ высшей степени отличался произволомъ и безчеловѣчностью, превосходя въ этомъ отношеніи всѣхъ деспотовъ міра?

„Прошу припомнить варварскій деспотизмъ папъ временъ Карла IX, Генриха III, Генриха IV, Франциска I, Людовика IX (Святого), Людовика XI, Людовика XIII, Людовика XIV, Людовика XV и проч. и проч.

„Прошу припомнить ту роль, которую играли наши архіепископы, епископы и вся клика священниковъ и монаховъ, сѣявшихъ сѣмя раздора во всѣ сердца и по всѣмъ концамъ Франціи.

„Припомнимъ себѣ тотъ декретъ отъ 7 мая 1590 г., изданный благочестивымъ теологическимъ парижскимъ факультетомъ (Сорбонной), который обѣщалъ царство небесное тому, кто умретъ съ оружіемъ въ рукахъ въ борьбѣ противъ еретика Генриха IV. Этотъ декретъ былъ изданъ, по окончаніи богослуженія Св. Духу, нашими благочестивыми архіепископами, епископами и другими прелатами, собравшимися въ числѣ 70. На основаніи этого братоубійственнаго декрета, признаннаго и подтвержденнаго папскою властью, произошла знаменитая процессія лиги. Епископъ изъ Senlis, Вильгельмъ Розе, шелъ во главѣ ея, держа въ одной рукѣ длинный крестъ, а въ другой—алебарду. За нимъ слѣдовалъ пріоръ парижскихъ картузіановъ съ цѣлой компаніей монаховъ съ опущенными капюшонами и картузами на головахъ. Нищенствующія монашескія корпораціи францисканцевъ, капуциновъ и друг. слѣдовали за ними, неся ладонки и мушкеты, и всѣ шли съ грозными лицами, горящими глазами и скрежетомъ зубовъ.

„Настоятель изъ С.-Жермена l'Auxerrois, играя роль сержанта, распоряжался походомъ, привалами и салютами изъ мушкетовъ. Монахи дефилировали передъ папскимъ легатомъ, а одинъ изъ нихъ, какъ будто бы случайно, убилъ монаха, сборщика подаяній, выстрѣломъ изъ карабина, заряженнаго пулею. Случай этотъ нисколько не прервалъ процессіи. Монахи кричали, что убитый достигъ вѣчнаго блаженства, окончивъ жизнь въ столь святой церемоніи. Эти шайки священниковъ и монаховъ, испещренныя чернымъ и бѣлымъ цвѣтами, со знаменами, на которыхъ виднѣлись

клещи, рѣшетка для сжиганія, костеръ и слова „Справедливость! Милосердіе!“ бросали въ темныя подземелья и вѣшали безъ сожалѣнія каждаго, указаннаго имъ какъ гугенотъ.

„Прошу припомнить себѣ ту публичную продажу индульгенцій и отпущеній по различнымъ цѣнамъ и ту апостольскую таксу, изданную около 1320 г. папою Іоанномъ XXII, какъ наказъ каноническихъ законовъ: ложная клятва именемъ Божьей Матери прощалась за одинъ франкъ, а именемъ обыкновеннаго святого — за три су. Убійца субдіаконъ получалъ прощеніе за 60 франковъ. Епископъ, настоятель — повѣрите-ли?—могли убить кого угодно, уплативъ 300 франковъ. Однимъ словомъ, всевозможные самые низкіе поступки были въ этой таксѣ расцѣнены.

Чтобы дать понятіе объ этой таксѣ, мы приводимъ нѣсколько параграфовъ изъ отдѣла „о разрѣшеніи отъ грѣховъ“.

„За плотскую связь съ матерью, сестрой или близкой родственницей платится пять дукатовъ.

„За изнасилованіе дѣвицы—3 дуката и 5 карлиновъ.

„За выдачу тайны исповѣди—7 дукатовъ и 3 карлина.

„За прелюбодѣяніе священника съ монахиней въ монастырѣ или внѣ его, или же съ кѣмъ-либо изъ родственницъ духовный платитъ 9 дук. и 9 карл.

„Женщина за употребленіе лѣкарства для вытравленія плода—14 дук. и 8 карл.

„За удушеніе или отравленіе ребенка отецъ или мать платятъ 27 дук.; если же оба вмѣстѣ были виновниками преступленія, то платятъ 36 дук. и 6 карл.

„За убійство отца, матери, сестры, жены или близкаго родственника платится 40 дук.

„За заключеніе брака въ запрещенное Церковью время такса 20 карл.

„За позволеніе употреблять въ пищу мясо въ постные дни—18 карл.

„Позволеніе употреблять въ пищу мясо и яйца въ запрещенные дни оплачивается 12 карл., молочное кушаніе 10 карл. съ каждой персоны и 6 дукатовъ со всей семьи.

„Разрѣшеніе отъ грѣховъ бродяги, который хочетъ вернуться подъ сѣнь монастыря, стоитъ 3 дук. и 6 карл.

„Разрѣшеніе отъ грѣховъ служащаго, который присвоилъ себѣ имущество своего умершаго господина, стоитъ 26 дук.

„Разрѣшеніе отъ грѣха за поддѣлку завѣщанія—28 дук.

„За содержаніе священникомъ наложницъ—17 дук. и 6 карл.

„За святотатство, насилія, поджоги, ложную присягу—28 дукатовъ“ и проч., и проч.

Безстыдный римскій дворъ продавалъ индульгенціи не только на совершонныя преступленія, но и на поступки, которые кто-либо могъ или хотѣлъ совершить въ будущемъ.

Съ однимъ изъ продавцовъ индульгенцій, монахомъ Тецелемъ, отличавшимся удивительнымъ безстыдствомъ въ ихъ продажѣ, произошелъ слѣдующій случай: однажды дорогой въ лѣсу нагоняетъ его какой-то рыцарь и покупаетъ себѣ индульгенцію на тотъ грѣхъ, который онъ намѣренъ совершить. Получивъ ярлыкъ, рыцарь отнялъ у Тецеля ящикъ съ деньгами и ускакалъ.

Въ архивѣ князя де-Жуанвиль находится выданная для кардинала де-Лоррэна и 12 особъ его свиты индульгенція, въ силу которой каждому изъ нихъ впередъ было отпущено „три грѣха на выборъ“.

Іоаннъ Labouroux, историкъ, столь же знаменитый, сколь добросовѣстный, отмѣчаетъ, что герцогиня Бурбонская, сестра Карла VIII, получила на всю свою жизнь разрѣшеніе отъ грѣховъ для себя и 10 лицъ своей свиты за всевозможныя отравленія и иныя преступленія, совершонныя исключительно въ праздничные дни.

Изъ этого мы видимъ, что папа Іоаннъ XXII изобрѣлъ болѣе способовъ выманиванія денегъ отъ вѣрующихъ въ него, нежели это могли доставить ему всевозможныя тогдашнія подати. Историки говорятъ, что послѣ смерти Іоанна XXII въ его сундукахъ найдено 25 милліоновъ золотомъ. Бѣдняга!!!

Папа Пій II въ письмѣ къ Іоанну Переголе сознется, что римскій дворъ ничего не даетъ безъ денегъ, что дары Св. Духа продаются и что за отпущеніе грѣховъ нужно платить наличными. Еще ранѣе его св. Антонинъ, архіепископъ флорентинскій, объявилъ, что при Бонифаціи IX, умершемъ въ 1404 г., римскій дворъ былъ гнуснымъ взяточникомъ. Онъ добавляетъ, что этотъ архіепископъ наводнилъ міръ индульгенціями на полное отпущеніе грѣховъ, что получалось не покаяніемъ, а за условленную впередъ цѣну.

Теодорихъ де-Нимъ, секретарь Бонифація II, разсказываетъ намъ, что „этотъ глава Церкви посылалъ въ разныя государства сборщиковъ подаяній и для продажи полныхъ отпущеній грѣховъ по цѣнѣ, окупающей расходы по путешествію отъ даннаго мѣста въ Римъ и обратно, утверждая, что Христосъ далъ св. Петру, первому папѣ, право осужденія и отпущенія грѣховъ на землѣ“.

Именно при помощи этихъ гнусныхъ злоупотребленій ксендзъ Бернардъ Самсонъ, настоятель миланскаго монастыря, былъ посланъ въ 1518 году папою Львомъ X въ Швейцарію для продажи индульгенцій. Этотъ искусный и хитрый проповѣдникъ, признанный очень способнымъ къ обмороченію толпы и выманиванію отъ нея денегъ,—вездѣ, куда появлялся, восхвалялъ необычайное благочестіе и неисчерпаемую доброту папы, который по столь низкимъ цѣнамъ отпускалъ столь драгоцѣнныя для спасенія душъ милости. Самсонъ занимался этимъ дѣломъ во время управленія двухъ папъ: Пія III и Юлія II. Утверждаютъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ собралъ 800,000 талеровъ и, кромѣ того, вывезъ изъ Германіи полные сундуки золотой и серебряной посуды. Какъ только этотъ добрый апостолъ появлялся въ какой-либо мѣстности, онъ высылалъ впередъ на развѣдки одного изъ своихъ кумовей, съ тѣмъ, чтобы тотъ разузналъ, кто тамъ самый могущественный и вліятельный, и, при помощи подарковъ, постарался привлечь его на свою сторону и втереться въ его домъ. Въ августѣ 1518 г. Самсонъ появился въ Швейцаріи и отправился прежде всего въ кантонъ Ури, гдѣ оказалось много любителей индульгенцій. Оттуда онъ перебрался въ кантонъ Швицъ, гдѣ также нашелъ хорошій сбытъ своимъ написаннымъ на пергаментѣ или на простой бумагѣ индульгенціямъ. Даже и теперь въ архивахъ швейцарскихъ кантоновъ можно найти подобные документы. Людямъ болѣе состоятельнымъ онѣ продавались за талеръ, бѣднякамъ же—за два баца (около 5 коп.); были и болѣе дорогія. Богатый дворянинъ изъ Орбэ, по фамиліи d'Arnay, большой ханжа, но еще большій негодяй, заплатилъ за свою индульгенцію 500 дукатовъ. Бернардъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Базилеѣ, гдѣ ежедневно послѣ обѣдни совершалъ процессію по кладбищу, съ пѣніемъ молитвъ за упокой, и время отъ времени выкрикивалъ: „Ecce volant“ (вотъ возносятся), что должно было обозначать, что индульгенціи дѣйствуютъ удачно и что души возносятся изъ чистилища на небо. Толпа разѣвала ротъ и таращила глаза, чтобы увидѣть эти возносящіяся души,—но напрасно; монахъ же имъ объяснялъ, что пока между ними находится кто-либо, не очистившійся отъ грѣховъ покупкою индульгенціи, никто изъ нихъ не удостоится узрѣть возносящіяся на небо души. Въ Цюрихѣ нѣсколько еретиковъ не хотѣли впустить его въ ворота города, но власти разрѣшили ему въѣздъ, прося, вмѣстѣ съ тѣмъ, снять анаѳему, которой онъ предалъ еретиковъ. Кардиналъ Христофоръ де-Форли написалъ этимъ господамъ въ Цюрихѣ, предупреждая ихъ, что апостолъ Бернардъ Самсонъ былъ посланцемъ его святѣйшества, что онъ имѣлъ право продажи индульгенцій и что онъ совѣтуетъ имъ, подъ страхомъ анаѳемы, признавать его и вѣрить ему. Письмо это помѣчено 1 мая 1519 года. Въ Германіи право торговли

индульгенціями пріобрѣлъ Альбертъ, епископъ майнцскій, имъ же оно было уступлено за 30 тысячъ дукатовъ банкиру Туггеру, еврею изъ Аугсбурга, который уже отъ себя продавалъ индульгенціи латинянамъ.

Ни одинъ изъ историковъ или писателей не смѣлъ возстать противъ этого позорнаго мошенничества при помощи индульгенцій и полныхъ отпущеній по разнообразнымъ цѣнамъ. Осмѣлившійся выразить свое омерзеніе былъ немедленно предаваемъ анаѳемѣ, преслѣдуемъ какъ еретикъ и сожигался живьемъ.

Болѣе всего возмущаетъ цинизмъ, съ которымъ таксировано каждое преступленіе, подробности чего мы находимъ въ латинской книгѣ, изданной въ Римѣ въ 1514 году по приказанію папы Льва X и носящей заглавіе: „Такса Святой Канцеляріи и Святой Апостольской Пенитенціаріи“.

Эта легкая возможность получить прощеніе за тягчайшія преступленія удерживала безнравственные народы въ римско-католическій вѣръ, но французская революція пренебрегла проповѣдуемыми римскою Церковью основами и провозгласила, какъ принципъ: „государство безъ Церкви и независимое отъ Церкви и даже государство безъ Бога“, предоставивъ каждому гражданину право вѣровать во что угодно и придавъ Церкви положеніе зависимое отъ государственной власти и полиціи, наравнѣ съ другими административными дикастеріями.

Хотя форма, въ которой вылился во Франціи этотъ историческій протестъ противъ римской Церкви, была отвратительна, тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать, что если бы этому протесту не сопутствовали безбожность, кощунство и богохульство, то Церковь республиканской Франціи, по своему устройству, ближе подходила бы къ первоначальнымъ апостольскихъ Церквамъ, нежели Церкви, остающіяся въ духѣ римскаго культа свѣтской власти, управляемыя адовыми вратами Ромы.

Римская курія выходила изъ себя вслѣдствіе такого оборота дѣла, лишившаго ее крупныхъ доходовъ, получавшихся отъ французскаго народа. Форбэнъ-Янсонъ, епископъ изъ Нанси, истый хамелеонъ, въ бытность свою въ Марсели, пожелалъ посѣтить С.-Бомэ; мѣстный смотритель сѣтовалъ передъ его высокопреподобіемъ на бездоходность реликвій, ладанокъ и другихъ церковныхъ предметовъ. „Это послѣдствія іюльской революціи,—сухо возразилъ епископъ Форбэнъ-Янсонъ; — пока она не будетъ уничтожена, до тѣхъ поръ гнѣвъ Божій будетъ тяготѣть надъ народомъ“. А вѣдь іюльская революція платитъ ежегодно немало тысячъ талеровъ г. епископу изъ Нанси [1]).

Этотъ же Форбэнъ-Янсонъ по взятіи Альгіеріи, т. е. за нѣсколько дней передъ появленіемъ королевскихъ приказовъ ханжи и клятвопреступника Карла X, выпустилъ воззваніе къ вѣрнымъ противъ революціонеровъ: „Христіане и вѣрные подданные! Будьте готовы исполнить волю нашего Господа, объявленную намъ Его Царемъ—Христомъ. Наполните огненными стрѣлами колчаны Бога нашихъ предковъ, для того, чтобы метать ихъ не въ нашихъ внѣшнихъ враговъ, которые пресмыкаются предъ нами, но въ тѣхъ, которые терзаютъ лоно отечества, въ тѣхъ заблуждающихся или виновныхъ, которые, будучи врагами короля, этимъ самымъ суть враги Господа Бога нашего и проч., и проч.

„Данъ въ Нанси, нашей епископской резиденціи, съ приложеніемъ нашей гербовой печати, 14 іюля 1830 года“.

Были и въ Польшѣ люди, которые по вышеприведеннымъ причинамъ стремились къ отдѣленію своей Церкви отъ Рима, но большинство народа, лишенное латинскимъ духовенствомъ умственныхъ способностей, давая распоряжаться собою, какъ стадо барановъ и овецъ, воспротивилось этому, совершенно не думая о будущности своихъ потомковъ, которые вслѣдствіе этого, какъ увидимъ ниже, приближаются къ окончательной гибели.

---

[1]) „Курьеръ Французскій“ отъ 3 ноября 1832 г.

ГЛАВА XII.

Право первенства, равно какъ и названіе намѣстника Христа, папы основываютъ на томъ, что Христосъ сказалъ Петру: „Ты скала, на которой Я создамъ Мою Церковь“, а также на томъ, что Церковь въ Римѣ основалъ будто бы апостолъ Петръ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіе 25 лѣтъ первымъ епископомъ Рима.

Это преданіе сочинено самими папами и поддѣлано тѣмъ же самымъ образомъ, какъ и письмо будто бы воскресшаго св. Петра къ Пипину и предоставленіе папамъ свѣтской власти императоромъ Константиномъ. Говоря вышеуказанныя слова Петру, Христосъ, по нашему мнѣнію, имѣлъ въ виду именно борьбу „адскихъ вратъ“ Ромы съ восточною Церковью, предсказывая, что Римъ не одолѣетъ восточной, т. е. истинно христіанской Церкви; что же касается епископства Петра, то онъ былъ апостоломъ у евреевъ, а не у язычниковъ, и вмѣстѣ со св. Іаковомъ, братомъ Христа, обращалъ евреевъ сначала въ Іерусалимѣ, а потомъ въ Самаріи и Антіохіи, гдѣ былъ епископомъ въ продолженіе 7 лѣтъ. Очень рѣдко обращалъ св. Петръ язычниковъ, особенно въ Антіохіи онъ порвалъ съ ними всякія сношенія, какъ это видно изъ посланія св. Павла къ Галатамъ (II, 7—9).

Язычникамъ же, къ которымъ принадлежали римляне, посвятилъ себя исключительно Павелъ (обращенный Савлъ), котораго Христосъ избралъ для просвѣщенія язычниковъ: „Онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое передъ народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое“ (Дѣян., IX, 15, 16). Позднѣе Христосъ сказалъ заключенному въ тюрьмѣ въ Іерусалимѣ Павлу: „Дерзай, Павелъ! Ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ“ (Дѣян., XXIII, 11).

Отсюда мы видимъ, что Христосъ назначилъ первымъ епископомъ Рима св. Павла.

Изъ апостольскихъ посланій св. Петра видно, что они были основаны на посланіяхъ св. Павла и Іакова и только подтверждали то, что тѣ писали.

Противъ римскихъ преданій о св. Петрѣ энергично выступаетъ Ф. Фарраръ, д-ръ теологіи, архидіаконъ и каноникъ вестминстерскій, капеланъ англійской королевы.

Въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Первые дни христіанства“, изданномъ въ 1882 г., читаемъ слѣдующее: „Утвержденіе, что апостолъ Петръ былъ римскимъ епископомъ, есть только остроумная теорія.

„Утвержденіе, что онъ во время царствованія Клавдія въ 42 году прибылъ въ Римъ, встрѣчается впервые въ хроникахъ Евсевія, написанныхъ 300 лѣтъ спустя послѣ Р. Хр., и совершенно не согласуется съ тѣмъ, что апостолъ Павелъ говоритъ о Церкви. Въ столь позднее время, какъ 52 годъ, апостолъ Петръ былъ въ Іерусалимѣ и принималъ дѣятельное участіе въ іерусалимскомъ соборѣ, куда Павелъ прибылъ послѣ 14-лѣтней проповѣди (Дѣян., XV, 7), причемъ Петръ проповѣдовалъ преимущественно среди язычниковъ (Гал., II, 7, 9).

„Яснѣе всего это видно въ 7 и 9 пунктахъ II главы, гдѣ сказано: 7) „напротивъ того, увидѣвши, что мнѣ ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ“, въ пунктѣ же 9: „и узнавши о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, Кифа [1]) и Іоаннъ, почитаемые апостолами, дали мнѣ и Варнавѣ полномочіе обращенія язычниковъ, оставивъ себѣ евреевъ“.

„Въ 57 году св. Петръ путешествовалъ, какъ миссіонеръ, въ сопровожденіи своей жены (Кор., IX, 5), и не былъ въ Римѣ, когда апостолъ Павелъ писалъ этой Церкви

---

[1]) Симонъ, котораго Христосъ назвалъ Петромъ, по-гречески назывался Кифой (скала).

въ 58 г., равно какъ не было его тамъ и тогда, когда апостола Павла привели туда, какъ узника, въ 61—63 г.; не было его также и въ то время, когда Павелъ писалъ свои послѣднія посланія въ 66 и 67 годахъ. Если Петръ былъ когда-либо въ Римѣ (чего мы на основаніи единогласныхъ преданій отрицать не можемъ), то могъ быть тамъ незадолго передъ своей мученической кончиной".

Такъ же смотрятъ на этотъ вопросъ римско-католики: Валерій, Пагій, Деллингеръ, Ватервордъ, Альнашъ,—римско-католическій историкъ Алергъ говоритъ о 25-лѣтнемъ епископствѣ св. Петра, какъ о древней баснѣ. Франциск Пагій утверждаетъ, что св. Петръ прибылъ въ Римъ въ царствованіе Нерона въ 54 г., а умеръ въ 65 г., т. е. былъ въ Римѣ 11 лѣтъ [1]).

Это мнѣніе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что утверждаетъ „Апологетическій словарь" J. Jaugej'a, передѣланный на польскомъ языкѣ Щеснякомъ въ Варшавѣ, который говоритъ, что первое посланіе было написано св. Петромъ въ 30 г. по смерти Христа, т. е. около 64 года. А такъ какъ это посланіе, какъ утверждаютъ, было писано изъ Рима, то это доказываетъ, что Петръ прибылъ въ Римъ около 64 года, гдѣ былъ тотчасъ же схваченъ и замученъ, не будучи вовсе римскимъ епископомъ.

Въ 44 году св. Петръ былъ заключенъ въ Іерусалимѣ въ темницу, но ангелъ вывелъ его изъ неволи, въ 51 же году послѣ Р. Хр. св. Петръ руководилъ въ Іерусалимѣ соборомъ, созваннымъ для разрѣшенія спора съ Павломъ объ обрядахъ при крещеніи язычниковъ.

Это же свидѣтельствуетъ Лактанцій (умершій въ 330 году), говоря, что апостолъ Петръ въ первый разъ прибылъ въ Римъ въ царствованіе Нерона; то же самое удостовѣряетъ Оригенъ (умершій въ 254 году), говоря, что св. Петръ прибылъ въ Римъ на склонѣ своей жизни. Это же подтверждаетъ сочиненіе „Предсказанія Петра" (Praedicatis Petri), присоединенное къ труду святого Кипріана. „Епископство" его въ Римѣ основывалось, безъ сомнѣнія, на стремленіи укрѣпить передъ своей мученической кончиной вѣру въ Церковь Христову, особенно же въ средѣ обращенныхъ евреевъ. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что еврейскія и языческія народности въ римской Церкви были явственно раздѣлены и въ продолженіе многихъ лѣтъ имѣли отдѣльныхъ пресвитеровъ или епископовъ; только этимъ въ извѣстной степени и можно объяснить путаницу въ именахъ первыхъ двухъ или трехъ римскихъ епископовъ.

Желая какимъ-либо образомъ выпутаться изъ доказанной римско-католикамъ лжи, будто св. Петръ былъ епископомъ въ Римѣ, а не въ Антіохіи, Іерусалимѣ и Александріи, Щеснякъ въ „Апологетическомъ словарѣ" (стр. 22, выпускъ 9) доказываетъ, что „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что св. Петръ проживалъ въ Антіохіи и въ Александріи, гдѣ его епископская каѳедра пользовалась большимъ почетомъ. *Но уже въ то время, когда онъ жилъ въ этихъ городахъ, онъ былъ по праву, по Божьей и собственной волѣ, епископомъ Рима*".

Это сказано слишкомъ смѣло, въ разсчетѣ на легковѣріе римско-католиковъ, несмотря на то, что инквизиція болѣе не существуетъ и пытками теперь никого нельзя принудить вѣрить въ подобныя безсмыслицы. Далѣе іезуитъ доказываетъ: „Мы отлично понимаемъ, что Спаситель могъ предоставить самому Петру окончательный выборъ первопрестольной столицы и что епископъ, наслѣдующій ему въ этой столицѣ, былъ бы на основаніи Божескаго права настоящимъ начальникомъ и примасомъ вселенской Церкви. Но мы не допускаемъ, чтобы это дѣло было такимъ образомъ улажено. Наиболѣе благоразумнымъ является предположеніе, что самъ Спаситель избралъ Римъ и поручилъ его Петру.

---

[1]) См. „Tablettes chronologiques de l'histoire universelle, ecclésiastique et civile" par. M. l'Abbé Dufresnoy (1745 г.).

„Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего болѣе очевиднаго и достовѣрнаго, чѣмъ Божественное право римскихъ епископовъ на вселенское главенство. Отсюда простой выводъ, что это главенство, предоставленное волей Божіей Риму, не можетъ быть отнято у него волей людской".

Вотъ іезуитъ и проговорился, что римское главенство и епископство св. Петра въ Римѣ основываются на предположеніяхъ и выводахъ, которые у римско-католиковъ замѣняютъ истины Св. Писанія.

Св. Августинъ такъ объясняетъ слова Христа, сказанныя св. Петру: „На той скалѣ, которой ты призналъ, Петръ, что Я—сынъ Бога живого, Я построю Мою Церковь, на Мнѣ построю тебя, а не Себя на тебѣ". Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ: „Христосъ не сказалъ Петру: ты—скала, но ты—Петръ, или скалистый. А скала былъ Христосъ, котораго призналъ Симонъ" [1]).

Евсевій, согласно съ Иринеемъ и Епифаніемъ, говоритъ, что первыми епископами въ Римѣ были: Петръ, Линъ, Клетъ (или Анаклетъ) и Климентъ.

Но св. Ипполитъ (умершій въ 225 году) считаетъ, повидимому, Клета и Анаклета двумя отдѣльными личностями и приводитъ Климента передъ Клетомъ; Тертуліанъ же (умершій въ 218 году) говоритъ, что Климентъ былъ посвященъ апостоломъ Петромъ. Но другіе церковные историки отрицаютъ эти басни о св. Петрѣ и его преемникахъ. Гегезиппъ, цитируемый Евсевіемъ и св. Альбрехтомъ, говоритъ: „прибывши въ Римъ, я прожилъ тамъ вплоть до епископства Аникиты, у котораго Елевтеръ былъ діакономъ; въ то время не было ни одной епископской каѳедры, которая бы вела свое преемство отъ апостоловъ" [2]).

Принимая во вниманіе, что священникъ Аникита былъ признаваемъ папою съ 157 года, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что до этого времени въ Римѣ не было епископовъ и что хроники ихъ вымышлены.

Хотя Евсевій (изъ Кесареи) первый написалъ въ началѣ IV вѣка о бытности св. Петра епископомъ въ Римѣ, однако, это ничего не доказываетъ. Вѣдь онъ писалъ свои хроники 300 лѣтъ послѣ Р. Х., и ничто не мѣшало ему сочинить какую угодно басню о св. Петрѣ. Притомъ въ то время книгопечатаніе не было извѣстно, и сочиненія тогдашнихъ писателей не могли быть распространены. Какая-либо рукопись, которая могла существовать въ Римѣ, если не была сразу написана согласно съ указаніями куріи, легко могла быть позднѣе передѣлана ею и выдана за трудъ Евсевія; равнымъ образомъ могли быть передѣланы рукописи прежнихъ писателей, на которыхъ ссылается сочиненіе Евсевія, какъ-то: Коммода, Оригена, Тертуліана, св. Кипріана, Гегезиппа, Иринея и другихъ. Евсевій (263—340), вождь партіи полуаріанъ, писалъ свое сочиненіе въ духѣ папы Сильвестра, сочинившаго исторію о епископствѣ св. Петра въ Римѣ. Рукописи эти, написанныя по-гречески и законченныя 323 годомъ, въ оригиналахъ не находятся а имѣются лишь ихъ „истолкованія" („De Rufino Eusebii interprete"), составленныя историкомъ Руфиномъ (340—410), продолжившимъ ихъ по 395 годъ. Никто не могъ помѣшать Руфину вставить, по требованію куріи Ромы, что угодно въ рукопись Евсевія.

Еще передъ сочиненіемъ поддѣльныхъ Исидоровыхъ декреталій, курія Ромы поддѣлывала всякія рукописи, преимущественно въ IV вѣкѣ, начиная съ Сильвестра-Руфина, въ VIII же вѣкѣ подлогъ этотъ выразился не только въ Исидоровыхъ декреталіяхъ, но даже въ письмѣ св. Петра, якобы собственноручно имъ написанномъ къ королю франковъ Пипину, о предоставленіи папѣ Стефану привилегій [3]).

Наиболѣе явное доказательство такого подлога документовъ мы видимъ на сочиненіяхъ вышеупомянутаго Кипріана.

---

[1]) Can Negare Lib. de veab. Domini in Evangel. secund. Matth. ser. 13. T. 10. Retract. lib. 1, cap. 21.

[2]) См. приведенныя выше выдержки изъ Lanfrey.

[3]) Lavicomterie, Les crimes des Papes, стр. 56 (1792 г.).

Кипріанъ, кареагенскій епископъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, не потому, чтобы онъ былъ болѣе ученъ, но какъ авторъ сочиненія „О единствѣ церкви“ (De unitate ecclesiae), которое онъ издалъ въ 251 г., потому что на него ссылается римская Церковь и имъ доказываетъ существованіе въ то время папства и каѳедры св. Петра. И дѣйствительно, въ находящихся въ обращеніи изданіяхъ этой книжечки читаемъ одинаково о первенствѣ Петра и о его каѳедрѣ. Но такъ какъ доказано, что Кипріанъ былъ противникомъ тогдашняго римскаго епископа (это видно изъ спора его о крещеніи еретиковъ), то вслѣдствіе этого критики новѣйшихъ временъ начали обстоятельно изслѣдывать сочиненія Кипріана, такъ какъ нельзя было понять, какимъ образомъ Кипріанъ, противникъ римскаго епископа, могъ ставить его выше другихъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій было открытіе *добавленій*, сдѣланныхъ въ VI вѣкѣ при папѣ Пелагіи II,—*добавленій*, которыя послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, по приказанію папъ, перешли въ печатныя сочиненія Кипріана. Кипріанъ училъ, что Церковь едина, потому что имѣетъ одну основу—Христа, одно начало—Петра и одного представителя—епископатъ. Всѣ епископы вмѣстѣ составляютъ одинъ епископатъ, отдѣльные епископы суть частицы этой единицы, подобно солнцу, которое, имѣя много лучей,—едино (Episcopatus unus est, cujus a singulis insolidum pars tenetur). И поэтому нужно непремѣнно принадлежать къ Церкви; никто не можетъ имѣть Бога отцомъ, кто не имѣетъ матерью Церковь (Habere jam non potest Deum patrem, qui ecclesiam non habet matrem), а кто не принадлежитъ къ Церкви, не можетъ спастись (extra ecclesiam nulla spes salutis). Даже мученичество внѣ церкви не спасаетъ. Изъ всего этого еще не слѣдуетъ, чтобы Петръ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ другіе апостолы, и чтобы онъ имѣлъ каѳедру; наоборотъ, Кипріанъ училъ, что всѣ апостолы были равны Петру положеніемъ и властью. Только позднѣйшія поддѣльныя добавленія измѣнили мысль и имѣли послѣдствіемъ, что Кипріана считали защитникомъ папства.

Для выясненія подлога сопоставимъ истинный и поддѣльный тексты:

Текстъ въ оригиналѣ:	Поддѣльный текстъ:
Hoc erant utique et ceteri apostoli, quod fuit Petrus, pari consortis praediti et honoris et potestatis, sed exordium ab unitate proficiscitur ut ecclesia Christi una monstretur.	Hoc erant utique et ceteri apostoli, quod fuit Petrus, pari consortio praediti et honoris et potestatis, sed exordium ab unitate proficiscitur et primatus Petro datur ut una Christi ecclesia et cathedra una monstretur.
Hanc ecclesiae unitatem, qui non tenet, tenere se fidem credit?	Hanc ecclesiae unitatem, qui non tenet, tenere fidem credit?
Qui ecclesiae renititur et resistit in ecclesia se esse confidit?	Qui ecclesiae renititur et resistit, qui cathedram Petri, supra quem fundata est ecclesia, deserit, in ecclesia se esse confidit?

Это значитъ:

Всѣ другіе апостолы были одинаково съ Петромъ одарены почетомъ и властью; но начало идетъ отъ единства, чтобы Церковь Христова оказалась единой.	Всѣ другіе апостолы были наравнѣ съ Петромъ одарены почетомъ и властью; но начало идетъ отъ единства *и первенство дано Петру, чтобы оказалась единая Церковь Христова и единая каѳедра.*
Кто не придерживается единства Церкви, развѣ можетъ думать, что имѣетъ вѣру?	Кто не придерживается *этого* единства Церкви, развѣ можетъ думать, что имѣетъ вѣру?
Кто сопротивляется и противодѣйствуетъ Церкви, развѣ можетъ утверждать, что принадлежитъ къ Церкви?	Кто сопротивляется и противодѣйствуетъ Церкви, *кто покидаетъ каѳедру Петра, на которой построена Церковь*, развѣ можетъ утверждать, что принадлежитъ къ Церкви?

Итакъ, изъ поддѣланнаго сочиненія Кипріана можно доказать только, что Петръ стоялъ во главѣ другихъ апостоловъ и основалъ каѳедру,—но что онъ основалъ ее въ Римѣ, этого даже поддѣланный текстъ не говоритъ, изъ истиннаго же видно, что апостолы были равны и положеніемъ, и властью, и что Петръ далъ начало Церкви. Какимъ образомъ онъ далъ его—этого Кипріанъ не говоритъ, но объ этомъ уже говоритъ 2 глава Апостольскихъ Дѣяній, т. е. первою проповѣдью въ Іерусалимѣ о Христѣ, единомъ основаніи Церкви. Кипріанъ доказывалъ единство Церкви на основаніи единства епископата, а не папства.

Другіе поддѣланные съ тою же цѣлью документы суть такъ называемыя „Псевдоклементины“. Это—сочиненія, происхожденіе которыхъ приписывается римскому епископу Клименту, умершему въ 100 году послѣ Рождества Христова, какъ-то: 1) „Clementina seu Homiliae Clementinae“, 2) „Recognitiones Clementinae“, 3) „Epitome de gestis Petri“, 4) „Constitutiones et canones Apostolorum“.

Труланскій соборъ въ 692 г. призналъ подлинными только „Canones Apostolorum“, „constitutiones“ же „apostolorum“ и другія, приписываемыя Клименту, сочиненія призналъ поддѣльными. Несмотря на то, римская Церковь основываетъ на этихъ документахъ свои утвержденія о существованіи въ апостольскія времена церковной іерархіи, постовъ, безбрачія, посвященія священниковъ, возвышенія Петра надъ другими апостолами и основанія имъ каѳедры въ Римѣ.

Достовѣрнымъ сочиненіемъ Климента является его посланіе къ коринѳянамъ, въ которомъ онъ склоняетъ ихъ къ согласію и послушанію начальникамъ. Это именно посланіе опровергаетъ всѣ позднѣйшія приписываемыя ему увѣренія о первенствѣ папства. Посланіе это написано не отъ имени папы, но отъ имени всего римскаго собора, что доказываетъ, что Климентъ не считалъ себя непогрѣшимымъ папою и поэтому не приказывалъ коринѳянамъ, но просилъ и увѣщевалъ ихъ, приводя примѣры согласія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Послѣ поддѣльныхъ „Клементинъ“ появились Исидоровы декреталіи.

На этомъ основаніи мы рѣшительно утверждаемъ, что всѣ ссылки папистовъ на древнія рукописи римскаго происхожденія, т. е. сохраняемыя въ римскихъ архивахъ, не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ всѣ эти документы могутъ быть фальшивыми. Равнымъ образомъ постановленія и утвержденія римскихъ соборовъ, въ которыхъ не принимали участія епископы восточныхъ церквей, не имѣютъ никакого значенія въ исторіи христіанской церкви.

Что же касается другихъ доказательствъ, какъ, напр., кресла св. Петра, показываемаго въ Римѣ, то для такихъ механиковъ, къ какимъ принадлежитъ товарищество римской куріи, для котораго не составило затрудненія выдумать исхожденіе Св. Духа отъ Сына, чистилище и папскую непогрѣшимость, равно какъ и предсмертный вздохъ св. Іосифа, сохраняемый въ перчаткѣ Никодима, не трудно было найти старое кресло и другіе предметы, будто бы принадлежавшіе св. Петру, во время его вымышленнаго епископства въ Римѣ.

Что въ первые вѣка христіанства въ Римѣ не было епископовъ, это мы видимъ изъ того, что тотчасъ же по смерти Іисуса у евреевъ появилось семь различныхъ обществъ или сектъ: фарисеи, саддукеи, ессеи, іудаики, терапевты, ученики Іоанна и ученики Христа; они вели далѣе между собою свои домашніе и нелѣпые споры. Первые христіане отличались единственно названіемъ братіевъ, святыхъ, вѣрныхъ; всѣ они были бѣдны, кротки, необразованы, работали собственноручно, какъ поденщики, для своего пропитанія. Апостолъ Павелъ признается, что зарабатывалъ на прожитіе, дѣлая палатки. Св. Петръ воскресилъ свою портниху Дарью, которая шила одежду для братіи. Собраніе вѣрныхъ происходило въ Іоппіи въ домѣ кожевника по имени Симонъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ 9 глава Апостольскихъ Дѣяній.

Какъ, однако, далеко отъ такой скромности до тройной короны: какъ далеко отъ этого состоянія нищеты до абсолютной власти надъ Римомъ и Италіей, до раздаванія коронъ и господства надъ всей Европой, частью Африки и Малой Азіей!

Эти сектанты тайно разбрелись по Греціи, а нѣкоторые отправились въ Римъ, замѣшавшись среди евреевъ, которымъ римляне позволяли содержать синагогу. Они не отдѣлялись отъ евреевъ, соблюдали обрѣзаніе и пятнадцать первыхъ епископовъ Іерусалима были обрѣзанными.

Только около 60 года нашей эры христіане начинаютъ отдѣляться отъ евреевъ. Это именно и навлекло на нихъ столько гоненій со стороны римскихъ, греческихъ и азіатскихъ еврейскихъ общинъ. Они были обвинены въ атеизмѣ своими братьями-евреями, которые троекратно ихъ проклинали въ субботніе дни.

Съ теченіемъ времени на Востокѣ образовалось нѣсколько Церквей, и христіане совершенно отдѣляются отъ евреевъ. Тѣмъ не менѣе это отдѣленіе не было извѣстно римлянамъ, такъ что еще долгое время римляне считали ихъ однимъ сборищемъ, имѣющимъ нѣсколько разнящіеся обряды и празднества. Римляне одинаково презирали какъ однихъ, такъ и другихъ, но по своей знаменитой во всемъ мірѣ терпимости переносили ихъ заблужденія до тѣхъ поръ, пока они не начали нарушать установленный законами порядокъ; когда же тѣ невѣжественные сектанты стали причинять имъ хлопоты, оскорблять римскихъ боговъ, уничтожать ихъ изображенія, тогда префектъ отдавалъ нѣкоторыхъ ликторамъ на смертную казнь.

Христіанство, не считая Палестины, утвердилось прежде всего въ Греціи, гдѣ должно было бороться съ новой еврейской сектой, такъ называемой сектой философовъ, которая народилась благодаря ихъ долгому общенію съ греками; это была секта гносовъ или гностиковъ. Всѣ эти секты пользовались неограниченной свободой въ дѣлѣ проповѣдованія, собесѣдованія и писанія, но уже во времена Домиціана христіанская секта дѣлается въ глазахъ правительства подозрительной. Они совершали свои обряды въ уединенныхъ домахъ, погребахъ, подчасъ ночью; то, что теперь называется обѣдней и совершается утромъ, было у нихъ вечерней, совершавшейся вечеромъ.

Еремія и Евсевій разсказываютъ намъ, что когда Церкви приняли опредѣленную форму, можно было отличить пять отдѣльныхъ степеней: смотрители душъ, впослѣдствіи епископы; старшіе въ общинѣ—позднѣйшіе священники; прислужники или діаконы; вѣрующіе или удостоенные таинства, т. е. окрещенные, которые принимали участіе въ вечернихъ собраніяхъ; наконецъ, катекумены (изучающіе катехизисъ) и енергумены (оглашенные), ожидающіе крещенія; всѣ они носили обыкновенное платье и никто не былъ принуждаемъ къ безбрачію.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ книга Тертуліана, посвященная имъ своей женѣ; это подтверждаетъ примѣръ апостоловъ.

Когда число этихъ непримиримыхъ сектантовъ значительно увеличилось и многіе изъ нихъ явно возстали противъ религіи римскаго государства, должностныя лица начали карать нарушителей общественнаго спокойствія. Однако, скрывавшіеся въ своихъ синагогахъ евреи, которыхъ правительство считало отдѣлившимися отъ назареянъ и галилеянъ, не были преслѣдуемы. Имъ было разрѣшено исполненіе обрядовъ своей религіи, хотя сенатъ и не санкціонировалъ этого. Но христіане объявили себя врагами всякихъ другихъ исповѣданій, особенно государственнаго, за что неоднократно были наказываемы закономъ. Оригенъ въ своей 3 книгѣ противъ Цельза говоритъ: „Мало христіанъ приняли смерть за вѣру“.

Слѣдуетъ затѣмъ замѣтить, что греческія и сирійскія Церкви были учреждены ранѣе другихъ и что Востокъ поучалъ Западъ. Нѣтъ ни одного, даже самаго незначительнаго, доказательства въ пользу того, что Петръ проживалъ въ Римѣ, зато имѣемъ

ихъ тысячи въ пользу того, что онъ долгое время жилъ въ Сиріи и углублялся даже въ Вавилонъ. Павелъ происходилъ изъ Тарса въ Киликіи; всѣ его труды написаны по-гречески; всѣ отцы первыхъ четырехъ вѣковъ были греками или африканцами, или же сирійцами; всѣ названія, употребляемыя въ римской церкви, свидѣтельствуютъ еще о своемъ греческомъ происхожденіи: Церковь, крещеніе, литургія, литанія, символъ, евхаристія, епифанія (праздникъ Крещенія), епископъ, священникъ, діаконъ,—все убѣждаетъ, что восточная Церковь есть мать западной Церкви.

Первые три вѣка христіанства, до Сильвестра-Руфина, сохранялось преданіе, что римская каѳедра была основана и устроена стараніями апостоловъ Петра и Павла. Церковные писатели Ириней и Тертуліанъ, говоря объ апостольскомъ наслѣдіи въ Римѣ, не раздѣляютъ этихъ двухъ апостоловъ, не признаютъ первенства Петра передъ Павломъ и не выказываютъ никакой склонности къ признанію епископомъ наслѣдія исключительно Петра или Павла, называя это наслѣдіе единственно апостольскимъ. Даже Евсевій, говоря о первыхъ апостольскихъ преемникахъ въ Римѣ, пишетъ: „послѣ мученической смерти Павла и Петра, первый, на котораго палъ жребій епископства римской Церкви, былъ Линъ. О немъ вспоминаетъ Павелъ въ письмѣ, писанномъ изъ Рима“ и т. д. [1]).

Только въ IV вѣкѣ, благодаря вліянію папъ, личность основателя Римской Церкви Павла отходитъ на задній планъ, устраняется также изъ понятій западныхъ христіанъ и, наконецъ, почти совсѣмъ забывается, апостолъ же Петръ ставится на первое мѣсто, и основаніе и устройство Церкви приписывается исключительно ему. Въ продолженіе болѣе чѣмъ 6-ти вѣковъ ни одинъ изъ епископовъ Рима не былъ причисленъ къ отцамъ Церкви и даже къ извѣстнымъ авторамъ,—тогда какъ, наоборотъ, Тертуліанъ, Оригенъ, Климентъ изъ Александріи, Купріанъ, Юстинъ, Аѳанасій, Ириней, Евсевій, Жеромъ, Августинъ наполняютъ своими трудами Малую Азію, Африку и Востокъ.

Въ первомъ вѣкѣ вовсе не было особой епископской каѳедры въ Римѣ. Апостолы были заточаемы въ тюрьмы, ихъ преемники скрывались гдѣ придется, а скитаясь по деревнямъ, погребамъ, чердакамъ,—были еще далеки отъ обладанія епископской столицей и отъ главенства надъ унижающимися королями.

Изъ письма, написаннаго къ Веру въ 143 году священникомъ Піемъ I, причисленнымъ къ папамъ, мы узнаемъ, что христіане въ то время не имѣли еще въ Римѣ ни святыхъ, ни алтарей, они собирались и отправляли богослуженія въ домахъ, принадлежавшихъ новообращеннымъ, и—какъ замѣчаетъ Пій въ своемъ письмѣ,—домъ сестры Евпопеи служилъ имъ для этой цѣли.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ Юсту, онъ увѣдомляетъ его, что христіане вооружились противъ законовъ, что ихъ преслѣдовали и что секта находится еще въ нищетѣ, такъ какъ говоритъ: „Бѣдный Сенатъ Іисуса Христа, утвердившійся въ Римѣ, привѣтствуетъ тебя“ [2]).

Оригенъ, Аѳенагоръ, Ѳеофилъ, Юстинъ, Тертуліанъ утверждаютъ, что первые римскіе христіане не имѣли храмовъ и алтарей.

Правительство отказало нѣкоторымъ въ разрѣшеніи строить храмы. Выдержка изъ сочиненія Минуція Феликса, жившаго въ III столѣтіи, обстоятельно убѣждаетъ въ этомъ. Онъ говоритъ римлянамъ:

„Putatis autem nos occultare, quod colimus, si delubra et aras non habemus? Quod enim simulacrum Deo fingam cum si recte existimus sit Dei homo ipse simulacrum? Templum quod si extruam, cum homo latius maneam, intra unam ediculam vim tantae majestatis includam? Nonne melius in nostra dedicandus est mente? In nostro imo consecrandus est pectore?“

---

[1]) См. Исторію Евсевія въ русскомъ переводѣ. Кн. 3, глава II.

[2]) Lavicomterie, стр. 55.

(Вы думаете, что мы скрываемъ то, чему поклоняемся, потому что не имѣемъ храмовъ и алтарей? Но какое же изваяніе Бога должны мы сдѣлать, если человѣкъ самъ есть изваяніе? Какой храмъ мы должны Ему воздвигнуть, если міръ, Его твореніе, не можетъ Его объять? Какъ помѣстить могущество такого величія въ жалкомъ строеніи? Не лучше-ли воздвигнуть Ему храмъ въ сердцѣ и мысляхъ нашихъ?).

Первая Церковь въ Римѣ, о которой упоминаетъ Liber Pontificalis, именовалась Церковью св. Пуденціалы, существующей, какъ титулъ, и нынѣ недалеко отъ S. Maria Maggiore. Объ этой Церкви съ титуломъ Пуденса заявляется впервые на соборѣ Симмаха въ 499 году.

Епископу Калликсту I (217—222 г.), отъ котораго получили свое названіе знаменитыя катакомбы, *приписывается* закладка S. Maria in Trastevere, преемнику же его—сооруженіе Santa Cecilia въ томъ же кварталѣ. Немногимъ позднѣе, къ началу четвертаго столѣтія, *относятъ* основаніе древнѣйшихъ Авентинскихъ церквей св. Алексія и св. Прискилы. Но точныхъ указаній на это нѣтъ и всѣ эти базилики погружены въ непроницаемый мракъ легендъ и ни онѣ, ни всѣ прочія до-Константиновскія не представляются намъ въ какомъ-либо бьющемъ въ глаза или отмѣнномъ видѣ.

Лишь послѣ дарованія Константиномъ христіанству полной свободы стали появляться христіанскія базилики въ Римѣ. Но такъ какъ курія Ромы, завѣдывавшая сооруженіемъ христіанскихъ храмовъ, сохранила свой языческій культъ, то и архитектура первыхъ христіанскихъ базиликъ въ Римѣ подражала языческимъ образцамъ. Въ видахъ привлеченія большаго числа жертвъ, безпорядочно нагромождалось множество часовенъ иораторій, увеличивалось число алтарей, вслѣдствіе чего церкви такъ были загромождены, что какъ бы вновь обратились въ катакомбы. Поэтому, какъ заявляетъ историкъ (Грегоровіусъ): „мы не встрѣтимъ ни одной базилики въ Римѣ, которая не мѣняла бы свой видъ много разъ“.

Преданіе приписываетъ Константину сооруженіе въ Римѣ слѣдующихъ церквей: Латеранской, Ватиканской, св. Павла extra muros, S. Croce въ Іерусалимѣ, S. Agnesse предъ Номентанскими воротами, S. Lorenzo extra muros и церкви святыхъ Марцелина и Петра предъ Porta Maggiore. Эта послѣдняя церковь во имя двухъ святыхъ свидѣтельствуетъ, что еще въ то время ап. Петръ не пользовался въ Римѣ особымъ почетомъ, и передъ нимъ даже было преимущество Петру Экзорсистѣ (Воззвателю), имя котораго связано съ именемъ папы Марцелина, т. е. съ тѣмъ папой, который былъ судимъ за приношеніе жертвъ идоламъ, совмѣстно съ папой Маркелломъ! Лишь послѣ того, какъ папа Сильвестръ-Руфинъ поручилъ историкамъ своего времени составить хроники, свидѣтельствующія о епископской каѳедрѣ и приматствѣ ап. Петра въ Римѣ, явилась потребность сооруженія во имя ап. Петра особаго храма. И объ этомъ „Книга папъ“ гласитъ, что, по просьбѣ епископа св. Сильвестра, Константинъ Великій воздвигъ святому Петру базилику въ храмѣ Аполлона и заключилъ найденный Сильвестромъ прахъ апостола въ раку изъ кипрійской мѣди. Храмъ Аполлона существовалъ, конечно, только въ легендѣ, но позднѣйшія раскопки показали, что церковь св. Петра въ Ватиканскомъ участкѣ была основана рядомъ съ мѣстонахожденіемъ служенія Цибелѣ, культъ которой наиболѣе долго продержался въ Римѣ и продолжался даже послѣ молитвы Ѳеодосія у мнимыхъ мощей апостола. Мѣсто, освященное нечеловѣческими истязаніями христіанъ—циркъ Нерона—было избрано для собора во имя ап. Петра. Соборъ воздвигнутъ изъ матеріала, добытаго изъ стѣнъ цирка. Для пороговъ пришлось воспользоваться мраморными плитами изъ цирка, на которыхъ оставались нетронутыми надписи и языческія изваянія. Приходится удивляться,—говоритъ Грегоровіусъ,—находя уже въ древнѣйшемъ соборѣ св. Петра отпечатокъ того же самаго характера, который и нынѣ присущъ

столь многимъ церквамъ Рима, причемъ язычество фигурируетъ въ многочисленныхъ фрагментахъ и вставкахъ античнаго мрамора [1]).

Но хотя „Книга папъ" гласитъ, что базилика св. Петра основана Константиномъ, римскіе историки утверждаютъ (что упоминается у того же Грегоровіуса), что храмъ св. Петра построила вдова Валентиніана III, Евдоксія, въ V столѣтіи.

Любимѣйшимъ и болѣе всѣхъ почитаемымъ римскими христіанами святымъ, до измышленія басни о бытности въ Римѣ ап. Петра, былъ св. Лаврентій, во имя котораго къ концу третьяго столѣтія была воздвигнута базилика на его могилѣ, въ концѣ же четвертаго вѣка построены еще двѣ церкви на Марсовомъ полѣ и одна рядомъ съ театромъ Помпея, именуемая S. Laurentius in Damaso.

Святой Іаковъ, братъ Христа, былъ епископомъ Іерусалима; его намѣстнику, естественно, принадлежало главенство надъ другими. Іерусалимъ былъ колыбелью христіанства. Здѣсь умеръ Спаситель, перенеся мученія и оскорбленія; здѣсь обезглавленъ Его братъ Іаковъ; здѣсь побитъ камнями св. Стефанъ; здѣсь умерла Пресвятая Дѣва Марія; въ этой мѣстности похороненъ св. Іосифъ; здѣсь произошли всѣ первоначальныя событія христіанства. Развѣ этихъ поводовъ недостаточно для признанія первенства Іерусалима передъ Римомъ, Константинополемъ, Антіохіей и Александріей? На никейскомъ соборѣ была установлена іерархія—явилось названіе „епархія". Епископы большихъ городовъ получили титулъ митрополитовъ, а съ теченіемъ времени утвердилось названіе патріарха; оно было присвоено самымъ первымъ епископамъ Рима, Константинополя, Александріи, Антіохіи; употреблять титулъ патріарха было также дозволено и священнику Іерусалима.

Этотъ городъ, называвшійся ранѣе Еліа, расположенный среди скалъ и ущелій, былъ малъ и бѣденъ. Нѣкогда онъ процвѣталъ вслѣдствіе большого наплыва евреевъ, которые приходили сюда справлять свои праздники, но позднѣе окончательно обѣднѣлъ, такъ какъ паломничества христіанъ были рѣдки.

То, что пишетъ апостолъ Павелъ въ письмѣ къ Тимоѳею о ефесской Церкви, показываетъ, что онъ въ то время имѣлъ уже хорошо устроенную священническую іерархію, о какой римлянамъ даже и не снилось. Управляемая Тимоѳеемъ, она обладала своей корпораціей священниковъ и діаконовъ, остававшихся подъ управленіемъ главнаго пастыря (III, 2—15). До перваго заключенія св. Павла въ тюрьму нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о епископѣ, который бы обладалъ высшею властью; говорится только о собраніи священниковъ, которыхъ „Духъ Святой поставилъ епископами, чтобы они управляли Церковью Божіею" (Дѣян., XX, 28). Что же касается до священническаго сословія, то о немъ св. Павелъ писалъ:

„Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, честенъ, страннолюбивъ, учителенъ, не пьяница, не убійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностью. Ибо кто не умѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тотъ будетъ-ли пещись о Церкви Божіей?" (Тимоѳ., III, 2—5).

„Діаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны къ вину, не корыстолюбивы... И такихъ надобно прежде испытывать; потомъ, если безпорочны, допускать до служенія. Равно и жены ихъ должны быть честны, не клеветницы, трезвы, вѣрны во всемъ. Діаконъ долженъ быть мужъ одной жены, хорошо управляющій дѣтьми и домомъ своимъ. Ибо хорошо служившіе приготовляютъ себѣ высшую степень и великое дерзновеніе въ вѣрѣ во Христа Іисуса" (Тимоѳ., III, 8—13).

[1]) Въ какое именно время этотъ храмъ основанъ, покрыто мракомъ неизвѣстности, и легенда въ „Книгѣ папъ", приписывающая основаніе его Константину, не подтверждается историческими данными.

Римъ нарушилъ эти завѣты апостола Павла, свято сохраняемые до сего дня правовѣрными христіанами.

Въ первые вѣка христіанства ни одинъ изъ этихъ истинныхъ начальниковъ христіанъ не присваивалъ себѣ права свѣтской юрисдикціи, но паденіе западной имперіи породило эту скандальную узурпацію и эту святотатственную наглость, которыя покрыли Европу человѣческими костями, бѣдствіями и развалинами отъ дальняго сѣвера до Средиземнаго моря. Когда Пипинъ соединился съ Захаріей, а затѣмъ со Стефаномъ II, чтобы загладить въ глазахъ народа присвоеніе короны Гильдериха и убійство своего брата Грифона,—этотъ подлый разбойникъ даровалъ Стефану, на счетъ ломбардскихъ узурпаторовъ, нѣкоторыя помѣстья въ Романіи.

И вотъ этотъ священникъ остается княземъ Церкви. Этотъ новый санъ вскорѣ заявляетъ себя всевозможными безграничными злоупотребленіями, какія только можетъ изобрѣсти необузданная алчность къ чужой собственности. При Стефанѣ III жестокость доходитъ до крайнихъ предѣловъ; духовенство раздѣляется, а цѣпь апостольская обагряется кровью.

Что не Петръ, а Павелъ вводилъ въ Римѣ христіанство, свидѣтельствуетъ также Троплонгъ [1]).

„Le proconsul devant lequel Saint Paul fut traduit comme coupable de superstition nouvelles, etait le frère de Sénéque; on ne peut pas supposer qu'il lui ait laissé ignorer un fait aussi remarquable. Lorsque l'apôtre vint précher la bonne nouvelle à Rome, l'attante de Sénéque etait êveilleé, la nouveauté de l'enseignement dut frapper philosophe; deja avant l'arrivée de Saint Paul, le christianisme avait pénétré à Rome".

(Проконсулъ, къ которому былъ приведенъ св. Павелъ въ качествѣ обвиняемаго въ суевѣріяхъ, былъ братомъ Сенеки; поэтому трудно допустить, чтобы онъ не посвятилъ его въ это дѣло. Когда апостолъ прибылъ въ Римъ возвѣстить отрадную новость, онъ пробудилъ чуткость философа, а новизна ученія привлекла его вниманіе; еще до прибытія св. Павла христіанскія идеи проникли въ Римъ).

Хотя отзывъ Сенеки касался взглядовъ многихъ римскихъ философовъ, однако его можно приписать и тому обстоятельству, что прибытію св. Павла въ Римъ предшествовали его пріятели христіане, къ которымъ онъ именно и написалъ свое первое посланіе, извѣщающее римлянъ, вѣрнѣе—римскихъ евреевъ: „развѣ вы не знаете, братія (ибо говорю знающимъ законъ), что законъ имѣетъ власть надъ человѣкомъ, пока онъ живъ?" (VII, 1). „Итакъ, что до меня, я готовъ благовѣствовать и вамъ, находящимся въ Римѣ. Ибо я не стыжусь благовѣствованія Христова, потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему, во-первыхъ, іудею, потомъ и еллину" (I, 15, 16)

Это посланіе, объявляющее римлянамъ о прибытіи апостола Павла для проповѣди Евангелія, является наилучшимъ доказательствомъ того, что св. Петра не было въ Римѣ.

По Вальсеману первыми епископами или патріархами были назначены св. Петромъ, чрезъ возложеніе рукъ: Евводзій антіохійскій, позднѣе св. Маркъ для Александріи, св. Іаковъ для Іерусалима и св. Андрей для Ѳракіи.

Историкъ же папства L. Lavicomterie (стр. 41—45) пишетъ о св. Петрѣ слѣдующее:

„Симонъ, прозванный Кифа или Петръ.

„Еврейскія, греческія и латинскія сочиненія невѣрно передаютъ, что Петръ былъ первымъ епископомъ Рима. Историки, глупцы и заинтересованные поддѣлыватели повторяли то же самое.

„Извѣстно, что онъ поучалъ іудеевъ, разсѣянныхъ по Понту, Виѳиніи, Каппадокіи, Антіохіи и Вавилоніи, но нѣтъ никакихъ доказательствъ его путешествія въ Римъ. Апостольскія Дѣянія не упоминаютъ объ этомъ. Юстинъ, который жилъ спустя сто

---

[1]) De l'influence du christianisme sur le droit civil des Romains (Ch. IV).

лѣтъ, является первымъ заслуживающимъ нѣкотораго довѣрія авторомъ, упоминающимъ объ этомъ (якобы) путешествіи. Св. Ириней говоритъ (основываясь, впрочемъ, на Юстинѣ), что Петръ и Павелъ прибыли въ Римъ и отдали Церковь въ управленіе св. Лина. Слѣдовательно, если они поручили управленіе христіанской сектой Лину, то, значитъ, сами ею не управляли и не жили въ городѣ. Утверждаютъ, что св. Петръ пребывалъ въ апостольской столицѣ въ продолженіе 25 лѣтъ, во время Нерона, который царствовалъ только 13 лѣтъ. Но безспорное возраженіе противъ Кифы составляютъ собственныя слова Павла въ его посланіи къ колоссянамъ, въ которомъ онъ ясно говоритъ, что въ его трудахъ ему помогали единственно Аристархъ, Маркъ и Іисусъ, прозывавшійся Іустомъ.

„Если бы Петръ пріѣхалъ въ Римъ, то, вѣроятно, первая церковь, которая тамъ построена, была бы посвящена ему, а между тѣмъ, она церковь св. Іоанна. Считаютъ Петра первымъ епископомъ, но въ то время и даже гораздо позже не было еще особаго епископства.

„Христіанская секта приняла опредѣленную форму только въ половинѣ второго вѣка. Апостолы были равны между собою. Равенство было главной основой *ессеевъ, рекабитовъ, терапевтовъ*, учениковъ Іоанна, а особенно учениковъ Іисуса Христа. Нѣтъ среди нихъ никакого начальника, когда они собираются, никто не предсѣдательствуетъ даже по очереди, и совсѣмъ не называютъ себя епископами.

„Петръ называетъ епископомъ или соотвѣтствующимъ титуломъ только Іисуса Христа, котораго называетъ блюстителемъ душъ. Такое названіе блюстителя, епископа, присвояется потомъ св. Якову и старшимъ въ собраніи, которыхъ мы называемъ священниками, но не было никакого иного сана, никакого особеннаго отличія, никакого превосходства.

„Нѣкій фригіецъ Папій, который писалъ во Фригіи во второмъ вѣкѣ, утверждаетъ, что св. Петръ былъ въ Римѣ, на томъ основаніи, что въ посланіи, которое ему приписываютъ, онъ говоритъ о Вавилонѣ. Дѣйствительно, мы имѣемъ посланіе, писанное, будто бы, св. Петромъ, въ которомъ онъ пишетъ:

„Вавилонская Церковь, моя жена и мой сынъ Маркъ привѣтствуютъ тебя“.

„Нѣкоторымъ фантазерамъ понравилось передѣлать Вавилонъ въ Римъ. Это прекрасный способъ выйти изъ затрудненія. Папіасъ, Лактанцій, Евсевій, Юустинъ, сговоритесь же, наконецъ, если хотите, чтобы вамъ хоть сколько-нибудь вѣрили. Вы не согласны ни относительно времени, ни относительно рода мученій Петра, ни относительно имени императора, во время котораго, по вашимъ утвержденіямъ, умеръ св. Петръ. Кому же изъ васъ вѣрить въ виду столькихъ противорѣчій? Я въ самомъ дѣлѣ нахожусь въ совершенномъ затрудненіи. Но что дѣлать! Въ избѣжаніе ошибки, лучше не вѣрить никому изъ васъ.

„Какой безбожною наглостью, какой святотатственной гордостью добились тѣ мнимые преемники той власти, того могущества, предъ которымъ склонялись коронованныя головы, но которое угнетало несчастные народы и наполняло Европу скандалами, покушеніями и убійствами?

„Невѣжество было причиной всего этого, — невѣжество, — эта причина всевозможныхъ величайшихъ несчастій этого міра.

„Дикость, плачевная неурядица, которая произошла въ римскомъ государствѣ благодаря слабымъ или тиранническимъ правительствамъ, убивающимъ или убиваемымъ императорамъ, безправіе, теологическіе споры, анаѳемы, которыми обмѣнивались сектанты, ссорящіеся и неистово борющіеся соборы, при удвоенныхъ усиліяхъ гунновъ, галловъ, кимвровъ, вандаловъ,—все это вмѣстѣ содѣйствовало образованію на пепелищѣ Рима этого могущества. Оно увеличивается въ VII, VIII и IX вѣкахъ, когда Востокъ оказался вооружённымъ противъ Запада, Западъ—противъ самого себя, когда прояви-

лось все то, къ чему ведутъ невѣжество, фанатизмъ, интриги и необузданное шарлатанство.

„Неоднократно задается вопросъ, имѣли-ли св. Петръ и апостолы женъ? Да, они были женаты; прочтите посланіе св. Игнатія, въ которомъ сказано, что Петръ и Павелъ имѣли женъ. Прочтите посланіе къ коринѳянамъ, стихи 95 и 96, посмотрите письмо Климента изъ Александріи, который ясно говоритъ, что Павелъ имѣлъ жену и что у Петра были дѣти—смотрите Евсевія, 3 кн., 30 гл., и проч.

„Сравнивая все, что можно найти въ собраніи недостовѣрностей, лжи, заблужденій, поддѣльныхъ датъ и т. д., внимательный изслѣдователь ясно убѣдится въ томъ, что Кноа или Петръ вовсе не былъ въ Римѣ, равно какъ и не былъ его епископомъ въ то время, когда преслѣдовавшаяся и презиравшаяся христіанская секта была извѣстна только нѣкоторымъ бѣднякамъ изъ простого народа; ясно, что онъ не могъ быть распятъ головою внизъ, такъ какъ такого рода казнь не практиковалась у римлянъ; ясно также и то, что, какъ іудей, невольникъ этихъ же римлянъ, онъ не могъ быть епископомъ Рима, тѣмъ болѣе, что въ первомъ вѣкѣ, какъ то сказано выше, въ Римѣ вовсе не было особой епископской каѳедры".

До какой степени писатели римской Церкви въ состояніи поддѣлывать документы и преданія Церкви, видно изъ перевода Библіи на польскій языкъ, сдѣланнаго іезуитомъ Вуекомъ. Признанная Римомъ какъ единственная польская Библія, наиболѣе вѣрно переведенная, она, однако, содержитъ въ себѣ путаницы. Не утверждаемъ, что переводъ несогласенъ съ оригиналомъ, хотя переводъ сдѣланъ только съ латинской Вульгаты, но хитрый іезуитъ при каждой главѣ Евангелія помѣстилъ рядъ толкованій, составленныхъ въ формѣ Евангелія. Вотъ примѣры этого толкованія:

По Евангелію отъ Матѳея, гл. XXII, 30, на вопросъ саддукеевъ: „когда женщина, имѣвшая на землѣ послѣдовательно нѣсколько мужей, воскреснетъ, то которому изъ своихъ земныхъ мужей будетъ она принадлежать?" Христосъ отвѣтилъ: „въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ какъ ангелы Божіи на небесахъ".

Іезуитъ такъ объясняетъ отвѣтъ Христа: (30) „но пребываютъ какъ ангелы". Отсюда слѣдуетъ то, что дѣвичество и безбрачіе есть ангельская жизнь въ тлѣнномъ тѣлѣ, или что старыя дѣвы и старые холостяки являются земными ангелами.

Въ главѣ XXIII, 19, 20, Христосъ говоритъ: „Безумные и слѣпые! что больше: даръ или жертвенникъ, освящающій даръ? Итакъ, клянущійся жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что на немъ". Іезуитъ такъ объясняетъ: „Въ ветхомъ завѣтѣ Христосъ не допускаетъ, чтобы даръ былъ важнѣе, нежели жертвенникъ, но у насъ жертвенникъ освящается дарами".

Въ главѣ XXIII, 2, Христосъ говоритъ: „На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи.

„3) Итакъ, все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ.

„4) Связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плечи людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ".

Іезуитъ такъ объясняетъ: „Господь Богъ сохраняетъ истину христіанской вѣры на апостольскомъ сѣдалищѣ, которое есть новый завѣтъ, на мѣсто того, стараго Моисеева сѣдалища, хотя бы тѣ, которые на него сядутъ, были наихудшими и наигрѣшнѣйшими".

Иначе говоря, іезуитъ, пользуясь тѣмъ, что Христосъ приказываетъ апостоламъ, проповѣдуя вѣру Христа, исполнять вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженія еврейскихъ властей, не подражая, однако, ихъ развратной жизни,—пріурочиваетъ то же самое къ Риму, давая понять, что какіе бы люди ни сидѣли на апостольскомъ престолѣ въ Римѣ, нужно закрывать глаза на ихъ поступки и въ точности исполнять ихъ приказанія.

Если iезуитъ Вуекъ такъ смѣло относитъ слова Христа къ римской столицѣ, то пусть примѣнитъ къ ней и остальныя слова Христа, сказанныя тогда же въ стихахъ отъ 5 до 36 (Матѳ., XXIII), которыя скорѣе могутъ быть отнесены къ Риму.

Независимо отъ добавленiй, вставленныхъ въ видѣ толкованiй, iезуитъ Вуекъ выпустилъ изъ Новаго Завѣта нѣкоторыя выраженiя, вслѣдствiе чего, дѣйствительно, Св. Писанiе становится въ этихъ мѣстахъ непонятнымъ, какъ мы видимъ въ стихахъ Матѳ., XXVI, 18, I Тим., 3. Даже въ Ветхомъ Завѣтѣ 150-й псаломъ искаженъ Вуекомъ: вмѣсто „хвалите Господа въ храмѣ Его" у Вуека сказано: „хвалите Господа во святыхъ Его". Даже Кохановскiй этотъ псаломъ объясняетъ: „хвалите Господа за Его святость".

Независимо отъ искаженiя переводовъ Св. Писанiя, въ 1229 году латинскимъ духовенствомъ было издано запрещенiе свѣтскимъ лицамъ изучать Библiю. Папа Юлiй III (1550—1555 гг.) пригласилъ трехъ знаменитыхъ епископовъ на совѣтъ, что предпринять, чтобы задержать развитiе реформацiи, на что они въ 1553 году отвѣтили: „*Очевидно, что римско-католическая религiя совершенно отклоняется отъ того, чему учили Христосъ и апостолы.* Поэтому прежде всего нужно, насколько возможно, *держать Новый Завѣтъ въ тайнѣ отъ народа.* Изъ всѣхъ совѣтовъ, какiе мы теперь можемъ дать, *самый важный тотъ, чтобы никому не было позволено читать Евангелiе, особенно на народномъ языкѣ.* Достаточно того, что читается во время обѣдни. Пока люди довольствовались тѣмъ, что читается во время обѣдни, дѣла твои (папы) шли хорошо, съ того же времени, какъ стали больше читать, они начали клониться къ упадку. *Вотъ книга, которая прежде всего навлекла на насъ такiя бѣды и чуть не погубила насъ.* Въ дѣйствительности, кто внимательно разсмотритъ, что обыкновенно творится въ нашихъ церквахъ, и глубоко надъ этимъ подумаетъ, тотъ долженъ увидѣть, *что наше ученiе сильно отличается отъ ученiя Евангелiя и даже ему противорѣчитъ. Поэтому нужно уничтожать экземпляры Св. Писанiя*, но только осторожно, чтобы не было еще бо́льшаго возмущенiя". Пiй IV, Бенедиктъ XIV, Климентъ XI, Пiй VI, Пiй VII, Левъ XII, Пiй VIII, Григорiй XVI и Пiй IX возставали противъ чтенiя Библiи и осуждали библейскiя товарищества, какъ заразу человѣчества.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на чтенiе Библiи епископы Рима въ первые девять вѣковъ христiанства, въ тѣ времена, когда римская Церковь еще не отдѣлилась отъ каѳолической. Вотъ что писалъ римскiй епископъ Григорiй I (590—604 гг.), котораго римская и восточная Церкви считаютъ святымъ: „Что же такое Св. Писанiе, какъ не откровенiе всемогущаго Бога Своимъ созданiямъ? Если бы къ тебѣ писалъ король, развѣ ты не спѣшилъ бы читать его письмо? Вотъ Царь Небесный, Владыка людей и ангеловъ, призналъ тебя достойнымъ, чтобы писать къ тебѣ письма, которыя говорятъ о твоей вѣчной жизни, а ты столь равнодушенъ, что не читаешь этихъ важныхъ писемъ. Старайся, заклинаю тебя, читать и взвѣшивать слова твоего Бога. Старайся изученiемъ Св. Писанiя познать Бога. Св. Писанiе на много превосходитъ, какъ по содержанiю, такъ и по языку, всѣ ученыя книги; оно проповѣдуетъ чистую истину, черезъ него Богъ отвѣчаетъ на каждый вопросъ. Всякiя сомнѣнiя находятъ въ немъ удовлетворительное разрѣшенiе. Оно во многихъ мѣстахъ такъ ясно, что его могутъ понимать дѣти, а обыкновенные люди могутъ черпать въ немъ для себя духовную пищу".

Кто желаетъ еще болѣе познакомиться съ подтвержденiемъ необходимости чтенiя Библiи изъ сочиненiй свв. Амвросiя, Августина, Кипрiана, Iеронима, Юстина, Григорiя Назьянскаго, Иларiя, Аѳанасiя и другихъ, тотъ пусть прочтетъ брошюрку подъ заглавiемъ: „Свидѣтельства древнѣйшей каѳолической Церкви", изданную Leander'омъ van Ess, римско-католикомъ, равно какъ и „Добавленiе" ко второму тому этого сочиненiя.

ГЛАВА XIII.

Изъ всѣхъ извѣстій, какія удалось собрать о связи апостола Петра съ Римомъ, можно согласиться только съ тѣмъ, что апостолъ Петръ умеръ въ Римѣ мученическою смертью. Фактъ этотъ слѣдуетъ основывать на томъ, что, независимо отъ легенды, въ словахъ Христа, обращенныхъ, по воскресеніи, къ смиренному апостолу, заключается предсказаніе объ этой смерти (Іоан., XXI, 19). Что онъ былъ замученъ въ Римѣ, хотя впервые объ этомъ вспоминаютъ Тертуліанъ и Гай только въ началѣ третьяго столѣтія, это можно принять за истину (такъ какъ этого никто не отрицаетъ). Однако, единственнымъ свидѣтельствомъ изъ Св. Писанія, что Петръ посѣтилъ Римъ, является только одно выраженіе самого Петра въ первомъ его посланіи: „Привѣтствуетъ васъ Церковь въ Вавилонѣ“ [1]). У того же самаго автора мы находимъ, что въ 44 году Иродъ Агриппа I приказалъ схватить въ Іерусалимѣ двоюроднаго брата Христа, Іакова, сына Зеведеева, и отрубить ему голову, позже онъ приказалъ также схватить Петра и заключить въ тюрьму. Ангелъ вывелъ Петра изъ тюрьмы, послѣ чего Петръ бѣжалъ изъ Іерусалима въ домъ Маріи, матери Іоанна (прозваннаго Маркомъ), откуда онъ увѣдомилъ апостоловъ о своемъ бѣгствѣ. Петръ и другіе апостолы оставались затѣмъ въ Іерусалимѣ двѣнадцать лѣтъ, пока разошлись въ другія страны проповѣдовать слово Божіе.

Независимо отъ этого, Дрэперъ („Исторія умственнаго развитія Европы“) въ главѣ о папахъ говоритъ: „При папѣ Іоаннѣ XXII, имѣвшемъ резиденцію въ Авиньонѣ, нѣкій врачъ Марсимо Падуанскій издалъ сочиненіе (1312 г.) подъ заглавіемъ: „Заступникъ мира“. Это было философское изслѣдованіе основъ правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ сущности и власти духовенства. Его демократическое направленіе сказывалось въ утвержденіи, что право толковать основы христіанской религіи принадлежитъ не папѣ и никакому другому духовному лицу, но вселенскому собору; порицалъ политическія стремленія папъ, утверждалъ, что никто не можетъ быть проклятъ самимъ папою и что онъ не имѣетъ никакого права стѣснить человѣческую мысль; что гражданскія привилегіи духовенства должны прекратиться; что только убожество и смиреніе должны составлять его отличительныя черты; что общество должно дать ему приличное содержаніе, но не болѣе; роскошь, излишества, распутность, стяжаніе, особенно въ десятинахъ, должны быть устранены; что ни Христосъ, ни Св. Писаніе никогда не предоставляли св. Петру главенства надъ другими апостолами; что если справимся съ исторіей, то римскимъ епископомъ былъ св. Павелъ, а не св. Петръ, и „въ дѣйствительности является сомнѣніе, былъ-ли этотъ послѣдній когда-либо продолжительное время въ этомъ городѣ, такъ какъ „Дѣянія апостоловъ“ хранятъ молчаніе относительно этого вопроса“.

Изъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ аргументовъ онъ вывелъ 4 заключенія противъ политическаго и церковнаго главенства папъ.

Неопровержимое доказательство того, кто былъ въ Римѣ епископомъ, представляетъ намъ второе посланіе апостола Павла къ Тимоѳею, въ которомъ св. Павелъ не только пишетъ, что онъ—епископъ Рима, „для котораго поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ и учителемъ язычниковъ“, но увѣдомляетъ епископа Тимоѳея, что сидитъ въ тюрьмѣ, закованный въ цѣпи, и что въ Римѣ нѣтъ никого изъ друзей, кромѣ Луки, а поэтому онъ проситъ Тимоѳея навѣстить его, такъ какъ приближается часъ его смерти, и привести съ собой Марка.

Поэтому, если бы св. Петръ былъ въ Римѣ, то св. Павелъ вспомнилъ бы о немъ,

---

[1]) Апостолы приравнивали римскую распущенность къ вавилонской, евреи тѣхъ временъ также называли Римъ Вавилономъ, что можно найти въ Талмудѣ. *Прим. автора.*

точно такъ же, какъ онъ вспоминаетъ о другихъ христіанахъ, которые находились въ то время въ Римѣ или также удалились оттуда.

Неопровержимымъ доказательствомъ, что не Петръ, но Павелъ проповѣдовалъ въ Римѣ Евангеліе, являются слова самого Христа, Который сказалъ Петру, что онъ долженъ проповѣдовать Евангеліе среди обрѣзанныхъ, т. е. исключительно среди іудеевъ. „На путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ самарянскій не входите, а идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома израилева“ (Матѳ., X, 5—6). Таково было приказаніе, данное Христомъ всѣмъ ученикамъ. Для обращенія же язычниковъ Христосъ назначилъ Павла, потребовавъ отъ апостольскаго собранія въ Антіохіи, чтобы они отдѣлили его и Варнаву отъ себя на дѣло, къ которому они были призваны (Дѣянія, XIII, 1—2). Духъ же Святой, говоря о Павлѣ, сказалъ Ананіи: „иди, ибо онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами и царями, и сынами израилевыми, и Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое“ (Дѣянія, IX, 15—16). „Я положилъ тебя во свѣтъ язычникамъ, чтобы ты былъ во спасеніе до края земли“ (Дѣянія, XIII, 47). Павелъ и Варнава, прибывъ въ Антіохію, собрали Церковь и „разсказали все, что сотворилъ Богъ съ ними, и какъ Онъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ“ (Дѣянія, XIV, 27). Для окрещенія же язычника Корнелія въ Кесареѣ Петръ имѣлъ особое приказаніе отъ Св. Духа черезъ видѣніе (Дѣянія, X).

Чтобы больше убѣдить тѣхъ, которымъ запрещено чтеніе Св. Писанія, приводимъ подробности дѣятельности св. Павла. Пусть читатель не удивляется, что мы возвращаемся къ сказанному уже раньше, но насъ принуждаетъ къ этому то обстоятельство, что распространяемая въ продолженіе 10 вѣковъ десятками милліоновъ устъ монаховъ многочисленныхъ орденовъ подложная исторія римской Церкви вгнѣздилась въ души и помыслы неглубоко разсуждающихъ людей; несмотря на ясныя доказательства того, что все, что до сихъ поръ было проповѣдуемо, есть ложь, имъ не легко будетъ понять это и усвоить себѣ.

Итакъ, обратимся еще разъ къ описанію дѣятельности апостола Павла, опираясь исключительно на Св. Писаніе.

Послѣ того, какъ св. Стефанъ былъ побитъ камнями въ Іерусалимѣ, въ 37 году послѣ Р. Хр., гонитель христіанъ Савлъ отправился въ Дамаскъ; по дорогѣ ему явился Христосъ и призвалъ его къ служенію Себѣ. Отъ сіянія этого явленія Савлъ ослѣпъ. Въ Дамаскѣ ему вернулъ зрѣніе Ананія, посланный къ Савлу Христомъ, Который ему объявилъ, что Савлъ избранный сосудъ для ношенія имени Христа среди язычниковъ.

Эта неожиданная перемѣна потрясла Савла столь сильно, что онъ отправился въ Аравію, въ пустыню, для успокоенія и размышленія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вернулся въ Дамаскъ и проповѣдовалъ здѣсь Евангеліе до 40 года, а потомъ отправился въ Іерусалимъ для свиданія съ св. Петромъ и другими апостолами. Въ то время въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ было 480 христіанскихъ общинъ, называвшихся „синагогами назареянъ“ [1]).

Въ 42 г. св. Петръ началъ обходить христіанскія общины, направившись прежде всего на югъ. Дойдя до Іоппіи, онъ поселился въ домѣ кожевника Симона. Тутъ только, на крышѣ дома Симона, было св. Петру видѣніе, давшее ему право обращенія и язычниковъ. На этомъ основаніи онъ окрестилъ Корнелія, сотника римскихъ войскъ, жившаго въ 50 верстахъ отъ Іоппіи.

По возвращеніи въ Іерусалимъ, св. Петръ былъ порицаемъ другими апостолами и послѣдователями Христа, еврейскаго происхожденія, за то, что осквернилъ себя сношеніями съ язычниками.

---

[1]) Фарраръ. „Жизнь апостола Павла“, т. I, стр. 91.

Тѣмъ временемъ св. Павелъ прибылъ въ Антіохію и сталъ поучать на Сингонской улицѣ. Здѣсь онъ оставался цѣлый годъ вмѣстѣ съ Варнавой.

Большое число жителей этого города приняли крещеніе.

Въ 44 году Павелъ съ Варнавой отправились въ Іерусалимъ съ пособіемъ для тамошнихъ христіанъ, потерпѣвшихъ голодъ.

Въ это время управлялъ Палестиною Иродъ Агриппа, который сильно преслѣдовалъ христіанъ, приказалъ отрубить голову св. Іакову, брату Христа, и заключилъ въ тюрьму св. Петра. Но ангелъ вывелъ его изъ темницы. Послѣ скоропостижной смерти Агриппы въ 45 году Павелъ и Варнава вернулись въ Антіохію. Здѣсь апостолъ Павелъ ожидалъ исполненія обѣщанія Христа, что пошлетъ его въ дальнія страны проповѣдовать Евангеліе среди язычниковъ, и дѣйствительно: однажды, когда находившіеся въ Антіохіи послѣдователи Христа молились Господу, Духъ Святой сказалъ имъ: „Отдѣлите Мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ“ (Дѣянія, XIII, 2),

Поэтому они отправились, въ обществѣ Іоанна, называемаго Маркомъ, въ Кипръ. Изъ Кипра, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они прибыли въ Пафъ. Изъ Пафа они поплыли въ Пергію въ Малой Азіи, откуда Іоаннъ вернулся въ Іерусалимъ. Изъ Пергіи, пройдя 300 верстъ, они дошли до писидійской Антіохіи. Спустя нѣсколько недѣль, изгнанные оттуда іудеями, они отправились въ Иконію. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ихъ хотѣли тамъ умертвить, и они бѣжали въ Листру ликаонскую. Здѣсь апостолъ Павелъ былъ побитъ камнями и вытащенъ за городъ. Онъ, однако, не умеръ и, когда народъ разошелся, всталъ и переодѣтымъ вошелъ въ городъ, гдѣ въ теченіе ночи скрывался въ домѣ Евники и Лоиды. Утромъ апостолы бѣжали отсюда въ городъ Дервію, гдѣ обратили много людей. Возвращаясь тою же самою дорогою, они изъ Пергіи отправились въ Атталію, откуда поплыли въ Селевкію, и отсюда въ 46 году вернулись въ сирійскую Антіохію. Въ 51 г. они прибыли въ Іерусалимъ, гдѣ былъ созванъ первый соборъ, по поводу несогласія во мнѣніяхъ относительно обрѣзанія при крещеніи язычниковъ. На этомъ соборѣ взяло верхъ и было утверждено мнѣніе Павла.

На этомъ соборѣ было окончательно установлено, что св. Іаковъ, св. Петръ и св. Іоаннъ будутъ обращать іудеевъ, Павелъ же и Варнава—язычниковъ. „И узнавши о благодати, данной мнѣ, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ“. (Галат. II, 9).

Въ Римѣ въ то время о христіанахъ и ихъ Церквахъ не было еще разговора. Небольшая горсть евреевъ, которые, принявъ крещеніе, скрылись въ Римѣ отъ преслѣдованій въ Іерусалимѣ, считалась іудеями и молилась въ еврейскихъ синагогахъ или частныхъ домахъ.

Вернувшись въ Антіохію, апостолъ Павелъ дождался тамъ, въ 52 году, прибытія св. Петра. Послѣ этого апостолъ Павелъ отправился въ путешествіе для посѣщенія основанныхъ имъ и Варнавою въ Малой Азіи и другихъ мѣстностяхъ Церквей.

Въ Листрѣ къ нему присоединился Тимоѳей, и они вмѣстѣ отправились къ галатамъ. Тамъ Павелъ основалъ нѣсколько Церквей, или соборовъ, но какъ долго находился онъ у галатовъ—неизвѣстно. По прибытіи въ Троаду, Павлу снова было видѣніе, чтобы онъ шелъ съ Евангеліемъ въ Македонію. Передъ выходомъ изъ Троады, Павелъ встрѣтился съ евангелистомъ Лукою. Лука проводилъ его до Филиппъ, гдѣ они семь лѣтъ спустя снова встрѣтились и дальше путешествовали вмѣстѣ. Филиппы были первымъ европейскимъ городомъ, гдѣ было проповѣдуемо апостолами Слово Божіе.

Отплывши изъ Троады, Павелъ прибылъ въ Неаполь, но здѣсь не останавливался и отправился дальше въ Филиппы. Здѣсь онъ съ Лукою поселился въ домѣ Лидіи, которая первая приняла крещеніе въ Македоніи, т. е. въ Италіи. Изъ мужчинъ первый

крестился здѣсь Эпафродитъ. Нѣсколько времени спустя, апостолы были схвачены, привязаны на площади къ столбу и наказаны палочными ударами, какъ іудеи, возмущающіе народъ, а потомъ заключены въ тюрьму. Ночью произошло землетрясеніе, двери тюрьмы отворились, а цѣпи, которыми апостолы были прикованы къ стѣнѣ, разорвались. Но они остались въ тюрьмѣ; это было причиной того, что начальникъ тюрьмы освободилъ ихъ, взялъ къ себѣ въ жилище и со всѣмъ своимъ домомъ крестился. Послѣ этого случая Павелъ оставилъ городъ и съ Силой и Тимоѳеемъ прибылъ въ Ѳессалонику, столицу Македоніи. Здѣсь они поселились у іудея Ясона. Три субботы Павелъ произносилъ въ синагогѣ проповѣди и обратилъ нѣсколько десятковъ лицъ, изъ которыхъ самымъ ревностнымъ христіаниномъ сдѣлался Аристархъ, повсюду сопутствовавшій потомъ Павлу и раздѣлявшій съ нимъ въ Римѣ тюремное заключеніе. Три недѣли спустя, апостолы принуждены были бѣжать изъ Ѳессалоники и пришли въ городъ Верію, гдѣ обратили многихъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Павелъ и отсюда принужденъ былъ бѣжать, оставивъ въ Веріи своихъ товарищей для укрѣпленія въ вѣрѣ новообращенныхъ. Теперь онъ отправился въ Аѳины. Здѣсь, увидѣвъ на одномъ изъ жертвенниковъ надпись: „Невѣдомому Богу", хотѣлъ воспользоваться этимъ для своего ученія. Приведенный въ ареопагъ судей и поставленный на „камень наглости", онъ былъ призванъ къ защитѣ своей вѣры. Но рѣчь его вызвала только насмѣшки, и въ Аѳинахъ онъ обратилъ только одного грека, знаменитаго Діонисія Ареопагита, и еврейку Дамарь. Несмотря на это, пребываніе его въ Аѳинахъ не осталось безъ результатовъ: Діонисій Ареопагитъ оказалъ большое вліяніе на развитіе тамъ христіанства.

Изъ Аѳинъ Павелъ отправился въ Коринѳъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ еврея Акилу, который съ женою Присциллой оказалъ ему помощь. Въ Коринѳѣ и его окрестностяхъ онъ оставался около двухъ лѣтъ и обратилъ множество язычниковъ, а въ ихъ числѣ— знаменитаго Гая. Въ этомъ городѣ, гдѣ Павелъ также много терпѣлъ отъ іудеевъ, ему снова явился Христосъ и сказалъ: „Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я съ тобою и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла, потому что у Меня много людей въ этомъ городѣ" (Дѣян., XVIII, 9—10).

Отсюда Павелъ рѣшилъ пойти еще разъ въ Іерусалимъ, гдѣ не былъ три года, для свиданія со св. Петромъ, но его въ Іерусалимѣ не засталъ, такъ какъ Петръ тоже отправился посѣтить Церкви обращенныхъ (іудеевъ).

Изъ Іерусалима Павелъ отправился въ Антіохію, а оттуда въ Ефесъ. Здѣсь въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ множество іудеевъ и язычниковъ приняли крещеніе. Павелъ основалъ для нихъ школу, нанятую у Тиранна, гдѣ училъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Оставивши потомъ Ефесъ, Павелъ навѣстилъ еще разъ Церкви Малой Азіи и отправился въ пятый разъ въ Іерусалимъ. Остановившись по дорогѣ въ Коринѳѣ, Павелъ написалъ посланіе къ римскимъ іудеямъ-христіанамъ, горсть которыхъ, убѣгая изъ Іерусалима отъ преслѣдованій іудейскаго синедріона, скрылась тамъ.

Въ этомъ посланіи Павелъ увѣдомляетъ, что идетъ въ Римъ для обращенія язычниковъ ко Христу. „Неужели Богъ есть Богъ іудеевъ только, а не язычниковъ? Конечно, и язычниковъ; потому что одинъ Богъ, Который оправдаетъ обрѣзанныхъ по вѣрѣ и необрѣзанныхъ через вѣру" (Римл., III, 29—30).

Изъ всего посланія апостола Павла къ римлянамъ мы видимъ, что христіане, обращенные изъ іудеевъ, которые бѣжали изъ Іерусалима во время преслѣдованія ихъ этимъ же самымъ апостоломъ Павломъ, когда онъ былъ еще членомъ синедріона Савломъ, даже и не предполагали, что необрѣзанныхъ язычниковъ можно также крестить въ христіанскую вѣру, и что до того времени въ Римѣ еще никѣмъ изъ апостоловъ не было проповѣдуемо Евангеліе. Увѣдомивъ римлянъ, что идетъ къ нимъ съ евангельскимъ ученіемъ, св. апостолъ Павелъ отправился въ Іерусалимъ, куда прибылъ въ маѣ

59 года. Здѣсь Павелъ былъ заключенъ въ тюрьму, по ночью ему явился Христосъ и сказалъ: „Дерзай, Павелъ, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ“ (Дѣян., XXIII, 11).

Итакъ, Самъ Христосъ еще разъ подтвердилъ Павлу, что предназначаетъ его для основанія христіанской Церкви въ Римѣ.

Въ мартѣ 61 года Павелъ прибылъ въ Римъ въ качествѣ узника.

Св. Петра въ Римѣ не было ни до него, ни во время его пребыванія тамъ, и Павелъ нашелъ въ Римѣ только небольшую горсть скрывавшихся со своимъ христіанскимъ исповѣданіемъ іудеевъ.

По прибытіи Павла въ Римъ іудеи, которыхъ было въ Римѣ 60.000, прислали къ нему своихъ начальниковъ съ увѣдомленіемъ, что они хотѣли бы услышать его ученіе о христіанствѣ. Въ назначенный день въ его маленькой комнаткѣ собрались только старѣйшины іудейской общины. Изложеніе ученія продолжалось отъ утра до вечера, но іудеи не дали убѣдить себя и начали рѣзко нападать на Павла за отступничество. Разгнѣванный Павелъ, приведя имъ слова пророка Исаіи, что, „они не увидятъ и не услышатъ, такъ какъ не хотятъ ни видѣть, ни слышать, и что слѣпота ихъ происходитъ вслѣдствіе загрубѣлости ихъ сердца“, добавилъ, что съ этихъ поръ Божіе спасеніе посылается на язычниковъ и они услышатъ ниспосланное имъ благовѣстіе.

Съ этого времени, въ продолженіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ, онъ обращалъ исключительно язычниковъ. Ему въ этомъ помогали: Тимоѳей, св. Лука, Аристархъ, Тихикъ, Эпафродитъ, Эпафрасъ и Маркъ. Ими были обращены преимущественно невольники и тѣ солдаты, къ которымъ былъ въ тюрьмѣ прикованъ Павелъ и которые часто смѣнялись.

Въ 64 г. Павелъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и отправился въ Македонію, гдѣ училъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, переходя изъ города въ городъ. Въ Троадѣ онъ снова былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму въ Ефесѣ. Привезенный затѣмъ въ Римъ, онъ уже не засталъ тамъ никого изъ своихъ учениковъ, такъ какъ ихъ разсѣяли гоненія Нерона. Не было также и въ это время апостола Петра въ Римѣ, какъ въ томъ стараются увѣрить римско-католики.

На этотъ разъ Павелъ не былъ заключенъ въ частномъ домѣ и прикованъ цѣпью къ солдату, но былъ закованъ въ кандалы и брошенъ въ подземелье, гдѣ ожидалъ смерти. Всѣ его оставили теперь кромѣ св. Луки. Правда, изъ Ефеса прибылъ Анисифоръ и навѣщалъ въ тюрьмѣ Павла, но онъ вскорѣ умеръ или тоже былъ замученъ.

Въ 67 г. послѣ Р. Хр., по приговору „адовыхъ вратъ“, утвержденному Нерономъ, апостолъ Павелъ былъ обезглавленъ. До тѣхъ поръ св. Петра въ Римѣ не было.

По обезглавленіи св. Павла „адовы врата“ Ромы не переставали преслѣдовать послѣдователей Христа.

Преданіе говоритъ (однако, нѣтъ историческихъ доказательствъ этого), что вскорѣ по обезглавленіи св. Павла въ Римѣ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму св. Петръ. Друзья его хотѣли, чтобы онъ спасся бѣгствомъ, но св. Петръ, вслѣдствіе видѣнія, которое ему явилось, когда онъ находился уже за стѣнами города, вернулся въ Римъ. Заключенный вторично вмѣстѣ со своею женою въ тюрьму, онъ, увидѣвъ, что ее ведутъ на мученическую смерть, воскликнулъ: „Помни о Господѣ“. Вскорѣ онъ тоже былъ распятъ на крестѣ, несмотря на то, что христіанскія идеи уже проникли въ среду римскихъ философовъ, какъ это видно изъ сходства ученія Сенеки съ ученіемъ Св. Писанія:

1) Присутствіе Бога въ человѣкѣ.

Развѣ не знаете, что вы—храмъ Божій?.. (1 Коринѳ., III, 16).	„Богъ съ нами, въ насъ, внутри насъ“,—пишетъ Сенека къ своему другу Луциллу въ 44 посланіи, въ которомъ также гово-

рить: „Духъ Св. живетъ въ насъ; онъ слѣдитъ за нами и сохраняетъ въ насъ все хорошее и дурное... Нѣтъ хорошаго человѣка безъ Бога“.

2) Провидѣніе Божіе.

„И нѣтъ твари, сокровенной отъ Него, но все обнажено и открыто предъ очами Его: Ему дадимъ отчетъ“ (Евр., IV, 13).

„Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“... (Матѳ. VI, 6).

Сенека (о Провидѣніи, 1): „Ничего не значитъ, если совѣсть наша молчитъ въ насъ: Богу она видима“.

Посл. 83: „Что за польза, что намъ удастся что-либо скрыть отъ людей? Отъ Бога ничто не укроется: онъ проникаетъ наши мысли“.

Тамъ же: „Мы должны всегда жить и поступать такъ, какъ будто бы были видимы всѣми; мы должны думать такъ, чтобы всякій могъ заглянуть въ глубь нашей души“.

3) Богъ есть духъ.

„Итакъ, мы, будучи родомъ Божіимъ, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго“ (Дѣян., XVII, 29).

Сенека (Посл. 31): „Даже изъ угла можно подскочить до неба: возвысься же и сдѣлай себя достойнымъ Бога; но тебѣ не удастся достигнуть этого при помощи золота и серебра; сущность Бога не можетъ быть сдѣлана изъ такого матеріала“.

4) Подражаніе Богу.

„Итакъ, подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя“ (Ефес., V, 1).

„Кто симъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу и достоинъ одобренія отъ людей“ (Римл., XIV, 18).

Сенека (Посл. 95): „Вы хотите, чтобы боги были къ вамъ расположены? Будьте добродѣтельны. Достаточно подражать имъ, уважая ихъ“.

Посл. 124: „Человѣкъ долженъ стремиться къ добру, свойственному ему. Каково же это добро? Чистый разумъ, освободившійся отъ заблужденій, подражающій Богу, стоящій выше всего земного, заключающій въ себѣ всѣ свои желанія“.

5) Сравненіе фарисеевъ съ бѣлеными гробами.

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мервыхъ и всякой нечистоты“ (Матѳ., XXIII, 27).

Сенека: „Если бы вы могли видѣть внутреннее состояніе человѣка, который вамъ кажется счастливымъ, то убѣдились бы, до какой степени онъ несчастливъ, униженъ и лишенъ надежды; снаружи онъ закрашенъ такъ же, какъ и стѣна его дома. Счастье его не прочно. Это только тонкая штукатурка. Пока на нее обращаютъ вниманіе, она блеститъ и удивляетъ васъ. Но когда въ строеніи что-либо пошатнется и упадетъ, то сразу выяснится, какую развалину прикрывала блестящая оболочка“.

6) Сравненіе ученія съ сѣменемъ.

„Иное упало на добрую землю и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать“ (Мате. XIII, 8).

Сенека (Посл. 38): „Слѣдуетъ сѣять слова, какъ сѣмена: хотя сѣмя мелко, плодородная земля пробуждаетъ въ немъ силу и оно разростается. Такъ и разумъ. Немного сказано, но если попало въ разсудокъ, слово пріобрѣтаетъ силу и разростается“.

7) Всѣ грѣшатъ.

„Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1 Іоан., I, 8).

Сенека (О гнѣвѣ I, 14, II, 27): „Желая обо всемъ судить справедливо, мы должны убѣдиться, что между нами нѣтъ никого безгрѣшнаго... Нѣтъ человѣка, который бы былъ въ состояніи оправдаться; тотъ, кто говоритъ, что онъ невиновенъ, убѣждаетъ въ этомъ свидѣтелей, но не свою совѣсть“.

8) Скупость.

„Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ“ (1 Тим., VI, 10).

Сенека (О спокойствіи души, 8): „Богатство есть главнѣйшій источникъ людскихъ заботъ“.

„Имѣйте нравъ не сребролюбивый, довольствуясь тѣмъ, что есть. Ибо Самъ сказалъ: не оставлю тебя и не покину тебя“ (Евр., XIII, 5).

Сенека (Посл. 11): „Мы будемъ разсудительны, довольствуясь малымъ; всякій человѣкъ, понимающій свое назначеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовавшій свое тѣло, пойметъ, что не много можетъ въ немъ заключаться и не надолго“.

„Имѣя пропитаніе и одежду, будемъ довольны тѣмъ“ (1 Тим., VI, 8).

(Посл. 110): „Мы имѣемъ полету (рисовая мука) и воду; поэтому спросимъ самого Юпитера, равняется-ли его благосостояніе нашему?“

„Великое пріобрѣтеніе—быть благочестивымъ и довольнымъ“ (1 Тим., VI, 6).

Сенека (Посл. 110): „Почему это васъ удивляетъ и восхищаетъ? Все это дѣлается для вида! Всѣ эти предметы не составляютъ собственности, а только выставляются напоказъ. Обратитесь лучше къ истиннымъ сокровищамъ, научившись довольствоваться малымъ“.

„И еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе“ (Мате., XIX, 24).

Сенека (Посл. 20): „Онъ имѣетъ великую душу, видитъ вокругъ большія богатства и скорѣе слышитъ, нежели чувствуетъ, что они составляютъ его собственность. Трудно не испортиться, будучи другомъ богатыхъ; великъ тотъ, кто среди богатствъ остается убогимъ; человѣкъ, не имѣющій богатствъ, чувствуетъ себя болѣе спокойнымъ“.

9) Обязанность быть добрымъ.

„Будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію; въ почтительности другъ друга предупреждайте“ (Рим., XII, 10).

Сенека (О гнѣвѣ, 1, 5): „Человѣкъ созданъ для взаимной помощи“.

„Люби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Рим., XIII, 9; Галат., V, 14).

Сенека (Посл. 48): „Живите для другихъ, если хотите жить для себя“.

О гнѣвѣ, III, 43: „Пока мы находимся среди людей, будемте добры; постараемся не быть причиной опасности для другихъ и предметомъ ихъ страха.

10) Наша общность.

„И вы—тѣло Христово, а порознь—члены“ (1 Кор., XII, 27).

Сенека (Посл. 95): „Развѣ мы учились тому, чтобы подавать руку тонущему, указать дорогу путешествующему, дѣлить свой хлѣбъ съ голоднымъ? Если бы я могъ высказать въ краткихъ словахъ формулу людскихъ обязанностей, я бы сказалъ: все, что ты видишь и въ чемъ заключается божеское и людское—одно и то же; мы члены одного неизмѣримаго цѣлаго“.

11) Совершеніе добра втайнѣ.

„У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая“ (Матѳ., VI, 3).

Сенека (О благодѣяніяхъ, II, 11): „Пусть молчитъ тотъ, кто оказалъ милость другому... Сотворивъ добро, главнымъ образомъ, не нужно хвастать этимъ“.

Христосъ, говоря съ апостолами о Римѣ, предсказалъ мученическую смерть Павлу и Петру. Павлу Онъ сказалъ: „Дерзай, Павелъ, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ“ (Дѣянія, XXIII, 11).

Петру же Онъ сказалъ: „Истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ куда не хочешь“ (Іоан., XXI, 18).

Предсказаніе Христа исполнилось; св. Павелъ проповѣдовалъ Евангеліе въ Римѣ, св. Петръ былъ привлеченъ куріей Ромы на мученическую смерть въ Римъ и распятъ уже послѣ смерти Павла. А позже курія Ромы стала проповѣдовать, что св. Петръ былъ епископомъ въ Римѣ и тамъ основалъ Церковь; для доказательства этого она приказала поддѣлать книги, на основаніи которыхъ позднѣйшіе предсѣдатели куріи Ромы, или папы, стали называть себя высшими изъ христіанскихъ епископовъ, т. е. каѳолическими или вселенскими.

Однако, не всѣ папы утверждали, что римскій патріархъ выше другихъ патріарховъ.

Лучшимъ отвѣтомъ на притязанія и гордость папъ служатъ слѣдующія слова папы Григорія Великаго, одного изъ самыхъ выдающихся первосвященниковъ, какіе только управляли римскою Церковью, избраннаго въ папы въ 590 году.

Вотъ что писалъ онъ къ Іоанну Постнику, патріарху константинопольскому, когда тотъ принялъ титулъ *епископа вселенскаго*: „Я прошу тебя расмыслить о томъ, что чрезъ это безразсудное тщеславіе *нарушенъ миръ всей Церкви* и что ты дерзко посягаешь на благодать, которая излита *на всѣхъ вообще*. Возрастать въ этой благодати ты можешь только въ той мѣрѣ, въ какой будешь уничижаться самъ въ себѣ; ты будешь тѣмъ

болѣе великъ, чѣмъ дальше станешь отъ мысли восхитить этотъ *горделивый и безразсудный титулъ.* Если и св. апостолъ Павелъ не желалъ, чтобы члены тѣла Господа были подчинены, *кромѣ Христа,* какимъ-либо частнымъ главамъ, пусть бы даже то были сами апостолы, то что скажешь Христу, то есть *главѣ вселенской Церкви,* что скажешь Ему въ день послѣдняго суда ты, который названіемъ *вселенскаго* стараешься подчинить себѣ всѣ Его члены? Кому этимъ нечестивымъ и надменнымъ титуломъ, который совѣтуютъ тебѣ принять,—кому будешь подражать ты, какъ не тому, кто, пренебрегши сонмами ангеловъ, получившихъ одну и ту же природу съ нимъ, захотѣлъ одинъ подняться на самую высоту чести и кто гордо сказалъ: „на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой; поднимусь выше облаковъ; буду подобенъ Всевышнему?“ Въ самомъ дѣлѣ, что такое братья твои, епископы вселенской Церкви, какъ не звѣзды небесныя? И когда ты стараешься возвыситься надъ ними чрезъ это столь надменное названіе и покрыть ихъ титулъ своимъ, въ это время—что другое говоришь ты, какъ не тѣ же самыя слова: „на небо взыду; выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой“? Еще ниже: „поистинѣ апостолъ Петръ есть *первый членъ* святой вселенской Церкви, Павелъ же, Андрей и Іоаннъ что другое, какъ не главы частныхъ народовъ? И однако-жъ, *подъ единою главою* (т. е. Іисуса Христа) *суть всѣ члены Церкви.* И чтобы выразиться короче,—святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатью, всѣ они, восполняющіе собою тѣло Господне, причисляются къ главамъ Церкви, но никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ“ [1]).

Въ другомъ письмѣ св. Григорія, которое онъ писалъ по этому же самому случаю къ патріархамъ антіохійскому и александрійскому, находятся еще такія слова: „допустить употребленіе этого названія, значитъ унизить всѣхъ патріарховъ; и если тотъ, кого называютъ вселенскимъ епископомъ, *впадетъ въ заблужденіе, то, значитъ, не будетъ уже болѣе епископа, который бы пребывалъ въ истинѣ...* Онъ близокъ къ тому, о комъ написано: „онъ именно царствуетъ надъ *всѣми* чадами гордости“ (антихристъ). Мнѣ весьма прискорбно, что я вынужденъ приложить эти слова къ Іоанну, нашему брату и соепископу, который, презирая заповѣди Господа, повелѣнія апостоловъ и правила отцовъ, хочетъ по гордости возвыситься надъ другими незаконно присвоеннымъ себѣ титуломъ“ [2]).

Въ письмѣ же къ Маврикію, императору константинопольскому, папа Григорій говоритъ: „есть вещи суетныя, но безвредныя, а есть другія, чрезвычайно вредныя: такъ, напримѣръ, когда антихристъ придетъ и станетъ называться Богомъ, это будетъ вещію суетною, но самою пагубною. А тотъ, кто самъ называетъ себя, или желаетъ, чтобы другіе называли его епископомъ вселенскимъ, тотъ чрезъ такое тщеславіе,—я смѣло говорю это—дѣлается *предтечею* антихриста, потому что онъ осмѣливается ставить себя выше всѣхъ“ [3]).

Фактъ этотъ достоинъ вниманія потому, что хотя папа Григорій Великій опредѣленно постановилъ, что „кто называется вселенскимъ епископомъ, тотъ есть предшественникъ антихриста“, тѣмъ не менѣе преемники его приняли этотъ титулъ и сохраняютъ его до настоящаго времени.

Въ этомъ мѣстѣ обращаемъ вниманіе отверженныхъ, у которыхъ закрыты глаза и заткнуты уши для евангельской истины, что вышеприведенныя слова, объясняющія, что значитъ „вселенскій“, исходятъ не отъ противника римской власти, не отъ кого-либо изъ константинопольскихъ патріарховъ въ защиту своихъ правъ, но отъ римскаго папы, который былъ притомъ самымъ завзятымъ защитникомъ старшинства своей каѳедры, что и было другими патріархами признано за нею, какъ столичной каѳедрой.

---

[1]) Lettres de Saint Grégoire, liv V, let. XVIII. Edit. Benedictine.

[2]) Ibid., let. XLIII.

[3]) [illegible]

Чего заслуживаете вы, отказавшіеся отъ указаній благочестиваго папы,—презрѣнія или сожалѣнія?

Или его вы считаете погрѣшимымъ, а преемниковъ его—непогрѣшимыми? На чемъ же основывается позднѣйшая непогрѣшимость?

Отголосокъ древняго ученія св. Григорія мы встрѣчаемъ въ посланіи папы Льва IX къ патріарху константинопольскому, въ 1054 году: „вы пользуетесь чрезъ *святотатственное похищеніе* титуломъ вселенскаго патріарха, несмотря на то, что ни самъ даже св. Петръ, ни кто другой изъ его преемниковъ не соглашались принять этотъ *чудовищный титулъ*" [1]).

Но въ этомъ посланіи папы Льва IX звучитъ фальшивая нота, такъ какъ преемники Григорія Великаго стали именоваться не только вселенскими патріархами, но даже намѣстниками Христа, какъ это увидимъ ниже.

Папа Іоаннъ III, возставая противъ роскоши своихъ предшественниковъ, писалъ: „Чтобы ни одинъ римскій епископъ не смѣлъ называться главнымъ священникомъ, ни епископомъ всей христіанской Церкви" [2]). Святой же Кипріанъ говоритъ: „Какъ существуетъ одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, такъ существуетъ и одно епископство (то есть одно достоинство и одна власть епископовъ), едино и нераздѣльно, и каждый епископъ долженъ находиться подъ властью единаго наивысшаго епископа—Христа, единаго главы и жениха единой Церкви, точно такъ же, какъ масса солнечныхъ лучей составляютъ одно сіяніе" [3]). А. Хризостомъ говоритъ: „кто въ святой христіанской Церкви желаетъ главенства на землѣ, тотъ будетъ униженъ на небѣ и не будетъ считаться среди слугъ Божьихъ" [4]).

Во Франціи въ X вѣкѣ весьма сильно противъ притязанія папъ на юрисдикцію говорилъ Арнульфъ орлеанскій, считавшійся мудрѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ изъ французскихъ епископовъ. Онъ не высказывалъ и, повидимому, даже не чувствовалъ никакого подозрѣнія касательно декреталій; но, въ противоположность ихъ авторитету, онъ цѣлымъ рядомъ подлинныхъ каноновъ, соборовъ и папскихъ сочиненій доказывалъ, что для рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ совершенно достаточно мѣстныхъ соборовъ, и при этомъ сослался на принципы Гинкмара касательно апелляцій. Требованія декреталій,—говорилъ онъ,—уже удовлетворены были тѣмъ обращеніемъ къ папѣ, которое напрасно дѣлали какъ король, такъ и епископы. Онъ отрицалъ, чтобы римскій первосвященникъ могъ своимъ молчаніемъ усыплять древніе законы Церкви, или могъ извращать ихъ своимъ единственнымъ авторитетомъ; если бы это было такъ, то у нихъ въ дѣйствительности не было бы никакихъ законовъ, на которые бы можно было опираться. Распространившись о безобразіяхъ недавнихъ папъ, онъ спрашивалъ, какъ можно обращаться за рѣшеніемъ къ такимъ чудовищамъ, лишеннымъ въ дѣйствительности всякихъ судейскихъ качествъ, знаній, любви, характера,—этимъ возсѣдающимъ въ храмѣ Божіемъ антихристамъ, которые могли только дѣйствовать какъ безжизненные идолы. Гораздо лучше было бы,—говорилъ онъ,—если бы только позволили раздоры государей, искать рѣшенія у ученыхъ и благочестивыхъ епископовъ бельгійской Галліи и Германіи, чѣмъ у продажнаго и оскверненнаго двора римскаго [5]).

Припомнимъ и то, что въ XII вѣкѣ (въ 1149 г.) писалъ къ папѣ Евгенію III монахъ Бернардъ, ревностный учитель, славившійся какъ своею ученостью и мудростью, такъ и святостью жизни. Вотъ его замѣчательныя слова: „не докажутъ, я думаю, никогда, чтобы кто-либо изъ апостоловъ сидѣлъ и судилъ людей, опредѣлялъ границы или раздѣлялъ

---

[1]) Fleury, liv. LX, ch. 4.

[2]) Anno 570, Ioan. III Dist. 99 Nullus.

[3]) Anno 200, Cip. Trait. 3 de Simpli Clericoru.

[4]) Chr. in Mat. Homil. 35, Tom 7. 40 dist. cap. ultime.

[5]) Робертсонъ, переводъ Лопухина, „Исторія христіанской Церкви". т. I. стр. 907—908.

области земли. Эти дѣла дольнія и земныя имѣютъ своихъ судей, т. е. царей и властителей земли; для чего же ты простираешь серпъ свой на чужую жатву?" Еще: „домогайся этого (т. е. господства или главенства надъ всѣми), но какимъ-нибудь другимъ образомъ, *а не по праву апостольскому*. Петръ не могъ дать тебѣ того, чего не имѣлъ самъ, онъ далъ то, что самъ имѣлъ, т. е. попеченіе о Церквахъ. А далъ-ли господство? Послушай его самого: *„не господствуйте надъ наслѣдіемъ* (Божіимъ), *но подавайте примѣръ стаду*" (I Пет., 5,3). А чтобы ты не подумалъ, будто онъ говоритъ это по смиренію, а не по истинѣ, то и Господь говоритъ: *„князья народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ*" (Мат. XX, 25, 26). Очевидно, что господство запрещено апостоламъ. Дерзни же послѣ этого присвоить себѣ господственное апостольство, или апостольское господство, не получишь ни того, ни другого; если же пожелаешь имѣть оба, не получишь обоихъ [1]).

Такія слова осуждаютъ притязанія папъ гораздо болѣе, чѣмъ все, что только можно бы было сказать теперь. Намъ остается замѣтить только, что на Востокѣ названіе патріарха вселенскаго давалось, какъ названіе *почетное*, что съ нимъ не соединялось никакого права верховной власти, что оно равно усвоялось всѣмъ патріархамъ великихъ каѳедръ, разумѣя въ ихъ числѣ и патріарха римскаго. На Востокѣ даже и до сихъ поръ епископы этихъ пяти каѳедръ, какъ древнѣйшіе во вселенской Церкви, извѣстны подъ общимъ названіемъ вселенскихъ патріарховъ.

Папы получили свою власть—какъ духовную, такъ и свѣтскую—вопреки законамъ, или канонамъ церковнымъ.

Каноны вселенскихъ соборовъ древней каѳолической Церкви, до ея раздѣленія, утверждали совершенное равенство *всѣхъ епископовъ*. А тѣмъ епископамъ, которые занимали пять великихъ христіанскихъ каѳедръ, т. е. римскую, константинопольскую, александрійскую, антіохійскую и іерусалимскую, тѣмъ, и притомъ всѣмъ *пяти равно*, эти каноны предоставляли только простое преимущество чести во всей Церкви и только частную власть въ управленіи Церквами, подчиненными ихъ пастырскому надзору. Всѣ притязанія на личное верховное владычество какого-либо епископа въ Церкви и на пользованіе властью свѣтскою были строго воспрещены канонами. Вотъ что касательно этого предмета постановлено шестымъ изъ апостольскихъ правилъ, которымъ слѣдовала древняя Церковь: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не пріемлетъ на себя мірскихъ попеченій. А иначе да будетъ изверженъ отъ священнаго чина".

Вотъ всѣ эти каноны вселенскихъ соборовъ:

Перваго вселенскаго собора, бывшаго въ Никеѣ въ 325 году:

Правило 6: «*Да хранятся древніе обычаи*, принятые въ Египтѣ и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы *александрійскій епископъ* имѣлъ власть надъ всѣми сими. *Понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи*, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества Церквей. Вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто, безъ соизволенія митрополита, поставленъ будетъ епископомъ, о таковомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ. Аще же общее всѣхъ избраніе будетъ благословно и согласно съ правиломъ церковнымъ, но два или три, по собственному любопренію, будутъ оному прекословити, да превозмогаетъ мнѣніе большаго числа избирающихъ».

Правило 7: «Понеже утвердися *обыкновеніе и древнее преданіе*, чтобы чтити епископа, пребывающаго въ Еліи (въ Іерусалимѣ), то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи.

Втораго вселенскаго собора, бывшаго въ Константинополѣ въ 381 году:

Правило 2: «Областные епископы да не простираютъ своея власти на Церкви, за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ Церквей: но, по правиламъ, александрійскій епископъ да управляетъ Церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на Востокѣ, съ сохраненіемъ преимуществъ антіохійской Церкви, правилами никейскими признанныхъ. Не бывъ приглашены, епископы да не переходятъ за предѣлы своея области для рукопо-

---

[1]) In tract. de Considerat. I. I. c. VI Vol I. col. 417, 418, 425. Ed. Paris 1719.

ложенія, или какого-либо другого церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждыя области благоучреждати будетъ *соборъ* тоя же области, какъ опредѣлено въ Никеи...»

Правило 3: «*Константинопольскій* епископъ да имѣетъ *преимущество чести по римскому епископу, потому что градъ оный есть новый Римъ*».

Третьяго вселенскаго собора, бывшаго въ Ефесѣ въ 431 году:

Правило 8: «Дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ св. апостолъ, нововодимое и посягающее на свободу всѣхъ, возвѣстилъ боголюбезнѣйшій епископъ Ригинъ, и сущіе съ нимъ благоговѣйнѣйшіе епископы кипрскія области Зинонъ и Евагрій. Чего ради, понеже общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачества, яко большій вредъ приносящія и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы епископъ града *Антіохіи* совершалъ постановленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ кипрскихъ Церквахъ да имѣютъ свободу безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ св. отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. *То же да соблюдается и въ иныхъ областяхъ и повсюду въ епархіяхъ; дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію*, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную: *да не преступаются правила отецъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія*: и да не утратимъ, по-малу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ кровью Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ; Итакъ, святому и вселенскому собору угодно, чтобы *всякая епархія* сохраняла, въ чистотѣ и безъ стѣсненія, *сначала принадлежащія ей права, по обычаю, издревле утвердившемуся*. Каждый митрополитъ, для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взять списокъ съ сего постановленія. *Аще же кто предложитъ постановленіе, противное тому, что нынѣ опредѣлено: угодно всему святому и вселенскому собору, да будетъ оно недѣйствительно*».

Четвертаго вселенскаго собора, бывшаго въ Халкидонѣ въ 451 году:

Правило 28: «Во всемъ послѣдуя *опредѣленіямъ св. отецъ*, и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Θеодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ (II всел. соб. пр. 3), то же самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія Церкви того же Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима *отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима*, праведно разсудивъ, да градъ, *получившій честь быть градомъ царя и синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ вторымъ по немъ*. Посему токмо митрополиты областей понтійскія, ассійскія и θракійскія и такожде епископы у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія константинопольскія Церкви: сирѣчь каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ *епископами области*, должны поставляти епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласно (соборнаго) по обычаю избранія, и по представленіи ему онаго».

Шестого вселенскаго собора, бывшаго въ Константинополѣ въ 691 году:

Правило 36: «Возобновляя *законоположенное ста пятьюдесятью святыми отцами*, собравшимися въ семъ богохранимомъ и царственномъ градѣ (II всел. соб. пр. 3) и шестьсотъ тридесятью, собравшимися въ Халкидонѣ (IV всел. соб. пр. 28), опредѣляемъ, да имѣетъ престолъ константинопольскій *равныя* преимущества съ престоломъ древняго Рима, и, якоже сей, да возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ: послѣ же онаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антіохійскій, а за симъ престолъ града Іерусалима».

Всѣ приведенные нами каноны вселенскихъ соборовъ самымъ положительнымъ, непререкаемымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ: 1) что всѣ пять великихъ патріарховъ имѣли совершенно равныя права и преимущества, каждый въ своемъ патріархатѣ. 2) Ихъ власть ни въ какомъ случаѣ не простиралась на всю вселенскую Церковь, а была власть частная, ограниченная, съ одной стороны, предѣлами извѣстнаго патріархата, а съ другой—соборами, которымъ они были вполнѣ подчинены. 3) Во вселенской Церкви они пользовались только первенствомъ чести предъ другими епископами. 4) Всѣ ихъ особенныя права и преимущества, какъ власти, такъ и чести, утверждались не на правѣ

божественномъ, равнымъ образомъ и не на томъ основаніи, что ихъ каѳедры учреждены были апостолами, а просто единственно только на гражданской или политической важности тѣхъ городовъ, въ которыхъ они епископствовали. Въ этомъ случаѣ достоинства и преимущества патріарховъ (равно какъ и митрополитовъ) вполнѣ соотвѣтствовали достоинству и гражданскимъ преимуществамъ ихъ каѳедральныхъ городовъ,—возрастала честь послѣднихъ, увеличивалась вмѣстѣ съ этимъ и честь первыхъ. Въ римской имперіи было три главнѣйшихъ города: Римъ—постоянная столица императоровъ на западѣ, Антіохія—временная на востокѣ и Александрія—на югѣ. Вотъ потому-то и епископы этихъ городовъ издревле пользовались преимущественною предъ другими и властью, и честью. Впослѣдствіи Константинополь, подобно Риму, сдѣлался также постоянною, второю по важности, столицею императора и названъ былъ новымъ Римомъ; сюда перемѣщенъ былъ императорскій дворъ и сенатъ. По этой причинѣ и константинопольская каѳедра сдѣлалась патріаршею и, несмотря на болѣе позднее свое основаніе въ средѣ другихъ патріаршихъ каѳедръ, она, однако-жъ, получила первенство чести надъ древними апостольскими каѳедрами: александрійскою, антіохійскою и іерусалимскою и стала въ порядкѣ чести во вселенской Церкви второю послѣ римской. Изъ всѣхъ пяти великихъ патріарховъ одинъ только іерусалимскій удостоенъ былъ особенныхъ правъ и преимуществъ, именно за религіозное, а не за гражданское значеніе своего каѳедральнаго города, въ которомъ умеръ и погребенъ Божественный Спаситель міра, гдѣ христіанская Церковь получила первоначальное свое основаніе и откуда она распространилась во всѣ концы міра. 5) Соотвѣтственно гражданской или политической важности патріаршихъ каѳедральныхъ городовъ, первенство чести во вселенской Церкви прежде всѣхъ предоставлено было епископу римскому, за нимъ слѣдовалъ епископъ константинопольскій, далѣе александрійскій, потомъ антіохійскій и, наконецъ, іерусалимскій. 6) Особенными правами и преимуществами первоначально почтены были великіе патріархи именно отцами Церкви, а не Іисусомъ Христомъ, не апостолами, ни даже гражданскою властью. Послѣдняя только подтвердила, или, вѣрнѣе, признала постановленія отцовъ касательно этого предмета, дала имъ силу гражданскихъ законовъ. Такъ, напр., говорится въ новеллѣ императора Юстиніана: „*согласно съ опредѣленіями св. соборовъ* постановляемъ, чтобы святѣйшій папа древняго Рима былъ первымъ изъ всѣхъ священниковъ, а блаженный архіепископъ Константинополя, новаго Рима, занималъ второе мѣсто послѣ престола древняго (Рима) но имѣлъ предпочтеніе предъ прочими“ (Nov. 131. Vol. Nov. Justin. Ed. Norembergae 1531, p. 197). Наконецъ, 7) при существованіи пяти великихъ патріарховъ были еще въ древности и Церкви, совершенно независимыя отъ нихъ, напр., кипрская и африканская.

Какъ все это противорѣчитъ главенству папы!

Если отъ каноновъ мы обратимся еще къ исторіи вселенскихъ соборовъ, то найдемъ и тамъ безчисленное множество фактовъ, которые рѣшительно ниспровергаютъ ученіе о папскомъ главенствѣ. Такъ, напр., латиняне утверждаютъ, что вселенскіе соборы должны быть созываемы властью именно папы, какъ главы Церкви, что онъ именно долженъ предсѣдательствовать на нихъ или лично, или чрезъ своихъ легатовъ, и что власть папы выше вселенскихъ соборовъ. А между тѣмъ, исторія вселенскихъ соборовъ вотъ что говоритъ: 1) всѣ вселенскіе соборы были созываемы не властью папы, а властью императоровъ, по просьбѣ многихъ епископовъ. 2) На нѣкоторыхъ вселенскихъ соборахъ (на второмъ и пятомъ) папы не только не предсѣдательствовали, но даже и не присутствовали, ни лично, ни чрезъ своихъ легатовъ. 3) Четвертый вселенскій соборъ былъ *первый*, на которомъ предсѣдательствовалъ папа чрезъ своихъ легатовъ. 4) Предварительныя папскія осужденія еретиковъ (напр., осужденіе папою Целестиномъ—Несторія и св. Львомъ—Евтихія) и вообще папскія дѣйствія не просто принимались на вселенскихъ соборахъ къ руководству, какъ совершившійся фактъ, законъ, но сначала разсматривались, обсуждались и потомъ уже утверждались, и то не иначе, какъ только въ томъ случаѣ,

когда они были вполнѣ согласны съ Словомъ Божіимъ и ученіемъ отцовъ и соборовъ. 5) Вселенскіе соборы не разъ совершали такія дѣйствія и постановляли такіе каноны, противъ которыхъ рѣшительно возставали папы. Припомнимъ избраніе вторымъ вселенскимъ соборомъ константинопольскаго патріарха вторымъ послѣ римскаго, вопреки папѣ св. Льву. 6) Вселенскіе соборы не только не признавали надъ собою никакой власти папы, но, напротивъ еще, въ случаѣ заблужденія папы, осуждали и даже отлучали его такъ же, какъ и всякаго другого члена Церкви. Такъ, на пятомъ вселенскомъ соборѣ осужденъ былъ папа Вигилій за ересь, отъ которой онъ потомъ отказался, а на шестомъ вселенскомъ соборѣ папа Гонорій преданъ былъ анаѳемѣ, какъ монофелитъ. Неправда-ли, какъ все это согласно съ ученіемъ о папскомъ главенствѣ!? Какую твердую почву для него представляетъ исторія!

Мало того, что, по канонамъ, епископы и вообще клирики сами не должны были домогаться свѣтской власти,—они не могли безнаказанно и обращаться къ пособію свѣтскихъ властей для достиженія какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей, напр., для своего избранія. „Аще который епископъ,—говорится въ 30 апостольскомъ правилѣ,—мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ Церкви власть: да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ“. Или еще: „всякое избраніе въ епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недѣйствительно, по правилу (вышеприведенному апостольскому). Ибо имѣющійся произвестися во епископы долженъ избираемъ быть отъ епископовъ“... (VII всел. соб. пр. 3).

Папы сами торжественно признавали свою обязанность уважать эти правила, признавали ее въ присягѣ, которую давали въ день своего посвященія. Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, они принимали на себя свѣтское управленіе римскими областями. Что же это такое? Одно изъ двухъ: или то, что присяга ихъ была недостойною комедіею, или же, скорѣе, то, что по канонамъ, въ соблюденіи которыхъ клялись, они не имѣли никакого права заниматься свѣтскимъ управленіемъ.

И пусть бы еще они употребляли эту власть на благо, пусть бы пользовались ею истинно по-христіански! Но нѣтъ. Ихъ правленіе было только непрерывнымъ рядомъ всякаго рода неправдъ, оно дошло, наконецъ, до того, что стало невыносимо для самихъ кардиналовъ.

По смерти Климента VI, въ 1352 году, кардиналы, собравшись въ конклавъ, для избранія новаго папы, торжественно заявили, что положеніе ихъ сдѣлалось невыносимымъ, по причинѣ неограниченнаго самовластія папъ. А потому, не приступая еще къ избранію, они какъ въ интересахъ Церкви, такъ и въ своихъ собственныхъ, составили много правилъ противъ злоупотребленій первосвященническаго двора и вслѣдъ за тѣмъ поклялись соблюдать эти правила, если бы кто-либо изъ нихъ былъ удостоенъ святого престола. Иннокентій IV былъ избранъ. Но лишь только онъ взошелъ на престолъ, какъ поспѣшилъ отмѣнить эти правила своею буллою отъ 30 іюня 1352 года. Въ ней говорится: „писаніе, о которомъ идетъ рѣчь, наноситъ ущербъ *полнотѣ* власти, такъ какъ оно стремится *ограничить ее извѣстными правилами*; а между тѣмъ, эту власть даровалъ Самъ Богъ, *Своими собственными устами и одному только папѣ* [1]).

При избраніи Пія II въ 1458 году и Иннокентія VIII въ 1484 году, кардиналы опять прибѣгали къ тѣмъ же самымъ предосторожностямъ, но результаты были одинаково безуспѣшны [2]).

Что же отсюда слѣдуетъ? Именно то, что всѣ папы, прежде своего избранія, пока состояли членами куріи, сами осуждали и крайности своего деспотизма, и несправедливое присвоеніе ими власти, и осуждали это самымъ явнымъ образомъ.

---

[1]) Fleury, liv. XCVI, ch. 14, 17.

[2]) Ibid., liv. CIII, ch. 45; liv. CIV, ch. 6.

Съ цѣлью ограничить папскій деспотизмъ и противодѣйствовать ему, соборъ констанцскій, почитаемый въ Церкви латинской, какъ *вселенскій*, обнародовалъ въ 1414 году слѣдующія опредѣленія:

Въ четвертомъ засѣданіи: этотъ св. соборъ объявляетъ, что онъ, какъ соборъ вселенскій, представляющій собою всю Церковь каѳолическую, получилъ свою власть непосредственно отъ Іисуса Христа, и что всякій человѣкъ, какого бы онъ сана и чина ни былъ, хотя бы *даже и самъ папа*, всякій обязанъ повиноваться ему въ томъ, что касается вѣры и всеобщаго преобразованія Церкви и въ главѣ ея, и въ членахъ [1]). Все, что только папа Іоаннъ XXIII сдѣлалъ противъ этого собора, все это да будетъ ничтожно и недѣйствительно; равнымъ образомъ и все то, что онъ сдѣлалъ послѣ своего удаленія отъ должности и отмѣнено властью собора [2]).

Въ двѣнадцатомъ засѣданіи папа былъ осужденъ и низложенъ.

Въ тридцать девятомъ засѣданіи была составлена новая форма исповѣданія вѣры, которую на будущее время папы должны были давать тотчасъ же послѣ своего избранія.

Вотъ эта форма:

„Я объявляю, что содержу и во всю жизнь буду содержать вѣру каѳолическую *по преданіямъ апостоловъ* и другихъ св. отцовъ, особенно же по опредѣленіямъ осьми вселенскихъ соборовъ, именно: никейскаго, константинопольскаго, ефесскаго, халкидонскаго, пятаго и шестого константинопольскихъ, седьмого—второго никейскаго и осьмого—также константинопольскаго; равно и соборовъ: латеранскаго, ліонскаго и вѣнскаго. Я обѣщаюсь хранить эту вѣру ненарушимо даже до малѣйшей іоты. Я буду также во всемъ сохранять чинъ совершенія таинствъ, слѣдуя преданію Церкви“ [3]).

Соборъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ постановилъ въ числѣ своихъ опредѣленій знаменитую главу *Frequens*, въ которой сказано, что черезъ каждыя 10 лѣтъ папы должны созывать вселенскіе соборы, что папа, который откажется отъ созванія собора въ свое время и не явится туда лично въ продолженіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ послѣ его открытія, самымъ уже этимъ поступкомъ будетъ отрѣшенъ отъ своей должности, а если онъ будетъ упорствовать еще два мѣсяца, то соборъ можетъ лишить его и самаго сана [4]).

Всѣ епископы латинскіе признавали, значитъ, въ началѣ XV столѣтія, необходимость напоминать папамъ церковные законы и ставить ихъ въ невозможность нарушать эти законы. Но развѣ были бы необходимы такія предосторожности, если бы папы всегда соблюдали каноны?

---

[1]) Вопросъ о томъ, соборъ-ли выше папы, или папа выше собора, въ первый разъ возникъ въ римской Церкви около 1400 года, по случаю такъ называемаго великаго раскола. Въ одно время явились три папы: Бенедиктъ XIII, Григорій XII и Александръ V; каждый изъ нихъ доказывалъ свою законность, отвергая другихъ и предавая ихъ анаѳемѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и противниковъ, никакъ не хотѣвшихъ уступить другъ другу. Для прекращенія соблазна созванъ былъ въ Пизѣ (1409 г.) многочисленный соборъ, который вмѣстѣ со всѣми государями и вельможами Запада рѣшилъ дѣло въ пользу Александра V. Тогда многіе изъ приверженцевъ Бенедикта и Григорія, не видя никакихъ другихъ средствъ къ законному выигрышу потеряннаго дѣла, прибѣгли къ необычайной до сихъ поръ крайности,—они стали утверждать, что соборъ не можетъ судить папу, что власть папы выше всякаго собора. Это новое и странное ученіе немедленно и единодушно было отвергнуто соборомъ, Бенедиктъ и Григорій снова и рѣшительно осуждены, а вмѣстѣ съ этимъ подтверждены и древніе вселенскіе каноны, по которымъ соборъ есть верховное церковное судилище для всѣхъ лицъ и для самого папы. Александръ V вполнѣ согласился съ такимъ опредѣленіемъ (Кам. Собл. 1851, стр. 128—129) II.

[2]) Fleury, liv. CI, ch. 6, 8.

[3]) Ibid., ch. 40.

[4]) Ibid., liv. CII, ch. 53.

Небезполезно также припомнить, что въ сороковомъ засѣданіи констанцскаго собора было разсужденіе о томъ, что „слѣдовало бы уничтожить званіе кардиналовъ, *какъ безполезное, тягостное и не учрежденное ни апостолами, ни соборами, ни даже на какомъ-либо разумномъ основаніи*“ [1]).

Коллегія кардиналовъ составляетъ древнюю курію Ромы, и она составляетъ все зло въ папствѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ констанцскаго собора, былъ созванъ другой соборъ— базельскій въ 1431 году. На немъ постановлены слѣдующія опредѣленія:

Второе засѣданіе: „Вселенскій соборъ, законно собранный, получаетъ непосредственно отъ Іисуса Христа власть, которой обязанъ повиноваться всякій человѣкъ, самъ даже папа, въ томъ, что касается до пресѣченія раскола и всеобщаго преобразованія Церкви, какъ въ ея главѣ, такъ и въ членахъ. Поэтому соборъ объявляетъ, что если кто-либо откажется повиноваться опредѣленіямъ его, равно какъ и всякаго другого вселенскаго собора, то такой будетъ подвергнутъ эпитиміи и преданъ заслуженному наказанію“ [2]).

Третье засѣданіе: „Соборъ, узнавши, что папа, на основаніи ложныхъ извѣстій, предположилъ его распустить,—а это подвергло бы вѣру опасности и причинило бы большой соблазнъ въ Церкви,—отправилъ къ папѣ пословъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить его отмѣнить распущеніе. Императоръ Сигизмундъ, *какъ представитель власти, которой должно повиноваться, и какъ защитникъ Церкви*, съ своей стороны представилъ ту же просьбу. Но все было напрасно. Поэтому св. соборъ снова и самымъ почтительнѣйшимъ образомъ умоляетъ св. отца нашего папу Евгенія IV обнародовать отмѣну означеннаго распущенія и не поставлять никакого препятствія собору. Напротивъ еще, пусть онъ самъ лично прибудетъ сюда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, которые мы даемъ ему, въ видѣ послѣдней отсрочки. Иначе же, если его святѣйшество оставитъ это безъ удовлетворенія, то св. соборъ самъ позаботится о нуждахъ церковныхъ, какъ внушитъ ему Св. Духъ, и поступитъ на основаніи права божескаго и человѣческаго“ [3]).

Одиннадцатое засѣданіе: подтверждена глава *Frequens* констанцскаго собора, относительно составленія повременныхъ вселенскихъ соборовъ.

Папа струсилъ и покорился. Буллою отъ 1 августа 1433 года отмѣнилъ онъ распущеніе собора и призналъ его, подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы было уничтожено все, что только на немъ постановлено противъ его особы. Папскіе легаты произнесли присягу, *исповѣдуя власть собора выше власти папы*, а затѣмъ приняли участіе въ семнадцатомъ засѣданіи.

Въ отвѣтѣ, который соборъ писалъ имперскимъ курфюрстамъ, ходатайствовавшимъ за папу, читаются такія замѣчательныя слова: „мы должны постараться не допустить, чтобы презирали власть вселенской Церкви. Если уже мы не сдѣлаемъ этого, то кто же другой осмѣлится противорѣчить папѣ, какъ бы дуренъ тотъ ни былъ? А развѣ должно, чтобы всѣ уступали только одному и чтобы все было по его волѣ?“ [4]).

Результаты, которыхъ въ будущемъ опасался соборъ, дѣйствительно произошли. Папы, вмѣсто подчиненія правиламъ Церкви, все болѣе и болѣе начали презирать ихъ.

Папа Евгеній IV призналъ впослѣдствіи власть вселенскихъ соборовъ, какъ она была изложена на соборахъ констанцскомъ и базельскомъ и, въ частности, въ опредѣленіи *Frequens*. Такое признаніе сдѣлано имъ двукратно въ письмахъ къ императору Фридриху и къ имперскимъ курфюрстамъ, въ 1443 и 1446 годахъ.

---

[1]) Fleury, liv. CII, ch. 43.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., ch. 49.
[4]) Ibid., liv. CII, ch. 89.

Папы, впрочемъ, по требованію обстоятельствъ, готовы были соглашаться всегда и на все, чего только хотѣли отъ нихъ. Это, однако-жъ, никогда не препятствовало имъ идти все впередъ и впередъ по пути злоупотребленій и крайностей власти. Неограниченный деспотизмъ ихъ достигъ высшей степени и вся Западная Церковь была въ полномъ ихъ обладаніи въ то время, когда въ 1541 году открылся соборъ тридентинскій, продолжавшійся до 1563 года.

Предъ составленіемъ этого собора папа Павелъ III поручилъ тремъ кардиналамъ написать записку касательно вопросовъ, о которыхъ слѣдовало разсудить для блага Церкви. Записка получила такое заглавіе: „Мнѣніе о церковной реформѣ, изложенное кардиналами, выбранными нашимъ св. отцомъ, папою Павломъ III, написанное по его повелѣнію и представленное его святѣйшеству въ 1538 году“. Вотъ извлеченіе изъ разсказа Флери объ этой запискѣ, главнымъ авторомъ которой былъ ученый и благочестивый кардиналъ Контарини:

„Эти довѣренныя лица (коммиссары) прежде всего благодарятъ Бога за то, что онъ внушилъ папѣ намѣреніе возстановить церковное благочиніе, быстро стремившееся къ своему упадку. Источникъ всѣхъ этихъ золъ они полагаютъ въ крайне странныхъ мнѣніяхъ толпы докторовъ, которые, льстя папамъ, говорили, что имъ позволительно все, чего только хотятъ они. Мнѣніе это—*мнѣніе чудовищное*; *оно открыло дверь симоніи* и продажѣ доходныхъ духовныхъ мѣстъ (бенефицій); оно напрасно прикрывается тѣмъ предлогомъ, что папа, какъ властитель всѣхъ бенефицій, можетъ располагать ими по своей волѣ и что въ этомъ отношеніи онъ никакъ не совершаетъ симоніи. Источникъ этотъ —*источникъ нечистый*; онъ немедленно долженъ быть изсушенъ, такъ какъ изъ него проистекли всѣ эти тяжкія болѣзни, которыя опустошаютъ Церковь Божію и поставляютъ ее въ столь плачевное состояніе, что она сдѣлалась предметомъ посмѣяній и оскорбленій со стороны невѣрныхъ. Такъ какъ ничто столько не опасно, какъ презрѣніе законовъ, то они настаиваютъ на необходимости соблюдать ихъ. Потомъ они входятъ въ подробности злоупотребленій; они жалуются на недостатокъ осторожности и вниманія при избраніи прелатовъ и священниковъ. Возлагаютъ руки,—говорятъ они,—на людей, не имѣющихъ ни познаній, ни добрыхъ нравовъ: такое злоупотребленіе производитъ безчисленное множество соблазновъ, которые подвергаютъ презрѣнію церковное благочиніе и убиваютъ всякое уваженіе къ религіи. Они даютъ понять злоупотребленіе, проистекающее отъ того, что епископы не живутъ въ своихъ епархіяхъ. Кровью Іисуса Христа, искупившаго и освятившаго свою Церковь, они заклинаютъ папу совершенно уничтожить позволеніе и право откупаться у духовника отъ эпитимій и отлученій, которыми епископы поражаютъ дурныхъ священниковъ; потому что никакая *республика*, а тѣмъ болѣе Церковь не можетъ долго существовать, какъ скоро преступленія остаются тамъ ненаказанными. Они говорятъ, затѣмъ, *о симоніи или продажѣ индульгенцій*. Послѣ этого они жалуются на развращеніе нравовъ, господствующее въ Римѣ, между тѣмъ какъ онъ долженъ бы быть образцомъ для всѣхъ другихъ городовъ“ [1]).

Нужно думать, что авторы записки необходимо должны были соблюдать нѣкоторую осторожность въ документѣ, предназначенномъ для самого папы. Значитъ, если они не скрыли злоупотребленій, о которыхъ говорятъ, то очевидно, что этихъ злоупотребленій уже невозможно было отвергать.

По ихъ признанію, легко понять плачевное состояніе, въ которое пришла Церковь. вслѣдствіе папскаго деспотизма.

Церковная реформа была крайне необходима; сами папы сознавали это. Вотъ слова Адріана VI касательно этого предмета.

„Мы знаемъ, что *съ давнихъ поръ вокругъ святого престола совершаются гнусныя край-*

---

[1]) Fleury, liv. CVII, ch. 37.

ности: злоупотребленія и въ предметахъ духовныхъ, и въ пользованіи властью; *все повреждено*: порча распространилась *съ головы до членовъ*, отъ папы до прелатовъ. *Мы всѣ совратились съ пути*; нѣтъ между нами никого, кто бы дѣлалъ добро, да, нѣтъ ни одного такого" [1]).

Къ несчастію для западной Церкви, этотъ добродѣтельный папа только одинъ годъ занималъ римскую каѳедру.

Мы не намѣрены разсказывать о дипломатическихъ интригахъ, которыми, какъ сѣтью, римская курія опутывала епископовъ тридентинскаго собора и которыми были связаны всѣ ихъ разсужденія. Папы предварительно соглашались съ государями и вмѣстѣ съ ними препятствовали рѣшенію самыхъ важныхъ вопросовъ. Вотъ причина, почему этотъ соборъ обращался только къ полумѣрамъ и почему онъ заботливо избѣгалъ всякаго вопроса, который бы могъ возбудить споры. Папа старался давать самыя точныя приказанія, которыя всегда были исполняемы, благодаря тѣмъ сильнымъ вліяніямъ, какими онъ запасся для себя на этомъ соборѣ.

Правда, соборъ не освятилъ ни крайностей свѣтской власти папы, ни даже ея самой. Но въ то же время онъ и не ограничилъ этой власти; онъ разошелся, не рѣшивши вопросовъ, для которыхъ былъ созванъ.

Послѣ этого папы поняли, что они могутъ владычествовать безъ всякаго контроля. Съ тѣхъ же поръ они начали называться и *непогрѣшимыми*.

Не лишнимъ будетъ указать здѣсь, что, не довольствуясь предоставленнымъ римскимъ патріархамъ первенствомъ чести, папы стали послѣ смерти Григорія Великаго именовать себя наивысшими пастырями, намѣстниками св. Петра, намѣстниками Христа и даже Бога, пренебрегая другими святыми патріархами, какъ это было предсказано пророкомъ Даніиломъ: „И будетъ пренебрегать святыми Всевышняго". Кромѣ вышеприведенныхъ титуловъ, папы въ разныя времена присваивали себѣ названія: „святой отецъ",—„вселенскій отецъ",—„его святѣйшество",—„старшій епископъ",—„глава Церкви на землѣ",—„отецъ святого семейства",—„князь апостоловъ",—„отецъ всѣхъ отцовъ",—„офицеръ Христа",—„отецъ и врачъ всѣхъ христіанъ",—„господинъ надъ господами",—„Богъ на землѣ",—„князь земли",—„монархъ земли",—„царь царей",—„непогрѣшимый".

Кардиналъ Беллярминъ въ своемъ сочиненіи „О значеніи соборовъ", кн. II, гл. 16, говоритъ: „Всѣ названія, которыми въ Св. Писаніи надѣленъ Христосъ, законно и справедливо принадлежатъ также и папѣ, изъ чего слѣдуетъ, что этотъ послѣдній есть глава Церкви". Въ главѣ 7 онъ говоритъ о папѣ: „Онъ—Богъ, и потому никто не можетъ судить его". Пятый латеранскій соборъ во Флоренціи и соборъ въ Тридентѣ, составленные изъ истыхъ римско-католиковъ, также ставятъ папу выше вселенскихъ соборовъ и называютъ его „неограниченнымъ монархомъ". Johannes Devotus T. I, кн. 1, тит. 3, § 1, говоритъ: „Власть папы есть епископская, митрополичья, патріаршая и свѣтская; приговоры его ex cathedra (съ престола) непогрѣшимы". Григорій II говоритъ: „Всѣ народы называютъ Петра земнымъ Богомъ". Маркеллъ на одномъ латеранскомъ соборѣ назвалъ папу Юлія „Богомъ на землѣ". Папа Пій VII еще въ 1809 году, провозглашая анаѳему Наполеону, говорилъ: „Мы, недостойные, заступаемъ Бога мира". Епископъ Гренады называетъ его „Богомъ на землѣ, не зависящимъ ни отъ какого собора" [2]).

И нѣтъ конца надменнымъ и безбожнымъ рѣчамъ, которыя говорили папы противъ святыхъ, согласно словамъ пророка: „И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно... и отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущихъ на небѣ". (Откр., XIII, 5, 6).

Апостолъ Павелъ предсказалъ то же самое: „Да не обольститъ васъ никто, никакъ:

[1]) Inst. pro Chieregat, ap. Raynald, t. XI, p. 363.

[2]) Изъ сочиненія Алекс. Кампбеста „Roman. Catholicism."

ибо день тотъ не придетъ, доколѣ не придетъ прежде отступленіе и не откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божьемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога" (2 Өесс., II, 3, 4).

Мученикъ Юстинъ, который жилъ въ другомъ столѣтіи, видѣлъ въ „человѣкѣ грѣха" символъ того же могущества, которое изображено въ „маломъ рогѣ".

Ириней вѣрилъ и училъ тому же. Тертуліанъ, который жилъ въ концѣ второго столѣтія, говоритъ объ этомъ: „Что иное можетъ быть то, что нужно устранить съ дороги, какъ не римская имперія, раздѣлъ которой выдастъ антихриста; и тогда обнаружится „злой".

Златоустъ въ одной изъ своихъ проповѣдей пишетъ объ этомъ предметѣ и говоритъ о томъ, что было причиной непоявленія антихриста ранѣе.

„Когда будетъ сломлено могущество римскаго государства, тогда онъ придетъ, что весьма разумно, такъ какъ никто не можетъ возвыситься, покуда опасеніе передъ этимъ правительствомъ производитъ впечатлѣніе. Только, когда оно будетъ устранено, онъ попытается возсѣсть на освобожденномъ престолѣ и присвоить себѣ всевозможную власть, какъ божескую, такъ и человѣческую".

Нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ убѣдиться, кто это пробовалъ присвоить себѣ всякую человѣческую и божескую власть.

„... въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога" (2 Өесс., II, 4) Никто, однако, не можетъ болѣе удобно засѣдать въ Божьей Святынѣ, и объявить себя Богомъ, чѣмъ это уже сдѣлалъ папа. По своему сану онъ является христіанскимъ епископомъ. То обстоятельство, что онъ возсѣлъ въ Божьей Святынѣ, ясно обозначаетъ, что онъ занялъ свое мѣсто въ христіанской Церкви. Въ ней засѣдаетъ папа, какъ бы Богъ, въ особенности при посвященіи его. Онъ садится на большомъ алтарѣ (mensa) церкви Св. Петра, на красной подушкѣ, дѣлая себѣ изъ алтаря подножіе, и въ такомъ положеніи раздаетъ благословенія; хоръ же ему поетъ: „Тебе, Бога, хвалимъ" (Te Deum).

По поводу этихъ злоупотребленій папъ, уже къ папѣ Николаю I, около 860 г., обращались архіепископы кельнскій и трирскій съ слѣдующими словами: „Желаешь обладать авторитетомъ первосвященника, а поступаешь какъ тиранъ. Подъ внѣшностью пастыря мы чувствуемъ волка. Ты причиняешь вредъ титулу „Отецъ", появляясь въ дѣйствительности какъ Юпитеръ. Будучи слугою всѣхъ слугъ, ты утверждаешь, что ты господинъ всѣхъ господъ" и т. д.

Епископъ Арнульфъ орлеанскій на соборѣ въ Реймсѣ, въ 991 г., сказалъ: „Какъ вы думаете, достопочтенные отцы, кто тотъ, который сидитъ тамъ на высокомъ тронѣ, блестя пурпуромъ и золотомъ? Если онъ не имѣетъ любви, а только полонъ знаній и возгордился, въ такомъ случаѣ онъ—антихристъ, который сидитъ въ Божьей Святынѣ и выдаетъ себя за Бога".

Въ 1010 году Arctas въ комментаріяхъ къ Апокалипсису пишетъ: „Антихристъ долженъ появиться послѣ паденія Константина, и городъ тѣхъ, надъ которыми царствуетъ человѣкъ грѣха, будетъ называться Вавилономъ".

О вѣкѣ Григорія VII Авентинъ (Annal., lib. V) выражается, что всѣ набожныя и скромныя сердца знають, что началось царствованіе антихриста; объ этомъ же вѣкѣ говоритъ Петръ Азилій (De tyrann. pont., cap. 3, p. 67): „Во времена Гильдебранда, который названъ Григоріемъ VII, епископъ флорентинскій публично говорилъ, что народился антихристъ. А именно, когда преемникъ Григорія, Пасхалій II, неистовствовалъ противъ Церкви равеннской, то этотъ епископъ публично училъ, что появился антихристъ".

Противъ этого же Пасхалія II возстала также Церковь въ Люттихѣ, въ справед-

ливомъ негодованіи по поводу войны между Генрихами IV и V (1100 г.); она назвала Римъ Вавилономъ и полагала, что Петръ въ пророческомъ вдохновеніи далъ ему это имя, такъ какъ Церковь должна была быть потрясена римскими непорядками. Сильно также горевали о томъ, что папа ведетъ войну противъ Христовой Церкви.

Гонорій изъ Атуна, жившій въ началѣ XII вѣка, между прочимъ говоритъ: „Обрати твой взоръ на обитателей Вавилона... смотри, посреди нихъ стоитъ престолъ князя!“

Въ 1130 г. св. Бернардъ такъ выразился о папѣ Анаклетѣ (epist. 125): „Апокалиптическій звѣрь, которому даны уста, полные богохульства и приказано вести войну со святыми, занимаетъ престолъ Петра и какъ левъ пожираетъ свою добычу“.

Около 1157 г. Іоаннъ изъ Шартра издалъ два трактата: „Objurgatorium cleri“ и „Polycraticum“, въ которыхъ называетъ папу антихристомъ, а Римъ — вавилонскою блудницей. „Въ Римѣ сидятъ книжники и фарисеи и налагаютъ на плечи людей непомѣрныя тяжести. Первосвященникъ является для всѣхъ невыносимою тяжестью, а его легаты такъ бушуютъ, какъ будто бы дьяволъ вырвался изъ образа Божія, чтобы пожрать Церковь“.

Настоятель Іоакимъ изъ Калабріи (около 1200 г.) пишетъ англійскому королю Ричарду: „Антихристъ долженъ былъ явиться, а именно, онъ явился въ Римѣ, сидитъ въ Церкви и возвышается надъ всѣмъ“. Существуютъ также его пророческія изображенія на апокалиптическую тему съ итальянскими объясненіями, полныя обвиненій противъ папы и римскаго духовенства.

На соборѣ въ Регенсбургѣ (1240) Эбергардъ изъ Зальцбурга сказалъ: „Католическіе священники хотятъ сами царствовать! Жажда золота и почестей неутолима. Слуга всѣхъ слугъ хочетъ быть господиномъ всѣхъ господъ, такъ, какъ будто бы онъ былъ Богомъ. Онъ произноситъ великія слова, какъ будто бы былъ Богомъ; онъ измѣняетъ законы, установляетъ свои законы; этотъ человѣкъ, котораго называютъ антихристомъ, на челѣ коего написаны богохульныя слова: „Я — Богъ и не могу ошибаться“, — насилуетъ, грабитъ, разоряетъ, обманываетъ, убиваетъ. Сидитъ онъ въ святынѣ и царствуетъ далеко и широко“.

Одинаково смѣлымъ обличителемъ папства былъ Рупрехтъ изъ Линкольна, защищавшій положеніе, что „папа не поступитъ по правдѣ и справедливости; если же онъ, однако, воюетъ съ ними, то въ такомъ случаѣ онъ хуже Люцифера и антихриста“. Въ одной изъ рѣчей, въ присутствіи Иннокентія IV и его кардиналовъ, онъ говоритъ: „Такъ какъ самымъ важнымъ дѣломъ Христа, ради котораго Онъ пришелъ въ міръ, является оживленіе душъ, а наиважнѣйшимъ дѣломъ сатаны—умерщвленіе тѣхъ же душъ, такъ какъ онъ душегубецъ отъ начала,—поэтому тѣ священники, которые наружно почитаютъ Христа, но не проповѣдуютъ Слова Божія,—хотя бы они къ этому не прибавляли ничего худого,—суть враги Христа и дьяволы, представляющіяся ангелами свѣта, злодѣи и грабители, разбойники и пожиратели овечекъ, дѣлающіе изъ храма притонъ разбойниковъ“.

Около 1260 года Лаврентій Англикусъ, магистръ въ Парижѣ, написалъ два сочиненія противъ духовенства: „Предостереженіе отъ подложныхъ пророковъ“ и „Защита Вильгельма де Сантъ-Аморе“; въ обоихъ онъ доказываетъ, что близко пришествіе антихриста.

Епископъ Пробъ изъ Тула поучалъ (1280) въ одной изъ публичныхъ проповѣдей, что: „Намѣстники сатаны и антихриста посѣяли въ Германіи сѣмя раздора“.

Монахъ Робертъ Галлъ около 1290 г. имѣлъ много видѣній и записалъ таковыя. Въ первой главѣ онъ описываетъ, подъ видомъ змѣи, папу, или антихриста, который возвышается надъ всѣмъ, притѣсняетъ святыхъ и имѣетъ многихъ подложныхъ пророковъ. Въ пятой главѣ онъ называетъ папу божкомъ, даже Богомъ.

Такъ какъ эти голоса гремѣли внутри Церкви, то не удивительно, что вальденцы утверждаютъ въ § 10 основаній своего исповѣданія: „римская Церковь есть апокалиптическій Вавилонъ; папа—источникъ всѣхъ заблужденій и настоящій антихристъ“.

То же самое писали Гергардъ Сезарелли изъ Пармы и Дульцинъ изъ Наварры (1280), вслѣдствіе чего Флацій полагаетъ, что они были согласны съ вальденцами. Также Миличъ изъ Праги (1350) и Джонъ Виклефъ изъ Оксфорда (1380), а вслѣдствіе ученія Виклефа—многіе гусситы. Всѣ эти мнѣнія высказывали римско-католическіе епископы, такъ какъ реформаціи въ то время еще не было.

Къ чехамъ относится также Матѳей изъ Парижа (1380), который написалъ подробную книгу объ антихристѣ, чтобы доказать, что этотъ послѣдній уже явился. Саранчу въ апокалипсисѣ онъ видѣлъ въ льстецахъ, господствующихъ въ Церкви. Онъ называлъ дѣломъ антихриста то, что въ Церкви царятъ басни и выдумки людей, что почитаются подложныя реликвіи, что люди молятся кромѣ Христа разнымъ его замѣстителямъ. Равнымъ образомъ антихристъ толкнулъ на путь заблужденій всѣ университеты и школы, такъ что истиннаго знанія уже не существуетъ. Поэтому истинные христіане призывали: „выходите изъ Вавилона!“. То же самое проповѣдывалъ и докторъ правъ Григорій Геймбюргеръ въ книгѣ „Противъ примаса“ написанной во время базельскаго собора. Онъ называетъ папу и его духовенство Вавилономъ и вавилонскою блудницей и призываетъ, какъ въ апокалипсисѣ, къ свержнію его ярма.

ГЛАВА XIV.

Возвратимся къ исторіи папства. Сыновья папы Адріана схватили его преемника Льва III, завлекли въ ближайшую церковь и пытались выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ, но ему удалось спастись; впослѣдствіи, когда этотъ папа хотѣлъ уничтожить заговоръ, составленный съ цѣлью свергнуть его съ престола,—Римъ сдѣлался ареной бунта, убійствъ и пожаровъ. Его преемникъ Стефанъ V, въ 816 г., былъ позорно вытащенъ изъ города. Смѣнившій его, Пасхалій I былъ обвиненъ въ ослѣпленіи и умерщвленіи двухъ священниковъ въ Латеранскомъ замкѣ; эти дѣла должны были разслѣдовать императорскіе коммиссары, но папа умеръ.

Іоаннъ VIII, сидѣвшій на апостольскомъ престолѣ послѣ папессы Іоанны съ 875 г. [1]), не будучи въ состояніи противостоять мусульманамъ, долженъ былъ платить имъ дань; епископъ же неаполитанскій, находясь съ ними въ тайномъ союзѣ, выговорилъ себѣ нѣкоторую часть этой дани. Іоаннъ отлучилъ его отъ Церкви и не хотѣлъ дать ему отпущеніе грѣховъ, пока онъ не предастъ мусульманскихъ начальниковъ и не убьетъ нѣсколькихъ изъ нихъ. Въ средѣ духовенства составился заговоръ, чтобы умертвить папу; сокровища нѣсколькихъ церквей были захвачены; ворота св. Панкратія были отперты поддѣльными ключами, чтобы впустить сарацинъ въ городъ. Формозъ, замѣшанный въ это дѣло, былъ отлученъ отъ Церкви, какъ заговорщикъ противъ жизни Іоанна.

Такъ описываютъ новѣйшіе историки папства понтификатъ папы Іоанна VIII. Выше же было нами указано, что папскій хроникеръ Мартинъ Поллякъ подразумѣваетъ подъ именемъ Іоанна VIII папессу Іоанну [2]), скончавшуюся во время родовъ, причемъ нами было указано, что позднѣйшіе историки и хроникеры папства старались замять этотъ фактъ, что вызвало большую путаницу въ хроникахъ IX столѣтія.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ хроникахъ его вступленіе на папскій престолъ означено 872 г., такъ какъ къ его папству причислено правленіе Іоанны.

[2]) Chalkokondita (XV вѣка) стр. 160 и Pertz, XXII, 428 (XIII вѣка) прямо говорятъ, что подъ именемъ Іоанна VIII занимала папскій престолъ женщина.

Въ подтвержденіе этого нашего вывода мы укажемъ здѣсь на папскія хроники „Liber Pontificalis", считающіеся самыми обстоятельными и вѣрными, въ которыхъ о папѣ Іоаннѣ VIII совершенно умалчивается. Принимая же во вниманіе, что подлинный экземпляръ „Liber Pontificalis" изъ ватиканской библіотеки исчезъ, а его мѣсто заняли копіи, снятыя въ нѣсколькихъ экземплярахъ, отличающихся одинъ отъ другого въ изложеніи нѣкоторыхъ біографій папъ то очевидно, что эпоха, относящаяся къ понтификату папессы Іоанны была сознательно выкинута переписчиками изъ „Liber Pontificalis".

Въ 891 году вступилъ на папскій престолъ Формозъ; послѣ Формоза въ 898 году занялъ папскій престолъ Бонифацій II, который былъ лишенъ священническаго сана за распутную и безнравственную жизнь. Ему наслѣдовалъ заклятый врагъ Формоза Стефанъ VII, возведенный на престолъ солдатами Сергія. Едва онъ принялъ свой санъ, какъ, обуреваемый неукротимой яростью, приказалъ уничтожить память о Формозѣ, вынуть его тѣло изъ могилы и,—о, позоръ!—принести гнилой трупъ въ соборъ, для того, чтобы лишить его сана и осудить. И этому разложившемуся трупу, одѣтому въ папское облаченье, папа, среди скандала и безобразныхъ криковъ толпы, задаетъ вопросъ: „почему, будучи епископомъ, ты, при посредствѣ честолюбивыхъ усилій, присвоилъ себѣ вселенскую столицу, Римъ?". Велѣвъ вслѣдъ за этимъ снять съ трупа первосвященническую одежду, Стефанъ, побуждаемый чудовищною и безполезною дикостью, приказываетъ отрубить ему три пальца, которыми покойный благословлялъ народъ, наконецъ—отрубить голову и бросить въ Тибръ, лишивъ вмѣстѣ съ тѣмъ сана всѣхъ тѣхъ, которыхъ Формозъ возвысилъ.

Современникъ этихъ событій, лѣтописецъ Луитпрандъ описываетъ этотъ фактъ, какъ случай, который долженъ поразить ужасомъ всѣ вѣка.

Историкъ изъ фульдскаго аббатства говоритъ: „Бонифацію наслѣдуетъ Стефанъ VII, fama infamandus (истинно безчестный), который съ неслыханною жестокостью выкапываетъ Формоза изъ могилы". Сигоній указывалъ на этотъ чудовищный фактъ въ актахъ равеннскаго собора, приводя слова, сказанныя Іоанномъ X: „Отмѣняемъ соборъ нашего предшественника Стефана VII, который вырылъ изъ могилы трупъ папы Формоза и учинилъ надъ нимъ мерзости, которыхъ мы никогда не въ состояніи признать".

Долю наказанія Стефанъ понесъ при жизни, такъ какъ, посаженный въ тюрьму, былъ въ ней задушенъ.

Въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 896 г. по 900 г., было посвящено пять папъ, одинъ хуже другого.

На этомъ основаніи Варѳоломей Платина (Сакки) говоритъ, что „папы, по крайней мѣрѣ имѣли то достоинство, что обыкновенно жили недолго, что Богъ скоро свергалъ ихъ съ поверхности земли".

Левъ V, который вступилъ на престолъ въ 904 году, черезъ два неполныхъ мѣсяца былъ заключенъ въ тюрьму однимъ изъ своихъ капеллановъ Христофоромъ, который (какъ непогрѣшимый) присвоилъ себѣ его мѣсто и, въ свою очередь, былъ вскорѣ выгнанъ изъ Рима Сергіемъ III, похитившимъ папское достоинство (какъ намѣстникъ Христа) въ 905 г., при помощи вооруженной силы. Этотъ человѣкъ жилъ въ преступной связи со знаменитой гетерой Ѳеодорой, которая вмѣстѣ со своими дочерьми Марозіей и Ѳеодорой имѣла необычайное вліяніе на слугъ Церкви. Іоаннъ X пользовался любовью Ѳеодоры; она доставила ему сначала равеннское архіепископство, а потомъ, въ 915 г., возвела его въ санъ римскаго папы (непогрѣшимаго) [1].

Іоаннъ X вполнѣ соотвѣтствовалъ духу своего времени: онъ заключилъ союзъ, который спасъ Римъ отъ сарацинскаго покоренія, велъ войны, а міръ удивлялся и восторгался, когда воинственный папа показывался во главѣ своихъ войскъ.

---

[1]) Дрэперъ.

Благодаря расположенію Өеодоры, онъ удержался на папскомъ престолѣ въ теченіе 14 лѣтъ, послѣ чего, вслѣдствіе интригъ ея властолюбивой дочери Марозіи, былъ свергнутъ.

Марозія захватила папу въ Латеранскомъ дворцѣ, убила на его глазахъ его брата Петра; самого же намѣстника Христа заключила въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ умеръ,— какъ утверждали, удушенный подушкой. Два года спустя, въ 931 году, Марозія возвела на папскій престолъ своего сына Іоанна XI. Утверждали, что его отцомъ былъ папа Сергій, хотя она приписывала отцовство своему мужу Альбериху.

Ея другой сынъ, Альберихъ, изъ зависти, къ своему брату Іоанну, заключилъ его вмѣстѣ съ матерью въ тюрьму.

Спустя нѣкоторое время, въ папы былъ избранъ въ 956 году сынъ Альбериха, принявшій имя Іоанна XII; итакъ, Марозія одарила папскій престолъ своимъ сыномъ и внукомъ. Іоанну не было еще 19 лѣтъ, когда онъ сдѣлался такимъ образомъ „непогрѣшимымъ“ главой христіанства. Его управленіе было ознаменовано поступками самой отвратительной („непогрѣшимой“) безнравственности, такъ что императоръ Оттонъ I былъ принужденъ нѣмецкимъ духовенствомъ къ вмѣшательству въ это дѣло. Для суда надъ нимъ былъ созванъ соборъ въ церкви св. Петра, и здѣсь оказалось, что намѣстникъ Христа принималъ подарки за посвященіе епископовъ; что онъ назначилъ кого-то епископомъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ; что надъ кѣмъ-то другимъ совершилъ эту церемонію въ конюшнѣ; былъ обвиненъ въ кровосмѣшеніи съ одной изъ наложницъ своего отца и въ стольнихъ прелюбодѣяніяхъ, что Латеранскій дворецъ сталъ домомъ разврата; выкололъ глаза одному священнику, а другого кастрировалъ (оба умерли отъ нанесенныхъ имъ ранъ); предавался пьянству и играмъ; взывалъ къ Юпитеру и Венерѣ.— Вызванный къ явкѣ и дачѣ объясненій предъ соборомъ, онъ велѣлъ отвѣтить, что „пошелъ на охоту“, отцамъ же, докладывавшимъ ему, грозно отвѣтилъ, что „Іуда, такъ же, какъ и другіе ученики, получилъ отъ Учителя власть связывать и разрѣшать, но съ момента, когда оказался измѣнникомъ общему дѣлу онъ сохранилъ только власть связывать собственную спину“. Потомъ онъ былъ лишенъ сана, а на его мѣсто былъ избранъ въ 963 году Левъ VIII; однако, позже, вновь пріобрѣтя перевѣсъ, онъ схватилъ своихъ противниковъ и одному изъ нихъ отрубилъ руку, другимъ же — носъ, пальцы или языкъ. Конецъ его („непогрѣшимой“) жизни положилъ одинъ мужъ за обольщеніе жены.

Послѣ такихъ подробностей нравственной жизни „непогрѣшимыхъ“ и именующихъ себя „вселенскими“ папъ нѣтъ особенной надобности обращаться къ хроникамъ, описывающимъ дѣятельность позднѣйшихъ папъ, и разсказывать, какъ Іоаннъ XIII былъ задушенъ въ тюрьмѣ; что Бонифацій VII заключилъ въ тюрьму Бенедикта VII и уморилъ его голодомъ; что Іоаннъ XIV былъ тайно замученъ въ укрѣпленіяхъ замка Св. Ангела; что тѣло Бонифація чернь волочила по улицамъ.

Не только чувство уваженія къ высшему священнику, но даже чувство жалости угасло для него въ Римѣ.

Во всей Европѣ духовенство до такой степени возмущалось, что, подъ вліяніемъ негодованія, оно стало съ явной симпатіей относиться къ проекту императора Оттона лишить Италію привилегіи назначенія папъ и присвоить этотъ санъ одному изъ членовъ императорской семьи. Но родственникъ Оттона, Григорій V, котораго тотъ посадилъ на папскій престолъ, былъ очень скоро принужденъ римлянами, а особенно ихъ духовенствомъ, къ бѣгству; надъ его проклятіями и религіозными громами они смѣялись, такъ какъ, сидя сами за кулисами, отлично знали свойство этихъ угрозъ. Ужасное наказаніе ожидало за это антипапу Іоанна XVI: Оттонъ вернулся въ Италію, схватилъ его, выкололъ ему глаза, обрѣзалъ носъ и языкъ, велѣлъ провезти его по улицамъ на ослѣ, лицомъ къ хвосту, съ мѣхомъ отъ вина на головѣ.

Казалось уже невозможнымъ, чтобы могло случиться что-либо еще худшее: однако, Риму предстояло еще увидѣть въ 1033 г. Бенедикта IX, не сполна 12-лѣтняго мальчика, возведеннаго на апостольскій престолъ. Относительно этого папы одинъ изъ его преемниковъ, Викторъ III, объявилъ, что жизнь Бенедикта была такъ безстыдна, такъ грязна, такъ отвратительна, что ему противно ее описывать.

Онъ правилъ скорѣе какъ предводитель разбойниковъ, нежели какъ прелатъ. Наконецъ, народъ, не будучи уже въ состояніи переносить, прелюбодѣянія, убійства и распутство этого мальчишки, возсталъ противъ него. Усомнившись въ возможности удержаться на своемъ посту, Бенедиктъ выставилъ папское достоинство на аукціонъ! Оно было пріобрѣтено какимъ-то пресвитеромъ Іоанномъ, который въ 1045 г. принялъ имя Григорія VI [1]).

Жаль, что авторъ не упоминаетъ, за какую цѣну были куплены намѣстничество Христа и непогрѣшимость. Св. отецъ Бенедиктъ IV управлялъ римско-католическою Церковью 12 лѣтъ.

Въ 1406 году, послѣ продажи Бенедиктомъ IX папскаго престола Григорію IV, и когда, какъ мы уже говорили, управляли церковью трое папъ, Генрихъ III явился въ Италію съ цѣлью упорядоченія папства. Въ Сутрѣ къ собравшимся римскимъ вельможамъ онъ обратился съ слѣдующею рѣчью: „Какъ бы безразсудны ни были доселѣ ваши поступки, я, однако, по старому обычаю, дарую вамъ свободу папскихъ выборовъ; изберите себѣ изъ этого собранія въ папы кого хотите“. Обрабованные римляне отвѣчали: „Гдѣ присутствуетъ ваше императорское величество, тамъ не подобаетъ намъ производить избраніе; тамъ же, гдѣ вы отсутствуете, тамъ да будете вы представляемы вашимъ патриціемъ, ибо по дѣламъ республики онъ есть патрицій не папы, но императора. Мы каемся, что были слишкомъ безразсудны, выбирая въ папы идіотовъ. Вашей императорской власти подобаетъ даровать римской республикѣ благодѣяніе законовъ, очищеніе нравовъ, Церкви же—опору и защитника“. Тогда Генрихъ возвелъ на папскій престолъ епископа бамбергскаго, Климента II.

Но курія римская не дремала. Нѣмецкій папа, признающій надъ собою верховныя права нѣмецкаго же императора, былъ для нея неудобенъ, и при помощи прежняго папы, Бенедикта, она поспѣшила отъ него избавиться: Климентъ внезапно умеръ 9 октября 1047 года, Бенедиктъ же опять занялъ папскій престолъ. Узнавъ объ этомъ, Генрихъ III назначилъ папой епископа Поппо бриксенскаго, именуемаго Дамасомъ II. Окруженный воинами, онъ явился въ Римъ, прогналъ Бенедикта и 17 іюля 1048 года занялъ папскій престолъ. Но и этотъ папа не понравился римской куріи и спустя 23 дня послѣ восшествія на папскій престолъ онъ былъ отравленъ и скончался 8 августа 1848 года. На его мѣсто былъ назначенъ епископъ тулскій подъ именемъ Льва IX. Явился онъ въ Римъ безъ всякой свиты, босоногій и молящійся, какъ бы въ видѣ, странника, стучащагося въ дверь, чтобы вопросить римлянъ, желаютъ-ли они принять его, Христовымъ именемъ, въ папы. Его сопровождалъ, однако, одинъ человѣкъ, болѣе цѣнный, чѣмъ императорская власть и могущество, неизвѣстный еще міру геній, могучій членъ римской куріи, закутанный въ скромныя монашескія клюнійскія одежды. То былъ Гильдебрандъ, капелланъ изгнаннаго Григорія VI. По его настоянію, Бруно тулскій одѣлся въ одежду пилигрима и объявилъ себя согласнымъ взойти на папскій престолъ не иначе, какъ по каноническому избранію въ Римѣ. Подготовленные Гильдебрандомъ римляне встрѣтили пилигрима-чужестранца процессіями у Леонинскихъ воротъ. Онъ сказалъ имъ у Св. Петра, что былъ предназначенъ императомъ въ папы, но что вернется назадъ въ свое епископство, если санъ этотъ не будетъ врученъ ему единогласнымъ выборомъ народа. Подобное избраніе могло быть лишь призрачнымъ.

---

[1]) Дрэперъ.

но публично высказанный имъ принципъ моментально покорилъ ему народъ. Требуя соизволенія римлянъ, онъ тѣмъ самымъ, казалось, осуждалъ императорскую диктатуру и непрестаннымъ стремленіемъ Церкви сдѣлалъ отнынѣ—завоеваніе свободы папскихъ выборовъ.

Сдѣлавшись папой, нѣмецкій епископъ былъ сразу пораженъ и возмущенъ нескрываемымъ развратомъ римскаго клира. Подробности этого разврата сообщилъ ему праведникъ того времени, Пиръ Даміани, описавшій преступленія тогдашняго римскаго клира въ книгѣ „Гоморріанусъ", въ которой, изложивъ съ достохвальнымъ самоотверженіемъ, но зато и съ отвратительною реальностью, *четыреобразныя* противоестественныя преступленія духовенства, посвятилъ ее самому Льву IX. Всѣ современники самыми мрачными красками рисуютъ безнравственность клира въ роскошномъ Миланѣ и въ одичаломъ Римѣ. Ваалъ Содома и Гоморры едва-ли былъ бы опаснѣе для Церкви, чѣмъ Симонъ Волхвъ, ибо послѣдній отдалъ клиръ въ руки свѣтскихъ властей, отъ которыхъ тотъ покупалъ свои мѣста.

Въ эту эпоху производили торгъ почти всѣми доходными церковными должностями. Знатныя фамиліи вступали во владѣніе ими, за деньги сажали своихъ сыновей или родственниковъ; церковныя должности, начиная съ чтеца до самаго кардинала-епископа продавались дороже платившимъ, пока, наконецъ, и самое папство было сдано въ аренду за ежегодную ренту. Въ виду этого Левъ IX созвалъ въ 1049 г. соборъ, на которомъ былъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи изъ клира безнравственнаго духовенства и объ установленіи для него болѣе строгихъ правилъ. Но здѣсь выяснилось, что римскія церкви останутся вовсе безъ священниковъ, если папа станетъ относиться къ нимъ со всею строгостью; римская же курія прямо воспротивилась предложеніямъ Льва IX, находя вполнѣ достаточнымъ для духовенства сохраненіе внѣшняго приличія и нравственности, вмѣшиваться же въ домашнюю жизнь духовнаго лица курія признала неудобнымъ, чѣмъ принудила папу къ осторожности и мягкости. Но все-таки нѣкоторые епископы и клирики, проявлявшіе публично самое наглое безпутство и разнузданность, были извержены изъ сана, и то благодаря лишь Гильдебранду, сознавшему необходимость реформъ какъ вообще въ духовенствѣ, такъ и въ самой куріи, многіе члены которой все еще оставались болѣе язычниками, чѣмъ христіанами.

Таково было состояніе Рима послѣ отдѣленія его отъ каѳолической Церкви. Историкъ, можетъ быть, съ омерзеніемъ отброситъ тогдашнія хроники; можетъ быть, сердце христіанина заболитъ при видѣ такого множества позорныхъ преступленій; каждый, навѣрно, спроситъ: неужели въ дѣйствительности были намѣстниками Бога на землѣ, тѣ люди, которые поистинѣ дошли до предѣла, котораго не въ состояніи превзойти даже крайнія усилія человѣческой подлости? Оказывается, какъ мы увидимъ, что невозможное для грѣшныхъ смертныхъ возможно для непогрѣшимыхъ папъ.

Предвидя отпаденіе Рима отъ единой православной Церкви, св. апостолъ Іуда въ соборномъ посланіи (I, 17—19) говоритъ:

17) Но вы, возлюбленные, помните предсказанное апостолами Господа нашего Іисуса Христа.

18) Они говорили вамъ, что въ послѣднее время появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ.

19) Это люди, отдѣляющіе себя (отъ единства вѣры), душевные, не имѣющіе духа.

Каждый, кто слѣдилъ за развитіемъ духовной власти на Западѣ, долженъ былъ замѣтить, что эта власть всецѣло зависѣла отъ человѣческихъ дѣйствій и даже слишкомъ часто—отъ людскихъ страстей и интригъ; что ей не хватало вполнѣ признаковъ Божескаго управленія и опеки—это было произведеніе людей, а не Бога, и потому носило на себѣ печать человѣческихъ страстей и грѣховъ.

Христіанскій народъ уже не ожидалъ полученія дара вѣчной жизни какъ милости

живого и святого Бога. Для пріобрѣтенія этого нужно было употребить всѣ тѣ средства, которыя выдумало воображеніе суевѣрныхъ, боязливыхъ и охваченныхъ тревогою людей. Миконій, который много лѣтъ былъ монахомъ, а потомъ сталъ сотрудникомъ Лютера, объясняя причины своего присоединенія къ нему, между прочимъ, говоритъ: „На муку и заслуги Христовы смотрѣли какъ на настоящую басню или разсказы Гомера.

„О вѣрѣ, при посредствѣ которой мы пріобрѣтаемъ Христову справедливость и наслѣдіе вѣчной жизни, уже не было и рѣчи. Христосъ считался суровымъ судьей, готовымъ осудить всѣхъ, которые не прибѣгали къ заступничеству святыхъ или къ папскимъ отпущеніямъ. На Его мѣстѣ стали другія посредники, число которыхъ папы все больше увеличивали. Эти же посредники только въ томъ случаѣ вступались за людей, если для учрежденныхъ ими монашескихъ орденовъ предназначались крупныя пожертвованія.

„Тогда нужно было дѣлать не то, что приказываетъ Богъ въ Своемъ словѣ, но то, что выдумали монахи и духовенство, а именно дѣянія, приносящія монастырямъ наибольшія прибыли.

„Къ этому относилось произнесеніе молитвъ къ святой Урсулѣ и святой Бригиттѣ. Нужно было и днемъ, и ночью пѣть и кричать. Святыхъ мѣстъ, куда ходили на поклоненіе, было, говоря вообще, столько, сколько долинъ и холмовъ въ мірѣ.

„Но за деньги можно было освободиться отъ этого покаянія.

„Нужно было только принести священникамъ и монастырямъ побольше денегъ или другихъ вещей, имѣющихъ цѣнность, какъ-то: цыплятъ, яицъ, гусей, утокъ, воску, соломы, сыру, масла и т. п. Потомъ возобновлялось пѣніе, звонили колокола, кадила наполняли церковь благоуханіемъ, приносились жертвы за кающихся грѣшниковъ. Кухни и погреба духовенства были наполнены приношеніями за совершаемыя въ церкви требы.

„Всѣ утверждали, что папа замѣщаетъ Бога что онъ непогрѣшимъ и не терпѣли противныхъ мнѣній.

„Монастыри и церкви были переполнены чудесными предметами. Въ церкви Всѣхъ Святыхъ въ Виттенбергѣ показывали кусокъ Ноева ковчега, немного сажи изъ огненной печи, въ которую были ввержены три ветхозавѣтныхъ мужа, кусочекъ дерева изъ яслей Іисуса, нѣсколько волосковъ изъ бороды великаго Христофора и 19,000 другихъ предметовъ большей или меньшей важности. Въ городѣ Шафгаузенѣ показывали предсмертный вздохъ св. Іосифа, сохраняющійся въ перчаткѣ св. Никодима. Въ Виртембергѣ появился торговецъ, который, продавая индульгенціи, носилъ на головѣ большое перо, будто бы происходящее изъ крыла архангела Михаила. Въ различныхъ мѣстахъ показывались монеты, которыя волхвы принесли Спасителю, часть бороды Ноя, волосъ изъ бороды Спасителя, принесенный однимъ благочестивымъ графомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывались такія вещи, какъ дѣтскій зубъ Христа, или молоко Пресвятой Маріи; камень, который дьяволъ предлагалъ Спасителю для превращенія его въ хлѣбъ; показывали даже пометъ того осла, на которомъ Христосъ вступалъ въ Іерусалимъ, пепелъ, на которомъ сидѣлъ Іовъ, кусочекъ глины, изъ которой былъ сотворенъ Адамъ, и т. д.

„Но не нужно было искать этихъ сокровищъ въ далекихъ странахъ; торговцы брали на прокатъ реликвіи отъ владѣльцевъ, ходили съ ними по странѣ, продавали ихъ по деревнямъ, какъ теперь продаютъ Библію, и носили ихъ по домамъ, чтобы уже не подвергать вѣрующихъ издержкамъ и трудамъ хожденія на поклоненіе.

„Съ величайшею пышностью выставляли таковыя въ церквахъ. За взятыя на прокатъ реликвіи торговцы давали большую сумму, выплачивая вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству извѣстный процентъ съ чистой прибыли.

„Такимъ образомъ, не было уже болѣе царства небеснаго; вмѣсто того люди устроили себѣ здѣсь на землѣ позорный торгъ.

„Вслѣдствіе того и въ церковномъ богослуженіи воцарился свѣтскій духъ; самые святые памятники Церкви, торжества и праздники, которые по природѣ своей болѣе всего способны побудить человѣка къ набожности и любви, оскорбляемы были распутными и почти языческими выдумками.

„Не послѣднюю роль въ церковныхъ обрядахъ игралъ такъ называемый „пасхальный смѣхъ". Такъ какъ день воскресенія Христова является днемъ радостнымъ, то проповѣдники не пренебрегали никакимъ средствомъ, которымъ надѣялись разсмѣшить народъ. Въ однихъ мѣстахъ тащили свѣтскаго человѣка, одѣтаго въ одежду монаха, ведя его прямо въ алтарь, въ другихъ—забавляли народъ разсказываніемъ неприличныхъ шутокъ, въ третьихъ—разсказывали народу сочиненную о св. Петрѣ басню, какъ онъ гдѣ-то въ корчмѣ хотѣлъ обмануть хозяина, не заплативъ ему по счету.

„Низшее духовенство пользовалось этими случаями и осмѣивало своихъ начальниковъ. Словомъ, церкви превратились въ балаганы, а духовныя лица стали фиглярами.

„Если съ богослуженіемъ дѣло обстояло такъ, то чего же можно было ожидать въ отношеніи благонравія народа?

„Испорченность нравовъ не была однако всеобщею, признать это требуетъ попросту чувство справедливости. Во время реформаціи рѣзко сказалась въ народѣ немалая доля набожной справедливости и внутренней силы духа. Все это прежде всего слѣдуетъ приписать творческой силѣ Духа Божія, но нельзя отрицать того, что зародышъ этой новой жизни былъ съ самаго начала насажденъ въ лонѣ Церкви тѣмъ же Св. Духомъ. Если бы собрать всю распущенность и всю срамоту, которыя, напримѣръ, имѣютъ мѣсто только въ одной странѣ, то видъ этого зла неизбѣжно наполнилъ бы ужасомъ сердца наши. Но тогдашняя испорченность нравовъ была столь всеобщею, что такого состоянія свѣтъ еще не видалъ. Особенно же въ святыхъ мѣстахъ происходили позорныя вещи, какихъ со временъ реформаціи уже не могли бы произойти.

„Вмѣстѣ съ вѣрой пришла въ упадокъ и добродѣтель. Евангеліе жизни вѣчной, дарованной Богомъ, есть путь къ возрожденію человѣка. Кто отнимаетъ это, Богомъ данное человѣку средство, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ борется противъ приверженности сердца и подвиговъ, которые отсюда возникаютъ. Такъ и случилось. Ученіе объ отпущеніяхъ и продажа ихъ стали для народа немалымъ поощреніемъ ко злу.

„Въ дѣйствительности, по мысли Церкви, отпущенія должны были имѣть силу только тогда, когда человѣкъ далъ обѣщаніе исправиться и исполнилъ его. Но чего-жъ ожидать отъ ученія, которое было выдумано спеціально для увеличенія денежныхъ прибылей? Торгаши, желая продать своего товара какъ можно больше, должны были поддаться соблазну расхваливанія его самымъ соблазнительнымъ и заманчивымъ образомъ. Даже ученые не могли дать себѣ отчета въ ученіи объ отпущеніяхъ. Простой народъ видѣлъ, что отпущенія не мѣшаютъ грѣшить, а продающіе не спѣшили вывести его изъ заблужденія, которое не мало содѣйствовало ихъ предпріятію.

„Сколько преступленій и распущенности встрѣчаемъ мы въ тѣ вѣка, когда за деньги можно было освободиться отъ кары! Чего же тутъ было еще бояться, если даже небольшого пожертвованія на постройку какой либо церкви было достаточно для избавленія человѣка отъ вѣчнаго наказанія? Какъ же было ожидать тутъ обновленія сердца, когда была порвана связь между человѣкомъ и Богомъ, когда человѣкъ, оторванный отъ Бога, этого источника жизни и духа, долженъ былъ искать спасенія единственно въ церемоніяхъ, единственно въ упражненіяхъ, производящихъ сильное впечатлѣніе на чувства, единственно въ могильномъ воздухѣ?

„Хуже всего отразилась испорченность на духовномъ сословіи, ибо оно, думая, что возвышается, сильно пало. Духовенство силилось присвоить себѣ лучъ славы

Божіей и привить его въ своемъ сердцѣ; между тѣмъ, это намѣреніе не удалось, напротивъ,—оно пріобрѣло дурную закваску, которою разъѣло жизнь и сердце. Не разъ люди радовались, что священникъ держалъ наложницу,—потому, по крайней мѣрѣ, замужнія женщины были въ безопасности. Какія неприличныя сцены происходили иногда въ домѣ священниковъ!

„Изъ десятинъ и собранныхъ пожертвованій бѣдняга долженъ былъ содержать мать вмѣстѣ съ дѣтьми. Имѣя обремененную совѣсть, онъ долженъ былъ стыдиться людей, собственной прислуги и Бога.

„Домоправительница, опасаясь нищеты, въ случаѣ смерти ксендза, заранѣе заботилась о себѣ и обкрадывала хозяйство, которымъ управляла. Свою честь она потеряла, дѣти ея были для нея живыми укорами совѣсти! Эти дѣти, встрѣчая отъ всѣхъ людей презрѣніе, предавались разгулу и распутству. Вотъ что происходило въ жилищахъ духовенства, а народъ, смотря на эту распущенность, выводилъ отсюда для себя свои заключенія.

„Испорченность, какъ настоящая зараза, свирѣпствовала преимущественно по деревнямъ; жилища духовенства были подчасъ истинными притонами разврата. Корнелій Адріанъ въ городѣ Брюгге, Тринклеръ, настоятель въ городѣ Каппель, переняли обычаи востока и устроили себѣ гаремы. Священники вмѣстѣ съ подонками простонародья посѣщали кабаки, играли въ кости и участвовали въ пирушкахъ, которыя зачастую оканчивались драками и богохульствомъ.

„Совѣтъ города Шафгаузена воспретилъ духовенству танцы въ публичныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ брачныхъ торжествъ, воспретилъ также ношеніе оружія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ снимать платье со всѣхъ священниковъ, которыхъ застанутъ въ домахъ терпимости.

„Въ Майнцѣ, резиденціи архіепископа, священники, перелѣзая ночью черезъ стѣну, отправлялись въ городъ, шумѣли и развратничали въ кабакахъ и корчмахъ, разбивали замки и выламывали двери.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ священники платили епископу извѣстное вознагражденіе за разрѣшеніе держать наложницъ, платя вмѣстѣ съ тѣмъ налогъ съ каждаго ея ребенка.

„Одинъ нѣмецкій епископъ, какъ сообщаетъ Эразмъ, разсказывалъ какъ-то на общественномъ пиру, что въ продолженіе одного года къ нему обратилось съ вышеупомянутою цѣлью 11,000 священниковъ.

„Вотъ какую картину представлялъ папскій престолъ передъ реформаціей Лютера! Что правда, такъ это то, что рѣдко когда Римъ опошлялся до такой степени, какъ въ это время.

„Родриго Борджа состоялъ въ преступной связи съ нѣкоторой римлянкой; потомъ вступилъ въ такую же связь съ ея дочерью по имени Роза Ваноцца, съ которою прижилъ пятеро дѣтей. Былъ онъ въ то время кардиналомъ-архіепископомъ въ Римѣ. Состоя въ преступной связи съ Ваноццой и одновременно съ нѣсколькими другими женщинами, онъ посѣщалъ, согласно своему званію, церкви и больницы. Въ это время освободился папскій престолъ вслѣдствіе смерти Иннокентія VIII. Борджа вступилъ на тронъ, выплативши каждому изъ кардиналовъ крупную сумму. Четыре тяжело нагруженныхъ деньгами мула пошли во дворецъ кардинала Сфорца, имѣвшаго наибольшее вліяніе. Борджа сталъ папой, принявъ имя Александра VI, и веселился, имѣя открытый доступъ ко всевозможнымъ наслажденіямъ этого міра.

„Въ день своего посвященія папа назначилъ своего 16-тилѣтняго сына Цезаря, извѣстнаго повсюду своею дикою распущенностью, архіепископомъ города Валенціи и епископомъ пампелунскимъ. Затѣмъ онъ отпраздновалъ въ ватиканскомъ дворцѣ свадьбу своей дочери Лукреціи. Въ брачныхъ торжествахъ принимала публичное участіе его

новая наложница Джулія Белла; забавлялись представленіемъ комедіи и пѣніемъ самыхъ неприличныхъ пѣсенъ. „Все духовенство—говоритъ историкъ Инфесура,—содержало наложницъ, а всѣ монастыри столицы были домами разврата". Цезарь Борджа сталъ на сторону гвельфовъ и, побѣдивъ, при ихъ помощи, партію гибеллиновъ, обратился противъ своихъ собственныхъ союзниковъ и побѣдилъ ихъ. Но дѣлиться съ кѣмъ-либо добычей онъ не думалъ".

Позднѣе Александръ вступилъ въ постыдную связь со своею дочерью Лукреціей, которая уже находилась въ кровосмѣсительной связи со своими братьями Цезаремъ и Францискомъ. Выведенный изъ терпѣнія тѣмъ, что сестра чаще принимала Франциска, чѣмъ его [1]), Цезарь рѣшилъ умертвить брата и поступилъ такимъ же образомъ съ мужемъ своей сестры, надѣясь, что тогда она будетъ принадлежать исключительно ему одному.

Старшему сыну, Франциску, Александромъ въ 1497 г. было дано княжество беневентское. Неожиданно князь безслѣдно исчезъ. Торговецъ деревомъ, Георгій Чавони, жившій на берегу Тибра, видѣлъ однажды ночью, какъ бросили въ рѣку трупъ; но такъ какъ подобныя вещи случались почти ежедневно, то онъ и не сказалъ объ этомъ никому. Позже трупъ отыскали—это былъ князь; братъ его Цезарь велѣлъ его умертвить, что произошло за обѣденнымъ столомъ, въ присутствіи матери и сестры, которыя молчали объ этомъ убійствѣ, опасаясь такой же участи. Со своимъ шуриномъ Цезарь поступилъ совершенно открыто: тотъ былъ заколотъ кинжаломъ на лѣстницѣ папскаго дворца. Умирающаго отнесли домой. Жена и сестра князя не отходили отъ его постели и, боясь отравы со стороны Цезаря, сами готовили больному пищу. Папа поставилъ у дверей стражу. Цезарь насмѣхался надъ этими мѣрами предосторожности, и, когда однажды папа пришелъ навѣстить своего зятя, то сказалъ ему: „Что не случилось во время обѣда, то случится во время ужина". Однажды Цезарь ворвался въ жилище своего шурина, вытолкалъ за двери жену и сестру, позвалъ своего капитана Микелетти, который въ его присутствіи и задушилъ выздоравливавшаго князя.

Папа полюбилъ нѣкоего Перота; любовь отца не понравилась Цезарю. Преслѣдуемый имъ Перотъ спрятался подъ папскую мантію Александра, обнимая руками папу. Цезарь пронзилъ свою жертву кинжаломъ, причемъ кровь убитаго забрызгала лицо папы. Тогдашній историкъ, передавая это происшествіе, добавляетъ: „Папа любитъ князя, своего сына, и очень его боится".

Каждое утро на улицахъ Рима находили трупы убитыхъ во время ночи. Кто избѣгалъ кинжала, умиралъ отъ яда. Никто въ Римѣ уже не отваживался возвысить голосъ, изъ опасенія, что и до него дойдетъ очередь.

Архіепископъ Цезарь былъ героемъ преступленій. Мѣстомъ же на землѣ, гдѣ происходилъ такой позоръ, являлся папскій престолъ. Когда человѣкъ отдается власти злого духа, то онъ падаетъ прямо на дно ада, хотя бы воображалъ, что стоитъ высоко предъ Богомъ. Нѣтъ возможности описывать, не оскорбляя чувства приличія, гнусныя забавы, которыя устраивали въ папскомъ дворцѣ папа, его сынъ Цезарь и дочь Лукреція. Ничего подобнаго не происходило даже въ рощахъ, посвященныхъ богамъ.

Убивали богатыхъ, преимущественно принадлежащихъ къ семьѣ Борджа, чтобы сдѣлаться наслѣдниками ихъ имуществъ. Лукреція привлекала своими прелестями, сынъ работалъ кинжаломъ или шпагою, отецъ—„свинскимъ ядомъ".

Папскій историкъ Грегоровіусъ говоритъ: „Они предательски и безъ пощады прибѣгали къ помощи яда и кинжала, устраняли все то, что мѣшало ихъ страстямъ, смѣясь, когда удавалось ихъ дьявольское дѣло".

---

[1]) Guiccardini (lib. III, cap. VI, p. 467). «Impaziente che egli avesse piu parte di lui nell'amare di Lucretia».

Однажды папа собственноручно приготовилъ для одного богатаго кардинала коробку отравленныхъ конфектъ, которыя предполагалось подавать гостямъ по окончаніи обильнаго пиршества, устроеннаго во дворцѣ. Приговоренный къ смерти кардиналъ имѣлъ въ папскомъ дворцѣ подкупленнаго эконома, который предупредилъ его объ этомъ.

Они уговорились поставить эти конфекты въ другой коробкѣ передъ папой. Послѣдній, съѣвъ этихъ конфектъ, умеръ. Весь городъ сбѣжался смотрѣть на него, не будучи въ состояніи насытиться видомъ умершаго злодѣя.

Преступной связи со своей дочерью Лукреціей папа Александръ вовсе не скрывалъ, равно какъ разглашалъ о такой же ея связи съ братомъ Цезаремъ. Историкъ Грегоровіусъ утверждаетъ, что во время своего второго вдовства Лукреція родила сына, котораго выдавала за брата.

Но папа Александръ, насмѣхаясь надъ мнѣніемъ довѣрчивыхъ глупцовъ, открылъ происхожденіе этихъ дѣтей. Въ двухъ буллахъ, находящихся теперь въ архивахъ Модены, папа „признаетъ этихъ дѣтей дѣтьми своей дочери, изъ которыхъ одно происходитъ отъ его сына Цезаря, другое же—отъ него самого“.

Это признаніе папы подало поводъ къ написанію Сеннасаромъ на гробницѣ Лукреціи Борджа слѣдующаго двустишія:

«Hic jacet in tumulo Lucretia nomine, sed re
«Thais, Alexandri filia, sponsa, nurus».

(„Здѣсь лежитъ Лукреція по имени, въ дѣйствительности же Таиса Александрова дочь, жена и сноха“) [1]).

Польскіе ультрамонтаны, іезуиты и іезуитки слѣдующимъ образомъ защищаютъ память этого злодѣя: „Хотя бы этотъ папа—говорятъ они—и обладалъ большими пороками, онъ, однако, не причинилъ никакого вреда Церкви, даже прославилъ ее своими посланіями. Возвышеніе и упадокъ земныхъ державъ зависятъ отъ благоразумія правительствъ,—обыкновенно грѣхи царей и народовъ (но не папъ!?) уничтожаютъ государства (Eccl. X, 26). Пороки папъ не разстраиваютъ Церкви, Богъ укрѣпляетъ ее и возобновляетъ ея силы, люди и время ей не повредятъ“ [2]).

Это утвержденіе польскихъ ультрамонтановъ доказываетъ, что Богъ отъ нихъ отвернулся; недостаточно того, что ихъ столько вѣковъ дурачили, но они и теперь еще не видятъ совершеннаго упадка римской Церкви: Магометъ оторвалъ отъ этой Церкви 100 милліоновъ послѣдователей, Лютеръ, Кальвинъ, Гуссъ и другіе реформаторы оторвали столько же. Франція, Италія ждутъ только сигнала, чтобы вычеркнуть имя папы изъ исторіи христіанской Церкви и предать его анаѳемѣ. Отъ польскаго же стада римскій пастырь имѣетъ теперь не великую пользу; оно вылиняло и не даетъ прибыли. Эти господа забываютъ также и то, что самъ Христосъ выгонялъ изъ іерусалимскихъ святынь барышниковъ и торгашей и не позволялъ дѣлать домъ Божій домомъ торговли.

Что римское духовенство позорило и себя, и религію, это доказываетъ борьба, начатая Лютеромъ противъ этого духовенства, о которомъ онъ отзывался слѣдующимъ образомъ: „Духовное сословіе сопротивляется Богу и славѣ Его. Народъ знаетъ объ этомъ, что слишкомъ явно сказывается во всѣхъ его пѣсняхъ, поговоркахъ и шуточкахъ о духовенствѣ, которыя распространены между простонародьемъ; почти на каждой стѣнѣ, на каждомъ лоскуткѣ бумаги, на каждой игральной картѣ рисуютъ священниковъ и монаховъ въ самыхъ безстыдныхъ позахъ; почти каждый, кто издали увидитъ или услышитъ священника, начинаетъ чувствовать отвращеніе“.

---

[1]) Смотри энциклопедію Ефрона.
[2]) См. Dzieje Kosciola R.-K., стр. 350.

Испорченность латинскаго духовенства охватила всѣ сословія, чрезвычайныя заблужденія овладѣли людьми; растлѣніе нравовъ соотвѣтствовало порчѣ вѣры; настоящая тайна ада тяготѣла надъ порабощенною Христовою Церковью. Изъ пренебреженія основами Евангелія вытекало въ концѣ концовъ еще другое слѣдствіе. Духовное невѣжество шло рука объ руку съ испорченностью сердца. Духовенство, которое должно было содѣйствовать почитанію, относящемуся только къ Богу, считало достаточнымъ требованія уваженія и почитанія къ себѣ, несмотря на свой упадокъ и безнравственность. Чтеніе и изученіе св. Писанія были признаны излишними, о преподаваніи его уже не было и рѣчи, съ тѣхъ поръ какъ покупка индульгенцій сдѣлалась достаточною для спасенія. „Въ большихъ приходахъ,—говоритъ Вимфелингъ—выбирали проповѣдниками людей обѣднѣвшихъ, такихъ, которые сдѣлались нищими, и такихъ, которые до того времени занимали должности поваровъ, музыкантовъ, егерей, конюшихъ или еще болѣе низкія должности при епископскихъ дворахъ“.

И высшее духовенство не отличалось просвѣщенностью, и здѣсь царствовало невѣжество. Одинъ епископъ гордился тѣмъ, что не научился ни греческому языку, ни еврейскому. Монахи утверждали, что изъ знакомства съ этими языками, особенно съ греческимъ, возникаютъ только ереси. „Новый Завѣтъ—сказалъ одинъ изъ нихъ,—это книга, наполненная гадами и терніемъ. Греческій языкъ—это какой то вновь придуманный языкъ, котораго нужно остерегаться. Что же касается еврейскаго языка, любезные братья, то достовѣрно то, что кто ему научается, тотчасъ же дѣлается евреемъ“. Слова эти сохранилъ намъ Герцбахъ, знаменитый писатель и другъ Эразма. Ѳома Линацеръ, который прославился среди духовенства ученостью, никогда не читалъ Новаго Завѣта. Подъ конецъ своей жизни, въ 1524 году онъ велѣлъ подать себѣ его, но татчасъ же съ проклятіемъ отбросилъ въ сторону, такъ какъ, раскрывъ книгу, наткнулся на слова: „Я вамъ говорю: не проклинайте“. Самъ же онъ имѣлъ слабость къ проклинанію. „Или это не Евангеліе, — сказалъ онъ разгнѣванный, — или мы не христіане“. Даже парижскій богословскій факультетъ не постыдился объявить парламенту, что было бы смертельнымъ ударомъ для религіи, если бы позволено было изучать греческій и еврейскій языки. Тамъ не менѣе, въ Германіи и Франціи встрѣчалось среди монаховъ много ученыхъ. Изъ нихъ извѣстный химикъ Василій Валентинъ, жившій въ XV вѣкѣ, въ бытность свою настоятелемъ монастыря, замѣтилъ, что свиньи жирѣютъ отъ употребленія сурьмы захотѣлъ испытать ея дѣйствіе на организмѣ монаховъ, но тѣ вскорѣ послѣ употребленія сурьмы поголовно умирали, что дало поводъ назвать сурьму antimoine, т. е. „противъ монаховъ“. Съ тѣхъ поръ между учеными (Paracelsus и др.) долго происходили споры о способѣ употребленія сурьмы.

Но если среди римскаго духовенства попадались ученые, то съ увѣренностью можно утверждать, что со свящ. Писаніемъ они были менѣе всего ознакомлены. Итальянскіе цицероніане относились съ большимъ презрѣніемъ къ Библіи за ея стиль и языкъ, священники (только по внѣшности) Іисусовой Церкви переводили сочиненія вдохновленныхъ Святымъ Духомъ мужей на языкъ Горація и Виргилія, желая сдѣлать выраженія св. Писанія доступными для ушей образованныхъ людей. Кардиналъ Бембо писалъ вмѣсто о „Духѣ Святомъ“—о „дуновеніи небеснаго зефира“, вмѣсто отпустить грѣхъ“—„примирить души умершихъ съ наивысшими богами“, вмѣсто о „Христѣ, Сынѣ Божіемъ“ говорилъ о „Минервѣ, которая вышла изъ головы Юпитера“. Когда однажды онъ засталъ благочестиваго Садолета за переводомъ посланія къ римлянамъ, то сказалъ ему: „Оставь эти дѣтскія занятія,—такія басни непристойны степенному человѣку“.

Таковы были послѣдствія управленія, подъ тяжестью котораго задыхалось тогдашнее духовенство. Изъ предыдущей картины можно постигнуть и разложеніе Церкви, и настоятельную необходимость реформаціи.

Самыя животворящія основы христіанской вѣры были преданы забвенію, а вмѣстѣ

съ ними исчезли свѣтъ и жизнь,—эта сущность религіи Божіей. Тѣло Церкви потеряло свои жизненныя силы, сдѣлалось слабымъ и умирающимъ.

Зараженіе, распространяемое этимъ разлагающимся организмомъ охватывало, за исключеніемъ Греціи, цѣлую часть свѣта, которая нѣкогда находилась подъ скипетромъ римскихъ императоровъ.

Такое состояніе римской Церкви вызвало протестъ Савонароллы.

Іеронимъ Савонаролла родился въ 1452 г. въ Ферарѣ въ Италіи, въ старой дворянской семьѣ. Образованные и зажиточные родители, видя въ сынѣ необыкновенныя способности, дали ему весьма тщательное воспитаніе. Ихъ желаніемъ было, чтобы сынъ ихъ пошелъ по стопамъ своего дѣда, знаменитаго доктора и натуралиста, и воскресилъ давнюю славу ихъ рода. Юноша прилежно занялся философскими и естественными науками, такъ что вскорѣ прославился глубокими познаніями и ученостью,—однако, чаще свои мысли и сердце онъ обращалъ къ Богу.

Его тоскующей по Богѣ души не могла успокоить наука, тѣмъ меньше—окружающій его міръ, полный нравственной гнили. Подобно экзотическому растенію, закрывающему свою чашечку передъ холоднымъ дуновеніемъ вѣтра, Савонаролла все больше замыкался въ самого себя, пораженный всеобщею испорченностью; неоднократно, стремясь къ уединенію, онъ убѣгалъ изъ родительскаго дома; наконецъ, въ 1475 г. онъ порвалъ связь со свѣтомъ и вступилъ въ монастырь доминиканцевъ въ Болоньѣ.

Четырнадцать лѣтъ пробылъ Савонаролла въ монастырѣ; это были годы его духовнаго развитія и созрѣванія. Монастырскую тишину прерывало только обученіе послушниковъ, которое было поручено ему за его ученость, сверхъ того, подъ конецъ,—частые выѣзды для произнесенія въ посты проповѣдей въ окрестныхъ городахъ. Впрочемъ, свободное отъ монастырскихъ занятій время Савонаролла посвящалъ теологическимъ занятіямъ, прежде всего—Св. Писанію. Оно сдѣлалось его ежедневною пищею, а въ божеской истинѣ и утѣшеніи, какое оно даетъ грѣшнику, душа его нашла желанный покой. Съ этихъ поръ оно сдѣлалось основаніемъ и содержаніемъ его проповѣдей, въ которыхъ все яснѣе выступаетъ убѣжденіе о грѣховности человѣческой природы и о спасеніи человѣка благодатью, единственно путемъ вѣры. Св. Писаніе было также факеломъ, который указывалъ ему, среди темноты и упадка, пути Божіи. Онъ не сомнѣвался, что надъ нашею Церковью, надъ всею родиною его повисли грозныя тучи гнѣва Господня, но непоколебимо вѣрилъ, что послѣ дней испытанія тѣмъ обильнѣе проявится милость Божія, а для возрожденія Церкви начнется новое поприще глубокой и сильной вѣры. Такъ въ тишинѣ выросталъ будущій проповѣдникъ и реформаторъ, пока въ 1490 г. онъ вновь не явился предъ міромъ,—на этотъ разъ, впрочемъ, не для того, чтобы бѣжать передъ нимъ, но для того, чтобы, на основаніи обрѣтеннаго покоя, вступить въ борьбу...

Грустно было то время (какъ мы выше видѣли), въ которое жилъ и дѣйствовалъ Савонаролла. Многіе, читая исторію XV вѣка, съ изумленіемъ спросятъ, какимъ образомъ Христова Церковь могла такъ далеко уклониться отъ своего первообраза? Великіе реформаціонные соборы, на которые возлагались такія надежды, минули, не достигши цѣли. Дѣйствительно, внутренній соблазнъ былъ устраненъ. На мѣсто трехъ папъ, которые взаимно другъ друга проклинали, избрали одного. Но это, увы, все, что сдѣлано. Новый папа, при посредствѣ договоровъ, заключенныхъ съ отдѣльными государствами, и мелкихъ уступокъ на пользу національныхъ Церквей, сумѣлъ раздѣлить епархіи и ослабить все реформаціонное движеніе. Восторгъ, съ которымъ привѣтствовались соборы, уступилъ мѣсто равнодушію въ дѣлахъ религіи, а ядъ религіозной и нравственной испорченности началъ проникать всѣ состоянія и сословія.

На папскій престолъ возсѣли негодные, невѣрующіе люди, оживленные однимъ

стремленіемъ: упрочить за собою и родственниками, очень часто и за дѣтьми, прижитыми въ прелюбодѣяніи, какъ можно больше богатствъ и важныхъ должностей. Такими были Сикстъ IV и Иннокентій VIII. А послѣ нихъ явился самый негодный изъ негодныхъ, Александръ VI. Не было грѣха, въ какомъ бы не обвиняли этого папу, начиная съ малыхъ и кончая, какъ это мы выше видѣли, убійствами! Крикъ ужаса вырвался изъ тысячъ грудей при извѣстіи о его избраніи. Дьяволъ торжествовалъ. Даже Фердинандъ князь неаполитанскій, ужаснѣйшій изъ царствовавшихъ во всемъ столѣтіи, не могъ удержаться отъ слезъ, когда ему донесли, что кардиналъ Борджа сталъ главой Церкви. Что жъ удивительнаго, что испорченность стала распространяться съ большею силой, что вѣра все болѣе и болѣе исчезала, что законы божескіе и человѣческіе были явно попираемы клиромъ и Церковью! Отъ всего западнаго христіанства осталось только сознаніе необходимости и полнаго возрожденія.

При такихъ обстоятельствахъ Савонаролла въ 1490 году покинулъ монастырь, съ цѣлью начать дѣятельность въ борьбѣ противъ всеобщей деморализаціи. Онъ началъ во Флоренціи, гдѣ большія богатства и возрожденіе древней литературы, внесшее, вмѣстѣ съ прелестью поэзіи, ядъ нравственной испорченности языческой Греціи, были причиною паденія нравовъ.

Какъ нѣкогда Іоаннъ Креститель взывалъ къ іудейскому народу, такъ теперь Савонаролла трогательными словами началъ призывать христіанъ образумиться. Его слова вытекали изъ глубокаго убѣжденія, изъ сердца, которое само скорбѣло и плакало объ упадкѣ Церкви, о грѣхахъ братьевъ. По примѣру старозавѣтныхъ пророковъ, онъ то предсказывалъ народу страшную кару Божія гнѣва, то словами, полными любви, просилъ и молилъ такъ краснорѣчиво, какъ будто бы хотѣлъ проникнуть въ самые глубокіе тайники человѣческаго сердца и принудить его къ раскаянію и исправленію.

Онъ дѣйствовалъ не красотою слова, но бралъ мощью и силою. Вліяніе его рѣчей было велико. Когда онъ открывалъ тайники людского сердца и въ огненной рѣчи показывалъ несчастіе тѣхъ, которые отдалялись отъ источника любви,—рыданія вырывались изъ тысячъ грудей. Вскорѣ монастырская церковь стала тѣсною; нужно было возводить подмостки въ гигантскихъ порталахъ флорентинскаго собора, чтобы помѣстить народъ, который приходилъ изъ далекихъ окраинъ услышать слова жизни.

Въ то время во главѣ Флоренціи стояла могущественная и славная семья Медичи, которая управляла городомъ, несмотря на его кажущееся республиканское устройство. Во дворцѣ Медичи было собрано все, что имѣло какое либо отношеніе къ поэзіи и искусству, и въ соединеніи съ роскошью, изнѣженностью и погоней за удовольствіями здѣсь образовалась атмосфера, противная всякому глубокому религіозному чувству. Савонаролла справедливо видѣлъ въ царствованіи Медичи и въ даваемомъ ими направленіи одно изъ самыхъ большихъ препятствій къ прочному обращенію народа и наказанія, предсказываемыя народу, не разъ обращалъ противъ царствующаго дома. Когда же, по смерти Лаврентія и переходѣ правленія въ слабыя руки Петра Медичи, этотъ послѣдній былъ вскорѣ свергнутъ съ престола, жители Флоренціи призвали Савонароллу къ созданію новаго правленія, во главѣ котораго сталъ онъ самъ, хотя и продолжалъ оставаться монахомъ.

Это стремленіе къ свѣтской власти погубило его...

Подъ вліяніемъ Савонароллы Флоренція приняла совершенно иной характеръ. Прежнее легкомысліе, распущенность нравовъ и страсть къ роскоши исчезли, уступивъ мѣсто святому религіозному пылу. Люди, прежде преданные исключительно свѣтскимъ дѣламъ, теперь ищутъ духовной пищи въ Св. Писаніи. Богатые дѣлятся своими богатствами съ нищими, завзятые враги подаютъ другъ другу руку примиренія, дѣти приносятъ предметы роскоши и жгутъ ихъ на кострѣ, при пѣніи духовныхъ пѣсенъ.

Возвышеннымъ является образъ народа, который, узнавъ, что ведетъ къ его спо-

койствію, преклоняется, передъ Богомъ, принося ему въ жертву сердце. Но обращеніе только тогда можетъ быть прочнымъ, если оно является слѣдствіемъ глубокаго и искренняго религіознаго убѣжденія. Этого же недоставало народу во Флоренціи. Недостаткомъ не только Савонароллы, но всѣхъ реформаторовъ до Лютера, было то, что они сводили всю свою дѣятельность не къ преобразованію основъ католической вѣры, а—христіанской жизни. Величіе Лютера заключается въ томъ, что онъ понялъ, что образъ жизни является слѣдствіемъ вѣры, и что тамъ, гдѣ она опирается на твердыя основанія не можетъ быть недостатка въ плодахъ.

Во Флоренціи обращеніе было только минутныхъ религіознымъ пыломъ, который прошелъ даже слишкомъ скоро. Когда внѣшнія обстоятельства перестали благопріятствовать Савонароллѣ; когда послѣ покаянія предсказанное имъ Божіе благословеніе не объявилось, а, наоборотъ, голодъ и зараза распространялись дальше; когда его враги и приверженцы свѣтскихъ утѣхъ не щадили усилій, чтобы подорвать его вліяніе; когда, наконецъ, во главѣ его враговъ сталъ папа Александръ VI, который боялся суроваго монаха, какъ собственной совѣсти, и пригрозилъ анаѳемой цѣлому городу, если онъ не перестанетъ слушать проповѣди отлученнаго отъ церкви Савонароллы,—народъ отвернулся отъ своего благодѣтеля. Внѣшнимъ поводомъ былъ неудавшійся судъ Божій. Объятая фанатизмомъ толпа, обманутая въ своемъ ожиданіи чуда, бросилась на монастырь: Савонаролла былъ схваченъ, заключенъ въ тюрьму и, послѣ долгихъ и неслыханныхъ пытокъ, свѣтскимъ и духовнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. 23 мая 1498 г. онъ былъ сожженъ на кострѣ въ присутствіи папскихъ делегатовъ и собравшейся толпы.

Группируя здѣсь все сказанное о папахъ, мы должны привести выдержки изъ писемъ Petrocelli de la Gattina, писанныхъ въ 1868 г. о вселенскомъ соборѣ, къ которымъ приложена статистика папъ: „Папство отъ временъ Симона, названнаго Петромъ, до Пія IX считаетъ 293 представителей, называемыхъ папами. Тридцать одного изъ нихъ причисляютъ къ узурпаторамъ-антипапамъ, въ такомъ смыслѣ, какъ Бурбоны называютъ узурпаторомъ Наполеона I, а Пій IX—короля Виктора Эммануила. Изъ двухсотъ шестидесяти двухъ папъ, признанныхъ настоящими, двадцать девять были убиты своими преемниками и имѣютъ право быть причисленными къ мученикамъ, такъ же, какъ Мадзини, если бы онъ былъ схваченъ и повѣшенъ королемъ Карломъ Альбертомъ, или же Гарибальди, если бы его постигла та же участь послѣ высадки въ Марсели. Кромѣ нихъ, тридцать пять папъ ушли изъ этого міра неестественной смертью: 18 было отравлено, 4 зарѣзано, остальные тринадцать были умерщвлены различнымъ образомъ, а именно: Стефанъ VII—былъ задушенъ, Левъ III и Іоаннъ XVI—изрублены, Іоаннъ X—задушенъ, Бенедиктъ VI—повѣшенъ, Іоаннъ XIV и Григорій XVI—уморены голодомъ, Люцій II—побитъ камнями, Григорій VIII—умеръ, сидя въ желѣзной клѣткѣ, Целестинъ V—былъ умерщвленъ при помощи вбитаго въ голову гвоздя, Бонифацій VIII—окончилъ жизнь самоубійствомъ, Климентъ V—сожженъ, Урбанъ VI—упалъ съ лошади и убился, Павелъ II—скончался подъ тяжестью своей тіары, Пій IV—умеръ въ объятіяхъ женщины. Вообще, 64 папы умерли неестественною смертью. Къ нимъ нужно прибавить еще 25 папъ, умершихъ скоропостижно вслѣдствіе раздраженія, вызваннаго неисполненіемъ ихъ ожиданій. Двадцать шесть папъ были свергнуты съ престола или изгнаны, не считая здѣсь авиньонскихъ папъ. Тридцать пять папъ были еретиками, изъ которыхъ тринадцать не вѣрили въ божественность Христа, а девятнадцать невѣрно толковали догматъ иконопочитанія. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ самъ Григорій VII, бывшій весьма снисходительнымъ къ доктринамъ Беренгара, большого приверженца позднѣйшихъ принциповъ Лютера. Много папъ было обвинено въ убійствахъ. Левъ V былъ женщиной. Двадцать восемь, папъ, желая удержаться на тронѣ, призывали въ Италію чужеземцевъ; послѣднимъ въ этой категоріи былъ Пій IX, который пригла-

шалъ австрійцевъ, испанцевъ, французовъ, неаполитанцевъ, Фердинанда II, черныя шайки Ламорисьера, бригады Франциска II, добровольцевъ изъ вѣрныхъ католиковъ, и даже еретиковъ, которые до сего дня составляютъ его папскую армію. Николай III начинаетъ собою рядъ папъ непотистовъ. Говоря кратко, девяносто папъ умерли насильственною смертью, или же были свергнуты съ престола и изгнаны. Тридцать пять заслужили ту же участь, измѣнивъ порученному имъ званію. Двадцать восемь постигла бы та же судьба, если бы ихъ не защитили чужеземные штыки. Отсюда слѣдуетъ, что изъ 263 оффиціальныхъ папъ 153 оказались недостойными своего сана. Какая же династія, какое другое учрежденіе въ мірѣ можетъ похвалиться подобной исторіей? Несмотря на это, вселенскій соборъ намѣревается признать и провозгласить теперешняго представителя этой корпораціи—непогрѣшимымъ, а самое учрежденіе, имѣющее подобныхъ представителей, хочетъ признать, какъ догматъ".

ГЛАВА XV.

И изъ такой зараженной клоаки одна вѣтвь славянскаго племени черпала свои духовные соки, вслѣдствіе чего выродилась и окончательно опустилась!

Вѣтвь эта—Польша.

Грѣхи папъ падали на ея голову, такъ какъ были повторяемы всѣми слоями духовенства.

Въ то время симонія и развратъ дошли въ Римѣ до такихъ размѣровъ, что угрожали вліянію Церкви даже на самые необразованные умы. Церковныя должности были до такой степени предметомъ продажи, что въ 925 году папа Іоаннъ X посвятилъ въ реймскіе архіепископы пятилѣтняго Гуго, сына графа Герберта вермандуйскаго [1]); всюду встрѣчались священники, которые хвастали своими любовницами; если кто либо передъ смертью не завѣщалъ своего имущества Церкви, то умиралъ безъ исповѣди и причастія, считался недостойнымъ христіанскаго погребенія.

Церковныя богослуженія были замѣнены театральными представленіями. Золя въ „Римѣ" такъ описываетъ богослуженіе, совершаемое папой въ соборѣ Св. Петра. „Наконецъ, появился кортежъ и въ ту же минуту, какъ бы въ театрѣ, раздался громъ рукоплесканій. Кромѣ того (снова какъ въ театрѣ) появленіе кортежа было устроено съ такимъ разсчетомъ, чтобы вызвать какъ можно большій эффектъ среди приготовленной съ этою цѣлью декораціи. Кортежъ былъ собранъ за кулисами, въ часовнѣ della Pista, находящейся съ правой стороны, при самомъ входѣ; чтобы попасть туда изъ своихъ аппартаментовъ, папа долженъ былъ пройти черезъ капеллу Св. Даровъ, за занавѣсями у боковой стѣны, замѣняющими театральный занавѣсъ. Кардиналы, архіепископы, епископы и всѣ дворцовые прелаты ожидали его тамъ, размѣстившись по старшинству.

„Какъ будто бы по знаку, данному режиссеромъ, кортежъ выступилъ изъ центральныхъ дверей и тихо, торжественно промаршировалъ къ алтарю между установленной въ шпалеры публикой, горячо апплодировавшей этому великолѣпію.

„Когда, по окончаніи богослуженія, папа поднялъ руки, благословляя народъ, снова начались апплодисменты, не удовлетворившіе, однако, публику, которая начала кричать: „Evviva il papa re! evviva il papa re!".

Во время того неистовства, когда, по свидѣтельству папы Григорія Великаго, на апостольскомъ престолѣ засѣдалъ антихристъ, ученіе же Христа было извращено и предано забвенію, Польшей управлялъ князь Мечиславъ, который женился въ 965 году на Домбровкѣ, сестрѣ чешскаго князя Болеслава, признававшаго уже около 10 лѣтъ главенство

[1]) Робертсонъ, «Исторія христіанской Церкви», т. I, стр. 896.

германскаго императора (слѣдовательно, онъ находился въ такомъ же отношеніи къ императору, какъ и Мечиславъ).

Чтобы выяснить, откуда появился на польскомъ престолѣ Мечиславъ, мы должны обратиться къ концу VIII вѣка, когда папскій престолъ занималъ Левъ III.

Существуетъ вѣчный законъ, по которому, какъ только человѣкъ перестаетъ надѣяться на Бога, онъ ищетъ помощи у людей. Человѣческій авторитетъ долженъ замѣнить недостатокъ внутренней силы. Какъ традиціи такъ и свѣтское могущество сдѣлались для папства потребностью, лучше сказать—необходимымъ условіемъ его существованія. Безпристрастное обсужденіе легко убѣдитъ въ этомъ.

Истинный христіанинъ перестаетъ быть таковымъ, когда перестаетъ бороться. Онъ является на землѣ воиномъ Христа, онъ борется не только съ собственной кровью и плотью, но и съ ложными идеями и системами. Ему нельзя воевать при помощи другого оружія, кромѣ оружія истины. Все противъ него, но онъ все побѣждаетъ, потому что Христосъ—его вождь. Такъ боролась Римская Церковь, пока жила чистымъ Евангеліемъ. Она была убога и малочисленна, однако, повергала надменныхъ подъ ноги Спасителя. Она воевала обоюдоострымъ мечемъ Слова Божія противъ звѣрскаго могущества и опрокинула его. Но когда въ церкви стали провозглашаться ученія, которыхъ не знаетъ Св. Писаніе, изъ рукъ ея долженъ былъ выпасть обоюдоострый мечъ, которымъ она сама себѣ наносила раны, и она должна была схватиться за мечъ земного могущества.

Если гдѣ либо на землѣ и истинное Слово Божіе начинаетъ воевать противъ римской церкви, то она приказываетъ уничтожать его тамъ огнемъ и желѣзомъ; вводитъ „святую“ инквизицію, вездѣ разыскиваетъ враговъ, упивается кровью мучениковъ. Вмѣсто того, чтобы покорять магометанъ Евангеліемъ, подстрекаетъ народы къ крестовымъ походамъ.

Въ качествѣ единаго воображаемаго замѣстителя Христа, папа отказался бы отъ своего наивысшаго положенія на землѣ, еслибы не имѣлъ стремленія къ порабощенію народовъ. Онъ пересталъ бы выдавать себя за замѣстителя Того, Котораго будутъ исповѣдывать всѣ языки,—передъ Которымъ преклонятся всѣ колѣна. Не будучи тогда въ состояніи обращать въ христіанскую вѣру языческіе народы ученіемъ Евангелія, искаженнаго ложными толкованіями онъ обращаетъ ихъ силою монархической власти. А чтобы вліять на царей, самому нужно быть царемъ. Достигаетъ онъ свѣтской власти. Итакъ, необходимость нападеній и самообороны породила эту власть,—какъ это ниже увидимъ—самообороны противъ истиннаго Слова Божія и наступленія на языческіе народы (славянъ).

Кромѣ того папа, какъ намѣстникъ Царя царей имѣлъ полное право требовать отъ подданныхъ ему душъ абсолютнаго послушанія. Но какая нужна огромная сила, чтобы удержать въ повиновеніи милліоны принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ людей? Такое послушаніе, конечно, требуетъ того, чтобы духовенство повсюду было независимымъ. Для этого—нужно отдѣлить его отъ семьи безбрачіемъ, отъ правительствъ свѣтскою властью.

Итакъ, римская церковь, побуждаемая тремя двигателями, которые взаимно усиливали другъ друга: алчностью, легкостью наживы и необходимостью, добилась свѣтской власти. Мы видѣли, что всѣ эти три двигателя происходятъ отъ общей матери—непогрѣшимой духовной власти, эта же—изъ вѣры въ ложь, что римская церковь никогда не можетъ пасть, каковое заблужденіе имѣетъ своимъ источникомъ слова искусителя прородителей: „Будете, какъ Богъ“.

Чтобы упрочить за собою земное могущество на вѣки, папы назвали Римъ святымъ городомъ, изобрѣли „наслѣдіе Петра“ (Patrimonium Petri); но этого недостаточно:

нужно было призвать въ помощь подложный легитимизмъ. Наконецъ, каждый папа былъ связанъ присягою, что онъ никогда не откажется отъ этой власти.

Достиженію Римомъ всего этого, какъ мы ниже докажемъ, болѣе всего содѣйствовало невѣжество и варварство славянъ, именовавшихся лехами.

Избранный куріей въ 995 году, Левъ III, родственникъ авгуровъ Ромы, человѣкъ очень ловкій, хитрый и лицемѣрный, притворявшійся передъ своимъ избраніемъ немощнымъ и аскетомъ, а послѣ избранія — напыщенный, какъ индюкъ, обманулъ надежды куріи, началъ обращаться съ нею деспотически, обходился съ кардиналами, какъ со своими слугами, и даже считалъ ихъ агапетъ своими, чѣмъ возстановилъ противъ себя всѣхъ куріаловъ или патриціевъ Ромы до такой степени, что они въ 799 году напали на него во время процессіи, сбросили съ лошади, сорвали съ него духовное платье и заключили въ тюрьму въ Латеранѣ.

Бѣжавъ при помощи своихъ любовницъ, изъ тюрьмы, онъ ночью тайкомъ покинулъ Римъ, пришелъ пѣшкомъ въ лагерь франко - германскаго короля Карла, прозваннаго Великимъ, расположившагося лагеремъ въ Падерборнѣ въ Вестфаліи, и упавъ на колѣни предъ Карломъ и даже цѣлуя его ноги, умолялъ его, чтобы онъ силою своего оружія, сдѣлалъ его снова предсѣдателемъ куріи Ромы и отомстилъ за его обиды, обѣщая въ благодарность за это при содѣйствіи своихъ епископовъ, митрополитовъ, канониковъ и декановъ провозгласить Карла императоромъ всей Италіи и, при помощи итальянскихъ войскъ, облегчить ему завоеваніе западныхъ славянскихъ земель, даже по правую сторону рѣки Лабы, прозванной германцами Эльбой.

Карлъ, естественно, согласился сдѣлаться императоромъ Рима и весьма охотно исполнилъ просьбы Льва, т. е. вторгнулся въ Италію, разбилъ ея войска, занялъ Миланъ, взялъ штурмомъ Римъ и сдѣлалъ Льва III снова предсѣдателемъ куріи, себя же—германско-римскимъ императоромъ.

Такимъ-то путемъ образовался цезаро-папизмъ. Съ этихъ поръ уже послушная германцамъ и Льву авгурія Ромы, слѣдуя за 400 тысячной арміей соединенныхъ итальянско-германскихъ войскъ, раздѣленныхъ на четыре арміи по сто тысячъ каждая, основывала вслѣдъ за этими арміями, при посредствѣ тысячъ итальянскихъ и германскихъ монаховъ, руками порабощенныхъ, свои монастыри на западныхъ земляхъ славянъ, съ цѣлью присоединенія таковыхъ къ римско-германскому государству и подчиненія этихъ западно-славянскихъ земель куріальной эксплоатаціи, т. е. съ цѣлью полученія этихъ земель въ ленъ отъ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, по могиламъ славянъ, авгурія стала вслѣдъ за нѣмцами, углубляться въ наши родныя славянскія земли. Левъ со своей куріей, отдавъ военныя силы всей Италіи и всю іерархію авгуріи на службу Карлу, для насильственнаго вторженія на востокъ одновременно четырьмя арміями, упрочилъ ея завоеванія немедленнымъ основаніемъ каменныхъ укрѣпленныхъ монастырей руками взятыхъ въ плѣнъ славянъ. И хотя одна стотысячная армія Карла, названная „Итальянской“, выступившая противъ южныхъ славянъ въ Тріестѣ, была ими разбита въ Черногоріи и Хорватіи,— однакоже, одновременно другая стотысячная армія, составленная изъ итальянцевъ и франко-германскихъ австразійцевъ вторглась черезъ Гельвецію и Тироль на югъ древняго велико-славянскаго государства, соединявшаго всѣхъ славянъ въ одной религіи, называвшейся общимъ христіанско-славянскимъ ритуаломъ. Увы! именно эта другая „австразійская“ армія, покоривъ славянскія племена: сербовъ и вендовъ, ложно прозванныхъ „аварами“, и взявъ городъ Виндобору, прозванный итальянскими монахами „Виндобоной“, а германскими—„Winn“ или „Вѣна“, заложила такимъ образомъ вмѣстѣ съ куріей фундаментъ теперешней Австріи, т. е. слишкомъ размножившихся германскихъ австразійцевъ живущихъ въ постоянныхъ распряхъ съ франкскими нейстразійцами или галлами. Одновременно третья стотысячная армія „саксонцевъ“ вторглась въ

земли славянскихъ бойаровъ, надъ рѣкою Лехъ, т. е. въ славянскія земли потомковъ Самона, отца Леха, Чеха и Русса. Бойары уже прежде были прозваны римскими монахами „Boioares“, а нѣмцами — „Bayern“, или баварцами, и на этихъ земляхъ курія немедленно основала большой куріальный монастырь „Monachium“, прозванный нѣмцами „München“, откуда подвигались вплоть до славянскаго города Дѣвина въ странѣ Магдыборѣ надъ Лабой и прозвали его „Magdeburg an der Elbe“. Въ этомъ городѣ Левъ III сейчасъ же, при помощи рукъ славянскихъ невольниковъ, основалъ свои укрѣпленные монастыри, куріально-римско-нѣмецкое епископство и архіепископство, названное „магдебургскимъ“. Тоже самое сдѣлала и третья армія: оставивъ сильные гарнизоны въ укрѣпленномъ Мюнхенѣ и еще большіе — во вновь взятомъ и еще сильнѣе укрѣпленномъ Дѣвинѣ въ Магдыборѣ, она переправилась на челнахъ на правый берегъ Лабы или Эльбы тоже въ странѣ славянъ, западныхъ сербовъ, называемыхъ также „западными вендами“ или лужичанами, т. е. къ Лужицамъ верхнимъ и нижнимъ; здѣсь, взявъ у славянъ городъ Гальковъ (Halkow) на Салѣ и назвавъ его „Halle an der Saall“, сверхъ того городъ „Липско“ на Люстрѣ и назвавъ его „Leipzig an der Elster“, прозвала верхнюю и нижнюю Лужицы своей землей, т. е. „саксонами“ и „Саксоніей“ („Sachsen“).

Это стремительное „Drang nach Osten“ саксонцевъ было, однако, въ то время остановлено собранными въ Дрезденѣ славянскими военными силами: моравовъ, чеховъ, сорабовъ, сербовъ и лужичанъ; однако же, Липско и Гальковъ остались уже навсегда въ когтяхъ куріи и саксонцевъ.

Четвертая стотысячная армія Карла, называемая „Германской“, составленная изъ „сыновъ насилія и притѣсненія“, прозванныхъ „Preussen“, переправившись вслѣдъ за передней арміей подъ Магдыборой черезъ Лабу, на правый берегъ этой рѣки, вторглась въ Браннбору на Гавлѣ и увы! побѣдила отряды гаволяновъ, на Краковскомъ озерѣ—западныхъ сербовъ или стодорановъ, взявъ городъ Стодорану и вслѣдъ за этимъ и городъ Кольно на Справѣ, назвавъ его „Berlin an der Spree“.

Полудикій, грубый и воинственный Карлъ, подстрекаемый Львомъ, велѣлъ погнать тысячи взятыхъ въ плѣнъ славянъ къ востоку Браннборы на рѣкѣ Вядрѣ, которую прозвалъ Одеромъ, построивъ на этой рѣкѣ, при помощи несчастныхъ славянскихъ невольниковъ, прозванныхъ имъ „Sclaven“, крѣпость на Одерѣ, сейчасъ же приказалъ Куріи окрестить ее по нѣмецки, назвавъ ее „Frankfurt an der Oder“, а всю страну Браннбору отъ Лабы до Вядры—провинціей Бранденбургъ. Съ этого времени Карлъ, величаемый Львомъ „Святымъ“, нѣмцами же—„Великимъ“, назначилъ четырехъ маркграфовъ и оставивъ сильные гарнизоны въ своей новой крѣпости, лучше—воротахъ къ Востоку, т. е. во „Frank-furth“ на Одерѣ, съ цѣлью охраны этой рѣки—какъ восточной границы своего Франко-Германскаго государства, собралъ, по совѣту Льва, еще пятую армію, называемую „Итальянско-Нейстразійской“, и послалъ ее противъ сѣверо-западныхъ славянъ, т. е. противъ лютичей, бодричей и другихъ, жившихъ въ Ольгаборѣ, уже ранѣе прозванномъ „Oldenburg“, въ Ольштинѣ, прозванномъ „Holstein“, въ Микитоборѣ прозванномъ „Meklenburg“ и въ Рузіи, прозванной „Rügen“; Карлъ размѣщалъ эту армію среди покоренныхъ племенъ, чтобы они не взбунтовались во время нападенія его на другія.

Эта пятая стотысячная армія побѣдила войска князя Леха Любого въ Любицѣ и, назвавъ городъ Любицу „Lubeck“, а городъ и рѣку Траву назвавъ „Travenmünde“, подчинила военной германской гегемоніи и куріальной теократической администраціи всѣ города Микитоборы; Звѣринъ перекрестила въ „Schverin“, Стрѣльце въ „Strelitz“, Востокъ въ „Wismar“, Островъ въ „Güstrow“, оставила непереименованными только Ростокъ, также Краковъ надъ краковскимъ озеромъ, Рацибору, Муровъ, Староградъ и нѣкоторые — въ Поморіи. Увы! съ этихъ поръ тысячи размножившихся въ Голландіи

саксонцевъ были выгнаны Карломъ и куріей изъ Нидерландовъ и поселяемы на земляхъ перебитыхъ славянъ въ Ольгоборѣ, Ольштинѣ и Микитоборѣ; вся масса колонистовъ, состоявшая изъ полумилліона семействъ саксонцевъ изъ Голландіи, какъ саранча, заняла Лужицы верхнія и нижнія и прозвала ихъ „Neu-Sachsen" и потомъ только „Sachsen".

Карлъ, этотъ первый римско-германскій императоръ, руководствуясь совѣтами Льва, образовалъ не только укрѣпленныя марки или маркграфства, но и нѣмецко-куріальныя укрѣпленныя епископства, аббатства, и куріально нѣмецкіе ордена и монастыри; курія же въ компаніи съ нѣмцами стала эксплоатировать имущества, трудъ, кровь, жизнь и землю славянъ. Цѣлью куріи и нѣмцевъ, а особенно цѣлью Льва III и Карла было образованіе во всей Европѣ единой монархіи, подъ однимъ главенствомъ и управленіемъ, въ дѣйствительности—подъ эксплоататорскимъ владычествомъ итальянской куріи—ради денегъ и подъ мечемъ пангерманизма—ради земли; это должно было быть проведено подъ знаменами новой куріи Ромы и подъ ея лозунгомъ: „Divide et impera" или „разъединяй—и владычествуй", что было любимой поговоркой Льва.

Главнымъ руководителемъ этого товарищества съ нѣмцами былъ, собственно говоря, Левъ съ его кардиналами, притворявшійся аскетомъ, а въ дѣйствительности жившій въ самомъ необузданномъ куріальномъ развратѣ, обыкновенномъ въ этомъ учрежденіи. Однако, при помощи этой распущенности, Левъ болѣе всего развилъ въ это время пропаганду внѣшней вѣры въ свою курію въ Римѣ, Венеціи и Ахенѣ особенно черезъ агапеть, порнократію, которая называла эту ново-римскую пропаганду „системой ново-римской цивилизаціи". Эта псевдо-цивилизація основывалась только на притворномъ почитаніи изваяній отцовъ куріи, но сверхъ того, на наказаніи всякаго, кто не прикидывался вѣрующимъ въ курію, уже не обезглавливаніемъ и распинаніемъ, какъ прежде, но въ тысячу разъ худшими пытками и выкалываніемъ глазъ.

Именно Левъ ввелъ неизвѣстное до того времени въ Европѣ ослѣпленіе людей. Мода эта имѣла такой успѣхъ, что не только германскіе графы, маркграфы, епископы и князья начали выкалывать глава взятымъ въ плѣнъ князьямъ, но даже и по этой сторонѣ Вядры или Одера, въ земляхъ, оставшихся подъ велико-моравской гегемоніей, гдѣ куріальные обряды не были еще введены, уже входила въ обычай эта куріально-римская псевдо-цивилизація.

Пріобрѣтеніе богатствъ единственная цѣль куріи — цѣль, оправдывающая, по ея мнѣнію, всевозможныя беззаконныя дѣйствія, цѣль ея политики, равно какъ и цѣль ея предсѣдателя Льва III,—могла быть достигнута въ славянскихъ земляхъ единственно при помощи распространенія деморализаціи, раздоровъ и невѣжества; при помощи возбужденія среди славянскихъ князей и воеводъ споровъ изъ - за главенства и обѣщаній имъ содѣйствія куріи и римско-германскихъ императоровъ. Такими то способами промышленно-денежно-рыцарское общество римскихъ проповѣдниковъ задумало получить отъ нѣмцевъ въ ленъ или въ эксплаататорское пользованіе, при посредствѣ своихъ монаховъ, настоятелей, епископовъ и олигарховъ всю восточную Европу, въ добавокъ къ западной Европѣ. Товарищество жаждало, что бы нѣмцы завоевали для куріи Чехію, Моравію и Лехію, а затѣмъ и Русь и чтобы при помощи войскъ пангерманскаго объединеннаго государства, курія сдѣлалась владѣтельницей восточной Европы. Итакъ, для того, чтобы товарищество могло сосать для семей своихъ кардиналовъ деньги изъ труда всѣхъ народовъ Европы, папа соединился съ нѣмцами противъ славянъ, а введеніе нѣмцами огнемъ и мечемъ новой вѣры должно было служить только предлогомъ для нашествія ихъ и куріи на славянскія земли.

Для проведенія этихъ своихъ и нѣмецкихъ замысловъ товарищество нашло, какъ мы увидимъ ниже, усердныхъ помощниковъ въ самомъ славянскомъ племени, въ Каиновомъ родѣ его, происходящемъ отъ Леха.

ГЛАВА XVI.

Въ виду недостатка мѣста мы не станемъ здѣсь разсматривать дѣятельность папства и римско-германской имперіи до второй половины X вѣка, такъ какъ дѣятельность эта по отношенію къ славянамъ выражалась единственно въ постоянныхъ войнахъ и убійствахъ чеховъ и моравовъ, а прямо обратимся къ временамъ введенія христіанской вѣры въ Польшѣ.

Польскіе лѣтописцы и историки, ослѣпленные папизмомъ, умалчиваютъ о томъ, что предъ Мечиславомъ, т.-е. со временъ Кирилла и Меѳодія, въ Польшѣ была введена первоначальная христіанская, или православная вѣра. Упоминаніе объ этомъ они считали или непристойнымъ, или опаснымъ [1]). Этотъ взглядъ на греко-славянское вѣроисповѣданіе былъ преимущественно слѣдствіемъ антагонизма, который появился у поляковъ по отношенію къ Руси во время религіозныхъ войнъ. Польскіе историки и лѣтописцы старались уничтожить вмѣстѣ съ памятниками православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ даже память о немъ въ народѣ, придавая латинской вѣрѣ характеръ и значеніе первоначальнаго христіанскаго исповѣданія; для заполненія же какимъ-либо образомъ пробѣловъ первоначальнаго періода существованія латинской церкви въ Польшѣ они стараются (особенно Длугошъ) отнести, насколько возможно далѣе въ древніе вѣка, назначеніе для Лехіи латинскихъ епископовъ. Вслѣдствіе этого факты спутались до такой степени, столько создалось противорѣчій въ хронологіи, что въ новѣйшія времена самые горячіе защитники Длугоша и его подражателей не были въ состояніи, не смотря на всѣ свои старанія, поддержать и защитить ихъ предъ судомъ исторіи. Позднѣйшіе польскіе историки не только не давали себѣ труда отыскивать слѣды православія въ началѣ христіанства въ Лехіи, но считали для себя грѣхомъ замѣчать ихъ тамъ, гдѣ они попадались имъ на глаза. Бантке отмѣчаетъ, что во время Сигизмунда III, въ 1622 г., іезуиты, завладѣвъ библіотеками и цензурой, публично жгли на варшавскихъ площадяхъ все, что напоминало православіе въ Польшѣ и не соотвѣтствовало ихъ цѣлямъ.

Самое греко-каѳолическое исповѣданіе польскіе историки называли языческимъ или варварскимъ. Это было отчасти заимствовано у западныхъ народовъ латинскаго исповѣданія, которые какъ въ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ сношеніяхъ называли иновѣрцевъ язычниками. Это правило было введено послѣ отпаденія Рима отъ каѳолической церкви и продолжалось довольно долго [2]). Подражая Западу, а особенно Риму, польскіе историки усвоили себѣ это обыкновеніе и начали относить греко-каѳоликовъ къ язычникамъ. Такъ, напр., извѣстно, что Длугошъ называлъ греко-славянское исповѣданіе и греческую вѣру идолопоклонствомъ („idololatria“): „Theodoricus genere Ruthenus“—говоритъ онъ,—„et qui idololatria relicta rectam fidem professus erat... Rutheni qui et ipsi catolici aestimari solunt“ [3]).

Подобныя увѣренія доказываютъ только невѣжество польскаго народа, мало ознакомленнаго съ географіей, всеобщей исторіей, менѣе же всего съ исторіей христіанской церкви.

Начало христіанства Польши поляки считаютъ отъ Мечислава послѣ его женитьбы на Домбровкѣ, не смотря на то, что ихъ же историки утверждаютъ другое, а именно, что

---

[1]) Петрушевичъ. Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства, стр. 19—20.

[2]) Извѣстно, что римскіе прелаты называли приверженцевъ Греко-Восточной Церкви язычниками, варварами, и даже и сами папы не стыдились примѣнять это оскорбительное названіе къ православнымъ, причисляя ихъ къ татарамъ. (См. Maciejowski, Historya Kosciola u Słowian, str. 122 и 168.

[3]) Длугошъ. „Historia Polonica“ I, lib. VIII, стр. 785, 849.

христіанская вѣра появилась въ Польшѣ прямо изъ Іерусалима чрезъ апостола Андрея [1]).

Христосъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ польская легенда, чудеснымъ образомъ ниспослалъ полякамъ Своихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія.

„Въ Гнѣзнѣ одновременно праздновали постриженіе своихъ сыновей князь Попель и бѣдный земледѣлецъ Пястъ. Въ это время пришли двое странниковъ. Въ домъ князя ихъ не впустили, тогда они отправились къ Пясту, который ихъ очень сердечно принялъ. Изъ благодарности странники сотворили въ домѣ Пяста чудо: кушанья и вино не только не убывали во время пиршества, но увеличились настолько, что Пястъ, съ согласія странниковъ, пригласилъ на пиръ самого князя Попеля съ его гостями. Надъ сыномъ Пяста совершенъ былъ странниками обрядъ постриженія, и ему было дано имя Земовитъ. Присутствующіе на этомъ торжествѣ пророчили вновь постриженному сыну Пяста свѣтлую будущность, что и исполнилось. Князь Попель былъ вскорѣ изгнанъ, а на его мѣсто избранъ Земовитъ“ [2]).

Земовитъ былъ христіаниномъ восточнаго исповѣданія и былъ окрещенъ, одновременно съ подстриженіемъ, двумя странниками, въ которыхъ одни историки усматриваютъ Кирилла и Меѳодія, другіе же, какъ, напр., Богухвалъ, Длугошъ и Кромеръ., Божіихъ ангеловъ, иные—же двухъ священниковъ, посланныхъ въ Лехію Святополкомъ, съ цѣлью распространенія вѣры [3]). Что Земовитъ былъ христіаниномъ восточнаго исповѣданія, это подтверждаетъ польскій историкъ Адамъ Нарушевичъ, говоря: „мы находимъ въ сочиненіяхъ чужихъ и своихъ о Земовитѣ, прадѣдѣ Мечислава, нѣкоторые слѣды того, что онъ былъ христіаниномъ, будучи обращенъ или Кирилломъ и Меѳодіемъ, апостолами всей славянской земли, или посланными ими“ [4]).

Первымъ краковскимъ епископомъ православнаго исповѣданія польскіе лѣтописцы и историки называютъ Прохора, который въ 955 г. занималъ краковскую епископскую каѳедру, когда ни у поляковъ, ни у чеховъ не было еще латинскаго епископа; умеръ же Прохоръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Длугошъ, въ 986 году [5]).

Въ Гнѣзнѣ находятся развалины каѳедральнаго собора, „который является произведеніемъ византійскихъ вліяній, а во всякомъ случаѣ восточныхъ, не мѣстныхъ“ [6]).

Въ Сандомирѣ находится церковь, о которой Сейковскій пишетъ: „Церковь св. Якова, первая и самая давняя, принадлежала доминиканцамъ русской религіи, въ которой Русь совершала свои богослуженія и погребала умершихъ, какъ это можно видѣть изъ богатыхъ камней передъ главнымъ престоломъ, на которомъ находятся четыре

---

[1]) Buliński, M. Historya kocciola polskiego, t. I, стр. 21. Starowolski Vitae Antistitum Cracoviensium. Cracoviae 1558, стр. 1. „Est in comperto, religionem christianam non primum sub Mieciślao in Polonia coepisse; sed a principio statim promulgati Evangelii, per universam fere Slaviam, seu Sarmatiam, dominatricis Romae aemulam, per Ponti habitatores, qui Hierosolymis suum idioma ex ore Petri concionantis sacra Pentecostes solennitate, audierunt, nostris regionibus illatum fuisse: sub Miecislao vero, qui toti Vandaliae seu Poloniae tunc imperabat cultum illius et ritus publico edicto extulisse signa“. Narbut. Dzieje stasożytne narodu Litewskiego. T. III, стр. 150. Lubeński. Series res gestae episcoporum Plocensium. Pagi IV, стр. 10.

[2]) Martini Galli chronicon ed. Bandkie, стр. 19—28.

[3]) Святополкъ имѣлъ подъ рукой двухъ священниковъ, которые служили ему въ разныхъ политическихъ дѣлахъ... ихъ священническое званіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что постригая Земовита они его окрестили: совершить же оба обряда они могли, считая первый обрядъ свѣтскимъ, второй—духовнымъ. Ossoliński-Wiad. hist. kryt. t. II, № 44, стр. 568.

[4]) Naruszewicz, т. IV, кн. 5, стр. 15—16. Bielowski „Wstep krytyczny do dziejów Polski“, стр. 517.

[5]) „Prohorius primus Cracoviensis Ecclesiae archiepiscopus“. Dlugossi t. I lib. II pag. 108.— Bielowski. Monumenta Poloniae historica II, стр. 828.

[6]) Boliński i Lipiński „Starożytna Polska“, т. I, стр. 223. Тамъ же на стр. 224 идетъ рѣчь о томъ, что съ VIII до конца X вѣка въ Польшѣ господствовалъ византійскій стиль.

мѣдныя епископскія митры, а пятая вправлена посрединѣ. Этотъ костелъ или церковь пережила политическія бури, разразившіяся надъ Сандомиромъ. Колоколъ этой церкви имѣетъ тысячу лѣтъ, и на немъ есть хорошо сохранившаяся греческая надпись“ [1]).

Память о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ патронахъ и просвѣтителяхъ Польши, относится къ древнѣйшимъ временамъ [2]) Поляки съ древнѣйшихъ временъ до-сего дня причисляли и причисляютъ ихъ къ своимъ первѣйшимъ учителямъ христіанской вѣры и посвящаютъ ихъ памяти день 9 марта. Въ богослуженіи на этотъ день въ польскомъ требникѣ, между прочимъ, находится такая молитва: „Ты, который черезъ благословенныхъ пастырей и истинныхъ Твоихъ послѣдователей и нашихъ патроновъ Кирилла и Меѳодія ниспослалъ на насъ милость познанія единой истинной вѣры [3])... Этотъ требникъ былъ составленъ при Гнѣзненскомъ соборѣ, а потому не подлежитъ сомнѣнію, что апостольская дѣятельность Кирилла и Меѳодія объяла не только Малую Польшу, но и Краковскій округъ, то-есть, можно сказать, самую голову и сердце Польши, которыя заключались въ то время въ Гнѣзнѣ и его окрестностяхъ. Даже въ позднѣйшее время польскій историкъ XVII вѣка Пясецкій, іезуитъ, котораго нельзя заподозрить въ благорасположеніи къ восточной Церкви, слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ значеніе для Польши апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія: „Польша, наравнѣ со всѣмъ славянствомъ, со страхомъ избѣгаетъ распространенія у себя нѣмецкихъ наукъ и искусствъ, считая ихъ вредными и отбрасывая, какъ подозрительное, все, что происходитъ оттуда, за исключеніемъ механическихъ издѣлій. Вслѣдствіе чего и вѣру христіанскую славяне не хотѣли принять отъ нѣмцевъ, а приняли ее отъ восточныхъ грековъ Кирилла и Меѳодія и только потомъ отъ галловъ и нѣмцевъ“ [4]).

Бросимъ здѣсь взглядъ на дѣятельность этихъ двухъ апостоловъ. Императорское оружіе, уничтожая границы западной славянской земли, открывало нѣмецкимъ миссіонерамъ дорогу къ апостольству среди славянъ. Зальцбургское, пассавское и регенсбургское епископства, расширяя со временъ Карла В. свои владѣнія въ славянскихъ земляхъ, старались обезпечить свою власть, устраивали духовную іерархію, воздвигали церкви, щедро одаряемыя помѣстьями; діоцезіи не были, однако, строго разграничены. Каждый изъ епископовъ хотѣлъ захватить какъ можно большій округъ. Между ними начались интриги и ссоры, которыя, наконецъ, разрѣшилъ въ Регенсбургѣ (829 г.) императоръ Людовикъ Святой такимъ образомъ, что земли, лежащія на востокъ отъ Лысой Горы (Kahlenberg) и раздѣленныя рѣками Справой и Рабой, должны принадлежать сѣверною и восточною частями къ пассавскому, а южною и западною къ зальцбургскому епископству. Вслѣдствіе этого Моравія осталась причисленной къ пассавскому епископству, а въ южныхъ отъ Дуная странахъ, равно какъ и въ княжествѣ нитравскомъ распространилась власть зальцбургскаго архіепископа, стараніями котораго было возведено около 836 г. много церквей въ княжествѣ блатненскомъ и въ Нитравѣ. Чехи оставались еще въ язычествѣ и независимости отъ имперіи, но крещеніе въ Регенсбургѣ въ 845 г. [5]) 14 чешскихъ вельможъ съ ихъ челядью подало регенсбургскимъ епископамъ поводъ къ распространенію своей власти и на чеховъ, что продолжалось вплоть до учрежденія пражскаго (973 г.) епископства.

---

[1]) Seykowski. „Dni roczne św. zakonu kaznodziejskiego“. Kraków. 1733.

[2]) Maciejowski. „Hist. prawod. slow.“ т. II, стр. 127.

[3]) „Qui nos per beatos pontifices et confessores Tuos nostrosque patronos Cyryllum et Methodium ad unitatem fidei Christianae vocare dignitus es“ Friese, т. I, стр. 89.—Bielowski, „Monum. Poloniae histor.“ т. I, стр. 80.

[4]) Piasecki. „Chronica“. Crac. 1645, стр. 41.

[5]) Annal. Fuld. an. 845. Hludovicus quattuordecim ex decibus Boemonarum cum hominibus suis christianam religionem desidetantes suscepit, ei in octavis Theophaniae baptisari iussit. Pertz. M. G. I, 364.

Однако, усилія нѣмецкихъ епископовъ къ распространенію среди славянъ христіанства не принесли желанныхъ результатовъ. Язычники, видя постоянные набѣги пограничныхъ графовъ, грабежи и уничтоженіе нѣмцами родныхъ селеній, не могли дружелюбно встрѣчать ихъ миссіонеровъ и вѣрить тому, что они проповѣдывали о добродѣтеляхъ и любви къ ближнему. Наконецъ, требованіе десятины и отправленіе богослуженія на латинскомъ языкѣ ни мало не располагало славянскій народъ къ принятію чуждаго ему и непонятнаго ученія. Поэтому неудивительно, что развитіе ученія Христа въ Чехіи, Моравіи и Панноніи было очень ограниченно, хотя князь Моймиръ исповѣдывалъ христіанство, а князь Ростиславъ заботился объ уничтоженіи язычества [1]).

Уже тогда нѣмецкіе епископы усматривали въ религіи средство къ лишенію славянъ ихъ народности и стремились къ слiянію ихъ черезъ Церковь съ имперіей, что вытекало изъ понятія объ универсальной власти римскаго императора. Вѣдь со временъ Карла В. вырабатывалось всеобщее убѣжденіе, что какъ императоръ есть наивысшій правитель всѣхъ народовъ, такъ папа—наивысшій глава Церкви; что какъ императору и установленнымъ имъ властямъ надлежитъ послушаніе, такъ папѣ и постановленнымъ имъ епископамъ надлежитъ духовное почтаніе. Поэтому епископы заботились не столько о присоединеніи язычниковъ къ христіанству, сколько о соединеніи славянъ съ имперіей черезъ присоединеніе ихъ къ нѣмецкимъ епископствамъ и о слитіи ихъ съ нѣмцами въ одинъ народъ, платящій имъ десятину со своихъ доходовъ. Если славянскій народъ и не понималъ этого, то невозможно, чтобы славянскіе князья и болѣе вліятельные граждане, зная, какъ ихъ родственники въ Баваріи и Тюрингіи, съ принятіемъ отъ Рима христіанства, утратили свою народность, не понимали, къ чему вели усилія нѣмецкихъ епископовъ. Впрочемъ, присоединеніе Моравіи къ пассавскому епископству оскорбляло авторитетъ Ростислава.

Будучи отъ рожденія христіаниномъ и имѣя передъ глазами устройство христіанскихъ государствъ, Ростиславъ понялъ громадное значеніе христіанства въ государственной огранизаціи. Онъ имѣлъ для сравненія, съ одной стороны, славянскіе народы, пребывающіе въ языческомъ невѣжествѣ безъ всякихъ средствъ къ устроенію себя, съ другой—монархію франковъ, обязанную своимъ могуществомъ и значеніемъ единственно христіанству. Чтобы сохранить независимость славянъ, было необходимо присоединить ихъ къ христіанству; но при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Моравія во время Ростислава, крещеніе народа римско-германскими миссіонерами было невозможно, ибо оно приводило князя въ зависимость отъ нѣмецкой духовной іерархіи, а черезъ это—и въ нѣкоторую зависимость отъ имперіи. Избѣгая такихъ послѣдствій и желая имѣть собственную Церковь, отвѣчающую потребностямъ народа, *охраняющую народные интересы*, Ростиславъ надѣялся учредить такую Церковь съ помощью священниковъ Востока, духовенство котораго являлось болѣе нравственнымъ, чѣмъ западное духовенство.

Въ это именно время въ Болгаріи и Восточной имперіи готовились событія, долженствовавшія оказать огромное вліяніе на будущность всего славянства.

Въ богатомъ торговомъ приморскомъ городѣ Ѳессалоникахъ, называемомъ по-славянски Солунь, два сына зажиточной, греческой семьи, получивъ тщательное образованіе, съ молодости готовились къ духовному званію. Старшій назывался Меѳодіемъ, младшій—Константиномъ (впослѣдствіи Кирилломъ). Спокойный, ласковый, погруженный въ размышленія о величіи Бога, Меѳодій рано ушелъ въ монастырь на горѣ Олимпѣ—не той, которая нѣкогда слыла мѣстопребываніемъ греческихъ боговъ, а на Халкедонскомъ полуостровѣ, называемомъ теперь Аѳонъ. Тамъ онъ принялъ посвященіе въ духовное званіе. Константинъ имѣлъ совершенно иныя наклонности. Обладая живымъ воображеніемъ, горячимъ сердцемъ, обширнымъ умомъ и необыкновенною энер-

[1]) Wilhelm Boguslawski „Dzieje Slowianszczyzny“ т. III, стр. 74—75.

гіей къ смѣлымъ предпріятіямъ, Константинъ, отдавшись наукамъ, былъ принятъ при императорскомъ дворѣ въ Константинополѣ и такъ прославился своимъ умомъ, что его повсюду называли философомъ. Ему открывалась дорога къ наивысшимъ государственнымъ должностямъ, но душа его, исполненная благочестія, жаждала трудовъ, самопожертвованія во имя христіанства и блага людей. Окрестности Салоникъ были заселены множествомъ славянъ, пребывавшихъ въ языческомъ невѣжествѣ. Константинъ возымѣлъ мысль приложить старанія къ просвѣщенію славянъ съ помощью христіанства, и зная отлично славянскій языкъ, старался постигнуть, изучить и приспособить азбуку славянскаго письма. Эта работа требовала времени и спокойствія. Константинъ намѣревался отправиться къ брату Меѳодію на гору Олимпъ и, вѣроятно, заняться обращеніемъ окрестныхъ славянъ [1]), но неожиданное обстоятельство бросило его въ совершенно другую сторону.

Хозары обратились къ константинопольскому двору съ просьбой прислать имъ учителей, для ознакомленія съ христіанствомъ. Слѣдовало послать людей ученыхъ, краснорѣчивыхъ ораторовъ, и притомъ неустрашимыхъ и готовыхъ на всякія опасности, соединенныя со столь далекимъ и труднымъ путешествіемъ. Выборъ императора Михаила III палъ на Константина, который сначала одинъ, а потомъ, около 858 года, вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ отправился къ хозарамъ. Въ бытность свою въ Херсонесѣ таврическомъ Константинъ побудилъ мѣстнаго епископа отыскать на морскомъ островѣ, въ развалинахъ церкви, мощи папы св. Климента, сосланнаго изъ Рима въ Херсонесъ, а позже, около 102 г., брошеннаго въ море съ якоремъ на шеѣ, по приказанію императора Траяна, за распространеніе христіанства въ Тавридѣ. Обрѣтеніе мощей этого мученика, около 861 г., открыло братьямъ дорогу къ самымъ святымъ подвигамъ.

Работая давно подъ составленіемъ славянской азбуки, Константинъ по окончаніи миссіи къ хозарамъ, усовершенствовалъ славянское письмо и переводилъ духовныя книги на славянскій языкъ. Меѳодій занималъ должность архимандрита Полихронскаго монастыря на берегу Мраморнаго моря, въ Малой Азіи.

Тѣмъ временемъ Ростиславъ, сговорившись съ моравскими князьями и Святополкомъ, княземъ нитранскимъ, отправилъ къ императору Михаилу III посольство, прося прислать ему знающихъ славянскій языкъ священниковъ. Этимъ чрезвычайно ловкимъ въ политическомъ отношеніи поступкомъ Ростиславъ не только устранялъ вліяніе непріязненнаго ему нѣмецкаго духовенства, но еще пріобрѣталъ себѣ дружбу восточнаго императора въ противовѣсъ политикѣ короля Людовика нѣмецкаго, который, съ цѣлью покоренія Моравіи, старался вовлечь въ союзъ противъ Ростислава пограничныхъ съ нею болгаръ. Такимъ образомъ составились лиги: моравско-византійская противъ нѣмецко-болгарской, управлявшія тогдашней политикой въ при-дунайскихъ странахъ.

Императоръ Михаилъ благосклонно принялъ моравское посольство и, зная искусство солунскихъ братьевъ въ религіозныхъ дѣлахъ и въ славянскомъ письмѣ, предназначилъ ихъ къ проповѣдыванію христіанства въ Моравіи.

Братья, взявъ съ собою духовныя книги, уже ранѣе переведенныя на славянскій языкъ, также мощи св. Климента, отправились въ путь. Мать ихъ, провожая любимыхъ сыновей, со слезами молила, чтобы, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ привезъ къ ней тѣло умершаго. Братья, обѣщавъ свято исполнить просьбу матери, простились съ нею въ послѣдній разъ, отправились въ путешествіе къ Ростиславу и прибыли въ его столицу Велеградъ въ іюнѣ 863 г. Однако, они не могли сейчасъ же приступить къ великому дѣлу, ибо это было бурное время,—время приготовленій къ войнѣ съ нѣмцами. Братья, поселившись въ Велеградѣ, трудились надъ

[1]) „Житіе Константина" гл. 16. Denkschrift der Akademie der Wissenschaften, стр. 227.

образованіемъ порученныхъ имъ Ростиславомъ учениковъ. Непріязненно смотрѣло на это нѣмецкое духовенство. А когда, послѣ несчастной для моравовъ войны въ 864 г., нѣмецкіе епископы стали возвышать тонъ, апостолы Константинъ и Меѳодій, понимая грозящую имъ опасность, избѣгали шумныхъ городовъ, но, переходя съ мѣста на мѣсто по городкамъ и деревенскимъ усадьбамъ, проповѣдовали славянскому народу въ понятной для него рѣчи слово Божіе, стараясь искоренить непристойные языческіе обряды и многоженство.

Одновременно съ проповѣдью у моравскихъ славянъ, введено было христіанство и въ Болгаріи.[1]) Мы знаемъ, что еще раньше Константинъ Философъ трудился надъ распространеніемъ ученія Христа и обращалъ македонскихъ славянъ въ окрестностяхъ Ѳессалоникъ. Но въ какомъ именно году и кѣмъ былъ окрещенъ болгарскій царь Борисъ,—это остается загадкой. Несомнѣнно, однако, что это случилось около начала апостольства солунскихъ братьевъ въ Моравіи, т. е. между 861—864 годами, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ царь Борисъ былъ окрещенъ, вѣроятно, въ 864 году св. Меѳодіемъ, который съ этою цѣлью прибылъ изъ Моравіи въ Болгарію, въ то время, какъ братъ его Константинъ распространялъ христіанство въ Моравіи.

Четыре съ половиною года Константинъ и Меѳодій апостольствовали въ Моравіи и сосѣднихъ странахъ, проповѣдуя слово Божіе моравамъ, чехамъ, словакамъ, полякамъ, лужичанамъ, основывая церкви и часовни. И славяне были рады слушать ученіе о величіи Бога на своемъ языкѣ, но этимъ были недовольны нѣмецкіе епископы, особенно зальцбургскій и пассавскій, которые съ распространеніемъ ученія славянскихъ братьевъ теряли славянскую паству, а съ ней—десятины, земскія помѣстья и политическое вліяніе. Пользуясь спорами константинопольскаго духовенства съ римскою Церковью, столь обострившимися, что патріархъ Фотій объявилъ папу Николая I еретикомъ и отлучилъ его отъ Церкви (867 г.), и тѣмъ, что Константинъ—Философъ съ молодости былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фотіемъ,—папѣ донесли, что славянскіе апостолы возбуждаютъ народъ противъ него, что, подъ видомъ богослуженія на славянскомъ языкѣ, вводятъ ересь и т. п. Папской столицѣ слѣдовало предотвратить дурныя послѣдствія борьбы двухъ исповѣданій въ одной Церкви, уразумѣть основы славянскихъ апостоловъ, наконецъ, успокоить народы, раздраженные интригами нѣмецкихъ епископовъ. Понимая все это, папа Николай I призвалъ братьевъ апостоловъ въ Римъ.

Хотя іерархически братья апостолы зависѣли отъ константинопольскаго патріархата, однако, на призывъ папы они поспѣшили въ Римъ. Взявъ съ собою мощи св. Климента, чтобы вернуть ихъ, какъ останки папы, городу Риму, братья черезъ Паннонію отправились въ Римъ. Въ Венеціи латинскіе священники, подстрекаемые зальцбургскимъ архіепископомъ, набросились на славянскихъ апостоловъ, *„какъ враны на соколовъ“* и, издѣваясь надъ ними, говорили: *„какія это вы сочинили для славянъ книги* и поучаете ихъ; вѣдь прежде никто не избралъ ихъ рѣчи, ни апостолы, ни римскій папа, ни теологъ Григорій, ни Іеронимъ, ни Августинъ“. „Богъ“,—говорили,—„избралъ только три языка: еврейскій, греческій и латинскій“. Опровергая съ достоинствомъ упреки и ругательства, исполнители великаго дѣла покорно шли въ Римъ, къ которому привлекали съ собою и милліоны принявшихъ уже христіанство и имѣвшихъ еще быть окрещенными славянъ. Это понимала папская столица, и преемникъ Николая I—Адріанъ II

---

[1]) Въ солунскомъ преданіи читаемъ: Bulgares magna me laetitia receptum Ravenium in urbem prope Bregalnitzam flumen duxerunt. Ego illis conscripsi litteras quinque et triginta. Bulgares autem, quamquam ipse eos pauca docui; tamen multa didicerunt; Deus eos fidem christianam docuit jamque fides orthodoxa suscipiunt Deoque, quae ejus sunt, tributum. Подобное въ Obdormito св. Кирилла: Post Bregaenitzam pronctus Sclavonios nonnullos jam baptisatos invenit. Reliquos autem postquam baptizavit, ad veram fidem duxit librosque litteris Sclavicis scripsit: sunt autem facti per eum christiani quattuor milia et quinquaginta.

самъ вышелъ за городъ на встрѣчу мощей св. Климента и славянскихъ апостоловъ, въ торжественномъ облаченіи, окруженный духовенствомъ и толпами народа, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Съ величайшею торжественностью, при религіозномъ пѣніи толпы, мощи св. Климента были погребены въ церкви, нѣкогда выстроенной въ честь его [1]). Чудесное возвращеніе высокочтимыхъ мощей мученика-папы наполнило сердца римскаго духовенства неописуемой радостью, участіемъ къ славянскимъ апостоламъ, на долю которыхъ выпала честь оказать тогдашнему христіанскому Западу такую неоцѣнимую услугу.

Однако, со стороны римскаго духовенства не было недостатка въ неприличныхъ поступкахъ по поводу введенія славянскаго языка въ богослужебныя книги. „Не годится", —повторяло оно,—„употреблять иной языкъ въ богослуженіи, кромѣ трехъ извѣстныхъ". Тѣмъ не менѣе, папа Адріанъ II, выслушавъ славянскихъ апостоловъ, похвалилъ ихъ трудъ и, какъ бы въ знакъ признанія богослуженія на славянскомъ языкѣ, освятилъ и положилъ на престолѣ въ церкви св. Петра, духовныя книги, написанныя братьями Константиномъ и Меѳодіемъ. Затѣмъ онъ поручилъ епископамъ Формозу и Гаудериху посвятить славянскихъ учениковъ въ пресвитеры и діаконы, а братьевъ Константина и Меѳодія возвелъ въ епископскій санъ. Такъ образовались іерархическія ступени славянской Церкви, первыми пресвитерами и діаконами которой были: Гораздъ, моравянинъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларъ и Савва, болгары или словенцы.

Послѣ обширныхъ теологическихъ диспутовъ, на которыхъ ни одинъ изъ мѣстныхъ кардиналовъ и епископовъ не могъ сравняться въ теологическихъ познаніяхъ съ славянскими братьями, папа постановилъ ввести торжественно славянское богослуженіе, „чтобы весь свѣтъ зналъ, что во вселенской христіанской Церкви, на-ряду съ богослуженіемъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, существуетъ еще богослуженіе на языкѣ самаго многочисленнаго въ Европѣ народа, который, совершая службу Божію на своемъ языкѣ, долженъ распространить славу Бога на неизмѣримомъ пространствѣ". Понимая важность этого, апостольская столица сдѣлала соотвѣтствующія распоряженія.

Три дня совершалось славянское богослуженіе и пѣніе: сначала въ церкви св. апостоловъ Петра и Павла, на слѣдующій день—въ церквахъ Петронелли и св. Андрея, наконецъ, съ особенною торжественностью, у гроба св. Павла [2]) при участіи епископа Арсенія и римскаго библіотекаря Анастасія. Такимъ образомъ, у гроба первыхъ апостоловъ христіанства происходило, во имя общей религіозной идеи, объединеніе людей, безъ различія народности и рѣчи.

Годъ съ лишнимъ длилось пребываніе славянскихъ апостоловъ въ Римѣ. Папская столица, убѣдившись въ ихъ благочестивой жизни, ознакомившись съ правилами и личнымъ характеромъ новыхъ апостоловъ, хотѣла привлечь ихъ на свою сторону и получить черезъ нихъ возможно большія выгоды. Старшаго изъ братьевъ, Меѳодія, папа назначилъ митрополитомъ славянской Церкви, младшій, Константинъ, долженъ былъ быть епископомъ и помощникомъ брата. Но Константинъ заболѣлъ и, предчувствуя близкій конецъ жизни, постригся въ монахи, принявъ имя Кирилла. Потерявшій силы, святой мужъ говорилъ Меѳодію: „Вотъ, братъ, были мы упряжнымъ скотомъ, пашущимъ одну борозду, я падаю на грядѣ и оканчиваю свои дни; хотя ты очень любишь гору, но ради этого не бросай апостольства,—вѣдь черезъ него ты можешь спастись".

---

[1]) „Sepelierunt autem corpus sancti in ecclésia, quae in ejus nomine diu autea fuerat constructa". Leg. Moravica 6. „Corpus Sancti Clementis in sua ecclesia, quae sibiantea multa tempora fuit fabricata, collocavit, et honorifice sepelivit". Leg. Cracoviensis, cap. 6.

[2]) „Abie piésze liturgiju w cierkwi swétaho apostola Pétra słoweńskyim jezykom i w druhyi djeń piésze w cierkwi swetyje Petroniły, in tretij djeń piésze w cierkwi swétaho Andreje i ottudu w welikaho uczitela wselenskaho Pawła apostola". „Житіе Константина". гл. 17, Denkschrift der Akademie der Wissenschaften, XIX, стр. 228.

Наконецъ, послѣ 50 дней болѣзни, святой мужъ скончался въ Римѣ 14 февраля 869 года, 42 лѣтъ отъ роду.

По смерти брата, которому папа велѣлъ устроить похороны съ такой пышностью, какая полагалась только самому папѣ, Меѳодій говорилъ папѣ: „Святой отецъ! Когда мы покидали родную землю, чтобы посвятить себя дѣлу, которое мы съ Божьей помощью совершили, то наша мать, заливаясь слезами, молила, чтобы, въ случаѣ смерти одного изъ насъ на чужбинѣ, оставшійся въ живыхъ привезъ тѣло умершаго въ монастырь для приличнаго его тамъ погребенія. Пусть же твое святѣйшество позволитъ мнѣ исполнить мою обязанность и сдержать обѣщаніе, чтобы не оказалось, что я сопротивляюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери“. Тронутый такою просьбою и принимая во вниманіе важность ея значенія, папа Адріанъ II спросилъ совѣта у кардиналовъ, епископовъ и достойнѣйшихъ людей. Римская курія и римскіе нобили доказывали папѣ, что не годится лишать Римъ и церковь мощей столь знаменитаго мужа изъ славянскаго племени, ко гробу котораго эти народы будутъ совершать многочисленныя паломничества, а слѣдуетъ съ большимъ почетомъ похоронить его въ Римѣ. Снисходя къ желаніямъ куріи, папа сказалъ Меѳодію: „*Мнѣ дано развязывать присяги и всякія обязательства на землѣ,* поэтому я освобождаю тебя отъ исполненія даннаго матери обѣщанія, такъ какъ по Божью вдохновенію мы признаемъ необходимымъ похоронить бренные останки монаха Кирилла въ церкви св. Петра, устроивъ ему не менѣе приличное погребеніе, чѣмъ то, которое ему устроила бы его мать, такъ какъ онъ будетъ похороненъ въ могилѣ, которую я приготовилъ для себя“. Но Меѳодій просилъ, чтобы останки были погребены въ церкви св. Климента, мощи котораго св. Кириллъ съ большою заботливостью доставилъ въ Римъ. Склонившись на просьбу Меѳодія, папа приказалъ останки св. Кирилла, уже лежавшіе въ мраморномъ гробу, похоронить въ церкви св. Климента, съ правой стороны алтаря. Погребеніе произошло въ присутствіи римскаго и греческаго духовенства съ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ, съ зажженными свѣчами и кадильницами и вообще съ такою пышной торжественностью, какая слѣдовала только самому папѣ [1]).

Съ этихъ поръ принятое въ монашествѣ имя Кирилла распространилось по свѣту, и подъ этимъ именемъ незабвенный во-вѣки изобрѣтатель славянскаго письма Константинъ славенъ по всей славянской землѣ.

По смерти перво-учителя славянъ Кирилла, Меѳодій долженъ былъ одинъ нести тяжесть начатаго вмѣстѣ съ братомъ великаго дѣла. Блятненскій князь Коцелъ обратился къ папѣ съ просьбою прислать ему Меѳодія. „Не только тебѣ одному,—сказалъ папа Адріанъ II,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ славянскимъ странамъ посылаю его, какъ учителя отъ Бога и святого апостола Петра“. И онъ послалъ Ростиславу, Святополку и Коцелу слѣдующее письмо: „До нашего свѣдѣнія дошли такіе относительно вашей вѣры поступки, которыхъ мы ради вашего спасенія отъ васъ съ нетерпѣніемъ и молитвою ожидали. Богъ вдохновилъ ваши сердца, что вы Его ищете, и показалъ вамъ, что не только вѣрою слѣдуетъ служить Богу, но и добрыми дѣяніями. Ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть, и Богъ отвергаетъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ Его словами, а поступками отрекаются. Вы просили объ учителѣ не только у этой епископской столицы, но также и у правовѣрнаго императора Михаила. Вотъ онъ послалъ вамъ благословеннаго философа Константина съ братомъ, прежде чѣмъ мы могли это сдѣлать (до этого времени никто изъ славянъ не обращался къ папѣ съ просьбою объ этомъ). Они же, узнавши, что ваши страны принадлежатъ апостольской столицѣ (sic), не хотѣли

[1]) Praecepit autem sanctus Apostoliens, ut omnes tam Graeci, quam Romani clerici ad exequias ejus accurrerent cum psalmis et canticis, cum cereis et thuris odoribus, et non aliterei, quam ipsi quoque Apostolico, funeris honorem impenderent“. Leg. Italica, c. 10.

ничего дѣлать противъ церковнаго устава, но пришли къ намъ, неся мощи св. Климента. Тогда мы, охваченные тройною радостью, постановили, испытавъ Меѳодія, посвятить его вмѣстѣ съ учениками, какъ нашего сына, и послать въ ваши страны, потому что это мужъ умный, совершенный и правовѣрный, чтобы васъ научалъ, какъ вы просите, составляя въ полномъ объемѣ на вашемъ языкѣ книги для всякаго церковнаго обряда, для обѣдни или Божьей службы и крещенія, какъ уже, по милости Божьей и молитвѣ св. Климента, началъ философъ Константинъ. Если же бы и кто либо другой могъ васъ надлежащимъ образомъ и правовѣрно научать, то пусть его ученіе будетъ освящено и благословенно Богомъ, нами и всей католической и апостольской Церковью, чтобы вы легко привыкли къ заповѣдямъ Божіимъ. Этотъ же единственно сохраните обычай: пусть во время обѣдни сначала читаютъ апостолъ и Евангеліе по-латыни, а потомъ по-славянски. Такъ исполнятся слова святого Павла: „Хвалите Господа всѣ народы", а въ другомъ мѣстѣ: „всѣ начали славить великія дѣла Бога на различныхъ языкахъ, на какихъ позволялъ имъ говорить Духъ Святой". Если же кто либо изъ пришедшихъ къ вамъ учителей или ихъ учениковъ, отклоняясь отъ истины и вводя въ заблужденіе, отважился бы смущать васъ поучая иначе, *хуля книги на вашемъ языкѣ*, тотъ пусть будетъ отлученъ и отданъ подъ судъ Церкви, пока не исправится. Ибо такіе суть не овцы, но волки: по ихъ плодамъ вы узнаете ихъ и берегитесь. Вы же, дорогія дѣти, поймите Божіе ученіе и не отвергайте церковныхъ заповѣдей, чтобы сдѣлаться истинными почитателями Божьими, Отца нашего небеснаго и всѣхъ святыхъ [1])".

Этимъ письмомъ Адріанъ II, заявляя притязаніе на то, что славянскія земли Паннонія и Моравія принадлежатъ апостольской столицѣ, уничтожалъ домогательство зальцбургскаго и пассавскаго епископовъ, которые, пользуясь пораженіемъ аваровъ Карломъ В. въ 796 г., присваивали себѣ право на присоединеніе къ своимъ епархіямъ славянскихъ земель, единственно на основаніи императорскаго позволенія, но безъ согласія папской столицы. Поэтому, вслѣдствіе упомянутаго письма, князья моравскій и блатненскій могли на законномъ основаніи устраивать въ своихъ владѣніяхъ іерархію славянскаго исповѣданія, не обращая вниманія на притязанія баварскихъ епископовъ.

Отправившись къ Коцелу и поселившись въ салаварскомъ замкѣ, Меѳодій поучалъ народъ на понятномъ ему языкѣ. На славянскія богослуженія собиралось много народа, а латинскія церкви оставались пустыми. Пораженный блистательнымъ успѣхомъ Меѳодія, а главное—безпокоясь о своихъ доходахъ, салаварскій настоятель, архипресвитеръ Рихвальфъ, поспѣшилъ къ архіепископу Адальвину съ жалобой, „что какой то грекъ Меѳодій" взбунтовалъ его паству и возбудилъ въ ней отвращеніе къ латинскому богослуженію. Адальвинъ тотчасъ же пожаловался королю Людовику на нарушеніе архіепископскихъ правъ, доказывая, что въ продолженіе 75 лѣтъ зальцбургскіе епископы ненарушимо пользовались пожалованными имъ монархами правами въ Каринтіи и Паннонія, а теперь эти права нарушаетъ какой то грекъ Меѳодій, изобрѣтатель славянскаго письма, которое онъ распространяетъ среди народа и употребляетъ при богослуженіи вмѣсто латинскаго языка и римскаго ученія.

Болѣе всѣхъ епископовъ заинтересованный въ этомъ вопросѣ, зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ созвалъ нѣмецкій духовный соборъ; для того же, чтобы придать собору большій вѣсъ и имѣть сейчасъ же исполнителя приговора, онъ пригласилъ

[1]) Это письмо взято изъ паннонскаго жизнеописанія Меѳодія, перепечатаннаго Шафарикомъ въ «Памятникахъ древней письменности» (Pamatky drevniho pisem) 1851 г., также въ „Регистрахъ" Эрбена 1855, по-славянски съ латинскомъ переводомъ, потомъ у Бѣловскаго: Monum. Po I, 1864, по-славянски съ польскимъ переводомъ.

короля Людовика нѣмецкаго, который въ октябрѣ 871 г. прибылъ изъ Франкфурта въ Баварію.

Не знаемъ, какимъ образомъ Меѳодій явился на соборъ: добровольно или былъ приведенъ насильно, ибо дѣйствія этого собора, какъ мы увидимъ ниже, позволяютъ дѣлать наихудшія предположенія. Не знаемъ также, въ какомъ именно городѣ происходилъ этотъ соборъ. Цѣлью собора было разслѣдованіе дѣятельности Меѳодія, обвиняемаго въ незаконномъ проповѣдываніи въ зальцбургской епархіи, а поводомъ къ призванію его на соборъ служили обвиненія, выставленныя анонимнымъ писателемъ въ сочиненіи „de conversione Bojoariorum et Carantanorum". Собравшіеся въ присутствіи короля: архіепископъ зальцбургскій Адальвинъ, епископы—пассавскій Гермарихъ и фрейзингенскій Аннонъ спрашивали Меѳодія: „Почему ты поучаешь въ нашемъ удѣлѣ?" На это онъ имъ сказалъ: „Если бы я зналъ, что это вашъ удѣлъ, то далеко обходилъ бы его, но онъ удѣлъ святого Петра. Поистинѣ если вы, побуждаемые гордостью и алчностью, вопреки церковнымъ уставамъ, нарушаете старые надѣлы, препятствуя Божьему ученію, то берегитесь, чтобы вы, какъ бы стараясь пробить желѣзную гору черепомъ, не пролили своихъ мозговъ". Нѣмцы же сказали: „ты говоришь зло, и зломъ для тебя кончится". А Меѳодій отвѣтилъ: „я не побоюсь говорить правду и предъ императорами, вы же дѣлайте со мною, что угодно,—вѣдь я не лучше тѣхъ, которые, говоря правду, окончили жизнь въ разныхъ мученіяхъ". Такъ жизнеописатель Меѳодія рисуетъ диспуты собора, добавляя, что когда нѣмецкіе епископы въ долгихъ преніяхъ не могли опровергнуть отвѣтовъ Меѳодія, король неожиданно сказалъ: „не утруждайте моего Меѳодія, потому что онъ вспотѣлъ уже какъ бы у печи". „Да, государь,—отвѣтилъ Меѳодій,—нѣкоторые люди, встрѣтивъ однажды вспотѣвшаго философа, спросили его: «чего потѣешь?» Онъ имъ отвѣтилъ на это:—„я спорилъ съ грубіянами". Судьи, понявъ смыслъ этихъ выраженій, осудили Меѳодія на изгнаніе. „И былъ онъ сосланъ въ Швабію, гдѣ его держали въ заточеніи два съ половиною года".

Судъ надъ Меѳодіемъ и заточеніе его въ тюрьму случились въ то время, когда князь Ростиславъ, измѣннически уведенный въ Баварію, угасалъ въ тюрьмѣ, а князь Святополкъ, сбитый съ толку нѣмцами, проживалъ среди нихъ, измѣнивъ отечеству.

Послѣ заключенія въ тюрьму закованнаго въ кандалы Меѳодія, нѣмецкіе епископы послали въ моравію и Паннонію множество нѣмецкихъ священниковъ, которые принуждали народъ къ латинскому исповѣданію, къ покорности нѣмецкимъ епископамъ и къ платежу дани священникамъ, которыхъ славянскій народъ не понималъ и не терпѣлъ. Поэтому Моравы взбунтовались, изгнали всѣхъ нѣмецкихъ священниковъ, увѣдомили папу о заключеніи въ тюрьму Меѳодія, прося освободить его и прислать къ нимъ въ качествѣ епископа, слѣдующими словами: „Какъ нѣкогда отцы наши приняли крещеніе отъ св. Петра, такъ дай намъ теперь Меѳодія архіепископомъ и учителемъ [1]). Въ Римѣ хотя уже и было извѣстно о ссылкѣ Меѳодія въ Баварію, но о жестокомъ съ нимъ обращеніи доходили только глухія извѣстія, ибо нѣмецкіе епископы искусно скрывали предъ свѣтомъ свои преступленія. А когда спросили пребывавшаго въ Римѣ фрейзингенскаго епископа Аннона о дѣлѣ Меѳодія, Аннонъ нагло отговаривался, что не знаетъ его, между тѣмъ какъ самъ былъ зачинщикомъ, вдохновителемъ и даже исполнителемъ всевозможныхъ мученій, которымъ подвергали Меѳодія нѣмецкіе епископы.

Дряхлый Адріанъ II не могъ справиться съ нѣмецкими епископами, но, къ счастью славянъ, онъ вскорѣ умеръ и былъ замѣненъ папой, именуемымъ Іоанномъ VIII (папесса Іоанна).

Черезъ четыре мѣсяца послѣ занятій папской столицы (14 декабря 872 г.) папа,

---

[1]) Житіе св. Меѳодія, 10.

именуемый Іоанномъ VIII, напомнилъ зальцбургскому архіепископу Адальвину, чтобы онъ вернулъ Мееодію незаконно отнятую у него епископскую каеедру, такъ какъ римскій дворъ желаетъ, чтобы христіанская вѣра въ славянскихъ земляхъ была проповѣдуема *на народномъ языкѣ*. Затѣмъ, тотъ же папа, симпатизирующій грекамъ, вслѣдствіе сопротивленія баварскихъ епископовъ, рѣшился вдругъ на такой энергичный поступокъ, какого, конечно, эти епископы не ожидали.

Лѣтомъ 873 г., отправляя алконскаго епископа Павла въ качествѣ легата къ королю Людовику, Святополку и баварскимъ епископамъ, папа поручилъ ему отправиться прежде всего ко двору Людовика и домогаться возвращенія папѣ Паннонской епархіи, которая, вслѣдствіе войнъ, на нѣкоторое время была оторвана отъ римскаго управленія. Съ архіепископомъ Адальвиномъ и пассавскимъ епископомъ Германриномъ легатъ долженъ былъ поговорить о необходимости возвращенія Мееодія въ епархію, лишенную въ продолженіе трехъ лѣтъ своего пастыря. Если бы, однако, епископы оказали сопротивленіе, то легатъ долженъ былъ сказать: „Вы безъ каноническаго постановленія осудили епископа, посланнаго апостольской столицей, заключили его въ тюрьму, били по лицу, оторвали отъ священныхъ обязанностей, выгнали его изъ столицы три года тому назадъ, такъ что онъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ черезъ многихъ пословъ и письмами взывалъ о помощи къ апостольской столицѣ. Вы недостойны приступить къ суду, котораго вы постоянно старались избѣжать, а теперь безъ суда въ апостольской столицѣ приносите лицемѣрныя жалобы. Я къ вамъ посланъ для того, чтобы устранить васъ отъ службы Божьей на столько времени, на сколько вы лишили возможности этого достойнаго уваженія человѣка исполнять священныя обязанности, и чтобы онъ пользовался ввѣреннымъ ему епископскимъ званіемъ безъ помѣхи и препятствій столько же времени, сколько онъ по милости вашей былъ лишенъ его. Только потомъ, если имѣете что противъ него, придите и передъ апостольской столицей будутъ выслушаны обѣ стороны. Потому что это есть споръ между епископами и было бы неприлично, если бы надъ ними былъ судьей кто либо кромѣ папы“.

Въ августѣ 873 г. папа писалъ Германрику: „Полагаемъ, что для оплакиванія твоей злости хватило бы развѣ потока слезъ пророка Іереміи. Твоя наглость превысила не только ярость какого-либо епископа, но и свѣтскаго тирана, даже звѣриную свирѣпость, когда ты брата и соепископа своего Мееодія терзалъ тюрьмою, въ продолженіе долгаго времени; ты мучилъ его подъ открытымъ небомъ на ужаснѣйшемъ холодѣ и снѣгѣ, и, сверхъ того, оторвавши его отъ управленія ввѣренной ему Церковью, до такой степени далъ свободу жестокости, что когда Мееодій былъ привлеченъ на собраніе епископовъ, ты хотѣлъ его бить лошадиной плетью, но другіе до этого не допустили. Развѣ эти дѣянія достойны епископа“? Къ этимъ суровымъ выговорамъ Іоаннъ VIII добавилъ, что онъ лишаетъ Германрика права богослуженія и отлучаетъ его отъ общенія съ духовенствомъ.

14 сентября 873 г. Іоаннъ VIII писалъ Анпону: „Твоя наглость и смѣлость пробиваетъ не только облака, но и самыя небеса. Ты присвоилъ себѣ права апостольской столицы и, какъ будто какой нибудь патріархъ, присвоилъ себѣ власть суда надъ архіепископомъ и—что еще хуже—ты обходился съ братомъ своимъ архіепископомъ Мееодіемъ, посланнымъ апостольской столицей проповѣдывать среди язычниковъ, скорѣй какъ тиранъ, чѣмъ какъ духовное лицо. Когда онъ, поистинѣ на основаніи святыхъ каноновъ, домогался того, чтобы стать предъ судомъ римской столицы, ты его до этого отнюдь не допустилъ, но вмѣстѣ съ покровителями и сотоварищами своими объявилъ надъ нимъ приговоръ, устранилъ отъ службы Божьей и заключилъ въ тюрьму. Сверхъ того, ты, именуясь пастыремъ и подчиненнымъ столицѣ св. Петра въ томъ, что касается управленія Церковью въ Германіи, не прислалъ намъ никакого извѣстія о заключеніи въ тюрьму и объ угнетеніи названнаго брата и соепископа, и

болѣе того—нашего посла, о которомъ мы имѣли необычайное попеченіе; когда же ты въ Римѣ былъ спрошенъ объ этомъ нашими прелатами, ты ложно утверждалъ, будто его вовсе не знаешь, между тѣмъ какъ ты былъ въ то же время подстрекателемъ, вдохновителемъ и даже исполнителемъ всевозможныхъ мученій, которыя позволили себѣ твои соучастники по отношенію къ нему“. При этомъ папа добавилъ, что если Аннонъ не прибудетъ въ Римъ въ теченіе августа мѣсяца, то онъ будетъ отлученъ отъ причастія на столько времени, сколько будетъ продолжаться его упрямство и непослушаніе папѣ.

Миссія легата Павла совпала именно съ тѣмъ временемъ, когда имя Святополка гремѣло славой его побѣдъ, а моравы изгоняли нѣмецкихъ священниковъ и разсылали славянскихъ миссіонеровъ къ лехамъ. Сообразно съ этими обстоятельствами Іоаннъ VIII поручилъ Павлу, чтобы онъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ отправился къ Святополку, а не къ Коцелу, какъ ошибочно гласитъ преданіе [1]).

Когда именно Меѳодій былъ выпущенъ изъ нѣмецкой тюрьмы, мы не знаемъ, но можно предполагать, что при заключеніи союза въ Форгеймѣ весною 874 г. не могла не быть принята во вниманіе миссія легата Павла. Итакъ, если не ранѣе, то въ началѣ 874 г. Меѳодій, прибывъ въ Моравію, занялъ епископскую каѳедру въ Велеградѣ, и „съ этого времени стала сильно распространяться православная вѣра, число постригшихся [2]) увеличивалось во всѣхъ городахъ, а язычники начали вѣрить въ истиннаго Бога, отрекаясь отъ своихъ заблужденій. Моравское государство начало расширяться во всѣ стороны и безъ грѣха побѣждать своихъ враговъ [3]).“

Но нѣмецкіе епископы, видя, что навсегда теряютъ десятины отъ славянскихъ народовъ, стали вновь подстрекать противъ Меѳодія Святополка, потакая этому грубому и склонному къ разврату князю; они убѣждали Святополка, что Меѳодій будто бы распространяетъ схизму, и распускали слухи, будто папа отнялъ у Меѳодія управленіе Церковью, поручивъ власть нѣмецкому духовенству [4]). Наконецъ, нѣмецкіе епископы жаловались, что Меѳодій нарочно употреблялъ въ богослуженіи и проповѣдяхъ варварскій славянскій языкъ, чтобы тѣмъ легче распространять заблужденія, которыми была заражена большая часть грековъ.

Въ виду подобныхъ интригъ, Святополкъ, усомнившись въ правовѣрности Меѳодія, послалъ священника Іоанна, славянина изъ Венеціи, чтобы онъ испросилъ у Іоанна VIII разслѣдованіе дѣла.

Хотя папа Іоаннъ VIII зналъ лично Меѳодія и окончательное раздѣленіе Церквей на восточную и западную еще не произошло, но, придавая значеніе жалобѣ нѣмецкаго духовенства и желанію князя Святополка, онъ пригласилъ моравскаго архіепископа немедленно явиться въ Римъ и оправдаться во возводимой на него клеветѣ. Послушный велѣніямъ папской столицы, Меѳодій въ обществѣ даннаго ему чиновника моравскаго князя Жижмона отправился въ Римъ въ концѣ 879 г. Въ іюнѣ 880 г. папа писалъ Святополку: „Признавъ Меѳодія правовѣрнымъ во всѣхъ церковныхъ ученіяхъ и основахъ, отсылаемъ его къ вамъ для управленія ввѣренной ему Богомъ Церковью и приказываемъ, чтобы вы его, какъ истиннаго пастыря, приняли съ подобающей честью, почтеніемъ и радушіемъ, потому что силою нашей апостольской власти мы подтверждаемъ его епископскій санъ. Мы приказываемъ, чтобы всѣ священники, діаконы и всякаго рода духовные славяне, или какого либо иного происхожденія, которые могутъ нахо-

---

[1]) „Житіе св. Меѳодія“, 10.

[2]) Подъ подстригшимися слѣдуетъ понимать людей, посвятившихъ себя религіозной дѣятельности.

[3]) „Житіе св. Меѳодія“, 10.

[4]) „Намъ папа далъ власть, а его съ его ученіемъ велитъ прогнать прочь“. Житіе св. Меѳодія, 12.

диться въ предѣлахъ твоего государства, были во всемъ послушны и подвластны нашему брату, вашему архіепископу. Славянское письмо, изобрѣтенное нѣкогда св. Константиномъ Философомъ, рекомендуемъ для прославленія Бога и пусть на этомъ же языкѣ будутъ возглашаемы молитвы и дѣла Христа, такъ какъ святое Писаніе поучаетъ хвалить Господа не только на трехъ, но на всѣхъ языкахъ. Нисколько не противорѣчитъ истинной вѣрѣ ни ученію Церкви ни совершеніе святого богослуженія на славянскомъ языкѣ, ни чтеніе на этомъ языкѣ Евангелія, хорошо переведеннаго, ни равнымъ образомъ пѣніе разныхъ стиховъ изъ священнаго Писанія Вѣтхаго и Новаго Завѣта, вмѣстѣ съ этимъ во всякіе часы во всякое время пѣтые, такъ какъ Тотъ, Который сотворилъ три главные языка: еврейскій, греческій и латинскій, сотворилъ и всѣ другіе языки въ честь и славу Свою. Также приказываемъ во всѣхъ церквахъ вашей земли, для большей ясности, читать евангеліе сначала по-латыни, потомъ по-славянски, громко, въ присутствіи народа, непонятныя же латинскія выраженія объяснять какъ въ какой церкви надлежать будетъ. А если тебѣ (Святополку) и твоимъ приближеннымъ болѣе, понравилась латинская обѣдня, мы повелѣваемъ, чтобы *исключительно для* тебя была совершаема латинская обѣдня“.

Только теперь увидѣли нѣмцы, какіе виды открывались для учрежденія славянской іерархіи и утвержденія славянскаго исповѣданія въ связи съ римскою Церковью, а черезъ это—уничтоженія нѣмецкаго вліянія на развитіе цивилизаціи славянъ. Нѣмцы рѣшились не допустить до этого. Епископъ Викингъ не колебался даже совершить преступленіе, лишь бы не допустить примиренія Святополка съ Меѳодіемъ. Злоумышляя противъ Меѳодія, Викингъ устроилъ такъ, чтобы вышеупомянутое папское письмо, которое должно было быть вручено Святополку Жижмономъ, не дошло до него. Вмѣсто этого князю было вручено другое письмо, совсѣмъ иного содержанія, поддѣланное самимъ Викингомъ. Развѣ могъ Святополкъ, сбитый съ толку этой поддѣлкой, не усомниться въ правовѣрности Меѳодія и не заподозрить его въ ереси, читая письмо, присланное ему будто бы самимъ папой? Нѣмецкая партія въ Моравіи торжествовала. Униженный Меѳодій, чувствуя какой то обманъ, могъ даже папскую столицу подозрѣвать въ неискренности и для выясненія своего положенія вошелъ въ непосредственную переписку съ папой. Тутъ только открылся низкій подлогъ Викинга, и онъ былъ вызванъ на судъ въ Римъ. Происшедшіе въ это время безпорядки въ Италіи, нападеніе сарациновъ и, наконецъ, умерщвленіе Іоанна VIII въ декабрѣ 882 г. избавили Викинга отъ хлопотъ, а Меѳодія лишили горячаго защитника. Будучи, однако, убѣжденъ, что онъ пользуется довѣріемъ папской столицы, и что энергичный протестъ противъ интригъ Викинга являлся необходимымъ для сохраненія епископскаго достоинства и блага славянской Церкви, Меѳодій призвалъ Викинга къ послушанію, предалъ его анаѳемѣ, послѣ чего Викингъ исчезъ изъ Моравіи и не возвращался до смерти Меѳодія.

Побѣды Святополка надъ нѣмцами и миръ заключенный въ Форгеймѣ (874 г.) удержали также натискъ нѣмцевъ на Чехію, а бракъ Святополка съ сестрой чешскаго князя Буживоя еще болѣе сблизилъ чеховъ съ моравами. Наибольшимъ однако благодѣяніемъ для чеховъ было введеніе среди нихъ славянскими апостолами христіанства, такъ какъ этимъ не только уничтожалось вліяніе нѣмецкихъ миссіонеровъ, но и упрочивалось сближеніе братскихъ народовъ во имя общей религіозной идеи и народной обороны. Такъ формировалась въ славянствѣ первая христіанская монархія съ государственной организаціей и народной Церковью, простиравшая свои границы до Магдебурга, Одера и источниковъ Вислы. Отсюда же христіанство, быстро распространяясь, перешло за Вислу въ польскія земли.

Но смерть Меѳодія (885 г.) открыла широкую дорогу интригамъ въ Римѣ и при дворѣ Святополка противъ славянской Церкви въ Моравіи. Намѣченный Меѳодіемъ въ епископы Гораздъ не былъ еще посвященъ, другого же епископа въ Моравіи не было;

оставался только блуждавшій за границами своей епархіи проклятый епископъ Нитры Викингъ. Пользуясь примиреніемъ Святополка съ Арнульфомъ, который, намѣреваясь свергнуть съ престола короля Карла Толстого, искалъ въ могущественномъ моравскомъ князѣ союзника, Викингъ на собственный страхъ интриговалъ въ Римѣ, а вновь избранный папа Стефанъ VI (885—891), державшійся иной политики, чѣмъ Адріанъ II и Іоаннъ VIII, соглашаясь на желаніе Викинга занять должность моравско-паннонскаго архіепископа, въ письмѣ къ Святополку, писанномъ въ 885 г., объясняя догматъ о происхожденіи Св. Духа, извѣстилъ, что-де „признавая сильнымъ въ пониманіи этого святого догмата высокопреподобнаго епископа и самаго любезнаго своего брата Викинга, посылаемъ его къ Святополку для управленія ввѣренной ему Церковью, такъ какъ мы узнали о вашей взаимной дружбѣ и твоемъ о немъ попеченіи. Прими его сердечно и обходись съ нимъ какъ съ духовнымъ отцомъ и пастыремъ, оказывая ему честь и уваженіе.... Онъ приметъ на себя заботу о духовныхъ дѣлахъ и особахъ и, имѣя предъ глазами страхъ Божій, будетъ ихъ разрѣшать. Мы крайне удивляемся, что Меѳодій, упорствуя въ заблужденіяхъ, не созидалъ, но сѣялъ раздоры, и осуждаемъ его заблужденія. А что этотъ же Меѳодій выдумалъ *совершать святые обряды, причащеніе и обѣдню на славянскомъ языкѣ*.... то мы Божьею и нашей апостольскою властью, *подъ страхомъ анаѳемы, запрещаемъ* это, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда пришлось бы простому народу предавать ученіе евангелія и символа вѣры на его родномъ языкѣ“.

Съ этого момента начинается нарушеніе основъ православной христіанской Церкви въ славянскихъ земляхъ. Преслѣдованія начались со славянскихъ священниковъ, изъ которыхъ до 200 нѣмцы посадили въ тюрьму, били ихъ, младшихъ продавали евреямъ, а учителей Горазда, Климента, Лаврентія, Наума, Ангелара и многихъ другихъ, заковавъ въ оковы, бросили въ тюрьму. Все это происходило во время отсутствія Святополка; пользуясь этимъ, нѣмцы приказали солдатамъ, тоже нѣмецкаго происхожденія, выгнать славянскихъ священниковъ за предѣлы страны [1]). Оборванные, голодные, преслѣдуемые врагами славянскіе священники шли проселочными дорогами, куда глаза глядятъ. Климентъ съ Наумомъ и Ангеларомъ, переправившись подъ Бѣлградомъ черезъ Дунай, прибыли въ Болгарію, гдѣ были приняты съ почетомъ королемъ Борисомъ и принялись за распространеніе христіанства и славянскаго письма. Климентъ построилъ знаменитый монастырь въ Охридѣ, потомъ былъ первымъ болгарскимъ епископомъ съ резиденціей въ Велицѣ, въ южной части Македоніи. Остатки изгнаннаго духовенства отправились въ Польшу, что ускорило расширеніе славянской Церкви на огромномъ пространствѣ.

Это происходило во время царствованія въ Лехіи Лешка, сына Земовита, исповѣдовавшаго восточную вѣру. Этотъ король сердечно принялъ эмигрантовъ, между которыми находилось много знаменитыхъ семействъ, приблизилъ наиболѣе знатныхъ изъ нихъ къ своему двору и одарилъ ихъ помѣстьями [2]). По историческимъ преданіямъ эмигранты расположились преимущественно между Вислой и Бугомъ около Кракова. Духовенства прибыло множество, равно какъ и отшельниковъ, которые нравственностью, святостью и рвеніемъ къ славѣ Божьей оказывали еще большее вліяніе на распространеніе православлой вѣры въ Польшѣ. „Эти добровольные изгнанники дали нашимъ отцамъ сильнѣе понять святость и возвышенность христіанской религіи [3])“.

Въ это же время была выстроена въ Краковѣ на Клепажѣ церковь Св. Креста, въ которой богослуженіе долгое время совершалось на славянсколъ языкѣ [4]).

Въ царствованіе Земомысла или Земислава (921—965), который также былъ хри-

---

[1]) „Vita s. Clementis“, стр. 13.

[2]) Friese—Kirckengeschichte Polen, стр. 100.

[3]) Ostrowski. Dz. i praw. kosc. polsk. т. 1, стр. 34, также Bieliński, т. 1, стр. 62, и Czerny, стр. 102.

[4]) Naruszewicz, т. 4, кн. 5, стр. 17—18 и 246, Ostrowski, I, 34, 48—49.

стіаниномъ восточнаго исповѣданія, уже во всей Польшѣ была распространена христіанская вѣра [1]); языческая же вѣра оставалась среди народа, отдаленнаго отъ больших городовъ.

„Несомнѣнно", говоритъ Шафарикъ, „что христіанская вѣра беретъ въ Польшѣ начало не со временъ Мечислава, но что съ самаго начала проповѣди евангелія она была проповѣдуема во всей славянской или сарматской землѣ, соперничая съ господствующимъ Римомъ. Ее распространяли выходцы изъ Понта, которые слышали ее въ Іерусалимѣ на родномъ языкѣ, въ день сошествія Св. Духа, изъ устъ проповѣдовавшаго Петра; она была пріурочена къ нашимъ обрядамъ. При Мечиславѣ же, царствовавшемъ въ Вандаліи, или Польшѣ, римскій культъ и исповѣданіе были навязаны административнымъ распоряженіемъ".

Римская курія, враждовавшая въ то время съ православною вселенскою Церковью, узнавъ, что въ земляхъ, населенныхъ Лехитами, была введена восточными апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ православная христіанская вѣра [2]) и что ихъ послѣдователи не обращаютъ никакого вниманія на Римъ, несмотря на то, что Меѳодій, какъ выше сказано, былъ папой утвержденъ славянскимъ епископомъ, и предвидя отсюда для себя большой недоборъ въ церковныхъ десятинахъ, обратилась къ императору Оттону I съ просьбой назначить на польскій престолъ преданнаго римско-императорской монархіи короля, который могъ бы роспространить исповѣданіе римской вѣры въ этихъ славянскихъ земляхъ. Одновременно съ этимъ курія выслала въ Польшу значительныя денежныя суммы, какъ объ этомъ свидѣльствуютъ позднѣйшія письма папскихъ нунціевъ въ Польшѣ, съ цѣлью привлеченія на сторону куріи вліятельныхъ въ Польшѣ лицъ, что легко удалось: поляки доставили куріи за деньги массу сторонниковъ.

Римско-германскій императоръ Оттонъ I Саксонскій, разбивъ Беренгара, короля Ломбардіи, принужденъ былъ поспѣшить въ Германію для усмиренія бунта, поднятаго его сыномъ Лудольфомъ и его родственниками маркграфами, а также для отраженія вторгшихся мадьяръ. Этихъ послѣднихъ онъ побѣдилъ въ 954 г. на рѣкѣ Лехѣ и устрѣмился противъ Болеслава Чешскаго, призывавшаго западныхъ славянъ къ возстанію противъ нѣмцевъ; побѣдивъ его въ 956 году и принудивъ къ отреченію отъ гегемоніи надъ лехами, онъ назначилъ, согласно желанію куріи, княземъ Лехіи, Силезіи и Поморіи прыбывшаго изъ Франціи французскаго рыцаря по имени Микласъ Ламбертъ, выданнаго куріей за сына Земомысла, правнука Земовита, или за праправнука воеводы Пяста и его жены Репки, или Жепихи, чешкой княжны, сестры Вратислава Чешскаго и его брата Спытка.

Послѣ побѣды, одержанной позже надъ Беренгаромъ, королемъ лонгобардовъ, Оттонъ I въ 961 году приказалъ вѣнчать себя въ Миланѣ королемъ Италіи, а въ 962 году приказалъ папѣ, семнадцатилѣтнему Іоанну XII, провозгласить его римско-германскимъ императоромъ, что, разумѣется, его епископы маркграфы и всѣ нѣмецкіе вассалы немедленно подтвердили.

Назначенный Оттономъ князь Лехіи Силезіи и Поморіи вышеназванный Микласъ, не умѣвшій вовсе говорить по славянски, выдавая себя, согласно съ желаніями куріи, за сына Земомысла, нашелъ поддержку со стороны Болеслава Чешскаго и, женившись, несмотря на то, что имѣлъ уже семь женъ [3]) на сестрѣ этого-жъ Болеслава, Домбровкѣ,

---

[1]) Шафарикъ, „Славянскія древности" т. II кн. II стр. 156.

[2]) „Со времени распространенія въ Польшѣ христіанской религіи славянскаго исповѣданія, т. е. во время царствованія Земовита, по всей Лехіи утвердилась монархическая власть, которая весьма усилилась послѣ введенія римскокатолическаго исповѣданія въ концѣ царствованія Мечислава I, Maciejowcki „Polska pod względem obyczajowym i zwyczajowym", т. I, ст. 40 (1842 г.).

[3]) Хроника Мартина Галла въ переводѣ Комарницкаго, стр. 43.

принялъ крещеніе отъ священниковъ восточнаго исповѣданія, согласно съ исповѣданіемъ своей жены и тестя, причемъ получилъ славянское имя Мечислава. Если бы Мечиславъ былъ действительно сынъ Земомысла, не нужно было бы ему принимать крещеніе, такъ какъ, начиная съ Земовита, потомки Пяста были православнаго исповѣданія.

Римская курія въ то время еще не розошлась явно съ христіанскою Церковью. и христіанская вѣра какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ казалась одинаковою; поэтому Мечиславъ могъ дѣйствовать добросовѣстно, полагая, что обращаетъ Лехитовъ въ христіанскую вѣру, съ каковою цѣлью, слѣдуя указаніямъ Рима, онъ сумѣлъ снискать себѣ расположеніе лехитскихъ воеводъ и старшихъ священниковъ (называвшихся князьями), доровавъ имъ большія привилегіи. Говоря: „что намъ мѣшаетъ притворяться вѣрующими въ римскую курію и имѣть за это обезпеченіе отъ меча германцевъ", они склонили воеводъ и священниковъ, (вовсе не спрашивая мнѣнія мѣщанъ и поселянъ, т. е. большинства народа) къ публичному разрыву съ остальнымъ славянствомъ при посредствѣ отступничества, т. е. перекрещенія, въ присутствіе Оттона и его войска, изъ греко-славянскаго исповѣданія въ римско-нѣмецкое. Перекрестилъ ихъ магдебургскій куріально-имперскій епископъ Іорданъ, и говоря, что „отцомъ всѣхъ христіанъ является понтифексъ Рима", онъ требовалъ, чтобы они присягнули этому Святому Отцу въ томъ, что отдаются подъ попечительство римской іерархіи и нѣмецкаго леннаго феодализма.

Увы! Лехиты исполнили все то, что имъ предлагали, послѣ чего нѣмецкіе монахи начали немедленно возводить въ городахъ Лехіи огромные укрѣпленные монастыри и помѣщать въ нихъ римско-нѣмецкихъ вооруженныхъ монаховъ; для успокоенія же протестовавшихъ воеводъ и поселянъ они объявили, что эти монастыри строятся какъ оплотъ противъ нѣмцевъ, въ доказательство чего показывали письма съ подписью „Мечислава" или „Мешко", князя леховъ. Однако оказалось, что Мешко-Ламбертъ, за наименованіе его сыномъ Земовита и королемъ Польши, собралъ для куріи и для нѣмцевъ въ Кведлинбургѣ въ новой Саксоніи дань и, униженно кланяясь и изъявляя покорность римско нѣмецкому Оттону, подчинялся римско-нѣмецкой іерархіи и получилъ за это отъ куріи титулъ „metropolitus provinciarum Lechitas", то есть титулъ леннаго митрополита римской провинціи Лехіи, относительно универсализма куріи и нѣмцевъ.

Чѣмъ же объясняется поспѣшность, съ которою лехиты замѣнили истинную христіанскую вѣру, введенную у нихъ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, латинскимъ исповѣданіемъ?

Объясняется это, въ первыхъ, тѣмъ, что еще не было извѣстно въ то время о только что совершившемся отпаденіи Рима отъ каѳолической, т. е. вселенской христіанской Церкви, вслѣдствіе чего народъ полагалъ, что Римъ распространяетъ тѣ самыя христіанскія основы, которыя проповѣдовали славянскіе апостолы; духовенство же въ Лехіи было слишкомъ слабо, чтобы, видя извращеніе этой вѣры, сопротивляться вооруженной римско нѣмецкой пропагандѣ; во вторыхъ, при разбойническихъ инстинктахъ поляковъ, легче переходили въ ихъ сознаніе основы, опирающіяся на мечъ, огонь и отраву, нежели заповѣдь Христа: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ" (Матѳ. V, 44).

Подъ такимъ вліяніемъ Лехія начала расторгать святой славянскій союзъ въ братствѣ съ Литвой и Русью.

Несмотря на то, что такое отступничество отъ славянства и христіанства возмущало всѣхъ не заинтересованныхъ, однако большинство въ Лехіи не поняло въ то время значенія этого вѣроотступничества, а никто не смѣлъ возразить противъ приказа такъ называемаго сына Земомысла, или правнука Пяста, и потомка Леха, сына славянскаго Самона и брата Чеха и Русса. Такимъ образомъ чужеземное римско-

нѣмецкое ученіе, поддерживаемое римско-нѣмецкимъ огнемъ и мечемъ противъ тогдашняго каѳолическаго, или вселенскаго греко-славянскаго ритуала, мало по малу стало провозглашаться обязательною или государственною религіей.

Не довольствуясь этимъ, вышеназванный „metropolitus provinciarum Lechitas"—Мечиславъ-Ламбертъ основалъ вмѣстѣ съ римско-нѣмецкимъ легатомъ въ 968 г., по приказу Оттона Саксонскаго, куріальное епископство въ Познани, сверхъ того большое куріально-нѣмецкое абатство и монастыри, или форпосты для латинизаціи, а позже для германизаціи, главнымъ же образомъ,—для выманиванія у леховъ денегъ, во имя любви къ нимъ итальянцевъ и нѣмцевъ. Мешко-Ламбертъ, желая показать себя добрымъ славянскимъ патріотомъ, кое-какъ помогалъ въ 972 г. чехамъ противъ нѣмцевъ въ сраженіи на рѣкѣ Цигнинѣ, но уже вслѣдъ за этимъ помогалъ, увы, по приказу Рима, нѣмцамъ противъ братьевъ славянъ: оботритовъ, лютичей, гаволанъ и стодоранъ.

Мечиславъ, какъ дитя, легко повѣривъ нѣжностямъ и обѣщаніямъ лицемѣрнаго Іоанна XIII, объявлялъ папскія анаѳемы на всѣхъ неплатящихъ дани римской Церкви, покровительствовалъ монахамъ, проникавшимъ повсюду и стращавшимъ славянъ карами небесными, болѣзнью и смертью за невѣріе въ курію и обѣщавшимъ „награду на небѣ за вѣру въ курію и за жертвы въ пользу римской Церкви".

Іоаннъ XIII былъ вскорѣ (въ 972 г.) задушенъ въ тюрьмѣ самъ же онъ вступилъ на папскій престолъ послѣ умерщвленія схваченнаго на свиданіи съ чужою женою Іоанна XII, прозваннаго римлянами „воплощеннымъ дьяволомъ", какъ уже сказано выше.

Смерть папы Іоанна XIII-го сильно опечалила Мечислава. Точно послѣ потери родного отца, Ламбертъ надѣлъ трауръ и, по приказанію новаго предсѣдателя куріи Бенедикта, опубликовалъ его буллу, что „денежныя жертвы отъ народа, какъ безкровныя, несравненно пріятнѣе римской Церкви, нежели жертвы, въ видѣ овецъ и барановъ". Такое жертвоприношеніе Мешко-Ламбертъ подтвердилъ въ 973 г. по приказу новаго предсѣдателя куріи Бонифація, который задушилъ Бенедикта, затѣмъ по приказу Дона II, умершаго въ томъ же году, Бонифація VII, свергнутаго съ папскаго престола въ 976 г., Бенедикта VII, умершаго въ 984 г., Іоанна XIV, убитаго черезъ годъ Бонифаціемъ, и Іоанна XV, вполнѣ преданнаго нѣмцамъ. Наконецъ, въ 992 году, при папѣ Іоаннѣ XV, Мешко-Ламбертъ умеръ, оставивъ своему сыну Болеславу «Храброму» управленіе Лехіей,—управленіе, увы, зависимое отъ итальянской куріи и отъ нѣмцевъ.

Скоропостижная и отчасти насильственная смерть семи папъ въ продолженіе 20 лѣтъ, убѣдительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ объ основахъ римской вѣры и ея послѣдователей. Вотъ какіе плоды принесли Польшѣ эти основы: сынъ Мечеслава, Болеславъ, идя по слѣдамъ римскихъ учителей, изгналъ изъ страны мачиху вмѣстѣ съ тремя единокровными братьями, съ которыми онъ долженъ былъ подѣлиться государствомъ, велѣлъ выколоть глаза своимъ родственникамъ: Одиленусу и Пшыбывою и забралъ власть исключительно въ свои руки.

Оказывая преданность и покорность папѣ, Болеславъ надѣялся получить королевскій титулъ, съ каковой цѣлью отправилъ въ 998 г. къ папѣ посольство мотивируя свое ходатайство обѣщаніями царской короны, данными ранѣе отцу его Мечиславу. Подробности объ этомъ посольствѣ можно прочесть въ Antiquitatum Italiae Mediae acti знаменитаго Antoni Murutori. Tom. V, стр. 831. Но папа отказалъ Болеславу въ его ходатайствѣ. Какъ на причину отказа папа указывалъ на явленіе ему будто-бы ангела, запретившаго давать Болеславу корону, такъ какъ поляки, *отличаясь жестокостью, несправедливостью и притѣсненіемъ подвластныхъ народовъ,* совершенно не заслуживаютъ такого дара [1]).

[1]) Dlugossi ad Ann. 998. Croni. p. 57.

Возмущенный отказомъ Болеславъ обратился за королевскимъ титуломъ къ императору. Въ то время на императорскомъ престолѣ сидѣлъ Оттонъ III, какъ извѣстно, издавна намѣревавшійся воздвигнуть вновь древнее римское государство и сдѣлать вѣчный городъ императорскою столицей. Съ этою цѣлью онъ привлекалъ на свою сторону высшее духовенство и въ числѣ своихъ друзей имѣлъ чешскаго епископа Войцеха, прозваннаго Адальбертомъ.

Магдебургскій архіепископъ Адальбертъ принималъ въ Войцехѣ особое участіе, нарекъ его своимъ именемъ Адальберта и, какъ хорошо владѣвшаго славянскими вообще и чешскимъ въ особенности языками, подготовлялъ его къ апостольской дѣятельности, въ интересахъ Рима, въ славянскихъ земляхъ. По окончаніи наукъ, Адальбертъ былъ посвященъ въ пресвитеры, а въ 981 году посланъ въ Чехію въ помощь первому пражскому епископу Дитмару.

Выше было сказано, что почти всѣ славянскія земли были уже просвѣщены свѣтомъ евангельскаго ученія, слишкомъ за сто лѣтъ предъ симъ, приснопамятными славянскими первоучителями и *апостолами всѣхъ славянскихъ народовъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ* [1]) и учениками ихъ, но обращеніе ихъ въ христіанство совершилось по обрядамъ греко-восточной Церкви, не признававшей папъ главой Церкви Христовой. Для порабощенія, поэтому, Церкви Восточной папамъ нужны были борцы, съ помощью коихъ Римъ мнилъ подчинить себѣ послѣдователей византійскаго ученія. Къ такимъ борцамъ принадлежалъ Дитмаръ, который, при содѣйствіи чешскаго князя, ждавшаго изъ Рима королевскаго вѣнца за введеніе обряда Западной Церкви, первый началъ вводить въ Чехіи латинскій языкъ и обряды Западной Церкви при богослуженіи, но, осторожности ради, дѣйствовалъ исподоволь и съ большою осмотрительностью, зная, съ какимъ уваженіемъ народъ относился къ памяти своихъ апостоловъ, и съ какимъ благоговѣніемъ и твердостію придерживался введенныхъ ими восточныхъ обрядовъ и богослужебнаго чина Греческой Церкви [2]). Адальбертъ при Дитмарѣ игралъ роли неруководящія, а исполнительныя и потому дѣйствовалъ тоже сдержанно.

Какъ-то вскорѣ послѣ этого, пресвитеръ Адальбертъ, въ угоду папѣ, отправился съ нѣкоторыми священниками и катехизаторами къ „руссамъ“ для насажденія среди нихъ вѣры Христовой. Выдавая себя за послѣдователей ученія св. Кирилла и Меѳодія, они встрѣтили радушный пріемъ. Но когда княгиня Ольга и русскіе убѣдились, что латино-нѣмецкіе миссіонеры называютъ излюбленное имъ ученіе Восточной Церкви, принятое ранѣе отъ моравскихъ и чешскихъ священниковъ, учениковъ Кирилла и Меѳодія, нечестивымъ и навязываютъ имъ иное на языкѣ латинскомъ, совершенно для нихъ непонятномъ, то возстали противъ нихъ и многихъ умертвили [3]). Адальбертъ успѣлъ спастись бѣгствомъ и вернулся въ Прагу, а оттуда въ Магдебургъ.

По смерти Дитмара, Адальбертъ, будучи назначенъ въ 982 году на его мѣсто епископомъ, прибылъ, по повелѣнію Оттона II и папы въ Прагу со многими латино-нѣмецкими священниками и катехизаторами и съ большою энергіей занялся искорененіемъ восточнаго обряда и введеніемъ латинскаго. Но шестилѣтняя дѣятельность его не увѣнчалось успѣхомъ, чему въ значительной степени препятствовала развратная жизнь Адальберта и прибывшаго съ нимъ духовенства. Только князь и большинство магнатовъ и царедворцевъ согласилось перемѣнить вѣроисповѣданіе, но весь народъ отвернулся отъ него съ негодованіемъ и угрозами, что заставило Адальберта въ 989 г. бѣжать въ Римъ и поселиться въ бенедиктинскомъ монастырѣ.

Но такъ какъ въ это время латинская Церковь стала усиливаться въ сосѣднихъ съ

---

[1]) Rollandi vit. sanc. apud. Tivan. Pagium Brev. Pontif. Rom. Tom. II, p. 112. Фризе въ рус. пер. Томъ I, стр. 20.

[2]) Фризе. Т. I, стр. 87.

[3]) Stredowski. Morawia Sacra p. 520.

Чехіей славянскихъ земляхъ, населенныхъ лехами, то ободренный этимъ папа, пять лѣтъ спустя, отправилъ Адальберта опять въ Прагу, въ его славянскую епархію. Миссія его на этотъ разъ принесла слишкомъ грустные плоды. Сроднившійся съ восточнымъ обрядомъ, славянскимъ богослуженіемъ и непорочностью жизни своего духовенства чешскій народъ и знать, особенно вельможи Вершовцы, отнеслись къ Адальберту и наѣхавшему съ нимъ духовенству крайне враждебно. Они приняли его за измѣнника родинѣ, вѣрѣ своихъ дѣдовъ и вообще народно-религіознымъ идеаламъ. Основаніемъ къ этому послужила дружба завязанная имъ съ Оттономъ III, ученикомъ Адальберта, и самая проповѣдь его направленная въ пользу нѣмцевъ и папы и во вредъ родной странѣ, отбивавшейся съ трудомъ отъ онѣмеченія. Главнымъ же поводомъ къ негодованію послужила развратная жизнь Альберта и прибывшаго съ нимъ высшаго духовенства, о каковой не только священники чешскіе, но и свѣтскіе люди, до того времени, понятія не имѣли. Недовольные всѣмъ этимъ магнаты и все населеніе страны потребовало отъ князя Болеслава II и епископа Адальберта возстановленія прежняго богослужебнаго чина, установленнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ во всей его неприкосновенности и удаленія изъ Чехіи безбрачнаго латино-нѣмецкаго духовенства, опозорившаго себя развратною жизнью. Когда же Адальбертъ на это не согласился, то народъ присудилъ къ смерти его любовницу, знатную замужнюю особу изъ рода Вершовцевъ. Епископъ, спасая ее заперъ собственноручно въ монастырѣ св. Георгія, окруженномъ толстыми и высокими каменными стѣнами. Но возмущенное населеніе, узнавъ объ этомъ, бросилось съ оружіемъ въ рукахъ во дворъ епископа, потребовало выдачи укрытой имъ женщины и грозило смертію ему самому. Когда же Адальбертъ отказался отъ ея выдачи, то разъяренная толпа, по указанію одного монастырскаго слуги, ворвалась въ комнату, гдѣ она была заперта и тамъ же умертвили ее. Предвидя неминуемую гибель, Адальбертъ поспѣшилъ скрыться и немедленно на верховой лошади ускакалъ въ Римъ и поселился въ монастырѣ св. Бонифація [1]); это было въ 995 году.

Такъ какъ Адальбертъ происходилъ изъ рода Славниковъ, то озлобленная противъ него партія рѣшилась искоренить весь этотъ родъ. Собранное ею войско окружило замокъ Славниковъ въ Любичѣ, куда всѣ они скрылись. Послѣ непродолжительной осады замокъ былъ взятъ и разграбленъ; всѣ Славники, братья Адальберта съ женами, дѣтьми и ближайшими домашними и съ прислугой были умерщвлены, а остальные ихъ защитники взяты въ плѣнъ. Остался только въ живыхъ Собѣборъ, или Порай, онъ же Гауденцій, и Радинъ, старшій братъ Адальберта, находившійся за границей.

Успѣхъ въ славянскихъ странахъ христіанства по ученію Восточной Церкви безпокоили папу и нѣмецкаго императора и внушили Григорію V и Оттону III мысль снова послать Адальберта въ Прагу съ назначеніемъ его архіепископомъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Но на этотъ разъ поѣздка его окончилась плачевно. Не успѣлъ архіепископъ Адальбертъ пріѣхать въ предѣлы своей родины, какъ на дорогѣ его извѣстили о народно-религіозныхъ волненіяхъ въ Чехіи, жертвой которыхъ пали всѣ его родные братья съ женами, дѣтьми и служащими, и что эта же участь ожидаетъ его. Не дорожа мученическимъ вѣнцомъ архіепископъ поворотилъ въ Польшу и прибылъ въ Гнѣзно, тогдашнюю столицу польскаго княжества. Болеславъ Храбрый встрѣтилъ его ласково, такъ какъ въ то время онъ самъ и вся почти знать Польши оставили свое первобытное греко-восточное исповѣданіе и приняли западное; только средній классъ и простой народъ держались еще восточныхъ обрядовъ и славянскаго богослуженія. Въ Гнѣзнѣ архіепископъ Адальбертъ чувствовалъ себя внѣ всякой опасности и свободно при содѣйствіи князя занялся введеніемъ обрядовъ западной Церкви и латинскаго богослужебнаго чина. Но такъ какъ здѣсь былъ уже свой епископъ Унгеръ, то

---

[1]) Buliński. T. I, стр. 417—427.

Болеславъ предложилъ ему отправиться въ покоренный недавно поляками Данцигъ для обращенія «пруссовъ», чѣмъ князь надѣялся упрочить свое господство надъ нижней Вислой. Для болѣе вразумительной латинской проповѣди ученія Христа, Адальберту были даны въ помощь 30 человѣкъ вооруженной голытьбы, съ которыми польскій апостолъ поплылъ въ Данцигъ. Едва онъ приступилъ къ проповѣди, съ примѣненіемъ латинскихъ пріемовъ [1]), и насильственно вымогательству дани для Рима, какъ былъ убитъ. Но прежде чѣмъ до этого дошло „мирный и добродушный народъ заявилъ миссіонеру, что онъ имѣетъ своихъ боговъ и свой законъ, и просилъ, въ предупрежденіе несчастій, оставить жителей въ покоѣ и добровольно вернуться домой [2]). Архіепископъ не только не внялъ просьбамъ язычниковъ, но, полагаясь на свою вооруженную стражу головорѣзовъ, расположился ночевать на священномъ или жертвенномъ мѣстѣ пруссовъ, называемомъ Ромове. Пришедшій въ негодованіи народъ вытащилъ его оттуда и, за оскверненіе святыни, принесъ его въ жертву богамъ заклавъ на жертвенномъ возвышеніи. Спутники Адальберта, не сочувствовавшіе подобному способу распространенія христіанства, не пытались защищать его и, получивъ разрѣшеніе свободно вернуться домой, привезли Болеславу Храброму извѣстіе объ участи, постигшей Адальберта-Войцеха. Огорченный такимъ исходомъ дѣла Болеславъ выкупилъ тѣло Адальберта-Войцеха, перевезъ его въ гнѣзненскій костелъ и приказалъ народу почитать Войцеха какъ святого, въ каковомъ званіи папа утвердилъ его.

Но могла ли миссіонерская дѣятельность Войцеха считаться послѣдствіемъ его вѣры во Христа, за Котораго онъ готовъ былъ положить жизнь свою, и можно ли причислить его къ мученикамъ за вѣру? Мы видѣли выше, что онъ не стремился просвѣщать язычниковъ, а вносилъ лишь соблазнъ и раздоръ въ христіанскую же православную Церковь, за что подлежалъ наказанію, отъ котораго спасался бѣгствомъ въ Римъ.

У пруссовъ онъ очутился случайно, не съ проповѣдью мира и любви, а съ насиліемъ и кощунствомъ надъ дорогими человѣческой душѣ вѣрованіями; мы не можемъ не сказать вмѣстѣ съ М. П. Устимовичемъ [1]), что жившіе въ то время пруссы—народъ хотя дикій и погруженный въ глубокій мракъ язычества—были добродушны, кротки и честны. Апостолу такого народа слѣдовало идти къ нему на проповѣдь не подъ прикрытіемъ военной дружины, а вооружиться только крестомъ и евангеліемъ. Примѣръ такой проповѣди былъ у него передъ глазами. Первоверховный Апостолъ языковъ, прибывъ впервые на проповѣдь евангелія въ Аѳины, центръ тогдашней языческой мудрости, первоначально осмотрѣлъ городъ, обозрѣлъ всѣ языческіе храмы и капища и потомъ повелъ свою проповѣдь въ Ареопагѣ съ тонкою предусмотрительностью: „по всему я вижу,—началъ ап. Павелъ,—что вы, аѳинскіе граждане, народъ благочестивый; у васъ даже есть храмъ невѣдомому Богу, я именно и проповѣдую этого Бога...“ Послѣдствіемъ такой проповѣди было обращеніе ко Христу Діонисія Ареопагита жены именемъ Дамарь и нѣкоторыхъ мужей, *прилѣпившихся* къ апостолу. Но если бы апостолъ Павелъ началъ свою проповѣдь порицаніемъ древнихъ языческихъ вѣрованій и расположился на ночлегъ въ одномъ изъ капищъ или чтимыхъ народомъ священныхъ мѣстъ, какъ это сдѣлалъ Адальбертъ, то его несомнѣнно постигла бы участь послѣдняго. Адальбертъ на могъ не знать, что Апостолъ языковъ былъ *всѣмъ вся*. Ему также не безызвѣстно было, что древнія языческія вѣрованія, сложившіяся вѣками, убѣжденія и традиціонные обычаи предковъ, каковы бы они ни были, врѣзываются глубоко въ душу, дороги и близки сердцу каждаго, и посему нужна мудрая осторожность, чтобы пошатнуть ихъ, не затронувъ сразу слишкомъ глубоко. Адальберту—мис-

---

[1]) Что римская религія была распространяема при посредствѣ огня и меча, см. у Мацѣевскаго, Фризе, Петрушевича, Лонцкаго, Иннокентія и др.

[2]) Morawski. Dzeje Nar. Pol. Poznań. 1878 г. Т. I, стр. 40—43.

[3]) Архіепископъ Адальбертъ, стр. 31—33.

сіонеру весьма даровитому, глубоко, для того времени, образованному, ученому богослову, учителю императора Оттона III-го, не слѣдовало упускать изъ виду и того, что въ основѣ всѣхъ языческихъ вѣрованій лежитъ несомнѣнная микроскопическая доля истины и невыясненное врожденное чувство сознаніе зависимости человѣка отъ Верховнаго Существа и необходимости чтить это Существо и богоугождать ему, какъ это дѣлали праотцы и праматери, память и завѣты которыхъ для потомковъ священны. Не увлекаясь ревностью не по разуму, которая составляетъ черту невѣжественнаго воина, но не миссіонера, и которая, смѣемъ сказать, составляетъ характерную черту его миссіонерской дѣятельности въ Чехіи, Адальберту слѣдовало приступить къ дѣлу вразумленія пруссовъ послѣ ознакомленія съ ихъ образомъ жизни и глубиною вѣрованій. Рвеніе обратить сразу народъ ко Христу—дѣло немыслимое; для этого нужна подготовка, требующая времени, терпѣнія и мудрой предусмотрительности; для этого нужна чистота нравовъ самого миссіонера, чѣмъ Адальбертъ не отличался. Простодушный народъ слушалъ его проповѣдь безъ гнѣва и пришелъ въ негодованіе лишь послѣ того, какъ онъ „положилъ ноги на столъ", т. е. осквернилъ ихъ святыню Ромове. Онъ казненъ, какъ большинство христіанъ въ римской имперіи до Константина Великаго, не за вѣру, а за поруганіе языческихъ святынь и идоловъ, и такихъ жертвъ языческой злости Церковь къ мученикамъ и къ святымъ не причисляла. Вѣдь спутниковъ Адальберта пруссы отпустили съ миромъ, сказавъ: „у насъ есь свои вѣрованія, свои боги, мы не обращаемся къ вамъ, не трогайте насъ" [1]).

Все высказанное нами здѣсь свидѣтельствуетъ, что кончина Адальберта послѣдовала въ физической борьбѣ, посредствомъ которой Адальбертъ пожелалъ завладѣть священнымъ для народа мѣстомъ. Подобную кончину нельзя назвать мученическою: онъ залѣзъ съ ногами на жертвенникъ, и его на немъ безъ всякихъ мученій закололи какъ скотину въ жертву своимъ богамъ. Подобный способъ проповѣдыванія Евангелія не завѣщанъ миссіонерамъ ни Основателемъ нашей вѣры, ни апостолами, ни Церковью.

Гдѣ же здѣсь миссіонерское подвижничество, гдѣ святость жизни?

Узнавъ, что Польша, собственно же воинственный неофитъ такъ легко призналъ святою неизвѣстную ему личность только на томъ основаніи, что она была облачена въ духовное платье, императоръ Оттонъ понялъ, что найдетъ въ немъ наилучшаго союзника для Рима, и, желая пріобрѣсть лично расположеніе темнаго народа, отправился въ Польшу подъ предлогомъ посѣщенія могилы своего друга. Зимою 1000 года встрѣтилъ его съ большими почестями въ Илловѣ Болеславъ и привезъ въ Гнѣзно. Послѣ великолѣпныхъ пиршествъ, по окончаніи которыхъ серебряные и золотые сосуды были отправлены княземъ въ помѣщеніе императора, Оттонъ назвалъ его „другомъ и союзникомъ римскаго народа", украсилъ его голову собственною короной, и даровалъ всѣ церковныя права, установленныя для имперіи, т. е. право убивать и преслѣдовать еретиковъ, съ присоединеніемъ къ Польшѣ всѣхъ земель, какъ уже отнятыхъ у варваровъ, такъ и могущихъ еще быть завоеванными. Признавая духовенство лучшимъ орудіемъ борьбы, императоръ вмѣстѣ съ Болеславомъ, не взирая на митрополитальныя права Магдебургскаго архіепископа, основалъ въ Гнѣзнѣ архіепископство и назначилъ Гавденція, брата Адальберта, первымъ польскимъ архіепископомъ, а его викаріями епископовъ Кейшбера, Зальцгельберга, Поппо изъ Кракова и Іоанна изъ Вротислава, давъ имъ соотвѣтствующія инструкціи относительно укрѣпленія поляковъ въ вѣрѣ не столько въ Христа, сколько въ папу. Оттонъ III Гербертъ приказалъ Болеславу провозгласить выгнаннаго изъ Чехіи и убитаго пруссаками Адальберта-Войцеха патрономъ войскъ новаго государства „Полей", называя именемъ „Польша"—Лехію, съ архиполитическою цѣлью, окончательно уничтожить память о братскомъ славянскомъ родствѣ

---

[1]) Бантке. Т. I, стр. 77.

или съ цѣлью отличія по названію и отдѣленія леховъ отъ чеховъ и руссовъ, измѣняя ихъ имя на названіе поляковъ. Поляки тоже очень легко приняли на себя роль Каина по отношенію къ родственной Россіи, которую постоянно старались безпокоить.

Не имѣя ничего общаго съ польскимъ народомъ, посланцы Рима усердно принялись за дѣло и въ скоромъ времени подчинили Польшу папѣ. Тотчасъ же начались паломничества въ Римъ польскихъ магнатовъ, поступавшихъ на службу къ Святому Отцу и получавшихъ отъ него жалованіе за вѣрноподданническія чувства для римсконѣмецкой монархіи, за предательство своего народа. Эти господа именуемые „юргельтниками“ (продажными) пресмыкались у ногъ папы, предсѣдателя Куріи, смиренно цѣлуя его обувь.

Отсюда-то у поляковъ и сохранились до сихъ поръ привѣтствія: „падаю къ ногамъ“, „цѣлуя ножки“ и т. п.

Папѣ эта церемонія такъ понравилась, что вскорѣ послѣ введенія въ Польшѣ вѣры въ папу, Григорій VII установилъ, какъ обязательный законъ для всѣхъ, цѣлованіе ноги папы. Это является наилучшимъ доказательствомъ того, что не только изъ Рима шло просвѣщеніе въ Польшу, но и обратно изъ Польши въ Римъ, чѣмъ гордятся поляки. Въ Римѣ этихъ господъ убѣдили, что христіанскій Богъ не понимаетъ варварскаго польскаго языка, а лишь латинскій, греческій и еврейскій, въ виду, чего если они хотятъ жить въ согласіи съ Богомъ, или его намѣстникомъ—папой, то должны устранить народный языкъ не только изъ церкви, но и изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и замѣнить его латынью. Это было свято исполнено, а поляки не роптали на то, что общественныя дѣла велись въ ихъ странѣ на совершенно чужомъ языкѣ Теперь же, когда ихъ земли вошли въ составъ земли русской, и единокровное имъ славянское правительство желаетъ, чтобы въ употребленіи былъ государственный славянскій языкъ, поляки вопятъ передъ цѣльнымъ свѣтомъ о притѣсненіи „Москалями“ ихъ народнаго языка.

Употребленіе чужого языка въ христіанскомъ богослуженіи болѣе всего противорѣчитъ ученію Апостоловъ; Христосъ ниспослалъ на апостоловъ Св. Духа, чтобы дать имъ возможность проповѣдывать Христіанскую вѣру на понятномъ для каждаго народа языкѣ. Въ Кесаріи товарищи Петра слышали, какъ Корнелій и его домашніе „стали говорить языками и пророчествовать“, т. е. говорили на неизвѣстномъ имъ дотолѣ мѣстномъ языкѣ объ истинахъ вѣры. Въ Коринѳѣ происходило точно такъ же. Послушаемъ Апостола Павла: „Кто говоритъ на *незнакомомъ* языкѣ, тотъ говоритъ не людямъ, а Богу... Кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, тотъ назидаетъ себя; а кто пророчествуетъ, тотъ назидаетъ Церковь. Теперь, если я приду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? Но въ Церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобы и другихъ наставить, *нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ* (1 Кор., XIV, 2, 4, 6, 19).

Можно по этому себѣ представить, какимъ образомъ было распространяемо въ Лехіи ученіе Христа незнающими мѣстнаго языка, но имѣющими въ своемъ распоряженіи мечъ и огонь римско-германскими авантюристами съ весьма шаткими нравственными основами.

Способъ обращенія въ латинскую вѣру былъ таковъ: подвергали денежнаго человѣка пыткѣ, во время которой ксендзъ одной рукою прикладывалъ ему къ устамъ распятіе, другой же очищалъ его карманы, а потомъ и его жилище. Читать въ Лехіи въ то время никто не умѣлъ, слѣдовательно Св. Писаніе было недоступно народу, поэтому, онъ долженъ былъ вѣрить въ то, что объснитъ ему мимически, за полнымъ незнаніемъ языка, прикрытый монашескою одеждою итальянскій бандитъ. Онъ же внушалъ

ему единственно о Святости Римскаго папы—земного Бога и о необходимости приносить ежегодно жертвы въ пользу этого святого Отца.

Причиной перваго раздора Польши съ Россіей въ началѣ 1013 г. былъ ксендзъ. По поводу обрученія Святополка, усыновленнаго Владиміромъ, съ дочерью Болеслава, съ нею прибылъ въ Кіевъ Рейнбергъ, епископъ основаннаго Болеславомъ Колобрегскаго епископства, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Святополкомъ. Его дѣйствія при дворѣ Владиміра возбудили подозрѣнія. Обнаружилось, что всѣ они—въ тайномъ союзѣ съ Болеславомъ и замышляютъ вызвать возстаніе, съ цѣлью умертвить Владиміра. Онъ предупредилъ ихъ и велѣлъ посадить въ тюрьму Святополка вмѣстѣ съ его невѣстой и Рейнбергомъ. [1]) Это вызвало войну съ неизвѣстнымъ потомству результатомъ. Мы констатируемъ лишь фактъ, что первый дружескій союзъ Руси съ Польшей былъ нарушенъ измѣной этой послѣдней, по наущенію и при посредствѣ латинскаго монаха.

Любимымъ занятіемъ поляковъ были набѣги на сосѣдніе народы, и когда имъ удавалось оставаться побѣдителями, то они оскорбляли ужаснѣйшимъ образомъ мѣстную вѣру, убивая тѣхъ, которые не хотѣли подчиниться къ Риму. Историки описываютъ, какъ поступали эти новые христіане: „Когда Императоръ Конрадъ предпринялъ походъ противъ венгерцевъ и выступилъ съ войскомъ, то въ беззащитныя пограничныя нѣмецкія земли вторгся въ концѣ января 1030 года польскій князь. Съ нимъ находился Зигфридъ, сынъ Удона, бывшаго лужицкаго маркграфа. Зигфридъ былъ монахомъ нибургскаго монастыря на Саалѣ, а теперь товарищемъ и руководителемъ польскихъ шаекъ. Толпы ихъ разсыпались по всей беззащитной странѣ между средней Эльбой и Одеромъ. Они взяли въ плѣнъ бранденбургскаго епископа Ливиза, и сожгли болѣе ста деревень между Эльбой и Саалой. Эти шайки опустошали ужаснѣйшимъ образомъ мѣстности, черезъ которыя проходили, убивали саблями благородныхъ беременныхъ женщинъ или произали ихъ копьями, стариковъ, дѣтей, больныхъ умерщвляли массами, не щадили даже святыхъ алтарей, обагряя ихъ кровью.

При появленіи маркграфа Θеодорика съ незначительнымъ войскомъ, поляки обратились въ бѣгство; преслѣдуя ихъ, воины маркграфа многихъ перебили, однако они увели до 10.000 плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ."

Не прошло еще ста лѣтъ со времени появленія въ Польшѣ римскаго духовенства, какъ оно уже успѣло вызвать въ странѣ анархію.

По смерти Болеслава Храбраго въ 1025 г. духовенство вмѣстѣ съ панами начало сильнѣе грабить народъ и изгонять остающихся въ странѣ монаховъ православнаго исповѣданія. Вслѣдствіе этого вспыхнуло возстаніе противъ тягостнаго для народа навязчиваго папскаго ультрамонтанства, и онъ разрушилъ куріальные монастыри, называвшіеся столицами или каѳедрами епископовъ и настоятелей. Нельзя удивляться, что только жители городовъ: Познани, Гнѣзна, Данцига, Вроцлава и Кракова дѣятельно ополчились въ 1025 и слѣдующихъ годахъ на противное славянамъ латинство; нельзя также удивляться тому, что жители этихъ городовъ не ограничивались лишь изгнаніемъ латинскихъ епископовъ, настоятелей и монаховъ, но уничтожали въ своихъ славянскихъ земляхъ и самыя чужеземныя-римскія постройки: монастыри, каѳедры и капитулы. Эти нѣмецко-римскіе монастыри были крѣпостями, полными враговъ славянъ, и были такъ сильно укрѣплены, что, напр., въ Сѣцеховѣ горожане не могли овладѣть монастыремъ и отступили. Больше всего, однако, народъ возмущался противъ монаховъ за сбрасываніе со славянскихъ церквей куполовъ и замѣну ихъ латинскими башнями съ остроконечными крышами; эти башни народъ разрушилъ и снова возстановилъ византійскіе купола.

[1]) См. „Dzieje Polski" Рёппеля.

Клерикальные историки такъ описываютъ это возстаніе:

„Съ неограниченнымъ своеволіемъ поднялись самые могущественные роды, выгоняли болѣе слабыхъ изъ ихъ помѣстій или принуждали платить дань; между ними начались многочисленные раздоры и войны. Противъ нихъ въ свой чередъ возстали поселяне и крѣпостные, помня о свободѣ, которою они пользовались до введенія христіанства: раздраженные притѣсненіями или же побуждаемые отчаяніемъ, они истребляли другъ друга, убивали или били господъ и забирали себѣ ихъ женъ и имущество; еще до этого многіе изъ нихъ снова обратились къ язычеству, [1]) покинувъ истинную вѣру; многими изъ нихъ почитались еще прежніе боги, такъ какъ христіанство было введено и поддерживаемо только могучею дланью Болеслава. [2]) Теперь же, когда не стало этой силы, когда ни одинъ князь не заботился о Церкви, сторонники язычества выступили явно и нашли сильныя симпатіи въ народѣ. Десятины и другіе церковные налоги, суровость, съ какою князья и духовенство принуждали народъ къ соблюденію чуждыхъ ему христіанскихъ заповѣдей, побудили его къ сверженіи этого ига, между тѣмъ какъ имѣнія и богатства, которыми уже въ то время владѣло духовенство, составляли заманчивую добычу, такъ какъ вообще каждый совершалъ насилія, какъ скоро имѣлъ къ тому возможность, Сама Церковь, при полномъ упадкѣ всякого общественнаго порядка, не могла устоять противъ этого народа. Епископы и священники были изгоняемы, убиваемы или побиваемы камнями; церкви и монастыри сожигались, а церковныя имущества разграблялись“ [1])

Эти безпорядки навлекли на край большія несчастія; сосѣдніе народы, ненавидѣвшіе поляковъ, увидѣли, что насталъ наиболѣе удобный часъ для отомщенія обидъ своихъ; особенно чехи ненавидѣли поляковъ и нанесли имъ теперь страшное пораженіе. Отъ окончательнаго уничтоженія спасъ Польшу великій князь Кіевскій Ярославъ, на сестрѣ котораго женился Казиміръ. При этой помощи въ царствованіе Казиміра Польша вновь окрѣпла. Появленіе на польскомъ престолѣ Казиміра мы излагаемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Мы уже выше упоминали, что Болеславъ, сынъ Мечислава, изгналъ изъ страны свою мачиху вмѣстѣ съ единоутробными братьями. Самаго младшаго изъ нихъ Казиміра, духовенство уговорило поступить въ монастырь, имѣя въ виду выгоды, какія можно будетъ извлечь изъ завладѣнія однимъ изъ членовъ царствующей семьи. Духовенство не замедлило воспользоваться этимъ во время возстанія въ Польшѣ народа противъ римской Церкви. Уцѣлѣвшіе въ Польшѣ латинскіе епископы уговорили польскихъ пановъ послать папѣ депутатовъ съ просьбой освободить изъ монастыря Королевича Казиміра для возведенія его на польскій престолъ. Несмотря на то, что паны и польскіе рыцари передъ тѣмъ лишили Казиміра правъ на польскую корону, однако, уступая хитрымъ подговорамъ монаховъ, они въ 1042 г. выслали чрезвычайное посольство къ 12-лѣтнему папѣ Бенедикту IX съ просьбой слѣдующаго содержанія:

„Трудно пересказать, Святѣйшій Отецъ, несчастія, которыя обрушились на польское королевство въ предыдущіе годы и теперь его терзаютъ, когда и чужіе, и свои враги съ какимъ-то дикимъ бѣшенствомъ замышляютъ и приготовляютъ его погибель. Ибо по изгнаніи единственнаго наслѣдника и князя нашего Казиміра, сына умершаго короля, вслѣдствіе ненависти къ его матери, на страну обрушились всякаго рода бѣдствія, которыя въ теченіе продолжительныхъ войнъ не даютъ ей ни перевести духъ,

---

[1]) Это названіе клерикальные писатели даютъ христіанству правовѣрнаго или православнаго исповѣданія. *Авт.*

[2]) Итакъ, римская вѣра удерживалась только огнемъ и мечемъ. *Авт.*

[1]) Кадлубекъ II. стр. 109—110.

ни отдохнуть отъ страданій. Право божеское и человѣческое попрано; священники и слуги Христа частью изгнаны, частью умерщвлены, самые знатные изъ высшаго сословія королевства въ значительномъ числѣ убиты. Благородныя дамы и дѣвицы обезчещены, города и деревни уничтожены пожарами, все государственное имущество разграблено, многіе изъ шляхты и болѣе значительныхъ пановъ мученически искалѣчены, многіе взяты въ неволю, умерщвлены мечемъ и голодомъ. Страна опустошена огнемъ и желѣзомъ, почитаніе Бога оставлено, города, мѣсточки и замки разграблены и разрушены, справедливость изгнана. Жестокости усиливаются, честные стонутъ подъ гнетомъ, увеличивается число преступниковъ, всякая добродѣтель находится въ пренебреженіи, преступленіе поднимаетъ голову. Мятежники устремились на разрушеніе церквей, монастырей и другихъ посвященныхъ Богу зданій, которыя основало, воздвигло и одарило благочестіе прежнихъ князей. Говоря коротко, польское королевство угнетено столь многочисленными бѣдствіями и войнами, сперто и почти уничтожено, что можетъ быть, ни одна страна не испытала подобнаго истребленія и опустошенія. Итакъ, чтобы это королевство, разрушенное своимъ и сосѣдними народами, не досталось въ руки варваровъ, воюя съ которыми, оно до сихъ поръ своимъ спасительнымъ щитомъ прикрывало другія христіанскія страны, мы молимъ покорными и жалостными скорѣе стенаніями, чѣмъ словами, чтобы ты, какъ Отецъ и блюститель христіанской вѣры, поддержалъ своею помощью это несчастное и почти погибшее королевство, возвративъ ему королевича Казиміра, находящагося въ Клюнійскомъ монастырѣ: онъ сталъ уже монахомъ и получилъ санъ діакона. Отъ тебя, святѣйшій Отецъ, зависитъ наше и всего польскаго народа спасеніе и возрожденіе. Ты одинъ можешь вывести наше отечество изъ бѣдственнаго положенія, остановить кровавыя и неистовыя войны. Къ тебѣ взываетъ наша родина, къ тебѣ обращаемъ свои взоры, къ тебѣ прибѣгаемъ съ довѣрчивою просьбой. Отъ тебя одного зависитъ, своею властью и авторитетомъ даровать ей миръ и славу, спасеніе и возрожденіе. Итакъ, мы молимъ тебя заживить раны нашего королевства, залѣчить которыя никто, кромѣ тебя, не можетъ. А чтобы польское государство, потрясенное и разоренное вихремъ домашнихъ невзгодъ, могло черезъ возвращеніе мира и возстановленіе силъ и здоровья, подняться и съ помощью Бога дойти до прежняго благосостоянія, нужна скорая помощь, потому что, если оно не получитъ быстрой поддержки, жизнь и имущество невинныхъ и даже все польское королевство вскорѣ окончательно погибнутъ" [1]).

Бенедиктъ IX, выслушавъ просьбу польскаго посольства, совѣтовался нѣкоторое время съ собраніемъ кардиналовъ и другими итальянцами и нѣмцами, какъ поступить: изъ монаха и діакона сдѣлать свѣтскаго, развязать торжественный обѣтъ монашества и воздержанія,—казалось дѣяніемъ, противнымъ Божескому праву. Съ другой стороны, однако, духовенство уговорило потомка королевскаго рода вступить въ монастырь не для чего иного, какъ для извлеченія изъ этого выгодъ для апостольской столицы; поэтому было признано возможнымъ провиниться предъ Божескимъ правомъ за хорошее вознагражденіе. Вслѣдствіе этого папа освободилъ Казиміра „отъ монашескихъ обѣтовъ и принятаго посвященія, позволяя ему вступать въ бракъ и производить на свѣтъ дѣтей". Но такъ какъ подобная милость апостольской столицы, не имѣвшая еще примѣра въ исторіи, не оказанная ни одной особѣ и ни одной странѣ (такой глупой страны, которая бы просила папу о чемъ либо подобномъ, не было до временъ Фердинанда Болгарскаго [2]), была очень необычайна,—то папа обставилъ ее условіемъ, которое поляки должны были принять: „Королевичъ Казиміръ съ разрѣшенія апостольской столицы пусть выступитъ изъ монастыря и сниметъ монашескую одежду, освобожденный отъ монаше-

[1]) Янъ Длугошъ, стр. 237.

[2]) Арагонцы также призвали на престолъ Ромира, сына короля Санея, который былъ монахомъ въ монастырѣ, но папу о позволеніи не просили.

скихъ обѣтовъ и діаконскаго посвященія, чтобы принять и обновить свое королевство. Пусть имѣетъ полную свободу заключенія брака и произведенія потомства для сохраненія Царства Польскаго. Но Королевство Польское въ благодарность за столь великое благодѣянія, оказаннаго ему въ настоятельной крайности, должно будетъ платить ежегодно Св. Петру и его намѣстникамъ римскимъ епископамъ со всѣхъ польскихъ странъ съ каждой головы, исключая дворянскихъ, по динарію (nonalam numinum) (Св. Петръ даже не предполагалъ, что его сдѣлаютъ симонистомъ *Авт.*). Кромѣ того съ этихъ поръ поляки не будутъ по языческолу обычаю отпускать волосъ, но въ доказательство покорности Риму будутъ подстригать волосы съ открытіемъ ушей, такъ чтобы была видна вся ихъ длина, а въ болѣе значительные праздники Христа и Матери его Дѣвы будутъ надѣвать на шею бѣлые льняные платки, повязанные на подобіе епитрахили, чтобы эти три обязательства напоминали имъ, что они пріобрѣли себѣ короля, даннаго имъ изъ монашескаго званія и діаконата съ позволенія и по милости апостольской столицы, когда нельзя было иначе устранить грозящую Польшѣ опасность; сами же, чтобы были болѣе благодарны Богу и жили болѣе благочестиво въ Христіанской вѣрѣ".

Описывая эти событія, Длугошъ приходитъ къ выводу, что наложеніе вѣковой дани на Польское королевство, хотя и было для поляковъ нѣсколько тягостно, но прошло однако для поляковъ не безъ пользы. Итакъ, еслибы поляки захотѣли считать какую-либо землю своею, было бы достаточно по числу людей ея заплатить лепту Св. Петра, чтобы эти земли были признаны папой законно-принадлежащими Польшѣ; тотъ же, кто отважился бы отнимать свою собственность, долженъ бы быть наказанъ какъ безбожникъ.

Слѣдуя совѣтамъ Длугоша Поляки включили въ эту дань лепты Св. Петра суммы, причитающіяся за русскія, литовскія и прусскія земли, позже соединенныя съ польскимъ королевствомъ, что указывало бы будущимъ вѣкамъ и потомству права и границы польскаго королевства.

Желаніе же папы, чтобы поляки обнажали уши, основывалось на преданіи римлянъ, что покорность римской куріи обозначалась длиною ушей; итакъ чѣмъ они длиннѣе, тѣмъ болѣе обладатель преданъ папѣ.

Вотъ какимъ образомъ 12-лѣтній святой отецъ Бенедиктъ IX подшутилъ надъ глупостью польскаго посольства! Выпущенный изъ Клюнійскаго монастыря сынъ нѣмки Риксы Казиміръ, надлежащимъ образомъ выдрессированный „монахъ", прозванный позже духовенствомъ „обновителемъ", вторгся въ Польшу во главѣ стотысячной арміи германскихъ войскъ, истребилъ тысячи дворянской молодежи, т. е. сыновей жупановъ и князей Силезіи, Познани. Возобновивши монастыри онъ провозгласилъ греко-славянское вѣроисповѣданіе неоффиціальнымъ, вслѣдствіе чего христіанская вѣра должна была быть больше исповѣдуема тайно, явно же исповѣдывался филіокизмъ куріи.

Этотъ же «монахъ» Казиміръ, обложивши всю Лехію огромными контрибуціями въ пользу обиженнаго духовенства, истребилъ и довелъ до нищеты особенно горожанъ Познани, Гнѣзна, Калиша, Серазда, Петрокова и Кракова, которыхъ во имя Христа подвергали пыткамъ и убивали.

Такимъ образомъ польскій народъ несмотря на всевозможныя усилія не только не добился освобожденія отъ ненавистнаго ему латинства, но даже еще сильнѣе подпалъ подъ власть Рима.

Уже въ 1075 г. Григорій VII писалъ Болеславу, сыну Казиміра, что въ Польшѣ мало епископовъ и кромѣ того не хватаетъ постояннаго метротополитальнаго центра; вопреки указамъ святаго отца каждый де по своему старается захватить доходныя статьи гдѣ-попало [1]).

---

[1]) Ob. Mapsi Sacrorum conciliarum collectio.

Уступая желаніямъ папы, Болеславъ Смѣлый, именовавшій себя королемъ, увеличилъ численность духовенства, которое въ ту же минуту вознамѣрилось совершенно завладѣть королемъ и забрать власть въ свои руки. Самымъ дѣятельнымъ въ этомъ стремленіи оказался нѣмецъ Магнусъ, краковскій епископъ, названый Станиславомъ [1]). Желая положить конецъ вліянію римской куріи и нѣмцевъ, Болеславъ постановилъ выгнать въ Римъ Магнуса. Этого послѣдній, узнавъ о намѣреніи Смѣлаго, заперся въ уединенной церкви на Скалкѣ, сдѣлалъ церковь своимъ жилищемъ, спалъ на ступенькахъ алтаря или на алтарѣ, вовсе не выходилъ и бунтовалъ противъ короля стекавшійся въ церковь народъ. Для большей же своей безопасности онъ проклялъ короля и запретилъ ему входъ въ храмъ.

Разгнѣванный Болеславъ, какъ передаютъ клерикальные историки, бросился къ алтарю и пронзилъ мечемъ епископа (1079 годъ [2]), за что былъ проклятъ папой.

Послѣ этого убійства Болеславъ выѣхалъ въ Литву къ своему другу литовскому князю Пуковайтису, и подъ именемъ князя Ливона, воюя противъ наступающихъ жмуде-нѣмцевъ-пруссаковъ, былъ въ томъ же году окруженъ ими и убитъ.

Однако куріалисты распустили ложный слухъ, будто Смѣлый гдѣ-то въ Венгріи въ монастырѣ куріи кается въ убійствѣ епископа.

Вообще клерикальные писатели тенденціозно передаютъ ссору короля съ епископомъ. Поэтому мы находимъ нужнымъ передать этотъ фактъ на основаніи иныхъ, достовѣрныхъ источниковъ. Почти одновременно съ безпомощною борьбой между римской Церковью, управляемою папою Григоріемъ VII, и свѣтскою властью, въ лицѣ Генриха IV, Польша тоже переживала тяжелую политическую борьбу, но окончившуюся смертью епископа и изгнаніемъ короля. Воинствующая римская Церковь извлекла изъ этой борьбы всѣ возможныя выгоды: она не только сдѣлала Польшу неспособною къ самодѣятельной національно-политической жизни и запрягла ее какъ ничтожную невольницу въ свой рыдванъ, но кромѣ того, благодаря безсовѣстной лжи позднѣйшихъ монашествующихъ историковъ и фанатическому оглупѣнію польскихъ народныхъ массъ, достигла того, что ея вѣрный прислужникъ епископъ Станиславъ, казненный за измѣну государственную, былъ причисленъ къ лику польскихъ святыхъ и до сегодняшняго дня считается «патрономъ Польши», несчастный же король Болеславъ II, именованный современниками «Смѣлымъ и Щедрымъ» (audax, largus) считается простымъ убійцей.

Посмотримъ, какъ выглядитъ эта «святость» епископа Станислава въ освѣщеніи новѣйшей исторической критики, причемъ будемъ основываться исключительно на выводахъ изслѣдованій *польскихъ историковъ*, какъ то: Бандтке, Шуйскаго, Бобжинскаго, Лелевеля, Оссолинскаго, Мацѣевскаго, Комарницкаго, Свѣжавскаго и многихъ другихъ, которыхъ нельзя заподозрить даже въ малѣйшемъ враждебномъ настроеніи къ римской Церкви.

Прежде всего отмѣтимъ то знаменательное обстоятельство, что еще до канонизаціи Станислава историкъ Галлъ (Gallus) выступаетъ въ защиту невинности короля Болеслава, всѣ же позднѣйшія лѣтописи, писанныя послѣ канонизаціи, осуждаютъ короля. Мартинъ Галлъ, первый польскій хроникеръ, который писалъ въ XII вѣкѣ былъ придворнымъ капеланомъ - духовникомъ короля Болеслава III, и поэтому имѣлъ возможность пользоваться наиболѣе достовѣрными и совершенными источниками. При томъ онъ не былъ подлымъ придворнымъ льстецомъ, такъ какъ съ безпощадною откровенностью описывалъ темныя стороны придворной жизни; не питалъ онъ также ненависти къ римской Церкви и ея представителямъ, такъ какъ посвятилъ свое сочиненіе высшимъ сановникамъ Церкви, между прочимъ канцлеру государства Михаилу, указывая на него въ пре-

[1]) Поляки выводятъ его изъ рода Шимановскихъ.

[2]) Kadlubek. Галлъ же утверждаетъ, что за измѣну епископу отрублены члены.

дисловіи, какъ на своего сотрудника. Слѣдовательно лѣтопись Галла, заслуживаетъ полнѣйшаго довѣрія, и она безъ сомнѣнія пользовалась бы у поляковъ такою же самою извѣстностью, какъ и позднѣйшія лѣтописи Кадлубка и Длугоша, составлявшихъ въ продолженіе долгаго времени школьныя руководства, если бы не то обстоятельство, что Галлъ безъ обиняковъ называетъ епископа Станислава «предателемъ» (traditor), который понесъ заслуженное наказаніе. Такъ какъ Риму было необходимо имѣть своего святого въ Польшѣ, то, для укрѣпленія вѣры въ святость Станислава, лѣтопись Галла въ продолженіе долгаго времени сохранялась въ тайнѣ и только въ 1824 году была извлечена на свѣтъ Божій. Тѣмъ не менѣе, чтобы ослабить показаніе перваго польскаго историка, клерикалы старались затемнить его лѣтопись разнаго рода добавленіями, которыя представляютъ не что иное, какъ собраніе самой разнообразной лжи и вымысловъ. Такъ, въ изданіи Бандке мы встрѣчаемъ добавленіе подъ заглавіемъ «Vita santi Stanislai», которое, какъ увѣряетъ Бартошевичъ, было написано въ 1260 г., съ цѣлью оправданія Станислава. Шуйскій пишетъ, что всѣ позднѣйшіе біографы Станислава пользовались «не *достовѣрною* лѣтописью Галла, но этимъ тенденціознымъ добавленіемъ, составленныхъ монахомъ-доминикацемъ Винцентомъ»,

Такая же судьба постигла и лѣтопись Викентія Кадлубка, которая въ XIV и XV вѣкахъ употреблялись въ тогдашнихъ школахъ, какъ руководство по исторіи Польши. Изъ критическаго изданія этой лѣтописи, напечатаннаго въ 1872 г. въ Львовѣ, мы узнаемъ, что вся глава объ епископѣ Станиславѣ, которою пользовались Длугошъ, Скарга и Кромеръ, *была вставлена уже по смерти Кадлубка* недобросовѣстными коментаторами, которыя собирали самыя разнообразныя басни съ цѣлью оправданія и возстановленія добраго имени Станислава. Такимъ образомъ изъ «предателя» (traditor) Галла былъ созданъ римскій «святой»—теперешній потронъ Польши. Указавъ еще, что третій польскій исторіографъ Длугошъ, описавшій жизнь и дѣянія Станислава, въ чисто римско-теократическомъ духѣ, не пользуется уже ни малѣйшимъ довѣріемъ со стороны теперешнихъ польскихъ изслѣдователей, приступимъ къ объективному описанію конфеликта между епископомъ Станиславомъ и королемъ Болеславомъ II.

Истинная апостольская церковь не знала борьбы со свѣтскимъ государствомъ, такъ какъ основывалась на словахъ Спасителя: «Царство Мое не отъ міра сего», а также на ученіи ап. Павла: «Пусть каждой повинуется начальству, которое имѣетъ надъ нимъ власть». Все это перемѣнилось съ момента, когда Константинъ Великій сдѣлалъ христіанство государственною религіей. Римскіе епископы перемѣнили Божіе царство на свѣтское, съ его пышностью и страстью ко власти, заводя распри съ германскими, чешскими и польскими правителями. Миссіонеры, несущіе римское знамя, уничтожали мѣстныя національныя государственныя организаціи, сообщая имъ римско-теократическое устройство, вытѣсняя римскимъ и каноническимъ правомъ мѣстные обычаи и законы, языкъ же народа замѣняя языкомъ латинскимъ. Неудивительно, что всюду, куда доходила римская религія, возникала борьба; она имѣло мѣсто и въ Польшѣ. Столкновеніе Станислава съ Болеславомъ слѣдуетъ считать кульминаціональнымъ пунктомъ этой борьбы, въ которой король является представителемъ монархическо-демократическихъ народныхъ основъ, епископъ же представителемъ аристократическо-теократическихъ основъ. Борьба существовала уже задолго передъ этимъ, причемъ римскому духовенству удалось, какъ извѣстно, лишь въ 1054 году *устранить народный славянскій языкъ* изъ церковныхъ обрядовъ и замѣнить его латинскимъ, но наиболѣе острую форму она приняла тогда, когда римская Церковь, считая бракъ исключительно церковнымъ дѣломъ, вмѣшалась въ отдѣльныхъ государствахъ въ брачное право. Уже русскій лѣтописецъ Несторъ разсказываетъ, что по смерти Болеслава Великаго въ польской странѣ вспыхнули безпорядки, и что народъ (servi) убивалъ своихъ епископовъ, священниковъ и шляхту. Это подтверждаютъ иностранные лѣтописцы особенно чешскій

Косма и нѣмецкій фонъ-Гильдесгеймъ, которые указываютъ на это плачевное состояніе Польши, продолжавшееся до восшествія на престолъ Казиміра, прозваннаго Монахомъ. Ему удалось возстановить, при посредствѣ нѣмецкихъ войскъ, вліяніе и авторитетъ латинской церкви въ Польшѣ. При этомъ не обошлось, какъ разсказываетъ Галлъ, безъ того, чтобы польскій народъ не роптал на нарушеніе родныхъ обычаевъ и на тиранію церковной іерархіи. Этими постоянными неудовольствіями народа подготовилась новая распря, которая вспыхнула при преемникѣ Казиміра-Монаха, Болеславѣ II.

Польскіе историки основывали и основываютъ описаніе царствованія этого короля по большей части на тенденціозной и запутанной лѣтописи Длугоша и осуждаютъ Болеслава, какъ убійцу епископа Станислава. Лелевель первый отнесся критически къ этой эпохѣ польской исторіи и предостерегалъ о послѣдствіяхъ такого преднамѣреннаго извращенія историческихъ фактовъ. Когда же въ 1824 г. Бандке извлекъ на свѣтъ Божій почти забытую лѣтопись Галла, изъ которой оказалось, что Станиславъ былъ *казненъ по приказанію короля за государственную измѣну*, то по этому поводу возникъ научный споръ, который представители римской Церкви хотѣли окончить въ свою пользу, но это имъ не особенно удалось; уже въ 1826 году краковскій богословскій факультетъ объявилъ конкурсъ на вышеупомянутую тему. Ксендзъ Пенкальскій обработалъ ее согласно съ желаніями Рима въ сочиненіи подъ заглавіемъ «De Petri militis etc». Прежде всего онъ широко распространился о чудесномъ воскресеніи Петровина, но несмотря на всевозможныя усилія не смогъ доказать ничего иного, какъ только то, что *чудо*, о которомъ упоминаетъ Длугошъ *могло* (sic!) *имѣть мѣсто*. Несмотря на это, ксендзъ Пенкальскій, отлично сознавая ложность своихъ утвержденій и желая спасти остатки авторитета церкви, утверждаетъ въ концѣ своей работы, что „*впрочемъ это чудо не является церковнымъ догматомъ*“ (caeterum miraculum hoc, non ut dogma ab Ecclesia proponi fateor). Между тѣмъ въ данномъ случаѣ совершенно излишне распространяться о *возможности чуда*, тѣмъ болѣе что Галлъ не только не сомнѣвался вообще въ чудесахъ, но глубоко въ нихъ вѣрилъ и въ эпилогѣ своей лѣтописи даже привелъ цѣлый рядъ чудесъ. Если затѣмъ этотъ безпристрастный церковный историкъ упоминаетъ о мученической смерти св. Войтѣха, которая имѣла мѣсто еще во время Болеслава Великаго, и совершенно умалчиваетъ о чудесномъ воскресеніи Петровина и ни единымъ словомъ не упоминаетъ о мученичествѣ Станислава, но напротивъ утверждаетъ, что этотъ епископъ былъ казненъ за измѣну, то не подлежитъ сомнѣнію, что мученическая смерть Станислава, изрубленнаго будто бы королемъ,—сущая басня, выдуманная позже для омороченія польскаго общества.

Несмотря на столь ясные выводы безпристрастныхъ историческихъ изслѣдованій послѣдняго времени, большинство польскаго общества, идущее и нынѣ въ рабскомъ походѣ за римскомъ рыдваномъ на позоръ польскаго имени, не перестаетъ признавать предателя Станислава «святымъ патрономъ Польши» и слѣпо вѣрить въ измышленія ксендза Длугоша и его приверженцевъ. Считая излишнимъ приведеніе содержанія басенъ Длугоша, отмѣтимъ единственно одинъ знаменательный параграфъ его лѣтописи, который бросаетъ истинный свѣтъ на сущность распри между королемъ и епископомъ. Описывая темныя стороны характера Болеслава, которыя возмущаютъ сановниковъ Церкви, Длугошъ говоритъ: «сердца епископовъ были переполнены страхомъ королевской немилости, вслѣдствіе которой могли быть утрачены имѣнія, предоставленныя въ пользованіе духовенству». Затѣмъ далѣе даже изъ лѣтописи Длугоша слѣдуетъ, что собственно причиной распри являлись не поступки короля, но *боязнь потери церковныхъ имуществъ*.

Такъ какъ имѣніе Петровина находилось въ такой именно опасности, то нельзя было тутъ обойтись безъ чуда, къ которому Римъ прибѣгаетъ въ такихъ случаяхъ.

Но послушаемъ, что говоритъ о Болеславѣ Галлъ. Онъ описываетъ этого короля,

какъ человѣка рыцарскаго характера, ласковаго, благотворительнаго, легковѣрнаго и добродушнаго, но при этомъ жестокаго и грубаго. О его безнравственной жизни онъ не упоминаетъ вовсе. Вслѣдъ за Галломъ, Лелевель, Крашевскій и Свѣжавскій также называютъ Болеслава «ласковымъ», «щедрымъ» (largus); Кадлубекъ говоритъ, что Болеславъ хотѣлъ прежде всего отомстить шляхтѣ за изгнаніе Риксы, а потомъ вернуть всѣ земли, которыя утратили его предки, и укрѣпить въ нихъ монархическую власть. Здѣсь просвѣчиваетъ и другая причина распри: шляхта, желая помѣшать упроченію монархическихъ основъ, соединяется съ духовенствомъ и начинаетъ вести подземную борьбу противъ короля. Къ этому присоединилась и третья причина. Римская церковь, вводя всюду на мѣсто народныхъ обычаевъ римское и каноническое право, нарушила основы польскаго семейнаго права, считая недѣйствительными браки шляхты (domini) съ народомъ (servi). Болеславъ принималъ сторону народныхъ демократическихъ основъ. Вслѣдствіе этого вспыхнула распря, которая, какъ справедливо замѣчаетъ Свѣжавскій, заключалась въ несогласіи основъ военной дисциплины и языческаго суда съ римской брачной практикой. Раздоръ короля со шляхтой, раздоръ съ духовенствомъ и раздоръ съ брачнымъ католическимъ правомъ, вотъ истинныя причины трагической судьбы какъ короля, такъ и епископа.

Длугошъ увѣряетъ, что Станиславъ *окончилъ парижскій факультетъ*, хотя въ то время *въ Парижѣ не было еще университета*, что онъ получилъ степень доктора теологіи, между тѣмъ какъ этого титула *въ то время еще не существовало*, и что подарилъ нищимъ свое имѣніе Степаново, хотя Станиславъ, происходя изъ крестьянскаго сословія изъ семьи Magnus, не могъ быть владѣтелемъ имѣнія [1]). То же самое можно будетъ сказать и о дальнѣйшей лжи Длугоша, касающейся имѣнія Петроовины и связаннаго съ нимъ «чуда Станислава», который, проникнутый принципами Григорія VIII, стремился къ увеличенію церковныхъ имуществъ. Во время *извѣстной свадьбы* онъ «купилъ» для капитула имѣніе Петровина, причемъ продающій *«скоропостижно умеръ»*.

Насколько сказочнымъ является разсказъ Длугоша объ имѣніи Петровина, расположенномъ около Сольца, который мы встрѣчаемъ только въ XIV вѣкѣ, настолько и его дальнѣйшіе разсказы о воскресеніи Петровина и о его появленіи на судъ въ присутствіи короля и вообще о всемъ чудѣ, которое, если бы даже и имѣло мѣсто, не было бы ничѣмъ инымъ, какъ только простымъ плутовствомъ,—достаточно будетъ вспомнить хотя бы о томъ, что тогдашній Римъ не зналъ ничего о чудѣ, такъ какъ уже позже, спустя много лѣтъ, онъ отвѣтилъ краковскому капитулу, который ходатайствовалъ о причисленіи Станислава къ лику святыхъ, что просимый «святій» въ такомъ случаѣ долженъ бы былъ совершить какое либо чудо [2]). А развѣ возможно допустить, чтобы вѣсть о совершенномъ католическимъ епископомъ чудѣ не дошла до Рима, и чтобы этотъ послѣдній тотчасъ же не воспользовался имъ въ свою пользу? Даже самый ревностный папистъ, знающій римскіе обычаи, отвергнетъ такую возможность.

По Длугошу, истинной причиной раздора, который окончился смертью епископа, былъ «разнузданный, безнравственный образъ жизни короля, нарушившаго супружескую вѣрность». Когда хорошіе совѣты епископа не подѣйствовали и король продолжалъ подавать дурной примѣръ, Станиславъ проклялъ его. Удивительное дѣло! Столько римскихъ католиковъ и до Болеслава и послѣ него не сохраняли супружеской вѣрности, и однако римская церковь не проклинала никого за такое преступленіе. Но пойдемъ дальше за Длугошемъ. «Безбожный король, въ отмщеніе за проклятіе, привязалъ къ церковнымъ дверямъ свою лошадь. Желая наказать неприличный поступокъ короля, епископъ собственноручно отрѣзалъ кобылѣ губы, и это должно было быть окончательной причиной его

[1]) Waga. Hestorya Pólski, стр. 94.
[2]) Бандкс. Жизнь св. Станислава (по польски), стр. 366.

мученической смерти!“ Что за безсовѣстная ложь, какія это безсмысленныя басни, которымъ «патріотъ Польши» обязанъ замѣной титула «измѣнника» титуломъ «святого».

Совершенно иначе описываетъ происшествіе достойный довѣрія Галлъ. Отъ него мы узнаемъ, что шляхта замыслила заговоръ противъ короля. Король основывалъ свою власть на народныхъ массахъ, въ виду чего шляхта намѣревалась свергнуть его съ престола, а такъ какъ Станиславъ находился въ ссорѣ съ королемъ, то онъ примкнулъ къ шляхтѣ и сталъ душою заговора. Слѣдовательно, онъ погибъ, какъ измѣнникъ.

Что касается самой смерти Станислава, то и здѣсь папистъ Длугошъ далеко удаляется отъ правдиваго разсказа Галла. По Длугошу «происшествіе съ кобылой до того раздражило Болеслава, что онъ рѣшилъ сейчасъ же умертвить епископа, который, *жаждая мученической смерти* (sic!), спрятался въ церкви на Скалкѣ. Узнавши отъ какого то предателя мѣстопребываніе бѣглеца, король, окруженный воинами, ворвался въ церковь и собственоручно убилъ епископа на ступеняхъ алтаря во время совершенія обѣдни. Королевская свита разрубила тѣло мученика на тысячу частей и бросила въ озеро. Четыре орла долго стерегли это мѣсто, пока наконецъ духовенство не собрало разбросанныя части тѣла и не похоронило ихъ въ церкви».

Не говоря уже о сходствѣ всей этой басни съ исторіей мученичества св. Войтѣха и съ другими легендами XIII и XIV вв., какъ напр. о звѣржинецкой лошадкѣ и Св. Дарахъ, которые будто бы были въ 1347 г. украдены и брошены въ воду, достаточно обратить вниманіе на ту бэзспорную истину, что кто ищетъ и жаждетъ мученической смерти, тотъ не будетъ прятаться въ отдаленной церкви.

Посмотримъ, какъ описываетъ смерть Станислава Галлъ, который, какъ это уже сказано выше, называетъ епископа безъ обиняковъ «измѣнникомъ». Въ качествѣ духовнаго лица, онъ не одобряетъ королевскаго приговора и говоритъ, что христіанинъ не долженъ мстить христіанину, который согрѣшилъ чѣмъ либо, разрубая его тѣло. Но не смотря на это, онъ признаетъ, что «король наказалъ измѣну духовнаго лица четвертованіемъ» (truncationi membrorum, т. е. отрѣзываніемъ отдѣльныхъ частей тѣла а не разрубаніемъ его на тысячи частей). Хотя на основаніи словъ, что «христіанинъ не долженъ разрубать тѣла христіанина», и можно предположить, что король собственноручно убилъ Станислава, однако такой выводъ не является въ данномъ случаѣ необходимымъ. Впрочемъ, такъ или иначе, самъ ли король умертвилъ епископа или же приказалъ умертвить его, это не важно. Важно то, что Станиславъ *былъ не убитъ а казненъ за государственную измѣну на основаніи имѣющаго законную силу королевскаго приговора*.

Эта трагическая смерть епископа сдѣлала отношенія между королемъ и шляхтой еще болѣе натянутыми. Не будучи въ состояніи сладить съ злоумышленіями шляхты и духовенства, Болеславъ былъ принужденъ послѣ безплодной годовой борьбы, бѣжать въ Венгрію или Коринфію, а оттуда въ Литву. Въ государствѣ произошелъ стремительный переворотъ, направленный къ ослабленію королевской власти и къ усиленію олигархіи шляхты и церковной іерархіи. Если Галлъ еще преклоняетъ колѣна передъ властью короля, то его ближайшій наслѣдникъ, монахъ Винцентъ, воспѣваетъ уже олигархію магнатовъ. Римское духовенство въ соединеніи съ магнатами вскорѣ достигло того, что независимо отъ буллы папы Пасхалія II (1099—1116) къ архіепископу Мартину,—въ которой упоминается, что одинъ изъ его предшественниковъ епископъ (быть имъ могъ только Станиславъ) подвергся изгнанію,—Станиславъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Не довольствуясь этимъ, оно дождалось того момента, когда испорченный народъ, который въ свое время оплакивалъ Болеслава и смерть его сына, отравленнаго шляхтою и духовенствомъ, призналъ измѣнника патрономъ своей страны.

На гробницѣ Станислава сохранилась до сегодняшняго дня надпись, изъ которой видно, что «святой мученикъ Станиславъ» получилъ награду на небесахъ, живетъ на

звѣздахъ и пользуется вѣчной славой, король же Станиславъ былъ осужденъ какъ безбожный убійца. Вотъ чего достигла шляхетско-клерикальная партія. Благодаря ея усиліямъ, не только память Болеслава, этого апостола народной идеи, защитника равенства всѣхъ сословій передъ закономъ, была осуждена, но сверхъ того всѣхъ позднѣйшихъ польскихъ королей принуждали при каждомъ торжественномъ случаѣ прежде всего преклонять колѣни передъ прахомъ Станислава на Скалкѣ, чтобы напомнить имъ о униженіи далеко худшемъ, чѣмъ то, которое имѣло мѣсто въ Каноссѣ.

Можно ли вообразить себѣ большее униженіе народнаго достоинства? Неужели этотъ народъ, который ежегодно въ день 8 мая празднуетъ память «польскаго патрона», никогда не почувствуетъ униженія, которое онъ добровольно несетъ въ этотъ *день на своихъ плечахъ*?

Принимая во вниманіе, что послѣдующія поколѣнія анархической польской шляхты причисляютъ къ числу мучениковъ и святыхъ повѣшенныхъ за участіе въ мятежѣ 1863 года, мы не должны удивляться, что и государственный измѣнникъ, анархистъ Станиславъ, почитается у нихъ за святого.

Съ этого времени началось политическое главенство Рима надъ Польшей. При Григоріи VII западная христіанская церковь раздѣлилась окончательно на двѣ половины: на профанную, состоящую изъ мірянъ, и на священную, самоизбирательную касту священства, по существу сдѣлавшуюся отнынѣ «церковью». Остатки древнехристіанскаго общиннаго вида совершенно были этимъ папой погублены. Онъ болѣе другихъ папъ внесъ политическій духъ въ церковь. Она обратилась въ образцовый институтъ, совмѣщавшій въ строѣ своемъ всѣ государственныя формы, демократію, аристократію, монархію. Централизація всей догматической власти въ одной кастѣ тогда же привила всѣ пагубныя послѣдствія духовной тиранніи, и легко понять, что дѣло Григорія VII должно было повлечь за собою германскую реформацію.

Для большаго успѣха въ борьбѣ изъ-за свѣтской власти преемники Григорія VII, совмѣстно съ его любовницей Матильдой, сковали гнуснѣйшій изъ замысловъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ юный Конрадъ, старшій сынъ Генриха IV, былъ намѣстникомъ его въ Италіи. Современники рисуютъ его красавцемъ, мягкимъ и склоннымъ къ мирнымъ искусствамъ. Еще при жизни Григорія курія стала опутывать сердце юноши, котораго безконечная борьба отца съ папой страшила, которому претила грубость обстановки Генриха, давило брошенное на него папское проклятіе. Конрадъ допустилъ увлечь себя къ мятежу; предупрежденный императоръ арестовалъ сына, но тотъ бѣжалъ къ Матильдѣ, принявшей его съ восторгомъ. Она отправила его къ папѣ, который при содѣйствіи Вельера занимался составленіемъ ломбардской лиги противъ Генриха; отпаденіе отъ отца Конрада увлекло за собою и другіе города; Миланъ, нѣкогда средоточіе императорской партіи, Лоди, Піаченца, Кремона объявили себя противъ императора. Вслѣдъ затѣмъ Конрадъ коронованъ былъ въ 1093 г. въ короли Италіи въ Миланѣ.

Долгія войны между короною и тіарой повергли въ неописанныя бѣдствія всю имперію; ярость партій наполняла всѣ слои обществъ противуестественною ненавистью, раздорами и грѣхомъ. Отпаденіе Конрада отъ своего отца явилось лишь зловѣщимъ символомъ, въ которомъ тогдашній родъ человѣческій позналъ собственное свое состояніе, ибо въ мірѣ подъ вліяніемъ римской куріи возсталъ сынъ на отца, братъ на брата, князь на князя, епископъ на епископа, даже папа на папу. Распаденіе жизни столь глубоко проникавшаго свойства, какого никогда еще не обнаруживалось въ исторіи ранѣе, казалось раздирало самое христіанство и разрушило достопочтенную мощь его таинствъ. Свѣтъ окутанъ былъ мракомъ убивающаго проклятія, а гдѣ же былъ Спаситель благословенія и любви? Если бы въ то время Христосъ вернулся въ Римъ, то съ изумленіемъ усмотрѣлъ бы, что основанная имъ религія любви, при воздѣйствіи на нее адскихъ вратъ римской куріи, до неузнаваемости отдалилась отъ чистыхъ источниковъ своего

происхожденія, и св. Павелъ удивленъ былъ бы неожиданностью найти, что преемники его апостолическаго сана на обломкахъ языческаго Рима, надъ могилою его заняты были созиданіемъ всемірнаго трона, именуя себя Pontifex Maximus'ами, на манеръ языческихъ римскихъ императоровъ. Въ концѣ этого вѣка походилъ европейскій міръ на поле брани, на которое опустилась густая ночь, и на которомъ христіанскія войска, утомленныя, но полныя ненависти, предводимыя съ одной стороны намѣстникомъ Христа, съ другой архикатолическимъ императоромъ, алча мира, обреченныя однако тяготѣющими грѣхами на дальнѣйшую братоубійственную войну, ждутъ утра, чтобы снова яростно ринуться одинъ на другихъ. Но при занимающемся разсвѣтѣ кажется имъ, что видятъ они на небѣ Херувима, кивающаго имъ слѣдовать къ Востоку, повелѣвающаго имъ заключить миръ и найти успокоеніе и истинные завѣты Христа, основанные на всеобъемлющей любви у колыбели и у гроба Іисуса Христа — въ Іерусалимѣ, но не въ Римѣ.

Не былъ ли на Западѣ почти забытъ Христосъ? Не вытѣснилъ ли его культа легіонъ святыхъ? Не создалъ ли Римъ картину облеченнаго свѣтскимъ патриціатомъ князя-апостола, про котораго въ VIII уже вѣкѣ смѣлъ выразиться одинъ папа, что весь Западъ поклоняется ему какъ Богу на землѣ. Св. Петръ являлся символомъ римской іерархіи, единства вселенской церкви, но не спасенія вообще, котораго молилъ каждый христіанинъ для себя. Не было ли лучше, вмѣсто обращенія къ привратнику неба, искать самого Сына Божія? „Чрезъ врата Рима", такъ учили вѣрить міръ, долженствовалъ вести вѣрнѣйшій путь на небо, но чрезъ эти врата проникло въ свѣтъ проклятіе Григорія VII и надѣлило его напастями. Благоговѣніе къ Риму издавна уже умаляли пороки клира, множество негодныхъ папъ, мерзости вѣчныхъ партійныхъ войнъ, а въ эпоху Генриха IV едва ли добирались даже пилигримы и до порога и до оскверненнаго храма св. Петра, превратившагося въ крѣпость вибертистовъ. И вотъ, въ то же время, какъ издавна уже все меньшія и меньшія толпы пилигримовъ тянулись ко гробу князя-апостола и все чаще и чаще ко гробу Христову, получилъ Римъ соперника въ святости въ далекой Азіи.

Въ Европѣ римское духовенство мало-по-малу, но систематически подкапывалось подъ основаніе польскаго государства. Наслѣдники Блеслава вели, по наущенію Рима, постоянныя войны съ поморянами, съ цѣлью совершеннаго ихъ истребленія или же присоединенія къ латинству.

Но до конца XIII вѣка духовная власть въ Польшѣ напрасно пыталась освободиться изъ-подъ свѣтской власти, что многіе приписываютъ тому обстоятельству, что до XII вѣка не коснулась Польши новая реформа западной церкви, такъ называемый целибатъ.

Почти всѣ священники въ Польшѣ были женаты или жили открыто въ конкубинатѣ, и собственные ихъ сыновья прислуживали имъ при богослуженіи.

Только Иннокентій III, въ 1178 г., началъ борьбу за освобожденіе польской церкви изъ подъ свѣтской власти, чего Римъ добивался на западѣ ста годами ранѣе, посредствомъ лишенія духовенства семейныхъ связей, заслуга чего приписывается Венедикту VIII, который на соборѣ, состоявшемся въ Павіи въ 1022 г., съ большою строгостью укорялъ тѣхъ священниковъ, которые, оставляя свое имущество дѣтямъ, разоряли этимъ церковь [1]). „Пусть сыновья духовенства", говоритъ онъ „будутъ ничѣмъ и особенно сыновья тѣхъ священниковъ, которые принадлежатъ къ семейству церкви (?). Да, пусть они—пусть они, говорю я,—я говорю, пусть они будутъ ничѣмъ. Они не должны слѣдовать ни своей матери—въ свободѣ, ни своему отцу—въ наслѣдствѣ; они должны быть рабами церкви навсегда, родятся ли отъ женъ или наложницъ; ибо изъ милости можно позволить имъ состоять въ качествѣ нееинимовъ (ветхозавѣтныхъ дровосѣковъ

---

[1]) Hard VI. 805 и слѣд.

и водоносцевъ), но они не должны стремиться ни къ какому высшему священнослуженію. Ихъ матери должны быть изгнаны и принуждены оставить все, что они нажили отъ церкви".

Придерживаясь этого же взгляда, Иннокентій III сталъ посылать въ Польшу легатовъ съ инструкціями къ епископамъ объ искорененіи брачной жизни среди духовенства и усиленіи преданнаго папскому престолу монашества. По смерти Казиміра, управленіе страною, благодаря вліянію епископа Фулько, перешло къ его малолѣтнему сыну, котораго замѣняли вдова Елена вмѣстѣ съ епископомъ. Это именно вызвало въ странѣ сильныя смуты, въ которыхъ наибольшее участіе принимало высшее духовенство.

Еще при жизни Казиміра, папа Климентъ III, въ 1189 году послалъ въ Польшу кардинала Іоанна Малабранка въ качествѣ легата для сбора среди тамошняго духовенства пожертвованій на задуманный новый крестовый походъ въ Палестину и произведенія въ духовенствѣ основательной реформы. Послѣ того въ 1197 году въ Краковъ прибылъ другой легатъ, посланный Целестиномъ III, кардиналъ Петръ. Цѣлью его пріѣзда было введеніе среди духовенства целибата. Съ такимъ предложеніемъ легатъ выступилъ прежде всего въ Прагѣ, но здѣсь, когда онъ запретилъ собранному духовенству практиковавшіеся до этого времени браки и возсталъ противъ конкубината, то произошло такое смятеніе и низшее духовенство пришло въ такую ярость что хотѣло лишить жизни легата, который избѣжалъ смерти, спасаясь бѣгствомъ [1]). Въ Польшѣ минутный отпоръ не былъ столь силенъ. Кардиналъ не только закончилъ спокойно синодъ въ Краковѣ, на которомъ настаивалъ на безбрачіи ксендзовъ, но и объѣхалъ всѣ епархіи, чтобы дѣйствовать всюду лично. Но и это не особенно помогло. Духовенство много обѣщало, однако продолжало вести прежній образъ жизни, и только тогда, когда гнѣзненскій архіепископъ Генрихъ Котличъ лично и рѣшительно принялся за реформу, папа Иннокентій III энергичнѣе сталъ дѣйствовать по отношенію къ польской церкви, и только тогда въ ней произошелъ медленный поворотъ, но увы, къ еще худшему.

Иннокентій III между прочимъ писалъ архіепископу: „приказываемъ тебѣ не допускать съ этой минуты къ церковному служенію ни одного изъ тѣхъ, которые имѣютъ женъ, и разлучать ихъ съ ними, а сыновьямъ канониковъ не давать никакихъ бенефицій въ тѣхъ же самыхъ церковныхъ округахъ, въ которыхъ бенефиціи имѣютъ ихъ отцы. Обычай театральныхъ шутокъ въ костелахъ искорени, объяснивъ, что дѣлаешь это изъ заботливости о службѣ Божьей и о священныхъ преданіяхъ".

Духовенство однако сильно сопротивлялось этимъ требованіямъ, и свѣтскія власти, особенно въ лицѣ Владислава Лясконогаго, сильно его поддерживали, не желая допустить въ Польшѣ духовенство до такого же нравственнаго упадка, какой имѣлъ мѣсто въ другихъ западныхъ странахъ, за что архіепископъ предалъ его анаѳемѣ, а самъ убѣжалъ. По этому поводу Иннокентій III написалъ Владиславу письмо слѣдующаго содержанія: „Какой шальной недугъ овладѣлъ тобой, что ты, нагромождая низость на низости, не боишься возставать противъ твоего Творца-Бога, на подобіе глины, возстающей противъ гончара? Какое безуміе, князь, овладѣло тобою, что ты, который долженъ указывать дорогу другимъ, самъ вступаешь на бездорожье?" Послѣ такого вступленія Иннокентій указываетъ князю его грѣхи, серіозно его увѣщеваетъ, чтобы онъ опомнился и покаялся, кромѣ того желаетъ, чтобы онъ загладилъ всѣ нанесенныя имъ обиды, въ концѣ же заявляетъ, что онъ предается анаѳемѣ, отъ которой не освободится до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ требованія папы.

Такъ какъ проклятіе, направленное противъ царствующихъ особъ, освобождало народъ отъ присяги на вѣрность имъ, дозволяя даже убійство царствующаго, то

---

[1]) Poracky. Historya Czech.

въ концѣ концовъ Владиславъ долженъ былъ уступить настояніямъ папы, хотя не считалъ себя виновнымъ въ „возстаніи противъ Бога и въ оскорбленіи своего Творца“. Съ этого омента артхіепископъ началъ усердно трудиться надъ реформою духовенства, склоняя м о вмѣсо вступленія въ бракъ входить въ связь съ посторонними женщинами и дѣвушками, являющимися къ нимъ для исповѣди, какъ это подробно разоблачилъ ксендзъ Шиники въ брошюрѣ: „Латинская исповѣдь и женщина“, и что мы видѣли въ исторіи Варвары Убрикъ и ея исповѣдника Григорія Граціана въ Краковѣ.

Для проведенія этой реформы былъ созванъ въ Божиковѣ соборъ въ 1210 году, на которомъ ксендзы, каждый особо, присягали на Евангеліи, что повыгоняютъ женъ, дѣтей и наложницъ и вернутся къ содомскимъ временамъ. Но это не наступило сразу, на что достаточно указываетъ необходимость постановленій позднѣйшихъ соборовъ [1]), повторяющихъ предписанія о целибатѣ или угрожающихъ строгими наказаніями за неисполненіе ихъ, такъ напр. Ленчицкій соборъ, созванный въ 1285 г. гнѣзненскимъ архіепископомъ Яковомъ Свинкой, воспретилъ слушать обѣдню, совершаемую женатымъ или живущимъ въ конкубинатѣ священникомъ, и предписывалъ епископамъ, чтобы черезъ довѣренныхъ людей заключать въ тюрьму священническихъ женъ, конкубинъ и дѣтей, оставляя ихъ потомъ въ вѣчной неволѣ и наказывая часто розгами. Къ концу XIII вѣка мнимый целибатъ привился въ Польшѣ уже повсемѣстно; такіе же епископы, какъ Павелъ изъ Пржеманкова (1292)—говоритъ Риттнеръ, — похищающій монашенку изъ монастыря на Скалѣ, Завиша изъ Куродзвенковъ, платящійся жизнью за любовное свиданіе съ дочерью крестьянина (1381), Фредерикъ Ягеллончикъ, кардиналъ, краковскій епископъ и гнѣзненскій архіепископъ „morbo gallico“, окончившій распутную жизнь (1303), всегда будутъ служить примѣромъ подражанія для сторонниковъ целибата въ Польшѣ.

Нѣкто паладинъ Сетѣхъ былъ командированъ съ наемными нѣмецкими солдатами схватывать, похищать женъ, дочерей и сыновей приходскихъ священниковъ для поселенія ихъ въ нѣмецкихъ монастыряхъ, въ чемъ ему содѣйствовала его любовница, жена Владислава-Германа и сестра римско-германскаго императора Генриха IV.

Побѣда, одержанная въ этой борьбѣ епископомъ Генрихомъ надъ Владиславомъ Лясконогимъ, подняла политическое значеніе церкви въ Польшѣ, къ чему постоянно стремилось духовенство. Позднѣйшее вмѣшательство папъ въ споры князей и мѣстныя

---

[1]) Statut legati Gentilisii anno 1809 sub titulo «De poena publicorum concubinarium». Decreto igitur praesenti statuimus, ut quicunque clercius contra ipsius constitutionis vigorem deinceps deliquerit, excomunicationis poena in ea contenta, propter causas praedictas cessante, quarte partis reddituum suorum beneficiorum, praesentis constitutionis, auctoritate, condempnationi subjaceat.

„Praedictu autem condempnatio tamdiu cum exactione debita repetatur, quousque mores suos et vitam quod praemissu curaverit emendare: ad quod etiam corporali (s) poena, si superior suis expedire crediderit inducatur“.

Калишскій статутъ 1357 г., s. t. „Constitutis, quod nullus presbiter concubinam palam vel indibitanter teneat“... „Mandamus, ut nullus missam audiat presbiteri, quem scit concubinam habere sub excommunicatione“.

Пражскій статутъ 1355 г. s. t. „De cohabitatione clericorum et mulierum“... „Omnes clericos, qui de cetero in domibus suis suspectus mulieres vel etiam extra domum in sua procuratione publice detinent, sic sunt beneficiati, beneficiis suis privandis, si sero non habeant beneficia, ab executione ardinum per suos superiores carcerum poenis afficiant, vel de suis, disecessibus ejiciant ve expellant“.

Калишскій статутъ 1420 г. st. t. „De cohabitatione clericorum et mulierum“. „Sin vero beneficatus non fuerit, per unum annum carceribus deputetur, quo lapso de diocesi tamquam scandalosus xpellatur“.

Болѣе или менѣе то же самое мы находимъ въ статутахъ:

Плоцкихъ (1398—1423); Познанскихъ (1420—1423); Краковскихъ (1408); Гнѣзненско-Вроцлавскихъ (1512—1516).

дѣла становятся съ этого времени вообще все болѣе и болѣе частымъ, и когда Лешекъ, краковскій князь, вступилъ въ тѣсную связь съ апостольской столицей, то же самое имѣло мѣсто и въ Велико-Польшѣ.

Послѣ этого борьба съ духовенствомъ была для Польши уже невозможною. По смерти Болеслава Кривоустаго (Krzywoustego) царство Польское было раздѣлено на четыре княжества: Краковское, Мазовецкое, Великопольское и Малопольское. Имя короля исчезло въ Польшѣ на цѣлые 195 лѣтъ.

Княжеская власть все болѣе и болѣе ослабѣвала, а олигархія духовенства и пановъ все болѣе усиливалась. Каждый шляхтичъ воображалъ, что имѣетъ право распоряжаться судьбами отечества, и нѣкогда спокойное монархическое государство постепенно измѣнялось въ бурную республику.

Съ этого времени начался между удѣльными князьями рядъ часто прерываемыхъ и столь же часто возобновляемыхъ войнъ, которыя велись уже не за великокняжескій престолъ, но за обладаніе отдѣльными частями страны, или же возбуждались по какимъ-либо инымъ поводамъ; войны эти вскорѣ совершенно ослабили Польшу, и какъ съ одной стороны онѣ содѣйствовали все большему ослабленію княжеской власти, увеличивая одновременно значеніе и вліяніе духовенства и шляхты и угнетеніе народа или мужиковъ, такъ съ другой стороны почти совершенно лишили народъ силы для отпора набѣговъ почти всѣхъ сосѣдей. Это печальное зрѣлище началось войнами Владислава Лясконогаго съ племянникомъ Владиславомъ Одоничемъ. Одоничъ, чувствуя себя слабѣе, отдался подъ особенную опеку Св. Петра (1217 г.) и обѣщалъ за это платить въ папскую казну дань—десять гривенъ золотомъ въ годъ. Вмѣшательство папъ въ политическія дѣла страны было причиной того, что удѣльные князья искали другъ противъ друга помощи у чужихъ народовъ и приводили чужеземныя войска въ свою страну, убивая и уничтожая вмѣстѣ съ ними своихъ братьевъ. Князь мазовецкій Конрадъ, не ожидая ниоткуда помощи, по совѣту епископа Христина и по соглашенію съ магнатами, принялъ чреватое послѣдствіями для всей Польши рѣшеніе призвать рыцарей нѣмецкаго ордена и предоставить имъ защиту Польши противъ язычниковъ пруссаковъ. Орденъ согласился на слѣдующихъ условіяхъ: князь въ присутствіи епископовъ: Мазовецкаго—Гюнтера, Куявскаго—Михаила и Прусскаго—Христина и съ явнаго согласія своей жены Агаріи и сыновей Болеслава Казиміра и Земовита, обязался даровать ордену въ видѣ привилегіи Холмскую землю со всѣмъ тѣмъ, что въ будущемъ орденъ пріобрѣтетъ у пруссовъ; все, что только рыцари могутъ захватить изъ помѣстій лицъ некатолическаго исповѣданія, изъ движимаго или недвижимаго имущества на землѣ или водѣ, со всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ заключается, путемъ ли взятія въ плѣнъ, разбоемъ, грабежомъ, пріобрѣтеніемъ или порабощеніемъ, такъ же, какъ и Холмская земля, безъ всякаго участія съ его стороны, или со стороны его преемниковъ, или наконецъ со стороны всѣхъ тѣхъ, которые желали бы этому противиться, должно имъ принадлежать какъ дѣйствительная и полная собственность (cum vera proprietate et perfecto dominio). За это рыцари обѣщали защищать князя и его потомковъ отъ враговъ, нелицемѣрно и нелукаво воевать съ ними во всякое время.

По добровольномъ введеніи ордена нѣмецкихъ крестовыхъ братьевъ въ Польшу эти послѣдніе сразу поняли, что при помощи духовенства они заберутъ ее въ свои руки и вовсе не думали о войнѣ съ сосѣдними народами въ пользу Конрада, но лишь для своей собственной пользы, и начали съ того, что обратились къ папѣ съ просьбой, чтобы онъ, признавши дарованную имъ Холмскую землю и всякія дальнѣйшія пріобрѣтенія у пруссовъ собственностью св. Петра, пожаловалъ ее ордену въ ленное владѣніе, которое бы съ той минуты перестало подчиняться какому-либо иному начальству. Григорій IX собственноручнымъ письмомъ 9 сентября 1234 г. увѣдомилъ князя Конрада о томъ, что

произошло, и требовалъ отъ него, чтобы и на будущее время онъ помогалъ ордену и охранялъ его на земляхъ, составляющихъ собственность св. Петра.

Такимъ образомъ интриги чуждаго странѣ духовенства довели до того, что польское стадо вѣрныхъ римской церкви овецъ, вмѣсто полученія помощи отъ нѣмецкихъ рыцарей, было принуждено къ защитѣ нѣмцевъ отъ своихъ же собратьевъ, такъ какъ съ этого времени крестоносцы, ведя постоянно войны, распространяли все дальше свое господство въ славянскихъ земляхъ. Альбрехтъ-Медвѣдь и его ближайшіе преемники, не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны ссорившихся между собою поляковъ, заняли Марки между средней Эльбой и Одеромъ. Послѣ паденія могущества Датчанъ на южномъ берегу Балтійскаго моря Славянскіе князья Мекленбурга и Поморія подпали въ зависимость отъ имперіи и уже было началась колонизація всѣхъ этихъ земель, такъ какъ теперь сами поляки открыли нѣмцамъ дорогу къ господству или по меньшей мѣрѣ къ борьбѣ съ хорошими послѣдствіями на берегахъ самой Вислы. Впрочемъ уже и въ Силезіи были сдѣланы первые шаги къ подобному, хотя болѣе медленному, отдѣленію этой страны отъ Польши.

Чтобы оградить себя отъ навязчивости и насилій духовенства, князь Владиславъ Одоничъ пожаловалъ въ 1831 г. познанскому епископству новыя привиллегіи: онъ освободилъ принадлежавшія въ то время епископству и могущія ему принадлежать въ будущемъ угодія ихъ крестьянъ и дворню отъ всякихъ государственныхъ повинностей и податей, даровалъ епископу право чеканить въ Кробіи собственную монету и охотиться во всѣхъ княжескихъ имѣніяхъ и наконецъ изъялъ всѣхъ крѣпостныхъ епископства изъ судебнаго вѣдѣнія своихъ воеводъ, каштеляновъ и другихъ чиновниковъ; онъ предоставилъ только княжескому судьѣ право суда надъ такимъ церковнымъ поселяниномъ, который сдѣлалъ покушеніе на жизнь короля, измѣннически передалъ въ руки непріятеля замокъ, или же ввелъ непріятельскія войска въ страну.

Но именно эти привиллегіи, данныя церкви, еще скорѣе навлекли на него тѣ опасности, отъ которыхъ онъ думалъ избавиться; общественное мнѣніе въ Польшѣ тогда еще не хотѣло признать такого исключительнаго положенія духовенства, такъ какъ вслѣдствіе этого неизбѣжно должны были увеличиться государственныя повинности и налоги шляхты и ихъ крестьянъ. И дѣйствительно, едва Владиславъ Одоничъ далъ такую привиллегію познанскому епископству, какъ недовольная шляхта стала угрожать его жизни и призвала въ страну Генриха врацлавскаго. Генрихъ поспѣшилъ на призывъ, но вмѣшательство папы Григорія IX въ это дѣло успокоило на время возбужденные умы. Тѣмъ не менѣе два года спустя, въ 1235 г., Генрихъ забралъ у Владислава Одонича Калишскую, Пыздрянскую, Сродскую, Сремскую земли и только тогда духовенство вмѣшалось въ эту войну, убѣдившись, что оба они уже достаточно ослаблены и для него безвредны. Чтобы не потерять остального, Владиславъ Одоничъ при посредствѣ Пелки, Гнѣзненскаго епископа, и Павла, познанскаго епископа, согласился на миръ, въ силу котораго онъ оставилъ всѣ взятыя земли Генриху, причемъ духовенство выговорило себѣ, что если кто изъ нихъ нарушитъ уговоръ, тотъ долженъ будетъ отдать: *познанскому епископу* замокъ Староградъ, или же *гнѣзненскому архіепископству* городъ Островъ.

Дальнѣйшая исторія поляковъ наполнена взаимными войнами князей между собою, орденъ же тѣмъ временемъ все дальше подвигался на востокъ въ прусскихъ земляхъ и въ 1252 г. окончательно завладѣлъ Пруссіей. Когда позже татары напали на Польшу и раззоряли ее, нѣмецкіе рыцари, не смотря на настоянія папы, не пришли ей на помощь; надъ анаѳемой же папы орденъ смѣялся.

Во время Болеслава Застѣнчиваго Польша немного успокоилась; онъ ее очистилъ отъ непріятельскихъ шаекъ, но въ 1271—1275 годахъ это спокойствіе было нарушено пререканіями Болеслава съ церковью, потомъ возстаніемъ шляхты противъ него и наконецъ враждой съ родственникомъ короля Владиславомъ Опольскимъ.

Главною причиною этихъ несчастныхъ происшествій былъ краковскій епископъ Павелъ. Преданный разврату, находясь въ преступной связи съ одною монашенкой, уведенной имъ изъ монастыря, онъ проводилъ жизнь въ пиршествахъ и охотѣ, совершенно не заботился о своихъ церковныхъ обязанностяхъ и, какъ утверждаютъ, находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ врагами Польши, язычниками литовцами. Это возбудило нерасположеніе къ нему князя и шляхты. По собственному ли побужденію, или же по наущенію короля два шляхтича неожиданно схватили епископа, заключили его въ тюрьму въ Куновѣ, а затѣмъ увели его въ Сѣрадзъ къ князю Лешку, который уже въ то время считался въ Краковѣ преемникомъ Болеслава и подвергъ епископа здѣсь строгому аресту. Гнѣзненскій архіепископъ не замедлилъ тотчасъ же возстать противъ насилія, совершеннаго надъ „посвященнымъ Господу". На всю епархію было наложено запрещеніе отправлять божественную службу, и Болеславъ долженъ былъ купить миръ съ церковью щедрыми жертвами. Несмотря на это, архіепископъ съ извѣстной частью шляхты составилъ заговоръ и подговорилъ шляхту къ открытому возстанію противъ Болеслава. Образовавшаяся мятежная шайка предложила тронъ Болеслава Владиславу Опольскому, къ которому съ оружіемъ въ рукахъ и присоединилась, но Болеславъ разбилъ Владислава и опустошилъ его землю огнемъ и мечемъ. Тогда краковскій епископъ призвалъ язычниковъ, которые, не встрѣтивъ достаточнаго сопротивленія, раззорили сандомірскую землю но посредничество Болеслава Великопольскаго возстановило спокойствіе.

По восшествіи на престолъ Лешка Чернаго, Польша значительно окрѣпла и успокоилась, но этотъ же самый епископъ Павелъ привелъ на нее литовцевъ, и хотя они были отражены, однако это причинило странѣ большія потери. За такую измѣну Лешекъ коварнымъ образомъ заключилъ епископа въ темницу, велѣлъ заковать его въ кандалы и на простой телѣгѣ отвести въ Сѣрадзъ и держать тамъ въ цѣпяхъ въ грязной тюрьмѣ. Вся церковь выступила въ защиту своего пастыря. Объ этомъ было донесено Риму, и папа Мартинъ IV положилъ на всю страну запрещеніе отправлять церковную службу, приказавъ отлучить отъ церкви князя и всѣхъ участниковъ насилія, что имѣло у темнаго народа, какъ всегда, прекрасныя послѣдствія. Князь освободилъ епископа. Несмотря на послѣдовавшее за этимъ видимое примиреніе, епископы подговорили шляхту къ избранію иного князя и предложили корону Лешка двоюродному его брату Конраду Мазовецкому, который, согласившись забрать владѣнія своего брата, вторгся съ войскомъ въ его предѣлы и при помощи мѣстной шляхты изгналъ Лешка, который бѣжалъ въ Венгрію.

Венгерцы оказали ему помощь и Лешекъ, вернувшись въ страну, изгналъ Конрада, который, отступая, сжегъ Краковъ и другіе города. Тогда духовенство снова призвало татаръ, которые въ 1287 г. совершенно опустошили страну, и Лешекъ принужденъ былъ опять бѣжать въ Венгрію [1]).

Эти постоянныя внутреннія неурядицы ослабили Польшу до такой степени, что малопольская шляхта признала необходимымъ призвать на польскій престолъ, по указанію папы, чешскаго короля Вацлава, который принялъ приглашеніе, и 7 февраля 1291 года, именуясь польскимъ королемъ, въѣхалъ въ Краковъ съ чешскимъ войскомъ, подъ предводительствомъ пражскаго епископа Тобіяша и занялъ во владѣніе городъ и землю. Мѣстное духовенство, убѣдившись, что ему полезнѣе охранять интерессы Рима, чѣмъ польскаго народа, совершенно отдалось подъ власть Вацлава, убѣждая народъ къ покорности избраннику папы, какъ намѣстника Царя небесъ, имѣющему право назначать земныхъ монарховъ.

---

[1]) Краковскія лѣтописи гласятъ, что монголы во время отступленія около Владиміра Волынскаго подѣлили между собою 31.000 захваченныхъ въ Польшѣ дѣвушекъ и дѣтей.

ГЛАВА XVIII.

Для болѣе полнаго выясненія этой покорности Риму польскаго народа не достаточно очертить историческое развитіе Царства Польскаго въ XII и XIII вѣкахъ и удовольствоваться обрисовкою его внутренняго разложенія, продолжающагося до настоящаго времени, но необходимо, хотя вкратцѣ, нарисовать картину прежнихъ законодательныхъ и бытовыхъ отношеній народа, состоявшаго въ тѣсной связи со шляхетской въ то время Польшей.

Въ продолженіи послѣднихъ 150 лѣтъ пришло въ совершенный упадокъ поколебленное духовенствомъ государственное устройство, установленное нѣкогда Болеславомъ Храбрымъ. Въ чисто славянскій до этого времени государственный организмъ вторглись западные нѣмецко-римскіе элементы, и дальнѣйшее развитіе польской государственной жизни уже основывается на соединеніи разнородныхъ элементовъ—славянскаго и нѣмецко-римскаго, чѣмъ Польша существенно разнится отъ развитія русской жизни, въ которомъ опять-таки трудно не увидѣть вліянія Востока.

Самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ посредникомъ между Польшей и Западомъ было не просвѣщеніе, а римская Церковь—врагъ всякаго просвѣщенія.

Когда рвеніе къ распространенію латинской вѣры во время крестовыхъ походовъ вновь ожило въ западномъ мірѣ, Востокъ Европы вступилъ въ болѣе тѣсную и живую связь съ очагомъ древне-католическаго христіанства.

Введеніе римской вѣры въ Поморьѣ, укрѣпленіе ея въ древне-славянскихъ земляхъ между средней Лабой и Одеромъ, ея борьба и побѣда въ Пруссіи уничтожили преграду, которая отграничивала до этого времени съ этой стороны Польшу отъ Рима, а начинавшееся порабощеніе всѣхъ этихъ земель привило къ нимъ нѣмецкіе инстинкты.

Христьяне Лифляндіи и Пруссіи уже старались завладѣть Литвой, а Венгерцы и Польша — пріобрѣсти себѣ югозападную Русь. Послѣдствія этого новаго мнимо религіознаго движенія къ Востоку не могли не отразиться и на Польшѣ. Направленная туда заботливая дѣятельность Рима чаще и серіознѣе имѣла возможность прикасаться къ ея церковнымъ и свѣтскимъ дѣламъ; съ этой точки зрѣнія эти земли пріобрѣтали для Рима большее значеніе, а когда нашествіе монголовъ угрожало опустошеніемъ всему западному христіанству, Польша, какъ пограничная съ нимъ страна, была предметомъ неустанныхъ усилій со стороны папъ съ цѣлью пріобрѣтенія ея темнаго народа для своей пользы. Этимъ самымъ духомъ проникалось постепенно и польское духовенство; между нимъ и Римомъ упрочилась тѣсная политическая связь, поддерживаемая и укрѣпляемая легатами, которые посылались прямо въ Польшу. Въ позднѣйшихъ временахъ не встрѣчается уже и слѣда оппозиціи со стороны мѣстныхъ епископовъ распоряженіямъ папской стороны, что имѣло мѣсто еще во время Евгенія III по поводу изгнанія Владислава II. Духовенство, какъ это мы уже выше отмѣтили, все больше и больше проникалось общими реформаторскими тенденціями римской церкви; безбрачіе, хотя и понемногу, удалось ввести съ такими однако послѣдствіями, что жены у духовенства замѣнились молодыми „хозяйками“ или „племянницами“, приматство гнѣзненскаго архіепископа укрѣпилось, а вслѣдствіе этого все духовенство все болѣе и сильнѣе отдѣлялось отъ польскаго народа, сближаясь все болѣе съ Римомъ. Вслѣдствіе этого, оно съ тѣмъ большею рѣшимостью стало въ оппозицію съ существовавшимъ до того времени государственнымъ строемъ. Дабы быть послѣдовательнымъ въ распоряженіяхъ о целибатѣ, папамъ слѣдовало предписать кастрацію духовенства (свѣтскаго), операція явилась бы усовершенствованной формой целибата и, сверхъ того, избавила бы духовенство отъ потребности бриться, будучи при этомъ, какъ утверждалъ папа Климентъ, угодной Господу Богу. Этотъ папа чуть-чуть не дошелъ до этой крайности— введенія кастраціи духовенства, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ „breve“, говоря о

практикующейся въ Римѣ кастраціи пѣвчихъ, называетъ эту операцію „ad honorem Dei“ (угодной Богу [1]).

Мы уже выше замѣтили, что церковь въ Польшѣ до половины XII вѣка не добилась еще независимости, но во всѣхъ отношеніяхъ подчинялась свѣтской власти, и что первые шаги къ независимости были ею сдѣланы во время Владислава Германа и Болеслава III. Теперь въ этомъ отношеніи наступила существенная перемѣна. Окрѣпшее въ собственной іерархической организаціи, находящееся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, увѣренное въ его заступничествѣ, высшее духовенство начало стремиться къ завоеванію себѣ вполнѣ независимаго отъ свѣтской власти положенія и въ половинѣ XIII вѣка одержало полную побѣду.

Этой побѣдѣ главнымъ образомъ содѣйствовало вызванное интригами духовенства ослабленіе народа: раздѣленіе государства и происшедшее за этимъ ослабленіе княжеской власти, увеличенное еще набѣгами язычниковъ и другихъ сосѣдей.

Такимъ образомъ церковь прежде всего освободилась изъ подъ обширной, всеобъемлющей княжеской власти, характеризующей ее до самой смерти Болеслава III-го. Избраніе епископовъ и настоятелей, раздача бенефицій, насколько этому не противорѣчили опредѣленныя права патроната, перешли въ ея руки, и духовный судъ, какъ его опредѣляетъ конопическое право, былъ переданъ ей; а когда, наконецъ, всѣ церковныя наслѣдія со всѣми ихъ поселянами были изъяты изъ вѣдѣнія княжескихъ судовъ и освобождены отъ многочисленныхъ податей и обязанностей, слѣдовавшихъ князьямъ, западное учрежденіе Immunitatis (освобожденіе отъ повинностей) вторглось въ славянскій организмъ государственной Польши и уничтожило его существовавшее до этого времени единство. Это былъ первый ударъ, нанесенный старому режиму.

Одновременно выступилъ также и другой факторъ, который расширилъ этотъ проломъ и вообще ввелъ въ Польшу множество чуждыхъ элементовъ. Это было нашествіе нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ прежде всего ввело въ страну духовенство.

Поляки получили христіанство (римское) изъ Германіи; первые познанскіе епископы подчинялись магдебургскому архіепископству. Сношенія съ нѣмецкимъ духовенствомъ не прекратились вполнѣ даже послѣ освобожденія Польши отъ церковной связи съ нѣмцами. Монастыри, основываемые въ Польшѣ, составляли по большей части отдѣленія нѣмецкихъ монастырей. Достойно замѣчанія, что нѣмцы сохранили свою народность, обособившись отъ поляковъ и принимая въ свои монастыри только родовитыхъ нѣмцевъ. Уже Яковъ (1283—1295 г.), архіепископъ гнѣзненскій, тщетно возставалъ на соборахъ противъ этой обособленности, вслѣдствіе которой еще во время Сигизмунда I существовали монастыри, изъ которыхъ поляки, какъ „темный народъ“, совершенно были исключены ради нѣмцевъ. Но нѣмцы на этомъ не остановились. Съ одной стороны они овладѣвали приходами свѣтскаго духовенства и учительскими должностями [1]), а съ другой—едва устроившись на новыхъ мѣстахъ, тотчасъ же окружали себя своими земляками для обработки земли въ дарованныхъ имъ пустошахъ и для поселенія въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ, выживая изъ нихъ поляковъ. Вскорѣ епископы и сами князья послѣдовали ихъ примѣру. Признавая превосходство нѣмецкой культуры, они надѣялись при помощи нѣмцевъ поднять цѣнность своихъ имѣній, лучшимъ управленіемъ увеличить доходы, прежде же всего хотѣли на ново заселить много мѣстъ, опустошенныхъ и обезлюженныхъ братоубійственными войнами, привлекавшими въ страну враговъ-язычниковъ.

Всѣ эти колонисты были освобождены отъ всякихъ мѣстныхъ податей и повинностей, они также были изъяты изъ вѣдѣнія государственныхъ судовъ наравнѣ съ подданными церкви.

---

[1]) Смотри Энциклопедію Эфрона—„Кастрація“.

[1]) Bandtkie, 1,1.

Тоже самое было и съ городами: нѣмцамъ были предоставлены значительныя привиллегіи, особенно въ торговлѣ, и имъ были отданы не только нѣкоторые старые города, но позволено основывать новые. Такъ, въ 1239—1240 гг. отданы были въ руки нѣмцевъ города Краковъ и Сандоміръ, по крайней мѣрѣ оба эти города въ 1244 г. уже обладали нѣмецкимъ, т. е., магдебургскимъ гербомъ [1]).

Въ шестилѣтнее царствованіе короля Вацлава Польша немного успокоилась, но привыкшая къ своеволію и разбоямъ шляхта, которой наскучило спокойствіе въ странѣ, возстала противъ Вацлава, называя его чужестранцемъ, вслѣдствіе чего онъ выѣхалъ въ Прагу и тамъ умеръ въ 1305 году.

До какой степени доходило въ Польшѣ во время (царствованія) Казиміра III самоволіе шляхты, можно видѣть изъ господствующаго права личной мести за оскорбленіе безъ вмѣшательства суда, (угрозы и отвѣты) захватовъ, разбоевъ, дуэлей и деспотизма могнатовъ. Вмѣсто наказанія за убійство человѣка въ Польцѣ была установлена такса за голову убитаго (головщизна): 10 гривенъ [2]) за убитаго мужика, 15—за вновь назначеннаго шляхтича и 60—за коренного шляхтича, барона, графа и т. п. Но и Казиміру, хотя онъ и издалъ законы подъ названіемъ „Статуты Казиміра“, не удалось уничтожить право „головщизны“ и оно сохранялось до 1768 года, какъ памятникъ польской цивилизаціи.

Въ 1347 году Казиміръ основалъ университетъ въ Краковѣ, на что папа Урбанъ V хотя и согласился, но не позволилъ преподавать въ этомъ же университетѣ теологію, считая, что полякамъ достаточно вѣрить въ то, чему научаютъ назначенные имъ духовные, а не углубляться самимъ въ изученіе Св. Писанія, чего поляки до сегодня свято придерживаются.

По смерти Казиміра Великаго въ 1370 году былъ избранъ на польскій престолъ король венгерскій Людовикъ, который, не будучи въ состояніи сладить съ неспокойной шляхтой, вскорѣ уѣхалъ въ Венгрію, довѣривши управленіе польскою страною своей матери Елисаветѣ. Но и она въ 1378 году бѣжала, назначивъ намѣстникомъ своего родственника князя опольскаго Владислава. Шляхта и этимъ вице-королемъ была недовольна и постоянно бунтовала. Тогда Людовикъ отдалъ управленіе страною тремъ епископамъ: Завишѣ, Добѣславу и Сендзивою. Этотъ способъ управленія равнымъ образомъ неудовлетворилъ шляхту, и Польша была залита кровью собственныхъ, убивающихъ другъ друга, своихъ сыновей.

При такомъ положеніи вещей гибель Польши была неминуема; ея короли спорили съ папами и императоромъ о правѣ для себя на королевскій титулъ,—съ родственниками о польскомъ престолѣ. Польскій народъ раздѣлился на коренныхъ поляковъ, нѣмецкихъ колонистовъ и евреевъ: и тѣ и другіе говорили отдѣльнымъ языкомъ, имѣли особые обычаи и особый судъ. Церковное богослуженіе, равно какъ судебныя и государственныя дѣла велись на чуждомъ для народа латинскомъ языкѣ; папы не подчинялись королямъ, духовенство ихъ проклинало. Кромѣ того Польшѣ со всѣхъ сторонъ угрожали ненавидящіе ее сосѣди: чехи, венгерцы, литва, особенно же Тевтонскіе рыцари-крестоносцы, противъ которыхъ она должна была искать помощи и защиты.

Болѣе разумные изъ поляковъ поняли, что самая вѣрная опора и защита ихъ отечества находится на Востокѣ—въ Россіи и чувствовали необходимость соединенія если не со всей Россіей сразу, то по крайней мѣрѣ съ тѣми ея частями, которыя составляли

---

[1]) Foyer, Cod. dipl. IV, стр. 323—55.

[2]) Гривна стоила около 1347 года 54 злотыхъ, равнявшихся 25 коп.

»	»	»	1500	»	24	»
»	»	»	1570	»	$14^1/_2$	»
»	»	»	1607	»	11	»
»	»	»	1703	»	2	»

великое княжество Литовское, и надъ которымъ царствовалъ Ягелло, одинъ изъ сыновей Ольгерда.

Литовское княжество было преимущество заселено русскими православнаго исповѣданія, языческое же населеніе—литовское составляло 1/12 часть всѣхъ ея жителей, о присоединеніи которыхъ къ христьянству думалъ уже Гедиминъ, который съ этою цѣлью обращялся къ Риму, но, узнавъ стремленія римскаго духовенства, отказался отъ своего намѣренія и окрестилъ дѣтей въ православную вѣру [1]).

Ягелло, окрещенный православною церковью именемъ Якова [2]), будилъ въ полякахъ опасенія возвращенія литовскихъ земель подъ скипетръ Россіи; земли эти были отдѣлены отъ Россіи монголами. Сліяніе вновь этихъ земель представлялось опаснымъ для Польши, и Ягелло обратилъ на себя взоры польскихъ пановъ и духовенства. Составивъ планъ пріобрѣтенія его себѣ путемъ возведенія на польскій престолъ, духовенство предвидѣло возможность присоединенія литовскаго народа къ римской церкви и полученія для папства новаго источника доходовъ, подъ именемъ лепты Св. Петра.

Этой цѣли болѣе всего соотвѣтствовалъ бы бракъ Ягеллы съ католичкой, занимающей польскій престолъ, и въ этихъ видахъ поляки предложили вдовѣ Людовика отдать имъ на польскій престолъ свою младшую дочь Ядвигу, на красоту которой Ягелло давно обращалъ свои взоры.

По пріѣздѣ въ Краковъ Ядвига была коронована и за ней пріѣхалъ тоже въ Краковъ ея мужъ Вильгельмъ, эрцгерцогъ австрійскій [3]). Но Поляки, возводя Ядвигу на престолъ, оставили за собой право избранія ей номинальнаго мужа и поэтому не позволили ей оставаться въ дальнѣйшей связи съ законнымъ мужемъ. Приведенная въ отчаяніе Ядвига вздумала бѣжать и, схвативши топоръ, начала рубить замковыя ворота, но эта попытка была напрасной; духовенство и паны, доказывая ей, что черезъ соединеніе съ Ягелло Польша будетъ спасена отъ погибели, если она съумѣетъ склонить супруга къ принятію римско-католическаго исповѣданія, исторгли у нея согласіе на это второе замужество.

Польскій историкъ Шайноха излагаетъ это дѣло такъ: „Древній родъ Пястовъ насквозь пропитался тевтонизмомъ, осквернилъ себя покорностью нѣмцамъ въ Силезіи и занесъ нѣмецкое подданство въ самую глубь Мазовецкаго края. Поэтому, послѣдній изъ великихъ пястовъ, Казиміръ, отрубилъ испорченную вѣтвь отъ народнаго пня и въ итальянско-французской крови венгерскихъ Андегованьчиковъ думалъ найти средство къ возрожденію родины. Могущественный король Венгерцевъ Людовикъ былъ сверхъ того королемъ поляковъ, а его пристрастіе къ тевтонамъ дополнило чашу польскихъ злополучій. Залитое со всѣхъ сторонъ тевтонизмомъ отечество Пястовъ, ограниченное разрушенными данцигскими и силезскими берегами, выступало какъ одинокій далеко выдающійся въ море мысокъ, близкій къ полному поглощенію волнами. Снаружи въ него безъ устали ударялись западныя волны, внутри повсюду стояли принесенныя нѣмецкимъ потопомъ воды. Тевтонизмъ чрезвычайно сильно заливалъ деревни и города.

---

[1]) Historija Theodora Wagi.

[2]) Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Ягелло былъ язычникомъ; но это противорѣчитъ слѣдующимъ фактамъ: Ягелло (Яковъ) былъ сыномъ тверской княгини-христьянки и Ольгерда, который, хотя и возвращался часто къ язычеству, однако умеръ не только какъ христьянинъ, но какъ монахъ подъ именемъ Алексѣя, братья Ягелло: Андрей, Дмитрій, Михайло, Федоръ и другіе—дяди Явнутъ и Наримундъ были православными христьянами.

[3]) Вильгельмъ, сынъ австрійскаго князя Леопольда, женился на Ядвигѣ въ очень молодыхъ годахъ. Его насильно извлекли въ Краковѣ изъ супружескаго ложа, а его жену соединили съ Ягелло. папа за соотвѣтствующее вознагражденіе призналъ первый бракъ недѣйствительнымъ Dzieje Polski Bobrzyńskiego, T. I, str. 224, Dlugosz i „Pomniki dziejowe“, T. II, Krakov, 1878).

тевтонизмъ захватилъ монастыри и храмы, тевтонизмъ обезобразилъ его обычаи, отравилъ его родимую кровь, текущую въ королевскихъ жилахъ [1])".

Но какъ Людовикъ Польшѣ, такъ и Польша Людовику была совершенно чужда. Народная рѣчь звучала непонятно для его ушей. Польскій воздухъ былъ вреденъ для его груди. Прежнія провинціи Польши, силезскія земли, вопреки данной присягѣ стараться ихъ вернуть, служили ему пошлиной, которой онъ покупалъ покорность Люксембуржцевъ. Корону и польскіе клейноды Людовикъ послѣ коронаціи въ Краковѣ велѣлъ нагрузить на возъ и увезъ съ собою въ Буда-Пештъ [2]).

Вмѣсто себя Людовикъ прислалъ управлять Польшею мать свою Елизавету. Это была распутная ханжа, съ которой, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ великопольскій историкъ Янекъ изъ Чарнкова, находился въ близкой связи канцлеръ, епископъ Завиша, съ которымъ и былъ составленъ проектъ возведенія на польскій престолъ Ядвиги, соединенной супружескими узами съ ракузскимъ княземъ Вильгельмомъ, еще на 8-мъ году жизни. Историкъ такъ описываетъ это бракосочетаніе [3]). „Въ послѣднихъ дняхъ пѣнія соловья съѣхались княжескія семейства въ пограничномъ городкѣ Гейнибергѣ (Гамбургѣ). Крохотнымъ новобрачнымъ сопутствовала многочисленная свита изъ сановниковъ и вельможъ, между которыми особенно выдѣлялся извѣстный потомъ въ Польшѣ кардиналъ Димитрій, архіепископъ стрнчанскій. Торжество это привлекло толпы пѣвцовъ, музыкантовъ и шутовъ. Рядъ многихъ свадебныхъ обрядовъ начался брачнымъ актомъ. Димитрій, облаченный въ архіепископскія одежды, соединилъ въ приходской церкви съ подобающею торжественностью руки обоихъ дѣтей. Послѣ этого обѣденное торжество, а сейчасъ же по немъ—танцы до поздней ночи. Послѣ полуночи, согласно съ всеобщимъ обычаемъ, родители отвели молодыхъ въ брачную комнату и, какъ значится въ сообщенномъ на утро писанномъ документѣ, „уложили ихъ рядомъ другъ съ другомъ". На второй день начались дальнѣйшіе пиры и танцы, которыми то время безъ мѣры изобиловало, и какіе мы, именно, видѣли въ частомъ употребленіи при подобныхъ ракузско-венгерскихъ съѣздахъ".

Королева Елисавета, не сочувствовавшая этому браку, предсказывала его расторженіе, въ виду чего король Людовикъ сдѣлалъ оговорку въ брачномъ контрактѣ, что родители всѣми силами должны заботиться о томъ, чтобы Ядвига никому не позволяла отстранять ее и какимъ либо образомъ отговаривать отъ супружества съ Вильгельмомъ. Но мать Ядвиги черезъ годъ послѣ свадьбы одарила папу Урбана VI богатою тіарою и всѣмъ остальнымъ папскимъ убранствомъ, стоимостью въ 20.000 червонцевъ, очень значительною для того времени суммою, чтобы склонить его къ признанію, въ случаѣ надобности, брака недѣйствительнымъ; для того же, чтобы сдѣлать Ядвигу равнодушною къ Вильгельму, ее отвезли на воспитаніе въ Вѣну, слывшую въ то время необузданнымъ развратомъ [4]). Въ пучину этого разврата Ядвига была брошена на 8-мъ году жизни и до 15-ти лѣтъ погружалась въ немъ по уши. О пребываніи Ядвиги въ Вѣнѣ Шайноха говоритъ [5]): „Нельзя не допустить, чтобы то вѣнское жилище, въ которомъ наша Ядвига въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ получала придворное воспитаніе, было вопреки времени мрачно и сурово. Общая же свобода идей развивала очень раннюю и чрезвычайно неумѣренную чувственную жизнь въ подростающихъ дѣвочкахъ. Поэтому и наша Ядвига, дѣвочка, которая позже повсюду умѣла съ топоромъ въ рукѣ пробивать себѣ дорогу къ возлюбленному, не могла, начиная съ восьмого года жизни, развиваться

---

[1]) Szajnohca. Jagiello i Jadwiga. T. I, str. 3.
[2]) Szanocha. Jagello i Jadwiga. T. I, str. 62.
[3]) Szajnocha. Jagello i Jadwiga. T. I, str. 154.
[4]) Szajnocha. Jagello i Jadwiga. T. I, str. 161.
[5]) Szajnocha. Jagello i Jadwiga. T. I, str. 165.

блѣднымъ и угрюмымъ цвѣткомъ. Пусть же, какъ это и случилось, въ столь чувственное и воспламеняющееся сердце попадетъ искра страсти!“

Но, не смотря на весь развратъ, въ который была погружена Ядвига, она не переставала любить своего супруга и, будучи привезена въ Краковъ, куда также прибылъ Вильгельмъ, рѣшилась тѣмъ болѣе съ нимъ видѣться, что его не допускали въ замокъ. Мужской монастырь францисканцевъ облегчилъ имъ свиданія.

Духовенство того времени въ Польшѣ отличалось величайшимъ развратомъ и вымогательствомъ. Польскій историкъ такъ описываетъ это время: [1]) „Тогдашнему всемогуществу духовенства даже небо радовалось. Жизнь большинства сановниковъ церкви была усыпана цвѣтами архимірскаго плотоугодія. Не только кардиналы и епископы, но даже и настоятели второго разряда жили въ великолѣпныхъ дворцахъ. Не довольствуясь этимъ, они строили себѣ особые для лѣта и особые для зимы дворцы. Роскошняя одежда духовенства была безпрерывнымъ предметомъ соборныхъ осужденій. Раньше грѣшили чрезмѣрною изысканностью обуви съ длинными загнутыми носками, съ высокой доходящей до колѣнъ шнуровкой изъ красныхъ блестящихъ тесемокъ, затѣмъ стали грѣшить излишней пестротой одежды, состоявшей изъ разноцвѣтныхъ чаще всего зеленыхъ и голубыхъ полосъ, отъ чего злоупотреблявшій ими варминскій епископъ Иванъ Завиша былъ прозванъ „Пестрымъ“. Позже злоупотребляли множествомъ складокъ и длиною чрезмѣрно широкихъ разрѣзныхъ рукововъ,—вошедшихъ въ моду въ послѣдствіи и среди свѣтскихъ лицъ. Издавна латинское духовенство носило на головѣ небольшія, старательно покрываемыя зачесанными волосами, выбритыя плѣши, а у бедра огромные мечи и сабли. Монахи ходили или въ совершенно свѣтской одеждѣ или же показываясь въ короткихъ рясахъ, безъ нижней иногда одежды, оскорбляли взоръ скандальною наготой. Обычай времени сдѣлалъ, что каждый путешествующій и не путешествующій священникъ былъ всадникомъ, а любовь къ роскоши наряжала церковныхъ скакуновъ съ изысканностью, равной самимъ всадникамъ. Уже св. Бернардъ сѣтовалъ по поводу золота на сѣдлахъ, уздечкахъ и шпорахъ,„ на болѣе блестящія шпоры чѣмъ алтари“. Папскіе послы разъѣзжали по странѣ въ экипажахъ „цугомъ“ въ нѣсколько десятковъ запряжекъ.

„Все это дѣлалось на средства одураченнаго народа. Роскоши одежды и конской сбруи соотвѣтствовала изысканность стола. Самые завзятые враги церкви восторгались ночными пирами во дворцахъ духовенства. Употребляли неимовѣрное количество конфектъ. Папа Григорій XII издерживалъ на однѣ сласти больше, чѣмъ его предшественники на всю кухню и гардеробъ. „Золотой епископъ“, Конрадъ изъ Бреславля (Wroclawia) не исполнялъ ни одной просьбы серьезнаго характера до тѣхъ поръ, пока проситель не доставлялъ ему бочки мускатнаго или итальянскаго вина. „Напиться до положенія ризъ“ выражало намекъ на высшихъ представителей церкви. Настоятели „позволяли въ своихъ помѣщеніяхъ невѣроятныя безчинства, между прочимъ непристойные танцы съ дѣвушками и дѣвочками“. Первое отправленіе литургіи каждый братъ обыкновенно праздновалъ сытой пирушкой съ пріятелями и пріятельницами внѣ монастырской ограды въ городѣ. Костелы служили мѣстами масляничныхъ маскарадныхъ зрѣлищъ, а стражи нравственности посѣщали открыто притоны разврата, появлялись въ въ обществѣ испорченныхъ женщинъ, съ соколами на рукахъ, отправляясь на охоту, послѣ чего проводили время за кружкой и игрой въ кости при аккомпаниментѣ гнуснаго пѣнія. Особенно въ образѣ жизни духовенства сосѣдей Германіи, высылавшей толпы ксендзовъ въ Польшу, увяли листья скромности подъ горячимъ дыханіемъ самой необузданной распущенности. Какъ безчисленныя нравоописательныя подробности того, такъ и наибольшая часть относящихся сюда чертъ латинскаго духовенства должны быть

[1]) Szajnocha. Jagiello i Jadwiga. T. I. str. 196—198.

обойдены молчаніемъ, дабы книга вслѣдствіе отвращенія не вываливалась изъ рукъ читателя".

Распущенность Польскаго духовенства дошла до такой степени что, гонясь за развлеченіями на счетъ народа, оно перестало посѣщать храмы Божіи, такъ что некому было служить обѣдню. „Оставленію церкви ради войны, ради забавы сопуствовало не разъ оставленіе ея ради простого бродяжничества. Въ то время, когда позже свергнутый съ престола папа Іоаннъ XIII, будучи еще клирикомъ, занимался разбоями или корсарствомъ на итальянскихъ моряхъ, множество духовныхъ лицъ, какъ напр. львовскій архіепископъ Бернардъ, толпы силезскихъ, тевтонскихъ монаховъ, съ опасностью для души, таскалось гдѣ-то по свѣту! Слѣдствіемъ этого бродяжничества также какъ и всѣхъ выше приведенныхъ безобразій являлось чрезмѣрное притѣсненіе и эксплоатаціи народа духовенствомъ. Церкви пустовали вслѣдствіе недостатка священнослужителей. Если нѣкоторымъ ксендзамъ необходимо было напоминать о соборныхъ установленіяхъ „чтобы для пріобрѣтенія болѣе обильныхъ прибылей они не смѣли служить болѣе одной обѣдни въ одинъ день", то очень многіе совершенно не приступали ни къ одной; тѣ же ксендзы, которые ежедневно служили обѣдню, считались святыми, возбуждающими удивленіе и вопросъ, какимъ образомъ могли они достигнуть такой святости [1]).

Для образца, каково было польское духовенство, историкъ приводитъ имена: гнѣзненскаго архіепископа Ярослава, который былъ присужденъ къ публичному покаянію за незаконное восшествіе на архіерейское сѣдалище; онъ приказалъ умирая внести свое тѣло въ церковь черезъ особый, сдѣланный въ церковной стѣнѣ проломъ; познанскаго епископа Николая, чрезмѣрнымъ развратомъ доведеннаго до преждевременной смерти; Ивана Кропидлы, куявскаго епископа, плясавшаго на княжескихъ пирахъ и разсказывавшаго за пирушкой самые неприличные анекдоты; другого гнѣзненскаго архіепископа, Николая изъ Курова, умершаго по дорогѣ въ Глиняны на судебное разбирательство по жалобамъ на изнасилованіе; Николая Строесберга, гнѣзненскаго приходскаго священника, пожизненнаго за „свои вѣроломство, ложь, подлогъ и кражу узника" [2]).

На такомъ нравственномъ фонѣ представляется намъ любовникъ бабушки Ядвиги Завиша. Придворною роскошью онъ превосходилъ самыхъ необузданныхъ прелатовъ. Въ конюшнѣ епископа Завиши стояло 700 слишкомъ верховыхъ лошадей, какъ для него, такъ и для многочисленной дружины племянниковъ и защитниковъ при набѣгахъ. Каждый конь имѣлъ свое особое разноцвѣтное, по обычаю времени, богато сверкающее золотомъ и серебромъ, убранство. Такимъ же богатымъ убранствомъ отличались епископскіе экипажи, которые уже въ то время строились разнаго вида и формы и подъ разными названіями. Это были дорожные домики въ одно окно, на обивку которыхъ требовалось значительно болѣе ста локтей матеріи, дѣлались они иногда вовсе безъ дышла и требовали также чрезвычайно много лошадей. Число экипажныхъ закладокъ Завиши превосходитъ всякое воображеніе. Каждое его путешествіе приводило въ движеніе сотни лошадей и повозокъ, несмѣтную толпу дерзкихъ слугъ, товарищей и друзей. Народу, обязанному поднимать въ путешествіи епископскій дворъ или испорченныхъ его прихлебателей, топотъ приближавшихся лошадей казался топотомъ бѣсовъ. А епископъ часто передвигался съ мѣста на мѣсто, то съ королевой Елизаветой въ Венгрію, то посѣщая епископскіе и родовыя помѣстія, то, впрочемъ съ меньшею свитою, стремясь на нѣмецкія развратныя похожденія—такъ называемый ops".

Занятый собственными такого рода дѣлами, епископъ не радѣлъ о государственныхъ дѣлахъ. Это тѣмъ больше отражалось на странѣ, что онъ, занимая между со-

[1]) Szajnocha. Jagiello I. I. Jadwia. str. 199—200.
[2]) Szajnocha. Jagiello i JadwigaT. I: str. 200.

временными тріумвирами первое мѣсто, именовался вице-королемъ, безъ котораго двое другихъ товарищей ничего не могли разрѣшить [1]).

Позорнымъ образомъ окончилъ свою жизнь и этотъ развратный епископъ. Ему вскружилъ голову красивый видъ одной прихожанки, дочери крестьянина епископской деревни Доброводa, около Вислицы. Суровый нравъ отца содрогался при мысли о безчестіи дочери. Раздраженный сопротивленіемъ Завиша рѣшилъ, во главѣ вооруженной дружины, похитить жертву. При ночномъ нападеніи на хуторъ, крестьянинъ съ дочерью скрылся на находяшуся по близости скирду хлѣба. Завиша ихъ тамъ замѣтилъ и самъ взобрался по лѣстницѣ наверхъ. Крестьянинъ опрокинулъ лѣстницу вмѣстѣ съ нападающимъ. Это паденіе повлекло за собою въ скоромъ времени смерть епископа [2]).

При такомъ образѣ жизни польскаго духовенства любовныя свиданія высокопоставленныхъ и богатыхъ особъ подъ сѣнью монастырскихъ стѣнъ не могутъ казаться чѣмъ либо неправдоподобнымъ. Пользуясь этимъ опытная Ядвига устраивала свиданія съ Вильгельмомъ, котораго не пускали въ замокъ. Историкъ такъ описываетъ эти свиданія [3]): „и тянутся тогда къ монастырю со стороны города молодой ракузскій князь, со состороны замка молодая королева. Молодого князя окружаетъ нѣмецкая свита и кружокъ дружественныхъ польскихъ пановъ; пятнадцати-лѣтнюю королеву ведетъ веселый женскій дворъ. Какъ и каждому кортежу тогдашнихъ князей, такъ и Вильгельму и Ядвигѣ по дорогѣ къ Францисканцамъ сопутствуютъ толпы флейтистовъ и трубачей, наигрывая веселые мотивы. Сопутствующей обоимъ дружинѣ дѣвушекъ улыбаются въ монастырѣ минуты самаго пріятнаго изъ тогдашнихъ увеселеній—танцевъ.—влюбленнымъ моментъ разговора и дальнѣйшаго соглашенія и сближенія.

Всѣ подобныя посѣщенія начинались привѣтствіемъ со стороны аббата, встрѣчавшаго гостей хлѣбомъ и солью, конфектами и виномъ. Настоятель привѣтствовалъ своихъ гостей кубкомъ вина или пива. Къ такимъ же кубкамъ и вкуснымъ закускамъ приступало изысканное общество, вступивши въ столовую. Начиная съ заздравныхъ кубковъ, слѣдуетъ вспомнить, говоритъ историкъ, что предки наши, какъ мужчины, такъ и женщины вливали въ себя значительно болѣе напитковъ чѣмъ теперь. Съ виномъ ѣли разныя лакомства, какъ напр. пирожное, паштеты, уже въ то время извѣстные „торты“, варенье, конфекты, винныя ягоды, дыни и т. д. Обыкновенно ѣли изъ одной миски двое—мужчина и женщина. Для влюбленныхъ это было пріятной привиллегіей. Настоятель дѣлалъ видъ, что старается не допустить гостей далѣе монастырской ограды и общедоступныхъ мѣстъ, не смотря на это пары находили дорогу во внутренность обители, наполняли всѣ келліи, галлереи столовой, устраивали „неприличные танцы“, вводя младшую монастырскую братію во искушеніе и грѣхъ. Старики и болѣе набожные монахи вытѣснялись изъ самыхъ уединенныхъ уголковъ, съ болью сердца, что имъ негдѣ спокойно выпить своего „обычнаго“ стакана пива. Хулителей этого посрамленія монастырей—настоятелей, оказывавшихъ сопротивленіе разврату, ругали въ монастырѣ и за монастыремъ именами „неспокойныхъ душъ, новаторовъ, сѣятелей раздора, оскверняющихъ свое собственное гнѣздо“, что до сегодняшняго дня практикуется среди поляковъ, какъ только кто-либо осмѣлится указывать имъ на ихъ національные пороки.

Но эти свиданія въ монастырѣ уже не удовлетворяли распаленную страстью Ядвигу, и она обдумываетъ способы введенія Вильгельма въ свою замковую спальню. Для достиженія этой цѣли Ядвига примирилась съ прежнимъ соперникомъ и противникомъ Вильгельма, мазовецкимъ Пястомъ, Семко, который нѣкогда жаждалъ лишить ее или престола или возлюбленнаго. Теперь, при его помощи, Вильгельмъ пробрался въ

---

[1]) Szajnocha. Jagiello i Jadwiga. T. I. str. 208.
[2]) Szajnocha. Jagiello i Jadwiga. T. I. str. 208—209.
[3]) „ „ „ „ III. „ 85.

замковыя комнаты Ядвиги, гдѣ тайно провелъ нѣсколько ночей. Коронный совѣтъ, узнавъ объ этомъ, постановилъ умертвить Вильгельма на глазахъ Ядвиги. Сама Ядвига принудила его къ бѣгству. Его спустили въ корзинѣ на веревкахъ за замковую стѣну. Скрывшись въ городѣ, Вильгельмъ поджидалъ бѣгства Ядвиги изъ замка, но когда оно не удалось, хотя Ядвига топоромъ рубила ворота, Вильгельмъ, переодѣтый купцомъ, бѣжалъ въ свою страну.

Вскорѣ потомъ, а именно 12 января 1386 г., польское посольство заключило съ Ягелло договоръ, въ которомъ между прочимъ сказано: „Избираемъ и беремъ себѣ владыкой и королемъ нашего отечества, то есть Польши, и упрочиваемъ за нимъ, отдаемъ, даримъ и завѣщаемъ ему *добродѣтельнѣйшую* Ядвигу, польскую королеву для соединенія ея съ нимъ вѣнчаніемъ законнаго брака".

15 февраля 1386 года Ягелло перешелъ изъ православнаго исповѣданія въ латинское исповѣданіе, или, какъ въ то время, называли въ нѣмецкую вѣру. 18 февраля совершилось бракосочетаніе замужней Ядвиги съ Ягелло; съ этого момента поляки стали считать присоединеніе Литвы къ Польшѣ совершившимся фактомъ.

Но не только присоединеніе, а лишь взаимное единеніе, вслѣдствіе ненависти литвиновъ къ полякамъ, наступило послѣ многихъ войнъ только въ царствованіе Сигизмунда Августа въ 1569 году и то только вслѣдствіе измѣны литовскихъ князей Константина Острожскаго и Александра Чарторыйскаго на сеймѣ въ Люблинѣ. Другіе представители Литвы подъ угрозою лишенія ихъ имѣній и дворянскаго званія. были принуждены королемъ подписать этотъ будто бы добровольный договоръ. Послѣ этого соединенія Польша начала называться не королевствомъ, а республикой. Идея республики, имѣющей короля, могла возникнуть только въ очень ограниченныхъ умахъ и оказалась на практикѣ уродливой; излишняя свобода шляхты вызвала распущенность и злоупотребленія, а частные интересы магнатовъ отодвинули на задній планъ интересы государства, послѣдствія чего сегодня оплакиваютъ его потомки.

Въ то еще время Польша имѣла безобразныя понятія о Литвѣ.

Насколько достовѣрны вообще описанія польскихъ историковъ, преимущественно ксендзовъ, видно изъ слѣдующаго отрывка, взятаго изъ исторіи Шайнохи [1]): „Не только поверхностью земли и населеніемъ, но даже своимъ небомъ тогдашняя Литва отличалась отъ Польши. Съ него свѣтило закатывающееся солнце сѣвера, принимая все болѣе непостоянный и обманчивый характеръ солнца полярныхъ поясовъ. Въ продолженіе *десяти* мѣсяцевъ непрерывной зимы оно удалялось отъ земли, погружая ее въ темноту и онѣменіе вслѣдствіе убійственнаго мороза. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ лѣта", разсказываетъ, какъ очевидецъ, ознакомившійся лично съ тогдашнею Литвою, ксендзъ историкъ, — „солнце постоянно пылало на горизонтѣ, почти соединяя закатъ вечера съ разсвѣтомъ утра, допекая не ослабѣвающею въ теченіе цѣлаго дня жарою. Зимніе морозы увѣчили людей весьма частымъ отмораживаніемъ членовъ, замараживая легкомысленныхъ на смерть, мѣняли окраску лѣсного звѣря, преимущественно зайцевъ, совершенно бѣлѣвшихъ зимою, поражали удивленіемъ расположившихся у костровъ путешественниковъ при видѣ котловъ, въ которыхъ одна половина воды кипѣла, въ то время какъ другая была еще кускомъ льда".

На такихъ-то историческихъ преданіяхъ основывилось образованіе польской интеллигенціи, которая какъ нельзя болѣе искренно утверждаетъ, что только просвѣщеніе и римское исповѣданіе, введенныя поляками въ Литву, сгладили ея дикій климатъ, который совершенно сравнялся съ польскимъ, свѣтлыя же ночи и бѣлые зайцы перекочевали въ Петербургъ для введенія просвѣщенія среди сѣрыхъ зайцевъ.

Принимая во вниманіе полный недостатокъ просвѣщенія въ Польшѣ, нельзя уди-

[1]) Szajnocha. Jagiello i Jadwiga. T. III. стр. 181.

вляться и нынѣшнему польскому невѣжеству. Объ этомъ просвѣщеніи, Шайноха пишетъ [1]). „Почти никто въ Польшѣ до временъ Ягелло кромѣ ксендзовъ не умѣлъ не только писать, но даже подписаться, взамѣнъ чего употребляли печати“. Далѣе Шайноха такъ описываетъ это время. „Насколько всеобщимъ было неумѣніе читать (главный источникъ этихъ печаточныхъ знаковъ, вообще всякихъ клеймъ „штемпелей“, а въ извѣстной мѣрѣ и гербовъ), настолько же всеобщимъ было ихъ употребленіе. До смерти отца законъ запрещалъ сыновьямъ употреблять иную чѣмъ отецъ печать, по смерти отца они могли это дѣлать. (Царствовало также всеобщее разнообразіе, непостоянство даже мѣстныхъ гербовъ). Однако эти знаки были непостоянны и измѣнчивы, не смотря на то что, они производили на польскую фантазію какое то таинственное очарованіе. Поляки охотно принимали штемпель за подпись. Отсюда остается у нихъ почтеніе къ гербовой печати, бросить которую на землю значило нанести оскорбленіе владѣльцу подлежавшее суровой карѣ“.

„Литература въ то время считалась еще *позорнымъ ремесломъ*: сыновьямъ аристократическихъ семействъ это вмѣнялось въ преступленіе. Въ учености королевскихъ дѣтей и собственныхъ сыновей вельможная шляхетская грубость и глупость усматривали угрозу стариннымъ обычаямъ, пятно на шляхетскомъ равенствѣ.

„Весь польскій народъ почивалъ въ то время въ церковныхъ пеленкахъ, вся его жизнь была непрерывнымъ праздничнымъ торжествомъ. Сколько все новыхъ, все болѣе пышныхъ праздниковъ и обрядовъ; въ продолженіе 20 лѣтъ вошли во всеобщій обычай три новыхъ праздника, приносящихъ большіе доходы духовенству, какъ то: праздникъ Св. Троицы, празднество копья и крестныхъ гвоздей и, наконецъ, самый торжественный изъ всѣхъ, праздникъ Тѣла Господня. Для достиженія семи праздниковъ въ честь Божьей Матери къ прежнимъ пяти прибавлено въ это время два новыхъ, папами Урбаномъ VI и Григоріемъ XI. Прежніе и новые праздники составляли вмѣстѣ почти непрерывную праздничную цѣпь.

„Сосчитавши всѣ оффиціальные праздники въ числѣ 60, всѣ воскресенья, праздники патроновъ, кануны и октавы и сравнивъ число ихъ съ числомъ дней въ году, найдемъ, на самомъ дѣлѣ, каждый день праздничнымъ, всю тогдашнюю жизнь въ Польшѣ безпрестаннымъ религіознымъ обрядамъ“ [2]).

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что духовенство возрастало въ богатствѣ и силѣ, а народъ все больше глупѣлъ, бѣднѣлъ и стремился къ упадку, духовное вліяніе втерлось въ высшую шляхетскую сферу свѣтскаго общества. Самые серьезные голоса того времени увѣряли шляхту, что „какъ въ яйцѣ желтокъ не можетъ существовать безъ бѣлка, ни бѣлокъ безъ желтка, такъ не могутъ существовать другъ безъ друга ксендзы и паны. Ибо ксендзы управляютъ шляхтой, а шляхта не могла бы жить безъ ксендзовъ и была бы какъ неразумное созданіе, если бы не духовенство, которое совѣтуетъ и приказываетъ панамъ все, что только они дѣлаютъ“. Отсюда каждаго пана окружала тьма церковно-служителей, капелановъ, клириковъ. Они съ нимъ молились, писали ему (даже любовныя) письма, они его развлекали пѣніемъ разнородныхъ свѣтскихъ пѣсенокъ, чтеніемъ старыхъ романовъ, разсказами приключеній. Въ каждомъ мѣстѣ, въ каждый моментъ встрѣчался ксендзъ. Противникъ Гусса знаменитый концлеръ парижской академіи Герсонъ горько жалуется на множество и разнообразіе монашескихъ орденовъ, „которые являются для всего общества нестерпимой тяжестью“. А самъ Гуссъ говоритъ: „смотрите! бургграфомъ—ксендзъ, начальникомъ мѣстной табулы—ксендзъ, высшимъ судьей—ксендзъ, придворнымъ совѣтникомъ—ксендзъ, королевскимъ поваромъ—ксендзъ, земскимъ писаремъ—ксендзъ“. Хроникеръ же поздней-

---

[1]) Szajnocah. Jagiello, Jadwiga. T. I, стр. 84.

[2]) Szajnocho. Jagiello i Jadwiga. T. I, стр. 82.

шаго времени могъ къ этому перечисленію добавить: главнокомандующимъ—ксендзъ, наивысшимъ канцлеромъ—ксендзъ. Это имѣло мѣсто въ Чехіи—странѣ, король которой былъ недоброжелателенъ къ духовенству. Чехія же, какъ и все свѣтское человѣчество, по словамъ секретаря двора Сигизмунда Меклембургскаго, „была придушена" духовенствомъ.

Въ Польшѣ въ то время, когда свѣтскія правительства и шляхта имѣли понятіе лишь о насиліи и власти, духовное сословіе изучало разнообразную промышленность и торговлю. Оно лишь, умѣя читать и писать, могло лучше вести всѣ дѣла и заниматься контролемъ, умѣло занести въ реестръ, считать, комбинировать. Свѣтско-рыцарскій элементъ, чуждый всему этому, готовый каждую минуту къ насилію, не могъ бы никоимъ образомъ удовлетворительно объяснить того административнаго могущества, какимъ тевтонское государство превосходило всѣ свѣтскія государства того времени, и почему ксендзы въ Польшѣ были наилучшими хозяевами и администраторами. Самъ Казиміръ Великій не могъ найти для коронныхъ помѣстій въ Краковской землѣ лучшаго управителя, кромѣ ксендза Бадзента, назначеннаго впослѣдствіи епископомъ. А гдѣ было найти торговца лучшаго чѣмъ архіепископъ Николай, который на собственныхъ корабляхъ велъ чрезвычайно прибыльную торговлю мукой и солониной, посылая ихъ даже къ берегамъ Фландріи. Вообще вся торговля возросла въ Польшѣ на рукахъ церковно-служителей. Храмовые праздники съ наплывомъ отовсюду набожныхъ гостей бывали обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и ярмаркой. Монастыри занимались выдѣлкою сукна. Монахъ, согласно преданію, изобрѣлъ порохъ. Долгое время его приготовляли по большей части также монахи. Вслѣдствіе занятій алхиміей въ монастырѣ Св. Троицы Краковъ былъ однажды разрушенъ пожаромъ. Мы находимъ ксендза, строителя Владимірскаго замка; ксендзъ держитъ въ арендѣ Величкскія соляныя копи. Низшее духовенство, вѣрное древнему обычаю, сохраняемому одинаково какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, занималось до очень недавняго времени мелочнымъ торгомъ и всякаго рода ремеслами. Прелаты, епископы позже стремились къ достиженію сана свѣтскихъ удѣльныхъ князей. Мало того, что Вроцлавскій епископъ, покупкой Гродковской земли, а Краковскій—покупкой Сѣверской земли пріобрѣли титулы князей, но даже приходскій священникъ изъ Селюнія добился права ношенія свѣтской митры и продолжительное время въ качествѣ сѣверскаго князя пользовался „directum dominium" надъ окрестной шляхтой.

ГЛАВА XIX.

Бросимъ теперь взглядъ на состояніе папства въ томъ вѣкѣ, въ которомъ Польша, доведенная куріей Ромы до упадка, была принуждена, во избѣжаніе полной погибели, искать соединенія со славянско-московскимъ, недеморализованнымъ Римомъ — народомъ.

Престолъ римскаго епископа въ началѣ XIV вѣка находился въ Авиньонѣ, и Климентъ V первый началъ носить тіару. Желая избавиться отъ нѣмецкаго императора Генриха VII, противника свѣтской власти папы, Климентъ велѣлъ его отравить. Отраву ему дали въ городѣ Сіеннѣ въ св. причастіи, принявъ которое онъ упалъ въ церкви мертвымъ. Фактъ этотъ отмѣчаетъ историкъ Стрійковскій, который, какъ каноникъ Жмудской капитулы, а потомъ архидьяконъ, не могъ писать вопреки истинѣ противъ своего духовнаго главы. Послѣ Климента вступилъ на папскій тронъ Іоаннъ XXII, избранный папою въ 1316 году; онъ возбудилъ великій вопросъ о „созерцаніи небесъ", вслѣдствіе чего былъ обвиненъ въ ереси. По его мнѣнію, умершіе, даже святые, не могутъ наслаждаться лицезрѣніемъ Бога на небѣ до дня послѣдняго суда.

Между правовѣрными тотчасъ же возникли вопросы: „Какъ это? Неужели апостолы Іоаннъ, Петръ и даже Пресвятая Дѣва не стоятъ еще предъ лицомъ Господа?"

Папа приказалъ изслѣдовать этотъ вопросъ наиболѣе ученымъ теологамъ, и самъ принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ. Въ это вмѣшался также парижскій университетъ. Французскій король объявилъ, что его королевство не должно быть оскверняемо такими еретическими ученіями. Уже одно это мнѣніе доказываетъ практическое направленіе догмата, насколько онъ касается интересовъ церкви: „Если святые не стоятъ предъ лицомъ Бога, то къ чему жъ пригодится ихъ заступничество? Для чего же намъ обращаться къ нимъ съ мольбами?". Заблужденіе папы можетъ быть только оправдано его возрастомъ. Ему было около 90 лѣтъ. По его смерти въ 1334 году оказалось, что онъ не руководствовался принципами, провозглашаемыми въ низшихъ религіозныхъ орденахъ, состоявшими въ томъ, что убожество необходимо для спасенія. Онъ оставилъ 18 милліоновъ золотыхъ флориновъ (въ монетѣ) и 7 милліоновъ въ серебряной посудѣ и драгоцѣнностяхъ.

Его преемникъ, Бенедиктъ XII, разрѣшилъ споръ о «лицезрѣніи Бога:» «Только тѣ святые, которымъ не нужно проходить черезъ чистилище, созерцаютъ немедленно Божество».

Начиная со слѣдующаго правленія Климента VI (1342 г.), авиньонскій дворъ сдѣлался самымъ развратнымъ въ христіанскомъ мірѣ.

Онъ наполнился рыцарями, дамами, художниками и всякими артистами. Тамъ развивалась сказочная роскошь на выходахъ и банкетахъ. Самъ папа наслаждался въ обществѣ дамъ, а его любовница графиня Тюреннъ имѣла на него такое вліяніе, что онъ позволялъ ей получать, при помощи продажи церковныхъ повышеній, безчисленные доходы. Петрарка, жившій въ то время въ Авиньонѣ, говоритъ о немъ, какъ о большомъ домѣ терпимости. Его собственная сестра была обольщена папою Іоанномъ XXII. Въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ римляне, безпрестанно возобновляли усилія, чтобы перевести папскій дворъ въ Римъ, желая снова обезпечить себѣ вытекающія отсюда выгоды. Но политика французовъ, избиравшихъ папу въ кардинальской коллегіи, казалось отнимала всякую надежду на это. Насколько недобросовѣстно относились тогда къ церковнымъ дѣламъ, указываетъ тотъ фактъ, что Климентъ назначилъ кардиналомъ одного изъ своихъ родственниковъ, 18 лѣтняго мальчика.

Ропотъ Европы, что пребываніе папъ въ Авиньонѣ являлось оставленіемъ гроба св Петра, принудило Урбана VI къ возращенію въ Римъ (1367 г.). Въ то время не только въ Римѣ, но и во всей Италіи съ большимъ пренебреженіемъ относились къ Церкви, насмѣхаясь надъ церковными карательньми мѣрами.

Когда Урбанъ послалъ Варнавѣ Висконти, который возмущалъ народъ въ Тосканіи, съ двумя легатами буллу, заключавшую въ себѣ проклятіе и отлученіе отъ Церкви Варнава принудилъ ихъ съѣсть въ его присутствіи пергаментъ, на которомъ была написана булла, вмѣстѣ съ кожанной печатью и шелковымъ шнуркомъ и отослалъ ихъ къ папѣ, добавивъ, что надѣется, что булла будетъ для ихъ желудковъ также легко переварима, какъ и для него!

Двухлѣтнее отдаленіе отъ французскаго двора стало невыносимымъ для папы; онъ вернулся въ Авиньонъ и тамъ умеръ. Только его преемнику Григорію XI удалось прекратить такъ называемое семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе папъ и снова перенести въ 1376 году папскую столицу въ Вѣчный городъ.

Послѣ Григорія, подъ угрозами римской черни, былъ избранъ Урбанъ VI. Однако кардиналы, ускользнувъ изъ Рима въ Фонди, объявили его избраніе недѣйствительнымъ, и на мѣсто Урбана назначили Климента VII, который снова избралъ мѣстопребываніемъ Авиньонъ. Былъ даже моментъ, когда хотѣли избрать въ папы французскаго короля. Такъ началась великая схизма. Собственно это была борьба между Франціей и Италіей изъ-за власти надъ папствомъ. Первая пользовалась ею въ продолженіе 70-ти лѣтъ, послѣдняя стремилась вернуть ее обратно. Такимъ обрааомъ схизма первоначально

основывалась на политическихъ соображеніяхъ, но они измѣнились вслѣдствіе образа дѣйствій надменнаго Урбана, невыносимыхъ даже для его сторонниковъ. А онъ не исправился даже тогда, когда его положеніе упрочилось. Въ 1385 году, подозрѣвая своихъ кардиналовъ въ намѣреніи схватить его, объявить еретикомъ и сжечь, онъ подвергъ многихъ изъ нихъ пыткамъ въ своемъ присутствіи, во время которыхъ читалъ требникъ. Ускользнувъ изъ Ночеры, гдѣ его держали въ осадѣ, онъ приказалъ убить на общественной дорогѣ епископа Аквилео, другихъ же позавязывать въ мѣшки и побросать въ море въ Генуѣ.

Существованіе одновременно двухъ папъ требовало массы денегъ на развратную ихъ жизнь, а средствъ не было. Доходъ отъ юбилея не былъ значительнымъ, и его хватало не на долго, справляли же юбилеи чрезъ 33 года, соотвѣтственно числу лѣтъ жизни Спасителя. Въ Авиньонѣ происки Климента,который отличался пріятнымъ и ровнымъ обращеніемъ, были направлены на французское духовенство, которое было обязано содержать его, и поэтому насъ не удивляетъ, что духовенство съ неохотой смотрѣло на водвореніе среди него папы, который, вслѣдствіе своихъ неимовѣрныхъ потребностей долженъ былъ захватить его лучшія бенефиціи.

При этомъ возникалъ вопросъ, *который изъ двухъ папъ непогрѣшимъ, и который— истинный намѣстникъ Христа*. При такихъ обстоятельствахъ соперничающимъ папамъ не оставалось ничего иного, какъ увеличивать свои доходы посредствомъ симоніи, индульгенцій и подобныхъ средствъ. Оба эти папы старались превзойти другъ друга въ расхваливаніи своего товара, т. е. продаваемыхъ ими Божескихъ милостей, которыя каждый изъ нихъ въ состояніи удѣлить за сравнительно небольшую плату. Цифра аннатъ въ папскихъ книгахъ была увеличена втрое. Къ посредничеству между пріобрѣтателями бенефицій и папской казной были допускаемы ростовщики, или факторы, разсказывали даже, что въ случаѣ настоятельной необходимости бенефиціи были продаваемы по нѣсколько разъ по очереди разнымъ кандидатамъ въ продолженіе одной недѣли. Позднѣйшіе кандидаты могли получить первенство за уплату 25 флориновъ наличными, еще высшее первенство можно было получить за 50 флориновъ. Наконецъ, сдѣлалось обыкновеннымъ явленіемъ писать къ королямъ или прелатамъ о помощи—доказательство, какъ сильно было ослаблено папство событіями того времени.

Вмѣсто христіанскихъ овецъ, покорно идущихъ за пастыремъ въ святыя ограды папскихъ дворцовъ, выросла цѣлая толпа писцовъ, нотаріусовъ, сборщиковъ податей, облегчавшихъ пріобрѣтеніе привиллегій, позволеній и освобожденій; просители ходили отъ двери къ двери съ прошеніями. Римъ сдѣлался сборищемъ охотящихся за должностями съ цѣлаго свѣта. Въ виду огромнаго количества дѣлъ и процессовъ, милостей, прощеній, разрѣшенія отъ грѣховъ, распоряженій, приговоровъ, разсылаемыхъ во всѣ стороны Европы и Азіи, значеніе мѣстной Церкви окончательно упало.

Для содѣйствія папамъ въ обогащеніи нужны были тысячи людей, которые жили въ куріи и стремились возвыситься путемъ увеличенія доходовъ папской казны. Весь христіанскій міръ сдѣлался ея данникомъ. О религіи не было даже рѣчи; обитателей куріи занимала политика, процессы и суды, о дѣлахъ церковныхъ не было слышно ни слова. Каждый росчеркъ пера долженъ былъ быть оплаченъ. Бенефиціи, разрѣшенія отъ грѣховъ, прощенія, привиллегіи продавались и покупались, какъ товаръ. Проситель долженъ былъ подкупить всѣхъ, начиная съ папскаго швейцара, потому что иначе онъ проигрывалъ дѣло. Убогіе люди ни получить, ни надѣяться на поддержку своихъ законныхъ правъ и требованій не могли; послѣдствіемъ этого было то, что каждый священнослужитель считалъ себя уполномоченнымъ къ подражанію тому, что видѣлъ въ Римѣ. Слѣдовательно онъ имѣлъ право извлекать выгоду изъ своихъ духовныхъ требъ и таинствъ, потому что онъ покупалъ это право въ Римѣ и не имѣлъ другихъ источниковъ къ покрытію своихъ издержекъ. Переходъ власти изъ рукъ итальянцевъ

къ французамъ, вслѣдствіе перенесенія куріи въ Авиньонъ, вызвалъ неудовольствіе итальянцевъ, которые почувствовали, что обогащеніе ихъ семействъ выскользнуло у нихъ изъ рукъ. Они привыкли считать папство своей пребендой (доходной статьей), а себя избраннымъ Богомъ народомъ подъ покровительствомъ христіанства, какъ нѣкогда евреи подъ покровительствомъ мозаизма.

На основаніи словъ Христа (Матѳей V, 44): „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ"—папы ввели инквизицію, которая сдѣлала папскую систему непобѣдимой. Всякое сопротивленіе было наказываемо смертью въ пламени. Защищающій свою собственность отъ грабительства духовенства былъ влеченъ на пытку и на костеръ; красивая дѣвушка, не соглашавшаяся на порочную связь съ церковнослужителемъ, вниманіе котораго она имѣла несчастіе обратить на себя, или же не соглашавшаяся поселиться у него въ качествѣ „хозяйки", была обвиняема въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, пытаема и сжигаема; самую мысль не въ пользу духовенства, хотя бы она не обнаружилась никакимъ видимымъ поступкомъ, вмѣняли въ вину. Съ теченіемъ времени образъ дѣйствія инквизиціи становился все болѣе жестокимъ. Предавали мукамъ за малѣйшее подозрѣніе въ непризнаваніи папы святымъ. Обвиненному нельзя было знать имени обвинителя, ни имѣть законнаго защитника, ни аппеллировать. Инквизиціи было предписано не руководствоваться состраданіемъ, особенно къ богатымъ. Невинную семью обвиненнаго лишали собственности путемъ конфискаціи; половина шла въ папскую казну, а другая въ пользу инквизиторовъ и доносчиковъ. Инокентій III предписалъ, чтобы только дѣтямъ отступниковъ отъ вѣры даровалась жизнь и то единственно изъ милосердія. Послѣдствіемъ этого было то, что папы, какъ напримѣръ Николай III, пріобрѣли несмѣтныя богатства путемъ грабежей, совершенныхъ трибуналами инквизиціи. Богатѣли также и члены инквизиціи иныхъ трибуналовъ и всѣ ихъ соучастники.

Борьба Франціи съ Италіей за обладаніе папствомъ должна была въ XV вѣкѣ привести къ раздвоенію. Въ продолженіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ двое соперничавшихъ папъ взаимно предавали другъ друга анаѳемѣ, а двѣ соперничавшія куріи отнимали у народовъ деньги. По временамъ были три власти и троякіе поборы. Никто не могъ поручиться за дѣйствительность таинствъ, такъ какъ никто не зналъ, который папа настоящій. Этотъ соблазнъ заставилъ епископовъ, опасавшихся народнаго возстанія противъ духовенства, созвать пизанскій соборъ. Этотъ соборъ вызвалъ обоихъ обвиняющихъ взаимно другъ друга папъ (непогрѣшимыхъ). Бенедикту XIII и Григорію XII было объявлено, что приписываемыя имъ преступленія и злоупотребленія доказаны, и на ихъ мѣсто назначается Александръ V. Но такъ какъ преступники всегда имѣютъ болѣе единомышленниковъ, чѣмъ добродѣтельные люди, оба свергнутые папы не уступили и такимъ образомъ оказалось трое папъ — намѣстниковъ Христа. Послѣ этого Бенедиктъ XIII проклялъ соборъ, который осмѣлился посягнуть на главную основу латинскаго христіанства, а именно на самодержавіе папы, и занять начальническое положеніе надъ намѣстниками Христа. Теперь умные люди могли узнать дѣйствительную натуру папизма [1]). Въ 1415 году снова собрался соборъ въ Констанцѣ, который потребовалъ отъ Іоанна XXIII отреченія отъ папскаго достоинства. Изложенные пункты обвиненія противъ него были столь ужасны, что охватывалъ ужасъ, и они оправдывали эпитетъ, „что онъ былъ воплотившимся дьяволомъ". Іоаннъ XXIII былъ принужденъ къ сложенію съ себя сана, Григорій XII умеръ. Спустя нѣкоторое время послѣнего умеръ и Бенедиктъ XIII. Соборъ избралъ Мартина V, первымъ дѣломъ котораго было нис-

[1]) Часть польскаго общества съ клерикальнымъ оттѣнкомъ гордится названіемъ «папистовъ" этого сорта. Поляки, очевидно, не хотятъ принадлежать къ мыслящему человѣчеству.

проверженіе собора и возстановленіе этимъ папской независимости и злоупотребленій, изъ которыхъ онъ могъ извлекать выгоду. Путемъ интригъ ему удалось распустить собраніе, на которомъ должна была быть проведена реформа церкви. Онъ былъ очень недолго папою, а послѣ него наступилъ Евгеній IV, который былъ принужденъ созвать снова соборъ въ Базелѣ, гдѣ его свергли съ престола. Предчувствуя это, папа долго противился созванію собора, называя это учрежденіе синагогой сатаны. Видимою цѣлью собора была реформа духовенства, дѣйствительною же—преобразованіе папскаго самодержавія въ конституціонную монархію. Этотъ соборъ занялъ положеніе христіанскаго сената. На этомъ соборѣ было постановлено учрежденіе печати и правила, что въ случаѣ смерти выборъ новаго папы зависитъ отъ собора. Вслѣдъ за этимъ было постановлено не оставлять этого великаго акта въ рукахъ пронырливыхъ итальянскихъ кардиналовъ, а довѣрять его лишь представителямъ соединеннаго христіанства. На мѣсто Евгенія IV соборъ назначилъ Феликса V, человѣка очень богатаго, хотя женатаго и имѣющаго дѣтей, разсчитывая на то, что этотъ папа не будетъ имѣть основаній прибѣгать къ преступнымъ дѣяніямъ для пріобрѣтенія денегъ, что одновременно должно было предотвратить угрожавшее со всѣхъ сторонъ отпаденіе отъ римской Церкви, какъ слѣдствіе возмущенія поступками папства. Выборъ этого папы былъ сдѣланъ католическо-нѣмецкой іерархіей, пришедшей къ выводу, что избраніе папы должно быть отнято у Италіи и отдано Европѣ, что папская власть должна быть ограничена, что папа не долженъ болѣе оставаться неотвѣтственнымъ намѣстникомъ Бога на землѣ, но отвѣтственнымъ должностнымъ лицомъ христіянской церкви, и что духовенству должно быть возвращено право вступать въ бракъ.

Этотъ знаменательный соборъ начался въ 1431 г., а окончился 1448. Онъ оказался высшимъ чѣмъ папы, которыхъ онъ свергалъ съ престола. Напраснымъ было отрицаніе законности такого собора. Въ этотъ моментъ для итальянской системы не было, кажется, никакихъ иныхъ видовъ на будущее, кромѣ окончательнаго упадка; слитіе Западной Церкви съ Восточной приближалось; Іоаннъ Палеологъ въ 1438 году, въ то самое время когда Базельскій соборъ свергалъ съ престола Евгенія, довершалъ соединеніе Востока и Запада во Флорентинскомъ соборѣ.

6 іюля этого же года римскій кардиналъ въ присутствіи народа обнимался съ греческимъ архіепископомъ въ соборѣ Флоренціи; „Te Deum" было пропѣто по гречески, обѣдню служили по латыни и прочитано—„Credo" съ „Filioque". Но однако удивительное дѣло — минутное освобожденіе папскаго абсолютизма пришло съ той стороны, откуда никто этого не ожидалъ. Избавителями папства были Турки.

Когда турецкій султанъ Баязетъ разбилъ подъ Никополемъ венгерскаго короля Сигизмунда, поработилъ южную грецію и страны на Дунаѣ и угрожалъ Константинополю, императоръ Іоаннъ Палеологъ I искалъ помощи Италіи и съ этою цѣлью самъ отправился въ Римъ, добивался свиданія съ папой, „очистившись отъ своихъ отступленій", относительно главенства папы и двойного исхожденія Св. Духа и былъ представленъ папѣ въ церкви Св. Петра. Папа отказалъ ему въ помощи. Однако Константинополь былъ спасенъ вслѣдствіе неожиданнаго нападенія Тамерлана на Баязета, который попался въ плѣнъ. Преемники Баязета безпокоили Грецію и греческіе императоры искали снова помощи въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ, но напрасно; правда, Римъ обѣщалъ помочь, но въ критическую минуту, какъ и слѣдовало ожидать, измѣнилъ грекамъ.

Эта измѣна до такой степени раздражила грековъ, что когда Магометъ II осадилъ Константинополь, а латинскій священникъ совершалъ богослуженіе въ церкви Св. Софьи, народъ кричалъ, что лучше хотятъ видѣть въ Константинополѣ тюрбанъ султана, чѣмъ тіару измѣнника—папы.

29 мая 1453 г былъ произведенъ штурмъ города. Константинъ Палеологъ, по-

слѣднiй римскiй императоръ, снявъ свою порфиру, чтобы никто не могъ его узнать и, въ случаѣ катастрофы, обезчестить его тѣло, палъ, какъ приличествовало римскому императору. Турки наводнили городъ. Разношерстная толпа женщинъ, дѣтей, священниковъ, монаховъ, монахинь и мужчинъ бросилась въ церковь Св. Софiи, гдѣ они были всѣ поголовно вырѣзаны.

По взятiи, вслѣдствiе папской измѣны христiанству, Константинополя турками соединенiе греческой и латинской церквей не представлялось уже нужнымъ: мечъ Магомета разрѣшилъ споръ. Ужасъ охватилъ христiянскiй мiръ. Завоеванiя Турокъ въ Европѣ охватывали все большiя пространства. Въ 1461 году они приближались къ Итальянскимъ границамъ. Магометанскiй флагъ развѣвался на берегахъ Адрiатики. 20 лѣтъ спустя Италiя подверглась нападенiю, Отранто былъ взятъ, его епископъ убитъ предъ дверями церкви. Вся Италiя была бы порабощена, если бы не случай, который обратилъ турокъ противъ Венецiанцевъ.

Турецкое нападенiе затормозило демократическiй взрывъ въ лонѣ Церкви и удержало на нѣкоторое время всякiя козни папскаго самодержавiя. Церковные споры должны были умолкнуть. Возобновившiяся затѣмъ папскiя злоупотребленiя вызвали въ концѣ реформацiю. Магометанскiй мечъ принесъ Европѣ ту пользу, что папы не такъ сильно преслѣдовали просвѣщенiе, какъ передъ тѣмъ. Но это продолжалось недолго. Просвѣщенiе народовъ было невыгодно для латинскаго духовенства, и папы возвратились къ его преслѣдованiю. Наука была объявлена дьявольскимъ изобрѣтенiемъ (чему прежде всего повѣрили поляки), тѣхъ же, которые ею занимались, обвиняли въ чернокнижiи. Началось гоненiе; и въ буллѣ папы Иннокентiя VIII, изданной 5-го декабря 1484 г. и извѣстной подъ названiемъ „Summis desiderantes", заключается слѣдующее:

„Мы получаемъ извѣстiя, что въ Германiи многiя лица обоего пола входятъ въ союзъ съ дьяволомъ, вредятъ людямъ и скоту, портятъ поля и плоды, отрицаютъ христiанскую вѣру и, побуждаемыя врагомъ рода человѣческаго, совершаютъ еще другiя преступленiя. Поэтому два профессора теологiи, доминиканцы Henrich Institor и Jakob Sprenger, назначаются инквизиторами съ обширными полномочiями, одинъ для Верхней Германiи, другой для прирейнскихъ странъ. Они должны исполнять свою обязанность относительно всѣхъ и каждаго, безъ различiя званiя и состоянiя, и наказывать тѣхъ лицъ, которыхъ они найдутъ виновными, сообразно ихъ преступленiямъ, заключать въ темницу, лишать жизни или *имущества*, которое поступаетъ въ собственность церкви. Все, что они найдутъ нужнымъ сдѣлать для этого, они могутъ совершать свободно и безпрепятственно, призывая въ случаѣ надобности помощь свѣтской власти."

Такiя же буллы были изданы и для другихъ странъ папами: Александромъ VI, Юлiемъ II, Львомъ X и Адрiаномъ IV.

Отцы латинской церкви и ученые теологи посвящали колдовству обширные трактаты, въ которыхъ существованiе дьявола доказывается текстами Священнаго Писанiя, и вѣра въ колдовство выставляется, какъ основа христiанской религiи.

Вслѣдствiе этихъ папскихъ буллъ латинское духовенство ввело во всей Европѣ систему грабительства: кто не откупался, подвергался пыткамъ и сжигался. Образовалась особая уголовная литература объ *обнаруженныхъ и доказанныхъ* сношенiяхъ съ дьяволомъ.

Всѣ любители естественныхъ наукъ, магiи, алхимiи, астрологiи, хиромантiи и даже физики и химiи—были подозрѣваемы въ сообщничествѣ съ дьяволомъ и легiонами его помощниковъ. Даже Боденъ, знаменитый философъ XVI столѣтiя, не оставался свободнымъ отъ этого суевѣрiя; въ доказательство приводитъ онъ фактъ, что „одинъ докторъ теологiи заключилъ условiе съ дьяволомъ въ томъ, что въ своихъ сочиненiяхъ будетъ его защищать и опровергать справедливость всего того, что пишутъ противъ дьявола его враги". Докторъ этотъ былъ сожженъ заживо.

Благочестивый отецъ de Lancre такъ описываетъ наружность дьявола: „Сатана и каждый изъ начальниковъ демонской арміи имѣетъ опредѣленный обликъ. Согласно съ показаніями вѣдьмъ, присутствовавшихъ на оргіяхъ шабаша, онъ сидитъ за черной каѳедрой, имѣя на головѣ корону изъ черныхъ роговъ. Кромѣ того, у него два рога на шеѣ и одинъ на лбу, которымъ онъ освѣщаетъ все сборище; волоса всклокочены, лицо блѣдное и хмурое, глаза круглые, широко раскрытые, огненные и отвратительные; борода, какъ у козла; шея и туловище безобразнаго сложенія; тѣло частью человѣческое, частью козлиное; руки и ноги какъ у человѣка, только всѣ пальцы одинаковой длины, костлявые, съ когтями; руки согнуты въ видѣ гусиныхъ лапъ, а хвостъ длинный, какъ у осла; голосъ ужасный, но безъ тоновъ; всегда въ высокой степени надменный, съ выраженіемъ скуки и пресыщенія".

Теологи спорили между собою относительно образа дьявола, имѣетъ-ли онъ плоть и кровь или только чистый духъ, который принимаетъ лишь видъ плоти. Споръ этотъ, помимо своего теоретическаго значенія, имѣлъ также весьма важное практическое значеніе въ смыслѣ судебномъ—по отношенію къ одному изъ самыхъ важныхъ обвиненій противъ вѣдьмъ — въ половой связи съ дьяволомъ. Это обвиненіе не имѣло дѣйствительности для тѣхъ, которые считали дьявола чистымъ духомъ безъ плоти. Большинство, однако, держалось мнѣнія, которое раздѣлялось церковью, что дьяволъ есть существо въ плоти. На этомъ основаніи было развито весьма обстоятельно разработанное теологами ученіе объ *инкубахъ* и *суккубахъ*, т.-е. о двойственномъ образѣ, принимаемомъ, смотря по надобности, дьяволомъ, для вступленія въ половую связь съ людьми: образъ инкуба — мужчины, для связи съ женщиной, и образъ суккуба — женщины, для связи съ мужчиной.

Еще Ѳома Аквинскій подробно говоритъ о половой связи съ дьяволомъ и весьма обстоятельно развиваетъ ученіе объ инкубахъ и суккубахъ и о ихъ плотскихъ сношеніяхъ съ людьми: на этомъ предметѣ было сосредоточено все вниманіе развратнаго холостого римскаго духовенства.

Судья въ Лотарингіи, Remy или Remigius, отличавшійся особою жестокостью въ преслѣдованіи вѣдьмъ и сжегшій въ теченіе 15 лѣтъ своей практики свыше 900 вѣдьмъ, издалъ въ 1589 году книгу подъ заглавіемъ „Daemonolatria", въ которой подробно излагается, въ какихъ случаяхъ дьяволъ принимаетъ видъ животныхъ, дабы войти въ сношенія съ человѣкомъ, какія преступленія совершаютъ вѣдьмы по внушенію дьявола, чтó происходитъ на собраніяхъ шабаша и т. д., и въ удостовѣреніе всего этого приводитъ факты изъ своей практики и ссылается на протоколы и акты процесовъ, въ которыхъ онъ выступалъ генеральнымъ прокуроромъ. Въ концѣ своей жизни Remigius вообразилъ себя одержимымъ дьяволомъ и далъ себя сжечь на кострѣ [1]).

Теологи римской куріи выработали трактаты относительно дѣтей, происходящихъ отъ связи съ дьяволомъ. Знаменитый демонологъ Martin Delrio, особенно тщательно разработавшій ученіе объ инкубахъ и суккубахъ, въ своемъ извѣстномъ трактатѣ „Disquisitiones magicae 1599 г.", принимаетъ, что „отъ союза съ дьяволомъ могутъ рождаться дѣти, но это происходитъ не непосредственнымъ, а косвеннымъ путемъ. Именно, дьяволъ сначала въ образѣ *суккуба* имѣетъ связь съ мужчиной и затѣмъ пользуется оплодотворяющимъ сѣменемъ своего сожителя при совокупленіи съ женщиной въ образѣ *инкуба*. Дѣти, рожденныя при посредствѣ инкуба, имѣютъ чудовищный видъ, отвратительно некрасивы, худы, необыкновенно много ѣдятъ". De Lancre, который въ своей судебной практикѣ имѣлъ достаточно случаевъ, удостовѣряющихъ половую связь съ дьяволомъ, и отправилъ на костеръ не мало женщинъ, сознавшихся подъ пытками въ этомъ преступленіи, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на этотъ счетъ, приводитъ еще изъ

[1]) Конторовичъ. Процессы о вѣдьмахъ, стр. 15—16.

Delrio въ видѣ примѣра фактъ, что одна женщина разрѣшилась чертенкомъ, который сейчасъ по выходѣ изъ чрева матери сталъ прыгать и скакать.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ вѣра въ дьявола среди римскихъ католиковъ была до того распространена, что наиболѣе образованные (по тогдашнимъ понятіямъ) люди приписывали дьяволу всѣ непонятныя для нихъ явленія природы и помогали духовенству истреблять вѣдьмъ. Въ теченіе этихъ двухъ столѣтій въ одной Германіи было сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ, а во всей Европѣ насчитывается свыше милліона осужденныхъ за колдовство. Докторъ Richus насчитываетъ до 4 милліоновъ жертвъ, другіе ученые насчитываютъ до 9 милліоновъ.

Самымъ любимымъ мѣстомъ дьявольскаго флирта являлись женскіе монастыри, которые, по словамъ священной инквизиціи, были посѣщаемы дьяволами съ 1610 года: „Первая большая эпидемія появилась въ 1610 году въ Провансѣ, въ Эксѣ, въ монастырѣ урсулинокъ. У двухъ монахинь появились какіе-то удивительные припадки, которые внушили всѣмъ увѣренность, что эти монахини одержимы дьяволомъ. Надъ ними были сдѣланы заклинанія съ цѣлью изгнать дьявола, но безуспѣшно. Одна изъ монахинь, Луиза Кано, призналась, что въ ней сидятъ три дьявола: Верринъ, добрый дьяволъ, католикъ, легкій, одинъ изъ демоновъ воздуха; Лавіаѳанъ, злой дьяволъ, любящій разсуждать и протестовать, и, наконецъ, третій — духъ нечистыхъ помысловъ; кромѣ того, она заявила, что чародѣй, наславшій на нее этихъ дьяволовъ—патеръ Луи Гофриди, бывшій въ то время приходскимъ священникомъ церкви des Accouler въ Марселѣ. Другая монахиня, Магдалина де-ля-Палю, обезумѣвшая отъ страха, созналась также въ томъ, что Гофриди испортилъ ее своими чарами и наслалъ на нее цѣлый легіонъ демоновъ, именно 6666 дьяволовъ. Инквизиторъ Михаэлисъ, которому обѣ монахини были переданы для заклинаній, донесъ на чародея Гофриди прованскому парламенту. Несмотря на защиту, которую Гофриди имѣлъ въ лицѣ марсельскаго епископа и всего духовенства, онъ былъ арестованъ и преданъ суду. Обвиненіе было основано на показаніяхъ этихъ двухъ монахинь и Михаэлиса, наблюдавшаго во время заклинанія, какъ дьяволъ обращался со своими жертвами. „Во время заклинанія, показывалъ Михаэлисъ,—Вельзевулъ продолжалъ терзать Магдалину, то съ силою бросая ее на животъ, то опрокидывая на спину; до трехъ или четырехъ разъ онъ принимался душить ее за горло. За обѣдомъ демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову къ землѣ, а за ужиномъ они ее пытали въ теченіе цѣлаго часа, выворачивая ей руки и ноги съ такой силой, что у нея кости трещали и всѣ внутренности переворачивались; окончивъ истязанія, они погрузили ее въ такой глубокій сонъ, что она казалась мертвой“. Луиза показала, что Гофриди, хотя дѣлаетъ видъ, что не ѣстъ мясной пищи, но на самомъ дѣлѣ наѣдается до-отвала мясомъ маленькихъ дѣтей, которыхъ онъ душилъ или откапывалъ изъ могилъ. Магдалина, на которую бредъ Луизы сильно дѣйствовалъ, послѣ разсказа Луизы объ употребленіи Гофриди дѣтскаго мяса, разразилась противъ него проклятіями и обвинила его въ разныхъ преступленіяхъ, между прочимъ въ томъ, что онъ ее обольстилъ. Несчастный священникъ клянется именемъ Бога и святыхъ, что всѣ эти обвиненія—ложны, но ему не вѣрятъ, связь между его чародѣйствомъ и дьяволами, которыми одержимы монахини, вполнѣ установлена показаніями монахинь. Его подвергаютъ пыткѣ, чтобы добиться признанія; онъ понимаетъ, что погибъ, мужество его покидаетъ, и онъ сознается во всемъ, во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ обвиняется. Онъ сознался, что дьяволъ посѣщалъ его часто, что онъ обыкновенно поджидалъ сатану у дверей церкви и заразилъ до тысячи женщинъ ядовитымъ дыханіемъ, сообщеннымъ ему Люциферомъ. „Признаюсь и въ томъ,—говорилъ онъ,—что когда я желалъ отправиться на шабашъ, я становился у открытаго окна, чрезъ которое являлся ко мнѣ Люциферъ, и вмигъ переносился на сборище, гдѣ я оставался два, три, а иногда и четыре часа“. На тѣлѣ

Гофриди нашли въ трехъ мѣстахъ „печать дьявола", т.-е. въ трехъ мѣстахъ вонзили иглу, и онъ не чувствовалъ никакой боли и кровь не текла. Послѣ этого его виновность не подлежала сомнѣнію, и 30 апрѣля 1611 года его сожгли въ Эксѣ, послѣ того какъ онъ былъ отрѣшенъ отъ сана и палачемъ подведенъ къ главному входу въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ публично каяться и просить прощенія у Бога, короля и правосудія.

Въ особенности знаменита бѣсовская эпидемія, появившаяся въ 1631 году въ монастырѣ урсулинокъ въ Луденѣ, которая получила громкую извѣстность и вызвала общее волненіе во всей Франціи, благодаря процессу Урбана Грандье, павшаго жертвой этой эпидеміи. Процессъ этотъ похожъ на процессъ Гофриди—только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Та же драма, основанная на показаніяхъ истеричныхъ, полусумасшедшихъ монахинь, обвинявшихъ священника въ томъ, что онъ ихъ околдовалъ; та же процедура изгнанія и заклинаній бѣсовъ и суда надъ виновникомъ бѣсовскихъ наважденій—несчастнымъ духовникомъ.

Община урсулинокъ въ Луденѣ состояла изъ женщинъ самыхъ аристократическихъ фамилій. Одна изъ сестеръ, игуменія madame de Belciel, вообразила себѣ, что она одержима бѣсомъ, который является къ ней по ночамъ въ видѣ недавно умершаго духовника монастыря и также духовника другого монастыря, аббата Урбана Грандье. Вскорѣ всѣ остальныя сестры стали видѣть эти видѣнія. Приступили къ заклинанію духовъ, но во время заклинанія спазмы и галлюцинаціи одержимыхъ еще болѣе усилились: онѣ ложились на полъ, ползали на животѣ, высовывали языкъ, который дѣлался совсѣмъ чернымъ, испускали крики, мяукали, лаяли и безсвязно бредили. Въ бреду каждая разсказывала о своемъ дьяволѣ, какой онъ имѣетъ видъ, что онъ дѣлаетъ съ нею, что говоритъ, какъ ихъ ласкаетъ, при этомъ онѣ произносили богохульственныя рѣчи, оскверняли Бога и святыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ впадали въ каталептическое состояніе и дѣлались сомнамбулами и блуждали, какъ автоматы.

Вотъ описаніе одного изъ этихъ заклинаній, которое мы приводимъ со словъ одного изъ заклинателей въ Луденѣ (см. у Regnar'а, „Sorcellerie" и т. д.). „Однажды начальница пригласила отца Сюрена отслужить молебенъ св. Іосифу и просить его защиты отъ демоновъ на время говѣнія. Заклинатель выразилъ свое согласіе, не сомнѣваясь въ успѣшности чрезвычайнаго молитвословія, и обѣщалъ заказать мессы съ тою же цѣлью и въ другихъ мѣстахъ; вслѣдствіе этого демоны пришли въ такое бѣшенство, что въ день поклоненія волхвовъ стали терзать игуменью. Лицо ея посинѣло, а глаза уставились въ изображеніе лика Богородицы. Былъ уже поздній часъ; но отецъ Сюренъ рѣшился прибѣгнуть къ усиленнымъ заклинаніямъ, чтобы заставить демона пасть во прахѣ передъ Тѣмъ, Кому поклонялись волхвы... Съ этой цѣлью онъ ввелъ одержимую въ часовню, гдѣ она произнесла массу богохульствъ, пытаясь бить присутствующихъ и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому, наконецъ, удалось тихо подвести ее къ алтарю. Затѣмъ онъ приказалъ привязать одержимую къ скамьѣ и послѣ нѣсколькихъ воззваній повелѣлъ демону Исаакаруму пасть ницъ и поклониться Младенцу Іисусу. Демонъ отказался исполнить требованіе, изрыгая страшныя проклятія. Тогда заклинатель пропѣлъ Magnificat, причемъ во время пѣнія словъ: Gloria Patri и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой дѣйствительно было переполнено злымъ духомъ, воскликнула: „Да будетъ проклятъ Богъ Отецъ, Сынъ, Святой Духъ, Св. Марія и все небесное царство!"

Демонъ еще усугубилъ свои богохульства, направленныя противъ Св. Дѣвы, и похвалялся, что его не удастся изгнать изъ тѣла, въ которое онъ вселился... Его спросили, зачѣмъ онъ вызываетъ на борьбу Всемогущаго Бога. „Я дѣлаю это отъ бѣшенства,—отвѣтилъ онъ,—и съ этихъ поръ съ товарищами не буду заниматься ничѣмъ другимъ." Тогда онъ возобновилъ свои богохульства въ еще болѣе усиленной формѣ. Отецъ

Сюренъ вновь приказалъ Исаакаруму поклониться Іисусу и воздать должное, какъ Св. Младенцу, такъ и Пресвятой Дѣвѣ за богохульственныя рѣчи, произнесенныя противъ нихъ... Исаакарумъ не покорился. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ пѣніе „Gloria“ послужило ему только поводомъ къ новымъ проклятіямъ на Св. Дѣву. Были еще дѣлаемы новыя попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Іисусу, а Исаакарума—повиниться передъ Божіей Матерью, во время которыхъ у игуменьи появились столь сильныя конвульсіи, что пришлось отвязать ее отъ скамьи. Присутствующіе ожидали, что демонъ покорится, но Исаакарумъ, повергая ее на землю, воскликнулъ: „Да будетъ проклята Марія и плодъ, который Она носила!“ Заклинатель потребовалъ, чтобы онъ немедленно покаялся предъ Богородицей въ своихъ богохульствахъ, извиваясь по землѣ, какъ змѣй, и облизывая полъ часовни въ трехъ мѣстахъ. Но онъ все отказывался, пока не возобновили пѣнія гимновъ. Тогда демонъ сталъ извиваться, ползать и кружиться; онъ приблизился къ самому выходу изъ часовни и здѣсь, высунувъ громадный черный языкъ, принялся лизать каменный полъ съ отвратительными ужимками, воемъ и ужасными конвульсіями. Онъ повторилъ то же самое у алтаря, послѣ чего выпрямился и, оставаясь все еще на колѣняхъ, гордо посматривалъ, какъ бы показывая видъ, что не хочетъ сойти съ мѣста; но заклинатель, держа въ рукахъ Св. Дары приказалъ ему отвѣчать. Тогда выраженіе лица его исказилось и стало ужаснымъ, голова откинулась совершенно назадъ, и послышался сильный голосъ, произнесенный какъ бы изъ глубины души: „Царица Неба и земли, прости!“

Между прочимъ, духовникъ Mignon, предварительно изгнанія бѣса изъ тѣла настоятельницы, подвергнулъ бѣса тщательному допросу на латинскомъ языкѣ. Вопросы духовника и отвѣты дьявола были слѣдующіе. Вопросъ: Propter quam causam ingressus es in corpus hujus virginis? Отвѣтъ: causa animositatis. B. Per quod pactum? O. Per flores. B. Quales? O. Rosas. B. Quis misit? O. Urbanus. B: Dic cognomen? O. Grandier. B. Dic qualitatem? O. Sacerdos. B. Cujus ecclesiae? O. Sancti Petri. B. Quae persona attulit flores? O. Diabolica. Что означаетъ:

(Вопросъ: На какомъ основаніи помѣстился ты въ тѣлѣ этой дѣвицы? Отвѣтъ: Вслѣдствіе страсти. В: На основанія какого соглашенія? О: Чрезъ посредство цвѣтовъ. В. Какихъ? О. Розъ. В. Кто ихъ послалъ? О. Urban. В. Какъ фамилія его? О. Грандье. В. Званіе его? О. Священникъ. В. Какой церкви? О. Св. Петра. В. Какое лицо доставило цвѣты? О. Дьявольское!)

Подобными протоколами, похожими на бредъ сумасшедшаго, наполнены архивы латинскаго духовенства, которое на основаніи этихъ бредней предавало мучительной смерти, во имя Христа, милліоны неповинныхъ жертвъ.

Урбанъ Грандье не былъ монастырскимъ духовникомъ, но онъ было извѣстенъ въ обители урсулинокъ, такъ какъ возбуждалъ много толковъ о себѣ, благодаря своему уму, краснорѣчію и красивой наружности. Кромѣ того, онъ сдѣлался популяренъ своею оппозиціею высшимъ церковнымъ властямъ и своимъ памфлетомъ, направленнымъ ротивъ кардинала Ришелье.

Слухи объ одержимыхъ въ Луденѣ распространились по всей Франціи. Многіе пріѣзжали изъ Парижа, Марсели, Лиля и другихъ городовъ, чтобы посмотрѣть дѣянія дьяволовъ. Братъ короля Гастонъ Орлеанскій пріѣхалъ туда спеціально, чтобы видѣть одержимыхъ и присутствовать при процессѣ изгнанія. Во время одного изъ такихъ процессовъ случился любопытный случай. Отецъ Сюренъ, производившій изгнаніе, самъ сдѣлался одержимымъ и сталъ вмѣстѣ съ заклинателями кататься по полу въ конвульсіяхъ и судорогахъ и заявилъ, что дьяволъ Исаакарумъ проникъ въ него. Графъ Орлеанскій присутствовалъ при настоящемъ спектаклѣ: монахини и сама на-

стоятельница катались по полу, принимая самыя неприличныя позы, дѣлали самыя смѣшныя движенія, высовывали языки, кружились вокругъ церкви и при этомъ произносили ужасныя богохульства. На основаніи показаній монахинь, молва продолжала обвинять во всемъ этомъ аббата Грандье, который-де заключилъ союзъ съ Асмодеемъ. Нашли даже письмо къ нему, подписанное Асмодеемъ (оно хранится теперь въ Bibliothéque Nationale), въ которомъ Асмодей даетъ обѣщаніе мучить сестеръ ursulines въ Луденѣ, въ особенности одну изъ нихъ M-me de Belciel.

Ришелье, желая положить конецъ этому дѣлу, послалъ въ Луденъ спеціальнаго комиссара де-Лобардена, снабдивъ его самыми неограниченными полномочіями. На другой день по прибытіи своемъ въ Луденъ Лобарденъ приказалъ арестовать Грандье.

Онъ былъ брошенъ въ тюрьму и надъ нимъ было наряжено слѣдствіе. Изгнанія и заклинанія бѣсовъ между тѣмъ продолжались. По просьбѣ Грандье, а также, чтобы уличить его очной ставкой съ одержимыми, ему разрѣшили самому производить изгнаніе. Его привели въ церковь, гдѣ были собраны всѣ одержимыя, и въ присутствіи огромной толпы, собравшейся по этому экстраординарному случаю, Грандье приступилъ къ изгнанію. Но тутъ случилось нѣчто невѣроятное: одержимыя, при видѣ Грандье, произносящаго священныя слова заклинанія, пришли въ такой ражъ, испускали такіе ужасные крики, катаясь по полу, прыгая, извергая пѣну и произнося самыя страшныя богохульственныя слова, что всѣ, видя это, пришли въ ужасъ. По распоряженію духовныхъ, принесли договоръ Грандье съ дьяволомъ (?) и торжественно сожгли тутъ же въ церкви. Послѣ этого одержимыя пришли еще въ большій ражъ, окружили бѣднаго Грандье и стали его рвать, кусать, волочить по полу, такъ что его еле вырвали живымъ изъ рукъ одержимыхъ и отвели въ тюрьму. Чрезъ нѣсколько дней собрался судъ, и 18 августа 1634 г. Грандье былъ осужденъ къ сожженію живымъ, послѣ того, какъ онъ былъ подвергнутъ самымъ ужаснымъ пыткамъ, чтобы добиться отъ него признанія. При чтеніи разсказа объ этихъ пыткахъ одного изъ присутствовавшихъ на судѣ, волосы становятся дыбомъ—до того онѣ были безчеловѣчны. Чтобы отыскать на его тѣлѣ „sigillum diaboli", ему сорвали ногти съ пальцевъ ногъ и рукъ и совершенно раздробили кости ногъ, такъ что изъ нихъ сочился мозгъ... Такъ какъ ноги были совершенно раздроблены и осталось только туловище, то его поволокли къ мѣсту казни на повозкѣ, завернувъ въ солому. По дорогѣ, передъ главнымъ входомъ въ церковь, его стащили съ повозки и заставили его просить прощенія у Бога, короля и правосудія. По прибытіи на мѣсто казни, его положили на костеръ и еще разъ прочли ему приговоръ. Площадь была покрыта густою толпою народа, собравшагося со всѣхъ окрестностей, чтобы присутствовать при казни колдуна Грандье. Несчастный пробовалъ обратиться къ народу съ рѣчью. Тогда окружавшіе костеръ монахи стали бить его руками, палками и распятіями. Наконецъ одинъ изъ нихъ схватилъ факелъ и зажегъ костеръ. Медленный огонь охватилъ тѣло несчастнаго Грандье, которое въ предсмертныхъ корчахъ скоро покрылось густымъ дымомъ и смѣшалось съ пепломъ.

Сохранился въ Bibliotheque Nationale весьма рѣдкій рисунокъ, изображающій казнь Грандье и предназначавшійся для народа, съ слѣдующею наивною надписью: „Урбанъ Грандье, священникъ, былъ родомъ изъ Мэна и волшебникомъ по профессіи. Девять лѣтъ тому назадъ онъ сдѣлался волшебникомъ и тогда же былъ помѣченъ Асмодеемъ, демономъ прелюбодѣянія, клеймомъ въ формѣ кошачьей лапы въ четырехъ мѣстахъ на тѣлѣ. Дьяволъ далъ Грандье слѣдующія обѣщанія: первое, что онъ его сдѣлаетъ самымъ краснорѣчивымъ ораторомъ, и дѣйствительно Грандье говорилъ на-диво; второе, что онъ предоставитъ ему въ пользованіе самыхъ красивыхъ и важныхъ дѣвицъ Лудена; третье, что онъ дастъ ему красную шапку: но дьяволъ подразумѣвалъ подъ красной

шапкой не кардинальскую, а огненную, отъ которой Грандье не ушелъ и которую онъ вполнѣ заслужилъ".

Страшные припадки монахинь, вызванные луденскими дьяволами, не прекращались и послѣ сожженія колдуна Грандье. Урсулинки продолжали бѣсноваться. Зараза перешла къ мірянамъ города и распространилась далеко по окрестностямъ Лудена до сосѣдняго города Шинона, гдѣ демоническіе припадки стали появляться у многихъ дамъ и дѣвицъ.

Луденская драма поразила всѣ умы; среди населенія распространились припадки сумасшествія. Въ особенности она сильно подѣйствовала на лицъ, участвовавшихъ въ ней. Отецъ Сюренъ и другіе заклинатели луденскихъ бѣсовъ лишились разсудка, вообразили, что въ нихъ поселились дьяволы, и кончили жизнь, какъ одержимые, въ конвульсіяхъ и судорогахъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ луденской исторіи, именно въ 1642 г., повторилось то же самое въ монастырѣ св. Елисаветы въ Louviers. Какъ въ Луденѣ, святыя сестры св. Елисаветы впали въ странное состояніе: кружились, прыгали, кричали, богохульствовали, причемъ богохульство доходило до того, что онѣ плевали на образа и на крестъ. Одинъ изъ теологовъ той эпохи Isaak Lebreson, который видѣлъ ихъ и которому приходилось заклинать ихъ, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Эти 18 сестеръ обнаруживаютъ странный ужасъ при видѣ Св. Даровъ: онѣ дѣлаютъ гримасы, высовываютъ языкъ, плюютъ и произносятъ самыя нечистыя богохульственныя слова. Онѣ богохульствуютъ и отрицаютъ Бога болѣе 100 разъ въ день, съ безстыдствомъ и смѣлостью удивительными. Нѣсколько разъ въ день онѣ приходятъ въ особый ражъ, во время котораго онѣ подвергаются конвульсіямъ и дѣлаютъ странныя движенія, сворачиваются въ видѣ кружка, приставляя ноги къ головѣ, и въ особенности этотъ ражъ усиливается во время заклинанія". У нѣкоторыхъ изъ нихъ были также галлюцинаціи: одна видѣла черную голову безъ туловища и членовъ, которая цѣлую ночь на нее смотрѣла; другая имѣла безпрестанно передъ глазами демона въ образѣ священника, который ее искушалъ, сопровождалъ повсюду, насмѣхаясь надъ нею—надъ всѣмъ, что она дѣлала и говорила. Чтобы дать представленіе объ этихъ галлюцинаціяхъ, приводимъ описаніе, сдѣланное собственноручно одною изъ одержимыхъ сестеръ этого монастыря, Магдалиной Бавэнъ.

Она призналась, что дьяволъ вступилъ въ монастырь по предложенію покойнаго духовника, отца Пикара, по настоянію котораго она заключила договоръ съ дьяволомъ, посѣщала шабашъ, убивала маленькихъ дѣтей и т. д.

По совѣту патера Демаре, она изложила свою исторію въ рукописи, которая была этимъ патеромъ въ 1652 г. издана въ свѣтъ.

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этой книги: „Однажды Пикаръ, давая мнѣ причастіе у рѣшотки, дотронулся пальцемъ до моей груди, выше нагрудника, и вмѣсто обычныхъ по требнику словъ, сказалъ мнѣ: „Вотъ ты увидишь, что съ тобою случится". Дѣйствительно, охваченная внутреннимъ волненіемъ, я вынуждена была выйти въ садъ и сѣла тамъ подъ тутовое дерево. Тогда ко мнѣ явился дьяволъ въ образѣ домашняго кота и, положивъ заднія лапы мнѣ на колѣни, а переднія на мои плечи, приблизилъ свою морду къ моему рту и, смотря на меня умнымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ высосать изъ меня причастіе. Сдѣлалъ-ли онъ это—я не знаю. Слѣдующую ночь я услыхала голосъ, похожій на голосъ монахини, который звалъ меня. Я встала, направилась къ дверямъ моей кельи и вдругъ почувствовала себя унесенной, не зная, кѣмъ и куда. Я потеряла сознаніе и очнулась въ какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ мѣстѣ, гдѣ находилось много священниковъ и монахинь, въ томъ числѣ и Пикаръ". Потомъ она описываетъ подробности происходившихъ на шабашѣ сборищъ. „Я никогда не могла узнать, какимъ образомъ меня туда переносили. Но нѣтъ сомнѣнія, что это было по приказанію Пикара.

Какъ бы мнѣ ни хотѣлось теперь побывать на шабашѣ, для меня это невозможно; я даже не знаю, какъ къ этому приступиться. Впрочемъ, меня приносили обратно совершенно одинаковымъ образомъ, и часа полтора или даже три спустя я опять находилась въ своей кельѣ лежащей на постели. Мѣсто, гдѣ происходили сборища, мнѣ неизвѣстно. Я даже не подмѣтила никакихъ особенностей, только мнѣ кажется, что помѣщеніе скорѣе тѣсное, чѣмъ обширное, что нѣтъ мѣста, гдѣ можно было бы сѣсть, и что оно освѣщалось свѣчами. Я тамъ видѣла преимущественно священниковъ и монахинь, весьма рѣдко мірянъ. Дьяволы тамъ очень часты, то въ видѣ полулюдей или полуживотныхъ, то просто въ образѣ людей, и Пикаръ, возлѣ котораго я находилась, указывалъ мнѣ на нихъ. У престола священники служатъ обѣдню съ богохульственными книгами. Что касается *остіи* (облатки), освящаемой во время службы, то она показалась мнѣ схожей съ той, которую употребляютъ въ церквахъ, только она имѣла рыжеватый оттѣнокъ; я могу о ней говорить, такъ какъ мнѣ случалось тамъ пріобщаться. Тамъ также бываетъ возношеніе Даровъ, и въ это время я слышала самыя гнусныя богохульства. Когда тамъ ѣли, то только человѣчье мясо, какъ это объяснялъ мнѣ Пикаръ, но это бывало рѣдко. Въ Великій Четвергъ я видѣла ужаснѣйшую тайную вечерю: принесли цѣлаго изжареннаго ребенка, и онъ былъ съѣденъ присутствующими. Я не могу достовѣрно сказать, пробовала ли я его или нѣтъ. Я говорила своему духовнику, что, кажется, я начала ѣсть, но сейчасъ же оставила,—потому что мясо показалось мнѣ слишкомъ прѣснымъ. Два какихъ-то важныхъ человѣка были приведены на сборище: одного изъ нихъ, совершенно голаго, привязали къ кресту и прободали ему бокъ, отчего онъ немедленно умеръ; другого же привязали къ столбу и выпотрошили ему внутренности“ и т. д.

На основаніи показаній этой монахини и произведеннаго разслѣдованія, было возбуждено обвиненіе въ колдовствѣ противъ Булье, духовника монастыря, какъ сообщника покойнаго Пикара. Обвиненіе основывалось на томъ, что нашли на немъ печать дьявола, на показаніи Магдалины Бовенъ, что она видѣла его на шабашѣ творящимъ непристойности и гнусныя святотатства, на показаніяхъ другихъ монахинь, что онъ—властелинъ поселившихся въ нихъ демоновъ, на томъ, что съ нимъ дѣлаются нервные припадки, когда онъ служитъ обѣдню, что онъ любитъ читать книгу съ закопченнымъ переплетомъ, и т. д. Его подвергли ужасной пыткѣ. Булье ни въ чемъ не сознался. Его присудили къ смерти совмѣстно съ Пикаромъ, трупъ котораго былъ вырытъ изъ могилы, связанъ съ Булье и положенъ на костеръ. Вотъ приговоръ, постановленный въ Руанѣ парламентомъ 21 августа 1647 г.: „Судъ объявилъ и объявляетъ Мафирина ле-Пикара и Ѳому Булье вполнѣ уличенными въ чародѣйствѣ, колдовствѣ и другихъ нечестивыхъ дѣяніяхъ, обращенныхъ противъ Божіей власти. Въ наказаніе и воздаяніе за таковыя преступленія судъ приговорилъ: названнаго Булье вмѣстѣ съ тѣломъ названнаго Пикара, передавъ исполнителю уголовныхъ приговоровъ, провезти по улицамъ и площадямъ города въ тележкѣ, доставить названнаго Булье къ главной паперти собора церкви Богоматери, гдѣ онъ долженъ съ обнаженной головой и босой, въ одной рубахѣ, съ веревкой на шеѣ и зажженной двухфунтовой свѣчей въ рукахъ, принести покаяніе и просить прощенія у Бога, короля и правосудія; послѣ чего стащить его на площадь стараго рынка и тамъ сжечь живого, а тѣло названнаго Пикара также сжечь, пока трупы ихъ не превратятся въ пепелъ, который разсѣять по воздуху“.

Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 22 августа 1647 г. Булье, связанный съ разложившимся трупомъ Пикара, былъ повлеченъ за ноги по землѣ, лицомъ внизъ, по улицамъ Руана и сожженъ на той самой площади, гдѣ погибла Жанна д'Аркъ. Впослѣдствіи свѣтскія власти обнаружили, что всѣ монастыри въ городахъ, мужскіе и женскіе, соединялись подземельными ходами; въ каждомъ изъ нихъ находились подземныя часовни, составлявшія любимое мѣсто ночныхъ свиданій монаховъ съ монахинями. Рав-

нымъ образомъ часовни эти были тайными инквизиціонными залами, въ которыхъ судились и пропадали безъ вѣсти неудобныя для духовенства личности.

Въ архіепископствѣ Кельнскомъ со второй половины XVI столѣтія преслѣдованіе вѣдьмъ начинаетъ свирѣпствовать съ силою урагана, вырывая изъ каждой семьи по нѣсколько человѣкъ и проникая во всѣ слои общества. Особенно сильно жгли въ Боннѣ. Въ одномъ письмѣ, относящемся къ тому времени, мы читаемъ: «У насъ (въ Боннѣ) сильно жгутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что половина города падетъ жертвой, имущества же перейдутъ къ монахамъ. Тутъ уже сожгли профессоровъ, кандидатовъ правъ, пасторовъ, канониковъ, викаріевъ и другихъ духовныхъ лицъ. Канцлеръ съ своей женой и жена тайнаго секретаря казнены. 7-го сентября сожгли 19-ти-лѣтнюю дѣвушку, любимицу епископа, которая считалась самою красивою, самою благонравною и благородною во всемъ городѣ, но за которой безполезно ухаживалъ одинъ монахъ. Дѣвочки отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ уже находятся въ связи съ дьяволомъ. Тутъ сожигали многихъ мальчиковъ отъ 9 до 14 лѣтъ».

Въ Швеціи извѣстенъ ужасный процессъ въ селеніи Мога въ 1669 г., въ которомъ погибла масса дѣтей. Процессъ возникъ вслѣдствіе того, что у многихъ дѣтей той мѣстности, по неизвѣстнымъ причинамъ, появились какія-то странныя судороги, сопровождавшіяся обморочнымъ состояніемъ. Во время этихъ припадковъ дѣти разсказывали, что они часто вмѣстѣ съ вѣдьмами летаютъ на шабашъ и тамъ сатана ихъ бьетъ, отчего и приключилась имъ эта болѣзнь. Эти разсказы дѣтей (повторявшихъ лишь то, что слышали отъ старшихъ) навели ужасъ на населеніе, и въ народѣ появилось большое раздраженіе противъ многихъ женщинъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что онѣ портятъ дѣтей. По просьбѣ жителей, правительство назначило спеціальную комиссію для разслѣдованія дѣла; комиссія подвергла допросу около 300 дѣтей. Послѣднія разсказали различныя чудовищныя подробности о поѣздкахъ на шабашъ и происходившихъ тамъ оргіяхъ. Между прочимъ, по разсказамъ дѣтей, сатана на шабашѣ часто бьетъ вѣдьмъ и дѣтей, иногда же, напротивъ, очень милостивъ съ ними, играетъ на арфѣ, любитъ, чтобы вѣдьмы когда онъ боленъ, за нимъ ухаживали и пускали ему кровь, а одинъ разъ даже умеръ на короткое время. Комиссія арестовала многихъ женщинъ, которыя подъ пыткой сознались во многихъ преступленіяхъ; изъ нихъ 84 женщины были присуждены къ смерти и вмѣстѣ съ ними также 15 дѣтей, а изъ остальныхъ дѣтей 56 присуждены къ наказанію плетьми.

Приговоръ былъ объявленъ во всеуслышаніе и комиссія послѣ совершенія казни надъ обваненными вернулась домой, осыпанная выраженіями благодарности со стороны населенія. Въ церквахъ, до реформаціи Лютера, возносились послѣ этого молитвы о защитѣ страны отъ дьявола на будущее время.

Такими-то путями латинское духовенство распространяло вѣру Христову. Пытками и кострами оно старалось увѣрить народы, что только Святой Отецъ, намѣстникъ Бога на землѣ, въ состояніи вырвать ихъ изъ когтей дьявола, за что они должны въ него слѣпо вѣрить, безпрекословно повиноваться и, для усиленія его славы и могущества, приносить обильныя жертвы.

Теперь считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ судебными протоколами производившихся пытокъ.

Въ 1672 году въ Гессенѣ Екатерина Липсъ, жена школьнаго учителя изъ Betriesdorf, за сопротивленіе монаху, была заключена, по обвиненію въ плотскихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ, въ марбургскую башню и подвергнута страшнымъ мученіямъ. Въ марбургскомъ архивѣ мы находимъ протоколъ этой пытки: «затѣмъ ей еще разъ прочли приговоръ (пытки) и увѣщевали ее говорить правду. Она продолжала отрицать, сама добровольно раздѣлась. Когда палачъ ей началъ надпиливать пальцы рукъ и ногъ, она кричала: „О горе, горе! Господи помоги мнѣ! У меня ломаются руки“! Затѣмъ ей былъ

надѣтъ «испанскій сапогъ», правая нога была сильно привинчена. Ее уговаривали сказать правду, но она ничего не отвѣтила. Тогда ей завинтили и лѣвую ногу; она все кричала, что ничего не знаетъ. Когда она была поднята и вытянута, она кричала: «Господи, Іисусе, помоги мнѣ! Если меня и замучатъ до смерти, я все же ничего не знаю». Ее подняли еще выше, она утихла и говорила, что она не вѣдьма. Еще разъ завинтили ея правую ногу, она кричала: «горе мнѣ!» Ее уговаривали сознаться, но она утверждала свое. Ее спустили, привинтили обѣ ноги, и она кричала: «горе, горе мнѣ!» Привинтили сильнѣе правую ногу: она умолкла и не хотѣла отвѣчать. Опять привинтили: она громко кричала и говорила, что ничего не знаетъ. Затѣмъ ее подняли на воздухъ, она кричала: «горе, горе мнѣ!» Когда ее спустили, она опять замолкла. Когда винты были опять сильно завинчены, она громко кричала и звала на помощь свою мать въ гробу, затѣмъ замолкла и не хотѣла говорить. Когда винты еще сильнѣе были завинчены, она пронзительно кричала, что она ничего не знаетъ. Затѣмъ винты были выше надвинуты на ноги и палачъ стучалъ молотомъ, она кричала: „дорогая матушка подъ землей! Іисусе, помоги мнѣ!“ Ей привинтили лѣвую ногу: она кричала, что она не вѣдьма, Господь Богъ знаетъ это,—все, что про нее говорили монахи, клевета. Ей привинтили правую ногу: она вскрикнула, но вдругъ замолчала. Затѣмъ палачъ ее вывелъ, чтобы срѣзать ей волосы. Вернувшись, онъ сказалъ, что нашелъ „чертовъ знакъ“ (Stigma diaboli): онъ воткнулъ глубоко иголку въ это мѣсто и она этого не чувствовала и кровь не потекла. Затѣмъ ей опять надпилили руки и ноги и еще разъ ее вытянули, она утихла, какъ бы спала. Ей привинтили ноги: она громко кричала, затѣмъ вдругъ затихла, закрывши ротъ. Привинтили лѣвую ногу: она утверждала, что ничего не знаетъ, хотя бы ее убили. Завинтили крѣпче лѣвую ногу: она кричала и увѣряла, что ничего не знаетъ, пусть ее положатъ на землю и убьютъ. Затѣмъ ей крѣпко привинтили лѣвую ногу, ударяя по винту, затѣмъ ее подняли на воздухъ, наконецъ, совсѣмъ опустили. Палачъ, мастеръ Cristoffel, сообщаетъ, что когда ей обрѣзывали волосы, она просила не оставлять ее долго висѣть на воздухѣ.

Эта женщина мужественно перенесла всѣ степени пытки, не сознавшись; и такъ какъ другихъ доказательствъ противъ нея не имѣлось, то ее пришлось освободить. Вскорѣ явился къ ней ея обвинитель—монахъ, съ прежними предложеніями быть ласковой съ нимъ, если она не желаетъ повторенія пытокъ. Она отвергла его ухаживанія, и не прошло года, какъ ее снова арестовали и жестоко пытали. Четыре раза ее вытягивали на „лѣстницѣ“, шестнадцать разъ ея ноги были завинчены самымъ сильнымъ образомъ, и такъ какъ съ ней безпрестанно случались конвульсивные припадки, то ей насильно открывали разными орудіями ротъ, чтобы она могла сознаться. То она упрашивала, то она *рычала*—говорится въ протоколѣ—„какъ собака“. Ея мужество оказалось сильнѣе злости ея мучителей. Наконецъ, несчастная женщина была выпущена, но, дабы красота ея не смущала слугъ Божіихъ, ее изгнали изъ страны.

Не лишнимъ считаемъ объяснить, для чего при пыткахъ требуется стрижка волосъ у пытаемой. Вотъ что читаемъ въ архивныхъ нѣмецкихъ инквизиціонныхъ документахъ: „Передъ пыткой палачъ отводитъ подсудимую въ сторону, раздѣваетъ ее догола и осматриваетъ внимательно все ея тѣло, чтобы убѣдиться, не сдѣлала-ли она себя волшебными средствами нечувствительной къ дѣйствію орудій пытки, или не спрятанъ-ли гдѣ у нея въ складкахъ тѣла колдовской амулетъ или иное волшебное средство. Чтобы ничто не осталось скрытымъ отъ глазъ палача, онъ срѣзываетъ или сжигаетъ факеломъ или соломой волосы на всемъ тѣлѣ, даже и на такихъ мѣстахъ, которыя не могутъ быть произнесены передъ цѣломудренными умами, послѣ чего всѣ эти мѣста тщательно осматриваются и изслѣдуются“. При этой процедурѣ подсудимая, нагая и привязанная къ скамьѣ (Reckebank), отдавалась въ полную власть палача.

По недостатку мѣста не приводимъ болѣе выдержекъ, а любознательныхъ отсы-

лаемъ къ слѣдующимъ сочиненіямъ, спеціально посвященнымъ процессамъ святой инквизиціи: 1) Haas, Die Hexenprocesse, 1865. 2) Rosnoff, Geschichte des Teufels, 1869; 3) Freschbier, Hexenspruch: Zauberbann, 1870. 4) Hoppe-Solden, Geschichte der Hexenprocesse, 1880; 5) Meyer, Die Periode der Hexenprocesse, 1882; 6) Hostlin, Zur Geschichte des Dämonen und Hexenglaubens, 1882; 7) Graf, Naturgeschichte des Teufels, 1892; 8) Duboin, La jnstice et les sorcièrs, 1880; 9) Giraud, Histoire de la folie, 1883; 10) Bais Sac, Les grands jours de la Sorcellerie, 1890.

Здѣсь мы можемъ обратиться къ католическимъ девоткамъ, пребывающимъ въ постоянныхъ и интимныхъ сношеніяхъ съ ксендзами, съ вопросомъ, не могутъ-ли онѣ объяснить намъ, почему дьяволъ избралъ для своихъ любовныхъ похожденій католическіе женскіе монастыри, избѣгая монастырей православныхъ? Не служитъ-ли къ этому поводомъ безбрачіе латинскаго духовенства, которое должно замѣнять женъ „суккубами“, предоставляя „инкубовъ“ монахинямъ, или же иныя, неизвѣстныя намъ особенности латинскаго вѣроисповѣданія? Дѣйствительные-ли дьяволы, въ образѣ ксендзовъ, посѣщаютъ женскія монастырскія кельи по ночамъ, или же дьяволы-подставные? Мы обращаемся за этимъ разъясненіемъ не къ католикамъ, а къ католичкамъ, на томъ основаніи, что ксендзы съ большей любовью и довѣріемъ относятся къ своимъ овцамъ, нежели къ баранамъ, и посредствомъ овечекъ управляютъ баранами и стригутъ ихъ.

Вышеприведенныя инквизиціонныя пытки составляютъ тѣ пріемы, какими Римъ, отдѣлившись отъ вселенской церкви, ркспространялъ на Западѣ вѣру Христову, на основаніи будто бы Его ученія.

Защитники папской «непогрѣшимости» утверждаютъ, что подобныя преступленія римскаго духовенства объясняются темнотою среднихъ вѣковъ и что въ нашъ вѣкъ подобныя явленія невозможны. Спросимъ этихъ фанатиковъ, что имѣетъ общаго темнота стада съ непогрѣшимостью и святостью пастыря? Развѣ невѣжество народа вызвало вѣру въ черта и пытки? Нѣтъ! Ее вызвала скорѣе старинная пагубная и неумолимая система правителей римской церкви. Почему православные монастыри недоступны для черта и почему православная церковь для распространенія вѣры не нуждалась въ услугахъ пытокъ и костра? Утвержденіе, что въ наше время нѣтъ такихъ проявленій невѣжества и разврата латинскаго духовенства—не оправдывается процессомъ ковенскаго ксендза Бѣлякевича, прибѣгавшаго къ пыткамъ и запугиванію своихъ жертвъ изображеніемъ чорта.

А процессъ Варвары Убрыкъ въ 1869 году? — Въ монастырѣ кармелитокъ въ Краковѣ монахиня Варвара Убрыкъ, помѣщенная въ монастырь изъ-за желанія родственниковъ овладѣть ея значительнымъ наслѣдствомъ, была обвинена монастырскимъ духовникомъ отцомъ Граціаномъ, вслѣдствіе непринятія дѣлаемыхъ имъ ей эротическихъ предложеній, въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, послѣ чего она, по распоряженію настоятельницы, была подвергнута пыткѣ и заживо погребена рядомъ съ клоаками. Это преступленіе случайно было раскрыто мѣстной прокуратурой; несмотря на это, наши ханжи приходятъ въ умиленіе отъ отца Граціана и, утирая носъ пальцами, яростно утверждаютъ, что, дѣйствительно, чортъ, искушая Варвару, принялъ видъ духовника. Послѣ возстанія поляковъ въ 1863 году приступлено было къ передѣлкѣ монастыря визитокъ въ Вильнѣ на монастырь православный. Во время работъ открыли подземный коридоръ, соединяющій этотъ монастырь съ мужскимъ монастыремъ бернардинъ, и въ этомъ монастырѣ найдено 40 скелетовъ грудныхъ младенцевъ. Гдѣ фабриковались эти младенцы, указываетъ намъ «Русская Старина» за октябрь 1898 г. въ статьѣ „М. Н. Муравьевъ въ Вильнѣ“, гдѣ въ описаніи о высылкѣ изъ Вильны визитокъ, между прочимъ, говорится: „При осмотрѣ всѣхъ зданій монастыря одно окно, видимое снаружи, не могло быть отыскано, къ какой оно принадлежитъ комнатѣ, несмотря на всѣ старанія архитекторовъ. Рѣшились было сдѣлать подмостки и отворить

окно снаружи, но когда доложили объ этомъ М. Н. Муравьеву, ему пришла мысль, что въ эту таинственную комнату вѣроятно существуетъ потаенная дверь (что въ голову не могло придти архитекторамъ), и дѣйствительно, наконецъ, дверь эта была найдена и открыта; таинственная комната оказалась очень комфортабельной спальней". Въ этомъ же монастырѣ найдено орудіе пытки, состоящее изъ деревяннаго ящика, сквозь дно котораго набиты рядами деревянные гвозди, концы которыхъ торчатъ, а въ раздвигающейся сверху ящика крышкѣ оставлено отверстіе для головы. Въ этотъ ящикъ вышиною около 12 вершковъ сажали обнаженную монахиню, которая осмѣлилась сопротивляться требованіямъ своего духовника; держали ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не дѣлалась ласковѣе и нѣжнѣе къ духовному отцу. Этотъ снарядъ стоитъ понынѣ въ преддверіи монастыря, въ настоящее время православнаго, на показъ публикѣ.

Преданія и ученія о чортѣ и чудесахъ были въ среднихъ вѣкахъ излюбленною темою разговоровъ римскаго духовенства съ темными прихожанами, причемъ имъ продавались различныя специфическія средства для отогнанія злого духа. Описанія жизни святыхъ не могли обойтись безъ чудесъ и къ тому же бо́льшихъ и многочисленныхъ, чѣмъ тѣ, которыя творилъ самъ Христосъ. Такъ, въ жизнеописаніи св. Бенедикта разсказано, что „когда его кормилица Кирилла, уронила каменное рѣшето, разбившееся въ дребезги, огорченіе ея вдругъ перешло въ радость, когда по молитвѣ святого ребенка черепки рѣшета соединились и срослись; что когда онъ бывъ уже взрослымъ принималъ пищу въ корзинѣ, опускаемой въ его совершенно недоступную келію, дьяволъ тщетно пытался разсердить его, срывая шнуръ, въ другой разъ дьяволъ, принявъ образъ чернаго дрозда, чуть не ослѣпилъ его ударомъ своихъ крыльевъ, а нѣкогда этотъ искуситель снова показался въ образѣ красивой римской дѣвицы, къ прелестямъ которой св. Бенедиктъ не былъ въ молодости равнодушенъ, теперь же, однако, убѣжалъ отъ нея и охладилъ свою страсть тѣмъ, что сталъ кататься, сбросивъ одежду, по терніямъ. Разъ, когда его суровыя предписанія и выговоры возбудили противъ него ропотъ въ монастырѣ, котораго онъ былъ настоятелемъ, и братія,—ибо извѣстно, что монахи иногда дѣлали такія вещи,—пробовала его отравить, чарка съ отравой лопнула, какъ только онъ взялъ ее въ руки.

„Когда священникъ Флоренцій, возстановленный противъ него, силился совершить подобное преступленіе также при помощи отравы, воронъ вырвалъ изъ рукъ св. Бенедикта отравленную булку. Наученный дьяволомъ, этотъ же священникъ вытѣснилъ святого мужа изъ сосѣдства съ собою, введя въ свой садъ семь нагихъ дѣвушекъ; но едва святой бросился бѣжать, какъ комната, въ которой жилъ преслѣдователь, провалилась, погребая его подъ развалинами, хотя остальныя части зданія остались неповрежденными. Ведомый двумя видимыми ангелами, идущими передъ нимъ, св. Бенедиктъ совершилъ путешествіе на гору Монте-Кассино, гдѣ онъ выстроилъ величественный монастырь. Чудеса и здѣсь не прекратились, потому что дьяволъ околдовалъ камни такъ, что каменщики не могли пошевелить ни одного изъ нихъ, пока они не были освобождены отъ дьявольской силы усердной молитвой святого. Молодой послушникъ, ушедшій тайкомъ изъ монастыря для свиданія съ своими родителями, не только былъ смертью за это Богомъ наказанъ, но еще и посвященная земля выбрасывала тѣло его при погребеніи и нельзя было ее успокоить, пока не положили въ могилу освященнаго хлѣба. Двѣ монахини, проклятыя св. Бенедиктомъ за развратную болтливость, были похоронены въ церковномъ склепѣ. При первомъ предложеніи вѣрнымъ Св. Причастія, когда діаконъ возгласилъ, чтобы всѣ, кто не можетъ причащаться, удалились, трупы возстали и вышли изъ церкви съ гробами на плечахъ [1]).

Кто-жъ будетъ отрицать, что такого рода ученія, проповѣдуемыя римскимъ духо-

---

1) Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Т. I. Стр. 371 и 372.

венствомъ для просвѣщенія народа, сѣяли скорѣе общее невѣжество и отупленіе народовъ. Но этого недостаточно; отрицаніе такого рода басенъ считалось ересью и наказывалось пытками и костромъ. Охотнѣе другихъ усваивали себѣ подобное ученіе поляки, польки же зачитываются описаніемъ подобныхъ чудесъ и млѣютъ отъ восторга, передавая ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. У нихъ возникла въ сравнительно короткое время масса монастырей, распространяющихъ въ народѣ невѣжество и суевѣріе, которыя пустили корни такъ глубоко, что вѣра въ половыя сношенія съ дьяволомъ и сжиганіе за нихъ колдуній продолжались тамъ до конца XVIII вѣка, т. е. до раздѣла Польши. Приводимъ здѣсь дословно приговоръ по одному изъ такихъ процессовъ въ 1721 г., произнесенный по окончаніи пытокъ:

DECRETUM

„Войтовско-Нѣшавскій судъ, выслушавъ controversis сторонъ и принявъ во вниманіе присягу, приступилъ къ чтенію показаній, каковыя разсмотрѣвъ внимательно, пришелъ къ ясному и неоспоримому заключенію, propria et benevolente Inculpatarum confessione, что Анна Шимкова и Софья Пендзинская, забывъ о строгихъ человѣческихъ и Божескихъ законахъ и описанныхъ въ нихъ наставленіяхъ, позабывъ о страхѣ Всемогущаго Господа Бога Творца и Искупителя нашего и о святой его заповѣди: не сотвори себѣ кумира, но соблазнившись скоро преходящими благами жалкаго міра, обѣщанными имъ дьяволомъ, ради этихъ выгодъ, при помощи дьявольскихъ средствъ и услугъ, отреклись и отступились сначала отъ Всемогущаго Бога, потомъ отъ Пресвятой Троицы и Пресвятой Дѣвы и всѣхъ святыхъ, а потомъ, каждая въ отдѣльности, сочеталась бракомъ съ своимъ дьяволомъ, летала съ нимъ на гору вѣдьмъ, и тамъ, а также и на другихъ мѣстахъ земного шара, предавалась съ нимъ плотскимъ наслажденіямъ, занималась колдовствомъ, и жизнь свою добровольно и порочно въ суетѣ совмѣстно проводили и до сего времени не прекращали этихъ безбожныхъ поступковъ. Вышепоименованныя обвиненныя—Анна и Софія, не довольствуясь указанными преступленіями и оскорбленіемъ Бога, покусились на жизнь своихъ господъ, подсыпавъ подъ порогъ отъ сѣней въ господское помѣщеніе заколдованный порошокъ. Какой-то другой шафрановый порошокъ, съ цѣлью причинить самому барину колтунъ, онѣ засунули за столбъ въ кухнѣ, въ сѣняхъ. Этому же барину онѣ поднесли въ шпинатѣ на порчу здоровья двѣнадцать чертенятъ, а именно: воеводу кіевскаго съ пятью слугами изъ шляхты, сенатора и познанскаго старосту, тоже съ пятью человѣками челяди изъ шляхты; эти черти производили сильный ломъ въ костяхъ у барина. Онѣ испортили на погибель скоту скотскій дворъ, положивъ заколдованнаго масла на верхнюю балку, и причинили много другого вреда. Этими безбожными и безнравственными поступками, противными Всевышнему Богу и людямъ, онѣ совершили crimen Divinae Immensae Laesae Majestatis и провинились передъ Божескимъ и человѣческимъ закономъ и навлекли на себя наказаніе, опредѣленное въ уголовныхъ законахъ. Поэтому настоящій Войтовско-Нѣшавскій судъ, признавая поименованныхъ особъ виновными, такъ какъ онѣ добровольно позволили себя прельстить, склонять и поучать чертовскимъ наукамъ и колдовству для большаго оскорбленія Божьяго величія и для вреда и разстройства человѣческаго здоровья и благополучія и всякимъ поступкамъ противъ благочестиваго образа жизни, позволили научить и вовлечь себя, и въ виду того, чтобы отъ нихъ не было болѣе оскорбленія Богу и вреда людямъ, и чтобы онѣ не учили такимъ поступкамъ и не было бы отъ нихъ никакого соблазна, наоборотъ, чтобы изъ ихъ наказанія люди всѣхъ сословій и condisi могли поучаться и брать примѣръ хорошихъ и благочестивыхъ поступковъ, согласно dispositu закона: Castigare noxoum oportet, non solum ob praeteritum delictum cum id corrigi nequeat, sed ne iterum penet. Tum ne ipsius esempli casteri quoque penent. Utque minus paena, metus sit ad omnes. Примѣняя это къ общимъ Магдебургскимъ законамъ,

повелѣвающимъ сурово наказывать и умерщвлять посредствомъ огня преступниковъ противъ Божьяго Величія, упомянутый Войтовско-Нѣшавскій судъ повелѣлъ упомянутыхъ Анну и Софію живыми сжечь на кострѣ in loco suppliciarum consueto.

„Actum in villa Wesorzyn, d. 6 Junii. An. 1721 praesentibusque spectabili Adriano Kowalski Advocato, Tamatis Mattia Magierski et Andrea Smiatkowic Scabinis juratis judicibusque".

Не перестающіе прославлять свое просвѣщеніе и цивилизацію поляки, прижатые къ стѣнѣ фактами проявлявшагося у нихъ невѣжества, грубости и суевѣрія, оправдываютъ эти проявленія „средними вѣками", въ которыхъ невѣжество и жестокость были присущи всему западу Европы... Но чѣмъ оправдаютъ „цивилизаторы" Европы и Россіи, въ особенности, этотъ невѣжественный и варварскій приговоръ, состоявшійся въ XVIII вѣкѣ? Ничѣмъ инымъ они не оправдаются, какъ только тѣмъ, что „средніе вѣка", невѣжество, грубость и варварство оставались въ Польшѣ до ея раздѣла и продолжаютъ проявляться и нынѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, напр. процессъ кс. Бѣлякевича въ 1899 г.

Отступничество Рима отъ православной церкви породило всѣ эти ненормальныя явленія, возбуждая въ древнихъ православныхъ христіанахъ, несмотря на всю ихъ незлобивость, отвращеніе и презрѣніе къ латинянамъ. Греческіе богословы приписываютъ латинянамъ множество отступленій отъ христіанскихъ догматовъ и обрядовъ, еще въ то время, когда не было ни индульгенцій, ни непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи, ни папской непогрѣшимости. Называя латинянъ „азимитами", греческіе богословы перечисляютъ ихъ заблужденія въ разговорной формѣ между православнымъ и латинянином (азимитомъ). Приводимъ этотъ разговоръ въ извлеченіи изъ „Обзора" А. Попова.

Православный. У васъ, латиняне, 72 ереси.

Азимитъ. Какія?

Православный. Слушайте, окаянные,—я пересчитаю ваши ереси: отчего вы не называете Пресвятой Дѣвы Богородицею, называя ее только св. Маріею? Этимъ вы ставите Ее наравнѣ съ другими святыми (женами). Мы же, какъ истинные христіане, прославляемъ Ее, какъ Матерь Избавителя, какъ Богородицу. Отчего вы не изображаете на себѣ правильно крестнаго знаменія? Отчего св. иконамъ кланяетесь не со страхомъ и трепетомъ? Войдя въ церковь, вы падаете на колѣни и шепчете то, что внушаетъ вамъ сатана; сдѣлавъ двумя перстами крестъ на землѣ, вы его цѣлуете, а вставши, вы его тотчасъ ногами топчете и уходите прочь. Вы ѣдите удавленину, ѣдите изъ того самаго сосуда, въ который впускаете свою кровь. Ваша пища состоитъ изъ медвѣдины, воронъ, бобровъ, змѣй малыхъ и большихъ и всего нечистаго, чего мы гнушаемся.

Азимитъ. Апостолу Петру, когда онъ захотѣлъ ѣсть, Ангелъ велѣлъ заколоть и ѣсть все чистое и нечистое, безъ всякаго разбора.

Православный. Неправда! То, что сказано Петру Ангеломъ относительно пищи, нужно понимать въ приточномъ смыслѣ, именно, что Господь послалъ Апостоловъ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ людямъ, какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ. Почему вы-окаянные, не поститесь во вторникъ первой недѣли Великаго поста,—время, когда демоны исчезаютъ, а Ангелы радуются; мы, истинные христіане, въ то святое время ничего не ѣдимъ. Употребленіемъ въ это время мяса и молока вы губите себя. Послѣ заговѣнья не поете „аллилуія" до Великой пятницы. Прячете крестъ, говоря, что Христосъ убѣжалъ въ Іерусалимъ, а въ Великую пятницу вы снова его берете и говорите, что Христосъ пришелъ, и начинаете пѣть „аллилуія". Женщины ваши во весь Великій постъ ѣдятъ мясо и молоко, это очень худо. Ваши священники ведутъ безбрачную, но безнравственную жизнь, держа у себя наложницъ. Совершаете литургію на опрѣснокахъ. Въ одинъ разъ совершаете по нѣскольку литургій, не считая это грѣхомъ. Ваша церковь—совершенная блудница: одинъ уходитъ, другой приходитъ. Во время службы ваши священники выходятъ изъ церкви въ ризахъ и по возвращеніи доканчиваютъ службу;

служатъ тамъ, гдѣ захотятъ: въ полѣ или на дворѣ. Спрошу васъ: какимъ крещеніемъ креститесь и какъ мνропомазуетесь? Попы ваши кладутъ себѣ въ ротъ соль и, образовавъ слюну, мажутъ ею дѣтей, вмѣсто мνра, крестятъ не такъ, какъ установили св. отцы: крещается во имя Отца и Сына и Святаго Духа; вы же говорите: крещаю тя... азъ... Скажите мнѣ, лишенные славы Божіей, какъ родился Христосъ—съ плотію-ли или безъ нея,—съ душою или безъ души?

Азимитъ. Съ душою и плотью.

Православный. Но этого не видно изъ вашихъ дѣйствій. Вы приготовляете опрѣсноки изъ воды холодной и муки,—составъ совершенно мертвый. Скажите мнѣ, какъ пострадалъ Христосъ и воскресъ? Почему вы Его признаете какъ бы мертвымъ?

Азимитъ. Объясни намъ, почему это такъ?

Православный. Почему вы не льете горячей воды въ чашу, а только холодную? Ужели вы не знаете, окаянные, что все холодное есть мертво, а (все) теплое живо; то, что умретъ, холодно. Во время совершенія у васъ литургіи народъ сидитъ, держа въ рукахъ собакъ, которымъ позволяютъ бѣгать въ церкви; женщины и собаки ходятъ въ алтарь. Когда папа совершаетъ литургію, надѣваетъ въ уши серьги, на руки—перстни, служитъ въ перчаткахъ. Сына Божія изображаете съ подбритой бородой; знайте, что вы безчестите себя, брея себѣ бороду, усы и голову. Объясните мнѣ, почему вы называетесь латинянами? Не знаете? я вамъ это объясню. Латинянами вы называетесь потому, что вы извратили истинную вѣру. Прежде вы были въ единствѣ съ нами, а теперь вы отчуждены и прокляты: вы удалены отъ Бога, а мы къ нему близки, вы ниже насъ, потому, что вы ослѣплены заблужденіями и примкнули къ одному діаволу, и онъ послалъ васъ въ поле пасти свиней, какъ послушныхъ его волѣ. Мы—истинные христіане, а вы—еретики; да будутъ прокляты всѣ еретики“.

ГЛАВА XX.

Римское духовенство еще въ половинѣ XIII вѣка до такой степени захватило въ свои руки управленіе дѣлами государства въ Польшѣ, что великій князь сосѣдняго съ Польшей литовскаго народа Гедиминъ, намѣревавшійся-было принять христіанство отъ Рима, о чемъ заявилъ уже въ 1323 году чрезъ посредство рижскаго епископа папѣ Іоанну XII, прося его о присылкѣ къ нему миссіонеровъ, по прибытіи таковыхъ въ 1324 году, хотя и принялъ ихъ весьма милостиво, но отъ принятія христіанскаго вѣроисповѣданія отъ Рима наотрѣзъ отказался, изъ опасенія попасть въ зависимость отъ него [1]), отъ чего удержали его крестоносцы, опасавшіеся, что съ принятіемъ Литвою христіанства, они потеряютъ предлогъ нападать и грабить ее. Лишь Ягелло въ 1385 году, какъ это выше указано, принялъ латинское вѣроисповѣданіе совмѣстно съ польской короной. Вводя затѣмъ католицизмъ въ Литвѣ, куда онъ возвратился изъ Польши совмѣстно съ латинскимъ духовенствомъ и основалъ епископство въ Вильнѣ, издалъ, по совѣту этого духовенства, законъ, предоставляющій права и привилегіи польскаго дворянства лишь тѣмъ изъ литовскихъ дворянъ, которые присоединятся къ католицизму, воспретилъ католикамъ вступать въ бракъ съ православными и занимать этимъ послѣднимъ государственныя должности [2]). Два же литовскихъ магната, не соглашавшіеся перейти въ католицизмъ, были имъ пытаемы и замучены до смерти [3]).

Изъ этого оказывается, что и въ этой странѣ, добровольно соединившейся съ Польшей, первою дѣятельностью латинскаго духовенства было вызвать ненависть и усилить раздѣлъ въ христіанской церкви, не взирая на послѣдствія для самой Польши.

[1]) Дѣти Гедимина присоединились къ православію.

[2]) Стрійковскій. Dzieje królestwa polskiego. Т. 2, стр. 35—37.

[3]) Карамзинъ. Томъ V.

Въ виду этого полякамъ не слѣдуетъ забывать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ своего упадка и раздѣла между сосѣдними народами, что начало религіозныхъ репрессалій въ славянскихъ земляхъ произошло отъ нихъ. Это они установили правило, что для пользы государства *не слѣдуетъ предоставлять мѣстъ на государственной службѣ иновѣрцамъ* [1]).

Вслѣдъ за проявленіемъ этого религіознаго фанатизма неофитъ Ягелло отправилъ къ папѣ Урбану VI, въ качествѣ посла, епископа познанскаго Доброгоста, съ заявленіемъ сыновняго повиновенія.

Въ 1413 году насильное распространеніе католицизма начало примѣняться на Жмуди.

Во все время царствованія Ягеллы, т. е. въ теченіе 48 лѣтъ, Польша и Литва, по поводу латинскаго духовенства, взаимно рѣзали другъ друга, что поляки именуютъ уніей. Шляхта польская предавалась разбоямъ и грабежу въ такой мѣрѣ, что даже ограбила Ченстоховскій монастырь [2]). Лишь въ 1434 году при коронованіи на польскій престолъ Владислава III русское и подольское дворянство получило права, одинаковыя съ правами польской шляхты. Хотя равноправность эта была лишь номинальною, но все-таки изданіе этого закона успокоило отчасти умы литовскаго дворянства. Великимъ княземъ литовскимъ былъ въ то время Сигизмундъ, занявшій измѣнническимъ путемъ, при посредствѣ латинскаго духовенства, престолъ Свидригайлы. Этотъ ставленникъ латинянъ не переставалъ уничтожать русскихъ вельможъ въ Литвѣ, вслѣдствіе чего былъ умерщвленъ княземъ Иваномъ Чарторійскимъ, не перешедшимъ еще въ то время въ латинство, который захватилъ и убилъ его во дворцѣ его въ Трокахъ въ 1440 г. Въ томъ же году кіевскій митрополитъ Исидоръ, подкупленный латинянами и возведенный заблаговременно въ бытность свою во Флоренціи папой Евгеніемъ въ санъ кардинала, на возвратномъ пути чрезъ Бѣлорусь въ Москву, сталъ подговаривать православное духовенство къ уніи съ римской церковью, вслѣдствіе чего былъ московскимъ княземъ заключенъ въ тюрьму и все его имущество было конфисковано. Въ 1444 году Владиславъ Ягеллончикъ, по подговору папы, обѣщавшаго ему помощь итальянскихъ войскъ, нарушилъ договоръ съ турками, заключенный на 10 лѣтъ, хотя клялся на Евангеліи соблюдать его свято. Отъ присяги разрѣшилъ его, присланный папой, кардиналъ Юлій, вслѣдствіе чего Владиславъ напалъ неожиданно на турокъ и подъ Варной былъ изсѣченъ въ куски янычарами. Кардинала Юлія постигла та же участь, и тѣло его было брошено въ Дунай. Папа, какъ и слѣдовало ожидать, обманулъ Владислава и никакой помощи ему не оказалъ. Измѣнническая дѣятельность папъ привела къ тому, что въ 1449 году краковскій каноникъ и профессоръ Андрей Галка сталъ говорить проповѣди противъ папы, богатства духовенства, его разврата и разныхъ злоупотребленій, за что, преслѣдуемый епископомъ Збигневымъ, бѣжалъ въ Силезію, гдѣ проживалъ подъ покровительствомъ польскаго князя Болеслава. Здѣсь онъ написалъ польскую пѣснь въ честь Виклефа, который ратовалъ противъ господства антихриста и злыхъ священниковъ: власть папы происходитъ-де не отъ Христа, а отъ антихриста, этого надо побить словомъ Христа, словомъ истины, которую ксендзы скрываютъ; и такъ какъ они ея боятся, то говорятъ народу ложь; Христосъ да пошлетъ такихъ священниковъ, которые бы провозглашали истину и разбили антихриста [3]).

До какой степени не слѣдуетъ полагаться на обѣщанія и обязательства служителей римской церкви, можно судить изъ того, какъ заявляетъ польскій хроникеръ Стрійковскій, что литовскіе магнаты, приглашенные въ 1452 г. на сеймъ, именуемый „подозрительнымъ", собиравшійся въ Парчевѣ, отказались прибыть, пока король Казиміръ III не пришлетъ имъ „*охраннаго листа*", гарантирующаго безопасность ихъ прибытія въ

---

[1]) См. дальше проектъ іезуита.

[2]) Dzieje. Tom. 2, стр. 47.

[3]) О Галкѣ см. Wiszniewski: Historya literatury polskiej, III, 224, 425.

Польшу и возвращенія. Но такъ какъ епископы на это не согласились, то король самъ поѣхалъ въ пограничный городъ Ламазы, гдѣ собрались литовскіе послы, дабы проводить ихъ на сеймъ подъ своей личной охраной, обѣщая при этомъ проводить ихъ обратно. Несмотря на это, литовскіе послы, хотя и послѣдовали за королемъ, но въ Парчевъ сразу не въѣхали, а остановились на возвышенной мѣстности около города и окружили себя землянымъ валомъ. Опасенія ихъ не были неосновательны: епископы подговорили шляхту, чтобы литовскихъ пословъ схватить и заключить въ тюрьму, а литовское княжество присоединить окончательно къ Польшѣ. Этотъ заговоръ на третій день по прибытіи литовцевъ былъ ими обнаруженъ, и послы бѣжали ночью въ Брестъ, оставивъ въ своемъ обозѣ экипажи и прислугу; вскорѣ послѣ этого вооруженная польская шляхта напала на обозъ, но найдя въ немъ только посольскую челядь, оставила ихъ въ покоѣ. Возмущенные этимъ поступкомъ литовскіе послы послали королю заявленіе, что считаютъ позоромъ для себя имѣть какія-либо сношенія съ безчестною польскою шляхтой, вслѣдствіе чего возвращаютъ королю присланные имъ отъ Польши, въ доказательство братскаго единенія, дворянскіе гербы. Гербы возвратили: виленскій воевода Иванъ Гаштольтъ, трокскій воевода Иваско Монидъ, жмудскій староста Кейзгалъ, земскій маршалокъ Петръ Монгердовичъ и новогродскій намѣстникъ Радзивилъ.

Все это даетъ достаточное понятіе о томъ, въ какой степени Литва была соединена съ Польшей съ момента, какъ утверждаютъ поляки, восшествія на польскій престолъ Ягеллы. Соединеніе это было такое же, какое нынѣ представляетъ намъ соединеніе Швеціи съ Норвегіей, причемъ шведы не пытаются называть норвежцевъ — шведами, ни норвежцы шведовъ—норвежцами. Одни только поляки, избравъ въ свои короли литовскаго князя, стали называть литовцевъ поляками, а Литву—Польшей, несмотря на то, что литовцы отворачиваются съ презрѣніемъ отъ поляковъ.

Въ 1453 году король Казиміръ созвалъ опять въ Парчевъ поляковъ и литовцевъ на сеймъ, по случаю смерти виленскаго епископа Матіяса, но литовскіе магнаты, опасаясь измѣны и насилій со стороны поляковъ, не явились, а отправили замѣсто себя, въ качествѣ пословъ, довѣренныхъ лицъ. Послы, согласно даннымъ имъ инструкцій, домогались у поляковъ возврата захваченныхъ у Литвы земель Подоліи и Волыни, но несмотря на то, что самъ король признавалъ требованіе Литвы основательнымъ, польское духовенство и шляхта предложили вопросъ этотъ представить на рѣшеніе папы, но литовцы отвѣтили, что они больше довѣряютъ татарскому хану и еврейскому раввину, нежели папѣ, и соглашеніе не состоялось. Когда же по возбужденному литовцами второму вопросу о захватѣ союзниками-поляками Тикотина и Гонендза король опять сталъ на сторону литовцевъ, епископъ Збигневъ укорялъ короля, примѣняя къ нему поговорку, что и въ пчелиномъ царствѣ матка или королева не обладаетъ жаломъ, которымъ могла бы язвить своихъ пчелъ, въ особенности же такихъ вѣрныхъ слугъ папы, какъ князья Мазовецкіе, товарищи и друзья коронныхъ поляковъ.

По пріѣздѣ на другой день короля въ Петроковъ гнѣзненскій архіепископъ поднесъ къ его подписи актъ, разрѣшающій полякамъ отнять у литовцевъ еще нѣсколько замковъ. Когда же король сопротивлялся на томъ основаніи, что не желаетъ нарушать данную литовцамъ при восшествіи на литовскій престолъ присягу, услышалъ изъ устъ архіепископа угрозу, что будетъ свергнутъ съ польскаго престола, если будетъ сопротивляться духовенству, опасаясь нарушить невыгодную для Польши и чрезъ это не имѣющую силы присягу. Малодушный король уступилъ.

Подобнаго рода грабежъ, при посредствѣ латинскаго духовенства, польскіе историки именуютъ «добровольнымъ объединеніемъ Литвы съ Польшей».

Въ 1462 году, по окончаніи войны съ крестоносцами, возникъ на петроковскомъ сеймѣ споръ между прелатами Яковомъ Сенинскимъ и Яномъ Грущинскимъ о правахъ

на краковское епископство. Сеннинскаго, отъявленнаго негодяя, поддерживалъ папскій легатъ, Грущинскаго же—король, заявившій на сеймѣ, что онъ предпочитаетъ потерять польскій престолъ, чѣмъ дождаться погибели Польши отъ руководства ея подобными пастырями, какъ Сеннинскій. На это папскій легатъ Еронимъ возразилъ, что лучше «стереть съ лица земли три такихъ королевства какъ Польша, нежели оскорбить апостольскую столицу». Послѣдствія доказали, что латинское духовенство стерло съ лица земли польское королевство въ угоду папѣ, теперь же наступила очередь для Австрійской имперіи.

Разсчитывая на поддержку папы, Сеннинскій рѣшился завладѣть силой краковскимъ епископствомъ, но польскіе шляхтичи Шафранецъ и Пеніонжекъ взяли штурмомъ Пинчовскій замокъ, въ которомъ укрѣпился Сеннинскій, конфисковали имущество Сеннинскаго и передали его Грущинскому, разогнавъ при этомъ на всѣ стороны капитулу Сеннинскаго. Папа анаѳемствуетъ Грущинскаго и его сторонниковъ, король же издаетъ указъ, угрожающій смертной казнью всякому, поддерживающему Сеннинскаго. Энергія короля смиряетъ духовенство, Сеннинскаго и папу. Съ этого момента польскіе короли стали сами назначать епископовъ. Церковная іерархія потеряла политическую независимость и всякую надежду захватить вновь въ свои руки бразды правленія. Но это, какъ ниже увидимъ, продолжалось недолго.

До какой степени литовцы не довѣряли ученикамъ Рима—полякамъ, видно изъ рѣчи наивысшаго маршала Литовскаго княжества Литавора Хребтовича, съ которою отъ имени Литвы обратился онъ къ Александру IV, сыну Казиміра, избранному виленскимъ сеймомъ на великокняжескій литовскій престолъ. Приводимъ эту рѣчь полностью: «Возьми, свѣтлѣйшій князь, избранный нами на князя и полководца, этотъ мечъ и вмѣстѣ съ нимъ полное господство надъ нами, но помни, что ты верховный князь Литвы, и если ты самъ мужественнаго сердца и рицарской доблести вождемъ будешь, замѣнитъ тебѣ это княжество всякія другія имперіи и королевства, но ты долженъ править нами обѣими руками, въ одной мечъ, а въ другой милосердіе постоянно держа, т.-е. преступленія останавливай строгостью, а добродѣтель и заслуги награждай; въ заключеніе отъ имени всѣхъ сословій этого княжества упрашиваемъ тебя, чтобы ты не итальянскимъ, которое фарисейское, ни чешскимъ или нѣмецкимъ обычаемъ, а чисто литовскимъ и Витольда примѣромъ управлялъ нами и судилъ насъ, чего если будешь держаться, будешь равенъ всякому королю, если же отъ этого отступишь, самъ будешь причиной своей и нашей гибели» [1]).

Изъ этого ясно видно, какая ненависть у литовцевъ была къ полякамъ, не перестававшимъ и не перестающимъ утверждать о добровольномъ единеніи съ ними литовцевъ.

О ненависти же къ римскому вѣроисповѣданію, таившейся не только въ сердцахъ литовцевъ, но и въ сердцахъ польской мелкой шляхты во время царствованія Казиміра Ягеллоновича, видно изъ заявленія, сдѣланнаго на люблинскомъ сеймѣ въ 1440 году Яномъ Остророгомъ отъ имени мелкой шляхты и деревенскихъ ксендзовъ, по поводу избранія новаго папы.

„По мнѣнію моему, новаго папу слѣдуетъ поздравить, но обѣщать, что польскій король во всемъ будетъ его слушаться, какъ часто говорится, не благоразумно. Польскій король не признаетъ надъ собою никого, кромѣ Бога; онъ не долженъ папѣ писать тономъ униженнымъ и умоляющимъ и долженъ его слушаться только въ духовныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ дѣлахъ свѣтскихъ, памятуя, что царство Христово не отъ міра сего. Надо сожалѣть о томъ, что подъ религіознымъ предлогомъ вновь избранные епископы платятъ папской куріи такъ назв. аннаты; эти платы пусть остаются въ

[1]) См. примѣч. къ 473 и 474 стр. Карамзина.

королевской казнѣ. Духовенство пусть подчиняется всякимъ государственнымъ налогамъ и повинностямъ. Призывы къ суду и апелляціи въ Римъ пусть прекратятся и тѣмъ самымъ и вывозъ польскихъ сокровищъ, за которыя присылаются въ видѣ вознагражденія—буллы; многіе, считая себя благочестивыми, преклоняются передъ подобнымъ вздоромъ, украшеннымъ красными печатями и конопляннымн веревками, помѣщаемымъ на дверяхъ церквей. Поляки пусть не позволяютъ дольше обманывать себя коварнымъ итальянцамъ. Наши распри пусть рѣшаютъ наши епископы и нашъ архіепископъ—примасъ. Римскій папа посылаетъ, когда ему захочется, даже вопреки волѣ короля и пановъ, буллы для вымогательства денегъ, подъ предлогомъ прощенія грѣховъ, и употребляетъ эти доходы, какъ говоритъ, для окончанія постройки храма, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти сокровища употребляются для кормленія родственниковъ и коней папы, чтобъ не сказать чего-нибудь болѣе дурного. Симонія въ Польшѣ распространена чрезмѣрно; повсюду продаются похороны, крещеніе, причащеніе и другія таинства. Обязательныя десятины, которыя платятъ бѣдные поселяне толстымъ и надмѣннымъ ксендзамъ, должны быть уничтожены. Недостойные люди рукополагаются въ ксендзы, и въ это званіе посвящаются люди неспособные, ищущіе сладкаго отдыха и пріятнаго спокойствія. Монастыри наполнены грубыми монахами, нѣмцами, которые дерзаютъ исключать поляковъ [1]). Въ церквахъ на выдающемся мѣстѣ читаются проповѣди по-нѣмецки, а по-польски только въ какомъ-то углу. Все это—стыдъ и срамъ для поляковъ, и надо наконецъ, хотя и поздно, поумнѣть. И такъ какъ сама природа посѣяла вѣчную рознь и ненависть между обоими языками, польскимъ и нѣмецкимъ, то надо запретить нѣмецкія проповѣди въ Польшѣ; пусть учится польскому языку, кто хочетъ въ Польшѣ жить; вѣдь нѣмцы у себя дома относятся враждебно къ польскому языку. Вообще желательно, чтобы всѣ публичные акты писались не по-латыни, а по-польски".

Въ заключеніе Остророгъ сказалъ:

„Для чего намъ показывать видъ, что мы вѣримъ ученію или довѣряемъ иностранцамъ, мы должны обратить вниманіе на искреннее желаніе мелкой шляхты и приходскихъ священниковъ, состоящее въ слѣдующемъ: 1) чехи уже освободились отъ римскихъ паразитовъ, поэтому и лехитамъ надлежитъ окончательно перестать притворяться довѣряющими наукамъ, преподаваемымъ отцами изъ Рима, т. е. совершенно прекратить оказываемый имъ почетъ, повиновеніе, покорность, зависимость и отказаться отъ подчиненія и ленныхъ почестей для Рима,—т.-е. не собирать никакихъ денегъ для куріи Ромы, а равно перестать давать на руки епископамъ, архіепископамъ, легатамъ, кардиналамъ и нунціямъ Рима аннатъ и бенефиціи съ епископствъ и приходовъ, собранныхъ приходскими священниками со славянскаго народа для итальянскаго папы. 2) Мы были принуждены нѣмцами притворяться вѣрующими въ патриціевъ Ромы, но уже пора разорвать не только всякую зависимость, но и всякія связи съ этимъ товариществомъ итальянско-германскаго универсализма, т.-е. перестать быть провинціей Рима. 3) Мы желаемъ вновь учредить славянскую соборную церковь, независимую отъ куріи Ромы, 4) совершенно изгнать куріальныхъ и нѣмецкихъ пословъ, поселяющихъ раздоръ или деморализацію въ братствѣ чеховъ, леховъ и литвиновъ съ руссами; сверхъ того сдѣлать всѣхъ безъ исключенія славянскихъ приходскихъ священниковъ женатыми гражданами страны и чиновниками отечественнаго народнаго правительства; 5) провозгласить унитаризмъ Единаго Святаго Отца находящагося на небѣ, а не въ Римѣ, устранить все, въ чемъ нельзя присягнуть,—или все, что представляетъ римско-куріальный вымыселъ, т.-е. устранить всѣ сочиненія, составленныя куріей итальянцевъ, полезныя только для нея биготскія книги и рукописи, сверхъ того ея латынь, монастыри, инквизицію, пытки и индульгенціи; 6) отдать

[1]) Немецкій элементъ въ монастыряхъ былъ силенъ еще въ первой половин XVI вѣка; м. Н. Любовича. Начало католической реакціи въ Польшѣ, стр. 19. Срв. «Славяне» П. 74.

законы въ вѣдѣніе чисто государственной власти; 7) уравнять всѣхъ предъ лицомъ государственныхъ законовъ; 8) сдѣлать военную службу противъ нѣмцевъ общею обязанностью; 9) сосредоточить законодательство, правительство и войско или всю политику въ лицѣ короля Казиміра Ягеллончика, власть котораго епископы и олигархи хотятъ ограничить“.

Послы отъ мелкой шляхты и профессора краковской академіи, выслушавъ сдѣланное Остророгомъ предложеніе, которое было эхомъ желанія массы: имѣть одного короля, вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ корольковъ или олигарховъ и епископовъ, засвидѣтельствовали, что всѣ они того же мнѣнія, что были принуждаемы оказывать уваженіе къ куріи Ромы или въ куріализму, нынѣ же желаютъ окончательно порвать связи съ Римомъ. Даже нѣкоторые епископы перешли на сторону шляхты и короля, но іезуитъ Длугошъ (историкъ), секретарь архіепископа, спокойно выслушавъ вышепоименованныя рѣчи депутатовъ мелкой шляхты и профессоровъ краковской академіи, глумясь и насмѣхаясь надъ проектомъ шляхты, высказалъ слѣдующее: „Пробилъ часъ когда мнѣ, польскому патріоту, но присяжному сановнику римской церкви, приходится говорить рѣшительно и безъ обиняковъ. Римская іерархія господствуя въ Лехіи въ продолженіе уже многихъ лѣтъ подъ опекой римско-нѣмецкихъ императоровъ, имѣла достаточно времени для того, чтобы утвердиться, укорениться и укрѣпить здѣсь свое вліяніе, а съ недавняго времени, при помощи поляковъ, распространить это вліяніе и на Литву и пріобрѣсти черезъ своихъ чиновниковъ, т.-е. черезъ сотни своихъ епископствъ, аббатствъ и монастырей, слѣпую вѣру или довѣріе темнаго народа. Она имѣла время стать здѣсь обычаемъ, такъ какъ все при посредствѣ времени переходитъ въ обычай, она замѣнила прежніе обычаи или прежнія исповѣданія, пріобрѣла этотъ темный и суевѣрный народъ исключительно для себя съ цѣлью имѣть во всякомъ случаѣ защиту противъ покушеній императоровъ, королей и шляхты.

„Императоры и сановники пусть винятъ своихъ предковъ, а не ее и не насъ, за то, что тѣ позволили, т.-е. помогли чужестранцамъ расположиться какъ у себя дома въ западныхъ и среднихъ славянскихъ земляхъ и утвердить въ нихъ свою іерархію и власть или свое вліяніе на массу темнаго народа; теперь имъ не остается ничего болѣе, какъ только содѣйствовать римской куріи, которая весьма естественно жаждетъ распространить свое вліяніе и ввести свою феодальную іерархію и въ восточныхъ славянскихъ земляхъ, или на Руси, такъ какъ именно этого требуетъ дѣйствительная политика римскаго двора или, какъ принято говорить, политика римской церкви.

„Совершенно искренно говорю вамъ—продолжалъ далѣе среди сеймовой тишины въ присутствіи короля краснорѣчивый Длугошъ,—и повторяю, что королямъ и всякому правительству не такъ-то легко будетъ освободиться отъ вліянія римской корпораціи, т.-е. товарищества, сильнаго, могущественнаго упроченнаго временемъ, которымъ пользовались одинъ противъ другого сами же короли, князья и сановники, что мнѣ, котораго судьба сдѣлала тоже членомъ этого товарищества, хорошо извѣстно. Обратите вниманіе, что тамъ, гдѣ это товарищество утверждалось, оно привило свою политическую организацію темнымъ массамъ; скорѣе погибнетъ король и шляхта, чѣмъ оно, такъ какъ если бы вы прибѣгли къ крайностямъ, въ такомъ случаѣ курія объявитъ интердиктъ, закрывающій подчиненныя ей церкви, а ея епископы, настоятели и монахи легко могли бы вызвать возстаніе темныхъ противъ не въ мѣру просвѣщенныхъ.

„Король Подебрадъ уже признанъ римской куріей королемъ чешскимъ, но только съ условіемъ—быть ей, т.-е. римской церкви, послушнымъ; пусть же шляхта Лехіи и Литвы вспомнитъ и взвѣситъ, что для нея будетъ лучше, если она покорностью римской куріи избѣжитъ участи чеховъ - гусситовъ, такъ какъ ея епископамъ, аббатамъ и настоятелямъ крайне легко наводнить страну сто тысячами монаховъ, которые при помощи массъ темнаго народа съумѣютъ освободить церковь отъ непокорныхъ сыновъ

ея. Не забывайте, что вы ничѣмъ не предотвратите пожаровъ, и что вмѣстѣ съ дымомъ исчезнутъ всѣ усадьбы и хутора, обреченные нами на погибель, монастыри же, какъ каменныя крѣпости римской церкви, огня не боятся. При этомъ наемное войско, набранное изъ иностранцевъ, нераздѣльная чуждая сила, остается въ вашей-же странѣ подъ предводительствомъ лицъ, расположенныхъ къ римской церкви; поэтому оно выступитъ противъ шаекъ изъ погорѣльцевъ и принудитъ шляхту быть вѣчно послушной и вѣчно молчать.

„Если-бы все это оказалось недостаточнымъ, курія обратилась бы съ воззваніемъ къ нѣмецкимъ правительствамъ, чтобы они при помощи своихъ войскъ возстановили порядокъ въ Лехіи, вознаградивъ за это себя землями погорѣльцевъ. Останется въ живыхъ только вѣрный римской куріи, ея епископамъ и настоятелямъ народъ, сверхъ того ея монахи, сколько ихъ останется въ живыхъ послѣ такой домашней войны. При этомъ примите во вниманіе,—говорилъ дале Длугошъ,—что шляхта ваша владѣетъ только обыкновеннымъ оружіемъ, римская же курія не замедлила бы прислать на помощь своимъ епископамъ и настоятелямъ китайскій, арабскій и греческій огонь, приспособленный въ настоящее время монахомъ Бертольдомъ, въ качествѣ пороха, для пушекъ, которыми уже пользовались англичане болѣе десяти лѣтъ тому назадъ въ битвахъ противъ французовъ. Кромѣ того, заключенный два года тому назадъ новый конкордатъ соединяетъ при посредствѣ римской куріи всѣхъ нѣмецкихъ князей, или вѣрнѣе, отдаетъ провинціи всей Германіи въ сюзеренство германскаго императора Габсбурга-Фридриха III, который восемь лѣтъ тому назадъ отдался подъ сюпремацію (верховность) римской куріи, а вслѣдствіе того, что онъ короновался въ Римѣ римскимъ императоромъ, есть вѣроятіе, что хотя теперь нѣмецкіе князья ссорятся и воюютъ между собою, что ослабляетъ ихъ, но это вовсе не вредно для власти императора, всѣ они вслѣдствіе воззванія Габсбурга и римской куріи помирятся и весьма охотно пойдутъ противъ славянъ съ милымъ для нихъ лозунгомъ „Drang nach Osten“ за Одеръ, за Вислу, за Бугъ и даже за Днѣпръ, а Лехія и Литва вовсе не приготовлены къ столь большой войнѣ, соединиться же лехамъ и литовцамъ съ чехами-гусситами, или съ греческими руссами епископы, аббаты и куріальные монастыри, а съ ними преданные Риму предводители войскъ никогда не позволятъ, хотя бы вся мелкая шляхта и жаждала этого соединенія всѣхъ славянъ. Итакъ, совѣтую закрыть этотъ сеймъ и о всемъ, что здѣсь говорено,—молчать“.

Естественно, что мелкая шляхта, видя, что каждый непокорный Риму исчезаетъ вмѣстѣ съ дымомъ пожара, какъ еретикъ и отщепенецъ, или же идетъ съ сумою нищенствовать по бѣлу свѣту, предпочла молчать, притворяться вѣрующей и даже поддакивать, когда монахъ, входя въ домъ восклицалъ: „Римъ—святой городъ!“ „Римъ—столица святыхъ“ и т. п. Питая же въ душѣ ненависть къ Риму, мелкая шляхта писала тайно хроники происходившаго въ Польшѣ, и если сыновья ея заслуживали довѣрія, по достиженіи почтеннаго возраста, получали отъ отцовъ эти семейныя хроники, передающія потомкамъ истину. Лѣтописи же и исторіи Польши, писанныя преимущественно іезуитами, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Но эти хроники слѣдовало тщательно скрывать отъ глазъ ксендза или монаха. Неосторожное слово, болтовня или незаслуженное довѣріе къ мнимому другу-іезуиту, тайному шпіону куріальной инквизиціи, разрушало всю шляхетскую семью, которая обрекалась инквизиціей на полную погибель подъ видомъ Божескаго наказанія за невѣріе въ святой союзъ „Curia Romana“. Каждый приходскій священникъ, такъ же какъ и мелкій шляхтичъ, долженъ былъ изъ опасенія монастырской инквизиціи и пожара публично-притворно высказывать вѣру во всё, во что курія, при посредствѣ своихъ епископовъ, настоятелей, монаховъ и лицъ, стоящихъ у нея на жалованіи, или олигарховъ, приказывала вѣрить. Несмотря, однако, на это, попытка Остророга не осталась безъ послѣдствій.

Было доказано, что латинизація славянъ была цѣлью и основой куріи, что она имѣла цѣлью охлажденіе славянъ къ своимъ братьямъ и приготовленіе ихъ къ покорности пангерманизму, т.-е. архихристіанской Австріи, противъ чего именно и были направлены сочиненія Остророга въ защиту панславизма и о необходимости вѣрить въ Бога, но не въ божество римскаго папы.

Съ этихъ поръ сочиненія Остророга, переходя по всей Европѣ изъ рукъ въ руки, разумѣется въ рукописанныхъ копіяхъ, вызывали все болѣе и болѣе многочисленныя попытки возстаній противъ куріи Ромы, вопреки всѣмъ ея инквизиторскимъ пыткамъ и кострамъ, всегда готовымъ принять мучениковъ, за то, что они почитали Единаго Святаго Отца, находящагося на небесахъ, а не въ Римѣ.

Просвѣщенный король Казиміръ Ягеллончикъ возставалъ, насколько могъ, противъ сооруженія большого числа монастырей, а равно противъ пропаганды изданныхъ іезуитами псевдоисидоровыхъ декреталій и катехизисовъ. Онъ изгналъ нѣмецкихъ и итальянскихъ монаховъ изъ краковской академіи, назначивъ туда славянскихъ профессоровъ, а именно: Брудзевскаго, Шадковскаго, Олькускаго, Лабшинскаго, Пневскаго, Шомотульскаго и другихъ развитыхъ учителей, какъ, напр.: Николая Коперницкаго, родомъ изъ Торна (прозваннаго иностранцами „Copernicus"), вслѣдствіе чего молодежь понемногу освобождалась отъ латинизаціи, подготовляющей ее къ космополитизму и германизаціи.

По смерти Казиміра Ягеллончика въ 1492 году на престолъ Польши вступилъ его сынъ Іоаннъ Альбертъ (Ольбрахтъ), на папскомъ же тронѣ возсѣлъ въ томъ же году Александръ Борджія VI, который, не разставаясь съ мыслью о присоединеніи славянскихъ земель къ Германіи, направилъ Іоанна Ольбрахта противъ его родного брата Владислава, короля венгерскаго. Большая война, которая отсюда возникла и въ которой поляки были побѣждены, ослабила страну до такой степени, что императоръ Максимиліанъ и куріальный магистръ тевтонскаго ордена рыцарей, саксонскій маркграфъ и бранденбургскій маркграфъ Гогенцоллернъ, съ согласія и наговора Рима, совѣщались въ 1493 г. о совмѣстномъ нападеніи на Чехію и Лехію и о раздѣлѣ ихъ между собою подъ предлогомъ, что эти народы даютъ поводъ опасаться, что въ Германіи вспыхнутъ безпорядки и смуты вслѣдствіе того, что они хотятъ порвать сношенія съ римской церковью, интересы коей отданы въ опеку германскому императору Максимиліану Габсбургу. Нѣмцы навѣрное привели бы свое намѣреніе въ исполненіе, если бы на защиту славянъ не выступилъ векикій князь русскій Иванъ III Васильевичъ, который, освободивъ Россію отъ всѣхъ монгольскихъ хановъ такъ называемой Золотой орды, обладая притомъ слишкомъ двухсотъ-тысячной регулярной арміей, былъ грозенъ для всѣхъ тогдашнихъ нѣмцевъ. Онъ въ 1493 г. рѣшительно заявилъ Максимиліану, что „великій князь русскій желалъ бы завоевать для себя, т.-е. для могущества Россіи, всю Литву, Лехію, Поморію, Лужицу, Моравію и Чехію, что бы сдѣлаться всеславянскимъ императоромъ, нежели позволить германцамъ и куріи Ромы еще большіе захваты славянскихъ земель, т.-е. допустить еще большее развитіе германизма при посредствѣ захвата и германизаціи остальныхъ славянъ." Но римская курія, предполагая, что Россія удовольствуется присоединеніемъ къ ней Литвы, желая еще болѣе обезсилить славянъ, подговорила слабохарактернаго Яна Ольбрахта отомстить туркамъ за обиду, нанесенную его дядѣ Владиславу Варненьчику 50 лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе чего онъ-де пріобрѣтетъ славу „защитника всего римскаго христіанства". Легковѣрный Янъ Ольбрахтъ позволилъ себя опутать и отуманить, и не помня того, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Владиславъ безполезно пролилъ подъ Варной кровь двухсотъ тысячъ славянской молодежи и самъ тамъ, не менѣе безполезно, погибъ, получивъ отъ Австріи обѣщаніе помощи, призвалъ молодежь къ походу противъ турокъ. Ему въ этомъ поспѣшно помогали куріальные монахи, ораторы, ложно и измѣннически доказывавшіе неопытной

молодежи „о необходимости отмстить туркамъ за Варну, сверхъ того о славной смерти въ борьбѣ съ невѣрующими въ римскую курію“. При этомъ говорили молодежи „о прекрасной славѣ и даже о гигантской славѣ борьбы на смерть при защитѣ римскаго куріальнаго христіанства, за что люди идутъ прямехонько въ рай, не проходя даже черезъ чистилище [1]), хотя бы и съ смертными грѣхами, такъ какъ курія за такіе крестовые походы и такую смерть даетъ безплатное отпущеніе всѣхъ грѣховъ“. Наконецъ монахи убѣждали, что „турки угрожаютъ не только венграмъ и австрійцамъ, но имѣютъ намѣреніе перейти Карпаты и Татры и напасть на моравскихъ, чешскихъ, силезскихъ и лужицкихъ славянъ, а поэтому здѣсь дѣло идетъ уже о спасеніи славянства, матерей, женъ и сестеръ вашихъ, о которыхъ во время отсутствіе молодежи будутъ заботиться слуги церкви“.

Къ сожалѣнію, легковѣрная и неопытная молодежь, всегда готовая на всякую борьбу, хотя бы даже до драки между собою, Богъ знаетъ изъ-за чего и изъ-за кого, услышавъ столь краснорѣчивыя рѣчи куріалистовъ, не зная, что турки угрожали только венгерцамъ и вѣнцамъ, забыла о тевтонахъ, бранденбургахъ, новосаксонцахъ и остърейхерахъ, жаждущихъ ея крови, и въ 1497 году въ количествѣ 50 тысячъ бросилась какъ шальная къ оружію, якобы въ защиту отечества, хотя турки шли только на венгерцевъ и австрійцевъ.

Всю эту молодежь турки вырѣзали безъ пощады, чѣмъ очень довольное высшее духовенство Польши забрало себѣ оставшіяся по павшимъ имущества и имѣнія.

Убѣдившись въ измѣнѣ тевтоновъ, Янъ Ольбрахтъ въ 1501 году обратилъ оружіе противъ этихъ куріальныхъ и вооруженныхъ апостоловъ, но былъ вмѣстѣ съ нѣсколькими предводителями отравленъ монахами при переходѣ черезъ Торнъ.

Въ 1493 году въ царствованіе Іоанна Ольбрахта большая благодать изъ Рима была привезена въ Польшу: знатнаго рода особа—любовница краковскаго кардинала Фридерика отправилась въ качествѣ паломницы въ Римъ, откуда возвратившись съ венерической болѣзнью, распространила ее въ Краковѣ, заразивъ прежде всего своего сожителя—кардинала, отъ каковой болѣзни онъ и умеръ въ 1503 году.

Паломничество въ Римъ женщинъ кончалось для нихъ вообще весьма плачевно.

Папа Бонифацій писалъ архіепископу Кутбарту, что изъ множества англійскихъ женщинъ, стекавшихся въ Римѣ на поклоненіе папѣ и мощамъ, только немногимъ удавалось избѣгнуть гибели своей добродѣтели, что рѣдко можно найти городъ въ Ломбардіи или Франціи, гдѣ бы не поселилась какая нибудь монахиня или другая какая либо паломница и своимъ худымъ поведеніемъ не безчестила церкви своей родной страны [2]).

ГЛАВА XXI.

Провозглашая, что смерть Іоанну Ольбрахту Богъ послалъ въ наказаніе за то, что онъ осмѣлился поднять оружіе противъ ордена креста, монахи настраивали противъ Россіи его преемника Александра литовскаго, князя, избраннаго въ 1501 г. на польскій престолъ. Женатый на дочери московскаго князя Іоанна III Еленѣ, которая не соглашалась измѣнить вѣру, Александръ, по наущеніямъ духовенства, нетолько отказалъ ей въ просьбѣ выстроить православную церковь, о чемъ передъ свадьбою былъ уговоръ, но даже прогналъ ея духовника, православнаго священника Ѳому [3]). Несмотря однако на это и на то, что папа предписалъ употребить противъ Елены насиліе, разлучить ее съ мужемъ и захватить приданое, если она не согласится перейти въ католичество, находившіеся при ней русскіе священники напоминая своимъ примѣромъ и ученіемъ о догматахъ православія, не допустили ее измѣнить христіанской религіи. Неза-

---

[1]) Чистилище изобрѣтено Римомъ въ концѣ XIII вѣка.

[2]) Ep. 63 (Palrol. LXXXIX).

[3]) См. 473 и 474 примѣчаніе къ Карамзину.

висимо отъ этого отецъ ея Иванъ Васильевичъ, въ виду несдержанія Александромъ брачнаго договора, объявилъ Александру войну, опустошилъ Литву и забралъ въ плѣнъ знатнѣйшихъ ея бояръ и ея наивысшаго гетмана князя Константина Острогскаго, которыхъ въ кандалахъ держалъ долгое время въ тюрьмѣ.

Въ царствованіе Александра разбои и грабежи польской шляхты приняли невѣроятные размѣры. Убивали и грабили не только мужчины, но и женщины. Нѣкая Русиновская, жена полкового командира, переодѣтая мужчиной, въ сапогахъ со шпорами, схваченная на разбоѣ съ предводительствуемой ею шайкой, была по постановленію сейма казнена смертью черезъ повѣшеніе. Въ „Исторіи Польши“ упоминается часто о женщинахъ, занимавшихся разбоемъ, что доказываетъ, что равноправность женщинъ и мужчинъ раньше другихъ европейскихъ государствъ была введена въ Польшѣ.

Въ царствованіе Сигизмунда I (1505—1548) преслѣдованіе иновѣрцевъ уменьшилось, несмотря на протесты друзей Рима. Казаки, не чувствуя притѣсненій, сохраняли спокойствіе. Одинъ только разъ въ Краковѣ примѣнена была инквизиціонная пытка. Въ оградѣ церкви Божіей Матери пытали еврея, вытягивая ему жилы, послѣ чего его сожгли за то, что онъ латинское причастіе, состоящее изъ облатки, сравнилъ съ еврейскимъ опрѣснокомъ.

Въ день смерти Сигизмунда (1548) имѣлось въ Вильнѣ 30 православныхъ храмовъ, римско-католическихъ всего 7. Все литовское княжество было раздѣлено на 10 православныхъ епархій или епископствъ, а именно: владимірское, луцкое, полоцкое, львовское, перемышльское, холмское, пинское, кіевское, могилевское и смоленское. Въ церквахъ, православныхъ и католическихъ, въ судахъ и административныхъ сношеніяхъ Литвы съ Польшею употреблялся русскій языкъ.

Усиливающійся развратъ и злоупотребленія латинскаго духовенства вызвали наконецъ сильное броженіе умовъ въ самой Германіи по инціативѣ Лютера. Объявленная имъ реформа церкви всполошила Римъ и заставила римскую курію оставить на время славянъ въ покоѣ и воздержаться отъ политическихъ конкордатныхъ интригъ въ Германіи, направленныхъ противъ чеховъ и поляковъ, съ цѣлью включенія этихъ народовъ въ германскій союзъ, не допуская ихъ къ соединенію съ Россіей.

Папское агентство при германскомъ дворѣ было въ большомъ затрудненіи и смущеніи въ виду того, что всѣ нѣмцы, за исключеніемъ Габсбурговъ, угрожали отпаденіемъ отъ Рима, въ виду чего польскій король Сигизмундъ осмѣлился выступить противъ папы Льва X и противъ нѣмцевъ и, призвавъ къ поголовному вооруженію шляхту, напалъ на крестоносцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Но, къ несчастью для поляковъ, пораженіе это не было окончательнымъ, а тѣмъ временемъ Австрія, по просьбѣ Рима, успѣла при посредствѣ епископовъ и оплачиваемыхъ куріей польскихъ олигарховъ, уговорить короля распустить войска по домамъ, т.-е. прекратить войну противъ крестоносцевъ. Произошло это на томъ основаніи, что Альбрехтъ Гогенцоллернъ бранденбургскій маркграфъ, сдѣлалъ угрозу римской куріи что онъ со всѣми бранденбургскими крестоносцами перейдетъ въ лютеранство, если папа не добьется у польскаго короля перемирія.

Но когда Левъ X въ 1521 г. умеръ, тотъ же маркграфъ бранденбургскій Гогенцоллернъ зло подшутилъ надъ Римомъ. Въ 1525 г. онъ со всѣмъ крестовымъ рыцарствомъ присоединился къ лютеранству, назвалъ римскую курію и ея председателя—папу учрежденіемъ антихриста и «внѣцерковнымъ обществомъ, недостойнымъ существованія въ Европѣ»—сбросилъ съ себя плащъ съ крестомъ, изгналъ нѣсколько десятковъ противившихся реформѣ приверженцевъ куріи въ Швабію, а прочихъ лишилъ имущества.

Николай Рей сильно возставалъ въ то время противъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, въ особенности же противъ богослуженія на непонятномъ латинскомъ

языкѣ и, указывая на ученіе, апостола Павла, восклицалъ: „Необходимо дабы служба въ церкви произносилась на понятномъ для всѣхъ языкѣ; лучше молясь произнести понятныхъ пять словъ, чѣмъ непонятныхъ пять тысячъ"; протестовалъ онъ тоже противъ безбрачія духовенства, называя таковое сѣятелемъ разврата, а равно порицалъ поборы десятинъ, продажу индульгенцій и фальшивыя декреталіи.

Видя упадокъ римской вѣры, папа Павелъ Фарнезе въ 1534 г. замѣнилъ орденъ крестоносцевъ орденомъ іезуитовъ, который оказалъ много услугъ римской куріи, народъ же польскій оглупилъ окончательно. Эти новые крестоносцы, вооруженные не длинными мечами, но ядомъ фарисейскаго краснорѣчія, въ ядъ сладкихъ рѣчей, скрывающихся въ ихъ разговорахъ, наравнѣ съ кураре и белладонной, скрываемыхъ въ обширныхъ карманахъ ихъ рясъ, получили въ 1552 году въ Польшѣ исключительное право обучанія молодежи. Орденъ этотъ основалъ сейчасъ же училища и приступилъ къ образованію польскаго общества, съ цѣлью приготовлять вѣрныхъ слугъ для Рима и измѣнниковъ для славянства.

Преслѣдуя истинное просвѣщеніе въ Польшѣ, іезуиты уничтожали попадавшіяся на ихъ глаза всякія сочиненія, воспрещая читать все то, что не составляло произведенія ихъ пера.

На этомъ основеніи папа Павелъ IV (Caraffa), другъ отравительницы Боны Сфорцы, жены Сигизмунда, установилъ индексъ, т.-е. списокъ сочиненій, изданныхъ преимущественно литовцами, воспрещенныхъ для чтенія и преданныхъ анаѳемѣ.

Этотъ списокъ, подъ названіемъ; „librorum prohibitorum", изданный въ 1559 г. и дополненный папой Григоріемъ XIII въ 1572 г., обнимаетъ слѣдующихъ писателей:

Ивана Мельштинскаго, Державъ-Рытвяна, Авраама Збаскаго, Яна Остророга, Ивана Ярославича Ласкаго, Якова Остророга. Грущинскаго, Лещинскаго, Зборовскаго, Гурко-Лютомірскаго, Дрогоевскаго, Губерта, Борейшу, Скирмунта, Тепчинскаго, Хлендовскаго Оскерко, Езерскаго, Сарницкаго, Тарновскаго, Кашевскаго, Стоенскаго, Махчинскача Замонскаго, Буднаго, Моравскаго, Загорскаго, Буйно, Завадскаго, Чеховича, Котвипо-Морву, Бартошевича, Москоревскаго, Павликовскаго, Хойнацкаго, Томашевича, Горковскаго, Вишоватаго, Мацѣевскаго, Лубенецкаго, Вильчинскаго, Можковскаго, Войдовскаго, Рупперта, Ястребца, Семенскаго, Рея изъ Нагловицъ, выступившаго въ защит-Гусса въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „О жестокомъ преслѣдованіи Христовой Церкви" Сенявскаго, Любовскаго, Марицкаго, Вильскаго, Толочко, Ожешко, Стрыйковскаго, Тышинскаго, Оссолинскаго, Елинскаго, Чацкаго, Ивана Карповича, Задарновскаго, Сен кевича, Куликовича, Нѣмоевскаго, Кулаковскаго, Малецкаго, Толицкаго, Сенинскаго изгакова, Вишневскаго, Вольскаго, Грабовскаго, Соллогуба, Мацкевича, Хмѣлевскаго, Сан-Рувшко изъ Рако Куча, Березинскаго, Гурскаго, Ивановича, Красинскаго, Раковецкаго, Горецкаго, Сташковича, Кременьскаго, Морштина, Даровскаго, Радзивила, Телка, Волчка, Волянскаго, Лисиковича, Пражмовскагс, Фирлея, Блажевскаго, Орѣховскаго, Пиичовскаго, Штанкарта, Модревскаго, сочиненія котораго, наравнѣ съ сочиненіями Яна Остророга, были переведены на всѣ европейскіе языки, но котораго курія повелѣла инквизиторамъ „лишить всякаго имущества"—и еще много другихъ литовскихъ и русскихъ писателей, сочиненія которыхъ инквизиторы и іезуиты, а за ними піары, самовольно уничтожали, забирая ихъ изъ всѣхъ частныхъ библіотекъ, содержимыхъ богатыми поляками,—чаще всего не умѣвшими тогда еще читать—для виду.

Изъ этого списка мы видимъ, что просвѣщенные граждане Польши возставали противъ римскихъ притязаній, но невѣжественное большинство поляковъ взяло верхъ надъ проникавшимъ въ Польшу просвѣщеніемъ и заглушило голоса ученыхъ мужей. Хотя польское стадо этихъ сочиненій литовскаго и русскаго происхожденія не читаетъ, изъ опасенія вѣчныхъ мученій, тѣмъ не менѣе ихъ авторовъ причисляетъ къ *польскимъ* писателямъ, на которыхъ указывая, кричитъ о просвѣщеніи Польши.

Къ какой литературѣ были способны коренные поляки и ихъ ксендзы, можно судить изъ пообразованія, которое они получали до конца XVIII столѣтія съ которымъ знакомитъ насъ извѣстный польскій историкъ XVIII вѣка каноникъ Гуго Коллонтай. Извлеченіе изъ его трудовъ я привожу ниже, здѣсь же не лишнимъ нахожу помѣстить образецъ нынѣшней письменности, выходящей изъ-подъ пера ксендзовъ, въ родѣ Бѣлякевича, для распространенія нравственности среди польскихъ женщинъ и дѣвицъ.

При входѣ въ костелъ Ченстоховской Божіей Матери продаются ксендзами различныя книги ихъ сочиненія. Изъ одной изъ нихъ, изданной въ 1895 году, „ксендзомъ Болеславьюшемъ, св. теологіи лекторомъ и дефиниторомъ“, озаглавленной: „Устрашающее эхо послѣдней архангельской трубы“, привожу описаніе „пытокъ сластолюбца въ адской тюрьмѣ“. „Ужасно подумать, какъ умные люди, потерявъ стыдъ и разумъ, предаются скотскимъ эффектамъ, и забывая сторону духовную, представляющую обликъ Божій, служатъ угнетенію несчастныхъ, трупьему искаженію и всякой гнили. О, нечистая бездонная пропасть! Какое множество ты слѣпо пожираешь, которые, погрузившись въ тебя, не могутъ достать иного дна, кромѣ адскаго. Манишь ихъ къ себѣ, какъ глупыхъ дѣтей, золотыми яблоками, а затѣмъ давишь ихъ отвратительными руками, какъ оставленныхъ всѣми сиротъ. Показываешь розы, а затаиваешь терніи, подносишь вино, заправленное ядомъ; привлекая всевозможными ласками, подготовляешь вѣчныя мученія!

„Для подтвержденія передъ вами, набожныя читательницы, правды этихъ словъ, пусть послужитъ исторія ученаго Серафима Раззе, свидѣтельствующаго, что къ одной набожной дѣвицѣ, посвятившей себя постояннымъ молитвамъ, явился солдатъ— недавно умершій ея любовникъ, и объявилъ ей плаксивымъ и хриплымъ голосомъ о своихъ страданіяхъ; спрошенный о причинѣ хрипоты, отвѣтилъ, что „любилъ безбожныя и неприличныя пѣсни, за что теперь страдаетъ“. Когда, увидѣвъ затѣмъ его ляжки, покрытыя черными нарывами, набожная дѣва его спросила: „это что такое?“ онъ отвѣтилъ: „я очень любилъ ляжки и свои выставлялъ напоказъ съ дорогими украшеніями, за что теперь волочатъ меня по терніямъ, мучатъ, бьютъ, вслѣдствіе чего ляжки превратились въ одинъ общій нарывъ“. „Что же еще съ тобою дѣлаютъ?“—спросила дѣва. При этихъ словахъ солдатъ откинулъ съ груди плащъ, которымъ, казалось, былъ покрытъ, и на его груди оказалась огромная отвратительная жаба, обхватывающая передними лапами его шею, ротъ же свой прикладывающая къ его губамъ для поцѣлуя, задними же ногами, *обхвативъ стыдливыя части его тѣла, давила ихъ, причиняя ему невыносимую боль.* При этомъ солдатъ сказалъ: „за грѣшные поцѣлуи и за грѣшные поступки съ тобою, переношу эти муки и заявляю тебѣ, не молись больше за меня, не молись, ибо ничто меня не спасетъ, такъ какъ я проклятъ на вѣки“. Послѣ этихъ словъ онъ исчезъ. Всемогущій Боже! дай мнѣ и вамъ, грѣшницы, а надежда, что къ ней придетъ, если на это обратишь вниманіе, что кто искалъ всевозможную роскошь, если не покается, будетъ ужасно страдать [1]).

„Каково бы вамъ было, когда бы, проснувшись, вы ощупали на своей груди отвратительную жабу? Почему же, несчастные, стремитесь къ тому, чтобы она вѣчно покоилась на вашей груди: почему же и прочимъ членамъ вашимъ чрезвычайными, но не дозволяемыми удобствами, готовите вѣчныя мученія? Счастливъ тотъ, кто опомнится вовремя и, презирая позорныя и такія, которыхъ самъ стыдится передъ людьми, наслажденія, увлеченія свои и любовь обратитъ къ Богу, который лишь одинъ можетъ осчастливить человѣка“.

Подобной литературой питаются умы польскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ, что съ вопросами, задаваемыми имъ ксендзами на исповѣди, какъ это разоблачилъ ксендзъ

---

[1]) Переводъ сдѣланъ буквально, несмотря на безсмыслицу.

Шишки, въ брошюрѣ „Католическая исповѣдь и женщина“ приноситъ плоды того разврата, который такъ присущъ странамъ съ католическимъ вѣроисповѣданіемъ.

Сигизмундъ II Августъ, царствовшій послѣ Сигизмунда I, сознавая, что латинское духовенство ведетъ страну къ гибели, покровительствовалъ въ Польшѣ другимъ вѣроисповѣданіямъ, надѣясь вырвать ее изъ римскихъ когтей. Болѣе всего поддерживалъ онъ кальвинизмъ, распространявшійся быстро въ Польшѣ вслѣдствіе безнравственности католическаго духовенства. Вслѣдствіе этого котолическое духовенство устроило на короля засаду, и когда король въ обществѣ Радзивила Чернаго направился верхомъ въ кальвинскую церковь, по пути, ведущему около католическаго собора, епископъ, сопутствуемый толпой духовенства и монаховъ, выскочивъ на улицу, короля окружили, стащили съ лошади и повлекли въ костелъ, гдѣ, подъ угрозою лишенія жизни, заставили короля присягнуть, что вѣротерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ онъ не будетъ измѣнять римской церкви. Въ этомъ насиліи надъ королемъ латинскаго духовенства въ то время замѣчательно то, что само польское духовенство относилось пренебрежительно къ папѣ и къ его постановленіямъ. Доказательствомъ этому служитъ Станиславъ Ожеховскій, перемышльскій каноникъ, который, не оставляя духовнаго сана и занимаемой должности, сочетался законнымъ бракомъ и отстоялъ свое законное право на женитьбу не только передъ сеймомъ, но и передъ папой.

Передъ сеймомъ защищалъ Ожеховскаго посолъ сандомірскій Сбоскій, изъ пространной рѣчи котораго приводимъ нѣсколько извлеченій.

„Ваше Величество, всемилостивѣйшій король и пресвѣтлой Рѣчи Посполитой представители!

„Если когда-либо гражданской благонамѣренности разрѣшалось защищать на этомъ мѣстѣ правду, то сегодня въ особенности ей слѣдуетъ защита, дабы потомство знало, что въ царствованіе Вашего Королевскаго Величества преступниковъ не освобождали отъ должной кары, а равно не преслѣдовали добродѣтельныхъ. Возвышаю голосъ мой въ защиту добродѣтели, оговариваясь однако, что я не сомнѣваюсь, въ чемъ клянусь небомъ и землею, что правое дѣло не нуждается въ защитѣ, въ этомъ собраніи добродѣтельныхъ, что рѣчь моя не оскорбитъ монаршаго величія и васъ, пресвѣтлой Рѣчи Посполитой представителей. Вездѣ и всегда слѣдуетъ защищать правоту, но не обвинять ее; не слѣдуетъ поэтому винить меня за то, что я говорю въ святилищѣ справедливости къ аристидамъ въ защиту добродѣтели“.

Подготовивъ такимъ образомъ слушателей, ораторъ, приступая къ рѣчи, выставляетъ Ожеховскаго будто бы преступникомъ и вопрошаетъ.

„Въ чемъ же состоитъ его вина? Не нарушилъ-ли онъ святости законовъ Евангелія, не обвиняютъ-ли его въ оскорбленіи священной особы вашего королевскаго Величества; а быть можетъ онъ нарушилъ государственные законы и измѣнилъ обязанностямъ хорошаго гражданина? Кто же осмѣлился бы защищать подобнаго преступника—развѣ соучастникъ его?—Но даже въ мысляхъ не согрѣшилъ подобными проступками ксендзъ Ожеховскій, и обвинители въ этомъ его не обвиняютъ. Что же онъ совершилъ преступнаго?—Обвинительный актъ гласитъ, что онъ женился на Аннѣ Холмской и въ этомъ заключается вся его вина.

„Вступая въ бракъ, ксендзъ Ожеховскій не согрѣшилъ, какъ человѣкъ, исполнивъ лишь законъ природы, равно не согрѣшилъ, какъ священникъ, что сейчасъ докажу, указавъ на законъ о безбрачіи духовенства.

Разобрать этотъ вопросъ оратору было не легко. Начинаетъ онъ съ историческихъ выводовъ установленія безбрачія латинскаго духовенства.

„Въ желѣзномъ вѣкѣ, т. е. въ XII вѣкѣ, когда весь человѣческій родъ дрожалъ передъ однимъ человѣкомъ, когда невѣжество и преступленіе заключили союзъ для искорененія просвѣщенія и добродѣтелей, когда человѣкъ завидовалъ независимости и

счастью скота,—въ этомъ, говорю, вѣкѣ, Каликстъ, возсѣвъ на предсѣдательское кресло Латеранскаго собора, вообразилъ, что старческій организмъ его является всеобщимъ; не чувствуя, вслѣдствіе старости и разслабленія, человѣческихъ потребностей, онъ переговоривъ съ подобными ему живыми мертвецами, далъ преимущество предъ здравымъ смысломъ и законами природы суевѣрію, запретилъ живымъ людямъ пользоваться жизнью, забывая прежде всего, что безбрачіе—состояніе, проклятое Богомъ, и предписалъ то, что Богъ запретилъ, и *безплодіе*, считавшееся порокомъ и позоромъ, возвелъ въ добродѣтель".

Удостовѣривъ текстами изъ Св. Писанія справедливость имъ сказаннаго, продолжаетъ.

„Но Генрихъ взамѣнъ посоха далъ Каликсту мечъ для проведенія въ жизнь установленнаго имъ дикаго закона; папа, воспрянувъ, сталъ метать безпрестанные громы проклятій—освящалъ мечи, для проливанія крови тѣхъ священниковъ, которые оставались людьми.

„Кто можетъ знать лучше работу, чѣмъ сдѣлавшій ее ремесленникъ? Кто можетъ сооружать зданія, долженствующія простоять незыблемо вѣка, если не умѣетъ сложить самой простой хижины? Кто можетъ исправить вещь, которой даже издали не видѣлъ?—Между тѣмъ горько сознаться, что созданіе покусилось поправлять дѣло рукъ Создателя, ибо, указывая на воображаемое имъ совершенство, даетъ понять, что обнаружило недостатки въ природѣ человѣка, созданнаго по образу и по подобью Божію!"

Указавъ на дурныя послѣдствія, вызванныя безбрачіемъ, ораторъ присовокупилъ, что въ непродолжительномъ времени прекратился бы родъ человѣческій на землѣ, если бы люди, увлекшись ученіемъ Рима о благодати целибата, стали упражняться въ этой добродѣтели. Утверждая, что всѣ добродѣтели истекаютъ изъ природы, дѣлаетъ выводъ, что безбрачіе не можетъ считаться добродѣтелью. Внушая самъ себѣ, чѣмъ изобрѣтатели безбрачья обидѣли общество, говоритъ:

„Суевѣріе, подъ видомъ религіи, хотѣло внушить людямъ, что тѣ, которые шли по пути совершенства, все оставили для Бога, дабы, отуманивъ темный народъ, утверждать его въ стремленіи къ безбрачію и къ передачѣ имущества церкви. Толпа, на которую все непонятное сильнѣе всего дѣйствуетъ, бѣжала за безбрачными, считая ихъ святыми; она вѣрила, что, лишая себя добровольно высшаго земного наслажденія, они вознеслись выше людей, а поэтому должны творить чудеса. Ученіе же Евангелія: „человѣкъ оставитъ Отца и Мать и прилѣпится къ женѣ", считалось пустымъ звукомъ".

Высказавъ затѣмъ отвращеніе къ суевѣрію, что достоинство священническаго сана требуетъ безбрачія, ораторъ обращается къ королю, прося его снестись съ папой объ отмѣнѣ обязательнаго для духовенства безбрачія.

„Въ благодарность за это, не бронзовые, подвергавшіеся часто насмѣшкамъ и оскорбленіямъ памятники, но милліоны поколѣній будутъ живыми памятниками вашего королевскаго величества".

И взволнованнымъ голосомъ продолжаетъ: „Благочестивѣйшій государь! Остерегись, что бы не сложилось преданіе, что подъ скипетромъ Сигизмунда-Августа нельзя было гражданину оставаться человѣкомъ. Во имя священныхъ законовъ природы, умоляю тебя, благочестивѣйшій государь, не забывать существованіе той семьи, во главѣ которой стоитъ ксендзъ Ожеховскій—а сколько членовъ выйдетъ изъ этого поколѣнія, въ столькихъ сердцахъ будутъ воздвигаться алтари благодарности тебѣ. Позволь, благочестивѣйшій государь, заявить тебѣ, что мы были свидѣтелями слезъ твоихъ, при такихъ же обстоятельствахъ; позволь раскрыть рану, нанесенную сердцу вашего величества приговоромъ народа, требующаго разлученія тебя съ любимою супругой. Позволь на секунду сравнить тебя съ кс. Ожеховскимъ—любовь, прикрытая пурпуромъ или сермягой, одинакова. Во имя этой любви, которою ты проникнутъ къ своей су-

пругѣ, молю тебя, государь, протянуть милостиво руку помощи и не допустить до паденія страдающую, оскорбленную невинность. Кончаю въ увѣренности, что въ дѣлѣ этомъ разумъ и сердце подскажутъ приговоръ вашему королевскому величеству".

Послѣ такой осмысленной и прочувствованной защиты не только гражданскія власти признали законнымъ бракъ ксендза Ожеховскаго, но даже папа, вслѣдствіе письма короля, сопровождаемаго цѣннымъ подаркомъ, утвердилъ этотъ бракъ.

Въ это же время архіепископъ Уханскій, примасъ коронный, не только не признавалъ надъ собою власти папы, но даже предалъ его анаеемѣ, епископъ кіевскій Николай Пацъ перешелъ въ лютеранство, женился и былъ назначенъ кастеланомъ мстиславскимъ.

На петроковскимъ сеймѣ въ 1556 году болѣе развитые послы предложили, въ томъ же родѣ, какъ въ 1460 г. Янъ Остророгъ, исправленіе неправильностей римской церкви въ Польшѣ, а именно: производить богослуженіе на народномъ языкѣ; давать причастіе подъ двумя видами,—хлѣба и вина; отмѣну безбрачія духовенства и обязательства посылать въ Римъ лепту Св. Петра [1]).

Но духовенство, поддержанное менѣе развитымъ большинствомъ, этому воспротивилось и предложеніе это пало, хотя къ нему присоединились епископы: куявскій Иванъ Дрогоевскій и холмскій Яковъ Уханскій, который на сдѣланное ему королемъ предложеніе поѣхать въ Римъ для примиренія съ папой, отвѣтилъ, что онъ въ Содомъ не поѣдетъ и не преклонитъ колѣнъ передъ Вааломъ [2]).

Но, когда вскорѣ послѣ сейма фанатическіе епископы стали примѣнять инквизицію къ иновѣрцамъ и приговорили къ сожженію на кострѣ дѣвушку—католичку и трехъ евреевъ, деревенская шляхта, подъ предводительствомъ гетмана Яна Тарновскаго, возстала противъ епископовъ и потребовала изгнанія ихъ изъ сената, на томъ основаніи, что они, состоя подъ главенствомъ иностраннаго Рима, не могутъ заботиться какъ слѣдуетъ объ интересахъ своей родины. Незадолго до возстанія шляхты папскій нунцій Липпоманъ, 22 сентября 1556 года, доносилъ въ Римъ письмомъ на имя князя Ди-Палліано слѣдующее.

„Ваше сіятельство!

„Я получилъ папскую буллу противъ евреевъ; далъ бы Господь, чтобы и въ этой странѣ она могла быть приведена въ исполненіе, но мало на это надѣюсь, ибо евреи пользуются здѣсь большимъ покровительствомъ, всѣ воеводы являются ихъ открытыми защитниками, и невѣроятные пасквили разглашаютъ обо мнѣ за то, что я домогался казни этихъ трехъ евреевъ, которые, наконецъ, сожжены въ Полоцкѣ и которымъ, если бы промедлить еще одинъ день, удалось бы освободиться, ибо здѣсь за деньги евреи всего могутъ добиться.." Далѣе нунцій пишетъ: „Сверхъ того виленскій воевода, которому я писалъ истекшаго марта въ духѣ братскаго напоминанія и христіанской любви письмо, копію котораго послалъ его святѣйшеству, прислалъ мнѣ длинный отвѣтъ, полученный мною четвертаго мѣсяца, наполненный оскорбленіями, клеветою и кощунствомъ, относительно святого отца и всего католическаго духовенства, съ такою наглостью, нахальствомъ и самомнѣніемъ, что самъ дьяволъ изъ ада не могъ бы придумать чего-либо худшаго. По прочтеніи этого отвѣта, сознаюсь вашему сіятельству, я потерялъ всякую надежду достигнуть чего-либо хорошаго въ этомъ королевствѣ, гдѣ господинъ этотъ является всѣмъ у короля: совѣтникомъ, канцлеромъ, съ которымъ король обѣдаетъ, танцуетъ, веселится, и даже, мнѣ кажется, отвѣтъ написалъ мнѣ съ вѣдома короля. Что если окажется, а изъ всего видно, что это такъ, video nos oleum et operam hic perdere, et laterem ut dicitur lavare.

---

[1]) Dzieje, Томъ II. стр. 168—169.
[2]) Dzieje, Томъ II. стр. 159—160.

„Поэтому, отвѣчая на конецъ письма вашего сіятельства, касающагося моего выѣзда отсюда, увѣдомляю, что уѣду въ Варшаву, гдѣ самъ и совмѣстно съ епископами употреблю всѣ усилія у короля, которому передалъ папское бреве, чтобы склонить его дать новымъ указомъ доказательство, что онъ истинный король католическій, а не польскій, и что будетъ выполнять въ точности законы страны относительно иновѣрцевъ, чего добившись двинусь въ путь въ Италію, такъ какъ не предвижу возможности здѣсь долѣе оставаться, тѣмъ болѣе, что король три недѣли спустя отправится въ Литву, куда я показаться не могу, въ Польшѣ же оставаться не могу въ виду опасеній за свою жизнь среди разбойничьей шляхты, при отсутствіи для нея законовъ, ибо здѣсь каждый шляхтичъ-воинъ дѣлаетъ всё, что ему взбредетъ въ голову, nec et qui visitet, aut qui corrigat. Довольно, что я здѣсь выдержалъ цѣлый годъ, и всякій согласится со мною, что Е. С. и я дѣлали всё, что было въ нашихъ силахъ, если же мы не достигли большаго, то не по своей винѣ, такъ что по совѣсти можемъ сказать „curavimus Babylonem et non est sonata“.

Преступленіе, за которое сожгли христіанскую дѣвушку и трехъ евреевъ, состояло въ томъ, что темные монахи и духовенство разглашали, что евреи нуждались для исцѣлѣнія своихъ мальчиковъ послѣ обрѣзанія въ Христовой крови, истекающей будто бы изъ облатки, предназначенной къ причастію. Вскорѣ послѣ прибытія въ Польшу нунція Липпомана стали распространятся слухи, что Дороѳея Лаженцкая, подговоренная евреями, принявъ въ деревнѣ св. причастіе, не проглотила его, а завернула въ платокъ и продала евреямъ за 3 талера съ придачей шелковаго платья, за что, совмѣстно съ евреями, была заключена въ тюрьму и предстала на судъ передъ собравшимся въ Ловичѣ синодомъ. На этотъ же синодъ пріѣхалъ Казиміръ Лютомирскій, Конинскій приходской священникъ, по жалобѣ епископа, обвинявшаго его въ ереси. Ксендзу сопутствовало нѣсколько сотъ шляхтичей съ библіями подъ мышкой. Не впущенные во дворъ замка, они отъѣхали обратно совмѣстно съ обвиняемымъ ксендзомъ. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности осудить ксендза, синодъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла Дороѳеи о святотатствѣ и осудилъ ее на смерть черезъ повѣшеніе, а затѣмъ сожженіе, трехъ же евреевъ, одного изъ Равы, а двухъ изъ Сохачева—на сожженіе живыми. Но для приведенія въ исполненіе этого приговора требовалась подпись короля, на полученіе которой Иванъ Пшерембскій, коронный подканцлеръ, не разсчитывалъ, зная просвѣщенный и свободный отъ предразсудковъ взглядъ Сигизмунда Августа. Но римское духовенство съумѣло это препятствіе обойти, уговоривъ Пшерембскаго подписать имя короля и приложить печать, за что ему обѣщано было освобожденіе отъ грѣховъ на вѣчныя времена. Узнавъ объ этомъ, король, находившійся на Литвѣ въ Мышаголахъ, отправилъ курьера къ сахочевскому старостѣ съ предписаніемъ остановить казнь до пріѣзда отправленныхъ для разсмотрѣнія этого дѣла комиссаровъ; но пока посланный короля явился, евреи, два въ Сохачевѣ, а одинъ въ Полоцкѣ, были уже сожжены, а ихъ имущества конфискованы въ пользу Рима. При первой встрѣчѣ съ Липпоманомъ, руководившимъ всѣмъ этимъ дѣломъ, король, вмѣсто того, чтобы его повѣсить, сталъ ему дѣлать выговоры за звѣрскій поступокъ, требуя, чтобы онъ не смѣлъ разглашать, что приговоръ былъ исполненъ съ вѣдома короля. „Содрагаюсь,—добавилъ Сигизмундъ,—предъ такою жестокостію и не желаю вовсе, чтобы меня считали за глупца, могущаго вѣрить, что изъ проколотой облатки кровь потечетъ“ [1]). За молчаніе о мнимой подписи короля Липпоманъ потребовалъ значительную сумму, которая и была ему выплачена, но онъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Польши.

Несмотря на этотъ и подобные факты, польское духовенство нынѣ утверждаетъ

---

[1]) Bielski „Kronika“, Lubieniecki. Historya Reform. Polon. lib. 11, c. 4, p. 76. Brovius ad annum 1556.

что инквизиція была установлена, хотя и съ согласія Рима, но по требованію свѣтскихъ властей, что латинское духовенство во многихъ случаяхъ умоляло императоровъ объ уничтоженіи этого варварскаго обычая. Польское глупое стадо вѣритъ этому безпрекословно и умиляется передъ добротою и мягкосердечіемъ ксендзовъ, тѣмъ болѣе, что это толкованіе подтверждаетъ апологетическій словарь, издающійся въ Варшавѣ, подъ редакціей ксендза Щесняка, передѣлывающаго французскій словарь I. Jaugej'a.

Все это доказываетъ совершенный упадокъ въ XVI вѣкѣ римской церкви въ Польшѣ, и для поддержки ея кардиналъ Гозіусъ вызвалъ въ 1566 г., какъ выше сказано, іезуитовъ, которые довели Польшу до окончательной гибели. Но пока это наступило, король, признавшій тоже спасеніе Польши въ реформѣ латинскаго вѣроисповѣданія, по требованію шляхты, домогавшейся возвращенія къ православной вѣрѣ своихъ отцовъ, представилъ папѣ требованіе народа о реформѣ церкви, по поводу чего нунцій Липпоманъ получилъ отъ племянника папы Павла IV, князя di Palliano, письмо слѣдующаго содержанія.

„Преподобный епископъ и братъ. Господинъ Станиславъ [1]), посолъ его величества короля польскаго, билъ челомъ отъ имени короля на публичной аудіенціи св. отцу.

„На этой же аудіенціи получился отвѣтъ съ большими похвалами для короля, какъ это ваше высокопреподобіе усмотрите изъ копіи папскаго письма къ королю, прилагаемой при семъ для вашего свѣдѣнія.

„Этотъ господинъ Станиславъ показался св. отцу личностью весьма почтенною ловкою, понятливою и религіозною; былъ онъ приглашенъ къ папскому столу совмѣстно съ другими послами и постоянно получалъ доказательства уваженія и привязанности (sic).

„Въ частной аудіенціи онъ объявилъ что король, принужденный настояніями народа, требуетъ:

1) Разрѣшить имъ производить богослуженіе на польскомъ языкѣ; 2) принимать причастіе подъ двумя видами; 3) разрѣшить ксендзамъ имѣть законныхъ женъ, а не наложницъ, и 4) созывать мѣстные соборы.

„Съ большою грустью и горечью св. отецъ выслушивалъ эти требованія, не имѣя даже возможности утаить свою грусть, что король, хотя бы приневоливаемый назойливыми требованіями народа или отдѣльныхъ лицъ, забылся до того, что рѣшился представить ихъ папѣ (дѣйствительно, глупо было обращаться къ папѣ за разрѣшеніемъ того, что слѣдовало дѣлать самому). Слѣдовало королю не только не выслушивать такихъ неприличныхъ требованій, но сурово наказать тѣхъ, кто осмѣлился ихъ возбуждать, и воспротивиться всякимъ новшествамъ, какъ это дѣлали его набожные предшественники.

„Въ заключеніе св. отецъ объявилъ вышепомянутому г. Станиславу, что вышесказанное требованіе, а равно и опасности, какія онъ предвидитъ для любимаго имъ чрезмѣрно польскаго королевства, заставляютъ его созвать вселенскій соборъ, безъ опредѣленія котораго онъ не можетъ дать надлежащаго отвѣта на требованіе короля. „Отецъ святой желаетъ, чтобы соборъ этотъ именовался Латеранскимъ и засѣдалъ въ Римѣ, по многимъ причинамъ, о которыхъ въ свое время сообщимъ подробно вашему высокопреподобію, изъ которыхъ главная та, чтобы св. отецъ, не имѣющій возможности, изъ-за преклоннаго возраста, удаляться изъ Рима, имѣлъ бы возможность присутствовать на соборѣ и руководить его постановленіями, не допуская ненужныхъ споровъ и извращенныхъ толкованій (т. е. заставить говорить и утвердить безпрекословно все, что заранѣе будетъ подготовлено), примирить возникшія въ церкви несогласія и ввести исправленіе нравовъ въ духовной и свѣтской средѣ, въ чемъ издавна предстоитъ настоя-

[1]) Станиславъ Мацѣевскій, кастеланъ сандомірскій, придворный маршалъ.

тельная потребность. Относительно исправленія нравовъ св. отецъ намѣренъ придерживаться спасительныхъ и строгихъ правилъ св. отцовъ церкви съ добавленіемъ къ нимъ своихъ собственныхъ, еще болѣе суровыхъ предписаній, которыя отчасти помимо собора съумѣлъ провести въ жизнь. Что же касается собора, рѣшилъ созвать его безотлагательно, нигдѣ болѣе, какъ въ Римѣ, на чемъ упорно настаиваетъ и ничто не въ состояніи измѣнить этого рѣшенія. И хотя эта святая мысль возникла у него уже давно, главнымъ основаніемъ приведенія ея въ безотлагательное исполненіе является опасность, въ которой находится польское королевство. Это именно обстоятельство заставило его святѣйшество объявить свою волю относительно собора царствующимъ домамъ христіанскихъ государствъ. Главное порученіе, данное легатамъ, посланнымъ—одинъ къ Императору, другой къ королю, состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ лишь въ томъ, что они обязаны убѣдить ихъ въ необходимости созыва собора, какъ въ этомъ ваше высокопреподобіе убѣдитесь изъ даннымъ имъ инструкціи, копіи которыхъ будутъ вамъ на дняхъ высланы. Это единственное лѣкарство, какое св. отецъ, послѣ долгихъ соображеній, могъ придумать для исцѣленія польскаго народа и другихъ болѣе отдаленныхъ и болѣе близкихъ. Въ виду этого поручается вашему высокопреподобію подготовить короля и предупредить епископовъ польскихъ, чтобы готовились въ путь сейчасъ же по полученіи призыва, для исцѣленія ранъ, нанесенныхъ церкви и собственному отечеству; пусть будутъ увѣрены, что св. отецъ встрѣтитъ ихъ съ тѣмъ сердечнымъ чувствомъ, съ какимъ братъ встрѣчаетъ брата, послѣ продолжительнаго и томительнаго ожиданія.

„Если ваше высокопреподобіе узнаете, что подготовляется бракъ польской царевны съ шведскимъ королевичемъ, постарайтесь всѣми силами повліять, чтобы въ Швеціи возвращены были епископамъ доходныя статьи, въ особенности же архіепископу упсальскому, что, кромѣ пользы для церкви, принесетъ пользу царевнѣ, такъ какъ мы слышали отъ достойныхъ довѣрія лицъ того государства, что власть короля шведскаго сильно поколебалась послѣ изгнанія католическихъ епископовъ, которые послѣ возвращенія къ прежнимъ обязанностямъ будутъ защитниками королевской власти, какъ были раньше. Находясь ближе къ Швеціи, чѣмъ мы, вы должны знать лучше насъ, въ какомъ положеніи тамъ дѣла и къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы это благочестивое желаніе его святѣйшества могло быть исполнено, что не должно бы представлять большого затрудненія, если правда то, что намъ сообщали о расположеніи будущаго шведскаго короля къ католической религіи.

„Прилагается бреве для куявскаго епископа, и второе для капитулы его каѳедры, съ содержаніемъ которыхъ в. в. освѣдомитесь изъ прилагаемыхъ копій. Но такъ какъ его святѣйшество не знакомъ съ дѣлами Польши въ такой мѣрѣ, какъ вы, живя на мѣстѣ, то, полагаясь совершенно на вашу расторопность, онъ предоставляетъ вамъ передать по принадлежности или задержать сказанные бреве.

Римъ, 30 мая 1556 г.“

Для лучшаго соображенія, какими путями Римъ распространялъ въ Польшѣ католицизмъ, приводимъ письмо нунція Липпомана къ Петру Контарини въ Римѣ.

„Всемилостивѣйшій государь!

„Съ момента, въ который Всемогущему Господу Богу угодно было направить меня въ Польшу, я не переставалъ обращаться къ вашей милости, какъ къ земляку и старинному знакомому, который во всѣхъ моихъ непріятностяхъ и огорченіяхъ былъ моимъ совѣтчикомъ, поддержкой и помощью, и нынѣ прошу не отказать употребить свое вліяніе у св. отца, чтобы меня вырвалъ изъ этого ада и позволилъ мнѣ вернуться къ моей церкви въ Римѣ. Всѣ мои прежнія непріятности и страданія—ничто сравнительно съ тѣми, которыя испытываю теперь и которыя долженъ описать вамъ подробно, дабы

ваша милость, сжалившись надъ состояніемъ моимъ, пожелали выхлопотать отозваніе меня отсюда, о чемъ умоляю со сложенными руками.

„Причиною всѣхъ моихъ новыхъ хлопотъ и огорченій является Николай Радзивилъ, виленскій воевода, безспорно одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ здѣшняго края, но, къ несчастью, главнѣйшій покровитель лютеранъ. Не имѣя возможности дозволить, чтобы апостольская столица была позорена, какъ это мнѣ приходится видѣть и слышать ежедневно, я рѣшилъ сбросить маску и написать по своему письмо къ воеводѣ, высказавъ въ немъ ему правду безъ стѣсненія. Для большаго эффекта я далъ понять, что ксендзъ Адамъ Конарскій, королевскій секретарь, поздравляя меня письменно, прибавилъ нѣсколько лестныхъ для меня словъ отъ имени воеводы. Это дало мнѣ будто бы поводъ писать къ нему. Составивъ письмо въ самыхъ горячихъ и сильныхъ выраженіяхъ, какія только могъ, натрудивъ голову, придумать, отправилъ его по назначенію 21 февраля изъ архіепископскаго гнѣзненскаго замка, именуемаго Ловичъ, гдѣ я до сего времени проживаю. Предупредилъ я воеводу въ письмѣ, что общественное мнѣніе какъ въ Польшѣ, такъ и заграницей считаетъ его опекуномъ и защитникомъ лютеранъ, что онъ соглашается со всѣми ихъ догматами, которые были мною приведены подробно, и въ концѣ концовъ предложилъ я ему отказаться отъ заблужденій отщепенцевъ, ибо въ противномъ случаѣ Богъ покараетъ его. Не отрицаю, что быть можетъ я слишкомъ возставалъ противъ всѣхъ лютеранъ и высказалъ все, что мнѣ подсказывала ненависть къ нимъ, но развѣ возможно оставаться въ границахъ приличія, говоря объ этихъ негодяяхъ? Г. воеводѣ, послѣ прочтенія моего письма, основаннаго на неоспоримыхъ доказательствахъ, слѣдовало бы отказаться отъ сношеній съ иновѣрцами, но вмѣсто этого онъ отвѣтилъ мнѣ въ такихъ выраженіяхъ, на которыя и самъ Мартинъ Лютеръ не осмѣлился бы, имѣя дѣло съ подлѣйшимъ существомъ, не говоря уже обо мнѣ—министрѣ и нунціи апостольской столицы. Я послалъ бы Вашей Милости копію этого отвѣта, но признаюсь откровенно, что чтеніе его было бы слишкомъ позорнымъ для меня, и даже бьетъ меня лихорадка при мысли, что это письмо можетъ быть опубликовано гдѣ-нибудь [1]) и притомъ въ переводѣ на разные языки, ибо мнѣ хорошо извѣстны обычаи еретиковъ, отъ чего избави насъ Господи! Но прошу Вашу Милость выслушать до конца.

„Въ бытность мою въ 1548 г. совмѣстно съ преподобнымъ въ то время епископомъ Фано, нынѣ кардиналомъ, а также преподобнымъ Фугентино, нунціемъ и легатомъ въ Германіи, послѣ побѣды императора надъ германскими протестантами, съ распоряженіемъ о приведеніи народа и протестантскихъ князей къ повиновенію столицѣ апостольской, ибо въ этомъ состояла цѣль нашего посланничества, хотя мы ничего не достигли, а лишь нѣсколькихъ человѣкъ удалось за деньги наклонить къ этому, когда мы, повторяю, прибыли въ Германію, находились тамъ въ плѣну у Его Императорскаго Величества, Фридрихъ, электоръ саксонскій и Филиппъ, ландграфъ гессенскій.

„Тогда я съ моими товарищами, сынами повиновенія, какими считается нашъ орденъ, совѣтовалъ императору и королю римскому, чтобы двухъ своихъ плѣнниковъ, какъ атамановъ и протекторовъ ереси, *для большей славы Іисуса Христа*, приказалъ публично казнить топоромъ чрезъ палача, что, безъ сомнѣнія, остановило бы въ Германіи распространеніе лютеранства.

„Монархъ не согласился съ нашими совѣтами, вслѣдствіе чего дѣла въ Германіи

---

[1]) Письмо Липпомана къ Радзивилу и отвѣтъ на него составленный Вергеріемъ были напечатоны въ 1556 г. въ Кенигсбергѣ съ предисловіемъ того же Вергерія (Wergerius) подъ заглавіемъ: «Duae Epistolae altera Aloysii Lippomani Veneti Episc. Veronae, Romani Pontificis in Polognia Legati, ad illustrissimum Principem D. Nicolaum Radziwilium Palatiuum Vilnensem. Altera vero ejusdem illustrissimum D. Radziwili ad Episcopum et Legatum illum lectu dignissimae si ullae fuerunt nostra aetate». Перепечатано въ Брестѣ-Литовскомъ и въ нѣмецкомъ переводѣ въ Кениксбергѣ въ 1557,

приняли дурной оборотъ для апостольской столицы, и мнѣ кажется, что отношенія эти ухудшаются еще больше. Имѣя впослѣдствіи такое же порученіе отъ Его Святѣйшества Павла IV, я совѣтовалъ многократно то же самое польскому королю, упрашивая его усиленно, *въ угоду Богу и всѣмъ святымъ, повелѣть сшибить съ плечь восемь или десять головъ знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ*, не перестающихъ содѣйствовать распространенію въ Польшѣ лютеранскаго вѣроисповѣданія, считая это единственнымъ средствомъ для очищенія этого королевства отъ еретическихъ заблужденій. Не отказываюсь, что я давалъ такой совѣтъ Его Королевскому Величеству, признаюсь, что старался увѣрить въ необходимости такой мѣры еще одну *особу*, имѣющую на короля большое вліяніе, въ надеждѣ, что она поможетъ мнѣ уговорить короля рѣшиться на этотъ шагъ. И вотъ дѣло такого большого значенія, которое слѣдовало сохранять въ глубочайшей тайнѣ, чтобы не увеличивать нерасположенія и ненависти къ намѣстникамъ Іисуса Христа, дѣло, повторяю, такого важнаго значенія, не сомнѣваюсь теперь, что всюду разглашено, такъ какъ упомянутый выше господинъ воевода обвиняетъ меня въ этомъ заговорѣ въ своемъ письмѣ, если же пишетъ объ этомъ, то безъ сомнѣнія раньше разсказалъ всѣмъ.

„Прошу поэтому Вашу Милость подумать, въ какомъ я нахожусь положеніи, могу-ли быть покойнымъ и не основательно-ли стремлюсь къ выѣзду отсюда? Тѣ, которые поддерживаютъ ересь суть многочисленны и могущественны; я покушался на ихъ жизнь, и если голова ихъ держится на плечахъ, не меня за это должны благодарить.

„Что они со мной сдѣлаютъ, если я не перестану попадаться имъ на глаза? Ничего иного ожидать не могу, какъ проклятій, клеветы, а быть можетъ чего-либо худшаго; больше же всего меня страшитъ то, что будутъ разглашать не только во всей Польшѣ, но и въ Германіи о замыслахъ Св. Отца. Вотъ, скажутъ папскіе соборы, теперь видимъ, какіе совѣты отъ нихъ исходятъ: убивать и жечь; мнѣ кажется, что слышу уже поднимающуюся противъ насъ со всѣхъ сторонъ бурю. Въ виду этого трудно мнѣ исполнить порученіе кардинала Караффы, изложенное въ послѣднемъ его письмѣ, состоящее въ томъ, чтобы я старался убѣдить тѣхъ которые думаютъ созвать народный соборъ что это пахнетъ ересью, что самое это названіе еретическое, а потому не должны ни думать, ни говорить о немъ, а ожидать всеобщаго собора, созываемаго Его Святѣйшествомъ. Работаю, правда, въ этомъ направленіи и быть можетъ достигъ бы чего-либо, но послѣ огласки моихъ совѣтовъ королю, мнѣ кажется, что всѣ уста противъ меня, всѣ уши для меня закрыты, всѣ умы возмущены противъ меня, до такой степени, что еслибы не нѣкоторые епископы, въ особенности же архіепископъ, составляющій мое прибѣжище не знаю, куда бы я скрылся для спасенія жизни. Тѣмъ временемъ слышу со всѣхъ сторонъ, какъ позорятъ мое имя, но не имѣя возможности придумать что-либо особенное, говорятъ, что имъ извѣстно, почему меня не дѣлаютъ кардиналомъ, какъ будто я могу ссориться съ Господомъ Богомъ, что Ему было угодно, дабы я появился на свѣтъ незаконнымъ путемъ, какъ много нашей братьи; достаточно того, что онъ дозволилъ мнѣ родиться католикомъ. Не обращаю вниманія на эти разговоры, но больше меня безпокоитъ то, что, какъ говорятъ, распространяется печатная брошюра, по поводу того, что я былъ помощникомъ Высокопреподобнаго кардинала Кресценція, легата на Тридентскомъ соборѣ, въ которой приписываютъ моимъ совѣтамъ все то, что происходило, на этомъ соборѣ, а именно, что не дана была аудіенція лютеранамъ, которой дѣйствительно не дали, и хорошо сдѣлали, ибо сознаю, что кто оставилъ церковь, не долженъ быть допускаемъ на совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ. Если поэтому мнѣ придется говорить о созывѣ вселенскаго собора, эти господа, извращающіе все, скажутъ безъ сомнѣнія, что этотъ будущій соборъ будетъ такой же, какимъ былъ, по моимъ совѣтамъ, Тридентскій, т. е. что на немъ не будутъ выслушивать независимыхъ мнѣній. Знаю, что Милость Ваша совмѣстно съ почтенными братьями своими: Францискомъ,

украшеніемъ французской республики, и Павломъ, оказали множество услугъ въ Венеціи Св. Отцу, когда онъ былъ еще „in minoribus“; поэтому упрашиваю Васъ употребить нынѣ хотя частичку той благодарности которую Вы въ то время заслужили у него, чтобы освободить меня отъ непріятностей и опасности.

„Пусть Его Святѣйшество узнаетъ, что долѣе служить дѣламъ его я не могу, по поводу сильной ненависти, какую я навлекъ на себя. Пусть сообразитъ, слѣдуетъ-ли замѣстить меня кѣмъ-либо другимъ, или же оставить польское королевство, какъ мнѣ бы казалось, безъ нунція, ибо если бы онъ теперь сюда пріѣхать, не могъ бы здѣсь долго оставаться съ достоинствомъ; впрочемъ, буду-ли имѣть замѣстителя или нѣтъ полагаю, что иновѣрцы въ Польшѣ не перестанутъ стремиться къ своей цѣли, что вызоветъ разрывъ шляхты съ епископами и одни пойдутъ направо, другіе налѣво и не всѣ епископы придутъ къ намѣченной цѣли; нѣкоторые изъ нихъ стали теперь уже хромать и по всей вѣроятности соединятся въ непродолжительномъ времени съ воеводой и другими отщепенцами. Пусть Его Святѣйшество сдѣлаетъ, что ему заблагоразсудится, лишь бы меня извлекъ отъ сюда поскорѣе. Кто будетъ въ состояніи видѣть и переносить спокойно, что во время масленицы духовенство подвергается здѣсь всевозможнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, для чего служатъ наряженные въ монашескія и кардинальскія одежды различные негодяи; кто сможетъ переваривать ссоры и оскорбленія, не заботясь о безопасности жизни, того поздравляю, но не завидую. Себя настолько знаю, что для этого меня не хватитъ и не имѣю малѣйшей надежды пригодиться здѣсь на что либо. Старался я напр., насколько могъ помѣшать собраться сейму, долженствующему начаться въ день св. Варѳоломея, но это ни къ чему не привело и сеймъ соберется въ назначенный день. Добился я, правда, у короля, возраженій противъ постановленій прошлаго сейма, чѣмъ сильно возмущены противники; опасаюсь, однако, что они призовутъ изъ Германіи или Швейцаріи съ полъ-дюжины опытныхъ и образованныхъ богослововъ, ибо вообразили себѣ, что Св. Отецъ намѣревается прислать сюда на сеймъ лучшихъ своихъ богослововъ для защиты нашего дѣла, и несмотря на то что я утверждаю и заявляю, что папа и не думаетъ о присылкѣ богослововъ и никогда не согласится на подобный сеймъ, который былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ только мѣстнымъ соборомъ, все-таки эти господа намѣреваются призвать иностранныхъ богослововъ, нашихъ заклятыхъ враговъ; прошу себѣ вообразить, что они будутъ говорить и какіе дѣлать проекты и какъ дѣйствовать противъ насъ. Чтобы хотя отчасти предотвратить большія несчастія для римской церкви, намѣренъ я созвать въ іюлѣ всѣхъ епископовъ и канониковъ этого королества на синодъ въ Петроковъ.

„Надѣюсь добиться у нихъ двухъ вещей: во-первыхъ, значительную сумму денегъ которую папа обѣщаетъ увеличить изъ своихъ средствъ, которую употребимъ, стараясь заткнуть ротъ самымъ назойливымъ противникамъ папства, ибо я убѣдился, что это лучшее средство въ Польшѣ на привлеченіе покорныхъ слугъ для Рима; во-вторыхъ, какого-либо исправленія нравственности нашего духовенства, хотя бы для вида, которое, нужно сознаться, представляетъ изъ себя весьма дурной примѣръ. Но мнѣ кажется, что зараза настолько уже распространилась, что исправленіе нравственности духовенства не принесетъ пользы дѣлу, ибо эти проклятые еретики утверждаютъ и кричатъ, что необходимо исправить ученіе нашей церкви. Они считаютъ недостаточнымъ имѣть добродѣтельныхъ и умныхъ священниковъ, но требуютъ прекращенія служенія мессы; имъ недостаточно, чтобы папа былъ хорошимъ человѣкомъ, не берущимъ денегъ за духовную помощь, они желали бы, чтобы совсѣмъ не было папы.

„Къ этому здѣсь теперь стремятся и ни къ чему больше. Повторяю, что намъ плохо приходится и поручаю себя вниманію Вашей Милости.

Ловичъ, 8 апрѣля 1556 г.

А. Липпоманъ „Вороненскій епископъ, нунцій апостольскій“.

Нунцію Липпоману дѣйствительно приходилось трудно въ Польшѣ, въ то именно время, когда развратъ духовенства вызвалъ сильное противъ него озлобленіе. Что изображало изъ себя въ то время латинское духовенство въ Польшѣ и Литвѣ, указываютъ намъ документы Виленской католической капитулы, хранящіеся въ Виленской публичной библіотекѣ. Приводимъ выписки изъ нихъ, начиная со второй половины XVI вѣка.

1574 г., мая 25. озаглавленный: „*Въ епископскомъ домѣ проживающая женщина*", гласящій, что жена одного ремесленника содержитъ въ этомъ домѣ притонъ разврата и что по цѣлымъ ночамъ присходятъ тамъ оргіи, на что жители г. Вильна подали прокурору жалобу, обвиняя котолическое духовенство въ безнравственности и развратѣ.

1575 г., августа 9, гласитъ, что вслѣдствіе жалобы одной гражданки объ изнасилованіи ея дочери ксендзомъ каноникомъ Горецкимъ, Виленская капитула, сознавая, что *ея духовенство развращаетъ весь народъ*, поручила кустору ксендзу Годройцу обратить вниманіе каноника Горецкаго на необходимость воздерживаться отъ насилованія дѣвушекъ и въ наказаніе приговорила его купить для костела св. Магдалины, ксендзовскую ризу изъ бѣлой тафты и 4 недѣли не посѣщать костела и капитулы и днемъ не выходить изъ своей квартиры.

1574 г., мая 25. Виленская капитула постановила взыскивать *по три гроша* [1]) штрафа съ кзендзовъ, отказывающихся исполнять обязанности церковнаго богослуженія.

1591 г., іюня 7. „*Приговоръ противъ каноника Исаака*". За непрерывное публичное пьянство каноникъ Исаакъ приговаривается къ отлученію отъ церковной службы *на 3 мѣсяца*.

1595 г., мая 27. *Вторичный приговоръ противъ Исаака*: такъ какъ онъ не перестаетъ пьянствовать и содержитъ въ домѣ любовницу, то отрѣшается отъ службы *на два мѣсяца*.

1597 года, февраля 10. „*Третіе постановленіе противъ Исаака*": за то что Исаакъ служитъ въ пьяномъ видѣ вечерню, вводя въ соблазнъ прихожанъ, онъ отрѣшается отъ службы *на двѣ недѣли*".

16 мая того же года, за тѣ же безобразія его отстранили отъ церковной службы на *одну лишь недѣлю*, убѣдившись же, что онъ неисправимъ, оставили его въ покоѣ, предоставляя поступать какъ хочетъ. Когда же въ 1598 году сдѣлалось извѣстнымъ что Исаакъ заболѣлъ сифилисомъ, капитула 10 апрѣля того же года запретила ему служить въ церкви „дабы прикосновеніемъ къ священнымъ сосудамъ не заразилъ другихъ".

22 марта 1602 года, „Канонику Исааку, за то, что въ пьяномъ видѣ явился къ королю, а затѣмъ бѣжалъ за его экипажемъ, возбуждая насмѣшки иновѣрцевъ надъ католическимъ духовенствомъ, удерживается плата на представительство въ теченіе недѣли, съ предвареніемъ, что если не перестанетъ валяться по кабакамъ, лишится содержанія на полъ-года".

28 мая того же года. „Увѣдомленіе Исаака о задержаніи ему на мѣсяцъ содержанія за непрестанное пьянство, причемъ въ одномъ изъ кабаковъ онъ былъ побитъ„.

1603 г., октября 29. „Такъ какъ каноникъ Исаакъ явился въ капитулу настолько пьянымъ, что его тамъ вырвало, и что, явившись въ пьяномъ видѣ къ вечернѣ онъ распѣвалъ скабрезныя пѣсни, капитула лишаетъ его присвоеннаго содержанія, назначая ему по 40 грошей въ недѣлю, причемъ отправляетъ его для исправленія къ іезуитамъ".

1605 г., октября 7. „Капитула, убѣдившись въ *исправленіи* каноника Исаака, возвратила его къ прежнимъ обязанностямъ".

---

[1]) 28 грошей равнялись одному талеру, или тремъ злотымъ (пятіалтыннымъ),

6 ноября того же года. „Капитула, убѣдившись, что каноникъ Исаакъ не перестаетъ пьянствовать и въ пьяномъ видѣ вступаетъ въ публичные диспуты съ іезуитами, отнимаетъ отъ него имѣніе „Трусевичи“, назначая ему на содержаніе по 20 копъ грошей и 20 бочекъ ржи“.

1607 г., іюня 17. „За неприличное поведеніе въ костелѣ и за громкій непристойный разговоръ, мѣшающій другимъ молиться, каноникъ Вильчопольскій лишается на 2 мѣсяца кресла (stallo) въ алтарѣ, а предоставляется ему молиться передъ алтаремъ Витольда“.

Страшный пожаръ, уничтожившій въ этомъ году Вильно, прекратилъ вмѣшательство капитулы въ жизнь злосчастныхъ канониковъ, тѣмъ болѣе, что сама капитула бѣжала со своими архивами заграницу.

Весьма характернымъ представляется декретъ возратившейся въ Вильно капитулы отъ 21 іюня 1634 года, озаглавленный: „*Солодкевичъ каноникъ*“ въ слѣдующемъ изложеніи: „*Какой то подлецъ,* низкаго рода не имѣвшій, *какъ видно*, воспитанія, совершивъ много преступленій, бѣжалъ. Пойманный содержался въ теченіе болѣе года въ епископской тюрьмѣ, былъ освобожденъ изъ тюрьмы лишь послѣ обѣщанія вступить въ монастырь. Измѣнивъ намѣреніе, подалъ королю жалобу на приневоливаніе его къ отказу отъ прихода, за что епископъ опять заключилъ его въ тюрьму. Освобожденный спустя нѣкоторое время, померъ“.

Еще болѣе характернымъ является въ декретѣ отъ 6 мая 1636 г. слѣдующая запись: „*Каноникъ карета*“. На каноника Селляву подалъ епископъ жалобу, что онъ, измѣняя своему званію, занимается механикой, преимущественно каретнымъ ремесломъ, вслѣдствіе чего получилъ оскорбительное прозваніе „Каноникъ карета“. На что возразилъ Селлява, что никогда каретнымъ ремесленникомъ не былъ, но знаетъ механику составлялъ по просьбѣ знатныхъ особъ проекты исполненіе которыхъ поручалъ ремесленникамъ“.

1688 года, октября 19. „Епископъ Горайна подалъ въ капитулу жалобу на викарныхъ ксендзовъ укравшихъ и выпившихъ бочку вина присланную для церковныхъ требъ“.

1693 года, октября 16. „*Ссора епископа съ гетманомъ Сапегой*“. „Епископъ спрашивалъ капитулу, какъ поступить съ гетманомъ, расквартировавшимъ войска во владѣніяхъ духовенства. Капитула постановила *предать гетмана анаѳемѣ*“.

1708 года, октября 1. „Докладъ капитулы объ арестѣ гетманомъ Сапегой епископа Бѣлозора, *застрѣлившаго* гетманскаго конюха“.

1709 г., мая 15. Докладъ, что „посланная къ гетману Сапегѣ делегація, съ просьбой объ освобожденіи епископа Бѣлозора, сидящаго въ тюрьмѣ свыше 7 мѣсяцевъ, не добилась ничего, вслѣдствіе чего капитула постановила *предать анаѳемѣ все польское войско*, о чемъ прибить объявленія на дверяхъ костеловъ“.

1726 г., мая 21. „Жалоба какой-то женщины на епископа Бѣлозора, убившаго ея мужа, причемъ оказалось, что этого епископа обвиняли во многихъ убійствахъ, отъ которыхъ онъ не очистилъ себя ни передъ судомъ, ни передъ капитулой, а лишь обѣщалъ оправдаться—что капитулу вполнѣ удовлетворило“.

1730 г., мая 22. Жалоба епископа Зеньковича на епископа Гонсевскаго, состоявшая въ томъ, что Гонсевскій во время обѣда, на которомъ присутствовало много лицъ, придравшись къ Зеньковичу, оскорбилъ его словами, когда же тотъ ему скромно возразилъ, Гонсевскій разбилъ на его лицѣ наполненную виномъ бутылку, причинивъ Зеньковичу четыре раны на лицѣ, причемъ онъ облился кровью. Въ виду этого епископъ Зеньковичъ проситъ предать Гонсевскаго проклятію и исключить изъ духовенства. Капитула примирила епископовъ.

1743 г., іюня 6. „*Смерть епископа Гонсевскаго и что при этомъ произошло*“. Когда епископъ Гонсевскій заболѣлъ и близокъ былъ къ смерти, судебныя власти, по неиз-

вѣстнымъ причинамъ, приказали окружить его дворецъ стражей. По распоряженію трибунала, всѣ деньги и драгоцѣнности епископа были перевезены Сандомирскимъ подвоеводой, по имени тоже Гонсевскій, въ канцелярію трибунала. Когда же епископъ скончался Трибуналъ приказалъ сломать замки и все имущество подъ карауломъ перевезено въ канцелярію трибунала, оставленъ былъ лишь въ пустомъ дворцѣ обнаженный трупъ. Оскорбленная такими дѣйствіями властей капитула, не добившись ничего чрезъ ходатайство епископа и маршала Радзивила, постановила вытребовать въ консисторію предполагающихся наслѣдниковъ, дабы протестовали противъ захваченной собственности.

„Но дѣло въ консисторіи не разбиралось, а по неизвѣстнымъ капитулѣ причинамъ было направлено прямо въ нунціатуру въ Варшаву".

Этотъ небывалый поступокъ свѣтскихъ властей съ епископомъ объясняется тѣмъ, о чемъ капитула умолчала, что епископъ Гонсевскій пріобрѣлъ имущество по большей части разбоемъ.

По выѣздѣ изъ Польши Липпомана, мѣсто нунція долго оставалось вакантнымъ; присланному же въ концѣ XVI вѣка (1599 г.) нунцію Рангони было поручено папой Климентомъ VIII особенно слѣдить за „московскими" дѣлами и изыскивать способы, при помощи поляковъ, ввести въ русское государство католицизмъ. Для достиженія этой цѣли былъ изобрѣтенъ, укоренившимися уже въ Польшѣ іезуитами, ложный Димитрій. Съ этой цѣлью Рангони въ 1600 году вошелъ въ переговоры съ великимъ канцлеромъ литовскимъ Львомъ Сопегой, отправляемымъ Сигизмундомъ III въ качествѣ посла въ Москву. Къ Сапегѣ были приставлены въ качествѣ посольскихъ священниковъ два іезуита и нѣкто Петръ Арскудій, ѣздившій отыскивать будто бы греческія рукописи въ царской библіотекѣ.

Въ 1601 году Рангони удалось выхлопотать свободный проѣздъ чрезъ Москву еще двумъ іезуитамъ, отправленнымъ будто бы въ Персію. О такомъ же дозволеніи хлопотали 3 года спустя кармелитскіе монахи, но тщетно, такъ какъ тогда уже русскіе поняли, съ какою цѣлью направляется въ ихъ предѣлы латинское духовенство. Появились уже слухи о самозванцѣ, о чемъ будетъ подробнѣе изложено во второй части.

Вышеприведенное письмо Липпомана должно много разъяснить хотя бы нынѣшнимъ полякамъ, но іезуиты до того оглупили ихъ, что хотя они кичатся тѣмъ, что всякій ремесленникъ читаетъ у нихъ молитвенникъ, среди ихъ столь же развитой шляхты трудно встрѣтить такой свѣтлый умъ и характеръ, какіе проявили Иванъ Тарновскій, Николай Рей, считавшіе 350 лѣтъ тому назадъ единственнымъ средствомъ для спасенія Польши разрывъ ея съ Римомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

Іезуиты быстро повлекли Польшу къ пропасти. Этому много посодѣйствовалъ, хотя и безсознательно, лучшій изъ польскихъ королей, Стефанъ Баторій. Сторонникъ науки и просвѣщенія, Баторій основалъ въ Вильнѣ академію, отдавъ ее, наравнѣ съ другими школами, въ руки іезуитовъ.

Въ 1587 году Польша имѣла возможность соединиться съ Россіей; это не произошло изъ-за церкви. Король Баторій, намѣреваясь, въ видахъ спасенія Польши отъ окончательной гибели, соединить Рѣчь Посполитую съ Россіей въ одну державу, предложилъ Русскому царю Ѳедору Ивановичу, чрезъ посла своего Гарабурду, заключить вѣчный миръ и съ тѣмъ вмѣстѣ постановить, чтобы въ случаѣ бездѣтной кончины короля оба государства были соединены подъ однимъ скипетромъ. Предложеніе это было принято. Русскіе послы подписали въ Гроднѣ договоръ о съѣздѣ въ слѣдующемъ году для рѣшенія столь важнаго вопроса. Съ сею цѣлью собранъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, но смерть Баторія разрушила это политическое предпріятіе [1]. Тѣмъ не менѣе шляхта избрала на сеймѣ на престолъ Царя Ѳеодора. Кандидатуру его поставила Литва, *стремившаяся къ возсоединенію съ Русью.* Ѳеодоръ, согласившійся было занять польскій тронъ, принужденъ былъ затѣмъ отказаться въ виду того, что поляки требовали, чтобы онъ короновался на ихъ престолъ по латинскому обряду.

Послѣ отказа Ѳеодора былъ избранъ въ короли Сигизмундъ III, сынъ Яна III, короля шведскаго, съ тѣмъ условіемъ, что онъ *поклянется безусловно подчиняться Риму*; въ противномъ случаѣ его долженъ былъ смѣнить Эрнестъ Габсбургскій, эрцгерцогъ австрійскій, сынъ императора Максимиліана.

Сигизмундъ Ваза, удовлетворивъ требованіямъ *наемниковъ* куріи, т. е. *поддавшись руководству и опекѣ ся епископовъ,* олигарховъ, тимократовъ, ханжей, словомъ, іезуитовъ и іезуитокъ, духовныхъ и *свѣтскихъ*, подчинялся имъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всякіе неофиты и неофитки, гораздо ревностнѣе, чѣмъ его предшественники. Изъ опыта извѣстно, что каждый германизированный, въ Бранденбургѣ или въ Австріи, измѣнникъ славянства, какъ мы это наблюдаемъ въ Галиціи и Познани, проявляетъ большую ревность къ онѣмеченію, нежели истый швабъ или пруссакъ изъ приэмской или прирейнской земли.

На папскій престолъ былъ посаженъ въ это время ватиканской агапетой Діонизіей Сикстъ V, ярый преслѣдователь и мучитель иновѣрцевъ. Внезапная смерть освободила Европу отъ этого тирана; онъ умеръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Любовницей его была княгиня Юлія Фарнезе, съ которою у него былъ сынъ, крещенный протестантомъ подъ фамиліей Зильбера. Сикстъ V, не зная о его происхожденіи, приговорилъ его къ смерти черезъ раздробленіе костей по распятіи на крестѣ. Мать Зильбера, бывшая тогда монахиней, узнавъ объ этомъ въ день казни, чтобы спасти

---

[1]) См. Книгу Польскихъ посольствъ, въ Моск. Арх. Мин. Имп. Дв. № 16 и въ И. Г. Карамзина Т. X. стр. 24—25.

сына, бросилась къ папѣ; она застала его стоящимъ у окна и любовавшимся пыткой. Въ это время раздался раздирающій душу крикъ пытаемаго; было слишкомъ поздно, и Юлія Фарнезе поспѣла лишь сказать папѣ, указывая на эшафотъ: „это нашъ сынъ"! Съ площади между тѣмъ слышались слова: „По повелѣнію отца нашего святого Сикста V, по приговору св. трибунала исполненъ приговоръ надъ кавалеромъ Альберто Зильберомъ". „Аминь!" отвѣтили тысячи голосовъ. Голова Сикста склонилась на грудь, и онъ умеръ.

Подчиняясь Сиксту V, затѣмъ Урбану VII (съ 1590 г.) и смѣнившему его черезъ двѣ недѣли Григорію XIV Свандрату, за коимъ годъ спустя вступилъ на папскій престолъ (1592 г.) Климентъ VIII Альдобрандини, — Сигизмундъ III соглашался уже было послѣдовать ихъ совѣту и продать корону Лехіи и Литвы за милліонъ дукатовъ вышеупомянутому Эрнесту Габсбургскому.

Въ силу всего этого онъ сталъ ненавистенъ деревенской шляхтѣ, желавшей избрать въ польскіе короли истиннаго славянина. Чтобы не помѣшать Сигизмунду Вазѣ бѣжать изъ страны, какъ это сдѣлалъ Генрихъ Валуа, его стерегли и задерживали олигархи, которымъ платилъ дядя Сигизмунда III, регентъ Швеціи, не желавшій возвращенія племянника и вступленія его на шведскій престолъ. Поэтому истинная польская аристократія, т. е. *однопомѣстная шляхта*, безплодно стремилась къ избранію въ короли чистокровнаго славянина и удаленія въ Швецію іезуита Сигизмунда, котораго папа назначилъ генераломъ іезуитовъ въ Польшѣ и который породнился съ Габсбургами взявъ изъ ихъ дома жену. Сигизмундъ III, черезъ котораго Климентъ VIII собирался подчинить Швецію римской куріи, не захотѣлъ отказаться отъ шведской короны; благодаря этому, въ 1604 году между ляхами и литовцами, съ одной стороны, и шведами, съ другой,—вспыхнула шестидесятилѣтняя война, во время коей шведскій король Густавъ Адольфъ Ваза отнялъ отъ Литвы сѣверную часть Поморья (Венденъ), называемаго „Инфлянтами и Пруссіей".

Чтобы удержаться на шведскомъ престолѣ, Сигизмундъ заключилъ тайный союзъ съ Габсбургскимъ домомъ относительно уступки ему Польши по смерти Сигизмунда или даже при жизни его. Узнавъ объ этомъ, Замойскій созвалъ въ Андреевъ шляхту и на такъ-называемомъ инквизиціонномъ сеймѣ 1592 года открылъ замышлявшуюся измѣну, выступивъ обвинителемъ со стороны народа и принудивъ короля къ уничтоженію соглашенія съ Австріей, направленнаго ко вреду Польши.

Замойскій убѣдилъ короля, что народъ не приложитъ руки къ собственной гибели [1]).

Сигизмундъ до такой степени отдался въ руки духовенства и іезуитовъ, что сами поляки обвиняли его въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы думать о странѣ, „всецѣло отдался въ руки іезуитовъ, а его совѣтники и любимцы ксендзы Голынскій и Скарга раздаютъ должности и почести, и этимъ нарушаютъ спокойствіе въ странѣ".

Задумавъ съ іезуитами совращеніе Литвы, Сигизмундъ созвалъ въ Брестѣ Литовскомъ соборѣ мѣстнаго духовенства для соединенія восточной и западной церквей.

Главнымъ своимъ орудіемъ они употребили Ипатія Поцѣя, епископа владимірскаго и брестскаго, который, съ своей стороны, подкупилъ луцкаго епископа Терлецкаго и кіевскаго митрополита Михаила Рагозу. Безъ сношенія съ константинопольскимъ и другими православными патріархами, съ единовѣрцами въ Россіи и западныхъ славянскихъ государствахъ, безъ малѣйшаго соглашенія съ исповѣдниками православія на Литвѣ, эти христопродавцы явились на созванный поляками въ 1596 году соборъ въ Брестѣ Литовскомъ для подчиненія православной церкви Риму. Когда узналъ объ этомъ православный народъ, то съ шумомъ окружилъ измѣнявшихъ епископовъ, требовалъ

---

[1]) Bobrzyński. Dzieje Polski. T. 2, стр. 158.

отъ нихъ отвѣта и помѣшалъ открыть совѣщаніе въ назначенный день; но толпу силою разогнали именемъ короля, синодъ состоялся, и весьма поспѣшно, ибо боялись вмѣшательства Россіи; Поцѣй съ Терлецкимъ отвезли въ Римъ грамоту о подчиненіи восточной церкви въ подвластныхъ Польшѣ земляхъ папѣ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, какъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ, не подписались подъ опредѣленіями собора. Тогда провозглашено было соединеніе или унія обѣихъ церквей на условіяхъ, съ перваго взгляда, весьма выгодныхъ для православнаго населенія, ибо не только богослужебный славянскій языкъ и обряды, но даже догматы и таинства оставлялись неприкосновенными, а именно: унія не заставляла присоединять къ символу вѣры *Filioque*, признавать чистилище, причащаться подъ видомъ одного Тѣла Господня, оставила ему епископовъ, и съ тѣмъ еще, чтобы они назначались, за исключеніемъ митрополита, по прежнему, а не папою, какъ латинскіе; оставлены были и женатые священники; мало того: латинскимъ епископамъ и ксендзамъ положительно запрещалось совершать богослуженіе въ уніатскихъ храмахъ, даже на славянскомъ языкѣ. Значитъ, все соединеніе церквей состояло, повидимому, въ признаніи главенства папы и упоминаніи его имени на литургіи вмѣсто патріарха константинопольскаго; ученіе, обряды, духовенство остались тѣ же; потому и говорили латиняне, что унія не есть соединеніе церквей въ одну, а только единеніе, не сліяніе ихъ, а союзъ [1]). Итакъ для простого человѣка ничего не перемѣнилось: та же церковь, тѣ же иконы, тотъ же священникъ, то же богослуженіе. Но въ сущности православные догматы уніей были разрушены, ибо по акту оной ученіе и обряды греческой Церкви сохранены были на одномъ условіи: *поколику это не противно римской Церкви* [2]), что скрывалось отъ народа. Условіе это вначалѣ не приводилось въ исполненіе; напротивъ того, римскій дворъ показалъ въ этомъ дѣлѣ такую предусмотрительную осторожность, такое терпѣливое выжиданіе, которыя рѣдко повторяются въ исторіи политическихъ преобразованій; онъ заставилъ только признать гласно папу—это звено соединенія, остальное предоставилъ времени,—актъ былъ совершенъ, а положенія его осуществляться должны были постепенно, если не мирно и незамѣтно, то при посредствѣ меча и огня, смотря по обстоятельствамъ. Римъ не отступалъ отъ первоначальной системы и впослѣдствіи; нарушали ее своею поспѣшною ревностью его слишкомъ запальчивые приверженцы и исполнители, имѣя при этомъ въ виду прежде всего личную наживу.

До какой степени римская курія разсчитывала на невѣдѣніе народа въ дѣлѣ вѣры и на удобство постепеннаго приведенія его въ латинство самымъ наглымъ образомъ, притомъ такъ, чтобы онъ этого и не замѣтилъ, лучше всего видно изъ одновременно изданныхъ буллъ по случаю объявленія уніи. Въ одной [3]). предназначенной для публики, папа сохраняетъ уніатамъ не только обряды ихъ ученія, но и совершеніе, согласно съ ними, всѣхъ таинствъ; въ другой, заставляетъ Поцѣя и Терлецкаго клясться предъ собою лично, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, въ томъ, что они вѣруютъ въ исхожденіе Духа Святаго отъ Отца и *Сына*, въ чистилище, въ причастіе подъ однимъ видомъ, въ истинность совершенія всѣхъ таинствъ только по обрядамъ римской церкви, въ томъ, что они признаютъ индульгенціи спасительнѣйшимъ установленіемъ, принимаютъ всѣ постановленія триденскаго собора, и что они, наконецъ, обязуются внушать это ученіе своей паствѣ, въ чемъ и клянутся Богомъ и Его святымъ евангеліемъ [4]). Итакъ, одно ученіе для народа, ученіе явное, открытое, а другое ученіе тайное, для его па-

---

[1]) Antirchesis, p. 51, 59, 195, 215, 284, 465.—Paracnesis (въ Краковѣ 1629), p. 48—52.

[2]) „Dummodo veritati et doctrinae fidei catolicae non adversentur et communionem cum romana ecclesia non excludant".

[3]) Булла: „Decet Romanum Pontificem".

[4]) Булла: „Magnus Dominus et laudabilis".

стырей, присягающихъ на евангеліи въ томъ, что они будутъ обманывать свою паству и передавать ее во власть антихриста. И то, и другое, подъ названіемъ унія, утверждено тѣмъ, кто считаетъ себя намѣстникомъ Христа, т.-е. Бога истины, правды и любви.

Недостаточно, однако, было созвать соборъ и составить письменный актъ: тому доказательствомъ былъ соборъ флорентійскій; нужно было заставить признать этотъ соборъ, и въ этомъ то именно состояла самая трудная для іезуитовъ задача. Узнавъ о брестскомъ соборѣ, православные жители, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, выступили противъ него съ протестаціями на сеймахъ и сеймикахъ, отреклись отъ вѣроотступниковъ - епископовъ, которые самовольно даже присягали за паству свою въ томъ, что ей было вовсе неизвѣстно, ѣздили въ Римъ въ качествѣ пословъ, тогда какъ ихъ туда никто не посылалъ, представляли грамоты, о которыхъ паствѣ ихъ ничего и не снилось [1]). Большая часть священниковъ осталась въ православіи. Патріархи константинопольскій и александрійскій, схимники аѳонскіе присылали посланія православнымъ, убѣждая ихъ оставаться твердыми въ своей вѣрѣ и укоряя измѣнниковъ. Іезуитамъ представлялись два пути для дальнѣйшихъ дѣйствій: путь убѣжденія,—а они были богаты богословскими знаніями,—и сила, ибо въ ихъ рукахъ была свѣтская власть. Они избрали и тотъ, и другой, смотря по сословіямъ, съ которыми предстояло дѣло, но прежде всего употребляли силу, какъ средство, если не вѣрнѣйшее, то скорѣйшее по отношенію къ народной массѣ; церкви обращали въ костелы, вводили унію чрезъ полицейскихъ урядниковъ, а затѣмъ окончательно лишили православныхъ всѣхъ правъ гражданства. „Съ насъ снимаютъ послѣднюю рубашку“—говорили православные учители церкви,—„мы ее отдаемъ съ радостью; останемся голыми, но съ чистою душой“ [2]). Съ дворянствомъ іезуиты поступали иначе и достигли большаго успѣха: они прельстили его свѣтскими выгодами, мѣстами, почестями и съ неимовѣрною скоростью, въ теченіе какихъ нибудь десяти, пятнадцати лѣтъ, присоединили къ римско-католической церкви лучшія литовскія православныя фамиліи. Ранѣе другихъ продали свои души діаволу князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушко, Чарторижскіе, Пронскіе, Масальскіе, Пузыны, Ходкевичи, Сапѣги, Пацы, Тышкевичи, Хребтовичи и т. д. [3]). Лѣтъ чрезъ тридцать послѣ установленія уніи тысячами погнали къ ней православныхъ; но противъ силы народъ употреблялъ также силу—единственное оставшееся у него средство противъ притѣсненій: билъ и убивалъ ксендзовъ и уніатовъ, отчаянно отстаивалъ свои храмы: „унитъ онъ, ну, такъ его подъ ледъ, ну его подъ мечъ“,—такъ сильно было озлобленіе.

Тутъ князь Константинъ Островскій, замѣтивъ послѣдствія своей измѣны, благодаря коей совершилось соединеніе Литвы съ Польшей, громко протестовалъ противъ церковной уніи; казацкій гетманъ Ѳеодоръ Косинскій послалъ отъ своего имени два прошенія: одно королю и сенату, другое собору, рѣшительно заявляя, что казаки не согласятся на это соединеніе.

Поляки весьма любезно пригласили Косинскаго на соборъ, чтобы объясниться лично, но, какъ только онъ пріѣхалъ, его *схватили и заживо замуровали въ колоннѣ одного монастыря* [4]). Это была первая жертва *добровольной* уніи. Казаки, узнавъ о заключеніи своего гетмана, въ числѣ семи тысячъ пошли его освобождать; но, разбивъ

[1]) „Отпись на листъ велебнаго отца Ипатія володимерскаго і берестейскаго епископа до ясневельможного княжати Костентина Острозского, воеводы киевского, о залщанью и прехваланью восточной церкви з заходнымъ костеломъ, о унѣи, або згоды, року 1598 писаный. Черезъ одного наменшого клирика церкви острозской въ томъ же року отписаный“.

[2]) Палинодія, часть 4, раздѣлъ 1, артикулъ 2.

[3]) Łament. стр., 15.

[4]) Idem. т. 2, стр. 228.

[5]) Ustępy i ulamki historyczne. Pamiętniki Maciejowskiego. стр. 297—8.

на голову польское войско, нашли лишь трупъ своего атамана: казаки этого полякамъ не забудутъ и напоминаютъ имъ это при случаѣ; слѣдуетъ не забывать объ этомъ и русскимъ. Папа Климентъ VIII благословилъ унію; но вся Малороссія и Литва возстали. Казаки выбрали въ гетманы Павла Наливайко; онъ послалъ къ королю полковника Лободу съ сообщеніемъ о своемъ выборѣ въ гетманы, прося утвердить этотъ выборъ; въ то же время онъ жаловался на насилія, допускаемыя польскими панами надъ казаками. Король отвѣтилъ черезъ Лободу, что на первомъ же сеймѣ пріиметъ мѣры противъ злоупотребленій пановъ. Однако, вмѣсто сейма король собралъ войско и отправилъ его противъ казаковъ подъ предводительствомъ Станислава Жулковскаго, приказавъ *разрушать все огнемъ и мечемъ*. Польское войско встрѣтилось съ казаками при рѣкѣ Тясьмѣ. Наливайко выставилъ передъ своимъ войскомъ знамя съ крестомъ и надписью: „миръ христіанамъ; кто ихъ обидитъ—на того Богъ и крестъ"; поляки же передъ своимъ войскомъ повѣсили трехъ малорусскихъ чиновниковъ, а надъ висѣлицей хоругвь съ надписью: „кара бунтовщикамъ" (о чемъ слѣдуетъ равнымъ образомъ помнить). Поляки атаковали казачій обозъ; битва продолжалась болѣе 7 часовъ; поляковъ убито было слишкомъ 17 тысячъ, остальные бросились въ бѣгство. Тогда Наливайко пошелъ съ войскомъ „очищать" Малороссію отъ поляковъ и отъ уніи; вскорѣ, однако, прибыли въ его лагерь надъ рѣкою Сулой послы Сигизмунда III *прося мира*. Три гетмана: коронный, литовскій и казацкій подписями и клятвою скрѣпили мирный трактатъ, утверждавшій за казаками прежнія ихъ права и привиллегіи. Въ 1592 году въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ, на который были приглашены и казаки. Вмѣстѣ съ тремя депутатами пріѣхалъ Наливайко. Въ первую же ночь поляки схватили ихъ и посадили въ тюрьму, а черезъ два дня выволокли *ихъ на площадь, бросили въ мѣднаго быка и сожгли на медленномъ огнѣ*. Вотъ что говоритъ по этому поводу Бобжинскій: [1]) „Слава Богу въ нашъ вѣкъ едва возможно представить себѣ, какъ изъ-за различія вѣры проливалась кровь человѣческая, несмотря на заповѣдь Божію о терпимости по отношенію къ чужому исповѣданію".

Мы можемъ отвѣтить на это замѣчаніе почтеннаго польскаго историка, что въ наше время не происходитъ ничего подобнаго только потому лишь, что Польша прекратила самостоятельное существованіе. *Одни приверженцы папы въ состояніи такимъ образомъ нарушать присягу и насиловать человѣческія права*... Несмотря на это поляки домогаются, чтобы русское правительство вѣрило имъ.

Послѣ убійства Наливайко польское правительство объявило всѣхъ малороссовъ польскими *хлопами* и рабами, земли же ихъ принадлежащими польской коронѣ (на что и теперь еще заявляютъ права поляки). Малороссія была занята войсками, всѣ казацкія имѣнія были отданы польскимъ панамъ; *началось введеніе уніи съ помощью оружія*. Народъ, не соглашавшійся на принятіе уніи, былъ объявленъ схизматиками; упорствующихъ подвергали пыткамъ; православное духовенство было изгнано изъ приходовъ, монахи—изъ монастырей; русскія церкви сперва закрывались; затѣмъ ихъ стали передавать евреямъ; некому было совершить обрядъ погребенія, некому было крестить дѣтей... Угнетаемые малороссы толпами бѣжали къ запорожцамъ, и тамъ въ 1598 году выбрали себѣ въ гетманы Петра Сагайдачнаго. Напрасно польское правительство старалось ослабить Сагайдачнаго, назначая своего атамана казаковъ: сперва Кушку, а затѣмъ Бородавку; перваго убили татары, второго схватилъ Сагайдачный и предалъ военному суду, приговорившему его къ разстрѣлянію. Поляки, нуждаясь въ помощи казаковъ, принуждены были признать Сагайдачнаго гетманомъ Малороссіи.

Но не съ одними казаками такъ низко и измѣннически поступали поляки. Извѣстно, что въ 1610 году московскіе бояре выслали въ лагерь Сигизмунда III подъ Смоленскомъ

[1]) Dzieje т. 2, стр. 233.

пословъ, съ княземъ Голицынымъ и митрополитомъ Филаретомъ во главѣ, которые приглашали на московскій престолъ королевича Владислава. Но такъ какъ Сигизмунду самому хотѣлось сѣсть на московскій престолъ, то онъ и приказалъ лишить свободы расположенныхъ къ его сыну пословъ. Они были перевезены въ Варшаву, гдѣ митрополитъ Филаретъ, какъ представитель ненавистной полякамъ христіанской вѣры, долгое время содержимъ былъ въ заключеніи въ колокольнѣ бернардинскаго костѣла, якобы для примиренія и соединенія съ Богомъ. Такъ обращались поляки съ *послами* русскаго народа; теперь же, когда русскія власти засадятъ въ крѣпость политическаго убійцу принадлежащаго къ ихъ народности, они шумятъ на всю Европу о варварствѣ „москалей".

Преступная дѣятельность польскихъ олигарховъ довела край въ правленіе Сигизмунда III до такого упадка, что у пограничныхъ народовъ *впервые возникла мысль о раздѣлѣ страны, не умѣющей управлять собою самостоятельно.* Молдавскій господарь Михаилъ, поддерживаемый турками и австрійцами, предлагалъ подѣлить Польшу такъ: Россіи отдать кн. Литовское, шведамъ Ливонію, Австріи краковскій округъ, а остальное присоединить къ Молдавіи [1]). Для противодѣйствія исполненію этого проэкта созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ. Однако, вмѣсто обдумыванія средствъ предупрежденія нависшей надъ родиною грозной опасности, присутствовавшіе на сеймѣ занимались мелкими интрижками и ссорами изъ-за вакантныхъ епископскихъ каѳедръ—краковской и куявской. Средства остановить Михаила никто такъ и не придумалъ, и, ни на чемъ не порѣшивъ, всѣ разъѣхались. Тогда то Польшу вывелъ изъ критическаго положенія знаменитый Замойскій. На собственный счетъ онъ снарядилъ и ополчилъ довольно большое войско; къ тому же побуждалъ онъ другихъ магнатовъ. Вскорѣ образовшаяся такимъ образомъ армія разбила Михаила, который впослѣдствіи былъ свергнутъ и изгнанъ изъ Молдавіи. Въ это то именно время (1598) овдовѣлъ Сигизмундъ. Замойскій рекомендовалъ королю, для закрѣпленія сношеній съ Россіей, обвѣнчаться съ сестрой русскаго вел. кн. Ѳеодора, но Сигизмундъ въ 1605 г. женился на Констанціи, сестрѣ своей первой жены, принцессѣ австрійской.

То обстоятельство, что король породнился съ архи—католическимъ царствующимъ домомъ, вызвало бурю неудовольствія въ деревенской шляхтѣ, которая на сеймовомъ съѣздѣ 1606 года въ Сандомирѣ проэктировала и провела конфедерацію „чешскихъ, лешскихъ, литовскихъ и русскихъ" братьевъ и снова требовала отъ правительства изгнанія всѣхъ іезуитовъ и куріальныхъ епископовъ *въ Австрію и въ Римъ.* Такъ какъ Сигизмундъ, въ качествѣ генерала іезуитовъ, отнюдь не желалъ на это согласиться, то деревенская шляхта въ томъ же году постановила „провести это съ оружіемъ въ рукахъ, своими саблями"; она собралась подъ предводительствомъ Николая Зебжидовскаго и Януша Радзивила *на конфедерацію въ Колѣ*, а въ 1607 г. собралась подъ предводительствомъ Смогулецкаго, Невѣровскаго, Лагичинскаго, Казимірскаго и Стадницкаго; цѣлью шляхты было—разогнать по всѣмъ странамъ свѣта все куріально-іезуитское, епископально-олигархическое наемическое шведско-австрійское правительство Лехіи и *избрать себѣ въ короли славянина „не только по веретену, но и по мечу"* [2]).

Вспыхнула домашняя братоубійственная война; подъ Гузовымъ въ битвѣ деревенской шляхты съ защитниками іезуитовъ—Сигизмундомъ Вазой, Ходкевичемъ, Жол-

---

[1]) Господарь Михаилъ, поддерживаемый турками и австрійцами, задумывалъ раздѣлъ Польши, основываясь на ненависти малороссовъ къ брестской уніи. Онъ предпринялъ этотъ смѣлый проэктъ, убѣдившись, что Сигизмундъ напускаетъ на Польшу всѣ бѣдствія по своей неспособности и слабости. Онъ обѣщалъ Москвѣ—Литву, Швеціи—Инфлянты, Австріи—Краковъ, а себѣ остальное. Такова была первая попытка раздѣла Польши, Dzieje, томъ 2, стр. 262.

[2]) Клерикальные историки приписываютъ это возстаніе недовольству шляхты по поводу того, что король женился безъ ея согласія.

кевскимъ и другими, стоявшими во главѣ „солдатъ-чужановъ"—послѣдніе при содѣйствіи австрійцевъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣны такъ называемыхъ „лисовчиковъ", внезапно перешедшихъ на ихъ сторону,—противъ „бунтовщиковъ" (рокошанъ)—на голову разбили противниковъ. Произошло полное подчиненіе деревенской шляхты олигархамъ. Съ той поры олигархи и іезуиты завели по отношенію къ шляхтѣ *систему террора, и довели поддѣльную религіозность* до того, что „даже самъ вышеупомянутый Зебжидовскій, помѣшавшись, строилъ іезуитамъ монастыри; съ того времени начался для іезуитовъ-міряпъ и іезуитовъ-монаховъ золотой вѣкъ по всей Польшѣ и Литвѣ".

Іезуиты обдумывали тѣмъ временемъ средства къ ослабленію своего сильнѣйшаго врага—Россіи. Посовѣтовавшись съ состоящими на содержаніи у папы польскими панами—„наёмниками", іезуиты рѣшили подчинить себѣ Россію посредствомъ того же подвоха, посредствомъ коего Римъ подчинилъ себѣ Польшу. Мы уже видѣли, какъ бродячій французскій рыцарь Ламберъ, возведенный на престолъ Лехіи подъ именемъ Мечислава, сына Земовитова, силою обратилъ подданныхъ своихъ славянъ—въ латинство; другая, но подобная же личность нашлась для Россіи. Князьямъ Вишневецкимъ представленъ былъ іезуитами, въ качествѣ бывшаго воспитанника ихъ ордена, человѣкъ, якобы заявившій на исповѣди, что онъ—царевичъ Димитрій; попытка Годунова убить его была неудачна, на самомъ дѣлѣ погибъ-де совсѣмъ другой мальчикъ, а онъ вынужденъ былъ скрываться по монастырямъ и въ своихъ перекочевкахъ добрался до Польши. Понятно, что подобная басня по душѣ пришлась князьямъ Вишневецкимъ. Они оказали воспитаннику іезуитовъ полное радушіе, окружили его подобающей наслѣдному князю роскошью; наконецъ, представили его королю, а тотъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и сотрудника ихъ—нунція Рангони, назначилъ лже-царевичу ежегодный окладъ въ 40 т. злотыхъ; т. е., будучи связанъ мирнымъ договоромъ съ Россіей, король не рѣшился самъ воевать съ нею, но дозволилъ своимъ панамъ оказать лже-Димитрію вооруженную помощь, съ тѣмъ обязательствомъ со стороны послѣдняго, что онъ, взойдя на престолъ, женится на дочери воеводы Мнишка—Маринѣ, а *народъ обратитъ въ католичество при помощи іезуитовъ.* Папа Климентъ VIII благословилъ лже-Димитрія на это „любезное Господу Богу" предпріятіе. Напрасно совѣтовали Сигизмунду отстать отъ этой грязной исторіи такіе люди, какъ Замойскій, Збаражскій и Жолкевскій, знавшіе доподлинно всю эту комедію [1]); напрасно также Борисъ Годуновъ извѣщалъ Сигизмунда о томъ, что самозванецъ—бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ; ни Замойскому, ни царю Борису не вѣрила порабощенная іезуитами Польша—и стала помогать самозванцу.

При содѣйствіи поляковъ лже-Димитрію удалось обмануть народъ русскій, занять престолъ, жениться на Маринѣ. Не удалось ему только утвердиться: обманъ—обнаружился, обманщикъ—погибъ, и погибъ отъ руки народной; на престолъ вступилъ Василій Шуйскій. Но поляки не такъ-то скоро оставили Россію въ покоѣ. Нѣкій панъ Мѣховецкій, фаворитъ перваго пройдохи, отыскалъ до-нельзя похожаго на него лицомъ второго—еврея; затѣмъ поспѣшилъ сообщить всѣмъ и каждому, что Димитрій вышелъ невредимъ изъ московской рѣзни и идетъ вторично занять отцовскій престолъ.

Польскіе паны Ружинскій, Сапѣга, Вишневецкій, Лисовскій и Тышкевичъ вступили въ Россію съ вооруженными толпами, и, подойдя подъ Москву, заняли деревню Тушино и начали *избивать безоружныхъ жителей.* Сочтя этотъ моментъ самымъ удачнымъ для *нарушенія договора* и избіенія ненавистныхъ Риму еретиковъ, Сигизмундъ самолично ополчился на Москву, съ цѣлью занять московскій престолъ и обратить на-

---

[1]) Dzieje, томъ 2, стр. 252. «Что за комедія», спрашиваетъ Замойскій, «Плавта либо Теренція передо мною разыгрывается?» (Бобжинскій, Dzieje Pols. Томъ 2, стр. 164—5).

родъ въ католичество. Смоленскъ 20 мѣсяцевъ продержалъ Сигизмунда подъ своими стѣнами. Тѣмъ временемъ, стараніями Жолковскаго, нашедшаго въ Москвѣ нѣсколько измѣнниковъ, Шуйскій былъ свергнутъ съ престола, и часть москвичей присягнула Владиславу, сыну Сигизмундову. Московское посольство отправилось подъ Смоленскъ къ Сигизмунду, дабы упросить его отступить отъ Смоленска и отпустить сына на московскій престолъ.

По навѣту и наговору іезуитовъ, Сигизмундъ велѣлъ заключить пословъ въ тюрьму [1]), а Жолковскій взялъ тѣмъ временемъ Москву и началъ распоряжаться въ ней отъ имени Владислава.

Когда въ Москвѣ наконецъ сообразили, чего именно хочется Сигизмунду, то весь народъ единодушно возсталъ, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго и гражданина Минина, на поляковъ, разбилъ ихъ и избралъ царемъ Михаила Θеодоровича. Такимъ то образомъ, удовлетворяя прихотямъ и цѣлямъ Рима, Сигизмундъ *навсегда утратилъ русскій престолъ для своего потомства, да еще создалъ себѣ на востокѣ могущественнѣйшаго врага.*

Убѣдившись, что деревенская шляхта сильно ихъ недолюбливаетъ, іезуиты выхлопотали для себя у короля Сигизмунда особый охранный кавалерійскій полкъ; состоялъ этотъ полкъ изъ 10000 *каторжниковъ*, выпущенныхъ изъ всѣхъ тюремъ Лехіи, Литвы и Украины и изъ австрійскихъ рудниковъ и тюремъ. Этотъ, по меньшей мѣрѣ, своеобразный кавалерійскій полкъ раздѣленъ былъ на знамена, либо эскадроны и вооруженъ былъ: дротиками, пиками, кинжалами, турецкими и польскими саблями, мушкетами. То былъ полкъ новыхъ крестоносцевъ, свято выполнявшихъ волю инквизиторовъ римской куріи.

Означенныя десять „знаменъ“, либо эскадроновъ—носились по всей Польшѣ и Литвѣ, проходя черезъ города и деревни; они были *страхомъ и ужасомъ для деревенск шляхты, коей угрожали пожарами, для деревенскихъ ксендзовъ, равно какъ и для мѣщанъ и крестьянъ* всей Лехіи, Литвы, Волыни и Подоліи, не желавшихъ увѣровать въ римскую курію и поклониться ей. Девизомъ эти новые крестоносцы избрали не крестъ, нашиваемый на знаменахъ и плащахъ, но іезуитское „сладчайшее сердце“. Вскорѣ за ними закрѣпилось названіе лисовчиковъ, хотя Лисовскій и скончался за три года предъ тѣмъ.

Для мирной деревенской шляхты, по словамъ хронографа, не шуточнымъ было дѣломъ видѣть постоянно грабящія ея деревни вооруженныя конныя оравы епископской и магнатской челяди, впослѣдствіи прозванной „волчанами“. Когда приближались они къ дому, шляхтичъ хотя и опоясанный саблею, дрожалъ за свою жизнь; а что сказать о страхѣ и трепетѣ купечества, мѣщанства и крестьянства, зачастую усматривавшаго въ подобной напасти кару Божью, и потому дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, какъ осиновый листъ? Каждый во всю прыть разставлялъ ѣду, медъ и подарки для этой вооруженной и дикой оравы,—оравы пьяницъ, шулеровъ и убійцъ со всей Лехіи, Литвы и Украйны. Шляхтичъ, услышавъ издали куріально-іезуитскія пѣсни этихъ новыхъ крестоносцевъ, ржаніе и топотъ „волчанскихъ“ коней и бряцанье сабель—обязанъ былъ открывать ворота, выходить на крыльцо или передъ ворота, и, будь это въ самый лютый морозъ, стоять съ непокрытою головой, съ хлѣбомъ — солью въ рукахъ, выжидая этихъ куріально-епископскихъ пѣвцовъ (содержаніемъ пѣсень были мины о римскихъ богахъ и богиняхъ)—и вмѣстѣ съ тѣмъ челяди олигарховъ. Хозяинъ дома обязанъ былъ кланяться и бить челомъ этимъ поджигателямъ и разбойникамъ, зазывать ихъ къ себѣ и угощать съ—притворной, конечно—„свободой, вѣрой, любовью, надеждой, радостью и счастьемъ“. Покуда начальникъ оравы не крикнулъ: „Вяра! (вѣра)

[1]) Dzieje, томъ 2, стр. 259.

на-конь!"—и покуда эти—то распространители „поддѣльной вѣры олигократовъ и охлократовъ" не выѣзжали за ворота или за деревню—деревенскій шляхтичъ, несмотря на свою саблю, приходской ксендзъ, крестьяне, мѣщане,—всѣ выстраивались передъ своими домами, съ шапками въ рукахъ, и *издали даже раскланивались съ этой оравой распространителей поддѣльной воинственной вѣры*, съ этими стражами безопасности куріализма и олигархіи—въ демократической республикѣ! Когда вся эта банда исчезала наконецъ изъ виду, дѣло было далеко не окончено: необходимо было разузнать, не остался ли кто—нибудь изъ мародеровъ случайно въ домѣ. Производились розыски, зачастую успѣшные: одинъ или двое изъ банды оказывались мертвецки пьяными; валявшагося въ такомъ состояніи изъ страха мести подымали, клали на возъ, мягко набитый соломой и, *въ качествѣ больного* отвозили въ ближайшій монастырь, ввѣряли *монахамъ* и получали росписку въ пріемѣ этого *„псевдоапостола"* и *„псевдопатріота"*. Только съ такой роспиской въ рукахъ, можно было успокоиться, хоть мало мальски, за свою судьбу и за судьбу своей семьи; тогда только можно было предположить, что происшедшее сдѣлано не съ цѣлью погубить человѣка, а просто, чтобы развѣдать и вышпіонить, хорошо ли данное лицо исповѣдуетъ притворную вѣру въ римскую курію; можно было надѣяться что послѣдній часъ жизни еще не пришелъ.

Часъ, два спустя, а иногда и позднею ночью, *снова слышались и звучали въ иномъ мѣстѣ пѣсни волчанъ:* пѣлись онѣ про Войцѣха, про Станислава, про крестоносцевъ римской куріи, про Збигнева, про короля Сигизмунда III, генерала псевдоотцовъ іезуитовъ, о его псевдолисовчикахъ, либо, наконецъ, о разныхъ тоже псевдосвятыхъ божкахъ, божествахъ и богиняхъ римскаго оракула. Пѣлось обо всемъ, *кромѣ инквизиціи и „неписанныхъ законовъ", о коихъ вовсе не упоминалось.*

„Намъ, вполнѣ понятно, горько и обидно писать о подобныхъ явленіяхъ", восклицаетъ польскій историкъ, но не было ли во сто кратъ хуже подчиняться этимъ „волчанамъ", пьяницамъ, грабителямъ, убійцамъ, *хотя куріальные монахи и находили вполнѣ естественнымъ не писать объ этомъ*; вѣдь даже и не рабы куріи боялись и до сихъ поръ опасаются писать и печатать о дѣлишкахъ этихъ волчанъ. Еще полъ-бѣды было, когда кто-либо слышалъ этихъ, съ шумомъ приближавшихся *пѣвцовъ мнимой вѣры въ римскую курію*, поддерживаемую огнемъ и мечемъ. Полъ-бѣды было услышать ржаніе ихъ коней, лязгъ ихъ оружія, ихъ громкія шутки,—ибо тогда, появляясь съ шумомъ передъ толпой, они не грабили, не убивали, не жгли никого, ибо такіе подвиги среди бѣла-дня возмутили бы всю округу, воеводство, весь край; но бѣда была тому, къ кому волчане подошли лѣсомъ, ночью, пѣшкомъ, тихонько, безъ шума и говора; тогда они окружали домъ, убивали всѣхъ, грабили, выносили все, поджигали домъ, приходскія строенія, овинъ или хату и исчезали безъ слѣда въ лѣсахъ, какъ таборъ цыганъ.

На другой день сосѣди окружали сожженный домъ помѣщика или ксендза, овинъ или хату. Они тужили и плакали надъ бѣдными погорѣльцами, удивляясь притомъ, какъ это никто не убѣжалъ изъ горящаго дома, никому не довелось спастись; и вещи, и люди равно стали добычей пламени... Тогда-то, откуда-то со стороны, неожиданно *„какъ изъ-подъ земли" появлялся куріальный римскій монахъ, сборщикъ пожертвованій, который,* скрестивъ руки на груди, произносилъ якобы пророческимъ голосомъ слѣдующее: „Это кара Божья за недовѣріе къ власти и авторитету римской куріи; кара и за то, что владѣлецъ сгорѣвшаго дома поклонялся *только Творцу*, а святѣйшаго отца не чтилъ надлежащимъ образомъ; за то еще, *что читалъ и держалъ у себя подлежащія церковному запрещенію и записанныя въ Индексъ книги*; за то, наконецъ, что онъ писалъ нѣкоторыя враждебныя римской куріи произведенія, не исповѣдывался, *ничего не желалъ жертвовать римской куріи.* Посему, по дѣломъ ему было, вмѣстѣ съ семьей, погибнуть въ дыму и пламени пожара; а послѣдній возникъ отъ *безшумной молніи*, а, можетъ-быть, и просто отъ неосторожности". Ослѣпленный такими рѣчами, да и безъ того тем-

ный деревенскій людъ—принималъ все это на вѣру, съ суевѣрнымъ трепетомъ выслушивалъ монаха, и впадалъ все въ большее умственное помраченіе и отупѣніе.

Тысячи самыхъ благородныхъ—т. е. самыхъ честныхъ, самыхъ безпорочныхъ семействъ за одно только, неосторожно вымолвленное, искреннее словечко противъ куріальныхъ епископовъ, аббатовъ, монаховъ, іезуитовъ и олигарховъ—тысячи эти погибли въ короткое время въ пламени, описаннымъ выше образомъ. *Отъ дѣятельности волчанъ погибло* больше славянъ, чѣмъ пало ихъ въ ближайшихъ шведскихъ войнахъ. Только нѣмцы, куріальные крестоносцы и лжелисовчики были, пожалуй, большими разбойниками, чѣмъ эти новые, іезуитами высланные дѣятели. Отсюда ясно, что нечего удивляться кому-бы то ни было, *да никто изъ разумныхъ и понимающихъ людей и не удивляется тому*,—что шляхта въ предѣлахъ Литвы и Лехіи (понятно, только *деревенская* шляхта, а не куріальные олигархи), желала съ той поры лишь одного, какъ окончательнаго спасенія отъ всѣхъ этихъ „*вельможъ*", именно: чтобы не желающій взять на себя роль слуги Рима—побѣдитель шведовъ подъ Полтавою, или, что одно изъ другого вытекаетъ,—защитникъ сѣверныхъ балтійскихъ береговъ отъ дальнѣйшаго нѣмецкаго *Drang nach Osten*,—Петръ I, однимъ словомъ, соединилъ-бы подъ своимъ славянскимъ скипетромъ Лехію, Литву и Русь, для совмѣстной обороны отъ точащихъ на нихъ зубы: австрійцевъ, бранденбургцевъ, саксонцевъ [1]). Въ 1620 г. поляки ополчились на турокъ въ защиту молдавскаго Господаря Граціана. Помогало имъ 6 тыс. казаковъ; но польское войско, предводительствуемое Жулкевскимъ, въ такой степени заражено было распущеннымъ и развратнымъ духомъ, что отрицало всякую власть надъ собой; въ результатѣ, добравшись поближе къ турецкому обозу—воинственная и славная конница польской шляхты [2])—въ большинствѣ—разсѣялась безслѣдно.

Жулкевскій, оставшись при небольшомъ отрядѣ, на голову разбитъ былъ турками, и самъ палъ въ сраженіи; другой гетманъ—Конецпольскій—со всѣмъ войскомъ своимъ уведенъ былъ въ плѣнъ. Послѣ этой побѣды, одержанной надъ Днѣстромъ 17 сентября 1620 г., султанъ принялъ рѣшеніе завоевать Польшу. Ни войска, ни денегъ, ни Жулкевскаго Польша въ то время уже не имѣла. Конецпольскій былъ въ плѣну, Ходкевичъ скончался въ походѣ. Нѣмецкій императоръ отказалъ дать ожидаемую помощь. Гибель казалась неизбѣжной для Польши. И помощь нашлась, однако! Она пришла отъ угнетенныхъ казаковъ и почти спасла дѣло. Сагайдачный явился на помощь съ 30,000 всадниковъ; благодаря чему, у поляковъ оказалось 75 тыс. войска, которому предстояло выдержать напоръ 300 тыс. турокъ. Богъ, желая дать полякамъ время исправиться, спасъ ихъ на этотъ разъ отъ турецкаго ига. Турецкій визирь, узнавъ, что въ польскомъ лагерѣ имѣется множество казаковъ, согласился на заключеніе мира въ моментъ, когда въ распоряженіи польскаго войска оставалась одна лишь бочка пороху [3]) Казалось бы, что при столь частыхъ и тягостныхъ внѣшнихъ войнахъ, Сигизмунду вмѣнялось въ обязанность подумать о покоѣ и порядкѣ внутри страны. А естественнѣе всего было ожидать, что казаки, помогавшіе полякамъ въ войнѣ съ Россіей и Турціей, забывъ на время о польскомъ гнетѣ—что казаки тѣмъ самымъ заслужили если не королевскую благодарность, то по крайней мѣрѣ достойны терпимаго отношенія къ ихъ религіи и народности. Но Сигизмундъ III рѣшилъ искоренить въ Польшѣ самое названіе, „казаки" и исповѣдуемое ими православіе.

---

[1]) Семейная хроника Петра изъ Патриковичей, герба Радванъ.

[2]) Развращенные, разнузданные солдаты не хотѣли повиноваться гетманскимъ повелѣніямъ. Оставленный надъ Днѣстромъ частью своихъ наѣздниковъ гетманъ палъ подъ Цецорой, заодно съ цвѣтомъ рыцарства. Dzieje... Т. 2, стр. 268.

[3]) Переговоры о мирѣ начались 28 сентября, когда въ польскомъ лагерѣ имѣлась всего одна бочка пороху; наконецъ, миръ былъ заключенъ 7 октября 1621 г. на прежнихъ условіяхъ Dzieje... Томъ 2, стр. 269—270.

Покуда былъ въ живыхъ энергичный гетманъ Сагайдачный (ум. 1622), совѣтчики Сигизмунда іезуиты, стараясь—и не безъ успѣха—распространить унію въ той части Руси, которая находилась подъ властью Польши—дѣйствовали, однако, осторожно, избирая болѣе мягкія мѣры. Едва умеръ Сагайдачный, они взялись за дѣло энергичнѣе. Прозванный подданными „королемъ іезуитовъ", Сигизмундъ III запретилъ казакамъ избирать себѣ своего гетмана; отдалъ ихъ подъ начальство польскаго короннаго гетмана, а казацкія имѣнія роздалъ *польскимъ панамъ*. Православіе получило кличку хлопской вѣры". *Исповѣдывавшіе эту религію не были допускаемы къ должностямъ*; требы въ церквяхъ могли совершаться только послѣ уплаты подати евреямъ, арендаторамъ церквей, даже пасхальныя яствы—пасха и куличъ покупались—обязательно казаками у евреевъ, съ печатью послѣднихъ. Поставленные два года до смерти Сагайдачнаго константинопольскимъ патріархомъ епископы, назначенные на осиротѣвшія русскія каѳедры, вынуждены были скрываться въ частныхъ домахъ, какъ это происходило во времена Діоклетіана [1]). Лаврентій Джевицкій попусту и безплодно представлялъ въ 1620 г. сейму и королю заявленіе о необходимости щадить и беречь Русь, хоть-бы по одному тому, что она-то образовывала большинство и ядро польскаго войска [2]). Попусту жаловался королю на насилія и притѣсненія и кн. Константинъ Острожскій, въ 1623 г., незадолго до смерти своей, отъ имени всего русскаго народа, *и предсказывалъ ужаснѣйшія для Польши послѣдствія отъ всего этого*. Даже самъ королевичъ Владиславъ обращался къ отцу съ просьбой объ уничтоженіи гнета надъ казаками [3]). Сигизмундъ ни на что не обращалъ вниманія, радуясь тому, что уже обратилъ въ унію и въ латинство до 2 мил. русскихъ [4]).

Удивленія достойно, что Россія, по заявленіямъ поляковъ, отъ нихъ получившая просвѣщеніе, не идетъ по ихъ стопамъ и, вернувъ уніатамъ православную церковь, еще понынѣ дозволяетъ латинскому духовенству вооружать ихъ противъ правительства и заявлять, что уніаты всегда принадлежали Риму. Любопытно знать, допустили ли бы поляки, чтобы въ захваченномъ ими городѣ уцѣлѣлъ памятникъ такого закоренѣлаго врага ихъ народности, какимъ Сигизмундъ III былъ для Россіи.

Одновременно съ православнымъ населеніемъ, преслѣдованіямъ Сигизмунда подвергались протестанты. Въ Краковской епархіи отнято у нихъ было до 40 церквей. А послушать, какъ нынѣшніе поляки кричатъ о необходимости религіозной терпимости,—теперь, когда нѣтъ у нихъ силы и власти давить и душить „схизматиковъ".

Величайшую помощь іезуитамъ въ проведеніи уніи оказалъ Іосифъ Кунцевичъ; уроженецъ Владиміра Волынскаго, крещеный по православному обряду подъ именемъ Ивана, Кунцевичъ, научившійся отъ отца польской и русской грамотѣ, посланъ былъ въ Вильну, гдѣ состоялъ приказчикомъ у купца. Живя гдѣ-то подлѣ православнаго монастыря Св. Троицы, мальчикъ часто хаживалъ къ монахамъ, бесѣдовалъ съ ними, пѣлъ, прислуживалъ въ церкви, а иногда даже звонилъ на колокольнѣ. Впослѣдствіи, когда монастырь былъ переформированъ въ уніатскій, Кунцевичъ познакомился съ іезуитами, съ коими быстро сошелся и сблизился. Они, усмотрѣвъ, въ немъ значительныя способности, уговорили его поступить въ монастырь и занялись его перевоспитаніемъ. Въ числѣ преподавателей находились: іезуиты Валентій Фабриціи и Габріель Грушевскій, впослѣдствіи ставшіе придворными проповѣдниками [5]). Въ 1604 г. Кунцевичъ все въ томъ же монастырѣ постригся въ монахи и сталъ рьянымъ піонеромъ уніи.

---

[1]) Dzieje, томъ 2, стр. 272—273.

[2]) Ibidem, томъ 2, стр. 271.

[3]) O Kozakach Pamietniki, стр. 307.

[4]) Жалобы приняты были съ неудовольствіемъ, ибо король снисходительно смотрѣлъ на всякое преслѣдованіе иновѣрцевъ. Такимъ то путемъ Сигизмундъ обратилъ въ католичество, либо въ унію до 2 мил. русскихъ. Dzieji, томъ 2, стр. 272.

Kulczynski, Monolog Bazylian, стр. 185.

Открывши въ Кунцевичѣ удобное и очень полезное орудіе для проведенія своихъ плановъ, іезуиты выхлопотали для него у Сигизмунда III назначеніе православнымъ епископомъ въ Полоцкѣ; это случилось въ 1617 г. Онъ подписалъ въ іезуитской коллегіи всѣ условія, на которыхъ ему сдавалась эта должность: онъ обязался со всѣмъ народомъ присоединиться къ уніи.

Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи преслѣдованія при насильственномъ совращеніи населенія, производимыя Кунцевичемъ, были ужаснѣе, чѣмъ въ Малороссіи [1]), и грозили самому ему скверными послѣдствіями. Предвидя это, Кунцевичъ искалъ помощи и защиты у Литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Изъ его нижеприводимаго отвѣта читатель убѣдится, что Польша быстрыми шагами стремилась къ упадку; а современные намъ уніаты узнаютъ, какими путями отцы ихъ были присоединены къ католицизму, насколько вообще, унія эта была добровольной.

Отвѣтъ Льва Сапѣги, канцлера литовскаго, на письмо полоцкаго архіепископа Іосафата Кунцевича, въ 1622 г. [2]).

„Не хотѣлось бы мнѣ входить въ переписку и споры съ Вашимъ Преосвященствомъ; но видя, какъ упорно настаиваете Вы на своемъ мнѣніи, и что никакіе доводы не въ состояніи Васъ отъ него отклонить, я, помимо своего желанія, принужденъ отвѣтить на Ваше бездоказательное письмо. Не отрицаю, что и самъ я приложилъ руку къ дѣлу уніи, бросить ее было бы неразуміемъ, но никогда мнѣ не приходило въ голову, чтобы Ваше Преосвященство вздумали бы присоединять къ ней людей столь насильственными способами. *Всевышній* призываетъ къ себѣ всѣхъ ласково: „Пріидите ко мнѣ всѣ и т. д.", но рабовъ, привлеченныхъ насиліемъ онъ имѣть не хочетъ и не принимаетъ. Вы этимъ непредусмотрительнымъ насиліемъ натолкнули, такъ сказать, принудили русскій народъ къ сопротивленію, къ нарушенію принесенной Его К. В. присяги (это относится къ отреченію Москвы отъ выбраннаго ею въ цари Владислава). Вамъ невозможно отрицать это, ибо Васъ убѣждаютъ ихъ письменныя жалобы высшимъ польскимъ и литовскимъ чиновникамъ.

„Развѣ Вамъ не извѣстно недовольство простого народа, которое сказывается въ томъ, что онъ предпочитаетъ быть въ турецкомъ подданствѣ, чѣмъ терпѣть подобное преслѣдованіе своей вѣры и богослуженія.

„По вашимъ словамъ, оказываютъ сопротивленіе уніи, лишь нѣкоторые монахи изъ епархій Борецкаго (митрополита Кіевскаго) и Смотрицкаго (архіепископа Полоцкаго), да нѣкоторые изъ кіевской шляхты. Но прошеніе подано королю не нѣсколькими чернецами, а отъ имени цѣлаго войска запорожскаго съ требованіемъ, чтобы Борецкій и Смотрицкій были утверждены въ ихъ епархіяхъ, а чтобы Вы, вмѣстѣ съ другими были удалены. Горе тому, кто легковѣренъ; эти обстоятельства представляются совершенно другими въ вышеупомянутыхъ жалобахъ. А мало ли мы получаемъ по этому поводу жалобъ на сеймахъ изо всей Украйны и Руси, не отъ нѣкоторыхъ только чернецовъ? Мало того, что казаки ожидаютъ въ Кіевѣ рѣшенія назначенной королемъ по данному вопросу, коммиссіи; вопросъ въ томъ, удастся ли это такъ какъ желательно! Результаты рѣшенія этой коммиссіи высказываютъ намъ лишь надежду на неизвѣстное до сихъ поръ благо; безразсудно поэтому *нарушать пагубнымъ насиліемъ* столь желанное соглашеніе, а тѣмъ самымъ и надлежащее королю повиновеніе. Вы, благодаря злоупотребленію своею властью и своимъ поступкамъ, *руководимые скорѣе легкомысліемъ* и личною ненавистью, чѣмъ любовью къ ближнему, вопреки святой волѣ и даже вопреки запрещенію Рѣчи Посполитой, были причиной и источникомъ *тѣхъ начальныхъ вспышекъ, которыя всѣмъ намъ грозятъ пожаромъ, или очень пагубнымъ или же все погло-*

[1]) O kozakach: pamiętniki 305 стр.
[2]) См. Wiszniewski. Hist. literatury polskiej.

щающимъ. Вы пишете, что и политика обращаетъ на нихъ вниманіе, а я прибавлю, что не только политика, но и правительство: ибо отъ ихъ повиновенія для страны больше пользы, *чѣмъ отъ Вашей уніи*. Поэтому *Вы обязаны власть свою и службу пастырскую приноравливать къ волѣ королевской и къ предначертаніямъ правительства*, зная, что власть Ваша ограничена, и что посягательство Ваше на то, что противно спокойствію и пользѣ общества, можетъ быть справедливо сочтено за оскорбленіе величества. Если бы Вы осмѣлились на нѣчто подобное въ Римѣ или Венеціи, то Васъ навѣрное научили бы тамъ, сколь надо считаться съ положеніемъ или политическими намѣреніями правительства. Вы пишете *о возвращеніи къ вѣрѣ отщепенцевъ* и т. д.; на самомъ дѣлѣ надо думать о ихъ склоненіи, стараясь, чтобы было едино стадо и единъ пастырь; но въ этомъ надо поступать разсудительно, сообразуясь съ обстоятельствами и съ временемъ, какъ въ дѣлѣ, зависящемъ отъ личной воли, особенно же въ нашемъ отечествѣ гдѣ вовсе не къ дому мораль: „принуждай ко вхожденію (*coge intrare*)“. Надо, чтобы рвеніе и требованіе всеобщаго единенія основывались на началахъ любви, по словамъ св. Павла; но, очевидно, Вы удались отъ ученія этого апостола; поэтому не удивительно, что Ваши подчиненные нарушили должное повиновеніе. Что же касается опасности для жизни Вашей, то можно сказать: *каждый самъ виновникъ своего несчастья*. Надо пользоваться удобными обстоятельствами, но не поддаваться неразумному увлеченію; особенно, когда дѣло касается вѣроисповѣданія—тогда начальники подвергаются многочисленнымъ опасностямъ. „*Я долженъ*“, говорите Вы, „*подражать епископамъ* и т. д.“; слѣдовать епископамъ въ мученичествѣ во славу Божью, нпр. Іоанну Златоустому и инымъ великимъ пастырямъ—вещь достойная хвалы, но *слѣдовать имъ надо также и въ вѣрѣ*, въ ученіи, въ терпѣніи и въ показываніи добрыхъ примѣровъ. Прочитайте житія всѣхъ богобоязненныхъ епископовъ, прочтите всѣ творенія Златоустаго,—Вы не найдете въ нихъ ни жалобъ, ни протестовъ, ни одного намека на процессы, столкновенія или судебныя свидѣтельствованія, ни на вызовы въ суды антіохійскій или цареградскій по поводу преслѣдованія, отрѣшенія отъ должности, лишенія жизни благочестивыхъ членовъ духовенства; Вы найдете тамъ лишь то, что умножаетъ славу Божію, возвеличеніе душъ человѣческихъ, и прощеніе Евдоксіи, разгнѣванной на служителей церкви. Обратимся теперь къ дѣяніямъ Вашего Преосвященства: у Васъ земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епархіальныя канцеляріи полны вызововъ, процессовъ, протестовъ; этимъ не только невозможно утвердить унію, но въ то же время *нарушаются въ обществѣ послѣдніе признаки единенія любовью; сеймы и всѣ учрежденія исполняются несогласіемъ и спорами* (что Риму за дѣло, что чуждыя ему народности грызутся между собой), Вы пишите, что они (апостолы и ревнители) не взирали *ни на короля, ни на императора* и т. д. Напротивъ, почитать ихъ слѣдуетъ по заповѣди Всемогущаго Бога: „*противляяйся власти—велѣнію Божію противляется: нѣсть бо власть иже не отъ Бога*“. Оттого и Христосъ сказалъ: „воздайте кесарево кесареви, Божіе—Богови“. При этомъ Вы, какъ и каждый, должны помнить, что всякій народъ соблюдающій велѣніе Божіе, обязанъ послушаніемъ волѣ царствующаго. „*Но, если*“, пишете Вы, „*невѣрные нагло наступаютъ на меня, то я мимовольно долженъ защищаться и т. д.*“ Истинно не такъ училъ Спаситель; Онъ, ведомый, какъ агнецъ на закланіе, имѣя для защиты своей сонмъ ангеловъ, молился за своихъ преслѣдователей; такъ надлежитъ поступать и Вашему Преосвященству. Обязанность мудреца—прежде, чѣмъ хвататься за оружіе, употребить всѣ средства благоразумія: не писать дерзкихъ писемъ на имя Его К. В., не отвѣчать угрозами, какъ Вы это дѣлаете; апостолы и иные святые никогда такъ не поступали. *Вы добавляете, что Вамъ можно топить уніатовъ, отрубать имъ головы и т. д.* Не такъ надлежитъ поступать съ ними потому, что Евангеліе Господне говоритъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“; эта заповѣдь всѣмъ мстителямъ относится и къ Вамъ. Сколько же апостоловъ, сколько учителей церкви, сколько христіанъ жи-

вотомъ своимъ запечатлѣли хвалу распятаго Господа; сколько ихъ претерпѣло за нее ужаснѣйшія муки! Однако, Вы не найдете въ твореніяхъ св. отцевъ ни одной жалобы, ни одного, конечно, судебнаго протеста противъ Нероновъ, Тиверіевъ или Діоклетіановъ: тамъ говорится лишь: „я съ радостью отошелъ отъ лица суда, какъ достойный пріять муки во имя Господа Іисуса". Вы еще пишете: *„на сеймахъ подымаются голоса вредные не только уніи, но и всему правовѣрному римскому духовенству и т. д."*. Кто же этому виноватъ? Одна унія является причиною всѣхъ этихъ несчастій. *Когда Вы насилуете человѣческую совѣсть, когда вы закрываете церкви, чтобы люди погибали, какъ невѣрные, безъ богослуженія, безъ христіанскаго обряда*; когда Вы самовольно злоупотребляете любовью и уваженіемъ Е. В., *то тогда вы обходитесь безъ насъ*; но, когда изъ-за беззаконій Вашихъ въ народѣ происходитъ волненіе, которое надо усмирить, *тогда зовутъ на выручку насъ*. Поэтому то и противная сторона полагаетъ даже, *что мы съ Вами вошли въ соглашеніе относительно насилованія человѣческой совѣсти и нарушенія общественнаго спокойствія*, чего никогда не было. Довольно того, что Ваше Преосвященство находитесь съ нами въ уніи; берегите ее для себя спокойно въ роли, къ которой Вы призваны, а не дѣлайте насъ предметомъ всеобщей ненависти, себя же не подвергайте опасностямъ и столь низкому въ глазахъ народа паденію.

„Относительно непріемлющихъ уніи", пишете Вы дальше, „надо издать указъ и изгнать ихъ изъ предѣловъ государства и т. д.". Сохрани Боже!" Да не совершится въ отечествѣ нашемъ столь великая несправедливость! Давно уже въ этихъ государствахъ введена святая римско-католическая вѣра, и *пока у нея не явилось подражательницы въ ея богослуженіи и въ подчиненіи Святому Отцу*, до тѣхъ поръ она *прославлялась любовью къ миру* и силою внутри и внѣ страны; теперь же, принявъ въ свое общество какую-то сварливую и неспокойную товарку, она изъ-за нея на каждомъ сеймѣ, на каждомъ народномъ собраніи, на каждомъ повѣтовомъ засѣданіи терпитъ различныя оскорбленія и кляузы. Казалось бы, что для общества было бы лучше и полезнѣе разойтись со столь драчливой товаркой, ибо у насъ въ отечествѣ никогда не было такихъ ссоръ, *какія намъ принесла съ собой сія распрекрасная унія. Христосъ не запечатывалъ и не закрывалъ церквей*. „Они", говорите Вы, „имѣя достойныхъ священниковъ и т. д.". Дай Боже, чтобы ихъ было достаточно; но недостаточно того, *что Вы ихъ сами хвалите*: собственная похвала всегда подозрительна. Надо, чтобы иновѣрцы, видѣли ихъ добрыя дѣла и, славя Отца, который на небесахъ, шли по ихъ стопамъ. Между тѣмъ, я слышу, какихъ священниковъ посвящаете Вы, т. е. такихъ, которые больше содѣйствуютъ разрушенію церкви, чѣмъ ея стройности. Со всѣхъ сторонъ обвиняютъ Васъ въ томъ, что у Васъ нѣтъ настоящихъ священниковъ, что они, по большинству, невѣжественны: такимъ образомъ Ваши попы ведутъ народъ къ погибели... *„Отдавать"*, пишете Вы, *„церкви на посрамленіе"*...; но запечатывать, закрывать церкви, издѣваться надъ кѣмъ-либо,—это пагубное нарушеніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Со всѣмъ этимъ покажите мнѣ, Ваше Преосвященство, кого Вы пріобрѣли, кого Вы снискали этою суровостью, этою рѣзкостью, этимъ запечатываніемъ и закрываніемъ церквей. Напротивъ, окажется, что Вы потеряли даже и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ находились въ Вашемъ подчиненіи: изъ овецъ Вы сдѣлали ихъ козлами, навлекли на страну опасность, а, *быть можетъ, и погибель* для насъ всѣхъ, католиковъ. Вмѣсто радости Ваша столь прославленная унія причинила намъ хлопоты, безпокойство, несогласія *и стала для насъ столь горькой*, то мы предпочли бы обойтись безъ нея, столько по ея винѣ мы терпимъ постоянныхъ тяжкихъ заботъ, горести и непріятностей. Вотъ плоды хваленой Вашей уніи. По истинѣ она является прекраснымъ поводомъ столькихъ столкновеній и споровъ между людьми и въ странѣ!

Ибо, если бы, отъ чего храни насъ Боже, отечество наше возстало бы *(къ чему Вы Вашею рѣзкостью открываете столь удобный путь)*, не знаю, что произошло бы

тогда съ Вашею уніей. „По крайней мѣрѣ“, пишете Вы, „далъ мнѣ съ этою цѣлью предписаніе Всевышній Пастырь, или его намѣстникъ и т. д.“; противиться Господу было бы проклятымъ покушеніемъ; но я смѣю настаивать, что, если бы Св. Отецъ зналъ, *какая неурядица происходитъ въ нашемъ отечествѣ по поводу Вашей уніи*, то безъ сомнѣнія согласился бы на то, чему Вы такъ упорно противитесь. У насъ есть примѣръ снисходительности этого Святого Отца, тамъ мудро относящагося въ нѣкоторыхъ государствахъ къ церкви Христовой (которой онъ—отецъ, а не отчимъ), что для общаго блага онъ разрѣшилъ тамъ многое, что *у насъ считается смертнымъ грѣхомъ*. Въ виду всего этого король приказываетъ церковь ихъ въ Москвѣ отпечатать и открыть, о чемъ сообщаю Вамъ по приказанію Е. В.; а если Вы этого по сему заявленію моему не учините, то я по приказу Е. К. В., самъ прикажу снять печати съ церквей и отдать имъ, чтобы они согласно своему обряду совершали богослуженіе въ этихъ церквахъ. Евреямъ и татарамъ разрѣшается въ королевскихъ странахъ имѣть свои синагоги и мечети, *а Вы запечатываете христіанскія церкви.*

По этому поводу вездѣ разносится слухъ, что они предпочитаютъ быть въ подданствѣ у невѣрныхъ турокъ, „Но“, отвѣчаете Вы, „справедливо ли было бы оказывать подобную снисходительность изъ-за гадательнаго будущаго спокойствія“? Не только справедливо это, но и необходимо, ибо *столкновенія въ обществѣ станутъ неизбѣжными*, если мы будемъ проявлять еще большее насиліе надъ ихъ богослуженіеъ. Отовсюду уже доносятся слухи, что они хотятъ навсегда порвать съ нами всякую связь. Что касается полочанъ и другихъ возстающихъ противъ Васъ, то, можетъ быть, это и такъ, но Вы сами довели ихъ до бунта; они были Вамъ во всемъ послушны, не оставляли Вашей церкви, Вы сами ихъ отъ себя отринули! Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многія другія крѣпости оторвала отъ насъ унія; да и теперь она является главною причиной, *что народъ московскій сторонится отъ королевича;* а это ясно видно изъ русскихъ писемъ къ членамъ Совѣта и другимъ начальникамъ Великаго Княжества Литовскаго. Поэтому мы не хотимъ больше, чтобы столь пагубная для насъ унія окончательно насъ уничтожила. Вотъ разъясненія по поводу Вашего письма. На будущее время желаю быть свободнымъ отъ споровъ съ Вами. Прошу лишь у Всевышняго всякихъ для Васъ удачъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духа мягкосердія и любви къ ближнему, оставаясь съ уваженіемъ. Въ Варшавѣ, 12 марта 1622 г.

Это письмо не произвело никакого впечатлѣнія на іезуита. Утверждая, *что онъ служитъ интересамъ Св. Отца, а не Польши*, а Отецъ Святой болѣе всего боится Восточной Церкви, Кунцевичъ распространялъ убійства все далѣе, а въ концѣ сентября 1623 года пріѣхалъ въ Витебскъ съ намѣреніемъ окончательно обратить его жителей въ унію; съ этой цѣлью онъ распространилъ дѣло преслѣдованія и истязанія русскихъ до такой степени, что это напоминало первые вѣка христіанства [1]. Кунцевичъ не только отобралъ у православныхъ всѣ церкви и выгонялъ изъ города священниковъ, не желавшихъ принадлежать къ уніи, но не позволялъ имъ совершать богослуженіе даже въ палаткахъ за городомъ, разрушалъ эти палатки, разгонялъ съ помощью уніатовъ и вооруженной стражи собиравшійся на молитву народъ. Мѣра терпѣнія народа исполнилась, и онъ подъ предводительствомъ членовъ городскаго совѣта рѣшилъ убить разбойника. 12 ноября, когда Кунцевичъ совершалъ службу въ Успенской церкви, его архидіаконъ Дороѳей подглядѣлъ священника, тайкомъ переплывшаго Двину и собиравшагося служить обѣдню въ палаткѣ; сателлитъ Кунцевича напалъ на священника, тяжело избилъ его палкой, приказалъ связать и запереть въ архіепископской кухнѣ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу и возмутила жителей, на звонъ вѣчевого колокола всѣ: мужчины и женщины, старцы и дѣти сбѣжались къ архіепископскому дому и

---

[1]) Goworski. Józefat Kuncewicz.

напали на него, освободили своего священника, перерубили епископскую стражу и прислугу вмѣстѣ съ архидіакономъ Дороѳеемъ. Затѣмъ народъ ворвался въ комнату, куда только что вернулся изъ церкви Кунцевичъ и съ криками: „бей паписта, бей душегубца!" убилъ его; потомъ, выволокши трупъ на берегъ рѣки, бросилъ его въ воду. Рыбаки перевезли тѣло епископа въ глубокое мѣсто Двины, называемое Песковатикомъ, куда сваливались нечистоты; привязавъ камни къ головѣ и ногамъ трупа, они пустили его ко дну.

На третій день, когда народъ немного успокоился, тѣло было по приказанію замковаго каштеляна отправлено на лодкѣ въ Полоцкъ, гдѣ положено было въ каѳедральномъ соборѣ. За преступленія и за несчастья, доставленныя Польшѣ, папа Урбанъ VIII причислилъ Іосафата къ лику святыхъ. Гробъ съ его тѣломъ находился въ соборѣ вплоть до взятія Полоцка войсками Алексѣя Михайловича. Когда его войска подошли къ городу, архіепископъ Селлява овладѣлъ этой драгоцѣнной для поляковъ реликвіей (какъ памятью начала ихъ упадка) и вмѣстѣ съ гробомъ бѣжалъ въ Литву. Гробъ этотъ сначала находился въ Жаровицахъ, потомъ въ Замостьѣ, наконецъ, по возвращеніи Полоцка полякамъ, гробъ вернулся въ Полоцкъ. Базиліанскіе монахи во всеуслышаніе объявляли, что въ гробу этомъ находятся нетлѣнныя мощи святаго Іосафата *который* и послѣ смерти *продолжаетъ по прежнему защищать интересы поляковъ*. (Всѣ святые не только не защитили Польши, но отвернулись отъ нея). По возвращеніи въ послѣднее время уніатовъ къ православію, гробъ былъ перенесенъ изъ храма въ притворъ и тамъ раскрытъ при многихъ свидѣтеляхъ; въ немъ оказался кусокъ отвердѣвшей ткани, уцѣлѣвшій отъ платья, и клокъ волосъ; тѣло и кости обратились въ пыль. Этотъ священный прахъ поляки чтутъ однако, какъ послѣднее воспоминаніе о своемъ величіи и независимости. По смерти Іосафата папа Урбанъ VIII повелѣлъ королю Сигизмунду строго наказать убійцъ святого, угрожая проклятіемъ тому, „*кто откажется омочить мечъ въ крови убійцъ*". Папа предписываетъ притомъ расточать огонь и удары меча на гибель еретиковъ и схизматиковъ, противящихся намѣстнику Христову. Сигизмундъ, покорный слуга папы, выслалъ въ Полоцкъ вооруженную коммиссію, во главѣ коей стоялъ Левъ Сапѣга. Хотя самъ Сапѣга въ письмѣ къ Кунцевичу винилъ его за то, что русскій народъ доведенъ имъ до отчаянія; хотя онъ и предупреждалъ, что отсюда можетъ проистечь и проистечетъ неизбѣжное и печальное послѣдствіе не для него одного, но и для всего польскаго народа — тѣмъ не менѣе, во исполненіе нерушимой папской воли, онъ велѣлъ перерѣзать 100 выдающихъ полоцкихъ гражданъ. Ихъ имущество, конечно, конфисковали.

ГЛАВА II.

Если-бы Муравьевъ Виленскій обладалъ болѣе сильнымъ характеромъ и поступалъ бы съ поляками, какъ Кунцевичъ съ русскими, то онъ имѣлъ бы право быть причисленнымъ къ лику святыхъ; но въ виду того, что ничего подобнаго не было и въ поминѣ, и что Россія поступала съ поляками согласно ученію Спасителя, то и нынѣ еще поляки подняли крикъ противъ Россіи (вслѣдъ за появленіемъ книги гр. Леливы „Польско-русскія отношенія") за „насильственное оправославленіе" польскихъ крестьянъ. Графъ Лелива ставитъ въ упрекъ русскому правительству, что оно стремится къ возвращенію въ лоно православной церкви тѣхъ крестьянъ, отцы коихъ были при посредствѣ пытки совращены поляками въ римскую ересь. Графъ Лелива хотѣлъ-бы предать забвенію тѣ времена, когда литовско-русскіе магнаты, изъ жажды почестей и должностей, добровольно отрекались отъ вѣры Христовой и принимали римское исповѣданіе, крестьянъ же принуждали къ тому силой. Этихъ, силою вынужденныхъ къ признанію папы барановъ, графъ весьма предупредительно называетъ

католиками или Поляками, возвращеніе-же ихъ въ лоно вѣры ихъ отцовъ называетъ насилованіемъ ихъ совѣсти! Насилія, учиненныя Кунцевичемъ и ему подобными, графъ, нынѣ римскій католикъ, т. е. папистъ, называетъ политическою борьбою партій, которую онъ объясняетъ тѣмъ, что при Стефанѣ Баторіи шляхта, желая сохранить политическую свободу и независимость католицизма, возстала противъ королевской власти; казачество-же (исповѣдующее холопскую вѣру) осталось вѣрнымъ королю, и о него-то долженъ былъ опереться король. Но, разъ попробовавши найти опору на Руси, королевская власть дискредитировала себя въ глазахъ тогдашнихъ представителей государства, т. е. шляхты. Такимъ образомъ отъ того времени, когда польскіе короли, начавъ борьбу съ защищавшею свое своеволіе *польско-шляхетской олигархіей* рѣшили опереться *„на основахъ монархическаго теченія“*, т. е. на казачествѣ, отъ того времени въ чисто-государственную борьбу вводятся совершенно посторонніе ей элементы: національный и религіозный [1]). Дальше графъ пишетъ: „Съ этого момента рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ между двумя народностями наступилъ на вѣчныя времена Борьба усиливается и принимаетъ характеръ жестокости. Казачество, *въ качествѣ защитника трона и монархической власти* въ польскомъ государствѣ, въ глазахъ польской шляхты, стремившейся къ главенству на сеймахъ, *представлялось въ видѣ толпы варваровъ, оскверняющей народную политическую святыню*; а потому-то казачество не заслуживало никакого сожалѣнія. Тутъ именно скрывается причина неисчислимыхъ *нарушеній торжественныхъ клятвъ, обѣщаній и договоровъ, арестовъ, несмотря на охранныя грамоты, убійствъ пословъ и заложниковъ и другихъ звѣрствъ.* Это принудило гетмана Хмѣльницкаго къ обращенію ко всѣмъ крестьянамъ Рѣчи Посполитой съ воззваніемъ къ возстанію всѣхъ ихъ безъ различія вѣры въ защиту короля противъ разбойничьей шляхты“ [2]).

Графъ Лелива считаетъ вполнѣ правильнымъ со стороны польской шляхты истязаніе русскихъ крестьянъ и казаковъ за то, что *они осмѣлились стоять на сторонѣ короля*, а не шляхты, что было-бы, вѣроятно, желательнымъ и нынѣ для такихъ мыслителей, какъ графъ Лелива, который упрекаетъ русское правительство въ томъ, что оно желаетъ опереться не на измѣннической шляхтѣ польской, а на крестьянахъ; что оно на этомъ основаніи предпочло бы, чтобы крестьяне возвратились къ „хлопской вѣрѣ“, воспрещающей нарушать присягу, а не оставались-бы въ навязанной имъ вѣрѣ іезуитско-шляхетской. Сознавая странность своихъ воззрѣній на исторію, графъ заявляетъ [3]), что „въ виду того, что общее право, управляющее общественною жизнью — вообще и государственною — въ частности, до сихъ поръ не выяснилось и не установилось, мы принуждены вступить на совершенно новый путь“ [4]).

Вступивъ на этотъ путь и называя вѣру своихъ отцовъ холопской вѣрой, гр. Лелива опровергаетъ историческія данныя, требуя, чтобы и ему, *нынѣ приверженцу* папской непогрѣшимости, вѣрили на слово; онъ пишетъ: „Различные русскіе и даже польскіе историки обвиняютъ въ этомъ несдержанность, самоволіе и житейскую безпорядочность польской шляхты. Эти заявленія чрезмѣрно поверхностны и лишены научныхъ данныхъ“.

Какія-же это научныя данныя опровергаютъ историческіе факты, приведенные выше самимъ-же графомъ? Астрономія, математика, или кулачное право; быть можетъ наука въ изложеніи іезуитовъ? Это на подобныхъ-то научныхъ данныхъ червоный шляхтичъ [5]) основываетъ превосходство польской цивилизаціи надъ русской? Графъ

---

[1]) Стр. 200—201.

[2]) Стр. 203.

[3]) Стр. 194.

[4]) Стр. 195.

[5]) Польская аристократія именовалась «червоной шляхтой».

Лелива воспѣваетъ доблести польской шляхты: „она гордится внутренними своими достоинствами, сохраненіемъ въ ней высшихъ общественныхъ обязанностей, чести приличія, любезности, семейною добродѣтелью, она свято выполняетъ обязанности по отношенію къ роднымъ, къ отечеству; она отличается уваженіемъ общечеловѣческихъ правъ, стремленіемъ къ прославленію защитниковъ и приверженцевъ христіанства". Свое мнѣніе обо всемъ этомъ графъ Лелива, вѣроятно, основываетъ на замурованіи поляками живьемъ казацкаго гетмана Косинскаго и на сожженіи въ мѣдномъ быкѣ казацкихъ пословъ, вызванныхъ на сеймъ, и ихъ гетмана Наливайко, а также на нарушеніи клятвъ, о чемъ самъ графъ говоритъ на стр. 203. Откуда-же произошла въ Польшѣ эта шляхта передъ которой благоговѣетъ г. Лелива?

До введенія въ Польшу латинской вѣры шляхты тамъ не было, а были князи и жупаны. Шляхту-же завели Нѣмцы вводившіе въ Польшу католицизмъ, для распространенія котораго употреблялось ими, не слово Евангелія, а насиліе. Для такихъ увѣщаній нѣмецкіе миссіонеры нуждались въ помощникахъ, которыхъ набралось достаточно изъ числа бродягъ говсяка рода, промышлявшихъ въ Польшѣ разбоемъ и грабежемъ. и-то лица, не затрудня вшіеся рѣзать сопротивляющихся принятію новой вѣры, названы Нѣмцами шляхтой, отъ слова „schlachten" (рѣзать).

Чтобы рѣшиться говорить во всеуслышаніе то, что говоритъ выше графъ Лелива о доблестяхъ разбойничьей шляхты, необходимо, въ самомъ дѣлѣ вступить на путь, неизвѣстный доселѣ историкамъ, на что можетъ рѣшиться лишь ученикъ іезуитовъ, принадлежащій къ той же достойной шляхтѣ, которая считаетъ варварами, лишенными права на покровительство закона, тѣхъ, кто сохраняетъ вѣрность своему монарху, Цивилизація-же и ученость поляковъ основывается на чтеніи тѣхъ лишь сочиненій. которыя разрѣшитъ къ чтенію ксендзъ. Равнымъ образомъ университетъ и академія, управляемые іезуитами, не имѣли ничего общаго съ просвѣщеніемъ и наукой, которую папы преслѣдовали; они служили лишь къ совращенію молодежи съ разумнаго пути, доводомъ чего служатъ и по настоящее время мечтанія и стремленія польской шляхты

Исторія, которой графъ не признаетъ, гласитъ что „со времени царствованія Сигизмунда III начала падать истинная наука, вмѣсто коей появилась, достойная смѣха, болтовня успащенная латынью"... [1]). Для примѣра приводимъ здѣсь письмо короля Станислава Августа, какъ образецъ польскаго стиля въ 18 вѣкѣ.

Письмо Станислава I къ Северину Ржевускому, коронному подчашему, отъ 27 августа, 1734 г.

„Stanislaw I z Bożej Łaski Król Polski, Wielki Xiąze Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Zmudzki, Kijowski, Wolyński, Podolski, Podlaski, Inflantski, Smolenski, Siewierski i Czernichowski".

„Urodzony uprzejmie nam mily!

„Oczywista próba staropolskiej cnoty, ku nam wierności, ku Ojczyźnie miłości, w osobie wierności naszej elucescit, kiedy w teraźniejszych sociato foedere na Ojczyznę następujących nieszczęśliwościach, vivum incensum krwi i życia swego dla salwowania periclitantis Religionis et Libertatis, przez przyjętą na siebie funkcye marszalkowstwa konfederackiego w ziemi swojeí sakryfikowałeś; za co nie tylko wierność wasza u nas na dalszy czas laskę pozyskałeś, ale też venturis saeculis slawę imienia swego pamięci podałeś. Że zaś X-że Elektor Saski nie przestaje ad jus imperii absolutnej wladzy swojej pociągać wolnego narodu, i owszem, przy potencyi wojsk nieprzyjacielskich, per caedes civium et depopulationem kraju, chce przymusić ad deforme obsequium, My zaś z samej dyspozycyi P. Boga, wolnemi wierności waszych glosami będąc obrani i na tronie Polskim posadzeni szczególnie i dla jedynej tej ojczyzny miłości przyjąwzy gubernacula Regni, wszelkie na to impendimus

[1]) Ист. Ѳ. Ваги, стр. 289.

curas, te etiam posteritati szkodzące chcąc tollere consequentias, przez uniwersały nasze czas publico consilio naznaczyliśmy. Obligujemy tedy łaską naszą wierność WMci, abyś sam z swymi konsyliarzami na czas w uniwersale determinowany do wojska pośpieszył, i tam do generalnej kontrybuował konfederacyi, gdzie i my lub osobą naszą lub przez komisarzów naszych comparebimus, chcąc uniri sacre vinculo z Stanami Rzpltej. Takiemi aktami bowiem zawsze in extremis przecież salwowała się ojczyzna, choć cięższemi perturbatur rewolucyami. Przyjazne potencye widząc unitam Rplcam, pomagać będą per diversionem armorum, jakoż już skolligowani z nami Monarchowie szczęśliwie i skutecznie dopomagają, znaczne z nieprzyjaznych nam potencyi otrzymawszy i otrzymując wiktorye. I inne emolumenta z tej konfederacyi pro bono publico tanquam ex fonte uberrimo wynikną. Sława narodu polskiego extendetur, unio confirmabitur, ojczyzna i wolność salvabitur, lachrymae gementis populi detergentur. Nie wątpimy tedy o wierności waszej, że pośpieszysz ad hanc vineam obrad tak potrzebnych, a my pamiętni tej ochoty będziemy.

Dan d. 20 Augusta a. D. 1734 panowania naszego roku 2-go.

Stanislaw Król.

Urodzonemu Rzewuskiemu Podcz. Kor. Marszalkowi ziemi Chełmskiej, uprzejmie nam miłemu.

Въ переводѣ это письмо представляется такъ

„Родной и весьма намъ любезный!

„Очевидный образецъ старопольской добродѣтели, къ намъ вѣрности, ко Отчизнѣ любви, въ нашей особѣ elucescit, когда въ теперешнихъ sociato foedere на Отечество наступающихъ несчастіяхъ, ты *сакрификовалъ* vivum incessum крови и живота своего для *салвованія* periclitantis Religionis et Libertatis черезъ принятіе на себя функцій конфедерацкаго маршальства въ землѣ твоей, за это вѣрность ваша у насъ и впредь благосклонность пріобрѣла, но и venturis seculis славу имени своего ты передалъ памяти. А поелику Князь избиратель Саксонскій не перестаетъ ad ius imperii абсолютной власти своей подчинять свободный народъ, и, напротивъ, при потенціи непріятельскихъ войскъ per caedes civium et depopulationem края, хочетъ принудить ad deforme obsequium, Мы же по самой диспозиціи Господа Бога свободными вѣрностей вашихъ голосами будучи избранными и на тронъ польскій посаженными, особенно и изъ за единной къ этой отчизнѣ любви принявъ gubernacula Regni, всякія къ тому impendimus curas, te etiam posteritati вредящія желая tollere consequentias универсалами нашими время publico consilio мы назначили. Облигуемъ тогда нашею милостью вашей милости, чтобы ты самъ со своими совѣтниками во время въ универсалѣ указанное поспѣшилъ къ войску и тамъ контрибовалъ генеральной конфедераціи, гдѣ и мы или особой нашей или черезъ нашихъ комиссаровъ comparebimus, желая uniri sacro vinculo съ сословіями Рѣчи Посполитой. Такими актами вѣдь всегда in extremis сальвовалась отчизна, хотя и болѣе тяжкими perturbatur революціями. Дружественныя потенціи видя unitam Rplcam будутъ помогать per diversionem armorum, какъ уже сколлигованные съ нами Монархи счастливо и удачно помогаютъ, одерживая значительныя викторіи надъ непріязненными намъ потенціями. И другія emolumenta истекутъ изъ этой конфедераціи pro bono publico tamquam ex fonte uberrimo. Слава польскаго народа extendetur, unio confirmabitur, отчизна и свобода salvabitur, lachrymae gementis populi detergentur. Не сомнѣваемся тогда въ вѣрности вашей, что поспѣшишь ad hanc vineam столь нужныхъ совѣщаній, а мы будемъ памятны о семъ желаніи.

Данъ дня 20 августа 1734 г., царствованія же нашего 2-го.

Станиславъ Король“ [1]).

---

[1]) См. Kronika Podhorecka Leona hr. Rzewuskiego.

Такъ процвѣтала польская стилистика въ послѣдній періодъ польской самостоятельности.

О просвѣщеніи поляковъ въ цвѣтущемъ XVI вѣкѣ слѣдующимъ образомъ пишетъ въ 1565 году въ своемъ донесеніи въ Римъ папскій нунцій Фульвій Руджіери (Ruggieri).

„Изо всѣхъ заальпійскихъ народовъ—поляки, быть можетъ, лучше всѣхъ; въ особенности шляхта—любезная, вѣжливая, гостепріимная. Хотя поляки понятливы, но они *не входятъ въ болѣе глубокое познаніе вещей; они легче научаются тому, что уже открыто, чѣмъ сами задаютъ себѣ трудъ открыть что-либо въ наукѣ или искусствѣ и не стремятся достигнуть въ чемъ-либо совершенства;* это, быть можетъ, потому, что *слишкомъ предаются удобному и веселому образу жизни,* что они заняты военнымъ искусствомъ и земледѣліемъ или что они склонны къ тяжебничеству и любятъ покровительствовать друзьямъ. *Ремесла также не весьма процвѣтаютъ въ Польшѣ,* ибо ими занимаются почти исключительно нѣмцы, которыхъ тамъ такъ много, что *во многихъ мѣстахъ слышенъ исключительно нѣмецкій языкъ;* всѣ инструменты даже носятъ нѣмецкія названія.

„По этимъ то причинамъ, а также потому что въ Польшѣ *не процвѣтаютъ теперь науки,* какъ это было тому 170 лѣтъ тотчасъ по основаніи Краковской Академіи, тутъ *не много ученыхъ*".

Вотъ, что пишетъ о просвѣщеніи своихъ соотечественниковъ историкъ Бобжинскій [2]). „Еще въ XVI вѣкѣ Польша не имѣла иной литературы, кромѣ латинской Общеобразованныхъ, ко всему причастныхъ людей было въ Польшѣ достаточно; но истинно-образованнаго естественника, врача, техника, юриста почти нельзя было встрѣтить, ибо рѣдко у кого была возможность, охота и средства получить за границей подобное спеціальное образованіе. Сыновья богатыхъ пановъ, отправившись за границу, искали тамъ обыкновенно лишь общаго образованія (обезьянничанія) и внѣшняго лоска.

„Существовавшія въ Польшѣ школы, основанныя и содержимыя различными орденами, должны были служить цѣлямъ церкви, т. е. Риму, а потомъ уже цѣлямъ просвѣщенія. Каждая школа воспитывала ревностнѣйшихъ приверженцевъ своего исповѣданія, *учила ненависти къ другимъ,* приготовляла къ борьбѣ, посвящала время и силы молодежи, безо всякой мѣры, обученію религіи и церковной практикѣ". Притупленная такимъ образомъ молодежь представляла верхъ польскаго просвѣщенія, служа посмѣшищемъ здравому народному разсудку.

Вотъ доводы просвѣщенія и цивилизаціи, которую поляки якобы прививали въ Россіи; надо обладать бóльшимъ нахальствомъ, чѣмъ самомнѣніемъ, чтобы утверждать нѣчто подобное.

На самомъ же дѣлѣ истинное просвѣщеніе въ Польшѣ стало вводиться лишь подъ руководствомъ русскаго правительства, послѣ перваго раздѣла Польши, какъ это говоритъ польскій патріотъ, д-ръ Людовикъ Финкель, авторъ сочиненія: „О конституціи 3-го мая", изданномъ въ Краковѣ въ 1891 году; вотъ что онъ говоритъ: „Надобно было такого несчастія (раздѣла Польши), потери большихъ провинцій, чтобы вѣковые призывы дошли до людскихъ сердецъ. И теперь, увы, надо это признать со стыдомъ и горемъ, осталось много закоренѣвшихъ въ заблужденіяхъ; но лишь слѣпой не замѣтилъ бы, что около тѣхъ, кто стремился къ исправленію нравовъ, собирался кружекъ все болѣе расширяющійся'

„Даже на этомъ несчастномъ сеймѣ (1773 г.), котораго нельзя вспомнить безъ негодованія, сдѣлано было нѣсколько постановленій, обѣщавшихъ измѣненіе къ лучшему. Къ королю былъ приставленъ Постоянный Совѣтъ, состоявшій изъ 36 человѣкъ и являвшійся началомъ кое-какого правительства, болѣе или менѣе сильнаго, ибо въ немъ засѣдало достаточно добродѣтельныхъ, хорошихъ и любившихъ отечество гражданъ.

---

[1]) „Dzeje Polski" т. 2, стр. 102.

„Король привлекалъ ихъ къ себѣ; вмѣстѣ съ ними обдумывалъ онъ средства противъ тогдашняго состоянія мертвенности и упадка. Ближе всего къ ихъ сердцу лежало воспитаніе молодежи, ибо было уже извѣстно, сколько истинныхъ гражданъ приготовила Польшѣ частная школа ксендза Станислава Конарскаго (основанная въ 1740 г.) и школы его преемниковъ. На томъ же сеймѣ была учреждена *образовательная комиссія*, въ составъ которой вошли: кн. Михаилъ Понятовскій, бывшій затѣмъ примасомъ Іоакимъ Хрептовичъ, Игнатій Потоцкій, кн. Адамъ Чарторійскій, Андрей Замойскій и другіе... Это были самые порядочные, самые почтенные люди того времени въ Польшѣ; всѣ они поняли величіе задачи, которую они на себя приняли, и горячо взялись за дѣло. Спеціальные инспекторы объѣзжали школы. Молодой ксендзъ Гуго Колонтай, посланный въ Краковъ, изучилъ нѣкогда знаменитую, но въ послѣдніе два съ лишнимъ вѣка упавшую Краковскую академію, и нашелъ для нея способныхъ профессоровъ, изъ коихъ многіе, въ особенности Янъ Снядецкій, вскорѣ прославились ученостью и хорошимъ преподаваніемъ. Въ 1776 году образовалось особое общество, которое занималось составленіемъ и разсмотрѣніемъ школьныхъ книгъ. Во главѣ этого общества всталъ Игнатій Потоцкій; вмѣстѣ съ нимъ работалъ ксендзъ Григорій Пирамовичъ и много образованныхъ людей. Изъ всеобщаго застоя нарождалось новое поколѣніе мыслящихъ гражданъ. Въ это-то время въ кадетской школѣ росли и воспитывались Ѳаддей Костюшко, Юліанъ Урсынъ-Нѣмцевичъ и многіе другіе, коихъ имена прославились на четырехлѣтнемъ сеймѣ и оттолѣ запечатлѣлись въ нашей памяти".

Въ виду того, что новую конституцію 1773 года гарантировала передъ другими державами Россія, то представитель ея болѣе всего настаивалъ на введеніи просвѣщенія въ странѣ, а особенно же на томъ, чтобы *возможно скорѣе были изданы элементарныя книжки для молодежи*, для чего и было образовано вышеупомянутое спеціальное общество.

Итакъ мы видимъ, что нынѣшнею своею просвѣщенностью Польша обязана Россіи; каково же было положеніе Польши до взятія ея подъ опеку Россіей,—объ этомъ тотъ же авторъ говоритъ:

„Прежде Польша была сильна и уважаема; ей кланялись другія государства. Чехія, Венгрія, а потомъ и Москва приглашали королевскихъ сыновей на свой тронъ. Создавались многочисленныя и богатыя поселенія, деревни и города; панъ жилъ широко, мужичекъ въ достаткѣ, а мѣщанинъ—прекрасно.

„Изъ исторіи извѣстно о тѣхъ вѣкахъ, когда послѣ Казимира Великаго сѣли на тронъ польскій Ягеллоны, когда Литва соединилась съ Польшей въ одно государство, Инфлянты сами поддались Сигизмунду Августу, Баторій и Сигизмундъ III шли побѣдоносно въ глубь московскихъ земель (не слѣдовало соваться въ чужое). Янъ III разбилъ подъ Вѣной турокъ.

„Но стали наступать худыя времена. Долго описывать и больно (ибо надо задѣть Римъ), какъ это случилось и отчего это произошло.

„Причинъ этому было много, но самою тяжкою было вѣроятно общественное своеволіе, т. е. праздная жизнь, болтовня и пирушки, неподчиненіе законамъ, ослабленіе королевской власти, несогласія и раздоры. Это, поистинѣ, была болѣзнь, которою занемогъ весь народъ; недугъ, тѣмъ болѣе опасный, что поддались ему именно тѣ, которые должны были просвѣщать народъ благими примѣрами, быть для него образцомъ, защитникомъ и руководителемъ. Вмѣсто того, чтобы работать на землѣ вмѣстѣ съ народомъ, вмѣсто того, чтобы стать подъ знамена и бороться съ врагами, польская шляхта, которая столько времени была цвѣтомъ и щитомъ народа, стала избѣгать войнъ, искать удобствъ, предалась гнусному, развратному образу жизни, заботилась не о благѣ отчизны, а о своихъ выгодахъ и успѣхахъ; тогда общество было охвачено точно заразой.

„Никогда тунеядство не приводитъ людей къ добру, ибо изъ него, какъ изъ нечистаго источника плывутъ всякіе пороки. Вмѣсто добрыхъ нравовъ и святыхъ добродѣтелей, которыми гордились древніе поляки, начали вкореняться свары и вредные пороки; во всей странѣ размножились пьяницы и гуляки всякаго рода. Забыли поляки о лучшихъ цѣляхъ жизни, объ обязанностяхъ по отношенію къ отечеству, о стремленіи къ добру всѣхъ обитателей земли польской, теряли время въ кутежахъ и сборищахъ, прославляли забіакъ и негодяевъ, умѣющихъ лихо выпить,—вмѣсто того, чтобы прославлять людей трезвыхъ, доблестныхъ и добрыхъ. „Ѣли, пили, распускали поясъ“, какъ говоритъ пословица, относящаяся къ этимъ грустнымъ временамъ.

„Въ странѣ тоже мало было толку, не было тамъ ни порядка, ни справедливости, ни стражей порядка; за то часто происходили разбои, убійства, наѣзды и грабежи, прелюбодѣянія, клятвопреступленія и много другого. Лучшіе люди убѣгали въ свои сельскія имѣньица, оставляя мѣсто тѣмъ неспокойнымъ, которыхъ не могли одолѣть. Не было тоже кому вводить порядокъ, ибо всякая власть давно уже ослабѣла въ Польшѣ, а король былъ не чѣмъ инымъ, какъ куклой. И вправду неизвѣстно, дурные-ли обычаи способствовали упадку власти, повиновенію законамъ и обычаямъ, или же ослабленіе королевской власти и ея распоряженій содѣйствовало порчѣ нравовъ, или же, наконецъ, что вѣрнѣе всего, и то и другое шло рука объ руку, ибо злые люди и дурные обычаи всегда взаимно другъ другу помогаютъ; на гнилой почвѣ выростаетъ грибъ и ядомъ заражаетъ землю.

„Въ тѣ злосчастныя времена задумывался надъ пороками польской шляхты и устраненіемъ оныхъ также и Стефанъ Гарчинскій, познанскій воевода, который на гродненскомъ сеймѣ 1726 г. предложилъ основать учрежденіе подъ названіемъ: „Главный коронный трибуналъ“, цѣлью коего было бы возстановить *правосудіе въ государствѣ, искоренить презрѣніе къ закону, подкупы, подлоги, распутство*, которыми заражены были *сами судьи*. Съ рѣдкимъ въ ту разбойничью эпоху мужествомъ Гарчинскій представилъ картину болѣзни, подтачивавшей государственный организмъ: *всеобщее невѣжество*, распутство и безпорядокъ, эксплуатированіе общественнаго дѣла для удовлетворенія сластолюбія, роскоши и расточительности, ужасный упадокъ простонародья, его униженіе и нужду, города въ нищетѣ и развалинахъ, пренебреженіе сельскимъ хозяйствомъ и плохое состояніе дорогъ, безцѣльныя проволочки и т. д.“ Призывалъ онъ шляхту къ просвѣщенію, къ исправленію нравовъ; онъ указывалъ ей на необходимость уничтожить злоупотребленія и на способы сдѣлать это... Все это ни къ чему не привело, и посторонняя сила оказалась въ концѣ концовъ необходимою для установленія порядка.

„Еще въ началѣ, когда в. князь литовскій Ягелло овладѣлъ польской короной литовцы, введенные имъ въ Польшу, нѣсколько облагородили польскій народъ, и во время Ягеллоновъ, Польша процвѣтала. Но это продолжалось лишь пока поляки не взялись за искорененіе христіанства и введеніе насильственнымъ путемъ католицизма на Литвѣ и Руси. Въ походѣ, римской куріи противъ истинной Христовой вѣры, Польшѣ предстояло пасть первою подъ громами христіанскаго Бога. Іезуитамъ въ частности, а Риму вообще обязана Польша своей безнравственностью, своимъ невѣжествомъ; они вызвали ея паденіе. Вотъ какъ это описываетъ польскій историкъ Лелевель:

„Въ продолженіе 70 лѣтъ (1647—1717) не уцѣлѣло и пяди земли, которая не была бы многократно обрызгана кровью. Истерзанная страшнымъ опустошеніемъ, пораженная всяческими страданіями страна—уже стала иною. Пали города, обратившись въ жалкія деревни; благодаря обезлюденію, исчезли источники богатства, прервались средства къ обогащенію. Тогдашняя торговля, производимая на истощенной почвѣ, едва могла равняться трети прежней торговли; ибо именно во время этихъ бѣдствій, другія страны пользовались отдохновеніемъ, выйдя по большей части побѣдительницами изъ борьбы съ римской партіей; онѣ занялись хозяйствомъ; земледѣліе и торговля не-

ожиданно поднялись. Въ Польшѣ же въ опустошенныхъ жадными владѣльцами селахъ и деревняхъ, принимались всѣ мѣры къ тому, дабы хотя недопустить поля зарости сорною травой. Напряженный трудъ смѣнилъ, такимъ образомъ, убыль рабочихъ рукъ; онъ обременилъ крестьянство тяжелыми повинностями; вмѣстѣ съ бѣдствіями, быстро росло и угнетеніе. А іезуитскій орденъ, дѣйствовавшій тѣмъ временъ, взиралъ торжествующимъ окомъ на множество павшаго въ бояхъ казачества, на эмиграцію изъ страны польской этого народа, на изгнаніе аріанъ. на полное униженіе диссидентовъ; онъ почти цѣликомъ захватилъ воспитаніе и образованіе молодежи; а что не подпало подъ его руководство, то было уже проникнуто его духомъ. Механическая привычка хорошо подобранныхъ свѣдѣній притупляла развитіе умственныхъ силъ. При всеобщей испорченности вкуса, рядомъ со столькими бѣдствіями и усиліями, сосредоточенными на религіозномъ преслѣдованіи, невѣжество все болѣе и болѣе возростало.

„Послѣдствія этихъ язвъ и умственнаго рабства не заставили себя долго ждать. Раздутое суевѣріе, фанатическое остервенѣніе растлѣвало и поддерживало разладъ въ большей части народа. Низшіе классы начинали проникаться духомъ униженія. Шляхта, составлявшая властвующую часть населенія и неспособная, какъ прежде, итти въ успѣхахъ просвѣщенія вровень съ остальною Европой, въ чувствахъ и дѣятельности своей—цѣпенѣла и въ бездѣйствіи скрывалась въ сторонѣ, гдѣ искала одуряющихъ развлеченій, предавалась пьянству, сутяжничеству, которое стало любимымъ занятіемъ. Рукоплесканія сопровождали распаденіе сеймовъ; радовались и восхваляли, что Польша управлялась анархіей. Надолго исчезло даже болѣзненное ощущеніе ужаснаго униженія могучей республики. Польша была для саксонскаго дома наградой за право на австрійское наслѣдство. Чуждое вліяніе возводило королей на престолъ. Когда политическое движеніе Европы было всеобщимъ, въ то время когда оставаться въ бездѣйствіи было большей ошибкой, чѣмъ ошибочно дѣйствовать—тогда-то бездѣйствіе Польши выключило ее заблаговременно изъ политическаго міра. Безчувственная, безсильная, обезоруженная, презираемая противниками, забытая всѣми,—она всетаки еще ссорилась съ сосѣдями, тогда именно, когда наоборотъ, по мѣрѣ ея упадка, сосѣди эти крѣпли и разростались. Узкій доступъ къ морю, беззащитность передъ нападеніемъ со всѣхъ сторонъ; нигдѣ ни точки опоры, ни безопасной полосы, на которой можно было бы утвердиться. Какая десница могла бы отвратить предопредѣленіе? Одно безсиліе и забвеніе отвлекали и задерживали его исполненіе.

„Слишкомъ рьяный прозелитъ католицизма, Сигизмундъ III былъ къ несчастью королемъ во многихъ отношеніяхъ неспособнымъ. На каждомъ шагу онъ безвозвратно ронялъ то то, то другое изъ вѣнца народной славы или выгоды; съ каждымъ шагомъ нужнѣе и нужнѣе становились ему іезуиты, которыхъ онъ облюбовалъ, съ каждымъ шагомъ опаснѣе были для него—магнаты.

„Іезуиты, оставивъ евангельскую проповѣдь, начали возвращать къ католицизму диссидентовъ уже силою; они возстановили противъ короля большую часть народа и, бодрствуя надъ престижемъ католицизма, согласно личнымъ видамъ, овладѣли исповѣдью и воспитаніемъ молодежи. Такимъ путемъ добились они обладанія огромными денежными суммами и прекрасными имѣніями. Вотъ три могучихъ пружины для управленія народомъ, болѣе могучія, увы, чѣмъ того надо, чтобы парализовать его духъ. Диссиденты боролись, надѣясь силою обезпечить себѣ терпимость, которую все болѣе ограничивали; католики дѣйствовали силою съ цѣлью уничтоженія протестантизма. Чаще всего, вѣра служила прикрытіемъ вполнѣ постороннихъ видовъ. Тѣмъ временемъ войны шли за войнами, бѣды за бѣдами. Изъ славныхъ побѣдъ никогда почти не бывала извлекаема опредѣленная выгода: сила магнатовъ росла рядомъ съ призрачными вольностями шляхты. Литература неминуемо должна была упасть, эпоха Сигизмунда III и его двухъ сыновей была переходной къ упадку эпохой. Еще въ ея

началѣ іезуиты, не вполнѣ обнаружившіе свои планы, выдѣлили изъ себя нѣсколько даровитыхъ мужей, отражавшихъ съ успѣхомъ надвигавшійся протестантизмъ; еще тогда, вышедшіе изъ лона іезуитизма, Скарга и Вуекъ надѣлили польскій языкъ истинными сокровищами; тогда же Сарбѣвскій поддерживалъ народную славу въ Европѣ латинскою поэзіей; до этой эпохи долеталъ еще не одинъ отзвукъ времени Ягелоновъ; все это, однако, глохнетъ въ грустное царствованіе Яна-Казиміра.

„Печальна исторія послѣдующей литературы — въ эпоху выборныхъ королей. Просвѣщеніе гасло въ рукахъ іезуитовъ, единственныхъ его стражей; принципамъ ихъ, въ особенности же ихъ стремленіямъ, былъ противенъ всякій прогрессъ. Совѣщанія сеймовъ, по большей части безъ результатовъ, не имѣли силы, достаточной для реформы страны, такъ какъ всякая реформа считалась бы покушеніемъ на шляхетскія преимущества, и политическою ересью. Іезуиты, стоя на стражѣ вѣры и просвѣщенія, добровольно извращали развитіе умовъ и били челомъ передъ вельможами. Да и въ самомъ дѣлѣ, верховная власть, по праву принадлежащая королю и выборнымъ отъ народа, окольными путями перешла въ распоряженіе іезуитовъ и пановъ. Эти двѣ всемогущія силы взаимно укрѣпляли и поддерживали другъ друга. Магнаты подносили іезуитамъ дарственные грамоты и фонды, іезуиты умѣли отблагодарить благотворителей-магнатовъ панегириками и подпольными интригами. *Въ литературѣ нигдѣ не проглянуло самобытной мысли.* Монашескія общины присвоили право исключительной собственности на литературныя произведенія и издавали однѣ только ультрамонтанскія книги, полныя чудесъ и раболѣпнаго восхваленія аристократовъ; поэзія свелась къ игрѣ словъ и балаганному юмору“.

Что касается крестьянства, то мы читаемъ въ выше названномъ трудѣ:

„Крестьяне занимаются земледѣліемъ; они состоятъ въ рабствѣ у пановъ; тѣ имѣютъ надъ ними право жизни и смерти; ни права апелляціи въ высшую судебную инстанцію, ни земельной собственности у крестьянъ нѣтъ, за исключеніемъ небольшихъ участковъ въ церковныхъ имѣніяхъ; за клочекъ земли еле хватающій на ихъ содержаніе они обязаны работать *нѣсколько дней въ недѣлю на пановъ*, остальное же время предоставляется имъ для обработки своего участка. Въ церковныхъ имѣніяхъ положеніе ихъ лучше, равно какъ и въ Пруссіи, гдѣ есть зажиточныя деревни; но въ прочихъ мѣстахъ они большею частью ведутъ нищенскую жизнь, такъ что въ самую суровую зиму не рѣдкость увидѣть босыхъ и едва одѣтыхъ женщинъ, бредущихъ по снѣгу; а въ хатахъ нѣтъ у нихъ иной комнаты, кромѣ той, гдѣ стоитъ печь безъ дымовой трубы; оттого хата полна у нихъ всегда густого дыма. За малѣйшую провинность *паны ихъ истязуютъ, иногда даже вѣшаютъ, а если и безъ причины убьютъ*, то уголовной отвѣтственности не подлежатъ, а платятъ лишь 10 скудовъ штрафа, „*тогда какъ за убитую собаку платятъ дороже*“. Столь тяжкая неволя развратила крестьянъ до такой степени, что, будучи биты батогами, что часто съ ними случается, *приходятъ поблагодарить за это пана*, припадая къ его ногамъ; и смѣло сказать можно, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе жалкаго и подлаго раба, какъ польскій крестьянинъ“.

Доведя народъ до такой степени растлѣнія и озвѣренія, господа поляки устами графа Леливы проливаютъ крокодиловы слезы о судьбѣ этого несчастнаго крестьянина, направленнаго ими же при посредствѣ кнута къ римской Церкви и якобы принуждаемаго нынѣ русскимъ правительствомъ, не смотря на дарованную хлопу свободу, къ возвращенію къ вѣрѣ ихъ отцовъ. Графъ Лелива и подобные ему, коимъ имя—легіонъ, никакъ не могутъ простить правительству того, что оно отняло у нихъ право тираніи надъ хлопомъ и понужденія его къ даровому труду, коего цѣль—удовлетвореніе ихъ скотскихъ похотей и разврата. Въ безсильномъ бѣшенствѣ, они кокетничаютъ съ польскимъ крестьянствомъ и силятся убѣдить его, что они—паны, а не русское правительство—истинные друзья этого народа. Хотя лицемѣріе этихъ господъ и было исторически

доказано, безъ возможности опроверженія,—имъ удалось таки впрячь въ свою колесницу изрядное число легковѣрныхъ. Узость понятій у этихъ людей, бѣгущихъ бесмысленно на основаніи пустыхъ фразъ, исходящихъ изъ устъ недавняго угнетателя польскаго люда—съ одной стороны, а недовѣріе и посторонніе вліянія—съ другой, способствовали образованію среди польскаго общества партіи, которая, неизвѣстно на какой почвѣ, присвоила себѣ титулъ „демократической",—вѣроятно, на основаніи lucus a non lucendo. Извѣстный ксендзъ Стояловскій, который не вышелъ, однако, изъ русской школы и, на основаніи предыдущей своей дѣятельности, можетъ скорѣе быть заподозренъ въ ненависти, чѣмъ въ излишней симпатіи къ Россіи,—такъ говоритъ объ этихъ ослѣпленныхъ или лицемѣрныхъ друзьяхъ польскаго народа; „Польскіе олигархи нашептываютъ хлопамъ, что они посредствомъ возстанія добились надѣла крестьянъ землею, а русское правительство намѣрено-де отобрать ее и отдать русскимъ крестьянамъ".

Какъ начинается подзадориваніе польскихъ крестьянъ,—объ этомъ кс. Стояловскій пишетъ въ своемъ „Вѣчномъ календарѣ", на 1896 г.

„Въ 1889 году, когда во время сеймовыхъ выборовъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ во Львовѣ, встрѣтился я тамъ съ г. Вислоухомъ и его сотоварищами, которые въ то же время, какъ и я, сидѣли тамъ по обвиненію въ „*устройствѣ тайныхъ, социально-демократическихъ обществъ*".

„Съ самимъ г. Вислоухомъ видѣлись мы въ тюрьмѣ издалека и не могли тамъ переговорить; но съ его товарищами, молодежью изъ сельскохозяйственныхъ школъ и т. п. я могъ встрѣчаться и бесѣдовать часто, и мы даже въ обмѣнъ одолжались книгами. Это все—старое дѣло, которому уже лѣтъ шесть давности; поэтому никому изъ тогдашнихъ обвиненныхъ я не поврежу, написавъ объ этомъ теперь. Признаюсь, что первый толчекъ къ болѣе старательному и глубокому изслѣдованію такъ называемаго „соціальнаго вопроса" дали мнѣ въ львовской тюрьмѣ эти именно товарищи и сотрудники Вислоуха. Отъ нихъ узналъ я, *что дѣйствительно они основали* тайное соціально-демократическое общество, котораго роль—вербовать преимущественно молодежь, *кончающую свое образованіе*, и *вмѣстѣ съ тѣмъ издавать журналъ для крестьянъ*—„Другъ Народа" *дабы принципы и стремленія свои прививать народу*. Мы, понятно, вели объ этомъ продолжительные диспуты, при чемъ каждый изъ насъ хотѣлъ убѣдить другого въ пользу своихъ взглядовъ. Съ этой цѣлью мой товарищъ далъ мнѣ книжку по соціологіи, написанную евреемъ, которую я внимательно прочелъ. Тогда я постигъ, почему молодежь увлекается подобными воззрѣніями: въ самомъ дѣлѣ, среди множества лжи и ошибокъ, въ которыхъ разобраться можетъ только человѣкъ, уже *передъ тѣмъ выработавшій твердые и здравые принципы*, на днѣ этого всего лежитъ не что иное, какъ древняя христіанская заповѣдь справедливости. Помню тоже, что когда я говорилъ о томъ, что подобное изданіе не удержится, да и до народа не доберется, товарищъ мой мнѣ отвѣтилъ, что оно удержится, ибо „*имѣетъ обезпеченный капиталъ*", а ужъ ихъ забота, чтобы оно *дошло къ народу*. Мой товарищъ по тюрьмѣ сказалъ мнѣ, что именно *въ царствѣ Польскомъ возникъ зародышъ и родилась миссія для распространенія этой агитаціи въ народѣ; всюду собираются на нее денежныя суммы, а въ случаѣ, еслибъ и я пошелъ за ними, то они меня поддержатъ*".

Изъ этого признанія ксендза Стояловскаго явствуетъ, что поляки, принадлежащіе къ „конгресувкѣ", т. е. къ Россіи, собираются снова вызвать революціонное движеніе путемъ возмущенія хлоповъ, т. е. крестьянъ, распространяя среди нихъ принципы соціализма. На это дѣло собираются пожертвованія, и оно выражается пока въ такихъ выходкахъ, какъ, напр., раздача дѣтямъ ксендзами въ Люблинѣ революціонныхъ образковъ.

Намъ кажется, что на основаніи всего вышеизложеннаго можно сдѣлать одинъ только выводъ: такъ называемая польская интеллигенція въ Галиціи вмѣстѣ съ римско-католическими ксендзами готовитъ австрійской имперіи ту же судьбу, какую уготовала ко

ролевству Польскому. Раздѣлъ Австріи между пограничными народами окажется легче чѣмъ, думается намъ, когда-то былъ раздѣлъ Польши; Венгрія станетъ независимою, а другіе народы сольются съ народами—братьями. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, Австрія? Австрія—государство безъ основы, безъ націи, безъ языка, безъ души; это—нагроможденіе нѣсколькихъ народовъ, раздѣленное на 5 главныхъ группъ; нагроможденіе искусственное, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное; его вѣчно подтачиваетъ червь клерикализма, и Австрія близится къ тому же концу, что постигъ и Польшу. Поляки шли всегда въ авангардѣ римской куріи на уничтоженіе Христовой церкви, что мы видимъ еще теперь въ Галиціи. Кс. Стояловскій, прозванный маскалефиломъ и преслѣдуемый галиційскими поляками за то, что написалъ сочувственную Россіи статью по поводу коронаціи Государя, такъ пишетъ объ этомъ преслѣдованіи въ очеркѣ подъ заглавіемъ „Демократическое и патріотическое тявканье“ [1]).

„Какъ свора гончихъ и сетеровъ, обрушилась на меня недавно стая либерально-масоно-жидовско-демократическихъ писакъ, и, крича до хрипоты: „москалефилъ, измѣнникъ народу, апостатъ!“ хотѣла убѣдить весь міръ въ томъ, что въ 24 часа я сталъ родовитымъ русскимъ, или, по меньшей мѣрѣ, записался въ слѣпые обожатели Россіи, а весь польскій народъ предательски обманулъ“.

„Что-же случилось? А то, что на сборищахъ въ Вадовицахъ, Маковѣ, Домбровѣ, и Горлицахъ гг. демократы,—противники христіанства—получили отъ христіанскаго простонародья такой отпоръ—и торжественный даже,—что должны были понять, что, какъ долго ненавистный имъ кс. Стояловскій имѣетъ довѣріе къ себѣ въ народѣ, имъ нечего дѣлать со своею демократическо-либеральной религіей и ихъ „народная партія“ представляетъ достойное сожалѣнія меньшинство.

„Такъ какъ же досадить этому Стояловскому такъ, чтобы сразу его уничтожить и удалить со своего демократическаго пути? Какъ на счастье, попался имъ сначала нунцій Аліярди, со своимъ свѣже-испеченнымъ циркуляромъ, гдѣ объявляетъ Богъ-вѣсть который разъ подогрѣваемые суспенсу (отрѣшеніе отъ должности) и интердиктъ.

„Господа демократы и масоны, правда, думаютъ о религіи, ксендзѣ и нуціи столько же, сколько собака о пятой ногѣ. Станинскій, Леваковскій, Іегерманнъ доказывали на каждомъ съѣздѣ, что „христіанство безполезно“, что „звѣздочки“ на лбу они носить не желаютъ, что ужъ довольно они угодили Господу Богу тѣмъ, что въ дѣтствѣ позволили себя окрестить. (О томъ, не кричали-ли они случайно во время крещенія—не упоминается).

„Послѣ этихъ всенародныхъ и публичныхъ ихъ доказательствъ, казалось-бы, что кому-кому, а этимъ людямъ придется повторить заодно съ Леваковскимъ о циркулярѣ нунція, какъ и о христіанствѣ: „пусть ксендзы оставятъ насъ въ покоѣ“. Между тѣмъ, вышло наоборотъ. „Львовскій Курьеръ“, „Реформа“ и остальные демократы съ большею готовностью, чѣмъ сами станчиковскіе католики,—ухватились за циркуляръ нунція, и давай вопить: „ксендзъ Стояловскій—титулярный ксендзъ! Покончили съ нимъ!“ и т. д.

„Но такъ какъ эти проклятія, заклинанія, суспенсы и т. п. являлись уже старой сказкой, не разъ повторявшеюся разными станчиковскими ксендзами, всякими „Правдами“, „дышлювками“ и тому подобными,—то имъ этого показалось недостаточно. За что жъ оставалось ухватиться бѣднымъ демократамъ для спасенія побитой на вѣчахъ „народной партіи“?

„А вотъ,—происходитъ въ Москвѣ царская коронація. Стояловскій, вѣроятно, напишетъ о ней правду и не будетъ ругать Россію, какъ то дѣлаютъ они, — такъ объявить же его: „царскимъ слугой—измѣнникомъ націи и москалефиломъ!“ Глупцовъ на свѣтѣ много, а особенно въ Галиціи. Ибо глупцовъ нигдѣ насаждать не надо—они сами

---

[1]) Wieniec Polski за 96 г., № 12.

родятся, а въ Галиціи демократы сѣютъ и сѣяли глупость нѣсколько десятковъ лѣтъ почему здѣсь глупцовъ, по выраженію св. Писанія, „numerus infinitus“, что значитъ: безконечное число.

„Вся эта безконечная масса глупцовъ страдаетъ помѣшательствомъ на пунктѣ „демократическаго патріотизма“, который проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что каждый такой патріотъ-демократъ при упоминовеніи слова „москаль“ судорожно корчится, а при словѣ „козакъ“ впадаетъ въ изступленіе.

„Въ городахъ, а особенно въ такъ называемыхъ „высшихъ“ сферахъ, процвѣтаетъ этотъ видъ патріотизма и, какъ прилипчивая болѣзнь, заражаетъ и людей въ другихъ отношеніяхъ умныхъ и съ доброю волей. Въ разсчетѣ на это, гг. демократы рѣшили, что коли они заорутъ разомъ на кс. Стояловскаго: „москалефилъ, козакъ!“, то ужъ въ любезной Галиціи никого не найдется, кто-бы ему повѣрилъ; а чрезъ это и подниметcя кредитъ замаранной маленько демократіи.

„На счастье, польскій народъ любитъ отчизну и націю болѣе здоровою и искреннею любовью, чѣмъ они, и давно убѣдился, что отъ пановъ-демократовъ, господъ газетчиковъ и другихъ господъ-горожанъ того-же пошиба народу ничуть не лучше чѣмъ отъ „станчиковъ“,—а зачастую гораздо хуже. Людъ, особливо въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ въ послѣдніе мѣсяцы происходили вѣча, убѣдился, что „Курьеры Львовскіе“, „Новыя Реформы“, „Друзья Народа“ и т. п. патріотическія, періодическія изданія умѣютъ такъ лгать и обманывать въ глаза, что имъ могутъ прямо завидовать въ опытности станчиковскія „Правда“ и другія газеты; а нѣкоторыя изъ нихъ могли бы поучиться въ демократическихъ редакціяхъ искусству выдумыванія и печатанія лжи безъ стыда и угрызеній совѣсти. Потому то демократично-патріотическое „тявканіе“ останется въ простонародьѣ безъ послѣдствій. Вы меня знаете, дорогіе братья, не съ сегодняшняго дня; знаете хорошо и то, что я никому донынѣ себя не продалъ, и, дастъ Богъ, не продамъ, а въ трудѣ на пользу народнаго дѣла слѣдую по пути правды и справедливости, и всегда у меня хватаетъ мужества написать правду, хоть бы она кое-кому и не нравилась. „Правдой свободны будете“,—сказалъ Христосъ—и, вѣруя въ это слово, никогда не боюсь говорить правду.

„Въ теченіе многихъ лѣтъ шляхетскія, а потомъ демократическія газеты ставили себѣ задачей писать противъ Россіи небывалыя вещи, чтобы раздувать, какъ сами онѣ писали, ненависть къ Россіи, а отсюда и готовность къ бунту и революціи. Такимъ путемъ онѣ поддерживали „искусственный и вредный патріотизмъ“, который привелъ къ великимъ потерямъ и бѣдамъ, какъ я не разъ это доказывалъ уже, а особенно въ прошлогоднемъ календарѣ—подробно и обстоятельно. Проживая долго въ Галиціи, я самъ не всегда умѣлъ уклониться отъ ошибокъ въ этомъ направленіи, что и описалъ въ календарѣ того же года.

„Но въ теченіе болѣе шести лѣтъ, я основательно изучилъ все это, узнавъ, насколько шляхта и демократія свихнула понятія народа и вывела его на бездорожье, я отвергъ лживую политику и съ той поры писалъ лишь истину.

„Ненавижу я злоупотребленія, насилія, неуваженіе къ закону и праву, пристрастіе и беззаконіе—и защищать ихъ никогда не стану; а если бы что-нибудь подобное случилось гдѣ-либо въ Россіи, я всегда это заклеймлю; *но лгать и врать, какъ это сообща дѣлали станчики и демократы, не могу и не стану, равно какъ и перевирать то, что есть въ Россіи хорошаго и согласнаго со справедливостью, не позволяетъ мнѣ совѣсть*“. „Не моя вина, что „польское правительство“ въ Галиціи привело ее къ тому, что „польскому люду“ *лучше и легче въ матеріальномъ и даже религіозномъ отношеніи въ Россіи, чѣмъ въ Галиціи*. Кому это не по нраву, тотъ пусть старается, чтобы въ Галиціи прекратилось религіозное преслѣдованіе, чтобы прекратились и нападки духовенства и епископовъ, чтобы заработки были лучше, а евреи насъ не обсѣдали и не эксплоатировали до по-

слѣдней нитки. Пока дѣло обстоитъ такъ, какъ теперь въ Галиціи, никакое патріотично-демократическое тявканіе не поможетъ и не нарушитъ той истины: *что крестьяне и рабочій людъ лучше живутъ въ Россіи, чѣмъ у насъ въ Галиціи, что тѣ, кто хочетъ заработать деньги,—принуждены отъ насъ идти въ Царство Польское.* Задавшись цѣлью всю свою жизнь трудиться на пользу польскаго люда, я съ того же момента отрекся отъ *галиційской моды постоянно огрызаться на русскихъ, убѣдившись, что русское правительство не угнетаетъ польскаго люда,—а только держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ ксендзовъ, жидовъ и пановъ.*

„Все это счелъ я обязанностью написать вамъ, дорогіе братья, въ отвѣтъ на демократическій лай, чтобы вы поняли, въ чемъ дѣло и не дали себя вводить въ обманъ; а при случаѣ, въ газетѣ или календарѣ еще подробнѣе напишу о польско-русскихъ отношеніяхъ. Вашъ до смерти ксендзъ Станиславъ Стояловскій“.

За эту статью папа по настоянію поляковъ проклялъ ксендза Стояновскаго и предалъ его въ руки тайной галиційской инквизиціи. На проклятіе папы Стояловскій отвѣтилъ открытымъ письмомъ: „Въ Каноссу не пойду“. Галиційскія мѣстечка, куда послѣ обнародованія этого проклятія пріѣзжалъ Стояловскій, устроили ему оваціонную встрѣчу и зажгли иллюминацію.

Гр. Леливa говоритъ съ восторгомъ объ *уваженіи* польской шляхты *къ правамъ* человѣчества, усматривая въ этихъ рыцаряхъ—поборникахъ правды отраженіе своего собственнаго облика. Что касается отношенія польской шляхты къ основнымъ правамъ человѣка, то объ этомъ мы узнаемъ изъ письма нунція Липпомана, который въ 1557 г. писалъ папѣ докладъ о состояніи Польши: „Размножились въ ней“ говоритъ онъ, „насилія, убійства, разбои, которые сходятъ съ рукъ безнаказанно [1]). Обиженный не можетъ найти справедливости, ибо за шляхтою существуетъ привилегія, гласящая, что шляхта можетъ быть судима только на сеймѣ и въ присутствіи короля; а король, предпочитая проживать въ Литвѣ, не часто созываетъ сеймы. Нынѣ *имѣется* 12,000 *нерѣшенныхъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ шляхтой*“.

Двѣнадцать тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ объ однихъ убійствахъ, совершенныхъ шляхтою!! Развѣ это не миніатюрный образъ папскаго Рима?

Нынѣшнее же нравственное состояніе польскаго народа представляется, по словамъ „Познанскаго Дневника“ за 1896 г. № 165, въ слѣдующемъ видѣ:

„Если мы возьмемъ въ руки *уголовную* статистику, то замѣтимъ съ огорченіемъ, что каждый годъ наши польскія провинціи *первенствуютъ* относительно численности преступленій надъ всѣми прочими—какъ въ Пруссіи, такъ и во всей Германіи.

„Можно было бы отсюда заключить, что нравственность нашего народа стоитъ на очень низкой ступени,—такой выводъ и дѣлаютъ наши противники“.

А какіе же другіе дѣлать выводы, имѣя передъ глазами подобныя данныя?

ГЛАВА III.

Избіеніе Сапѣгой жителей Витебска за смерть Кунцевича снова подняло противъ Польши казаковъ. Соединясь съ запорожцами, они избрали гетманомъ Тараса Трясилу и выступили противъ угнетателей своей вѣры.

Встрѣтивъ подъ Переяславлемъ польское войско, предводительствуемое Конецпольскимъ, казаки избили почти всѣхъ поляковъ и забрали ихъ обозъ со всѣми запа-

---

[1]) Въ томѣ II стр. 114 своего труда о литовскомъ и польскомъ правѣ, Чацкій приводитъ статистику важнѣйшихъ преступленій, извлеченныхъ изъ реестровъ канцлера Осѣцкаго, откуда явствуетъ, что шляхтой въ теченіе 6-ти лѣтъ (1544—1550) совершено въ королевствѣ, не считая княжества Мазовецкаго и воеводства Белзскаго, разбоевъ—308, убійствъ въ дракѣ—247, убійствъ въ костелѣ, при дворѣ, на сеймикахъ—40.

сами [1]). Послѣ этой побѣды, которую хроникеры назвали „Тарасовой ночью", казачество приступило къ очищенію Малороссіи отъ „червятины", какъ они называли евреевъ и іезуитовъ, и страшно отомстили за насилія, произведенныя подъ знаменемъ религіи.

Въ это время возсѣдалъ на польскомъ престолѣ Владиславъ IV, тоже пытавшійся укрѣпить Польшу соединеніемъ ея съ Россіей подъ державою русскаго монарха, но предложенія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ на Полянскомъ съѣздѣ 1634 г., были отвергнуты русскими послами, по неимѣнію на то царскаго повелѣнія [2]). При королѣ Владиславѣ Польша могла бы наслаждаться покоемъ, еслибы не то обстоятельство, что, по словамъ историка: „ядовитая язва сваръ изъ-за различій вѣры вкоренилась такъ сильно въ *когда-то* вполнѣ чуждыя ея сердца поляковъ, что разсудительный и просвѣщенный король не могъ уничтожить *гнусное насиліе при обращеніи въ католицизмъ*" [3]). Это вызвало новую войну съ казаками въ 1638 г. Подъ предводительствомъ новаго гетмана Павлюка, казаки выступили противъ поляковъ. Коронный гетманъ Конецпольскій, послѣ безплодной для обѣихъ сторонъ битвы, предложилъ Павлюку заключить миръ. Павлюкъ согласился на это и миръ былъ заключенъ съ подтвержденіемъ всѣхъ казацкихъ правъ и привилегій. Договоръ былъ написанъ, скрѣпленъ подписями, печатями и *торжественною присягой.*

Непредусмотрительные казаки снова повѣрили клятвамъ папистовъ, и Павлюкъ распустилъ казачество по домамъ. Воспользовавшись этимъ, Конецпольскій напалъ на безоружныхъ казаковъ, многихъ перебилъ, а Павлюка и находившихся при немъ четырехъ чиновниковъ велѣлъ заковать въ цѣпи и привезъ въ Варшаву, какъ военноплѣнныхъ. Въ Варшавѣ у Павлюка живьемъ сорвали кожу съ головы, а четырехъ его чиновниковъ обезглавили [4]).

Послѣ убіенія Павлюка, на Варшавскомъ сеймѣ 1638 г. было постановлено: „*На договоры и присяги не обращать вниманія*, всѣ права и привилегіи казаковъ отмѣнить, обратить ихъ въ крестьянское состояніе и *принудить къ уніи*".

Нынѣшніе поляки, читая безъ краски стыда объ этихъ преступленіяхъ своихъ предковъ, выставляютъ себя невинными, угнетенными жертвами и нарекаютъ на монархическое правительство за ограниченіе шляхетскихъ вольностей и за отнятіе изъ рукъ ихъ оружія къ обращенію „схизматиковъ" въ слугъ Рима.

Эта новая измѣна поляковъ привела въ бѣшенство казаковъ, которые готовы были продать души дьяволу, лишь бы только достойно отомстить измѣнникамъ. Избравъ новаго гетмана Стефана Остраницу, они тайно собрались около Переяславля и бросились для облегченія сообщенія, очищать отъ „червятины" города, находившіеся на обоихъ берегахъ Днѣпра, а потомъ сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ напали на поляковъ [5]).

Вырѣзавши ихъ до едина, казаки отправились на поиски за польскимъ гетманомъ Ланскоронскимъ, котораго они нашли скрывшимся съ войскомъ въ окопанномъ лагерѣ надъ рѣкою Старчей. Несмотря на мужественную защиту, поляки были перерѣзаны; Конецпольскій съ остатками своей арміи поспѣшно отступилъ и укрылся въ мѣстечкѣ Полонномъ. Здѣсь его догнали казаки. Не видя спасенія, Конецпольскій упалъ къ ногамъ православнаго священника, моля его о спасеніи, и послалъ для встрѣчи казаковъ процессію съ крестомъ и хоругвями, моля ихъ при посредствѣ рус-

---

[1]) O kozakach pamietniki, стр. 305

[2]) См. книгу польскихъ посольствъ въ Моск. Арх. Мин. Им. Дв. № 43, стр. 513.

[3]) Dzieje... T. 2, стр. 290—291.

[4]) «Несмотря на данное слово, Павлюкъ съ четырьмя помощниками были казнены въ Варшавѣ». Dzieje т. 2, стр. 295. «Имъ обѣщали, что они будутъ представлены королю на сеймѣ и отпущены затѣмъ на свободу; тѣмъ не менѣе, къ позору общественнаго довѣрія, обѣщаніе не было исполнено, и въ 1538 г. они были осуждены на смерть». Ист. Ѳ. Ваги, стр. 296. Мемуары о казакахъ, стр. 305.

[5]) Исторія гр. Ваги, стр. 295—296. Dzieje... T. II, стр. 295.

скаго духовенства о мирѣ, обѣщая возвратить казакамъ всѣ права и привилегіи и свободу религіи. Добродушные казаки снова повѣрили и согласились. Назначенные ими депутаты сошлись съ Ланскоронскимъ въ православной церкви, гдѣ Ланскоронскій чувствовалъ себя въ безопасности, зная, что православные не измѣняютъ; тамъ былъ подписанъ договоръ, *закрѣпленный присягой на Святомъ Евангеліи.* По заключеніи мира Остряница распустилъ войска, а самъ съ войсковымъ старшиной и полковниками поѣхалъ въ городъ Каневъ, чтобы помолиться въ тамошнемъ монастырѣ. Во время богослуженія Ланскоронскій окружилъ войскомъ монастырь, схватилъ Остряницу съ 37-ю товарищами и связанныхъ, какъ скотъ, навалилъ на возы и отослалъ въ Варшаву *въ качествѣ военныхъ трофеевъ*; монастырь онъ сжегъ, а православное духовенство, спасшее его отъ казаковъ, и монаховъ велѣлъ казнить мученическою смертью. Въ Варшавѣ была устроена торжественная процессія съ римскимъ духовенствомъ во главѣ; *враги Рима* были пытаны и казнены. У Остряницы тянули жилы изъ рукъ и ногъ, пока онъ не испустилъ духъ. Жены и дѣти казаковъ были также схвачены и привезены въ Варшаву; ихъ пытали вмѣстѣ съ казаками; *у женщинъ вырѣзали груди и ими били по лицу мужей и отцевъ страдальцъ.* Отрѣзанные ноги и руки казненныхъ были разосланы по цѣлой Украинѣ вмѣсто обѣщанныхъ подъ присягой свободы и привилегій.

Нарушеніе договоровъ, присяги и обязательствъ со стороны поляковъ и вообще ихъ измѣнничество объясняются тѣмъ, что изъ числа 12 апостоловъ поляки больше всего почитаютъ Іуду, въ память котораго при каждой встрѣчѣ мужчина съ мужчиной цѣлуются.

Отъ 1639 до 1647 года Малороссія была притѣсняема ужаснѣйшимъ образомъ; народъ терпѣлъ и тайно готовился къ новой борьбѣ [1]. Чтобы не допустить казаковъ къ избранію себѣ гетмана, польское правительство само назначило имъ гетмана въ лицѣ Ивана Бараша, приставивъ къ нему писаремъ Богдана Хмѣльницкаго.

Въ 1647 году, Барашъ, по совѣту Хмѣльницкаго, подалъ прошеніе на имя короля Владислава о защитѣ казаковъ противъ угнетеній польской шляхты. Владиславъ передалъ просьбу эту въ сенатъ, прося его справедливо отнестись къ мольбамъ казаковъ; но все это было напрасно.

Тогда король, разсердившись, написалъ Барашу, что казачество, какъ войско, само обязано защищать оружіемъ свои права; онъ же, король, не въ силахъ ничего для нихъ сдѣлать [2]. Съ этимъ письмомъ писарь Хмѣльницкій поѣхалъ къ запорожцамъ, обратился къ нимъ съ воззваніемъ къ защитѣ Малороссіи, былъ избранъ ими въ гетманы и выступилъ противъ польскихъ войскъ. Овладѣвъ крѣпостями Кудакомъ и Каменцемъ-Подольскимъ и разбивъ польскія войска при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и подъ Барами, Хмѣльницкій раздѣлилъ свое войско на нѣсколько частей и прошелъ черезъ всю Малороссію, очищая ее отъ поляковъ и евреевъ.

Въ укрѣпленномъ городѣ Тульчинѣ собралась масса евреевъ, съ коими шляхта вступила въ соглашеніе, что они общими силами будутъ защищаться отъ непріятеля. Вооруженные евреи вступили въ перестрѣлку съ казаками, поднимаясь на валы. Узнавъ о такомъ соглашеніи шляхты съ евреями, Хмѣльницкій отправилъ къ предводителю письмо, предлагая выдать ему евреевъ съ ихъ сокровищами, а за то обѣщалъ отступить отъ Тульчина. Поляки ухватились за этотъ способъ спасенія и обманнымъ образомъ стали обезоруживать евреевъ. Тѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, и значительно превосходя поляковъ численностью, хотѣли ихъ перерѣзать, но отъ этого удержалъ

[1] „Казаки, терпя отъ поляковъ все болѣе тяжелыя преслѣдованія, задумываютъ окончательно сбросить съ себя ярмо". Hist. T. Wagi.

[2] „Вы рыцари, у васъ есть мушкеты и сабли; значитъ у васъ есть чѣмъ защищать свою свободу; основывайтесь на этомъ, а не на мнѣ, ибо я ничѣмъ не могу вамъ помочь". O kozakach pamietniki. стр. 307.

ихъ раввинъ, говоря: „Слушайте, братья мои и народъ мой! Мы разсѣяны по чужимъ странамъ, между чуждыми намъ народами; если вы поднимете руку вашу здѣсь на пановъ, то за нихъ отомстятъ братьямъ нашимъ въ другихъ городахъ. Да хранитъ васъ Богъ отъ такого намѣренія. Если Господь насылаетъ на насъ бѣдствія, то подчинимтесь покорно Его волѣ, *но не будемте причиной гибели нашихъ братьевъ.* Можетъ быть Господь ниспошлетъ сострадание къ намъ на враговъ нашихъ. Можетъ быть они удовлетворятся нашими богатствами и оставятъ намъ жизнь.“ Евреи его послушались, снесли свои сокровища на крѣпостную площадь, куда военачальникъ—князь Четвертинскій велѣлъ впустить извѣстное число казаковъ и сказалъ имъ, указывая на евреевъ и ихъ сокровища: „Вотъ то, чего вы просили“. Казаки, забравъ имущество, приказали князю запереть евреевъ въ казематахъ. Три дня спустя казаки потребовали выдачи имъ евреевъ, которыхъ паны и велѣли вывести за укрѣпленія. Казаки согнали ихъ всѣхъ въ огражденный стѣною садъ и тамъ заперли. Нѣсколько часовъ спустя, казаки водрузили посреди сада хоругвь и пригласили евреевъ къ принятію той религіи, коей святыни они снимали въ аренду у поляковъ. „Кто согласенъ—пусть садится подлѣ хоругви, кто не послушается—будетъ убитъ.“ Послѣ того, какъ на троекратное воззваніе, никто не сѣлъ, казаки всѣхъ перерѣзали. Убито было 1500 евревъ; уцѣлѣлъ раввинъ съ нѣсколькими евреями побогаче, за которыхъ казаки разсчитывали получить выкупъ.

Послѣ рѣзни евреевъ, казаки приступили къ штурму крѣпости. Поляки обращались къ нимъ съ такого рода напоминаніями: „Вѣдь вы заключили съ нами договоръ; почему же теперь хотите вы быть вѣроломными?“ Казаки отвѣчали: „Договоръ мы заключили не на письмѣ; не клялись на евангеліи, какъ вы это дѣлали, заключая договоры съ казаками; согласно съ ученіемъ вашихъ іезуитовъ вы считали себя въ правѣ предательски нарушать клятвы и договоры, какъ это и сдѣлали вы передъ нашими глазами по отношенію къ евреямъ. Мы хотимъ воспользоваться примѣрами цивилизованнаго народа. Съ татарами и турками мы бы поступили согласно данному слову, такъ какъ и они сдерживаютъ слово, а тѣмъ болѣе клятву, но съ ворами по воровски поступать должно“ [1]).

Отчаянная оборона поляковъ не помогла дѣлу; казаки подожгли крѣпость, поляковъ перебили, а передъ убіеніемъ князя Четвертинскаго насиловали на его глазахъ одинъ за другимъ его жену и двухъ дочерей, во время чего князь, человѣкъ очень толстаго тѣлосложенія, не могъ подняться съ креселъ — настолько онъ былъ испуганъ. Тогда подошелъ къ нему его крѣпостной, — мельникъ и, поклонившись ему, язвительно спросилъ: „Ваша свѣтлость, не прикажете ли вы пригласить іезуитовъ, чтобы они указали вамъ дорогу на небо?“ Потомъ онъ крикнулъ на него: „Встань съ этого кресла, я въ немъ сяду, чтобы оттуда давать тебѣ приказанія.“ Но у князя уже не оказалось достаточно силы для того, чтобы подняться съ мѣста, и мельникъ принужденъ былъ стащить его съ креселъ при помощи казаковъ. Уложивъ Четвертинскаго на полу, головой на порогѣ, казаки отпилили ее пилою.

Изъ Кіева (въ 1648 г.) Хмѣльницкій послалъ тайно къ царю Алексѣю Михайловичу просьбу о принятіи Малороссіи въ вѣчное соединеніе съ Россіей; но осторожный царь не спѣшилъ съ выполненіемъ этого плана. Польскій же король прислалъ въ Кіевъ къ Хмѣльницкому воеводу Киселя и князя Четвертинскаго съ рескриптомъ, утверждающимъ его гетманство; при этомъ Хмѣльницкому были вручены знаки гетманскаго достоинства: булава, бунчукъ и горностаевая мантія. Гетманъ благодарилъ короля, прося чтобы права казаковъ и свобода ихъ вѣры были утверждены и обезпечены поляками отдѣльнымъ актомъ. Владиславъ усиленно настаивалъ на этомъ въ сенатѣ, но архіепископъ-примасъ и коронный гетманъ Вишневецкій сильно противились этому и склонили на свою сторону большинство. Сенатъ предложилъ Хмѣльницкому свои условія мира; когда

[1]) Смотри „Богданъ Хмѣльницкій“ Ганновера, стр. 44, Лейпцигъ 1883.

они были ему вручены Киселемъ, Хмѣльницкій отвѣтилъ: „Изъ всей этой комиссіи ничего не выйдетъ; переверну я васъ всѣхъ вверхъ ногами, потоплю, какъ собакъ, или продамъ, какъ рабовъ турецкому султану. Пусть себѣ будетъ король королемъ, но, если бы онъ рѣшился перерѣзать шляхту, то сталъ бы свободнымъ. Провинился князь—снять съ него голову, согрѣшилъ казакъ—и съ нимъ такъ же поступить".

Что отвѣтилъ на это Кисель, о томъ исторія не упоминаетъ; извѣстно только, что онъ заплакалъ [1]).

Въ это время король Владиславъ умеръ, оставивъ Польшу въ плачевномъ состояніи. Одновременно съ политическимъ упадкомъ Польши еще ниже упало въ ней просвѣщеніе [2]). Больше всего вредили просвѣщенію іезуиты. Хотя замостская академія и выдавала дипломы на степени докторовъ богословія, философіи и права, но и тамъ наука была заглушена схоластикой и латинскими макаронизмами.

Въ 1642 году появились въ Польшѣ новыя школы основанныя піарами (scholae piarum) которые вмѣстѣ съ іезуитами, притупляя въ ученикахъ здравый смыслъ, впаивали въ нихъ безграничное послушаніе и подчиненіе Риму. Поляки домагались на сеймахъ, чтобы въ общественныхъ дѣлахъ былъ употребляемъ польскій языкъ, а не латинскій но просвѣтители народа противились тому, конечно, чтобы удержать въ своихъ рукахъ управленіе. Логику въ школахъ излагали не къ тому, чтобы научить правильно мыслить, но къ тому, чтобы *изъ правды дѣлать неправду и наоборотъ* [3]). Эта наука и по настоящее время пользуется особою любовью у поляковъ.

Паны, недовольные мѣстными учебными заведеніями, стали учить дѣтей дома при помощи иностранныхъ учителей; но большая часть гувернеровъ оказывалась заграничными лакеями людьми безъ образованія, чести и вѣры. Посылали тоже молодежь для образованія за границу, но изъ нея лишь очень небольшая часть возвратилась оттуда съ полезными знаніями; большинство же „паничей" научалось лишь танцовать, играть въ азартныя игры и проводить время въ праздности и развратѣ (чего было вполнѣ достаточно шляхтичу), теряя даже черты своей національности. Однимъ словомъ образованіе польской молодежи находилось въ плачевномъ положеніи [4]).

Нетолько молодежи, но и пожилымъ лицамъ воспрещалось чтеніе священнаго писанія, ровно какъ и иныхъ книгъ, не прошедшихъ черезъ цензуру іезуитовъ. Цензура же эта была очень строга; книжки, признанныя ею вредными, были сожигаемы палачемъ на городскихъ площадяхъ. Этому страшному приговору подверглась даже библія переведенная въ 1532 году въ Данцигѣ на польскій языкъ; іезуиты усмотрѣли, что въ ней вмѣсто предлога *од* было напечатано *до* и присудили ее къ сожженію [5]).

Историкъ, ксендзъ Гуго Коллонтай слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе просвѣщенія въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка.

„Изученіе положенія духовенства весьма важно для пишущихъ исторію Польши, ибо тамъ долгое время духовенство занималось образованіемъ нашей молодежи и въ рукахъ его находилось господство надъ совѣстью всего народа. Духовенство имѣло вліяніе на многія отрасли государственнаго управленія, находилось въ связи съ Римомъ и другими государствами,—съ первымъ чрезъ подчиненіе ему, со вторыми—благодаря единомыслію касательно наукъ и нравовъ. Очевидно, надо хорошо знать

---

[1]) Гр. Лелива. Стр. 204.

[2]) Политическое положеніе народа парализировало все, отбивало охоту къ наукѣ и проч Maciejowskiego pamiętniki. T. 1 стр. 329.

[3]) Maciejowskiego pamiętniki T. 1. стр. 314,

[4]) „Если въ самыя блестящія для Польши времена образованіе молодежи было у насъ въ плачевномъ положеніи, какимъ же оно должно было быть въ позднѣйшія времена, когда все стремилось къ упадку". Pamiętn. Maciejows стр. 346.

[5]) Dzieje Królewstwa Polskiego. Bandke. T. II. стр. 306.

этихъ людей, чтобы быть въ состояніи судить о событіяхъ того времени, которое мы описывемъ"...

„Научная подготовка къ духовному званію происходила въ семинаріяхъ: поступающій туда „клирикъ" долженъ былъ умѣть по-латыни, ибо всѣмъ предметамъ учился онъ на этомъ языкѣ: логикѣ, метафизикѣ, нравственному и догматическому богословію. Другихъ книгъ по предметамъ своихъ занятій семинаристъ читать не могъ, ибо при большинствѣ семинарій или не было библіотекъ, или онѣ были очень бѣдны и состояли изъ книгъ непригодныхъ. Таково было положеніе нашихъ семинарій".

„Подобное образованіе семинаристовъ продолжалось не болѣе трехъ лѣтъ. Необходимость возможно скорѣйшаго ихъ посвященія, недостатокъ въ средствахъ къ жизни были единственнымъ къ тому поводомъ. „Клирики", пользовавшіеся стипендіями, получали ее въ видѣ безплатнаго стола и образованія; одежду же, освѣщеніе и другое должны были они добывать себѣ сами. Нельзя же было принуждать столь убогихъ людей къ тому, чтобы *они дольше оставались въ семинаріи.* Своекоштные клирики были любимчиками, съ которыми надлежало поступать обходительнѣе, какъ съ предназначенными своимъ происхожденіемъ, къ занятію высшихъ церковныхъ должностей. Имъ предоставлялось лучшее довольствіе, задавалось меньше работы и даже въ прилежаніи къ наукамъ оказывались поблажки. Родственники и епископы стремились къ тому, чтобы эта молодежь не избѣгала духовнаго званія; такой „клирикъ" именовался уже *каноникомъ. Изъ числа ихъ рѣдко кто проходилъ* весь ничтожный курсъ наукъ семинаріи. Такимъ образомъ, однимъ богатство, другимъ бѣдность препятствовали изучить вполнѣ курсъ семинарскаго образованія"...

„Болѣе всего ксендзовъ было у насъ изъ мѣщанскаго и земледѣльческаго сословія, изъ деревни, какъ говорятъ, или изъ вольныхъ королевскихъ и монастырскихъ крестьянъ; такимъ образомъ случалось, что сынъ шляхетскаго крестьянина, получивъ начальную подготовку въ школѣ, тоже попадалъ въ семинарію и былъ посвящаемъ въ ксендзы. Польское право дѣлало шляхтича властелиномъ всѣхъ людей, сидящихъ на его землѣ и не принадлежащихъ къ шляхтѣ; судьба такихъ людей зависѣла всецѣло отъ владѣльца деревни; поэтому никому изъ крѣпостныхъ нельзя было принять духовный санъ безъ разрѣшенія или эмансипаціи помѣщика; въ противномъ случаѣ крестьянину надо было откупиться или скрыться тайкомъ отъ помѣщика".

Весьма естественно, что при угнетеніи крестьянъ шляхтой, не одинъ дворовый паробокъ, бросая въ полѣ порученныхъ ему свиней, убѣгалъ въ семинарію, предпочитая стать черезъ 3—4 года ученія ксендзомъ и вмѣсто свиней пасти овечекъ и барановъ. Не имѣя достаточнаго количества кандидатовъ къ духовному званію, начальство семинаріи скрывало у себя такихъ бѣглецовъ, которыхъ по ихъ посвященіи, помѣщикъ не могъ уже отобрать. При всемъ томъ, въ описываемыя нами времена, какъ заявляетъ Коллонтай, происходили злоупотребленія, оскорбляющія человѣческое достоинство. Приведемъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ.

„Ланскоронскій, который былъ тогда стольникомъ подольскимъ, а въ послѣдствіи кастеляномъ и воеводой Браславскимъ, замѣтилъ случайно въ академической семинаріи клирика родомъ изъ Водзиславскаго помѣстья. Этотъ клирикъ не только прошелъ уже низшія церковныя должности, но былъ даже субдіакономъ. Ланскоронскій, увѣдомленный объ этомъ, привлекъ ксендза Стемпловскаго, префекта семинаріи, къ суду, требуя выдачи ему крѣпостного, и получилъ декретъ. Краковская консисторія тоже признала, что посвященіе клирика было неправильнымъ, и клирикъ былъ выданъ. Ланскоронскій, отобравъ клирика, съ котораго сняты были священническія одежды, приказалъ дать ему нѣсколько десятковъ розогъ и назначилъ своимъ гайдукомъ".

„Въ виду того, что требованія ксендзовъ *ad curam animarum* въ обширныя епархіи почти не прекращались,—понятно клирики должны были возможно скорѣе полу-

чать священническій санъ и разсылаться по приходамъ. Настоятель же былъ или бѣденъ, или жаденъ, и вовсѣ не интересовался талантами молодого помощника и назначалъ ему за будущіе труды самое убогое вознагражденіе, которое тотъ, гонимый нуждой, долженъ былъ принимать. Вотъ каковы были клирики и вотъ какіе выходили изъ нихъ затѣмъ руководители народной совѣсти и нравственности".

„Что касается сыновей богатой польской шляхты, то они, *ничего не зная*, или тотчасъ же по посвященіи получали готовыя доходныя мѣста канониковъ, прелатовъ, пробощей и т. д.; или до посвященія отправлялись для дальнѣйшаго образованія въ Италію, гдѣ, въ Римѣ или въ другомъ городѣ, должны были совершенствовать свои познанія. Какое воспитаніе получали тамъ клирики, я опишу въ иномъ мѣстѣ, ибо извѣстно, что, въ большинствѣ случаевъ, путешествія молодыхъ нашихъ прелатовъ ничѣмъ не разнились отъ путешествій свѣтской молодежи, кончавшихся чаще всего *продолжительными болѣзнями, вызванными порочными нравами*. Напрасно распространяться объ этомъ и рисовать столь печальныя картины: духовная молодежь *заражалась въ Римѣ* отъ своихъ же учителей духомъ сутяжничества, жадности, разврата; и такая моледежь наполняла наши храмы и духовныя школы, а даже и епископскіе дворы. Мы увидимъ результатъ ихъ образованія и воспитанія, увидимъ ихъ нравы и характеръ, когда намъ придется говорить о государственномъ и духовномъ управленіи, когда мы станемъ описывать ихъ нравы въ частной и общественной жизни. Достаточно прочесть сатиры Опалинскаго, чтобы убѣдиться, что эта картина ни преувеличена, ни шаржирована".

„Ознакомившись съ воспитаніемъ нашихъ ксендзовъ, *мы легко можемъ представить себѣ, какими учителями народа могли они быть*. Даже катехизисъ, это простѣйшее ученіе вѣрѣ, не вездѣ преподавался одинаково; способъ его изложенія былъ столь непріятенъ и противенъ народу, *что рѣдко кто соглашался его изучать, а еще рѣже можно было вынести что либо изъ этого изученія*, ибо въ каждомъ приходѣ дѣло обученія катехизису велось, какъ это угодно было настоятелю или викарію. Человѣкъ, переходя изъ одного прихода въ другой, убѣждался, что *ничего почти не знаетъ*, столь различно и странно было ученіе вѣрѣ. Епархіальное начальство, замѣтивъ наконецъ это, разрѣшило монахамъ переходить изъ одного прихода въ другой и миссіонерствовать тамъ, *точно среди язычниковъ, поучая незнающій катехизиса народъ* и такимъ образомъ разъясняя ему богослуженіе, требы и т. д. Эти миссіи являются самой рѣзкой критикой тогдашняго приходскаго духовенства".

„Еще труднѣе было услышать въ приходскомъ костелѣ хорошую проповѣдь; проповѣдничество находилось всецѣло въ рукахъ монашества; чаще всего читалось въ костелѣ соотвѣтствующее проповѣди евангеліе; но, коль скоро ксендзъ начиналъ его толковать, всегда получалось нѣчто вовсе несуразное, ибо эти толкованія были рядомъ потугъ на комментированіе, безо всякаго нравственнаго значенія. Не говорю уже объ исповѣди (при помощи которой просвѣщенный и отличающійся чистотою нравовъ ксендзъ можетъ руководить народомъ съ большою для него пользой), такъ какъ слишкомъ тягостно, изъ любви къ истинѣ, рисовать столь печальныя картины того времени. Исповѣдь была почти единственнымъ поводомъ къ тому, что народъ сторонился отъ своихъ приходскихъ костеловъ; если кто-либо хотѣлъ исповѣдоваться или послушать хорошую проповѣдь, то ему нужно было отправляться въ монастырскій костелъ".

О высшемъ духовенствѣ Коллонтай говоритъ: „*Оно обладало какимъ-то огульнымъ отвращеніемъ къ духовнымъ наукамъ*; изъ нихъ Дембовскіе, епископы куявскій и каменецкій были людьми весьма почтенными, но вовсе не учеными. Іосифъ Залускій, епископъ кіевскій, человѣкъ очень ученый, но неспособный и безнравственный, обладалъ особою страстью къ произнесенію проповѣдей, которыя всегда были очень плохи не только относительно дикціи, но и по содержанію; онѣ были переполнены безсмыслен-

ными прибаутками на различныхъ языкахъ. Прекрасно его характеризуетъ надгробная надпись: „*Hic jacet ingenium, expectat judicium* (тутъ лежитъ геній, — онъ ждетъ страшнаго суда). Трудно было ожидать чего-либо лучшаго, зная воспитаніе нашей духовной молодежи“.

Нѣсколько просвѣщеннѣе представляется намъ монашествующее духовенство, во главѣ котораго стояли въ Польшѣ іезуиты. „Хотя“, говоритъ Коллонтай, „цѣли установленія ордена іезуитовъ могли быть самыми похвальными,—послѣдствія, однако, показали, что это общество вездѣ и всегда одновременно хваталось за всѣ средства къ *обогащенію* и къ главенству въ каждой странѣ. Если путемъ религіи и образованности они пріобрѣтали кредитъ при какомъ либо дворѣ, то дѣло кончалось всегда стремленіемъ къ командованію монархомъ или его министрами и къ обогащенію іезуитской коллегіи. Вообще это было общество, которое хотѣло одновременно заправлять дѣлами вѣры и государства, духовенствомъ и свѣтской властью, науками и ханжами (*dewotkami*), отправлять миссіи къ язычникамъ и посольства ко дворамъ, вмѣшиваться во все, встать во главѣ правительства и всѣхъ классовъ общества. Вскорѣ по появленіи своемъ въ Польшѣ, іезуиты обратили на себя вниманіе религіозными дѣлами: учреждали миссіи, реколекціи, ввели торжественныя службы; затѣмъ къ богословію присоединили полемику съ еретиками, какъ главную духовную науку; наконецъ они дошли до главенства въ семинаріяхъ. Въ области народнаго образованія іезуиты начали съ элементарныхъ училищъ; затѣмъ перешли къ среднимъ школамъ, подъ предлогомъ огражденія школьной молодежи отъ порчи распространившеюся по Польшѣ ересью; на самомъ же дѣлѣ—съ тою цѣлью, чтобы укрѣпить молодежь въ религіозномъ фанатизмѣ, какъ единственномъ средствѣ поставить ее на всю жизнь въ зависимость отъ исповѣдниковъ и духовныхъ отцевъ. Затѣмъ іезуиты овладѣли главною школой въ Краковѣ; около времени своего паденія они основали новую академію во Львовѣ. Въ области пріобрѣтенія кредита при дворѣ, они сперва старались занять должности королевскихъ проповѣдниковъ, затѣмъ ихъ исповѣдниковъ, потомъ становились ихъ совѣтниками, агентами, послами; овладѣвъ такимъ образомъ кабинетомъ и совѣстью короля, они начинали править дворомъ согласно своимъ интересамъ, стремились стать необходимыми для всей страны. Подобную картину большого ихъ значенія представляютъ намъ царствованія Стефана Баторія и Сигизмунда III. Въ области порабощенія девотокъ (женщинъ-ханжей) и людей слабой воли іезуиты обладали особымъ умѣніемъ, съ которымъ не могли соперничать монахи другихъ орденовъ. Они умѣли найти удобное къ тому время, особенныя обстоятельства, которыя склоняютъ смущенный умъ къ восхваляемому ими образу жизни; они умѣли выбрать лицо способное и соотвѣтствующее характеру девотки или ханжи; они овладѣвали душей трудно уловимыми способами; плодомъ же этихъ стараній было обогащеніе той или другой коллегіи или богатыя завѣщанія, изъ-за которыхъ іезуиты не разъ должны были вести постыдныя тяжбы по судамъ“.

Что касается свѣтскаго просвѣщенія въ Польшѣ въ эту эпоху, то Коллонтай говоритъ слѣдующее: „Воспитаніе молодежи около XVIII вѣка дѣлилось на „панское“ и обыкновенное; первое надо еще подраздѣлить на домашнее и школьное. Домашнее образованіе не прекращалось до 1750 года; основанная Станиславомъ Конарскимъ, подъ названіемъ конвикта, первая въ Польшѣ школа для шляхетской молодежи, не отвѣчала тогдашнимъ требованіямъ. Польская шляхта уже въ то время страдала нынѣшними своими недугами: ей надо было, чтобы ея дѣти сперва учились лепетать по французски, чѣмъ по польски, для чего изъ Франціи выписывались учителя. Хотя эти учителя были по преимуществу люди неизвѣстнаго и загадочнаго происхожденія, и дѣти, кромѣ безнравственности, ничему путному отъ нихъ научиться не могли, шляхта однако гордилась этимъ просвѣщеніемъ“.

„Для окончанія начатаго дома образованія богатая молодежь была отправляема въ путешествіе за границу подъ предлогомъ дальнѣйшаго совершенствованія. Франція, скорѣе Парижъ, служилъ единственною почти цѣлью путешествій; тамъ молодые люди учились роскоши и разврату, часто попадая за долги въ тюрьму, откуда ихъ приходилось выкупать дорогою цѣной, какъ мы видимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ въ лучшихъ и богатыхъ семьяхъ. Это упорство въ подобнаго рода воспитаніи давало Польшѣ величайшихъ кутилъ, весьма плохихъ хозяевъ, а часто и весьма скверныхъ гражданъ“.

„Послѣ нѣсколькихъ годовъ путешествія молодые люди возвращались домой, не умѣя говорить ни о чемъ иномъ, какъ объ актрисахъ и театрахъ; втянувшись въ азартныя игры, привыкши къ роскоши, они окончательно растрачивали состоянія, вводили въ Польшѣ неизвѣстную дотолѣ испорченность, столь усилившуюся въ Парижѣ во время регентства герцога Орлеанскаго и царствованія Людовика XV“.

„Примѣру богатыхъ старались слѣдовать и люди средняго состоянія, тоже посылавшіе своихъ дѣтей за границу, гдѣ при худшей опекѣ зло оказывало на нихъ тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе; слѣдствіемъ этого была обыкновенно потеря состоянія и подражаніе всевозможнымъ чудачествамъ“.

„Во второй лишь половинѣ XVIII вѣка шляхта начала отдавать своихъ дѣтей въ отечественныя школы: іезуитскія, піарскія, бернардинскія, базиліанскія, академическія и др.“.

„Не было въ Польшѣ“,—говоритъ Коллонтай, „недостатка въ школьномъ образованіи и воспитаніи, *но былъ недостатокъ въ хорошемъ*“.

„Не желая нарушать избранный мною порядокъ, я не стану описывать здѣсь состоянія, въ которомъ находились у насъ до 1750 года точныя и свободныя науки; достаточно сказать, что всѣ вышепоименованныя школы пренебрегали совершенствованіемъ въ польскомъ языкѣ и хорошемъ произношеніи на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Непонятныя правила въ грамматикѣ, сухія остроты въ реторикѣ отнимали время у учениковъ, которые, довѣряясь своимъ учителямъ, терпѣливо переносили ихъ незнаніе и невѣжество“.

„Одна латынь требовала шестилѣтняго труда. Большинство учениковъ не проходило всего курса даже этихъ ничтожныхъ наукъ; рѣдко кто доходилъ до реторики, или зналъ, что заключаетъ философія, хотя бы приблизительно. Школьное образованіе *служило посмѣшищемъ*; выйдя изъ школы и поскорбѣвъ объ истраченномъ времени, приходилось наново учиться, сообразно со своими средствами и призваніемъ, чтобы знать хотя что-нибудь“.

„Лучшими школами были піарскія со слѣдующимъ подраздѣленіемъ на классы: 1-ый—*parva*, гдѣ учили читать и писать; 2-ой—*infima*, гдѣ учили читать по-латыни, а также латинскимъ склоненіямъ и спряженіямъ; 3-ій—*грамматика*, гдѣ изучалась этимологія латинскаго языка; 4-ый—*синтаксисъ*, гдѣ обучали правиламъ латинской конструкціи; 5-ый—*поэтика*, гдѣ изучали латинскую просодію, правила латинскаго и польскаго стихосложенія; 6-ой—*реторика*, гдѣ изучалось латинское и польское произношеніе“.

„На этомъ кончалась программа піарскихъ школъ; географіи, исторіи, ариѳметикѣ тамъ научиться нельзя было; желающіе должны были, если имѣли на то средства, обращаться къ частнымъ урокамъ. Въ школахъ другихъ орденовъ и въ академическихъ было четыре класса: *грамматика, поэтика, реторика* и *діалектика*, въ которой изучалось искусство аргументаціи“.

Изъ этого мы видимъ, что все просвѣщеніе поляковъ до начала IX вѣка основывалось на изученіи латинскаго языка, какъ языка правительствеваннаго; другимъ же предметамъ не учили вовсе, развѣ въ академіяхъ, которыя обыкновенно пустовали...

Гдѣ же та образованность и цивилизація, которыми такъ хвастаютъ при каждомъ случаѣ поляки, доказывая, что отъ нихъ Россія заимствовала просвѣщеніе?

Послѣ долгихъ изслѣдованій намъ удалось, наконецъ, узнать, что подъ словомъ просвѣщеніе—не только народъ, но и польскіе историки разумѣютъ исповѣданіе вѣры въ папу и усвоеніе ученій Рима.

Вообще же монастырскія училища были школой религіозной нетерпимости и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій находились въ состояніи умственнаго застоя. Даже въ концѣ царствованія Станислава Августа, когда свѣтскія заведенія, исторгнутыя изъ-подъ власти іезуитовъ и порученныя вѣдѣнію едукаціонной коммиссіи, значительно улучшились, монастырскія училища, не подчиненныя правительству, сохранили прежнее устройство. Многія науки, какъ, напр., математика, физика и другія, были вовсе изъ нихъ изгнаны, потому что, какъ говорили монахи, онѣ не имѣютъ никакой связи съ религіею; въ женскихъ же монастыряхъ запрещено было учить писать.

Таково просвѣщеніе, которое распространялъ и продолжаетъ распространять Римъ. Извѣстно, что оно основано, на отупленіи народовъ, распространителями котораго были іезуиты. Разительнѣйшій примѣръ этого представляетъ именно Польша, какъ это подтверждаетъ ксендзъ-историкъ Гуго Коллонтай, изображая дѣятельность іезуитовъ [1]). Вотъ что онъ говоритъ:

„Нельзя исчислить всѣ тѣ продѣлки, которыя учиняли іезуиты съ польскими девотками; обиліе подобнаго матеріала потребовало бы отдѣльнаго сочиненія. Для доказательства, однако, того, что здѣсь говорилось о іезуитахъ, мы приведемъ два любопытныхъ примѣра: одинъ—исторію съ Анной Фирлей (урожденной Тенчинской), женой сандомирскаго воеводы; второй—съ Екатериной Шембекъ (урожденной Опалинской), женой короннаго канцлера.

„Графиня Фирлей, богатая владѣлица графства Тенчинскаго, жила въ Тенчинскомъ“ замкѣ (въ трехъ верстахъ отъ Кракова). Іезуиты овладѣли этой слабою душей; Фирлей сперва отдала имъ свою совѣсть, затѣмъ свое состояніе и доходы; обособленная отъ общества, она жила лишь со своимъ духовнымъ отцомъ, съ іезуитами и съ тѣми изъ постороннихъ, которыхъ они допускали къ ней; для этого былъ назначенъ спеціально іезуитъ, стерегшій входъ въ замокъ: никому не разрѣшалось войти въ него, не давъ надсмотрщику предварительнаго отчета о цѣли прибытія. Всѣ текущія дѣла устраивалъ другой іезуитъ, который былъ коммиссаромъ тенчинскихъ помѣстій. Фирлей мечтала лишь о небесныхъ предметахъ, благодаря іезуитовъ за то, что они приняли на себя трудъ заниматься суетными дѣлами міра сего—ея капиталами. Ея духовникъ поддерживалъ въ ней надежду, что, ведя подобную жизнь, она достигнетъ, наконецъ, столь блаженнаго состоянія, что у нее будутъ небесныя видѣнія, и что она войдетъ въ тѣлесное общеніе со святыми; и, дѣйствительно, дѣло дошло до того, что Фирлей удостоилась общенія со св. Алоизіемъ и св. Станиславомъ Косткой; это были новиціаты изъ монастыря св. Матѳея, которыхъ иногда іезуиты посылали въ Тенчинъ, чтобы они мистическимъ образомъ являлись старой девоткѣ. Эти явленія очень понравились Фирлей; *святые* дошли съ нею до такого запанибратства, что даже бесѣдовали въ присутствіи собиравшагося у нея общества; иногда слышалась небесная музыка; подчасъ богобоязненная Фирлей танцовала со св. Алоизіемъ или со св. Станиславомъ Косткой и предпринимала другія набожныя упражненія. Ея духовникъ вполнѣ утвердилъ ее въ этой вѣрѣ, и она не сомнѣвалась, что все это небесное блаженство было ей наградой за религіозность и удаленіе отъ міра. Въ теченіе многихъ лѣтъ іезуиты пользовались доходами Фирлей, а она наслаждалась небесными видѣніями; между тѣмъ находились завистники, желавшіе нарушить этотъ столь пріятный образъ жизни, бывшій плодомъ іезуитскихъ моле-

---

[1]) См. *Obraz Polaków i Polski w 18 wieku* Рачинскаго; т. 6, стр. 77—88.

ній за пожертвованія, постъ и отреченіе отъ міра. Несмотря на старанія іезуитовъ, слухи о жизни заживо-погребенной въ замкѣ Фирлей распространялись по окрестностямъ. Напрасно протестовала семья, напрасно жаловались старые слуги,—никто не могъ нарушить довѣрія къ іезуитамъ; Фирлей никого не видала, никого не принимала,—это была небесная жизнь, которой не могъ познать и понять грѣшный міръ. Однако, какой-то кармелитскій послушникъ взялся освободить Фирлей. Это былъ извѣстный сборщикъ, умѣвшій ловко подъѣхать съ лестью; онъ сумѣлъ пройти мостъ въ замокъ, подъ предлогомъ собиранія подаянія, и расположить къ себѣ завѣдывавшагося имѣніями іезуита, квартира котораго находилась у самыхъ воротъ замка; наконецъ, ему удалось получить разрѣшеніе переночевать у управляющаго. Ловкій послушникъ не вмѣшиваясь въ распоряженія іезуитовъ, разузналъ отъ прислуги, не скрывавшей передъ нимъ истины, объ образѣ жизни ея госпожи.

„Разсказавъ всѣ божественныя исторіи, слуги передали ему и про то, какъ графиню эксплоатируютъ іезуиты; послушникъ узналъ о видѣніяхъ и о новиціатахъ, о вечернихъ бесѣдахъ и о ночныхъ оргіяхъ, о томъ, что приходилось претерпѣвать слугамъ, чтобы не потерять выгодныхъ мѣстъ. Ловкій послушникъ увѣдомилъ обо всемъ этомъ семью Фирлей и духовное начальство; тогда лишь въ первый разъ сцены, устраиваемыя іезуитами въ Тенчинѣ обнаружились. Но нельзя было принимать рѣзкія мѣры, ибо семья боялась разсердить богатую родственницу, которая могла лишить ее наслѣдства; послушникъ взялся выжить іезуитовъ изъ Тенчина шутовскимъ способомъ. Онъ зналъ, когда будетъ происходить въ замкѣ обыкновенная небесная бесѣда, заказалъ два большихъ позолоченныхъ ключа, приготовилъ себѣ костюмъ св. Петра и взялъ съ собою въ качествѣ свидѣтеля консисторскаго *курсора*, дабы іезуиты не могли впослѣдствіи отрицать происшедшее.

„По обычаю, вечеромъ, онъ явился къ іезуиту-комиссару, прося подаянія и разрѣшенія переночевать; ему дали комнату у управляющаго. Послушникъ выпилъ вина для куражу и сталъ спокойно ждать, чтобы послѣ долгихъ молитвъ графини сошли на землю небожители и въ замкѣ началась духовная бесѣда; тогда управляющій проводилъ его въ одну изъ комнатъ, откуда онъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ.

„Долго продолжался прекрасный ужинъ; вдругъ около полуночи послышалось пѣніе и небесная музыка; начались танцы; въ первой парѣ пошла Фирлей со св. Станиславомъ Косткой, дальше духовные отцы съ камеристками ясновельможной графини. Вся компанія находилась въ самомъ лучшемъ настроеніи, какъ вдругъ въ отдаленныхъ комнатахъ послышалось загадочное бряцаніе и шумъ; голосъ и стукъ раздавались все ближе и своею неожиданностью напустили страхъ на компанію; наконецъ, показался св. Петръ, въ обычномъ своемъ (какъ его изображаютъ) голубомъ облаченіи, съ большими золотыми ключами. Управляющій и иные слуги, знавшіе тайну, съ цѣлью усилить впечатлѣніе, пали ницъ. Гр. Фирлей смутилась при видѣ новаго *святого*, который напалъ на мнимаго св. Станислава Костку, немилосердно тузилъ его ключами, говоря, что, ради его забавы, не можетъ держать врата неба столь долго открытыми; бѣдный новиціатъ сталъ, наконецъ, плакать; тогда посѣтитель заявилъ ему, что будетъ бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не признается передъ этой благочестивой душей, которую онъ такъ долго обманывалъ, кто онъ на самомъ дѣлѣ. Не надо, конечно, было долго возиться съ новиціатомъ; онъ обнаружилъ свое званіе, сказалъ какъ его имя, открылъ, однимъ словомъ, всю правду въ присутствіи растерявшихся іезуитовъ, которые въ теченіе столькихъ лѣтъ глумились надъ благочестивой, но слабой душой. Тогда послушникъ сказалъ іезуитскому новиціату:

„Если ты пересталъ быть святымъ Станиславомъ Косткой, то и я перестану быть святымъ Петромъ и все разскажу ясновельможной госпожѣ—о томъ, кто я и съ какой цѣлью присвоилъ личность святого Петра. Я кармелитскій послушникъ, въ этотъ замокъ

проникъ я за подаяніемъ. Жалобы слугъ выяснили мнѣ, какія чудачества продѣлываютъ іезуиты съ ясновельможной госпожей; я видѣлъ, что они не только злоупотребляютъ ея добротой, но даже производятъ соблазнъ ложными чудесами. Это разошлось уже далеко за предѣлы замка; іезуитскіе новиціаты притворяются святыми Господними и обманываютъ ясновельможную госпожу, надъ чѣмъ смѣется вся страна; теперь я удаляюсь, предоставляя на волю ясновельможной госпожи поступать, какъ ей понравится. Мнѣ же ничего дурного сдѣлать нельзя, ибо при мнѣ находится въ качествѣ свидѣтеля консисторскій курсоръ".

„Графиня Фирлей выслушала терпѣливо всю эту рѣчь, поглядывая на уличенныхъ іезуитовъ. Оскорбленная столь продолжительнымъ глумленіемъ надъ ней, она въ ту же ночь отослала всѣхъ іезуитовъ въ Краковъ, а кармелитскаго послушника помѣстили въ аппартаментѣ коммиссара-іезуита. Вызвано было двое кармелитскихъ монаховъ, которые заняли мѣсто прогнанныхъ духовниковъ.

„Графиня Фирлей, стыдясь послѣ этой исторіи показываться въ обществѣ, не выѣзжала болѣе изъ своего замка и даже не хотѣла видаться съ родственниками, провела остальное время жизни въ обществѣ кармелитовъ, воздвигла имъ роскошный монастырь въ лѣсу на Черни, обезпечила его большимъ капиталомъ и въ этомъ новомъ костелѣ велѣла себя похоронить. Это — весьма живописная мѣстность, расположенная неподалеку отъ Кшетовицъ; двѣ высокія горы, находящіяся тамъ, соединены каменнымъ мостомъ на аркадахъ о трехъ этажахъ.

„Пани Шембекъ, жена короннаго канцлера, проживала въ Бабицахъ, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, и была извѣстною всѣмъ поклонницей іезуитовъ. Первый ея духовникъ уговорилъ ее дать обѣтъ путешествія въ Святую землю. Іезуитскій ксендзъ-„провинціалъ", усмотрѣвъ, что такое путешествіе, особенно для столь сановитой дамы, сопряжено было бы съ очень большими расходами, испросилъ въ Римѣ замѣну этого обѣта другимъ, по которому надлежало совершить путешествіе въ мѣсто, указанное ей духовникомъ; деньги же, предназначенныя на путешествіе въ Святую Землю, употребить на богоугодныя дѣла, по указанію то же духовника. Каждый легко догадается, что деньги эти пошли въ руки іезуитовъ. Разстояніе между Бабицами и Іерусалимомъ было іезуитами переведено въ шаги, по числу которыхъ опредѣлилось, что Шембекъ должна была паломничать пять лѣтъ. На все это время она отдала іезуитамъ въ полное распоряженіе всѣ свои имѣнія; сопровождать ее въ путешествіи были назначены четыре духовника; сшиты были и пилигримскія одежды, но вмѣсто дороги въ Іерусалимъ избранъ иной путь: прорублены въ бабицкой рощѣ тропинки, по которымъ Шембекъ ежедневно паломничала, проходя опредѣленное число шаговъ, присутствуя при этомъ на предписанныхъ для каждаго воображаемаго мѣста богослуженіяхъ, совершаемыхъ ея духовниками, благословлявшими ее каждый день на дальнѣйшій путь. Почему жъ бы," заканчиваетъ Коллонтай свой разсказъ, „не путешествовать Шембекъ въ сопровожденіи іезуитовъ, въ Грецію и Сирію, не выходя изъ Бабицъ, если графиня Фирлей имѣла въ Тенчинѣ даже райскія видѣнія, какъ мы въ этомъ только что убѣдились".

. . . .

Въ наши дни, несмотря на упраздненіе русскимъ правительствомъ польскихъ монастырей, не мало попадается въ Польшѣ женщинъ, подобныхъ вышеупомянутымъ гр. Фирлей и Шембекъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прислушаться къ бесѣдамъ „дамъ", сидящихъ при столикахъ во время пасхальнаго сбора и присмотрѣться къ ихъ мнимой благотворительной дѣятельности.

Явленіе это весьма естественно въ виду общенія ихъ преимущественно съ ксендзами, которые, какъ это указываетъ Коллонтай, будучи завербованы прямо отъ сохи или

отъ настьбы свиней, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія, основаннаго на чтеніи лишь указанныхъ латинскихъ книжекъ да на механическомъ исполненіи церковныхъ обрядовъ, а, главное, будучи проникнуты целибатическою порочностью и ненавистью къ иновѣрцамъ, становятся руководителями просвѣщенія польскаго народа.

По настоянію Бурбоновъ, зловредный іезуитскій орденъ былъ уничтоженъ буллой папы Климента XIV „Dominus ac Redemptor noster, 1773".

Насколько папѣ трудно было разстаться съ этимъ орденомъ, свидѣтельствуетъ написанное имъ къ королю испанскому Карлу III, письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезнѣйшій сынъ мой во Христѣ, здравствуй и пріемли апостольское благословеніе.

„Между всѣми страшными бѣдствіями, которыя обрушились на меня въ эти несчастныя девять лѣтъ моего первосвященничества, мое отеческое сердце больше всего терзаетъ то, о которомъ я узналъ изъ послѣдняго письма, въ коемъ Ваше Королевское Величество пишете мнѣ, что Вами предпринято изгнаніе изъ всѣхъ Вашихъ обширныхъ владѣній монаховъ общества Іисуса. Такъ и ты, Сынъ мой! (Tu quoque, mi ili!). Католическій король Карлъ III, столь намъ любезный,—онъ-ли преисполнитъ чашу огорченій нашихъ, онъ-ли потопитъ несчастнуюстарость нашу въ слезахъ и горестяхъ и ввергнетъ въ могилу? Всехристіаннѣйшій король испанскій Карлъ III—онъ-ли свои плечи, плечи столь могучія, данныя ему Богомъ для защиты и расширенія своей славы, чести св. Церкви и спасенія душъ—онъ-ли эти плечи предоставитъ въ распоряженіе врагамъ Бога и Церкви, дабы вырвать съ корнемъ столь сильный, столь драгоцѣнный для этой Церкви орденъ; орденъ, который начала свои и блескъ пріобрѣлъ отъ высоко доблестныхъ въ святости героевъ, коихъ Богъ избралъ въ народѣ испанскомъ для распространенія славы Его по всей землѣ? Онъ-ли пожелаетъ лишить навсегда страну свою и народъ свой тѣхъ благъ духовныхъ, которыя Церковь Господня обрѣтаетъ чрезъ посредство этого ордена въ теченіе двухъ вѣковъ, буде въ службѣ Божіей, буде во всемъ, что къ этой службѣ относится, какъ-то: въ проповѣдяхъ, миссіяхъ, катехизисѣ, духовныхъ упражненіяхъ, совершеніи таинствъ, обученіи молодежи вѣрѣ и наукамъ?

„Увы, о, Король; я лишаюсь силъ при одной мысли объ этихъ потеряхъ! Но еще болѣе потрясаетъ и страшитъ меня то, что мудрѣйшій и милостивѣйшій король Карлъ III, коего совѣсть такъ чутка, замыслы такъ чисты,—не опасался бы утраты вѣчнаго спасенія, если бы послѣднему изъ его подданныхъ былъ нанесенъ наименьшій ущербъ безъ разбирательства дѣла и выполненія правилъ, предписываемыхъ общественными законами для обезпеченія собственности и правъ каждаго гражданина. И вотъ, когда дѣло касается цѣлаго общества духовныхъ лицъ, посвятившихъ себя службѣ Божьей и службѣ общественному благу, не изучая ихъ, не выслушавъ ихъ, не давая имъ времени оправдаться, онъ же, этотъ Монархъ рѣшаетъ, что ему можно ихъ совсѣмъ уничтожить, лишить чести, изгнать изъ родины и жилищъ своихъ, законнопользуемыхъ и легально пріобрѣтенныхъ? Увы! Король, этотъ поступокъ слишкомъ важенъ. Если дѣяніе это никогда не можетъ найти оправданія въ очахъ Бога, Господа и Судьи всего творенія своего, то что-жъ поможетъ тебѣ, король,—одобреніе тѣхъ, кто далъ тебѣ такой совѣтъ? Что помогутъ рукоплесканія тѣхъ, которые присоединяются къ выполненію этихъ замысловъ? Что значитъ молчаніе вѣрныхъ твоихъ подданныхъ и терпѣливое равнодушіе тѣхъ, на которыхъ падаетъ этотъ страшный громъ? Что касается меня, то хоть я и ощущаю невыразимую горесть по этому случаю, но обсудивъ его по существу, признаюсь Вашему Королевскому Величеству, что очень страшусь, что дрожу за безопасность и спасеніе души Вашей, которая слишкомъ мнѣ дорога. Ваше Королевское Величество говорите, что къ этимъ замысламъ Васъ привела обязанность поддерживать миръ и спокойствіе въ своихъ земляхъ. Вѣроятно, въ этомъ есть

намекъ на то, что какія-то безпокойства, случившіяся въ управленіи Вашимъ народомъ, либо возбуждены, либо раздуты были нѣкоторыми членами общества Іисусова.

„Будь это такъ, король, почему не покарать виновныхъ, не налагая кары на невинныхъ? Говорю предъ Богомъ и людьми: общество, или цѣлое Corpus institutum, законы и Духъ Общества Іисусова совершенно невинны, и не только невинны, но набожны, полезны и святы. Всякіе заговоры его враговъ, не вызвали въ людяхъ безъ предубѣжденія и страстей ничего, кромѣ презрѣнія и отвращенія ко лжи и противорѣчіямъ, на которыхъ основывались фальшивыя претензіи противниковъ. Общество это состоитъ, какъ всѣ другія, изъ людей, которые могутъ заблуждаться и ошибаться; но ошибки и заблужденія отдѣльныхъ лицъ не находятъ ни поддержки, ни защиты въ законахъ и духѣ Общества.

Обращаюсь, наконецъ, къ набожности, В. К. Величества! Можетъ ли эта набожность взирать безъ страха на послѣдствія сего дѣянія? Не хочу ничего говорить о потерѣ столь большого числа работниковъ, которую понесетъ цвѣтущая Церковь Испанская; не хочу говорить о плодахъ ихъ набожности и полезной дѣятельности, которые они расточали въ этой Церкви. Но столько миссій въ дальнихъ краяхъ и у дикихъ народовъ, миссій, основанныхъ и поддерживаемыхъ цѣною крови и пота учениковъ и послѣдователей св. Игнатія и св. Франциска-Ксаверія, во что превратятся онѣ, когда утратятъ пастырей своихъ, духовныхъ отцевъ своихъ? А сколько бѣдныхъ душъ, либо вошедшихъ уже въ овчарню Христову, либо имѣвшихъ возможность войти въ нее, сколько должно погибнуть благодаря своему осиротѣнію, и какими воплями будутъ онѣ взывать къ суду Господню противъ тѣхъ, кто ихъ лишилъ средствъ къ спасенію?

Но, скажутъ политики, это уже совершилось, дѣло кончено, королевскій приказъ опубликованъ. Что бы сказалъ свѣтъ, если бы исполненіе королевскаго приказа было отмѣнено или пріостановлено? А почему не лучше спросить, что скажетъ Небо? Но да будетъ такъ: Что скажетъ свѣтъ? Скажетъ то, что говоритъ и не перестаетъ говорить столько вѣковъ о могущественнѣйшемъ монархѣ восточныхъ странъ. Артаксерксъ, тронутый мольбами и слезами Эсоири, отмѣнилъ декретъ, которымъ по предательскому наущенію, отдавалъ на избіеніе во всѣхъ своихъ странахъ еврейскій народъ. Этимъ онъ навсегда пріобрѣлъ славу справедливаго царя и побѣдителя самого себя. Ахъ, Король! Я предлагаю Тебѣ прекрасный случай пріобрѣсти такую же славу! я предлагаю Тебѣ уже не молитвы Королевы супруги Твоей, которая съ высотъ неба, вѣроятно, еще напоминаетъ Тебѣ про свою любовь къ Ордену Іисуса; но предлагаю Тебѣ молитвы Святой Невѣсты Іисусовой—Святой Церкви, которая безъ слезъ не можетъ видѣть окончательную гибель, грозящую ордену, отъ коего она получила столь большія услуги. Я къ тому присовокупляю и личныя свои мольбы, вмѣстѣ съ просьбами Св. Римской Церкви. Насколько эта Церковь гордится неизмѣннымъ благоволеніемъ Вашего Величества и славныхъ предшественниковъ Вашихъ къ Столицѣ св. Петра; столько же гордится и тѣмъ, что всегда давала особѣ Вашего Величества и Испанской Монархіи прекраснѣйшія доказательства исключительной любви. Прошу Ваше Кор. Величество сладчайшимъ Именемъ Христовымъ, которое является знаменитымъ украшеніемъ сыновъ Св. Игнатія;—прошу именемъ Пресв. Дѣвы Маріи, которой непорочное зачатіе они всегда защищали; прошу именемъ горестной моей старости,—чтобы Вы уступили, отмѣнили или по крайней мѣрѣ задержали изданный Декретъ. Повели, король, разобрать дѣло по закону! Дай мѣсто справедливости и правдѣ, чтобы съ ихъ помощью могли быть разогнаны тучи предубѣжденнаго разумѣнія и злой подозрительности! Внемли совѣтамъ учителей Израиля, епископовъ и лицъ духовныхъ, въ дѣлѣ, касающемся и государственнаго начала и чести церкви и спасенія душъ и собственной Твоей совѣсти, и вѣчнаго Твоего спасенія. Я вполнѣ увѣренъ, что сразу станетъ явно, что наказаніе и уничтоженіе цѣлаго Ордена не соотвѣтствуетъ проступ-

камъ, если они и были, малаго числа отдѣльныхъ лицъ. Будучи убѣжденъ въ особенной набожности и испытанной справедливости Твоей, я полонъ довѣрія, что Ты, Король, пожелаешь выслушать усиленныя мои просьбы, что Ты пожелаешь принять отеческій и пастырскій совѣтъ, который Тебѣ даю; что Ты удовлетворишь моимъ желаніямъ, не менѣе умѣреннымъ, чѣмъ законнымъ. Въ такой надеждѣ, столь правильно обоснованной, посылаю В. К. Величеству и всей Семьѣ Королевской Апостольское благословеніе. Дано въ Римѣ у св. Петра 16 дня мая 1767 г., а папства нашего въ 9-го».

Такъ напѣвалъ папа, стараясь отуманить умъ прозрѣвшаго короля испанскаго, но это ему неудалось: Іезуиты были отовсюду изгнаны и ихъ орденъ чрезъ шесть лѣтъ уничтоженъ буллою того же папы.

Булла эта, данная въ Санта-Марія-Маджоре и скрѣпленная кардиналомъ Негрони, приводится нами in extenso, въ томъ видѣ, въ какомъ была обнародована 21 іюля 1773 года. Выпущены только мѣста, не касающіяся ни прямо, ни косвенно ордена іезуитовъ, какъ напримѣръ, начало бреве, гдѣ папа Климентъ XIV исчисляетъ всѣ монашескіе ордена, раздѣлившіе одну судьбу съ орденомъ іезуитовъ.

„Поставивъ себѣ на видъ исчисленные выше примѣры и многіе другіе равнаго значенія и вѣса, горя притомъ желаніемъ итти съ довѣріемъ и смѣлымъ шагомъ къ тому рѣшенію, о которомъ мы ниже скажемъ—мы не пренебрегли ни усиліями, ни изысканіями, дабы изслѣдовать все, что касается происхожденія, успѣховъ и настоящаго состоянія общества, называемаго въ обыденной рѣчи *Орденомъ Іисуса.* Мы открыли, что онъ былъ установленъ своимъ святымъ основателемъ для спасенія душъ, для обращенія еретиковъ, а особенно невѣрныхъ, наконецъ, чтобы сообщить новый блескъ и ростъ набожности и религіи; что, для болѣе легкаго и счастливаго достиженія этой желанной цѣли, орденъ посвятилъ себя Богу посредствомъ весьма-строгаго обѣта евангельской бѣдности, настолько въ общемъ составѣ, насколько и порознь, за исключеніемъ домовъ науки и искусствъ, коимъ разрѣшалось имѣть нѣкоторыя средства—при томъ условіи, однако, что никакая доля этихъ средствъ не могла быть ни похищена, ни примѣнена къ выгодамъ, пользѣ и нуждамъ ордена.

На основаніи этихъ и другихъ равно мудрыхъ законовъ, Павелъ III, предшественникъ нашъ, утвердилъ сначала орденъ Іисуса своей буллой отъ 26 сентября 1540 года и позволилъ выработать статуты и регламентъ, которымъ были бы обезпечены спокойствіе, существованіе и режимъ ордена; хотя онъ и ограничилъ это зарождающееся общество, допустивъ въ немъ всего 60 членовъ, тѣмъ не менѣе, другою буллой отъ 28 февраля 1543 года, онъ позволилъ Суперіорамъ ордена допускать въ его составъ всѣхъ, кто могъ имъ показаться полезнымъ или необходимымъ. Тогда тотъ же предшественникъ нашъ Павелъ III бреве отъ 15 ноября 1549 года далъ обществу весьма большія привилегіи, разрѣшилъ главнымъ начальникамъ ордена вводить въ него 20 священниковъ въ качествѣ духовныхъ адьюторовъ, которые получали тѣ же права и привилегіи, которыми пользовались профессы общества. Онъ пожелалъ и повелѣлъ, чтобы это полномочіе простиралось безъ всякаго ограниченія и безъ опредѣленія числа на всѣхъ, кого сочтутъ достойными генералы. Кромѣ того, самое общество, всѣ члены, его составлявшіе и ихъ имущество были совершенно изъяты изъ вѣдѣнія свѣтскаго начальства, суда и наказанія. Этотъ папа принялъ орденъ подъ свое личное покровительство и подъ покровительство Святѣйшаго Престола.

Другіе наши предшественники впослѣдствіи дѣйствовали съ такою же щедростью и благостью по отношенію къ этому ордену. Въ самомъ дѣлѣ, Юлій III, Павелъ IV, Пій IV и V, Григорій XIII, Сикстъ V, Григорій XIV, Климентъ VIII и другіе первосвященники либо подтвердили, либо увеличили, либо точнѣе опредѣлили уже данныя этому ордену привилегіи. Однако самое содержаніе и форма этихъ апостольскихъ установленій доказываютъ, что Общество, въ самомъ своемъ началѣ, породило въ нѣдрахъ сво-

ихъ ссоры, зависть и другія причины вражды, которыя не только разчленяли его, но даже настроили враждебно противъ другихъ орденовъ, напр., противъ секулярнаго духовенства, академій, университетовъ, коллегій, публичныхъ школъ и даже противъ тѣхъ самихъ Государей, которые ихъ приняли и допустили въ свои владѣнія. Эти смуты и разногласія возникали по вопросамъ о характерѣ и существѣ монашескихъ обѣтовъ, о времени допущенія новиціатовъ къ произнесенію этихъ обѣтовъ, о правѣ ихъ удалять или, наоборотъ, возводить въ высшій санъ безъ законнаго полномочія и безъ произнесенія ими соотвѣтствующихъ обѣтовъ; послѣднее противно рѣшеніямъ Совѣта Тридцати и Пія V, предшественника нашего. Возникали смуты и по вопросамъ объ абсолютной, неограниченной власти, которую присваивалъ себѣ генералъ ордена; и о нѣсколькихъ другихъ пунктахъ, касающихся уставовъ общества; наконецъ, пререканія возникали и изъ-за различныхъ сторонъ ученія ордена Іезуитовъ, изъ-за коллегій, изъ-за неподсудности членовъ ордена, которая казалась оскорбительной и незаконной для нѣкоторыхъ лицъ, облеченныхъ свѣтскою властью и даже духовною. Наконецъ, всѣ самыя тяжкія обвиненія были возведены на общество, чѣмъ на долго былъ нарушенъ покой христіанства.

„Отсюда возникло безчисленное множество жалобъ противъ этого ордена, переданныхъ на разсмотрѣніе Павлу IV, Пію V и Сиксту V, предшественникамъ нашимъ, при вмѣшательствѣ нѣсколькихъ монарховъ. Славной памяти Филиппъ II, король испанскій, поставилъ на видъ Сиксту V, предшественнику нашему, жалобы испанскихъ инквизиторовъ по поводу чрезмѣрныхъ правъ и привиллегій ордена іезуитовъ и нѣкоторыхъ особенностей его устава, но также упомянулъ о пунктахъ разногласія доктрины ордена іезуитовъ съ католической доктриной. Эти пункты были отмѣчены самими же членами ордена, наиболѣе заслуживающими довѣрія по своей учености и набожности. Поэтому король просилъ у первосвященника назначить и выслать для изслѣдованія этихъ пререканій комиссію изъ Рима.

„Просьбы и старанія Филиппа II казались основанными на справедливости и правосудіи; Сикстъ V обратилъ на нихъ должное вниманіе и назначилъ визитаторомъ епископа, всѣмъ извѣстнаго за свое благоразуміе, добродѣтель и образованность. Сверхъ того, Сикстъ V намѣтилъ совѣтъ изъ кардиналовъ, которые направили бы всѣ свои бдительныя усилія къ уничтоженію этого недоразумѣнія. Но преждевременная смерть похитила предшественника нашего Сикста V; благотворный проэктъ его не выполнился и остался безъ послѣдствій. Блаженной памяти Григорій XIV, едва взойдя на престолъ святого Петра, далъ снова, своей буллой 28 іюня 1591 года, самое обширное утвержденіе уставу Общества. Онъ подтвердилъ и укрѣпилъ всѣ привилегіи, данныя обществу іезуитовъ его предшественниками, а особенно—право исключать членовъ изъ ордена безъ всякихъ юридическихъ формъ, т. е. безъ слѣдствія, безъ протоколовъ суда, безъ послѣдовательнаго судебнаго порядка, безъ всякой проволочки, будь она даже необходима, а только по одному разсмотрѣнію сущности дѣла, при чемъ существенное вниманіе должно обращаться только на самое преступленіе или проступокъ, достаточный для изгнанія, на личность согрѣшившаго и на побочныя обстоятельства. Сверхъ того, Григорій XIV предписалъ строжайшее молчаніе относительно дѣлъ ордена и особенно воспретилъ, подъ страхомъ лишенія Причастія и церковнаго отлученія,—прямо или косвенно въ чемъ бы то ни было обвинять орденъ и его уставъ, опредѣленія или декреты общества, либо также вводить въ нихъ какія либо перемѣны. Однако, онъ оставилъ за всякимъ право предлагать, но только одному ему и его преемникамъ, либо непосредственно, либо черезъ легатовъ и нунціевъ святого престола, все, что считаетъ нужнымъ перемѣнить въ орденѣ, отнять или прибавить.

„Но всѣ эти предосторожности не успокоили стоновъ и жалобъ, направленныхъ противъ общества. Напротивъ, замѣчено было, что въ мірѣ все болѣе распространяются живые протесты противъ ученія ордена, которое многіе обвиняли въ полномъ несогласіи

съ правовѣрной религіей и нравственностью. Самое общество разрывали внутреннія и внѣшнія усобицы. Въ числѣ другихъ, возведенныхъ на него обвиненій, было обвиненіе въ крайней жадности и тяготѣнію къ земнымъ благамъ. Таковъ былъ источникъ этихъ, увы, слишкомъ извѣстныхъ смутъ, причинившихъ столько горя и скорби апостольскому Престолу. Такова причина вражды, которой прониклись къ ордену многіе государи. Отсюда произошло то, что монахи ордена, желая получить отъ блаженной памяти Павла V, нашего предшественника, новое подтвержденіе своего устава и своихъ привиллегій, были принуждены просить у него подтвержденія и подписи нѣсколькихъ декретовъ, которые были обнародованы въ V-ой конгрегаціи и дословно повторены въ его буллѣ отъ 14 сентября 1606 года. Въ этихъ декретахъ находится заявленіе о томъ, что, въ виду смутъ и вражды между членами Ордена а также по причинѣ постороннихъ и многочисленныхъ жалобъ, общество, собравшись на общую конвенцію, постановило составить нижеслѣдующій статутъ: „Наше общество, преднамѣченное самимъ Богомъ для распространенія вѣры и для спасенія душъ, можетъ дѣйствіями, соотвѣтствующими его уставу и составляющими духовное оружіе общества, благополучно достигнуть, подъ знаменемъ креста, назначенной цѣли, съ пользою для Церкви и къ поученію ближняго. Но, съ другой стороны, оно утратило бы эти преимущества и подверглось бы величайшимъ опасностямъ, если бы занялось вмѣшательствомъ въ дѣла вѣка, касающіяся политики и управленія государствами: потому-то наши предки намъ весьма мудро повелѣли, служа Богу, не вмѣшиваться въ дѣла, противныя нашей профессіи. Но, такъ какъ, въ это несчастное время, нашъ орденъ, быть можетъ по ошибкѣ или по причинѣ честолюбія и стараній нѣсколькихъ его членовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ подвергается нападенію и покрылся клеветой въ глазахъ нѣсколькихъ государей, коихъ благоволеніе и любовь намъ завѣщалъ сохранять отецъ нашъ Игнатій, для большаго угожденія Господу, такъ какъ благоуханіе Христово необходимо, чтобы давать плоды вѣры, общество рѣшило, что слѣдуетъ воздержаться отъ всякой наружности грѣха и предупреждать, насколько возможно, самыя жалобы, основанныя на ложныхъ подозрѣніяхъ. Посему, настоящимъ декретомъ общество запрещаетъ всѣмъ своимъ монахамъ подъ страхомъ самыхъ суровыхъ наказаній какъ бы то ни было вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы ихъ къ тому приглашали, или если бы ихъ побуждала къ такому участію важная причина. Членамъ общества предписывается неуклонно подчиняться статуту общества, не прибѣгая для полученія льготъ ни къ просьбамъ, ни къ вымогательству. Кромѣ того конгрегація повелѣла членамъ комиссіи тщательно установить способы, къ какимъ можно прибѣгнуть въ случаѣ явныхъ отступленій отъ закона“.

„Мы съ величайшею горестью усмотрѣли, что эти средства, равно какъ и многія другія, примѣненныя впослѣдствіи, не возымѣли достаточной силы для уничтоженія и разсѣянія смутъ, обвиненій и жалобъ, направленныхъ противъ Общества. Другіе наши предшественники—Урбанъ VIII, Клименты IX, X, XI и XII, Александры VII и VIII, Иннокентіи X, XI, и XIII и Бенедиктъ XIV—напрасно напрягали усилія для возстановленія прежняго и столь желаннаго покоя Церкви. Они издали для этого нѣсколько постановленій относительно секулярныхъ (свѣтскихъ) дѣлъ, которыми обществу воспрещено было заниматься, ни во время своихъ миссій, ни подъ ихъ прикрытіемъ, и относительно важныхъ ссоръ и столкновеній между членами общества по вопросамъ догматическимъ и другимъ. Эти недоразумѣнія были причиною гибели душъ и соблазнительно вліяли на вѣрующихъ. Происходили также столкновенія у ордена и съ другими орденами, религіозными учрежденіями и общинами всякаго рода въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Не мало возникало пререканій и по поводу истолкованія и выполненія нѣкоторыхъ особенностей ритуала. *Имъ сообщался языческій характеръ*, несмотря на который они допускались въ такомъ видѣ во многихъ мѣстахъ, въ ущербъ законамъ Церкви. Ссоры

возникали у ордена еще и по обвиненіямъ другихъ дѣятелей. Эти обвиненія заключались въ томъ, что орденъ пользуется въ собственномъ, извращенномъ толкованіи такими правилами, которыя сами по себѣ заслуживали справедливаго запрещенія отъ святого Престола, *какъ вредоносные и явно безнравственные принципы.* Наконецъ, смуты возникали изъ-за другихъ предметовъ, крайне важныхъ для интересовъ Церкви и относительно которыхъ допущены были и въ этомъ и въ прошломъ вѣкѣ сильныя злоупотребленія. Они повлекли за собой много золъ и бѣдъ и даже вызвали гоненіе на Церковь въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы и Азіи. Всѣ наши предшественники, а въ ихъ числѣ блаженной памяти, Иннокентій XI,—были весьма огорчены необходимостью воспретить Обществу давать монашеское одѣяніе новиціатамъ; Иннокентій XIII былъ вынужденъ сдѣлать Обществу угрозу относительно того же самаго; наконецъ, блаженной памяти, Бенедиктъ XIV, повелѣлъ произвести ревизію домовъ и коллегій ордена, находящихся во владѣніяхъ дражайшаго сына нашего во Христѣ, всехристіаннѣйшаго короля Португаліи и Альгарвы.

„Святой Престолъ не получилъ впослѣдствіи никакой радости, Общество не извлекло никакого преимущества, христіанство же не пріобрѣло никакой славы изъ послѣднихъ апостольскихъ писемъ нашего непосредственнаго предшественника Климента XIII относительно Ордена Іисуса. Эти письма были получены отъ него почти насильственно. Въ нихъ нашъ предшественникъ не преминулъ выразить личное свое благоволеніе къ ордену и подтвердилъ его уставъ, несмотря на всѣ козни и интриги его враговъ.

„Послѣ столькихъ бурь и переворотовъ, вѣрующіе не переставали надѣяться на возстановленіе покоя. Но во время пастырскаго служенія Климента XIII времена еще ухудшились. Жалобы на Общество росли изо дня въ день. Возникли смуты, ссоры, вражда, очень опасныя отдѣленія партій и даже *соблазнъ*, который совершенно разрушилъ узы христіанства, воспламенилъ духъ партійности въ вѣрующихъ и вызвалъ ненависть и вражду между ними. Опасность настолько возрасла, что даже всегдашніе покровители іезуитовъ, короли французскій, испанскій, португальскій и обѣихъ Сицилій были принуждены силою обстоятельствъ изгнать ихъ изъ своихъ государствъ. Между тѣмъ такая мѣра была нужна для того, чтобы устранить вражду и соблазнъ между христіанами, разрывавшіе ихъ узы на самомъ лонѣ Церкви. Но европейскіе правители сочли невозможнымъ возстановить полное спокойствіе въ своихъ государствахъ на иныхъ условіяхъ, чѣмъ полное уничтоженіе самаго ордена. Клименту XIII было на этомъ основаніи изложено настоятельное желаніе и требованіе—принять эту мѣру, обезпечивающую религіозное и политическое спокойствіе Европы. Неожиданная смерть Климента XIII помѣшала выполненію общаго желанія всѣхъ европейскихъ монарховъ. Едва мы вступили на престолъ святого Петра, какъ намъ были сдѣланы тѣ же предложенія, предъявлены тѣ же требованія. Къ этимъ послѣднимъ присоединились многочисленныя и благоразумныя добавленія и совѣты епископовъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

„Но, желая дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ со всѣми необходимыми предосторожностями, мы сочли нужнымъ посвятить значительное количество времени не только для подробныхъ изслѣдованій, но также, чтобы призвать на наше дѣло милость и благоволеніе Бога... Мы особенно тщательно изслѣдовали вопросъ: откуда возникло мнѣніе, что Орденъ Іезуитовъ былъ торжественно, подтвержденъ совѣтомъ тридцати—и убѣдились, *что этого не было...* Совѣтъ (Сессія 25, гл. XVI, de regular.) объявилъ, что не желаетъ ничего вводить и утверждать новаго...

„Убѣдившись, *что почти невозможно, чтобы Церковь пребывала въ спокойствіи, пока будетъ существовать орденъ;* движимые другими еще соображеніями, внушенными намъ интересомъ Церкви, мы уничтожаемъ и объявляемъ несуществующимъ Орденъ Іисуса. Мы уничтожаемъ всѣ его административныя установленія, дома, коллегіи, богадѣльни.

госпитали и всѣ другія мѣста, какимъ бы то ни было образомъ ставшіе собственностью Общества, и находящіеся гдѣ бы то ни было, въ провинціяхъ, государствахъ или колоніяхъ. Объявляются уничтоженными всѣ статуты и декреты, касающіеся общества, буде они даже исходятъ отъ святого Престола... Мы отнимаемъ на вѣчныя времена и всецѣло—всякую свѣтскую и духовную власть у генерала ордена, провинціаловъ, визитаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ ордена... Мы запрещаемъ съ этого времени принимать кого-бы то ни было въ новиціи ордена и посвящать въ духовный санъ. Помимо того, всѣмъ новиціямъ, находящимся нынѣ въ составѣ ордена, повелѣваемъ немедленно, безъ проволочекъ и фактически быть уволенными изъ него... Что касается тѣхъ, которые получили высшій санъ въ орденѣ, то имъ разрѣшается перейти въ другой орденъ, по дозволенію святого Престола... или остаться въ міру въ качествѣ священниковъ, обязуясь притомъ вполнѣ и безпрекословно подчиняться властямъ того мѣста, гдѣ будутъ находиться...

„Но профессы, которые вслѣдствіе старости, немощности или другихъ причинъ, пожелаютъ остаться въ зданіяхъ и коллегіяхъ ордена, могутъ пребыватьтамъ съ условіемъ невмѣшательства въ управленіе этими зданіями и коллегіями... Они могутъ собираться вмѣстѣ въ одномъ или нѣсколькихъ домахъ, но будетъ назначено особое лицо изъ мірского духовенства, извѣстное своею добродѣтельностью и благоразуміемъ,—для управленія и наблюденія за состояніемъ этихъ домовъ, такъ какъ отъ общества не должно остаться даже имени...

„Іезуиты, изгнанные изъ другихъ странъ, не имѣютъ права быть приходскими священниками, и имъ предоставляется либо поступить въ монастыри, либо состоять помощниками при настоятеляхъ приходовъ, съ полнымъ подчиненіемъ мірскимъ властямъ... Отъ усмотрѣнія послѣднихъ будетъ зависѣть разрѣшить имъ исповѣдывать и произносить проповѣди въ церквахъ; безъ письменнаго полномочія никто не имѣетъ этого права... Сверхъ того, всѣ члены Общества, занимавшіеся воспитаніемъ молодежи, теряютъ право продолжать свою дѣятельность *гдѣ-бы то ни было*... Уничтоженіе дѣятельности Ордена простирается и на миссіи; будетъ найденъ другой способъ распространенія вѣры между язычниками...

„Мы воспрещаемъ всякому, послѣ обнародованія этого бреве, подъ страхомъ проклятія и отлученія, объявлять его недѣйствительнымъ подъ предлогомъ: обмана, передѣлки или неясности въ текстѣ, недобровольнаго обнародованія, или всякимъ другимъ...

„Мы запрещаемъ всѣмъ духовнымъ лицамъ, а особливо членамъ или друзьямъ Общества—писать и издавать и даже и говорить что бы то ни было объ уничтоженіи ордена, а особенно противъ этого уничтоженія“.

Сопоставляя буллу эту съ письмомъ того же папы къ королю испанскому, невольно бросается въ глаза наглость съ какою „непогрѣшимые Святые Отцы“ обманывали монарховъ и народы: письмо папы къ королю восхваляло орденъ іезуитовъ до небесъ, называя его святымъ, папская же булла именуетъ его еретическимъ и сравниваетъ съ сборищемъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ.

Стремясь къ достиженію вліянія на европейскую политику, іезуиты послѣ уничтоженія парагвайской республики, овладѣли между прочимъ торговлей ядами, и этимъ навлекли на себя ненависть не меньше, чѣмъ вмѣшательствомъ въ политику. Наконецъ, Португалія изгнала ихъ изъ страны въ 1759 г., а за ней Франція, Испанія, Неаполь и Парма въ 1764 г., т. е. до изданія папской буллы. Странно, что Фридрихъ Великій и Екатерина II запретили въ своихъ государствахъ приведеніе въ исполненіе папской буллы и сохранили іезуитовъ, пока не убѣдились, съ какими отъявленными негодяями имѣютъ дѣло. Что касается поляковъ, то они не разставались съ іезуитами вплоть до уничтоженія ихъ ордена русскимъ правительствомъ. Этимъ объясняется

іезуитизмъ, понынѣ сквозящій въ словахъ и дѣйствіяхъ поляковъ, что́ они именуютъ хорошимъ воспитаніемъ и выдержкой; открытое же обращеніе и образъ дѣйствій русскихъ, безъ поклоновъ и присѣданій, они называютъ неотесанностью... Историкъ Костомаровъ такъ описываетъ польскую интеллигенцію—шляхту и ея цивилизацію [1]). „Съ второй половины XVIII вѣка, когда во Франціи распространилась новая антирелигіозная философія, многіе поляки стали возвращаться изъ путешествія деистами и атеистами. Такой рѣзкій переходъ отъ рожанцовыхъ братствъ былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Полякъ ѣхалъ за границу совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ религіи, а потому, какъ только касалась его свободная критика, сопровождаемая тонкими насмѣшками надъ его простодушною вѣрою, какъ только онъ, кромѣ того, замѣчалъ, что въ Европѣ стало модою между образованными людьми не вѣрить, тотчасъ и переходилъ въ противный лагерь: онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы его считали образованнымъ человѣкомъ. Этотъ переходъ къ безвѣрію совершался такъ же быстро и необдуманно, какъ его дѣды въ XVI вѣкѣ переходили къ лютеранству или аріанству, не давая себѣ отчета, для чего они это дѣлаютъ? Были даже примѣры, что польскіе паны обращались въ іудейскую вѣру и подвергались обрѣзанію. Такъ поступилъ Мартинъ Любомирскій, связавшійся съ извѣстнымъ Франкомъ, основателемъ секты, надѣлавшей шуму въ іудейскомъ мірѣ, въ XVIII вѣкѣ. Другой знатный панъ, Радзивиллъ, носившій титулъ короннаго крайчаго, такъ любилъ іудеевъ, что каждую пятницу устраивалъ для нихъ шабашные пиры, а наконецъ открыто сдѣлался іудеемъ. Но его родственники учредили надъ нимъ опеку, признавая его безумнымъ.

„Большинство шляхетскаго юношества, не ѣздя за границу, искало себѣ карьеры въ отечествѣ по окончаніи своего скуднаго ученія. Коронной службы въ Польшѣ было мало. Многіе опредѣлялись въ такъ называемую дворянскую службу—къ знатнымъ панамъ; тамъ имъ давали занятія по ихъ достоинству, по протекціи или по капризу властелина. Однихъ приставляли къ собакамъ, другихъ къ лошадямъ; однихъ допускали смотрѣть за панскими платьями, другихъ за панскимъ буфетомъ; тѣхъ удостоивали стоять съ тарелкою за кресломъ пана или пани; другіе сидѣли въ канцеляріи и писали панскіе счеты; иные, удостоенные панскаго довѣрія, отправлялись въ панскія деревни экономами, диспозиторами, провентовыми писарями и проч. Нѣкоторые ничего ровно не дѣлали, жили, какъ говорилось, *на респектъ*, и развлекали властелина, если на это были способны, или же составляли панскія команды, и если панъ вздумаетъ сдѣлать наѣздъ на сосѣда, или на судъ, то отправлялись на разбой. Не всѣхъ къ дворянской службѣ побуждала корысть, не всѣ служили на жалованьѣ: люди зажиточные, владѣвшіе собственными имѣніями, отдавали своихъ сыновей во дворъ, чтобы они набрали тамъ лоску (poloru). У пани было также много шляхетныхъ дѣвицъ, которыхъ онѣ часто выдавали замужъ и снабжали приданымъ. Такой шляхетской дворни въ Польшѣ были десятки тысячъ. Поляки кичились своею свободою, называли рабами другіе народы, у которыхъ было монархическое правленіе, но сами не считали унизительнымъ добровольное холопство. Бить и сѣчь благородныхъ шляхтичей было въ обычаѣ; требовалось только, чтобы экзекуція сѣченія происходила на коврѣ.

„Другіе, окончившіе ученіе, не желая исполнять у магнатовъ лакейскія обязанности, предпочитали идти въ такъ называемую палестру. Это была корпорація молодыхъ людей, посвятившихъ себя юриспруденціи. При трибуналахъ, при городскихъ и земскихъ судахъ, при ассесоріяхъ, консисторіяхъ терлись они подъ названіемъ меценатовъ, адвокатовъ, патроновъ, пленипотентовъ и пр. Все это были ходатаи по разнымъ дѣламъ и кандидаты на должности, которыя можно было получить въ свое время, при помощи связей и протекціи. Иные находили себѣ въ этомъ занятіи средства къ суще-

---

[1]) См. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, стр. 60—75.

ствованію, но зажиточные поступали въ палестру только для практическаго изученія судопроизводства и умѣнья ворочать законами. Народъ, составлявшій палестру, отличался такими же буйными нравами, какъ и дворня магнатовъ.

„Иные изъ молодежи поступали въ военную службу. Въ XVIII вѣкѣ войско въ Польшѣ представляло что-то до крайности комическое. Послѣ сейма 1717 года постановлено было число войска до 18-ти тысячъ. Польское войско раздѣлялось на два отдѣла: польскій и нѣмецкій. Въ первомъ команда была по-польски, въ другомъ по-нѣмецки; первый состоялъ изъ конницы; туда входили гусары, панцырная и легкая кавалерія: во второмъ была конница и пѣхота; къ нему принадлежала и коронная гвардія, пѣшая и конная. Въ первомъ отдѣлѣ всѣ служащіе были непремѣнно шляхетскаго происхожденія, въ послѣднемъ же только офицеры. Служить въ пѣхотѣ считалось унизительнымъ для обывателя, гордившагося своимъ происхожденіемъ. Ученія и экзерцицій не было. Военные чины гетмановъ, регментарей, полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ были синекуры въ родѣ такихъ, какія были въ духовномъ званіи; за нихъ исправляли должность поручники, да и тѣмъ нечего было дѣлать. Ротмистръ кавалеріи всегда былъ знатное лицо. Кавалеріи приходилось разъ или два въ годъ собраться въ рыцарское коло, пощеголять своими мундирами, блескомъ вооруженія, породою лошадей; тамъ говорились витіеватыя рѣчи, восхвалялись польское мужество и храбрость, воспоминались имена Жолкѣвскихъ и Ходкѣвичей, величали своихъ начальниковъ, сравнивая ихъ съ Александромъ Македонскимъ, или Юліемъ Цезаремъ, пировали, пѣли, плясали и потомъ расходились по домамъ. Каждый жилъ, гдѣ хотѣлъ—въ своемъ имѣніи или у какого-нибудь пана. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ войска большая часть офицеровъ была также постоянно въ отпуску. Полки раздѣлялись на хоругви и были вообще малолюдны, до 200 человѣкъ и даже менѣе; только въ пѣшей королевской гвардіи считалось до 1000 челов. Страсть къ чинамъ побуждала обывателей зачисляться въ военную службу, чтобы носить мундиръ, ничего не дѣлать, а между тѣмъ получать повышенія. Отъ этого въ полку бывало такое же количество офицеровъ, какъ и солдатъ. Такъ, при Августѣ III, въ одномъ конномъ полку, состоявшемъ изъ 180 человѣкъ и раздѣлявшемся на 6 хоругвей, было въ каждой хоругви по тридцати офицеровъ. Пѣшія войска набирались посредствомъ вербовки изъ людей развратныхъ, прожившихся, проигравшихся. Они не оставляли своихъ качествъ въ военной службѣ, а еще преуспѣвали въ нихъ. Другіе, бѣдные, были насильно завербованы; нападутъ вербовщики на молодца, накинутъ на него солдатскій плащъ, надѣнутъ киверъ и нѣтъ ему спасенія: будутъ говорить, что пошелъ охотою; и такіе въ обществѣ развратныхъ скоро усвоивали ихъ нравы. Такимъ образомъ польскіе полки представляли изъ себя не войско, а шайки бродягъ и разбойниковъ. Въ особенности пѣшая королевская гвардія славилась обиліемъ мошенниковъ, воровъ, игроковъ и забіякъ. Со времени Сѣверной войны поляки почти ни съ кѣмъ не воевали до самаго Станислава Августа; только неугомонный южно-русскій народъ не покидалъ завѣщанной Хмельницкимъ вражды къ ляхамъ и надежды на освобожденіе; онъ безпрестанно бунтовалъ подъ именемъ гайдамаковъ, подкрѣпляемыхъ выходцами изъ Запорожской сѣчи. Противъ нихъ-то ходили на брань польскія военныя силы и рѣдко успѣвали ихъ ловить; гайдамаки убѣгали въ Сѣчь, а свирѣпыя казни, приготовленныя для нихъ, постигали мирныхъ крестьянъ, по подозрѣнію въ сочувствіи гайдамакамъ.

„Наконецъ, значительная часть окончившихъ курсъ ученія поселялась въ своихъ имѣніяхъ и жила дѣдовскимъ обычаемъ, широко и весело. Молодой обыватель женился, праздновалъ свадьбу на славу, заживалъ семейною жизнью и, вѣрный наставленіямъ своихъ родителей, не переставалъ думать о небесахъ, а потому и держалъ у себя каплана, духовнаго отца, посредника въ сношеніяхъ со святыми, друга и совѣтника. Нерѣдко и дѣти его походили на духовнаго отца. Кромѣ того, къ нему въ домъ ѣздили

за подаяніями и съ благословеніемъ всякихъ орденовъ монахи; ихъ всегда кормили, поили, ласкали; самъ обыватель ѣздилъ въ монастыри пировать, или въ гости къ сосѣдямъ на именины, крестины, свадьбы, или созывалъ сосѣдей къ себѣ; на святкахъ и отпустахъ ѣздилъ на игумныя и веселыя кулиги, какъ назывались зимнія катанія изъ двора во дворъ, иногда засѣкалъ до смерти или вѣшалъ своихъ хлоповъ, ссорился съ сосѣдями, выходилъ съ ними на поединки, или велъ съ ними тяжбы за какое-нибудь неосторожное слово, утучнялъ черезъ то меценатовъ и адвокатовъ, а не то—употреблялъ въ дѣло *brachium militare*, т. е., собиралъ хлоповъ и подпоенную загоновую шляхту, нападалъ или посылалъ нападать на дворъ своего противника, а тотъ, въ свою очередь, если былъ предувѣдомленъ, собиралъ изъ своихъ хлоповъ и подпоенной шляхты *corpus defensivum*: кто одолѣвалъ, тотъ былъ правъ. Для оправданія такихъ поступковъ у поляковъ было юридическое латинское названіе: отнять у другого собственность называлось пріобрѣтать *via facti*. Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, обыватели мирились, и это называлось кончить дѣло *per bona officia*. И тутъ-то шли попойки на радости примиренія.

Но нигдѣ польская жизнь не проявлялась въ такомъ блескѣ, какъ на сеймикахъ. Сеймики собирались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ (это было различно) для избранія пословъ на сеймъ и составленія имъ инструкцій, а по окончаніи сейма—для слушанія отчета отъ пословъ (въ послѣднемъ случаѣ сеймики назывались реляцыйными). Кромѣ того, сеймики собирались для избранія депутатовъ на трибуналъ и назывались депутатскими и, сверхъ того, для разсужденія о дѣлахъ своего воеводства, земли или повѣта, и назывались господарскими. Такимъ образомъ сеймики были часты. Въ старину только владѣвшие недвижимыми имуществами могли участвовать на сеймикахъ, но, мало-по-малу, сталъ допускаться всякій сбродъ, жившій на панскихъ земляхъ. Сеймики въ Польшѣ были игрушкою пановъ. Обыватели зажиточные, но не магнаты, менѣе чѣмъ кто-нибудь могли имѣть тамъ вліяніе.

Въ Польшѣ было много мелкой шляхты, такъ-называемой загоновой. По жизни и по образованію она ничѣмъ не отличалась отъ хлоповъ; даже по одеждѣ и наружному виду походила на послѣднихъ. Разница была та, что у шляхтича при бокѣ висѣла постоянно сабля (carabela) въ знакъ его благородства. По старымъ шляхетскимъ понятіямъ, для человѣка благороднаго происхожденія предосудительно было заниматься ремесломъ, промысломъ или торговлею; но шляхтичъ не стыдился лакействовать, продавать свою совѣсть, нищенствовать, а при случаѣ грабить и воровать. Гордый своимъ званіемъ, онъ смотрѣлъ съ высока на всякаго непринадлежащаго къ шляхетству, а панскихъ хлоповъ за людей не считалъ. Когда подобный шляхтичъ на кованой повозкѣ или верхомъ на тощей клячѣ ѣхалъ по дорогѣ, встрѣчные мужики бросались отъ него въ сторону, потому что, столкнувшись съ мужикомъ, шляхтичу ничего не стоило избить его нагайкою ни за-что, ни про-что. Наглость была безмѣрная, за то и безмѣрное униженіе изъ-за выгодъ. Каждый такой шляхтичъ былъ самъ по себѣ нуль, но въ громадѣ они составляли разбойничью силу. Случалось, говоритъ современникъ Козьмянъ, встрѣтится такой шляхтичъ съ обывателемъ, и понравится шляхтичу на обывателѣ шапка, онъ безъ церемоніи снимаетъ ее, примѣритъ себѣ на голову и говоритъ: не правда-ли, ваша шапка идетъ ко мнѣ? Обыватель долженъ сказать: возьмите ее себѣ навсегда. Иначе, если онъ этого не сдѣлаетъ, то шляхтичъ припомнитъ ему и настроитъ противъ него свою братью шляхту. Какъ истые поляки, этого рода шляхтичи любили пожить весело и нанимались у пановъ служить ихъ произволу, не тайными убійствами, какъ итальянскіе *bravi*, а явнымъ буйствомъ и держаніемъ стороны своихъ патроновъ, тамъ, гдѣ нужно. Задумаетъ панъ сдѣлать пакость другому пану, стоитъ ему собрать пановъ-братью, какъ они назывались, подпоить и подкормить ихъ, дать впередъ по два, по три червонца, да обѣщать вдвое или втрое, и тогда они отправлялись въ

заѣздъ, готовые вступить въ свалку со шляхтой, набранною другимъ паномъ. Эта всегда падкая на пьянство и обжорство толпа, со словами гонора на устахъ, пользовалась своими правами свободнаго гражданина для того, чтобы продавать ихъ панамъ на сеймикахъ. Какъ только приближался сеймикъ, панъ сговаривался со шляхтой, набиралъ ее и везъ въ своихъ повозкахъ въ городъ, гдѣ долженъ быть сеймикъ. Иногда шляхту, такимъ образомъ свезенную, размѣщали по монастырскимъ дворамъ, иногда на выгонѣ передъ городомъ; тамъ ее угощали, кормили до-сыта, поили до-пьяна и посылали на сеймикъ дѣйствовать и говорить по приказанію пана. Сеймики происходили иногда въ самомъ костелѣ, оскверняемомъ пьяною толпой, иногда близъ костела. Между тѣмъ, въ другомъ монастырѣ, или на другомъ выгонѣ около того же города, панъ, противникъ перваго, угощалъ шляхту изъ другой околицы и, напоивши, посылалъ на сеймикъ дѣлать и говорить по-своему. Когда открывался сеймикъ, одна шляхта кричала *vivat* своему пану, а другая своему. Неизбѣжно происходила свалка. Шли въ дѣло сабли. Безъ кровопролитія ни одинъ сеймикъ не обходился. Поляки такъ привыкли къ этому что считали такія происшествія неотвратимымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. На которой сторонѣ было больше разбитыхъ носовъ, подбитыхъ или выбитыхъ глазъ, изрубленныхъ рукъ или ногъ, чья сторона, не выдержавши боя, бѣжала, та проигрывала. Плѣнныхъ не брали; поваливши на землю побѣжденнаго витязя, отбирали у него деньги, поясъ, шапку, кунтушъ. Побѣдители, удержавъ за собою поле битвы, голосовали, и все, что угодно было нанявшему ихъ пану, постановлялось; выбирались такіе послы на сеймъ и депутаты въ трибуналъ, какихъ онъ назначалъ; писались инструкціи, какія онъ сочинялъ; утверждались распоряженія, какія онъ придумывалъ. Иногда такія драки и кровопролитія происходили въ самомъ костелѣ; доставалось даже ксендзу, если онъ вздумаетъ разнимать драку. Случалось, станетъ передъ ними ксендзъ съ распятіемъ, или съ ковчегомъ: пьяная толпа выбьетъ у него изъ рукъ распятіе или ковчегъ, потопчетъ его ногами, ксендзу, старавшемуся ихъ поднять, обрубятъ пальцы, а потомъ костелъ запечатаютъ до новаго освященія. По окончаніи сеймика, побѣдителей опять кормили, поили и расплачивались съ ними по договору, за проданное отечество, а затѣмъ развозили по домамъ, иногда же этого не дѣлали, а заплативши что нужно, предоставляли возвращаться домой, какъ кому угодно; тѣмъ же, которые вышли изъ битвы съ ранами, накидывали какой-нибудь лишній червонецъ на вылѣчку. Всегда почти, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, были нѣсколько такихъ, которые объѣдались и опивались до смерти. Что-же касается до побѣжденной стороны, то ободранные, избитые, искалѣченные и уступившіе поле битвы не смѣли уже просить своего пана о наградѣ, а развѣ какъ-нибудь сами себя вознаграждали: нападали на мѣщанъ, на ихъ дома и лавки и грабили ихъ. Вообще сеймики плодили физическихъ и умственныхъ калѣкъ въ Польшѣ. Повсюду можно было встрѣтить героевъ съ выколотыми глазами, хромыхъ, безрукихъ, а иные носили на себѣ такіе рѣзкіе слѣды участія на сеймикахъ, что изуродованныя лица ихъ пугали слабонервныхъ женщинъ. Соединенныя при этомъ нахальство, наглость и полнѣйшее невѣжество даютъ достаточное представленіе о польской интеллигенціи, именуемой рыцарствомъ.

Чтобы видѣть образчикъ нравовъ этихъ свободныхъ гражданъ Рѣчи-Посполитой, укажемъ на описаніе сеймика въ Люблинѣ, оставленное современникомъ Козмяномъ въ его запискахъ: „Наши сеймики“—говоритъ онъ—„отправлялись лѣтомъ или раннею осенью; у моего отца нанимался сарай за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхтѣ, и съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ, а ѣли они въ монастырскихъ переходахъ, гдѣ можно было помѣстить заразъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, поэтому собесѣдниковъ смѣняли однихъ другими; тутъ необходилось безъ дракъ и сценъ. Столы застилались простыми скатертями. Сперва тарелки и ложки

были оловянныя, но такъ какъ шляхта ихъ ломала или воровала, то замѣнили ихъ жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти; поэтому столы стали покрывать толстымъ полотномъ и прибивать гвоздями. Салфетокъ не было: ихъ замѣняли полы кунтушей. Однажды, во время такого обѣда, вошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епенчѣ съ капишономъ, и, протѣсняясь къ столу, кричалъ: — Паны-братья! Вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня не ѣлъ!—А зачѣмъ не пришелъ раньше?—кричали ему. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную миску съ горячими рубцами (фляками); шляхтичъ бросается на миску, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, тѣ рвутъ у него изъ рукъ мису, тѣ дергаютъ за капишонъ, а тѣ кричатъ ему: „насыщайтесь, когда не ѣли", и цѣлую миску горячаго кушанія выкладываютъ ему въ капишонъ. Шляхтичъ, обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ; собесѣдники бросаются на него съ вилками и ложками, хотятъ достать рубцы изъ капишона, не попадаютъ и колютъ шляхтича-забіяку; наконецъ, срываютъ съ него капишонъ, выкладываютъ рубцы опять въ миску и ѣдятъ дружно. Подобный случай видѣлъ я на другомъ сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣжалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ, наполненный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который приходился лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ, продолжавшійся до свѣчъ; повару пришло въ голову поподчевать гостей компотомъ изъ вишенъ. Сперва паны-братья ѣли, а потомъ надоѣло имъ выбирать косточки и они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленною. Тутъ прибыла новая шляхта и думала, что происходила драка, и всѣ хватились за сабли. Предводительствовалъ ими шляхтичъ изъ села Собѣщанъ, по фамиліи Ходковскій, большой рубака. Между селами Тарновкою, Старовѣсью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовѣсьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій, видя, что война идетъ только на вишняхъ, закричалъ: паны-братья, перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились.—А, вы насъ учить?—закричали Тарновка и Старовѣсь,—мы васъ научимъ, когда такъ! И, погасивши свѣчи, они бросились на него съ саблями. Ходковскій, неустрашимый и сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе, обнажаетъ палашъ и, опершись плечомъ объ окно, машетъ своимъ оружіемъ, обрубаетъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. На этотъ разъ брыжжетъ уже не вишневый сокъ. Нѣкоторые принесли свѣчи, кричали: братья-шляхта! не проливайте крови! и пытались разнять свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, раненые плачутъ. У Сцибора и у Собѣщанъ не стало пальцевъ, другіе пріобрѣли порядочныя царапины по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, а то шляхта изрубила бы его на куски. На счастье, не было на этой сценѣ шляхтича изъ Старовѣси, Доморадскаго. При немъ буря не такъ бы скоро успокоилась. Этотъ шляхтичъ, какъ много другихъ, не умѣлъ ни читать, ни писать, зато силенъ былъ какъ Геркулесъ, широкоплечъ, жиловатъ, средняго возраста, уже съ просѣдью; своею физическою силою, способностью много выпить и умѣньемъ обращаться съ саблею сталъ онъ извѣстенъ на ярмаркахъ и сеймикахъ. Отецъ мой держалъ его у себя, какъ ассистента, далъ ему должность лѣсничаго, жалованье, пару платья на каждый годъ, и бралъ съ собою на сеймики. Люблинская штяхта, не смѣла его зацѣпить, а напротивъ, выбрала его себѣ ватажкомъ. Таскаясь по почамъ между шляхтою, завелъ онъ ссору съ Луковскою шляхтою, которая не смѣла на него броситься открыто, а задумала отомстить ему коварнымъ способомъ. По окончаніи сеймика, Луковская шляхта сдѣлала на него засаду въ переходахъ у Доминиканцевъ; одни занимали его разгово-

ромъ въ костелѣ, чтобы онъ не вышелъ оттуда вмѣстѣ съ моимъ отцемъ, а другіе ждали его за дверьми костела. И только что Доморадскій перешагнулъ за порогъ костела, какъ раздался крикъ: попался, молодецъ! и бросились на него съ обнаженными саблями. Нашъ Геркулесъ обнажилъ свой палашъ и уже нѣсколькихъ порядочно намѣтилъ, какъ вдругъ у него переломился клинокъ. Шляхта рубитъ безоружнаго; онъ закрываетъ себя шапкою отъ ударовъ; раны нанесли ему неглубокія, но кровь все-таки течетъ. Неустрашимый Доморадскій схватилъ поперегъ одного шляхтича, который задорнѣе всѣхъ лѣзъ впередъ, и началъ имъ обороняться. Бѣдный шляхтичъ получилъ за него нѣсколько ранъ, кричалъ своимъ: „оставьте", а самъ какъ держалъ въ рукѣ саблю, такъ и продолжалъ ею отчаянно махать и защищалъ отъ ранъ своего же врага. Наконецъ, Доморадскій увидѣлъ приставленный къ стѣнѣ столъ, покинулъ шляхтича, залѣзъ подъ столъ, приподнялъ его на голову и сталъ пробиваться впередъ. Шляхта продолжала бросаться на него съ саблями, но удары доставались столу, и Доморадскій, пробившись, такимъ образомъ, на улицу, упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Тутъ на выручку ему прибѣжала шляхта Люблинская и разогнала его непріятелей. Моего отца извѣстили, что Доморадскій лежитъ безъ дыханія на улицѣ. Мой отецъ отправлялся тогда на званый обѣдъ и тотчасъ послалъ двухъ своихъ ассистентовъ, далъ два червонца на доктора и фельдшера и приказалъ отвезти Доморадскаго въ госпиталь „милосердныхъ дѣвицъ". Но каково же было его удивленіе, когда онъ черезъ нѣсколько часовъ, вернувшись съ обѣда, увидѣлъ передъ собою Доморадскаго. Онъ былъ, правда, весь въ крови, но съ хмѣльною головою, обклеенною бѣлыми бумажными лентами, которыми залѣпилъ себѣ раны. Доморадскій пропилъ посланные ему два червонца и готовился разсчитаться со шляхтою, но отецъ мой отправилъ его поскорѣе къ себѣ въ имѣніе".

На такомъ-то народцѣ опирался республиканскій строй Польши. Средней руки обыватели должны были ладить съ этой шляхтою; мѣряться съ знатными панами имъ было не подъ стать, потому что знатный панъ имѣлъ въ рукахъ своихъ болѣе силы и могъ стереть съ лица земли строптиваго обывателя. Опираясь на громаду загоновой шляхты, знатный панъ менѣе всего могъ имѣть нужды въ обывателяхъ, а потому послѣдніе должны были угождать магнатамъ еще болѣе, чѣмъ загоновая шляхта.

Главнымъ характеромъ польскаго общества было обжорство и пьянство, доходившее до размѣровъ, передъ которыми остановится самое гомерическое воображеніе. Шляхта, собираясь на попойки, пила буквально бочками. Кружокъ пьяницъ прикатитъ къ себѣ бочку, говоря, что если хлопецъ безпрестанно будетъ ходить за пивомъ, то сапоги истопчетъ; садятся вокругъ бочки и даютъ себѣ урокъ непремѣнно ее опорожнить: пьютъ съ утра до поздней ночи и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что бочка оказывается пустою. Отъ послѣдняго шляхтича до знатнаго пана вся Рѣчь-Посполитая пила безъ просыпу. Не пить—считалось порокомъ; тѣ, напротивъ, которые могли много выпить, пріобрѣтали себѣ славу. Были такіе, приводящіе въ ужасъ, шляхетскіе желудки, что поглощали въ себя заразъ цѣлый гарнецъ пива. На пирахъ у поляковъ наблюдался такой обычай. Когда хозяинъ давалъ званый обѣдъ, то самъ долженъ былъ показывать другимъ примѣръ и пить здоровье гостей за каждою перемѣною кушаній. Сначала, послѣ перваго блюда, онъ вставалъ, пилъ за здоровье всѣхъ поочередно, называя знатнѣйшихъ по именамъ, а тѣхъ, которые не пользовались большимъ почетомъ, титуловалъ, вашей милостью или васаномъ. Въ гостепріимствѣ соблюдалось строгое отличіе достоинства гостей: хлѣбосолъ-панъ, хотя поилъ и кормилъ и богатаго и бѣднаго, но обращался съ ними различно. Всѣ должны были вставать и пить за здоровье тѣхъ, которыхъ именовалъ хозяинъ, и произносить ихъ имена; само собой разумѣется, что при этомъ происходилъ безобразнѣйшій крикъ. Это былъ приступъ къ попойкѣ; за вторымъ блюдомъ хозяинъ пилъ изъ большаго кубка здоровье перваго, по значенію, гостя и да-

валъ ему въ руки кубокъ: гость вставалъ и пилъ за здоровье хозяина и всѣ гости должны были вставать. Такимъ же образомъ хозяинъ бралъ другой кубокъ, пилъ за здоровье другого гостя и отдавалъ ему въ руки. Служители наливали, гость вставалъ, пилъ здоровье хозяина, и снова всѣ вставали. Точно такъ же поступали и съ третьимъ, и четвертымъ и т. д., но только съ тѣми гостями, которыхъ по знатности уважалъ хозяинъ; прочіе довольствовались тѣмъ, что ихъ поминали по имени званія, къ которому они принадлежали. Послѣ тостовъ за отдѣльныхъ лицъ, пили за здоровье и благосостояніе званій, напр., здоровье духовенства, безъ котораго не обходился ни одинъ пиръ, здоровье военныхъ, палестры, дамъ, дѣвицъ и проч. Принуждали непремѣнно осушать кубокъ однимъ духомъ, а если кто не выпивалъ, тому тотчасъ доливали: для этого одна прислуга стояла сзади за гостьми, а другая залѣзала подъ столъ, такъ что, если гость держа кубокъ, поднималъ его вверхъ, то стоявшій за нимъ слуга тотчасъ наполнялъ, а если гость опускалъ кубокъ внизъ, то слуга, сидѣвшій подъ столомъ съ бутылкою, спѣшилъ влить туда вина. Послѣ этихъ заздравныхъ чашъ, пили за процвѣтаніе разныхъ отвлеченныхъ понятій, выражаемыхъ по-латыни, напр.: за благосостояніе отечества, за славу его и т. д., но отнюдь не за процвѣтаніе наукъ, *къ которымъ шляхта относилась съ презрѣніемъ и ненавистью.* Послѣ обѣда, когда, по обычаю, молодежь танцовала, пожилые люди сидѣли за столами, осушали и передавали изъ рукъ въ руки кубки съ обряднымъ выраженіемъ: вамъ въ руки (w ręce pana). Хозяинъ-полякъ точно такъ, какъ и нашъ москвичъ въ старину, поставлялъ себѣ за честь въ томъ, чтобы гости, подъ конецъ пира, были безъ языка и безъ ума. Иной, нагрузившись дозѣла, выходя изъ дому падалъ въ грязь или снѣгъ, а иной разбивалъ себѣ носъ, скатываясь съ лѣстницы. Нерѣдко хлѣбосолы употребляли насиліе надъ гостями, особливо если гости были высокаго достоинства: ихъ заставляли пить угрозами. Китовичъ, въ своемъ „Описаніи польскихъ обычаевъ временъ Августа III", разсказываетъ о знаменитомъ въ свое время Адамѣ Малаховскомъ. „Много было несчастныхъ, которыхъ судьба завлекала къ нему въ гости: они принуждены были пить до того, что тутъ же засыпали *вѣчнымъ сномъ.* Было у него страшилище: кубокъ, съ вырѣзанными тремя сердцами и съ надписью „Corda fidelium", туда входило полгарнца. Кто бы къ нему ни пріѣхалъ—такой-ли знатный панъ, какимъ онъ былъ самъ, простой-ли шляхтичъ, жидъ, или посыльный слуга — хозяинъ кормилъ его по достоинству завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени пріѣзда гостя, а потомъ приказывалъ подать „Corda fidelium" и заставлялъ пить залпомъ; если же гость, какъ случалось, не выпивалъ, слуга немедленно доливалъ до тѣхъ поръ, пока гость не сваливался безъ чувствъ, или не испускалъ дыханія. Всѣ обѣгали Банкову-Гуру, какъ называлось его имѣніе, и если кого онъ звалъ къ себѣ въ гости, то гостю прежде нужно было взять отъ него salvum conductum, съ присягою въ томъ, что гость не подвергнется испитію рокового „Corda fidelium". Я самъ, говоритъ разсказчикъ, едва избавился отъ этой бѣды и убѣжалъ безъ сабли, шапки и лошади".

„Панъ Малаховскій хвалился, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы выпилъ залпомъ „Corda fidelium". Но нашелся одинъ бернардинъ, смѣло пріѣхалъ въ домъ Малаховскаго и, подвергнутый пыткѣ питья, нѣсколько разъ отпивалъ кубокъ, и послѣ нѣсколькихъ доливаній, однимъ залпомъ опорожнилъ „Corda fidelium". Другой знаменитый обжора и пьяница, панъ Барейко, созывалъ къ себѣ разныхъ орденовъ монаховъ, запирался съ ними на нѣсколько дней, поилъ до безобразія и заставлялъ пьяныхъ отправлять урочныя дневныя богослуженія. Онъ построилъ близъ своего двора часовню святого Яна Непомука, уставилъ ее лавками и скамьями, велѣлъ приносить туда значительное количество вина, пива и водки, самъ садился въ часовню съ четками и молитвенникомъ и останавливалъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогѣ, какого бы званія они ни были: монахъ-ли, жидъ, обыватель или хлопъ—все равно: панъ Борейко выходилъ изъ

своей часовни, распрашивалъ, кто такой, куда ѣдетъ, зачѣмъ, выпивалъ за его здоровье вина, предлагалъ ему и поилъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сваливался съ ногъ. Панъ Борейко не приневаливалъ къ испитію кубковъ залпомъ, а позволялъ пить съ роздыхомъ. Его обжорство вошло въ такую славу, что составилась поговорка: „а чтобъ ты такого чорта съѣлъ, какъ панъ Борейко съѣстъ!“

Въ Люблинскомъ краѣ, какъ сообщаетъ Козмянъ, былъ подобный гуляка Михаилъ Грановскій; у него былъ такой обычай, что когда подопьетъ, то раздѣнется до-нага и гостямъ велитъ тоже дѣлать, а кто не хотѣлъ, того раздѣвали насильно. „Я американецъ“, кричалъ онъ при этомъ. Было у него два завѣтныхъ кубка, одинъ въ пять бутылокъ вмѣстительности и назывался орломъ, а другой назывался уткою и вмѣщалъ три бутылки. Однажды въ Люблинѣ, въ трибуналѣ онъ выигралъ процессъ и собралъ къ себѣ на пиръ членовъ трибунала; только президентъ не поѣхалъ къ нему, потому что былъ нездоровъ. Подпивши хорошенько, панъ Грановскій закричалъ: „я американецъ; кто меня любитъ, пусть дѣлаетъ то, что я“. Вслѣдъ затѣмъ онъ мгновенно раздѣлся и выскочилъ на улицу. Въ угодность ему раздѣвались гости и выскакивали за нимъ. Небогатые шляхтичи пустились бѣжать, потому что имъ было стыдно показать грязное и рваное бѣлье. Гайдуки и лакеи догоняли бѣглецовъ и съ помощью гостей, хотѣвшихъ угодить панской фантазіи, раздѣвали ихъ. Предъ крыльцомъ на улицѣ, по данному прежде приказанію, стояла огромная запряженная бричка съ двумя бочками вина. Былъ въ числѣ гостей нѣкто Бадовскій, славный обжора: онъ за завтракомъ выпилъ четыре бутылки портеру, потомъ съѣлъ цѣлое блюдо зразъ, каши и два каплуна и запилъ все это четырьмя бутылками вина. Этотъ знаменитый полякъ сѣлъ на бочку, представляя изъ себя Бахуса, огромной разливательной ложкой черпалъ вино и наливалъ въ кубки, которые подставляли идущіе около брички нагіе собесѣдники. Было ихъ числомъ человѣкъ восемьдесятъ; всѣ они страшно кричали, пѣли, плясали, а нѣкоторые, не выдержавшіе огромнаго количества пойла, принятаго въ себя, падали на землю и извергали поглощенное. Такая толпа бросилась на домъ, гдѣ жилъ президентъ, выломала запертыя двери, стащила съ постели больного и хотѣла вести за своею процессіею. Насилу онъ умолилъ ихъ оставить его въ покоѣ.

Выходки токого рода были тогда въ большой модѣ. Духовныя особы не отставали въ этомъ отъ свѣтскихъ. Тотъ же Козьмянъ разсказываетъ, что въ его время въ Люблинѣ былъ ксендзъ Ленчевскій, носившій титулъ Абдеритскаго епископа, большой любитель и дaватель пировъ. Однажды онъ давалъ пиръ по случаю полученія ордена и, когда уже всѣ подпили, пьяный епископъ закричалъ: „я кавалеръ! пойдемъ на улицу съ музыкой“. Всѣ вышли на улицу, гости пляшутъ, епископъ впереди подплясываетъ и припѣваетъ: „дай мнѣ ночку ночевать, смочилъ меня дождикъ“! А потомъ вскрикиваетъ: „я кавалеръ!“ Монахи были большія кутилы. Въ монастыряхъ умѣли приготовлять отличные меды, наливки и старую водку; монаховъ приглашали даже въ обывательскіе домы, какъ спеціалистовъ приготовлять напитки. Всегда радушный и хлѣбосольный монастырь только по наружности прикрывался аскетизмомъ; монахи на виду народа, въ церкви, корчили постныя лица, а между тѣмъ обители ихъ были открыты для веселыхъ поклонниковъ Бахуса и Амура; и повсюду въ обывательскихъ домахъ монахи были самыми веселыми собесѣдниками. „Я видѣлъ, говоритъ Козьмянъ, какъ одна гостепріимная пани держала за поясъ монаха, а другой рукой наливала ему вина; онъ же, въ угоду ей, прыгалъ, представляя медвѣдя на цѣпи“. Всѣ подобныя выходки, хотя и были непристойны, по крайней мѣрѣ не заключали въ себѣ ничего жестокаго, но были случаи, когда панъ-озорникъ, пріучившись не сдерживать себя въ пьяномъ видѣ, позволялъ себѣ выходки не слишкомъ добродушнаго свойства. Къ такому разряду иногда принадлежалъ знаменитый Карлъ Радзивиллъ, извѣстный подъ названіемъ „Panie Kochanku“, особенно въ своей молодости. Безграмотный невѣжда, почти всегда пьяный, расточительный до без-

предѣльности, поставлявшій себѣ первымъ удовольствіемъ кормить и поить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго изъ шляхетскаго званія, въ случаѣ, когда кто-нибудь не потакалъ его пьяному капризу, подчасъ выпускалъ тигровые когти. Однажды его собесѣдникъ, такой же кутила, какъ и онъ, панъ Пацъ, поссорился съ нимъ за пирушкой. Причина была та, что Радзивиллъ позволилъ себѣ дурачиться со всякимъ, не считая никого равнымъ себѣ; точно также началъ онъ обращаться и съ Пацомъ и задѣлъ его гоноръ. Пацъ вызвалъ его на поединокъ. Радзивиллъ кликнулъ людей, приказалъ Паца заковать въ кандалы и посадить въ тюрьму. На утро объявили ему смертную казнь и вывели одѣтаго въ саванъ на середину двора. Палачъ стоялъ съ орудіемъ. Ксендзъ приготовилъ къ смерти осужденнаго. Тогда окружающіе бросились къ ногамъ Радзивилла и умоляли пощадить пріятеля. Радзивиллъ былъ непреклоненъ. Пацъ, при видѣ смерти умолялъ, чтобы ему позволили поправить что-то на исповѣди. Радзвиллъ тогда закричалъ: „вотъ я тебя теперь лучше напугалъ, чѣмъ ты меня вчера поединкомъ“. Съ этими словами онъ взялъ Паца подъ руку и повелъ въ свой палацъ; но бѣдный Пацъ, избѣжавши смерти отъ палача, умеръ на третій день отъ вина. Николай Потоцкій, староста Каневскій, прославился самыми разнообразными подвигами пьянства и озорничества. Убить человѣка для него ровно ничего не значило. Онъ забавлялся надъ евреями, убилъ у сосѣдняго пана еврея и взамѣнъ привезъ ему цѣлый возъ жидовъ, наклавши ихъ одинъ на другого и придавивши сверху гнетомъ, какъ снопы; приказывалъ женщинамъ лазить на деревья, кричать ку-ку и стрѣлялъ ихъ мелкою дробью въ задъ; заставлялъ доминиканцевъ, въ ихъ бѣлой одеждѣ, пролѣзать сквозь дегтяную бочку, растрѣливалъ каждаго, чья физіономія ему не нравилась, сѣкъ судей, которые судили его за безчинство, положивши ихъ на утвержденный ими приговоръ, а подъ старость построилъ церковь въ Почаевѣ, проживалъ иногда въ монастырѣ, но и осудивъ себя на покаяніе, подчасъ не оставлялъ своихъ пьяныхъ выходокъ. Другой такой-же забіяка Шанявскій, староста Малогосскій, дѣлалъ наѣзды на сосѣдей, убивалъ и мучилъ людей; не было ни одной каденціи трибунала, гдѣ бы не состоялось надъ нимъ приговора за его преступленія, и никто не былъ въ состояніи его усмирить; у него была многочисленная дворня, набранная изъ всякихъ бродягъ; множество загоновой шляхты служило его дикому произволу. Но думая, что онъ ни въ комъ не нуждается, сталъ онъ обижать и эту шляхту, тогда противъ него составился заговоръ— затѣвали убить его. Раздраженныхъ противъ него было такъ много, что онъ понялъ невозможность устоять противъ нихъ со своими силами. Онъ бѣжалъ изъ своихъ имѣній, но не за границу, какъ бы можно было ожидать, а въ Варшаву, зажилъ себѣ въ своемъ домѣ на Грибовѣ и, увѣнчанный трибунальскими приговорами, продолжалъ среди столицы свои дикія выходки; люди боялись ходить по улицѣ мимо его дома: иногда слышали крики тѣхъ, кого онъ мучилъ для забавы. Жена его, промучившись съ нимъ нѣсколько лѣтъ, убѣжала отъ него подъ покровительство королевы, и только при ея содѣйствіи выхлопотала разводъ, но нерѣшалась оставаться въ мірѣ, боясь его мщенія, а пошла въ монастырь. Эти факты показываютъ, до какой степени своевольство въ Польшѣ оставалось безнаказаннымъ, и противъ дикихъ выходокъ магнатовъ не было ни полиціи, ни суда, ни власти.

Такими-то негодяями управляема была Польша, которую они въ концѣ концовъ пропили! Несмотря на это, ихъ нынѣшнія потомки встрѣчая въ Москвѣ или другихъ русскихъ городахъ пьянаго мужика, гласятъ на всю Европу, что „москали“ пьяницы...

Взглянемъ теперь на образъ жизни и нравы полекъ.

Когда поляки до безобразія предавались пьянству, обжорству и своевольству, польки увлекались до безумія танцами и увеселеніями. Были въ Польшѣ богатыя паны, которыя всю жизнь безпрестанно устраивали у себя кулиги, театры, балы и разныя

забавы, предаваясь при этомъ разврату. Тогда, какъ мужья ихъ приневоливали пожилыхъ гостей пить до безчувствія венгерское, жены приневоливали молодежь танцовать до потери ногъ и рукъ. У веселой госпожи были безпрестанные съѣзды подъ разными предлогами: то чьи-нибудь именины, то дни рожденія, то годовщина брака, то просто праздники, а тутъ еще у нихъ были кліентки, панны резидентки, жившія у нихъ, или сосѣднія обывательскія дочки, которымъ онѣ покровительствовали; онѣ знакомили съ ними посѣщавшихъ ихъ молодыхъ людей и устраивали свадьбы; и вотъ, являлся новый предлогъ къ танцамъ.

Точно какъ панъ Борейко или панъ Малаховскій затаскивали къ себѣ гостей для попойки, такъ охотницы до плясокъ и другихъ развлеченій ловили всюду плясуновъ и дамскихъ угодниковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ мѣстечкѣ Белжицахъ была такая госпожа по фамиліи Коссовская, сама очень богатая по наслѣдству, жена богатаго пана, державшая мужа въ повиновеніи. Въ ея мѣстечкѣ факторы изъ іудеевъ, ради прибыли, для угожденія пани, подмѣчали такихъ проѣзжихъ, которые, по наружному виду, могли понравиться пани; одни хватали лошадей и задерживали экипажъ, другіе бѣжали въ панскій дворъ и давали знать, а вслѣдъ за ними выбѣгали служители и резидентъ, насильно заворачивали въ панскій дворъ и приводили плѣнника въ панскій палацъ на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько недѣль. Не помогали ни жалобы, ни просьбы, ни изложеніе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ни даже клятвы и обѣщанія скораго пріѣзда; иногда самъ супругъ просилъ отпустить плѣнниковъ, но „неумолима была польская Цирцея, говоритъ современникъ Козьмянъ, и превращала своихъ плѣнниковъ въ танцоровъ и угодниковъ своихъ шалостей и вакхическихъ утѣхъ“. Какъ только гости пообѣдаютъ вкусно и сытно да погрѣютъ себя венгерскимъ, такъ является двадцать четыре музыканта, начинаются танцы и продолжаются далеко за полночь. Случалось, кто-нибудь выбьется изъ силъ, убѣжитъ изъ залы, забьется въ какой-нибудь закоулокъ и заснетъ мертвецки; замѣтитъ хозяйка его отсутствіе, дастъ приказаніе; отыщутъ бѣглеца, иногда раздѣтаго несутъ съ постелью въ залу, обливаютъ водой, сѣкутъ розгами и заставляютъ плясать. При страсти къ забавамъ и гостепріимству, паны очень мало заботились объ удобствахъ для своихъ гостей. Плясуны и питухи спали какъ попало: женщинамъ не было пристойныхъ помѣщеній: каждое утро послѣ баловъ тѣснота, безпорядокъ, нечистота царствовали въ панскомъ домѣ. За множествомъ гостей, невозможно было всѣхъ помѣщать въ домѣ и во флигеляхъ, которые обыкновенно окружали главное зданіе панскаго жилища, и гости помѣщались въ грязныхъ еврейскихъ корчмахъ вмѣстѣ съ толпою прислуги, которая пьянствовала и безчинствовала въ мѣстечкѣ въ то время, какъ ея господа пили плясали въ панскомъ палацѣ. Очень часто танцы доводили до поединковъ, особенно было въ модѣ спорить до поединка за первую пару въ полонезѣ. Рѣдко, впрочемъ, поединки кончались смертью. Во всѣхъ такихъ собраніяхъ не было и тѣни умственной жизни, а лишь проявленіе животныхъ инстинктовъ; тамъ нельзя было услышать разговоровъ ни о политикѣ, ни о благоустройствѣ отечества, ни о литературѣ, ни объ искусствѣ. Безпрестанныя оргіи отучили польскія головы отъ мысли, сердце отъ любви къ труду, пристрастили къ суетѣ, пріучили смотрѣть легко на священнѣйшія обязанности человѣка. Семейныя связи не имѣли твердости; ихъ разстраивалъ чаще всего ксендзъ; разводы сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ; поляки не задавали себѣ труда удерживать преходящія побужденія и подчинять ихъ разсудку. До какой степени даже сознаніе объ истинно нравственномъ исчезло въ польскомъ обществѣ, сбившемся съ круга, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мемуаристовъ того времени, Охоцкій, безъ зазрѣнія совѣсти разсказываетъ о себѣ, какъ онъ вошелъ въ связь съ актрисою и помогъ своему другу жениться на ней, скрывъ отъ него свои прежнія къ ней отношенія. Авторъ, сообщая объ этомъ, даже не подозрѣваетъ, что онъ дѣлалъ гнусное дѣло.

Причиной всей этой безнравственности было монастырское воспитаніе.

Женскіе монастыри, гдѣ шляхта воспитывала своихъ дочерей, были домами беспутства и разврата! Чтобы насъ не обвинили во лжи и клеветѣ, мы укажемъ на „Acta actorum" V, страница 81, гдѣ записано, что „въ 1553 году на засѣданіи краковскаго капитула, епископъ Зебжидовскій внесъ запросъ о томъ, какъ ему поступить съ монахинями францисканскаго монастыря св. Анрея въ Краковѣ, проводящими жизнь въ безобразномъ развратѣ. По словамъ епископа онѣ не только вводятъ къ себѣ мужчинъ—мірянъ, но пиршествуютъ и пьютъ съ ними цѣлыми ночами, во всякое время выходятъ въ ихъ компаніи изъ монастыря и предаются гнусному непотребству. Краковскій капитулъ объявилъ епископу, что въ данной депутатамъ, высланнымъ въ синодъ въ 1551 г., инструкціи значилось, что коммисаръ францисканскаго ордена Лисманинъ находится во враждѣ съ монахинями монастыря св. Андрея. Поводомъ къ тому, какъ свидѣтельствуютъ каноники, являются два обстоятельства: во-первыхъ, то, что монахини не дали ему овладѣть своими имѣніями, во-вторыхъ, интриги его любовницы—одной изъ монахинь. Въ той же инструкціи значилось, что монахини часто родятъ дѣтей и убиваютъ ихъ" [1]).

О другомъ монастырѣ пишетъ 13 янв. 1579 г. въ краковскій капитулъ епископъ Мышковскій: „Узнавъ о великихъ безчинствахъ и порочности, коими монахини Сандецкаго монастыря осквернили это мѣсто, роздали еретикамъ имѣнія (?) тамошней общины, а затѣмъ, избравъ въ экономы завѣдомаго еретика, безо всякаго моего, конечно, вѣдома и согласія. Желая предупредить всяческое таковое зло, я по обязанности моего главенства довольно ласково напомнилъ имъ, дабы отъ такихъ своеволій воздержались, и, отпустивъ еретика, выбрали иного эконома,—порядочнаго человѣка и католика; въ каковомъ моемъ письмѣ рекомендовалъ я имъ г. Іордана Спытка, добраго католика, о которомъ вы всѣ хорошо извѣстны и коего Е. В. Король, какъ слугу своего, весьма мнѣ рекомендовалъ на письмѣ. Но, когда тамошняя настоятельница, настаивая на своемъ, не обратила никакого вниманія на мое письмо, то я отправилъ туда ксендза Подоскаго и ксендза Галчинскаго, совмѣстно со старшимъ надъ ними ксендзомъ Гвардіаномъ изъ монастыря св. Франциска; узнавъ объ этомъ настоятельница тотчасъ-же выѣхала изъ монастыря и убѣжала къ еретику. Мои коммисары со старшимъ ихъ обращались къ ней неоднократно съ письмами, чтобы она вернулась въ общину, а когда она, послѣ столькихъ напоминаній, не захотѣла пріѣхать, то они pro officio suo, смѣстили ее и назначили новую настоятельницу. Выбравъ единодушно новую настоятельницу, выбрали также въ экономы г. Спытка Іордана и поручили инымъ лицамъ имѣнія (?) цѣлой общины. А когда потомъ мои коммиссары оттуда уѣхали, то прежняя настоятельница, привлекши къ себѣ новоизбранную настоятельницу и нѣсколько другихъ дѣвицъ (изъ монастырскихъ воспитанницъ), не перестала безобразничать и *живетъ съ ними вмѣстѣ у еретика.* Такъ что я не знаю, что дѣлать съ этими женщинами, которыя не желаютъ имѣть надъ собой ни епископа, ни другой какой-нибудь власти, а только дѣлать, что имъ угодно. *Первая настоятельница вѣдь совершаетъ тамъ великія мерзости:*

---

[1]) Commissarius (Lismanin) Santimoniales S. Audreae Cracovienses ex claustro exire, denubare jubet, easdemque molestat et villas ac adminastrationem earundem villarum eripere illis nitttur ut pecuniam exinde collectam in Italiam asportet. Jratus autem infensus infestusquae est eisdem Monialibus propter causas duas: tum quod villas suas non pant in manus ejus, tum vero quod concumbinam suam quam illic in monasterio inter monachas habebat, dicas esse illic vitiatam ac prostitutam ex conniventia seu subordinatione monachorum et quod virginitatem ejusdem commisaris integram non tradderunt...

Quam itaque tam commisarius quam monacheae culpa non vacent, dissolutumque sit ac plahoc impudicum monasterium, in quo Moniales etiam prolificant et prolem suam sufficant, apudum, quo haec... impuditiae sisti possent"... (Корреспонденція Зебржидовскаго. стр. 488).

даже хотѣла заложить тамошнія церковныя сокровища, между коими есть одинъ такой цѣнный предметъ, подобнаго которому не найти и въ моемъ краковскомъ костелѣ; только ее нѣкоторыя изъ сестеръ отъ этого удержали. *Итакъ, совѣтуйте мнѣ по разумѣнію Вашему, какъ* поправить это зло" [1]).

Таковы были піонеры просвѣщенія, которыми такъ гордятся поляки, чего, впрочемъ, изъ чувства деликатности, никто у нихъ не оспариваетъ въ обыкновенныхъ общественныхъ бесѣдахъ.

Нарисованная нами картина воспитанія и нравовъ польскаго общества достаточно показываетъ, въ какое непролазное, смрадное болото попала вслѣдствіе соединенія съ Римомъ несчастная Польша. Никакая реформа учрежденій, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Гибель ея лежала въ глубинѣ польскаго характера, который былъ способенъ усвоить и полюбить такую жизнь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе народа, но такое перевоспитаніе, которое измѣнило бы въ корнѣ весь народный характеръ, создало бы другого поляка-славянина: прежній уже никуда не годится. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія, оно всесильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго оно не въ силахъ измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но, чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и чтобы оно могло пересоздать польско-славянское общество, для этого нужны радикальныя средства—разрывъ съ Римомъ и возвращеніе на лоно старо-католической церкви.

Что касается польской литературы, о величіи которой поляки постоянно, такъ много кричатъ, какъ о результатѣ давно существующаго въ Польшѣ просвѣщенія, то историки польской литературы сами заявляютъ, что литература въ Польшѣ не зародилась одновременно съ введеніемъ христіанства.

Въ славянскомъ мірѣ первые, и то весьма немногочисленные слѣды пробуждающейся мысли, уловленной въ письменную форму, относятся лишь къ XI вѣку. Эти древнѣйшіе памятники, выраженные въ стихотворной формѣ, полныя прекрасной народной поэзіи, встрѣчаемъ мы у чеховъ и русскихъ; у первыхъ „*Судъ Любуши*" и нѣсколько другихъ произведеній въ такъ называемой Краледворской рукописи; у вторыхъ „*Слово о Полку Игоревѣ*". Польскіе историки утверждаютъ, что, хотя это были произведенія чешскія и русскія, но народы эти—славяне, какъ и поляки, и поэтому эти начала письменности *можно* присвоить и полякамъ. „Польская литература", пишутъ сами же поляки, „и до конца XV вѣка ограничивалась очень узкими рамками. *Строго судя* нашу литературу этой эпохи слѣдовало бы назвать не польскою, а латинскою—создававшеюся на польской территоріи. Въ тогдашней Европѣ всюду, *почти* безъ исключенія, науки и литература не были достояніемъ всѣхъ, какъ нынѣ, а только одного класса общества, то есть духовенства, которое посвящало себя этому роду занятій по профессіи и обязанности. Другіе классы общества, какъ рыцарство, купечество, ремесленники и земледѣльцы, вовсе ими не занимались. Католическое духовенство въ Польшѣ, долгое время чужеземнаго происхожденія, пошло, само собою разумѣется, по протоненной дорогѣ. Нѣтъ слѣдовъ, что первые уже чужеземцы въ Польшѣ писали по-латыни, однако разговоръ и поученія въ церквахъ велись на латинскомъ языкѣ, хотя народъ ни того, ни другихъ ничего не понималъ".

На этомъ основаніи польскіе историки утверждаютъ, что хотя писавши по-латыни духовенство было чужеземное, однако, такъ какъ оно переселилось въ Польшу, эта письменность и произведенія этой эпохи слѣдуетъ называть польскими, а слѣдовательно доказывающими просвѣщеніе поляковъ уже въ тѣ вѣка (sic).

---

[1]) Liber archivi capituli cathedralis ecclesiae cracov. № 25.

Если бы даже допустить, что латинское духовенство, являвшееся для просвѣщенія и цивилизаціи поляковъ, успѣвало бы въ этомъ съ неимовѣрной быстротой, то оно могло передать Польшѣ лишь то, что знало само. Познакомимъ же нашихъ читателей съ просвѣщеніемъ тогдашняго духовенства въ самомъ очагѣ этого просвѣщенія—въ Римѣ.

Католическій историкъ Грегоровіусъ въ „Исторіи города Рима" (т. 2, кн. IV, стр. 200) такъ описываетъ эту эпоху: „Когда бы Анонимъ Салумскій посѣтилъ Римъ при Николаѣ I, то никогда не умудрился бы набрать цифру 32 философовъ, насчитанныхъ имъ въ 870 году въ цвѣтущемъ Беневентѣ. Когда бы Эрхемпертъ, продолжатель исторіи лангобардовъ Павла Діакона, изъ ученаго своего монастыря Монте-Касино (въ немъ цвѣлъ тогда отличный и злополучный аббатъ Бертарій) побывалъ въ Римѣ, то ужаснулся бы невѣжеству римскихъ монаховъ и кардиналовъ; и когда бы патріархъ Фотій, пораженный громами отлученія отъ церкви Николаемъ I, появился въ Римѣ, то свѣтъ его знанія, какъ нѣкое чудо, свѣтилъ бы тамъ, гдѣ ни одинъ римлянинъ не умѣлъ уже болѣе назвать статуй мудрецовъ и поэтовъ древности, стоявшихъ еще почернѣлыми и изуродованными въ разваливающемся форумѣ Траяна.

„Римъ былъ глубоко униженъ и пораженъ великою культурою наукъ Константинополя; сами даже африканскіе сарацины, грабившіе сокровища Св. Петра и Павла, могли почитать себя въ сравненіи съ невѣжественными римлянами полубогами, помышляя о своихъ университетахъ и философахъ, о своихъ теологахъ и грамматикахъ, астрономахъ и математикахъ, насчитываемыхъ Каирваномъ, Севиліей, Александріей, Бассорой и Багдадомъ, магометанскими Аѳинами востока. Быстрый, чудотворный даже разцвѣтъ духовной культуры у арабовъ оживляюще подѣйствовалъ на Византію. Этотъ вѣчно подвижной городъ кишѣлъ философствующими софистами, педантами и фанатиками.

„Въ сознаніи научной такой жизни и относительной еще чистоты греческаго языка византійцы съ презрѣніемъ взирали на варварство Рима. Въ одномъ изъ писемъ къ папѣ Николаю I насмѣхался императоръ Михаилъ надъ латынью римлянъ, смѣясь называя ее языкомъ „варваровъ и скиѳовъ", и въ томъ видѣ, какъ говорилъ тогда на ней народъ, какъ писали нотаріусы, сами даже хронисты, всеконечно доставляла она достаточно плодовъ къ насмѣшкамъ ученыхъ византійцевъ. Самые ругаемые римлянами варварами народы Германіи и Галліи продолжали пристыжать Римъ образованностью по собственному языку и наукѣ римлянъ. Нѣкій Гинкмаръ Реймскій являлся въ глазахъ городскихъ кардиналовъ чудомъ. Поэзія, безразлично духовнаго или свѣтскаго характера, совершенно заглохла въ Римѣ, но въ то же самое время, когда у римлянъ настолько едва хватало талантовъ, чтобы въ варварскихъ ритмахъ и словахъ скропать кое-какія эпиграммы для церковныхъ мавзолеевъ, для городскихъ воротъ, или надгробныхъ камней, писали франкскіе хронисты, какъ Эрмольдъ-Нигеміусъ, латинскими стихами свои исторіи и слагали нѣмецкіе поэты, отцы которыхъ были еще язычниками, на энергическомъ первобытномъ языкѣ своего народа евангелическія гармоніи, оригинальность которыхъ удивляетъ понынѣ. Никакихъ богословскихъ трудовъ не писалось болѣе въ Римѣ. Исторія города со временъ Пипина и Карла, достопамятный столь оборотъ ея, не нашла ни единаго хрониста или анналиста, и въ то время, какъ Германія и Франція, Нижняя Италія даже, гдѣ исторіографіи покровительствовало достопочтенное Монте-Касино, производили громадное число хроникъ, лѣность или невѣжество римскихъ монаховъ и пресвитеровъ погребли въ глубокомъ мракѣ городскія происшествія".

Невѣжество и варварство римскаго духовенства въ X вѣкѣ историки приписываютъ недостатку бумаги для *копированія*. „Съ тѣхъ поръ какъ Египетъ, древнее отечество папируса, подпалъ подъ власть арабовъ, недостатокъ бумаги сдѣлался весьма ощутителенъ во всей Италіи, и Муратори справедливо приписываетъ этому обстоятель-

ству часть духовнаго варварства X вѣка. Добытіе свитковъ сдѣлалось недостижимо дорого; во всей Италіи стали вслѣдствіе этого употреблять ненужные пергаментные свитки, уцѣлѣвшіе отъ варварскаго уничтоженія ихъ Григоріемъ Великимъ. На этихъ свиткахъ невѣжественный монахъ вытравлялъ кодексы книгъ Ливія или философію древнихъ мудрецовъ, Цицерона, Аристотеля и другихъ и писалъ затѣмъ на страницахъ, съ коихъ извержена была мудрость древности, антифонаріи или исторіи святыхъ. Такъ подобно храмамъ древнихъ, преображались и скрижали ихъ; богиня, обитавшая въ великолѣпномъ зданіи съ колоннадами, по упраздненіи въ немъ язычества, уступала мѣсто какому-либо мученику и божественныя идеи Платона должны были, хотя и съ принужденіемъ, сойти съ пергамента, чтобы очистить мѣсто какому-либо обѣденному канону или лживой исторіи папства. Въ Римѣ въ этомъ столѣтіи не только не было ни одной библіотеки, но и ни одного дѣятельнаго переписчика; и въ то время, когда Германія и Франція не щадя средствъ собирали библіотеки, Римъ уничтожалъ послѣдніе свитки мудрости.

„Богословская наука дремала; грубое духовенство ограничивалось разумѣніемъ символа, евангелія и посланій, въ тѣхъ случаяхъ, конечно, *когда вообще умѣло ихъ читать.* Математика, астрономія и физика не подавали о себѣ никакихъ признаковъ жизни; классическое же образованіе было затоптано до скуднаго пониманія нѣкоторыхъ правилъ „грамматики“. Преподаваніе ея производилось кое-гдѣ въ Римѣ и изучавшіе ее имѣли титулъ „грамматикъ“, носимый Львомъ VIII. Далѣе этого образованіе въ Римѣ не шло“.

Въ концѣ X вѣка римская тьма стала разсѣиваться. Темный рядъ папъ заключили, наконецъ, нѣмецъ и французъ, очистившіе послѣ долгаго времени Латеранъ отъ варварства. Гербертъ въ Римѣ составляетъ какъ бы одинокій свѣточъ въ глубокой ночи. Римляне, привыкшіе къ долгой тьмѣ, казались ослѣпленными его свѣтомъ. Вѣкъ величайшаго римскаго невѣжества закончилъ блестящій геній: Сильвестръ открылъ собою XI вѣкъ. Риму досталась, правда, лишь честь послужить ему въ теченіе нѣсколькихъ безпокойныхъ лѣтъ мѣстомъ для ученыхъ занятій, не нашедшихъ здѣсь себѣ никакого отголоска, ибо этотъ мудрецъ одиноко стоялъ въ Римѣ, гдѣ были непонятны математика и алгебра, изученныя имъ въ арабской Испаніи, гдѣ астрономія и физика не имѣли ни учителей, ни учениковъ, діалектика же ограничивалась, какъ выше сказано, нѣсколькими грамматическими упражненіями, имѣющими мѣсто въ первомъ классѣ нынѣшнихъ гимназій. Когда римляне смотрѣли на сѣдого своего папу, какъ онъ, на одной изъ башенъ Латерана—своей обсерваторіи, наблюдалъ за звѣздами, начертывалъ въ своемъ покоѣ, окруженный скрижалями, геометрическія фигуры, собственноручно составлялъ солнечные часы, или же занимался надъ астрономическимъ глобусомъ, обшитымъ кожною, то полагали совмѣстно съ монахами, что онъ состоитъ въ союзѣ съ діаволомъ.

Но этотъ, въ лицѣ папы-иностранца, вспыхнувшій въ Римѣ свѣтъ не распространилъ дальше своихъ лучей и до конца XII вѣка невѣжество и варварство Рима и его избираемыхъ на мѣстѣ папъ было поразительное.

Теперь познакомимъ вкратцѣ читателей съ состояніемъ монастырей въ Италіи въ то время, когда ляхи воспринимали оттуда свою цивилизацію.

Имперскій монастырь Фарфа въ Сабинѣ былъ въ то время красивѣйшимъ въ Италіи. Въ восхитительной мѣстности онъ уподоблялся культурному оазису. Красивая, блещущая золотомъ каѳедральная церковь Богородицы была окружена пятью еще другими базиликами; въ монастырскомъ округѣ находились императорскій дворецъ и многочисленныя жилища. Внутри и снаружи возвышались колоннады (arcus deambulatorii), предназначенныя для прогулокъ богатыхъ и надменныхъ монаховъ; все же аббатство, на подобіе укрѣпленнаго города, обведено было стѣною, обставленною башнями.

Перечитывая въ драгоцѣнномъ пергаментномъ свиткѣ Фарфенскихъ регестъ, которымъ владѣетъ нынѣ Ватиканъ, занимающую шесть фоліантовъ тѣснаго письма описи имѣній, замковъ, церквей и виллъ, принадлежавшихъ Фарфскому монастырю въ Сабинѣ, въ мархіи Фермо, въ Римской области, въ самомъ даже городѣ, полагаешь, что считаешь имѣнія могучаго княжества. Богатства его были по истинѣ царственныя. Завѣдываніе доменовъ потребовало бы цѣлой арміи чиновниковъ, но вассалы, крупные и мелкіе бароны средней Италіи, державшіе имѣнія въ арендѣ, избавляли настоятеля монастыря отъ черезчуръ большихъ заботъ.

Въ 847 году этимъ аббатствомъ завладѣли сарацины и монахи разбѣжались; по изгнаніи же сарацинъ изъ Италіи аббатъ Роффредъ отстроилъ Фарфу заново, но въ награду его умертвили въ 936 году двое монаховъ: Кампо и Гильдебрандъ. Кампо, знатный сабинецъ, пришелъ юношею въ монастырь и былъ преподаваемъ аббатомъ въ грамматикѣ и медицинѣ. Воспитанникъ явилъ основательное доказательство успѣховъ въ послѣднемъ искусствѣ, преподнеся благодѣтелю своему разрушительную отраву. Подарками добился онъ отъ папы сана аббата и затѣмъ предался съ Гильдебрандомъ отчаянной распутной жизни. Чрезъ годъ они стали соперниками; прогнанный Гильдебрандъ провозгласилъ себя въ монастырскихъ имѣніяхъ мархіи Фермо аббатомъ, и Фарфа на цѣлые годы обречена была на раздоры. Оба имѣли женъ. Кампо прижилъ съ Люцею семь дочерей и трехъ сыновей, всѣхъ награжденныхъ имъ по княжески. Онъ расточилъ монастырскую собственность подъ видомъ арендъ и обмѣновъ между своихъ приверженцевъ и милитисовъ и разъигрывалъ роль монарха въ Сабинѣ на подобіе Гильдебранда въ Фермо. Однажды онъ созвалъ въ резиденцію С.-Викторію женъ, сыновей, дочерей и рыцарей на пиръ; когда всѣ они напились, замокъ былъ кругомъ подожженъ и сгорѣли безчисленныя, натащенныя изъ Фафра Гильдебрандомъ сокровища. Примѣру аббатовъ слѣдовали монахи; каждый сочетался церковнымъ бракомъ съ конкубиною. Жили они уже болѣе не въ монастырѣ, но въ виллахъ, и много что по воскресеньямъ являлись въ Фарфу, чтобы со смѣхомъ другъ съ другомъ встрѣтиться. Все, что находили здѣсь цѣннаго, крали; сдирали даже золотыя печати съ императорскихъ дипломовъ и замѣняли ихъ свинцовыми, брали священныя парчевыя ризы для изготовленія изъ оныхъ для своихъ дѣвокъ платьевъ, алтарные сосуды—для браслетовъ и серегъ [1]).

Оттонъ III саксонскій, желая во что бы то ни стало очистить Фарфскій монастырь отъ развратныхъ монаховъ, по соглашенію съ папой, выслалъ ихъ въ Польшу для распространенія среди ляховъ римской нравственности, латинскаго вѣроисповѣданія и римской цивилизаціи, что ими блестяще было выполнено, какъ это доказываетъ послѣдующая безнравственная исторія Польши.

Первая попытка писать по-польски была сдѣлана только въ началѣ XV вѣка, когда поляки, узнавъ изъ торговыхъ сношеній съ Кіевомъ, что въ русскихъ земляхъ издавна существуетъ народная литература, начали пытаться вводить польскую письменность. Не имѣя своей азбуки и чуждаясь всего русскаго, они стали заимствовать буквы изъ латинскаго и чешскаго языковъ, копируя первоначально съ нѣкоторымъ извращеніемъ не только чешскіе слова, но и цѣлыя чешскія книги, давая имъ названіе *польскихъ книгъ*. Изображеніе же латинскими буквами польскихъ словъ, при отсутствіи грамматическихъ правилъ, представляло безсмыслицу, такъ какъ въ чтеніи получались вовсе непонятныя слова. Первымъ такимъ произведеніемъ была Pieśń „Bogarodzica“, рукопись коей—1408 года—хранится въ Краковской Академіи. Пѣснь эта состоитъ изъ двухъ куплетовъ. Вотъ она:

[1]) Грегоровіусъ, переводъ Савина, „Исторія Рима“, т. 2, кн. IV, стр. 277.

Въ редакціи первообраза.	Въ нынѣшней транскрипціи.
1.	1.
Bogw rodzicza	Bogu rodzica
dzewicza	dziewica
Bogem slawena	Bogiem slawiena
maria	Marya!
W twego zyna	U Twego syna
gospodzina	gospodzina (—pana)
mathko swolena	matko zwolena (=wybrana)
maria	Marya!
Szysczi nam	Ziści nam
(Spwst winam)	spust winam (=odpust win)
Kyrieleyson	Kiryelejson!
Twego dzela	Twego dla (=dla twego)
krzciczela	chrzciciela
(bozide (?))	(Boże daj (?))
2.	2.
vslisz głossy napelni misli czlowecze	Usłysz głosy, napełnij myśli człowiecze
slisz modlitwa ganz noszymi	Słysz modlitwę, jąż (=którą) nosimy
oddacz radzy yegosz psimi	oddać radzi jegoż prosimy;
anaswecze	a na świecie
sboszni pobith	zbożny pobyt,
posywecze	po żywiecie (=żywocie)
rayski przebith	rajski przebyt
Kyrieleyson	Kiryelejson!

Читатель, знакомый съ чешскимъ языкомъ, сразу увидитъ, что эта пѣснь, не польскаго, а чешскаго происхожденія, и, дѣйствительно, польскіе историки приписываютъ ее епископу Адальберту (Войцеху), почитаемому въ Польшѣ за святого. Но онъ былъ чехъ, и то, что имъ написано, нельзя никакъ отнести къ польской литературѣ.

Поляки, за неимѣніемъ лучшаго, приходятъ въ патріотическій экстазъ передъ исковерканною до безсмыслицы чешскою молитвой, въ коей совмѣщается и коею ограничивается все польское національное литературное достояніе и творчество вплоть до XV вѣка.

Въ Россіи, цивилизація,—а значитъ и литература которой произошли по настоятельнымъ заявленіямъ поляковъ отъ польской культуры, уже въ XII вѣкѣ существовало „Слово о полку Игоревѣ“. Любопытно узнать, какое такое произведеніе польской литературы XII вѣка вдохновило безсмертнаго пѣвца похода Игоря Святославича. Ужъ не адальбертовская ли „Богародзица?“. Сами же польскіе историки признаютъ высокія достоинства нашей письменной литературы XII вѣка; конечно, при этомъ они стараются придать появленію „Слова“ характеръ случайности, не указывая на менѣе извѣстные памятники *русской національной* письменности до XV вѣка, когда поляки, наконецъ-то, начинаютъ свои *попытки писать по-польски*, т. е. на польскомъ языкѣ, ибо національная, по содержанію, польская письменность зародилась еще позже.

Не удивительно поэтому, что поляки заполняютъ первую часть своихъ «польскихъ литературъ“ разборами русскаго „Слова о полку Игоревѣ“, пользуясь въ данномъ случаѣ родствомъ русской и польской, не существовавшей въ то время, словесности. Не правда ли, удобный способъ писать фантастическую исторію „польской культуры“.

Поэтому и Куличковскій въ своей книгѣ „Zarys dziejów literatury polskiej“ (Очерки польской литературы) считаетъ нужнымъ помѣщать разборъ русскаго „Слова о полку Игоревѣ“.

Для нагляднаго сопоставленія состоянія русской и польской словесности до XV вѣка, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько отрывковъ изъ „Слова“ [1]), предоставляя читателю возможность сравнить его по языку, слогу и содержанію съ польской литературой не XII вѣка, конечно, о ней тогда и помину не было, а XV и XVI вѣковъ.

Описываемыя въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ событія относятся къ 1185 г. Непримиримыми врагами Руси, раздѣленной на цѣлый рядъ княжествъ, были половцы, татарскій народецъ, обитавшій къ югу и юго-востоку отъ Днѣпровскихъ пороговъ. Постоянныя войны съ этимъ хищнымъ и безпокойнымъ народомъ вырабатывали, конечно, въ русскихъ князьяхъ рыцарскій духъ; но эти войны, предпринимаемыя не общими силами, а лишь нѣкоторыми князьями, не смогли нанести половцамъ окончательнаго удара и освободить русскія земли отъ ихъ нападеній. Въ 1185 году Игорь, князь Новгородъ-Сѣверскій, сынъ князя Черниговскаго Святослава II, предпринялъ походъ на половцевъ; пригласилъ онъ къ участію и своего брата Всеволода, князя Курскаго и иныхъ сосѣднихъ князей, а самъ, собравъ свою дружину, поспѣшилъ соединиться съ курянами. Соединенныя войска Игорь ведетъ на половцевъ; но, едва онъ выѣзжаетъ въ чистое поле, какъ

Солнце ему тьмою путь заступаше,
Нощь, стонуще ему грозою, птичь убуди;
Свистъ звѣринъ въ стазби;
Дивъ кличетъ верху древа:
Велитъ послушати землѣ не знаемѣ;
Волзѣ и по морію, и по Сулію и Сурожу
И Корсунію, и тебѣ, Тьмутораканьскій
блъванъ.

Солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.
Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ,
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,
Чтобъ волнамъ Сурожа, и вамъ, поморяне,
Дать вѣсть за далёкой землей,
Корсуню, и идолу въ Тьмутараканѣ,
И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.

Эти дурныя предзнаменованія не могутъ, однако, поколебать или заставить отступить русичей; ибо Игорь:

Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ
поля Половецкаго,
Съ вами, Русици!
Хощу главу свою приложити,
И любо испити шеломомь Дону.

Хочу я копье мое, молвилъ, далече,
Въ землѣ половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить.

Трудно представить себѣ, прочитавъ эти строки, болѣе поэтическую характеристику доблестнаго князя-воителя.

Войска Игоря идутъ къ Дону; уже перешли послѣдніе русскіе курганы; вокругъ— пустыя половецкія поля; туча враговъ облегаетъ ихъ чернымъ поясомъ...

О русская земля, уже за Шеломянемъ еси! О Русь, о родная, ужъ ты за курганомъ!

восклицаетъ Игорь въ виду сомнительнаго, но кроваваго сраженія. Однако тоска по Руси не сдерживаетъ его воинственности, а скорѣе возбуждаетъ и укрѣпляетъ ее. На слѣдующее утро, русичи ударяютъ на половцевъ, бьютъ ихъ и гонятъ съ поля. Поэтъ вкратцѣ говоритъ о побѣдѣ, не описывая хода битвы:

Съ заранія въ пятокъ потопташа
Поганыя полкы половецкыя...

Въ пятницу наши полки
Полки половецкіе смяли.

Русичамъ досталась богатая добыча: драгоцѣнныя ткани, бархатъ и золото, ковры и дорогіе мѣха, которыми они настилаютъ себѣ дорогу на трясинахъ, гоня непріятелей; наконецъ, утомленное и пресыщенное славой:

Дремлетъ въ полѣ хороброе Ольгово гнѣздо. Дремлетъ Олега гнѣздо удалое...

---

[1]) „Слово о полку Игоревѣ“. Перев. Н. Гербель. Изд. 6. Спб. 1881.

Но Пакъ и Кончакъ, половецкіе ханы быстро сосредоточиваютъ новые, болѣе многочисленныя, чѣмъ прежде, полчища: изъ-за Дона летятъ стрѣлы, вѣстники новой борьбы.

Чръныя тучи съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца.
А въ нихъ трепещутъ синія млъніи:
Быть грому великому,
Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго.
Ту ся копіемъ приламати,
Ту ся саблямъ потруча,
О шеломы половецкыя
На рѣцѣ на Каялѣ,
У Дону великаго.
О, руская землѣ,
Уже за Шеломянемъ еси!
Се вѣтри, Стрибожи внуци
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
Рѣкы мутно текуть;
Пороси поля прикрываютъ,
Стязи глаголютъ;
Половци идутъ отъ Дона и отъ Моря,
И отъ всѣхъ странъ.
Рускыя плъкы отступиша.

Черныя тучи отъ моря идутъ—закрываютъ четыре
Солнца; въ нихъ молніи блещутъ; быть сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона.., Тамъ то
Копьямъ стальнымъ поломаться! тамъ то мечамъ притупиться
О половецкіе шлемы—на рѣчкѣ Каялѣ, у Дона.
Русь, ужъ ты за курганомъ! Чу, вѣтры-Стрибоговы внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе русское войско.
Стонетъ земля, помутнилися рѣки; поля покрываетъ
Пыль и лепечутъ знамена: то половцы идутъ отъ Дона,
Идутъ отъ моря, отвсюду, и наши полки окружаютъ.

Всеволодъ, котораго поэтъ „Слова“ называетъ „буй-туромъ“, совершаетъ чудеса храбрости; но—бой упорнѣе и кровавѣе, чѣмъ предыдущій. Послѣ трехдневнаго сраженія, пали игоревы стяги; самъ онъ—захваченъ въ плѣнъ. И Всеволода постигла та же судьба; но поэтъ не упоминаетъ о немъ, ибо главное лицо поэмы—Игорь.

Святославъ III, великій князь кіевскій, двоюродный братъ Игоря, одержавшій въ томъ же году побѣду надъ половцами, но не принявшій участія въ походѣ Игоря, не знаетъ еще ничего о бѣдствіяхъ, обрушившихся на его родственника. Зловѣщіе сны наполняютъ сердце великаго князя тоской:

Въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера
Одѣвахъ те мя, рече,
Чръною паполомою
На кроваты тисовѣ.
Чръпахуть ми синее вино
Съ трудомь смѣшено;
Сыпахуть ми тъщими тулы,
Поганыхъ тальковинъ великый жемчюгь на лоно
И нѣгують мя.
Ужь дьски безъ кнѣса
В моемъ теремѣ златоврьсѣмъ.
(Всю нощь съ вечера
Восуви врани възграяху
У Плѣсньска на болони
Бѣша дебрь Кисаню
И не сошлю къ синему морю).

„Мнѣ снилось:—...
„Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
Меня одѣвали вы чернымъ покровомъ
И съ синимъ виномъ
Отраву мѣшали,
И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали.
И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ
Изъ раковинъ черпали вы чередою,
И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ
Меня осыпали, смѣяся надъ мною;
И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ
Безъ матицы доски лежали...

А половцы все далѣе пробираются въ Русь. Напрасно взываетъ поэтъ къ русскимъ князьямъ, убѣждая ихъ соединенными силами разбить врага. Они же постоянно ссорятся; постоянныя внутреннія усобицы и распри явились причиной, приведшей половцевъ на Русь. Въ скорби поэтъ послѣдовательно вспоминаетъ о всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ и, какъ бы съ цѣлью успокоить воображеніе, разстроенное мрачными образами—восходитъ къ глубокой старинѣ, къ лучшимъ, древне-русскимъ временамъ.

Затѣмъ поэтъ рисуетъ трогательный обликъ Ярославны, жены Игоревой. Въ крѣпости Путивльской долго и тоскливо ожидаетъ она своего „ладу". Вотъ ея скорбная пѣсня—извѣстная подъ именемъ „плача Ярославны":

Ярославнынъ гласъ слышитъ:
Зегзицею незнаемь, рано кычеть.

„Полечю—рече—
Зегзицею по Дунаеви;
Омочю бебрянъ рукавъ
Въ Каялѣ-рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ".

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ на заборолѣ,
Аркучи:

„О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему, Господине, насильно вѣеши,
Чему мѣчеши хиновьскыя стрѣлы
На своею не трудною крилцю
На моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ
Горъ подъ облакы вѣяти,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, Господине,
Мое веселіе по ковылію развѣя?"

Ярославна рано плачетъ
Путивлу—городу на заборолѣ,
Аркучи:

„О Днѣпре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
Сквозѣ землю половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святославли носады
Да плъку Кобякова:
Возлелѣй, Господине,
Мою ладу ко мнѣ,

Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:
„Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу—
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ обмочу:
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ".
Такъ въ Путивлѣ изнывая
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
„Вѣтеръ что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужъ на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего жъ однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?"
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
„Днѣпръ мой славный, ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;
На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты, лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кабяка:

А быхъ не слала къ нему
Слезъ на море рано!“
Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ на заборолѣ
Аркучи:

О когда бъ ты вновь примчала,
Друга къ этимъ берегамъ,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на море по утрамъ!“
Такъ въ Путавлѣ изнывая
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ надъ зарей:

„Свѣтлое и тресвѣтлое солнце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
Чему, Господине,
Простре горячюю свою лучю
На ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ
Жаждею имъ лучи сопряже
Тугою имъ тули затче?

„Солнце ясное трикраты
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучемъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнетъ тоски—недоли
Но колчаны налегло?...

Тронутая этой непритворной, жгучей скорбью—мать природа сжалилась надъ безпомощной супругой плѣннаго князя и вернула ей мужа. Князю Игорю удается бѣжать, при содѣйствіи крещеннаго половца—Овлура, и онъ благополучно пробирается въ Русь, на родину. Поэма заканчивается описаніемъ прибытія Игоря и величаніемъ князьямъ.

Солнце свѣтится на небесѣ,
Игорь князь въ руской земли;
Дѣвици поютъ на Дунаи—
Вьются голоси
Чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
Къ Святѣй Богородицѣ Пирогощеи.
Страны ради,
Гради весели,
Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
А потомъ молодымъ.

Солнце свѣтъ въ небеси,
Игорь князь на Руси,
На Дунаѣ запѣли дѣвицы—
И летятъ голоса
Чрезъ моря и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.
Игорь ѣдетъ домой—
Къ Пирогощѣ святой
По Боричеву путь направляетъ
По дорогѣ народъ
Веселится, поетъ
Своихъ старыхъ князей величаетъ,
А потомъ молодыхъ.

Творецъ „Слова о полку Игоревѣ“ безспорно, былъ современникомъ, участникомъ. можетъ быть, описываемыхъ событій... Вдохновленный глубокою и благородною любовью къ отчизнѣ, поэтъ, на канвѣ историческаго факта соткалъ полную, яркую и трогательную картину родной страны, ея бѣдъ и радостей, ея горестей и надеждъ. Въ „Словѣ“ отразилась религіозная жизнь русскихъ того времени; а такъ какъ еще далеко не высохли въ то время на Руси пущенные язычествомъ корни, то и въ „Словѣ“ языческій элементъ проявляется нерѣдко, сплетаясь съ элементомъ христіанскимъ. Такъ встрѣчаемъ мы упоминаніе о славянскихъ богахъ, причемъ каждому присваиваются его надлежащіе аттрибуты; встрѣчаемся мы и съ одухотвореніемъ и даже обоготвореніемъ природы, которое у автора „Слова“ утрачиваетъ однако свой чисто-языческій характеръ и становится мѣстами, по выраженію Полевого,—„вергиліанскимъ“. Это отношеніе къ природѣ поразительно отчетливо, образно и выпукло. Христіанство не выработало еще въ то время поэтической терминологіи; понятно поэтому, что авторъ „Слова“ пользуется терминологіей языческою; если-бъ не нѣсколько разъ повторяемыя имя Богоматери Пирогощей, замѣчанія о гробахъ князей въ храмѣ св. Софіи, да не слово „аминь“ „въ концѣ, Слова“—можно было бы счесть автора язычникомъ.

„Слово о полку Игоревѣ“ отнюдь не является случайнымъ явленіемъ въ исторіи русской гражданственности XII и XIII вѣковъ. Напротивъ, одни дошедшія до насъ произведенія русской письменности первыхъ трехъ вѣковъ нынѣшняго тысячелѣтія доказываютъ существованіе въ то время довольно обширной національной русской литературы; одни заглавія произведеній русской письменности до 15 вѣка занимаютъ больше мѣста, чѣмъ полное собраніе сочиненій польскихъ писателей за то же время.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы судьба благопріятствовала сохраненію для потомства памятниковъ древне-русской письменности, и, если у насъ есть возможность указать на цѣлую библіотеку недошедшихъ до насъ произведеній русской словесности XII и позднѣйшихъ вѣковъ, чего никакъ нельзя сказать о полякахъ, то дошло до насъ древнихъ рукописей сравнительно мало. Назовемъ главнѣйшіе памятники русской письменности XIII и начала XIV вѣковъ:

1. „Убіеніе князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора въ ордѣ отъ Батыя“.
2. „Повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго“.
3. „О Довмонтѣ Псковскомъ“.
4. „Убіеніе Михаила Тверского въ ордѣ отъ царя Озбяка».
5. „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“.
6. „Задонщина“.
7. „Сказаніе о житіи и преставленіи Димитрія Донского“.

Къ концу XV вѣка у насъ существовала уже довольно обширная національная литература самаго разнообразнаго содержанія.

Первое, дошедшее до насъ описаніе путешествій русскихъ людей относится къ *XII вѣку*; это хожденіе черниговскаго Игумена Даніила въ Іерусалимъ, совершенное въ 1113—1115 годахъ. Затѣмъ идутъ *хожденія* Стефана Новгородца—въ Царьградъ и Симеона іеромонаха суздальскаго—въ Италію и нѣмецкія земли, которыя онъ посѣтилъ во время сопутствія митрополиту Исидору, ѣздившему на флорентійскій соборъ (1437). Русскіе люди очень рѣдко ѣздили за границу, можно сказать исключительно рѣдко; а все-таки тѣ изъ нихъ, кто не бывали въ чужихъ краяхъ, создали цѣлую литературу путешествій. Поляки, наполнявшіе римскій и парижскій дворы, — не дали своимъ соотечественникамъ въ этомъ смыслѣ ровно ничего. Зато у насъ русскіе люди, побывавъ заграницей, оставались русскими и приносили своими познаніями пользу любимой роднѣ и народу; польскіе шляхтичи и паны возвращались заморскими паяцами, исполненные презрѣнія ко всему польскому и безсмысленнаго поклоненія непонятному ихъ пьянымъ, развращеннымъ головамъ—западу.

Поляки кичатся своею мнимою міровою культурой, называютъ до-петровскихъ русскихъ дикарями. Достаточно сопоставить географическія познанія поляковъ и русскихъ въ XV вѣкѣ, чтобы убѣдиться въ наглости, безсовѣстности польскихъ шовинистовъ-историковъ. Ниже мы приведемъ описаніе Литвы, сдѣланное польскимъ ксендзомъ, доказывающее, что поляки не имѣли понятія о сосѣдней съ ними Литвѣ. Между тѣмъ въ то время писалось Аѳанасіемъ Никитинымъ его „Хожденіе за три моря“ (Каспійское, Индійское и Черное). Замѣтимъ при этомъ, что свое хожденіе въ Индію Никитинъ совершилъ въ 1468 году, т. е. за 30 лѣтъ до открытія туда пути португальцами.

Самозванные цивилизаторы Россіи—поляки, носятся съ какою-то безсмысленной духовною пѣсенкой XIV вѣка,—единственнымъ памятникомъ ихъ міровой культуры вплоть до XV вѣка; забываютъ эти г.г., что въ Россіи существовала въ то время цѣлая литература такъ называемыхъ *духовныхъ стиховъ*, лирическихъ и эпическихъ.

Такимъ образомъ „Слово о полку Игоревѣ“—это не случайность, а одно изъ нор-

мальныхъ явленій въ русской жизни XII вѣка, когда о польской грамотѣ еще и помину не было; ссылка автора „слова“ на пѣвца Бояна ясно говоритъ о недошедшихъ до насъ произведеніяхъ древне русской письменности, предшествовавшихъ „Слову о полку Игоревѣ“.

Стоитъ теперь сравнить приведенные, высоко-поэтическіе отрывки изъ „Слова“ съ монотонными, однозвучными стихами „Богородича“—и читатель убѣдится, насколько русскій народъ превосходилъ въ интеллектуальномъ отношеніи поляковъ; убѣдится и въ томъ, что если у поляковъ есть что-либо хорошее, поэтическое, то оно воспринято отъ русскихъ, а не русскіе заимствовали что-либо у поляковъ, какъ стараются доказать это послѣдніе.

Вотъ какъ выражается польскій историкъ [1]), о первомъ памятникѣ польской литературы: „Лишь въ четырнадцатомъ вѣкѣ, послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ просьбъ набожныхъ нашихъ дамъ, устранены были орѳографическія трудности, и стали появляться молитвенники и другія книги религіознаго содержанія на польскомъ языкѣ. Это были большею частью просто переводы съ латинскихъ подлинниковъ. Сохраненныя до нашихъ дней, эти книги показываютъ намъ польскій языкъ въ стариннѣйшемъ писанномъ видѣ; *онъ вовсе не столь дикъ и нестроенъ, какъ можно было бы предположить*, хотя сама по себѣ польская тогдашняя письменность представляется намъ облеченной въ очень *странную форму. Правописаніе доставляетъ неопытнымъ не мало трудностей.* Больше того, въ нашихъ памятникахъ этого и слѣдующаго вѣка нѣтъ вовсе *орѳографіи*, если понимать подъ нею опредѣленную систему письма“.

Нельзя поэтому не удивляться безцеремонности, съ которою польскіе историки извращаютъ факты, дабы въ лучшемъ свѣтѣ представить прошлое Польши. Мало того, что они стараются присвоить себѣ чешскую и русскую литературу XII вѣка, но величаютъ въ добавокъ неуклюжіе зачатки письменности своей въ XV и XVI столѣтіяхъ, громкимъ названіемъ: „литература“. Говоря про эту литературу, г. Куличковскій заявляетъ, что языкъ ея „не былъ такимъ дикимъ и неотесаннымъ, какъ это можетъ казаться“, хотя однако добавляетъ, что орѳографія представляла большія затрудненія для пониманія написаннаго для тѣхъ, *кто не былъ знакомъ съ содержаніемъ книги.* А такъ какъ литература тѣхъ временъ состояла въ списываніи молитвъ и легендъ духовнаго содержанія, то тѣ, кто ихъ не зналъ на память, не могъ бы ихъ прочесть, если бы даже былъ грамотнымъ, а таковыхъ кромѣ духовенства не было, и книги того времени тотъ лишь могъ прочесть, кто ихъ самъ написалъ.

Итакъ г. Куличковскій, заявившій въ началѣ, что „слѣды пробуждающейся *польской* мысли, изложенной письменно, появляются *лишь* въ XI вѣкѣ“, въ доказательство чего приводитъ образцы *чешской* и *русской* поэзіи, открываетъ намъ дальше, что въ XIV вѣкѣ придворныя дамы упрашивали своихъ исповѣдниковъ о созданіи для нихъ молитвенниковъ польскихъ буквъ и словъ, такъ какъ онѣ по-латыни ничего не понимаютъ, и въ концѣ концовъ признается, что, хотя и появилось *множество* набожныхъ литературныхъ произведеній и польская литература *„процвѣтала“* до конца XVI столѣтія, но ею никто не могъ пользоваться вслѣдствіе отсутствія грамотности,—съ одной стороны и отсутствія орѳографіи—съ другой!

Чешское правописаніе, усовершенствовалъ и упростилъ I. Гусъ введеніемъ діакритическихъ значковъ (ċ, ṡ, ż, v̇, ṅ, ḋ, l̇), хотя эта орѳографія не сейчасъ вытѣснила прежнюю. Правописаніе Гуса долго не прививалось въ Польшѣ по поводу своего „еретическаго“ происхожденія. Въ 1440 г. Яковъ Паркошъ, ректоръ краковскаго университета, придумалъ для польскаго языка безобразную орѳографію, при которой слова польскія писались такъ: pissesch, ssvec, patrzij, g⦶zik, и проч., какъ будто орѳографія Гуса не существовала. Послѣ Паркоша неизвѣстный далъ, придерживаясь Гуса, польскимъ буквамъ особыя названія, напр. Adaam, bil, bijl, cat, kaal etc., но при всемъ

[1]) A. Kuliczkowski. Zarys dziejôw literatury polskiej, стр. 41.

томъ польская орѳографія оставалась безобразною. Въ предисловіи къ статьѣ Паркоша (1486 г.) говорится въ оправданіе названія буквъ, что и греки и русскіе придаютъ буквамъ особыя названія: as, buky, vede, lahol [1])...

Лишь въ XVI вѣкѣ поляки стали примѣнять у себя правописаніе Гуса. Такъ напр., въ одной латинской книгѣ, изданной въ первой четверти XVI вѣка находится начало польскаго евангелія отъ Іоанна; здѣсь пишутся польскія слова: początku (но также początku), cłowiek (но также człowiek), przeseń; bycz, bozzéi, przijeli, vidielismy, narodeni, и пр. [2]). Въ началѣ XVI вѣка Станиславъ Заборовскій, въ книжкѣ: Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma" (1518), старался установить колеблющееся польское правописаніе, по примѣру чешскаго и славянскаго, введеніемъ діакритическихъ знаковъ (signare litteras quibusdam punctis, sicut Bohemi et Sclavi). Звуки ч, ж, ш, и свойственное чешскому и польскому языкамъ ř (rz), Заборовскій означаетъ, по примѣру Гуса, точками: ċ, ṡ, ż, ṙ; звуки ć, ś, ń, ṕ и пр.—двумя точками: (о ź Заборовскій забылъ). При всемъ томъ у самого Заборовскаго въ книгѣ [3]) встрѣчаются непослѣдовательности, доказывающія съ какимъ трудомъ у поляковъ вырабатывался письменный языкъ еще въ XVI столѣтіи, напр. Заборовскій пишетъ: „n̈ebyosa, ymyenya и т. п.

Предлагаемое Заборовскимъ правописаніе первый примѣнилъ Матвѣй Мѣховскій. Въ латинской его книгѣ „Tractatus de duabus Sarmatiis" (Cracoviae 1517) польскія слова и имена пишутся по примѣру Заборовскаго: gore, more, Drohicin, Zidacow, Dreuyanye, Trauyn̈e и проч.; но уже во второмъ изданіи этой книги (1521) эти слова пишутся: gorzey, morza, Drohyczyn, Zydacuow, Drzewianie, Trawianie, и пр.; такъ и въ польскомъ переводѣ этой книги Мѣховскаго [4]).

Чешское вліяніе въ польской орѳографіи сказалось еще у Іоанна Секлюціана (въ статьѣ о польскомъ правописаніи при его польскомъ переводѣ евангелія въ Королевцѣ, 1551); онъ означаетъ звуки ć, ś двумя или одною точкою, а въ остальномъ пишетъ cz, sz, rz; Валентинъ Брезовскій въ своемъ протестантскомъ канціоналѣ, переведенномъ съ чешскаго: Cantional albo księgy chwal boskyeh etc" (Krolewiec 1554); пишетъ вмѣсто cz, sz, ż — c̈, s̈ z̈, вмѣсто c, s, z — ċ, ṡ ż; только rz оставлено (Но эта попытка осталась попыткою, равно какъ и другіе проекты установить польское правописаніе, напр. Яна Кохановскаго и Луки Горницкаго [3]). Лишь въ концѣ XVI вѣка въ польскомъ языкѣ установилось правописаніе, до нынѣ употребляемое, т. е. передача свойственныхъ польщизнѣ звуковъ по меньшей части при помощи комбинаціи латинскихъ буквъ (cz, sz, rz), а по большей части при помощи діакритическихъ знаковъ (á, é, ó ą, ę, ć, ś, ź, ż, ń, ł) [5]).

Какимъ же послѣ этого путемъ шло изъ Польши просвѣщеніе въ Россію, и какого рода было просвѣщеніе, о которомъ поляки не перестаютъ кричать на всѣхъ перекресткахъ?

Дабы дать читателю наглядное представленіе объ орѳографіи и смыслѣ польской „литературы" приводимъ еще нѣсколько образцовъ ея произведеній, относящихся къ XV вѣку:

„*Kodeks Floryanski*, или такъ называемый *Psalterz Malgorzaty*", оригиналъ котораго

---

[1]) Паркоша. De orthographia polonica libellus, ed. Bandtkie (1838); Maciejowski: Piśmiennictwo polskie, Dodatki, стр. 95.

[2]) Снимокъ въ журналѣ „Czasopismo Ossolisiskich" 1834, стр. 82.

[3]) Сочиненіе Заборовскаго издано съ 1518 по 1560 г. восемь разъ; по-польски въ 1825 г. Кухарскимъ; литогр. снимокъ перваго изданія (1818) въ Краковѣ въ 1882 г.

[4]) См. статью Калужницкаго въ Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaffen (1882), стр. 966.

[5]) Іосифъ Первольфъ. „Славяне". Т. III, стр. 193—229.

хранится въ Австріи около Линца въ библіотекѣ аббатства св. Флоріана. По свидѣтельствамъ историковъ онъ представляетъ *самый древній* памятникъ польской письменности, *возникшій въ XV столѣтіи,* (куда-жъ дѣвалось то, что возникло въ XI вѣкѣ?) Приводимъ изъ него выдержки:

Оригиналъ.	Современный переводъ.
1. Blogoslawoni mósz, ien iest ne szedl po radze nemilosci wich, y na drodze grzesznich ne stal jest.	1. Błogosławiony mąż, jen (=który) jest nie szedł po radzie niemiłościwych, i na drodze grzesznych nie stał jest.
2. Ale w zacone boszem wola iego y zacone iego. bódze mislicz we dne y w nocy.	2. Ale w zakonie bożém wola jego i w zakonie jego będzie myśleć we dnie i w nocy.
3. A bódze iaco drzewo, iesz szczepono iets podlug czekócych wod, iesz owocz swoy da w swoy czas.	3. A będzie jako drzewo, jeź (=które) szczepiono jest podług ciekących wód, jeż owoc swój da w swój czas.
4. A list iego ne spadne, y wszistko, czsocoli vczini, przespeie.	4. A list (=liść) jego nie spadnie, i wszystko, cokoli (=cokolwiek) uczyni, przespieje (=powiedzie się).
5. Ne taco nemilosciwi, ne taco, ale iaco proch, iensze rzucza watr od oblicza zeme.	5. Nie tako niemiłościwi, nie tako, ale jako proch, jenże (=który) rzuca wiatr od oblicza ziemie.
6. Przto ne wztaić nemilosciwy w w sódze, any grzeszniczy w radze prawich.	6. Przeto nie wstają niemiłościwi w sądzie, ani grzesznicy w radzie prawych.
7. Bo znaie gospodzin drogó prawich, a droga zlich zgine.	7. Bo znaje (=zna) gospodzin drogę prawych, a droga złych zginie.
8. Slawa oczczu y sinowi y swótemu duchu.	8. Sława Oćcu (=ojcu) i Synowi i świętemu Duchu.
9. Iaco bila s poczótka y nine y wszda y na weki wekom.	9. Jako była z początku i ninie i wżda (=zawsze) i na wieki wiekom.

Затѣмъ слѣдуетъ библія королевыСофіи, надъ которой во второй половинѣ XV столѣтія работало пять писателей; закончилъ ее Петръ изъ Радошица.

Приводимъ начало этой библіи, въ виду того что его же приводятъ польскіе историки въ подтвержденіе процвѣтанія польской литературы въ XV вѣкѣ. Литературный языкъ этого польскаго произведенія какъ и всѣхъ прочихъ той эпохи таковъ, что нуждается въ переводѣ на польскій же языкъ.

Оригиналъ.	Современный переводъ.
Na poczótcze bog stworzyl nyebo y szemyó, alye szemya bila nyeuszyteczna a proszna, a czmi bili na twarzy przepaszczy, a duch boszy naszweczye nad wodamy. Y rzekl bog: bódz szwatło, y stworzono szwyatloszcz. A uszrzal bog szwyatloszcz, ysze gest dobra, y roszdzelyl szwyatloszcz, ode czmi, y nazwal gest szwyatloszcz dnyem, a czmi noczó y uczynil wyeczyor a s yutra, dzyen geden.	Na początce Bóg stworzył niebo i ziemią, ale ziemia była nieużyteczna a próżna, a ćmy były na twarzy przepaści, a duch Boży na świecie nad wodami. I rzekł Bóg: bądź światło, i stworzono światłość. A uźrzał (=ujrzał) Bóg światłość, iże (=iź) jest dobra, i rozdsielił światłość ode (=od) ćmy (=ciemności, i nazwał jest światłość dniem, a ćmy nocą. I uczynił wieczór, a z jutra dzień jeden.

Затѣмъ идетъ молитвословъ королевы Ядвиги, изъ котораго мы приводимъ отрывокъ:

Оригиналъ:	Нынѣшнее написаніе:
Swyanta maria boza porodzycyelko naczysczcha dzewko: przez myloscz szyna thwego yednaczka boga naschego Jesu Crista zew-	Święta Marya, Boża porodzicielko, najczystsza dziewko! przez miłość syna Twego Boga naszego Jezu Chrysta ze wszemi Świętymi i wy-

schemy szwya Tymy y vybranymy bozymy Przydzy na pomocz muye racz proszycz zamna grzeschnycza.

branymi bożymi przydzi (=przyjdź) na pomoc mnie, a racz prosić za mną grzeszną.

Вотъ отрывокъ изъ гнѣзненскаго кодекса.

Trzeczecz thogiste veszele kudlugosczy gestcy ono bilo velike psto isszo gest ono od schodu sluncza aszdoszapadu bilo rosczóglo Apstocz thy to trzy kroleue choszcy szó oni nafchod sluncza sfa królefsswa bily mely tycz szó czy ge ony bily opusczyly adomilego xaszóć ony svelikimy dary bily przygachaly, tesczy tho giste veszele gestci szó ono bilo doszapada sluncza tako roszyrzylo isczy teutho gisty czeszarsz gemusczy gest bilo tho ymó Auhustus dzano gestcy on bil srzyme mathkybosze obrasz naprzecif slunczu vydzal a stegoczto vydzena gestcy on bil barszo veszol y gestcy on milemu xponi miró, kadzydlo bil oferoual astichcymast nigednecz czy any chualy, szobe czynicz gest on bil nedal, cuartecz tho giste veszele bilocz gest ono kuszyrokosczy velike psto isczy gest ono fszysczek swath bilo ogarnólo Apstocz szaprafdó narodzene tegotho dzeczóthka naszego ihu xpa bilocz gest ono velikego vszythka iteże velikego veszela apstocz szó, dzisza msza naprothku tako poczyna puer, ysze dzeczóthko gestey szó, ono narodzylo nam. A tesze sziin boszy gestcy on nam byl dzan.

Trzecieć to iste wesele ku długości jest ci ono było weilikie przeto, iż się jest ono od wschodu słońca aż do zapadu było rozciągło. A przetoć ty to trzy królowie, cości są oni na wchód słuńca swa królestwa yii mieli, tyć (=teć) są ci je oni byli opuścill a do miłego Krysta (=Chrystusa) sąć oni z wielkimi dary byli przyjachali. Też ci to iste wesele jest ci się ono było do zapada (=zachodu) słuńca tako rozszyrzyło, iż ci ten to isty cesarz, jemuści jest było to imię Augustus dziano, jest ci on był w Rzymie, matki Boże (=Bożej) obraz naprzeciw słuńcu widział, a z tego to widzenia jest ci on byłbarzo (=bardzo) wesół, i jest ci on miłemu Chrystusowi mirę, kadzidło był ofiarował; a od tych ci miast ni jedne czci ani chwały sobie czynić jest on był nie dał. Czwartеć to iste wesele byłoć jest ono ku szyrokości wielkie przeto, iż ci jest ono wszyściek świat było ogarneło. A przetoć zaprawdę narodzenie tego to dzieciątka naszego Jezu Krysta byłoć jest ono wielkiego użytka i też wielikiego wesela; a przetoć się dzisiaj msza na przodku tako przyczyna *puer*, iże dzieciątko jest ci się ono narodziło nam. A też syn boży jest ci on nam był dzian.

Приведемъ еще отрывокъ изъ молитвы Вацлава (конецъ XV вѣка).

Boze który ies nam matka y oczcza czczicz przikazał, slutuy se miłosczywie nad duszami rodziczow naszich a gich wszitkich grziechi odpusczi. A nas sz nimi w wieczney swiatosczi, weszelu zrzandi zicz. przez tego ienze ma przygydz sandzicz zywe y martwe y swiath przez ogen Amen.

Boże, który jeś (=któryś) nam matkę i ojca czcić przykazał, zlutuj (=Zlituj) się miłościwie nad duszami rodziców naszych, a ich wszytkich grzechy odpuści (=odpuść), a nas z nimi w wiecznej swiętości, weselu zrządzi (=zrządź) żyć; przez Tego, jenże (=który) ma przyiźć (=przyiźć) sądzić żywe i martwe i świat przez ogień. Amen.

О польской литературѣ позднѣйшаго періода—между 1650—1740 годами мы можемъ судить по приводимымъ ниже заглавіямъ, подъ которыми выходили труды польскихъ литераторовъ. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ, прилагая по возможности точный переводъ:

1) „Wieniec amaranthowy Na Hibleyskich polach od Bogiń uwity, przy weselnym akcie J. Mći. p. Zygmunta Porębskiego, Jej Mći. pannie Annie Wisemberkównie przez Mikołaia

1) Пурпурный вѣнокъ сплетенный Богинями на Гиблійскихъ поляхъ, во время бракосочетанія Милостивѣйшаго Государя Сигизмунда Порембскаго, и Ея Милости дѣ-

Wisemberka... Na Oświadczenie Braterskiej miłości Ofiarowany (Kraków 1641)".

вицы Анны Висенбергъ поднесенный братомъ ея Николаемъ, въ доказательство братней любви (Краковъ, 1641 г.).

2) „Oliwa wdzięczno-ozdobnej zieloności, Przysadzona do Starożytnego kleynotu Habdanczyków. Na Kazaniu przy Pogrzebie... wystawiona (Kraków 1645)".

2) Оливковое древо благодарно-украшающей зелени, привитое къ стариннымъ драгоцѣнностямъ Гобданчиковъ. Выставленное во время проповѣди на похоронахъ. (Краковъ 1645 г.).

3) „Podpłomyk Matri Fary na poły z popiołem łzami Jej Rozczyniony. Podany dźiatkom do skosztowania, iakim ją chlebem częstują... (bez m. dr. 1654)."

3) Блинъ Матери Собора изъ пепла, смѣшаннаго съ Ея слезами, поднесенный дѣтямъ дабы испробовали, какимъ ее хлѣбомъ угощаютъ... (1654 г.).

4) „Młotek duchowny (na cztery „drelowania" podzielony) w sercach ludzkich tor Chrystusow drelujący. W. Krakowie censurowany (Gdańsk 1656)".

4) Духовный молотокъ для четырехъ сверленій Христова пути въ человѣческихъ сердцахъ. (Данцигъ, 1656 г.).

5) „Prałat liliowy, W. Szlacheckiej Familiey zasadzony Ogrodzie, W Kościelney Godności rozkwitły Wirydarzu, W Cnotach Pobożności, Sławie, y w Łeciech doyrzały. Boskiemi urwany Rękoma przez śmierć Świetnie Wielebnego J. Mci. Xiędza Samuela Krupkę Przecławskiego... Na Pogrzebowym Akcie do wieczney sławy wonności kazaniem podany... (Kraków 1660)".

5) Лилейный прелатъ, посаженый въ саду дворянскаго рода. Расцвѣтшій въ костельныхъ достоинствахъ; въ благочестіи набожности, славѣ и лѣтахъ созрѣвшій. Сорванный Божіими руками черезъ смерть свѣтлѣйшаго ксендза Самуила Кропку Пжецлавскаго... Предъявленный на похоронахъ для благоуханія его вѣчной славы... (Краковъ, 1660 г.).

6) „Zazdrosny Nieba z Ziemią o herbowne a szacowne Jaśnie Wielm. J. M. P. P. Piotra Hrabi da Przebendowie Przebendowskiego... jabłko Koncert Za decyzyą Smierci na wygraną Niebu zkonkludowany... (Gdańsk 1711)".

6) Завистливый концертъ неба и земли изъ-за гербового и драгоцѣннаго яблока милостиваго Государя Петра, Графа Пжебендовскаго на Пжебендовѣ. Судомъ смерти небу присужденное (Данцигъ, 1711 г.).

7) „Tęcza koronna, Wielu równych cnót kolorami Nieodmienna. Naiaśnieyszymi Skolligowanych Purpur Splendorami Illuminowana, Stanisław Kostka, y Aloyzy Gonzaga Soc. Jes Wyznawcy. To iest przy Solenney nowo Kanonizowanych Introdukcyi Jeden w Drugiego świętymi. Przez publiczne Kazanie J. Mci. X. W. A. Swinarskiego... Ogłoszeni. Roku, którego materyalne Niebo, Naturę ludzką Bóg, znakiem ukoronował przymierza 1724".

7) Коронная радуга, многихъ добродѣтелей, цвѣтомъ одинаковая. Свѣтлѣйшихъ пурпуръ спледорами изукрашенная. Станиславъ Костка и Алоизій Гонзаго, исповѣдующіе іезуитизмъ, то-есть при торжественной вновь канонизированныхъ интродукцій одинъ въ другого святыми. Публичной проповѣдью объявленные ксендзомъ Свинарскимъ. Въ томъ году, въ которомъ матеріальное Небо, человѣческую природу Богъ короновалъ знакомъ примиренія 1724.

8) „Xiąże Xiężycow Nowy May na Sarmackim Niebie, w Nowym do Domu Xiążęcego Gościu J. O. Xiążęciu Mikołaiu Krzysztofie Augustynie Eryku Radziwille, Przy Konstellacyi Oyczystych Luminarzów Jaśnie Oświeconej Xiężney Jey-Mości Franciszki z Korybutów Wisniowieckich Radziwiłłowey... jaśniejący W szczupłym Genetliaku śpieznym

8) Лунный князь, Новый Май на Сарматскомъ Небѣ въ Новомъ Княжескомъ Домѣ Гостю Его Сіятельству Князю Николаю Христофѣ Августѣ Ерикѣ Радзивилѣ при Констелляціи (?) отечественныхъ Люминаріевъ (?) ея сіятельства княгини Франциски, урожденной Корибутъ - Вишневецкой Радзивилъ... блестящій въ маломъ

Rymem przywitany Od Wiecznie Obligowanego... Kollegium Nieświskiego Soc. Jesu... (Wilno 1727)."

Генетліяку (?), поспѣшными стихами поздравляемъ отъ нескончаемо преданной Несвижской Іезуитской коллегіи. (Вильно, 1727 года).

9) „Melodya przy Wschodzie purpurowym dnieiącego Honoru Po Brzegach nieograniczonej Srzeniawy rozlegaiąca się J. O. Xiężnie Elzbiecie Lubomirskiej... Przed Fortunnym Ingressem J. O. Xięstwa Na Woiewodztwo Krakowskie Troiakim Rezonem applaudująca.. (безъ м. изд. 1732)".

9) Мелодія при пурпурномъ восходѣ днѣющаго Гонора на берегахъ неограниченной Шенявы, распространяющаяся Сіятельной Княгинѣ Елисаветѣ Любомирской... Передъ счастливымъ возведеніемъ Сіятельнаго Княжества на Краковское воеводство тремя резонами поздравляющая (1732 г.) (мѣста изд. не указано).

10) „Fular do utarcia nosa zatwazdziałemu grzesznikowi (Kraków 1792)".

10) Шелковый платокъ для утиранія носа закоренѣлому грѣшнику (Краковъ, 1792 г.).

11) „Pistolet do zabicia grzechu smiertelnego (Kraków 1798)".

11) Пистолетъ для умерщвленія смертнаго грѣха (Краковъ, 1798 г.).

Значительно тоже превосходили поляковъ въ культурѣ чехи, доказательствомъ чего служитъ „Краледворская рукопись", написанная около 13 вѣка. Въ этомъ памятникѣ древне-чешской письменности есть также обращеніе къ Богу, которое мы приводимъ въ оригиналѣ и въ переводѣ.

Vstaň o Hospadine! v hněvě svojem
I povyš ny v krajinách nad vrahy
Vyslyš hlasy k tobě volajnee!
Okľučeni smy lutými vrahy,
Vyprosť ny zosidl krutych tatar
I daj svlažzenie utrobám našim;
Hlasonosmí oběť tobě vsdámy!
Potři v zemiech našich neprátely
Shlad' je u věk, a věky věkoma.!

Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
Дай смирить намъ силы супостата,
Выслушай моленье Ты наше!
Мы отвсюду стиснуты врагами:
Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
И увлажь росою намъ гортани!
Славословить Тебѣ, Бога, станемъ!
Сокруши Ты нашихъ супостатовъ,
Да не придутъ нехристи во вѣки! [1])

Сравнивая это произведеніе древней чешской словесности, а равно „Слово о полку Игоревѣ", написанныя въ XII—XIII вѣкахъ съ вышеприведенными образцами польской литературы XV-го и первой половины XVI столѣтіи, нельзя не убѣдиться въ томъ, что, во первыхъ, въ Чехіи и на Руси національная литература возникла значительно раньше, чѣмъ въ Польшѣ, а во вторыхъ, что польская мысль, закабаленная церковною схоластикой и мистицизмомъ, не могла вырваться за предѣлы сакристіи; между тѣмъ русскій умъ, какъ это доказываетъ „Слово о полку Игоревѣ", свободно и смѣло развивался въ жизни и для нея, создавая историческую поэзію; это служитъ лучшимъ доходомъ того, что Польша отнюдь не распространяла цивилизація, а, напротивъ, тормозила ея ходъ, губила ее.

Несмотря на это историки „Польской литературы" находя въ пѣсни „Bogorodzica" большую глубину и красоту поэзіи, именуя это произведеніе *польскимъ*, ставятъ его наравнѣ съ „краледворской рукописью" и „пѣснью о полку Игоревѣ".

[1]) Краледворская рукопись: Пер. Н. Берга.

Дабы дать русскому читателю, незнающему польскаго языка, понятіе о „глубинѣ и красотѣ поэзіи“ пѣсни „Bogorodzica“ приводимъ ее въ дословномъ переводѣ:

Богородица
дѣвица
Богомъ славленная
марія
У твоего сына
господина
избранная мать
марія
Исполни намъ
отпущеніе грѣховъ
Kyrieleyson
Твоего дѣла
крестителя
боже дай.

Услышь голоса, наполни человѣческія мысли
Слушай молитву, которую несемъ
рады мы отдать, его же просимъ
а въ мірѣ
набожное пребываніе
въ жизни
райское прохожденіе
Kyrieleyson.

Знаковъ препинанія не имѣется.

Такую же прелесть и глубину мысли представляютъ и прочіе памятники польской письменности XV столѣтія, приведенныя нами выше.

Только полякъ-историкъ, проникнутый атмосферой сакристіи, осмѣлится утверждать, что „польскій языкъ древней польской письменности отнюдь не отличается дикостью и неотесанностью“. Но, принимая во вниманіе, что вышеприведенный жаргонъ и безсмысленное правописаніе существовали въ Польшѣ еще въ 16 вѣкѣ, мы не можемъ вывести иного заключенія, какъ то, что, если бы не проблески христіанства, оставшіеся въ этой странѣ со временъ св. св. Кирилла и Меѳодія, то до 15 столѣтія польскій народъ не многимъ отличался бы въ своемъ развитіи отъ нынѣшнихъ папуасовъ, сингалезовъ и готентотовъ.

Въ Россіи же и у другихъ славянскихъ народовъ мы видимъ нѣчто совершенно иное.

Славянская литература въ Россіи возникла пятью вѣками раньше, чѣмъ въ Польшѣ. Въ Россію священное Писаніе внесено было еще до Владимира, во второй половинѣ IX вѣка; въ Кіевѣ были христіане при Аскольдѣ и Дирѣ, затѣмъ при Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ въ Россіи дѣлались списки книгъ, полученныхъ изъ Болгаріи. [1])

Древнѣйшій памятникъ церковно-славянскаго языка, уцѣлѣвшій на Руси— Остромирово Евангеліе; оно написано въ 1056 — 57 г. г. въ Новгородѣ діакономъ Григоріемъ.

Въ 12 вѣкѣ занимались списываніемъ книгъ св. Евфросинія, княжна Полоцкая, Владимиръ князь Волынскій въ 13 вѣкѣ; „Изборникъ Святослава“ написанъ въ 11 вѣкѣ, „Златая цѣпь“—въ 14-мъ.

Съ принятіемъ христіанства просвѣщеніе стало распространяться въ Россіи и на югѣ (въ Кіевѣ) и на сѣверѣ (въ Новгородѣ). Владимиромъ Великимъ и сыномъ его Ярославомъ заведены были училища. Къ XI и XII столѣтіямъ относятся, какъ мы видѣли, дошедшія до насъ уже оригинальныя русскія литературныя произведенія. Нашествіе татаръ остановило развитіе русской словесности, но она снова стала развиваться, начиная съ 14 вѣка.

Къ духовнымъ писателямъ 11 вѣка относятся: Лука Жидята, епископъ Новгородскій Илларіонъ, митрополитъ Кіевскій Ѳеодосій, установитель монастырскаго обще-

[1]) Галаховъ. Исторія русск. словесности стр. 33.

житія Іаковъ-черноризецъ и Іоаннъ II митрополитъ Кіевскій, который писалъ папѣ Клименту II „о винахъ или согрѣшеніяхъ латинства“. [1])

Къ XI и началу XII вѣка относится первая русская лѣтопись Нестора подъ заглавіемъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть.“ Несторъ умеръ въ 1113 году.

Древнѣйшимъ памятникомъ русскаго законодательства является „Русская правда“, написанная Ярославомъ I (1016 г.).

Въ 13 вѣкѣ русская литература была такъ обширна, что митрополитъ Кипріанъ внесъ въ молитвословъ, составленный въ 14 вѣкѣ, списокъ книгъ, написанныхъ въ Россіи и воспрещенныхъ къ чтенію въ виду ихъ безнравственности съ точки зрѣнія христіанства; вотъ эти книги: 1) Адамовъ Завѣтъ, 2) Сиѳова молитва, 3) Енохъ, 4) Лѣстница Якова, 5) Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ (12 сыновей Якова), 6) Завѣтъ Моисея, 7) Имена Ангеламъ, 8) О древѣ Крестномъ, 9) Хожденіе Богородицы по мукамъ ада, 10) Дѣяніе Павла, 11) Посланіе Варнавы, 12) Евангелія отъ Ѳомы, 13) Мартологъ (т. е. Острологъ), 14) Острономія, 15) Землемѣрія, 16) Чаровникъ, 17) Громникъ со времени когда бываетъ гроза, 18) Молніяникъ, 19) Колендникъ (о колядахъ или календахъ), 20) Сносудецъ (толкователь сновъ), 21 Волховникъ, 22) Путникъ (о встрѣчахъ), 23 Звѣздочетецъ и проч...

Въ виду того, что въ первоначальной польской письменности, относящейся къ началу 15 вѣка, встрѣчается весьма много русскихъ словъ,—необходимо заключить, что польская азбука и вообще польская письменность стала слагаться лишь послѣ соединенія Польши съ Литвой, въ которой, какъ и въ княжествѣ Галицкомъ, издавна существовала славянская письменность, въ доказательство чего приводимъ нѣкоторые документы того времени.

I.

„Грамота Галицкаго князя Льва Даниловича, на Лавровскій монастырь, владыкѣ Антонію 1292 года.

„А се я князь Левъ. Сынъ короля Даніила. Сгадавшися есьмо с нашими Бояры яко прадѣдъ нашъ царь великій Володымеръ и отецъ нашъ придалъ митрополитомъ и епископомъ по всѣмъ землямъ русскимъ. Такожъ и мы Богу и Пречистой Богоматери и святому прѣподобному Оцу Ануфрію дали есьмо монастырь Лавровъ Антонію Владыкѣ яко нашъ дядько князь великій Лаверъ, придалъ у Богомольство. Почениши отъ потока Солтышки коцылы на едину сторону, верхомъ потока Солтышки и Прохырова, раздѣлимъ до высокой поляны и верха Лѣнины, а на другую сторону презъ поле и рѣку Лѣнину, у Гору по знакы отъ костела монастыря границѣ поверхъ потока Семенова и Лѣнинкы малои верхомъ потока великаго презъ Уровыи верхомъ Лѣнины болшеи до поляны высокои, далисьмо со всѣми пожитки монастыреви с польми и лѣсомъ и стави и млинами и медовыми данами у богомольство абы за насъ Бога прошено и за наши предкы, кому Богъ дастъ у тои святои церкве быти на вѣки вѣчно. А въ тое дѣти наши да науступаются и по нихъ будущіи, и да неудалено будетъ отъ того монастыря вышеписаннаго. А кто уступитъ на мое слово, судъ ми съ ними предъ Богомъ и да буетъ клятва Божія на немъ и святыхъ отецъ ГИI. (318), въ сій вѣкъ и во будущій у день страшнаго суда Божія на то есьмо гремоту нашу дали, и печать свою привѣсили. А при томъ были свѣдци. Митрополитъ Галицки, с крылоса Антонии и владыка премысцки Ларіонъ и князь Андрей Ярославичъ, и панъ Васко и иныхъ бояръ много было прытомъ. А писана и дана грамота у Премышли, въ пятокъ мѣсяца октоврія у (2) день лѣта (6800). А писецъ Захарія Вихоръ.

Ту печать завѣсится“.

[1]) См. „Записку о митропол. Іоаннѣ II“ Неволина въ Изв. Ак. Наукъ II.

II.

Дипломъ, выданный королемъ Владиславомъ Ягелло въ 1408 году.

„Во имя Божія станься. Мы Владиславъ, съ Божей милости король Польскій, Литовскій, Русскій и иныхъ многихъ земель государь, знаемо чинимъ нашимъ листомъ кто коли нань оузритъ, или оуслышитъ чтучи: аже слуга нашъ Бедунъ на имя Есифъ, послужилъ намъ вѣрно и мы оузрѣвши на его вѣрную службу, хотячи по немъ ажбы тымъ лѣпѣй и вѣрнѣй послужилъ намъ и дѣтемъ нашимъ и нашимъ щадкумъ, вонъ и его дѣти, и его наместникове, даемъ и дали есмы слузѣ нашему Бедуну, на имя Есифу, наше городище Копыстно, церьковь на имя Покрова Матере Божое а подъ городищемъ Копытномъ наша дворища пустая Боднарская, то есмы ему дали оу нашей волости оу Пугемыской, што коли къ тому прислушано изъ вѣка вѣчнаго; и къ тымъ дворищомъ, што суть поля того забопнулъ лѣса Стручина, лука Моговище малое и великое, што къ тому городищу слушало, даемъ, оддали есмы тую истиную дѣдину нашу на вѣки вѣкомъ. А тако дали есмы ему и его дѣтемъ и его намѣстникомъ, со всѣмъ правомъ, зъ лѣсы, съ дубравами и съ насѣками, съ полемъ и зъ сѣножатми, зъ водами, ставами, зо всѣми оужитки и зъ вѣчными границами, што къ тому сему изъ вѣку прислушало и слушаетъ, како широко и долго и округло оу его границахъ. А той истный слуга нашъ Бедунъ, на имя Есифъ, имаетъ служити намъ и нашимъ дѣтемъ изъ того села двѣма стрѣльцы, и на каждую нашу дорогу, гдѣ намъ потребизна. А про недостатокъ людей имаетъ слуга нашъ Бедунъ, на имя Есифъ, самъ оу той земли оу Перемыской быти и въ томъ селѣ; а коли бы была отъ нѣкоторыхъ нашихъ непріятелей налога на нашу землю Перемыскую, тогда имаетъ слуга нашъ Бедунъ, на имя Есифъ, самъ своимъ животомъ полагати со всѣми своими людми на обороненя нашей землѣ Перемыской. А тыи работы и дани и поплатки имаетъ робити и давати къ нашей потребизнѣ, яко иншіе земляне, коли есть того потребизна. А къ сему нашему листу на крѣпость казали есмо нашу печать великую привѣсити, оу нашемъ городѣ, оу Сундомири, другое недѣли въ понедѣлокъ великаго поста, подъ лѣты Рождества Христова, тысяча лѣтъ и чтериста лѣтъ и осмъ лѣтъ. А при томъ были свѣдци: панъ Янъ Краковскій съ Тарнова, панъ Хрчонъ, воевода Судомирскій, панъ Михалъ Любельскій, панъ Клементъ вислицкій, панъ Войтко, Судомирскій судья, панъ Мичекъ Штанъ, подсудокъ Судомирскій. Аминь![1]“

Изъ позднѣйшихъ же грамотъ польскихъ королей имѣемъ слѣдующую [1].

23 Іюля 1506 г.

„Привилей Богдану Алексѣевичу на село Копылы, въ Каменецкомъ повѣтѣ.

„Александръ Божіею милостію.

„Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтути его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ кому будетъ потребъ того вѣдати. Билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ Богданъ Алексѣевичъ о томъ, што есмо перво сего дали ему село съ людьми въ Каменецкомъ повѣтѣ, на имя Копылы и зъ ихъ братіею и зъ дѣтьми ихъ нутные, и къ тому землю, Шушковскій жеребей, которую тыи жъ люди зъ вѣку держали, и на то листъ, первшую нашу данину, передъ нами вказывалъ и билъ намъ челомъ, абыхмо то потвердили ему на вѣчность. Ино мы, зъ ласки нашое, и тежъ впаметавши его къ намъ вѣрную службу, тымъ его пожаловали, на то дали ему есмо нашъ листъ и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтямъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ и его ближнимъ. Нехай онъ тые вышей писаные люди Копылы держитъ со всими ихъ землями пашными и бортными, и зъ

[1]) Находится въ главномъ архивѣ Царства Польскаго.

боры, и зъ лѣсы, и зъ дубровами, и зъ сѣножатми, и зъ озеры, и зъ рѣками, и зъ и зъ рѣчками, и зъ бобровыми гоны, и зъ данію грошовою и медовою, и со всѣми иными поплатки и податми, и зъ службами тыхъ людей, и зъ тою землею, Шушковскимъ жеребеемъ, и люди себѣ на тыхъ земляхъ садитъ и со всимъ, какъ тые люди и ихъ земли стародавна у своихъ границахъ маются и какъ на нихъ держаны. И воленъ онъ тые люди вышей реченые Копылы и тую землю, Шушковскій жеребей, отдати, продати, замѣнити, разширити и ко всему вжиточному и лепшому обернути, какъ самъ налепѣй разумѣючи. А на твердость тою и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашему листу. Писанъ у Вильни, въ лѣтъ 7014, мѣсяца Іюля, 23 день. Индиктъ 9.

„При томъ были: воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Радзивиловичъ, воевода Троцкій, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловичъ, маршалокъ земскій, староста Городенскій, панъ Янъ Юревичъ, маршалокъ дворныя, державца Бѣльскій и Утенскій, князь Михайло Львовичъ Глинскій, воевода Полоцкій, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, подстолій державца Берестейскій, князь Василь Львовичъ Глинскій, маршалокъ-намѣстникъ Пунскій, Александръ Ивановичъ Ходкевичъ“.

Переписка польскаго короля и польскихъ властей съ католическими епископами и другими лицами велась въ XVI и даже XVII столѣтіяхъ на русскомъ языкѣ, въ доказательство чего приводимъ слѣдующія копіи съ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Виленскомъ архивѣ:

1) 1545 г. Сентября 22. Королевская грамота Виленскому бискупу по дѣлу о безчиніяхъ, произведенныхъ ксендзами въ церкви Пречистой Богоматери въ Вильнѣ.

„Жикгимонтъ (Сигизмундъ) Августъ, Божію милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ.

„Князю Яну бискупу Виленскому:

„Писалъ и присылалъ къ намъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси Іосифъ, жалуючи о томъ; штожъ дей сего лѣта безъ бытности его у Вилни, каплани (ксендзы) светого Яна шли въ ночи мимо церкви его соборной Пречистой Богоматери у Вилни и у звонъ церковный звонили, который же звонъ люди обаполніи (обоихъ половъ) слышавши, тамъ до церкви ея збѣгли, вчинаючи, ижъ бы звонено на огонь, або на кгвалтъ. Тыи дей каплани, обачивши збираючися людей, оттоле втекли. Потомъ дей Митрополитъ, пріѣхавши до Вилни, посылалъ до твоей Милости на тыхъ каплановъ, о тое звоненіе жалуючися, справедливости просячи; ино дей тыхъ посланцовъ его до твоей Милости не допущено. А потомъ дей твоя Милость прислалъ до него жалуючи, ажъ бы за оное звонене тыхъ каплановъ въ тотъ часъ збито зъ домовъ поповскихъ Ивановскаго и Покровскаго и въ томъ на тыхъ поповъ права хотячи; которому жъ дей праву онъ и рокъ былъ положилъ и суди на то на своемъ дворѣ былъ осадилъ. А за тымъ дей твоя Милость прислалъ до него, ажъ бы тыхъ поповъ поставлено ку праву предъ твоею Милостью на дворѣ бискупьемъ; чого жъ предъ тымъ николи не бывало. Ино штось дотычетъ того звоненя и кгвалту церковного, абы твоя Милость Митрополиту на тыхъ каплановъ право далъ и справедливость вчинилъ и тотъ кгвалтъ церковный велѣлъ оправити такъ, какъ бы Митрополиту въ томъ жаль не было. А што ся дотычетъ бою капланскаго, твоя бы милость на тыхъ попехъ того казалъ правомъ поискивати предъ Митрополитомъ на его дворѣ потому, какъ передъ тымъ сдавна бывало. И рачилъ бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстягнути, абы такого находу и легкости церквамъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыи жалобы на нихъ напотомъ до насъ не приходили.

„Писанъ въ Краковѣ, подъ лѣто 1545 мѣсяца Сентября 22 д., индикта 14.

2) 1634 г. Декабря 11. Заявленіе помѣщика Яна Якимовича о похищеніи его жены и имущества Виленскимъ монахомъ бернардиномъ, ксендзомъ Мартиномъ Сарною.

„Оповѣданье пана Яна Якимовича, подписка земскаго Полоцкаго о утеченье малжонки его зъ ксендзомъ Мартиномъ Сарною, мнихомъ бернардиномъ [1]).

„При бытности его милости пана Яна Лисовскаго Лянтвойта Полоцкого, передъ нами, бурмистрами, райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ, будучыми, оповѣдалъ и обтяжливымъ (удрученнымъ) будучи сюю жалобу и жаль свой незносный до враду донеслъ панъ Янъ Якимовичъ, подписокъ земскій воеводства Полоцкого, на якогось ксендза, яко се меновалъ Мартина Сарну, бернардина кляштору Виленского, и на малжонку свою, Кристыну Лавриновну Стальковскую, которая, перво сего будучи религіи Руское, называла се Аксиньею, о томъ, яко маетъ певную и доскональную вѣдомость, што дей тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, будучи въ мѣстѣ господарскомъ Полоцкомъ на Екиманьѣ, господою въ дому его пана Яна Яхимовича, подписка земского Полоцкого, за капеляна подъ хоругвью роты ясновальможного пана гетмана великаго князства Литовского, року теперешнего тысяча шесть сотъ тридцать четвертого зъ експедыцыи Московское на лежи черезъ двадцать и килька недѣль; гдѣ намовивши собѣ разными способы малжонку его пана Яхимовича, поменную Крыстыну Станьковскую, на сполкованье изъ собою на потаемное мѣшканье неропдное, кгды онъ панъ Яхимовичъ частокроть по пильныхъ справахъ канцелярыйскихъ и по потребахъ его милости пана Михаила Тишкевича, писара земского воеводства Полоцкого, пана своего, зъ дому зъ Полоцка, отъѣждчалъ, яко ему пану Яну Яхимовичу на сей часъ дали справу, дѣтки его, зъ нею Крыстыною Станьковскою спложеные, и челядница его Ганнуска Матысовна и иншые посторонные люди, которые частокроть пристерегали зъ оказыи, же тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, уставичне честуючи разными напитками тую малжонку его, въ небытности его, а причастивши и зведши оную, зъ нею Кристыною Станьковскою, малжонкою его пана Яхимовича, черезъ увесь тотъ часъ мѣшканья своего у Полоцку яко въ день высылаючи съ дому дѣти и челядницу его на улицу або до иншое избы, такъ и въ ночи при бытности въ той господѣ его пана Яхимовичовой яко и въ небытности его, маючи вжо зъ собою они зачасу потаемное порозумѣнье и намову здрадецкую, тотъ Мартинъ Сарна зъ менованою малжонкою его, не помнючи на боязнь Божую и встыдъ людскій, содомію неропдную въ той господѣ пана Яхимовичовой укрываючись отъ его пана Яхимовича, отъ дѣтей и челядницы его заказавши дѣтямъ и той челядницы его великою грозьбою, абы ему пану Яхимовичу того цудзоложства и содоміи, яко господарови, хотя бы и пристерегли, не объявляли, якожъ дей дѣти и челядница наболѣй въ ночи тую ихъ содомію постерегали, же тотъ ксендзъ Сарна зъ тою малжонкою пана Яхимовича, яко съ женою своею безпечне во всемъ поступовалъ чого встыдъ сказывать, одно се того ксендза Сарны и малжонки его пана Яхимовича, ему пану Яхимовичу о той содоміи и сполкованью ихъ объявить мимо ихъ грозу обавяли. Лечъ (но) вжо и онъ самъ панъ Яхимовичъ, бачечи межи ими ласковое и лакгодное (мягкое) помѣшканье (обращеніе), размовы (разговоры), жарты (шутки) ихъ безпечные и гойные (обильные) ей датки розные, кгды (когда) почалъ тую малжонку свою и того ксендца Сарну частокроть науноминать и кгвалту на ихъ обоихъ по килкократъ (многократно) волать (звать), постерегши вшетечное общованье (развратную связь) ихъ сполное (совмѣстную), нижли тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна, зъ направы и намовы верхномененое (вышеупомянутой) малжонки его, того пана Яхимовича, подписка, гонечи на забитую смерть, билъ, мордовалъ и заледво на смерть не забилъ, яко же и руку лѣвую кіемъ перебилъ, которою владнути добре не можеть, а потомъ не поднократь разными часы и днями того року на разныхъ мѣстахъ перехвалялъ се его жъ пана Яхимовича гдѣ колвекъ (гдѣ нибудь) забить (убить), гдѣ бы его Сарну

[1]) Изъ книги Полоцкой ратуши за 1634 г., хранящейся въ Витебскомъ Центральномъ Архивѣ.

и его Содомію и незбожные учинки (дѣянія) оглашалъ, о которые гды онъ же панъ Яхимовичъ тую малжонку свою каралъ и кгромилъ по килка кроть (нѣсколько кратъ) наупоминаучи. Ино тотъ ксендзъ Сарна съ челядью своею, зъ кіями и добытыми бронями (оружіемъ) до его пана Яхимовича припадаючи, не допущалъ, але одборонивши до своее избы особливое отъ его пана Яхимовича укрывалъ жену его. А потомъ онъ же ксендзъ Сарна, ркомъ (мнимо) заживаючи капланскихъ поступковъ, до згоды ихъ приводилъ, и его пана Яхимовича, только бы о тую содомію ихъ галасовъ (шуму) не чинилъ и жоны своей то не каралъ, розными способами и датками уводилъ. Однакъ онъ панъ Яхимовичъ будучи вельми жалоснымъ, же се содомія въ господѣ его дѣетъ и жону его тотъ Сарна себѣ одмовилъ (отговорилъ), людемъ по вѣдомости доносилъ, съ которое содоміи ихъ уставичное, кромѣ его пана Яна Яхимовича, малжонка его помененная Крыстина Станьковская отъ его Сарны беременною застала. О которой содоміи и о нерондпымъ (развратнымъ) нечистымъ сполкованью (связи) и мѣшканью сожительству того ксендза Мартина Сарны и малжонки своей ажъ на сей часъ сего-жъ року мѣсяца Декабря, осмого, девятого и десятого дней онъ панъ Яхимовичъ отъ дѣтей, челядницы своей верху менованное (вышепоименованной) и отъ разныхъ посторонних особъ людей и отъ сусѣдей своихъ околичныхъ довѣдалъ, а мало на томъ маючи, онъ Ксендзъ Мартинъ Сарна и менованая малжонка его пана Яхимовича, будучи въ нерондпымъ нечистымъ мѣшканью намовили се (сговорились) зъ собою за часу (заблаговременно) зъ Полоцка прочь уѣздчать. Кгды онъ панъ Яхимовичъ, мѣшкавши килька недѣль по пильныхъ (нужныхъ) потребахъ своихъ домовыхъ обывателей воеводства Полоцкаго, и по нѣкототорыхъ справахъ людскихъ, зъ дороги до Полоцка, до господы своее сего року мѣсяца Декабря въ суботу второго дня пріѣхалъ, малжонка его Кристына Станьковская того же дня вжо намовивши се и порозумѣвши зъ тымъ Ксендзомъ Мартиномъ Сарною, содомейчпкомъ своимъ, бачечи быть его пана Яхимовича и коня его зъ дороги вельми сфатькованаго (уставшаго), усильне обое они просили его пана Яхимовича, абы онъ панъ Яхимовичъ, яко зъ дороги самъ и зъ конемъ, въ дому вытхнулъ, а тую малжонку свою до матки ее, Ганны Шаховское, которая съ мужемъ своимъ живутъ у дворѣ его милости пана Бронислава Пресецкаго, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачимъ, абы въ гостинную ѣхать оной малжонцѣ своей позволилъ. Лечъ панъ Яхимовичъ, не вѣдаючи о потаемной намовѣ и порозумѣнью ихъ вшетечномъ, же маютъ они прочь уѣждчать, чинечи на великій плачь малжонки своее и на просьбу давши ей въ томъ вѣру, яко малжонцѣ своей, кгды позволилъ ей малжонцѣ своей ѣхать, она малжонка его, не маючи на чемъ бы мѣла ѣхать а бачечи коня его пана Яхимовича зъ дороги зморбованого (измученнаго), за просьбою ркомо се самое вжо намовленое, тотъ ксендзъ Мартинъ Сарна ркомо позычилъ ей Яновой Яхимовичовой въ тую дорогу двухъ коней своихъ, клячу сивую и коня подъ сѣдломъ гнѣдого. За тымъ помененая малжонка его, на завтрее въ недѣлю дня третего Декабря того жъ року, казавши сани въ дорогу готовить, потаемне (тайно), въ невѣдомости малжонка своею, што однокольвекъ (что либо) маетности его въ клѣти у нее въ схованью за ключами, яко у господыни, было, до возу поукладавши яко охендоство (одежда) ее самое, шаты, (платья) такъ и его пана Яхимовича сукни (платья) гроши готовые, такъ и вси хусты (бѣлье) бѣлые свои женскіе и мужскіе и черные хусты вси, серебро золото упевнила (обезпечила), и зъ намовы, рады и порозумѣнья потаемного того ксендза Сарны, убезпечила его пана Яхимовича словне и рукоданьемъ своимъ не по-однократнымъ малженскимъ (супружескимъ) ркомо щирымъ съ тое дороги отъ матки своее назадъ до дому его пана Яхимовича малжонка своею, па тыхъ конехъ ксендза Сарны вернути се за тыдень отъ дня третего Декабря того року. Лечъ и панъ Яхимовичъ яко малжонокъ увѣривши той малжонцѣ своей, ожидалъ ее въ дому, а онъ ксендзъ Сарна, маючи потаемную намову зъ малжонкою его далъ по себѣ ему пану

Яхимовичу на ошуканье (обманъ) вѣдать, же дей мѣлъ (имѣлъ) онъ Сарна на завтрее отъѣхать до Минска и просилъ его пана Яхимовича, абы скоро малжонка его отъ матки пріѣдеть, тые кони его на хованью своемъ мѣлъ, обязуючи за то нагородить (вознаградить) и заплатить. Кгды малжонка его пана Яхимовича за таковымъ скрытымъ и хитрымъ іудашскимъ убезпеченіемъ его того дня третего Декабря, въ недѣлю зъ полудня одъѣхала, ино на завтрее по се отъѣздѣ тогожъ року и мѣсяца четвертаго дня у понедѣлокъ ксендзъ Сарна не ѣдучи зъ Полоцка гостинцомъ до Минска лежачимъ черезъ Екимайнье, але заразъ въ тропы за поменою малжонкою его пана Яхимовича гостинцомъ зъ Полоцка черезъ мѣсто Кобакъ до Бѣшенковичъ и до Витебска до Орши лежачимъ, поѣхавши, тую малжонку его пана Яхимовича помовленую на содомію собѣ доѣхалъ ночью зъ Гуровли въ имѣнью пана Валеріана Коца, на сей часъ арендовнымъ, прозываемомъ Слезчинничахъ, у воеводствѣ Полоцкомъ лежачимъ, въ дому подданнаго его пана Коца, тамъ у слезчинницахъ одъ стодолы въ боку мѣшкаючого якоюсь Илейки ночуючую, рано до дня передъ свитаньемъ зъ дня четвертаго на день пятый у во второмъ мѣсеца Декабря. Тамъ же онъ ксендзъ Сарна, того господара съ жоною дѣтми выбывши зъ избы, зъ малжонкою его пана Яхимовича Кристиною Станьковскою, яко маетъ отъ того господара Илейки вѣдомость, сполкованье содомію явную, постережоную отъ того господара, яко цудзоложники чинили, а потомъ, жарты безпечные маючи, горѣлку пили, и того дня у во второмъ рано у вилею светого Миколая зъ тоюжъ малжонкою пана Яхимовича яко зъ власною (собственною) женою своего сполкуючи; (блудодѣйствовали) и яко той же господаръ Илейко далъ справу, речи вещи скрипи (ящики) и фанты зъ воза до возу поперекладавши и сукни поховавши, отъ того Илейки рано у во второмъ дня пятого Декабря, онъ Ксезндъ Мартинъ Сарна, пропомневши (забывъ) боязни Божое, встыду людского и стану своего капланского, особливо рекгулъ духовныхъ, помененую малжонку его пана Яхимовича, намовивши кгволи собѣ на содомію и нечистоту нерондную, и челядника его Яска Рукодайнаго подмовивши, зъ того имѣнья пана Валерляно Коца арендавнаго Слезчиничь зъ вѣдомости многихъ людей, одъ его пана Яхимовича, потаемые въ невѣдомости его, зъ сыночкомъ маленькимъ его пана Яхимовичевымъ третего лѣтнимъ, на име Петрусемъ, и зо всею мастностью его рухомою, готовыми грошми, не вѣдомо гдѣ коньми своими власными (собственными) вывезъ а крыяцко (скрытно) выпровадилъ, и гдѣ бы се зъ тымъ дитятемъ а челядникомъ подѣти мѣлъ, такъ же гдѣ бы тотъ ксендзъ Сарна зъ менованою малжонкою пана Яхимовича, за намовою (подговоромъ) того Сарны уѣхати прочь мѣли, и гдѣ ее оборочаютъ, онъ панъ Яхимовичъ, опись о тыхъ обудвухъ здрайцахъ (измѣнникахъ) чинивши, яко догонити такъ и вѣдомости мѣти о нихъ, гдѣ бы ее мѣли обернуть, до сего часу мѣти не можетъ, ку немалому то жалю незносному, его пана Яхимовича и дѣтокъ его малыхъ, а ку великой кривдѣ Божой, праву посполитому и справедливости святой, на таковыхъ здрайцовъ описаныхъ, ку великой шкодѣ его пана Яхимовича, которую онъ ксендзъ Сарна и тая малжонка его Кристына Станьковская принявши зъ собою нерондное сполкованье (развратную связь) и содомію за тымъ его выпроваженьемъ потаемнымъ и уѣханьемъ ихъ учинили и за забраньемъ маетности розное, онъ панъ Яхимовичъ менуетъ себѣ одъ нихъ шкоды въ сукняхъ, о хендоствѣ (одежда) розномъ, въ серебрѣ, золотѣ, хустахъ (бѣльѣ) бѣлыхъ, того всего и спаметати про незносный великій жаль и плачь свой не може. Однако яко много зобрали маетности, теды больше нижели на полтораста копъ грошей личбы Литовское забрали, а въ грошахъ готовыхъ на сто шестьдесятъ и семь копъ Литовскихъ, такъ его пана Яхимовича власною (собственную) черезъ не малый часъ набытыя и працу (трудъ) яко и грошей, за пересуды ихъ милостямъ панамъ судовымъ земскимъ Полоцкимъ добродѣемъ и паномъ своимъ за розные декреты забраныхъ на семь копъ грошей, мемрамовыхъ (?) грошей три копы. О которыхъ тыхъ здрайцахъ хотечи мѣти вѣдомость и оныхъ, яко здрайцовъ въ содоміи мѣшкаючихъ

(живущихъ), у вездѣ правамъ конать, просилъ, абы тая плачливая жалоба его пана Яхимовича была до книгъ ратушныхъ мѣста господарского Полоцкаго записана. Что есть записано. Выпись выданъ".

Копія этой выписи имѣется въ Виленскомъ Архивѣ, въ которомъ хранится масса старинныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ дѣламъ католическаго духовенства. Архивъ этотъ, именуемый Виленскимъ *Капитульнымъ* Архивомъ, помѣщается при Виленской Библіотекѣ и представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія продѣлокъ латинскаго духовенства въ литовскихъ земляхъ, хотя теперь многихъ документовъ въ этомъ архивѣ недостаетъ. Вильна до половины XVIII вѣка очень часто горѣла, при чемъ доставалось и архивнымъ матеріаламъ. Но еще до того времени капитульный архивъ скитался по чужимъ краямъ. Въ 1654 г., духовенство виленское въ виду моровой язвы и опасаясь волненій по поводу возстанія казаковъ, убѣжало въ Пруссію, забравъ съ собой церковныя богатства и капитульный архивъ, вывезенный въ 1654 году каноникомъ Тизенгаузомъ въ Пруссію; архивъ скоро былъ переведенъ оттуда въ Австрію каноникомъ Воловичемъ. Въ 1656 году этотъ архивъ былъ помѣщенъ въ замкѣ князей Любомирскихъ; оттуда его перевезли во Львовъ, гдѣ онъ хранился прелатомъ архидіакономъ Виленскимъ Моцартомъ. По смерти послѣдняго въ завѣдываніе архивомъ вступили Львовскіе бернардины. Взятый у нихъ архивъ перевезенъ былъ въ 1659 году въ Брашевичи (Гродненской губерніи), потомъ въ Слонимъ и въ концѣ 1660 г. въ Ченстоховъ. Помѣщенный въ компатахъ настоятеля и сакристіана, онъ оставался здѣсь до 1663 года и былъ доступенъ всякому, желавшему попользоваться изъ него, если не документами, то бумагой для хозяйственныхъ надобностей. Къ 1663 году виленскіе каноники Тызенгаузъ и Млынецкій снова перевезли его въ Вильну. Въ 1664 году со стороны капитула сдѣлано было заявленіе, что значительная часть капитульныхъ актовъ совершенно исчезла во время послѣднихъ передвиженій архива. Сдѣлано потомъ и другое заявленіе, что въ актахъ капитульныхъ подъ 1683 годомъ имѣются слѣды о захватѣ іезуитами очень многихъ документовъ, которые тоже погибли для позднѣйшаго времени, давая возможность польскимъ историкамъ и писателямъ утверждать, что Литва и Русь были нераздѣльною частью Польши, что въ нихъ господствовалъ польскій языкъ и католицизмъ.

Сопоставляя внѣшнюю сторону этихъ документовъ съ польскимъ литературнымъ языкомъ, нельзя не убѣдиться въ сходствѣ обѣихъ литературъ. Въ однихъ лишь трехъ вышеприведенныхъ русскихъ документахъ находится множество словъ и выраженій, которыя мы видимъ *впослѣдствіи* въ польской литературѣ, присвоившей ихъ, очевидно, изъ существовавшей уже давно русской литературы, а именно:

ажбы тымъ лѣпей	ażeby tem lepiej
лука	łąka
оддали есми	oddaliśmy
дѣдина	dziedzina
сѣножатми	sianożęćmi
ставами	stawami
оужитки	użytki
обороненя	obronienia
робити	robić
давати	dawać
ако иншіе	jak i inne lub insi
казали есмо	kazaliśmy
привѣсили	przywiesić
понедѣлокъ	poniedziałek
чтерыста лѣтъ	czterysta lat

осмъ лѣтъ	ośm lat
почении	pocsąwczy
далисьмо	daliśmy
сгадавшись	zgadawszy się
презъ поля	przez pola
млиными	młynami
чинимъ	czyniemy
листомъ	listem
напотомъ	napotym
потребъ	potrzeba
вѣдати	wiedzieć
повѣтѣ	powiecie
першую	pierwszą
абыхмо	abyśmy
потвердили	potwierdzili
зъ ласки нашое	z łaski naszej
тежъ	też
жонѣ	żonie
налѣпей	najlepiej
державца	dzierżawca
староста	starosta.

Польскій письменный оффиціальный языкъ появляется лишь въ началѣ XVIII вѣка въ видѣ переводовъ, прилагаемыхъ къ составляемымъ духовенствомъ латинскимъ документамъ. Старѣйшій изъ такихъ переводовъ относится къ 1707 году. Приводимый нами, съ сохраненіемъ ороографіи документъ, начинается словами:

„Univesalis literare regis Stanislai ad defunctum ducem jonnem mazeppam anno 1707, na Ukrainie.

Stanislaw Pierwszy z Bożej Łaski Król Polski, Wielki Xiąże Litewski, Russki, Prusski Mazowiecki, Zmudzki, Kijowski, Wolhinski, Podolski, Inflandski, Smoleński, Siewierski y Czernihowski, etc.

Wszem wobiec, y każdemu z osobna, komu to wiedzieć należy osobliwie jednak Wielmożnemu, Urodzońym, Szlachetnym, bitnym Hetmanowi, Nakaznemu, Pulkownikom, Attamanom, Assaulom, Moloycom y wszystkiey czeni wojska naszego Zaporozkiego Zadnieprskiego y całej Ukrainy, przy ofiarowaniu łask Naszich Krolewskich y milym pozdrowieniu, do wiadomości podajemy. Ten Pan Którego podnóżkiem ziemia cala, y którego igrzyskiem są wszystkie krainy swiata, w sprawiedliwości swojej swiętey nigdy nieomylny, w miłosierdziu na wieki łaskawy, po ukaraniu tak wiele plag Korony Polskiey za jey przestępstwa i wyniosłości, a to znowu zdasię przywracać lud swoy do oyczyzny własney, y oderwany pod cudze y nieznane przed tym panowanie przestawny noród Kozacki oddawać pod naywyższą opieką dziedzicznych Ukrainnych Panów, Naiaśniejszych Krolów Polskich, kiedy nas pod walecznymy nieprzełomanym nigdy sojuzem z Naiaśnieyszym Krolem I. M—scią Szwedskim, Bratem Naszym naymileyszym w poprzysiężoney woynie przeciwko spolnemu nieprzyjacielowi, Carowi Moskiewskiemu, wystawnie wszystkim na widok naypierwszy daiąc pochop upomnienia się u niego y odebrania tych wszystkichp rowinciy y kraiów, ktorekolwiek niesłusznemi y niesprawiedliwemi, nawet bez woyny, Krolewstwu Polskiemu są wydarte Tractatami, między nayosobliwszemi zaś licząc przesławną ziemię Ukrainską z iey woiewodztwy, odzywamy się do wiernoscy waszych, iako Krol Polski, prawdziwy y z wiekow pan Ukrainy, do swoich poddanych, iako ociec łaskawy do obłąkanych dziecy wzywaiąc wszytkich, i kożdego z osobna, abyście złożywszy z siebie cudzego y niesprawiedliwego panowania iarzmo, do dawnych swobody wolności y pod oyczyste y dziedziczne panowanie Kro-

lewstwa Polskiego powracali y starych wiekow przypomnieli sobie miodem y mlekiem płynącą Ukrainę, obiecuiąc bezpiecznie to po Nas y będąc pewnymi, że nietylko w pierwszych ozdobach y obfitościach widzieć y zachować wierności wasze pragniemy, ale w doskonalszych y ogromnieyszych szczęśliwościach ufundować, y jako iedney y nierozdzielnej oyczyzny synow przygarnowszy do spolney matki Rzeczy Pospolitey w prawach, nadaniach, uzytkach, bezpieczenstwach y wszystkich wolnościach na wieki utwierdzić chcemy y starać się bądziemy. Mieycie się tedu wszyscy a wszyscy bezpiecznie y poufale do Nas, iako do swego Krola y Pana dziedzicznego, zapatruiąc się na ten czas we wszystkim na swoią zacną naygodnieyszą wszelkiey ćści głową y Nam ulubioną, Wielmożnego Jana Stefanowicza Mazeppę, Hetmana woysk Naszych Zaporozkich, y onemu oddaiąc na jmię Naszie y Rzeczy Pospolitey posłuszeństwo. Prsezc o iako bezpiecsenstwo y ochronę od wszelkiey ruiny swoiey wszyscy otrzymacie, tak oraz respekt y łaskę Krolewską ku całemu narodowi swemu pociągniecie, ktorą miłościwie y oycowskim sercem ofiaruiąc. Universal ten dla ogolney wiadomości po wszystkich pułkach y mieyscach publicznych obiawić y ogłosić zlecamy; a dla lepszey wagi y wiary, ręką własna podpisawszy się, pieczęc Rzeczy Pospolitey przycisnąc rozkazaliśmy. Dan w obozie pod Swiętą nad Wisłą, duia XXII, miesiąca Listopada, Roku Panskiego MDCCVII, panowania Naszego III.

Stanislaw Krol (L. G.)
Antoni Byszewski.
Jego Kr. M—śći.
Sekretarz.

Въ переводѣ на русскій языкъ это обозначаетъ:

Станиславъ I, Божьей милостью Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жмудскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Инфляндскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій и проч.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе вѣдать надлежитъ, въ особенности же вельможному, урожденнымъ шляхетнымъ храбрымъ гетману, наказному, полковнику, атаманамъ, ессауламъ, молойцамъ и всей славѣ войска нашего Запорожскаго, Заднѣпровскаго и всей Украйны, при пожалованіи милостей Нашихъ королевскихъ и любезномъ привѣтѣ, доводимъ до свѣдѣнія. Тотъ Владыка, у ногъ Коего вся земля, котораго ареной всѣ страны міра, въ святой своей справедливости никогда не непогрѣшимый, въ милосердіи вѣчно милостивый, послѣ наказанія столькими казнями Польской Короны, за ея преступленія и надменность и опять какъ бы согласится на возвращеніе народа своего въ собственную отчизну, и оторванный подъ чужое и неизвѣстное дотолѣ иго, доблестный народъ Казацкій возвратить подъ наивысшую опеку исконныхъ властителей Украины, всесвѣтлѣйшихъ королей польскихъ, когда насъ подъ воинственнымъ и нерушимымъ никогда союзомъ съ наияснѣйшимъ королемъ Е. В. шведскимъ, Братомъ Нашимъ наимилѣйшимъ въ клятвенной войнѣ противъ общаго врага, Царя Московскаго, ясно выставляя всѣмъ на видъ первѣйшее, заявлялъ желаніе вытребованія у него и отобранія всѣхъ тѣхъ провинцій и странъ, которыя неправильно и несправедливо, даже безъ войны, отняты у королевства польскаго, при посредствѣ трактатовъ; считая между особеннѣйшими изъ нихъ преславную землю украинскую и ея воеводства, мы обращаемся къ вашимъ вѣрностямъ, какъ Король Польскій, истинный отъ вѣковъ властелинъ Украины, къ своимъ подданнымъ, какъ милостивый отецъ къ обезумѣвшимъ дѣтямъ, призывая всѣхъ и каждаго въ отдѣльности, чтобы сбросивъ съ себя ярмо чужого и незаконнаго правленія, къ прежнимъ вольностямъ свободы и подъ отеческое и наслѣдственное господство Королевства Польскаго возвратились и старыхъ вѣковъ припомнили себѣ медомъ и молокомъ плывущую Украину, обѣщая безопасно отъ насъ и будучи увѣренными, что не только въ прежнихъ достоинствахъ и обиліи видѣть и сохранить стремимся ваши вѣрности, но укрѣпить въ совершеннѣй-

шихъ и огромнѣйшихъ счастливостяхъ, и какъ одной и нераздѣльной отчизны сыновъ привлекая къ общей матери Рѣчи Посполитой, въ правахъ, привиллегіяхъ, имуществѣ, безопасностяхъ и всѣхъ вольностяхъ на вѣки утвердить хотимъ и будемъ стараться. Пребывайте тогда *всѣ* и *всѣ* въ безопасности и довѣрчивости къ намъ, какъ къ своему Королю и Господину наслѣдственному. Берите примѣръ во всемъ со своего почтеннаго, достойнѣйшаго всякой чести и намъ любезнаго голову вельможнаго Ивана Стефановича Мазеппу, гетмана войскъ нашихъ Запорожскихъ, и ему принося на имя наше и Рѣчи Посполитой присягу. Черезъ что какъ безопасность и охрану отъ всякаго раззоренія получите всѣ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ респектъ и королевскую милость, присоединеніе ко всему своему народу, которую милостиво и отцевскимъ сердцемъ даруя сей Универсалъ для всеобщаго свѣдѣнія по всѣмъ полкамъ и публичнымъ мѣстамъ объявить и огласить поручаемъ, а для лучшаго значенія и вѣры собственной рукой подписавшись, печать Рѣчи Посполитой приказали мы приложить. Дано въ лагерѣ подъ Свентой надъ Вислой, 22 ноября 1707 года, царствованія же Нашего 3.

Станиславъ Король.

Его К. В. Секретарь Антоній Бышевскій.

Изъ этого документа мы видимъ, что хотя въ 1686 году Польша заключила съ Россіей договоръ, въ которомъ отказалась на всегда отъ всякихъ правъ и притязаній на Малоросію, не переставала, однако, возбуждать казаковъ противъ Россіи и навязывать имъ свое владычество, суля имъ равноправность и всевозможныя блага.

Затѣмъ слѣдуютъ письма на невозможномъ польскомъ языкѣ отъ кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго къ казацкому атаману Орлику, которыя, какъ образецъ литературы польской XVIII вѣка здѣсь приводимъ, съ переводомъ на русскій языкъ.

„1) 9 Martii n. s. w Zorniszczach.

Odsyłam W-m mm Panu list od Soltana Imści do mnie dany, donosząc, ze już ten est z woyskiem swoim w przedzie. Ja na noc dzisieyszą in directam lineam z nim że ciągnę do Kalnika. W-m mm Panu iesliby się podobalo, życzyłbym dzisieyszy nocleg praefigere w Daszkowie, także in directa linea z nami. In reliquo list Im Pana Gunowskiego informować będzie W-m mm Pana, iako sprawiedliwość y skromność chce tenże Soltan inducere w woysko swoie, aby iasyru nie zabieralo. Gdyby Krol Imść raczył swoją przysłać do niego eo nomine requizicyą, spodziewałbym się maiorem po nich harmoniam, iakoż pisałem dnia wczerayszego o to do Krola Imści. Klaniam przytem serdecznie y iestem etc...

2) Z. Zwinhorodki Martii 16 n. s.

Przyczyniam W-m mm Panu woyska staraniem moim, ordynując do niego dwie zupełne kompanie z Kalnibłockiego y tuteyszego miasteczka, ewinkowawszy niektórym tak broń, iako y konie, między ludźmi woyskowemi zalegle. Impleant tedy numerosam cohortem W-m mm Pana szczęściu y slawie iego, iako też dobru Pospolitemu operam navando laturi, do czego y ia voto et obligatione stateczną applikacią przyrzekam y iestem etc.

3) Z. Zwinogrodki Martii 17 die.

Niemogłem się łatwie wymowić instancyą do W-m mm Pana po Lackiemu memu włascę y sądzie iego nadzieię pokładaiącego, że hac mediante straty koni swoich dość ma satysfakcyey. Daię mu tedy eo nomine te kilka liter, naywięcey sobie korzystaiąc w okazyi, którą mogę W-m mm Pana fraterne amplecti, iego mię stateczey rekommenduiąc przyiaźni y pisząc się etc.

4) Z. Zwinogrodki Martii 18 die.

Na dwa listy moie argumentum prawdziwey ku W-mu Panu przyiazni maiące odbieram respons, spiculis et tribulis napelniony. Niespodziewałem się wprawdzie, aby na tych, day Boże dlugo szczęśliwy władzy nowinach, przyaźń W-m mm Pana, ktora w tey potrzebie boni publici w ogniwa nierozerwaney konfidencyi z każdym coalescere powinna,

miała taki owoc niesłusznych impostur et acrimoniam verborum germinare, ale że tak iest, należy mi się wiedzieć in herba y czekac przyiaźni W-m. mm. Pana beatiorem messem. Niechcąc interea umieć, szczegulnie dla dobra Pospolitego idonee odpisywać więcey, ieno że pragnę zostawać etc...

5) Z. Rokitney die 29 Martii.

Bynajmniey ia non gravor podufałemi W-m mm. Pana rozkazami, maiąc owszem za honor exerceri niemi codziennie w moiey in bene merendum W-m mm Panu ochocie, y iako wszystkim winienem peremptoriam executionem, tak ninieyszemu pozwalam distinctionem, znaiąc dobrze, że y wiele takich reqnizycyi nie możesz denegare dla ludu, który chcesz mieć pociągniony in sensum et obsequium sui. Jeżeli bowiem w sprawie Im Pana Rosochackiego admittes W-m mm Pan doskonałą relacyą, lubo od Im Pana Pułkownika Cylicha, lubo ode mnie, gdy się do Bog ziedziemy, spodziewam się, że sam osądzisz praetermissionis non satisfactionis rzecz, ponieważ niepodobna żołnierowi obeiść się bez napoiu, gdy się zwłaszcza instativis iego znaydnie, y słusznieysza rozumiem iest, że miasto między publicz nemi expensami swemi, y to nagrodzi, arbitrio W-m mm Pana privatnemu człowiekowi. O Sieniawcach ia W-m mm Pana et amplexum communis negotii y bez wszelkiey trudności in pretium demissi obsequii portas apertas chcą W-m mm Pana przyjściu zostawić; tak mi sami z ust swoich donieśli, gdym pod Mieyską na Rossi leżącą, a od nich zepsowaną, groblę y most wizytował. Unicum tedy restat, azebyś W-m mm Pan iako nayprędzey spieszył, a gdyby się to podobało, co radzę, iutro stanowszy w Sieniawie, raczyłeś zabrać się do Sołtana, Imśći pro concludendo consilio, od ktorego dependent dalsze motus armorum nostrum, zwłaszcza że y Sołtana Imśći y moia kwatera żadnego ani dla ludzi, ani dla koni niema pożywienia, y całe tu o głodzie, nawet y bez słomy stoiemy. Reperacyą grobli y mostku iużem ia tu iniunxi Sieniawcom, ale że rozkaz W-m mm Pana, iako na ten trakt disponowanego y przytomnego, skuteczniejszy być może upraszam s approbacyą, bo nie mogę mieć inszey tak z W-m mm Panem, iako y Saltanem Imśćią, kommunikacyi, ieno przez tę groblą, ktora po reperacyi swoiey levabit a ruina y mnię z woyskiem, że będziemy mogli dosta za pieniądze czegokolwiek do pożywienia z Sieniawy w te pustki, w ktorych pozdzierawszy strzechy dla koni stoiemy. Jestem zatym etc.

Вотъ переводъ этихъ писемъ:

1) 9 Martii н. с., въ Зорнищахъ.

Посылаю вельможному пану письмо отъ Солтана Величества ко мнѣ данное, доносят, что онъ уже съ войскомъ своимъ впереди. Я на сегодняшнюю ночь in directam lineam двигаюсь въ Кальникъ. Если бы понравилось вельможному пану, я желалъ бы нынѣшній ночлегъ praefigere въ Дашковѣ, тоже in directa linea In reliquo пана Гумовскаго будетъ информовать пана, какъ справедливость и скромность хочетъ тотъ же Солтанъ inducere въ войско свое, чтобы оно не забирало ясыра (плѣнныхъ). Если бы король рѣшилъ свои послать къ нему ео nomine реквизиціи, надѣялся бы majorem послѣ нихъ harmoniam, какъ я писалъ вчерашняго дня объ этомъ Е. В. Королю. Кланяюсь при этомъ сердечно и остаюсь и т. д.

2) Изъ Звингородки. Martii 16 н. с.

Увеличиваю пану войска стараніемъ моимъ къ нему двѣ полныхъ компаніи Кольниблоцкаго и здѣшняго городка эвинковавъ нѣкоторымъ такъ оружіе, какъ коней, между людьми войско были числившіеся. Impleant такъ numerosam cohortem вельможному пану счастью и славѣ его, какъ и добру общему operam navando laturi, къ чему и я voto et obligatione положительную аппликацію обѣщаю и остаюсь и проч.

3) Изъ Звингородки. Martii 17 die.

Я не могъ легко отговориться инстанціей къ вельможному пану по Лацкому моему въ милости и судѣ его возлагая надежды, что hac mediante потери коней своихъ до-

статочно имѣетъ сатисфакціи. Даю ему такъ eo nomine эти нѣсколько буквъ, наиболѣе пользуясь оказій, по которой вельможнаго пана fraterne amplecti, рекомендуя себя его положительной дружбѣ и пишась и т. д.

4) Изъ Звингородки. Martii 18 die.

На два письма мои argumentum истинной къ вельможному пану пріязни имѣющія, получаю respons, spiculis et tribulis наполненный. Я не разсчитывалъ право, чтобы на этихъ, дай Боже долго счастливой власти новостяхъ, пріязнь вельможнаго пана, которая въ этой нуждѣ boni publici и очага неразрывной конфиденціи съ каждымъ coalescere должна, имѣла такой плодъ несправедливыхъ impostur et acrimoniam verborum germinare, но разъ такъ—надлежитъ мнѣ знаться in herba и ждать пріязни вельможнаго пана beatiorem messam. Не желая interea знать особенно въ виду блага государственнаго idonee далѣе писать, лишь то, что желаю оставаться и проч.

5) Изъ Рокитной, die 29 Martii.

Нисколько я non gravor надменными приказаніями вельможнаго пана; имѣя, напротивъ, за честь exercere въ нихъ ежедневно въ моей in bene merendum вельможнаго пана охотѣ, и по елику всѣмъ обязанъ peremptoriam executionem, такъ сему позволяю distinctionem, зная хорошо, что и многихъ такихъ реквизицій не можешь denegare для народа, который хочешь имѣть привлеченнымъ in sensum et obsequium sui. Ибо если въ дѣлѣ пана Росохацкаго admittes прекрасную реляцію или отъ пана полковника Циллиха, или отъ меня, когда мы дастъ Богъ съѣдемся, я надѣюсь, что самъ рѣшишь praetermissionis non satisfactionis дѣло, ибо невозможно солдату обойтись безъ напитка, когда особенно instativis его находится и правильно вполнѣ, что городъ между публичными своими издержками и за это вознаградитъ, arbitrio вельможнаго пана частному человѣку. О Сѣнявцахъ я Вельможному Пану et amplexum communis negotii и безъ всякой трудности in pretium demissi obsequii portas apertas хотятъ вельможному пану прибытіе оставить; такъ мнѣ сами изъ устъ своихъ донесли, когда подъ городской на Росси лежащую, а ими испорченную, дамбу и мостъ осматривалъ. Unicum тогда остается, чтобы вельможный панъ поскорѣе спѣшилъ, а если бы это понравилось, что совѣтую, завтра, остановившись въ Сѣнявѣ, рѣшилъ бы собраться къ Солтану Величеству pro concludendo consilio, отъ котораго dependent дальнѣйшіе motus armorum nostrum, особенно же и Солтана и моя кватера никакой ни для людей, ни для коней не имѣетъ живности, и всячески тутъ о голодѣ, даже и безъ соломы стоимъ. Починка дамбы и мостика iurem я тутъ iniunxi сѣнявцамъ, но такъ какъ приказъ вельможнаго пана, какъ на этотъ трактъ диспонованнаго и присутствующаго, болѣе дѣйствительный быть можетъ прошу апробаціи, ибо не могу имѣть другой такъ съ Вельможнымъ Паномъ, какъ съ Солтаномъ, коммуникаціи, но черезъ эту дамбу, которая послѣ починки levabit a ruina у меня съ войскомъ, что будемъ въ состояніи достать за деньги чего-либо изъ живности изъ Сѣнявъ въ эти пустыри, въ которыхъ, поободравъ кровли для коней, стоимъ. Остаюсь и проч.“

Эта польская грамотность XVIII вѣка служитъ неопровержимымъ доводомъ того, что русская культура, исключая внѣшнее передразниваніе запада, значительно опередила польскую культуру, и что основаніе польской литературѣ дала отчасти русская; доказательствомъ чему служатъ русскія слова, которыми исполнены произведенія древне-польской письменности.

Если графъ Потоцкій въ XVIII столѣтіи выражался подобнымъ литературнымъ польскимъ языкомъ, то какъ обращались съ нимъ люди менѣе образованные, чѣмъ это было доступно польскимъ магнатамъ. Русскій же литературный языкъ въ такой мѣрѣ процвѣталъ въ предѣлахъ польскихъ земель, что даже латинское духовенство во второй половинѣ XVI вѣка вело переписку съ прихожанами на этомъ языкѣ, въ доказательство чего приводимъ подлинный текстъ „Наказа“ отъ прелатовъ и канониковъ Ко-

стела Станислава, начальнику Каменецкой волости, при чемъ сохраняемъ правописаніе [1]).

1554 года іюля 17. Наказъ отъ всѣхъ прелатовъ и канониковъ главнаго Виленскаго костела Станислава начальнику Каменицкой волости Проню, объ укрѣпленіи Каменицъ подъ *угрозою смертной казни.*

„Отъ прелатовъ канониковъ всихъ костела головного Виленскаго святого Станислава мужомъ нашимъ волости Каменицкой, такъ тежъ и старцу нашему Каменецкому Проню. Дивуемся тому не помалу, што есмо вамъ были розсказали и листи наши неоднокроть казали писати до васъ, розсказуючи вамъ, жебы есте замокъ робили, вамъ самымъ, жонамъ и дѣтямъ вашимъ для особливей оборони и схованью вашему отъ непріятель, абовѣмъ мы то не для насъ самыхъ тотъ городъ кажемъ робити, одно для васъ самыхъ хотячи вамъ часу потребного аборону мѣти. И вы такъ недбалыи и нашему розсказанью противни, того города не хочете будовати. А такъ мы вамъ приказуемъ подъ зарукам нашими трыма стами копъ грошей, жебы сте конечно, скоро жито знявши съ поля, до тое городовое роботы пристали зо всимъ достаткомъ. А скоро доробивши того города, абы ты, старче, взявши собою мужовъ пять або шесть, до насъ до Вильни пріѣхалъ. Такъ ли бысь не хотѣлъ съ мужами городу робито и до насъ пріѣхати, о томъ вѣдай конечно, же пошлемъ по тебе Татаръ нашихъ зъ войскомъ господарскимъ, которыи васъ и жоны ваши будутъ имати, на останокъ васъ горлы вашими будутъ карати. И ты бысь, старче, скоро тобе подастъ врадникъ нашъ листъ, и того жъ часу былъ взявши собою мужовъ старшихъ, конечно бысь того не чинилъ подъ ласкою и караньемъ нашимъ. Писанъ въ Лынтупи, мѣсяца юля семнадцатаго дня, лѣта Божего Нароженья 1554“.

Документъ этотъ, независимо отъ языка, интересенъ тѣмъ, что изъ него мы видимъ, что именующее себя „христіанскимъ“ духовенство латинское угрожало смертною казнью гражданамъ за неисполненіе его приказаній.

Главнымъ же источникомъ изъ котораго черпали поляки зачатки своей литературы была какъ выше сказано литература чешская. Списывая съ чешскихъ оригиналовъ „свои“ богословскія книги поляки, не зная какъ начертать польскія слова, оставляли по большей части слова чешскія, какъ это мы и видимъ въ приведенныхъ выше образцахъ.

Значеніе и важность чешскаго языка, въ богословской литературѣ, признастъ еще во второй половинѣ XVI вѣка польскій переводчикъ одной изъ книгъ Лютера (Postilla domowa M. Lutera, Królewiec 1574) Іеронимъ Малецкій, мазуръ изъ Лыка. „Хорошій переводчикъ“, говоритъ онъ, „который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки и не только быть хорошимъ полякомъ и правильно употреблять обороты рѣчи, но онъ долженъ знать тоже чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣетъ собственныя выраженія или особенности. И, такъ какъ чехи раньше поляковъ перевели библію и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы поляки должны были *и въ нынѣшнее время* брать много словъ отъ чеховъ, и употреблять ихъ преимущественно въ богословіи.“

Важнымъ звеномъ между народами чешско-моравскимъ и польскимъ была порубежная Слезія, находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними чешско-моравскими странами. Не говоря о томъ, что Слезія или значительная ея часть входила уже въ составъ государствъ Святополка Моравскаго и Болеславовъ Чешскихъ, туда и позже, во время польскаго владычества, многіе чехи переходили въ ряды духовен-

[1]) Документъ этотъ совмѣстно съ другими подобными помѣщается въ книгѣ: «Septem Canonice epistolae beatorum apostolorum», хранящуюся въ Виленской публичной библіотекѣ.

ства, въ монастыри, и въ качествѣ колонистовъ. Слезскіе князья Пястовичи уже рано сносились и роднились съ чешскими Премысловичами и Люксенбургами, при которыхъ Слезія тогда уже по большей части онѣмеченная была соединена съ чешскимъ государствомъ. Въ одной только верхней Слезіи, въ княжествахъ ратиборскомъ, опольскомъ, бытомскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ, и др., народъ остался неонѣмеченнымъ, хотя князья Пястовичи, высшее духовенство и часть шляхты тоже пошли по слѣдамъ своихъ нижне-слезскихъ сородичей и онѣмечились; мѣщане же по происхожденію были нѣмцы (какъ и въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ). Языки латинскій и нѣмецкій господствовали въ Слезіи повсюду, а о польскомъ не было и помину. Чешскій языкъ употреблялся, наряду съ нѣмецкимъ, въ грамотахъ чешскихъ королей и ихъ намѣстниковъ въ Слезіи, [1]) слезскихъ князей, шляхты, духовенства, (напр. монастырей рудскаго, ратиборскаго), даже и нѣкоторыхъ городовъ (напр. Ополя, Крапковицъ, Гливицъ). Чешскій языкъ сдѣлался съ теченіемъ времени офиціальнымъ, судебнымъ языкомъ и литературнымъ.

Чешскій языкъ въ верхней Слезіи сохранился въ общественной жизни — рядомъ съ нѣмецкимъ—до первой половины XVIII вѣка.

Языкъ слезко-чешскихъ грамотъ вообще — чистый литературный чешскій языкъ XV—XVII вѣковъ (особенно въ грамотахъ князей опавско-ратиборскихъ), съ небольшой примѣсью нѣкоторыхъ фонетическихъ и лексическихъ особенностей слезско-польскаго нарѣчія, которыя однако отчасти свойственны и порубежнымъ моравскимъ нарѣчіямъ. Тѣмъ не менѣе и эти произведенія поляки именуютъ польской литературой, точно такъ же какъ выдающихся личностей другихъ національностей, проживающихъ въ Польшѣ именуютъ поляками; напр. живописца чеха Matiejko, поляки передѣлали въ поляка Matejka, не говоря о Мицкевичахъ, Сенкевичахъ, Косцюшкахъ и другихъ, чистокровныхъ русскихъ литовцахъ, передѣланныхъ тоже въ поляковъ.

Приводимъ здѣсь заглавія стариннѣйшихъ польскихъ сочиненій.

Powieść o papieżu Urbanie (1514 r.), Rozmowy króla Salomona z Marchołtem (1521), Opecia. Żywot pana Jezusa-Krysta (1522), Fortuny i cnoty różność (1524), Żywot sw. Eufraksyi (1524), Modlitewnik siostry Konstancyi (1527), O panieństwie (1528), Żywot bl. Mexego (1529), Wrobla Żoltarz (1535), T. Kłosa Algoritmus t. j. nauka liczby (1538), Tobias patriarcha starego zakonu (1539), Sprawa Chędoga o męce Pana (1544), Reja Żywot Józefa z pokolenia żydowskiego (1545), Dyaryusz sejmu (1548), St. Chwolczewskiego Kronika (1549), Historya o żywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego (1550), M. Bielskiego Kronika Swiata (1550).

Образцами для этихъ сочиненій служили чешскія книги въ которыхъ польскіе писатели преимущественно ксендзы замѣняли какъ выше сказано нѣкоторые чешскіе слова польскими, не зная же сами хорошо польскаго языка выдумывали несуществующія польскія слова какъ это мы видимъ въ составленія польской библіи (маришско-потоцкой). Польскій переводчикъ Андрей изъ Яшовицъ (во второй половинѣ XV вѣка), капелланъ королевы Софіи, счелъ нужнымъ придерживаться чешскаго текста; онъ относился къ своему дѣлу довольно небрежно, употреблялъ совершенно лишнія чешскія слова, гдѣ онъ могъ употребить существовавшія тогда слова польскія, не умѣя же прочесть хорошо чешскія слова написалъ безсмыслицу напр. na szwecze — чеш. nassiesse, stworzenye — чеш. stwrzenye (firmamentum), szφ plodzy — чеш. se plazie; ducha,

[1]) Король Владиславъ постановилъ (1510), что верхній намѣстникъ (гейтманъ) слезскій и намѣстники свидницкій, яворскій, глоговскій и опавскій (Опава считалась тогда уже частью Слезіи), намѣстникъ лужицкій — должны быть назначаемы только изъ чеховъ, а не изъ другихъ народовъ и языковъ. (Palacký Dějiny n. č. V. 2, p. 172).

dusza — чеш. duha (радуга); czysta — чеш. czyesta т. е. cesta (дорога); wy○czcy — чеш. wyecze (vece, inquit) и проч. Прямо изъ чешскаго языка взяты невозможные въ польскомъ слова: urazedlnik (чеш. vrazedlník; форма wróżedlnik — отъ wróżda — могла употребляться и въ польскомъ языкѣ, opiekadlnik); czast, pocestny (cesta, поль. podróżny) и проч.

Любопытнѣе же всего сравнить текстъ польскихъ священныхъ книгъ XIV—XVI вѣковъ, дабы имѣть понятіе, какъ первоначальный польскій литературный языкъ замѣнялся новымъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ псалтырей, въ которыхъ первоначально написанныя русскія и чешскія слова измѣнены впослѣдствіи.

Псалтырь (żałtarz, żoltarz) XIV и XV вв. (флоріанская и пулавская):	Псалтырь (żoltarz) В. Врубля (1539, 1540, 1543, 1547 гг.).	Библія (psałterz) 1561 г.
czysło	liczba	liczba
gąść i piać	chwalić i śpiewać	chwalić i śpiewać
gęśli i żałtarz (żołtarz)	lutnia i psałterz t. j. gęśli	harfa i żołtarz
lichota	złość	złość
kaźń (dyscyplina)	nauka	kaźń
kobyłka	kobyłka (locusta)	sarańca
krasa	cudność	krasa
nalaz	wymysł	wynalazek
obiet	ofiara	ofiara
ostrow	wyspa	wyspa
pierwieniec	pirworodny	pierwarodny syn
pop	kapłan	kapłan
posełkini	słuzebnica	słuzebnica
potępa	pośmiech	pośmiewisko
prokny	wszytki	wszystki
pych	pyszne słowa	pyszne rzeczy
ssąd zdunowy	garnice gliniany	garnczarskie naczynie
żdać	oczekawać	oczekawać
żyzność	obfitość	obfitość.

Для сравненія текстовъ приводимъ здѣсь начало второго псалма:

Изъ польской псалтыри XIV вѣка, (въ скобкахъ изъ псалтыри XV в.):	Изъ польской псалтыри Врубля 1540 года:
1) Przecz scrszitalo poganstwo, a ludze mislili s○ prosznoscz.	1) J czemu się tak przykro rozgniewali pogani, á lud zydowski prozne rzeczy poczynał.
2) Przistaiali s○ (pomagały) crolowe zemszczy a ks○sz○ta seszli s○ na gromad○ (w yedno) przeciwko gospodnu (bogu), y przeciwo iego pomazanczu.	2) Powstali królowie ziemscy, a książęta zeszli się społem w iedność ná przećiwko pánu y przećiwko Krystusowi iego.
3) Rostargnymy gich przecowi, i srzuczimy s nas garzmo gich.	3) Rozwimy to ich więzienye, à zrzućz siebie ich iarzmo.
4) Jen (ten) przebiwa na nebesech, pozmeie se gim, y gospodzin zwala smech w nich.	4) Ale który mieszka w niebie, nasmieye się z nich, a pan bog sam ie będzie naigrawał.

5) Tegdi (tedy) molwicz bǫdze k nym w gnewe swoiem y w roserdzu swoienem zamǫcy ie.

5) Potym więc k nim będzie mówił w gniewie swoim, a srogością swoią zasmuci ie.

6) Ale ia postawon iesm crol od nego na Syon gorze, przepowadaiǫ (przepowyadayǫcz) kazu (przykazane) iego.

6) Wszakoż ia wstawionem od niego na Syon gorze swiętey iego, przepowiadaiąc przykazanie iego.

Лишь въ концѣ XVI вѣка стала развиваться самостоятельная польская литература, не нуждаясь въ помощи рускаго и чешскаго языковъ. Осталось, однако, въ польскомъ языкѣ много русскихъ и чешскихъ словъ, и нѣкоторые Поляки считали, по старымъ традиціямъ, чешскій языкъ все еще лучшимъ, чѣмъ свой родной, и старались иногда блеснуть знаніемъ болѣе изящнаго—по ихъ мнѣнію—чешскаго языка, такъ что это вызвало, негодованіе и порицаніе со стороны польскаго писателя конца XVI вѣка Луки Горницкаго. Но негодованіе это не имѣло смысла, такъ какъ самостоятельный польскій языкъ до XVII вѣка оставался варварскимъ. Для доказательства этого приводимъ выдержку изъ судебнаго документа съ 1593 года, касающагося имѣнія Пабіаницъ воеводства серадзкаго, принадлежащаго краковскому духовенству.

Вотъ эта выдержка съ сохраненіемъ правописанія.

„Woijcziech Przycioska z Giemzowa Isz wijdzial Woyczieeha Rabede wijozącego w nocy zijtho spolija kthoe zijto nie wie czije wyoszl do czego ssie thenze sam Rabenda dobrowolnie zeznał, za czo yusz y karanie miał. A iż temu Przepiorcze dlia thego opowiedzenia odpowiadal thedy Ich Mci zakład miedzy nijmi załozijcz zacziły, takij pąn Starosta ustanowycz będzie raczil“.

Добродушные русскіе литераторы, не допуская у своихъ польскихъ коллегъ подобной безцеремонности въ тенденціозномъ искаженіи историческихъ фактовъ, вѣря имъ на слово, повторяли за ними, что Поляки были проводниками культуры и просвѣщенія въ Россіи и не переставали утверждать вмѣстѣ съ ними, что польская литература процвѣтала тогда, когда Россія коснѣла въ невѣжествѣ.

Мы, кажется, доказали, насколько это мнѣніе было ошибочно и насколько неосновательно русскіе сами себя оплевываютъ. Мы, конечно, не рекомендуемъ нашимъ соотечественникамъ присваивать себѣ съ польскою наглостью названіе распространителей культуры и цивилизаціи, хотя на это имѣемъ больше правъ, чѣмъ Поляки, прибѣгавшіе къ насиліямъ и пыткамъ надъ иновѣрцами, но преклоненіе передъ польской культурой считаемъ болѣе чѣмъ недомысліемъ. Наша скромность по отношенію къ произведеніямъ нашего ума и генія и безъ того поразительна; мы не кричимъ о доморощенныхъ изобрѣтателяхъ, какъ это дѣлаютъ Поляки, раздувая до міроваго значенія изобрѣтенный польскимъ жителемъ способъ изготовленія шпилекъ для варшавскихъ ботинокъ. Нагляднымъ доказательствомъ этому служитъ выставленная на послѣдней Нижегородской выставкѣ модель паровой машины, изобрѣтенной Иваномъ Ивановичемъ Ползуновымъ. Объ этомъ изобрѣтеніи ничего въ Европѣ извѣстно не было, хотя машина эта выкачивала воду изъ шахтъ на Барнаульскомъ заводѣ съ 1763 до 1776 года. Представляла она типъ усовершенствованныхъ въ послѣднее время паровыхъ двигателей съ подвижными цилиндрами и поршнями. Ученый міръ приписываетъ изобрѣтеніе первой паровой машины англичанину Уатту въ 1802 году, о нашемъ же изобрѣтателѣ никому не извѣстно. Попади Ползуновъ случайно въ польскіе рудники и изобрѣти въ нихъ свою машину, Поляки не замедлили бы прозвать его Ползуновскимъ и разнести его славу, какъ поль-

скаго изобрѣтателя, по всему свѣту, какъ они это дѣлаютъ съ чехомъ Матейко и польскими писателями-литовцами.

Въ числѣ великихъ заслугъ своихъ на поприщѣ „міровой цивилизаціи“ поляки на одномъ изъ первыхъ мѣстъ ставятъ и доблестную военную исторію польскаго народа. И, въ самомъ дѣлѣ, воевали поляки не мало; положимъ больше *pour le roi de Prusse*, но все же воевали. О дохристіанскомъ періодѣ подвиговъ польскихъ воителей мы ничего не знаемъ. Но вскорѣ послѣ принятія христіанства, т. е., когда восточное православіе стало замѣняться въ Польшѣ воинствующимъ католицизмомъ,—начались и военные подвиги поляковъ. Прежде всего пришлось имъ драться со своими братьями — славянами въ защиту нѣмецкаго Drang nach Osten во имя германизма и папизма. Мало по малу Польша стала въ такія отношенія ко славянскому міру, а главнымъ образомъ къ Россіи, что миръ между ними сталъ невозможенъ; война смѣнялась перемиріемъ, за которымъ слѣдовала новая война. Очень ужъ видно сладка была польскимъ воителямъ смерть за панскіе карманы! Когда борьба съ Россіей стала для Польши непосильною, невозможною, когда ея первобытное войско никому изъ нерусскихъ сосѣдей нужно не было по полной его непригодности (Стефановъ Баторіевъ создать оно, конечно, уже не могло), тогда поляки, какъ мы подробнѣе разскажемъ въ слѣдующихъ главахъ, стали соваться со своими услугами, гдѣ только представлялся случай. Точно стадо барановъ шли они на закланіе въ наполеоновскія войны: они и теперь хвастаютъ эпизодомъ при Само-Сіеррѣ, котораго стыдился бы каждый дѣйствительно уважающій себя народъ; Наполеону нужно было пушечное мясо для кавалерійской атаки противъ испанцевъ; само собой разумѣется поляки сочли вполнѣ резоннымъ, что эту доблестную роль предоставили выполнить имъ; дрались они и въ Санъ-Доминго, и въ Италіи. Тысячу лѣтъ поляки давали себя бить за папу, и роль безсмысленной, хотя, надо сказать правду, храброй оравы вошла въ ихъ плоть и въ кровь; когда за папу воевать оказалось совсѣмъ невозможнымъ,—тогда польскіе волонтеры пошли противъ папы и такъ же безсмысленно лѣзли на непріятельскіе штыки за объединенную Италію, какъ тысячу лѣтъ ходили подставлять свои головы подъ стрѣлы и пули за объединеніе папской монархіи; на этомъ траги-комическомъ эпизодѣ мы подробнѣе остановимся впослѣдствіи. Но несмотря на все богатство польской военной исторіи—военное дѣло въ Польшѣ стояло всегда на весьма низкой ступени развитія. До Стефана Баторія въ Польшѣ постояннаго войска въ сущности не было, если не называть войскомъ шляхетскія оборонительныя дружины; лишь въ военное время набирались полки, состоявшіе на большую половину изъ нѣмцевъ; Баторій первый допустилъ въ войско крестьянское сословіе. Но это было въ 1578 году; до того времени военнаго искусства въ Польшѣ вовсе не знали; единства военнаго управленія не было, магнаты содержали свои войска, составленные изъ всякаго сброда, часто храбраго до геройства, но всегда безпорядочнаго, недисциплинированнаго, совершенно неумѣлаго въ дѣлѣ съ хорошимъ войскомъ; вотъ почему битва начиналась всегда со стороны поляковъ кавалерійскою атакой; если непріятель ее выдерживалъ—поляки отступали; такъ дѣлали татары, такъ воевали дикія племена средневѣковія. А какъ воевали тогда русскіе? Объ этомъ весьма любопытныя данныя приводитъ М. А. Богдановскій въ своей книгѣ: „Инженерно-историческій очеркъ осады Казани 7060—7061 г. (1552)“.

Поляки не строили укрѣпленій, ибо „грудь воиновъ должна служить стѣной“; вѣрнѣе не строили поляки укрѣпленій потому, что не умѣли ни строить ихъ, ни защищать, ни брать. Между тѣмъ оказывается, что у Іоанна Грознаго была лучшая по качеству и количеству артиллерія, чѣмъ въ современной ему Европѣ, что его иностранный „розмыслъ“, или минный инженеръ, былъ лучшій спеціалистъ въ своей области; что черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ взятія Казани въ Европѣ еще не умѣли правильно дѣлать подкопы и взрывы (напр. при осадѣ Остенде били больше своихъ); что осада Казани велась по всѣмъ правиламъ *современнаго намъ* саперпаго дѣла и велась русскими людьми,

которые выдумали тутъ-же на мѣстѣ все, что впослѣдствіи вошло въ военную науку. Тамъ была напр. изобрѣтена такъ называемая летучая сапа, ровики прикрытія и т. д. Осада Казани—это въ своемъ родѣ перлъ инженернаго искусства, разбирая который детально, невольно удивляешься выдающимся талантамъ и искусству полководцевъ Грознаго, здравому смыслу и военному генію самого покорителя Казани, который лично руководилъ всею осадой. А затѣмъ приходится подивиться и еще болѣе великому административному и государственному смыслу тогдашней Руси. Въ каждой строкѣ книжки г. Богдановскаго мы видимъ намекъ на огромную и самобытную культуру той эпохи, культуру, о которой полякамъ тогда и не снилось.

Иностранецъ, попавшій въ любой польскій городъ или мѣстечко, увидитъ въ праздничный день толпы народа, преимущественно женщинъ, съ книжками въ рукахъ направляющихся въ костелы. Онъ невольно подумаетъ, какъ здѣсь много грамотнаго люда! Но это организованный обманъ. У поляковъ считается хорошимъ тономъ повторять заученные молитвы изъ раскрытой книги, кивая при этомъ головой. Молитвъ этихъ весьма немного, повторяются онѣ ежедневно, и всѣ ихъ знаютъ наизусть, но тѣмъ не менѣе тащатъ съ собой книжку въ костелъ. Дѣвушкамъ лучшаго общества, нахожденіе молитвенной книжки въ рукахъ даетъ оправданіе одинокихъ прогулокъ, для родителей же служитъ достаточнымъ основаніемъ ухода дочери одной изъ дому. На этомъ основаніи всѣ любовныя встрѣчи молодыхъ людей въ Польшѣ устраиваются въ костелахъ, откуда, подъ прикрытіемъ книжекъ, они перебираются въ уединенныя мѣста. Безграмотная женская публика тоже обязательно запасается молитвенникомъ, съ которымъ отправляется на видное мѣсто, растворяетъ его и, кивая учащенно головой, даетъ понять, что читаетъ. Но бываютъ при этомъ случайности... Такъ, напр., въ Варшавѣ, жена богатаго мясника явилась въ костелъ и заняла мѣсто на лавкѣ; разложивъ молитвенникъ съ золотымъ обрѣзомъ въ дорогомъ переплетѣ, она стала мотать головой и перелистывать страницы, какъ вдругъ ея убогая сосѣдка, взиравшая съ завистью на ея дорогой молитвенникъ, не безъ ехидства ей замѣтила, что она держитъ книгу въ верхъ ногами. Сконфуженная барыня стала оправдываться тѣмъ, что книгу, по всей вѣроятности, шаловливыя дѣти дома перевернули, а она этого не замѣтила.

Подобныхъ явленій, чванства, надменности и игры въ цивилизацію можно встрѣтить среди Поляковъ на каждомъ шагу. Комизма, который они представляютъ, увѣряя поминутно о своей цивилизаторской миссіи, они вовсѣ не замѣчаютъ. Наглость ихъ мнѣній, высказываемыхъ въ своемъ кругу, гдѣ всѣ стоятъ за одного и обмѣниваются заученными формулками, поразительна и возмутительна... Мнѣніе какого либо польскаго графа или князя, не говоря объ епископахъ, въ которыхъ нѣтъ даже зародыша здраваго смысла, преподноситсявъ видѣ аксіомы „своимъ“ и вносится въ число общественныхъ догматовъ... Возраженій, разсужденій: а главное опроверженій, быть не можетъ, закричатъ, забросаютъ каміями и грязью, ибо у нихъ все непогрѣшимо. Мы же находимъ, что у нихъ непогрѣшимъ лишь разумъ, такъ какъ онъ ни въ какихъ вопросахъ участія не принимаетъ.

ГЛАВА IV.

Возвратимся къ борьбѣ съ казачествомъ. Преемникъ Владислава, Янъ Казимиръ, старался заключить съ ними миръ, а когда это ему не удалось, то послалъ противъ Хмѣльницкаго новыя силы.

Польское войско расположилось подъ Пловцами, противъ войска Хмѣльницкаго. Не будучи въ состояніи остановиться на чемъ либо рѣшительномъ, предводители ссорились, солдаты же пили и безобразничали. Когда же лазутчики донесли, что на помощь

Хмѣльницкому пришло 6000 крымскихъ татаръ, то паны и шляхта такъ испугались, что бросивъ обозъ разбѣжались во всѣ стороны, точно ихъ кто-то преслѣдовалъ.

Хмѣльницкій не вѣрилъ [1]) своимъ глазамъ, видя бѣгство мужественнаго польскаго войска.

Послѣ своей коронаціи 17 января 1649 г. Янъ Казимиръ послалъ къ Хмѣльницкому пословъ съ гетманской булавой и бунчукомъ и просилъ мира.

Гетманъ принялъ дары, о королѣ выразился съ большимъ уваженіемъ; пановъ же и латинское духовенство онъ бранилъ послѣдними словами за ихъ негодный, варварскій образъ дѣйствій по отношенію къ Руси, не соглашавшейся на унію. Въ заключеніе онъ предложилъ слѣдующія условія мира, по которому онъ и казачество снова присягнутъ на вѣрность польскому королю: 1) возвращеніе казакамъ прежнихъ правъ и привилегій, 2) уничтоженіе уніи, 3) изгнаніе изъ Малороссіи евреевъ и іезуитовъ, 4) постоянный комплектъ казачьяго войска съ 40000 коней, 5) разрѣшеніе кіевскому православному митрополиту засѣдать въ польскомъ сенатѣ и предоставленіе ему тамъ перваго мѣста послѣ архіепископа примаса.

Но польское духовенство, правившее страной, не хотѣло объ этомъ и слушать, и папа, считая войну съ казаками священною, настаивалъ на ея продолженіи и прислалъ Казимиру освященную хоругвь, *„имѣвшую способность побѣждать невѣрныхъ“*.

Главный корпусъ польской арміи подъ предводительствомъ Вишневецкаго заперся въ Зборажѣ, убѣгая отъ Хмѣльницкаго, который, обложивъ крѣпость рѣшилъ уморить поляковъ голодомъ. Самъ король съ папскою хоругвью и сорокатысячнымъ войскомъ пошелъ на выручку Збоража, но Хмѣльницкій двинулся съ частью казаковъ ему на встрѣчу и, перерѣзавъ большую часть арміи, отобралъ у нея чудотворное знамя, могъ взять въ плѣнъ и самого короля, но, изъ уваженія къ его личности, запретилъ казакамъ трогать его и далъ ему возможность спокойно уйти.

Во время пятинедѣльнаго голода въ осажденномъ Зборажѣ, часть войска вымерла или бѣжала, остальные съ Вишневецкимъ сдались на милость Хмѣльницкаго. Онъ никого не подвергъ пыткамъ, какъ это дѣлали поляки, но принудилъ Вишневецкаго заключить миръ на приведенныхъ выше условіяхъ.

Но миръ не продолжался и года; когда, *согласно договору*, кіевскій митрополитъ Коссовъ пріѣхалъ въ Варшаву для засѣданія въ сенатѣ, папскій нунцій и польскіе епископы заявили королю, что если только митрополитъ переступитъ порогъ сената, то они изъ него выйдутъ [2]).

Послѣ этого происшествія 7 іюня 1650 года поляки напали ночью на брацлавскій казачій полкъ, стоявшій подъ Краснополемъ и разбили его. Узнавъ объ этомъ, казачій есаулъ Богунъ переплылъ Бугъ и напалъ на поляковъ, кутившихъ послѣ побѣды и перерѣзалъ ихъ до едина [3]). Началась новая война. Янъ Казимиръ получилъ отъ папскаго нунція новую освященную хоругвь, которая была якобы *„чудотворнѣе первой“*. Подъ этимъ знаменемъ собралось слишкомъ сто тысячъ мужественнаго польскаго рыцарства. Подъ городомъ Берестечкомъ оба войска встрѣтились; битва была ужасна; но, когда татары, находившіеся съ Хмѣльницкимъ бѣжали, казаки были разбиты; на полѣ битвы ихъ легло до 30 тысячъ.

---

[1]) «Онъ едва могъ повѣрить, что передъ нимъ непріятели». Dzieje... Т. 2 стр. 316. «Поляки стали бѣжать, кто куда могъ, оставивъ пушки и весь обозъ». О казакахъ, Maciejowski стр. 312.

[2]) «Духовенство съ нунціемъ во главѣ выступило съ торжественнымъ протестомъ противъ кіевскаго митрополита и заявило королю, что когда прибывшій въ Варшаву митрополитъ Сильвестръ Коссовъ явится въ сенатъ, то латинскіе епископы удалятся изъ сейма». Dzieje... Т. 2 стр. 325.

[3]) Сенкевичъ подобно другимъ польскимъ писателямъ, весьма нагло извращаетъ эти факты въ романѣ: «Огнемъ и мечемъ».

Но въ скоромъ времени Хмѣльницкій собралъ войско, съ которымъ напалъ на самого короля подъ Жванцемъ, разбилъ его на голову, взявъ въ плѣнъ 11 тысячъ человѣкъ вмѣстѣ съ чудотворнымъ знаменемъ; тутъ онъ опять-таки могъ взять въ плѣнъ короля, но запретилъ казакамъ касаться его особы и даже далъ ему казачью стражу, которая должна была сопровождать короля со всѣмъ его обозомъ до безопаснаго мѣста. Король прислалъ къ Хмѣльницкому сенатора Ланскоронскаго и генераловъ Потоцкаго и Собѣскаго, снова прося мира, который и былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ; но Хмѣльницкій, убѣдившись, что его обманываетъ не только шляхта, но и самъ король, порѣшилъ со всею Малороссіей перейти въ подданство къ русскому царю Алексѣю Михайловичу, который согласился, наконецъ, принять казаковъ подъ свое покровительство.

По этому поводу Янъ Казимиръ объявилъ Россіи войну; Алексѣй Михайловичъ выставилъ противъ него двухсоттысячное войско; поляки не могли оказать ему никакого сопротивленія и потеряли при этомъ всю Литву.

Не видя спасенія Янъ Казимиръ принужденъ былъ заключить 24 октября 1656 г. въ Вильнѣ миръ; по договору, подписанному послами короля, русскій царь признавался наслѣдникомъ польскаго трона.

Уже тогда невозможность самостоятельнаго существованія Польши была настолько очевидна, что трансильванскій князь Ракочій проэктировалъ въ 1656 г. раздѣлъ ея между сосѣдними державами; въ этомъ намѣреніи онъ ввелъ въ Польшу 50000 своего войска [1]). Но Чарнецкій разбилъ войско Ракочія.

Въ это время Хмѣльницкій умеръ.

Казаки выбрали въ гетманы его шестнадцатилѣтняго сына Юрія, назначивъ его опекуномъ генеральнаго писаря Выховскаго. Выховскій, принявшій православіе полякъ, взятый въ плѣнъ казаками, захватилъ въ свои руки гетманскую булаву, измѣнилъ, какъ этого и надо было ждать, Россіи и снова перешелъ съ казачествомъ на сторону Польши [2]). Война Алексѣя Михайловича съ Яномъ Казиміромъ продолжалась 8 лѣтъ (1659—67), послѣ чего былъ заключенъ миръ, по которому Малороссія раздѣлена была между Россіей и Польшей. Въ это время возсталъ противъ своего короля и объявилъ ему войну великій маршалъ и коронный гетманъ Любомирскій; съ 12 тысячами войска онъ разбилъ королевскую 26-ти тысячную армію; но епископы краковскій—Андрей Тжебицкій и холмскій—Ѳома Лежинскій уладили дѣло.

Наконецъ Янъ Казимиръ, которому опротивѣлъ образъ дѣйствій польской шляхты и польскаго духовенства рѣшилъ отказаться отъ трона, что и сдѣлалъ 16 сентября 1668 года. Обливаясь слезами онъ такъ говорилъ своимъ бывшимъ подданнымъ: „О, если бы мое пророчество оказалось ложнымъ: но, увы, несомнѣнно, *что ваша Рѣчь Посполитая будетъ растерзана презирающими васъ народами.* Русь заберетъ Литву, курфирстъ бранденбургскій присоединитъ къ своимъ владѣніямъвеликую Польшу и пограничныя съ Пруссіей области, Австрійскій домъ овладѣетъ краковскимъ округомъ».

Это пророчество исполнилось черезъ сто лѣтъ.

Но еще ярче и образнѣе еще во времена Сигизмунда III предсказалъ паденіе Польши въ своихъ сеймовыхъ проповѣдяхъ ксендзъ Петръ Скарга. Вотъ, что онъ говорилъ:

«Погибли въ этомъ королевствѣ порядокъ и дисциплина, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно правительство, которымъ постоянно поучаетъ и священное писаніе. Никто не боится ни власти, ни законовъ; никто не обращаетъ вниманія

---

[1]) Bobrzyński. Dzieje T. 2 стр. 350.

[2]) «Царь Алексѣй Михайловичъ съ нетерпѣніемъ ожидая обѣщаннаго наслѣдія по Янѣ Казимирѣ, возобновилъ войну въ Литвѣ, когда казацкій гетманъ Выховскій перешелъ на сторону Польши». Dzieje. T. 2 стр. 359.

на какія бы то ни было наказанія. Но когда пропадаетъ страхъ Божій и исчезаетъ стыдъ, на одну лишь правительственную власть остается надѣяться, чтобы бороться со зломъ; когда нѣтъ и этой власти—государство гибнетъ; такъ бочка разсыпается, когда съ нея опадаютъ обручи, и никто ихъ не закрѣпитъ. Всѣ оправдываютъ свои поступки шляхетскою вольностью, всѣ прикрываютъ *свои злодѣянія* этимъ покровомъ, и тѣмъ самымъ превращаютъ честную золотую свободу—въ неповиновеніе и произволъ. О! хороша свобода, при которой властвуетъ и благоденствуетъ всяческое самодурство и безнаказанное самоуправство; при которой сильные гнетутъ слабѣйшихъ, при которой попираются законы божескіе и человѣческіе, при которой сильные не дадутъ наказать себя ни королю, ни властямъ, всѣ безъ ярма, всѣ безъ главы и вождя, какъ сыны Веліаловы. Люди, которые, будучи, какъ говоритъ св. Іовъ, суетливы и чревоугодливы, мнятъ, что родились свободными, какъ приплодъ у ослицы, не помышляющій ни о уздѣ, ни о упряжи! Не легко уже въ нынѣшнее время сдерживать и подчинять лучшимъ и болѣе строгимъ законамъ такихъ людей. Слишкомъ много стало въ этомъ королевствѣ весьма порочныхъ людей, которымъ по вкусу пришлись междуцарствія, во время коихъ они могли вести переторжки о королевствѣ. Они и нынѣ не перестаютъ искать личной выгоды *въ обморочиваніи своего любезнаго отечества и раздробленіи его на части.* Гдѣ можно, затѣваютъ они бунты и заговоры, *ропщутъ на Провидѣніе* и выдумываютъ всякую клевету. Они подзадориваютъ другихъ къ безпорядкамъ и новшествамъ; вѣчно тревожные алчные, беззаконные — всюду они сѣютъ несогласія и раздоръ. До общественнаго блага имъ нѣтъ дѣла; своимъ безпокойствомъ они колеблютъ ладью, въ которой мы всѣ плывемъ, и близятъ ее къ потопленію. Алчность, какъ говоритъ пророкъ, всѣхъ объяла, отъ мала до велика. Всѣ наперерывъ упражняются въ незаконномъ пріобрѣтеніи и въ алчной любостяжательности. Никто не насыщается деньгами—хотя ихъ никогда не было столько въ Польшѣ сколько теперь; никто не говоритъ: будетъ съ меня! Каждый хочетъ прибавленія богатствъ, хоть у него изобиліе во всемъ. Одни смотрятъ на золото, какъ на божество; другіе ищутъ его, чтобы мотовствомъ и хвастливой расточительностью удовлетворить своему честолюбію и чванству. Господи! какія излишества проникли въ это королевство! Они изгнали отсюда всяческое милосердіе. Отъ малыхъ до великихъ міра сего, всѣ бросили святое воздержаніе и простоту жизни и пренебрегли давнишнимъ старопольскимъ, рыцарскимъ житьемъ-бытьемъ. Каждому желательно упиваться виномъ; не только вода, которою мы довольствовались, но и пиво кажется вреднымъ для молодыхъ и здоровыхъ людей. А кварта вина въ день даетъ около ста злотыхъ годового убытка. Рѣдко встрѣтишь барича не въ шелкахъ, рѣдкій согласится выѣхать безъ шестерки коней, безъ нѣсколькихъ казачковъ въ шелковыхъ ливреяхъ, не на рессорахъ и не въ красиво обитомъ эпипажѣ. Верхомъ ѣздятъ теперь одни форейторы; въ упряжи видишь коня цѣною въ нѣсколько сотъ злотыхъ. Наѣздники-шляхтичи обратились въ каретниковъ, подушниковъ перинниковъ, всюду возящихъ съ собой пуховики.

„Вооруженный и мужественный парень исчезъ бѣзслѣдно; мужеская сила растлилась подъ вліяніемъ наслажденій. Женщины превзошли въ нарядахъ всякую мѣру. Въ общемъ, нѣтъ конца мотовству, не перечесть расходовъ на шелка, діадемы, шлейфы. Приходится расходоваться на богатую посуду, на необычайное число блюдъ, лишь бы потщеславиться, лишь бы добиться ничего не стоящихъ почета и славы у людей. Любовь же къ отечеству пропала. Никто не подумаетъ, среди такой суетности, позаботиться объ оборонительныхъ замкахъ и стѣнахъ. Вся Рѣчь Посполитая обнищала; только знатныя семьи богаты. Нечѣмъ поддержать даже то, что для защиты страны соорудили дѣды и отцы. Нѣтъ денегъ на содержаніе войска, на сооруженіе укрѣпленій, на пушки и порохъ, на ремонтъ крѣпостей. Все тратится на излишества и гнусныя забавы, все остается въ хлѣвахъ. Овладѣваютъ нами причины гибели Содома о которыхъ гово-

рить пророкъ; „въ этомъ заключается зло Содома: *въ гордынѣ, въ пресыщеніи, въ излишествахъ, въ праздности,* а равно и въ томъ, что къ нищему и убогому не простирали десницы“.

„О гнусный Содомъ, *расточительный, праздный, роскошествующій и жестокій* къ рабу и неимущему! *Скоро ли одряхлѣешь ты и погибнешь отъ огня?*

„Никто отъ чистаго сердца не любитъ Рѣчи Посполитой. *Peculatus,* т. е. *хищеніе общественныхъ имуществъ* такъ развилось въ этомъ королевствѣ, что у людей даже угрызеній совѣсти не бываетъ. *Самая пріятная кража,* за которую нечего бояться наказанія—это утаить что либо изъ податей и доходовъ казны. Другое дѣло поддержать общественные интересы: это и трудно, и тяжело и охоты нѣтъ. Но, хоть бы пришлось расплачиваться потерею цѣлыхъ деревень, нельзя себѣ ни въ чемъ отказать, ни въ чемъ что нужно: на помпу, на сеймовыя представительства, на вооруженный кортежъ и на гайдуковъ для борьбы съ противною партіей и для наружнаго блеска и величія. Когда же имъ поручаютъ завѣдываніе общественной казной, о Господи, *какъ только не мараютъ они своихъ рукъ. Едва половина крестьянскихъ и мѣщанскихъ податей попадаетъ въ государственный сундукъ. Такъ то безстыдно и безжалостно грабятъ они любимую мать—отчизну.*

„Не найти, говорятъ свѣдущіе люди, столь несчастной монархіи, *которая могла бы пожаловаться на нелюбовь къ ней своихъ дѣтей и сыновей, какъ наша.*

„А кто исчислитъ нашу клевету и ложь предъ лицомъ правосудія, въ судебныхъ вызовахъ, сколько предательства въ дѣлопроизводствѣ, на судахъ, сколко обмана, коварства и двоедушія? Кто пересчитаетъ безстыдныя кровосмѣшенія, явныя прелюбодѣянія, клятвопреступленія, лжесвидѣтельства и другія гнусности, не имѣющія даже мѣста для достойнаго наказанія? Не касаюсь своеволія, порочности, безстыдства молодежи, коими заражена вся земля.

„Не умолчу лишь о новомъ грѣхѣ — несправедливости относительно сиротъ: осиротѣетъ дѣвушка — ея родные и опекуны присваиваютъ себѣ изъ оставленнаго ей въ наслѣдство приданаго половину либо значительную часть. Они же не ранѣе пустятъ дѣвушку замужъ, пока она съ мужемъ не подаритъ имъ все, чего они хотятъ, и все, что уже успѣли себѣ присвоить эти добрые опекуны и родственники. Есть и иныя безчисленныя злодѣянія и беззаконія въ этомъ королевствѣ, *вопіющія къ небу о возмездіи.*

„Что же дѣлать мнѣ съ тобой, несчастное королевство? Кто смотритъ на васъ, собравшихся здѣсь со всего королевства руководителей народа, кто видитъ ваши нравы и поступки, тотъ легко пойметъ, что должно твориться во всѣхъ коронныхъ земляхъ. Если бы я былъ Исаіей, я ходилъ бы босымъ и полунагимъ, взывая къ вамъ, безпутники, и безпутницы, къ вамъ, нарушители и нарушительницы закона Господня. Такъ васъ облупятъ, когда Господь Богъ приведетъ враговъ на главы ваши, и введетъ васъ въ униженіе. И будетъ злость ваша, какъ потрескавшаяся стѣна, которая падетъ, когда вы не будете даже ожидать этого, и какъ глиняный горшокъ сильно ударенный разлетится въ дребезги и не останется изъ него ни одного черепка пригоднаго для испитья воды изъ источника. Стѣны вашего королевства, трескаются все больше и больше, но вы видѣть этого не хотите и твердите: нѣтъ, нѣтъ! Безправіемъ держится Польша, но неожиданно для васъ она рухнетъ и погребетъ васъ подъ развалинами.

„Будь я Іереміей, я бы путами связалъ себѣ ноги, надѣлъ оковы и цѣпь на шею и взывалъ бы къ вамъ, грѣховодники какъ и онъ взывалъ: „*Такъ свяжутъ пановъ и погонятъ, какъ барановъ въ чужія страны.*“ Я показалъ бы имъ истлѣвшее и гнойное платье, встряхнувъ его, я бы сказалъ вамъ, когда бъ оно разлетѣлось въ прахъ: „*Такъ исчезнетъ, и пропадетъ и въ дымъ и прахъ превратится ваша слава и всѣ богатства ваши*“. Взявъ глиняный сосудъ и созвавъ всѣхъ васъ, я ударилъ бы имъ съ силой о

стѣну на виду у всѣхъ васъ и сказалъ бы: „Такъ, говоритъ Господь, разобью васъ, какъ сей сосудъ, *коего осколковъ соединить и собрать нельзя.*“

„И я взывалъ бы съ плачемъ, подобно ему: „Кто прибавитъ влаги главѣ моей и источникъ слезъ—очамъ моимъ; чтобы денно и нощно оплакивалъ я *упадокъ отчизны и народа моего?* Я бѣжалъ бы въ пустыню и скрылся бы отъ народа моего. *Всѣ они — выродки и сборище братоубійцъ. Заострили языкъ свой какъ стрѣлу для лжи и неправды. Каждый пусть остерегается брата своего и надежды на него не возлагаетъ, ибо въ устахъ его миръ и покой, втайнѣ же разставляетъ сѣти.* Потому-то говоритъ Господь: „*Полынью насыщу ихъ и въ питіе дамъ — воду желчную. Созовите плакальщицъ, пусть стенаютъ надъ нами, говоря: «точите слезы, очи наши, переполнитесь влагою. О, какъ же побѣждены и опозорены мы! Смертъ пришла чрезъ окна наши, на порогѣ нашемъ истребила дѣтей нашихъ, на улицахъ — поразила юношей. Трупы, какъ отбросы, лежатъ въ полѣ, подобно травѣ за стопами косаря, и некому похоронить ихъ.»*

„Будь я Іоной, ходя по стогнамъ, я взывалъ бы къ вамъ: «*Четырежды десять дней не минетъ, а Ниневія, либо это царство ваше падетъ*». Бойтесь всегда этихъ угрозъ! Мнѣ не было особливаго откровенія отъ Господа Бога о васъ и погибели вашей. Но посланъ я къ вамъ Господомъ, дабы вамъ указывать злодѣянія ваши и предвѣщать кару за нихъ, если вы не исправитесь.

„Всѣ павшія царства имѣли такихъ пословъ Господнихъ и проповѣдниковъ, которые выставляли имъ ихъ грѣхи и возвѣщали паденіе; такъ было у евреевъ передъ плѣномъ вавилонскимъ, о чемъ говоритъ Священное Писаніе: „Посылалъ Господь вѣстниковъ своихъ къ нимъ, рано встававшихъ и каждый день взывавшихъ: ибо хотѣлъ Господь помочь народу своему и дому своему. Но они издѣвались и смѣялись надъ послами Господа и говорили: „давно уже грозите вы намъ, а нѣтъ еще ничего, слава Господу; они пренебрегали словами Господними, пока не палъ на нихъ гнѣвъ Господень, и не было никакого спасенія отъ него.“

Эти внушенія и пророчества вовсе не помогли; шляхта неистовствовала въ непрерывномъ развратѣ, ставя короля въ ничто, не признавая надъ собой никакой власти; она ввела въ сеймы „veto“, что давало право каждому пьяному или подкупленному шляхтичу крикнуть „не позволяю“ и сорвать на сеймѣ выработанныя и принятыя всѣмъ сеймомъ полезнѣйшія мѣропріятія.

Но и проповѣди іезуита Скарги были лишь наборомъ словъ и фразъ, искреннихъ же заботъ о благѣ страны въ душѣ и умѣ іезуита не было, такъ какъ одновременно съ предостерегательными проповѣдями онъ втягивалъ Польшу въ рискованное предпріятіе противъ могущественнаго сосѣда — Россіи, стремясь къ захвату ея престола для самозванца, о чемъ сказано выше.

Что вся эта продѣлка была дѣломъ Рима и іезуитовъ свидѣтельствуютъ хранящіеся въ архивахъ Фарнезе въ Неаполѣ документы, писанные по латыни іезуитами сопровождавшими Лже-Димитрія въ его походѣ на Московскій престолъ. Сопровождали же его два іезуита: Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, и на нихъ была возложена обязанность доносить о ходѣ предпріятія жившему въ Краковѣ, папскому нунцію Рангони, который эти свѣдѣнія пересылалъ въ Римъ. [1]) Приводимъ одинъ изъ этихъ документовъ, озаглавленный: Nova Moscovitica 10 et 12 Novembris 1604, въ переводѣ съ латинскаго оригинала:

„Послѣ долгаго перехода чрезъ Подолію и другія обширныя русскія земли, прибыли мы здравы и невредимы, совмѣстно съ Воеводой (Мнишкомъ) и его войсками въ Кіевъ 17 октября, гдѣ пробывъ три дня собирая и формируя отряды, для переправы

---

[1]) По тексту Ватиканскаго архива, Borghese, III, 90, 6, folio 300. (Неаполитанскій текстъ полнѣе римскаго).

черезъ Днѣпръ, передвинулись мы дальше за двѣ мили, отъ Кіева. Переправа черезъ рѣку заняла шесть, семь дней, пока всѣ войска не перешли на другой берегъ широкой рѣки, причемъ мы имѣли отличный случай для распространенія между солдатами нашей религіи, склоняя ихъ къ исповѣди, чего мы легко достигли, за что превозносимъ Господа Бога. Почти всѣ сотники и начальствующія лица исповѣдались и причастились св. тайнъ, послѣ чего были приглашены къ обѣденному столу сервированному подъ небольшимъ шатромъ, раскинутомъ на берегу Днѣпра. Ихъ примѣръ привлекъ къ намъ солдатъ которые тогда же и донынѣ имъ подражаютъ. Старинную вражду и давнишнюю непріязнь забываютъ, ростовщическіе договоры уничтожаютъ убытки вознаграждаютъ, чужую собственность возвращаютъ; не только въ воскресные дни, но даже въ будни многіе присутствуютъ въ походной часовнѣ. Больные тоже получаютъ духовную помощь. За все это хвала Господу Богу.

„Окончивъ переправу направились мы къ границамъ Москвы; бродя по лѣсамъ и болотамъ, въ послѣдній день октября подошли мы къ первому укрѣпленному граду и замку именуемому Моровиско, отстоящему отъ Кіева на двѣнадцать польскихъ миль, въ Сѣверской землѣ гдѣ, раскинувъ палатки, весьма счастливо, безъ всякаго труда и безъ боя Сіятельнѣйшій Князь (Serenissimus Princeps) Димитрій овладѣлъ замкомъ и градомъ. Три дня спустя подступили мы къ болѣе сильному замку, имѣющему свой градъ, считающійся какъ бы столицей въ Сѣверской землѣ, т. е. къ Чернигову, отстоящему отъ Кіева на 18 миль, отъ Моровиска на 12 миль. Этотъ замокъ тоже безъ борьбы сдался 1 ноября [1]) Сіятельнѣйшему Князю, при общихъ поздравленіяхъ. Относительно вооруженія обоихъ замковъ, хотя постройки деревянныя, но весьма сильныя вслѣдствіе насыпей, рвовъ, башенъ, стѣнъ сложенныхъ изъ дуба засыпанныхъ снутри землею и вооруженныхъ различнымъ московскимъ оружіемъ. Въ первомъ замкѣ оказалось семь большихъ пушекъ [2]), и свыше двѣнадцати меньшихъ [3]) гарнизонъ состоялъ изъ семисотъ стрѣльцовъ съ ружьями. Во второмъ замкѣ солдатъ и начальства было больше, пушекъ большихъ было двадцать семь, разставленныхъ на стѣнахъ и башняхъ такъ, чтобъ поражать непріятеля на всѣ стороны; было еще много меньшихъ пушекъ, вслѣдствіе чего мы не видѣли возможности взять эти замки силою, если бы они сами не сдались. Способъ взятія обоихъ замковъ былъ такой. Послано впередъ часть войскъ чтобы обложить замокъ; двѣ, говорю, тысячи казаковъ и тысячу польскихъ гусаръ. Въ то же время было послано письмо Сіятельнѣйшаго Князя [4]), писанное къ Москвѣ, которымъ онъ предлагалъ отдать ему пріятельски безъ боя государство. Нѣкоторые начальники градовъ сопротивлялись сильно этому, другіе же потихоньку соглашались. Народъ не колеблясь поцѣловавъ письмо Князя, такъ сильно и настойчиво домагался сдачи замковъ, что вызываетъ смятеніе нѣкоторыхъ начальниковъ бьетъ, ранитъ, хватаетъ, бросаетъ въ тюрьму, другихъ связанныхъ отправляетъ къ Князю, подъ конвоемъ изъ своей среды, которые присягаютъ повиновеніе.

„Такое начало перваго вступленія въ Москву, довольно святое, счастливое, хотя не обошлось безъ дракъ въ средѣ своихъ войскъ, но это бываетъ на каждый войнѣ, о чемъ доношу Вашему Величью (Reverentia Vestra). Но все это успокоилось и не мѣшаетъ дальнѣйшему походу въ Москву. Что же касается нашего войска, то оно отборное, и не малочисленное.

„Кромѣ тѣхъ трехъ тысячъ, о которыхъ, если не ошибаюсь, а уже писалъ Ва-

---

[1]) Донесеніе іезуита не грѣшитъ правдой: прибывъ въ послѣдній день октября подъ Морависко и простоявъ тамъ три дня, нельзя было 1 ноября занять Черниговъ. (*Примѣчаніе автора*)

[2]) Tormenta bellica grandiosa.

[3]) Aeneae fistulae minores.

[4]) Самозванца.

шему Величью, во время пути присоединилось къ намъ много казаковъ, такъ что нынѣ считается ихъ около трехъ тысячъ набранныхъ изъ тѣхъ городовъ и деревень, чрезъ которые мы проходили, нѣсколько же тысячъ ожидаемъ другихъ, именуемыхъ Запорожцами.

„Поджидаемъ тоже г. Галицкаго, г. Струся съ тысячею всадниковъ и князя Рожинскаго съ нѣсколькими стами людей, которые безъ сомнѣнія пойдутъ за Сіятельнымъ Воеводой,[1] что на словахъ обѣщали и подтвердили письменно. Ожидаемъ тоже московскихъ казаковъ — Донцевъ, которые, какъ говорятъ, уже идутъ навстрѣчу Князю.

„Двѣнадцатаго ноября прибыло еще девять тысячъ конницы т. е. донскихъ казаковъ. Эту помощь ожидали; теперь же она имѣется къ большой радости Великаго Князя. Кромѣ того, пришло еще четыре тысячи казаковъ запорожскихъ; да будетъ благословлено имя Господне, которое со всѣхъ сторонъ помогаетъ справедливымъ. О солдатахъ, какими располагаетъ Москва ничего не знаемъ, начальство же Черниговскаго замка утверждаетъ, что Годунъ (Борисъ Годуновъ) не собралъ еще войскъ, предполагая что хорошо укрѣпленнаго Чернигова нельзя будетъ взять. Правда ли, что говорятъ, не знаю. Вижу что наши относительно этого, сохраняютъ осторожность.

„Мы ежедневно служимъ литургіи и говоримъ въ праздничные дни проповѣди солдатамъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда идутъ поспѣшно, что часто случается, и мы трогаемся лишь тогда, когда здоровые пошли впередъ. Главнокомандующій князь (Magnificus D. Pallatinus)[2] исповѣдуется передъ Бернардиномъ, но объ насъ отечески заботится.

„Свѣтлѣйшій Князь часто милостиво съ нами заговариваетъ, прося, въ короткихъ словахъ, помолиться за него и за успѣхъ его дѣла, иногда требуетъ нашего благословенія, иногда здоровается съ нами и то безъ шутокъ во время пути всѣ сотники и многіе солдаты до вступленія въ границы Москвы очистили душу исповѣдью и укрѣпились св. причастіемъ, причемъ имъ дается общее прощеніе грѣховъ; другіе берутъ съ нихъ примѣръ и такимъ образомъ получается не малая польза въ пріобрѣтеніи для Рима душъ. Да будетъ благословлено имя Господне. Есть за что дѣйствительно Бога благодарить за это начало, разсчитывая на содѣйствіе Его впередъ, что Онъ дастъ хорошій оборотъ нашему дѣлу, и неустанно молить помощи Милостивѣйшаго Господа, ибо только по Его милости мы достигли того, что доселѣ совершилось, что не только мы, но и многіе солдаты признаютъ.

„Дня чрезъ два или три войска тронутся отсюда въ глубь Москвы, куда, какъ говорятъ, дорога проходитъ тридцать миль лѣсами къ Бѣлгороду (Bialingrod), да ведетъ насъ Господь и выведетъ. Много польскихъ солдатъ намѣревается остаться въ Харьковѣ, если Богъ дастъ хорошій исходъ дѣла. Мы же не упустимъ случая пріобрѣтенія душъ для Христа (т. е. Рима), хотя объ этомъ, какъ и другихъ намѣченныхъ серьезныхъ вопросахъ будетъ еще время подумать въ чемъ имѣемъ надежду. Пока же горячо прошу Ваше Величье имѣть меня въ памяти при совершеніи св. литургіи и въ Вашихъ молитвахъ.

Черниговъ 10[3]) ноября 1604.

(безъ подписи)

Независимо отъ этого донесенія, имѣется въ Ватиканѣ собственноручное, будто бы, письмо Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII, писанное по польски 20 апрѣля 1604 г.

Безграмотность этого письма, передѣланнаго изъ латинскаго оригинала въ средѣ

---

[1]) Мнишкомъ.

[2]) Мнишекъ.

[3]) Выше сказано, что 12 ноября прибыло 9000 казаковъ.

сливокъ тогдашняго польскаго общества—во дворцѣ князя Вишневецкаго или Мнишка,— руководителей самозванца. Составляло письмо, по всему вѣроятію, высшее духовенство, и письмо было лишь переписано Лжедимитріемъ, что еще разъ подтверждаетъ то, что въ Польшѣ не могло быть польской литературы даже въ XVII вѣкѣ.

Приводимъ это письмо съ сохраненіемъ правописанія оригинала, расположенія строкъ и переносовъ [1]).

Haṣwię *tsz* ybögosławÿony
wchrıstusıe oy*cz*e
Ktom iest ktorysie dȯ ẆṠ Pisac wa*z*e, o*z*a
ymi Prewiele bny Posel ẆS donaiasnıe ys*z*go
krola Polskıego ktoremumsie swoych Prigod
*z*wıeril, V*cz*ıekaiąc otyrana yuchod*z*ąc smıe
rcÿ od ktorey mie diwną o Patr*z*noscıą swą Pan
Bog ıes*zcz*e wd*z*ıecınstwÿe wybawil Pr*z*emıe
*sz*kalem naPred wsamem Panstwıe moskwiesk
iem mied*z*y c*z*ıerncamÿ doc*z*asu Pıewnıego Po
tym wgranıcach Polskych nePo*z*nany y*z*a
taiany Pr*z*ı s*z*edl c*z*as y*z*emsia osnaymyc
mu sel yPriswany bonaıasnıeys*z*go krolia
m
Polskıego, katolickıemusıa nabo*z*enstwu
S̄. koscila Rimskıego Pri Pa tru iąnc
naliaslem Zlasky Bo*z*ıey wiec*z*ne ylePsze kro
lewstwo ni *z*li to sktoregom *z*luPiony ıest
Bora d*z*ącsıe o dus*z*iswo ıey do*z*na lem wia
kÿm ÿ iako niebesPıec*z*nym o dsz czePıen
stwıe ÿ schismie Greckıego od ıednoscy
kos*z*ıelnoy odstemPtwa ws*z*y tko Panstwo
moskıewskye *z*ostaYe, ÿ iakonıePo
kalaną ystarowie c*z*ną nauke wiary kr*z*escy
anstıey ÿ aposztolsKıey Kosciola R*z*imskie
go Grekowıe *z*lıe udayą, y Pr*z*etom dotey
nauky y ie nosc*z*y Kosciołа Katotic*z*kηego
zserca z nie*z*aslu*z*oney łasky bo*z*ey Pr*z*istą
Pıle y*z*mocnyony *s*aKramenty Kosc*z*ıelnymy
stalem sie iu*z* naPodlıeys*z*ą owiec*z*ką || W.S̄,
iako Paster*z*a naywys*sz*ego ws*z*yskiego
kr*z*escianstwa Ac*z* taicsie mus*z*e c*z*ekaiąc
co *z*e m na Pan Bog uc*z*yny ktor*z*y mie stak [2])
lego ra*z*y wyswo Bo d*z*ył Mamwtymna
d*z*ıeie ys*z* mye na d*z*ıed*z*ıc*z*ne y starowiec*z*ne

---

[1]) Буквы *s* и *z* сочетаніе *sz*, напечатанное здѣсь курсивомъ, въ рукописи письма написаны готическимъ (нѣмецкимъ) начертаніемъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ сокращенное обращеніе *W̄S̄* написано славянскими буквами. Во всемъ остальномъ мы воспроизводимъ письмо Лжедимитрія по оригиналу.

[2])stak написано второй разъ въ слѣдующей строкѣ и зачеркнуто

y krwye czarew Moskyewskych namne sa
mego Przy Pada iące Panstwo Posadzy, będ
dzieli Boska wolia iego ktoreÿsye zuPel
nie oddanе Nie benszieły tez woliey swien
tey yupobodania iego ia mam natym do
sic zem Prawde Catolicka Poznal, y, S, kos
cziolem Bozim wziolem zbawienne ziedno
czenie ktoremie do wiecznego krolewstwa
Prziwiedzie, otworzilimi Pan Bog droge do
stolice mnie dzie dzictwem służącey awey
zrzi na moie sprawiedliwosc, Vniżęnie. y
Pokornie Proshe abysmie ZoPieky yPo
mocy swei niewipuszchał, Oycze wszyt
kych owiec christusowych, moze Przezmie
nyegodnego Pan Bög Wnawroce n yu ducz
blendnych yziednoczenyu WKosciol swoy
wielKich narodow chwale swoye rozszerzтc,
Kto wie na co mye tak zostawil ÿ doswego
kosciola Przy ga rnel yPrz łączil. Cału i ąs no
gi waszieη S iako christusa samego sPo
kornym yniskym Poklonem oddaie moie
Posluszenstwo yPod danstwo W,S, iako
naiwy ssze mu Pasterewi ÿ oÿcu wszytkiego
chrzstianstwa Cotaie mnie czinie y oza
taienie tego dla wielgich Prziczin Pokor
nie W,S, Prosze Dan skRrakowa
24 April(is) Roku, 1604
W.S,
naniszÿ Sluga

w
Dmitr ywanowycz Carewicz
welikieη Rusi yDziedizcz
Panstw monarchy moskiewkiey

Переводъ этого письма.

„Святѣйшій и блаженнѣйшій во Христѣ Отецъ!

„Кто я, дерзающій писать ВС., изъяснитъ ВПреподобный посолъ В. Ства при его Величествѣ королѣ польскомъ, которому я открылъ свои приключенія. Убѣгая отъ тирана и уходя отъ смерти, отъ которой еще въ дѣтствѣ избавилъ меня Господь Богъ дивнымъ своимъ промысломъ, я сначала проживалъ въ самомъ московскомъ государствѣ до извѣстнаго времени между чернецами, потомъ въ польскихъ предѣлахъ въ безвѣстіи и тайнѣ. Настало время, когда я долженъ былъ открыться. И когда я былъ призванъ къ польскому королю и присматривался къ католическому богослуженію, по обряду С. Римской церкви, я обрѣлъ, по Божьей благодати, вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, котораго я лишился.

„Радѣя о душѣ моей, я постигъ, въ какомъ и сколь опасномъ отдѣленіи и схизмѣ греческаго отъ церковнаго единенія отступничества находится все московское государ-

ство, и какъ греки позорятъ непорочное и древнѣйшее ученіе христіанской и апостольской вѣры римской церкви.

„А посему я чистосердечно, силою незаслуженной (мною) благодати Божіей, приступилъ къ этому ученію и единенію съ католическою церковью, и укрѣпленный церковными таинствами сталъ смиренною овцою ВС., какъ верховнаго пастыря всего христіанства.

„Хотя я долженъ скрываться въ чаяніи того, что со мною сдѣлаетъ Господь Богъ, избавившій меня отъ такой опасности, уповаю, однакоже, въ томъ, что онъ посадитъ меня на отчемъ, древнемъ и крови московскихъ царей царствѣ, переходящемъ ко мнѣ одному, если (на то) будетъ его Божья воля, коей я себя всецѣло поручаю.

„Но если не будетъ Его святой воли и благоволенія, достаточно мнѣ и того, что я позналъ католическую истину и принялъ спасительное возсоединеніе съ церковью Божьей, которое приведетъ меня къ вѣчному царствію.

„Буде же Господь Богъ откроетъ мнѣ путь въ столицу, принадлежащую мнѣ по наслѣдственному праву и воззритъ на мою правоту, я нижайше и покорно прошу, дабы ты, отецъ всѣхъ Христовыхъ овецъ, не оставилъ меня безъ твоего покровительства и помощи. Можетъ Господь Богъ мною недостойнымъ (рабомъ своимъ) расширить славу свою въ обращеніи заблудшихъ душъ и въ возсоединеніи въ свою церковь великихъ народовъ. Кто знаетъ, на что меня такъ сохранилъ, привелъ къ своей церкви и возсоединилъ (съ нею).

„Лобызаю ноги ВС., какъ самого Христа, и покорно и низменно преклоняясь, отдаю мое повиновеніе и подчиненіе В. С., какъ Верховному Пастырю и отцу всего христіанства. Дѣлаю это тайно и, въ силу важныхъ обстоятельствъ, покорно прошу ВС. сохранить это въ тайнѣ. Данъ изъ Кракова, 24 Апрѣля 1604 г. ВС. нижайшій слуга Дмитрій Ивановичъ Царевичъ Великой Руси и наслѣдникъ государствъ московской монархіи“.

Но такъ какъ папа по польски не понималъ, то съ мнимымъ подлиннымъ письмомъ самозванца былъ посланъ, подъ видомъ его перевода, латинскій оригиналъ.

Насколько этотъ мнимый латинскій переводъ отличается отъ польскаго „оригинала“, видно изъ прилагаемаго при семъ перевода съ латинскаго текста этого письма, который приводить здѣсь считаемъ излишнимъ.

Переводъ съ латинскаго текста.

„*Святѣйшій и блаженнѣйшій во Христѣ Отецъ!*

„*Кто я, дерзающій* моимъ письмомъ обезпокоить ВС., *изъяснитъ ВС. Высокопреподобный ВСтва при ЕВ. король польскомъ посолъ, которому я открылъ* причины возникновенія всѣхъ моихъ помысловъ. *Я избѣгнулъ* рукъ лютѣйшаго *тирана и ушелъ отъ смерти, отъ которой еще въ* самомъ теченіи моего *дѣтства избавилъ меня* Всемогущій *Богъ дивнымъ* и во истину необычнымъ *своимъ промысломъ*, направилъ въ эту страну подвластную ЕВ. королю польскому и сохранилъ донынѣ *въ безвѣстіи и тайнѣ.* Но *настало время, когда я долженъ былъ наконецъ открыться*, и предстать передъ ЕВ. королемъ. Когда явился я къ нему, и когда я прилежнѣе присмотрѣлся къ цвѣтущему состоянію католической вѣры по обряду С. Римской церкви, я постепенно сталъ прилагать свое сердце къ воспринятію и познанію ея, и *обрѣлъ*, наконецъ, сокровище цѣннѣйшее и *царство* много славнѣйшее и *лучшее чѣмъ то, котораго я лишился* великимъ нечестіемъ тирана.

И, усердно *радѣя о* спасеніи *души моей,* воочію *постигъ я*, въ какой вмѣстѣ со мной великой опасности находится все московское государство по причинѣ греческой схизмы, враждебной возсоединенію съ католической церковью, и сколь незаслуженно

позорятъ непорочное и древнѣйшее ученіе и вѣру католической и апостольской римской церкви греки, виновники и зачинщики схизмы.

„*А посему,* укрѣпленный духомъ, *силою* исключительной *благодати Божіей,* безъ всякаго промедленія *приступилъ я къ помянутому возсоединенію и римско-католической вѣрѣ и, укрѣпленный церковными таинствами, сталъ смиренною овцою ВСтва, какъ верховнаго пастыря всего христіанства.*

„Но въ силу моихъ обстоятельствъ я *долженъ еще доселѣ скрываться въ чаяніи того, что рѣшитъ обо мнѣ Богъ* всего міра, *избавившій меня отъ столькихъ опасностей* и сохранившій доселѣ. *Уповаю, однакоже,* на его Божью благость въ томъ, что послѣ столькихъ ниспосланныхъ мнѣ благодѣяній, *возстановитъ онъ на отчемъ царствѣ меня,* рожденнаго отъ славной и древней крови державнѣйшихъ московскихъ князей, *если на то будетъ его святая воля, коей я себя всецѣло поручаю.*

„*Но если* и не будетъ сіе Ему благоугодно *достаточно мнѣ* будетъ *и того даже, что я позналъ католическую истину* и приступилъ къ возсоединенію съ церковью Божіей, *которое* возможетъ *привести меня къ вѣчному царствію.*

„*Буде же* Всеблагій и Всемогущій *Богъ откроетъ мнѣ путь къ отчему моему престолу* и *воззритъ на мою* справедливость и *правоту,* всенижайше молю ВС. *не оставить меня безъ покровительства* и благоволенія. *Можетъ,* вѣдь, *Всемогущій Богъ мною недостойнымъ* (рабомъ своимъ) *расширить свою* божественную *славу въ обращеніи* къ истинѣ *заблудшихъ душъ* и *въ возсоединеніи* съ церковью столь великаго народа. *Кто знаетъ, на что* благоволилъ Онъ присоединить меня къ своей церкви?

„*Лобызаю ноги ВС., какъ Самого Христа и низменно преклоняясь,* возношу должное *повиновеніе и подчиненіе Верховному Пастырю* и *отцу всего христіанства.* Все сіе излагаю нынѣ пока въ тайнѣ и униженно *прошу ВС.* благоволить *сохранить сіе* до времени *въ тайнѣ.* Данъ въ Краковѣ 24 апрѣля въ годъ спасенія 1604. ВС. Нижайшій слуга Дмитрій Ивановичъ царевичъ Россіи и наслѣдникъ Московской Монархіи".

Выше было указано, что составляя народную письменность, поляки придерживались графики славянскихъ и чешскихъ буквъ и словъ, что весьма наглядно проявляется въ XVII вѣкѣ въ письмѣ Лжедимитрія, въ которомъ первое слово письма начинается русскимъ И, а не польскимъ, т. е. латинскимъ N; точки надъ ӱ отвѣчаютъ чешской графикѣ, что еще болѣе проявляется въ другихъ словахъ.

Сопоставляя латинскій текстъ съ польскимъ и самыя выраженія письма, становится очевиднымъ, что самозванецъ въ составленіи письма самъ не участвовалъ, а оно является плодомъ іезуитской фантазіи, подъ которой отъ имени Лжедимитрія могъ подписаться любой іезуитъ и увѣрить папу, что письмо написано и подписано самимъ самозванцемъ. Само собою разумѣется, что самозванцу необходимо было, для доказательства своего русскаго происхожденія составить легенду о переходѣ въ католицизмъ, безъ чего письмо къ папѣ не имѣло бы смысла... Никто при этомъ не обратилъ вниманія на то, откуда русскій князь, спасавшійся первоначально въ русскихъ монастыряхъ, а затѣмъ въ польскихъ предѣлахъ въ *безвѣстіи и тайнѣ,* могъ изучить польскую грамоту, весьма скудную въ этомъ государствѣ?

Со временъ самозванца и понынѣ Поляки не перестаютъ вносить, при посредствѣ своего духовенства, смуты въ Россіи, возстановляя народъ противъ монархической власти, чему болѣе всего способствуютъ благотворительныя общества, устраиваемыя въ Россіи при католическихъ костелахъ.

Послѣ Яна Казиміра былъ избранъ на польскій престолъ Михаилъ Корыбутъ-Вишневецкій, а послѣ его смерти въ 1673, шляхта избрала на польскій престолъ сына русскаго Царя Алексѣя Михайловича—Ѳедора. По этому поводу къ царю Алексѣю Михаиловичу была послана отъ поляковъ депутація, причемъ въ посланіи отъ 14 февраля 1674 г. сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Давно тѣ обои народы

языкомъ, нравы, строемъ себѣ подобны, въ вѣрѣ мало что разны, на единой сущи землѣ безъ раздѣленія моремъ, или великою трудностію границъ, между собою будучіе, при семъ имѣя сосѣдей отъ большія части общихъ, и пользы едины, могли бы быти стѣною непреодолимою Христіянству, силѣ бусурманской не точію страхованіемъ, но и пагубою, отъ всѣхъ сосѣдей и государей Христіанскихъ въ ненарушимомъ покоѣ, почтеніи и чести, тѣмъ паче если бы между собою не только покой, но и союзъ вѣчный учинили" [1]).

Царь Алексѣй Михайловичъ, не предвидя славы для своего сына въ связи съ разбойничьимъ народомъ, отклонилъ ходатайство поляковъ, которые избрали на престолъ свой Яна Собѣсскаго.

ГЛАВА V.

Несмотря на энергію Яна Собѣсскаго (1674—1696) Польша,вынужденная папой Иннокентіемъ XI къ постоянной борьбѣ съ турками, необходимо подпала бы въ царствованіе этого короля подъ ихъ власть, если бы ее не спасъ Петръ Великій. Познанскій воевода Гжимультовскій заключилъ въ Москвѣ 24 апрѣля 1686 года съ Россіей договоръ, по которому Польша навсегда отказывалась отъ притязаній на часть Малороссіи, расположенную по лѣвой сторонѣ Днѣпра, и по правой—отъ Кіева до рѣки Прѣсни, а также на Запорожье. Россія же обѣщала напасть на Крымъ, чтобы помѣшать татарамъ соединиться съ турками.

По смерти Собѣсскаго враждующія партіи выбрали 27 іюля 1697 года каждая своего короля.

Въ тотъ же день и въ томъ же костелѣ св. Яна сперва архіепископъ-примасъ со своею партіей пѣлъ Te deum laudamus по поводу избранія въ короли французскаго герцога де-Конти; за нимъ епископъ куявскій со своею партіей продѣлалъ тоже по случаю избранія курфюрста Саксонскаго. Обѣ партіи отправили пословъ, приглашая своихъ избранниковъ къ принятію польскаго трона. Фридрихъ-Августъ находился ближе, чѣмъ де-Конти, и пріѣхалъ первымъ; но ему пришлось заплатить крупную сумму архіепископу-примасу, чтобы тотъ согласился его короновать.

Тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, Августъ II отправился въ походъ противъ турокъ, съ цѣлью отобрать отъ нихъ Каменецъ-Подольскій; но, послѣ первыхъ же стычекъ, поляки стали ссориться между собою, а ихъ предводители доходили даже до драки [2]); все это заставило короля подумать о возвращеніи; но взятіе Петромъ Великимъ Азова принудило султана заключить съ поляками миръ, по которому Каменецъ перешелъ къ Польшѣ. Тогда поляки обратили свое оружіе противъ шведовъ; Карлъ XII не только разбилъ на голову ихъ армію, но свергнулъ съ престола Августа, посадивъ на его мѣсто Станислава Лещинскаго, который былъ коронованъ 4 сентября 1705 года.

Но когда Петръ Великій разбилъ шведовъ, а Карлъ XII бѣжалъ въ Турцію, то партія Августа II снова посадила его на польскій престолъ. Это не возстановило, однако, порядка и спокойствія въ Польшѣ; за отсутствіемъ внѣшняго врага, въ ней велась внутренняя война между войсками польскимъ и саксонскимъ, расположеннымъ въ Рѣчи Посполитой; вслѣдствіе этого сформировалась Тарноградская конфедерація.

---

[1]) Это посланіе, представленное царю Алексѣю Михайловичу по случаю избранія царевича Ѳедора Алексѣевича королемъ польскимъ, помѣщено въ Собраніи законовъ, Т. I, подъ № 569.

[2]) „Гетмановичъ Потоцкій, староста Краснославскій, до того разсорился съ Пжебендовскимъ, въ то время воеводой Маріенбургскимъ, что пьяный въ гнѣвѣ грозилъ ему обухомъ, ударилъ его по лицу и билъ кулаками, такъ что тотъ убѣжалъ въ королевскую палатку". Historya T. Wagi. стр. 486.

Нѣсколько разъ собирались сеймы для усмиренія разбойничьихъ инстинктовъ польской шляхты, но все это было напрасно, пока въ дѣло не вмѣшался Петръ Великій; свиданіе его въ Данцигѣ въ 1716 году съ Августомъ измѣнило ходъ событій. По распоряженію Петра, въ присутсвіи его посла, князя Григорія Долгорукаго, созванъ былъ въ 1717 г. въ Варшавѣ сеймъ, продолжавшійся лишь семь часовъ и названный, вслѣдствіе недопущенія какой бы то ни было оппозиціи,—*нѣмымъ*.

На этомъ сеймѣ было постановлено, чтобы Рѣчь Посполитая имѣла постоянное регулярное войско въ числѣ не болѣе 18 тысячъ поляковъ и 6 тысячъ литовцевъ; условіемъ ставилась аккуратная выдача войску жалованья его, для чего были указаны надежные источники доходовъ. Всѣ частныя вооруженныя партіи или конфедераціи, грабившія и опустошавшія страну, были воспрещены. Саксонскому войску велѣно было возвратиться домой, часть же русскаго войска была оставлена въ Польшѣ для водворенія спокойствія.

Но, къ сожалѣнію, духъ разрушенія, царствовавшій въ Польшѣ, нашелъ исходъ и въ этомъ благоразумномъ постановленіи *нѣмого сейма*! Августъ II позволилъ краковскому епископу Феліціану Шанявскому, въ награду за его воздѣйствіе на шляхту къ тому, чтобы она спокойно вела себя на сеймѣ, уменьшить *права и неприкосновенность иновѣрцевъ*, которыхъ не переставала преслѣдовать одна Польша, тогда какъ во всей Европѣ это преслѣдованіе было или значительно ослаблено, или прекращено [1]). Въ силу подобной нетерпимости духовенства, въ слѣдующемъ 1718 году на гродненскомъ сеймѣ *паны* не дали мѣста велунскому депутату по той причинѣ, что онъ былъ *диссидентомъ* (а нынѣ поляки домогаются отъ Россіи и Германіи уравненія въ, правахъ съ русскими и нѣмцами). Въ Торнѣ студенты-іезуиты напали на лютеранъ которые, въ отместку, разрушили ихъ коллегію и монастырь.

По этому случаю назначенъ былъ судъ, въ составъ котораго вошли одни католики; онъ постановилъ казнить ни въ чемъ неповиннаго бургомистра Резнера, защитника короля Августа во время шведской войны. Приговоръ этотъ былъ исполненъ, несмотря на ходатайство за Резнера со стороны Петра Великаго, совѣтовавшаго при этомъ полякамъ не унижать своей народности въ глазахъ Европы подобнымъ преступленіемъ.

Въ Украйнѣ, по правой сторонѣ Днѣпра, пока во главѣ Хвастовскаго полка былъ Палей, поляки боялись обижать народъ, но затѣмъ они безнаказанно порабощали казаковъ и насильно присоединяли ихъ къ уніи. Тысячи русскаго народа бѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра и въ Запорожье. Города были сожжены, села обратились въ пустыри, торговля перешла въ руки евреевъ, просвѣщеніе упало [2])

Изученіе скверной латыни или зазубриваніе уснащенныхъ латинскими макаронизмами сентенцій исключительно занимали порабощенные схоластикой и предразсудками умы и препятствовали познанію истинной правды и настоящей науки. Пока король жилъ, Польша въ тишинѣ, забытая болѣе отдаленными государствами, пользовалась покоемъ: шляхта убивала время въ пьянствѣ и обжорствѣ; остальныя сословія въ уничиженіи своемъ терпѣливо переносили шляхетскія насилія, ибо при мягкости характера народа и при всеобщемъ притупленіи чувствительности они не казались не-

---

[1]) „Диссиденты подвергались всевозможнымъ ограниченіямъ, „совна умножились наѣзды и безправіе, какъ это было почти въ цѣлой Европѣ въ *средніе вѣка*, в XII или XIII столѣтіи“ См. Bobrzyński. Dzieje. T. 2, стр. 496.

[2]) „Почти совершенно погибли науки въ Польшѣ; *чѣмъ кто-либо оказывался ревностнѣе въ преслѣдованіи иновѣрцевъ, тѣмъ ученѣе и способнѣе считало его духовенство*; кромѣ богословія всѣ остальные науки были заброшены“. Bobrzyński. Dzieje. T. 2, стр. 502. Упавшее просвѣщенія перешло по преимуществу въ іезуитскія руки. Hist. Wagi. , стр. 355.

переносимыми. Почти каждый сеймъ былъ *срываемъ* пьянымъ крикомъ „не позволяю (veto)“.

Между тѣмъ какъ Польша близилась къ паденію, сосѣднія съ нею государства крѣпли и росли: курфюрстъ Бранденбургскій (прежній вассалъ Польши) принялъ титулъ короля Прусскаго, Петръ Великій—императора Всероссійскаго. Петръ искренно хотѣлъ спасти Польшу отъ внутренняго разлада, подтачивавшаго ея организмъ. Въ виду того, что она не съумѣла воспользоваться его установленіями на *нѣмомъ* сеймѣ 1717 года, яснымъ становилось, что Польшу можетъ успокоить лишь вмѣшательство сосѣднихъ державъ.

Поучительна (но не для поляковъ) исторія этихъ двухъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ: въ то именно время, когда Петръ Великій геніальною сильною рукой насаждалъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и государственности, въ это именно время свободная шляхетская Польша погружалась во мракъ средневѣкового варварства. Во всей Европѣ установилось о народѣ польскомъ то мнѣніе, что онъ находится въ томъ періодѣ дѣтства и на той ступени варварской дикости и невѣжества, какія переживала вся Европа въ средніе вѣка.

Въ такомъ состояніи варварства и невѣжества оставались поляки вплоть до VIII в.

Вотъ что писалъ объ этомъ народѣ жившій въ концѣ XVIII-го вѣка въ Варшавѣ иностранецъ Шульцъ [1]): „Помимо эгоизма, самомнѣнія, деспотизма, посторонняго вмѣшательства въ государственныя дѣла, условіями, дѣлающими польскіе сеймы бурными, но безсильными, являются еще *невѣжество* и *легкомысліе*. Двѣ трети земскихъ пословъ отличаются *недостаткомъ просвѣщенности*, и чѣмъ неотесаннѣе эти представители народа, тѣмъ они упрямѣе и злѣе; причинъ же своего упрямства они не могутъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ словами: *„да я не хочу“*. На подобныхъ людей дѣйствуетъ по преимуществу первое впечатлѣніе, повліявшее на ихъ небогатый запасъ мысли—или самомнѣніе и гордость; въ силу этого главари партій, разъ склонивъ ихъ на свою сторону, могли вполнѣ на нихъ разсчитывать.

„Не менѣе вредило полякамъ ихъ легкомысліе. Вихрь увеселеній, сопровождавшихъ сеймы, увлекалъ пословъ, отнимая у нихъ болѣе всего времени. Тѣ изъ народныхъ псевдо-трибуновъ, которые, въ виду младости лѣтъ, не могли играть видной роли на сеймахъ,—не находили никакого удовольствія въ работѣ, не льстившей ихъ самолюбію; зрѣлые же и болѣе разумные люди, желавшіе работать, падали подъ тяжестью труда и съ ужасомъ бросали его на руки адвокатамъ, аббатамъ и другимъ, такъ называемымъ, *специалистамъ*, преслѣдовавшимъ однѣ лишь корыстныя цѣли. Такимъ-то образомъ какъ будто что-то дѣлалось!

„Не говоримъ уже о іезуитахъ и объ ихъ ультрамонтанской системѣ; умолчимъ о вліяніи, которымъ пользовались эти вампиры общественнаго и государственнаго строя; кто нынѣ не знаетъ ихъ исторіи? Даже сами поляки въ достаточной мѣрѣ оцѣнили достоинство *Societatis Iesu*. Вообразите себѣ въ этомъ хаосѣ отцовъ іезуитовъ, съ энергіей всюду проникающихъ и ловящихъ рыбу въ мутной водѣ,—и вы получите нѣкоторое понятіе о дѣйствительномъ положеніи Польши. Если же полякъ и нынѣ еще мечтаетъ о реализаціи своихъ плановъ возстановленія *ойчизны*, то читатель, вѣроятно, лишь улыбнется, въ дѣйствительности же пожалѣетъ этихъ безумцевъ.

„Взглянемъ на *дѣятельность* поляка. Вотъ всѣ депутаты, приглашенные и неприглашенные *паны-братья* собрались на сеймъ обсудить нетерпящія отлагательства вопросы. Читатель полагаетъ, что они разсѣлись, по образцу англичанъ, и ведутъ разумныя пренія часовъ до семи? Нѣтъ ничего подобнаго! Въ сеймовомъ залѣ вы ви-

---

[3]) См. „Reise eines Livländers von Riga nach Warschau durch Südpreussen über Breslau nach Boren in Tirol. Berlin. 1795.

дите три четверти присутствующихъ пьяными, а одну—подъ хмѣлькомъ; въ одномъ углу идетъ споръ о томъ, кто добрѣе, при чемъ спорящіе разчувствовались и отираютъ слезы; въ другомъ—дѣло дошло до сабли, въ третьемъ—спятъ сномъ праведныхъ. Спорящіе постепенно приходятъ въ экстазъ. Наконецъ, крики доходятъ до неприличія, и предсѣдательствующій на сеймѣ видитъ себя вынужденнымъ закрыть засѣданіе. Спящихъ будятъ, и всѣ вмѣстѣ покидаютъ собраніе. Каждый хвастаетъ, что больше всѣхъ сдѣлалъ. Затѣмъ наступаютъ торжества и безконечное пьянство; въ это время ловкіе главари партіи вербуютъ себѣ сторонниковъ".

Тѣ же черты чванства сохранились и въ нынѣшнемъ поколѣніи. Современные поляки постоянно хвастаютъ не только своею просвѣщенностью, но и цивилизаціей своихъ предковъ, полагая, что эта безсмысленная болтовня вполнѣ замѣняетъ цивилизацію.

Въ „Исторіи славянскихъ литературъ" Пыпина и Спасовича (Т. II, стр. 525) вотъ что говорится объ образованности поляковъ: „Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы въ отношеніи внутренняго ея содержанія, *при необыкновенной ея плодовитости и тщательномъ, повидимому, воздѣлываніи* ея обществомъ. Духъ критики, старинный врагъ авторитета, былъ побитъ, подавленъ, держимъ на возжахъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную, ни на что непригодную ученость: на этомъ полѣ могли произростать и успѣвать однѣ только посредственности. Литература, отучившись заниматься общественными вопросами, перестала быть дѣломъ серьезнымъ, превратилась для иныхъ въ ремесло, для другихъ—въ забаву, въ роскошь, въ игрушку. Чѣмъ *безплоднѣе* становилась литература, тѣмъ болѣе она пресыщалась педантизмомъ, тѣмъ недоступнѣе она становилась для массы и *тѣмъ большую важность придавали ей умники того вѣка*, какъ средству похвастать своею ученостью, озадачить умѣніемъ говорить много о пустякахъ и разсмѣшить неожиданными concetti, забавными сопоставленіями миѳологіи и исторіи съ происшествіями жизни обыденной".

Ѳома Каэтанъ Венгерскій (1755—1787), извѣстный польскій писатель, считалъ Польшу до того варварскою и темною, что стремился уйти изъ нея во Францію или Швейцарію, что и высказалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій; видя невозможность осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній, онъ восклицаетъ: „Куда ты меня увлекаешь, мысль моя неспокойная! надобно остаться въ отечествѣ въ числѣ несчастныхъ, среди варваровъ, едва выдвигающихся изъ тьмы, и стонать подъ ярмомъ грубѣйшихъ предразсудковъ". [1]).

Адамъ Нарушевичъ (1733—1796) такъ представляетъ польское высшее общество того времени: „нищета прикрывается парчей, дураки понавѣшали бѣлыя философскія бороды, женщины скачутъ верхомъ, а всякій мужчина глядитъ бабой: сердце—пасъ, выдержки мало, безсильны мысль и руки. Старики превратились въ дикихъ панталоновъ, молокососы—въ арлекиновъ съ лисьими хвостами. Вакховы ягоды рдѣютъ на щекахъ у священниковъ, носы стали точно гроздья, животы—точно колоды. Легкомысліе, спѣсь и корысть затѣяли непрерывный балъ. Полякъ скачетъ на одной ногѣ подъ

---

[1]) Ale gdzie mnie uwodzisz obłędliwe myśli!
Próżno sobie mój umyst obraz szczęścia kryśli,
Trzeba zostać w ojczyznie, w liczbie nieszczęśliwych...
Chwalić wartych nagany, przed podlemi klękać,
Pod jarzmem najgtębszego upzedzenia stękać,
Widzieć codzień nieukow mędrcami nazwanych,
I bzdurzących o cnocie za cnotliwych mianych...
Nie sądźcie że jesteście blizcy oswiecenia;
Łedwie się z barbarzyństwa dobywacie cienia.

музыку иностранцевъ. Не надо искать въ Гомеровыхъ сказкахъ Цирцеи, которая людей превращала въ безсловесныхъ,—хочешь ли видѣть подборъ всевозможныхъ животныхъ? Пройдись по ратушамъ, по благочестивымъ монастырямъ, посѣти судебныя и присутственныя мѣста: подъ собольими шапками и подъ рясами ты узришь чудеса; кричи, преклонивъ колѣна: „волы, ослы и всякій скотъ, хвалите Господа“ [1]).

Во время 36-лѣтняго царствованія нѣмца, Августа II, Польша вовсе утратила свои древнеславянскія качества: искренность, гостепріимство и простоту; потеряла она и свое значеніе и славу. Сосѣди лишь потому только не раздѣлили ее тогда между собой, что не сговорились еще, что кому достанется.

Современная Турція находится въ томъ же состояніи, въ какомъ была Польша до раздѣла; та же анархія, рѣзня и преслѣдованія иновѣрцевъ безъ сомнѣнія готовятъ Турціи судьбу поляковъ.

По смерти Августа въ Польшѣ снова образовались двѣ партіи, старавшіяся возвести на престолъ своихъ кандидатовъ: одна, подъ предводительствомъ архіепископа-примаса Потоцкаго, поддерживала изгнаннаго прежде Станислава Лещинскаго; вторая, съ литовскимъ канцлеромъ Михаиломъ Вишневецкимъ во главѣ,—выдвигала Августа III, сына умершаго короля. Для усиленія своей партіи Вишневецкій обратился къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ просьбой прислать въ Польшу русское войско, которое и вступило подъ начальствомъ Ласси въ Литву въ день открытія избирательнаго сейма. Независимо отъ того, австрійскій императоръ Максимиліанъ также поддерживалъ кандидатуру Августа III.

Въ данномъ случаѣ сосѣднія государства не могли не вмѣшаться въ избраніе короля въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что сами поляки просили этого. Польша была мятежнымъ и безпокойнымъ народомъ, затѣвавшимъ постоянныя ссоры съ сосѣдними народами, поэтому сосѣдямъ ея было весьма важно, кто будетъ сидѣть на польскомъ тронѣ —другъ или недругъ.

Когда епископъ 29 августа *самовольно* объявилъ королемъ Станислава Лещинскаго, канцлеръ Вишневецкій съ двумя воеводствами и многочисленными сторонниками оставилъ сеймовую площадь (Волю), перешелъ на правый берегъ Вислы и, уничтоживъ мостъ, утвердился на Прагѣ. Партія епископа преслѣдовала его и начала сраженіе въ увѣренности въ побѣдѣ, тѣмъ болѣе, что Станиславъ Лещинскій, переодѣтый купцомъ, прибылъ въ Варшаву. Но русское войско подошло къ Вислѣ, и Ласси занялъ Варшаву. Лещинскій съ епископомъ бѣжали за границу. Черезъ четыре дня епископъ познанскій Гозій объявилъ королемъ Августа III.

Этого одного факта достаточно, чтобы убѣдиться, что всѣ смуты, междоусобицы и возстанія въ Польшѣ вызываемы были римскимъ духовенствомъ, стремящимся и понынѣ къ политическому вліянію и управленію страной.

Въ началѣ іюня 1736 г. собрался въ Варшавѣ *пацификаціонный сеймъ*, окончившійся 9 іюня. Въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Августа III это былъ единственный сеймъ, постановленія коего не были отмѣнены возгласомъ „veto“. Такъ благополучно окончился онъ потому, что никто не противился постановленію: *преслѣдовать иновѣрцевъ, т. е. удалить ихъ со всѣхъ общественныхъ должностей; не допускать депутатовъ-диссидентовъ на сеймы и воспретить имъ подъ угрозой смерти жаловаться сосѣднимъ державамъ.*

Быстрыми шагами приближалась Польша къ паденію; въ царствованіе Августа III не было тамъ ни постоянныхъ высшихъ судовъ, ни порядка, ни дисциплины. Знатные польскіе роды вели между собою войны, какъ это практиковалось въ XI или XII вѣ-

[1]) Bobrzyński. Dzieje. T. 2, стр. 515. Нарушевичъ въ предисловіи исторіи, поднесенной королю, говоритъ: „Трудно льстить себѣ В. В-ство. Никогда не были мы народомъ систематически управляемымъ—значитъ и счастливымъ“, A. Naruszewicz. Hist. nar. Polsk. T. 7—предисл. стр. 8.

кахъ. Безпорядокъ, безначаліе были повсемѣстны. Польшу этого времени справедливо сравнивали съ постоялымъ дворомъ, гдѣ каждый поступалъ, какъ ему вздумается.

Послѣ смерти Августа III (1763 г.) власть попала въ руки семьи Чарторыйскихъ. Деревенская шляхта стала собираться на сеймики и, постановивъ, что необходимо принять всѣ мѣры къ освобожденію отъ волчанъ, образовала изъ своей молодежи конные отряды, оберегавшіе жителей деревень и городовъ отъ произвола волчанъ. Разъ волчанинъ попадалъ въ руки этихъ „конныхъ патрулей"—его немедленно вѣшали; отряды же волчанъ вырубались саблями; вслѣдствіе этого, въ теченіе мѣсяца, оставшіеся въ живыхъ волчане бѣжали въ Пруссію и Австрію.

Кромѣ того, деревенская шляхта, рѣшила въ томъ же 1763 году организовать постоянную, т. е. регулярную армію въ виду того, что у Австріи и Пруссіи имѣется въ совокупности полъ-милліона постояннаго войска, у Россіи почти столько же. Эту армію рѣшено было не довѣрять Чарторыйскимъ, желавшимъ править въ Польшѣ, ибо они сдѣлали бы изъ этой арміи новыхъ волчанъ.

Одновременно съ этимъ, въ виду того, что Чарторыйскіе сговариваются съ послами Австріи и Пруссіи относительно польскаго престола, шляхта, тайно отъ этихъ олигарховъ, отправила своихъ депутатовъ въ Варшаву къ единственному защитнику Польши, русскому послу, князю Рѣпнину-Оболенскому; депутаты заявили ему, что *шляхта желаетъ, дабы правленіе находилось въ рукѣ одного короля, а не нѣсколькихъ десятковъ корольковъ*; что поэтому она проситъ славянское русское правительство не позволять епископамъ и олигархамъ захватывать власть и не разрѣшать имъ самовольно избирать въ короли Лехіи и Литвы какого-нибудь нѣмца, т. е. австріака, бранденбургца или Чарторыйскаго, который, будучи королемъ Польши, управлялъ бы ею посаксонски". При этомъ депутація деревенской шляхты просила кн. Рѣпнина повліять, чтобы королемъ не оказался *іезуитъ куріи италіанцевъ и австрійцевъ*, но истинный славянинъ по роду и племени; въ заключеніе депутаты заявили, что возлагаютъ на князя Рѣпнина-Оболенскаго надежду въ томъ, что *онъ не подвергнетъ членовъ депутаціи деревенской шляхты мести со стороны враговъ, т. е. чужеземныхъ наемниковъ—олигарховъ*. Князь Оболенскій любезно принялъ депутацію и торжественно не только обѣщалъ, что умолчитъ передъ прусскимъ и австрійскимъ послами и олигархами о делегаціи Польши и Литвы къ русскому правительству, но и заявилъ, что русское правительство будетъ защищать шляхту, хотя бы и съ оружіемъ въ рукахъ, противъ заговора Чарторыйскаго съ епископами римской куріи, съ послами Пруссіи и Австріи, единомышленниковъ куріи итальянцевъ [1]).

Совершенно естественно, что обо всемъ этомъ умалчиваютъ клерикальные историки, сообщники которыхъ нѣкогда довели Польшу до того, что она не могла существовать безъ уніи съ Литвой, а теперь до того, что безъ союза съ Россіей она не могла спастись отъ прусскаго и австрійскаго германизма. Замѣтимъ, что римская курія совмѣстно съ Габсбургами и Гогенцоллернами весьма недружелюбно отнеслась къ этой уніи и назвала ея сторонниковъ *„измѣнниками римской куріи"*, какъ будто они обманывали чье-либо довѣрія, ибо нельзя быть измѣнникомъ безъ измѣны довѣрію.

Куріально-іезуитско-олигархическая республика была аномаліей и пародіей республиканскаго начала, поэтому шляхта рѣшила во что бы то ни стало освободить Польшу и Литву отъ всякаго куріальнаго воздѣйствія, инквизиціи и іезуитизма путемъ согласія и союза леховъ и литовцевъ съ руссами. Тогдашніе сторонники саксовъ: корольки, т. е. епископы, олигархи, монахи, духовные и свѣтскіе куріальные іезуиты, какъ наемники куріи и острейхеровъ и ихъ сателлиты, узнавъ о депутаціи „къ послу

---

[1]) Семейная хроника Петра изъ Петриковицъ, герба Радванъ.

московскаго правительства", всѣ хоромъ завопили, что *это измѣна по отношенію къ Церкви*

„Но, господа магнаты епископы, потомки истинныхъ измѣнниковъ славянства", отвѣчала на это деревенская шляхта: „вы полагаете, что всѣ мы—стадо барановъ и овецъ, нуждающихся въ вашемъ руководствѣ, навращеніи, совращеніи и отвращеніи, на потѣху итальянцамъ и австрійцамъ; нѣтъ у васъ ни логики, ни совѣсти, ибо измѣнникъ тотъ только, кто измѣняетъ довѣрію; италіанская же курія не могла никогда питать *никакого довѣрія къ славянамъ*; поэтому не только дѣды наши, т. е. однодеревенская шляхта, но и вообще славяне не могутъ быть измѣнниками ихъ довѣрія. Смѣшнымъ и шутовскимъ считаемъ мы названіе измѣны, придаваемое отсутствію у насъ слѣпой вѣры и недовѣрія къ святости и непогрѣшимости римской куріи. Стремленіе доказать, будто вышеупомянутая депутація къ славянскому послу является измѣной чьему бы то ни было довѣрію, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики,—это безсмыслица, ибо депутація шляхты обращалась не къ *иностранцамъ*, но къ братьямъ славянамъ, подобно тому, какъ аѳиняне и спартанцы просили гегемоніи македонянъ въ борьбѣ противъ персовъ и римлянъ". Смѣшные и наивные куріальные духовные и свѣтскіе іезуиты еще въ 1763 году угрожали *стихотворными проклятіями* этимъ мнимымъ измѣнникамъ какого-то довѣрія римской куріи и проклинали славянъ руссовъ *за нежеланіе давать деньги въ пользу ихъ общества*. Громадное большинство деревенской славянской шляхты было по отношенію къ римской куріи непрестанно воинствующимъ христіанствомъ.

Поистинѣ точно сумасшедшіе, ошалѣвшіе отъ злости, были всѣ іезуиты въ 1763 г., узнавъ, по слухамъ, объ упомянутой депутаціи къ правительству, не *только не желавшему давать денегъ для куріи италіанцевъ*, но даже не желавшаго никакихъ съ нею конкордатовъ. Зато ни упомянутые выше измѣнники славянства: Войтѣхъ Славниковичъ изъ Либицы, епископъ магдебургскій, ни епископъ Станиславъ Магнусъ, прозванный „Щепановскимъ изъ Щепанова", ни епископъ Збигневъ изъ Олесницы, ни его секретарь іезуитъ Длугошъ, ни іезуиты Гозенъ, прозванный Гозіемъ, или Петръ Скарга, ни нынѣшніе іезуиты-миряне—никто изъ нихъ не сумѣлъ бы такъ декламировать, скорбѣть, жаловаться, пaрекать и проклинать, какъ дѣлали это въ 1763 г. куріальные іезуиты, узнавши о вышеупомянутой депутаціи, посланной не въ Римъ, не въ Вѣну, не въ Берлинъ, не въ Константинополь, наконецъ, но, о ужасъ,—къ славянскому правительству.

По мнѣнію тогдашнихъ и нынѣшнихъ іезуитовъ, монашествующихъ и свѣтскихъ, дѣйствующихъ заодно съ римскою куріей, братанье съ австрійцами, саксонцами, пруссаками и турками, орудованіе съ ними противъ братьевъ славянъ русскихъ, не было измѣной славянству; но обращеніе къ славянамъ же за помощью противъ иноземцевъ и ихъ куріальныхъ агентовъ—это измѣна по отношенію къ олигархамъ или наемникамъ.

Но и этого недостаточно. Въ 1763 году не было ни одного разумнаго шляхтича, который не зналъ бы, что австрійцы и пруссаки уже приготовлены къ дальнѣйшему *Drang nach Osten*, т. е. къ подчиненію германизаціи южныхъ и западныхъ областей беззащитной Лехіи; сознавали лучшіе представители шляхты и то, что согласіе и союзъ съ русскими является для поляковъ единственнымъ средствомъ спасенія отъ германизаціи, и что добровольное признаніе ими братской славянской гегемоніи представляетъ собою единственное средство спасти Польшу отъ поглощенія ея нѣмцами. Несмотря на все это, іезуиты, духовные и штатскіе, т. е. олигархи, со стоявшими во главѣ правительства Чарторыйскими, не желали прекращать шашней съ римскимъ политическимъ агентствомъ, сговорившемся съ нѣмцами; все это потому, что эти лица были связаны съ куріей тайными письменными соглашеніями; они должны были ихъ выполнить подъ

угрозой обнародованія продажности ихъ предковъ и ихъ самихъ. Опасаясь навлечь на имена свои и своихъ предковъ всеобщее презрѣніе за продажное довѣріе къ римской куріи и за не менѣе корыстную пропаганду этого довѣрія,—олигархи, ставъ рабами куріи, и слышать не хотѣли о согласіи и союзѣ съ „проклятымъ“ и „схизматическимъ“ русскимъ правительствомъ. Въ 1763 году была найдена пачка неподписанныхъ писемъ, писанныхъ, по общему убѣжденію шляхты, Фридрихомъ Чарторыйскимъ къ своему брату. Вотъ отрывокъ одного изъ этихъ писемъ:

„Шляхта ищетъ покровительства русскаго посла, утверждая, что она предпочитаетъ русскую гегемонію прусской или австрійской! Она права; но что тогда будетъ съ нами, т. е. съ родомъ нашимъ? Если бы не проклятыя письма нашего рода, находящіяся въ рукахъ ватиканцевъ, свидѣтельствующія присягу на вѣрность имъ и ихъ политикѣ за полученныя когда-то милости,—я охотно вернулся бы къ греческой Церкви. Положимъ, что она не лучше римской, но къ ней принадлежалъ нѣкогда нашъ родъ, и мы создали бы союзъ Лехіи и Литвы съ руссами. Но эти декларацiи, т. е. письменныя присяги, находящіяся въ рукахъ ватиканцевъ, задерживаютъ все и дѣлаютъ насъ рабами куріи италіанцевъ изъ опасенія, чтобы она не отомстила намъ разоблаченіями: *наши предки были подкуплены ею за то, что прикидывались вѣрующими въ Римъ и проповѣдовали эту вѣру въ Лехіи, на Литвѣ и на Русяхъ.* Охотно далъ бы я сто тысячъ дукатовъ и больше за эти расписки нашихъ предковъ, но всѣ мои старанія оказываются безплодными. *Вотъ почему мы вынуждены быть слугами епископовъ куріи италійцевъ* и выполнять конкордаты съ куріей, *хотя бы отдавая всю страну австріакамъ* [1].“

Совершенно естественно, что все это не было по сіе время опубликовано, хотя надлежало бы открыть правду для убѣжденія и оправданія взглядовъ въ пользу славянства.

Вышеупомянутая депутація деревенской шляхты къ русскому послу, кн. Рѣпнину Оболенскому, въ 1763 г. была для епископовъ и іезуитовъ доводомъ симпатій польскаго народа къ русскимъ въ противовѣсъ симпатіямъ олигарховъ къ куріализму и нѣмцамъ. Епископы и іезуиты и всѣ имъ подобные куріальные дѣятели опасались, какъ бы эта симпатія деревенской польской и литовской шляхты къ славянамъ не распространилась и не стала бы причиной соглашенія и союза со „схизматиками.“ Поэтому они предприняли политику противодѣйствія, т. е. стали произносить съ амвона слова непримиримой ненависти къ русскому правительству и вообще ко всѣмъ русскимъ, называя ихъ: „проклятыми схизматиками“, дисуніатами, еретиками, единственными врагами поляковъ и литовцевъ; нѣмцевъ же—друзьями Литвы и Польши. Чтобы окончательно ошеломить слушателей, съ амвона заявлялось, что „русскіе вовсе не славяне, но монголы, татары, бусурманы, враги славянъ“ и т. п. ложныя предположенія и несообразности. „Кто дружитъ съ русскими—твердили съ амвона,—тотъ измѣнникъ римской куріи; *кто же ихъ ненавидитъ, тотъ святой, благословенный католикъ римской Церкви*“. Однимъ словомъ куріалисты дѣлали 1763 годъ эпохой въ дѣлѣ пропаганды ненависти славянъ къ славянамъ, братьевъ къ братьямъ, дабы они не соединились противъ общаго врага.

Фридрихъ Чарторыйскій, пользуясь столь измѣнническою, антиславянскою, антипатріотичною и антихристіанскою проповѣдью ненависти, старался захватить польскій тронъ въ свои руки. Пользуясь своимъ положеніемъ предсѣдателя епископско-примасовскаго правительства въ Варшавѣ, Фридрихъ Чарторыйскій стремился всѣми силами соединить королевскій титулъ, если не со своимъ именемъ, то по крайней мѣрѣ съ родомъ Чарторыйскихъ, которому онъ хотѣлъ придать характеръ династіи. Несмотря на ненависть шляхты къ саксонцамъ Флемингамъ [2]), Брюлямъ и породнившимся съ

---

[1]) Kronika domowa Piotra z Patrykowicz (Петрашевскаго).

[2]) Чарторыйскій былъ женатъ на Флемингъ.

ними олигархамъ, онъ подготовлялъ исподтишка государственный переворотъ и собирался провозгласить себя королемъ, не созывая на сеймъ деревенскую шляхту, которая никогда не согласилась бы отдать ему корону.

Обращался Чарторыйскій за содѣйствіемъ и къ французскому правительству, но французскій посолъ въ Варшавѣ заявилъ ему, что, *„насколько, ему извѣстно его имя дискредитировано“*. То же отвѣтилъ ему и посолъ англійскаго парламента. Тогда Чарторыйскій вошелъ въ переговоры черезъ пословъ съ турками, австрійцами и пруссаками. Напрасно Рѣпнинъ предлагалъ ему заключить вѣчный союзъ съ Россіей противъ нѣмцевъ и турокъ, обѣщая за это содѣйствіе Польшѣ въ борьбѣ съ Австріей и Пруссіей. Фридрихъ Чарторыйскій, *какъ іезуитъ самымъ наглымъ образомъ отъ имени всей Польши отклонилъ предложенный Рѣпнинымъ союзъ съ братьями-славянами, русскими, и остался въ союзѣ съ куріей италійцевъ и австріаковъ.*

Развѣ подобное отклоненіе союза съ Россіей нельзя назвать *измѣной славянству?* Если это не измѣна славянству, родственному славянскому братству, то, въ такомъ случаѣ, слово „измѣна“ было бы примѣнимо лишь къ измѣнникамъ довѣрія, которымъ у шляхты Фридрихъ Чарторыйскій не пользовался, а поэтому и измѣнить довѣрію ея *не могъ* [1]).

Іезуиты, съ пѣной у рта, кричали съ амвоновъ, что шляхта измѣнила Церкви *римской*, обращаясь къ русскому послу. Русское же правительство, узнавъ про рѣшительный отказъ Чарторыйскаго отъ союза, стало, что вполнѣ естественно, рѣшительнымъ противникомъ олигархическаго правительства Чарторыйскихъ, какъ враговъ славянства, ведущихъ Польшу и Литву къ очевидной гибели. Справедливо, благородно и честно говоря, каждый славянинъ, входящій въ какія бы то ни было соглашенія съ иностранцами, враждебными славянамъ, и не желающій предлагаемаго союза съ братскимъ правительствомъ, не можетъ быть любимъ славянами. Хотя іезуиты назвали поступокъ Чарторыйскаго „вѣрностью куріи“, однако это отнюдь не смягчало всей тяжести этого проступка противъ славянства; это было оскорбленіомъ славянства, противохристіанскимъ призывомъ къ братоубійственной борьбѣ, ибо ясно было что германизмъ стремился подчинить Польшу своему вліянію. Истинная аристократія, т. е. патріоты, шляхтичи глубоко скорбѣли, когда русское правительство послѣ легкомысленнаго, гордаго, а скорѣе чваннаго отвѣта Чарторыйскаго стало противъ польскаго правительства, грозившаго вмѣсто христіанскаго братскаго славянскаго союза съ Россіей заключить договоръ съ врагами славянства

Напрасно нѣмцы безпрестанно (между прочимъ и въ 1763 году) предлагали славянскому правительству Россіи раздѣлъ Польши, т. е. чтобы русскіе „совершенно отказались отъ гегемоніи надъ славянами и *отдали бы поляковъ на растерзаніе нѣмцамъ, а себѣ оставили бы одну Литву.*“ Нѣмцы всѣми силами стремились къ новому *Drang nach Osten*; ватиканская курія раздѣляла эти вожделѣнія для *новыхъ своихъ крестоносцевъ*—австріаковъ.

Стремясь къ несогласію, раздору поляковъ съ русскими, іезуиты куріи съ 1763 г. *изрыгали постоянно проклятія на русскихъ, какъ на схизматиковъ и проповѣдывали любовь къ австрійцамъ.* Но, несмотря на это, Россія не желала отдавать поляковъ въ жертву германизму, а, напротивъ, стремилась къ егемоніи надъ всѣмъ славянствомъ *въ противовѣсъ германизму*; вмѣсто того, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ всѣ земли до рѣки Буга, какъ этого хотѣли нѣмцы, а имъ отдать всю Польшу, Россія предпочла дать полякамъ дружественнаго ей короля въ лицѣ Станислава Понятовскаго. Этимъ способомъ не увеличивалась территорія нѣмцевъ, а зато сохранялась очевидная уже гегемонія Россіи надъ Польшей и Литвой.

На элекціонномъ сеймѣ 7 сентября былъ единогласно избранъ въ короли люби-

---

[1]) Kronika Piotra z Patrykowicz.

мецъ императрицы Екатерины, сильный ея поддержкой Станиславъ Понятовскій. Не былъ онъ человѣкомъ сильной воли, съ политическою инициативой и съ характеромъ, но у него было искреннее желаніе, чтобы реформы, предпринятыя его дядями, Чарторыйскими, были дополнены и проведены въ жизнь. Получивъ французское воспитаніе, вращавшійся въ многочисленныхъ кругахъ общества во время своего многолѣтняго пребыванія за границей, Станиславъ не избѣжалъ, правда, зараженія тогдашнею испорченностью и мотовствомъ, но за то пріобрѣлъ болѣе широкій взглядъ на печальное положеніе Польши.

Симпатія Понятовскаго къ Россіи и ея императрицѣ являлась не исключительно слѣдствіемъ привычки и сердечныхъ отношеній, но истекала также изъ убѣжденія что это единственное средство, способное спасти страну отъ гибели и внутренне возродить ее.

При утвержденіи сеймомъ избранія Станислава было отмѣнено *veto*, принесшее Польшѣ столько бѣдъ. Вотъ какъ характеризируетъ состояніе Польши, во время вступлекія на престолъ Станислава Понятовскаго подъ именемъ Станислава Августа, историкъ Нарушевичъ; обращаясь къ королю, онъ говоритъ: „Но что взялъ ты съ этимъ скипетромъ?—То, что нѣкогда досталось Казиміру: *несогласіе дома, слабость окраинъ, бѣдность казны, анархія въ войскахъ, запущенные замки, опустошенные города, правительство разрозненное и безпомощное, бездѣятельность сеймовъ, насилія въ магистратурахъ*, а на-ряду съ этими *признаками грядущаго страшнаго паденія*, — постоянное усиленіе другихъ державъ и грозные сосѣди вокругъ Польши. Даже монархъ, державшій въ рукахъ своихъ суды, во йско, казну и законодательства, не могъ справиться съ такою массой противоположностей. Что же можетъ сдѣлать у насъ избирательная верховная власть, связанная установляемыми шляхтой законами, постоянно подозрѣваемая? Развѣ страдать, смотря на зло, за чужіе грѣхи, и служить предметомъ ненависти потому что вознесся выше.“

Предвидя печальный конецъ Польши, толкаемой къ пропасти Римомъ и анархическою шляхтой, Станиславъ Августъ писалъ 15 ноября 1764 года Екатеринѣ II:

„Не стану распространяться надъ чувствомъ благодарности, которою исполнено мое сердце. Вы слишкомъ велики для того; притомъ слова не передали бы степени чувства. Но сошлюсь на хорошо извѣсный В. И. В. мой характеръ. Вы хорошо знаете, какую власть имѣетъ надо мною благодарность; а признательность моя къ Вамъ неограничена и равняется моему подчиненію. Можете В. И. В. смѣло сказать себѣ обо мнѣ: лучшій мой и вѣрнѣйшій другъ въ настоящее время—король; онъ привязанъ ко мнѣ не только благородствомъ и чувствомъ, но и собственнымъ интересомъ. Къ счастію, Ваши добродѣтели и безкорыстіе позволяютъ мнѣ заплатить долгъ Вамъ и моему государству. *Вы желаете, чтобы Польша была свободна*—въ этомъ и моя цѣль. Я стремлюсь вывести ее изъ овладѣвшаго ею безначалія. Большинству патріотовъ анархія надоѣла до того, что они начинаютъ громко высказывать убѣжденіе, что если нельзя достигнуть истинной свободы, то они предпочтутъ абсолютную монархію насиліямъ произвола. Я счастливъ былъ бы вывести ихъ изъ этого отчаяннаго состоянія. Единственнымъ къ тому средствомъ являются сеймовыя реформы. Диссиденты образуютъ часть населенія, надъ которымъ я царствую. Въ виду того, что В. И. В. горячо интересуетесь ихъ судьбой, я рѣшилъ дѣйствовать въ ихъ пользу, хотя католическое населеніе и весьма щекотливо въ вопросахъ касательно нѣкоторыхъ прерогативъ иновѣрцамъ. Но для удачнаго проведенія этой мысли необходимо ввести больше порядка въ сеймовыя засѣданія, а этого нельзя достигнуть безъ преобразованія нашихъ сеймиковъ. Въ этомъ заключается и личный интересъ В. И. В.“ [1])

[1]) Alkar. Książe Repnin i Polska T. 1, стр. 64.

Тотчасъ же по вступленіи на престолъ Станиславъ Августъ началъ благотворную дѣятельность свою въ области умственнаго и экономическаго развитія страны. Учрежденъ былъ монетный дворъ, фабрика оружія и литейный заводъ. *Кадетскій корпусъ*, открытый въ 1765 г. въ Варшавѣ, сталъ подготовлять не только хорошихъ офицеровъ, но и трезво-мыслящихъ гражданъ, привыкавшихъ къ политической дисциплинѣ.

Во всемъ этомъ оказывала не только нравственное, но и фактическое содѣйствіе Россія, несмотря на противныя тому представленія Фридриха Прусскаго. Очевидно, Екатерина опасалась, что анархія, царившая въ Польшѣ, соблазнитъ Австрію и Пруссію протянуть руку за легкою добычей; императрица хотѣла сохранить для Россіи цѣльную и нераздѣльную Польшу и поэтому содѣйствовала укрощенію въ ней грозныхъ проявленій анархіи. Дѣятельное вмѣшательство въ польскія дѣла и такъ отдавало императрицѣ главенство подъ Рѣчью Посполитой безо всякаго вознагражденія сосѣдей. Россія хорошо знала, что при ея посредничествѣ установленное польское правительство не обойдется долго безъ ея помощи и или станетъ мало по малу ея орудіемъ, или, *обратившись противъ нея—упадетъ*. Россія, назначивъ въ Варшаву посломъ ловкаго, непоколебимаго князя Репнина, оказалась твердой въ вопросѣ удержанія Польши въ подчиненіи. Взамѣнъ оказываемой Польшѣ помощи Репнинъ потребовалъ заключенія съ Россіей наступательно-оборонительнаго союза и прекращенія дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами.

Какъ же отвѣтили на это требованіе король и Чарторыйскій? Политика указывала имъ на необходимость принять постороннюю помощь, отдаться ея вліянію, что не только содѣйствовало бы внутреннему благосостоянію страны, но и устранило бы грозившій раздѣлъ Польши. Это отнюдь не исключало возможности занятія самостоятельнаго положенія, освобожденія отъ посторонняго вліянія; но это могло произойти лишь послѣ полнаго внутренняго перерожденія, когда шляхта стала бы и просвѣщеннѣе, и нравственнѣе, т. е. при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ временемъ надо было подчиниться и выполнить условія договора. Но Чарторыйскіе, принуждаемые Римомъ, не имѣли смѣлости бороться со своею непопулярностью, не умѣли подчиниться Россіи; они отвергли предложенный Россіей наступательно-оборонительный союзъ, дававшій Польшѣ возможность усилить свою армію до 50 тыс. человѣкъ, отшатнулись даже отъ короля, рѣшившагося итти по намѣченному пути. Едва слегка укрѣпивъ правительственную власть, Чарторыйскіе пытались уже выступить противъ своихъ благодѣтелей и самостоятельно вести иностранную политику, дабы вооружить противъ Россіи другія страны; они разсчитывали склонить на свою сторону народъ при помощи ксендзовъ тѣмъ, что станутъ рѣшительно защищать дорогія ему религіозныя убѣжденія, направленныя противъ иновѣрцевъ.

Екатерина II вступилась за иновѣрцевъ, т. е. такъ называемыхъ диссидентовъ, и потребовала, чтобы имъ были возвращены политическія права и полная свобода исповѣданія и чтобы православные епископы засѣдали въ сенатѣ наравнѣ съ римско-католическими. *Среди вѣронетерпимой шляхты поднялся крикъ*; *каждая уступка въ пользу иновѣрцевъ считалась покушеніемъ на дорогую народу вѣру*. Епископы Солтыкъ, Ржевускій и Залускій выразили протестъ и отправили въ Вѣну, къ папскому нунцію Висконти, Іосифа Пулавскаго, прося прислать вооруженныхъ монаховъ для борьбы съ еретиками; они же потребовали отъ сейма возстановленія *veto*, что и было сдѣлано сеймомъ въ Варшавѣ 24 ноября 1766 г., а 25 ноября *были отмѣнены всѣ права иновѣрцевъ*.

Въ инструкціи отъ 24 сентября 1766 г. Панинъ писалъ Репнину: „Предлагаю Вамъ потребовать отъ короля, дабы на октябрьскомъ сеймѣ предоставлена была россійскому послу *публичная аудіенція* съ цѣлью выслушанія его меморіалъ въ дѣлѣ о диссидентахъ“. Вотъ подробности этой инструкціи: 1) произнесеніе рѣчи на русскомъ

языкѣ; 2) если король будетъ въ мантіи и коронѣ, то стоять передъ нимъ въ шапкѣ, снимая ее при каждымъ упоминаніи имени Императрицы или короля; 3) если король будетъ сидѣть на тронѣ, то потребовать для себя табуретъ; если же сенаторы сядутъ на стульяхъ, то требовать кресла и, въ крайнемъ лишь случаѣ, стулъ. „Чтобы придать аудіенціи болѣе вѣса, совѣтую Вамъ, говоритъ Панинъ: дабы эта аудіенція произошла тотчасъ по выборѣ маршала; не допускайте, передъ тѣмъ никакихъ дебатовъ, дабы польскій дворъ и всѣ земскіе послы могли убѣдиться въ томъ, что всякія ихъ противныя стремленія будутъ нами сокрушены. Если бы нынѣшній сеймъ осмѣлился намъ противодѣйствовать, и если бы Императрица была вынуждена дать почувствовать послѣдствія своего гнѣва тѣмъ полякамъ, которые окажутся противниками диссидентовъ, то они сами будутъ виновниками участи, ихъ ожидающей. Сорокъ тысячъ готоваго войска выступитъ на помощь диссидентамъ и воздастъ должное возмездіе нашимъ противникамъ [1]).

Соединившись съ монахами, Чарторыйскіе выступили противъ Россіи, которая весьма чувствительно наказала ихъ за это отступничество: она лишила ихъ своей поддержки, перейдя къ противной сторонѣ, провела отмѣну большей части реформъ 1764 г., а въ особенности уничтоженія конфедерацій. Вопросъ объ иновѣрцахъ, который былъ ею поднятъ для испытанія Чарторыйскихъ и на которомъ они попались, былъ отложенъ. Но это не все: мелкая шляхта, справедливо возмущенная подобнымъ поведеніемъ олигарховъ, и нѣкоторые магнаты учредили въ 1767 г., при негласномъ содѣйствіи Россіи, конфедерацію въ Радомѣ и образовали 80-тысячное войско; пригласивъ на помощь Россію, они намѣревались свергнуть короля и защищать свободу, которой угрожалъ онъ и Чарторыйскіе. Во главѣ конфедераціи сталъ вызванный изъ-за границы и возстановленный въ имущественныхъ и политическихъ правахъ Радзивилъ, „пане коханку“, человѣкъ чрезвычайно богатый, добившійся, ради прихоти, популярности въ шляхетскихъ кругахъ, подходившій къ нимъ по полному своему невѣжеству, раздѣлявшій всѣ ихъ недостатки, человѣкъ съ безпримѣрно тупымъ и ограниченнымъ умомъ. Рѣпнинъ представилъ радомской конфедераціи къ подписи манифестъ о признаніи короля и призывъ его къ присоединенію къ конфедераціи, возвращавшій вмѣстѣ съ тѣмъ права диссидентамъ и отдававшій Польшу подъ покровительство Россіи. Конфедерацію перенесли въ Варшаву; король къ ней присоединился; на сеймикахъ вдругъ появилась несвоевременная оппозиція. Эта оппозиція, исходившая изъ среды магнатовъ и шляхетскихъ пословъ, насквозь проникнутыхъ анархіей, не имѣвшихъ никакой политической программы, а имѣвшихъ на виду прежде всего личныя выгоды,—не могла оказать никакого сопротивленія Избранная сеймомъ делегація подъ предсѣдательствомъ примаса Гавріила. Подоскаго формулировала радомскій манифестъ и выработала трактатъ, гарантировавшій со стороны Екатерины неприкосновенность Польши и *кардинальныя* права; вмѣстѣ съ тѣмъ давались большія льготы диссидентамъ. Сеймъ 1768 г. утвердилъ рѣшенія делегаціи. На этомъ сеймѣ епископъ Каэтанъ Солтыкъ не только протестовалъ противъ равноправія иновѣрцевъ, но позволилъ себѣ непочтительно выразиться объ Императрицѣ Екатеринѣ. Его примѣру послѣдовали и епископъ куявскій Іосифъ Залускій, краковскій воевода Вацлавъ Ржевускій и его сынъ Северинъ. Князь Репнинъ, не долго думая, приказалъ арестовать этихъ фанатиковъ и отправить въ Россію. Остальные фанатики сразу успокоились. 13 февраля 1768 г. сеймъ постановилъ: 1) отмѣнить всякія беззаконныя ограниченія правъ иновѣрцевъ и предоставить имъ свободу совершать богослуженіе, строить церкви, учреждать школы, засѣдать въ сенатѣ и принимать участіе въ сеймахъ; 2) правительство въ Польшѣ должно быть избирательнымъ; дѣла должны разрѣшаться единогласными постановленіями сейма; 3) съ Россіей заключить вѣчный миръ и дать право

---

[1]) Alkar. „Książe Repnin i Polska“ T. 1 стр. 130—131.

Императрицѣ Россійской защищать иновѣрцевъ и самое Польшу. Послѣ подписанія договора сеймъ былъ закрытъ и русскія войска уведены.

Поддерживая въ Польшѣ диссидентовъ, Россія добивалась исключительно религіозной терпимости, но вовсе не желала допустить, чтобы иновѣрцы взяли въ Польшѣ верхъ надъ латинянами на основаніи, которое видно изъ письма Панина къ Репнину: „Протестанскія исповѣданія, пишетъ Панинъ, искореняя предразсудки и ограничивая власть духовенства, могли бы, при быстромъ своемъ распространеніи въ Польшѣ, *вывести поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ по сіе время погружено большинство ихъ;* просвѣщеніе привело бы ихъ къ введенію у себя постепенно новыхъ порядковъ, которые, концентрируя всю ихъ внутреннюю силу и доводя ее до большей, нежели теперь, мощи, могли бы вскорѣ обратиться во вредъ Россіи—ихъ опекунши въ настоящее время, главной и первой соперницы въ будущемъ“ [1]). Но если Россія не старалась тогда уменьшить невѣжество и тупоуміе польскаго народа, для нея чуждаго и ей враждебнаго, то нельзя это сказать про нынѣшнее время, когда Польша стала частицей Россіи, и можно разсчитывать, что стремленіе поляковъ къ просвѣщенію путемъ отдѣленія отъ Рима не встрѣтитъ особаго препятствія со стороны русскаго правительства.

Казалось бы, что, опираясь на Россію, Польша могла бы еще продолжить свое существованіе, могла бы даже со временемъ усилиться, укрѣпиться, развиться и стать въ ряду другихъ независимыхъ государствъ. Но снова одинъ изъ служителей Рима, презирая договоры и клятвы поляковъ, возмутилъ этотъ легкомысленный народъ. Каменецкій епископъ Красинскій, пріятель Солтыка, ѣздилъ переодѣтымъ по всей Польшѣ и возбуждалъ ненависть къ иновѣрцамъ, Россіи и королю. Онъ съ Чарторыйскими и духовенствомъ, при содѣйствіи папы Климента, собралъ въ Австріи, Франціи, Италіи и Польшѣ шайки бродягъ, образовалъ изъ нихъ отряды подъ названіемъ крестоносцевъ, подъ предводительствомъ, преимущественно монаховъ, и выступилъ противъ „измѣнника“ короля. Сборнымъ мѣстомъ этихъ новыхъ крестоносцевъ былъ кармелитскій монастырь въ Барѣ; Маркъ Яндоловичъ, настоятель монастыря, именовавшій себя „чудотворцемъ, пророкомъ и отцемъ“, принялъ предводительство въ этомъ „*крестовомъ походѣ*“.

Изъ Рима было привезено нѣсколько возовъ амулетовъ, образковъ, четокъ и т. п. предметовъ, чудотворно дѣйствующихъ противъ болѣзней, заразы, измѣны, опасностей, непріятельской храбрости и т. д. для раздачи *Христову войску*, отряды коего были названы „ружанцовыми“.

Всю эту шваль, собравшуюся во Львовѣ подъ предводительствомъ Яндоловича и Пулавскихъ, вмѣстѣ со своими амулетами, войско Понятовскаго разогнало ударами сабель; поэтому эти господа стали разсылать изъ барскаго монастыря прокламаціи, призывая всѣхъ вѣрныхъ римской куріи къ бою съ войскамъ короля Понятовскаго, „измѣнника Риму“ и съ войсками „схизматическаго“ правительства; эта война объявлена была монахами „войной за вѣру“.

Собранные снова подъ предводительствомъ Іосифа Пулавскаго и его сыновей нѣсколько тысячъ фанатиковъ опять были разогнаны; Пулавскіе бѣжали въ Италію. Яндоловичъ же, не выполнившій своихъ пророчествъ и не сдѣлавшій ни одного изъ обѣщанныхъ чудесъ, былъ взятъ въ плѣнъ, но, признанный идіотомъ-фанатикомъ, былъ наказанъ розгами, выпущенъ и бѣжалъ въ Австрію.

Въ это время украинскіе крестьяне, доведенные до крайности религіознымъ преслѣдованіемъ, возстали подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка и перебили до 40 тысячъ шляхтичей и евреевъ.

Такъ относились поляки къ иновѣрцамъ, и это вызвало первый раздѣлъ Польши. Когда же нынѣ указываютъ полякамъ на варварство ихъ дѣдовъ, они отвѣчаютъ: „Да

---

[1]) Alkar. Książe Repnin i Polska. T. I, Стр. 269 и 275.

какія жъ это были времена?". Отвѣтимъ и мы: „Это были времена, когда исполнительная власть была въ рукахъ поляковъ; дайте имъ теперь эту власть—и монахи наполнятъ страну, а воздухъ наполнится стонами пытаемыхъ иновѣрцевъ. Послушаемъ, что говорятъ и пишутъ теперь поляки, когда они пожали плоды своей религіозной нетерпимости.

По поводу возбужденныхъ въ 1897 г. толковъ о сближеніи русскихъ съ поляками газета „Kurier Warszawski" отъ 23 сентября (5 окт.) 1897 г. говоритъ: „Одна лишь программа можетъ для насъ быть прочною; нашъ языкъ, *вѣра* и народное развитіе, и это крѣпко держится въ нашихъ сердцахъ, въ нашей крови, ибо это естественное право каждой единицы каждаго народа. Право на такую программу долженъ признать за нами каждый русскій, хотя бы онъ былъ бы нашимъ заклятымъ врагомъ. Это безспорныя, необходимыя вещи! Развѣ въ этомъ направленіи мыслимы какія-либо уступки?. Вѣдь это такъ просто. Мы исповѣдуемъ вѣру нашихъ отцовъ, въ которой мы родились и воспитывались, въ которой мы хотимъ воспитывать нашихъ дѣтей. Мы поляки, ибо эту національность мы не выбирали, а принесли съ собою въ міръ ее по высшему предопредѣленію и согласно законамъ природы. Польскій языкъ—нашъ народный языкъ: на немъ говорятъ въ теченіе вѣковъ милліоны туземцевъ, ребенокъ отвѣчаетъ на немъ на первыя ласки матери, старецъ прощается съ жизнью, твореніе чтитъ на немъ своего Творца. Этотъ языкъ—наше вѣковое достояніе, самое дорогое сокровище, это—не нарѣчіе, но языкъ, являющійся такою же органическою частью нашего существа, какъ кровь, глаза, слухъ или обоняніе. Да возможно ли было бы стереть въ насъ память о славѣ этого языка, о безсмертныхъ заслугахъ его не только для нашей, но и для всеобщей цивилизаціи?" (sic!) Если бы не смѣшное, чванное заключеніе объ участіи польскаго языка въ общей цивилизаціи, мы приняли бы весь этотъ отрывокъ „Курьера Варшавскаго" за выписку изъ воззванія малороссовъ къ польскому правительству во время преслѣдованія въ Литвѣ и Маллороссіи православнаго населенія. Это воззваніе имѣло тогда основаніе, ибо было вызвано пытками и страшнымъ притѣсненіемъ иновѣрцевъ поляками. Какое же теперь можетъ быть основаніе къ подобному воззванію, когда всему міру извѣстно о чрезвычайной религіозной терпимости Россіи; на нетерпимость же ея не жалуется никто, кромѣ поляковъ, потому лишь, что „преслѣдованіемъ религіи" поляки называютъ: заключеніе въ тюрьмѣ ксендза, возбуждающаго народа къ сопротивленію распоряженіямъ властей, или схваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ во время мятежа... О насиліяхъ же, учиненныхъ поляками надъ православными и учиняемыхъ нынѣ въ Галиціи, поляки умалчиваютъ, между тѣмъ эти именно преслѣдованія привели на Польшу въ царствованіе Екатерины II, защищавшей иновѣрцевъ, всѣ постигшія ее несчастія. Раздѣлъ ея, вызванный ксендзами, начался слѣдующимъ образомъ:

Въ 1770 году папскій легатъ, въ видахъ, какъ выше сказано, стремленія Рима къ подчиненію Польши Габсбургскому дому, уговорилъ Марію Терезію Габсбургскую ввести австрійскія войска въ Польшу подъ предлогомъ ея защиты.

Австрійцы, подъ тѣмъ предлогомъ, что „ружанцовцы" переступили ихъ границу, захватили округъ Велички съ соляными копями Величкой и Бохніей, до рѣки Попрада. Примѣру Австріи послѣдовала Пруссія, которая ввела свои войска въ воеводства Кульмское и Познанское, а затѣмъ совмѣстно съ Австріей предложила русскому правительству раздѣлъ Польши. Противиться имъ—значило бы начать новую войну за Польшу, тѣмъ болѣе, когда вся Европа была возмущена захватомъ конфедератами Пулавскаго короля Станислава Августа, спасшагося изъ ихъ рукъ лишь случайно, да и то съ раной на головѣ. Екатерина поддалась убѣжденіямъ Фридриха II, но не согласилась на окончательную гибель и раздѣлъ Польши, какъ это предлагали Пруссія и Австрія, а лишь на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ русскихъ областей, т. е. Бѣлоруссіи, и то для того,

чтобы разъ на всегда защитить православное население отъ преслѣдованій римскаго духовенства. Австріи была отдана Галиція, Пруссіи—Померанія, за исключеніемъ Данцига и Торна, и часть Великой Польши до рѣки Нотеца.

Этотъ раздѣлъ былъ произведенъ 25 іюля 1775 года. Въ договорѣ же Фридриха II съ Россіей, заключенномъ 31 марта 1776 г. сказано, что никакія стремленія поляковъ къ перемѣнѣ формы правленія не будутъ приниматься во вниманіе [1]).

По этому раздѣлу отъ Польши было отнято 3925 кв. миль; это были первые плоды соединенія поляковъ съ римскою куріей противъ православно-каѳолической вѣры. Три монарха гарантировали королю Станиславу неприкосновенность оставленной ему земли подъ условіемъ, *что иновѣрцы не будутъ преслѣдуемы*; численность польскаго войска была сведена къ 30,000.

Наблюденіе надъ поведеніемъ поляковъ приняла на себя Россія.

Когда во время этого раздѣла Польши конфедератъ Казиміръ Пулавскій скрылся въ 1771 г. съ бандой „ружанцовцевъ“ въ ченстоховскомъ монастырѣ, куда подъ покровительство чудотворной иконы Божіей матери сходились бунтовщики, русскій посолъ хотѣлъ отослать эту икону увезенную поляками изъ Кіева, обратно въ Россію; но его отклонилъ отъ этого православный монахъ, которому какъ гласитъ преданіе, во время молитвы было видѣніе, чтобы не вывозить образа въ Россію, такъ какъ онъ скоро самъ возвратится къ ней и приведетъ въ подданство Россіи весь народъ польскій и самъ Ченстоховъ.

Это предсказаніе совершилось въ весьма скоромъ времени.

Икона эта,—восточнаго письма; по указаніямъ древнѣйшихъ хроникъ она написана въ Іерусалимѣ евенгелистомъ Лукой. Оттуда она была перенесена Еленою, матерью императора Константина въ Царьградъ, гдѣ и пребывала въ православной святынѣ; затѣмъ она была перенесена въ 988 г. на Русь, въ Кіевъ царевной Анной, дочерью византійскаго императора, вышедшей замужъ за великаго князя Владиміра. Когда поляки ограбили Кіевъ, то была ими захвачена и икона. Островоротная Богоматерь въ Вильнѣ тоже была привезена изъ Москвы для дочери Іоанна Васильевича—Елены, невѣсты вел. князя Литовскаго.

Убѣдившись, что безнравственность Польши и ея упадокъ вызвали преимущественно іезуиты, развращавшіе и прочіе народы, европейскія державы энергично потребовали отъ папы Климента XIV уничтоженія этого ордена, что онъ и сдѣлалъ въ 1773 г.

Несмотря на то, поляки удержали у себя это сокровище, скрывая іезуитовъ подъ видомъ: камедуловъ, піаровъ и т. п.

Для того, чтобы оправдать передъ деревенской шляхтой сохраненіе іезуитовъ въ Польшѣ, олигархи объясняли ей необходимость этого „большимъ литературнымъ движеніемъ“ и мнимымъ Чаровителъствомъ черторыйскихъ польской литературѣ и искусствамъ. Нынѣшніе куріальные іезуиты-міряне и іезуитки-мірянки, или такъ называемые биготки, лицемѣрно хвалятъ и славятъ тогдашнее *пулавское* литературное собраніе, какъ краеугольный камень грядущаго „писательскаго“ братства куріальной защиты и взаимнаго обожанія“, во главѣ коего фигурировалъ съ 1773 г. ех-іезуитъ Вороничъ. Единою цѣлью общества были интриги и подстрекательство противъ короля и Россіи;—но, несмотря на ихъ усилія съ 1775 по 1788 г., т. е. двѣнадцать лѣтъ сряду имъ не удалось вызвать никакого серьезнаго движенія, Польша пребывала въ необыкновенномъ покоѣ, начинала видимо крѣпнуть и приходить въ порядокъ и равновѣсіе.

Станиславъ Августъ основалъ, какъ мы выше сказали, кадетскій корпусъ, къ чему

---

[1]) Rhulière (edition de 1819) 11, 160 „Il (Frèderic) fit insèrer dans ce traitè la condition expresse de ne point souffrire en Pologne les entreprises de ceux, qui tenteraient d'y changer la forme du gouvernement“.

не приступалъ дотолѣ, ни одинъ король хотя каждый и обѣщалъ это при вступленіи на престолъ. Кромѣ того, всѣ поіезуитскія суммы король обратилъ на образованіе молодежи. Варшава украсилась многими изящными зданіями. Канцлеръ Замойскій подъ покровительствомъ короля обрабатывалъ проэкты законовъ. Польская литература подъ перомъ *Нарушевича*, *Красицкаго* и другихъ стала заявлять о себѣ Европѣ. Рѣшено было также вводить постепенно существенное народное образованіе, изъявъ для этого школы изъ вѣдѣнія духовенства. Основой первоначальнаго воспитанія и образованія, по мнѣнію Сташица, должна быть наука о нравственности, а затѣмъ географія и исторія Польши, естественная исторія даннаго *уѣзда*, ариѳметика и геометрія, какъ науки дающія познаніе ближайшаго, насъ окружающаго и необходимаго для благосостоянія всякому. Въ программы другого разряда мѣстныхъ школъ онъ предлагалъ ввести: исторію сосѣднихъ государствъ, изложеніе національнаго законодательства и финансовъ, естественную исторію, химію и опытную физику, хирургію и математику съ приложеніемъ къ военной и гражданской архитектурѣ, и къ механикѣ. Наконецъ, предлагалъ онъ преподаваніе различныхъ ремеслъ. Къ третьему и послѣднему роду школъ относитъ онъ такія, гдѣ преподавались бы тѣ науки, знакомство съ коими требуетъ воображенія либо остроумія, именно: исторію, всеобщее право, политику, стихосложеніе, астрономію, естественную исторію, химію, физику, врачебное искусство—всѣ кромѣ послѣдняго съ теоретической разработкой.

Съ изгнаніемъ іезуитовъ изъ Польши имѣнія ихъ поступили въ фондъ эдукаціонной коммиссіи, но способъ пріобрѣтенія этого фонда лежалъ на делегаціи, которой сеймъ передалъ свою власть. Делегація расхитила больше половины имуществъ, такъ что эдукціонная коммиссія учрежденная подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго, на первыхъ же порахъ оказалась въ затруднительномъ положеніи. Въ 1780 году, постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія злоупотребленія, дѣлаемыя еще впослѣдствіи. Предсѣдатель коммиссіи, Масальскій, заимообразно бралъ изъ кассъ коммиссіи деньги и проигрывалъ ихъ въ карты. Ему за это не сдѣлали ничего; злоупотребленія магнатовъ, какъ всегда въ Польшѣ, оставались безъ наказанія; были назначены только надежныя кассиры, и доходы коммиссіи, приведенные въ порядокъ, возвысились съ 1,500,000, до 2,311,000 злотыхъ. Коммиссія раздѣлена была на отдѣлы: Великопольскій, Малопольскій, Мазовецкій, Полѣсскій, Липовскій, Украинскій, Волынскій, Жмудскій и Піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гуго Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ престарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики не основывалось на священномъ писаніи, а, сообразуясь съ явленіями природы, примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессора составляли программы своего преподаванія и представляли ихъ деканамъ, указавъ на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и учили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый литовецъ Почобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для заполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный, что вполнѣ было достаточнымъ для польскаго образованія того времени. Вообще въ школахъ введено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ, чего раньше не было. Вмѣсто латинскаго

языка предписано преподавать науки на польскомъ и внушить дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школы преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобъ дѣти получали понятіе о землѣ, ея свойствахъ, разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія для изученія механики и архитектуры. Наконецъ, положено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ ощущался крайній недостатокъ въ учебныхъ книгахъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принималъ особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хребтовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ, литовецъ по происхожденію.

Реформы коснулись и духовныхъ училищъ: между прочимъ опредѣлили ввести преподаваніе церковной исторіи, о чемъ до того времени польскіе ксендзы понятія не имѣли.

Но величайшій недостатокъ эдукціонной коммиссіи состоялъ въ томъ, что она оставила воспитаніе женщинъ въ пренебреженіи; не сдѣлано было никакихъ распоряженій о заведеніи женскихъ школъ и о способѣ въ нихъ ученія. Женщины по прежнему должны были ограничиваться обученіемъ у визитокъ или сакраментокъ, что доводило ихъ до совершеннаго отупѣнія, или же въ своихъ семьяхъ отъ иностранныхъ гувернантокъ, набираемыхъ изъ поддонковъ общества. Безъ образованія женщинъ, великая цѣль Екатерины—перевоспитаніе польскаго народа не могло быть достигнуто: образованіе половъ шло въ разрѣзъ одно съ другимъ, что особенно чувствовалось въ Польшѣ, гдѣ женщина во всѣхъ видахъ имѣетъ сильное вліяніе на мужчину, а нерѣдко, при содѣйствіи ксендза, и власть надъ нимъ.

Блистательнѣе всего въ Польшѣ велось воспитаніе въ корпусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыйскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Изъ этого-то заведенія вышли: Костюшко, Нѣмцевичъ и вообще кружокъ людей, отличившихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность къ самоотверженію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ вовсе не внушали благоразумной осторожности и сдержанности. Имъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности, подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей; но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельности и нуждается въ нравственномъ пересозданіи, которое можетъ совершиться только вѣками. Юноши привыкли видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ, и воображали, что стоитъ только пышными фразами пробудить въ своихъ соотечественникахъ временно усыпленныя благородныя побужденія, и поляки покажутъ свѣту величайшія доблести, тогда какъ то, что они считали только усыпленнымъ, на самомъ дѣлѣ было мертво; полякамъ нужно было не пробужденіе, а воскрешеніе: нужно было иныхъ поколѣній, иного времени. Такимъ образомъ, воспитаніе въ этой такъ называемой рыцарской школѣ страдало кореннымъ недостаткомъ польскаго характера: воспитанниковъ пріучали смотрѣть на дѣла отечества сердцемъ, а не умомъ. Хорошихъ послѣдствій отъ такого рода воспитанія не могло быть. Перевоспитаніе польской націи въ томъ и должно было состоять, чтобы пріучить новое поколѣніе смотрѣть

на вещи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, подчинять горячность сердечныхъ побужденій холоду разсудка. А такъ какъ этого не было, то получившіе воспитаніе въ рыцарской школѣ бросались на смѣлыя предпріятія, съ увѣренностью, что вся Польша раздѣляетъ ихъ увлеченія и готова всѣмъ жертвовать для великихъ дѣлъ; этого на самомъ дѣлѣ не оказывалось. Они думали спасти Польшу революціями, а революціи могли приводить ее къ окончательной гибели, что и сталось; ей нужны были не агитаторы, а учители, не борцы съ внѣшними завоевателями, а скромные, трудолюбивые дѣятели, устроители внутренняго порядка, проповѣдники правды собственными поступками въ гражданской обыденной жизни, предпріимчивые промышленники, заботливые сельскіе хозяева, разумно-честные собиратели капиталовъ: ей нужно было сознаніе первыхъ правъ человѣка, свобода крестьянина, его прочное благосостояніе и просвѣщеніе,—а прежде всего и паче всего полякамъ нужно было поменьше пить и плясать, а побольше работать. Ко всему этому могло привести одно только благоразумное воспитаніе, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, безъ всякихъ политическихъ увлеченій.

Но вообще воспитаніе, такъ красиво начертанное въ уставѣ эдукціонной коммиссіи не такъ то легко осуществлялось на дѣлѣ. Преподаватели въ училищахъ не легко отставали отъ прежней рутины. Пока могли воспитаться и подготовиться молодые наставники, ихъ мѣсто занимали старые, болѣе всего ксендзы и ех-іезуиты. Введеніе польскаго языка казалось польскому обществу униженіемъ науки. Отцы скорбѣли о томъ, что дѣти тогда будутъ хуже знать латынь и слѣдовательно, хуже будутъ обучены. Такое то понятіе въ то время было о наукахъ цивилизаціи и просвѣщеніи: закоренѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ латынь казалась альфою и омегою человѣческой мудрости. Сама коммиссія должна была дѣлать уступки польскому невѣжеству и допустить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по-латыни. Введеніе естественныхъ наукъ казалось польской публикѣ чѣмъ-то страннымъ, по поводу чего отпускали глупыя и невѣжественныя насмѣшки. „Вотъ—говорили—учатъ нашихъ дѣтей, что коня ведутъ за поводъ спереди, а не за хвостъ сзади; да это всякій пастухъ знаетъ“! Несмотря на строгія приказанія коммиссіи, отнюдь не употреблять варварскихъ наказаній, розги и нагайки выводились изъ школъ медленно. Дѣдовскія привычки вездѣ брали верхъ. Монахи и ксендзы настраивали общество противъ новаго воспитанія, жаловались на упадокъ благочестія; большинство вздыхало объ іезуитахъ, желало и требовало ихъ возвращенія, находило, что, съ прекращеніемъ монашескаго воспитанія въ Польшѣ, наступило невѣжество и нечестіе. Многіе обыватели не хотѣли отдавать дѣтей въ школы, боясь, что они тамъ потеряютъ благочестіе, и воспитывали ихъ дома или у монаховъ. Понятно, что такая важная реформа, какую предначертала эдукаціонная коммиссія, не могла совершиться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Еще нынѣ находятся въ Польшѣ достаточное число фанатиковъ, которые отправляютъ своихъ дѣтей, преимущественно дѣвушекъ, для воспитанія во французскіе и краковскіе монастыри, чѣмъ и объясняется неразвитость и тупоуміе польскаго общества.

Во всякомъ случаѣ, поляки, учившіеся въ школахъ, устроенныхъ на новый ладъ, все-таки выходили съ бо́льшимъ запасомъ полезныхъ знаній и съ лучшими нравственными задатками, чѣмъ ихъ отцы и дѣды. Въ нѣкоторыхъ школахъ и дѣтей били меньше; и этимъ молодымъ паничамъ, по возвращеніи домой, не казалось совершенно хорошимъ дѣломъ безчеловѣчное битье хлоповъ, и несчастные рабы начинали уже находить себѣ въ этихъ паничахъ ходатаевъ и защитниковъ передъ грубыми отцами.

Обращено было вниманіе на искусства; въ Варшавѣ основана школа живописи, и Польша скоро получила замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена была также школа музыки. Молодые люди посылались за границу, для усовершенствованія въ изящныхъ искусствахъ. Въ Варшавѣ былъ основанъ публичный театръ, и поляки показали, что природа одарила ихъ способностями къ этому роду искусства. Варшавская сцена заблиста..

истинными талантами, каковы были: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжавскій, Трускуловская и проч. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыйскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще польская поэзія всѣхъ родовъ украшалась произведеніями Игнатія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика автора, между прочимъ, правоописательнаго романа „Панъ Подстоличъ", неглубокаго, но даровитаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимановскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличились Нарушевичъ—авторъ „Исторіи польскаго народа", Альбертранди, Китовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ XVIII вѣкѣ, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Ѳедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, только что начавшій свое литературное поприще.

По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалинскаго; астрономовъ: Почобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхами отечественной литературы былъ не великъ; большинство польской публики, не входившей въ общенія съ русскими, оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали: въ любомъ гостепріимномъ и открытомъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей-поляковъ, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Такія благодѣтельныя послѣдствія проявились въ Польшѣ отъ сближенія єя съ Россіей. До того времени *Польша не принимала участія въ умственномъ движеніи Запада, не усваивала даже его крупнѣйшихъ завоеваній.* Только во второй половинѣ XVIII в. силится она стряхнуть схоластическую омертвѣлость и вступаетъ въ сношенія съ западной культурой"[1]).

Но и въ концѣ XVIII столѣтія, по словамъ Костомарова, поляки не переставали относиться враждебно ко всякимъ преобразовательнымъ затѣямъ, которымъ предавались въ Варшавѣ, что „можно видѣть изъ того, что на многихъ сеймикахъ разомъ раздались желанія о возстановленіи іезуитовъ. Почти во всѣхъ инструкціяхъ были выходки противъ принятой системы воспитанія, нападали на эдукаціонную коммиссію, заявляли, что надобно де ее уничтожить, возвратить въ казну фонды, обращенные на воспитаніе, и самое воспитаніе юношества отдать снова въ руки монаховъ. Къ этому располагали шляхетство монахи, которые тогда боялись, чтобъ свободомысліе не стало господствовать въ Польшѣ въ такой степени, какъ во Франціи, и чтобы не были закрыты монастыри. Ксендзъ Лускина, передъ началомъ сеймиковъ, помѣстилъ въ варшавской газетѣ сообщенія о томъ, что польскіе эксъ-іезуиты примутъ на себя даровое обученіе. Въ подобномъ духѣ говорили бернардины и францисканцы и внушали шляхетству опасеніе, что если воспитаніе не возвратится въ руки монаховъ, то охладится религія, распространится зловредное безбожіе. Отцы боялись за дѣтей, *за спасеніе ихъ душъ.* Прежній способъ обученія у монаховъ имъ казался привлекательнѣе и достойнѣе шляхетскаго званія; они сами были воспитаны въ свое время такимъ образомъ".

Послѣ окончательнаго отдѣленія Малороссіи отъ Польши и послѣ утвердительнаго андрусовскаго договора, польское правительство начинаетъ смѣлѣе дѣйствовать противъ православія въ оставшейся подъ его властью части южно-русскаго края, какъ въ законодательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи православной іерархіи. Уже въ 1664 году, по приказанію короля Яна-Казиміра, послѣдній православный митрополитъ, проживавшій въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, былъ,

---

[1]) Смоленскій, «Przewrót umysłowy w Polsce XVIII w.», стр. 29.

безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки [1]) схваченъ и заточенъ въ Маріенбургскую крѣпость. Преемники его, конечно, не отваживались болѣе выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Но въ границахъ Рѣчи Посполитой оставалось до 10 православныхъ епархій, епископы которыхъ могли сноситься съ митрополитомъ, управлять своею паствою и удерживать ее отъ перехода въ унію. Для упраздненія этихъ каѳедръ были приняты польскимъ правительствомъ слѣдующія мѣры: признавая на епископскихъ мѣстахъ уніатовъ законными епископами, польское правительство отчислило въ пользу послѣднихъ всѣ епископскіе имѣнія и доходы, оставляя, такимъ образомъ, высшее православное духовенство въ крайней нищетѣ [2]). Оно запретило православному духовенству выѣзжать за границу Рѣчи Посполитой и тѣмъ затруднило возможность рукоположенія во епископы. При упраздненіи православной епископской каѳедры, правительство подчиняло управленіе православной паствы *уніатскому* епископу той же епархіи [3]). Въ архимандриты и игумены всѣхъ сколько нибудь зажиточныхъ монастырей назначаемы были уніаты, иногда даже *свѣтскія лица* [4]), которыя тотчасъ же захватывали монастырское имущество, разгоняли православныхъ монаховъ и водворяли на ихъ мѣсто уніатовъ. Ставропигійскія православныя братства, по распоряженію сейма 1676 года, были, не смотря на прежнія привилегіи, лишены непосредственной зависимости отъ константинопольскихъ патріарховъ и подчинены мѣстнымъ владыкамъ—уніатамъ [5]). Наконецъ, правительство приняло мѣры относительно самаго выбора православныхъ епископовъ. По обычаю, издавна установившемуся въ южно-русскомъ краѣ, епископы избирались духовными и мірянами своей епархіи и потомъ утверждались королемъ [6]). Во второй половинѣ XVII вѣка, при упраздненіи епископскаго стола въ рѣдкой епархіи православные осмѣливались собраться для выборовъ: дворянъ православныхъ было весьма мало, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ихъ вовсе не было, духовенство было разогнано и загнано, крестьяне и мѣщане, сильно угнетаемые шляхтичами и королевскими старостами не смѣли распоряжаться своимъ голосомъ. Первый попавшійся староста, въ городѣ котораго посполитые люди собрались бы для выборовъ епископа, могъ объявить ихъ собраніе бунтомъ, своевольною „купою", и разогнать силою оружія. Король еще рѣже подтверждалъ выборы. Если и бывали случаи подтвержденія, то это было только тогда, когда выбранное лицо *обязывалось* принять, послѣ истеченія извѣстнаго времени, унію. Дѣйствительно, за все это время, всѣ снискавшіе королевское подтвержденіе православные епископы, выждавъ немного, объявляютъ о своемъ присоединеніи къ уніи. Таковы были Иннокентій Виницкій, епископъ перемышльскій, избранный около 1663 года и уже въ 1670 г. правившій, въ качествѣ уніата, имѣніями, отчужденными отъ кіевской православной митрополіи [7]); Кипріанъ Жоховскій, епископъ бѣлорусскій, не только принявшій унію, но и насильно обращавшій въ нее (съ 1690 по 1700 годъ) свою епархію [8]); Іосифъ Шумлянскій, выбранный епископомъ львовскимъ, около 1680 года, и принявшій унію въ 1681 г., за что потомъ получившій должность львовскаго уніатскаго архіепископа [9]), Аѳанасій Шумлянскій, епископъ луцкій, и избранный послѣ него, въ 1694 году, Діонисій Жабокрицкій, который, послѣ полученія

---

[1]) Морачевскій, исторія Польши, IX, 113.

[2]) См. Книга городская кіевская, № 25, листъ 7.

[3]) См. Книга городская кіевская, № 23, листы 199 и 312.

[4]) См. Книга городская кременецкая, № 1609, листъ 209.

[5]) Volum. legum, V, стр. 180, § 39.

[6]) Какъ образецъ утвердительной королевской граматы, можно привести грамату, выданную королемъ Іоанномъ III епископу Діонисію Жабокрицкому, см. Лѣтопись Величка, т. III, стр. 299 по 304.

[7]) Лѣтопись Величка. Т. II, стр. 43 и 245.

[8]) Лѣтопись Величка. Т. III, стр. 313—316.

[9]) Лѣтопись Величка. Т. II, стр. 486—487 и 503.

королевской подтвердительной грамоты, также перешелъ въ унію въ 1701 году [1]). Послѣ удаленія изъ края епископа Жабокрицкаго, въ 1709 году [2]), до паденія Польши въ 1795 г., ни въ одной епархіи южно-русскаго края не состоялось выбора православнаго епископа. За всѣ эти 80 лѣтъ православіе, тѣснимое самыми крутыми мѣрами правительства, шляхты и уніатскаго духовенства, лишено было всякой іерархіи, всякаго центра, въ которомъ могли бы сосредоточиться силы для защиты своей вѣры. Польское правительство достигло своей цѣли: оно разрушило православную іерархію. Но православное простонародье, лишенное церковной іерархіи, продолжало, по старому обычаю, выбирать приходскихъ священниковъ изъ собственной среды и посылать ихъ, для рукоположенія, за границу Рѣчи Посполитой,—то въ Кіевъ, то въ Переяславль, то въ Молдавію [3]). Каждый приходъ дружно окружалъ своего приходскаго православнаго священника и велъ отчаянную неравную борьбу съ уніатскимъ духовенствомъ навязываемымъ администраціей, а иногда и военною силою. Между тѣмъ, и низшее православное духовенство не было забыто польскимъ законодательствомъ. По древнему обычаю, міряне каждаго прихода выбирали себѣ священника. Въ силу установившагося обычая, выборъ всегда почти падалъ на одного изъ сыновей умершаго священника, такъ какъ они заблаговременно получали воспитаніе, болѣе соотвѣтственное іерейскому назначенію. Выбранный прихожанами кандидатъ отправлялся къ епископу своей епархіи, принималъ отъ него рукоположеніе и потомъ занималъ безпрепятственно приходъ [4]). Но въ 1647 году сеймъ утвердилъ новый законъ, по которому священникъ не могъ занять прихода, не получивъ предварительно согласія отъ шляхтича, которому принадлежитъ село, или отъ старосты, либо державца въ королевскихъ имѣніяхъ [5]). Послѣ этого занятіе прихода было поставлено въ прямую зависимость отъ фанатической католической шляхты, которая, въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, по большей части, только за плату довольно значительную, соглашалась давать православнымъ свои подтвердительныя грамоты, или, такъ называемые, *презенты* на занятіе приходовъ. Тѣснимое православное духовенство должно было отправляться искать мѣстъ за Днѣпромъ. Если, воспользовавшись какимъ-нибудь благопріятнымъ случаямъ, прихожане и успѣвали выхлопотать *презенту* для православнаго священника, то встрѣчали затрудненіе въ выборѣ лицъ и весьма часто принуждены были обращаться къ малообразованнымъ и едва грамотнымъ своимъ собратьямъ—поселянамъ. Въ такомъ случаѣ, шляхтичи удерживали надъ священникомъ помѣщичье право, гнали его на барщину, въ случаѣ отлучки изъ села преслѣдовали и наказывали, какъ бѣглаго крестьянина и т. п. [6]). Оскорбленія, обиды сыпались градомъ на низшее православное духовенство. Городскія книги за весь XVIII вѣкъ наполнены фактами такого рода. Изумительную картину насилій представляютъ 2 послѣднихъ тома, изданные кіевскою археографическою комиссіею. Всѣ эти насилія продолжались до самаго паденія Польши [7]).

Для лучшаго ознакомленія читателей съ тѣмъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгали поляки съ

---

[1]) Книга городская луцкая, № 2238, листъ 1120 и владимірская, № 1078, листъ 609.

[2]) Послѣ полтавской побѣды, во время занятія русскими войсками Польши, Жабокрицкій былъ арестованъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ. Лѣтоп. Величка. Т. III, стр. 408,

[3]) См. книги городскія: кіевскую, № 135, листъ 115; луцкую, № 2238, л. 1116; кременецкую № 1612, л. 805; также многочисленные акты, напечатанные въ Арх. юго-западн. Россіи, часть I, томъ II.

[4]) Мацѣевскій. Польша и Русь до половины XVII в., т. II, стр. 170.

[5]) Volum. legum, т. VI, стр. 59, § 54.

[6]) См. книги городскія—винницкую, № 4599, л. 141 (на оборотѣ) и 382 и кременецкую, № 1835, л. III (на обор).

[7]) См. Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло, Шолковича, стр. 161—164.

цѣлью уничтоженія православія, приводимъ правила, составленныя для этой цѣли іезуитами и утвержденныя Гродненскимъ сеймомъ въ 1718 году [1]).

Проектъ объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ З. Россіи.

„Ежели цѣлость и безопасность государства основывается на взаимной любви, а любовь болѣе всего поддерживается единствомъ вѣры, то мы, поляки, желая цѣлости и безопасности своему отечеству, всемѣрно должны стараться съ особеннымъ усиліемъ о единствѣ вѣры между подданными. Поелику же сіе единство въ краяхъ русскихъ, какъ коренныхъ, такъ и къ В. Княжеству Литовскому принадлежащихъ, кажется (особенно по отношенію къ простому народу), наиболѣе разрушается разностію вѣры, то государственные чины и каждый полякъ, въ особенности желающій сохранить цѣлость и безопасность своего отечества, должны поставить себѣ въ обязанность, чтобы греческое вѣроисповѣданіе, вѣроисповѣданію латинскому противное, всячески выводить, то презрѣніемъ, то преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ тѣхъ, которые держатся онаго, и другими возможными, дѣйствительными средствами. Будучи полякомъ, въ жилахъ коего течетъ кровь древнихъ поляковъ латинскаго вѣроисповѣданія и желая отъ всего сердца счастія моему отечеству и вмѣстѣ большаго распространенія римско-католической вѣры, я съ своей стороны, почитаю слѣдующія средства дѣйствительнѣйшимъ къ искорененію суевѣрныхъ, или какихъ бы то ни было, греческихъ обрядовъ и къ введенію на мѣсто ихъ, обрядовъ латинскихъ вмѣстѣ съ вѣрою св. римской церкви, и представляю сіи средства всѣмъ истиннымъ поборникамъ сей вѣры и патріотамъ. Итакъ:

„Во первыхъ, чтобы намъ совершить столь спасительное и вожделѣнное предпріятіе должно стараться охранить нѣкоторую дружбу съ Россіею и возводить на польскій престолъ такихъ государей, къ которымъ бы расположена была сія держава. Ибо если то справедливо, что на поступки врага болѣе обращаютъ вниманія, то и Россія, будучи съ нами въ дружбѣ, не будетъ наблюдать нашихъ дѣйствій, къ чему они клонятся, и дѣла безъ помѣхъ пойдутъ своимъ порядкомъ: чѣмъ съ большею для насъ пользою, тѣмъ съ значительнѣйшимъ для Россіи вредомъ.

„Во-вторыхъ, дворянство русское греческаго исповѣданія, хотя оно и соединилось съ римскимъ и остается въ уніи, а тѣмъ болѣе отщепенцы (schizmatycy) ни къ какимъ не должны быть допускаемы государственнымъ должностямъ, особенно же къ такимъ, въ которыхъ они могутъ пріобрѣсть друзей, нажить имѣніе и снискать себѣ какое либо уваженіе, и такимъ образомъ покровительствовать всѣмъ своимъ единоплеменникамъ; это должно ограничить на сеймахъ новымъ строжайшимъ противъ прежняго, постановленіемъ. Въ особенности же каждый полякъ долженъ въ собраніяхъ чуждаться русскаго, въ сосѣдствѣ никакой не заводитъ съ нимъ дружбы, развѣ для своей выгоды; въ разговорахъ, въ присутствіи русскаго, болѣе всего говорить о суевѣріи русскихъ и т. п. Послѣ сего я почти могу увѣрить, что всякій лучше захочетъ перемѣнить вѣроисповѣданіе, и совершенно отказаться, что онъ былъ когда либо русскимъ, нежели во всю жизнь терпѣть столько досадъ и огорченій.

„Въ третьихъ, зажиточнѣйшіе обыватели отечества не должны принимать русскихъ ни въ какія услуги, особенно не допускать ихъ туда, гдѣ они могли бы сколько нибудь образовать себя, развѣ въ томъ только случаѣ, когда можно надѣяться, что они откажутся отъ своего вѣроисповѣданія; ибо такимъ образомъ, пребывая въ невѣжествѣ, они впадутъ въ крайнюю нищету, и останутся въ самомъ презрѣнномъ уничтоженіи, слѣдственно принуждены будутъ или совершенно пасть отъ своей должности или перемѣнить вѣроисповѣданіе для какого нибудь повышенія и улучшенія своего состоянія.

„Въ четвертыхъ, такъ какъ въ городахъ и мѣстечкахъ русскихъ находится еще

---

[1]) Одинъ экземпляръ этихъ правилъ находится въ архивѣ города Витебска.

весьма значительная часть зажиточныхъ жителей, то и сихъ нужно довести до нищеты и невѣжества, чтобы не могли ни деньгами, ни умомъ помочь себѣ; а достигнуть сего можно слѣдующимъ образомъ: ежели города находятся въ земскихъ имѣніяхъ, то наслѣдственные владѣтели, однимъ введеніемъ жидовъ и помѣщеніемъ ихъ въ центрѣ города, погубятъ русскихъ, ибо евреи, по природной своей хитрости, приберутъ въ свои руки всѣ средства къ пріобрѣтенію доходовъ и завладѣнію всѣмъ въ городѣ; вытѣснятъ русскихъ жителей изъ города и заставятъ ихъ вступить въ крестьянство. Если же города считаются въ имѣніяхъ, принадлежащихъ двору, то государственные чины подъ разными предлогами, должны мало по малу заставлять пріучать къ барщинѣ жителей тѣхъ изъ сихъ городовъ, которые не столь значительны; въ прочихъ же, кромѣ введенія жидовъ, для вышеупомянутой цѣли, нужно, хотя немного, ввести римско-католиковъ. Равнымъ образомъ не безполезно также имѣть въ виду и то, чтобы всякія дѣла, магдебургскія и другія права выпускаемы были на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ, отъ чего русскіе останутся большими на всегда невѣждами, и никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ городахъ ни силы, ни важности.

„Въ-пятыхъ, самый трудный пунктъ къ разрѣшенію, въ семъ благодѣтельномъ начертаніи, составляютъ архіереи и священники, изъ коихъ однихъ нужно всѣми мѣрами стѣснить, а другихъ ослѣпить, чтобы не могли ни возвыситься, ни думать, а тѣмъ болѣе дѣлать, что имъ желательно. Въ этомъ и другомъ случаѣ, какъ должно поступать съ архіереями и какъ съ священниками—открою средства. Архіереи, кромѣ того что должны быть изъ шляхты, какъ положено прежде конституціею должны быть назначаемы изъ тѣхъ, которые находятся въ родственныхъ связяхъ съ фамиліями римскаго вѣроисповѣданія, чтобы при жизни благодѣтельствовали имъ, а то, что по смерти будетъ оставаться, чтобы доставалось въ наслѣдство не русскимъ, но полякамъ. Сверхъ того, мы и преемники наши никогда не должны допускать русскихъ епископовъ къ засѣданію въ Сенатѣ, чтобы они не доставляли своему вѣроисповѣданію никакихъ важныхъ преимуществъ, не старались о возвышеніи своихъ единоплеменниковъ, не заводили дружбы съ почтенными и вездѣ уважаемыми въ отечествѣ лицами, а болѣе всего, что касается до настоящаго предмета, чтобы они и догадаться не могли что подобный проектъ въ разсужденіи ихъ и цѣлой Руси — предпринимается и выполняется.

„Въ-шестыхъ, епископы наши всѣ вообще, взявшись, такъ сказать, за руки, должны приводить въ дѣйствіе съ особеннымъ тщаніемъ то, чтобы архіереи русскіе носили только титулъ викарныхъ, оставаясь совершенно въ зависимости и подчиненности отъ латинскихъ; чтобы они и ихъ священники подвергаемы были ревизіи нашихъ прелатовъ, публично наказываемы за преступленія, и чтобы имъ выставляемы были на видъ ихъ суевѣрія, ибо такимъ образомъ архіереи не будутъ имѣть довольно силы противиться сему, а народъ будучи побуждаемъ римскимъ начальствомъ, удобнѣе склонится къ тому, чтобы отступить отъ существеннѣйшихъ своихъ обрядовъ.

„Въ-седьмыхъ, священники въ наши времена большіе невѣжды, совсѣмъ неученые, безъ всякаго просвѣщенія и если они на всегда останутся въ такомъ состояніи, то это не только не будетъ служить препятствіемъ, но тѣмъ болѣе будетъ способствовать къ удобнѣйшему выполненію сего проекта; ибо, будучи оставлены безъ образованія, въ невѣжествѣ, они не въ состояніи будутъ ни знать своихъ обрядовъ, какъ и когда они установлены, ни постигать причинъ, по которымъ они введены въ русскую церковь, ни внушать народу, что обряды сіи подлинно заимствованы отъ греческой церкви, ни, ясно и убѣдительно доказывать, что они ни въ чемъ ни измѣнены, не суевѣрны, ни наконецъ, основательно противиться уничтоженію оныхъ. А для того, чтобы удержать ихъ (что для насъ весьма нужно) въ столь глубокомъ невѣжествѣ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ я почитаю бѣдность, въ которой они какъ доселѣ оставались, такъ

изъ оной никогда не выйдутъ, если станемъ поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: 1) нужно, чтобы помѣщики не дѣлали никакихъ новыхъ эрекцій (?) иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы каждый рукополагающійся во священники покупалъ для продовольствія себя и своего семейства ту землю, которою пользовался его предшественникъ; такимъ образомъ продающіе и покупающіе будутъ подвергаться преступленію симоніи, какъ учили наши богословы; 2) если гдѣ находятся древнія эрекціи, то и тамъ имѣющіе право давать одобреніе (jus representandi), при выдачѣ онаго, могутъ брать деньги отъ поступающихъ во священники, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, не за одобренія, чтобы эти деньги не показывались тогда нѣкоторымъ образомъ церковными, но дабы тутъ же, въ самомъ началѣ, поставить священника въ невозможность запастись раскольническими и отщепенскими (schyzmatyckiemi) книгами. При выдачѣ же одобренія не должно описывать грунтовъ и прочихъ угодій обстоятельно (specifice), ибо таковыя одобренія могутъ служить, вмѣсто эрекцій—правомъ на всѣ тѣ выгоды, какими пользуется наше духовенство; довольно въ семъ случаѣ держаться слѣдующей, которую я имѣлъ случай читать, копіи: „я N. N. даю одобреніе N. N. освобождая отъ всякихъ повинностей господскихъ, высылки подводъ, и проч.:“ Съ такимъ-то благоразуміемъ поступали древніе поляки, предки наши, достойные безсмертной славы. Почему и пользовались они, если не болѣе, то наравнѣ, или малымъ чѣмъ меньше, отъ священниковъ, нежели отъ крестьянъ, ибо священнику нигдѣ не позволено было брать водку, какъ только у еврея арендатора, и если еврей ловилъ съ оною на дорогѣ священника, или въ домѣ священника, или въ домѣ отыскивалъ, то тотчасъ выводилъ пару воловъ изъ двора священническаго; не позволялось также печь самимъ просфоръ, молоть хлѣбъ въ другой какой либо, кромѣ означенной, мельницѣ и въ случаѣ, если бы священникъ что нарушилъ, еврей, разбивши амбаръ или кладовую, забиралъ и весь его хлѣбъ. Таковыми и симъ подобными средствами предки наши многихъ отщепенцевъ заставили обратиться въ нашу св. вѣру. Употребляя и мы сіи средства, успѣемъ, при помощи Божіей, перевести и прочихъ по крайней мѣрѣ на уніатовъ, и со временемъ всѣхъ обратить въ римскихъ католиковъ. Намѣренію нашему будетъ споспѣшествовать и то, ежели мы воспретимъ священникамъ наживаться на счетъ нашихъ крестьянъ, и посредствомъ ихъ обогащаться. Въ семъ случаѣ и экономы и управители имѣній, если смерть переселитъ кого-нибудь въ другую жизнь, должны призвать къ себѣ наслѣдниковъ умершаго хозяина и опредѣлить имъ, что они должны будутъ заплатить за погребеніе; если же священникъ назначаемою наградою не будетъ доволенъ, и умершаго погребать не станетъ то общество пусть занесетъ трупъ ему на дворъ; должно также назначить самую ничтожную цѣну за совершеніе и прочихъ требъ,—чѣмъ воспрепятствуемъ имъ брать съ крестьянъ лошадей, коровъ, воловъ и недвижимое имѣніе, отказываемое по завѣщанію, а нерѣдко и вынужденное; прекратимъ всякія ихъ взятки какъ за таинства, такъ и за вымышленные ими обряды, и чрезъ то доведемъ ихъ до такой бѣдности, что они не въ состояніи будутъ имѣть и приличнаго одѣянія, а тѣмъ болѣе богатаго. Какъ же имъ будетъ запасаться потребными книгами, или, что важнѣе, давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе? Съ прекращеніемъ сихъ пріобрѣтеній законныхъ и незаконныхъ. они лишатся всякихъ доходовъ и всякихъ средствъ къ поддержанію своего состоянія, Вообще всѣ мы должны стараться предложить на сеймахъ римско-католическимъ епископамъ нашимъ и сей проэктъ, чтобы они соборомъ (synodaliter) постановили, что и за какія требы должно платить русскимъ попамъ, и обязали бы архіереевъ, чтобы они предписали протопопамъ или намѣстникамъ, чѣмъ и за что долженъ довольствоваться священникъ. Поступая такимъ образомъ, мы не попустимъ священникамъ выйти изъ бѣдности, что для насъ будетъ весьма полезно, а для Русскихъ нестерпимо, и сверхъ того возбудимъ еще въ крестьянахъ, посредствомъ таковой потачки, приверженность

къ себѣ, а къ священникомъ ненависть, чѣмъ удобнѣе и преклонимъ ихъ, когда ни захотимъ, на свою сторону.

„Въ-осьмыхъ, семейства священниковъ во всемъ должны зависѣть отъ власти мѣстнаго господина и его управленія и для большаго ихъ униженія, должны быть строго наказываемы за самыя малѣйшія преступленія или неповиновеніе. При чемъ надобно распускать слухи, что сыновья каждаго попа, обыкновенно поповичами (popowicze) называемые кромѣ одного, который на мѣсто своего отца имѣетъ поступить попомъ, не освобождаются отъ крестьянства; что они не могутъ поселяться въ вольныхъ городахъ, ни переходить съ одного мѣста на другое. Когда же они прійдутъ въ такое состояніе, что не станутъ вѣрить симъ не основательнымъ слухамъ, то нужно будетъ сдѣлать постановленіе подъ предлогомъ, будто это дѣлается для принужденія ихъ къ образованію себя, именно, что такіе-то изъ поповичей; которые не достигнутъ надлежащаго образованія, пусть остаются на всегда крестьянами своихъ господъ помѣщиковъ. А поелику же они имѣютъ свободный входъ въ наши публичныя училища, подобно всѣмъ дворянскимъ дѣтямъ, то сіи послѣдніе должны ихъ преслѣдовать: отцы ихъ (т. е. дворянскихъ дѣтей) незамѣтнымъ образомъ да подадутъ имъ къ тому способы, а благоразумные наставники, знаю (ибо я и самъ испыталъ), не только будутъ потворствовать сему, но и сами даже могутъ преслѣдовать. Такимъ образомъ пусть никто не считаетъ нужнымъ дѣломъ запрещать всѣмъ дѣтямъ русскаго духовенства поступать въ училища, потому что 1) дѣти дворянъ, какъ обыкновенно случается, въ буйной молодости, сдѣлавъ какое либо преступленіе, будутъ имѣть случай сложить свою вину на русскихъ; 2) русскіе, получивъ отъ нашего духовенства хорошее образованіе, еще болѣе станутъ объяснять своему народу, что таинства римской церкви имѣютъ такую же важность, какъ и таинства церкви россійской, что обряды одни другимъ не противны, что римско-католическое вѣроисповѣданіе и вѣроисповѣданіе греческое есть одно и тоже,—а это все съ теченіемъ времени, къ удобнѣйшему преклоненію упорныхъ умовъ русскихъ послужить можетъ.

„Въ-девятыхъ, если бы по какому нибудь случаю (на то впрочемъ не надѣюсь) Русскіе достигли надлежащаго образованія, то надлежитъ съ ними поступать такимъ образомъ: уговаривать тѣхъ, которые захотятъ оставаться въ духовномъ званіи, чтобы они вели жизнь безбрачную, и оказывать симъ болѣе, нежели другимъ, уваженіе, давать болѣе свободы увеличивать доходы, и проч.; когда такимъ образомъ всѣ имѣющіе намѣреніе поступить во священники съ охотою станутъ избирать родъ жизни безбрачной, тогда намѣренія наши вполнѣ достигнутъ своей цѣли; ибо по смерти безбрачныхъ священниковъ, некому будетъ заступить ихъ мѣста; мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ запретить учиться, поповичей не будетъ, русскаго дворянства также мало, и то безъ всякаго образованія, и такъ дѣло дойдетъ до того, что мы станемъ опредѣлять на сіи мѣста своихъ приходскихъ священниковъ (plebanów) нашего римскаго вѣроисповѣданія, а намъ это и нужно.

„Въ-десятыхъ, въ непреклонности удерживается простой народъ русскій, умѣющій читать свои писанія. И такъ нужно устранять причину таковаго упорства, и упорство само собою исчезнетъ,—что не трудно намъ полякамъ сдѣлать, если запретимъ дѣтямъ своихъ крестьянъ учиться по-русски въ находящихся при церквахъ школахъ; симъ не только достигнемъ вышеозначенной цѣли, но и предохранимъ себя отъ тѣхъ невыгодъ, какія нерѣдко испытываемъ отъ своихъ крестьянъ, ибо мужичекъ, выучившись въ простой сельской школѣ, уходитъ отъ своего господина за нѣсколько миль и ищетъ свободы, на что жалуются воеводства Русско—Волынское, и Брацлавское, съ прилежащими къ нимъ уѣздами. Посему экономамъ и управителямъ нужно бы внушать въ ихъ инструкціяхъ, дабы они строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы русскія крестьянскія дѣти пріучаемы были не къ книгамъ, но къ плугу, сохѣ, ралу и т. п.

„Въ-одиннадцатыхъ, чтобы удобнѣе погубить, со временемъ, русскихъ, для сего не худо бы записывать въ общую особую книгу всѣ случающіяся въ ихъ обрядахъ неблагопристойности, нескромныя слова и поступки противъ римлянъ, частныя приключенія (hystorye) священниковъ, въ которыхъ при столь великомъ ихъ множествѣ, не будетъ недостатка, дабы когда этотъ проэктъ начнетъ приводиться въ дѣйствіе, всякій видѣлъ основательныя причины таковыхъ дѣйствій противъ русскихъ со стороны поляковъ; но если бы недостаточно было однихъ дѣйствительныхъ упрековъ противъ русскихъ, то весьма полезно будетъ, къ подкрѣпленію нашимъ замысловъ, разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы, тайно подбрасывать письма отъ имени священниковъ, а лучше бы и самихъ архіереевъ, вредныя имени польскому, вредныя вѣрѣ католической, возводить на ихъ мятежи и убійства: только бы это служило въ свое время не маловажнымъ, къ уничтоженію въ Польшѣ греческой религіи, поводомъ и сильнымъ какъ для сенаторовъ, такъ и для прочей шляхты католическаго исповѣданія, побужденіемъ къ выполненію спасительнаго предпріятія.

„Въ двѣнадцатыхъ, когда все сіе въ продолженіи извѣстнаго времени будетъ приготовлено, то къ самому дѣлу можно приступить не вдругъ, не вездѣ въ одно и тоже время, даже и не во всѣхъ мѣстахъ, но нужно начать съ тѣхъ отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ болѣе католиковъ, нежели русскихъ, и начать не безъ причины, выставляя напр. священникамъ ихъ худой образъ жизни, соблазнитезьное поведеніе, незнаніе или нерадѣніе въ ученіи правиламъ вѣры, небрежность въ совершеніи необходимыхъ для спасенія таинствъ, и другія симъ подобныя нелѣпости (absurda). Такимъ образомъ постепенно, съ осмотрительностію и благоразуміемъ, когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощреніемъ, то обманомъ, то угрозою, перевести русскихъ въ римлянъ, то всѣ останутся въ той мысли, что при помощи Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, будетъ процвѣтать римское вѣроисповѣданіе.

„Въ тринадцатыхъ: поелику народъ украинскій, подольскій и волынскій, держась своего вѣроисповѣданія, готовъ произвести мятежъ, то въ такомъ случаѣ ежели трудно будетъ предавать смерти, или, по малочисленности польскихъ войскъ, удержать мятежниковъ, республика не должна жалѣть пожертвованій, если и всѣхъ таковыхъ ревнителей отдастъ потомъ въ услугу татарамъ: они скоро приберутъ ихъ въ свои руки,—а оставшійся послѣ нихъ край надо будетъ потомъ заселить народомъ польскимъ и мазовецкимъ. Не подумайте, чтобы Россія вступилась за русскихъ, когда они уже сдѣлаются уніатами, ибо надобно знать, что уніатовъ болѣе, нежели насъ, ненавидятъ русскіе и желали бы видѣть ихъ за отступленіе отъ ихъ отщепенства (schizma) въ крайнемъ несчастіи. Впрочемъ хотя бы и расположена была къ уніатамъ Россія, все же мы можемъ сдѣлать ее для нихъ такою, какою захотимъ.

„Поступая такимъ образомъ, мы, безъ всякаго сомнѣнія, достигнемъ со временемъ того, что народъ Польскаго королевства утвердится во взаимной любви, согласіи и единствѣ, что Польша сдѣлается предметомъ всеобщаго уваженія, взойдетъ на высочайшую степень могущества и заставитъ трепетать предъ собою всѣ прочіе народы; что религія римско-католическая распространится болѣе нежели на 160,000 квадр. миль; словомъ, что всѣ мы сохранимъ цѣлость и безопасность своего отечества.

„Здѣсь подъ конецъ замѣтимъ, что такъ какъ Русь, будучи оставлена при своемъ вѣроисповѣданіи, можетъ угрожать нападеніемъ Польшѣ, отдѣлится ли она отъ отечества, или присоединится опять къ оному, то обративъ ее къ римской церкви, мы прежде всего отнимемъ надежду у простаго народа и къ возстановленію оной, и потомъ, тѣсно соединивъ оную съ собою, сдѣлаемъ ее для Россіи непріязненною, въ чемъ да поможетъ намъ Богъ.—Аминь".

Изъ вышеприведеннаго очерка ясно видно, что угнетеніе православія и православной Церкви было дѣломъ не частнаго латино-шляхтскаго произвола, а результатомъ

политики польскаго государства, задачей зрѣло обдуманной правительственной системы. Роль шляхты была тутъ не болѣе, какъ ролью медвѣдя, услуживавшаго своему другу.

Какое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать объ этой политикѣ? Историческое безпристрастіе не позволяетъ осудить ее, потому что она находитъ полное оправданіе въ политической необходимости.

Для правительствъ, государственный интересъ есть высшій интересъ, которому должны подчиняться всѣ другіе интересы. Политическое объединеніе государства, какъ первая потребность его бытія, какъ необходимое условіе его крѣпости и прочности, было именно такимъ интересомъ для польскаго правительства, которое и дѣйствовало въ этомъ смыслѣ, притомъ дѣйствовало мѣрами, вполнѣ раціональными и умно разсчитанными. Объединяющимъ началомъ въ Польшѣ служилъ католицизмъ, сдѣлавшійся символомъ польской народности; а потому, въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго государства, необходимо было, во что бы то ни стало, поставить католицизмъ на мѣсто православія, какъ символа народности русской. Къ этой цѣли и были направлены всѣ дѣйствія польскаго правительства: придумана унія, которая не вдругъ, но вѣрно вела русскій народъ къ латинству; потомъ принимались мѣры, которыя, прямымъ или косвеннымъ путемъ вели къ уніи или, гдѣ было можно, прямо къ латинству. Результаты *доказали вѣрность принятой польскимъ правительствомъ политической системы*: русское дворянство, лишенное политическихъ правъ, не выдержало изолированнаго положенія посреди дворянства католическаго, полноправнаго и господствовавшаго, оно быстро примкнуло къ нему, т. е. окатоличилось и ополячилось; высшее православное духовенство, лишаемое имуществъ, значенія, и не признаваемое правительственною властью, покорялось неизбѣжной необходимости и подчинялось папству; монашество, лишаемое пастырей и убѣжищъ, разсѣевалось и изчезало; священство, теряя каждый день храмы, отдаваемые уніатамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность продолжать пастырское служеніе, уступало нуждѣ, признавало папство или бѣжало за границу; наконецъ упраздненіе іерархіи должно было неизбѣжно окончиться и упраздненіемъ самой Церкви. Простой народъ порабощенный и во множествѣ присоединенный уже къ уніи, оставшись безъ пастырей и безъ общественной руководящей силы, не могъ бы долго устоять,—и не вмѣшай анархическая шляхта своихъ дикихъ насилій въ процессъ постепеннаго разложенія православной русской стихіи, дай она ей время разлагаться на почвѣ правительственныхъ мѣропріятій и не вызови она, своимъ неистовымъ своеволіемъ, народныхъ массъ на борьбу за политическую и религіозную независимость, борьбу, поразившую смертельно польское государство, — политика правительства восторжествовала бы, и неумолимая исторія оправдала бы ее. Но шляхетская Польша не носила въ себѣ никакихъ задатковъ жизни: въ нее, съ самаго зарожденія, залегло начало разрушенія, и шляхта спасла Западный край для Россіи, которая, пользуясь уроками исторіи и своимъ неотъемлемымъ правомъ самосохраненія, *не должна бы терять времени на полумѣры, но дѣйствовать энергично и послѣдовательно*, направляя всѣ свои способы къ одной цѣли—возстановленію и укрѣпленію истиннаго русскаго элемента въ Сѣверо и Юго-западныхъ губерніяхъ, не допуская при этомъ латинскую пропаганду распространять свои зловредные сѣмена во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и на Востокѣ, что начинаетъ уже принимать угрожающіе размѣры, при каждомъ сооруженіи католическаго храма въ этихъ православныхъ областяхъ.

Вышеприведенный іезуитскій проектъ, поражающій читателя-христіанина своею безпощадною жестокостью, по утвержденіи сеймомъ примѣнялся поляками къ подданнымъ Польши православнаго вѣроисповѣданія, безъ всякаго снисхожденія и пощады, о чемъ православному народу и его правительству не слѣдовало бы никогда забывать. Это сознаютъ и сами поляки и потому съ нескрываемымъ страхомъ слѣдятъ за каждымъ мѣропріятіемъ правительства, касающимся латинскаго духовенства. Чуется по-

лякамъ заслуженное возмездіе, хотя Россія, *съ ущербомъ для своей національности и православія*, далека еще отъ мысли преслѣдованія враговъ русской Церкви и русскаго государства такъ, какъ они этого заслуживаютъ, т. е. такими мѣрами, къ какимъ прибѣгали поляки во время своего господства надъ русскими. Съ воинствующимъ латинствомъ и папствомъ энергичнѣе воюютъ сами благоразумные поляки, доказательствомъ чему служитъ отпаденіе отъ папства 40 тысячъ американскихъ поляковъ, съ епископомъ Козловскимъ во главѣ. Русское же православное духовенство, не отступая отъ завѣтовъ Христа: „любите враговъ вашихъ...“ проповѣдуетъ любовь къ ненавидящимъ его католикамъ, доказательствомъ чему служитъ Архипастырское воззваніе къ пастырямъ Холмско-Варшавской православной паствы Высокопреосвященнаго Іеронима, архіепископа Холмскаго и Варшавскаго въ 1898 году, которое приводимъ полностью:

„*Близкіе мнѣ по духу и братской о Христѣ любви пастыри, дорогіе мои сотрудники*!

„Волею Божіею я призванъ къ совмѣстнымъ трудамъ съ вами на настоящей новой для меня нивѣ Божіей. Не скажу, чтобы жизнь Холмско-Варшавской епархіи была неизвѣстна и чужда мнѣ до времени моего вступленія въ ея предѣлы. Особенности религіозной жизни этого края извѣстны всей Россіи и тѣмъ болѣе мнѣ по мѣсту моего послѣдняго служенія. Съ чувствомъ благоговѣнія вступилъ я на эту древлеправославную каѳедру. Зналъ я и помнилъ, что этотъ край намъ, русскимъ людямъ, родной: онъ славянскій. Было время, когда и въ этомъ краѣ, какъ славянскомъ, слѣдовали православной проповѣди свв. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Это было въ ту пору, когда у всѣхъ славянскихъ семействъ былъ одинъ языкъ, когда царила между ними сильная любовь, и когда всѣ славяне славили Бога какъ *едиными усты*, такъ и *единѣмъ сердцемъ*. Было время,—что подтверждаютъ и польскіе историки,—когда польское племя исповѣдывало православную вѣру, возвѣщенную свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, и исполняло обряды восточнаго исповѣданія — обряды, сохранившіеся всецѣло въ православно-русской церкви. Къ прискорбію, увлеченіе нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ западнымъ р.-католическимъ ученіемъ произвело раздѣленіе между славянскими племенами, и родные намъ по племени поляки вотъ уже нѣсколько столѣтій удалились отъ сроднаго славянскому духу восточнаго исповѣданія и приняли р.-католичество. И вотъ почему прибывающіе на эту окраину нашего отечества русскіе люди не находятъ среди родственнаго намъ польскаго племени православныхъ обычаевъ, которыми украшается русское отечество, которыми живетъ Россія. Для русскихъ людей въ этомъ краѣ, можно сказать, единственное мѣсто, гдѣ русскій человѣкъ видитъ все вполнѣ русское, православное, гдѣ все напоминаетъ ему далекую отъ него дорогую родину,—это православный храмъ. Стоя въ храмѣ во время богослуженія, онъ возноситъ свои молитвы къ Богу при мысли, что въ это же время, при точно такомъ же богослуженіи на его далекой родинѣ молятся отецъ и мать, братъ и сестра. На васъ, священнослужители храмовъ, посѣщаемыхъ поселившимися въ этомъ краѣ русскими людьми, лежитъ обязанность благолѣпіемъ и стройностью богослуженія содѣйствовать подъему русскаго православнаго духа молящихся во ввѣренныхъ вамъ храмахъ. Православно-русскіе пастыри! Радуйте сердца русскихъ людей, находящихся вдали отъ своей родины, своимъ примѣромъ любви къ своимъ роднымъ русскимъ отечественнымъ обычаямъ, примѣромъ любви къ обычаямъ и установленіямъ св. Православной церкви.

„Вступая на Холмско-Варшавскую православную каѳедру, я также зналъ и помнилъ, что въ числѣ моихъ чадъ новой паствы находятся потомки борцовъ и мучениковъ за вѣру православную, между пастырями моей паствы, моими ближайшими сотрудниками— преемники тѣхъ славныхъ предстоятелей Церкви, которые на раменахъ своихъ вынесли всю тяжесть гоненія на православныхъ, сами не соблазнились и сумѣли поддержать и укрѣпить народъ православный. Но вмѣстѣ съ этимъ я не могъ и не хотѣлъ

закрывать глаза свои на то грустное явленіе, которое омрачаетъ свѣтлую картину торжества вѣры православной; разумѣю существованіе многихъ тысячъ упорствующихъ, живущихъ внѣ общенія съ Церковью. Это расхищенныя овцы православнаго стада, и такихъ уже много. Надо ли говорить, какъ велико настоящее горе и какъ тяжела мысль, что это горе можетъ увеличиться. И потому въ настоящее время пастырь долженъ быть готовъ болѣе, чѣмъ когда-либо. всю жизнь свою посвятить дѣлу спасенія заблудившихся чадъ своихъ. Теперь настало время дѣйствовать; не праздныя сожалѣнія о минувшемъ, но твердая рѣшимость и любовь пастыря могутъ дать лѣкарства для врачеванія и исцѣленія тяжелаго недуга. *Тѣсное духовное общеніе вѣрующихъ съ Церковью и Ея пастырями*—вотъ, по моему убѣжденію, первое и самое дѣйствительное средство для охраненія православныхъ отъ соблазновъ и для возвращенія на путь истины заблудшихъ. Живая тѣсная связь вѣрующихъ съ Церковью и пастырями—это та великая сила, благодаря которой всѣ ужасы гоненія на православную Церковь въ здѣшнемъ краѣ, всѣ усилія враговъ православія и христіанской любви не могли поколебать православно вѣрующихъ въ ихъ любви и преданности святой Церкви. И въ настоящее время отъ пастыря во многомъ зависитъ возрастить и укрѣпить связь вѣрующихъ съ Церковью и чрезъ свое личное духовное общеніе съ пасомыми утвердить въ ихъ средѣ свой авторитетъ. *Овцы слушаются голоса его* (пастыря), *и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени, выводитъ ихъ; и когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ передъ ними; а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его; за чужимъ же не идутъ, но бѣгутъ отъ него, потому что не знаютъ чужого голоса.* (Іоан. X, 3—5). Такъ велика связь истиннаго пастыря и овецъ; такъ велико послушаніе послѣднихъ первому. Но, конечно, тогда только и возможно будетъ послушаніе овецъ голосу пастыря, когда онъ будетъ знать своихъ овецъ, „звать ихъ по имени“, и овцы знать голосъ своего пастыря, видѣть въ немъ своего, Богомъ даннаго, отца. Поэтому въ тѣсномъ общеніи пастыря съ пасомыми я вижу первый залогъ успѣшной пастырской дѣятельности и глубоко убѣжденъ, что такое общеніе вполнѣ возможно и естественно. Правда, огромное большинство прихожанъ—люди простые по вѣрѣ и жизни, но пастырямъ хорошо извѣстны слова св. апостола, что «*Богъ избралъ немудрыя міра, чтобы посрамить мудрыхъ; и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее*» (1 Коринѳ. I, 27—28). Не оправдались ли эти слова въ жизни нашей западно-русской Церкви? Богъ попустилъ сильнымъ міра и первымъ въ Церкви совратиться съ пути истины, но далъ силу простому сердцемъ народу перенести искушеніе. И если народъ нашъ неразвитъ, то на комъ же первѣе всего лежитъ долгъ привести по возможности всѣхъ чадъ своихъ въ мѣру возраста совершенна? Или можетъ оттолкнуть пастыря отъ стремленія сблизиться съ пасомыми бѣдность послѣднихъ? Но еще св. апостолъ Іаковъ съ горечью упрекаетъ вѣрующихъ за раздѣленіе чадъ Церкви: «*послушайте, братіе мои возлюбленные, не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его? а вы презрѣли бѣднаго. Не богатые ли притѣсняютъ васъ и не они ли влекутъ васъ въ суды, не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь?... если поступаете съ лицепріятіемъ, то грѣхъ дѣлаете* (II, 5—9). Если же священникъ будетъ чуждаться общенія съ народомъ, если отецъ безучасно отвернется отъ своихъ дѣтей, то куда же они пойдутъ искать утѣшенія и наученія? въ церковь; но чтобы вѣрующіе могли найти въ ней и утѣшеніе и наученіе, необходимо, чтобы пастырь былъ истиннымъ отцемъ для своихъ пасомыхъ. Въ минуту скорби душа человѣка ищетъ сочувствія и утѣшенія и глубоко страдаетъ, не встрѣчая его. Я возьму обычный примѣръ: отношеніе пастыря къ осиротѣвшей семьѣ. Сердечное участіе пастыря къ постигшей ее скорби, его теплая совмѣстная молитва сдѣлаютъ то, что въ осиротѣвшей семьѣ онъ пріобрѣтаетъ себѣ сердечно преданныхъ чадъ. И наоборотъ, сухимъ, чисто формальнымъ отношеніемъ къ

дѣлу онъ навсегда оттолкнетъ сердце, искавшее любви и утѣшенія. Подобное бываетъ и при радостныхъ событіяхъ въ жизни прихожанина. Къ священнику несутъ вѣсть о рожденіи новаго члена семьи, онъ является вѣстникомъ благословенія Церкви Ея новому члену; онъ бываетъ обыкновенно и самымъ дорогимъ гостемъ въ радующейся семьѣ. И тутъ то же: если священникъ раздѣлитъ радость родителей, привѣтствуетъ ихъ ласковымъ словомъ, съ любовію приметъ новое дитя своей паствы, онъ навсегда оставитъ въ сердцѣ присутствующихъ сѣмя любви къ себѣ. При холодномъ же отношеніи священника, съ неохотою идущаго въ домъ бѣднаго прихожанина, безучастно отстраняющагося отъ скромной радости своихъ дѣтей, онъ вмѣстѣ съ платою за трудъ унесетъ боязнь и нерасположеніе къ себѣ. Конечно такая отзывчивость къ интересамъ прихожанъ возможна только при любви, которая составляетъ основу пастырской дѣятельности. И если такая любовь есть, то какъ много въ практикѣ пастырской случаевъ для того, чтобы поддержать и возрастить связь вѣрующихъ съ Церковію. Народъ и въ радости, и въ скорби идетъ въ церковь, въ храмѣ ищетъ успокоенія и утѣшенія. Отъ священника во многомъ зависитъ поддержать такое религіозное настроеніе прихожанъ. Великая разница, хотя и чувствуется она больше сердцемъ, служитъ ли священникъ только для пришедшихъ молиться, или же и самъ молится вмѣстѣ съ ними. Въ исповѣди особенное значеніе имѣетъ и благотворно дѣйствуетъ сердечное отношеніе пастыря къ своему долгу. Въ нѣсколько минутъ, посвященныхъ имъ дѣлу врачеванія обремененной грѣхами, но ищущей мира души, пастырь при помощи Божіей можетъ навсегда утвердить свою духовную связь съ вѣрующимъ и многое сдѣлать для его духовнаго усовершенствованія.

„Но и кромѣ своего личнаго сердечнаго отношенія къ религіознымъ нуждамъ пасомыхъ, священникъ весьма многое сдѣлаетъ для упроченія связи вѣрующихъ съ Церковію, если постарается привлечь своихъ прихожанъ къ непосредственному участію въ богослуженіи. И конечно, здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить *общее церковное пѣніе*. Возникнуть и окрѣпнуть это нелегкое дѣло можетъ только при живомъ сочувственномъ отношеніи къ нему священника. Въ его власти расположить къ этому прихожанъ, выраженіемъ же своеге одобренія и своевременною помощью поставить это доброе дѣло на твердую почву. Безъ сочувствія же священника, даже при существованіи средствъ къ осуществленію столь важнаго дѣла, послѣднее можетъ заглохнуть или и вовсе не возникнуть. Почти то же надо сказать и о любимыхъ народомъ чрезвычайныхъ *торжественныхъ богослуженіяхъ*, напримѣръ, акаѳистахъ, такъ называемыхъ здѣсь отпустахъ, крестныхъ ходахъ въ праздничные дни, паломничествахъ къ мѣстночтимымъ святынямъ и т. п. Сдѣлать все это вполнѣ согласнымъ съ духомъ православнаго богослуженія, возбудить этимъ подъемъ религіознаго чувства вѣрующихъ, — все это не трудно, все возможно при любви и желаніи священника. При важномъ же значеніи всего этого для упроченія связи вѣрующихъ съ Церковію и самими пастырями небрежное отношеніе къ дѣлу явится противнымъ нравственному долгу пастыря, къ сознанію котораго я и обращаюсь въ своей бесѣдѣ.

„Въ настоящій разъ я не касаюсь обстоятельно служенія священника, какъ совершителя богослуженія; не говорю о необходимости для него особаго попеченія о чистотѣ своей личной жизни, прилежанія въ церковномъ учительствѣ и т. п. Все это ясно и само по себѣ и можетъ быть требуемо отъ священника, какъ должное. Но что, кромѣ любви и сознанія нравственнаго долга, можетъ заставить священника жить одними интересами со своими духовными дѣтьми, скорбѣть и радоваться съ ними, поддержать и укрѣпить ослабѣвающаго? А между тѣмъ въ этомъ не менѣе, чѣмъ въ исполненіи опредѣленныхъ закономъ обязанностей, состоитъ долгъ пастыря, какъ духовнаго отца своихъ прихожанъ. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ пророкъ строго обличаетъ пастырей именемъ Божіимъ за нерадѣніе ихъ объ овцахъ и именно за то, что пастыри „*стадо*

не пасли, слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораженной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими съ жестокостію и насиліемъ. И разсѣялись овцы безъ пастыря и разсѣявшись сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому". (Іезек. XXXIV). Если такъ ясно выражена обязанность пастыря блюсти свое стадо еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, то насколько возвышеннѣе требованія нравственнаго долга отъ христіанскаго пастыря! „*Пасите Божіе стадо,* говоритъ Апостолъ, *какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія; и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду*" (1 Петр. V, 2 — 3). Священникъ не можетъ ограничиться формальнымъ совершеніемъ требъ и богослуженія; онъ не долженъ быть наемникомъ, которому чужды радость и скорбь его духовныхъ дѣтей. Для того же, чтобы дѣйствительно быть руководителемъ и отцемъ своихъ пасомыхъ, священнику, опять повторяю, необходимо находиться въ живомъ духовномъ общеніи съ прихожанами. И вотъ важное препятствіе на пути къ осуществленію этой великой задачи пастырскаго служенія я вижу въ частой *перемѣнѣ приходовъ*. Если священникъ живетъ съ постоянною мыслью о „лучшемъ" приходѣ, то какая же можетъ быть рѣчь о возможности духовнаго единенія пастыря съ пасомыми; станетъ ли такой пастырь жить интересами своего прихода; будетъ ли въ свою очередь и народъ любить такого пастыря, слушать голосъ его? А вѣдь въ этомъ главное условіе успѣшной пастырской дѣятельности. И если гдѣ, то особенно въ нашемъ краѣ желательна тѣсная духовная связь священника съ пасомыми, а такой связи нѣтъ и быть не можетъ тамъ, гдѣ бываетъ нерѣдкая перемѣна пастырей. Поэтому я желаю и усердно прошу, чтобы вы не искали безъ настоятельной нужды новаго мѣста служенія, но всѣ усилія приложили къ укрѣпленію своего вліянія въ занимаемомъ приходѣ.

„Думаю, что дѣлу ближайшаго ознакомленія съ духовно-нравственными нуждами прихода большую помощь могутъ оказать *пастырскія посѣщенія прихожанъ*, важное значеніе которыхъ мнѣ хотѣлось бы отмѣтить въ настоящей бесѣдѣ. Безъ подобныхъ посѣщеній священнику весьма трудно было бы ознакомиться съ бытомъ и нуждами прихожанъ. Правда, посѣщеніе прихожанъ является во многихъ случаяхъ обязательнымъ долгомъ для пастыря. Таковы, напримѣръ, случаи, когда священника приглашаютъ въ домъ для совершенія какихъ-либо требъ. Затѣмъ существуетъ прекрасный обычай посѣщать прихожанъ во дни великихъ праздниковъ, когда священникъ является вѣстникомъ благословенія Церкви и вмѣстѣ со своими духовными дѣтьми раздѣляетъ праздничную радость. Но все же этого едва ли достаточно для пастырскихъ воспитательныхъ цѣлей. Обыкновенно праздничныя посѣщенія прихожанъ совершаются въ короткій промежутокъ времени, священникъ утомленъ, да и цѣль подобнаго посѣщенія не можетъ быть слишкомъ расширяема. Поэтому, кромѣ этихъ обязательныхъ и обычныхъ посѣщеній, желательны посѣщенія пастыремъ своихъ прихожанъ внѣ спеціально церковной богослужебной обстановки, съ главною цѣлью воздѣйствовать нравственно на нихъ и для возможнаго съ ними сближенія. Едва ли нужно и говорить, что случаевъ къ подобнаго рода частнымъ посѣщеніямъ представляется безконечно много. И болѣзнь прихожанина, и радостное событіе въ семьѣ, поощреніе особо ревностныхъ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, и наоборотъ наставленіе уклоняющихся отъ посѣщенія храма и т. д. Конечно, говоря о несомнѣнной пользѣ пастырскихъ посѣщеній, я далекъ отъ мысли желать, чтобы эти посѣщенія приняли характеръ чисто формальной обязанности пастыря посѣтить въ извѣстный промежутокъ времени всѣхъ своихъ прихожанъ. Пастырскія посѣщенія всегда, по моему мнѣнію, должны оставаться свободнымъ дѣломъ священника, руководящагося духовно-нравственными нуждами прихожанъ и ихъ готовностью сердечно откликнуться на отеческій его призывъ.

„До сихъ поръ я говорилъ преимущественно о необходимости тѣсной связи па-

стыря съ прихожанами, какъ отдѣльными личностями, требующими для своего совершенствованія пастырской попечительности. Но если такое единеніе существуетъ, то несомнѣнно тѣсна связь пастыря со всѣмъ приходомъ въ совокупности его членовъ, и въ данномъ случаѣ приходъ, нуждаясь въ пастырской попечительности о себѣ, и самъ является великою силою, при помощи которой пастырю возможно будетъ выполнить широкою задачу, возлагаемую на него пастырскимъ званіемъ. Къ пастырю Церкви въ значительной мѣрѣ примѣнимо то, что говорилъ о себѣ св. Апостолъ Павелъ: «*всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу*» (1 Коринѳ. IX, 22). Конечно такая всеобъемлющая дѣятельность посильна только св. Апостолу. Но и въ жизни прихода собственно нельзя и представить себѣ такого событія или состоянія, къ которому могъ бы безучастно отнестись пастырь. Усилія одного человѣка легко могутъ оказаться и недостаточными. И вотъ въ своемъ же приходѣ священникъ найдетъ себѣ помощь. *Церковное братство и попечительство*, душою которыхъ долженъ быть священникъ, всегда явятся великою силою, орудіемъ къ духовному подъему вѣрующихъ, къ подъему ихъ матеріальнаго благосостоянія. О томъ, что желательно участіе священника и въ матеріальныхъ нуждахъ прихода, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, хотя эта обязанность и отступаетъ на второй планъ передъ первою и главнѣйшею — духовнымъ руководительствомъ прихожанъ. Извѣстна матеріальная необезпеченность нашего крестьянина; вся жизнь его проходитъ въ борьбѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба, и нерѣдко бываетъ достаточно пожара или неурожая, чтобы этотъ неутомимый честный труженикъ сдѣлался нищимъ, которому безъ посторонней помощи грозитъ голодная смерть. Можетъ ли пастырь оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ такого несчастья? Разумѣется, нѣтъ: онъ сдѣлаетъ, что можетъ, по долгу христіанской любви, но, къ прискорбію, и самъ онъ не богатъ. И здѣсь со всею ясностію выступаетъ значеніе обще-приходской благотворительности; и если она сосредоточится въ церковныхъ учрежденіяхъ, какъ то: братство и попечительство, то кому же, какъ не священнику, быть руководителемъ въ помощи доброму дѣлу, кому лучше знать истинную нужду прихожанъ и кто безпристрастнѣе его можетъ отнестись къ дѣлу, конечно только при искреннемъ желаніи служить своему приходу. А это участіе священника и въ нуждахъ внѣшняго быта пасомыхъ еще болѣе, безъ сомнѣнія, укрѣпитъ духовную связь его съ приходомъ. Истина извѣстная и высказанная еще отцами Церкви, что тогда только слово и поученіе пастыря будетъ воспринято сердцемъ вѣрующихъ, когда онъ и самъ является отзывчивымъ на ихъ личныя нужды. Вся исторія Церкви отъ временъ Апостоловъ подтверждаетъ это. Поэтому особенно важно для пастыря принимать живое участіе, по возможности стоять во главѣ такихъ учрежденій, какъ братства и попечительства, которыя одновременною цѣлью своей дѣятельности поставляютъ и духовно-нравственное преуспѣяніе народа, и его матеріальное благосостояніе.

„Наряду съ церковно-благотворительными учрежденіями, дѣйствительнымъ средствомъ къ сближенію съ приходомъ и утвержденіемъ его связи съ Церковію является *школа церковная*. Здѣсь дѣло такъ ясно говоритъ за себя, что я не буду и указывать подробно, насколько важно и сравнительно легко вліять на еще не установившіяся дѣтскія души, чтобы направить ихъ на истинный путь. Знаю, что занятіе школою—это не легкая задача для священника; но зато велика и награда такого труда; безъ преувеличенія можно сказать, что ни въ чемъ не обнаруживаются такъ ясно плоды ревностнаго пастырскаго труда въ смыслѣ благотворнаго вліянія на народъ, какъ труда школьнаго. Но хотя и велико просвѣтительное значеніе церковной школы, тѣмъ не менѣе заботою о ней одной не долженъ ограничиться ревностный пастырь. Взрослые его прихожане нерѣдко нуждаются въ наученіи даже самымъ основнымъ истинамъ вѣры, не говоря уже о большомъ количествѣ неграмотныхъ среди нашихъ крестьянъ. И въ данномъ случаѣ многое могутъ сдѣлать *воскресныя школы* и *внѣбогослужебныя бесѣды*

священника съ прихожанами. Конечно, нельзя требовать отъ каждаго пастыря устройства воскресной школы и занятій въ ней безъ помощниковъ. Но если школа уже существуетъ, или представляется возможность къ ея возникновенію, то долгъ священника оказать ей всякое содѣйствіе и поддержку, принять ее подъ свое руководство. Подобное же значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія имѣютъ и внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія, пользующіяся полнымъ сочувствіемъ народа повсемѣстно; и дай Богъ, чтобы они росли и укоренялись все болѣе и болѣе. Здѣсь главное, чего нужно пожелать, заключается, по моему мнѣнію, въ жизненности собесѣдованій при ихъ общедоступности. Только при этихъ условіяхъ цѣль будетъ достигнута, и они могутъ явиться дѣйствительнымъ средствомъ къ наученію народа, равно какъ будутъ представлять для него живой интересъ и отвлекать отъ вредныхъ развлеченій.

„Все вышесказанное мною касается пастырской попечительности о пасомыхъ, преданныхъ православной Церкви. Но въ нашей епархіи есть еще предметъ особой заботы и попечительности священника,—такъ называемые *упорствующіе*. Какъ относиться къ нимъ пастырю Церкви? И здѣсь я могу только молить о любви къ нимъ, о преимущественной заботѣ и ревности пастырей объ ихъ спасенія. Христосъ Спаситель далъ образъ истиннаго отношенія Церкви и пастырей къ заблуждающимся чадамъ Ея въ притчѣ о пастырѣ, ищущемъ заблудшую овцу. А какъ подходитъ къ этимъ обманутымъ вѣрующимъ образъ заблудившейся безпомощной овцы! Правда, они нерѣдко съ враждою относятся къ матери православной Церкви, они отвергаютъ Ея заботы; но этотъ заблуждающійся обольщенный народъ дѣйствуетъ по невѣдѣнію, и заслуживаетъ полнаго сожалѣнія и всепрощенія. Они поистинѣ не вѣдаютъ, что творятъ, и потому наиболѣе требуютъ всепрощающей любви Церкви и заботъ о себѣ. Церковь съ грустью видитъ уклоненіе отъ нея людей, утратившихъ вѣру въ Бога и Его Церковь; Она скорбитъ о раздѣленіи, существующемъ въ христіанскомъ мірѣ. Но особенно скорбитъ Церковь, особенно ревнуетъ о заблуждающихся вѣрующихъ въ простотѣ душевной, которые лишены благъ церковнаго общенія только по неразумѣнію истины и злому воздѣйствію лицъ, хотя и именующихъ себя христіанами, но на дѣлѣ чуждыхъ истинно христіанской любви, видящихъ въ вѣрующихъ душахъ только орудіе къ осуществленію своихъ плановъ. Не можетъ здѣсь пастырь быть спокойнымъ свидѣтелемъ совершившагося отчужденія вѣрующихъ отъ церкви. Тутъ мѣсто особой пастырской ревности, особымъ заботамъ о врачеваніи недужныхъ, заботамъ о томъ, чтобы отыскать заблудшую и возвратить угнанную овцу. Трудно это, но и необходимо. Не осужденіемъ, не угрозами или насиліемъ, но только любовью, кротостью, терпѣливымъ постояннымъ учительствомъ пастырь Церкви можетъ обратить заблудшихся, возсоединить любовью то, что отторгнуто лукавствомъ и насиліемъ. И въ настоящій разъ я считаю умѣстнымъ напомнить пастырямъ о постоянной снисходительности Церкви къ немощамъ вѣрующихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ упорствующіе руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ враждою и ненавистью къ Церкви. Нерѣдко препятствуетъ ихъ единенію съ православною, Церковью простая преданность нѣкоторымъ обрядамъ, не входящимъ въ практику православнаго богослуженія. Какъ поступать въ такихъ недоумѣнныхъ случаяхъ, я всегда съ полной охотой дамъ свои указанія. Но что Церковь православная, какъ любящая мать готова идти на встрѣчу стремленіямъ къ единенію съ Нею Ея неутвержденныхъ чадъ— это не подлежитъ сомнѣнію и съ особенною ясностью обнаруживается на церковной практикѣ въ отношеніи старообрядцевъ-единовѣрцевъ, находящихся въ духовномъ дѣтствѣ и однако пользующихся всѣми благами общенія съ Церковью. Подобно этому ревность о чистотѣ православія и преданность обрядамъ православной Церкви не исключаетъ со стороны пастыря, по моему благословенію, и отеческой снисходительности къ немощамъ такъ называемыхъ упорствующихъ.

„Наконецъ, усердная просьба моя ко всѣмъ пастырямъ *о мирѣ и христіанской*

любви не только къ членамъ православной Церкви, *но и къ лицамъ инославнаго исповѣданія*, живущимъ совмѣстно съ православными. Даже въ случаѣ враждебнаго отношенія односельчанъ къ православнымъ, пастырь любовью болѣе, чѣмъ жалобами и угрозами, можетъ измѣнить недоброжелательное настроеніе иновѣрцевъ. Мы православные съ осужденіемъ и справедливымъ негодованіемъ говоримъ о тѣхъ людяхъ, которые ради достиженія своихъ цѣлей рѣшаются возбуждать ненависть въ средѣ вѣрующихъ. Да не будетъ, поэтому, ничего подобнаго въ дѣятельности православнаго пастыря, призваннаго вселять миръ и любовь въ души вѣрующихъ. Христосъ Спаситель въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ далъ намъ образъ любви и состраданія ко всѣмъ окружающимъ. Христіанскій пастырь не можетъ быть, подобно ветхозавѣтному, безучастнымъ къ страданію ближнихъ, хотя бы иновѣрцевъ; тѣмъ болѣе не долженъ онъ поселять вражду между своими чадами и чуждыми Церкви православной. *Если возможно съ вашей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми.* (Римл. X, 11, 18). Не о безразличномъ отношеніи пастыря говорю я, не о холодности съ его стороны къ дѣлу торжества истинной православной Церкви, но о тѣхъ средствахъ, которыми онъ можетъ содѣйствовать этому. Пусть пастырь идетъ къ этой цѣли путемъ свѣта, христіанской любви и честнаго исповѣданія истины, а не путемъ тьмы и обмана, составляющихъ удѣлъ вора, который приходитъ только для того, чтобы „украсть, убить и погубить" овецъ. Церковь православная во всѣ дни руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ любовью; глубоко въ Ея сознаніи отпечатлѣлись слова св. Апостола Павла: *если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій... и если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.* (1 Коринѳ. XIII, 1—3). Итакъ, долгъ православнаго пастыря всѣми силами содѣйствовать упроченію въ средѣ своихъ прихожанъ мира съ ближними, этого великаго жизненнаго блага, безъ котораго невозможно для человѣка осуществить заповѣдь о любви христіанской и даже найти покой собственной душѣ.

„Примите, дорогіе мои сотрудники, сердцемъ слово, сказанное отъ любящаго васъ сердца. Твердо и неуклонно стойте на стражѣ врученнаго вамъ стада Христова, да будете безупречны предъ своею совѣстью и готовы въ день суда Христова сказать Ему: *вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Богъ*".

Польскую же дѣтвору воспитывали въ духѣ религіи такъ: прежде чѣмъ приложить младенца къ груди матери или кормилицы, его рученку прикладывали послѣдовательно ко лбу, груди и плечамъ въ знакъ крестнаго знаменья. Едва дитя начинало лепетать, его учили молитвамъ. Ребятамъ не давали пищи, пока младшія не перекрестятся, а старшія не пролепечутъ зазубренной части молитвы. Въ школахъ, пріучали прежде всего къ религіозности. Помимо церковныхъ требъ и *ежемѣсячной* исповѣди, коими нельзя было пренебрегать подъ страхомъ розогъ, обязательнымъ было ежедневно пѣть „литанію" и отслушивать *santum* и *officium* Богородицѣ, выполнять *rosarium*, пѣть про себя гимны, въ праздники, отчитывать „ораціи". 12-ти лѣтній мальчуганъ изъ класса риторики іезуитскихъ школъ долженъ былъ публично читать о непорочномъ зачатіи! Ежемѣсячно выдавались каждому ученику листки съ нравоучительскими сентенціями того и другого святого. Авторъ сантенцій былъ патрономъ ученика на цѣлый мѣсяцъ, и къ нему обязанъ былъ мальчикъ всегда обращаться за помощью. Разыгрывались „діалоги" про обращеніе въ латинство какого-либо извѣстнаго лица, либо „объ одномъ богатомъ человѣкѣ, который бросаетъ міръ, отправляется паломничать въ Іерусалимъ, гдѣ и отдаетъ духъ Богу на горѣ Кальваріи во время исключительнаго молитвеннаго экстаза". Для выработки изъ своихъ учениковъ будущихъ піонеровъ католицизма, іезуиты, помимо еженедѣльныхъ диспутовъ о преимуществахъ католической религіи, дважды въ годъ устраивали болѣе торжественные публичные диспуты. Если въ диспутѣ не участвовалъ диссидентскій богословъ, то его замѣнялъ іезуитскій ученикъ старшаго класса. Учителя поощряли

также своихъ воспитанниковъ къ „искорененію еретиковъ въ предѣлахъ родины“. Іезуитскіе ученики разрушали жилища евангелическаго духовенства, жгли книги, издѣвались надъ живыми, оскверняли трупы“ [1]).

„Пріучая молодежь къ ханжеству и вкореняя въ нее фанатизмъ, іезуиты *ничему сами не учили*, кромѣ церковныхъ наукъ. Схоластическая философія—спутница теологіи, да латынь—были единственными и скучнѣйшими науками, которыя вдалбливались безпощадно въ головы дѣтей. Философія дѣлилась тогда на науку о сужденіи, или логику; на свѣдѣнія о предметахъ матеріальныхъ, ихъ свойствахъ, причинахъ и слѣдствіяхъ,—или этику. Преподаватели въ іезуитскихъ школахъ должны были придерживаться Аристотеля, *согласуя его съ требованіями Церкви*, приводить и превозносить передъ учениками мнѣнія св. Ѳомы. Ученикамъ запрещалось высказывать мнѣнія, не подтвержденныя ссылкой на книгу, одобренную Орденомъ“.

Что же удивительнаго, если воспитанная *такъ* молодежь становирясь *деморализованною* и *идіотическою*? Реформа народнаго просвѣщенія стала необходимою. За 9-ти лѣтній періодъ времени (1781—1890) во всѣхъ школахъ обучалось въ сложности 10.200 челов., то есть 1133 ученика ежегодно, что составляетъ для населенія въ 5,500,000 чел.—по одному воспитаннику на 4854 человѣка; при этомъ большую часть учащихся составляли иновѣрцы. Первый букварь для приходскихъ школъ изданъ по-польски въ 1785 г. [2]).

Но и въ этихъ преобразованныхъ школахъ молодежь немного выигрывала. „Начальникъ кадетскаго корпуса, равно какъ и Воспитательная Коммиссія должны были за неимѣніемъ народныхъ силъ поручать составленіе учебниковъ иностранцамъ. Чувствовался недочетъ даже въ людяхъ, способныхъ излагать въ школахъ элементарную физику и естественную исторію. Въ изложеніи этихъ предметовъ *большинство преподавателей проявляло возмутительное невѣжество*. Въ Каменцѣ въ 1783 году профессоръ физики присовокуплялъ къ ея курсу политику и *катехизическую тенденцію*, вдаваясь въ разсужденія на тему о сотвореніи міра! Онъ громилъ Платона и Аристотеля, Демокрита и Эпикура, Декарта и Лейбница за то, „что они грѣшатъ противъ Бога и природы“, ибо „ихъ теоріи во многомъ не сходны съ истиной“. Преподаватель физики въ Плоцкѣ на посѣтительскомъ экзаменѣ въ 1786 г. „обнаружилъ полнѣйшее непониманіе того, о чемъ обязанъ былъ учить, въ частности, желая доказать, что тѣла расширяются и сжимаются, доводы свои онъ основывалъ на св. Писаніи, а не на научныхъ данныхъ; коснувшись ученія о звукѣ, онъ окончилъ на исторіи танцевъ, разбирая вопросы: „когда найденъ танецъ, какая разница между прежнимъ и нынѣшнимъ“, и пр.

„Ѳома Пашкевичъ, учитель I кл. въ Калишѣ задавалъ ученикамъ въ присутствіи посѣтителя въ 1786 г. такіе вопросы: „какая собака болѣе пригодна для охраны дома, а какую выбирать для охраны скота въ полѣ? почему черная собака лучше для охраны дома, а бѣлая для охраны скота“?

За неимѣніемъ учебниковъ Коммиссія принуждена была задержать преподаваніе зоологіи, а въ 1787 г. предписала преподавателямъ „большую осмотрительность въ изложеніи нѣкоторыхъ извлеченій изъ учебниковъ по естественной исторіи, дабы не впадать во время изложенія въ *несоотвѣтственныя толкованія*, не будучи въ состояніи надлежаще ихъ *объяснить* и хорошо изложить предметъ“. Ксендзъ Андрей Тшцинскій, профессоръ опытной физики въ Главной краковской школѣ, докторъ медицины и философіи, въ своемъ переводѣ французской книги: „Исповѣдь или явное признаніе г-на Вольтера“ (1778)—Лукрецій спуталъ съ римлянкой Лукреціей и доказывалъ цитатами изъ Тертулліана, Іеронима и Августина, что она написала поэму „de rerum natura“;

---

[1]) В. Смоленскій «Przewrót umysłowy w Polsce w w. XVIII». стр. 5, 6. Краковъ, 1891.
[2]) Смоленскій, стр. 6, 272, 274,

трудъ кардинала Полиньяка (Anti-Lucretino) онъ переименовалъ тоже въ Анти-Лукрецію. Читая физику, онъ доказывалъ, что „геніальность есть результатъ заряженія мозга электричествомъ, что онъ испыталъ де на себѣ самомъ“ [1]).

При такомъ состояніи образованія, и нравственность поляковъ стояла въ то еще время на весьма низкомъ уровнѣ. Саксонскій министръ Эссенъ, служившій въ то время въ Польшѣ, изобразилъ въ 1784 году въ самыхъ черныхъ краскахъ нравственный уровень поляковъ высшаго класса. „Двадцатилѣтнее царствованіе (говоритъ онъ) Станислава-Августа, оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что честно, прилично и достойно уваженія, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ близь короля, при его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно-ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, малтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала публично: „вы у меня украли часы; не большой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемьдесятъ червонцевъ“. А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли тому назадъ (писано 1 мая 1784). Есть въ республикѣ министръ, который со своимъ камердинеромъ пошлетъ въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе; а потомъ начинаетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебро, не платитъ денегъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полъ-года опять у него служитъ. А вотъ другой министръ—несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностью. Министръ подалъ апеляцію въ Постоянный Совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной проигрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія между солдатами и крестьянами, въ которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного воеводу потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекся отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей; такую непріятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупщикъ, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за сумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имя залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого смущаетъ опять королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что тотъ отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осьмой—коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и въ такомъ положеніи ее изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца—врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминаю только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраивающими у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ все, что за ними водится. Стало

[1]) Балинскій, «Pamiętniki o Sniadeckiem, II, 104 и Смоленскій, «Przewrót Umysłowy w Polsce w XVIII w. стр. 368, 369.

быть саксонскій маршалъ (Marechal de Saxe — извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ неправъ, сказавши, что полунегодяй (demi-coquin) въ Германіи—будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту понадобилось, чтобъ я указалъ ему три честныхъ и прямыхъ личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, говорятъ поляки, ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ Постоянномъ Совѣтѣ, въ Скарбовой Коммиссіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей, а все-таки, несмотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой разбойничьей страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ отставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь должность министра". Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple [1]).

Но не только иностранцы проживавшіе въ Польшѣ съ такимъ презрѣніемъ отзывались о полякахъ. Самый горячій патріотъ того времени Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: „Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействѣ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость".

Польскій же историкъ Котовичъ знакомитъ насъ съ происхожденіемъ нынѣшнихъ аристократическихъ родовъ въ Польшѣ. Онъ говоритъ: „Среди насъ почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые дѣйствительно принадлежали бы тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ".

Такое происхожденіе панскихъ дѣтей не составляло тайны. Костомаровъ говоритъ что „среди лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ Польши упала такъ низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой, панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе угоднымъ поляку; онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко ополчался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ". Къ этому пріучали его ксендзы и монахи, пользовавшіеся свободой доступа, во всякое время, на женскую половину для „назидательныхъ бесѣдъ".

Какъ скоро мы себѣ представимъ образъ варшавской жизни въ концѣ XVIII столѣтія, гдѣ сеймовые послы играли тогда главную роль, станетъ понятно отъ чего сеймовыя работы, передъ угрожающимъ паденіемъ Польши, шли такъ вяло, и поляки на каждомъ шагу проявляли неспособность подвигать великое дѣло спасенія и возрожденія отечества. Втянувшись въ пустоту забавъ, возненавидѣвъ трудъ, сбросивши съ себя строгость семейной чистоты, гоняясь за мимолетными удовольствіями и отдавая за нихъ совѣсть и честь, нельзя было вести дѣло иначе, какъ оно велось, нельзя было привести его къ иному концу, кромѣ такого, къ какому оно дошло. Послы не вникали въ дѣла, о которыхъ болтали; имъ приходилось составлять проекты безъ всякой под-

---

[1]) Hermann, VI, Anhang III, 190.

готовки и необходимыхъ знаній: не было времени ихъ обдумать и ясно изложить. Дѣлами законодательства и землестроенія приходилось заниматься за бутылками венгерскаго или на переѣздахъ съ обѣда на балъ. Случалось при этомъ, что посолъ приготовитъ проектъ, а тутъ его позовутъ обѣдать и расточаютъ ему знаки вниманія, а между тѣмъ направляютъ его къ противному; голова патріота наполняется винными парами, сердце умягчается отъ фразъ, лести и молніеносныхъ взглядовъ дамъ, и патріотъ выходитъ совсѣмъ съ иными намѣреніями и взглядами. Бывало и такъ, что посолъ подаетъ голосъ, самъ не зная о чемъ идетъ дѣло; голова его не въ состояніи освободиться отъ похмѣлья; онъ смотритъ на другихъ, и ему кажется, что эти другіе за проектъ, тогда какъ эти другіе противъ проекта. Штакельбергъ, слѣдившій за ходомъ засѣданій, не разъ отзывался, что Сеймовая Палата походитъ на домъ умалишенныхъ. Охота блистать риторствомъ была неудержимая, но такъ какъ нужно было все-таки время для того, чтобъ составить рѣчь и обдумать ее, на что не многіе были способны, то рѣчи писать заказывалось монахамъ, и ихъ читали на сеймѣ съ бумажкою въ рукѣ.

При такомъ отношеніи и подготовкѣ къ дѣлу убѣжденія и симпатіи поляковъ постоянно мѣнялись. Англійскій посланникъ такъ очертилъ тогдашнихъ пословъ: „Многіе изъ нихъ проводили время въ деревенскихъ занятіяхъ: теперь они брошены на необычное для нихъ поле политики. Вслѣдствіе крайняго невѣжества въ дѣлахъ, между ними господствуетъ взаимное недовѣріе, подозрительность и крайняя безтолковщина. Иностранный министръ, имѣющій здѣсь дѣла, долженъ толковать съ тремя или четырьмя стами особъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей собственной страны и объ интересахъ чужихъ краевъ.

Продажность въ Польшѣ была дѣломъ зауряднымъ; такъ въ одномъ донесеніи Булгакова значится, что „кромѣ разныхъ одновременныхъ подачекъ, въ концѣ 1790 г. имъ выдано: Полковнику Островскому за полгода 60 червонцевъ, королевскому секретарю Фризу, за сообщеніе секретныхъ свѣдѣній 90 червонцевъ, совѣтнику двора Юзефовичу 100 червонцевъ въ треть, гнѣзненскому каштеляну Мястковскому 200 червонцевъ за полъ года, г-жѣ Гумецкой 600 черв. за полъ года, Боскампу 500 черв. за полъ года, Захаркевичу, регенту брестскаго куявскаго суда 200 черв. за сообщеніе разныхъ бумагъ и за сочиненіе брошюры противъ наслѣдственности“.

Отсюда видно, какъ низко стояло просвѣщеніе въ Польшѣ передъ ея раздѣломъ. Несмотря на это, больше всего, по сей день еще, кричатъ о своей цивилизаціи тѣ, кто и теперь черпаетъ ее въ сакристіяхъ. *На подъемъ просвѣщенія польскаго народа обратила особое вниманіе Екатерина Великая.* Въ инструкціи, данной въ ноябрѣ 1792 г. Бюлеру, прикомандированному къ маршалу тарговицкой конфедераціи, говорится: „Есть еще одинъ существенный вопросъ, на который прошу васъ обратить вниманіе конфедераціи. Говорю о воспитаніи молодежи, находящейся цѣлостью въ рукахъ піаровъ, коихъ и нынѣшнія и прошлыя дѣянія свидѣтельствуютъ, что они придерживаются принциповъ совершенно не соотвѣтствующихъ тѣмъ, которые должны служить основаніемъ воспитанія польскихъ гражданъ. Пусть монахи думаютъ, что хотятъ, дѣло это совершенно будетъ безразлично правительству, коль скоро они не будутъ больше вмѣшиваться въ дѣло общественнаго образованія. Конфераціи слѣдуетъ не медля заняться отысканіемъ способовъ передать дѣло образованія въ другія руки. Было бы вполнѣ неблагоразумно дозволять молодежи усваивать принципы и мнѣнія, весьма дурно повліявшія на нынѣшнее поколѣніе,—мнѣнія, способныя *выработать* только *дурныхъ гражданъ*“.

Примѣняясь къ этому Коммиссія воспретила всякое частное обученіе, несогласное съ ея уставами; это дѣлалось съ цѣлью уничтожить прежнія школьныя традиціи и увеличить число воспитанниковъ преобразованныхъ училищъ. Въ вѣдѣніи монаховъ остались только приходскія школы, въ которыхъ происходило первоначальное обученіе

чтенію, письму, ариѳметикѣ и геометріи, но изъ программы коихъ изъяты были всѣ высшіе предметы. Если бы Польша шла дальше по разъ избранному пути, то могла бы дойти, подъ опекою Россіи, до цвѣтущаго состоянія и упорядоченія конституціи.

Но польза которую принесла Эдукаціонная коммиссія по наружности казалась важнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ! Люди новаго воспитанія были очень немногочисленны въ сравненіи съ громадою шляхетства, коснѣвшаго въ прежнихъ предразсудкахъ, съ прежнимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ потребностей вѣка, съ прежнею умственною лѣнью и съ неизбѣжнымъ колебаніемъ при столкновеніи съ современными вопросами. Сами люди новаго воспитанія отличались легкомысліемъ, увлекались французскими идеями, непереваренными и непережеванными и мало приложимыми къ польской общественной почвѣ. Были въ Польшѣ люди, по легкомыслію не вѣрившіе въ Бога, кощунствовавшіе надъ религіей, которой однако основательно не знали; и несравненно болѣе было людей, вздыхавшихъ такъ же легкомысленно объ іезуитахъ, вѣрившихъ въ приходящихъ изъ чистилища мертвецовъ и считавшихъ „схизматика“ хуже собаки. Небреженіе къ воспитанію женскаго пола приводило къ тому, что люди хлебнувшіе новаго ученія, легко теряли и хорошіе плоды его въ сообществѣ своихъ суевѣрныхъ невѣжественныхъ женъ, любовницъ, сестеръ. Величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическая сила государства; все прочее въ ихъ глазахъ было только средствомъ къ этой цѣли; иными словами, они хотѣли не того, надъ чѣмъ можно было потрудиться хотя долго, но все-таки съ успѣхомъ, а того, что, при всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было рѣшительно недостижимо. По ихъ тогдашнимъ соображеніямъ, важнѣйшее зло для Польши было избирательное правленіе, и, поэтому, возникло въ Польшѣ желаніе ввести правленіе наслѣдственное. Но такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то имъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна — это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы—державы „схизматической“; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи. И вотъ патріоты стали искать спасенія сперва у католической Австріи, потомъ у Пруссіи. Больше всего наталкивало Поляковъ къ возстанію противъ Россіи духовенство стремившееся къ соединенію Польши съ Австріей.

Получаемыхъ дотолѣ ударовъ Польшѣ показалось мало: разсчитывая, вѣроятно заслужить на мученическій вѣнецъ, сеймъ 1788 года, составленный изъ шляхты, получившей образованіе по вышеописанному методу, снова началъ выражаться непочтительно и оскорбительно для русской государыни. Онъ отказалъ ей пропустить черезъ Польшу идущія въ Молдавію и Валахію русскія войска, во время войны съ Турціей, а также отказалъ, несмотря на заключенное условіе, доставить фуражъ для арміи. Независимо отъ того, вмѣсто установленныхъ 30 т. войскъ было постановлено собрать его и вооружить 100,000 [1]).

---

[1]) «Когда упомянутое рѣшеніе было принято», пишетъ Штакельбергъ «всѣ обнимались, какъ будто бы уже была у нихъ армія, способная внушить уваженіе къ нимъ Европы; *о расходахъ не думали.* Нынѣшніе доходы равняются—18 мил., да и то еле-еле собираются; а на такую армію надо 50 мил. *Все это—дѣти*; сегодня имъ весело, а придется платить—станутъ плакать». Smitt. Suworow und Polens Untergang. Leipzig 1858. II, 189.

Въ депешѣ къ англійскому министру лорду Кэрмэртену (Carmarten), Гэйльсъ (Hailes) пишетъ слѣдующее: «Вѣроятно, Васъ удивятъ, милордъ, размѣры этого проекта; но узнавъ, что *рѣшеніе принято раньше, чѣмъ найденъ способъ* содержать такую военную силу, Вы еще болѣе удивитесь подобному легкомыслію и легко поймете, что *изъ проэкта ровно ничего не выйдетъ.* Не хочу наскучить Вамъ Милордъ, описывая продолжительно и подробно *жалкое состояніе* этой страны

Независимо отъ этого, сеймъ вступилъ въ соглашеніе съ поддерживавшимъ турокъ прусскимъ королемъ и даже началъ переговоры съ турками, предлагая имъ помощь противъ Россіи.

Чтобы легче достичь цѣли, сеймъ 3-го мая 1791 года объявилъ новую конституцію въ силу которой, послѣ смерти бездѣтнаго Станислава Августа, тронъ переходилъ къ дому саксонскаго курфирста; дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, а liberum veto уничтожалось, Постоянный Совѣтъ при королѣ также уничтожался.

Эта конституція была бы не дурна, если бы не отняла правъ у диссидентовъ, если бы была введена раньше по общему соглашенію, а не насильно посредствомъ заговора нѣсколькихъ магнатовъ и епископовъ, послѣ лишенія Польши права на самостоятельныя рѣшенія. Это обстоятельство раздѣлило Польшу на два лагеря, причемъ члены одной семьи находились нерѣдко въ враждебныхъ лагеряхъ. Такъ напр., Феликсъ Потоцкій былъ непримиримымъ врагомъ, а его братъ Игнатій—главнымъ руководителемъ конституціи. Къ Северину Потоцкому присоединились Северинъ Жевусскій, Гетманъ Браницкій и много другихъ пановъ, и въ Тарговицахъ устроили вооруженную конфедерацію противъ конституціи; въ Вильнѣ возникла вторая такая же конфедерація.

По просьбѣ тарговицкихъ конфедератовъ, императрица Екатерина отправила въ Польшу войска, которымъ дано было приказаніе надлежаще оттрепать іезуитскихъ учениковъ за безпрестанную измѣну славянскому народу; съ другой стороны сдѣлали то же Австрія и Пруссія. Польша была отхлестана сразу съ двухъ сторонъ, а результатомъ этого двухмѣсячнаго бичеванія было послѣдовавшее 21 іюля 1793 года рѣшеніе Гродненскаго сейма: земли Волынскую, Подольскую и Минскую присоединить къ Россіи, а воеводства въ Великой-Польшѣ съ городами Данцигомъ и Торномъ, отдать Пруссіи. Притомъ была возстановлена прежняя система управленія съ Постояннымъ Совѣтомъ при особѣ короля; полякамъ разрѣшено имѣть 15 т. войска.

Для поддержанія порядка остановлена была въ Польшѣ часть русскихъ войскъ.

Съ этихъ поръ русскій посланникъ, которымъ до 1791 года былъ Штакельбергъ, являлся въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Независимость Польши исчезла. Рѣчь Посполитая фактически уже принадлежала Россіи, и время должно было сдѣлать эту принадлежность опредѣленнѣе и тѣснѣе. Одинъ и современниковъ [1]) такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи Посполитой: „Русскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли Постоянный Совѣтъ. Рѣчь Посполитая сдѣлалась для русскихъ войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особенное право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобы королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ покровительствѣ Россіи. Русскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ, (продажность) магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, ставить въ небходимость искать у него покровительства» и проч. Изъ переписки Штакельберга съ Петербургомъ не видно, чтобы такой планъ умышленно веденъ былъ Россіей, да и не было въ томъ необходимости. Факты происходили сами собою. Россіи не нужно было заводить и интригъ; оставалось только пользоваться тѣмъ, что поляки дѣлали сами, по своей давней безурядицѣ. Далѣе тотъ же современникъ говоритъ: „Смѣшно подумать: ни одно значительное дѣло въ градскихъ и земскихъ судахъ, трибуналахъ, комиссіяхъ, консисторіяхъ (особенно въ дѣ-

---

безъ торговли и промышленности, съ постоянно убывающимъ населеніемъ. Ничего легче нѣтъ какъ доказать, что и половины нужной суммы они не соберутъ. *Это можетъ дать понятіе о польской политикѣ*“. Hermann, Geschichte des Russischen Staates, Gotha 1860, VI, 22.

[1]) Pam. XVII. IV. V, 85.

лахъ по разводамъ) не обходилось безъ того, чтобы не обращались къ русскому посланнику за протекціей; не было провинціи, гдѣ бы онъ не указывалъ кандидатовъ въ послы и не поддерживалъ ихъ на сеймикахъ, и гдѣ бы не исключали тѣхъ, которые были ему неугодны. Послѣ каждаго сейма, путемъ аппеляціи шли жалобы въ Петербургъ на русскаго посланника за то, что онъ не умѣлъ угодить тому или другому магнату, что слишкомъ мирволитъ королю, что поддерживаетъ не надлежащее дѣло и т. п. Дошло до того, что Петербургъ сдѣлался нашей столицей, а Варшава стала главнымъ городомъ губерніи, принадлежащей Россіи, гдѣ вѣжливымъ образомъ, но всѣмъ распоряжалась Москва: губернаторъ этой губерніи назывался посланникомъ; московское правительство—гарантіей, губернскій совѣтъ—Постояннымъ Совѣтомъ, а предсѣдатель этого совѣта—Королемъ; и въ этомъ Совѣтѣ изъ тридцати шести членовъ большинствомъ голосовъ приводилось въ исполненіе то, что приказывалъ посланникъ. Императрица была неограниченною повелительницей и принимала на себя всѣ сношенія Польши съ иностранными державами. Никакому государству нельзя было входить съ нами въ переговоры, иначе какъ при посредствѣ Россіи; нельзя было подать ноты иностранному министру, не спросясь у русскаго посланника. Такимъ образомъ, въ Польшѣ настало великое затишье: честные [1]) обыватели (которыхъ было не много) молчали и запрятались въ домахъ, а все что было знатнаго и сильнаго (но не честнаго) лѣзло въ Петербургъ; тамъ было можно увидѣть и министровъ, и сенаторовъ, и должностныхъ лицъ, и даже дамъ; все это считало нужнымъ побывать при *своемъ* петербургскомъ дворѣ". Все изложенное здѣсь авторомъ отчасти вѣрно; но за все это нечего было оскорбляться національному самолюбію, когда польское государство, въ прошедшіе вѣка, если не вслѣдствіе своей исторической мудрости, то вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ играло важнѣйшую роль на сѣверѣ Европы, имѣло всѣ данныя, чтобы удержать это значеніе и, только по причинѣ своей деморализаціи и благодаря своему духовенству, сдѣлалось къ этому неспособнымъ и подпало подъ власть того государства, надъ которымъ за два вѣка передъ тѣмъ Польша побѣдосно торжествовала. Это былъ однако наилучшій исходъ для Польши. Польша только при давленіи со стороны Россіи и могла сколько - нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки понимали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно имъ было сознаваться въ этомъ. Біографъ Ѳомы Островскаго, авторъ въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи, неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде. Liberum veto не было употреблено ни разу. „Со стыдомъ приходится сознаться, но сообразно съ исторической правдой, что присутствіе русскаго посланника, который для политики своего двора не нуждался тогда въ смутахъ, наиболѣе способствовало удержанію общественнаго порядка въ должныхъ границахъ".

Причины очевидны; въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смуту въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло — сильное государство, а иное— благоустроенная страна. Конечно Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство, во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенною страною могла только подъ иностранною верховною властью. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ даже содѣйствовала этому. Собственно, Россія остерегалась не

---

[1]) *Честными* обывателями считаются и нынѣ тѣ поляки, которые, состоя на русской государственной службѣ, измѣняютъ Россіи.

Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія поэтому не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобы Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другого.

Періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма поляки употребляли будтобы на составленіе полезныхъ проектовъ и изданіи хорошихъ законовъ, но все это были лишь благіе желанія и порывы.

Доказательствомъ этому служитъ созданіе выше указанной конституціи. Главные заговорщики этой затѣи назначили для переворота день 5-го мая. По ихъ соображеніямъ, разъѣхавшіеся консерваторы не успѣютъ къ тому времени съѣхаться; кромѣ тѣхъ пословъ, на которыхъ можно положиться сообразно ихъ убѣжденію, заговорщики разсчитывали на массу членовъ, которые имѣли только количественное значеніе: ихъ думали поразить чтеніемъ поддѣльныхъ депешъ, полученныхъ будтобы изъ-за границы, грозящихъ Польшѣ скорою бѣдою и новымъ раздѣломъ, и на этомъ основаніи представить имъ крайнюю необходимость поспѣшить объявить конституцію. Для большаго успѣха предполагалось собрать около замка толпу народа, которая криками одобренія показывала-бы, какъ сильно весь народъ сочувствуетъ и радуется этому перевороту. Такъ замышляли революціонеры, именовавшіеся „патріотами", хотѣвшіе до поры до времени сохранить свой замыселъ въ тайнѣ отъ противниковъ. Но послѣднее имъ не удалось... Надменный, закоренѣлый приверженецъ шляхетской старины и притомъ душевно расположенный къ Россіи канцлеръ Малаховскій, братъ маршала, отвращавшійся съ ужасомъ отъ мысли о наслѣдственной монархіи и равенствѣ сословій, узналъ о заговорѣ и сообщилъ объ этомъ русскому посланнику Булгакову. На совѣщаніи, происходившемъ по этому поводу у Булгакова 29-го апрѣля, рѣшено было разослать гонцовъ за уѣхавшими послами и увѣдомить ихъ объ угрожающей Польшѣ опасности. Это порученіе взяли на себя епископъ Коссаковскій и гетманъ Браницкій.

Объ этомъ тотчасъ узнали заговорщики и порѣшили поспѣшить, и вмѣсто 5-го мая назначили для переворота день 3-го мая. Остававшихся въ городѣ пословъ, какъ водилось, подпоили и изъ нихъ составили большинство. По сообщенію саксонскаго министра Эссена всѣхъ пословъ было на лицо 157 человѣкъ, изъ которыхъ 69 (50 пословъ и 19 сенаторовъ) объявили себя противъ конституціи. А такъ какъ до двухсотъ пословъ, по причинѣ праздника св. Пасхи отсутствовало, то законъ о конституціи утвержденъ ¼ сеймовыхъ голосовъ. Въ заключеніе было объявлено, что отселѣ всякій, кто будетъ противиться конституціи и по этому поводу покушаться возбудить раздоръ, объявляется врагомъ отечества и подлежитъ сеймовому суду. Въ память этого великаго событія постановили построить храмъ подъ названіемъ храма Провидѣнія и праздновать ежегодно день 3-го мая. Но такъ какъ творцовъ конституціи вскорѣ за эту затѣю больно оттрепали, то ни храма не было построено, ни празднованіе 3-го мая не осуществилось. Такъ и окончилось это шумное памятное въ польской исторіи и пагубное по своимъ послѣдствіямъ засѣданіе сейма.

Народъ, воображая, что для него сдѣлано что-то хорошее, ликовалъ цѣлый вечеръ, городъ былъ иллюминованъ. „Вотъ каковы мы поляки!—кричали тогда самохвалы—мы выше французовъ; даромъ что они гордятся превосходствомъ своей образованности; у насъ въ день революціи, не было ни патрулей, ни карауловъ, не предпринято никакихъ усиленныхъ мѣръ, а все сошло спокойно".

Что же сдѣлала эта шляхетско-польская конституція для народа?

Въ § 4 ея сказано: „Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ

обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, *принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны*; *съ тѣхъ поръ, если владѣльцы* съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, должны будутъ имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла договора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій".

Вотъ все, что *на бумагѣ* сдѣлано для крестьянъ: изъ скота (bydła) его причислили къ людимъ и приняли подъ покровительство закона, чего не практиковалось ни *до*, ни *послѣ* объявленія конституціи.

Объ опереткѣ получившей названіе конституціи 3-го мая, поляки еще и понынѣ говорятъ много громкаго вздора, раздуваютъ ея историческое значеніе и считаютъ себя обязанными даже годовщину ея ознаменовывать манифестаціями, за которыя, обыкновенно, имъ сильно достается. На самомъ же дѣлѣ, вся эта хваленая и пресловутая конституція о которой польскіе историки имѣютъ мало свѣдѣній была именно опереткой, какъ въ этомъ признается историкъ ксендзъ Валеріанъ Калинка въ своемъ сочиненіи „Konstitucya trzeciego Maja", изданномъ въ 1888 г. во Львовѣ. Вотъ что онъ пишетъ:

„Нашъ долгъ—предупредить читателя, что, хотя, можетъ быть, ни одна глава нашего произведенія не стоила намъ столькихъ трудовъ и изысканій, какъ эта, мы никакимъ образомъ *не можемъ выдавать за достовѣрное то*, къ изложенію чего мы теперь приступаемъ; самое большое—можно назвать это—*правдоподобнымъ*. Приготовленіе къ конституціи 3-го мая было дѣломъ, которое велось въ формѣ заговора, и, какъ всякій заговоръ—почти не поддается историческому изслѣдованію. Тамъ, гдѣ все дѣло ведется въ узкомъ кружкѣ, въ глубокой тайнѣ, не можетъ быть рѣчи о послѣдовательныхъ, точныхъ документахъ, вполнѣ *достовѣрныхъ*; тамъ ежеминутно можетъ произойти какая-нибудь таинственная перемѣна, для объясненія коей не имѣется источниковъ,—*съ этимъ то недостаткомъ источниковъ мы встрѣчаемся въ данный моментъ*. Ни одинъ участникъ этого предпріятія *не пожелалъ выяснить, какъ оно зародилось*. Сначала ихъ сдерживало, можетъ быть, опасеніе *признатися, что ничтожная горсть людей произвели всю эту путаницу;* а потомъ, когда *дѣло провалилось, увлекая въ пропасть своихъ творцовъ и народъ* [2])—у нихъ стало еще болѣе причинъ *скрывать начало дѣла*. Главнымъ источникомъ, имѣвшимся у польскихъ историковъ для описанія этого эпизода, была извѣстная книжка: „О созданіи и паденіи конституціи 3-го мая,"—но источникъ этотъ бѣденъ, и главное *умышленно затемненъ* [2]). Кромѣ того—нѣсколько отдѣльныхъ писемъ, нѣсколько воспоминаній или мимолетныхъ признаній—вотъ и все, что уцѣлѣло для насъ отъ тѣхъ врименъ, вотъ все, на чемъ долженъ основываться историкъ. Ясно, что нельзя обойтись безъ догадокъ. воспроизводя картину по такимъ даннымъ [3]).

---

[1]) Польскіе шовинисты торжественно празднуютъ это событіе!

[2]) Вся польская исторія на польскомъ языкѣ—основана на такихъ именно источникахъ.

[3]) Нельзя довѣрять воспоминаніямъ, относящимся къ той эпохѣ; писались они позднѣе, по памяти, а потому грѣшатъ неточностью, смѣшеніемъ данныхъ, перепначеніемъ фактовъ. Къ авторамъ подобныхъ мемуаровъ надо отнести Нѣмцевича, Огинскаго, М. Чацкаго, Охоцкаго и рукопись М. Коссовскаго. Изъ современныхъ событію книгъ которыя произвела враждебная партія двѣ, т. е, Сухожевскаго „Odezwa donarodu" (брошюра) и неизвѣстнаго автора „Opisanie sprzysięzenia na zgubę wolnosci"—большею частью—пустая декламація. Помѣщенное въ извѣстной книгѣ Мехце описаніе было составлено по требованію петербургскаго набинета. Въ книжкѣ Беера (Leopold II, Franz II etc. Leipzig 1871, стр. 240) есть длинное письмо гетмана Ржевусскаго къ имп. Леопольду.

Слѣдующее мѣсто можетъ послужить доказательствомъ того, какъ мало достойны довѣрія излагаемые въ немъ факты.

„Корреспондентъ сообщаетъ о соглашеніи, которое должно было произойти въ 1790 г. между Ст. Августомъ и Фр. Вильгельмомъ, и по которому первый отдавалъ Торнъ и Данцигъ, а второй—

Изобразивъ, затѣмъ, на основаніи предположеній и „вѣроятности“ картину утвержденія сеймомъ конституціи 3 мая, ксендзъ Колинка пишетъ:

„Таковъ этотъ уставъ въ его главныхъ пунктахъ. Если придется теперь его оцѣнивать, то нельзя не признать такой оцѣнки затруднительной. Не легко поляку давать отзывъ о конституціи 3 мая, *уваженіе къ которой внушено ему съ дѣтскихъ лѣтъ*, съ которой имѣютъ связь въ большей или меньшей степени всѣ усилія, посвященныя нами въ текущемъ столѣтіи на дѣло возстановленія свободы. Три поколѣнія подрядъ привыкли видѣть въ ней послѣднюю волю угасающей матери. Но, какъ намъ кажется теперь, сто лѣтъ спустя, *исторія должна возстановить свои обязанности и дать право голоса, будь онъ жестокъ, покажись онъ даже неуваженіемъ къ святынѣ, которую долго чтили...*

„Наиболѣе печаленъ въ конституціи 3 мая тотъ фактъ, что она почти ничего не сдѣлала для крестьянъ. Вольнымъ холопамъ конституція даровала „референдарскіе суды“ по одному на провинцію, но такихъ холоповъ набралось бы не болѣе одной шестой части всего крестьянства. Мало кто изъ нихъ занимался пахотой. Громадное большинство крестьянства, т. е. болѣе 6 милліоновъ, оставлено было въ прежнемъ, многовѣковомъ забвеніи. Правда, правительство беретъ крестьянъ подъ свою опеку, но тогда только, если помѣщикъ заключитъ съ ними соглашеніе. А до того времени, во многихъ правинціяхъ милліоны людей будутъ находиться въ положеніи, почти тождественномъ съ рабствомъ. И вотъ, государство, задавшееся цѣлью подняться послѣ упадка, признающее прежнія заблужденія, намѣренное пересоздать образъ правленія—ничего не предпринимаетъ къ улучшенію судьбы того класса населенія, которому сама же конституція дала названіе лучшей силы! Можно бы сказать, что польская шляхта, спасая страну имѣла въ виду не весь народъ, а только самое—себя!

„Это не могло принести благословенія Господня и всему дѣлу.

„Отчего же это произошло? Несомнѣнно, творцы конституціи—Станиславъ Августъ, Игнатій Потоцкій, Коллонтай, Малаховскій,—были всегда доброжелательно настроены и къ мѣщанству, и къ крестьянству. Они доказали это рѣчами на сеймахъ, на письмѣ, на дѣлѣ; но они знали при этомъ, что для помѣщиковъ это—самый щекотливый вопросъ! Шляхтичъ ратовалъ за свое право неограниченной власти; онъ не могъ допустить, чтобы кто бы то ни былъ въ Рѣчи Посполитой имѣлъ право вмѣшиваться въ его отношенія къ его крѣпостнымъ. Къ этому чувству присоединялось другое,—опасеніе уменьшенія доходовъ, утраты многихъ выгодъ, возможныхъ только при неограниченной зависимости крѣпостнаго крестьянина отъ пана. Эта непрестанная забота помѣщиковъ о неприкосновенности привилегій барщины занесена была въ книги въ 1768 году, въ слѣдующей формѣ: „Никогда не можетъ быть ни отнята, ни уменьшена власть *domini et proprietatis* шляхетскаго сословія надъ наслѣдственною земельною собственностью и надъ подданными крестьянами“. Во время совѣщанія на сеймикахъ о кодексѣ Замойскаго—всюду слышались возгласы, что слѣдуетъ объявить помѣшаннымъ того, кто пожелалъ бы уничтожить у себя барщину“.

Не уличаетъ ли все это въ безстыдной лжи тѣхъ, которые утверждаютъ, даже еще и понынѣ, о добровольномъ освобожденіи крестьянъ польскою шляхтою и о уравненіи правъ ея конституціей 3 мая. Какова была эта конституція свидѣтельствуетъ письмо одного литовскаго помѣщика опубликованное въ 1791 году въ „Газетѣ Наро-

---

обязывался за это поддержать съ оружіемъ въ рукахъ наслѣдственность трона въ родѣ Понятовскихъ. Потомъ онъ приводитъ число мѣсяца и годъ, когда было заключено и подтверждено обоими королями соглашеніе. Несмотря на наружную обстоятельность изложенія, все это донесеніе—явная ложь“. Поляки довольствуются, однако, *такою* исторіей, чтобы по примѣру прошлыхъ временъ производить возстанія и бунты.

довой“ издававшейся подъ руководствомъ: Мостовскаго, Забѣллы, Нѣмцевича, Вейсенгофа, и Зайончка.

Въ этомъ письмѣ говорится между прочимъ: „Въ вашей конституціи я не вижу залога обезпечивающаго свободу и имущество бѣднаго поселянина отъ губительной жадности. Почему законъ не назначилъ по провинціямъ и воеводствамъ удѣльныхъ комиссій для опредѣленія повинностей въ работахъ и платежахъ? Почему законъ не обезпечилъ аа хлопомъ владѣемой имъ собственности? Почему въ округѣ одного и того же повѣта доброму пану хлопъ работаетъ два дня въ недѣлю за поземельный надѣлъ, а злому цѣлую недѣлю, да еще подъ палками? Можетъ ли человѣкъ быть до того жестокосердъ, чтобъ запретить своему ближнему жаловаться и плакать, когда ему тяжело. Добрый человѣкъ суда не боится. Судъ страшенъ только для тирановъ, а развѣ тиранъ надъ крестьянами можетъ быть добрый гражданинъ? И старики приписываютъ упадокъ Спартанской республики утѣсненіямъ илотовъ; можемъ ли мы, поляки, при 10.000.000 илотовъ, хвастаться вольностью? Пусть чужестранецъ посѣтитъ наши корчмы, исполненныя крайней неопрятности и лукавства. Онъ тамъ увидитъ, какъ жидъ, подлый субалтернъ владѣльческой жадности, разрушаетъ дорого продаваемымъ ядомъ здоровье и состояніе нищаго крестьянина и потомъ дѣлится своимъ грабежемъ съ паномъ, соперничествующимъ съ нимъ въ алчности.

„Я размѣрилъ и размежевалъ поля свои, отдалъ крестьянамъ ихъ угодья, заключилъ съ ними договоръ о размѣрѣ чинша (оброка) или работѣ и отдалъ на утвержденіе повѣтоваго суда и референдарія. Этимъ способомъ я надѣюсь улучшить свое состояніе, возбудить въ хлопахъ склонность къ промысламъ и умножить народонаселеніе. Если же я и понесу утраты, то и тогда назову себя счастливымъ, лишь бы черезъ мою потерю выиграло человѣчество и не малое количество живущихъ на моей землѣ людей сдѣлалось по моей волѣ счастливымъ и способнымъ“.

Между тѣмъ потребность конференціи приводимой именно въ отношеніи къ народу, какъ объ этомъ высказался Сташицъ въ брошюрѣ „Предостереженіе Польшѣ“ (Przestrogi dla Polski) написанной имъ въ 1790 году. Съ большимъ чувствомъ и жаромъ застунается онъ въ ней за польскаго крестьянина. „Предъ моими глазами—говоритъ онъ—пять частей польскаго народа, вижу милліоны несчастныхъ твореній, полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, обросшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, безпрестанно задыхающіеся, угрюмые, одурѣлые, оглупѣлые, они мало чувствуютъ, мало думаютъ—едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища, а въ продолженіи четверти года одно зелье; пьютъ они воду, да жгучую водку, живутъ въ землянкѣ, или въ хижинѣ, чуть чуть не вровнѣ съ землею; солнце туда не проникаетъ; смрадъ и дымъ тамъ душатъ человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневнымъ трудомъ, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими ребятишками спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами. Вотъ, добрые поляки, какъ раскошествуетъ та часть вашего народа, отъ которой зависитъ судьба Рѣчи—Посполитой! Вотъ что такое человѣкъ, который васъ кормитъ!... Привычка заглушила въ вашемъ сердцѣ врожденное чувство состраданія; воспитаніе сдѣлало всѣхъ тиранами; вы отняли у равнаго вамъ человѣка землю и права, и не помышляете объ этомъ и не чувствуете этого. 5.200.000 рабовъ въ вашемъ краѣ: мнѣ стыдно становится, когда я подумаю, что я полякъ. И такая жестокость посреди христіанства, не смотря на то, что самъ Богъ убѣждаетъ каждый день васъ въ томъ, что придетъ смерть. Религія христіанская учитъ, что вы предстанете на судъ Божій. Вы продаете людей, какъ скотъ, промѣниваете, какъ коровъ. Тираны богохульцы, вы не боитесь, что наконецъ переполнится вѣра беззаконій вашихъ! Долго терпѣло небо.

разгнѣвается Богъ и повергнетъ васъ въ самое тяжкое рабство. И теперь уже, для приведенія васъ въ память Онъ попустилъ суровой рукѣ деспотовъ налечь на васъ. Ни нравственное ученіе, ни религія уже не въ силахъ возбудить въ васъ любовь къ ближнему, и потому Онъ приводитъ васъ къ ней грозою иноземнаго могущества“. Касаясь духовенства, Сташицъ говоритъ: „Нѣтъ,—поругатели, а не учители вѣры Христовой, всѣ священники, которые говорятъ вамъ, что, будучи безчестными и жестокими, вы имѣете возможность соединиться съ Богомъ и содѣлаться участниками милостей Его, Бога, умершаго изъ любви къ человѣку. Искренно говорю вамъ: если Богъ справедливъ, то предъ очами Его не можетъ быть большей мерзости, какъ ваша мерзость!“

Слѣдующій фактъ показываетъ, какой произволъ невѣжество и фанатизмъ царили въ Польшѣ во времена составленія конституціи: въ описаніи путешествія Бистера (Лиске, *Cudzoziemcy w Polsce*, стр. 284) мы читаемъ:

„Въ Равѣ, въ 1791 году произошелъ характерный случай. Панъ Скужевскій, капралъ изъ полка, шефомъ котораго состоялъ Рачинскій, и изъ роты Маіора Сѣмяновскаго, квартирующей въ Равѣ, донесъ о поступкѣ, якобы противномъ вѣрѣ. Вслѣдствіе этого доноса вызвана была въ судъ военно-гражданской коммиссіи Равскаго воеводства и бѣльскаго уѣзда—г-жа Анна Вильке, вдова по аптекарѣ лютеранка, жительница города Равы: ее обвиняли въ томъ, что ея дѣти, играя куклою, повѣсили ей на шею образокъ Богоматери Ченстоховской. Когда затѣялось дѣло, вдова стала требовать, чтобы дѣло ея, какъ лютеранки и гражданки разбиралось не въ военно-гражданской коммиссіи, а въ судѣ смѣшанномъ *judicii mixti* (смѣшанному). Не обращая вниманія на заявленіе вдовы, военно-гражданская коммиссія признала дѣло это подсуднымъ себѣ и повелѣла допросить двѣнадцать свидѣтелей. Опасаясь за благополучный исходъ своего уголовнаго дѣла, вдова обратилась къ своему другу—члену евангелической консисторіи, въ Варшавѣ, взывая къ его помощи. Подавъ докладную записку Его Королевскому Величеству находившемуся въ Стражѣ, онъ 6 августа получилъ охранную для нея грамоту *salvi conductus*—и предписаніе военно-гражданской коммиссіи о прекращеніи процесса. Не обративъ вниманія на королевскую волю, коммиссія объявила слѣдствіе продолжающимся по слѣдующимъ причинамъ: предписаніе о прекращеніи процесса получено уже послѣ перваго судебнаго рѣшенія, in accessoriis, т. е. въ вызовѣ и опросѣ свидѣтелей; обязанность суда—идти впередъ, а не назадъ; наконецъ, въ Стражѣ не могъ быть сдѣланъ королю надлежащій докладъ безъ производства слѣдствія и постановила продолжать дознаніе инквизиціоннымъ порядкомъ. Вмѣшательство однако короля спасло мать и дѣтей отъ пытки и, въ концѣ концовъ, декретомъ 9 августа 1791 г. коммиссія освободивъ вдову, дѣтей осудила на наказаніе розгами рукой матери въ присутствіи слѣдователя. А куклу, снявъ съ нея судебнымъ порядкомъ образокъ, осудили на сожженіе палачемъ на кострѣ на публичной площади.

Какая же конституція могла выработаться у столь отупѣлаго и варварскаго народа, невѣжество котораго и дикость такъ рельефно выступали еще въ концѣ XVIII столѣтія.

Польскихъ девотокъ еще нынѣ сильно трогаетъ чтеніе о чудесахъ, произведенныхъ пальцемъ отъ руки св. Іоанна и описанныхъ въ произведеніяхъ Квяткевича: „*Constat ex Annalibus* Kviatkewicz *sub Anno 1399.* Тамъ повѣствуется: когда въ Антіохіи появился страшный драконъ, люди принимали его за Бога и sub specie жертвы кормили его собственными дѣтьми. Настала очередь роковой гибели для дочери одного христіанина, тамошняго жителя. Онъ обратился къ покровительству св. Іоанна Крестителя, и у хранящейся въ Антіохіи руки этого святого, цѣлуя ее, откусилъ палецъ. Затѣмъ далъ его дочери, чтобы та бросила палецъ въ открытую пасть чудовища. Драконъ издохъ отъ этой святой порціи, дѣвушка спаслась, а *палецъ* извлеченный изъ внутренности

дракона невредимымъ славился впослѣдствіи новыми чудесами и хранится во Флоренціи по предсмертному завѣщанію анти-кардинала Корсина".

Приводимъ также извлеченіе изъ нѣкотораго сочиненія, написаннаго въ XVIII в. іезуитомъ Л. М. о числѣ гвоздей, коими пригвожденъ былъ ко кресту Господь Іисусъ Христосъ, и которые потомъ размножились по латинскимъ церквамъ. Сохраняемъ слогъ подлинника:

„Вопервыхъ, *certum est* изъ церковной исторіи, что св. Елена нашла 3 гвоздя при крестѣ Господа Христа. Изъ нихъ *одинъ* Императоръ Константинъ Великій, сынъ св. Елены, помѣстилъ въ свой шлемъ а по другимъ преданіямъ въ императорскую корону, второй онъ передѣлалъ въ удила для своего коня, чѣмъ сбылось пророчество Захаріино: (гл. XIV, ст. 20). In die illa erit quod super poenum est, sanctum Domino, согласно толкованію Θеодарита, а съ нимъ св. Кирилла, Амвросія, Созомена, Никифора, Григорія Турскаго. *Третій* гвоздь помѣщенъ въ Римѣ, въ церкви святого Креста съ дощечкой гласящей: Григорій епископъ Турскій, въ книгѣ *de Gloria Martyrum*, и Іоаннъ Толедскій утверждаютъ у Дрекселія, что ГВОЗДЕЙ было 4; одинъ изъ нихъ былъ брошенъ въ адріатическое море, во время бури. Второй помѣщенъ былъ въ шлемъ; Третій гвоздь употребленъ былъ на удила для коня Константина Великаго, а четвертый находится въ Тревирѣ, столицѣ Тревирскаго электората. Тѣже авторы разсуждаютъ, что ноги Христа были прибиты ко кресту двумя гвоздями, а не однимъ. Тоже подтверждаетъ и св. Юстинъ, иИриней и иные у автора Гретсера, заявляя, что такой способъ распятія былъ согласенъ съ природой, и утвержденъ римскими законами: что имѣется много древнихъ распятій, отличающихся чудотворностью и изображающихъ Христа прибитымъ четырьмя гвоздями. Таково серебряное въ Римѣ у св. Петра, въ *Lovanium* у св. Михаила, въ Бургосѣ въ Испаніи. *Teste Drexelio in Christo moriente.* Тоже самое свидѣтельствуетъ св. Бригита. А то обстоятельство, что у св. Клары изъ Монте-Фальконе оказалось послѣ смерти на сердцѣ отпечатлѣнное изображеніе распятія Христова съ однимъ ГВОЗДЕМЪ, пробитымъ черезъ обѣ ноги, то она, видно, молилась и размышляла передъ такимъ распятіемъ, какое и отпечатлѣлось въ ея сердцѣ.

„Какъ бы то ни было, я говорю, что теперь этихъ гвоздей больше чѣмъ 4 на свѣтѣ. *Одинъ* есть въ церкви Іоанна Латеранскаго въ Римѣ; *второй*—тамъ же у св. Креста; *третій*—въ церкви Богоматери за Тибромъ; *четвертый*, по свидѣтельству *Григорія Турскаго*—въ Тревирѣ; *пятый*—цѣлый—въ сокровищницѣ св. Марка въ Венеціи; *шестой*—виситъ въ Миланѣ, въ *Урнѣ* передъ большимъ алтаремъ; *седьмой* въ Краковѣ, въ Сигизмундовской каплицѣ,—подарерный папою Мартиномъ Владиславу Ягеллѣ, польскому королю. Въ томъ же городѣ при соборѣ, въ каплицѣ св. Косьмы и Дамьяна имѣется половина гвоздя Христова. Равно и въ церкви св. Троицы—есть часть такого же гвоздя.

„Является вопросъ, откуда столько гвоздей? Кардиналъ Бароніусъ отвѣчаетъ, *что Богъ ихъ размножилъ, какъ и Крестное Древо.* Онъ могъ чудесно умножить хлѣбы и рыбу почему *же ему не умножить гвоздей и древа?* Другимъ основаніемъ можетъ быть то, что одни гвозди цѣлы, а отъ другихъ имѣются въ разныхъ мѣстахъ разныя части. *Третьимъ* основаніемъ можно счесть то, что при распинаніи Спасителя не одинъ гвоздь могъ изломаться и быть брошенъ; вмѣсто его брали другой—цѣлый и крѣпкій, а тѣ—поломанные были сохранены вѣрными, хотя и нѣтъ о томъ преданія. *Четвертая* причина—это та, что гвоздь, брошенный въ Адріатику могъ быть найденъ христіанами и возвращенъ церкви. *Пятая* причина—что нѣкоторые обыкновенные гвозди могли быть потерты о настоящіе и потомъ розданы правовѣрнымъ, обладая равною силою и святостью при милости Божьей и вѣрѣ человѣческой. *Шестая tandem* причина можетъ *cogitari non repugnans*, именно, что гвоздь изъ шлема Константина, могъ быть взятъ, а изъ удилъ могъ, снова быть передѣланъ въ гвоздь.

„Эти всѣ случаи могли увеличить число гвоздей, опредѣленныхъ по преданію четырмя штуками. Второй вопросъ можетъ *concipsi* изъ какого матеріала были сдѣланы эти гвозди? Исаакъ, перешедшій изъ еврейства въ христіанство, утверждаетъ, на основаніи еврейскихъ преданій, что гвозди *mirabili dispositione* Господа были передѣланы изъ трехсвѣчнаго свѣтильника, взятаго нарочно для этого, *quo casu* изъ Соломонова храма. А свѣтильникъ былъ сдѣланъ изъ меча, которымъ Авраамъ хотѣлъ заколоть въ жертву Богу Исаака на горѣ Марія“.

Этотъ отрывокъ изъ сочиненія іезуита равно свидѣтельствуетъ о высотѣ просвѣщенія и о развитіи литературы въ концѣ XVIII вѣка въ Польшѣ,

Подобными толкованіями объясняется то своеобразное понятіе о Божествѣ которое проявляютъ ханжи польки, и постоянное бѣганье въ костелъ сдѣлалось подъ вліяніемъ ксендзовъ непреодолимой потребностью всѣхъ женщинъ, въ особенности въ городахъ, гдѣ для терціарокъ и другихъ братствъ устраиваются особыя раннія мессы. Для характеристики вѣры этихъ невѣжественныхъ биготокъ, приведемъ разговоръ слышанный нами въ Вильнѣ. Встрѣчаются двѣ кумушки. Вы куда Мацѣіова?—Да вотъ къ Святому Кресту вымолить у Христа, чтобы отучилъ отъ пьянства разбойника мужа, пропилъ вчера заработокъ да чуть не убилъ меня колодкой. Что вы, пани Мацѣіова. Да развѣ Христу надо жаловаться на пьяницъ-то мужчинъ, вѣдь Онъ, конечно, оправдаетъ мужчинику; мужикъ всегда мужика поддержитъ. Къ Остробрамской воротись кумушка (Богородицѣ) Ей раскажи... Она его пьянчужку и отучитъ, негодяя, отъ грѣха. Извѣстно женщинѣ понятнѣе наши бабьи горести.

Мацѣіова не преминула согласиться съ мнѣніемъ собесѣдницы о выгодѣ обращенія къ Богородицѣ въ дѣлахъ противъ мужчинъ, и обѣ поплелись къ Острымъ воротамъ, молиться Владычицѣ о защитѣ отъ мужей.

Ксендзъ Калинка счелъ возможнымъ хотя бы сто лѣтъ спустя выяснить историческую правду; другіе польскіе писатели и этого не дѣлаютъ; всѣ историческіе труды ихъ зиждутся на дикихъ и нелѣпыхъ фантазіяхъ и сказкахъ, вводящихъ въ обманъ Европу и польскія-же поколѣнія. Этой исторической лжи приписываетъ Козмянъ гибель Польши.

О трудѣ Козмяна „Rzecz o roku 1863“ Станиславъ Тарновскій пишетъ: „Книжка эта—одна изъ самыхъ мучительныхъ, но и самыхъ полезныхъ, какія только писались у насъ о нашихъ ошибкахъ и дѣяніяхъ; она—одна изъ драгоцѣннѣйшихъ въ нашей политической литературѣ. Со скорбью сердца пишутся и читаются такія книги; со скорбью сердца вспоминаются такія ошибки; но съ покоемъ сердца принимаются новыя рѣшенія, съ равновѣсіемъ воли выполняются онѣ, такъ какъ можно быть убѣжденнымъ что онѣ хороши. Будучи смѣло и послѣдовательно выполнены, онѣ могутъ вызвать то, что сѣялось въ потѣ лица и полито было горькими слезами“...

Эти слезы Тарновскаго, какъ и слезы Козмяна, по ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются крокодиловыми слезами. Въ самомъ дѣлѣ, вопія объ ущербѣ, нанесенномъ Польшѣ тѣмъ, что историки поддѣлываютъ исторію—Козмянъ дѣлаетъ не лучше, умалчивая о дѣятельности духовенства въ революціонномъ движеніи 1863 г. А эта дѣятельность—главный виновникъ революціи.

Іезуиты всегда представляли Россію первоисточникомъ бѣдствій и несчастій Польши. Отъ нихъ шло главное возбуждающее вліяніе на праздную и не развитую шляхетскую молодежь: они ежеминутно указывали ей на русскія войска, квартировавшія въ Варшавѣ подговаривая ее съ избіенію ихъ во время сна.

На этотъ подвигъ избрана была вербная недѣля. Напавъ на спящихъ солдатъ, поляки перерѣзали ихъ до двухъ тысячъ въ мартѣ 1774 г. Это преступное дѣяніе доказывало одно: полный идіотизмъ исполнителей. Избіеніе 2 тысячъ спящихъ солдатъ не могло уничтожить всей русской арміи, противъ коей поднялась остальная часть

нафанатизированной ксендзами молодежи подъ предводительствомъ благороднаго литовца—Ѳаддея Костюшки. Противъ этихъ шаекъ [1]), способныхъ только избивать спящихъ солдатъ, Имп. Екатерина выслала Суворова съ отрядомъ изъ 7 т. солдатъ, и Ферзена—съ такимъ же отрядомъ.

Соединясь съ Ферзеномъ, Суворовъ расположился у Праги, взятой имъ штурмомъ въ теченіе 4 часовъ, причемъ поляки были щедро награждены за избіеніе спящихъ русскихъ солдатъ.

Озлобленіе русскихъ войскъ противъ поляковъ привело бы тогда же къ совершенному уничтоженію Варшавы, спасителемъ которой явился тотъ же Суворовъ, какъ это свидѣтельствуютъ несомнѣнныя документальныя данныя. Во время кровопролитнаго штурма Праги, 24-го октября 1794 года, Суворовъ отдалъ приказаніе отнюдь не пускать русскихъ солдатъ на мостъ, ведущій черезъ Вислу въ городъ. Но затѣмъ, видя озлобленіе своихъ солдатъ, вызванное тѣмъ, что даже женщины стрѣляли въ нихъ и бросали камнями изъ оконъ, приказалъ немедленно разрушить мостъ съ нашего берега и тѣмъ спасъ Варшаву отъ участи Праги. Варшавяне по достоинству оцѣнили это великодушіе и эту великую милость Суворова. Черезъ мѣсяцъ (въ Екатерининъ день) варшавскій магистратъ поднесъ Суворову отъ имени варшавянъ золотую эмалированную табакерку съ лаврами изъ брильянтовъ, на крышкѣ которой былъ изображенъ городской гербъ—сирена съ мечемъ, а подъ нимъ многозначительная надпись „Warszawa zbawcy swemu“ (Варшава своему спасителю) и дата 4 ноября 1794 г. по новому стилю, т.-е. 24-е октября—день штурма Праги.

Въ виду наступающаго столѣтняго юбилея окончанія боевого поприща Суворова, русскому обществу слѣдовало бы позаботиться о сооруженіи въ Варшавѣ памятника Суворову, пригласивъ къ участію въ чествованіи его поляковъ, признающихъ Суворова спасителемъ Варшавы.

25 ноября 1795 г. Станиславъ-Августъ отрекся отъ трона. Польша дожила до физической неспособности къ самобытному существованію. Она была осуждена на политическую смерть на подобіе умирающихъ отъ разжиженія мозга. Австрія, Россія и Пруссія окончательно подѣлили Польшу, литовское и гродненское воеводства и Курляндія—досталась Россіи, воеводства: краковское, сандомирское и люблинское—Австріи а остальная Польша съ городомъ Варшавой—Пруссіи. Жители присоединенныхъ къ Россіи провинцій были приравнены въ правахъ къ остальнымъ подданнымъ государства; свобода исповѣданій была за всѣми утверждена. Въ началѣ 1796 г. Австрійцы заняли Краковъ, Пруссаки Варшаву, которую переименовали на „Kleinberlin“.

Въ 1796 г. императоръ Павелъ освободилъ изъ заключенія всѣхъ офицеровъ войскъ Понятовскаго, въ ихъ числѣ и Косцюшку. Намѣреваясь отправиться въ Америку Косцюшко написалъ своимъ роднымъ, жившимъ въ его деревнѣ Сѣховицахъ письмо, содержаніе коего извѣстно между литовской шляхтой. Онъ писалъ, что „пріобрѣтя опытность и твердое убѣжденіе онъ вполнѣ перемѣнилъ мнѣніе о русскомъ правительствѣ и далъ себѣ обѣтъ никогда болѣе не сражаться противъ славянъ, а только противъ нѣмцевъ. Онъ не только скорбитъ, но даже стыдится, что такъ довѣрчиво доселе относился къ олигархамъ, епископамъ и монахамъ, обѣщавшимъ ему вызвать общее возстаніе крестьянъ, *которое немыслимо*. Онъ скорбитъ и стыдится, что вмѣсто борьбы съ нѣмцами, онъ выступилъ противъ братьевъ славянъ, да и то еще въ защиту олигархизма, а не в о вредъ римской куріи и германизма. Онъ удивляется, какъ онъ военный, могъ допустить чудо—т. е. побѣду громадной русской арміи маленькими от-

---

[1]) Состояніе войска было плачевное; это не могло быть иначе названо, какъ вооруженными шайками. Доказательства имѣются въ книгѣ кс. Валеріана Калинскаго.

рядами, которымъ слѣдовало соединиться съ русской арміей для совмѣстной *борьбы съ Германіей* [1]).

Въ концѣ своего письма Косцюшко прибавилъ, что въ официальныхъ сношеніяхъ своихъ съ олигархами, равно и нѣкогда въ частныхъ сношеніяхъ съ воеводой и гетманомъ Сосновскимъ и магнатомъ Журавскимъ, онъ наталкивался лишь на сопротивленіе и противудѣйствіе, видѣлъ пренебреженіе ко всему, лишь непріятности и неизлѣчимое ничѣмъ чванство и имѣлъ однѣ лишь непріятности.

Дѣйствительно благородный Косцюшко, до самой смерти не выступалъ противъ славянъ. Но Домбровскій и др., не будучи въ силахъ обойтись безъ убійствъ въ томъ же 1796 г. отправившись въ Парижъ, и заполучили отъ тогдашней французской республики разрѣшеніе сформировать въ Италіи легіоны для веденія войны въ интересахъ французской республики. Тогдашній главнокомандующій въ Италіи генералъ фр. республики Бонапарте весьма охотно согласился содѣйствовать офицеру Домбровскому а равно бывшему сенатору, воеводѣ и камергеру, владѣльцу имѣнія Бендомина близь Данцига Выбицкому въ привлеченіи подъ французскія знамена польской молодежи.

Пруссаки и австрійцы желая выжить изъ страны, завоеванной ими, авантюристовъ и лѣнтяевъ, сами подбивали польскую молодежь эмигрировать, вслѣдствіе чего подъ предводительствомъ Домбровскаго, Рымкевича, Князѣвича, Вѣльгорскаго—(старикъ Выбицкій заблаговременно отказался отъ предводительства), собралось 8 т. польскихъ тунеядцевъ, которые въ 1797 г. вели кровавыя сраженія, *не спрашивая за кого сражаются и противъ кого*: въ Апеннинахъ, въ Абруццахъ, а еще несчастнѣе—въ Каламбріи. Когда ихъ тамъ перебили въ такой мѣрѣ, что изъ 8 т. осталось лишь 700 человѣкъ, они узнали, что сражались противъ папы, помогая Наполеону завоевать *церковную область*. Засимъ это ихъ до того напугало, что они сейчасъ-же хотѣли возвращаться домой но Наполеонъ сумѣлъ увѣрить Домбровскаго, что поведетъ свои войска на освобожденіе австрійскихъ поляковъ и земель польскихъ. Домбровскій снова собралъ—15 т. всякаго сброда, охочаго къ рѣзнѣ, который и явился въ Италію. Но въ 1801 г. Бонапарте заключилъ въ Люнивилѣ въ Лотарингіи трактатъ, по которому Франціи достались: Бельгія, и всѣ земли до Рейна, равно какъ и Миланъ и Мантуя, а Габсбургамъ, Истрія, Далмація, Венеція и Ломбардія. Легіоны-же Домбровскаго и Князевича, какъ разбойническіе и опасные для спокойствія Европы, рѣшено было выслать въ Санъ-Доминго, гдѣ негры возстали противъ французовъ.

Не ожидая такихъ послѣдствій, польскіе *рыцари* заявили Бонапарте черезъ Домбровскаго и Князѣвича, что предпочитаютъ умереть въ Европѣ, чѣмъ жить, а тѣмъ болѣе воевать на Санъ-Доминго. Бонапартъ успокоивъ эту толпу, повелѣлъ Домбровскому съ 2 т. итти въ Милану, а Князѣвичу съ такимъ же числомъ—подъ Мантую и тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Едва тѣ въ 1802 г. удалились каждый въ свою сторону,—Леклеркъ d'Остенъ зять Наполеона, велѣлъ своей арміи окружить остальныхъ

---

[1]) «Четырехлѣтній сеймъ», гдѣ на стр. 52 и 59 сказано: 70 слишкомъ лѣтъ Рѣчь Посполитая не вела правильной войны. Рыцарскій духъ угасъ въ народѣ, и барская конфедерація. бывшая въ сущности *простымъ безпорядочнымъ бунтомъ*, не могла его оживить. Съ военнымъ духомъ исчезъ и *политическій*, споры на сеймикахъ и судѣ, исканіе старостствъ и друг. должностей, сутяжничество,—вотъ, чѣмъ общество занималось болѣе полъвѣка.» На 130 стр. говорится: «Довольно сказать, что въ литовской арміи 1776 г., когда взялись за преобразованіе, оказалось 3928 солдатъ и1272 офицера. Въ брошюрѣ «Polak uczuć prawdą padszyty»—Варшава 1791 г.—дается, такой отчетъ о состояніи коннаго полка, пересланный военной коммиссіи 1769 года.

Рапортъ Командира Коннаго полка состоящаго изъ шести отдѣленій подъ командою I. O.

Комплектъ: человѣкъ 120, коней 120.

Недочетъ: солдатъ 50, коней 119.

Остаются на лицо офицеровъ 25, унтеръ-офицеровъ 4, солдатъ 41, конь 1, сѣдло 1. Итакъ въ цѣломъ конномъ полку имѣется 1 конь, одно сѣдло, да нѣсколько человѣкъ прислуги. Но офицеровъ, а особенно гетмановъ во главѣ этой арміи хоть убавляй». (Калинка, 139 стр.).

около 10 т. несчастныхъ легіонистовъ и обезоружить ихъ, подъ видомъ смѣны ружей; безоружная толпа была загнана въ Геную, насильно посажена на корабли, причемъ ослушники были переколоты и отправлены въ Санъ-Доминго. Тамъ имъ выдали опять оружіе. Назадъ оттуда никто не вернулся. Замѣчательно, что потомки, этихъ 10 т. людей увѣряютъ, что ихъ предки всю жизнь сражались лишь за свободу всѣхъ угнетаемыхъ.

Оставивъ послѣ этой измѣны Бонапарте, Князевичъ вернулся на родину и поселился на Волыни арендаторомъ помѣстья. Домбровскій же, все продолжая изображать изъ себя великаго полководца, послалъ правящимъ въ Варшавѣ пруссакамъ заявленіе, что онъ готовъ отдать себя вмѣстѣ съ остатками легіонистовъ въ распоряженіе прусскаго короля для борьбы съ еретико-схизматиками-москалями", съ тѣмъ, чтобы прусское правительство присоединило бы независимо отъ Бѣлостока еще и *остальную часть Литвы* къ своимъ владѣніямъ для уменьшенія могущества „москалей". Пруссаки отвѣтили на это предложеніе Домбровскому, что не могутъ присоединить къ своей регулярной арміи деморализованной вооруженной шайки разбойниковъ, которая можетъ навлечь одинъ лишь позоръ на прусское оружіе. Несмотря на такой отвѣтъ нѣмцы разглашали повсюду, что поляки предпочитаютъ ихъ управленіе русскому. Куріальные миссіонеры въ это время утверждали, что русскіе—не только еретики по отношенію къ римской куріи, и австрійцамъ, но что они даже не славяне.

Весьма довольные такой пропагандой австрійцы и пруссаки позволяли за это олигархамъ *забавляться всякими безвредными игрушками*: фиктивнымъ покровительствомъ искусствъ, литературными затѣями въ Пулавахъ, получившихъ въ то время прозвище „Сивиллійской Святыни", наконецъ, превозношеніемъ до небесъ *своей культуры*. Пруссаки хорошо знали, что въ свое время будетъ достаточно маленькаго отряда солдатъ чтобы сдуть всѣ эти карточные домики или разбить ихъ однимъ щелчкомъ. Магнатамъ дозволено было нѣмцами даже мечтать о возстановленіи германо-куріальнаго феодализма поэтому они не противились собиранію съ обморочиваемаго народа доли на пользу римской куріи; нѣмцы заблаговременно рѣшили эту долю замѣнить въ будущемъ податьми—но уже въ свою пользу.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы и цѣлые года. *Хозяйничанье Бранденбурговъ въ Варшавѣ* во время котораго пропагандировалась идея гласящая, что „куріализмъ важнѣе для ляховъ, чѣмъ славянизмъ", русское же правительство, извѣрившись въ полякахъ, предоставляло ихъ собственной судьбѣ, несмотря на ежегодныя тайныя депутаціи, прибывавшія въ Петербургѣ отъ деревенской шляхты и мѣщанъ: Познани, Калиша, Плоцка, Бѣлостока, Варшавы, Люблина, Львова и Сандоміра, и взывавшія къ русскому правительству объ освобожденіи ихъ отъ нѣмцевъ.

Куріалисты между тѣмъ не дремали и, вмѣстѣ съ пруссаками въ Познани, Калишѣ, Плоцкѣ, Варшавѣ и Бѣлостокѣ, вмѣстѣ съ австрійцами—въ Люблинѣ и во Львовѣ поучали всѣхъ въ 1805 году, что, только русскіе враги ляховъ; они — единственная причина раздѣла Польши; русскіе силою принудили нѣмцевъ занять Спижъ, Галицію и Познань, а потомъ и города другихъ областей; Марія-Терезія Австрійская со слезами просила, равно какъ и Фридрихъ Прусскій, русское правительство о томъ, чтобы оно не принуждало ихъ брать Галицію и Познань. Поэтому поляки должны любить австрійцевъ и пруссаковъ, которые избавили ихъ отъ гегемоніи враждебнаго римской Церкви русскаго правительства.

Слыша отъ ксендзовъ подобныя поученія, проповѣдываемыя въ школахъ, университетахъ и по церквямъ, читая лишь дозволенное ксендзами или написанное ими,—большинство повторяло за куріалистами, что *противъ нѣмцевъ не слѣдуетъ ни говорить ни писать ничего дурного, но противъ русскихъ—вѣчно подуськивать „ату ихъ"*! и другое въ такомъ родѣ.

При такихъ условіяхъ пруссаки, сидя спокойно въ Варшавѣ, завели тайныя сно-

шенія со шведами и турками противъ Россіи, подготовляя себѣ почву для дальнѣйшаго Drang nach Osten, но вдругъ, совершенно неожиданно и непредвидѣнно, вопреки всѣмъ нѣмецкимъ надеждамъ и предположеніямъ, пришло въ концѣ 1806 г. извѣстіе, что прусская армія цѣликомъ разбита подъ Ауерштетомъ и Іеной, а Берлинъ и Познань во власти Наполеона. По призыву выше упомянутаго Выбицкаго тотчасъ же возстали противу „швабовъ:“ познанская, а потомъ сѣрадзская, плоцкая и мазовецкая провинціи. Вслѣдствіе этого нѣмецкіе гарнизоны, какъ вѣтромъ вымело изъ Варшавы и всей Польши—въ Берлинъ. Французы же, подъ предводительствомъ Мюрата и Венсена, заняли безъ выстрѣла Варшаву. Бонапарте предполагалъ оттуда немедленно двинуть войска противу Россіи—въ Вильну; начальство надъ ними онъ предложилъ Костюшкѣ, но тотъ остался вѣрнымъ обѣту—не воевать со славянами, и отклонилъ предложеніе. Деревенская шляхта не только на Литвѣ, но и въ Лехіи, рада была оставаться подъ русской гегемоніей, видя, какими попеченіями ее окружаетъ Александръ I, но олигархи и клерикалы, располагавшіе неимѣвшимися у деревенской шляхты средствами—въ томъ же 1806 г. обратились къ Наполеону съ униженной просьбой дать имъ въ короли или герцоги саксонца Фридриха Августа IV, а вѣрнѣе, III-го.

По этой причинѣ, въ трактатѣ, который былъ заключенъ въ слѣдующемъ, 1807 году въ Тыльжѣ, или, какъ ее зовутъ пруссаки „Тильзитѣ“—рѣшено было, что всѣ доставшіяся пруссакамъ по тремъ раздѣламъ Польши, земли будутъ отданы Фридриху Саксонскому подъ названіемъ „герцогства Варшавскаго“. Но Бѣлостокъ, по настоятельному желанію жителей былъ присоединенъ къ Россіи. Приведенные въ восторгъ заполученіемъ третьяго саксонца, олигархи прониклись надеждой на новое сформированіе „*волчанъ*“ и стали, по старому, импонировать деревенской шляхтѣ, какъ это дѣлалось при прежнихъ „*саксонцахъ*“.

Олигархи и куріалисты вновь собрали отряды всякаго сброда и погнали его за войсками Наполеона—завоевывать испанскій престолъ для его семьи. Это дѣлалось въ надеждѣ, что Бонапарте возстановитъ Польшу. Тамъ, въ ущельяхъ Само-Сьерры, подъ Сарагоссой и Мадритомъ пала большая часть поляковъ. И, какая ужасная иронія! въ замѣнъ за смерть 7 тысячъ польской молодежи—въ Италіи, десять тысячъ на Санъ-Доминго, двухъ тысячъ подъ Само-Сьерой, трехъ тысячъ подъ Сарагоссой и десяти тысячъ по всей Германіи, то есть въ замѣнъ за смерть 32 т. польской молодежи во славу Бонапарте—Домбровскій и Козетульскій получили только кресты и баронскіе титулы, а польское королевство—жалкій и ничтожный титулъ „саксонско-варшавскаго герцогства“, или провинціи для откармливанія нѣмцевъ, саксонцевъ, куріалистовъ и ихъ ставленниковъ. Страшная иронія! за продажу души дьяволу, за столько польской и самой жизненной крови, за столько смертей, за столько потерь и побѣдъ—получить только титулъ саксонско-варшавскаго герцогства, да еще ту великую малость, что титулъ „герцогство“ не замѣнили титуломъ „графство или баронство“?

Въ 1809 г. Францъ II, имп. австрійскій, заступился, за своего компаньона графа Варнаву Чьяраменти, прозваннаго Піемъ VII; его арестовалъ въ Парижѣ Наполеонъ, и Францъ II, въ отмщеніе за эту обиду хотѣлъ вызвать нѣчто вродѣ крестоваго похода въ защиту своего протеже. Несмотря, однако, на проклятья или анаѳемы, которыя металъ, какъ громы означенный Чьяраменти, русскій имп. Александръ I помогъ Бонапарте побѣдить и побить австрійцевъ, а при этой оказіи Галиція присоединена была къ герцогству Варшавскому.

Вслѣдствіе такихъ происшествій, профессора Виленской Академіи Янъ и Андрей Снядецкіе вмѣстѣ съ Ѳаддѣемъ Костюшкой выслали къ Наполеону депутацію съ просьбой отъ имени деревенской шляхты, литовской и польской—отобрать только земли отъ нѣмцевъ и присоединить къ Россіи. Депутаты обратили вниманіе Наполеона на то, что нѣмцы могутъ стать современемъ небезопасными для Франціи. Наполеонъ отвѣ-

тилъ, что Франція никого не боатся, а тѣмъ болѣе нѣмцевъ, которые стремятся только на востокъ, то есть къ Россіи, *но никогда не дерзнутъ коснуться Франціи*. Изъ этого мы видимъ, что Наполеонъ I не былъ такимъ дальновиднымъ политикомъ, какъ это ему приписываютъ. Собравъ затѣмъ свою милліонную армію, вмѣстѣ съ легіономъ упомянутаго Домбровскаго, желавшаго возвести на польскій престолъ князя Іосифа Понятовскаго—послѣдній тоже присоединился къ Наполеону съ 30 тысячною арміей—Бонапарте со всѣми этими пестрыми войснами перешелъ Нѣманъ, прошелъ Литву и занялъ Вильно, въ концѣ іюля 1812 года. Въ Вильнѣ Наполеонъ овладѣлъ огромными провіантскими магазинами, построенными шляхтой для русскихъ войскъ и приготовленными для войны съ нѣмцами. Въ половинѣ сентября Наполеонъ занялъ Москву, гдѣ польскіе легіоны занялись исключительно грабежемъ церквей и оскверненіемъ православныхъ святынь.

Всѣмъ извѣстенъ конецъ нашествія антихристіанскихъ полчищъ на христіанское государство: они были до-тла уничтожены, а самъ Наполенъ бѣжалъ, едва спасши жизнь.

Не смотря на это положеніе Поляки не отставали отъ арміи Наполеона нетеряя надежды на возстановленіе имъ Польши. Наполеонъ же относился къ нимъ съ презрѣніемъ какъ это видно изъ письма его къ генералу Совари, герцогу де Ровиго Вотъ это письмо:

„Рекомендуйте нашимъ газетамъ не произносить вовсе слова «Польша» и вообще поменьше говорить о дѣлахъ этой страны (de ce pays—là).

Наполеонъ [1]).

Въ мартѣ 1814 г. русскія войска заняли Парижъ. Наполеонъ отрекся отъ престола; произошла реставрація Бурбуновъ и Австріи, а тѣмъ самымъ и реставрація Ватиканскаго общества. Едва почуявъ себя въ безопасности отъ французовъ, нѣмцы, пруссаки и австрійцы подняли голову и стали домогаться у Александра I, возвращенія Познани, Данцига, Торка, Калиша, Плоцка, Варшавы, Бѣлостока, Люблина и цѣлой Галиціи—въ противномъ случаѣ угрожая коалиціей противу Россіи съ Англіей, Швеціей и Турціей. Въ сентябрѣ 1814 г. собрался въ Вѣнѣ англо-нѣмецкій конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха; на немъ имп. Александру предъявлено было требованіе—отдать Габсбургамъ и Гогецолернамъ всю собственно—Польшу по рѣку Бугъ.

Прибывъ на конгрессъ въ Вѣну; Александръ I видѣлся тамъ съ прибывшимъ туда-же Косцюшкой, въ качествѣ депутата шляхты. На свиданіи Александръ выразилъ мысль, что „если бы онъ могъ быть увѣренъ, что всѣ поляки единодушно помогутъ ему въ войнѣ за пріобрѣтеніе славяно-русской гегемоніи надъ всѣми славянами, т. е., будь онъ убѣжденъ въ томъ, что не только деревенская шляхта, но и всѣ куріально-австрійско-олигархическія партіи выступятъ противъ нѣмецкой гегемоніи,—то онъ готовъ былъ бы воевать не только со всѣми нѣмцами, но и даже съ англичанами, турками, и шведами. Косцюшко весьма естественно, не рѣшился поручиться императору Александру за всѣхъ поляковъ, а лишь за деревенскуы шляхту и мѣщанъ; за куріалистовъ же ручаться онъ не въ какомъ случаѣ не былъ въ состояніи, тѣмъ болѣе, что Чарторыйскій былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ, Сулковскій—прусскимъ, а эксъ іезуитъ Вороничъ—куріальный миссіонеръ — австрійскимъ государственнымъ совѣтникомъ, и краковскимъ епископомъ, т. е. по тому самому сторонникомъ австрійцевъ, какъ опекуновъ римской куріи. Косцюшко не могъ поручиться за этихъ пановъ—куріалистовъ, и поэтому Александру I пришлось подчиниться давленію англійской и нѣмецкой политики. Онъ даже согласился бы, можетъ-быть, на поставленное австрійцами и англичанами условіе — раздѣлить герцогство Варшавское на три части; но, когда къ поль-

[1]) См. Kurjer Warszawski, 1897, № 251.

скимъ депутаціямъ, молившимъ Александра I о присоединеніи Польши къ Россіи, присоединился и Адамъ Чарторыйскій, просившій императора о томъ же самомъ, стоя на колѣняхъ — Александръ I отвѣтилъ, что Европа прежде должна будетъ выгнать изъ герцогства русскія войска, чѣмъ его подѣлитъ. Такое рѣшительное заявленіе заставило враговъ отступиться; польскія земли, кромѣ Познани, возвращенной пруссакамъ, и Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, — отошли къ Россіи подъ именемъ „Царства Польскаго". Австрія, Пруссія и даже Англія долго этому противились. Акты Вѣнскаго конгресса свидѣтельствуютъ о желѣзной настойчивости, которую должны были обнаружить русскіе уполномоченные, дабы преодолѣть эти преграды и заставить признать принципъ польскаго возрожденія.

Дипломатическіе споры и соглашенія этой памятной эпохи подавали поводъ для комментаріевъ значеніе которыхъ могла оцѣнить лишь европейская интелегенція. Многіе предполагали, что проявленныя неоднократно Александромъ I благородство и безкорыстіе дадутъ возможность оспаривать у него права пріобрѣтенныя побѣдами и освященныхъ трактатами. Разбиралось „отъ *minimum* до *maximum*", прибѣгая даже къ шаткому построенію гипотезъ. Несмотря на всѣ эти толки и толкованія, обоюдно было признано, это не подлежитъ сомнѣнію — что несмотря на благородную иниціативу имп. Александра I — большинство государствъ, подписавшихъ трактаты 1815 г. не сочли удобнымъ для европейскихъ интересовъ вернуть Польшѣ полную независимость; что наконецъ, тутулъ *конституирующаго*, а не *конституціоннаго* королевства, доставшійся Польшѣ, былъ редактированъ и принятъ въ слѣдующей формѣ:

«Герцогство Варшавское присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ съ нею неразрывно связано своей конституціей и будетъ принадлежать на вѣчныя времена Его Величеству Императору Всероссійскому и его преемникамъ. Е. И. В. оставляетъ за собою право даровать этому государству, обладающему особымъ управленіемъ, внутреннюю организацію по своему благоусмотрѣнію; къ прочимъ титуламъ Е. И. В. будетъ присоединенъ титулъ царя Польскаго».

Единственною обязанностью, лучше сказать, единственнымъ фактическимъ обязательствомъ, истекавшимъ для Россіи изъ столь опредѣлительнаго текста, было предоставленіе Герцогству Варшавскому права на самостоятельную администрацію, отдѣленную отъ управленія Имперіей; но составъ этой администраціи могъ быть сформированъ «согласно волѣ Императора и Царя изъ всѣхъ его подданныхъ, безъ различія происхожденія и мѣстожительства». О самой конституціи рѣчи не было; акты Вѣнскаго конгресса свидѣтельствуютъ, что простое упоминаніе о народныхъ установленіяхъ было съ негодованіемъ встрѣчено представителями трехъ великихъ державъ.

Но Имп. Александръ не допуская, что бы большинство поляковъ, именующихъ себя интеллигентами было доведено до полнаго отупѣнія монахами, не давая остановить себя ни настоятельными представленіями союзныхъ державъ, ни тѣсными рамками буквы и духа Вѣнскаго трактата, оставаясь вѣрнымъ своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ пожелалъ дать еще разъ возможность Польшѣ доказать свою политическую жизнеспособность и пріобрѣсть права европейскаго гражданства путемъ мирнаго пользованія либеральными установленіями и развитіемъ своего матеріальнаго благосостоянія.

Съ 1815 года для Польши началась новая эра, которую можно назвать *эрой окончательнаго испытанія*—подъ опекой христіанскаго правительства. Каковъ былъ ея результатъ? Розсмотримъ этотъ вопросъ обстоятельно.

Конституціонный уставъ, данный полякамъ Императоромъ Александромъ I, *превосходилъ ихъ надежды*: онъ опирался на столь обширныя и *либеральныя* основанія, что служилъ самъ по себѣ предметомъ удивленія въ ту эпоху; да и въ наши дни еще много нашлось бы народовъ, которые охотно и даже считая это за счастье, приняли бы по-

добное правительство. Что же касается поляковъ, то конституціонный уставъ въ ихъ рукахъ—равняется бритвѣ въ рукахъ помѣшаннаго.

Но благодѣянія Императора Александра не остановились на этомъ. Казна королевства была пуста. Несмотря на то, что русскіе финансы не находились въ слишкомъ цвѣтущемъ состояніи, казна наша дала Польшѣ ссуду, никогда не возвращенную, въ 10 милліоновъ рублей золотомъ.

Польская армія была разсѣяна, почти уничтожена наполеоновскими войнами; усиліями государя, *слишкомъ довѣрчиваго, чтобы допустить возможность опасности* какая могла возникнуть отсюда для него или его пріемниковъ—польская армія была возстановлена въ полномъ ея составѣ.

Въ администраціи, представлявшей дотолѣ хаосъ, установленъ былъ нѣкоторый порядокъ; увеличеніе общественнаго кредита, улучшеніе путей сообщенія, открытіе доступа товарамъ на русскіе рынки—сообщили польской торговлѣ и промышленности значительное оживленіе, какъ нельзя болѣе выгодное для народнаго процвѣтанія.

Доходы Польши, не превышавшіе въ 1788 году 80 милліоновъ злотыхъ достигли въ предѣлахъ королевства (территорія котораго составляла только пятую часть прежней Рѣчи Посполитой)—цифры 100 милліоновъ.

Полякамъ оставалось лишь пользоваться этими первоисточниками политическаго и матеріальнаго благополучія, съ цѣлью упрочить дѣло своего національнаго возрожденія и занять соотвѣтствующее почетное мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ. Въ ихъ власти было даже, не добывая оружія, вернуть себѣ большую и лучшую часть своихъ прежнихъ завоеваній, такъ какъ благородство Александра I простиралось такъ далеко, что онъ хотѣлъ было отдѣлить отъ Имперіи въ пользу Польскаго королевства нѣкоторыя изъ западныхъ провинцій, которыя, отнятыя отъ Польши, вошли въ составъ Россіи.

Но поляковъ какъ бы влекла къ гибели тайная и непреодолимая сила; они не замедлили оправдать на дѣлѣ опасенія сосѣднихъ государствъ, равно какъ и предсказанія ближайшихъ совѣтниковъ Александра I, которые указывали ему съ почтительной, но непреклонной искренностью на тѣ непреодолимыя преграды, которыя ему предстояло встрѣтить при выполненіи своихъ добродѣтельныхъ плановъ относительно Польши. „Я далекъ отъ мысли причиненія полякамъ безпричинныхъ терзаній, Ваше Величество" писалъ Александру I графъ Поццо-ди-Борго еще до Вѣнскаго конгресса, въ имѣющемъ поистинѣ пророческое значеніе меморіалѣ: „Я далекъ отъ мысли увеличенія страданій поляковъ излишней суровостью безъ всякаго повода. Истинная задача подлежащая рѣшенію основывается на изысканіи мѣръ благодѣтельныхъ для нихъ, совмѣстныхъ съ благомъ и безопасностью русскаго государства.

„Дайте намъ національную независимость и мы будемъ предупредительны къ сосѣдямъ, искренни съ Россіей и дружны другъ съ другомъ"—вотъ вѣчный припѣвъ, къ которому возвращаются поляки.

„Но руководящая здравымъ смысломъ политика можетъ имъ отвѣтить: „Получивъ, свою такъ называемую независимость, вы не перестанете по прежнему ненавидѣть Россію, даже презирать ее, гордые своимъ тріумфомъ; и при томъ будете думать, что ваша независимость неполная, каждый разъ, какъ польскій король не пожелаетъ пожертвовать для васъ Русскимъ Государемъ. Вы введете сумятицу въ его общую политику, вызвавъ бунтъ между своими сородичами, уступленными Австріи и Пруссіи... и сегодня вы недовольны, но... безсильны...

„Коль скоро вы получите то чего домогаетесь, у васъ будетъ на лицо дѣятельная организація, народное вліяніе, и у васъ начнутъ приводиться въ исполненіе всѣ планы относительно нанесенія вреда и ущерба Россіи".

Въ томъ же духѣ писалъ 4 мая 1815 г. Императору Александру, Ланской; вотъ это письмо:

„Государь! Прости русскому, открывающему передъ Тобою чувства и осмѣливающемуся утверждать, что благосердіе Твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить народъ и вообще войско польское и потому, если я не ошибаюсь то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой...

„Не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ разсчитывать на поляковъ не можно“.

Уже въ то время графъ Поццо-ди-Борго и Ланской превосходно понимали характеръ поляковъ, безисходно попавшихъ во власть сатаны; поляки напрасно думають что Россія ихъ не раскусила и не понимаетъ до тонкости постоянно повторяемыхъ ими завѣреній: „пусть де только намъ сдѣлаетъ то-то и то-то правительство, пусть только дастъ намъ то-то и то-то, и оно убѣдится“... Мы доскажемъ: убѣдится, что допустило новую глупость, которая будетъ поводомъ новаго кровопролитія.

Предсказанія графа Поццо-ди-Борго сбылись до іоты. Благородные замыслы Александра I разбились объ *упорную* и *систематическую* оппозицію, *которая парализовала ходъ дѣлъ* и препятствовала движенію конституціоннаго механизма, будь то посредствомъ парламентарныхъ маневровъ, будь то посредствомъ скрытыхъ и преступныхъ предпріятій. Несмотря на все это, Императоръ Александръ I не отчаивался и не пожелалъ отказаться отъ благороднаго но къ несчастью *несбыточнаго* дѣла, которое предпринялъ.

За 5 лѣтъ до своей кончины онъ послѣдній разъ обратился къ здравому смыслу и благородности поляковъ (разсчитывая найти въ нихъ нѣчто подобное) въ своей рѣчи слѣдующаго содержанія къ народнымъ депутатамъ:

„Изслѣдуйте вашу совѣсть, вы узнаете, оказаны ли вашему краю всѣ тѣ услуги которыя онъ вправѣ былъ отъ васъ ожидать, или наоборотъ, не были ли вы даже виновниками замедленнаго его развитія?.. Эта отвѣтственность ляжетъ на васъ“... (Папа успѣлъ уже тогда отпустить этотъ грѣхъ полякамъ) „Однако продолжаю упорствовать въ моихъ начинаніяхъ, цѣль всѣхъ моихъ стремленій—все та же, видѣть конституцію упроченной вашей умѣренностью и сдержанностью“.

Всѣ эти возвышенныя, но безплодныя заявленія имѣли своимъ результатомъ только то, что благодаря имъ обнаружилась неисправимая нравственная затвердѣлость поляковъ и упорное благородство властителя, который унесъ съ собою въ гробъ горечь обманутыхъ мечтаній и скорбь о томъ, что ему пришлось оставить своему преемнику положеніе полное затрудненій.

Намѣренія Александра I относительно поляковъ, клонившіеся къ присоединенію къ Польшѣ, Литвы, Волыни и Малороссіи вызывали въ Россіи сильную оппозицію. Вотъ записка Н. М. Карамзина поданная по этому поводу Александру I.

Мнѣніе русскаго гражданина.

(Н. М. Карамзина).

„Государь! въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ, съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли

и міра; выше всѣхъ законовъ—физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ—но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ небомъ *въ чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсть отъ міра сего*, сказалъ Христосъ, а граждане и государство въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь, есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы Христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполнили законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ, но Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человѣкъ по чувствамъ* души, озаренный свѣтомъ христіанства: Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ Царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ; не даетъ новой если мы, захотѣвъ быть Христіанами-политиками, впадаемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту, я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжотъ нашъ городъ, впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра, но Александръ *взялъ* ихъ Русскою силою, а Россіянъ *далъ* Ему Богъ и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы*.

„Вы думаете возстановить *древнее* королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ: можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали Великою. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято, для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанско-Астраханское Царство, Новогородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Черниго-

ва, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна предъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки: извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола: ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ, унизились бы предъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ, Вы и тогда имѣли бы министровъ-генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

«Однимъ словомъ, и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возмутъ штурмомъ Прагу.

«Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны, слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благородность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ, право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ. Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый—безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго, пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть, и какъ оставлена Вамъ Екатериною!... Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше отечество. Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ—умолкаю». (Царское Село, октября 17, 1819 года. Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина, ч. I. Спб. 1862 стр. 3—8 [1]).

[1]) Краснорѣчивая записка Н. М. Карамзина нисколько не поколебала намѣреній Але-

Имп. Николай не раздѣлялъ всѣхъ мнѣній или вѣрнѣе всѣхъ чувствъ своего достойнаго брата по отношенію къ полякамъ. Онъ хорошо сообразилъ трудность соединенной роли абсолютнаго монарха и конституціоннаго короля въ зараженной анархіей странѣ. Но, какъ честный человѣкъ, Николай I рѣшилъ не оступать ни на шагъ отъ устава конституціи, условія коей торжественно подтвердилъ въ томъ видѣ, какой ей сообщилъ его предшественникъ, не смутясь при этомъ зловѣщими симптомами, появившимися въ Польшѣ.

Революція 1830 г. разорвала конституціонный договоръ и освободила Императора Николая I отъ всякихъ обязательствъ относительно Польши. Создалось новое положеніе, при которомъ рѣшеніе вопроса зависѣло уже отъ силы, а не отъ права, такъ какъ послѣднее нарушено было тѣми, въ чьихъ интересахъ было его поддержать.

Оскаръ Авейде, членъ революціоннаго комитета 1863 г., такъ описываетъ состояніе Царства Польскаго послѣ конгресса въ своихъ мемуарахъ (стр. 12—13): «Итакъ было создано конгрессомъ Царство Польское, нераздѣльно и на вѣчные времена соединенное съ Россіею, при чемъ Императоръ Россійскій долженъ быть носить титулъ и Царя Польскаго. Немедленно было приступлено къ устройству Царства. Изъ остатковъ наполеоновской арміи, призванныхъ Императоромъ Александромъ I, и изъ новобранцевъ была образована тридцати-тысячная армія Царства Польскаго, командованіе коей было поручено, если не ошибаюсь, генералу Зайончеку, а затѣмъ В. К. Константину Павловичу. Царство Польское получило полную автономію гражданскаго управленія, которое сообщалось съ Правительствомъ Имперіи исключительно черезъ намѣстика и министра статсъ-секретаря царства въ Петербургѣ. Только вопросы, касающіеся внѣшней политики, остались въ компетенціи общаго управленія въ Петербургѣ. Автономія основывалась на конституціи, дарованной Императоромъ польскому народу. Эта конституція давала народу болѣе обширныя и болѣе дѣйствительныя права, чѣмъ конституція Герцогства Варшавскаго, и можно откровенно сказать, что она была дотолѣ одною изъ лучшихъ, наиболѣе обезпечивающихъ свободу народа, и даже лучшею изо всѣхъ европейскихъ конституцій. Она давала народу законадательную власть, право инніціативы, свободу и равноправность религіи, полное почти равенство сословій, свободу печати, открытыя сеймовыя совѣщанія, неотвѣтственность и независимость судебныхъ органовъ, даже давишнее право: neminem captivabimus nisi jure victum (никого нельзя арестовать безъ приговора суда) было возстановлено конституціей.

„При подобныхъ конституціонныхъ законахъ и стремленіяхъ, подъ руководствомъ выдающихся государственныхъ людей (какимъ былъ напр. князь Друцкій-Любецкій, безспорно одинъ изъ выдающихся финансистовъ своего времени) положеніе нашей небольшой страны съ каждымъ днемъ улучшалось; финансы, промышленность, торговля, просвѣщеніе, законодательство—словомъ все стремилось къ совершенствованію; вслѣдствіе же этого, конечно, постепенно возрастало благосостояніе населенія, изнуреннаго за время существованія Герцогства Варшавскаго. Я не намѣренъ подробно описывать эти пятнадцать лѣтъ труда и благоденствія; достаточно *съ одной стороны* вспомнить состояніе Герцогства Варшавскаго, которое представляло собою единственно военныя мастерскія и склады для французовъ, и на которое сами поляки смотрѣли, какъ на нѣчто временное; оно не могло, исходя изъ самого принципа его существованія, развить ни одной изъ отраслей внутренней своей жизни. Никто тогда не заботился о конститу

ксандра I относительно Польши: проектъ былъ только отложенъ, въ виду общаго несочувствія къ нему всѣхъ русскихъ людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій и взглядовъ. По признанію самого Карамзина, «Россія удержала свои польскія области, но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои (Карамзина) слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго». (Русскій біографическій Словарь, т. I. стр. 363).

ціонныхъ правахъ, о просвѣщеніи, никто даже не подумалъ о томъ, что страна была бѣдна, а между тѣмъ производила большія траты,—ибо наши отцы думали о совершенно другихъ предметахъ. Часть Польши, ея зародышъ существовалъ уже тогда; существовала надежда воскресить Польшу въ цѣлости руками Наполеона. *Съ другой же стороны* взглянемъ на состояніе созданнаго послѣ конгресса Царства Польскаго, въ которомъ ни одна изъ отраслей жизни не была забыта или упущена. Вспомнимъ здѣсь только, что тогда былъ основанъ банкъ, а въ связи съ нимъ различныя торговыя и фабричныя предпріятія существующія понынѣ, возникъ горный промыселъ, былъ построенъ Августовскій каналъ, учреждено земское кредитное общество, значеніе котораго для страны, въ виду общаго финансоваго упадка землевладѣльцевъ, какъ до, такъ и послѣ образованія Герцогства Варшавскаго, напрасно было бы доказывать, установлены ипотечные законы, признаваемые по сей день одними изъ лучшихъ; изданъ уголовный кодексъ, который при тогдашнемъ смѣшеніи старинаго польскаго права и правъ прусскаго, австрійскаго и временнаго Герцогства Варшавскаго, былъ истиннымъ благодѣяніемъ для народа: армія наша была образцовою; общество ревнителей науки, университетъ, политехническая школа и другіе ученыя учрежденія быстро подвигали впередъ народное благостояніе.

Существованіе и развитіе нашихъ фабрикъ и вообще нашей промышленности началось въ эту эпоху. Однимъ словомъ, все наше матеріальное и духовное народное достояніе стало разростаться и принимать опредѣленныя формы въ теченіе этого періода, а именно въ продолженіе 16 лѣтъ конституціоннаго существованія Царства Польскаго (100 милліоновъ злотыхъ, захваченныхъ ноябрьской революціей изъ казны Царства, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ благосостояніи страны). Но, увы! Стремленіе шляхты къ прежней независимости въ давнишнихъ предѣлахъ и зародившіеся на этомъ стремленіи дореволюціонные разговоры и, наконецъ, само возстаніе 1830 года задержали и уничтожили созданное всеобъемлющее жизненное развитіе въ конгрессовомъ Царствѣ Польскомъ".

Чѣмъ же было вызвано возстаніе 1830 г.?

Убѣдившись, что съ 1815 года христіанская православная церковь стала брать верхъ въ славянскихъ земляхъ, римская курія рѣшила воспрепятствовать этому тѣмъ болѣе, что на развалинахъ Варшавско-Саксонскаго Герцогства, оставившаго свое имя только площади, дворцу и саду въ Варшавѣ, Александромъ I основано было маленькое польское королевство, названное „конгрессовымъ"—подъ славянско-русской гегемоніей, вслѣдствіе чего у Рима могли пропасть доходы, извѣстные подъ названіемъ „лепты Св. Петра".

Куріалисты, желая оторвать Польшу отъ Россіи, избрали орудіемъ для достиженія этой цѣли вновь сформированное польское войско, главное начальство надъ которымъ поручено было брату Государя — Великому Князю Константину Павловичу. Королевствомъ управляли: сеймы, образованные изъ представителей всѣхъ сословій, а также совѣтъ изъ пяти министровъ и сената съ гражданскимъ намѣстникомъ, генераломъ Іосифомъ Зайончекомъ, побѣдителемъ нѣмцевъ подъ Варшавой и большимъ сторонникомъ русской гегемоніи надъ всѣми славянами.

Гогенцоллерны и Габсбурги, вполнѣ понятно, не менѣе римской куріи ненавидѣвшіе русскихъ, смотрѣли не только съ явнымъ неудовольствіемъ, но и съ сильною тревогою на эти попытки объединенія славянъ противъ ультрамонтанства и германизма. Поэтому нѣмцами были пущены въ ходъ новыя интриги, имѣвшія цѣлью распространять ложь и клевету относительно Россіи между поляками и чехами. Нѣмцы, то-есть куріальные крестоносцы, бранденбуржцы и австрійцы, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ нападали, съ цѣлью грабежа и уничтоженія, на несчастныхъ чеховъ, галичанъ и познанцевъ. Эти народы стали еще несчастнѣе, когда произошло новое подтвержденное конгрессомъ отдѣленіе ихъ отъ братьевъ политическими границами, къ чему вѣками стремилась

римская курія; изнемогая подъ гнетомъ такого ига, они, понятно, отъ глубины души завидовали славянской гегемоніи, подъ которой находились варшавяне, и которая надѣлила ихъ конституціей и войскомъ. Съ тревогой слѣдила патріотическая деревенская шляхта Галиціи и Познани за тѣмъ, какъ, при помощи пагубныхъ соглашеній и договоровъ или конкордатовъ съ римской куріей и ея епископами, ускоренно движется и растетъ онѣмеченіе ея дѣтей.

Описанный выше строй и развитіе конгрессовъ королевства, возраставшаго во всѣхъ отношеніяхъ на благо славянства и всеславянства (получившаго прозвище „панславизма" въ противовѣсъ „пангерманизму" и „ультрамонтанизму"), становились опасными для нѣмцевъ. Поэтому съ 1815 г. они начали распространять въ русской Польшѣ недоброжелательство къ русскимъ, какъ къ „еретикамъ, святотатцамъ и отступникамъ" относительно Ватикана и ватиканцевъ; это дѣлалось ими посредствомъ тайныхъ агентовъ: монаховъ, куріальныхъ наемниковъ, словомъ посредствомъ своихъ гражданскихъ и духовныхъ миссіонеровъ; одновременно они стали вооружать поляковъ противъ русскихъ, распространяя вымыслы въ родѣ того, что русскіе предложили нѣмцамъ произвести раздѣлъ Польши, и что австрійское и прусское правительства плакали надъ судьбой Лехіи, когда русское правительство силой понуждало ихъ къ раздѣлу. Германскіе агенты нашептывали повсюду, будто русское правительство не по доброй волѣ дало полякамъ конституцію и войско, но вынуждено было къ тому французами на конгрессѣ, русскіе де вовсе не славяне и не братья поляковъ и чеховъ, а монголы, татары, азіаты и тому подобное вранье, абсурды, безсмыслицы. Просвѣщенные поляки, знакомые съ истинною исторіей и за это проклятые папами, особенно же деревенская шляхта, у которой хранились достовѣрныя по этимъ вопросамъ хроники, выслушивали такое вранье и прикидывалась передъ монахами и ихъ слугами—писаками, будто вѣрятъ всему этому, или, по крайней мѣрѣ, молчали, не желая прослыть измѣнниками, дурными патріотами; но монахи римской куріи, т.-е. политическаго агентства Габсбурговъ и ихъ Меттернихов,—не обращая на это вниманія, на самой же территоріи королевства и даже въ управляемой согласно конституціи Варшавѣ—упорно и спокойно проповѣдывали упомянутое вранье, распространяли его преимущественно среди ремесленнаго класса, чтобы не допустить примиренія и уніи ляховъ съ русскими.

Больше всего орудовали куріалисты между военною учащеюся молодежью, въ тогдашней школѣ „подхорунжихъ" и среди солдатъ войскъ Великаго Князя Константина, гдѣ пропаганда велась при посредствѣ полковыхъ ксендзовъ и духовниковъ; всѣ эти агитаторы старались воспрепятствовать установленію согласія между русскими и поляками. Для этого они рѣшили незамѣтно и систематически распространять недоброжелательство къ русскимъ, занимаясь одновременно организаціей заговора на погибель конституціи и ненавистнаго войска—ненавистнаго для куріи и для куріально-габсбургскихъ Меттернихов. Школа „подхорунжихъ" готовила офицеровъ для войска В. К. Константина, войска, которое должно было служить помощью всей русской арміи противъ австрійцевъ и пруссаковъ, т.-е. противъ германизма. Ультрамонтано-австрійская курія рѣшила погубить это войско, угрожавшее, по меньшей мѣрѣ, отнятіемъ Галиціи и Познани у Австріи и Пруссіи, дѣйствовавшихъ заодно съ римской куріей.

Имѣя это въ виду, В. К. Константинъ Павловичъ ежедневно производилъ смотръ своему войску и школѣ подхорунжихъ и, съ радостью слѣдя за ихъ успѣхами, весело потиралъ руки и часто говаривалъ варшавскимъ офицерамъ, не подозрѣвая, конечно, что имѣетъ дѣло съ іезуитами: „молодцы, братцы",—а къ школѣ подхорунжихъ: „*молодцы, дѣти мои! Мы разобьемъ въ прахъ враговъ всего славянства*"! Чѣмъ чаще слышались эти похвалы Великаго Князя, тѣмъ усиленнѣе шептали на ухо подхорунжимъ предатели славянъ — клерикалы: „*возстаньте противъ схизматиковъ Римской Церкви; австрійцы, какъ ея сыновья, вамъ помогутъ*".

Такія рѣчи нашептывались подхорунжимъ и солдатамъ куріальными священниками, монахами, миссіонерами и іезуитами, орденъ которыхъ былъ возстановленъ вмѣстѣ съ тайною инквизиціей въ 1815 году вышеупомянутымъ графомъ Чараменти, сѣвшимъ подъ именемъ Пія VII на возстановленный папскій престолъ.

Орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ, какъ выше сказано, 20 іюня 1773 г. буллою, изданною папою Климентомъ XIV. Генералъ іезуитовъ Риччи, въ отвѣтъ на папское рѣшеніе, отвѣтилъ: „*Sint ut sunt, aut non sint*“. Годъ спустя послѣ этого декрета, Климентъ XIV былъ отравленъ іезуитами; они же уцѣлѣли, какъ предсказалъ Риччи, и по прежнему тайно всѣмъ заправляли, пока папа Пій VII не призвалъ ихъ снова къ явной охранѣ и защитѣ своей особы. Іезуиты, всевозможные миссіонеры, міряне и духовные, притихшіе было, особенно съ 1817 года, снова, и все смѣлѣе, стали выступать на политическую арену съ пропагандой несогласія и разъединенія; пронырливыя или отупѣвшія девотки и биготки покровительствовали этимъ льстивымъ любезникамъ и со своей стороны распространяли ихъ ученіе о ненависти къ „москалямъ“. Тогдашнее конституціонное и автономное правительство, также составленное изъ куріалистовъ, и архіепископъ-примасъ—выше упомянутый ех-іезуитъ и миссіонеръ римской куріи Вороничъ—весьма охотно соглашались на распространеніе австрійской пропаганды. Вороничъ, не только завзятый миссіонеръ куріи, но и прелатъ ея, награжденный высшими чинами въ іерархіи римскаго вѣроотступничества, римско-католическій епископъ Краковскій, архіепископъ примасъ варшавскій—вполнѣ понятно—не оставался въ бездѣйствіи. Онъ работалъ заодно съ другими миссіонерами медленно, но постоянно, помаленьку, но безъ перерыва, точно такъ же, какъ дѣйствуютъ нѣмцы: „langsam aber immer Drang nach Osten“, т.-е. трудился на пользу куріи и куріальныхъ „острейхеровъ“. Онъ велѣлъ объявлять повсюду, что Римъ не замедлитъ уничтожить Восточную Церковь. Неопытные въ политикѣ и несвѣдущіе въ богословіи люди, слушая декламаціи о римскомъ католицизмѣ австрійцевъ или нѣмцевъ, о некатолицизмѣ русскихъ славянъ, слушая также хитрыя и предательскія разсужденія о патріотизмѣ—изъ желанія быть во что бы-то ни стало „*патріотами*“—попадались на подслащеныя рѣчи ех-іезуита Воронича и его агентовъ, подражавшихъ „Скаргѣ“, т-е. іезуиту Петру Павенцкому, который нѣкогда жаловался на всѣхъ патріотовъ не римскихъ, не ватиканскихъ и не австрійскихъ, которыхъ называлъ „некатоликами, или акатоликами“.

Шли года, въ теченіе которыхъ все болѣе распространялась ненависть къ Россіи; а съ 1823 г. Ганнибалъ дель Гонга, подъ именемъ папы Льва XII, еще усиленнѣе, чѣмъ Чараменти, сталъ черезъ своихъ іезуитовъ бросать проклятія на римскихъ акатоликовъ и велѣлъ своимъ агентамъ еще усиленнѣе вести пропаганду между поляками, не допуская ихъ даже къ порогамъ русскихъ христіанскихъ святынь. Особенно же велась пропаганда въ *Бельведерѣ, въ школѣ подхорунжихъ и въ войскѣ при помощи ксендзовъ и монаховъ, равно какъ и посредствомъ биготокъ разнаго возраста.*

Папа повелѣлъ при этомъ своимъ сѣятелямъ разлада и вражды между славянами возможно чаще совершать спеціальные молебны объ обращеніи такъ называемыхъ еретиковъ, схизматиковъ и диссидентовъ, или *иновѣрцевъ, ибо Левъ XII зналъ, что выйдетъ изъ этихъ молитвъ о такъ называемыхъ еретикахъ, схизматикахъ* и т. д. Такія молитвы, полныя коварства, измѣны и беззаконія, направленныя на такъ называемыхъ иновѣрцевъ—не суть ли это настоящія молитвы ненависти? Подобныя тявканью собаченки на слона, эти молитвы произносились въ теченіе 6 лѣтъ, будучи энергично рекомендуемы папой Львомъ XII, вплоть до самой его смерти, въ половинѣ 1829 г., когда умеръ и варшавскій примасъ—Вороничъ. Тѣло умершаго было, какъ бы въ насмѣшку, погребенно свѣтскими и духовными іезуитами—въ славянскомъ пантеонѣ на Вавелѣ, въ Краковѣ, рядомъ съ честными и благородными королями,—и это—съ цѣлью заглушить память о противникахъ Рима.

Съ 1829 г. графъ Кастильяни, подъ имененемъ папы Пія VIII, искусно уничтожилъ эти *молитвы ненависти* Льва XII, какъ уже опошленныя, выходящія изъ моды, и поручилъ своимъ прелатамъ основывать возможно больше такъ называемыхъ здроваськовыхъ братствъ.

Эти миссіонеры еще хитрѣе и коварнѣе, чѣмъ прежніе, нашептывали не только своимъ „терціаркамъ", или свѣтскимъ помощницамъ отвратительныхъ монастырскихъ дармоѣдовъ и дармоѣдокъ, покровительствуемыхъ тимократами, но главнымъ образомъ ученикамъ школы подхорунжихъ—ненависть къ русскимъ славянамъ, утверждая, что русскіе—не братья чеховъ и ляховъ, что Варшава—Аѳины, а Москва—Спарта".

Несмотря на всѣ эти предательскія козни монаховъ и свѣтскихъ агентовъ или наемниковъ ультрамонтанскаго куріализма—вмѣстѣ съ австрійцами и пруссаками, согласіе славянъ продержалось до второй половины 1830 года. Не только образованная деревенская шляхта, знакомая съ изложенными выше историческими событіями, но даже прикидывавшіяся слѣпо вѣрящими въ монаховъ „терціарки", солдаты и молодежь—слушая эти предательскія нашептыванія или призывы къ бунту, ведущіе къ братоубійству и къ уничтоженію войска, предназначеннаго противъ нѣмцевъ, спрашивали у духовныхъ и свѣтскихъ интригановъ: почему же римско-католическая Австрія, если желаетъ возвратить Польшѣ Галицію, не объявляетъ во всеуслышаніе черезъ своего Меттерниха, что отдастъ Галицію подъ русскую гегемонію, чтобы получить, благодаря этому, помощь противъ своихъ братьевъ—пруссаковъ, угрожающихъ Австріи гегемоніей надъ всѣми нѣмецкими государствами? Почему бы Меттерниху не издать христіанскую прокламацію объ освобожденіи галичанъ, моравовъ, чеховъ и другихъ славянъ изъ-подъ ига германизаціи, что было бы доказательствомъ истиннаго христіанства? На такой вопросъ духовные и свѣтскіе куріальные агенты и нѣмецкіе наемные интриганы отвѣчали съ самаго начала 1830 года: „*стыдитесь быть такими трусами, имѣя въ собственныхъ рукахъ громы; Австрія не должна, хотя бы изъ за того, что можетъ этимъ преждевременно выдать тайну, первая начать дѣло* и выступить противъ лютеранской Пруссіи; но она сдѣлаетъ это непремѣнно для римской куріи, когда школа подхорунжихъ дастъ знакъ, т.-е. взбунтуется и *вызоветъ въ Варшавѣ военное возстаніе*". Молодые подхорунжіе, не желая казаться „трусами" даже въ глазахъ монаховъ, оправдывались въ такихъ обвиненіяхъ тѣмъ, что „старые полковники и генералы вовсе не пожелаютъ участвовать въ возстаніи вмѣстѣ со своими войсками". *Монахи*, ксендзы и наемные смутьяны шептали имъ въ отвѣтъ: „не бойтесь вы старыхъ генераловъ и полковниковъ; старики, какъ и всѣ, вынуждены будутъ повиноваться вооруженной молодежи, *изъ страха быть разстрѣлянными или перевѣшанными на фонаряхъ или на липахъ и каштанахъ Саксонскаго сада; будьте увѣрены, что когда вы повѣсите хоть одного генерала, всѣ другіе пойдутъ подъ вашу команду*". Опытные отцы подхорунжихъ, т.-е. деревенская шляхта, слыша въ 1830 г. обо всемъ этомъ отъ своихъ сыновей, конечно, возмущались, но, не будучи въ состояніи донести на собственныхъ дѣтей и считая ихъ слова болтовнею молокососовъ, доказывали имъ, что все это—только предательство и подвохъ со стороны куріальныхъ агентовъ, австрійцевъ и пруссаковъ; прибавляли они къ этому, что 30,000 войска могутъ служить лишь помощью для сильной арміи, но сами не составляютъ арміи, могущей занимать провинціи, брать города или мѣряться съ сотнями тысячъ солдатъ. Поэтому возстаніе подхорунжихъ и хотя бы цѣлыхъ 30 тысячъ солдатъ было бы только безуміемъ и братоубійствомъ, которое можетъ быть желательнымъ только нѣмцамъ въ борьбѣ со славянами, въ цѣляхъ германизаціи. Однако, какъ и вездѣ, къ сожалѣнію, молодежь, всегда готовая къ поединкамъ и борьбѣ, выслушивала родительскія рѣчи, думая вовсе о другомъ. Охотнѣе слушала она монаховъ, толковавшихъ ей о томъ, что у нея громы въ рукахъ, и обѣщавшихъ ей, что курія вызоветъ народный крестовый походъ за свободу и т. п.

Мало того: зная, что дѣвушки имѣютъ вліяніе на молодежь, куріальные монахи уговаривали во время исповѣди неразвитыхъ дѣвушекъ называть трусами тѣхъ, кто противится возстанію. Съ той поры напрасно внушали старшіе офицеры молодымъ людямъ, наслушавшимся дурныхъ навѣтовъ, что возстаніе столь малой арміи, въ сущности представляющей только отрядъ, было бы безуміемъ, даже при величайшей храбрости подхорунжихъ и солдатъ, такъ какъ вся масса крестьянъ, какъ всегда бывало, не двинется съ мѣста; что ихъ полки, будь они составлены изъ однихъ Костюшекъ и Чарнецкихъ,—только безцѣльно погибнутъ. Деревенская шляхта напрасно напоминала, какъ погибло безплодно 30 тысячъ легіонеровъ на Антильскихъ островахъ, на Санъ-Доминго, въ Италіи, въ Испаніи, на Рейнѣ и подъ Лейпцигомъ. Напрасно напоминала она и о томъ, что убійца всѣхъ этихъ легіоновъ—Наполеонъ уже скончался на островѣ Св. Елены, а его адъютантъ, баронъ Домбровскій, умеръ среди довольства въ Познани, весьма любимый Гогенцолернами за свой народный патріотизмъ. Несмотря на это, монахи нашептывали молодежи, что не только Галиція будетъ отдана австрійцами, но что они отнимутъ у Пруссіи Познань и Померанію, дабы ослабить перевѣсъ пруссаковъ въ Германіи. Кромѣ того, Меттернихъ пропуститъ чрезъ Тироль войска римской куріи, т.-е. такъ называемые „папскіе легіоны“ и все италіанское войско, направленное противъ пруссаковъ, чтобы помѣшать главенству Гогенцоллерновъ надъ Габсбургами въ Германіи.

Легковѣрные люди поддавались обманчивымъ надеждамъ и восхищались рѣчами монаховъ, постоянно твердившихъ, что папскія и другія италіанскія воска уже находятся въ Тиролѣ, въ походѣ противъ лютеранъ-пруссаковъ, съ которыми австрійцы собирались якобы вести войну въ интересахъ поляковъ; все это было, конечно, политическою выдумкой.

Тѣмъ временемъ, прусское правительство, у котораго въ 1830 г. былъ въ Варшавѣ, помимо консуловъ, весьма дѣльный агентъ по фамиліи Вестермейеръ, также бунтовавшій подхорунжихъ противъ Великаго Князя Константина Павловича, приняло мѣры къ тому, чтобы возстаніе вспыхнуло только въ Варшавѣ, но не въ Познани; въ Берлинѣ хорошо знали, что Познань—центръ Польши, и что взятіе Познани явится началомъ возстановленія всей Польши, иначе говоря, послужитъ поводомъ къ прекращенію германизаціи славянъ.

Самымъ довѣрчивымъ изъ всѣхъ воспитанниковъ школы подхорунжихъ, самымъ внимательнымъ слушателемъ нашептываній монаховъ куріи и ея миссіонера—духовника школы и вышеупомянутаго агента Вестермейера, былъ подхорунжій Петръ Высоцкій, сынъ арендатора имѣнія Варки. Онъ вѣрилъ всѣмъ этимъ нашептываніямъ и, возбужденный ими, повторялъ въ ноябрѣ 1830 года своимъ товарищамъ ложь, слышанную имъ отъ чужеземныхъ агентовъ, добавляя, что австрійскія войска уже оставили Галицію, дабы она соединилась съ королевствомъ въ моментъ, когда въ Варшавѣ вспыхнетъ военное возстаніе, коему первый сигналъ должны дать подхорунжіе, *какъ молодежь, несущая громы на мощныхъ плечахъ своихъ.*

Экзальтированный и восхищенный всѣмъ этимъ Петръ Высоцкій, вмѣсто того, чтобы послушаться совѣта нѣкоторыхъ товарищей и, отправившись къ Великому Князю, доложить ему, что вся молодежь желаетъ идти на нѣмцевъ, рѣшилъ, наоборотъ, арестовать Великаго Князя, какъ нѣкогда конфедераты арестовали Понятовскаго, чтобы заставить его себѣ повиноваться.

Этотъ несчастный гвардеецъ, кадетъ школы подхорунжихъ и подпоручикъ войскъ, заручившись заранѣе присланнымъ отъ святѣйшаго папы изъ Рима благословеніемъ на защиту святой вѣры, склонилъ товарищей къ нападенію 29 ноября 1830 г. на квартиру Великаго Князя Константина въ Бельведерѣ и къ аресту его; куріальные же монахи, миссіонеры и другіе свѣтскіе и духовные іезуиты, пользуясь жадно этимъ сумасбродствомъ горсти молодыхъ людей, объявили это сумасбродство *сигналомъ къ возста-*

нію на защиту святой вѣры не отъ нѣмцевъ и лютеранъ, а отъ схизматиковъ—москалей". Во главѣ этого покушенія стали: польской гвардіи Гренадерскаго полка подполковникъ Киверскій и капитанъ Борткевичъ.

Такимъ образомъ сбылись 29 ноября 1830 г. горячія желанія Меттерниха, австрійцевъ и пруссаковъ, такъ какъ войско, приготовленное въ королевствѣ для борьбы съ германизмомъ и защиты славянъ, не могло уже существовать послѣ того, какъ предало и оскорбило русское правительство. Коль скоро одинъ изъ братьевъ замышляетъ братоубійство, другой долженъ отнять у него ножъ, сдѣлать его безвреднымъ, что вполнѣ понятно, ибо въ противномъ случаѣ тотъ будетъ постоянно угрожать опасностью. Заранѣе готовые къ этому нѣмцы, желая занять королевство для дальнѣйшаго Drang nach Osten, стали подговаривать турокъ и шведовъ къ войнѣ съ Россіей. Они спокойно и тихо расположились на границахъ королевства, выжидая момента, чтобы, въ случаѣ войны Турціи и Швеціи съ Россіей и на случай „*чуда*", т. е. на случай, еслибы, напр., поднялось крестьянство, немедленно разогнать ихъ картечью, уменьшить такимъ образомъ число ненавистныхъ славянъ и съ крикомъ „Drang nach Osten" занять на прежнихъ правахъ Люблинъ, Варшаву и Бѣлостокъ для германизаціи. 100 т. австрійцевъ окружило новыя границы Галиціи, а столько же пруссаковъ окружило новыя границы Познани и старыя границы со стороны Самбри.

Здѣсь они спокойно, но жадно выжидали, издѣваясь надъ глупостью поляковъ, какъ коты или лисицы высматриваютъ голубей и куръ.

Подвергшись 29 ноября 1830 г. нападенію, Великій Князь, спасенный вѣрною литовской гвардіей и ею окруженный, выѣхалъ въ Литву, а оттуда, чрезъ Волынь и Австрію, въ Швейцарію, откуда писалъ полныя гнѣва и негодованія письма противъ убійцъ польской конституціи и прекраснаго войска, которое онъ съ любовью готовилъ къ предстоящей борьбѣ славянства съ германизмомъ.

По отъѣздѣ Великаго Князя Константина, этого благороднаго славянина, друга поляковъ, въ Варшавѣ поднялся неописуемый хаосъ, смута, буря и отчаянное смятеніе и колебаніе: что дѣлать съ тѣмъ, что уже произошло и что непоправимо? Молодежь изъ школы подхорунжихъ со своимъ главаремъ Петромъ Высоцкимъ, выполнивъ то, что ей нашептали агенты, не желала, какъ всякая молодежь, ничего болѣе, кромѣ полученія офицерскаго жалованья и высшаго чина, а также полной свободы стучать саблями по варшавской мостовой. Солдаты желали повышенія платы и войны съ пруссаками и австрійцами, ибо это совѣтовала имъ деревенская шляхта, пробощи и мѣщане. Большинство офицеровъ было того мнѣнія, чтобы просить прощенія и пригласить Великаго Князя Константина вернуться и принять предводительство въ войнѣ съ нѣмцами. Гражданская молодежь хотѣла только испробовать огромную силу своего полета на быстрыхъ коняхъ и убѣдиться, правду ли говорили куріальные монахи, что ихъ руки мечутъ громы, но хотѣла она въ этомъ всемъ убѣдиться также исключительно на нѣмецкихъ шеяхъ. Но Чарторыйскіе, куріалисты, соучастники и наемники италіанской куріи и нѣмцевъ, захвативъ, какъ тимократы, власть въ свои руки и носясь съ мыслью возвести на престолъ Чаторыйскаго, объявили, что вовсе не желаютъ войны съ нѣмцами, ибо римская курія обѣщала имъ содѣйствіе Австріи, желая войны только съ Россіей, не желающей заключать съ куріей конкордатовъ и грозной для римско-католической Австріи, т. е. вообще для ватиканскаго католицизма.

Эти господа, т. е. тимократы, желая стать съизнова олигархами и имѣть „волчанъ", находили опору только въ куріалистахъ, т. е. прелатахъ, аббатахъ, монахахъ, миссіонерахъ и въ биготкахъ, ксендзовскихъ любовницахъ, разведенныхъ женахъ, авантюристкахъ, авантюристахъ и трактирныхъ пьяницахъ, которые вѣшали за деньги на фонаряхъ всякаго указаннаго имъ *измѣнника*. Этотъ куріально-охлократическій безпорядокъ, хаосъ и терроръ при посредствѣ вѣшанія якобы измѣнниковъ римской

куріи, терроръ, хитро и скрыто руководимый миссіонерами, монахами и другими куріалистами, продолжался отъ 29 ноября цѣлую недѣлю и закрылъ уста всѣмъ правдолюбивымъ людямъ. Тогда Чарторыйскіе объявили чрезъ популярнаго генерала Хлопицкаго, что уже будетъ довольно гуляпокъ и вѣшаній, что пора взяться за спокойную работу и приступить къ войнѣ подъ рудоводствомъ временнаго правительства, съ главенствомъ въ немъ Чарторыйскихъ.

Диктаторомъ правительства объявленъ былъ Хлопицкій, котораго 50 дней спустя удалили отъ дѣлъ правленія и выслали съ войскомъ на Литву противъ Россіи, въ ожиданіи обѣщанной помощи въ деньгахъ и людяхъ изъ Рима и Вѣны. Начался насильственный наборъ, что увеличило войско до 100 т. человѣкъ, которые были частью избиты, частью разсѣяны русскими войсками, какъ нестройное стадо.

Чарторыйскіе затѣяли тѣмъ временемъ съ куріально-іезуитскимъ генераломъ Скржинецкимъ споръ о варшавскомъ тронѣ. Но, вслѣдъ за разгромомъ польскихъ бандъ, соперники убѣдились, что тронъ этотъ никому изъ нихъ не достанется, что все уже пропало, что на ихъ головы падетъ все случившееся, всѣ бѣдствія и раззоренія деревенской шляхты. Тогда Чарторыйскіе возложили свою, уже упавшую, власть на плечи другого, именно генерала Круковецкаго, а сами въ половинѣ августа 1831 г. распустили слухъ, что идутъ сражаться, какъ простые солдаты, подъ знаменами Ромарино, который забрался въ то время въ Литву и безпощадно ее опустошалъ. Въ дѣйствительности, Чарторыйскій бѣжалъ въ августѣ 1831 г. прямехонько въ Парижъ, чтобы, живя тамъ на папскія субсидіи въ полномъ довольствѣ, разсказывать, что онъ вымаливаетъ у Европы заступничество за Польшу.

Несмотря на всѣ эти политическія преступленія поляковъ, русское правительство, приписывая все случившееся только юношескому задору, надѣялось мягкими мѣрами повліять на зрѣлую часть польскаго общества, которая удержала бы молодежь отъ крайностей, ведущихъ ее къ неизбѣжной гибели. Вслѣдствіе этого, Ксаверій Домбровскій, ген.-лейт. Императорскихъ россійскихъ войскъ, начальникъ временнаго управленія Царства Польскаго, издалъ слѣдующее воззваніе:

„Получивъ оффиціальное извѣстіе объ исключительной милости Его Величества, Государя Императора Всероссійскаго, короля Польскаго и Государя нашего, къ двоимъ изъ главныхъ зачинщиковъ Варшавской Революціи 29 ноября 1830 г., а именно подполковнику Киверскому и капитану Борткевичу, взятымъ въ плѣнъ подъ Гроховомъ и запертымъ въ крѣпости Бобруйскъ, спѣшу увѣдомить объ этой необычайной Монаршей милости и милосердіи жителямъ ввѣреннаго моему управленію польскаго края, присоединяя къ тому дословную выписку изъ присланнаго мнѣ правительственнаго увѣдомленія, коего сущность такова:

„Польской гвардіи гренадерскаго полка подполковникъ Киверскій и капитанъ Борткевичъ, изъ числа главныхъ подстрекателей Варшавской революціи, вспыхнувшей 29 ноября 1830 г., которые, взбунтовавши двѣ роты полка гвардейскихъ гренадеръ, распространяли на улицахъ Варшавы безпорядокъ и бунтъ, а потомъ отправились съ ними занять и ограбить арсеналъ, взяты были въ плѣнъ подъ Гроховомъ, затѣмъ заключены въ городѣ Бобруйскѣ и подвергнуты военному суду; позднѣе, будучи перевезены изъ Бобруйска въ Петербургъ, на допросѣ они искренно признались во всѣхъ проступкахъ, и дѣло ихъ было представлено на рѣшеніе Его Величества 1 іюня текущаго года, въ торжественный день рожденія Ея Императорскаго Величества. Его Величество, какъ всегда милостивый и щедрый Монархъ, желая почтить день рожденія Августѣйшей Супруги своей проявленіемъ необычайной милости и великодушія сердца своего къ главнымъ виновникамъ Варшавскаго бунта, не только благоволилъ простить вины ихъ, но и повелѣлъ уволить ихъ въ отставку, вернуть домой, выдать паспорты, а кромѣ того первому выдать 150, а второму 100 червонцевъ на дорогу“.

„Внимайте, сородичи, и благоговѣйте передъ несравненными дѣяніями Великаго Монарха, Е. И. В. Государя Николая I. Обращайтесь съ довѣріемъ къ своему законному Государю, въ немъ величайшій преступникъ найдетъ отца народа.

„Смотрите на его дѣянія, на великодушное сердце; вернитесь къ своимъ обязанностямъ, отрекитесь отъ шайки авантюристовъ—якобинцевъ, которая изъ личныхъ видовъ и тщеславія жертвуетъ вами, вашимъ имуществомъ и вашими семействами. На вашихъ глазахъ покоритель Азіи, свѣтлѣйшій фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій, овладѣвъ обоими берегами Вислы, могъ разрушить всѣ дома Варшавы, но, движимый состраданіемъ къ столькимъ невиннымъ жертвамъ, втянутымъ въ мятежъ, единственное достояніе которыхъ составлютъ эти дома и торговля,—побѣдитель сдержалъ свой пылъ, котораго никто другой не удержалъ бы, будучи на его мѣстѣ, въ видахъ личной славы.

„Военные высшаго и низшаго ранга! Читайте то, что вамъ объявляю я, вашъ сородичъ, желающій сберечь польскую кровь; послушайтесь стараго воина, о которомъ вы хорошо знаете, что онъ никогда не былъ врагомъ отечества и не угнеталъ сородичей.

Дано въ Главномъ Штабѣ въ Ловичѣ, сентября 20 дня, 1831 г. Ксаверій Домбровскій, Генералъ-лейтенантъ русскихъ Императорскихъ войскъ, Начальникъ Правленія Царства Польскаго.“

Прочтя это воззваніе, поляки завопили, что Николай I ихъ испугался, а Домбровскій—негодяй и измѣнникъ за то, что посмѣлъ напечатать по-польски такое воззваніе съ цѣлью усыпить бдительность защитниковъ Польши. Даже нынѣшніе польскіе клерикалы-шовинисты, говоря о сердечной симпатіи къ Россіи и искреннемъ стремленіи къ примиренію, прочтя это воззваніе Домбровскаго, называютъ его „измѣнникомъ и негодяемъ“, увѣряя, что честный полякъ не долженъ говорить о великодушіи „схизматическаго“ монарха.

Казалось бы, что послѣ усмиренія Польши единственно силою своихъ войскъ, Императоръ Николай былъ вправѣ считать уничтоженнымъ уставъ, который его предшественникъ далъ полякамъ „proprio motu“, уставъ, не утвержденный трактатами 1815 года и даже нарушавшій если не ихъ букву, то ихъ духъ, да къ тому же нарушенный самими поляками.

Больше того, по праву побѣдителя, праву, котораго никто не сталъ бы оспаривать за нимъ, Николай I могъ объявить сліяніе Польши съ Россіей. Онъ предпочелъ умѣренно воспользоваться правомъ побѣдителя, оставить въ королевствѣ самостоятельную администрацію, но, наученный опытомъ, рѣшилъ ввести тамъ управленіе, способное, въ случаѣ надобности, остановить и подавить всякія новыя попытки бунта или возстанія.

На этомъ основаніи полякамъ оставленъ былъ польскій языкъ въ школахъ, администраціи и въ сенатѣ, но уничтожены были воеводы, каштеляны и гетманы, что именно и устраняло отъ власти тимократовъ и приводило ихъ, а особенно Адама Чарторыйскаго, въ крайнее негодованіе. Послѣдній продолжалъ жить въ Парижѣ на папскія деньги, играя роль кандидата на престолъ. Какъ вѣрный слуга куріи, желавшей присоединить вольный городъ Краковъ къ Австріи, Чарторыйскій получилъ отъ нея распоряженіе — поддерживать въ Парижѣ, а особенно между польскими эмигрантами—ненависть къ Россіи; вольный же городъ Краковъ куріалисты обратили въ сборный пунктъ римско-католическихъ агитаторовъ противъ „схизматиковъ-москалей“ и назвали его „Малымъ Римомъ“.

Съ тою же цѣлью присланъ былъ въ 1831 г. изъ Парижа въ Краковъ очень честный, но и очень наивный, какъ почти всѣ поляки, захудалый патріотъ, вполнѣ послушный куріи—бывшій поручикъ варшавскаго арсенала Іосифъ Заливскій. Давъ ему титулъ полковника римскихъ войскъ, куріалисты начали подъ фирмой этого легковѣрнаго человѣка цѣлый рядъ новыхъ заговоровъ противъ русскаго правительства. А дѣ-

лалось это куріалистами при посредничествѣ какого-то таинственнаго австрійскаго или прусскаго барона Ворцеля, который предложилъ наивному Заливскому свой домъ въ Подгуржѣ-Краковскомъ. Нельзя узнать, былъ ли этотъ баронъ Ворцель однимъ лицомъ съ упомянутымъ уже прусакомъ Вестеймейеромъ, тайнымъ и маскирующимъ свою личность куріально-австрійскимъ или прусскимъ агентомъ. Извѣстно лишь то, что въ 1831 году онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ краковскими прелатами, враждебными Россіи. Дѣйствуя тайно, т. е. подъ фирмой загадочнаго Ворцеля и несчастнаго, наивнаго Заливскаго, эти прелаты основали въ Краковѣ такъ называемый „тайный комитетъ“, который созывалъ разсѣянныхъ по всей Италіи, Франціи, Алжиру, Испаніи и Португаліи эмигрантовъ, приглашая ихъ „возможно скорѣе прибыть въ вольный городъ Краковъ для формированія новыхъ легіоновъ“. Прелаты или агенты римской куріи дали основанному ими тайному комитету имя комитета Заливскаго, а сами отошли въ сторону, разорвали съ нимъ сношенія и старались устранить всѣ доказательства того, что комитетъ основанъ куріей.

Прекрасно видя, что только этимъ путемъ могутъ они завладѣть Краковомъ для всеавстрійской германизаціи, Меттернихи предписали своей полиціи смотрѣть на все это, какъ говорятъ, „сквозь пальцы“, т. е. дозволять эмигрантамъ возвращаться изъ Запада черезъ Австрію въ Краковъ и притворяться вовсе несвѣдущей о формированіи легіоновъ противъ Россіи; лишь бы не противъ Германіи они формировались!

Въ этотъ комитетъ позволили завлечь себя „наивные патріоты“: Ходзько, Солтыкъ, Мицкевичъ, Нѣмоевскій и Гуровскій; основавши парижскій комитетъ, они съ шумомъ и поспѣшностью избрали президентомъ его Лелевеля. Легковѣрный, подобно многимъ другимъ, онъ согласился подписать въ декабрѣ 1831 г. воззваніе къ варшавскимъ евреямъ и одновременно другое—къ венгерцамъ и третье—къ русскому народу и къ русскимъ офицерамъ, воззваніе о томъ, чтобы всѣ они помогали эмигрантамъ, которымъ предстоитъ вернуться изъ-за границы на Волынь, въ Литву, Украйну и „Конгресовку“.

Названный выше баронъ Ворцель вдругъ куда-то исчезъ изъ Кракова; Заливскій поэтому сталъ президентомъ „тайнаго краковскаго комитета“. Въ мартѣ же 1831 г. онъ отправился изъ Кракова въ Парижъ и объявилъ, что „*такъ какъ парижскій комитетъ Лелевеля только пишетъ, но бездѣйствуетъ*“, то онъ съ Адамомъ Гуровскимъ основываетъ въ апрѣлѣ 1832 г. новый парижскій комитетъ подъ названіемъ „комитета демократическаго общества“, т. е. общества, ускользающаго изъ-подъ вліянія Адама Чарторыйскаго и его птенцовъ.

Этотъ новый комитетъ раздѣлилъ эмиграцію на такъ называемыя „*секціи*“, которыя по наговору Чарторыйскаго объявили „*измѣнникомъ*“ всякаго, кто воспользуется объявленной Императоромъ Николаемъ I въ 1832 г. амнистіей для эмигрантовъ.

Тоскуя по родинѣ, но боясь прослыть измѣнниками, много эмигрантовъ согласилось вернуться подъ вымышленными именами, въ качествѣ эмиссаровъ демократическаго комитета въ Краковѣ. Съ этой цѣлью, по приказанію Заливскаго, Карлъ Борховскій долженъ былъ отправиться на Волынь, Михаилъ Воловичъ и Стефенъ Гезольдъ—въ Гродно, Іосифъ Гордынскій—въ Бѣлостокъ, Михаилъ Ходзько—въ Ковно, Эдмундъ Шпекъ—на Подлѣсье, Артуръ Завиша—въ Варшаву, Леонъ Залевскій—въ Раву, Леопольдъ Потоцкій—въ Калишъ, а самъ Заливскій, какъ главный организаторъ, отправился во Львовъ. Каждый изъ этихъ несчастныхъ и „наивныхъ“ жертвъ обмана, прибывъ въ указанную провинцію, выискалъ себѣ по десятку воспитанниковъ правительственныхъ школъ, либо студентовъ академіи, въ равной степени „наивныхъ“;—такимъ путемъ въ 1833 г. составили они нѣсколько отрядовъ, коихъ цѣлью было вербовать побольше охотниковъ въ надеждѣ вызвать народное демократическое возстаніе, или народную революцію съ народомъ во главѣ. Но такъ какъ дѣятельность этихъ „наивныхъ“ господъ предупредила русское правительство о томъ, что разъяренныя стада римской

куріи снова собрались топтать ниву Божью, и что пора готовить кнуты, дабы разогнать ихъ,—то каждый изъ этихъ „наивныхъ" отрядовъ былъ окруженъ войскомъ въ лѣсахъ, обезоруженъ при помощи крестьянъ и отведенъ въ подобающее мѣсто—подъ розги. Куріалисты тѣмъ не менѣе трубили по всей Европѣ, что даже хлопы возстаютъ на схизматиковъ—русскихъ, и что, стало быть, вѣра въ курію растетъ. Всѣ наивные рыцари были публично повѣшены, какъ лица не пользующіяся амнистіей, а прибывшія въ край подъ вымышленными именами, съ чужеземными паспортами и для революціонныхъ цѣлей. Оставшійся во Львовѣ Іосифъ Заливскій былъ терпимъ австрійскою полиціей, пока дѣйствовалъ противъ русскаго правительства. Но когда онъ, проникшись трагическимъ исходомъ своего дѣла въ Россіи, вдругъ опубликовалъ прокламацію о славянскомъ возстаніи въ Галиціи противъ правительства Габсбурговъ, то былъ немедленно схваченъ заодно съ нѣсколькими своими наивными товарищами, всѣ они были закованы по рукамъ и по ногамъ въ кандалы и загнаны въ крѣпость Куфштейнъ въ Тиролѣ, которая стоитъ на вершинѣ скалы. Они перемерли тутъ всѣ до одного въ теченіе двухъ лѣтъ, прикованные къ стѣнамъ, въ темныхъ пещерахъ, точно такъ же, какъ попавшіеся до нихъ и вмѣстѣ съ ними—цѣлыя тысячи несчастныхъ чеховъ, леховъ, литовцевъ и русскихъ.

Вслѣдствіе этого возстанія, введеніе органическаго статута для Царства Польскаго, утвержденнаго въ 1832 году Императоромъ Николаемъ I, было задержано. Этотъ статутъ долженъ былъ хотя бы отчасти вознаградить потери, понесенныя Царствомъ Польскимъ послѣ утраты конституціи 1815 года [1]).

Въ 1835 г. Императоръ Николай I прибылъ въ Варшаву и 4 (16) октября принялъ въ Лазенковскомъ дворцѣ польскую депутацію, съ кастеляномъ графомъ Яномъ Езерскимъ во главѣ. Рядомъ съ Монархомъ находился намѣстникъ Царства Польскаго—фельдмаршалъ Князь Варшавскій графъ Паскевичъ.

Едва успѣлъ глава депутаціи вымолвить первое слово: „sire", какъ Государь прервалъ его энергическимъ движеніемъ руки и самъ произнесъ по-французки рѣчь, приводимую ниже въ дословномъ переводѣ „Я знаю, господа, что́ вы желали сказать мнѣ; знаю даже содержаніе вашей рѣчи, и для того именно, чтобы избавить васъ отъ необходимости сказать ложь, я не хочу, чтобы вы произносили эту рѣчь. Да, господа, чтобы не заставить васъ солгать! Я знаю, что дѣйствительныя чувства ваши не таковы, какими вы хотѣли ихъ мнѣ представить; наконецъ, какъ мнѣ вамъ вѣрить, если вы тѣ же слова произносили передо мной за день до революціи? Развѣ не вы же сами увѣряли меня пять лѣтъ, восемь лѣтъ тому назадъ—въ своей вѣрности и готовности самопожертвованій для меня; не вы ли являлись ко мнѣ съ самыми возвышенными клятвами въ глубокой преданности? Нѣсколькими днями позже вы нарушили свою присягу, вы дозволили себѣ измѣнническія дѣянія!

„Императоръ Александръ, сдѣлавшій для васъ болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать какой бы-то ни было другой русскій Императоръ—я это говорю, ибо такъ думаю,—который осыпалъ васъ благодѣяніями, который болѣе вниманія обнаруживалъ къ вамъ, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ—который обратилъ васъ въ самый счастливый и цвѣтущій народъ—Императоръ Александръ былъ награжденъ съ вашей стороны самою черною неблагодарностью. Вы никогда не умѣли удовлетвориться самымъ выгоднымъ положеніемъ и теперь поэтому дошли до того, что сами разрушили собственное счастье. Я говорю вамъ здѣсь правду для того, чтобы освѣтить наше взаимное положеніе, и чтобы вы хорошо знали, чего вамъ слѣдуетъ держаться, ибо я вижу васъ и говорю съ вами первый разъ со времени смутъ. Господа, нужно дѣло, а не слова, нужно, чтобы здѣсь (тутъ Монархъ указалъ на сердце) зародилось раскаяніе. Я говорю съ вами, не воз-

---

[1]) Pamiętniki Aweide, стр. 157—158, томъ I.

буждаясь; вы видите, что я спокоенъ; я не имѣю противъ васъ гнѣва и буду благотворить вамъ помимо васъ самихъ. Фельдмаршалъ, присутствующій здѣсь, выполнитъ мои намѣренія, поступитъ согласно моимъ планамъ и также имѣетъ въ виду ваше благополучіе“.

При этихъ словахъ вся депутація поклонилась фельдмаршалу. Государь уловилъ это и продолжалъ:

„Что значатъ эти поклоны? Ровно ничего! Надобно прежде всего выполнять свои обязанности, надо поступать, какъ честнымъ людямъ подобаетъ! Передъ вами два пути, господа: либо упорно стоять за ваши иллюзіи о независимой Польшѣ, либо жить спокойными вѣрноподанными подъ моимъ правленіемъ. Если вы будете упорно настаивать на своихъ утопическихъ грезахъ о независимой націи, о самобытной Польшѣ и о разныхъ другихъ химерахъ, то вы неминуемо навлечете на себя крупныя бѣдствія. Я построилъ здѣсь Александровскую цитадель и предупреждаю васъ, что при малѣйшемъ замѣшательствѣ бомбардирую городъ, уничтожу Варшаву и ужъ, конечно, ея не отстрою.

„Мнѣ очень больно говорить съ вами такимъ образомъ; большое огорченіе причиняетъ Государю необходимость такъ обращаться съ собственными подданными, но, говорю вамъ еще разъ—я это дѣлаю для вашего же блага. Отъ васъ, господа, зависитъ заслужить забвеніе прошлаго. А добьетесь вы этого только вашимъ образомъ дѣйствій, только вашею привязанностью къ правительству. Мнѣ извѣстно, что здѣсь ведутся сношенія съ заграничными областями; что оттуда шлютъ сюда вредныя письма и стараются вооружить умы; но самая лучшая полиція не въ состояніи помѣшать преступнымъ сношеніямъ въ виду такой границы, какая у васъ имѣется. Вамъ самимъ надлежитъ слѣдить за собою и избѣгать зла. Только хорошо воспитывая дѣтей, внушая имъ принципы религіозности, вѣрноподданничества, можете вы удержаться на хорошемъ пути. Посреди всѣхъ смутъ, которыя тревожатъ Европу, среди всѣхъ лжеученій, которыя всюду расшатываютъ государственный организмъ, одна только Россія остается сильною и непоколебимою. Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать къ этой странѣ и пользоваться ея покровительствомъ—истинное счастье. Повѣрьте мнѣ, я буду благотворить вамъ противъ даже вашей собственной воли. Если ваше поведеніе окажется надлежащимъ, если вы будете исполнять неукоснительно свои обязанности, то моя отеческая заботливость будетъ простираться на всѣхъ васъ и, несмотря на все случившееся, мое правительство всегда будетъ озабочено вашимъ благостояніемъ и счастьемъ.

„Запомните хорошо все то, что я вамъ сказалъ“.

Императоръ Николай I не ошибался, не давъ вѣры заявленіямъ и клятвамъ поляковъ; ибо въ то самое время, когда Императоръ произносилъ свою рѣчь, Симонъ Конарскій, агентъ Чарторыйскаго, отправлялся въ Петербургъ пропагандировать революцію между офицерами русскихъ войскъ.

Заручившись нѣсколькими паспортами, выданными на самыя различныя иностранныя имена, этотъ наивный дѣятель въ 1834 г. отправился въ Литву, гдѣ получилъ отъ сторонниковъ Чарторыйскаго и куріальныхъ агентовъ рекомендательныя письма ко многимъ офицерамъ. Въ 1835 г. онъ отправился въ Петербургъ, Москву и Кіевъ, а оттуда въ 1836 г. въ Могилевъ, Смоленскъ и Минскъ, въ 1837 въ Ковну, а въ 1838 онъ вернулся въ Вильну.

Онъ былъ молодъ, красивъ и благовоспитанъ, а потому находилъ вездѣ въ обществѣ самый радушный пріемъ; и въ Вильнѣ ему удалось поэтому быстро завязать сношенія съ нѣсколькими офицерами. Вдругъ, нѣкій Гегельманъ, нѣмецъ, обитавшій въ Парижѣ, извѣстилъ виленскую полицію о томъ, что подъ его паспортомъ кто-то живетъ въ Вильнѣ. Полиція арестовала въ маѣ 1838 г. записаннаго подъ именемъ Гегельмана—Конарскаго, хозяевъ дома, гдѣ онъ жилъ, и множество бывавшихъ у нихъ лицъ.

Слѣдствіе и судъ продолжались годъ, до весны 1839 г., когда Конарскій былъ разстрѣлянъ за Трокской заставой.

Продолжая дѣйствовать въ Парижѣ заодно съ римскою куріей подъ фирмой „*демократическаго общества съ фиктивнымъ президентомъ Мѣрославскимъ*“—Чарторыйскіе уговорили, тѣмъ не менѣе, ксендза Сцѣгеннаго вызвать возстаніе народа противъ враждебнаго для куріи русскаго правительства. Наивный Сцѣгенный выступилъ съ нѣсколькими органистами и нищими въ Кѣлецкой губерніи въ 1844 году, но народъ даже не шелохнулся. Сцѣгенный былъ сосланъ въ оренбургскія арестантскія роты. Та же судьба постигла высланныхъ Мѣрославскимъ въ Литву и Жмудь эмиссаровъ—Яна Рера и Ѳеофила Магдинскаго.

Въ 1846 году наивные Стефанъ Добричъ, Адамъ Дзвонковскій, Андрей Дескуръ, Михаилъ Мирецкій, Янъ Рупрехтъ, Павелъ Потоцкій, Владиславъ Жарскій, Станиславъ Косцишевскій и Брониславъ Домбровскій, сынъ наполеоновскаго барона, по наущенію духовенства и Мѣрославскаго, напали ночью, неожиданно, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ на городъ Сѣдлецъ.

Нападеніе было организовано съ цѣлью дать австрійцамъ поводъ занять Краковъ. Подъ предлогомъ, что въ Краковѣ вспыхнула опасная для Россіи революція, австрійцы въ половинѣ января 1844 г. вторглись въ вольный городъ Краковъ и захватили его „для усмиренія“, т. е. для германизаціи.

Мы привели всѣ эти подробности для того, чтобы открыть наивнымъ глаза на то, что ведетъ ихъ къ гибели. Богъ далъ очи, чтобы видѣть, а уши, чтобы слышать; сатана же опускаетъ завѣсу на глаза и умы человѣческіе, притупляетъ слухъ ихъ ко всему, что гласятъ не его уста, представляя все въ иныхъ краскахъ и овладѣвая такимъ путемъ душами наивныхъ.

Разъяренная взятіемъ Кракова наивная академическая молодежь, равно какъ школьная молодежь Бохніи, Сонча, Тарнова, Жешова, Ясла, Санока, Ярославя, Перемысля и Львова вышла изъ этихъ городовъ и разсыпалась по окрестнымъ деревнямъ призывая крестьянъ къ возстанію на нѣмцевъ. Но австрійское правительство тотчасъ велѣло крестьянамъ арестовывать молодежь, организующую возстаніе, равно какъ и помѣщиковъ, у которыхъ находятся въ домахъ повстанцы, за это крестьянамъ обѣщано—за каждаго привезеннаго въ городъ живьемъ—5 гульденовъ, а убитаго—10 гульденовъ. Получивъ такое поощреніе къ дѣламъ, угоднымъ сатанѣ, галиційскіе крестьяне перерѣзали въ томъ же 1846 г. до двухъ тысячъ польскихъ семействъ. Ограбивъ домъ убитыхъ и войдя во вкусъ, крестьяне взялись и за австрійскихъ чиновниковъ, но штыкъ и картечь замѣнили обѣщанныя въ 5 и 10 гульденовъ монеты. Засимъ австрійцы бомбардировали Львовъ, перевѣшали множество жителей и снова наполнили подземныя пещеры своего тирольскаго Куфштейна осужденными на долголѣтнія муки, вмѣсто умершихъ тамъ же: Заливскаго, Ролинскаго, Слотвинскаго, Милковскаго, Даровскаго, Лозинскаго, Коморницкаго, Добжанскаго, Цывинскаго, Борковскаго, Костецкаго, Романовича, Дмоховскаго и множества другихъ осужденныхъ, истинныхъ мучениковъ, т. е. осужденныхъ на долголѣтнія муки подъ руководствомъ римско-католическо-австрійской инквизиціи.

ГЛАВА V.

Этотъ рядъ постоянныхъ бунтовъ, коихъ результатъ легко было предвидѣть, можетъ быть объясненъ исключительно только эпидемическою мозговою болѣзнью тогдашнихъ поляковъ, называемой „политическо-религіознымъ головокруженіемъ“.

Эту болѣзнь ввело въ Польшу римское духовенство, а усилили и распространили ее эмигранты 1830 г.

Членъ революціоннаго правительства 1863 г. Авейде такъ описываетъ состояніе Польши послѣ бунта 1830 г. и его послѣдствія:

„Печальна, преступна и несчастна эта эпоха нашей жизни. Сердце разрывается при воспоминаніяхъ объ этихъ рѣзкихъ, лихорадочныхъ, лишенныхъ всякихъ разумныхъ и фактическихъ основаній, кровавыхъ, но безпомощныхъ усиліяхъ нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ; при воспоминаніяхъ объ этомъ отверженномъ существованіи, какъ бы въ горячихъ пескахъ пустыни, которое поддерживала одна только неограниченная, но дурно направленная любовь къ родинѣ, съ ея безплодными и несчастными жертвами. Сердце разрывается при воспоминаніи о томъ, какъ мы добровольно, собственными руками растравляли свои еще не зажившія раны,—какъ мы теряли одинъ цвѣтокъ за другимъ, одинъ незрѣлый плодъ за другимъ незрѣлымъ, но уже сгнившимъ плодомъ; какъ мы портили умственныя, нравственныя и матеріальныя пріобрѣтенія, завоеванныя слишкомъ тяжелымъ трудомъ; какъ мы раззоряли имѣніе за имѣніемъ, семью за семьей Если бы не опасеніе сказать неправду, если бы не страхъ кары Божьей за умышленную ложь, то я сказалъ бы со всей искренностью правды и съ горечью сердца, угнетеннаго бѣдствіями, что мы добровольно, движимые высшею любовью къ отчизнѣ, стремились къ народному самоубійству. Я не хочу и не могу сѣять ненависть на нашихъ гробахъ, ибо я самъ сынъ жертвъ прошлаго, ибо, не обращая вниманія на весь ужасъ горькаго опыта, я всею силой души люблю грѣшныхъ отцовъ нашихъ, ибо я живо помню всѣ слезы моей молодости, слезы вдохновенія и горя, которыя я проливалъ, читая или слыша разсказы объ ихъ усиліяхъ, о ихъ жертвахъ и бѣдствіяхъ, помню всѣ свои горячія юношескія молитвы къ Господу. Но, съ другой стороны, какъ полякъ, какъ несчастный грѣшникъ, руководимый принципами, заимствованными изъ прошлаго и толкнувшій въ пропасть вмѣстѣ съ иными своими братьями свое дорогое, разбитое, залитое кровью отечество, я считаю нравственнымъ своимъ долгомъ открыто, откровенно и ясно изобразить прошлое и удержать этимъ молодое поколѣніе отъ повторенія въ будущемъ нашихъ ошибокъ и погрѣшностей. Итакъ безъ ненависти, но съ любовью, а вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстно буду далѣе разсказывать свои воспоминанія.

„Послѣ тысячелѣтняго самостоятельнаго и независимаго существованія Польша пала! Причины ея паденія въ настоящее время вполнѣ выяснены. Польша пала потому, что просвѣщеніе народа находилось въ рукахъ іезуитовъ, которые довели его до унизительнаго отупѣнія [1]), вслѣдствіе этого шляхта, отъ которой зависѣла судьба народа, дошла до полнаго нравственнаго разложенія. Она окончательно обособилась въ касту, утратила всякій политическій смыслъ и гражданскія добродѣтели, потеряла всѣ свои жизненныя силы.

„Рабски прислуживаясь бездушнымъ эгоистамъ, выросшимъ на этомъ нравственномъ разложеніи, титулованнымъ и нетитулованнымъ магнатамъ,—эта шляхта угнеталъ крестьянъ и мѣщанъ. Во-вторыхъ, Польша пала и потому, что, забывъ о прошломъ когда это государство до принятія католичества давало убѣжище преслѣдуемымъ за вѣру иновѣрцамъ и примѣръ религіозной терпимости,—она сама стала ихъ преслѣдовать, насиловать ихъ права и, угнетая братскій русскій народъ, показала міру примѣръ крайней несправедливости по отношенію къ этому народу.

„Погибла Польша и потому, что вмѣсто закона въ ней правила анархія. Шляхта располагала уродливымъ (пусть мнѣ чѣмъ угодно докажутъ противное), уродливымъ, повторяю, правомъ „veto"; народъ же, эта лучшая и самая сильная опора государства, оставался темнымъ, угнетеннымъ рабомъ. Наконецъ, Польша погибла потому, что, при подобномъ внутреннемъ своемъ состояніи, она не могла оказать никакого сопротивленія сосѣднимъ державамъ, въ интересахъ которыхъ было, само собою разумѣется,—раздѣлить между собой страну—безсильную и неспособную къ самоуправленію".

---

[1]) Характеристику просвѣщенія Польши въ XVIII вѣкѣ находимъ въ сочиненіи Гуго Колонтая: „Состояніе просвѣщенія духовенства въ Польшѣ".

Обращаясь затѣмъ къ состоянію страны послѣ возстанія 1830 года, Авейде говоритъ:

„Вся дѣятельность нашего общества въ періодъ между 1830 и 1863 годами была исключительно дѣятельностью эмиграціи. Вся жизнь народа была въ рукахъ эмигрантовъ; они были исключительными руководителями каждаго движенія, каждаго дѣйствія, каждой, можно сказать, минуты нашей жизни.

«Каждый заговоръ былъ ихъ заговоромъ, каждый опытъ—ихъ опытомъ, наша литература была литературой эмиграціонною; она представляла полнѣйшій хаосъ.

«Кромѣ произведеній такихъ знаменитостей, какъ Лелевель, Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій и немногіе другіе, вся остальная литература: отдѣльныя изданія, повременная печать (даже сатирическіе журналы, какъ напр. «Пшондка») и брошюры, носятъ характеръ временнаго увлеченія и поверхностныхъ взглядовъ; все писалось какъ бы для одного нынѣшняго дня. Среди всего этого мы находимъ массу безграмотныхъ писаній, пустой и безсмысленной декламаціи, стоящей ниже всякой критики; масса тогдашнихъ произведеній читалась нами, часто со слезами, только потому, что намъ ничего другого читать не позволяли (ксендзы). Но, несмотря на весь этотъ хаосъ, эмиграціонная литература была для насъ предметомъ весьма важнымъ; пора, даже весьма нужно, чтобы кто-либо изъ людей со здравымъ взглядомъ на вещи, съ разумной исторической критикой взялся за основательное разсмотрѣніе этой литературы, дабы наши молодыя поколѣнія могли лучше прозрѣть и отличить хорошее отъ негоднаго.

„Для современныхъ эмигрантовъ, не имѣющихъ занятій, самъ собою навязывается весьма полезный трудъ; несчастье лишь въ томъ, что они, по обычаю, изъ науки дѣлаютъ „cheval de bataille“ пропагандѣ, a priori несимпатичной правительствамъ и не терпимой ими.

„Я не стану разбирать общаго значенія эмиграціи въ нашемъ прошломъ и въ будущемъ Европы; другіе (но, полагаю, не въ нашемъ уже столѣтіи), быть можетъ, займутся этимъ; я же ограничусь указаніемъ на роль эмиграціи въ отдѣльныхъ случаяхъ. Шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, побѣжденныхъ, но не разбитыхъ, удалилось въ добровольное изгнаніе. Вмѣстѣ съ этою огромною, небывалою дотолѣ и отчасти непонятною эмиграціей ушли изъ Польши умъ и сердце народа, ушелъ лучшій цвѣтъ и плодъ пятнадцатилѣтняго благосостоянія, сотни высоко и всесторонние образованныхъ и передовыхъ людей; тысячи способной молодежи, которая, развивая свои способности и совершенствуясь, могла бы дать полезныхъ гражданъ. 60 тысячъ людей, которые могли бы съ пользою работать, 60 тысячъ сердецъ, горячо любившихъ Польшу, потеряли мы въ этомъ переселеніи на чужбину. А сколько потеряли мы вмѣстѣ съ тѣмъ внутри страны? Кто сочтетъ расчлененныя, распавшіяся семьи, потерянныя состоянія? Кто въ состояніи взвѣсить и правильно оцѣнить застой въ нашей жизни, разрывъ естественной связи съ прошлымъ? Сколько объ этомъ уже говорилось и писалось, однако нигдѣ я не встрѣчалъ словъ, которыя могли бы дать понятіе объ этихъ колоссальныхъ потеряхъ, ни съ чѣмъ не сравнимыхъ, объ этомъ несчастіи, рѣшительно двинувшэмъ насъ назадъ. Достаточно одного факта—шестидесяти-тысячной эмиграціи со всѣми ея непосредственными послѣдствіями, чтобы съ горечью видѣть въ одномъ этомъ фактѣ наше паденіе, наше несчастіе, котораго ничто не въ состояніи искупить, ни даже гигантскій трудъ и усилія единицъ или десятковъ.

„А стоитъ ли вспоминать о симпатіи, о такъ называемомъ сочувствіи иностранцевъ? Однако жъ несчастные эмигранты мнили, что своими протестами и апостольствомъ они сумѣютъ вызвать унизительное, близкое къ милости сочувствіе въ сердцахъ побочныхъ сыновей великой революціи...

„Всякій, кто работалъ на пользу славянства, особенно же русскаго, кто проповѣдывалъ идею соединенія славянъ подъ главенствомъ Россіи,—считался эмиграціей за

врага свободы; полякъ же дѣйствовавшій, писавшій или говорившій въ этомъ духѣ объявлялся измѣнникомъ своей отчизны.

„Словомъ для революціонеровъ этого времени ничто не было ненавистнѣе руссофильства; невиннѣйшее мнѣніе, высказанное въ этомъ духѣ, за одно только это обрушивало на голову виновнаго несмываемое проклятіе, вѣчную анаѳему; человѣка этого дѣйствительно постигало несчастіе, ибо его отовсюду гнали съ самыми ужасными проклятіями, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ пользовался самою хорошею славой. У насъ есть нѣсколько неопровержимыхъ доводовъ этому; даже во многихъ литературныхъ произведеніяхъ общеславянскій союзъ, съ Россіей во главѣ, зовется монгольствомъ, или руссофильствомъ. Адамъ Гузовскій, одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ революціонеровъ 1831 года, предсѣдатель или вицепредсѣдатель второго революціоннаго клуба, авторъ памятнаго манифеста въ честь Бестужева, Рылѣева и другихъ по возвращеніи своемъ въ Польшу былъ объявленъ измѣнникомъ отечества публичнымъ актомъ, скрѣпленнымъ тысячами подписей эмигрантовъ разныхъ партій. За что же? За то, что онъ публично заявилъ, будучи еще за границей, что считаетъ необходимымъ для счастья Польши добровольный ея союзъ съ Россіей, которой слѣдуетъ де предоставить если не руководство, то, во всякомъ случаѣ, первенство въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся судебъ славянства! Извѣстный ученый и писатель Михаилъ Грабовскій въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ много вытерпѣлъ изъ-за подобнаго же проклятія, постигшаго его за то, что онъ выразилъ ту же мысль въ проэктѣ, представленномъ въ Кіевѣ генералу Бибикову; даже „Пшондка“ напечатала по этому поводу страшную анаѳему подъ заглавіемъ „Пиръ чертей“.

„Несчастный Грабовскій едва могъ примириться—и то только въ 1860 г.—съ нападками своихъ сородичей и не обращалъ болѣе на ихъ вниманія. Даже одинъ изъ честнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ у насъ людей, извѣстный авторъ „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Вацлавъ Александръ Мацѣевскій былъ объявленъ измѣнникомъ и проглотилъ не одну горькую пилюлю за то только, что, руководясь въ своихъ изслѣдованіяхъ безпристрастіемъ—что-то написалъ въ пользу Россіи.

„Эмиграція порѣшила, а польскій народъ повѣрилъ, что подъ управленіемъ русской власти невозможно сдѣлать что-либо полезнаго для страны, и что только революція можетъ удовлетворить нашимъ нуждамъ или дать для этого нѣкоторыя основанія; этими мечтами жили поляки до 1863 г. Въ одной только революціи и ни въ чемъ иномъ основа нашего счастья и счастье всего міра. Каждый полякъ обязанъ ею только жить ею только дышать. Къ ней долженъ онъ всѣми силами стремиться, для нея только обязанъ онъ учиться и воспитываться, а главнымъ образомъ учиться тому, чту для нея необходимо. Пока Польша не возстановитъ независимости, каждый полякъ долженъ быть отъ рожденія революціонеромъ и ничѣмъ инымъ. Но пока революція не вспыхнетъ, мы должны быть только стадомъ невольниковъ, скрывающихъ въ душѣ месть и измѣну; чѣмъ сильнѣе разовьемъ мы въ себѣ эти чувства, тѣмъ больше заслуга наша передъ отчизной.

„Смотря съ такой точки зрѣнія на революцію, какъ на свой рай земной, поляки считали ее главнымъ предметомъ всѣхъ своихъ усилій и своего труда; вся эмиграціонная литература была ей спеціально посвящена (Мицкевичъ).

„Можно ли удивляться, что, когда вспыхнуло возстаніе 1863 г., всѣ находившіеся на русской государственной службѣ или въ войскѣ поляки—приняли въ немъ большее или меньшее участіе, вслѣдствіе чего всѣ тайныя правительственныя распоряженія были сообщены повстанцамъ, дѣятельность власти была парализована, что дало возстанію возможность усилиться и затянуться на довольно долгое время, о чемъ рѣчь впереди

„Уже въ 1832 г. эмиграція сформировала демократическое общество подъ названіемъ централизаціи, которое, ни на минуту не отдыхая, всегда согласно со своимъ

исходнымъ принципомъ, дѣйствовало такъ, какъ если бы само по себѣ было революціоннымъ очагомъ; неутомимо старалось оно составлять въ странѣ заговоры. Никакія соображенія, никакія неудачи, ни даже постоянно повторяющіяся и возрастающія страданія страны не сдерживали дѣятельности общества. На развалинахъ одного предпріятія изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ создавалось другое; не ждали, пока засохнутъ кровь и слезы прежнихъ жертвъ и заживутъ старыя раны. Поэтому нѣтъ возможности отчетливо отдѣлить одинъ заговоръ отъ другого то былъ, вѣрнѣе, одинъ заговоръ продолжающійся безъ перерыва до 1848 г., и весь этотъ промежутокъ времени можно обозначать исключительно только эпохами болѣе громкихъ происшествій по своимъ результатамъ, т. е. жертвамъ" [1]).

Несмотря на постоянное добровольное мученичество поляковъ въ интересахъ римской куріи, неблагодарный „Святой отецъ" не канонизовалъ ни одного изъ этихъ мучениковъ.

ГЛАВА VI.

Куріально-австрійская правительственная рѣзня въ 1846 г. вооружила противъ Рима и Австріи всѣ народы Европы и всѣ европейскія правительства. Римско-католико-австрійскій Меттернихъ, его начальники — Габсбурги и ихъ питомецъ, іезуитъ Капеллари, или Григорій XVI, до такой степени опротивѣли всѣмъ народамъ Европы, что тѣ ужъ не были въ состояніи скрывать свое отвращеніе (какъ теперь по отношенію къ полякамъ), и вслѣдствіе этого іезуитъ Капеллари вынужденъ былъ въ томъ же 1846 г. уступить мѣсто графу Монстаи-Феррети, вступившему на папскій престолъ подъ именемъ Пія IX.

Галиційская рѣзня подала притомъ Мазини, Гарибальди и французскимъ революціонерамъ, а даже прусскимъ и австрійскимъ, поводъ выступить съ выраженіемъ негодованія противъ правительствъ, доспускавшихъ такія архи-христіанскія рѣзни. Въ 1848 г. нетолько вся Италія и Франція, но даже нѣмцы въ Берлинѣ и Вѣнѣ взбунтовались противъ правительствъ. Берлинскіе революціонеры открыли тюрьмы политическихъ преступниковъ въ Берлинѣ; въ числѣ послѣднихъ находился въ то время и вышеупомянутый Мѣрославскій. Но лишь только, тотъ же Мѣрославскій уѣхалъ въ Познань, чтобы тамъ предпринять возстаніе противъ нѣмцевъ, берлинскіе нѣмцы, замѣтя, что они могутъ этимъ повредить германизаціи и пангерманизму, самымъ спокойнымъ образомъ разошлись по домамъ, чтобы не мѣшать прусскимъ войскамъ подавить познанское возстаніе, задерживавшее нѣмцевъ въ ихъ „Drang nach Osten". Много берлинскихъ революціонеровъ бросилось даже въ качествѣ охотниковъ, вмѣстѣ съ правительственными войсками на цѣлующихъ папскія ноги познанцевъ и помогло разогнать ихъ.

Разочаровавшись въ германскихъ демократахъ и масонахъ, Мѣрославскій бѣжалъ въ Парижъ, оттуда прислалъ въ 1849 году въ Литву, по совѣту Чарторыйскаго, новыхъ эмиссаровъ; этимъ наивнымъ было предписано, пользуясь возстаніемъ венгровъ противъ австрійцевъ, вызвать народное возстаніе въ Литвѣ, Волыни и Подоліи а посредствомъ Сигизмунда Сѣраковскаго—военное возстаніе. Вслѣдствіе этого русское правительство, послѣ ареста Сѣраковскаго, двухъ Далевскихъ и другихъ эмиссаровъ и послѣ ссылки ихъ въ Сибирь вмѣсто повѣшенія—принуждено было, несмотря на отвращеніе къ австрійцамъ, оказать имъ помощь въ томъ же 1849 г. въ усмиреніи венгровъ, и это съ тою цѣлью, чтобы венгерскіе вожди: Кошутъ, Бэмъ, Дембинскій, Клапка, Высоцкій и другіе, побѣдивъ австрійцевъ, не ворвались на Волынь, Подолію и Украину, какъ они это намѣревались сдѣлать. Эти вожди, ведшіе войну съ архи-католической Австріей послѣ пораженія бѣжали въ Турцію и чтобы не умереть голодной смертью, предложили себя въ полное распоряженіе графу Монстаи-Феррети, или Піе IX. Послѣдній былъ

[1]) Авейде, Томъ I, стр. 170.

тогда другомъ и пріятелемъ короля неаполитанскаго, жестокаго Фринциска II, который мѣшалъ объединенію италіянцевъ и, превращенію Рима въ столицу всей Италіи, какъ того добивались Маззини, Гарибальди и почти всѣ, конечно, кромѣ куріалистовъ или космополитовъ, враждующихъ со всякой отчизной, со всякимъ патріотизмомъ не ватиканскаго происхожденія.

Позорную роль сыграли поляки въ то время благодаря своей непростительной глупости. Сражаясь безъ разбору вездѣ гдѣ попало лишь бы рѣзать и грабить, поляки поступали подъ знамена Гарибальди, Маззини и Карла Луціана Бонапарте; вмѣстѣ съ римской чернью напали они на своего св. отца въ папскомъ дворцѣ, перерѣзали его слугъ, и секретаря—аббата Пальма; самъ же папа, при содѣйствіи французскаго посла—принца д'Аркура и баварскаго—Спауера, бѣжалъ 16 ноября 1848 г. Гаету. Вождями польскаго войска въ этомъ разбойничьемъ нападеніи были: полковникъ Мильбикъ, капитаны Подулякъ и Рымаркевичъ и поручики Фіалковскій и Липскій. Генералъ Удино съ 20 тысячами войска, высланный Кавеньякомъ и Луи-Наполеономъ взялъ Римъ 30 іюля 1849 г., при чемъ въ сраженіи съ войсками, защищавшими папу, пала большая часть польскаго легіона. Гарибальди съ 5000 своего войска бѣжалъ изъ Рима, поручивъ польскимъ остаткамъ охрану обоза, слѣдовавшаго за нимъ и нагруженнаго похищенными изъ церквей сокровищами. Но и тутъ полякамъ не повезло: они встрѣтили отрядъ кроатовъ, корорый ихъ доедина перерѣзалъ и вернулъ по принадлежности похищенныя изъ римскихъ святынь сокровища.

Съ того времени, т. е. съ 1850 г. вышеупомянутые венгерскіе предводители организовали въ Турціи на деньги Ватикана какіе-то легіоны, приготовленные противъ Россіи.

Эта организація въ Турціи такъ называемыхъ „чужеземныхъ" легіоновъ продолжалось 4 года, способствуя не только увеличенію полковъ Чайковскаго, т. е. Садыкъ-Паши, но и непосредственно турецкаго войска. По истеченіи этихъ 4 лѣтъ, т. е. въ 1854 г., легіоны эти вызвались дѣйствовать противъ Россіи въ турецко-англо-крымской войнѣ. Въ составъ этихъ легіоновъ входило много наивныхъ выходцевъ; вожди взывали къ молодежи Литвы и Польши, приглашая ее попробовать казацкихъ нагаекъ. Въ то же время—въ 1855 г.—папа опубликовалъ новый догматъ... о непорочномъ зачатіи Богородицы, въ честь котораго послалъ полякамъ освященное знамя. Въ маѣ 1856 г. Императоръ Александръ II, прибывъ въ Варшаву, обратился къ собравшимся панамъ и шляхтѣ съ такими словами: „Господа, я прибылъ къ вамъ съ наилучшими намѣреніями, но желаю, чтобы порядокъ былъ строжайше соблюденъ, и поэтому предупреждаю васъ: не мѣшайте этимъ моимъ намѣреніямъ, и повторяю: point de reveries, point de reveries, такъ какъ мечты могли бы ввести васъ въ такія бѣды, о какихъ вы до сихъ поръ и понятія не имѣете. Вы близки моему сердцу, такъ какъ вы дѣйствовали съ Россіей во время крымской войны. Я люблю васъ, но еслибы вы стали мечтать и противодѣйствовать моему правительству, то я сумѣю всегда строго наказать эти порывы мечтателей. Ваше благополучіе зависитъ отъ солидарности съ Россіей, т. е. отъ повиновенія русскимъ Государямъ; повѣрьте мнѣ, у меня существуютъ относительно васъ только самые лучшіе планы; отбросьте несбыточныя мечты о независимости Польши отъ Россіи и повинуйтесь дѣйствительности, т. е. мнѣ, намѣстнику и сенаторамъ. Я никогда не забуду о вашихъ нуждахъ, но и вы не забывайте моихъ искреннихъ словъ—совѣта, придерживаться дѣйствительности и не мечтать о независимости отъ Россіи, которая для васъ немыслима. Повторяю, ваше счастье всецѣло зависитъ отъ вашей вѣрности русскому правительству. Увѣряю васъ, что вы можете быть счастливы, только содѣйствуя моимъ цѣлямъ и видамъ; но вините однихъ себя, если вы станете противиться этихъ видамъ и этимъ цѣлямъ.

Полагаю, что понятно вамъ то, съ какой цѣлью я говорю: прочь съ мечтаніями

Мнѣ весьма отрадно васъ обнадежить, но, господа, памятуйте и о томъ, „*что я умѣю быть строгимъ*“.

Въ 1857 г. распространились слухи, что Императоръ Александръ, подъ воздѣйствіемъ Наполеона, намѣренъ возстановить въ разширенныхъ размѣрахъ Герцогство Варшавское съ русской династіей. Называли даже, какъ будущаго вице-короля, одного изъ Великихъ Князей.

Наполеонъ пошелъ, однако дальше: въ 1858 году онъ выслалъ къ Императору Александру II адмирала Ла-Ронсіеръ Ле-Нури съ письмомъ, гдѣ онъ выразилъ согласіе на присоединеніе Галиціи къ Россіи подъ условіемъ, что Россія объявитъ войну Австріи. Клерикалы стали скрежетать зубами по поводу такого поворота политики Императора Александра II и Наполеона, о чемъ поляки предупреждены не были. Началось нашептываніе молодежи о томъ, что москали-де производятъ реформы, потому что боятся поляковъ и Франціи; а ренегатъ Чарторыйскій, желая завоевать себѣ польскій престолъ, при помощи куріи и іезуитки Евгеніи, жены Луи-Наполеона, ведшей на свой личный рискъ интриги съ Валевскимъ и Друэнъ де Люисомъ,—Чарторыйскій выслалъ въ Царство Польское своихъ эмиссаровъ, поручивъ имъ нашептывать со своей стороны молодежи, для маскированія правды, что Мѣрославскій собираетъ милліонную армію, съ которой войдетъ черезъ Истрію въ Крайну, Кроацію и Славонію, чтобы взбунтовать и высвободить изъ-подъ австрійскаго гнета всѣхъ южныхъ славянъ. По другому плану, Мѣреславскій долженъ былъ проникнуть въ Чехію, Моравію, Галицію и Силезію и, освободивъ тамошнее населеніе отъ австрійцевъ, войти въ Царство Польское, Волынь и Литву и тамъ, въ Вильнѣ заключить съ русскими трактатъ противъ Пруссіи. По этому трактату всѣ земли, гдѣ населеніе говоритъ по-русски, отошли бы на вѣчныя времена къ Россіи, а она. взамѣнъ за это, помогла бы отнятію у нѣмцевъ Кенигсберга, Данцига, Помераніи, Познанскаго герцогства, Силезіи, Моравіи и Чехіи для федераціи всѣхъ славянъ противъ нѣмцевъ. Кромѣ этихъ разсказовъ о милліонной арміи, эмиссары Мѣрославскаго въ 1860 году шептали молодежи и о томъ, что „Бисмаркъ тоже увлеченный демократъ и республиканецъ, и заботится только о томъ, чтобы всѣхъ нѣмцевъ—австрійскихъ, тирольскихъ, баварскихъ, виртембергскихъ, баденскихъ, вестфальскихъ, гановерскихъ, и нидерландскихъ—соединить въ одну республику подъ его президентствомъ, а поэтому тотъ же демократъ Бисмаркъ охотно соглашается, чтобы приморскія области надъ Одеромъ и вся Познань присоединены были къ Чехіи и Моравіи—что вызвало бы отдѣленіе всѣхъ нѣмецкихъ территорій отъ славянскихъ и наступилъ бы вѣчный миръ. Развѣсивъ уши, варшавскіе политики прислушивались съ восхищеніемъ къ этимъ бреднямъ, а особенно набрались храбрости, когда духовенство указало имъ на двѣ „вполнѣ заслуживающія довѣрія личности“: Левенгардта изъ Кракова и Банземера изъ Познани, которые основали въ Варшавѣ тайный комитетъ [1]). Вмѣстѣ съ духовенствомъ эти эмиссары увѣряли неопытную молодежь въ томъ, что одинъ уже фактъ формированія легіоновъ самимъ Гарибальди, неаполитанскимъ диктаторомъ, и порученіе начальства надъ этими легіонами Мѣрославскому—обязуетъ варшавянъ вовсе не удовлетворяться ни данными имъ отъ русскаго правительства учрежденіями, ни обѣщанными „губернскими и уѣздными совѣтами“, ни даже „органическимъ статутомъ“, а, напротивъ, ждать вторженія легіоновъ Гарибальди и Мѣрославскаго.

Заслышавъ трубный звукъ своихъ пастырей, стадо, поднявъ хвосты, помчалось наобумъ, зарычало и замычало, т. е. стало на первыхъ порахъ въ 1861 г. заводить въ косцёлахъ куріальныя пѣснопѣнія, какъ это было и прежде передъ ровской „ружаньцовой“ конфедераціей, когда ихъ пѣли разные sodalis marianus'ы“ и иноземные вати-

---

[1]) Въ составъ этото комитета вошли еще: Рафаилъ Краевскій, Карлъ Новаковскій, братья Франковскіе и Нарциссъ Янковскій (смотри извлеченія изъ разсказовъ Карла Маевскаго, члена революціоннаго комитета).

канскіе монахи, на что сильно возставала деревенская шляхта, нетолько литовская, но и польская. Весьма образованный и опытный настоятель сѣхневецкаго прихода—Скабицкій—несмотря на то, что въ молодости былъ іезуитомъ, — доказывалъ въ 1861 г. передъ значительнымъ собраніемъ шляхты въ Свадбичахъ (около Пружанъ), что вполнѣ раздѣляетъ отвращеніе деревенской шляхты къ этимъ антихристіанскимъ и антиславянскимъ демонстраціямъ, и увѣрялъ, что, за немногими исключеніями, почти всѣ приходскіе священники въ Лехіи и Литвѣ чувствуютъ такое же омерзѣніе къ пропагандѣ несогласія или деморализаціи между братьями славянами.

Въ виду демонстраціи прусско-австрійскаго комитета Левенгардтовъ и Банземеровъ, русское правительство не могло не пріостановить выполненія своихъ плановъ относительно предоставленія полякамъ большихъ вольностей, чѣмъ тѣ, какія были даны австрійцами чехамъ и галичанамъ, а пруссами—познанцамъ.

Желая, однако, дѣйствовать возможно мягче, правительство въ 1861 г. отвѣчало на телеграммы намѣстниковъ о варшавскихъ уличныхъ и церковныхъ демонстраціяхъ, что „все это только ребяческія выходки, которыя сами не замедлятъ всѣмъ надоѣсть и прекратятся, безъ принятія суровыхъ мѣръ, „несмотря на то, что англичане и шотландцы стрѣляютъ безъ дальнѣйшаго разбирательства въ непокорныхъ и демонстративныхъ ирландцевъ. Притомъ русское правительство не усматривало ничего предосудительнаго въ томъ, что студенты и толпа распѣвали въ Варшавѣ хоралъ Уейскаго, составленный противъ галиційской рѣзни и начинающійся со словъ: „съ дымомъ пожаровъ, съ крови братней паромъ...“, такъ какъ хоралъ этотъ въ „популярной формѣ агитировалъ противъ австрійцевъ“. Куріально-австрійское общество, не любящее никакихъ напоминаній о позорной для Рима дѣятельности, занялось распространеніемъ по косцёламъ другихъ пѣснопѣній, антирусскихъ, составленныхъ однимъ изъ лицемѣрныхъ епископовъ; но, чтобы не выдать себя, они не запрещали открыто пѣть хоралъ Уейскаго. Колѣнопреклоненіе на улицахъ передъ косцелами, молитвы и пѣсни были рекомендуемы духовенствомъ и заговорщиками, какъ лучшее начало революціи.

Народы Европы удивлялись, но не могли понять начала и причины этихъ столь неожиданныхъ манифестацій; одни только куріалисты, ихъ агентъ Мѣрославскій, генералъ Замойскій, австрійскіе Меттернихи и прусскіе Бисмарки знали происхожденіе и послѣдствія этихъ манифестацій. Мягкое русское правительство все еще продолжало считать эти демонстраціи „ребячествомъ, которое надоѣстъ и исчезнетъ“. Знакомая съ исторіей, образованная деревенская шляхта, профессора и всѣ серіозные люди надѣялись на это въ разсчетѣ, что, быть можетъ, члены земледѣльческаго общества или хоть одинъ изъ редакторовъ публичныхъ органовъ, напримѣръ, благородный Кучъ—рѣшится выступить противъ этихъ ханжески-монастырско-миссіонерскихъ пѣсенъ. Но, увы, ватиканцы, настоятельно желавшіе доказать Европѣ, что римское политическое агентство еще может что-нибудь сдѣлать для Австріи, не переставали помогать черезъ своихъ миссіонеровъ Чарторыйскому, Эльжановскому, Беренспрунгамъ, Левенгардтамъ, Банземерамъ и т. п. врагамъ согласія и единенія между поляками и русскими. Упомянутые выше Беренспрунги и другіе не переставали воздѣйствовать посредствомъ своихъ агентовъ не только на всякихъ проходимцевъ, но и на Мѣрославскаго, на его пріятеля Пелшевскаго, прозваннаго „Куржиной“, который вербовалъ въ Варшавѣ польскую молодежь въ псевдо-милліонный германо-кунеанскій легіонъ.

Молодой, но удивительно серіозный, никогда не улыбавшійся Пелшевскій, вѣчно разсказывавшій чудеса о вышеизложенныхъ планахъ Мѣрославскаго и Луи-Наполеона, производилъ такое впечатлѣніе на неопытныхъ и наивныхъ, что даже офицеръ русскихъ войскъ Сигизмундъ Хмѣлинскій рѣшился дезертировать и отправился въ Кунео, гдѣ Мѣрославскій назначилъ его главнымъ инструкторомъ легіона, называвшагося „чужеземнымъ“. Пелшевскій, прозванный „Куржина“, могъ легко воздѣйствовать и на

другихъ наивныхъ и потому дающихъ себя обмануть и одурачить мечтами „о орлиной силѣ своего полета" (какъ нынѣшніе циклисты), и о томъ, что „плечи ихъ хранятъ въ себѣ громы". Дѣятельность духовенства въ уличныхъ и церковныхъ демонстраціяхъ такъ описываетъ Авейде (стр. 86—101, томъ II):

„Наше высшее духовенство участвовало открыто въ манифестаціяхъ, принимая ихъ подъ опеку церкви, и соединяя, можно сказать, церковное богослуженіе съ тогдашнимъ революціоннымъ теченіемъ; оно вступало въ открытыя препирательства съ правительствомъ, защищая манифестантовъ, и этимъ самымъ, а также проповѣдями и рѣчами политическаго содержанія, очевидно непріязненными правительству, поддерживало общій духъ манифестацій гораздо сильнѣе, чѣмъ кто бы то ни было. Правительство же не видѣло или не хотѣло видѣть въ церковныхъ процессіяхъ и богослуженіяхъ главнаго источника манифестацій и не принимало противъ нихъ никакихъ мѣръ, ограничиваясь замѣчаніями и тому подобными безплодными средствами по отношенію къ духовной власти. Костелы были въ то время неприкосновенными...

„Послѣдствія подобнаго образа дѣйствій духовенства были весьма серіозны и очень печальны. Перечислю вкратцѣ главнѣйшія изъ нихъ. Духовенство ежедневно, можно сказать, подвергало и страну и церковь неизбѣжной и грозной опасности со стороны правительства, потому что защита костелами манифестантовъ, поддержка ихъ, самое дѣятельное участіе въ манифестаціяхъ со стороны духовенства, проповѣди ксендзовъ вынуждали правительство, не имѣвшее возможности иными средствами успокоить страну и городъ, къ принятію самыхъ суровыхъ мѣръ (хотя бы связанныхъ со многими жертвами) и противъ народа, и противъ церкви, особенно же противъ ксендзовъ, которые преступали предѣлы своихъ правъ и обязанностей, ясно формулированныхъ закономъ. Правительство въ теченіе восьми мѣсяцевъ не прибѣгало къ этимъ средствамъ, но, наконецъ, наступилъ памятный день 15 октября, когда власти увидѣли себя вынужденными при помощи вооруженной силы разогнать банды манифестантовъ, укрывшихся въ костелахъ. Хотя число жертвъ въ этотъ день было и незначительно, но можно ли, однако, назвать иначе, какъ величайшимъ и тягчайшимъ несчастіемъ для страны и для церкви, нарушеніе неприкосновенности святыни, военный судъ надъ представителями церковной власти, лишеніе Варшавы на нѣсколько мѣсяцевъ богослуженія и духовнаго поученія (а въ весьма большой степени и св. Даровъ), удаленіе изъ края многихъ ксендзовъ и т. п. Кто же, поразмысливъ и положа руку на сердце, можетъ сказать, что на духовенство не падаетъ отвѣтственность за эти страшныя потери и несчастія наши? Вѣдь результаты манифестаціи 15 октября легко было предвидѣть! Вѣдь правительство полъ года ждало, просило, убѣждало духовенство сойти съ ложнаго пути, дабы не доводить правительства до крайности, но духовенство отвѣчало открытой борьбой, продолжавшеюся полъ года.

„Духовенство, дѣйствуя сообща со свѣтскою пассивною оппозиціей партіи бѣлыхъ, всѣми силами помогая при этомъ манифестантамъ, подвергало край опасности величайшихъ несчастій, которыя вызывала одна партія и которыми угрожала другая. Все это можетъ показаться повтореніемъ того, что уже было сказано о послѣдствіяхъ дѣятельности свѣтской интеллигенціи, или партіи бѣлыхъ, но, на самомъ дѣлѣ, это не то же самое. Во-первыхъ, духовенство держало себя по отношенію къ манифестантамъ совершенно иначе, чѣмъ интеллигенція: дѣятельность его въ этомъ лагерѣ была сильна, рѣшительна, вполнѣ активная, тогда какъ интеллигенція лишь мирилась съ партіей красныхъ и не противодѣйствовала ея стремленіямъ. Въ большей степени возбуждать къ революціи, чѣмъ это дѣлало духовенство, было невозможно; его проповѣди и рѣчи были, безъ сомнѣнія, однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ дли возбужденія страстей въ массахъ. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе силу вліянія, которымъ безспорно пользуется наше духовенство въ силу своего положенія, значенія, всеобщаго уваженія среди

нашего народа, и разницу въ самомъ способѣ оказанія вліянія духовенствомъ и свѣтскою интеллигенціей. Въ-третьихъ, если міряне имѣютъ возможность, право, даже обязанность заниматься политикой страны, ибо въ силу свѣтскаго своего образованія они въ состояніи опредѣлить послѣдствія и результаты той или иной дѣятельности, то, наоборотъ, духовенство и по своему призванію, и въ зависимости отъ своего образованія, исключительно духовнаго, и не обязано и не имѣетъ права вмѣшиваться въ политику [1]) и не въ состояніи вывести никакого заключенія относительно того, что пойдетъ на благо, а что повлечетъ гибель для отечества. По этой причинѣ мы должны винить исключительно духовенство за всѣ несчастія и жертвы страны, вызванныя манифестаціями и возстаніями, не уменьшая отнюдь вины и отвѣтственности другихъ дѣятелей революціи" (т. 2, стр. 131—132).

Дабы сильнѣе возбудить народъ и ускорить возстаніе, духовенство послѣ 15 октября закрыло въ Варшавѣ костелы, оставивъ народъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ безъ церковныхъ службъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Авейде (т. 2, стр. 224—226).

„Закрывать костелы по тѣмъ причинамъ, по которымъ сдѣлало это духовенство, ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало; не надлежало и заявлять, что средство это вызвано правительствомъ, которое принуждаетъ-де духовенство прибѣгнуть къ столь крайнему средству.

„Въ данномъ случаѣ духовенству слѣдовало дѣйствовать, если не по соглашенію съ правительствомъ, то, во всякомъ случаѣ, принявъ роль осторожнаго, разумнаго руководителя, который долженъ былъ выступить, согласно основамъ и правиламъ религіи, въ роли нашего ангела хранителя для защиты насъ отъ несчастій; духовенству надлежало явиться ангеломъ мира и согласія, стражемъ безопасности и цѣлости святыни Господней, а не въ роли воюющей стороны, фанатическаго и бѣшенаго противника правительства.

„Если же временное закрытіе костеловъ было признано необходимымъ, то никто и никогда не въ состояніи доказать необходимости, а тѣмъ болѣе существованія каноническаго закона, на основаніи коего костелы были оставлены закрытыми въ теченіе 5 мѣсяцевъ. Взвѣсивъ важность послѣдствій этого поступка не только въ политическомъ, но и чисто-религіозномъ смыслѣ, я считаю въ глубинѣ наболѣвшей души долгомъ высказать свое мнѣніе, что духовенство совершило этимъ поступкомъ преступленіе по отношенію къ странѣ, церкви и религіи, преступленіе котораго нельзя оправдать тѣмъ, что архіепархія была лишена въ это время своего начальника. Пять мѣсяцевъ населеніе Варшавы оставалось безъ костеловъ, безъ духовенства, безъ причастія, безъ религіознаго и нравственнаго поученія; это положеніе исключаетъ возможность какихъ бы то ни было оправданій; оно доказываетъ, что разъ мы были лишены всего этого,—существуетъ лишь имя духовенства, но нѣтъ у насъ слугъ Божіихъ; есть у насъ солдаты, ведущіе нигдѣ ужъ въ нашъ вѣкъ невиданную борьбу съ правительствомъ, но нѣтъ у насъ священниковъ, которые свято исполняли бы долгъ совѣсти и слѣдовали бы своему призванію, тогда какъ мы должны требовать именно отъ ксендзовъ, чтобы они прежде всего были слугами Божьими, ибо этого требуетъ Богъ и святое церковное право, но наши ксендзы не исполняютъ тѣхъ именно требованій, которыя единственно въ состояніи свидѣтельствовать о призваніи къ духовному званію.

„Какой бы приговоръ ни произнесла со временемъ исторія по поводу поведенія духовенстна въ дѣлѣ закрытія костеловъ, самъ этотъ фактъ, разсматривая его съ исторической точки зрѣнія, надо считать однимъ изъ наиболѣе способствовавшихъ усиленію революціонной агитаціи. Объ этомъ не приходится даже много говорить—правда сама бросается въ глаза. Каждый, кто въ состояніи представить себѣ тогдашнее на-

[1]) Г. Авейде, видно, забылъ исторію Польши, всею политикой которой заправляло духовенство, что ее и погубило; даже и нынѣ Галиція отправляетъ въ парламентъ значительное число ксендзовъ.

строеніе жителей Варшавы, состояніе ихъ умовъ и сердецъ, угнетенныхъ восмимѣсячною агитаціей; каждый, кто понимаетъ значеніе профанаціи и закрытія костеловъ; кто знаетъ, сколь ужаснымъ и болѣзненнымъ для народа является и сколь развращаетъ его пятимѣсячное лишеніе его Св. Таинъ, церковнаго поученія и молитвы, кто подумаетъ о томъ, что во всемъ этомъ было обвинено правительство, и что въ связи съ этимъ неутомимо работали различныхъ степеней и оттѣнковъ агитаторы,—тотъ, безо всякаго колебанія, согласится, что ничто, никакой военный терроръ не былъ въ состояніи сильнѣе, могущественнѣе воздѣйствовать на усиленіе ненависти къ власти, на возбужденіе величайшаго недовѣрія, пренебреженія и жажды кровавой мести, чѣмъ эти два несчастныхъ факта. Правительство оскверняетъ святыню; правительство, не скрываясь, насилуетъ законы церкви и религіи! Развѣ можно назвать что-либо болѣе ужасное? Къ несчастію, вопросъ былъ такъ поставленъ, такъ разсматриваемъ и въ этомъ духѣ разъясняемъ народу".

Толкая народъ къ скорѣйшему кровавому отмщенію ненавистному правительству, духовенство рѣшило, не довольствуясь участіемъ въ манифестаціяхъ, принять участіе въ вооруженномъ возстаніи и въ этомъ смыслѣ вступило въ соглашеніе съ центральнымъ революціоннымъ комитетомъ. Переговоры по этому поводу съ духовенствомъ, революціонное правительство поручило Оскару Авейде, который говоритъ: „Я старательно занялся созданіемъ духовной организаціи, преслѣдуя цѣль: во-первыхъ, повліять съ помощью ксендзовъ на охлажденіе революціонной горячки заговорщиковъ и найти въ нихъ сторонниковъ противъ партіи, желавшей немедленнаго возстанія; во-вторыхъ я предполагалъ организовать изъ сотенъ ксендзовъ-агентовъ сильную, однообразную и тождественную во всѣхъ закоулкахъ края пропаганду между крестьянами. Надежды мои не исполнились: ксендзы вообще были краснѣе меня; что же касается пропаганды среди крестьянства—то было слишкомъ поздно„.

„Правда, ксендзы обязывались возбудить крестьянъ и собирать денежныя пожертвованія, но они требовали своей собственной революціонной организаціи. Во главѣ ея всталъ ксендзъ Карлъ Микошевскій, которому была дана особая печать съ надписью „X. Syxtus".

„Въ числѣ 34 уѣздныхъ революціонныхъ начальниковъ мы насчитывали 10 ксендзовъ; многіе же изъ нихъ занимали должности начальниковъ округовъ и городовъ; большая часть революціоннаго налога была собрана ими. На нихъ же лежала обязанность приводить къ присягѣ заговорщиковъ".

„Поэтому то, что возстаніе было вызвано объявленіемъ рекрутскаго набора—ложь, которую многіе, впрочемъ, повторяютъ. Этотъ вымыселъ принадлежитъ моему коллегѣ Гиллеру. Когда впослѣдствіи эта сказка распространилась по Западной Европѣ—независимый корреспондентъ „Часа" (Гиллеръ) гордился ею, точно открытіемъ новой Америки. (т. IV, стр. 175).

„Папа прислалъ благословеніе революціи черезъ іезуита Кульчицкаго„.

Въ виду этого благословенія ксендзы стали руководить не только революціоннымъ движеніемъ, но и предводительствовать вооруженными шайками. Дѣятельность на этомъ поприщѣ служителей алтаря имѣла мало общаго съ ученіемъ Евангелія. Для характеристики приводимъ изъ „Историческаго Вѣстника" за 1889 годъ, показаніе польскаго крестьянина, переданное Г. И. Любарскимъ, о томъ, какъ предводители шаекъ ксендзы набирали свое войско.

Въ деревню, гдѣ жилъ разсказчикъ, пріѣхали верхами ксендзъ-монахъ Щавинскаго кляштора (монастыря) о. Стефанъ Скупинскій и сосѣдній молодой помѣщикъ Стжичковскій, а черезъ полъ-часа пришли еще шесть вооруженныхъ людей, которые составили конвой этихъ довудцевъ (командировъ). Монахъ былъ мужчина высокій, плечистый и сильный; смотрѣлъ онъ всегда сердито, даже когда отправлялъ мшу Божію

(обѣдню); на сутанѣ у него были нашиты шнурки, какъ на венгеркѣ или чамаркѣ; съ одного боку карабеля (турецкая сабля), съ другого револьверъ. Стжичковскій съ головы до ногъ былъ увѣшанъ разнымъ оружіемъ.

Этотъ „монахъ" забиралъ всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, причемъ, отыскивая прятавшихся по чердакамъ, подваламъ и т. п., не скупился на наказанія и вообще не стѣснялся въ средствахъ.

Былъ у насъ въ Сапикахъ отставной вахмистръ, человѣкъ очень почтенный, котораго уважала вся деревня. Жилъ онъ со своею старухой очень бѣдно на одну только свою пенсію, потому что работать уже не могъ, ни земли и никакого хозяйства у него не было, а единственная его замужняя дочь, проживавшая въ дальней деревнѣ, также не могла давать отцу никакой помощи. Вотъ и присталъ къ нему довудца, чтобъ непремѣнно шелъ въ повстанье.

— Смилуйся, ксенже добродѣю, какой ужъ я вояка! Спросите у всѣхъ вотъ и солтысъ знаетъ, что я едва ходить могу отъ старости и болѣзней,—отнѣкивался унтеръ,

— Мы тебѣ коня дадимъ,—возразилъ ксендзъ,—а ты можешь быть еще полезенъ народовому дѣлу. Я тебя назначаю инструкторомъ, и ты обучишь моихъ новобранцевъ стрѣльбѣ и военной муштрѣ.

— Ей-Богу же, не могу. Еще бы я былъ пѣхотинцемъ, ну можетъ быть, какъ нибудь и училъ бы. А я вѣдь кавалеристъ, пѣхотной службы совсѣмъ не знаю; а что и зналъ, то уже и забылъ, находясь въ отставкѣ больше пятнадцати лѣтъ.

— Не смѣть отговариваться,—сердито крикнулъ ксендзъ,—ты долженъ послужить Польшѣ.

— Воля ваша, а я не могу и не пойду.

— А не хочешь по волѣ, такъ пойдешь по неволѣ. Этого негодяя отвести въ лагерь на веревкѣ,—обратился Скупинскій къ своимъ приспѣшникамъ.

Тотчасъ накинули бѣдному старику на шею веревку и вывели на улицу къ собранной уже кучкѣ.

Затѣмъ служитель алтаря зашелъ въ хату крестьянина Дуная и сталъ допрашивать его жену, гдѣ мужъ.

— Сжальтесь, ради Господа Іисуса; не знаю же я, гдѣ онъ, можетъ, на заводъ ушелъ, а я не знаю, не знаю,—твердила растерявшаяся женщина.

Въ рыданіи она бросилась на колѣна и стала цѣловать ноги у ксендза. А онъ лягнулъ ее въ грудь такъ, что бѣдняжка повалилась навзничь, и приказалъ оставшимся при немъ двумъ повстанцамъ отыскать Дуная во чтобы то ни стало. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными, и когда объ этомъ доложили ксендзу, то онъ пришелъ въ такое изступленіе, что сталъ топтать ногами едва живую отъ страха женщину, а наконецъ, обратившись къ Стжичковскому, крикнулъ: „Казнить подлую измѣнницу". Моментально Стжичковскій выхватилъ изъ за пояса кинжалъ и воткнулъ въ грудь несчастной по самую рукоятку. Обливаясь кровью Ядвига безсознательно пробормотала: „Въ стодолѣ, въ стодолѣ" (въ ригѣ).

— А, вотъ когда шельма созналась,—и съ этимъ словомъ ксендзъ выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета. А такъ какъ жертва, корчась въ судорогахъ, еще обнаруживала признаки жизни, то жестокій монахъ приказалъ адъютанту добить ее, что онъ тотчасъ и исполнилъ, ударивъ нѣсколько разъ полѣномъ по головѣ. Но этимъ не ограничилась месть служителя алтаря: онъ собственноручно поджегъ хату и ригу Дуная, полагая, что тамъ сгоритъ и хозяинъ, если онъ сидитъ въ снопахъ ржи.

Самыми ревностными покровителями польской революціи были въ Римѣ кардиналъ Франки и предсѣдатель конгрегаціи de propaganda fide, фамилію котораго Авейде забылъ.

Изъ этого видимъ, что, пока поляки будутъ находиться подъ руководствомъ Рима,

голосъ разсудка не проникнетъ въ ихъ души, и ни русское правительство, ни русское общество вѣрить имъ не могутъ. Только страхъ можетъ принудить ихъ къ уваженію правъ государства, которому они подчинены, и къ легальному образу дѣйствій.

„И дѣйствительно возстаніе было прекращено, говоритъ Авенде лишь перемѣной системы управленія краемъ, вполнѣ правильнымъ измѣненіемъ средствъ и дѣйствій, принятыхъ правительствомъ для усмиренія революціи, т. е. принятіемъ въ основу управленія краемъ системы военной диктатуры и введеніемъ военной администраціи. Система ужасная, носящая характеръ террора, система, которой не дай Богъ еще повториться однакоже, она только, одно только это ужасное средство было въ силахъ успокоить поляковъ и отвратить отъ края окончательную гибель“ (т. IV, стр. 232).

Перенося все это терпѣливо до 1860 г., русское правительство отдало, наконецъ, управленіе Варшавой въ руки ненавидящаго австрійцевъ Велепольскаго, автора брошюры „Lettre d'un gentil'homme à Monsieur Metternich“. Располагая полномочіемъ отъ правительства, онъ желалъ ввести въ Польшѣ новыя учрежденія, именно: губернскіе и уѣздные совѣты.

Для ускоренія возстанія, Чарторыйскій съ Ельжановскимъ прислали въ началѣ 1863 года въ комитетъ Беренспрунговъ, Левенгардтовъ и Банземеровъ, скрывавшійся въ Варшавѣ подъ подложной фирмой нѣсколькихъ честныхъ славянскихъ фамилій— своего главнаго агента Лангевича.

Загадочный генералъ Лангевичъ, прибывъ въ Варшаву, потребовалъ отъ вышеупомянутаго комитета, чтобы тотъ немедленно созвалъ, черезъ посредство своихъ эмиссаровъ, всѣхъ наивныхъ, парящихъ въ области нереальнаго,—мечтателей, занятыхъ грезами объ „орлиной мощи своего полета“ и о „своихъ рукахъ, поражающихъ какъ громъ“,—со всѣхъ уѣздовъ Литвы и Польши. Согласно съ приказомъ, упомянутый комитетъ назначилъ черезъ своихъ эмиссаровъ во всѣхъ уѣздахъ день для общаго возстанія. Почти повсюду повторилось—увы!—вышеописанное сѣдлецкое возстаніе. Послѣ этого наивные, для которыхъ обѣщанная помощь свелась къ „исканію вѣтра въ полѣ“ или, вѣрнѣе, въ чащахъ и лѣсахъ, получили приказаніе такого рода: наломать себѣ палокъ изъ твердаго дерева для защиты отъ москалей, силою добывать провіантъ въ усадьбахъ деревенской шляхты, которую, въ случаяхъ сопротивленія они имѣютъ право вѣшать и поджигать; живя такимъ образомъ на счетъ шляхты, ожидать оружія, которое доставятъ Меттернихи и Бисмарки, и нагаечныхъ ударовъ, которые будутъ доставлены казаками!

Результатъ этой борьбы извѣстенъ. Точно такъ же, какъ О'Коннель для личной славы погубилъ руками англичанъ свою родину — Ирландію, точно такъ же, какъ въ томъ же 1863 году О'Магонэй и Стефенсъ приготовили новую гибель Ирландіи, такъ и Чарторыйскій, Ельжановскій, Крашевскій и Лангевичъ приготовили гибель всей Лехіи и Литвы въ видахъ личной славы. Вскорѣ по своемъ прибытіи Лангевичъ, пользуясь безпечностью начальниковъ русскаго отряда, перебрался въ Вонховцы и напечаталъ въ своей походной типографіи воззваніе къ жителямъ краковскаго воеводства.

Приводимъ это воззваніе цѣликомъ:

Главная квартира. Вонховцы, 26 января 1863 года.

„Жителямъ краковскаго воеводства“.

„Приказомъ народнаго центральнаго комитета, отъ 10-го сего мѣсяца, будучи призванъ начальствовать надъ войсками сандомірскаго воеводства, а устною инструкціею военнаго отдѣла, назначенный также командовать силами краковскаго воеводства, я не считаю себя въ правѣ мѣшаться въ дѣла повстанской организаціи послѣдняго“.

„Но такъ какъ, несмотря на легкій способъ препровожденія въ краковское воеводство оружія, несмотря на значительное количество оружія, тамъ уже находящагося, несмотря на всеобщее возстаніе въ русскомъ захватѣ и на множество охотниковъ, безпрестанно

являющихся изъ-за границы, несмотря наконецъ, на доходящій до смѣшнаго, страхъ русскихъ—въ краковскомъ воеводствѣ не грянулъ еще крикъ: „Да здравствуетъ Польша!“ Поэтому я, какъ повстанецъ-полякъ, считаю обязанностью воззвать къ братьямъ-краковякамъ, чтобы они приняли участіе въ повстанскомъ дѣлѣ. Потомки мужественныхъ поляковъ! Поддержите эту славу, которую они стяжали себѣ въ Польшѣ. Встаньте хоть въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ и, бродя по воеводству, тревожьте русскія войска, собирайте охотниковъ, формируйте отряды, а потомъ устраивайте и регулярныя войска.

„Нужна только вѣра, надежда и отвага, а затѣмъ событія, повидимому несбыточныя, совершатся сами собой.

„Подражайте сандомірянамъ, *передъ которыми москали трепещутъ*. Если исполненіе всего сказаннаго вамъ не трудно, идите сюда, только скорѣе, такъ какъ время дорого.

„До свиданья, ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ!“

„Военный начальникъ сандомірскаго воеводства. Маріанъ Лангевичъ“.

Воззваніе это, облетѣвшее оба воеводства, произвело чрезвычайный эффектъ.

Печатное революціонное слово всегда и вездѣ имѣетъ свою силу, но въ лѣсу оно сильнѣе, чѣмъ въ городѣ.

Въ главную квартиру воеводы, именно вслѣдствіе этого, явилось множество помѣщиковъ посмотрѣть на житье—бытье вонхоцкаго войска.

Увлеченные воинственными рѣчами Лангевича и его сотоварищей, наивные гречкосѣи стали формировать подъ Краковомъ отряды, изъ различныхъ бродягъ и учащейся молодежи и въ нѣсколько дней собрали толпу въ три тысячи человѣкъ, которая различными путями собралась подъ знамя Лангевича.

Увидѣвъ себя во главѣ этого корпуса, вооруженнаго въ значительной степени двухстволками, Лангевичъ объявилъ себя въ половинѣ марта 1863 года „диктаторомъ“ и тотчасъ же, вполнѣ произвольно, не спрашивая вовсе согласія на это у деревенской шляхты, желающихъ и нежелающихъ, безъ всякаго разбора, сталъ назначать изъ ея среды воеводъ и начальниковъ уѣздовъ; въ число такихъ мятежническихъ начальниковъ противъ собственной воли попадали самые спокойные помѣщики всего Царства Польскаго и Литвы; на нихъ, подъ страхомъ казни чрезъ повѣшеніе, лежала обязанность снабженія повстанцевъ провіантомъ. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія и обнародовавъ свою программу: „очищу часть королевства отъ „москалей“ и проникну въ глубь страны“ [1]), самъ Лангевичъ, отрядъ котораго разогнали нагайками „трепещущіе“ казаки, бѣжалъ въ Австрію, оставивъ свой отрядъ и своихъ „уцѣкинеровъ“ [2]) и упомянутыхъ выше начальниковъ и воеводъ на произволъ судьбы [3]).

[1]) Козмянъ, стр. 205, т. I.

[2]) „Уцѣкинерство“ (улепетываніе), бывшее сначала простымъ условіемъ борьбы съ необходимостью, выродилось въ порокъ и, наконецъ, стало у поляковъ ремесломъ (Козмянъ т. III, стр. 111).

[3]) Появленіе Лангевича въ роли диктатора такъ описываетъ Авейде въ своихъ мемуарахъ (т. IV, стр. 18 и 27). „Десятаго марта 1863 года Лангевичъ объявилъ себя диктаторомъ, заявивъ въ своемъ манифестѣ, что его просилъ объ этомъ революціонный комитетъ, чего никогда не было. Болѣе неожиданнаго и загадочнаго для насъ событія произойти не могло; но мы рѣшили, однако, признать загадочнаго диктатора.

„Впослѣдствіи уже оказалось, что диктатура была предложена Лангевичу клерикалами: редакторомъ краковскаго «Часа»—Хшановскимъ, Іосифомъ Колачковскимъ, какимъ-то Семенскимъ и графомъ Адамомъ Грабовскимъ.

„Дѣятельность Лангевича ограничилась тѣмъ, что онъ отпраздновалъ кутежемъ свою диктатуру, образовалъ многочисленный штабъ, произвелъ множество генераловъ и полковниковъ, давалъ шумные обѣды, вертѣлся со своею арміей направо и налѣво безъ всякаго толку, по Олькушевскому и Стопницкому уѣздамъ, пока не былъ вынужденъ княземъ Шаховскимъ къ сраженію подъ Гроховисками, 18 марта. Битва была кровавая, побѣда осталась на „нашей сторонѣ благодаря мужеству зуавовъ Рошбрюна и косиньеровъ Спѣховскаго“. Этимъ закончилась вся эта комедія. На слѣдующій день не было уже Лангевича (бѣжалъ въ Австрію), отъ его шеститысячнаго побѣдоноснаго войска не осталось и слѣда“.

Удаленный австрійскими властями въ Мораву Лангевичъ, въ ожиданіи отъѣзда въ Мексику, разсылалъ отчеты и рапорты о якобы продолжающихся столкновеніяхъ и побѣдахъ своихъ надъ „москалями".

Отрядъ „Мѣрославчиковъ", также разбитый, разсыпался на множество отдѣльныхъ отрядовъ, а Мѣрославскій вернулся въ Парижъ, чтобы тамъ на досугѣ спорить съ Чарторыйскимъ и Элжановскимъ о преимуществахъ демократіи и олигократіи. Тѣмъ временемъ братоубійства и взаимное избіеніе славянъ продолжались, такъ какъ монахи черезъ своихъ биготокъ продолжали увѣрять наивную молодежь, что: „не принадлежать къ борьбѣ за римскую церковь—позоръ и грѣхъ для каждаго".

Вся дѣятельность этого рыцарства, прозваннаго „уцѣкинерами" (бѣгающими), основывалась на грабежѣ шляхетскихъ усадебъ, на вѣшаніи и избиваніи не сочувствующихъ возстанію беззащитныхъ жертвъ, особенно русскаго духовенства и русскаго народа; при появленіи же казаковъ, вся ихъ дѣятельность сводилась къ бѣгству (uciekanie) въ глубь лѣсовъ, или за границу.

Послѣ того, какъ эти банды „наивныхъ" были обычнымъ образомъ разогнаны казацкими нагайками, 30 тысячъ молодыхъ людей эмигрировало изъ края—для бродячей жизни по Европѣ, а ихъ сестры и молодыя жены пошли въ „экономки" къ ксендзамъ.

Пангерманизмъ таки восторжествовалъ! Австрійскія и прусскія крѣпости снова переполнились въ 1864 году выходцами, которымъ не на что было путешествовать. Остатки несчастныхъ дилетантовъ вымышленной и ложной славы принуждены были отправиться въ Мексику, чтобы тамъ сражаться въ интересахъ Австріи.

ГЛАВА VII.

Изобразивъ, на нашъ взглядъ достаточно полно, вліяніе Рима на польскій народъ, возбуждаемый имъ, Римомъ, къ неумолимой ненависти къ правовѣрной христіанской религіи, къ ненависти, выражающейся въ постоянномъ подзадориваніи къ вооруженной борьбѣ съ братнимъ русскимъ народомъ—бросимъ еще общій взглядъ на дѣятельность русскаго правительства по отношенію къ полякамъ со времени возстанія 1830 года, дабы выяснить, насколько можетъ Россія довѣрять Польшѣ.

Со времени революціи 1830 года, 25 лѣтъ протекло въ Польшѣ сравнительно спокойно, въ притворной покорности, какъ это и теперь кажется на видъ. Пока власть оставалась въ рукахъ Николая I, коего справедливое, но неумолимое постоянство знали поляки, до тѣхъ поръ они не думали о какомъ-либо явномъ сопротивленіи русскимъ властямъ. Даже великій европейскій переворотъ—революція 1848 года и крымская война не нарушили этой притворной покорности. Но поляки вознаграждали себя за это скрытыми внутренними движеніями, равно какъ и организованной противъ Россіи заграничной пропагандой, которой результаты мы выше описали.

Эта упорная дѣятельность, которой такъ удивлялись, которую такъ восхваляли въ Европѣ клерикалы и которая дѣйствительно заслуживала бы этого, если бы имѣла спасительную, практическую (напр., разрывъ съ римской куріей), или даже по-просту гуманную цѣль; но цѣль, къ которой вела эта дѣятельность, въ царствованіе императора Николая I, сводилась лишь къ подкопамъ подъ интересы правительства, слишкомъ занятаго поддержаніемъ внѣшняго покоя и порядка, чтобы быть въ состояніи услѣдить за дѣятельностью общества, которое одно только можетъ обезпечить прочность и плодотворность правительственныхъ мѣропріятій. Императоръ Николай I, безъ сомнѣнія, имѣлъ не мало благихъ намѣреній; онъ неоднократно брался за изслѣдованіе органическихъ недостатковъ польскаго общества, неоднократно принималъ мѣры для ихъ исправленія, но,—неслыханное и странное дѣло, которому трудно повѣрить—эти благотворительные и искренніе проекты императора, котораго всѣ считали всемогущимъ, никогда не сбылись относительно Польши. Администрація, состоявшая изъ Поляковъ наружно

подчиненная до раболѣпства, но въ дѣйствительности повинующаяся тайнымъ предписаніямъ, распространявшимся повсюду, создавала вѣчно возобновлявшіяся препятствія и прибѣгала къ самымъ окольнымъ путямъ, дабы обойти исполненіе этихъ проектовъ.

Указы, законы, административныя мѣры, которыя возможно лучше соотвѣтствовали нуждамъ и требованіямъ края, оставались неисполненными, либо истолковывались такимъ образомъ, что давали результаты, совершенно противоположные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду при объявленіи означенныхъ правительственныхъ распоряженій. Мы увидимъ въ продолженіи этого труда нѣкоторыя изъ фазъ поистинѣ единственной въ своемъ родѣ борьбы—борьбы между правительствомъ, всѣ благотворные почины котораго разрушались безплодно, и двумя стами тысячъ олигарховъ съ римскимъ духовенствомъ во главѣ, которые рѣшились скорѣе увѣковѣчить народныя бѣдствія, чѣмъ допустить сліяніе двухъ братскихъ народовъ съ различнымъ вѣроисповѣданіемъ. Императоръ Александръ II ознаменовалъ свое вступленіе на престолъ амнистіей, которая распространялась на 9 тысячъ политическихъ осужденныхъ. Совѣтуя полякамъ отречься отъ безплодныхъ мечтаній, онъ произвелъ относительно нихъ рядъ либеральныхъ реформъ, направленныхъ къ обширному и постепенному развитію народа. Перемѣнилась тогда и польская тактика: скрытая борьба смѣнилась открытой, явной; маски упали, а бунтъ, который начался съ костельныхъ манифестацій, вспыхнулъ подъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ ночной рѣзни.

Происшествія эти, равно какъ сопровождающія ихъ обстоятельства, еще не отдѣлены отъ настоящаго достаточнымъ срокомъ давности; они еще слишкомъ отдалены отъ времени окончательныхъ своихъ послѣдствій, чтобы возможно было нынѣ всецѣло оцѣнить ихъ раіонъ дѣйствія, значенія и послѣдствія.

Пока историческіе матеріалы кипятъ еще въ раскаленномъ горнилѣ политическихъ страстей, невозможно отдать себѣ отчетъ въ ихъ значеніи. Необходимо дать имъ остыть и оформиться подъ дѣйствіемъ времени и опыта въ томъ видѣ, какой имъ готовитъ будущее.

Существуютъ, однако, независимые отъ этого общественнаго кипѣнія факты; простое и легкое подтвержденіе ихъ доставляетъ исторіи, такъ сказать стенографическія данныя и весьма цѣнныя и полезныя предостереженія противъ общей опасности политическихъ взрывовъ и пожаровъ.

Такъ, напримѣръ, теперь становится явнымъ изъ всѣхъ смутъ, коихъ, увы, Польша была главною причиной и главною ареною,—что революціонное движеніе, коему не хватало единства и сплоченности до 1861 года, могло осуществиться только при внезапномъ соглашеніи разныхъ партій и могло вспыхнуть только въ виду общественной реформы, какую предвѣщала и даже дѣлала въ Польшѣ прямо необходимой, принятая въ Россіи крутая освободительная мѣра.

Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ такихъ источниковъ, которые труднѣе всего заподозрить въ пристрастіи къ Россіи; несомнѣнные факты, которыхъ нельзя опровергать,—а при недостаткѣ ихъ простое сопоставленіе годовъ и чиселъ, разсужденіе, изслѣдованіе закончившихся происшествій—все это содѣйствуетъ представленію этихъ историческихъ истинъ въ истинномъ, неопровержимомъ видѣ.

Вотъ къ какому выводу можно придти за отсутствіемъ всякой иной причины, объясняющей столь сильное, столь упорное и столь явно обдуманное возстаніе. Возможно, избравъ намѣренно отрицательную точку зрѣнія, спорить о значеніи, цѣлесообразности или исполнимости реформъ, введенныхъ въ Польшѣ послѣ возстанія, можно à priori хулить систему, которую изслѣдовать никто не потрудился и которую испытать упорно не желали сами поляки. Нельзя оспаривать и того, что власть, призванная управлять Польшею послѣ смерти императора Николая I, была безконечно либеральнѣе и гуманнѣе, чѣмъ та, которая правила Польшей въ теченіе минувшихъ 25 лѣтъ

нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что отъ князя Михаила Горчакова и до Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича—всѣ намѣстники Государя, въ Варшавѣ—выполняли свою обязанность не допуская притѣсненій и избѣгая дѣлать полякамъ непріятности, выказывая при томъ столь живое, столь искреннее желаніе единенія, что самыя враждебныя манифестаціи могли безпрепятственно повторяться на улицахъ и въ костелахъ столицы, и огромная сѣть революціонныхъ затѣй и пропаганды могла, въ концѣ-концовъ, охватить весь край.

Не менѣе достовѣрно и то, что съ появленіемъ во главѣ управленія Польшей маркиза Велепольскаго, она начала пріобрѣтать полную административную автономію, такъ какъ въ составъ 15 или 16 тысячъ чиновниковъ входило въ 1863 году не болѣе 8-ми человѣкъ русскихъ. Народъ былъ даже допущенъ къ выраженію своихъ нуждъ и желаній и къ участію въ веденіи мѣстныхъ и общихъ дѣлъ, посредствомъ органа представительныхъ корпусовъ, образованныхъ подъ названіемъ провинціальныхъ и уѣздныхъ совѣтовъ, основанныхъ на весьма доступныхъ и широкихъ избирательныхъ правахъ.

Правда, говорили тогда и теперь говорятъ олигархи, что бунтъ былъ вызванъ единственно военнымъ наборомъ; что поляки только во избѣжаніе ужасовъ проскрипціи убѣжали въ лѣса и взялись за оружіе для защиты отъ казацкихъ нагаекъ.

Это вовсе неправдоподобное заявленіе утратило цѣну въ виду признаній и свидѣтельствъ, накопившихся впослѣдствіи изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ; въ ихъ числѣ находится свидѣтельство цитированнаго нами выше Авейде. Было бы поэтому безполезно разбирать степень легальности такого средства, его цѣлесообразность и способъ, по какому оно было выполнено; безполезно и разбирать, на комъ лежитъ инціатива и отвѣтственность за это. Достаточно подтвердить, что по признанію важнѣйшихъ главарей, возстаніе было организовано заранѣе; ожидали только сигнала; объявленный же маркизомъ Велепольскимъ наборъ—лишь ускорилъ взрывъ.

Нынѣшніе поляки признаютъ это, и вслухъ винятъ Велепольскаго въ томъ, что онъ ускорилъ возстаніе; а въ душѣ проклинаютъ его за то, что вызванное имъ преждевременное возстаніе плохо для нихъ кончилось. „Не будь Велепольскаго“,—говорятъ польскіе шовинисты,—„Россіи бы ужъ не было, мы бы ей показали!“...

Вотъ что писалъ о демонстраціяхъ, затѣянныхъ въ Варшавѣ за годъ до набора „*Голосъ изъ Парижа и Генуи*“—газета, издававшаяся подъ руководствомъ того самаго Мѣрославскаго, коего старинный титулъ „генеральнаго организатора польской революціи“ проникъ даже въ салоны дворца Ламберъ и вызвалъ между членами польской эмиграціи обвиненіе Мѣрославскаго въ „подлогѣ, лжи и обманѣ“.

„ ... Цѣлью было—дѣйствовать на народъ, поставить его на почву возстанія. Для достиженія этой цѣли слѣдовало прибѣгнуть къ вооруженной манифестаціи. Это былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ способовъ, во первыхъ, какъ средство пропаганды, во-вторыхъ, какъ симптомъ жизни въ глазахъ Европы. Случай представлялся прекрасный, все было сдѣлано для достиженія успѣха. Конечно, всѣ понимали, что дѣйствуетъ только горсть людей, полныхъ энергіи и фанатическаго самопожертвованія; но жители Стараго Города (Мѣста) и предмѣстій присоединились къ нимъ и своей шумной солидарностью въ февралѣ 1861 года укрыли ихъ отъ полиціи. Нужно было, однако, прибѣгнуть къ сильному напору на остальные классы населенія Варшавы, даже къ угрозамъ, чтобы опорожнить театры и гулянья“.

Итакъ, почва къ возстанію подготовлялась съ февраля 1861 года,—важной, много значительной эпохи, къ которой намъ не разъ еще придется вернуться, такъ какъ въ ней-то и скрывается разгадка всего. Итакъ, революція имѣла въ началѣ своимъ орудіемъ „только горсть полныхъ энергіи людей“, которые „прибѣгли ко всему, даже къ террору“, чтобы „вызвать сильный напоръ“ на населеніе столицы, „опорожнить театры и публичныя гулянья“...

Это все—факты, впослѣдствіи подтвержденные происшествіями и доказанные судомъ.

Точно также невозможно возразить и противъ того, что въ 1860 году двѣ партіи или, вѣрнѣе, два рѣзко опредѣлившихся лагеря, часто весьма враждебные другъ другу, соперничали изъ-за главенства и управленія такъ называемыми народными дѣлами.

Одинъ лагерь образовывала аристократическая партія, или выражаясь точнѣе, партіи земельныхъ собственниковъ.

Полемъ дѣятельности этой партіи была оппозиція—скрытная и неумолимая, но, по крайней мѣрѣ, легальная на видъ. Цѣлью было:—противодѣйствовать всѣмъ замысламъ правительства, парализовать его стремленія, особенно тѣ, которыя могли уничтожить привилегіи шляхты и вызвать фактическое освобожденіе крестьянъ; поддерживать заграницей антирусскую пропаганду, эксплуатировать довѣріе властей, зачастую непредусмотрительное и слѣпое; расшатывать и ослаблять русскую власть въ Польшѣ, копать подъ нею пропасть, „дабы она упала туда при первой возможности", но дѣйствовать осмотрительно и умѣренно, ничего не выражая напрямикъ и не вступая въ открытую борьбу, т. е. быть всегда на готовѣ къ подлѣйшей измѣнѣ. Эти принципы ярче всего развивалъ Мицкевичъ, чѣмъ и заслужилъ названіе „поэта измѣны". Мицкевичъ изображалъ измѣну, какъ верхъ заслуги и совершенства для поляка; онъ хотѣлъ, чтобы и дѣтямъ впаивали ее съ молокомъ матери. Въ этомъ духѣ онъ въ 1830 году написалъ даже возвышенное стихотвореніе: „Къ матери—полячкѣ". Въ немъ поэтъ говоритъ:

О мать-полячка, если въ взглядѣ сына
Сіяетъ геній; если опочилъ
На дѣтскомъ лбу, гдѣ зрѣетъ мысль невинно,
И гордый дѣдовъ духъ и благородный пылъ,
И если бросивъ сверстниковъ собранье,
Онъ слушаетъ разсказы стариковъ,
И если онъ въ задумчивомъ молчаньи
Внимаетъ былямъ дѣдовъ и отцовъ,—
О мать-полячка, сынъ твой плохо началъ!
Вели ему уйти для размышленья
Въ пещеры тѣ, куда нельзя проникнуть взглядомъ;
Пусть на рагожѣ спитъ тамъ вдыхая ядъ гніенія
И съ ядовитымъ дѣлитъ ложе гадомъ
Привыкнетъ тамъ скрывать онъ гнѣвные порывы,
И какъ пучина, быть закрытымъ для очей;
Отравливать людей какъ гнилью, словомъ лживымъ
И безвреднымъ казаться какъ бы застывшій змѣй.

Это стихотвореніе понынѣ считается у польской молодежи самымъ прекраснымъ цвѣткомъ патріотическаго чувства, самымъ возвышеннымъ завѣщаніемъ геніальнаго поэта; всюду его декламируютъ съ безъсмысленнымъ паѳосомъ

Такова была до конца 1860 года программа аристократической партіи, строго ее выполнявшей. Наряду съ земледѣльческимъ обществомъ, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго, эта партія имѣла тайнымъ сборнымъ пунктомъ шляхетское отдѣленіе или аристократическій директоратъ, коего секціи дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ, съ большей или меньшей осмотрительностью въ большихъ европейскихъ столицахъ.

Противная партія группировалась преимущественно за границей. Мѣрославскій фигурировалъ тамъ на первомъ планѣ; Маццини; Кошутъ и всѣ европейскіе агитаторы и подстрекатели находились тамъ же въ качествѣ помощниковъ и инструкторовъ. Деви-

зомъ тамъ открыто превозглашена была революція; но она понималась тамъ въ самомъ пагубномъ, въ самомъ разрушительномъ смыслѣ; проповѣдывалась тамъ революція—во что-бы то ни стало, революція—вездѣ и всюду, революція—вѣчно продолжающаяся въ той или другой формѣ. Для такой партіи возстановленіе польской національности не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только случайной и побочной цѣлью, средствомъ къ подстрекательству, темой для революціонной пропаганды. Эта вредная партія не признавала никакихъ принциповъ, не располагала никакой системой дѣйствій и взглядовъ и задалась цѣлью—прежде всего убить, уничтожить въ Польшѣ всякую силу закона, всякое общественное дѣло, всякую связь съ собственнымъ историческимъ прошлымъ, всякія соображенія, касающіяся общаго блага. А дѣлалось все это съ одною цѣлью: поднять массы, вооружить толпу, чтобы потомъ вдоволь и свободно предаться въ этомъ хаосѣ расхищенію и разрушенію всего, что можно расхитить и разрушить! Это была теорія анархизма, въ полномъ смыслѣ этого слова! Такія противоположныя цѣли, такія различныя намѣренія, конечно, было трудно примирить. Соглашеніе между олигархами и анархистами было допустимо лишь въ одномъ пунктѣ касанія этихъ двухъ партій—въ ненависти къ Россіи, какъ къ христіанской, могучей и независимой странѣ. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ между обѣими партіями существовалъ радикальный антагонизмъ, непрестанная вражда, которая составляетъ характерную, неотъемлемую черту поляковъ. Аристократическая партія брала, конечно, верхъ: она располагала всѣми матеріальными преимуществами, имѣла подавляющее вліяніе на толпу благодаря феодальной институціи „войтовъ“;—наконецъ, эта партія пользовалась поддержкой со стороны русскаго правительства, которую оно охотно ей оказывало. Только тогда открылся доступъ въ нее для противной партіи, когда аристократическая сочла долгомъ вступить въ переговоры съ реакціей.

Нужны были достаточно сильные поводы, чтобы довести польскую шляхту до разрыва съ прошлымъ, до нарушенія своихъ важнѣйшихъ интересовъ, до того, наконецъ, чтобы она отдала народъ на произволъ бурливаго потока, которому предстояло все разрушить, все затопить, начиная отъ нея самой.

Какіе же это были поводы? Отвѣтъ самъ собою очевиденъ и до-нельзя простъ. Чтобы его отыскать, стоитъ только сопоставить нѣкоторыя данныя и отступить назадъ въ ходѣ событій на 4 года.

Уничтоженіе въ Россіи крѣпостного права, надѣлъ славянскаго населенія Имперіи землею,—явленія, на первый взглядъ, сопряженныя съ непреодолимыми трудностями, были близки къ удачному исходу въ концѣ 1859 года.

Непреклонная воля Государя, патріотизмъ русскаго дворянства, умѣренность и разсудительность народа одержали верхъ надъ всѣми препятствіями. Столь обширная общественная реформа не могла не отразиться и на Польшѣ и, такъ или иначе, вызвать освобожденіе сельскаго населенія Царства Польскаго отъ крѣпостной зависимости, если не оффиціальной то фактической, которая была значительно тяжелѣе, чѣмъ крѣпостное состояніе русскихъ крестьянъ. Шляхта, которая въ теченіе многихъ лѣтъ умѣла искусно обходить безъ исполненія всѣ мѣропріятія русскаго правительства, направленныя къ пользѣ крестьянъ Царства Польскаго, поняла, что „едва только будетъ закончено въ Россіи освобожденіе крестьянъ, ей не удастся продолжать прежнюю тактику“; въ деревняхъ обнаружились угрожающіе симптомы, подтверждавшіе это; больше 20 тыс. крестьянъ вовстало противъ помѣщиковъ съ настоятельнымъ требованіемъ уничтоженія барщины и податей, которыя ихъ обременяли. Аристократическая партія рѣшила во что бы то ни стало помѣшать реформѣ, такъ какъ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ являлось пріобрѣтеніе русскимъ правительствомъ симпатій большей части населенія, иначе говоря, прочное утвержденіе въ странѣ его власти. Разрывая съ прошлымъ и со всѣми его принципами, аристократическая партія подала руку революціонерамъ. Тѣ,

предвидя такой поворотъ въ событіяхъ, держались на готовѣ и сбѣжались къ аристократамъ со всевозможными обѣщаніями, болѣе или менѣе основательными, относительно вмѣшательства и помощи изъ-за границы.

Исторія обнаружитъ когда нибудь условія этого злосчастнаго соглашенія. Укажетъ она и на то, какая доля отвѣтственности тяготѣетъ на тѣхъ, кто такъ или иначе принималъ участіе въ этомъ соглашеніи.

Уже теперь Станиславъ Козмянъ въ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Правда о 63-мъ годѣ“ [1]), будучи самъ однимъ изъ организаторовъ возстанія, весьма подробно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ безпристрастно описываетъ весь ходъ его. Но, какъ станьчикъ и ультрамонтанъ, онъ совершенно умалчиваетъ о томъ, что было поводомъ возстанія и кто его вызвалъ; начинаетъ онъ свое изложеніе словами:

„Я находился въ деревнѣ, когда пришло извѣстіе о томъ, что во второй половинѣ февраля 1863 года вспыхнуло въ Царствѣ Польскомъ вооруженное возстаніе“.

Что онъ раньше ничего не зналъ? Это ложь, характеризующая клерикаловъ, которые скорѣе согласятся на гибель своей родины, чѣмъ раскроютъ преступленіе, совершенное Римомъ.

Опытному іезуиту противъ воли пришлось, однако, обнаружить участіе Рима въ возстаніи 1863 года. На страницѣ 9 перваго тома читаемъ:

„Когда мы прибыли въ Краковъ съ Людовикомъ Водзицкимъ, то вліяніе Манна въ газетѣ „Часъ“ уже исчезло. Онъ самъ стушевался, но слишкомъ поздно для тѣхъ, кого это могло предостеречь и которые строили на немъ свое довѣріе къ *Риму*“. На страницѣ 36-ой: „Тарновскій вычиталъ въ какой-то маленькой газетѣ въ Неаполѣ, за завтракомъ, что въ „Царствѣ Польскомъ вспыхнуло возстаніе“. Онъ тотчасъ вернулся въ *Римъ*, надѣясь, что тамъ получитъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Тамъ засталъ онъ Валеріана Калинку, въ то время находившагося въ временномъ разладѣ съ бюро отеля Ламберъ, а также Оршшевскаго, Мира, Чацкаго, ставшаго потомъ кардиналомъ и польскихъ ксендзовъ—„воскресенцевъ“. Никто не получалъ ни письменныхъ ни другихъ извѣстій“. На страницѣ 48: „Польша это—великая арена отданныхъ на растерзаніе мучениковъ, жертвующихъ собою за правду и вѣру“. На стр. 86: „Польскому дѣлу сочувствовала императрица Евгенія; первое время она восхищалась геройствомъ поляковъ, назвала своего лучшаго коня Лангевичемъ; она видѣла въ польскомъ дѣлѣ—дѣло „католицизма“.

Поляки считаютъ для себя честью, что французская императрица назвала свою лошадь именемъ ихъ диктатора.

На страницѣ 106, 2 тома мы читаемъ:

„Духовенство принимало въ движеніи все болѣе и болѣе живое участіе“. На стр. 265, 2 тома, Козмянъ пишетъ: „Участіе высшаго и низшаго духовенства въ демонстраціяхъ и смутѣ придавало ей религіозный характеръ, который возбуждалъ, разгорячалъ все болѣе и болѣе страсти, обезпечивая торжество ихъ надъ разумомъ. Недостаточно образованное, непріученное къ дисциплинѣ духовенство раздѣляло общія увлеченія и ошибки; въ борьбѣ съ иновѣрнымъ правительствомъ оно находило оправданіе своего образа дѣйствій, который получитъ одобреніе Рима“.

„При содѣйствіи духовенства, въ смутѣ развивалось все болѣе вліяніе женщинъ на ходъ событій. Демонстраціи перешли съ улицъ и публичныхъ площадей въ костелы принимали часъ отъ часу болѣе яркій религіозный обликъ; возрастающее одушевленіе становилось общимъ“.

„Смута и вообще всѣ происшествія становились все болѣе похожими на еврейскіе мятежи и безпорядки во дни римскаго владычества, которые брали начало въ храмѣ

[1]) Rzecz o roku 1863.

іерусалимскомъ и превращались въ ужасающія, поистинѣ убійственныя для народа возстанія.

„Какъ тамъ, такъ и тутъ небыло недостатка въ поэтическомъ воодушевленіи, въ порывахъ вѣры у подножія алтарей... и въ тайныхъ убійцахъ у дверей святынь. Міръ увидѣлъ изумительную картину: народъ, доведшій самъ себя до отчаянія путемъ самовнушенія, въ то именно время, когда на него щедрою рукою сыпались уступки его національному чувству въ то именно время, когда ему представлялся случай возмѣстить потери, вызванныя его собственными ошибками, когда правитель и чуждое правительство обращались къ нему со словами мира и съ дѣйствіями въ пользу сближенія“.

Начало открывшимъ возстаніе демонстраціямъ положилъ епископъ Сандомірской епархіи Юшинскій, тѣмъ что ввелъ въ 1860 году такъ называемыя майскія богослуженія на улицахъ. Обнародованнымъ имъ по этому поводу апостольскимъ письмомъ всѣ грѣхи отпускаются, между прочимъ, тѣмъ изъ неграмотныхъ, кто „произнесетъ семь разъ „Отче нашъ“ и сдѣлаетъ денежное пожертвованіе на устройство храмового праздника“. Каждый былъ обязанъ въ теченіе мая мѣсяца быть у исповѣди покрайней мѣрѣ одинъ разъ; во время же исповѣди ему внушалось, что слѣдуетъ поднять оружіе на враговъ Римской церкви—москалей, причемъ каждый-де, кто будетъ убитъ, получитъ на томъ свѣтѣ мученическій вѣнецъ. Въ то же самое время учреждены были въ Польшѣ братства, именуемыя „живыми четками“. Сколько въ четкахъ зеренъ, столько же лицъ составляетъ партію живыхъ четокъ. Братства эти и понынѣ существуютъ; ихъ организація держится въ тайнѣ, и не посвященнымъ сообщаютъ только то, что каждый изъ членовъ обязанъ прочесть особую молитву, приходящуюся на него въ данный день; прочтеніе каждымъ изъ „братчиковъ“ этой одной молитвы составляетъ въ общемъ прочтеніе за день всѣхъ молитвъ по четкамъ, съ чѣмъ сопряжено прощеніе извѣстнаго количества грѣховъ. Для этихъ же братствъ написана особая молитва, „къ святому языку Іисуса Христа, проколотому терніемъ“, съ приложеніемъ историческаго описанія этой страсти Христовой. Приводимъ въ переводѣ этотъ интересный документъ, хранящійся у каждаго члена братства на отдѣльномъ печатномъ листкѣ.

Молитва къ святѣйшему языку Христову, терніемъ проколотому.

О Іисусе, сыне Бога живаго, царю сердца моего, полный виновникъ моего спасенія, молю Тебя именемъ Твоего мучительнаго увѣнчанія терніемъ, даруй намъ глубочайшее повиновеніе черезъ пробитый терніемъ пресвятой языкъ Твой!

Ахъ, Іисусе мой дражайшій, во имя тяжкаго и жестокаго пронзенія терніемъ языка Твоего отпусти мнѣ то, что я когда-либо говорилъ съ обидой для Тебя, Господа и ближняго моего. Подай мнѣ милость Твою, Господи, дабы языкъ мой всегда хвалилъ Тебя и былъ ради любви къ Тебѣ сдержанъ, одного Тебя хвалилъ и дабы я всегда помнилъ горькую муку Твою и всѣ кресты и горести сносилъ, какъ шипы христіанскаго терпѣнія. О раненый языкъ Господень, въ часъ смерти моей „Днесь будеши со мною въ раи“ и послѣднія слова языка моего да будутъ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ свой“.

Объяснительное слово къ этой молитвѣ.

„Два скрытыхъ страданія Господа нашего Іисуса Христа“.

„Первое страданіе—когда Господа Христа бичевали, а Пресвятая Дѣва Марія должна была смотрѣть на столь ужасное зрѣлище съ невыразимой скорбью. Тогда одинъ еврей, именемъ Данъ, самый жестокій тиранъ Господа нашего, взялъ полную горсть крови, струившейся изъ ранъ Іисусовыхъ и бросилъ въ лицо Пресвятой Богородицѣ, такъ, что она вся была окровавлена. Никакой человѣческій языкъ не выразитъ, сколь великимъ отчаяніемъ и горестью было ранено тогда ея сердце.

Кто только, благоговѣйно резмышляя о сей непостижимой горести Ея, произнесъ „Богородице Дѣво", тотъ отъ Матери милосердія получитъ различныя милости.

„Другое страданіе—мучительное увѣнчаніе терновой короной Спасителя Нашего. Снова тотъ же злой еврей Данъ, отломавъ отъ вѣнца, когда онъ былъ наколотъ на главу Спасителя, одинъ большой шипъ, сказалъ Христу: „открой уста и подай языкъ свой". Христосъ послушался его и сей безбожный еврей прокололъ навылетъ этимъ терніемъ пресвятой языкъ Его такъ, что нашъ Спаситель не могъ уже втянуть назадъ свой языкъ. Другой же еврей, видя такое тиранство и терній, торчащій въ языкѣ Христовомъ, сказалъ Дану: „что за ужасное тиранство!" и, вытянувъ терній изъ Пресвятого языка, бросилъ его на землю. За это милосердіе и состраданіе, которое онъ имѣлъ ко Христу, этотъ еврей получилъ спасеніе души своей.

„Кто чтитъ это ужасное и донынѣ неизвѣстное людямъ страданіе въ пресвятомъ языкѣ Христовомъ, получитъ отъ Бога все, чего попроситъ именемъ этого невыразимаго страданія. Получитъ великія милости отъ Христа тотъ кто, почитая рану святого языка Его, поцѣлуетъ родную землю и скажетъ: одинъ „Отче Нашъ" и одно „Богородице Дѣво".

Молитва къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

„О Марія, море горькихъ скорбей, напоминаю Тебѣ всѣ муки и страданія, которыя выносило материнское сердце Твое при видѣ возлюбленнѣйшаго сына Твоего, особенно въ то время, когда безбожный жидъ изъ ранъ бичеваннаго Іисуса взялъ полную горсть святѣйшей крови и бросилъ въ св. Твое лицо, а святѣйшій языкъ Христовъ прокололъ терніемъ, Во имя страданій и ранъ сердца Твоего, съ сердечнымъ плачемъ и скорбью прошу: влей въ сердце мое муку Христову и сдѣлай, да ничто иное мнѣ не нравится кромѣ, Іисуса моего.

„Во всѣхъ нуждахъ моихъ будь мнѣ помощью о Пресвятая Дѣво Марія, а особенно въ часъ смерти моей обрати очи материнскаго милосердія Твоего на меня и на всѣхъ кто сегодня родился или борется съ суровою смертью".

Это новое страданіе Христа составляетъ аллегорію страданій Польши, мстителями за которыя и являюся братства „живыхъ четокъ", исполнявшія во время революціи обязанности „жандармовъ-вѣшателей". Интереснѣе всего здѣсь то, что авторъ молитвы и исторіи о языкѣ Христа прибавляетъ въ концѣ, будто до сихъ поръ объ этихъ страданіяхъ Христа никому не было извѣстно!...

Обвиняя бѣлыхъ въ томъ, что они не удержали возстанія, авторъ „Правды о 1863 г." умалчиваетъ о томъ, что бѣлыми руководилъ Римъ; въ римскихъ монастыряхъ укрывалось революціонное „народное правительство", что и дѣлало его неуловимымъ.

Мнѣніе котораго держались въ Вѣнѣ относительно польскаго возстанія, авторъ характеризуетъ въ такихъ словахъ на стр. 45, тома III: „Они считаютъ наше дѣло—дѣломъ католицизма, коего мы были восточнымъ авангардомъ, пока были самостоятельны"

Курія убѣдившись, что вызванное ею возстаніе противъ церкви христовой упало на головы самихъ поляковъ, несмотря на благословеніе папы,—вынудила Пія IX написать лицемѣрное письмо къ императору Александру II. Въ этомъ письмѣ папа, заявивъ, что онъ весьма печется о счастьи и спокойствіи Россіи, жалуется на враждебныя дѣйствія русскаго правительства противъ католицизма и въ концѣ говоритъ:

„Ваше Величество! Пусть стоны этого народа, разнесшіеся по цѣлой Европѣ, тронувшіе сердца, дотолѣ равнодушныя къ религіи, дойдутъ до трона и проникнутъ въ великодушное сердце Ваше. Однимъ своимъ словомъ Вы, Ваше Величество, можете вернуть благородному народу утраченный покой и безопасность, можете запрудить постоянный источникъ смятеній и несогласій".

Это письмо, помѣченное 22-мъ апрѣля 1863 г., явно указываетъ участіе Рима въ польскомъ возстаніи противъ ненавистныхъ Риму „схизматиковъ“.

Но, когда эта лицемѣрная просьба осталась безъ послѣдствій, то папа, въ сентябрѣ 1863 г., повелѣлъ молиться за Польшу. Когда же и молитвы не помогли, а ксендзы, схваченные съ оружіемъ въ рукахъ, стали украшать собою висѣлицы, когда Польша понесла заслуженное наказаніе за слѣпое повиновеніе Риму,—Пій IX, какъ уже было сказано выше, проклялъ возстаніе.

Вождь шайки бунтовщиковъ, полковникъ Струсь, говоритъ въ „Очеркахъ возстанія“:

„На храмовомъ праздникѣ (отпустѣ) въ Тыкоцинѣ, въ 1861 году, собрались паломники, сшедшіеся со всѣхъ концовъ Польши. Толпа народа расположилась на холмѣ, гдѣ стоитъ костелъ. Стоялъ обаятельный весенній день. Запахъ сирени, жасмина и черемухи насыщалъ воздухъ. Солнце ярко освѣщало картину—одна только черная туча мчалась по вѣтру съ востока.

„Ставши передъ статуей Стефана Чарнецкаго, находившейся тутъ же при костелѣ и назначенной сборнымъ пунктомъ для проповѣди послѣ обѣдни, ксендзъ громко произнесъ: „Братья! Польскій народъ не дастъ себя уничтожить, ибо въ немъ есть силы. Нынѣ онъ воспрянулъ отъ сна и устремился впередъ съ восторгомъ и ликованіемъ, объединившись, какъ одинъ человѣкъ. Все болѣе подымается народъ польскій въ сознаніи своей народности, все болѣе растетъ его духовная сила, передъ которою задрожитъ и долженъ отступить врагъ. Преслѣдованіе и муки, коими хотятъ убить польскій духъ, не устрашатъ насъ, ибо для насъ они не новы. Сегодняшнее собраніе — новая битва, выигранная у непріятеля въ нашу пользу (?). Мы стоимъ передъ статуей великаго польскаго вождя, который въ ужаснѣйшую минуту не усомнился въ возможности спасенія отчизны. И тогда, какъ теперь, край былъ наполненъ врагами. Стефанъ Чарнецкій завязалъ Тышевецкую конфедерацію, соединилъ подъ ея знаменемъ разсыпавшіяся силы, и врагъ былъ разбитъ, ибо народъ непобѣдимъ, когда сражается во имя Бога и родины! Помолимся, братья, чтобы и нынѣ изъ вашей среды вышелъ дѣятельный вождь, который сталъ бы руководить нами и помогъ возстановить отчизну“.

„Тутъ блеснула сильная молнія“,—пишетъ дальше Струсь,—„и раздался громъ; вдохновенный ораторъ упалъ на колѣни и воскликнулъ: „Слышите, братья?! Это голосъ Бога, который говоритъ, что слышитъ нашъ плачъ, нашъ зовъ, видитъ нашу нищету и страданія“...

„Всѣ пали на колѣни, растроганные и умиленные, съ чувствомъ, коего описать нельзя; всѣ плакали!“... Впослѣдствіи оказалось, что этотъ пророкъ и проповѣдникъ плохо понялъ голосъ Божій. Голосъ неба предвѣщалъ ему висѣлицу, на которой онъ окончилъ свое жалкое существованіе въ 1863 г.

Принявъ во вниманіе, что эта возбуждающая рѣчь была произнесена въ началѣ 1861 г., — трудно согласиться съ Козмяномъ и подобными ему хроникерами и историками, что „духовенство только впослѣдствіи, вынужденное революціоннымъ теченіемъ, присоединилось къ манифестаціямъ“.

Никто изъ болѣе или менѣе безпристрастныхъ поляковъ не можетъ обвинять русское правительство въ преслѣдованіи римской религіи до 1863 г. Несмотря на это, именно пропаганда духовенства о преслѣдованіи и насилованіи религіи и храмовъ—въ чемъ не трудно было убѣдить простонародье—послужила главнымъ мотивомъ къ возстанію. По словамъ Струся: „Жмудскіе крестьяне, обнаруживая сочувствіе возстанію, не хотѣли, однако, сначала взяться за оружіе—по той причинѣ, что мѣстное духовенство, опасаясь за свои привилегіи, молчало и не высказывало своего мнѣнія. Жмудскій епископъ Матвѣй Волончевскій, будучи самъ крестьянскаго происхожденія, умышленно отправился въ Вильно и Ковно—якобы для посѣщенія костеловъ—и тамъ подолгу оставался, дабы не быть вынужденнымъ высказать свое мнѣніе о возстаніи крестьк-

намъ. На обратномъ пути изъ Ковна въ Ворни, свою епископскую резиденцію, онъ былъ внезапно окруженъ въ русинской чащѣ крестьянами. Они спросили у него, что имъ предпринять въ виду начинающагося возстанія? надо-ли имъ или нѣтъ биться съ москалями? Очень затрудненный въ отвѣтѣ, епископъ послѣ нѣкотораго размышленія съ дипломатической тонкостью заявилъ, что: „Богъ велитъ защищать свою вѣру передъ каждымъ, кто ей угрожаетъ".—„Такъ благослови же насъ, отче!"—сказали крестьяне, становясь на колѣни.

„Юный вождь отряда бунтовщиковъ, скрытыхъ въ кустахъ, подалъ знакъ своимъ людямъ; тѣ выбѣжали съ оружіемъ и національнымъ знаменемъ и вмѣстѣ съ крестьянствомъ пали на колѣни вокругъ епископской кареты. Испуганный пастырь вынужденъ былъ такимъ образомъ благословить всѣхъ колѣнопреклоненныхъ, а тѣмъ самымъ санкціонировалъ жмудское возстаніе. Однако онъ повелѣлъ хранить строгое молчаніе объ этомъ событіи; никто и не сообщалъ объ этомъ москалямъ, пока живъ былъ Волончевскій. Это благословеніе его было само по себѣ важнѣе для жмудинъ, чѣмъ выигранная битва, такъ какъ крестьяне стали считать возстаніе приказаннымъ отъ Бога".

Авейде пишетъ (стр. 53, томъ IV): „Крестьяне присоединялись массами къ возстанію по убѣжденію со стороны ксендзовъ, во время предпасхальной исповѣди. А чтобы сильнѣе возбудить крестьянъ, главари нѣкоторыхъ партій заявляли, что крестьянамъ безплатно даются земельные надѣлы. Въ присутствіи крестьянъ сѣкли розгами помѣщиковъ, не принадлежавшихъ къ возстанію, вынуждая ихъ возвратить крестьянамъ собранные чинши и подати".

Полковникъ Струсь, восхищенный такими дѣлами польскихъ анархистовъ, говоритъ на 83 стр. своего труда: „То были самые выдающіеся моменты не только въ нашей, но и въ исторіи всего человѣчества".

Мы вполнѣ согласны со Струсемъ относительно поляковъ, но не относительно всего человѣчества, до котораго очень ужъ далеко полякамъ.

На первомъ мѣстѣ въ числѣ тѣхъ условій, которыя должны были быть предложены Россіи европейскими державами въ пользу Польши, стояло:

„Полная и совершенная свобода совѣсти и уничтоженіе ограниченій, касающихся выполненія католическихъ обрядовъ".

Этихъ отрывковъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы доказать, что возстаніемъ руководилъ Римъ. Всѣмъ поэтому и есть, и было извѣстно, что именно вызвало возстаніе 1863 г. и окончательное исчезновеніе Польши: Римъ, которому она содѣйствовала и предшествовала въ дѣлѣ борьбы съ церковью Христовой.

Возвращаясь къ договору аристократической партіи съ анархистами, мы видимъ, что она получила въ обмѣнъ за уступки въ крестьянскомъ вопросѣ формальное обѣщаніе вознагражденія въ будущемъ и обязательство со стороны анархистовъ ограничить свою пропаганду на теоретическомъ провозглашеніи принципа земельнаго надѣла.

Аристократическая партія провела также необходимость наружнаго, по крайней мѣрѣ, соблюденія нѣкоторой предупредительности по отношенію къ Австріи; Галиція, до новаго приказа, объявлена была центромъ снабженія революціонныхъ бандъ живностью.

Едва произошло соглашеніе, обѣ партіи взялись за дѣло съ той гармоніей и обстоятельностью, какія вытекаютъ изъ старательно и ясно обработанной программы. Между тѣмъ 19 февраля (2 марта) 1861 г. въ Петербургѣ былъ обнародованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

24 февраля (5 марта) 1861 г. Земледѣльческое общество, собранное въ Варшавѣ, присвоивъ себѣ характеръ законодательнаго собранія, провозгласило принципъ земельнаго надѣла крестьянъ во время засѣданія, которому въ Европѣ старались сообщить невѣроятную славу и разгласку. Въ дѣйствительности, это засѣданіе дало безплодное и теоретическое согласіе на принятіе принципа, никогда не примѣненнаго, несмотря на

требованія тайнаго революціоннаго комитета. Выйдя изъ этого засѣданія (послѣ котораго, къ слову сказать, не осталось никакого письменнаго протокола, тогда какъ всѣ предшествующіе протоколы тщательно сохранены), нѣсколько дней спустя, президентъ общества, графъ Андрей Замойскій, движимый, безъ сомнѣнія горячностью новообращеннаго, новообращеннаго притомъ въ пользу такого дѣла, съ которымъ онъ всю жизнь боролся, счелъ соотвѣтствующимъ сойти съ недосягаемыхъ высотъ своей аристократической гордости. Онъ выполнилъ актъ гражданскаго равенства, пройдя по улицамъ столицы рука объ руку съ простымъ рабочимъ вслѣдъ за повстанской процессіей.

Все это весьма нравилось „организаторамъ революціи". Они и не замедлили высказать свое удовольствіе новымъ союзникамъ и подталкивать ихъ идти съ удвоенной энергіей по новой избранной дорогѣ.

Черезъ пять дней послѣ упомянутаго засѣданія, 10 марта 1861 г., вотъ что писалъ изъ Парижа организаторъ Людовикъ Мѣрославскій въ документѣ подъ названіемъ: „Планъ польской революціи". Этотъ „планъ", снабженный его собственноручной и достовѣрной подписью, найденъ былъ во дворцѣ графа Замойскаго вмѣстѣ съ бомбами Орсини, пачками патроновъ и пороха.

„...Надѣлъ крестьянъ, принятый обществомъ, принять за исходный пунктъ всѣхъ дальнѣйшихъ приготовленій къ народному возстанію; массы, одаренныя этимъ блестящимъ обѣщаніемъ, сдѣлать фундаментомъ возрождающейся Рѣчи-Посполитой.:. Въ доказательство согласія всѣхъ провинцій на это столичное постановленіе землевладѣльцы всей Литвы и Руси отправятъ тотчасъ въ Петербургъ депутацію, которая вполнѣ сольется съ варшавской и будетъ слѣпо присоединяться ко всѣмъ ея рѣшеніямъ.

„...Если русское правительство,—чего трудно ожидать,—сразу на все согласится, распустить въ народѣ слухъ, что оно было запугано, сломлено волею Варшавы".

„...Этотъ народный тріумфъ отпраздновать при большомъ стеченіи простонародья, созваннаго и руководимаго шляхтою.

„...Тѣмъ временемъ, прежде всего, приготовить и классифицировать населеніе постоянно ожидая импровизированной войны. Возстаніе должно произойти въ такомъ порядкѣ: массы деревенскаго люда, расшевеленныя предшествующей экономической агитаціей, вооруженныя чѣмъ попало, сбѣгаются отовсюду въ уѣздные города подъ неотступнымъ надзоромъ шляхты; въ уѣздныхъ городахъ ихъ неожиданное нападеніе уничтожаетъ оплотъ угнетателей; затѣмъ баррикадируютъ, и т. д.

„...N.B. При нынѣшнемъ состояніи вещей, народъ не долженъ допустить ни набора, ни временнаго ополченія".

Какъ видно отсюда, постановленіе Земледѣльческаго общества было только исходнымъ пунктомъ всѣхъ мѣропріятій для возстанія. Имѣлось въ виду только взволновать предшествующей экономической агитаціей массы деревенскаго люда и употребить эти массы для уничтоженія русскихъ гарнизоновъ неожиданнымъ нападеніемъ.

Все, это сбылось потомъ: всякія „сборища народа, руководимыя мелкой шляхтой", депутаціи, которымъ поручено было толковать въ извращенномъ видѣ постановленія Государя, новыя убійства, происшедшія 22 января 1863 г., вооруженіе и организація революціонныхъ шаекъ—включительно до момента рекрутскаго набора—все было предусмотрѣно, предсказано, приготовлено два года предъ тѣмъ революціонными организаторами. Болѣе же всего заслуживаетъ вниманія въ этомъ памятномъ документѣ самое подробное освѣщеніе предварительной системы пріемовъ, словомъ всей системы дѣйствій, принятой въ 1861 г. и тщательно выполненной внѣ предѣловъ Польши руководителями польскаго движенія, съ цѣлью вызвать европейское вмѣшательство и общую войну.

Эти указанія, основанныя на присланныхъ изъ Рима въ главный комитетъ въ Парижѣ инструкціяхъ, содержатъ признанія и заявленія, слишкомъ богатыя всякаго рода поучительными свѣдѣніями, чтобы мы не повторили ихъ дословно, предоставивъ, ко-

нечно, автору этого документа отвѣтственность за тѣ факты и мнѣнія, которые онъ излагаетъ.

„Рекомендовать капитулу варшавскаго движенія постоянно привлекать вниманіе Европы корреспонденціями въ газетахъ и депутаціями къ англійскому и французскому правительствамъ. Пусть съ одной стороны мнѣніе западныхъ массъ будетъ подъ вліяніемъ лихорадочнаго любопытства и пусть тамъ выжидаютъ все болѣе поразительныхъ проявленій польской жизненности и русскаго безсилія. Посылать во всѣ нѣмецкія, французскія, англійскія и итальянскія газеты извѣстія, хотя бы основанныя на предположеніяхъ и гадательныя, о подпольныхъ движеніяхъ въ Россіи, о паникѣ императорскаго правительства, о неизгладимой розни между боярами, мужиками и чиновниками; особенно о финансовомъ, военномъ и административномъ распаденіи всей машины Петра Великаго подъ воздѣйствіемъ мстительной польской идеи; это всё дѣлать съ цѣлью убѣдить міръ въ томъ, что только поляки, или никто, могутъ побѣдить „Московью".

«Съ другой стороны, воспроизвести при англійскомъ и французскомъ правительствахъ всѣ делегаціи изъ Варшавы въ Петербургъ, посредствомъ соотвѣтствующихъ делегацій изъ Варшавы же въ Лондонъ и Парижъ. Предваряется, что въ данный моментъ делегаціи ничего не добьются, но этимъ не слѣдуетъ смущаться, ибо дѣло только въ томъ, чтобы вынудить эти правительства компрометтировать себя передъ Россіей, а намъ получить право жаловаться свѣту на ихъ равнодушіе.

«Къ свѣдѣнію сородичей прибавляется, что все это—совѣтъ людей, хорошо ознакомленныхъ съ французской политикой и способъ, заимствованный отъ итальянцевъ, которые, благодаря нѣсколькимъ годамъ патріотической настойчивости, сломили сопротивленія дипломатіи, навязали императору мнѣніе, котораго онъ никогда не имѣлъ, даже о чемъ не думалъ, и вынудили французское правительство волей-неволей помочь ихъ освобожденію.

«Но не дай Богъ, чтобы для этой цѣли употреблены были эмигранты; это дало бы западнымъ правительствамъ, коимъ польское движеніе вовсе не на-руку, лучшую отговорку отъ всякаго соприкосновенія съ этимъ движеніемъ. Пуще всего избѣгать сородичей-интригановъ отеля Ламберъ, обившаго пороги всѣхъ переднихъ и ставшихъ посмѣшищемъ, весьма удобнымъ для недоброжелателей нашего дѣла [1]).

«Остерегаться также, дабы посольства изъ края не имѣли непосредственнаго доступа въ Тюильери, гдѣ бы ихъ не приняли. Сначала слѣдуетъ отправиться въ Пале-Рояль, гдѣ всякая помочь будетъ имъ оказана и сообщатся соотвѣтствующія инструкціи. Подробныя объ этомъ объясненія делегатамъ сообщитъ Г. Л. М. Впрочемъ, повторяемъ, что подобныя депутаціи не должны ожидать другого результата своихъ ходатайствъ. какъ только подготовки на будущее время союза между возстающей Польшей и западной политикой. Покамѣсть же слѣдуетъ запугать нѣмецкое и русское правительства существующей будто бы тайной связью правительствъ: французскаго, англійскаго и итальянскаго—съ польскимъ движеніемъ. Намъ же небезполезно знать и довольствоваться тѣмъ, что итальянцы, венгры и всѣ другія народности, находящіяся подъ австрійскимъ игомъ заключили съ нами тѣснѣйшую коалицію со дня варшавской манифестаціи. Въ этомъ отношеніи полное и успѣшное соглашеніе состоялось между Гарибальди, Мѣрославскимъ и Кляпкой».

Главнымъ органомъ, выполнявшимъ приведенную програму для распространенія ложныхъ извѣстій, была краковская газета «Часъ», коей редакторъ Л. Хржановскій, а послѣ его ареста въ Краковѣ іезуитъ С. Козмякъ—безсовѣстно лгали, какъ послѣдній и самъ признается въ своемъ сочиненіи «Правда о 1863 году», говоря на стр. 87 тома I: «Помню, что когда я былъ въ отелѣ Ламберъ, прибыла изъ Кракова телеграмма съ

[1]) Мѣрославскій и Чарторыйскій были тогда во враждѣ.

извѣстіемъ о значительной побѣдѣ отряда повстанцевъ надъ русскимъ войскомъ. Клячко, прочитавъ ее мнѣ, спросилъ: можетъ-ли это быть? «О, да, отвѣтилъ я,—такъ какъ не я выслалъ телеграмму».

Всякій, кто слѣдилъ за ходомъ событій съ 1861 года и читалъ органы прессы, посвященные дѣлу возстанія въ Польшѣ—можетъ сегодня разобрать, до какой степени вѣрно была выполнена программа, намѣченная Людвигомъ Мѣрославскимъ и найденная въ домѣ графа Андрея Замойскаго. Это, впрочемъ, подтверждено и другимъ сочиненіемъ, вышедшимъ въ Краковѣ, въ іюлѣ 1863 г. подъ названіемъ «Назадъ», и изображающимъ исторію возстанія такъ интимно и подробно, что нельзя ему не вѣрить. Авторъ называетъ себя членомъ бывшей галиційской революціонной организаціи. Его компетентность и преданность польскому дѣлу не подлежатъ сомнѣнію. Онъ бросаетъ на все дѣло тѣмъ болѣе яркій свѣтъ, что система, имъ распространяемая, впослѣдствіи одержала верхъ въ Польшѣ, а партія, коей онъ, какъ это замѣтно, былъ однимъ изъ пламеннѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ, стояла во главѣ варшавскаго правленія.

«Революція 1830 года—сказано тамъ—рухнула, ибо при наличности храброй арміи и милліоновъ, коими она распоряжалась, національное правительство было, по меньшей мѣрѣ, неспособнымъ!

«Тогда какъ движеніе было предпринято при другихъ предзнаменованіяхъ: публичныя демонстраціи, безоружныя манифестаціи, пропаганда, производившаяся во всѣхъ частяхъ польской территоріи и между всѣми слоями общества—подготовили почву.

«Національное чувство всюду одержало верхъ. Мы узнали другъ друга при запахѣ свѣжей крови.

«Въ началѣ народной организаціи возникли двѣ партіи: партія бѣлыхъ и партія возмущенія.

«Органомъ бѣлыхъ была газета «Часъ», издававшаяся въ Краковѣ и принявшая дѣятельное участіе въ обманываніи общественнаго мнѣнія. Бѣлые хотѣли выполнить дѣло организаціи края посредствомъ реформъ, правительственныхъ мѣръ, развитія общаго благосостоянія и матеріальной обезпеченности, словомъ, посредствомъ тѣхъ полумѣръ, которыя давно уже отвергла революція. Сборнымъ пунктомъ былъ у нихъ «Комитетъ Земледѣльческаго Общества въ Варшавѣ».

«Другая партія, изъ которой вышелъ центральный комитетъ, рѣшила организовать въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ всю Польшу: города, мѣстечки и деревни; съ этой цѣлью предположено было устроить хунту, т.-е. народное правительство. Чтобы сообщить народу толчекъ и склонить его перейти изъ области мечтаній къ реальной дѣятельности, было рѣшено возбуждать въ немъ энергію посредствомъ одиночныхъ убійствъ. Послѣднія имѣли за собою еще и то достоинство, что удовлетворяли нетерпѣливыхъ и успокаивали ихъ лихорадочные порывы и пылъ.

«Бѣлые тѣмъ временемъ категорически отвергали всякое возмущеніе и замыкались все болѣе въ самихъ себѣ. На требованія денежныхъ контрибуцій они отвѣчали отказомъ; многіе уѣзжали за границу. Въ виду вспыхнувшаго возстанія, центральный комитетъ не могъ даже предполагать подобнаго негодяйства... «Часъ» со своей стороны, вопреки опредѣленнымъ декретамъ «хунты», компрометтировалъ возстаніе и его успѣшность, заявляя, что возстаніе de facto не существуетъ; что это было только отчаянное сопротивленіе противъ рекрутскаго набора».

«Однако, возстаніе продолжалось уже болѣе пяти недѣль, а въ наличности ни одной хорошо экипированной шайки не было еще, хотя въ то время подвозъ оружія и военной аммуниціи, со стороны Австріи, былъ открытъ и вовсе не возбраненъ...

«...Центральный комитетъ не умѣлъ укротить и наказать бѣлыхъ такъ, какъ они того заслуживали. Онъ не долженъ былъ забывать, что народная организація имѣла

цѣлью не только покорить москалей (sic), но также уничтожить всѣ партіи, враждебныя ей самой и овладѣть народомъ посредствомъ органа своихъ сторонниковъ.

«...Комитетъ, составленный изъ бездарностей, отличался безплодностью трудовъ и непроизводительностью мѣропріятій. Онъ затѣялъ непозволительное кокетничаніе съ богачами, непричастными къ хунтѣ. Бѣлые, въ распоряженіи которыхъ оказалась судьба возстанія, начали его ослаблять съ цѣлью сохранить за собою власть.

«...Если возстаніе удержалось тогда, то лишь благодаря энтузіазму той части населенія, которая образуетъ сердце польскаго народа. Кромѣ того, бѣлые прониклись убѣжденіемъ, что поддерживая возстаніе, они утвердятъ за собою власть и получатъ возможность уничтожить престижъ и вліяніе Мѣрославскаго, который такъ ужасенъ для нихъ и является въ ихъ глазахъ какимъ-то чудовищемъ соціализма...

«...Послѣ этихъ двухъ фазисовъ (то-есть подготовительныхъ трудовъ и ослабленія центральнаго комитета), революція вошла въ грустный періодъ диктатуръ. Хотя бѣлые взяли верхъ и были вполнѣ господами положенія, — ихъ, тѣмъ не менѣе, пугала возможность диктатуры Мѣрославскаго. Они поспѣшили противопоставить ей собственную кандидатуру. Съ самаго начала ихъ вниманіе остановилось на Лангевичѣ, гибкость котораго они успѣли пронюхать.

«Часъ» поднялъ его «неудачныя стычки» до высоты несравненныхъ военныхъ подвиговъ.

«...Не разбираясь въ этой сѣти интригъ, народъ благоговѣлъ передъ побрякушкой, которой его тѣшили. Бѣлые ликовали, а центральный комитетъ съ открытымъ ртомъ недоумѣвалъ, какъ дерзнулъ Лангевичъ объявить свою кандидатуру [1]). Вмѣсто энергическаго сопротивленія и кары, состоящей въ объявленіи его и его сотрудниковъ предателями и негодяями, комитетъ прислалъ ему дипломатическую ноту и возгласилъ: «да здравствуетъ диктаторъ».

«Чтобы завершить тріумфъ, бѣлые создаютъ сѣть интригъ, фабрикуютъ подложные акты и документы и такимъ путемъ добиваются смерти Стефана Бобровскаго на дуэли [2]) Онъ былъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ энергичнымъ членомъ центральнаго комитета!

«...Когда палъ Лангевичъ, одинъ галиційскій графъ предлагалъ Высоцкому, но безплодно, принять диктатуру съ условіемъ, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ аристократической партіи и разорветъ съ центральнымъ комитетомъ».

Изъ этого документа мы видимъ, что авторъ «Исторіи 1863 года» силится совершенно иначе освѣтить партію «бѣлыхъ» или клерикальную и ея дѣятельность, хотя и признается, что эта партія стремилась къ присоединенію «Царства Польскаго» къ монархіи Габсбурговъ, т.-е. подъ владычество его императорско-апостольскаго величества императора Австрійскаго.

«Страна, читаемъ мы далѣе, не имѣетъ ни политической, ни административной организаціи. Возникаетъ тьма оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ газетъ. Всѣ онѣ, даже не тайныя, будь онѣ бѣлыя, красныя, желтыя или фіолетовыя, поютъ, безъ различія цвѣтовъ, хвалебные гимны центральному комитету. Онѣ всѣ завѣдомо лгутъ подъ видомъ патріотизма и единства. Это ничуть не мѣшаетъ имъ доподлинно знать, чего держаться относительно жалкаго состоянія дѣлъ. Ихъ главная, ихъ единая задача, помѣшать Наполеону, на основаніи словъ «Часа» или «Народной Газеты» утратить иллюзіи и увидѣть дѣйствительность и польскія силы, какъ онѣ есть.

«Вѣрные своей системѣ «Часъ», «Народная Газета» «Надвислянинъ» и другія скрываютъ наши потери, скрываютъ страшное состояніе нашихъ дѣлъ; народъ, благодаря этому впадаетъ въ апатію.

---

[1]) Графъ Грабовскій, какъ уже было сказано, съ ксендзами предложилъ ее Лангевичу.

[2]) Его убилъ графъ Грабовскій (примѣчаніе автора).

«Часто случалось, что искали, въ силу необходимости, не оружія для сражающихся, а сражающихся—для оружія.

«Правда, что органы гласности могутъ временно затемнять народное мнѣніе, пока длятся дипломатическіе переговоры.

„Хунта не хотѣла раздавить этой дипломатической гидры въ нелѣпомъ разсчетѣ, что въ ней найдетъ спасеніе. Съ этой цѣлью центральный комитетъ доставилъ Владиславу Чарторыйскому всякія удобства и полномочія для шлянья (sic) по княжескимъ и императорскимъ переднимъ; комитетъ упустилъ изъ виду, что Чарторыйскіе всегда работали лишь pro domo sua...

«Подобное правительство должно было, естественно, пасть. Оно пало. Политическій характеръ новой хунты не опредѣлился еще. Но тѣ, кто вошелъ въ ея составъ снабжены взятыми [1]) изъ русской казны деньгами. Это дѣлаетъ ихъ независимыми отъ произвола ненавистной и эгоистичной партіи богачей-аристократовъ».

Очертивши исторію польскаго мятежа, охарактеризовавъ стремленія различныхъ партій, авторъ брошюры чертитъ дальнѣйшую политическую программу центральнаго комитета.

«Во-первыхъ, необходимо возвращеніе назадъ. Надо дать революціи тѣ основы, какія были ей первоначально предназначены... Необходимо присоединить къ національной территоріи провинціи, занятыя нѣмцами; присоединить не узами слабой солидарности, а узами внутренняго, органическаго и неизмѣннаго слiянія.

«Во-вторыхъ, необходимъ революціонный трибуналъ, коему подсудна даже самая хунта. Трибуналъ будетъ представителемъ народнаго мнѣнія. Сильной, рѣшительной, рукой онъ будетъ выполнять назначеніе исполнительной власти. Наказанія его будутъ неумолимы, но справедливы, а приговоры будетъ приводить въ исполненіе хорошо организованный отрядъ кинжальщиковъ выписанныхъ, чрезъ посредство духовенства, изъ Италіи.

«Въ-третьихъ, надо съ одинаковой энергіей дѣйствовать извнѣ, чтобы прервать обособленную дѣятельность партій и разъ навсегда разорвать послѣдніе узы, связующіе насъ съ Россіей... Съ этою цѣлью необходимо непремѣнно освободиться вовсе, или, по крайней мѣрѣ, устранить Муравьева, Аненкова, Нахимова, Шаховского, Чингиря, Длотовскаго, Друцкаго, Гаврилова и др. Нужно достигнуть этого, хотя цѣною тысячъ людей и сотенъ тысячъ злотыхъ».

Общеизвѣстные факты показываютъ, что программа, данная центральному комитету авторомъ брошюры, коей мы привели существенныя мѣста—была точно выполняема.

Политическій характеръ хунты весьма ясно обнаружился. «Ненавистная и эгоистическая партія богачей-аристократовъ», какъ ее называетъ «публицистъ» организаторовъ—«увидѣла себя вдругъ отодвинутой, униженной, даже подавленной опасными союзниками, къ которымъ прибѣгла по непростительному легкомыслію».

Лишившись всей своей власти, подвергшись безмѣрной эксплоатаціи, разорившись, перенеся не мало обидъ, партія вскорѣ дошла до необходимости сожалѣть о своихъ клерикальныхъ ошибкахъ, и страшною цѣною искупила ихъ. О послѣднемъ можно судить изъ другого документа, найденнаго въ концѣ 1863 года при одномъ изъ повстанцевъ въ окрестностяхъ города Плоцка. Это—рапортъ, пересланный революціоннымъ начальникомъ Плоцкаго округа, по имени Бялымъ (онъ же Ходзыньскій)—подземному правительству 16 (28) сентября 1863 года за № 430.

Между прочимъ, тамъ говорится: «Много моихъ людей либо бѣжитъ за границу, либо разбредается по странѣ. Осмѣлюсь поставить на видъ національному правительству

[1]) Украденными изъ Варшавскаго Банка (примѣч. автора).

что только примѣняя энергическія мѣры, близкія къ террору, можно еще что-нибудь сдѣлать, такъ какъ шляхта, а преимущественно состоятельная, вовсе уже не думаетъ о народной независимости.

«...Главная ея цѣль — положить конецъ революціи... Въ подтвержденіе приведу слова, сказанныя мнѣ господиномъ С. И., владѣльцемъ деревни Холинъ: «Не лучше-ли передать въ руки русской арміи какія-нибудь нѣсколько тысячъ негодяевъ и возстановить порядокъ и спокойствіе въ странѣ?.. Подобныя мнѣнія раздаются отовсюду».

Такія признанія не нуждаются въ комментаріяхъ; ограничившись цитированіемъ ихъ, мы продолжимъ поучительный анализъ примѣненія къ дѣлу вышеуказанной революціонной программы.

Внутреннее, органическое, неизмѣнное сліяніе революціоннаго движенія въ Галиціи съ польскимъ движеніемъ смѣнило «узы слабой солидарности», какъ доказываютъ и убійство Кучинскаго [1]) и тѣ энергическія мѣры, какія австрійское правительство было вынуждено принять, чтобы подавить возрастающее волненіе.

Революціонный трибуналъ, этотъ «представитель народнаго мнѣнія и народной совѣсти», какъ сказано въ брошюрѣ, выполняетъ «свою власть» довольно энергично, съ очевиднымъ навыкомъ въ убійствахъ изъ-за угла и, дѣйствительно, очень «рѣшительною рукой».

980 жертвъ, коихъ убійство подтверждено судебнымъ слѣдствіемъ, и изъ числа которыхъ восемь десятыхъ принадлежитъ къ земледѣльческимъ классамъ; воровства, пожары, насильственные поборы, коихъ огульная цифра можетъ быть опредѣлена въ нѣсколько милліоновъ, словомъ, весь зловѣщій итогъ польскаго возстанія доказываетъ, что отрядъ палачей, которому было поручено выполненіе приговоровъ революціоннаго трибунала -былъ какъ нельзя лучше организованъ и стоялъ на высотѣ своего, свойственнаго польской шляхтѣ призванія.

Преступныя покушенія, направленныя противъ Великаго Князя Константина Павлонича, противъ графа Лидерса, маркиза Велепольскаго, графа Берга — это доказательства неумолимаго рѣшенія, слѣдуя коему подземное правительство либеральнаго народа „не щадило ворованныхъ денегъ, чтобы избавиться", какъ его учили ксендзы, отъ всѣхъ, ему мѣшавшихъ.

Казалось бы, что перейти границы такой программы и дальше пойти по дорогѣ преступленія—нельзя.

Подземное либеральное и католическое правительство показало, что—можно.

Авторъ брошюры былъ превзойденъ. Слѣдующій документъ, единственный въ уголовныхъ хроникахъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Онъ найденъ былъ въ Варшавѣ, въ квартирѣ Стрицкаго и Квятковскаго 25 ноября (7 декабря) 1863 года. Оказались при нихъ и другія бумаги, въ родѣ „инструкціи", адресованной князю Адаму Чарторыйскому, административному коммиссару въ Парижѣ. Документъ этотъ, писанный на французскомъ языкѣ, заключаетъ между прочимъ и слѣдующее: Административный коммиссаръ для устройствапутей сообщенія. № 590.

„Варшава 5 декабря.

„За ниже исчисленныя суммы переслано:

Врученныя Байеру	7	центнер.	пороху
„ „	11	„	свинца
„ „	21.000	„	пистоновъ".

„25 іюля нынѣшній интендантъ города доставилъ Жихлинскому 100 ружей, 100 сабель съ поясами, 100 пистолетовъ и 500 зарядовъ, тюкъ пороху (60 фунтовъ) и

[1]) Совѣтникъ мѣстнаго уголовнаго суда во Львовѣ.

бочку военной амуниціи. Упомянутый интендантъ города получилъ 200 фунтовъ пороху, 10.000 пистоновъ послано Коперницкому, командиру стрѣлковъ С. З. изъ Калиша.

„Пермонъ заплатилъ за сообщеніе, т. е. за высылку писемъ заграницу и истратилъ по 27 ноября 1863 г. 455 р. 10 к.

„Онъ вручилъ коммиссару путей сообщенія 500 руб. *на покупку кураре и другихъ ядовъ.* Кромѣ того 31 августа 1863 года онъ выдалъ 631 руб. Станиславу Ол... и 200 руб. Ломбре на закупку оружія и пороху".

Вполнѣ достаточно этихъ данныхъ. Они бросаютъ зловѣщій, но яркій свѣтъ на польскій вопросъ. Легко подумать, что самъ Богъ побудилъ людей, наиболѣе желающихъ затемнить этотъ вопросъ, — противъ воли содѣйствовать его выясненію. Оно дѣлаетъ нелѣпымъ, прежде всего, заявленіе поляковъ о своемъ нравственномъ преимуществѣ надъ русскими. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ всмотрѣться въ признанія и въ дѣянія вождей послѣдняго бунта, въ признанія обманутыхъ ими жертвъ или избранныхъ ими сообщниковъ, чтобы выяснить міру загадку этихъ событій. Такое изслѣдованіе неизбѣжно приведетъ всѣ справедливые умы если не къ окончательному разрыву съ предвзятыми и, къ сожалѣнію, устарѣлыми мнѣніями, то, по крайней мѣрѣ, къ сомнѣнію о правотѣ дѣла, которое для успѣха должно прибѣгать къ такимъ средствамъ. Главари этого дѣла, не колеблются, на сборищахъ въ церквахъ, совѣщаться, объявлять и постановлять, послѣ зрѣлаго совѣщанія, приводить въ исполненіе свои гнусные проекты, плоды такихъ же гнустныхъ доктринъ; послѣднія же распространяются всюду, какъ ученіе, какъ законъ. Далѣе, изслѣдователь увидитъ, что движимые разсчетомъ непредусмотрительные поборники этихъ доктринъ, благословлявшіе ихъ съ амвона, кончили тѣмъ, что все утратили, желая слишкомъ много сохранить, и сами упали въ приготовленную для другихъ пропасть.

Какъ бы то ни было, злоупотребленія, преступленія, совершенныя во имя дѣла— способствуютъ лишь дурному мнѣнію объ этомъ дѣлѣ. Они не позорятъ его окончательно—ибо „цѣль оправдываетъ средства" по ученію іезуитовъ, руководящихъ католическою совѣстью. Убѣдительные доводы зиждутся поэтому на изслѣдованіи составныхъ частей самого дѣла, на точномъ и подробномъ разборѣ его стремленій, его условій, его соціальныхъ и политическихъ причинъ.

Незадолго до возстанія былъ распространяемъ среди поляковъ „Польскій Катехизисъ" слѣдующаго содержанія [1]):

„Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной отчизны...

„Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной отчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

„Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, и великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облитый огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ [2]),—послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя

[1]) См. Шелковичъ, стр. 216—220.

[2]) Авторъ упустилъ изъ виду что этихъ трехъ вещей полякам недостаетъ.

здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

„Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ,—Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украйна и Литва; колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли:

1) Въ забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ—жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигрываемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ тамошнемъ краѣ нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; продающіяся же русскими имѣнія стараться, хоть общими силами, въ компаніяхъ, пріобрѣтать въ свое владѣніе. Черезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій—на помощь и пользу своей отчизны.

„Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.

„Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать слiянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ поповъ, то, дѣйствуя на корыстолюбіе ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ.... [1]) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2) „Такъ какъ русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то стараться полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю морально.

3) „Людямъ, спеціально образованнымъ, *стараться непремѣнно служить въ Россіи*, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей „(не посвященныхъ въ тайны политики), что „служить русскому правительству для поляка бесчестно"; *служа на пользу своей родинѣ въ Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.*

4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать на вѣрный доходъ, и, какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей отчизнѣ, чтобы нажитыя тобою въ Россіи деньги сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей

[1]) Здѣсь пропущено слово, неприличное въ печати.

отчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима — средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность, нажиться на счетъ русской казны; *это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель;* потому что обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святой костелъ проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе—не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ всеграбящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5) Старайся достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста, преимущественно въ министерствахъ путей сообщенія и финансовъ, а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли, всякія средства дозволительны, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими: помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей отчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,—не соотчичи твои,—на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату, но неспособному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; а потому лесть, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду для своихъ плановъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россія незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6) Въ войскѣ русскомъ долго не служи, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7) Въ гражданской же службѣ служи, сколько достанетъ силъ твоихъ, и всходи на самыя высокія ступени; отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще приближеннымъ къ нимъ лицомъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣріе-то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго въ преданности къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9) Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ

обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то, зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, затрогивая нѣжныя чувства состраданія, мы подготовимъ его къ увѣренности въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а черезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10) Помни, что Россія—первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья,—славяне, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому; онъ, по своей ненависти къ римскому костелу и къ полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

11) Между русскими говори всегда, что нѣмцы—первые враги русскихъ и поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ сваливай вину на нѣмцевъ: чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другого, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ русскимъ [1]), старайся выводить его изъ терпѣнія: по своей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а этого тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12) Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и не высказывай своихъ убѣжденій, потому что это не выгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать,—сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей и, наконецъ, на безчувственность его самаго и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ-полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда, къ концу разговора сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой натурѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. Затрогивай искусно самолюбіе русскаго и пользуйся имъ.

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами старайся его уничтожить и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе вліятельнаго нѣмца. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ,—врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ—нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ".

Наши и объясненія и разоблаченія не вызовутъ уже въ наши дни краски стыда на лицѣ зараженнаго польскаго общества. Но уніаты, сталкиваемые съ праваго пути, равно какъ и русскіе должны памятовать, что имѣютъ дѣло съ народомъ—воспитанникомъ іезуитовъ. А для тѣхъ, кто не убѣдился изъ вышесказаннаго, что революція 1863 года была не народнымъ, а анархическо-соціалистическимъ движеніемъ, мы задумали

[1]) Въ оргиналѣ „Русскій" именуется „Москаль"

вкратцѣ изложить въ слѣдующей главѣ взаимныя отношенія, права и обязанности Польши къ Россіи.

ГЛАВА VIII.

Необходимо прежде всего точно опредѣлить столь часто повторяемый терминъ „Польша“. Каждый толкуетъ его по своему. Одни примѣняютъ его ко всѣмъ провинціямъ, какими временно управляла Рѣчь Посполитая, другіе—къ Герцогству Варшавскому съ Галиціей и Познанью, третьи собственно къ Царству Польскому, въ его границахъ опредѣленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ.

Обѣ партіи, вызвавшія и поддерживавшія послѣднее возстаніе во всеуслышаніе объявляли своей конечной цѣлью—возстановленіе Польши 1772 года въ обширнѣйшихъ предѣлахъ. Такое же значеніе сообщали термину Польши и европейскіе клерикалы сторонники возстанія. Раціонально ли такое пониманіе термина Польша? Этотъ вопросъ выясненъ нами выше; его легко рѣшить, такъ какъ онъ входитъ въ область географическихъ и статистическихъ данныхъ.

Рѣчь Посполитая 1772 г. не имѣла естественныхъ границъ, ибо Польша намѣчала всегда кровью своихъ жертвъ свои подвижныя границы.

Девять провинцій съ восточной стороны, которыя поляки еще понынѣ считаютъ своими, были всегда русскими, въ географическомъ отношеніи равно какъ и по народности, языку и вѣрѣ. Введеніе туда, при помощи пытокъ и инквизиціи,—римской вѣры и польскаго языка не измѣнило ни историческаго факта, ни дѣйствительнаго, понынѣ существующаго порядка вещей.

Клерикалы упорно настаиваютъ на обратномъ и передѣлываютъ исторію по своему. Споръ объ этомъ былъ бы длиненъ и безцѣленъ. Настоящее даетъ слишкомъ вѣскія доказательства, чтобы нужно было искать ихъ въ прошедшемъ.

Въ такую эпоху, какъ наша, когда принципы народности и народнаго голосованія имѣютъ преобладающее вліяніе, нужно только провѣрить статистически, какая именно народность, какой языкъ, иногда, и какая вѣра преобладаетъ въ данной странѣ, чтобы узнать, кому она должна и желаетъ принадлежать.

А вотъ отвѣтъ статистики девяти восточныхъ провинцій Россійской Имперіи.

Статистическія свѣдѣнія были собраны въ Парижѣ во время польскаго возстанія, коимъ интересовались французкіе клерикалы, вѣрившіе тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя распространяли поляки о русскихъ литовскихъ земляхъ, будто бы населенныхъ поляками римскаго исповѣданія.

По Шнитцлеру (Empire du Czar, томъ II, Парижъ 1862) губерніи: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Подольская, Кіевская, равно какъ часть Курляндіи, извѣстная прежде подъ именемъ Жмуди занимаютъ, исключивъ Курляндскіе округа, поверхность въ 466.694 квадратныхъ километра, насчитываютъ 11.590,453 человѣка населенія; изъ ихъ числа 5,921,586 русскихъ, а поляковъ только 1.027,947.

Остальное населеніе распредѣляется такъ:

1.387,287 леттовъ или литовцевъ различнаго происхожденія съ поляками и ненавидящихъ ихъ.

1.139,633 еврея.

2.114,000 нѣмцевъ.

Отсюда выходитъ, что польскій элементъ, въ этнографическомъ отношеніи, разбросанъ на пространствѣ 500 тысячъ квадратныхъ километровъ и составляетъ лишь одну десятую всего населенія этихъ провинцій, тогда какъ русскій элементъ составляетъ $^{6}|_{10}$.

По отношенію къ религіи, т. е. къ самому важному и рѣшительному условію—

такъ какъ религія составляетъ единственную существенную и радикальную черту различія между русскими и поляками, населеніе этихъ провинцій дѣлится такъ:

6.167.166 христіанъ восточнаго обряда.

2.471,708 „ латинскаго „

1.139,633—Моисеева закона, а остальное—лютеране, кальвинисты и т. д.

Итакъ, господствующей является православная вѣра.

Если къ этимъ цифрамъ, безупречно правильнымъ и легко доступнымъ повѣркѣ, мы присовокупимъ не менѣе категорическія указанія опыта; если обратимъ вниманіе на то, что эти провинціи, а по крайней мѣрѣ большая ихъ часть—никогда не принимали польскаго ярма, и сбросивъ его, добровольно присоединились къ Россіи; если мы, наконецъ, объяснимъ себѣ причины явнаго и полнаго неуспѣха мятежныхъ волненій и то сопротивленіе, какое оказывала возстанію большая часть населенія этихъ провинцій—то мы непремѣнно признаемъ, что исключительно отъ Россіи зависѣло позволить, чтобы противъ неосновательныхъ претензій ея противниковъ поднялось кровавое откровеніе народнаго мнѣнія и воли.

Г. Шнитцлеръ выяснилъ положеніе дѣлъ въ девяти губерніяхъ и тѣмъ самымъ открылъ глаза французскому народу и его главѣ на наглость претензій и требованій польской клерикально-олигархической партіи. Въ стремленіяхъ Наполеона III возникла перемѣна: онъ убѣдился, что имѣетъ дѣло не съ представителями народа, а съ анархистами и вульгарными революціонерами.

Всякій обмѣнъ мыслей сталъ бы невозможнымъ, какъ это выразилъ, при одобреніи всей Россіи, санктъ-петербургскій кабинетъ, если бы вышеприведенныя цифры и несомнѣнные факты были бы упущены изъ виду. Споръ прекращается, когда начинается упорное пренебреженіе очевидными фактами.

Поляки должны отречься отъ своихъ безплодныхъ и произвольныхъ ссылокъ на 1772 г., должны перестать претендовать на территоріи къ востоку отъ себя. Что касается ихъ видовъ на западъ и домогательствъ Великаго Герцогства Познанскаго и Галиціи—de jure, оба неосновательны, ибо не входятъ въ условія трактатовъ 1815 года. De facto—претензіи на Галицію и Познань невыполнимы: великое княжество Познанское теперь преимущественно населено нѣмцами, а въ Галиціи польскій элементъ самъ всѣми силами воспротивился бы, подъ вліяніемъ Рима, такому объединенію; не даромъ онъ составляетъ надежную опору австрійской клерикальной власти.

Итакъ, нѣтъ и быть не можетъ иной Польши, чѣмъ та, которую создали трактаты 1815 г. въ предѣлахъ нынѣшняго царства Польскаго. А теперь посмотримъ, насколько названіе „Царство" примѣнимо къ польскому народу?

Лучшій способъ оцѣнить народъ и отдать себѣ отчетъ въ его общественномъ значеніи, въ его стремленіяхъ, въ его способностяхъ и органическихъ особенностяхъ—это тщательный разборъ элементовъ, входящихъ въ его составъ, и изслѣдованіе взаимоотношеній. Только примѣненіе этого метода позволило изслѣдовать польскій организмъ, не взирая на завѣсы и декораціи, закрывающія его отъ общей оцѣнки вплоть до послѣдней революціи.

Царство Польское насчитывало тогда по народной переписи 1859 года 4.333,000 человѣкъ населенія [1]).

[1]) Приведенныя здѣсь цифры были почерпнуты изъ оффиціальныхъ источниковъ; народная перепись 1859 года будетъ принята за общее основаніе. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ пришлось воспользоваться данными, собранными впослѣдствіи. Отсюда возникнутъ нѣкоторыя разногласія, ни въ чемъ не ослабляющія вѣрности цѣлаго. Для облегченія, цифры будутъ закруглены пропускомъ десятковъ и единицъ. 200 тысячная армія, чужеземцы, словомъ все непостоянное населеніе не было обнято статистическими данными 1859 г. Принявъ въ расчетъ и эти элементы, въ 1863 г. пришлось поднять цифру населенія Царства Польскаго вмѣстѣ съ естественнымъ приростомъ—до 4.900.000 человѣкъ.

„Всѣ польскіе граждане равны передъ закономъ“, гласитъ статья 4 конституціоннаго статута 22 іюня 1807 года; статутъ нынѣ дѣйствуетъ въ Царствѣ Польскомъ. Единственнымъ юридически признаннымъ общественнымъ различіемъ является право геральдическаго дворянства, основаннаго на оффиціальныхъ генеалогическихъ документахъ или пріобрѣтеннаго за заслуги, оказанныя государству.

Нѣтъ ничего шире, либеральнѣе, согласнѣе съ духомъ вѣка, чѣмъ такая общественная организація. Увы! это только правовая теорія, вполнѣ наружная; ей явно противорѣчитъ существованіе феодальнаго сословнаго устройства. Нигдѣ въ мірѣ духъ кастоваго различія не пустилъ столь глубокіе корни, какъ въ Польшѣ. Нигдѣ не существовало столь непомѣрной концентраціи привилегій, правъ, богатствъ, власти въ пользу столь незначительнаго меньшинства, какъ польская шляхта. Нигдѣ, наконецъ, низшіе классы общества не были поставлены въ столь тяжелыя, столь унизительныя нравственныя и матеріальныя условія. Такова возмутительная, но истинная картина, представляемая польскимъ обществомъ до временъ возстанія.

5 тысячъ маленькихъ повелителей, болѣе, чѣмъ неограниченныхъ, связанныхъ узами тѣсной солидарности принциповъ и интересовъ, располагающіе большею частью земельной собственности въ краѣ—хозяйничали и распоряжались безо всякаго контроля, и дѣйствительныхъ границъ, судьбами и трудомъ 3.270,000 человѣческихъ существъ, отданныхъ на ихъ произволъ въ административномъ, судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Они располагали традиціоннымъ патронатомъ надъ 1.200,000 кліентовъ, составлявшихъ родъ средняго сословія. Они относились безразлично ко всѣмъ, за исключеніемъ 4.500 членовъ духовнаго сословія, коего вліяніе было такъ же велико, какъ и его дѣятельность, но коего поддержкой они постоянно пользовались, въ обмѣнъ за нѣкоторыя матеріальныя выгоды. Представители средняго сословія являлись по отношенію къ центральной власти противною ей лигою, то наступающей, то оборонительной, но всегда враждебной всякой перемѣнѣ существующаго порядка вещей.

Пять тысячъ властелиновъ, соотвѣтствующихъ числу семействъ, составляло высшее польское дворянство, или, вѣрнѣе, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ состоящій изъ 25 тысячъ человѣкъ обоего пола.

Вокругъ этого ядра группировалась непосредственно сфера кліентовъ, изъ 30 тысячъ семей (171.500 человѣкъ), составляющая мелкую шляхту. Мелкая шляхта располагала извѣстными участками земли, которыми лично заниматься считала недостойнымъ. Поэтому большинство этой шляхты жило въ состояніи служебнаго подчиненія крупнымъ собственникамъ, въ зависимости у которыхъ оно находилось. Изъ рядовъ этой шляхты набраны были 15 или 16 тысячъ чиновниковъ, которые воображали, что скорѣе призваны для поддержанія въ Польшѣ истощающей ее бюрократической язвы, чѣмъ для служенія государству.

Чтобы дать понятіе о губительномъ вліяніи, какое оказывала мелкая шляхта, на государственный организмъ, приведемъ нижеслѣдующій фактъ. Нужно замѣтить, что мелкая шляхта, ничего или мало терявшая во время волненій, сама возбуждала общественные безпорядки; ея нравственное сознаніе и чувство личнаго достоинства тратилось на праздность и унизительное прислужничаніе.

Изъ всѣхъ мѣстностей Царства Польскаго, возстаніе съ особенной силой свирѣпствовало и сопровождалось наибольшимъ числомъ грабежей и убійствъ, больше всего было повѣшено крестьянъ, больше всего сожжено избъ въ уѣздахъ: Ломжинскомъ (Августовской губерніи), Сѣдлецкомъ (Люблинской губерніи), Остроленцкомъ и Пултускомъ Плоцкой губерніи). А изъ статистическихъ данныхъ явствуетъ, что именно въ этихъ четырехъ уѣздахъ было больше всего мелкой шляхты, мелкихъ собственниковъ—такъ

какъ прежніе польскіе короли роздали тамъ много земли для организаціи нѣкотораго рода шляхетскихъ поселеній съ цѣлью защиты пограничныхъ мѣстностей.

Въ Ломжинскомъ уѣздѣ числилось 58,165 душъ такой шляхты; въ Сѣдлецкомъ—22,628; въ Остроленцкомъ—16,488; въ Пултусскомъ—13,464; тогда какъ въ другихъ уѣздахъ среднее число ихъ колебалось отъ 800 до 1000—въ немногихъ случаяхъ.

Римско-католическое духовенство состояло изъ 4547 членовъ, распредѣленныхъ нижеслѣдующимъ образомъ:

2218 прелатовъ и свѣтскихъ ксендзовъ;

1808 монаховъ;

521 монахиня.

Доходы римско-католическаго духовенства въ Польшѣ были очень велики. Оно обладало большими имѣніями, 186 монастырями и значительными правительственными субсидіями. Кромѣ того, польское духовенство собирало десятину со всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, безъ отношенія къ тому, какого исповѣданія землевладѣлецъ или хозяинъ; такимъ образомъ 913,300 жителей Царства Польскаго, не принадлежавшихъ къ римско-католической церкви, въ томъ числѣ 30 тыс. протестантовъ, не исключая и православныхъ—русскихъ жителей края, платили 10% изъ своихъ доходовъ—римско-католической церкви.

Среднее сословіе, не поддающееся точному исчисленію вслѣдствіе множества мѣстечекъ, едва заслуживающихъ этого названія, но коимъ въ Польшѣ присвоено громгое названіе городовъ („мястъ“) и населеніе коихъ было преимущественно земледѣльческое, состояло изъ 366 тысячъ купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ и мелкихъ мѣщанъ и изъ 584 тыс. евреевъ. Ихъ положеніе, до послѣдняго времени исключительное, имѣло тотъ характеръ пролетаріата или ленной зависимости въ промышленномъ отношеніи, на какую евреи были осуждены въ средневѣковой Европѣ, болѣе, чѣмъ мѣщанство, въ западноевропейскомъ значеніи этого выраженія.

Это среднее сословіе, въ итогѣ состоящее изъ 950,000 человѣкъ, не находилось въ непосредственной зависимости отъ высшей шляхты, подобно мелкой шляхтѣ или сельскому населенію; тѣмъ не менѣе, оно находилось подъ ея вліяніемъ, такъ какъ изъ 453 „мястъ“ въ Царствѣ Польскомъ 228 принадлежало частнымъ лицамъ, а судебная и мѣстная власть находилась de facto, даже de jure въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Это среднее сословіе заключало въ себѣ и нѣсколько десятковъ тысячъ незаконныхъ дѣтей латинскаго духовенства, отличавшихся крайнею деморализаціей и цинизмомъ.

Сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ числилось всего 3.269.700 душъ, распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ:

а) 277,500 земледѣльцевъ-обывателей, т. е. мелкихъ арендаторовъ.

б) 22,000 крестьянъ-земледѣльцевъ, выкупившихъ свою землю и получившихъ независимость.

в) 1.633.390 крестьянъ поселенныхъ на доминіальныхъ, т. е. помѣщичьихъ земляхъ, срочное или вѣчное пользованіе коими было обезпечено крестьянамъ за барщину или другія обязанности.

г) 1.338,900 крестьянъ пролетаріевъ, нѣкогда поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, но впослѣдствіи удаленныхъ владѣльцами и лишенныхъ строеній, инвентаря и даже земледѣльческихъ орудій.

Такимъ образомъ элементы польскаго населенія представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

Во главѣ—правящая группа шляхты и духовенства въ числѣ 203,200 душъ.

Въ серединѣ непостоянное среднее сословіе, далеко не сплоченное и лишенное всякаго вліянія въ числѣ 950,100 душъ.

Внизу—народная масса, половина которой была приговорена къ состоянію пролетаріата, масса, образующая $^3/_4$ всего населенія—въ числѣ 3.269,700 душъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть общественныя и политическія условія, въ которыхъ находился каждый изъ трехъ этихъ элементовъ, или взаимныя отношенія и общую ихъ картину.

ГЛАВА IX.

Время, кажется, не оказываетъ вліянія на Польшу. Теченіе новыхъ понятій, уносящее съ собою развалины прошлаго и оказывающее вездѣ столь спасительное и живительное воздѣйствіе,—здѣсь скользитъ лишь по поверхности и раздражаетъ только изъязвленные покровы этого общественнаго организма; новыя вѣянія не проникаютъ внутрь его, не обновляютъ его силъ и не удаляютъ оттуда болѣзненныхъ началъ.

Съ пятнадцатаго столѣтія Польша не развивается уже наравнѣ съ остальнымъ человѣчествомъ, она лишь вздрагиваетъ, порою вертится на одномъ мѣстѣ въ конвульсивныхъ припадкахъ.

Вотъ почему настоящее этой страны столь мало разнится отъ ея прошлаго, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣнившихся внѣшнихъ формъ, эти двѣ эпохи почти тождественны. Общественныя же условія польскаго общества въ концѣ девятнадцатаго вѣка тѣ же, какія мы видимъ въ три предшествующихъ столѣтія.

Упраздненіе русскимъ правительствомъ монастырей и изгнаніе монаховъ нѣсколько отрезвило общество и оживляющимъ образомъ подѣйствовало на этотъ темный народъ, который дотолѣ слонялся по бездорожью рабски слѣдуя за капуцинами и іезуитами; но, несмотря на это, современная наука и цивилизація, вообще, и нынѣ становятся достояніемъ поляковъ лишь пройдя черезъ сакристію, гдѣ онѣ обрабатываются и извращаются согласно духу и интересамъ Рима, и лишь въ этомъ видѣ становятся доступными обществу.

Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ поляковъ за послѣдніе четыре вѣка въ области культуры являются „артисты", „циклисты" и „весельщики"; они создали просвѣтительныя общества подъ именемъ „клубовъ", описаніемъ геройскихъ и великихъ подвиговъ коихъ наполнены страницы варшавскихъ газетъ въ перемежку съ сообщеніями объ отпущеніяхъ и мессахъ, совершаемыхъ въ римскихъ святыняхъ, и отчетами о театральныхъ представленіяхъ и концертахъ,—на чемъ зиждется альфа и омега развитія польской культуры.

Для полной доказательности нашего сужденія мы предпошлемъ изображенію современной польской культуры картину жизни прежнихъ временъ, нарисованную отчасти современниками, отчасти новыми польскими историками, преданность коихъ польской „справѣ" народной не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вотъ, что пишетъ Лелевель [1]) о состояніи общества въ его отечествѣ во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка:

„Крестьяне были лишены всякихъ человѣческихъ правъ и обратились въ рабовъ въ полномъ смыслѣ этого слова; помѣщикъ имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Встрѣчались магнаты, а въ ихъ числѣ и епископы, ненасытные въ развратѣ и въ удовлетвореніи своихъ страстей, которые мучили своихъ крестьянъ больше еще, чѣмъ шляхта; отбирали у нихъ все ихъ достояніе, лишая ихъ такимъ образомъ всякихъ средствъ къ существованію. Часто не довольствуясь этимъ, магнаты—свѣтскіе и духовные, выгоняли затѣмъ этихъ несчастныхъ или просто на просто убивали ихъ; штрафъ за убійство крестьянина равнялся 30 гривнамъ, да и то не всегда его взыскивали".

---

[1]). Lelevel Hist. de la Pologne. Paris 1844 2 vol.

Эти слова Лелевиля, дополняя вышеприведенныя донесенія Риму папскихъ нунціевъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ свидѣтельства одного современника этой эпохи, которому хорошо были извѣстны, надо полагать, нужды и недостатки поляковъ 16 вѣка, т. к. онъ спеціально изучалъ политическіе вопросы и написалъ сочиненіе о реформахъ, необходимыхъ для Рѣчи Посполитой.

Мы говоримъ объ извѣстномъ польскомъ патріотѣ Андрѣе Моджевскомъ [1]), писавшемъ въ 1554 году по адресу своихъ согражданъ слѣдующее: „Слово свобода не сходитъ съ нашихъ устъ въ то время, какъ у насъ господствуетъ самое возмутительное рабство, благодаря коему жизнь человѣка находится въ зависимости отъ милости его господина. Шляхта считаетъ крестьянъ и вообще весь простой народъ не людьми, а животными; иначе она ихъ и не называетъ; когда шляхтичъ убьетъ крестьянина—онъ заявляетъ, что убилъ, де собаку. Эти демоны, на которыхъ нѣтъ ни суда, ни управы, обезчещиваютъ крестьянскихъ женъ и дочерей въ присутствіи мужей ихъ и отцовъ. Распоряжаясь совѣстью крестьянъ, шляхта навязываетъ имъ религію, рабство, барщину“..

Другой польскій патріотъ, Олижаровскій, профессоръ юридическихъ наукъ въ виленской академіи, писалъ въ 1632 г.: „Не разъ въ наше время бываетъ, что за убійство собаки масса людей платится жизнью! Я умалчиваю о многихъ вещахъ, о которыхъ, можно было бы поразсказать; но не въ состояніи я пройти молчаніамъ, что убиваютъ у насъ человѣка изъ-за охабки сѣна, похищенной на лугу, или изъ-за куска дерева...; а кто перечтетъ, сколько народу закопано въ видѣ межевыхъ столбовъ между спорными участками“?

Замѣтимъ, что по мѣрѣ того, какъ иго шляхты все болѣе и болѣе угнетало низшіе классы населенія, королевская власть все ближе становилась къ окончательному паденію; иноземное вмѣшательство повторялось все чаще; опасность угрожавшая. Рѣчи Посполитой становилась все грознѣе.

Однимъ словомъ, чѣмъ мы подробнѣе разсматриваемъ исторію Польши, тѣмъ сильнѣе становится наше убѣжденіе въ томъ, что ея паденіе было непосредственно вызвано ея ужасающимъ соціальнымъ строемъ. „Положеніе крестьянъ“, говоритъ Лелевель [2]): „стало въ концѣ 17 и началѣ 18 вѣковъ еще невыносимѣе. Полное лишеніе правъ и презрѣніе—вотъ удѣлъ этого проклятаго класса „хлоповъ“ (что значитъ „проклятыхъ“), которыхъ для большаго уничиженія именуютъ потомками Хама.

„Издѣльную повинность (барщину) составляли три дня тяглыхъ и три дня пѣшихъ кромѣ того существовалъ еще особый родъ барщины, подъ именемъ даремщины, заключавшейся между прочимъ въ томъ что во время сѣнного или хлѣбной уборки все населеніе деревни должно было являться на помѣщичьи земли.

„Помѣщики узнавали другъ отъ друга о существованіи того или другого новаго вида барщины въ какой-либо мѣстности, и каждый изъ нихъ считалъ себя въ правѣ навязывать своимъ крестьянамъ новый видъ повинности потому лишь, что она существовала въ другомъ имѣніи.

„Крестьяне были обязаны платить десятину духовенству, которое считало смертнымъ грѣхомъ невнесеніе ему точно или даже съ излишкомъ этой десятины. Такимъ образомъ настоятель прихода получалъ изрядный кушъ для спасенія души приносящихъ...

„Шляхта присвоила себѣ исключительное право эксплоатаціи соляныхъ копей и продажи крестьянамъ соли...

„Такимъ же образомъ помѣщики взяли въ свои руки торговлю водкой, пивомъ и различными другими продуктами... Евреи, которыхъ народъ называлъ пьявками брали въ аренду кабаки и пивоваренные заводы, спаивая крестьянъ на пользу помѣщика.

---

[1]) Andrzej Frycz Modrzewski. O poprawczej reformie Rzeczy Pospolitej, 1554 do 1559 roku.

[2]) Т. I, стр. 204, 206—207.

Богатые магнаты почти никогда не жили въ своихъ имѣніяхъ и не видѣли своихъ рабовъ; менѣе значительные помѣщики тоже отдавали своихъ крестьянъ на произволъ евреевъ и управляющихъ... Громадная масса дошедшей до нищеты шляхты, считая какую бы то ни было работу унизительною для ея достоинства, бросилась на должности управляющихъ и экономовъ. Этотъ классъ управляющихъ состоитъ изъ жалкихъ исполнителей воли магнатовъ. Унижаясь передъ своими господами—эти шляхтичи обкрадывали, презирали, ненавидѣли и угнетали крестьянъ".

Еще ярче рисуютъ намъ весь ужасъ прошлаго польскаго крестьянства слова представителей этого сословія, „тѣ стоны, которые вырывали изъ ихъ груди невыносимыя страданія". До настоящаго времени сохранились слѣды этихъ отчаянныхъ призывовъ крестьянъ къ той справедливости, въ коей имъ всегда отказывали. Эти стоны прошлаго дополняютъ слова историковъ, часто, въ виду кастовыхъ соображеній, умалчивающихъ о многомъ. Въ правительственныхъ архивахъ Царства Польскаго и въ нѣкоторыхъ частныхъ библіотекахъ сохранилось довольно много жалобъ и прошеній польскихъ крестьянъ; нельзя, читая эти документы, рисующія полную раздирающихъ душу картинъ жизнь сельскаго населенія, усумниться въ искренности; и это ужасное состояніе польскаго крестьянства продолжалось, замѣтимъ, до послѣдняго мятежа.

Между этими историческими документами заслуживаютъ особеннаго вниманія приводимая ниже петиція, оригиналъ коей польскій писатель, князь Любомірскій „видѣлъ въ Парижѣ, въ одномъ изъ салоновъ отеля Ламберъ" [1]). Это прошенія написано въ Тарчинѣ, небольшомъ мѣстечкѣ на лѣвомъ берегу Вислы, отъ имени нѣсколькихъ сотъ крестьянъ собравшихся тамъ въ Троицынъ день. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого документа, рисующаго положеніе не однихъ, конечно тарчинскихъ крестьянъ, а всего сельскаго населенія цѣлаго Царства Польскаго:

„Шляхта угнетаетъ насъ и приводитъ къ окончательной гибели. Рабство, въ которомъ насъ держатъ является насиліемъ надъ законами Божескими и человѣческими. Даже у язычниковъ раба отпускали послѣ семилетней неволи... Духовенство насъ грабитъ и притѣсняетъ... Солдаты раззоряютъ насъ постоянными требованіями фуража... Чиновники обращаются съ нами жестоко... За платимыя нами чиншъ и данину—что получаемъ мы въ награду?—„цѣпи и колоды". Наши паны недоступны и жестоки... Они доходятъ до того, что принуждаютъ нашихъ сыновей брать въ жены опротивѣвшихъ панскому вкусу наложницъ... Наше тѣло едва прикрыто рубищемъ, и нѣтъ большей нищеты на свѣтѣ, чѣмъ у насъ.

„Прикончте же насъ въ конецъ; мы предпочтемъ подобный конецъ, ибо не будемъ, по крайней мѣрѣ растить дорогихъ дѣтокъ для удовлетворенія вашихъ прихотей; мы требуемъ не богатствъ, но безопасности и права пользоваться солнцемъ Божіимъ, права работать лѣтомъ—косой и плугомъ, зимой—нашими топорами".

Жители деревни Кропивникъ писали въ 1721 году слѣдующее [2]):

„Давно уже подобны лани, измученной погоней гончихъ и ищущей источника, вода котораго возстановила бы ея силы; давно уже преслѣдуютъ насъ гончія, но напрасно ищемъ мы живительнаго родника. Наша и такъ ужъ убогая деревушка постоянно подвергается опустошеніямъ и грабежамъ всякаго рода, почему намъ постоянно приходится скрываться по лѣсамъ или подъ землей... Наши страданія съ каждымъ днемъ увеличивается... Сжальтесь надъ нами"!

Съ этими душу раздирающими стонами жертвъ польско-католической аристократіи вполнѣ гармонируетъ свидѣтельство того добродѣтельнѣйшаго монарха, который по сверженіи своемъ съ престола тою же необузданной шляхтой, размышлялъ въ из-

---

[1]) Ludność rolnicza w Polsce od XVI doXVIII-go wieku; przez T. X-cia L. Warsz. 1862.

[2]) Archivium Sieniawskie. Supliki Duchownych Graeco-Uniti, z wsiów starostwa Katuskiego.

гнаніи надъ насчастіями, которыя подготовляютъ Польшѣ органическіе недостатки ея общественнаго строя. Вотъ что писалъ о бывшихъ своихъ подданныхъ Станиславъ Лещинскій: [1]).

„Мы едвали дѣлаемъ различіе между крестьянами и рогатымъ скотомъ, съ помощью котораго обрабатываемъ свои поля. Часто мы меньше бережемъ силы простолюдина, чѣмъ животныхъ, а чаще еще дѣлаемъ ихъ предметомъ постыднаго торга... Польша—единственная страна, гдѣ простой народъ какъ бы лишенъ правъ человѣческихъ... Мы почитаемъ крестьянъ за творенія иного рода, чѣмъ мы сами, и почти что оспариваемъ у нихъ право дышать однимъ съ нами воздухомъ".

Это возмутительное притѣсненіе крестьянъ не только не смягчалось, не сглаживалось съ теченіемъ времени, но, напротивъ, принимало все болѣе уродливыя формы. Казалось что феодализмъ, исчезавшій съ развитіемъ и подъ вліяніемъ гуманности и просвѣщенія нашелъ себѣ пріютъ въ Польшѣ и тамъ старался возмѣстить свои потери на западѣ Европы.

Въ 1781 году французскій путешественникъ Бернульи писалъ изъ Варшавы, что „нѣтъ въ этой странѣ ни закона, ни справедливости, что шляхта самымъ равнодушнымъ образомъ приказываетъ хватать и сѣчь крестьянъ, осмѣлившихся протестовать противъ насилія, жертвами котораго были они сами или ихъ дѣти".

Мнѣніе французскаго путешественника подтверждается вполнѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ въ это время король Станиславъ Понятовскій прилагалъ усердныя, но напрасныя старанія къ проведенію реформъ польскаго общественнаго строя.

Въ 1780 году на обсужденіе сейма былъ представленъ проектъ новаго кодекса, составленный Замойскимъ подъ личнымъ наблюденіемъ короля. Въ этомъ проектѣ предлагалось подчинить крестьянъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, которые замѣнили бы помѣщичье „правосудіе", основать школы и предоставить свободу занятій тѣмъ изъ крестьянъ, на которыхъ не лежало барщинной повинности. Что касается самой барщины, то объ ея отмѣнѣ или хотя бы упорядочніи не было и рѣчи.

Но и этотъ проектъ, не смотря на ограниченность и законность предлагаемыхъ въ немъ мѣръ, вызвалъ страшную бурю съ сеймѣ.

„Познанскій посолъ Сокольницкій" говоритъ Лелевель [2]), „схватилъ три тома кодекса, бросилъ ихъ на полъ и сталъ топтать ногами съ проклятіями по адресу автора проекта...

„По предложенію короннаго маршала, князя Любомірскаго, и волынскаго посла, Каминскаго, сеймъ, среди страшнаго крика пословъ, обвинявшихъ Замойскаго [3]) въ государственной измѣнѣ и покушеніи на свободу и права шляхты, постановилъ, что кодексъ заслуживалъ бы сожженія рукою палача и, не разсматривая проекта, отбросилъ его".

„Самъ Костюшко не былъ счастливѣе польскихъ монарховъ въ своихъ стремленіяхъ къ реформѣ. Въ разгаръ мнимо-демократической революціи 1794 года, Костюшко, ученикъ Уашингтона, и Лаѳайета не рѣшился объявить освобожденіе земледѣльческаго класса. Онъ старался лишь, но такъ же безуспѣшно какъ и его предшественники, убѣдить шляхту въ несовмѣстимости рабства съ военною службой, къ которой былъ впервые призванъ простой народъ".

Вотъ почему и во времена Наполеона Польша продолжала вращаться въ томъ же заколдованномъ кругу, въ которомъ упрямый эгоизмъ одной касты держалъ ее взаперти

[1]) Oeuvres du philosophe bienfaisant Stanislas Lesczynski. Paris. 4 тома См. т. III, стр. 4—5.

[2]) Considérations, стр. 249—290.

[3]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого Замойскаго съ предсѣдателемъ Земледѣльческаго Общества въ Варшавѣ въ 1861 г., гр. Андреемъ Замойскимъ который будучи всю жизнь ярымъ противникомъ крестьянской реформы въ Польшѣ, вдругъ склонился на ихъ сторону на засѣданіи 24 февраля, о которомъ мы говорили выше.

съ XVI вѣка. Разрушительное дѣйствіе великой революціонной бури 1793 г. было въ западной европѣ смягчено здоровыми началами, смѣнившими прежній строй уничтоженный революціей; въ Польшѣ охватившій западную Европу революціонный духъ выразился въ безсмысленныхъ безпорядкахъ. Въ 1807 году Наполеону, для осуществленія его обширныхъ намѣреній, понадобилось участіе поляковъ. Какъ мы видѣли выше, этому народу поручена была таже роль въ той кровавой драмѣ которая разыгрывалась въ Европѣ. Для этого Польшѣ надо было придать болѣе цивилизованный видъ, что и выразилось въ изданіи конституціоннаго статута Герцогства Варшавскаго отъ 22-го іюля 1807 года.

Четвертая статья этого статута гласила:

„Крѣпостное право отмѣняется. Всѣ граждане равны передъ закономъ; состояніе ихъ находится подъ охраной трибуналовъ".

Было бы несправедливо обвинять наполеона въ томъ, что онъ однимъ почеркомъ пера произвелъ столь важное преобразованіе въ общественномъ строѣ Польши. Человѣкъ, спасшій Францію отъ ужасной пропасти, къ которой влекла ее революція, сумѣвшій обуздать расходившіяся страсти и возстановить общественный порядокъ; человѣкъ, который возстановилъ религію, упорядочилъ финансы, создалъ поистинѣ удивительную административную организацію; безсмертный творецъ кодекса, передъ которымъ преклонился весь міръ,—однимъ словомъ Наполеонъ I обладалъ слишкомъ проницательнымъ, слишкомъ свѣтлымъ и опытнымъ государственнымъ умомъ, чтобы не понять истинныхъ потребностей любого народа, чтобы не постигнуть что вѣковое установленіе, какъ рабство, пустившее въ Польшѣ столь глубокіе корни, могло быть уничтожено лишь съ полнымъ пренебреженіемъ всего общественнаго строя преобразованіемъ основаннымъ на разумныхъ, примѣнимыхъ къ народу и согласныхъ съ его духомъ принципахъ. Но для этого у Наплеона не было ни охоты, ни времени; да онъ и не предпринималъ въ сущности соціальной реформы въ Польшѣ; онъ употреблялъ ее лишь въ качествѣ орудія политики, въ его разсчетъ входило въ данную минуту предпринять мнимое возрожденіе народа, о которомъ два года спустя писалъ, что „соглашается на то, чтобы слова „Польша" и „поляки" исчезли не только изъ области политическихъ комбинацій, но и изъ исторіи".

Горе побѣжденнымъ! Но еще болѣе достойны сожалѣнія тѣ народы, которые призваны служить орудіемъ для удовлетворенія самолюбія и для выполненія плановъ, хотя бы и самыхъ блестящихъ, и по духу, и по племени чуждыхъ имъ людей. Подобныя личности овладѣваютъ народомъ, пользуются имъ, пока это имъ нужно, а затѣмъ бросаютъ его на произволъ субьбы, не обращая никакого вниманія на потрясенія, которыя они произвели во внутреннемъ строѣ этого народа, на все зло, которое они ему причинили. Самымъ тяжкимъ несчастьемъ для Польши, какъ въ былыя времена, такъ и теперь, являлась именно печальная необходимость служить орудіемъ подобной эксплуатаціи съ того момента, какъ Римъ простеръ свои права на землю ляшскую. Главною ошибкой Польши, которую ей пришлось искупать горестными испытаніями, является то повиновеніе, которое выказали поляки по отношенію къ Риму, въ дѣлѣ предслѣдованія истинной церкви Христовой, отъ чего въ принципѣ поляки не отказались и по настоящее время.

Истинный смыслъ конституціоннаго устава 1807 года и его прямыя послѣдствія можно, намъ кажется, выразить въ слѣдующей перефразировкѣ четвертой статьи его.

„Крѣпостное право номинально отмѣняется, въ дѣйствительности же оно сохраняетъ свою силу, причемъ отличается еще созданіемъ нищаго пролетаріата: большая часть гражданъ ставится въ полную, безграничную зависимость меньшинства".

Обнародованный 21 декабря 1807 года королемъ саксонскимъ декретъ, цѣлью коего было разъяснить примѣненіе 4-й статьи статута и упорядочить отношенія между помѣщиками и крестьянами, заключалъ цѣлый рядъ мѣръ, пагубные результаты кото-

рыхъ не замедлили сказаться. Статьи 1 и 2 этого декрета предоставляютъ крестьянамъ право переселяться изъ одного имѣнія въ другое, ставя имъ единственное условіе— предувѣдомить о своемъ намѣреніи помѣщика. Это называется признаніемъ личной свободы крестьянства! Земледѣлецъ былъ раскрѣпощенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ терялъ всякое право на землю, которою онъ дотолѣ пользовался. Статья 6-я лишала крестьянина крова и обязывала его въ теченіе года отдать помѣщику весь свой живой и мертвый инвентарь: скотъ, земледѣльческія орудія и посѣвы.

Легко понять практическія послѣдстія этого декрета. Всецѣло предоставленнымъ произволу помѣщика крестьянамъ представлялось два, одинаково пагубныхъ исхода:

Или согласиться на потерю всего своего достоянія, навсегда покинуть съ женами и дѣтьми родныя гнѣзда и пойти по міру, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этихъ словъ; или заключать срочныя сдѣлки съ помѣщиками, которые, въ силу новаго порядка вещей, могли на законномъ основаніи ставить самыя тяжелыя для крестьянина условія соглашенія; при всемъ томъ крестьянину грозила еще печальная участь въ случаѣ несогласія помѣщика возобновить сдѣлку по истеченіи ея срока.

Въ силу этого почти половина сельскаго населенія Царства Польскаго была обезземелена и доведена до состоянія пролетаріата. Помѣщики находили для себя болѣе выгоднымъ отбирать у крестьянъ занимаемые ими участки, присоединять ихъ къ своимъ фольваркамъ или отдавать въ аренду нѣмецкимъ колонистамъ, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переселилось въ Польшу до 300,000 человѣкъ; энергія, съ которою помѣщики принялись за обезземеленіе крестьянъ вызвала образованіе земельнаго пролетаріата, численность котораго въ теченіе 25 лѣтъ достигла 1.350,000 душъ. Это страшное развитіе пролетаріата, которое продолжалось бы и понынѣ, если бы русское правительство не положило предѣла этому порядку вещей, даетъ намъ возможность представить себѣ картину той соціальной катастрофы, къ которой стремились поляки.. Въ теченіе менѣе чѣмъ ста лѣтъ около четырехъ милліоновъ крестьянъ были обезземелены и приговорены къ нищетѣ группой изъ 100,000 помѣщиковъ, въ рукахъ коихъ концентрировались все народное достояніе и власть; и нынѣ помѣщичье сословіе въ Привислянскомъ краѣ нарекаетъ на правительство за то, что оно слишкомъ мало печется о ихъ кастовыхъ интересахъ, занимаясь преимущественно крестьянскимъ населеніемъ.

Такимъ образомъ одна половина земледѣльческаго класса Царства Польскаго была приговорена къ нищетѣ, другая, какъ бы въ насмѣшку надъ дарованной польскому крестьянину теоритической свободой, изнемогала подъ гнетомъ еще большихъ, чѣмъ прежде повинностей. Къ тому же крестьяне, оставшіеся на помѣщичьихъ земляхъ, какъ мы уже сказали, могли, по капризу помѣщиковъ, быть выселены изъ занимаемыхъ ими участковъ.

Большая часть крестьянъ заключила съ помѣщиками на большій или меньшій срокъ договоры, на основаніи которыхъ сохранена была барщина; между прочимъ это прямо противорѣчило смыслу кодекса Наполеона, который признаетъ исключительно договоры о наймѣ. Вообще, знакомясь съ общественнымъ строемъ Польши, мы сплошь да рядомъ наталкиваемся на разногласія между дѣйствующимъ правомъ и установившеюся практикой и на постоянныя, самыя рѣзкія, противорѣчія между смысломъ закона и его примѣненіемъ. Барщинная повинность, закономъ отмѣненная, являлась предметомъ договоровъ, утверждаемыхъ судами. Когда въ 1846, 1858 и 1861 годахъ для упорядоченія взаимоотношеній помѣщиковъ и крестьянъ было установлено очиншеваніе или выкупъ, то денежные платежи были опредѣляемы на основаніи барщинной повинности. Когда въ 1861 году отъ помѣщиковъ были вытребованы данныя для опредѣленія дѣйствительныхъ условій договоровъ ихъ съ крестьянами, то оказалось что въ это время надъ польскимъ крестьянствомъ тяготѣло еще 18.998,806 барщинныхъ дней;

изъ этихъ девятнадцати почти милліоновъ дней принудительной работы было 6.684,430 дней тяглыхъ.

Впрочемъ барщинная повинность предстявляла для крестьянъ наименѣе чувствительную тягость, для помѣщиковъ же наименьшую статью дохода. Феодальныя повинности, называемыя въ Польшѣ „даремщинами", сохранились тамъ вопреки либеральнымъ законамъ кодекса Наполеона и тѣмъ болѣе тяготѣли надъ несчастными обязанными ими, что эти повинности не были точно ограничены, и такимъ образомъ панамъ предоставлялся въ этомъ отношеніи полнѣйшій произволъ. Изъ постановленія совѣта управленія отъ 14 ноября 1896 года видно, что изъ разсмотрѣнія 17 тысячъ престаціонныхъ табелей опредѣляется существованіе въ Царствѣ Польскомъ 141 категоріи даремщинъ [1]). Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ повинностей:

1) Сгоны, т. е. созывъ, такъ называемою толокой или лаской, всѣхъ наличныхъ поселянъ, мужчинъ и женщинъ, за исключеніемъ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ дѣтей, на жатву, для кошенія сѣна, для копанія картофеля и на другія, какія бы то ни было работы, ни по числу дней, ни по числу людей не имѣвшія положительнаго опредѣленія.

29) Дневной и ночной караулъ по очереди для охраненія господскихъ и фольварковыхъ строеній, пивоваренъ, винокуренъ и корчемъ, равно при квартирахъ дворовыхъ служителей, съ обязанностью рубить дрова, сѣчь траву для скота, топить печи, носить воду и т. д.

30) Нарядъ, кромѣ ночного караула, еще сторожа недѣльнаго и стойки.

33) Отбываніе стойки въ продолженіе цѣлой недѣли женщинами съ лошадью.

39) Вывозка хлѣба для посѣва и самый посѣвъ онаго въ полѣ.

41) Вывозка хлѣба и овечьей шерсти въ города.

45) Вырубка лѣса строевого и на топливо, привозка онаго вмѣстѣ съ другими матеріалами.

47) Привозка и отвозка, кого велитъ дворовое управленіе.

51) Развозъ напитковъ по корчмамъ,

57) Чищеніе трубъ въ господскомъ домѣ и другихъ дворовыхъ строеніяхъ.

58) Пастьба двороваго скота и свиней.

62) Укладка хлѣба въ овины.

67) Разноска помѣщичьихъ писемъ.

68) Нарядъ женщинъ для мытья бѣлья.

71) Дѣланье прорубей на льду.

72) Ловля рыбы и раковъ.

83) Снятіе кожъ съ палаго скота.

89) Выдѣлка пряжи изъ господскаго волокна безъ опредѣленія количества штукъ и локтей.

95) Своака песку на кирпичные заводы по мѣрѣ надобности.

100) Выходъ на облаву или, такъ называемую гонку во время охоты, равно отдача помѣщику живой или убитой дичи.

104) Устройство солодиленъ.

105) Посадка извѣстнаго числа грядъ собственною крестьянскою разсадкой.

107) Нарядъ дѣвокъ служанокъ на цѣлую недѣлю, или извѣстное число дней для дворовой прислуги.

108) Плата наличными деньгами или зерновымъ хлѣбомъ на содержаніе пастуха и скотницы.

113) Плата приказчику.

---

1) Дневникъ Законовъ Т. 38, № 188, стр. 252 и слѣд.

116) Обязанность брать во время жатвы извѣстное количество водки изъ господскаго магазина.

121) Обязанность продавать помѣщику извѣстное количество сельскихъ произведеній за плату по его назначенію.

Но этими 121-й даремщиной не ограничивались непосильныя повинности, коими земледѣльческій классъ Царства Польскаго доведенъ былъ до полнаго истощенія.

На основаніи феодальнаго права, которое сохранилось въ одной лишь Польшѣ, существовала здѣсь такъ называемая пропинація, которая сохранила за помѣщикомъ исключительное право выдѣлки спирта и варенья пива, а также продажи этихъ напитковъ.

Законъ, правда, въ теоріи воспрещалъ всякаго рода исключительныя привилегіи, но на практикѣ онъ не примѣнялся, лишь съ введеніемъ въ Привислянскомъ краѣ казенной продажи питей въ 1897 году исчезли послѣдніе слѣды этой помѣщичьей привилегіи, которая замѣнена была единовременнымъ вознагражденіемъ лицъ, владѣвшихъ правомъ пропинаціи, уцѣлѣвшимъ еще въ немногихъ мѣстахъ.

Перечисленіе всѣхъ правъ и привилегій помѣщиковъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Обратимся теперь къ одной изъ привилегій польской шляхты,—привилегіи, которая многое разъясняетъ въ общественномъ строѣ дореформенной Польши, привилегіи, которою болѣе всего дорожила шляхта и коей побоялось коснуться, даже несмотря на свой либерализмъ, подземное революціонное правительство. Мы говоримъ о той, болѣе чѣмъ феодальной шляхетской прерогативѣ, которую представлялъ изъ себя институтъ гминныхъ войтовъ.

Ничего подобнаго институту польскихъ войтовъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ современномъ государствѣ за исключеніемъ Японіи въ лицѣ ея знати, да и то въ гораздо болѣе осмысленной и умѣренной формѣ. Японскій даймiосъ—это мелкій феодальный монархъ, неограниченный владыка—въ предѣлахъ своихъ владѣній, царекъ—едва признающій власть тайкуна. Гминный войтъ является именно такимъ, но только польскимъ даймiосомъ. Существенною разницей между японскими и польскими даймiосами является то, что въ Японіи число имъ ограничено, тогда какъ въ Польшѣ въ 1859 году насчитывалось 5251 войтъ въ деревняхъ и 453—въ мѣстечкахъ.

Вплоть до 1859 года, согласно закону, каждый владѣлецъ имѣнія, заключавшаго не менѣе 10 дымовъ, т. е. 10 крестьянскихъ усадебъ, былъ войтомъ, т. е. главой гмины; это право не распространялось на духовенство, женщинъ, малолѣтнихъ, евреевъ и иностранцевъ.

Войтъ вступаетъ въ должность de jure и безъ особыхъ законныхъ причинъ не можетъ быть лишенъ этого права.

Въ случаѣ своего отсутствія, какихъ-либо другихъ препятствій или просто ради своего удобства, каждый помѣщикъ можетъ поставить вмѣсто себя замѣстителя, выборъ коего всецѣло зависитъ отъ него: такому замѣстителю помѣщикъ передаетъ всю присвоенную ему закономъ власть.

Власть гминнаго войта—трояκаго рода: въ административномъ отношеніи онъ является органомъ центральной власти; исполнительная власть заключается въ исполненіи функцій начальника полицейской части въ гминѣ; судебная компетенція войта опредѣляется извѣстнымъ кругомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Этому характеру власти гминнаго войта соотвѣтствовало различіе лежащихъ на немъ обязанностей. Войтъ объявляетъ законы и правительственныя распоряженія, „избирая для этого“, какъ говоритъ законъ, „тѣ средства, какія признаетъ наиболѣе соотвѣтственными“; онъ взыскиваетъ подати; раскладываетъ шарварковый сборъ и гминные налоги; наблюдаетъ за общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ, блюдетъ надъ безопасностью лицъ, охраняетъ собственность; предпринимаетъ всѣ нужныя мѣры въ пользу

общественнаго блага противъ злонамѣренныхъ личностей, задерживаетъ бѣглыхъ, бродягъ и подозрительныхъ личностей; поддерживаетъ въ хорошемъ состоянiи находящiеся въ гминѣ дороги, мосты и каналы; распредѣляетъ по квартирамъ войска; доставляетъ въ распоряженiе властей лицъ, призванныхъ къ отбыванiю воинской повинности; выдаетъ свидѣтельства и паспорты; наблюдаетъ за поддержкой гминныхъ зданiй, а также надъ общественною гигiеной и здравiемъ; опекаетъ сиротъ; утверждаетъ въ должностяхъ низшихъ чиновъ гминнаго управленiя: солтысовъ, полевыхъ и т. д.

Какъ представителю судебной власти, войту подсудны всѣ правонарушенiя, влекущiя за собой денежный штрафъ не болѣе десяти рублей или семидневный арестъ, или же тѣлесное наказанiе въ 20 ударовъ розгами.

Больные и беременныя женщины не подлежатъ тѣлесному наказанiю, которое должно производиться при закрытыхъ дверяхъ. Лицамъ арестованнымъ должно быть доставлено приличное довольствiе; заключенiе на хлѣбъ и на воду не можетъ быть долѣе 48 часовъ; арестованныхъ нельзя заковывать въ кандалы.

Но, помимо этихъ замѣчанiй, тройственная власть войта законнымъ порядкомъ ничѣмъ ограничена не была; его отвѣтственность закономъ не опредѣлена, и никакой дѣйствительной гарантiи противъ его самоволiя не существовало. Жители гмины были обязаны оказывать содѣйствiе исполненiю распоряженiй и приговоровъ войта; въ случаѣ необходимости войтъ можетъ потребовать военной помощи.

Легко представить себѣ послѣдствiя подобной концентрацiи власти. Столь полное самовластiе, какое дано было гминнымъ войтамъ едва ли встрѣтится въ средневѣковыхъ хроникахъ и, по обширности своей власти, войты могли найти равныхъ себѣ лишь въ азiатскихъ деспотахъ. Пользуясь въ качествѣ землевладѣльцевъ всѣми доходами съ земель, эксплоатируя крестьянскiй трудъ при помощи панщизны и даремщинъ, помѣщикъ въ роли войта гмины, могъ распоряжаться судьбою своего населенiя, какъ неограниченный владыка. Ничто не могло скрыться отъ его власти, контроля или мести. Подъ предлогомъ бродяжничества или невыполненiя формальностей, онъ могъ арестовать и посадить въ тюрьму кого ему угодно было. Раскладывая подати, слѣдя за исправностью дорогъ, мостовъ, каналовъ и зданiй, наблюдая за общественнымъ здравiемъ, порядкомъ, безопасностью и т. д., войтъ имѣлъ полную возможность примѣнять этотъ надзоръ въ своихъ личныхъ интересахъ и эксплоатировать въ свою пользу имущество и трудъ жителей гмины. Выдавая паспорты и всякаго рода документы, войтъ имѣлъ полную возможность поставить въ безвыходное, въ полномъ смыслѣ этого слова, положенiе всѣхъ, находящихся въ районѣ его дѣятельности и воспрепятствовать имъ аппеллировать къ высшей власти.

Будучи одновременно судьей и стороной, гминный войтъ не разъ произносилъ приговоры по тяжбамъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ, которымъ онъ былъ самъ Когда правительству нужны бывали какiя-либо свѣдѣнiя, или когда оно намѣревалось принять какiя-либо мѣры въ пользу низшихъ классовъ, то оно обращалось къ войтамъ, имъ поручало выполненiе предпринятыхъ мѣръ; не трудно представить себѣ, какъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ войтъ.

Большiе земельные собственники, жившiе въ Варшавѣ или путешествовавшiе за границей, выбирали себѣ замѣстителей изъ мелкой шляхты, чаще всего изъ своихъ управляющихъ писарей или другихъ служащихъ.

По статистическимъ даннымъ 1861 года почти половина гминныхъ войтовъ, т. е. 1,639 на 3,069, состояла изъ замѣстителей, принадлежавшихъ къ наиболѣе безпокойному, ненадежному и опасному классу населенiя.

Получая жалованья всего отъ 50 до 70 рублей въ годъ, эти замѣстители эксплоатировали своихъ подвластныхъ съ безобразною наглостью, поощряемою сознанiемъ безнаказанности своихъ дѣянiй. Злоупотребленiя войтовъ переступали всякiя границы.

Для иллюстраціи дѣятельности института гминныхъ войтовъ, приводимъ одно изъ безчисленныхъ дѣлъ, возникавшихъ на поприщѣ отношеній между крестьянами и помѣщиками и свидѣтельствовавшихъ о всей ненормальности этихъ отношеній, до введенія въ Привислинскомъ Краѣ русской администраціи.

Крестьяне имѣнія Гарнекъ (Петроковскаго уѣзда), принадлежащаго помѣщику Г., бывшаго по праву своему войтомъ гмины, нѣсколько разъ жаловались на образъ дѣйствій своего господина. Въ концѣ концовъ была назначена слѣдственная комиссія, которая, прибывъ на мѣсто, констатировала слѣдующее:

1) Въ 1840 году г. Гр. отобралъ у крестьянъ лучшіе участки, самовольно лишилъ имущества и выселилъ одиннадцать семействъ.

2) Вводилъ незаконныя барщинныя повинности и принуждалъ крестьянъ за безцѣнокъ работать на пользу помѣщика.

3) Его управляющій, самъ онъ, а особенно г-жа Гр., его жена, самымъ жестокимъ образомъ обращались съ крестьянами, подвергали ихъ ужаснымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, лишали ихъ свободы и всячески злоупотребляли двойною властью: помѣщика и войта гмины.

4) Неоднократно г. Гр. въ роли войта гмины прибѣгалъ къ военной помощи для наказанія крестьянъ за то, что они пытались обращаться къ высшимъ властямъ.

Несмотря на столь тяжкія обвиненія и шумъ поднятый этимъ вопіющимъ дѣломъ, г. Гр. обязанъ благодѣтельной административной автономіи тѣмъ, что все ограничилось смѣщеніемъ его съ должности войта. Что касается несчастныхъ крестьянъ, которые столько вытерпѣли и которые хотѣли лишь упорядоченія своего положенія и замѣны панщины чиншемъ, то они были строго наказаны: восемьдесятъ семействъ было лишено участковъ и выселено для „поддержанія порядка и повиновенія“.

Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. Даже нѣкій гр. А. З-ій до своего внезапнаго увлеченія дѣломъ освобожденія крестьянъ, былъ признанъ на судѣ виновнымъ въ нарушеніи заключеннаго въ 1841 году съ крестьянами имѣнія Ренчайка договора, условія, коего, въ добавокъ, были признаны „притѣснительными, своевольными и беззаконными“.

Характернымъ документомъ по вопросу объ эксплоатаціи помѣщиками крестьянъ служитъ контрактъ, заключенный въ 1861 году однимъ изъ помѣщиковъ Конинскаго уѣзда со своими крестьянами:

Кромѣ 6 р. 90 коп. чинша съ каждыхъ двухъ съ половиною десятинъ—крестьяне обязаны были:

1) Отрабатывать по два барщинныхъ дня съ морга [1]), итого 10 дней.

2) Доставлять ежегодно на помѣщичью кухню 2 каплуновъ и 3 зайцевъ.

3) По требованію помѣщика копать канавы и рвы.

4) Молоть хлѣбъ исключительно на помѣщичьей мельницѣ.

5) Покупать водку исключительно у помѣщика, подъ угрозой, въ случаѣ нарушенія этого условія, штрафа въ $4^1|_2$ рубля.

6) По приказанію помѣщика отправляться на охоту, рыбную ловлю и на всѣ чрезвычайныя занятія, какія имъ будутъ указаны.

7) Не продавать, не соединять и не раздѣлять участковъ, имъ принадлежащихъ, безъ согласія помѣщика, который получаетъ съ договорной суммы каждый восьмой грошъ (12%) и кромѣ того, въ качествѣ вознагражденія—75 рублей.

И въ такомъ состояніи находились въ девятнадцатомъ вѣкѣ $3^1|_4$ милліона человѣческихъ существъ; *таковы права и привилегіи, для сохраненія которыхъ поляки устраиваютъ мятежи* и накликаютъ всевозможныя бѣдствія на свою несчастную страну!

---

[1]) Моргъ—приблизительно полъ десятины.

Успѣхъ и безнаказанность революціонныхъ интригъ, быстрота распространенія революціоннаго движенія, образованіе вооруженныхъ бандъ, замѣчательная легкость, съ которою онѣ ускользаютъ передъ вдесятеро сильнѣйшимъ регулярнымъ войскомъ, соучастіе чиновничьяго класса, стройное однообразіе демонстрацій, руководимыхъ духовенствомъ; мощная организація съ помощью монаховъ этого неуловимаго подземнаго правительства, безпримѣрнаго какъ въ нынѣшнія, такъ и въ древнія времена. Кровавая загадка послѣдней революціи, державшей всѣхъ въ невѣдѣніи, воспламенявшая однихъ, поражавшая другихъ и для всѣхъ одинаково непонятная,—разрѣшается легко съ помощью вышеприведеннаго ключа.

5262 маленькихъ народныхъ правительствъ предупредило и подготовило ту хунту, которая съ 1860 года дѣйствовала въ подземельяхъ Варшавы.

5262 маленькихъ подземныхъ правительствъ покрыло всю страну сѣтью революціонныхъ интригъ, угнетало, эксплоатировало, обманывало и старалось возмутить противъ законной власти несчастное, членами же этихъ правительствъ, обездоленное крестьянство.

5262 комитета неутомимо дѣйствовало въ теченіе шестнадцати лѣтъ; а когда они увидѣли близящуюся социальную реформу, могущую нарушить ихъ непомѣрную власть, то соединили свои усилія, сопрягли всѣ способности, однимъ словомъ централизировались.

Для полноты этой печальной картины необходимо еще разъ указать на двухъ могучихъ союзниковъ, которыми съ такимъ успѣхомъ пользовались борцы за кастовые преимущества; громадное нравственное вліяніе этихъ двухъ союзниковъ много содѣйствовало возбужденію умовъ въ Польшѣ и доведенію ихъ до состоянія неслыханной экзальтаціи.

Женщина монахъ и ксендзъ—вотъ эти три кульминаціонныхъ пункта общественнаго строя, тѣ три источника, откуда исходили и куда стремились потоки чувствъ, вѣры, страстей человѣческихъ; женщина монахъ и ксендзъ оказались сильнѣе въ Польшѣ, чѣмъ они были въ средніе вѣка; союзъ ихъ воздѣйствій—непобѣдимъ. Эти три возбуждающихъ силы меньшинство употребило для того, чтобы поднять массы и толкнуть ихъ, помимо ихъ воли, противъ очевидныхъ ихъ интересовъ, на путь возстанія, единственнымъ результатомъ коего могло явиться продленіе рабства большей части народа и замедленіе реформъ, необходимыхъ въ виду состоянія польскаго общества. Но Русское Правительство, сумѣвшее обдумать и провести дѣло освобожденія 20 милліоновъ человѣкъ, справилось со своею задачей и въ Польшѣ, несмотря на угрозы и громы подземныхъ силъ. Изгнаніе монашескихъ орденовъ, положило начало умиротворенія края, остается прибрать къ рукамъ ксендзовъ.

ГЛАВА X.

Слѣдя за ходомъ возстанія 1863 года, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ правительство, каково бы оно ни было, руководимое ли благими или злыми побужденіями, могло согласиться на подобное положеніе вещей или даже переносить его? Какимъ образомъ, обладая властью, которая во многихъ случаяхъ выказывала неопровержимую энергію, какимъ образомъ эта власть не обратила всего своего вниманія, не направила всѣхъ своихъ усилій къ избѣжанію опасностей, долженствовавшихъ отсюда воспослѣдовать какъ для нея самое, такъ и для народа, судьба коего была ей ввѣрена?

Не надо было ни пользоваться особымъ довѣріемъ императоровъ Александра I или Николая Павловича, ни быть посвященнымъ въ возвышенныя предначертанія Государя, котораго Россія еще во время польскаго возстанія называла Освободителемъ, чтобы отвѣтить на вопросы, которые навязываются при чтеніи того, что мы писали выше. Для этого достаточно было спокойно и безпристрастно отнестись къ ходу событій съ 1815 года и отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляли для

русскаго правительства необходимость примиренія, часто противоположныхъ интересовъ Имперіи и Царства Польскаго, а также требованія внѣшней политики. Достаточно не упускать изъ виду этихъ обстоятельствъ и имѣть нѣкоторое представленіе о самой Польшѣ, чтобы уяснить себѣ ту политику, которой Россія придерживалась въ ней отъ 1814 года и правильно оцѣнить эту политику.

Излишнимъ было бы обращаться къ историческимъ даннымъ, которыя вкратцѣ изложили мы выше. Злая воля, соединенная съ неблагодарностью и отсутствіемъ мысли о будущемъ,—т. е. то, чѣмъ отвѣтили поляки на великодушныя намѣренія императора Александра I, доказаны ходомъ историческихъ событій. Не менѣе доказано и то, что подобное отношеніе не смутило Императора, и онъ рѣшилъ провести свое намѣреніе до конца.

Немыслимо поэтому было для него увеличивать и безъ того уже большія затрудненія, съ которыми приходилось ему бороться, при сокращеніи привилегій шляхетской касты, въ дѣйствительности немногочисленной, праздной и безпокойной, воображающей, однако, какъ въ этомъ сознается одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ патріотовъ, что лишь она одна составляетъ народъ и страна исключительно ей должна принадлежать.

„Земледѣліе и ремесла выигрывали отъ этого", писалъ въ 1827 году гр. Михаилъ Огинскій [1]), „но это дѣлалось цѣной притѣсненія и подчиненія шляхтѣ, т. е. единственнаго класса, который нѣкогда представлялъ польскій народъ". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ съ большею еще горячностью возвращается къ той же мысли: „Несомнѣнно, нельзя замѣтить разницу между поляками и литовцами, особенно же въ классѣ шляхты, которая единственно представляла до извѣстнаго времени польскій народъ". И нынѣ еще всевозможные праздношатающіеся неучи причисляютъ себя къ цвѣту интеллигенціи, той единственно касты, о благѣ коей исключительно обязаны заботиться правительства. А эта то именно каста людей безъ всякаго осмысленнаго образованія, безъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ и осмысленныхъ занятій, готова во всякую минуту ко всевозможнымъ демонстраціямъ и безпорядкамъ.

Могъ ли императоръ Александръ I предпринимать реформы въ Польшѣ, могъ ли онъ преобразовать сверху до низу тотъ хаосъ, который представляло польское общество, оказывавшее постоянное сопротивленіе усиліямъ на этомъ поприщѣ своихъ собственныхъ королей и исполнявшее лишь велѣнія Рима—могъ ли сдѣлать что-либо Александръ I при существованіи подобныхъ кастовыхъ предразсудковъ, пустившихъ столь глубокіе корни въ польскомъ народѣ?

Единственно возможнымъ было въ эту эпоху подготовленіе плановъ для будущаго и созданіе въ казенныхъ имѣніяхъ образцовъ, которыми землевладѣльцы могли бы пользоваться съ цѣлью улучшенія положенія крестьянскаго сословія.

Въ этомъ отношеніи ничто не было забыто какъ въ царствованіе императора Александра I, такъ и при его преемникахъ.

Въ 1816 году положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ было значительно измѣнено къ лучшему. Постановлено было, что участки, принадлежащіе крестьянамъ не могутъ переходить въ постороннія руки, чѣмъ крестьяне были гарантированы отъ обезземеленія, и чѣмъ обезпечено было ихъ будущее.

Барщина была сперва уменьшена, а затѣмъ и вовсе отмѣнена и замѣнена денежною повинностью, весьма незначительною и опредѣленною производительною цѣнностью земли.

Всѣ чрезвычайные поборы и даремщины были отмѣнены.

Правительство сохранило за собой право контроля надъ маіорантными имѣніями,

---

[1]) Pamietniki Mich. Oginskiego. Парижъ, 1827.

жалуемыми за служебныя заслуги, и ставило владѣльцамъ ихъ различныя условія въ пользу крестьянъ.

Приведемъ въ доказательство вышесказаннаго нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Исъ числа 109,576 дымовъ, т. е. отдѣльныхъ крестьянскихъ усадьбъ, существовавшихъ въ казенныхъ имѣніяхъ въ 1865 году сохранилась барщина лишь въ 326 усадьбахъ; между тѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ она существовала еще въ 5145 усадьбахъ; въ 32537 усадьбахъ существовала барщина наряду съ чиншемъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ средняя сумма крестьянскихъ платежей равнялась 3,5 франка съ гектара.

Въ имѣніяхъ, принадлежащихъ благотворительнымъ учрежденіямъ—3,65 франка.

Въ частныхъ же имѣніяхъ крестьяне платили въ среднемъ 11,5 франка чинша отъ гектара, при максимумѣ въ 87,87 франка [1]).

Подобныя мѣропріятія не могли не потребовать значительныхъ жертвъ со стороны Правительства и повлекли за собой уменьшеніе доходовъ казны. Правительство, конечно, могло во избѣжаніе этого наложить новыя подати или увеличить тѣ, которыя спеціально касались землевладѣльческаго класса, причемъ эти послѣднія подати могли быть значительно возвышены.

Итакъ, напримѣръ, размѣръ подати съ чистаго поземельнаго дохода, т. е. такъ называемой *офяры*, опредѣлялся на основаніи расцѣнки 1787 года. Съ того времени стоимость имѣній удесятирилась; доходность ихъ увеличилась еще въ большемъ отношеніи, а между тѣмъ еще въ 1865 году „офяра“ взималась въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была опредѣлена почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ. До возстанія Польша принадлежала къ числу наименѣе обложенныхъ странъ, ибо средняя сумма обложенія на душу равнялась тамъ въ 1864 году 10,4 франка, тогда какъ во Франціи она опредѣлялась въ 37,5 фр., въ Англіи—въ 57,5 фр., въ Россіи—въ 13,76 франка.

Тотъ идеалъ дешеваго правительства, столь желаемаго и восхваляемаго современными экономистами, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было находилъ свое осуществленіе въ странѣ, которая, находясь подъ чужимъ владычествомъ, не обязана была участвовать въ расходахъ по содержанію войска, флота, дипломатическаго корпуса, которая единственно доставляла 1,200,000 франковъ на содержаніе Двора. Польская казна вносила на общіе расходы 12,600,000 франковъ, но, въ виду того, что, съ другой стороны она получала изъ русской казны 14,154,146 франковъ, оказывается, что на Россію падали общіе расходы и кромѣ того Царство Польское получало ежегодно отъ русской казны 1,554,416 франковъ.

Не удивительно, что нашлись у поляковъ деньги на поддержку возстанія.

Изъ видовъ денежной помощи, оказываемой русскою казной Польшѣ, укажемъ въ особенности на одинъ, носившій совершенно исключительный характеръ. Въ виду того, что налогъ на соль былъ слишкомъ тягостенъ для бѣднѣйшаго класса населенія, правительство рѣшило прійти ему въ этомъ отношеніи на помощь. Въ 1850 году налогъ этотъ былъ значительно уменьшенъ; когда же польская казна стала жаловаться на значительныя потери, вызванныя правительственною мѣрою, то русская казна приняла эти потери на свой счетъ, за что польское населеніе поспѣшило возстаніемъ въ 1863 году выразить свою признательность русскому правительству.

Дефицитъ, который отмѣной налога на соль оказался бы въ бюджетѣ доходовъ Царства Польскаго, равнялся 8,797,512 франкамъ.

Уничтоженіе таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Имперіей было особенно выгодно для польской промышленности. Пріобрѣтя обширные и многочисленные рынки и торговые пункты внутри Имперіи и даже въ Азіи, польская промышлен-

[1]) Въ имѣніи Воля Дзерлинская, Сѣрадзскагв уѣзда. См. «Ежегодн. Цар. Польскаго» за 1863 годъ.

ность значительно увеличилась, мѣстечки съ двумя-тремя тысячами жителей въ самое короткое время обратились въ цвѣтущіе города и въ центры промышленнаго и революціоннаго движенія.

Въ Лодзи, напримѣръ, населеніе которой въ настоящее время достигаетъ 415 тысячъ, во время возстанія числилось уже до 32 тысячъ населенія, между тѣмъ какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка оно едва достигало 1,500 душъ.

Часто полезныя для Польши мѣропріятія вредно отзывались на внутреннихъ губерніяхъ Россіи, такъ какъ тамошнимъ фабрикантамъ трудно было бороться съ польскою конкуренціею. Англійскій писатель Смитъ говоритъ, что въ 1831 году русскіе фабриканты и купцы изъявили готовность вносить русской казнѣ ежегодно по 15 милліоновъ рублей въ случаѣ, если таможенная граница между Россіей и Польшей будетъ сохранена [1]).

Не предполагая, чтобы поляки могли за всѣ эти благодѣянія отплатить Россіи революціей, правительство не согласилось исполнить просьбу русскихъ промышленниковъ.

„Неужели всѣ эти утопическіе мечтатели предполагали, что обладаніе Польшей принесетъ Россіи однѣ лишь радости и выгоды?.. *Каждый благомыслящій польскій патріотъ, способный уразумѣть истинные интересы своего народа, долженъ прійти къ убѣжденію, что для Царства Польскаго, въ нынѣшнихъ его предѣлахъ, безъ сравненія выгоднѣе оставаться въ связи съ Россіей*, чѣмъ оторваться отъ нея, съ цѣлью образовать государство, занимающее весьма незначительную площадь, *окруженное слишкомъ могущественными сосѣдями*, и не могущее поэтому добиться большого значенія въ Европѣ".

Но оказалось, что благомыслящихъ и способныхъ понять истинные интересы страны поляковъ не много, ибо ни всѣ эти хорошіе примѣры, ни всѣ доказательства великодушія и безкорыстія ни къ чему не привели; и чѣмъ больше великодушія проявляло по отношенію къ полякамъ русское правительство, тѣмъ рѣзче сказывалась ихъ неблагодарность. Революціонный взрывъ 1830 года долженъ былъ положить предѣлъ стремленіямъ къ реформѣ.

Желая вторично взяться за дѣло, требовавшее со стороны правительства особаго напряженія, вниманія и усилій, со стороны же общества искренняго содѣйствія правительству,—необходимо было подождать усмиренія мятежа и успокоенія умовъ.

Вооруженное возстаніе вскорѣ было усмирено русскими войсками при помощи энергическихъ мѣръ, принятыхъ императоромъ Николаемъ I. Но духъ мятежа, возбуждаемый римскимъ духовенствомъ не такъ-то легко было одолѣть; для успокоенія умовъ необходимо было принять мѣры противъ заграничнаго воздѣйствія на поляковъ въ смыслѣ возмущенія и подстрекательства ихъ къ дальнѣйшему бунту.

Между тѣмъ дѣло поставлено было совсѣмъ иначе. *Нигдѣ сѣмя вражды не было такъ оберегаемо, какъ въ Польшѣ.*

Этотъ несчастный народъ, всецѣло руководимый Римомъ, пользовался тѣмъ грустнымъ преимуществомъ, что *его постоянно обманывали и приносили въ жертву тѣмъ, кто называлъ себя его друзьями.* Не обращая никакого вниманія на несчастія, которыя истекали отсюда для Польши, эти мнимые друзья ея старались поддерживать въ полякахъ духъ мятежа, постоянно воспроизводя передъ ихъ глазами злополучный фантомъ возстановленной отчизны и славу католицизма.

Для однихъ изъ этихъ друзей Польши выгодно было подготовить постоянно готовую къ революціи массу, которою можно въ любую минуту воспользоваться.

Другіе пользовались Польшей для отвода глазъ отъ своихъ внутреннихъ смутъ. Эти друзья охотно играли въ либерализмъ издалека; они съ удовольствіемъ проповѣ-

[1]) „Русскій Вѣстникъ". Мартъ, 1863 г.

дывали на берегахъ Вислы принципы, примѣненія коихъ избѣгали на берегахъ Сены или Гонга. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ продолженіе всего царствованія Людовика-Филиппа, французскія палаты играли въ констатированіе на каждой сессіи парламента безсмертнаго существованія польскаго народа. По заявленію одного изъ министровъ іюльской монархіи, ежегодно Франція жертвовала нѣсколько милліоновъ на поддержку польской эмиграціи, почти царскія почести воздавались семьѣ, которую сами же поляки обвиняютъ въ томъ, что она дѣйствовала исключительно pro domo sua.

Правительство, принужденное постоянно бороться противъ не скрывающейся даже оппозиціи, создающей для него все новыя и новыя препятствія, не много можетъ посвятить времени преобразованію общественнаго строя.

Императоръ Николай I вполнѣ сознавалъ важность событій, происходившихъ въ Польшѣ, и ускорилъ введеніе въ ней крестьянской реформы, въ 1846 году, не смотря на то, что сама Россія не была еще окончательно подготовлена къ этой реформѣ. Кровавыя сцены, театромъ которыхъ явилась Галиція, могли послужить для Польши тѣмъ болѣе пагубнымъ примѣромъ, что благодаря алчности и необдуманности помѣщиковъ, систематически обезземеливавшихъ крестьянъ, начиная съ 1807 года, деревенскій пролетаріатъ увеличился въ ужасающей пропорціи, и такимъ образомъ были на лицо всѣ условія для крестьянскаго возстанія.

Во избѣжаніе этого и былъ изданъ указъ отъ 26 мая (7 іюня) 1846 года.

Въ виду того, что этотъ указъ являлся исходнымъ началомъ, откуда истекали всѣ распоряженія, при помощи коихъ русское правительство, безуспѣшно правда, но искренно стремилось къ возрожденію польскаго общества; въ виду также того, что поляки и нынѣ нагло заявляютъ будто освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ было сдѣлано по ихъ иниціативѣ и ими было проведено, безъ участія русскаго правительства,— мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь главнѣйшія статьи этого указа:

„Принимая въ уваженіе, что въ Нашемъ Царствѣ Польскомъ поселяне хлѣбопашцы, послѣ дарованной имъ свободы, получили уже въ казенныхъ имѣніяхъ съ 1831 года многія облегченія въ своихъ повинностяхъ, и бытъ ихъ постепеннымъ устройствомъ упрочивается,—тогда, какъ напротивъ, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, по неопредѣленію закономъ ихъ обязанностей, зависятъ единственно отъ произвола владѣльцевъ;—что владѣльцы, пользуясь этимъ положеніемъ, удаляютъ поселянъ изъ своихъ имѣній, перемѣняютъ и уменьшаютъ находящіеся изстари у нихъ участки по собственному произволу, отчего происходящее умноженіе безземельныхъ поселянъ и частые ихъ переходы имѣютъ вредное вліяніе на благосостояніе и нравственность этого полезнаго класса жителей; и, наконецъ, что живущіе въ частныхъ имѣніяхъ поселяне, изъ опасенія лишиться обрабатываемыхъ ими издавна поземельныхъ участковъ, нерѣдко вынуждены бываютъ принимать на себя и нести отяготительныя повинности, по произволу владѣльцевъ, или однимъ обычаемъ введенныя, Мы признали необходимымъ, впредь до изданія общаго закона объ устройствѣ поселянъ, положить къ тому предварительное основаніе.

„Ст. I. Поселяне хлѣбопашцы во владѣльческихъ городахъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, обрабатывающіе для себя не менѣе трехъ морговъ земли, доколѣ будутъ исполнять въ точности лежащія на нихъ въ отношеніи къ владѣльцу обязанности, пользуются впредь безпрепятственно занимаемыми ими участками земли и другими угодьями, и затѣмъ владѣльцы не могутъ по произволу удалять ихъ изъ своихъ имѣній или отнимать и уменьшать предоставленный поселянину участокъ и угодія, ни же увеличивать повинности. Напротивъ того, поселяне могутъ переселяться по ихъ желанію изъ однихъ мѣстъ въ другія, соблюдая только при томъ полицейскій порядокъ и предваривъ о томъ владѣльца за три мѣсяца до начала хозяйственнаго года.

„Ст. II. На участки земли и усадьбы, которые будутъ оставаться свободными послѣ

выбывающихъ поселянъ, владѣльцы обязаны, не позже двухъ лѣтъ, пріискать и водворить новыхъ землепашцевъ, не присоединяя отнюдь этихъ участковъ и усадьбъ къ собственнымъ господскимъ владѣніямъ.

„Ст. III. Изъ существующихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ подъ различными наименованіями даремщинъ и принудительныхъ наймовъ, Совѣтъ Управленія Царства, всѣ тѣ, которые окажутся неимѣющими законнаго основанія, уничтожить въ имѣніяхъ, управляемыхъ самими владѣльцами, съ 20 декабря (1 января) 1846—7 года; въ имѣніяхъ же, отданныхъ въ арендное содержаніе по формальнымъ контрактамъ, заключеннымъ до 20 декабра (1 января) 1845—6 года,—по истеченіи сроковъ тѣмъ контрактамъ".

Поводы къ изданію этого указа были категоричести опредѣлены, законъ положилъ предѣлъ выселенію крестьянъ, рѣшалъ въ принципѣ вопросъ о надѣленіи крестьянъ землей и уничтожалъ незаконныя даремщины. Такимъ образомъ сразу вырывался троякій корень зла; однимъ ударомъ прекращалась эксплоатація шляхтой земледѣльческаго класса.

Открыто выступать противъ могучей и энергической воли, которою отличался императоръ Николай Павловичъ, было тѣмъ болѣе опасно что этою милостью государь пріобрѣлъ благодарность всего крестьянскаго населенія Польши. Въ виду этого у шляхты оставалось лишь одно средство бороться тайно за свои кастовые интересы—втихомолку ставить препятствія выполненію закона и обходить его; поэтому она тотчасъ же принялась за дѣло, пользуясь содѣйствіемъ автономнаго правительства, составъ котораго, образованный изъ этой же шляхты, вполнѣ сочувствовалъ ея интересамъ.

Вся эта скрытая, но упорная борьба съ правительствомъ велась его же представителями съ цѣлью воспрепятствовать ему въ удовлетвореніи самымъ неотложнымъ общественнымъ нуждамъ; притомъ эта борьба отличается столь исключительнымъ и въ то же время поучительнымъ характеромъ, что мы на ней остановимся подробнѣе, дабы доказать, насколько *необходимо, оставляя въ сторонѣ даже мятежъ 1863 года, недопущеніе на государственную службу въ бывшей Польшѣ туземнаго элемента.*

Указъ 26-го мая 1846 года далеко не отличался тою точностью и опредѣленностью какихъ можно было бы ожидать отъ столь важнаго мѣропріятія.

Во многихъ отношеніяхъ онъ могъ подвергаться произвольному толкованію и открывалъ путь къ постояннымъ его обходамъ.

Не опредѣляя въ ст. I ничего касательно крестьянъ, владѣющихъ менѣе, чѣмъ тремя моргами земли, указъ этотъ изымалъ изъ подъ дѣйствія благодѣтельнаго закона значительную часть сельскаго населенія Царства.

Въ указѣ не было опредѣлено, что подъ словами *поселяне* и *хлѣбопашцы* законъ понимаетъ всѣхъ лицъ, занимающихся земледѣльческимъ трудомъ, не исключая изъ этого понятія какихъ-либо категорій этого труда; слѣдствіемъ этого была масса злоупотребленій.

Наконецъ, отмѣняя даремщины и принудительные наймы, „неимѣющіе законнаго основанія", ст. III не опредѣляла, что слѣдовало понимать подъ словами *законное основаніе;* поэтому Совѣтъ Управленія толковалъ ихъ согласно интересамъ шляхты. Всего этого было вполнѣ достаточно, чтобы обойти законъ и ослабить его силу.

Важнѣе всего было для шляхты задержать введеніе закона въ дѣйствіе и оставить крестьянъ на извѣстный срокъ *въ невѣдѣніи* относительно закона, дабы тѣмъ временемъ выселить возможно большее ихъ число, другихъ же поставить въ положеніе, исключающее возможность примѣненія къ нимъ статей указа.

Съ этою цѣлью Совѣтъ Управленія выхлопоталъ желанную отсрочку, подъ предлогомъ экономическихъ неудобствъ, съ которыми сопряжено было бы немедленное обнародованіе указа, что оторвало бы крестьянъ отъ ихъ работъ въ страдную пору.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда Николая I изъ Варшавы было рѣшено, что указъ

будетъ напечатанъ въ дневникѣ законовъ 1 сентября, а до того времени воспрещалось печатаніе его въ газетахъ и опубликованіе въ костелахъ.

Въ томъ же постановленіи Совѣта Управленія говорилось, что, во избѣжаніе ложнаго толкованія закона крестьянами, надо принять соотвѣтственныя средства, дабы извѣстіе объ указѣ дошло до крестьянъ *не иначе, какъ черезъ посредство административныхъ властей.*

Таками именно *административными властями* были войты гминъ т. е. помѣщики. Легко понять, какъ они воспользовались довѣріемъ къ нимъ русскаго правительства, той властью, которою, они были облечены и, наконецъ, трехмѣсячною отсрочкой исполненія указа. Началось на широкую руку (рѣзаніе) шляхтованіе скота, называемаго крестьянствомъ. Пользуясь невѣжествомъ, которое умышленно поддерживалось среди крестьянъ, шляхта значительную часть ихъ лишала земельныхъ участковъ, чтобы бороться такимъ образомъ, противъ благихъ намѣреній законодателя. Число подобныхъ случаевъ нельзя было точно опредѣлить, но о ихъ изобиліи свидѣтельствуетъ неожиданный ростъ въ то время деревенскаго пролетаріата и постановленіе Административнаго Совѣта, вызванное необходимостью положить хоть бы для виду предѣлъ столь вопіющимъ злоупотребленіямъ.

Затѣмъ при помощи ряда ловко обдуманныхъ и облеченыхъ въ законныя формы распоряженій, приступлено къ постепенному ограниченію дѣйствія Указа 26 мая (7 іюня) 1846 г., такъ чтобы изъять изъ подъ него значительную часть деревенскаго населенія.

Всѣхъ крестьянъ—промышленниковъ: мельниковъ, кузнецовъ, корчмарей, шинкарей изъяли изъ сферы примѣненія благодѣтельнаго закона подъ предлогомъ, что они—не замледѣльцы въ юридическомъ смыслѣ. Таже участь постигла крестьянъ, проживающихъ на земляхъ мелкихъ помѣщиковъ; послѣдніе прикрывались кодексомъ Наполеона, заявляя, что они сами „землепашцы“. Въ данномъ случаѣ они запамятовали польскую любимую поговорку: „шляхтичъ на загродѣ—тотъ же воевода“.

Ободренные этимъ успѣхомъ собственники выдвинули теорію, которая еще болѣе соотвѣтствовала ихъ видамъ.

Крестьяне, говорили они, съ которыми у насъ есть договоры на опредѣленныхъ условіяхъ, или платящіе намъ какія-нибудь денежныя повинности, вовсе не земледѣльцы въ точномъ смыслѣ слова. Это арендаторы, и на нихъ законъ не распространяется. Наконецъ, законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ и не можетъ ни уничтожать, ни продолжать контрактовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ усилій, коварная теорія взяла верхъ. Указъ признали относящимся только къ крестьянамъ, живущимъ на помѣщичьихъ земляхъ, на основаніи словесныхъ соглашеній, и обязаннымъ барщиной.

Что касается исключительныхъ даремщинъ, то какъ мы уже сказали, Административному Совѣту было поручено уничтожить всѣ тѣ изъ нихъ, *которые не были основаны на законныхъ правахъ.*

Желая ближе опредѣлить эти *права*, не нашли лучшаго способа, какъ *обратиться къ самимъ помѣщикамъ*, предлагая имъ отмѣтить въ особыхъ спискахъ (престаціонныхъ табеляхъ) всѣ даремщины и вообще повинности, обязательныя въ ихъ помѣстьяхъ.

„Эти табели“—гласитъ постановленіе о нихъ,—„должны быть составлены помѣщикомъ и посвидѣтельствованы войтомъ гмины, *даже въ томъ случаѣ, если бы войтомъ былъ самъ помѣщикъ.*“.

(И тутъ напрашивается вопросъ: право-ли правительство, не допуская туземцевъ къ государственной службѣ въ Польшѣ)?

Другимъ распоряженіемъ обязывались административныя власти объяснить подробно крестьянамъ, что отмѣнены „только не основанныя на законныхъ правахъ да-

ремщины; но крестьянамъ не предоставлялось права разсуждать, что законно, а что незаконно".

Когда августовксій губернаторъ донесъ Административному Совѣту, что крестьяне имѣнія Гиже, возражаютъ противъ престаціонной табели, составленной помѣщикомъ, то получилъ въ отвѣтъ 3 (15) іюня за № 11,548 ясное приказаніе оставить дѣло безъ послѣдствій.

Табели были положены основаніемъ оцѣнки денежныхъ повинностей, которыми были замѣщены даремщины; легко догадаться, съ какимъ стараніемъ помѣщики увеличивали и пополняли число даремщинъ, чувствуя себя внѣ всякаго контроля и даже не опасаясь возраженія отъ противной стороны.

Вскорѣ въ Административномъ Совѣтѣ собралось 17 тысячъ табелей. Совѣтъ далъ доказательство изумительной ревности къ дѣлу, *провѣривъ, утвердивъ* и выславъ эти 17 тысячъ табелей въ теченіе 20 дней, какъ о томъ свидѣтельствуетъ другой документъ помѣщенный неслыханнымъ въ бюрократическихъ хроникахъ Номеромъ—59,981 (Эта энергія въ работѣ доказываетъ, по мнѣнію поляковъ, ихъ преимущество надъ русскими). Итакъ, нечего удивляться, что Указъ 26 мая (7 іюня) 1846 года, въ продолженіе 18 лѣтъ не имѣлъ иного результата, какъ тотъ, что было урегулировано, и то еще кое-какъ, положеніе крестьянъ, поселившихся на *двухстахъ* „участкахъ".

Вводя освобожденіе земледѣльческаго класса въ Имперіи, правительство Императора Александра II не могло бездѣйствовать въ Царствѣ Польскомъ. 16 дакабря 1858 г. объявленъ новый законъ о такъ называемомъ добровольномъ очиншеваніи, коего цѣлью было обезпечить крестьянамъ пользованіе занимаемыми ими землями, причемъ натуральная повинность была замѣнена чиншемъ (оброкомъ).

Спеціальныя комиссіи изъ делегатовъ отъ шляхты должны были заняться въ каждомъ уѣздѣ предварительной оцѣнкой и разборкой контрактовъ, заключенныхъ между заинтересованными сторонами. Замѣна натуральной повинности чиншемъ, однако, не была обязательна, и польскіе помѣщики охотно пользовались предоставленной имъ возможностью отъ нея уклоняться. Нужно обратить вниманіе на то, что вскорѣ по объявленіи закона, 16 декабря начались первыя манифестаціи противъ рускихъ властей въ Польшѣ.

Первоначально демонстраціи эти имѣя мистическій и національный характеръ, не представлялись правительству враждебными, однако сближеніе аристократической и революціонной партіи, подробности котораго мы изложили выше, было подготовлено подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, вслѣдствіе именно успѣшности результатовъ первыхъ, якобы народныхъ, демонстрацій.

Чтобы ускорить это сближеніе, революція не жалѣла ни угрозъ, ни предостереженій по адресу аристократической партіи; между многими другими документами тайной польской прессы существуетъ одинъ откуда мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя извлеченія, освѣщающія все дѣло.

Въ воззваніи опубикованномъ въ сентябрѣ 1861 года и озаглавленномъ „Голосъ польскаго народа къ польскимъ землевладѣльцамъ" говорится между прочимъ:

„Обративъ вниманіе на достойные сожалѣнія слухи, доходящіе до насъ со всѣхъ концовъ страны, о враждебности, съ которою крестьяне выступаютъ противъ помѣщиковъ, а также о томъ, что паны обнаруживаютъ достойное порицанія равнодушіе къ важному дѣлу земледѣльческихъ классовъ, народъ считаетъ себя обязаннымъ требовать отъ земельныхъ собственниковъ безотлагательнаго рѣшенія этого вопроса. Чего вы ждете, озираясь другъ на друга? Того-ли, *чтобы московское правительство вынудило васъ сдѣлать то, что вы давно уже сами должны были сдѣлать?*

„Неужели помѣщики пожалѣютъ посвятить часть своего состоянія для выполненія долга строгой справедливости относительно вѣками угнѣтеннаго, бѣднаго сельскаго

люда? Ему часто приходится недоѣдать, быть безъ куска хлѣба, когда паны бросаютъ деньги на игру, пьянство и т. п. мотовство. Время идетъ; свѣтъ на насъ смотритъ; враги *бодрствуютъ*... Неужели мы поколеблемся посвятить нѣсколько личныхъ выгодъ для дѣла, которое важно не для одного поколѣнія, но и для будущихъ; для дѣла, за которое нашимъ внукамъ быть можетъ придется такъ же страшно отвѣчать какъ отвѣчаемъ теперь мы *за преступленія нашихъ предковъ? Одними молитвами, пѣснями и національными знаменами* не освободить намъ отчизны. Мы взываемъ къ вашему здравому смыслу, уважаемые граждане, взываемъ и ко всѣмъ христіанскимъ чувствамъ вашимъ. Мы заклинаемъ васъ не медля приступить къ улучшенію вашихъ отношеній къ крестьянству, не обижаясь на народное недовѣріе,—недовѣріе которое оправдывается — и вы сами признайте это — нѣсколькими вѣками угнетенія... Принесите въ жертву на алтарь родины и священной справедливости ваши матеріальные интересы, если хотите быть достойными имени польскихъ гражданъ. *До того времени, когда пробьетъ часъ возстанія*, предъ нами лежитъ еще великая задача — созданія народнаго организма Польши. Надо, прежде всего, покончить съ клеймящими насъ пороками. Надо искоренить равнодушіе къ общественному благу. Надо бросить пристрастіе ко всему чужеземному: къ вину, къ картамъ, къ бѣшеннымъ расходамъ. Да вдохновитъ васъ Господь! Да здравствуетъ Польша! Просятъ распространять это воззваніе".

Весьма возможно, что воззваніе это не осталось безъ вліянія на польскихъ помѣщиковъ, и что шляхта отчасти излѣчилась отъ пороковъ, грустную привилегію коихъ приписываетъ ей прокламація, но при всемъ томъ достовѣрно одно: что они остались глухи къ столь страстному воззванію въ защиту „бѣднаго люда, вѣками угнетаемаго зачастую лишеннаго куска хлѣба".

Доказательствомъ этого служатъ препятствія дѣланныя ею при выполненіи закона 16 (25) Сентября 1858 года, а также при урегулированіи обязательной замѣны барщины чиншемъ согласно установленію 14 мая 1861 года.

Не входя въ излишнія подробности, достаточно сказать, что ни одинъ изъ Уѣздныхъ Совѣтовъ, въ коихъ засѣдало шестьсотъ земледѣльцевъ [1]), не соглашался выслать делегатовъ для окончательнаго урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, живущими въ ихъ помѣстьяхъ.

На основаніи этихъ несомнѣнныхъ фактовъ легко судить о правдивости и достовѣрности изложеннаго въ изданномъ поляками въ 1863 г., въ Парижѣ сочиненіи подъ названіемъ „Польскія дѣла". [2]). Между прочимъ тамъ говорится: „Въ Царствѣ Польскомъ гдѣ крестьянскій вопросъ подвинулся значительно впередъ „Земледѣльческое Общество", объединившіи почти всѣхъ землевладѣльцевъ страны, уже *нѣсколько лѣтъ неутомимо и плодотворно трудилось надъ нравственнымъ развитіемъ и благосостояніемъ деревенскаго люда*".

Очевидная и тенденціозная невѣрность такого заявленія доказана предыдущимъ. Слѣдуетъ удивляться тому, что такое наглое извращеніе истины и по сіе время продолжается въ польской печати, особенно же въ закордонной. Такая ложь цитируется, какъ достовѣрный фактъ представителями польской интеллигенціи распространяющей эту ложь, безо всякаго стѣсненія.

Для отвода глазъ, авторы упомянутаго сочиненія съ дѣтскимъ пристрастіемъ къ подражанію парламентскимъ формамъ, собрали нѣкоторые, болѣе или менѣе достовѣрные

---

[1]) То есть 600 собственниковъ принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ: шляхты, духовенства, арендаторовъ, пользовавшихся правами и привиллегіями присущими помѣщику.

[2]) Affaires de Pologne Exposè de la situation, suivi de documents et de pièces justificatives communiqué aux membres du sénat et du corps legislatif, par les soins du prince Czartoryski. Paris. Decembre 1863.

документы, среди коихъ мы находимъ подъ № 5 Постановленіе Земледѣльческаго Общества отъ 20 февраля 1861 г.

Первые два параграфа означеннаго акта гласятъ:

1) Общее собраніе находитъ, что для края необходима наиболѣе поспѣшная [1]) замѣна „работизны“ (натуральной повинности).

2) Оно находитъ, что добровольная сдѣлка должна считаться лучшимъ средствомъ измѣненія положенія крестьянъ, пока не будутъ исчерпаны всѣ средства для соблюденія этого принципа. Общее собраніе вмѣняетъ въ патріотическую обязанность помѣщикамъ изыскивать и примѣнять эти „средства“.

Отсюда слѣдуетъ, что основаніемъ упомянутаго постановленія, было принято добровольное соглашеніе. Но тотъ же принципъ легъ въ основу русскаго правительственнаго мѣропріятія отъ 26 мая 1846 года, да притомъ въ гораздо болѣе категорической формѣ и изъ соображеній болѣе искреннихъ и мирныхъ. Правда что полякамъ какъ писалъ одинъ изъ организаторовъ возстанія, Мѣрославскій „нужно было только вызвать посредствомъ экономической агитаціи движеніе массъ“.

Въ такомъ смыслѣ поняли дѣло члены Земледѣльческаго Общества. Опубликовавъ въ Варшавѣ свое постановленіе, они разъѣхались каждый во свояси дабы всевозможными средствами оживлять эту агитацію. Такъ въ Ловичѣ, въ сентябрѣ 1861 г. около пятидесяти шляхтичей катали по городу въ извощичьихъ экипажахъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень; затѣмъ имъ устроенъ былъ пиръ, на которомъ шляхта побраталась съ крестьянствомъ и заставила его дать клятву,—не оказывать сопротивленія революціонному движенію. Такимъ же образомъ 2 сентября 1862 года въ окрестностяхъ одного изъ монастырей Опатовскаго уѣзда, ксендзы, разсѣявшись въ болѣе чѣмъ пятнадцатитысячной крестьянской толпѣ, произносили проповѣди, въ которыхъ одновременно провозглашали предстоящее возрожденіе Польши и избіеніе „москалей“. Революціоннымъ движеніемъ на Лысой Горѣ руководилъ епископъ Юшинскій, а манифестаціей въ Городлѣ—ксендзъ Станиславъ Лаврисевичъ.

Деревенскій людъ, сообразивъ со свойственнымъ славянскому племени здравымъ смысломъ, какова цѣль подобныхъ подстрекательствъ, въ данный моментъ, изъ страха, мести, на все соглашался, а потомъ не далъ себя вовлечь въ дѣло мятежа, хорошо соображая, чего стоятъ обѣщанія іезуитской шляхты.

Въ Самовидѣ, Люблинской губерніи, въ Осуховѣ, въ Станиславовѣ, въ сандомирскомъ и стопницкомъ уѣздахъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ въ 1861, 1862 и 1863 годахъ, крестьяне задерживали агитаторовъ и разжигателей возстанія и доставляли ихъ властямъ. Не подлежитъ сомнѣнію — что деревенское населеніе Царства Польскаго враждебно отнеслось къ мятежу. Проявленія этой вражды едва были сдержаны насильной вербовкой и девятьюстами убійствами совершенными агентами революціонной „хунты“.

Содѣйствіе крестьянъ, или по крайней мѣрѣ ихъ нейтральность, были необходимы для революціи; чтобъ ими заручиться, заправиламъ пришлось волей или неволей хоть бы для виду объявить о надѣлѣ крестьянъ землей.

Съ этою цѣлью центральный комитетъ опубликовалъ декретъ отъ 22 января, 1863 г. Параграфъ I утверждалъ за осѣдлыми крестьянами право неограниченной и полной собственности занимаемыхъ ими земель. По параграфъ II заявлялъ, что „первоначальные собственники будутъ вознаграждены изъ народныхъ суммъ“.

Не будь члены этого центральнаго комитета перевѣшаны и удержись онъ при власти, то кому пришлось бы доставить необходимый для вознагражденія помѣщиковъ

---

[1]) Любопытно узнать, откуда явилась та поспѣшность, съ которою олигархи хотѣли отречься отъ своей тираніи надъ «хлопомъ».

капиталъ? На кого пала бы тяжесть этихъ платежей? Конечно ужъ не на помѣщиковъ.

Крестьяне хорошо это понимали, а тяжелый долголѣтній опытъ подсказывалъ имъ, что едва минуетъ кризисъ, каковъ бы ни былъ его исходъ, всѣ расходы упадутъ всей тяжестью на нихъ.

Да и образъ дѣйствій революціонной „хунты“ самъ по себѣ внушалъ подозрѣніе и свидѣтельствовалъ о дѣйствительной стоимости этихъ революціонныхъ подходовъ.

Самозванное національное правительство изъ глубины своихъ подземныхъ притоновъ по всякому поводу публиковавшее декреты и издававшее правила: о цвѣтѣ женскихъ костюмовъ, о покроѣ мундировъ несуществующихъ полковъ, о формѣ кинжаловъ и количествахъ кураре, какія надлежало пріобрѣсти заграницей для военно-рыцарскихъ подвиговъ, достойныхъ доблестнаго народа; это таинственное правительство, пересылавшее своимъ не менѣе таинственнымъ посланникамъ депеши, ни на минуту не задумалось надъ тѣмъ, чтобы, во имя своего поверхностнаго либерализма, уничтожить или ограничить институтъ гминныхъ войтовъ.

Поэтому напрасны были заявленія, будто всѣ сыны Польши становились свободными и равноправными; крестьянство этому не вѣрило, зная, что оно покинуто на произволъ пяти съ лишнимъ тысячъ старшихъ братьевъ, изъ коихъ ни одинъ не согласится отказаться ни отъ права арестовать, ни отъ права высѣчь, ни отъ права на всяческое грабительство 3.270.000 сыновъ Польши, отданныхъ подъ ихъ суровую опеку.

Съ другой стороны, помѣщики прикидываясь послушными приказамъ тайнаго правительства, не пренебрегали случаемъ фактическаго тайнаго взысканія съ крестьянъ денежныхъ взносовъ, отъ которыхъ теоретически ихъ освободили. Не одинъ помѣщикъ на время покидалъ мятежную шайку, которою предводительствовалъ, возвращался во свояси, снова вступалъ въ исполненіе обязанностей войта, желая воспользоваться прохожденіемъ русскихъ войскъ и добиться, чтобы слѣдуемый ему чиншъ, при помощи этой вооруженной силы былъ взысканъ съ крестьянъ одновременно съ казенными податями.

Все это подтверждается документомъ, найденнымъ въ 1864 г. у адъютанта одного изъ предводителей повстанцевъ—Крука.

Этотъ декретъ народной хунты, внушенный вѣроятно передъ мѣрами, которыя могло принять русское правительство для урегулированія положенія крестьянъ, изданъ въ Варшавѣ 22 декабря 1863 г.

Семь первыхъ параграфовъ занимаетъ рядъ распоряженій, имѣющихъ въ виду „обезпечить исполненіе декрета о надѣлѣ крестьянъ землей“.

Параграфъ 8 опредѣляетъ наказанія, какимъ вышеупомянутые трибуналы должны подвергать гражданъ, нарушавшихъ декретъ 22 января.

Статья I. „Кто соберетъ съ крестьянъ чиншъ за земли, добровольно имъ розданныя, будетъ обязанъ вернуть имъ таковой и утратитъ право на вознагражденіе, которое было бы ему назначено за землю“.

Статья II. „Кто въ счетъ чинша или выкупного платежа возьметъ какую-нибудь сумму или же возьметъ какія-либо деньги подъ видомъ займа, обязанъ будетъ возвратить ее крестьянамъ и кромѣ того внести въ уѣздную кассу такую же сумму“.

Статья IV. „Будетъ наказанъ смертью всякій, кто вынудитъ крестьянина путемъ административной экзекуціи, судебной, или военной, или посредствомъ какого-нибудь другого способа—къ уплатѣ или возмѣщенію чинша, выкупа или панщизны“.

§ 9. „Передача третьему лицу права получить слѣдуемую кому-либо сумму, будетъ разсматриваема и караема, какъ правонарушеніе, произведенное непосредственно лицомъ, совершившимъ передачу“.

Уничтоженіе и смерть—вотъ двѣ перспективы, которыми грозила помѣщикамъ

въ Польшѣ революціонная партія; приговоры подлежали исполненію при первой же жалобѣ крестьянина въ канцелярію тайнаго подземнаго правительства, о мѣстопребываніи котораго, впрочемъ никому не было извѣстно.

Положеніе, въ какое грѣхи прошлаго поставили земледѣльческіе классы, характеризуется восклицаніемъ, вырвавшимся изъ устъ 82 лѣтней польской крестьянки изъ гмины Кузница Блэндовская. Присутствуя въ 1864 г. на слѣдствіи, во время котораго спрашивали у крестьянъ ея деревни: „не бывало-ли здѣсь такихъ-то и такихъ-то съ цѣлью возбуждать васъ къ защитѣ отечества",—женщина эта тономъ горькой ироніи воскликнула: „Отечества? Да отчего вы намъ о немъ говорите? Развѣ у насъ, польскихъ крестьянъ, было когда нибудь отечество? Зачѣмъ же намъ защищать его? Единая и истинная родина наша—тамъ, высоко, и только послѣ смерти мы до нея дойдемъ".

Итакъ, самъ польскій крестьянинъ признаетъ, что смерть была краше того положенія, какое ему уготовало меньшинство, къ счастью очень немногочисленное, которое, отъ праздности и разврата бросалось, въ погоню за невозможнымъ, упрочивало, увѣковѣчивало общественныя и политическія бѣдствія, падавшія на его же головы.

Не видѣть же крестьянамъ ничего и не ожидать ничего лучше этой отчаянной крайности—значило бы усумниться въ благости Бога и доброй волѣ людей.

Положеніе, права и обязанности всѣхъ классовъ польскаго общества пріимутъ нормальный видъ только по освобожденіи народа отъ римскаго ига. Все тогда урегулируется справедливо и для всѣхъ безобидно; надо надѣяться, что тѣ, кому Провидѣніе ввѣрило судьбы Польши, не остановятся передъ трудами, не отступятъ передъ препятствіями при выполненіи дѣла, ввѣреннаго ихъ усиліямъ,—если только поляки не будутъ имъ мѣшать, если они поймутъ, что они—славяне, если они сообразятъ, наконецъ, куда грядутъ. Но возникаетъ вопросъ: какъ примирить такія стремленія съ дѣйствительностью, если польская шляхта не перестанетъ мечтать о правѣ своемъ угнетать крестьянина? Доказательства же подобныхъ воззрѣній ея мы видѣли въ Галиціи Вотъ что пишетъ ксендзъ Стояловскій въ статьѣ: „Желаетъ ли шляхта возстановленія Польши?":

„Когда Бойко сказалъ въ сеймѣ, что шляхта не пожелала бы польскаго государства въ случаѣ еслибы починъ этому дали крестьяне, еслибъ въ этой новой Польшѣ шляхтичъ долженъ былъ бы дѣлиться привилегіями съ крестьяниномъ и мѣщаниномъ,—то на скамьяхъ пановъ поднялся шумъ и крикъ. Шляхта со слезами говорила о любви къ родинѣ и заявляла, что хочетъ польскаго государства; что она тогда надѣлила бы вольностями и хлоповъ, и мѣщанъ, позволила бы имъ всегда критиковать свои себялюбивые поступки и много другихъ прекрасныхъ словъ.

„Но эти прекрасныя словя произносились въ сеймѣ, публично, чтобы всѣ видѣли, какъ благородны эти господа, хотя это имъ не мѣшало, въ пылу изліяній, называть крестьянъ „быдломъ" (скотомъ). Итакъ, паны хотятъ Польши и хотятъ, чтобы крестьянинъ въ ней сталъ по прежнему скотомъ. Это мы хорошо знаемъ.

„Они хотятъ шляхетской польши, какою она была прежде; за шляхтой—всѣ привилегіи, а мѣщане и людъ—только рабочій скотъ; критиковать и осуждать шляхтича за безчинія и злодѣянія—нельзя;—можно только хвалить и называвь шляхетскія преступленія, національными добродѣтелями.

Паны устраивали возстанія лишь для возстановленія шляхетской Польши; мѣщанъ же и крестьянъ они предоставляютъ на растерзаніе евреямъ, чтобы они гибли въ нищетѣ и униженіи, чтобы были скотомъ въ полномъ смыслѣ слова. Паны не хотѣли и не хотятъ воспитать для себя честный народъ: они хотятъ имѣть работника, скотъ,—ничего больше. Итакъ, правду сказалъ Бойко, а паны лгали".

Обращаясь къ графу Тарновскому, который называлъ кс. Стояловскаго москалефиломъ и отрицалъ за нимъ право служить обѣдню, ксендзъ Стояловскій пишетъ:

„Пророкъ станьчиковъ, Станиславъ Тарновскій изъ Кракова, съ пѣною у рта отъ „великой католической любви“, нападалъ на „подвергнутаго покаянію ксендза, служащаго святотатственныя обѣдни“. Стась, Стась, до сихъ поръ ты былъ болтуномъ и плохимъ политикомъ, теперь же ты снова доказалъ, что ты „враль и негодяй“. Мы говоримъ тебѣ это печатно и во всеуслышаніе; если у тебя есть толика чести, то жалуйся на насъ, то защищай свою честь передъ судомъ. Кто молчитъ на такое обвиненіе—тотъ призналъ себя виновнымъ. Тарновскій изъ Шляка и галиційскіе скоты, столько разъ обвиненные нами во всеуслышаніе въ томъ, что отклоняются отъ правды и чести, молчатъ въ отвѣтъ на эти обвиненія; а такъ какъ судъ ихъ можетъ защитить, а они къ нему не прибѣгаютъ, то это доказываетъ, что обвиненія основательны— разъ они боятся защищать свою честь на судѣ“.

До чего преслѣдуются изданія кс. Стояловскаго, видно изъ письма крестьянина въ редакцію „Вѣнца“ и „Пчолки“. Приводимъ это письмо цѣликомъ [1]).

„Я узналъ, читая газетки, какимъ преслѣдованіямъ подвергаются за такое чтеніе наши друзья. Въ утѣшеніе имъ и въ поощреніе къ терпѣнію, сообщаю, что и у насъ, въ Бжозовскомъ уѣздѣ, нѣкоторые ксендзы, а особливо іезуиты въ Старой Деревнѣ, эту новую одиннадцатую заповѣдь, написанную для Галиціи и у насъ примѣняютъ, На отпускахъ, въ проповѣдяхъ, при исповѣди—чаще всего въ послѣднемъ случаѣ, они допрашиваютъ объ этомъ смертномъ грѣхѣ, оскорбляющемъ величіе станьчиковъ. Я самъ въ Троицу пошелъ въ Старую Деревню помолиться передъ чудотворнымъ образомъ Богоматери; пошелъ я и къ исповѣди. Подъ конецъ, ксендзъ спрашиваетъ меня: „А не читалъ ли ты запрещенныхъ газетокъ?“—Читалъ, говорю, но дурныхъ и вредныхъ сочиненій не читалъ.—„А какія ты читалъ?“ Я говорю: „Только „Вѣнецъ“ и „Пчелку“ я всегда читаю“. А іезуитъ на это: „Попался, голубчикъ! а знаешь ли, что эти газеты запрещены епископами; читать ихъ—смертный грѣхъ! Если обѣщаешь, что больше не будешь читать, я разрѣшу тебя отъ грѣховъ; не обѣщаешь—ступай, куда хочешь! Обѣщаешь?“ Я говорю, что нѣтъ. Онъ вторично: „Обѣщаешь или нѣтъ?“ Я говорю, что нѣтъ, ибо обѣщать, а потомъ не исполнить—не подобаетъ. „А не обѣщаешь такъ иди куда хочешь, нигдѣ не получишь разрѣшенія отъ грѣховъ; ну, обѣщай!“ Ничего не обѣщаю, потому — вернусь изъ костела и буду читать! — „Такъ уходи себѣ съ Богомъ!“ А я и пошелъ къ другому. Тотъ, видно, не такъ занятъ политикой; о газетахъ меня не допрашивалъ, а я ему не говорилъ, такъ какъ совѣсть и правда говорятъ мнѣ, что тутъ нѣтъ никагого грѣха, а въ катехизисѣ, въ школѣ учили, что надо исповѣдываться только въ грѣхахъ. Итакъ, дорогіе друзья, будемъ же терпѣливо переносить всѣ преслѣдованія; Богъ вамъ поможетъ терпѣть, пока противники наши не убѣдятся, что ошиблись они, а не папа. Они теперь вѣдь говорятъ, что папа ошибся, благословивъ нашего ксендза редактора на дальнѣйшее изданіе газетокъ. Кончая, рекомендую вамъ, дорогіе друзья и читатели, фототипическіе портреты редактора; у меня ужъ есть; очень красиво вышло; каждому они нравятся и каждый можетъ пріобрѣсти. Молю Бога за васъ, себя, а также за ксендза редактора.

„Неустрашимый читатель изъ подъ Бжозова“.

Цѣлью нашей до сихъ поръ было—освѣтить польскій вопросъ и освободить его отъ затемняющихъ его многочисленныхъ вымысловъ и мечтаній. Что касается рѣшенія этого вопроса, то излишней самоувѣренностью было бы, съ нашей стороны, если бы мы хотѣли формулировать это рѣшеніе на основаніи единичнаго нашего взгляда. Можно лишь добавить въ заключеніе, что рѣшеніе не представляется ни невыполнимымъ, ни слишкомъ отдаленнымъ.

Еще во время возстанія, вымолвлены были первыя слова этого рѣшенія.

---

[1]) „Wieniec Polski“ № 14.

„На непрочномъ и постоянно колеблющемся фундаментѣ нельзя воздвигнуть ничего устойчиваго“ — сказалъ императоръ французовъ, въ отвѣтъ на адресъ законодательнаго Корпуса: „Истинный прогрессъ,“—прибавилъ онъ — „является результатомъ опытности; его ходъ не будетъ ускоренъ систематическими неосновательными нападками“...

Эти слова, выражающія несомнѣнную истину, были сказаны представителямъ народа занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ цивилизаціи; народъ этотъ не поколебался сбросить съ себя папское иго—и весь его общественный организмъ крѣпнетъ, украшается и теперь ждетъ только своего „увѣнчанія“.

Сколь справедливо можно было бы примѣнить эти слова къ обществу, построенному, на столь ложныхъ и столь непрочныхъ основахъ, какъ польское.

Вотъ первое слово рѣшенія задачи.

Не признавъ его, довольствуясь импровизированіемъ политической мазанки на болѣе, чѣмъ неустойчивомъ фундаментѣ,—чтобы удовлетворить временнымъ требованіямъ, и надоѣдливымъ просьбамъ—Россія, нужно признать, доказала бы этимъ полное равнодушіе къ собственнымъ интересамъ, особенно, если бы оставалась безучастною при *искреннемъ* стремленіи поляковъ слиться со славянскою семьей.

„Чего слѣдуетъ пожелать Польшѣ?“, говорилъ во французскомъ сенатѣ въ разгаръ возстанія г. Дюпэнъ,—„чего ей пожелаешь?—Лучшаго обезпеченія правъ собственности, упорядоченія администраціи, феодализма съ менѣе феодальными и не столь средневѣковыми обычаями, феодализма съ болѣе просвѣщенными баронами. „Ей слѣдуетъ желать—не политическаго преобразеванія, а *общественнаго прогресса*“.

Трудно яснѣе, отчетливѣе и правдивѣе, въ короткихъ словахъ сосредоточить второй и важнѣйшій пунктъ польскаго вопроса.

Достойно вниманія мнѣніе выраженное въ 1863 г. французскимъ писателемъ Прудономъ; въ статьѣ „О польскомъ вопросѣ“. Вотъ, что онъ говоритъ:

Я хотѣлъ было не говорить о Польшѣ до совершеннаго усмиренія ея. Но такъ какъ теперь объявляютъ въ ея пользу, что трактаты 1815 г. уничтожены, и такъ какъ собираютъ конгресъ потому что Польша сдѣлалась камнемъ преткновенія для дипломатіи, народныхъ правъ и всеобщаго мира Европы; такъ какъ дѣло идетъ о французскомъ великодушіи, которое должно явиться во всемъ своемъ блескѣ и заплатить свои старые долги — то, кажется, настала минута подвергнуть этотъ вопросъ самому серьезному обсужденію. Выражая личное мнѣніе, которое покажется неблагопріятнымъ для требованій поляковъ, я съ соболѣзнованіемъ долженъ сказать, что обстоятельства извиняютъ меня, потому что требуютъ строгой истины. Всѣ знаютъ, до какой степени противорѣчія затемнили эти печальныя пренія. Съ одной стороны Европа вмѣшалась въ это дѣло въ силу трактатовъ 1815 года и, подавъ надежды польской революціи, старалась дѣйствовать понудительно на санктпетербургскій кабинетъ. Съ другой, въ силу тѣхъ же трактатовъ и права завоеванія, Россія требуетъ верховныхъ правъ надъ Царствомъ Польскимъ. Поляки-же, съ своей стороны, протестуютъ противъ того же вѣнскаго трактата, къ которому не разъ обращались, и возстали теперь въ силу верховныхъ принциповъ, то извлекаемыхъ ими изъ вестфальскаго мира, то изъ системы европейскаго равновѣсія, то изъ неприкосновенности національныхъ правъ, и требуютъ своего политическаго освобожденія. И теперь, чтобы по возможности удовлетворить ихъ желаніямъ, объявляютъ прямо, что трактаты 1815 г. уничтожены и что надобно созвать конгрессъ. Это значитъ, что народное европейское право, установленное на вѣнскомъ конгрессѣ, объявляется несуществующимъ, миръ Европы принесенъ на жертву, равновѣсіе государствъ подвергнуто опасности, всякая свобода народовъ пріостановлена, потому что въ трактатахъ 1815 года не нашли нужнымъ нарушить то, что было сдѣлано противъ Польши въ 1772, 1794 и 1796 гг.

Во всемъ этомъ принесеніи на жертву обще-европейскихъ интересовъ въ пользу одной національности, уничтоженной уже около столѣтія такъ много преувеличеннаго, что здравый смыслъ не довѣряетъ этимъ требованіямъ, и всякій, лично, самъ заранѣе рѣшаетъ, что они не могутъ быть удовлетворены. Разсмотримъ же, наконецъ, въ истинномъ его видѣ этотъ польскій вопросъ, который до сихъ поръ вращался въ области сентиментальныхъ фразъ, составляя текстъ декламацій, очень легкихъ для ораторовъ которые закрывъ глаза на самые факты, не смотрятъ ни на условія политическаго существованія народъ, ни на историческую истину; разсмотримъ это знаменитое дѣло самымъ тщательнымъ по возможности образомъ, при свѣтѣ государственной юриспруденціи.

Истина ни для кого не можетъ быть оскорбительна, и если окажется, что съ Польшею было поступлено по всѣмъ правамъ народовъ и по ея заслугамъ; если раздробленіе ея было столь же справедливо, какъ и необходимо; если здравый историческій смыслъ подтверждаетъ его, а благоразумная политика требуетъ поддержанія этого раздробленія; если правда, что раздѣлъ 1772 года былъ для Польши исходною точкою возрожденія ея народовъ—то я утверждаю, что не только Франція и Европа должны устраниться отъ участія въ нынѣшней борьбѣ, но что и самая инсуррекція должна была бы положить оружіе и видѣть въ совершившемся фактѣ искупленіе прежнихъ поступковъ и будущую пользу своего народа.

До сихъ поръ, защитники польской національности основывались на той гипотезѣ, что Польша исключена изъ европейской карты какимъ то вѣроломнымъ нападеніемъ; что три государя совершили это преступлеіе: Прусскій Король Фридрихъ II, Русская Императрица Екатерина II и Австрійская императрица Марія-Терезія; говорятъ, что солидарность этого политическаго убійства тяготѣетъ надъ Европою, которая не прежде будетъ спокойна, покуда не исправитъ сдѣланнаго зла. Журналисты, публицисты, историки, какъ плебеи, такъ и аристократы, какъ якобинцы, такъ и іезуиты—всѣ единогласно обвиняютъ раздѣлъ. Благомыслящая толпа, незнающая ничего, кромѣ того, что ей разсказываютъ газеты, находитъ, что поведеніе трехъ державъ было непзвинительно. Друзья Французской имперіи напоминаютъ о славномъ сотовариществѣ поляковъ на полѣ брани; демократы, соціалисты смѣшатъ, твердя безпрестанно: наши братья поляки! Почтенные люди, которые пользуются авторитетомъ и въ политикѣ и въ исторіи, но, которые привыкли судить обо всемъ по старымъ преданіямъ, подтверждаютъ тоже своимъ неодобреніемъ мнѣніе толпы. Итакъ, посмотримъ въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоитъ это мнимое преступленіе? И для этого, повѣрьте, не нужно ни разрывать трактатовъ, ни поджигать Европы съ четырехъ концовъ.

Я недовѣрчивъ по природѣ; въ важныхъ случаяхъ люблю я отдавать самъ себѣ отчетъ во всемъ, и когда замѣчаю ложь, когда на дѣлѣ застаю лицемѣріе, то невольно становлюсь строгимъ. Слѣдовательно, пусть простятъ меня, если мои выраженія окажутся суровыми. Возбуждаетъ теперь негодованіе упорство поляковъ—я не виню ихъ патріотизмъ—но недобросовѣстность тѣхъ, которые подстрекаютъ ихъ, или которые, проповѣдуя имъ покорность, не смѣютъ высказать имъ полной правды. Конечно, въ этой правдѣ много жестокаго, но все-таки она не такъ жестока, какъ ложное сострадание этихъ примирителей.

Поставимъ вопросъ, какъ онъ долженъ быть поставленъ и во всей суровой его откровенности.

Имѣютъ-ли право поляки, по законамъ исторіи и народныхъ правъ, протестовать противъ раздѣла 1772 года и послѣдовавшихъ затѣмъ, требуя теперь у общаго суда Европы своего возстановленія? Очевидно, что если, съ одной стороны, протестъ поляковъ неосновательенъ, если потомство должно подтвердить приговоръ 1772 года, то дипломатія, вмѣшавшаяся теперь въ это дѣло, поступила, въ отношеніи къ Россіи, враждебно

и не добросовѣстно, что она не поняла духа трактатовъ, что она имѣла тайные виды, совсѣмъ другого рода, нежели сочувствіе въ восторженной націи, и что дѣйствія ея должны быть осуждены. Если же, напротивъ того, было дѣйствительно совершено преступленіе и историческій фактъ не оправдываетъ его, то никакое примиреніе не можетъ быть принято—надобно возстановить Польшу во всей ея независимости и національныхъ правахъ.

Два года изучалъ я исторію Польши съ пятаго вѣка христіанской эры до нынѣшняго 1863 года, и вотъ отвѣтъ, который я самъ себѣ далъ. Нѣтъ, поляки неправы. Для возрожденія своего не могутъ они ссылаться ни на трактаты 1815 года, ни на вестфальскій миръ, ни на древнія права народовъ и войны, ни на какое другое естественное, или положительное право. Раздѣлы 1772, 1794, 1796, 1807 и 1815 года были юридическими фактами совершенно правильными, на которые теперь менѣе, нежели когда либо, можно нападать.

Правда, что тѣ, которые первые въ 1772 году произвели этотъ раздѣлъ, не ясно. кажется, понимали важность этого событія. Честолюбіе здѣсь столько же участвовало, какъ и право. Это зависѣло отъ слабаго тогда пониманія исторической философіи и отъ невѣдѣнія общихъ принциповъ. Но мы, видя теперь всю совокупность дѣла и судя безъ всякаго пристрастія, не должны увлекаться ни бѣдственною политикою, ни ужасами войны; мы можемъ только сказать, что виновники раздѣла были исполнителями давно задуманнаго приговора, что раздробленіе Польши было фактомъ европейскаго порядка, предписаннаго необходимостью, потребностью всеобщаго мира и прогресса, и что послѣдующіе трактаты должны были подтвердить этотъ приговоръ, который измѣнить было бы теперь безразсудно, чтобы не сказать преступно.

Будемъ, прежде всего, справедливы и сдѣлаемъ одно важное замѣчаніе, которое кажется, ускользнуло отъ историковъ. Всѣ несчастія Польши произошли отъ одного установленія X вѣка, за которое, впрочемъ, должно обвинять не поляковъ, а единственно человѣческую натуру; я хочу сказать объ установленіи дворянства. Я вовсе не намѣренъ позволять себѣ санкюлотскія выходки. У всѣхъ народовъ аристократія, какъ и монархія, составляли первоначальное устройство общества. Вездѣ аристократія даетъ толпѣ характеръ и движеніе, устраиваетъ власть правительственную и сходитъ со сцены уже тогда, когда плебеи достигаютъ политическаго значенія. Извѣстенъ политическій геній, добродѣтели и величіе характера римскихъ патриціевъ; извѣстно съ какимъ постоянствомъ принциповъ они доставили Риму владычество надъ свѣтомъ. Этотъ примѣръ доказываетъ, какъ важна была роль аристократіи. Нѣсколько вѣковъ преобладаніе ея было законно, и съ этой точки зрѣнія, надобно теперь судить о ней.

Извѣстна также и сила англійской аристократіи; извѣстно, какое участіе принимала она въ созданіи и развитіи англійской свободы, какъ своимъ духомъ прогресса умѣла сдѣлаться популярною, и до какой степени могущества довела свою націю. Она создала въ Англіи—и среднее сословіе, и народъ. Лордъ Россель сказалъ гдѣ-то: теперь неизвѣстна даже эпоха, когда прекратилось рабство въ Англіи. Англійская аристократія кончится, какъ и всякая другая, но съ нею не кончится существованіе самой націи; напротивъ того, она прославится тѣмъ, что оставитъ по себѣ демократію, которая будетъ превосходить ее силою.

Это я выставляю здѣсь и по поводу Польши въ ея оправданіе, но долженъ присовокупить, что установленіе дворянства, столь опасное и для болѣе опытныхъ и упрочившихся племенъ и получившее въ Польшѣ столь преувеличенное развитіе, менѣе всякаго народа прилично было для поляковъ, такъ что едва оно образовалось, какъ уже сдѣлалось агентомъ разслабленія общественныхъ нравовъ и бичомъ крестьянъ и государства.

Духъ Славянъ не можетъ сродниться съ идеею о кастахъ. Въ Польшѣ, какъ и

вездѣ, аристократія родилась сперва отъ неравенства умственныхъ способностей, потомъ отъ исправленія публичныхъ должностей и отъ различія поземельной собственности. Но эти слабыя сѣмена вскорѣ совершенно заглохли бы, еслибъ не получили усиленія извнѣ, именно, вмѣстѣ съ христіанствомъ явилось вліяніе католической и феодальной церкви.

Въ Россіи первобытные нравы поддерживались гораздо лучше. Греческое духовенство менѣе противилось имъ; сословіе боярское образовалось тамъ позже, будучи введено извнѣ, или въ подражаніе единоплеменной Польшѣ, и оно никогда не могло преобладать надъ популярною властію царей. Въ Польшѣ было совершенно противное. Здѣсь церковь господствовала надъ короною, и феодальное вліяніе развилось вполнѣ. Духъ массъ былъ стѣсненъ, не имѣя силы реакціи; королевская власть, ограничиваемая епископами, была безсильна. Обнаружилась изступленная страсть къ полученію дворянскаго званія, и она была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сами искатели были незначительнѣе. *Это мнимое дворянство*, развращенное при самомъ своемъ рожденіи, лишенное собственной энергіи, презираемое болѣе сильными и богатыми, существовало только къ разоренію государства и къ стыду націи.

Никогда еще не измѣнили въ такой мѣрѣ своему народу тѣ самые элементы, которые, повидимому, должны были-бы составлять его величіе—именно, его дворянство и духовенство. Это оттого, что аристократія, опасная по своей природѣ и имѣющая повсюду значеніе переходнаго органа, болѣе всего бываетъ гибельна у народовъ простого и мягкаго характера, въ которыхъ тщеславіе, а особенно у женщинъ, сильнѣе честолюбія, и въ которыхъ робкое или буйное *я* столь же неспособно къ повиновенію, какъ и къ власти.

Славяне, какъ большія дѣти, вовсе неспособны были къ образованію аристократической касты. Они приняли титулы, права и богатства феодаловъ, какъ игрушку; они любили ихъ, какъ богатую одежду, лошадей, блестящее оружіе; но имъ въ мысль не приходило считать себя государственными людьми и воспитателями плебеевъ. Они и не подозрѣвали существованія западной поговорки, что „дворянство налагаетъ обязанности“ (noblesse oblige).

Нѣсколько вѣковъ скандализировала Польша Европу своими междоусобными распрями; она нравственно уже скончалась въ 1696 году, испустивъ послѣдній вздохъ свой съ Собѣсскимъ. Собѣсскій величайшій человѣкъ Польши, истинно великодушный и благородный, былъ, именно, за это ненавидимъ дворянствомъ болѣе всѣхъ другихъ королей. Съ кончиною Казиміра, послѣдняго изъ Пястовъ, въ 1370 году, Польша начала торговать своею короною, какъ публичная женщина своею красотою. Она много выгадала въ этой торговлѣ. Кромѣ денегъ отъ кандидатовъ, пріобрѣла она Литву, которой обширныя и плодородныя земли дали средство польскимъ магнатамъ поправить свои дѣла, но съ которою, несмотря на старанія Ягелла и преемниковъ его, она всегда жила въ несогласіи.

Братскій союзъ литовцевъ съ поляками, то-есть дворянства обѣихъ областей—потому что и тутъ и тамъ плебеи считаются ни во что—этотъ союзъ до 1772 года составлялъ какой то миѳъ, и нынѣшнее возстаніе едва-ли ихъ примирило. Потомъ, истощивъ свою ягеллонскую династію, поляки попробовали взяться за династію Вазы, въ 1587, надѣясь овладѣть и Швеціею, какъ Литвою. Вотъ почему Сигизмундъ III велъ противъ шведскаго своего отечества столь-же несправедливую, какъ и не политическую войну, за которую дорого отплатили полякамъ Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII.

Такимъ образомъ, бросивъ первый взглядъ на Польшу и на ея исторію, что мы открываемъ? Что польская національность исключительно состоитъ изъ дворянства—и я спрашиваю: что есть общаго у этой касты съ остальною конституціонною Европою?

Что мы видимъ далѣе? Эти дворяне призывали, въ продолженіе четырехъ столѣтій,

царствовать надъ ними иностранныхъ принцевъ—венгерскихъ, литовскихъ, французскимъ, трансильванскихъ, шведскихъ, саксонскихъ. Я спрашиваю вновь: какъ смѣетъ польское дворянство жаловаться теперь, что принадлежитъ государямъ прусскому австрійскому и русскому? Вы никогда не умѣли быть поляками, а говорите о національности. Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: „постепенный упадокъ". Эти слова сказалъ историкъ Сальванди, другъ поляковъ. Странно, что насъ хотятъ увлечь къ возстановленію той національности, которая осуждена собственными ея лѣтописями. Кромѣ рѣдкихъ личностей, которыя существуютъ въ Польшѣ, какъ и вездѣ, нація, растлѣнная своими католическо-феодальными фантазіями, своими своевольными законами, своимъ вспыльчивымъ умомъ, сохранившая, въ теченіе вѣковъ, только одни свои пороки, остановленная въ своемъ развитіи, столь-же мало имѣетъ теперь политическаго инстинкта, какъ и логическаго здравомыслія.

Касательно гражданскаго права, она убила славянскія узаконенія, создавшія общину и свободу поселянина; но ничего не пріобрѣла сама, потому что даже и дворянство ея не имѣетъ настоящей, формальной собственности. По примѣру Франціи, со временъ династіи Капета соперничествовавшей съ Германскою Имперіею, въ 964—1139 г., Польша пробовала воскресить себя посредствомъ монархіи, и не успѣла въ этомъ. Ея короли были подавлены, уничтожены аристократіею. Титулъ былъ сохраненъ, но принципа никогда не было. „Я не хочу быть фарфоровымъ королемъ", сказалъ имъ трансильванецъ Баторій—одинъ изъ величайшихъ людей, которые когда-либо царствовали въ Польшѣ. Подозрѣваютъ, что этотъ государь, за свои правительственныя идеи, былъ отравленъ поляками. Король въ Польшѣ имѣлъ значеніе раздавателя *старостъ*, и самъ былъ первымъ изъ помѣщиковъ—болѣе ничѣмъ. Когда стали призывать иностранныхъ принцевъ, то, обольщенные титуломъ польскаго короля, титуломъ, котораго они не понимали, претенденты стремились туда со всѣхъ концовъ Европы, истрачивали сокровища, торговались; по заключеніи торга, этихъ претендентовъ заставляли подписывать pacta conventa—смѣшную хартію, которая уничтожала всю власть ихъ.

Послѣ монархіи Польша захотѣла испытать феодальную аристократію и старалась соединиться съ германскою монархіею, въ 1139—1149 г. Но мелкая шляхта взбунтовалась противъ высшаго дворянства; германское право опровергла правами польскаго дворянства, и все кончилось сдѣлкою, которая не образуетъ ни монархіи, ни феодализма, ни демократіи: это что-то среднее, что-то вполнѣ польское. Съ 1320 до 1492 г. Польша все выбирала себѣ новыя системы, и польскіе историки называютъ этотъ періодъ *цвѣтущимъ*, вѣроятно, потому, что въ это время издано было множество законовъ. Законы были одинъ лучше другого, и въ изданіи ихъ участвовали короли, магнаты и духовенство; но ни объ одномъ законѣ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ примѣненъ и исполненъ. Это была простая забава праздныхъ людей, игравшихъ въ *реформу*. Нѣкоторые честные люди вѣрили этому, и польскіе историки съ гордостью указываютъ на эту эпоху, тогда какъ ни въ какое время и ни у какого народа не видно было такого растлѣнія нравовъ, такой наглости дворянъ, такого презрѣнія къ законамъ, такой нищеты въ народѣ, какъ въ эту эпоху. Это была блистательнѣйшая минута польскаго гніенія и невольничества крестьянъ. Тогда не было въ Польшѣ, конечно, анархіи, но не было и ни какой силы у правительственной власти. Не было ни полиціи, ни юстиціи, дворяне дѣлали, что хотѣли, политика которыхъ состояла въ томъ, чтобы не стѣснять никого и наслаждаться своимъ званіемъ. Знаменитѣйшій изъ всѣхъ королей, котораго поляки прозвали *великимъ*, Казимиръ III, былъ настоящимъ Сарданапаломъ.

Начался кризисъ съ восшествіемъ на престолъ Іоанна-Альберта, и кончился смертію Собѣсскаго: это періодъ великой анархіи. Если анархическій принципъ, доведенный до послѣдней крайности, играетъ роль въ судьбахъ человѣчества, то этотъ элементъ имѣлъ

истиннаго своего представителя въ Польшѣ. И, однакожъ, часъ ея въ это время не пробилъ еще.

Польша шла всегда въ разрѣзъ съ остальною Европою. Въ Англіи аристократія сошлась съ среднимъ сословіемъ, чтобы ограничить власть королей; во Франціи король соединился съ общинами, чтобъ подавить волнующееся дворянство; въ Германіи, около императорской короны составилась конфедерація. Польша дѣлала все напротивъ. Мнимая ея цивилизація въ среднихъ вѣкахъ была ничто иное, какъ восточная роскошь; ея литература—только контрафакція латинизма; ея республика-лексиконъ, заимствованный изъ древняго Рима, или оперная декорація, а набожность ея—крайнее ханжество. Не было ничего истиннаго, ничего опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ изступленію всѣхъ страстей, всѣмъ крайностямъ жизни, всѣмъ фантазіямъ идеализма. Дворянскіе предразсудки, доведенные до мелочей, или до безумія; отсутствіе дисциплины, возведенное въ point d'honneur и ниспровергающее всѣ идеи, дѣлало поляковъ попеременно фальшивыми роялистами, фальшивыми аристократами, фальшивыми революціонерами; *они остались вѣрны только іезуитамъ.*

Я сказалъ, что народъ, къ которому все таки надобно возвратиться, если хотятъ судить о какой-либо націи, не подавалъ еще до сихъ поръ никакого признака жизни, исключая проклятій своимъ господамъ и ненависти къ нимъ. Въ 964 году, при введеніи католичества, дворяне запрещали крестить поселянъ, не считая ихъ достойными избавленія именемъ христовымъ. Въ 1040 эти несчастные плебеи, которыхъ отталкивали въ идолопоклонство, чтобы съ меньшею совѣстливостью обирать ихъ, осмѣлились взбунтоваться, и въ царствованіе Казимира—монаха ихъ рѣзали безпощадно.

Я не буду говорить объ истребительной войнѣ въ XVII вѣкѣ противъ запорожскихъ казаковъ, т. е. противъ польскихъ подданныхъ, бѣжавшихъ за днѣпровскіе пороги, во времена Казиміра-монаха. Въ исторіи ничѣмъ не доказано, чтобы шляхта и народъ были люди двухъ разныхъ племенъ; но, въ продолженіе восьми вѣковъ мысль эта преобладала, и Мальтбрюнъ говоритъ, что съ незапамятныхъ временъ пришло въ Польшу воинственное племя славянъ, которое и сдѣлало рабами тамошнихъ аборигеновъ тогоже племени. Какъ бы то ни было, но славянскіе поляки приняли не только религію папизма, но и захотѣли, подобно западнымъ христіанамъ, имѣть у себя дворянъ, королей и рабовъ. Къ сожалѣнію, дворянство превратилось у нихъ вскорѣ въ разбойничество; король сдѣлался безсильнымъ кумиромъ, а рабъ самымъ жалкимъ созданіемъ, хуже того, чѣмъ были невольники у грековъ и у римлянъ.

И намъ говорятъ о національности! Пусть польское дворянство принесетъ прежде самого себя въ жертву; пусть возвратитъ существованіе тѣмъ, у которыхъ оно отняло имущество и которыхъ столько вѣковъ угнетаетъ!... Но пора поговорить о раздѣлѣ.

По смерти Собѣсскаго Польша продала себя Саксоніи, которая, вслѣдствіе своего союза съ Россіею, навлекла на себя военную грозу со стороны шведскаго короля Карла XII и была принуждена уступить Польшу Станиславу Лещинскому—человѣку благороднаго характера, одаренному всѣми качествами Собѣсскаго, однимъ словомъ, другу Карла XII. Для поляковъ насталъ теперь удобный случай отстать отъ Саксоніи и обезпечить свою независимость, соединясь съ одной стороны съ Швеціею, которой полякамъ нечего было бояться, противъ Россіи, которая угрожала ей; съ другой стороны, утвердивъ окончательно на своемъ престолѣ національную династію. Но въ Польшѣ не могло быть національнаго короля. Послѣ пораженія Карла XII подъ Полтавою, Фридрихъ-Августъ возвратился какъ въ свои области, такъ и въ Польшу, а Станиславъ бѣжалъ за границу. Въ 1720 году былъ подписанъ миръ.

Въ 1733 г. умеръ Фридрихъ-Августъ I, болѣе оплакиваемый Саксонцами (говоритъ одинъ историкъ), которыхъ онъ разорилъ, чтобъ пріобрѣсти Польшу, нежели поляками, которыхъ обогатилъ, покупая ихъ избирательные голоса. При извѣстіи о его смерти,

Станиславъ уѣхалъ изъ Франціи и провозгласилъ себя королемъ въ Варшавѣ. Началась война между Франціею и Австріею, за польское престолонаслѣдіе; она продолжалась три года. Поляки не поддерживали своего короля-патріота, и Августъ III, человѣкъ, преданный Австріи и Россіи, остался властителемъ Польши. Станиславъ вторично отказался отъ короны. Герцогства барское и лотарингское—старое достояніе Австріи—были тогда отданы ему, съ правомъ Франціи на наслѣдіе. Австрія получила въ вознагражденіе Тоскану. Такимъ образомъ и Франція получила свою долю въ раздѣлѣ Польши.

Польша сдѣлалась съ этихъ поръ постояннымъ яблокомъ раздоровъ въ Европѣ, измѣняя политическое ея равновѣсіе подкупомъ своихъ выборовъ. По своеволію поляковъ, вестфальскій миръ не осуществился. Подобное положеніе не могло быть терпимо. Вѣнскій миръ 2-го октября 1735 года, по которому Франція и Австрія взаимно вознаградили себя за свои виды на Польшу, составлялъ мрачное предвѣстіе, нѣчто въ родѣ предисловія къ раздѣлу 1772 года. Съ этой минуты европейскія державы стали уже мѣшаться въ дѣла Польши, которая, рано или поздно, должна была, очевидно, покориться закону равновѣсія. Если она, по своимъ дѣйствіямъ, не могла принадлежать къ европейской системѣ въ полномъ своемъ составѣ, то должна была войти въ нее раздробленная по частямъ.

Съ 1735 до 1761, когда скончался Августъ III, король саксонскій и польскій, измѣнились ли, исправились ли поляки въ чемъ-нибудь? Рѣшительно нѣтъ. Они и не подозрѣваютъ ни своего безразсудства, ни угрожающей имъ опасности. Униженіе ихъ такъ велико, что двое изъ величайшихъ людей республики, братья Чарторижскіе, не видятъ другаго спасенія для своего общества, какъ въ реформѣ, произведенной насильственно, съ помощью иноземной силы. Это таже самая система, какую въ наше время употребилъ маркизъ Велепольскій. Прочтите исторію Рюльера, вникните хорошенько въ дѣло, и вы убѣдитесь, что въ 1761 году иноземное вмѣшательство дѣйствительно было послѣднимъ средствомъ для спасенія свободы Польши.

Чарторижскіе потребовали помощи у Россіи. Результатомъ этого было избраніе Станислава Понятовскаго, племянника Чарторижскихъ. Правда, они сами не его назначали кандидатомъ; но таковъ тогда былъ духъ польскихъ дворянъ, что какъ скоро произнесено было имя Понятовскаго, то всѣ съ восторгомъ ухватились за него, обольщенные тѣмъ, что онъ воспользовался милостью Екатерины II. 6-го сентября 1764 былъ онъ избранъ, съ согласія Пруссіи.

Усилія обоихъ реформаторовъ предвѣщали успѣхъ. Важнѣйшею идеею ихъ было созданіе въ Польшѣ средняго сословія, отчасти составленнаго изъ поселянъ, которыхъ предполагалось сдѣлать свободными, а отчасти изъ шляхты, котрая ненавидѣла трудъ и почитала униженіемъ заниматься торговлею и промышленностью предпочитая служить лакеями у богатыхъ магнатовъ.

Это среднее сословіе должно было служить опорою для короля противъ нападеній ретроградной партіи. И кто-же ниспровергъ весь этотъ планъ? Самъ король Понятовскій открылъ всѣмъ тайну своихъ дядей и предалъ ихъ, присоединясь къ дворянству, то есть, къ тѣмъ полякамъ, которые, будучи врагами всякой реформы въ своемъ сословіи, какъ равно и эманципаціи плебеевъ, донесли Екатеринѣ, что Чарторижскіе составили заговоръ.

Съ этой минуты все погибло. Екатерина стала наблюдать за дѣйствіями короля. Между тѣмъ, Франція присоединила къ себѣ Лотарингію, и получивъ эту долю въ польскомъ раздѣлѣ, вздумала помочь Польшѣ, заставя Порту объявить войну Россіи; но Австрія и Пруссія тотчасъ же двинули свои арміи и приняли серьезное участіе въ дѣлахъ Польши. Черезъ два года, по настоянію Фридриха II, произошелъ первый раздѣлъ.

16

Никто болѣе меня не соболѣзнуетъ о полякахъ. Но кого могутъ они обвинять въ своемъ несчастіи, какъ не самихъ себя?...

Предположите, что корона бельгійская сдѣлалась избирательною, и ее стали-бы предлагать то принцу уэльскому, то эрцгерцогу австрійскому, то императору Французовъ, или королю прусскому; легко предвидѣть, что рано, или поздно, избранный принцъ захочетъ сохранить въ своемъ потомствѣ то, что ему дано пожизненно, что прочіе претенденты не позволятъ этого, что между этими державами возгорится война за обладаніе этимъ конкурснымъ королевствомъ, и что борьба кончится сдѣлкою, которая, прекративъ чужеземную вражду, уничтожитъ навсегда бельгійскую національность.

Основываясь на подобной же причинѣ, Людовикъ XIV вторгнулся, въ 1665 г., въ Нидерланды, которые не хотѣлъ оставить во власти Австріи. Онъ былъ неправъ только въ томъ отношеніи, что откровенно не объявилъ своихъ плановъ а сослался на права наслѣдія, которыхъ не существовало. Точно въ такомъ же положеніи была и Польша въ XVIII вѣкѣ, по смерти Собѣсскаго. Не имѣя силъ, не умѣя, даже не желая принадлежать самой себѣ, а существуя только для произведенія волненій въ Европѣ, Польша должна была принадлежать кому-нибудь: раздѣлъ 1772 года прекратилъ польскую аномалію. Никто въ Европѣ не протестовалъ противъ этого. Да и кому было это нужно? Франція взяла уже свою часть—Лотарингію; Швеція помнила свои обиды; Англія давно уже вознаградила себя.

Послѣдующіе раздѣлы были послѣдствіемъ перваго, и каждый изъ нихъ былъ вызванъ самими поляками. Въ 1791 году конституція была передѣлана королемъ, который понялъ, наконецъ, умную мысль своихъ дядей. Крестьянамъ были даны обѣщанія; королевство сдѣлалось наслѣдственнымъ, и корона предложена была, по смерти царствующаго короля, саксонскому дому; просили даже союза Пруссіи. Но уже дѣло было кончено; нечего было ожидать въ будущемъ. Сперва дворянство, въ защиту правъ своихъ, составило тарговицкую конфедерацію. Потомъ Саксонія отказалась отъ предлагаемой короны, а Пруссія слишкомъ дорого хотѣла взять за свой союзъ. Никто не вѣрилъ уже полякамъ; никто не желалъ имѣть ихъ. Наконецъ, король, уступилъ, и торжество дворянства въ 1791 году произвело новый раздѣлъ. Непреклонная ненависть дворянина къ крестьянину вторично погубила отечество и раздробила его.

Вскорѣ потомъ (въ октябрѣ 1791 г.) произошло возстаніе Костюшка, и польскіе патріоты обратились къ французской революціи; они потребовали у парижскаго конвента помощи и вздумали дѣйствовать посредствомъ терроризма. Это была несчастная попытка, только ожесточившая державы, воевавшія съ Франціею. Польша была вовсе не въ роли 1793 года, предводители поляковъ не были похожи на французскихъ террористовъ. Костюшко не успѣлъ ни привлечь къ себѣ дворянства, ни убѣдить его къ реформамъ. Нѣчто въ родѣ парижскихъ сентябрскихъ дней произошло въ Варшавѣ 28-го Іюня 1794 года. Костюшко потребовалъ, чтобы убійцы были повѣшены, и парижскій комитетъ общественной безопасности послалъ ему слѣдующій запросъ:

„Если генералъ Костюшко увѣряетъ, что въ теоріи онъ одобряетъ истинно-революціонныя средства для спасенія Польши, то какимъ же образомъ онъ на практикѣ дѣйствуетъ иначе? Какимъ оаразомъ, будучи диктаторомъ, онъ признаетъ государемъ измѣнника Станислава-Августа? Почему немилосердно поступаетъ съ тѣми, которые спокойно объявили, что думали дѣйствовать въ пользу отечества, умертвивъ настоящихъ злодѣевъ? Почему онъ боится освободить крестьянъ, щадя интересы дворянства и почему онъ бережетъ вѣроломную Австрію, которая воюетъ съ нами?“

Въ 1796 году произошелъ окончательный раздѣлъ Польши, и все по одной и той же причинѣ— по эгоизму дворянъ, которые всегда предпочитали уничтоженіе отечества освобожденію крестьянъ. Наполеонъ I, въ 1807 г., не измѣнилъ этого раздѣла; онъ

только прибавилъ четвертаго участника въ дѣлежѣ, отдавъ Саксоніи Варшавское Герцогство.

Теперь ссылаются на *слова* Наполеона, сказанныя имъ на островѣ св. Елены. Но что значатъ слова передѣлывателя собственной своей исторіи и какъ бы исправляющаго въ *словахъ* ошибки, совершенныя на *дѣлѣ*? Уничтоженіе *анархіи* въ Польшѣ сдѣлалось, очевидно, роковою неизбѣжностью. Она заранѣе была предусмотрѣна всѣми государственными людьми. Ее предсказывали Баторій, Янъ Казиміръ, Собѣсскій, Лещинскій, Чарторижскіе. Раздѣлъ совершился въ тотъ день, когда Европа убѣдилась, что Польша составляетъ для нея постоянную опасность. Можно смѣло сказать, что никогда въ исторіи не было столь заслуженнаго наказанія. Униженіе Польши, предписываемое безопасностью сосѣднихъ державъ, послужило къ спасенію и къ освобожденію рабочаго класса, который свободно вздохнулъ послѣ раздѣла, называемаго теперь громкимъ именемъ политическаго убійства. Для польскихъ плебеевъ раздѣлъ былъ освобожденіемъ отъ рабства.

И теперь, къ какому правосудію, божескому, или человѣческому, обратятся противъ этого строгаго, но неизбѣжнаго суда исторіи? Обратятся ли къ отечественному праву? Но, во-первыхъ, это право требовало у дворянъ не только освобожденія крестьянъ, но и возвращенія имъ отнятыхъ у нихъ земель. Съ другой стороны, естественное право не можетъ служить протестомъ противъ писаннаго права, служащаго выраженіемъ его. Если вы ищете правосудія, то, ради-Бога, не требуйте его отъ варварскихъ временъ! Не вѣрьте Руссо, что у дикарей больше правосудія, нежели у образованыхъ народовъ. Нашествія варваровъ, развалины, оставленныя ими по себѣ, печально разочаруютъ васъ.

Новое право установлено вестфальскимъ миромъ. Но я уже объяснилъ, что въ силу этого самаго права, Польша, безпрестанно нарушавшая равновѣсіе и торговавшая своимъ трономъ, посреди цивилизованной Европы, должна была подвергнуться раздробленію. Когда нація возстаетъ противъ всеобщаго установленнаго порядка, то неужели противъ нея нѣтъ никакого авторитета, ни правосудія, какъ и для отдѣльныхъ лицъ? По какому же праву вторглись европейцы въ Китай и Японію?

Не обратиться ли къ либеральному духу вѣнскаго трактата? Дѣйствительно въ немъ удостоили заняться свободою Польши, и просили государей, раздѣлившихъ ее, дать своимъ народамъ конституцію. Какую? кому, и въ чемъ? Разсмотримъ внимательно. Въ 1814 году прошло только сорокъ лѣтъ послѣ раздѣла. Въ продолженіе этого времени поляки заставили ли своимъ поведеніемъ забыть прежніе поступки? Злая судьба Польши какъ бы нарочно указывала, что съ 1773 г. она постоянно дѣйствовала вопреки здравой политикѣ, всѣмъ своимъ обязанностямъ и даже выгодамъ. Такъ, напримѣръ, отвергнувъ реформы Чарторижскихъ, которыя тогда могли еще пройти незамѣтно, поляки вздумали попробовать составить конституцію. Но въ какую минуту и какимъ образомъ? Въ 1791—1794 г., когда разлилась французская революція и, поколебавъ всѣ троны, уничтожила всѣ привилегіи. Въ эту минуту поляки вздумали подражать Франціи тогда какъ дворянство ихъ въ домѣ ненавидѣло ея принципы и давало себѣ слово уничтожить ихъ, впослѣдствіи, своею реакціею, вовсе не думая повторить 4-е августа въ парижскомъ собраніи, а возбуждая только опасенія сосѣднихъ державъ, которыя вскорѣ довершили раздѣлъ окончательно.

Какой тактикѣ слѣдовали поляки съ 1797 по 1814 годъ? Они старались дѣйствовать заодно—сперва съ директоріею, потомъ съ консульствомъ и съ имперіею, не заботясь о перемѣнѣ въ принципахъ, происшедшей во французскомъ правительствѣ, не заботясь о правахъ и интересахъ сосѣднихъ націй, не замѣчая, что съ республикою были на сторонѣ народовъ противъ деспотизма, а съ Наполеономъ I были съ деспотизмомъ противъ народовъ. Пятнадцать лѣтъ сражались они подъ знаменами Наполеона

противъ независимости національностей: въ Санъ-Доминго, въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи, въ Россіи, вездѣ.

Я допускаю, что они своими услугами пріобрѣли право на благодарнось Франціи, и что наши военные люди, по справедливости, видятъ въ нихъ боевыхъ товарищей. Но заслужили-ли они, въ 1814 году, такую-же благодарность отъ тѣхъ народовъ, подавлять которыхъ помогали Наполеону безъ различія времени и мѣста?

Съ 1798 по 1813 годъ они раздѣлили наши пораженія, и мы бы должны были за это возвратить имъ независимость, еслибъ это отъ насъ зависѣло. Но надобно сознаться, что чѣмъ больше мы имѣли къ нимъ сочувствія въ 1814 году, тѣмъ болѣе русскіе, австрійцы, прусаки, испанцы, неаполитанцы имѣли право мстить имъ, и мы столь же мало можемъ осуждать эту месть, какъ и раздѣлять ее. Что я говорю? Теперь хладнокровно обсуждая исполинскія экспедиціи нашей первой имперіи, мы можемъ только произнести; наше „mea culpa“ (согрѣшили) за всѣ эти безполезно одержанные побѣды, за всю эту чудовищную политику. Подавъ руку *союзникамъ*, не ратификовали ли мы окончательно три первые раздѣла Польши? а если обдумаемъ, что отъ самихъ поляковъ зависѣло воспользоваться, съ 1815 года, подъ верховною властію Россіи, всѣми выгодами конституціонной системы, дарованной какъ имъ, такъ и Франціи— то имѣемъ ли мы право соболѣзновать даже объ этой ратификаціи?

Теперь доказано, что въ то время, какъ русскіе императоры сохраняли еще для собственныхъ своихъ областей обсолютное самодержавіе, они обращались съ Польшею, какъ съ свободнымъ государствомъ. Ни одна копѣйка польскихъ податей не поступала въ кассы Имперіи—все употреблялось для Царства Польскаго; всѣ *шесть пунктовъ*, о которыхъ въ послѣднее время такъ много шумѣли, давно уже были дарованы полякамъ, отъ которыхъ Россія ничего больше не требовала, какъ только военнаго контингента.

Съ небольшимъ здравомысліемъ и меньшимъ эгоизмомъ, поляки поняли бы, что положеніе, въ которое они тогда были поставлены, ставило ихъ въ главѣ Россіи; что впослѣдствіи, при добросовѣстномъ исполненіи конституціи, они не только оставались бы свободны, но были бы гораздо свободнѣе, нежели когда либо были ихъ предки. Они служили бы инпціативою реформъ, которыя теперь составляютъ славу Александра II,— тогда какъ теперь они сдѣлались ненавистны каждому русскому. Никогда завоеванная нація не была въ такомъ счастливомъ положеніи. Кто же отвергъ это счастіе? Гордость польскаго дворянства. Вотъ истинная причина ихъ презрѣнія къ *москвитянамъ*. Мечты поляковъ послѣ 1815 года неправлены единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него же. Спустя нѣсколько лѣтъ, конституція эта была у нихъ отнята: они только этого и хотѣли. Это послужило имъ предлогомъ къ возстанію въ 1831 году. Какая мысль руководила ими въ этомъ возстаніи, которое осуждено было всѣми здравомыслящими людьми Европы, и въ которомъ сильнѣе, нежели когда либо, вспыхнули старинныя ихъ междоусобія и непримиримая вражда къ плебеямъ, какъ во времена Казиміра, прозваннаго въ насмѣшку *королемъ холоповъ*? Принципъ дворянства погубилъ Польшу.

Русское правительство 1773 года было неправо въ отношеніи къ Польшѣ, не право тѣмъ, что *щадило это неисправимое дворянство* и думало, что хорошимъ обращеніемъ, милостями и раздачею мѣстъ оно обратитъ ихъ на путь истины. Даже дана была имъ, наконецъ, конституція. Это была ошибка. Всѣ государи любятъ окружать себя старинным дворянствомъ. Такъ поступилъ Людовикъ XIV послѣ фронды, и Наполеонъ I, сдѣлавшись императоромъ, соединялъ *бѣлыхъ* и *синихъ* противъ *красныхъ*.

Слѣдуя этимъ историческимъ традиціямъ, и русскіе императоры старались привлечь къ себѣ *величайшихъ враговъ своего народа*. Событія показали противное. За свое добро, за свои милости, они были вознаграждены оскорбленіями, а когда потомъ

захотѣли быть строгими, то вся Европа обвинила ихъ, называя поляковъ мучениками свободы и любви къ отечеству.

Въ 1846 году возобновились происки польскихъ дворянъ, и крестьяне Галиціи начали безчеловѣчно избивать ихъ. Европейскія газеты старались тогда увѣрить публику, что эти убійства происходятъ отъ подстреканій со стороны австрійскихъ начальствъ; но новѣйшія и подробныя изслѣдованія доказали, что эти увѣренія—польская выдумка. Вѣшать безвинныхъ крестьянъ и жечь ихъ хижины—давно уже составляетъ главное средство пропаганды мнимыхъ польскихъ революціонеровъ противъ *Москвы*. Эти пожары и убійства имѣютъ двоякую цѣль: во первыхъ они должны были принудить крестьянъ, посредствомъ терроризма, присоединиться къ инсуррекціи, а во вторыхъ, ожесточить этихъ крестьянъ противъ русскихъ, обвиняя послѣднихъ въ поджигательствѣ. 11-го ноября 1846 года, краковская республика, установленная трактатами, но къ сожалѣнію, служившая главнымъ сборищемъ для заговорщиковъ, присоединена была къ Австріи, съ согласія Россіи и Пруссіи. Кто былъ виновникъ этого?

Я не одобряю жестокостей, кто бы ни производилъ ихъ. Я изъ тѣхъ, которые думаютъ, что чѣмъ болѣе врагъ обнаруживаетъ ожесточенія, тѣмъ великодушнѣе надо поступать съ нимъ. Въ этомъ состоитъ слава человѣколюбія и цивилизаціи. Если фанатизмъ увлекаетъ иногда народы къ войнѣ, то пусть они ведутъ ее какъ люди, а не дикіе звѣри и разбойники. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрю на макіавелизмъ польской аристократіи, для которой убійство столь же мало стоитъ, какъ и клевета. Многіе думаютъ, что это клевета, и я, пожалуй, готовъ былъ бы присоединиться къ нимъ, еслибъ *святое судилище* не обнаружило открыто своихъ принциповъ убійства.

Теперь они измѣняютъ свою тактику. Долго ссылаясь на трактаты 1815 года, даровавшіе имъ конституцію—какъ будто они когда нибудь заботились о конституціи—долго осмѣливаясь утверждать, что единственнымъ препятствіемъ къ освобожденію крестьянъ былъ царь, какъ будто польскій дворянинъ когда либо занимался крестьянствомъ иначе, какъ съ цѣлью грабить и бить,—поляки, наконецъ, сбросили личину. Они объявляютъ теперь, что дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ; что отношенія ихъ къ правительству не касаются Европы, а ихъ однихъ; что такъ какъ и прежде они были всегда свободны, то имъ не нужно было гарантій, въ 1815 г., для ихъ конституціи; что эта игрушка хороша только для Австріи, что касательно участи крестьянъ никто не имѣетъ права упрекать ихъ; что пауперизмъ и нищета составляютъ мѣстную болѣзнь всей Европы, и что если польское дворянство было, можетъ быть, не слишкомъ щедро къ плебеямъ, то потому только, что оно ждало, чтобы другія европейскія державы указали примѣръ и средства, какъ обогатить ихъ.

Наконецъ, послѣднимъ доводомъ выставляютъ они, что Польша необходима для равновѣсія Европы; что какъ въ прошедшемъ такъ и въ будущемъ, судьба предназначила ей играть роль стража Европы отъ нашествія *москвитянъ*, которое день ото дня становится очевиднѣе, такъ что, если вѣрить имъ, то самый важный интересъ Европы требуетъ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года, исправленія ошибки, сдѣланной близорукими государственными людьми на вѣнскомъ конгрессѣ. Чтобы оправдать свои доводы, они угрожаютъ европѣ; они даютъ понять ей, что если она не удовлетворитъ ихъ требованій, то они бросятся въ объятія Россіи, и тогда Европа узнаетъ ихъ!... Такъ они, пожалуй, будутъ насъ пугать своими вѣшателями *народоваго жонда*. Почему же и нѣтъ? Вѣдь есть же въ Парижѣ газеты, которыя и въ этомъ рукоплещутъ имъ.

Это—неслыханное диво; это заставляетъ меня краснѣть! Аристократическая польская партія разглагольствуетъ въ Парижѣ громче всѣхъ нашихъ старинныхъ партій; она пользуется большимъ авторитетомъ, нежели наша пресловутая поголовная подача голосовъ. Нашу наивность хочетъ она употребить орудіемъ для достиженія своей цѣли, хотя бы мы

за это поплатились банкротствомъ и вторженіемъ коалиціи, хотя бы вся Европа обрушилась на насъ, такъ какъ нѣкогда она находила очень естественнымъ брать контрибуцію съ тщеславія принцевъ, которымъ предлагала свою корону.

Польша посредствомъ духовенства управляетъ всею французскою правительственною политикою; она распоряжается и всею прессою, тогда какъ мы, февральскіе республиканцы, не можемъ имѣть лоскутка періодическаго изданія, гдѣ бы могли выразить наши жалобы и надежды. Польша владычествуетъ въ совѣтахъ такъ называемой оппозиціи, отъ которой мы на-дняхъ услышимъ упреки за то, что правительство истратило 200 милліоновъ въ Мексикѣ; тогда какъ она требуетъ милліарда и стопятьдесятъ тысячъ солдатъ для Польши. Вѣдь надобно же гг. Гавену и Геру предпринять походъ и прославить побѣдами свой цесарскій демократизмъ. Польша произноситъ у насъ краснорѣчивыя рѣчи, вызываетъ на бой Европу, опровергаетъ газетныя извѣстія и показанія другихъ ораторовъ: она вопіетъ въ сенатѣ; она проповѣдуетъ устами нашихъ епископовъ; она догматизируетъ въ академіи; я думаю даже, что она старается сдѣлаться наставницею въ нашихъ лицеяхъ. Скоро мы будемъ думать, разсуждать, рѣшать только чрезъ посредство Польши.

Относительно этого будущаго московскаго вторженія въ Европу, страхъ котораго безпрестанно распространяютъ между нами съ самой крымской войны, придумали недавно, въ пользу поляковъ, теорію, заимствованную изъ геологіи и этнографіи и клонящуюся къ установленію естественныхъ границъ Польши. Рѣшено, что какъ національная, такъ и географическая границы со стороны Россіи составляютъ Днѣпръ и Двина; что тутъ кончается европейскій міръ, и начинается азіятскій монгольскій; что между этими двумя мірами нѣтъ никакого возможнаго союза, никакихъ отношеній, никакой политики, никакого сближенія, ни въ нравахъ, ни въ семейныхъ связяхъ, какъ между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (какъ теперь стараются называть русскихъ) должны, во что бы то ни стало, быть отброшены въ свои степи; что подъ этимъ только условіемъ Европа будетъ спокойна отъ нашествія татарскаго варварства.

Со времени эпохи перваго раздѣла установилась противъ Россіи систематическая вражда, которая, кажется, дошла теперь до крайней степени. Ненависть къ Россіи распространена теперь во всей Европѣ, и плебеи, и модники заражены ею и разглагольствуютъ, не различая ни эпохъ, ни царствованій, не принимая во вниманіе ни духа времени, ни обстоятельствъ, и забывая въ особенности, какъ безразсудно, какъ чудовищно осуждать коллективно цѣлыя націи и племена. Одну Россію обвиняютъ; на нее одну сваливаютъ отвѣтственность за раздѣлъ Польши, тогда какъ она получила только треть; ея совѣтамъ приписываютъ мысль перваго раздѣла, хотя всѣ знаютъ теперь, что великую эту мѣру рѣшилъ человѣкъ, прозванный, по всей справедливости, *геніальнымъ*— Фридрихъ Великій, несмотря на возраженія Маріи Терезіи и Екатерины.

Не осмѣливаясь назвать варварскими такія державы, какъ католическая Австрія и Пруссія, сваливаютъ все на Россію, какъ на „менѣе цивилизованную страну“. И, однакожъ, эта „менѣе цивилизованная страна“ въ три года, больше сдѣлала для прогресса своего населенія и для улучшенія своего правительства, слѣдовательно, для безопасности Европы, нежели всѣ „цивилизованные“ поляки Болеслава, Казимира, Сигизмунда, Понятовскаго сдѣлали въ продолженіе восьми вѣковъ. Теперь, чтобъ довести оскорбленіе до смѣшного, отказываютъ москвитянамъ въ самомъ имени славянъ; отнимаютъ у нихъ названіе русскихъ; увѣряютъ, что они созданы совсѣмъ иначе, нежели жители Вислы, Двины и Днѣпра; ихъ вычеркиваютъ изъ списка цивилизованныхъ и благородныхъ націй, и требуютъ, во имя всеобщаго спасенія, чтобъ ихъ отбросили за Уралъ пока развитіе истинныхъ Славянъ истребитъ ихъ совсѣмъ, въ глубинѣ Камчатки.

Вотъ послѣдняя фраза; вотъ послѣднее слово принципа національностей и естественныхъ границъ, который, безъ сомнѣнія, хотятъ развить на будущемъ конгрессѣ

А между тѣмъ, по поводу Польши и ея громкихъ претензій, сказано было: „литовцы—не поляки; русины—не поляки; жители восточной Пруссіи и познанскаго герцогства, отчасти—нѣмцы, отчасти онѣмечены и не могутъ быть возвращены Польшѣ. А относительно границъ, то есть великихъ стратегическихъ линій, назначенныхъ природою, у Польши ихъ нѣтъ ни на сѣверѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ. Это самая безхарактерная земля во всей Европѣ. У ней только на югѣ есть цѣпь Карпатскихъ горъ, отдѣляющихъ ее отъ Венгріи, но неопредѣляющихъ настоящихъ границъ ея“. Эти сомнѣнія колебали многихъ приверженцевъ; но новѣйшія теоріи ни чѣмъ не затрудняются; онѣ расширили рамки—и теперь будетъ мѣсто для пруссаковъ, для австрійцевъ, для венгерцевъ, для молдаво-валаховъ, даже для турокъ, однимъ словомъ, для всѣхъ, кромѣ этихъ ужасныхъ москвитянъ. Столь же легко можно будетъ создать славянское единство подъ владычествомъ Польши, устранивъ только татарско-московскій элементъ, какъ легко было осуществить это единство и въ латинскомъ племени, послѣ испытаній, дорого стоившихъ Лудовику XIV и Наполеону I, хотя теперь опять производятъ подобныя попытки въ Мексикѣ.

Меня, конечно, прозовутъ руссофиломъ, я этого ожидаю; но пусть зовутъ какъ хотятъ, мнѣ все равно. Но мнѣ стыдно было бы за мою Францію и за моихъ современниковъ, еслибъ не нашелся между ними человѣкъ, который бы протестовалъ противъ этого польскаго нахальства, служащаго эпилогомъ къ недавней итальянской комедіи. Я ждалъ сколько могъ; мнѣ надобно было, наконецъ, выступить. А потому я объявляю, что по моему мнѣнію, всѣ человѣческія племена имѣютъ равное право на существованіе, равное право на цивилизацію, и что преступно исключать кого-нибудь. Что касается до москвитянъ, я ихъ считаю истинными славянами, и по моему сужденію, они имѣютъ полное право называться русскими. Относительно же умственныхъ и нравственныхъ способностей, и русскіе, и поляки почти равны между собою. Если поляки умѣютъ выставлять себя болѣе театральнымъ образомъ, то русскіе обнаружили до сихъ поръ неоспоримое политическое превосходство.

Послѣ всего происходящаго на нашихъ глазахъ и совершавшагося въ послѣднія четыре столѣтія, мы убѣдимся, что скорѣе на русскихъ надобно возложить обязанность охранять насъ отъ поляковъ, нежели на поляковъ—охранять отъ русскихъ.

Я утверждаю, что чѣмъ больше Россія сдѣлаетъ успѣховъ въ цивилизаціи, тѣмъ скорѣе она потеряетъ свой завоевательный характеръ; чѣмъ болѣе недавно освобожденные ея крестьяне будутъ просвѣщаться и обогащаться, свыкаясь съ образованными и осѣдлыми народами, тѣмъ менѣе мы ихъ будемъ бояться; что въ этомъ состоитъ истинный залогъ нашей безопасности и самый надежный оплотъ Европы. Разсуждая, наконецъ, о поземельномъ владѣніи, я прибавлю еще, что если бассейнъ Волги, въ геологическомъ отношеніи, разнится отъ днѣпровскаго, то можно найти такія-же разности и между рѣками самыхъ цивилизованныхъ странъ; что, впрочемъ, не надобно такъ серьезно смотрѣть на составъ геологическихъ слоевъ, а болѣе на направленіе бассейновъ, которое гораздо важнѣе для распредѣленія государствъ; что въ этомъ отношеніи бассейнъ Днѣпра не имѣетъ ничего общаго съ бассейномъ Вислы, а больше сближается съ волжскимъ, однимъ словомъ, что нѣтъ никакой причины придвигать съ этой стороны польскую границу и отодвигать русскую.

Оставляю въ сторонѣ весь этотъ педантизмъ, въ которомъ на каждой строкѣ видна недобросовѣстность и вражда, и вся заслуга котораго состоитъ въ томъ, чтобъ кстати и не кстати перемѣшивать геологію съ политикою и естественную исторію съ народнымъ правомъ. Вотъ аргументъ, который я нахожу достаточно сильнымъ для поляковъ и ихъ адвокатовъ, проповѣдующихъ о возрожденіи Польши, о національностяхъ и естественныхъ границахъ.

Легко угадать, чего вы хотите. Вы хотите преобразовать, подъ другими условіями,

съ другими династіями и политическими центрами, въ пользу другихъ партій, большія политическія тѣла, нынѣ существующія; вы думаете замѣнить ихъ новыми. Этого требованія нельзя допустить, и я скажу вамъ, почему нельзя. Оставляя въ сторонѣ всякую космогонію и разсуждая о дѣлѣ только съ практической точки зрѣнія, мы убѣждаемся, что всѣ націи въ принципѣ, какова бы ни была численность ихъ и обширность занимаемой ими земли, должны быть почитаемы туземцами той страны, которую населяютъ, имѣютъ право на свою независимость и право жить подъ своею верховною властью.

Въ этомъ состояніи независимости и автономіи застаетъ ихъ цивилизація. Въ дальнѣйшемъ движеніи ихъ мы видимъ, какъ онѣ сближаются другъ съ другомъ, проникаютъ себя взаимно, поглащаютъ одна другую, составляютъ болѣе и болѣе многочисленныя группы. Потомъ разъединяются и, проживъ нѣкоторое время подъ общими узаконеніями стараются снова начать жить собственною своею жизнію и управляться сами собою, въ силу пріобрѣтеннаго образованія. Это движеніе къ попеременному сліянію и отдаленію показываетъ намъ исторія при созданіи государствъ, при ихъ войнахъ, союзахъ, при ихъ расширеніи, потомъ упадкѣ и разложеніи.

Но это разложеніе, которое для многихъ показываетъ радикальное органическое безсиліе, будучи разсматриваемо съ высшей точки зрѣнія, составляетъ только одно изъ вліяній метаморфизма, который собравъ сначала націи въ небольшое число великихъ политическихъ тѣлъ, долженъ потомъ, подъ вліяніемъ развитія свободы и правъ, возвратить ихъ къ группамъ государствъ меньшихъ размѣровъ. Наука, промышленность, торговля, мирныя искусства, усовершенствованіе узаконеній являются дѣятелями этой реформы, которая не допускаетъ, чтобъ война играла главную роль въ жизни народовъ.

Нынѣшнія европейскія государства могутъ быть разсматриваемы, какъ послѣдній продуктъ сліятельнаго и унитарнаго движенія, точно такъ же, какъ нынѣшнее геологическое устройство составляетъ продуктъ послѣдняго переворота на земномъ шарѣ. Вестфальскій трактатъ, создавъ принципъ равновѣсія, указываетъ на тотъ историческій моментъ, когда начало останавливаться сліяніе народовъ. Трактаты 1815 года, открывъ конституціонную эру, приготовили разложеніе.

Теперь, чего требуете вы? Слѣдить за движеніемъ исторіи, уменьшая постепенно, систематическимъ дробленіемъ, большія государственныя тѣла, и замѣняя ихъ группами государствъ, независимыхъ одно отъ другого, а только связанныхъ между собою взаимными гарантіями? Но, нѣтъ! вы не этого желаете. Хотя природа и сдѣлала васъ, поляковъ, анархистами, но вы имѣете другіе виды: иначе, зачѣмъ бы вамъ требовать національности? На что вамъ это возстановленіе Польши въ древнихъ ея предѣлахъ? Зачѣмъ эта перестройка Европы?

Какъ прежде, такъ и теперь вы остаетесь народомъ дворянскимъ, и хотите владычествовать, эксплоатировать. Для этого вы хотите ниспровергнуть историческій порядокъ, создавъ, вмѣсто исчезающихъ государственныхъ тѣлъ, новыя тѣла, которыя будутъ съ большею жадностію поглощать все вокругъ себя, оставаясь по духу своей національности и по гордости самою враждебною кастою.

Вы хотите возродиться, но внѣ всѣхъ условій новѣйшей жизни. И вы знаете, что это возрожденіе вашей національности послужитъ къ воспроизведенію въ Польшѣ реакціи и къ усиленію шляхетской касты, придавъ новую форму эксплоатаціи крестьянъ и отложивъ на многіе вѣка созданіе истиннаго польскаго народа; въ Россіи же подавитъ это, съ самаго начала, развитіе общественной свободы, возстановитъ привилегію помѣщиковъ и возвратитъ власть абсолютизму; въ Венгріи вы придадите движеніе мадьярской партіи, которая, какъ и вы, врагъ плебеевъ и національностей; въ Пруссіи и во всей Германіи вы поддержите старую феодальную партію, которую отвергаютъ даже сами католики; во Франціи, Бельгіи и повсюду вы обезпечите торжество промышлен-

наго феодализма, владычество евреевъ, которые составляютъ первую причину новѣйшаго пауперизма; въ католическомъ мірѣ вы утвердите епископальную и іезуитскую партію, къ которой не хотятъ принадлежать самые набожные люди. И все это для того, чтобъ удовлетворить вашему *мерзкому* аристократизму, который заслужилъ свое паденіе и не умѣетъ умереть! Или логика ничего не значитъ въ человѣческихъ дѣлахъ, или таковы будутъ послѣдствія возстановленія Польши.

Развѣ двадцать-три милліона крѣпостныхъ, освобожденныхъ царемъ, представляютъ намъ подобныя опасности? Я протестую противъ этой измѣны во вредъ народамъ. По примѣру вашихъ предковъ я, французскій гражданинъ, скажу вамъ: *непозвалямъ*. Прошедшее, настоящее, будущее, свобода, прогрессъ, право, перевороты и трактаты—все васъ обвиняетъ. Вы можете пріобрѣсть только одну славу, а именно—покориться вашему приговору. Колебаться было бы недостойно васъ. Вспомните сильное слово того римскаго солдата, который, видя Нерона, малодушно бѣгущаго отъ смерти, закричалъ ему: «развѣ смерть несчастіе?»

Напутствуя польско-шляхетскую независимость и самостоятельность надгробнымъ словомъ французскій публицистъ растравляетъ рану въ сердцахъ латинскаго духовенства завладѣвшаго исключительной монополіей подготовленія польской шляхты и зажиточныхъ разночинцевъ къ переходу въ другой міръ. Подготовленія эти имѣли цѣлью, не спасеніе души умирающаго, а завладѣніе, „въ пользу церкви“, его имуществомъ.

Польша совмѣстно съ другими католическими націями была лишена, до окончательнаго ея раздѣла, свободы распоряженія въ случаѣ смерти своимъ имуществомъ, права на которое, прежде всего предъявлялъ Римъ. Откуда явились подобные притязанія Рима, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя.

Намъ надо остерегаться нашихъ воспоминаній изъ скандинавской миѳологіи. Мы любимъ комбинировать воспоминанія о прочитанномъ въ книгѣ Тацита „О Германіи“ съ отрывками либретто вагнеровскихъ оперъ. Но вѣдь Тацитъ стремился только написать тенденціозный романъ, а задачею Вагнера было набрать побольше звучныхъ словъ и приладить ихъ къ опернымъ аріямъ.

Истина въ томъ, что представленія древняго германца о загробной жизни были по меньшей мѣрѣ столь же смутными, какъ и представленія грека временъ Гомера. Проводя всю жизнь безлично, среди своей родовой общины, онъ и по смерти не надѣялся на личное безсмертіе. Покойники, сидящіе за пиршественнымъ столомъ валькирій, представлялись ему весьма мало осязательными; большинство же людей,—всѣ тѣ, кому не суждено было пасть на полѣ битвы—просто на просто расплывалось въ туманѣ. Этотъ матеріализмъ и теперь еще въ ходу въ Германіи подъ прикрытіемъ лютеранской культуры; онъ неудержимо прорывается въ пѣсняхъ въ родѣ „Gaudeamus igitur“, которыя примѣшиваются нѣмецкими студентами почти безсознательно къ патріотическимъ и религіознымъ гимнамъ.

Тайна скораго и могучаго воздѣйствія христіанства на варваровъ состоитъ въ томъ, что оно внушило имъ невѣдомый ранѣе страхъ смерти. Вмѣсто безличнаго тумана, въ который варваръ надѣялся проскользнуть безъ особаго безпокойства, оно представило ему опредѣленные образы, то привлекательные, то страшные. Много говорено о томъ, что христіанство пользовалось смертью какъ пугаломъ для подчиненія и прирученія гордыхъ умовъ. Понятно, что въ концѣ концовъ люди стали злоупотреблять въ свою пользу вліяніемъ на простой народъ, какое давала имъ ихъ мистическая власть; но сначала, и съ той особой точки зрѣнія, которая теперь интересуетъ насъ, усвоеніе точной идеи о будущей жизни являлось громаднымъ шагомъ впереди въ развитіи варварскаго міра. Оно удивительно содѣйствовало освобожденію его отъ ребяческихъ понятій общиннаго коллективизма; оно выдѣлило человѣческую личность изъ безразличной родовой массы; оно дало человѣку сознаніе личной собственности, которою можно распоря-

жаться и за предѣлами земной жизни. Оно внушило человѣку, что такъ какъ покойникъ не перестаетъ существовать, то онъ имѣетъ законное право назначить своего наслѣдника, что онъ, по изреченію римскаго права, дѣйствительно „цѣпляется за живого“ (le mort saisit le vif).

Религіозный характеръ посмертныхъ распоряженій при „Капетингахъ выражался еще опредѣленнѣе, нежели при Каролингахъ. Ихъ называютъ „богоугодными“ распоряженіями, или „принадлежностями таинства“.

Рвеніе неофитовъ, въ родѣ поляковъ, было такъ велико, а ихъ простодушіе до того полно, что имъ казалось недостаточно завѣщать церкви свое имущество; имъ хотѣлось и себя самихъ отдать церкви. Умирающіе на смертномъ одрѣ часто постригались въ монахи. Въ то время варваръ былъ до такой степени убѣжденъ въ своей личной загробной жизни, что въ избыткѣ усердія, вдохновляемый духовенствомъ, желалъ предать Богу и свою личность и все свое имущество. Примѣръ подавали высшія сферы Отреченіе отъ богатства, которыхъ все равно предстояло лишиться, обѣты нищеты и цѣломудрія, приносимые на порогѣ смерти, умиротворяли безпокойныхъ людей, *которые всю жизнь свою провели въ разладѣ съ этими строгими заповѣдями.*

Въ области обычнаго права духовное завѣщаніе признавалось на Западѣ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ зависящимъ исключительно отъ церковной власти, съ точки зрѣнія законодательной и судебной. До двѣнадцатаго вѣка завѣщанія совершались только въ пользу церкви и въ интересахъ религіи. Въ Майнцѣ былъ соборъ, который велѣлъ духовникамъ замѣнять тѣлесныя епитиміи „милостынями“. Въ мозгу варвара окончательно установилась увѣренность, что надлежащею щедростью въ духовномъ завѣщаніи можно искупить свою душу. Эта увѣренность стояла въ содѣйствіи съ идеею выкупа жизни, которая была однимъ изъ основныхъ принциповъ германскаго обычнаго права.

Эти „акты возмездія“, эти отказы по завѣщанію „на богоугодныя дѣла“ стали общимъ правиломъ. Установилась постоянная связь между исповѣдью и духовнымъ завѣщаніемъ. Обыкновенно бывало такъ, что умершіе безъ завѣщанія состоятельные люди, считались умершими и безъ исповѣди. Слово *intestat* (безъ завѣщанія) часто замѣнялось словомъ *déconfès* (безъ исповѣди). Такая смерть считалась позорною. Католическая церковь, однако, устроилась такъ, что не теряла ничего и въ такихъ исключительныхъ случаяхъ. Она обращалась къ семьѣ; она ставила на видъ верховные интересы покойника и плачевное состояніе его души. Если ей не уступали, церковь отказывала въ христіанскомъ погребеніи, запрещала предавать тѣло землѣ. Римская церковь считала хорошими всѣ средства, могущія осуществить ея волю--до страха заразы включительно.

Присвоеніе латинской церковью этого права, обогатило непомѣрно римское духовенство, и довело до нравственнаго и матеріальнаго упадка государства съ католическимъ населеніемъ.

Тринадцатый вѣкъ отмѣчаетъ апогей этой церковной власти надъ умами варваровъ. Церковь ненасытна въ своихъ требованіяхъ, но и расходы ея весьма значительны. Прежде всего, у нея нѣтъ особаго бюджета на содержаніе духовенства; затѣмъ она собиралась покрыть всѣ католическіе государства соборами и монастырями, которыми восхищаются цѣлые вѣка. Отказы по завѣщанію на смертномъ одрѣ она совершенно добросовѣстно находила вполнѣ заслуженнымъ возмездіемъ за свои услуги въ загробной жизни.

Какъ и слѣдовало предвидѣть, эта погоня за завѣщаніями привела къ непріятнымъ спорамъ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Бѣлое духовенство выносило на своихъ плечахъ тяжелое для виду бремя попеченія объ убогихъ; монахи были весьма озабочены прославленіемъ и блескомъ своего ордена—и даже только своего монастыря—предъ другими орденами, ихъ соперниками. Всѣмъ приходилось оплачивать стоимость

роскошныхъ зданій, да и жить хотѣлось безъ заботы. Вотъ и начиналась осада умирающихъ, выдѣлявшихся своими богатствами и имѣвшихъ на душѣ *„большіе“* грѣхи, которые надо было искупить. Маленькіе люди подсмѣивались въ кулакъ надъ этими предсмертными комедіями, разные эпизоды которыхъ увѣковѣчены рѣзьбою на каменныхъ стѣнахъ готическихъ церквей.

Иногда самъ епископъ возмущался противъ своихъ ксендзовъ. Каноническое право удѣляло ему частицу денегъ, завѣщанныхъ церквямъ его епархіи. И напрасно завѣщатель, обработанный своимъ духовникомъ, отказывалъ имущество своему приходу. Епископъ настойчиво требовалъ своей части, а воля завѣщателя не значила ничего: онъ былъ не вправѣ измѣнять по своему произволу общія постановленія каноническаго права.

Епископу было тѣмъ легче осуществлять свои притязанія, что съ XII вѣка онъ обыкновенно самъ предсѣдательствуетъ или назначаетъ предсѣдателя въ церковныхъ судахъ, рѣшавшихъ споры по содержанію и исполненію духовныхъ завѣщаній. Такой судъ назывался „Officialité“. Правила, введенныя въ нихъ церковными законовѣдами, соотвѣтствовали въ главныхъ чертахъ законамъ Юстиніана. Папы и соборы заставляли суды примѣнять, подъ именемъ „декреталій“, приспособленныя положенія римскаго права. Такимъ образомъ они пробивали брешь въ древнемъ обычномъ правѣ и помогали историческому процессу объединенія учрежденій, въ ожиданіи сліянія племенъ населявшихъ Европу.

Безобразія, вызванныя въ римской церкви необузданною страстью къ откавамъ *in extremis* тронули, наконецъ, нѣкоторыхъ представителей самой Церкви. Стали припоминать, въ какихъ умѣренныхъ выраженіяхъ указаны были отцами церкви истинныя обязанности христіанина по отношенію къ этимъ посмертнымъ распоряженіямъ. Вспомнили, что св. Августинъ требовалъ для убогихъ и для церкви всего только „одну дѣтскую долю“. По его мнѣнію, заслуживалъ осужденія эгоизмъ тѣхъ умирающихъ, которые безжалостно грабили своихъ прямыхъ наслѣдниковъ ради искупленія своей грѣховной жизни.

Исходя изъ этихъ соображеній, парижскій соборъ объявилъ, что міряне впредь уже не будутъ „обязаны“ оставлять по завѣщанію „достаточную“ сумму для оплаты мессъ за упокой ихъ души.

Легко понять, что обычаи, возмутившіе даже церковь, которой шли на пользу, тѣмъ паче должны были возмущать свѣтскую власть того времени. Съ XIII вѣка начались столкновенія между королевскою и феодальною властью и римскою церковью, по поводу духовныхъ завѣщаній. „Tres Ancien Coutumier de Normandie“ (сборникъ древнѣйшаго обычнаго права Нормандіи) указываетъ подъ 1205 годомъ, что завѣщанія покойниковъ утверждались постоянно „судомъ церкви“ и что, по этому поводу, „бываютъ частыя затрудненія между сенешаломъ и руанскимъ архіепископомъ“.

Чтобы укрыться отъ любознательности и замѣчаній свѣтской власти, Гильомъ, епископъ парижскій, воспретилъ своимъ ксендзамъ на будущее время принимать завѣщанія безъ подписи трехъ свидѣтелей. Вопросъ обострился до того, что и папа долженъ былъ вмѣшаться. Въ декреталіяхъ папы Григорія IX есть канонъ XI, воспрещающій церковнымъ судьямъ „требовать для дѣйствительности духовныхъ завѣщаній въ пользу церкви соблюденія стѣснительныхъ формальностей римскаго права“. Всѣ несогласныя съ этимъ ученія объявлены неправильными. Канонъ признаетъ „твердыми и неоспоримыми завѣщанія, которыми прихожане выражаютъ свою послѣднюю волю предъ своимъ приходскимъ священникомъ и двумя или тремя другими достойными людьми“. Потомъ пошли еще дальше: стали признавать дѣйствительность *словесныхъ отказовъ* (nudis verbis).

Присутствіе мірянина у изголовья умирающаго возбуждало такое недовѣріе, что ордоннансъ парижскаго епископа воспретилъ ксендзамъ прибѣгать для составленія ихъ

завѣщаній „къ помощи руки міряпина“. Священникамъ предлагается почаще внушать мірянамъ „не дѣлать завѣщаній въ отсутствіи духовника“. Вѣрующихъ убѣждаютъ, во время исповѣди, не ходить въ свѣтскіе суды по дѣламъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, но подчиняться суду церкви, „ибо таковой разуменъ и благочестивъ».

Это уже было объявленіемъ войны.

Война завершилась въ XVI вѣкѣ пораженіемъ римской церкви. Мы не хотимъ обсуждать здѣсь, было-ли продолжительное господство каноническаго права благопріятно для общаго развитія мысли на Западѣ Европы и въ Польшѣ. Насъ занимаетъ только возникновеніе духовнаго завѣщанія. Въ этомъ отношеніи, справедливость требуетъ констатировать, что церковь, навязавши его варварамъ побѣдителямъ Рима, тѣмъ самымъ внушила франкамъ, галламъ и германамъ понятіе о личной собственности. Полякамъ же и въ мысль не приходило оказывать какое-либо сопротивленіе волѣ своихъ духовниковъ, и если бы не реформація, а затѣмъ раздѣлъ Польши, всѣ имущества этой страны были бы нынѣ въ рукахъ римскаго духовенства. Не удивительно поэтому, что латинское духоверство такъ ненавидитъ иновѣрческія правительства, въ особенности же—русское, противъ котораго возбуждаетъ Поляковъ къ мятежамъ и возстаніямъ.

Въ виду этого, трезвыя мысли и мнѣнія о Польшѣ и ея будущемъ значеніи, подобныя высказаннымъ Прудономъ, недоступны до польскихъ ушей и умовъ—питающихся исключительно шовинистской, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющей, польской литературой, пережовывающей безпрестанно, на подобіе скота, отрыгающаго жвачку, старинныя преданія о своемъ мнимомъ величіи, непобѣдимой храбрости и передовой цивилизаціи. Прибавляя пряностей въ отрыгнутую жвачку, польскіе писатели преподносятъ эти блюда своимъ читателямъ, у которыхъ настолько испорченъ вкусъ ватиканской кухней, что они, не замѣчая отсутствія въ преподносимыхъ имъ блюдахъ питательныхъ элементовъ, поглощаютъ ихъ съ наслажденіемъ. Чѣмъ объясняется приготовленіе подобныхъ, излюбленныхъ поляками, затхлыхъ блюдъ, излагаетъ намъ Old Gentleman въ „Новомъ Времени“ за 1899 г. № 8243, гдѣ сказано:

Нѣкоторые изъ поляковъ соглашаются со мною, что, какъ художественное произведеніе, трилогія Сенкевича—„не того“, и даже очень не того. „Я—полякъ, но не рѣшился прочесть „Пана Володыевскаго“—пишетъ мнѣ г. С. Н.—это слишкомъ скучно читать такой потокъ самовосхваленій“. Но... и вотъ тутъ-то начинается весьма важное и интересное „но“, о которомъ стоитъ поговорить, такъ какъ въ его выраженіи сходятся единогласно всѣ мои польскіе корреспонденты—даже тотъ изъ нихъ, кто, не обинуясь, обозвалъ Сенкевича „талантливою флюгаркою, вертящеюся туда, гдѣ дуетъ вѣтеръ, особенно западный“. Признавая нехудожественность трилогіи, поляки, тѣмъ не менѣе, настаиваютъ, что такое произведеніе было имъ совершенно необходимо по условіямъ восьмидесятыхъ годовъ: она, по свидѣтельству самого Сенкевича, написана съ цѣлью подбодрить упавшій духомъ народъ; она—живительная влага, потребная послѣ „десятилѣтняго гнета всего польскаго во времена генерала Гурко“. „Въ это угрюмое время повѣсть о прежнихъ доблестяхъ и минувшихъ славныхъ дняхъ—хотя и карикатурно извращенныхъ и исторически не вѣрно переданныхъ—повѣсть эта была тѣмъ бальзамомъ, которымъ успокоивались свѣжо нанесенныя раны...“ „Слѣдовало напомнить народу,—пишетъ другой полякъ,—что въ самыя тяжкія минуты нашей исторіи находились люди, которые, жертвуя собою, спасали отечество...“ Въ томъ-то и дѣло, господа, что спасать-то спасали, да не спасли. Въ польской исторіи чрезвычайно много „спасателей“, но на „спасителей“ всегда былъ большой неурожай. И это не отъ того, чтобы въ Польшѣ людей не было: были въ ней и большіе умы, и львиныя души; трусостью поляковъ никто не попрекнетъ. А какъ-то всякій разъ, когда приходилось полякамъ спасать свое отечество, вдругъ оказывалось, что спасать-то, въ сущности, нечего: что „отечества“ нѣтъ въ Рѣчи Посполитой для добрыхъ двухъ третей ея на-

селенія; а остальная треть, понимая спасеніе отечества въ смыслѣ охраны своихъ шляхетскихъ и католическихъ привилегій, недоумѣвала, однако,—съ кѣмъ и какъ она будетъ его спасать? Одна и сама по себѣ? Со шведами, съ пруссаками, съ имперцами, съ русскими? Эта треть,—до судебъ которой остальнымъ двумъ третямъ населенія областей, захваченныхъ Польшею, никогда не было ни малѣйшаго дѣла,—никогда не могла путемъ столковаться между собою до единства политическихъ интересовъ. Оно и понятно. На знамени польской „неподлеглости" красовалось весьма много эфектныхъ словъ и громкихъ фразъ, но, собственно говоря, снимая съ нихъ мишуру и балаболки, въ концѣ-концовъ обнаруживаешь неизмѣнно одну и ту же суть: торжество шляхетско-помѣщичьяго принципа. Въ немъ старая Польша видѣла свою самостоятельность, за него дралась—весьма часто съ огромною энергіей—и оборонительно, и наступательно. Но такъ какъ выгоды шляхтича съ Литвы—однѣ, а шляхтича изъ Великой Польши или Украины—другія, то сходясь въ общемъ теоретическомъ принципѣ, Польша дробилась на множество партій, когда дѣло переходило на почву практической политики. Объ „отечествѣ" всѣ преблагородно кричатъ, но въ концѣ-концовъ совершенно ясно, что отечество для каждаго есть прежде всего маіонтекъ (имѣніе), гдѣ онъ дѣдичъ и вотчинникъ, гдѣ онъ такой же король въ своемъ „палацѣ сломяномъ", какъ Собѣсскій, Понятовскій, Лещинскій—въ варшавскомъ Старомъ Замкѣ. Гибель Польши произошла именно отъ того, что самостоятельное существованіе ея до такой степени противорѣчило интересамъ двухъ третей народовъ, заключенныхъ въ этомъ государствѣ, что его шляхетское правительство не дерзало даже въ минуты весьма для себя серьезныя обращаться за помощью къ своему народу. Наоборотъ, ему приходилось либо хитрить, либо драться съ этимъ народомъ, который пользовался польскими политическими затрудненіями, чтобы поднимать знамена освободительныхъ возстаній отъ шляхетскаго и ксендзовскаго захвата. Кстати о народныхъ движеніяхъ. Польскіе корреспонденты ставятъ мнѣ на видъ Разина и нашу Пугачевщину,—вотъ-де какіе бунты были на Руси, возникая изъ злоупотребленій крѣпостного права, земельной неурядицы и гоненія на старую вѣру. Вспоминая эту мрачную полосу русской исторіи, они забываютъ, что не прошло и ста лѣтъ послѣ Пугачевщины, какъ, безъ всякихъ бунтовъ и движеній снизу, совершилась на Руси, по приснопамятному выраженію Императора Александра II, великая „революція сверху": освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ съ землею. Мѣра эта не только не потрясла Россіи, какъ ждали многіе—и въ томъ числѣ поляки съ особенною жадностью, что доказываетъ уже необычайная спѣшность, съ которою вслѣдъ 19 февраля 1861 г. организовалось польское возстаніе 1863 г. и за которую горько упрекалъ повстанцевъ старый и опытный политикъ—революціонеръ Мадзини. Мѣра эта скрѣпила нашу государственность, влила въ нее новыя силы, возвысила и освѣтила принципъ самодержавія, поставивъ русскаго царя непосредственнымъ центромъ всего русскаго народа, источникомъ и выразителемъ его свободной мощи. Безъ освобожденія крестьянъ, мы врядъ-ли пережили бы и Кронштадтъ, и Тулонъ; освобожденіе крестьянъ принесло свободу Сербіи и Болгаріи; освобожденіе крестьянъ—заря того свѣтлаго луча, что, минувшею осенью, прорѣзалъ сумерки европейскаго милитаризма въ вѣщемъ царскомъ призывѣ къ разоруженію. „Во главѣ освобождаемой вами Россіи, вы могущественны, Государь, вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ!"—пророчески гласилъ всеподданнѣйшій адресъ московскаго дворянства, поданый Царю-Освободителю 17 апрѣля 1863 г.,—въ самый разгаръ польскаго возстанія, поднятаго въ слѣпой и обманчивой надеждѣ, что раскрѣпощеніемъ крестьянъ съ землею Россія погубила себя,—какъ несомнѣнно погубила бы себя такою мѣрою, дерзнувъ на нее, шляхетская и ксендзовская Польша. Ибо—повторяю: торжество славянскаго, демократическаго начала, которымъ самодержавная Россія поляками же презрительно обозванная „мужицкимъ царствомъ"—можетъ лишь расти, крѣпчать и множиться, для польской ари-

стократической конституціи всегда являлось смертельною опасностью. И народъ не только въ земляхъ бѣлорусскихъ, малорусскихъ, литовскихъ, но и, дѣйствительно, польскихъ понималъ это. Понималъ настолько хорошо, что при послѣдней отчаянной попыткѣ возстановленія шляхетской республики въ 1863 г., краковскіе мужики-поляки не дали повстанцамъ перейти австрійской границы, чтобы присоединиться къ шайкамъ, дѣйствовавшимъ на русской территоріи. Хлопъ ловилъ шляхтича, вязалъ его и представлялъ властямъ, а шляхта, въ свою очередь, колотила хлоповъ на городскихъ улицахъ.

Итакъ, смыслъ романовъ Сенкевича—въ томъ, чтобы напомнить польскому обществу, что шляхетское государство выдерживало годины и болѣе суровыя, чѣмъ, напримѣръ, десять лѣтъ варшавскаго генералъ-губернаторства при режимѣ фельдмаршала І. В. Гурко. Конечно, цѣль эта не особенно утѣшительна для русскаго чувства, но все же хоть осмысливаетъ трилогію, которую, если разсматривать объективно, безъ польской задней точки зрѣнія, вѣдь ей-Богу же приходится занести въ разрядъ талантливой болтовни—не болѣе. Но я понимаю, что можно дѣйствовать на самолюбіе національное, напоминая народу его дѣйствительные подвиги, которыхъ у Польши было немало, и дѣйствительно великихъ людей, которыми Польша создавала свою исторію. Но какимъ образомъ можетъ ободрять націю безпардоннѣйшее вранье, и что это за нація, которая можетъ видѣть живительную влагу и цѣлительный бальзамъ въ завѣдомомъ искаженіи исторіи и въ подчиненіи событій лицамъ даже не историческимъ, а порожденнымъ пылкой фантазіей польскаго Александра Дюма-отца? Что бы ни говорили поклонники трилогіи въ защиту ея „политическаго значенія“, я не могу имъ вѣрить—уже изъ одного уваженія къ разуму польскаго общества, которое, какъ ни склонно оно къ хвастовству, не можетъ же ребячески убѣждаться въ реальности небывалыхъ битвъ съ фантастическими вождями, какими-то Скшетускими, Володыевскими, Заглобами и пр., и проч. Правда, одинъ полякъ пишетъ мнѣ, что настоящая польская интеллигенція, конечно, хорошо понимаетъ истинную цѣну трилогіи, но она-де—„czyn obywacielski“. (Общественный подвигъ). То-есть—для насъ негоже, а обыватель прочтетъ, повѣритъ и въ восторгъ придетъ. Но—бѣдный польскій обыватель! За что же ему морочать голову, заставляютъ его жить въ какомъ-то миражѣ? Поручикъ С. изъ Кіева пишетъ мнѣ о дикомъ впечатлѣніе, какое испыталъ онъ, увидавъ у Сенкевича „вмѣсто Богдана Хмѣльницкаго—отвратительнаго пьяницу, впадающаго въ полное отчаяніе отъ одного грознаго взгляда поручика Скшетускаго или пьяницы Заглобы и находящаго спасеніе только въ стаканѣ водки; выходитъ, какъ будто, что Богданъ и спился-то со страха предъ польскими поручиками... Хмѣльницкій такъ и напрашивается на униженія, зная, что вся его стотысячная армія разлетится, какъ листья отъ вѣтра, передъ атакою одного гусарскаго полка, предводимаго Скшетускимъ, Подбипентою и Заглобою. Но не унизительно-ли для Рѣчи Посполитой, что такой „жалкій“ противникъ отвоевалъ у нея всю лѣво бережную Украйну!? Про остальныхъ казаковъ я уже и не говорю: если есть между ними порядочные люди, то только тѣ, которые измѣнили православію и присоединились къ полякамъ. Если же оказывались на противной сторонѣ молодцы и рубаки изъ казаковъ, то они обязаны этимъ счастіемъ только тому, что ихъ матери приглянулись какому-нибудь гулящему шляхтичу: такъ мотивируетъ Заглоба удаль Богуна въ поединкѣ съ паномъ Володыевскимъ, который, тѣмъ не менѣе, все-таки „изрубилъ хлопа въ капусту“. И не думайте, что это только пьяная острота пьянаго Заглобы. Великій польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ увѣрялъ же своихъ парижскихъ слушателей совершенно серьезно, будто возстаніе Хмельницкаго было вызвано ничѣмъ другимъ, какъ излишнею любезностью польскихъ пановъ, побѣда которыхъ надъ сердцами казацкихъ дамъ такъ раздражила ихъ мужей, что они, наконецъ, воспылали мщеніемъ [1]). Только шляхтичъ стоитъ имени

[1]) Нѣкоторые поляки этимъ же обстоятельствомъ объясняютъ нынѣшнюю свою злобу противъ войскъ, расположенныхъ въ привислянскихъ губерніяхъ (примѣч, автора).

человѣка для Рѣчи Посполитой и потомковъ, живущихъ ея традиціями, воспоминаніями, надеждами и идеалами. Самому Мицкевичу, какъ вполнѣ ясно и доказательно разсказалъ въ газетѣ нашей г. Энгельгардтъ, поляки нашли нужнымъ придумать шляхетную родословную, ибо сочли унизительнымъ для себя имѣть національнымъ поэтомъ человѣка изъ хлопскаго рода. Да! чѣмъ мы гордимся въ культурныхъ дѣятеляхъ нашихъ, то полякъ въ своихъ презираетъ. Мы счастливы, что Кольцовъ, Никитинъ, Суриковъ, Шевченко вышли изъ народной массы, потому что это свидѣтельствуетъ намъ о залежахъ въ глубинахъ ея великихъ интеллектуальныхъ силъ; будь они польскими поэтами, шляхетный гоноръ вытянулъ бы имъ родословную до атамана Ивана Кольца, Никиты Кожемяки и т. п., потому что польскій шляхтичъ совсѣмъ не радъ, когда хлопъ проявляетъ интеллектуальную силу; хлопъ долженъ быть хлопомъ, а жизнь и мысль—шляхтѣ.

Въ одномъ изъ писемъ я встрѣтилъ упрекъ, что назвалъ не безъ грѣха въ шовинистическомъ задорѣ и самовосхваленіи „Пана Тадеуша“. А теперь мнѣ ставятъ эту поэму въ образецъ объективизма, чуть не терпимости къ русскимъ. Гдѣ объективизмъ Мицкевича въ „Панѣ Тадеушѣ“, изобилующемъ чудными поэтическими частностями, но, въ общемъ, столь же русско-ненавистническомъ, какъ и все, что писалъ Мицкевичъ въ тридцатыхъ годахъ,—не знаю. Я живо припоминаю сцену, какъ нѣкій Бритва убиваетъ русскаго ефрейтора: событіе, казалось бы, не ахти какой важности!—не одного же ефрейтора убили поляки за цѣлую войну, и не отъ гибели же именно этого ефрейтора пала Рѣчь Посполитая. Однако, Мицкевичъ размазываетъ эту сцену съ торжественностью и хвастливыми длиннотами совершенно во вкусѣ трилогіи Сенкевича. А пресловутое Pro publico bono X книги? Майоръ—полякъ, состоявшій на русской службѣ, взятъ въ плѣнъ шляхтою. Ключникъ, которому поручили майора, убилъ безоружнаго плѣнника. Requiescat in pace! равнодушно произноситъ шляхта при этомъ извѣстіи. Однако оно смутило нѣсколько совѣсть умирающяго вождя возстанія—бернардинскаго монаха. Онъ объясняетъ, что убить безоружнаго врага—великій грѣхъ, изъ котораго есть лишь одна „рестрикція“: если убійство свершено не изъ чувства частной мести, но pro publico bono—ради общаго блага. Какая ужъ тутъ объективность—съ освященіемъ убійства самосудомъ, pro publico bono! Да и вообще—не смѣшно-ли говорить про объективность и терпимость человѣка, который тою же рукою, которою набрасывалъ геніальныя лирическія строфы въ „Тадеушѣ“ и „Валенродѣ“, начерталъ 5 апрѣля 1833 г. слѣдующія пять статей страшнаго проекта „конституціи повстанцевъ“:

1) Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше; 2) между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п.; 3) каждаго шпіона, каждаго русскаго чиновника, угнетателя поляковъ, каждаго поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить, судить, казнить; 4) революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ... и остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются; 5) власть, водворившись въ городѣ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную, а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама выполняетъ свои приговоры... (Полное собраніе сочиненій Мицкевича, парижское изданіе 1860 г., т. VI, стр. 159). Это—вопль дикой, кровавой ненависти, а не голосъ терпимости. И совсѣмъ не будетъ въ данномъ случаѣ самохвальствомъ напомнить гг. полякамъ недавній и самый выразительный урокъ объективизма и терпимости, данный имъ Россіей: это—варшавскій памятникъ тому самому Мицкевичу, который для насъ, москалей, только и словъ имѣлъ, что команду—„убивать, ловить, казнить“. Кажется,—ужъ доказали, что зла не помнимъ. Великодушная Русь какъ будто зачеркнула въ памяти своей Мицкевича, какъ политическаго мыслителя и агитатора, и сохранила въ ней лишь мо-

гучій образъ огромной поэтической силы, вполнѣ достойной монумента въ томъ русскомъ Привислянскомъ краѣ, гдѣ большинство населенія говоритъ на польскомъ языкѣ. И мало того, что Русь не помѣшала полякамъ справлять торжественныя тризны по этомъ злѣйшемъ врагѣ нашемъ,—она сама почтила память Мицкевича и чтитъ: какой то праздникъ въ честь польскаго поэта на-дняхъ справлялся! Славу Мицкевича возгласятъ и тѣнь его возславословятъ извѣстные русскіе поэты и литераторы „и не услышитъ пѣснь обиды она отъ русскаго пѣвца". Вотъ это—объективизмъ и терпимость. А желалъ бы я посмотрѣть лермонтовскій вечеръ во Львовѣ или майковскій въ Краковѣ...

ГЛАВА XI.

Въ новой энцикликѣ римская курія старается объяснить основы христіанской церкви, якобы, на основаніи Св. Писанія, давая понять, что онѣ составлены исключительно для Рима и имъ распространены. Можно только удивляться теперешнему папѣ, который вѣдь слыветъ мудрымъ, что онъ можетъ хотя бы на минуту предположить, что усилія его не будутъ безплодны и доказательства хоть кого-нибудь убѣдятъ. Это было возможно тогда, когда римская курія, поддерживаемая вооруженными силами нѣмецкихъ государей, прибѣгала къ помощи огня, меча и яда, но теперь для всѣхъ очевидно, на чемъ основывается христіанская вѣра и нигдѣ въ Св. Писаніи не упомянуто о распространеніи ея посредствомъ меча, огня, пытокъ, костровъ и яда.

Вслѣдствіе этого, Риму не слѣдуетъ выступать съ основами ученія Христа, не слѣдуетъ расточать обѣщаній, милостей и счастія тѣмъ послѣдователямъ Христа, которыхъ Римская курія приглашаетъ поклониться ей, признавъ ея главенство надъ церковью.

Какъ смотритъ православный народъ на главенство Рима надъ церковью, можно судить изъ рѣчи, произнесенной 26 октября 1869 г. Т. И. Филипповымъ въ засѣданіи Петербургскаго отдѣленія Славянскаго благотворительнаго Комитета.

„Москва, сказалъ Т. И. Филипповъ, вѣрный и истинный стражъ завѣщанныхъ русскому народу его прошлою жизнью преданій, въ числѣ ихъ съ особою ревностью хранитъ священный завѣтъ духовнаго союза Русской земли со всѣми Славянскими странами, и въ особенности съ тѣми, которыя до нынѣ пребыли съ ними въ общеніи вѣры, несмотря на всѣ бѣдствія, въ теченіи слишкомъ четырехъ вѣковъ насыпаемыя на нихъ изъ широко растворенныхъ и высокихъ вратъ (excelsa porta) адовыхъ".

Рѣчь здѣсь о Римѣ и его „вратахъ адовыхъ", старающихся одолѣть церковь Христову.

Глава христіанской церкви есть Христосъ. Римъ напрасно борется съ основанной Имъ восточной церковью, которая стоитъ и будетъ стоять непоколебимо. Риму удалось оторвать отъ этой церкви Іисуса частицу славянъ, которые впослѣдствіи помогали ему распространять огнемъ и мечемъ латинскую вѣру въ славянскихъ земляхъ, марая только такимъ поведеніемъ это ученіе, но гоненіе это обрушилось на ихъ же головы, и теперь они стонутъ и кричатъ „горе намъ! горе!"

Достойнымъ вниманія является то, что еще въ отдаленной древности было предсказано паденіе римскаго могущества, которое перейдетъ къ колыбели христіанства — Востоку. Это предсказаніе появилось тогда, когда Римъ господствовалъ надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ, когда всѣ были глубоко убѣждены въ нескончаемости римскаго царства и называли Римъ „вѣчнымъ городомъ" и когда было небезопасно предсказывать гибель этой монархіи. Гибель эту предсказали Сивиллы, утверждавшія, что Римъ будетъ приговоренъ Божіимъ судомъ къ распаденію за то, что онъ ненавидитъ имя Божіе, возстаетъ противъ истины, умерщвляя людей, любящихъ правду.

Имѣя въ виду это предсказаніе Сивиллъ, а равно такія же предсказанія въ св. Писаніи у св. Іоанна, писатель IV вѣка Лактанцій признавалъ паденіе Рима основаніемъ страданій и несчастій, которыя постигнутъ народы. „Римское имя", говоритъ онъ, „управляющее нынѣ міромъ (боюсь говорить, но скажу, ибо это неминуемо наступитъ), исчезнетъ съ лица земли, монархія перейдетъ въ Азію, и Востокъ опять станетъ господствовать, имѣя Западъ въ зависимости. Пусть это никого не удивляетъ, что имперія, сформированная многолѣтними трудами, расширенная усиліями многихъ великихъ мужей, усиленная неисчисленными богатствами, должна будетъ пасть. Не существуетъ ничего, созданнаго человѣческою рукою, что человѣческою же рукою не можетъ быть уничтожено. Творенія смертныхъ подлежатъ смерти".

„И другія государства тоже долго процвѣтали, были могущественны и въ концѣ-концовъ пали. Извѣстно, что господствовали надъ народами египтяне, персіане, греки, ассирійцы, но всѣ они пали, а ихъ власть перешла къ римлянамъ. Насколько римская монархія превосходитъ въ могуществѣ другія государства, настолько страшнѣе будетъ ея паденіе; ибо легче клонится къ паденію тотъ, кто стоитъ выше".

Въ данномъ случаѣ Лактанцій, современникъ папы Сильвестра, стремившагося къ свѣтской власти и къ распространенію языческихъ обрядовъ въ христіанской Церкви, предсказывалъ паденіе свѣтскаго могущества Рима, наступившаго даже раньше, нежели это предполагалъ историкъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что паденіе римскаго цезаризма составляетъ лишь начало паденія Рима и слѣдуетъ ожидать вскорѣ духовнаго его упадка, т.-е. паденія папства, которое во многихъ отношеніяхъ приняло наслѣдство цезаризма. Паденіе это готовятъ ему сами католики, отдѣляющіеся цѣлыми массами отъ латинства и отъ его церковной главы.

Истинная же Церковь Христова, оставаясь непоколебимой, помня Его заповѣди: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ" (Матѳей V, 44) открываетъ свои двери заблудшимся и всегда готова принять ихъ въ лоно Христово.

Славянскій народъ или русскіе также готовы простить заблужденія и обиды своимъ братьямъ полякамъ, которые, повинуясь наущеніямъ Рима, стремились уничтожить родственное племя русскихъ и, производя въ ихъ земляхъ убійства и пожары, настойчиво стремились къ ниспроверженію святынь Христовыхъ и силились при помощи пытокъ принудить Его послѣдователей преклониться передъ Римомъ. Но искреннее прощеніе и вмѣстѣ забвеніе всего можетъ наступить только тогда, когда славяне-поляки перестанутъ быть покорными слугами Рима и сдѣлаются настоящими христіанами. Такъ какъ польское духовенство въ нравственномъ отношеніи стоитъ значительно выше римскаго духовенства, то, по моему мнѣнію поляки должны учредить свою собственную народную церковь; найдутся у нихъ вѣдь способные и достойные священники, которые обязаны стать самостоятельно во главѣ этой церкви, не обращая вниманія на разлагающійся Римъ. Проектъ этотъ не новъ и при желаніи не представляется невыполнимымъ. Выше мы уже вспоминали, что въ царствованіе Казиміра Ягеллончика и Сигизмунда-Августа шляхта домогалась прекращенія сношеній съ Римомъ, и если этого не случилось, то единственно только вслѣдствіе слабости королевской власти съ одной стороны и могущества Общества Іисуса, или іезуитовъ, съ другой.

Ненависть къ духовенству, особенно къ монахамъ проявилась сильнѣе всего въ Польшѣ въ царствованіе Іосифа Понятовскаго, по приказанію котораго въ 1784 году была напечатана сатира на монаховъ слѣдующаго содержанія: „Монахъ—это человѣкотворный звѣрь, одѣтый въ рясу. Тѣло имѣетъ двуногое, держащееся вертикально, съ согбенной спиной, склоненной долу головою, одѣтое въ рясу, прикрытое, за исключеніемъ нѣкоторыхъ породъ, у которыхъ ноги, задъ и руки—голы. Вообще—это звѣрь алчный, вонючій, пьяный, выносящій легче голодъ, чѣмъ трудъ. На зарѣ или на закатѣ солнца, а особенно,

ночью монахи любятъ собираться вмѣстѣ и, если одинъ зареветъ, то ему всѣ вторятъ. По звонку быстро сбѣгаются. Ходятъ почти всегда парами. Одежда шерстяная; живутъ вѣроломствомъ и нищенствомъ. Проповѣдуютъ, что міръ сотворенъ для нихъ. Совокупляются тайно, не вступая въ бракъ, дѣтей же своихъ подкидываютъ. Монахиня отличается отъ самца закрытымъ лицомъ, большею чистоплотностью и меньшимъ пьянствомъ. Она поддерживаетъ въ своей кельѣ порядокъ и не покидаетъ ея никогда. Въ молодости любитъ пошалить и съ любопытствомъ оглядывается во всѣ стороны. Состарившись, дѣлается сварливой и злой. Разсердясь, открываетъ ротъ и щелкаетъ зубами. Въ свободное время говоритъ безъ смысла и мѣры, при звукѣ звонка нѣмѣетъ. Человѣкъ говоритъ, разсуждаетъ и поступаетъ согласно со своей волей, монахъ же часто нѣмъ, не пользуется волей и разумомъ, имъ управляетъ начальство. Голова у человѣка поднята кверху, у монаха такъ же, какъ и глаза, опущена долу.

„Человѣкъ въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ свой, монахъ же живетъ въ праздности. Человѣкъ живетъ въ обществѣ, монахъ же удаляется въ пустыню и избѣгаетъ свѣта. Отсюда слѣдуетъ, что хотя монахи принадлежатъ къ млекопитающимъ, однако, они не люди. Они составляютъ переходную стадію между людьми и обезьянами. Они скорѣе принадлежатъ къ обезьянамъ, отъ которыхъ отличаются языкомъ и образомъ жизни“.

Далѣе сатира представляетъ, согласно Линнею, двѣнадцать видовъ монаховъ: бенедиктинца, доминиканца, капуцина, августинца, монаха Св. Троицы, кармелита обутаго и босого, сервита, трапписта и павлина, „Кармелитъ обутый не имѣетъ бороды, съ обритой головой, украшенной узкой каемкой изъ волосъ, задъ у него прикрытъ, носитъ теплую сермягу подпоясанную около пупа чернымъ ремнемъ. Широкій висячій капюшонъ. Короткій круглый нагрудникъ, треуголье достигающее конца капюшона; воротникъ суконный, темный; рукава ровные, широкіе, бѣлый суконный плащъ съ висячимъ капюшономъ. У монаха кармелита мощная фигура, суровое лицо, бѣглый взглядъ широкія плечи, тяжелая походка. Питается мясомъ. И днемъ и ночью бормочетъ хриплымъ голосомъ. Будучи дерзокъ и сладострастенъ, ищетъ ссоры въ своемъ стадѣ, ночью охотится на женщинъ. Плодится въ городахъ. Называется по имени горы Кармелы, выдаетъ себя за сына Иліи и Елисея, но кто бы могъ болѣе удалиться отъ добродѣтелей предковъ? Анатомическое изслѣдованіе органовъ монаха приводитъ къ особеннымъ выводамъ: въ немъ замѣчается отсутствіе мозга, но зато онъ имѣетъ трубку, идущую отъ глотки прямо въ желудокъ, пузырь въ видѣ бочки, и сильно развитые половые органы“.

Въ сочиненіи же „Подтвержденіе наблюденій надъ жизнью Ивана Замайскаго“. (1788) читаемъ: „То, что неосторожно дали духовенству вѣка тьмы вслѣдствіе фанатизма и суевѣрія, XVIII вѣкъ, озаренный свѣтомъ истинной философіи, долженъ у нихъ отнять и пріобщить къ массѣ общихъ народныхъ богатствъ.

„Республика имѣетъ право уменьшать число должностныхъ лицъ, особенно когда они небрежно исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности. Священники плохіе исполнители. Остающійся подъ ихъ руководствомъ простой народъ въ польшѣ отличается отъ неразумныхъ животныхъ только внѣшностью... въ немъ очень много языческаго. Онъ все сваливаетъ на Бога, отъ котораго постоянно ожидаетъ чудесъ. Вотъ каковы послѣдствія небрежнаго ученія нашего духовенства. Несмотря на столь важныя обстоятельства, правительство не считаетъ нужнымъ искоренить злоупотребленія или хоть отчасти прекратитъ ихъ“. Далѣе авторъ совѣтуетъ назначить приходскимъ священникамъ жалованіе: „3000 злотыхъ (450 р.) годового дохода хватитъ имъ даже на любовницу и дѣтей. Вѣдь при нихъ поживятся сестры, племянницы, невѣстки, родственницы... Нужна же имъ и хозяйка дѣятельная и занимательная. Неужели духовный, трудящійся надъ утѣшеніемъ больныхъ и изнуренныхъ овечекъ, долженъ быть безъ утѣшительницы и возлюбленной подруги въ домѣ? Церковный уставъ опрометчиво, потому что это противно

природѣ, лишилъ духовенство сладостныхъ законныхъ связей съ прекраснымъ поломъ. Оно лишено возможности видѣть себя возрождающимися въ собственной крови, не слышать нѣжнаго имени отца, и не можетъ открыто произнести дорогое имя дочери или сына. Однако, природа, мстя за обиду, обнаруживается въ немъ сильнѣе, нежели неосмотрительно данные обѣты; оно достаточно усердно трудится тайно надъ размноженіемъ человѣческаго рода во славу Бога и на пользу родины". Раздѣляя же точку зрѣнія автора „Согласія и несогласія" на необходимость секуляризаціи церковныхъ имуществъ и уменьшенія числа духовенства, онъ упрекаетъ его въ оберегаіи „генеральнаго штаба", т. е. епископовъ. „Эти почтенные мужи сѣтуютъ на то, что ихъ отстраняютъ отъ заботъ объ общественномъ благѣ, какъ будто бы ихъ единственною цѣлью является ихъ личное благо и благо неба? Изъ любви къ родинѣ, которая взываетъ къ нимъ о спасеніи, слѣдуетъ отаксировать ихъ всѣхъ соразмѣрно съ доходами, которые весьма значительны и очень часто порождаютъ въ епископахъ гордость, неприступность, роскошь, презрѣніе къ другимъ гражданамъ и безчувственность къ бѣднымъ, вопреки предписанію евангелія; нужно надѣяться, что уменьшеніе епископскихъ доходовъ доставитъ странѣ милліоны. Польша тогда могла бы, если только ей позволятъ настоятельныя нужды, увеличить доходы примаса и именовать его *патріархомъ обоихъ народовъ,* зависящимъ только отъ законовъ страны и трона, чтобы для поддержанія безполезной связи съ папой не посылать больше значительныхъ суммъ за границу за папскія утвержденія въ епископы, аннаты, разводы, разрѣшенія отъ грѣховъ, agnis Dei и иными священными предметами, имѣющими сомнительную цѣнность. Вѣдь мы уже взрослые и можемъ ходить безъ помочей. Мать обязана не брать, а давать дѣтямъ, пусть же и намъ она дастъ на дорогу свое благословеніе. А если откажетъ? *Каждое многочисленное собраніе людей образуетъ Церковь.* Польша, будучи такимъ свободнымъ собраніемъ, имѣетъ возможность и право *назначенія главнаго министра религіознаго культа... Такой шагъ былъ бы достоинъ нынѣшнихъ просвѣщенныхъ законодателей.* Какая великая слава для ихъ вѣковѣчной памяти, *что страна обязана* имъ высвобожденіемъ изъ физической и нравственной зависимости отъ Рима".

Такъ въ XVIII столѣтіи стремились болѣе развитые Поляки къ образованію народной Церкви.

„Кромѣ настоятеля и епископа", писалъ Сташицъ [1]), „все остальное духовенство ненужно, а по этому и вредно, ибо оно ѣстъ и пьетъ на счетъ труда другихъ. Подобный расходъ является для Рѣчи Посполитой непосильнымъ. Пусть правительство упразднитъ безполезные монастыри, всѣ пребенды (церковныя земли), алтаріи, каноніи, коллегіаты инфулатовъ, опатовъ, прелатовъ и тѣхъ, которые, состоя епископами, гдѣ-то тамъ въ турецкихъ земляхъ—ѣдятъ все таки польскій хлѣбъ; пусть правительство упразднитъ всѣ эти выгодныя синекуры, принадлежащія *личностямъ безполезнымъ* и даже *вреднымъ* теперь, когда представляются болѣе нужныя затраты на содержаніе войска"...

„Что говорить о духовенствѣ", писалъ анонимный авторъ [2]), „*этой главной причинѣ упадка городовъ и мѣстечекъ,* въ особенности же объ опатствахъ, настоятельствахъ, каноніяхъ, алтаріяхъ, пребендахъ, разныхъ сидящихъ по монастырямъ монахахъ и монахиняхъ, которые въ воздаяніе за духовные труды свои и за бдительныя заботы о своихъ овцахъ *сумѣли такъ эксплоатировать своими евангельскими истинами темныя души христіанскія,* что гдѣ прежде было помѣщеніе городского совѣта или суда,—тамъ теперь трактиръ съ заѣзжимъ дворомъ, а *по близости мѣста, прославленныя чудесными отпустами и римскими индульгенціями;* гдѣ когда-то пролегали людныя улицы, населенныя всевозможными ремесленниками—теперь монастыри цистеріанцевъ,

---

1) «Przestrogi dla Polski». 1790 г. Стр. 175—6.

2) «Starych upszedzeń nowe rostrząsnienie, do reformy rządu krayowego służące». 1790. Стр. 74.

паулиновъ, доминиканцевъ, францисканцевъ или реформатовъ; гдѣ прежде былъ рынокъ—теперь полно лавочекъ и шинковъ, доходъ съ которыхъ цѣликомъ принадлежитъ монастырямъ; гдѣ прежде были мельницы или ткацкая фабрика—нынѣ тамъ обширный звѣринецъ или пруды съ каскадами, служащіе для удобства духовенства; вообще: гдѣ прежде было благоустроенное поселеніе, снабжающее общественную казну, или кузница, пригодная для изготовленія оружія противъ непріятеля,—тамъ сегодня однѣ лишь благословенныя стѣны и многочисленныя часовни, а въ нихъ по нѣскольку десятковъ духовныхъ лицъ. До сихъ поръ не много посодѣйствовало духовное сословіе нашему процвѣтанію, напротивъ *во многихъ мѣстностяхъ оно явилось причиной нашего паденія*".

Монастыри, за исключеніемъ тѣхъ которые содѣйствуютъ распространенію просвѣщенія и признанныхъ таковыми эдукаціонною комиссіей, авторъ совѣтуетъ упразднить путемъ закрытія новиціятовъ.

„Сколько всякаго рода людей или все потерявшихъ или авантюристовъ безъ роду безъ племени по необходимости посвящаютъ себя *мнимой* добродѣтели, покрывая голову капуцинскими или реформатскими капюшонами? Сколько молодежи, особенно городской, оторвали отъ различныхъ ремеслъ и торговли доминиканскіе. паулинскіе, кармелитскіе, францисканскіе и другіе монастыри? Сколько благородныхъ и богатыхъ дѣвушекъ похоронили въ тѣни своихъ стѣнъ женскіе монастыри визитокъ, сакраментокъ, бернардинокъ, кармелитокъ и т. д., захвативъ вмѣстѣ съ ними значительную часть состоянія въ ущербъ ихъ семействъ и родни? Сколько молодыхъ затворницъ было отправлено съ этого свѣта на вѣчный покой путемъ суровыхъ дисциплинарныхъ наказаній и разными видами убійственнаго покаянія часто за бабьи сплетни и интриги? Сколько изъ этихъ Богу посвященныхъ дѣвушекъ погибло въ самомъ разцвѣтѣ мятежной юности отъ разныхъ болѣзней вслѣдствіе излишняго воздержанія или, напротивъ, отъ бурной распущенности?—эту правду легко пойметъ тотъ, кто знаетъ завистливость старыхъ матронъ и естественную пылкость молодости. Сколько учениковъ довели до отчаянія монахи своими богословскими диспутами, сколькихъ пресвитеровъ стремящихся получить амвонъ или приходъ, настоятельское или другое монашеское званіе, вынуждено было заглушить въ себѣ лучшія задатки, сдѣлалось при жизни мучениками? Не достаточно того, что *эти святыя общества замѣнили обряды истинной вѣры массой предразсудковъ но и сами они, осквернивъ ихъ своими поступками поражающими часто уши и глаза человѣка, тѣмъ самымъ отрѣшили людей отъ дальнѣйшаго къ нимъ довѣрія и уваженія*, и ставъ сами малодѣятельными они много посодѣйствовали *обезлюденью* страны. Они были бы гораздо полезнѣе въ роли солдатъ, промышленниковъ или торговцевъ; если бы не они, то не было бы сожжено на кострахъ столько вѣдьмъ, не заперло бы себя въ монастыряхъ столько дѣвушекъ которыя могли бы стать матерями".

Политическая роль, которую сыграло въ прошломъ Польши духовенство, способы накопленія богатствъ и употребленіе ихъ—все это подверглось строгой критикѣ болѣе просвѣщенныхъ свѣтскихъ писателей. Венгерскій не находитъ достаточно мрачныхъ красокъ для изображенія испорченности бѣлаго и чернаго польскаго духовенства конца XVIII вѣка [1]).

„Ни одинъ монархъ", говоритъ другой писатель, „ни одинъ удѣльный властелинъ, ни одна общественная казна не имѣетъ и не можетъ имѣть столь вѣрные и обезпеченные доходы, какими обладаютъ ксендзы. Эти духовные и святые разсчеты, основанные на законахъ природы, вполнѣ вѣрны и безошибочны. Каждый, начинающій жить,—сейчасъ при рожденіи долженъ заплатить за свое крещеніе; каждый человѣкъ,

[1]) W. Laskonogi. «Rok 1206 Dziejow narodu polskiego, ułamek historyczny». 1790, Стр. 53.

дойдя до извѣстнаго возраста, стремится къ болѣе опредѣленному положенію,—и когда онъ женится, то долженъ заплатить за обыскъ, обрученіе, вѣнчаніе и т. д. Клирикъ оплачиваетъ равнымъ образомъ свое посвященіе, введеніе, разрѣшеніе, а всѣ безъ исключенія обязаны заплатить умирая за смерть свою, колокольный звонъ, отпѣваніе, выносъ, проповѣдь, проводы, мессу и могилу. Ксендзъ, безучастный и нечувствительный ко всему, согласно положенію восклицаетъ: „заплати, дай десятину, коленду, а иначе не стану крестить, вѣнчать, благословлять, исповѣдовать и хоронить". Нѣсколько писателей видѣли въ деревняхъ среди лѣта разлагающіеся трупы, оставленные безъ погребенія. „Въ Паенчинѣ, гнѣзненской епархіи, пять труповъ разлагалось на соломѣ у домовъ. Настоятель прихода, *utriusque juris doctor et canonicus cathedralis* не приступалъ къ погребенію умершаго прихожанина до полученія 200 злотыхъ. Его товарищъ Сапингъ, въ познанской епархіи, велѣлъ нищимъ перенести трупъ какого-то несчастнаго въ другой приходъ... Въ самой Варшавѣ, гдѣ столько ксендзовъ, постоянно подъ заборами и стѣнами костеловъ находятъ покойниковъ, которыхъ ксендзъ соглашается похоронить лишь тогда, когда *прохожіе* дадутъ нѣсколько злотыхъ за погребеніе... На пражскомъ кладбищѣ собаки и свиньи вырываютъ кости покойниковъ... Два бернардинскихъ монаха получаютъ въ качествѣ помощниковъ настоятеля по 150 злотыхъ въ годъ, хотя доходъ его равняется приблизительно двадцати тысячамъ злотыхъ. Въ больничныхъ зданіяхъ приготовляютъ и продаютъ мыло, свѣчи, торгуютъ спиртными напитками, платя за помѣщеніе настоятелю... Въ резиденціи королей въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ дѣвицъ, продающихъ себя съ публичнаго торга; *рѣдкій священникъ, переодѣвшись въ свѣтское платье, не посѣщаетъ домовъ разврата..;* рѣдкій монахъ не навѣщаетъ молодой подруги, не напивается съ ней виномъ и медомъ, не угощается съ нею изысканными ужинами или завтраками"... [1]).

Въ 1792 году появилась брошюра: „*Добродѣтельный цыганъ бичующій порокъ гондзярой (?) правды*"; авторъ ея упрекаетъ современное ему свѣтское духовенство за развратъ, оскверненіе семейнаго очага, корыстолюбіе и клятвопреступничество. „Посѣщая семейные дома", говоритъ онъ, „въ качествѣ друзей дома, ксендзы ссорятъ супруговъ и доводятъ ихъ до развода; крестьянъ они соглашаются вѣнчать *подъ условіемъ*, чтобы свадьба праздновалась въ принадлежащихъ ксендзамъ корчмахъ, пріятныхъ де Богу; когда введенъ былъ 27%-ый подоходный налогъ—то они подъ присягой ложно показывали размѣръ своего дохода". О тогдашнихъ монастыряхъ тотъ же авторъ говоритъ: „въ любомъ монастырѣ можно найти представителей всякаго рода порочности и преступности, несправедливости, ненависти, безпорядочности, насилія, злости, неприличія непотребства, мести, беззаконій"...

„Духъ" Владислава Лясконогаго рисуетъ передъ глазами поэта Венгерскаго подобную же картину алчности, безсердечія и распущенности польскаго духовенства XVIII вѣка. Пораженный этой картиной поэтъ, „которымъ гордится польскій Геликонъ", прерываетъ разсказъ „духа" восклицая:

«Чтожъ ихъ не вѣшали, не жгли!
Зачѣмъ на крестныя мученья.
Измѣнниковъ не повлекли
Для нашей родины спасенья»!..

По поводу этихъ нападокъ, въ защиту Рима выступили тогда же оставшіеся еще въ польшѣ іезуиты, съ ксендзами Лускиной и Суровецкимъ во главѣ. Послѣдній, въ отвѣтъ на возводимыя на духовенство обвиненія, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Питонъ, лейпцигско-варшавскій чортъ, контръ-трагедія на трагедію Саулъ, извлеченную изъ священнаго писанія, игранная актерами того свѣта въ 1789 году, а въ 1792 году явленная зем-*

[1]) W. Smoléński. «Przewrót umysłowy w Polsce w XVIII wieku». Краковъ 1891. Стр. 317—319.

ному міру». Это произведеніе и по содержанію и по изложенію отличается крайнею непристойностью. Авторъ выводитъ на сцену Бога, ангеловъ, пророковъ, апостоловъ и чертей; затѣмъ происходитъ судъ надъ сочинителемъ трагедіи, Питона, который приговоренъ къ слѣдующему наказанію: „какъ только черти заберутъ тебя какъ своего въ адъ, то ты отправишься прямо подъ хвостъ Люциферова коня и тамъ да будетъ вѣчное твое пребываніе". „Верховой конь Люцифера", объясняетъ Питону св. Павелъ, „—это г. Вольтеръ, великій патріархъ новомодныхъ философовъ и главный руководитель современнаго либеральнаго образованія. Ты, очевидно, не знаешь, что его скотская душа послѣ его смерти превращена въ лошадь. Въ цѣломъ своемъ адскомъ стадіи князь Люциферъ не нашелъ столь статной, шикарной и удавшейся скотины; вотъ почему онъ предназначилъ ее для народныхъ выѣздовъ и является на ней въ дни торжественныхъ празднествъ. Масть этого скакуна—вороная, и весь онъ выглядитъ точно чортъ; только хвостъ у него пестрый, т.-е. упудренъ гнидами... Но да будетъ тебѣ извѣстно, что эти гниды представляютъ изъ себя твоихъ собратьевъ и товарищей философовъ, учениковъ фернейской академіи, у которыхъ хотя и абсолютная пустота въ головахъ, но зато полный ротъ разума. Эти то господчики и обсѣли подъ видомъ гнидъ хвостъ патріарха. А тебѣ, какъ самому болтливому проповѣднику и распространителю безбожной догматики этого патріарха, мы декретомъ нашего суда, отличія ради, присуждаемъ тебѣ вѣчное поселеніе уже не на хвостѣ, а въ самомъ что ни на есть мѣстѣ подъ его хвостомъ". На прощаніе судъ велитъ отсчитать Питону тысячу огненныхъ батоговъ.

Не удивительно что при такой нравственности духовенства въ Польшѣ появилось стремленіе къ образованію національной церкви; но къ іезуитамъ присоединилась для защиты Рима, состоящая въ его распоряженіи польская аристократія; король былъ слишкомъ слабъ; Россія вмѣшиваться въ это дѣло не хотѣла, и проектъ образованія польской національной церкви, остался невыполненнымъ.

Нынѣ ничто не препятствуетъ осуществленію этого проекта; развѣ только тайныя надежды, что въ случаѣ политическихъ осложненій въ Европѣ, полякамъ удастся при помощи Рима соединиться съ врагами Россіи, преимущественно съ австрійцами. Полякамъ кажется, что, предлагая имъ отдѣленіе отъ Рима, мы имѣемъ въ виду присоединеніе ихъ къ православію, въ семъ якобы кроются и намѣренія Правительства. Мы полагаемъ, что религія поляковъ вовсе не интересуетъ и не касается русскаго Правительства; пусть они будутъ себѣ лютеранами, кальвинистами, гуситами, англиканцами, деистами, или же старо-католиками, лишь бы они почитали Бога который на небесахъ, а не папу; ибо вѣра въ то, что папа является намѣстникомъ Бога на землѣ, позоритъ всѣ народы; лишь бы преслѣдованія со стороны правительственной власти направленнаго противъ революціонныхъ агитаторовъ, облаченныхъ въ духовныя одежды, поляки не называли религіознымъ преслѣдованіемъ, чѣмъ они никого уже не обманутъ, ибо всему свѣту хорошо извѣстно, что значатъ жалобы поляковъ на притѣсненія религіи. Угнетеніемъ польская шляхта вмѣстѣ съ ксендзами называетъ лишеніе ихъ права ограбленія крестьянъ, надъ судьбой коихъ передъ лицемъ Европы проливаютъ крокодиловы слезы.

Любимою темой жалобъ поляковъ, утверждающихъ, что русское Правительство преслѣдуетъ послѣдователей латинской религіи, является уніатскій вопросъ. Умалчивая о томъ, что унія съ Римомъ православнаго народа въ польскихъ земляхъ была достигнута посредствомъ огня и меча, нынѣ, когда Правительство дало уніатамъ возможность возвратиться въ лоно православной христіанской церкви, поляки вопятъ о притѣсненіи уніатовъ, (хотя послѣдніе ихъ вовсе объ этомъ не просятъ и на это не жалуются) и обвиняютъ Правительство въ томъ, что оно силою *обращаетъ* уніатовъ въ вѣру ихъ предковъ.

Это ложь, на которую можетъ осмѣлиться лишь іезуитская наглость. Нѣтъ никакой надобности *обращать* уніатовъ въ православіе, ибо они оставались и остаются

православными во всемъ, что касается вѣры въ Бога; поляки же принуждали ихъ при помощи истязаній признавать главой церкви не Спасителя, а папу, что большинство, изъ страха передъ пытками, и дѣлало для виду. Но когда польское владычество пало, и народъ могъ разсчитывать на охрану русскаго Правительства, то онъ громко заявилъ о своемъ желаніи разорвать связь съ Римомъ и возвратиться на лоно истинной христіанской церкви, т. е. къ обрядамъ своихъ православныхъ предковъ.

Выполняя желаніе народа все уніатское духовенство, за исключеніемъ 4 ксендзовъ-іезуитовъ, подписало 12 февраля 1839 года ходатайство о принятіи ихъ снова на лоно православной церкви и о защитѣ ихъ отъ происковъ латинскаго духовенства и польской шляхты. Это единодушное желаніе было уважено святѣйшимъ синодомъ и исполнено съ Высочайшаго соизволенія. На докладѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода Императоръ Николай Павловичъ написалъ: „*Благодарю Бога и соглашаюсь*".

Что же касается обращенія поляковъ-католиковъ въ православіе, то мы видимъ со стороны русскаго Правительства совершенно противныя тому стремленія: поддерживая въ 1762 году интересы диссидентовъ въ Польшѣ, Россія добивалась отъ поляковъ исключительно *вѣротерпимости*, но отнюдь не желала, чтобы иновѣрцы взяли въ Польшѣ перевѣсъ надъ латинянами, на основаніи, которое усматривается изъ нижеслѣдующаго отрывка изъ письма гр. Панина къ князю Репнину. Въ отвѣтъ на донесеніе Репнина, что поляки съ примасомъ—епископомъ во главѣ желаютъ отдѣлиться отъ Рима, Панинъ писалъ: „Протестантскія исповѣданія, уничтожая предразсудки и ограничивая власть духовенства, легко могли бы, при чрезмѣрномъ своемъ распространеніи въ Польшѣ, *вывести поляковъ изъ того мрака и невѣжества*, въ которые по сіе время большинство ихъ погружено; освобожденіе же отъ сего мрака и невѣжества могло бы привести ихъ къ постепенному введѣнію у себя порядковъ, которые сосредоточивая всѣ ихъ внутреннія силы и доведя Польшу до большаго нежели до сихъ поръ могущества, могли бы вскорѣ обратиться противъ Россіи—покровительницѣ поляковъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, и первой и главной соперницы—въ будущемъ" [1]).

Но если въ то время Россія не желала освобождать чужой для нея польскій народъ изъ состоянія умственнаго отупѣнія, то этого нельзя сказать о настоящемъ, когда Польша обратилась въ часть Россійской державы; поэтому можно разсчитывать, что стремленіе поляковъ къ свѣту, путемъ оторванія отъ разлагающагося Рима, не встрѣтитъ препятствія со стороны русскаго Правительства.

Вотъ что говоритъ по этому вопросу польскій патріотъ Маркеллъ Длужневскій [2]):

„Не только въ исторіи польскаго народа, но въ жизни всѣхъ вообще народовъ замѣчаемъ мы дѣйствіе разлагающихъ началъ, которыя стремясь проявить окончательный результатъ своего дѣйствія, начинаютъ господствовать надъ всѣмъ тѣмъ, что представляетъ собою въ народномъ организмѣ положительную реальную сторону, способную творить...

„Дѣйствію этого отрицательнаго начала всегда противостоитъ положительная сила, или жизненность народа; поэтому возникаетъ борьба двухъ силъ, которыя, какъ противоположные электрическіе токи, стремятся къ нейтрализаціи, уравновѣшенію, дабы создать спокойную, господствующую надъ безпокойствомъ противныхъ началъ, жизнь. Горе народу и его правительству, если жизненная сила ихъ слишкомъ слаба, чтобы одолѣть отрицательныя силы, ибо въ этомъ случаѣ положительная сторона жизни представляется обезсиленною, нейтрализованною отрицательною силой, что вызываетъ апатію народной жизни, или смерть. На однихъ только положительныхъ элементахъ можетъ развиваться могущество народа, ибо въ отрицательныхъ началахъ нѣтъ никакихъ элементовъ жизненности. Заслуги, добродѣтели и Богомъ освященная любовь къ благу

---

[1]) Alkar. „Książe Repnin i Polska" т. I, стр. 275.

[2]) „Dawna Polska ze stanowiska chrzecśyańskiego". Лейпцигъ, 1861.

общему—это именно, условія существованія и жизни свободныхъ народовъ, это—тѣ положительные элементы, подъ которыми мы должны разумѣть все то, что хорошо возвышенно и свято. Перевѣсъ положительныхъ элементовъ надъ отрицательными создаетъ для народа нормальное состояніе счастья и благополучія, которымп Творецъ стремится одарить всѣ творенія свои. Отрицательныя стороны народовъ являются какъ бы первороднымъ грѣхомъ, который, разъ проникнувъ въ общественную жизнь не погибаетъ съ умирающими индивидуами, а переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

„Чѣмъ больше ошибокъ и грѣховъ совершается въ народѣ, тѣмъ слабѣе его нравственная и положительная сторона, и тѣмъ сильнѣе въ немъ отрицательное начало грѣха. И тѣмъ болѣе такой народъ приближается къ окончательному разложенію и смерти, чѣмъ сильнѣе перевѣшиваетъ въ немъ отрицательная сторона надъ положительною; ибо тѣмъ болѣе господствуетъ тамъ плоть и мірское начало надъ духомъ; въ мірѣ же духовномъ создаетъ долгую, здоровую и могучую жизнь, что отъ Бога, только то, что хорошо, возвышенно и свято. Тѣ начала, которыя разрушаютъ общее благо народа, противны и Богу, ибо это элементы злого духа, который паче всего старается продолжить свое главенство цѣной здоровья и жизни человѣчества.

„Сила и ростъ каждаго народа истекаетъ отъ духа, который въ немъ вырабатывается, когда онъ стремится освятиться въ первоисточникѣ высшаго добра, и тѣмъ самымъ стремиться къ единенію съ Богомъ. Въ этомъ началѣ всеобщей любви укрѣпляется и усиливается духъ человѣческій; а всѣ отдѣльныя единицы приближаются другъ къ другу и соединяются въ одномъ общемъ духѣ, въ одномъ общеніи, которое мы называемъ церковью. Для общаго блага не безразлично, до какой степени совершенства можетъ возвыситься народъ въ своей церкви, которой цѣль—открыть въ Словѣ Божіемъ самый близкій и самый вѣрный путь ко спасенію. Правда, намъ этотъ путь указываетъ самъ Богъ черезъ Іисуса Христа, который воплотясь въ человѣческомъ тѣлѣ, сознавалъ себя Сыномъ Божіимъ; но Богъ указываетъ намъ этотъ путь въ общихъ только чертахъ, ибо болѣе подробная проповѣдь правды была оставлена призваннымъ къ тому апостоламъ и священникамъ.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что не всякая проповѣдь евангельскаго ученія исходитъ изъ божескаго помазанія и священства; поэтому въ различныхъ случаяхъ могли возникнуть ложныя ученія и нововведенія, затемняющія спасительную истину. Трудно требовать въ такомъ случаѣ и отъ людей, чтобы въ теченіе своей жизни они не уклонялись отъ истиннаго пути несмотря на самыя благія намѣренія, и чтобы не случалось это съ ними тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе помрачена та небесная звѣзда, которая должна намъ свѣтить, какъ нѣкогда свѣтила восточнымъ волхвамъ, дабы указать имъ мѣсто откуда должно было распространиться спасеніе всего міра.

„Такою звѣздой освѣщать нашъ путь могутъ лишь священники и апостолы спасительной вѣры и животворящей истины, ибо эта звѣзда—это слово, которое своимъ духовнымъ живительнымъ свѣтомъ освѣщаетъ путь душѣ человѣческой, дабы она не вверглась въ бездну вѣчнаго мрака. По этому-то и духъ человѣческій долженъ отъ времени до времени возноситься къ высшему свѣту вѣры, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе находитъ его въ церкви, надъ созданіемъ коей работали въ вѣка темноты и невѣжесва скорѣе дабы замутить источникъ чистаго спасенія, чѣмъ, проникаясь его духомъ, служить Богу и всему человѣчеству.

„Религія—это союзъ между небомъ и землей, между Творцомъ и созданіемъ Богомъ и человѣкомъ, гдѣ человѣкъ черезъ вѣру приближается къ Богу, Богъ же снисходитъ къ человѣку воплощая въ немъ слово Свое, отъ котораго создается духъ, любящій паче всего правду, Бога и высшее добро. Чѣмъ тѣснѣе союзъ между Богомъ и человѣкомъ, тѣмъ выше возносится, освѣщается духовная сторона человѣческой природы, и тѣмъ достойнѣе становимся мы, достойными быть сынами Божіими, каковымъ въ со.

вершенствѣ явился Христосъ. Поэтому христіанство, помазывающее насъ на это сыновство, мы можемъ по справедливости считать возвышеннѣйшею и прекраснѣйшею религіей. Ибо если задачей религіи является приближеніе человѣка къ Богу, то въ такомъ случаѣ наиболѣе близкою связью будетъ сыновство Божіе, коего сознаніе выражается въ человѣкѣ черезъ познаніе прямого и истиннаго пути, каковой именно и указываетъ намъ христіанство. Это, безъ сомнѣнія, великое и возвышенное, само по себѣ, ученіе, но не всегда такими являются люди, которые именуются ея пастырями и священниками. Христіанство—ученіе божеско-человѣческое и божеско-духовное, ибо явилъ это ученіе Богъ, воплотившійся въ человѣкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Богочеловѣкъ есть Слово, изъ коего создается духъ сыновства Божія въ человѣкѣ. Это—духъ истины, это сама чистая истина, это-самъ Христосъ, который тѣмъ болѣе воплощается въ человѣкѣ и въ мірѣ семъ, чѣмъ больше человѣкъ воспринимаетъ и чтитъ истину Его, какъ истину жизни. Пріявъ эту правду въ сердце, человѣкъ пріемлетъ вмѣстѣ съ ней и помазаніе на сыновство Божіе, и является въ жизни внѣшней, въ сношеніяхъ съ людьми низшихъ классовъ и низшей вѣры, какъ существо высшаго свѣта—благостью и добротой своею. Этимъ путемъ мы все болѣе приближаемся къ выполненію евангельскихъ заповѣдей въ жизни, которая становится тѣмъ прекраснѣе и возвышеннѣе, чѣмъ болѣе вносятся въ эту жизнь принципы евангельскіе, чѣмъ болѣе слово евангелія становится дѣломъ. Такъ какъ всѣ поступки истекаютъ изъ духа, то они никогда не будутъ ни дурными, ни вредными для общаго блага, если этотъ духъ очищенъ и возвышенъ черезъ приближеніе къ Божескому совершенству и истинѣ. Но, коль скоро менѣе достойные пастыри имѣютъ слишкомъ темное, узкое и ложное представленіе о духовной и религіозной цѣли человѣчества, то они менѣе и споспѣшествуютъ торжеству христіанства въ мірѣ; такіе пастыри будутъ скорѣе считать за заслугу свою передъ Богомъ то, что они будутъ стѣснять и связывать духъ человѣческій, который безъ ихъ помощи и собственными своими силами возвышается и движется впередъ. Ибо духъ человѣческій жаждетъ прогресса и ищетъ его вездѣ во всяческомъ смыслѣ, а слѣдовательно и въ области религіи. Онъ возмущается, если его стѣсняютъ слишкомъ тѣсныя формы, опредѣляющія слишкомъ тѣсные предѣлы его разуму и принуждающія его имѣть слишкомъ мірскія и низменныя представленія о Богѣ.

„Итакъ, нельзя возбранить людямъ, чтобы они и въ дѣлахъ вѣры не старались очищаться, возвышаться, двигаться впередъ по пути спасенія, пути, по возможности прямому и свѣтлому. Не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ людей, которые и въ религіозномъ отношеніи сумѣли нѣкогда отличить то, что возвышеннѣе, болѣе божеское и христіанское отъ того, что менѣе спасительно для духа человѣческаго, менѣе успокаиваетъ его, менѣе укрѣпляетъ и возвышаетъ. Да какъ можетъ въ насъ самихъ развиться христіанство, если вѣчно будемъ мы оставаться въ средневѣковомъ мракѣ и заблужденіяхъ?.. Мы должны почитать память нашихъ предковъ, но не должны ни въ чемъ слѣдовать тѣмъ заблужденіямъ, которыя оставили они намъ въ наслѣдство; ибо скорѣе намъ необходимо стремиться къ болѣе возвышенной жизни, къ болѣе высокимъ понятіямъ, къ болѣе высокому духу вѣры, чѣмъ возстановлять то, что такъ рѣшительно содѣйствовало нашему упадку, паденію нашего общественнаго строя и уничтоженію самостоятельности нашей отчизны. Наши предки, позволявшіе преслѣдовать за вѣру своихъ согражданъ, явились соучастниками великаго грѣха противъ Духа Святаго, грѣха, который передъ судомъ Божіимъ не найдетъ прощенія, такъ какъ это смертный грѣхъ. Ибо народъ, который не освящаетъ въ себѣ духа и не возвышаетъ его, но угнетаетъ и ослабляетъ его, такой народъ—рано или поздно будетъ постигнутъ заслуженною карой и будетъ погребенъ въ томъ самомъ гробу, который онъ себѣ уготовалъ своимъ образомъ дѣйствій. А что въ польскомъ народѣ со времени Сигизмунда III и вплоть до послѣднихъ моментовъ царствованія Станислава Августа духъ не

возвышался, а падалъ, въ этомъ можно убѣдиться, читая исторію этой эпохи, надъ которой можно поставить заглавіе: „Упадокъ Польши“.

„Упадокъ духа въ народѣ, который былъ силенъ и здоровъ не только физически, но и духовно, мы должны считать результатомъ внѣшнихъ вліяній, плодомъ многолѣтней работы тѣхъ господъ-ксендзовъ, которые, представляя стройную и сильную, хорошо организованную корпорацію, прикрывая святостью то, что было грѣшно и нечисто, сумѣли дать такое направленіе духу народному, какое наиболѣе соотвѣтствовало ихъ цѣлямъ и видамъ. Они явились какъ бы посредниками между Богомъ и людьми, воспрещая имъ, однако, думать о Богѣ иначе, какъ согласно ихъ узкимъ понятіямъ и безсмысленному ученію, касающемуся, преимущественно, внѣшнихъ формъ, *доходныхъ* для духовенства обрядовъ и церемоній,—все это, чтобы возможно дольше эксплоатировать невѣжество, легковѣріе, и ограниченность разума не только низшихъ классовъ и массы народа; прежде же всего и всѣми способами духовенство стремилось къ тому, чтобы подчинить своему вліянію и шляхту, чтобы духъ въ народѣ не возвышался и не просвѣщался, чтобы онъ допускалъ духовенство къ господству надъ собой возможно дольше и притомъ господство не духовное и нравственное, а свѣтское и деспотическое... Это было время господства кзендзовъ надъ народами, что придавало послѣднимъ теократическій характеръ и форму ихъ правительствъ приближало къ теократіи. Ибо, какъ въ древнія времена Богъ объявлялъ Свою волю избранному народу черезъ пророковъ, или такихъ мужей, которые исполнены были Духа Святаго, такъ и ксендзы въ позднѣйшія времена, вмѣшиваясь въ дѣятельность свѣтской власти, дѣлали это во имя Божье, въ качествѣ якобы уполномоченныхъ и избранныхъ слугъ Господнихъ. Папа, въ качествѣ главы церкви и представителя высшей духовной власти, стремился къ всемірному главенству; и чѣмъ болѣе міръ подчинялся этому владычеству, тѣмъ болѣе усиливалась тяготѣвшая надъ нимъ псевдо-теократическая власть. Но подобная теократія не могла принести народамъ спасительныхъ результатовъ, ибо представители ея ни въ какомъ отношеніи не были истинными пророками, а лишь лже-пророками; ибо мы видимъ, что истинные ветхозавѣтные пророки не только не убиваютъ духа въ избранномъ народѣ, но ведутъ его къ главной цѣли столь вѣрными и прямыми путями, что изъ испорченнаго, униженнаго позорнымъ рабствомъ народа вырабатывается великій и могучій народъ, создается государство народа Божія. Если съ нами произошло нѣчто совершенно обратное, если мы не возрасли и не возмужали, а, напротивъ, ослабились и упали, то это главнымъ образомъ потому, что мы не распознали фальшивыхъ пророковъ, а истинныхъ пророковъ—не хотѣли мы слушать. При этомъ мы больше заботились о томъ, чтобы быть римско-католическимъ народомъ, чѣмъ, чтобы примѣниться къ духу христіанства и признать, что залогъ могущества польскаго народа былъ не въ Римѣ, а въ насъ самихъ, въ нашей собственной душѣ и въ той религіи, столицу которой мы могли основать въ своемъ сердцѣ, въ своемъ домѣ и въ собственномъ своемъ отечествѣ.

„Такой религіей не могъ служить римскій католицизмъ; намъ надо было искать ее прежде всего въ чистомъ ея первоисточникѣ, нашего спасенія, въ чистомъ и незапятнанномъ духѣ христіанства. Польская вѣра стала-бы тогда христіанскою вѣрой, а эта послѣдняя, по природѣ своей слишкомъ всеобъемлюща, чтобы въ ея святынѣ не могли мирно совмѣститься разнящіеся съ нею въ менѣе важныхъ вопросахъ виды христіанскихъ исповѣданій. Но падающая Польша съ презрѣніемъ отвращается отъ этого единственнаго пути спасенія и избавленія, и поэтому падаетъ еще ниже. Польша въ царствованіе Сигизмунда III, находилась въ томъ именно положеніи, когда ей надо было или возродиться въ высшемъ духѣ религіи, или стать сатрапіей римскаго папы, римско-католической іерархіи, іезуитизма—для того, чтобы польская вѣра была исключительно католическою. Но, поскольку въ польскомъ народѣ, кромѣ католическаго

исповѣданія, существовали и другія христіанскія исповѣданія, постольку никто не имѣлъ права исключительно католическую вѣру считать польскою, ибо и христіане не католики хотѣли быть и дѣйствительно были не менѣе хорошими поляками и не менѣе честно служили отчизнѣ своей, чѣмъ католики. Въ дѣйствительности выраженіе „польская вѣра“ слѣдовало понимать въ томъ лишь смыслѣ чтобы въ ней могли совмѣститься дружно всѣ поляки-христіане; поэтому эта вѣра не могла зваться ни католическою, ни аугсбургскою, ни гельветическою, но должна была называться польско-христіанскою вѣрой.

„Такимъ образомъ польскій народъ, соединившись, общею вѣрой въ Богѣ и во Христѣ, вступилъ бы на путь всесторонняго, прогресса и развитія; и тѣ державы, которыя его разрушали и ослабляли, обратились бы въ его пользу, и, соединившись съ нимъ узами братства и общей вѣры, содѣйствовали бы только упроченію его благосостоянія и всестороннему развитію его государства. И не было бы надобности опасаться ни войны съ казаками, ни вторженія шведовъ. Въ худшемъ случаѣ христіанская польская вѣра привела бы внутренній строй государства къ такому согласію и гармоніи, что въ случаѣ надобности нашлось бы достаточно силы для отраженія всякаго нападенія. Польско-христіанская вѣра оказала бы вліяніе и на шляхту, и на польское рыцарство, указывая ему высшія вознесенія духа, высшій свѣтъ разума, большую выдержку и болѣе практическое направленіе частной и общественной жизни. Она проявляла бы свое вліяніе вездѣ, гдѣ вопросъ касался бы всеобщаго и наивысшаго блага, а польская шляхта, проникнутая духомъ высшей вѣры, служила бы на пользу остальному народу, какъ цвѣтъ и гордость его. Шляхта старалась бы въ примѣръ младшихъ братьевъ своихъ вездѣ и всюду соблюдать нравственное первенство, которое основывается не на внѣшнихъ признакахъ свѣтской аристократіи, а на возвышенности внутренняго нашего бытія.

„Въ свободномъ государствѣ, гдѣ общее благо должно всѣхъ одинаково касаться, вреднымъ является всякое стремленіе къ такой аристократіи, которая менѣе обращаетъ вниманія на нравственныя и внутреннія достоинства, а основывается въ оцѣнкѣ людей на внѣшнихъ формахъ и блескѣ. Свободное государство необходимо должно искать нравственныхъ элементовъ въ народѣ, должно, по мѣрѣ возможности, поддерживать эти начала, ибо они именно представляютъ изъ себя основу существованія и могущества народа. Нравственная сторона народа—это именно его духовная сторона, сторона духа и совѣсти. Надъ духомъ и совѣстью возносится вѣра, при помощи которой человѣкъ посвящаетъ совѣсть свою и духъ Богу, чтобы Богъ былъ его духовнымъ Судіей, а не свѣтъ. Какъ нравственное достоинство каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ отъ его заслугъ, а сумма заслугъ представляетъ болѣе или менѣе богатую совѣсть, такъ и въ государствѣ, гдѣ нравственная сила руководитъ цѣлымъ его организмомъ, все должно основываться на заслугахъ, а тѣмъ самымъ и на всеобщемъ богатствѣ совѣсти. Заслуги—это поступки, истекающіе изъ доброй воли, изъ любви и вѣры во всеобщее благо, равно изъ вѣры религіозной, которая вызываетъ то, что мы ищемъ заслугъ не исключительно для угожденія свѣту и заслуженія мірской награды, но прежде всего для угожденія Богу, чтобы найти удовлетвореніе въ собственной совѣсти.

„Чѣмъ менѣе религіозная вѣра возвышаетъ духъ и чѣмъ болѣе она связываетъ его формами и ненужными для совершенствованія и возвышенія души условностями вѣры,—тѣмъ менѣе можетъ пользоваться ею и масса народа. Для народа совершенно безполезная внѣшняя форма свободы, если его вѣра недостаточно возвышенна, недостаточно свободна, понятна, а притомъ недостаточно искренняя, истинна и горяча. Ненужна и излишня свободная форма тамъ, гдѣ въ народѣ господствуетъ темный и притѣсненный духъ, который надо связывать предѣлами, но такими, какихъ требуетъ его природа. Чѣмъ болѣе развивается, распространяется и возрастаетъ духъ человѣческій,

тѣмъ болѣе становится для него нужною и болѣе просторная форма; тогда должны расшириться слишкомъ тѣсныя границы, сдерживающія мысль человѣческую, чтобы она не искала правды и Бога вездѣ и во всемъ. Не слѣдуетъ сдерживать духъ человѣческій отъ развитія и возвышенія на религіозномъ поприщѣ, ибо чѣмъ совершеннѣе религіозное исповѣданіе, тѣмъ прямѣе путь жизни, по которому народы должны стремиться къ спасительной цѣли. Насколько же то или другое христіанское исповѣданіе можетъ быть названо совершеннымъ,—это зависитъ отъ того, на сколько оно приближается къ той правдѣ, которая зовется также правдой Божеской. Чѣмъ больше человѣкъ приближается къ такой правдѣ, которая получила въ немъ свое начало отъ Бога, тѣмъ прекраснѣе расцвѣтетъ его жизнь и тѣмъ спасительнѣе будутъ ея плоды. Евангеліе, которое является основой нашей вѣры, является также и тѣмъ источникомъ изъ котораго мы начинаемъ уже и тутъ, на землѣ почерпать вдохновенія жизни загробной, но въ такомъ лишь размѣрѣ, какой въ состояніи объять болѣе или менѣе возвышенная душа наша. Чтобы быть христіаниномъ въ тѣсномъ слыслѣ этого свова, надо для этого получить высшее помазаніе, надо чувствовать въ себѣ призваніе къ священству. Это священство духовное, которое влечетъ насъ къ духовному труду, къ превращенію въ глашатаевъ правды, въ апостоловъ христіанства.

„Въ средніе вѣка, когда жизнь христіанскихъ народовъ основывалась на религіозной почвѣ и это до токой степени, что каждое брошенное духовное зерно находило для себя готовую цочву и болѣе или менѣе благопріятныя условія для его прозябанія, роста и плодоноснаго развитія, въ средніе вѣка необходимость священства была тѣмъ больше, чѣмъ больше искажалось значеніе божественной истины, чѣмъ больше человѣка удаляли отъ Бога, а истинную правду, какъ путь жизни, передъ нимъ скрывали. Велика была и заслуга такого апостольства вообще, а въ частности въ нашемъ отечествѣ, тамъ, гдѣ существовалъ живой интересъ къ вопросамъ духа и вѣры. Но масса народа не могло въ области религіознаго духа вознестись выше, чѣмъ стояли тѣ, которымъ поручена была проповѣдь Слова Божія. А если учители и служители религіи не выработали сами въ себѣ достаточно обширнаго духа вѣры, дабы они могли отличаться истинно христіанскимъ призваніемъ, то и служеніе ихъ было менѣе апостольскимъ и божескимъ, а становилось болѣе мірскимъ.

„Высшее помазаніе, какъ духъ высшей жизни, истекать должно на народъ свыше черезъ священство и апостольство, а духъ этотъ долженъ быть развитъ и свободенъ, ибо иначе вырабатывается лишь матеріализмъ и эгоизомъ, а отсюда происходитъ и всякая форма, которая тѣмъ ограниченнѣе, тѣмъ болѣе носитъ мірской, низменный характеръ, чѣмъ ниже были духовные элементы, ее создававшіе.

„Матеріализмъ и эгоизмъ никоимъ образомъ не согласуются съ идѣей христіанства, гдѣ для любви къ правдѣ и къ Богу, и ко всему тому, что составляетъ всеобщее и высшее человѣеческое благо необходимо посвящать всякіе болѣе низменныя и эгоистическія соображенія. Здѣсь духъ всеобщей любви долженъ господствовать надъ тѣломъ и надъ всяческою индивидуальною жизнью, которая, какъ составная часть цѣлаго должна ему служить по доброй волѣ, предпочитая общее дѣло личному интересу. Христіанскій народъ, стремясь къ благороднымъ дѣяніямъ и посвященію себя общему дѣлу въ своей вѣрѣ, въ своемъ духѣ и въ своей совѣсти, тѣмъ вѣрнѣе и основательнѣе выполнитъ свое призваніе, чѣмъ мѣнѣе будетъ замыкаться въ тѣсныхъ, хотя и удобныхъ, ибо готовыхъ уже рамкахъ и формахъ; и онъ въ силахъ будетъ выйти изъ нихъ и ревностнымъ трудомъ въ Господнемъ виноградникѣ достигнуть того положенія, которое онъ долженъ занять,—если только не станетъ останавливаться, но постоянно будетъ идти впередъ.

„Правда, что по польски быть "вярусомъ" значитъ не только быть защитникомъ отчизны и политической свободы, но прежде всего и вѣры, которая учитъ насъ на-

божно и религіозно любить всеобщее и общественное благо; но не менѣе правильно и то, что вѣра можетъ быть выше и ниже, въ зависимости отъ того, какъ приближается до нея нашъ духъ. Поэтому нѣтъ вовсе заслуги въ защитѣ болѣе низменной вѣры и болѣе низменныхъ религіозныхъ представленій съ цѣлью не допустить, чтобы на насъ сошелъ болѣе свѣтлый лучъ съ возвышающейся надъ землей области духа и освѣтилъ бы всѣ тѣ извилистыя тропинки, по которымъ вовсе не надо идти, дабы достигнуть конечной цѣли жизни. Такую именно ошибку сдѣлали наши отцы, не воспользовавшись религіозною реформой и не только дали себя обмануть іезуитамъ и увѣровали въ нихъ, точно въ истинныхъ пророковъ и апостоловъ Христа, но еще служили имъ орудіемъ для порабощенія свободы духа въ народѣ и къ препятствію всякому прогрессу на пути высшихъ религіозныхъ стремленій и очищающагося христіанства.

„Эта ошибка повлекла за собою важныя послѣдстоія, ибо она явилась краеугольнымъ камнемъ всѣхъ несчастій и бѣдствій, постигавшихъ наше отечество болѣе всего въ то время, когда посѣянныя зерна нетерпимости, преслѣдованія за вѣру и вообще фанатизма возрасли и стали давать плоды. Ясно представляетъ намъ это эпизодъ изъ польской исторіи временъ царствованія Яна Казиміра, хотя и послѣдующіе годы, вплодь до послѣдняго момента нашего существованія, представляютъ лишь продолженіе послѣдствій и результатовъ, вытекающихъ изъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ.

„Перевѣсъ духовной власти надъ свѣтскою оказалъ уже разъ свое пагубное дѣйствіе на величіе Польши, послѣ изгнанія Болеслава Смѣлаго; когда такимъ образомъ королевскій авторитетъ былъ ослабленъ и нарушенъ.—возросъ, авторитетъ духовенства, что не могло не содѣйствовать распаденію государства, и Польша была раздѣлена между сыновьями Болеслава Кривоустаго. Когда архіепископъ гнѣзненскій возвышается надъ польскими князьями и присваиваетъ себѣ роль главы государства, духовное правленіе не могло ни сохранить прежнія обширныя границы государства, ни благосостояніе его, ни ту внутреннюю силу, которая составляла могущество Болеславовъ". [1]). Но духовное управленіе не было въ это время такъ пагубно, какъ въ позднѣйшія времена Однако тогда уже духовный феодализмъ представляетъ собою пагубнѣйшее внутреннее начало, противъ котораго возраждающаяся Польша въ теченіе полувѣка должна была вести борьбу подъ предводительствомъ потомковъ Болеслава Храбраго, дабы отвратить отъ народа опасность гибели; а опасность эта, заключалаоь во внутреннемъ расчлененіи Польши, путемъ безпорядка и столковеній между князьями, въ предоставленіи исключительныхъ привиллегій не только свѣтскимъ чинамъ, но и духовенству, которое всегда стремилось образовать государство въ государствѣ.

„Польша боролась за свое величіе и цѣлость; но въ это время она была значительно ослаблена и заполонена чужестранцами, привлеченными въ страну духовенствомъ, что также создало не маленькую преграду развитію польскаго народа.

„У себя же польскій народъ вскормилъ злѣйшаго своего врага—крестоносцевъ, которые тогда являлись олицетвореніемъ значенія и могущества духовенства. Призвалъ ихъ въ Польшу мазовецкій князь Конрадъ для войны съ пруссами. При помощи же поляковъ крестоносцы побѣждаютъ пруссовъ, но затѣмъ обращаютъ оружіе противъ своихъ же покровителей и затѣиваютъ борьбу противъ возрастанія Польши. Этотъ духовный орденъ, орденъ римско-католическаго исповѣданія, мірскимъ орудіемъ стремился если не окончательно уничтожить, то, во всякомъ случаѣ, значительно ослабить Польшу совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи іезуитскій орденъ избилъ ее оружіемъ духовнымъ. Я стремился доказать моимъ соотечественникамъ, какимъ образомъ не только іезуитизмъ, но и католипизмъ вообще препятствовалъ успѣшному развитію польскаго народа и, наконецъ, привелъ его къ полному нравственному, общественному

[1]) K. Szajnocha; «Pierwsze odrodzenie się Polski», стр. 89.

и политическому паденію. Конечно, мнѣ было бы несомнѣнно пріятнѣе смотрѣть на причины нашего упадка съ чисто католической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія моихъ отцовъ; но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посвятивъ себя религіозно-христіанскимъ знаніямъ, я научился различать духъ и истину христіанскую отъ его внѣшней оболочки, отъ его формы и обряда. Когда же результатъ этого изученія, предпринятаго въ покорности духа, съ молитвой въ сердце и на устахъ, говоритъ не въ пользу католицизма, то я не могу вопреки голосу совѣсти присоединиться къ числу защитниковъ этого исповѣданія, которое привело насъ къ безсилію, создавши въ то же время среди насъ такихъ эксцентрическихъ и закоренѣлыхъ, фанатиковъ, какихъ не можетъ долго переносить свободная форма правленія; этотъ фанатизмъ отнюдь не согласается со значеніемъ и святостью долженствующаго пребыватъ въ насъ духа помазанья Божія во Христѣ и съ идеей всеобщаго христіанскаго братства.

„Правду нашего прошлаго нельзя выяснить съ точки зрѣнія католической или іезуитской; эта точка зрѣнія должна быть выше католицизма и іезуитизма, но въ то же времв она отнюдь не должна являться отрицаніемъ всякой религіозности. Чтобы удовлетворить этому требованію, я долженъ искать точки опоры въ чистомъ и безпристрастномъ христіанствѣ. Ибо вмѣстѣ съ развитіемъ христіанскихъ народовъ и религіозныя понятія ихъ должны очищаться и возвышаться; каждый народъ долженъ всесторонне очищаться и стремитьск ко всеобщему счастью и спасенію, которыя ему указываютъ его священники и апастолы Слова Божія, слѣдуя голосу высшаго призванія, словомъ возносящимъ духъ, направляющій жизнь человѣческую на истинный, прямой путь“.

Стремленіе къ единенію съ Римомъ основывается у поляковъ на томъ, что они полагаютъ, что духовенство, находясь въ зависимости отъ Рима, вовсе не подчинено русскому правительству и можетъ становиться въ оппозицію противъ этого правительства, о чемъ болѣе всего заботятся поляки. Они, однако, ошибаются: Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 23 октября 1897 года гласитъ, что епископами могилевской, тельшевской, луцко-житомірской, виленской и сейненской римско-католическихъ епархій назначаются Высочайшею волей Цыртовтъ, Клопотовскій, Любовицкій, Звѣровичъ и Барановскій, что должно убѣдить поляковъ въ томъ, что, какъ эти епископы были назначены правительствомъ, такъ они въ каждое время могутъ быть смѣщены имъ, какъ это было въ первые вѣка христіанства, когда духовная римская власть въ Римѣ зависѣла отъ свѣтской власти въ Константинополѣ [1]).

ГЛАВА XII.

Римъ привелъ поляковъ къ нравственному, матеріальному и соціальному паденію преслѣдуя исключительно свои интересы. Если-бы Польша имѣла духовныхъ пастырей исключительно туземнаго происхожденія, избранныхъ народомъ безъ вмѣшательства Рима, женатыхъ [2]) и нравственныхъ—пастырей, которые заботились бы о благѣ своей страны, а не Рима, тогда, довѣривъ судьбу свою покровительству старшей и болѣе сильной сестрѣ своей—Россіи, она стала бы возрастать, благосостояніе ея увеличилось бы, какъ это было послѣ вѣнскаго конгресса, и заняла бы положеніе наряду съ другими народно-

[1]) Въ Хроникѣ папъ (Liber pontificalis), приписываемой Анастасію Библіотекарю, значится, что свѣтскій авторитетъ Константинополя считался закономъ для папскаго Рима. Св. М. Орловъ Liber Pontificalis. С.-Пет. 1898, стр. 170.

[2]) Папа Бонифацій I до того враждебно относился къ совершенію таинства безбрачнымъ духовенствомъ, что запретилъ монашествующимъ даже прикасаться къ священнымъ предметамъ bid,, стр. 169.

стями. Назначеніе въ Европѣ епископовъ помимо папской власти не явится новостью. Еще Людовикъ XIV, король французскій, вступилъ въ споръ съ Иннокентіемъ XI по слѣдующему поводу: Людовикъ, по примѣру нѣмецкихъ императоровъ, имѣющихъ право назначенія епископовъ и выбора папы, потребовалъ права назначенія французскихъ епископовъ; Иннокентій XI не признавалъ епископовъ, назначенныхъ королемъ. Людовикъ созвалъ въ 1682 году духовенство, которое утвердило слѣдующія четыре положенія, названныя галликанскими: 1) папа не имѣетъ власти надъ монархами въ земныхъ дѣлахъ, 2) соборъ—выше папы, 3) власть папы опредѣлена каноническимъ правомъ, 4) папскія рѣшенія должны быть санкціонированы одобреніемъ всей церкви. Иннокентій, видя, что французы не обращаютъ на него вниманія, помирился съ Людовикомъ и призналъ за нимъ право назначенія епископовъ.

Пій VI въ 1797 году заключилъ съ Наполеономъ Бонапарте миръ въ Толентино, на основаніи котораго потерялъ большую часть своихъ владѣній и старинныхъ римскихъ памятниковъ. Папа выплатилъ Бонапарте 30 милліоновъ франковъ; отсылая эти деньги въ Парижъ, будущій императоръ писалъ, что *Римъ, какъ изъѣденный червями организмъ, вскорѣ падетъ окончательно.* Подъ предлогомъ того, что въ Римѣ по приказанію папы былъ убитъ французскій генералъ Дюфо, французское правительство поручило Бонапарте арестовать папу, причемъ въ приказаніи этомъ говорилось: „*Вы пошатнете тіару воображаемой главѣ вселенской церкви*". Коммиссаръ Директоріи Голле, исполняя это порученіе, снялъ съ пальцевъ Пія два перстня и предложилъ ему удалиться изъ Рима; когда же папа отговаривался болѣзнью, то сказалъ ему: *ты вездѣ можешь умереть*"; въ ночь на 20 февраля папа былъ вывезенъ. Директорія заняла остальную часть Папской области и провозгласила ее республикой; Пій VI былъ отправленъ въ Валенсію гдѣ и умеръ 29 августа 1799 года. Викарію слѣдственнаго управленія (инквизиціи) Бонапарте въ 1797 году сказалъ: „Съ настоящаго момента судъ твой не существуетъ; не будутъ долѣе горѣть инквизиціонные костры"; такимъ образомъ Бонапарте уничтожилъ пытки „святой инквизиціи".

Пій VII былъ избранъ въ папы подъ охраной русскихъ войскъ 14 марта 1800 года.

По восшествіи на престолъ Императора Александра I папа прислалъ ему письмо отъ 27 апрѣля 1801 года изъ котораго считаемъ нужнымъ извлечь слѣдующее мѣсто: „Мы не преминуемъ увѣрить Ваше Императорское Величество, что вполнѣ сознавая благосклонность и дружбу вашего августѣйшаго родителя къ нашей особѣ, весьма живо чувствуемъ его потерю. Но съ тою же искренностью прибавимъ, что наше утѣшеніе и наши надежды находятъ величайшую опору въ добродѣтеляхъ Вашего Императорскаго Величества. Чувствованія, высказанныя Вами передъ взорами своихъ подданныхъ и всей Европы еще прежде восшествія на престолъ Вашихъ предковъ, заранѣе увѣряютъ насъ, что Вы превзойдете своего августѣйшаго родителя въ славѣ своихъ предпріятій, въ покровительствѣ и милости къ католической религіи и къ своимъ подданнымъ католикамъ, въ участіи къ дѣламъ римской церкви и, смѣло прибавимъ, въ расположеніи и дружбѣ къ нашей особѣ". Въ то же время римскій дворъ не преминулъ напомнить русскому правительству объ *обѣщаніи* императора Павла (о каковомъ обѣщаніи никому не извѣстно) способствовать возвращенію легатствъ и другихъ владѣній завоеванныхъ французскою республикою у римскаго двора; предметъ переговоровъ папы относительно его свѣтской власти сводился къ четыремъ главнымъ пунктамъ: возстановленію трехъ легатствъ, вознагражденію за Авиньонъ и графство Венессенъ, выводу французскихъ войскъ и возвращенію государственныхъ имуществъ, отчужденныхъ со времени учрежденія римской республики. „Безъ помощи русскаго двора" писалъ Консальви, „папа ничего не можетъ надѣяться, и даже долженъ опасаться новыхъ потерь".

По поводу этого письма графъ Кассини, жившій въ Римѣ въ качествѣ генеральнаго консула, получилъ отъ Императора рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, было

сказано: „въ политическомъ отношеніи и касательно свѣтской власти папы, я могу только желать, чтобы поддерживалось и укрѣплялось то спокойное состояніе, какимъ онъ наслаждается, и чтобы онъ получилъ награду за тѣ тяжелыя пожертвованія, какія сдѣлалъ римскій престолъ; когда содѣйствіе моихъ услугъ можетъ способствовать утвержденію или улушенію этого положенія, я не откажусь дать ему всѣ доказательства одушевляющаго меня участія къ сохраненію этой власти въ Италіи. Въ духовномъ отношеніи, между нами могутъ существовать сношенія только касательно католическихъ подданныхъ моей имперіи. Мое попеченіе о нихъ доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть, что они чрезъ это будутъ находиться въ ближайшемъ общеніи съ римскою церковью относительно религіи, въ чемъ они не будутъ испытывать ни стѣсненія ни препятствія, какъ скоро будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что было предписано и постановлено моими предшественниками въ пользу свободы этого богослуженія, отправленіе котораго терпимо въ моей имперіи, съ тѣмъ, чтобы они не дозволяли себѣ *никакого захвата въ преимуществахъ господствующей религіи*".

Эти отношенія русскаго Императора къ папѣ склонили Наполеона, имѣвшаго при этомъ въ виду совершить *государственный переворотъ* съ цѣлью объявленія себя императоромъ, искать въ папѣ сообщника, и съ этой цѣлью заключилъ онъ съ нимъ конкордатъ въ 1801 году, въ силу котораго церковныя владѣнія были возстановлены, папѣ была возвращена духовная и свѣтская власть, епископовъ утверждало правительство. Статья 1 этого конкордата гласила, что римско-католическая религія *можетъ свободно существовать во Франціи* наравнѣ съ другими исповѣданіями. За эти уступки римско-католической религіи папа 2-го декабря 1804 года короновалъ Наполеона императорскою короной; но когда впослѣдствіи папа не захотѣлъ отказаться отъ іерархическихъ претензій, императоръ снова двинулъ войско въ Папскую область, и объявилъ даръ Карла Великаго недѣйствительнымъ, вслѣдствіе чего Пій VII проклялъ Наполеона и его совѣтниковъ. Наполеонъ приказалъ схватить папу и заключить его въ Савонѣ, кардиналовъ же разогнать. Два собора, созванные въ Парижѣ въ 1810 и 1811 годахъ, не оказались въ состояніи примирить Наполеона съ Піемъ.

Главною причиной несогласія были 77 статей, называемыхъ органическими, и четыре галликанскія статьи; Наполеонъ требовалъ ихъ утвержденія, Пій не соглашался. Въ 1812 году Пій былъ переведенъ изъ Савоны въ Фонтенбло и послѣ долгихъ переговоровъ отказался отъ свѣтской власти въ пользу Наполеона, принялъ 2 милліона франковъ на содержаніе своего двора, *утвердилъ назначенныхъ Наполеономъ епископовъ и призналъ галликанскія статьи.* При этомъ папа просилъ Наполеона признать его *непогрѣшимость*, но императоръ не согласился на это. Кардиналы Пакко, Пьетро, Габріелли, Литта и Консалви напугали папу пагубными послѣдствіями этого соглашенія, вслѣдствіе чего папа подписалъ отказъ отъ соглашенія съ Наполеономъ и приказалъ вручить его императору. Выведенный изъ терпѣнія Наполеонъ снова арестовалъ папу вмѣстѣ съ кардиналами, заключилъ его въ Фонтенбло и сталъ рѣзко съ нимъ обращаться. Вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ, послѣ разгрома войскъ Наполеона, спасло папу отъ дальнѣйшихъ послѣдствій столкновенія съ императоромъ. По требованію Александра Благословеннаго, Наполеонъ 23 января 1814 года освободилъ Пія VII изъ заключенія.

Прежде всего, послѣ своего освобожденія изъ французскаго плѣна, Пій VII поспѣшилъ возстановить орденъ іезуитовъ буллой „Sollicitudo omnium", затѣмъ онъ проклялъ библейское общество, причемъ вновь *запретилъ читать библію.* Іезуиты, которые по уничтоженіи ордена Климентомъ XIV отчасти продолжали негласное свое существованіе, отчасти нашли убѣжище въ орденѣ лигоріанцевъ и редемптористовъ, быстро распространились по всѣмъ странамъ; хотя они и были изгнаны изъ нѣкоторыхъ государствъ, однако послѣ реставраціи 1850 года они снова усилились и съ тѣхъ поръ

неутомимо стремятся къ усиленію римской власти и къ совращенію иновѣрцевъ, словомъ, къ возстановленію средневѣкового папства.

Во Франціи, гдѣ негодованіе противъ іезуитовъ достигло крайняго предѣла создалась цѣлая антиіезуитская литературатура. Приводимъ здѣсь отрывки изъ интересной брошюры, появившейся въ Парижѣ подъ заглавіемъ:

„Esprit du siecle matiere de religion", par un Franc-Picard. Paris, 1883.

„Это сочиненіе,—говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ,—представляетъ яркую картину того, на что способна іезуитская настойчивость. Приводитъ оно всевозможныя интриги и подлости римско-католическаго духовенства, описываетъ возмутительныя оргіи, безобразія и преступленія многихъ папъ и прелатовъ, опозорившихъ человѣчество. Это сочиненіе было сперва конфисковано, а затѣмъ помѣщено въ индексѣ [1])...

„Въ минуту, когда цѣлая орда монаховъ нагрянула со всѣхъ сторонъ, днемъ и ночью всѣми силами работая надъ низверженіемъ конституціонныхъ правительствъ, я надѣюсь, что мои соотечественники съ интересомъ отнесутся къ этой картинѣ, возстановляющей съ осязательною точностью возмутительнѣйшія насилія ультрамонтанскаго клерикализма.

„Намъ хотѣлось бы, чтобы эта картина находилась во всѣхъ рукахъ, чтобы она нашла мѣсто въ каждомъ домѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, ибо во всѣхъ классахъ общества, въ хижинѣ бѣдняка, какъ и въ гостинной богача, іезуиты стремятся обмануть простодушныхъ и легковѣрныхъ людей и завербовать ихъ подъ свои позорныя знамена. Мнѣ кажется, что охраненіе нашей молодежи отъ пропаганды этихъ безстыдныхъ обманщиковъ и указаніе ей безнравственныхъ принциповъ этихъ чудовищъ, порожденныхъ деспотической теократіей,—заслуга передъ отечествомъ.

„Пусть молодость, соблазняемая къ совращенію въ іезуитизмъ, безъ размышленія увлекающаяся ложью этихъ обманщиковъ,—пусть эта молодежь знаетъ, чему она подвергаетъ себя, и пусть она не забываетъ, что жизнь каторжника достойна меньшаго презрѣнія, чѣмъ жизнь іезуита! Пусть эта молодежь запечатлѣетъ въ своей памяти, что преступленія, насилія и убійства, совершенныя іезуитами, неисчислимы, что цѣлыя столѣтія не въ состояніи были бы искупить ихъ. Пусть молодежь помнитъ также о той массѣ сочиненій, которыя изданы и распространяются обществомъ Лойолы съ цѣлью разрушить узы, связывающія общество, съ цѣлью уничтоженія чувства чести и человѣчности въ людяхъ и ниспроверженія основъ истинной религіи путемъ замѣны ихъ тысячами предразсудковъ и вредныхъ принциповъ, покровительствующихъ лжи, кражѣ, неправосудію, убійству, цареубійству, отцеубійству и вообще всѣмъ страстямъ и всѣмъ преступленіямъ.

„А если какая-либо богобоязненная душа пожелала бы опровергнуть мои заявленія, то я отвѣтилъ бы ей: вспомните про ужасные приговоры римскаго двора противъ такихъ доблестныхъ и достойныхъ гражданъ, какъ Іоаннъ Гуссъ и Іеронимъ Пражскій, которые были брошены въ тюрьму, заключены въ оковы, затѣмъ послѣ всевозможныхъ пытокъ сожжены на кострахъ. Надо-ли, вдобавокъ, перечислять всѣхъ тѣхъ, которые въ наши почти времена были сожжены въ Ліонѣ на площади Терро?..

„Надо-ли имъ напомнить про молодую и добродѣтельную протестантку, дѣвицу де-Линьонъ, которую повезли на сожженіе вмѣстѣ со многими другими?

„Надо-ли напоминать о томъ, какимъ преслѣдованіямъ подвергались просвѣщенные писатели, отъ которыхъ хотѣли освободиться іезуиты? Ихъ сперва обвиняли въ ереси, потомъ, заковавъ въ кандалы, бросали въ подземелье, и если они недостаточно скоро умирали тамъ отъ страданій и изнуренія, то съ ними кончали на кострѣ!

---

[1]) Издаваемый со времени Александра Борджіа списокъ запрещенныхъ къ чтенію римско-католиками книгъ.

„Надо-ли, наконецъ, напоминать имъ о томъ, что площадь Эстрападъ въ Парижѣ была въ царствованіе Франциска I сплошь покрыта невинными жертвами, приговоренными къ сожженію на кострахъ.

„А хотите ли знать процедуру этой казни? Приговоренныхъ вѣшали на длинныхъ шестахъ, которые то подымали надъ пламенемъ, то опускали къ нему, чтобы возможно долѣе продолжить муки несчастныхъ.

„Несчастныхъ жертвъ бросали въ огонь лишь тогда, когда онѣ были уже на половину изжарены, когда ихъ тѣло, залитое запекшеюся кровью, выжженные глаза, обуглившееся лицо—лишали ихъ образа человѣческаго!

„Помните читатель, что это не сказка изъ тысячи и одной ночи, а вполнѣ достовѣрные историческіе факты.

„Я былъ бы счастливъ, если бы въ теченіе одного только года каждое утро въ нашихъ общественныхъ мѣстахъ раздавались слова: „Сегодня годовщина одного изъ событій эпохи религіозныхъ войнъ; годовщина дня, когда двадцать пять мѣстечекъ и деревень съ ихъ жителями и всѣмъ ихъ достояніемъ были обращены въ пепелъ“, „Сегодня—годовщина дня, когда *святой отецъ*, папа Иннокентій III со своими кардиналами и прелатами приказали перерѣзать 20.000 альбигенцевъ, не согласившихся падать передъ ними на колѣни!“ „Сегодня—годовщина убіенія доблестнаго адмирала Колиньи и пяти слишкомъ тысячъ парижанъ, убитыхъ по наущенію и при участіи римскаго клира!..“ „Сегодня—годовщина дня, въ которомъ такой-то кардиналъ и такой-то архіепископъ въ церкви передъ изображеніемъ Іисуса Христа велѣли заколоть братьевъ Медичи!“ „При такомъ и такомъ-то папѣ умерщвлено полтораста тысячъ ирландцевъ и милліоны индѣйцевъ, перебитыхъ, какъ звѣри, по приказанію миссіонеровъ и монаховъ!“ Людовики XII—XVI и многіе другіе короли обязаны всѣми неудачами и несчастіями своихъ царствованій кровавой политикѣ духовенства. Этой же кровавой политикѣ обязана Франція ужасами лиги, отмѣной нантскаго эдикта, драгонадой, рѣзней въ Севеннахъ, въ Водуа, варѳоломеевскою ночью и т. д.

„14-го мая 1610 года лучшій изъ королей, Генрихъ IV, палъ подъ кинжаломъ убійцы за то, что не согласился подчиниться власти духовенства.

„Эти воспоминанія, достаточно часто повторявшіяся,—говоритъ Вольтеръ,—могутъ быть весьма полезными.

„Къ счастью, въ глубинѣ души каждаго человѣка хранится врожденное ему чувство добра, и это-то сознаніе возмутится и вознегодуетъ при видѣ тѣхъ ужасныхъ преступленій, которыя совершали іезуиты и католическій клиръ.

„Тогда и моя цѣль будетъ достигнута.

„Преступленія іезуитовъ и католическаго духовенства вообще достаточно доказаны. Какъ же устыдиться должны они,—если они способны стыдиться чего-либо—когда передъ ихъ глазами предстанетъ точно воспроизведенный образъ ихъ. Но, увы!—ослѣпленіе сторонниковъ ихъ въ настоящее время еще такъ сильно, что мнѣ живо слышатся тысячи голосовъ ханжей и девотокъ, обвиняющихъ меня въ желаніи осмѣять религію и несправедливо очернить ея служителей.

„Вы ошибаетесь, бѣдные люди: я далекъ отъ подкапыванія подъ *спасительныя основы религіи*, напротивъ,—я всѣми силами стремлюсь къ возможно большему ихъ усиленію. Я борюсь лишь противъ того, противъ чего долженъ бороться каждый гражданинъ, т. е. противъ безсмысленныхъ выдумокъ, порожденныхъ суевѣріемъ и фанатизмомъ. Я утверждаю лишь то, что инокриты и обманщики, подъ предлогомъ руководительства нашею совѣстью во имя Божіе, распространяютъ мракъ, совращаютъ и развращаютъ умы.

„Наконецъ, я настойчиво добиваюсь исправленія нравовъ и перемѣны въ сердцахъ и поступкахъ нашихъ іезуитовъ и бритыхъ священниковъ.

„Я настаиваю на томъ, что сочиненія, направленныя къ разоблаченію религіоз-

ныхъ несообразностей,—какъ источника столькихъ насилій, несогласій, несчастій и преступленій, должны пользоваться возможно большимъ вниманіемъ и распространеніемъ. Подобныя сочиненія являются истиннымъ благодѣяніемъ для всѣхъ народовъ, ибо именно предразсудокъ и фанатизмъ являлись всегда величайшимъ несчастіемъ для человѣчества. Разсѣивая же обманчивыя химеры, обнаруживая злоупотребленія, внушая умамъ правильныя здравыя понятія, мы даемъ народу возможность познанія и оцѣнки принциповъ, ведущихъ къ добродѣтели и счастью. Поэтому для общаго блага и для того, чтобы подъ маской религіи злой человѣкъ не преслѣдовалъ и не угнеталъ хорошаго, нужны люди, которые, хотя бы и рискуя своею личностью, обнаруживали все то, что противно здравому смыслу и правдѣ.

„Тѣ же, кто судитъ обо всемъ согласно указаніямъ и совѣтамъ своихъ духовниковъ и ничего не знаютъ о тѣхъ преступленіяхъ, которыми католическіе священники оскверняли христіанскій міръ, кто никогда не слышалъ о кровавыхъ крестовыхъ походахъ и тѣхъ, убійственныхъ религіозныхъ войнахъ, которыя вызывали папы во всѣхъ странахъ Европы,—кто не догадывается, сколько жертвъ поглотила *святая инквизиція*, стремившаяся пытками, самыми ужасными, принудить людей къ безпрекословному повиновенію папѣ,—тѣ, наконецъ, кто не знаетъ, что долгое время Европа представляла изъ себя эшафотъ, окруженный палачами, изъ духовнаго званія—пусть всѣ эти люди, усматривая въ моемъ описаніи преувеличенія и измышленія, знаютъ, что я писалъ эту книгу не для упрямыхъ глупцовъ, неспособныхъ понять и усвоить правду.

„Я знаю, что мнѣ слѣдуетъ всего опасаться со стороны цѣлой іезуитской клики и ея конгрегацій за мое рвеніе въ пользу общаго блага. Но пусть они знаютъ, что, движимый горячею любовью къ своему отечеству, я не страшусь ни ихъ проклятій, ни ихъ угрозъ, ни даже тайныхъ кинжаловъ и набожныхъ сбировъ папскаго трона, и что ничто не заставитъ меня сойти съ намѣченнаго мной пути, каковымъ является правда и справедливость. Пусть моя кровь обагритъ моихъ палачей; я, сходя въ могилу въ молодые годы, утѣшалъ бы себя мыслью, что гибну, защищая правду и благо своихъ соотечественниковъ.

„Я могу настаивать, не опасаясь ни съ чьей стороны опроверженія,—что здѣсь я изображаю достовѣрные факты. Не принадлежа ни къ какой партіи, не будучи зависимымъ ни отъ кого, кто могъ бы распоряжаться моей судьбой, я руководствуюсь исключительно любовью къ правдѣ и справедливости.

„Самое горячее мое желаніе—разрушить преступныя злоумышленія римско-католическаго духовенства и предать вѣчному позору этихъ низкихъ адептовъ Лойолы, этихъ развратителей королей, убійцъ народовъ, эту шайку разбойниковъ, мечтающихъ лишь объ ограбленіи и угнетеніи человѣчества. Но для этого необходимо, чтобы образъ дѣйствія римскаго духовенства былъ постоянно передъ глазами всѣхъ“.

Мы ограничиваемся вышеприведеннымъ вступленіемъ брошюры „Свободнаго Пикардійца“. Содержаніе же этой книжки въ значительной части тождественно съ тѣмъ, что читатели нашли въ предыдущихъ главахъ, гдѣ мы, на основаніи различныхъ источниковъ, изложили исторію преступленій римской куріи; отчасти же удерживаетъ насъ отъ приведенія нѣкоторыхъ выдержекъ изъ этой брошюры откровенность (хотя и правдивая) ихъ изложенія.

Независимо отъ подобныхъ вышеприведенному академическихъ протестовъ противъ безобразій римскаго духовенства, во Франціи наблюдаются случаи и уголовнаго преслѣдованія представителей латинскаго духовенства за совершенныя имъ преступленія. Между прочимъ, въ варшавскихъ польскихъ газетахъ сообщалось въ 1895 году, что въ Лавалѣ на дняхъ гильотинированъ аббатъ Брюно и что это первый случай казни духовнаго лица за убійство.

„Аббатъ убилъ въ прошломъ году своего предмѣстника и начальника аббата Фрико

Убійство было совершено слѣдующимъ образомъ. Сперва убійца пытался задушить свою жертву руками; но, когда это ему не удалось, то потащилъ Фрико къ колодцу, бросилъ его туда и добилъ камнями. Кромѣ того, Брюно былъ обвиненъ въ убійствѣ и ограбленіи исповѣдовавшейся у него цвѣточницы. Мотивомъ обоихъ преступленій, совершенныхъ этимъ слугой римской церкви, была ненасытная алчность. Уже въ дѣтствѣ Брюно слылъ негодяемъ. Общественное мнѣніе приписываетъ Брюно нѣсколько кражъ и поджоговъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ Лавалѣ. Покойный Фрико, какъ утверждаютъ, зналъ обо всѣхъ совершенныхъ его помощникомъ злодѣяніяхъ; самъ онъ уже нѣсколько разъ являлся жертвой корысолюбія Брюно. Судебное слѣдствіе обнаружило, что Брюно убилъ Фрико съ цѣлью устранить опаснаго свидѣтеля его преступной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться его капиталами".

Иностранныя газеты изъ которыхъ почерпнули это сообщеніе польскія газеты, ошиблись утверждая, что это „первый случай казни духовнаго лица за убійство". Въ Римѣ, Испаніи, Австріи и Польшѣ преступленія латинскаго духовенства были терпимы и скрываемы—это вѣрно, но во Франціи—не всегда. Такъ въ 1828 году въ Нимѣ былъ казненъ Дюга, настоятель изъ Сенъ-Марціаля, за изнасилованіе дѣвушки и дѣтоубійство. Въ 1822 году судомъ присяжныхъ въ Изерѣ былъ приговоренъ къ гильотинѣ Менгра, настоятель въ Сенъ-Кэнтенѣ, за изнасилованіе и убійство [1]).

Если бы въ Россіи существовала смертная казнь за подобныя преступленія и если бы надъ преступниками изъ римскаго духовенства была совершена подобная казнь, то поляки тотчасъ подняли бы крикъ о преслѣдованіи „католической религіи", газеты же, которыя сообщили бы о преступленіи, за которое казненъ преступникъ-ксендзъ, были бы прокляты за „распространеніе ненависти къ католической церкви"; это основывается на томъ, что поляки не умѣютъ и не хотятъ отличить и отдѣлить вѣры и религіи отъ дѣятельности ксендзовъ и Рима. Папа для нихъ это Богъ, а ксендзы ангелы. Ксендза Бѣлякевича осужденнаго у насъ за насилія и истязанія въ подземеліяхъ Ковенскаго костела поляки считаютъ мученикомъ за вѣру—и съ яростью отзываются о русскихъ властяхъ „преслѣдующихъ ихъ вѣру".

Пій IX вступилъ на папскій престолъ въ 1840 году, и начало его правленія отличалось болѣе либеральнымъ направленіемъ и поддерживало надежду на объединеніе Италіи; однако восклицанія народа: „Evviva Pio nono!" завершились бѣгствомъ папы и провозглашеніемъ Римской республики въ 1849 году. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года папа возвратился подъ охраной французскаго отряда. Послѣ образованія Итальянскаго королевства у папы остался только Римъ и Кампанія (1860 г.). Затѣмъ папа созвалъ вселенскій (?) Ватиканскій соборъ, на которомъ установлены были догматы: *непогрешимости* папы въ дѣлахъ вѣры и *непорочнаго зачатія* Дѣвы Маріи, объявленные до того папскою энцикликой. Это новое извращеніе ученія Христова и основъ христіанской вѣры до такой степени возмутило народъ французскій и итальянскій, что Викторъ Эммануилъ велѣлъ своимъ войскамъ занять Римъ, лишая папу остатковъ его свѣтской власти. Такова была судьба папы Пія IX; его преемникъ съ 1878 года—Левъ XIII, считая себя и по настоящее время ватикаским узникомъ, не признаетъ совершившихся фактовъ и упорствуетъ въ своемъ: *non possumus*. Въ какой стэпени бурное было засѣданіе Ватиканскаго собора, состоявшаго изъ самихъ католиковъ доказываетъ рѣчь австрійскаго епископа Штроссмайера, приводимая нами полностью: [2]).

„Достопочтенные отцы и братья! Не безъ трепета, впрочемъ съ чистою и спокойною совѣстію предъ живымъ, всевидящимъ Богомъ, я открываю мои уста среди васъ, въ этомъ торжественномъ собраніи.

---

[1]) „Bezżeństwo duchownych", Варш. 1897, стр. 12—13.

[2]) Извлечено изъ сочиненія, изданнаго во Флоренціи, подъ заглавіемъ: *Папа и Евангеліе.*

„Съ самаго начала, какъ я получилъ право засѣдать съ вами, я внимательно слѣдилъ за рѣчами, произносимыми въ этомъ собраніи, молясь и надѣясь, что со временемъ и на меня сойдетъ свыше лучъ божественнаго свѣта, просвѣтитъ очи моего разумѣнія и позволитъ мнѣ согласиться съ опредѣленіями вселенскаго собора, при полномъ уясненіи дѣла. Проникнутый чувствомъ отвѣтственности, которую долженъ буду дать Богу, я принялся [1]) за изученіе Ветхаго и Новаго Завѣта съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ; я искалъ въ этой неоцѣненной сокровищницѣ истины отвѣта на вопросъ: дѣйствительно ли первосвященникъ Рима есть преемникъ св. Петра, намѣстникъ Іисуса Христа и непогрѣшимый учитель Церкви?

„Для рѣшенія этого важнаго вопроса, я былъ принужденъ игнорировать настоящее состояніе вещей и, съ свѣточемъ евангельскимъ въ рукѣ, перенестись къ тѣмъ днямъ, когда не было ни ультрамонтанства, ни галликанизма, и когда учителями Церкви были св. Павелъ, св. Петръ, св. Іаковъ и св. Іоаннъ,—такими учителями, которымъ никто не можетъ отказать въ божественномъ авторитетѣ, не подвергая сомнѣнію того, чему учитъ находящаяся предо мною Библія, и что тридентскій соборъ назвалъ *правиломъ вѣры и нравственности*.

„Итакъ, я открылъ эти священныя страницы. Что же? Какъ осмѣлюсь выразить?—Я не нашелъ въ нихъ ничего, что подтверждало бы мнѣнія ультрамонтановъ. И еще болѣе, къ моему величайшему изумленію, при обозрѣніи этихъ апостольскихъ дней, я не нашелъ ни малѣйшаго намека на папу, какъ преемника св. Петра и намѣстника Іисуса Христа,—точно такъ же, какъ не нашелъ никакого намека на Магомета, который въ то время не существовалъ... Я не нашелъ ни одной главы, ни однаго стиха, въ которыхъ Іисусъ Христосъ давалъ бы св. Петру первенство надъ апостолами, его сотрудниками.

„Если Симонъ, сынъ Іонинъ, былъ тѣмъ, чѣмъ въ настоящее время есть его святѣйшество Пій IX, то удивительно, какъ Господь не сказалъ ему: «когда Я взойду къ Отцу Моему, то всѣ апостолы должны будутъ повиноваться тебѣ, какъ повинуются Мнѣ. Я ставлю тебя Моимъ намѣстникомъ на землѣ!» И не только Христосъ Іисусъ не сказалъ ничего подобнаго, но даже, когда обѣщалъ престолы своимъ апостоламъ, дабы судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, онъ обѣщалъ имъ всѣмъ одинаково, не упоминая что между престолами—престолъ, принадлежащій св. Петру, будетъ выше, чѣмъ прочіе. По всей вѣроятности, если бы это было благоугодно Ему, Онъ такъ и сказалъ бы. Что же мы должны заключать изъ этого молчанія? Въ силу логичности—то, что Христосъ не желалъ сдѣлать Петра главою апостоловъ.

„Когда Христосъ посылалъ апостоловъ на евангельскую проповѣдь, Онъ всѣмъ имъ далъ одинаковую власть вязать и рѣшить и всѣмъ обѣтовалъ Святаго Духа. Позвольте мнѣ повторить: если бы Онъ благоволилъ поставить Петра своимъ намѣстникомъ, Онъ вручилъ бы ему главное начальство надъ своимъ духовнымъ воинствомъ.

Христосъ, какъ говоритъ свящ. Писаніе, запретилъ Петру и прочимъ апостоламъ господствовать и стремиться къ господству или имѣть власть надъ вѣрующими, подобно царямъ языческимъ (Лук. 22, 15). Если бы св. Петръ былъ избранъ папою, то Господь Іисусъ не сказалъ бы такъ, потому что, по нашему преданію, папство держитъ въ своихъ рукахъ два меча—символы духовной и свѣтской власти.

„Одно чрезвычайно изумило меня. Раздумывая объ этомъ, я сказалъ самъ себѣ: если бы апостолъ Петръ былъ папою, то ужели могло быть дозволено прочимъ апостоламъ послать его вмѣстѣ съ Іоанномъ, въ Самарію, для проповѣдыванія евангелія Сына Божія? (Дѣян. 8, 34). Что подумали бы вы, достопочтенные братья, если бы въ эту минуту намъ было дозволено послать его святѣйшество, Пія IX, къ патріарху константинопольскому, съ просьбою положить конецъ восточной схизмѣ?

[1]) Назидательная откровенность, что епископъ принялся изучать Священное Писаніе лишь во время засѣданія Собора. (Примѣчаніе автора).

„Но здѣсь есть еще другой, болѣе важный фактъ. Въ Іерусалимѣ собирается вселенскій соборъ для рѣшенія вопроса, разъединяющаго вѣрныхъ. Кто созвалъ бы этотъ соборъ, если бы св. Петръ былъ папою? Конечно, св. Петръ. Кто предсѣдательствовалъ бы на немъ? Св. Петръ или его легаты. Кто составлялъ бы и обнародывалъ опредѣленія собора? Св. Петръ. А между тѣмъ, ничего этого не было. Апостолъ присутствовалъ на соборѣ, какъ и другіе; и опять не онъ созвалъ соборъ, а св. Іаковъ; и когда были обнародованы опредѣленія, то они были обнародованы отъ лица апостоловъ, старѣйшинъ и братьевъ (Дѣян. 8, 14).

„Такъ ли поступаемъ мы въ нашей Церкви? Чѣмъ болѣе я изслѣдываю свящ. Писаніе, достопочтенные братья, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что въ свящ. Писаніи сынъ Іонинъ не представляется первымъ. Тогда, какъ мы учимъ, что Церковь основана на св. Петрѣ,—св. Павелъ, въ авторитетѣ котораго нельзя сомнѣваться, говоритъ, что она *наздана на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Христу.* И тотъ же самый апостолъ такъ мало вѣруетъ въ главенство св. Петра, что открыто порицаетъ тѣхъ, которые говорятъ: *мы Павловы, мы Аполлосовы*, равно какъ и тѣхъ, которые скажутъ: *мы Петровы* (1 Кор. 1, 12). Значитъ, если бы этотъ послѣдній апостолъ былъ намѣстникомъ Господа Іисуса Христа, то св. Павелъ не рѣшился бы такъ сильно порицать тѣхъ, которые принадлежали къ его приверженцамъ.

„Тотъ же самый апостолъ, перечисляя служенія въ Церкви, упоминаетъ объ апостолахъ, пророкахъ, евангелистахъ, учителяхъ и пастыряхъ, — неужели жъ можно думать, чтобы св. Павелъ, великій апостолъ языковъ, забылъ упомянуть о первомъ изъ этихъ служеній, о *папствѣ*, если бы папство было божественнымъ установленіемъ? Такая забывчивость представляется столь же невозможною, какъ если бы историкъ настоящаго собора не упомянулъ ни однимъ словомъ объ его святѣйшествѣ Піи IX.

(Нѣсколько голосовъ: *замолчи, еретикъ, замолчи!*).

„Погодите, достопочтенные братья, я еще не кончилъ. Воспрещая мнѣ продолжать вы передъ цѣлымъ свѣтомъ дѣлаете несправедливость и заграждаете уста малѣйшаго члена этого собранія. Я продолжаю:

„Апостолъ Павелъ ни въ одномъ изъ своихъ посланій къ различнымъ Церквямъ не упоминаетъ о первенствѣ Петра. Если бы это первенство существовало, словомъ, если бы Церковь имѣла въ своемъ обществѣ верховнаго главу, непогрѣшимаго въ ученіи, то неужели великій апостолъ языковъ забылъ бы упомянуть объ этомъ? Впрочемъ, что я говорю? Онъ, по всей вѣроятности, написалъ бы длинное посланіе о столь важномъ вопросѣ. Когда воздвигается зданіе Церкви, развѣ можно забыть основаніе и фундаментъ для него? Если нельзя сказать, да и никто изъ насъ и не желаетъ и не посмѣетъ утверждать, что апостольская Церковь была еретическою, то мы должны сознаться, что Церковь никогда не была прекраснѣе, чище, святѣе, какъ во времена апостольскія, когда не было папъ.

(Крики: *неправда! неправда!*).

„Если кто изъ васъ, достопочтенные братья, дерзнетъ думать, что Церковь, имѣющая въ настоящее время своимъ главою папу, тверже въ вѣрѣ и чище въ нравственности, чѣмъ Церковь апостольская, тотъ пусть скажетъ это открыто передъ лицомъ всего свѣта! Настоящее собраніе служитъ центромъ, изъ котораго наши слова разлетаются отъ полюса до полюса... Продолжаю.

„Я не нашелъ ни малѣйшаго слѣда или намека на папскую власть ни въ одномъ изъ посланій св. Павла, св. Іоанна и св. Іакова. Св. Лука, историкъ миссіонерскихъ подвиговъ апостоловъ, также молчитъ касательно этого важнѣйшаго вопроса. Молчаніе этихъ святыхъ мужей, которыхъ посланія составляютъ часть канона богодухновеннаго Писанія, всегда представлялось мнѣ сомнительнымъ и невозможнымъ, если бы Петръ былъ папою, и также неизвинительнымъ, какъ если бы Тьеръ, описывая исторію Наполеона Бонапарта, забылъ назвать его императоромъ.

„Я вижу передъ собою одного изъ членовъ собранія, который, указывая на меня пальцемъ, говоритъ: „вотъ епископъ схизматикъ, который пришелъ къ намъ въ овчей одеждѣ!“ Нѣтъ, достопочтенные братья, я не вошелъ въ это торжественное собраніе какъ воръ, окномъ, а дверью, какъ и вы всѣ; титло епископа дало мнѣ право на это точно такъ же, какъ моя христіанская совѣсть понуждаетъ меня высказать откровенно то, что я считаю истиною.

„Но что меня особенно изумило, такъ это—молчаніе св. Петра. Если бы Апостолъ былъ тѣмъ, чѣмъ мы называемъ его теперь, то-есть намѣстникомъ Іисуса Христа на землѣ, то онъ, конечно, зналъ бы объ этомъ; а если зналъ, то почему же онъ ни однажды не дѣйствовалъ, какъ папа? Онъ могъ бы дѣйствовать такъ въ день пятидесятницы, когда произнесъ свою первую рѣчь,—и, однакожъ, не дѣйствовалъ; равнымъ образомъ, онъ не выставляетъ себя папою ни въ первомъ, ни во второмъ своемъ посланіи, написанныхъ къ Церквя. Послѣ этого, можете ли вы, достопочтенные братья, представить себѣ св. Петра папою? Впрочемъ, если вы желаете доказывать, что онъ былъ папою, то потрудитесь сначала доказать, что онъ не зналъ объ этомъ фактѣ. А я спрашиваю всякаго разсудительнаго и мыслящаго человѣка: совмѣстимы ли два такихъ предложенія?

„Начнемъ сначала. Я утверждаю: при жизни апостоловъ, Церковь никогда думать не думала, чтобы былъ какой-нибудь папа. Если стать доказывать противное, то придется бросить въ огонь все священное Писаніе, или всецѣло игнорировать его.

„Но я слышу со всѣхъ сторонъ: а развѣ св. Петръ не былъ въ Римѣ? А развѣ не былъ онъ распятъ въ немъ головою внизъ? А развѣ въ этомъ вѣчномъ городѣ не находится каѳедра, съ которой онъ училъ, и алтари, въ которыхъ онъ совершалъ божественную литургію?

„Достопочтенные братья! Что св. Петръ былъ въ Римѣ, это вѣдь основывается только на преданіи; но положимъ, что онъ дѣйствительно былъ епископомъ римскимъ,—слѣдуетъ ли изъ этого заключать о его главенствѣ? Скалигеръ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей, не усомнился сказать, что епископство св. Петра и пребываніе его въ Римѣ должны быть отнесены къ смѣшнымъ легендамъ.

(Страшные крики: *заградите ему уста,—зажмите ему ротъ! Долой съ каѳедры!*

„Достопочтенные братья! Я готовъ замолчать, но не лучше ли въ такомъ собраніи какъ наше, изслѣдовать все по заповѣди апостольской, и вѣрить во все справедливое? Мы имѣемъ такого свидѣтеля, предъ которымъ должны преклониться и безмолвствовать всѣ, не исключая и его святѣйшества. Пія IX. Этотъ свидѣтель—исторія. Она вѣдь не легенда, которую можно составлять въ родѣ того, какъ горшечникъ готовитъ глину для своихъ издѣлій; напротивъ, она подобна алмазу, который вырѣзываетъ на стеклѣ неизгладимыя слова. Если доселѣ, основываясь единственно на ней, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ папства во время апостоловъ, то это не моя вина, а вина исторіи. Желаете ли вы поставить меня въ положеніе лица обвиняемаго во лжи? Сдѣлайте одолженіе, если только можете.

„Я слышу справа слѣдующія слова: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою* (Матѳ. 16, 18). Я сейчасъ готовъ отвѣчать на это возраженіе, мои достопочтенные братья; но прежде позвольте ознакомить васъ съ результатомъ моихъ историческихъ изслѣдованій.

„Не нашедши никакихъ слѣдовъ папства во времена апостольскія, я сказалъ себѣ: найду то, чего ищу, въ лѣтописяхъ Церкви. Да—говорю откровенно, я искалъ папу въ первыя четыре столѣтія, и не нашелъ его. Надѣюсь, никто изъ васъ не сомнѣвается въ великомъ авторитетѣ св. епископа иппонійскаго, великаго и блаженнаго Августина. Этотъ благочестивый учитель, честь и слава католической Церкви, былъ секретаремъ на соборѣ меливійскомъ (Melive). Въ опредѣленіяхъ этого достопочтеннаго собранія

находятся слѣдующія замѣчательныя слова: *кто захочетъ апеллировать къ тѣмъ, которые находятся по ту сторону моря, тотъ нигдѣ не будетъ принятъ въ общеніе въ Африкѣ.* Видите ли, африканскіе епископы признавали римскаго епископа столь незначительнымъ, что даже наказывали отлученіемъ тѣхъ, которые пожелали бы жаловаться ему.—Тѣ же самые епископы, на шестомъ кареагенскомъ соборѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа Аврелія, писали къ Целестину, римскому епископу, предостерегая его, чтобъ онъ не принималъ апелляціи ни отъ американскихъ епископовъ, ни отъ священниковъ, ни отъ клириковъ, чтобъ онъ не присылалъ своихъ легатовъ или уполномоченныхъ, и чтобъ онъ не вводилъ въ Церковь—человѣческую гордость.

„Что римскій патріархъ, съ самыхъ первыхъ временъ, старался сосредоточить въ себѣ всевозможную власть—это неоспоримый фактъ; не неоспоримо и то, что онъ не имѣлъ того главенства, которое приписываютъ ему ультрамонтаны. Если бы онъ владѣлъ имъ, то какимъ образомъ африканскіе епископы, и во главѣ ихъ блаженный Августинъ,—могли осмѣлиться воспретить апелляцію на ихъ опредѣленія верховному его трибуналу?

„Я охотно сознаюсь, что римскій патріархъ занималъ первое мѣсто. Въ одномъ изъ законовъ Юстиніана говорится: *согласно съ опредѣленіемъ четырехъ соборовъ, мы постановляемъ, чтобы св. папа древняго Рима былъ первымъ изъ епископовъ, святѣйшій архіепископъ константинопольскій Новаго Рима, вторымъ.* Ну, такъ склонись же предъ главенствомъ папы, скажете вы мнѣ. Не спѣшите въ своихъ умозаключеніяхъ, достопочтенные братья! Законъ Юстиніана написанъ вовсе не въ пользу защищаемаго вами ученія. Первенство есть одно, а власть юрисдикціи—другое дѣло. Представьте себѣ, напримѣръ, что во Флоренціи составился соборъ всѣхъ епископовъ королевства,—первенство, конечно, было бы отдано примасу Флоренціи, подобно тому, какъ между восточными оно было бы предоставлено патріарху константинопольскому, а въ Англіи—архіепископу кентерберійскому. Но ни тотъ, ни другой, ни третій, по занятому ими положенію, не могутъ разсчитывать на юрисдикцію относительно своихъ собратій. Важность римскихъ епископовъ проистекала не отъ какой-либо божественной силы, а отъ важности того города, въ которомъ находилась ихъ каѳедра. Монсиньоръ Дарбуа не выше, по своему достоинству, архіепископа авиньонскаго; а между тѣмъ Парижъ даетъ ему преимущество, котораго онъ не имѣлъ бы, если-бъ его дворецъ, вмѣсто береговъ Сены, находился на берегахъ Роны. То, что правильно и справедливо въ дѣлахъ религіозныхъ, точно также правильно и справедливо въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ. Флорентійскій префектъ нисколько не выше префекта г. Пизы; но въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ онъ имѣетъ большую важность.

„Я сказалъ, что еще съ первыхъ столѣтій римскій патріархъ стремился къ вселенскому господствованію надъ Церковью. Къ несчастію, онъ почти достигъ этого, но не успѣлъ всецѣло въ своихъ притязаніяхъ, потому что императоръ Θеодосій II-й постановилъ закономъ, дабы константинопольскій патріархъ имѣлъ одинаковую власть съ римскимъ [1]). Отцы халкидонскаго собора поставили епископовъ Новаго и Древняго Рима въ тоже самое положеніе, относительно всѣхъ дѣлъ, даже церковныхъ [2]). Шестой кареагенскій соборъ запретилъ всѣмъ епископамъ принимать на себя титулъ князя епископовъ или верховнаго епископа. Что касается до титула *вселенскаго* епископа, который приняли на себя папы позднѣе, то св. Грагорій I, полагая, что его преемники никогда не подумаютъ украсить имъ себя, написалъ слѣдующее: „да не пожелаетъ никто изъ моихъ преемниковъ принять на себя это нечестивое имя, потому что если какой-либо патріархъ присвоитъ себѣ названіе вселенскаго, то титулъ патріарха не заслуживаетъ довѣрія.

[1]) Theod. cod. de sacr. etc.

[2]) Правил. 28.

Пусть же христіане чуждаются желанія присвоивать себѣ титулъ, поселяющій недовѣріе къ ихъ собратіямъ". Слова св. Григорія были направлены противъ его константинопольскаго собрата, который претендовалъ на первенство въ Церкви. Папа Пелагій II называетъ Іоанна константинопольскаго епископа, который домогался верховнаго священства, *безбожникомъ и нечестивцемъ*. „Не заботьтесь", говорилъ онъ, „о титулѣ вселенскій, который незаконно присвоилъ себѣ Іоаннъ; пусть никто изъ патріарховъ не беретъ на себя этого нечестиваго наименованія. Чего намъ ждать, если въ средѣ священнослужителей являются подобныя стремленія? Надъ нами сбудется то, что было предсказано: *онъ есть князь гордости*" [1]).

„Эти авторитетныя свидѣтельства,—а я могу представить болѣе сотни подобныхъ,—не доказываютъ ли яснѣе солнечнаго свѣта въ полдень, что первые римскіе епископы никогда не были признаваемы *зо вселенскихъ епископовъ и главъ Церкви*? И съ другой стороны, кто не знаетъ, что съ 325 года, въ которомъ былъ собранъ первый никейскій соборъ, до 580 года, въ которомъ былъ созванъ второй константинопольскій вселенскій соборъ, между болѣе чѣмъ 1109 епископами, присутствовавшими на шести первыхъ вселенскихъ соборахъ, западныхъ епископовъ находилось не болѣе 19 человѣкъ? Кто не знаетъ, что эти соборы созывались императорами безъ оповѣщенія, а иногда помимо желанія римскаго епископа?—Быть можетъ, вы скажете, что Осія, епископъ кордовскій, предсѣдательствовалъ на первомъ никейскомъ соборѣ и издалъ постановленія его? Но тотъ же самый Осія впослѣдствіи предсѣдательствовалъ на сардійскомъ соборѣ, на которомъ, впрочемъ, отсутствовалъ легатъ Юлія, епископа римскаго. Но довольно; я перехожу теперь къ сильнѣйшему доказательству, на которое вы сослались предъ симъ, для подтвержденія главенства римскаго епископа.

„Подъ *камнемъ* (petra), на которомъ основана св. Церковь, вы разумѣете Петра (Petrum). Если бъ это было такъ, то и спорить не о чемъ; но наши предки--а они, конечно, что нибудь да знали,—думали не по нашему. Св. Кириллъ, въ своей четвертой книгѣ о Св. Троицѣ, говоритъ такъ: „я думаю, что подъ камнемъ мы должны разумѣть непоколебимую вѣру апостоловъ". Св. Иларій, епископъ пуатьерскій, въ своей второй книгѣ о Св. Троицѣ говоритъ: „камень (petra) есть благословенный и единственный камень вѣры, исповѣданной устами св. Петра"; и въ шестой книгѣ о Троицѣ онъ говоритъ: „на семъ камнѣ исповѣданія вѣры основана Церковь". „Богъ", по словамъ блаженнаго Іеронима (въ шестой книгѣ на евангелиста Матѳея), „основалъ свою Церковь на этомъ камнѣ, и отъ камня апостолъ Петръ получилъ свое названіе". Послѣ него, св. Златоустъ, въ пятьдесятъ третьей бесѣдѣ на евангелиста Матѳея, говоритъ: „на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, то-есть на вѣрѣ исповѣданія. А въ чемъ состоитъ исповѣданіе апостола? Вотъ оно: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго". Св. Амвросій, архіепископъ медіоланскій (въ толкованіи второй главы посланія къ Ефесеямъ), св. Василій селевкійскій и отцы собора халкидонскаго учатъ точно также.

„Изъ всѣхъ учителей христіанской древности св. Августинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по учености и святости; прислушайтесь же къ тому, что онъ пишетъ въ своемъ второмъ трактатѣ на первое посланіе св. Іоанна: „Что означаютъ слова: созижду Церковь Мою на семъ камнѣ? Они означаютъ: на сей вѣрѣ,—на словахъ: „*Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго*". Въ 124-й его бесѣдѣ на св. Іоанна мы находимъ слѣдующее знаменательное выраженіе: „на семъ камени твоего исповѣданія Я создамъ Церковь Мою; камень же былъ Христосъ". Великій епископъ такъ мало вѣрилъ тому, чтобы Церковь была основана на св. Петрѣ, что въ своей тринадцатой бесѣдѣ къ пасомымъ сказалъ слѣдующее: „ты Петръ и на семъ камнѣ (petra) твоего исповѣданія, на семъ камнѣ словъ твоихъ: *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго*, Я создамъ Церковь

---

[1]) Pelag. 2 Lett. 18.

Мою"... Мнѣніе блаженнаго Августина объ этомъ знаменитомъ мѣстѣ было мнѣніемъ всего христіанства въ его время. Посему, для краткости, я высказываю слѣдующія положенія:

„1) Іисусъ Христосъ далъ своимъ апостоламъ ту же самую власть, какую и св. Петру.

„2) Апостолы никогда не признавали въ св. Петрѣ намѣстника Іисуса Христа и непогрѣшимаго учителя Церкви.

„3) Св. Петръ никогда не думалъ быть папою и никогда не дѣйствовалъ, какъ дѣйствуютъ папы.

„4) Соборы четырехъ первыхъ столѣтій, признавая высокое положеніе, занимаемое римскими епископами въ Церкви, ради важности Рима, приписывали ему только первенство чести,—но никогда—первенство власти или юрисдикціи.

„5) Св. отцы, въ извѣстномъ мѣстѣ: *Ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою*, никогда не думали находить тотъ смыслъ, что Церковь основана на Петрѣ (super Petrum), но на камнѣ (super petram), то есть, на исповѣданіи вѣры апостола.

„Я торжественно заключаю, на основаніи данныхъ исторіи, разума, логики, здраваго смысла и христіанской совѣсти, что Іисусъ Христосъ не далъ никакого главенства св. Петру, и что римскіе епископы сдѣлались владыками Церкви не иначе, какъ подавляя постепенно, одинъ за другимъ, всѣ права епископства.

(Крики: *замолчи, безсовѣстный протестантъ! замолчи!*).

„Я не безсовѣстный протестантъ! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Исторія не есть исторія ни католическая, ни англиканская, ни кальвинистическая, ни лютеранская, ни греческая, ни армянская, ни ультрамонтанская. Она есть—то, что есть,—то есть нѣсколько сильнѣе всѣхъ исповѣданій вѣры и каноновъ вселенскихъ соборовъ [1]). Пишите противъ нея, если смѣете! Но вы не можете уничтожить историческихъ фактовъ, точно такъ же, какъ, вынувши изъ Колизея какой-либо камень, не можете ниспровергнуть этимъ колоссальнаго зданія. Если я сказалъ что-либо исторически ложное, докажите мнѣ это на основаніи историческихъ данныхъ, и я, не колеблясь ни на минуту, готовъ честно защищаться; но будьте терпѣливы, и вы увидите, что я сказалъ не все, что желалъ, или долженъ былъ сказать. Если бы мнѣ готовился даже огненный костеръ на площади св. Петра, я не молчалъ бы, а сталъ бы продолжать.

„Монсиньоръ Дюпанлу, въ своихъ извѣстныхъ замѣчаніяхъ по поводу настоящаго ватиканскаго собора, сказалъ, и весьма основательно сказалъ, что если мы признаемъ Пія IX непогрѣшимымъ, то по необходимости, вслѣдствіе весьма естественной логики, должны будемъ признать равно непогрѣшимыми и всѣхъ его предшественниковъ. Но здѣсь исторія возвышаетъ свой авторитетный голосъ и доказываетъ, что нѣкоторые папы сильно погрѣшали. Вы можете протестовать противъ этого, можете отрицать, можете все, что вамъ угодно,—но я докажу это. Папа *Викторъ* (192) сначала одобрилъ монтанизмъ, а потомъ осудилъ его; *Марцеллинъ* (296—303) былъ идолопоклонникомъ: онъ вошелъ въ храмъ Весты и принесъ жертву богинѣ. Вы скажете, что это было дѣломъ слабости, а я скажу: намѣстникъ Іисуса Христа умретъ, а не сдѣлается отступникомъ. *Либерій* (348) согласился на осужденіе Аѳанасія и рѣшился принять аріанство для того только, чтобъ его вызвали изъ ссылки и возвратили ему прежнюю каѳедру. *Гонорій* (725) придерживался монофелитизма. *Григорій* I (579—90) называетъ того антихристомъ, кто беретъ на себя титулъ вселенскаго епископа; а между тѣмъ *Бонифацій* III (607—8) понудилъ отцеубійцу императора Фоку, дать себѣ означенный титулъ. *Пасхалій* II (1088—1099) и *Евгеній* III (1145) одобряли дуэли; а *Юрій* II (1079) и *Пій* IV (1560) воспрещали ихъ. *Евгеній* IV (1431—1439) призналъ базельскій соборъ и возста-

[1]) Здѣсь авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ исповѣданія вѣры и каноны вселенскихъ соборовъ римской Церкви.

новленіе употребленія св. чаши въ Церкви богемской; а *Пій* II (1458) уничтожилъ эту привилегію, *Адріанъ* II (867—872) объявилъ гражданскіе браки дѣйствительными, а *Пій* VII (1800—23) осудилъ ихъ. *Сикстъ* V(1585—1590) обнародовалъ изданіе Библіи, и извѣстною буллой одобрилъ чтеніе ея; а *Пій* VII осудилъ читающихъ ее. *Климентъ* XIV (1700—21) уничтожилъ орденъ іезуитовъ, дозволенный Павломъ III; *Пій* VII возстановилъ его,

„Но къ чему обращаться къ столь отдаленнымъ доказательствамъ? Святѣйшій отецъ нашъ, въ своей буллѣ, заключающей въ себѣ правила для настоящаго собора, не уничтожилъ ли, на случай смерти, во время его засѣданій, то, что въ прошломъ могло противорѣчить ему,—даже рѣшенія своихъ предшественниковъ? Я никогда не кончилъ бы, достопочтенные братья, если бы захотѣлъ предложить вашему вниманію всѣ противорѣчія папъ въ ихъ ученіи. Такимъ образомъ, если вы провозглашаете непогрѣшимость существующаго князя, то вы должны, или доказать невозможное, то есть, что папы никогда не противорѣчили одинъ другому, или заявить, что, по откровенію Святаго Духа, бывшему вамъ, непогрѣшимость папства имѣетъ свое начало только съ 1870 года... Осмѣлитесь ли вы сдѣлать это?

„Простой народъ можетъ относиться безразлично и пропускать безъ вниманія тѣ богословскіе вопросы, которыхъ не понимаетъ и которые считаетъ маловажными; но какъ бы безразлично ни относился онъ къ религіознымъ вопросамъ,—касательно фактовъ онъ держитъ себя иначе. Не обольщайте же себя, Если вы подпишете догматъ папской непогрѣшимости, то наши враги—протестанты тѣмъ смѣлѣе войдутъ въ протестъ, что имѣютъ на своей сторонѣ исторію; тогда какъ мы имѣемъ противъ нихъ только наше собственное отрицаніе. Что мы скажемъ имъ, когда они выставятъ предъ нами всѣхъ римскихъ епископовъ—до его святѣйшества Пія IX? Ахъ, если бы они всѣ были какъ Пій IX, то мы дѣйствительно торжествовали бы,—но увы! это не такъ.

(Крики: *замолчи, замолчи! Довольно, довольно!*).

„Не кричите, моньсиньоры! Бояться исторіи значитъ считать себя побѣжденными. Притомъ, если бы вы могли вылить на нее всю воду Тибра, то и это не изгладило бы въ ней ни малѣйшей страницы. Позвольте мнѣ говорить: я постараюсь быть какъ можно краткимъ на счетъ этого весьма важнаго вопроса.

„Папа *Вигилій* (538) купилъ папство у Велизарія, полководца императора Юстиніана. Конечно, вѣрно и то, что онъ нарушилъ свое обѣщаніе и ничего не заплатилъ за него: но согласно ли съ постановленіями апостольскими покупать тіару? Второй халкидонскій соборъ положительно запретилъ это. Въ одномъ изъ постановленій его мы читаемъ слѣдующее: „епископъ, получающій свой санъ за деньги, да лишится онаго и да отлучится“. Папа *Евгеній* III (1145) подражалъ Вигилію. Св. Бернардъ, блестящая звѣзда своего вѣка, порицалъ папу слѣдующими словами: „можешь ли ты показать мнѣ въ этомъ великомъ городѣ Римѣ какое-либо лицо, признающее тебя за папу, если только оно не было подкуплено золотомъ или серебромъ??“ Достопочтеннѣйшіе братья! Вдохновенъ ли Святымъ Духомъ тотъ папа, который производитъ куплю при вратахъ храма? Имѣетъ ли онъ какое-либо право учить Церковь непогрѣшимо?

„Вы очень хорошо знаете исторію Формоза, чтобы прибавлять къ ней что-либо. Стефанъ IX приказалъ вырыть его тѣло, одѣть въ женскую одежду, персты, которые онъ слагалъ для благословенія, отсѣчь,—и потомъ бросить его въ Тибръ, какъ клятвопреступника и бездѣльника. За это онъ былъ впослѣдствіи заключенъ въ темницу, отравленъ и удавленъ. Но смотрите, какъ потомъ велось это дѣло: Романъ, преемникъ Стефана, и послѣ него Іоаннъ X—возстановили память Формоза.

„Но вы скажете: это басни, а не исторія. Басни?... Ступайте въ ватиканскую библіотеку и прочитайте Платина, историка папства, и лѣтописи Баронія (897). Это такіе факты, которые, для чести папскаго престола, не слѣдовало бы обнародывать, но когда

идетъ дѣло о нововведеніи такого догмата, который можетъ произвести въ нашей средѣ великій расколъ, то неужели любовь къ св. Церкви, католической, апостольской и римской—должна наложить на наши уста молчаніе? Продолжаю. Ученый кардиналъ Бароній, говоря о папскомъ дворѣ, замѣчаетъ (обратите особенное вниманіе на эти слова): „Чѣмъ явилась римская Церковь въ эти дни! Какъ она безславна! Въ Римѣ управляютъ только всесильные придворные. Они-то продаютъ, промѣниваютъ и покупаютъ епископство, и—страшно сказать,—они осмѣливаются возводить на престолъ св. Петра своихъ любимцевъ, лжепапъ (Бароній 922).

„Скажете ли вы, что эти лже-папы не истинные? Положимъ; но въ такомъ случаѣ, если въ продолженіе пятидесяти лѣтъ римскій престолъ былъ занятъ антипапами, то какъ вы сохраните связь епископскаго преемства? Могла ли Церковь, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе полутора столѣтія, существовать безъ главы, и оставаться безъ вождя? Теперь смотрите: большая часть этихъ анти-папъ занимаютъ мѣсто въ генеалогическомъ древѣ папства, и, вѣроятно, тѣ самые, которыхъ описалъ Бароній, потому что даже Дженебрардо, великій льстецъ папства, осмѣлился замѣтить въ своихъ лѣтописяхъ подъ 901 годомъ: „это столѣтіе несчастливо, такъ какъ, почти въ продолженіе 150 лѣтъ, папы не имѣли ни малѣйшихъ добродѣтелей своихъ предшественниковъ, и сдѣлались скорѣе отступниками (apostates), чѣмъ апостолами (apostoles)“. Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ краснѣть знаменитый Бароній, передавая потомству дѣянія этихъ римскихъ епископовъ. Говоря объ Іоаннѣ XI (931), сынѣ папы Сергія и Мароціи, онъ записалъ въ своихъ лѣтописяхъ слѣдующія слова: „святая Церковь, то есть, римская, была дерзко попрана такимъ чудовищемъ“. Іоаннъ XII (956), избранный папою на осьмнадцатомъ году своего возраста, по вліянію придворныхъ, былъ нисколько не лучше своего предшдственника. Мнѣ совѣстно, достопочтенные братья, осквернять вашъ слухъ такими мерзостями. Я умалчиваю объ Александрѣ VI, отцѣ и любовникѣ Лукреціи; я отвращаюсь отъ Іоанна XXII (1316), который отвергалъ безсмертіе души, и былъ низложенъ соборомъ констанскимъ.

„Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что этотъ соборъ былъ только частный; положимъ,—но если вы отвергаете авторитетъ его, то, по законамъ логики, должны признать незаконнымъ и бывшее на немъ избраніе Мартина V (1417). Что сдѣлается тогда съ папскимъ преемствомъ? Можете ли вы отыскать нить его?

„Я не говорю о волненіяхъ и расколахъ, которые безчестили тогда Церковь. Въ эти несчастные дни римскій престолъ былъ занимаемъ двумя, а иногда тремя соперниками. Кто изъ нихъ былъ истинный папа? Повторяю еще разъ: если вы опредѣляете непогрѣшимость настоящаго римскаго епископа, то должны признать непогрѣшимость всѣхъ его предшественниковъ, безъ всякаго исключенія. Но можете ли вы сдѣлать это, когда исторія, съ ясностью солнечнаго свѣта, подтверждаетъ, что папы заблуждались въ своемъ ученіи? Можете ли вы сдѣлать это и доказать, что корыстолюбцы, кровосмѣсители, убійцы, святокупцы—папы были намѣстниками Іисуса Христа? Доказывать подобную чудовищность было бы гораздо хуже, чѣмъ предательство Іисуса Христа Іудою: это значило бы бросать грязью въ Его лицо.

(Крики: *Долой съ каѳедры! Скорѣе заградите уста еретика!*).

„Достопочтеннѣйшіе братья! Вы покрываете воплями мой голосъ; но было бы гораздо достойнѣе васъ взвѣсить мои основанія и мои доказательства въ виду спорнаго вопроса. Повѣрьте мнѣ, исторію нельзя перевернуть по своему; она есть и останется на вѣки самымъ энергическимъ протестомъ противъ догмата папской непогрѣшимости. Вы можете провозгласить этотъ догматъ единодушно, но я никогда не подамъ, за него своего голоса.

Монсиньоры! Истинно вѣрующіе католики обращаютъ къ намъ свои взоры, ожидая отъ насъ хоть какого-нибудь врачевства для излѣченія безчисленныхъ золъ, безчестящихъ

католическую Церковь: ужели вы обманете ихъ надежды? Какова будетъ наша отвѣтственность предъ Богомъ, если мы оставимъ безъ всякаго вниманія этотъ торжественный случай, посланный намъ Богомъ для уврачеванія истинной вѣры?

„Воспользуемся имъ, мои братья; вооружимся святою ревностью; сдѣлаемъ сильное и благородное усиліе; возвратимся къ ученію апостольскому, потому что безъ него мы имѣемъ одни только заблужденія, тьму и ложныя преданія. Воспользуемся нашимъ разумомъ и умственными силами для того, чтобы признавать единственно непогрѣшимыми учителями въ дѣлѣ нашего спасенія апостоловъ и пророковъ. Твердые и непоколебимые на камнѣ богодухновеннаго священнаго Писанія, мы съ полною вѣрою пойдемъ предъ лицомъ міра, и, подобно апостолу Павлу, въ присутствіи вольнодумцевъ, *мы будемъ знать единаго Іисуса Христа, и сего распята.* Мы одержимъ побѣду проповѣдію *безумія креста,* какъ Павелъ побѣдилъ ученыхъ людей Греціи и Рима, и римская Церковь будетъ имѣть свой славный 89 годъ.

(Бурные крики: *долой! Вонъ протестанта! Вонъ кальвиниста! Вонъ предателя Церкви!*)

„Ваши крики, монсиньоры, не пугаютъ меня. Если мои слова горячи, то умъ холоденъ. Я ни Лютеровъ, ни Кальвиновъ, ни Павловъ, ни Аполлосовъ, а Христовъ.

Новые крики: *анаѳема, анаѳема отступнику!*)

„Анаѳема, монсиньоры, анаѳема! Вы хорошо знаете, что протестуете не противъ святыхъ апостоловъ, подъ кровомъ которыхъ находится св. Церковь. Ахъ, если бы, покрытые саванами, они могли выйти изъ своихъ гробницъ, ужели они сказали бы что-либо иное, несогласное съ моею рѣчью? Что сказали бы вы имъ, когда бъ они своими писаніями доказали вамъ, что папство уклонилось отъ Евангелія Сына Божія, возвѣщеннаго ими и такъ самоотверженно запечатлѣннаго ихъ кровію? Неужели вы осмѣлились бы сказать имъ: мы предпочитаемъ вашему ученію нашихъ собственныхъ папъ, нашего Беллармина, нашего Игнатія Лойолу? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, если только вы не заградили вашего слуха, чтобъ не слушать, не закрыли вашихъ очей, чтобы не видѣть, не притупили вашего ума, чтобы не разумѣть!.. Ахъ, если Всевышній Царь желаетъ наказать насъ,—пусть десница Его такъ же тяжело падетъ на насъ, какъ нѣкогда пала на Фараона. Ему не нужно для этого дозволить солдатамъ Гарибальди, чтобы изгнать насъ изъ этого вѣчнаго города: Ему стоитъ только допустить имъ обоготворить Пія IX, какъ мы обоготворили пресвятую Дѣву,—и довольно.

„Оставьте, оставьте, достопочтенные братья, ваши угрожающіе жесты! Спасите Церковь отъ грозящей ей гибели! Ищите лишь въ свящ. Писаніи то правило вѣры, по которому мы должны вѣровать и исповѣдывать. Я все сказалъ, и да поможетъ мнѣ Богъ.

„Эти послѣднія слова“, замѣчаетъ журналъ, „были приняты съ такими знаками неодобренія и шума, какъ будто все это происходило на театрѣ, а не на соборѣ. Всѣ отцы встали, многіе оставили залу. Весьма многіе изъ итальянцевъ, американцевъ, и нѣкоторые изъ французовъ и англичанъ,—окружили смѣлаго оратора, и дружески пожимая ему руки, свидѣтельствовали свое полное съ нимъ согласіе“.

Утвержденный Ватиканскимъ соборомъ, несмотря на основательную оппозицію Штроссмайера и другихъ многихъ епископовъ догматъ о папской непогрѣшимости вызвалъ въ Германіи неудовольствія среди латинскаго духовенства и явился поводомъ къ образованію старокатолической церкви. Съѣзды германскихъ и швейцарскихъ старокатоликовъ избрали въ епископы профессора богословія въ Бреславлѣ д-ра Рейнкенса, который получилъ посвященіе отъ архіепископа янсеннистовъ и въ 1873 году былъ утвержденъ въ своемъ званіи германскимъ правительствомъ. Въ вопросахъ вѣры старокатолики придерживаются постановленій тридентскаго собора. Число послѣдователей старокатолицизма незначительно и вообще нуждается еще въ поддержкѣ правительственной власти, почему казалось бы, что успѣхъ новой церкви далеко не обезпеченъ. Но послѣднее движеніе среди поляковъ въ Америкѣ, о чемъ мы скажемъ ниже, свидѣтельствуетъ о противномъ

Французскій священникъ аббатъ Буррье, возмущенный утвержденіемъ Ватиканскимъ соборомъ введенія въ христіанскую Церковь древне-языческаго Римскаго догмата о непогрѣшимости Понтифексъ-Максимуса, выступилъ изъ Римской Церкви и свой взглядъ на главенство и непогрѣшимость папы изложилъ въ брошюрѣ озаглавленной: „Tu es Petrus“, съ которымъ признаемъ не лишнимъ познакомить читателей.

„ВВЕДЕНІЕ.

„Все богословіе Римской Церкви основывается на одной лишь книгѣ „Трактатъ о Церкви“. Трактатъ этотъ въ свою очередь основывается на текстѣ: *Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo Ecclesiam meam.* На этихъ нѣсколькихъ словахъ опираются почти всѣ тезисы, учреждающіе мнимыя привилегіи апостола Петра, перешедшія по наслѣдству Римскому епископу:

„Мы постановляемъ, говоритъ Флорентійскій соборъ, указанный въ Енцикликѣ *Satis cognitum,* что Папа Римскій и его престолъ имѣютъ первенство во всемъ мірѣ: онъ преемникъ Святаго Петра, главнѣйшаго изъ Апостоловъ и дѣйствительный намѣстникъ Іисуса Христа, глава всей Церкви, отецъ и врачъ всѣхъ христіанъ и ему черезъ посредство Святаго Петра дана Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ власть пастырствовать, владѣть и управлять Церковію Вселенной“.

„Эта необычайная власть, всемірныя и безграничныя привилегіи основываются, если все хорошо разобрать, на толкованіи одного текста, для поддержки къ которому присоединяются еще нѣсколько другихъ, второстепенныхъ: *Tu es Petrus... Confirma fratres tuos... Pasce agnos, pasce oves...*

„Для того, чтобы можно было оцѣнить по достоинству, будто бы принадлежащія Апостолу Петру привилегіи, надо прежде всего изучить тексты, на которыхъ основываются эти притязанія.

„ТОЛКОВАНІЕ.

„Мы читаемъ въ Евангеліи Св. Матѳея, въ главѣ XVI, въ стихѣ 13, слѣдующее:

„13. Пришедши же въ страны Кесаріи Филипповой, Іисусъ спрашивалъ учениковъ своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго?

„14. Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію или за одного изъ пророковъ.

„15. Онъ говоритъ имъ: а вы за Кого почитаете Меня?

„16. Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго.

„17. Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: Блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ.

„18. И я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея.

„19. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано и на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ.

„Наше изслѣдованіе относится къ 17, 18 и 19 стихамъ.

„I. *Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ.*

„Называя его блаженнымъ Іисусъ приводитъ доводы, почему Онъ такъ его называетъ: потому что Отецъ, сущій на небесахъ, открываетъ ему, что Онъ Христосъ, сынъ Бога живаго. Познать это плотію и кровью не было бы блаженствомъ, такъ какъ это познаніе совсѣмъ иное, смотря по тому приходитъ ли оно свыше или пріобрѣтается на землѣ.

„Іисусъ называетъ его именемъ, даннымъ ему при рожденіи и указываетъ на него подъ этимъ именемъ, которое онъ носилъ въ мірѣ, потому что Онъ дастъ ему славу подъ другимъ именемъ, значеніе котораго онъ освятитъ пророчествомъ и обѣщаніемъ.

„II. *Не плоть и не кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ.*

„Кровь и плоть“ — выраженіе еврейское, означающее „человѣка смертнаго“, въ противуположность тому, что исходитъ отъ Бога.

„Евреи представляли себѣ Мессію человѣкомъ, въ которомъ преобладала плоть, Петръ же сталъ выше такого несовершеннаго воззрѣнія на Спасителя. И слѣдовательно позналъ онъ это не плотію и кровью. Ученики, повседневные свидѣтели чудесъ и пророчествъ своего Учителя, совершенно убѣдились, что Іисусъ былъ Христосъ, помазанникъ Божій, обѣщанный Мессія, Сынъ Божій, тотъ, котораго народъ ожидалъ и который долженъ былъ основать царствіе Божіе.

III. *И Я говорю тебѣ ты Петръ.*

„Христосъ называетъ его здѣсь этимъ именемъ, потому что на немъ Онъ основываетъ значеніе, которое Онъ предоставляетъ Петру въ основаніи Его Царствія.

IV. *И на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою.*

„Толкованія, даваемыя преданіемъ сводятся къ слѣдующимъ двумъ главнымъ: Создалъ-ли Петръ лично Церковь?—И камень этотъ—не является-ли вѣрнѣе исповѣданіемъ Апостола Петра: Христосъ, Сынъ Бога живаго?

„Первое толкованіе принято современными Римскими католиками, второе же вообще допускается протестантами и не Римскими католиками.

„Надо признать, что второе имѣетъ за себя два очень сильныхъ аргумента.

„1. Большинство самыхъ древнихъ и имѣющихъ большую силу преданій объясняютъ эти слова исповѣданіемъ Христа, Сына Божьяго, камня основнаго.

„Евангелическое богословіе не признаетъ другихъ основъ Церкви, какъ самаго Іисуса Христа безъ представителей и посредниковъ.

„Чтобы не потеряться въ безконечномъ количествѣ цитатъ, которыя впрочемъ легко можно найти у всѣхъ авторовъ, изслѣдовавшихъ этотъ предметъ, мы даемъ здѣсь только то значеніе, которое было принято большинствомъ Св. Отцовъ.

„Св. Августинъ создаетъ на этомъ исповѣданіи свое ученіе: „Ты Петръ (камень) и на этомъ камнѣ, который ты исповѣдывалъ и который ты позналъ, говоря: Ты Христосъ Сынѣ Бога живаго, создамъ церковь мою; то-есть, на мнѣ Сынѣ Бога живаго, я создамъ церковь мою. На мнѣ я создамъ Тебя, а не на Тебѣ—себя. *Super me aedificabo te, non me super te* [1]),

„Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „люди, желая ссылаться на людей, говорили: Я отъ Павла, Я отъ Аполлона, Я отъ Кифы, т.-е. Петра. А другіе, которые хотѣли основываться не на Петрѣ, а на камнѣ, говорили: Я отъ Христа...

„Дѣло не въ имени Петра или Павла, но въ имени Христа. И это для того, чтобы Петръ былъ основанъ на камнѣ, а не камень на Петрѣ“. *Non petra in Petro, sed Petrus in petra* [2]).

„И въ поученіи 270, мы находимъ опять эту игру словъ: „Потому что я камень, ты Петръ“. Въ самомъ дѣлѣ не Петръ даетъ начало камню, а камень Петру. Такъ Христосъ не беретъ начала отъ христіанъ, но Христіане отъ Христа. Ты основываешься

---

[1]) Sermo 270, Minde S. Aug., V, col. 479.
[2]) Sermo 76, Minge, S. Aug., V, col. 479.

не на Петрѣ, а на камкѣ, который ты исповѣдывалъ". *Neque enim a Petro petra, sed à petra Petrus* [1]).

„Тридентскій соборъ [2]) предписываетъ чтобы Священное Писаніе было истолковано согласно со Св. Отцами и всѣ Римскіе богословы формулировали это правило слѣдующимъ образомъ. Если дѣло касается вѣры или нравовъ; то надо сообразоваться въ толкованіи Священнаго Писанія съ нравственно единодушнымъ согласіемъ Св. Отцевъ [3]).

„Это сочиненіе съ большою тщательностью было написано Лонуа и мы можемъ указать только на него любителямъ такого толкованія, основаннаго на сочиненіяхъ Отцовъ Церкви [4]).

„Вотъ классификація, которая является результатомъ его сочиненій.

1. Сорокъ четыре Св. Отцевъ и духовныхъ писателей думають, что камень это вѣра Апостола въ Іисуса Христа. Среди нихъ находятся десять папъ и въ особенности Св. Августинъ мученикъ [5]), первый и самый древній изъ Св. Отцевъ, которые выразили свое мнѣніе по этому поводу [6]).

2. Семнадцать изъ нихъ думали, что каменъ это и есть Апостолъ.

3. Восемь (нѣкоторые изъ нихъ самые древніе) видятъ въ словахъ Христа обѣщаніе, которое относится ко всѣмъ Апостоламъ безъ различія.

4. Шестнадцать изъ нихъ думали, что Христосъ указывалъ на самого себя [7]).

„Несмотря на то, что мы нынѣ придерживаемся протестантскихъ толкованій попытаемся взглянуть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія католиковъ, гласящихъ:

„Мы думаемъ, что Іисусъ Христосъ указываетъ на Петра какъ на основу Своей Церкви. Невозможно понять иначе такія ясныя и опредѣленныя слова Христа".

„При всемъ томъ, мы не признаемъ, какъ этого хотятъ Римскіе католики, что Св. Петръ носитъ на себѣ церковь, какъ улитка свою раковину [8]). Тогда бы Св. Петръ былъ главой церкви и былъ бы ей необходимъ какъ фундаментъ зданію.

„Нельзя себѣ представить ничего болѣе противорѣчащаго здравому смыслу, Евангельскому богословію и самымъ словамъ Іисуса, въ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго? Въ отвѣтъ Іисуса Христа Апостолу, Петръ есть первый камень, положенный Имъ для своего зданія. Къ этому камню присоединятся еще другіе и зданіе будетъ расти мало по малу; изъ горчичнаго зерна выростетъ большое дерево.

„Св. Петръ и его сотрудники создадутъ церковь.

„По Апокалипсису это зданіе построено на двѣнадцати столбахъ [9]).

Іисусъ Христосъ самъ былъ превозложенъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ

---

[1]) Sermo 270 Migne, S. Aug., V, col. 1239.

[2]) Sess. IV. Decret de usu S. Script.

[3]) Cours èlémentaire, par H. Bault, supérieur du Grand Séminaire de Séez. I vol., 117.

[4]) Joannis Launoisii Epistolae omnes, p. 419—428—Bibliotheque Sainte-Geneviéve, D. f. 467.

[5]) „Камень, какъ я сказалъ есть символъ Христа". Dialogue contre Tryphon. ch. 113

[6]) Launoy приводитъ среди своихъ доказательствъ Римскую литургію гдѣ на праздникъ Св. Леонтія произносится такая молитва, „Praesta, quaesumus, Omnipotens Deus, ut nullis nos permitas perturbationibus concuti quos in apostolicae confessionis petra solidasti".

[7]) Мы приводимъ здѣсь это спеціально для сторонниковъ толкованія Св. Писанія по Св. Отцамъ, такъ какъ извѣстно что часто бывали случаи, когда одинъ и тотъ же Св. Отецъ высказался въ пользу двухъ противоположныхъ взглядовъ. Такъ напримѣръ Оригенъ находится въ числѣ тѣхъ, которые думають, что камень есть Св. Петръ. Тѣмъ не менѣе въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: Камень есть всякій ученикъ Христа, слова „Ты камень и на семъ камнѣ создамъ церковь Мою" относятся ко всѣмъ Апостоламъ, и къ каждому изъ нихъ въ частности (коментаріи къ Св. Матѳею).

[8]) Ubi Petrus ibi Ecclesia. Эти столь часто приводимыя слова Св. Амвросія имѣютъ совершенно другое значеніе въ текстѣ. Этотъ Св. Отецъ указываетъ на Св. Петра, какъ на единственнаго представителя Церкви, когда одинъ онъ слѣдовалъ за Христомъ къ Каіафѣ. Migne, S. Ambroise I, col. 1082.

[9]) Apoc., XXI, 14.

воздвигается прочное зданіе; образующее храмъ Святой во Христѣ. Но Св. Петръ будетъ инициаторомъ; онъ первый проповѣдуетъ Спасителя, онъ первый ловецъ человѣковъ и онъ же соединяетъ первую группу, которая составитъ христіанскую семью.

Всѣ тѣ, которые потрудятся надъ основаніемъ этого зданія и займутъ своимъ участіемъ и вѣрой, значительное мѣсто, заслужатъ быть названными столпами Церкви. На пути въ Іерусалимъ Св. Павелъ признаетъ трехъ Іакова, Кифу и Іоанна, то есть тотъ, который занималъ тогда первое мѣсто—Іаковъ, братъ Христа не былъ ни апостоломъ ни даже ученикомъ въ то время, когда Христосъ говорилъ эти слова Св. Петру.

Прибавимъ къ этому, что обѣщаніе Іисуса исполнилось буквально. Св. Петръ былъ только основателемъ и инициаторомъ. Онъ первый проповѣдуетъ, первый закидываетъ сѣть въ день пятидесятницы и въ этотъ день увеличиваетъ паству Христа на три тысячи человѣкъ (Дѣянія II, 40).

Въ этотъ же день сбылось пророчество Іисуса. И съ этихъ поръ, роль Св. Петра какъ бы оканчивается и онъ мало по малу уходитъ въ тѣнь и смиренно трудится съ своими товарищами. Съ середины книги Дѣяній, онъ исчезаетъ. Какъ среди евреевъ, такъ и среди язычниковъ, онъ собралъ первую семью христіанъ. (Дѣян. X). Совершивъ это, онъ остается въ тѣни и предоставляетъ другимъ дѣло, которое впредь будетъ блистательнѣе и даже плодоноснѣе. Первенство Петра есть только старшинство.

V.—*«Создамъ Церковь Мою»*.

Въ этихъ словахъ указывается на двѣ личности: первая—активная, создающая—Христосъ; вторая—пассивная та на которой создается—Петръ. Вся суть вопроса въ этомъ, но объ этомъ совершенно забыли.

Паписты, говоритъ Кальвинъ, вдвойнѣ кажутся смѣшными, главой считая камень. Не апостолъ Петръ создаетъ, это твореніе Христа.

Одинъ Онъ дѣйствуетъ, Онъ одинъ остается учителемъ. Онъ живетъ въ душахъ христіанъ, такъ какъ камни изъ которыхъ построена церковь суть камни живые (I Петра II, 5). И эти живые камни способствуютъ строенію зданія постольку, поскольку они придерживаются „Главнаго камня, *избраннаго и драгоцѣннаго*“ (I Петра II. 4—6). Вотъ фундаментальный камень безъ котораго рушится все зданіе. Св. Петръ и его товарищи были первыми, которые распознали этотъ камень, отброшенный другими Но Св. Петръ не строитель въ этомъ зданіи. Онъ не строитъ его на догматахъ, составляя энциклики и уставы, издавая своды законовъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ этомъ царствѣ, куда входятъ посредствомъ вѣры въ Іисуса Христа.

VI. *„Церковь Моя“*.

„Эти слова пробуждаютъ въ насъ представленіе объ организованномъ обществѣ. съ начальниками и подчиненными, законодательствомъ и правленіемъ.

„Таково значеніе имѣютъ слова: съ вѣками ими извращаютъ мысль, которую они раньше изображали.

„Слово ἐκκλησία отвѣчаютъ еврейскому выраженію *qâchal*, которое значитъ „собраніе“, въ общепринятомъ смыслѣ „собраніе Израильскаго народа“, въ частномъ — „мѣстное собраніе общины вѣрующихъ“ [1]). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ это слово имѣетъ то же значеніе, что слово συναγωγή (синагога). Когда христіане, изгнанные евреями, принуждены были устраивать собранія внѣ синагоги, они предпочли названіе: церковь. Если бы Іисусъ Христосъ желалъ пользоваться этимъ словомъ, Онъ употреблялъ бы выраженіе „кагалъ“. Такъ обозначено въ Ветхомъ Завѣтѣ собраніе народа Израильскаго. (Ех. XVI. 2). Христосъ же говоритъ о собраніи Своего народа или о всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Это какъ бы Онъ сказалъ: на этомъ камнѣ Я соберу Мой народъ. Такимъ

¹) Срв. Словарь Гезеніуса, s. v. qâhal et Glavis N. T. de Grimm. s. v. ἐκκλησία.

образомъ мы видимъ роль Св. Петра, появляющагося, какъ ловца человѣковъ и основателя перваго собранія вѣрующихъ. ἐπὶ ταυτῇ τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν.

„Итакъ вокругъ, Св. Петра составится первая церковь, когда придетъ время. И съ этого часа основана будетъ церковь. Здѣсь небудетъ вопроса, ни о наслѣдствѣ, ни о преемствѣ, ни объ оффиціальной передачѣ правъ власти правительственной, тѣмъ менѣе еще непогрѣшимости. Человѣкъ, воодушевленный твердымъ убѣжденіемъ и открыто свидѣтельствующій, пожертвуетъ собой когда придетъ время дѣйствовать Такъ говоритъ Іисусъ.

„VII. „*И врата ада не одолѣютъ ея*“.

„Это не христіанскій адъ, но *hadès*: πύλαι ᾅδου, что значитъ: „*обиталище мертвыхъ*“. На это обиталище смотрѣли какъ на крѣпость, двери которой, разъ закрытыя за своими жертвами никогда больше не открывались (Comp. Iob. XXXVIII. 17.—Ps. IX. 14.).

„Въ борьбѣ церкви съ демонами не надо видѣть интеллигентной и дѣятельной силы. Двери не воюютъ, но онѣ открываются и закрываются и, закрываясь, поглощаютъ. Христосъ же говоритъ, что Его *кагалъ* никогда не погибнетъ.

„Въ борьбѣ съ силами ада, церковь много разъ была оскорблена, въ ея исторіи наряду съ побѣдами, часто встрѣчаются измѣны и пораженія. Церковь безсмертна; она непогрѣшима, ни непреложна.

„VII. „*И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго*“.

„Такъ какъ Іисусъ Христосъ сравниваетъ общину вѣрующихъ со зданіемъ, то надо чтобы кто-нибудь открывалъ и закрывалъ двери этого зданія. Это дѣлали апостолы, начиная со дня Св. Пятидесятницы, когда они употребили въ дѣло эти ключи на пользу тремъ тысячамъ увѣровавшихъ и крестившихся. (Дѣян. II. 41.).

„IX. *И что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то разрѣшено на небесахъ*“.

„Выраженія „связать“ и „развязать“ имѣютъ два значенія, 1) *открыть* и *закрыть*, въ воспоминаніе того, какъ въ Палестинѣ закрыты были двери, придерживаемыя веревкой или какими-нибудь другими узами; 2) „запретить и разрѣшить“, выраженіе это употреблялось у раввиновъ для указанія дѣйствій, которыя книжники считали несогласными съ законными требованіями или дозволенныхъ закономъ [1]). Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о построеніи зданія, дверяхъ и ключахъ, естественнѣе всего будетъ принять второе выраженіе: „открыть“ и закрыть“.

Въ обоихъ значеніяхъ Св. Петру дана власть допустить или не допустить пріемъ, т. е. судить о томъ, какія условія нужны, для того, чтобы быть допущеннымъ въ общину Христа.

„Іисусъ сравнилъ общину вѣрующихъ съ зданіемъ.

„Избраніе достойныхъ войти въ него Христосъ предоставляетъ тѣмъ, которымъ посылаетъ Свой разумъ, заботиться о томъ, чтобы дѣйствительность согласовалась съ идеаломъ.

„Безъ сомнѣнія, люди слабые и грѣшные никогда не смогутъ осуществить идеалъ общества совершенно. Іисусъ ограничивается тѣмъ, что даетъ идеалъ и говоритъ, что люди, имѣющіе собственный разумъ, будутъ въ состояніи оцѣнить разумъ другихъ и ихъ сношеніе съ царствіемъ Божіимъ.

„Мы могли бы теперь заключить, что текстъ, который мы только что разобрали, не даетъ апостолу Петру значенія учителя и непогрѣшимаго и еще менѣе преимущества передъ его товарищами; но раньше, чѣмъ придти къ этому заключенію, мы сдѣлаемъ критическій разборъ этого самаго текста. Результатъ этого разбора докажетъ намъ лучше толкованій смыслъ и значеніе этихъ словъ Іисуса.

---

[1]) См. въ Horae talmudicae, de Ligtfoot относительно Св. Матѳея, XVI, 19.

КРИТИКА.

„Мы уже знаемъ смыслъ этого текста; теперь разберемъ какое онъ имѣетъ значеніе. Во-первыхъ, прежде всего помѣстимъ текстъ Св. Матеея и параллельно ему тексты другихъ евангелистовъ и посмотримъ, могутъ ли одни изъ нихъ объяснить или дополнить другіе.

Св. Матеея.	*Св. Марка.*	*Св. Луки.*
XVI. *13—26.*	VIII. *27 — 37.*	IX. *18 — 25.*
13. Пришедши же въ страны Кесаріи Филипповой Іисусъ спрашиваетъ учениковъ Своихъ. За кого люди почитаютъ Меня Сына человѣческаго?	27. И пошелъ Іисусъ съ учениками Своими въ селенія Кесаріи Филипповой. Дорогой онъ спрашивалъ учениковъ Своихъ за кого почитаютъ Его люди?	18. Въ одно время, когда Онъ молился въ уединенномъ мѣстѣ, и ученики были съ Нимъ, Онъ спросилъ: за кого почитаетъ Меня народъ?
14. Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію, или за одного изъ пророковъ.	28. Они отвѣчали: за Іоанна Крестителя, другіе же за Илію, и иные за одного изъ пророковъ.	19. Они сказали въ отвѣтъ: за Іоанна Крестителя, а иные за Илію, другіе же „говорятъ“ что одинъ изъ древнихъ пророковъ воскресъ.
15. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня.		
16. Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго.	29. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Петръ сказалъ ему въ отвѣтъ: Ты Христосъ.	20. Онъ же спросилъ ихъ: а вы за кого почитаете Меня? Отвѣчалъ Петръ: за Христа Божія.
17. Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и не кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ.		
18. И Я говорю тебѣ: ты Петръ (камень), и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея.		
19. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ.		
20. Тогда Іисусъ запретилъ ученикамъ Своимъ, чтобы никому не сказывали, что Онъ есть (Іисусъ) Христосъ.	30. И запретилъ имъ, чтобы никому не говорили о Немъ.	21. Но Онъ строго приказалъ имъ никому не говорить о семъ.
21. Съ того времени Іисусъ началъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть.	31. И началъ учить ихъ, что Сыну человѣческому много должно пострадать, быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту и въ третій день воскреснуть.	22. Сказавъ, что Сыну человѣческому должно много пострадать, и быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту и въ третій день воскреснуть.
22. И отозвавъ Его, Петръ сталъ прекословить Ему: будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобой.	32. И говорилъ о семъ открыто, но Петръ, отозвавъ Его, началъ прекословить Ему.	
23. Онъ же, обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ что Божіе, но что человѣческое.	33. Онъ же обратившись и взглянувъ на учениковъ Своихъ воспретилъ Петру, сказавъ: отойди сатана, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое.	
24. Тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною.	34. И подозвавъ народъ съ учениками Своими, сказалъ имъ: кто хочетъ идти за Мною отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною.	23. Ко всѣмъ же сказалъ: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною.

Св. Матөея.	*Св. Марка.*	*Св. Луки.*
25. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; и кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее. 26. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?	35. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее. 36. Ибо какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? 37. Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?	24. Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее. 25. Ибо что пользы человѣку, пріобрѣсть весь міръ, а себя самого погубить, или повредить себѣ?

„Во-первыхъ, мы замѣчаемъ, что таблицы не согласуются между собой относительно мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Св. Матөей и Св. Маркъ описываютъ его въ окрестностяхъ Кесаріи Филипповой; Св. Лука—близъ мѣста, называемаго Виөсаидой. (IX. 10).

„Также не согласуются онѣ между собой въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе. У первыхъ двухъ синоптиковъ. Спаситель и его ученики были въ пути; у Св. Луки—Христосъ „молился въ уединенномъ мѣстѣ".

„Но что всего больше поражаетъ—это молчаніе двухъ послѣднихъ таблицъ; только одинъ Св. Матөей передаетъ слова Іисуса, слѣдовавшія за исповѣданіемъ Св. Петра.

„Молчаніе это тѣмъ болѣе изумительно, что Св. Маркъ и Лука ведутъ совершенно одинаково разсказъ, часто даже въ одинаковыхъ выраженіяхъ, такъ что можно было бы думать, что они списывали другъ у друга.

„Но въ то время какъ Св. Матөей передаетъ слова Іисуса относительно камня Церкви, ключей царства небеснаго, власти связывать и разрѣшать, два другіе апостола сразу останавливаются и обходятъ молчаніемъ слова: „Ты Петръ (камень) „и тотчасъ же послѣ этого вмѣстѣ продолжаютъ" совершенно пропуская отвѣтъ Іисуса апостолу.

„Поищемъ теперь причину молчанія двухъ другихъ таблицъ.

„1) Св. Маркъ, какъ говоритъ Паніасъ, записалъ показанія Св. Петра [1]), по крайней мѣрѣ Евангеліе его заключаетъ въ себѣ проповѣдь апостала, тщательно собранную и записанную Евангелистомъ.

„При такихъ обстоятельствахъ молчаніе его Евангелія знаменательно или совсѣмъ необъяснимо.

„Св. Петръ лучше всякаго другого долженъ знать и сказать намъ, съ какими словами обратился къ нему Христосъ. Нельзя, конечно, думать, что память ему измѣнила въ такомъ торжественномъ обстоятельствѣ и въ такомъ важномъ для него вопросѣ.

„Пробовали объяснять это скромностью Св. Петра. Онъ не могъ умолчать объ этомъ. Скромность апостола не можетъ дойти до того, чтобы онъ умалчивалъ объ истинѣ, скрывалъ догматъ, необходимый для учрежденія Церкви и спасенія душъ и проповѣдывалъ христіанство, противоположное тому, возвѣщать которое онъ получилъ назначеніе. Эта ложная скромность была бы преступна и измѣняла бы первому долгу апастола.

„2) Св. Лука хранитъ то же молчаніе. По мнѣнію вообще допущенному римской школой и сверхъ того по мнѣнію Св. Августина, Евангелисты писали въ каноническомъ порядкѣ. Не разбирая, что есть оспоримаго въ этой теоріи для двухъ первыхъ таблицъ, мы считаемъ ее очень вѣроятной для Св. Луки.

„Мы здѣсь имѣемъ передъ собой Евангелиста, который по единодушному при-

---

[1]) Eusèbe, H. E. III, 39, 15. Μάρκος μὲν ἑρμηνευτὴς Πέτρου γενόμενος, ὅσα ἐμνημόνευσεν, ἀκριβῶς γράφεν, etc.

знанію писалъ послѣ Св. Матѳея. Съ этой поры молчаніе этого писателя пріобрѣтаетъ исключительную важность.

„Дѣйствительно, въ своемъ введеніи, онъ говоритъ что у него передъ глазами были рукописи, обнародованныя раньше его о „событьяхъ совершенно извѣстныхъ между нами“. (I. 1, 2).

„Въ этихъ рукописяхъ онъ конечно не пренебрегъ свидѣтельствами „бывшихъ съ самаго начала очевидцевъ“. (2 ст.).

„Изъ этихъ свидѣтелей, бывшихъ съ самаго начала очевидцами и „служителями слова“, на первое мѣсто можно поставить двухъ только апостоловъ, которые въ сущности написали Евангелія: Св. Матѳей и Іоаннъ. Извѣстно, что этотъ послѣдній писалъ послѣ Св. Луки. Остается только апостолъ Матѳей, который былъ передъ глазами у Св. Луки, такъ какъ нельзя допустить, чтобы онъ пренебрегъ апостольскимъ документомъ такой цѣны и неоспоримой важности.

„Какая же можетъ быть причина его молчанія относительно словъ Іисуса Петру послѣ исповѣданія Петра? Пропустилъ ли онъ ихъ умышленно? Тогда значитъ показалось ему, что слова эти не имѣютъ важности, или же ненужнымъ повтореніемъ. Въ такомъ случаѣ надо сознаться, что онъ былъ далекъ отъ пониманія ихъ въ такомъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ римская школа. Но не пропустилъ-ли онъ ихъ потому, что ихъ не было въ томъ текстѣ, который былъ передъ его глазами. Другими словами, не въ этомъ ли мѣстѣ разнится настоящая редакція Евангелія Св. Матѳея отъ редакціи Св. Луки. Это единственно допустимое предположеніе и, кромѣ того это согласуется съ заключеніемъ критическихъ разборовъ, сдѣланныхъ съ болѣе общей точки зрѣнія на составленіе Евангелій синоптическихъ.

„Заключеніе изъ этого такое, что слова: Ты Петръ (камень) есть преданіе, которое вошло позже въ окончательную редакцію перваго Евангелія и котораго не было еще, когда писалъ Св. Лука. Въ самомъ дѣлѣ нельзя сказать, что эти слова напрасное повтореніе или что они не имѣютъ значенія. Ихъ нельзя назвать повтореніемъ, такъ какъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ нигдѣ больше нѣтъ словъ, имъ соотвѣтствующихъ. Эти слова единственныя и совершенно оторванныя отъ всего остальнаго въ Евангеліяхъ.

„Надо согласиться также, что слова эти имѣютъ большое значеніе. Какой бы имъ смыслъ ни придавали, надо признать торжественность обращенія и значительность выраженій: „Блаженъ ты, Симонъ... И Я говорю тебѣ“...

„Невозможно ослабить значительность этихъ словъ. Когда воспроизводятъ апостольскій документъ и пропускаютъ текстъ такой важности, нѣтъ середины: или его не было передъ глазами, или его считали лишнимъ.

„Приступимъ къ четвертому Евангелію. По общему признанію, оно написано было послѣднимъ, гораздо позже таблицъ и, согласно съ теоріей, принятой католической школой, „чтобы дополнить своихъ предшественниковъ и точно возстановить то, что они пропустили“. Такимъ образомъ Св. Іоаннъ объяснитъ намъ это несогласіе и поставитъ на вѣрную историческую почву.

„Здѣсь мы опять прибѣгнемъ къ параллельнымъ таблицамъ, чтобы по свидѣтельству четырехъ Евангелій, видѣть связь историческихъ фактовъ.

	Св. Матѳей.	Св. Маркъ.	Св. Лука.	Св. Іоаннъ
Умноженіе хлѣбовъ	XIV 19—21	VI 35—44	IX 12—17	VI 5—15
Переходъ черезъ море	XIV 22—23	VI 45—52	—	XII 16—21
Буря	id	id	—	id
Искушеніе Іисуса и просьба совершить чудо	XVI 1— 4	VIII 11—12	—	VI 30
Аллегорическій хлѣбъ	XVI 5—12	VIII 14—21	—	VI 32—59
Исповѣданіе Петра	XVI 15—20	VIII 27—30	IX 18—21	VI 67—70

	Св. Матвѣй.	Св. Маркъ.	Св. Лука.	Св. Іоаннъ.
Предсказаніе Христа о Его страданіяхъ	XVI 21—23	VIII 31—33	IX 22	VI 70—71
Преображеніе	XVII 1— 9	IX 2—10	IX 28—36	—
Христосъ въ Галилеѣ.	XVII 22	IX 30	—	VII 1

„Заключеніе изъ этого намъ кажется таковымъ: Св. Іоанъ описываетъ событія въ томъ же порядкѣ, что и синоптики. Какъ до текста, который мы изучаемъ, такъ и послѣ него, слѣдуютъ одни и тѣ же событія, обстоятельства и разсказы. Св. Іоаннъ дѣлаетъ одно исключеніе, и это исключеніе есть именно тотъ самый текстъ, о которомъ мы говоримъ. Онъ пропускаетъ не только слова Іисуса относительно камня Церкви и власть ключей, но также пропускаетъ исповѣданіе Св. Петра на пути въ Кесарію Филиппову. Онъ замѣняетъ его другимъ исповѣданіемъ словами Св. Петра послѣ ухода учениковъ въ Капернаумъ: „Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго".

„Хотѣлъ-ли Св. Іоанъ исправить синоптиковъ. Хотѣлъ-ли онъ поставить исповѣданіе Св. Петра въ рамку и на настоящую историческую почву. Какъ бы то ни было, Онъ ничего не говоритъ о тѣхъ словахъ Іисуса, которыя передаетъ Св. Матѳей.

„Повторяемъ еще разъ, это единодушіе Евангелистовъ въ обхожденіи молчаніемъ разсказа перваго Евангелія замѣчательно и требуетъ внимательнаго изученія текста, о которомъ идетъ рѣчь.

„Дѣйствительно то, что сейчасъ же слѣдуетъ за этимъ происшествіемъ, есть противорѣчіе тому, что ему предшествовало. Начиная съ 21 стиха, мы читаемъ, что когда Петръ услышалъ объ ожидающихъ Христа страданіяхъ и смерти, онъ вскрикиваетъ и навлекаетъ на себя слѣдующее строгое замѣчаніе: Отойди отъ Меня, сатана, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое. св. Маркъ передаетъ слово въ слово тѣ же самыя слова (VIII гл., ст. 33).

„Надо сознаться, что мы ушли уже далеко отъ словъ Іисуса, которыми Онъ восхваляетъ Петра за совершенное познаніе Его.

„Онъ говоритъ, что такое открытіе могло ему придти только отъ Отца небеснаго, и вотъ вдругъ Петръ падаетъ до такой степени, что заслуживаетъ названія сатаны и предмета соблазна.

„Надо также сознаться, что открытіе было очень плохо сдѣлано, или сознаться въ томъ, что противорѣчіе текстовъ слишкомъ рѣзкое, чтобы могло бы быть искаженіе первоначальнаго текста. Если только мы перевернемъ страницу, мы найдемъ повтореніе этого самаго текста, слово въ слово, но на этотъ разъ обращеннаго ко всѣмъ ученикамъ (сравн. Матѳея XVI гл., ст. 19 и Матѳея XVIII гл., ст. 18). Такимъ образомъ, эта привилегія, единственная и не имѣющая себѣ подобной, которую Іисусъ даровалъ одному Петру въ главѣ XVI, дана всѣмъ ученикамъ безъ различія въ главѣ XVIII. Гдѣ же привилегія Петру?

„Перевертываемъ еще страницу и находимъ то же противорѣчіе текстовъ. (Св. Матѳей XIX гл., 28). Іисусъ ставитъ Своихъ двѣнадцать апостоловъ на двѣнадцать престоловъ безъ различія, безъ особенныхъ почестей, ни первенства ни для котораго изъ нихъ. Это совершенное равенство становится необяснимымъ, если глава XVI уже учредила апостола, главу апостольскаго собора съ привилегіями, большими передъ другими.

„Прибавимъ къ этому, что противорѣчіе съ четвертымъ Евангеліемъ еще болѣе замѣтно. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ не Отецъ небесный даетъ откровеніе св. Петру; этотъ послѣдній узнаетъ объ этомъ отъ своего брата Андрея, даже раньше его первой встрѣчи. Андрей, Филиппъ и Нафанаилъ уже объявили Іисуса Мессіей, и когда Симонъ встрѣчаетъ своего брата, изъ устъ его узнаетъ хорошую новость: „Мы нашли

Мессію, что значитъ Христа". Надо слѣдовательно, допустить, что первое Евангеліе содержитъ преданія различнаго происхожденія, и то, которое насъ занимаетъ, въ особенности отражаетъ въ себѣ преозабоченность и стремленія той среды, въ которой оно образовалось.

„Если мы исключимъ только это мѣсто во всемъ Новомъ Завѣтѣ, мы опять услышимъ простое и обыкновенное ученіе Христа. Рѣчь идетъ не о Церкви, но о царствѣ. Нѣтъ никакого слѣда общества, организованнаго для борьбы съ дверьми ада до скончанія вѣковъ. Идеалъ Іисуса, это большая семья, нравственно возрожденная и освященная, которая утвердитъ Его царство въ близкомъ будущемъ и гдѣ воля Отца Небеснаго, набожно всѣми принятая осуществитъ царство справедливости и мира.

„Этотъ идеалъ опоздалъ своимъ осуществленіемъ; много надеждъ, слишкомъ поспѣшныхъ или мало основательныхъ, было обмануто. Тогда стали думать о томъ какъ жить, какъ устроиться? Тогда также нѣкоторыя слова Іисуса, до этихъ поръ витающія въ устномъ преданіи, были записаны въ разныхъ Евангеліяхъ, которыя дѣлило между собой довѣріе благочестивыхъ вѣрующихъ. Неудивительно, что въ этомъ переходѣ, рукописи сообщали смыслъ и выраженія идей, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было въ мысляхъ у Іисуса.

„Но какъ объяснить введеніе этихъ словъ въ первомъ Евангеліи и умолчаніе о нихъ въ остальныхъ Евангеліяхъ? Данныя современной критики даютъ возможность намъ теперь рѣшить это ясно.

„Дѣлать здѣсь критическій разборъ Евангелій не входитъ въ наши планы. Этотъ трудъ уже сдѣланъ. Наука даетъ теперь рѣшительныя данныя, и мы только можемъ направить читателя къ ученымъ трудамъ, уже извѣстнымъ, по этому предмету [1]).

Эти слова Христа, записанныя въ Евангеліе отъ Матоея, входили съ тѣхъ поръ въ собранія христіанъ и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ они не имѣли другого значенія, какъ только то, которое доставило имъ помѣщеніе ихъ въ первое Евангеліе. Уже гораздо позже въ исторіи Церкви эти слова уклонились отъ придаваемаго имъ первоначальнаго значенія и послужили поддержкой одному изъ самыхъ крупныхъ заблужденій, плохо понятое, или которымъ извращаемое Священное писаніе доставило пищу.

„Мы считаемъ себя въ правѣ вывести изъ всего предыдущаго два слѣдующихъ заключенія.

I. „*Этотъ текстъ не имѣетъ того значенія, которое ему придали въ теченіе вѣковъ.*

„Въ противномъ случаѣ, о немъ не умолчалъ бы ни одинъ изъ апостоловъ и Евангелистовъ и онъ не разъ бы повторялся въ Новомъ Завѣтѣ. Если бы существовалъ на землѣ человѣкъ, владѣющій одинъ ключами царства небеснаго, такъ что невозможно было бы спастись помимо этого человѣка, всѣ церковные писатели первыхъ вѣковъ христіанства были бы преступны, храня молчаніе относительно этого важнаго вопроса.

„Но если эти слова даютъ апостолу Петру только привилегію быть первымъ изъ основателей Церкви и выполнителемъ выдающейся роли въ дѣлѣ „*основанія*" этого царства, они имѣютъ скорѣе историческое значеніе чѣмъ, догматическое; понятно, что церковнымъ писателямъ они показались имѣющими второстепенное значеніе и не были сочтены достойными перейти къ потомкамъ иначе, какъ при посредствѣ пламенныхъ почитателей Св. Петра, желавшихъ поднять такимъ образомъ его престижъ, который тогда уже былъ затемненъ работниками второго часа.

„II. *Эти слова не даютъ апостолу Петру никакой власти надъ сотоварищами*".

---

[1]) Библія Reuss, *l'Histoire Evangélique, Introduction*. Въ ней можно найти также богатую библіографію по этому предмету. Полезно также прочесть статьи М. А. Сабатье въ „Энциклопедіи наукъ богословскихъ", подъ названіемъ „Матоей и синоптики", и наконецъ книгу М. Прессенса про *Іисуса Христа*.

„Даже послѣ этого обращенія Іисуса къ Св. Петру, апостолы всѣ считаютъ себя равными между собой. Доказательствомъ этому служитъ то, что они спрашиваютъ другъ у друга, не должно-ли одному изъ нихъ быть главному надъ ними. Дѣйствительно, немного времени спустя послѣ исповѣданія Св. Петра, они подходятъ къ Іисусу и говорятъ: „Кто больше въ царствѣ небесномъ"? (Св. Матѳея гл. XVIII, ст. 1). И Іисусъ не говоритъ имъ, что больше всѣхъ тотъ, на которомъ построена Церковь и который владѣетъ ключами царства, но, призвавъ дитя, поставилъ его посреди нихъ и сказалъ: „истинно, истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное".

„Св. Маркъ передаетъ другое событіе, гдѣ Іисусъ говоритъ подобное. Надо замѣтить, что все это происходитъ послѣ исповѣданія Св. Петра и что, слѣдовательно, для Его апостоловъ вопросъ о старшинствѣ еще не былъ рѣшенъ.

„Тогда подошли къ Нему сыновья Заведеевы, Іаковъ и Іоаннъ, и сказали: Ты Учитель! мы желаемъ, чтобы Ты сдѣлалъ о чемъ просимъ.

„Онъ сказалъ имъ: что хотите, чтобы Я сдѣлалъ вамъ?

„Они сказали Ему: дай намъ сѣсть у Тебя, одному по правую, а другому по лѣвую сторону въ славѣ Твоей.

„Но Іисусъ сказалъ имъ: не знаете чего просите. Можете-ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещеніемъ, которымъ я крещусь?

„Они отвѣчали: можемъ. Іисусъ же сказалъ имъ: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещеніемъ, которымъ Я крещусь, будете креститься.

„А дать сѣсть у Меня по правую сторону и по лѣвую, не отъ Меня зависитъ, но кому уготовано.

„И услышавъ, десять начали негодовать на Іакова и Іоанна.

„Іисусъ же, подозвавъ ихъ, сказалъ имъ: вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи ихъ властвуютъ ими.

„Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугой.

„И кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ.

„Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ. (Св. Маркъ гл. X, ст. 5—45).

„Могъ-ли Іисусъ сказать яснѣе о томъ, что не будетъ старшаго между Его учениками, что возвышаются, унижаясь, и что нѣтъ большаго величія, какъ смиреніе. Св. Лука, въ свою очередь, передаетъ ту же бесѣду (XXII гл., ст. 24—30): „былъ же и споръ между ними, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ".

„И отвѣтъ Іисуса всегда такой же точный. Это упорство учениковъ, выражающееся въ вопросѣ, который они предлагали, другъ другу о томъ, кто изъ нихъ будетъ старшимъ, доказываетъ со всей очевидностью, что ни Св. Петръ, ни другой какой-нибудь изъ апостоловъ не получилъ отъ Іисуса никакого первенства.

„Негодованіе, возбужденное среди апостоловъ притязаніями сыновей Зеведея, доказываетъ также, что всѣ они считали себя равными и что Христосъ не имѣлъ ни намѣстниковъ, ни посланниковъ. Наконецъ, еще отвѣтъ Іисуса доказываетъ, что, какъ въ будущемъ такъ и въ настоящемъ, это мѣсто не будетъ дано никому изъ нихъ. Ему не нужно было ни представителей, ни посланниковъ, Ему, который не хотѣлъ отказаться ни отъ своего царства, ни отъ своего правленія. Вотъ почему Онъ не замѣщалъ Себя никѣмъ и говорилъ имъ что, останется съ ними „до скончанія вѣковъ". (Св. Матѳея гл. XXVIII, ст. 20).

„И Онъ не только отвергнулъ старшинство среди своихъ учениковъ, но далъ имъ понять, какъ Ему ненавистны титулы, дающія о немъ понятія. „А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ; всѣ же вы братья.

„И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ отецъ, который на небесахъ.

„И не называйтесь наставниками, потому что одинъ у васъ наставникъ—Христосъ (Св. Матѳея гл. XXXII, гл., ст. 8—11).

„Ясно, какъ далеко мы находимся отъ выраженій, освященныхъ позже обычаемъ: „Непогрѣшимый наставникъ, общій отецъ вѣрующихъ, папа“ и т. д. Конечно, Христосъ, въ апостольскомъ соборѣ не могъ допустить названій: преосвященства, Святѣйшества... и даже настоятеля.

III.

Св. Петръ въ исторіи Евангелія.

Св. Матѳей и Маркъ передаютъ совсѣмъ одинаково и въ почти одинаковыхъ выраженіяхъ призваніе св. Петра.

„Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море; ибо они были рыболовы. И говоритъ имъ: идите за Мной, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. И они, тотчасъ, оставивъ сѣти, послѣдовали за Нимъ“. (Св. Матѳ. IV, ст. 18 и слѣд.).

„Св. Лука разсказываетъ иначе. Іисусъ, будучи на берегу Геннисаретскаго озера, вошелъ въ лодку Симона, откуда Онъ училъ народъ. Послѣ бесѣды Онъ ѣдетъ въ открытое море и велитъ закинуть сѣти. Уловъ былъ такой богатый, что Симонъ Петръ, испуганный падаетъ въ ноги Іисуса, который ему говоритъ: „не бойся ничего, съ этихъ поръ ты будешь ловцомъ человѣковъ“. И съ этого дня они за Нимъ послѣдовали. (Св. Лука гл. V ст. 11). Такимъ образомъ, синоптики не говорятъ намъ какъ Симонъ получилъ имя Петра. Они называютъ его „Симономъ“, „Симономъ Петромъ“ и наконецъ „Петромъ“ [1]).

Четвертое Евангеліе разсказываетъ это иначе и разсказъ этотъ трудно согласить съ другими. Іисусъ встрѣчаетъ Петра не на берегу Тиверіадскаго озера, но на берегахъ Іордана. Св. Петръ не былъ призванъ первымъ. (I, 35—40).

Симона привелъ къ Іисусу братъ его Андрей (40—41). Іисусъ измѣняетъ его имя и даетъ ему имя Кифа, что значитъ камень (42—43). Эта перемѣна именъ часто случалась у евреевъ.

Іаковъ и Іоаннъ, сыновья Зеведея, получаютъ имена Боанегресъ, что значитъ: „сыны Громовы“ (Св. Марка III, 16—17). Также Савлъ мѣнялъ свое имя на имя Павла. Имена имѣютъ значеніе. Должно было быть какое-нибудь отношеніе между именами Симонъ и Петръ, между сыновьями Зеведей и Громомъ. Симонъ могъ получить это вслѣдствіе непостоянства своего характера и вѣтренности, какъ урокъ твердости, которую онъ долженъ былъ имѣть. Оно ему подошло впослѣдствіи, когда ему пришлось исполнить выдающуюся роль въ дѣлѣ основанія Церкви.

„Приходится, однако, выбирать изъ разсказовъ синоптиковъ и четвертаго Евангелія. Разсказъ Св. Марка, воспроизведенный Св. Матѳеемъ, даетъ намъ образоцъ самаго древняго и наиболѣе историческаго преданія. Если смотрѣть на Св. Марка какъ на толкователя Петра, то онъ имѣетъ наибольшее право разсказать намъ о призваніи этого апостола. По этому Евангелисту, въ одну изъ пятницъ, Іисусъ, призываетъ Петра,

---

1) Евангеліе Св. Матѳея представляетъ Симона, носящимъ съ самаго начала имя Петра; (Σίμωνα τὸν λεγόμενονετρον), какъ будто онъ носилъ это имя до своего призванія (IV ,18) Св. Маркъ, въ своемъ Евангеліи говоритъ, что имя Петра дано было Симону Іисусомъ тогда, когда Онъ поставилъ соборъ «Двѣнадцати» (III, 16). Преданіе, сохраненное Св. Лукой, сходно съ преданіемъ Св. Марка. (Св. Лука VI, 14); между тѣмъ Симона онъ же назывался раньше «Петромъ» (гл. V ст. 8) во время чудеснаго улова, который побуждаетъ его слѣдовать за Іисусомъ.

Андрея и двухъ сыновей Зеведея. Въ тотъ же вечеръ въ Капернаумѣ они соединяются и сыновья Іоны принимаютъ Іисуса въ своемъ домѣ.

„Въ день шабаша Іисусъ входитъ въ синагогу, исцѣляетъ бѣсноватаго, потомъ сопровождаемый Іаковомъ и Іоанномъ, Онъ входитъ въ домъ Симона и Андрея и тамъ исцѣляетъ тещу Симона, (Марка I). Съ этихъ поръ домъ Петра становится какъ бы колыбелью Евангелія.

„Тамъ собираются; передъ дверьми этого дома собирается толпа. Въ самомъ домѣ, распространился слухъ, что здѣсь живетъ новый врачъ, повелѣвающій демонами.

„Св. Маркъ говоритъ, что весь городъ собрался передъ этими дверьми Іисусъ совершаетъ тогда много чудесъ, проводитъ ночь въ этомъ домѣ и на другой день, т. е. въ воскресенье, Онъ встаетъ очень рано и, пользуясь темнотой, идетъ молиться въ пустынное мѣсто.

„Когда замѣчаютъ Его исчезновеніе, безпокойство охватываетъ сердца новыхъ учениковъ и друзей. Его всюду ищутъ и опять-таки Симонъ находится впереди толпы и онъ же находитъ Его (Марка I, 36). Тогда Іисусъ рѣшается посѣтить Галлилею въ сопровожденіи Своихъ учениковъ.

„Что замѣчательнѣй всего въ этомъ разсказѣ, это роль Петра съ самаго начала проповѣди Іисуса. У него Іисусъ останавливается; у него собираются; его теща, чудесно исцѣленная (см. всѣ три таблицы), становится служанкой этой первой церкви; передъ дверьми его дома совершаются первыя чудеса; здѣсь же впервые стекается народъ и Симонъ же находится во главѣ самыхъ пламенныхъ учениковъ желающихъ отыскать Учителя и слѣдовать за Нимъ.

„Что-жъ удивительнаго въ томъ, что съ этихъ поръ, въ этомъ народномъ движеніи, онъ занимаетъ выдающееся мѣсто. На глазахъ этихъ людей Симонъ становится человѣкомъ самымъ замѣтнымъ изъ слѣдующихъ за Іисусомъ. Онъ не глава, онъ самый пламенный и, слѣдовательно, болѣе другихъ брасается въ глаза.

„Также можетъ быть онъ былъ самый богатый настолько, насколько могли быть богатыми галлилейскіе рыболовы. Такъ, напримѣръ, сборщики податей не ошибаются въ этомъ. По возвращеніи въ Капернаумъ, эти послѣдніе сперва опасаются, какъ бы Іисусъ не уклонился отъ уплаты подати. Тотчасъ же они обращаются къ Симону, какъ къ самому состоятельному (Матѳея XVII, 24). Эта черта кажется намъ чрезвычайно важной, такъ какъ сборщики податей обыкновенно имѣли особенное чутье въ отысканіи отвѣтственности. Кто изъ учениковъ первымъ позналъ Божество Іисуса? Здѣсь опять таки мы имѣемъ два разсказа. По таблицамъ, Петръ торжественно исповѣдалъ это. Эта честь, однако, можетъ быть оспариваема. Когда Іисусъ утишилъ бурю на Галлилейскомъ морѣ, всѣ присутствовавшіе ученики поклонились Ему и сказали: „истинно Ты Сынъ Божій“. (Матѳея XIV, 33). Но четвертое Евангеліе яснѣе отказываетъ Симону въ чести первымъ празнать Іисуса Христомъ. Андрей первый сказалъ Симону: „мы нашли Мессію“. (Іоаннъ I, 4).

„Нафанаилъ, говоритъ Филиппу, что они нашли Мессію (I, 45). И Нафанаилъ въ свою очередь съ первой своей встрѣчи съ Іисусомъ восклицаетъ: „Равви, Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ“ (I, 49).

„Приходитъ время и Онъ выбираетъ двѣнадцать изъ Своихъ учениковъ, которыхъ Онъ называетъ апостолами, что значитъ „посланные“ (Марка III, 13, 14; Луки VI, 13).

„Они отличены отъ другихъ не потому, что они выше другихъ, но потому, что они дѣйствительно были „посланы“. Назначеніе, которое они получили, было то самое, что Іисусъ имъ сказалъ, призвавъ ихъ впервые: „Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“ (Матѳей IV, 19). Оно одинаково для всѣхъ; тотъ же призывъ, та же цѣль, тѣ же обязанности; никакого отличія, никакого старшинства.

„Въ этой миссіи дѣйствительно Онъ намѣчаетъ имъ правила ихъ поведенія. Надо

прочитать этотъ уставъ, въ точности сохраненный таблицами (Маркъ VI, 6—11, 6; Лука, IX, 1—6; и въ особенности Матѳей X, 5—42).

„Кажется, что каждый изъ этихъ стиховъ имѣетъ одну только цѣль: исключить формально всякое господство.

„Іисусъ строго воспрещаетъ имъ обладаніе богатствомъ и временными благами (Матѳей X, 9—10). Онъ отрицаетъ употребленіе силы (11—15).

„Его апостолы не будутъ принуждать никого слушать ихъ; они не будутъ налагать никакой кары на не желающихъ слушать; они предложатъ Евангеліе, но не будутъ навязывать Его (15—24). Смиренные, бѣдные, терпѣливые и вѣрные, они будутъ говорить о всемъ, что знаютъ, все открыто: таковы ихъ обязанности, таково ихъ единственное оружіе.

„Онъ даетъ имъ между тѣмъ власть, но власть духовную и чудесную: исцѣлять больныхъ, очищать прокаженныхъ, воскрешать мертвыхъ и изгонять бѣсовъ (V 8). Эти правила общія, одинаковыя для всѣхъ; Онъ не даетъ однимъ больше, чѣмъ другимъ, всѣ апостолы были совершенно равны. Но если среди апостоловъ нѣтъ главнѣйшаго, существуютъ, однако, предпочтенія въ распредѣленіи милостей Учителя. Во-первыхъ Іисусъ повидимому оказываетъ предпочтеніе тремъ изъ Своихъ апостоловъ, не даруя имъ этимъ предпочтеніемъ никакой исключительной привилегіи.

„Эти три апостола—Іаковъ, Петръ и Іоаннъ. Онъ выбираетъ ихъ свидѣтелями Своей славы во время Своего Преображенія (Матѳей XVII, 1; Лука IX, 28). Они же были свидѣтелями скорби Іисуса въ Геѳсиманскомъ саду (Матѳей XXVI, 37; Маркъ XIV, 33).

„Наконецъ они же одни входятъ въ домъ Іаира, чтобы быть свидѣтелями воскрешенія дочери этого начальника синагоги.

„Петръ и Іоаннъ посланы были для приготовленія Пасхи (Лука XXII, 8).

„Послѣ Своего воскресенія, Іисусъ удостоилъ Петра особымъ Своимъ явленіемъ, такъ же какъ и Іакова, брата Господня. Родство этого послѣдняго объясняетъ это благоволеніе; что касается до Петра, то ниже мы увидимъ причину этого явленія.

„Не только бываютъ иногда избранные среди своихъ учениковъ, но какъ во всякомъ обществѣ людей благовоспитанныхъ существуетъ нѣкоторое первенство. Въ перечисленіи двѣнадцати апостоловъ, Петръ поставленъ первымъ (Матѳей X, 2). Онъ сохраняетъ это мѣсто въ Евангеліяхъ и въ книгѣ „Дѣяній“ до появленія Іакова, брата Господня, которому онъ съ этого времени подчиняется, какъ мы это увидимъ въ „посланіяхъ къ Галатамъ“. Если мы послѣ таблицъ, справимся съ четвертымъ Евангеліемъ, мы не найдемъ болѣе слѣда первенства Петра. Только во время отпаденія учениковъ въ Капернаумѣ, это Евангеліе признаетъ Петра достойнымъ чести стать во главѣ оставшихся вѣрными (Іоаннъ VI, 68). Въ этомъ Евангеліи Іисусъ постоянно бесѣдуетъ съ Своими учениками, но на присутствіе въ нихъ Петра не указывается.

„Есть даже другой ученикъ, который пользуется всѣми милостями учителя. Въ тайной вечери онъ изображенъ лежащимъ на груди у Іисуса и точно указанъ слѣдующими словами: ученикъ, котораго любилъ Іисусъ (Іоаннъ XIII, 23—24). Чтобы услышать изъ устъ Іисуса имя предателя, Петръ обращается къ посредничеству этого самаго ученика. Ему также, вѣроятно, Петръ обязанъ милостью разрѣшенія войти въ домъ первосвященника (Іоаннъ XVIII, 16). Одинъ только этотъ ученикъ остается вѣренъ до распятія, тогда какъ Петръ трижды отрекся отъ своего Учителя. И, наконецъ, попеченіямъ этого ученика Іисусъ, испуская духъ, ввѣряетъ Свою матерь (Іоаннъ XIX, 25—27). Даже въ прибавленіи (гл. XXI, ст. 7 и 20) мы снова видимъ этого ученика, осыпаннаго милостями Іисуса. Въ самомъ дѣлѣ, онъ предпочтенъ Петру для ожиданія возвращенія Іисуса (XXI, 22). Однимъ словомъ, во всемъ четвертомъ Евангеліи ясно видно, что первен-

ство, приписываемое св. Петру въ таблицахъ, здѣсь отдано другому ученику, весьма вѣроятно—св. Іоанну.

„Отреченіе Петра заслуживаетъ особеннаго вниманія. Четыре Евангелія разсказываютъ это событіе, но св. Лука передаетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ Іисуса: Господь говоритъ: „Симонъ, Симонъ! Се сатана просилъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу. Но я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя; и ты нѣкогда обратившись, удверди братьевъ твоихъ“ (Лука XXII, 31—34).

„Вслѣдъ за этими словами Іисусъ предсказываетъ Петру его отреченіе. Для всѣхъ его учениковъ, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ быть предметомъ соблазна, такъ какъ если „поразишь пастуха, все стадо разсѣется“. Но есть среди нихъ одинъ, для котораго соблазнъ больше чѣмъ для другихъ, такъ какъ прежде чѣмъ пѣтухъ пропѣлъ три раза, Петръ трижды отрекся отъ своего учителя (Лука, XXII. 34).

„Но онъ поднялся послѣ этого паденія, Іисусъ молился за него. Значеніе этихъ словъ, примѣненное лично къ Петру, въ виду обстоятельства, указаннаго самимъ текстомъ, совершенно ясно. Удивительно, что намѣревались изъ этой частной молитвы Іисуса вывести аргументъ въ пользу непогрѣшимости римскаго папы. Нѣтъ въ этомъ никакой связи. Здѣсь вопросъ въ учительской непогрѣшимости. Это молитва личная, въ ней нѣтъ ничего наслѣдственнаго. Благодаря этой молитвѣ, Петръ не погибъ въ измѣнѣ, куда онъ такъ низко упалъ. Онъ былъ поднятъ и обращенъ и могъ еще укрѣплять своихъ братьевъ. Дѣйствительно, лучше другого онъ могъ укрѣплять ихъ безсмертнымъ примѣромъ своего паденія и возстановленія. „Господь, пишетъ католическій священникъ Вентура, какъ будто говоритъ главному изъ апостоловъ: „Помни, Петръ, укрѣпляй твоихъ братьевъ, болѣе слабыхъ и немощныхъ, чѣмъ ты, примѣромъ твоего покаянія, чтобы они также грѣшники, никогда не раскаивались въ прощеніи“. Несмотря на горячее желаніе от. Вентура признать въ личности Петра главу апостоловъ, онъ ничего не можетъ найти въ этомъ текстѣ, кромѣ нѣсколькихъ словъ милосердія и надежды для грѣшника. Если молитва Іисуса освятила непогрѣшимость римскихъ папъ, то надо сознаться, что будетъ представляться страшная трудность всякій разъ, когда придется совершать оцѣнку этого ученія, такъ какъ только Петръ „обращенный“ долженъ укрѣплять своихъ братьевъ. Кто поручится намъ за обращеніе первосвященника, который говоритъ ex cathedra? Увы! Исторія дала намъ слишкомъ много жалкихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи. Если желать непремѣнно примѣнить эти слова не къ Петру, а къ кому-нибудь другому, то изъ этого можно только вывести примѣненіе вообще ко всѣмъ христіанамъ, если не пожелать окончательно извратить смыслъ этихъ словъ. Всѣ, имѣвшие несчастье соблазнить своими слабостями своихъ братьевъ, должны послѣ своего обращенія искупить соблазнъ, укрѣпляя въ вѣрѣ тѣхъ, которыхъ они ослабили въ христіанской жизни.

„Если этихъ словъ достаточно для того, чтобы поставить папу, то кто изъ христіанъ не долженъ быть папой. Четвертое Евангеліе разсказываетъ событіе, слѣдующее за предшествующимъ и которое мы не можемъ обойти молчаніемъ. Оно происходитъ послѣ воскресенія. Мы изучимъ его во всѣхъ подробностяхъ, сопровождающихъ и объясняющихъ его. Св. Лука передаетъ намъ отреченіе Петра слѣдующими двумя характерными словами, которыхъ нѣтъ въ другихъ Евангеліяхъ.

„Господь, обратившись, взглянулъ на Петра; и Петръ вспомнилъ слова Господни, какъ онъ сказалъ ему: прежде чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, отречешься отъ меня трижды“. И вышедши вонъ, горько заплакалъ (Лука XXII, 61—62).

„Эта горесть раскаянія должна была быть прискорбной для ренегата. Взглядъ Іисуса выражалъ, безъ сомнѣнія, кротость и милосердіе, позволявшее апостолу надѣяться. Но Іисусъ хотѣлъ ему дать нѣчто большее, чѣмъ взглядъ, и этимъ объясняется отдѣльное явленіе Іисуса св. Петру послѣ воскресенія (I посл. къ Коринѳ., XV, 5).

„Этому отдѣльному явленію Іисуса хотѣли придать значеніе, котораго оно не имѣло. Это милость, которую отецъ даетъ своему раскаявшемуся блудному сыну. Но милосердіе не даетъ главенства.

„Магдалина была первой, увидѣвшей воскресшаго Спасителя (Маркъ XVI, 9); этого недостаточно, чтобы считать ее главнѣйшей въ апостольскомъ соборѣ. Ученики, шедшіе въ Еммаусъ, также видѣли Его раньше другихъ. Изъ этихъ явленій нельзя вывести никакого аргумента (Лука XXIV. 13.).

„Петръ, обращенный, нуждался въ утѣшеніи и поддержкѣ. Добрый пастырь, оставляющій вѣрныхъ овецъ, чтобы отыскать и принести на своихъ плечахъ пропавшихъ, даетъ ему это утѣшеніе и увѣренность въ прощеніи. Но Іисусъ не довольствовался однимъ прощеніемъ. Онъ хотѣлъ еще возстановить его въ апостольствѣ, въ которомъ онъ такъ низко палъ со времени своего отступничества. Въ Евангеліи ясно видно, что Петръ не считался однимъ изъ двѣнадцати. Это объясняетъ слова Ангела, обращенныя къ женщинамъ: „идите, скажите ученикамъ Его и Петру“ (Маркъ XVI, 7). Онъ не былъ болѣе ученикомъ дѣйствительно, онъ это подтвердилъ съ проклятіемъ онъ отлучилъ себя отъ Церкви.

„Но четвертое Евангеліе передаетъ намъ въ подробностяхъ его возстановленіе (Іоаннъ, XXI, 1—8)!

„Симонъ Іонинъ! любишь-ли ты Меня больше, нежели они? Петръ говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ Моихъ. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? Петръ говоритъ Ему: такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ. Говоритъ ему въ третій раaъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня! Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли Меня? и сказалъ ему: Господи! Ты знаешь все; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ“. (Іоан. XXI, 15—17).

Во-первыхъ, замѣчаемъ, что Іисусъ здѣсь обращается не къ апостолу, а къ „Симону сыну Іонину“.

„Слово „пасти“ не заключаетъ въ себѣ никакого главенства Можно быть пастыремъ, не будучи римскимъ папой. У Св. Павла, латинскій переводъ Библіи слово „пасти“ замѣнилъ словомъ „управлять“: posuit episcopos regere ecclesiam Dei. Грече-греческое выраженіе Ποιμαίνειν не можетъ означать: „управлять“. Между тѣмъ, хотѣли видѣть различіе въ двойномъ выраженіи Іисуса: паси Моихъ овецъ, паси Моихъ агнцевъ. Но ясно видно, что въ этомъ увѣреніи въ любви, трижды повторенномъ Св. Петромъ, заключается намекъ на его тройное отреченіе намекъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что Іисусъ прибавляетъ: любишь-ли ты Меня больше, нежели они? Какой урокъ высокомѣрію апостола, не желавшаго слушать предупрежденія своего Учителя и воскликнувшаго съ такой гордостью: „если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь“ (Матѳей XXVI. 33). Но Петръ понялъ,—вотъ почему онъ опечалился. Какъ истолковать эту печаль, если бы слова Іисуса даровали ему, какъ это утверждали, папское достоинство?

„Но Іисусъ хочетъ дать ему больше чѣмъ папство; Онъ хочетъ сдѣлать его вѣрнымъ ученикомъ, апостеломъ и пастыремъ агнцевъ и овецъ.

„Желающіе видѣть вѣрныхъ въ агнцахъ и епископовъ въ овцахъ, не знаютъ безъ сомнѣнія, что эти слова въ устахъ Іисуса употреблены были безъ различія. Такъ Онъ сказалъ: „Я посылаю васъ какъ агнцевъ среди волковъ“ (Лука X. 3).

„Не надо прибѣгать къ хитростямъ, говоритъ отецъ Мальдонатъ, чтобы рѣшить почему Іисусъ Христосъ пользовался больше словомъ „агнцы“, чѣмъ словомъ „овцы“. Тотъ, кто захотѣлъ бы это рѣшить, долженъ быть остороженъ, чтобы не подать повода къ смѣху людямъ ученымъ, такъ какъ безспорно Іисусъ называетъ агнцами тѣхъ же самыхъ, кого называетъ овцами“ (Comment in cap. XXI Ioann.).

„И если непремѣнно хотѣть дѣлать различіе, то можно найти въ этихъ словахъ двѣ степени духовности среди требующихъ пастырскаго званія. Рвеніе пастыря измѣряется степенью божественной любви къ Спасителю. Въ этой божественной любви почерпывается пища и дается тѣмъ, которые по ихъ преуспѣяніямъ въ христіанской жизни, суть овцы и агнцы.

Св. Петръ въ книгѣ Дѣяній.

„Первая глава содержитъ въ себѣ обѣщаніе Іисуса, обращенное ко всѣмъ одинаково: „вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли“ (I. 8). Въ тринадцатомъ стихѣ, авторъ перечисляетъ имена тѣхъ, которые присутствовали въ горницѣ. Онъ называетъ одиннадцать, первымъ Св. Петра и упоминаетъ о Маріи, Матери Іисуса и Его братьевъ. Въ пятнадцатомъ стихѣ Петръ встаетъ среди сто двадцати присутствовавшихъ здѣсь братьевъ и предлагаетъ выбрать апостола на мѣсто Іуды. Къ Петру, повидимому, возвращается право и честь главнѣйшаго апостола—назначенія. Но онъ предлагаетъ, а не приказываетъ. И собраніе не раздѣляетъ его мнѣнія, а предпочитаетъ бросить жеребій.

Въ слѣдующихъ главахъ мы видимъ, что всѣ апостолы совершаютъ чудеса, всѣ проповѣдуютъ и крестятъ и всѣ подвергаются одинаковымъ преслѣдованіямъ. Св. Петръ произноситъ три рѣчи. Въ первыхъ пяти главахъ „Дѣянія“ онъ является ораторомъ въ апостольскомъ соборѣ. Имѣлъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ ораторскія способности, или скорѣе не было-ли въ немъ того священнаго огня, который согласовался съ его характеромъ и который создаетъ ораторовъ и представляетъ изъ себя наилучшую науку краснорѣчія? Вѣрно то, что насколько мы его видимъ, въ этихъ пяти главахъ, занимающимъ первое мѣсто и произносящимъ рѣчи, настолько находимъ его молчаливымъ и малознающимъ во всемъ продолженіи книги. Въ этихъ трехъ рѣчахъ Св. Петра не видно наставника, говорящаго какъ власть-имущій, но вѣрнаго ученика, проповѣдующаго своего Спасителя и приписывающаго Ему одному всю сущность христіанской жизни.

Первая рѣчь обращена къ евреямъ въ день Пятидесятницы. Онъ проповѣдуетъ Божество того Іисуса, котораго они распяли. „Принявшіе слово его крестились, и въ тотъ день число вѣрующихъ увеличилось до трехъ тычячъ человѣкъ, (II. 41). Это первый опытъ употребленія въ дѣло данной ему власти: онъ разрѣшаетъ три тысячи. Слова Іисуса, сказанныя ловцу человѣковъ, съ этихъ поръ приводились въ исполненіе. Церковь была основана, и Св. Петръ положилъ ей начало.

Вторая рѣчь произнесена была у дверей храма послѣ исцѣленія хромаго. Онъ говоритъ о Іисусѣ Христѣ: „Слушайтесь Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ, а кто же не послушаетъ пророка, того истребится изъ народа“ (III. 22—23).

Но ничто здѣсь не указываетъ на то, что этотъ пророкъ будетъ имѣть намѣстника.

Въ присутствіи синедріона онъ говоритъ еще яснѣе: „Онъ есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сдѣлавшійся главой угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія; ибо нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись (IV. 11—12).

Если бы Церковь была устроена, какъ этого хотятъ римскіе богословы, то надо сознаться въ томъ, что тогда въ этой рѣчи было бы много недосказаннаго и много двусмысленностей, недостойныхъ апостольской рѣчи.

Въ пятой главѣ, Св. Петръ наказываетъ съ большой строгостью ложь.

Желавшіе видѣть въ наказаніи Ананія и Сапфира только лишь желаніе показать

свою власть надъ жизнью и смертью людей и наложеніе на нихъ принудительныхъ наказаній не поняли, что это было только чудо, предназначенное для внушенія первымъ христіанамъ отвращенія ко лжи.

Ни одинъ изъ римскихъ богослововъ никогда не осмѣливался утверждать что власть совершать чудеса была наслѣдственной для римскимъ папъ.

Когда дѣло касается назначенія діаконовъ (II), Петръ также стушевывается. Двѣнадцать апостоловъ только предлагаютъ, а община назначаетъ и представляетъ; апостолы возлагаютъ руки (I. 6).

Когда апостолы узнаютъ объ успѣхѣ Евангелія въ Самаріи, они рѣшаютъ послать туда Петра и Іоанна.

Такимъ образомъ самъ Петръ получаетъ назначеніе отъ своихъ сотоварищей и исполняетъ ихъ приказанія (VIII. 14—15).

Св. Петръ посѣщаетъ Церкви Іудеи, Галилеи и Самаріи (IX. 31—32).

Въ этомъ путешествіи опять-таки хотѣли видѣть пользованіе своимъ правомъ надъ всей Церковью. Это былъ пастырскій обходъ и ничего больше. Онъ продолжаетъ свое путешествіе до Лидіи, чтобы посѣтить всѣхъ святыхъ (IX. 32). Все это не превышаетъ права и долга всякаго пастыря и даже самаго незначительнаго сельскаго священника.

Св. Павелъ въ свою очередь говоритъ намъ, что онъ также изнемогалъ отъ заботъ о всѣхъ Церквахъ (II посл. къ Коринѳ., гл. XI. 28). Мы никогда не думали выводить изъ этого заключеніе, что Св. Павелъ былъ главой Церкви вселенной. Тоже самое впрочемъ сказано въ двухъ различныхъ мѣстахъ книги „Дѣяній“ (XVI, 4—5 и XVIII, 23). И онъ простиралъ гораздо дальше, чѣмъ Св. Петръ границы своего вѣдомства, если угодно назвать вѣдомствомъ, этотъ очень обыкновенный случай миссіонерскаго обхода. Когда христіане Іудеи узнали о поведеніи Св. Петра въ Кесаріи и съ сотникомъ Корниліемъ, эта новость произвела соблазнъ между братьями. И когда Св. Петръ пришолъ въ Іерусалимъ, вѣрные обрѣзанные обратились къ нему съ упреками (XI. 1—3).

Такое положеніе чрезвычайно скромно для главнѣйшаго изъ апостоловъ, но продолженіе главы еще ярче оттѣняетъ подчиненное положеніе Св. Петра. Петръ объясняетъ свое поведеніе передъ обвинительнымъ собраніемъ, смиренно защищается и для своего оправданіи, онъ ссылается не на свою власть, а на откровенія неба, которыя предписали ему его поведеніе. И когда онъ такимъ образомъ, снялъ съ себя вину, его оправдываютъ: „выслушавъ это, они успокоились и прославили Бога (XI. 1—18).

Глава двѣнадцатая разсказываетъ о заключеніи въ тюрьму Св. Петра и о его чудесномъ освобожденіи. Онъ приходитъ въ домъ матери Марка, гдѣ въ это время собрались для молитвы. Онъ спѣшитъ прежде всего сообщить эту новость Іакову и братьямъ. Эта новая личность, появляющаяся здѣсь и съ этихъ поръ занимающая первое мѣсто, не братъ Іоанна, но братъ Господа, какъ намъ объ этомъ говоритъ Св. Павелъ.

„Потомъ вышедши, пошелъ въ другое мѣсто“ (XII. 17). Для желающихъ, чтобы это другое мѣсто ἕτερον τόπον—было Римомъ, надо признать, что это странный способъ указанія на столицу міра, тогда какъ маленькія мѣстечки, какъ Іоппія и Лидія указаны подъ своими именами. Это объясненіе совершенно лишено всякаго рода основанія въ текстѣ и находится въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣмъ немногимъ, что мы знаемъ относительно дальнѣйшихъ судебъ Св. Петра.

Въ большой распрѣ, смущавшей Антіохійскую Церковь, Св. Петръ не имѣетъ не только необходимаго авторитета чтобы разрѣшить этотъ споръ, но делегаты этой церкви, идущіе въ Іерусалимъ, чтобы найти свѣтъ, не помышляютъ даже пойти къ нему на совѣщаніе (XV). Церковь собирается и начинаются большія пренія. Пробовали приписать Св. Петру, въ этомъ обстоятельствѣ роль, принадлежащую главнѣйшему

изъ апостоловъ и главѣ церкви. Въ книгѣ „Дѣяній“ нѣтъ ничего, что позволяло бы намъ такъ думать.

1. Онъ не созываетъ собора „Апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла“ (XV. 6—7).

2. Не онъ говоритъ первымъ, такъ какъ до него было большое преніе.

3. Его слова не были догматическими постановленіями, но то была рѣчь оратора, высказавшаго свое мнѣніе. По его мнѣнію, „обращенные язычники получили Духа Святаго „какъ и мы“ (ст. 8). Замѣчательны эти послѣднія слова.

4. Послѣ его рѣчи не только не прекратился и вопросъ не считался рѣшеннымъ, но были выслушаны въ почтительномъ молчаніи рѣчи Варнавы и Павла.

5. Только Іаковъ прекращаетъ споръ, излагаетъ сущность пренія, выводитъ заключеченія и дѣлаетъ постановленія.

6. Наконецъ, послѣ Собора, когда дѣло идетъ объ обнародованіи указовъ, то это исполнено было отъ имени апостоловъ, пресвитеровъ и всей церкви.

7. Это собраніе признавало только одинъ авторитетъ, какъ это видно изъ „декрета: „Угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ... (24, 28).

Таковъ былъ этотъ соборъ, гдѣ образъ дѣйствія церкви апостольской, открылъ намъ ея устройство въ первыя ея засѣданія. Власть учительская и дисциплинарная имѣла случай подтвердиться и мы видимъ, что въ первобытной церкви не было начальника высшаго и непогрѣшимаго, намѣстника Іисуса Христа.

Мы невольно должны остановиться здѣсь относительно книги „Дѣяній“, такъ какъ несмотря на то, что мы находимся только въ пятнадцатой главѣ и что книга эта содержитъ еще тринадцать главъ, въ этой нигдѣ больше не упоминается о личности св. Петра.

Св. Петръ въ посланіяхъ.

I. Посланія св. Павла.

Надо замѣтить то заботливое стараніе, съ которымъ св. Павелъ въ началѣ своихъ посланій и во всѣхъ случаяхъ, подтверждаетъ свое апостольское право, которое зависитъ ни отъ апостола, ни отъ какого-либо человѣка, но прямо отъ Бога. (I къ Коринѳ., I. 1; II. къ Коринѳ. I. 1; къ Гал. I. 1; къ Ефес. I. 1; къ Колос. I. 1; I. къ Тим. I. 1; II къ Тим., I. 1).

Сила этого аргумента не можетъ быть уменьшена, такъ какъ если апостолъ языковъ могъ получить прямое призваніе отъ Бога вмѣстѣ съ властью, законно установленной, то надо признать, что самъ Богъ способствовалъ уменьшенію престижа Своего представителя и вселилъ смущеніе въ умы людей,

Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (I. 10 и слѣд.) упоминается о св. Петрѣ.

По поводу партій, раздѣлявшихъ Коринѳскую церковь. Дѣйствительно, тамъ Евангеліе плохо было понято. Были христіане, ссылавшіеся на имена людей. Они говорили: я—Павловъ, а я—Аполлосовъ, а я—Кифинъ. Вотъ корень этого заблужденія, которое ищетъ видимую главу для своей вѣры, намѣстника Іисуса Христа. Эти грѣшные люди нуждались въ камнѣ вещественномъ и осязаемомъ для поддержки своей вѣры. Имъ недостаточно было Бога живаго и Христа, живущихъ въ насъ. Это заблужденіе старо, какъ само христіанство, до такой степени оно присуще человѣческой слабости; „душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія“ (I къ Коринѳ., II. 14).

Какъ краснорѣчиво Павелъ напоминаетъ имъ о ихъ настоящемъ камнѣ спасенія. „Развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились?“ (I. 13).

Если они не понимаютъ его ученія, то потому только, что грѣшные люди (III. 1). Основаніе нашей вѣры, камень на которомъ мы должны строить, это Христосъ (III. 10).

„Никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ“ (III. 11). Что касается людей, они ничето больше, какъ только орудія (III. 21—23). Какъ бы эти люди ни называли себя: Павловыми, Аполлосовыми или Кифовыми, это не важно. Они только люди, „Вы же Христовы, а Христосъ Божій“ (III. 23).

„Вотъ конечно самое прекрасное опроверженіе для тѣхъ, которые злоупотребили текстомъ „Tu es Petrus“... для того, чтобы поставить видимую главу на мѣсто Христа и для имѣвшихъ притязанія на то, чтобы церковь основывалась на человѣкѣ.

„Замѣчательно то, какъ мало вниманія обращаетъ апостолъ на тѣхъ, которые ссылаются на имя Петра, такъ же какъ и на тѣхъ, которые призываютъ имена Павла или Аполлоса. Они не счастливѣе другихъ. И между тѣмъ они находятся съ Петромъ намѣстникомъ Іисуса Христа! Кажется, что эти-то, по крайней мѣрѣ, избрали благую часть и что они обезпечены въ самомъ строгомъ православіи.

„Но св. Павелъ предчувствовалъ опасность и предвидѣлъ заблужденіе которое должно будетъ укорениться нѣсколько вѣковъ спустя, когда истинное ученіе апостоловъ будетъ омрачено ошибками и людскимъ многословіемъ.

„Въ это время онъ умѣетъ поднять знамя своего Евангелія. „Каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей тайнъ Божіихъ. Отъ домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался вѣрнымъ“ (IV, 1 и 2).

„Вотъ чѣмъ долженъ быть Павелъ, такъ-же какъ Аполлосъ и такъ-же какъ Кифа; ничѣмъ другимъ! Когда же апостолъ исполнилъ свое назначеніе онъ стушевывается. Тотъ, Кто былъ за насъ распятъ и во имя Кого мы были крещены, тотъ имѣетъ право пребывать и пребываетъ (I, 13.) Онъ одинъ есть основаніе и „никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ“ (III. 11).

„Такъ говоритъ св. Павелъ, тотъ самый Павелъ, который объявилъ тѣмъ же самымъ коринѳянамъ: „я думаю, что у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ величайшихъ апостоловъ“ (II къ Коринѳ., XI., 5, 13—20 и XII, 1, 4—11).

„То же самое ученіе онъ проповѣдуетъ въ своемъ посланіи къ ефесянамъ: „бывъ утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святый храмъ, во Господѣ“ (къ Ефес. II, 20, 21).

„Св. Павелъ не считаетъ Св. Петра камнемъ Церкви; онъ ясно даже говоритъ: „камень же былъ Христосъ“ (I къ Коринѳ., X. 4).

„Въ посланіи къ галатамъ есть историческій разсказъ, ярко освѣщающій вопросъ, который мы изучаемъ.

„Боссюэтъ хотѣлъ вывести доказательства изъ слѣдующихъ словъ: „я ходилъ въ Іерусалимъ, видѣться съ Петромъ“ (I, 18).

„Въ этомъ посѣщеніи Св. Павла хотѣли видѣть актъ послушанія главнѣйшему изъ апостоловъ.

„Мы уже констатировали съ какой энергіей св. Павелъ утверждаетъ независимость своего апостольства относительно всякой человѣческой власти. Во всѣхъ своихъ посланіяхъ, Св. Павелъ старается доказать, что онъ зависитъ непосредственно отъ Бога. Онъ пишетъ къ Тимоѳею: „по славному благовѣстію блаженнаго Бога, которое мнѣ ввѣрено“ (I къ Тимоѳею, I, 11).

„Я отъ самаго Господа принялъ то, что вамъ передалъ“ (I къ Кор. XI, 23). Такъ говорилъ тотъ кто сказалъ: „апостолъ, избранный не человѣками и не черезъ человѣковъ, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ отцомъ“ (къ Гал. I. 1).

„Но говорятъ, что будто бы онъ пошелъ провѣрять свое ученіе съ ученіемъ намѣстника Христа. Въ текстѣ I. 18 нѣтъ ничего подобнаго; и кромѣ того, эта провѣрка не допустила-ли бы она какъ бы сомнѣнія относительно его откровенія.

„Послѣдуемъ за нимъ въ его разсказѣ. Чудесно обращенный и призванный про

повѣдывать Іисуса Христа среди язычниковъ, онъ тотчасъ же былъ порабощенъ и не сталъ совѣтоваться ни съ какимъ человѣческимъ авторитетомъ (къ Гал. I, 16). Ему не трудно бы было пойти въ Іерусалимъ видѣться съ тѣми, которые были апостолами раньше его, и сдѣлать эту провѣрку своей проповѣди. Онъ открыто заявляетъ, что онъ не сдѣлалъ этого, а пошелъ въ Аравію (къ Гал. I, 17 и книга Дѣяній IX, 20).

„Спустя три года уже, онъ идетъ видѣться въ Петромъ и говоритъ, что также видѣлъ Іакова, брата Господня. Они именно изъ тѣхъ, которые были апостолами раньше его: это вопросъ старшинства, а не первенства.

„Четырнадцать лѣтъ спустя, онъ возвращается въ Іерусалимъ. Онъ приходитъ не потому что его призвали власти, а по откровенію (II, 2).

„Онъ говоритъ, что объяснилъ вѣрнымъ и въ особенности наиболѣе уважаемымъ Евангеліе, которое онъ проповѣдывалъ среди язычниковъ. Если въ этомъ виденъ актъ послушанія, то надо согласиться, что оно не въ пользу св. Петра, въ которомъ онъ видитъ только „апостола обрѣзанныхъ" (6—8), включенный въ число тѣхъ, которые „кажутся чѣмъ-нибудь значительнымъ" (τῶν δοκούντων εἶναί τι).

„Надо также согласиться, что эта провѣрка произошла бы очень поздно, такъ какъ только семнадцать лѣтъ спустя послѣ своего обращенія и послѣ семнадцатилѣтней апостольской жизни онъ вспомнилъ о своемъ послушаніи. Онъ дѣлалъ это, говоритъ онъ, изъ боязни „пойти или придти напрасно" (I, 2). Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало условиться относительно образа дѣйствій и способа проповѣдыванія, чтобы не расточить безполезно драгоцѣнныя силы. Онъ старается также утвердить законность своего апостольства въ глазахъ тѣхъ, которые оспариваютъ это. Онъ можетъ съ этихъ поръ сказать своимъ противникамъ: сами начальники ваши (οἱ δοκοῦντες) (наиболѣе уважаемые) подали мнѣ руку товарищества (δεξίας ἔδωκαν ἐμοί καὶ βαρνάβὰ υοινωνίας.).

„Такимъ образомъ дѣло только въ согласіи и товариществѣ, и этимъ онъ заставитъ молчать своихъ враговъ, которые утверждали, что церковь Іерусалимская осудила его. Отнынѣ онъ пріобрѣтетъ силу, благодаря тремъ наиболѣе уважаемымъ именамъ: Іакову, Кифѣ и Іоанну (II, 6).

„Это, конечно, не благоустроенное управленіе, но три лица, образующія нѣчто въ родѣ тріумвирата.

„Кифа названъ здѣсь послѣ Іакова.

„Этому лицу св. Петръ всегда уступаетъ первенство. Мы уже видѣли его на соборѣ въ Іерусалимѣ, мы еще увидимъ св. Петра въ Антохіи, трепетавшимъ при одномъ приближеніи его пославшихъ.

„Этотъ Іаковъ—вовсе не сынъ Зеведея, о смерти котораго упоминается въ XII главѣ „Дѣяній", послѣдовавшей въ сорокъ четвертомъ году, по приказанію Ирода Агриппы, хотѣвшимъ этимъ пріобрѣсти расположеніе евреевъ.

„Это братъ Господа, какъ говоритъ св. Павелъ въ 19 стихѣ. Четвертое Евангеліе извѣщаетъ насъ, что „сами братья Іисуса не вѣрили въ него". Обращенный, безъ сомнѣнія, смертью Христа, ему явился его воскресшій братъ (I къ Корин. XV, 7). По всей вѣроятности, онъ былъ съ апостолами въ горницѣ въ день пятидесятницы („Дѣянія" (I, 14).

„Благодаря своему званію брата Господня, онъ скоро пріобрѣтаетъ очень замѣтное вліяніе въ рождающейся церкви, до такой степени, что занимаетъ мѣсто среди апостоловъ.

„По наслѣдственному праву, онъ заступаетъ мѣсто Христа; по этому же закону послѣ его смерти выбрали его преемникомъ, его двоюроднаго брата Симеона, сына Клеопы [1]).

---

[1]) „Онъ былъ предпочтенъ всѣми въ качествѣ брата Господня". Hègésippe cité par Eusèbe, H. E., IV, 22—4.

„Изъ этого видно, какъ мало расположены были умы въ Іерусалимѣ признавать главенство въ лицѣ св. Петра, и въ перечисленіи св. Павломъ трехъ столбовъ церкви существовало старшинство. Іакова, Кифу и Іоанна, св. Павелъ называетъ столпами."

„Онъ даже заботится объ опредѣленіи значенія ихъ достоинства слѣдующими словами: (οἱ δοκοῦντες στῦλοι εἶναι) (II. 9). „Тѣ, которые кажутся столпами". Это скорѣй фактъ, чѣмъ право, положеніе, пріобрѣтенное достоинствомъ лицъ, это вовсе не божественное право. Это выраженіе „столпы" объясняетъ роль Петра и имя, которое онъ получилъ. Камень есть, безъ сомнѣнія Христосъ, но на атомъ камнѣ Христосъ пожелалъ воздвигнуть столпы, которые служатъ опорой Его церкви. Съ ними раздѣляютъ эту честь всѣ дѣятельные работники перваго часа и которые по прекрасному выраженію римскаго требника въ апостольской службѣ, въ своей крови создали Церковь: „Isti sunt qui, viventes in carne, plantaverunt Ecclesiam in sanguine suo".

„Мы подходимъ къ знаменитому сопротивленію Антіохіи. Предъ приходомъ посланныхъ отъ Іакова, Св. Петръ ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками. Но когда тѣ пришли, онъ сталъ таиться и устраняться, „опасаясь обрѣзанныхъ" (къ Гал., II. 12, 13).

„Такое поведеніе великаго апостола вполнѣ согласно съ тѣми свойствами его, которыя мы знаемъ. Оно показываетъ, во всякомъ случаѣ, что онъ былъ далекъ отъ того, чтобы считать себя наставникомъ, такъ какъ онъ боялся одного своего сотоварища до того, что сразу мѣняетъ свое поведеніе, какъ будто боялся быть порицаемымъ. Но въ глазахъ св. Павла это большая вина и заключаетъ въ себѣ пагубное и соблазнительное заблужденіе. „Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи, такъ что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемѣріемъ" (II. 13). Это больше чѣмъ ошибка, это заблужденіе, это даже отрицаніе Евангелія: (οὐκ ὀρθοποδοῦσι πρὸς τὴν ἀλήθειαν τοῦ εὐαγγελίου).

„Равенство христіанъ различнаго происхожденія есть важный догматическій вопросъ. Къ несчастію, не было средства разобрать, говорилъ-ли св. Петръ ex cathedrâ или—какъ частный наставникъ, и пройдетъ нѣсколько вѣковъ прежде чѣмъ будетъ придумано это спасительное различіе. У св. Павла оставалось толь ко одно средство, это „противустоять ему, потому что онъ подвергался нареканію" (II. 11): κατὰ πρόσωπον αὐτῷ ἀνέστην ὅτι κατεγνωσμένος ἦν..

„Надо признать, что непогрѣшимость св. Петра разбилась въ Антіохіи въ то-же время какъ его мнимое преимущество, поставленное между св. Павломъ и Іаковомъ, ограниченное съ двухъ сторонъ, становится съ этихъ поръ недоказываемымъ.

„Св. Павлу мы обязаны въ этомъ обстоятельствѣ, торжествомъ истины. Слава эта тѣмъ болѣе заслужена, что онъ сдѣлалъ это съ замѣчательнымъ мужествомъ и священнымъ ужасомъ ко лжи: всенародно онъ выговариваетъ тому, кто казалось былъ столпомъ ἔμπροσθεν πάντων (II. 14).

„Чтобы избѣжать подавляющихъ заключеній изъ этого разсказа, прибѣгли къ хитрости самыми жалкими увертками.

„Этотъ Кифа говорили, не тотъ же, что апостолъ Петръ.

„Но кромѣ этого мѣста, вездѣ о немъ говорится какъ объ апостолѣ Петрѣ. Евангеліи возвѣщаютъ намъ, что Симонъ назывался Петромъ или Кифой (Іоаннъ, I. 42).

„Кто-же этотъ другой Кифа, который былъ бы поставленъ между Іаковомъ и Іоанномъ и заслуживалъ бы названія „столпа церкви"? И кто-бы это могъ быть такое важное лицо, что если оно не великій апостолъ о которомъ говоритъ авторъ посланія, то всѣ разсужденія становятся ложными. Сила этого аргумента дѣйствительно извлечена изъ смѣлости съ которой апостолъ Павелъ противился самымъ значительнымъ лицамъ въ церкви Іерусалима, чтобы защитить свое Евангеліе, Между Іаковомъ, братомъ Господнимъ и Іоанномъ, котораго книга Дѣяній постоянно помѣщаетъ возлѣ св. Петра, третьимъ лицомъ этого тріумвирата не можетъ быть никто иной, какъ только этотъ Кифа, имя котораго обозначаетъ камень и на котораго церковные писатели указываютъ намъ, какъ на Симона, сына Іоны.

„II. Посланія св. Петра.

„Въ своихъ посланіяхъ, св. Петръ называетъ себя „апостоломъ Іисуса-Христа и апостоломъ и служителемъ Іисуса Христа". Тѣ, которые отрицаютъ достовѣрность этихъ посланій, тѣмъ не менѣе должны оцѣнить достоинство ихъ свидѣтельства, такъ какъ онѣ исходятъ къ нимъ отъ одного ученика св. Петра, желающаго сдѣлать достовѣрнымъ свое свидѣтельство.

„Въ этихъ посланіяхъ св. Петръ не знаетъ тѣхъ именъ, которыя ему даровалъ Іисусъ, или же скрываетъ ихъ изъ скромности. Мы уже говорили, что надо думать объ этой скромности.

„Первое посланіе особенно драгоцѣнно для объясненія нашего текста. Авторъ настаиваетъ съ замѣчательной увѣренностью на той мысли, что Христосъ есть основной камень. Сами христіане суть живые камни; и церковь есть домъ духовный, единственный и основной камень котораго, есть Іисусъ Христосъ (I Петра, II. 1—10). „Приступите къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному драгоцѣнному [1]), и тогда вы сами какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу чрезъ Іисуса Христа".

„Дѣйствительно читаемъ въ писаніи:

„Вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный; и вѣрующій въ Него не постыдится [2]).

„Итакъ Онъ для васъ вѣрующихъ драгоцѣнность, а для невѣрующихъ:

„Камень, который отвергли строители, но который сдѣлится главой угла [3]).

„Камень претыканія и камень соблазна" [4]).

„Они претыкаются не покоряясь слову, за что они и оставлены.

„Но вы, родъ избранный [5]), царственное священство, народъ святый [6]); люди, взятые въ удѣлъ, чтобы возвѣщать совершенство [7]).

„Призывавшаго васъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ; прежде не народъ [8]), а нынѣ народъ Божій [9]), прежде непомилованные [10]) а нынѣ помилованы.

„Это самое прекрасное объясненіе текста „Tu es Petrus..." и оно намъ дано тѣмъ, кто имѣлъ болѣе всѣхъ право сказать намъ, какой былъ основной камень церкви и какимъ образомъ, положившіе этотъ камень, открываютъ и закрываютъ двери неба.

„З А К Л Ю Ч Е Н І Е.

„Что же остается отъ этого знаменитаго текста: „Tu es Petrus..."? Это слова, въ болѣе или менѣе подлинныхъ выраженіяхъ и которыя не имѣли того значенія, которыя имъ придали впослѣдствіи. Слово, которымъ бы Іисусъ намѣчалъ Петру роль, которую онъ долженъ былъ бы исполнить въ основаніи Его царства. Эти слова до такой степени лично относятся къ апостолу, такъ оторваны отъ всего ученія и отъ всякой догмати-

[1]) Пс., 118.22.—Исаія XXVIII, 16.
[2]) Пс., 118. 11.
[3]) Esaïe, VIII. 14.
[4]) Esaïe, XLIII. 10.
[5]) Exode, XIX. 6.
[6]) Esaïe, XLIII. 11,
[7]) Osée, II. 15.
[8]) Ibid.
[9]) Ibid.
[10]) Ibid.

ческой мысли, что въ продолженіи почти полу-вѣка онѣ находились только въ устномъ преданіи. Ни одинъ изъ священныхъ писателей, какъ изъ бывшихъ очевидцами такъ и изъ принявшихъ изъ вторыхъ рукъ слова и дѣянія, приписываемыя Іисусу, не подумалъ помѣстить ихъ въ свои письмена.

„Если одно изъ четырехъ Евангелій считается какъ бы отголоскомъ проповѣди св. Петра, то оно такъ же молчитъ, какъ и другія.

„Самъ апостолъ, къ которому обращены были эти слова, никогда не упоминаетъ о нихъ, ни въ своихъ посланіяхъ, ни въ своихъ рѣчахъ. Онъ не только скрываетъ фактъ, долженствующій быть главнымъ въ его ученіи, но даже исключаетъ всякую мысль о какомъ-либо преимуществѣ, которое Іисусъ приписалъ-бы ему надъ сотоварищами или въ церкви. Единственное Евангеліе, передающее намъ эти слова Іисуса, но во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ совершенно исключающее существованіе главенства Петра надъ другими апостолами, есть именно то, которое подверглось передѣлкѣ и получило добавленія къ своему первоначальному составленію.

„Евангельская исторія, которую мы затѣмъ просмотрѣли въ ея главнѣйшихъ документахъ, не оставляетъ слѣда какого либо первенства въ апостольскомъ соборѣ. Если какая-либо церковь, повидимому принимаетъ съ самаго начала извѣстное направленіе и если есть какое-либо лицо, пользующееся значительнымъ вліяніемъ среди двѣнадцати апостоловъ, то эта церковь Іерусалима и лицо это есть братъ Господа. Но ни книга „Дѣяній“, ни посланіе свв. Павла и Петра, ни какая-либо книга Новаго Завѣта не выдаютъ нигдѣ существованія церковнаго устройства съ властью сосредоточенной. Это молчаніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что принимая во вниманіе содержаніе обсужденныхъ вопросовъ и періодъ времени основанія, невозможно было бы скрыть устройство, установленное самимъ Іисусомъ Христомъ.

„Исторія доводитъ до нашего свѣдѣнія, что апостолы основали не одну церковь, а церкви независимыя одна отъ другой. Мало-по-малу и медленно нѣкоторыя мѣстныя церкви, пріобрѣли значительное вліяніе въ своей области.

„Петръ остается тѣмъ, чѣмъ былъ всегда въ цѣпи Евангельскихъ разсказовъ: однимъ изъ тѣхъ смиренныхъ камней, которые Іисусъ подобралъ на берегу Тиверіадскаго моря, которые Онъ преобразовалъ Своимъ божественнымъ дыханіемъ и которые Онъ положилъ первыми въ основаніе того зданія, которымъ долженъ былъ быть великій христіанскій народъ. Іисусъ хотѣлъ царства; Его апостолы могли дать Ему только церковь или скорѣе церкви, гдѣ повторяютъ каждый день и по всякому поводу одну и ту-же молитву: „Да пріидетъ Царствіе Твое“.

„Въ ожиданіи побѣды, Онъ царствуетъ, но Его царство не отъ міра сего. Онъ самъ не избралъ себѣ намѣстника, такъ какъ не желалъ быть царемъ, царствующимъ но не правящимъ.

„Надъ всѣми духовными преградами и историческими измѣненіями, стоитъ не отрекшійся Христосъ, царствующій во всѣхъ сердцахъ, въ двери которыхъ Онъ стучался и гдѣ Ему открыли. Такимъ образомъ, въ ожиданіи окончательной побѣды, слова Іисуса пребываютъ вѣчно истинными: „Одинъ пастырь и одно отадо“.

„Защитники папства начнутъ по поводу выводовъ священника Буррье доказывать, что онъ смотритъ на священное Писаніе съ протестантской точки зрѣнія, чего, по ихъ мнѣнію вполнѣ достаточно чтобы обѣлить папство. Мы же съ своей стороны, не оспаривая того что у аббата Буррье протестантская точка зрѣнія, укажетъ лишь на то, что самый протестанизмъ вызванъ злоупотребленіями папства; а какъ злоупотребленія эти не прекращаются то протестанизмъ не перестаетъ усиливаться въ прогрессивной пропорціи, благодаря отчасти нашей индеферентности къ распространенію православія. Окажи православіе поддержку старокатолической и англиканской Церквамъ, и эти Церкви, приближающіяся къ православію, стали бы быстро усиливатьси вы-

ходцами изъ Римской Церкви, примыкающими нынѣ къ протестантизму. Непогрѣшимость папства порицается католиками же всевозможными видами:

Священникъ Шавардъ (Chavard) выступившій, по этому же поводу изъ Римской Церкви, издалъ въ 1899 г. книгу подъ заглавіемъ: „Безбрачіе, священникъ и женщина“. (Le Celibat, le prêtre et la femme) въ которой приводитъ между прочимъ списокъ незаконнорожденныхъ папъ (Papes batards).

(*Извлечено изъ родословныхъ 26 папъ*).

1)	Папа	Гозіусъ,	незаконно-рожденный	сынъ	субъ-діакона	Стефана.
2)	»	Бонифацій	„	«	священника	Юкунда (Jucundus).
3)	»	Феликсъ,	»	„	„	Феликса.
4)	»	Агапетъ,	»	„	»	Гордіанипа.
5)	„	Деусдедитъ,	„	»	»	Іоконда.
6)	„	Стефанъ I,	„	»	»	Юлія.
8)	»	Феликсъ III,	»	„	„	Феликса.
9)	»	Домнъ,	»	»	»	Маврикія
7)	»	Зосимъ,	»	»	»	Авраама.
10)	»	Сисинній,	»	»	»	Іоанна.
11)	»	Адріанъ III,	»	»	»	Бенуа.
12)	»	Формозъ,	»	»	»	Льва.
13)	»	Стефанъ VI,	»	»	»	Іоанна и куртизанки.
14)	«	Ляндонъ, (911 г.)	»	»	»	Анастасія.
15)	»	Бонифатій,	»	»	»	Фугруція и куртизанка.
16)	»	Іоаннъ XV,	»	»	»	Льва.
17)	»	Сергій IV,	»	»	»	Мартина.
18)	„	Өеодоръ,	„	„	Ерусалимскаго епископа Өеодора.	
19)	„	Сильверій,	„	„	Римскаго епископа Сильверія.	
20)	„	Гелласій,	„	„	епископа Валерія.	
21)	»	Іоаннъ X,	„	„	Булонскаго епископа Іоанна.	
22)	„	Григорій XIV,	„	„	Амальфійскаго архіепископа Сфондрато.	
23)	„	Іоаннъ XI	„	„	папы Сергія III и Морозіи жены Альберта маркграфа Тосканскаго,	
24)	„	Венедиктъ XII,	„	„	папы Іоанна XXII и его сестры.	
25)	„	Евгеній IV,	„	„	папы Григорія XII и монашенки Бенедиктинки.	

26) „ Александръ VI, Боржія произошелъ отъ кровосмѣшенія папы Каликста III и его сестры Іоанны.

Нѣмцы, за исключеніемъ австрійцевъ, зная, что такое курія Ромы, давно отстали отъ папства и потому были въ силахъ образовать могущественное государство; хотя сохранившееся еще отчасти въ Германіи латинство и ослабляетъ ее. Между тѣмъ государства, находящіяся въ связи съ папствомъ, клонятся къ упадку и ищутъ опоры у другихъ независимыхъ отъ папы народовъ.

Уступки, сдѣланныя папой французамъ, наглядно доказываютъ, что папы, признанные на Ватиканскомъ соборѣ непогрѣшимыми, не всегда были таковыми, несмотря на утвержденіе ими противнаго, такъ какъ они ошибались не разъ въ своихъ приговорахъ и рѣшеніяхъ до такой степени, что послѣдующіе папы проклинали то, что утверждали и благословляли ихъ предшественники. Что разрѣшалось католикамъ одного государства, монархъ котораго былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой, то подъ угрозой проклятія воспрещалось католикамъ другого государства, если его правитель былъ въ немилости у папы. Между тѣмъ святая вѣра учитъ, что то, что несогласно съ основами вѣры и церкви, должно быть воспрещено всѣмъ вообще христіанамъ—въ какомъ бы государствѣ они ни находились; то же, что не противно ученію вѣры, — должно быть позволено всѣмъ вѣрующимъ, гдѣ бы они ни жили; для этого не нужно особаго

расположенія папъ и какихъ-либо конкордатовъ съ папами; единственнымъ условіемъ этого является святая вѣра и ея непоколебимыя основанія. Святая вѣра для папства это старье, которое они могутъ возобновлять сообразно своему произволу и пониманію, для христіанъ же вѣра—это духовное достояніе людей, внушенное имъ самимъ Господомъ Богомъ; правила соблюденія вѣры даны людямъ самимъ Богомъ и разъяснены Его апостолами. Поэтому никакіе матеріальные интересы, никакія земныя блага, никакое даже величайшее свѣтское могущество церкви, не въ силахъ замѣнить вѣры; поэтому не могутъ быть намѣстниками Христа и преемниками апостоловъ тѣ, кто приноситъ святую вѣру въ жертву трону папскаго государства, препятствуетъ ея распространенію и вызываетъ разладъ въ стадѣ Христовомъ. Съ подобными папами и преемниками апостоловъ не долженъ мириться ни одинъ истинный послѣдователь вѣры Христовой; не долженъ онъ обращать вниманіе на проклятія и отлученія, бросаемыя на міръ и его жителей съ высоты ватиканскаго престола, вознесеннаго не покорностью и смиреніемъ апостольскимъ, но роскошью и гордыней. Гораздо больше значенія имѣютъ для каждаго христіанина рѣшенія соборовъ апостольскихъ, изъ которыхъ первый состоялся во время скромной вечери, второй—въ частномъ іерусалимскомъ домѣ, гдѣ было выбрано 7 дьяконовъ; третій апостольскій соборъ созванъ былъ въ 50 году въ Іерусалимѣ; на немъ апостолы, священники и вѣрующіе освободили язычниковъ, пріемлющихъ христіанство отъ соблюденія нѣкоторыхъ обрядовъ, установленныхъ Моисеемъ, къ исполненію которыхъ принуждалъ ихъ апостолъ Петръ.

Эти скромныя рѣшенія, проникнутыя христіанскимъ смиреніемъ и любовью, не имѣютъ ничего общаго съ трескучими папскими декретами уснащенными проклятіями и анаѳемами, провозглашающими огонь и мечъ, какъ лозунгъ спасенія, завѣщанный цезаро-папизмомъ.

ГЛАВА XIII.

Многіе изъ благомыслящихъ людей, вдумываясь въ ходъ историческихъ событій, задавались вопросомъ: въ чемъ главная причина нерасположенія и даже открытой ненависти поляковъ къ Россіи? Этотъ важный вопросъ разрѣшаютъ различнымъ образомъ. Преимущественно утверждаютъ, что ненависть эту вызвалъ у поляковъ раздѣлъ Польши.

Это заявленіе не разрѣшаетъ, однако, вопроса, ибо въ такомъ случаѣ подобная же ненависть должна быть у поляковъ по отношенію къ нѣмцамъ, которые, по заявленію польскихъ же историковъ, были зачинщиками раздѣла Польши. Не меньше ненависть должна быть у поляковъ по отношенію къ Австріи, монархиня, которой Терезія, забывъ объ услугахъ поляковъ, оказанныхъ въ разное время Австріи, въ особенности же объ освобожденіи Вѣны отъ турокъ Яномъ Собѣсскимъ,—не только не воздержалась отъ соглашенія съ королемъ прусскимъ относительно раздѣла Польши, но первая, въ 1769 году, велѣла своимъ войскахъ занять часть польской территоріи, уступленной Рѣчи Посполитой Венгріей въ качествѣ залога за занятыя ею въ XV вѣкѣ у Польши деньги [1]).

Другіе, основываясь на разныхъ брошюрахъ и статьяхъ галицкаго производства, утверждаютъ, что причина этой ненависти кроется въ преслѣдованіи русскимъ правительствомъ польскаго языка и римско-католической религіи.

Мы полагаемъ, что ни тѣ, ни другіе не правы: ненависть поляковъ къ Россіи относится къ болѣе отдаленнымъ временамъ, главная же причина этой ненависти — римскіе папы и латинское духовенство. Независимо отъ того, польскій народъ принадлежитъ къ числу тѣхъ націй, которыя считаютъ себя самыми умными въ мірѣ. Считая себя и по настоящее время цивилизаторами Россіи, поляки не могутъ простить ей того,

[1]) См. «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» Н. Чечурина.

что за каждую недостойную выходку получали отъ нея надлежащее внушеніе. „Совсѣмъ другое дѣло—нѣмцы! Тѣхъ святой отецъ прислалъ къ полякамъ въ качествѣ миссіонеровъ, и поляки должны уважать ихъ, но не „москалей“ — дикій темный народъ,— созданный исключительно для того, чтобы польское рыцарство и шляхта эксплуатировали его по своему произволу и который былъ битъ постоянно доблестнымъ польскимъ рыцарствомъ“. Сколь доблестно и мужественно было это рыцарство, о томъ свидѣтельствуютъ не только польскіе и литовскіе писатели—Мицкевичъ, Сенкевичъ и другіе, но видно также изъ доклада князя Рѣпнина императрицѣ Екатеринѣ, выдержку изъ котораго приводимъ буквально: „Отряду Хомутова (2 тысячи человѣкъ) велѣно идти къ Варшавѣ или Бѣлостоку, резиденціи гетмана Браницкаго, дабы устрашить его. Правда, этотъ отрядъ невеликъ, но *противъ поляковъ его достаточно*; я увѣренъ, *что 5 или 6 тысячъ поляковъ не только не въ силахъ отбросить отрядъ Хомутова, но не дерзнутъ даже подумать объ этомъ* [1]).

Конечно, при вышеуказанныхъ различіяхъ въ государственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, улучшеніе отношеній между поляками и русскими немыслимо и довѣріе русскихъ къ полякамъ невозможно.

Напрасно поляки утверждаютъ о своихъ изысканіяхъ способовъ единенія съ русскими. Этому противорѣчитъ польская литература не только заграничная, но и варшавская и петербургская, которая, переводя статьи изъ не-польскихъ газетъ, старается скрыть и замолчать все то, что бросаетъ истинный свѣтъ на причины ненависти поляковъ къ русскимъ; такъ „Край“ приводя бесѣду корреспондента „Новаго Времени“ (№ 7433, ноябрь 1896 года) съ итальянскимъ монахомъ (полякомъ), тенденціозно пропускаетъ слова монаха: „Несогласію поляковъ съ русскими болѣе всего способствуютъ ксендзы“. Редакторъ польской газеты „Край“ удавился бы словами правды о латинскомъ духовенствѣ въ Польшѣ, во избѣжаніе чего предпочитаетъ обманывать молодое поколѣніе ложными указаніями на состояніе страны. Начиная отъ Гильдебранда папы стремились къ всемірной свѣтской власти, чему въ концѣ концовъ воспротивились государства Западной и Сѣверной Европы. Польша вслѣдствіе тупоумія поддерживала эти стремленія римской куріи, вслѣдствіе чего преслѣдовала съ неимовѣрною настойчивостью и фанатизмомъ иновѣрцевъ, противодѣйствующихъ папскимъ притязаніямъ, постановленіямъ и канонамъ и ставила ни во что власть монархическую, подчиняясь всецѣло велѣніямъ духовенства, забравшаго въ Польшѣ власть въ свои руки.

Главное основаніе ученія этого духовенства состоитъ въ презрѣніи и ненависти къ другимъ исповѣданіямъ, преимущественно же къ православному, и въ безпрекословномъ повиновеніи папскимъ постановленіямъ, о непрестанномъ и неутомимомъ преслѣдованіи „схизматиковъ“, гдѣ это во власти латинянъ, или же въ противодѣйствіи властямъ и вызываніи смутъ въ схизматическихъ государствахъ, побороть которыхъ латиняне не въ силахъ. По правиламъ римской церкви, „схизматикъ“ изъемлется изъ подъ покровительства Божескихъ и человѣческихъ законовъ, не имѣетъ права требовать исполненія не только заключеннаго съ нимъ договора но даже присяги на Евангеліи, его разрѣшается лишить имущества, пытать и лишать жизни тайно и явно“.

Эти принципы составляютъ *вѣру* каждаго поляка, въ виду чего эта анархическая нація такъ упрямо отстаиваетъ свободу и неприкосновенность *своей религіи*, увѣряя въ то же время русское правительство о готовности своей совершенно сблизиться съ Россіей.

Но тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или поляки измѣнятъ основнымъ началамъ своей религіи, отказавшись отъ преслѣдованія православія и отъ противодѣйствія распоряженіямъ „схизматическаго правительства“, или же, оставаясь вѣрными римской

---

[1]) См. Гейсманъ „Начало конца Польши“, стр. XLV.

религіи, *обязаны будутъ вредить всѣми зависящими отъ нихъ средствами: иновѣрному народу и его правительству.*

Въ Варшавѣ въ 1885 году появилась брошюра подъ заглавіемъ „Открытое письмо ультрамонтана-католика и поляка къ редакторамъ русскихъ и польскихъ журналовъ". Авторъ называетъ себя ультрамонтаномъ-католикомъ, т. е. вѣрнымъ римскимъ подданнымъ, и выводитъ отсюда заключеніе, что римскіе католики, находящіеся въ русскомъ подданствѣ, *на основаніи правилъ своей вѣры, должны быть вѣрными подданными Россіи.*

Вотъ это письмо:

„Съ давняго уже времени нѣкоторыя иностранныя газеты, между коими не послѣднее мѣсто занимаютъ и вѣнскія „Neue freie Presse" и „Deutsche Zeitung", не только обвиняли насъ, поляковъ и римскихъ католиковъ, въ революціонномъ духѣ, но неоднократно, иногда и въ полуоффиціальномъ характерѣ, предостерегали и предостерегаютъ русское правительство противъ насъ, указывая на насъ, какъ на подстрекателей и соучастниковъ случавшихся въ Русской Имперіи волненій, преступныхъ заговоровъ противъ Престола, политическихъ убійствъ и соціалистическихъ стремленій.

„Къ счастію, это была ложь, тѣмъ болѣе предосудительная и подлая, что она была тенденціозна и направлена къ тому, чтобы окончательно и навсегда возстановить другъ противъ друга двѣ славянскія національности—русскую и польскую. Къ тому же эта отвратительная ложь вовсе не имѣла источникомъ любви и доброжелательности ни къ Русской имперіи, ни къ русскому народу. Это болѣе чѣмъ извѣстно... Открытый врагъ лучше и гораздо безопаснѣе хитраго, искусно притворяющагося друга... Кто же не знаетъ, что политика нерѣдко слѣдуетъ правиламъ: duobus litigantibus—tertius gaudet (между двумя ссора—третьему корысть) и divide et impera (разъединяй и царствуй)?

„Но и русскія газеты, до 1863 года почти всѣ относившіяся къ польской національности благосклонно и даже съ уваженіемъ, съ этого времени начали относиться къ намъ очень непріязненно.

„Онѣ также неоднократно приписывали намъ коварныя подстрекательства, подозрѣваютъ насъ въ нихъ и донынѣ, обвиняютъ въ безпрестанныхъ стремленіяхъ противъ русскаго правительства и русской націи, сотни разъ предостерегали и не перестаютъ предостерегать противъ „шляхетско-іезуитскихъ" интригъ и злоумышленій, выставляютъ польское католическое духовенство и самую римско-католическую религію какъ опасную стихію въ государственномъ устройствѣ,—однимъ словомъ, считаютъ насъ, поляковъ-католиковъ, злѣйшими, неумолимыми врагами Россіи. Такъ продолжается и донынѣ.

„Оставляя въ сторонѣ безпрестанно обвиняющія насъ, поляковъ и католиковъ, иностранныя изданія, для которыхъ, какъ мы уже сказали, очень выгодно, чтобъ всѣ прочія, чуждыя имъ національности враждовали между собой, ненавидѣли другъ друга, лишь бы только,—сохрани Богъ!—между ними не состоялось мирнаго и добраго соглашенія и взаимнаго довѣрія,—мы обращаемся только къ русскимъ журналамъ и ставимъ вопросъ—имѣютъ-ли они достаточные поводы подозрѣвать въ злоумышленіяхъ насъ, поляковъ-католиковъ?

„Прежде нежели мы дадимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо сознаться чистосердечно, что пишущій эти строки чувствуетъ себя въ очень затруднительномъ положеніи.

„*Вообще у насъ считается благородствомъ, у нѣкоторыхъ даже признается постояннымъ правиломъ, всегда оправдывать своихъ и всегда только восхвалять ихъ, хотя бы и не заслуженно; въ случаѣ же какихъ-либо недостатковъ со стороны своего общества, одно, что дозволяется—это покрывать ихъ молчаніемъ, но никакъ не обнаруживать ихъ, не выставлять на видъ, особенно когда дѣло выходитъ за предѣлы своего общества.*

„Но намъ кажется, что такое направленіе не дѣлаетъ чести этимъ безусловнымъ, пристрастнымъ защитникамъ своихъ земляковъ и не приноситъ пользы дѣлу.

„Не опасные недостатки того народа, который самъ судитъ себя строго и среди котораго находятся истинные и отважные почитатели правды.

„Ослѣпляться любовью ко всему своему потому только, что оно свое—есть слабость. Легкомысленно порицать своихъ—это порокъ, но указывать ихъ недостатки и ошибки—есть гражданская обязанность. Условіе народнаго благосостоянія составляетъ правда, а не ложь. Горькая правда полезнѣе льстивой лжи. Въ спорѣ двухъ обществъ безусловно принимать сторону своего потому лишь, что оно свое—нечестно. Добросовѣстно разузнать правду, огласить ее, хотя бы съ трудомъ и даже потерею популярности, и выставить доводы въ пользу противника и примиренія съ нимъ,—вотъ честный гражданскій и христіанскій долгъ. Amicus Plato, magis amica veritas (дружба съ правдой драгоцѣннѣе дружбы съ Платономъ). Ослѣпленный самолюбіемъ патріотизмъ, извращающій правду, есть скорѣе измѣна, чѣмъ любовь къ своему отечеству. Нѣтъ истиннаго патріотизма тамъ, откуда изгнана правда.

„Наконецъ, мы просимъ читателей обратить самое серьезное вниманіе на то, что во всякомъ спорѣ одна сторона можетъ привести въ свое оправданіе сто обстоятетьствъ, и другая въ свое оправданіе также сто, такъ что можетъ казаться, что та и другая правы, и дѣло представится запутаннымъ, трудно разрѣшимымъ. Но такъ какъ не можетъ быть, чтобъ въ спорномъ дѣлѣ обѣ стороны были правы, то надо разсматривать не одни только факты, но и причины ихъ, связь между ними, безпристрастно взвѣсить все и, увидя, на чьей сторонѣ перевѣсъ, ужъ безъ всякаго самообольщенія составить приговоръ и, оставивъ въ сторонѣ самолюбіе, подчиниться ему и склониться передъ голосомъ правды.

„Вотъ правила, которыми мы будемъ руководствоваться при исполненіи предпринятой нами задачи. Хороши-ли они?—мы думаемъ, что никто не рѣшится оспаривать ихъ. Если же наши выводы, какъ мы и предвидимъ, вызовутъ раздраженіе, несправедливыя подозрѣнія, обвиненія въ отступничествѣ, то мы заблаговременно объявляемъ:

„что пишущій эту статью уже много и много разъ подвергался подобнымъ нападкамъ и съ ними освоенъ;

„что ради истины онъ отважно и съ спокойною совѣстью идетъ на новую борьбу, причемъ надѣется не только на свои силы, но на помощь Божіей благодати и готовъ даже умереть за правду.

„Теперь мы приступаемъ къ изложенію дѣла.

„Мы поставили вопросъ, имѣетъ-ли русская журналистика достаточные поводы безпрестанно подозрѣвать насъ, поляковъ и католиковъ, въ злоумышленіяхъ противъ Россіи?

„Мы отвѣчаемъ, что *имѣетъ не только достаточные, но и постоянно существующіе, не прекращающіеся поводы*—потому что:

„въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи отъ древней Польши въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, уже со временъ Императора Павла I начали подготовляться политическіе заговоры, которые еще болѣе умножились съ 1814 по 1863 годъ;

„плодомъ этихъ почти безпрерывныхъ заговоровъ были польскія возстанія 1830, 1846 и 1863 годовъ,—не считая мелкихъ покушеній или такихъ, которыя были заблаговременно остановлены правительствомъ;

„побудительною причиной заговоровъ было не то, что польская національность не могла жить и развиваться подъ властью русскаго правительства, которое сохраняло и даже уважало оную, а желаніе поляковъ вернуть полную политическую независимость—среди непреодолимыхъ къ тому препятствій;

„*въ польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ всегда участвовало римско-католическое духовенство обоихъ обрядовъ, латинскаго и уніатскаго;*

„торжественная религіозная присяга на вѣрность Престолу *считалась какъ духов-*

нымъ, такъ и свѣтскимъ польскимъ обществомъ нипочемъ; оба равно никогда не признавали надъ собой законною верховную власть Русскихъ Государей, какъ Царей польскихъ, такъ и Великихъ Князей литовскихъ,—они называли ее неправильнымъ захватомъ (l'usurpation), грабежомъ, насиліемъ,—*избавиться отъ нея, свергнуть ее, клеветать на нее, внушать молодымъ поколѣніямъ ненависть и омерзѣніе какъ къ ней, такъ и ко всему русскому,—выставлялось священнымъ долгомъ любви къ отечеству и вѣрѣ* [1]).

„Польское общество, по причинѣ своихъ стремленій къ независимости, не хотѣло довольствоваться подъ властью русскаго правительства ни оставленіемъ польскаго языка (для всѣхъ предметовъ) въ школахъ, въ администраціи и судопроизводствѣ во всѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, ни сохраненіемъ въ нихъ мѣстныхъ законовъ, ни польскими университетами въ Вильнѣ и Варшавѣ, польскою академіей въ Полоцкѣ, польскимъ лицеемъ въ Кременцѣ, ни множествомъ польскихъ начальныхъ училищъ, ни многими гимназіями, гдѣ профессорами были католическіе ксендзы или монахи,—ни сохраненіемъ польскихъ войскъ послѣ 1812 г., ни отдѣльностью польско-литовскаго корпуса, не довольствовались ни конституціей и полною автономіею Царства съ 1815 года, ни допущеніемъ поляковъ ко всѣмъ высшимъ государственнымъ должностямъ, ни установленіемъ и даже увеличеніемъ латинской и уніятской іерархіи, ни оставленіемъ множества католическихъ монастырей—мужскихъ и женскихъ.

„Надо обратить вниманіе на то, что послѣ раздѣловъ Польши Русское правительство не послѣдовало примѣру Австріи и Пруссіи, которыя въ пріобрѣтенныхъ польскихъ провинціяхъ тотчасъ же замѣнили польскіе законы нѣмецкими, польскій языкъ въ школахъ и во внутреннемъ управленіи—нѣмецкимъ, при этомъ неимовѣрно стѣсняя (преимущественно въ Галиціи) польскую торговлю, промышленность и всю экономическую жизнь; даже и теперь Галиція не имѣетъ столь полной автономіи, какою пользовалось Царство Польское въ царствованіи Императоровъ Александра I, Николая I и при Императорѣ Александрѣ II до половины 60-хъ годовъ.

„Императоръ Александръ II со вступленіемъ на престолъ началъ производить въ Царствѣ Польскомъ разныя перемѣны къ лучшему, въ 1861 и 1862 годахъ увеличилъ его автономію, но польское общество отвѣтило на нихъ общимъ заговоромъ, покушеніемъ на жизнь Великаго Князя Константина Павловича и маркиза Велепольскаго, рядомъ тайныхъ убійствъ, наконецъ возстаніемъ 1863 года стремившимся къ пріобрѣтенію полной политической независимости.

„Польское католическое духовенство не только не сопротивлялось возстанію 1863 года, но само почти поголовно приняло въ немъ участіе.

„Новая польская эмиграція 1863—1864 годовъ, поселившись въ Галиціи,—объявила посредствомъ львовскаго журнала Gazeta Narodowa безпрерывность польскаго возстанія противъ Россіи.

„Всѣ польскія и познанскія газетѣ съ 1863 года относятся очень вражоебно и къ русскому правительству, и къ русскому народу, помѣщаютъ оскорбительныя для нихъ, будто оригинальныя, корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей Русской Имперіи и Царства Польскаго, не пренебрегая самыми революціонными и оскорбительными словами.

„Изъ числа многихъ духовныхъ лицъ, принадлежащихъ къ польской эмиграціи 1863—1864 г. (болѣе ста священниковъ) почти никто не смирился предъ Русскимъ правительствомъ, — напротивъ, всѣ эти духовныя лица хвастаютъ за границей участіемъ, принятымъ въ послѣднемъ возстаніи и своей ненавистью къ Русскому правительству и къ Россіи;—они то и составили было за-границей общество польскихъ ксендзовъ въ эмиграціи (Societas sacerdotum polonorum in emigratione) и обнародовали въ Парижѣ

[1]) Въ этомъ письмѣ *курсивъ* нашъ.

въ 1865 году манифестъ на польскомъ языкѣ *), въ которомъ на страницѣ 20 говорится: *„все польское духовенство, хотя и католическое, дѣйствуетъ за одно съ революціей* (!), на страницѣ же 26: *въ Польшѣ не возможно иначе возбудить народъ какъ посредствомъ религіи* (!)“ и тамъ же: *„католическая вѣра представляетъ самое удобное средство для возстанія* (!)“ и этимъ же *манифестомъ оправдывались всѣ заговоры, возстанія и упорство поляковъ въ отрицаніи правъ Русскихъ Государей надъ польскимъ народомъ.*

„Какъ и всякое другое, русское правительство примѣнило къ польскимъ заговорщикамъ и участникамъ возстаній строгія мѣры законовъ; никакое правительство въ свѣтѣ не щадитъ революціонеровъ; тому примѣромъ служатъ не только монархическія правительства, но и республиканскія; Сѣверо-Американккіе Штаты безпощадно поступали со своими южными провинціями въ 1861—65 гг., вторая французская ретпублика—съ іюльскими мятежниками въ Парижѣ—(генералъ Кавеньякъ) въ 1849 году, третья республика въ 1870 г.—съ коммурами, Французы съ Арабами, Англичане — съ индѣйскими сипаями—поступали, какъ извѣстно, безъ пощады. И русское правительство также не шутило съ польскими повстанцами; за это его называли варварскимъ,—казненныхъ же или сосланныхъ въ Сибирь (гдѣ многимъ было хорошо и во сто разъ лучше, нежели въ австрійскихъ подземельяхъ Шпильберга, Ольмюца и пр.) польское общество считало всегда безвинными жертвами любви къ отечеству, варварски преслѣдовавшимися русскимъ народомъ. (Замѣтимъ, что русское правительство не милостивѣе поступало со своими русскими заговорщиками и политическими преступниками, напримѣръ съ декабристами въ 1825 году, въ новѣйшее же время — съ русскими соціалистами).

„Прибавимъ еще, что русское общество съ 1772 года по 1863 никогда не выказывало польскому презрѣнія, ненависти или же неблагорасположенія; русское общество по поводу польскихъ привиллегій (1815—1830) никогда не дѣйствовало во вредъ полякамъ; оно уважало польскую національность; многіе русскіе учились польскому языку и восхищались польскими поэтами. Въ Западныхъ губерніяхъ съ 1772 по 1840 годъ преобладалъ польскій языкъ вездѣ, и русское общество никогда не добивалось, чтобъ его вытѣснить и замѣнить русскимъ. Оно никогда не кричало противъ того, что поляки занимали высшія должности—генераловъ, полковниковъ, сенаторовъ, губернаторовъ, посланниковъ при иностраныхъ дворахъ. Русское общество не прозывало никогда насъ, поляковъ, въ родѣ австрійскаго: dumme Polen, polnische Schweine или—polnische Wirtschaft.

„Скажемъ же всю правду: много бывало поляковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, иногда въ каторжныя работы, иногда только на поселеніе,—на Кавказъ, или въ оренбургскіе полки. Сотни разъ приходилось слышать, какъ русскіе гуманно относились къ сосланнымъ, изъ которыхъ одни впослѣдствіи бывали производимы въ офицеры, другіе даже наживали деньги и все, если заслуживали этого хорошимъ поведеніемъ, получали облегченія въ своемъ положеніи. Правда, что послѣ 1863 г. русское общество ужъ несочувственно смотрѣло на ссылаемыхъ поляковъ, но причиною тому были публиковавшіеся тогда во всѣхъ русскихъ газетахъ варшавскіе революціонные манифесты, составляемые пылкими польскими студентами и оскорблявшіе въ высшей степени не только Правительство, но и весь русскій народъ, покрывавшіе грязью все русское.

„Что касается самаго Русскаго правительства, то оно съ давнихъ временъ обвинялось нами, поляками, предъ цѣлымъ свѣтомъ въ нетерпимости, національной и религіоз-

---

[1]) Заглавіе манифеста: Duchowienstwo polskie w obec sprawy narodowej (Польское духовенство въ отношеніи народнаго дѣла, то есть—польскаго вопроса). Paryz, w drukarni pp. Renoue et Maulde przy ulicy Rivoli 144,—865.

ной. Сотни разъ, особенно французскія газеты и разныя сочиненія о польскихъ дѣлахъ подъ русскимъ владычествомъ написали: le but formel et même inné au gouvernement des Tsars à l'endroit des Polonais est de les dépoloniser et de les décatholiser (формальное и даже прирожденное правительству Царей въ отношеніи Поляковъ стремленіе есть обезполяченіе и обезкатоличеніе этого народа). Это ложь! Почему же русское правительство долго не только терпѣло, но съ уваженіемъ относилось къ католичеству съ 1772 по 1840 г. (до пресловутаго заговора Конарскаго!), т. е. въ продолженіе почти 70 лѣтъ? [1]) И въ это время не давало ли оно доказательствъ своей вѣротерпимости? Развѣ Императоръ Александръ II-й съ самаго вступленія на престолъ не выказывалъ снисхожденія къ польской національности и католической вѣрѣ? А реформы Его въ Царствѣ Польскомъ 1861 и 1862 годовъ?

„Если бы le gouvernement des Tsars не могло по своей будто бы природѣ терпѣть чужой національности и чужой вѣры, какъ же оно терпѣло финляндцевъ, курляндцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ-протестантовъ?! Имъ вѣдь не грозили ни Сибирь, ни Кавказъ, ни оренбургскія исправительныя роты, ни цитадели и другія политическія тюрьмы. Почему? Потому, что они не составляли заговоровъ, не бунтовались.

„Такимъ образомъ, не посредствомъ софистическихъ умствованій, не посредствомъ натяжекъ, а посредствомъ фактовъ мы показали и доказали, что русское правительство умѣло быть и народотерпимымъ, и вѣротерпимымъ въ предѣлахъ своего государства. Отсюда слѣдуетъ заключить, что правительство въ отношеніи къ намъ, полякамъ и католикамъ, готово было поступать благосклонно, если бъ мы почти безпрерывнымъ рядомъ заговоровъ для пріобрѣтенія независимости шляхты не вооружили бы его противъ себя и противъ своей вѣры, духовенство которой рука объ руку возставало съ народомъ.

„Характеръ загробнаго естества Польши выражается одной изъ стихій того же естества: заговоръ!"—такъ говоритъ извѣстный польскій патріотическій историкъ Мохнацкій [2]). Къ этимъ столь откровеннымъ словамъ справедливость заставляетъ прибавить, что не строгость русскаго правительства вызывала заговоры, а наоборотъ,—и главною причиною ихъ было то, что мы, Поляки, никогда не могли освоиться съ нашей политическою зависимостью, и всегда главнѣйшей мыслью польской интеллигенціи было добиться независимости. Правда, что среди этой интеллигенціи бывало очень много людей, трезво смотрѣвшихъ на ходъ европейской политики, искренно желавшихъ примиренія съ господствующимъ порядкомъ, но, съ другой стороны, между нами всегда находились слишкомъ горячія головы, слишкомъ пламенныя сердца, которыя рвались къ независимости и умѣли терроризировать консерваторовъ, людей разумныхъ и умѣренныхъ, но которымъ не доставало гражданскаго мужества удержать неистовыхъ патріотниковъ. Мы говоримъ „патріотниковъ", чтобы сдѣлать различіе между разумными и неразумными патріотами. Духовенство обязано было вразумлять сумасбродовъ, но вмѣсто того оно было заодно съ этими патріотниками...

„Здѣсь будетъ кстати припомнить одно важное обстоятельство.

„Въ апрѣлѣ 1826 года въ Петербургъ прибыла изъ Варшавы торжественная депутація, чтобъ поздравить Государя Николая I съ восшествіемъ на Престолъ. Между прочими, членомъ депутаціи былъ также плоцкій епископъ и сенаторъ Пражмовскій [1]).

„Новый Государь, милостиво принявъ и поблагодаривъ депутацію, сказалъ епископу Пражмовскому:

„Такъ какъ ваше преосвященство являетесь здѣсь представителемъ римско-католическаго духовенства Нашего Царства Польскаго, то я долженъ вамъ замѣтить, что

---

[1]) Католическая религія уважалась, какъ намъ кажется, и въ періодъ 1840—55 г. Прим. авт.

[2]) См. Powstanie narodu Polskiego w r. 1830 i 1831 przez Maurycego Mochnackiego, Berlin i Poznan 1863. Томъ первый стр. 267, строки 10, 12.

оное духовенство до сихъ поръ не только не съумѣло внушить чадамъ своимъ политической преданности и вѣрности Верховной власти, но и само уклонялось отъ этого священнаго долга. Такъ помните же, что я, какъ Государь, постольку буду благосклоненъ къ вашему духовенству и къ вашей вѣрѣ, поскольку они будутъ вѣрными Престолу. Сообщите мои слова прочимъ епископамъ и всему духовенству, для того, чтобъ оно не ставило меня въ необходимость отказывать ему въ Царской милости и довѣріи".

„Воспользовалось ли наше духовенство царскимъ совѣтомъ? Слѣдуетъ сознаться— къ сожалѣнію, что нѣтъ!

„Но почему же? Имѣло ли оно поводы жаловаться на русское правительство?— Никакихъ!

„Съ 1772 года до оной поры (1826 г.), въ продолженіе цѣлыхъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ, римско-католическое духовенство пользовалось особенной благосклонностью православныхъ Царей; ему не приходилось испытывать никакихъ затрудненій со стороны господствующаго православнаго вѣроисповѣданія; православный синодъ и православное духовенство не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ прозелитизма въ отношеніи римскихъ католиковъ. Между петербургскимъ Дворомъ и Ватиканомъ существовали добрыя отношенія. Каноническія правила римской Церкви были уважаемы Россіей. Вещь удивительная! — это были Русскіе Цари, православные Цари и православные министры, которые, по свидѣтельству Шантыра, сдерживали и строго осуждали интриги недостойнаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича, стремившагося измѣннически отдѣлить польскихъ католиковъ Имперіи отъ ватиканской апостольской столицы и сдѣлаться независимымъ отъ нея патріархомъ!!! Этотъ Сестренцевичъ (умершій въ 1826 году) интриговалъ въ этомъ смыслѣ до самой смерти,—четыре русскіе православные государя: Екатерина II, Павелъ I, Александръ I и Николай I отвергли его замыслы [1]).

„Въ теченіе этихъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ (1772—1826) всѣ римско-католическіе архіерейскіе и викарные (суфраганскіе) посты были всегда немедленно замѣщаемы ревностными прелатами и всегда по соглашенію съ Ватиканомъ. Воспитаніе въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ не встрѣчало со стороны правительства никакихъ анти-каноническихъ препятствій.

„А въ то же самое время, подъ какимъ гнетомъ находилось римско-католическое духовенство въ Галиціи подъ скипетромъ римскихъ-католиковъ — Габсбурговъ? Развѣ не извѣстны пресловутыя Іосифовы постановленія въ Австріи, неимовѣрно стѣснявшія и поработившія римско-католическое духовенство? Эти постановленія во всей почти силѣ существовали до 1856 года!

„Русское же правительство лишь въ царствованіе Николая I начало примѣнять стѣснительныя мѣры къ римско-католическому духовенству. Чья въ этомъ вина? Государя ли? Нѣтъ! Вина лежитъ на римско-католическомъ духовенствѣ, которое своимъ революціоннымъ направленіемъ сдѣлалось опасной стихіей для русскаго правительства и для спокойствія всей Имперіи. Не приняло ли оно общаго участія въ возстаніи 1830 года? Не мѣшалось ли оно безпрестанно въ политическіе заговоры? Признавало ли оно важность присяги на вѣрность Престолу? Нѣтъ! Оно втихомолку осмѣливалось утверждать, „что эта присяга, какъ не добровольная, а вынужденная обстоятельствами,

---

[1]) До 1830 года всѣ епископы Царства Польскаго были сенаторами, участвуя такимъ образомъ въ управленіи. Такъ было постановлено, сообразно давнимъ польскимъ преданіямъ, — Русскимъ Императоромъ и Царемъ Польскимъ Александромъ I.

[2]) Спросите и теперь любого римско-католическаго духовнаго, отъ чего духовенство всегда было революціоннымъ при русскомъ правительствѣ, — онъ въ разрѣзъ съ исторической правдою, воскликнетъ: „потому что правительство хотѣло всегда отдѣлить Поляковъ отъ Рима!"

насиліемъ (!), не имѣла никакого значенія (!).“ А каково было поведеніе римско-католическаго духовенства въ 1863 и 1864 годахъ?...

„Ты возстаешь на своихъ и порицаешь своихъ!“ возразятъ пишущему всѣ поляки и быть можетъ и нѣкоторые русскіе..—Вотъ мой отвѣтъ: что должно быть для меня дороже,—правда ли, или же ошибки моихъ соотечественниковъ, которыя вызвали стѣснительныя мѣры противъ моей національности?—Что должно быть для меня дороже, вѣра ли моя, которую я надѣюсь дальше оправдать отъ упрека въ революціонномъ духѣ,—или ошибки духовенства, къ которому я принадлежу, которое изъ римско-католической вѣры сдѣлало революціонно-католическую и сдѣлало ее страшилищемъ для правительства? Изъ-за того, что я соотечественникъ нашимъ революціонерамъ,—неужели мнѣ будетъ поставлено въ вину, если я отдамъ справедливость правительству и русскому народу? Слѣдовательно, никому нельзя сказать правды? Можетъ ли патріотизмъ заставлять попирать правду и возносить ложь и несправедливость?

„При столь запутанныхъ отношеніяхъ двухъ славянскихъ національностей—русской и польской, при столь опасномъ настроеніи одной противъ другой,—я убѣжденъ, что только правда можетъ возстановить согласіе, — а если я, вслѣдствіе моихъ историческихъ добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ трудовъ убѣдился, что мы, поляки, виноваты,—то неужели потому, что я полякъ, я не имѣю права стоять на сторонѣ правды, и будетъ ли преступленіемъ, если я осмѣлюсь сознать наши—польскія—ошибки и предубѣжденія противъ русскихъ, потому только, что они русскіе? Я дорожу моимъ вѣроисповѣданіемъ. Но, именно вѣроисповѣданіе мое и заставляетъ меня быть справедливымъ не въ пользу того, кто мнѣ ближе и кто милѣе,—а въ пользу того, кто правъ. Я пишу не наобумъ!—я читалъ, я соображалъ, я размышлялъ, я трудился, я молился Богу, чтобы Онъ благоволилъ датъ мнѣ мужество высказать правду...

„А между тѣмъ, какъ польское духовенство, такъ и весь народъ считались римскими католиками, гордились и гордятся привязанностью къ вѣрѣ своихъ отцовъ, и безпрестанно увѣряли Ватиканъ въ ревностнѣйшемъ сыновнемъ повиновеніи папѣ и его наставленіямъ и всему ученію римско-католической Церкви.

„Къ сожалѣнію, это была неправда!

„Оное духовенство было лже-католическимъ вмѣстѣ съ польскимъ народомъ, и мы это вполнѣ докажемъ.

„Въ началѣ этой статьи мы высказали, что это есть открытое письмо ультрамонтана-католика.

„Мы увѣрены, что это слово „ультрамонтанъ“ вызвало въ русскихъ читателяхъ довольно или даже и весьма непріятное чувство,

„Съ ними мы и хотимъ поговорить на счетъ этого слова.

„Оно вошло въ употребленіе лишь въ началѣ XVIII столѣтія во Франціи, со временъ Лудовика XIV.

„Извѣстно, что въ XVI столѣтіи многіе французы изъ католичества переходили въ лютеранство, преимущественно въ кальвинизмъ. Франція съ давнихъ временъ имѣла нѣсколько провинціальныхъ парламентовъ, которые, съ умноженіемъ числа протестантскихъ своихъ членовъ, начали борьбу съ католическою Церковью и съ папой. Они преимущественно возставали противъ папской вѣронеошибочности (непогрѣшимости) [1]) старались болѣе и болѣе ограничить вліяніе папы на французское духовенство, чтоб

---

[1]) Да простятъ намъ русскіе, что мы осмѣлились составить слово вѣронеошибочность; мы сдѣлали это потому, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ латинскому слову infalibilitas in materia fidei. Но такъ какъ эта infallibilitas признается за папой, не какъ частному богослову, а ex cathedra, то-есть какъ первому учителю въ Церкви, оффиціально, торжественно опредѣляющему догматы вѣры и нравственности, то слѣдовало бы его непогрѣшимость называть вѣронеошибочностью.

со временемъ отдѣлить его совершенно отъ Ватикана. Парламенты дѣлали это весьма искусно. Зная, что Людовикъ XIV весьма ревностно оберегалъ свою королевскую власть, они интриговали во имя усиленія оной. Такъ возникли во Франціи двѣ партіи, одна стремившаяся къ пониженію авторитета папы, приверженцы которой назывались галликанами, другая—признававшая и отстаивавшая этотъ авторитетъ, преимущественно же папскую каѳедральную вѣронеошибочность и неизмѣнность ея опредѣленій (l'irréformabilité de ses décisions en metière de dogmes de la foi et des moeurs); приверженцы этой партіи назывались ультрамонтанами.

„Галликане утверждали, что авторитетъ вселенскаго собора выше папы, ультрамонтаны же—напротивъ. Первые говорили, что можно не повиноваться учительскимъ вѣроопредѣленіямъ папы, лишь бы сдѣлать апелляцію къ будущему вселенскому собору (легко ли собрать оный?); ультрамонтаны же разумно отвѣчали, что такъ какъ съ году на годъ, съ мѣсяца на мѣсяцъ надо рѣшать разныя мнѣнія, [1]) относящіяся къ вѣрѣ,—и такъ какъ созываніе собора за соборомъ сопряжено съ большими неудобствами, то слѣдуетъ повиноваться рѣшеніямъ римской Церкви. Коль скоро же и между членами оной является разногласіе, то оно рѣшается папою, какъ главою этой Церкви, но не иначе какъ съ каѳедры, значитъ, разузнавъ все предварительно, и притомъ въ характерѣ высшаго пастыря, учителя и преемника св. Петра.

„Со временемъ галликанизмъ исчезъ, и теперь во Франціи, гдѣ онъ возникъ сперва, все католическое духовенство ультрамонтанское. Его лозунгъ: Roma locuta, causa finita (коль скоро Римъ опредѣлитъ, дѣло кончено).

„Посмотримъ теперь какъ учила римская Церковь о политической Верховной власти.

„Извѣстно, какъ римскіе императоры преслѣдовали христіанъ.

„Извѣстно также, что въ Римѣ бывали очень частыя перемѣны Верховной власти.

„Первые христіане никогда не возмущались и никогда не оспаривали авторитета верховной политической власти, коль скоро она утвердилась. Они ни одному императору не говорили: ты незаконный государь, ты похититель, ты несправедливый завоеватель. Какъ римскіе христіане, такъ и галлійскіе, греческіе, британскіе и карѳагенскіе повиновались каждому римскому императору. Они не разбирали его правъ на престолъ. Для нихъ законнымъ (légitim) императоромъ былъ тотъ, который держалъ скипетръ, носилъ царскій вѣнецъ и управлялъ. Какъ апостолъ св. Павелъ, въ своемъ посланіи къ римскимъ христіанамъ, училъ: „нѣтъ власти не отъ Бога и которыя (власти) суть, установлены Богомъ; тѣ же (люди), кои оспариваютъ оныя, сопротивляются Божьему постановленію и сами себѣ вѣчное осужденіе приготовляютъ", такъ первые христіане и поступали.

„Извѣстно сколь ужасна была судьба христіанъ въ Римской имперіи въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій (считая также царствованіе Юліана Отступника). Лозунгомъ христіанъ было. Arma Christianorum—lacrymae et preces, — оружіе христіанъ это слезы и молитвы. Они умѣли только смиренно просить и умолять грозныхъ цезарей объ улучшеніи положенія христіанъ, о пресѣченіи кровавыхъ гоненій, и въ то же время они снискивали расположеніе Верховной власти безспорнымъ признаніемъ ея, глубочайшимъ почтеніемъ, непоколебимою политическою вѣрностью, повиновеніемъ ей вездѣ и всегда, когда въ томъ не было грѣха, и во всемъ касавшемся гражданскихъ постановленій. Они, мучимые и гонимые за вѣру,—были вѣрнѣйшими и храбрѣйшими полководцами, союзниками и солдатами. Они были многочисленны, могли съ большою вѣроят-

---

[1]) Изъ устъ ксендза-ультрамонтана узнаемъ, что римско-католическое духовенство мѣняетъ свои убѣжденія относительно своей вѣры не только ежегодно, но и ежемѣсячно. (Примѣч. автора).

ностью разсчитывать на удачу мятежа, но никогда не возставали. Они говорили во всеуслышаніе: истинный христіанинъ не бунтуетъ никогда.

„Вотъ римское католическое ученіе.

„Когда начались передвиженія народовъ, войны и завоеванія, и когда основывались государства и возникали династіи и коль скоро утверждалась верховная власть, римская Церковь учила своихъ чадъ признавать ее и не бунтоваться, не оспаривать ея авторитета. Тогда господствовали теократическія понятія. Случалось, что государи управляли черезчуръ строго,—что подданные бунтовались. Сотни разъ римскіе папы, въ силу тогдашняго политическаго устройства, наставляли государей быть милостивѣе,—подданныхъ же быть терпѣливѣе, и смиреніемъ, вѣрностью заслуживать снисходительность и милость господствующей власти, но не учили бунтоваться—никогда!

„Въ новѣйшія времена, когда въ началѣ XVIII столѣтія революціонныя тайныя общества начали появляться и подкапываться подъ христіанское ученіе и авторитетъ верховной власти, признавать за народами право ниспровергать и смѣнять ее, оправдывать революціи, ставящія авторитетъ народа выше всякаго авторитета и пр. римскій первосвященникъ Климентъ XII подъ страхомъ анаѳемы (отлученія) запретилъ не только участвовать въ этихъ обществахъ, но и выражать имъ сочувствіе, давать пристанище и скрывать членовъ ихъ.

„Преемники Климента XII одинъ за другимъ запрещали революціонныя тайныя общества. Они не были противниками смягченія отношеній между властью и подданными, смягченія законодательства, уравненія въ правахъ всѣхъ сословій, расширенія познаній, ибо все это не противно христіанству, но они не могли дозволить умаленія истинъ и ослабленія христіанства, уничтоженія авторитета гражданской власти, злоупотребленія свободой, они противились распущенности свободы. Хорошее, основательное законодательство,—скрѣпленное вѣрою, и твердая, уважаемая гражданская власть,—вотъ необходимыя условія благоденствія общества.

„А вотъ еще что постановлено огражданской верховной власти вѣронеошибочнымъ авторитетомъ папы еще въ 1808 году:

„1. Всегда, коль скоро монархъ вступаетъ во владѣніе государствомъ, подданные должны почитать его какъ собственнаго государя.“

„2. Подданные должны всегда подчиняться царствующимъ государямъ,—ибо имъ не приличествуетъ разсуждать о законности или незаконности государя.“

„3. Если бы подданные могли безнаказанно разбирать права государей на престолъ, то злоумышленникамъ не было бы трудно найти предлогъ къ мятежу противъ государя“.

„4. Подданные не имѣютъ права ни въ какомъ случаѣ лишать своихъ государей обладанія гусударствомъ, а тѣмъ болѣе отнимать у нихъ жизнь.“

„5. Если бы какой-нибудь государь несправедливо завоевалъ другой край и утвердилъ надъ нимъ свою власть, подданные должны признать его государемъ“ [1]).

„Замѣтимъ, что по первому правилу слѣдуетъ, что мы, поляки, должны были, и должны и нынѣ считать Русскаго Императора нашимъ собственнымъ государемъ, какъ если бы Онъ былъ полякъ, и тѣмъ болѣе, что Русскіе Императоры носятъ титулъ „Царей Польскихъ“.

---

[1]) См. сочиненіе св. Альфонса Лигорія „Homo Apostolicus“ утвержденное вѣронеошибочнымъ приговоромъ Папы Пія VII,—18 марта, 1808,—томъ I, трактатъ 8, № 13, гдѣ говорится:

«Semper ac princeps est in possessione regni, subditi obligantur eum tenere tanquam proprium Dominum.

«Subditi semper parere debent suis actualibus dominantibus ad ipsos enim minim pertinet iudicare, an iili legitime aut iliegitime statut possideant—etc. etc. etc.

„По второму правилу мы, поляки, не имѣемъ права судить Русскаго Императора, какъ ставшаго незаконно (illégitime) польскимъ царемъ.

„По четвертому правилу мы не имѣемъ права стремиться сбросить власть русскихъ Императоровъ, также какъ, напримѣръ, венгерцы и галиційскіе поляки въ отношеніи къ австрійскому императору, какъ и познанскіе поляки въ отношеніи къ прусскому королю.

„И вотъ, вѣронеошибочное ученіе римской Церкви, — римскаго папы, ультрамонтанское ученіе [1]).

„Революціонное ли это ученіе? Нѣтъ и нѣтъ!

„А полезно ли оно? Посмотримъ.

„Народъ, завоеванный чужимъ правительствомъ, лишается своей политической независимости, но не лишается національности и вѣроисповѣданія. Онъ можетъ сохранить то и другое, но подъ условіемъ вѣрности своему новому государю и его правительству.

„Вотъ польза ультрамонтанскаго ученія: сохраненіе своей національности и своего вѣроисповѣданія.

„Но то и другое исчезаетъ, если завоеванный народъ будетъ составлять заговеры и стремиться къ независимости. Чтобъ понять это — достаточно простого здраваго смысла.

„Вотъ теперь мы и спросимъ, если таково римское, ватиканское, папское ученіе,— отчего же польское духовенство, присвоющее себѣ характеръ ревностной преданности римско-католической Церкви, не соблюдало сего ученія?

„Одно изъ двухъ: или оно не знало его, или оно ему не покорялось.

„Если оно его не знало, пусть же оно сознается въ своемъ незнаніи и пусть дастъ ручательство, что съ этихъ поръ оно примѣнитъ его въ своемъ политическомъ поведеніи.

„Если польское духовенство знало это ученіе и не примѣняло его, то оно не было католическимъ, ультрамонтанскимъ, а не еретическимъ.

„Истинный римскій католикъ, ультрамонтамъ, не дерзнетъ нарушать постановленій папы, не будетъ пріискивать предлоговъ, чтобъ уклониться отъ нихъ. Онъ не дерзнетъ утверждать, что вселенскій соборъ выше папы и не будетъ аппелировать къ нему. Онъ твердо и искренно вѣритъ въ каѳедральную вѣронеошибочность папы, онъ смирится предъ богословіемъ, утвержденнымь папою, которое говоритъ:

„Всегда, коль скоро монархъ вступаетъ во владѣніе государствомъ, подданные должны почитать его какъ собственнаго государя“.

„Такъ точно и Полякъ-ультрамонтанъ будетъ смотрѣть на Русскаго Императора, какъ еслибъ Онъ былъ не Русскій, но корованный Полякъ!

„Полякъ-ультрамонтанъ не дерзнетъ разбирать и оспаривать правъ Русскаго Императора надъ Польскимъ народомъ; онъ не дерзнетъ сказать: Онъ вѣдь незаконный (pas legitime) нашъ Государь,—или же,—Онъ завоеватель,—или же, — Онъ намъ чужой,—или же мы Его не избрали! Для Поляка-ультрамонтана довольно того, что Русскій Императоръ на дѣлѣ владѣетъ Польскимъ народамъ, носитъ титулъ Польскаго Царя,—что Ему принесена присяга въ преданности и политической вѣрности.

„Вспомнимъ, что папа Григорій XVI, каѳедральнымъ вѣронеошибочнымъ посланіемъ къ польскимъ епископамъ отъ 9 іюня 1832 г. строжайше, во имя вѣры, осудилъ

---

[1]) Здѣсь почтенный ультрамонтанъ расходится съ истиной, если папы не поощряли революцій и защищали свѣтлую влать, то лишь потому, что свѣтская власть въ то время была ими присвоена себѣ и короли избирались при ихъ посредничествѣ. (Примѣч. автора).

польское возстаніе 1830 года и приказалъ Полякамъ повиноваться царствующему Государю и впредь не бунтоваться.

„Для ульстрамонтана-Поляка это должно было считаться священнымъ словомъ.

„Такъ ли поступили мы, Поляки и польское духовенство, въ отношеніи къ этому писанію? Все польское интеллигентное общество забросало грязью непослушанія и богохульства папу Григорія XVI, оно назвало его союзникомъ и защитникомъ русскаго „нашествія“! Оно ни во что не считало папское наставленіе и отвѣтило на него новыми заговорами, новымъ неповиновеніемъ Верховной власти и новыми возстаніями 1846, 1848 и 1863 годовъ, и во всѣхъ этихъ заговорахъ и возстаніяхъ участвовало польское духовенство!

„Было ли оно истинно-ватиканскимъ и ультрамотанскимъ? Нѣтъ! оно было еретическимъ, не смотря на свои претензіи на католичество и ультрамотанство.

„Въ 1846 году въ Европѣ очень сильно чувствовалось, что тайныя общества подготовляютъ что-то противъ правительствъ. Тогда нѣмецкіе католическіе епископы потребовали отъ папы объясненія, что надо понимать подъ словомъ тайныя общества, которыя подъ страхомъ анаѳемы запрещены многими папскими буллами (Климента XII, Венедикта XIV, Пія, VII, Льва XII, Григорія XVI и Пія IX)? Папа Пій IX, посредствомъ Святой Контрегаціи бодрствующей надъ чистотой вѣры (Congregation du Saint-Office), отъ 15 августа 1846 года далъ такой отвѣтъ:

„Тайными обществами, о которыхъ идетъ рѣчь въ папскихъ постановленіяхъ, считаются всѣ тѣ, которыя затѣваютъ что-либо противъ Церкви и правительства, берутъ присяги отъ своихъ членовъ на соблюденіе тайны *).

„Какимъ же образомъ могло случиться, что польское духовенство поступило въ разрѣзъ съ этимъ декретомъ въ 1863 году?

„Намъ скажутъ, что Правительство ограничивало сношенія польскаго духовенства съ Римомъ. Положимъ; но развѣ Правительство препятствовало выписывать изъ Рима богословскія сочиненія? Развѣ по семинаріямъ Правительствомъ воспрещалось учиться римскому, ватиканскому богословію? Толковать, напримѣръ, такія римскія аксіомы, какъ: Arma Christianorum lacrymae et preces (оружіе христіанъ это слезы, молитвы, просьбы),—или: nunquam omnino licitum est rebellare (никогда вовсе нельзя бунтоваться),—или: что всѣ тайныя революціонныя общества запрещены подъ страхомъ проклятія (l'excommunication majeure)?

„Но вотъ еще нѣчто иное:

„Пій IX посланіемъ къ польскимъ епископамъ отъ 30 іюля 1864 года словами: reprobamus ac damnamus (мы порицаемъ и проклинаемъ), строжайше осудилъ польское возстаніе 1863 года. Спрашиваемъ: нашелся-ли хоть одинъ польскій революціонеръ эмигрантъ изъ духовныхъ, который послушался этого папскаго осужденія возстанія 1863 года? А вѣдь это осужденіе есть каѳедрально-вѣронеошибочное! Не надлежало-ли, чтобы всѣ польскіе духовные эмигранты тотчасъ же послѣ опубликованія сего посланія Пія IX, подали заявленіе Престолу, что они, на основаніи папскаго декрета, сознаются въ своемъ участіи и умоляютъ Верховную Власть простить имъ это преступленіе? Развѣ покойный Государь великодушно не простилъ бы, а можетъ быть и дозволилъ бы имъ возратиться на родину?

„Мы утверждаемъ и повторяемъ, что этотъ долгъ духовныхъ эмигрантовъ 1863 года раскаяться въ участіи въ возстаніи,—есть долгъ священный, обременный анаѳемой, отлученіемъ отъ Церкви! Этого эмигранты, не принимаютъ въ разсчетъ. Какіе же они ксендзы? Какіе католики?

*) Societates occultae, de quibus in pontificis constitutinibus sermo est, quae aumes intelliguntur, quae sibi proponuut aliquid contra Ecclesiam vel Gubernium, exigant vel non exigant juramentum a suis asseclis de secreto sevando.

„Наконецъ, Левъ XIII въ 1881 году издалъ посланіе ко всѣмъ католикамъ, начинающееся словами: Diuturnum illud, гдѣ онъ напоминаетъ вѣковое и незыблемое ученіе римско-католической Церкви—признавать установленными отъ Бога тѣ верховныя власти, которыя существуютъ, не оспаривать ихъ правъ, почитать ихъ и христіански повиноваться [1]).

„Какъ теперь судить тѣхъ, которые, будучи католиками, уклоняются отъ приведенныхъ нами правилъ церковнаго ученія?

„Истинные-ли они католики или лже-католики?

„Прибавимъ, что всѣ эти правила и впредь непреложны.

„Прибавимъ еще, что по христіанскому ученію нельзя порицать Государя св҃го народа и нельзя порицать его даже мысленно. Такъ сказано по внушенію Святаго Духа еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (2-я книга Моисея, гл. 22 стр. 28, и книга Экклезіестъ, гл. 10, стр. 20).

„Истинный римскій католикъ-ультрамонтанъ не будетъ никогда революціонеромъ, повстанцемъ.

„Если ему придется испытывать стѣсненія со стороны правительства, онъ постарается заслуживать смягченія своей судьбы вѣрностью и преданностью Престолу, станетъ просить и умолять съ глубочайшимъ смиреніемъ, но не будетъ никогда бунтоваться.

„Господа редакторы русскихъ газетъ, я надѣюсь, что вамъ теперь ультрамонтанъ не страшенъ.

„Я представилъ вамъ,—можетъ быть, мнѣ удалось даже и убѣдить васъ въ этомъ,—что истинный римскій католикъ, что ультрамонтанъ, что папистъ, защитникъ папской каѳедрально-вѣронеошибочности, какъ подданный одного съ вами Государя, не можетъ быть врагомъ общаго нашего Правительства, а слѣдовательно и вашего отечества, которое вы такъ любите. Выраженіе, „вашего“ отечества имѣетъ только національное значеніе, но никакъ не служитъ выраженіемъ стремленій къ политической независимости, которыми тѣшатъ себя нѣкоторые галицкіе и мои соотечественники, не думая о томъ, что завоеванный народъ, стремясь къ независимости, самъ роетъ могилу для своей національности и что имъ тогда руководитъ не истинный патріотизмъ, а ложный, что онъ тогда дѣлается измѣнникомъ своего отечества, ибо тогда всякое правительство начнетъ ослаблять этотъ народъ, примѣнять къ нему стѣснительныя и предупредительныя мѣры, чтобъ помѣшать его стремленіямъ къ независимости.

„Политическая вѣрность правительству,—вотъ условіе развитія жизни и благоденствія покоренной національности.

„Мы, поляки, находясь подъ властью русскаго правительства, никогда не понимали этой истины, потому что намъ не достаетъ политическаго смысла. Мы его не имѣемъ вовсе уже съ давнихъ временъ, — начиная съ XIV столѣтія!... (а не имѣемъ потому, что мы были не то, что истинные католики,—а лже-католики). Это преимущественно обнаруживается съ 1815 года.

„Мы навлекли на себя со стороны русскаго правительства серьезное неудовольствіе, чѣмъ? нашимъ революціоннымъ духомъ, и мы имъ отличались, потому что уклонились отъ правильнаго римско-католическаго ученія, которое, какъ я и доказалъ подробно, есть неумолимый противникъ революціоннаго духа.

„Сдѣлайте милость, достопочтенные редакторы русскихъ газетъ,—если вы встрѣ

---

[1]) Изъ этого правила исключается одна только Церковная область, потому что власть папы надъ нею была сложнаго характера, духовная и гражданская вмѣстѣ. Папа былъ Государемъ не какъ лицо, а какъ намѣстникъ Іисуса Христа, и если онъ отрекался отъ папства (какъ напр., Целестинъ V), то онъ лишался и владѣнія папскою областью.

тите въ польскомъ обществѣ революціонное направленіе, не приписывайте его нашей римско-католической вѣрѣ, а просто тому, что польскія газеты и общество, — несмотря на свои претензіи на сыновнее повиновеніе нашей Церкви и на сердечную преданность ея ученію,—стали лже-католиками.

„Еще одно слово, господа русскіе редакторы.

„Если бы нѣкоторымъ изъ васъ вздумалось приписывать этому Письму какія нибудь заднія, непріязненныя Русскому народу мысли и стремленія, оставьте эти подозрѣнія, ибо въ такомъ случаѣ вы будете слишкомъ несправедливы ко мнѣ!

„Для того, чтобъ пріобрѣсть ваше довѣріе и ваше расположеніе, я могу сослаться на то, что про меня писали въ заграничныхъ польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ (преимущественно въ „Schlesische Zeitung"). Не унижая своей чести и своего католическаго,— слѣдовательно нереволюціоннаго—патріотизма, я могу привести то, что относительно меня было выставлено на видъ польской публикѣ.

„Мнѣнія, изложенныя въ этомъ Письмѣ, я высказываю не въ первый разъ; я не скрывалъ ихъ; они были извѣстны польскимъ заграничнымъ газетамъ, революціонные редакторы которыхъ прозывали меня за нихъ и москалемъ, и политическимъ агентомъ и измѣнникомъ и отступникомъ, и даже.... православнымъ!?!?

„Мнѣ приходилось терпѣть.... за правду.

„Я доказывалъ моимъ соотечественникамъ слѣдующую историческую истину.

„Что русское правительство и русскій народъ долго обращались очень благосклонно съ нашей національностью и съ нашей вѣрой".

„Что не будь у насъ заговоровъ, возстаній, непочитанія и неповиновенія царствующей Власти и пренебреженія къ русскому народу, мы бы благоденствовали въ связи съ Россіей".

„Что, причина нашего настоящаго положенія заключается въ томъ, что мы были неисправимыми революціонерами и лже-католиками, а были ими потому, что польское духовенство было лже-католическимъ".

„Потрудитесь, господа русскіе редакторы, отыскать въ вашихъ редакціяхъ № 89 (19 апрѣля 1876 года) львовской Gazet'ы Narodowo'й; тамъ въ фельетонѣ какихъ только ужасовъ не напечатано обо мнѣ. И такъ было въ этой и другихъ газетахъ много и много разъ.

„Отыщите еще № 81 (22 марта 1876 года) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", прочитайте въ корреспонденціи изъ Львова на первой страницѣ, въ третьемъ столбцѣ все, начиная отъ тридцатой строки, отъ словъ: „Вотъ передъ нами", тамъ вы найдете подтвержденіе того, что я и раньше старался разъяснить правду въ томъ же духѣ, какъ и въ этомъ письмѣ. Повторяю, что я ссылаюсь на публичные документы; это не срамитъ моей чести.

„Не приписывайте, господа, важности тому, что печатаютъ польскія галицкія и познанскія газеты. Я считаю счастіемъ увѣрить васъ, что наше польское общество болѣе и болѣе отрезвляется отъ долгаго свойственнаго ему революціоннаго угара; тысячи разъ слышится:—„мы не умѣли оцѣнить нашего положенія подъ властью Русскаго правительства;—„мы могли благоденствовать; мы были игрушкой политическихъ подстрекательствъ Запада,—возстанія 1830, 1846, 1863 гг. были нашимъ несчастіемъ", эти и тому подобныя рѣчи слышатся очень часто между нашими соотечественниками... Но не поздно ли?! Лучше поздно, чѣмъ никогда!... Но почему же все это не встрѣчается въ польской печати?

Мнѣ кажется, что оно встрѣтится..., но отчасти недостатокъ гражданскаго мужества, столь намъ свойственный, отчасти редакторскій интересъ препятствуютъ до сихъ поръ.... Найдется ли средство, чтобъ вывести изъ молчанія польскія газеты?... Дай Богъ, чтобъ оно нашлось скорѣй!

„Теперь приходится мнѣ обратиться къ вамъ, достопочтенные редакторы нашихъ польскихъ газетъ. Но вотъ ужъ на первомъ словѣ затрудненіе, ибо я имѣю смѣлость обратиться къ вамъ, господа, на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ я хорошо помню, сколько вы надѣлали шуму и какой подняли ропотъ, когда въ 1881 году, въ польскомъ модномъ журналѣ г-жи Ратынской въ Варшавѣ, появились двѣ русскія буквы—всего двѣ!—Hannibal ante portas! И вдругъ теперь происходитъ нѣчто еще ужаснѣе, ибо полякъ, — и полякъ сознающійся въ польскомъ (но не революціонномъ, а католическомъ) ультрамонтанскомъ патріотизмѣ,—рѣшается къ своимъ соотечественникамъ писать по-русски! Это уже не одинъ,—а цѣлая тысяча Ганнибаловъ ante portas!...

„Господа! не то было Hannibal ante portas, что двѣ русскія буквы появились въ польскомъ журналѣ,—а то, что вы подняли поэтому такой шумъ!

„Вы, господа, забыли, что выказывать ненависть и презрѣніе русскому языку, значитъ вызвать также ненависть и презрѣніе къ нашему же польскому и ко всему, что польское. Это необходимое слѣдствіе вашего обращенія съ этими двумя русскими буквами.

„Знайте же, господа, что я не презираю ни русскихъ буквъ, ни русскаго языка, ни Русскаго народа, потому что: во 1-хъ, я не по имени только, но по сущности католикъ римскій, ультрамонтанъ;—во 2-хъ потому, что я патріотъ польскій, здравомыслящій, не сумасшедшій, и я, по любви къ своей народности, не презираю русской, для того, чтобъ этимъ презрѣніемъ не навлекать ея презрѣнія къ дорогой для меня польской національности.

„Вы возразите, что у насъ польскій языкъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ замѣненъ русскимъ.

„Правда! Но, господа, кто это вызвалъ? Мы же сами! Чѣмъ?—Можетъ быть послѣднимъ возстаніемъ?—Не столько имъ, сколько положеніемъ, которое мы приняли послѣ возстанія. Мы не давали ручательства правительству въ политической вѣрности, въ нашемъ поведеніи проявилось то же, что обнаружилось въ 1863 г. Мы, собственно говоря, основывались на рѣчи произнесенной въ томъ же году Наполеономъ III, 5-го ноября, при открытіи парижскаго парламента,—мы ждали его у Вислы и дождались—подъ Седаномъ въ 1870 г.!.. Вы, господа, возразите еще, *что мы подносили вѣрноподданническіе адресы въ 1864 г.? Господа я помню какъ подавались эти адресы, какъ послѣ многихъ изъ нихъ летѣли въ заграничныя газеты протесты, что общество наше вовсе не думало подавать какихъ-либо заявленій и что только правительство принуждало его къ этому, что оно даже составляло адресы или исправляло ихъ содержаніе* Я пишу не о новыхъ, не о неизвѣстныхъ вещахъ,—все, что я вспоминаю, дѣлалось публично, и правительство хорошо знало обо всемъ. Какъ же ему было и не знать,—если все печаталось въ польскихъ заграничныхъ газетахъ,—и кромѣ того во французскихъ и нѣмецкихъ?

„Затѣмъ случилось, что правительство, не имѣя вовсе надежды на нашу политическую легальность, сдѣлало у насъ то, что по требованіямъ политики каждое правительство дѣлаетъ,—если оно видитъ, что покоренная нація составляетъ упорную революціонную стихію: оно старается парализовать ее своими людьми, на вѣрность которыхъ оно можетъ разсчитывать.

„Такъ дѣлала Англія съ ирландцами, Австрія послѣ 1849 до 1866 г. съ венграми, съ чехами, съ Галиціей, Пруссія съ присоединенными отъ древней Польши провинціями...

„Но признайте же, господа, ту сущую правду, что такъ Россія не обращалась ни съ финляндцами, ни съ курляндцами, и потому именно, что они поступали легально,—не презирали русскихъ, не дулись на все русское, не составляли заговоровъ, возстаній,—не были опасными для Престола и Имперіи.

„Дерзнете-ли вы, господа, оспаривать, что Россія великодушно обращалась съ 1772 по 1840 годъ съ нашей національностью съ нашей вѣрою?—Имѣя въ виду финляндцевъ и курляндцевъ, надо заключить, что Россія всегда бы обращалась съ нами снисходительно, не будь у насъ самыхъ безумныхъ стремленій къ независимости, заговоровъ, возстаній и „истерическихъ“ выходокъ противъ всего, что русское.

„Вы, господа, возвысите голосъ и спросите:—„есть-ли у меня мандатъ къ вамъ?“—А!—да! да! Мандатъ! Я вспоминаю это обстоятельство съ горестнаго мѣсяца марта 1881 г., когда вы, вы, господа редакторы польскихъ газетъ, выставили правиломъ,—что даже и для того нуженъ вашъ мандатъ, кто... для чести, для оправданія своихъ соотечественниковъ осмѣлится публично напечатать въ газетѣ,—что они не крамольники! По вашему политическому смыслу непремѣнно и для этого нуженъ народный мандатъ—suffrage universel.

„Послушайте, господа редакторы польскихъ газетъ:

„Вы своимъ ропотомъ за оныя двѣ русскія буквы и за публичное заступничество маркиза Сигизмунда Велепольскаго за нашъ народъ, вы выдали себѣ столь печальное свидѣтельство политической несостоятельности, (что у дипломатовъ называется testimonium paupertatis), что слѣдовало бы просто послать къ вамъ доктора-психіатра.

„Господа, у меня есть мандатъ,—отъ кого?—Отъ правды! Отъ Исторіи! Отъ моихъ добросовѣстныхъ трудовъ! Отъ пламенной любви къ нашей національности, которую вы губите!—У меня есть мандатъ,—отъ тѣхъ затрудненій, которыя нашъ народъ навлекъ на себя своими политическими безсмысленными выходками!—У меня есть мандатъ отъ католическаго катихизиса, въ томъ, что ненависть грѣхъ, грѣхъ—презрѣніе грѣхъ непризнаваніе верховной власти, заговоры и возстанія,—что грѣхомъ были наши революціи 1830, 1846, 1848 (познанская) и 1863 годовъ,—у меня есть мандатъ отъ моего ультрамонтанства, ибо—такъ какъ папы Григорій XVI и Пій IX въ основаніи (значитъ, въ силу незыблемыхъ католическихъ правилъ) строжайше осудили наши возстанія 1830 и 1863 годовъ и напомнили, что надо признавать царствующую верховную власть и никогда не бунтоваться, то и я покоряюсь этому приговору, считаю его каѳедрально - вѣронеошибочнымъ и не забавляюсь брошюрами въ родѣ: Porozbiorowe aspiracye narodu polskiego [1]), а молю Бога только о томъ, чтобъ Онъ всѣмъ намъ далъ разумъ, чтобъ мы, поляки, могли пріобрѣсть довѣріе, снисходительность, милость русскаго правительства и русскаго народа. И мы можемъ пріобрѣсть это со временемъ, по мѣрѣ того, насколько мы съумѣемъ убѣдить Россію, что мы окончательно перестали быть для нея внутреннимъ врагомъ, страшилищемъ заговоровъ и возстаній, мечтателями о нашей независимости.

„Вы, господа редакторы, преимущественно галицкіе и познанскіе, знайте, что логика на моей сторонѣ, когда я утверждаю: „что народъ покоренный, если думаетъ и стремится къ возвращенію независимости, то составляетъ себѣ самъ приговоръ стѣсненій, порабощенія и смерти своей національности“.

„Попробуйте опровергнуть это умствованіе. Вы не успѣете въ этомъ. Вы восхищались этой брошюрою: Porozbiorowe aspiracye.

„Что вы,—слѣпы? Развѣ вы не имѣете предъ собою достойныхъ сожалѣнія послѣдствій, которыя были вызваны же аспираціями?

„Но вы не слѣпые,—вы ослѣпленные, въ высшей степени ослѣпленные! И въ то же время, вы—не католики, а еретики.

„И хотя вы и ѣздите въ Ватиканъ и произносите рѣчи о своей преданности нашей Церкви, все-таки вы лже-католики, вы только обольщаете себя, папу и весь като-

„[1]) Подъ этимъ заглавіемъ вышла анонимная брошюра въ Краковѣ (1880), утверждающая что народъ долженъ стремиться всѣми способами къ отысканію своей независимости!

лическій міръ. Если вы воскликните, что я клевещу и тѣмъ ужаснѣе, что я клевещу на своихъ, я отвѣчу: я буду счастливъ узнать отъ васъ, что я васъ преждевременно осуждаю, и смиренно буду просить прощенія, у васъ, если вы вмѣстѣ съ варшавскими редакторами подпишете слѣдующіе римско-католическіе тезисы:

„Вмѣстѣ съ Григоріемъ XVI и Піемъ IX мы проклинаемъ наши возстанія 1830 и 1863, равно какъ 1846 г. и всѣ иныя мелкія или неудачныя и въ прошедшемъ, и въ будущемъ;“

„Мы признаемъ Царемъ Польскимъ Императора Русскаго, какъ если-бъ Онъ былъ нашимъ собственнымъ,—коронованнымъ полякомъ (tanquam proprium Dominum), какъ и сдѣлалъ маркизъ Сигизмундъ Велепольскій въ своемъ письмѣ къ познанскому „*Oredownika*“ гдѣ онъ говоритъ что Русскій Императоръ есть законно и на дѣлѣ польскій Царь (*prawnie i de facto jest Królem Polskim* [1]).

„Мы признаемъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя бунтоваться;“

„Мы не дерзнемъ Польскаго Царя Александра III называть незаконнымъ, составлять заговоровъ и участвовать въ тайныхъ обществахъ.“

„Эти тезисы мы привели выше на латинскомъ языкѣ, указывая откуда мы ихъ почерпнули; сдѣлайте милость, отвѣтьте—подписываете вы ихъ или нѣтъ? Если нѣтъ, то вы не католики, вы не написты, вы лже-католики, лже-паписты, вы еретики!

„Но еще вотъ что: сдѣлайте милость, подпишите эти слова священнаго Писанія:

„W myśli twojej nie uwłaczaj krolowi (Ekklezyastes 10, 20).“ (Въ мысли твоей не злословь царя).

„Przełożonemu nad ludem twoim nie bedziesz złorzeczył. (Exodus 22, 28) (Государя народа твоего ты не будешь поносить).

„Ну, господа редакторы варшавскіе, галицкіе и познанскіе!—перо въ руки и... подписывайте!—Не хотите—значитъ вы даже не христіане, вы даже нехристіанской (тѣмъ болѣе не католической вѣры), а вы революціонной, не Христовой вѣры.

„Въ угожденіе вамъ, я охотно подписываю, что австрійскій императоръ есть царь Галиціи, староста польскаго Спижа и князь польской Нижней Силлезіи; хотя на Спижѣ все ведется повенгерски, а въ Нижней Силлезіи понѣмецки. Я подписываю, что прусскій король—великій князь познанскій, князь польской верхней Силлезіи и польской восточной Пруссіи съ Данцигомъ и Торномъ,—но что и Русскій Императоръ есть Царь Польскій, тѣмъ болѣе законный, что въ 1815 году наши отцы, обрадованные возстановленіемъ Царства Польскаго и сохраненіемъ народныхъ нашихъ войскъ [2], присягнули въ вѣрности Александру I и условію уніи съ Русской Имперіей.

„Господа редакторы! Бывшій редакторъ-издатель князь Н. Н. Голицынъ, оставляя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 г. редакцію „Варшавскаго Дневника“, упрекнулъ все польское общество въ неблагодарности, другими словами въ horror Russiae, въ застарѣлой ненависти къ Россіи. Ни одна варшавская газета не отвѣтила какъ на первый, такъ и на второй упрекъ!

„Относительно неблагодарности съ нашей стороны можно ожидать такого возраженія: „а за что же мы, поляки, должны быть благодарными Россіи или Русскому правительству? Не за Сибирь ли и Кавказъ? за оренбургскія роты и каторжныя работы? за устраненіе нашего языка изъ оффиціальныхъ управленій и школъ? и проч. и проч.

„Господа! этимъ всѣмъ мы обязаны не Россіи, не Царствующему Дому,— а самимъ себѣ! своимъ „порозберовымъ аспираціямъ“, своимъ заговорамъ, возстаніямъ, непризнаванію господствующей Власти. За все это никогда и нигдѣ ни одно правительство не

---

[1]) См. познанскую газету „*Oredownik*“ отъ 14 февраля 1880 года № 20.

[2]) А гдѣ эти войска?—Уничтожены, потому что произвели революцію и нарушили присягу вѣрности.

даетъ орденовъ, знаковъ отличія, наградъ,—а награждаетъ Кайенной, темными, сырыми подземельями Шпильберга и Ольмюца, Австраліею, или Сибирью (гдѣ можно было хоть видѣть открытое небо, дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть хорошо за небольшія деньги, одѣваться дешевой, но удобной шубой во время стужи и... пользоваться гуманнымъ обращеніемъ русскихъ. На Кавказѣ можно было дослужиться до офицерскаго чина).

„Впрочемъ, не будь у насъ революціоннаго духа, не было бы обыкновенныхъ его послѣдствій. Дѣло кончено.

„Но, замѣтьте, что мы дѣйствительно обязаны благодарностью Россіи,—ибо если вы историки, и ученые историки, то вы знаете, что, вопреки нашему несправедливому общественному мнѣнію,—не Россія, не Екатерина II были виновниками политическаго паденія нашего отечества въ XVIII столѣтіи; это положительно доказано въ анонимной брошюрѣ Prawdą nie falszem (Правдой, а не ложью) и на основаніи революціонныхъ польскихъ историковъ. Господа редакторы (варшавскихъ большихъ газетъ и журналовъ), отыщите эту брошюру въ вашихъ редакціяхъ... и добросовѣстно прочитайте ее... Сдѣлайте милость... поищите!

„А языкъ нашъ? гдѣ онъ сохраненъ? гдѣ онъ развивался съ 1772 по 1840 годъ? Онѣмеченъ Краковъ, Львовъ, Познань... а попольски учились въ Полоцкѣ, Вильнѣ. Кременцѣ и во многихъ школахъ, среднихъ и низшихъ—въ Русской Имперіи, въ Варшавѣ и во всемъ Царствѣ Польскомъ. Гдѣ воспитывались Мицкевичи, Одынцы, Заны, Гощинскіе, Ходьзьки, Головинскіе, Глабовскіе (Михаилъ), Сырокомли, Домейки, Штирмеры и множество иныхъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и писателей.

„Россія сохранила для насъ языкъ, Россія способствовала богатому развитію нашей словесности! Вотъ права Россіи на нашу благодарность!

„Россія заботилась о нашихъ поэтахъ и нашихъ ученыхъ!

„Русская княгиня Зинаида Волконская была ревностнѣйшимъ, чистѣйшимъ и скромнѣйшимъ ангеломъ-хранителемъ нашего Мицкевича, а другомъ его былъ Пушкинъ и... всѣ русскіе!

„Ни одинъ русскій не поднималъ крика по поводу того, что въ Западномъ краѣ на Бѣлоруси, на Черной Руси и въ приднѣпровской Малороссіи съ 1772 по 1830 г. (да и потомъ до 1839) учились попольски.

„А языкъ есть главное основаніе національности.

„Я знаю, что насчетъ сохраненія нашего языка наши политическіе лжемудрецы говорятъ, что Императрица Екатерина II не имѣла подъ рукою людей, которые могли бы обучать польскую молодежь по-русски!

„Я спрашиваю: ловка-ли была Екатерина II?—отвѣтъ нашъ будетъ: Охъ! и какъ еще.—Спрашиваю дальше:—хватило-ли бы у Екатерины настолько политической ловкости, чтобъ, зная, какъ съ польскимъ языкомъ поступила Австрія и отчасти Пруссія, сказать стоявшимъ во главѣ польскихъ школъ іезуитамъ, піярамъ, доминиканцамъ, базиліанамъ, тринитаріямъ, кармелитамъ:—вамъ, отцы, надо научиться и знать черезъ два года по-русски,—и на русскомъ же языкѣ учить всѣмъ предметамъ польскую молодежь въ школахъ!—какой будетъ вашъ отвѣтъ, господа редакторы?—Если вы не желаете противорѣчить самимъ себѣ, то вы согласитесь, что на это у Императрицы Екатерины II очень и очень хватало политической ловкости. Ну-съ! почему же это Императрица не дала подобнаго повелѣнія учителямъ польскихъ школъ?—Дайте отвѣтъ!—Если вы честные люди, то вы должны объяснить, что Екатерина II не хотѣла лишить насъ нашей національности и поэтому оставила нетронутымъ нашъ языкъ въ школахъ. Такъ было при Павлѣ I, при Александрѣ I, при Николаѣ I (до 1830 г. вообще, а до 1840 г. отчасти) такъ было при покойномъ Государѣ Александрѣ II съ 1855 по 1868 годъ.

„Спрашиваю васъ теперь,—признали вы когда-нибудь въ этомъ отношеніи долгъ благодарности съ нашей стороны къ Русскимъ Царямъ, русскимъ государственнымъ

людямъ и русскому народу?—долгъ, тѣмъ болѣе святой, что совсѣмъ иначе бывало въ обѣихъ Силезіяхъ, на Спижѣ въ Галиціи и до рѣки Пилицы по 1807 годъ,—подъ австрійскимъ правительствомъ, и въ польско-прусскихъ провинціяхъ.

„Вы можетъ быть возразите: а что сдѣлалось съ нашимъ языкомъ позже. Вотъ отвѣтъ: сдѣлалось то, что непремѣнно должны были вызвать наши porozbiorowe aspiracye—непризнаваніе Верховной власти, стремленія къ независимости, заговоры, возстанія и проч. и проч., чѣмъ мы въ высшей степени утомили Русское правительство и убили въ немъ всякое довѣріе къ намъ не какъ къ полякамъ и какъ къ католикамъ, а къ католикамъ революціонерамъ,—къ лже-католикамъ.

„Революціонный католицизмъ будетъ прогнанъ отовсюду, какъ изъ монархіи, такъ изъ самой либеральной республики,—но истинный католицизмъ никогда не былъ, не есть и не будетъ революціоннымъ!

„Правда, что съ католицизмомъ также худо обращаются нынѣшніе сумасброды правители Франціи, какъ и бельгійскіе не либералы, а либертины,—швейцарскіе и италіанскіе либертины,—но Русское правительство, если выказывало недовѣріе къ нашей Церкви, то не тогда, когда мы были католиками, ибо мы ими не бывали никогда подъ скипетромъ Россіи, а когда мы были лже-католиками,—и революціоннаго нашего лже-католичества мы не переставали употреблять, какъ орудіе для заговоровъ, возстаній и нашихъ „порозберовыхъ аспирацій“ (упованія послѣ раздѣла) къ независимости!

„Господа редакторы, я отъ васъ ничего не ожидаю, кромѣ крика, что я отступникъ, ибо пишу правду на своихъ и проч.

„Я отступникъ?—согласенъ, но согласенъ только съ тѣмъ, что я отступникъ отъ нашей исторической лжи,—я отступникъ отъ нашей народной ненависти къ русскимъ и къ Россіи,—я отступникъ отъ нашего революціоннаго духа, отступникъ отъ нашего особеннаго, намъ свойственнаго лже-католичества,—отступникъ нашей гордости,—но я не былъ, не есмь и никогда не буду, по Божіей милости, отступникомъ своей національности и своей не лже,—а истинной католической, ватиканской, папской вѣры, незыблемой въ своихъ основаніяхъ въ отношеніи политической легальности. Я никогда не былъ, не есмь и не буду отступникомъ истиннаго патріотизма, но въ то же время я утверждаю, что я отступникъ вашего лже-патріотизма, то-есть такого, который лжетъ во славу націи, который ненавидитъ, который презираетъ, который живетъ „порозберовыми аспираціями“ и навлекаетъ новыя стѣсненія и затрудненія на нашу національность.

„Господа!—вы упрекнете меня въ томъ, что я возстаю на свой народъ,—и вотъ мой отвѣтъ:

„*Народъ нашъ не виноватъ; онъ заслуживаетъ снисхожденія*, потому что онъ вовлеченъ въ заблужденіе относительно нашей исторіи, относительно естественной причины нашихъ затрудненій, неистовыхъ католическихъ понятій, относительно Верховной власти и истиннаго христіанскаго патріотизма. Народъ вѣритъ интеллигенціи и ея органамъ, вѣритъ духовенству...

„Такъ кто же виноватъ въ заблужденіи народа? Вы, господа, и революціонное прошедшее духовенства.

„Я знаю, что ни одинъ журналъ не можетъ существовать, если его редакція осмѣлится идти въ разрѣзъ съ общественнымъ, хотя бы и самымъ ложнымъ мнѣніемъ. Онъ лишился бы сразу подписчиковъ.

„Но я знаю также, что журналы и газеты могутъ также руководить общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно тогда, когда разныя редакціи сговорятся между собой, чтобъ писать въ новомъ, болѣе точномъ и честномъ направленіи.

„Редакціи польскихъ журналовъ уже давно видятъ, куда заведена наша національность теперешнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія. Справедливо-ли общественное мнѣніе? не надо-ли дать ему другого направленія, болѣе сходнаго съ правдой,

съ вѣрой и съ истинною пользой народа? Имѣютъ-ли редакціи журналовъ и газетъ право упорствовать во лжи и несправедливости? Не онѣ-ли будутъ отвѣчать предъ судомъ исторіи и, что гораздо важнѣе, предъ страшнымъ судомъ Всевышняго?

„*Да будутъ прокляты вся наша патріотическая ложь и революціонное направленіе нашего патріотизма.*

„*Несчастенъ народъ, который журналисты питаютъ ложью?*

„*Несчастенъ народъ, патріотизму котораго не даютъ хорошаго направленія!*

„Господа редакторы польскихъ журналовъ, *очнитесь!*

„Вы пишете, правда, *что народъ нашъ не думаетъ ни о какихъ возмущеніяхъ, что онъ желаетъ работать и просвѣщаться.*

„Хорошо!—очень хорошо! Но развѣ не самая святая работа, развѣ не самое основательное просвѣщеніе—узнать, что ложь, а что правда? что предубѣжденіе, а что сущность? что кривда, а что справедливость?

„*Ложь, предубѣжденія, кривда погубятъ васъ окончательно!*

„ Мы лишились довѣрія Правительства, уваженія русскаго народа за что?—„за любовь свою къ отечеству, къ національности и вѣрѣ?“ какъ говорятъ многіе. Неправда! неправда!!

„Мы лишились довѣрія Правительства и уваженія Русскаго народа и мы вызвали съ ихъ стороны стѣсненія противъ насъ не за любовь къ своей національности, которую они долго-долго уважали, *но за неизмѣнно революціонное направленіе этой любви*, за неполитичную и вмѣстѣ нехристіанскую ненависть ко всему русскому, *за упрямое неуваженіе того добра, которое оказывало Правительство и русскіе государственные люди нашему языку и словесности* за употребленіе католической нашей вѣры, въ основаніи вовсе не революціонной, какъ орудія революціонныхъ стремленій.

„*Вотъ гдѣ правда! — предъ исторіей и предъ Богомъ, предъ страшнымъ Его судомъ!!....*

„Московскія Вѣдомости въ № 182 за іюль 1883 г. выставили на видъ „протестъ“ какого-то тайнаго варшавскаго общества противъ коронованія, помѣщенный въ львовскомъ галиційскомъ журналѣ „Gazeta Narodowa“ за 15 мая 1883 годъ № 108.

„Мы не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ, читая объ этомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Мы постарались провѣрить извѣстіе. Увы!—оно было вѣрно!!!

„Въ протестѣ говорится:

„что онъ составленъ скрытыми (—вотъ и тайное общество!!!) представителями всѣхъ сословій, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ (!),—что поляки подъ Русскимъ правительствомъ были гонимы ужаснѣе, нежели первые христіане (неужели?), что на коронованіе стоитъ послать лишь кровавый польскій покровъ, что Польша въ давнихъ предѣлахъ выставляетъ свои вѣковыи права, что она не будетъ въ Кремлѣ и что она вопіетъ къ небу....“

„Львовская „Gazeta Narodowa“ имѣетъ вѣроятно своихъ довѣренныхъ корреспондентовъ въ Варшавѣ, такъ что можно полагать, что этотъ протестъ не подложный.

„Собралась, можетъ быть, дюжина революціонеровъ, лже-католиковъ, лже-христіанъ, мародеровъ 1863 года, нашелся быть можетъ между ними какой-нибудь лже-богословъ,—признавшіе себя (и какъ же бы нѣтъ?) представителями, уполномоченными цѣлаго народа, и отъ имени цѣлаго народа составили протестъ противъ коронованія,—какъ въ 1863 году шестеро заговорщиковъ во имя цѣлаго народа рѣшили сдѣлать возстаніе!

„Эти новые протестующіе лже-представители народа болѣе, нежели простые убійцы, ибо они убійцы народа. У нихъ нѣтъ не только ни капли разума, но и ни капли сожалѣнія къ самымъ дорогимъ интересамъ національности и вѣры.

„Эти самозванные представители народа, равно какъ и вся редакція львовскаго

журнала „Gazeta Narodowa“ произнесли на себя онымъ протестомъ приговоръ страшнаго суда предъ Богомъ, предъ народомъ и предъ исторіей.

„Тотъ лже-богословъ, который вмѣшался въ это дѣло, подвергся этимъ самымъ фактомъ проклятію и отлученію отъ Церкви.

„Польское общество, польскіе журналы, преимущественно считающіеся католическими, должны поднять голосъ противъ онаго протеста, противъ оныхъ новыхъ и скрытыхъ самозванныхъ, преступныхъ лже-представителей народа, тѣмъ болѣе, что оная же „Gazeta Narodowa“ въ № 117 отъ 26 мая 1883 года вновь объявила, что для вышепомянутаго протеста собрано въ Варшавѣ 10,000 подписей, и что „за этимъ числомъ скрываются милліоны“!

„Этого быть не можетъ! это неправда! это ложь, святотатственная ложь! Но надо публично заявить, что это ложь, потому что наше прошедшее говоритъ противъ насъ, выставляя протестъ возможнымъ.

„Промолчите-ли вы, господа редакторы польскихъ газетъ? Или вы не знаете латинской пословицы: qui tacet consentire videtur,—кто молчитъ, тотъ видимо соглашается?

„Если вы не возвысите голоса, вы, наставленные опытомъ нашихъ страшныхъ ошибокъ въ прошедшемъ,—то вы сдѣлаетесь предателями нашей національности, которой вы считаетесь якобы самыми горячими приверженцами.

„Я осмѣлюсь, господа редакторы, сдѣлать вамъ серьезный упрекъ въ томъ, какъ вы обращались съ отзывами многихъ русскихъ журналовъ, которые пишутъ статьи о примиреніи русской и польской національностей.

„Вы возразите, что я не имѣю права дѣлать вамъ упрековъ?

„Господа, каждый полякъ имѣетъ на то право, если онъ видитъ, что его соотечественники попираютъ святые принципы разумной любви и основанія общественныхъ международныхъ сношеній.

„Были-ли мы разумны въ отношеніи оной любви?

„Гордо молчать и дуться, когда русскіе сколько разъ подымаютъ и не перестаютъ подымать вопроса „о примиреніи?“ Развѣ это не благородно съ ихъ стороны? развѣ они не заслуживаютъ, чтобъ поблагодарить ихъ за это вѣжливо и чистосердечно?

„Послушайте: до Сольферино и Садовой, когда съ 1772 года Галиція находилась подъ неимовѣрнымъ гнетомъ австрійцевъ, развѣ эти послѣдніе относились когда-либо къ полякамъ такъ, какъ относились къ намъ русскіе въ прошедшемъ, безъ всякихъ Сольфериновъ и Садовыхъ?

„Если вы, быть можетъ, возразите, господа „что же мы можемъ сказать русскимъ насчетъ примиренія? какія должны быть условія онаго?“ то я осмѣлюсь дать вамъ такой совѣтъ:

„Благодаримъ васъ, русскіе славяне, за вашъ благородный отзывъ о примиреніи. Мы чувствуемъ, что намъ нельзя предлагать условій. Намъ возможно сказать только, что мы научились уже тому, что не Россія, не русскіе были причиной паденія древней Польши,—что послѣ паденія оной Россія охраняла нашъ языкъ и нашу національность, что подъ скипетромъ Русскихъ Царей жила и процвѣтала наша словесность; что и наша католическая вѣра испытала много добра отъ Россіи—хотя и православной; что если наше положеніе подъ властію Россіи было часто сопряжено съ затрудненіями, то причиною тому были не Русскіе Цари, не русскій народъ, а наши заговоры и стремленія къ независимости. Не будь этого, мы могли бы благоденствовать всегда подъ властью Русскаго правительства, равно какъ наша національность въ родственной связи съ русскою. Мы отдаемъ вамъ справедливость и дѣлаемъ это чистосердечно во всеуслышаніе.

„Если же вы, русскіе славяне, непремѣнно желаете знать наши условія примиренія нашей національноси съ вашею,—вотъ они:

„Русскій Императоръ, Польскій Царь, есть нашъ общій законный Государь!

„Мы отнынѣ, по правиламъ нашей Церкви, станемъ смотрѣть на Него, какъ еслибъ Онъ, русскій, былъ коронованный полякъ.

„Мы никогда не нарушимъ присяги въ вѣрности, данной Императору—Царю нашему.

„Въ силу ученія нашей Церкви, мы строго осуждаемъ наши заговоры и возстанія въ прошедшемъ и въ силу того же ученія впредь не перестанемъ быть вѣрными подданными.

„Россія можетъ не безпокоиться, что мы когда-либо снова возмутимся; относительно нашей вѣры, мы признаемъ, что мы долго и долго были революціонными католиками, почти что еретиками; съ этихъ же поръ мы будемъ римскими католиками, т. е. нереволюціонерами.

„Мы желаемъ работать мирно и мирно развиваться въ умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ,—чему вы, русскіе (съ 1772 по 1839 годъ и съ 1855 по 1864 годъ) не препятствовали болѣе нежели въ продолженіе полустолѣтія (въ теченіе 76 лѣтъ), и мы сожалѣемъ, что своими заговорами мы вооружили васъ противъ себя.

„Мы строго осуждаемъ всѣ выходки галицкихъ и познанскихъ газетъ противъ россіи и не считаемъ себя съ ними солидарными.

„Мы проклинаемъ протестъ противъ коронованія, ложно помѣщенный отъ имени народа,—преимущественно Варшавы,—въ львовскомъ журналѣ, Gazeta Narodowa."

„Политическая судьба народовъ не въ рукахъ людей, а въ Божіей десницѣ; поэтому мы мечтаемъ не о независимости, а лишь о національности нашей, которую вы, русскіе, одни послѣ паденія древней Польши почитали, уважали и развитію которой способствовали.

„Вы не желали ни обезполячить, ни обезкатоличить насъ, восклицаемъ мы во всеуслышаніе, и если въ этомъ отношеніи появилось что-нибудь противное, то это вызывали мы сами.

„Говорить болѣе нечего; уладить подробности нашего примиренія не наше дѣло, а дѣло великодушія, Императора Царя нашего, и славянской доброты русскихъ сердецъ.

„Надъ этимъ всѣмъ да царствуетъ вдохновеніе Всевышняго Промысла!".

„Вотъ, господа редакторы, программа, основанная не на лжи, а на истинѣ, не на ненависти, а на любви, не на гордости, а на прямодушіи, не на изворотахъ, а на чистосердечіи, не на спорѣ, а на мирѣ, не на мечтахъ, а на практичности, не на лже-католической, а на истинно-римско-католической вѣрѣ*)

„Избирайте, что хотите: ложь или ненависть, гордость, извороты, неровный споръ мечты, лже-католичество и ересь,—или же истину, справедливость, любовь, чистосердечіе, миръ, практичность и дѣйствительно римско-католическую вѣру.

„Если вы изберете послѣднее, то вы оставите ваше гордое молчаніе,—и на призывъ русскихъ о примиреніи вы отвѣтите достойно вашей вѣрѣ и истиннаго, здраваго политическаго смысла,—да! да! дѣйствительной—не лживой, не фантастической, не обманчивой—любви къ вѣрѣ и къ національности!

„Патріотъ не тотъ, кто ненавидитъ и бунтуется, кто отрицаетъ правду, кто мечтаетъ, кто вызываетъ сильнѣйшаго,—но тотъ, кто любитъ, кто миренъ, кто практи-

*) „Najwyzszy panuje w Królestwie ludzi, a komukolwiek zechce, „daje, (Daniel IV. 14).

Мирныя работы на пользу національности, вели за собой благоденствіе покоренныхъ народовъ (*Финляндія*, Курляндцы, Богемія съ 1840 годовъ). Стрѣмленія лишь къ независимости и революціи порождали только несчастіе. Богъ одинъ внѣшними катаклизмами измѣняетъ судьбу народовъ.

ченъ, кто повинуется своей вѣрѣ, наставляющей никогда не бунтоваться; коль скоро Государь царствуетъ, то подданные должны смотрѣть на Него какъ на своего природнаго Государя и никогда не прекословить правамъ Его и Его законности.

„А теперь я обращусь къ нашему духовенству. Я спрашиваю его публично—правду или ложь написалъ я?

„Вѣдь духовенство также имѣетъ свой „органъ Przegląd Katolicki“—пусть оно дастъ мнѣ отвѣтъ!

„Признаваясь еще разъ въ томъ, что я люблю свою національность и что я римскій католикъ, что я ультрамонтанъ,—имѣю честь оставаться вашимъ, господа редакторы русскихъ и польскихъ газетъ и журналовъ,

покорнѣйшимъ слугою во Христѣ Спасителѣ

Ультрамонтанъ-Полякъ.

Варшава.
Октябрь, 1884 года.

Авторъ открытаго Письма — полякъ и католикъ; онъ лицо духовнаго званія. Имени его издатель не имѣетъ права объявить, но оно многими въ Царствѣ Польскомъ угадано, и доказательствомъ тому—статья о немъ кс. Снигурскаго, напечатанная въ № 28 „Варшавскаго Дневника“ за 1885 годъ.

Авторъ открытаго Письма—человѣкъ весьма уже не молодой; онъ былъ каноникомъ и членомъ варшавскаго архіепископальнаго капитула въ 1863 г. Кс. Снигурскій утверждаетъ, что Ультрамонтанъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ держался совсѣмъ не тѣхъ мнѣній относительно Русскаго Правительства, какія онъ высказываетъ нынѣ, но ничѣмъ, однако, не подтверждаетъ своихъ словъ; а съ другой стороны, достовѣрно извѣстно, что бывшій намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ графъ Бергъ формально заявлялъ, что считаетъ его человѣкомъ благонадежнымъ; а генералъ Треповъ, бывшій генералъ-полиціймейстеромъ въ Царствѣ Польскомъ, былъ постояннымъ его покровителемъ. Когда въ 1864 г. Правительство, желая отыскать предлогъ для прекращенія чисто-военнаго положенія въ краѣ, сдѣлало извѣстнымъ о готовности своей принять выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны мѣстнаго населенія, Ультрамонтанъ убѣждалъ близкихъ ему людей воспользоваться этимъ случаемъ и составить адресъ „не въ общихъ выраженіяхъ“, а съ заявленіемъ истиннаго раскаянія.

Лица, желающія вредить Ультрамонтану въ глазахъ нынѣшнихъ властей, твердятъ, что онъ былъ въ ссылкѣ. Дѣйствительно, онъ былъ въ 1866 г. высланъ изъ Царства Польскаго за нарушеніе запрещенія прямыхъ сношеній съ Римомъ. Но сношенія эти, сколько извѣстно, состояли въ томъ, что въ 1864 г. онъ послалъ на имя папы обширный докладъ, въ коемъ осуждалъ тогдашній образъ дѣйствія польскаго духовенства, какъ несогласный съ обязанностями служителей Церкви, за что и донесли на него русскимъ властямъ. О томъ же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отписалъ и къ кардиналу Антонелли, ближайшему совѣтнику святаго отца Далѣе, варшавскій архіепископъ Фелинскій, оставляя, по Высочайшему повелѣнію Царство Польское, назначилъ трехъ викаріевъ, между прочимъ и Ультрамонтана (третьимъ). По другимъ извѣстіямъ, назначеніе это было прислано Ультрамонтану уже изъ Ярославля, гдѣ находился Фелинскій по отстраненіи отъ управленія епархіей. Въ первомъ случаѣ Ультрамонтанъ былъ неправъ тѣмъ, что не предъявилъ своевременно Правительству своего назначенія, во второмъ—что принялъ назначеніе отъ архипастыря, отстраненнаго отъ управленія; но, какъ бы то ни было, ничто не доказываетъ, чтобъ Ультрамонтанъ былъ въ это время врагомъ Правительства и нарушалъ свои вѣрноподданническія обязанности не только дѣломъ, но и словомъ.

А если бы даже и дѣйствительно тогдашній образъ мыслей и дѣйствій Ультрамонтана былъ предосудителенъ, то слѣдовало бы только радоваться совершившейся перемѣ-

нѣ; а что эта перемѣна произошла не изъ корыстныхъ или другихъ непочтенныхъ побужденій, то лучшимъ доказательствомъ тому служитъ въ высшей степени скромный образъ жизни стараго каноника живущаго, нынѣ въ Варшавѣ; единственныя средства же его къ жизни—сохраненное за нимъ со времени еще его высылки содержаніе.

Что же касается приведеннаго нами письма, то несмотря на искренность и страстность, съ которою оно написано, въ немъ крайне рѣзко сказывается увлеченіе автора, выразившееся въ крупной политической ошибкѣ. „Открытое письмо" отнюдь не распутываетъ тѣхъ до нельзя запутанныхъ отношеній, которыя существуютъ въ самой латинской Церкви и не снимаетъ съ нея возводимыхъ на нее тяжкихъ обвиненій. Быть можетъ, безъ задней мысли, но, во всякомъ случаѣ, слишкомъ упорно умалчиваетъ авторъ „письма" о нѣкоторыхъ выдающихся положеніяхъ римскаго вѣроученія, о возмутительной нетерпимости римской куріи, о стремленіи ея къ всемірному владычеству, революціонномъ характерѣ воинствующаго католицизма...

Что же касается исключительно Польши, то почтенный авторъ „письма" не пишетъ ни слова объ ея религіозномъ фанатизмѣ,—этомъ неразлучномъ спутникѣ римскаго католицизма.

Исторія Польши изображаетъ намъ грустную и возмутительную, вмѣстѣ съ тѣмъ, картину тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, благодаря которымъ Рѣчь Посполитая утратила сперва Малороссію, а затѣмъ доведена была до полнаго нравственнаго паденія, слѣдствіемъ чего явилась политическая смерть польско-шляхетскаго государства. Испоконъ вѣковъ папство считало свою властъ выше свѣтской власти, обращалось съ монархами, какъ со своими подданными, интриговало противъ нихъ, когда эти монархи отказывались служить орудіемъ папства и не желали признавать за вопросами религіозными политическое значеніе.

Находившаяся въ рукахъ папства инквизиція, изъятая во всѣхъ католическихъ государствахъ изъ подъ контроля свѣтской власти, была могущественнымъ орудіемъ для подчиненія всѣхъ подъ власть папы. Средства, къ которымъ прибѣгало духовенство для „привлеченія ко Христу" изложены отчасти въ утвержденной папой таксѣ для палача, исполнявшаго приговоры намѣстника Христа. Въ городскихъ книгахъ въ Дармштадтѣ сохраняется эта такса, гласящая:

1)	за кипяченіе преступника въ маслѣ	24 флорина
2)	„ четвертованіе живаго	15 флор. 30 цен.
3)	„ обезглавленіе мечемъ	10 „
4)	„ ломаніе колесомъ	5 „
5)	„ воткнутіе головы на шестъ	5 „
6)	„ повѣшеніе	10 „
7)	„ разорваніе на четыре части	18 „
8)	„ зарытіе тѣла	1 „
9)	„ посадка на колъ	12 „
10)	„ сожженіе на кострѣ	14 „
11)	„ участіе въ шествіи	2 флор. 10 цент.
12)	„ наложеніе испанскихъ сапогъ съ заливкой кипящей смолой	2 флор. 30 цент.
13)	„ пытаніе	5 „
14)	„ одѣваніе на шею обруча	1 флор. 30 цент.
15)	„ сѣченіе розгами или плетьми	3 „ 30 „
16)	„ выжиганіе клейма на лбу, на спинѣ или на щекахъ	5 „
17)	„ отрѣзаніе носа или ушей	5 „

Къ этому добавлялось полное содержаніе палача во время экзекуціи.

Съ одной стороны папы провозглашали святость и неприкосновенность монархической власти и не выступали противъ нее открыто, съ другой же—тайно направляли противъ нея арміи іезуитовъ, которые, защищая принципъ главенства папы, прибѣгали при помощи инквизиціи къ самымъ гнуснымъ средствамъ. Достаточно указать на Равальяка! Еслибы авторъ „Открытаго письма" искренно задался бы цѣлью снять съ римскаго католицизма вѣковыя наслоенія политической грязи, то что осталось бы тогда отъ папства? Развѣ что религіозная непогрѣшимость (или какъ ее называетъ авторъ „вѣронеошибочность"), а не чисто политическій догматъ.

Въ 1868 году въ Англіи зародилось движеніе, направленное къ соединенію съ православною церковью.

Англійскій богословъ Авербергъ издалъ по этому вопросу нѣсколько брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ; изъ нихъ особенно замѣчательны: „Православная каѳолическая Церковь, протестъ противъ папской Церкви и воззваніе къ образованію національныхъ церквей" и „Роль православной Россіи и ея призваніе къ возстановленію православной каѳолической Церкви на западѣ". Въ этихъ двухъ брошюрахъ авторъ указываетъ на преимущества православной Церкви передъ латинской и доказываетъ настоятельную необходимость соединенія съ православною Церковью, указывая на условія, при которыхъ должно произойти это соединеніе.

Вотъ главныя положенія Аверберга:

„1. Основанная Спасителемъ каѳолическая Церковь должна обнимать весь свѣтъ. Истинная православная религія начиная со дня Пятидесятницы, т. е. дня ея основанія, стала постепенно распространяться и вскорѣ распространилась по всему цивилизованному міру. На востокѣ и на западѣ исповѣдовалась та же вѣра, богослуженіе совершалось при томъ же престолѣ, надъ вѣрующими совершались тѣ же таинства,—однимъ словомъ могучая связь соединяла весь христіанскій міръ.

„ 2. Такъ должно было обстоять дѣло и впредь. Тогда не видѣли бы мы ни различныхъ ересей, ни невѣрія, тогда не слышали бы мы ничего ни о враждебныхъ христіанской вѣрѣ ученіяхъ, ни о нехристіанскомъ гдѣ либо государствѣ. Тогда не было бы разлада при смѣшанныхъ бракахъ, не было бы розни въ семействахъ и презрѣнія къ религіи и ея служителямъ. Тогда государство было бы другомъ Церкви, а священникъ—вѣрнѣйшимъ гражданиномъ страны.

„3. Это свѣтлое, великое каѳолическое единство въ Церкви было нарушено самымъ возмутительнымъ образомъ. Гордыня и ненавистное властолюбіе Рима нарушили отъ Бога дарованный завѣтъ. Уже во времена Виктора и Стефана папство стало проявлять свои стремленія къ захвату, но рѣшительное сопротивленіе восточной части каѳолической церкви разрушило властолюбивые замыслы папства. Съ этихъ поръ попытки папства на этомъ поприщѣ постоянно возобновлялись, но всегда оставались безплодными благодаря жителямъ востока; папы пользовались смутными временами въ государствахъ Востока, чтобы попробовать даже силой навязать имъ свои требованія, о коихъ не слыхала дотолѣ каѳолическая церковь. Но Востокъ остался вѣрнымъ стражемъ истиннаго ученія вѣры, предпочелъ переносить ненависть и насилія крестоносцевъ, чѣмъ согласиться замѣнить вѣру своихъ отцевъ папскими нововведеніями. Интриги, коварство и насилія Рима не были въ состояніи сломить сильную вѣру и стойкость Востока; въ виду этого, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, Римъ отдѣлился отъ Востока, чтобы безпрепятственно и согласно своимъ фантазіямъ владычествовать надъ западнымъ патріархатомъ.

„4. Такова была великая римская схизма, при помощи коей папа отдѣлился отъ каѳолической святой и неизмѣнной Церкви, по сіе время сохранившейся на Востокѣ. Въ виду того, что въ основѣ папскаго ослѣпленія лежитъ гордыня и властолюбіе,—естественно, что вмѣстѣ со схизмой зародилась и ересь. Для успѣшности дальнѣйшаго развитія папской власти не

хватало догматическаго основанія; поэтому придуманъ былъ новый догматъ заключавшійся въ томъ, что папа не только что первый изъ христіанскихъ епископовъ, но, по праву Божескому, также и видимая глава Церкви и наивысшій намѣстникъ Христа. Это еретическое ученіе, неизвѣстное православной каѳолической Церкви, является основой современной римской Церкви и источникомъ всевозможныхъ столкновеній и пререканій на Западѣ между Церковью и государствомъ. Папскія притязанія не допускаютъ посторонней свѣтской власти. Въ нашемъ распоряженіи два средства противъ папства: намъ слѣдуетъ или попросту силой уничтожить его, или игнорировать, пока оно само не подвергнется разложенію. Пусть римляне кричатъ—этимъ они не поправятъ своего дѣла, ибо еще громче кричатъ послѣдствія ихъ пагубнаго хозяйничанья, которыя должны быть очевидны для каждаго, кому злая воля не запрещаетъ ихъ замѣчать. Несчастная современная Италія—не обѣтованная же это земля папской власти? Развѣ Австрія не была приведена къ краю пропасти, благодаря папскимъ объятіямъ, въ которыхъ она находилась въ теченіе 13 вѣковъ? Развѣ не римскіе монахи и священники столько разъ возмущали Польшу, пока русскій императоръ не принялъ надлежащихъ мѣръ къ изгнанію заговорщиковъ и не сталъ строго наблюдать за ихъ Церковью? Такъ слѣдовало бы поступить вездѣ, гдѣ римское духовенство глумится надъ государственными законами, и показать, что римскимъ интригамъ должно положить предѣлъ; слѣдовало бы справедливо карать каждое закононарушеніе, не принимая въ соображеніе, занимаетъ ли интриганъ высокій постъ, или является мелкимъ сельскимъ священникомъ. Въ состояніи ли кто-либо назвать страну, гдѣ папское право (скорѣе безправіе) обладаетъ полною законною силой, не клонящеюся вслѣдствіе этого къ паденію, все усиливающемуся до тѣхъ поръ, пока населеніе не прозрѣваетъ и не сбрасываетъ позорныхъ путъ.

„5) Эту схизматическую и еретическую Церковь, которая незаконно и единственно себѣ присваиваетъ названіе каѳолической, эту Церковь вы должны *оставить, не медля оставить*, ибо дальнѣйшее ваше пребываніе въ ней увеличило бы ваше участіе въ ея разложеніи и погребло бы васъ подъ развалинами этой Церкви, признаки близкаго паденія которой становятся съ каждымъ днемъ грознѣе. Къ этимъ признакамъ мы не причисляемъ общеизвѣстнаго, направленнаго противъ римской Церкви движенія въ Италіи,—движенія вызваннаго невѣріемъ и безнравственностью, между тѣмъ какъ папская Церковь не нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы искоренить это зло въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ. Мы причисляемъ къ этимъ признакамъ грядущаго паденія Церкви: 1) повсемѣстное отреченіе отъ папы истинныхъ и глубоко богобоязненныхъ христіанъ, всѣмъ сердцемъ ненавидящихъ ультрамонтанскія стремленія; 2) переступающее всякія границы самохвальство, во истину непонятныя вожделѣнія папства, говорящаго языкомъ свѣтскаго владыки, у ногъ котораго должны пресмыкаться короли и императоры, племена и народы.

„6) Римская Церковь учитъ, что папство—это основа католической Церкви, которая существуетъ де благодаря папству и рухнетъ совмѣстно съ нимъ; при этомъ папство ссылается на слова Спасителя: „Ты Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь“ (Матѳ. XVI, 18). Кто же сей камень? Истинно православный человѣкъ каѳолической Церкви скажетъ: „чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ обратиться къ твореніямъ святыхъ Отцовъ, свидѣтелей церковнаго преданія“. Французскій богословъ Ляпуа обратился къ твореніямъ св. Отцовъ и нашелъ, что только 17 изъ нихъ понимаютъ болѣе или менѣе подъ словомъ „камень Петра, но по мнѣнію же 44 изъ нихъ слово „камень“ относится къ вѣрѣ въ божество Христа, исповѣдуемой Симономъ. Такимъ образомъ значительное большинство Отцовъ Церкви учитъ согласно съ ученіемъ православно-каѳолической Церкви. Отсюда слѣдуетъ, что латиняне обращаются съ библіей съ чисто-протестантскимъ самоволіемъ, ибо принимаютъ толкованіе незначительнаго меньшинства,

отвергая толкованіе подавляющаго большинства Отцовъ Церкви, по той единственно причинѣ, что первое толкованіе болѣе соотвѣтствуетъ стремленіямъ и теоріямъ латинства. Между тѣмъ, въ переводѣ Евангелія, сдѣланнаго Алліоли по порученію папы, въ примѣчаніи къ Евангелію отъ Матѳея XVI, 18, говорится: „такъ учатъ всѣ Отцы Церкви“, тогда какъ это завѣдомая неправда. Такъ во лжи и обманѣ воспитываетъ римская Церковь вѣрующихъ, полагающихся на слова своихъ учителей и не имѣющихъ времени или возможности ближе провѣрить правильность подобныхъ заявленій. Сколько мѣстъ въ твореніяхъ святыхъ Отцовъ искажено, либо ложно истолковано съ цѣлью подтвердить ученіе, о коемъ ничего не знала истинная каѳолическая Церковь! Прочтите, напримѣръ, акты флорентійскаго собора, на которомъ греки обнаружили латинскія извращенія словъ Отцовъ Церкви. Прочтите изданное въ серединѣ прошлаго вѣка классическое сочиненіе Адама Зерникова о римскомъ ученіи относительно исхожденія Духа Святаго, и вы будете поражены, узнавъ, что латиняне, дабы обосновать ложное свое ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и *Сына*, не постыдились извратить 25 мѣстъ изъ твореній св. Отцовъ восточной и 43 Отцовъ латинской Церкви; Зерниковъ обстоятельно разоблачилъ эти извращенія и, кромѣ того, указалъ на безчисленныя другія извращенія. *Въ теченіе ста лѣтъ ни одинъ латинянинъ не пытался опровергнуть заявленія Зерникова.* Были попытки обнаружить такія же извращенія въ православномъ вѣроученіи, но, несмотря на всѣ старанія, найденъ лишь *одинъ* примѣръ у Гардуина, да и то совершенно незначущій.

„Возвращаясь къ папству, мы укажемъ на англійское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Catholic orthodoxy“ (Каѳолическое православіе), въ которомъ вполнѣ доказано, что до Никейскаго собора не было и помину о папскомъ главенствѣ. Всѣмъ это ясно видно, что до четвертаго вѣка совершенно неизвѣстнымъ было то, что латиняне называютъ *фундаментомъ* Церкви. Впрочемъ, и впослѣдствіи: Никейскій Халкедонскій и другіе соборы гласятъ о римскомъ первенствѣ, какъ о чемъ-то, основанномъ на постановленіяхъ Церкви, а не какъ объ общеизвѣстномъ установленіи Божескомъ. Совершенно неосновательны заявленія Филипса и другихъ, утверждающихъ, будто шестой канонъ перваго Никейскаго собора и другіе каноны послѣдующихъ соборовъ подразумѣваютъ патріаршее положеніе Рима, а не первенство папы: ибо, дескать, если папа былъ главой Церкви, Богомъ установленною, то само собой разумѣется, что онъ такъ же, какъ патріархъ занималъ первое мѣсто. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обосновать подобное, ничего не говорящее, постановленіе Божескимъ установленіемъ первенства. Въ актахъ же собора нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо подобнаго; напротивъ, 28-е постановленіе четвертаго Халкедонскаго собора (въ которомъ участвовало 638 представителей Церкви) признаетъ „приличнымъ признаніе первенства за Римомъ, ибо это *древній*, царствующій градъ“. Таково было положеніе дѣла до времени великой римской схизмы.

„Каѳолическая церковь никогда не отрицала первенства папы въ Церкви, первенства, какъ преимущества перваго между епископами, и если бы папа отрекся отъ своего раскола и ереси и возвратился въ лоно каѳолической Церкви, то православная Церковь тотчасъ снова уступила бы ему первенствующее положеніе. До этого же момента первое мѣсто въ Церкви занимаетъ второй по старшинству, т. е. патріахъ константинопольскій *Божеское* же первенство, на которомъ основывается современное папство,—ересь, осужденная каѳолическою Церковью,

„Пій IX въ началѣ своего правленія издалъ посланіе къ православнымъ епископамъ призывая ихъ къ соединенію съ латинскою Церковью. Вселенскіе патріархи отвѣтили ему окружнымъ посланіемъ, въ которомъ осуждали римскій расколъ и римскія лжеученія и угрожали проклятіями раскольническому папѣ, если онъ не возвратится въ лоно истинной каѳолической Церкви. Пій выслушалъ совѣтъ, но не послѣдовалъ ему; вскорѣ

онъ бѣжалъ изъ своей страны. Опираясь на чужеземные штыки, онъ возвратился въ Римъ, но затѣмъ потерялъ лучшія свои области, а „старшій сынъ Церкви“ [1]) спокойно смотрѣлъ на это и не двинулся съ мѣста. Въ этомъ достойномъ соболѣзнованія положеніи папа искалъ утѣшенія въ новомъ догматѣ, созданномъ и провозглашенномъ исключительно имъ самимъ безо всякаго участія вселенскаго собора. Но, казалось, само небо возмутилось въ данномъ случаѣ, ибо новый догматъ вмѣсто того, чтобы прославить папство, потребовалъ отъ него тяжелой жертвы. Государство подвергло конфискаціи церковныя богатства Италіи, затѣмъ „Апостольское Величество“ освободилось изъ папскихъ объятій, и, наконецъ, „вѣрнѣйшій союзникъ Пія“—Изабелла была лишена трона. Но Пій, не взирая на эти тяжелые удары, стремится всѣми силами привлечь на себя новые громы, ибо онъ—раскольничій епископъ—обращается къ вѣрнымъ сынамъ православной каѳолической Церкви, приглашая ихъ на свой мнимо вселенскій соборъ. По какому это праву схизматикъ можетъ созывать вселенскіе соборы и отвращать православныхъ христіанъ отъ ихъ древней истинной вѣры? Поистинѣ, папскія стремленія не знаютъ границъ! Неужели папа думаетъ, что, если папство утратило всякое значеніе на Западѣ, гдѣ правительства или ведутъ противъ него борьбу или игнорируютъ его, то будущность его—на Востокѣ? Тамъ, гдѣ люди непосредственно сталкиваются съ папствомъ и изъ собственнаго опыта знаютъ его вліянія и его творенія, тамъ они стремятся какою бы то ни было цѣной порвать съ папой всякія сношенія Во всякомъ случаѣ въ Италіи папство могло свободно распространять свое вліяніе и доказать, что оно дѣйствительно существуетъ. Папство растило, воспитывало и научало тамошнія молодыя поколѣнія въ теченіе многихъ вѣковъ,—и вдругъ теперь Италія стала безбожнымъ врагомъ папства. Тысячи людей примыкаютъ теперь тамъ къ врагу религіи—Гарибальди! Такія явленія не создаются въ теченіе одной ночи. Кто же тогда виноватъ въ этомъ случаѣ? Если бы папство внушало и проповѣдовало молодымъ поколѣніямъ ту глубокую религіозность, которая охватываетъ и преобразовываетъ всего человѣка, то враждебныя религіи вѣянія пронеслись бы надъ страной, не касаясь ея поверхности. Но здѣсь сама земля, та земля, надъ которою тяготѣетъ проклятіе за папскій расколъ, породила невѣріе, суевѣріе и всяческое пренебреженіе къ вѣрѣ—эти естественныя послѣдствія раскола и ереси. Весьма знаменательно то обстоятельство, что именно народы, принадлежащіе къ латинской Церкви, сильнѣе всего и наиболѣе успѣшно работаютъ надъ низверженіемъ папства. Все, что римская Церковь дѣлаетъ хорошаго, творится *не при посредствѣ папства*, но *безо всякаго его участія*. Кто въ римской Церкви живетъ богобоязненно, тотъ собираетъ плоды каѳолической истины постольку, поскольку папство не уничтожило въ немъ этой истины или не извратило ея. Мы вѣримъ, что милліоны римскихъ католиковъ питаются истиннымъ зерномъ каѳолическимъ, которое всегда еще обрѣтается въ ихъ Церкви, и что они по духу своему принадлежали къ каѳолической Церкви, ибо папство касается ихъ лишь съ внѣшней стороны; они же, руководимые безсознательною силой непобѣдимаго незнанія (ignorantia invicibilis), не могутъ сами вознестись надъ нимъ, если гдѣ-либо рука не направитъ ихъ на истинный путь. Къ нимъ именно обращаемся мы, говоря: „*оставьте* схизматическую и еретическую римскую Церковь и возвратитесь въ лоно Церкви православной, древней, всюду почитаемой, которая не измѣнялась и не измѣнится, которая въ теченіе перваго тысячелѣтія обнимала весь міръ.

„7. Оставьте римскую Церковь, оставьте ее не медля, сейчасъ! „Но, отвѣтите вы,—куда же намъ итти? Мы не можемъ стать протестантами, ибо они низвергли основу непогрѣшимой Церкви. и бросаютъ въ христіанскій міръ, какъ яблоко раздора, библію, толкуемую самыми различными способами. Тѣмъ болѣе не можемъ мы стать

---

[1]) Австрійскій императоръ.

членами свободной Цеервки (Frikir hler), отрицающей въ самомъ зародышѣ всякое христіанство и даже и всякую религію“.

„Куда же намъ итти?“ Вамъ надлежитъ вовратиться въ лоно Церкви св. Кипріана, Амвросія, Августина, Іеронима, Льва, Григорія Великаго. Вамъ надлежитъ возвратиться въ лоно той *западной каѳолической Церкви,* какою она была тогда, когда вмѣстѣ съ восточною каѳолическою Церковью она исповѣдовала одну и ту же вѣру православную и представляла *единую каѳолическую Церковь,* которую основалъ Спаситель, которую столь доблестно защищалъ Ѳотій отъ посягательствъ папы и въ которую столь преступнымъ образомъ ввелъ раздѣленіе папа Николай I. Этотъ папа именно основалъ свое безусловное папское главенство на лже-исидоровыхъ декреталіяхъ, подложность коихъ извѣстна всему міру и признается даже закоренѣлыми папистами. Вотъ начало *новаго католическаго папства,* отвергнутаго православною Церковью. Древнѣйшіе папы не знали этого папства. По каноническому праву, папа былъ первымъ изъ епископовъ, точно такъ же, какъ патріархъ константинопольскій занималъ среди нихъ второе мѣсто. Но папа былъ лишь старшимъ братомъ среди многихъ братьевъ. Если бы святые папы, Левъ и Григорій, возвратились къ намъ, то не обратились бы они въ Римъ, назвали бы Пія IX отщененцемъ, а Григорія привѣтствовали бы, какъ брата.

„8. „Но гдѣ же эта западная православная каѳолическая Церковь, къ которой принадлежали западные святые Отцы, и которая существовала передъ римскимъ расколомъ?“ Отвѣтъ: папы *разрушили* ее; наша обязанность возстановить ее. Къ этому призываетъ васъ это наше воззваніе. Приступите же не медля къ труду и осуществите зародившуюся мысль! Поспѣшимъ сносить камни для возстановленія разрушенной святыни; обратимся къ восточной православной Церкви, оставшейся вѣрной каѳолической истинѣ, съ просьбой принять насъ въ свое лоно, помочь намъ въ возстановленіи нашей Церкви. Мы въ цѣлости принимаемъ истинное ученіе православное и святыя постановленія семи вселенскихъ соборовъ и отвергаемъ всякія ложныя ученія и злоупотребленія, отвергаемыя православною Церковью. Вотъ наше основное положеніе. На этомъ основаніи насъ *приметъ и должна принять* православная Церковь въ лоно свое. Это первый и самый необходимый шагъ; ибо что можемъ мы предпринять безъ Церкви и безъ таинствъ?

„9. Наша западная православно-каѳолическая Церковь будетъ такою же, какою она была до отпаденія; поэтому она не будетъ вводить произвольно никакихъ измѣненій въ обычаяхъ и обрядахъ, въ молитвахъ, богослуженіи и т. д., въ чистотѣ сохраненныхъ римскою Церковью отъ древнѣйшихъ временъ, дабы западный характеръ нашей Церкви не былъ уничтоженъ. Восточная православная Церковь требуетъ отъ насъ только православія, но не отреченія отъ внутренняго нашего естества и характера. Мы не можемъ стать представителями Востока, равно какъ русскій не можетъ преобразоваться во француза, французъ—въ нѣмца. Съ перваго начала существованія Церкви Провидѣніе Божіе предвидѣло равно существованіе Запада, какъ и Востока, и ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права стремиться къ отмѣнѣ предопредѣленія Божія. *Западная православная Церковъ имѣетъ полнѣйшее право и полнѣйшее основаніе существовать, и восточная Церковъ не станетъ ни опровергать, ни отвергать это право.*

„10. Хотя въ настоящее время, съ наружной своей стороны, наша Церковь мало чѣмъ будетъ разниться отъ римской Церкви, зато внутренній ея характеръ будетъ совершенно отличенъ, ибо;

a) Мы отвергаемъ новѣйшее папство и все то, что на немъ основывается.

в) Отвергаемъ ученіе объ индульгенціяхъ, какъ папскую выдумку.

c) Отвергаемъ несогласное съ ученіемъ Церкви обязательное безбрачіе духовенства и разрѣшаемъ готовящимся къ духовному званію жениться до своего посвященія.

d) Отвергаемъ чистилище въ смыслѣ матеріальнаго огня, хотя признаемъ переход-

ное состояніе послѣ смерти, состояніе, въ которомъ люди, праведные по жизни, но еще не свободные отъ наказанія за грѣхъ, пользуются святостью молитвы и добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ вѣрующими для ихъ спасенія [1]).

e) Отвергаемъ употребленіе въ церквахъ скульптурныхъ изображеній и допускаемъ только иконы.

f) Пріемлемъ крещеніе черезъ троекратное погруженіе.

g) Исповѣдуемъ, что съ крещеніемъ должно быть непосредственно соединено и мѵропомазаніе и что священникъ можетъ законно совершать это таинство.

h) Исповѣдуемъ, что и міряне должны причащаться подъ обоими видами.

i) Для таинства Евхаристіи долженъ употребляться квасный хлѣбъ.

k) Признаемъ одинъ лишь монашескій орденъ бенедиктинцевъ, существовавшій и до отпаденія римской Церкви и носившій истинный православно-каѳолическій характеръ.

l) Не признаемъ святыми тѣхъ, кто записанъ въ римскій календарь послѣ отпаденія Рима.

m) Признаемъ право національныхъ Церквей (нѣмецкой, французской, англійской, чешской, испанской, итальянской и т. д.), которыя являются независимыми, но утверждаются на неизмѣнномъ православномъ основаніи и находятся въ общеніи съ патріархомъ константинопольскимъ и другими вселенскими патріархами.

n) Признаемъ, что литургію должно совершать на родномъ языкѣ страны.

o) Во время литургіи слѣдуетъ устранить возношеніе Святыхъ Даровъ и преклоненіе передъ ними передъ произнесеніемъ словъ Спасителя, коими установлено было таинство Евхаристіи, ибо освященіе Даровъ происходитъ лишь по призванію Духа Святаго.

Въ виду того, что сіе призваніе Духа Святаго исключено изъ чина римско-католической литургіи, то таковой чинъ можетъ быть восполненъ по чину мозарабскому, въ коемъ призваніе Духа Святаго сохранилось въ православной формѣ.

p) Отвергаемъ ложное римское ученіе, будто Духъ Святый исходитъ отъ Отца *и отъ Сына* (Filioque), и исповѣдуемъ что Духъ Святый исходитъ *только отъ Отца.*

q) Утверждаемъ, что ко святому Причастію должно допускать также и дѣтей.

r) Утверждаемъ, что таинство елеосвященія не надлежитъ отлагать до конца жизни, но что таковое можно принимать съ великою пользой при каждой болѣзни,

s) Считаемъ желательнымъ, чтобы исповѣдывали мірянъ женатые священники.

t) Ученія о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи не можемъ мы признавать догматомъ, такъ какъ не находимъ для сего основанія въ священномъ преданіи.

v) Отвергаемъ всяческое притѣсненіе и тѣлесное наказаніе въ дѣлахъ, касающихся религіи.

---

[1]) Православное вѣроученіе ничего не говоритъ о какомъ-либо посредствующемъ состояніи. послѣ смерти, тѣхъ душъ, которыя не вполнѣ заслужили Царствіе Небесное, но и не были приговорены къ мукамъ ада. Мы не знаемъ ничего средняго между раемъ и адомъ, равно какъ не знаемъ середины между добромъ и зломъ, ибо въ Словѣ Божіемъ и неподлежащемъ сомнѣнію священномъ преданіи намъ ничего не явлено о переходномъ состояніи; напротивъ, тамъ говорится, что и праведныя души находились въ аду до сошествія Спасителя во адъ, въ какомъ состояніи—неизвѣстно. Мы вѣримъ, что единственно милосердіе Божіе приноситъ спасеніе всѣмъ, которые имъ пользуются; тѣмъ неменѣе, независимо отъ взаимныхъ человѣческихъ услугъ и заслугъ мы шлемъ къ Богу молитвы за самихъ себя и за братьевъ нашихъ, живыхъ и мертвыхъ, потому что такъ повелѣваетъ намъ не какой-либо разсчетъ, но сама духовная природа наша, возрожденная милосердіемъ Божіимъ; въ словахъ Овербека о посмертномъ состояніи и о значеніи молитвы за умершихъ кроются остатки грубыхъ понятій римскаго католицизма, которые такіе люди, какъ Овербекъ, конечно, оставятъ со временемъ, когда лучше ознакомятся съ несомнѣнно болѣе возвышеннымъ и глубокимъ ученіемъ православной Церкви, отвергающей эти ученія.

(Прим. автора).

w) Признаемъ православную каѳолическую Церковь *единственнымъ* установленіемъ, основаннымъ Христомъ для нашего спасенія.

x) Не одобряемъ смѣшанныхъ браковъ и считаемъ необходимымъ условіемъ подобнаго брака,—чтобы дѣти были воспитываемы въ ученіи православной Церкви.

y) Наша Церковь, конечно, далека отъ всякаго вмѣшательства въ политическіе вопросы и подчиняется власти, отъ Бога поставленной, помня слова Спасителя: „Царство мое не отъ міра сего“.

„Вотъ главныя положенія, отличающія нашу Церковь отъ римской. Лица, желающія ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ и съ нашими воззрѣніями по папизму, іезуитизму и протестантизму, могутъ обратиться къ книгамъ: „Die orthodoxe-katholische Anschaung von Dr. S. S. Overbek 1865“, и „Catholic orthodoxy and anglocatholicism, by Dr. S. S. Overbeck, London 1865“. а также къ ежемѣсячному журналу „The orthodox Catholic Rewiew“.

„11) Послѣ вышеприведенныхъ замѣчаній приступимъ къ практическому разрѣшенію нашего вопроса. Мы спрашиваемъ: *какимъ образомъ приступить къ дѣлу, дабы въ возможно короткое время осуществить возстановленіе западной православно-каѳолической Церкви, получивъ на сіе благословеніе ея восточной сестры.* Какъ можно увидѣть изъ вышеназванныхъ сочиненій, мы долго обсуждали этотъ вопросъ, всосторонне разбирали его, вели оживленный обмѣнъ мыслей съ Россіей и Греціей, и, послѣ четырехлѣтняго зрѣлаго обсужденія, мы пришли къ заключенію, что единственный дѣйствительный и правильный путь въ этомъ дѣлѣ — это изложеніе нашихъ воззрѣній и стремленій въ краткомъ прошеніи, обращенномъ къ Святѣйшему Синоду русской Церкви о принятіи насъ въ церковное общеніе на предлагаемомъ нами, безъ сомнѣнія, православномъ основаніи. Такое прошеніе было нами составлено и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправлено въ русскомъ переводѣ—въ Петербургъ и въ греческомъ—вселенскому патріарху въ Константинополь. Англійскій оригиналъ этого прошенія находится въ Лондонѣ (въ Bureau of the orthodox Catholic Rewiew, 60 Paternostor Row), гдѣ подъ нимъ можно подписываться, что уже сдѣлано нѣкоторыми лицами. Прошеніе это слѣдуетъ отлитографировать или напечатать, оставляя мѣсто для 100 подписей. Когда наберется десять подписанныхъ прошеній, т. е. 1,000 подписей, то мы совѣтовали бы отправить ихъ на имя Святѣйшаго Синода въ Петербургъ, что можно сдѣлать и при нашемъ посредствѣ. Теперь мы выяснимъ причину, отчего мы избрали именно русскій Синодъ, прося эту духовную власть о посредничествѣ въ соединеніи, къ которому мы стремимся. Само Провидѣніе избрало Россію звеномъ, соединяющимъ Востокъ съ Западомъ, въ виду чего она лучше, чѣмъ кто-либо другой, въ состояніи понять и оцѣнить наше дѣло и поэтому принять наше дѣло къ сердцу. Вотъ почему нашъ косвенный путь въ Константинополь черезъ Петербургъ будетъ болѣе краткимъ, чѣмъ если бы мы обратились непосредственно въ Константинополь. Съ политикой, конечно, наше дѣло ничего общаго не имѣетъ.

„12. Приводимъ ниже текстъ вышеупомянутаго прошенія, оригиналъ коего былъ напечатанъ въ „Orthodox Catholic Rewiew“ (т. 1, стр. 192).

Прошеніе къ Святѣйшему Правительствующему Синоду русской Церкви.

„Нижеподписавшіеся имѣютъ честь представить Святѣйшему Синоду слѣдующую усердную свою просьбу.

„Пріидя къ твердому убѣжденію, что истинная вѣра и православное церковное управленіе сохранены лишь восточною вѣтвью каѳолической Церкви; отпавшая же отъ нея западная часть допустила у себя нововведеніе, дошла до злоупотребленій, несогласныхъ съ ученіемъ каѳолической Церкви, и впала въ ересь и расколъ,—мы пришли къ сознанію необходимости просить о соединеніи насъ съ восточною Церковью, ко-

торая отъ самаго начала и безъ перерыва соблюдала чистое и истинное каѳолическое православіе.

„Мы пріемлемъ догматы и каноны, опредѣленные и постановленные семью вселенскими соборами, вмѣстѣ съ тѣмъ мы не только отвергаемъ ученіе о главенствѣ папы, но и всяческія папскія измѣненія въ вѣрѣ каѳолической и церковной организаціи, несогласныя съ каѳолическимъ православіемъ.

„Хотя въ настоящее время западная Церковь, поврежденная пагубными нововведеніями и тяжелыми злоупотребленіями, не представляетъ изъ себя истинную каѳолическую Церковь, однако было время, когда Востокъ и Западъ, оба одинаково православныя въ вѣрѣ и въ церковномъ устройствѣ, образовывали великую каѳолическую Церковь и взаимно признавали другъ друга за живыя вѣтви единаго Древа Жизни.

„Обѣ Церкви исповѣдовали одну и ту же вѣру и обладали одною и тою же организаціей. Это былъ Божескій союзъ единенія. Равнымъ образомъ обѣ Церкви ревностно оберегали свои особенности, какъ традиціи древнѣйшихъ временъ, какъ традиціи, происходящія отъ апостоловъ—основателей Церкви. Какъ сильна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и законна была эта ревность, мы видимъ, напримѣръ, въ спорѣ относительно празднованія Пасхи, который долгое время вызывалъ въ Церкви сильное возбужденіе, но не прервалъ союза единенія.

„Въ виду того, что единеніе не есть полное единство, мы обращаемся къ святой восточной Церкви съ просьбой принять насъ въ свое церковное общеніе, не налагая на насъ одновременно обязанности присоединиться и къ восточному обряду; напротивъ, мы просимъ о помощи въ возстановленіи западной православной Церкви и о присылкѣ намъ священниковъ, которые совершали бы западную литургію (мессу) и таинства по западному обряду. Если Святѣйшій Синодъ снизойдетъ къ нашей просьбѣ, въ такомъ случаѣ мы не замедлимъ представить нашу западную литургію и остальную часть церковныхъ обрядовъ на его разсмотрѣніе и утвержденіе.

„Мы, жители Запада, должны таковыми остаться; не напрасно Провидѣніе Божіе дало основаніе истинной западной Церкви (для возстановленія коей мы призываемъ къ братской помощи и къ участію Святѣйшій Синодъ) согласно съ духомъ Запада, указывая тѣмъ самымъ, что не надлежитъ пересажденіе таковой на чуждую ей почву. Мы принадлежимъ къ Церкви св. св. Кипріана, Амвросія, Августина, Іеронима, Льва, Григорія Великаго и другихъ; мы гордимся ими также и остаемся имъ такъ же вѣрными, какъ наша восточная сестра гордится св. св. Аѳанасіемъ, Кирилломъ, Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустомъ, Григоріемъ и другими, и остается имъ вѣрною. Мы признаемъ высокое достоинство восточныхъ литургій и другихъ церковныхъ обрядовъ точно такъ же, какъ умѣемъ оцѣнить достоинство нашего богослуженія, потому что каждое изъ этихъ богослуженій является лучшимъ въ своей странѣ. Мы не хотимъ навязывать восточной Церкви наши обряды, ибо знаемъ, что многое въ нихъ было бы чуждо ея хахактеру и ея образу мыслей, потому что эти обряды выросли не на почвѣ восточной Церкви. Со своей стороны мы обращаемся съ подобною же просьбой къ возлюбленной нашей восточной Церкви.

„Если намъ категорически предложатъ перейти въ восточную Церковь и отречься отъ нашихъ западныхъ особенностей, въ такомъ случаѣ мы будемъ принуждены защищаться своимъ неотъемлемымъ правомъ оставаться западниками и указать на непреложную обязанность, лучше сказать, на почетный долгъ восточной Церкви — возстановленія ея родной сестры и возвращеніе ей всѣхъ тѣхъ правъ, которыхъ она была лишена въ теченіе болѣе восьми столѣтій благодаря папскимъ захватамъ.

„Важный вопросъ, поднятый въ этомъ прошеніи касается не достиженія нѣсколькихъ случаевъ перехода въ восточную Церковь, но возстановленія западной православно-каѳолической Церкви. Эта Церковь должна возрасти изъ небольшихъ зароды-

шей, изъ единичныхъ послѣдователей. Но лишь только, съ разрѣшенія восточной Церкви, состоится основаніе нашей западной православной Церкви, то значительное число римскихъ католиковъ, недовольныхъ нынѣ и стонущихъ подъ тяжелымъ ярмомъ, людей, не знающихъ еще, куда имъ обратиться, — устремится, безъ сомнѣнія, къ своей собственной возродившейся Церкви.

„Соединеніе западной и восточной Церквей является совершенно немыслимымъ потому, что современная папская Церковь объявила обязательнымъ догматомъ ученіе о главенствѣ папы и о божественной власти его, какъ намѣстника Христова,—ученіе, которое справедливо осудила восточная Церковь, какъ ересь.

„Поэтому всякія попытки къ соединенію, исходившія отъ римской Церкви, силой обстоятельствъ являлись напрасными; ибо, если бы римская Церковь отреклась отъ своего догмата о главенствѣ папы, то тѣмъ самымъ она провозгласила бы о своемъ отреченіи отъ непогрѣшимой Церкви, о своей ереси, однимъ словомъ о небытіи въ качествѣ католической Церкви. Поэтому нѣтъ иного пути, ведущаго къ столь желанному церковному единству, какъ только оставленіе римской Церкви и основаніе возсоединенной западной Церкви, которая находилась бы въ общеніи съ Церковью восточною.

„Спаситель нашъ, молившійся о единствѣ Своей Церкви, молится и за насъ, искренно желающихъ вступить въ святую каѳолическую Церковь. Но не только мы, а и многіе благомыслящіе жители Запада, которымъ неизвѣстны еще наши намѣренія, просятъ вмѣстѣ съ нами Святѣйшій Правительствующій Синодъ объ исполненіи ихъ желанія и о возвращеніи западной Церкви въ лоно правды, святости и каѳолическаго православія. Аминь“.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ, хотя нѣсколько познакомить читателя съ возникновеніемъ Англиканской церкви.

Англиканская епископальная Церковь въ настоящее время называется „Соединенною Церковію Англіи и Ирландіи (The United Church of England and Ireland)“. Государственные законы признаютъ ее господствующею въ Британскомъ королевствѣ и усвояютъ ей особенныя права и преимущества въ отличіе отъ всѣхъ другихъ исповѣданій, которыя только допускаются, какъ терпимыя. Король — глава Англиканской Церкви, верховный ея покровитель и защитникъ, и потому непремѣнно долженъ быть англиканскаго исповѣданія. Но власть его, какъ главы, ограничивается только избраніемъ и утвержденіемъ епископовъ, признаніемъ и сообщеніемъ силы гражданскихъ законовъ церковнымъ канонамъ и постановленіямъ; а догматовъ и вообще церковнаго управленія онъ не касается. Управленіе это находится главнымъ образомъ въ рукахъ двухъ архіепископовъ: Кентербюрійскаго и Іоркскаго, подъ вѣдѣніемъ которыхъ состоятъ 24 епископа, имѣющіе права перовъ и завѣдывающіе 60 архидіаконствами, раздѣленными на 920 приходовъ. Англиканская Церковь совершенно разорвала союзъ съ папою, и самому королю закономъ запрещено имѣть по церковнымъ дѣламъ сношенія съ нимъ или принимать отъ него пословъ. Всѣ, непринадлежащіе къ Англиканской Церкви, извѣстны подъ именемъ *нонконформистовъ*, *диссидентовъ*, *диссентеровъ* (несоединившихся, раскольниковъ, разномыслящихъ), которые заключаютъ въ себѣ пресвитеріанъ, пуританъ, или строгихъ кальвинистовъ, и всѣ другія секты, какъ-то: квакеровъ, или дрожащихъ, гернгутеровъ, или моравскихъ братьевъ, методистовъ, анабаптистовъ, социніанъ, ирвингіанъ и проч. Кромѣ того, въ Британскомъ королевствѣ не мало католиковъ. Большая часть жителей Англіи и княжества Валлійскаго — послѣдователи англиканскаго исповѣданія; жители же Ирландіи по преимуществу—католики, а Шотландіи—по преимуществу пресвитеріане [1]).

[1]) Смотр. напр. *Bergier*—Dictionaire de Theologie, m. *Angleterre*, *Anglican*; Энциклопедическій лексиконъ, Энцикл. справ. слов. *Англиканская Церковь*, *Англія* (исторія), *Великобританія*.

Англиканская Церковь, хотя и причисляется къ протестантскимъ обществамъ, но тѣмъ не менѣе рѣзко отличается отъ нихъ. Соглашаясь въ нѣкоторыхъ предметахъ съ протестантами, она въ то же время, вопреки имъ, содержитъ въ своемъ ученіи и практикѣ много такого, въ чемъ сходится то съ Церковію православно-каѳолическою, то съ Римско-католическою, то съ тою и съ другою вмѣстѣ, то иногда является совершенно своеобразною. Такъ, между прочимъ, вопреки протестантамъ, она, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, имѣетъ православный взглядъ на Божественное происхожденіе и устройство вселенской видимой Церкви Христовой, на ея цѣль — спасеніе людей посредствомъ ввѣренныхъ ей для храненія и преподаванія истиннаго, неповрежденнаго ученія, священнодѣйствій, особенно таинствъ, какъ орудій освящающей благодати Св. Духа, и наконецъ управленія; имѣетъ православный взглядъ на независимость Церкви отъ времени, мѣста и гражданскаго правительства, на неприкосновенность ея Божественнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, на источникъ, пространство и права ея суда. Этотъ же взглядъ, хотя и не вполнѣ, она переноситъ и на самую себя, какъ на отрасль вселенской Церкви. Она также въ смыслѣ православномъ признаетъ первые четыре вселенскіе Собора и утверждаетъ, что не должно принимать ничего несогласнаго съ ученіемъ древнихъ Отцевъ. Считая совершенно необходимою во вселенской Церкви Богоучрежденную и преемственную отъ Апостоловъ іерархію, она сохраняетъ ее и въ себѣ, со всѣми ея степенями—епископскою, священническою и діаконскою, и усвояетъ имъ истинное, православное значеніе; а всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ такой іерархіи, она считаетъ еретиками, находящимися внѣ Церкви. Вмѣстѣ съ этимъ она удерживаетъ въ себѣ и весьма многое изъ древняго, до-реформатскаго богослуженія, которое совершаетъ несравненно съ большимъ благолѣпіемъ, чѣмъ протестанты, удерживаетъ отвергнутые тѣми многіе древніе законы и формы церковнаго управленія.

Если же смотрѣть на ученіе и практику Англиканской Церкви съ православной точки зрѣнія и безъ всякаго пристрастія, то открывается, что эта Церковь, болѣе всѣхъ протестантскихъ обществъ, приближается къ православно-каѳолической Церкви, неизмѣнно хранящей древле-каѳолическое ученіе, что въ нѣкоторыхъ предметахъ она ближе къ ней, чѣмъ къ самой Римско-католической Церкви, хотя при этомъ и не чужда заблужденій католическихъ и протестантскихъ [1]).

Мы думаемъ, что этихъ замѣчаній достаточно для предварительнаго ознакомленія читателей съ Англиканскою Церковію. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію современнаго ея религіознаго движенія.

Движеніе это, какъ мы сказали, *возникло изъ самаго устройства и исторической жизни Англиканской Церкви, съ которою оно имѣетъ тѣсную, существенную связь и выразилось въ замѣчательныхъ чертахъ*. Чтобы видѣть это, бросимъ взглядъ на происхожденіе и послѣдующее потомъ состояніе Англиканской Церкви, на первоначальное проявленіе въ ней современнаго религіознаго движенія, на дальнѣйшее его развитіе и, наконецъ, на его особенное, новѣйшее направленіе.

Англиканская Церковь, первоначально основанная во II вѣкѣ Восточными Малоазійскими проповѣдниками Евангелія, учениками св. Поликарпа, епископа Смирнскаго [2]),

---

[1]) См., напр., A. Harmony of Anglican doctrine with the doctrin Catolic and Apostolic Church of the East. Oxford. Согласіе Англиканскаго ученія съ ученіемъ каѳолической и Апостольской Восточной Церкви.

[2]) Начерт. Церк. истор. отъ библ. временъ до XVIII стол. Москва, 1838 г. Отд. I стр. 2 Aperçu de la reformation en Angleterre par M. *Blunt*. Paris, 1848, p. 23; A History of the Holy Eastern Church. By the *Neal*. London. 1850. Part 1. До самаго конца VII ст. Британская Церковь праздновала Пасху по древнему Малоазійскому обычаю, хранила нѣкоторыя особенности, принадлежавшія Восточной Церкви и отдалялась отъ Церкви Римской, не признавая надъ собою власти ея папы. Еще и до сихъ поръ въ ней остались слѣды Восточнаго ея происхожденія, напр.

полное образованіе и распространеніе получила въ VI вѣкѣ отъ Августина младшаго и другихъ миссіонеровъ папы Григорія великаго [1]). Спустя нѣсколько времени послѣ того Римскіе папы успѣли подчинить ее своей власти и до XVI вѣка держали въ совершенной отъ себя зависимости. Но въ это время (въ началѣ XVI вѣка) многія и давнія злоупотребленія папской власти, все болѣе и болѣе увеличивавшіяся и стѣснявшія Англиканскихъ епископовъ, клиръ и народъ въ ихъ древнихъ законныхъ правахъ, частыя требованія въ Римъ духовныхъ рѣшенныхъ дѣлъ для переслѣдованія и перевершенія ихъ, несправедливая раздача духовныхъ владѣній въ Англіи, или бенефицій, огромные денежные сборы въ пользу Римской каѳедры, становившіеся все болѣе и болѣе обременительными и своею цифрою превышавшие доходы самихъ королей Англійскихъ, особенно же чрезмѣрныя притязанія Римскаго папы, Климента VII, неоднократно требовавшаго къ себѣ на судъ Генриха VIII и угрожавшаго ему, въ случаѣ неповиновенія, лишеніемъ престола и анаѳемою [2]);—всѣ эти обстоятельства, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, возбудили крайнее негодованіе въ Англиканскомъ клирѣ и народѣ, усилили тамъ какъ партію протестантовъ, такъ и вообще старую партію противниковъ папской власти и, наконецъ, заставили Генриха VIII, по согласію духовенства и народа, свергнуть съ Англиканской Церкви несносное иго папской тиранніи и самому принять титулъ верховной главы, не касаясь, однако, ни догматовъ, ни богослуженія [3]). Преемникъ Генриха Эдуардъ VI подтвердилъ уничтоженіе въ Англіи папской власти и старался преобразовать Англиканскую Церковь въ духѣ протестантскомъ. Впрочемъ, окончательное отдѣленіе Англиканской Церкви отъ Римско-католической, и самостоятельное устройство ея послѣдовало только при третьей преемницѣ Генриха, Елисаветѣ (1558—1603), послѣ новыхъ притязаній со стороны папы, Павла IV. Этотъ папа на извѣщеніе Елисаветы о возшествіи ея на престолъ гордо отвѣчалъ ея послу что „Англія есть ленное владѣніе апостольскаго престола, что Елисавета, будучи незаконнорожденною (т. е. рожденною отъ непризнаннаго папою брака Генриха VIII съ Анною Боленъ), не имѣетъ никакого права на престолъ Англіи и позволила себѣ величайшую дерзость, возложивъ на главу свою корону безъ согласія папы; что единственнымъ средствомъ загладить вину остается то, чтобы, отказавшись отъ всѣхъ притязаній, она предоставила папѣ утвержденіе свое въ королевскомъ достоинствѣ“, и проч. Кромѣ того папа требовалъ отъ Елисаветы дани, угрожая за отказъ отлученіемъ отъ Церкви, войною Испанцевъ и разрѣшеніемъ Англичанъ отъ клятвы на подданство. Получивши такой отвѣтъ и такія требованія, Елисавета поспѣшила навсегда освободить Англію отъ папской власти, которую возстановила было ея предшественница королева Марія [4]), и подъ вліяніемъ съ одной стороны католиковъ, а съ другой протестантовъ, окончательно устроить изъ отечественной католической Церкви Церковь

нѣкоторыя замѣчательныя частности Англиканской литургіи, весьма близко подходящія къ Восточнымъ (A History by Neal loc. cit.) и Греческая молитва: Κύριε ἐλέησον (Господи помилуй), употребляемая при богослуженіи. *Bergier—Anglican.*

[1]) Начерт. Церк. ист. Отд. I, стр. 300; *Blunt Neal, Bergier*—loc. cit.

[2]) Такія требованія были по случаю развода Генриха VIII съ своею супругою Екатериною Аррагонскою и вступленія его въ новый бракъ съ Анною Боленъ. Этотъ бракъ, не дозволенный по видамъ папою, признанъ былъ законнымъ отъ мѣстнаго духовенства.

[3]) Aperçu de la reformation... par M. *Blunt.* p. 47—73 et sqq.: Histoire de la reformation de l'Eglise de l'Angleterre, par M. *Burnet,* traduite de l'anglais par M. de Resemond. A. Londres. 1683. par. 1. tom. I. p. 28, 183 — 366, 574, 575; Histoire Ecclesiastique... par M. *Fleury.* Paris. 1732; tom. XVIII. p. 202—205; 557—697.

[4]) Такимъ образомъ реформа, преобразовывшая Англиканскую Церковь въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ (1510—1562), имѣла 4 главныхъ періода. Первый—въ царствованіе Генриха VIII, который, отвергши главенство папы и право его суда по отношенію къ Англиканской Церкви, себя самого провозгласилъ главою отечественной Церкви. Второй — въ царствованіе Эдуарда VI, сына и преемника Генриха VIII (1547—1553), когда уже приступлено было и къ самому преобра-

особенную, нѣчто среднее между Церковію католическою и протестантскою, настоящую Англиканскую Церковь [1]). Устройство это дано было Англиканской Церкви съ цѣлію чисто политическою, именно для того, чтобы примирить между собою двѣ, раздиравшія Англію, партіи римскихъ католиковъ и протестантовъ [2]). Соотвѣтственно такой цѣли богословами изъ партіи католической и протестантской составлены были для Англиканской Церкви и введены въ употребленіе двѣ символическія книги: „*тридцать девять членовъ*“ и „*книга общественнаго богослуженія*“. Взаимное несогласіе составителей этихъ книгъ, ихъ противорѣчащіе взгляды, ихъ побужденія и цѣль открылись и въ самыхъ книгахъ. Онѣ составлены были такъ, что *тридцать девять членовъ* болѣе благопріятствовали ученію протестантскому, а *книга общественнаго богослуженія* болѣе приближалась къ ученію римско-католическому. Но вмѣстѣ съ этимъ какъ въ той, такъ и въ другой книгѣ спорные вопросы большею частію изложены были въ такихъ общихъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, что въ нихъ и лютеране, и католики могли находить подтвержденіе своего ученія.

Согласно съ такимъ характеромъ символическихъ книгъ въ Англиканской Церкви съ самаго образованія ея постоянно сохранялись два совершенно различныя направленія — протестантское и католическое. Приверженцы перваго направленія, руководствуясь главнымъ образомъ „39 членами“, за начало своего ученія принимали право свободы мнѣній въ дѣлѣ вѣры (liberi arbitrii) и смотрѣли вообще на Церковь Христову съ протестантской точки зрѣнія, т. е. какъ на общество необлеченное никакою Божественною властію—ни каноническою, ни догматическою. Въ частности же, по отношенію къ своей Церкви, они видѣли въ ней только отрасль реформаціи, а потому постоянно старались сблизить и соединить ее съ другими реформатскими обществами [3]). Напротивъ, приверженцы направленія католическаго, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ, хотя иногда и весьма немногихъ своихъ представителей, основываясь по преимуществу на „книгѣ общественнаго богослуженія“, за главное начало своего ученія принимали Божественный авторитетъ истинной, вселенской Церкви Христовой и на эту Церковь смотрѣли, какъ на общество богоучрежденное, которое не зависитъ отъ мѣста и времени, которое самобытно и не можетъ находиться въ существенной связи съ случайнымъ гражданскимъ правительствомъ, а тѣмъ болѣе въ подчиненіи ему, не можетъ сливать своего существованія съ національными интересами,— какъ на общество, соединенное между собою единствомъ неповрежденной вѣры, взаимной любви и мира, освящаемое благодатію Св. Духа въ таинствахъ, управляемое преемственною отъ Апостоловъ іерархіею, которая облечена Божественною властію каноническою и догматическою, для неизмѣннаго въ существѣ храненія и преподаванія ввѣренной ей вѣры, для спасенія людей. Такою Церковію въ собственномъ смыслѣ и во всей полнотѣ они считали Церковь древневселенскую, до раздѣленія Церквей Восточной и Западной; на свою же Церковь въ частности смотрѣли, какъ на отдѣльную только вѣтвь древней вселенской Церкви, а потому постоянно старались очищать ее отъ реформатскихъ за-

---

зованію Англиканской Церкви въ ея вѣроученіи, богослуженіи и дисциплинѣ, преобразованію наполовину лютеранскому, наполовину кальвинскому. Третій — въ царствованіе Маріи, сестры Эдуарда VI, которому она и наслѣдовала (1553—1558). Королева эта, будучи ревностною католичкою, возстановила католицизмъ. Четвертый окончательный — въ царствованіе Елисаветы (1558—1582), другой дочери Генриха VIII, когда Англиканская Церковь получила настоящее свое устройство,—какъ Церковь, такъ сказать, католико-протестантская.

[1]) *Burnet*... p. 2. t. II. p. 884—994. *Fleury*, t. XXXI, p. 311—323.

[2]) *Burnet*, p. 2. t. II. p. 557—560; 884—886.

[3]) Histoire Ecclesiastique, ancienne et moderne par Mosheim. Yverdon. 1776. t. IV, p. 475 V p. 408—409, et. sqq.

блужденій и сближать въ ученіи и практикѣ съ древнею каѳолическою Церковію [1]). Въ то же время имъ естественно было приходить къ мысли и о соединеніи своей Церкви съ другою какою-либо Церковію, по своему ученію и практикѣ болѣе близкою къ древней вселенской Церкви, именно — съ Церковію Восточною (православно-каѳолическою) или съ Церковію Западною (Римско-католическою). Въ самомъ дѣлѣ, Англиканская Церковь, по взгляду послѣдователей католическаго направленія, представляетъ въ себѣ только отдѣльную вѣтвь вселенской Церкви. Значитъ, есть и другая Церковь, которая также должна быть ея вѣтвію по своему ученію и практикѣ—болѣе прочихъ къ ней близкою. Какая это Церковь? Безъ сомнѣнія, или православно-каѳолическая или Римско-католическая, такъ какъ эти именно Церкви до своего раздѣленія составляли древнюю вселенскую Церковь. Поэтому Англиканская Церковь необходимо должна искать соединенія съ одною изъ нихъ; ибо истинной Христовой Церкви, подобно Церкви древней вселенской, надобно быть единой. И дѣйствительно, древніе Англо-каѳолики неоднократно приходили къ этой мысли о соединеніи, особенно же въ трудныхъ для своей партіи обстоятельствахъ, или когда они съ большею ясностію и полнотою раскрывали свой взглядъ на Церковь и съ большимъ усиліемъ стремились къ очищенію своихъ вѣрованій отъ тѣхъ или другихъ реформатскихъ заблужденій. Окончательно, какъ мы видѣли выше, они рѣшились искать соединенія съ правильною церковью.

Какой получился результатъ отъ обращенія Англиканцевъ къ нашему Святѣйшему Синоду мы не знаемъ, но въ виду широкой поддержки въ Россіи римскаго католицизма, трудно ожидать ревностнаго содѣйствія къ распространенію православія и поддержки Церквей стремящихся къ соединенію съ нимъ. „Богъ далъ ей духъ усыпленія, глаза, которыми не видитъ, и уши, которыми не слышитъ, даже до сегодня“. (Къ Римл. 11. 8).

Если бы прошеніе это поступило въ русскій синодъ во время царствованія Александра I, то оно безсомнѣнія не было бы оставлено безъ вниманія:

Императоръ Александръ I также пламенно желалъ соединенія всѣхъ христіанскихъ Церквей, по несравненно болѣе широкаго и искренняго, чѣмъ когда-либо, желалъ того римскій престолъ въ своихъ чисто экономическихъ фанатическихъ видахъ: римскій дворъ домогался и домогается только вездѣ утвердить духовное господство папы, Александръ I старался приготовить пути царству Христову. Эта высокая христіанская мысль, одушевлявшая Императора, выразилась сперва основаніемъ въ Петербургѣ Библейскаго общества, гдѣ бы рядомъ съ православными и римскими епископами засѣдали протестантскіе пасторы и армянскіе священники, а позднѣе открылась передъ взорами вселенной въ международномъ документѣ, названномъ актомъ братскаго и христіанскаго союза царей и народовъ. Актъ подписанъ былъ сперва 14—(26) сентября 1815 года Императорами русскимъ и австрійскимъ и королемъ прусскимъ, а послѣ присоединились къ нему всѣ государства Европы, за исключеніемъ римскаго двора. Если на этотъ трактатъ можно нападать съ практической стороны—приведенія его въ исполненіе, тѣмъ не менѣе онъ останется совершеннымъ идеаломъ, къ которому должны стремиться цари и народы; означенный союзъ, какъ справедливо говорили, былъ вооруженнымъ нейтралитетомъ противъ безвѣрія и фанатизма. Основаніемъ акта союза былъ высказанный государями принципъ, что христіанскій народъ въ сущности не имѣетъ другого государя, кромѣ Христа.

---

[1]) Moshein. t. V. loc. cit.; p. 427—429. Etudes sur la situation religileuse de l'Angleterre, въ Le correspondant... requeilperiodique... religion, philosophie et caet. Paris. 1845. t. XII, p. 872. Christliche Kirshengeschichte... von Schröck. Leipzig. 1804. t. VIII. Seit. 459 folg. Du mouvement religieux en Angleterre... 226—244. Многочисленныя извлеченія изъ ученія древнихъ богослововъ католическаго направленія можно видѣть въ согласіи Англиканскаго ученія съ ученіемъ каѳолической и апостольской Церкви Восточной (A Harmony of Anglican doctrine withe the doctrine... Oxford 46.

Но папскій престолъ въ теченіе многихъ столѣтій постоянно повторялъ, что папа есть государь государей и народовъ, и въ настоящемъ случаѣ папа никакъ не хотѣлъ уступить верховную власть Богу; видя, что тутъ изъ папства дѣлають отвлеченное понятіе, римскій дворъ протестовалъ противъ признаннаго всею Европою акта соединенія, и надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ не могъ дѣйствовать иначе, такъ какъ римскую исключительность нельзя согласить съ всеобщимъ христіанствомъ, въ высшемъ и общемъ смыслѣ этого слова. Весьма любопытно видѣть битву, данную тогда духовнымъ христіанствомъ римскому католицизму. Папа сердился на католическихъ монарховъ, подписавшихъ актъ союза, и усиливался защитить теорію своей верховной власти; Императоръ Александръ опирался главнымъ образомъ на духъ Евангелія и несовмѣстность соединенія двухъ властей, духовной и свѣтской, въ лицѣ папы. „Какъ бы то ни было съ общей точки зрѣнія", приказалъ онъ сказать Риму (въ декабрѣ 1816 года), „но справедливость требуетъ утверждать, безъ всякаго вмѣшательства, что государь римскаго государства, въ качествѣ главы западной Церкви, своимъ отказомъ подалъ странный примѣръ. Актъ союза столь сообразный съ духомъ и ученіемъ религіи, и притомъ столь умѣренный, что ни мало не затрогиваетъ, даже косвенно, притязаній римскаго престола на верховную власть,—такой актъ не содержитъ въ себѣ ничего, оправдывающаго его отказъ. Еще болѣе. Папа, отказываясь отъ него, ставитъ себя въ затрудненіе выбирать одно изъ двухъ: или объявить, что основной догматъ религіи о Богѣ Спасителѣ въ его глазахъ гораздо ниже того догмата, которымъ онъ думаетъ подтвердить свои права, или провозгласить оба ихъ какъ бы единымъ догматомъ и, слѣдовательно, уподобить христіанскихъ государей, не зависящихъ отъ его верховной власти, государямъ, погруженнымъ въ мракъ язычества. Первое изъ этихъ утвержденій по существу не можетъ быть явно высказано; второе уничтожаетъ всѣ гарантіи свѣтской власти римскаго престола, потому что оно ниспровергаетъ всѣ добрыя отношенія, существующія между этимъ престоломъ и Россіей, Пруссіей, Швеціей, всею сѣверною Германіей и проч. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, двойственный характеръ свѣтской и духовной власти былъ подводнымъ камнемъ ватиканской политики, въ другихъ отношеніяхъ столько прозорливой.

„Власти свѣтская и духовная, всегда несовмѣстимыя и соединеніе коихъ въ одномъ лицѣ воспрещено святымъ Писаніемъ, были причиною непослѣдовательныхъ поступковъ римскаго престола, который въ столкновеніи своихъ преимуществъ избралъ отрицательное положеніе, неназидательное для христіанскихъ народовъ, о чемъ достаточно пожалѣть, и не возвращаться болѣе къ этому предмету.

„Двѣ власти никогда не были соединяемы законно ни въ комъ, кромѣ Мельхиседека, лица совершенно таинственнаго, эмблематическаго и сверхъестественнаго. Достоинства царское, первосвященническое и пророческое всѣ вмѣстѣ принадлежали только Господу нашему Іисусу Христу, какъ представителю первобытнаго человѣка. Въ Ветхомъ Завѣтѣ упоминается о наказаніи тѣхъ, которые, какъ, напр., Осія, покушались соединить ихъ. У самихъ язычниковъ никто не дерзалъ приближаться къ жертвенникамъ съ мечемъ въ рукахъ. Но скипетръ государевой власти есть не иное что, какъ мечъ, наказывающій виновныхъ и защищающій невинность. Если соединеніе двухъ властей было воспрещено въ Ветхомъ Завѣтѣ, который былъ *закономъ правды*, то еще болѣе основаній воспретить его въ Новомъ Завѣтѣ, который есть *законъ любви и милосердія*".

Высоко-христіанскія начала Императора Александра очевидно не могли быть согласованы съ строго римскими началами папскаго престола, и потому тѣсная дружба между обоими дворами, основанная на тожествѣ мнѣній и интересовъ, была невозможна, что однакожъ не мѣшало продолженію добрыхъ оффиціальныхъ отношеній между обоими правительствами. Преждевременная же смерть Александра I, послѣ которой на-

ступила въ Россіи полная апатія къ интересамъ Церкви положила, предѣлъ всѣмъ благимъ начинаніямъ благословеннаго монарха къ слиянію во едино Церкви Христовой.

Нынѣ же мнѣніе русскихъ богослововъ по возбужденному папой вопросу о соединеніи церквей выражается слѣдующимъ образомъ:

I. *Разборъ энциклики.*

„Вышеприведенная энциклика Praeclara gratulationis принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ энцикликъ, когда-либо написанныхъ „наслѣдниками Петра". Написана она очень умно, очень сильно,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень мягко, даже вкрадчиво; про нее можно вполнѣ сказать: „Suaviter in forma—fortiter in re"! И вообще она составлена съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что сразу и не разберешь всего того, что скрыто подъ роскошными цвѣтами римскаго краснорѣчія, не замѣтишь, какія подъ ними тяжелыя цѣпи!

„Папа обращается ко всему христіанству, ко всему человѣчеству—„яко власть имѣющій", какъ подобаетъ непогрѣшимому главѣ Церкви. „Мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога всемогущаго", говоритъ онъ, того всемогущаго „Бога который хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти". Онъ обращается не къ своимъ только римско-католикамъ, но и ко всѣмъ остальнымъ христіанамъ, и къ православнымъ, и къ протестантамъ (англиканъ онъ, вѣроятно, причисляетъ къ протестантамъ). Онъ всѣхъ призываетъ „къ единству въ божественной вѣрѣ", и сулитъ за это всякія блага, великія и богатыя милости.

„Читая эти гордыя строки энциклики, подумаешь, что онѣ написаны какимъ нибудь Григоріемъ VII или Иннокентіемъ III, что папа и теперь столь же могущественъ, какъ въ средніе вѣка, что онъ и теперь по произволу располагаетъ престолами, что и теперь одного его слова достаточно для того, чтобы поднять Европу на враговъ имени Христова! Вмѣстѣ съ тѣмъ посланіе Льва XIII какъ бы дышитъ миролюбіемъ и безграничной любовью ко всему человѣчеству, даже и для насъ, „схизматиковъ и еретиковъ", и для насъ находятся у святѣйшаго отца лишь слова любви и снисходительности; онъ только и заботится о нашемъ благѣ, онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ! И всѣ обѣщаемыя намъ благодѣянія и щедроты онъ даетъ намъ даромъ, или чуть не даромъ: повидимому, за все обѣщаемое онъ не требуетъ отъ насъ ничего новаго, ничего труднаго,—стоитъ-де возвратиться лишь къ прежнимъ, къ стародавнимъ порядкамъ, лишь къ прежнему положенію дѣлъ, больше ничего,—и мы счастливы!

„Не о себѣ, не о своихъ выгодахъ заботится папа,—онъ лишь исполняетъ свой долгъ, „Такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога всемогущаго и видимъ приближеніе нашего конца", говоритъ онъ, „то, по примѣру Спасителя, предъ Своимъ возвращеніемъ къ Отцу, просившаго Его „да будутъ всѣ едино", и мы призываемъ всѣхъ людей безъ различія національности и племени *къ единству божественной вѣры*". Но времени у папы немного, нужно спѣшить, и онъ нетерпѣливо обращается къ Спасителю и какъ бы торопитъ Его: „И Ты, Іисусе Христе", говоритъ папа, „поспѣши исполнить данное Тобою обѣщаніе привлечь къ Себѣ всѣ и вся, сойди же, и покажись этой безчисленной толпѣ, ...подвинь же сидящихъ во тьмѣ!"

„И вотъ, „намѣстникъ всемогущаго Бога на землѣ" обращается къ намъ, бѣднымъ восточнымъ христіанамъ, пребывающимъ во мракѣ, и расточаетъ намъ похвалы и обѣщанія: Востокъ, говоритъ онъ,—колыбель спасенія человѣческаго рода; на Востокѣ — находятся церкви, знаменитыя вѣрой своихъ праотцевъ, своей древней славой. А сколько для васъ величія и сколько славы впереди, если вы соединитесь со мною, съ преемникомъ Петра; да это и нетрудно, прибавляетъ онъ вкрадчиво, и вотъ начинаются объясненія, доказывающія, какъ все это легко. Вѣдь граница между нами, увѣряетъ

папа, не особенно и опредѣленна. За исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ пунктовъ, согласіе между нами до такой степени полно, что для защиты католической вѣры мы, католики, зачастую заимствуемъ наши аргументы въ вашемъ „восточномъ ученіи, въ вашихъ правахъ и обрядахъ! Главный пунктъ различія — *приматство* римскаго первосвященника!“ Тутъ начинается отводъ глазъ, и самъ папа Левъ XIII вполнѣ обрисовывается какъ хитрый дипломатъ и тонкій политикъ. Въ то время, какъ его наивный и ограниченный предмѣстникъ Пій IX кстати и некстати повторялъ, что онъ непогрѣшимъ, утверждалъ, что непогрѣшимость его распространяется даже и на чисто административныя дѣла, умный Левъ XIII не только не носится съ своей непогрѣшимостію, не только не повторяетъ, какъ Пій IX, „la chiesa sonlio“ (церковь—это я!), но тщательно избѣгаетъ и напоминать о своей непогрѣшимости, замѣняетъ слово непогрѣшимость какимъ-либо другимъ болѣе мягкимъ, неопредѣленнымъ,—такимъ, которое могло бы быть употреблено для выраженія лишь высокой власти, могущества, которое бы не вызывало тяжелыхъ воспоминаній о ватиканскомъ соборѣ. Это умолчаніе о догматѣ непогрѣшимости, даже въ римско-католическихъ учебникахъ, явленіе очень интересное. Установивъ свое право на непогрѣшимость, обосновавъ ее, такъ сказать, документально, папы и вообще римско-католическіе ученые положили его, до времени, подъ спудъ. Они стараются не показывать ее во всемъ ея блескѣ; нужно, думаютъ они (и не безъ основанія), постепенно пріучить римско-католическій міръ къ новому ученію, нужно ввести его въ сознаніе человѣчества подъ разными уже знакомыми ему наименованіями главенства, первенства и т. п., лишь постепенно усиливая ихъ значеніе, такъ какъ лишь впослѣдствіи, позже можно будетъ раскрыть его вполнѣ. Съ нами, христіанами Востока, подобная осторожность еще болѣе необходима; и дѣйствительно, во всей энцикликѣ о догматѣ 1870 года и не упоминается. Повторяются всѣмъ извѣстные аргументы, выводимые изъ словъ Іисуса Христа, обращенныхъ къ апостолу Петру: „ты еси Петръ“ и пр... причемъ конечно умалчивается о томъ неопровержимомъ фактѣ, что апостолъ Петръ *прежде*, нежели прибыть въ Римъ, занималъ въ продолженіе семи лѣтъ епископскую каѳедру въ Антіохіи. (Очевидно, что если бы права римскаго папы были основаны лишь на наслѣдіи Петра, то права эти въ гораздо большей степени принадлежали бы патріархамъ Антіохіи, нежели патріархамъ Рима). Затѣмъ указывается на посылку папой Николаемъ I своихъ легатовъ въ Константинополь для изслѣдованія дѣла между Фотіемъ и Игнатіемъ, указывается на Ліонскій и Флорентійскій соборы, окончательно будто бы рѣшившіе всѣ спорные вопросы.

„Извѣстна цѣна этихъ доводовъ; они были много разъ разобраны и много разъ опровергнуты [1]). Что касается до двухъ соборовъ, на которые указываетъ папа, то вѣдь всѣмъ извѣстно, что они не были приняты восточными церквами, что православный народъ ихъ не санкціонировалъ, объявивъ, что привославные епископы оказались ложными свидѣтелями вѣры своихъ пасомыхъ, а безъ такой санкціи даже и постановленія собора не имѣютъ силы. Греческій народъ не согласился продать папѣ свою вѣру и предпочелъ потерять свою свободу политическую, но зато спасти свободу религіозную потерять свою жизнь, но спасти свою вѣру. Честь ему за это и слава.

„Итакъ, папа требуетъ отъ насъ, повидимому, очень не многато,—*признанія его главенства;* ни наши обряды, ни обычаи, ни даже наши права не будутъ-де измѣненѣ или нарушены: все останется по старому, попрежнему.

---

[1]) Желающимъ ближе познакомиться съ дѣйствительнымъ значеніемъ трехъ извѣстныхъ текстовъ, на которыхъ римскіе католики основываютъ папскую непогрѣшомость и постепеннымъ извращеніемъ ихъ смысла, можно рекомендовать замѣчательную монографію проф. Лангена. Исторія отношеній Фотія и папы Николая I мастерски изложена въ изслѣдованіи проф.-прот. Иванцова-Платонова.

„А что же *догматы?* спросимъ мы. Вѣдь всѣ эти разные обряды, обычаи, все это дѣло не очень важное, все это имѣетъ значеніе лишь второстепенное, относительное! Отчего же въ энцикликѣ нѣтъ ни слова о догматахъ?—упоминается лишь вскользь о доктринѣ Востока, которая признается столь древней, почтенной... Отчего же не разобраны ея отношенія къ доктринѣ Рима? Ни о filioque, ни о непорочномъ или безгрѣховномъ зачатіи Пресв. Дѣвы, ни объ ученіи объ индульгенціяхъ, ни въ особенности о непогрѣшимости папы ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae, не говорится. Что же это значитъ? Должны-ли мы будемъ и это все принять? Да вѣдь тогда измѣнится и вся наша вѣра, ибо съ принятіемъ догмата непогрѣшимости папы значительно измѣняется и православное ученіе, а церковь наша лишается свободы.

„Мы видимъ, стало быть, что энциклика Льва XIII скрываетъ (и нужно сказать—съ замѣчательною дипломатическою ловкостью) тѣ обязанности, которыя мы приняли бы на себя, если бы неосторожно согласились признать папу главою нашей церкви. Онъ толкуетъ намъ о своей отеческой любви, о своемъ безкорыстіи, онъ предлагаетъ намъ лишь *сыновнее подчиненіе;* на дѣлѣ же выходитъ, что онъ представляетъ намъ худшее изъ всѣхъ рабствъ, рабство *не политическое, а нравственное.* Онъ не тѣло наше хочетъ поработить, но самую душу, которую онъ хочетъ лишить религіозной *свободы*, т.-е. того, безъ чего она и жить не можетъ, безъ чего не можетъ существовать и Церковь, достойная сего высокаго имени.

„Но что же сулилъ намъ папа Левъ XIII за всѣ эти, какъ оказывается, отнюдь не маловажныя, а напротивъ, тяжелыя *непосильныя жертвы?* Вѣрно очень много! Да, дѣйствительно очень много. По словамъ папы, Церковь наша возвеличится, просвѣтится, намъ облегчится спасеніе, могущество наше возрастетъ необычайно! Какое самомнѣніе, *если только оно искренне!* Обѣщаній много, но гдѣ же гарантіи того, что папа ихъ исполнитъ? Гдѣ доказательство того, что онъ *можетъ* исполнить все, что обѣщаетъ? *Никакихъ гарантій онъ не представляетъ и не можетъ представить!* Если бы даже *мы* и захотѣли продать папѣ свою вѣру, то *онъ* бы не могъ уплатить намъ обѣщанной цѣны и предложенный имъ торгъ не могъ бы состояться. Конечно, его сила еще велика, арсеналы его еще богаты, хотя средневѣковое оружіе, въ нихъ сохраняемое,—сильно заржавѣло. Конечно, римско-католическая пропаганда ведется и донынѣ успѣшно, и средства ея, повидимому не уменьшаются, она ведется умѣлыми руками; но все же силы Рима падаютъ очевидно, въ особенности во враждѣ съ новыми порядками, вводимыми въ западной Европѣ. Порядкамъ этимъ и мы не сочувствуемъ. Мы не можемъ сочувствовать постепенному захвату государствомъ правъ Церкви, введенію гражданскаго брака, секуляризаціи школы и всякимъ другимъ стѣсненіямъ Церкви міромъ, всякимъ захватамъ „кесаремъ“ той области, которая принадлежитъ „Богу“; но вѣдь всему этому папа не въ состояніи противиться и у себя на западѣ. Ему наносятъ постоянныя пораженія даже тамъ, гдѣ власть его еще недавно стояла такъ высоко: Италія отбираетъ у него свѣтскія владѣнія, во Франціи Поль Беръ изгоняетъ его изъ школы, на дняхъ въ Венгріи Векерле замѣщаетъ его при совершеніи таинства брака. Гдѣ же его могущество, гдѣ же тѣ средства, которыя онъ предоставитъ намъ, нашей Церкви, которыя придадутъ нашей Церкви и силу, и блескъ, и независимость? Правда, онъ можетъ дать ей внѣшнее единство, въ которомъ она дѣйствительно нуждается; но и это благо, несомнѣнно великое, мы можемъ найти безъ его помощи *во вселенскихъ соборахъ.* Для этого намъ не нужно продавать папѣ свою христіанскую совѣсть. Папа и до сихъ поръ могущественъ, но лишь въ одномъ, именно *въ пропагандѣ уніи, которую онъ съ успѣхомъ ведетъ на Востокѣ и преимущественно въ славянскихъ земляхъ.* Но вмѣстѣ съ тѣмъ это именно и есть тотъ пунктъ, въ которомъ мы никогда не можемъ сойтись съ нимъ, потому что этотъ пунктъ роковой.—*Согласись сегодня Россія на унію, въ какомъ бы то ни было видѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ,—завтра будетъ олатыненъ Востокъ, а послѣ завтра будемъ олатынены и мы.*

„Нѣтъ, не *мы* нуждаемся въ помощи папы, а *онъ* въ нашей; онъ видитъ оскудѣніе своихъ силъ на Западѣ, и это оскудѣніе и ставитъ его въ необходимость разыскивать себѣ раба подъ видомъ союзника на Востокѣ. Левъ XIII и не упоминаетъ, правда, о Россіи; но не нужно быть слишкомъ проницательнымъ, чтобы понять, что именно Россію, именно насъ, русскихъ, онъ подразумѣваетъ въ своихъ будущихъ восточныхъ „чадахъ". Если самъ онъ и не высказывается въ этомъ отношеніи, то за него вполнѣ откровенно говорятъ его агенты, его публицисты; тѣ уже прямо заводятъ торгъ съ царемъ; такъ—„Moniteur de Rome" говоритъ: „Унія съ св. престоломъ была бы источникомъ новой силы для имперіи царя" [1]). Журналъ „Les Echos d'orient", разсуждая о томъ же, говоритъ, что „вліяніе Россіи сразу поднялось бы до безграничности, если бы она вошла въ великую католическую семью. Милліоны католиковъ протянули бы ей объятія, съ восторгомъ видя великаго христіанскаго императора шествующимъ рука объ руку съ первосвященникомъ, намѣстникомъ Іисуса Христа... Возвратились бы времена Карла Великаго..." [2]). Далѣе авторъ говоритъ о серьезномъ движеніи, которое будто бы происходитъ въ этомъ направленіи въ Россіи, и ссылается на „важныя заявленія профессора Соловьева"—les déclarations si importantes du professeur Solovieff (дѣло идетъ, конечно, о рѣчи г-на Соловьева въ Парижѣ по поводу тулонскихъ празднествъ). Въ томъ же родѣ высказались и другіе римскіе органы, и они съ публицистическою откровенностью раскрыли и тѣ замыслы папы, о которыхъ онъ самъ пожалуй и не хотѣлъ бы особенно распространяться...

Нѣтъ, мы не пойдемъ на льстивыя предложенія его святѣйшества! Если бы мы паче чаянія поддались на его богословскіе аргументы, то у насъ еще свѣжа въ памяти вся многострадальная исторія Западной Россіи, совращенной въ унію, да и примѣръ Червонной Руси у насъ еще и теперь передъ глазами...

А. Кирѣевъ.

II. *Смыслъ предлагаемаго намъ возсоединенія* [3]).

„Навѣрно никто не будетъ отрицать той истины, что въ наше время едва-ли не болѣе чѣмъ во всякое другое чувствуется потребность въ объединеніи разрозненныхъ силъ христіанства. Если въ единеніи сила, то раздѣленіе само въ себѣ заключаетъ понятіе слабости, и тѣми успѣхами, которые одержало и одерживаетъ невѣріе въ борьбѣ съ церковію и христіанствомъ, несомнѣнно въ значительной степени оно обязано именно раздѣленному состоянію христіанскаго міра. Вмѣсто того, чтобы дружными усиліями выступить противъ общаго врага, христіане, подѣлившись на враждебныя общины, обращали и обращаютъ свою энергію на взаимную борьбу, которая, истощая ихъ силы или, по меньшей мѣрѣ, отвлекая ихъ, тѣмъ самымъ даетъ возможность невѣрію или сектантству безпрепятственно и безнаказанно совершать свое разрушительное дѣло. И это разрушительное дѣло, совершаемое въ теченіе вѣковъ, принесло въ наше время такіе плоды, отъ которыхъ начинаетъ содрогаться все цивилизованное человѣчество. Невѣріе смѣло отрицаетъ теперь не только тѣ или другія отдѣльныя истины христіанства, какъ это было раньше, а посягаетъ святотатственно на самый источникъ истины, именно на св. Писаніе, которое, пользуясь скороспѣлыми выводами изъ новыхъ открытій, невѣры стараются низвесть на одинъ уровень съ письменными памятниками другихъ—языческихъ народовъ, т. е. отрицаютъ самую идею божественнаго Открове-

---

[1]) «L'union avec le S-t Siége serait une force nouvelle pour l'empire du Tsar».

[2]) L'immense surcroit d'influence qui serait acquis du cour à la Russie, si elle faisait partie de la grande fammille catholique! des millions des catholiques lui tendraient les bras, ravis de voir un grand Empereur chrétien marcher la main dans la main avec le Pontife, vicaire de Jésus Christ.. *Les temps de Charlemagne seraient revenus*».

[3]) См. „Церковный Вѣстникъ" №№ 29—31 за 1894 г.

нія. Если нѣтъ божественнаго Откровенія, то въ сущности нѣтъ Бога, или во всякомъ случаѣ нѣтъ взаимообщенія между небомъ и землей, и послѣдняя предоставлена самой себѣ, какъ песчинка, потерявшаяся среди необъятныхъ міровъ и забытая своимъ Творцомъ. Въ такомъ случаѣ всѣ ея учрежденія суть измышленія жадныхъ и хищныхъ людей, построены на лжи и обманѣ съ цѣлію эксплуатаціи народныхъ массъ нѣсколькими счастливыми избранниками, не имѣютъ никакой высшей санкціи и должны быть безпощадно разрушены — хотя бы во имя анархіи. Если поэтому анархія теперь свирѣпствуетъ во всемъ цивилизованномъ христіанскомъ мірѣ, то развитію этого зла способствовала именно раздѣленность христіанскаго міра, оказавшагося вслѣдствіе этого не въ состояніи во-время дать отпоръ страшному врагу, безпрепятственно и безнаказанно сѣявшему плевелы невѣрія и нечестія на той самой почвѣ, на которой Спаситель міра посѣялъ сѣмена божественной истины, поливъ ихъ Своею безцѣнною кровію. Чтобы оказать противодѣйствіе страшному врагу и не дать ему пожать богатую жатву къ полной гибели человѣчества, необходимо соединить свои разрозненныя силы подъ однимъ всеобъемлющимъ знаменемъ креста, на которомъ одномъ только какъ въ древности, такъ и теперь значится непреложный девизъ: „симъ побѣдиши!"

„Сознаніе необходимости единенія никогда не угасало въ душѣ лучшихъ представителей христіанства. Что касается православной Церкви, то она, какъ неизмѣнная носительница истинной церковной правды, никогда не переставала даже всенародно возносить моленія о соединеніи церквей, показывая этимъ, какъ глубоко проникла въ ея сознаніе первосвященническая молитва Христа-Спасителя: „да вси едино будутъ!" Но то же сознаніе проявлялось и въ другихъ христіанскихъ обществахъ почти всякій разъ, когда какія-нибудь необычайныя движенія князя міра сего противъ церкви дѣлали очевидною для всѣхъ необходимость въ единеніи всѣхъ искать опоры для защиты истины Евангелія отъ нападеній врага. Къ сожалѣнію, эти добрые порывы всегда оказывались слишкомъ кратковременными, чтобы имѣть какое-нибудь практическое значеніе, и съ другой стороны—постоянно встрѣчались съ такими препятствіями и затрудненіями, которыя способны были охладить даже самыхъ горячихъ приверженцевъ идеи единенія. Эти стремленія, какъ порожденіе момента, поэтому неизбѣжно носили на себѣ печать неожиданности, были дѣломъ чувства, а не спокойнаго, систематическаго обсужденія связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ серьезныхъ вопросовъ, и потому безплодность ихъ была ихъ естественнымъ результатомъ. Бывали, однако, и другія, болѣе основательныя движенія къ единенію,—движенія, въ основѣ которыхъ лежало уже не чувство, а извѣстный, строго выработанный планъ, какъ результатъ глубокой и всесторонней обдуманности, какъ это было, напр., въ попыткахъ къ соединенію между римскою и восточною церквами. Однако и эти попытки постоянно терпѣли крушеніе, но уже по совершенно другой причинѣ, именно потому, что въ основѣ этихъ плановъ всегда лежала ложная или односторонняя мысль — обосновать единеніе не на христіанскомъ братствѣ и взаимной любви, а на господствѣ съ одной стороны и безпрекословномъ подчиненіи съ другой, и когда это притязаніе на господство оказывалось до очевидности противнымъ основнымъ началамъ исторической правды, то неудача этихъ попытокъ была неизбѣжна вслѣдствіе именно лежащей въ ихъ основѣ лжи. И насколько противоестественно единеніе на основѣ этой лжи, показываетъ тотъ поразительный фактъ, что, даже когда удавалось юридически установить единеніе или такъ называемую унію, она вела отнюдь не къ миру и взаимной любви, а усиливала взаимное озлобленіе, проявлявшееся въ ужасахъ кровопролитія (какъ это показываетъ вся исторія западной Россіи съ ея злосчастной уніей).

„Такимъ образомъ, дабы единеніе возымѣло силу, необходимо, чтобы оно исходило изъ правильной мысли, обоснованной на началахъ истиннаго братства во Христѣ. Небезъинтересно теперь взглянуть, насколько соотвѣтствуетъ этой точкѣ зрѣнія тотъ

призывъ къ единенію, съ которымъ выступилъ теперь престарѣлый первосвященникъ Рима, папа Левъ XIII. Его энциклика, содержащая въ себѣ этотъ призывъ, уже успѣла повсюду возбудить не малый интересъ, который отчасти объясняется и тѣмъ, что энциклика явилась не неожиданно, а имѣла довольно продолжительную подготовку и даже своего рода агитацію. Слухи о намѣреніи папы обратиться къ христіанскимъ церквамъ съ призывомъ къ единенію стали носиться уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но получили особенную интенсивность съ начала прошлаго года, когда, какъ будто по какому-то мановенію, вся римско-католическая печать въ одинъ голосъ заговорила о благѣ и возможности единенія. Высшаго развитія эта агитація достигла во время такъ называемаго евхаристическаго конгресса, устроеннаго римскою церковью съ необыкновенною пышностью въ Іерусалимѣ,—въ самомъ пунктѣ, гдѣ произнесена была Христомъ Спасителемъ послѣдняя Его первосвященническая молитва о единеніи всѣхъ и гдѣ она запечатлѣна была Его честною кровію. Произнесенныя на конгрессѣ рѣчи состояли главнымъ образомъ въ разсужденіяхъ о возможности и благѣ возсоединенія римской и восточной церкви, и это желаніе было такъ велико со стороны Рима, что, какъ выразился одинъ римско-католическій органъ, ораторы ни разу не называли въ нихъ восточныхъ христіанъ „схизматиками", а отказывая себѣ въ этомъ удовольствіи, называли ихъ только братьями во Христѣ. Рѣчи эти нашли себѣ чуткій отголосокъ въ римско-католическихъ журналахъ и газетахъ, который и переливался по нимъ вплоть до появленія самой энциклики, какъ послѣдняго и авторитетнѣйшаго выраженія всего этого движенія. Теперь, когда энциклика обнародована уже для всеобщаго пользованія какъ въ ея латинскомъ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на народные языки, мы считаемъ своимъ долгомъ поближе познакомить русскихъ читателей съ этимъ новымъ документомъ, который есть въ своемъ родѣ часть духовнаго завѣщанія папы Льва XIII. И дѣйствительно, съ этой стороны послѣдняя энциклика папы имѣетъ своего рода трогательный интересъ. Левъ XIII достигъ уже преклонныхъ лѣтъ; какъ папа онъ уже достаточно занималъ римскій престолъ и по естественному порядку вещей едва-ли можно ожидать (да и самъ онъ не ожидаетъ), чтобы его папствованіе продлилось особенно много лѣтъ. Признавая этотъ неизбѣжный фактъ, римскій первосвященникъ дѣлаетъ изъ него даже особое употребленіе, когда съ нелишенною извѣстной трогательности выразительностью говоритъ, что его преклонныя лѣта сами по себѣ способны придать особый вѣсъ и значеніе тому призыву, съ которымъ онъ обращается къ христіанскимъ народамъ. И, конечно, слова убѣленнаго сѣдинами первосвященника должны быть словами мира и благоволенія; и дѣйствительно, въ его энцикликѣ содержится не мало такого, что не можетъ не найти отголоска въ сердцахъ тѣхъ, кому дороги интересы христіанскаго міра и благо народовъ.

„Нелишне замѣтить, что и помимо указаннаго обстоятельства призывъ къ соединенію церквей получаетъ особенный вѣсъ въ силу самаго характера личности римскаго первосвященника. Никто не будетъ отрицать того несомнѣннаго факта, что во главѣ римскаго католицизма стоитъ іерархъ, заслуживающій, какъ личность, полнаго уваженія. Онъ представляетъ полную противоположность своему предшественнику и осуществляетъ въ себѣ лучшія традиціи римскаго католицизма. Левъ XIII, какъ извѣстно, былъ другомъ такого симпатичнаго іерарха какъ Дюпанлу, и даже не съ особеннымъ сочувствіемъ относился къ декретамъ Ватиканскаго собора. Во всякомъ случаѣ, уже на первыхъ порахъ онъ далъ своей политикѣ направленіе, отнюдь не соотвѣтствующее тону политики своего предшественника. И дѣйствительно, между ними нѣтъ ничего общаго. Пій IX былъ порывистый, горячій итальянецъ, человѣкъ острый на языкъ, но чуждый учености, и вовсе не выдававшійся своимъ достоинствомъ. Напротивъ, Левъ XIII—суровый аскетъ, полный спокойнаго іерархическаго достоинства, и спокойнымъ величіемъ своего образа дѣйствія онъ сильно поднялъ престижъ папской

власти. Не даромъ его не разъ приглашали европейскіе государи въ третейскіе судьи для рѣшенія сложныхъ спорныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ сумѣлъ доказать, что отнятіе у папства свѣтской власти не только не было смертельнымъ ударомъ для него, а оказалось своего рода благомъ, такъ какъ, освободивъ римскаго первосвященника отъ тяжелой обязанности играть жалкую роль мелкаго политическаго государя среди сильныхъ властелиновъ міра сего, оно дало ему возможность всецѣло сосредоточиться на интересѣ своей духовной власти. И дѣйствительно, Левъ XIII въ духовномъ отношеніи, въ дѣлѣ поднятія религіозно-нравственнаго самосознанія въ римско-католическомъ мірѣ, сдѣлалъ такъ много, что его имя станетъ на ряду съ лучшими носителями тіары. Онъ не разъ являлся выразителемъ лучшихъ чаяній и движеній своего времени, и не было такого крупнаго явленія въ общественно-религіозной жизни, на которое онъ не отозвался бы своимъ словомъ, и его многочисленныя энциклики, какъ бы онѣ ни были односторонни съ православной точки зрѣнія, конечно не остались безъ глубокаго значенія для міра римско-католическаго, который воспринималъ въ нихъ голосъ дѣйствительно достойнаго своего положенія духовнаго пастыря, заботящагося о благѣ паствы своей. Но въ томъ-то и бѣда папства, *что въ немъ система безконечно сильнѣе личности:* какими бы достоинствами ни отличался извѣстный папа лично, онъ ни на іоту не можетъ отступить отъ установившихся вѣками традицій и воззрѣній папства какъ системы, и потому, какъ выражался въ свое время такой знатокъ исторіи и духа папства, какъ Деллингеръ, папы могутъ быть различны, но папство всегда остается однимъ и тѣмъ же. Этого непреодолимаго, рокового вліянія системы не могъ избѣгнуть и Левъ XIII, и потому какъ ни прекрасны его энциклики, какъ ни великодушны его пастырскія воззванія къ миру, любви, правдѣ и единенію, въ основѣ ихъ всегда чувствуется тотъ традиціонный, исторически извѣстный тонъ, въ которомъ явственно выступаетъ цѣлая система папства, преслѣдующая весьма опредѣленную, далеко уже не симпатичную и даже не совсѣмъ христіанскую цѣль.

„Къ несчастію и новая папская энциклика не избѣгла этой общей участи, и съ этой стороны мы и разсмотримъ ее теперь.

„Тонъ папскаго абсолютизма или самовластія даетъ о себѣ знать уже въ самомъ заглавіи энциклики, и еще болѣе въ ея начальныхъ словахъ, именно въ самомъ приступѣ къ ней. Судя по непрестаннымъ жалобамъ и воплямъ римско-католической печати, оплакивающей бѣдственное положеніе папы какъ ватиканскаго узника, стѣсненнаго во всѣхъ своихъ правахъ и даже движеніяхъ, можно бы думать, что папа дѣйствительно находится въ болѣе или менѣе угнетенномъ положеніи, которое невольно должно сказываться и на самомъ его самосознаніи и душевномъ настроеніи. Энциклика пріятно разсѣеваетъ это предположеніе. Въ ней папа говоритъ отнюдь не какъ узникъ, а какъ властелинъ, смѣло обращающійся съ своимъ словомъ къ „государямъ и народамъ"—съ увѣренностью, что они обратятъ вниманіе на его авторитетный голосъ Энциклика или „апостольское посланіе" такъ и начинается привѣтомъ отъ папы Льва XIII „principibus populisque universis"—„государямъ и всѣмъ народамъ!" Это очевидно не голосъ угнетеннаго узника, а голосъ самовластнаго владыки, увѣреннаго въ непоколебимости своего авторитета надъ „государями и всѣми народами". И еще сильнѣе этотъ тонъ чувствуется въ приступѣ энциклики. Въ ней папа выражаетъ свою великую радость, что по случаю его юбилея пришелъ въ движеніе, такъ сказать, весь міръ и отовсюду посыпались привѣтствія и поздравленія съ выраженіями глубочайшей преданности и вѣрноподданства папѣ, какъ верховному вождю или главѣ христіанскихъ народовъ, какъ намѣстнику Христа на землѣ [1]). При видѣ такого единодушія, въ душѣ

[1]) Въ подлинникѣ сказано даже сильнѣе еще. Папа называетъ себя прямо „намѣстникомъ всемогущаго Бога на землѣ" (Dei omnipotentis vices in terris geramus), слѣдовательно, участникомъ божественнаго всемогущества!!

папы воскресла величественная картина первобытнаго христіанскаго міра, когда въ немъ не было раздѣленія и всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ славили Бога и Его Христа и вѣрноподданически поклонялись Его намѣстнику на землѣ. Но тѣмъ прискорбнѣе была для него наличная дѣйствительность, показавшая, что теперь далеко не все обстоитъ такъ, и многіе „великіе и цвѣтущіе народы недовѣріемъ и враждой оторваны отъ римской Церкви". Желаніе привлечь этихъ отщепенцевъ вновь къ единенію съ римскою Церковію и послужило главной побудительной причиной къ составленію настоящей энциклики.

„Въ ней онъ, какъ и естественно, прежде всего обращается къ Востоку, и трудно предположить, чтобы при этомъ въ душѣ папы не шевельнулись многія мысли и чувства. На Востокѣ именно колыбель самого христіанства. Тамъ родился, трудился, проповѣдывалъ и запечатлѣлъ Своею честною кровію дѣло спасенія Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Тамъ родина Его учениковъ и апостоловъ, которые прежде всего проповѣдывали и насаждали евангельское ученіе среди народовъ Востока, среди эллиновъ и скиѳовъ, и только уже постепенно пронесли слово благовѣстія до отдаленныхъ предѣловъ земли, на далекій западъ и въ центръ западнаго міра—Римъ. Такимъ образомъ, Востокъ имѣетъ уже то преимущество, что на его именно почвѣ и среди его народовъ насаждена впервые Церковь Христова, которая поэтому тамъ имѣетъ свои корни, а на западъ простерлись только ея вѣтви. И, однако, наличная дѣйствительность обнаруживаетъ тотъ фактъ, что православный Востокъ рѣшительно не признаетъ власти того, кто именуетъ себя „намѣстникомъ всемогущаго Бога на землѣ", главой Церкви Христовой! Явленіе во всякомъ случаѣ странное и способное возбуждать въ душѣ разныя недоумѣнія. Недоумѣніе возрастаетъ еще болѣе вслѣдствіе того, что на Востокѣ доселѣ, несмотря на всѣ превратности въ историческихъ судьбахъ его, въ полномъ единеніи вѣры и управленія живутъ древнѣйшія историческія патріархіи, ведущія свое начало отъ апостоловъ, и единодушно отрицаютъ притязанія, заявленныя пятой патріархіей, основанной на западѣ, именно въ Римѣ. Поистинѣ знаменателенъ тотъ фактъ, что четыре древнѣйшія патріархіи, пребывая въ полномъ единеніи между собою, единодушно порвали связь съ пятой патріархіей, которая такимъ образомъ стоитъ одна противъ цѣлаго сонма древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельницъ апостольскаго преданія... Трудно и представить себѣ, чтобы вся церковная правда сказалась только на сторонѣ этой пятой патріархіи. Эти соображенія и факты имѣютъ достаточную силу для того, чтобы въ душѣ всякаго, уважающаго логику лица, не преминули возникнуть мысли, способныя съ принудительностью приводить къ признанію лучезарной церковной правды. Но, какъ мы уже сказали, въ папствѣ система главенствуетъ надъ личностью, а потому изъ фактовъ, логически приводящихъ къ опредѣленному выводу, тамъ дѣлаются лишь такія заключенія, какія нужны только для поддержанія системы, хотя бы они шли въ разрѣзъ съ очевидностью. И эта роковая сила системы явно подавила свободу логическаго самоопредѣленія даже и такого философствующаго мыслителя, какимъ является папа Левъ XIII. Въ своей аргументаціи онъ безъ всякой критики повторяетъ тѣ доводы, которые выработаны папской системой въ теченіе ея борьбы за ложныя притязанія, и такимъ образомъ свою „непогрѣшимость" подвергаетъ риску быть изобличенной въ неправдѣ со стороны очевидныхъ историческихъ фактовъ.

„Призывая православный Востокъ къ возсоединенію съ римскою Церковію, папа говоритъ, что существенный пунктъ спора между ними составляетъ приматство римскаго папы. Это вполнѣ вѣрно, насколько именно притязанія папства на главенство церкви сдѣлались исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ уклоненій западнаго міра отъ вселенской истины православія. Но уже прямо отдаетъ исторической ложью то, что говоритъ энциклика дальше въ оправданіе этого приматства. „Пусть (восточные

христіане), говоритъ авторъ энциклики, оглянутся къ началу и разсмотрятъ, что думали и чувствовали ихъ предки и о чемъ свидѣтельствуетъ ближайшее къ первоначалу время. Отсюда ясно будетъ для нихъ, что божественное завѣщаніе Христа: „Ты Петръ и на семъ камнѣ созижду церковь Мою"—вполнѣ относится къ римскимъ первосвященникамъ". Указавъ на то, что въ числѣ папъ было немало лицъ съ востока (таковы Анаклитъ, Еваристъ, Аникита, Елевѳерій, Агаѳонъ и Зосимъ), папа затѣмъ смѣло говоритъ, что вполнѣ извѣстно, „въ какое время, по какой причинѣ и по чьей винѣ произошло зло послѣдующаго разногласія. До того времени, когда человѣкъ раздѣлилъ то, что сочеталъ Богъ, у всѣхъ народовъ христіанскаго міра было священнымъ самое имя апостольскаго сѣдалища, и римскому первосвященнику, какъ законному наслѣднику блаж. Петра и слѣдовательно викарію Іисуса Христа на землѣ, Востокъ одинаково, какъ и Западъ единомысленно повиновались безъ всякаго сомнѣнія" [1]). Въ подтвержденіе этого положенія авторъ энциклики приводитъ извѣстную исторію Фотія и Игнатія и представляетъ дѣло такъ, какъ это принято вообще у римскихъ историковъ, именно, что будто самъ Фотій обращался за разрѣшеніемъ своего дѣла къ папѣ, какъ верховному рѣшителю всѣхъ церковныхъ дѣлъ, и папа Николай I въ качествѣ таковаго самъ отправлялъ своихъ пословъ для властнаго разслѣдованія распри, „причемъ ни съ чьей стороны не было ни малѣйшаго въ томъ прекословія" [2]), такъ что „вся исторія этого дѣла, изъ-за котораго собственно возникло впослѣдствіи разногласіе, ясно подтверждаетъ приматство римской каѳедры". „Наконецъ, продолжаетъ энциклика, всякому извѣстно, что на великихъ соборахъ — ліонскомъ 2-мъ и флорентійскомъ—верховную власть римскихъ первосвященниковъ безъ труда и всѣ единогласно какъ латиняне, такъ и греки признали за догматъ" [3]). Читая эти тирады, не знаешь, чему больше удивляться, смѣлости-ли автора энциклики, безцеремонно подтасовывающаго и искажающаго общеизвѣстные историческіе факты, или убожеству вообще римской полемической аргументаціи при защитѣ существеннѣйшаго пункта западнаго христіанства. Если бы подобная аргументація предназначалась въ руководство для римскихъ семинаристовъ, то это было бы еще понятно, потому что послѣдніе обязаны воспринимать всѣ изреченія папы, какъ непреложные глаголы. Но вѣдь папа съ своей энцикликой обращается къ „государямъ и всѣмъ народамъ земли", слѣдовательно, говоритъ все это въ документѣ, который долженъ сдѣлаться историческимъ, и касается вопроса, во всякомъ случаѣ, глубоко важнаго, затрогивающаго глубочайшія стороны въ развитіи самого христіанства и, слѣдовательно, предполагающаго обстоятельное и всестороннее, безпристрастно критическое изслѣдованіе. И вдругъ, послѣ всего этого, „государямъ и всѣмъ народамъ" предлагается лишь отрывокъ изъ обычной римской исторіографіи, искаженной традиціонной ложью, которая вѣками накоплялась въ подтвержденіе такого противо-историческаго, даже противо-христіанскаго учрежденія, какъ папство! Положительно можно пожалѣть, до какой степени скуденъ запасъ римской аргументаціи въ пользу папской системы, когда папа въ столь глубоковажномъ документѣ не нашелъ возможнымъ сказать ничего другого и только повторилъ любимую въ римскихъ учебникахъ реплику... А реплика эта вся построена на ложномъ основаніи, и достаточно бросить лишь бѣглый взглядъ на суть всей этой исторіи, чтобы папская аргументація разлетѣлась какъ карточный домикъ. Кому не извѣстно, что притязанія римскихъ епископовъ на исключительное главенство и самовластіе въ распоряженіи дѣлами Церкви Христовой встрѣчали отпоръ уже въ столь отдаленное время,

---

[1]) Oriens pariter atque Occidens consentientibus sententiis sine ulla dubitatione parebant.

[2]) Nullo contra dicente.

[3]) Supreman romanorum pontificum potestatem facili consentione et una omnes voce latinos græcosque ut dogma sanxisse.

когда только начало сказываться это пагубное стремленіе къ незаконному главенству (дѣло св. Поликарпа и Аникиты по вопросу о времени празднованія Пасхи)? Преданіе тогда было еще свѣжо, тѣмъ болѣе, что св. Поликарпъ былъ непосредственнымъ ученикомъ возлюбленнаго ученика самого Христа, и если онъ возсталъ противъ притязанія римскаго папы, то значитъ, у него было вполнѣ достаточное основаніе для того. Затѣмъ, минуя другіе подобные же факты, возьмемъ даже исторію отношеній Востока къ папамъ во времена Игнатія и Фотія. Если восточные патріархи, при запутанности церковныхъ дѣлъ въ то смутное время, обращались иногда въ Римъ съ просьбою разрѣшить то или другое недоумѣніе, то развѣ отсюда можно непремѣнно выводить то заключеніе, будто они признавали приматство римскаго папы, въ смыслѣ верховной власти его, какъ старается представить это дѣло въ своей энцикликѣ Левъ XIII? Отнюдь нѣтъ. Они обращались къ нему, какъ къ дѣйствительно вліятельному епископу, первому по чести среди другихъ епископовъ и какъ такому, который, стоя вдали отъ придворныхъ интригъ, вносившихъ смуту и въ церковныя дѣла, могъ болѣе безпристрастно и болѣе согласно съ интересами Церкви рѣшать тѣ или другіе вопросы церковной жизни [1]). И если бы римскіе епископы такъ именно и поняли свое положеніе, то они доселѣ признавались бы на Востокѣ „первыми по чести", сохраняли бы за собою истинное приматство, и отсюда вытекло бы великое благо для всей Церкви, такъ какъ не нарушено было бы ея духовное единство. Къ несчастью, римскіе епископы, пользуясь своимъ вліяніемъ, возгордились и приматство чести стали систематически возводить въ приматство власти, чѣмъ не только поставили самихъ себя въ ложное положеніе, въ которомъ они вынуждены были искажать даже изреченіе Христа, подтасовывать историческіе факты и даже поддѣлывать цѣлые каноническіе документы (лжеисидоровскія декреталіи), но и послужили первой причиной раздѣленія Христовой Церкви на враждебныя части. Вотъ почему и Фотій, сначала самъ обращавшійся къ третейскому суду римскаго епископа, сталъ впослѣдствіи энергично протестовать противъ его вмѣшательства въ церковныя дѣла Востока: своимъ сильнымъ и проницательнымъ умомъ онъ сразу увидѣлъ, къ чему ведетъ это вмѣшательство и чѣмъ угрожаетъ папство свободѣ Церкви Христовой. И если римскіе папы не вняли его энергичнымъ предостереженіямъ, то это показывало только, что зло папскаго самовластія зашло уже далеко и пустило глубокіе корни. Гордость обуяла римскаго первосвященника, и онъ, ослѣпленный ею, неудержимо пошелъ къ цѣли верховнаго самовластія, не пренебрегая никакими средствами. Что касается указанія на ліонскій и флорентійскій соборы, на которыхъ будто бы безъ труда единогласно признана всѣми какъ латинянами, такъ и греками верховная власть римскихъ первосвященниковъ, то лучше бы и не напоминать объ этихъ печальныхъ эпизодахъ церковной исторіи. Вѣдь кому неизвѣстно, какъ велись дѣла на этихъ соборахъ, на которыхъ политическая интрига играла первенствующую роль, интересы Церкви и народовъ приносились всецѣло въ жертву политическимъ разсчетамъ, для достиженія цѣли употреблялись самыя неразборчивыя средства отъ насилія до подкупа? И если на этихъ соборахъ дѣйствительно состоялась унія, то она вовсе не была единодушнымъ соглашеніемъ грековъ съ латинянами, а просто искусственнымъ созданіемъ, которое и рушилось немедленно по окончаніи самихъ соборовъ, лишь только о результатахъ соглашенія вѣсть дошла до ушей самихъ народовъ

[1]) Римскіе полемисты всячески эксплуатируютъ и тотъ общеизвѣстный фактъ, что св. Іоаннъ Златоустъ, будучи архіепископомъ Константинополя, въ трудную для себя минуту жизни обращался къ покровительству папы римскаго Иннокентія; но при этомъ они благоразумно умалчиваютъ, что свое письмо св. Іоаннъ одновременно направлялъ еще и къ Венерію медіоланскому и Хроматію аквилейскому,—и именно потому, что Аквилея и Медіоланъ были вліятельнѣйшими послѣ Рима епископіями на западѣ, хотя, конечно, и не имѣли ни малѣйшаго притязанія на преимущества предъ Константинополемъ.

Востока. До какой степени сами православные народы мало склонны были принимать состоявшееся на этихъ соборахъ соглашеніе, можно судить, напримѣръ, по тому, какъ принятъ былъ на Руси княземъ и народомъ участвовавшій на послѣднемъ изъ нихъ московскій митрополитъ Исидоръ. Лишь только онъ заявилъ о соглашеніи съ папствомъ, какъ долженъ былъ выслушать рѣзкій протестъ и даже совсѣмъ оставить каѳедру. Къ сожалѣнію, эти и подобные факты, какъ будто, не существуютъ для папы, и онъ, минуя или умалчивая о нихъ, продолжаетъ краснорѣчиво расписывать блага уніи съ Римомъ... На такихъ основаніяхъ не только трудно, но и невозможно утвердить какое бы то ни было соглашеніе. Единеніе церквей должно покоиться на истинѣ, а не на искусственно подтасованныхъ и искаженныхъ фактахъ исторіи.

„Послѣ этого какъ-то странно и фальшиво звучитъ въ энцикликѣ увѣреніе папы, что онъ „руководился не земными интересами, а единственно божественнымъ человѣколюбіемъ и желаніемъ, чтобы всѣ получили спасеніе“, когда обратился къ Востоку съ призывомъ о соединеніи съ римскою Церковію. Что касается самаго соединенія, то онъ разумѣетъ подъ нимъ не просто братское взаимообщеніе съ римскою Церковію, а соединеніе полное и совершенное, т. е. не только взаимообщеніе въ области ученія, но и въ области управленія, съ непремѣннымъ условіемъ признанія главенства римскаго папы надъ Церковію. Если бы даже энциклика не высказывалась въ этомъ отношеніи съ такою откровенностью, то это ясно вытекало само собою изъ всего предшествующаго. Вся энциклика прямо направлена къ тому, чтобы доказать, что римскій первосвященникъ именно есть непремѣнный глава Церкви, внѣ общенія съ которымъ нѣтъ спасенія, какъ не можетъ быть спасенія внѣ общенія съ самимъ Іисусомъ Христомъ! Чтобы угладить путь къ такого рода соединенію, т. е. полному подчиненію римскому папѣ, энциклика старается увѣрить, что, въ случаѣ соединенія, папы всегда готовы оставлять за возсоединившимися всѣ принадлежавшія имъ права и преимущества, и предоставятъ имъ во всемъ жить и дѣйствовать согласно съ ихъ національными правами и обычаями. Левъ XIII даетъ въ этомъ отношеніи, такъ сказать, торжественное удостовѣреніе не только за себя, но и за всѣхъ будущихъ своихъ преемниковъ по апостольской каѳедрѣ, ибо-де таковъ всегдашній обычай папскаго сѣдалища. Прочитавъ это увѣреніе, нельзя не воскликнуть: credat Judaeus Apella, non ego! „Пусть вѣритъ этому кто угодно, но только не я!“ Исторія въ этомъ отношеніи представила слишкомъ осязательныя данныя, чтобы придавать какое-нибудь значеніе подобнымъ увѣреніямъ. Достаточно вспомнить о тѣхъ насиліяхъ, какими сопровождалась злополучная унія въ западной Россіи, когда самая безцеремонная, можно сказать, дерзкая латинизація старалась искоренить среди возсоединенныхъ всѣ слѣды ихъ греческаго обряда и даже русской народности. Эта латинизація продолжается и доселѣ въ закордонной Руси, и какъ будто, въ посмѣяніе увѣреній энциклики — іезуиты въ Галиціи дерзко вторгаются въ русскіе монастыри, эти историческія твердыни церковно-національнаго самосознанія русскихъ галичанъ, и дѣлаютъ изъ нихъ очаги латино-польской пропаганды. Все это, говоримъ, дѣлается на нашихъ глазахъ и служитъ, слѣдовательно, достаточнымъ ручательствомъ за искренность увѣреній „намѣстника всемогущаго Бога на землѣ“....

„Покончивъ съ православнымъ Востокомъ вообще, папа не преминулъ въ частности обратиться съ тѣмъ же призывомъ и къ славянскимъ православнымъ народамъ. Эти народы — молодая сила въ исторіи, и они являются носителями идеаловъ православія даже въ большей степени, чѣмъ народъ греческій, который болѣе живетъ славными историческими воспоминаніями о прошломъ, чѣмъ настоящимъ и будущимъ. Поэтому и надежды православной Церкви сосредоточиваются главнымъ образомъ въ сердцѣ славянскихъ народовъ, изъ которыхъ могущественнѣйшій народъ русскій является передовымъ носителемъ знамени православія. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще вѣсы

историческихъ судебъ начинаютъ, по признанію даже самихъ западныхъ ученыхъ и публицистовъ, все болѣе склоняться въ пользу славянскихъ народовъ, то понятно, какъ важно было бы для римской Церкви обезпечить себѣ преданность этихъ народовъ. Западно-европейскій міръ, особенно въ его романской половинѣ, обнаруживаетъ всѣ признаки историческаго одряхлѣнія, общественно-политическіе идеалы его изсякли, вѣра въ будущее ослабѣла и народы сдѣлались подобны осеннимъ листьямъ, которые, оторвавшись отъ дерева, носятся по волѣ капризныхъ стихій. Положеніе Церкви среди такихъ народовъ крайне ненадежно, и потому-то римскіе публицисты и путешественники съ такою нескрываемою завистью говорятъ о здоровой, непосредственной натурѣ православно-славянскихъ народовъ, которые еще доселѣ живутъ въ глубокой вѣрѣ въ Бога, въ тѣсномъ общеніи съ Церковію и свято исполняютъ установленные свыше законы. Такими именно мыслями и чувствами проникнута извѣстная книга о Россіи такого яраго паписта, какъ патеръ Ванутелли, и этотъ взглядъ очевидно есть отголосокъ вообще взглядовъ Ватикана, которые не преминули отобразиться и въ энцикликѣ. Въ ней папа высказываетъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній касательно славнаго имени славянъ, о доблестныхъ дѣлахъ которыхъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники. Упомянувъ о томъ, что особенно славнымъ дѣломъ въ исторіи прославились славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій, папа затѣмъ говоритъ, что онъ именно воздалъ имъ должную дань чести нѣсколько лѣтъ тому назадъ за то, что благодаря ихъ добродѣтелямъ и трудамъ большинство славянскихъ народовъ получили просвѣщеніе и спасеніе. Все это пока еще не вызываетъ особыхъ возраженій, хотя уже самое упоминаніе о чести, воздаиной папой славянскимъ первоучителямъ, возбуждаетъ непріятное воспоминаніе о той глубоко-кощунственной попыткѣ, которую дѣлалъ Ватиканъ съ цѣлію, такъ сказать, похитить св. братьевъ-просвѣтителей у православныхъ славянъ. Всѣмъ еще памятна эта попытка, когда цѣлыя бригады іезуитовъ рыскали среди славянскихъ народовъ и производили въ ихъ сердцахъ смущеніе увѣреніями, что св. братья-первоучители въ сущности держались латинской вѣры, признавали главенство папъ и такимъ образомъ являются обличителями тѣхъ славянскихъ народовъ, которые теперь не признаютъ главенства папы. Къ счастью, эта кощунственная агитація не удалась, іезуитская демонстрація не произвела никакого впечатлѣнія, и св. братья-первоучители славянъ остались въ нѣдрахъ православія, какъ его лучшее историческое достояніе, и ихъ знамя послужило притомъ къ оживленію національно-вѣроисповѣднаго самосознанія даже и среди тѣхъ славянскихъ народовъ, которые дотолѣ безропотно сносили папское иго. Одно это съ достаточностью свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ духомъ одушевлены были славянскіе первоучители. А между тѣмъ энциклика старается увѣрить, что „между славянскими и римскими первосвященниками долго существовала прекраснѣйшая взаимность—благодѣяній со стороны послѣднихъ и вѣрноподданнической преданности со стороны славянъ“, и „только печальная бѣдственность временъ отчуждила значительную часть ихъ отъ римскаго исповѣданія“. Поистинѣ прискорбно читать подобныя заявленія въ документѣ, разсчитанномъ на пробужденіе добрыхъ чувствъ любви и братства. Кому же неизвѣстно, что все это было вовсе не такъ въ дѣйствительности, какъ старается представить папа, что славянскіе народы съ самаго появленія ихъ на поприщѣ исторической жизни были предметомъ страстныхъ домогательствъ Ватикана, что сами св. братья и первоучители много терпѣли отъ властолюбія современныхъ имъ папъ и что память о нихъ свято сохранялась вовсе не въ Римѣ, а въ сердцѣ просвѣщенныхъ ими славянъ, и преимущественно тѣхъ, которые остались свободными отъ папскаго ига. Призывая теперь славянъ въ лоно римской Церкви, папа сулитъ имъ всякія блага — „спасеніе, благоденствіе и величіе“... Увы, исторія не согласна съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ. Подъ папскимъ игомъ, какъ извѣстно, осталось немало славянъ, — не менѣе 20 милліоновъ, и однако исторія

ихъ пребыванія въ римской Церкви далеко не ознаменовалась тѣми благами, какія обѣщаются въ энцикликѣ въ случаѣ возсоединенія. Напротивъ, исторія показываетъ нѣчто другое, именно, что тѣ славянскіе народы, которые находятся подъ римскимъ владычествомъ, всегда были наиболѣе обездоленными, лишены были всякой самостоятельности и доселѣ пребываютъ въ политическомъ рабствѣ у другихъ народовъ, и наоборотъ—только сильнѣйшій изъ славянскихъ народовъ, сохранивъ свою церковную самостоятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ и могущественную государственность, которая составляетъ главный оплотъ свободы и другихъ мелкихъ славянскихъ народовъ. Такимъ образомъ, „возвратиться", т .е. вѣрнѣе вступить въ лоно римской Церкви, для славянскимъ народовъ значитъ отказаться отъ блага свободы и подчиниться церковному игу Ватикана, за которымъ неминуемо послѣдуетъ и иго политическое... Да сохранитъ ихъ Господь отъ такого „блага"!

„Но не одинъ православный Востокъ стоитъ внѣ лона римской Церкви. Внѣ ея стоитъ еще и цѣлая половина собственно западно-христіанскаго міра, весь сѣверъ Европы, который еще сравнительно недавно отпалъ отъ римской Церкви и, освободившись отъ ея „благъ", сдѣлался ея непримиримымъ противникомъ. Это именно протестантскій міръ, душа котораго заключается въ отверженіи всѣхъ новшествъ и заблужденій римскаго католицизма, и если самъ онъ впалъ также въ новшества и заблужденія, то это было лишь въ силу неумѣреннаго протеста, не удержавшагося на надлежащей точкѣ. Собственно родоначальникъ протестантизма, нѣмецкій реформаторъ, протестовалъ противъ заблужденій римскаго католицизма во имя первоначальнаго, неповрежденнаго христіанства, т. е. во имя того христіанства, которое въ неприкосновенной чистотѣ сохранилось на православномъ Востокѣ; но страсть взяла верхъ надъ здравомысліемъ, и потому результатомъ преобразовательнаго движенія было не возвращеніе къ истинѣ православія, а основаніе новаго заблужденія, составляющаго противоположность старому и притомъ горшую послѣдняго. Энциклика, обращаясь къ протестантамъ, совершенно вѣрно говоритъ, что они во многихъ высоковажныхъ предметахъ увлеклись пагубными новшествами и у нихъ теперь едва остается даже болѣе или менѣе прочная формула вѣры. Дѣло зашло такъ далеко, что многіе изъ нихъ не стыдятся нападать даже на самую основу, на которой покоится вся религія и вся надежда человѣчества, и которая есть не что иное, какъ божественность самого Искупителя нашего Іисуса Христа. Отвергаютъ они также всякое божественное значеніе и за книгами Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя раньше признавались ими за боговдохновенныя. Конечно, это было неизбѣжно послѣ того, какъ каждому предоставлено было право объяснить св. Писаніе по своему собственному разумѣнію. Отсюда же происходитъ и то явленіе, что, при отверженіи всѣхъ другихъ правилъ жизни, совѣсть каждаго отдѣльнаго лица сдѣлалась единственной нормой, единственнымъ правиломъ ихъ дѣйствій. Отсюда же происхожденіе множества самопротиворѣчивыхъ мнѣній и сектъ, которыя въ концѣ концовъ вырождаются въ явный натурализмъ и раціонализмъ. Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, и истина христіанской Церкви отъ протестантизма пострадала едва-ли еще не больше, чѣмъ отъ заблужденій римскаго католицизма. Но дѣло въ томъ, что корень зла заключается именно въ послѣднемъ, и нашъ извѣстный славянофилъ-богословъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что протестантизмъ былъ лишь дальнѣйшей стадіей въ развитіи тѣхъ заблужденій, которыя уже ранѣе накопились въ нѣдрахъ римскаго католицизма. Поэтому возвратиться для протестантизма въ лоно римскаго католицизма значитъ зачеркнуть все свое прошлое и уподобиться рѣкѣ, которая, повернувъ свое теченіе, направила бы его къ своему истоку. Неудивительно, что протестантская печать встрѣтила этотъ призывъ папы къ возсоединенію прямо издѣвательствомъ и не считала нужнымъ даже входить въ болѣе или менѣе серьезное обсужденіе его.

„Самъ авторъ энциклики, повидимому, сознаетъ всѣ тѣ затрудненія, съ которыми связано осуществленіе его плана, и поэтому онъ посвящаетъ значительную тираду выясненію этихъ затрудненій, и указываетъ главныхъ враговъ, старающихся всячески вредить успѣхамъ „единоспасающей римской Церкви". Это, во-первыхъ, вообще духъ новѣйшаго времени, проникнутый антицерковностью и выразившійся особенно въ лишеніи Церкви принадлажащихъ ей правъ (разумѣй — лишеніе папы свѣтской власти!), а затѣмъ—масонство, въ которомъ папство, по издавна установившейся привычкѣ, видитъ едва-ли не главный корень всякихъ, удручающяхъ Церковь золъ. Но, несмотря на всѣ эти затрудненія, Левъ XIII не сомнѣвается въ окончательномъ торжествѣ своей идеи и находитъ благовременнымъ даже нарисовать яркую картину того блаженнаго состоянія, которое водворилось бы на землѣ съ осуществленіемъ его плана. „Какое могучее, спасительное средство", восклицаетъ онъ, „какой чудесный преизбытокъ всякихъ благъ былъ бы данъ міру вмѣстѣ съ этимъ!" Церковь, получивъ прежнее достоинство и положеніе, вновь заняла бы подобающій ей рангъ въ чести и преимуществахъ, и она, какъ раздаятельница истины и благодати, величаво и съ полною свободою совершала бы свое дѣло къ благословенію и спасенію народовъ. Существенно подвинулось бы и сближеніе народовъ, которое въ наше время желательно болѣе чѣмъ когда-нибудь, чтобы отвратить угрожающіе ужасы войны. И какъ совнѣ, такъ и внутри создался бы залогъ общественнаго благосостоянія и спокойствія, гораздо болѣе прочный и надежный, чѣмъ какой могутъ доставить законы... Теперь съ особенною горячностью обсуждаются два вопроса: соціальный и политическій. Но рѣшенію этихъ вопросовъ болѣе чѣмъ все другое посодѣйствовало бы то, если бы люди, руководясь вообще началами христіанской вѣры, выработали въ себѣ уваженіе къ праву и долгу... „Едва-ли можно и представить себѣ, до какой степени сразу величіе и благосостояніе сдѣлались бы общимъ достояніемъ міра, если бы спокойствіе и миръ вновь водворились на землѣ, если бы наука получала отовсюду содѣйствіе, если бы, главнѣе всего, подъ нашимъ руководствомъ на христіанскихъ началахъ были основаны союзы сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ и дѣловыхъ людей, съ помощью каковыхъ изгнано было бы изъ міра всякое ростовщичество и открылось бы свободное поприще для спасительнаго или полезнаго труда... Наше время въ высшей степени благопріятно возстановленію согласія и дальнѣйшему распространенію благъ христіанской вѣры, потому что никогда еще чувство общечеловѣческаго братства не волновало такъ глубоко умовъ, и никогда еще люди не стремились съ такой ревностью къ тому, чтобы знакомиться другъ съ другомъ и оказывать взаимную пользу. Корабли и поѣзда съ неимовѣрною быстротою пробѣгаютъ громадныя пространства по водѣ и сушѣ, каковое обстоятельство приноситъ несомнѣнныя выгоды не только для торговли и изслѣдованія странъ учеными, но и для распространенія слова Божія отъ востока до запада солнца. Мы знаемъ, что потребуются долгіе и тяжелые труды для того, чтобы водворить тотъ порядокъ вещей, котораго мы такъ пламенно желаемъ. Возможно также, что нѣкоторымъ наши надежды покажутся слишкомъ розовыми, такъ какъ онѣ относятся къ предметамъ, которыхъ скорѣе можно желать, чѣмъ ожидать. Но мы возлагаемъ всѣ наши надежды, все наше упованіе на Искупителя человѣческаго рода, Іисуса Христа, и ободряемъ себя мыслью, какъ много великаго нѣкогда совершено было безуміемъ креста и проповѣдью о крестѣ предъ лицемъ смущенной и пораженной мудрости міра сего".

„Вполнѣ соглашаясь съ этими надеждами, мы съ своей стороны можемъ прибавить только, что дѣйствительно возсоединеніе христіанскихъ Церквей было бы истиннымъ благомъ для человѣчества, и многіи изъ теперешнихъ золъ, съ которыми тщетно борется политическая мудрость, устранились бы сами собою при возстановленіи этого единства. Но все это было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы возсоединеніе состоялось на истинныхъ началахъ братства и равенства во Христѣ, и напротивъ, если бы

оно состоялось по тому плану, который предлагается энцикликой, то оно повлекло бы за собою такое состояніе вещей, которое было бы гораздо горше прежняго... Осуществить этотъ планъ значило бы ту массу исторически накопившихся заблужденій и золъ, отъ которыхъ страдаетъ западный міръ, распространить на все христіанство и свѣтъ божественной истины помрачить дымомъ человѣческихъ измышленій. Да не будетъ сего"!

Проф. **А. Лопухинъ.**

Интереснѣе же всего въ возраженіяхъ на папскую энциклику является статья аѳинскаго проф. Діомида Киріака напечатанная въ аѳинскомъ еженедѣльномъ журналѣ: „Εἰκονογραφημένη Ἑστία" №№ 7—9 отъ 1893, и помѣщенная въ извлеченіи Др. Лаухертомъ въ „Internationale theologische Zeitschrift" № 3 за 1893 г.

Статья Киріака писана еще до выхода энциклики въ свѣтъ, но вполнѣ угадала ея духъ и направленіе,—какъ бы въ доказательство того, какъ стары папскіе притязанія на Востокъ и какъ мало новаго можетъ сказать папа даже въ концѣ XIX вѣка!

„Возможные результаты возсоединенія съ римскою Церковію.

„Съ нѣкотораго времени стали ходить слухи, что папа готовитъ энциклику къ восточнымъ православнымъ Церквамъ, съ цѣлью пригласить ихъ къ возсоединенію съ западною Церковью, въ томъ смыслѣ, чтобы они подчинились папѣ и возвратились въ лоно римской Церкви. Что въ Римѣ носятся съ подобными планами, это нисколько не невѣроятно, если принять во вниманіе, какъ мало тамъ знакомы съ истиннымъ взглядомъ православныхъ христіанъ на папскую Церковь, и затѣмъ, насколько теперешній папа Левъ XIII, съ самаго начала своего правленія, постоянно обнаруживалъ стремленіе въ этомъ направленіи. Вообще съ точки зрѣнія папъ вполнѣ естественно, что они стремятся и считаютъ своимъ долгомъ стремиться къ этой цѣли, насколько именно папа считаетъ себя поставленнымъ отъ Христа главою Церкви, которому обязаны повиноваться всѣ христіанскіе народы и на которомъ поэтому лежитъ долгъ возвращать въ свое стадо заблудшихъ и погибшихъ.

„Исторія, дѣйствительно, показываетъ, что папы, начиная съ IX столѣтія, съ самаго начала великаго раздѣленія, не упускали ни одного случая и не щадили никакихъ усилій, чтобы только подчинить себѣ восточную Церковь. Прежде всего, это обнаружилось особенно во времена крестовыхъ походовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были временемъ высшаго могущества папства, когда папы старались воспользоваться этими походами для того, чтобы, между прочимъ, привести себѣ въ подчиненіе восточныхъ грековъ. Конечно, эта цѣль не была достигнута; напротивъ, учиненныя въ Византійской имперіи крестоносцами насилія, нашедшія свой высшій пунктъ въ учрежденіи латинской императорской власти въ Константинополѣ, только расширили пропасть, образовавшуюся между Востокомъ и Западомъ.

„Равнымъ образомъ потерпѣли неудачу и всѣ позднѣйшія попытки къ соединенію и прежде всего та унія, къ которой стремился императоръ Михаилъ Палеологъ на Ліонскомъ соборѣ, отъ 1274 года. Греческій народъ отнесся совершенно враждебно къ состоявшемуся соглашенію и ничего не хотѣлъ знать о немъ. Одинаковая судьба постигла и новую попытку императора Андроника III, который, тѣснимый турками, противъ которыхъ надѣялся найти себѣ помощь на Западѣ, завязалъ въ 1339 г. сношенія съ жительствовавшимъ въ Авиньонѣ папой. Лучшимъ успѣхомъ сначала, повидимому, обѣщала увѣнчаться попытка къ соединенію, сдѣланныя на Флорентійскомъ соборѣ отъ 1439 г., но, вскорѣ по возвращеніи съ собора, митрополитъ Маркъ Ефесскій и другіе возстали противъ соглашенія; противъ него поднялась вообще великая буря, и на двухъ соборахъ, Іерусалимскомъ отъ 1443 г. и Константинопольскомъ отъ 1451 г., произнесено было осужденіе флорентійской уніи.

„Но папы не оставляли своихъ попытокъ и послѣ завоеванія Константинополя турками (1453 г.). Прежде всего, въ XV и XVI столѣтіяхъ они помышляли о томъ, чтобы поднять западныхъ государей на войну противъ турокъ въ надеждѣ, что тогда въ освобожденной отъ турокъ и приведенной подъ власть римско-католическихъ государей странѣ легче будетъ ввести западный католицизмъ. Но такъ какъ этого, при все болѣе ослабѣвавшемъ политическомъ вліяніи папъ, нельзя было болѣе достигнуть, то съ конца XVI столѣтія они прибѣгли къ другимъ средствамъ. Съ этого времени они стали особенно налегать на прозелитизмъ, для чего стали посылать миссіонеровъ въ среду православныхъ грековъ. Съ 1600 года на греческо-православномъ Востокѣ появились первые іезуиты; затѣмъ этотъ орденъ приступилъ къ дѣлу и сталъ основывать школы, съ цѣлью пріобрѣтенія прозелитовъ среди греческаго юношества. Эти стремленія изъ Константинополя распространились на Смирну, Хіосъ, Цикладскіе острова, Кипръ, Сирію, Палестину, и опасность была тѣмъ больше, что іезуиты были поддерживаемы римско-католическими правительствами Венеціи, Испаніи, Франціи и Австріи и ихъ посланниками въ Константинополѣ. Папа Григорій XIII основалъ также въ 1583 г. особую школу въ Римѣ для молодыхъ грековъ, обращавшихся въ латинскую Церковь, школу св. Аѳанасія, изъ который вышли многіе отступившіе отъ православія греки и затѣмъ сдѣлались фанатическими орудіями папскихъ притязаній на греческій православный Востокъ. Однимъ изъ нихъ, наприм., былъ Алляцій. Но особенно энергическую дѣятельность стала проявлять основанная папой Григоріемъ XV въ 1622 г. Конгрегація для распространенія вѣры [1]). XVII и XVIII столѣтія, поэтому, были наитягчайшимъ и опаснѣйшимъ временемъ для греческой Церкви, какъ и для греческаго народа, которымъ, съ одной стороны, угрожали господствовавшіе въ странѣ турки, стоявшіе тогда на вершинѣ своего могущества, а съ другой — вторгшіеся въ нее іезуиты.

„Папы, XIX столѣтія до нашихъ временъ продолжали занимать тоже самое положеніе по отношенію къ православному Востоку, какъ и ихъ предшественники. „Схизматическіе“ народы Востока имъ, во что бы то ни стало, хотѣлось привесть въ подчиненіе Риму. Направленныя къ прозелитству на Востокѣ стремленія въ настоящемъ столѣтіи не только не ослабѣли, но скорѣе достигли своего высшаго напряженія. Сирія сдѣлалась центральнымъ пунктомъ этихъ стремленій, во главѣ съ іезуитскимъ университетомъ въ Бейрутѣ, и руководимыя іезуитами школы дѣйствовали повсюду въ Турціи, равно какъ и въ Греціи и среди болгаръ. Особенную ревность, въ видахъ достиженія возсоединенія грековъ съ римскою Церковью, проявляли два послѣдніе папы, Пій IX и Левъ XIII. Пій IX, уже въ началѣ своего правленія, въ 1848 г., издалъ въ этомъ смыслѣ энциклику къ народамъ Востока, которая тщательно составлена была Анѳимомъ, патріархомъ константинопольскимъ. Послѣ неудачи этой попытки, Пій позже возобновилъ ее другимъ способомъ, именно когда онъ въ 1855 г., при посредствѣ греческаго вѣроотступника Питципія, основалъ такъ называемое „христіанское восточное общество“, которое должно было подготовлять почву. Но это общество, однако, скоро распалось, не достигнувъ ничего, и дѣло закончилось разрывомъ между Питципіемъ и папой. Извѣстно, что Пій IX, передъ созваніемъ Ватиканскаго собора, также приглашалъ для участія въ немъ и вселенскаго патріарха Григорія, вмѣстѣ съ восточными епископами; но патріархъ, который уже знакомъ былъ съ папскими требованіями, совсѣмъ не принялъ посланія папы.

„И вотъ, теперь Левъ XIII продолжаетъ тѣ же самыя стремленія. Папство почти во всѣхъ государствахъ западной Европы потеряло свое прежнее могущественное положеніе и почти повсюду находится въ борьбѣ съ правительствами, такъ какъ не хо-

---

[1]) Congregatio de propaganda fide.

четъ примириться съ новѣйшими принципами. Изъ желанія, поэтому, найти себѣ гдѣ-нибудь новую опору главнымъ образомъ и можно объяснять усилившееся въ послѣднее время стремленіе его склонить въ свою пользу или подчинить себѣ восточныя Церкви.

„Шагъ за шагомъ развивавшееся въ теченіе исторіи могущество римскихъ папъ не основывается ни на божественномъ, ни на апостольскомъ установленіи, не имѣетъ, слѣдовательно, никакого прочнаго основанія и всецѣло противорѣчитъ основнымъ началамъ управленія древней Церкви, котораго православные народы Востока неизмѣнно держатся доселѣ. Это одно изъ основаній, почему восточныя Церкви никогда не могутъ подчиниться верховному господству папы.

„Управленіе восточныхъ Церквей остается еще и теперь такимъ же, какимъ было управленіе въ древней Церкви первыхъ вѣковъ, и опирается на постановленія древнихъ вселенскихъ соборовъ и отцовъ. Вся Церковь представляетъ союзъ отдѣльныхъ помѣстныхъ Церквей. Каждое государство имѣетъ свою собственную независимую Церковь, которая сама управляется собою чрезъ свои синоды или высшій правительственный органъ. Но всѣ помѣстныя Церкви соединяетъ та же вѣра въ Спасителя нашего Іисуса Христа и взаимная любовь. Почетное преимущество православная Церковь предоставляетъ тѣмъ епископамъ, которые занимаютъ наиболѣе видныя, въ теченіе долгой жизни Церкви, каѳедры, именно патріархамъ константинопольскому, александрійскому, антіохійскому и іерусалимскому; между ними, затѣмъ, она воздаетъ особенную честь патріархамъ Константинополя, какъ прежней столицы христіанской Византійской имперіи. Но это только первенство чести. Каждая помѣстная Церковь самостоятельна и управляется своимъ синодомъ по общимъ постановленіямъ всей православной Церкви. Никакой чужой епископъ не можетъ вмѣшиваться въ ея управленіе. Напротивъ, всѣ эти помѣстныя Церкви связаны между собою постояннымъ братскимъ общеніемъ. Такимъ образомъ въ силу того, что всѣ помѣстныя Церкви опираются на принципъ самоуправленія, становится возможнымъ, что на общей основѣ православія каждая изъ нихъ самостоятельно и безпрепятственно развивается въ согласіи съ духомъ народа, представительницей религіозной жизни котораго она выступаетъ, такъ что въ православной Церкви вслѣдствіе этого возможно разнообразіе въ единствѣ. Все это превосходное зданіе нашего церковно-государственнаго управленія было бы разрушено подчиненіемъ папѣ и распространеніемъ папскаго владычества на Востокъ. Папа тогда былъ бы единственнымъ епископомъ, который имѣлъ бы право что-нибудь изрекать и который управлялъ бы Церковью по своему усмотрѣнію чрезъ своихъ намѣстниковъ, между тѣмъ какъ епископы не имѣли бы болѣе никакой власти и никакого значенія. Патріархи, митрополиты, архіепископы и епископы были бы уже ничто, ихъ синоды—просто тѣнью; исчезли бы всѣ слѣды самоуправленія, всякая собственная жизнь помѣстныхъ Церквей сдѣлалась бы невозможной, равно какъ было бы невозможнымъ и ихъ согласіе съ народнымъ характеромъ въ отдѣльныхъ государствахъ, и на развалинахъ всего этого воцарилась бы неограниченная воля единаго лица, епископа римскаго и его совѣтниковъ, іезуитовъ и кардиналовъ.

„Во-вторыхъ, подчиненіе папѣ подорвало бы догматы православной Церкви. Эти догматы суть именно догматы древней Церкви, и даже наши враги признаютъ, что восточная Церковь ничего не прибавила и ничего не измѣнила въ томъ, что установлено было вселенскими соборами и древними отцами. Ученіе нашей Церкви есть древнее христіанство, христіанство великихъ учителей Церкви первыхъ вѣковъ; между тѣмъ чрезъ подчиненіе папѣ, и особенно если бы наше духовенство стало получать образованіе въ Римѣ или въ руководимыхъ іезуитами школахъ, вмѣсто первоначальнаго христіанства греческихъ отцовъ, было бы введено латинское христіанство среднихъ вѣковъ, какъ оно выработано было схоластиками, особенно догматика и философія Ѳомы Аквината. Тогда греки не только должны бы были принять Filioque въ символъ вѣры и западную форму совершенія крещенія и евхаристіи, не вмѣстѣ съ тѣмъ должны бы

были приняты и всѣ новые неслыханные въ древности догматы о непорочномъ зачатіи и папской непогрѣшимости.

„Въ-третьихъ, подчиненіе папѣ уничтожило бы богослуженіе нашей Церкви. На мѣсто древнихъ греческихъ литургій мало-по-малу введена была бы римская литургія и латинскій языкъ, равно какъ и масса новыхъ праздниковъ римской Церкви. Правда, папы обѣщаютъ восточнымъ христіанамъ, что при уніи они предоставятъ имъ ихъ церковный языкъ; но со временемъ, несомнѣнно, ихъ собственная литургія и языкъ были бы вытѣснены латинскими, какъ это уже и испытывали многіе народы, когда они, отрекаясь отъ своей самостоятельности, подчинялись Риму.

„Это подчиненіе, далѣе, повредило бы восточнымъ народамъ и въ политическомъ отношеніи. Папизмъ, какъ господствующая Церковь, причинялъ бы тогда правительствамъ этихъ государствъ тѣ же самыя затрудненія, какъ это мы видимъ въ западной Европѣ. Онъ стремился бы сдѣлать Церковь, по своимъ средневѣковымъ принципамъ, государствомъ въ государствѣ, которое уклонялось бы отъ вѣдѣнія государства, причемъ самъ папа вмѣшался бы во всѣ государственныя дѣла и стремился бы уничтожить принципъ вѣротерпимости и всѣ другіе свободные принципы новѣйшихъ государствъ, свободу совѣсти, свободу слова, свободу печати, чтобы опять возстановить средневѣковое состояніе, въ которомъ исключительно господствовало бы папство. При такихъ своихъ основныхъ принципахъ, папская Церковь никогда не можетъ жить въ согласіи съ новѣйшими государствами. Православная Церковь, напротивъ, отдаетъ кесарево кесарю и Божіе Богу. У нея нѣтъ никакого властолюбія, она не хочетъ господствовать надъ государствомъ, старается только о сохраненіи за собою свободной дѣятельности во внутреннихъ церковныхъ вопросахъ, уважаетъ государство и его законы и совмѣстно съ нимъ дѣйствуетъ въ тѣхъ смѣшанныхъ вопросахъ, которые одинаково касаются государства и Церкви. Отсюда мы видимъ, что восточная Церковь во всѣхъ православныхъ государствахъ живетъ въ полномъ согласіи съ правительствами. Она не только не враждуетъ съ государствомъ, а напротивъ, состоитъ въ самомъ дружественномъ взаимообщеніи съ нимъ. Въ то время, какъ, напр., въ Италіи и во Франціи государство и Церковь стоятъ какъ два враждебные лагеря, и сторонники государства и его законовъ и вольностей суть враги Церкви, и наоборотъ, въ восточныхъ государствахъ религія и государство тѣснѣйшимъ образомъ соединены въ сердцахъ всѣхъ, какъ священнѣйшее благо, и духовенство всегда съ особенною ревностью обнаруживало свой патріотизмъ. Вмѣсто этого патріотическаго православнаго духовенства, которое уважаетъ государство, повинуется его законамъ и искренно служитъ національнымъ интересамъ, мы со временемъ получили бы воспитавшееся въ Римѣ духовенство, чуждое нашимъ національнымъ интересамъ,—духовенство, которое заняло бы заносчивое положеніе по отношенію къ государству, обнаружило бы разныя притязанія къ нему, всегда во всѣхъ вопросахъ старалось бы заявить свою собственную волю или, вѣрнѣе, волю своего непогрѣшимаго главы въ Римѣ, слѣпымъ орудіемъ котораго оно было бы, и этимъ постоянно причиняло бы много хлопотъ государству.

„Но подчиненіе папѣ повредило бы намъ въ національномъ отношеніи. Это находится въ связи съ вышесказаннымъ и есть необходимое слѣдствіе оттуда. Римско-католическое духовенство воспитывается въ Римѣ и въ іезуитскихъ заведеніяхъ въ столь строго папистическомъ духѣ, что отечество, національное государство, патріотизмъ, національные интересы для него остаются неизвѣстными. Римско-католическій клирикъ не есть уже ни французъ, ни итальянецъ, ни нѣмецъ, а только папистъ. Для него римская Церковь или папа составляютъ и отечество, и народъ, и государство. Національная исторія не имѣетъ для него никакого интереса; для него существуетъ только исторія его Церкви. Въ случаѣ разлада между государствомъ и Церковью, онъ не замедлитъ ни на одинъ моментъ заявить себя непримирнымъ врагомъ интересовъ своего

отечества, котораго онъ почти не знаетъ совсѣмъ. Ужаснымъ примѣромъ этого можетъ служить особенно отношеніе папы и итальянскаго духовенства къ новому объединенному королевству Италіи. Такая непатріотическая романизація духовенства особенно пагубное вліяніе оказала бы тамъ, гдѣ духовенство всецѣло захватило бы въ свои руки воспитаніе юношества.

„Наконецъ, подчиненіе папѣ повредило бы восточнымъ народамъ и въ соціальномъ отношеніи, съ точки зрѣнія ихъ соціальнаго прогресса, въ ихъ умственномъ развитіи и нравственномъ преуспѣяніи. Папизмъ есть врагъ истинной науки, и исторія свидѣтельствуетъ, что новѣйшая наука, отъ временъ Галилея и Коперника до настоящаго времени, находила себѣ непримиримыхъ гонителей въ лицѣ папъ. Въ нашемъ вѣкѣ Григорій XVI въ своей извѣстной энцикликѣ, между прочимъ, осуждаетъ также и свободу изслѣдованія, какъ въ высшей степени пагубное заблужденіе. Тѣ же анаѳемы противъ свободы науки повторилъ и Пій IX въ своей энцикликѣ отъ 1864 года и въ приложенномъ къ ней силлабусѣ. Римская инквизиція всегда тормозила духовное движеніе народовъ и своими гоненіями подавляла всякое свободное научное изслѣдованіе. Книги, которыя были написаны не вполнѣ въ духѣ строго папистическаго католицизма, подвергались позорному занесенію въ индексъ, и ихъ запрещалось читать римскимъ католикамъ. Такими средствами папство задерживало и задерживаетъ, куда только простирается его власть, всякое научное развитіе народовъ и держитъ ихъ въ невѣдѣніи и суевѣріи. Такъ это мы видимъ въ Испаніи и Португаліи, гдѣ инквизиція располагала особенно большою властью. Такъ это было въ Италіи до ея освобожденія. И еще болѣе то же самое мы видимъ въ южно-американскихъ государствахъ и въ Польшѣ. Во Франціи и Германіи, гдѣ просвѣщеніе въ новѣйшее время сдѣлало большіе успѣхи, оно отчасти должно было развиваться въ противорѣчіи съ папствомъ.

„Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что римскій католицизмъ, если бы онъ былъ введенъ у насъ, и у насъ также, насколько это возможно для него, старался бы затормозить свободное научное развитіе и просвѣщеніе народа. Наконецъ, ухудшился бы и нравственный уровень восточныхъ народовъ. Романизмъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ государству и наукѣ возстановляетъ противъ себя образованные классы и, наконецъ, отдаетъ ихъ въ руки невѣрія; необходимое же слѣдствіе невѣрія есть также ослабленіе нравственнаго чувства. Съ другой стороны, хотя преданныя ему массы онъ и держитъ въ вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ держитъ ихъ также и въ невѣдѣніи; латинское богослуженіе для нихъ непонятно и не доставляетъ имъ никакого назиданія; ихъ религія обыкновенно есть только суевѣрное соблюденіе извѣстныхъ обрядовъ, которое не оказываетъ никакого вліянія на нравственное сознаніе и можетъ существовать рядомъ съ самою распущенною нравственностью. Наша церковь, напротивъ, не только не возбуждаетъ систематически образованныхъ людей къ полному невѣрію и враждебности по отношенію ко всякой религіи (конечно, есть и у насъ люди равнодушные къ догматамъ церкви, но во всякомъ случаѣ не систематическіе и фанатически смертельные враги религіи), но не оставляетъ также безъ всякаго образованія и массъ народа, потому что она поддерживаетъ народное образованіе и доставляетъ имъ обученіе также и при посредствѣ совершающагося на народномъ языкѣ богослуженія, такъ что имъ, по крайней мѣрѣ, не остаются неизвѣстными элементарныя религіозно-нравственныя познанія. Что вліяніе нашей Церкви на свои народы превосходно и успѣшно, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже простое сравненіе религіозно-нравственнаго состоянія восточныхъ народовъ съ народами римско-католической Церкви. Гдѣ встрѣчаются самые непримиримые и яростные враги христіанства, какъ не во Франціи, этомъ отечествѣ Вольтера и энциклопедистовъ, и въ Италіи? Конечно, и въ протестантскихъ странахъ, въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи, равно какъ и въ православныхъ странахъ—Греціи, Турціи и въ другихъ восточныхъ государствахъ есть много

нравственнаго тлѣнія, потому что естественно, что гдѣ только живутъ люди, тамъ существуютъ и пороки, и христіанство не можетъ превратить всего множества людей въ государствахъ въ ангеловъ; но во всякомъ случаѣ нравственное тлѣніе римско-католическихъ народовъ—французовъ, итальянцевъ, португальцевъ, южно-американцевъ, поляковъ, нравственное растлѣніе въ Парижѣ, Мадридѣ, Неаполѣ и Римѣ превосходятъ всякія границы. Гдѣ господствуетъ папство, тамъ, слѣдовательно, и испорченность, растлѣніе, распущенность нравовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ опытъ и исторія.

„Вотъ основанія, по которымъ восточные народы всегда отвергали всякое подчиненіе папству, отвергаютъ теперь и будутъ отвергать во всѣ вѣка. Въ Римѣ должны бы это понять наконецъ и въ будущемъ избавить насъ отъ своихъ многочисленныхъ энцикликъ, приглашеній, требованій и увѣщаній къ соединенію Церквей, т. е. къ подчиненію восточной Церкви западной. Это мы уже высказывали неоднократно. Пока солнце совершаетъ свой путь и пока восточные народы въ здравомъ умѣ, они никогда не вступятъ на тотъ путь, который ведетъ къ Риму.

Проф. **А. Діомидъ-Киріахъ**.

Въ дополненіе къ мнѣніямъ о римскомъ католицизмѣ, приведемъ еще мнѣніе католическаго священника Гранжона (F. Granjon) выступившаго въ прошломъ году изъ римской Церкви.

Объясняя причину оставленія имъ римской Церкви различными злоупотребленіями папства, дѣлаетъ онъ, между прочимъ сравненіе между *католикомъ* и *христіаниномъ.*

„Попробуемъ, говоритъ онъ, сдѣлать маленькое сравнительное изслѣдованіе. Окончательный выводъ его покажетъ намъ, можетъ-ли нынѣшняя католическая вѣра быть названа христіанской.

„1. *Дѣйствія.*—Всякое дѣйствіе человѣка заключаетъ въ себѣ содержимое и форму: дѣйствіе само по себѣ и намѣреніе дѣйствія. — Католикъ предается матеріальной сторонѣ дѣйствія: онъ исполняетъ лишь формальность, сообразуясь съ указаніями духовника; христіанинъ же предается внутренней сторонѣ: онъ совершаетъ и исполняетъ лишь дѣйствія нравственныя.

„2. *Вѣра.*—У католика вѣра пребываетъ въ дѣйствіи разума; у христіанина же она пребываетъ главнымъ образомъ въ проявленіи воли.

„Для католиковъ вѣра есть пассивное усвоеніе человѣческихъ формулъ; для христіанина вѣра является довѣріемъ и вѣрностью его Іисусу Христу.

„Католикъ посредствомъ вѣры открываетъ свой умъ ряду хорошо сохранившихся, но бездушныхъ мумій; христіанинъ, посредствомъ вѣры открываетъ свое сердце для принятія благодати Божіей.

„3. *Законъ.*—Для католика законъ является сборникомъ внѣшнихъ наставленій; для христіанина, законъ есть внутренній голосъ Божій. Съ одной стороны собраніе узаконеній, гдѣ произволъ сталкивается съ противорѣчіями; съ другой—совѣсть, осуждающая или оправдывающая по истинѣ, сообразуясь съ Евангеліемъ.

„4. *Спасеніе.*—Для католика оно заключается въ томъ, чтобы избѣгнуть ада и достигнуть неба; христіанинъ видитъ свое спасеніе въ примиреніи съ Богомъ, посредствомъ полнаго возрожденія души.

„Спасеніе души для католика есть торговая сдѣлка купля-продажа; для христіанина, спасеніе души его есть даръ всей жизни, предложенный и принятый.

„Средства, употребляемыя котоликомъ заключаются въ добрыхъ дѣлахъ; средства, употребляемыя христіаниномъ, состоятъ въ единеніи съ Іисусомъ Христомъ. Католикомъ руководитъ священникъ,—христіаниномъ Духъ Святый.

„Католикъ для своего спасенія обращаетъ взоры свои внизъ, на самаго себя и на людей; христіанинъ обращаетъ свои взоры вверхъ, къ Богу.

„5. *Грѣхъ.*—Для католика грѣхъ состоитъ въ нарушеніи закона; для христіанина—въ удаленіи отъ Бога.

„По мнѣнію католика, грѣхъ есть случайность, которую священникъ можетъ легко поправить; христіанинъ считаетъ грѣхъ несчастіемъ, которому люди не въ состояніи помочь.

„Католикъ лишается неба, христіанинъ теряетъ всю жизнь.

„6. *Дѣла.*—Для католика добрыя дѣла монета, на которую онъ покупаетъ себѣ вѣчное блаженство; добрыя дѣла христіанина суть проявленія его внутренней жизни.

„Для котолика добрыя дѣла являются корнемъ оправданія; для христіанина онѣ суть естественные плоды удовлетворенія.

„Католикъ дѣлаетъ добро по разсчету; христіанинъ поступаетъ хорошо по благочестію.

„7. *Добродѣтель.*—Для католика добродѣтель состоитъ въ слѣпомъ послушаніи; для христіанина добродѣтель заключается въ любви безпредѣльной.

„Католикъ тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ болѣе онъ поработилъ свою душу; христіанинъ тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ болѣе онъ преданъ своимъ братьямъ".

„Предѣлъ усилій католиковъ есть полное уничтоженіе человѣческой личности; предѣлъ стараній христіанина выражается въ свободномъ расцвѣтѣ всего нравственнаго существа.

„Католикъ старается упрочить владычество человѣка надъ собой; христіанинъ же стремится къ утвержденію Царства Божія.

„Однимъ словомъ, католицизмъ не болѣе какъ учрежденіе человѣческое, христіанство же пребываетъ Божественной религіей.

„Католицизмъ есть обоготвореніе одного человѣка—папы; христіанство есть прямое спасеніе человѣка Іисусомъ Христомъ.

„Католицизмъ—есть опасный миражъ, христіанство же существенная истина".

Возвращаемся къ „письму ультрамонтана-католика". Да проститъ намъ почтенный авторъ, если мы не можемъ согласиться во многомъ съ его выводами.

Уважаемый прелатъ называетъ себя *ультрамонтаномъ* и гордится этимъ званіемъ; но мы видимъ извѣстную неискренность въ его опредѣленіи ультрамонтанства. Онъ говоритъ, что начало ультрамонтанства относится къ эпохѣ Людовика XIV, когда, въ началѣ XVIII вѣка, католическая партія во Франціи, не желавшая признать четырехъ такъ называемыхъ галликанскихъ статей и поддерживавшая папу, приняла это названіе; мы, однако, не должны ограничиваться исключительно вопросомъ о первоначальной роли и значеніи ультрамонтанства; для насъ важно и современное его значеніе. Понятіе „ультрамонтанъ" можно выразить слѣдующими словами: „больше, чѣмъ обыкновенный католикъ"; ультрамонтанство можно сравнить съ сектой фарисеевъ, столь подробно изображенныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ,—фарисеевъ, которыхъ столь строго порицалъ Іисусъ Христосъ, говоря, что они лишь устами хвалятъ Его, сердцемъ же далеки отъ него. Какъ тѣ, такъ и другіе грѣшатъ ложно понятымъ фанатизмомъ и введеніемъ въ область религіи того, чего она не требуетъ, въ чемъ она вовсе не нуждается; фанатизмъ—это ложное пониманіе законовъ религіи, это крайняя степень въ извращеніи предписаній религіи; основываясь же на правилѣ *extrema tanguntur*, мы должны признать, что религіозный фанатизмъ, какъ крайность, долженъ быть весьма близокъ къ безвѣрію.

И въ самомъ дѣлѣ, — еретикъ не только тотъ, кто отрицаетъ истинныя основанія вѣры, но и тотъ, *кто вводитъ новые догматы, несогласные съ основами религіи.* Христі-

анка, съ фанатизмомъ проводящая дни и ночи въ церкви, пренебрегая при этомъ обязанностями хозяйки дома, жены и матери, не только не достойна названія христіанки, но, въ сущности, хуже язычницы. Ультрамонтанъ, видящій въ папѣ своего бога и воплощающій Бога въ лицѣ римскаго первосвященника, ослѣпленъ до такой степени, что для него все, что стоитъ внѣ папы, представляется зломъ, достойнымъ лишь порицанія; *поэтому-то мы наблюдаемъ у фанатиковъ ненависть по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ партіи.* Истинная православная христіанская вѣра не знаетъ ни ультра-христіанъ, ни инфра-христіанъ; основные ея принципы и ученія ясны и понятны; обязательны они безусловно для каждаго и сосредоточиваются въ слѣдующей великой заповѣди: *„Люби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ, а ближняго твоего, какъ самого себя“.* Поэтому, чтобы быть хорошимъ католикомъ, не надо вовсе быть ультрамонтаномъ.

Первые христіане были вѣрными послѣдователями святой вѣры, хотя и не были ультрамонтанами. Почтенному автору „открытаго письма“ все это кажется недостаточнымъ, онъ желаетъ выдѣлить себя изъ среды остальныхъ христіанъ, *показать себя стоящимъ выше ихъ,* т. е. непогрѣшимымъ, и съ этою цѣлью называетъ себя ультрамонтаномъ.

Авторъ-ультрамонтанъ утверждаетъ, что римская, т. е. *папская Церковь, всегда повелѣвала почитать свѣтскую власть,* причемъ приводитъ въ доказательство слова апостола Павла, что *всякая власть—отъ Бога, противящіеся же власти — Богу сопротивляются.* Авторъ забываетъ сказать, что такъ учили апостолы, а вовсе не папы, и что эти слова апостола Павла являются достояніемъ всѣхъ христіанъ, а не исключительною собственностью ультрамонтанъ.

Галликане равнымъ образомъ признаютъ это положеніе и потому въ первомъ параграфѣ своего ученія говорятъ, что *„не только вѣрующіе, но и папы не имѣютъ власти надъ монархами“.* Ультрамонтане утверждаютъ противное. Авторъ „письма“ приводитъ отрывки изъ „Богословія“ св. Альфонса Лигорійскаго, ясно доказывающіе, какъ должны мы почитать власть монарховъ. Но св. Альфонсъ не былъ ни папой, ни ультрамонтаномъ, и его ученіе не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ папъ и ультрамонтанъ.

Авторъ „письма“ ссылается равнымъ образомъ на Григорія XVI, который въ папскомъ посланіи отъ 9 іюля 1832 года къ польскимъ епископамъ осуждаетъ польскій мятежъ. Это письмо, на самомъ-то дѣлѣ, является лишь характеристикой политики папъ, *всегда осуждавшихъ неудачныя возмущенія, ими же внушаемыя;* къ іюлю 1832 года польскій мятежъ былъ окончательно усмиренъ, и папское посланіе было „послѣ ужина горчицей“; оно имѣло бы, конечно, значеніе и смыслъ, если бы было написано въ началѣ мятежа. Если бы возстаніе удалось, то, вмѣсто упомянутаго посланія, поляки получили бы папское поздравленіе съ побѣдой и благословеніе, причемъ папа не преминулъ бы сообщить имъ, что побѣда одержана поляками *благодаря папскимъ молитвамъ,* за которыя-де полагается собору св. Петра жертва *наличными.* Не иначе поступилъ Пій IX въ 1863 году; въ началѣ мятежа онъ не осуждалъ его, а, напротивъ, порицалъ дѣйствія русскихъ властей, приказывалъ совершать всенародныя богослуженія съ торжественными процессіями въ Римѣ въ пользу польскаго возстанія; самъ папа собственноручно написалъ молитву за успѣхъ польской справы; эта молитва долго считалась, конечно, *непогрѣшимою* и по сей день бережно хранится у набожныхъ полекъ, напечатанная на картинкахъ съ гербами Царства Польскаго. Послѣ усмиренія мятежа папа назвалъ поляковъ *глупцами, но въ этомъ случаѣ поляки не признаютъ папу „непогрѣшимымъ“.*

Ученіе св. Ѳомы, Бильварда, Гоне и всей школы томистовъ, основы которой по папскому велѣнію излагаются во всѣхъ главнѣйшихъ католическихъ академіяхъ при объясненіи пятой заповѣди, *разрѣшаетъ даже убійство монарховъ,* принадлежащихъ къ

другому исповѣданію, если они „тираннически“ относятся къ своимъ подданнымъ. Почтенный прелатъ долженъ бы знать объ этомъ; между тѣмъ онъ объ этомъ не упоминаетъ, полагая, что русское правительство ничего объ этомъ не знаетъ и поэтому терпитъ подобныя ученія въ своемъ государствѣ.

Папы, бросая проклятія на монарховъ, лишали ихъ всякихъ монаршихъ правъ, а *подданнымъ ихъ приказывали нарушить присягу, данную на вѣрность своимъ монархамъ*; приказывали подданнымъ, *подъ страхомъ проклятія*, прекратить всякія сношенія со своимъ монархомъ; *отлученнаго отъ Церкви монарха можно было безнаказанно убить, надъ его тѣломъ разрѣшалось надругательство.* Папскія проклятія вызывали въ государствахъ революціи, бунты, неповиновеніе властямъ, нарушали дисциплину и священныя узы, долженствующія существовать между монархомъ и его подданными, уничтожили уваженіе къ престоламъ монарховъ, ставя на первый планъ преклоненіе передъ трономъ апостольской столицы;—вотъ почему папы являлись не опорой свѣтской власти и монарховъ, но создателями революцій, бунтовъ и безпорядковъ, погубившихъ Польшу.

При всемъ томъ поляки требуютъ, чтобы Россія вѣрила имъ наравнѣ со своими правовѣрными подданными, не препятствуя имъ почитать прежде всего папу, въ качествѣ ихъ святого отца, который, однако, никогда иначе съ ними не обращался, какъ съ незаконнорожденными и стремился къ ихъ гибели, распространяя въ Польшѣ крайнюю безнравственность, что доказываетси слѣдующимъ:

Статистическія данныя за послѣдніе годы доказываютъ, что: въ протестантскомъ Лондонѣ одно незаконное дитя приходится на 25 законныхъ рожденій, въ католическомъ Парижѣ—одно незаконное дитя на два законнорожденныхъ; въ католическомъ Брюсселѣ происходитъ то же, что и въ Парижѣ; въ архикатолическомъ городѣ—Вѣнѣ, число незаконныхъ рожденій *превышаетъ* число законныхъ рожденій; въ Римѣ же, резиденціи святого отца, на одного законнаго ребенка приходится 2,75 незаконнорожденныхъ. Тѣ же отношенія наблюдаются и въ цифрахъ преступленій. Въ протестантской Пруссіи одинъ убійца приходится на 100.000 человѣкъ, въ католической Испаніи—на 4.113, а въ Римской области одинъ убійца на 750 человѣкъ!!! О Польшѣ мы умолчимъ, не имѣя достаточныхъ статистическихъ данныхъ [1]), одно лишь можемъ сказать, что до раздѣла Польши шляхта жила разбоемъ.

Когда вызванное Римомъ польское возстаніе 1863 года приняло скверный для поляковъ оборотъ, то папа Пій IX написалъ Императору Александру II письмо, въ которомъ увѣрялъ Государя, что желаетъ Россіи *счастья* и *спокойствія.*

Это письмо, помѣченное 22 апрѣля 1863 года, служитъ вполнѣ основательнымъ доказательствомъ участія Рима въ польскомъ возстаніи противъ ненавистныхъ Риму „схизматиковъ“. Но, когда это письмо не произвело никакого результата [2]), то Пій IX въ августѣ того же года приказалъ произносить молитвы за Польшу во всѣхъ латинскихъ костелахъ; когда же ни молитвы, ни освящаемыя въ Римѣ хоругви и кинжалы для повстанскихъ отрядовъ и жандармовъ-вѣшателей нисколько не помогли, и Польша понесла заслуженное наказаніе за слѣпое повиновеніе нашептываніямъ діавола, то Пій IX, какъ мы уже говорили, осудилъ мятежъ.

Никакая сила человѣческая не уничтожитъ послѣдствій проклятій, тяготѣющихъ надъ польскимъ народомъ и произнесенныхъ надъ нимъ угнетенными: крестьянствомъ и иновѣрцами. Римъ, руководившій поляками въ стремленіи къ уничтоженію Христовой Церкви, самъ палъ, и остался отъ него лишь безсильный призракъ минувшей инквизиціи.

Для поляковъ остается одинъ путь ко спасенію, а путь этотъ — Христосъ, ко-

---

[1]) См. „Церковные отголоски“ Ангерштейна“. 1890 г., стр. 146.

[2]) *Pelczar.* Pius IX i jego wick. Краковъ, 1880 г.

торый съ высоты небесъ видитъ дѣйствія и поступки наши. Одни только добрыя дѣла наши знаменуютъ вѣру въ Него, и не можетъ она опираться на пыткахъ, огнѣ и мечѣ, а единственно на любви къ ближнимъ, даже къ врагамъ, чего никогда не бывало въ Польшѣ, со времени перемѣны вѣры, принятой ею отъ Кирилла и Меѳодія, на вѣру, навязанную ей Римомъ, воюющимъ съ Церковью, основанною на Востокѣ Христомъ и св. Петромъ.

Авторъ-ультрамонтанъ считаетъ, очевидно, всѣхъ жителей Польши и Россіи людьми, не имѣющими понятія объ исторіи римской Церкви и папства; на этомъ основаніи онъ говоритъ: *„Истинный римскій католикъ-ультрамонтанъ никогда не будетъ революціонеромъ, повстанцемъ“*. Напротивъ, ультрамонтанъ-католикъ долженъ отождествляться съ папой, ибо Этотъ послѣдній является для него высшимъ авторитетомъ; поэтому ультрамонтанъ поневолѣ долженъ осуждать, ненавидѣть и преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто не падаетъ ницъ передъ папой и не цѣлуетъ его ногъ. Самъ авторъ-ультрамонтанъ заявляетъ, что *„польская шляхта и католическое духовенство принимало участіе во всѣхъ мятежахъ“*; мы прибавимъ, что римское духовенство не только принимало въ нихъ участіе, но *организовало и вызывало возстаніе*, а это потому, что ксендзы — латиники и вѣрные слуги папъ, а не святой вѣры, преподанной намъ Іисусомъ Христомъ; это вѣрные ученики римской куріи и римско-католической Церкви; тамъ имъ внушались тѣ принципы и ученія, которые курія Ромы примѣняла на практикѣ еще передъ рожденіемъ Христа, по приговорамъ „вратъ адовыхъ“.

Если бы поляки были не папскими католиками, а истинными послѣдователями вѣры Христовой, — то не было бы возстаній противъ Россіи, ибо не было бы къ тому причинъ. Они знаютъ о томъ, что паденіе Польши было неизбѣжно, что, если бы они не подпали подъ власть Россіи, то оказались бы подъ властью Австріи или Германіи, и ихъ положеніе было бы подобно положенію современныхъ жителей княжества Познанскаго; вмѣсто русскаго языка у нихъ былъ бы языкъ нѣмецкій, который не можетъ быть болѣе пріятенъ для славянина, не измѣняющаго своей народности, чѣмъ русскій языкъ; у поляковъ есть одна только причина, препятствующая имъ соединиться съ братскимъ славянскимъ русскимъ народомъ; эта причина—вѣра въ папу.

Непреложно то, что заявляетъ авторъ-ультрамонтанъ, именно, что наше правительство и наши государи были слишкомъ снисходительны по отношенію къ польской народности и вѣрѣ, а особенно по отношенію къ латинскому духовенству; но это убѣждаетъ лишь насъ въ томъ, что снисходительность лишь придаетъ наглости нашимъ ватиканцамъ, что великодушіе нашихъ монарховъ объясняютъ они слабостью нашего Правительства. Поляки не перестаютъ твердить о могуществѣ папы и возлагаютъ на него надежды, видя въ немъ воплощеніе своихъ неопредѣленныхъ стремленій и мечтаній. Великодушіе и снисходительность не могутъ идти рука объ руку съ фанатизмомъ; конечно, не христіанамъ же преклониться передъ нимъ; а полякамъ остается выбирать между Римомъ и папой—и Россіей, ея законами и ея славянскимъ монархомъ.

Священное Писаніе говоритъ, что никто не можетъ въ одно время служить двумъ господамъ; *не могутъ и поляки одновременно служить папѣ и Русскому Государю.*

Въ іюлѣ 1896 года французскія газеты сообщили, что французское „правительство приказало произвести строгое дознаніе по поводу процессій Божія Тѣла, особенно въ Каннѣ, Пуатье и Брестѣ, гдѣ духовенство, вопреки запрещенію полиціи, пыталось выйти съ процессіей на улицу“.

Римско-католическая Франція допускаетъ процессіи лишь въ предѣлахъ церковной ограды; между тѣмъ какъ русское правительство до такой степени терпимо относится къ обрядамъ другихъ исповѣданій, что не воспрещаетъ уличныхъ процессій въ польскихъ городахъ. Французское правительство полагаетъ, что процессіи могутъ служить весьма удобною маской для революціоннаго движенія, почему и воспрещаетъ ихъ. Возстанія въ Польше начинались всегда процессіями...

ГЛАВА XIII.

Изъ славянской семьи народовъ только поляки дошли до окончательнаго паденія и потери своей политической самостоятельности. Причиной этого паденія была непрерывная борьба съ родственными народами, вызванная и веденная исключительно въ интересѣ папизма. Судьба хотѣла, чтобы, принявъ христіанство отъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, Польша не удержала его какъ ученіе вселенской православной каѳолической Церкви, но позволила совратить себя въ латинство, т. е. примкнула къ римской Церкви въ эпоху крайняго ея нравственнаго упадка, въ моментъ ея несогласія съ православною Церковью и отщепенства своего отъ нея. Разъ вступивъ на путь папизма, Польша всѣми силами содѣйствовала укрѣпленію свѣтской власти папы и стала его невольницей. Защищая интересы папства, Польша поистинѣ стала „plus catholique que le pape“.

Вѣра во Христа замѣнилась у поляковъ вѣрой въ папу. Мы заключаемъ это изъ того, что апостолы учили познавать и усвоивать вѣру Христову путемъ чтенія Священнаго Писанія; римская же Церковь воспрещаетъ своей паствѣ чтеніе Евангелія и приказываетъ вѣрить въ ученія своего духовенства, вслѣдствіе чего поляки пришли къ заключенію, что папа — святой, непогрѣшимый намѣстникъ Бога на землѣ, и что они должны быть послушны ему, а не Евангелію.

Латинское духовенство учитъ: „Священное Писаніе *недостаточно ясно* и часто непонятно для познанія пути ко спасенію; поэтому необходимо, чтобы его излагала святая Церковь, которая является матерью христіанъ. Помимо изложенія служителями Церкви, *никто не долженъ читать священное писаніе*; читать его можно лишь съ вѣдѣнія и съ разрѣшенія подлежащаго духовнаго лица; неодобренныхъ духовною властью библій, особенно же переводовъ на новые языки, никто не долженъ брать въ руки подъ страхомъ проклятія. Лучше не читать библіи. Библейскія общества прокляты“...

Священное же Писаніе, а, согласно ему, и христіанская Церковь учитъ: „И яко измлада Священная Писанія умѣсти, могущая тя умудрити во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ“ (2 Тим. III, 15). „Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину; ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ“. (Іоаннъ, XVI, 13).

„Вѣрь своему священнику“—говоритъ латинянинъ. „Вѣрь священному Писанію“—учитъ христіанская Церковь. „Заклинаю васъ“,—говоритъ своей паствѣ Іоаннъ Златоустъ, „дабы вы какъ можно ревностнѣе занимались чтеніемъ Священнаго Писанія“ (Бесѣда 29). Далѣе Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Каждый вѣрующій въ Христа *можетъ* и *обязанъ* по возможности сравнивать проповѣдуемыя ему ученія съ ученіемъ Церкви; слѣпая же вѣра въ слова духовенства, іерархіи, клира, догматическое равнодушіе и невмѣшательство въ изложеніе Священнаго Писанія, Церковь *осуждаетъ,* а не похваляетъ. Говоря другими словами, Церковь признаетъ и считаетъ необходимою свободу сужденія объ ученіяхъ духовенства, но судя не только съ точки зрѣнія личнаго разумѣнія или чувствованія, но съ точки зрѣнія Священнаго преданія и Священнаго Писанія, открытыхъ и доступныхъ всѣмъ“.

Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: „Не довѣряй тому, что я говорю, пока не найдешь доказательства моихъ словъ въ Священномъ Писаніи“. „Не вѣрь моему ученію—ибо, быть можетъ, ошибаешься—пока не убѣдишься у пророковъ, не вѣрь тому, что я говорю. Не основывайся на свидѣтельствѣ человѣка“. „Не принимай участія въ томъ и не подражай тому, что теперъ проходитъ передъ твоими глазами, но слѣдуй тому, что находится въ Священномъ Писаніи, дабы ты,—когда я, учащій тебя, былъ бы осужденъ—не погибъ вмѣстѣ со мной: и ученикъ можетъ стать выше учителя“.

Всѣ эти евангельскія истины недоступны для поляковъ; но, несмотря на это, они воображаютъ, что лишь они—истинные христіане.

Поэтому старшимъ братьямъ въ славянской семьѣ надлежитъ сдѣлать Римъ безвреднымъ для поляковъ, не давая ему излишней свободы въ уличныхъ демонстраціяхъ, и этимъ прійти на помощь польско-славянскому Обществу, образованному съ цѣлью вырвать польское славянское племя изъ римскаго ига. Это Общество, основанное благомыслящими поляками, пройдя тяжелыя испытанія, благодаря вызванному Римомъ возстанію, насчитываетъ значительное число членовъ въ Царствѣ Польскомъ, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и за границей. Первое собраніе отдѣловъ Общества происходило въ іюнѣ 1876 года въ Бреславлѣ, куда съѣхалось изъ Праги Чешской, Познани, Кракова и Львова около двадцати секретарей или предсѣдателей отдѣловъ Общества, утвердившихъ слѣдующіе параграфы устава Общества: „I. Къ числу членовъ патріотическаго религіозно-общеславянскаго Общества принадлежатъ только лица, дѣйствительно славянскаго происхожденія, т.-е. носящія славянскія фамиліи—и только порядочные и почтенные люди; поэтому лицо, совершившее какой-либо неблаговидный поступокъ, тѣмъ самымъ перестаетъ принадлежать къ составу Общества. II. Честнымъ и уважаемымъ славяниномъ называется лишь тотъ, кто ни въ чемъ не нарушитъ шести правилъ нашего Общества, именно: а) Твоимъ Богомъ будетъ только Творецъ всѣхъ міровъ, всѣхъ людей и всѣхъ вещей; б) не пріемлешь имени Создателя твоего всуе; в) не будешь самовольно соблюдать никакихъ ватиканскихъ распоряженій; г) не будешь обижать твоихъ родителей; д) не убьешь никогда славянина, иначе, какъ защищая свою жизнь; е) не обидишь никогда никого и не возьмешь никогда ничего ни у кого. III. Цѣли Общества: 1) славянская и христіанская проповѣдь полнаго согласія и союза или братства чеховъ, ляховъ и литовцевъ съ руссами и со всѣми славянами въ пользу гегемоніи славяно-руссовъ, главнымъ образомъ, противъ германизма, какъ источника германизаціи; 2) устраненіе вредныхъ послѣдствій дѣятельности враговъ этой проповѣди; 3) *препятствованіе всякимъ возстаніямъ и войнамъ славянъ противъ славянъ.* 4) ревностное увеличеніе числа отдѣловъ нашего патріотическаго, религіозно-общеславянскаго Общества. IV. Членами отдѣловъ нашего Общества могутъ быть также и женщины, но, равнымъ образомъ, лишь истинныя славянки, т.-е. носящія славянскія фамиліи, и, равнымъ образомъ, лишь почтенныя и уважаемыя женщины, и только замужнія, поэтому, если бы которая-либо изъ женщинъ, принадлежащихъ къ нашему союзу, совершила какой-либо неблаговидный поступокъ, то тѣмъ самымъ перестала бы принадлежать къ составу Общества“.

Вышепоименованные параграфы этого статута во всѣхъ отношеніяхъ одинаково обязательны какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ; однако, женщины никогда не будутъ обладать правомъ участвовать въ публичныхъ засѣданіяхъ; имъ предоставляется лишь право участія въ частныхъ собраніяхъ и въ дѣятельности отдѣловъ Общества.

До какой степени ксендзы и клерикалы сбиваютъ съ толку поляковъ, ясно свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

Ксендзъ Петръ Лукасевичъ изъ Янова-Люблинскаго написалъ въ петербургскій „Kraj“ (№ 48 за 1896 г.) письмо, которое и приводимъ въ переводѣ:

„Уважаемый г. Редакторъ! Каждый разъ, какъ русскія газеты касаются нашихъ отношеній,—всегда главнѣйшимъ препятствіемъ къ установленію modus vivendi выставляютъ католическое духовенство. Представляя вещи несогласно съ правдой или основывая свои сообщенія на непровѣренныхъ или ложныхъ слухахъ, гг. корреспонденты вводятъ въ обманъ общественное мнѣніе въ Россіи и настраиваютъ его самымъ невыгоднымъ образомъ противъ нашей Церкви и ея слугъ.

„Въ видѣ примѣра укажу на „Польскія впечатлѣнія“ г. Old Gentleman'a, написанныя съ несомнѣннымъ талантомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безусловно пристрастныхъ.

„Г. Old Gentleman приводитъ два факта, якобы доказывающихъ враждебное отношеніе ксендзовъ ко всему русскому и православному. Въ этомъ заявленіи нѣтъ ничего новаго, однако, не могу обойти его молчаніемъ, опасаясь, что, несмотря на свою глаза рѣжущую неправдоподобность, оно можетъ быть принято иными на вѣру.

„У меня нѣтъ подъ рукой статистическихъ данныхъ относительно того, сколько русскихъ живетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; знаю только, что теперь ихъ тамъ много, но не слыхалъ я, чтобы кто-либо изъ нихъ долженъ былъ искать прислугу въ Россіи; вся почти женская прислуга у нашихъ русскихъ состоитъ изъ полекъ и католичекъ. Далѣе; ни одна служанка не обязана исповѣдываться въ томъ, что служитъ у русскаго, ибо опять-таки ни одинъ законъ Божескій или церковный не почитаетъ этого за грѣхъ. Мнѣ весьма интересно было бы узнать, откуда офицеръ С. могъ узнать что говорилъ во время исповѣди его служанкѣ ксендзъ. Любовную связь замужней женщины съ постороннимъ мужчиной христіанская этика нравственною признать не можетъ; а будетъ-ли ея любовникомъ православный офицеръ или католикъ, или кто-либо другой—это совершенно безразлично, и каждый священникъ обязанъ наказывать и порицать грѣшную душу. Очевидно, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ местью обманутаго любовника.

„Но для меня важны не одни эти факты; я хотѣлъ бы вооружиться гражданскимъ мужествомъ и отъ имени католическаго духовенства выразить наши стремленія и цѣли и отношеніе къ русскому обществу и государству.

„Я знаю стремленія моихъ товарищей,—они различны, но не противоположны. Мы поляки, католики, священнослужители. Эти три названія, кажется, точно опредѣляютъ наши убѣжденія. Какъ поляки мы стараемся сохранить свою національность въ себѣ и своихъ собратьяхъ. Этимъ, надо полагать, мы не совершаемъ преступленія, не обижаемъ этимъ родственнаго русскаго народа, съ которымъ Провидѣніе и исторія судили намъ жить вмѣстѣ. Какъ католики, мы стараемся соблюсти чистоту вѣры и нравовъ въ сердцахъ тѣхъ, которые получили эти блага отъ своихъ праотцевъ.

„Покушеніе на совѣсть человѣка, по нашему убѣжденію является преступленіемъ, которое осудилъ бы Всевышній. Мы не желаемъ новыхъ пріобрѣтеній для нашей Церкви путемъ насилія и нетерпимости. Мысль о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ—это созданіе не наше, но Божіе. Исходя изъ христіанской точки зрѣнія, только любовью можно идти къ этой цѣли. А какъ католическіе священнослужители? О, тутъ сказать можно было бы много. Мы—пастыри душъ и руководители того народа, который волей Божіей утратилъ самостоятельность. Мы хотимъ счастья для этого народа, но о счастьѣ всѣхъ подданныхъ, говорится намъ съ высоты Престола. Въ мысли этихъ Всемилостивѣйшихъ словъ учимъ мы народъ дисциплинѣ и подчиненію властямъ и часто повторяемъ: „воздайте Кесарево Кесареви, а Божіе—Богу“.

„Прошли времена мечтаній, и мы священники, наравнѣ съ политическими дѣятелями, понимаемъ, что, по многимъ соображеніямъ, самостоятельное существованіе польскаго народа невозможно. Мы любимъ справедливость и къ ней стремимся любовью и надеждой“.

Вышеприведенное письмо не является выраженіемъ единичнаго мнѣнія; ксендзъ Лукасевичъ, по его словамъ, говоритъ отъ имени католическаго духовенства. Вотъ почему мы не можемъ обойти его письмо молчаніемъ, ибо мы далеко не убѣждены ксендзомъ Лукасевичемъ въ ложности заявленія, что „главнѣйшимъ препятствіемъ для modus vivendi является католическое духовенство“. Мы помѣстили бы наше возроженіе въ самомъ журналѣ „Kraj“, если бы журналъ этотъ не придерживался похвальнаго пра-

вила, принятаго всей польской публицистикой не помѣщать у себя никакихъ не только возраженій, но и указаній на возроженія на ихъ брехню.

Ксендзъ Лукасевичъ въ видѣ опроверженія приводитъ фактъ, что у всѣхъ русскихъ, живущихъ въ Царствѣ Польскомъ, въ услуженіи находятся почти исключительно „польки и католички"; жаль, что онъ не посчиталъ сколько полекъ и католичекъ служитъ у евреевъ въ мамкахъ, хотя католическое каноническое право этого не допускаетъ. Что законы Божескіе не воспрещаютъ служитъ у православныхъ — въ этомъ никто не сомнѣвается, но римское Церковное право держится другого мнѣнія на этотъ счетъ, и надо удивляться, что ксендзъ Лукасевичъ объ этомъ не знаетъ, хотя хорошо знаетъ ксендзъ Бѣлякевичъ и другіе, ему подобные...

Посмотримъ, что говоритъ д-ръ Эдуардъ Ритнеръ въ своемъ курсѣ каноническаго католическаго права, изданномъ во Львовѣ въ 1879 году [1]): „Булла апостольской столицы отъ 12 октября 1869 года: *Проклятію latae sententiae, составляющему особенную прерогативу римскаго папы, подлежатъ: 1) всѣ отступники отъ вѣры христіанской и всѣ еретики, всякаго наименованія, всякой секты, вѣрящіе имъ, принимающіе ихъ, сочувствующіе имъ и ихъ защищающіе какимъ бы-то ни было образомъ. Схизматики и тѣ, которые уклоняются отъ послушанія римскому папѣ и упорно отступаются отъ него*".

„Подобное проклятіе является полнымъ исключеніемъ изъ Церковнаго общенія и заключаетъ въ себѣ запрещеніе всякаго общенія съ проклятымъ, даже въ отношеніяхъ повседневной жизни; въ силу этой буллы *католикамъ нельзя служить у православныхъ*" [2]).

Фридрихъ Шультце въ своей книгѣ: „Каноны и декреты Тридентскаго собора" говоритъ [3]): „Дѣйствительны-ли браки, заключенные между католиками и схизматиками въ присутствіи православнаго священника? 30 марта 1669 года Святая Конгрегація, основываясь на § 24 декрета Тридентскаго собора, отвѣтила на вопросъ этотъ отрицательно; католическое, а слѣдовательно и польское духовенство считаетъ подобные браки незаконными и недѣйствительными, называя ихъ „сожительствомъ". На какомъ же это законѣ Божескомъ основывается это положеніе, имѣющее весьма важное значеніе для поляковъ и русскихъ? Отчего этого не объяснилъ намъ ксендзъ Лукасевичъ?

Авторъ вышеприведеннаго письма говоритъ: „Мнѣ интересно было бы знать, откуда офицеръ С. освѣдомленъ, что говорилъ его служанкѣ на исповѣди ксендзъ". Удивительно, что католическому священнослужителю не извѣстно, что тайна исповѣди обязательна для духовника, но не для кающагося; сама служанка, точно также, какъ много другихъ исповѣдующихся, могла разсказать безо всякаго стѣсненія, чему учатъ во время исповѣди католическіе ксендзы своихъ духовныхъ дѣтей относительно ихъ отношенія къ православнымъ. Какъ ксендзы подчасъ поступаютъ съ кающимися прихожанками видно, между прочимъ, изъ громкаго дѣла ковенскаго ксендза Бѣлякевича.

Ксендзъ Лукасевичъ говоритъ: „Любовную связь замужней женщины съ постороннимъ мужчиной христіанская этика нравственною признать не можетъ; а будетъ-ли ея любовникъ православный офицеръ или католикъ — это совершенно безразлично, и каждый священникъ обязанъ наказывать и порицать грѣшную душу". Мы со своей стороны прибавимъ, что такъ поступаютъ не только римско-католическіе ксендзы; православное духовенство и каждый нравственно воспитанный человѣкъ осуждаетъ подобную связь; однако римско-католическое духовенство, со времени установленія целибата, ввело обычай содержанія у себя такъ называемыхъ *„хозяекъ"*, дѣвушекъ, вдовъ, а иногда и замужнихъ женщинъ, въ кругъ обязанностей коихъ входитъ и любовная связь съ хозяиномъ-ксендзомъ. Такимъ образомъ, защищая принципъ целибата, католическіе

---

[1]) Томъ II, стр. 119.

[2]) Ibid. T. II, стр. 103.

[3]) Лейпцигъ, 1853 г., стр. 291.

ксендзы развращаютъ чужихъ дочерей и женъ, даютъ дурной примѣръ народу, о чемъ слѣдовало бы помнить ксендзу Лукасевичу. Если польское католическое духовенство стремится устранить послѣдствія, то пусть сперва старается уничтожить причины, начиная реформу съ самого себя.

Ксендзъ Лукасевичъ говоря: „Мысль о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ, это не наше, это Божіе твореніе“, слишкомъ смѣло приписываетъ этотъ принципъ исключительно польскому католическому духовенству; и мы, православные, вѣримъ въ эту истину, и мы стремимся къ тому, чтобы было едино стадо и единъ пастырь; но мы признаемъ единство Церкви, Главою и Пастыремъ коей является самъ Іисусъ Христосъ; исполнителями Его намъ на землѣ является духовенство, епископы, архіепископы, патріархи, вселенскіе соборы; поэтому мы смѣло можемъ сказать: „это не наше, это Божіе установленіе“. Римско-католическое духовенство, а въ числѣ его и польское, считаетъ верховнымъ главой и пастыремъ своей Церкви римскаго папу; постановленія же вселенскихъ соборовъ девяти первыхъ вѣковъ христіанства убѣждаютъ насъ въ томъ, что принципъ римскихъ католиковъ является отнюдь не Божіимъ установленіемъ, а людскимъ измышленіемъ, порожденнымъ гордыней римскихъ епископовъ во вредъ единству вѣры и Вселенской Церкви.

Ксендзъ Лукасевичъ, говоря отъ имени всего польскаго духовенства, съ гордостью заявляетъ: „мы поляки, католики, священнослужители“; какъ таковые они-де поддерживаютъ свою національность, чистоту вѣры и нравовъ, хотятъ счастья для народа и т. д.

На всѣ эти заявленія мы отвѣтимъ, ксендзу Лукасевичу и его довѣрителямъ, что они или не знаютъ исторіи, или же расходятся съ истиной. Ибо исторія представляетъ намъ неопровержимыя доказательства того, что, со времени введенія въ Польшѣ римскаго католицизма, тамошнее духовенство не отличалось ни патріотизмомъ, ни блистало чистотой вѣры и нравовъ, а менѣе всего заботилось о счастьѣ польскаго народа. Оно служило всегда послушнымъ орудіемъ въ интригахъ римскихъ папъ, дѣйствуя въ ихъ пользу и во вредъ своей странѣ. Польское духовенство несправедливо обвиняетъ Провидѣніе въ томъ, что оно лишило поляковъ самостоятельности, Провидѣніе, по ученію вѣры, не способствуетъ паденію народовъ, особенно каѳолическихъ и христіанскихъ; народы погибаютъ отъ несогласій, отъ дурныхъ нравовъ, развращенности и интригъ, гордыни человѣческой. Что касается Польши, то во всѣхъ этихъ причинахъ главную роль играло польское и вообще католическое духовенство подъ руководствомъ римскихъ папъ. Различные изслѣдователи стараются доискаться причинъ паденія Польши; мы утверждаемъ, что паденіе Польши было вызвано польско-католическимъ духовенствомъ съ папами во главѣ.

Во избѣжаніе обвиненія насъ въ голословности, мы независимо отъ вышеприведеннаго письма ультрамонтана. назовемъ факты, основываясь на источникахъ, приводимыхъ польскимъ же духовенствомъ, оставляя въ сторонѣ труды весьма почтенныхъ свѣтскихъ историковъ, которыхъ ксендзы могли бы обвинить въ партійности. Обратимся прежде всего къ книгѣ ксендза Ѳеодора Островскаго: „Исторія и право Польской Церкви“ [1]), одобренной римско-католическою духовною цензурой и поэтому не могущею быть обвиненною въ непріязненности къ римскому духовенству.

По словамъ ксендза Островскаго [2]), Польша приняла христіанство при Мечиславѣ I въ 965 году *по латинскому обряду*. Исторія, однако, доказываетъ, что христіанство было введено въ Польшѣ значительно раньше и *по восточному обряду*. Свв. славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій еще въ 820 году проповѣдовали ученіе

[1]) „Dzieje i prawa Kościoła Polskiego“. Варш. 1793.
[2]) Id. Т. 1, стр. 52.

Христово среди славянъ, а именно среди чеховъ и моравовъ, а одновременно и среди поляковъ.

Ксендзъ Островскій говоритъ, что „смежные съ моравами поляки, еще болѣе сближаемые сходствомъ языковъ, способствовали распространенію святой вѣры въ своихъ предѣлахъ“. Тотъ же авторъ замѣчаетъ, что чехи, преслѣдуемые нѣмцами, часто искали убѣжища въ Польшѣ; будучи христіанами и придерживаясь славянскаго обряда, они пользовались полною свободой исповѣданія въ Польшѣ и распространяли его между поляками. Далѣе названный авторъ говоритъ [1]), что „священники, которыхъ привезла съ собой изъ Чехіи Домбровка, не встрѣтили особаго труда къ наученію Мечислава и всѣхъ, готовившихся вмѣстѣ съ нимъ къ принятію святой вѣры, начальнымъ правиламъ христіанства, ибо еще до этого и Мечиславъ, и весь его дворъ, были имъ научены пребывавшими въ столицѣ христіанами. Мечиславъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ и многими своими подданными, принялъ крещеніе 5 марта 965 года отъ (православнаго) чешскаго священника Боговида; воспріемникомъ его былъ Добѣславъ Перштейнъ, чешскій магнатъ и маршалъ двора Домбровки.

Далѣе [2]) ксендзъ Островскій пишетъ: „Еще въ языческія времена въ Краковѣ былъ построенъ моравами первый христіанскій храмъ. Послѣ принятія Мечиславомъ христіанства въ этой святынѣ совершалось богослуженіе, какъ новообращенными поляками, такъ и моравами“.

По словамъ того же автора: „орденъ бенедиктинцевъ былъ уже давно извѣстенъ въ Мальтѣ, ибо, помимо того, что древнѣйшіе апостолы сѣверныхъ славянъ, каковыми были около 830 года св. Азгаръ, а за нимъ св. Кириллъ и Меѳодій, но и посланный ими на проповѣдь изъ Чехіи къ польскимъ границамъ Виcногъ, принадлежали къ этому же ордену“.

„Владиславъ Ягелло построилъ на Клепажѣ, въ Краковѣ, монастырь и церковь для бенедиктинцевъ; всѣ церковныя службы, по примѣру Чехіи, совершались тамъ на славянскомъ языкѣ“ [3]).

Вышеприведенные историческіе факты ясно доказываютъ, что христіанство было введено въ Польшѣ значительно раньше 965 года и что первоначально языкомъ христіанскаго богослуженія въ Польшѣ былъ не латинскій языкъ, что нужно сказать и объ обрядѣ; св. Кирилломъ и Меѳодіемъ здѣсь былъ введенъ восточный обрядъ; апостолы Польши: Азгаръ, свв. братья Кириллъ и Меѳодій, названный выше Виcногъ, а затѣмъ присланные изъ Чехіи священники — всѣ принадлежали къ восточной Церкви и точно придерживались славянскаго обряда.

Ксендзъ Островскій умалчиваетъ въ своемъ сочиненіи о томъ, что случилось далѣе и какимъ образомъ славянскій обрядъ долженъ былъ уступить латинскому. Намъ извѣстно, однако, на основаніи историческихъ данныхъ, что, послѣ отпаденія Рима отъ православной каѳолической Церкви, подъ давленіемъ Запада вообще и папства въ частности, православно-славянскій обрядъ въ Польшѣ долженъ былъ упасть, и на его развалинахъ возвеличился обрядъ латинскій. Какія же выгоды, какія послѣдствія для поляковъ принесли латинскій обрядъ и папское вліяніе? Римское духовенство, распространяя между различными народами ученіе святой вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ облагало обращенные народы налогами въ свою собственную пользу и въ пользу римской куріи; налоги эти назывались „десятиною“.

Ксендзъ Островскій [4]) говоритъ, что Мечиславъ „кромѣ движимаго и недвижимаго

---

[1]) Т. I, стр. 59.
[2]) Т. I, стр. 81.
[3]) Ibid. Т. II, стр. 438.
[4]) Ibid. Т. I, стр. 70.

имущества, подареннаго костеламъ, присвоилъ имъ право взиманія десятины. Подъ десятиной понимался каждый десятый снопъ всякаго хлѣба; впослѣдствіи хлѣбъ въ снопахъ былъ замѣненъ зерномъ, а затѣмъ и денежными взносами. Кромѣ того, въ составъ десятиннаго сбора въ пользу костеловъ входили: медъ, продукты охоты и рыбной ловли, продукты домашняго хозяйства и т. д.".

Польскій народъ съ момента принятія христіанства по латинскому обряду не только былъ принужденъ выплачивать *десятину* мѣстному духовенству, но, кромѣ того, его угнетали всевозможными поборами въ пользу папъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ ксендзъ Островскій [1]): „Папа Иннокентій IV, по настоянію польскаго посольства, жаловавшагося на римскаго короля Вильгельма, предъявлявшаго права на Польшу,—писалъ своему легату Мезано, находившемуся тогда въ Польшѣ, что польскіе князья, подчиненные со времени принятія св. вѣры апостольской столицѣ, и въ этомъ смыслѣ уплачиваютъ ей дань подъ названіемъ лепты св. Петра; онъ, т. е. легатъ, долженъ защищать ихъ отъ всякихъ насилій, т. е. инвеституръ, налоговъ или захватовъ, кѣмъ бы то ни задуманныхъ, отъ имени апостольской столицы". Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что Польша по принятіи латинскаго обряда утратила свою самостоятельность и стала ленницею папъ; вслѣдствіе этого возникали недоразумѣнія между свѣтскими сословіями и духовенствомъ. Тотъ же авторъ [2]) говоритъ: „Къ числу причинъ, вооружившихъ польское общество противъ духовенства въ XIII вѣкѣ, относится еще „экзакція", т. е. вымогательство, подъ видомъ добровольныхъ приношеній, введенное папскими легатами. Чуть-ли не съ момента введенія въ Польшѣ католической вѣры установился тамъ обычай, по которому каждый житель Польши долженъ былъ уплачивать ежегодно грошъ и мѣрку овса на освѣщеніе гробницы св. Петра; замѣтимъ, что грошъ имѣлъ въ то время другую стоимость, чѣмъ нынѣ; да къ тому же неизвѣстно, былъ-ли это грошъ мѣдный или серебряный.

„Съ теченіемъ времени папскій престолъ сталъ считать обязательною данью то, что по самой природѣ своей носило характеръ милостыни; и въ этомъ горделивомъ сознаніи, папы угрожали отлученіемъ (напр., Иннокентій III Лешку Бѣлому въ 1207 году) за фальшивый или несвоевременно опущенный въ кружку грошъ. Вызывали среди народа неудовольствіе также требованія чрезвычайныхъ денежныхъ подкрѣпленій, за которыми Римъ обращался въ XIII вѣкѣ весьма часто, напр., Климентъ III въ 1189 году черезъ легата Малбранка, Иннокентій IV — при посредствѣ легата Іакова, Климентъ IV—въ 1267 году при посредствѣ кардинала Гвидо".

Если мы прибавимъ ко всему этому подаренныя духовенству земли и деревни, а епископамъ цѣлыя волости; если мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ помѣстья и земли, принадлежавшія латинскому духовенству въ Польшѣ, были освобождены отъ податей и какихъ бы то ни было государственныхъ налоговъ ,— тогда мы поймемъ, какія тяготы лежали на массѣ народонаселенія послѣ введенія въ Польшѣ латинскаго обряда.

Ксендзъ Островскій [3]) утверждаетъ, что Мечиславъ передалъ въ собственность апостольской столицѣ часть Польши съ городомъ Гнѣзно. Поэтому-то польскій народъ неоднократно возмущался противъ возложенія на него подобнаго бремени. Самъ авторъ цитируемаго нами труда пишетъ [4]): „Въ 1020 году дурной примѣръ сосѣдей-саксонцевъ, которые подъ предлогомъ тягости для себя *десятины*, нѣсколько разъ отступали отъ католицизма и возвращались къ язычеству, подѣйствовалъ на умы многихъ польскихъ пановъ. Они полагали, что обязанность уплачивать десятину духовенству, вы-

[1]) Ibid. Т. II, стр. 163.
[2]) Ibid. Т. II, стр. 219.
[3]) Ibid.Т. I, стр. 200.
[4]) Т. I, стр. 73.

текавшая изъ принятія ихъ отцами католицизма, устранится съ удаленіемъ ихъ изъ Церкви. Съ этою цѣлью они отказываютъ Церкви въ повиновеніи, возвращаются къ поклоненію прежнимъ своимъ идоламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаютъ выплату Церкви десятины. Это было первое въ Польшѣ столкновеніе между свѣтскими классами и духовенствомъ".

Какіе результаты для Польши вызвалъ подобный образъ дѣйствій польско-латинскаго духовенства и какъ — объ этомъ картинно говоритъ намъ авторъ.

Ксендзъ Островскій говоритъ [1]), что различіе въ вѣрѣ влечетъ за собой различіе въ убѣжденіяхъ и понятіяхъ: „disparitas cultus diversitatem inducit animarum". Если же латинское духовенство руководствовалось и продолжаетъ руководствоваться подобными принципами, то развѣ возможно нынѣ удивляться, что представители другихъ исповѣданій и правительства не очень-то хотятъ, чтобы подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ монарха находили пріютъ и полную равноправность исповѣданія, не принадлежащія къ господствующей религіи.

По словамъ ксендза Островскаго, латинское духовенство гордится тѣмъ, что въ царствованіе польскихъ королей Михаила и Яна были изданы законы, не допускавшіе принятія въ составъ шляхетскаго сословія иновѣрцевъ и воспрещавшіе грекамъ, т. е. православнымъ, путешествія въ Константинополь и переписку съ тамошнимъ патріархомъ.

Какой бы вопль подняли латинскіе ксендзы, если бы издано было русскимъ правительствомъ распоряженіе, ограничивающее ихъ корреспонденцію съ папами и римскими кардиналами. Тотъ же авторъ [2]) говоритъ, что *основаніе и прочность внутренняго мира зиждется на усиленіи правъ и привилегій господствующей религіи.*

Если таковы принципы римской Церкви и ея сторонниковъ, — то отчего же это польское духовенство жалуется въ настоящее время на то, что въ Россіи православная вѣра, какъ господствующая, требуетъ для себя правъ и привилегій; вѣдь это требованіе вполнѣ согласно, какъ мы только что видѣли, съ принципами и воззрѣніями латинской Церкви и ея духовенства.

„Въ царствованіе короля Августа III борьба между властью свѣтскою и духовною, на поприщѣ разграниченія правъ каждой изъ нихъ, грозила полнымъ разрывомъ между духовнымъ и другими сословіями. Въ особенности свѣтская власть протестовала противъ нарушенія правъ и привилегій короны и Рѣчи Посполитой, выражавшихся въ произвольномъ, безъ согласія королевской власти, распоряженіи церковными назначеніями; духовныя магистратуры беззаконно привлекали къ своему суду гражданъ, чѣмъ непомѣрно распространяли свою юрисдикцію. Особенно же рѣзкія нареканія раздавались противъ папскихъ нунціевъ, посягавшихъ на авторитетъ и достоинство правительственной и церковной національной власти; свѣтскіе классы польскаго населенія требовали, чтобы власть и прерогативы нунція были опредѣлены и ограничены въ предѣлахъ, установленныхъ въ другихъ государствахъ; подобныя заявленія были письменно формулированы въ 1736 году".

Всѣ приведенные выше факты почерпнуты изъ сочиненія польскаго католическаго священнослужителя изъ сочиненія, одобреннаго высшею духовною католическою властью, должны легко убѣдить каждаго въ томъ, что польско-католическое духовенство латинскаго обряда никогда не отличалось ревностью истинно христіанской вѣры, не служило для народа примѣромъ нравственности и добродѣтельной жизни; что, забывъ о смиреніи Христа, которому должно было подражать въ своей жизни, польское духовенство стремилось къ богатству и внѣшнему блеску; что же касается патріотизма, то въ польскомъ духовенствѣ трудно доискаться и слѣдовъ его. У польскаго духовенства

[1]) Ibid· T. III, стр. 597.
[2]) Ibid. T. III, стр. 611.

на первомъ планѣ всегда стояли личные интересы, затѣмъ первымъ его отечествомъ являлся Римъ, ради котораго оно жертвовало достояніемъ родной земли и родного народа. Отсюда возникали въ Польшѣ столкновенія и несогласія, вызывавшія измѣну странѣ, а въ концѣ концовъ, и полное ея паденіе.

Быть можетъ, ксендзъ Лукасевичъ вмѣстѣ съ тѣми, отъ имени коихъ онъ выступалъ, отвѣтитъ намъ, что такъ было прежде, но что этого нѣтъ теперь. Мы смѣло возразимъ ему на это, что польское духовенство и нынѣ не измѣнило своимъ принципамъ, какъ не измѣнились принципы римскаго папства. Если, на первый взглядъ мы можемъ предположить улучшеніе въ строѣ римско-католическаго духовенства, то это, что касается польскихъ ксендзовъ, не ихъ заслуга; измѣнившіяся обстоятельства и сильная рука правительства не позволяютъ имъ показаться въ истинномъ своемъ свѣтѣ, открыть—кто они и кѣмъ хотятъ быть.

Если бы минувшія времена возвратились, то мы отнюдь не сомнѣваемся въ томъ, что и представители польскаго латинскаго духовенства не преминули бы проявить свои вѣковые принципы и вожделѣнія и стали бы на ту же почву, принялись бы за ту же дѣятельность, которая красною нитью проходитъ черезъ всю исторію Польши, съ момента ея измѣны родной православной Церкви и славянству.

Противъ клерикализма выступила въ новѣйшее время даже часть варшавской польской печати, почти цѣликомъ служащей слѣпо и рабски воинствующему католицизму; въ газетѣ „Glos“ въ нумерахъ отъ 16 и 25 октября 1886 года была помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Панскій клерикализмъ и народная вѣра“. Вотъ эта статья in extenso:

„Не было и нѣтъ на свѣтѣ ни одной возвышенной идеи, блескъ которой не послужилъ бы для освѣщенія людского эгоизма, въ теплѣ которой не возрасталъ бы червь себялюбивыхъ стремленій. Если бы исторія разсказала простачкамъ объ истинныхъ побужденіяхъ и принципахъ, которые другъ другу, въ тихомолку повторяютъ ея главные дѣятели, то тогда, быть можетъ, очевиднымъ стало бы, во имя чего провозглашаются лозунги и принципы, связываемые съ ея именемъ. Зная, что отъ исторіи подобныхъ доказательствъ искренности мы не дождемся, попытаемся сами освѣтить и анализировать одинъ изъ этихъ принциповъ.

„Тысячу лѣтъ тому назадъ польскій народъ облекъ свои идеалы новымъ покровомъ христіанства; перенеся старыхъ боговъ на иной Олимпъ, онъ создалъ для себя новую вѣру, называемую на оффиціальномъ языкѣ католическою религіей. Двадцать лѣтъ тому назадъ польскіе паны создали свойственную имъ католическую политику, настоящее имя коей — клерикализмъ. Какая разница между католическимъ вѣрованіемъ народа и политическимъ католицизмомъ пановъ, какимъ значеніемъ въ нашей общественной жизни обладаетъ то и другое, насколько правильны господствующіе у насъ взгляды на это дѣло—вотъ вопросы, на которые мы попытаемся найти отвѣты.

„Ни для кого не представляетъ тайны (хотя совѣстливость нашей логики и прикрывается тутъ тайной), какое значеніе придаютъ наши политики католической религіи; ихъ принципъ выражается въ трехъ словахъ: католицизмъ — это полонизмъ, это воззрѣніе, отказывающее въ принадлежности къ „полщизнѣ“ пяти стамъ тысячамъ прусскихъ мазуровъ и т. д., заслуживало бы еще извѣстнаго снисхожденія, если бы не то, что клерикализмъ—вовсе не религія, и что онъ принадлежитъ къ явленіямъ, подкапывающимъ и разрушающимъ религію. Мы разсмотрѣли клерикализмъ, съ точки зрѣнія философіи, политики и практическихъ его результатовъ, изслѣдуемъ его отношеніе къ народной вѣрѣ и къ взглядамъ нашего лагеря.

„Религіозная политика является отчасти осуществленіемъ воззрѣній Шеллинга и Гегеля, которые заявляли, что народность концентрируется и выражается въ религіи. Въ этомъ ученіи кроется принципіальная ошибка, которую рѣшительно опровергаетъ,

какъ современная наука, такъ и исторія. Ненаучность этого взгляда прежде всего вытекаетъ изъ опущенія главнаго фактора общественной жизни—развитія (эволюціи). Религія первобытныхъ народовъ и мало развитыхъ классовъ заключаетъ въ себѣ, дѣйствительно, зародыши всѣхъ рѣшительно факторовъ народной жизни: понятія ея о Богѣ и мірѣ являются источникомъ позднѣйшихъ наукъ, наиболѣе отвлеченныхъ; велѣнія этики служатъ первообразомъ государственныхъ законовъ и установленій; религіозные обряды являются воплощеніемъ древнѣйшихъ обычаевъ, языкъ ея священниковъ и боговъ служитъ языкомъ народнымъ; молитва—предшественница поэзіи; украшеніе святынь — одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ пластическаго искусства; религіозные гимны — почти единственное выраженіе первобытной музыки и пѣнія. Однако весьма рано наблюдаемъ мы въ общественной жизни обособленіе отдѣльныхъ звеньевъ этой запутанной цѣпи: наука отдѣляется отъ богословія, право находитъ свою санкцію у свѣтской власти; обычный характеръ обрядовъ все болѣе утрачивается; поэзія и изящныя искусства развиваются на иныхъ основаніяхъ. Изъ главнаго фактора народной жизни, сосредочивающаго въ себѣ всѣ ея проявленія, религія становится или чертой ея, столь малозначущею, что можетъ быть даже навязана извнѣ, или, какъ составной элементъ народнаго самосознанія, вовсе не даетъ себя чувствовать. И дѣйствительно, исторія представляетъ намъ образцы одинаково сильнаго и однороднаго напряженія національнаго чувства среди людей, религіозныя представленія и чувства коихъ являются самыми разнообразными и разнохарактерными. Таковъ всеобщій законъ; игнорировать его—значитъ не знать объ основныхъ условіяхъ общественнаго развитія; насиловать его—значитъ приговаривать къ вырожденію наиболѣе развитые классы даннаго общества и тормазить развитіе непросвѣщенныхъ классовъ. Тотъ, кто понимаетъ логику причинъ и слѣдствій, не станетъ требовать отъ насъ здѣсь фактическихъ доводовъ; для тѣхъ же, кто не въ состояніи возвыситься надъ конкретными явленіями, мы все-таки приводимъ нѣсколько примѣровъ.

„Не изъ философіи однако почерпнула польская интеллигенція свою программу; какъ программа политическая—она должна была зародиться и возрасти прежде всего на почвѣ политическихъ отношеній. Приступимъ къ ихъ разбору.

„Нашъ клерикализмъ основываются на легко обнаруживающемся или явномъ признаніи могущества и силы папства; иначе клерикализмъ, какъ система внѣшней политики, становится абсурдомъ. Поэтому было бы желательно заранѣе узнать, насколько положеніе современныхъ международныхъ отношеній благопріятствуетъ развитію этого могущества, во-вторыхъ, если-да, то, въ какомъ именно направленіи. Что касается перваго, то не подлежитъ сомнѣнію, что усилившаяся нынѣ во всѣхъ сферахъ реакція можетъ обращаться, какъ къ приверженцамъ своимъ, къ тѣмъ, кто для возвышенія ея былъ готовъ осквернить память величайшаго защитника угнетенныхъ. Всякій, кто способенъ вглядѣться въ эти отношенія, пойметъ, какъ скоро и какъ печально должна окончиться борьба съ могущественнымъ, хотя иногда и ослабѣвающимъ теченіемъ современной мысли и жизни народовъ. Не велика должна быть сила, призывающая на помощь іезуитовъ; не можетъ быть страшнымъ то могущество, основаніе котораго можно было подкопать уже сто лѣтъ тому назадъ. Но вотъ болѣе важный пунктъ: Какой бы степени ни достигла возвратная волна римскаго абсолютизма, мы можемъ быть увѣрены, что она выброситъ на нашъ берегъ не оливковую вѣтвь, а крокодила. И дѣйствительно: папство, какъ одинъ изъ факторовъ западно-европейской цивилизаціи, на самомъ-то дѣлѣ, находится въ зависимости отъ тѣхъ началъ, которыя стремятся заключить эту цивилизацію въ самыя тяжелыя оковы, зависитъ оно и отъ международнаго значенія Германіи, иначе говоря, зависитъ отъ той силы, которая цѣной нашей безпомощности хочетъ возрасти и, дѣйствительно, возрастаетъ. Сколько разъ ни склонится эта сила къ подножью Ватика, то всегда для того, чтобы захватить тамъ пап-

болѣе тяжелый камень, направляемый затѣмъ на нашу голову. Это замѣчаніе пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что клерикализмъ, какъ политическая система, дѣйствуетъ преимущественно въ Галиціи и Познани, т. е. въ земляхъ, подчиненныхъ германскому владычеству. Поэтому тотъ, кто хочетъ найти въ клерикализмѣ залогъ нашего существованія, кто ищетъ смысла нашего общественнаго самосознанія въ епископскихъ пасторалахъ, тотъ сознательно или безсознательно становится союзникомъ Бисмарковъ, Диндеровъ и т. п. Основательность этого воззрѣнія понятна въ настоящее время лишь для немногихъ; большинство, доведенное до отупѣнія этими союзниками, убѣдится въ правильности его только тогда, когда начатая въ настоящее время Диндеромъ религіозная германизація познанскихъ дѣтей — увѣнчается окончательною побѣдой.

„Можно заранѣе предвидѣть общій характеръ послѣдствій нашей клерикальной политики: считаясь съ требованіями общественнаго развитія, она должна тормазить прогрессъ низшихъ классовъ и стремиться къ регрессу высшихъ; будучи же насиліемъ соціальнаго принципа раздѣленія труда, вводя какъ въ сферу религіи, такъ и въ сферу политики общіе имъ элементы, она должна вызвать замѣшательство въ дѣятельности общественнаго строя, а слѣдовательно и вырожденіе его составныхъ частей. Мы исчислимъ здѣсь главнѣйшія изъ этихъ послѣдствій.

„Клерикализмъ прежде всего отразился на ослабленіи нашихъ религіозныхъ чувствъ, понизилъ у насъ знаніе обще-гражданскихъ обязанностей, подорвалъ связь между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, содѣйствовалъ порчѣ нравовъ среди нашего духовенства, обратилъ насъ въ толпу трусливыхъ существъ, которыхъ поражаетъ ужасомъ одно слово изъ книги, непроштемпелеванной въ сакристіи. Клерикализмъ сдѣлалъ насъ соучастниками всякой реакціи, образовалъ пропасть между нами и духомъ современныхъ обществъ, осквернилъ насъ въ глазахъ тѣхъ, которые самою возвышенною молитвой считаютъ прогрессъ человѣческихъ понятій и чувствованій. Наконецъ, клерикализмъ, какъ насиліе и измѣна лучшимъ нашимъ національнымъ традиціямъ, является тяжелымъ саваномъ, въ которомъ наше общество постоянно задыхается и который даже лучше другихъ выдрессированныя единицы срываютъ съ себя отъ времени до времени. Приглядимся теперь ближе къ этимъ явленіямъ.

Прежде всего коснемся нашихъ религіозныхъ чувствъ. Очевидно, что если клерикальная политика нетолько откроетъ входъ въ Церковь, но призоветъ туда одинаково вѣрующихъ, какъ и тѣхъ, кому приказано прикидываться вѣрующими, коль скоро она позволитъ смотрѣть на религіозныя обряды не какъ на выраженіе соотвѣтствующихъ чувствованій, но какъ атрибутъ политики, коль скоро изъ религіознаго заблужденія она создаетъ національную добродѣтель,—очевидно, что тогда настоящая религіозность должна ослабнуть. Подобное послѣдствіе можетъ быть безразличнымъ для народа, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ мыслителей, даже уменьшительнымъ, когда истекаетъ изъ врожденнаго развитія чувствованій и положительныхъ воззрѣній. Съ другой стороны это послѣдствіе становится источникомъ нравственнаго разложенія всегда, когда недостатокъ истинной вѣры станетъ замѣнять религіозное фарисейство.

„Въ атмосферѣ этого разложенія воспитываются у насъ подростающія поколѣнія, Для „политическаго“ послѣдователя какой-либо религіи невозможно не только быть всегда ревностнымъ, исполнительнымъ ея предписаній, но даже не выдавать себя никогда пренебреженіемъ къ этимъ предписаніямъ. Хорошее или дурное расположеніе духа рюмка вина, неподобающее поведеніе ксендза — вызываютъ изъ устъ выкрашенной въ бѣлый цвѣтъ овечки такія слова и мнѣнія, за которые самый снисходительный священникъ не станетъ отрицать права на адскую награду. Еще легче обманывать пробуждающійся дѣтскій скептицизмъ: отецъ „ходитъ въ другой костелъ или ходитъ въ другое время“, мать молится дома въ виду слабаго своего здоровья дядюшка—„только смѣется“; но съ теченіемъ времени разыгрывать комедію становится все труднѣе, а

юноша, рано познакомившійся съ нею, растетъ среди этого разсадника нравственной фальши и обмана, учится ипокризіи и въ то же время теряетъ уваженіе и любовь къ ипокритамъ. Но тутъ еще не конецъ; есть еще вопросъ гораздо болѣе важный. Наша молодежь, особенно находящаяся вдали отъ очаговъ общественной жизни, не понимая хорошенько ни общихъ причинъ паденія нашей культуры, ни тѣхъ существенныхъ, но все же принимаемыхъ въ доброй вѣрѣ большинствомъ, побужденій нашей клерикальной затхлости, не видя въ ней ничего кромѣ признака безпомощности вымирающаго племени, а въ то же время находя въ другихъ мѣстахъ самыя сильныя проявленія общественнаго знанія и жизни, всѣ увлекательныя стороны не только смѣлыхъ, но и младенчески-безпристрастныхъ ученій; молодежь наша, повторяемъ, на болѣе или менѣе продолжительное время иногда не всегда отвращается отъ нашей убогой цивилизаціи, отъ нашего лѣниваго развитія. Число польскихъ фамилій все больше и больше обогощающихъ иноземную литературу и журналистику, пусть послужитъ доводомъ для тѣхъ, кому мы не можемъ дать болѣе подробныхъ указаній и кто, между тѣмъ, не умѣетъ удовольствоваться логикой сужденій. Представимъ себѣ, на самомъ дѣлѣ, что долженъ чувствовать воспитанный на европейской цивилизаціи, часто изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, юноша-полякъ при видѣ польской газеты. За помѣщенными въ началѣ нумера „церковными извѣстіями", надобности въ коихъ онъ во всякомъ случаѣ не пойметъ, онъ находитъ безобразно расширенный отдѣлъ „театральныхъ извѣстій", дальше— нѣсколько городскихъ сплетенъ, а въ концѣ, если ему приходится имѣть дѣло съ большою консервативною газетой,—видитъ онъ цѣлый рядъ анахроническихъ, отдающихъ средневѣковіемъ похвалъ папской политикѣ галицкихъ или не-галицкихъ станчиковъ. Въ общественномъ мышленіи отсталость ревностно усиливаетъ отвращеніе къ клерикализму. Разладъ, который подъ вліяніемъ этого является у насъ между старымъ и молодымъ поколѣніями—тѣмъ сильнѣе и глубже, что: 1) наши отцы не ставятъ себѣ въ обязанность ознакомиться съ успѣхами проклятаго авгурами знанія; 2) въ силу измѣненія системы воспитанія и усиленія ея требованій, самыя маленькія дѣти пріобрѣтаютъ свѣдѣнія, чуждыя родителямъ; 3) усиливающійся все больше, несмотря на многочисленныя препятствія, демократизмъ эпохи приводитъ въ школу такую молодежь, отцы которой, среди тяжелаго земледѣльческаго или ремесленнаго труда, не могли и мечтать о пріобрѣтеніи знанія.

„Клерикализмъ, какъ мы указывали выше, ослабляетъ у насъ сознаніе общегражданскихъ обязанностей. *Хорошій гражданинъ* для очень многихъ значитъ то же, что *хорошій католикъ.* Явленіе второстепенное становится мало-по-малу главнымъ, а иногда и единственнымъ. Это неизбѣжное послѣдствіе всякаго формализма, необходимое проявленіе всякой неестественной замѣны чувствованій и представленій. Слѣдовательно, у насъ можно быть „павлиномъ и попугаемъ", можно не учить дѣтей ни ихъ родному языку, ни ихъ исторіи; можно мотать заработанныя здѣшнимъ труженникомъ деньги за границей или продавать послѣдній клокъ земли иностранцамъ; можно не имѣть и понятія объ обязанностяхъ по отношенію къ тѣмъ, кто нуждается въ совѣтѣ или наученіи; можно быть полнымъ общественнымъ ничтожествомъ и, вслѣдъ за всѣмъ тѣмъ, за аккуратное ношеніе по костеламъ молитвенника, за аккуратную ежедневную гоньбу четверки въ сосѣднее мѣстечко, можно заслужить имя „образцоваго обывателя". Число этихъ „образцовъ", которымъ непритупленный клерикализмомъ человѣкъ не подалъ бы руки, съ каждымъ часомъ все увеличивается. Но и на этомъ еще не конецъ.

„Клерикализмъ блестяще поспособствовалъ нравственному паденію нашего духовенства. Будучи увѣрено въ безнаказанности и снисходительности, оно не всегда умѣло надлежащимъ образомъ держать себя въ виду неосновательныхъ, но благородныхъ побужденій къ этой снисходительности. Нѣкогда свойственное всѣмъ намъ, а нынѣ сохраняющееся лишь среди народа вольномысліе, дававшее нѣкогда возможность епископамъ

и прелатамъ, а нынѣ—народной поэзіи, возможность отдѣлить нравственное достоинство предписаній религіи отъ нравственной стоимости худшихъ ея блюстителей,—это свободомысліе исчезло среди интеллигентныхъ массъ, запуганныхъ принципомъ клерикализма. Надо видѣть, сколь охотно терпимы въ деревняхъ и городахъ фальшивые глашатаи добродѣтели, чтобы убѣдиться въ грозныхъ послѣдствіяхъ новой терпимости. Какимъ образомъ упадокъ нравственности среди духовенства вліяетъ на нравы народа,—это мы увидимъ послѣ; здѣсь намъ слѣдуетъ еще указать, что это дѣло становится тѣмъ болѣе печальнымъ, чѣмъ раньше, подъ вліяніемъ повсемѣстнаго затрудненія условій жизни, положеніе ксендза начинаютъ занимать у насъ люди, ищущіе на алтарѣ единственно набожныхъ жертвоприношеній.

„Какою стѣной отдѣляетъ насъ клерикализмъ отъ симпатій цивилизованныхъ обществъ,—объ этомъ мы говорить не станемъ; достаточно будетъ, если тутъ въ расширенныхъ размѣрахъ будетъ примѣнено приведенное выше объясненіе нерасположенія къ намъ нашей собственной, но въ отдаленіи отъ насъ живущей молодежи; у людей совершенно постороннихъ еще менѣе охоты и времени разбирать причины нашей отсталости.

„Наконецъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что клерикализмъ—это насиліе, это измѣна нашимъ національнымъ традиціямъ. Не о связываніи себя съ Римомъ, не о путахъ папства, а *объ образованіи самостоятельной Церкви думали у насъ въ эпоху расцвѣта нашихъ національныхъ силъ*; позднѣйшую политику, несогласную съ новымъ духомъ,—одну изъ главнѣйшихъ причинъ нашего упадка, ввели у насъ іезуиты. Если же мы станемъ считать признаки внутренняго нашего разложенія за лучшую нашу традицію, если наша мысль стремится охотнѣе всего туда, гдѣ прошлое готовило смертный приговоръ, то съ одинаковымъ основаніемъ мы должны причислить къ новымъ своимъ идеаламъ всѣхъ вѣстниковъ этой смерти, начиная съ Радзѣевскихъ и Топорчиковъ и оканчивая современными земельными спекулянтами въ Познини.

„Посмотримъ теперь на отношеніе клерикальной политики пановъ къ народной вѣрѣ; затѣмъ разберемъ вопросы: каковою силой обладаетъ или могла бы обладать въ нашей общественной жизни народная вѣра, каково наше къ ней отношеніе?

„Счастіемъ для католической религіи, несчастіемъ же для народовъ, ее исповѣдующихъ, является космополитизмъ. Счастіемъ для религіи онъ является потому, что облегчаетъ ей пріобрѣтеніе новыхъ послѣдователей; несчастіемъ же для ея паствы,—потому, что онъ тормазитъ расцвѣтъ племеннаго обособленія. Католическая религія изо всѣхъ главныхъ исповѣданій и обрядовъ сама по себѣ наименѣе способна совмѣститься съ самосознаніемъ массоваго индивидуализма. Въ этомъ смыслѣ ея нивелирующее, антинаціональное вліяніе выражается, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ: общественномъ и политическомъ. Съ одной стороны, вводя въ священнѣйшіе обряды чуждый народу латинскій языкъ, католическая религія лишаетъ языкъ туземный той санкціи, которою онъ обладалъ бы въ противномъ случаѣ; она не связываетъ его съ наиболѣе глубокимъ, наиболѣе таинственнымъ, а слѣдовательно и сильнѣе всего дѣйствующимъ на умы существомъ культа, и дѣлаетъ народный языкъ чѣмъ-то второстепеннымъ, чѣмъ-то такимъ, что наиболѣе правовѣрный католикъ долго защищать и защитить въ случаѣ возможнаго нападенія не съумѣетъ. Съ другой же стороны, въ политическомъ отношеніи католическая религія дѣйствуетъ не менѣе успѣшно, создавая изъ своей Церкви общество въ обществѣ, перенося центры тяжести его идеаловъ и стремленій далеко за предѣлы даннаго общества. И дѣйствительно, могущество западноевропейскихъ націй, индивидуализмъ коихъ сказался сильнѣе всего, достигнуто было этими націями путемъ освобожденія отъ политическаго главенства Ватикана—отпаденіемъ отъ него (Англія, Германія), созданіемъ самостоятельной Церкви и атеизма (Франція) или, наконецъ, сверженіемъ свѣтской власти папы (Италія).

„Такова католическая религія сама въ себѣ. Клерикализмъ пановъ, будучи, какъ

мы уже знаемъ, средствомъ неудачно выбраннымъ нашими патріотическими интеллигентными массами и орудіемъ самолюбивой и себялюбивой клики станчиковъ, папскій клерикализмъ, повторяемъ, оба рода этихъ антинаціональныхъ общественныхъ и политическихъ вліяній довелъ до послѣдней крайности. Катаніе галицкихъ крестьянъ въ Римъ, проектъ памятника Пію IX въ Краковѣ и т. п. средства ослабленія и уничтоженія собственнаго національнаго самосознанія; помимо того, самый низкій во всей Европѣ (кромѣ Албаніи) уровень просвѣщенія галицкаго народа, ужаснѣйшее его матеріальное положеніе, физическое вырожденіе, крайнее пренебреженіе со стороны зажиточныхъ классовъ къ его судьбѣ, крайнее невѣжество зажиточныхъ классовъ и ихъ безучастное отношеніе къ родной письменности, весьма слабое развитіе въ галицкомъ крестьянинѣ сознанія духа солидарности, позволяющее ему иногда думать о братоубійственной борьбѣ—все это если не осуждаетъ безповоротно клерикализма, если не заставляетъ считать его измѣной своей національности, то, во всякомъ случаѣ, безусловно свидѣтельствуетъ о совершенной безпомощности его въ дѣлѣ противодѣйствія злу, противъ котораго онъ якобы служитъ лѣкарствомъ.

„Но наряду съ космополитическимъ установленіемъ клерикаловъ существуетъ у насъ народная вѣра. Каковы ея отличительныя черты, каково ея отношеніе къ клерикализму, что она въ состояніи намъ дать, какъ она могла бы повліять и какъ она вліяетъ на облагороженіе и возвышеніе нашихъ гражданскихъ чувствованій—вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы хотимъ отвѣтить.

„Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на хорошо извѣстный всѣмъ соціологамъ вопросъ о сліяніи, срастаніи другъ съ другомъ двухъ религій: древнѣйшей и позднѣйшей, туземной и насильно навязанной или добровольно заимствованной извнѣ Въ первый періодъ этого явленія боги обоихъ Олимповъ пользуются одинаковымъ почитаніемъ позже—на долю первыхъ выпадаетъ второстепенная роль: они могутъ быть, напримѣръ, только покровителями скота, но не людей (у бурятъ); затѣмъ они облекаются въ форму діаволовъ и злыхъ духовъ, наконецъ, окончательно исчезаютъ изъ народнаго обихода. Независимо отъ этого значительную часть формъ выраженія почитанія этихъ боговъ, большую часть прежнихъ обрядовъ народъ продолжаетъ соблюдать въ честь пришлыхъ небожителей, соединяя эти обряды съ позднѣйшимъ ритуаломъ. Нѣкоторые изъ нихъ принимаетъ Церковь—завоевательница, другіе принимаютъ характеръ и значеніе народныхъ обычаевъ, третьимъ, наконецъ, интеллигенція приписываетъ названіе повѣрій и суевѣрія. Если новая религія по природѣ своей космополитична, то оттѣнокъ прежней религіи придаютъ ей національный характеръ. Въ противоположность космополитическому клерикализму паповъ, религія нашего народа является религіей національною, самостоятельною по себѣ и отличною отъ другихъ, а все это—благодаря примѣсямъ язычества и связанной съ нимъ большей склонности къ антропоморфизаціи и матеріализаціи (пасхальныя яйца, освященныя яства, опрѣснокъ, вѣнки купальные, зеленый праздникъ, сѣно въ сочельникъ и т. д.).

„Достигнуть большей самостоятельности народъ нашъ не съумѣлъ. Причиной этого является, вѣроятно, его относительное безразличіе, а скорѣе относительная ограниченность его религіознаго чувства, доказательствомъ чего можетъ служить совершенное отсутствіе ересей и расколовъ среди нашихъ народныхъ массъ. Легко понять, что только умы относительно-безстрастные къ впечатлѣніямъ и представленіямъ въ области „сверхъестественнаго“ могутъ совершенно спокойно относиться къ нимъ. Этотъ недостатокъ самобытнаго религіознаго смысла въ прошломъ причинилъ намъ большой вредъ, то парализируя попытки Олесницкихъ, то усиливая убійственное вліяніе іезуитовъ, въ настоящее время, когда эта умѣренность выражается въ привязанности къ вѣрѣ отцовъ, жаловаться намъ на нее не приходится.

„Но и та степень разъединенія, которое существуетъ въ настоящее время между

клерикализмомъ пановъ и народною вѣрой, можетъ обнаружить передъ нами ту пропасть, которая существуетъ между ними. Нашъ мужикъ назвалъ бы еретикомъ самого папу, если бы въ Пасху не нашелъ бы въ Ватиканѣ освященнаго яйца. Различіе это тутъ не кончается. Римомъ для нашего народа является Ченстоховъ или какая-либо другая чудотворная мѣстность въ нашей странѣ. Папство трогаетъ его очень мало, и если бы не старались искусственно связать его съ Римомъ, то народъ и вовсе о немъ не зналъ бы. Это вполнѣ понятно. „Ченстоховская Дѣва" не разъ помогала польскому народу въ несчастіяхъ и не разъ еще спасетъ его въ бѣдѣ, поможетъ ему въ тяжелой борьбѣ съ жизнью; но ни Пій IX, ни Левъ XIII этого не сдѣлаютъ, но зато пришлютъ ему на шею сборщиковъ лепты св. Петра и Диндеровъ.

Поэтому, если ужъ мы намѣрены возвышать человѣческое и гражданское достоинство нашего народа при посредствѣ его вѣры, то не безсмысленнымъ, своимъ же божествомъ обезславленнымъ, фантомомъ клерикализма, путемъ развитія болѣе понятныхъ для народа началъ религіи нужно облагораживать его; кромѣ того—не въ безсмысленномъ формализмѣ, но въ широкой любви къ ближнему слѣдуетъ указать народу путь ко спасенію; пусть цѣлью молитвы мужика будетъ не только выздоровленіе больной коровы, но и укрѣпленіе собственной его немощи. Но, чтобы достигнуть этой цѣли, чтобы изъ переднихъ Ватикана низойти до крестьянской избы, чтобы отказаться отъ предводительства надъ притупленной оравой льстецовъ, чтобы, въ дѣйствительности, стать, наконецъ, создателемъ благополучія, спокойствія и возвышенія его чувствованій—для этого необходимо было бы покончить съ чуждыми народу стремленіями, узнать ближе и усвоить его идеалы и не служить во вредъ всей странѣ однимъ лишь эгоистическимъ интересамъ папской клики; необходимо было бы, однимъ словомъ, клерикальную политику пановъ подчинить народной вѣрѣ. Само собою разумѣется, что на это не согласятся тѣ, кто заботится не объ общемъ благѣ, а о собственномъ вліяніи; но мы не хотѣли бы сомнѣваться въ томъ, что большинство нашей интеллигенціи, которую до сихъ поръ лишь обманывали, рано или поздно согласится съ нами.

„Приступимъ теперь къ важнѣйшему пункту нашего вопроса. Вопросъ состоитъ въ томъ: дѣйствительно ли и насколько вѣра нашего народа, такъ или иначе понятая и преобразованная, можетъ явиться сокровищницей общегражданскихъ чувствъ и насколько она въ состояніи замѣнить недостатокъ истиннаго общественнаго самосознанія? Въ этомъ отношеніи, среди нашей интеллигенціи существуютъ извѣстныя заблужденія—самыя вредныя изо всѣхъ, какія мы знаемъ. Сплошь да рядомъ мы сталкиваемся съ убѣжденіемъ, что 1) религія можетъ съ успѣхомъ возмѣстить недостатокъ этого самосознанія; 2) это самосознаніе въ ней-то именно и заключается; 3) религія является лучшею защитой этого самосознанія. Такое воззрѣніе является, съ одной стороны, результатомъ нашего невѣжества вообще, съ другой же—послѣдствіемъ незнакомства нашего съ народомъ. Политическое самосознаніе, сосредоточивающееся въ религіи,—это такая же несообразность, какъ, напримѣръ, пониманіе о состояніи нашей головы, ограниченное знакомствомъ съ положеніемъ руки или ноги. Общественное самосознаніе, если бы оно только существовало—этимъ самымъ не могло бы и не нуждалось бы сосредоточить свое проявленіе въ чувствованіяхъ и дѣятельности, относящихся къ совершенно другой области. Настаивать на томъ, что это самосознаніе пребываетъ въ этой именно другой области духа—это равносильно утвержденію, будто оно вовсе не существуетъ. Съ другой стороны, какъ мы сказали выше, заблужденіе нашей интеллигенціи является слѣдствіемъ незнакомства ея съ нашимъ народомъ и исповѣдуемаго ею принципа кастоваго превосходства. Со свойственною нашей аристократіи самоувѣренностью,—мы навязываемъ непросвѣщенной массѣ наши понятія и воззрѣнія, ни мало не заботясь о томъ, заключаетъ ли въ себѣ наша дѣятельность что-либо другое, кромѣ доказательства нашей наивности и общественной нерадивости. При обыкновенномъ по-

ложеніи вещей польскій народъ видитъ въ религіи—только религію, и больше ничего Если онъ называетъ прусскаго мазура нѣмцемъ, то этимъ словомъ онъ хочетъ обозначить не національность его, а вѣроисповѣданіе; если же онъ считаетъ его человѣкомъ совершенно себѣ чуждымъ (послѣдствіе клерикальнаго отупѣнія народа), то этимъ именно онъ доказываетъ, что самосознаніе, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе въ немъ отсутствуетъ.

„Совершенно другимъ представится намъ этотъ вопросъ, когда мы спросимъ себя можетъ ли религія явиться безразличнымъ признакомъ племенной обособленности,—. такимъ, напримѣръ, признакомъ, какъ цвѣтъ волосъ или форма черепа. На этотъ вопросъ каждый долженъ отвѣтить утвердительно. На самомъ дѣлѣ религія часто представляетъ собою признакъ данной собирательной единицы, признакъ болѣе важный, чѣмъ цвѣтъ волосъ, напримѣръ, что религія въ извѣстныхъ случаяхъ легче можетъ привести, хотя и не непосредственно, къ познанію этой индивидуальности; но, съ другой стороны, какъ этнографическая черта, религія настолько менѣе значительна, чѣмъ цвѣтъ волосъ, что легче замѣнима или видоизмѣнима, чѣмъ онъ; тысячу лѣтъ уже свѣтлые волосы являются отличительною чертой славянина, но его національное идолопоклонство давно отступило передъ космополитическимъ католицизмомъ. Насколько безразличный и пассивный индивидуализмъ въ состояніи замѣстить индивидуализмъ сознательный—это понимаетъ всякій. Но и этимъ не исчерпывается еще вопросъ.

„Насколько клерикализмъ пановъ косвенно и какъ бы нехотя содѣйствовалъ у насъ ослабленію сознанія обще-гражданскихъ обязанностей, настолько стремленіе нашей интеллигенціи возложить на религію рядъ тяжелыхъ обязанностей является причиной неисчислимыхъ потерь. Религія, принимая характеръ начала политическаго,—какъ мы это уже говорили, перестаетъ быть религіей; новыя же возложенныя на нее обязанности она какъ слѣдуетъ выполнить не въ состояніи, и ее сравнивать нельзя даже, въ этомъ отношеніи, съ успѣшностью другихъ факторовъ, болѣе соотвѣтственныхъ и компетентныхъ въ данныхъ вопросахъ. Подъ страхомъ гибели нельзя возлагать на нее цѣликомъ отвѣтственность за нравственность равно индивидуальную, какъ и общественную. И въ самомъ дѣлѣ: нравственность индивидуальная, а въ особенности нравственность общественная является отнюдь не исключительно результатомъ вліянія религіи, а послѣдствіемъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ общественныхъ отношеній и установленій. Требованія и идеалы общественной морали возникаютъ иногда совершенно независимо или подъ вліяніемъ совершенно иныхъ началъ, чѣмъ авторитетъ догмата и обряда. Доказательствомъ этой научной истины могутъ послужить хотя бы понятія польскаго крестьянина о присвоеніи дерева изъ господскаго лѣса: въ этомъ грѣхѣ онъ весьма рѣдко кается передъ духовникомъ; если же это и случается, то въ понятіи виновнаго этотъ грѣхъ является проступкомъ гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ нарушеніе, напримѣръ, поста въ назначенные для того дни. Поэтому можетъ случиться, и случается довольно часто, что будучи весьма ревностнымъ исполнителемъ догматовъ извѣстнаго обряда, человѣкъ непросвѣщенный, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и отношеній (напр. экономическихъ), создаетъ для себя вовсе нежелательныя для другихъ воззрѣнія на гражданскія обязанности. Противообщественный характеръ этихъ воззрѣній можетъ способствовать, сознательно или безсознательно, усиленію вліяній, противныхъ морали, а иногда даже полному нарушенію гражданскаго единства и солидарности. Достаточно, въ доказательство этого положенія привести недавнія происшествія въ Галиціи: крестьяне, считающіе себя истинно-вѣрующими, называющіе себя католиками въ противоположеніе „полякамъ“ (панамъ), едва не допустили со своей стороны поступковъ, весьма безнравственныхъ по отношенію къ своимъ согражданамъ. Размѣры этого столкновенія въ данномъ вопросѣ роли не играютъ;

главное тутъ то, что такое столкновеніе было и возможно въ будущемъ. Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ о несостоятельности клерикальной политики.

„Религія, а въ особенности религія католическая, въ роли замѣстительницы общественнаго самосознанія, является оплотомъ далеко не надежнымъ. Въ государствахъ, гдѣ, какъ въ Россіи или Австріи, существуетъ равноправность различныхъ исповѣданій передъ лицемъ закона,—только что упомянутый недостатокъ значенія не имѣетъ; но зато въ Германіи, гдѣ варварскіе натиски культуркампфа не ослабѣваютъ, крѣпость эта легко можетъ рухнуть разомъ, пока же разрушается по частямъ, по клочкамъ, такъ сказать. Въ виду же того, что основное начало нашего культа образуетъ космополитическій латинскій элементъ, что германизація или простое устраненіе дополнительныхъ частей ритуала не можетъ встрѣтить сильнаго отпора со стороны оскорбленнаго религіознаго чувства; въ виду того, что германизація находитъ энергическаго союзника въ могущественной и для всѣхъ обязательной германской гражданской культурѣ, — дѣятельность Бисмарковъ и Диндеровъ не заставитъ долго ждать желательныхъ для нихъ послѣдствій. Въ одномъ только случаѣ религіозная борьба — косвеннымъ путемъ могла бы посодѣйствовать развитію политическаго самосознанія, которое клерикализмъ во что бы то ни стало старается взвалить на плечи религіи, — именно, если бы настойчивость культуркампфа, качественно ли, количественно ли, преждевременно переступила границы, указанныя ей разумомъ и дипломатичностью германскихъ государственныхъ людей; однако, если наша наивность допустила, чтобы клерикалы довели насъ до окончательнаго отупѣнія, то намъ наврядъ ли возможно предполагать, чтобы кто-либо изъ руководителей прусской политики пожелалъ превзойти насъ въ несуразности, что кто-либо изъ нихъ пожелаетъ начинать безплодную и дорого стоющую борьбу тамъ, гдѣ ее возможно замѣнить, быть можетъ, длительною, но дѣйствительною и легкою выжидательною тактикой.

„Чтобы яснѣе представить себѣ всю безсмысленность возлаганія на религію всей отвѣтственности за нравственность, какъ индивидуальную, такъ и общественную, обратимся къ сравненію.

„Представимъ себѣ религію, какъ охранительницу нравственности, въ видѣ крѣпости, развращающія начала—въ видѣ осадныхъ орудій, клерикаловъ—въ лицѣ осажденныхъ, оружіе коихъ (общественныя отношенія и установленія, самосознаніе, просвѣщеніе и проч.) зарыто глубоко въ землѣ. Стѣны крѣпости являются, правда, могучею защитой нравственности, но лишь пассивною защитой. Активно защищаться при помощи стѣнъ можно не иначе, какъ вынимая изъ нихъ камни и кирпичи и употребляя ихъ въ видѣ метательныхъ снарядовъ; но въ такомъ случаѣ: 1) эти камни перестаютъ образовывать защитительную стѣну, а 2) они плохо исполняютъ службу пуль и гранатъ, въ особенности по сравненію ихъ дѣйствія съ дѣйствіемъ пушекъ осаждающихъ. Впрочемъ, послѣднимъ не приходится прибѣгать къ пороху: достаточно, если, защитивъ соотвѣтствующимъ образомъ свои головы, они будутъ въ состояніи безопасно расположиться у стѣнъ и спокойно извлекать оттуда кирпичъ за кирпичемъ. Осажденные, сидя на стѣнахъ, помогутъ имъ въ этомъ трудѣ. Въ одномъ только случаѣ стѣны крѣпости могли бы замѣнить зарытое оружіе и болѣе или менѣе дѣятельно отразить осаждающихъ, это тогда, когда послѣдніе съ разбѣга ударились бы головами объ эти стѣны; но они, само собою разумѣется, глупости подобной не сдѣлаютъ. Что же намъ сказать объ осажденныхъ, которые, въ данныхъ обстоятельствахъ, не переставая кричатъ: „единственное наше спасеніе и защита—въ стѣнахъ“.

„Мы не хотимъ, чтобы насъ плохо поняли. Дѣло тутъ вовсе не въ томъ, чтобы люди вѣрующіе отреклись отъ своей вѣры или не почерпали бы изъ нея всего того, что она способна дать имъ на ихъ пользу и пользу ихъ братьевъ; тутъ дѣло въ томъ, чтобы *мы рѣшительно покончили съ клерикализмомъ*, а на народную вѣру не возлагали тя-

гостей, для нее непосильныхъ. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ измѣненіе нашей религіозной политики столь неотложнымъ, сколь таковою же является необходимость спасенія земли отъ преступной расточительности пановъ.

„Мы хорошо знаемъ, что наши читатели различно посмотрятъ на этотъ вопросъ, на различіе ихъ воззрѣній необходимо повліяютъ какъ ихъ прежніе взгляды и стремленія, такъ и ихъ общественное положеніе, родъ ихъ занятій, окружающая среда, даже градусъ географической долготы и широты мѣста ихъ рожденія; но, послѣ основательнаго размышленія, они согласятся, конечно, съ нашимъ мнѣніемъ, и это даже тогда, когда противопоставятъ нашему заявленію доводы изъ собственнаго опыта, именно когда они вспомнятъ про случаи, гдѣ клерикальная политика одержала мнимую побѣду. Тогда пусть они пораздумаютъ: 1) надъ тѣмъ, что мы говорили объ исключительной въ нѣкоторыхъ случаяхъ устойчивости религіознаго чувства и объ умѣломъ, постепенномъ подавленіи этой устойчивости германскою политикой; 2) пусть они задумаются надъ тѣмъ, не должно ли было большинство слишкомъ ужъ дорого платить за мнимыя побѣды клерикаловъ. Впрочемъ, мы сочувственно отнесемся ко всякой полемикѣ относительно даннаго вопроса, разъ она будетъ основана на началахъ правды и будетъ доказательною, открывая ей страницы нашего изданія. Такимъ образомъ мы лишаемъ людей злой воли возможности обвинить насъ въ томъ, что мы подняли вопросъ слишкомъ щекотливый, чтобы его можно было открыто отстаивать и защитить. Пусть противная нашимъ воззрѣніямъ сторона придастъ всякимъ таинственнымъ ворчаніямъ приличную форму, и мы не замедлимъ ихъ объявить—и, если это будетъ возможно, — успокоить. О средствахъ, которыми можно лучше и вѣрнѣе выполнить задачу, довѣренную клерикализму, мы поговоримъ впослѣдствіи“.

Эти статьи вызвали отвѣтъ клерикаловъ въ „Нивѣ“, по обыкновенію переполненный инсинуаціями. Приводимъ отвѣтъ на одну изъ статей „Нивы“, помѣщенный въ „Глосѣ“. „Въ статьѣ „Панскій клерикализмъ и народная вѣра“ мы ясно указали на опасность, представляемую клерикальною политикой, въ виду ея безсилія выполнить возложенныя на нее обязанности. Если бы, однако,—говорили мы,—религія необходимо должна выполнять у насъ болѣе широкія задачи, то этого мы могли бы достигнуть путемъ развитія родныхъ намъ основъ нашего католицизма, а не связью съ Ватиканомъ. Говоря затѣмъ объ индифферентизмѣ религіознаго чувства польскаго народа, мы не менѣе категорически заявляемъ: „нынѣ, когда индефферентизмъ этого чувства выражается въ привязанности къ вѣрѣ отцовъ,—жаловаться намъ на нее нечего“. Чтобы яснѣе представить различіе между народною вѣрой и панскимъ клерикализмомъ, равно какъ преимущества первой надъ вторымъ въ вопросѣ сохраненія нашей самобытности, мы обращали вниманіе читателей на то, что „Римомъ для польскаго народа является Ченстоховъ“, что считаемъ совершенно основательнымъ, ибо „Ченстоховская Дѣва не разъ помогала ему и не разъ еще поможетъ въ тяжелой борьбѣ съ жизнью; ни Пій IX, ни Левъ XIII этого не сдѣлаютъ, а пришлютъ на голову народу сборщика лепты св. Петра или Диндеровъ“. Главною же цѣлью нашей статьи,—цѣлью, которую мы назвали важнѣйшею стороной задачи, было: доказать, что даже такъ или иначе понятая и преобразованная народная вѣра не можетъ служить дѣятельнымъ факторомъ общественнаго индивидуализма; говорили мы также, „что слѣдуетъ призвать сознательныя начала умственности на помощь безсознательнымъ началамъ чувствованій“. Между прочимъ и съ единственною цѣлью подготовить читателей къ усвоенію основного нашего положенія мы разсмотрѣли религію, какъ этнографическій признакъ и, указавъ еще разъ на опасность основыванія на ней политики, мы говорили: „религія, въ качествѣ этнографическаго признака, ниже даже цвѣта волосъ, ибо легко можетъ быть замѣнена другою“.

„Сотрудникъ „Нивы“, подчеркивая эти слова говоритъ: „Вотъ кульминаціонный

пунктъ обѣихъ статей, вотъ цѣль; вотъ нравственное ученіе, которое подноситъ „Глосъ" читателямъ для дебюта своей публицистической дѣятельности;... такъ созидаются новыя основы народнаго быта, такъ работаютъ на пользу... страны". Подчеркиванія, догадки и инсинуаціи, достойныя политики, заимствующей образцы у іезуитовъ.

„Скорпіонъ, видя неминуемую смерть, умерщвляетъ себя собственнымъ жаломъ. Этотъ примѣръ вполнѣ примѣнимъ къ нашимъ литературнымъ скорпіонамъ, когда они ядомъ фальши стремятся убить все то, что ускоряетъ ихъ смерть. Нѣтъ оскорбленія столь подлаго, инсинуаціи столь возмутительной, передъ которой остановились бы у насъ извѣстные журналисты, считающіе себя единственными и лучшими защитниками народной нравственности, народнаго обычая.

„Если бы о традиціяхъ нашего общества судили по этимъ примѣрамъ, то насъ провозгласили бы націей обманщиковъ. Страшно подумать, что вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ у насъ не было ни одной выдающейся личности, которую не ставили бы къ позорному столбу за открытое провозглашеніе принциповъ, произносимыхъ по убѣжденію, но несогласныхъ съ воззрѣніями той или другой клики ретроградовъ. Это тяжелое послушничество должна проходить у насъ каждая газета, которой не свѣтитъ звѣздочка правомыслія, патентованная кликой. „Przegląd Tygodniowy" и „Prawda" уже успѣли одолѣть эту гидру; новая ея голова, не разможженная еще презрѣніемъ, обратилась теперь противъ „Głos'a". „Традиціонная наша вѣра", — говоритъ далѣе г. Хорунжій, — „пустила въ нашемъ народѣ слишкомъ глубокіе корни, чтобы проповѣдь людей злой воли могла ее уничтожить". Да? А какое же это солнце ярче свѣтитъ на небѣ этой традиціонной вѣры, чѣмъ „Святая Дѣва, защищающая сіявшій Ченстоховъ"?...

„Кто же это сказалъ вамъ, что традиціей народа является невольническое преклоненіе передъ Ватиканомъ? Каждый польскій крестьянинъ, каждый мѣщанинъ, каждый шляхтичъ, не содержимый въ великопанской сворѣ, не отдалъ бы одной пасхальной пѣсни за десять вашихъ догматовъ о папской непогрѣшимости. Мы призывали не къ новой вѣрѣ, а къ оживленію той, которую теперь исповѣдуетъ весь народъ. Развѣ она является отщепенствомъ? Нѣтъ, но въ каждую минуту можетъ таковымъ сдѣлаться, и это тогда, когда ваша мудрая политика потребуетъ отъ нея, чтобы она, во время подчиненія и тупой покорности, отказалась отъ тѣхъ „остатковъ язычества", да, язычества, на которые вы смотрите съ такимъ презрѣніемъ. Но и тогда она останется традиціонною народною вѣрой, отщепенцами же будутъ тѣ, которые согласятся выразить покорность вамъ.

„Г. Хорунжій обвиняетъ насъ въ безвѣріи. Мы не станемъ излагать ему свое исповѣданіе вѣры, тѣмъ болѣе, что вовсе не интересуемся искренностью его личныхъ религіозныхъ убѣжденій. Спросимъ у него только одно: неужели честный и хорошій человѣкъ не можетъ отзывчиво отнестись къ страданіямъ ближняго или, наоборотъ, радоваться его веселью — потому только, что причины, вызвавшія эти страданія или радость, не произвели бы подобныхъ результатовъ въ немъ самомъ?

„Защищая свою религію, г. Хорунжій говоритъ: „никто изъ насъ не станетъ мѣнять ее, какъ мѣняютъ платье".

„Изъ васъ? Да вы то кто такіе? Вы, видящіе самую глубокую сущность вѣры въ томъ, что для всего народа является дѣломъ далеко второстепеннымъ или безразличнымъ; вы, которые обвинили бы въ отщепенствѣ защитниковъ этой же народной вѣры. Вы никогда ея не перемѣните? Ложь! и еще разъ ложь!... Вы ее перемѣнили и будете мѣнять. Перемѣните ее такъ же, какъ перемѣняете свой родной языкъ на заморскую болтовню, какъ мѣняете землю отцовъ на прусскіе талеры, какъ мѣняете свои фамиліи изъ-за союза съ богатымъ ростовщикомъ, какъ на улыбку прусскаго юнкера мѣняете свою тысячелѣтнюю культуру".

Болѣе искренняго и болѣе честнаго голоса намъ не приходилось встрѣчать въ польской литературѣ XIX столѣтія, и не удивительно поэтому, что черные вороны польскаго клерикализма обрушились цѣлою стаей на голову польскаго христіанина, неустоявшаго въ концѣ концовъ противъ ихъ дружнаго напора и отступившаго нынѣ въ лагерь безцвѣтныхъ польскихъ органовъ. А жаль! такъ какъ приведенныя здѣсь статьи обѣщали развитіе въ польскомъ народѣ здравыхъ взглядовъ и осмысленныхъ тенденцій, разъясняя ему истинныя основы христіанской религіи и ея задачи, не имѣющія ничего общаго съ папско-іезуитскимъ клерикализмомъ, насквозь пропитавшимъ шляхетскую среду этого края.

Принявъ наружныя формы латинскаго христіанства, польскій народъ остался попрежнему языческимъ, имѣющимъ понятіе о Іисусѣ Христѣ лишь по тѣмъ распятіямъ, фигурамъ и изображеніямъ, которыя поминутно попадаются ему на глаза и на которыхъ онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе, не направляя вовсе мысли къ истинному Христу. Не имѣя же такъ часто передъ глазами изображенія Бога, онъ переносится къ нему мысленно на небеса и творитъ себѣ Его образъ согласно своей фантазіи, присущей всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.

При всемъ томъ нельзя утверждать, чтобы онъ былъ далекъ отъ основаній ученія Христа и отъ понимавія Божества въ трехъ лицахъ. Археологическія, іероглифическія и другія изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что основанія христіанизма проявлялись у всѣхъ почти болѣе культурныхъ народовъ, у которыхъ пророки предсказывали о пришествіи на землю Сына Божія и Св. Духа и призывали народы къ покаянію. Призывъ этотъ раздавался громче всего среди евреевъ, что мы находимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Св. Писанія. Но Ветхій Завѣтъ не составляетъ исключительнаго Священнаго Писанія, совпадающаго съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ, напр., переводчикъ книгъ „Zend-Avesta и Boun-Debesch г. Анкетиль-Дюперронъ (Anquetil-Duperron) изучавшій въ теченіе десяти лѣтъ въ Индіи книги: „Zend“, „Pehlvi“ и „Parsis“, свидѣтельствуетъ, что не нашелъ въ самыхъ старинныхъ сочиненіяхъ индѣйцевъ и персіянъ, чего либо несосласнаго съ пятикнижіемъ Моисея и преданіями Библіи [1]).

Знаменитый членъ Азіатскаго Общества въ Калькуттѣ маіоръ Реннель (Rennell) написавшій весьма цѣнное изслѣдованіе по исторіи Индостана и географіи Геродота, прозваннаго аглійскимъ Данвилемъ (d'Anville), заявилъ, что „сравнивъ со вниманіемъ ученіе христіянъ и индійцевъ, сходство найденное имъ заставляетъ его утверждать безъ малѣйшей натяжки, что вся исторія и индійскія древности подтверждаютъ все то, что заключается въ книгахъ Св. Писанія [2]).

Но дабы прійти къ подобнымъ выводамъ, необходимо изученіе книгъ Св. Писанія, чего именно недостаетъ полякамъ, незнакомымъ не только со священными книгами иновѣрцевъ, но даже совершенно незнакомыхъ съ Евангеліемъ, чѣмъ они отличаются отъ людей. мыслящихъ

Надѣленные жизнью помимо своей воли, разстающіеся съ нею вопреки своему желанію, призванные на землю на короткое лишь время, въ качествѣ судей надъ чудесами творенія, оставаясь свидѣтелями чудесъ, превосходящихъ человѣческія понятія, незнакомые съ прошлымъ, неувѣренные въ настоящемъ, слѣпые въ будушемъ, замкнутые въ предѣлахъ безпредѣльности, границы коей неизвѣстны, шагая по предоставленнымъ предѣламъ ощупью, иногда беззаботно, иногда же съ безпокойствомъ о загробной жизни и объ отношеніяхъ къ безсмертному Богу и тому, что происходитъ въ нихъ и за ними, люди со страхомъ принимаются отыскивать истину, по путямъ уже изслѣдованнымъ или же еще неизвѣстнымъ, одинаково ведущимъ въ пропасть сомнѣній. Измученные безплодными, по большей части, изслѣдованіями, прерываютъ короткіе часы

1) См. Предисловіе къ книгѣ Zend-Avecsta. Общая Біографія.

2) Памятники Азіятскаго Общества. Ежегодникъ Христіанской философіи.

своего земного существованія, вопрошая другъ друга: могутъ-ли они надѣяться на что-либо въ загробной жизни? Одни имъ отвѣчаютъ—*быть можетъ*, другіе—*откуда это можно знать*, третіи—*это насъ мало интересуетъ*. Людей это не удовлетворяетъ и они напрягаютъ опять усилія, дабы проникнуть въ тайны предопредѣленія. Но находятся среди насъ люди, на челѣ которыхъ виденъ покой, свидѣтельствующій о душевномъ покоѣ и которые не пугаются загробной жизни. Этимъ людямъ, нужно полагать, истина открыта.

И дѣйствительно, ихъ просвѣтила христіанская истина. Прежде всего она поучаетъ ихъ, почему мы не знаемъ сами себя, вознося наши возвышенныя понятія въ безпредѣльныя пространства, отыскивая тамъ однообразія въ движеніи міровъ, тогда, когда противоположность величія и ничтожности, богатства и нищеты, геніальности и тупоумія, составляетъ нашъ земной удѣлъ.

Христіанская истина является всеобщей философіей.

Она соединяется съ исторіей всего человѣчества. Она имѣетъ извѣстныя основы, вытекающія изъ первобытныхъ дѣйствій, предшествующихъ соединенію народностей, которыя понимаются одинаково всѣми народами. Этой истиной именуется паденіе человѣка. Она указываетъ на два свойства падшаго человѣческаго существа, обѣщая возвратить ему утерянную непорочность и знакомитъ его, какой жертвой грѣхъ его уничтоженъ.

Истинное лишь христіанство представляетъ намъ вѣчную правду. Всякій разумъ исповѣдуетъ ея разумъ, всякая справедливость ея справедливость, всякая возвышенность ея возвышность, всякая ненависть и всякое порицаніе должны принимать ея благодѣянія. Изъ нея истекаетъ всякая дѣйствительная свобода. Ея начало такъ же давно въ мірѣ, какъ и несчастіе. Начинается съ человѣческимъ паденіемъ, котораго должна была поднять, и существованіе ея будетъ продолжаться наравнѣ съ существованіемъ человѣческихъ поколѣній, облегчая имъ тернистый путь по тропинкѣ, ведущей отъ колыбели до могилы. Въ виду чего христіанская вѣра должна быть объявлена вѣрующимъ и невѣрующимъ какъ религія безсмертная! Постараемся доказать, что во всѣ времена и повсюду христіанская религія проявлялась въ безчисленныхъ вѣроисповѣданіяхъ.

Выкажемъ съ исторіей въ рукахъ основанія нашей вѣры.

Совершенно неосновательно утверждалось, что въ теченіе 30 столѣтій одинъ только народъ, жившій въ небольшомъ уголкѣ міра, почиталъ и преклонялся передъ предвѣчнымъ Создателемъ. Новѣйшія изслѣдованія представляютъ болѣе утѣшительную дѣйствительность.

Существуетъ до сего времени рядъ писателей, изъ которыхъ одни, вовлеченные въ заблужденіе, другіе упрямствомъ придерживаются историческихъ выводовъ, въ дѣйствительности безсмысленныхъ. Авторы эти утверждаютъ, что въ теченіе 4000 лѣтъ религія скрывалась на западномъ берегу Азіи, откуда пробралась понемногу къ европейскимъ народомъ, но всегда оставалась чуждою большинству людей. Это глумленіе надъ священнымъ ученіемъ, опровергаемое ежегодниками человѣческаго рода, является неизвинительнымъ со времени научныхъ открытій.

Встрѣчаются трусливые христіане съ ограниченными понятіями, которые въ соединеніи съ философами утверждаютъ, что люди не обладали истиной, на которой зиждится вѣра. Эти люди позабыли обѣщанія Божіи и религію патріарховъ. Люди эти нищіе христіанскимъ духомъ, заслуживаютъ вниманія своими упражненіями, но являются слабыми въ дѣйствительности пониманія. Пусть ознакомятся съ язычествомъ, оно ознакомитъ ихъ съ величіемъ и возвышенностью нашего культа, оно имъ докажетъ, что родъ человѣческій имѣлъ одинъ дѣйствительный всеобщій догматъ, одну и ту же религію.

Всѣ люди вѣровали въ единаго всевышняго Бога, Сотворителя и Заступника.

Всѣ люди вѣровали въ высшія существа, исполняющія Божія повелѣнія.

Всѣ люди вѣровали въ безсмертную жизнь, въ награду или кару за хорошое или дурное, совершенное во время земной жизни.

Всѣ люди сохранили преданіе о преступленіи, совершенномъ въ началѣ творенія ихъ праотцемъ, что привело къ наслѣдственному паденію.

Всѣ ожидали избавленія отъ существа, именующагося одновременно человѣкомъ и Богомъ.

Всѣ его ожидали въ увѣренности, что кровавая жертва смыла бы пятно первороднаго грѣха, павшее на всѣ поколѣнія.

„Паденіе перваго человѣка составляетъ основаніе теологіи всѣхъ древнихъ народовъ", сказалъ Вольтеръ. „Не существуетъ ни одной религіи изъ множества исповѣданій, которая не имѣла бы въ виду покаянія", сказалъ тотъ же философъ. Другой же философъ, епископъ св. Августинъ, написалъ 14 столѣтій тому назадъ: „Что именуется сегодня христіанской религіей, существовало у древнихъ и никогда существовать не переставало отъ начала человѣческаго рода до того момента, когда Христосъ явился на землю".

Это религіозное сходство привлекло къ себѣ вниманіе *Веніямина—Констана* (Benjamin—Constant), который говоритъ о немъ: „Проходя Европу, Азію и извѣстную намъ часть Африки, посѣщая Галлію и Испанію, проходя Германію, Тартарію, Индію, Персію, Аравію Эѳіопію и Египтъ, находимъ всюду одинаковые обычаи, ученіе о сотвореніи міра то же, жертвы, обряды, преданія, заключающія неопровержимую тождественность; тѣ же обряды, тѣ же жертвы, тѣ же обычаи, тѣ же мнѣнія находимъ въ Америкѣ, въ Мексикѣ и въ Перу"! По этому поводу безбожный Де-Гольбакъ (d'Holbac) восклицаетъ: „Во всѣхъ земныхъ странахъ, говорятъ намъ, Богъ проявился". Вольтеръ же выразился: „Отъ Японіи до самаго Рима указываютъ намъ правила, исходящія отъ самого Бога".

„Не подлежитъ сомнѣнію, говоривалъ одинъ философъ восемнадцатаго столѣтія, что чѣмъ болѣе изучаемъ религію различныхъ народовъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что только она одна еще существуетъ на землѣ. Извѣстный „Памятникъ академическихъ надписей утверждаетъ, что древніе народы помимо ошибокъ и странностей своихъ обрядовъ, издавна вѣрили только въ единаго Бога. Ученый Шукфордъ (Shuckford) замѣчаетъ, что древніе народы сохраняютъ съ незапамятныхъ временъ обычаи, убѣждающіе о существованіи уже тогда религіи. Максимъ изъ Тира сказалъ: „Вездѣ люди почитаютъ единаго Бога, Отца и Царя вселенной и многихъ боговъ имъ же созданныхъ, раздѣлившихъ между собою, по Его повелѣнію, управленіе міромъ, что то же утверждаютъ греки и варвары' живущіе на землѣ и на берегахъ морей, мудрецы и неучи" [1]) Одинъ языческій писатель писалъ Гиппоненскому епископу: „да сохранятъ тебя боги, чрезъ посредство которыхъ мы всѣ смертные обитатели земли почитаемъ и прославляемъ тысячами различныхъ пріемовъ, согласныхъ однако между собою, ихъ всеобщаго Отца, который состоитъ тоже нашимъ Отцемъ". [2]) Юліянъ Отступникъ такъ выражается въ одномъ изъ писемъ: „Богъ, почитаемый галилеями, есть тотъ же, котораго и мы почитаемъ подъ разными именами". [3]) Это мнѣніе подтверждаютъ слова учителя Церкви Св. Климента Александрійскаго: „Богъ, котораго мы исповѣдуемъ, есть тоже Богомъ добродѣтельныхъ Грековъ". [4]) Діонъ златоустый поучаетъ, что вѣра въ боговъ, преимущественно же въ Того, который царствуетъ надъ всѣми, составляетъ обычай всего

[1]) См. Максъ изъ Тира. Докладъ. I., стр. 5 и 6.

[2]) Письмо Св. Августина № 16.

[3]) Письмо Юліяна 65.

[4]) Св. Клим. Алекс. Кн. VI № 6.

человѣческаго рода, какъ варваровъ, такъ и грековъ. Вольтеръ не могъ тоже въ виду такихъ многихъ свидѣтельствъ удержаться при своемъ первоначальномъ мнѣніи: „Всѣ философы вавилонскіе, персидскіе, египетскіе, скитійскіе, греческіе и римскіе исповѣдуютъ всевышняго Бога, награждающаго и карающаго“, говоритъ онъ. Карлъ Бонне (Bonnet) признаетъ христіанство религіей, которой всеобщность (universalité) обнимаетъ всѣ вѣка, всѣ мѣста и всѣ народы [1]).

Нынѣшніе ученые признаютъ, что въ мірѣ существовала одна лишь религія. Христіанство вѣчно, какъ правда заключающаяся въ немъ. Люди могли ослабить его основы и формы, но по существу своему оно остается безсмертнымъ. Сошло оно на землю съ неба въ началѣ творенія, составныя же его части, искаженныя людскими страстями, незнаніемъ, разнородностью языковъ, разсѣяніемъ народовъ, могутъ быть узнаваемы нынѣ, несмотря на измѣненія поколѣній и вѣковъ.

Что научаетъ христіанство, міровыя явленія подтверждаютъ.

Среди различныхъ суевѣрій и чудачествъ, заразившихъ всеобщую религію, всегда удерживалась вѣра въ единаго Бога Сотворителя.

Удивительно и то, что первый членъ нашего Символа вѣры является тоже символомъ всѣхъ народовъ земного шара.

Мы говоримъ: „Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли“.

Поэмы Орфея, описывающія первобытный родъ человѣческій, изображаютъ: „Зевесъ первое и послѣднее начало и средина, откуда все беретъ свое начало“ [2]).

Египтяне объявляли Бога „Духомъ святымъ творящимъ, началомъ живымъ Божескихъ существъ, подпорою всѣхъ міровъ“ [3]).

Индійцы зовутъ: „Брахма существомъ сверхъестественнымъ, существомъ всемогущимъ и вѣчнымъ“.

Китайцы именуютъ своего Бога существомъ существующимъ, существомъ — цѣлымъ (Гоп-Неои).

Жители Тибета признаютъ, что „существующій создалъ все самъ собою“.

Эѳіопы именуютъ его „Богомъ безсмертнымъ, причиною, всѣхъ твореній“ [4]).

Брамины утверждаютъ, что „Всемогущій является Богомъ боговъ“.

Персіяне подразумѣваютъ подъ именами Ormouz и Ariman „Бога вѣчнаго, Великаго Бога“.

Гомеръ, Гезіодъ (Hezyod), Фукидитъ (Tucydydes), Эшиль (Eschiles), Калимахъ, именовали Бога Всевышнимъ, Творцомъ боговъ и людей.

Галлы, бретонцы, этруски, цельты, германцы поклонялись „Всевышнему Богу“.

Знаменитѣйшіе философы Пиѳагоръ, Зенонъ, Сократъ, Аристотель, Платонъ, Максимъ изъ Тира, заклятые враги христіанъ, не отрицали единаго Бога, причину и конецъ всѣхъ твореній.

Ознакомившись уже съ тѣмъ, что Всемогущій Богъ Отецъ признается всѣми народами, мы коснемся вопроса о Пресвятой Троицѣ, составляющей нашъ символъ вѣры. Изучая религію всѣхъ вышепоименованныхъ народовъ, мы находимъ у нихъ тоже представленіе о Богѣ въ трехъ лицахъ. Приводимъ здѣсь для доказательства указаніе на египтянъ:

Въ древней египетской азбукѣ наименованіе Бога боговъ изображалось *тремя* вертикальными линіями [5]). Основаніемъ египетской теологіи, говоритъ Шампалліонъ

[1]) Palingen filoz. ч. XXI. Гл. 6.

[2]) Aryst. сочиненія о мірѣ. Гл. 7. Кн. I, стр. 495.

[3]) Champol. письмо 12, писанное изъ Египта. Monitor. 26 августа, 1829 г.

[4]) Palen. Разборъ надписей въ Розеттѣ. Стр. 46.

[5]) Candon. Каноническая книга индѣйцевъ, приведенная у Соннерата (Sonnerat), путешествія. Кн. 3. Гл. 16.

(Champallion), „тройца (triada) составлена изъ трехъ частей: Am-mon-Ka, т. е. Ammon—отецъ, Mouth—мать и Khous—дитя.

Всѣ эти народы далеки были отъ ненависти другъ къ другу изъ-за своихъ вѣрованій, а наоборотъ, одни у другихъ занимали изображенія Божества, какъ это указано нами въ началѣ этой книги, при описаніи Куріи Ромы. Лишь евреи проявляли свою ненависть къ язычникамъ, несмотря на то, что сами весьма часто покланялись тольцу.

Латинская Церковь вообще, а польская въ частности, попавъ сама въ ересь, стала подражать евреямъ въ ненависти къ иновѣрцамъ. Евреи, считая себя народомъ избраннымъ Богомъ, чѣмъ болѣе выказывали наружную къ Нему любовь, тѣмъ менѣе любили они человѣчество; поляки, совмѣстно съ папствомъ, подражали имъ. За это Богъ наказалъ одинаково евреевъ, поляковъ и наказываетъ папство.

Передъ нами лежитъ сборникъ польскихъ патріотическихъ пѣсенъ, написанныхъ послѣ паденія Польши. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ проглядываетъ самомнѣніе, заносчивость и ненависть поляковъ къ поработившимъ ихъ народамъ, за что они упрекаютъ Бога, преимущественно же Божью Матерь, указывая на то, что „народы, предназначенные для служенія полякамъ, господствуютъ надъ ними“. Евреи тоже стали упрекать Бога вскорѣ послѣ разрушенія Іерусалима въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и поляки. Вотъ образецъ этихъ упрековъ: „Въ тридцатомъ году по разрушеніи города“,—говоритъ Ездра въ третьей книгѣ своихъ пророчествъ,—„я былъ въ Вавилонѣ и смущался, лежа въ постелѣ моей, и помышленія всходили на сердце мое“. Приводилъ онъ себѣ на память славу своего избраннаго Богомъ народа при Давидѣ и Соломонѣ и его теперешнее униженіе. Онъ сталъ роптать, относясь къ Богу: „Ты предалъ народъ Твой въ руки враговъ Твоихъ. Неужели лучше живутъ обитатели Вавилона и за это владѣютъ Сіономъ? Я видѣлъ, какъ Ты поддерживаешь сихъ грѣшниковъ и щадишь нечестивцевъ; народъ Твой погубилъ, враговъ же Твоихъ сохранилъ и не явилъ о томъ никакого знаменія. Не понимаю, какъ Твой путь могъ измѣниться. Неужели Вавилонъ поступаетъ лучше, чѣмъ Сіонъ? Или иной народъ позналъ Тебя, кромѣ Израиля? Или какія племена вѣровали завѣтамъ Твоимъ, какъ Іаковъ? *Ни воздаяніе имъ не равномѣрно, ни трудъ ихъ не принесъ плода; ибо я прошелъ среди народовъ и видѣлъ, что они живутъ въ изобиліи, хотя и не вспоминаютъ о заповѣдяхъ Твоихъ*“ (3-я книга Ездры. Гл III). Въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится, что къ Ездрѣ посланъ былъ ангелъ Уріилъ и словами, сходными съ тѣми, которыя слышалъ Іовъ, онъ пытался успокоить и смирить его сердце; онъ говорилъ ему, что „сердце его слишкомъ далеко зашло въ этомъ вѣкѣ, что пытливость ума его объ Израилѣ дерзка, что онъ напрасно пытается постигнуть пути Всевышняго“ (Гл. IV). Но эти увѣщанія остались безплодны. Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ ангеломъ, прежнія мысли проснулись въ немъ опять, и онъ прямо высказалъ всю ненависть евреевъ къ инородцамъ. „*Для насъ, Господи, создалъ Ты*“,—говоритъ онъ,—„*вѣкъ сей, о прочихъ же народахъ, происшедшихъ отъ Адама, Ты сказалъ, что они ничто, но подобно слюнѣ, и все множество ихъ Ты уподобилъ каплямъ, каплющимъ изъ сосуда*. И нынѣ, Господи, вотъ эти народы, *за ничто тобою признанные, начали владычествовать надъ нами*. Мы же, народъ Твой, котораго ты назвалъ Твоимъ первенцемъ, единороднымъ, возлюбленнымъ Твоимъ, преданы въ руки ихъ. Если для насъ созданъ вѣкъ сей, то почему не получаемъ мы наслѣдія съ вѣкомъ? и доколѣ это?“ (Гл. VI).

Какимъ ужаснымъ эгоизмомъ вѣетъ отъ этихъ словъ, какая непонятная отчужденность отъ всего человѣчества слышится здѣсь! Кромѣ своего народа, всѣ остальныя племена не только пренебрежены, но почти забыты. Во всемірной исторіи,—говоритъ по этому поводу В. В. Розановъ, — и во всемірной литературѣ, гдѣ было такъ много униженія и гордости, возвеличенія и паденія, вѣроятно, никогда не были сказаны слова такой презрительности, какъ эти. И сказаны въ уединеніи ночной молитвы, ска-

заны къ Богу, т. е. вытекаютъ изъ самой глубины души, выражаютъ постоянную мысль, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнія. Здѣсь гордость и униженіе такъ велики, что они не обращены даже къ тѣмъ, кого унижаютъ; унижаемые, очевидно, не существуютъ для того, кто унижаетъ.

И этотъ народъ, наказанный Богомъ за свои злодѣянія, такъ сильно ненавидящій другія племена, поляки признаютъ своими братьями - поляками „Моисеева закона" и, позаимствовавъ у нихъ обычай роптать на Бога за непризнаніе Имъ ихъ заслугъ и сваливая свои вины на другихъ, вопятъ:

«Припомни Ты Мечислава!
Сокрушившаго глиняные идолы
И принявшаго Твои заповѣди
На преклоненныхъ колѣняхъ.
Его внуки, о, Господи,
Властвовали надъ сильной страной.
Ты лишилъ ихъ этой власти
И отъ пороговъ Днѣпра отодвинулъ.
Въ жертву Тебѣ первый изъ Ягеллоновъ
Съ сокрушеннымъ сердцемъ посвятилъ
Милліоны нашихъ братьевъ-литовцевъ,
Приведя ихъ къ Твоему алтарю.
Надъ Нѣманомъ, Бугомъ и Двиной
Воздвигнули мы Тебѣ храмы,
Бѣлый орелъ надъ ними возносился,
Соединяя братніе народы.
Затемнилъ Ты чернымъ бѣлаго орла
И предалъ насъ во власть враговъ Твоихъ...
. . . .

Поляки никакъ въ толкъ взять не могутъ, что Богъ отъ нихъ отвернулся именно вслѣдствіе того, что перечисленными выше жертвами они измѣняли Христу и увѣровали въ папу.

ГЛАВА XIV.

Прошло сто лѣтъ со времени вызваннаго іезуитами паденія Польши; но духъ и традиціи іезуитизма и по сей день живутъ въ этомъ народѣ; ярче всего это сказывается въ Галиціи (вспомнимъ хотя бы исторію съ ксендзомъ Стояловскимъ), гдѣ близкая къ окончательной гибели горсть поляковъ не перестаетъ угнетать тамошнее православное населеніе. Уставивъ свой взоръ на Римъ, польскій народъ стремился двигаться впередъ, но вмѣсто того падалъ все ниже и ниже. Не только Римъ, но вся Европа отвернулась теперь отъ этого народа Донъ-Кихотовъ. Среди польской интеллигенціи раздаются непрекращающіяся нареканія и жалобы на всѣхъ и вся, но только не на свои собственныя вины. Поляки не угадываютъ даже,, кажется того всеобщаго къ нимъ охлажденія, о которомъ говоритъ „Dziennik Poznananski" отъ 21 апрѣля 1896 года въ статьѣ, озаглавленной: „Не любятъ насъ!"

„Не любятъ насъ!"—сказалъ когда-то въ припадкѣ сантиментальности фельдмаршалъ Мольтке о нѣмецкомъ народѣ. Эти слова великаго стратега вызвали въ печати всѣхъ народовъ самые разнообразные комментаріи, на которые не поскупилась и польская печать; и въ каждомъ такомъ комментаріи сквозило извѣстное злорадство по поводу того, что, есть „что-то", чего недостаетъ этой великой, соединенной кровью и желѣзомъ державѣ, „что-то", чѣмъ ей хотѣлось бы обладать, но чего добиться она не въ состояніи. Это было выраженіемъ того чувства, которое нѣмцы называютъ „Schadenfreude" (злорадство), для котораго у поляковъ нѣтъ даже выраженія—и больше ничего. Что великая и могущественная Германія не пользуется симпатіей другихъ народовъ—этому удивляться нечего; оставляя даже въ сторонѣ различныя обстоятельства, сопут-

ствовавшія возстановленію ея могущества, оставивъ въ сторонѣ различныя особенности нѣмецкаго характера, его отталкивающую надменность въ случаѣ успѣха [1]), мы должны замѣтить, что утрата всеобщей симпатіи является обычнымъ удѣломъ равно отдѣльныхъ лицъ, какъ и цѣлыхъ народовъ, быстро достигающихъ могущества и становящихся на пути другимъ. Истинныя симпатіи людей и народовъ обращены обыкновенно къ тѣмъ, кого судьба особенно балуетъ.

„Наконецъ, въ настоящее время, въ виду сильнаго развитія идеи народности, въ виду столкновенія интересовъ отдѣльныхъ народовъ, не только въ области политики, но и въ области экономической, идеальныя стремленія и идеи отступаютъ на второй планъ, а первое мѣсто всегда занимаютъ вопросы матеріальнаго характера. Намъ приходится сталкиваться на каждомъ шагу съ послѣдствіями перемѣнъ, происшедшихъ въ послѣднее время во взглядахъ и отношеніяхъ народовъ, и намъ сегодня приходится сознаться вмѣстѣ съ Мольтке: „не любятъ насъ!". Времена, когда мы были баловнями западно-европейскихъ народовъ (когда шляхтичу можно было безнаказанно съ вооруженною оравой нападать на фольварки болѣе слабаго сосѣда), давно уже миновали и, по всей вѣроятности безповоротно. Правда, и прежнее расположеніе къ намъ другихъ народовъ было, въ сущности говоря, исключительно *платоническое* (поляки замѣтили это тотолько теперь) и не приносило намъ никакой дѣйствительной пользы,—но оно было, существовало и составляло утѣшеніе, дешевенькое, по сердцу говоря, въ нашихъ злоключеніяхъ. Нынѣ мы теряемъ и эту симпатію, даже потеряли ее, въ сущности говоря, ибо, если гдѣ-нибудь она и сохранилась, то ее такъ сильно затемняютъ противоположные политическіе взгляды, что сквозь нихъ трудно ее разглядѣть.

„Что не пользуемся мы симпатіей въ Россіи и Германіи — это вполнѣ естественно. Бывали, правда, моменты, когда независимо отъ овладѣвшихъ нами правительствъ нѣкоторыя сфера обоихъ этихъ народовъ живо намъ сочувствовали. Сближали насъ тогда съ ними одинаковыя стремленія и мечтанія (анархическаго свойства), стремленіе добиться большей политической свободы; нынѣ и эта связь разорвана. Нѣмцы достигли цѣли своихъ мечтаній, въ Россіи эти стремленія движутся по иному пути, въ обѣихъ же странахъ возбужденный успѣхомъ и искусственными средствами національный шовинизмъ заглушилъ всякія болѣе возвышенныя чувства, а именно великую путеводную идею всѣхъ угнетенныхъ народовъ, идею братства народовъ (за исключеніемъ „скота" крестьянина. *Авт.*), которую наши мечтатели еще въ столь недавнее прошлое проповѣдовали съ такимъ увлеченіемъ (совмѣстно съ іезуитами. *Авт.*)

„Но и въ другихъ отношеніяхъ наши мечтанія были весьма плохо вознаграждены. Во Франціи, которой мы никогда не сдѣлали ничего дурного, для которой, напротивъ, мы пролили море своей крови и приносили огромныя жертвы (первое звено рѣшетки въ оградѣ Тюильрійскаго сада выломалъ во время коммуны членъ ея, полякъБроцкій), — во Франціи насъ ненавидятъ не только въ правительственныхъ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ. Англія, которая въ недавнее еще время навязывала свою поддержку народамъ, борющимся за свободу, поскольку это не было противно ея непосредственнымъ интересамъ, — теперь вовсе о насъ не думаетъ и не оказываетъ намъ ни малѣйшаго сочувствія. Италія, прикованная къ тройственному союзу и съ трудомъ борющаяся со внутренними своими недугами, не желаетъ вовсе, выражая намъ свою симпатію, вооружать противъ себя могущественнаго своего союзника. Другіе народы почти вовсе забыли о насъ; недавно намъ представился случай убѣдиться въ томъ, что и за океаномъ слышатся уже возгласы нерасположенія и даже ненависти къ намъ,—это въ странѣ, за свободу которой сражались два величайшихъ героя погибающей Польши, въ странѣ, считающей въ составѣ своего населенія сотни тысячъ польскихъ гражданъ. Я

[1]) Это, въ равной степени черта польскаго характера. *вторъ.*

говорю здѣсь про недавнюю рѣчь одного изъ представителей Соединенныхъ Штатовъ въ комиссіи конгресса. [1]) Даже родственные намъ славянскіе народы, испытавшіе жестокіе удары судьбы, подобные нами пережитымъ, народы, которымъ приходится и нынѣ бороться съ такими же препятствіями, какъ и намъ, народы, которые, помимо родства, должно сближать съ нами общее горе, — и они, отварачиваясь отъ насъ, руководятся иною политикой и обращаются къ намъ лишь съ ѣдкимъ словомъ критики, осужденія и даже глумленія. Вотъ почему наше общество имѣетъ несравненно больше основаній, чѣмъ общество нѣмецкое, утверждать: „не любятъ насъ!“ По отношенію къ нѣмцамъ другіе народы высказываютъ, по крайней мѣрѣ, наружное, дѣланное расположеніе и симпатію, вызванную политическими соображеніями; мы не можемъ утѣшиться и этимъ даже, ибо кому же нужно расположеніе народа, который за выказанную по отношенію къ нему симпатію ничѣмъ заплатить не въ состояніи? Мы совершенно изолированы, оставлены даже тѣми, кто обязанъ намъ благодарностью за прежнія услуги. Наша судьба не вызываетъ въ другихъ странахъ ни малѣйшаго интереса, печать упоминаетъ о насъ вскользь, изъ обязанности, а читатели пожимаютъ плечами, если вообще соблаговолятъ прочесть касающіяся насъ свѣдѣнія. Сочувственные намъ голоса раздаются все рѣже и являются лишь выраженіемъ единичнаго къ намъ расположенія.

„Вмѣсто ожидаемой помощи намъ достаются еще упреки за то, что мы осмѣливаемся нарушать спокойствіе другихъ государствъ и народовъ, искусственно поддерживаемое равновѣсіе и еще болѣе искусственную гармонію въ европейскомъ концертѣ. Объясненіе этого равнодушія по отношенію къ намъ со стороны другихъ народовъ можно бы искать въ духѣ нашего времени, насквозь проникнутаго матеріализмомъ; но помимо этой, тутъ должны быть и другія причины, надъ которыми стоитъ подумать“.

Не любятъ насъ! — это не все: презираютъ насъ за нашу вѣчную ложь, надменность, самомнѣніе и заносчивость, соединенныя съ невѣжествомъ. Это опредѣленіе будетъ болѣе справедливымъ, но поляки не хотятъ слушать ничего подобнаго, и какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи и Австріи требуютъ для себя другого отношенія, другихъ законовъ, чѣмъ тѣ, которыхъ они заслуживаютъ. Католическіе вѣра и „святой отецъ“ не исчезаютъ со столбцовъ ихъ газетъ, несмотря на то, что надъ ними глумится вся Европа.

Противъ всей этой лжи и всего этого шарлатанства собираемыхъ поляками „католическихъ вѣчъ“ рѣзко выступилъ въ Австріи ксендзъ Стояловскій, редакторъ журнала „Wieniec Polski“; вотъ что онъ пишетъ, между прочимъ: „Пресловутое „католическое вѣче“ ничего не создастъ, ибо, какъ это можно напередъ предвидѣть, вмѣсто того, чтобы посодѣйствовать торжеству „правды и справедливости“, вѣче захочетъ убѣдить себя, общество, весь міръ, что всѣ по сіе время содѣянные проступки галицкихъ епископовъ и ксендзовъ,—вовсе не проступки; что каждое слово посланій галицкихъ епископовъ—это непреложная истина; что политическая агитація съ амвона — это провозглашеніе Евангелія; что притѣсненіе и преслѣдованіе при причащеніи Святыхъ Таинъ читателей несимпатичныхъ епископамъ и ксендзамъ газетъ — это цвѣтъ апостольскаго рвенія; что, наконецъ, преслѣдованіе этихъ газетъ, оклеветаніе ихъ редакторовъ, проклятія, отлученія, лишеніе священническаго званія, метаемыя въ слѣпой и бѣшеной ненависти,—все это необходимое выраженіе дисциплины и т. д.

„Ненавистничество въ этомъ направленіи можно сравнить лишь съ древнимъ фанатизмомъ *синагоги*, съ упорствомъ членовъ еврейскаго синедріона. Если такъ называемое „католическое вѣче“ полагаетъ, что помпой и искусственнымъ блескомъ или

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о поднятомъ въ Вашингтонскомъ конгрессѣ проектѣ, нашедшемъ поддержку въ печати, относительно „воспрещенія эмиграціи въ Соединенные Штаты полякамъ, какъ элементу вредному, благодаря ихъ дурнымъ наклонностямъ“.

лучами, исходящими не изъ „солнца правды", а заимствованными изъ очаговъ воскресшей инквизиціи, оно будетъ въ состояніи снять съ этого фанатизма пятно „ослѣпленія и какого-то сатанизма", то пусть оно идетъ по стопамъ своего предшественника, т. е. краковскаго вѣча. Мы скажемъ безъ колебанія: такое вѣче можетъ издать юбилейную книжку, можетъ гордиться милостями сановниковъ и поддержкой, имъ оказанною, можетъ заявлять, что нынѣ уже у него въ столѣ хранится папское непогрѣшимое (хотя и данное тому, что еще не народилось) благословеніе, что вѣче получитъ и другое такое благословеніе, заранѣе заказанное,—но въ исторіи развитія христіанства и возвеличенія Духа Божія, это вѣче исчезнетъ такъ же безслѣдно, какъ и первое; и въ день, когда „судья праведный, проникающій сердца и нелицепріятный" пріидетъ судить, награждать или карать, отъ такого вѣча не останется ничего кромѣ, соломы, годной для сожженія.

„На такое вѣче ни мы, ни кто-либо изъ истинныхъ христіанъ не явится".

По поводу постояннаго стремленія поляковъ въ Пруссіи къ равноправности, „Schlesische Zeitung" между прочимъ, говоритъ:

„Польская печать упрекаетъ познанскихъ нѣмцевъ въ томъ, что своимъ образомъ дѣйствій они дѣлаютъ невозможною для поляковъ совмѣстную съ ними работу во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Нѣмцы и поляки образуютъ отдѣльный міръ имѣютъ отдѣльныя научныя общества (?), благотворительныя учрежденія и т. д., и хотя съ обѣихъ сторонъ дѣлались попытки установить какой-либо „modus vivendi", то эти попытки не удавались благодаря образу дѣйствій нѣмцевъ.

„Виноваты этому не нѣмцы, а именно сами поляки, которые, благодаря своей *требовательности* и настаиванію на предоставленіи имъ какихъ-то фантастическихъ правъ національной самостоятельности, дѣлаютъ невозможною всякую совмѣстную дѣятельность свою съ нѣмцами.

„Правда, нѣмцы могли бы обойтись безъ этого содѣйствія поляковъ, ибо, въ виду культурнаго недоразвитія, это содѣйствіе лишь затрудняетъ и задерживаетъ развитіе культуры восточныхъ границъ прусскаго государства.

„Если нѣмцы, однако, стремятся привлечь поляковъ къ совмѣстной съ ними дѣятельности, то они дѣлаютъ это изъ педагогическаго принципа, по которому всѣ классы и составныя части населенія должны единиться въ гармонической совмѣстной дѣятельности для блага всего государства. Поэтому, если поляки хотятъ честно и безъ заднихъ мыслей работать въ равной степени на благо своей родной области, какъ на благо государства, въ составъ коего входятъ въ силу обстоятельствъ, то они должны разъ на всегда разстаться съ мыслью, будто они имѣютъ право занимать въ общественной жизни какое-то самостоятельное національное положеніе.

„Признаніе необходимости этого условія явилось бы со стороны поляковъ шагомъ гораздо болѣе разумнымъ и практическимъ, чѣмъ постоянные протесты и оппозиція прямымъ послѣдствіямъ политическихъ отношеній.

„Ни къ чему не приведутъ ссылки на трактаты, на какія-то фантастическія права; вѣдь, въ средѣ самой же польской оппозиціи противъ власти духовенства и шляхты раздаются предостереженія о пагубности этой политики, а умѣренный органъ этой оппозиціи осмѣялъ политику разыгрыванія поляками роли равноправнаго элемента на основаніи принципа „do, ut des".

„Необходимо, чтобы такіе благоразумные голоса раздавались почаще, и тогда легче будетъ создать нормальныя отношенія между государствомъ, съ одной стороны, и поляками—съ другой. Изъ совмѣстной дѣятельности поляковъ съ нѣмцами первые извлекли бы гораздо болѣе выгоды, чѣмъ вторые. Но нѣмцы безъ зависти смотрѣли бы на экономическій ростъ поляковъ и даже поддерживали бы ихъ на этомъ пути-если бы только могли считать ихъ истинными согражданами, безо всякаго принужде—

нія выполняющими свои обязанности по отношенію къ государству и нѣмецкому населенію и не считающими себя самостоятельнымъ элементомъ въ государственномъ организмѣ.

„Если же поляки ссылаются на то, что они ничѣмъ не обязаны по отношенію къ государству, къ составу котораго принадлежатъ, что они добросовѣстно выполнили всѣ обязанности въ хорошія и дурныя для государства времена, что они проливали кровь на войнѣ, то мы замѣтимъ, что все это они дѣлали по принужденію, и что это вовсе не даетъ имъ права требовать, чтобы ихъ считали хорошими пруссаками. Весь ихъ образъ дѣйствій доказываетъ, что они стремятся принципіально остаться чуждыми Германіи и передать эту ненависть къ нѣмцамъ грядущимъ поколѣніямъ.

„Спину свою они сгибаютъ лишь настолько, насколько ихъ принуждаетъ къ тому Дамокловъ мечъ государственныхъ законовъ. Тамъ же, гдѣ общественное благо требуетъ отъ нихъ содѣйствія и извѣстнаго самоотреченія, тамъ поляки даютъ понять нѣмцамъ, что они (т. е. поляки) представляютъ самостоятельный элементъ въ прусскомъ государственномъ организмѣ, и выступаютъ со своими національными претензіями. Что при подобныхъ отношеніяхъ нѣмцы не могутъ содѣйствовать обособленію этого элемента и усиливать его матеріальныя основы,—это съ человѣческой точки зрѣнія совершенно понятно, и въ этомъ именно надо искать причинъ образованія „Общества для содѣйствія германизаціи восточныхъ окраинъ Германіи, которое полякамъ соблагоразсудилось иронически прозвать Обществомъ Гакотистовъ (Н. К. Т.) [1])“.

Все то, что высказалъ въ вышеприведенной статьѣ нѣмецкій публицистъ, должны принять на свой счетъ и поляки, живущіе въ привислинскихъ губерніяхъ Россійской Имперіи, если не желаютъ дождаться судьбы цыганъ или евреевъ, судьбу которыхъ раздѣляетъ уже въ настоящее время много поляковъ. Германія первая, конечно, при такомъ теченіи вещей не долго будетъ церемониться съ ними и поставитъ ихъ въ своихъ предѣлахъ въ то положеніе, какое имъ дѣйствительно надлежитъ занимать.

Литовцы точно также терпѣть не могутъ поляковъ, несмотря на ихъ постоянныя увѣренія въ своей тождественности съ литовцами. Выдающихся литовскихъ историковъ, писателей и поэтовъ поляки безъ церемоніи присваиваютъ своему племени и гордятся Мицкевичемъ, Сенкевичемъ, Костюшкой, не имѣющими въ себѣ ничего польскаго, кромѣ позаимствованныхъ у поляковъ анархическихъ стремленій.

Несмотря на все это, ненависть литовцевъ къ полякамъ сказывается на каждомъ шагу, даже въ стѣнахъ Божьяго храма, какъ объ этомъ сообщалъ корреспондентъ Przegląd'a Wszechpolsk'аго въ статьѣ подъ заглавіемъ „Поляки и Литовцы“. Вотъ что онъ говорилъ, между прочимъ: „Литовскіе крестьяне охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, и каждый изъ нихъ таитъ въ глубинѣ души надежду, что сынъ его станетъ ксендзомъ, гордостью семьи. Въ маріампольской гимназіи учатся преимущественно крестьянскія дѣти. Послѣ мятежа, согласно идеѣ Милютина, правительство содѣйствовало просвѣщенію и развитію литовской народности, въ программу преподаванія въ народныхъ училищахъ литовскихъ губерній былъ введенъ литовскій языкъ, равнымъ образомъ и въ маріампольской гимназіи. Очень часто литовская молодежь обманываетъ надежды родителей, и многіе литовскіе юноши, по окончаніи ученія, пренебрегаютъ духовною карьерой; нѣкоторые изъ нихъ остаются на своей землѣ, другіе стремятся въ русскіе университеты, премущественно въ Москву. Возвращаясь на родину, послѣдніе образуютъ мѣстную интеллигенцію, по преимуществу враждебно расположенную къ

---

[1]) Начальныя буквы фамилій трехъ основателей Общества, членовъ котораго поляки прозвали гакатистами, съ прибавкой эпитетовъ: „негодяи, мерзавцы, разбойники!“ Такія клички заслуживаютъ у поляковъ всѣ патріоты всякой страны, въ томъ числѣ русской, гдѣ поляки терпимы, препятствующіе полякамъ въ ихъ выходкахъ и мятежахъ. Напротивъ, имя хорошихъ русскихъ заслужили у поляковъ русскіе нигилисты, соціалисты и анархисты.

полякамъ. Есть, правда, немногочисленные литовцы, дружелюбнѣе относящіеся къ полякамъ; это чаще всего бывшіе студенты Варшавскаго университета, но они пользуются меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ первые.

„Ксендзы у насъ — преимущественно литовцы; благочестивая Литва даетъ ихъ даже для другихъ епархій. Въ послѣднее время въ Сейненской семинаріи взялъ верхъ литовскій элементъ и сильно сказалась литовская обособленность.

„Пользуясь слабостью епископа Вежбовскаго, литовскіе патріоты стали устранять изъ церховнаго обихода польскій языкъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ костелахъ въ литовской части епархіи, въ виду смѣшанности населенія, пѣснопѣніе и проповѣди совершались на двухъ языкахъ. Въ настоящее время ксендзы-литовцы устраняютъ изъ этихъ костеловъ польскій языкъ; жалобы поляковъ, обращенныя къ епископу, остались безъ всякаго результата, русскія же власти усиленно поддерживаютъ такихъ ксендзовъ.

„По этому поводу не разъ уже происходили рѣзкія столкновенія; недавній же случай въ Лоздѣяхъ хорошо иллюстрируетъ положеніе вещей. Въ этомъ приходѣ, находящемся въ Сейненскомъ уѣздѣ, литовцы представляютъ значительное большинство литовско-польскаго населенія. Литовскій языкъ въ церковномъ обиходѣ не употреблялся вплоть до 1897 года, когда его ввелъ въ дополнительное богослуженіе ксендзъ-литовецъ, начавшій постепенно устранять изъ богослуженія польскій языкъ. Это возмутило прихожанъ поляковъ, не желавшихъ согласиться на это нововведеніе и продолжавшихъ пѣть въ костелѣ по-польски. Ксендзъ, *какъ говорятъ* [1]) подговорилъ литовцевъ, и они рѣшили пѣть на своемъ языкѣ. Одновременное пѣніе на двухъ языкахъ довело дѣло до ссоры, а затѣмъ къ кровавой схваткѣ въ костелѣ и на кладбищѣ. Можно впередъ предсказать, что производящимся по этому дѣлу слѣдствіемъ будутъ обвинены поляки (святоши. *Авт.*) Но наказаніе виновныхъ не разрѣшитъ спора. Одни другимъ ни въ какомъ случаѣ не уступятъ и не трудно предсказать чѣмъ, все это окочится. (Пусть корреспондентъ не безпокоится: русскія власти съумѣютъ ввести порядокъ. *Авт.*)

„Это происшествіе отнюдь не представляетъ исключительнаго случая, а, напротивъ служитъ знаменательнымъ выраженіемъ существующихъ отношеній. Главная вина падаетъ на духовенство, т. е. не только на патріотовъ ксендзовъ, но и на высшую власть-которая неосмотрительно позволила раздувать безсмысленную національную распрю (власть эта забыла, вѣроятно, что поляки должны играть въ Россіи первенствующую роль. *Авт.*). Можно было и слѣдовало непремѣнно справедливо разграничить права обоихъ языковъ и урегулировать этотъ вопросъ, не раздражая ни поляковъ, ни литовцевъ (какъ это дѣлали, напримѣръ, поляки во времена своего господства. *Авт.)* Единственною, можно смѣло сказать, причиной этихъ пререканій и столкновеній является образъ дѣйствій ксендзовъ-литовцевъ, которые предумышленно такъ поступаютъ въ данномъ вопросѣ, съ цѣлью оскорбить и обидѣть польское населеніе. Это въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограниченные фанатики литовщины, подчиняющіеся посторроннимъ нашептываніямъ и не отдающіе себѣ отчета въ томъ, что дѣлаютъ. (Брали бы примѣръ съ поляковъ: тѣ всегда знаютъ, что дѣлаютъ. *Авт.*). Зная ихъ, нельзя требовать отъ нихъ такта и разсудительности, самая незначительная доля коей устранилабы эти печальныя явленія; и только строгая дисциплина и разумная осмотрительность со стороны духовной власти могла бы вернуть этихъ ксендзовъ съ ложнаго пути, слѣдуя косму, они больше, быть можетъ, вредятъ литовскому дѣлу, чѣмъ польскому населенію.“

Истинно комическою представляется въ этой корреспонденціи жалоба паписта на ксендзовъ, зная которыхъ не станешь де требовать отъ нихъ такта и разсудительности. Вотъ оно хваленое единство Литвы съ Польшей, доводящее до схватокъ въ костелахъ между двумя „тождественными націями“!

[1]) Выраженіе: „какъ говорятъ“ является у поляковъ достовѣрнымъ извѣстіемъ.

По поводу этого столкновенія въ костелѣ литовцевъ съ поляками, эти послѣдніе стараются утверждать, что антагонизмъ между этими „братскими“ народностями вызываютъ русскія власти, натравляющія литовцевъ на поляковъ, и что до раздѣла Польши существовала въ церковныхъ дѣлахъ полнѣйшая солидарность между обѣими націями. Мы уже имѣли случай указать выше на эту солидарность, тѣмъ не менѣе приводимъ еще нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ архива Виленской капитулы.

Когда въ 1591 году виленскій епископъ кардиналъ Радзивилъ перемѣстился на краковскую каѳедру, луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій (полякъ) началъ усиленно добиваться виленской каѳедры. При обширныхъ связяхъ, Мацѣевскій успѣлъ заручиться согласіемъ короля Сигизмунда III, который особою грамотою предназначилъ его виленскимъ епископомъ и въ такомъ смыслѣ сдѣлалъ о немъ представленіе папѣ. Увѣренный въ полученіи виленской каѳедры, нуждаясь, между тѣмъ, въ средствахъ для болѣе успѣшнаго достиженія желаемаго, Мацѣевскій обратился къ Виленской капитулѣ съ просьбою — дать ему десять тысячъ злотыхъ изъ столовыхъ доходовъ виленскаго епископа. Такой шагъ Мацѣевскаго крайне возмутилъ не только членовъ капитулы, но и всѣхъ высшихъ чиновъ литовскаго княжества. Рѣшено было отказать Мацѣевскому въ его просьбѣ, а короля увѣдомить о всей противузаконности поступка епископа. Но въ это время получена была папская булла, подтверждающая Мацѣевскаго виленскимъ епископомъ. Между тѣмъ не переставали поступать массами въ Виленскую капитулу и письма отъ папы, короля, папскаго нунція и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ съ ходатайствомъ за епископа Мацѣевскаго о ссудѣ ему десяти тысячъ. Не находя возможнымъ совершенно отказать въ ссудѣ епископу Мацѣевскому и даже нѣсколько опасаясь отъ такого отказа вредныхъ послѣдствій для самого костела, капитула заимообразно дала ему въ два срока десять тысячъ злотыхъ, предоставляя папѣ рѣшить вопросъ относительно возврата этой суммы. Ободренный благополучнымъ исходомъ своего дѣла и получивши папское бреве, утверждающее его виленскимъ епископомъ, Мацѣевскій вновь, якобы уже на законномъ основаніи, требуетъ изъ Луцка отъ Виленской капитулы о присылкѣ ему еще пяти тысячъ злотыхъ, необходимыхъ для уплаты римскому престолу за выданное бреве. Тогда капитула поспѣшила увѣдомить, что она никакъ не можетъ удовлетворить его требованію, что самая его номинація со стороны короля виленскимъ епископомъ не можетъ быть признана капитулою, какъ противная правамъ и привиллегіямъ литовскаго княжества; а притомъ, прибавила капитула, не было еще и выборовъ его въ виленскіе епископы со стороны капитулы, что непремѣнно требуется основными капитульными постановленіями, правами и обычаями и безъ чего онъ не можетъ поступить на виленскую епископію. По городу стала серьезно распространяться молва, что литовцы готовы вооруженною силою удалить изъ Вильны Мацѣевскаго, если бы онъ рѣшился упорствовать въ своемъ намѣреніи и явился на виленскую епископскую каѳедру.

Чтобы разъ на всегда положить конецъ подобнымъ притязаніямъ поляковъ сенаторы и высшіе чины литовскаго княжества — Юрій и Александръ Ходкевичи, Иванъ Абрамовичъ, Григорій Воина, Димитрій Халецкій, Станиславъ Нарбутъ, Михаилъ Друцкій-Соколинскій и другіе въ числѣ тридцати, даже епископъ жмудскій, Мельхіоръ Гедройцъ и, конечно, члены виленской капитулы отправили посланіе къ королю, въ которомъ рѣшительно ему заявили, что они никакимъ образомъ не могутъ согласиться на номинацію Мацѣевскаго, что она противна привиллегіямъ великаго княжества литовскаго, по которымъ всѣ должности, и особенно сенаторства, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, должны быть раздаваемы въ княжествѣ исключительно только литовцамъ, а не полякамъ, что назначеніе Мацѣевскаго оскорбляетъ ихъ коренныя права и служитъ уни-

женіемъ ихъ народной славы, оскорбленіемъ ихъ народныхъ обычаевъ: не чуждые по происхожденію, а природные литовцы должны занимать виленскую каѳедру.

На усиленныя настаиванія папскаго нунція признать Мацѣевскаго виленскимъ епископомъ, на его заявленія, что этого сердечно желаетъ папа Климентъ VIII, капитула особою делегаціею донесла папѣ, что его велѣнія въ данномъ случаѣ для нея неисполнимы, что своимъ согласіемъ она никакъ не хочетъ возбудить противъ себя, какъ непріятелей отечества, ненависть всѣхъ государственныхъ сословій. Рожденные и воспитанные въ великомъ княжествѣ, наслаждающіеся его вольностями и свободами, члены капитулы никакъ не хотятъ стать первыми, которые были бы готовы отказаться отъ этихъ правъ и привиллегій и такимъ образомъ положить первоначало всѣхъ золъ и бѣдъ въ будущемъ для своей отчизны (Приложеніе стр. 70, 72, 73. §§ 161, 162, 163, 186, 187, 188... Ср. Przyałgowski—Zywoty biskupow Wilenskich—Cz. str. 28, 29).

Въ то время Поляки еще сильно побаивались Литовцевъ и никто ничего не смѣлъ возразить противъ такихъ аргументовъ капитулы, и она осталась побѣдительницею: король и папа отказались отъ своего кандидата на виленскую епископію и на нее былъ избранъ капитулою, а по ея избранію предназначенъ королемъ и утвержденъ папою Авраамъ Война, одинъ изъ членовъ же Виленской капитулы, бѣлоруссъ по происхожденію.

Тѣмъ не менѣе поляки не переставали стремиться на высшія и духовныя должности въ Литвѣ, чтобы этимъ доказать Европѣ, что Литва составляетъ нераздѣльную часть Польши и состоитъ у нея въ зависимости. Но литовцы ненавидѣли поляковъ и гнали ихъ отъ себя, что видно изъ слѣдующихъ позднѣйшихъ протоколовъ капитулы:

1) 1752 года, апрѣля 29. Постановленіе Виленской капитулы о томъ, чтобы ни одного поляка не принимать въ составъ литовскаго духовенства. Въ этомъ постановленіи сказано: Въ виду предложенія назначить на вакантную виленскую канонію поляка, ксендза Водзинскаго, капитула, опасаясь, что подобное назначеніе можетъ послужить воротами, чрезъ которыя проходили бы въ среду литовскаго духовенства поляки, „проситъ епископа, дабы онъ сообщилъ письменно канцлеру и подканцлеру права и обычаи литовскихъ провинцій, дабы они впредь отъ подобныхъ предложеній воздерживались“.

2) 1753 г., ноября 5. Докладъ капитулы о томъ, что поляку ксендзу Бронниковскому, воспитывавшемуся въ Римѣ, удалось выхлопотать у папы назначеніе его на вакантную въ Вильнѣ, послѣ смерти епископа Пузины, „схоластерію“. Капитула, назначивъ на эту должность литовца, ксендза Лопацинскаго, отправила его къ папскому нунцію въ Варшаву съ объясненіемъ, что, по соглашенію поляковъ съ литовцами, какъ свѣтскія, такъ и церковныя должности въ Литвѣ, могутъ быть предоставляемы исключительно литовцамъ, причемъ добытыя обманнымъ способомъ отъ короля назначенія на эти должности поляковъ признаются недѣйствительными“.

Капитула приводитъ по этому поводу постановленія: съ 1374 г. въ Кашевѣ при королѣ Людовикѣ, 1433 и 1496 въ Петроковѣ, и подтвержденія въ 1503, 1505 и 1538. Какими служебными правами пользуется каждая нація, то точно опредѣлено въ конституціяхъ 1563 и 1464 гг. Что же гарантировали себѣ поляки, то же самое гарантировали себѣ литовцы. Это удостовѣряетъ ст. 12, гл. 3 конституціи 1607 г., стр. 1600, конституція 1631 г., стр. 1668 и конституція 1717 года.

„Соединеніе Польши съ Литвой этихъ правъ не нарушало, ибо унія основывается исключительно на подтвержденіи ненарушимости прежнихъ правъ и привиллегій. Унія представила лишь право пріобрѣтенія въ соединенной странѣ имѣній, взаимныхъ браковъ и т. п. Не лишила она имени и самостоятельности обоихъ народовъ: поэтому существуютъ отдѣльные министерства, финансы, суды и законы. Будь Польша и Литва

одно общее государство, было бы достаточно имѣть одного гетмана, одни финансы, одну государственную печать.

„Напрасно поляки стараются утверждать, что эти подраздѣленія не относятся къ духовенству. Въ поименованныхъ выше правилахъ говорится ясно объ епископствахъ. Это слово не можетъ относиться къ епископамъ исключительно и епископы именуются отдѣльно. Не суразно было бы, если бы обязанности при каѳедрахъ занимали инородцы, въ пренебреженіе для своихъ, какъ бы ничего не стоющихъ, не имѣющихъ права на награду за заслуги своихъ предковъ, которые своею кровью или имуществомъ обогатили Церковь, чтобы при ней служили ихъ потомки.

„Всякое, наконецъ, въ этомъ отношеніи сомнѣніе устраняетъ конституція 1636 г., предписывающая назначать на церковныя должности поляковъ съ отца и матери въ Польшѣ, а литовцевъ въ Литвѣ“.

На основаніи этихъ объясненій назначеніе Бронпковскаго въ Литву не состоялось

Польскаго языка въ то время въ литовскихъ костелахъ не было слышно вовсе; лишь начиная со второй половины XVIII вѣка, дѣйствуя скопомъ и интригами, совмѣстно съ евреями, поляки исподволь захватили въ свои руки всѣ административныя должности въ Литвѣ, какъ нынѣ ихъ захватываютъ въ Россіи, внося анархическія тенденціи въ русскій народъ и латинскими церковными обрядностями, раскинутыми нынѣ повсемѣстно, распространяютъ соблазнъ среди православнаго народа. И какъ нынѣ въ литовскихъ городахъ поляки вступаютъ въ драку въ костелахъ изъ-за польскаго языка, такъ въ непродолжительномъ времени это начнетъ повторяться и въ русскихъ городахъ, если не въ церквахъ, то въ присутственныхъ и общественныхъ мѣстахъ.

Въ этой замѣчательной борьбѣ литовцевъ съ поляками насъ болѣе всего интересуютъ энергическія дѣйствія латинской капитулы противъ незаконныхъ домогательствъ папы, ея отстаиваніе государственныхъ правъ и законовъ своего отечества противъ чуждаго вмѣшательства и сильный отпоръ стремленію поляковъ овладѣть въ Литвѣ различными, особенно высшими, должностями.

Для нашего времени это очень поучительно и **достойно подражанія!**

Вышеприведенный церковный документъ появляется впервые въ Литвѣ, на польскомъ языкѣ до того же времени всѣ подобные акты писались на русскомъ языкѣ. Окончательно же введенъ польскій языкъ въ литовской церковной католической іерархіи лишь въ 1783 году, незадолго до раздѣла Польши. Въ этомъ-то году виленская капитула, заполоненная уже поляками, издала указъ 22 октября о томъ, что акты капитулы должны быть писаны по-польски.

Эта новая схватка литовцевъ съ поляками на литовской землѣ, въ литовскомъ костелѣ вполнѣ доказываетъ, что не другія народности навязываютъ полякамъ свой языкъ, а что, наоборотъ, поляки насильно вторгаются со своимъ языкомъ туда, гдѣ его вовсе не желаютъ; а когда полякамъ достается трепка за подобныя поползновенія распространять свой „великій, культурный“ языкъ среди несогласныхъ съ подобными эпитетами народностей, тогда поляки вопятъ, что имъ запрещаютъ-де говорить на ихъ родномъ языкѣ. Доказательствомъ этого служитъ и негодованіе революціоннаго польскаго духовенства по поводу введенія русскаго языка въ католическое богослуженіе въ мѣстностяхъ, гдѣ римско-католическое населеніе по происхожденію принадлежитъ къ русскому племени, причемъ ксендзы фанатики утверждаютъ, что употребленіе русскаго языка въ костелахъ запрещено папой; что въ предѣлахъ Россійской имперіи допускается римское богослуженіе лишь на латинскомъ, польскомъ, литовскомъ и латышскомъ языкахъ. Конечно, это такая же ложь, какъ и другія декреталіи латинской Церкви. Передъ нами документы, доказывающіе, что употребленіе русскаго языка въ католическихъ церквахъ не только не воспрещено, но, напротивъ, употребленіе его

предписано папой и помѣстными соборами въ дополнительномъ богослуженіи католиковъ въ Россіи. Вотъ нѣсколько доводовъ этого:

1) Впервые русскій языкъ былъ примѣненъ въ католическомъ богослуженіи въ очагѣ латинства, въ Римѣ, въ присутствіи папы, кардиналовъ и массы народа, какъ о томъ гласитъ булла папы Климента VIII отъ 23 декабря 1595 года, начинающаяся словами: „Magnus Dominus". Въ названномъ году владимірско-берестечскій епископъ, Игнатій Поцѣй, и луцко-острожскій, Кириллъ Терлецкій, отдѣлившись отъ православной христіанской вѣры, *приняли въ Римѣ латинство отъ имени всего духовенства и православныхъ мірянъ Западнаго края*, при условіи сохраненія ими обрядовъ восточной христіанской Церкви; въ доказательство принятія ими латинскаго ученія, Поцѣй и Терлецкій должны были произнести *символъ вѣры* въ формѣ, искаженной папой Павломъ IV, заключающійся въ римско-католическомъ „Rituale sacramentorum", по которому и совершаются церковные обряды латинскимъ духовенствомъ въ Россіи. Поцѣй, знавшій латинскій языкъ, произнесъ этотъ *символъ вѣры* на латинскомъ языкѣ; Терлецкій же, латинскаго языка не знавшій, произнесъ его *въ русскомъ переводѣ.* Тотъ фактъ, что русскій языкъ раздался въ римско-католической церкви, былъ признанъ тогда папой великой побѣдой римскаго католицизма. Приэтомъ оказалось, что русскій переводъ латинскаго *символа вѣры* существовалъ уже въ XVI вѣкѣ, тогда какъ въ польскомъ переводѣ онъ появился лишь въ 1719 году въ виленскомъ изданіи „Rituale sacramentorum".

2) Въ 1604, 1607 и 1613 годахъ были созываемы въ Вильнѣ соборы римско-католическаго духовенства виленской епархіи, обнимавшей до 1773 года всѣ нынѣшнія сѣверо-западныя губерніи, за исключеніемъ Жмуди, т. е. нынѣшнихъ Тельшевскаго, Шавельскаго и Россіенскаго уѣздовъ Ковенской губерніи. Постановленія этихъ соборовъ были изданы въ Вильнѣ въ 1613 году подъ заглавіемъ: „Constitutio nei synodorum diecensis Vilnensis par III et. Rev. in Cristo Patrem ac D. D. Benedictum Wogna, Dei et Apostolicae saedis gratia Episcoporum Vilnensem diversis temporibus in sua metropoli celabratae..." Въ постановленіяхъ, обязательныхъ для римско-католическаго духовенства сѣверо-западныхъ губерній, на страницѣ подъ лит. А въ отдѣлѣ: „Officium Parochorum in predicatione verbi Dei" заключается, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: quare omnes et singulos Parochos per viscera charitatis Dei hortamur, et decreto praesentis synodi praeccipium, ut cum indiffenso diligentia in contionibus, populo rudi doctrinam christianam vulgari, corum lingua inculcent" (всѣхъ настоятелей и, каждаго въ отдѣльности, во имя любви къ Богу заклинаемъ и постановленіемъ этого собора имъ приказываемъ, чтобы они съ неустаннымъ рвеніемъ распространяли христіанское ученіе между *простымъ народомъ, при помощи проповѣдей на его родномъ языкѣ*).

3) Въ 1628 году былъ созванъ соборъ въ Петрковѣ, на который собралось духовенство со всей тогдашней Польши подъ предсѣдательствомъ примаса. Рѣчи Посполитой, архіепископа гнѣзненскаго, причемъ въ соборѣ принимали участіе делегаты отъ всѣхъ епархій, а также отъ монастырей Польши и Литвы. Постановленія этого собора, для приданія имъ большаго значенія, были посланы въ Римъ, гдѣ были разсмотрѣны и исправлены по приказанію папы Урбана XIV; изданы они въ Краковѣ въ 1629 году подъ заглавіемъ: „Synodus Provincialis Petrocoviae 1628 celebrata". Въ буллѣ „Militantis Ecclesiae...", изданной 28 августа 1829 года, самымъ строгимъ образомъ приказано духовенству исполнять все то, что было поставлено петроковскимъ соборомъ; „Мы повелѣваемъ всѣмъ и каждому изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, равно и монахамъ неизмѣнно соблюдать постановленія собора разсмотрѣнныя и исправленныя, отъ исполненія коихъ никто ни подъ какими предлогами уклоняться не можетъ; все же, *что будетъ содѣяно вопреки этимъ постановленіямъ*, какою бы то ни было властью умышленно или неумышленно, *признается неимѣющимъ силы и значенія* (*ac irritum et inane, si secus super his a quoquam quavis auctoritate, sciender vel ignoranter contigerit*

attentari)". Въ этихъ постановленіяхъ, утвержденныхъ папой, между прочимъ, читаемъ: *„factaque generali confessione sive a populo precloquente Parocho nativa illorum lingua (пріемлющіе Причастіе прихожане повторяютъ вслѣдъ за ксендзомъ общее исповѣданіе грѣховъ на своемъ родномъ языкѣ, лица же духовнаго званія, пріемлющія Причастіе,—на латинскомъ языкѣ)*".

4) На послѣднемъ виленскомъ соборѣ (1744 г.) постановлено, между прочимъ, (въ отдѣлѣ I „de Fide et Doctrina christiana"): „in fine, denique, catechismi vel contionis ut melius tempus postulaverit, dicent cum populo Praeces vernacula lingua, scilicet-Pater Noster, Ave Maria, Credo, aliosque; Actus Fidei, Contritionis Timorie mei, jam antea praescriptos et dici solitos. Ouapropter neminem ad contrahendum Matrimonium admittant, nisi optime calentem praeces, Praecepta Decalogi, et Rudimenta Fidei" чтобы ксендзы (curam animarum habentes), по окончаніи преподаванія катихизиса, произносили вмѣстѣ съ народомъ молитвы: Отче нашъ, Богородице, Дѣво, символъ вѣры и другія, какъ это было уже постановлено и примѣнялось, — *на національномъ языкѣ прихожанъ.* На этомъ основаніи не слѣдуетъ допускать къ Причастію и вѣнчать тѣхъ, кто не знаетъ хорошо молитвы, десяти заповѣдей и основъ вѣры".

Изъ вышеприведенныхъ документовъ явствуетъ, что постановленія соборовъ, утвержденныя папой, обязываютъ римско-католическое духовенство западно-русскихъ губерній произносить проповѣди и совершать дополнительное богослуженіе на національномъ языкѣ прихожанъ (lingua vulgari nativa populi et vernacula)... Такъ какъ національнымъ языкомъ населенія сѣверо-западныхъ губерній является языкъ русскій, на которомъ и по сіе время говоритъ большая часть простонародія, то упорное стремленіе тамошняго римско-католическаго духовенства къ исключительному употребленію въ дополнительномъ богосуженіи польскаго языка является ничѣмъ инымъ, какъ революціонной оппозиціей противъ Россіи. Чтобы лишить революціонное духовенство возможности оправдываться, что подъ *національнымъ языкомъ* постановленія соборовъ разумѣли исключительно польскій языкъ, мы замѣтимъ, что и въ текстѣ постановленій соборовъ и въ древнѣйшихъ требникахъ (rituale sacra mentorum) польскій языкъ прямо называется idioma polonicum, а жмудскій и литовскій — idioma litianicum. Лишь въ ритуалахъ, изданныхъ въ Вильнѣ въ 1858 и 1864 годахъ (стр. 117) къ фразѣ: „священникъ обращается къ прихожанамъ на туземномъ языкѣ", прибавлено поясненіе: „по-польски", что составляетъ свойственный іезуитамъ подлогъ.

Стремленіе польскаго духовенства къ введенію польскаго языка въ костелахъ Литвы и Руси вызвало то явленіе, что тамошнее населеніе въ началѣ XIX вѣка перестало посѣщать латинскіе костелы. По этому поводу папа Бенедиктъ XIV обратился къ епископу Яну Зенковичу съ бревэ отъ 7 мая 1843 года: „Solicitam esse..." гдѣ, между прочимъ говорится: „Volumus autem, ut in Coro Divinisque Officiis nihil innovetur nee a pristino Ritu discedatur (мы желаемъ, чтобы въ обрядахъ и богослуженіи церковномъ не вводилось ничего новаго и чтобы не было отступленій отъ прежнихъ установленій).

По поводу этого распоряженія и былъ созванъ въ 1844 году въ Вильнѣ вышеупомянутый соборъ, подтвердившій употребленіе въ костелахъ туземнаго языка. На этомъ основаніи русскій языкъ сталъ усиленно вводиться въ дополнительное латинское богослуженіе.

Это движеніе возникло въ самогитской епархіи и въ весьма короткое время распространилось по многимъ другимъ мѣстностямъ Литвы и Бѣлоруссіи.

19-го февраля 1869 года въ мѣст. Салатахъ, Поневѣжскаго уѣзда, настоятелемъ мѣстнаго костела въ помѣщеніи народнаго училища, въ присутствіи учениковъ и ихъ родителей, было впервые совершено молебствіе на русскомъ языкѣ. При пѣніи: „Спаси, Господи, люди твоя" присутствующіе приложились ко кресту.

4 апрѣля 1869 года ксендзъ Рубша въ сел. Жеймели отслужилъ безъ органной

музыки благодарственный молебенъ въ присутствіи многочисленной толпы прихожанъ, собравшихся помолиться за своего государя.

Примѣру ковенскихъ ксендзовъ послѣдовали минскіе, а затѣмъ ксендзы и другихъ губерній.

25 мая 1869 году въ день освященія домовой православной церкви минской гимназіи, римско-католическій законоучитель, ксендзъ Заустинскій, предваривъ о томъ письменно директора гимназіи, отслужилъ въ монастырѣ бенедиктинонъ молебенъ на русскомъ языкѣ въ присутствіи учениковъ и многочисленной публики.

8 іюля того же года въ мѣст. Блонѣ, Игуменскаго уѣзда, законоучитель мѣстнаго народнаго училища, ксендзъ Сенчиковскій, отслужилъ въ боковомъ предѣлѣ костела благодарственное молебствіе на русскомъ языкѣ; затѣмъ было окрещено по латинскому обряду нѣсколько дѣтей, причемъ всѣ молитвы и возгласы во время обряда были произнесены на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго; въ этомъ же костелѣ молитва передъ причастіемъ читалась по-русски. Продолжая начатое дѣло, ксендзъ Сенчиковскій во всѣ праздничные дни, послѣ обѣдни садился за органъ и подъ аккомпаниментъ его пѣлъ на славянскомъ языкѣ распространенное среди католиковъ духовное пѣснопѣніе: „Къ заступничеству Твоему прибѣгаемъ, Богородица Дѣво“, сохраняя напѣвъ, къ которому привыкли прихожане. Весьма характерно, что дѣтей, крещенныхъ ксендзомъ Сенчиковскимъ по латинскому обряду, но съ произнесеніемъ молитвы и возгласомъ на русскомъ языкѣ, прихожане называютъ не иначе, какъ русскими.

29 іюня, въ день рожденія государыни, ксендзъ Сенчиковскій, находившійся въ мѣстечкѣ Игуменѣ, отслужилъ въ тамошнемъ костелѣ, въ присутствіи учениковъ народнаго училища и многочисленныхъ прихожанъ мессу, послѣ которой произнесъ на русскомъ языкѣ проповѣдь, гдѣ проводилъ ту мысль, что польскій языкъ—наслѣдіе іезуитской пропаганды, чуждой чистому дѣлу религіи, и что бѣлоруссы должны молиться на своемъ родномъ языкѣ; закончилъ онъ проповѣдь словами: „Боже, Ты не требуешь смерти грѣшниковъ, и ждешь ихъ исправленія. Просвѣти умы бѣлоруссовъ, дѣтей нашей русской отчизны; подай имъ силы, дабы, исполняя святыя Твои заповѣди, на дѣлѣ они показали, что въ ихъ груди бьется русское сердце“.

11-го августа въ канцеляріи виленскаго учебнаго округа получена слѣдующая телеграмма изъ Слуцка, отъ директора тамошней гимназіи, Рончевскаго: „Сегодня въ здѣшнемъ костелѣ, послѣ мессы, римско-католическій законоучитель ксендзъ-магистръ Лемницкій, передъ началомъ занятій произнесъ слово и отслужилъ молебенъ на русскомъ языкѣ. Порядокъ и настроеніе въ костелѣ были образцовые“. Съ этого дня ксендзъ Лемницкій сталъ совершать все дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ.

29-го сентября получена была другая телеграмма: „19-го, законоучитель Мозырской гимназіи, каноникъ Концеговичъ, передъ началомъ учебныхъ занятій, прочиталъ въ мѣстномъ костелѣ молитвы и произнесъ проповѣдь на русскомъ языкѣ. Краткое, полное жизни и глубоко-прочувствованное слово его произвело на присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе“. Вскорѣ затѣмъ, инспекторъ Бобруйской прогимназіи увѣдомилъ управленіе учебнаго округа, что деканъ Макаревичъ и законоучитель гимназіи Янковскій совершили, въ первый разъ, дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ.

Въ тотъ же день законоучитель Гродненской гимназіи Беджинскій, присутствовавшій на православномъ молебствіи по поводу начала учебнаго года, приложился ко кресту вмѣстѣ съ православными воспитанниками, а затѣмъ роздалъ ученикамъ-католикамъ молитвенники на русскомъ языкѣ, произнеся передъ этимъ слово, исполненное глубокаго чувства.

Во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ, равно какъ и во многихъ другихъ римско-като-

лическіе законоучители рѣшили и дальше совершать дополнительное богослуженіе и проповѣди исключительно на русскомъ языкѣ.

Во всѣхъ этихъ, весьма многозначущихъ и характерныхъ случаяхъ, правительственная власть не принимала рѣшительно никакого участія, русскій языкъ воскресалъ, благодаря собственному побужденію народа.

Объ этомъ истинно-утѣшительномъ явленіи попечитель учебнаго округа счелъ нужнымъ увѣдомить министра народнаго просвѣщенія и главнаго начальника края, приказавъ опубликовать названные факты въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ [1]). Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ нѣкоторымъ изъ названныхъ законоучителей знаки отличія за ихъ полезную дѣятельность.

Но всѣ эти попытки не обходились безъ значительныхъ затрудненій. Начальство учебнаго округа должно было бороться съ явными, а въ особенности съ тайными, сторонниками полонизма, которые, съ Потаповымъ во главѣ, подъ личиной сочувствія дѣлу, стремились всѣми средствами, которыми располагали сторонники революціоннаго полонизма, заглушить начавшееся движеніе. Они доказывали, что это религіозно-политическое движеніе, исходящее изъ тѣхъ школъ, несмотря на то, что оно вполнѣ похвально и происходитъ безо всякаго давленія и насилія,—не входитъ, однако, въ сферу дѣятельности учебнаго округа; они доказывали, что движеніе это *незаконно*, ибо не согласуется де съ Высочайшимъ указомъ, воспрещающимъ совершенія иновѣрческаго богослуженія на русскомъ языкѣ.

Далѣе они доказывали, что учебный округъ, не довольствуясь стремленіемъ достигнуть прямой своей цѣли, вмѣшивается въ вопросы, касающіяеся другого вѣдомства, вслѣдствіе чего можетъ пострадать школьное и воспитательное дѣло въ западномъ краѣ. Польскіе агитаторы стали обвинять попечителя округа въ томъ, что римско-католическіе законоучители, безъ разрѣшенія своей духовной власти и *вопреки папскимъ булламъ*, проповѣдуютъ слово Божіе на русскомъ языкѣ, и при томъ въ костелахъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. На этихъ и тому подобныхъ основаніяхъ сторонники полонизма т. е. измѣнники Россіи считали необходимымъ *для спокойствія края* (какъ будто бы онъ былъ не спокоенъ!) испросить предварительно отмѣны упомянутаго Высочайшаго указа далѣе выхлопотать у папы благословеніе на введеніе въ костелахъ русскаго языка, вмѣсто польскаго, а затѣмъ лишь приступить къ *выполненію* этого проэкта, вводя повсюду мѣстныя нарѣчія въ дополнительное римско-католическое богослуженіе, но не иначе, какъ по выраженію согласія всѣхъ прихожанъ, путемъ голосованія.

Не умѣя возразить на указаніе поляковъ о папскихъ буллахъ, воспрещающихъ будто бы употребленіе русскаго языка въ католическихъ костелахъ, административныя власти не съумѣли оказать должной поддержки латинскому духовенству—идущему на встрѣчу законнымъ русскимъ требованіямъ. Послѣдствія всего этого, извѣстны: они были выданы головою своимъ и Россіи врагамъ.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы администрація с.-западнаго края относилась вполнѣ индефферентно къ этому вопросу. Еще графу Муравьеву приписывали планъ введенія рускаго языка въ дополнительное богослуженіе, что считалось не безъ основанія дѣломъ государственной мудрости: если латинскій костелъ, чрезъ Адама Мицкевича хвастался, что онъ „отбросилъ русскую народность за Днѣпръ“, то не естественно ли стремиться русскому правительству, къ возврату русской народности ея древнее достояніе—русскій языкъ въ храмахъ Божіихъ, отбросивъ польскій костелъ изъ с.-западнаго края за Нѣманъ, что приписывалось Муравьеву. Но проэктъ введенія повсюду

---

[1]) Примѣру римско-католическихъ законоучителей послѣдовали и нѣкоторые настоятели приходовъ: такъ лидскій настоятель Карповичъ и виленскій—Зургевичъ, пользовавшіеся, замѣтнымъ, уваженіемъ и любовью прихожанъ, отслужили 11 августа въ своихъ костелахъ молебствіе на русскомъ языкѣ.

русскаго языка въ дополнительное богослуженіе въ костелахъ с.-западнаго края былъ выработанъ въ 1866 году при К. П. Кауфманѣ и признанъ „мѣрою высшей государственной важности". Введенный послѣ Высочайшей санкціи, какъ всѣ мѣропріятія противъ полонизма, только на половину, онъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе со стороны не только полякующихъ мѣстныхъ административныхъ сферъ, съ Потаповымъ во главѣ, но даже среди мѣстнаго православнаго духовенства. Причина враждебности мѣстнаго духовенства была двоякая: во-первыхъ, оно само во время возникновенія плана говорило по-польски и худо говорило по-русски, о чемъ свидѣтельствуетъ циркуляръ митрополита Іосифа, напечатанный въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" 1865 года; во-вторыхъ, планъ располяченія костела угрожалъ нарушить „dolce fare niente" мѣстнаго духовенства и заставить его побольше шевелить мозгами

Профессоръ Кояловичъ былъ также долгое время противникомъ этого плана, но въ 1884 года онъ перешелъ на его сторону. Въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" за сентябрь 1884 г. (стр. 317 и 318) онъ писалъ: „Прибавочное католическое богослуженіе, совершаемое на польскомъ языкѣ, составляетъ давно уже настоящее Божіе наказаніе для России. Отъ располяченія его былъ бы дѣйствительный ударъ полонизму въ западной Россіи и отъ этого могли бы произойти самыя желательныя послѣдствія для церковнаго и для гражданскаго умиротворенія этой страны".

И. С. Аксаковъ былъ первоначально тоже противникомъ этого плана, но потомъ и онъ сдѣлался сторонникомъ его. Въ своей „Руси" (1884 г. № 4) онъ писалъ: „Мы должны оговориться, что мы въ своемъ „Днѣ" выражали свое несочувствіе мысли располяченія костела; мы опасались, что этою мѣрой непремѣнно воспользуются русскіе іезуиты. Въ этомъ отношеніи мы, какъ оказывается, совершенно ошибались, а *страшная агитація Поляковъ* свидѣтельствуетъ, что *для нихъ католицизмъ есть политическое и бытовое орудіе полонизма*. Слѣдовательно, проектированная мѣра попадала въ цѣль". Еще рѣшительнѣе писалъ онъ объ этомъ въ томъ же году въ „Руси" (№ 16): „Въ предѣлахъ Россіи, даже за исключеніемъ Царства Польскаго, *католиковъ русскаго происхожденія* (преимущественно Бѣлоруссовъ) около полумилліона, а можетъ быть и свыше. Было бы, конечно, желательно возвратить ихъ въ лоно родной Церкви, какъ они возвращены Россіи политически. Но надежды на притягательную силу ея мы теперь, по разнымъ обстоятельствамъ, питать не можемъ,—посягать же на свободу ихъ религіозной совѣсти не хотимъ: это и безнравственно, и могло бы привести только къ худшимъ, противуположнымъ результатамъ. Между тѣмъ католицизмъ русскаго населенія служитъ полякамъ могущественнымъ средствомъ для ополяченія, которымъ они именно теперь и спѣшатъ воспользоваться съ особою страстностью. Должны ли мы допускать этотъ религіозный способъ ополяченія и сами каждаго русскаго католика толкать въ поляки? Конечно нѣтъ; но такъ, однако же, выходитъ, потому что оффиціально признается на нашемъ западѣ *польская* католическая Церковь. Не должны ли мы, напротивъ, скрѣпя сердце, во имя идеи политическаго единства, независимо отъ единства церковнаго, *признать* въ Россіи существованіе Русскихъ не только православнаго, но и латинскаго исповѣданія, хотя бы лишь на западѣ, то-есть не однихъ поляковъ-католиковъ, но и русскихъ-католиковъ. Но очевидно, что разъ признано бытіе *русско-католической паствы*, она имѣетъ право и на русско-католическое духовенство. Такимъ образомъ, римскому папѣ могъ бы быть предложенъ вопросъ: желаетъ ли онъ признать въ Россіи существованіе кромѣ польской еще русско-католическую паству и священство. Мы не думаемъ, чтобы съ точки зрѣнія Рима ему было желательно дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. А въ такомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи среди русскаго населенія не можетъ представить уже никакого затрудненія".

Хотя мы и приводимъ здѣсь полностью мнѣніе, высказанное И. С. Аксаковымъ, но

не для того, чтобы заявить нашу солидарность со всѣмъ имъ сказаннымъ. Наоборотъ, мы считали бы недостойнымъ русскаго государства и русскаго правительства испрашивать согласія папы на введеніе, въ расположенныхъ въ Россіи храмахъ, государственнаго языка. Священное Писаніе гласитъ, что всѣ должны повиноваться власти, носящей мечь, не исключая церковно-служителей. Всѣ народы Европы ввели у себя дополнительное богослуженіе на народномъ языкѣ, не спрашивая папскаго разрѣшенія, почему же русское государство должно составлять въ этомъ случаѣ исключеніе, и что такое для Россіи папа, отъ котораго отворачивается вся Европа? Только космополитическое правительство, состояще на половину изъ инородцевъ и иновѣрцевъ, можетъ шататься изъ стороны въ сторону, не зная къ кому приткнуться. Русское правительство не настолько еще объиностранилось, чтобы идти въ разрѣзъ съ достоинствомъ Россіи; конечно, число истинныхъ русскихъ дѣятелей въ ней постоянно уменьшается, доказательствомъ чему служитъ сѣверо-западный край, въ которомъ охранителей русскаго знамени такихъ, какъ высокопочитаемые: Н. А. Сергіевскій, Ю. Ѳ. Крачковскій и друг. немного осталось, и ихъ замѣняютъ разслабленные космополиты, шатающіеся изъ стороны на сторону и не знающіе на которую опереться, для составленія своей карьеры. Не будь этого шатанія русскихъ представителей администраціи послѣ графа Муравьева, латино-польская пропаганда при помощи костела потеряла бы силу, покрайней мѣрѣ, въ сѣверо-западномъ краѣ и не предстояло бы, быть можетъ, повода выпуска въ свѣтъ настоящей книги, о необходимости для самихъ поляковъ, желающихъ искренно сближенія съ Россіей, разорвать административныя сношенія съ Римомъ, образованіемъ національной Церкви. Безъ этого, настоящіе русскіе люди никогда не повѣрятъ завѣреніямъ поляковъ о ихъ благонамѣренности, хотя бы журналъ г. Пильца „Kraj“, заявлялъ объ этомъ ежедневно.—Нужны не слова, а факты.

Не подлежитъ сомнѣнію, что стоитъ задуматься надъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутились поляки, благодаря постояннымъ своимъ беззаконіямъ. Но для того, чтобы правильно отнестись къ своей участи, необходимо обладать здравымъ смысломъ, недостатокъ котораго вполнѣ ясно сказался въ исторіи польскаго народа. Римъ, воюя съ помощью польскаго народа противъ Церкви Христовой, закрылъ глаза и умъ поляковъ покрываломъ, черезъ которое они не видятъ ничего, кромѣ куріи Ромы, на которую молятся, какъ на ожидающую ихъ въ будущей жизни награду. Думая же исключительно о себѣ, эти разлагающіеся представители папизма стремятся подготовить и для будущихъ своихъ поколѣній такую же судьбу, какую уготовали себѣ съ помощью Рима, т. е., чтобы и отъ ихъ дѣтей и внуковъ, какъ и теперь, отвращался и бѣжалъ, какъ отъ зачумленныхъ, весь міръ. Имъ все еще кажется, что они вправѣ требовать для себя не только равноправія, но даже отдѣльнаго самостоятельнаго положенія, отъ тѣхъ народовъ, которые, не будучи въ состояніи долѣе переносить анархію поляковъ и ихъ постоянныхъ разбойническихъ выходокъ, раздѣлили Польшу и ввели ея части въ составъ своихъ территорій, подъ управленіе своихъ законовъ и властей. Поляки постоянно домогаются права властвовать даже въ чужой странѣ, а тамъ, гдѣ имъ этого не позволяютъ, они кричатъ о нарушеніи ихъ правъ и, вводя смуты и заговоры, стараются нарушить существующій порядокъ и спокойствіе въ государствѣ. Въ Германіи подобный образъ дѣйствій поляковъ вызвалъ вышеприведенную статью „Schl. Zeitung.“, изъ которой видно вполнѣ ясно, чего могутъ ждать поляки отъ нѣмцевъ. Одна лишь христіанская Россія всегда готова принять ихъ въ свое лоно, какъ добрый отецъ своего блуднаго сына, конечно, если потомки нынѣшнихъ рабовъ куріи сумѣютъ это заслужить.

Заслужить же подобное отношеніе къ себѣ со стороны Россіи полякамъ не трудно: принявъ за положеніе, что польскій народъ былъ стадомъ, допускавшимъ, чтобы совершенно чуждые ему иноземные пастыри хозяйничали въ его оградѣ,—нынѣшнее по-

колѣніе поляковъ должно прежде всего отказаться отъ своего шовинизма и отъ разыгрыванія роли невинныхъ жертвъ насилія. Поляки, въ теченіе всего своего самостоятельнаго существованія нападавшіе на мирныхъ сосѣдей, рѣзавшіе и грабившіе ихъ, нынѣ никого уже не обманутъ заявленіями, что они являются жертвой насилія, подобно христіанскимъ народамъ Турціи.

Не говоря уже о прошлыхъ вѣкахъ, мы еще и въ текущемъ столѣтіи, въ 1847 г., видѣли, какъ поляки проливали кровь за угнетателей славянскихъ народностей,— венгровъ, сражаясь противъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ и галицкихъ русскихъ. Когда же венгры были разбиты, поляки съ неменьшимъ рвеніемъ стали пополнять армію другихъ угнетателей славянства—турокъ. Мы видѣли, какъ въ 1854 году поляки образовали „Казачій легіонъ" для поддержанія турецкихъ мусульманъ противъ славянской и христіанской Россіи. Въ 1862 году поляки стали во главѣ турецкихъ войскъ въ войнѣ съ Черногоріей.

Вообще говоря, поляки, до сихъ поръ, всегда представляли себя въ глазахъ Европы единственнымъ измѣнническимъ элементомъ въ славянствѣ,—народомъ, борющимся противъ идеи всеславянства, за каковыя заслуги и взяла ихъ подъ свое покровительство нѣмецкая либеральная партія.

Въ этомъ положеніи Польши есть нѣчто трагическое, — это горькіе плоды внутренней неурядицы, несогласія стремленій шляхетскаго клерикализма съ историческими, національными основами и задачами польско-славянскаго народа. А полякамъ слѣдовало бы помнить, что сѣющій вѣтеръ—пожинаетъ бурю, что кто мечемъ живетъ—отъ меча и гибнетъ; тотъ же, кто живетъ и воюетъ интригами, копая яму другимъ—самъ въ нее попадаетъ, особенно же, когда руководящими принципами являются тѣ основанія, за которыя и изъ-за которыхъ воюютъ поляки, про которыхъ такъ хорошо сказалъ польскій поэтъ Сырокомля:

«И на татаръ вы пошли
Изъ-за любви къ разбоямъ»,

а убійство, насиліе никогда даромъ съ рукъ не сходятъ. Но не смотря на все это, поляки вовсе не терпятъ теперь такого угнетенія, какого они заслуживали бы; у нихъ вынули лишь изъ рукъ ножъ, чтобы лишить ихъ возможности рѣзать, а они это называютъ угнетеніемъ. Но, повторяемъ, что всѣ польскіе мелодраматическіе вопли никого не обманутъ и не растрогаютъ. Исторія выполнила свою задачу, и пусть поляки предоставятъ свое прошлое исторіи; самимъ же имъ слѣдовало бы подумать, какъ имъ приноровиться къ странамъ, столь обильно залитымъ ихъ кровью. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть обращеніе ихъ къ Богу, а затѣмъ къ братьямъ своимъ—славянамъ съ просьбой о забвеніи прошлаго, про которое слѣдуетъ забыть и полякамъ, какъ имъ это совѣтуетъ ихъ же поэтъ Высоцкій въ своей поэмѣ „Nowe Dziady". Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этого произведенія въ русскомъ переводѣ.

Гусляръ, окруженный толпой, входитъ въ развалины замка польскаго магната, и вызываетъ духовъ, прежнихъ его обитателей:

Гусляръ

Вы, о замка властелины!—
Вы, что были такъ богаты,
Такъ могучи всѣ когда-то;
И послѣднія годины
Вмѣстѣ съ этими стѣнами,
Съ кровомъ этимъ раздѣляли;—
А когда на васъ упали
Смертоносные удары

И громовые раскаты
И когда среди пожара
Пали кровли и накаты,
И огнемъ рядъ стѣнъ былъ сваленъ,
До конца вы всѣ здѣсь были
И въ могилѣ изъ развалинъ
Громы васъ похоронили...
Гдѣ бъ теперь ни пребывали
Ваши души средь скитанья—
Иль въ аду, гдѣ ихъ объяли
Вѣковѣчныя страданья;
Иль въ чистилищѣ тоскливо
Вы теперь прощенья ждете,
Иль блаженство познаете
И до рая ужъ дошли вы;
Иль теперь на бездорожьи
Въ завершенье кары Божьей,
Гдѣ-нибудь въ пустынѣ дикой
Слышенъ стонъ вашъ,—стонъ великій.
Тамъ до часа искупленья
Души грѣшныя страшатся
Человѣческаго зрѣнья
И въ разсѣлинахъ таятся,
У мостовъ старинныхъ бродятъ
И въ обманъ прохожихъ вводятъ,
Въ темнотѣ, въ ночную пору
Крикамъ дѣтскимъ подражая
Иль печально завывая
Въ трубахъ брошенныхъ строеній!
Васъ зовуя, сонмъ видѣній,
Всѣ явитсеь безъ изъятья
На призывное заклятье

(Духи появляются).

Хоръ.

Небеса! Святыя силы
Сколько духовъ окружило
Насъ, едва лишь знакъ призывный
Далъ гусляръ. Его кропило
Рой видѣній непрерывный
Вызываетъ изъ развалинъ;
Страшенъ видъ ихъ и печаленъ.
Вотъ и всѣ они ужъ въ сборѣ:
Что за рой! это море
Иль хаосъ до дней творенья!
Какъ пестры ихъ облаченья:
Не маскарадъ ли только это?
Тутъ одни въ кунтушъ одѣты,
Тамъ въ ксендзовскую сутанну;
Мантья, ряса видны гдѣ-то;

Фракъ стѣсняетъ путь жупану;
Все гербы, шелка, уборы
И прелатовъ облаченья.
Всюду, полны опьяненья,
Лисьи лица, злые взоры.
Всѣ здѣсь пляшутъ до едина,
Пляшутъ, чаши взявши въ руки,
Будто грѣшники средь муки.
Арлекины! Арлекины!

Первый изъ хора.

Эта пляска дышитъ чадомъ;
А покуда пляшутъ снизу,
Трое бѣсовъ чинно, рядомъ
Размѣстились по карнизу;
И кружащимся танцорамъ
Помогаютъ звучнымъ хоромъ
Инструментовъ очень странныхъ.
Запасясь сковородою,
Бьетъ одинъ въ нее рукою,
Такъ что въ храминахъ пространныхъ
Гулко эхо раздается.
Вотъ другой звенитъ бутылкой,
И порой, средь пляски пылкой,
Выстрѣлъ пробки раздается.
Третій, взявъ мѣшокъ съ деньгами,
Въ тактъ другимъ звенитъ рублями.
Хоръ гремитъ, толпа несется
Все быстрѣй подъ этотъ грохотъ,
А за нею раздается
Трехъ бѣсовъ зловѣщій хохотъ.

Второй изъ хора.

Но пришлецъ изъ-за могилы
Не одинъ ужъ, напрягая
Для прыжка остатокъ силы,
Повалился, замирая..
Глазъ выходитъ изъ орбиты,
Словно мѣхъ, хрипитъ дыханье,
Но едва танцоръ разбитый
Упадетъ на пола плиты,
Какъ тотчасъ бѣсовъ собранье
Сыплетъ бѣдному удары.
И несутся снова пары;
И съ насмѣшкой воютъ бѣсы:
„Гей, панове! гей повѣсы!
„Въ плясъ скорѣй; долой кунтуши,
„Веселите пляской души!“
И хохочетъ бѣсовъ стая,
Бѣдныхъ къ пляскѣ принуждая.

Третій изъ хора.

Поглядите: средь танцоровъ
Въ томъ углу идетъ сраженье;
А для нихъ предметомъ споровъ
Служитъ кукла въ облаченьи
Горностаевомъ съ короной;
И ее поставить прямо
Хочетъ рой ихъ разъяренный.
Кукла жъ падаетъ упрямо.

Четвертый изъ хора.

Межъ толпою этой пьяной
Трезвыхъ нѣсколько блуждаютъ
И къ порядку призываютъ;
Но шумливые буяны
Заглушили рѣчь ихъ крикомъ
И, въ отчаяньи великомъ,
Тѣ, сердца свои изъ груди
Вырвавъ полные тревоги,
Мечутъ ихъ толпѣ подъ ноги...
И сердца тѣ топчутъ люди
Въ пляскѣ пьяной и безумной;
И прыжки оравы шумной
Оставляютъ слѣдъ ужасный,—
Крови слѣдъ багряно-красный.
Бррръ... глядѣть уже нѣтъ мочи
Мнѣ на этотъ рой нестройный;
Утомились даже очи
Этой пляской безпокойной.
Старче! молви заклинанье;
Пусть исчезнетъ ихъ собранье;
Сердце гложетъ мнѣ тревога.
Закляни, во имя Бога!

Гусляръ.

Вы, которымъ въ восхваленье—
Наглость, ссоры, гнетъ народа,
Драки, свары, тунеядство,
Страсть къ разгулу, страсть къ богатству
Привести могло бъ потомство;
Вы, которыхъ вѣроломство
И продажность не смущали;
Вы, которые кровавый
Трудъ отцовъ,—народа славу,
Продавали, пропивали;
И въ наслѣдство намъ на выи
Слезы, долгъ, нужду свалили,—
Если Богъ за родовые
Всѣ грѣхи, что вы свершили,

Осудилъ васъ на мученье,
Отдалъ васъ въ бѣсовъ владѣнье,—
Намъ откройте, какъ спасая
Души ваши отъ мученья,
Намъ открыть вамъ двери рая.

Духи.

Старче, пусть изъ книгъ отъ взора
Пропадетъ страница были
Нашей, полная позора
Для людей, чтобъ насъ забыли
Навсегда всѣ наши внуки;
Лишь тогда отъ адской муки
Можемъ мы освободиться...

Гусляръ.

Фактовъ намъ не уничтожить
И не скрыть поступковъ вашихъ....
Несите-жъ заслуженное наказаніе
За рядъ страданій нашихъ—
Анаѳема вамъ!..

(Духи исчезаютъ).

Хоръ.

Преданіе гласитъ о твардовскомъ
Висящемъ среди облаковъ,
Ему оттуда виднѣе
Причина паденія поляковъ;
Призови его на землю,
Пускай намъ откроетъ истину...

(Гусляръ дѣлаетъ заклинаніе, появляется духъ въ видѣ польскаго шляхтича—забіаки)

Духъ.

На Твардовѣ я по праву
Паномъ былъ исконнымъ;
По гербу, семьѣ и нраву
Шляхтичемъ законнымъ.
Запивалъ бигосъ венгерскимъ,
Ѣлъ весьма обильно;
Былъ на сеймахъ парнемъ дерзкимъ
И буянилъ сильно.
Срѣзать носъ однимъ ударомъ
Мастеръ былъ я, право!
Затѣвалъ я ссоры съ жаромъ
Для одной забавы.
На заѣзды, на процессы
Съ шляхтою окрестной
Былъ искусникъ я извѣстный—
Удалой повѣса.

Я служилъ странѣ родимой
Кулакомъ, бутылкой,
Глоткою неутомимой,
Головою пылкой.
Это все мнѣ приносило
Славу и почтенье;
Но бѣсовщина тапла
Ужъ мнѣ искушенье.
Сатана меня подвинулъ
(Дьявольская штука;
Чтобы онъ, нечистый, сгинулъ!)
Взяться за науку.
А наука той порою
Не легко давалась;
И теперь бы съ дѣтворою
Ужъ не потягалась;
Даже дѣти больше знаютъ
Нынѣ, чѣмъ мы знали,
Отъ того, что съ тѣхъ поръ много
Книгъ наиздавали.
Полны ваши каталоги
Разныхъ этихъ „огій".
Антологій, соцьологій,
Психо-морфологій.
Прежде знали педагоги
Все другіе „оги":
Панъ,—пироги хлопъ—батоги,
А шляхтичъ—пороги.
А хотѣлъ коль кто изъ шляхты
Славы у потомства
За ученость,—съ сатаною;
Связывалъ знакомство.
Всѣмъ извѣстно, что сближенье
Страшно съ сатаною;
Заплатилъ я за ученье
Дорогой цѣною.
Согласился дать я бѣсу
Душу послѣ смерти;
Такъ меня за страсть къ ученью
Окарнали черти.
Согласиться—согласился
Я на эту сдѣлку,
Но готовилъ сатанѣ я
Хитрую продѣлку.
Тотъ документъ, гдѣ кроваво
Подписалъ я имя,
Говорилъ: „за чертомъ право
Взять меня лишь въ Римѣ."
Въ этомъ пунктѣ открывался
Мнѣ исходъ прекрасный:

Думалъ я, что бѣсъ попался,
Думалъ..., но напрасно:
„Пусть меня чертъ ищетъ въ Римѣ;
Не отыщетъ слѣду;
Ну, за коимъ же я чертомъ
Вдругъ туда поѣду?!
Только бъ я извѣдалъ знанья,
А за прегрѣшенье,
Индульченціей покаянья
Получу прощенье.“
Но съ лисою—чортомъ стало
Мнѣ хитрить не въ силу;
Планъ мой тонкій разорвало,
Какъ пузырь изъ мыла.
Про развязку вы, вѣстимо,
Ужъ не разъ слыхали: [1])
Словомъ, черти изъ-за Рима
Пана Ляха взяли.
Бѣсъ схватилъ меня когтями
Изъ друзей собранья.
И летѣлъ, какъ вдругъ надъ нами
Раздалось воззванье:
„Эй, куда ты; кромѣ ада,
„Нѣтъ тебѣ дороги.
„Шляхты въ небѣ намъ не надо—
„Высоки пороги.
„А въ аду ужъ многихъ судятъ
„Грѣшниковъ изъ Польши;
„Не бѣда однимъ коль будетъ
„Меньше тамъ иль больше.
„Оставайся въ облакахъ ты
„И виси въ эфирѣ;
„ Будь эмблемой польской шляхты
„Въ межпланетномъ мірѣ.
„Шляхтичи мелки для рая,
„Адъ же ихъ изринетъ.
„Полулвиный и ослиный
„Родъ ихъ съ Римомъ сгинетъ.“
Голосъ смолкъ,—мой слухъ донынѣ
Полонъ имъ; а годы
И вѣка ужъ, какъ въ пустынѣ,
Средь нѣмой природы,

---

[1]) Польская легенда гласитъ, что въ виду отвращенія польской шляхты къ наукамъ, таковыя до начала XVIII вѣка считались измышленіемъ дьявола и что для пріобрѣтенія ихъ необходимъ союзъ съ дьяволомъ, въ виду чего Твардовскій запродалъ свою душу, но съ оговоркой, что чертъ можетъ завладѣть сю лишь при встрѣчѣ съ Твардовскимъ въ Римѣ. Но такъ какъ онъ туда непамѣренъ былъ поѣхать, то чортъ въ образѣ крестьянина пріѣхалъ за Твардовскимъ, который сталъ докторомъ, приглашая его къ больной. Остановившись передъ корчмой и зайдя въ нее чортъ предъявилъ къ Твардовскому требованіе на душу, указавъ при этомъ вывѣску корчми: „Римъ.

Я вишу одинъ недвиженъ,
Созерцая вѣчность
И міры, что вихремъ мчатся
Дальше въ безконечность.
Иногда меня комета
Задѣваетъ въ летѣ
И толкнетъ меня планета
Въ быстромъ оборотѣ.
И въ своей тюрьмѣ воздушной,
Скукою томимый,
Я невольно размышляю
О коварствахъ Рима.
И, ища причинъ и слѣдствій
Правильнаго бѣга,
Я нашелъ: Римъ нашихъ бѣдствій
Альфа и омега;—
Римъ, котораго гордынѣ
Мы всегда служили,
Какъ паяцы и лакеи,
Прежде и понынѣ,
Хоть калачъ бы намъ въ награду
Далъ за послушанье!
Онъ Варенчика убійствомъ
Оцѣнилъ старанье
И проклятьемъ Болеслава
И враждой съ кумиромъ
Польской славы,—со Стефаномъ,
И запольскимъ миромъ.
Іезуитскихъ червоточинъ
Далъ намъ Римъ не мало;
Съ казаками миръ былъ прочен,—
И его не стало.
И пошла вражда безъ смѣны;
А потомъ мы лили
(И опять по волѣ Рима)
Кровь въ защиту Вѣны,
Чуждый тронъ обороняя,
Что теперь, въ забвеньи
Прежнихъ дѣлъ, намъ спутавъ ноги,
Держитъ насъ въ плѣненьи.
И твердитъ намъ dumme Polen . . . .
Цѣлыми вѣками,
Въ животѣ и смерти воленъ,
Римъ царилъ надъ нами . . . . .
Хоть насмѣшками сосѣди
Насъ за то безславятъ,
Нами Римъ, какъ вѣрнымъ стадомъ,
И понынѣ правитъ.
Въ мнѣньи свѣта—мы банкруты
Но хоть мы и голы,

Хоть и плохо мы обуты,
Хоть отцовской школы
Мы примѣры родовые
Ужъ позабываемъ
И подковы золотыя
Въ Римѣ не бросаемъ
На дорогахъ; хоть не въ силахъ
Мы подъ ноги Рима
Швырять золото горстями,—
Все-жъ еще нашли мы
Средство дань платить столицѣ,
И платить безплодно;
Ей мы лучшія картины
Даримъ ежегодно.
Что же нынѣ Римъ? Собранье
Труповъ, грязи, гнили;
Червякиль мы, чтобъ на трупахъ
Мы росли и жили?
Не страшась утратъ давнишнихъ,
Къ Риму льнемъ мы дико;
А онъ насъ подаритъ лишнимъ только

(Пѣтухъ поетъ „ку-ку-ри-ку!“
(Духи исчезаютъ)

Еще очень недавно, нисшее, неолигархическое римское духовенство въ Литвѣ далеко несочувственно отзывалось о Римѣ и высказывалось о необходимости разрыва съ нимъ, хотя и опасалось, конечно, публично высказывать свое мнѣніе. Полагая, что въ настоящее время мы не повредимъ уже этимъ почтенному настоятелю сѣхневскаго прихода, Скибицкому, мы приводимъ ниже рѣчь, которую онъ произнесъ еще до мятежа 1861 года, въ присутствіи многихъ и нынѣ здравствующихъ лицъ, предостерегая своихъ слушателей противъ необдуманнаго и безсмысленнаго образа дѣйствій.

„Между вами не можетъ быть доносчиковъ, поэтому буду говорить съ вами вполнѣ откровенно. Будьте увѣрены, господа, что какъ вы не представляете исключенія между помѣстной шляхтой, такъ и я не одинъ среди сельскаго духовенства. Если бы я былъ даже принужденъ подъ страхомъ ужаснѣйшихъ преслѣдованій и наказаній, святотатственно называемыхъ „церковными“, но являющихся просто-на-просто инквизиціонными, если бы даже я былъ вынужденъ, повторяю, отказать въ христіанскомъ погребеніи каждому, указанному мнѣ прелатами ватиканскаго сообщества, — то это вовсе не служило бы доказательствомъ, что я—человѣкъ несправедливый, или что я не ощущаю вполнѣ понятнаго чувства омерзѣнія къ чужеземному сообществу, враждебному славянству, но сочувствующему Австріи, т. е. габсбургизму и меттернихизму. Въ молодости своей, будучи еще неопытнымъ, я позволилъ сдѣлать изъ себя куріальнаго іезуита, но, повѣрьте мнѣ, господа, что каждый почти изъ насъ, наученный опытомъ, *радъ былъ бы, если бы это было всегда возможно, освободиться изъ-подъ власти этого чужеземнаго сообщества.* Я радъ былъ бы, господа, если бы мнѣ удалось убѣдить васъ, что, кромѣ прелатовъ, къ числу коихъ я принадлежать не хотѣлъ, большинство настоятелей нашего края считаетъ Римъ политическимъ агентствомъ, входящимъ въ союзъ съ австрійцами и пруссаками противъ славянства. Всѣ порядочные настоятели приходовъ въ Чехіи, Польшѣ и Литвѣ думаютъ точно также, — однако, они вынуждены прикидываться вѣрующими въ курію, скрывать свои, общія съ нашими, убѣжденія, изъ страха

не только лишиться мѣста, т. е. куска хлѣба, но и изъ опасенія наказаній, какимъ вы, господа, подвергнуться не можете. Насъ постигло бы во сто кратъ большее, чѣмъ васъ, отмщеніе, если бы кто-либо изъ насъ отказался бы прикидываться вѣрующимъ въ римскую курію. Тотъ, кто однажды по глупости-ли, по юношеской неопытности, изъ-за куска хлѣба или по принужденію, поклялся прикидываться вѣрующимъ, тому пришлось бы, желая освободиться отъ этой присяги, перейти къ другому, столь же показному вѣрованію, а это не стоитъ, и лучше ужъ до смерти продолжать прикидываться преданнымъ первой своей вѣрѣ".

Въ 1896 году въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ польская колонія отпала отъ папы и образовала независимую христіанскую Церковь. Во главѣ этого движенія сталъ ксендзъ Коляснискій, къ которому присоединились ксендзы: Францискъ Коляснискій, Антоній Козловскій, Антоній Клавитеръ и многіе другіе.

Узнавъ объ этомъ, Римъ отправилъ въ Америку кардинала со значительною суммою для подкупа предводителей движенія.

Однако, римскій кардиналъ и папскія деньги цѣли не достигли. Поляки, живущіе въ Сѣверной Америкѣ, приблизились къ цивилизаціи и, не будучи связаны никакими политическими комбинаціями, возстали противъ новаго папскаго догмата и въ началѣ 1897 года избрали себѣ, независимо отъ Рима, въ епископы аббата Антонія Козловскаго, котораго правительство Соединенныхъ Штатовъ утвердило въ этомъ званіи. Но епископъ Козловскій, не довольствуясь исключительно свѣтскою санкціей, обратился къ старокатолическимъ епископамъ Европы съ просьбой о посвященіи его во епископы. По этому поводу въ 1897 году въ Боннѣ былъ собранъ совѣтъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Гулло, при участіи знатока каноническаго права Шульте, профессора Мишо и другихъ ученыхъ. На этомъ совѣтѣ были разсмотрѣны документы, представленные Козловскимъ, curriculum его vitae, послѣ чего онъ былъ признанъ достойнымъ званія епископа, въ которое и былъ рукоположенъ въ Бернѣ швейцарскимъ епископомъ Герцогомъ.

Епископъ Козловскій—полякъ, родившійся въ Привислинскомъ краѣ; по окончаніи курса въ гимназіи, онъ отправился въ Римъ, поступилъ въ коллегію Пропаганды, откуда по посвященіи отправился въ Америку. Пребываніе въ Римѣ убѣдило молодого священника какъ далеки воззрѣнія римской Церкви отъ ученія Христова; провозглашеніе же догмата папской непогрѣшимости окончательно оторвало ксендза Козловскаго и его паству отъ Рима; они образовали старокатолическую Церковь, въ составъ коей вошли 40 тысячъ мексиканскихъ поляковъ. Примѣру ихъ посовѣтовали Поляки штата Пенсильванія въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ избравшіе епископомъ священника Годура.

Этотъ случай доказываетъ, что въ Америкѣ поляки начинаютъ умственно и политически созрѣвать, чего мы пожелали бы и европейскимъ полякамъ.

Во Франціи, благодаря развращенности духовенства, костелы пустуютъ, что принудило тамошнее духовенство собраться на соборъ въ Реймсѣ. На этомъ конгрессѣ прежде всего разсматривался вопросъ о способахъ привлеченія въ костелы народа и сдѣланія для него болѣе интереснымъ богослуженія. По этому поводу конгрессомъ было высказано желаніе, чтобы стулья въ церквахъ отдавались прихожанамъ въ пользованіе безплатно: до сего времени неимущіе принуждены были стоять въ церкви, что ихъ де къ церкви охлаждало. Далѣе съѣздъ совѣтуетъ устройство въ церквахъ музыкальныхъ концертовъ, что, равнымъ образомъ, привлечетъ больше людей; одною изъ рекомендуемыхъ съѣздомъ мѣръ является также безплатная или очень дешевая музыка и большая торжественность при совершеніи крещенія или брака.

Нравственный упадокъ Рима вызвалъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ протестъ противъ злоупотребленій римской Церкви со стороны извѣстнаго проповѣдника мо-

наха-кармелита, отца Гіацинта. Этотъ протестъ яснѣе всего выраженъ въ его письмѣ къ жившему въ Римѣ своему настоятелю, передъ которымъ іезуиты обвиняли отца Гіацинта. Вотъ переводъ этого письма:

„Высокопреподобный отче! Уже пять лѣтъ, какъ я исполняю священническую службу въ соборѣ Божьей Матери въ Парижѣ; несмотря на явныя нападки и на скрытыя интриги, противъ меня направленныя, ты, отче, не отказывалъ мнѣ ни въ своемъ покровительствѣ, ни въ своемъ довѣріи. Въ доказательство тому имѣется у меня масса документовъ, написанныхъ твоею рукой, касающихся равно моихъ проповѣдей, какъ и меня лично; я сохраняю ихъ, какъ доказательство моей признательности.

„Въ настоящее время я замѣчаю внезапную перемѣну, причину которой ищу не въ твоемъ сердцѣ, но въ интригахъ партіи, которая въ настоящее время является въ Римѣ всемогущею. Нынѣ я обвиненъ тобою въ томъ, къ чему ранѣе ты меня поощрялъ, нынѣ ты упрекаешь меня въ томъ, за что прежде хвалилъ; при этомъ ты требуешь, чтобы я высказывалъ свои мысли языкомъ, мнѣ навязаннымъ, или чтобъ я молчалъ, что отнюдь не согласно съ тѣмъ, что мнѣ повелѣваетъ совѣсть.

„Я не колеблюсь ни мгновенія. Я не былъ бы въ состояніи выступить на амвонѣ съ словомъ фальшивымъ—ибо такъ приказано, или же обезображеннымъ благодаря сокращеніямъ... Я высказывалъ справедливое свое неудовольствіе разсудительному и доброму архіепископу парижскому Дарбону, который облегчилъ мнѣ доступъ къ этому амвону и поддерживалъ меня на немъ, не обращая вниманія на несочувственно ко мнѣ относящихся, о которыхъ я говорилъ выше; высказываю я свое недовольство и передъ своими почтенными слушателями, окружающими меня признаками высокаго вниманія сочувствія и, могу сказать, пріязни. Я не достоинъ былъ бы ни слушателей, ни прелата, я былъ бы преступникомъ передъ своею совѣстью и Богомъ, если бы я согласился разыгрывать навязываемую мнѣ роль.

„Одновременно съ симъ я покидаю монастырь, въ которомъ живу и который, при новыхъ обстоятельствахъ, въ коихъ я очутился, оказался бы тюрьмою для моей души. Поступая такимъ образомъ, я отнюдь не нарушаю данныхъ мною обѣтовъ: я клялся въ послушаніи законамъ ордена, но въ границахъ, не допускающихъ насилія надъ моею совѣстью, моею личностью, честью моихъ обязанностей; я клялся въ этомъ подчиненіи подъ условіемъ высочайшаго права справедливости и истинной свободы, которое, согласно словамъ апостола Іакова, является наивысшимъ правомъ христіанина.

„Желая возможно больше пользоваться этою святою свободой, я десять лѣтъ тому назадъ пришелъ въ этотъ монастырь, съ увлеченіемъ, свободнымъ отъ всякаго человѣческаго разсчета, хотя, скажу, не вполнѣ чуждый всякимъ мечтамъ юности. Когда же взамѣнъ за мое самоотверженіе мнѣ предлагаютъ нынѣ цѣпи, я нахожу, что не только имѣю право, но обязанъ отбросить ихъ.

„Пробилъ торжественный часъ. Католическая Церковь переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ ужаснѣйшихъ и наиболѣе рѣшительныхъ моментовъ своего земного существованія. Въ первый разъ, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, не только созванъ, но и объявленъ необходимымъ соборъ,—такъ, по крайней мѣрѣ выразился святой отецъ. И теперь именно не время, чтобы какой-либо проповѣдникъ Евангелія, даже самый посредственный, согласился молчать, какъ нѣмые псы Израиля, невѣрные стражи, которыхъ укоряетъ пророкъ за *неспособность лаять*; „canes multi, non volentes lafrare“,

„Святые никогда не молчали. Я не принадлежу къ ихъ лику, но считаю себя принадлежащимъ къ племени ихъ (filii sanctorum sumus), я всегда считалъ для себя за великую честь направлять свои стопы по слѣдамъ, ими оставленнымъ, и подражать имъ въ пролитіи слезъ, а когда окажется нужнымъ—и моей крови.

„Я обращаю къ святому отцу и къ собору свой протестъ христіанина и священника противъ *тѣхъ доктринъ и той практики, которыя называются римскими, но ко-*

торыя не суть христіанскія и которыя, все болѣе расширяясь, расширяясь самымъ пагубнымъ и наглымъ образомъ, грозятъ обезображеніемъ церковному устройству, основамъ и характеру ученія Церкви и даже духу ея богобоязненности.

„Я протестую противъ разлада, настолько же преступнаго, насколько безсмысленнаго, который стремятся вызвать между Церковью, которая является нашею вѣчною матерью, и обществомъ XIX вѣка, котораго мы являемся дѣтьми лишь въ данную минуту, по отношенію къ которому мы являемся должниками и съ которымъ мы связаны любовью.

„Я протестую противъ той радикальнѣйшей и ужаснѣйшей оппозиціи, которая вызвана лжеучителями противъ природы человѣческой въ естественнѣйшихъ и святѣйшихъ ея стремленіяхъ. Я протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ святотатственнаго ниспроверженія Евангелія Самого Сына Божія, коего духъ и буква одинаково топчутся фарисеями новыхъ правилъ вѣры.

„Я глубоко убѣжденъ, что если Франція въ частности и *латинскіе народы вообще живутъ постоянно въ общественной нравственной и религіозной анархіи, то главною причиной тому является та форма, въ которой издавна уже излагается и практикуется католицизмъ.*

„Я взываю къ предполагающемуся собраться собору, дабы онъ обдумалъ средства къ излѣченію насъ отъ чрезмѣрнаго зла и дабы онъ въ примѣненіи этихъ средствъ руководствовался настолько суровостью, насколько и умѣренностью. Но если оправдаются опасенія, которыя мнѣ не хотѣлось бы раздѣлять, если почтенное собраніе будетъ лишено свободы слова, какъ это уже теперь предполагается, однимъ словомъ, если оно будетъ лишено главнѣйшихъ чертъ вселенскаго собора, то я обращу голосъ мой къ Богу и къ людямъ, требуя второго собранія, которое въ дѣйствительности было бы связано Духомъ Святымъ, а не духомъ партіи, которое дѣйствительно представляло бы Вселенскую Церковь, а не молчаніе однихъ и гнетъ другихъ.

„О сокрушеніи тщери народа моего я сокрушаюсь, хожу мраченъ, ужасъ объялъ меня. Развѣ нѣтъ бальзама въ Галаадѣ? развѣ нѣтъ тамъ врача? Отчего же нѣтъ исцѣленія тщери народа моего“. (Іеремія VIII, 21, 22).

„Наконецъ, взываю къ Твоему Суду, Господи Іисусе! Въ Твоемъ присутствіи пишу эти строки. У Твоихъ ногъ, Господи, послѣ долгихъ моленій, продолжительнаго размышленія, великихъ мученій, большихъ надеждъ, у ногъ Твоихъ подписываю свое имя Я вѣрую, что, когда люди осудятъ мои поступки на землѣ, то Ты воздашь имъ по справедливости на небесахъ. А этого довольно для меня, чтобы жить и умереть.

„Монахъ Гіацинтъ, настоятель кармелитовъ босыхъ въ Парижѣ, второй помощникъ генерала ордена въ Авиніонской провинціи“.

Число латинниковъ, отвращающихся отъ папизма, растетъ весьма быстро. Въ газетахъ мы то и дѣло встрѣчаемся съ сообщеніями объ отреченіяхъ католиковъ отъ папства.

Въ католическихъ сферахъ Франціи въ послѣдніе годы наблюдается явленіе, небывалое доселѣ по размѣрамъ, явленіе вызывающее серіозныя опасенія среди высшаго духовенства. Католическія газеты уже не скрываютъ, что опасность очень велика и что надо поспѣшить съ помощью римской Церкви. Дѣло въ томъ, что къ вызванному злоупотребленіями Рима урагану атеизма и религіознаго индифферентизма, который свирѣпствуетъ во Франціи съ невѣроятною силою въ послѣднюю четверть XIX вѣка, присоединилось еще замѣчательное, до сихъ поръ почти незамѣтное движеніе среди римско-католическаго духовенства. Пастыри этой Церкви и, что особенно важно, люди выдающіеся и пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ и любовью, одинъ за другимъ оставляютъ ея лоно и переходятъ въ лагерь протестантовъ. Извѣстный клерикальный „Univers“ говорилъ въ концѣ 1897 года, между прочимъ, слѣдующее: „Католическая

Церковь переживаетъ въ настоящее время острый кризисъ, который можетъ закончиться весьма печальными для католицизма послѣдствіями". Другой парижскій органъ той же партіи прибавляетъ, что, „хотя эта эволюція пока находится въ состояніи зародыша, однако она развивается систематически, а посему требуетъ усиленныхъ стараній и постоянной бдительности со стороны высшаго духовенства Франціи". La Gazette de France", въ качествѣ вѣрной дочери Церкви, говоритъ уже совершенно откровенно: „Jamais encore on n'avait vu une pareille désertion dans les rangs catholiques!" (Никогда еще не видано было подобнаго дезертитства въ католическихъ шеренгахъ). И дѣйствительно, въ слишкомъ короткій, сравнительно, промежутокъ времени дезертитство католическаго духовенства изъ-подъ знамени римской Церкви стало увеличиваться въ такой степени, что, по иниціативѣ нѣсколькихъ богатыхъ протестантовъ, основано во Франціи особое общество—„L'oeuvre des prêtres", которое имѣетъ цѣлью, какъ сказано въ его уставѣ, „приходить на помощь бывшимъ священникамъ, освобждающимся, на основаніи своего убѣжденія, отъ ярма римско-католической Церкви". Это общество дало уже убѣжище и доставило занятіе болѣе чѣмъ ста такимъ отщепенцамъ, изъ коихъ большая часть (около ³/₄) записалась въ число студентовъ или вольнослушателей парижскаго или Монтобанскаго протестанскихъ богословскихъ факультетовъ; остальные посвятили себя учительству, журналистикѣ и т. д. Общество издаетъ собственный органъ, подъ названіемъ „Le Chétien Français", редактируемый однимъ изъ дезертировъ, бывшимъ настоятелемъ римско-католическаго прихода, а нынѣ пасторомъ Бурье, весьма энергическимъ дѣятелемъ на поприщѣ антипапизма. Оставленіе этою личностью римской Церкви является своего рода эпохой въ области религіозныхъ вѣрованій.

Его „Исповѣдь", перепечатанная во всѣхъ почти французскихъ и переведенная во многихъ иностранныхъ газетахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, произвела удручающее впечатлѣніе на римскихъ католиковъ и вызвала рѣзкую, хотя—увы—безсильную полемику со стороны ватиканскихъ органовъ. Эту исповѣдь можно назвать однимъ изъ страшнѣйшихъ ударовъ, нанесенныхъ когда-либо власти и авторитету папства бывшими сынами католической Церкви. Нумера газетъ, въ которыхъ была напечатана „исповѣдь" Бурье, выдерживали по 2 и по 3 изданія, ихъ расхватывали на перебой, покупали сотнями и тысячами экземпляровъ съ цѣлью противопапской пропаганды, насчетъ протестантскихъ кружковъ и обществъ.

„Мнѣ ставятъ въ упрекъ — пишетъ, между прочимъ, Бурье — что я устраиваю религіозную схизму; но могу ли я поступить иначе? Вѣдь для всѣхъ ясно, что пѣсня романизма спѣта, романизма со всѣми его догматами, неисчислимыми сумасбродствами, съ его іерархіей, облаченною въ золото и увѣнчанною пышными догматами, іерархіей, на которую смотрятъ еще съ любопытствомъ, но которая безсильна уже вызвать въ комъ-либо страхъ, съ ея чисто-формалистическими языческими обрядами. Оставимъ итальянцамъ ихъ папу, ихъ итальянскіе обряды, ихъ итальянскія козни, а, въ особенности, ихъ итальянскую нравственность и предразсудки, и, освободившись отъ всѣхъ этихъ цѣпей, пойдемъ прямо и явно на встрѣчу тому идеалу, который называется Евангеліемъ, и у котораго нѣтъ ничего общаго съ римскимъ догматомъ". Далѣе Бурье говоритъ о первоначальномъ, древнѣйшемъ христіанствѣ, которое называетъ „забытымъ христіанствомъ", больше, чѣмъ забытымъ, ибо нынѣ оно представляется прямою противоположностью того псевдо-христіанства, которое вкралось среди насъ нѣсколько, вѣковъ тому назадъ вмѣстѣ съ римскими папами. . Изъ одной и той той же вѣры выводятъ какую угодно этику, сообразуясь съ требованіями времени. Такой методъ весьма удобенъ, но—сколь же противенъ онъ ученію Христову!

„Всѣ эти подвохи—продолжаетъ Бурье — мнѣ хорошо извѣстны, ибо въ теченіе десяти лѣтъ я колебался, оставить ли мнѣ римскую Церковь и боролся со своею совѣстью. Да и какъ мнѣ было не бороться? Къ какой только казуистикѣ и схоластикѣ

не прибѣгаютъ съ цѣлью убѣдить и склонить насъ къ неоставленію Церкви"! Если вы упрямитесь вас начинаютъ „выдѣлять", „повышать", „награждать". Чего только не дѣлалось съ цѣлью „удержать" меня. И, дѣйствительно, при помощи тысячей силлогизмовъ, какъ будто убѣждали меня нѣсколько разъ въ томъ, что я не долженъ, не имѣю права оставлять римскую Церковь...

„Итакъ, вы не вѣрите—спрашивали меня—въ нашу святую Церковь? Это ничего не значитъ! Все можетъ быть прощено, оставайтесь только въ „лонѣ"... Можетъ быть васъ смущаетъ догматъ о непогрѣшимости святого отца? Такъ не вѣрьте въ него, только не говорите другимъ о своемъ невѣріи. Вы человѣкъ слишкомъ просвѣщенный, чтобы не могли понять необходимости видимой главы христіанства,—для религіозной массы, для вѣрующихъ, въ этомъ то и заключается весь секретъ! Не вѣрите вы еще въ то, другое, пятое, десятое? Согласите свое невѣріе съ требованіями самого „дѣла", времени, особыхъ условій, среди которыхъ мы должны бороться!.. Но, ради Бога, не уходите! Продолжайте считаться въ „лонѣ"; „лоно" — это все! Только бы намъ стать господами положенія; лишь бы были постоянно питающія Церковь „стада",—пастырей для нихъ мы всегда найдемъ... только не станемъ касаться догматовъ".

„Я — продолжаетъ Бурье — пробовалъ не касаться ихъ; но затѣмъ, поразмысливъ хорошенько, пришелъ къ заключенію, что такимъ обраaомъ служить Богу нельзя, и чтобы возбудить въ другихъ искренность правды, совѣсть—слѣдуетъ дать имъ, прежде всего самимъ проснуться, и я началъ съ самого себя.

„Намъ говорятъ о демократическомъ, народномъ католицизмѣ. Что это за религія? Будете ли вы и при ней торговать, по прежнему епископскому тарифу, обѣднями, таинствами, отпущеніями, освященною водой? Какое понятіе о справедливости можетъ дать ребенку нашъ катихизисъ, угрожающій вѣчнымъ огнемъ нищему за то, что онъ въ пятницу съѣлъ кусокъ хлѣба съ мясомъ? А сколько подобныхъ несообразностей существуетъ въ римской Церкви? Но римскій католицизмъ никогда не откажется отъ этихъ несообразностей и этихъ налоговъ, ибо ими онъ живетъ. Ошибочно было бы полагать, что все это не имѣетъ связи съ догматомъ; нѣтъ, это именно—главный догматъ папской религіи. На немъ основанъ весь итальянскій катехизисъ—opus operatum.

„Нѣтъ, истинное христіанство основывается не на догматическихъ софизмахъ, а на знаніи жизни, Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы научить людей прежде всего, какъ слѣдуетъ жить, а въ особенности, какъ любить своего ближняго и какъ принести себя ему въ жертву, усвоивъ сперва истинную цѣль великаго посланничества Сына Божія на землѣ. Не тотъ—величайшій христіанинъ, кто знаетъ на память всѣ папскія энциклики и церковныя правила, а тотъ, кто уразумѣлъ значеніе и выполнилъ знаменательныя слова Іисуса Христа.

„Въ тотъ день, когда наши ксендзы, оставивъ пустой и холодный формализмъ, начнутъ согласно, съ Евангеліемъ, проповѣдывать покаяніе и духовное возрожденіе ердца, т. е. то возрожденіе свыше, о которомъ говоритъ Спаситель, когда они станутъ сами и будутъ другихъ учить „покланяться Богу въ душѣ и правдѣ", тогда мы дѣйствительно войдемъ на путь народнаго католицизма. Но тогда намъ придется разстаться со всевозможными практиками, приносящими Риму по два милліона годового дохода; мы будемъ тогда вынуждены отпечатать для народа доступное ему Евангеліе, переведенное на понятный ему языкъ, о чемъ не подумали еще въ Ватиканѣ, несмотря на 400 лѣтъ, прошедшихъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія".

Кромѣ аббата Бурье, среди представителей французскаго духовенства, призывающихъ народныя массы къ сверженію папскаго ига, особеннаго вниманія заслуживаютъ священники: Корнелу, Бономъ, Жуай, Мейлонъ и Баръ. Къ числу возставшихъ противъ папской непогрѣшимости въ послѣднее время присоединился еще молодой священникъ Филиппо, настоятель въ Плюміонѣ. Бывшій ученикъ кармелитовъ, человѣкъ

съ обширнымъ образованіемъ, Филиппо постепенно, но все сильнѣе убѣждался въ томъ, что догматы римской Церкви, а прежде всего папская непогрѣшимость, на которой теперь основывается много другихъ, не что иное, какъ политическія теоріи, проповѣдуемыя въ интересахъ іерархической власти Церкви; эти догматы исторически ничѣмъ не оправдываются; критика же и истинная религіозность рѣшительно ихъ отвергаютъ. Когда мѣстный епископъ узналъ объ этихъ опасныхъ воззрѣніяхъ настоятеля, который не только думалъ такъ, но и проповѣдывалъ свои взгляды съ церковной кафедры то возбудилъ дисциплинарное слѣдствіе противъ Филиппо и вызвалъ его въ епархіальную конференцію для объясненія или для отреченія отъ своихъ воззрѣній. Тогда Филиппо изложилъ свое исповѣданіе вѣры, прочиталъ его своимъ прихожанамъ и затѣмъ переслалъ суассонскому епископу. На основаніи документа безъ всякаго дальнѣйшаго слѣдствія, епископъ бросилъ на Филиппо великое проклятіе, т. е. отлучилъ отъ Церкви и предалъ сатанѣ. Само собою разумѣется, что настоятель оставилъ свою должность и званіе.

Исповѣданіе вѣры священника Филиппо весьма интересно. Между прочимъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Когда въ первые вѣка нашей эры спрашивали мученика относительно его вѣры, то онъ отвѣчалъ своимъ судьямъ: „Я христіанинъ“

„Я христіанинъ, потому что соединенъ вѣрой съ Іисусомъ Христомъ, въ Немъ и чрезъ Него имѣю искупленіе своихъ грѣховъ и непосредственное общеніе съ Отцемъ Небеснымъ.

„Я христіанинъ, потому что ученіе Іисуса Христа составляетъ законъ моего разума и мораль Іисуса Христа—идеалъ моей жизни; потому что я не знаю религіи болѣе совершенной, чѣмъ религія Іисуса Христа. Я ставлю Евангеліе Іисуса Христа выше всякаго человѣческаго слова и сужу обо всемъ по Евангелію. Въ религіозной области ученія и человѣческія учрежденія похвальны, если они проникнуты евангельскимъ духомъ; они подлежатъ порицанію, если направлены противъ Евангелія; они безразличны, если не истекаютъ изъ Евангелія.

„Я вѣрую въ Божественное откровеніе, сводящееся къ слѣдующему: Іисусъ Христосъ предуготовляется и предвѣщается въ Ветхомъ Завѣтѣ; Іисусъ Христосъ во время своей земной жизни проповѣдуетъ людямъ вѣчное спасеніе; Іисусъ Христосъ въ своей преобразованной жизни сообщаетъ Духъ свой воспріимчивымъ душамъ.

„Я вѣрую въ вѣчное блаженство, условія котораго безповоротно установлены Евангеліемъ и именно такъ, что никакой человѣческій авторитетъ не можетъ что-либо присовокупить или отнять. Условія спасенія сводятся единственно къ вѣрѣ въ Іисуса Христа; но эта вѣра не есть обыкновенная, разсудочная вѣра; она—безусловное упованіе: полное предоставленіе души руководству Іисуса Христа. Мы познаемъ это упованіе, и это преданіе души, когда откровеніе, совершившееся въ Іисусѣ Христѣ, совершается также и въ насъ, когда мы чувствуемъ, что мы, несмотря на свои грѣхи, чисты кровью Іисуса Христа, что Богъ—нашъ Отецъ и мы Его дѣти, что мы братья Іисуса Христа и вмѣстѣ съ нимъ наслѣдники вѣчной жизни. Въ этомъ сознаніи сыновняго единенія съ Богомъ и есть именно существо христіанства. Также какъ въ Отца и въ сына, вѣрую я и въ Св. Духа, который черезъ Сына исшелъ отъ Отца. Это тотъ Святой Духъ, который, по прекрасному выраженію Тертуліана и по завѣту самого Спасителя, является утѣшителемъ, замѣстителемъ Іисуса Христа. Духомъ Святымъ открывается намъ Богъ; чрезъ Духа Святаго слова Іисуса Христа приводятъ въ трепетъ наши сердца; Святой Духъ заставляетъ насъ взывать къ Богу: „Отецъ Мой!“ Онъ свидѣтельствуетъ намъ, что мы дѣти Господни. Внутреннее свидѣтельство Святаго Духа есть непоколебимое основаніе моей христіанской вѣры и моего священническаго и учительнаго призванія.

„Я вѣрую въ Слово Божіе, заключающееся въ каноническихъ книгахъ Ветхаго и

Новаго Завѣта. Книги Библіи не упали съ неба; онѣ не были отъ слова до слова продиктованы ихъ составителемъ; Духъ Святой открывалъ мысли и волю Божію душѣ патріарховъ и пророковъ, духъ Христа и апостоловъ—душѣ всѣхъ вдохновенныхъ людей.

„Я вѣрую въ Слово Божіе, не записанное въ священныхъ книгахъ, именно въ Божественное преданіе, сохраняемое Духомъ Святымъ въ церкви, а церковью преподаваемое народу подъ контролемъ Священнаго Писанія.

„Я вѣрую въ единую, святую каѳолическую и апостольскую церковь. Эта церковь есть царство Божіе, проповѣданное Христомъ въ Галилеѣ. Церковь едина, потому что она имѣетъ главою одного Христа; она свята, ибо очищается и освящается божественною силой Евангелія; она каѳолическая, т. е. вселенская, ибо она обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, кто во всякое время и на всякомъ мѣстѣ исповѣдуетъ христіанство; она апостольская, ибо она была распространена апостолами, подлинными свидѣтелями ученія Іисуса. Римская Церковь не есть всеобщая церковь; она только значительная часть этой послѣдней. Апостолы и первые учители основали независимыя одна отъ другой церкви, которыя были соединены только любовью и вѣрой въ Іисуса Христа. Впослѣдствіи западныя церкви добровольно подчинились авторитету епископовъ Рима. Папство является такимъ образомъ человѣческимъ учрежденіемъ, и теперь, какъ прежде, всѣ церкви являются равными передъ Евангеліемъ. Отказывать въ имени христіанъ двумъ стамъ пятидесяти милліонамъ человѣческихъ существъ, вѣрующимъ въ Іисуса Христа, есть богохульство; оспаривать вѣчное спасеніе христіанъ, живущихъ по Евангелію, значитъ отрицать Евангеліе. Обрѣсти вѣчное спасеніе можно во всякой церкви, если только согласовать свою жизнь съ ученіемъ Іисуса Христа; и можно лишиться вѣчнаго спасенія во всякой церкви, если жить безъ Іисуса Христа.

„Я вѣрую въ непогрѣшимость слава Божія, содержащагося въ Священномъ Писаніи, въ божественномъ преданіи и въ ученіи церкви. Но наряду съ содержащимся въ ученіи церкви божественнымъ писаніямъ, священнымъ преданіемъ и откровенными истинами,—предразсудки, невѣжество и страсти внесли человѣческія заблужденія. Одинъ Богъ непогрѣшимъ. Непогрѣшимость—такое свойство, котораго Богъ не можетъ сообщить никакому существу. Пророки, какъ ни были они вдохновлены, ошибались, изображая грядущаго Мессію чертами земнаго царя. Апостолы точно также ошибались, когда, проповѣдуя о воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ, утверждали, что ихъ современники увидятъ конецъ свѣта. *Почему же папа долженъ быть непогрѣшимѣе пророковъ, непогрѣшимѣе апостоловъ?*

„Я вѣрую, что въ церкви необходима учительная власть, т.-е. офиціальное ученіе. Но это ученіе не можетъ быть насильно навязано мышленію; истина не навязывается, но предлагается (la verité ne s'impose pas, elle se propose); обыкновенный вѣрующій, которому время нужно прежде всего для того, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ или воспитывать своихъ дѣтей, имѣетъ право, въ вопросахъ вѣры, полагаться на духовнаго пастыря; но пастырь, который сталъ бы учить по приказанію, безъ испытанія его правоспособности къ ученію, былъ бы столь же достоинъ презрѣнія, какъ аптекарь, который сталъ бы безъ разбора продавать лѣкарства и яды. Я поэтому требую для себя права думать иначе, нежели мои начальники. ибо *обязанъ искать истину.*

„Поступая такимъ образомъ я стараюсь однако держаться сколь возможно дальше отъ ереси. Еретикъ—тотъ, кто *человѣческое слово ставитъ выше слова Божія.* Иновѣрецъ (hétérodoxe) напротивъ, ставитъ слово Божіе выше человѣческаго. Что же касается до правовѣрныхъ (orthodoxe), то они дѣлятся на два класса: во-первыхъ, простодушные, которые воображаютъ, будто Богъ далъ римской церкви чистый незаписанный листъ и напередъ подписался подъ всѣмъ, чему вздумаетъ когда-либо учить папа; и, во-творыхъ, лукавые, которые знаютъ, въ чемъ дѣло, которые открыто подписываются подъ всѣми догматическими формулами, но въ душѣ понимаютъ ихъ иначе, нежели церковь. Я

слишкомъ много размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ, чтобы оставаться наивнымъ, а совѣсть запрещаетъ мнѣ перейти въ лагерь лукавыхъ. Я вѣрю, что, несмотря на свои убѣжденія и даже именно вслѣдствіе своихъ убѣжденій, могу остаться добрымъ служителемъ католической церкви и суассонской епархіи, съ искреннимъ благочестіемъ, съ пламеннымъ желаніемъ приводить души подъ иго Іисуса Христа, къ евангельской нищетѣ и любви, къ апостольской свободѣ. Я каѳоликъ, какъ былъ имъ самъ Христосъ, какіе были въ первыя столѣтія христіанской церкви, и я убѣжденъ, что такимъ же широкимъ и терпимымъ будетъ каѳолицизмъ XX столѣтія,

„Историческія научныя работы XIX вѣка заставили насъ вернуться къ источникамъ нашего происхожденія. Если Евангеліе перваго вѣка снова будетъ Евангеліемъ двадцатаго вѣка, то церкви сольются въ объятіяхъ мира и любви Христовой; 450 милліоновъ христіанъ, живущихъ на землѣ, сплотятся для того, чтобы уловить въ евангельскія сѣти 1000 милліоновъ невѣрующихъ, живущихъ внѣ Іисуса Христа. Міръ будетъ тогда спасенъ, и это можетъ быть совершено только Евангеліемъ. Я со своей стороны являюсь и ничѣмъ другимъ быть не желаю, какъ проповѣдникомъ Евангелія; я столь же неспособенъ хранить лицемѣрное молчаніе, какъ и лгать. Во всякомъ положеніи, въ почестяхъ или униженіи, я рѣшился проповѣдывать Евангеліе, слѣдуя голосу своей совѣсти. Горе мнѣ, если если я не буду проповѣдывать Евангеліе.

„А. Филиппо, приходскій священникъ Пломіонскій“ [1]).

До какой степени упало значеніе папства,—видно хотя бы изъ того факта, сообщяемаго италіанскими газетами, что Левъ XIII продалъ въ 1897 году лишь 38,000 письменныхъ благословеній на сумму, не превышающую полумилліона франковъ, раньше же эттимъ путемъ собирались десятки милліоновъ. Клерикалы стараются объяснить эти поборы собираніемъ ренты на убѣжище для слѣпыхъ св. Алексѣя, съ каковою цѣлью и установлена такса въ одинъ франкъ за каждое благословеніе, для осуществленія задуманнаго предпріятія. Въ полученіи этого франка выдается расписка однимъ изъ папскихъ чиновниковъ, которымъ предоставлено право благословенія отъ имени папы, не спрашивая для какой цѣли оно покупается. Это объясненіе, однако, не выдерживаетъ критики, ибо 38,000 билетиковъ съ благословеніемъ, цѣною въ одинъ франкъ, не могли дать сумму въ полъ милліона.

Левъ XIII, видя что принятая имъ на себя роль римскаго узника, никого уже не трогаетъ, что Италіанское королевство, освободившись отъ папскаго ига, начинаетъ крѣпнуть и увеличивать свое благосостояніе,—начинаетъ искать средствъ къ соглашенію со свѣтскою властью въ Италіи, особенное же вниманіе его обращено на войско. Для достиженія этой цѣли, хотя бы и съ умаленіемъ авторитета церкви, Левъ XIII уже не громитъ италіанской арміи своими анаѳемами, но самъ выступаетъ въ защиту ея передъ Богомъ. Такъ въ 1897 году папа запретилъ пѣть въ церквахъ Te Decum въ день пораженія италіанскихъ войскъ абиссинцами.

Даже абиссинскій король Менеликъ, къ которому папа обращался съ просьбой объ освобожденіи италіанскихъ плѣнныхъ, далъ папѣ горькій урокъ. Въ отвѣтъ на письмо папы Менеликъ, ссылаясь на примѣръ Давида, которому Господь далъ силу уничтожить враговъ, желающихъ войны, говоритъ: „Я съ помощью Божіею сдѣлалъ то же. Ваше Святѣйшество знали, что я и народъ мой—христіане [2]), а однако, когда король Италіи, вопреки справедливости, отправилъ противъ насъ армію, Вы не заступились за насъ, между тѣмъ именно италіанскій народъ былъ тѣмъ захватчикомъ, который разграбилъ наслѣдіе Господа, оскорбилъ Его святыню и разгромилъ вашъ новый Іерусалимъ. Въ моей странѣ священники Вашего Святѣйшества пользуются всевозможною свободою,

---

[1]) Желающихъ ознакомиться подробно съ антипапскимъ движеніемъ среди католичества отсылаемъ къ нашей брошюрѣ: *„Начало конца римскаго католицизма и папства“*.

[2]) Православнаго исповѣданія. *Прим. авт.*

въ которой имъ отказываютъ тѣ, которыхъ нынѣ поддерживаетъ Ваше Святѣйшество У насъ они могутъ всенародно проповѣдывать Евангеліе, я не изгоняю ихъ изъ ихъ владѣній, не граблю ихъ священныхъ сосудовъ, какъ это сдѣлалъ король Италіи, называемый христіанско-римскимъ Я болѣе христіанинъ, нежели тѣ, кому покровительствуетъ Ваше Святѣйшество. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы церковь Вашего Святѣйшества подвергается преслѣдованіямъ, а однако Ваше Святѣйшество даете аудіенціи посланникамъ угнетателей и не требуете справедливости для тѣхъ, пастыремъ кого Ваше Святѣйшество являетесь на землѣ. Христосъ велитъ намъ прощать обиды но никогда не говоритъ намъ отрекаться отъ своихъ правъ. Призывая Ваше Святѣйшество къ главенству надъ великой римской церковью, меня же къ правленію моимъ народомъ, Богъ тѣмъ самымъ велѣлъ намъ блюсти сохраненіе правды“.

Наивный Менеликъ полагаетъ, что римское духовенство проповѣдуетъ въ его странѣ Евангеліе. Но когда онъ откроетъ дворцовый заговоръ и покушеніе на свою жизнь, или найдетъ въ своей спальнѣ ядъ, тогда онъ убѣдится, какого рода евангеліе проповѣдуютъ римскіе эмиссары и тогда онъ не будетъ утверждать, что преслѣдованіе этихъ выродковъ рода человѣческаго является преслѣдованіемъ церкви.

Левъ XIII вознамѣрился также подарить англійской королевѣ по поводу ея юбилея золотую розу. Узнавъ объ этомъ, англійское церковное общество обратилось къ лорду Солсбюри съ просьбой не допускать несчастія и проклятія на голову любимой королевы.

„Изъ исторіи извѣстно“, говорится въ заявленіи общества, „что подобный даръ, сдѣланный папой королю неаполитанскому, повлекъ потерю послѣднимъ короны менѣе чѣмъ черезъ полгода. Изабелла испанская, получивъ этотъ подарокъ, вынуждена была годъ спустя бѣжать изъ своего государства. Императрица Евгенія также получила это папское благословеніе, и вслѣдъ затѣмъ пала во Франціи монархія. Получила золотую розу и супруга Максимиліана—ея мужъ былъ разстрѣлянъ въ Мексикѣ. Получила ее и княгиня Норонга, и была изгнана изъ Бразиліи вмѣстѣ съ съ Донъ-Педро. Папское благословеніе является предвѣстникомъ несчастія. Испанская армада получила папское благословеніе, на Елисавету же англійскую онъ бросилъ проклятіе. Армада была уничтожена бурею, а Елисавета счастливо царствовала. Перстъ Божій, очевидно, исполняетъ предсказанія пророковъ. Въ качествѣ вѣрныхъ подданныхъ Ея Королевскаго Величества мы осмѣливаемся заклинать Васъ, какъ перваго сановника короны,—устранить отъ нея этотъ позоръ и не допустить принятія предвѣстника неминуемаго несчастія“.

Роза не была принята. Тѣмъ не менѣе, ее приняла австрійская императрица и была убита.

Римская церковь давно уже является трупомъ; никто не усмотритъ въ ней проявленія Божества. Масса политическихъ агитацій, народныхъ возстаній, споровъ или конкордатовъ съ кабинетами монарховъ, нѣсколько административныхъ постановленій, много шума и блеска, но—ни одного слова, ни одного шага, въ которыхъ сказывалось бы присутствіе духовной жизни римской церкви. Вся дѣятельность западной церкви была направлена къ поднятію значенія и святости папы, который оказался лишь способнымъ интриганомъ, способнымъ администра торомъ и политикомъ, пока въ его распоряженіи были мечъ и огонь. Въ послѣдніе годы появился обязательный декретъ въ сферѣ догматической; религіозный актъ въ высшемъ значеніи этого слова, актъ,—заслуживающій особаго вниманія, какъ единственный въ теченіе многихъ вѣковъ. Этимъ декретомъ христіанамъ современнымъ и будущимъ объявляется, что Пресвятая Матерь Христа была зачата безъ первороднаго грѣха; забыли только, что Пресвятая Дѣва скончалась, смерть же—послѣдствіе первороднаго грѣха.

На основаніи же декрета куріи Рима, старающейся разнообратить для своихъ овечекъ представленія о вѣрѣ,—смерть является независимою отъ смертнаго грѣха и таковая объясняется въ природѣ явленіемъ случайнымъ; вслѣдствіе этого ученіе Хри-

ство обвинено во лжи. А, можетъ быть, Пресвятая Дѣва умерла, какъ и Христосъ, т. е. пріявши на себя грѣхи рода человѣческаго? Въ такомъ случаѣ у насъ есть два Спасителя, и христіанству снова навязывается фальшь.

Въ Св. Писаніи не упоминается о смерти Матери Божіей, Ефесскимъ же соборомъ въ 431 году было установлено, что она провела конецъ жизни вмѣстѣ съ евангелистомъ Іоанномъ въ Ефесѣ и погребена въ церкви, гдѣ засѣдалъ соборъ. Позднѣе папы создали другое преданіе, будто Божія Матерь была погребена въ долинѣ Іосафата, откуда была взята на небо. Въ послѣднее же время папы додумались, что она взята была на небо живою.

Такимъ-то образомъ объясняются въ Римѣ божественныя таинства христіанства, и таково наслѣдіе, оставленное папами грядущимъ поколѣніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ романизмѣ можно встрѣтиться съ молчаніемъ или ложью, съ правдой же—никогда. Съ низменностью взглядовъ или признаками духовной смерти, выступающими явно при малѣйшемъ испытаніи признаковъ жизни, мы встрѣчаемся тутъ на каждомъ шагу.

Доказательтвомъ папской *непогрѣшимости* служитъ намъ Іоанна Д'Аркъ. Обвиненная Церковью въ общеніи съ діаволомъ она была приговорена къ сожженію. Нынѣшній папа намѣренъ ее канонизировать, объясняя ея поступки вдохновеніемъ съ неба; недостаетъ только для канонизаціи наличности трехъ чудесъ, сотворенныхъ Іоанною Д'Аркъ, но и они, вѣроятно найдутся.

Какая же еще борьба возможна съ Римомъ? Была, правда, борьба страшная и опасная въ XVI и XVII вѣкахъ, когда латинство и протестантизмъ напирали на Востокъ съ юношескими силами и увѣренностью въ себѣ; но истинная Церковь Божія отразила ихъ отъ своихъ предѣловъ; а теперь что? Передъ падающей каѳедрой Римскаго понтифекса послѣдняя горсть темныхъ фанатиковъ пляшетъ свой дикій танецъ, пародируя вдохновенный религіозный экстазъ; самъ папа, скованный вѣковыми традиціями куріи,—традиціями, отъ которыхъ отречься онъ не имѣетъ права мечетъ на міръ безсильныя проклятія, формула коихъ замѣняется на его дрожащихъ губахъ въ requiescat in pace папству.

Надъ римскою столицей должно исполниться пророчество Іереміи (51,9): „Мы лѣчили Вавилонъ, но онъ не излѣченъ. Оставимъ его и возвратимся каждый въ свою землю".

Это заслуженная кара за *братоубійство*, отъ которой ничто уже не спасетъ нынѣшней куріи Ромы; приближается минута, когда народы возвратятся въ лоно христіанства, и исполнятся слова Христа: „Да будетъ одинъ пастырь и едино стадо".

Пусть однако ультрамонтаны не надѣются что этимъ пастыремъ будетъ назначенный ими Святой Отецъ на землѣ. Не умѣлъ онъ возпользоваться Тридентскимъ соборомъ (1545—1563) для возсоединенія съ отпавшею отъ него реформаціей. Не будучи въ состояніи освободиться отъ связанной съ этимъ соединеніемъ идеи первенства папства. Триденскій соборъ не сдѣлалъ шага для этого соединенія; напротивъ, скорѣе онъ издавалъ такія постановленія которыя дѣлали невозможнымъ всяческое сближеніе и укрѣпилъ свое положеніе рѣзко опредѣленными символами. Латиняки признали единымъ главою Церкви папу, и ему представлены были на утвержденіе постановленія собора. Такъ были санкціанированы старыя заблужденія, что вызвало еще большую рознь.

Напрасно, поэтому, нынѣ іезуиты въ лицѣ Льва XIII стремятся искусить послѣдователей православной каѳолической Церкви къ соединенію съ ними.

Ошибки руководимой іезуитами римской Церкви вызвали новый расколъ въ самомъ Римѣ, гдѣ въ 1866 году возникла пропаганда образованія національной италіанской Церкви.

Первые признаки этого движенія мы видимъ въ сочиненіяхъ священника Пассальи. Этотъ образованный священнослужитель выступилъ противъ свѣтской власти папы,

старался собрать вокругъ себя низшее духовенство; затѣмъ, по избраніи своемъ въ депутаты, онъ проводилъ свои взгляды съ парламентской кафедры. Но въ лицѣ Пассальи кроется слишкомъ педантичный ученый, схоластическій изслѣдователь; онъ слишкомъ мало проникнутъ духомъ Божіимъ, а поэтому его дѣятельность въ роли депутата сдѣлала его смѣшнымъ, а тѣмъ самымъ неспособнымъ къ борьбѣ въ дѣлахъ церкви.

Безъ сравненія выше его въ смыслѣ ясности понятій стоитъ Тибони, каноникъ изъ Брешіи, сторонникъ галликанства. Въ брошюрѣ „Quando sit infallibile il papa“ Тибони доказываетъ неосновательность сторонниковъ неограниченной папской власти. За свои воззрѣнія Тибони былъ уволенъ отъ должности директора семинаріи; несмотря на это, бывшій каноникъ насчитываетъ много сторонниковъ среди бывшихъ своихъ учениковъ. Но на этихъ сторонниковъ нечего много разсчитывать, ибо критика папской власти отнюдь не приводитъ къ реформѣ церкви.

Самымъ дѣятельнымъ, наиболѣе популярнымъ изъ священниковъ, ратующихъ за реформу римско-католической церкви, въ Италіи является, безъ сомнѣнія, Don Ambrogio, священникъ изъ Пьемонта. Онъ проповѣдуетъ подъ открытымъ небомъ, часто на улицѣ; наиболѣе однако способствуютъ успѣху его проповѣди летучіе листки, изложенные въ формѣ діалоговъ. Амброджо требуетъ національной церкви и ограниченія абсолютной папской власти. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ: Перфетти, авторъ „Il claro e la società“, Бобони, каноникъ изъ Белинцоны, Гизинджели, Анелли и многіе другіе. Но не одно духовенство работаетъ надъ образованіемъ національной католической церкви въ Италіи; эту идею поддерживаютъ и свѣтскія лица, какъ напр. въ Миланѣ графъ Тоска, въ Бергамо Моролли, авторъ брошюры: „La parora di Dio i moderni Pharisci, (Слово Божіе и современные фарисеи)“ Однако всѣ указанныя нами усилія произвести реформу не имѣли бы историческаго значенія, значенія жизненнаго, какъ усилія единичныхъ личностей, если бы наряду съ ними не существовало подобное же движеніено въ обширныхъ размѣрахъ, какова дѣятельность „Societa emacipatrice e di muto soccorso del Sacerdozio Italiano.“

Главой и руководителемъ этого общества является д-ръ Прота изъ Неаполя; общество имѣетъ свои газеты: Emanc ipatore catolico, издаваемую въ Неаполѣ, и Esaminatore—во Флоренціи. Главныя цѣли названнаго общества слѣдующія:

Реформа Римской церкви въ духѣ христіанскомъ; устраненіе свѣтской власти папы, признаніе папы епископомъ—первымъ между равными и допущеніе свѣтскихъ лицъ въ область церковнаго управленія. На этихъ общихъ положеніяхъ основаны слѣдующія заключенія: 1) Вселенскій соборъ долженъ быть признаваемъ верховнымъ судьей въ дѣлахъ вѣры; предсѣдательствовать на соборѣ долженъ всегда папа, какъ римскій епископъ. 2) Папа, епископы и настоятели должны быть избираемы духовенствомъ и свѣтскими лицами. 3) Въ отношеніи юрисдикціи епископы, архіепископы и митрополиты должны быть болѣе самостоятельны и независимы отъ Рима. 4) Исповѣдь должна быть актомъ доброй воли, а не принудительною, и поэтому слѣдуетъ возвратиться къ примѣрамъ, какіе въ этомъ смыслѣ даетъ церковь III и IV вѣка. 5) Слѣеуетъ отмѣнить совершеніе богослуженія на латинскомъ языкѣ, и совершать его на національномъ языкѣ. 6) Слѣдуетъ учредить епархіальные синоды. 7) Правомъ участія въ синодахъ должны пользоваться всѣ духовныя лица. 8) Необходима отмѣна обязательнаго безбрачія священниковъ. 9) Католическая Церковь не должна ограничивать свободы и правъ другихъ исповѣданій, и наконецъ, 10) Не дѣлать препятствій къ распространенію и чтенію Священнаго Писанія, или Библіи.

Папа Пій IX бросилъ этому обществу, основанному въ 1858 году, свою папскую перчатку, провозглашая догматы „*непогрѣшимости*“ папской и „непорочнаго зачатія“, въ отвѣтъ на которые послѣдовало отнятіе у папы послѣднихъ остатковъ свѣтской

власти, и въ іюнѣ 1871 года Римъ сталъ столицей Италіи и резиденціей короля Виктора Эммануила.

Новая выходка римскаго епископа вызвала, какъ выше сказано, новый расколъ въ западно-католической церкви, т. е. образованіе старокатолицизма. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть въ этомъ мѣстѣ провозглашенныя папой въ 1871 году основанія этого новаго догмата.

Экуменическій римскій соборъ, состоявшій исключительно изъ латинниковъ, *большинствомъ голосовъ* принялъ слѣдующія рѣшенія:

„Вѣрные существующей отъ начала христіанства традиціи, во славу Божественнаго Избавителя нашего, *для возвышенія* католической религіи и во *спасеніе христіанскихъ народовъ*, мы поучаемъ и постановляемъ, какъ изъ божескаго откровенія истекающій догматъ, что папа римскій, когда говоритъ ex cathedra, то есть когда, исполняетъ свою должность, какъ пастырь и учитель *всего* (sic!) христіанства силою своего высшаго апостольскаго авторитета постановляетъ рѣшенія въ дѣлахъ вѣры и нравственности, обязывающія всю церковь, силой Божьей помощи, обѣтованной ему въ лицѣ св. Петра,—является одареннымъ тою непогрѣшимостью, которою Божественный Избавитель благоволилъ одарить свою церковь при установленіи ученія вѣры и нравственности, и поэтому таковыя рѣшенія Римскаго папы по природѣ своей не могутъ быть измѣняемы. Если бы кто-либо, отъ сего Боже избави, вознамѣрился сопротивляться этимъ нашимъ постановленіямъ то да будетъ онъ отлученъ“. Истинный смыслъ этихъ весьма запутанныхъ словъ тотъ, что *„папа изрекая рѣшенія по вопросамъ вѣры и нравственности, непогрѣшимъ, а кто тому не вѣритъ—тотъ будетъ проклятъ“*. Нынѣ, какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣдом.“ № 144, намѣстникъ Бога на землѣ, желая проявлять впредь свое могущество обратился за содѣйствіемъ къ еретическому германскому императору съ просьбой „объ оказаніи доброй услуги—склонить проклятое имъ италіанское правительство къ тому, чтобы *оно обратилось* къ Ватикану съ предложеніемъ о примиреніи, но въ такой формѣ, чтобы оно могло быть принято безпрекословно, что онъ желаетъ примиренія, но что нельзя требовать отъ него невозможнаго. Италія останется въ выигрышѣ исполнивъ это желаніе римской куріи, ибо папа имѣя полную свободу и сдѣлавшись независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, безотлагательно призоветъ съ неба благодать на Италію, ея единство будетъ упрочено и въ ней настанетъ эра мира и благосостоянія“.

Что касается насъ, то мы намѣрены разсмотрѣть вышеуказанное постановленіе іезуитскаго собора въ двухъ отношеніяхъ: во 1) мы намѣрены остановиться на вопросѣ, согласно ли ученіе о папской непогрѣшимости съ основами вѣры хотя бы римско-католической церкви; а 2) что говоритъ о ней Священное Писаніе.

I.

Разсматривая исторію католической церкви, мы должны признаться что насъ чрезвычайно удивилъ крикъ негодованія, поднявшійся среди нѣкоторыхъ католиковъ при извѣстіи о догматѣ папской непогрѣшимости. Ибо чѣмъ же является папа по ученію римско-католической церкви? Съ момента основанія положенія, что римскій епископъ является преемникомъ апостола Петра, какъ перваго римскаго епископа, каковое преданіе было основано на сочиненіяхъ Климента-Римскаго, жившаго во второй половинѣ втораго вѣка,—съ того момента положенъ фундаментъ ученія, которое, все развиваясь принимая все болѣе опредѣленныя формы, уже при Львѣ Великомъ на Халкидонскомъ соборѣ 451 года было установлено, (sic) что слова Христа, записанныя въ Евангеліи отъ Матѳея (16,18) относятся только къ папамъ, какъ единственнымъ преемникамъ апостола Петра. На соборѣ 503 года въ Римѣ Энадій изъ Павіи заявилъ, что римскій епископъ, какъ судья всѣхъ, самъ не можетъ быть судимъ никакимъ человѣкомъ. На развитіе или

задержку развитія ученія о папствѣ не только не оказало вліянія раздѣленіе, происшедшее въ каѳолической церкви въ 1054 году и раздѣлившее ее на восточную и западную, или греческую и латинскую, но, напротивъ, этотъ расколъ способствовалъ болѣе могущественному росту папства. Григорій VII (отъ 1073 по 1085 г.) начертилъ планъ дѣятельности папства, каковымъ оно должно было статъ въ силу того основнаго положенія, что папа—преемникъ св. Петра. По этой схемѣ—папа является видимою главою церкви и намѣстникомъ Христа на землѣ. Князья и монархи могутъ получать санкцію своей власти только изъ рукъ духовенства; ибо хотя они занимаютъ свой тронъ Божьею Милостью,—однако милость эта не сообщается имъ непосредственно, а посредствомъ папы. Церковь сообщаетъ свѣтской власти божественный авторитетъ, но въ случаѣ злоупотребленія этимъ авторитетомъ, церковь лишаетъ свѣтскую власть этого авторитета. Исполнитель идеи Григорія—Иннокентій III (отъ 1198 по 1216 годъ) довелъ папство до высокаго могущества. Со временемъ могущество это ослабѣло, реформація нанесла ему смертельный ударъ; но ни Тридентскій соборъ (1545—1547), ни одинъ изъ папъ не отступилъ отъ первоначальнаго ученія, что: *папа преемникъ св. Петра и намѣстникъ Христа на землѣ.* Прямымъ слѣдствіемъ этого ученія является новый догматъ о непогрѣшимости папы; и дѣйствительно если римскіе католики признаютъ въ папѣ видимую главу церкви, если они видятъ въ немъ единственнаго преемника Петра и вѣрятъ чно онъ намѣстникъ Христа на землѣ, то для чего же это нѣкоторая часть этихъ римскихъ католиковъ отказывается признать папскую непогрѣшимость? Вѣдь, въ концѣ концовъ, въ римско-католической церкви только папа, въ качествѣ главы церкви, имѣетъ право устанавливать догматы. Только папа излагаетъ правильно Священное писаніе. Римская церковь т. е. папская церковь одна только является спасительною! Непогрѣшимость папская является поэтому окончательнымъ результатомъ папства—непризнающіе папской непогрѣшимости, должны отречься отъ всего папства и выступить изъ лона римско-католической церкви: другого нѣтъ выхода.

II.

Слѣдуетъ намъ теперь взглянуть, что говоритъ Св. Писаніе о папской непогрѣшимости.

Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта не заключаетъ въ себѣ ничего изъ чего можно было бы сдѣлать выводъ *о человѣческой непогрѣшимости вообще, въ отдѣльности же о папской.* Напротивъ читаемъ въ Библіи:

(Псал. 50. 6.). Тебѣ, Тебѣ единому согрѣшилъ я, и лукавое предъ очами твоими сдѣлалъ, такъ что ты праведенъ въ приговорѣ твоемъ и чистъ въ судѣ твоемъ".

(Къ Римл. III. 3, 4) „Ибо что же если нѣкоторые и невѣрны были, невѣрность ихъ уничтожитъ ли вѣрность Божію? Никакъ. Богъ вѣренъ, и всякій человѣкъ лживъ какъ написано: „Ты праведенъ въ словахъ, то ихъ и побѣдишь въ судѣ твоемъ" (Псал. 50—6).

Въ природѣ человѣка, вслѣдствіе ея грѣховности, лежитъ ошибаться и заблуждаться и до рожденія Христа, никто со временъ паденія Адама не родился безъ грѣха, какъ упоминается объ этомъ въ Св. Писаніи: „Потому, что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей". (Къ Римл. III. 23). Въ виду этого и духовные пастыри, именовались ли они высшими жрецами или епископами и папами и даже сами апостолы, примѣромъ чему служатъ Іуда и Петръ, погрѣшали и нуждались въ прощеніи грѣховъ, достигаемомъ единственно силою страданій и крови Господа Іисуса Христа.

Не изъятый отъ грѣха человѣкъ не можетъ поэтому быть непогрѣшимымъ и поэтому ошибается онъ не только въ загробной жизни, чему примѣромъ служатъ фарисеи, но ошибается тоже въ дѣлахъ земныхъ, какъ это доказываетъ міровая исторія,

исторія цивилизаціи, осязательнѣе же всего, исторія и упадокъ папскаго могущества и его учрежденій.

Именно вслѣдствіе того, что грѣшный человѣкъ заблуждается, послалъ намъ Богъ Свое Слово, въ видѣ Св. Писанія, которое написано людьми, т. е. пророками и евангелистами, не на основаніи ихъ опытности и человѣческаго разума, но по внушенію Св. Духа, какъ говоритъ Писаніе: „Ибо никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его Святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ". (2 Петра. I. 21).

Въ виду этого, лишь Св. Писаніе *непогрѣшимо*, хотя и является произведеніемъ человѣческихъ рукъ, но подъ руководствомъ Духа Святаго, который, побуждая избранныхъ Богомъ людей, причинился къ тому, что люди эти, въ которыхъ Онъ прибывалъ, причислены къ святымъ. Это возбужденіе Духомъ Святымъ отдѣльныхъ личностей, къ изложенію основаній вѣры и Божескихъ установленій, прекратилось съ окончаніемъ книгъ Св Писанія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Св. Іоаннъ: „И я также свидѣтельствую всякому, слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложитъ что къ нимъ, на того наложитъ Богъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей. И если кто отниметъ что отъ словъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ". (Откр. XXII. 18, 19)

Никто поэтому не можетъ ставить себя выше Св. Писанія, никто не можетъ, ссылаясь на преданія, не согласныя со Св. Писаніемъ, прибавлять что-либо къ этому Писанію, составляющему книгу законченную, заключающую Божественныя откровенія, изъ которыхъ мы обязаны черпать наши познанія о томъ, что необходимо для нашего спасенія. Верховный жрецъ (χαγταν) еврейскаго народа—жрецъ по Божескому избранію, не владычествовалъ ни надъ Св. Писаніемъ, ни надъ еврейскимъ народомъ, не считалъ себя ни непогрѣшимымъ, ни намѣстникомъ Бога-Еговы на землѣ, но считалъ себя лишь преемникомъ Аарона, очагомъ священства израильскаго и знаменіемъ или символомъ своего дѣйствительнаго и единаго верховнаго жреца, принесшаго Себя въ жертву—Іисуса Христа. Съ сошествіемъ на землю единороднаго Сына Божія, званіе верховнаго жреца упразднилось „спасеніемъ, явившимся въ Іисусѣ Христѣ: Получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христѣ Іисусѣ, котораго Богъ предложилъ въ жертву умилостивленія въ крови Его чрезъ вѣру, для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ содѣланныхъ прежде". (Къ Римл. III. 24, 25). Христіане не могутъ имѣть на землѣ верховнаго жреца, ибо какъ говоритъ Св. Писаніе: „По сей-то волѣ освящены вы единократнымъ принесенімъ Тѣла Іисуса Христа. Онъ же принесши одну жертву за грѣхи, навсегда возсѣлъ одесную Бога. Итакъ, братія, имѣя дерзновеніе входить въ святилище посредствомъ Крови Іисуса Христа, путемъ новымъ и живымъ, и имѣя великаго Священника надъ домомъ Божіимъ, да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти и омывъ тѣло водою чистою. (Къ Евр. X. 10, 12, 19, 21, 22).

Въ защиту папства римская Церковь ссылается на слова Христа: „Я говорю тебѣ, ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ее"... (Матв. XVI. 18, 19). Оставляя въ сторонѣ, что въ словахъ этихъ говорится о Церкви составляющей вѣру Петра: „Ты Христосъ сынъ Бога живого" (Матв. XVI. 16) состоитъ сила, которую не преодолѣютъ адскія врата,—здѣсь вовсе не говорится о непогрѣшимости Петра.

Христосъ далъ Петру власть ключа Царствія небеснаго, а что власть эта не основывается на правѣ установленія догматовъ, и не дѣлаетъ Петра главою Церкви, удостовѣряется словами Христа: „что свяжешь, будетъ связано". Въ чемъ заключается это связываніе и развязываніе, или власть ключа и что власть эта ключа не была предоставлена исключительно Петру, а всѣмъ апостоламъ, неопровержимо доказываютъ

слѣдующія слова, взятыя изъ Евангелія (Св. Іоанна XX. 19—23): „Какъ послалъ меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ. Сказавъ дунулъ, и говоритъ имъ: примите Духа Святого. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся".

Изъ вышесказаннаго видно, что власть ключа или связываніе и развязываніе, не относятся къ управленію Церквей, къ установленію догматовъ, не составляетъ непогрѣшимости, но даетъ лишь власть разрѣшать отъ грѣховъ властью, данною Христомъ не исключительно Петру, а всѣмъ ученикамъ.

То, наконецъ, во что мы должны вѣровать и что приводитъ насъ къ спасенію, не сдѣлалъ Христосъ зависимымъ ни отъ Петра, ни отъ учениковъ, но отъ св. крещенія и вѣры въ Св. Троицу: Отца, Сына и Св. Духа, говоря: „Дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. И такъ идите, поучайте всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа" (Матв. XXVIII. 18 — 20 и Марка XVI. 15 — 16). Эти слова Христа и Его повелѣніе, ясно указываютъ, что Онъ одинъ остается главою Церкви, ибо Ему одному Богъ Отецъ далъ „всякую власть на небѣ и на землѣ".

Христосъ, а не папа, имѣетъ власть надъ Церковью и въ Церкви, и какъ истинный Богъ, ставшій на время человѣкомъ и сидяшій одесную Бога Отца, Онъ всемогущъ, и не нуждается въ намѣстникѣ. Христосъ, а не папа является для всѣхъ христіанъ Апостоломъ и верховнымъ жрецомъ, какъ объ этомъ написано: „Итакъ, братья святые, участники въ небесномъ званіи, уразумѣйте Посланника и Первосвященника исповѣданія нашего Інсуса Христа, который вѣренъ поставившему Его, какъ и Моисей во всемъ домѣ Его. И Моисей вѣренъ во всемъ домѣ Его какъ служитель. А Христосъ, какъ Сынъ въ домѣ Его. *Домъ же Его—Мы,* если только дерзновеніе и упованіе, которымъ хвалимся, твердо сохранимъ до конца. (Къ Евр. III. 1—2, 5, 6).

Въ виду этого, разсматривая догматъ папской непогрѣшимости, на основаніи Св. Писанія и словъ Христа, мы видимъ, что этотъ догматъ является грѣхомъ противъ Св. Духа, ибо присвоивать себѣ качество, *свойственное исключительно Господу Богу,* оскорбляетъ Христа, какъ Господа, держащаго всю власть на небѣ и на землѣ и является нарушеніемъ первой заповѣди и ставитъ на равнѣ съ Богомъ папу, т. е. существо Богомъ созданное; признавая же его единственнымъ самоличнымъ судьею въ вопросахъ вѣры и нравственности, отодвигаетъ на задній планъ Св. Писаніе, которое какъ Слова живаго Бога, является единственнымъ непогрѣшимымъ судьею въ вопросахъ вѣры и нравственности.

Намъ еще слѣдуетъ доказать, что до собора Тридентскаго папская непогрѣшимость была отвергаема, какъ заблужденіе.

Въ 1424 году, кардиналъ Яковъ Фурнье, наслѣдовавшій подъ именемъ Бенедикта XII папѣ Іоанну XXII, писалъ: „утверждаютъ, будто бы, что разъ рѣшено касательно вѣры однимъ папою, не можетъ уже быть отмѣнено другимъ. Я отвѣчаю, *что это—ложь;* потому что мы имѣемъ примѣръ св. Петра, порицаемаго св. Павломъ, и сопротивленіе опредѣленію папы Стефана со стороны св. Кипріана, епископа кароагенскаго, прежде нежели Вселенскій соборъ не рѣшилъ вопроса касательно крещенія еретиковъ".

Папа Адріанъ VI высказалъ въ 1522 году слѣдующія слова:

„*Извѣстно,* что верховный первосвященникъ *можетъ погрѣшать, даже въ предметахъ, касающихся вѣры,* научая ереси своими постановленіями или декретами: такъ какъ было *много первосвященниковъ еретиковъ,* какимъ еще недавно оказался Іоаннъ XII, который публично внушалъ, возвѣщалъ и приказывалъ всему міру держаться заблужденія" [1]).

Въ консисторіи, бывшей въ 1557 году, папа Павелъ IV объявилъ: „не стѣсняйтесь

---

[1]) Adrien VI, sur le VI—e livre du Maitre des Sentences, article. 3.

ни примѣрами моихъ предшественниковъ, ни тѣмъ, что они сдѣлали: я не желаю слѣдовать имъ болѣе, чѣмъ сколько дозволятъ это авторитетъ Священнаго Писанія и богословскія доказательства. *Я не сомнѣваюсь, что мы подвержены заблужденію*, тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы не должны быть осуждаемы, такъ какъ Богъ управляетъ своею Церковью такимъ образомъ, что иногда, на извѣстное время, онъ скрываетъ нѣкоторые предметы, которые потомъ въ другое—снова открываетъ".

Это ученіе среднихъ вѣковъ было вполнѣ согласно съ ученіемъ Церкви древней. Папа Григорій Великій въ своихъ письмахъ, которыя мы привели выше, не допускаетъ, чтобы непогрѣшимость принадлежала какому бы то ни было епископу.

Отцы шестого Карѳагенскаго собора въ 426 году такъ писали къ папѣ Целестину, старавшемуся вмѣшаться въ ихъ дѣла:

„Итакъ первѣе исполнивъ долгъ подобающаго почитанія, умоляемъ васъ, господине брате, дабы вы впредь не допускали до вашего слуха приходящихъ отселѣ, и не соизволяли впредь пріимати въ общеніе отлученныхъ нами: ибо новая досточтимость удобно обрящетъ, яко сіе самое опредѣлено и Никейскимъ соборомъ... Разумно и праведно призналъ онъ, что какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своей области, и даже ко Вселенскому собору. *Развѣ есть кто либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на соборъ, откажетъ въономъ*? Притомъ, какъ будетъ твердъ заграничный судъ, предъ который необходимыя лица свидѣтелей не могутъ представлены быти, то по немощи или отъ тѣлеснаго сложенія, или отъ старости, то по многимъ другимъ препятствіямъ? О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра (a latere) твоея святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единаго собора отцевъ". Сказавши потомъ о томъ, что ни въ какихъ, самыхъ вѣрныхъ спискахъ Никейскаго собора, они не могли найти правилъ, на основаніи которыхъ папа присвоиваетъ себѣ право апеляціи, отцы продолжаютъ: „Итакъ не соизволяйте, по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте сего, да не явимся мы *сносящими дымное надмѣніе міра въ Церковь Христову*, которая желающимъ зрѣти Бога, приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія" [1]).

Во всей церковной исторіи, до XV вѣка, нельзя указать ни на *одинъ фактъ* когда бы папа былъ признанъ непогрѣшимымъ; во всемъ составѣ каноническаго права нельзя найти *ни одного постановленія* въ пользу настоящаго притязанія римскихъ первосвященниковъ. А между тѣмъ во имя этого-то преимущества—ложнаго и ни на чемъ не основаннаго, вотъ что дѣлалось со временъ Тридентскаго собора: тиранія самая жестокая угнетала народы; Церковь и деспоты поддерживали другъ друга; кровь лилась со всѣхъ сторонъ; инквизиція и религіозныя войны собирали ужасную жатву; костры зажглись въ областяхъ Филиппа II, а Екатерина Медичи устроила Варѳоломеевскую ночь; папы благословляли всѣ эти злодѣйства, совершаемыя во имя Іисуса Христа!

Реакція противъ всѣхъ этихъ ужасовъ не заставила долго ожидать себя. Она скоро обнаружилась во Франціи, которая всегда была во главѣ всякаго прогреса и въ ея Церкви, которая, не смотря на свою зависимость отъ Рима, всегда, однакожъ, сохраняла въ себѣ и ревностно защищала чистую вѣру. Здѣсь въ 1682 году обнародываются четыре знаменитыхъ члена, обнародываются съ тою именно цѣлью, чтобы торжественно утвердить ученіе, которое всегда исповѣдывали во Франціи. Эти члены: не-

[1]) Книга прав. стр. 269, изд. 1839. Еще смотри въ codex Ecclesiae Africanae № 138. Mansi 4. 515. Fleury. liv. XXIII, ch. 35.

зависимость гражданской власти; *преимущество собора предъ папами*; неприкосновенность галликанскихъ правъ, т. е. свобода Церкви французской какъ въ своихъ дѣлахъ, такъ и въ осужденіи папскихъ притязаній. Къ чести религіозныхъ чувствъ и понятій Франціи, эти четыре члена до сихъ поръ составляютъ часть ея законодательства.

Измышленіе папой догмата о непогрѣшимости вызвало взрывъ негодованія среди католиковъ всѣхъ странъ. Италія, обязанная больше всего папству и его измышленіямъ своимъ относительнымъ благосостояніемъ и богатствомъ, сносимымъ въ эту страну паломниками, выказала свое раздраженіе по поводу новаго догмата явственнѣе другихъ странъ: первоначально въ мѣстечкѣ Агира, на островѣ Сициліи а затѣмъ въ Римѣ, происходили въ январѣ и февралѣ 1872 г. религіозные диспуты между реформатами и католическими богословами.

Въ Агира диспуты происходили 19 января во дворцѣ барона Кутиши (Cuticchi) и къ преніямъ явился со стороны реформатовъ Пасторъ Вальденсовъ изъ Мессины, а со стороны католиковъ монахъ капуцинъ изъ Бронта. Вызовъ къ диспутамъ сдѣланъ былъ со стороны католическаго духовенства, раздраженнаго впечатлѣніемъ, произведеннымъ проповѣдями пастора Вальденсовъ, приглашеннаго проповѣдовать Слово Божіе агирскими католиками, возмущенными цинизмомъ своихъ ксендзовъ старавшихся доказать, что реформаты еретики. Въ означенный день уже въ $10^1/_2$ часовъ утра прибыло во дворецъ Кутиши 200 приглашенныхъ слушателей изъ высшаго общества, и, по избраніи предсѣдателя, секретарей и двухъ гласныхъ, приступили къ диспуту. Первымъ началъ говорить пасторъ, старавшійся доказать, что Св. Писаніе, признаваемое одинаково католиками и протестантами, объявленнымъ Словомъ Божіимъ, должно быть читаемо всѣми. Въ рѣчи продолжавшейся 25 минутъ пасторъ основывалъ свои выводы на указаніяхъ Св. Писанія. Защитникъ католицизма, монахъ, говорилъ долго, опровергая значеніе Св. Писанія, а возвышая значеніе папскихъ постановленій, но ни одного изъ доводовъ противника не опровергъ, а лишь возмутилъ слушателей, утомивъ ихъ при этомъ полуторачасовою болтовнею о томъ, что папы не воспрещаютъ читать Св. Писанія Пасторъ заговорилъ вторично и постановленіями католическихъ соборовъ и индексомъ запрещенныхъ богословскихъ книгъ доказалъ, что папство запрещаетъ читать Св. Писаніе. Отвѣчая же на объясненіе монаха, что итальянскій переводъ Св. Писанія во многомъ извращенъ, доказалъ, что Вульгата, или латинскій переводъ, признанный папами согласнымъ съ оригиналомъ, не точенъ, а что хуже всего—умышленно извращенъ [1]).

Послѣдствіемъ этого диспута былъ переходъ изъ римско-католической Церкви въ протестантство, всѣхъ почти присутствовавшихъ на немъ и ихъ родныхъ и знакомыхъ.

Въ Римѣ поводъ къ подобному же словесному религіозному состязанію подалъ францискъ *Сціарелли*, проповѣдникъ протестантской секты методистовъ, опубликовавшій, что 1-го февраля 1872 года, въ церкви, находящейся на Via de Barbieri, будетъ говорить по вопросу *объ измышленномъ папствомъ путешествіи въ Римъ и епископствѣ въ этомъ городѣ Апостола Петра*,—предлагая при этомъ всякому, желающему опровергнуть его доказательства, сдѣлать это публично.

До начала своей рѣчи *Сціарелли* получилъ письмо за подписью шести священнослужителей католической Церкви, съ просьбой отложить свою рѣчь и уговориться о времени и мѣстѣ формальнаго по этому вопросу диспута, подъ предсѣдательствомъ взаимно избраннаго лица. *Сціарелли* охотно на это согласился и на слѣдующій же день была выработана слѣдующая программа: 1) диспутъ будетъ касаться исключительно бытности Св. Петра въ Римѣ; 2) въ словопреніяхъ примутъ участіе три лица съ каждой стороны; 3) словопреніями будетъ руководить коммиссія, состоящая изъ четырехъ

---

1) Выше нами указано что св. Геронимъ, переведшій въ IV столѣтіи Св. Писаніе на латинскій языкъ, былъ поклонникомъ языческихъ философовъ и при переводѣ Св. Писанія заимствовалъ у нихъ выраженія.

членовъ—двухъ съ каждой стороны; 4) диспутъ начнется послѣ постановки Франциском *Сціарелли* тезисовъ; 5) присутствовать на диспутѣ имѣютъ право только лица, снабженныя билетами, распредѣленными поровну между протестантами, и католиками; 6) разрѣшается привести съ собой стенографовъ; 7) члены комиссіи изберутъ мѣсто и время собранія.

Десятаго февраля въ ярко освѣщенномъ залѣ Тиберійской академіи собралось многочисленное общество слушателей. Со стороны римско-католической избраны председателями: князь Шиги и адвокатъ Де-Доминицисъ-Тости, со стороны протестантовъ: Пиггогъ, суперинтендентъ методистовъ въ Италіи, и докторъ Филиппосъ. Къ преніямъ явились со стороны римской Церкви прелаты: *Фабіани, Циполла, Гюиди*; со стороны протестантовъ: *Сціарелли, Рибетти* изъ общины Вальденсовъ и *Гавацци*, пасторъ свободомыслящей Церкви.

Слово дано было *Сціарелли*, который сказалъ слѣдующее: „Римскіе богословы утверждаютъ, что Св. Петръ въ царствованіе Клавдія, начиная съ 42 года послѣ Рождества Христова, пребывалъ въ Римѣ, что въ теченіе 25 лѣтъ былъ римскимъ папой и въ 66 году, въ царствованіе Нерона, окончилъ жизнь въ Римѣ.

„Святой Петръ не могъ быть въ Римѣ въ 42 году послѣ Рождества Христова, ибо присоединеніе къ Христіанству апостола Павла произошло въ 37 году послѣ Рождества Христова, изъ письма же этого апостола къ Галатамъ оказывается, что въ 40 году, былъ онъ въ іерусалимѣ и въ теченіе 15 дней проживалъ у Св. Петра. До 42 года Петръ проживалъ въ іерусалимѣ. Не прибылъ ли онъ въ Римъ позже? Нѣтъ! Петръ проживаетъ въ Іоппѣ и Лидѣ, мѣстностяхъ отдаленныхъ на нѣсколько миль отъ іерусалима, излѣчиваетъ отъ паралича Енея—не могъ поэтому быть въ Римѣ и въ 43 году. Быть можетъ, кто-либо станетъ утверждать, что послѣ совершенія таинства крещенія надъ сотникомъ Корниліемъ въ Кесареи Св. Петръ отправился въ Римъ?... И этому утвержденію можно положительно возразить. Петръ возвращается въ іерусалимъ, гдѣ его осуждаютъ и порицаютъ за пребываніе въ домѣ язычника Корнилія. Если же Петръ былъ въ Римѣ, почему умалчивается объ этомъ въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ"? Быть можетъ скажете: былъ въ Римѣ не въ 43 году, а позже! Одинъ годъ разницы ничего не составляетъ! Такъ, но въ такомъ случаѣ, что останется отъ 25 годовъ папства Св. Петра въ Римѣ? Иродъ Агриппа, наслѣдникъ Ирода Великаго, умеръ въ 45 году послѣ Рождества Христова. Изъ Дѣяній Апостольскихъ оказывается, что около праздника Пасхи въ томъ же году приказалъ Петра заключить въ тюрьму. Петръ поэтому въ 45 году находится въ тюрьмѣ, а не въ Римѣ. Выведенный ангеломъ изъ тюрьмы Петръ помѣстился первоначально въ домѣ Маріи, матери апостола Іоанна, а позднѣе *„пребывалъ въ другомъ мѣстѣ"*. Въ виду этого изъ 25 лѣтъ римскаго епископства отпадаетъ уже три года. Римскіе богословы утверждаютъ, что это *„другое мѣсто"* и *есть Римъ*! Удивительно что Св. Лука именуетъ всемірную столицу ничего незначущимъ *„другимъ мѣстомъ"*. Между тѣмъ въ 51 г. послѣ Рождества Христова собрался въ Іерусалимѣ первый апостольскій соборъ, на которомъ присутствовалъ Св. Петръ. Поэтому изъ 25 лѣтъ епископства отходитъ еще 6 лѣтъ. Изъ Іерусалима Петръ отправился въ Антіохію, гдѣ упрекаетъ его въ непослѣдовательности апостолъ Павелъ въ 52 году. Этотъ же апостолъ въ 58 году пишетъ къ Римлянамъ письмо; почему же въ немъ не упоминаетъ о Петрѣ? Ибо Петра въ Римѣ не было! Въ 61 году апостолъ Павелъ прибылъ въ Римъ. И при этомъ обстоятельствѣ нигдѣ о Петрѣ не упоминается, евреи же вопрошаютъ Павла, *какая это секта христіане?*.... Трудно предположить чтобы о пребывавшемъ въ Римѣ Петрѣ никто ничего не зналъ, дабы мѣстные евреи никогда не слышали проповѣди Петра, если бы Петръ дѣйствительно пребывалъ въ Римѣ.

„Павелъ оставался въ Римѣ въ теченіе двухъ лѣтъ; отправилъ оттуда 4 письма, но ни въ одномъ не упоминаетъ о Петрѣ. Въ 66 году пишетъ онъ къ Тимоѳею и жалуется, что всѣ его оставили, исключая Луки. Слова эти разъясняютъ все и опро-

вергаютъ всякія утвержденія римскихъ богослововъ, что будто бы Петръ былъ тоже тогда въ римской темницѣ. Все мною сказанное основано на Св. Писаніи;— но пойдемъ дальше за его указаніями! Христосъ сказалъ Петру, чтобы онъ разглашалъ Евангеліе среди обрѣзанныхъ. Среднимъ пунктомъ этихъ собраній былъ не Римъ, а Вавилонъ. Всѣ письма Петръ писалъ изъ этого города". Затѣмъ *Сціарелли* опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что подъ названіемъ Вавилона, слѣдуетъ подразумѣвать Римъ. Ежели римскіе богословы основываютъ свои выводы на преданіи то положительно можно отвѣтить, что то, что въ преданіи не согласуется со Св. Писаніемъ, являются вымысломъ.

Сціарелли возражалъ *Фабіани*. Прежде всего заявляетъ этотъ римскій богословъ, его не интересуютъ вовсе хронолическіе выводы. Что касается пребыванія Петра въ Римѣ—то этотъ вопросъ *разрѣшенъ авторитетомъ непогрѣшимой римской Церкви; такъ какъ Св. Писаніе не является въ данномъ случаѣ исключительнымъ рѣшающимъ авторитетомъ*, въ виду чего мы должны вѣрить преданію. Затѣмъ приводитъ различныхъ писателей, доказывающихъ что Петръ былъ въ Римѣ епископомъ, но всѣ указанные Фабіани авторы писали 200 лѣтъ спустя послѣ смерти Св. Петра. Наконецъ присовокупляетъ *Фабіани*, я 40 лѣтъ изучаю Св. Писаніе и если бы мои противники, столь же продолжительное время занимались научными изслѣдованіями, не ссылались бы на хронологію Св. Писанія.

Рибетти подтверждаетъ, что *Фабіани* самъ заявилъ, что посредствомъ хронологіи и Св. Писанія нельзя доказать 25-ти лѣтняго епископства Петра въ Римѣ,—но что все основывается на тайнѣ, извѣстной лишь духовенству непогрѣшимой римской Церкви. Въ исторіи тайнъ нѣтъ! Фабіани ссылается на Папія и Климента. Свидѣтельства ихъ не имѣютъ значенія, ибо они не были современниками Петра. Догадки и предположенія въ исторіи ничего не доказываютъ; если бы хотя въ одномъ мѣстѣ Св. Писанія значилось, что Петръ былъ въ Римѣ, я подчинился бы опредѣленію моего противника, но такого мѣста нѣтъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ. Намъ прочтенъ цѣлый рядъ авторовъ, утверждающихъ, что Петръ былъ въ Римѣ, но ни одинъ изъ этихъ авторовъ не былъ современникомъ Петра, и они повторяли лишь, заимствуя одинъ отъ другого измышленную сказку. Возвращаюсь къ хронологіи. Противникъ мой утверждаетъ, что хронологія Св. Писанія не вѣрна, *не приводитъ однако къ этому никакихъ доказательствъ.* Комическимъ представляется утвержденіе, что подъ названіемъ Вавилонъ слѣдуетъ подразумѣвать Римъ. Пребываніе Петра въ Римѣ не можетъ быть установлено какъ догматъ,— исповѣдующіе Христа вѣруютъ не въ мѣсто его рожденія и смерти, но въ Него Самого.

Циполла требуетъ, чтобы ему было указано хотя одно мѣсто въ Св. Писаніи опровергающее бытность Петра въ Римѣ. Эта наглость и цинизмъ вызываютъ негодованіе среди присутствующихъ. Утвержденіе, что Петръ былъ въ Римѣ, представляетъ для римской Церкви вопросъ ея дальнѣйшаго существованія.

На слѣдующій день началъ диспутъ *Гаваззи.* Между прочимъ сказалъ: „Разница между нами и противниками состоитъ во взглядахъ на цѣнность приведенныхъ доказательствъ. Мы отрицаемъ возможность пребыванія Петра въ Римѣ, противники ничего противъ этого возражать не могутъ, кромѣ того, что *преданіе* объ этомъ говоритъ и что въ *Св. Писаніи не сказано, что Петра въ Римѣ небыло.* На это отвѣчаю словами кардинала Велармина: молчаніе является положительнымъ доказательствомъ; кардиналъ Бароній оспариваетъ это мнѣніе. Изъ этого оказывается, что одинъ кардиналъ говоритъ: такъ,—другой: нѣтъ! Тьеръ въ „Исторіи Консульства и Монархіи" не утверждаетъ' что Наполеонъ не былъ никогда въ Америкѣ и Вашингтонѣ. На основаніи вашей логики это именно и доказываетъ, что Наполеонъ тамъ былъ. Апостольскія Дѣянія являются первѣйшею, точнѣйшею, ибо писанною по внушенію Духа Святого исторіею

распространенія христіанства и апостольскихъ трудовъ. Какимъ же образомъ Апостольскія Дѣянія могли умолчать о бытности Петра въ Римѣ, когда съ положительною точностью указываютъ на пребываніи его въ Іоппѣ, Самаріи, Кесаріи и Іерусалимѣ? Противники наши заявляютъ: *о путешествіи Петра въ Римъ нигдѣ не говорится, чтобъ его не компрометтировать!*" Подобное опасеніе у автора Апостольскихъ Дѣяній немыслимо. Лука представляется намъ главнѣйшимъ и единственнымъ свидѣтелемъ. Наши противники требуютъ доказательствъ, что Петръ умеръ въ иномъ мѣстѣ а не въ Римѣ. Христосъ, обращаясь къ фарисеямъ, говоритъ: „Однихъ убейте другихъ распните!" Евреямъ, поэтому, предназначено было распинать нѣкоторыхъ учениковъ Его, но не римлянамъ. Распяли Андрея и Петра, иныхъ обезглавили Петра распяли головой внизъ. Римляне такъ никогда не распинали, а это дѣлали парфіане. Способъ умерщвленія Петра доказываетъ, что это не могло происходить въ Римѣ.

„Вторымъ доказательствомъ, что Петръ въ Римѣ не былъ, служитъ намъ пребываніе тамъ апостола Павла. Павелъ ясно говоритъ, что *не будетъ сооружать на фундаментахъ положенныхъ другими*", Въ виду этого, если бы въ Римѣ находилась христіанская община, собранная Петромъ, не было бы надобности идти туда Павлу? Было говорено уже, что евреи, проживавшіе въ Римѣ въ 61 году по Р. Х., не имѣли никакого понятія о христіанахъ, и что въ это именно время туда прибылъ Павелъ. Духъ Христа направлялъ такъ апостоловъ, что никогда одинъ другому не мѣшалъ въ его трудахъ по распространенію Евангелія. Фабіани утверждаетъ, что хронологія Св. Писанія темна и не вѣрна, въ чемъ ссылается на Лепсія. Для насъ же Св. Писаніе представляется Божескимъ Словомъ и доводы сотенъ тысячъ различныхъ атеистовъ и раціоналистовъ не представляютъ для насъ ровно ничего. Тезисъ нашъ стоитъ непоколебимо.

„Самъ Христосъ послалъ Петра къ евреямъ. На это намъ возражаютъ: Именно въ Римѣ были евреи и притомъ самые вліятельные! Между тѣмъ самыми вліятельными были александрійскіе евреи, имѣвшіе тамъ громкую на весь міръ школу. Въ Римѣ было въ то время евреевъ не болѣе 5—6 тысячъ, при пятимилліонномъ населеніи, главнымъ же пунктомъ еврейской осѣдлости былъ Вавилонъ, въ окрестностяхъ котораго проживало ихъ около 4 милліоновъ. Апостолы раздѣлили поэтому трудъ между собою такъ, что Іоаннъ направился въ Ефесъ, Іаковъ остался въ Іерусалимѣ, а Петръ пошелъ въ Вавилонъ.

„Въ доказательство своего мнѣнія, противники наши приводятъ то обстоятельство, что въ Римѣ хранятся мощи апостола Петра! Но говорятъ тоже, что въ одной изъ римскихъ базиликъ покоится прахъ перваго христіанскаго мученика Стефана— развѣ жъ и это должно служить доказательствомъ, что Стефанъ умеръ въ Римѣ? И такъ мы привели не отрицательныя а положительныя доказательства, что апостола Петра въ Римѣ не было. Что же касается приведенныхъ Фабіани и слѣдующимъ за нимъ оппонентомъ, свидѣтелей, мы придерживаемся принятаго повсемѣстно правила: свидѣтели бываютъ наочные или такіе, *которые слышали о происшедшемъ. Собиратели слуховъ не могутъ считаться свидѣтелями*. Климентъ принадлежитъ къ современнымъ свидѣтелямъ, *но онъ ничего не подтверждаетъ*. Онъ говоритъ: „Петръ умеръ въ присутствіи римскаго главнаго управленія". Въ приведенномъ же оппонентами мѣстѣ изъ Климента, *говорится не о Петрѣ, а о Павлѣ*—а тѣмъ болѣе, что главные правители были именно только въ провинціяхъ. Ссылаетесь тоже на живописцевъ и скульпторовъ, которые кистью и золотомъ передали потомству о смерти Петра въ Римѣ! Оставьте артистовъ въ покоѣ,—для нихъ историческая правда не существуетъ, они руководятся только воображеніемъ. По ихъ воображенію Божеское Провидѣніе представляется въ видѣ треугольника съ глазомъ по срединѣ, херувимы имѣютъ крылья и т. д. Мы, евангелики, утверждаемъ, что Петръ никогда не былъ въ Римѣ, основывая наши выводы на Дѣяніяхъ Апостоловъ, авторъ которыхъ былъ исполненъ Св. Духа".

Послѣ этой рѣчи всталъ Сціарелли и заявилъ, что въ виду доводовъ послѣдняго оратора, протестанты бывъ убѣжденными въ истинѣ постановленнаго тезиса, не будутъ болѣе возражать на выводы противниковъ.

Не смотря на это заявленіе Сціарелли, попросилъ еще слова *Гюиди*, которое было предоставлено предсѣдательствующимъ, и онъ сказалъ короткую рѣчь, повторяя все то же, что было раньше сказано его товарищами.

Диспутъ окончился, римско-католическая публика, весьма недовольная полнымъ посрамленіемъ своихъ пастырей, поспѣшила удалиться и нѣсколько дней спустя значительная часть ея перешла въ протестантизмъ. Дневникъ „Capitol" въ которомъ былъ помѣщенъ стенографическій отчетъ объ этомъ диспутѣ, былъ разобранъ въ одинъ день. Достойно вниманія здѣсь то обстоятельство что пренія за которыя раньше сожигали, происходили здѣсь о бокъ съ папой, о фактѣ отъ существованія котораго зависитъ значеніе и главенство папы.

Что останется Св. Престолу, когда будетъ окончательно доказано, что Св. Петра въ Римѣ не было и что вся вѣра латинянъ основана на сказкѣ?

А что все это сказка, доказываетъ древнѣйшая хроника папъ „Liber Pontificalis" не упоминающая въ числѣ епископовъ Рима апостола Петра. Второй Корбійскій каталогъ, хранящійся въ Національной библіотекѣ, за № 12205, рукопись котораго относится къ VIII столѣтію, именуетъ первымъ римскимъ епископомъ Лина[1]), о которомъ тоже упоминаетъ апостолъ Павелъ, Этимъ доказывается, что до раздѣленія церкви, сказка о Св. Петрѣ не представляла большого значенія и не всѣ римскіе богословы ее повторяли.

Мы должны были такъ подробно писать объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ потому, что систематически распространяемая папистами въ теченіе многихъ столѣтій сказка объ епископствѣ Петра въ Римѣ, сказка, которая была утверждена между латинниками при помощи пытокъ, огня и меча, принявъ даже характеръ догмата, вкоренилась въ немыслящихъ мозгахъ до такой степени, что ее теперь трудно искоренить, и стадо долго еще останется стадомъ.

ГЛАВА XV.

Возвращаясь къ польскому вопросу, можемъ констатировать тотъ фактъ, что многіе болѣе благоразумные поляки начинаютъ уже понимать, что только сообща съ Россіей возможно ихъ существованіе. Краковская газета „Часъ" писала по этому поводу въ іюнѣ 1896 года слѣдующее (корреспонденція изъ Варшавы):

„Откуда взялись и на чемъ основывались надежды, внезапно воскресшія среди насъ въ 1894 году, по вступленіи на престолъ императора Николая II? Не знали мы этого тогда, не понимаемъ и теперь. И самихъ себя и другъ друга отрезвляли мы скептическими вопросами и предостереженіями; мы напоминали другъ другу, что нѣтъ фактовъ, нѣтъ указаній, нѣтъ даже причинъ для измѣненія положенія вещей, мы разсуждали весьма трезво и логически, защищались противъ оптимистическихъ предположеній; несмотря на это упорная надежда на лучшее завтра жила среди насъ и управляла нами.

„Мы перестали играть въ винтъ, и значительную часть вечеровъ проводили въ разсужденіяхъ, какъ держать себя, что дѣлать. Даже на улицахъ Варшавы можно было замѣтить, что среди населенія ея господствуетъ чрезвычайное броженіе умовъ.

„Удивительныя это были времена! Оставимъ даже то, что мы поддались увлеченію самыми безосновательными предположеніями—мы по природѣ и по привычкѣ мечтатели—но ожиданіе перемѣнъ охватило русскихъ чиновниковъ. Говорили объ этомъ жандармы, судейскіе, учителя.

---

[1]) См. Duchesne Le Liber Potifincalis Paris 1886 T. I. стр. 31.

„Вѣрнѣе всего, что причиной неожиданнаго появленія неосновательныхъ, но упорныхъ, надеждъ было пробужденіе общества отъ летаргіи политической апатіи Эта апатія продолжалась тридцать лѣтъ. Ее можно объяснить размѣрами пораженія 1863 г., тѣмъ не менѣе она была роковою.

„Апатія не только погрузила насъ въ бездѣйствіе, но даже обезволила мысль. Пробужденіе должно было когда-нибудь наступить. Что же удивительнаго въ томъ, что первымъ его проявленіемъ была ошибка? Все равно, каково было начало, лишь бы насъ оставило это безсиліе.

„Надежда охватила два года тому назадъ широкіе круги. Когда, однако, факты начали обращать ее въ прахъ, на ея мѣсто явилось разочарованіе. Пессимисты торжествовали, наслаждались, воспоминаніями: они все предвидѣли и предсказали; ничто никогда не измѣнится, ибо измѣниться не можетъ.

„Угнетенные, разочарованные представляютъ нынѣ большинство, но есть и люди, думающіе иначе. Не въ одной головѣ мысль разъ засѣвшая не остановилась на первомъ препятствіи.

„Было бы предвѣстникомъ весьма опасной болѣзни, если бы жизнь народа слагалась изъ однихъ лихорадочныхъ безосновательныхъ вспышекъ и изъ апатіи, если бы охватившая народъ волна не оставила послѣ себя никакого слѣда.

„Движеніе умовъ 1894 года не осталось безъ хорошихъ послѣдствій. Разочарованіе можетъ быть источникомъ мудрости; необходимо только умѣніе и желаніе ею воспользоваться. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы отъ этого времени не много увидѣли, но многому научились.

„Прежде всего мы убѣдились въ томъ, что о Россіи, какъ о государствѣ мы знаемъ столько и такъ, какъ нашъ крестьянинъ о строеніи міра и о космическихъ явленіяхъ, ибо наши понятія все еще основываются на измѣняющихся чувствахъ, по фантазіи, на легендахъ и анекдотахъ. Русское государство является громадною силою, которая не ослабѣваетъ, а возрастаетъ. Такого могущества случайности сами по себѣ создать не могутъ, не создали его, конечно, и тѣ особенности русскаго народа, о которыхъ часто говорятъ, когда бранятъ его и порицаютъ. Есть, очевидно, какая-то причина, но мы ее не знаемъ и не стараемся узнать. Мы не имѣемъ представленія о факторѣ, отъ котораго прежде всего зависитъ положеніе вещей; какъ же наши надежды могутъ быть чѣмъ-либо другихъ, какъ не увлеченіями, наши стремленія—ошибками.

„Для насъ Россія—это какая-то злая сила, постоянно одинаковая. Только теперь—это даже смѣшно выговорить—разсматривая вещи и случаи, мы замѣтили, что въ Россіи, какъ вездѣ, дѣйствуютъ законы естественные, дѣйствуютъ разумъ и глупость, патріотизмъ и эгоизмъ, самопожертвованіе и гордость, страсти, фанатизмъ, лѣнь, таланты и т. д.

„Дѣятельность ея должна зависѣть отъ множества могучихъ вліяній прошлаго и настоящаго. Въ управленіи государствомъ, достигшимъ такого могущества, государствомъ, на престолѣ коего бывали разумнѣйшіе монархи,—должно быть какое-то постоянство.

„Россія какъ всѣ другія существа на земномъ шарѣ, преобразуется съ теченіемъ времени: одною она была при Николаѣ I, другою стала при Александрѣ III.

„Лишь увидѣвъ все это, мы убѣдились въ томъ, что наши надежды не могли осуществиться въ ожидаемой нами формѣ. Перемѣна казалась для насъ простою и легкою, ибо мы не знали и не понимали природы государственнаго механизма. Это не была вовсе игра случая.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы *убѣдились, сколь великимъ проступкомъ является въ данномъ случаѣ невѣдѣніе. А часто въ наговорахъ на Россію и Русскихъ, что доставляло удовольствіе нашей ненависти, но не находилось ни въ какой связи съ правдой, въ этомъ—мы видѣли политическую добродѣтель.*

„Пока нашимъ маякомъ будетъ служить невѣжество, а совѣтникомъ страсть, до

тѣхъ поръ мы не будемъ въ состояніи избѣжать ошибокъ, неправильныхъ шаговъ, не удастся намъ повліять на нашу судьбу, ибо останемся снаружи государства, а поэтому всегда или на солнцепекѣ, или на морозѣ, или на дождѣ. Мы начали думать надъ отношеніемъ нашимъ къ государству, мы лояльны даже въ душѣ, ибо ни о какой революціи намъ и не снится, наша программа—общественный трудъ, но все это что-то неопредѣленное, непонятное, такъ что на самомъ дѣлѣ о нашей лояльности не знаемъ ни мы ни правительство.

„Всѣ болѣе или менѣе соглашаются съ тѣмъ, что съ государствомъ вести войны не слѣдуетъ, но до сихъ поръ никто еще не пришелъ къ заключенію, что, коль скоро мы не хотимъ, чтобы отношенія *были дурными, совершенно прекратить сношеній невозможно, намъ необходимо стараться, чтобы они были хорошими. Къ этому заключенію мы не пришли вовсе не изъ недостатка пониманія*, вовсе нѣтъ,—мы не хотѣли, мы боялись дать далеко заносится мыслями. По разрывѣ съ революціей у насъ хватало силы для того, чтобы должнымъ образомъ установить наши отношенія къ государству, но на это не хватило мужества. Только мужества!

„Но надо же было отвѣтить себѣ на другой вопросъ о будущемъ, и мы обманывали себя тѣмъ, что, можетъ быть, Россію постигнетъ какое-нибудь внутреннее бѣдствіе, можетъ быть финансовый кризисъ, можетъ быть внутренній переворотъ, и тогда государство будетъ вынуждено сдѣлать и намъ уступки. Нечего говорить, насколько эти мечты наивны, легкомысленны, не политичны. Кто разсчитываетъ на счасливый случай, тотъ отказывается отъ будущаго. А затѣмъ—развѣ уступки правительства—это все, чего намъ надо? *Вѣдь уступки правительства въ 1861 и 1862 годахъ не только не урегулировали нашихъ отношеній къ Имперіи, но явились одною изъ причинъ пораженія.* Недостаточно достать, надо умѣть удержать. Не сумѣли мы сдѣлать этого 35 лѣтъ тому назадъ а эпоха апатіи навѣрное не научила насъ политикѣ.

„Объ этомъ мы узнали два года тому назадъ, когда насъ толкнули на путь политическаго мышленія, разбудивъ наши надежды. Вамъ все это покажется мелочью, сдѣлаетъ истину очевидною до банальности, ибо вамъ это 30 лѣтъ тому назадъ говорили Шуйскій, Тарновскій, Козмянъ, Калинка. Мы — что очень удивительно — этотъ свѣтъ и эти указанія пріобрѣли лишь теперь, да и то по немногу и съ большимъ трудомъ.

„Отсюда для насъ вытекаетъ вотъ какой выводъ: надо, чтобы наше лояльное отношеніе къ Имперіи стало всѣмъ извѣстнымъ, сознательнымъ, разсудительнымъ, искреннымъ; чтобы мы не ставили его въ зависимость отъ уступокъ, сдѣланныхъ или ожидаемыхъ. Только этимъ путемъ мы можемъ рано или поздно, въ силу обстоятельствъ или случайно, дойти до центра Имперіи и тамъ умѣть и имѣть возможность работать для будущаго народа.

„Мы знаемъ, сколько есть охотниковъ ложно истолковывать чужія слова; поэтому спѣшимъ прибавить, что въ выраженіи „дойти до середины имперіи" нѣтъ ни атома валенродизма. Мы хотимъ войти въ центръ государства, какъ искренніе, лояльные подданные путемъ соглашенія нашихъ національныхъ нуждъ съ интересами, съ характеромъ государства.

„Таковой слѣдъ оставила за собой волна, охватившая насъ въ 1894 году. Такая программа не легко станетъ открыто-популярною ибо пониманіе ея требуетъ большаго напряженія мысли, требуетъ жертвы глубоко вкоренившихся въ мозгъ и сердце понятій—жертвы большей, нежели до сихъ поръ приносимыя и прославляемыя. Но мы вѣримъ, что когда-нибудь, быть можетъ скоро, весь *народъ* [1]) войдетъ на указанный нами путь, ибо *это единственный путь спасенія*, ибо этого требуетъ здравый смыслъ, къ этому

[1]) Кто здѣсь подразумѣвается подъ словомъ народъ?

принуждаетъ насъ необходимость. Народъ вполнѣ способенъ и расположенъ къ принятію умѣренной политики, лояльной по отношенію къ государству; но *декламаторы возмущаютъ общественное мнѣніе*, терроризируютъ трусливыхъ—недостатокъ гражданскаго мужества не позволяетъ проявиться истиннымъ стремленіямъ большинства.

„Мы хорошо знаемъ, какъ расшатаны отношенія, сколько трудностей представляетъ ихъ упорядоченіе. Вотъ почему отъ намѣченія главныхъ пунктовъ програмы до проведенія подробностей ея на практикѣ очень далеко. Ясная въ общихъ чертахъ мысль тускнѣетъ, когда мы начинаемъ подробнѣе ее разбирать. Является масса вопросовъ, разрѣшеніе коихъ не только трудно, но и болѣзненно. И неизвѣстно, отъ чего начать работу для будущаго.

„Кто же, однако, можетъ думать, что возможно выйти изъ нынѣшняго нашего положенія безъ труда и страданій, безъ жертвъ и настойчивости?“

Въ первый разъ краковскій „Часъ“ и другія польскія закордонныя газеты, перепечатавшія эту статью, написали нѣчто приличное. До тѣхъ поръ эти газеты напоминали мерзкихъ шавокъ, бросающихся и лающихъ на все, что сильнѣе, больше ихъ и для нихъ непонятно, но поджимающихъ хвостъ и ласкающихся, когда имъ покажутъ кнутъ и крикнутъ „цыцъ!“ Подобная шавка не обращаетъ никакого вниманія на то, что на другихъ дворахъ задаютъ трепку и сажаютъ на цѣпь шавокъ за то, что, услышавъ лай чужой собаки, онѣ начинаютъ безсмысленно вторить ей на разные лады.

Нынѣ, убѣдившись въ томъ, что это постоянное тявканье вывело изъ терпѣнія всю Европу, шавки начинаютъ вертѣть хвостомъ и становиться на заднія лапки, что мы видимъ изъ вышеприведенной статьи „Часа“, признающагося во лжи и оскорбленіяхъ, систематически бросаемыхъ на Россію. Интересно здѣсь и то, что краковская, крайне польская газета признала, что „маякомъ полякамъ служитъ невѣжество“, чѣмъ подтвердила всѣ наши выводы въ настоящей книгѣ.

Польская „Нива“, приводя рѣчь, обращенную къ полякамъ императоромъ Николаемъ I въ 1835 году, прибавляетъ:

„Шестьдесятъ два года прошло съ той минуты, когда въ Лазенковскомъ дворцѣ съ высоты престола раздались эти слова; два поколѣнія сошли въ могилу; измѣнились мнѣнія, чувства и воззрѣнія; самымъ же разительнымъ доказательствомъ того, насколько они измѣнились, служатъ слова Правнука Николая I, слова Императора Николая II, который въ тѣхъ же Лазенкахъ сказалъ привѣтствовавшимъ его полякамъ:

„Отъ имени Императрицы и Моего выражаю вамъ, господа, нашу искреннюю признательность за этотъ щедрый даръ, въ которомъ приняли участіе всѣ слои польскаго общества, и за чувство привязанности, которое вы по отношенію къ Намъ проявили. *Я вполнѣ вѣрю въ ихъ искренность*“.

При этомъ „Нива“ прибавляетъ: „Исторія — учительница жизни — это положеніе, которое мы, поляки, должны всегда хранить въ памяти. Исторія — учительница жизни скажетъ, равнымъ образомъ, каждый, кто сопоставитъ день 16 октября 1835 года и 1 сентября 1887 года, эти верстовые столбы въ исторіи нашего народа за текущее столѣтіе“.

Что хотѣлъ сказать польскій публицистъ сопоставленіемъ двухъ царскихъ рѣчей, прибавляя при этомъ, что исторія—учительница жизни,—это понять трудно. Какъ во всемъ, что пишутъ и говорятъ поляки, и здѣсь звучитъ фальшивая нота. Что означаютъ эти „верстовые столбы“ исторіи польскаго народа, если авторъ умалчиваетъ о возстаніи 1863 года? Сопоставленіе двухъ царскихъ рѣчей имѣетъ и для поляковъ, и для русскихъ, и для учительницы-исторіи то знаменательное значеніе, что Императоръ Николай I въ то время имѣлъ полное основаніе сказать полякамъ, что имъ не вѣритъ, основательностью чего и служитъ мятежъ 1863 года. Отъ этого времени прошло вовсе не такъ уже много историческихъ верстъ, чтобы можно было вполнѣ разсчитывать на ко-

ренныя измѣненія въ характерѣ поляковъ и на расположеніе ихъ по отношенію къ Россіи. Однако, послѣдній пріемъ поляками Императора Николая II не можетъ не возбудить вѣры въ то, что этотъ народъ начинаетъ уже политически созрѣвать, и что онъ, наконецъ, понялъ, что его благосостояніе зависитъ отъ братскаго единенія съ Россіей. Но, повторяемъ, — единеніе это при нынѣшнихъ условіяхъ, т. е. пока Римъ будетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла, наступить не можетъ.

Въ послѣднее время въ русскихъ сферахъ все сильнѣе раздаются голоса въ пользу уступки семи губерній, лежащихъ по лѣвую сторону Вислы, Пруссіи, въ замѣнъ за Галицію, отнимаемую на извѣстныхъ условіяхъ отъ Австріи.

Проектъ этотъ не новъ. Въ концѣ мая 1831 года Императоръ Николай I собственноручно написалъ по-французски и отдалъ на разсмотрѣніе фельдмаршалу Паскевичу слѣдующій проектъ:

„Разсматривая карту, я невольно ужасаюсь, видя, что граница польской территоріи въ Имперіи достигаетъ почти до Одера, отступая на флангахъ за Нѣманъ и Бугъ и упираясь недалеко отъ Полангена въ Балтійское море, при устьѣ же Дуная въ Черное море. Это обширное пространство населено враждебнымъ Россіи элементомъ, вслѣдствіе чего требуется значительная армія для сохраненія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не даетъ Имперіи, а, напротивъ, сама не можетъ существовать безъ постоянныхъ матеріальныхъ жертвъ со стороны Имперіи для того, чтобы содержать собственное свое управленіе. Очевидно, что выгодъ отъ обладанія этою безпокойною страной нѣтъ никакихъ, неудобствъ же масса, да и опасныхъ. Намъ надо рѣшить, какъ тутъ дѣлать“.

Императоръ не видѣлъ другого средства, какъ „объявить, что честь Россіи получила должное удовлетвореніе завоеваніемъ Царства Польскаго (въ которомъ тогда происходилъ мятежъ), что для Россіи нѣтъ ни малѣйшаго разсчета обладать провинціями, неблагодарность коихъ столь очевидна; что истинные интересы Россіи требуютъ утвержденія ея границъ и укрѣпленія ихъ на Вислѣ и Наревѣ; что остальную часть, какъ недостойную ея покровительства, она уступаетъ своимъ союзницамъ (т. е. Австріи и Пруссіи), которыя могутъ дѣлать съ этою территоріей, что признаютъ нужнымъ; что, оставаясь вѣрною своимъ воззрѣніямъ, Россія сохранила бы въ той части Царства Польскаго, которая останется въ предѣлахъ Россіи, ея права и учрежденія, насколько они будутъ согласоваться съ ея безопасностью въ будущемъ; что титулъ Царства Польскаго останется за этими провинціями съ тою цѣлью, чтобы онъ не былъ присвоенъ кому-либо другому, и чтобы не могло быть создано новое государство, непріязненное Россіи“.

Другими словами, Императоръ Николай I отказывался отъ Царства Польскаго и поляковъ, которыхъ терпѣть не могъ съ дѣтства подъ вліяніемъ своей няньки, англичанки заключенной въ тюрьму во время возстанія 1794 года и бывшей свидѣтельницей варварскаго обращенія поляковъ съ безоружными русскими.

Фельдмаршалъ Паскевичъ счелъ невыгоднымъ для Россіи усиленіе Прусскаго королевства чрезъ присоединеніе къ нему польскихъ областей; онъ соглашался, однако, съ тѣмъ, что нужно уничтожить Царсто Польское, для достиженія чего наиболѣе удобнымъ онъ считалъ отдачу Пруссіи трехъ воеводствъ въ замѣнъ на крѣпость Торнъ и его окрестности до рѣки Прегель, или же проведеніе русской границы до рѣки Нѣмана съ городомъ Мемелемъ и другими, имѣющими значеніе для торговли Австріи. Паскевичъ предлагалъ уступить Краковское воеводство съ замѣной его на Тарнополь или на другія галицкія земли, соотвѣтствующія по численности населенія и по доходности Краковскому воеводству. Если же Пруссія не была бы въ состояніи вознаградить Россію за три воеводства, то дать ей два, а два воеводства отдать Австріи за восточную Галицію.

Однако, Императоръ Николай велѣлъ подождать съ выполненіемъ этого проекта. Когда вспыхнулъ мятежъ 1863 года, то многіе русскіе государственные дѣятели высказывались за полное отреченіе русскаго правительства отъ поляковъ, какъ народа не могущаго быть причисленнымъ къ народамъ славянской семьи вслѣдствіе ихъ облатиненія. Знаменитый русскій славянофилъ Самаринъ писалъ тогда по этому вопросу въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Современный обзоръ польскаго вопроса“ слѣдующее: [1]).

„При множествѣ появляющихся у насъ статей о Польшѣ и при различіи точекъ зрѣнія нашихъ публицистовъ на такъ называемый Польскій вопросъ, кажется, наступило время точнѣе обозначить объемъ его, выяснить различныя его стороны, и подвести итогъ тому, что окончательно добыто, доказано, усвоенно общественнымъ сознаніемъ, и что находится еще подъ сомнѣніемъ и требуетъ разрѣшенія. Тогда, вѣроятно, многія изъ противорѣчій въ заявленныхъ у насъ мнѣніяхъ и предположеніяхъ, при всей кажущейся ихъ непримиримости уяснятся сами собою какъ воззрѣнія противоположныя только по ихъ односторонности, въ сущности же дополняющіяся взаимно. Изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ, Польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это отъ того, что онъ слагается изъ трехъ вопросовъ, по существу своему различныхъ, не смотря на ихъ тѣсную связь.

Поляки—какъ народъ, какъ особенная стихія, въ группѣ Славянскихъ племенъ. Польша—какъ самостоятельное государство. Наконецъ Польша, или точнѣе: полонизмъ—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство, и вооруженная пропаганда Латинства въ средѣ Славянскаго міра. Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика Поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша політика—въ ихъ разъединеніи, Что Поляки составляютъ отдѣльную, самостоятельную, хотя сравнительно съ другими немногочисленную вѣтвь Славянскаго племени—объ этомъ нѣтъ и спора. Они обладаютъ всѣми условіями народной личности; у нихъ свой языкъ, своя литература, своя физіономія, свои бытовыя преданія. Признаніе этого простаго и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ необходимое условіе всякой живой народности. Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта. Изъ того же факта вытекаетъ само собою и другое послѣдствіе. Поляки, во имя своей національности, не могутъ требовать не только подчиненія себѣ какой-либо другой народности, но даже какой-либо съ ея стороны уступки, и потому притязанія Польской національности не должны простираться далѣе предѣловъ ея фактическаго господства. Въ этомъ отношеніи, Поляки, Сербы, Болгаре, Чехи, совершенно равноправны. Вотъ все, что оправдывается народностью, все, чего можно во имя ея требовать, и законныя границы этихъ требованій. Но извѣстно,что притязанія Поляковъ этимъ не удовлетворяются. Польша, говорятъ они, должна быть самостоятельнымъ государствомъ; ей нужна полная политическая независимость. Это, отвѣчаемъ мы, другой вопросъ, или другая сторона общаго Польскаго вопроса. Къ числу *существенно—необходимыхъ и неотъемленныхъ* принадлежностей всякой живой, признанной народности, мы не относимъ политической самостоятельности, потому что хотя народность и государственная форма—два явленія тѣсно между собою связанныя, однако первое не обусловливаетъ собою необходимости второй. Иными словами: въ основѣ самостоятельнаго государства всегда лежитъ народная стихія болѣе или менѣе цѣльная, составляющая какъ бы ядро его, и государственная форма служитъ однимъ изъ проявленій этой стихіи, ея представительствомъ *ad extra*; но это еще не даетъ права къ обратному

[1]) См. „Сборникъ статей разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Россіи“, Шелковича. Вып. I.

предположенію; ибо не всякая народность, и не во всякую эпоху своего существованія способна облечься въ форму самостоятельнаго государства. На это нужны, сверхъ того, другія, очень разнообразныя условія, которыя могутъ быть и не быть. Есть цѣлыя племена, еще не достигшія, можетъ быть, и неимѣющія никогда достигнуть той степени зрѣлости, при которой самостоятельное государственное устройство становится возможнымъ; наоборотъ, есть народы, пережившіе свою политическую самостоятельность; есть мелкіе, затопленные чуждыми имъ народностями, осколки живыхъ племенъ, которымъ недоступна государственная форма по ихъ числительной незначительности; есть государства крѣпкія и сильныя, образовавшіяся изъ нѣсколькихъ, химически сродившихся народныхъ стихій; чаще же всего встрѣчаемъ мы государства, выработанныя преимущественно одною народною силою и въ которыхъ эта сила преобладаетъ; но въ составѣ тѣхъ же политическихъ организмовъ мы видимъ другія, подчиненныя національности, признанныя или непризнанныя и пользующіяся большею или меньшею степенью гражданской самостоятельности. И такъ, съ одной стороны, національная особенность *сама по себѣ* еще не оправдываетъ притязанія на политическую самостоятельность; съ другой, сложившееся государство не можетъ быть разсматриваемо *исключительно*, какъ обликъ той или другой народности.

Каждый политическій организмъ, какъ продуктъ сложнаго историческаго развитія, имѣетъ разнообразныя потребности и условія прочнаго существованія, вытекающія не непосредственно изъ природы того племени, которому онъ служитъ представительствомъ, а изъ интересовъ его, какъ живаго дѣятеля, занявшаго въ исторіи извѣстное мѣсто и выполняющаго въ ней свое призваніе. Къ числу таковыхъ относятся, напримѣръ: обладаніе морскимъ берегомъ, свобода внѣшняго сбыта и привоза, естественная замкнутость въ стратегическомъ отношеніи надежныхъ границъ и т. д. Если о чемъ теперь не можетъ быть и спора, признаніе народности еще не обязываетъ къ признанію за нею права на политическую независимость, и если нельзя требовать, чтобы предѣлы каждаго государства въ точности совпадали съ территоріальнымъ размѣщеніемъ преобладающей въ немъ народности, то мы должны ставить вопросъ о Польскомъ государствѣ, какъ вопросъ самостоятельный, не сливая его съ вопросомъ о народности.

Польша была и перестала быть государствомъ. Она имѣетъ богатую политическую исторію, въ которой мы видимъ эпохи возрожденія, возрастанія, могущества, упадка и разложенія. Можетъ быть, ни одно изъ новѣйшихъ государствъ не испытало такихъ превратностей, такого быстраго расширенія, и одинаково быстраго стѣсненія своихъ предѣловъ. Было же время когда Польша владѣла Ригою, Данцигомъ, значительною частью Балтійскаго поморья, всею Западною Россіею, со включеніемъ Смоленска, украйною обѣихъ сторонъ Днѣпра, и Галиціею. Все это утрачено. Спрашивается: о какой же Польшѣ теперь идетъ рѣчь и въ какихъ границахъ требуется ея возстановленіе?

На это обыкновенно отвѣчаютъ: требуется возстановленіе Польши въ ея *историческихъ границахъ*. Но какія же, спрашиваете вы опять, границы считать историческими: какія не историческими; границы Болеслава ли храбраго, Казиміра, Баторія, или Станислава Августа? На какомъ именно годѣ, мѣсяцѣ и числѣ закончилась, по мнѣнію Поляковъ, и оборвалась ихъ политическая исторія?

Поляки (нельзя не отдать имъ этой справедливости) по крайней мѣрѣ своихъ притязаній не таятъ. Они прямо заявляютъ, что государство, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ польской народности, т. е. той территоріи, въ которой численное первенство мѣстнаго народонаселенія остается за ними, просто на просто не мыслимо. Во-первыхъ, этихъ предѣловъ географически опредѣлить нельзя; границы національностей Польской, Русинской, Бѣлорусской, Литовской и Нѣмецкой стушевались въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Во-вторыхъ, еслибъ даже и удалось опредѣлить ихъ, то такое госу-

дарство, сдавленное Россіею, Пруссіей и Австріей, пользовалось бы только номинально независимостію и никогда бы не выходило изъ вассальныхъ отношеній къ своимъ могучимъ сосѣдямъ. Итакъ, въ сторону неразрѣшимый вопросъ о государствѣ Польскомъ, какъ исключительномъ представительствѣ Польской народной стихіи; вмѣсто того отдайте Литву, Бѣлоруссію, Малороссію, Вильну, Гродно, Ковно, Смоленскъ Кіевъ и т. д. Подробности этого плана извѣстны всѣмъ.

Ну, а Россія?—Такъ называемая Россія,—отвѣчаютъ намъ незадумываясь польскіе публицисты,—т. е. Московія, послѣ этого вступитъ также въ свои историческія границы, т. е. въ тѣ, въ какихъ ей слѣдуетъ быть, въ границы временъ Ивана IV.

Всякій разъ, когда приходится читать, или выслушивать предположенія объ историческихъ границахъ Россіи и Польши, намъ приходитъ на память анекдотъ изъ времени непосредственно предшествовавшаго освобожденію крестьянъ. Одна почтенная барыня, проживавшая въ Москвѣ и получавшая оброкъ изъ степной своей вотчины, стала замѣчать, что доходъ ея мало по малу убывалъ вслѣдствіе быстраго возрастанія такъ называемыхъ вотчинныхъ расходовъ, между прочимъ и на содержаніе родни, Вытребовавъ къ себѣ своего главнаго прикащика, она принялась за подробную ревизію книгъ о мукѣ, крупѣ, столовомъ запасѣ и въ нихъ прочла, что въ январѣ было отпущено взрослымъ, въ томъ числѣ коновалу Поликею 2 пуда муки. Барыня всплеснула руками: какъ и Поликушкѣ 2 пуда? Поликушка во взрослыхъ! Видно ужъ очень на мое безпамятство разсчитывали. Поликушку я помню, двадцать разъ на рукахъ носила, по грибы въ садъ посылала... Вѣдь онъ вотъ какой!—и барыня рукой помѣрила отъ земли аршинъ. Прикащикъ сталъ на это было возражать, что это было давно въ то время, когда Поликушка былъ махонькой, а что теперь ему 24-й годъ, что онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и сталъ уже взрослымъ Поликеемъ; но барыня пришла въ азартъ, съ сердцемъ твердила, что видно ее хотятъ разорить, что всѣ какъ будто сговорились расти и множиться, а ей одной видно убывать да молиться и кончила строгимъ приказомъ, чтобы впредь этого не было. Она не читала польскихъ публицистовъ а не хуже ихъ опредѣляла возрастъ своего Поликушки безъ ея вѣдома и соизволенія выросшаго въ цѣлаго Поликея.

Но обратимся къ дѣлу. Мы видѣли, что для возстановленія прочной, политической независимости Польши, необходимо принести ей въ жертву около трехъ съ половиною живыхъ народностей, отличающихся отъ польской языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, обычаями, цѣлымъ складомъ общественной жизни и глубоко ей враждебныхъ по всѣмъ историческимъ ихъ преданіямъ. Вотъ куда мы зашли, исходя изъ начала о полноправіи народностей и слѣдуя по пятамъ за польскими публицистами!

Но они насъ прерываютъ и говорятъ: „зачѣмъ же въ жертву? Мы вовсе не требуемъ жертвъ. Мы не дикіе москали и не коварные нѣмцы. Мы никого не думаемъ угнетать, а напротивъ всѣмъ безъ различія предоставимъ полную свободу развитія Мы даже не умѣемъ угнетать и уваженіе къ чужимъ правамъ, даже излишнее и доведенное до забвенія нашихъ собственныхъ интересовъ, было причиною нашего паденія. У насъ не поднялись руки подавить шайку мятежныхъ казаковъ и интригановъ-диссидентовъ. Въ тѣ былыя времена грубаго насилія идеалъ намъ предписывавшійся къ сожалѣнію не могъ осуществиться и мы за него поплатились; но мы не разстались съ нимъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ докажемъ на дѣлѣ, что значитъ любовный союзъ племенъ, основанный на полномъ равенствѣ правъ и на неограниченной вѣротерпимости.

Кому случалось сходиться ближе съ образованными Поляками и кто сколько-нибудь знакомъ съ ихъ современною литературой, тотъ не станетъ оспаривать, что лучшіе изъ нихъ говорятъ это совершенно искренно, обманывая не другихъ, а самихъ себя. Въ то же время кому неизвѣстно, что эта всепримиряющая любовь, возведенная

на степень политическаго организма, уживается на практикѣ съ самою суровою національностью и религіозною исключительностію съ самымъ дерзкимъ, иногда доходящимъ до безсознательности посягательствомъ на чужую народность и вѣру. По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ польскихъ историковъ и публицистовъ двѣ причины сгубили ихъ родину: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлоруссовъ и малороссіянъ съ поляками, а іезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собой православной церкви. Въ этомъ отношеніи умудрились ли поляки опытомъ вѣковъ и воздѣйствовало-ли сколько нибудь историческое сознаніе, добытое трудами науки на ихъ натуру, на ея живые инстинкты и побужденія? На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Къ современнымъ полякамъ примѣняется въ полной силѣ приговоръ, произнесенный Франціею надъ эмигрантами, вернувшимися на родину со старшею линіей Бурбоновъ: „ils n'ont rien appris et n'ont rien oublié pendant l'exil". Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно вспомнить образъ дѣйствій вожаковъ современнаго движенія въ Царствѣ Польскомъ, въ Бѣлорусіи и Литвѣ, пробѣжать любое воззваніе, взятое на выдержку изъ любаго № газетъ, издаваемыхъ тайнымъ правительствомъ, припомнить эту безконечную процессію зарѣзанныхъ, повѣшенныхъ, отравленныхъ, изуродованныхъ, потянувшуюся назадъ вопреки ходу исторіи изъ второй половины XIX ст. въ самую глубь XVI и XVII с. с. къ темнымъ временамъ Альбы и Торквемады. Но если этого мало, или если вздумаютъ приписывать кровавыя оргіи повстанцевъ дѣйствію распаленныхъ страстей, то найдутся и другаго рода улики въ цѣлой литературѣ и въ такъ называемыхъ мирныхъ манифестаціяхъ, не говоря о разжалованіи всего Великорусскаго племени въ какую-то помѣсь финской крови съ татарскою, ни о цѣломъ рядѣ попытокъ водрузить латинскій языкъ на мѣсто православнаго креста; достаточно вспомнить, что горсть поляковъ, которыхъ русскіе штыки одни спасаютъ отъ топоровъ крестьянъ недавно подавала просьбы объ отписаніи всей Подоліи къ Польшѣ, А еще все это только попытки и начинанія; но по программѣ можно судить о томъ, въ какой мѣрѣ Поляки расположены и способны понять и уважать права всякой чужой народности или вѣры. Простой народъ, вѣрный хранитель той и другой, понялъ это безошибочно.

Итакъ, обезпеченіе законныхъ правъ польской народности, по убѣжденію поляковъ требуетъ непремѣнно возстановленія Польши какъ государства, а польское государство, по ихъ же словамъ немыслимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены въ жертву польской; иными словами: въ отплату за разчлененіе Польши (démembrement), Европа призывается теперь къ разчлененію Россіи. Спрашивается ради чего и во имя чего?

Съ этимъ словомъ мы переходимъ къ третьему вопросу. Польша, говорятъ намъ, это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, великорусская или болгарская, а гораздо болѣе. Это соль славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это образовательная закваска, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это передовая дружина славянства, влекущая за собой цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбіе и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выноситъ ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, это не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низменностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, какимъ нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто же положитъ предѣлъ распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ мертвое царство тьмы?

Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современныхъ ея публицистовъ Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ

его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ Юго-Востока, и къ Римско-Германскему міру, ограничивающему ее съ Сѣверо-Запада: la Pologne est une modification du Slavisme par l'education latine, en concurrence au slavisme grec et oriental des tribus danubiennes de la Moscovie et de la Ruthènie. По нашему, это значитъ; Польша—это острый клинъ вогнанный Латинствомъ въ самую сердцевину Славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы.

Глубокая несовмѣстность и непримиримость Латинства съ Славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ, хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее.

Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе Латинство принималось Славянскою природою, чѣмъ глубже оно въѣдалось нее, тѣмъ быстрѣе, подъ вліяніемъ этого тонкаго и всепроникающаго яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно изъ племенъ Славянскихъ не отдавало себя на службу Латинству такъ беззавѣтно, какъ Польское. Чехія возстала противъ него, требуя для всѣхъ пріобщенія изъ чаши; это былъ протестъ не противъ однихъ злоупотребленій Латинства, а противъ самаго духа его. Дѣло шло о спасеніи цѣльности Славянской Общины, въ которую Латинство вносило коренное раздвоеніе, и можетъ быть ни одинъ историческій символъ не выражалъ такъ поэтически и вѣрно совокупности духовныхъ требованій, вызвавшихъ его, какъ святая чаша въ рукѣ Гусситовъ. Едва-ли не этому высокому протесту и слѣдовавшей за нимъ гигантской борьбѣ, въ которой она пролила свою кровь, обязана Чехія спасеніемъ своей народности.

Племена, имѣющія за собою такія воспоминанія, какъ Гусситскій подьемъ, не вымираютъ и въ недавнемъ своемъ возрожденіи къ новымъ историческимъ судьбамъ. Чехія получила награду за своихъ великихъ мучениковъ XV вѣка. Не тѣмъ путемъ шла Польша. Мы обращаемся къ свидѣтельству ея собственныхъ историковъ и публицистовъ новѣйшаго времени. Одинъ говоритъ намъ: исторія Польши представляетъ борьбу Славянской народной стихіи съ Латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ, другой договариваетъ: и попытку помирить ихъ сдѣлкою; да прибавляетъ третій, но нельзя не сознаться, что всякій разъ, когда Латинство брало перевѣсъ, звѣзда Польши блѣднѣла и гасла. Въ X вѣкѣ, какъ только она въ лицѣ Мечислава, присягнула Риму, внутренняя жизнь ея начала перестраиваться по Западно-Европейской программѣ; древняя община отодвинулась на задній планъ, а впередъ выступило сословіе, пожалованное въ аристократію; города выдѣлились изъ земства и въ самыя села проникла Германская колонизація; единовременно охватила землю Польскую сѣть привилегій, изъятій и льготъ разрушившихъ прежнюю цѣльность народнаго быта; потомъ, мало по малу, мѣстная жизнь взяла свое; Латинская терминологія и формы феодализма уцѣлѣли на поверхности ея, но подъ ними и имъ на перекоръ, народные элементы сблизились, опознались и устроились въ тотъ своеобразный складъ, котораго первые очертанія сохранились въ Вислицкомъ статутѣ; правда, что складъ уже неохватывалъ всей націи. Внѣ его осталась вся масса простонародья, навсегда осѣвшая подъ гнетомъ Латинства; но по крайней мѣрѣ, въ верхнихъ слояхъ общества, цвѣла крѣпкая національная жизнь. Этотъ неожиданный проростъ Славянской стихіи сквозь двойную стѣну церковнаго и феодальнаго Латинства, за которую она была замуравлена, совпадаетъ съ лучшею эпохою Польши, и—слѣдуетъ прибавить—около того же времени она начала хладѣть къ Латинству и вслѣдъ за тѣмъ, на двѣ трети, передалась протестантству. Но на этомъ скатѣ она встрѣтила отпоръ. Съ Запада двинулось на нее ополченіе іезуитовъ, которые вторично завоевали ее, шагъ за шагомъ, довершили не додѣланное въ X и XI вѣкахъ, то есть, окончательно прикрѣпили ее къ подножію папскаго престола и привили къ ней духъ самой суровой нетерпимости. Съ этого времени, высшее сословіе окончательно замкнулось въ себѣ самомъ и разбилось на партіи; начались гоненія на инородцевъ и иновѣрцевъ и наконецъ Польша пала жертвою внѣшняго вмѣшательства, вызваннаго ея внутрен-

нимъ разложеніемъ. Итакъ Польша отбивалась отъ Латинства, и, по временамъ, какъ будто почти одолѣвала его. Вотъ лучшее, что могли извлечь изъ ея исторіи собственные ея панегиристы. Послѣ такой исповѣди, что скажетъ кающійся? Конечно, вы ждете отъ него отреченія отъ Латинства и твердаго обѣта на всегда повернуться къ нему спиною? Ни чуть не бывало. Онъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть повтореніемъ старой присяги Мечислава; онъ вторично отдаетъ Латинству свою на минуту какъ бы просвѣтлѣвшую душу, и, во имя вольной кабалы своей, обращаетъ взоръ на Западъ, прося состраданія и мощи. Онъ говоритъ Европѣ: „заступись за меня и, вѣрный тебѣ слуга, я стану на стражѣ чтобъ оградить тебя отъ дикой силы, порожденной сочетаніемъ Восточной схизмы съ Монгольскимъ деспотизмомъ; развяжи мнѣ руки и врагъ нашъ исчезнетъ какъ призракъ; Востокъ Европы будетъ твой *и я самъ потяну къ тебѣ моихъ скованныхъ братьевъ*". [1]) Въ этомъ обмѣнѣ услугъ, въ этой подразумѣваемой исторической сдѣлкѣ, которой основанія положены въ X вѣкѣ—разгадка сочувствія Поляковъ къ Западной Европѣ и обратно сочувствія Европы къ Полякамъ. Называйте его безсознательнымъ, неразумнымъ, противнымъ политическимъ интересамъ первостепенныхъ державъ; положимъ—но тѣмъ оно для насъ знаменательнѣе, какъ проявленіе глубокаго инстинкта. Вѣдь историческій токъ не весь умѣщается въ трактатахъ и дипломатическихъ нотахъ. Повторяемъ, толкуйте это сочувствіе, какъ хотите, но не пренебрегайте имъ и неотрицайте его очевидности. Оно выказывается ежедневно и повсемѣстно. Мы развертываемъ послѣдній № „Московскихъ Вѣдомостей" и читаемъ въ немъ подъ рубрикою „Италія" „Его Святѣйшеству желательно, чтобы всѣ особенно молились о Польшѣ... Католическая Польша служитъ оплотомъ противъ нашествія ереси... Нужно молиться, чтобъ она не измѣняя своему характеру, оставалась вѣрною данному ей отъ Бога назначенію и сохраняла неприкосновеннымъ католическое знамя". Это голосъ изъ Латинскаго міра; а вотъ другой голосъ *экономиста*, разумнѣйшаго конечно неподкупленнаго органа промышленныхъ интересовъ, притомъ органа рѣшительно отвергающаго всякое вмѣшательство Англіи въ дѣла Польши: „не смотря на ненависть къ Русской тираніи и на сочувствіе къ страданіямъ Поляковъ, намъ кажется невозможнымъ что либо для нихъ сдѣлать". Такихъ заявленій можно бы привести тысячи.

Не смотря на то, многіе у насъ все еще какъ будто не рѣшаются признать огромнаго, въ современномъ польскомъ вопросѣ, значенія *полонизма*, какъ вооруженной пропаганды латинства. „Что намъ де вѣроисповѣданія поляковъ? говорятъ намъ? Да и дѣйствительно-ли они такъ усердны къ своей Церкви? Да и кому въ Европѣ какое дѣло до этой Церкви и до папы, который не нынче, такъ завтра утратитъ свою мірскую власть, то-есть характеристическое отличіе римской Церкви?" Странная узкость взгляда! Прежде всего замѣтимъ, что мы говоримъ не о римской Церкви въ тѣсномъ значеніи вѣроученія и церковно-государственнаго учрежденія, но о *латинствѣ*. Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ не однѣ догматическія и іерархическія особенности, которыми отличается западный католицизмъ, но подразумѣваемъ и все то, что выросло отъ сѣмянъ его, всю совокупность нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній обусловленныхъ римско-католическимъ воззрѣніемъ на отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ Церкви, на вѣру, благодать и духовный процессъ оправданія. Не станутъ-же отрицать, что вѣра нѣсколько глубже прохватываетъ всю внутреннюю жизнь человѣка, чѣмъ, напримѣръ, политико-экономическія убѣжденія, и гораздо сильнѣе воздѣйствуетъ на его сознаніе о себѣ самомъ и объ отношеніяхъ его къ ближнимъ, въ предѣлахъ семьи, общества и государства. Эти, такъ сказать, жизненные выводы изъ вѣроученія переходятъ въ бытъ, обращаются въ преданія, проникаютъ въ плоть и кровь народа, дѣлаются какъ-бы нравственною атмосферою его, которою онъ дышетъ, которая сопровождаетъ его повсюду. Мы часто замѣчаемъ, что дерево, не смотря на то, что его

[1]) Курсивъ нашъ.

сердцевина прогнила, что въ немъ образовалось дупло, довольно долго стоитъ и зеленѣетъ. даже послѣ того, какъ корни подрѣзаны, листья нѣкоторое время сохраняютъ свой цвѣтъ и свою свѣжесть. Тоже бываетъ и въ нравственномъ мірѣ. Послѣдствія долго переживаютъ причины; жизненность въ нихъ держится не смотря на то, что начало, породившее и воспитавшее ихъ, утратило свою творческую силу и можетъ быть забыто. Мы знаемъ, что поляки, особенно въ одиночку взятые, не хуже какихъ-нибудь французовъ, не только глумятся надъ папою и надъ его свѣтскою властью, но заходятъ гораздо дальше въ критикѣ своей вѣры, и не смотря на то, они остаются въ оковахъ латинства. Вѣдь въ польскихъ семьяхъ ежедневно повторяется, въ своеобразной формѣ, библейское сказаніе третьей главы книги Бытія; „злой духъ Польши, въ образѣ ксендза-духовника, запускаетъ свое жало въ сердце жены, а жена въ свою очередь мутитъ воображеніе и совѣсть мужа". Возможно-ли такое явленіе въ семьѣ, воспитанной не въ латинствѣ? Припомните другое явленіе—извѣстный польскій катихизисъ, давно находящійся въ обращеніи, хотя недавно оглашенный, въ которомъ обманъ, коварство, клевета и взяточничество не только разрѣшаются, но возводятся на степень обязательныхъ подвиговъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ: чѣмъ могли до такой степени помутиться и извратиться всѣ самыя коренныя нравственныя понятія въ цѣломъ обществѣ, у котораго нельзя же отнять врожденнаго смысла для разумѣнія добра и зла? Какъ изъяснить это помраченіе совѣсти? Вникнувъ въ дѣло мы убѣдимся, что это прямое послѣдствіе латинскаго представленія объ отношеніяхъ правящей Церкви къ подвластнымъ ей душамъ. Личность исчезаетъ въ Церкви, теряетъ всѣ свои права и дѣлается какъ бы мертвою, составною частицею цѣлаго. Изъ нея, изъ этой частицы, т.-е. изъ души человѣческой, вырѣзывается самая неприкосновенная ея святыня — совѣсть, и отдается Церкви: личная совѣсть исчезаетъ въ какой-то собирательной совѣсти, которая олицетворяется въ Церкви и которой единственнымъ органомъ служитъ ея воинство; и такъ какъ Церковь свята и непогрѣшима, то интересъ ея совпадаетъ съ закономъ нравственнымъ. Что полезно для Церкви, то благо, что для нея вредно, то зло. Прослѣдите, такимъ образомъ, до психологической ихъ основы, всѣ историческія явленія, которыми сопровождалась прививка латинства къ славянской стихіи—образованіе ненародной, строго замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи непроникающей въ народныя массы и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.—и вы убѣдитесь, что все это совершилось не случайно.

Историческая задача латинства состояла въ томъ, чтобы отвлечь отъ живаго организма Церкви идею единства, понятаго какъ власть, облечь ее въ видимый символъ, поставить, такъ сказать, надъ Церковью полное олицетвореніе ея самой, и чрезъ это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ Церкви въ подданныхъ ея главы. Эта задача, перенесенная въ міръ славянскій, въ историческую среду общинности, не въ тѣсномъ только значеніи совокупленія экономическихъ интересовъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ множества, свободно слагающагося въ живое, органическое единство, должна была возмутить естественное развитіе народной жизни до послѣдней ея глубины. Дѣйствительно, латинство, по свойству внутреннихъ убѣжденій, изъ которыхъ оно возникло, было враждебно въ одинаковой степени: общинности, этой характеристической племенной особенности славянства, и началу соборнаго согласія, на которомъ построена и держится православная Церковь. Понятно, что разрывъ въ предѣлахъ церковной общины приводитъ неминуемо къ разрыву общины гражданской, и что, на оборотъ, среда, въ которой предназначено было развиться историческимъ силамъ славянства, такъ сказать, предопредѣлялась внутреннимъ сродствомъ двухъ указанныхъ выше началъ—общинности и соборности.

Если намъ возразятъ, что и западно-европейская жизнь не вся же улеглась въ опредѣленіяхъ и формахъ латинства, но открыла себѣ новую духовную среду въ протестантскомъ мірѣ, то мы отвѣтимъ, что протестанство есть то же латинство, только обращенное въ отрицаніе, латинство съ придачею къ нему частицы *не*. Это крайняя противоположность латинства, но противоположность столь же односторонняя, какъ и оно. Это страстный протестъ личной свободы, отчаявшейся въ возможности осуществить единство неискусственное, но протестъ не выходящій изъ круга тѣхъ же разорванныхъ, одно другому противопоставленныхъ понятій, изъ которыхъ одно воплотилось въ Романскомъ мірѣ, а другое въ Германскомъ. Подобно тому какъ латинство, въ окончательномъ своемъ результатѣ, ограничивается требованіемъ внѣшняго юридическаго признанія истины облеченной въ образъ церковнаго самодержавія, такъ наоборотъ протестанство, жертвуя всякимъ объективнымъ содержаніемъ, обращается, наконецъ, къ изолированной личности съ простымъ требованіемъ искренности и подчиняетъ всѣ формы общежитія договорному началу, то есть сдѣлкѣ, въ которой личный интересъ служитъ и побужденіемъ и нормою. Оттого, не смотря на противоположность вѣрованій, воззрѣній и привычекъ, протестантская Европа, при всей ея враждебности къ Латинству, внутренно сознаетъ свое тѣсное съ нимъ родство и проклиная папу, въ то же время всѣми своими сочувствіями склоняется къ Польшѣ, предносящей въ ея борьбѣ съ Россіею римское знамя. Въ вопросѣ, гдѣ противопоставляется латинская Польша православной Россіи, кардиналъ, представитель папы, и англійскій экономистъ сочувствуютъ одному. Только въ этомъ они и сходятся.

„Но, спросятъ насъ еще: „какъ убѣдиться, что изъ множества свободныхъ стремленій можетъ выработаться органическое и прочное единство? Почему намъ знать, что православное начало, дѣйствительно, хранитъ въ полнотѣ живаго явленія двѣ отвлеченныя крайности, распавшіяся въ западномъ мірѣ на противоположные полюсы? Можетъ быть, это единство, эта полнота, есть только начальное безразличіе, по существу своему неустойчивое? Можетъ быть, и славянская общинность ничто иное, какъ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручательство, что въ указанныхъ началахъ лежитъ, дѣйствительно, зародышъ своеобразной будущности?“

На сей разъ, мы позволимъ себѣ отвѣтить сомнѣвающимся словами Фауста:

„Wenn ihr's nicht fühlt, Jhr werdet's nicht erjagen [1]), и обратить ихъ къ извѣстнымъ брошюрамъ покойнаго Хомякова и къ статьямъ г. Гильфердинга о значеніи Польши въ Славянскомъ мірѣ, напечатаннымъ въ „Днѣ“.

Впрочемъ, свидѣтельство исторіи (участіе Поляковъ въ подавленіи Гусситовъ, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ Турецкихъ рѣзняхъ) само по себѣ достаточно уясняетъ, чего можетъ ожидать для себя Славянство въ будущемъ отъ государственнаго возрожденія Польши на тѣхъ самыхъ началахъ, которымъ она доселѣ служила. Но, сдѣлавшись отравленнымъ мечемъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя Славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравою; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она ополчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства, ни отдѣльное лицо, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но ни переродиться въ племя не Славянское, измѣнить свою природу или промѣнять ее на другую, она всетаки не смогла. Это чувствуютъ Поляки, еще болѣе чувствуетъ Европа. Въ отплату за ихъ усердіе и восторженное поклоненіе, она снисходительно принимаетъ ихъ службу противъ Славяно-Православнаго міра, одобряетъ ихъ, соболѣзнуетъ и сочувствуетъ имъ. Дѣло въ томъ, что въ складѣ не только Русской, но и Польской жизни, на сколько она сохранила отпечатокъ Славян-

---

[1]) Если вы этого не чувствуете, то никогда и не уловите.

ства, Европа встрѣчаетъ какую-то темную, загадочную сторону, какія-то для нея необъяснимыя требованія и одинаково необъяснимую неспособность удовлетвориться тѣми началами и формами общежитія, въ которыхъ улеглась Латинская природа.

„Незрѣлыя мечтанія Поляковъ о всепримиряющей любви, какъ основѣ общежитія, ихъ дознанная неспособность подчиниться какому либо внѣшнему порядку, ихъ ревнивое обереганіе личной свободы, доходящее до отрицанія всякой условности въ сферѣ политической, вся эта осмѣянная неустойчивость, это безпокойное метаніе, заклейменное ироническимъ терминомъ der Polnischen Wirtschaft, все это ничто иное, какъ живыя улики неспособности Славянской природы окончательно ужиться въ тискахъ Латинства. Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ XVII вѣкѣ, въ то время какъ въ сосѣднихъ земляхъ, не безъ тяжелыхъ жертвъ всякаго рода сплачивалось государственное единство, въ одной просвѣщенной и начитанной Польшѣ власть не только не крѣпла, а напротивъ отступала шагъ за шагомъ передъ небывалою въ мірѣ силою правильно организованнаго своеволія? Не оттого ли это произошло, что она переносила въ область условныхъ отношеній, безъ которыхъ немыслима никакая политическая организація, предносившійся ей идеалъ общежитія, которому въ области духа Латинство не дало развиться? Даже въ новѣйшее время въ мистицизмѣ Польскихъ поэтовъ, историковъ и публицистовъ, не трудно усмотрѣть отрывочные проблески народной стихіи, выражающіеся то скорбными воспоминаніями о чемъ-то давно утраченномъ, то неясными откровеніями другой, лучшей природы, изрѣдка озаряющими личное сознаніе? Но все что исходило прямо отъ этой забитой природы, всегда принимало нестройную форму дикаго своеволія или фантастическаго бреда; все это было и остается безплоднымъ именно потому, что какъ въ былыя времена, такъ и теперь, народные инстинкты Польши прорывались въ средѣ закабаленной враждебному имъ началу, которое не могло ни поддержать ихъ, ни умѣрить.

Европа сознаетъ это по своему и презираетъ Поляковъ за безуспѣшность ихъ вѣковыхъ усилій вполнѣ себя самихъ передѣлать по образу ея и подобію; Европа, съ своей точки зрѣнія, права и большаго отъ нея нельзя и требовать, но мы Русскіе, въ этомъ отношеніи, не вполнѣ передъ Поляками правы. Мы слишкомъ легкомысленно подписали приговоръ о ихъ несостоятельности и не умѣли ни оцѣнить, ни даже опознать Славянской струи, вопреки всему, пробѣгающей въ ихъ политической исторіи и въ ихъ литературѣ. Мы, не рѣдко относившіеся слишкомъ снисходительно къ ихъ историческимъ преступленіямъ и ошибкамъ, не умѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать именно то, что мы одни могли понять и уяснить другимъ, эти невольные проблески сочувственной намъ народной стихіи.

Можетъ быть, намъ удастся когда нибудь развить подробнѣе эту тему, только мимоходомъ нами затронутую, а теперь мы спѣшимъ къ заключенію.

Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, Славянство и Латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокій трагическій интересъ Польской исторіи и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ добровольнымъ истязаніямъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ Латинства отъ первороднаго грѣха своей Славянской крови, ей не переродиться; будущность ея, если только для нея есть будущность—въ Славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ Латинства. Но, спрашивается: достанетъ ли въ ней силы, чтобы сознать свою историческую измѣну Славянству, и притупить въ себѣ отравленное жало Латинства, которое она съ такою любовію носила и носитъ въ своемъ сердцѣ?... И такъ, всестороннее разсмотрѣ-

ніе Польскаго вопроса приводитъ насъ къ заключенію, что все построеніе политико—соціальныхъ притязаній Польши основано на двухъ противорѣчіяхъ:

Во имя своей народности, она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ—служитъ оружіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь.“

„Уяснивъ себѣ объемъ и содержаніе Польскаго вопроса или точнѣе: вопросовъ, подразумѣваемыхъ подъ общимъ названіемъ Польскаго, мы можемъ теперь отдать себѣ отчетъ въ возможныхъ способахъ ихъ разрѣшенія, но для этого необходимо согласиться въ томъ, что разумѣть подъ словомъ разрѣшеніе.

Оно понимается у насъ въ двоякомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ подъ разрѣшеніемъ Польскаго вопроса разумѣютъ устраненіе самихъ поводовъ къ періодическимъ судорогамъ Польши. Очевидно, что только такое разрѣшеніе и можетъ считаться окончательнымъ и полнымъ. Оно должно непремѣнно обнять всѣ стороны вопроса и удовлетворить Поляковъ. Внѣ этого послѣдняго условія, окончательное и полное разрѣшеніе вопроса немыслимо. Изъ всѣхъ предположеній, въ этомъ смыслѣ у насъ задуманныхъ, особенно выдалось одно, предъявленное „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Московскими Вѣдомостями“; а именно: о полномъ сліяніи Россіи и Польши, въ формѣ общаго государственнаго представительства, основаннаго на коренныхъ началахъ Русскаго политическаго быта.

Какъ проэктъ окончательнаго разрѣшенія Польскаго вопроса, это предположеніе, кажется намъ, грѣшитъ своею узкостью и свидѣтельствуетъ о непониманіи всей глубины вопроса. По самому существу своему, какъ историческая тяжба двухъ просвѣтительныхъ началъ, олицетворившихся въ двухъ народностяхъ, онъ не умѣщается въ области политики, и потому нельзя ожидать полнаго и окончательнаго его разрѣшенія ни отъ исхода генеральной баталіи, ни отъ послѣдствія дипломатической компаніи, ни отъ какого бы то ни было преобразованія въ нашемъ государственномъ устройствѣ. Польша потому враждуетъ съ Россіею, что та и другая носятъ въ себѣ совершенно различные идеалы религіозные и политическіе; обѣ при этомъ сознаютъ эту разницу. Поэтому, политическое представительство, задуманное на Русскихъ началахъ, какъ понимаетъ ихъ „Русскій Вѣстникъ“, то-есть, безъ принудительной власти и въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія было бы также непонятно для Поляковъ, также не сродно и не сочувственно имъ, какъ церковь безъ папы, олицетворяющаго въ себѣ ея непогрѣшимость и всѣ духовные ея дары. И власть со всѣми ея аттрибутами, и политическую свободу Поляки понимаютъ не такъ, какъ мы: то, въ чемъ бы мы нашли удовлетвореніе, показалось бы имъ горькою насмѣшкою, и проэктъ государственнаго учрежденія, составленный по плану „Московскихъ Вѣдомостей“, былъ бы ими принятъ какъ новое посягательство на ихъ національность; это было бы, въ полномъ смыслѣ, не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіею, поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто пассивная родъ подчиненія внѣшней силѣ. Можно ожидать политическаго сліянія, какъ послѣдствія внутренняго перерожденія и духовнаго примиренія, но нельзя предполагать обратнаго, то есть умиротворенія и соглашенія посредствомъ насильственнаго и внѣшняго сочетанія. Мѣра, предположенная „Московскими Вѣдомостями“, даже не прекратила бы борьбы, а только отрыла бы ей новое, болѣе широкое поприще, не на одной окраинѣ, а въ самомъ средоточіи нашей политической жизни. Такая борьба была бы совершенно безплодна для разрѣшенія Польскаго вопроса, но далеко не безопасна для Россіи, при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживаютъ самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ.

„Газета День“, не формулируя окончательнаго разрѣшенія, предложила только путь къ нему, а именно: опросъ самой Польши, всей Польской націи въ полномъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобы вызвать собственный ея голосъ и отъ нея самой узнать ея потребности и желанія. Но предварительно „Газета День“ признала необходимымъ усмирить мятежъ и ввести новый элементъ, крестьянство, въ гражданскую жизнь Польши. По нашему мнѣнію, такой всенародный вопросъ могъ бы привести къ положительнымъ Результатамъ только въ томъ случаѣ, еслибъ сама Польша была съ собою согласна, то есть, не носила бы въ себѣ внутренняго раздвоенія. Но тогда бы не было и Польскаго вопроса въ томъ объемѣ въ какомъ онъ намъ теперь представляется. Сосудъ надломанный, сверху до низу треснувшій, не издастъ цѣлаго звука; по той же причинѣ Польша не способна подать отъ себя голоса, который бы выразилъ полноту яснаго, дѣйствительно народнаго самосознанія. Сколько разъ она сама себя спрашивала о томъ, чего она хочетъ, и никогда не могла дать самой себѣ отвѣта, уразумѣть самое себя. Повторенная попытка привела бы только къ тому, что мы получили бы отвѣтъ чисто отрицательный, то-есть, въ сотый разъ повторенное нежеланіе жить въ союзѣ съ Россіею и еще разъ убѣдились бы, что никакой положительной основы для своей исторической будущности Польша не извлекла изъ вѣковыхъ своихъ опытовъ. Лишній разъ повторяли бы мы: qu'elle n'a rien oublié et n'a rien appris.

Окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, такое разрѣшеніе, которое бы удовлетворило Поляковъ, немыслимо безъ кореннаго, духовнаго ихъ возрожденія. Нужно, чтобъ Польша отреклась отъ своего союза съ Латинствомъ и, наконецъ, помирилась бы съ мыслію быть только собою, то-есть однимъ изъ племенъ Славянскихъ служащимъ одному съ ними историческому призванію; нужно, съ другой стороны, чтобы Россія рѣшилась и съумѣла сдѣлаться вполнѣ собою, то-есть, историческимъ представительствомъ Православно Славянской стихіи. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество свободно признанное одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ. Въ этомъ смыслѣ повторимъ слова г. Страхова: „Польскій вопросъ есть и долго будетъ вопросомъ Русскимъ“. На этомъ словѣ насъ, конечно, перервутъ обычныя восклицанія: „да это мечта! Это невозможно, немыслимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени?“ и т. д. Но мы и не давали обязательства изобрѣсти окончательное разрѣшеніе Польскаго вопроса, которое бы могло осуществиться скоро и легко. Напротивъ, далеко не считая духовнаго примиренія Польши съ Россіею дѣломъ рѣшительно и на всегда невозможнымъ, мало того, питая про себя полную вѣру въ его несомнѣнность, мы именно потому и взялись теперь за перо, что желали бы всѣхъ убѣдить, что мы напрасно убаюкиваемъ себя надеждою на возможность достигнуть полнаго, окончательнаго и скораго разрѣшенія какими бы то ни было мѣрами административными, или политическими. Если удалось это доказать, то половина цѣли достигнута; а именно: собственно политическій вопросъ очистился и уже не выйдетъ изъ свойственныхъ ему предѣловъ.

Силою историческихъ обстоятельствъ, вопросъ народной совѣсти сдѣлался вопросомъ государственнымъ, а вопросъ государственный принялъ размѣры обще-Европейскаго. Вѣковая тяжба Славянства съ Латинствомъ изъ области духа перешла въ лѣса Литвы и въ кабинеты дипломатовъ; льется кровь, пылаютъ села, вернулись давно забытыя времена разбоевъ подъ знаменемъ креста и мученичествъ достойныхъ первыхъ временъ христіанства. Европа взволновалась и грозитъ намъ новою коалиціею: наконецъ нашла голосъ и Русская земля... Эти явленія переносятъ насъ въ другую область Польскаго вопроса и побуждаютъ искать на него отвѣта, но уже не въ прежнемъ смыслѣ. Здѣсь, въ области политическихъ комбинацій, и слово разрѣшеніе получаетъ иное, ограниченное значеніе. Перейдя въ эту область, мы должны, во-первыхъ, откинуть всякую надежду найти въ ней разрѣшеніе окончательное и полное; во-вторыхъ

мы должны знать напередъ, что мы не удовлетворимъ Поляковъ; цѣль наша должна состоять только въ томъ, чтобъ сдѣлать ихъ для Россіи безвредными и потому изысканіе средствъ обусловливается уже исключительно интересами Россіи въ предѣлахъ политически и нравственно возможнаго; наконецъ, въ выборѣ средствъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ задачъ, изъ которыхъ слагается эта общая цѣль, мы не должны забѣгать впередъ, но строго держаться той послѣдовательности, въ какой онѣ сами возникаютъ Эта сторона вопроса, политическая сторона, теперь уже на столько разработана, что намъ остается лишь собрать воедино результаты усвоенные нашимъ общественнымъ сознаніемъ.

Прежде всего, необходимо въ Царствѣ Польскомъ подавить мятежъ, употребивъ на то самыя дѣйствительныя мѣры и отнюдь не подчиняясь въ выборѣ тѣмъ или другимъ предположеніямъ, касающимся разрѣшенія общаго вопроса о будущей судьбѣ Польши. Двѣ самыя необходимыя мѣры уже указаны: подчиненіе въ Царствѣ всего гражданскаго управленія военному, и улучшеніе хозяйственнаго быта крестьянъ при единовременномъ устройствѣ сельскаго-общественнаго управленія.

Возможно — скорое подавленіе мятежа, во что бы ни стало, есть дѣло крайней и неотлагательной необходимости, между прочимъ и потому, во-первыхъ, что безъ этого невозможно очистить почву для дальнѣйшихъ распоряженій въ Русскихъ Западныхъ губерніяхъ и въ Украйнѣ; во-вторыхъ, что вразумленіе поляковъ и обращеніе ихъ на другой путь немыслимо безъ предварительнаго и окончательнаго крушенія ихъ надежды— взять свое силою оружія и европейскаго за нихъ ходатайства.

Единовременно необходимо локализировать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ Царства, подрѣзавъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе русской и православной стихіи надъ латино-польскою. Съ этою цѣлью прекращаются обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и вводится обязательный выкупъ; собственно въ Западномъ Краѣ мѣстная власть передана изъ польскихъ рукъ въ болѣе надежныя; предполагается улучшить хозяйственный бытъ православнаго духовенства и учредить народныя школы. Прибавимъ, что школы должны быть непремѣнно въ вѣдѣніи православнаго духовенства, а не въ чьемъ-либо другомъ; что учрежденіе ихъ должно имѣть цѣлью распространеніе просвѣщенія православно-русскаго, а не общей цивилизаціи, то-есть не набора безсвязныхъ, мертвыхъ и безхарактерныхъ свѣдѣній, что иначе, *новыя народныя школы подобно старымъ училищамъ, черезъ годъ превратились бы неминуемо въ передовые посты латинско-польской пропаганды*; [1]) что необходимо облегчить и поощрить возстановленіе древнихъ православныхъ братствъ; что мировыя учрежденія должны быть преобразованы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ устранить изъ нихъ польско-помѣщичій элементъ; наконецъ, что ожидаемыя земско-хозяйственныя учрежденія, если только составъ ихъ будетъ приспособленъ къ условіямъ Западныхъ губерній и Украйны и если въ особенности несчастная мысль объ устраненіи изъ нихъ православнаго духовенства будетъ отвергнута, могутъ служить самымъ надежнымъ орудіемъ для обезпеченія въ мѣстномъ обществѣ рѣшительнаго перевѣса русской стихіи надъ польскою.

Когда законная сила окончательно подавитъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ, когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для самосохраненія и саморазвитія, польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.

Мы должны непремѣнно завоевать его, снова отбить его у другихъ и взять въ свои руки, каковы бы ни были наши дальнѣйшіе виды относительно Царства. Само собою разумѣется, что виды эти будутъ зависѣть не отъ одной нашей воли, но и отъ

[1]) Курсивъ нашъ.

совокупности многихъ обстоятельствъ. Это вопросъ не настоящаго, а будущаго, и теперь можно только указать на тѣ пути къ разрѣшенію политическаго вопроса о Царствѣ, которые откроются для Россіи. Таковыхъ путей можетъ быть только два, не болѣе: во-первыхъ, нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіею учрежденіемъ въ первой—власти сосредоточенной въ русскихъ рукахъ и на столько сильной, чтобъ убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія; во-вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства.

Всѣ промежуточныя комбинаціи, какъ, напримѣръ, политическая раздѣльность подъ скипетромъ одной династіи, или приближающаяся къ полной раздѣльности административная автономія, осуждены опытомъ и въ будущемъ не должны повторяться. Нераздѣльное сочетаніе можетъ, разумѣется, осуществиться въ формѣ военной диктатуры и въ другой, менѣе рѣзкой, допускающей въ извѣстныхъ границахъ участіе народонаселенія въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Выборъ той или другой формы зависѣть будетъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и отъ общаго политическаго настроенія края; но каково бы оно ни было, правительство должно удерживать за собою полную свободу дѣйствій и не связывать себя никакими обязательствами въ примѣненіи той или другой системы внутренняго управленія.

Другой исходъ, то-есть отреченіе отъ польскаго царства, самъ по себѣ не заключаетъ ничего ни невозможнаго, ни безусловно противнаго интересамъ Россіи. Мы высказываемъ въ этомъ отношеніи убѣжденіе наше прямо и откровенно и просимъ только понять, что мы говоримъ объ этомъ исходѣ вообще, не въ отношеніи къ настоящей минутѣ и не къ ближайшей будущности, что мы вовсе не рекомендуемъ его, а только считаемъ его при извѣстныхъ, благопріятныхъ обстоятельствахъ возможнымъ... Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ еще далеко впереди отъ насъ. Довлѣетъ дневи злоба его. то-есть, забота—теперь на насъ лежащая; ея и такъ довольно; но, къ счастью, мы ужъ успѣли въ ней оглядѣться и уяснить себѣ, чего отъ насъ требуетъ наше время.

Ю. Самаринъ.

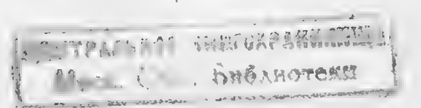
Другой же русскій писатель, К. Случевскій, мысль свою о соединеніи поляковъ съ русскими высказываетъ слѣдующими словами: [1])

„Католикъ безъ папы“—вотъ тотъ лозунгъ,
То основанье братства между нами,
Которое призвало въ дружный бой!
Не выносить двухъ молній той-же тучѣ—
Царю и папѣ вмѣстѣ — мѣста нѣтъ!
Отнынѣ насъ сливаетъ во-едино
Кровь, нами пролитая братски за-одно!
Единый духъ—одна большая сила
Чужда ксендзамъ, подвластнымъ булламъ Рима,
Дала отпоръ послѣдній, навсегда...

Эти мнѣнія не опошлившихся космополитизмомъ русскихъ людай, вполнѣ гармонируютъ съ задачей нашего настоящаго труда, и мы приглашаемъ не опошлившихся Русскихъ сосредоточиться подъ нашимъ знаменемъ „аорьбы съ латинствомъ“ для защиты Россіи отъ новыхъ смутъ, подготовляемыхъ поляками. Поспѣшное сооруженіе католическихъ кастеловъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, образованіе при нихъ братствъ и благотворительныхъ обществъ неминуемо внесетъ расколъ и возмутитъ умы православнаго населенія и вызоветъ весьма нежелательныя послѣдствія. Для тѣхъ, кто этого не въ состояніи предвидѣть мы приведемъ слова Апостола: **„Богъ далъ имъ духъ усыпленія, глаза, которыя невидятъ и уши, которыми не слышатъ, даже до сегодня“** (Къ Рим. 11. 8)

К О Н Е Ц Ъ.

[1]) Пушкинскій Сборникъ.



Опечатки.

ЧАСТЬ I.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
1	7 снизу	симпатической	симпатичной.
44	2	представлено	предоставлено.
47	8	сотворшаго	сотворившаго.
60	15 снизу	апологетовъ	апологистовъ.
63	1	святости	святыни.
76	11	Ѳома Анвинскій	Ѳ. Аквинатскій.
100	12	починила	подчинила.
103	20	высказать	выказать.
115	17	въ его семьѣ	къ его семьѣ.
130	выноска	[1]) Онъ встрѣчается въ исповѣданіи вѣры, данномъ епископомъ согласно liber diarnus около [2]) Дрэперъ, стр. 307 682—5 г. С. Ш. tit. 6 (Patrol CV) Giesel II 11 487.	[1]) Онъ встрѣчается въ исповѣданіи вѣры, даннонъ епископомъ согласно liber diarnus около 682—5 г. С. III. tit. 6 (Patrol CV) Giesel II 11. 487. [2]) Дреперъ, стр. 307.
139	13	На	Но
143	25	Іоаннъ III	Іоаннъ VIII.
193	7 снизу	язычниковъ	евреевъ.
208	28	Глава VII	Глава XVII.
224	5	въ другомъ	во второмъ.
260	14	въ присутствіе	въ присутствіи.
260	27	подчинялся	подчинился.
264	6	насильственно	насильственному.
268	18	народа	напора.
268	29	единоутробными	единокровными.
277	10 снизу	добивался	добился.
294	20 снизу	Урбана VI.	Урбана V.
308	11 снизу	наши ханжи	ханжи-польки.

ЧАСТЬ II.

13	15	удались	удалились.
13	37	противляйся	противлящійся.
18	15	говсяка	всякаго.
18	16	и-то	эти-то.
22	35	„Еще въ началѣ и т. д.	Еще въ началѣ и т. д.
36	3 снизу	высокаго	не высокаго.
53	24	IX	XIX.
62	17 снизу	которой	которыя.
72	7	Matri	Matki.
105	[1]) выноска	совна	снова.
118	17	VIII вѣка	XVIII вѣка.
119	37	Чаровительствомъ.	покровительствомъ.
	21	пріобрѣтенія	распредѣленія.
152	выноска № [1]) стр. 2.	Калинскаго	Калинка.